СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ

№ 9
2026

Российское научно-образовательное издание
Издается с 1973 года

DOI 10.34823/SGZ.2026.9.262016

Журнал входит в Перечень ВАК России ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Прежние названия: «Научный коммунизм» (1973–1990); «Социально-политические науки» (1990–1993); Социально-политический журнал» (1993–1998); «Социально-гуманитарные знания» (с 1999)

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА. СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Абдрахманова Ф.Р. Семейный конфликт сквозь призму социально-топологической модели: ребёнок как «невидимый участник» 7
Бай Ян. Антиномия войны и счастья в психологических драмах А.Н. Арбузова 9
Башелханов А.Ю. Теории местного самоуправления в контексте идеологий 12
Ван Ин. Исследование построения современной системы курса аккордеона в вузах в контексте подготовки выдающихся музыкальных кадров 14
Ван Нань. Исследование английского перевода метафоры «брак – осаждённая крепость» в романе «Осаждённая крепость» с позиций теории концептуальной метафоры – на материале совместного перевода Дж. Келли и Н.К. Мао 17
Гурьянова И.Э., Липагина Л.В., Рылов А.А. Риски внедрения цифровых инструментов в математическую подготовку выпускников бакалавриата экономических университетов 20
Деревянченко С.Ю., Прищенко С.В. Процедурная риторика истории в условиях геймификации культуры 24
Зайцев С.Н. Социальная реабилитация и абилитация участников боевых действий с позиций концепций телесности 28
Изгородин Н.Ю. Спортивная активность в структуре стилей жизни студенчества: культурные образцы и ценностные ориентации 31
Климова О.М., Лапшина С.С., Баландина Л.А., Зайцева И.А., Полякова Р.И. Многомодусная коммуникация в цифровой среде: трансформация речевых режимов 35
Малыхина Р.В., Тишина О.А. Цифровая гигиена и ценностные ориентации: факторы профилактики социальной дезадаптации молодежи 39
Микаллеф Л.О., Копусь Т.Л. Философско-методологические принципы построения метаязыка для систем искусственного интеллекта в архивно-информационной среде 43
Нестеров А.А. Индивидуализация занятий физической культурой в цифровой среде и ослабление институциональных форм активности 47
Нуруллина Э.Р., Хизбуллина Р.Р. Компаративный анализ отцовства и материнства в процессе трансляции социокультурной идентичности и семейных ценностей детям: результаты социологического опроса 51
Палачева Ю.А. Социальная активность студенческой молодежи на территории луганской народной республики на примере донбасского государственного технического университета 55
Петраш Е.В., Гаврилов А.Д. Использование кино как инструмента «мягкой силы» в современной медиакультуре 59
Плыкин В.М. Развитие математических методов в исследованиях социально-гуманитарной направленности 63
Сиволобова А.А., Щербакова И.В. Сложности перевода публичной речи 65
Соколова А.Г. Геймификация на основе искусственного интеллекта в изучении иностранных языков: преимущества и проблемы 69
Соловьев Н.В., Волчанский М.Е. Цифровые коммуникации в медицине: имплицитные девиации профессиональной роли врача 72
Сухина И.Г. К вопросу о системной взаимосвязи культуры и природы в перспективе коэволюционной оптимизации: культурософский аспект проблемы 74
Третьякова А.А. Фэнтези-сериалы как фактор развития ценностей и социальной идентичности аудитории 79

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА. СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ. СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ

Алеева Г.И., Соловьева М.В. Социальные функции неформальных институтов в условиях институциональной турбулентности 83
Аюпов Р.Р. Социологический анализ роли цифровых коммуникаций в социальной адаптации молодых работников нефтегазовых предприятий 86
Бессонова М.О. Дополнительное профессиональное образование молодых специалистов социально-гуманитарного профиля 89
Валиев И.Н., Виноградов В.Л. Парадигмальные основания социального проектирования мезосферы образовательной среды 92
Дробышева Н.Н. Иностранный язык как социальный лифт после ChatGPT. Трансформация языкового капитала в условиях распространения генеративного искусственного интеллекта 97
Зотов С.А., Козырева Л.Д. Проектно-технологический и реляционный подходы к моделированию и реструктуризации культурного пространства регионов 102

Учредитель: **ООО «Издательство «КноРус»**
Издатель: **ООО «Издательство «КноРус»**

Издание зарегистрировано Роскомнадзором, регистрационный номер:
ПИ № ФС 77-83076 от 26.04.2022
Подписной индекс Роспечати: **70652**
ISSN 0869-8120

Адрес редакции и издателя: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: **welcome@socgum-journal.ru**
Сайт: **http://socgum-journal.ru**

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке elibrary.ru и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:
Миронов Анатолий Васильевич – доктор социологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, академик РАСН, РАЕН, Международной академии наук (русская секция), член Союза социологов, Союза журналистов, Союза писателей РФ (Москва)
Ответственный секретарь:
Миронова Елена Витальевна (Москва)

Балбеко Анатолий Михайлович– доктор педагогических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ (Москва), МГГУ им. М.А.Шолохова; **Владимирова Татьяна Николаевна** – доктор педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования, член Союза журналистов России (Москва); **Волков Юрий Григорьевич** – доктор философских наук, профессор, научный руководитель Южно-Российского филиала ФНИСЦ РАН, научный руководитель Института социологии и регионоведения Южного федерального университета; **Иванов Вилен Николаевич** – доктор философских наук, профессор, чл.- корр. РАН, советник РАН (Москва); **Капицын Владимир Михайлович** – доктор политических наук, профессор МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва); **Кефели Игорь Федорович** – доктор философских наук, профессор, Северо-Западный институт управления РАНХиГС; **Козлова Оксана Николаевна** – доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии (Щецин, Польша); **Кривопусков Виктор Владимирович** – доктор социологических наук, профессор Государственного университета управления (Москва); **Макаров Анатолий Васильевич** – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой проектирования образовательных систем Республиканского института высшей школы (Беларусь, Минск); **Матюхин Андрей Викторович** – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета «Синергия» (Москва); **Михайленок Олег Михайлович** – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва); **Ореховская Наталья Анатольевна** – доктор философских наук, профессор Кафедры социологии Финансового университета при Правительстве РФ (Москва); **Панферова Валентина Васильевна** – зам. главного редактора, кандидат философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, член Международной федерации журналистов, профессор кафедры коммуникационного менеджмента, рекламы и связи с общественностью Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ (Москва); **Пуляев Вячеслав Тихонович** – доктор экономических наук, профессор, президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург); **Скворцов Николай Генрихович** – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург); **Субочев Николай Сергеевич** – доктор социологических наук, профессор кафедры корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник ВПО РФ (Волгоград); **Хазиев Валерий Семенович** – доктор философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, заведующий кафедрой философии, социологии, политологии БГПУ им. М. Акмуллы, директор научно-исследовательского центра развития исламского образования БГПУ им. М. Акмуллы (Уфа, Башкирия)

Отпечатано в типографии ООО «Русайнс», 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2

Тираж 300 экз. Формат А4. *Дата выхода в свет: 15.10.2026* *Цена свободная*

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию.

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

Ибрагимов А.З. Влияние систематических занятий греко-римской борьбой на развитие лидерского потенциала и социальной ответственности студентов 106
Козырева Т.А. Механизм общественно-политического социального партнерства: взаимодействие общероссийских объединений профсоюзов с государственными органами власти 109
Кудрявцева Д.И. Легитимация нейросетевых технологий в рекламной индустрии: операционализация понятия и три контура признания 112
Кузубов А.А. Риски потребительской практики использования искусственного интеллекта в образовании 116
Ли Цзяжуй. Моббинг и газлайтинг как деструктивные формы организационного девиантного поведения: генезис через конфликт 120
Магаррамов М.Д. Позитивная социализация молодежи Республики Дагестан: социально-философский и социологический анализ 123
Соловьев В.А., Малахова Е.В. Понятие «человекоцентричность» в современном управленческом дискурсе 127
Махонин Е.В. Демонстрационный экзамен в педагогических вузах: интеграционный подход к аттестации выпускников профиля «Основы безопасности и защиты Родины» 132
Мельникова М.С. Факторы социального самочувствия студентов с инвалидностью в условиях инклюзивного образовательного пространства вуза 136
Николаев И.В., Клещева Т.В. Доступ к спортивной инфраструктуре университета как фактор социальной стратификации молодежи 138
Полишкене Йолита. Институт физической подготовки студенчества в воспроизводстве навыков здорового образа жизни: дефициты социализации и биографические разрывы 142
Розенберг Н.В., Алексеев И.А. Социальная сущность и проблемы развития предпринимательства в условиях общественной трансформации 147
Салихова И.С. Вторичная языковая личность как форма проявления языкового капитала: социологическая интерпретация 151
Симонова М.М., Бутырина С.А., Левченкова Т.А. Взгляд на совместимость человека и организации через призму философских учений 155
Соловьев В.А., Жданова П.Р., Самольянов О.А., Малахова Е.В. Связь экспресс-оценки человекоцентричности и показателей индекса лояльности сотрудников 158
Тарабарина Ю.А. Внедрение ИИ в высшее образование: взгляд обучающихся и преподавателей 162
Иванов С.Ю., Иванова Д.В., Чвякин В.А. Изменение социального потенциала как фактор развития социума 166
Чжан Сичэнь. Формальные механизмы построения карьеры в российских и китайских организациях: сравнительный анализ 170
Чичерина Л.К. Трансформация социокультурных кодов немцев в контексте корпоративной культуры 174
Чэнь Пин. Пространственные проблемы и пути оптимизации университетских студенческих сообществ «единого окна» в обеспечении качественной досуговой жизни студентов 177
Шамшетдинов И.К. Молодые семьи и репродуктивные стратегии: социологический анализ современных тенденций 182
Шевцова Е.В. Оценка факторов риска радикализации молодежи и практики противодействия 185
Ягудина А.Р., Антонова Н.А., Опарина Т.А., Голубятникова А.Ю. Трансформация профессиональных ориентаций и карьерных ожиданий поколения Z в условиях цифровой и постпандемийной реальности 190
Янбаев С.В. Цифровая инфосфера и экология безопасности в обществе риска 193

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ. ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ. СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ. ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

Абдул Рашид Хани, Леонова И.С. Организационный фаворитизм и организационная справедливость: роль эмоционального интеллекта и гендера 196
Аветисян А.А. «Опровержение лжеучений (ересей)» Езника Кохбаци как христианская ценностная основа формирования армянского культурного кода 201
Анисимов Т.Ю. Метафизика социального активизма как самостоятельный предмет социально-философского анализа: от ценностного выбора к критериям подлинности 204
Ремарчук В.Н., Артемьев А.А. Духовная безопасность в современном дискурсе 209
Арутюнян М.Н. Творчество как способ человеческого бытия и основа развития личности 213
Архипов А.П. Многообразие проявлений «мягкой силы» в современной информационной войне 217
Базилико Эдоардо Антонио, Бужор Е.С. Проблема отчуждения человека в современном социальном пространстве 220
Басманов А.В. Актуальность меметической модели для понимания эволюции современных информационных технологий 223
Бужор Е.С., Базилико Э.А. Социальное неравенство как философская проблема современного общества 228
Бузская О.М. Творческая личность в человекоразмерном пространстве культуры 232
Ветров С.А., Костарев С.В., Руди А.Ш. Доминирующий тип человека, как антропологическая основа социально-культурной динамики 235
Волобуев А.В., Кузина Е.С. Становление и развитие отечественной философии образования 239
Гараева Г.Ф., Шарова М.А. Социально-философский анализ снижения субъектной активности современной молодежи под влиянием цифровой образовательной среды и искусственного интеллекта 242
Горбань А.А. Социокультурные основания рабочего вопроса в трудах И.Х. Озерова (1869–1942) 246
Дашкова Е.В., Ивушкина Е.Б., Морозова Н.И. Современная цифровая адаптация туристической индустрии 250
Горбань А.А. Творчество в экономике: социофилософский анализ 254
Деникин А.В., Деникина З.Д. Проблема социальной справедливости в современном обществе: философский анализ 258
Заклинский П.А. Текстовые конструкции исторической памяти восточного синкретизма 262
Деникин А.В., Деникина З.Д. Трансформация ценностей современного общества в условиях социальных изменений 265
Заяц Н.А. Партизанское движение на Дальнем Востоке России (1918–1922) по архивным воспоминаниям участников: социологический анализ 269
Кириллова И.К., Барциковская С.В. Лингвокультурный конфликт природных метафор «каменный лес» и «wooden city» в пространстве русского и английского городского дискурса 273
Копаев Е.Н. Философия робототехники: переосмысление социальности искусственных агентов 277
Котлярова В.В., Чернохлебова А.А. Социальное благополучие человека с точки зрения философии 281
Липич В.В., Лопин Р.А., Лопина М.Р. Свидетельство, стыд и толпа: философско-антропологическое прочтение стихотворения В.И. Даля «Не стыдно ль вам…» 284
Лустин Ю.М. Социальное бытие человека: философско-типологический аспект 288
Мамедов А.К., Максимов А.А. Интеграция типов научной рациональности: социокультурный аспект 292
Невдобенко О.И. «Дверные петли» Витгенштейна и протокольные предложения: безусловное у неопозитивистов и позднего Витгенштейна 296
Нимаев Ц.Б. Философско-методологические основания взаимодействия техносферы и природных систем в эпоху антропоцена (на примере озера Байкал) 301
Петраш Н.Д. Экранная реальность как медиатор социального взаимодействия в контексте философии постмодерна 305
Пиляк С.А. Философия архитектурной гармонии (по материалам В.Т. Мещерякова) 309
Положенкова Е.Ю., Шестаков Ю.А., Шубина М.М. Философско-антропологическая рефлексия конфликта интерпретаций оправдания и смысла насилия 312
Руденко А.М., Шубина М.М., Положенкова Е.Ю. Жизненный путь человека в контексте философско-антропологической экспликации 315
Стародуб Н.А. Постполитика и судьба политического: к вопросу о деполитизации современности 319
Тинус Н.Н. Эвальд Ильенков и современная мифология «искусственного интеллекта» 323
Торосян А.С., Зайцева И.А., Лапшина С.С., Алешина Л.Н. Категория памяти в мифопоэтическом пространстве романа К. Исигуро «Погребённый великан» 329
Усов В.Н., Гнатюк М.А., Кротов Д.В. «Третий трудовой семестр» как сезонно-событийный хронотоп: трёхконтурная модель воспроизводства культуры студенческих отрядов 333
Хлебникова О.В., Ветров С.А., Костарев С.В. Антропологические и социокультурные установки постпостмодерна 337
Шарова М.А., Гараева Г.Ф. Цифровая образовательная среда и будущее гибридного образования: социально-философский анализ проблем субъектности обучающихся 342
Шевченко О.В. Особенности проявления современных информационных войн 346
Щеглов И.А. Оптимизация диалогового ключа гуманитарной экспертизы 350
Шевченко О.В. Свобода личности и социальная ответственность в современном обществе 354
Юрьев Р.С. Реификация патриотизма: от размытых представлений к эмпирическому анализу 357

ФИЛОСОФСКИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ. ОНТОЛОГИЯ И ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ

Баркова Э.В. Экокатарсис как категория экофилософской картины мира 361
Панов А.И. Проблемы образования и воспитания молодежи в условиях цифровизации и действий ИИ-технологий 366
Митин А.В., Полозова И.В. Политические идеологии как гражданские и политические религии эпохи модерна 369
Ушаков Д.С., Андреева Е.В. Имманентное основание трансцендентального и мнимость разрывов с Кантом 373
Чжан Цзыцзюнь. От материального вмешательства к определению объекта: интерпретация практического реализма Вихалемма в контексте философии химии 378
Ушаков Д.С., Козлова Е.В. Технологический сингенез: к онтологии пост-антропоцентрической реальности 383

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ И РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ

Манукян Г.В. Христианские ценности и проблема нравственного выбора в романах Ф.М. Достоевского и «Дневнике писателя» 387
Мочалов Е.В. Материальное содействие Русской православной церкви армии и пострадавшему населению в Отечественной войне 1812 года 390
Тимербулатов З.М. Заки Валиди как организатор автономии Башкортостана 393

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ, ТЕХНОЛОГИИ

Алешина Л.Н., Климов Я.И., Климова О.М., Торосян А.С., Павленко А.Д. Цифровой суверенитет как политическая категория 397

Асонов Н.В. Адаптивная идеология как основа политического господства в современной России ... 402
Бакланов В.И. Петербургская Россия 1700–1801 гг. в диалектическом симбиозе традиции и модерна ... 405
Брад А.Н. Цифровая инфраструктура как политический ресурс: условия и пределы китайского влияния в Анголе ... 410
Бакланов В.И. Петербургская Россия 1801–1855 гг. в диалектическом симбиозе традиции и модерна ... 414
Губанова О.А. Влияние брачности на демографию в России ... 419
Карамов А.Р. Мобилизационно-монопольный немонический режим: Россия в сравнительной перспективе ... 423
Караханян А.А. Технология как политика: роль ИИ в современном миропорядке ... 427
Карамов А.Р. Ситуативный этатизм в исторической политике России (2000–2024): институциональные волны и их триггеры ... 430
Малеев В.В. Результативность общественного контроля государственных цифровых систем: методика политико-институционального анализа ... 434
Мизулин М.Ю., Филиппова Е.А. Природа политической неопределенности: теоретико-методологические аспекты и институциональные последствия ... 437
Новиков М.Ю. Цифровизация политики и трансформация политической коммуникации: социально-философский аспект ... 440
Санин Д.В. Благотворительность как фактор развития гражданского общества и снижения социальной напряженности в сельских регионах России ... 443
Син Яя. Многомерные дилеммы и стратегический выбор энергетической дипломатии России в контексте глобального энергетического перехода ... 447
Скрынченко Б.Л., Эркин А.Ф. Цифровые компетенции государственных служащих как фактор устойчивости органов власти к структурной неопределенности ... 452
Федоров В.И., Талалаева Е.Ю. Дискурс исследований о применении технологий искусственного интеллекта на выборах в России ... 457
Шальнев А.Н. Политическая герменевтика низкоуглеродного развития: стратегии легитимации климатической повестки в современной России ... 460
Шорников И.П. Республика Молдова: политические группы риска ... 464

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ГЛОБАЛЬНОГО И РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Аржаев Ф.И. Глобализационные ядра регионализации и векторная модель трансформации внешнеэкономической политики России ... 470
Безкади Фади. Промежуточные режимы анархии: социология конкуренции Г. Зиммеля и российско-американское соперничество после холодной войны ... 475
Бердиев Б.Г. Механизмы российской политики урегулирования сирийского кризиса: концептуальная модель адаптации к новым геополитическим реалиям (2011–2025 гг.) ... 481
Дуганов Д.Р. Поэтапная трансформация государственной политики США в области цифровизации (2012 – 2025) ... 486
Жуков А.В., Захарова Е.Ю., Кучинская Т.Н. Политические игры вокруг тибетского буддизма и роль России в стабилизации религиозной ситуации в регионе буддийской Азии ... 491
Молчанов П.П. Внешнеполитический курс второй администрации Д. Трампа в отношении Европы: стратегические ориентиры и трансформация отношений США – ЕС ... 495
Стрелец И.Э., Мухортов Д.С. Политико-психологический профиль Петера Мадьяра ... 500
Молчанов П.П. Внешнеполитический курс США как фактор трансформации интеграционных процессов на европейском пространстве: опыт второй администрации Д. Трампа ... 505
Стрелец И.Э., Мухортов Д.С. Политико-психологический профиль Роберта Фицо: константы и переменные до и после покушения ... 509
Новиков О.Г., Рождественская А.А., Темарёва Д.А. Политические аспекты развития международной торговли России и Пакистана ... 513
Панкратов Г.А. Деятельность компаний ВПК США в контексте современной американской арктической стратегии ... 517
Хлопов О.А. «Особые отношения» США и Великобритании в контексте подготовки англо-американского нефтяного соглашения (1939–1945 гг.) ... 520
Янь Цзиньянь. Сопряжение ЕАЭС и инициативы «один пояс, один путь»: перспективы и проблемы сотрудничества ... 525

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Абилова Г.В. Формирование профессионально-компетентностных кластеров как направление образовательной интеграции БРИКС+ ... 529
Аракелян Д.Э. Проблема войны и мира в европейских церквах на современном этапе ... 535
Белоусова М.В. «Захват государства» как модель политического влияния КНР в Африке: институты, элиты, ресурсы ... 541
Бойцов А.С., Савинов А.Л., Фадеев Ю.Е., Купцов М.А., Чернов А.М. Ближневосточный вектор безопасности ШОС: пересечение интересов организации с новым пактом Турция – Саудовская Аравия – Пакистан ... 546
Ван Ин. Исследование железнодорожных коридоров взаимосвязанности между Китаем и Казахстаном ... 551
Дэн Шилэй. Типология стратегий правового суверенитета в странах БРИКС: сравнительный анализ КНР, России, Индии и Бразилии ... 555
Зубов В.В., Темарёва Д.А. Россия и Глобальный Юг: стратегия «поворота на Юг» в условиях новой геополитической реальности ... 560
Исмагилова А.Р. Северокорейский вектор во внешней политике Китая на современном этапе ... 564
Казакова А.А. Межкультурное образование как механизм формирования гибридной идентичности участников международных образовательных обменов ... 569
Козырева Т.А. Российская трехсторонняя комиссия: история становления и современные проблемы взаимодействия сторон социального партнерства ... 574
Лин Хуанье, Ма Юйцун. Перспективы развития нефтегазового сотрудничества России и Ирана на современном этапе ... 579
Лю Вэньдун. Роль Китая в региональном экономическом сотрудничестве в рамках ШОС ... 584
Орлов К.В. Становление информационных войн как важного инструмента мировой политики ... 588
Попов В.С. Баланс сил в Центральной Азии: динамика соперничества России, Китая и Турции на современном этапе ... 592
Сахнов В.В. Современные тенденции арктической политики приарктических государств ... 596
Соколов А.С. Проблема международной безопасности в условиях трансформации мирового порядка ... 599
Сюй Лун, Лю Шии. Политические основы формирования российско-китайского стратегического партнерства в начале 21 века ... 603
Соколов А.С. Трансформация системы международных отношений в условиях формирования многополярного мира ... 606
Аушев И.М., Гафаров Т.Г., Корякина С.С., Фридман М.Ф. Институциональная автономия и формы макроэкономической адаптации: Испания, Израиль и Великобритания ... 610

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Гусакова А.В. Российско-британский диалог культур в XIX–XX веках ... 615
Захарченко А.В. Практика лоббирования интересов советских промышленных ведомств ... 619
Кириллова И.К., Зубкова Я.В., Шатилова Л.М. Профессиональные потребности инженеров в изучении иностранного языка ... 623
Кравченко А.И. Кофе как строитель глобального мира ... 627
Малашина Т.И. Нравственное измерение личности: история и современность (по материалам диссертационных исследований Академии общественных наук при ЦК КПСС) ... 632
Родионова И.В. Механизмы формирования патриотического сознания советского общества в 1930-е годы: образование, массовая пропаганда и культурная политика РСФСР ... 636
Чернышева Е.Н. Наука как фактор сохранения национальной идентичности в условиях глобализации: философско-методологический анализ ... 640
Родионова И.В. Трансформация советской идеологической системы в 1929–1953 гг.: основные направления и инструменты воздействия на общество ... 643
Исмаилов Т.Ш. «Интровелла» как авторский композиционно-исполнительский стиль: к проблеме саморефлексии в современном композиторском творчестве ... 647
Чжоу Юй. Договорные механизмы и пространственные последствия эволюции восточной границы россии и китая: От нерчинского до пекинского договора ... 652
Гаврилова А.А. К вопросу о развитии литературной деятельности немцев Поволжья в период нэпа ... 657
Лашин Г.А. Южный Судан: формирование политики геноцида в процессе затяжного конфликта ... 661
Манина Ю.С. Особенности построения модели безопасности Эритреи ... 664
Нерсесян Р.С. Прескриптивная методология как фактор долгосрочного развития Российской Федерации: итоги корпуса исследований ... 668
Пань Лин. Сравнение функций повестки дня дискурса «многополярности» России и Китая – на примере ШОС и БРИКС ... 671
Попова О.В., Гацко М.Ф. Академическая недобросовестность в российской высшей школе в соотношении правовых норм, ценностной среды студенчества и управленческих практик университета ... 674
Степаненко Н.А. Методологические проблемы исследования новых религиозных движений ... 678
Яблоков Е.С. Роль основ военной подготовки в патриотической социализации российского студенчества ... 681
Янь Цзяи. Анализ перевода субтитров российских фильмов на китайский язык: на материале фильма «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика» ... 685

TABLE OF CONTENTS

SOCIAL PROBLEMS OF SOCIETY DEVELOPMENT. SOCIOLOGY OF CULTURE

Abdrakhmanova F.R. Family conflict through the prism of a social-topological model: the child as an «invisible participant» 7
Bai Yang. The antinomy of war and happiness in the psychological dramas of A.N. Arbuzov....9
Bashelkhanov A.Yu. Theories of local self-government in the context of ideologies 12
Wang Ying. Research on the construction of a modernized university accordion curriculum system from the perspective of cultivating outstanding music talents 14
Wang Nan. A Study of the English Translation of the Metaphor «Marriage – A Besieged Fortress» in the Novel Fortress Besieged from the Perspective of Conceptual Metaphor Theory: A Case Study of the Joint Translation by J. Kelly and N.K. Mao....17
Guryanova I.E., Lipagina L.V., Rylov A.A. Risks of implementing digital tools in the mathematical training of economics undergraduates 20
Derevyanchenko S.Yu., Prishchenko S.V. Procedural rhetoric of history in the context of cultural gamification....24
Zaitsev S.N. Social rehabilitation and habilitation of combatants from the standpoint of the concepts of corporeality 28
Izgorodin N.Yu. Sports activity in the structure of students' lifestyles: cultural patterns and value orientations....31
Klimova O.M., Lapshina S.S., Balandina L.A., Zajtseva I.A., Polyakova R.I. Multi-modal communication in the digital environment: transformation of speech regimes....35
Malykhina R.V., Tishina O.A. Digital hygiene and value orientations: factors in preventing social maladjustment among young people....39
Micallef L.O., Kopus T.L. Philosophical and Methodological Principles for Developing a Metalanguage for Artificial Intelligence Systems in the Archival Information Environment 43
Nesterov A.A. Individualization of physical culture activities in the digital environment and the weakening of institutional forms of activity....47
Nurullina E.R., Khizbullina R.R. Comparative analysis of paternity and motherhood in the process of broadcasting sociocultural identity and family values to children: results of sociological survey....51
Palacheva Yu.A. Social activity of student youth in the territory of the Lugansk People's Republic, exemplified by Donbas state technical university 55
Petrash E.V., Gavrilov A.D. He use of cinema as a tool of "soft power" in modern media culture abstract....59
Plykin V.M. Development of mathematical methods in modern researches in framework of social sciences and humanities 63
Sivolobova A.A., Shcherbakova I.V. The challenges of translating a public speech....65
Sokolova A.G. AI-Driven gamification in foreign language learning: benefits and challenges....69
Soloviev N.V., Volchanskii M.E. Digital communications in medicine: implicit professional doctors role deviations....72
Sukhina I.G. On the question of the systemic relationship between culture and nature in perspective co-evolutionary optimization: the cultural-philosophical aspect of the problem....74
Tretiakova A.A. Fantasy series as a factor in the development of values and social identity of the audience 79

SOCIAL STRUCTURE. SOCIOLOGY OF MANAGEMENT. SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

Aleeva G.I., Solovyeva M.V. Social functions of informal institutions in conditions of institutional turbulence....83
Ayupov R.R. A sociological analysis of the role of digital communications in the social adaptation of young workers in oil and gas enterprises 86
Bessonova M.O. Continuing professional education for young specialists in the social and humanitarian fields 89
Valiev I.N., Vinogradov V.L. Paradigmatic foundations of social design of the mesosphere of the educational environment....92
Drobysheva N.N. Foreign language as a social mobility resource after ChatGPT. The transformation of linguistic capital in the age of generative artificial intelligence....97
Zotov S.A., Kozyreva L.D. Project-technological and relational approaches to modeling and restructuring the cultural space of regions....102
Ibragimov A.Z. The influence of systematic Greco-Roman wrestling practice on the development of leadership potential and social responsibility in students 106
Kozyreva T.A. Mechanism of socio-political social partnership: interaction of All-Russian trade union associations with public authorities....109
Kudryavtseva D.I. Legitimation of neural network technologies in the advertising industry: operationalizing the concept and three circuits of recognition 112
Kuzubov A.A. Risks of consumer practice of using artificial intelligence in education ...116
Li Jiarui. Mobbing and gaslighting as destructive forms of organizational deviant behavior: genesis through conflict 120
Magarram D.M. Positive socialization of youth in the republic of Dagestan: a socio-philosophical and sociological analysis 123
Soloviev V.A., Malakhova E.V. The concept of "human-centricity" in contemporary management and control discourse....127
Makhonin E.V. Demonstration exam in pedagogical universities: an integrative approach to the assessment of graduates in the profile 'fundamentals of security and protection of the motherland' 132
Melnikova M.S. Factors affecting the social well-being of students with disabilities in the context of an inclusive educational space at a university....136
Nikolaev I.V., Kleshcheva T.V. Access to the sports infrastructure of a university as a factor of social stratification of young people 138

Founder: **LLC Publishing House «KnoRus»**
Publisher: **Knorus Publishing House LLC**

The publication is registered with Roskomnadzor, registration number: PI No. FS 77-83076 dated April 26, 2022
Rospechat Subscription Index: **70652**

ISSN 0869-8120

Editorial and Publisher address: 117218, Moscow, st. Kedrova, d. 14, bldg. 2

E-mail: **shk_journal@mail.ru**
Website: **http://socgum-journal.ru**

The journal is presented in the Scientific Electronic Library elibrary.ru and registered in the scientometric database RSCI (Russian Science Citation Index)

EDITORIAL BOARD:
Editor-in-Chief:
Mironov Anatoly Vasilyevich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation, Honorary Worker of Higher Education of the Russian Federation, Academician of the Russian Academy of Sciences, Russian Academy of Natural Sciences, International Academy of Sciences (Russian section), Member of the Union of Sociologists, Union of Journalists, Union of Writers of the Russian Federation (Moscow)
Executive Secretary:
Mironova Elena Vitalievna (Moscow)

Balbeko Anatoly Mikhailovich, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation (Moscow), Moscow State Pedagogical University for the Humanities named after M.A. Sholokhov; **Vladimirova Tatyana Nikolaevna,** Doctor of Pedagogical Sciences, Vice-Rector of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of Journalism, Communications and Media Education, member of the Union of Journalists of Russia (Moscow); **Volkov Yuri Grigorievich,** Doctor of Philosophy, Professor, Scientific Director of the South-Russian Branch of the Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Scientific Director of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University; **Ivanov Vilen Nikolaevich,** Doctor of Philosophy, Professor, Member of the- Corr. RAS, Advisor to the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kapitsyn Vladimir Mikhailovich,** Doctor of Political Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University (Moscow); **Kefeli Igor Fedorovich,** Doctor of Philosophy, Professor, North-West Institute of Management, RANEPA; **Kozlova Oksana Nikolaevna,** Doctor of Sociology, Professor, Director of the Institute of Sociology (Szczecin, Poland); **Krivopuskov Viktor Vladimirovich,** Doctor of Sociology, Professor, State University of Management (Moscow); **Makarov Anatoly Vasilyevich,** Candidate of Philosophy, Professor, Head of the Department of Educational Systems Design, Republican Institute of Higher Education (Belarus, Minsk); **Matyukhin Andrei Viktorovich,** Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Philosophy and History, Moscow Financial and Industrial University "Synergy" (Moscow); **Mikhaylenok Oleg Mikhailovich**, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Social and Political Relations Research at the Center for Political Science and Political Sociology at the Institute of Sociology of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Orekhovskaya Natalya Anatolyevna**, Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Sociology at the Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow); **Panferova Valentina Vasilyevna**, Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Philosophy, Professor, Honorary Worker of the Higher Professional Education of the Russian Federation, Member of the International Federation of Journalists, Professor at the Department of Communication Management, Advertising and Public Relations at the Institute of Journalism, Communications and Media Education. Moscow State Pedagogical University (Moscow); **Pulyaev Vyacheslav Tikhonovich,** Doctor of Economics, Professor, President of the Academy of Humanities, Professor at Saint Petersburg State University (Saint Petersburg); **Skvortsov Nikolay Genrikhovich,** Doctor of Sociological Sciences, Professor, Dean of the Sociological Faculty at Saint Petersburg State University (Saint Petersburg); **Subochev Nikolay Sergeevich,** Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Corporate Governance Department at RANEPA, Honorary Worker of Higher Education of the Russian Federation (Volgograd); **Khaziev Valery Semenovich,** Doctor of Philosophy, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Head of the Department of Philosophy, Sociology, Political Science of the BSPU named after. M. Akmully, director of the research center for the development of Islamic education, BSPU named after. M. Akmully (Ufa, Bashkiria).

Former titles: «Scientific Communism» (1973–1990); «Socio-Political Sciences» (1990–1993); Socio-Political Journal" (1993–1998); «Social and Humanitarian Knowledge» (since 1999)

Printed in the printing house of «RuScience», 117218, Moscow, st. Kedrova, 14/2 Circulation 300 copies. A4 format. Publication date: 15.09.2026. Free price

All materials published in the journal are subject to internal and external peer review.

The publication is not subject to labeling in accordance with paragraph 2 of Art. 1 of the Federal Law of December 29, 2010 No. 436-FZ "On the Protection of Children from Information Harmful to Their Health and Development".

Polishkene Jolita. The institution of students' physical training in the reproduction of healthy lifestyle skills: socialization deficits and biographical discontinuities....142
Rozenberg N.V., Alekseev I.A. The social essence and development challenges of entrepreneurship amidst societal transformation....147
Salikhova I.S. The secondary linguistic personality as a form of manifestation of language capital: a sociological interpretation....151
Simonova M.M., Butyrina S.A., Levchenkova T.A. A look at the compatibility of man and organization through the prism of philosophical teachings....155
Soloviev V.A., Zhdanova P.R., Samolyanov O.A., Malakhova E.V. The relation between the express assessment of human-centericity and the employee net promoter score....158
Tarabarina Yu. The Integration of Artificial Intelligence into Higher Education: Perspectives of Students and Faculty....162
Ivanov S.Yu., Ivanova D.V., Chvyakin V.A. Changein social potential as a Factor of social development....166
Zhang Xichen. Formal mechanisms of career building in russian and chinese organizations: a comparative analysis....170
Chicherina L.K. Transformation of German sociocultural codes in the context of corporate culture....174
Chen Ping. Spatial Dilemmas and Optimization Pathways of University"One-Stop"Student Communities in Empowering College Students'Leisure Life....177
Shamshetdinov I.K. Young families and reproductive strategies, a sociological analysis of contemporary trends....182
Shevtsova E.V. Assessment of risk factors for youth radicalization and counter-radicalization practices....185
Yagudina A.R., Antonova N.A., Oparina T.A., Golubyatnikova A.Yu. Transformation of professional orientations and career expectations of generation Z in the digital and post-pandemic reality....190
Yanbaev S.V. The digital infosphere and the ecology of security in a risk society....193

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE. SOCIAL PHILOSOPHY. PHILOSOPHY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

Abdul Rasheed Hani, Leonova I.S. Organizational Favoritism and Organizational Justice: The Role of Emotional Intelligence and Gender....196
Avetisyan A.A. «Refutation of sects» by Yeznik Koghbatsi as a Christian value basis for the Armenian cultural code formation....201
Anisimov T.Yu. The metaphysics of social activism as an independent subject of socio-philosophical analysis: from value choice to criteria of authenticity....204
Remarchuk V.N., Artemyev A.A. Spiritual security in modern discourse....209
Harutyunyan M.N. Creativity as a mode of human existence and the foundation of personality development....213
Arkhipov A.P. The variety of manifestation of "soft power" in modern information warfare....217
Basilic Edoardo Antonio, Buzhor E.S. The problem of human alienation in the modern social space....220
Basmanov A.V. The relevance of the memetic model for understanding the evolution of modern information technologies....223
Buzhor E.S., Basilic Edoardo Antonio Social inequality as a philosophical problem of modern society....228
Buzskaya O.M. The creative personality in a human-dimensional cultural space....232
Vetrov S.A., Kostarev S.V., Rudi A.Sh. The dominant human type as an anthropological basis of socio-cultural dynamics....235
Volobuev A.V., Kuzina E.S. Formation and development of the Russian philosophy of education....239
Garaeva G.F., Sharova M.A. A sociophilosophical analysis of the decline in the subjective activity of modern youth under the influence of the digital educational environment and artificial intelligence....242
Gorban A.A. The socio-cultural foundations of tax culture in the sphere of production in the works of I. Kh. Ozerov (1869–1942)....246
Dashkova E.V., Ivushkina E.B., Morozova N.I. Modern digital adaptation of the tourism industry....250
Gorban A.A. Creativity in Economics: a socio-philosophical analysis....254
Denikin A.V., Denikina Z.D. The problem of social justice in modern society: a philosophical analysis....258
Zaklinsky P.A. Textual constructions of historical memory of eastern syncretism....262
Denikin A.V., Denikina Z.D. Transformation of values in modern society amidst social change....265
Zayats N.A. Partisan Movement in the Russian Far East (1918–1922) Based on the Archival Memoirs of Participants: A Sociological Analysis....269
Kirillova I.K., Bartsikovskaja S.V. Linguacultural conflict of metaphors «stone forest» and «wooden city» in the space of russian and english urban discourse....273
Kopaev E.N. Philosophy of robotics: reconsidering the sociality of artificial agents....277
Kotlyarova V.V., Chernokhlebova A.A. Social Well-Being from a Philosophical Perspective....281
Lipich V.V., Lopin R.A., Lopina M.R. Testimony, shame, and the crowd: philosophical and anthropological reading of V.I. Dahl›s poem «Aren›t you ashamed…»....284
Lustin Yu.M. Human social being: a philosophicaltypological aspect....288
Mamedov A.K., Maksimov A.A. Integration of types of scientific rationality: the sociocultural aspect....292
Nevdobenko O.I. Wittgenstein's hinge-ppropositions and protocol sentences: the unconditional in the neopositivists and in the later Wittgenstein....296
Nimaev T.B. Philosophical and methodological foundations of the interaction between technosphere and natural systems in the Anthropocene (the case of lake Baikal)....301
Petrash N.D. Screen reality as a mediator of social interaction in the context of postmodern philosophy....305
Pilyak S.A. Philosophy of architectural harmony (based on materials by V.T. Meshcheryakov)....309
Polozhenkova E.Yu., Shestakov Yu.A., Shubina M.M. Philosophical and anthropological reflection of the conflict of interpretations of the justification and meaning of violence....312
Rudenko A.M., Shubina M.M., Polozhenkova E.Yu. The life path of a person in the context of philosophical and anthropological explication....315
Starodub N.A. Postpolitics and the fate of the political: on the question of the depoliticization of contemporarity....319
Tinus N.N. Evald Ilyenkov and the Contemporary Mythology of «Artificial Intelligence»....323
Torosyan A.S., Zaytseva I.A., Lapshina S.S., Aleshina L.N. The category of memory in the mythopoetic space of K. Ishiguro's novel 'The Buried giant'....329
Usov V.N., Gnatyuk M.A., Krotov D.V. The "third labor semester" as a seasonal-event chronotope: a three-contour model of the reproduction of student brigade culture....333
Khlebnikova O.V., Vetrov S.A., Kostarev S.V. Anthropological and sociocultural attitudes of post-postmodernity....337
Sharova M.A. Garaeva G.F. The digital educational environment and the future of hybrid education: a sociophilosophical analysis of the problems of students' subjectivity....342
Shevchenko O.V. Key features of modern information warfare manifestations....346
Shcheglov I.A. Optimizing the dialogue key of humanitarian expertise....350
Shevchenko O.V. Individual freedom and social responsibility in modern society....354
Yuryev R.S. Reification of patriotism: from vague representations to empirical analysis....357

PHILOSOPHICAL WORLD VIEWS. ONTOLOGY AND THEORY OF KNOWLEDGE

Barkova E.V. Eco-catharsis as a category of the ecophilosophical worldview....361
Panov A.I. Problems of education and upbringing of young people in the context of digitalization and the impact of AI technologies....366
Mitin A.V., Polozova I.V. Political ideologies as civic and political religions of the modern era....369
Ushakov D., Andreeva E. The immanent foundation of the transcendental and the illusory nature of breaks with Kant....373
Zhang Zijun. From material intervention to object determination: an interpretation of Vihalemm's practical realism in the context of the philosophy of chemistry....378
Ushakov D.S., Kozlova E.V. Technological syngenesis: towards an ontology of a post-anthropocentric reality....383

PHILOSOPHY OF RELIGION AND RELIGIOUS STUDIES

Manukyan G.V. Christian values and the problem of moral choice in the novels of F.M. Dostoevsky and «A writer's diary»....387
Mochalov E.V. Material assistance of the Russian Orthodox Church to the army and the affected population during the Patriotic war of 1812....390
Timerbulatov Z.M. Zaki Validi as the organizer of the autonomy of Bashkortostan....393

POLITICAL INSTITUTIONS, PROCESSES, TECHNOLOGIES

Aleshina L.N., Klimov Y.I., Klimova O.M., Torosyan A.S., Pavlenko A.D. Digital sovereignty as a political category....397
Asonov N.V. Adaptive ideology as the basis of political dominance in modern Russia....402
Baklanov V.I. Petersburg Russia, 1700–1801: in the dialectical symbiosis of tradition and modernity....405
Brad A.N. Digital infrastructure as a political resource: conditions and limits of Chinese influence in Angola....410
Baklanov V.I. Petersburg Russia 1801–1855 in the dialectical symbiosis of tradition and modernity....414
Gubanova O.A. Impact of marriage on demographics in Russia....419
Karamov A.R. The Mobilization-Monopolistic Mnemonic Regime: Russia in Comparative Perspective....423
Karakhanian A.A. Technology as politics: the role of ai in the contemporary world order....427
Karamov A.R. Situational Statism in Russia's Historical Policy (2000–2024): Institutional Waves and Their Triggers....430
Maleev V.V. Effectiveness of public oversight of government digital systems: a methodology for political and institutional analysis....434
Mizulin M.Yu., Filippova E.A. The nature of political uncertainty: theoretical and methodological aspects and institutional consequences....437
Novikov M.Yu. Digitalization of politics and the transformation of political communication: a sociophilosophical perspective....440
Sanin D.V. Charity as a factor in the development of civil society and the reduction of social tension in rural regions of Russia....443
Xin Yaya. Multidimensional Dilemmas and Strategic Choices in Russia's Energy Diplomacy in the Context of the Global Energy Transition....447
Skrinchenko B.L., Erkin A.F. Digital competencies of civil servants as a factor in government resilience to structural uncertainty....452
Fedorov V.I., Talalaeva E.Y. The research discourse on the use of artificial intelligence technologies in Russian elections....457
Shalnev A.N. Political hermeneutics of low-carbon development: strategies for legitimizing the climate agenda in modern Russia....460
Shornikov I.P. The republic of Moldova: political risk groups....464

POLITICAL PROBLEMS OF INTERNATIONAL RELATIONS, GLOBAL AND REGIONAL DEVELOPMENT

Arzhaev F.I. Globalization cores and a vector model of Russia's foreign economic policy transformation....470

Bezkadi Fadi. Intermediate regimes of anarchy: georg simmel's sociology of competition and Russian-American rivalry after the cold war....475
Berdiyev B.G. Mechanisms of Russian crisis settlement policy in Syria: a conceptual model for adaptation to changing geopolitical realities (2011–2025)....481
Duganov D.R. The phased transformation of us government policy on digitalization (2012–2025)....486
Zhukov A.V., Zakharova E.Yu., Kuchinskaya T.N. Political games surrounding Tibetan Buddhism and Russia's role in stabilizing the religious situation in the Buddhist Asia region....491
Molchanov P.P. The foreign policy course of d. Trump's second administration in relation to Europe: strategic guidelines and transformation of the US – EU relations....495
Strelets I.E., Mukhortov D.S. Political-psychological profile of P ter Magyar....500
Molchanov P.P. The us foreign policy course as a factor in the transformation of integration processes in the European space: the experience of d. Trump's second administration....505
Strelets I.E., Mukhortov D.S. The political-psychological profile of Robert Fico: constants and variables before and after the assassination attempt....509
Novikov O.G., Rozhdestvenskaya A.A., Temariova D.A. The political aspects of development of international trade between Russia and Pakistan....513
Pankratov G.A. American military companies' role in modern US Arctic strategy....517
Khlopov O.A. The «Special Relationship» between the United States and Great Britain in the Context of the Preparation of the Anglo-American Petroleum Agreement (1939–1945)....520
Yan Jinyan. Alignment of the EAEU and the belt and road initiative: prospects and challenges of cooperation....525

INTERNATIONAL RELATIONSHIPS

Abilova G.V. Formation of professional competence clusters as a direction for BRICS+ educational integration....529
Arakelian D.E. The problem of war and peace in European churches at the present stage....535
Belousova M.V. «State capture» as a model of China's political influence in Africa: institutions, elites, resources....541
Boytsov A.S., Savinov A.L., Fadeev Yu.E., Kuptsov M.A., Chernov A.M. The Middle Eastern Security Vector of the Shanghai Cooperation Organisation: Intersections of the Organisation's Interests with the New Turkey – Saudi Arabia – Pakistan Pact....546
Wang Ying. A Study of Railway Connectivity Corridors between China and Kazakhstan....551
Shilei Deng. A typology of legal sovereignty strategies in BRICS: a comparative analysis of China, Russia, India and Brazil....555
Zoubov V.V., Temariova D.A. Russia and the global south: the «pivot to the south» strategy in a new geopolitical reality....560
Ismagilova A.R. The North Korean vector in China's foreign policy at the present stage....564
Kazakova A.A. Intercultural Education as a Mechanism for the Formation of Hybrid Identity among Participants in International Educational Exchanges....569
Kozyreva T.A. The Russian trilateral commission: history of formation and modern problems of interaction between the parties of social partnership....574
Lin Huangye, Ma Yucong. Prospects for the development of oil and gas cooperation between Russia and Iran at the present stage....579
Liu Wendong. The role of China in regional economic cooperation within the SCO....584
Orlov K.V. The emergence of information warfare as a major instrument of international politics....588
Popov V.S. Balance of power in Central Asia: dynamics of rivalry between Russia, China and Turkey at the present stage....592
Sakhnov V.V. Modern Trends in the Arctic Policy of Arctic States....596
Sokolov A.S. The issue of international security amid the transformation of the world order....599
Xu Long, Liu Shiyi. Political foundations of the formation of Russian-Chinese strategic partnership in the early 21st century....603
Sokolov A.S. Transformation of the international relations system amid the emergence of a multipolar world....606
Ibrahim M.A., Koryakina S.S., Gafarov T.G., Fridman M.F. Institutional autonomy and forms of macroeconomic adaptation: Spain, Israel, and the United Kingdom....610

INTERDISCIPLINARY AND APPLIED RESEARCH

Gusakova A.V. Russian-british cultural dialogue in the 19th and 20th centuries....615
Zakharchenko A.V. Lobbying practices of soviet industrial agencies....619
Kirillova I.K., Zubkova Ya.V., Shatilova L.M. Professional needs of engineers in learning a foreign language....623
Kravchenko A.I. Coffee as a Builder of the Global World....627
Malashina T.I. The moral dimension of the individual: history and modernity (based on materials from dissertation research of the academy of social sciences under the central committee of the CPSU)....632
Rodionova I.V. Mechanisms for forming the patriotic consciousness of soviet society in the 1930s: education, mass propaganda, and cultural policy of the RSFSR....636
Chernysheva E.N. Science as a factor in preserving national identity under globalization: a philosophical and methodological analysis....640
Rodionova I.V. Transformation of the soviet ideological system (1929–1953): key directions and instruments of societal influence....643
Ismailov T.Sh. Introvella as an Authorial Composition and Performance Style: Toward the Problem of Self-Reflection in Contemporary Composer's Practice....647
Zhou Yu. Treaty Mechanisms and Spatial Consequences of the Evolution of the Eastern Border between Russia and China: From the Treaty of Nerchinsk to the Treaty of Peking....652
Gavrilova A.A. On the issue of the development of literary activities of volga germans during the nep period....657
Lashin G.A. South Sudan: The Formation of a Genocidal Policy Amidst Protracted Conflict....661
Manina Yu.S. Specifics of constructing Eritrea's security model....664
Nersesyan R.S. Prescriptive methodology as a factor in the longterm development of the Russian Federation: results of a corpus of researches....668
Pan Ling. «Multipolarity» discourse of Russia and China is compared with the functions of the agenda – using the example of the SCO and BRICS....671
Popova O.V., Gatsko M.F. Academic dishonesty in Russian higher education in the interplay of legal norms, the value environment of students and university management practices....674
Stepanenko N.A. Methodological problems of the study of new religious movements....678
Yablokov E.S. The Role of Basic Military Training in the Patriotic Socialization of Russian University Students....681
Yan Jiayi. An Analysis of Russian-to-Chinese Subtitle Translation: The Case of Kidnapping, Caucasian Style, or Shurik's New Adventures....685

Семейный конфликт сквозь призму социально-топологической модели: ребёнок как «невидимый участник»

Абдрахманова Флорида Ривхатовна,
старший преподаватель кафедры обществознания, права и социального управления БГПУ им. М. Акмуллы

В предложенной работе рассматривается вопрос вовлеченности ребенка в семейный конфликт взрослых с позиции социально-топологического подхода С.А. Азаренко. На основе анализа 289 кейсов семейных конфликтов и данных социологического исследования – опроса среди женщин Республики Башкортостан (N=1882) обоснована необходимость перехода от традиционного психологического описания ссоры (конфликта) к топологической схеме «А-Х-Б», где Х – единый объект противоречия искажает социальную связность между субъектами А и Б. В статье показано, что ребенок, оставаясь вне конфликтного взаимодействия, фактически занимает позицию «третьего», чья идентичность и чувство безопасности оказываются деформированными в результате того, что происходит рассеивание ценностных узлов и расслоение семейных связей. Также предложен скрининговый инструмент оценки вовлеченности ребенка в семейный конфликт, который позволяет выявить латентные формы деформации семейной ткани.

Ключевые слова: топологема, социальная топология, семейный конфликт, ребенок как невидимый участник, медиация, концентрическая модель ответственности, Республика Башкортостан.

Введение

Исследование посвящено проверке потенциала социально-топологического подхода для анализа семейных конфликтов с фокусом на положении ребёнка. Несмотря на то, что ребёнок формально не является стороной спора, он структурно включён в конфликтную динамику семьи.

В работе проверяются две гипотезы. Первая – о диагностической силе схемы «А–Х–Б»: она делает видимыми деформации семейной структуры, ускользающие от традиционных психологических методов, в частности трансформацию ребёнка из субъекта отношений в объект разногласий. Вторая – о трансформационном эффекте: визуальное «перемещение» ребёнка (Х) из позиции «между родителями» в позицию «общего внешнего фокуса» способно вызвать когнитивный сдвиг у взрослых и открыть доступ к неочевидным решениям.

Объект – семейный конфликт как нарушение социальной связности; *предмет* – роль ребёнка в этой структуре сквозь призму топологем С.А. Азаренко. *Эмпирическая база:* опрос 1882 женщин в Башкортостане (2026 год) и 289 кейсов семейных конфликтов. *Методология* сочетает социально-топологический подход (понятия «топологемы», «бытие-в-коммуникации»), кейс-стади и статистический анализ (в т.ч. критерий V Крамера). В рамках концепции С.А. Азаренко конфликт трактуется как разрыв связности социального пространства; топологема «А–Х–Б» фиксирует, как общий объект противоречия (Х) нарушает равновесие между субъектами (А и Б) и деформирует «место» ребёнка в семейной системе.

Результаты и обсуждение

Ребёнок в семейном конфликте часто оказывается структурным элементом вопреки формальному отсутствию в роли стороны спора. Даже без открытых ссор он считывает напряжение по интонациям, молчанию, перераспределению пространства и сбою привычного уклада – значит, психологическое воздействие присутствует и при отсутствии явного конфликта.

Опрос Центра изучения семьи и детства при Институте социальных исследований (РБ, 2026) показал: 70,6% респонденток считают правильным скрывать острые споры от детей. Это отражает стремление защитить ребёнка, но само по себе сокрытие не снимает последствий, если не восстанавливается эмоциональная безопасность. В терминах социальной топологии такая ситуация – рассеивание ценностных узлов: ребёнок попадает в «зону неопределённости» и вынужден адаптироваться к деформированной топологии семьи, что порождает тревогу и нестабильность.

Следует отметить тот момент, когда ребенка вовлекают в несоответствующие ему роли, например, роль посредника – передать сообщение, собрать информацию и т.д., или роль союзника – поддерживать кого-то одного из родителей. Здесь мы получаем спровоцированный «конфликт лояльности», ведь ребенок ощущает, что его привязанность к одному из родителей другим воспринимается как предательство и может брать на себя функцию поддержания атмосферы в семье [3]. В предложенной схеме «А–Х–Б» описанная проблема может быть зафиксирована как «иерархическое расслоение связей», в виду того, ребенок (Р) становится «каналом трансляции конфликтных смыслов между А и Б, деформируя свою идентичность» [3].

Рассмотрим три кейса, иллюстрирующие как топологический взгляд открывает ответы, которые при традиционных подходах не видны.

Кейс № 1. «Передача сообщений». Супруги, находящиеся в процессе развода, используют свою 10-летнюю дочь для передачи бытовых сообщений. У девочки появились головные боли, проблемы со сном. Традиционные подходы состояли бы в работе с симптомами у девочки и рекомендациях родителям не втягивать ребенка в свой спор. Топологический подход открывает нам, объект конфликта (Х) «проходит» через ребенка (Р) в буквальном смысле и встраивает ее в «конфликтную топологию». Предлагаемое решение – это не запрет, а реконфигурация пространства: необходимо создать нейтральный канал для общения – возможно, приложение, либо другой посредник, чтобы вывести ребенка из схемы конфликта.

Кейс № 2. «Эмоциональный союзник». Родители в разводе. Сын 14-ти лет проживает с матерью, которая обсуждает с ребенком недостатки отца. Подросток проявляет агрессию – отец вынужден подать иск об ограничении прав. Традиционно – начинается работа с агрессией мальчика и рекомендациями матери не обсуждать отца. Топологическая ситуация выглядит следующим образом: происходит вытеснение «места» отца из семейной топологии, то есть ребенок (Р) встроен в «связное пространство» с А против Б. Предложенное решение – развести каналы коммуникации: встречи отца и сына организовывать на нейтральной территории в присутствии медиатора, а тему отца перенести в отдельное пространство (консультации). Так сохранится связность А–Р и предотвращается деформация связности Р–Б.

Кейс № 3. «Молчание как конфликт». Родители поссорились и несколько дней не разговаривают друг с другом, а 7-летний ребенок пытается «развеселить» взрослых: рисует картинки, включает веселые телепередачи; у него появляется энурез. Стандартный подход фокусируется на симптоме и попытке снизить стресс. Топологически конфликт выглядит как «пустое место» в пространстве семьи, а попытки ребенка – это стремление его заполнить. Решение: родителям необходимо завершить конфликт, зафиксировав публично, и восстановить привычные ритуалы (прогулки, игры, ужины), закрыв при этом пустое место. Ребёнку даётся короткое возрастное объяснение: взрослые поссорились и помирились, он ни в чём не виноват.

Данные опроса подтверждают объяснительную силу модели. Выявлено противоречие: 63,7% женщин признают вред ссор для детей, 68,7% считают важным показывать способность мириться, но 70,6% полагают, что острые споры лучше скрывать. Это говорит о понимании ценности восстановления связности при отсутствии инструментов для этого. Анализ поведения после ссоры показывает разрыв между ценностью диалога и навыком восстановительного разговора: 42,5% мирятся и обсуждают, 35,3% предпочитают «забыть» без разговора. С точки зрения топологии «забывание» не восстанавливает связность – ребёнок остаётся в неопределённости.

Частота конфликтов – индикатор риска: при ежедневных ссорах опыт насилия отмечают 62,2%, при конфликтах несколько раз в неделю – 43,4%, при почти полном отсутствии ссор – 7,8% (V Крамера = 0,36). Цифровая среда усиливает конфликт за счёт фиксации сообщений как «доказательств», потери интонации и обратной связи, а также расширения круга участников (в том числе детей через чаты). Так, 16,4% женщин переносят ссоры в переписку, 24,3% сталкивались с конфликтами из-за неверного прочтения, 34,0% удаляли сообщения или блокировали близкого в ссоре; чёткие правила цифрового общения есть только у 17,5%. Возрастная динамика: среди женщин 25–30 лет показатели выше, чем среди женщин старше 50 лет.

Заключение

Социально-топологический подход подтвердил свою эвристическую ценность. Модель «А–Х–Б» визуализирует скрытые деформации семейной системы, в том числе деформацию идентичности ребёнка из-за рассеивания ценностных узлов и иерархического расслоения связей. Как отмечает С.А. Азаренко, «работа с топологемой переводит невидимое в видимое, а значит, делает возможным целенаправленное вмешательство» [3].

Анализ 289 кейсов показал, что подход даёт не общие рекомендации, а конкретные инструменты реконфигурации семейного пространства: альтернативные каналы коммуникации, разведение конфликтных и нейтральных «мест», публичное восстановление связности после конфликта. Данные опроса подтверждают ценность модели: выявленные противоречия отражают дефицит инструментов для восстановления семейной связности. Цифровая среда формирует новую топологию конфликта и требует профилактических мер; правила цифрового общения стоит рассматривать как компонент информационной безопасности семьи.

Предложенный скрининговый вопрос («Каким образом ребёнок вовлечён в конфликт взрослых?») помогает выявлять латентные деформации, угрожающие психологическому благополучию ребёнка даже без физического насилия. Перспективы – разработка методики топологического анализа, внедрение скрининга в работу психологов и социальных работников, изучение цифровой трансформации семейных конфликтов.

Литература

1. Абдрахманова Ф.Р., Еникеева И.И. Социальный образ медиатора: концептуализация в парадигме топологической антропологии // Общество: философия, история, культура. – 2026. – № 4. – С. 14–20. https://doi.org/10.24158/fik.2026.4.1.

2. Абдрахманова Ф.Р., Еникеева И.И. Межличностные и семейные конфликты в жизни мусульманской женщины: тенденции, вызовы и пути мирного разрешения (по материалам эмпирического исследования в Республике Башкортостан) // В сборнике: Актуальные вопросы развития института семьи и сохранения семейных ценностей в контексте современной государственной политики. Сборник материалов III Всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, – 2026. – С. 11–21.

3. Азаренко С.А. Перспективы социально-топологического подхода в социальных науках // Современная социальная философия и перспективы обществознания: материалы всероссийской научной конференции. Екатеринбург: Издательство «Деловая книга», – 2024. – С. 26–31.

4. Азаренко С.А. Социальное воспроизводство и топология предела // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки. – 2018. – Т. 13, № 4 (179). – С. 26–35.

5. Азаренко С.А. Топологическое философствование и социальная коммуникация // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2016. – Т. 16, вып. 4. – С. 412–417.

6. Массив анкетирования «Взгляды женщин Башкортостана на семейные конфликты и права детей», 2026 год, N=1882.

7. Управление по опеке и попечительству г. Уфы. Работа по обращениям о семейно-бытовом дебоширстве в Уфе. – 2024.

8. Хилажева Г.Ф. Насилие в семье как социальная проблема современного общества // Социологические исследования. – 2023. – № 8. – С. 61.

FAMILY CONFLICT THROUGH THE PRISM OF A SOCIAL-TOPOLOGICAL MODEL: THE CHILD AS AN «INVISIBLE PARTICIPANT»

Abdrakhmanova F.R.
M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University

This paper examines the issue of a child's involvement in adult family conflict from the perspective of S.A. Azarenko's socio-topological approach. Based on an analysis of 289 family conflict cases and data from a sociological survey among women in the Republic of Bashkortostan (N=1,882), the need to shift from the traditional psychological description of a quarrel (conflict) to the topological «A-X-B» schema is substantiated, where X – a single object of contradiction – distorts the social coherence between subjects A and B. The article demonstrates that a child, remaining outside the conflict interaction, effectively occupies the position of a «third party» whose identity and sense of security are distorted as a result of the dispersion of value nodes and the stratification of family ties. A screening tool for assessing a child's involvement in family conflict is also proposed, which allows for the identification of latent forms of family fabric deformation.

Keywords: topologeme, social topology, family conflict, child as an invisible participant, mediation, concentric model of responsibility, Republic of Bashkortostan.

References

1. Abdrakhmanova F.R., Enikeeva I.I. Social image of the mediator: conceptualization in the paradigm of topological anthropology // Society: philosophy, history, culture. – 2026. – № 4. – P. 14–20. https://doi.org/10.24158/fik.2026.4.1.

2. Abdrakhmanova F.R., Enikeeva I.I. Interpersonal and family conflicts in the life of a Muslim woman: trends, challenges and ways of peaceful resolution (based on an empirical study in the Republic of Bashkortostan) // In the collection: Current issues of development of the institution of family and preservation of family values in the context of modern public policy. Collection of materials of the III All-Russian scientific and practical conference. Rostov-on-Don, – 2026. – P. 11–21.

3. Azarenko S.A. Prospects of the Socio-Topological Approach in the Social Sciences // Modern Social Philosophy and Prospects of Social Science: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference. Yekaterinburg: Delovaya Kniga Publishing House, 2024, pp. 26–31.

4. Azarenko S.A. Social Reproduction and the Topology of the Limit // Bulletin of the Ural Federal University. Series 3: Social Sciences. 2018, Vol. 13, № 4 (179). pp. 26–35.

5. Azarenko S.A. Topological Philosophizing and Social Communication // Bulletin of the Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy. 2016, Vol. 16, issue 4. pp. 412–417.

6. Survey «Bashkortostan Women's Views on Family Conflicts and Children's Rights». 2026, N=1,882.

7. Ufa City Guardianship and Trusteeship Department. Response to complaints about domestic violence in Ufa. – 2024.

8. G.F. Khilazheva. «Domestic Violence as a Social Problem in Modern Society.» Sociological Research. – 2023. – № 8. – P. 61.

Антиномия войны и счастья в психологических драмах А.Н. Арбузова

Бай Ян,
аспирант, Университет Нанькай
E-mail: baiyangbaiyang@yandex.ru

Психологическая драматургия А.Н. Арбузова не ориентирована на непосредственное изображение военных действий и героических подвигов. Война в его пьесах преимущественно существует как исторический фон, психологический опыт и нравственное условие, воздействующее на внутренний мир персонажей. В статье на материале пьес «Годы странствий», «Мой бедный Марат» и «Домик на окраине» рассматривается парадоксальная взаимосвязь войны и счастья, а также механизм формирования счастья в психологической драматургии Арбузова. Исследование показывает, что драматург сознательно отодвигает войну на периферию сценического действия, выдвигая в центр повседневную жизнь, человеческие отношения, нравственный выбор и внутреннюю эволюцию личности. Война, разрушая привычный жизненный уклад, семейные связи и эмоциональные отношения, выступает как радикальная сила отрицания счастья. Однако именно в условиях этого отрицания повседневные формы человеческого существования – музыка, любовь, семья, еда, общение и сохранение человеческого образа жизни – обнаруживают свою фундаментальную ценность. При этом военный опыт не прекращает своего действия с окончанием войны, продолжая существовать в послевоенной жизни героев в форме памяти, травмы, ответственности и нравственного выбора. Таким образом, в драматургии Арбузова формируется особый нарратив счастья, основанный на антиномическом соотношении войны и жизни: война не создает счастье, но посредством предельного отрицания повседневной жизни делает его ценность особенно очевидной. Счастье предстает не как готовый результат окончания войны, а как динамический процесс, возникающий в результате самостоятельного нравственного выбора человека, его стремления сохранить человеческий образ жизни и заново утвердить собственное существование. Тем самым парадоксальная модель счастья у Арбузова выражает его гуманистическую концепцию человека, связанную с самосознанием личности, нравственной ответственностью и восстановлением целостности человеческого существования.

Ключевые слова: А.Н. Арбузов; психологическая драма; война; счастье; антиномия; повседневная жизнь; гуманизм.

А.Н. Арбузов не является драматургом, творчество которого в традиционном смысле можно отнести к военной тематике. Война редко становится в его пьесах непосредственным предметом изображения, а сражения, военные действия и героические подвиги не составляют основного содержания драматического конфликта. Поэтому с точки зрения тематической классификации было бы неточно однозначно относить творчество Арбузова к «военной литературе». Однако маргинальное положение военной тематики отнюдь не означает отсутствия военного опыта. Напротив, в психологических драмах Арбузова война продолжает присутствовать в качестве исторического фона, психологической травмы, этической памяти и психологических последствий; она никогда не занимает центрального места на сцене, выступая скорее как «фон», «контраст» или «историческое условие». Такое художественное решение не означает умаления жестокости войны, а связано со стремлением сосредоточить внимание на внутреннем мире человека, эволюции характера и нравственных поисках личности, что особенно отчетливо проявляется в пьесах «Годы странствий», «Мой бедный Марат» и «Домик на окраине». Подобный художественный принцип укоренен в гуманистической направленности творчества Арбузова и его особом понимании природы драмы. Поэтому предметом настоящей статьи является не «военная тематика» в драматургии Арбузова как таковая, а то, каким образом военный опыт входит в пространство психологической драмы и участвует в формировании представлений героев о счастье.

Маргинализация войны в психологических драмах Арбузова тесно связана с пониманием драматургом самой природы психологической драмы. Арбузов определял свои произведения как «хронику не событий, а чувств, переживаний, отражений событий в психологии героев» [1], а не как простую фиксацию исторических событий. Поэтому военный конфликт в его психологических драмах приобретает отчетливо выраженный внутренний характер. В пьесах Арбузова война выступает не только как историческое событие: пережитый военный опыт трансформируется в психологические последствия, определяющие внутренний мир персонажей. На сцене изображаются прежде всего встречи после долгих разлук, а не сами сражения; время становится активным фактором драматического действия, позволяющим выявить степень личностной зрелости героев на различных исторических этапах [2]. Так, в пьесе «Домик на окраине» Люба до войны считает «Манон Леско» «неправдоподобным» и «неинтересным» произведением, тогда как после пережитых испытаний, вновь обращаясь к той же книге, замечает: «Очень интересно» [3]. Контраст между этими эпизодами показывает внутреннее взросление героини под воздействием военного опыта. Люба превращается из девушки, занятой главным образом собственной внешностью и танцами, в зрелую женщину, способную понять сложность жизни и трагизм человеческого существования. Война здесь выполняет прежде всего функцию катализатора духовного взросления героя, тогда как в центре драматического действия остается изменение его внутреннего мира. Благодаря этому историческое время становится не просто внешней хронологической координатой, но и диалектическим фактором формирования характера, позволяющим раскрыть внутреннюю логику поступков [4].

Таким образом, специфика изображения войны в психологической драме Арбузова заключается в изменении самого способа вхождения истории в драматическое произведение. Драматург усиливает ощущение истории не посредством расширения военных сцен, а посредством сокращения внешнего действия и углубления внутренней реакции, благодаря чему история входит в эмоциональную структуру и ценностное сознание персонажей. Однако интериоризация военного опыта порождает и другой, временной вопрос: как долго война, превратившаяся во внутренний опыт человека, продолжает воздействовать на него? Этот вопрос непосредственно подводит к проблеме отсроченного действия военного опыта.

Окончание войны не означает окончания военного опыта. Для Арбузова война существует в двух временных формах: с одной стороны, как происходящее историческое событие, принадлежащее «настоящему» героев; с другой – после завершения войны она продолжает существовать в их прошлом в форме памяти, травмы и этического опыта. Особого внимания заслуживает именно вторая форма, поскольку она показывает, что присутствие войны в психологической драме не за-

висит от непосредственного изображения батальных сцен. Исчезая из актуального исторического времени, война продолжает существовать как внутренний опыт героев и воздействовать на их послевоенную жизнь.

Под «отсроченным действием» военного опыта понимается ситуация, при которой война как историческое событие уже завершилась, однако вызванные ею психологические травмы, этическая память, эмоциональные утраты и сформировавшиеся модели поведения не исчезают одновременно с ней, а продолжают определять самовосприятие героев, их отношения с другими людьми и выбор собственного счастья в послевоенной жизни.

Действие пьесы «Мой бедный Марат» охватывает три исторических рубежа – 1942, 1946 и 1959 годы, и сама ее временная структура обнаруживает отсроченное действие военного опыта. Арбузов использует своеобразную структуру «станций», посредством точно обозначенных временных скачков показывая изменение характеров героев на протяжении многих лет [1]. Воздействие войны на Марата, Лику и Леонидика не прекращается ни с окончанием блокады Ленинграда, ни с возвращением к мирной жизни. Первоначально война вторгается в судьбы трех молодых людей как непосредственное историческое насилие: разрушаются семейные связи и привычный жизненный уклад, вследствие чего герои оказываются вынуждены создать в условиях войны своеобразное сообщество взаимной поддержки и выживания. Однако еще более существенным оказывается то, что сформировавшиеся в годы войны отношения и этические принципы продолжают определять их жизнь и после ее окончания. Иными словами, завершившись как историческое событие, война не завершается как внутренний опыт личности. Столкнувшись с судьбой искалеченного войной Леонидика, Марат и Лика уже не могут руководствоваться исключительно личным чувством и собственным стремлением к счастью, поскольку чувство ответственности, сформировавшееся в созданном войной сообществе, сохраняет для них значительную нравственную силу. Особенно отчетливо отсроченное действие военного опыта проявляется в третьем акте, действие которого происходит в 1959 году. Историческое время давно ушло вперед, однако психологическое время героев не вполне совпадает с ним: война уже принадлежит прошлому как историческое событие, но сформированное ею чувство ответственности продолжает существовать во внутреннем мире персонажей.

Тем самым Арбузов разрушает линейную временную модель «окончание войны – восстановление мира – обретение счастья». Война как историческое событие уже завершена, однако она продолжает существовать в психологическом времени героев в форме памяти, ответственности и травмы, воздействуя на их послевоенные эмоциональные отношения и выбор собственного счастья. Возникает несовпадение исторического времени и индивидуального времени человеческой жизни: наступление мира еще не означает немедленного возвращения счастья. Отсроченное действие военного опыта обусловливает, таким образом, и отсроченность самого счастья; оно вновь становится возможным лишь тогда, когда герои способны переосмыслить психологическое и этическое наследие войны.

В психологических драмах Арбузова тем самым складывается примечательная ценностная структура: война отодвигается на периферию сценического действия, тогда как повседневная жизнь, напротив, выдвигается в центр ценностного пространства. Выступая негативным фоном счастья, война парадоксальным образом делает особенно ощутимой ценность обычной человеческой жизни. Поэтому анализ военной проблематики у Арбузова неизбежно приводит от вопроса о том, как изображается война, к вопросу о том, почему именно повседневная жизнь становится счастьем, которое необходимо сохранить и защитить. Особенно отчетливо эта особенность проявляется в пьесе «Домик на окраине».

В начале пьесы «Домик на окраине» перед зрителем возникает почти идиллическая атмосфера мирной повседневности: Люба в новом купальном костюме рассматривает себя в зеркале, Надя читает роман, грызя баранку, а Вера с улыбкой предлагает заняться уборкой. Эта безмятежность не является приукрашиванием действительности, а служит сознательно выстроенным художественным контрастом. Вальс, патефон, купальный костюм, еда и семейные разговоры сосуществуют в сценическом пространстве с доносящимися издалека артиллерийской канонадой и огнем зенитных орудий. Война не наделяет эти элементы повседневности прежде не существовавшим содержанием счастья, а лишь делает зримой их изначальную, но в обычных условиях легко остающуюся незамеченной ценность. Счастье уже не предстает прежде всего как великое будущее, которое должно наступить после исторической победы, и не связывается преимущественно с героическим подвигом или общественным признанием; оно воплощается в конкретных переживаниях обычного человека, укорененных в повседневной жизни. Именно в этом смысле повседневное существование в пьесах Арбузова приобретает гуманистическое значение, выходящее за пределы сугубо частной сферы.

Даже обращаясь к теме блокадного Ленинграда, Арбузов сосредоточивает сценическое действие в «холодной комнате полуразрушенного дома» [5]. Такая камерность отделяет героев от масштабного исторического фона и заставляет их замкнуться в микромире частной жизни, где они стремятся сохранить собственно человеческое содержание существования[6](15). Именно этот контраст позволяет Арбузову выявить и испытать духовную и нравственную состоятельность личности[3](29). Жестокость войны для него проявляется не только в физическом уничтожении людей на фронте, но и в угрозе самому человеческому образу жизни.

В «Домике на окраине» Арбузов выдвигает повседневную жизнь в центр сценического действия. В основе такого художественного решения лежит следующая логика: именно в условиях предельного отрицания со стороны войны ценность обычной жизни раскрывается во всей своей глубине. Музыка, звучащая из патефона, и повседневные разговоры перестают быть знаками обыденности и превращаются в способ утверждения человеческого существования. Изображение войны не является для Арбузова самоцелью; обращение к ней позволяет через предельное отрицание выявить особую ценность любви к обычной жизни и стремления сохранить ее перед лицом разрушительных сил [5]. Тем самым драматург показывает, что сохранение человеческого образа жизни само по себе становится одной из наиболее глубоких форм сопротивления духовной смерти.

В драматургической эстетике Арбузова война выступает не только как масштабный исторический фон, но и как «историческое условие», обладающее радикально отрицательной силой. Насильственно разрушая привычный порядок повседневности, она создает экстремальную ситуацию существования, в которой то, что в мирное время воспринималось как само собой разумеющаяся «обычная жизнь», впервые обнаруживает свою фундаментальную ценность как пространство человеческого счастья.

Война как предельное историческое условие заставляет героев заново открыть сущностное значение давно не замечаемой ими обычной жизни. В условиях экстремального давления даже самые незначительные детали повседневности – вальс, стихи, кухонные заботы или простой разговор – перестают быть лишь фоном существования и приобретают особую ценность, благодаря чему сама повседневная жизнь получает новое смысловое измерение.

Под «героизмом повседневности» здесь понимается не отрицание традиционного героизма, а духовная стойкость, проявляющаяся в способности человека в экстремальных исторических обстоятельствах сохранять обычные человеческие чувства, достоинство и привычный образ жизни.

В пьесе «Домик на окраине» Арбузов сознательно избегает приподнятой патетической риторики, характерной для традиционной военной драматургии, противопоставляя отчуждающему воздействию войны неловкую, а порой даже абсурдную речь повседневности. Так, прощаясь с Верой перед уходом на фронт, Алёша из-за волнения и непривычности ситуации не произносит никаких героических слов, а говорит нечто совершенно нелепое: «Комар на воздушном шаре улетел, а за ним кошка – задом наперёд…» [3]. Подобный отказ от «громких слов» воспринимался как проявление характерной «арбузовской правды». Для драматурга самые возвышенные и глубокие чувства нередко выражаются сдержанно и даже неловко [2]. На фоне войны именно эта достоверность обычного человека придает персонажам особую жизненность: они не стремятся выглядеть героями – они продолжают жить. Сам Арбузов признавал, что изображение открытого героического подвига не принадлежало к сильнейшим сторонам его драматургии. Ни момент героической гибели, ни фронтовой героизм как таковой не становились наиболее органичной сферой его художественного дарования [3]. Гораздо ближе ему было обнаружение «скрытого героизма» в самых обычных и повседневных проявлениях человеческой жизни – в частности, в судьбах простых людей, сохраняющих жизненную стойкость перед лицом нужды, физических увечий и тяжелых жизненных испытаний [3].

Война как форма внешнего давления выполняет у Арбузова функцию, позволяющую выявить «последствия событий в человеческой душе». Она снимает всё наносное и ложное, ставя героев перед предельным нравственным выбором и заставляя их осознать, что именно обычная жизнь, прежде воспринимавшаяся как нечто само собой разумеющееся, представляет собой то высшее благо, которое действительно заслуживает защиты [5]. В понимании Арбузова счастье представляет собой конкретную и динамически формирующуюся жизненную реальность, которая вновь и вновь обнаруживает себя в пространстве

конфликта. Чем суровее становятся обстоятельства войны, тем более героический смысл приобретает стремление героев сохранить обычную жизнь, а сама эта верность человеческому образу жизни становится одной из наиболее действенных форм преодоления духовной смерти [6].

Именно в этом проявляется парадоксальная связь войны и счастья в драматургии Арбузова: война не порождает счастье, но, угрожая повседневной жизни, делает особенно ощутимой ее ценность. Обычная жизнь среди военных разрушений приобретает особую значимость, а сохранение человеческого образа жизни становится формой сопротивления разрушительной и дегуманизирующей силе войны.

А.Н. Арбузов не является драматургом, творчество которого в традиционном смысле можно отнести к военной тематике. Маргинальное положение войны в его психологических драмах отражает смещение художественного внимания с исторического события на жизненный опыт человека. Когда война отступает на второй план, такие элементы повседневной жизни, как еда, музыка, любовь и семья, напротив, выдвигаются в центр ценностного пространства и в экстремальных исторических обстоятельствах раскрываются как конкретные формы человеческого счастья. Тем самым между войной и счастьем возникает особое парадоксальное соотношение: война не порождает счастье, но, угрожая повседневной жизни, делает более очевидной ее ценность, которая в обычных условиях легко остается незамеченной. В конечном счете Арбузов пишет не столько о самой войне, сколько о стремлении человека в условиях войны и под воздействием ее последствий сохранить обычную жизнь, человеческое достоинство и право на счастье.

Литература

1. Миронова В.М. Арбузов // Очерки истории русской советской драматургии. Т. 3. Л.: Искусство, 1968.
2. Рудницкий К.Л. Портреты драматургов. М.: Сов. писатель, 1961.
3. Арбузов А.Н. Избранное: в 2-х т. М.: Искусство, 1981. Т. 1.
4. Хаустов, Н.Т. Современная советская психологическая драма: [некоторые проблемы поэтики жанра]: автореф. дис. на соиск. учен. степени канд. филол. наук: (10.01.02) / Хаустов Николай Тихонович; М-во высш. и сред. спец. образования СССР. Томский ордена Труд. Красного Знамени гос. ун-т им. В.В. Куйбышева. – Томск, 1973.
5. Богуславский А. О., Диев В.А. Русская советская драматургия_ Основные проблемы развития_ в 3 т. М._ АН СССР, 1968. Т. 3_ 1946–1966.
6. Якушева Л.А. Театральное alter ego А.П. Чехова. Дис. … канд. культурол. наук. Ярославль, 2000.

THE ANTINOMY OF WAR AND HAPPINESS IN THE PSYCHOLOGICAL DRAMAS OF A.N. ARBUZOV

Bai Yang
Nankai university

A.N. Arbuzov's psychological drama is not focused on the direct depiction of military actions and heroic deeds. In his plays, war primarily exists as a historical backdrop, a psychological experience, and a moral condition that influences the inner world of the characters. The article examines the paradoxical relationship between war and happiness, as well as the mechanism of how happiness is formed in Arbuzov's psychological drama, using the plays *Years of Wandering*, *My Poor Marat*, and *A House on the Outskirts*. The study shows that the playwright deliberately relegates war to the periphery of the stage action, bringing everyday life, human relationships, moral choices, and the inner evolution of the individual to the center. War, destroying the привычный way of life, family ties, and emotional relationships, acts as a radical force that negates happiness. However, it is precisely in the context of this negation that the everyday forms of human existence – music, love, family, food, communication, and the preservation of a human way of life – reveal their fundamental value. At the same time, military experience does not cease to have an impact with the end of the war; it continues to exist in the post-war lives of the characters in the form of memory, trauma, responsibility, and moral choice. Thus, in Arbuzov's dramaturgy, a special narrative of happiness is formed, based on the antinomic relationship between war and life: war does not create happiness, but through the extreme negation of everyday life, it makes its value particularly obvious. Happiness is presented not as a ready-made outcome of the end of war, but as a dynamic process arising from a person's independent moral choice, their desire to preserve a human way of life and to reaffirm their own existence. Thus, the paradoxical model of happiness in Arbuzov's work expresses his humanistic concept of man, which is linked to the individual's self-awareness, moral responsibility, and the restoration of the integrity of human existence.

Keywords: A.N. Arbuzov; psychological drama; war; happiness; antinomy; everyday life; humanism.

References

1. Mironova V.M. N. Arbuzov / / Essays on the History of Russian Soviet drama. 3. L. N.: Iskusstvo, 1968.
2. Rudnitskiy K. L.N. Portraits of playwrights. M. N.: Soviet writer, 1961.
3. Arbuzov A.N. Selected works: in 2 volumes M. N.: Iskusstvo, 1981. 1.
4. Khaustov, N.D. Modern Soviet psychological drama: [some problems of genre poetics]: abstract of the dissertation. for the job. learned. degree of Candidate of Philological Sciences: (01/10/02) / Nikolay Tikhonovich Khaustov; Higher Education and Wednesdays. special. education of the USSR. Tomsk Order of Labor. The Red Banner of the V.V. Kuibyshev State University. Tomsk, 1973.
5. Boguslavsky A. O., Diev V.A. Russian Soviet dramaturgy_ The main problems of development_ in 3 volumes. M. N._ Academy of Sciences of the USSR, 1968. d. 3_ 1946–1966.
6. Yakusheva L.A. Theatrical alter ego of A. N.P. Chekhov. Dissertation.cultural sciences. Yaroslavl, 2000.

Теории местного самоуправления в контексте идеологий

Башелханов Анатолий Юрьевич,
кандидат ист. наук, старший преподаватель кафедры международного права и международных отношений, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления
E-mail: Anatol.Bashelkhanov@mail.ru

Статья рассматривает содержание классических теорий местного самоуправления в контексте идеологий: либерализма, консерватизма, коммунизма, социализма. Наряду с известными теориями местного самоуправления автор подробнее рассматривает местное самоуправление, трактуемое с позиций марксизма. Рассматриваются существенные отличительные особенности в содержании теорий местного самоуправления, исходя из идеологических приоритетов.

Ключевые слова: местное самоуправление, общинная теория, общественная теория, государственная теория, теория дуализма, теория муниципального социализма, марксизм.

Существуют разные теории местного самоуправления: общинная, хозяйственная, государственная, теория муниципального дуализма и др. Содержание этих теорий обуславливалось местом и временем их создания, сложившимися общественными отношениями. Большое влияние на содержание теорий имели идеологические взгляды, господствовавшие в Европе и в США – местах создания известных классических теорий местного самоуправления в XIX и XX вв. Рассмотрим наиболее известные теории местного самоуправления в контексте идеологий.

Первые классические теории (как и многие другие теории местного самоуправления, возникшие позже), рассматривают органы местного самоуправления преимущественно с либеральных идеологических позиций, что объясняется переменами в обществе после буржуазных революций XVII–XIX вв. в Европе. В основе этих теорий находились идеи реализации естественных прав и свобод человека, идеи разграничения полномочий между государственной властью и гражданским обществом на основе теорий общественного договора.

Общинная теория связывает возникновение местного самоуправления с естественными правами человека, которые присущи ему с момента рождения. Естественные права человека предусматривают, в том числе, право на самоуправление и не могут быть отняты государством. Органы местного самоуправления в виде общин рассматриваются в теории как вполне самостоятельные и независимые от органов государственной власти. Теория имела большое значение для развития научных обоснований природы местного самоуправления.

Общественная (хозяйственная) теория уже довольно определенно разграничивает полномочия государственных органов власти и местных органов самоуправления. Органы местного самоуправления рассматриваются в теории как инструмент реализации, прежде всего, экономических (хозяйственных) прав человека в рамках общегражданской самодеятельности. Согласно теории органы местного самоуправления обладают определенной автономией, но и не претендуют на государственную (политическую) власть.

Государственная теория местного самоуправления представляла органы местного самоуправления как часть государственного управления, в качестве которых они должны были выражать не только интересы местного населения, но и выполнять государственные задачи. Органы местного самоуправления должны были быть подконтрольны как местным жителям, так и государству.

Возникали теории, стремившиеся расширить представления о местном самоуправлении, выйти из ограниченности предыдущих теорий (общественной и государственной) абсолютизировавших один из аспектов самоуправления. Например, теория дуализма (муниципального дуализма), возникшая во второй половине XX в., обращает внимание на двойственную природу местного самоуправления. С одной стороны, местное самоуправление – это неотъемлемое (естественное) право людей на решение своих дел и процесс самоорганизации человеческого общества, с другой стороны – деятельность местного самоуправления выходит за рамки местных дел и сочетается с государственными делами. Государство оказывает влияние на местное самоуправление, определяя его территориальные границы, полномочия, формы и методы деятельности.

Рассмотренные теории местного самоуправления не противоречат друг другу, но отражают эволюцию представлений о самоуправлении: естественная теория, хозяйственная теория, государственная теория… [1, с. 184].

Консервативная идеология, как ответ на либеральные идеи и преобразования, в разных странах в разной степени отражалась на содержании теорий местного самоуправления. В рамках консерватизма представления могли также эволюционировать: от неприятия органов местного самоуправления как автономного источника власти до признания их ограниченной и подконтрольной государству автономии. Например, в России XIX в. консерватизм не допускал совместимость абсолютной монархии и органов местного самоуправления в качестве автономного источника власти [2, с. 89]. Оппоненты западников – славянофилы – в рамках общинной теории допускали сосуществование монархии и органов местного самоуправления (земств) с правом совещательного голоса [2, с. 89]. Российские сторонники государственной теории местного самоуправления представляли органы местного

самоуправления практически полностью подконтрольными органам государственной власти [3, с. 24]. Представления о роли и месте в государстве органов местного самоуправления у представителей консервативной идеологии эволюционировали в сторону предоставления им большей автономии, но отличительной их чертой оставался приоритет интересов государства, традиций, стабильности в развитии общества.

Со второй половины XIX – начала XX вв. в Европе, среди части общества, получают развитие коммунистические и социалистические идеи. В этой связи представляет научный интерес марксистский (теоретически обосновывавший коммунистическую идеологию) подход к местному самоуправлению. Марксизм рассматривает историю человечества, а значит, историю развития государственных и социальных институтов через призму борьбы социальных классов, что определяет приоритеты этого учения. Отдельной теории, посвященной местному самоуправлению, в марксизме не существует, но имеются серьезные, основанные на социологическом подходе теоретические положения, касающиеся местного самоуправления [8, с. 46–66], [9, с. 42–43].

Марксизм отводил важное место органам местного самоуправления как оплоту борьбы угнетенных социальных классов за свои права и за власть. Поэтому марксизм рассматривал органы местного самоуправления, прежде всего, как политические органы, а не как органы, призванные решать сугубо экономические вопросы [5, с. 52], [6, с. 96]. Очевидно, по этой причине, Карл Маркс уделяет внимание работе органов местного самоуправления со времен захвата буржуазией власти в городах (позднее Средневековье), получавших независимость от феодальных правительств. При этом местное самоуправление Карл Маркс называет «самоуправляющейся ассоциацией», «независимой городской республикой» и др.

Еще одно важное положение марксизма касается определяющего значения состава органов местного самоуправления, который влияет на содержание всей работы. К такому выводу Карл Маркс приходит, исследуя деятельность Парижской Коммуны 1871 г., состав которой состоял из рабочих и их союзников. [5, с. 57], [7, с. 19]. В то же время, на примере Парижской коммуны, очевидно, что формирование органов местного самоуправления может происходить не всегда на мирной основе.

В разноуровневой системе управления государства марксизм выступает за передачу максимальной полноты власти нижним уровням управления – уровням органов местного самоуправления [4, с. 35–36]. По мере отмирания государства, согласно марксизму, исчезают и сами органы государственной власти, а значит, вся полнота власти переходит на уровень местного самоуправления. Такое положение следует из истории, в которой разделение управления на местное и государственное произошло вследствие социальной дифференциации общества и появления государств. Если в родоплеменном обществе существовало добровольное объединение и общественное самоуправление, то позже управление, в первую очередь государственное, становится привилегией высших социальных классов [10, с. 119–132]. Человеческое общество, пройдя в своем развитии разные социально-экономические формации, начиная с состояния первобытного коммунизма, приходит к состоянию «зрелого коммунизма».

Карл Маркс отмечал: «Парижская Коммуна должна была служить образцом всем большим промышленным центрам Франции… Старое централизованное правительство уступило бы место самоуправлению производителей и в провинции… Вполне определенно, что Коммуна должна была стать политической формой даже самой маленькой деревни… Собрание делегатов, заседающих в главном городе округе, должно было заведовать общими делами всех сельских коммун каждого округа, а эти окружные собрания, в свою очередь, должны были посылать депутатов в национальную делегацию, заседающую в Париже…Самое существование Коммуны вело за собой, как нечто само самой разумеющееся, местное самоуправление, но уже не в качестве противовеса государственной власти, которая теперь делается излишней…» [5, с. 49–50].

Теория муниципального социализма близка по некоторым моментам к коммунистической. В рамках муниципального социализма предполагается мирный переход капитализма в социализм через органы местного самоуправления. Согласно теории, пролетариат посредством выборов постепенно должен захватить решающее влияние в городских общинах, которые должны стать ячейками нового общества.

Таким образом, теории местного самоуправления в своем содержании могут иметь как общие положения, так и существенно отличаться в зависимости от идеологических приоритетов. Отличия (в рассмотренных теориях) касаются полномочий, форм и методов работы органов местного самоуправления, а также их дальнейшего развития. Наибольшее значение органам местного самоуправления придается, естественно, в либеральной и коммунистической (социалистической) концепциях развития общества. Либерализм признает за органами местного самоуправления большую роль в реализации естественных прав человека, развитии гражданского общества. Коммунизм (социализм) возлагает на органы местного самоуправления важную роль в построении нового общества, рассматривая их как инструмент политической борьбы. Теоретические положения о местном самоуправлении имеют практическое воплощение, отражаясь в политических программах разных политических сил.

Литература

1. Алексеева Л.Н. К вопросу о сущности местного самоуправления (теоретико-методологический экскурс. Научные ведомости. Актуальные проблемы политологии. № 15 (70). 2009. С. 181–187.
2. Баразгова Е.С. К истории местного самоуправления в России: эволюция отечественных теорий //Вопросы управления. Социальное управление. 2017. С. 85–93.
3. Горбатюк Е.С. Основные теории местного самоуправления: аналитический обзор. Вестник СПбУ. Сер. 6. 2015. Вып.1. С. 21–27.
4. Ленин В.И. Государство и революция. Петроград, 1917 г. – 59 с. – URL: file:///C:/Users/admin/Downloads/1917_lenin-v.i._gosudarstvo-i-revolyucziya.pdf (режим доступа: 25.05.2026).
5. Маркс Карл. Гражданская война во Франции (1870–71 год). С предисловием Ф.Энгельса. Перевод с немецкого под редакцией Н. Ленина. Государственное издательство Москва. – 1919. – 80 с.
6. Маркс Карл, Энгельс Фридрих. Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в 3-хтомах. Пер. с нем. М.; Политиздат, 1979. С. 96. (впервые политическая власть оказалась в руках пролетариата в Парижской коммуне).
7. Маркс Карл. Критика готской программы.// Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в 3-х т.т. Пер. с нем. Т. 1., М.: Политиздат, 1979.
8. Марченко Т.А., Некрасова Е.Н., Шилкина Е.Л. Концепты теоретической социологии в исследовании местного самоуправления: монография. Ростов-на-Дону: Профпресс, 2014. 128 с.
9. Некрасова Е.А. Местное самоуправление в условиях революционных изменений: опыт Парижской Коммуны. Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. С. 42–51.
10. Энгельс Фридрих. Происхождение семьи, частной собственности и государства: В связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. 248 с. (Из наследия мировой социологии).

THEORIES OF LOCAL SELF-GOVERNMENT IN THE CONTEXT OF IDEOLOGIES

Bashelkhanov A.Yu.
East Siberian State University of Technologies and Management

The article examines the content of classical theories of local selfgovernment in the context of ideologies: liberalism, conservatism, communism, and socialism. Alongside wellknown theories of local selfgovernment, the author provides a more detailed analysis of local selfgovernment interpreted from the perspective of Marxism. The article considers the significant distinctive features in the content of theories of local selfgovernment based on ideological priorities.

Keywords: local selfgovernment, communal theory, public theory, state theory, dualism theory, municipal socialism theory, Marxism.

References

1. Alekseeva L.N. On the issue of the essence of local self-government (a theoretical and methodological digression. Scientific bulletin. Actual problems of political science. № 15 (70). 2009. pp. 181–187.
2. Barazgova E.S. Towards the History of Local Self-Government in Russia: the Evolution of Russian Theories //Management issues. Social management. 2017. pp. 85–93.
3. Gorbatyuk E.S. Basic Theories of Local SelfGovernment: An Analytical Review. Vestnik SPbU. Ser. 6. 2015. Issue 1. Pp. 21–27.
4. Lenin V.I. The State and Revolution. Petrograd, 1917. – 59 p. – URL: file:///C:/Users/admin/Downloads/1917_lenin-v.i._gosudarstvo-i-revolyucziya.pdf (режим доступа: 25.05.2026).
5. Marx Karl. The Civil War in France (1870–1871). With a preface by F.Engels. Translated from German under the editorship of N. Lenin. State Publishing House, Moscow – 1919. – 80 p.
6. Marx Karl, Engels Friedrich. The Communist Manifesto // Marx K., Engels F. Selected Works in Three Volumes. Translated from German. Moscow: Politizdat, 1979. P. 96 (For the first time, political power was in the hands of the proletariat in the Paris Commune.).
7. Marx K. Critique of the Gotha Programme.// Marx K., Engels F. Selected Works in 3 volumes. Translated from German. Vol. 1, Moscow: Politizdat, 1979.
8. Marchenko T.A., Nekrasova E.N., Shilkina E.L. Concepts of Theoretical Sociology in the Study of Local Self-Government: a monograph. Rostov-on-Don: Profpress, 2014. – 128 p.
9. Nekrasova E.A. Local selfgovernment in the context of revolutionary changes: the experience of the Paris Commune. Bulletin of the Moscow State University for the Humanities named after M.A. Sholokhov. pp. 42–51.
10. Engels Friedrich. The Origin of the Family, Private Property and the State: In Connection with the Studies of Lewis H. Morgan. – Moscow: LKI Publishing House, 2007. – 248 p. (From the heritage of world sociology).

Исследование построения современной системы курса аккордеона в вузах в контексте подготовки выдающихся музыкальных кадров

Ван Ин,
доцент, Синьцзянский педагогический университет
E-mail:350494465@qq.com

В новую эпоху высшее музыкально-эстетическое образование вступило в этап цифровизации и инновационного высококачественного развития. Подготовка выдающихся музыкальных кадров в вузах более не ограничивается инструментально-исполнительской тренировкой, а акцентирует внимание на инновационном творчестве, многостилевом исполнительстве, цифровом художественном применении и комплексных практических компетенциях студентов. Традиционный вузовский курс аккордеона долгое время базировался на обучении игре на механическом аккордеоне, что характеризуется устаревшим содержанием, однообразием методических средств, отсутствием преподавания аранжировки и творчества, а также застывшими формами художественного выражения, что не отвечает требованиям реформы эстетического образования в новую эпоху и подготовки многопрофильных музыкальных кадров. Постепенное распространение электронного аккордеона и непрерывное развитие цифрового музыкального образования открывают важные прорывные возможности для трансформации курса аккордеона. Исходя из целей подготовки выдающихся кадров, в данной статье анализируются актуальные проблемы существующего курса аккордеона и предлагается построение современной системы курса аккордеона в вузах по пяти направлениям: обновление концепции курса, внедрение интегрированного обучения на электронном аккордеоне, создание модуля импровизационной аранжировки и творчества, цифровизация учебного процесса и совершенствование многокритериальной системы оценки. Это способствует переходу от однонаправленной тренировки навыков к инновационной комплексной модели воспитания, предоставляя теоретические и практические ориентиры для реформы курса аккордеона и подготовки выдающихся музыкальных кадров в вузах.

Ключевые слова: подготовка выдающихся кадров; курс аккордеона; модернизация обучения; электронный аккордеон; творческо-аранжировочные способности; цифровое эстетическое воспитание.

Введение

На фоне модернизации образования и цифровизации эстетического воспитания художественное образование в вузах Китая переживает всестороннюю трансформацию и повышение качества. Министерство образования выдвинуло четкие требования к выдающимся художественным кадрам новой эпохи: они должны обладать инновационным сознанием, творческо-аранжировочными способностями, междисциплинарными прикладными навыками и современной художественной грамотностью, быть способными адаптироваться к диверсифицированной и информатизированной культурно-художественной среде. Традиционное инструментальное обучение должно преодолеть устоявшиеся парадигмы и осуществить полное обновление содержания, инструментов и методов преподавания.

Аккордеон является традиционной дисциплиной музыкального образования в вузах и обладает уникальными преимуществами в области гармонической выразительности, аккомпанементной практики и массового эстетического воспитания. Однако во многих вузах преподавание аккордеона по-прежнему придерживается традиционной модели обучения сольным репертуаром, чрезмерно полагаясь на механический аккордеон, с застывшими формами обучения, отсутствием расширения современных тембров, интеграции электронной музыки, тренировки импровизационной аранжировки и цифровых методов. У студентов часто формируются навыки только нотного исполнения, при этом способности к переработке, аранжировке, современной сценической интерпретации и цифровому применению остаются недостаточными, что ведет к разрыву между профессиональными компетенциями и требованиями современного музыкального рынка, вузовского эстетического воспитания и развития нового медиа-искусства, не достигая стандартов подготовки выдающихся инновационных музыкальных кадров.

Технологии электронного аккордеона достигли зрелости, объединяя традиционную исполнительскую технику, многовариантные тембры, ритмический аккомпанемент и аранжировочные функции, что делает его ключевым носителем реформы курса. Системы обучения на базе ИИ, программы цифровой аранжировки и облачные образовательные ресурсы также открывают новые пути для инноваций в курсе аккордеона. Исходя из этого, данная статья исследует построение современной системы курса, использующей электронный аккордеон в качестве носителя, творческо-аранжировочное обучение в качестве ядра и цифровые технологии в качестве опоры, чтобы обеспечить адаптацию и инновационное обновление традиционного аккордеонного обучения в соответствии с духом времени.

Ценность модернизации вузовского курса аккордеона в современную эпоху

Соответствие целям подготовки выдающихся инновационных музыкальных кадров

Выдающиеся музыкальные кадры новой эпохи должны быть инновационными, многопрофильными и прикладными. Современная художественная сцена, медийное пространство, школьное эстетическое воспитание и массовая художественная деятельность требуют от музыкантов владения многофункциональным управлением инструментом, музыкальной аранжировкой и переработкой, современным тембровым применением и цифровыми музыкальными технологиями. Традиционное однонаправленное исполнительское обучение уже не может удовлетворить потребности развития кадров. Включение в курс аккордеона таких компонентов, как игра на электронном аккордеоне, импровизационная аранжировка, стилевая переработка и цифровое музыкальное производство, позволяет расширить инновационное мышление и междисциплинарные художественные способности студентов, что соответствует ключевым задачам подготовки выдающихся кадров.

Преодоление маргинализации дисциплины аккордеона

Долгое время традиционный аккордеон, ограниченный однообразием тембров, устаревшими формами выражения и ограниченным простран-

Статья выполнена при поддержке проекта: № XJGXJGPTB-2025056

ством для творчества, находил мало применения в современной популярной музыке, новомедийном искусстве и современных сценических постановках, что привело к стагнации и консервации дисциплины. Продвижение модернизации курса аккордеона, реализация преимуществ электронного аккордеона в многотембровости, автоматическом ритме и аккомпанементной аранжировке, а также развитие современного аранжировочного мышления способны значительно обогатить художественную выразительность аккордеона, стимулировать слияние традиционных и современных музыкальных направлений и активизировать жизнеспособность дисциплины в новую эпоху.

Содействие реализации реформы цифрового эстетического воспитания в вузах

В настоящее время китайские вузы активно продвигают интеллектуальное и цифровое эстетическое воспитание, и различные художественные дисциплины проходят цифровую модернизацию. Внедрение в курс аккордеона интеллектуального учебного оборудования, ИИ-ассистированного обучения, цифрового творческо-аранжировочного тренинга и стандартизированного цифрового оценивания позволяет не отставать от темпов модернизации высшего образования и формировать новую модель курса «традиционное мастерство + современные технологии + инновационное творчество», что может служить практическим образцом для модернизации инструментальных дисциплин.

Актуальные проблемы традиционного вузовского курса аккордеона

Концепция традиционного курса аккордеона относительно отсталая: в качестве основных учебных целей преимущественно выступают беглость исполнения и завершенность произведения, акцент делается на тренировке навыков в ущерб воспитанию инновационных качеств, отсутствует современная образовательная направленность, ориентированная на подготовку выдающихся кадров. Учебный инструментарий ограничивается механическим аккордеоном с узкими тембровыми возможностями, отсутствием ритмических и аранжировочных функций, что подходит лишь для классического и традиционного репертуара, сужая художественный кругозор и творческое воображение студентов. Содержание курса строится на механическом воспроизведении классических произведений, учебный процесс повторяет одни и те же шаблоны, не выстроен целостный модуль импровизационной аранжировки и творчества, отсутствует обучение гармонической аранжировке, мелодической переработке, импровизационному аккомпанементу и вторичному творчеству. Студенты длительное время занимаются пассивным подражанием, их активное творческое мышление слабо развито, им не хватает аранжировочных способностей, необходимых современному музыканту.

Одновременно с этим обучение в основном строится на устной передаче знаний от преподавателя, живом показе и субъективных оценках, не используются интеллектуальные вспомогательные средства, анализ данных о звуковысотности и ритме, ИИ-коррекция, облачные образовательные ресурсы и цифровые аранжировочные тренажеры, что приводит к недостаточной эффективности и стандартизации учебного процесса. Оценивание курса продолжает использовать старые модели, сосредотачиваясь на результате исполнения и уделяя недостаточное внимание творческим работам, современной сценической интерпретации, цифровому применению и музыкальному инновационному мышлению. Такая оценочная направленность формирует у студентов приоритет техники над творчеством, подражания над созиданием, что явно расходится с целями подготовки выдающихся кадров.

Пути построения современной системы курса аккордеона в контексте подготовки выдающихся кадров

Обновление концепции воспитания в рамках курса, ориентация на цели подготовки выдающихся инновационных кадров

Первоочередной задачей модернизации курса аккордеона является обновление педагогической концепции. Вузы должны отказаться от устоявшегося мышления, ориентированного исключительно на исполнительство, и утвердить воспитательную идею, где фундаментом служат традиционные техники, ядром – современное творчество и аранжировка, опорой – цифровые технологии, а целью – инновационные способности. Курс должен не только укреплять базовые навыки аккордеониста (контроль меха, пальцевая артикуляция и т.д.), но и включать инновационное мышление, творческо-аранжировочные способности, современную музыкальную грамотность и цифровое художественное применение в число ключевых образовательных результатов. Исходя из требований подготовки выдающихся кадров, необходимо, чтобы студенты обладали как солидной традиционной базой, так и способностью адаптироваться к современному искусству, сочетая традиционное исполнительство с инновационным творчеством и комплексными компетенциями.

Внедрение интегрированного обучения на электронном аккордеоне для модернизации инструментальной подготовки

Электронный аккордеон является ключевым носителем реформы курса. Вузам следует постепенно включать электронный аккордеон в регулярное обучение, формируя двухтрековую модель, сочетающую традиционный и электронный аккордеоны. Благодаря богатой тембровой палитре электронного аккордеона расширяется современный музыкальный кругозор студентов, охватывая такие стили, как классика, поп-музыка, национальная музыка, джаз, что адаптирует их к современной сцене, медиа-выступлениям и вузовским художественным инновациям. Функции автоматического ритма и аккомпанемента развивают у студентов ансамблевое мышление и аккомпанементные навыки, помогая понимать логику современных оркестровых аранжировок и улучшая сценическую координацию и художественное выражение. Встроенные функции записи, аранжировки и хранения позволяют осуществлять цифровую фиксацию исполнения, редактирование и переработку произведений, создавая аппаратную основу для тренинга по аранжировке и творчеству.

Создание систематизированного модуля импровизационной аранжировки и творчества для развития ключевых инновационных компетенций студентов

Способность к творческой аранжировке является ядром компетенций выдающихся музыкальных кадров и одновременно самым заметным недостатком традиционного курса аккордеона. Современная система курса должна предусматривать полноценный учебный модуль по аранжировке и творчеству, обеспечивающий переход от «умения исполнять» к «умению создавать». Необходимо проводить базовый тренинг по аранжировке, включая импровизационный аккомпанемент, гармонические замены и фактурные вариации на основе клавишной гармонии; стилевой аранжировочный тренинг, использующий тембры электронного аккордеона для популяризации традиционных произведений, создания легкой музыки и обработок в китайском стиле, развивая навыки вторичного творчества; а также тренинг по созданию малых оригинальных произведений, начиная с мелодических фраз, ритмических рисунков и тембрового дизайна, постепенно формируя самостоятельное музыкальное мышление и укрепляя инновационные художественные способности, отвечающие требованиям нового времени.

Цифровизация учебного процесса как опора для создания интеллектуальной модели преподавания

В соответствии с требованиями цифровизации эстетического воспитания в вузах, необходимо всесторонне интегрировать цифровые технологии в аккордеонный класс, создавая интеллектуальную и персонализированную образовательную среду. Применение ИИ-систем музыкальной оценки позволяет проводить количественный анализ аппликатуры, ритма, интонации и динамики меха, восполняя недостатки традиционной субъективной оценки и обеспечивая стандартизированную тренировку и точную коррекцию ошибок. Облачные образовательные ресурсы, примеры аранжировок и видео сценических выступлений расширяют художественный кругозор студентов. Интеграция цифровых аранжировочных программ с электронным аккордеоном создает единый тренировочный цикл «исполнение – переработка – аранжировка – готовый продукт», повышая комплексные прикладные навыки студентов в современной музыке и преодолевая такие проблемы традиционного обучения, как эмпиричность, размытость и однообразие.

Построение современной многокритериальной системы оценки для завершения инновационного воспитательного цикла

Необходимо создать четырехкомпонентную систему оценки, включающую традиционное мастерство, современное исполнительство, творческо-аранжировочные результаты и цифровую грамотность. Оценка базовых навыков сохраняет контроль качества исполнения и нормативности; оценка современных компетенций фокусируется на тембровом применении, стилевой интерпретации и сценической инновационности; оценка творческо-аранжировочных работ включает переработанные произведения, импровизационные аранжировки и оригинальные фрагменты; оценка цифровой грамотности учитывает использование цифровых тренажеров, работу с интеллектуальным оборудованием и цифровую обработку музыки. Реформа оценивания позволяет преодолеть одностороннюю ориентацию на технику и стимулирует внимание студентов к инновационной практике и комплекс-

ным компетенциям, что соответствует стандартам оценки выдающихся инновационных музыкальных кадров.

Заключение

В условиях цифровизации и инновационных преобразований эстетического воспитания в вузах традиционная модель курса аккордеона уже не может удовлетворять потребности подготовки выдающихся музыкальных кадров. Продвижение построения современной системы курса аккордеона является неизбежным выбором для обновления дисциплины, повышения качества эстетического воспитания и воспитания инновационных кадров. Исходя из целевой установки на подготовку выдающихся кадров, в данной статье предложены пять направлений: обновление концепции воспитания, внедрение электронного аккордеона, создание модуля творческой аранжировки, цифровизация учебного процесса и многокритериальное оценивание. Это позволяет выстроить систему курса аккордеона, сочетающую традиционную базу с новаторством духа времени, восполнить такие недостатки традиционного курса, как отсутствие творчества, устаревшие формы и отсталые методы, и способствовать глубокой интеграции традиционного инструментального обучения с современным искусством, цифровым эстетическим воспитанием и инновационным образованием.

В дальнейшем преподавание аккордеона в вузах должно последовательно углублять реформы, оптимизировать содержание обучения на электронном аккордеоне, обогащать творческо-аранжировочные дисциплины, модернизировать цифровые методы и непрерывно повышать адаптивность курса к требованиям времени и его воспитательную эффективность, обеспечивая надежную поддержку для развития эстетического воспитания в вузах и подготовки многопрофильных выдающихся музыкальных кадров.

Литература

1. Министерство образования КНР. Мнение о всестороннем усилении и совершенствовании работы по эстетическому воспитанию в школах в новую эпоху [Z]. 2020.
2. Ван Ино. Анализ путей реформирования преподавания курса аккордеона в вузах в новую эпоху [J]. Музыкальная жизнь, 2024(02): 112–115.
3. Тан Цзялян. Исследование художественных особенностей и педагогической практики электронного аккордеона [J]. Новая музыкальная газета (Вестник Шэньянской консерватории), 2022, 40(03): 121–127.
4. Ли Янь. Исследование реконструкции системы инструментальных курсов в вузах в контексте подготовки выдающихся музыкальных кадров [J]. Высшее образование Китая, 2023(12): 45–47.

RESEARCH ON THE CONSTRUCTION OF A MODERNIZED UNIVERSITY ACCORDION CURRICULUM SYSTEM FROM THE PERSPECTIVE OF CULTIVATING OUTSTANDING MUSIC TALENTS[1]

Wang Ying
Xinjiang Normal University

In the new era, higher aesthetic education has entered a stage of digitalized, innovative, and high-quality development. The cultivation of outstanding music talents in universities is № longer confined to instrumental performance training, but places greater emphasis on students' innovative creation and arrangement abilities, diversified performance skills, digital artistic application, and comprehensive practical competencies. Traditional university accordion courses have long been dominated by instruction on mechanical accordions, characterized by outdated course content, monotonous teaching methods, a lack of creative arrangement pedagogy, and rigid forms of artistic expression, which fail to meet the requirements of the new era's aesthetic education reform and the cultivation of interdisciplinary music talents. The gradual popularization of electronic accordions and the continuous development of digital music education provide an important breakthrough for the transformation of accordion courses. Grounded in the goal of cultivating outstanding talents, this paper analyzes the current practical dilemmas of accordion courses and proposes the construction of a modernized university accordion curriculum system from five dimensions: updating curriculum philosophy, promoting integrated teaching with electronic accordions, establishing improvisation and creative arrangement modules, empowering classrooms with digital technologies, and improving diversified evaluation mechanisms. This approach drives the transformation of teaching from a single-skill training model to an innovative and comprehensive talent cultivation model, providing theoretical and practical references for the reform of university accordion courses and the cultivation of outstanding music talents.

Keywords: outstanding talent cultivation; accordion curriculum; modernized teaching; electronic accordion; creative and arrangement abilities; digital aesthetic education.

References

1. Ministry of Education of the People's Republic of China. Opinions on Comprehensively Strengthening and Improving School Aesthetic Education in the New Era [Z]. 2020.
2. Wang Yinuo. Analysis of the Reform Path of University Accordion Course Teaching in the New Era [J]. Music Life, 2024(02): 112–115.
3. Tan Jialiang. Research on the Artistic Characteristics and Teaching Practice of Electronic Accordion [J]. New Voice of Yuefu (Journal of Shenyang Conservatory of Music), 2022, 40(03): 121–127.
4. Li Yan. Research on the Reconstruction of University Instrumental Course System from the Perspective of Outstanding Music Talent Cultivation [J]. China Higher Education, 2023(12): 45–47.

[1] The article was completed with the support of the project: № XJGXJGPTB-2025056

Исследование английского перевода метафоры «брак – осаждённая крепость» в романе «Осаждённая крепость» с позиций теории концептуальной метафоры – на материале совместного перевода Дж. Келли и Н.К. Мао

Ван Нань,
магистрант, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 2254328746@qq.com

В застольной беседе из третьей главы романа «Осаждённая крепость» брачная дилемма раскрывается через образы «позолоченной птичьей клетки» и «осаждённой крепости»; далее эта метафорическая линия развивается посредством мотивов осады и стратагемы «Пустой город». Опираясь на теорию концептуальной метафоры, автор статьи рассматривает данный связный фрагмент диалога и соответствующий отрывок из перевода Дж. Келли и Н.К. Мао. Особое внимание уделяется передаче в английском переводе замкнутого пространства, границы между внутренним и внешним, а также направлений движения внутрь и наружу. С учётом речевого тона персонажей анализируются изменения в интенсивности действий, содержании культурной аллюзии и ироническом эффекте. Результаты показывают, что благодаря выражениям gilded bird cage, fortress under siege, break in и escape в переводе сохраняется ключевая метафорическая проекция, представляющая брак как замкнутое пространство с чётко очерченной границей. Сохраняется и направленная оппозиция: находящиеся снаружи стремятся войти, тогда как находящиеся внутри хотят выйти. Локальные различия проявляются в трёх аспектах: get in ослабляет содержащийся в китайском выражении «住进去» семантический компонент длительного пребывания внутри; in endless succession эксплицирует цикличность, но делает менее отрывистым ритм исходной глагольной последовательности; empty-town bluff раскрывает обманную природу стратагемы «Пустой город», однако не передаёт всего комплекса связанных с ней культурных ассоциаций. Проведённый анализ показывает, что перевод литературной метафоры следует оценивать в конкретном контексте, выясняя, сохраняется ли связность системы метафорических проекций и остаются ли в речи персонажей языковые основания для иронии. Исследование ограничено одним связным фрагментом; полученные выводы не распространяются на всю систему метафор романа «Осаждённая крепость» и не заменяют эмпирического изучения читательской рецепции.

Ключевые слова: «Осаждённая крепость»; концептуальная метафора; метафора «брак – осаждённая крепость»; образ-схема; перевод на английский язык

Введение

Теория концептуальной метафоры рассматривает метафору как форму познавательной деятельности: человек осмысляет абстрактные явления через более конкретный и привычный опыт, а метафорические выражения в языке служат проявлением таких концептуальных связей [6]. Применительно к художественному переводу сохранение отдельного слова, обозначающего метафорический образ, само по себе ещё не означает сохранения исходного способа концептуализации. Если в переводе меняются отношения, связанные с границей, направлением движения и силой действия, исходный образ может сохраниться на языковом уровне, однако вызываемые им ассоциации окажутся иными.

Английский перевод Fortress Besieged, выполненный Джин Келли (Jeanne Kelly) и Нейтаном К. Мао (Nathan K. Mao), был опубликован издательством Indiana University Press. В основу настоящего исследования положены китайский оригинал и английский перевод, включённые в двуязычное издание 围城 Fortress Besieged, выпущенное издательством «Жэньминь вэньсюэ чубаньшэ» в 2003 году. В статье рассматриваются три основных вопроса: можно ли распознать в английском переводе общую для птичьей клетки и крепости контейнерную структуру; как меняются направление и интенсивность двух пар глаголов движения; сохраняет ли речевая цепочка «осада – стратагема «Пустой город»« языковые основания для иронии, возникающей между репликами персонажей. Ограничение материала данным фрагментом позволяет не относить к метафоре «брак – осаждённая крепость» любые встречающиеся в романе описания войны или пространства и даёт возможность последовательно проверять основания каждого аналитического вывода.

Обзор исследований

Lakoff и Johnson [6] рассматривают метафору не как риторическое украшение, существующее лишь на поверхности языка, а как системную связь между различными концептуальными сферами. Развивая эту идею, [3] использует понятие «проекции» для объяснения того, каким образом структура сферы-источника переносится на сферу-цель. Рассматриваемые в настоящей статье последовательности «内部–边界–外部» («внутри – граница – снаружи») и «起点–路径–终点» («исходная точка – путь – конечная точка») соотносятся соответственно с контейнерной образ-схемой и образ-схемой пути. Подобные регулярно воспроизводимые структуры опыта составляют один из основных объектов исследования образ-схем [5]. [2] в свою очередь, отмечает, что, хотя концептуальная метафора основывается на телесном опыте, формы её языкового выражения и вызываемые ею ассоциации зависят от культурного контекста. Поэтому при выражении одних и тех же пространственных отношений на другом языке соответствующая образ-схема может сохраняться, тогда как отдельные значения и культурно обусловленные ассоциации совпадают не полностью.

Проблема передачи метафорических форм уже давно находится в поле зрения исследователей перевода. [4] выделяет такие способы, как воспроизведение исходного образа, его замена другим образом, преобразование метафоры в сравнение, передача только её смысла и опущение метафоры. Эта классификация позволяет описывать перевод отдельных метафорических выражений, однако с её помощью труднее объяснить, как несколько образов, входящих в один фрагмент текста, соотносятся друг с другом. [1]рассматривает перевод метафоры с когнитивных позиций и подчёркивает, что изменение языковой формы может повлиять как на реконструкцию концептуальной проекции читателем, так и на функцию метафоры в дискурсе. При анализе художественного текста центральный вопрос поэтому смещается с того, «переведено ли отдельное слово буквально», на то, «продолжают ли связанные между собой выражения образовывать целостную и понятную систему».

Что касается метафоры «婚姻围城» («брак – осаждённая крепость»), в существующих исследованиях нередко упоминаются птичья клетка или крепость, однако внутренняя связность всей застольной беседы подробно рассматривается значительно реже. Если выражения «金漆的鸟笼» («позолоченная птичья клетка»), «被围困的城堡»

(«осаждённая крепость»), «不怕围困» («не бояться осады») и «空城计» (стратагема «Пустой город») анализировать как изолированные примеры, становится трудно проследить, каким образом каждый следующий персонаж подхватывает слова предыдущего и как выбор английских соответствий влияет на иронию всего диалога. Поэтому в настоящей статье эти выражения рассматриваются как единый связный фрагмент: сначала выявляется объединяющая их пространственная образ-схема, затем сопоставляется передача действий и культурной аллюзии, после чего анализ возвращается к речевому тону персонажей и отношениям между ними.

Английский перевод метафоры «брак – осаждённая крепость»

Граница между внутренним и внешним в образах птичьей клетки и крепости

Пример 1

Китайский оригинал: 慎明道：»关于Bertie结婚离婚的事，我也和他谈过。他引一句英国古话，说结婚仿佛金漆的鸟笼，笼子外面的鸟想住进去，笼内的鸟想飞出来，所以结而离，离而结，没有了局。»（第184页）

Английский перевод: «As for Bertie's marriages and divorces,» said Shen-ming, «I've talked with him about them. He quoted an old English saying that marriage is like a gilded bird cage. The birds outside want to get in, and the birds inside want to fly out. So you have marriage and divorce, divorce and marriage in endless succession.» (p. 185)

В переводе выражение marriage is like a gilded bird cage («брак подобен позолоченной птичьей клетке») воспроизводит отношение уподобления. Слово gilded («позолоченный») соответствует китайскому определению «金漆的» («покрытый золотой краской»), а сочетание bird cage («птичья клетка») передаёт обычную функцию клетки – ограничивать свободу передвижения птицы. Далее слова outside («снаружи») и inside («внутри») ясно обозначают две стороны границы, а сочетание fly out («вылететь наружу») поддерживает привычную связь между птицей и свободным полётом. Таким образом, в переводе сохраняется последовательность «внешнее пространство – движение внутрь – внутреннее пространство – вылет наружу». Перевод в данном случае достаточно близок к оригиналу, однако метафорический эффект создаётся взаимодействием всей группы пространственных обозначений, а не только соответствием между «鸟笼» и bird cage.

Пример 2

Китайский оригинал: 苏小姐道：»法国也有这么一句话。不过，不说是鸟笼，说是被围困的城堡 forteresse assiégée，城外的人想冲进去，城里的人想逃出来。»（第184页）

Английский перевод: Miss Su said, «There's a French saying similar to that. Instead of a bird cage, it's a fortress under siege (forteresse assiégée). The people outside the city want to break in and the people inside the city want to escape.» (p. 185)

Осада и противостояние: осаждённая крепость, осада и стратагема «Пустой город»

Пример 3

Китайский оригинал: 慎明道：»不管它鸟笼罢，围城罢，像我这种一切超脱的人是不怕围困的。»（第184页）

Английский перевод: Shen-ming said, «Whether it's a bird cage or a besieged fortress, someone like me who's detached from everything has № fear of a siege.» (p. 185)

Конструкция Whether it's a bird cage or a besieged fortress («Будь то птичья клетка или осаждённая крепость») передаёт уступительное значение китайской структуры «不管……罢，……罢» («независимо от того, будь то… или…»). Переводчики не сводят «围城» к нейтральному слову city («город»), а используют сочетание a besieged fortress («осаждённая крепость»), тем самым сохраняя связь с образом из предыдущей реплики. Выражение fortress under siege («крепость в состоянии осады»), использованное ранее, здесь преобразуется в besieged fortress («осаждённая крепость») и a siege («осада»). Несмотря на различия в синтаксическом оформлении, повторение слова siege поддерживает лексическую и смысловую связь между репликами.

Сочетания someone like me («такой человек, как я»), detached from everything («отрешённый от всего») и has № fear («не испытывает страха») передают самоуверенный тон высказывания Чу Шэньмина. В перевод не вводятся прямые оценки вроде «самодовольный» или «хвастливый»; представление о персонаже складывается из его собственного категоричного описания себя. Иронический смысл этой реплики становится полностью понятен только в связи с последующим упоминанием Фан Хунцзянем стратагемы «空城计» («Пустой город»): чем настойчивее Чу Шэньмин подчёркивает свою отрешённость, тем заметнее ирония следующего ответа.

Пример 4

Китайский оригинал: 鸿渐给酒摆布得失掉自制力道：»反正你会摆空城计。»（第184页）

Английский перевод: Under the influence of alcohol, Hung-chien had lost his self-control, as he blurted out, «Anyway, you could always pull the 'empty-town bluff.'» (p. 185)

Слово «反正» («всё равно», «так или иначе») передаёт интонацию ответа, которым Фан Хунцзянь прекращает серьёзное обсуждение и одновременно насмешливо возражает собеседнику. Английское Anyway («в любом случае») в основном сохраняет этот переход. Китайское «你会摆» («ты умеешь разыгрывать») передано как you could always pull («ты всегда мог бы прибегнуть к этому приёму»). Слово always создаёт впечатление, что у Чу Шэньмина всегда остаётся подобная уловка, и тем самым усиливает насмешливый оттенок реплики. Упоминая «空城计» (стратагему «Пустой город»), Фан Хунцзянь переосмысливает заявленное Чу Шэньмином бесстрашие перед осадой как блеф и показное спокойствие. На этом переосмыслении строится ирония, направленная против его самоуверенного заявления.

Выражение «空城计» передано как empty-town bluff («блеф с пустым городом»), то есть с помощью сочетания, которое сохраняет пространственный образ и одновременно поясняет функцию стратагемы. Компонент empty-town («пустой город») передаёт образ города, в котором некому обороняться, а слово bluff («блеф») прямо указывает на обман и демонстрацию мнимой уверенности. Благодаря этому основная стратегия «空城计» получает явное лексическое выражение. Вместе с тем bluff открыто называет значение, которое в китайском оригинале восстанавливается через знание исторической аллюзии, поэтому косвенность исходного выражения уменьшается. Кроме того, слово town («городок», «небольшой город») не повторяет использованное ранее city («город»). В переводе сохраняется основное отношение «ответить на осаду с помощью уловки», однако связанные со стратагемой «空城计» культурно-исторические ассоциации передаются не полностью.

Заключение

Застольная беседа из третьей главы романа выражает метафорическую модель «婚姻围城» («брак – осаждённая крепость») не благодаря одному лишь слову «围城» («осаждённая крепость»), а посредством цепочки взаимосвязанных выражений. Образы птичьей клетки и крепости сначала задают замкнутое пространство, противопоставления «снаружи клетки / внутри клетки» и «за пределами крепости / внутри крепости» определяют положение участников, а движения внутрь и наружу показывают изменение их желаний. Слова «围困» («осада») и «空城计» (стратагема «Пустой город») переводят ироническую перепалку персонажей в контекст нападения и защиты. Если сопоставлять только отдельные метафорические образы, можно не заметить, каким образом эти отношения совместно участвуют в формировании смысла.

Перевод Дж. Келли и Н.К. Мао в основном сохраняет данную структуру. Ключевые образы, противопоставление внутреннего и внешнего пространства и направления движения имеют ясные соответствия, а сочетания break in / escape («ворваться внутрь / спастись бегством») передают выраженную в оригинале конфликтность эпизода с крепостью. Локальные приобретения и потери также обусловлены конкретными языковыми решениями: get in («попасть внутрь») обладает менее конкретным значением, чем китайское «住进去» («поселиться внутри»); in endless succession («в бесконечной последовательности») эксплицирует цикличность, но изменяет ритм оригинала; empty-town bluff («блеф с пустым городом») прямо обозначает обманную природу стратагемы, однако не способно передать весь комплекс ассоциаций, заключённых в китайском культурно-историческом контексте. Поэтому основную особенность перевода данного фрагмента нельзя свести к общему противопоставлению «буквального» и «вольного» перевода. Она заключается в сохранении каркаса метафорической проекции при локальной корректировке семантики действий, синтаксической организации и культурной информации.

Настоящая статья ограничена анализом одного китайско-английского параллельного фрагмента. В ней не рассматривается количественное распределение других типов метафор в романе и не исследуется то, как англоязычные читатели воспринимают выражения gilded bird cage («позолоченная птичья клетка») и empty-town bluff («блеф с пустым городом»). Поэтому сделанные выводы относятся только к текстовой организации данного диалога. При расширении материала дальнейшим исследованиям необходимо прежде всего разграничить выражения, непосредственно участвующие в метафориче-

ской проекции «婚姻围城» («брак – осаждённая крепость»), и обычную военную или пространственную лексику. После этого данные читательской рецепции могут быть использованы для проверки того, как в действительности воспринимаются культурная аллюзия и ирония.

Литература

1. Шеффнер К. Метафора и перевод: некоторые следствия когнитивного подхода // Journal of Pragmatics. 2004. Vol. 36, № 7. P. 1253–1269. (на англ. яз.)
2. Кёвечеш З. Метафора: практическое введение. Оксфорд: Издательство Оксфордского университета, 2002. 285 p. (на англ. яз.)
3. Лакофф Дж. Современная теория метафоры // Метафора и мысль / под ред. А. Ортони. Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 1993. С. 202–251. (на англ. яз.)
4. Ньюмарк П. Учебник по переводу. Лондон: Прентис Холл, 1988. 292 p. (на англ. яз.)
5. Джонсон М. Тело в сознании: телесная основа значения, воображения и разума. Чикаго: Издательство Чикагского университета, 1987. 233 p. (на англ. яз.)
6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. Чикаго: Издательство Чикагского университета, 1980. 242 p. (на англ. яз.)
7. Ли Х., Бисиада М., Сюй И. Применение дискурсивно-динамического подхода к метафорам о женщинах в испанском переводе китайского романа «Вэй Чэн» // Perspectives: Studies in Translation Theory and Practice. 2024. Vol. 32, № 2. P. 330–344. (на англ. яз.)
8. У Сяодун. «И далёкий, и вездесущий»: «военный» дискурс как аллегория в романе «Осаждённая крепость» // Чжунго сяньдай вэньсюэ яньцзю цункань (Исследования современной китайской литературы). 2019. № 7. С. 45–66. (на кит. яз.)
9. Ван Лэй. Метафора и перевод: тематическое исследование английского перевода романа «Осаждённая крепость» // Чжунго фаньи (Китайский перевод). 2007. Т. 28, № 3. С. 75–79, 94. (на кит. яз.)
10. Ли Иньянь. Опыт критического анализа перевода метафор в английском переводе романа «Осаждённая крепость», выполненном Дж. Келли и Н.К. Мао: дис. … магистра. Шанхай: Шанхайский университет иностранных языков, 2007. (на кит. яз.

A STUDY OF THE ENGLISH TRANSLATION OF THE METAPHOR «MARRIAGE – A BESIEGED FORTRESS» IN THE NOVEL FORTRESS BESIEGED FROM THE PERSPECTIVE OF CONCEPTUAL METAPHOR THEORY: A CASE STUDY OF THE JOINT TRANSLATION BY J. KELLY AND N.K. MAO

Wang Nan
Xinjiang Normal University

In the dinner-table conversation in the third chapter of the novel Fortress Besieged, the marital dilemma is revealed through the images of the «gilded bird cage» and the «besieged fortress»; this metaphorical line is then developed through the motifs of siege and the stratagem of the «Empty City.» Drawing on conceptual metaphor theory, the author examines this coherent fragment of dialogue and the corresponding passage from the translation by J. Kelly and N.K. Mao. Particular attention is paid to the rendering in the English translation of enclosed space, the boundary between inside and outside, and the directions of inward and outward movement. Taking into account the characters' tone of speech, the analysis considers changes in the intensity of actions, the content of cultural allusion, and the ironic effect. The results show that, through the expressions gilded bird cage, fortress under siege, break in, and escape, the translation preserves the key metaphorical projection representing marriage as an enclosed space with a clearly delineated boundary. The directional opposition is also preserved: those outside seek to enter, while those inside want to leave. Local differences manifest in three aspects: get in weakens the semantic component of prolonged stay inside contained in the Chinese expression «住进去»; in endless succession makes cyclicality explicit but makes the rhythm of the original verb sequence less abrupt; empty-town bluff reveals the deceptive nature of the «Empty City» stratagem, yet does not convey the full complex of cultural associations connected with it. The analysis shows that the translation of a literary metaphor should be evaluated in its specific context, determining whether the coherence of the system of metaphorical projections is preserved and whether linguistic grounds for irony remain in the characters' speech. The study is limited to one coherent fragment; the conclusions drawn do not extend to the entire system of metaphors in Fortress Besieged and do not replace an empirical study of reader reception.

Keywords: Fortress Besieged; conceptual metaphor; the metaphor «marriage as a besieged fortress»; image schema; translation into English.

References

1. Schäffner C. Metaphor and translation: Some implications of a cognitive approach // Journal of Pragmatics. 2004. Vol. 36, № 7. P. 1253–1269.
2. Kövecses Z. Metaphor: A Practical Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2002. 285 p.
3. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor // Metaphor and Thought / ed. by A. Ortony. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 202–251.
4. Newmark P. A Textbook of Translation. New York: Prentice-Hall International, 1988. 292 p.
5. Johnson M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason. Chicago: University of Chicago Press, 1987. 233 p.
6. Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live By. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.
7. Li H., Bisiada M., Xu Y. Applying the Discourse Dynamics Approach to metaphors for women in the Spanish translation of the Chinese novel Wei Cheng // Perspectives: Studies in Translation Theory and Practice. 2024. Vol. 32, № 2. P. 330–344.
8. Wu X. «Both Distant and Omnipresent»: «War» Discourse as Allegory in Fortress Besieged // Modern Chinese Literature Studies. 2019. № 7. P. 45–66. (In Chinese).
9. Wang L. Metaphor and Its Translation: With the English Translation of Fortress Besieged as a Case Study // Chinese Translators Journal. 2007. № 3. P. 75–79. (In Chinese).
10. Li Yinyan. A Critical Analysis of Metaphor Translation in the English Translation of Fortress Besieged by J. Kelly and N.K. Mao: Master's Thesis. Shanghai: Shanghai International Studies University, 2007. (In Chinese).

Риски внедрения цифровых инструментов в математическую подготовку выпускников бакалавриата экономических университетов

Гурьянова Ирина Эдуардовна,
канд. физ.-мат. наук, доцент, доцент кафедры математики и анализа данных Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: IEGuryanova@fa.ru

Липагина Лариса Владимировна,
канд. физ.-мат. наук, доцент, доцент кафедры математики и анализа данных Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: llipagina@fa.ru

Рылов Александр Аркадиевич,
канд. физ.-мат. наук, доцент, доцент кафедры математики и анализа данных Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: ARylov@fa.ru

В работе обобщены итоги эмпирического изучения рисков, сопровождающих цифровую трансформацию математического образования студентов-экономистов. Опираясь на данные опроса студентов младших курсов экономического бакалавриата Финансового университета, авторами предложена пятикомпонентная типология рисков: дидактические, психолого-педагогические, профессиональные, технические и управленческие. Согласно полученным оценкам, студентов более всего беспокоят сбои в работе программного обеспечения, возросшая учебная нагрузка из-за междисциплинарных требований и слабая видимая связь между математической теорией и цифровыми заданиями. В статье обоснован пакет мер противодействия этим угрозам: ступенчатое освоение инструментов, сквозные практикумы, укрепление психологической готовности к работе с цифровыми инструментами и пересмотр оценочных процедур. Изложенные положения адресованы разработчикам учебных планов и преподавателям-математикам.

Ключевые слова: цифровые инструменты, математическая подготовка, экономическое образование, риски цифровизации, классификация рисков, Excel, R, эмпирическое исследование.

Введение

Массовая цифровизация высшего образования стала неотъемлемой характеристикой современного этапа развития российской и мировой образовательных систем. Особое значение эта тенденция приобретает в контексте математической подготовки студентов экономических специальностей, поскольку именно математические методы и инструментальные средства лежат в основе анализа данных, эконометрического моделирования и принятия управленческих решений в цифровой экономике.

В Финансовом университете математическая подготовка будущих экономистов осуществляется в рамках комплекса дисциплин, включающего курсы «Математика» и «Цифровая математика на языке R и Excel», организованные на платформе LMS Moodle. В частности, И.А. Байгушева [1] рассматривает обучение студентов методам решения математических задач с использованием этой платформы. Данный подход, с одной стороны, открывает широкие возможности для визуализации сложных математических концепций, автоматизации вычислений и формирования практических навыков работы с данными. С другой стороны, как справедливо отмечают педагоги-исследователи в работах [4, 7–8], в системе математической подготовки будущих экономистов цифровые технологии приобретают системообразующее значение, а их потенциал нуждается в переосмыслении в рамках компетентностного, технологического и деятельностного подходов (см. напр., понятие профессионально-математической компетентности в статьях Е.А. Кузнецовой, А.А. Червовой [7–8]). При этом интеграция цифровых технологий сопряжена с актуализацией рисков различной природы.

Проблема в описываемой области образования заключается в отсутствии системного подхода к оценке рисков внедрения цифровых инструментов в математическую подготовку экономистов. Как показывают современные исследования (см. напр. статью Н.Б. Стрекаловой [10]), цифровизация и внедрение цифровых решений в процессы университетов, способствуя формированию и развитию образовательных экосистем, одновременно порождают риски, требующие идентификации, классификации и оценки. В научной литературе недостаточно проработаны вопросы комплексной классификации рисков применительно к специфике математической подготовки в экономическом бакалавриате, чем и определяется востребованность предлагаемого исследования.

Цель работы состоит в систематизации и оценке рисков, сопутствующих внедрению цифровых инструментов в процесс математической подготовки в экономическом бакалавриате.

Задачи исследования

1. Проанализировать современные практики использования цифровых инструментов в математической подготовке экономистов.

2. Разработать классификацию потенциальных рисков.

3. Провести эмпирическое исследование для выявления и оценки значимости рисков.

4. Разработать практические рекомендации по минимизации выявленных рисков.

Исследование проводилось на базе Финансового университета при Правительстве Российской Федерации в 2024/25 учебном году. Эмпирическую базу составили студенты первого и второго курса бакалавриата Факультета экономики и бизнеса (профили «Корпоративные финансы» и «Экономика корпораций») – 140 респондентов.

Методология исследования включала три основных компонента:

• количественный анализ проводился методом анкетирования, направленного на выявление субъективного восприятия студентами рисков, связанных с использованием цифровых инструментов (Excel, R) в процессе математической подготовки; оценка значимости рисков осуществлялась по 5-балльной шкале;

• качественный анализ реализовывался через глубинные интервью с преподавателями математических дисциплин, что позволило получить экспертные оценки рисков и выявить организационно-педагогические проблемы;

• наблюдение за учебным процессом дополняло данные анкетирования и интервью, обеспечивая возможность верификации полученных результатов.

Инструментарий исследования охватывал три группы цифровых средств, используемых в математической подготовке экономистов: универсальные программные комплексы (Microsoft Excel с надстройками, Wolfram Mathematica), специализированное программное обеспечение (R, Python с библиотеками NumPy, SciPy, Pandas, MATLAB), образовательные платформы и среды (LMS Moodle, GeoGebra), а также другие ресурсы современной цифровой образовательной среды, систематизированные в недавней монографии В.В. Гриншкуна и Г.А. Красновой [5].

Результаты исследования

На основе теоретического анализа и эмпирических данных была разработана ***классификация рисков*** внедрения цифровых инструментов в математическую подготовку экономистов, включающая пять ключевых категорий (табл. 1). Каждая категория охарактеризована по типичным проявлениям, критериям оценки и подтверждена результатами анкетирования студентов.

Таблица 1. Классификация рисков внедрения цифровых инструментов в математическую подготовку экономистов

Категория рисков	Характерные проявления	Критерии оценки	Наиболее значимый риск (по опросу)
Дидактико-методологические	• Подмена понимания алгоритма «кликом по кнопке»; • Девальвация «ручных» вычислений; • Снижение уровня абстрактного мышления; • Преобладание типовых расчетов над творческими задачами	Вероятность «высокая»; Влияние «критическое»; Горизонт «долгосрочный»	Недопонимание связи между дисциплинами «Математика» и «Цифровая математика» (4,3 балла)
Психолого-педагогические	• Цифровая когнитивная перегрузка; • Феномен «выученной беспомощности» при сбоях; • «Клиповость» математического мышления; • Снижение внутренней мотивации, «математическая тревожность»	Вероятность «высокая»; Влияние «критическое»; Горизонт «среднесрочный»	Повышенная учебная нагрузка из-за освоения смежных дисциплин (4,5 балла)
Профессионально-ориентационные	• Смещение фокуса с экономического анализа на техническое освоение ПО; • Отсутствие критического восприятия цифровых результатов; • Неспособность интерпретировать результаты в экономическом контексте	Вероятность «средняя»; Влияние «критическое»; Горизонт «долгосрочный»	Трудности интерпретации численных результатов в экономическом контексте (4,1 балла)
Технико-технологические	• Технические сбои, устаревшее ПО; • Нестыковка цифровых платформ; • Зависимость от лицензий, стоимость обновлений; • Риски утечки данных в облачных системах	Вероятность «высокая»; Влияние «умеренное»; Горизонт «краткосрочный»	Технические сбои программ во время выполнения заданий (4,7 балла)
Организационно-управленческие	• Неготовность преподавателей к цифровым инструментам; • Консерватизм части ППС; • Нехватка времени на переработку материалов; • Риски академической недобросовестности	Вероятность «средняя»; Влияние «умеренное»; Горизонт «среднесрочный»	Недостаточная стыковка преподавания по смежным дисциплинам (3,9 балла)

Дадим комментарии к полученной классификации.

1. *Дидактико-методологические риски* связаны с качеством образовательного процесса. В группе рисков образовательных технологий выделяются преобладание типовых расчетов над творческими задачами, ограничение вариативности решений жесткими алгоритмами цифровых инструментов, стандартизация образовательных траекторий и нивелирование индивидуального подхода.

2. *Психолого-педагогические риски* затрагивают познавательные процессы и мотивацию студентов. Когнитивные *риски* включают дополнительную когнитивную нагрузку на освоение интерфейсов, неспособность к длительной концентрации на сложной задаче («клиповость» математического мышления), феномен «выученной беспомощности» – неспособность действовать при сбое компьютерной программы, поверхностность усвоения без глубокого понимания при использовании цифровых инструментов. Мотивационные риски проявляются в снижении внутренней мотивации «игровыми» элементами цифровых платформ, ориентации на числовой результат, а не на процесс математического поиска решения, усилении стресса при работе со сложными цифровыми интерфейсами («математическая тревожность»).

3. *Профессионально-ориентационные риски* связаны с формированием профессиональных компетенций. В группе рисков профессиональных компетенций выделяются неспособность содержательной интерпретации математических результатов в экономическом контексте и отсутствие навыка проверять результаты, полученные с помощью цифровых инструментов. Развитие аналитического мышления и навыков принятия решений у студентов экономических направлений через цифровизацию обучения математическому моделированию, как показано в недавней работе А.К. Синько, З.И. Зарецкой, Е.П. Скосаревой [9], требует особого внимания.

4. *Технико-технологические риски* обусловлены состоянием технологической инфраструктуры. Инфраструктурные риски включают недостаточное оснащение, медленный интернет, устаревшее программное обеспечение, нестыковку цифровых платформ и различных цифровых инструментов, высокую стоимость коммерческого программного обеспечения и риски прекращения поддержки. Операционные риски связаны с безопасностью и конфиденциальностью (риски утечки данных в облачных системах) и низкой надежностью цифровых решений.

5. *Организационно-управленческие риски* касаются управления образовательным процессом. Кадровые риски проявляются в недостаточной готовности преподавателей к эффективному использованию цифровых инструментов, необходимости постоянного обновления цифровых компетенций, консерватизме части преподавательского состава. Ресурсные риски связаны с нехваткой времени на освоение новых технологий и переработку учебно-методических материалов. Социально-этические риски включают риски академической недобросовестности (упрощение списывания и несамостоятельного выполнения заданий), снижение роли живого общения с преподавателем, увеличение отставания слабых студентов при самостоятельной цифровой работе.

Оценка значимости рисков

Результаты анкетирования студентов позволили выявить наиболее значимые риски с точки зрения обучающихся. Оценка проводилась по 5-балльной шкале, где 5 – максимальная значимость риска.

Наиболее высокую оценку (4,7 балла) получили технико-технологические риски, в частности технические сбои программ во время выполнения заданий на компьютере. Это свидетельствует о том, что для первокурсников проблема технической надежности цифровых инструментов является наиболее острой и непосредственно влияет на успешность выполнения учебных заданий. Психолого-педагогические риски заняли второе место (4,5 балла). Студенты отмечают повышенную учебную нагрузку из-за необходимости осваивать смежные дисциплины «Математика» и «Цифровая математика на языке R и Excel». Данный результат подтверждает наличие когнитивной перегрузки, связанной с одновременным освоением математической теории и цифрового инструментария.

Дидактико-методологические риски получили оценку 4,3 балла. Студенты указывают на недопонимание связи между смежными дисциплинами, что отражает проблему разрыва между математической теорией и ее цифровой реализацией. Профессионально-ориентационные риски оценены в 4,1 балла. Основная проблема – трудности содержательной интерпретации численных результатов расчетов в экономическом контексте, что указывает на несформированность у студентов навыков перевода математических результатов на язык экономических решений.

Организационно-управленческие риски получили наименьшую оценку (3,9 балла). Студенты отмечают недостаточную стыковку преподавания по смежным дисциплинам, что, однако, не воспринимается ими как наиболее критичная проблема по сравнению с техническими и психологическими аспектами.

Оценка степени рисков

В качестве оценочных параметров рисков были приняты три характеристики:

- мера вероятности наступления рискового события (низкая, средняя, высокая);
- уровень воздействия на результаты обучения (незначительный, умеренный, критический);
- временной промежуток проявления последствий (краткосрочный, среднесрочный, долгосрочный).

На основе проведенного анализа нами разработан ***комплекс практических мер***, направленный на системную минимизацию рисков вне-

дрения цифровых инструментов (табл. 2). Рекомендации сгруппированы по категориям рисков, для каждой указаны конкретные меры, контролируемый риск и приоритет внедрения. Наиболее критическими с точки зрения влияния на качество подготовки являются дидактико-методологические и профессионально-ориентационные риски, поскольку они затрагивают фундаментальные основы математического образования и профессиональной *идентичности экономиста*.

Таблица 2. Комплекс практических рекомендаций по минимизации рисков

Группа рисков	Рекомендация	Конкретные меры	Контролируемый риск	Приоритет
Дидактико-методологические	Поэтапная интеграция цифровых инструментов	• 1 курс: Excel + основы R; • 2 курс: Excel + R; • 3–4 курс: R/Python (проекты)	Риск «черного ящика»; Разрыв между дисциплинами	*Высокий*
	Методика сравнительного анализа	Решение вручную – цифровая реализация – сравнение результатов – рефлексия	Девальвация ручных вычислений; Формализация знаний	
Психолого-педагогические	Формирование «цифровой устойчивости»	• Тренинги по управлению цифровым стрессом; • Тьюторская поддержка; • Чек-листы самодиагностики перегрузки	Цифровая тревожность; «Выученная беспомощность»	*Высокий*
	Развитие мета-когнитивных навыков	• Ведение «цифрового портфолио»; • Воркшопы для критической оценки результатов	Поверхностное усвоение; Клиповость мышления	*Средний*
Профессионально-ориентационные	Сквозные прикладные задания	• Экономические кейсы с цифровой реализацией; • Защита проектов с обоснованием выбора инструментов	Разрыв с профессиональной интерпретацией; Отсутствие критического мышления	*Высокий*
Технико-технологические	Модернизация инфраструктуры	• Облачные решения; • Предустановленные «песочницы» для самостоятельной работы; • Автоматизированная проверка с обратной связью	Технические сбои; Зависимость от лицензий	*Средний*
Организационно-управленческие	Кадровое обеспечение	• Повышение квалификации ППС по цифровым инструментам; • Методические семинары по интеграции дисциплин	Неготовность преподавателей; Сопротивление инновациям	*Высокий*
	Контрольно-оценочная система	• Многоуровневая оценка (процесс + результат); • Мониторинг цифровой тревожности студентов	Риски академической недобросовестности	*Средний*

Методические рекомендации предусматривают поэтапную интеграцию цифровых инструментов: на первом курсе – Excel с акцентом на визуализацию математических понятий и основы R; на втором курсе – Excel и R для экономико-математического моделирования и статистики; на старших курсах – проектная работа в R/Python с комплексными экономическими задачами. Ключевым элементом является разработка сквозных заданий для сравнительного анализа при верификации цифровых результатов ручными вычислениями для ключевых алгоритмов.

Психолого-педагогические рекомендации направлены на формирование «цифровой устойчивости» студентов: проведение тренингов по управлению цифровым стрессом, создание системы тьюторской поддержки для студентов с трудностями адаптации, разработка чек-листов самодиагностики цифровой перегрузки. Важным направлением является развитие метакогнитивных навыков: ведение «цифрового портфолио» с анализом ошибок и успехов, обучение студентов рефлексии собственного цифрового опыта, проведение воркшопов по анализу цифровых результатов. Авторы монографии [5] считают такой инструмент фиксации индивидуальных достижений важнейшим для построения персональных образовательных траекторий.

В контрольно-оценочные рекомендациях предлагается многоуровневая модель, в которой через систему рубрик фиксируются процесс решения, итоговый результат, а также качество интерпретации и критики полученных данных. Защита проектов сопровождается развернутым обоснованием выбора программного обеспечения. Диагностика рисков реализуется через отслеживание цифровой тревожности, раннее предупреждение о сбоях и регулярные опросы студентов.

Обсуждение результатов

Проведенный нами анализ отвечает позиции современных авторов, согласно которой цифровые технологии в математической подготовке экономистов нуждаются в переосмыслении в русле компетентностной и деятельностной парадигм. В работе Д.А. Власова и А.В. Синчукова [3] подчеркивается, что цифровые средства выступают одновременно и базисом междисциплинарного пространства, и вектором его развития. Однако само по себе наличие технологий не гарантирует эффекта: необходима продуманная педагогическая стратегия.

Наличие разрыва в сознании студентов между курсами «Математика» и «Цифровая математика на языке R и Excel» перекликается с наблюдениями Н.А. Бурмистровой и В.А. Шамиса [2], которые акцентируют необходимость междисциплинарного совершенствования математической подготовки с опорой на цифровые ресурсы. Авторы справедливо замечают: по мере того как цифровизация проникает во все сферы, центральным звеном цифровой трансформации становится обновление педагогических практик и переопределение ролей всех участников учебного процесса.

Столь высокая оценка студентами технических рисков (4,7 балла) согласуется с выводами А.Г. Изотовой [6], анализирующей риски воплощения цифровых решений в университетскую среду и предлагающей их типологию. Оценка через построение матрицы «вероятность / последствия» позволяет ранжировать угрозы и выделить приоритетные для вмешательства.

Психологическая составляющая заслуживает особого акцента. Феномены «выученной беспомощности» и «цифровой тревожности» в нашем исследовании проявились достаточно отчетливо. В преподавании математики для нематематических специальностей визуализация и графические интерпретации неизбежны, но их избыток может провоцировать поверхностное восприятие материала.

Заключение

Проведенное исследование позволило идентифицировать и систематизировать риски, сопутствующие цифровизации математического образования в экономическом бакалавриате. Предложенная типология охватывает пять блоков: дидактический, психолого-педагогический, профессионально-ориентационный, технико-технологический и управленческий.

По данным опроса 140 респондентов, тройку лидирующих рисков образуют: сбои в работе программ (4,7 балла из 5), возросшая нагрузка из-за параллельного освоения нескольких дисциплин (4,5 балла) и затруднения в установлении связей между математической теорией и цифровыми заданиями (4,3 балла).

Предлагаемый нами набор практических шагов: ступенчатое внедрение инструментов, методика сравнительного анализа, формирование психологической устойчивости, многоуровневая система оценивания – создадут основу для планомерной работы с выявленными угрозами.

Полученные результаты подтверждают гипотезу о том, что внедрение цифровых средств без методического и организационного сопровождения чревато существенными потерями в качестве фундаментальной математической подготовки. В то же время грамотно выстроенная стратегия цифровизации открывает дополнительные возможности для формирования компетенций, востребованных в современной экономике.

Заметим, что выводы исследования ограничены: выборка представляет лишь один вуз и два профиля, к тому же субъективное восприятие рисков всегда окрашено личным опытом. В качестве перспектив предлагаем отслеживание динамики рисков на протяжении всего обучения, сравнительные срезы в разных экономических вузах, а также отработку конкретных методических комплексов, нейтрализующих описанные угрозы.

Литература

1. Байгушева И.А. Обучение студентов методам решения типовых математических задач с использованием LMS Moodle // Современные проблемы науки и образования. 2021. № 5. С. 1–9. EDN: YTIUDT. DOI: https://doi.org/10.17513/spno.31075 URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=31075 (дата обращения 05.08.2026)

2. Бурмистрова Н.А., Шамис В.А. Математическая подготовка бакалавров экономики в условиях цифрового общества // Вестник Сибир-

ского института бизнеса и информационных технологий. 2022. Т. 11, № 3. С. 5–10. EDN: ECOVEN. DOI: https://doi.org/10.24412/2225-8264-2022-3-5-10

3. Власов Д.А., Синчуков А.В. Интегративный потенциал цифровых технологий в системе математической подготовки будущих экономистов // Современные информационные технологии и ИТ-образование. 2020. Т. 16, № 3. С. 745–753. EDN: AZZZZS. DOI: https://doi.org/10.25559/SITITO.16.202003.745-753

4. Гайсина А.Р., Крестьянинова О.В., Загребина Л.А., Плюснина Ю.А. Математический инструментарий в цифровой дидактике экономических дисциплин // Индустриальная экономика. 2026. № 3. С. 198–205. EDN: OYPMVH. DOI: https://doi.org/10.47576/2949-1886.2026.3.3.026

5. Гриншкун В.В., Краснова Г.А. Современная цифровая образовательная среда: ресурсы, средства, сервисы. – М.: Проспект, 2021. 216 с. EDN: KSQCCT.

6. Изотова А.Г. Анализ и оценка рисков внедрения цифровых решений в деятельность российских университетов с целью развития их экосистем // Лидерство и менеджмент. 2025. Т. 12, № 2. С. 339–356. EDN: OICNAD. DOI: https://doi.org/10.18334/lim.12.2.122622

7. Кузнецова Е.А., Червова А.А. Компоненты профессионально-математической компетентности будущих бакалавров направления «Экономика» профиля «Финансы и страхование» и методика их оценки // Высшее образование сегодня. 2025. № 3. С. 71–77. EDN: LJVCWN. DOI: https://doi.org/10.18137/RNU.HET.25.03.P.071

8. Кузнецова Е.А., Червова А.А. Электронный курс «Практикум по финансовой математике» как средство формирования профессионально-математической компетентности будущих бакалавров направления «Экономика» профиля «Финансы и страхование» // Вестник МГПУ. Серия «Информатика и информатизация образования». 2025. № 3 (73). С. 88–100. EDN: RGLMNo. DOI: https://doi.org/10.24412/2072-9014-2025-373-88-100

9. Синько А.К., Зарецкая З.И., Скосарева Е.П. Развитие аналитического мышления и навыков принятия решений у студентов экономических направлений через цифровизацию обучения математическому моделированию // Журнал прикладных исследований. 2026. № 1. С. 302–309. EDN: MFIADD. DOI: https://doi.org/10.26118/9097.2026.19.92.043

10. Стрекалова Н.Б. Риски внедрения цифровых технологий в образование // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. № 2. С. 84–88. EDN: UZVXVH. DOI: https://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-84-88

RISKS OF IMPLEMENTING DIGITAL TOOLS IN THE MATHEMATICAL TRAINING OF ECONOMICS UNDERGRADUATES

Guryanova I.E., Lipagina L.V., Rylov A.A.
Financial University under the Government of the Russian Federation

This paper consolidates the outcomes of an empirical investigation into the risks entailed by the digital transformation of mathematical instruction for economics undergraduates. Based on survey data from junior-year undergraduate economics students at the Financial University, the authors propose a five-component typology of risks covering didactic, psychological-pedagogical, professional, technical, and administrative domains. According to student assessments, the most pressing concerns are software malfunctions, increased academic load due to cross-disciplinary demands, and a perceived gap between mathematical theory and digital exercises. A set of countermeasures is substantiated: phased tool adoption, integrated practicals, strengthening psychological readiness for digital work, and revising assessment practices. The outlined provisions are addressed to curriculum developers and mathematics teachers.

Keywords: digital tools, mathematical training, economic education, digitalization risks, risk classification, Excel, R, empirical research.

References

1. Baigusheva I.A. Teaching students methods for solving standard mathematical problems using LMS Moodle // Modern Problems of Science and Education. 2021. № 5. P. 1–9. EDN: YTIUDT. DOI: https://doi.org/10.17513/spNo. 31075 URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=31075 (accessed 05.08.2026)

2. Burmistrova N.A., Shamis V.A. Mathematical training of economics bachelors in a digital society // Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technologies. 2022. Vol. 11, № 3. P. 5–10. EDN: ECOVEN. DOI: https://doi.org/10.24412/2225-8264-2022-3-5-10

3. Vlasov D.A., Sinchukov A.V. Integrative potential of digital technologies in the mathematical training system for future economists // Modern Information Technologies and IT-Education. 2020. Vol. 16, № 3. P. 745–753. EDN: AZZZZS. DOI: https://doi.org/10.25559/SITITO.16.202003.745-753

4. Gaisina A.R., Krestyaninova O.V., Zagrebina L.A., Plyusnina Yu.A. Mathematical tools in the digital didactics of economic disciplines // Industrial Economics. 2026. № 3. P. 198–205. EDN: OYPMVH. DOI: https://doi.org/10.47576/2949-1886.2026.3.3.026

5. Grinshkun V.V., Krasnova G.A. Modern Digital Educational Environment: Resources, Tools, and Services. – Moscow: Prospekt, 2021. 216 p. EDN: KSQCCT.

6. Izotova A.G. Analysis and assessment of risks associated with implementing digital solutions in Russian universities to develop their ecosystems // Leadership and Management. 2025. Vol. 12, № 2. P. 339–356. EDN: OICNAD. DOI: https://doi.org/10.18334/lim.12.2.122622

7. Kuznetsova E.A., Chervova A.A. Components of professional-mathematical competence of future bachelor's students in the «Economics» field of study (specialization: «Finance and Insurance») and the methodology for their assessment // Higher Education Today. 2025. № 3. P. 71–77. EDN: LJVCWN. DOI: https://doi.org/10.18137/RNU.HET-.25.03.P.071

8. Kuznetsova E.A., Chervova A.A. The electronic course «Workshop on Financial Mathematics» as a means of developing professional-mathematical competence in future bachelor's students in the «Economics» field of study (specialization: «Finance and Insurance») // Bulletin of Moscow City University (MGPU). Series «Informatics and Informatization of Education». 2025. № 3 (73). P. 88–100. EDN: RGLMNo. DOI: https://doi.org/10.24412/2072-9014-2025-373-88-100

9. Sinko A.K., Zaretskaya Z.I., Skosareva E.P. Development of analytical thinking and decision-making skills among economics students through the digitalization of mathematical modeling instruction // Journal of Applied Research. 2026. № 1. P. 302–309. EDN: MFIADD. DOI: https://doi.org/10.26118/9097.2026.19.92.043

10. Strekalova N.B. Risks of implementing digital technologies in education // Vestnik of Samara University. History, Pedagogy, Philology. 2019. № 2. P. 84–88. EDN: UZVXVH. DOI: https://doi.org/10.18287/2542-0445-2019-25-2-84-88

Процедурная риторика истории в условиях геймификации культуры

Деревянченко Семён Юрьевич,
сотрудник лаборатории игровых технологий
E-mail: semen.derev@yandex.ru

Прищенко Светлана Викторовна,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории, социологии и политологии, руководитель лаборатории игровых технологий, ФГБОУ ВО «ОмГПУ»
E-mail: prishenko_svetla@mail.ru

Компьютерные игры исторической тематики рассматриваются в статье как форма исторической репрезентации, соединяющая иммерсивность, интерактивность и агентность игрока. Аналитическую рамку образуют концепция процедурной риторики И. Богоста, позволяющая читать историческое содержание игры в её правилах и алгоритмах, и разграничение коммуникативной и культурной памяти Я. Ассмана. На материале серий Civilization, Total War, Europa Universalis и Assassin's Creed показано, что игра переводит канонический исторический материал в персональный эмоциональный опыт: игрок становится соавтором нарратива, а порождение альтернативных сценариев оказывается не побочным эффектом, а структурным свойством медиума. Отсюда двойственность образовательного результата: те же свойства, которые обеспечивают вовлечённость и понимание поливариантности прошлого, порождают «ложную компетентность», ослабляют связь с фактическим знанием и незаметно транслируют идеологические установки, заложенные в игровых механиках. Условия, при которых эта двойственность приобретает значение, создают демократизация исторического знания и геймификация культуры. В качестве педагогического ответа на неё разбирается трёхэтапная модель «критической игры» Дж. Макколла; названы препятствия к её применению в отечественной образовательной практике.

Ключевые слова: историческая память, компьютерные игры, процедурная риторика, иммерсивность, альтернативная история, геймификация культуры, историческое образование, критическая игра.

Введение

Историческое образование переживает сегодня глубокую трансформацию, обусловленную двумя взаимосвязанными процессами: демократизацией исторического знания, которую принесла цифровизация, и геймификацией культуры – проникновением игровых механик в неигровые сферы деятельности. На пересечении этих процессов компьютерные игры исторической тематики становятся одним из наиболее массовых каналов взаимодействия молодёжи с прошлым, нередко опережая по воздействию традиционные образовательные институты [1].

От иных форм репрезентации истории компьютерные игры отличает сочетание иммерсивности и интерактивности: игрок не просто воспринимает заданный нарратив, но погружается в исторический контекст, принимает решения, конструирует собственную версию событий. Отсюда качественно иной тип эмоционального вовлечения – личное отношение к истории, не достижимое при пассивном потреблении контента.

Эти же основные риски возникают благодаря тем же свойствам. Возможность переписывать историю размывает границу между фактическим знанием и альтернативными сценариями, что чревато формированием искажённых исторических представлений [2].

Цель исследования – проанализировать взаимодействие образовательных возможностей и рисков компьютерных игр как инструмента формирования исторических знаний и исторической памяти. Новизна работы – в аналитической рамке, где концепция процедурной риторики И. Богоста соединена с различением коммуникативной и культурной памяти Я. Ассмана, а иммерсивность концептуализируется как механизм, связывающий макропроцессы демократизации и геймификации с их двойственным воздействием на историческое сознание. Образовательный потенциал игр [3; 4], специфику исторической репрезентации [5; 6] и феномен альтернативной истории [2] исследовательская литература рассматривает по преимуществу порознь; здесь эти проблемные поля объединены общей моделью. Показано, что одни и те же свойства компьютерных игр одновременно являются источником и возможностей, и рисков.

Методологические основания исследования

Объект настоящего исследования – компьютерные игры как форма исторической репрезентации – существует сразу в трёх пространствах: образования, массовой культуры, медиа, потому работа опирается на несколько методологических подходов.

Стартовой теоретической предпосылкой служит разграничение истории как научной дисциплины, ориентированной на критический анализ источников, и исторической памяти – избирательной, эмоционально окрашенной формы коллективного отношения к прошлому. Разница между ними крайне важна, так как компьютерные игры взаимодействуют преимущественно с исторической памятью, а не с историей как наукой, чем и определяются их возможности и ограничения.

Теоретическую основу составляет концепция коммуникативной и культурной памяти Я. Ассмана [7]. Коммуникативная память – неформальная, передаваемая через личные воспоминания и межпоколенческое общение, она характеризуется субъективностью и множественностью интерпретаций. Культурная память более «формальна». Она институционализирована и кодифицирована через тексты, монументы и образовательные программы. Через все выше перечисленное она фиксирует канонические версии прошлого. Компьютерные игры оперируют элементами обоих типов сразу: персонализированный эмоциональный опыт строится в них на каноническом историческом материале. Срединное положение и обуславливает двойственность их воздействия на историческое сознание.

Необходима оговорка. У Я. Ассмана коммуникативная память ограничена горизонтом трёх-четырёх поколений, тогда как исторические игры обращаются к сколь угодно отдалённому прошлому. Речь поэтому идёт не о буквальном совпадении, а о воспроизведении в игре самой модальности коммуникативной памяти – личного, эмоционально окрашенного и вариативного отношения к событию, которое культурная память фиксирует в канонической форме.

Аналитическим инструментом служит концепция «процедурной риторики» И. Богоста – «искусства убеждения посредством систем правил и взаимодействий» [8, p. 10]. В основании её – допущение,

что компьютерные игры выражают идеи не только через нарратив и визуальный ряд, но через процессы как таковые: «процедурная репрезентация объясняет процессы с помощью других процессов» [8, p. 9]. Игра моделирует исторические системы, воспроизводя их логику в правилах геймплея. Эти правила воспринимаются не как нечто, что можно принять или отвергнуть, а как закономерность, обнаруженная самим игроком.

Такой инструмент позволяет выявлять неявные исторические концепции, заложенные в игровых алгоритмах. И. Богост характеризует серии Civilization и Europa Universalis как «историографии» особого рода – репрезентации истории «не через паттерны письма, а через правила взаимодействия» [8, p. 125]. В Civilization причинно-следственная зависимость между технологическими инновациями и господством закодирована в механике технологического дерева и системе победных условий; так исподволь и утверждается евроцентричная модель линейного прогресса. Ссылаясь на К. Сквайра, И. Богост отмечает, что Civilization формирует «лучшее понимание мировой истории» [8, p. 125], но вместе с тем транслирует процедурную онтологию, в которой технологическое развитие детерминирует историческое превосходство.

Особую методологическую ценность имеет введённое И. Богостом понятие «зазора симуляции» – расхождения между игровой моделью и реальной системой: «контрфактуальные условия открывают зазор симуляции, который игрок может подвергнуть критическому анализу» [8, p. 255]. В точке этого расхождения и возникает применительно к историческим играм пространство для критической рефлексии. Возникает, однако, не само собой: при педагогическом сопровождении зазор симуляции становится инструментом обучения, без рефлексии же остаётся незамеченным, а процедурные концепции принимаются за адекватное отражение исторической реальности.

Демократизация исторического знания и геймификация культуры

Демократизация исторического знания – это процесс, в ходе которого интерпретация прошлого перестаёт быть исключительной прерогативой академических институтов и профессиональных историков. Цифровизация открыла широкий общественный доступ к оцифрованным архивным документам, визуальным материалам, историческим базам данных; она же создала инфраструктуру для массовой коммуникации вокруг исторической проблематики – от научно-популярных блогов и подкастов до онлайн-дискуссий. Монополия экспертного сообщества на производство и трансляцию исторического знания оказалась тем самым размыта.

С одной стороны, демократизация вовлекает в осмысление прошлого широкие слои населения и повышает общественный интерес к истории. С другой – ослабляет механизмы верификации: в отсутствие экспертной фильтрации мифологизированные, идеологически ангажированные или фактически ошибочные версии прошлого получают равный, а нередко и более широкий доступ к аудитории. Как показал М. Хальбвакс, «любая коллективная память: она не хранит, а реконструирует прошлое с помощью оставшихся от него материальных следов, обрядов, текстов, традиций, а также и социально-психологических данных недавнего происхождения», сохраняя версии событий, не совпадающие с результатами научного анализа [9]. Цифровизация многократно усилила этот эффект, превратив коллективную память из локального феномена в глобально распространяемый, – а одним из наиболее масштабных медиумов такого распространения стали компьютерные игры.

Второй процесс – геймификация, которую С. Детердинг и его коллеги определяют как «использование элементов игрового дизайна в неигровых контекстах» [10, p. 10]. Собственно игре геймификация не тождественна: она предполагает заимствование отдельных игровых механик – систем очков, уровней, достижений, нарративных структур – для повышения мотивации и вовлечённости в неигровую деятельность.

В образовании геймификация отвечает на смену познавательных практик цифровой эпохи: обучающиеся привыкли к интерактивному, нелинейному взаимодействию с информацией, и традиционные текстоцентричные форматы всё слабее удерживают их внимание и мотивацию. Дж.П. Джи выделил 36 принципов обучения в качественных видеоиграх – среди них активное критическое обучение (стимулирование осознанного восприятия информации), идентичность (возможность примерить разные роли), «приятное разочарование» (задачи на границе возможностей, создающие оптимальный когнитивный вызов) [11]. Для исторического образования принципы эти особенно важны: эмоциональная вовлечённость и понимание перспективы иной эпохи критичны здесь для глубокого освоения материала.

К. Сквайр, изучавший работу школьников с исторической стратегией Civilization в рамках учебного курса, зафиксировал у них более глубокое понимание причинно-следственных связей и заметно более высокую мотивацию к самостоятельному изучению материала, чем у групп, обучавшихся традиционно [3].

Демократизация расширяет круг субъектов, интерпретирующих историю, и ослабляет монополию академических институтов; геймификация формирует ожидание интерактивного, вовлекающего взаимодействия с информацией. Вместе они и создают условия, при которых компьютерные игры превращаются в один из основных каналов взаимодействия молодёжи с историческим прошлым. Однако действенность игр как исторического медиума и опасность их определяются не самими этими процессами, а специфическим свойством игрового медиума – иммерсивностью.

Иммерсивность компьютерных игр как механизм формирования личного исторического опыта

Иммерсивность компьютерных игр – способность создавать эффект присутствия и эмоционального погружения в виртуальную среду [1] – и есть то свойство, которым определяются разом и образовательный потенциал игр, и риски их использования для формирования исторических представлений. Таков центральный тезис исследования.

Для обоснования тезиса необходим сравнительный анализ компьютерных игр с другими формами исторической репрезентации по трём параметрам – иммерсивности, интерактивности и агентности субъекта. Книга даёт линейный нарратив: её иммерсивность опосредована воображением читателя, тогда как интерактивность и агентность в ней попросту отсутствуют. Фильм идёт дальше, добавляя визуальный и аудиальный ряд, но зритель по-прежнему остаётся наблюдателем со стороны. Ближе к игре подходит музей: он допускает элементы интерактивности, однако агентность посетителя и в этом случае остаётся ограниченной.

Игра принципиально меняет модель: игрок внутри истории, принимает решения и переживает последствия. Все три параметра достигают максимума одновременно. Как отмечает Д. Спринг, игрок не просто получает информацию, а переживает прошлое, формируя более интенсивное эмоциональное отношение [1].

М. Капелл и А. Эллиотт выделяют два модуса взаимодействия с историей [6]. Реалистический модус стремится к точной реконструкции среды: Assassin's Creed (в режиме Discovery Tour) и Kingdom Come: Deliverance создают у игрока ощущение «проживания» эпохи, после чего многие обращаются к научной литературе. Процедурный же модус – Civilization, Total War, Europa Universalis – транслирует историческое содержание не через среду, а через системы правил: разработчики Total War, например, опираются на труды А. Голдсуорси и С. Тёрнбулла, а иммерсивность здесь достигается вовлечением в стратегические решения, принимаемые в историческом контексте [18; 19].

Оба модуса предоставляют игроку право конструировать историю: в реалистическом – личный опыт проживания в воссозданной среде, в процедурном – альтернативные сценарии через стратегические решения. В обоих случаях формируется персонализированный, эмоционально окрашенный исторический опыт, качественно выходящий за пределы пассивной рецепции. Здесь продуктивной оказывается концептуализация компьютерных игр через призму теории Я. Ассмана [7]. Игры функционируют на стыке коммуникативной и культурной памяти: заимствуют элементы канонического нарратива – даты, персонажи, события, институты (культурная память) – и создают персонализированный, эмоционально насыщенный опыт взаимодействия с прошлым (коммуникативная память). Как отмечает А. Чапмен, двойственность эта и делает компьютерные игры уникальным медиумом, не сводимым ни к учебнику, ни к художественному произведению [5].

Последствия у неё далеко идущие. Превращая канонический исторический материал в субъективный эмоциональный опыт, игра создаёт мощный мотивационный механизм – и тут же размывает границу между научно обоснованным и произвольно сконструированным представлением о прошлом. Я. Ассман показал, что коллективная идентичность формируется как раз в точках пересечения коммуникативной и культурной памяти и что этот процесс нередко сопровождается конфликтами между официальными и альтернативными версиями прошлого [7]. Компьютерные игры, функционирующие на том же стыке, неизбежно втягиваются в аналогичную динамику.

Альтернативная история в компьютерных играх: эпистемологический потенциал и риски деконтекстуализации

Анализ иммерсивности и интерактивности подводит к главному выводу настоящей работы: право конструировать исторический нарратив, предоставленное игроку, делает порождение альтернативной истории

структурным свойством игры. В серии Civilization игрок может привести цивилизацию ацтеков к мировому господству; в Hearts of Iron IV – изменить ход Второй мировой войны; в Europa Universalis IV – перекроить карту мира эпохи Нового времени. В отличие от литературы или кинематографа, где альтернативный сценарий задан автором, в играх игрок имеет инструментарий для формирования собственных альтернативных веток развития истории [12].

Традиционная историография склоняется к нарративной финальности, где события выстраиваются в причинно-следственные цепочки, исход которых уже известен заранее. Логика изложения создаёт видимость неизбежности случившегося. Исторические стратегии разрушают эту иллюзию структурно: игрок снова и снова оказывается в точках бифуркации, где исход не предрешён. Н. Фергюсон в работе «Виртуальная история» подчёркивает, что контрфактуальные модели помогают понять, насколько неочевидными были ключевые исторические решения [2]. Компьютерные игры способны трансофрмировать этот достаточно абстрактный тезис в вполне реальный опыт. Как отмечает Г. Дж. Браун, «видеоигры стали идеальным медиумом для преподавания урока контингентности (случайности / непредопределённости)» [13, p. 118].

Историческая стратегия формирует у игрока понимание того, что наша история не есть единственно возможная последовательность событий, делая акцент на том что это результат пересечения множества факторов, каждый из которых мог сложиться иначе. Такая интуиция – предпосылка зрелого исторического мышления; ею игровой опыт сближается с теоретическими подходами современной историографии.

Конструируя альтернативные версии истории, игрок рано или поздно упирается в вопрос: почему официальная версия выглядит так, а не иначе? Какие интересы, какая власть и какие умолчания стоят за тем, что одни события фигурируют в учебниках, а другие – нет? Историческая стратегия оборачивается в этом смысле инструментом критической исторической грамотности – способности не только воспроизводить усвоенный нарратив, но и рефлексировать над его конструированием.

Однако тот же механизм, что обеспечивает эпистемологический потенциал игр, порождает и существенные риски: они производны от тех же свойств медиума.

Ощущение «проживания» истории, создаваемое иммерсивностью, парадоксальным образом усиливает уверенность игрока в достоверности собственных исторических знаний, целиком выросших из игрового опыта [4]. Чем интенсивнее переживание, тем твёрже убеждённость в его подлинности. Игрок, «побывавший» в Древнем Египте через Assassin's Creed, может считать свои представления соответствующими исторической реальности [14]. Притом зачатую он не осознает, что определены они решениями разработчиков, подчинёнными логике геймплея.

С этой уверенностью смыкается другое следствие интерактивности – альтернативная история, порождаемая ею структурно, размывает границу между тем, «что было», и тем, «что могло бы быть». У. Уриккио подчёркивает различие между симуляцией истории в компьютерных играх и исторической реконструкцией, если последняя стремится к проверке и подтверждению через источники, то первая создаёт «параллельные миры», управляемые алгоритмами, которые могут не соответствовать реальным историческим закономерностям [12]. Без критической рефлексии игровой опыт альтернативной истории может восприниматься как равный с научно обоснованному знанию.

Но и сама эта многовариантность не безгранична, то есть игровой мир выстроен по правилам, заложенным разработчиками, и «свобода» игрока оказывается свободой внутри определённых рамок. Как показывает концепция процедурной риторики И. Богоста, игровые алгоритмы попутно транслируют ту или иную модель исторического развития [8]. Серия Civilization долгое время воспроизводила евроцентричную модель прогресса через механику технологического дерева и условия победы, а Total War нередко романтизирует военные конфликты [16]. Рамки, ограничивающие свободу игрока, несут в себе культурно-идеологическую нагрузку.

Есть у всего этого и экономическое измерение. Коммерческая природа игровой индустрии предопределяет приоритет развлекательности над исторической точностью [12]. А.С. Ануфриева, различая «синхронизацию» (использование исторических элементов для создания атмосферы) и «реконструкцию», показывает, что большинство коммерческих игр склоняются к первому подходу [15]. Исторический контент в них является лишь фоном для игровых событий, который создает атмосферу достоверности, но задачи точного воспроизведения прошлого перед ним нет.

Иммерсивность и интерактивность, открывая уникальные возможности для эмоционального вовлечения в историю и понимания её поливариантности, тем же движением порождают риск отрыва от фактической основы знания и формирования искажённых исторических представлений. Оба макропроцесса усиливают эту двойственность, в то время как демократизация ослабляет экспертную верификацию знания, геймификация приучает аудиторию к интерактивным, развлекательным форматам, в которых развлечение и познание переплетены и трудно отличимы.

К разрешению противоречия: интеграция компьютерных игр в историческое образование

Выявленная двойственность требует не отказа от компьютерных игр в историческом образовании, а педагогических стратегий, которые могли бы рационально использовать мотивационные преимущества иммерсивного опыта, приэтом не теряя связи с научным знанием.

Методологической основой такой интеграции может служить модель «критической игры», предложенная Дж. Макколлом [4]. Она разворачивается в три этапа, и каждый решает свою часть описанного противоречия.

Первый, подготовительный, снимает риск «ложной компетентности» ещё до того, как учащийся сядет за игру, другими словами, преподаватель формирует у него «систему координат» для критического восприятия игрового контента – понимание того, что компьютерная игра является продуктом определённой эпохи и культуры, отражающим не только историческое прошлое, но и современные представления о нём, а также коммерческие интересы разработчиков. Таким образом, между игровым опытом и научным знанием заранее устанавливается дистанция, важная для дальнейшего осмысленного восприятия.

Эта дистанция, однако, не отменяет включённости, на игровом этапе вступают в дело мотивационные преимущества иммерсивности. Учащиеся взаимодействуют с игрой, переживая эффект присутствия и формируя эмоциональное отношение к историческому контексту, одновременно не забывая об установке предыдущего этапа, фиксируют наблюдения о способах репрезентации прошлого, отмечают допущения и упрощения, анализируют логику принятия решений. Иными словами, ведут наблюдение «изнутри» иммерсивного опыта.

Накопленные здесь наблюдения составляют материал для этапа аналитического – наиболее важного с образовательной точки зрения, поскольку именно на нём эмоциональный опыт обеспечивает переход в критическое историческое мышление. Этот этап предполагает сопоставление игрового опыта с данными исторических источников, выявление упрощений и искажений, обсуждение причин тех или иных решений разработчиков. Иммерсивный опыт здесь, вместо того чтобы подменять научное знание, становится стимулом для обращения к нему: эмоциональная вовлечённость превращается в мотивацию для самостоятельного изучения исторического материала.

Существенно, что модель «критической игры» не противопоставляет игровой опыт научному знанию, а снимает их противоречие: эмоциональная глубина иммерсивного опыта преобразуется в познавательную энергию через посредство критической рефлексии. Режим Discovery Tour в серии Assassin's Creed – экскурсии по историческим локациям с комментариями специалистов, отделённые от основного игрового сюжета, – показывает, что отчасти такой подход реализуем и в рамках самого игрового продукта.

В образовательной практике модель эта, впрочем, наталкивается на ряд затруднений. А.Г. Иванов отмечает, что значительная часть преподавателей не обладает достаточной компетенцией в сфере игровых технологий и не видит в компьютерных играх легитимного образовательного ресурса; к тому же большинство исторических игр создаётся западными разработчиками и транслирует соответствующую картину мира, отчего игровой материал приходится адаптировать к отечественному историческому образованию [17]. Открытой остаётся и проблема верификации. Ряд разработчиков привлекает профессиональных историков – компания Creative Assembly при создании серии Total War использовала труды А. Голдсуорси [18], С. Тёрнбулла [19], Р. де Креспини [20], – но степень влияния научных консультантов на конечный продукт ограничена коммерческими приоритетами индустрии.

Заключение

Особое место среди форм исторической репрезентации компьютерным играм обеспечивает сочетание иммерсивности, интерактивности и агентности игрока. В отличие от книг, фильмов и музеев, они позволяют историю не только воспринимать, но и, до известной степени, конструировать, а значит, формируют более интенсивное личное и эмоциональное отношение к прошлому. В терминах Я. Ассмана игры

действуют на стыке коммуникативной и культурной памяти, превращая канонический исторический материал в субъективно пережитый опыт.

Значение этого свойства усиливают, в свою очередь, два рассмотренных выше процесса. Цифровизация и демократизация исторического знания расширили круг участников интерпретации прошлого, но ослабили при этом экспертную верификацию; геймификация культуры закрепила привычку к интерактивному восприятию информации. Компьютерные игры становятся одним из важнейших каналов формирования исторических представлений молодёжи.

Здесь обнаруживается и внутреннее противоречие игр как медиума. Качества, делающие его перспективным инструментом исторического образования, порождают и риски. С одной стороны существуют глубокое эмоциональное вовлечение, помощь в осмыслении многовариантности прошлого, стимул к рефлексии, с другой – «ложная компетентность», ослабление связи с фактическим знанием, некритическое восприятие альтернативной истории, скрытые идеологические установки, передаваемые через игровые механики.

Минимизировать влияние противоречие можно педагогическими стратегиями способными превратить игровой опыт в мотивацию к обращению к научной истории. Наиболее разработанная основа – модель «критической игры» Дж. Макколла, где критическая дистанция, иммерсивное переживание и последующая аналитическая рефлексия соединены. Впрочем, ее применение требует, подготовки педагогов, методической базы и адаптации игровых продуктов к отечественной образовательной практике.

Компьютерные игры не способны заменить академическую историю. Они становятся посредником между нею и массовой культурой. Задача историко-педагогического сообщества в том, чтобы это посредничество вело к углублению исторического знания, а не к его подмене.

Литература

1. Spring D. Gaming History: Computer and Video Games as Historical Scholarship // Rethinking History. 2015. Vol. 19. No. 2. P. 207–221.
2. Ferguson N. Virtual History: Alternatives and Counterfactuals. London: Picador, 1997. 548 p.
3. Squire K. Video Games and Learning: Teaching and Participatory Culture in the Digital Age. New York: Teachers College Press, 2011. 256 p.
4. McCall J. Gaming the Past: Using Video Games to Teach Secondary History. New York: Routledge, 2011. 216 p.
5. Chapman A. Digital Games as History: How Videogames Represent the Past and Offer Access to Historical Practice. New York: Routledge, 2016. 288 p.
6. Kapell M.W., Elliott A.B.R. Playing with the Past: Digital Games and the Simulation of History. New York: Bloomsbury, 2013. 376 p.
7. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
8. Bogost I. Persuasive Games: The Expressive Power of Videogames. Cambridge: MIT Press, 2007. 450 p.
9. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. С.Н. Зенкина. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
10. Deterding S., Dixon D., Khaled R., Nacke L. From Game Design Elements to Gamefulness: Defining “Gamification” // Proceedings of the 15th International Academic MindTrek Conference. New York: ACM, 2011. P. 9–15.
11. Gee J.P. What Video Games Have to Teach Us About Learning and Literacy. New York: Palgrave Macmillan, 2003. 225 p.
12. Uricchio W. Simulation, History, and Computer Games // Handbook of Computer Game Studies / ed. by J. Raessens, J. Goldstein. Cambridge: MIT Press, 2005. P. 327–338.
13. Brown H.J. Videogames and Education: Humanistic Approaches to an Emergent Art Form. Armonk, N. Y.: M.E. Sharpe, 2008. 249 p.
14. Gilbert L. “Assassin’s Creed reminds us that history is human experience”: Students’ senses of empathy while playing a narrative video game // Theory & Research in Social Education. 2019. Vol. 47. No. 1. P. 108–137.
15. Ануфриева А.С. «Воображаемое Средневековье» в видеоиграх: синхронизация vs реконструкция // Вестник Московской международной академии. 2019. № 2. С. 45–53.
16. Fedorenko G. The Portrayal of Medieval Warfare in Medieval: Total War and Medieval 2: Total War // Digital Gaming Re-imagines the Middle Ages / ed. by D.T. Kline. New York: Routledge, 2014. P. 54–60.
17. Иванов А.Г. Компьютерные игры в обучении истории // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 3. С. 72–77.
18. Goldsworthy A. The Complete Roman Army. London: Thames & Hudson, 2003. 224 p.
19. Turnbull S. Samurai Warfare. London: Arms and Armour Press, 1996. 176 p.
20. De Crespigny R. A Biographical Dictionary of Later Han to the Three Kingdoms (23–220 AD). Leiden: Brill, 2007. 1306 p.

PROCEDURAL RHETORIC OF HISTORY IN THE CONTEXT OF CULTURAL GAMIFICATION

Derevyanchenko S.Yu., Prishchenko S.V.
Omsk State Pedagogical University

The article treats historically themed computer games as a form of historical representation that combines immersiveness, interactivity and player agency. The analytical framework brings together I. Bogost’s concept of procedural rhetoric, which locates the historical content of a game in its rules and algorithms, and J. Assmann’s distinction between communicative and cultural memory. Drawing on the Civilization, Total War, Europa Universalis and Assassin’s Creed series, the article shows that a game converts canonical historical material into personal emotional experience: the player becomes a co-author of the narrative, and the generation of alternative scenarios turns out to be a structural property of the medium rather than a side effect. Hence the ambivalence of the educational outcome: the very properties that secure engagement and an understanding of the multiplicity of possible pasts also produce «false competence», weaken the link to factual knowledge and quietly transmit the ideological assumptions built into game mechanics. The conditions under which this ambivalence matters are created by the democratization of historical knowledge and the gamification of culture. As a pedagogical response, the article examines J. McCall’s three-stage «critical play» model and identifies the obstacles to its use in Russian educational practice.

Keywords: historical memory, computer games, procedural rhetoric, immersiveness, alternative history, gamification of culture, history education, critical play.

References

1. Spring D. Gaming History: Computer and Video Games as Historical Scholarship. Rethinking History, 2015, vol. 19, no. 2, pp. 207–221.
2. Ferguson N. Virtual History: Alternatives and Counterfactuals. London, Picador, 1997. 548 p.
3. Squire K. Video Games and Learning: Teaching and Participatory Culture in the Digital Age. New York, Teachers College Press, 2011. 256 p.
4. McCall J. Gaming the Past: Using Video Games to Teach Secondary History. New York, Routledge, 2011. 216 p.
5. Chapman A. Digital Games as History: How Videogames Represent the Past and Offer Access to Historical Practice. New York, Routledge, 2016. 288 p.
6. Kapell M.W., Elliott A.B.R. Playing with the Past: Digital Games and the Simulation of History. New York, Bloomsbury, 2013. 376 p.
7. Assmann J. Kul’turnaya pamyat’: Pis’mo, pamyat’ o proshlom i politicheskaya identichnost’ v vysokikh kul’turakh drevnosti [Cultural Memory: Writing, Remembrance and Political Imagination in Early Civilizations]. Transl. from German by M.M. Sokolskaya. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul’tury, 2004. 368 p. (In Russian).
8. Bogost I. Persuasive Games: The Expressive Power of Videogames. Cambridge, MIT Press, 2007. 450 p.
9. Halbwachs M. Sotsial’nye ramki pamyati [The Social Frameworks of Memory]. Transl. from French by S.N. Zenkin. Moscow, Novoe izdatel’stvo, 2007. 348 p. (In Russian).
10. Deterding S., Dixon D., Khaled R., Nacke L. From Game Design Elements to Gamefulness: Defining “Gamification”. Proceedings of the 15th International Academic MindTrek Conference. New York, ACM, 2011, pp. 9–15.
11. Gee J.P. What Video Games Have to Teach Us About Learning and Literacy. New York, Palgrave Macmillan, 2003. 225 p.
12. Uricchio W. Simulation, History, and Computer Games. Handbook of Computer Game Studies. Ed. by J. Raessens, J. Goldstein. Cambridge, MIT Press, 2005, pp. 327–338.
13. Brown H.J. Videogames and Education: Humanistic Approaches to an Emergent Art Form. Armonk, N. Y., M.E. Sharpe, 2008. 249 p.
14. Gilbert L. “Assassin’s Creed reminds us that history is human experience”: Students’ senses of empathy while playing a narrative video game. Theory & Research in Social Education, 2019, vol. 47, no. 1, pp. 108–137.
15. Anufrieva A.S. «Voobrazhaemoe Srednevekov’e» v videoigrakh: sinkhronizatsiya vs rekonstruktsiya [The “Imagined Middle Ages” in Video Games: Synchronization vs Reconstruction]. Vestnik Moskovskoi mezhdunarodnoi akademii, 2019, no. 2, pp. 45–53. (In Russian).
16. Fedorenko G. The Portrayal of Medieval Warfare in Medieval: Total War and Medieval 2: Total War. Digital Gaming Re-imagines the Middle Ages. Ed. by D.T. Kline. New York, Routledge, 2014, pp. 54–60.
17. Ivanov A.G. Komp’yuternye igry v obuchenii istorii [Computer Games in History Teaching]. Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika, 2019, no. 3, pp. 72–77. (In Russian).
18. Goldsworthy A. The Complete Roman Army. London, Thames & Hudson, 2003. 224 p.
19. Turnbull S. Samurai Warfare. London, Arms and Armour Press, 1996. 176 p.
20. De Crespigny R. A Biographical Dictionary of Later Han to the Three Kingdoms (23–220 AD). Leiden, Brill, 2007. 1306 p.

Социальная реабилитация и абилитация участников боевых действий с позиций концепций телесности

Зайцев Сергей Николаевич,
аспирант Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского
E-mail: szzaytsev@yandex.ru

В статье осуществлен анализ позитивистского, конструктивистского, культурно-исторического психоаналитического, феноменологического, факторного подходов к телесности. Он позволяет констатировать, что в науке накоплен определенный опыт теоретического изучения этих проблем, который может стать основой понимания проблем реабилитации участников СВО. Под реабилитацией понимается комплекс мер, обеспечивающих процесс восстановления состояния нормальной, привычной телесности участников боевых действий, который включает избавление или компенсацию нарушений функций органов тела, социальную, внутриличностную, спортивную, профессиональную адаптацию гражданским жизненным условиям. Обращается внимание на близкое, но не тождественное реабилитации понятие абилитации, фиксирующее практики, направленные на освоение нового пространства, преодоление инвалидизированной идентичности, приобретение новых навыков телесности, которые позволят адаптироваться к приемлемым условиям жизни с учётом имеющихся телесных ограничений. Показано, что в отличие от реабилитации, абилитация нацелена на формирование навыков своего травмированного тела, чтобы приспособить его к новым условиям жизни. В структуру абилитации включаются не только занятия по осознанию и принятию своей новой телесности, но и рефлексотерапию, физиотерапию, занятия адаптивным спортом.

Ключевые слова: участники СВО, телесность, тело, реабилитация, абилитация.

На протяжении всех времен важнейшим следствием военных конфликтов выступает необходимость социальной реабилитации их участников. Угрозы для жизни, ранения, стресс, травмы и увечья не всегда компенсируются престижем, уважением, наградами социума. Сегодня в условиях специальной военной операции (СВО) эта проблема не только сохраняет свою значимость, но и с учетом современных видов боевых средств оказывается еще более значительной.

Однако комплексный системный подход к осуществлению социальной реабилитации участников СВО еще недостаточно разработан и реализован. Слабо реализуются технологии контроля за здоровьем воинов, что способствует высокому уровню заболеваемости. Боевой стресс трансформируется в посттравматические стрессовые расстройства (ПТСР) и часто превращается в необратимое состояние. Дефицит механизмов медицинской, психологической и социальной помощи переводит вопрос о реабилитации участников конфликта в практическую плоскость [1]. Актуализируются и вопросы их места в жизни социального окружения и общества в целом. Поэтому необходимы научные, особенно социологические исследования в этом направлении.

Обостряют постановку этих проблем и масштабы участников боевых действий, число которых вероятно будет расти. Не смотря на отсутствие официальных данных, по некоторым опубликованным источникам в 2022 году их было более 300 000 человек. Так в ноябре этого года насчитывалось от 35 до 60 тысяч раненых [2]. Только в Саратовской области, по данным министерства труда и соцзащиты (министр области Д. Давыдов) на начало января 2026 года, из зоны спецоперации вернулись 2 665 человек [3]. Многие из них, особенно ставшие инвалидами, оказались в зоне социального риска.

У 87% среди них изменяется прежняя идентичность, они становится инвалидизированной, предполагающей наличие деструктивных стратегий жизнедеятельности. Это требует оказания помощи в поиске новых жизненных векторов. В этом плане представляется перспективным анализ современных подходов к реабилитации, социальных механизмов, посредством которых осуществляется возвращение к мирной жизни.

Для социальной реабилитации и абилитации участников СВО особенно важно акцентировать внимание на состоянии единства души и телесности, которые находятся в неразрывном единстве. Поэтому исследование телесности является важнейшим аспектом изучения социальной реабилитации травмированных воинов. Игнорирование тела, недооценка его сложнейших функций часто не позволяет эффективно восстанавливать воинов после военного стресса. Следовательно, это является важным не столько с точки зрения теории, сколько насущной практической проблемой.

Однако следует различать термины «тело» и «телесность». В первом понятии отражаются анатомо-физиологические свойства данного вещного объекта [4]. Содержание второго понятия указывает на объективно – субъективный комплекс, в который входит образ тела (индивидуальное представление военного о собственном теле, транслируемое посредством символических слов, жестов и т.п.), восприятие и отношение к нему, воспроизводимое в повседневной жизнедеятельности, и конкретный выбор соответствующего поведения (вредные привычки, гигиена, питания, отношение к спорту и т.д.). Телесность формируется в ходе социализации в течение всей жизни личности, но в ситуации постбоевых действий, ранений она часто резко меняется, что вызывает у воинов большой стресс.

Телесность в течение длительного времени была предметом осмысления философов (Л.В. Жаров, Н.Н. Визитей, В.Л. Круткин и др.), антропологов (М.В. Шугуров, С.С. Хоружий, Н.А. Тельнова, С.П. Гурин) и лишь в последнее время на эти проблемы начали обращать внимание психологи и социологи. Тело рассматривается как место обитания внутреннего мира личности. Но социология телесности еще недостаточно разработана и в основном касается лишь отдельных аномалий образа тела у личности. Истоки проблематизации телесности в социологии связаны с ориентацией на моральные аспекты толерантности социума к таким нарушениям. Между тем в современных условиях, особенно для участника СВО, его тело выступает очень важным фактором выживания, а позже – залогом успешности

в социальной, профессиональной и иной деятельности. Более того, сегодня их телесный характеристики часто определяют характер социальных представлений о личности, предопределяют их взаимоотношения и статус в социуме.

Если говорить о различных научных направлениях изучения телесности, то среди них можно выделить позитивистский, конструктивистский, культурно-исторический психоаналитический, феноменологический, факторные подходы. Рассмотрим их подробнее.

В позитивистском подходе (К. Петерсон Б. Фредриксон [5]) телесность рассматривается в качестве средства удовлетворения потребностей личности, ее здоровья и благополучия. Эволюционная теория (Линкер [6], Д. Басс [7]) позволяет сосредоточиться на генезисе и особенностях приспособления тела участников боевых действий к различным средам и условиям, в контексте выживания.

Конструктивизм (П. Бергер, Т. Лукман, А. Лоуэн, Е. Спинелли) увязывает телесность с самосознанием и выработкой идентичности личности. Авторы рассматривали телесность как неотъемлемую часть человеческого опыта. В. Франкл считал ее основой свободы выбора и ответственности перед собой и другими. Р. Мэй видел в ней смысл жизни человека, его возможности, а также осознание потребностей. И. Ялом писал, что осознание потребностей телесности выступает залогом достижения гармонии и целостности личности. Это особенно важно, так как именно во время боевого опыта участников СВО они в полной мере осознают всю ответственность как за свое тело, так и за телесность своих сослуживцев.

С позиций культурно-исторической парадигмы телесность традиционно для российской науки, начиная с Л.С. Выготского и его последователей (А.Ш. Тхостов, В.В. Николаева и др.) телесность анализировалась через отношение личности к своему организму, самооценкам собственного здоровья, наличия болезней, потребностей и идентичности. Кроме того, А.Ф. Лосев, Т.С. Леви это понятие было связано с социальными характеристиками телесного функционирования, их аномалиями, что особенно важно для понимания состояния травмированных военнослужащих.

Достаточно серьезно телесность изучалась в рамках психоаналитического подхода (З. Фрейд [8] и его коллеги А. Александер, А. Лоуэн, М. Фельденкрайз). Они обратили внимание на то, что тело индивида неосознанно всегда выражает его эмоции, потребности, и прочее. Поэтому их можно выявлять, наблюдать и интерпретировать через жесты, выражения. Таким образом они показали важную роль самосознания и представления о структуре и функциях телесности. И наоборот, при дисфункции отдельных органов тела возникают нередко фантомные боли утраченных частей телесности, которые сигнализируют о нарушениях и влияют на общее самовосприятие участников СВО.

Э. Эриксон, О.В. Лаврова предложили рассматривать стадии развития индивида в зависимости от формирования основных ориентиров идентификации по отношению к себе и к своей социальной среде, включая ролевые трансформации. Сторонники этой концепции ввели термин трансференции, под которым понимали установление особых отношений доверия, позитивных эмоций пациента к тренеру, врачу, что крайне важно для излечения раненых военнослужащих. Этот подход, ориентированный на взаимосвязь телесных травм, ранений и состояний личности открывает возможности использовать этот механизм на благо травмированных участников СВО.

Феноменологический подход (Мерло-Понти) сосредоточен на сопряженности взаимодействия индивида со своим телом, его самоощущения с личным восприятием и практическим опытом. В этом ключе телесность трактуется как субъективные, реальные переживания личности по поводу функционирования, проявления двигательной активности под воздействием собственных практик, социокультурных ожиданий и традиций. Сюда относятся и ощущения своего организма, чувство собственности над ним, опыт межличностного взаимодействия в аксиологическом пространстве социума. Это в полной мере касается участников СВО, которые после ранения вынуждены особенно тщательно прислушиваться к своему телу, по-новому воспринимать его, восстанавливать свою собственность над ним и выстраивать на базе этого взаимоотношения с социальным окружением.

По М.М. Бахтину, следует различать внутренние и внешние аспекты телесной структуры. К внутренним он относил все, что связано с собственным личностным жизненным пространством – мир потребностей, ощущений, желаний. К внешним – восприятие своей телесности окружающей социальной средой. Д. Беннет также отличал понятие тела и его восприятие. Причем последнее проявляется через абстрактное восприятие тела вообще (абстрактная концепция) и восприятие собственного тела (собственная концепция). Р. Шонц акцентировал внимание на образе тела (схема тела) и его символах, которые помогают личности в формировании ее половой, возрастной, социальной, этнической идентичности. Однако понятия «схема тела» и «образ тела» не совсем идентичны. Первое отражает преимущественно устойчивое знание индивида о своем теле, второе фокусирует внимание на роли социокультурных традиции, предрассудков, намерений, желаний. Причем последнее больше связано с индивидуальным опытным восприятием, чем с реальностью (П. Федерн). Применительно к участникам СВО это представляется важным, так как у каждого из них присутствует в памяти функциональная схема своего тела, и она нередко вступает в противоречие с ныне возникшим восприятием образа своей телесности как ущербного, травмированного и дисфункционального.

Достаточно значимы в плане телесности человека проблемы восприятия здоровья и болезни (М. Фуко, В. Подорога). А. Адлер [9] в фокус исследований заложил изучение взаимосвязи телесного Я-образа и личностной самооценкой в 5 основных сферах жизнедеятельности – психологической, социальной, умственной, экономической и физической, что и определяет поведенческие практики индивидов. Последняя область у раненых часто проявляется в силу травмированности, утрата конечностей, болезненности, инвалидности, деформации органов, физической слабости. Достаточно часто встречается контузия и стресс, порождающие умственные и психологические проблемы. Причем у участников СВО это не столько наличие реального телесного дефекта, сколько восприятие его как своего телесного Я-образа. Это трансформирует их личности, способствует формированию инвалидизированного самосознания и чувства своей социальной неполноценности. Вместе с тем, что для нас особенно значимо, на поведение индивида в большей мере влияют его цели и ожидания, чем прошлый опыт. Поэтому крайне важно для раненых участников боевых действий формирования новых социальных интересов – чувства воинской общности, кооперации и гордости на свои ратные подвиги, восхищение окружающих. Чувство принадлежности к этой группе воинов влияет на их восприятие своего тела, помогая восстановить или сформировать новую позитивную телесную идентичность.

Отталкиваясь от мнения Е.Т. Соколовой, в телесности участников военного конфликта можно выделить также 3 типа установок – когнитивные, аффективные и поведенческие. Первые состоят из общего образа своих функционально – телесных характеристик, способностей, потенциальных возможностей, социальной их значимости, самооценки собственной внешности. Второй тип установок включает эмоциональное отношение к себе, самоуважение самоунижение, степень эгоистичности. Третьи, поведенческие установки проявляются в ходе практической реализации целей, мотивов, потребностей в новых условиях социальной реабилитации.

Восприятие телесности у участников СВО проявляется в нескольких аспектах. К первому относится телесность с позиций ее социальной значимости, предполагающее эмоциональную оценку собственной внешности. Второй аспект – это физический объект, состоящий из определенных форм, функциональных органов. Третий аспект отражает символическое восприятие своего тела и его значимости. Все три аспекта формируют их идентичность, оценку своего состояния, интерпретацию личностного социального пространства и статусного престижа, что на практике реализуется в семейных, трудовых и общественных правах, в выполнении различных обязанностей.

В. Шонфельд [10] акцентировал внимание на актуальности осознанного и бессознательного образа тела. У воинов СВО эта актуальность реализуется через принятие своей новой внешности или сохранившихся или утраченный функциональных способностей. Кроме того, эта злободневность проявляется через интернализованный внутренний собственный эмоциональный опыт, включая иллюзорные искажения, фантомные боли и прочее. Немалую роль играют здесь социокультурные реакции на раненного индивида его семьи, родителей, социального окружения и социума в целом. И наконец, важно существование в представлениях воинов идеального образа своего тела, самоощущения и самоидентификации его с изменившимися телесными реалиями, его восприятие и сравнение с другими людьми.

Факторный подход (Т. Кэш, И.С. Кон [11], А.А. Налчаджян [12]) нацелен на анализ социокультурных стереотипов и условий (стандарты красоты тела), влияющих на восприятие и самооценку собственной телесности. При этом поза, жесты, мимика и тому подобное не только передают определенную информацию в ходе коммуникаций, но и влияют на содержание и характер социальных взаимодействий. Следовательно личность, не удовлетворенная своим телом, ориентируется не на его реальные параметры, а на свое восприятие общепризнанных стандартов идеальной телесности. Именно через эти критерии привлекательности человек формирует представления о его телесности. По мере выздоровления у молодых раненых бойцов эти индикаторы нередко выходят на передний план и предопределяют характер их конструктивной или деструктивной идентичности и жизненные перспективы.

С социологических позиций анализ телесности воинов СВО предполагает интеграцию в единое объединение физиологических, социальных и личностных характеристик. Он измеряется степенью эквивалентности жизненного пространства и проявляется в сознательном отношении раненых к собственному телу в каждый конкретный момент времени. Субъектное измерение телесности формирует как абстрактную концепцию тела, так и отношение к реальным телесным практикам восстановления организма.

Таким образом, анализ позитивистского, конструктивистского, культурно-исторического психоаналитического, феноменологического, факторного подходов к телесности позволяет констатировать, что в науке накоплен определенный опыт теоретического изучения этих аспектов, который может стать основой понимания проблем реабилитации участников СВО. Под этим понимается комплекс мер, обеспечивающих процесс восстановления состояния нормальной, привычной телесности участников боевых действий, который включает избавление или компенсацию нарушений функций органов тела, социальную, внутриличностную, спортивную, профессиональную адаптацию к совершенно новым гражданским жизненным условиям. Термин социальной реабилитации следует отличать от близкого понятия абилитации. Абилитация – это практики, направленные на освоение нового пространства, преодоления инвалидизированной идентичности, приобретение новых навыков, которые позволят адаптироваться к приемлемым условиям жизни с учётом имеющихся ограничений по здоровью. Она предполагает не только занятия по осознанию и принятию своей новой телесности, но и рефлексотерапию, физиотерапию, занятия адаптивным спортом. Если реабилитация направлена на восстановление утраченной структуры телесности из-за травм, ранений, ожогов и прочее, то абилитация нацелена на формирование новых навыков своего травмированного тела, чтобы приспособить его к новым условиям жизни.

Вместе с тем приходится констатировать почти полное отсутствие социологических исследований в контексте современных реалий СВО, где принимают участие не только кадровые военные, но и контрактники, мобилизованные, добровольцы и другие категории россиян. Они имеют различный уровень военной подготовки и разную степень риска ранений в боевых действиях. Преодоление дефицита комплексности социологических научно-обоснованных теоретических и методических разработок с учетом телесности способно сделать процесс социальной реабилитации участников вооруженных конфликтов, особенно с инвалидностью в контексте утраты или ограничения трудоспособности, более эффективным. Это ставит ряд задач перед современной социологической наукой по разработке принципов и методик комплексной реабилитации и абилитации участников СВО, включая телесные спортивно-оздоровительные методики.

Литература

1. Бонкало Т.И. Комплексная реабилитация участников специальной военной операции на Украине: дайджест январь-февраль 2023 / Т.И. Бонкало. Электрон. текстовые дан. М.: ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 2023. – URL: https://niioz.ru/moskovskayameditsina/izdaniya-nii/daydzhest-meditsinskiy-turizm-i-eksport-meditsinskikh-uslug/ (дата обращения: 04.09.2025).

2. Новгородцева Д.Р. Проблемы реабилитации участников боевых действий – URL: //https://scienceforum.ru/2023/article/2018034594?ysclid=mi7at4s43n48463649 (дата обращения 09.10.25); Русин А. О потерях в ходе СВО. 07.11.2022. -URL: https://dzen.ru/a/Y2IAlyOlkmPfVAp2 (дата обращения 15.11.2025)

3. Более 2600 бойцов СВО вернулись в Саратовскую область -URL: https://t.me/smi_saratov/ 33622 (дата обращения 25.12.2025).

4. Быховская И.М. Homo somatikos: аксиология человеческого тела. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 208 с.

5. Fredrickson B.L. Positive Emotions Broaden and Build // Advances in Experimental Social Psychology. 2013. Vol. 47. P. 1–53.

6. Линкер С. Чистый лист: Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 606 с.

7. Buss D. Evolutionary Psychology: The New Science of the Mind. New York: Psychology Press, 2015. 496 p.

8. Фрейд З. Я и Оно. – Л.: Академия, 1924. – С. 363.

9. Адлер А. Понять природу человека. – СПб.: Академический проект, 1997. – 256 с.

10. Цит.по: Осипова А.А., Ингерлейб М.Б. Систематизация подходов к определению концепта телесности // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2023. Т. 12. № 12А. С. 26–33.

11. Кон И.С. Мужское тело в истории культуры. – М.: Слово/Slovo, 2003. – 432 с.

12. Налчаджян А.А. Теория ценностей и цинизма, Психологические аспекты аксиологии. Москва, «Когито Центр», 2020, 206 с.

SOCIAL REHABILITATION AND HABILITATION OF COMBATANTS FROM THE STANDPOINT OF THE CONCEPTS OF CORPOREALITY

Zaitsev S.N.

Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky

The article analyzes positivist, constructivist, cultural-historical psychoanalytical, phenomenological, factor approaches to corporeality. It allows us to state that science has accumulated a certain experience of theoretical study of these problems, which can become the basis for understanding the problems of rehabilitation of participants in the special military operation. A set of measures that ensure the process of restoring the state of normal, habitual corporeality of combatants, which includes getting rid of or compensating for disorders of the functions of body organs, social, intrapersonal, sports, professional adaptation to civilian living conditions. Attention is paid to the close, but not identical concept of rehabilitation, which fixes practices aimed at mastering a new space, overcoming disabled identity, acquiring new skills of physicality, which will allow adapting to acceptable living conditions, taking into account the existing bodily limitations. It is shown that, unlike rehabilitation, habilitation is aimed at forming the skills of one's traumatized body in order to adapt it to the new living conditions. The structure of habilitation includes not only classes on awareness and acceptance of one's new physicality, but also reflexology, physiotherapy, and adaptive sports.

Keywords: participants of the special military operation, physicality, body, rehabilitation, habilitation.

References

1. Bonkalo T.I. Comprehensive rehabilitation of participants in the special military operation in Ukraine: digest, January–February 2023 / T.I. Bonkalo. Electronic text data. Moscow: NIIOZMM DZM, 2023. – URL: https://niioz.ru/moskovskayameditsina/izdaniya-nii/daydzhest-meditsinskiy-turizm-i-eksport-meditsinskikh-uslug/ (accessed: 04.09.2025).

2. Novgorodtseva D.R. Problems regarding the rehabilitation of combat veterans – URL: https://scienceforum.ru/2023/article/2018034594?ysclid=mi7at4s43n48463649 (accessed: 09.10.2025); Rusin A. On casualties during the SMO. 07.11.2022. – URL: https://dzen.ru/a/Y2IAlyOlkmPfVAp2 (accessed: 15.11.2025).

3. Over 2,600 SMO fighters have returned to the Saratov Region – URL: https://t.me/smi_saratov/33622 (accessed: 25.12.2025).

4. Bykhovskaya I.M. Homo Somatikos: The Axiology of the Human Body. – Moscow: Editorial URSS, 2000. – 208 p.

5. Fredrickson B.L. Positive Emotions Broaden and Build // Advances in Experimental Social Psychology. 2013. Vol. 47. P. 1–53.

6. Pinker S. The Blank Slate: The Modern Denial of Human Nature. Moscow: Alpina Non-Fiction, 2018. 606 p.

7. Buss D. Evolutionary Psychology: The New Science of the Mind. New York: Psychology Press, 2015. 496 p.

8. Freud S. The Ego and the Id. – Leningrad: Academia, 1924. – P. 363.

9. Adler A. Understanding Human Nature. – St. Petersburg: Akademicheskiy Proekt, 1997. – 256 p.

10. Cited in: Osipova A.A., Ingerleib M.B. Systematization of approaches to defining the concept of corporeality // Psychology: Historical-Critical Reviews and Modern Research. 2023. Vol. 12. No. 12A. Pp. 26–33.

11. Kon I.S. The Male Body in the History of Culture. – Moscow: Slovo, 2003. – 432 p.

12. Nalchadjyan A.A. Theory of Values and Cynicism: Psychological Aspects of Axiology. Moscow: Kogito-Center, 2020. 206 p.

Спортивная активность в структуре стилей жизни студенчества: культурные образцы и ценностные ориентации

Изгородин Никита Юрьевич,
ассистент кафедры «Физическое воспитание», ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: nyizgorodin@fa.ru

Регулярные занятия физической культурой давно перестали восприниматься молодыми людьми исключительно как средство поддержания здоровья и превратились в узнаваемый элемент стиля жизни, по которому сверстники судят о человеке не менее охотно, чем по манере одеваться или проводить свободное время. В работе спортивная активность рассмотрена как культурный образец, разграничены четыре типа отношения студенчества к занятиям физической культурой, раскрыто устройство ценностного ядра образца и обоснована схема расхождения между разделяемой ценностью и повседневным поведением. Измерительное ядро составляют коэффициент реализации декларации K_D и коэффициент воплощения культурного образца K_B. Расчеты выполнены по материалам мониторинговых опросов общественного мнения и открытым данным выборочного наблюдения населения. Полученные оценки показывают, что приверженность здоровому образу жизни разделяется подавляющим большинством опрошенных, тогда как постоянное следование ей признает лишь немногим более половины, а фактическое пользование доступными местами для занятий физической культурой в возрастной группе периода обучения покрывает примерно треть от численности тех, кто относит двигательную активность к обязательным составляющим здорового образа жизни. Отсюда следует, что образец усвоен на уровне признания, но не закреплен на уровне рутины, вследствие чего управленческие усилия целесообразно направить на перевод ценности в привычку. Практическая значимость определяется применимостью инструментария при планировании воспитательной работы университета и при отборе форматов занятий физической культурой, соответствующих культурным ожиданиям молодежи.

Ключевые слова: стиль жизни, культурный образец, ценностные ориентации, спортивная активность, студенчество, здоровый образ жизни, разрыв ценности и практики, досуг, социология культуры, вовлеченность.

Введение

Приверженность здоровому образу жизни закреплена в программных документах отрасли в качестве социально одобряемой нормы, а увеличение численности систематически занимающихся отнесено к ориентирам национального развития [1], [2]. Норма, однако, живет не только в документах, но и в повседневных представлениях людей о том, как следует проводить время, чем принято заниматься и что говорит о человеке выбранный им способ поддержания формы. Именно в этом слое обыденных представлений спортивная активность обретает культурное измерение, а занятия физической культурой перестают быть исключительно инструментом сохранения здоровья и становятся частью узнаваемого стиля жизни. Студенчество представляет для изучения такого превращения особый интерес, поскольку соединяет высокую восприимчивость к образцам сверстников с институциональной поддержкой занятий физической культурой со стороны образовательной организации.

Теоретические основания проблематики образованы Веберовским пониманием стиля жизни как выражения статусной принадлежности [3], программой социологии спорта П. Бурдьё, показавшей классифицирующую природу занятий физической культурой [4], и фигурационным подходом Н. Элиаса и Э. Даннинга к спорту как форме организованного досуга [5]. Л.И. Лубышева разрабатывает понятие спортивного стиля жизни и ценностного потенциала занятий физической культурой [6], а Ю.А. Зубок и В.И. Чупров раскрывают механизм согласования разделяемых ценностей с повседневным поведением [7], [8]. И.В. Журавлева с соавторами фиксирует инерционность установок на здоровье [9], а Г.А. Ивахненко описывает расхождение декларируемых намерений студенчества с реальными практиками [10]; зарубежные обзоры В. Кляевича с соавторами [11] и П.Ж. Тейшейры с соавторами [12] описывают состояние двигательной активности студенческих совокупностей и связывают устойчивость занятий физической культурой с автономной мотивацией. Однако измеримое сопоставление разделяемого культурного образца с фактическим поведением студенчества в научной литературе проведено недостаточно.

Объект исследования – спортивная активность студенчества как элемент стиля жизни.

Предмет исследования составляют культурные образцы и ценностные ориентации, определяющие отношение обучающихся к регулярным занятиям физической культурой, а также расхождение между разделяемой ценностью и повседневным поведением.

Цель исследования – раскрытие культурного устройства спортивной активности студенчества и разработка измеримого инструментария оценки расхождения между ценностью и практикой.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили культурсоциологический подход к анализу стилей жизни, теория практик и приемы формализованного сопоставления опросных данных, включая расчет отношения между декларируемой и постоянно соблюдаемой приверженностью норме, оценку места двигательной активности в структуре представлений о здоровом образе жизни и соотнесение этих представлений с фактическим пользованием местами для занятий физической культурой.

Информационную базу образуют материалы мониторингового опроса общественного мнения о представлениях населения о здоровом образе жизни [13], аналитический обзор о причинах отказа от занятий спортом [14], открытые данные Федеральной службы государственной статистики о наличии мест для занятий физической культурой и спортом и характере пользования ими [15], а также опубликованные результаты анкетирования обучающихся [16]. Сопоставимость будущих замеров обеспечивается применением валидированного международного опросника физической активности [17].

Результаты и обсуждение

Место занятий физической культурой в укладе повседневной жизни объясняется в литературе тремя способами. Сопоставление приведено в таблице 1.

Таблица 1. Объяснения места спортивной активности в укладе повседневной жизни

Объяснение	Представители	Что связывает занятия физической культурой с укладом жизни	Ограничение объяснения	Применение к студенчеству
Стиль жизни статусной группы	М. Вебер	Принадлежность к сообществу, выражаемая манерой проводить время	Разработано до появления массового спортивного досуга	Объясняет узнаваемость занимающегося в студенческой среде
Классифицирующая практика	П. Бурдьё	Способность занятия физической культурой отличать человека от прочих и сближать с подобными	Не разбирает случай общедоступной практики	Объясняет неравную привлекательность разных видов активности
Организованный досуг цивилизационного процесса	Н. Элиас, Э. Даннинг	Потребность в упорядоченном возбуждении, восполняющем сдержанность повседневности	Обращено к зрелищному спорту более, чем к самостоятельным занятиям физической культурой	Объясняет притягательность соревновательных форматов

Источник: составлено автором.

Три объяснения сходятся в том, что занятия физической культурой несут значение, выходящее за пределы поддержания здоровья, однако ни одно из них не разбирает состава этого значения. Между тем именно состав определяет, к чему обращаться при вовлечении обучающихся, поскольку довод, безразличный для человека, действия не вызывает. Разбор приведен в таблице 2.

Таблица 2. Ценностное ядро спортивной активности как культурного образца студенчества

Составляющая ядра	Содержание ценности	Способ предъявления окружающим	Теоретическая интерпретация
Забота о здоровье	Признание регулярных занятий физической культурой условием сохранения работоспособности	Рассказ о режиме дня, отказ от вредных привычек	Инструментальное отношение к занятию физической культурой как к средству
Внешний облик	Соответствие внешнего вида принятым в среде представлениям о подтянутости	Демонстрация результата в повседневном общении и социальных сетях	Классифицирующая функция занятий физической культурой
Самодисциплина	Способность соблюдать распорядок вопреки усталости и загруженности	Регулярность посещений, участие в длительных программах	Организованный досуг как школа самоконтроля
Принадлежность к сообществу	Совместность занятий физической культурой, общий круг знакомств и общие поводы для встреч	Командные форматы, поездки на соревнования, клубная символика	Стиль жизни как выражение статусной принадлежности

Источник: составлено автором.

Приведенное в таблице 2 разграничение показывает, что оздоровительная составляющая занимает в ядре лишь одно из четырех мест, вследствие чего просветительская работа, обращенная исключительно к пользе занятий физической культурой для здоровья, задействует четверть мотивационного потенциала образца. Различия в отношении обучающихся к занятиям физической культурой сведены в таблице 3.

Результаты таблицы 3 указывают на ключевую для управления группу, которую образуют декларирующие обучающиеся, признающие ценность занятий физической культурой без ее воплощения в поведении. Механизм возникновения такого расхождения раскрыт на рисунке 1.

Таблица 3. Типы отношения студенчества к регулярным занятиям физической культурой

Тип отношения	Признание ценности занятий физической культурой	Регулярность практики	Ведущая составляющая ценностного ядра	Управленческая задача применительно к типу
Практикующий	Полное	Устойчивая вне обязательного расписания	Самодисциплина и принадлежность к сообществу	Сохранение доступа к объектам и форматам
Декларирующий	Полное	Эпизодическая либо отсутствующая	Забота о здоровье и внешний облик	Перевод признания ценности в устойчивую привычку
Исполняющий	Частичное	Ограниченная рамками учебного расписания	Отсутствует выраженная составляющая	Формирование интереса к содержанию занятий физической культурой
Отстраненный	Слабое	Отсутствующая	Ядро образца не усвоено	Снятие репутационных и организационных препятствий

Источник: составлено автором.

Рис. 1. Схема расхождения между разделяемой ценностью занятий физической культурой и повседневным поведением студенчества

Источник: составлено автором.

Изображенная на рисунке 1 схема поясняет, почему рост осведомленности о пользе занятий физической культурой не сопровождается сопоставимым ростом их регулярности. Ценность, не подкрепленная опорами повседневности, обесценивается сама, поскольку длительное несоблюдение нормы вынуждает человека либо признать собственную непоследовательность, либо понизить значимость нормы. Меру превращения разделяемой ценности в постоянное поведение измеряет коэффициент по формуле (1).

$$K_p = \frac{c_{пост}}{c_{декл}} \quad (1)$$

где K_p – коэффициент реализации декларации, $c_{пост}$ выражает долю респондентов, признающих постоянное соблюдение принципов здорового образа жизни, а $c_{декл}$ соответствует доле разделяющих эти принципы в целом. По материалам мониторингового опроса приверженность норме декларируют 88% респондентов, тогда как о постоянном следовании ей сообщают 53% [13], что дает $K_p = 53/88 = 0{,}60$. Три пятых носителей нормы, таким образом, переводят ее в устойчивое поведение, а оставшаяся часть удерживает норму на уровне признания. С амо место двигательной активности в структуре нормы при этом центральное, а не периферийное, поскольку к обязательным составляющим здорового образа жизни ее относят 94% опрошенных [13], и потому обращение к занятиям физической культурой не требует предварительного убеждения аудитории в их полезности. Степень воплощения образца в поведении измеряет коэффициент по формуле (2).

$$K_в = \frac{d_{исп}}{c_{акт}} \quad (2)$$

где $K_в$ – коэффициент воплощения культурного образца, $d_{исп}$ выражает долю пользующихся местами для занятий физической культурой в возрастной группе периода обучения, а $c_{акт}$ соответствует доле относящих активность к составляющим здорового образа жизни.

Расчет по фактическим данным дает $K_в = 30{,}55 / 94 = 0{,}33$ [13], [15], то есть примерно треть носителей образца воплощает его в регулярном пользовании доступными местами. Сопоставление приведенных величин позволяет утверждать, что дефицит расположен не в области ценностей и не в области осведомленности, а в области повседневных опор поведения, поскольку ценность признана почти единодушно, а практика охватывает меньшинство. Культурные форматы, способные сократить обнаруженное расхождение, систематизированы в таблице 4.

Таблица 4. Культурные форматы занятий физической культурой, соответствующие ценностному ядру образца

Формат	Задействуемая составляющая ядра	Содержание формата	Тип отношения, на который формат рассчитан
Клубные занятия физической культурой по интересам	Принадлежность к сообществу	Постоянные группы с общим кругом участников и собственной символикой	Декларирующий
Длительные программы с фиксацией динамики	Самодисциплина	Многонедельные циклы с индивидуальным дневником достижений	Декларирующий и исполняющий
Массовые события с низким порогом участия	Внешний облик и принадлежность	Забеги, велопрогулки, дни здоровья без соревновательного отбора	Отстраненный
Занятия физической культурой с медицинским сопровождением	Забота о здоровье	Группы с индивидуальным заданием и контролем состояния	Исполняющий
Наставничество старшекурсников	Принадлежность к сообществу	Сопровождение первокурсника опытным занимающимся	Отстраненный и исполняющий

Источник: составлено автором.

Данные таблицы 4 подтверждают, что каждому типу отношения соответствует собственный формат вовлечения; универсальное расписание обращено преимущественно к исполняющему типу. Отмеченное в исследованиях мотивации преобладание автономной регуляции над внешним побуждением при длительном соблюдении режима занятий физической культурой [12] объясняет, почему клубные и наставнические форматы обладают наибольшим потенциалом удержания. Социологический контекст усиливает значимость такой настройки, поскольку опыт пандемийного периода изменил представления молодых поколений о ценности здоровья [18], цифровая среда взросления сформировала новые каналы предъявления образца сверстникам [19], а барьеры, называемые респондентами при отказе от занятий физической культурой, носят преимущественно организационный характер [14]. Наблюдаемое состояние двигательной активности студенческих совокупностей в международных обзорах [11] показывает, что описанное расхождение не является особенностью отдельной страны и воспроизводится в сходных образовательных условиях.

Выводы

Раскрытое ценностное ядро спортивной активности показало, что оздоровительная составляющая образца соседствует с заботой о внешнем облике, самодисциплиной и принадлежностью к сообществу, вследствие чего просветительская работа, ограниченная доводами о пользе для здоровья, задействует лишь часть мотивационного потенциала.

Предложенная типология отношения к занятиям физической культурой выделила группу обучающихся, признающих ценность практики без ее воплощения, и определила эту группу как главный адресат управленческого воздействия. Сконструированное измерительное ядро подтвердило работоспособность на опросных и статистических данных, показав почти единодушное признание нормы при заметно меньшей доле постоянного следования ей и еще меньшей доле фактического пользования доступными условиями. Полученный результат переносит акцент с формирования ценностей на создание повседневных опор регулярности и обосновывает пять культурных форматов вовлечения. Ограничение работы – опора на самооценочные суждения респондентов, что задает направление дальнейших исследований в виде сопоставления деклараций с объективной регистрацией частоты занятий физической культурой.

Литература

1. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542 (дата обращения 01.09.2026).

2. Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 24.11.2020 № 3081-р. – URL: http://government.ru/docs/all/131173/ (дата обращения 01.09.2026).

3. Weber M. Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology / ed. by G. Roth, C. Wittich. – Berkeley: University of California Press, 1978. – 1469 p.

4. Bourdieu P. Program for a Sociology of Sport // Sociology of Sport Journal. – 1988. – Vol. 5, No. 2. – P. 153–161. – DOI 10.1123/ssj.5.2.153.

5. Elias N., Dunning E. Quest for Excitement: Sport and Leisure in the Civilizing Process. – Oxford: Basil Blackwell, 1986. – 300 p.

6. Лубышева, Л.И. Социология физической культуры и спорта: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 033100 – Физическая культура / Л.И. Лубышева. – 2-е издание, стереотипное. – Москва: Academia, 2004. – 99 с. – (Высшее профессиональное образование. Педагогические специальности). – ISBN 5-7695-1993-2. – EDN QODCWH.

7. Зубок, Ю.А. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров. – Москва: Юридическое издательство “Норма”, 2020. – 304 с. – ISBN 978-5-00156-082-1. – EDN WLJWBA.

8. Зубок, Ю.А. Жизнедеятельность молодежи в изменяющейся реальности: противоречия саморегуляции / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – Т. 13, № 6. – С. 215–231. – DOI 10.15838/esc.2020.6.72.13. – EDN NWMEAQ.

9. Здоровье подростков и окружающая среда: изменения за 20 лет / И.В. Журавлева, Л.Ю. Иванова, Г.А. Ивахненко [и др.]. – Москва: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2021. – 309 с. – ISBN 978-5-89697-356-0. – DOI 10.19181/monogr.978–5–89697–356–0.2021. – EDN FICNUD.

10. Ивахненко Г.А. Здоровье московских студентов: анализ самосохранительного поведения // Социологические исследования. 2006. № 5. С. 78–81 // Социология образования. – 2006. – № 11. – С. 7. – EDN HUVGDH.

11. Kljajević V., Stanković M., Đorđević D. [et al.]. Physical Activity and Physical Fitness among University Students: A Systematic Review // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2021. – Vol. 19, No. 1. – Art. 158. – DOI 10.3390/ijerph19010158.

12. Teixeira P.J., Carraça E.V., Markland D. [et al.]. Exercise, physical activity, and self-determination theory: A systematic review // International Journal of Behavioral Nutrition and Physical Activity. – 2012. – Vol. 9. – Art. 78. – DOI 10.1186/1479–5868–9–78.

13. Здоровый образ жизни: мониторинг: аналитический обзор от 22.05.2024 / Всероссийский центр изучения общественного мнения. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorovyi-obraz-zhizni-monitoring (дата обращения 01.09.2026).

14. Спорт для всех: аналитический обзор от 16.10.2023 / Всероссийский центр изучения общественного мнения. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sport-dlja-vsekh (дата обращения 01.09.2026).

15. Наличие мест для занятий физической культурой и спортом: набор открытых данных, идентификатор 7708234640-placesforsports-2021 / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/opendata/7708234640-placesforsports-2021/data-20220624T1306-structure-20220624T1306.csv (дата обращения 01.09.2026).

16. Физическая культура в вузе и мотивация студентов // КиберЛенинка. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fizicheskaya-kultura-v-vuze-i-motivatsiya-studentov (дата обращения 01.09.2026).

17. Craig C.L., Marshall A.L., Sjöström M. [et al.]. International Physical Activity Questionnaire: 12-Country Reliability and Validity // Medicine & Science in Sports & Exercise. – 2003. – Vol. 35, No. 8. – P. 1381–1395. – DOI 10.1249/01.MSS.0000078924.61453.FB.

18. Теневой эффект пандемии: коронавирус усугубил смертность от хронических заболеваний / Ю.Ю. Швец, Ю.А. Симагин, А.М. Луговых опор регулярности и обосновывает пять культурных форматов вовлечения. Ограничение работы – опора на самооценочные суждения респондентов, что задает направление дальнейших исследований в виде сопоставления деклараций с объективной регистрацией частоты занятий физической культурой.

ской, Д.Е. Морковкин // Народонаселение. – 2024. – Т. 27, № 3. – С. 73–84. – DOI 10.24412/1561–7785–2024–3–73–84. – EDN ZEVHFI.

19. Mikhaylov A. Yu., Morkovkin D.E., Mohamed T.I., Voytenkova G.F. The role of new media in enhancing adolescents' digital life quality // Population. – 2025. – Vol. 28, No. 2. – P. 160–170. – DOI 10.24412/1561–7785–2025–2–160–170. – EDN INULRB.

SPORTS ACTIVITY IN THE STRUCTURE OF STUDENTS' LIFESTYLES: CULTURAL PATTERNS AND VALUE ORIENTATIONS

Izgorodin N.Yu.
Financial University under the Government of the Russian Federation

Regular exercise has long ceased to be perceived by young people solely as a means of maintaining health and has turned into a recognizable element of lifestyle by which peers judge a person no less readily than by the manner of dressing or spending free time. In this paper sports activity is considered as a cultural pattern, four types of students' attitudes towards exercise are distinguished, the structure of the value core of the pattern is revealed, and a scheme of divergence between the shared value and everyday behaviour is substantiated. The measurement core consists of the coefficient of declaration fulfilment and the coefficient of embodiment of the cultural pattern. The calculations are based on materials of monitoring public opinion surveys and open data of a sample observation of the population. The obtained estimates show that commitment to a healthy lifestyle is shared by the overwhelming majority of respondents, whereas constant adherence to it is acknowledged by only slightly more than half, and the actual use of available places for exercise in the age group of the period of study covers approximately one third of those who consider motor activity an obligatory component of a healthy lifestyle. It follows that the pattern has been adopted at the level of recognition but not consolidated at the level of routine, and therefore managerial efforts should be directed towards converting the value into a habit. The practical significance is determined by the applicability of the tools when planning the educational work of a university and selecting forms of exercise corresponding to the cultural expectations of young people.

Keywords: lifestyle, cultural pattern, value orientations, sports activity, students, healthy lifestyle, value and practice gap, leisure, sociology of culture, engagement.

References

1. On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030 and for the Future up to 2036: Decree of the President of the Russian Federation No. 309 of 07.05.2024. – Available at: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542 (accessed 01.09.2026).

2. Strategy for the Development of Physical Culture and Sport in the Russian Federation for the Period up to 2030: Order of the Government of the Russian Federation No. 3081-r of 24.11.2020. – Available at: http://government.ru/docs/all/131173/ (accessed 01.09.2026).

3. Weber M. Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology / ed. by G. Roth, C. Wittich. – Berkeley: University of California Press, 1978. – 1469 p.

4. Bourdieu P. Program for a Sociology of Sport // Sociology of Sport Journal. – 1988. – Vol. 5, No. 2. – P. 153–161. – DOI 10.1123/ssj.5.2.153.

5. Elias N., Dunning E. Quest for Excitement: Sport and Leisure in the Civilizing Process. – Oxford: Basil Blackwell, 1986. – 300 p.

6. Lubysheva L.I. Sociology of Physical Culture and Sport: textbook. – 3rd ed. – Moscow: Academia, 2010. – 272 p. (In Russ.).

7. Zubok Yu. A., Chuprov V.I. Youth in the Cultural Space: Self-Regulation of Life Activity. – Moscow: Norma, 2020. – 304 p. (In Russ.).

8. Zubok Yu. A., Chuprov V.I. Life Activity of Youth in a Changing Reality: Contradictions of Self-Regulation // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. – 2020. – Vol. 13, No. 6. – P. 215–231. – DOI 10.15838/esc.2020.6.72.13. (In Russ.).

9. Zhuravleva I.V., Ivanova L. Yu., Ivakhnenko G.A. [et al.]. Adolescent Health and the Environment: Changes over 20 Years. – Moscow: FCTAS RAS, 2021. – 309 p. (In Russ.).

10. Ivakhnenko G.A. The Health of Moscow Students: An Analysis of Self-Preservation Behavior // Sociological Studies. – 2006. – No. 7. – P. 78–81. (In Russ.).

11. Kljajević V., Stanković M., Đorđević D. [et al.]. Physical Activity and Physical Fitness among University Students: A Systematic Review // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2021. – Vol. 19, No. 1. – Art. 158. – DOI 10.3390/ijerph19010158.

12. Teixeira P.J., Carraça E.V., Markland D. [et al.]. Exercise, physical activity, and self-determination theory: A systematic review // International Journal of Behavioral Nutrition and Physical Activity. – 2012. – Vol. 9. – Art. 78. – DOI 10.1186/1479–5868–9–78.

13. Healthy Lifestyle: Monitoring: analytical review of 22.05.2024 / Russian Public Opinion Research Center. – Available at: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorovyi-obraz-zhizni-monitoring (accessed 01.09.2026). (In Russ.).

14. Sport for All: analytical review of 16.10.2023 / Russian Public Opinion Research Center. – Available at: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sport-dlja-vsekh (accessed 01.09.2026). (In Russ.).

15. Availability of Places for Physical Culture and Sports: open data set, identifier 7708234640-placesforsports-2021 / Federal State Statistics Service. – Available at: https://rosstat.gov.ru/opendata/7708234640-placesforsports-2021/data-20220624T1306-structure-20220624T1306.csv (accessed 01.09.2026). (In Russ.).

16. Physical Culture at University and Student Motivation // CyberLeninka. – Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/fizicheskaya-kultura-v-vuze-i-motivatsiya-studentov (accessed 01.09.2026). (In Russ.).

17. Craig C.L., Marshall A.L., Sjöström M. [et al.]. International Physical Activity Questionnaire: 12-Country Reliability and Validity // Medicine & Science in Sports & Exercise. – 2003. – Vol. 35, No. 8. – P. 1381–1395. – DOI 10.1249/01.MSS.0000078924.61453.FB.

18. Shvets Yu. Yu., Simagin Yu. A., Lugovskoy A.M., Morkovkin D.E. The Shadow Effect of the Pandemic: Coronavirus Aggravated Mortality from Chronic Diseases // Population. – 2024. – Vol. 27, No. 3. – P. 73–84. – DOI 10.24412/1561–7785–2024–3–73–84. – EDN ZEVHFI. (In Russ.).

19. Mikhaylov A. Yu., Morkovkin D.E., Mohamed T.I., Voytenkova G.F. The role of new media in enhancing adolescents' digital life quality // Population. – 2025. – Vol. 28, No. 2. – P. 160–170. – DOI 10.24412/1561–7785–2025–2–160–170. – EDN INULRB.

Многомодусная коммуникация в цифровой среде: трансформация речевых режимов

Климова Ольга Михайловна,
кандидат культурологии, доцент кафедры русского языка и литературы, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: omklimova@fa.ru

Лапшина Светлана Сергеевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Баландина Лолита Аркадьевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Зайцева Ирина Александровна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Полякова Рауза Ильдаровна,
доцент кафедры русского языка и литературы, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Статья посвящена трансформации речевого взаимодействия в цифровой среде. Цель исследования: разработать аналитическую модель для сопоставления русскоязычных цифровых практик как переключаемых коммуникативных режимов. Методологическую основу составляют исследования компьютерно-опосредованного дискурса, цифровой прагматики и анализа взаимодействия; используются сравнительно-типологический анализ, дискурс-анализ и концептуальное моделирование. Материалом служат результаты российских и зарубежных исследований трех практик: голосовых сообщений, публичного комментирования и диалога с генеративной системой. Для их сопоставления выделены четыре параметра: речевая форма, темпоральная организация, структура адресации и характер технологического посредничества. Авторская интерпретация связывает цифровую многомодусность с возможностью менять конфигурацию речевого режима в продолжающемся взаимодействии. Российский материал задает границы применимости этой модели и позволяет проверить отдельные положения, сформулированные на зарубежных данных.

Ключевые слова: цифровая коммуникация, цифровой дискурс, речевой режим, голосовое сообщение, публичный комментарий, адресация, генеративный искусственный интеллект.

Введение

Цифровая среда меняет привычные связи между формой высказывания, временем ответа и фигурой адресата. В одном мессенджере пользователь пишет текст, затем записывает голосовое сообщение. Публичная реплика адресуется конкретному человеку и остается видимой более широкой аудитории. Диалог с генеративной системой задает еще одну конфигурацию: ответ формируется алгоритмически. Такие переходы уже с трудом описываются через привычное противопоставление устной и письменной речи [4, p. 10–11; 5, p. 39–41; 6, p. 127–130].

М.В. Иванова и Н.И. Клушина связывают интернет-коммуникацию с динамическими процессами современного русского языка [1, с. 367–368]. В работах о русскоязычных социальных медиа посты и комментарии становятся материалом для анализа культурных норм, ценностных репрезентаций и риторических стратегий [2, с. 151–152; 3, с. 205–206]. Голосовые сообщения в Telegram и VK образуют отдельную линию исследований [9, с. 129–130; 10]. Эти публикации описывают разные участки цифровой коммуникации. Их сопоставление подводит к вопросу: что происходит с режимом речевого взаимодействия при переходе от одной практики к другой?

Термин «многомодусная коммуникация» требует точного ограничения. Под ним понимаются сосуществование и переключение речевых режимов, конфигурацию которых определяют форма речи, темпоральность, адресация и технологическое посредничество. Предмет статьи составляют переходы между способами речевого участия в цифровой среде. Сочетание разных семиотических ресурсов специально не анализируется.

Цель исследования – разработать и обосновать аналитическую модель, позволяющую сопоставить современные русскоязычные цифровые практики как трансформации речевого режима. Для этого необходимо определить место предлагаемой модели относительно computer-mediated discourse, выделить параметры сопоставления и последовательно рассмотреть голосовое сообщение, публичный комментарий и диалог с генеративной системой. Отдельная задача связана с границами модели и возможностями ее применения.

Рабочая гипотеза опирается на различие трех механизмов. При переходе от текста к голосу меняются речевая форма и временная организация общения. Публичный комментарий перестраивает адресацию: непосредственный получатель реплики соседствует с потенциальной аудиторией. В диалоге с генеративной системой меняются характер посредничества и статус отвечающей стороны. Продуктивнее сопоставлять эти практики по типу происходящей трансформации, сохраняя платформу и технический канал среди характеристик конкретной коммуникативной ситуации.

Теоретические основания: от computer-mediated discourse к переключению режимов

Параметрическое описание цифрового дискурса возникло задолго до современных мессенджеров и генеративных систем. С. Херринг предложила фасетную классификацию computer-mediated discourse, соотнеся технические и социальные характеристики среды с особенностями речевого поведения [4, p. 10–11]. Принцип многофакторного описания разработан. Следующий вопрос относится к динамике взаимодействия: применимы ли такие параметры к последовательной смене способов участия в одной коммуникативной ситуации?

А. Джакер и К. Дюршайд рассматривают Web 2.0 как среду, где синхронность, письменность, устность и диалогичность вступают в новые сочетания [5, p. 39–41]. С. Херринг и Я. Андруцопулос систематизируют дальнейшее развитие computer-mediated discourse, включая классификацию, прагматику, управление взаимодействием и мультимодальность [6, p. 127–130]. Их работы позволяют описывать свойства цифровой речи через несколько координат, т.е. динамический срез схемы показывает переход между режимами во время продолжающегося взаимодействия.

На материале WhatsApp К. Кёниг прослеживает последовательность текстовых и аудиальных сообщений, включая запросы на смену режима и mode switching [7]. Единицей анализа становится переход. А. Сампьетро и К. Кёниг рассматривают его с другой стороны: пользователи объясняют или маркируют выбор голосового сообщения, связывая формат с представлениями об уместности и временем его ис-

пользования [8, p. 51–53]. Transmodal interaction у Кёниг сосредоточен на последовательности текста и аудио. Мы проверяем, допускает ли сходная логика сопоставление изменений: формы и темпоральности, адресации, посредничества. Речь идет о рабочей гипотезе. Ее состоятельность определяется тем, насколько сопоставимы выбранные случаи.

Материал и методы

Статья носит теоретико-аналитический характер. Эмпирическую опору составляют опубликованные результаты российских и зарубежных исследований цифровой коммуникации. Собственная количественная выборка на этом этапе не формируется. Числовые показатели приводятся только по работам, где авторы описали материал и процедуру его отбора.

Российский сегмент представлен исследованиями интернет-языка, голосовых сообщений и публичных сетевых дискуссий. М.В. Иванова и Н.И. Клушина описывают динамические процессы русского языка в интернет-пространстве [1, с. 367–368], А.В. Каминская рассматривает голосовое сообщение как особую форму дискурса с собственными социальными и коммуникативными характеристиками [9, с. 129–130]. Д.В. Балуцкая выбирает 100 русскоязычных голосовых сообщений из Telegram и VK, собранных за сентябрь 2025 – март 2026 г. [10]. Выборка используется как опубликованный эмпирический результат. Ее репрезентативность за пределами исследования автора не предполагается.

К. Збенович исследует публичное обсуждение приватных тем и описывает особенности такого взаимодействия [11, с. 251, 255–256]. М.В. Григорьева, С.А. Зверев и Е.А. Кожемякин анализируют более двух миллионов русскоязычных постов и комментариев из открытых источников [2, с. 151–152]; в другом исследовании М.В. Григорьева в соавторстве с Е.Н. Соколовой и А.Г. Смирновым обращаются к 70 тысячам сообщений и выделяют риторические стратегии артикуляции ценностей [3, с. 205–206]. Исследовательские задачи различаются. Для настоящей статьи указанный эмпирический массив ценен как материал наблюдения за публичным цифровым дискурсом.

Сопоставление опирается на дискурс-анализ, сравнительно-типологический анализ и концептуальное моделирование. Единицей сравнения выбран коммуникативный режим, составляющий конфигурацию четырех параметров: речевой формы, темпоральной организации, структуры адресации и технологического посредничества. Сохранность сообщения учитывается дополнительно, поскольку в рассматриваемых практиках этот признак различает случаи слабее.

Отправной точкой служит персональное текстовое сообщение: письменная форма, преимущественно асинхронная организация, индивидуальная или групповая адресация, платформенное посредничество. С ним сопоставляются три перехода: текст → голос; персональная реплика → публичный комментарий; межличностный диалог → взаимодействие с генеративной системой. Схема позволяет увидеть ведущий сдвиг в каждом случае и сопутствующие ему изменения (Таблица 1).

Таблица 1. Рабочая модель сопоставления цифровых речевых режимов

Режим	Речевая форма	Темпоральность	Адресация	Посредничество
Текстовое сообщение	письменная	преимущественно асинхронная	индивидуальная / групповая	платформенное
Голосовое сообщение	устная цифровая	асинхронная	индивидуальная / групповая	платформенное
Публичный комментарий	письменная	асинхронная / квазисинхронная	конкретный адресат + множественная аудитория	платформенное
Диалог с генеративной системой	письменная / гибридная	квазисинхронная	индивидуализированная	алгоритмическое

Голосовое сообщение: трансформация формы и темпоральности

Голосовое сообщение особенно ясно показывает расхождение устной формы и синхронного контакта. Пользователь говорит, адресат слушает позже. Запись сохраняется и допускает повторное воспроизведение; до отправки ее можно отменить или перезаписать. Получается устная цифровая форма с асинхронной организацией взаимодействия.

Российские исследования фиксируют эту гибридность на конкретном материале. А.В. Каминская связывает голосовые сообщения с сочетанием лингвистических, коммуникативных и социальных характеристик [9, с. 129–130, 133–134]. Корпус Д.В. Балуцкой включает 100 сообщений от 21 информанта 18–29 лет, извлеченных из Telegram и VK [10]. Автор описывает устную модальность, асинхронность и техническую обусловленность жанра. В 71 случае из 100 переход с текста на голос, по ее данным, не сопровождался специальным комментированием; в остальных встречались формулы, объясняющие или этикетно маркирующие выбор голоса [10]. Выборка ограничена по объему и возрасту информантов. Факт переключения при этом наблюдаем и описан.

Зарубежные исследования рассматривают тот же процесс с иной исследовательской оптикой. Р. Эмери применяет к WhatsApp voice messaging фасетную схему С. Херринг и сочетает conversation analysis с этнографическими методами [12, p. 135–140]. К. Кёниг переносит внимание на последовательность текстовых и аудиальных сообщений [7], А. Сампьетро и К. Кёниг – на метакоммуникацию вокруг голосовых сообщений [8, p. 51–53]. Перес Бехар и Кабанильяс Гарсия анализируют информационную организацию voice messages и смену канала вербального содержания [13, p. 45–47]. Прямое сопоставление с российской практикой требует осторожности: различаются платформы, языковой материал и исследовательские выборки.

В нашей модели переход text voice меняет прежде всего форму речепроизводства и временную организацию, хотя сама коммуникативная ситуация продолжается. Это первая линия трансформации. Российские данные Д.В. Балуцкой добавляют существенную деталь: переключение иногда получает явное речевое оформление, тогда как в 71 случае из 100 оно остается немаркированным [10].

Публичный комментарий: трансформация адресации

Публичный комментарий устроен иначе. По форме он остается письменным и часто асинхронным, зато структура адресации усложняется. Реплика может отвечать конкретному пользователю или исходному посту и одновременно оставаться видимой другим участникам площадки. Формальный адресат расходится с потенциальной аудиторией.

А. Марвик описывает imagined audience и context collapse на материале Twitter: пользователь конструирует представление о читателе в среде, где разные аудитории оказываются сведены в одно пространство [14, p. 114–122].]М. Шабла и Дж. Бломмарт ограничивают такое прочтение, критикуя широкое использование идеи context collapse и предлагая внимательнее рассматривать конкретные социальные действия и нормы цифрового взаимодействия [15, p. 251–255]. Это расхождение существенно для нашей аргументации. Публичность не свидетельствует об исчезновении контекста. Точнее говорить о перестройке адресации и изменении условий интерпретации реплики.

Российские работы дают материал иного типа. К. Збенович рассматривает публичное обсуждение приватных вопросов в российских социальных сетях [11, с. 251, 255–256]. Исследования крупных русскоязычных корпусов показывают, как в постах и комментариях воспроизводятся культурные нормы, ценностные представления и риторические стратегии [2, с. 151–152; 3, с. 205–206]. Их исследовательские задачи лежат в другой плоскости, поэтому прямым доказательством нашей модели эти результаты служить не могут. Для анализа здесь существенно другое: комментарий существует в публичном дискурсивном пространстве, где наблюдаемы аудитория, нормы и способы позиционирования.

Мы связываем переход к публичному комментарию прежде всего с перестройкой адресации. Конкретная точка привязки – пост, реплика, имя пользователя – сохраняется, круг потенциальных получателей расширяется. Технического адресата сообщения для анализа цифровой речи недостаточно. Учитывается видимость реплики, присутствие вторичной аудитории.

Реакцию организации на открытый комментарий доступен более широкому кругу читателей, чем непосредственный диалог с автором реплики. Возможные рекомендации для административной, образовательной или корпоративной коммуникации требуют отдельной проверки на российском материале, прежде всего на корпусах институциональных аккаунтов и цепочек комментариев.

Диалог с генеративной системой: трансформация посредничества

Диалог с генеративной системой представляет более сложный случай. Интерфейс организует последовательность реплик: запрос, ответ, уточнение, новая версия ответа. Внешняя структура напоминает диалог, однако статус отвечающей стороны иной. Поэтому анализ ограничен

речевым поведением пользователя и алгоритмически сформированной обратной связью; вопрос о субъектности системы не ставится.

Терминологическое разграничение здесь принципиально. Дж. Хэнкок, М. Нааман и К. Леви определяют AI-mediated communication как межличностную коммуникацию между людьми, где вычислительный агент действует от имени коммуникатора, модифицирует, дополняет или генерирует сообщение [16, p. 89–92]. Непосредственный разговор пользователя с генеративной системой имеет другую организацию. Для целей статьи этот случай обозначается рабочей формулой «алгоритмически опосредованное человеко-машинное взаимодействие». Формула выполняет операционную функцию и ограничивает анализ устройством речевого обмена, не затрагивая вопрос о субъектности системы.

Исследование М. Умаира, В. Сарати и Дж. Рёйтера выявляет ограничения больших языковых моделей в распознавании моментов смены речевого хода в естественном неподготовленном взаимодействии [17, p. 15503–15506]. Этот результат задает предел интерпретации: интерфейсная последовательность «реплика – ответ» сама по себе не дает оснований приравнивать генеративную систему к человеческому собеседнику.

Пользователь обращается к системе через речевые действия, знакомые по взаимодействию с людьми: формулирует запрос, уточняет, исправляет, переформулирует, указывает на ошибку. Для нашей модели решающим становится механизм производства ответной реплики. В мессенджере платформа передает сообщение между участниками, ответ формирует алгоритмическая система. Посредничество меняет функцию и становится самостоятельным параметром речевого режима.

Российская эмпирическая опора этого раздела слабее, чем у двух предыдущих. Сопоставимого русскоязычного массива диалогов в используемых исследованиях нет, поэтому оснований оценивать распространенность отдельных пользовательских стратегий тоже нет. Это прямо ограничивает выводы. Эмпирическая проверка потребует русскоязычного материала, собранного по единой процедуре с соблюдением этических требований.

Многомодусность как динамика переключаемых речевых режимов

Сопоставление трех случаев уточняет рабочее понятие многомодусной цифровой коммуникации. В центре анализа – смена конфигурации взаимодействия. Коммуникативная задача сохраняется или начатое общение продолжается, тогда как отдельные параметры режима меняются.

В голосовом сообщении ведущими становятся речевая форма и темпоральность. Публичный комментарий прежде всего перестраивает адресацию, диалог с генеративной системой выводит на первый план посредничество. Такое распределение условно: реальная практика способна затрагивать несколько координат сразу. Четыре параметра используются как аналитические оси, а три случая – как конфигурации с разными ведущими изменениями.

Авторский вклад исследования связан способом сопоставления указанных переходов. Параметры цифрового дискурса имеют собственную исследовательскую историю [4, p. 10–11; 5, p. 39–41; 6, p. 127–130], mode switching разработан в исследованиях transmodal interaction [7; 8, p. 51–53]. Соединение двух линий позволяет поставить вопрос о том, какой элемент речевого взаимодействия меняется при переходе к другому режиму. Предлагаемый ответ имеет статус теоретической модели и требует эмпирической проверки на сопоставимом материале.

Границы модели заданы тремя выбранными практиками и четырьмя параметрами. Видеозвонки, стриминг, игровые среды, коллективные документы и короткие видео в эту схему не включены. На имеющемся материале распространять модель до универсальной классификации цифровой коммуникации преждевременно.

Практическая значимость

Модель речевых режимов может использоваться как аналитическая схема для изучения цифровой коммуникации организаций. В службах общественной обратной связи различие персональной и публичной адресации позволяет описать ситуацию, когда ответ направлен одному пользователю и остается доступным вторичной аудитории. Такая схема дает основание обсуждать выбор формы ответа с учетом публичности, срочности и характера обратной связи. Ее прикладная эффективность требует отдельной проверки.

В образовательных курсах по медиакоммуникации, русскому языку и цифровой грамотности модель можно использовать для разбора выбора речевого режима. На материале голосового сообщения можно обсуждать связь устной формы с асинхронностью, публичного комментария – множественную адресацию, диалога с генеративной системой – специфику алгоритмической обратной связи. Теоретические параметры в этом случае соотносятся с наблюдаемыми коммуникативными решениями.

Еще одна возможная область применения – клиентская поддержка, корпоративные мессенджеры и разговорные интерфейсы, где можно анализировать переходы между текстом, голосом, публичным обращением и алгоритмически сформированным ответом. Пока это проектная перспектива: собственных данных об эффективности такого анализа статья не содержит.

Заключение

Проведенный анализ показывает, как динамика речевых режимов может быть использована для описания цифровой коммуникации. Параметрические модели computer-mediated discourse задают основу такого описания [4, p. 10–11; 5, p. 39–41; 6, p. 127–130], а исследования transmodal interaction обращают внимание на переходы между форматами [7; 8, p. 51–53]. На пересечении этих исследовательских линий сопоставлены три типа трансформации. Российская эмпирическая опора наиболее отчетлива для голосовых сообщений и публичной сетевой коммуникации; раздел о генеративной системе сохраняет теоретико-аналитический статус.

В голосовом сообщении меняется соотношение речевой формы и темпоральности. Публичный комментарий усложняет структуру адресации: непосредственный получатель реплики соседствует с потенциальной аудиторией. При взаимодействии с генеративной системой на первый план выходит технологическое посредничество, поскольку ответную реплику формирует алгоритмическая система. Для сопоставления этих различий используются четыре координаты: форма, темпоральность, адресация и посредничество.

Теоретический вклад статьи состоит в функциональном сопоставлении трех механизмов трансформации и рабочем понимании цифровой многомодусности как возможности менять конфигурацию речевого режима. Эта интерпретация опирается на исследования CMD и mode switching; поле сопоставления при этом охватывает форму и темпоральность, адресацию и посредничество. Проверка предложенного расширения требует сопоставимого эмпирического материала.

Прикладная перспектива охватывает анализ публичной коммуникации организаций, образовательные практики цифровой грамотности, клиентский сервис и человеко-машинные интерфейсы. Российская часть исследования опирается на материалы Telegram и VK, а также на работы о русскоязычных социальных медиа. Для взаимодействия с генеративной системой отдельной российской эмпирической опоры в используемом корпусе исследований нет; это ограничивает перенос выводов на русскоязычную практику.

Следующий этап предполагает формирование собственного корпуса на основе одинаковых коммуникативных заданий, выполняемых в разных цифровых режимах. На таком материале можно будет проверить, какие из выделенных параметров связаны с изменениями речевого поведения и где проходят границы предложенной модели.

Литература

1. Иванова М.В., Клушина Н.И. Русский язык в современном интернет-пространстве: динамические процессы и тенденции развития // Русистика. 2021. Т. 19. № 4. С. 367–382. DOI: 10.22363/2618-8163-2021-19-4-367-382.

2. Григорьева М.В., Зверев С.А., Кожемякин Е.А. Амбивалентность ценностей успеха в российском цифровом дискурсе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2026. Т. 31. № 1. С. 151–162. DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-1-151-162.

3. Григорьева М.В., Соколова Е.Н., Смирнов А.Г. Риторические стратегии и языковые особенности репрезентации справедливости в российских социальных сетях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2026. Т. 17. № 1. С. 205–220. DOI: 10.22363/2313-2299-2026-17-1-205-220.

4. Herring S.C. A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse // Language@Internet. 2007. Vol. 4. Art. 1. P. 1–37.

5. Jucker A.H., Dürscheid C. The Linguistics of Keyboard-to-screen Communication: A New Terminological Framework // Linguistik Online. 2012. Vol. 56. № 6. P. 39–64. DOI: 10.13092/lo.56.255.

6. Herring S.C., Androutsopoulos J. Computer-Mediated Discourse 2.0 // The Handbook of Discourse Analysis / ed. by D. Tannen, H.E. Hamilton, D. Schiffrin. 2nd ed. Wiley, 2015. P. 127–151. DOI: 10.1002/9781118584194.ch6.

7. König K. Transmodal messenger interaction – Analysing the sequentiality of text and audio postings in WhatsApp chats // Discourse, Context & Media. 2024. Vol. 62. Art. 100818. DOI: 10.1016/j.dcm.2024.100818.

8. Sampietro A., König K. The medium is accountable: Metacommunication and media ideologies about voice messages in WhatsApp chats // Discourse & Communication. 2024. Vol. 18. № 1. P. 51–71. DOI: 10.1177/17504813231187109.

9. Каминская А.В. Интегральный подход к изучению дискурса (на материале голосовых сообщений) // ДИСКУРС. 2023. Т. 9. № 5. С. 129–138. DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-5-129-138.

10. Балуцкая Д.В. Речевой жанр «голосовое сообщение» в русскоязычной цифровой коммуникации // Наука в мегаполисе. 2026. № 5 (87).

11. Збенович К. Полифоническая дискуссия родителей в российских социальных сетях: прагматический аспект // Russian Journal of Linguistics. 2025. Т. 29. № 2. С. 250–271. DOI: 10.22363/2687-0088-39695.

12. Emery R. WhatsApp Voice Messaging as an Emergent Digital Practice: A Multi-method Analysis // Cahiers du Centre de Linguistique et des Sciences du Langage. 2018. № 55. P. 135–157. DOI: 10.26034/la.cdclsl.2018.287.

13. Pérez Béjar V., Cabanillas García D. La organización informativa de los mensajes de voz en mensajería instantánea // Círculo de Lingüística Aplicada a la Comunicación. 2024. Vol. 100. P. 45–63. DOI: 10.5209/clac.98399.

14. Marwick A.E., boyd d. I Tweet Honestly, I Tweet Passionately: Twitter Users, Context Collapse, and the Imagined Audience // New Media & Society. 2011. Vol. 13. № 1. P. 114–133. DOI: 10.1177/1461444810365313.

15. Szabla M., Blommaert J. Does Context Really Collapse in Social Media Interaction? // Applied Linguistics Review. 2020. Vol. 11. № 2. P. 251–279. DOI: 10.1515/applirev-2017-0119.

16. Hancock J.T., Naaman M., Levy K. AI–Mediated Communication: Definition, Research Agenda, and Ethical Considerations // Journal of Computer-Mediated Communication. 2020. Vol. 25. № 1. P. 89–100. DOI: 10.1093/jcmc/zmz022.

17. Umair M., Sarathy V., Ruiter J. Large Language Models Know What To Say But Not When To Speak // Findings of the Association for Computational Linguistics: EMNLP 2024. Miami: Association for Computational Linguistics, 2024. P. 15503–15514. DOI: 10.18653/v1/2024.findings-emnlp.909.

MULTI-MODAL COMMUNICATION IN THE DIGITAL ENVIRONMENT: TRANSFORMATION OF SPEECH REGIMES

Klimova O.M., Lapshina S.S., Balandina L.A., Zajtseva I.A., Polyakova R.I.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines transformations of speech interaction in the digital environment. The study aims to develop an analytical model for comparing Russian-language digital practices as switchable communicative regimes. The methodological framework draws on computer-mediated discourse, digital pragmatics, and interaction analysis; the study uses comparative-typological analysis, discourse analysis, and conceptual modeling. The material consists of findings from Russian and international studies of three practices: voice messaging, public commenting, and dialogue with a generative system. Four parameters are used for comparison: speech form, temporal organization, addressivity, and the type of technological mediation. The author interprets digital multi-modality as the capacity to change the configuration of a speech regime within continuing interaction. Russian-language material sets the limits of applicability of the model and provides a basis for testing propositions developed from international research.

Keywords: digital communication, digital discourse, speech regime, voice message, public comment, addressivity, generative artificial intelligence.

References

1. Ivanova M.V., Klushina N.I. Russian Language in the Modern Internet Space: Dynamic Processes and Development Trends. Russian Language Studies. 2021;19(4):367–382. (In Russ.) DOI: 10.22363/2618-8163-2021-19-4-367-382.

2. Grigoreva M.V., Zverev S.A., Kozhemyakin E.A. Ambivalence of Success Values in Russian Digital Discourse. RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism. 2026;31(1):151–162. DOI: 10.22363/2312-9220-2026-31-1-151-162.

3. Grigorieva M.V., Sokolova E.N., Smirnov A.G. Rhetorical Strategies and Linguistic Features of «Justice» Representation in Russian Social Media. RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2026;17(1):205–220. (In Russ.) DOI: 10.22363/2313-2299-2026-17-1-205-220.

4. Herring S.C. A Faceted Classification Scheme for Computer-Mediated Discourse. Language@Internet. 2007;4: Article 1:1–37.

5. Jucker A.H., Dürscheid C. The Linguistics of Keyboard-to-screen Communication: A New Terminological Framework. Linguistik Online. 2012;56(6):39–64. DOI: 10.13092/lo.56.255.

6. Herring S.C., Androutsopoulos J. Computer-Mediated Discourse 2.0. In: Tannen D., Hamilton H.E., Schiffrin D., eds. The Handbook of Discourse Analysis. 2nd ed. Wiley; 2015:127–151. DOI: 10.1002/9781118584194.ch6.

7. König K. Transmodal messenger interaction – Analysing the sequentiality of text and audio postings in WhatsApp chats. Discourse, Context & Media. 2024;62:100818. DOI: 10.1016/j.dcm.2024.100818.

8. Sampietro A., König K. The medium is accountable: Metacommunication and media ideologies about voice messages in WhatsApp chats. Discourse & Communication. 2024;18(1):51–71. DOI: 10.1177/17504813231187109.

9. Kaminskaya A.V. An Integral Approach to Discourse Studies (Based on Voice Messages). DISCOURSE. 2023;9(5):129–138. (In Russ.) DOI: 10.32603/2412-8562-2023-9-5-129-138.

10. Balutskaya D.V. Speech Genre «Voice Message» in Russian-Language Digital Communication. Science in the Megapolis. 2026;5(87). (In Russ.).

11. Zbenovich C. Polyphonic Discussion of Parents in Russian Social Networks: A Pragmatic Aspect. Russian Journal of Linguistics. 2025;29(2):250–271. DOI: 10.22363/2687-0088-39695.

12. Emery R. WhatsApp Voice Messaging as an Emergent Digital Practice: A Multi-method Analysis. Cahiers du Centre de Linguistique et des Sciences du Langage. 2018;(55):135–157. DOI: 10.26034/la.cdclsl.2018.287.

13. Pérez Béjar V., Cabanillas García D. Information Structure of Voice Messages in Instant Messaging. Círculo de Lingüística Aplicada a la Comunicación. 2024;100:45–63. DOI: 10.5209/clac.98399.

14. Marwick A.E., boyd d. I Tweet Honestly, I Tweet Passionately: Twitter Users, Context Collapse, and the Imagined Audience. New Media & Society. 2011;13(1):114–133. DOI: 10.1177/1461444810365313.

15. Szabla M., Blommaert J. Does Context Really Collapse in Social Media Interaction? Applied Linguistics Review. 2020;11(2):251–279. DOI: 10.1515/applirev-2017-0119.

16. Hancock J.T., Naaman M., Levy K. AI–Mediated Communication: Definition, Research Agenda, and Ethical Considerations. Journal of Computer-Mediated Communication. 2020;25(1):89–100. DOI: 10.1093/jcmc/zmz022.

17. Umair M., Sarathy V., Ruiter J. Large Language Models Know What To Say But Not When To Speak. In: Findings of the Association for Computational Linguistics: EMNLP 2024. Miami: Association for Computational Linguistics; 2024:15503–15514. DOI: 10.18653/v1/2024.findings-emnlp.909.

Цифровая гигиена и ценностные ориентации: факторы профилактики социальной дезадаптации молодежи

Малыхина Римма Владимировна,
преподаватель, Юго-Западный государственный университет
E-mail: rimmucia@mail.ru

Тишина Ольга Александровна,
аспирант, Юго-Западный государственный университет
E-mail: pahol93@mail.ru

Интенсивное погружение молодежи в цифровую среду несет риски социальной дезадаптации. Культурная политика России определяет традиционные духовно-нравственные ценности как фундамент воспитания молодежи, но их трансляция в цифровом пространстве остается недостаточно эффективной. Цифровая гигиена, понимаемая как социокультурная компетенция, способна выступить механизмом профилактики дезадаптации. Цель: выявить взаимосвязь между уровнем сформированности навыков цифровой гигиены и ценностными ориентациями молодежи, обосновать учет ценностного профиля в культурной политике. *Задачи:* представить теоретические подходы к пониманию цифровой гигиены; выявить связь между ценностными ориентациями и цифровой гигиеной; сформулировать рекомендации для культурной политики. *Методология:* теоретической основой исследования выступают концепция цифровой социализации, теория ценностных ориентаций, социокультурный подход и теория поколений. Эмпирическую база: анкетирование молодежи в возрасте 18–19 лет (N=50, апрель-май 2026 г.). Инструментарий: методика диагностики ценностных ориентаций, авторский блок вопросов о практиках цифровой гигиены. *Результаты.* Выявлено, что у молодежи 18–19 лет преобладают индивидуалистические (38%), гедонистические (26%) ценностные ориентации, духовно-нравственные составляют 18%. Духовно-нравственный профиль демонстрирует высокий уровень цифровой гигиены (86%), у гедонистов – низкий уровень (92%). Индивидуалисты и материалисты занимают промежуточное положение. Отсутствие регуляторных практик в цифровом пространстве, обусловлено доминированием гедонистических и индивидуалистических ценностей, что выступает детерминантой социальной дезадаптации.

Выводы. Культурная политика России в области цифровой социализации молодежи должна учитывать ценностный профиль целевой аудитории. Дифференцированные профилактические меры могут быть эффективнее, чем универсальные программы.

Ключевые слова: цифровая гигиена, ценностные ориентации, социальная дезадаптация, молодежь, культурная политика, традиционные ценности, цифровая социализация, профилактика.

Введение

Современный этап развития российского общества характеризуется цифровизацией всех сфер жизнедеятельности. Для молодежи цифровая среда перестала быть вспомогательным инструментом и превратилась в основное пространство коммуникации, самореализации и конструирования идентичности. Как отмечает Л.В. Килимова, «…молодежи, как и любой современной личности, в своих повседневных практиках приходится постоянно сталкиваться с выбором. Конструктивной основой данного выбора выступают ценности. Потребности и ценности задают направленность активности молодежи, служат интегрирующим началом для придания смысла деятельности» [2, с. 142]. Однако трансформация коммуникационных практик несет в себе риски, связанные с нарушением социального здоровья молодежи [3].

Социальная дезадаптация – это нарушение процесса приспособления индивида к требованиям социальной среды, проявляющееся в трудностях коммуникации, снижении учебной и профессиональной мотивации, росте одиночества, кибербуллинге и информационной тревожности. Как отмечают Д.К. Алиева [4] и Д.Р. Чернов, Е.В. Щанина [5], семья и институты воспитания играют ключевую роль в формировании устойчивости к таким рискам, однако в цифровой среде влияние традиционных институтов ослабевает.

В этой связи особую значимость приобретает концепция «цифровой гигиены». Вопреки распространенному пониманию как сугубо технического набора правил, следует определять цифровую гигиену как социокультурную компетенцию, включающую осознанное отношение к своему цифровому следу, способность к саморегуляции экранного времени, критическое мышление по отношению к контенту и умение выстраивать здоровый баланс между онлайн и офлайн активностью [6]. Именно в таком расширенном понимании цифровая гигиена выступает фактором профилактики социальной дезадаптации.

Культурная политика Российской Федерации, опирающаяся на Указ Президента № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»[1], определяет 17 традиционных ценностей. Однако эффективность трансляции этих ценностей в цифровой среде остается низкой, поскольку не учитывается ценностный профиль самой молодежи. Кроме того, ценностные ориентации, как подчеркивает А.А. Раренко, находятся в состоянии постоянной трансформации [7].

В соответствии с чем, исследование исходит из гипотезы о том, что отношение к одной и той же традиционной ценности может кардинально различаться в зависимости от базовой ценностной направленности личности: духовно-нравственной, индивидуалистической, материальной или гедонистической [8]. Более того, уровень цифровой гигиены напрямую коррелирует с этим ценностным профилем [9].

Особый интерес представляет возрастная группа 18–19 лет. Это период ранней юности, когда ценностные ориентации уже достаточно сформированы, но сохраняют пластичность; молодые люди этого возраста активно пользуются цифровыми устройствами, но при этом начинают сталкиваться с реальными последствиями цифровой неграмотности, такими как проблемы при трудоустройстве из-за цифрового следа, финансовые потери от мошенничества, психологические проблемы [10]. Как отмечают Н.В. Фомина, «влияние семейных установок на развитие ценностных ориентаций в юношеском возрасте» остается значимым, но опосредованным цифровой средой [11].

Таким образом, актуальность исследования обусловлена необходимостью эмпирического обоснования связи между ценностными ориентациями молодежи 18–19 лет, уровнем их цифровой гигиены и рисками социальной дезадаптации для последующей выработки адресных рекомендаций в рамках культурной политики России.

Материалы и методы

Теоретико-методологической основой исследования являются социологические теории и концепции, рассматривающие цифровую социа-

[1] Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения: 20.02.2026).

лизацию и ценностные ориентации молодежи в контексте профилактики социальной дезадаптации. Концепция цифровой социализации направлена на анализ процесса становления личности в цифровой среде, трансформации коммуникативных практик и формирования новых моделей поведения. Теория ценностных ориентаций позволяет объяснить, каким образом система ценностей детерминирует выбор стратегий поведения в цифровом пространстве, включая практики цифровой гигиены. Социокультурный подход предполагает, что культурные практики и институты социализации играют ключевую роль в формировании ценностных ориентаций и навыков безопасного поведения в онлайн-среде. Теория поколений применяется для учета особенностей взаимодействия современной молодежи с цифровыми технологиями, поскольку для поколения Z цифровая среда выступает естественной средой обитания, что требует пересмотра традиционных подходов к профилактике дезадаптации.

Для решения поставленных задач применены следующие методы исследования: обобщение, сравнение, анализ, корреляционный анализ. Метод обобщения использовался для систематизации данных, собранных в процессе эмпирического исследования, и формулировки выводов о связи ценностных ориентаций с уровнем цифровой гигиены. Сравнительный метод применялся для анализа различий в практиках цифровой гигиены между респондентами с разными ценностными типами, такими как духовно-нравственным, индивидуалистическим, материальным, гедонистическим. Аналитический метод позволил рассмотреть зависимость между ценностным профилем личности и рисками социальной дезадаптации в цифровом пространстве. Для выявления связи между ценностным типом и уровнем цифровой гигиены использовался метод корреляционного анализа с применением коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

В качестве теоретико-методологических оснований исследования выступили научные труды, посвященные проблеме цифровой социализации молодежи [12] и трансформации ценностных ориентаций в современных условиях [13], влиянию ценностей на поведенческие практики личности в цифровой среде [14], вопросам социальной дезадаптации [15] и профилактическим механизмам [16], концепциям цифровой гигиены как социокультурной компетенции [17].

Исследование проводилось в феврале-марте 2026 года на базе ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» г. Курска среди молодежи в возрасте 18–19 лет (N=50, квотная выборка). Квоты устанавливались по полу: 52% юношей, 48% девушек. Для проведения исследования выбран метод анкетирования.

Целью анкетирования выступило определение взаимосвязи между типом ценностных ориентаций молодежи и уровнем сформированности навыков цифровой гигиены, а также выявление опыта социальной дезадаптации, связанного с недостаточным уровнем гигиены. Для достижения поставленной цели выбраны вопросы, позволяющие определить следующие аспекты: доминирующий тип ценностных ориентаций – духовно-нравственный, индивидуалистический, материальный, гедонистический, с использованием анкеты «Исследование ценностных ориентаций молодежи на базе традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (Р.В. Малыхина) [1]; уровень цифровой гигиены (высокий, средний, низкий) на основе авторского блока из 15 вопросов, оценивающих использование сложных паролей и двухфакторной аутентификации, регулярность обновления программного обеспечения, навыки критического восприятия информации, саморегуляцию экранного времени, контроль за цифровым следом; наличие опыта социальной дезадаптации, а именно кибербуллинг, интернет-мошенничество, информационная тревожность, трудности в реальной коммуникации, замещение реального общения цифровым).

Анкетирование позволило выявить особенности ценностных ориентаций современной молодежи 18–19 лет, уровень их цифровой гигиены и связь этих параметров с рисками социальной дезадаптации.

Результаты

Результаты анкетирования показали, что среди молодежи 18–19 лет распределение доминирующих ценностных типов выглядит следующим образом (табл. 1).

Таким образом, лишь каждый пятый представитель молодежи 18–19 лет демонстрирует духовно-нравственную ценностную направленность, соответствующую традиционным российским ценностям в их классическом понимании. Преобладают же индивидуалистические (38%) и гедонистические (26%) ориентации. Это согласуется с данными А.А. Раренко о трансформации ценностных ориентиров россиян в условиях общественных трансформаций [7] и выводами И.В. Глушко о доминировании инновационной и индивидуалистической моделей ценностного сознания у современной молодежи [18].

Таблица 1. Распределение ценностных типов у молодежи,%

Ценностный тип	Доля	Характеристика
Индивидуалистический (B)	38%	Приоритет личного успеха, независимости, «каждый за себя»
Гедонистический (D)	26%	Приоритет удовольствия, комфорта, минимизация усилий
Духовно-нравственный (A)	18%	Приоритет служения, милосердия, коллективизма
Материальный (C)	18%	Приоритет финансовой выгоды, практичности, статуса

Особого внимания заслуживает анализ ответов по отдельным ценностям. Рассмотрим в качестве примера ценность «Жизнь»:

Тип А (духовно-нравственный): «Я считаю жизнь самым важным и ценным, берегу свою жизнь, жизнь близких и окружающего мира» – 22%.

Тип В (индивидуалистический): «Я считаю жизнь самым важным и ценным для себя, поэтому берегу исключительно свою жизнь» – 34%.

Тип С (материальный): «Жизнь важна, но есть и другие, более важные моменты, которые я ценю выше» – 28%.

Тип D (гедонистический): «Я не задумываюсь о ценности жизни, меня больше интересуют текущие удовольствия» – 16%.

Наблюдается, что даже в отношении такой фундаментальной ценности, как жизнь, доминирует индивидуалистическая интерпретация. Это подтверждает нашу гипотезу о том, что декларируемое принятие традиционной ценности может сопровождаться совершенно иным смысловым наполнением в зависимости от ценностного профиля личности.

Далее следует представить результаты диагностики уровня цифровой гигиены представлены в таблице 2.

Таблица 2. Уровень цифровой гигиены у молодежи в зависимости от ценностного типа,%

Ценностный тип Value type	Высокий уровень цифровой гигиены High level of digital hygiene	Средний уровень The average level	Низкий уровень Low level
Духовно-нравственный (A)	86%	14%	0%
Индивидуалистический (B)	33%	45%	22%
Материальный (C)	24%	42%	34%
Гедонистический (D)	8%	0%	92%

Корреляционный анализ показал наличие сильной статистически значимой связи между ценностным типом и уровнем цифровой гигиены ($\rho = 0,74$, $p < 0,01$). Наиболее показательными являются полярные группы.

Для духовно-нравственного типа ценностных ориентаций молодежи характерен высокий уровень цифровой гигиены (86%). Представители данного типа (92%) стараются использовать сложные пароли для защиты от взлома аккаунтов, а 78% опрошенных этой группы контролируют свое пребывание в сети Интернет. Цифровой контент критикуют 84% молодежи, относящейся к духовно-нравственному ценностному типу. В комментариях встречаются следующие высказывания: «В социальных сетях стараюсь не публиковать лишнюю информацию, чтобы не засорять ленту» (м., 19 л., тип А); «Иногда меняю пароли, чтобы мошенники не обманули других людей» (м., 18 л. тип А).

Молодежь, относящаяся к гедонистическому типу, показывает низкий уровень цифровой гигиены (92%). Исследование показало, что молодежь данного ценностного типа не использует целенаправленно антивирусы (86%), в меньшей степени интересуется источниками информации, попадающейся в сети (94%). Кроме того, не контролируют время проведения в сети Интернет все гедонисты, принявшие участие в исследовании. В ходе опроса были получены следующие комментарии: «Я использую простые пароли, чтобы их запомнить и быстро заходить куда мне нужно, не вижу смысла усложнять себе жизнь» (ж., 18 л. тип D); «Я думаю, кому нужно все взломают, но думаю все быстро можно восстановить, в общем не беда» (м., 18 л., тип D).

В случае проявления материального типа у молодежи наблюдается высокий уровень цифровой гигиены у 24% и низкий уровень у 34%. Необходимо обратить внимание на то, что молодежь материального ценностного типа в качестве цели цифровой защиты рассматривают возможность сохранить данные о финансах (86%). Если рассматри-

вать ограничение экранного времени, то молодежь этой группы (12%), не пытается себя контролировать, при этом связывают с возможностью Интернет-заработка. Следует привести некоторые примеры комментариев: «Свои деньги нужно защищать, ведь очень много мошенников и я за этим строго слежу» (м., 19 л., тип С); «Я подрабатываю через Интернет, поэтому не контролирую время нахождения в нем, если нужно много что-то смотреть и это мне даст доход, то буду сутками там находиться» (м., 19 л., тип С).

Индивидуалистический тип показывает средний уровень цифровой гигиены, что свойственно 45% респондентам-индивидуалистам, 33% имеют высокий уровень цифровой гигиены и у 22% выявлен низкий уровень. Индивидуалисты осуществляют попытки цифровой защиты, но для них это не приоритетно. Как и материалисты не контролируют свое нахождение в сети, длительное использование экранного времени позволяет им достичь успеха через просмотр блогов и ведения собственной страницы. Были получены следующие комментарии: «Пытаюсь ставить пароли, не меняю их, но придумываю посложнее, все же у меня много разных аккаунтов и не хочу их терять» (ж., 18 л., тип В); «Да, я много бываю в сети, меня это не волнует, ведь смотрю все полезное, что нового например в жизни других девчонок, и сама беру их идеи для своих страниц» (ж., 19 л., тип В).

Респондентам также задавались вопросы о наличии опыта, связанного с социальной дезадаптацией. Результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3. Опыт социальной дезадаптации у молодежи 18–19 лет в зависимости от уровня цифровой гигиены, %

Проявление дезадаптации	Высокий уровень гигиены (n=18)	Средний уровень (n=16)	Низкий уровень (n=16)
Кибербуллинг (жертва)	6%	31%	75%
Интернет-мошенничество	0%	19%	56%
Информационная тревожность	11%	44%	81%
Трудности в реальной коммуникации	17%	50%	88%
Замена реального общения цифровым	22%	63%	94%

Корреляционный анализ выявил сильную обратную связь между уровнем цифровой гигиены и интегральным показателем социальной дезадаптации ($\rho = -0{,}81$, $p < 0{,}01$). Молодежь с низким уровнем цифровой гигиены в 5–8 раз чаще сталкивается с кибербуллингом, мошенничеством и информационной тревожностью, а также демонстрирует значительные трудности в реальной коммуникации.

Особенно показательным является связь между ценностным типом и дезадаптацией. Гедонисты, у которых уровень гигиены минимален, в 92% случаев сообщают о трудностях в реальной коммуникации и в 88% о замене реального общения цифровым. Как отметил респондент (ж., 18 л, тип D): «Я лучше напишу в мессенджере, чем скажу вживую. В интернете я могу быть кем угодно, а в реальности я стесняюсь». Это прямое свидетельство формирования социально-дезадаптивного паттерна.

Заключение

В результате проведенного исследования были сделаны следующие выводы.

Сформулированная гипотеза подтвердилась, так как была найдена связь ценностных ориентаций с уровнями цифровой гигиены. Так, молодежь с духовно-нравственным типом ценностных ориентаций имеет высокий уровень цифровой гигиены, что характеризуется осознанным отношением к использованию современных технологий. Что же касается молодежи с гедонистическим типом ценностных ориентаций, то им свойственен низкий уровень цифровой гигиены. Такие результаты могут объясняться тем, что молодые люди первого типа воспринимают цифровую безопасность с позиции этической заботы не только о себе, но и о других людях. При этом для гедонистов ограничения воспринимаются остро, как отсутствие свободы, а препятствия воспринимаются как барьеры к удовольствию. Материальный ценностный тип показывает неоднородность уровней цифровой гигиены, но основным мотивом выступает стремление к сохранности финансовых данных. Индивидуалистическому типу молодежи свойственен средний уровень цифровой гигиены, что сопровождается попытками защититься, но без системного подхода, а также наблюдается приоритет успеха.

Кроме того, анализ типологий ценностных ориентаций показал, что классическое понимание традиционных духовно-нравственных ценностей свойственно незначительному числу опрошенной молодежи. Большинство молодежи, принявшей участие в анкетировании, ориентируется на индивидуализм, гедонизм и в меньшей степени на материализм. Важным выступает факт стремления к достижению успеха. К аналогичным выводам приходит И.А. Петрулевич. Исследователь утверждает, что успех является в современном обществе для молодежи доминирующим, в том числе и в рамках социокультурного пространства [19].

Проведенное исследование демонстрирует отсутствие регуляторных практик у молодежи в цифровом пространстве, из-за преобладания гедонистических и индивидуалистических ценностных ориентаций, что является условием социальной дезадаптации. Тем самым молодые люди с недостаточным уровнем цифровой гигиены, как показало исследование, чаще встречаются с негативными последствиями процесса цифровизации. Подобные выводы представляет М.Ю. Ефлова, рассматривая деструктивные формы социокультурных практик личности [20].

Полученные результаты исследования позволяют определить целесообразность применения различных инструментов культурной политики России с целью формирования цифрового поведения молодежи, базирующегося на традиционных духовно-нравственных ценностях. В связи с этим возникает необходимость в разработке этических кодексов цифрового поведения для организаций, работа которых ориентирована на молодежь, и в создании системы контроля за пропагандой гедонистических и индивидуалистических ценностей в качестве приоритетных и способствующих повышению качества жизни в современных условиях.

Литература

1. Малыхина, Р.В. Методика социологического исследования ценностных ориентаций российской молодежи / Р.В. Малыхина // Социально-гуманитарные знания. – 2025. С. 139–145.
2. Килимова, Л.В. Детерминизм ценностей и социокультурных практик молодежи в инновационном пространстве / Л.В. Килимова // Социо-антропологические ресурсы трансдисциплинарных исследований в контексте инновационной цивилизации. – 2015. – С. 137–144.
3. Тишина О.А. Цифровая культура в современном информационном обществе / О.А. Тишина // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2025. – Т. 15, № 2. – С. 177–187.
4. Алиева, Д.К. Роль семьи в формировании ценностных ориентаций у подрастающего поколения / Д.К. Алиева // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – № 3. – 2014. – С. 79–84.
5. Чернов, Д.Р. Роль семьи в формировании ценностных ориентаций современной молодёжи / Е.В. Чернов, Е.В. Щанина // Глобальные социальные процессы 6.0: социальные коммуникации и устойчивое экономическое развитие. 2025. С. 422–425.
6. Руденкин, Д.В. Цифровая гигиена в фокусе анализа с социально-гуманитарной науки: основные векторы исследований и их эвристические возможности / Д.В. Руденкин // Социальная реальность виртуального пространства: Материалы III Международной научно-практической конференции. – 2021. – С. 55–60.
7. Раренко, А.А. Ценностные ориентиры россиян в условиях общественных трансформаций / А.А. Раренко // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2022. – Т. 12. № 4. – С. 221–236.
8. Семенова, К.Г. Диагностика социально-психологической дезадаптации подростков и молодых людей: теоретико-методологический подход / К.Г. Семенова // Инновационная научная современная академическая исследовательская траектория. – 2024. – № 1 (17). – С. 110–126.
9. Руденкин, Д.В. Уровень развития навыков цифровой гигиены современной российской молодежи: итоги социологического исследования / Д.В. Руденкин // Социодинамика. – 2022. – № 1. – С. 36–55.
10. Олейникова, А.В. Актуализация проблемы формирования ценностно-смысловых ориентаций в юношеском возрасте / А.В. Олейникова // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. – 2011. – № 2. – С. 135–139.
11. Фомина, Н.В. Влияние семейных установок на развитие ценностных ориентаций в юношеском возрасте / Н.В. Фомина, Т.Е. Федосеева, О.А. Никишина, П.М. Куландин // Современные наукоемкие технологии. – 2015. – № 12–5. – С. 941–946.
12. Леденева, В.Ю. Трансформация ценностных ориентаций студенческой молодежи в условиях цифровой реальности / В.Ю. Леденева // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2022. – Т. 6, № 3. – С. 295–304.

13. Воронина И.А., Кирпичникова А.В. Трансформация ценностных ориентиров молодежи в эпоху цифровизации / И.А. Воронина, А.В. Кирпичникова // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 12 (228). – С. 163–165.

14. Яницкий, М.С. Поведение учащейся молодежи в цифровой среде: к проблеме формирования информационной культуры и системы ценностно-смысловой регуляции / М.С. Яницкий // Теория и практика социогуманитарных наук. – 2022. – № 4 (20). – С. 90–97.

15. Баева, И.А. Факторы социально-психологической дезадаптации и ценностные ориентации подростков и молодежи / И.А. Баева, О.А. Ульянина, О.В. Вихристюк, Л.А. Гаязова, Н.П. Радчикова, К.А. Файзуллина // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2022. – № 206. – С. 228–242.

16. Семенова, К.Г. Диагностика социально-психологической дезадаптации подростков и молодых людей: теоретико-методологический подход / К.Г. Семенова // Инновационная научная современная академическая исследовательская траектория. – 2024. – № 1 (17). – С. 110–126.

17. Пак, Л.Г. Ведущие идеи аксиологической концепции социализации цифрового поколения студентов в противостоянии рискам социума / Л.Г. Пак, И.П. Шишковская // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – 2025. – № 4 (68). – С. 122–129.

18. Глушко, И.В. Трансформация ценностных ориентаций в социокультурном пространстве постсоветской России / И.В. Глушко // Современные научные исследования: проблемы и перспективы: сборник статей международной научно-практической конференции. Уфа: Омега Сайнс. – 2019. – С. 55–59.

19. Петрулевич, И.А. Динамика ценностных смыслов в социокультурном пространстве современной России: трансформация понятия успеха / И.А. Петрулевич // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. – 2023. – Т. 16. № 6. – С. 223–230.

20. Ефлова, М. Ю., Ямалнеев И.М., Максимова О.А., Нагматуллина Л.К. Трансформация практик цифровой активности современной молодежи: сопоставительный анализ / М.Ю. Ефлова, И.М. Ямалнеев, О.А. Максимова, Л.К. Нагматуллина // Вестник экономики, права и социологии. – 2024.- № 3. – С. 197–203.

DIGITAL HYGIENE AND VALUE ORIENTATIONS: FACTORS IN PREVENTING SOCIAL MALADJUSTMENT AMONG YOUNG PEOPLE

Malykhina R.V., Tishina O.A.
Southwest State University

The intensive immersion of young people in the digital environment carries the risk of social maladjustment. Russia's cultural policy identifies traditional spiritual and moral values as the foundation of youth education, but their dissemination in the digital space remains insufficiently effective. Digital hygiene, understood as a sociocultural competence, can serve as a mechanism for preventing maladjustment. *Objective:* to identify the relationship between the level of digital hygiene skills and the value orientations of young people, and to justify the consideration of the value profile in cultural policy. *Tasks:* to present theoretical approaches to understanding digital hygiene; to identify the relationship between value orientations and digital hygiene; and to formulate recommendations for cultural policy. *Methodology:* the theoretical basis of the study is the concept of digital socialization, the theory of value orientations, the sociocultural approach, and the theory of generations. Empirical base: questionnaire survey of young people aged 18–19 (N=50, April-May 2026). Tools: methodology for diagnosing value orientations, the author's block of questions on digital hygiene practices. *Results*. It was found that 18–19-year-old young people have individualistic (38%) and hedonistic (26%) value orientations, while spiritual and moral values account for 18%. The spiritual and moral profile demonstrates a high level of digital hygiene (86%), while hedonists have a low level (92%). Individualists and materialists occupy an intermediate position. The lack of regulatory practices in the digital space is due to the dominance of hedonistic and individualistic values, which is a determinant of social maladjustment.
Conclusions. Russia's cultural policy in the field of digital socialization of young people should take into account the value profile of the target audience. Differentiated preventive measures can be more effective than universal programs.

Keywords: digital hygiene, value orientations, social maladjustment, young people, cultural policy, traditional values, digital socialization, prevention.

References

1. Malykhina R.V. Methodology of Sociological Research of the Value Orientations of Russian Youth // Social and Humanitarian Knowledge. – 2025. – Pp. 134–145.

2. Kilimova L.V. Determinism of Values and Sociocultural Practices of Youth in the Innovative Space // Socio-anthropological Resources of Transdisciplinary Research in the Context of Innovative Civilization. – 2015. – Pp. 137–144.

3. Tishina O.A. Digital Culture in the Modern Information Society // Izvestiya of the South-Western State University. Series: Economics. Sociology. Management. – 2025. – V.15. – № 2. – Pp. 177–187.

4. Alieva D.K. The Role of the Family in the Formation of Value Orientations among the Younger Generation // Bulletin of Maikop State Technological University. – № 3. – 2014. – P. 79–84.

5. Chernov D.R. Shchanina E.V. The Role of the Family in the Formation of Value Orientations of Modern Youth // Global Social Processes 6.0: Social Communications and Sustainable Economic Development. – 2025. – Pp. 422–425.

6. Rudenkin D.V. Digital Hygiene in the Focus of Analysis from Social Sciences and Humanities: Main Research Vectors and Their Heuristic Potential // Social Reality of Virtual Space: Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference. – 2021. – Pp. 55–60.

7. Rarenko A.A. Value Orientations of Russians in the Conditions of Social Transformations // Izvestiya of the South-Western State University. Series: Economics. Sociology. Management. – 2022. – Vol. 12. № 4. – Pp. 221–236.

8. Semenova K.G. Diagnostics of Social and Psychological Maladjustment in Adolescents and Young Adults: A Theoretical and Methodological Approach // Innovative Scientific Modern Academic Research Trajectory. – 2024. – № 1 (17). – Pp. 110–126.

9. Rudenkin D.V. The level of development of digital hygiene skills among modern Russian youth: results of a sociological study // Sociodynamics. –2022. – № 1. – Pp. 36–55.

10. Oleynikova A.V. Actualization of the Problem of Formation of Value and Semantic Orientations in Adolescence // Bulletin of the Taganrog State Pedagogical Institute. – 2011. – № 2. – Pp. 135–139.

11. Fomina N.V., Fedoseeva T.E., Nikishina O.A., Kulandin P.M. Influence of family attitudes on the development of value orientations in adolescence // Modern High-Tech Technologies. – 2015. – № 12–5. – Pp. 941–946.

12. Ledeneva V. Yu. Transformation of the Value Orientations of Student Youth in the Conditions of Digital Reality // Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations. – 2022. – Vol. 6. № 3. – Pp. 295–304.

13. Voronina I.A., Kirpichnikova A.V. Transformation of Youth Values in the Era of Digitalization // Law and State: Theory and Practice. – 2023. – № 12 (228). – Pp. 163–165.

14. Yanitskiy M.S. Behavior of students in the digital environment: towards the problem of information culture formation and the system of value-semantic regulation // Theory and Practice of Socio-Humanitarian Sciences. – 2022. – № 4 (20). – Pp. 90–97.

15. Baeva I.A., Ulyanina O.A., Vikhristyuk O.V., Gayazova L.A., Radchikova N.P., Fayzullina K.A. Factors of Socio-Psychological Maladjustment and Value Orientations of Adolescents and Young Adults // Izvestiya of the Herzen State Pedagogical University of Russia. – 2022. – № 206. – Pp. 228–242.

16. Semenova K.G. Diagnostics of Social and Psychological Maladjustment in Adolescents and Young Adults: A Theoretical and Methodological Approach // Innovative Scientific Modern Academic Research Trajectory. – 2024. – № 1 (17). – Pp. 110–126.

17. Pak L.G., Shishkovskaya I.P. Leading Ideas of the Axiological Concept of Socialization of the Digital Generation of Students in Countering the Risks of Society // Bulletin of Shadrinsky State Pedagogical University. – 2025. – № 4 (68). – Pp. 122–129.

18. Glushko I.V. Transformation of Value Orientations in the Sociocultural Space of Post-Soviet Russia // Modern Scientific Research: Problems and Prospects: Collection of Articles from the International Scientific and Practical Conference. Ufa: Omega Science. – 2019. – Pp. 55–59.

19. Petrulevich I.A. Dynamics of Value Meanings in the Sociocultural Space of Modern Russia: Transformation of the Concept of Success // Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Social and Economic Sciences. – 2023. – Vol. 16. № 6. – Pp. 223–230.

20. Eflova M. Yu., Yamalneev I.M., Maksimova O.A., and Nagmatullina L.K. Transformation of Digital Activity Practices among Modern Youth: A Comparative Analysis // Vestnik ekonomiki, prava i sociologii. – 2024. – № 3. – Pp. 197–203.

Философско-методологические принципы построения метаязыка для систем искусственного интеллекта в архивно-информационной среде

Микаллеф Лариса Олеговна,
кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков и межкультурной коммуникации, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: lomikallef@fa.ru

Копусь Татьяна Леонидовна,
кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков и межкультурной коммуникации, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: tlkopus@fa.ru

В статье рассматриваются принципы построения метаязыка для интерпретации архивных документов с помощью искусственного интеллекта. В основу исследования положена логико-лингвистическая теория Рене де Соссюра, положения которой применены к смысловой структуре архивного документа. Предложена Периодическая система смыслов (ПСС). Рассмотрены пять ее основных уровней: дистрибутивный, структурно-онтологический, интенциональный, диахронический и эпистемологический. Их применение показано на примере поиска документов о мотивации рабочих в 1947 г. Обоснованы принципы композиционности, атомарности, необходимости, достаточности и трассируемости. Они позволяют определять состав смыслового представления с учётом исследовательского запроса, различать сведения источника и выводы, полученные при его интерпретации, а также сохранять документальные основания каждого утверждения.

Ключевые слова: метаязык, архивные документы, искусственный интеллект, Периодическая система смыслов, семантическое моделирование, Рене де Соссюр, трассируемость.

Введение

Развитие систем искусственного интеллекта актуализирует проблему формального представления смысла и определения оснований, на которых строится машинная интерпретация текстовой информации. Современные системы искусственного интеллекта способны обрабатывать большие массивы текстов, устанавливать связи между их фрагментами и формулировать ответы на естественном языке. Однако убедительность такого ответа ещё не свидетельствует о том, что система верно истолковала источник, учла существенные обстоятельства и опиралась на проверяемые сведения. Для архивных документов эти ограничения особенно существенны. Источник в архивном поиске определяется по конкретному фонду, описи, делу, листу, но значение также имеют время и обстоятельства его создания, происхождение, назначение и место среди других документов. Так, протокол собрания рабочих о пересмотре норм выработки в 1947 году интерпретируется, включая условия послевоенного восстановления, когда государство ищет способы поднять производительность без роста выплат. Очевидно, что при машинной интерпретации необходимо отделять сведения, прямо зафиксированные в источнике, от выводов, сделанных на их основе. Разрабатываемый метаязык должен сохранять эту границу и позволять установить, на каких документах и смысловых связях основано каждое утверждение системы.

Следовательно, возникает необходимость разработки метаязыка, позволяющего представить смысловые структуры документов и пользовательских запросов в формализованном виде. Теоретическими предпосылками такого подхода выступают логико-философские исследования метаязыка, лингвистические концепции композиционного построения значения и современные методы представления знаний. При разработке метаязыка представляется целесообразным обратиться к сравнительно малоизвестной логико-лингвистической теории швейцарского математика Рене де Соссюра (1868–1943). Первоначально исследуя словообразовательную систему планового международного языка эсперанто, Рене де Соссюр выявил принципы логической организации значения, в том числе принципы необходимости, достаточности и обратимости. Впоследствии он применил разработанный подход к естественным языкам, прежде всего к французскому [Saussure, 1918]. Дальнейшее развитие эта исследовательская линия получила в работе Л.О. Микаллеф, в которой возможности применения модели Рене де Соссюра были рассмотрены на материале английского и турецкого языков [Микаллеф, 2021].

Представляется, что принципы, лежащие в основе данной логико-лингвистической модели, могут быть использованы при разработке метаязыка для систем искусственного интеллекта. Однако речь идёт не о непосредственном переносе словообразовательной модели на документальный текст, а о развитии её методологических положений применительно к более сложным смысловым структурам. В теории Рене де Соссюра формальному описанию подвергается производное слово. В настоящей работе этот подход развивается применительно к смысловой структуре архивного документа, в которой необходимо представить сущности, события, отношения между ними и характеристики контекста. Принципы необходимости и достаточности служат основанием для отбора смысловых компонентов: первый помогает установить, без каких элементов интерпретация будет неполной, второй – определить, когда их состав уже достаточен для решения исследовательской задачи [Saussure, 1918; Микаллеф, 2021]. Однако смысл архивного документа нельзя описать только через состав и сочетание семантических единиц. Необходимо также установить, на каком источнике основано каждое утверждение и какие выводы сделаны в ходе его интерпретации. Отсюда вытекает задача построения метаязыка, в котором формальное представление содержания связано с возможностью проверки результатов машинной обработки.

Цель исследования – обосновать философско-методологические принципы построения такого метаязыка для систем искусственного интеллекта, работающих с архивными документами.

Теоретико-методологические основания построения метаязыка

В логике и лингвистике метаязык служит средством описания языка-объекта. Разделение этих уровней позволяет разграничить исследуемые

выражения и аппарат, с помощью которого определяются их свойства и отношения [Тарский, 1933; Карнап, 1934]. Для систем искусственного интеллекта, работающих с архивными материалами, языком-объектом выступают тексты документов и пользовательских запросов. Метаязык, в свою очередь, задаёт способ представления их содержания в форме, пригодной для машинной обработки.

Такое представление не ограничивается языковыми единицами. Оно должно охватывать обозначаемые в документах сущности и события, связи между ними, временные характеристики и сведения о происхождении источника. Например, разные исторические названия одного географического объекта можно соотнести лишь с учётом периода их употребления. Сходная задача возникает при интерпретации наименований учреждений, должностей и социальных категорий: за одинаковой языковой формой в разные эпохи могут стоять разные понятия, а за различными обозначениями – один и тот же объект.

В рамках предлагаемого подхода метаязык определяется как формализованная система семантических единиц, отношений и правил их сочетания, предназначенная для представления содержания архивных документов и запросов. В ее состав должны входить также средства фиксации источниковых оснований интерпретации. Благодаря этому сформированное системой утверждение можно соотнести с фрагментом документа и установить, какие смысловые операции привели к соответствующему выводу.

Таким образом, при построении метаязыка необходимо согласовать два требования. Первое касается формальной определенности: семантические единицы и допустимые отношения между ними должны быть описаны достаточно строго для машинной обработки. Второе связано с сохранением документального контекста, без которого формально допустимая связь может оказаться исторически или содержательно неверной. Согласование этих требований предполагает обращение к логико-лингвистическим принципам организации значения и подходам к представлению архивного знания.

Искусственный интеллект в архивной практике: возможности и ограничения

Увеличение объема цифровых и оцифрованных архивных документов стимулирует разработку интеллектуальных инструментов для их обработки. В российских исследованиях обсуждаются возможности интеллектуальных информационных систем при работе с архивными материалами [Боброва, 2023]. Практическое направление представлено, в частности, разработкой и применением цифровых ассистентов в Государственном архиве Российской Федерации [Колганов, Копылова, Котлова, 2022]. Последующее развитие данного направления отражено в работе А.А. Колганова, которое посвящено применению искусственного интеллекта в ГА РФ в 2021–2024 гг. [Колганов, 2024].

В зарубежных исследованиях внимание уделяется возможностям искусственного интеллекта при обработке цифрового документального наследия и расширении доступа к архивным ресурсам. Основные направления применения ИИ и связанные с ними исследовательские вопросы рассматриваются в обзоре Г. Колавиццы и соавторов [Colavizza et al., 2021]. Проблемы работы с изначально цифровыми архивными материалами исследуют Л. Жайян и А. Капуто [Jaillant, Caputo, 2022], а перспективы использования ИИ для обработки государственных документов – Д. Каннинг и Л. Жайян [Canning, Jaillant, 2025]. Отдельное направление связано с разработкой интеллектуальных поисковых систем на основе больших языковых моделей [Nguyen, Nguyen, Nguyen, 2025].

В приведенных исследованиях рассматриваются задачи автоматизированной обработки архивных материалов, и как они решаются с помощью интеллектуальных технологий. Однако поиск документа и интерпретация его содержания остаются разными операциями. Даже если система формирует связный ответ на пользовательский запрос, необходимо установить, какие сведения взяты непосредственно из источника, а какие получены путем сопоставления и истолкования документов. Эта задача требует средств формального представления смысловых отношений и фиксации документальных оснований вывода.

Объяснимость искусственного интеллекта и документирование процессов интерпретации

При использовании искусственного интеллекта в архивной работе объяснимость связана с возможностью восстановить путь от исходного документа к полученному результату. Для этого недостаточно сохранить текст ответа, но требуется зафиксировать источники, условия их обработки и операции, повлиявшие на интерпретацию.

С. Кэмерон, П. Фрэнкс и Б. Хамидзаде изучают применение искусственного интеллекта в контексте архивной подотчетности. Авторы отмечают, что необходимо фиксировать, как используются алгоритмические инструменты, поскольку их работа может влиять на создание, систематизацию и дальнейшее использование документов [Cameron, Franks, Hamidzadeh, 2023]. Поэтому при разработке метаязыка важно фиксировать не только смысловые связи, но и действия системы, с помощью которых они были установлены.

С указанной задачей связано понятие параданных. В отличие от метаданных, которые описывают документ и его характеристики, параданные содержат сведения о процессах, методах и участниках его обработки. В системах искусственного интеллекта они могут использоваться для документирования алгоритмических действий, преобразований данных и условий получения результата [Davet, Hamidzadeh, Franks, 2023]. В предлагаемой системе такие сведения необходимы для прослеживания переходов от архивного источника к его формализованному представлению и далее – к ответу на исследовательский запрос.

Проблематика объяснимой обработки архивных материалов рассматривается также в работах Г.М. Тота, Р. Альбрехта и К. Пруски на примере оцифрованного архива Медичи [Toth, Albrecht, Pruski, 2025]. Н. Моорадиан обращается к вопросам фиксации действий искусственного интеллекта в системе управления документами [Mooradian, 2019], а Х. Андресен – к объяснению документов, сформированных на основе алгоритмических результатов [Andresen, 2019].

Для настоящего исследования важно различать два вида объяснения. Первый позволяет восстановить процедуру обработки, показывающей какие инструменты применялись, и какие преобразования выполнялись. Второй раскрывает основания содержательного вывода, т.е. почему фрагмент источника соотнесен с определенным понятием, событием или отношением. Описание алгоритмических действий само по себе не отвечает на второй вопрос. Следовательно, метаязык должен связывать сведения о работе системы со смысловыми единицами, их отношениями и конкретными фрагментами архивных документов.

Семантическое моделирование архивных ресурсов

Семантическое моделирование позволяет описывать архивный фонд как систему связанных документов, лиц, организаций и событий. Такой подход реализован в онтологии Records in Contexts (RiC-O) [Clavaud, Wildi, 2021]. При объединении разных систем архивного описания необходимо учитывать различия в схемах метаданных и жизненном цикле документов [Baek, Sugimoto, 2010]. Поэтому метаязык должен сохранять сведения о происхождении документа, его структуре и месте в архивном фонде.

Однако архивное описание не раскрывает всего содержания документа. Для интерпретации текста необходимо учитывать его конкретные высказывания, назначение и историческое значение терминов. Кроме того, система должна фиксировать, на каких документальных свидетельствах основаны ее выводы. Таким образом, архивные онтологии обеспечивают описание объектов и связей между ними, параданные – фиксацию процесса обработки, а логико-лингвистические принципы – организацию смысловых единиц. Эти подходы используются при построении Периодической системы смыслов, которая связывает содержание документа с его контекстом и основаниями интерпретации.

Периодическая система смыслов как концептуальная основа метаязыка

Периодическая система смыслов (далее – ПСС) представляет собой концептуальную модель представления смысла архивных документов. Она учитывает не только содержание текста, но и описанные в нем объекты и события, назначение документа, исторический контекст и основания исследовательских выводов. ПСС объединяет разные способы представления смысла, необходимые при работе с архивными документами. В данной статье рассматриваются пять основных уровней: дистрибутивный, структурно-онтологический, интенциональный, диахронический и эпистемологический. Они выбраны исходя из задач архивного поиска и интерпретации, следуя логике от сопоставления запроса с языком документов до проверки оснований исследовательского вывода. При этом пять уровней не исчерпывают ПСС. По мере разработки модели ее состав может быть расширен.

Название модели отсылает к Периодической системе химических элементов, однако эта аналогия имеет методологический характер и не предполагает переноса её закономерностей на семантику. Семантический атом в ПСС – это минимальная единица, необходимая для решения конкретной задачи интерпретации. При этом следует различать тип атома и его значение в отдельном документе. Тип сохраняет свою основную функцию: например, EVENT обозначает событие, TIME – время, SOURCE – источник. Но какие характеристики события нужно выделить и с какими другими единицами его связать, зависит

от исследовательского вопроса и содержания документа. Поэтому одна и та же единица может быть достаточной для одного запроса и требовать дальнейшей детализации для другого.

Дистрибутивный уровень охватывает контекстную и статистическую близость языковых выражений. Он особенно важен при поиске архивных материалов, поскольку формулировки пользовательского запроса могут не совпадать с лексикой источника. Так, документы о мотивации рабочих могут содержать выражения «премирование», «сдельная оплата», «норма выработки» и «социалистическое соревнование». Их тематическая близость помогает расширить поиск, но еще не раскрывает характер отношений между обозначаемыми явлениями и не подтверждает достоверность найденных сведений.

Структурно-онтологический уровень задает состав объектов архивного знания и связи между ними. Здесь разграничиваются лица, организации, должности, события и документы; описываются отношения тождества, принадлежности, иерархии и участия в событиях. Например, разные исторические наименования учреждения могут относиться к одной организации, если это подтверждается источниками. Однако сходство названий не означает, что речь идет об одном и том же объекте. На этом уровне тематически близкие текстовые фрагменты преобразуются в структурированное представление сведений, содержащихся в документах.

Интенциональный уровень связывает цель исследовательского запроса с назначением архивного документа. Исследователь может искать сведения о принятом решении, его исполнении или отношении участников к произошедшему. При этом документы, посвященные одному событию, отвечают на разные вопросы. Например, приказ о премировании фиксирует решение руководства, а жалоба работника на невыплату премии – обращение по поводу его исполнения. Если исследователю нужно выяснить, были ли деньги выплачены, одного приказа недостаточно. Система должна учитывать, что именно требуется установить и какие сведения способен подтвердить каждый источник.

Диахронический уровень учитывает историческую изменчивость значений и документальных форм. В его пределах фиксируются время создания источника, смена наименований, развитие терминологии, особенности словоупотребления и формуляров. Время создания документа важно не только для поиска, но и для правильного понимания его содержания. Одно и то же обозначение в разные периоды может относиться к учреждениям с различным статусом, а содержание административной процедуры меняться вместе с нормативной и организационной практикой. Поэтому смысловые связи устанавливаются с учетом времени и обстоятельств, к которым относится документ.

Эпистемологический уровень определяет статус утверждений, сформированных на основе архивных материалов. Он позволяет различать сведения, прямо зафиксированные в источнике, и выводы, полученные при сопоставлении или истолковании документов. Для каждого утверждения необходимо указать документальное основание, характер смысловой операции и пределы достоверности. В частности, отсутствие упоминания о событии в доступных документах не доказывает, что оно не происходило. Система должна указывать на недостаток документальных свидетельств и отличать подтвержденные факты от предположений.

Приведенные выше уровни показывают, какие различия необходимо учитывать при интерпретации архивного документа. Они не задают четкую последовательность обработки, поскольку в зависимости от запроса одни уровни могут оказаться необходимыми, а другие – не использоваться. ПСС при этом не привязана к конкретному алгоритму или языковой модели. Ее дальнейшая разработка предполагает расширение состава смысловых единиц и уточнение правил их сочетания.

Таким образом, ответ на исходный запрос должен содержать не только перечень найденных документов, но и представление описанных в них способов стимулирования, функций самих источников, временных характеристик и оснований сделанных выводов. Каждое содержательное утверждение необходимо соотнести с документальным свидетельством, а при недостаточности данных – обозначить пределы интерпретации.

Согласно приведенному примеру, для работы с архивным запросом требуется согласовать несколько типов смысловых отношений, не смешивая тематическую близость, содержание документа, его назначение и доказательную силу. Следующий шаг – определить принципы выделения и сочетания смысловых единиц, а также проверки выводов, полученных на их основе.

Принципы построения метаязыка

В основу предлагаемого метаязыка положены пять принципов: композиционность, атомарность, необходимость, достаточность и трассируемость. Композиционность и атомарность определяют устройство смысловой структуры; необходимость и достаточность задают критерии отбора ее элементов. Трассируемость связывает полученную интерпретацию с документами, на которых она основана.

Принцип композиционности позволяет представить смысл архивного документа через смысловые единицы и связи между ними. Такими единицами могут быть лица, организации, события, действия и временные характеристики. При этом смысл документа зависит не только от состава единиц, но и от их отношений и контекста. Этот подход опирается на логико-лингвистическую модель Рене де Соссюра, в которой значение производного слова рассматривается через его смысловые компоненты [Saussure, 1918; Микаллеф, 2021]. Применительно к архивному документу необходимо учитывать также связи между объектами, назначение источника и исторический контекст. Сочетание смысловых единиц определяется их семантической валентностью – набором допустимых отношений. Например, событие может быть связано с участниками, временем, причиной и документальным свидетельством. Однако допустимая связь не обязательно подтверждена источником. Валентность определяет возможные отношения, а содержание документа – те из них, которые можно установить.

Принцип атомарности предполагает выделение минимальных смысловых единиц – семантических атомов. Их состав и степень детализации зависят от исследовательской задачи. Например, при поиске документов о премировании понятие «премия» может выступать самостоятельной единицей. Если же требуется изучить порядок начисления выплат, необходимо дополнительно выделить основание премирования, размер вознаграждения, категорию работников и период действия решения.

Семантические атомы могут использоваться при обработке разных документов, но их значение следует устанавливать с учетом контекста. Это особенно важно для исторических источников, поскольку содержание терминов со временем меняется.

Принцип необходимости предполагает сохранение смысловых компонентов, без которых нельзя однозначно истолковать документ или проверить вывод. У Рене де Соссюра этот принцип связан с выделением компонентов, необходимых для выражения определенной идеи [Saussure, 1918; Микаллеф, 2021]. При работе с архивными документами их состав зависит от исследовательского запроса. Например, для установления факта премирования работника могут потребоваться сведения о получателе, основании и дате выплаты, а также о документе, которым оформлено решение. Если без какого-либо из этих сведений нельзя различить случаи премирования или подтвердить вывод, его необходимо сохранить.

Принцип достаточности определяет объем сведений, необходимых для ответа на исследовательский запрос и проверки вывода. Повторное представление одного и того же смысла исключается в соответствии с требованием Рене де Соссюра избегать *плеоназма* (повторение одной и той же идеи дважды) [Saussure, 1918; Микаллеф, 2021]. Однако если документы об одном событии могут дополнять друг друга или отражать позиции разных участников, они не являются избыточными. Состав смыслового представления зависит от запроса и семантической валентности единиц. Так, для установления факта премирования могут потребоваться сведения о получателе, основании выплаты и дате решения. Если источник не содержит необходимых данных, система фиксирует их отсутствие, не подменяя его предположениями.

Принцип трассируемости обеспечивает связь каждого вывода с документальными свидетельствами. Система должна сохранять ссылки на конкретные фрагменты источников, сведения о выполненных смысловых операциях и, при необходимости, о сопоставлении нескольких документов.

Связанный с ним **принцип обратимости** позволяет разложить ответ на смысловые единицы и отношения и установить документальное основание каждой из них. Обратимость позволяет не восстанавливать исходный текст, а проследить путь от вывода к документальным свидетельствам и проверить их интерпретацию. Для такой проверки одних архивных реквизитов недостаточно: необходимо фиксировать использованные фрагменты и ход их обработки. Это согласуется с подходами к документированию работы ИИ с помощью параданных [Cameron, Franks, Hamidzadeh, 2023; Davet, Hamidzadeh, Franks, 2023]. В ПСС эти сведения дополняются указанием оснований установленных смысловых связей.

При неполноте или противоречивости источников система сохраняет возможные интерпретации и подтверждающие их свидетельства. Трассируемость не гарантирует истинности вывода, но позволяет исследователю его проверить.

Применение данных принципов в совокупности позволяет соотносить глубину смыслового описания с исследовательской задачей, не теряя связи с источником. Система должна выделять сведения, не-

обходимые для ответа, различать подтвержденные данные и недостающую информацию, а также сохранять основания каждого вывода. В таком представлении архивный документ останется не просто материалом для извлечения сведений, а также свидетельством, к которому исследователь может обратиться для проверки результата.

Заключение

Предложенный метаязык позволяет не только извлекать сведения из архивных документов, но и представлять их смысл и проверять обоснованность выводов. Периодическая система смыслов позволяет соотносить исследовательский запрос с содержанием и назначением источника, выделять необходимые смысловые единицы и устанавливать связи между ними. При этом принципиальное значение имеет сохранение различий между тем, что непосредственно зафиксировано в документе, и тем, что исследователь выводит на его основании.

В статье были рассмотрены пять основных уровней ПСС и принципы, определяющие построение смыслового представления. Они образуют концептуальную основу модели, но не исчерпывают ее возможную структуру. Дальнейшая работа предполагает уточнение состава семантических атомов, их валентностей и правил взаимодействия уровней, а также проверку предложенного подхода на архивных материалах различного типа. Такая проверка позволит определить, в каких исследовательских ситуациях модель обеспечивает достаточную полноту описания и сохраняет возможность обращения от полученного вывода к его документальным основаниям.

Литература

1. Боброва Е.В. О применении интеллектуальных информационных систем в архивном деле // Вестник ВНИИДАД. 2023. № 1. С. 67–78. DOI: 10.55970/26191601_2023_1_67.

2. Карнап Р. Логический синтаксис языка. Вена: Юлиус Шпрингер, 1934.

3. Колганов А.А. Эволюция применения искусственного интеллекта в Государственном архиве РФ (2021–2024 годы) // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2024. № 51, специальный выпуск. С. 7.

4. Колганов А.А., Копылова О.Н., Котлова Т.Н. Опыт разработки и применения цифровых ассистентов в Государственном архиве Российской Федерации // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2022. № 49, специальный выпуск. С. 175–177.

5. Микаллеф Л.О. Логическая модель системы словообразования по теории Рене де Соссюра // Вестник Академии. 2021. № 4. С. 89–94.

6. Тарский А. Понятие истины в языках дедуктивных наук. Варшава: Издание Варшавского научного общества, 1933. 116 с.

7. Andresen H. A discussion frame for explaining records that are based on algorithmic output // Records Management Journal. 2019. Vol. 30, no. 2. P. 129–141.

8. Baek J.E., Sugimoto S. Feature Analysis of Metadata Schemas for Records Management and Archives from the Viewpoint of Records Lifecycle // Journal of Korean Society of Archives and Records Management. 2010. Vol. 10, no. 2. P. 75–99.

9. Cameron S., Franks P., Hamidzadeh B. Positioning Paradata: A Conceptual Frame for AI Processual Documentation in Archives and Recordkeeping Contexts // ACM Journal on Computing and Cultural Heritage. 2023. Vol. 16, no. 4. DOI: 10.1145/3594728.

10. Canning D., Jaillant L. AI to review government records: new work to unlock historically significant digital records // AI & Society. 2025. Vol. 40. P. 4433–4445.

11. Clavaud F., Wildi T. ICA Records in Contexts-Ontology (RiC-O): a Semantic Framework for Describing Archival Resources // Proceedings of the Linked Archives International Workshop 2021, co-located with the 25th International Conference on Theory and Practice of Digital Libraries (TPDL 2021). 2021. P. 79–92.

12. Colavizza G., Blanke T., Jeurgens Ch., Noordegraaf J. Archives and AI: An overview of current debates and future perspectives // ACM Journal on Computing and Cultural Heritage. 2021. Vol. 15, no. 1. P. 1–15. DOI: 10.1145/3479010.

13. Davet J.E., Hamidzadeh B., Franks P.C. Archivist in the machine: paradata for AI-based automation in the archives // Archival Science. 2023. Vol. 23. P. 275–295. DOI: 10.1007/s10502-023-09408-8.

14. Jaillant L., Caputo A. Unlocking digital archives: cross-disciplinary perspectives on AI and born-digital data // AI & Society. 2022. Vol. 37, no. 3. P. 823–835. DOI: 10.1007/s00146-021-01367-x.

15. Mooradian N. AI, records, and accountability // ARMA Magazine. 2019. P. 9–13.

16. Nguyen H.D., Nguyen T.A., Nguyen T.B. A Proposed Large Language Model-Based Smart Search for Archive System // Information and Communication Technology. SOICT 2024. Communications in Computer and Information Science. Singapore: Springer, 2025. Vol. 2351. DOI: 10.1007/978-981-96-4285-4_18.

17. Saussure R. de. La structure logique des mots dans les langues naturelles considérée au point de vue de son application aux langues artificielles. Berne, 1918.

18. Toth G.M., Albrecht R., Pruski C. Explainable AI, LLM, and digitized archival cultural heritage: a case study of the Grand Ducal Archive of the Medici // AI & Society. 2025. Vol. 40. P. 4561–4573. DOI: 10.1007/s00146-025-02238-5.

PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL PRINCIPLES FOR DEVELOPING A METALANGUAGE FOR ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS IN THE ARCHIVAL INFORMATION ENVIRONMENT

Micallef L.O., Kopus T.L.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines the principles of developing a metalanguage for the AI-assisted interpretation of archival documents. The study draws on René de Saussure's logico-linguistic theory and applies its principles to the semantic structure of archival documents. It proposes the Periodic System of Meanings (PSM) and examines five of its principal levels: distributional, structural-ontological, intentional, diachronic, and epistemological. Their application is illustrated through a search for documents on worker motivation in 1947. The principles of compositionality, atomicity, necessity, sufficiency, and traceability are substantiated. These principles make it possible to determine the elements of semantic representation in relation to a research query, distinguish information recorded in a source from conclusions drawn through its interpretation, and preserve the documentary evidence supporting each statement.

Keywords: metalanguage, archival documents, artificial intelligence, Periodic System of Meanings, semantic modelling, René de Saussure, traceability.

References

1. Bobrova E.V. On the application of intelligent information systems in archival affairs. Vestnik VNIIDAD. 2023;(1):67–78. (In Russ.). DOI: 10.55970/26191601_2023_1_67.

2. Carnap R. Logische Syntax der Sprache. Wien: Julius Springer; 1934.

3. Kolganov A.A. Evolution of artificial intelligence applications in the State Archive of the Russian Federation (2021–2024). Informatsionnyi byulleten Assotsiatsii «Istoriya i kompyuter». 2024;(51, special issue):7. (In Russ.).

4. Kolganov A.A., Kopylova O.N., Kotlova T.N. Experience in developing and applying digital assistants at the State Archive of the Russian Federation. Informatsionnyi byulleten Assotsiatsii «Istoriya i kompyuter». 2022;(49, special issue):175–177. (In Russ.).

5. Micallef L.O. Logical Model of Word Formation System on the Basis of Rene de Saussure's Theory. Vestnik Akademii. 2021;(4):89–94.

6. Tarski A. Pojęcie prawdy w językach nauk dedukcyjnych. Warszawa: Towarzystwo Naukowe Warszawskie; 1933.

7. Andresen H. A discussion frame for explaining records that are based on algorithmic output. Records Management Journal. 2019;30(2):129–141.

8. Baek J.E., Sugimoto S. Feature Analysis of Metadata Schemas for Records Management and Archives from the Viewpoint of Records Lifecycle. Journal of Korean Society of Archives and Records Management. 2010;10(2):75–99.

9. Cameron S., Franks P., Hamidzadeh B. Positioning Paradata: A Conceptual Frame for AI Processual Documentation in Archives and Recordkeeping Contexts. ACM Journal on Computing and Cultural Heritage. 2023;16(4). DOI: 10.1145/3594728.

10. Canning D., Jaillant L. AI to review government records: new work to unlock historically significant digital records. AI & Society. 2025;40:4433–4445.

11. Clavaud F., Wildi T. ICA Records in Contexts-Ontology (RiC-O): a Semantic Framework for Describing Archival Resources. Proceedings of the Linked Archives International Workshop 2021, co-located with TPDL 2021. 2021:79–92.

12. Colavizza G., Blanke T., Jeurgens Ch., Noordegraaf J. Archives and AI: An overview of current debates and future perspectives. ACM Journal on Computing and Cultural Heritage. 2021;15(1):1–15. DOI: 10.1145/3479010.

13. Davet J.E., Hamidzadeh B., Franks P.C. Archivist in the machine: paradata for AI-based automation in the archives. Archival Science. 2023;23:275–295. DOI: 10.1007/s10502-023-09408-8.

14. Jaillant L., Caputo A. Unlocking digital archives: cross-disciplinary perspectives on AI and born-digital data. AI & Society. 2022;37(3):823–835. DOI: 10.1007/s00146-021-01367-x.

15. Mooradian N. AI, records, and accountability. ARMA Magazine. 2019:9–13.

16. Nguyen H.D., Nguyen T.A., Nguyen T.B. A Proposed Large Language Model-Based Smart Search for Archive System. In: Information and Communication Technology. SOICT 2024. Communications in Computer and Information Science. Vol. 2351. Singapore: Springer; 2025. DOI: 10.1007/978-981-96-4285-4_18.

17. Saussure R. de. La structure logique des mots dans les langues naturelles considérée au point de vue de son application aux langues artificielles. Berne; 1918.

18. Toth G.M., Albrecht R., Pruski C. Explainable AI, LLM, and digitized archival cultural heritage: a case study of the Grand Ducal Archive of the Medici. AI & Society. 2025;40:4561–4573. DOI: 10.1007/s00146-025-02238-5.

Индивидуализация занятий физической культурой в цифровой среде и ослабление институциональных форм активности

Нестеров Александр Александрович,
ассистент кафедры «Физическое воспитание», ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: Aleksandr.nesterov95@mail.ru

Мобильные сервисы предложили молодому человеку возможность тренироваться в удобное время и в любом месте, без расписания, тренера и группы, вследствие чего привычные организованные формы занятий утратили монополию на поддержание регулярности. В настоящем исследовании описан переход от коллективно организованной практики к персонально настраиваемой, разграничены четыре следствия такого перехода для университетской среды, раскрыто устройство обмена между удобством и устойчивостью занятий, а также обоснована схема условий, при которых цифровой формат дополняет институциональные формы либо вытесняет их. Измерительное ядро составляют коэффициент вытеснения организованных форм K_B, а также предложенные для внутривузовского мониторинга коэффициент цифрового замещения $K_Ц$ и коэффициент устойчивости самостоятельной практики $K_У$. Расчеты выполнены по открытым данным выборочного наблюдения населения о наличии мест для занятий и характере пользования ими. Результаты показывают, что кратность превышения числа отказавшихся от доступных мест над числом пользующихся ими возрастает вдоль возрастной шкалы почти в полтора раза при переходе от первой послевузовской группы к группе конца четвертого десятилетия жизни, вследствие чего организованные формы теряют свою аудиторию раньше, чем угасает сама потребность в движении. Практическая значимость определяется применимостью инструментария кафедрами физического воспитания при выстраивании работы с самостоятельно занимающимися обучающимися.

Ключевые слова: индивидуализация, цифровая среда, мобильные сервисы, самостоятельные занятия, организованные формы, студенчество, устойчивость практики, физическая активность, вытеснение, социология культуры.

Введение

Программные документы отрасли связывают достижение ориентиров вовлеченности населения в занятия преимущественно с развитием организованных форм, включая секции, клубы и учебные дисциплины образовательных организаций [1], [2]. Повседневная практика молодого человека тем временем меняется быстрее нормативных конструкций, поскольку мобильные сервисы предложили ему тренировку без расписания, без тренера и без группы, с подсчетом шагов, оценкой нагрузки и напоминанием о пропущенном дне. Возникшая возможность заниматься где угодно и когда угодно выглядит расширением свободы, однако одновременно снимает те внешние опоры, которые прежде удерживали регулярность помимо воли самого занимающегося.

Теоретические основания проблематики образованы описанием индивидуализированного общества З. Баумана [3], концепцией индивидуализации и рефлексивной модернизации У. Бека [4] и теорией структурации Э. Гидденса, объясняющей превращение повторяющегося действия в рутину [5]. Социология самотрекинга, обоснованная Д. Луптон, раскрывает культурную сторону персональной регистрации показателей [6]. Дж.Э. Баркли с соавторами показали, что связь пользования мобильными сервисами с реальной активностью опосредована представлением человека о себе как о занимающемся [7], а Х.К. Аль-Навайсех с соавторами подтвердили в контролируемом испытании способность приложений повышать активность студенческих совокупностей [8]. А.Д. Дьяконов описывает цифровую трансформацию отрасли и появление форматов дистанционного сопровождения занятий [9]; обзор П.Ж. Тейшейры с соавторами фиксирует роль автономной мотивации в длительном соблюдении режима [10]. Открытым остается вопрос о том, дополняет ли цифровой формат институциональные формы либо вытесняет их, в научной литературе поставлен без измеримых оценок.

Объект исследования – самостоятельные занятия физической культурой, опосредованные цифровыми сервисами.

Предмет исследования составляют следствия индивидуализации занятий для организованных форм активности в университетской среде.

Цель исследования состоит в раскрытии механизма ослабления институциональных форм активности под воздействием цифровой индивидуализации и разработка инструментария оценки замещения.

Научная новизна исследования состоит в описании обмена между удобством и устойчивостью занятий, в разграничении четырех следствий индивидуализации для университетской среды и в конструировании измерительного ядра, включающего оценку вытеснения организованных форм по возрастной шкале и два показателя внутривузовского мониторинга.

Практическая значимость определяется применимостью результатов кафедрами физического воспитания при выстраивании работы с самостоятельно занимающимися обучающимися и при зачете такой практики в рамках учебной дисциплины.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили подход к анализу индивидуализации социальных практик, теория структурации и приемы формализованного анализа опросных данных, включая расчет кратности превышения численности отказавшихся от доступных мест над численностью пользующихся ими, а также построение показателей замещения и устойчивости, пригодных для регулярного расчета в отдельно взятой образовательной организации.

Информационную базу образуют открытые данные Федеральной службы государственной статистики о наличии мест для занятий физической культурой и спортом и характере пользования ими в разрезе возрастных категорий [11], материалы мониторингового опроса общественного мнения о представлениях населения о здоровом образе жизни [12], публикации о цифровой трансформации отрасли [9] и результаты зарубежных исследований мобильных сервисов поддержки активности [7], [8]. Сопоставимость будущих замеров обеспечивается применением валидированного международного опросника физической активности [13].

Результаты и обсуждение

Переход к персонально настраиваемым занятиям объясняется в литературе тремя способами, различающимися тем, где отыскивается причина перемены. Сопоставление приведено в таблице 1.

Таблица 1. Объяснения перехода к персонально настраиваемым занятиям

Объяснение	Представители	Где отыскивается причина перемены	Ограничение объяснения	Применение к университетской практике
Индивидуализация общественного устройства	З. Бауман, У. Бек	Ослабление коллективных форм и перенос ответственности на самого человека	Описывает общее направление перемен без разбора отдельных практик	Объясняет уход студента из секции при сохранении интереса к движению
Культура самонаблюдения	Д. Луптон	Распространение персональной регистрации собственных показателей	Разработано на материале добровольных сообществ самотрекинга	Объясняет замену преподавательской оценки показаниями сервиса
Опосредование через представление о себе	Дж. Э. Баркли с соавторами	Связь пользования сервисом с образом себя как занимающегося	Установлено на выборке одного университета	Объясняет, почему обладание приложением не равнозначно регулярности

Источник: составлено автором.

Первое объяснение указывает на общественный фон перемены, второе на культурную ее сторону, третье устанавливает посредника между средством и поведением. Собранные вместе, они позволяют сопоставить два способа устройства практики, приведенные в таблице 2.

Таблица 2. Сопоставление организованной и персонально настраиваемой практики занятий физической культурой

Признак практики	Организованная форма	Персонально настраиваемая форма	Следствие различия для устойчивости занятий
Источник регулярности	Внешнее расписание и обязательства перед группой	Собственное решение занимающегося, поддержанное напоминанием сервиса	Устойчивость зависит от сформированности внутренней мотивации
Место проведения	Закрепленный зал либо площадка образовательной организации	Любое пространство, включая жилое помещение и улицу	Исчезновение привязки к месту ослабляет автоматизм привычки
Круг участников	Постоянная группа с общим опытом занятий	Отсутствует либо заменен сетевым сообществом подписчиков	Утрата взаимных обязательств между занимающимися
Контроль результата	Преподаватель, зачет, контрольный норматив	Показатели сервиса и самооценка занимающегося	Смещение оценки от внешнего суждения к самонаблюдению
Порог входа	Запись, расписание, необходимость перемещения	Установка приложения и решение начать	Легкость начала сочетается с легкостью прекращения

Источник: составлено автором.

Приведенное в таблице 2 сопоставление показывает, что цифровой формат выигрывает по всем признакам, относящимся к удобству, и проигрывает по всем признакам, относящимся к внешней поддержке усилия. Устройство возникающего обмена раскрыто на рисунке 1.

Изображенная на рисунке 1 схема поясняет, почему обладание удобным средством само по себе не гарантирует регулярности. Приобретаемое удобство снижает издержки начала занятия, тогда как утрачиваемая опора снижает издержки его прекращения, вследствие чего итог обмена определяется тем, сформировалась ли у человека внутренняя регуляция поведения. Меру ослабления организованных форм вдоль возрастной шкалы измеряет коэффициент по формуле (1).

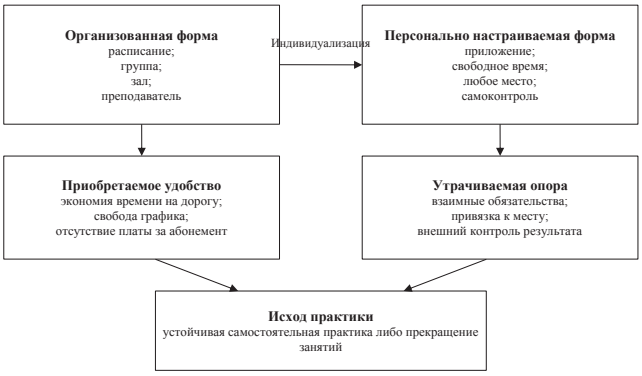

Рис. 1. Схема обмена между удобством и устойчивостью занятий при переходе к персонально настраиваемой практике

Источник: составлено автором.

$$K_в = \frac{d_{неисп}}{d_{исп}} \quad (1)$$

где $K_в$ – коэффициент вытеснения организованных форм, $d_{неисп}$ выражает долю опрошенных, признающих наличие мест для занятий при отказе ими пользоваться, а $d_{исп}$ соответствует доле фактически пользующихся такими местами.

Расчет для первой послевузовской возрастной группы дает $K_в = 53,91/24,31 = 2,22$, а для группы конца четвертого десятилетия жизни величина составляет $57,34/17,68 = 3,24$ [11]. Кратность превышения возрастает почти в полтора раза на протяжении одного десятилетия, причем сама обеспеченность местами за этот отрезок меняется незначительно. Полученный результат означает, что организованные формы теряют аудиторию раньше, чем угасает потребность в движении, поскольку человек уходит не от занятий вообще, а от их коллективно организованного варианта. Масштаб замещения внутри образовательной организации измеряет показатель по формуле (2).

$$K_ц = \frac{n_{сам}}{n_{сам} + n_{орг}} \quad (2)$$

где $K_ц$ – коэффициент цифрового замещения, $n_{сам}$ выражает численность обучающихся, занимающихся самостоятельно с использованием мобильных сервисов, а $n_{орг}$ соответствует численности занимающихся в организованных формах университета.

Приближение показателя к единице свидетельствует о том, что университетская база обслуживает меньшинство занимающихся, вследствие чего отчетность о загрузке залов перестает описывать реальную активность обучающихся. Регулярный расчет открывает кафедре ту часть студенчества, которая занимается вне поля зрения преподавателя и потому не попадает ни в один отчет. Прочность самостоятельно выстроенной практики измеряет показатель по формуле (3).

$$K_у = \frac{n_{полг}}{n_{сам}} \quad (3)$$

где $K_у$ – коэффициент устойчивости самостоятельной практики, $n_{полг}$ выражает численность обучающихся, сохранивших регулярность занятий на протяжении не менее полугода, а $n_{сам}$ соответствует общей численности занимающихся самостоятельно.

Низкие значения показателя указывают на преобладание коротких эпизодов увлечения, при которых установка приложения не переходит в закрепившееся поведение. Совместное рассмотрение обоих показателей отделяет подлинное замещение от мнимого, при котором организованных форм обучающийся покинул секцию, но самостоятельной практики не выстроил. Следствия индивидуализации для университетской среды систематизированы в таблице 3.

Таблица 3. Следствия индивидуализации занятий для университетской среды

Следствие	Механизм возникновения	Наблюдаемое проявление	Управленческий ответ
Сокращение загрузки объектов при сохранении спроса на движение	Перенос практики в жилое помещение и на открытые пространства	Пустующие залы в вечерние часы при декларируемой заинтересованности обучающихся	Открытые площадки и форматы занятий на воздухе под сопровождением преподавателя
Утрата преподавателем сведений о реальной активности	Отсутствие самостоятельных занятий в системе учета	Расхождение отчетных данных с самооценкой обучающихся	Зачет самостоятельной практики по данным сервиса при аттестации
Ослабление студенческих спортивных сообществ	Исчезновение совместности как условия занятия	Сокращение численности секций при росте индивидуальных тренировок	Гибридные форматы с совместным стартом и индивидуальным продолжением
Рост числа коротких эпизодов вместо длительной практики	Легкость начала при отсутствии внешних обязательств	Высокая доля прекративших занятия в первые недели	Программы сопровождения новичка в течение первого цикла

Источник: составлено автором.

Результаты таблицы 3 показывают, что ни одно из следствий не устраняется запретительными средствами, поскольку индивидуализация опирается на подлинное удобство, а не на моду. Наиболее продуктивным ответом выступает признание самостоятельной практики частью учебной работы, что подтверждается данными о повышении активности студенческих совокупностей при сопровождении мобильными сервисами [8] и наблюдением о посреднической роли представления человека о себе как о занимающемся [7]. Меры согласования цифрового формата с институциональными формами сведены в таблице 4.

Таблица 4. Меры согласования персонально настраиваемой практики с институциональными формами занятий

Мера	Адресуемое следствие	Содержание действия	Ожидаемый эффект
Зачет самостоятельных занятий по данным сервиса	Утрата сведений о реальной активности	Признание подтвержденной регулярности при промежуточной аттестации	Возвращение самостоятельно занимающихся в поле зрения кафедры
Совместный старт с индивидуальным продолжением	Ослабление студенческих сообществ	Общее занятие в начале недели и самостоятельные тренировки в остальные дни	Сохранение совместности при удобстве графика
Сопровождение новичка в первый цикл	Рост числа коротких эпизодов	Закрепление за начинающим наставника из числа старшекурсников	Повышение K_y и переход эпизода в устойчивую практику
Открытые площадки и занятия на воздухе	Сокращение загрузки объектов	Перенос части расписания в пространства, конкурирующие с домашним форматом	Использование преимуществ обоих форматов одновременно
Ежегодный замер структуры занятости обучающихся	Все следствия	Опрос о формах и регулярности занятий с расчетом $K_ц$	Управление на основании полной картины активности студенчества

Источник: составлено автором.

Данные таблицы 4 подтверждают, что согласование достигается признанием самостоятельной практики, а не противопоставлением ей организованных форм. Социологический контекст усиливает значимость такой настройки, поскольку цифровая среда взросления сформировала у молодых поколений привычку к персональной настройке любых сервисов [14]. Отечественная традиция социологии физической культуры связывает сохранение занятий с освоением ценностей физической культуры, а не только с доступом к залу [15]. Механизм саморегуляции жизнедеятельности молодежи [16] объясняет, почему навязанный формат уступает выбранному, а обзоры состояния активности студенческих совокупностей [17] показывают повсеместность описанного перехода.

Выводы

Проведенное сопоставление организованной и персонально настраиваемой практики показало, что цифровой формат превосходит институциональный по всем признакам удобства и уступает ему по всем признакам внешней поддержки усилия; исход перехода определяется поэтому сформированностью внутренней регуляции поведения занимающегося.

Раскрытая схема обмена объяснила совпадение легкости начала занятий с легкостью их прекращения. Сконструированное измерительное ядро зафиксировало нарастание кратности отказа от доступных мест вдоль возрастной шкалы при почти неизменной обеспеченности условиями, из чего следует, что организованные формы утрачивают аудиторию раньше, чем угасает потребность в движении. Дополнительно предложены два показателя внутривузовского мониторинга, различающие подлинное замещение и мнимую замену, при которой обучающийся покинул секцию без выстраивания самостоятельной практики. Обоснованы пять мер согласования, главная из которых зачет подтвержденной самостоятельной регулярности при аттестации. Ограничением работы остается отсутствие прямых статистических сведений о распространенности мобильных сервисов среди обучающихся, что задает направление дальнейших исследований в виде внутривузовского обследования форм занятости студенчества.

Литература

1. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542 (дата обращения 01.09.2026).

2. Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 24.11.2020 № 3081-р. – URL: http://government.ru/docs/all/131173/ (дата обращения 01.09.2026).

3. Bauman Z. The Individualized Society. – Cambridge: Polity Press, 2001. – 272 p.

4. Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. – London: Sage Publications, 1992. – 260 p.

5. Giddens A. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. – Cambridge: Polity Press, 1984. – 402 p.

6. Lupton D. Self-tracking cultures: towards a sociology of personal informatics // Proceedings of the 26th Australian Computer-Human Interaction Conference on Designing Futures (OzCHI ‘14). – New York: ACM, 2014. – P. 77–86. – DOI 10.1145/2686612.2686623.

7. Barkley J.E., Lepp A., Glickman E.L. The relationship between fitness app use and physical activity behavior is mediated by exercise identity // Computers in Human Behavior. – 2020. – Vol. 108. – Art. 106313. – DOI 10.1016/j.chb.2020.106313.

8. Al-Nawaiseh H.K., McIntosh W.A., McKyer L.J. An m-Health Intervention Using Smartphone App to Improve Physical Activity in College Students: A Randomized Controlled Trial // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2022. – Vol. 19, No. 12. – Art. 7228. – DOI 10.3390/ijerph19127228.

9. Дьяконов А.Д. Цифровая трансформация в сфере физической культуры и спорта // Экономика и управление в спорте. – 2023. – № 1. – URL: https://1economic.ru/lib/119818 (дата обращения 01.09.2026).

10. Teixeira P.J., Carraça E.V., Markland D. [et al.]. Exercise, physical activity, and self-determination theory: A systematic review // International Journal of Behavioral Nutrition and Physical Activity. – 2012. – Vol. 9. – Art. 78. – DOI 10.1186/1479–5868–9–78.

11. Наличие мест для занятий физической культурой и спортом: набор открытых данных, идентификатор 7708234640-placesforsports-2021 / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/opendata/7708234640-placesforsports-2021/data-20220624T1306-structure-20220624T1306.csv (дата обращения 01.09.2026).

12. Здоровый образ жизни: мониторинг: аналитический обзор от 22.05.2024 / Всероссийский центр изучения общественного мнения. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorovyi-obraz-zhizni-monitoring (дата обращения 01.09.2026).

13. Craig C.L., Marshall A.L., Sjöström M. [et al.]. International Physical Activity Questionnaire: 12-Country Reliability and Validity // Medicine & Science in Sports & Exercise. – 2003. – Vol. 35, No. 8. – P. 1381–1395. – DOI 10.1249/01.MSS.0000078924.61453.FB.

14. Mikhaylov A. Yu., Morkovkin D.E., Mohamed T.I., Voytenkova G.F. The role of new media in enhancing adolescents› digital life quality // Population. – 2025. – Vol. 28, No. 2. – P. 160–170. – DOI 10.24412/1561–7785–2025–2–160–170. – EDN INULRB.

15. Лубышева Л.И. Социология физической культуры и спорта: учебное пособие. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Академия, 2010. – 272 с.

16. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности. – М.: Норма, 2020. – 304 с.

17. Kljajević V., Stanković M., Đorđević D. [et al.]. Physical Activity and Physical Fitness among University Students: A Systematic Review // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2021. – Vol. 19, No. 1. – Art. 158. – DOI 10.3390/ijerph19010158.

INDIVIDUALIZATION OF PHYSICAL CULTURE ACTIVITIES IN THE DIGITAL ENVIRONMENT AND THE WEAKENING OF INSTITUTIONAL FORMS OF ACTIVITY

Nesterov A.A.
Financial University under the Government of the Russian Federation

Mobile services have offered young people the opportunity to train at a convenient time and in any place, without a schedule, a coach or a group, and therefore the customary organized forms of exercise have lost their monopoly on maintaining regularity. The present study describes the transition from a collectively organized practice to a personally adjustable one, distinguishes four consequences of such a transition for the university environment, reveals the structure of the exchange between convenience and sustainability of exercise, and substantiates a scheme of conditions under which the digital format supplements institutional forms or displaces them. The measurement core consists of the coefficient of displacement of organized forms as well as the coefficient of digital substitution and the coefficient of sustainability of independent practice proposed for internal university monitoring. The calculations are based on open data of a sample observation of the population concerning the availability of places for exercise and the nature of their use. The results show that the ratio of those who have refused available places to those who use them increases along the age scale by almost one and a half times during the transition from the first post-university group to the group at the end of the fourth decade of life, and therefore organized forms lose their audience earlier than the need for movement itself fades. The practical significance is determined by the applicability of the tools by departments of physical education when building work with independently exercising students.

Keywords: individualization, digital environment, mobile services, independent exercise, organized forms, students, sustainability of practice, physical activity, displacement, sociology of culture.

References

1. On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030 and for the Future up to 2036: Decree of the President of the Russian Federation No. 309 of 07.05.2024. – Available at: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542 (accessed 01.09.2026).

2. Strategy for the Development of Physical Culture and Sport in the Russian Federation for the Period up to 2030: Order of the Government of the Russian Federation No. 3081-r of 24.11.2020. – Available at: http://government.ru/docs/all/131173/ (accessed 01.09.2026).

3. Bauman Z. The Individualized Society. – Cambridge: Polity Press, 2001. – 272 p.

4. Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. – London: Sage Publications, 1992. – 260 p.

5. Giddens A. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. – Cambridge: Polity Press, 1984. – 402 p.

6. Lupton D. Self-tracking cultures: towards a sociology of personal informatics // Proceedings of the 26th Australian Computer-Human Interaction Conference on Designing Futures (OzCHI '14). – New York: ACM, 2014. – P. 77–86. – DOI 10.1145/2686612.2686623.

7. Barkley J.E., Lepp A., Glickman E.L. The relationship between fitness app use and physical activity behavior is mediated by exercise identity // Computers in Human Behavior. – 2020. – Vol. 108. – Art. 106313. – DOI 10.1016/j.chb.2020.106313.

8. Al-Nawaiseh H.K., McIntosh W.A., McKyer L.J. An m-Health Intervention Using Smartphone App to Improve Physical Activity in College Students: A Randomized Controlled Trial // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2022. – Vol. 19, No. 12. – Art. 7228. – DOI 10.3390/ijerph19127228.

9. Dyakonov A.D. Digital Transformation in the Field of Physical Culture and Sports // Economics and Management in Sports. – 2023. – No. 1. – Available at: https://1economic.ru/lib/119818 (accessed 01.09.2026). (In Russ.).

10. Teixeira P.J., Carraça E.V., Markland D. [et al.]. Exercise, physical activity, and self-determination theory: A systematic review // International Journal of Behavioral Nutrition and Physical Activity. – 2012. – Vol. 9. – Art. 78. – DOI 10.1186/1479–5868–9–78.

11. Availability of Places for Physical Culture and Sports: open data set, identifier 7708234640-placesforsports-2021 / Federal State Statistics Service. – Available at: https://rosstat.gov.ru/opendata/7708234640-placesforsports-2021/data-20220624T1306-structure-20220624T1306.csv (accessed 01.09.2026). (In Russ.).

12. Healthy Lifestyle: Monitoring: analytical review of 22.05.2024 / Russian Public Opinion Research Center. – Available at: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorovyi-obraz-zhizni-monitoring (accessed 01.09.2026). (In Russ.).

13. Craig C.L., Marshall A.L., Sjöström M. [et al.]. International Physical Activity Questionnaire: 12-Country Reliability and Validity // Medicine & Science in Sports & Exercise. – 2003. – Vol. 35, No. 8. – P. 1381–1395. – DOI 10.1249/01.MSS.0000078924.61453.FB.

14. Mikhaylov A. Yu., Morkovkin D.E., Mohamed T.I., Voytenkova G.F. The role of new media in enhancing adolescents' digital life quality // Population. – 2025. – Vol. 28, No. 2. – P. 160–170. – DOI 10.24412/1561–7785–2025–2–160–170. – EDN INULRB.

15. Lubysheva L.I. Sociology of Physical Culture and Sport: textbook. – 3rd ed. – Moscow: Academia, 2010. – 272 p. (In Russ.).

16. Zubok Yu. A., Chuprov V.I. Youth in the Cultural Space: Self-Regulation of Life Activity. – Moscow: Norma, 2020. – 304 p. (In Russ.).

17. Kljajević V., Stanković M., Đorđević D. [et al.]. Physical Activity and Physical Fitness among University Students: A Systematic Review // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2021. – Vol. 19, No. 1. – Art. 158. – DOI 10.3390/ijerph19010158.

Компаративный анализ отцовства и материнства в процессе трансляции социокультурной идентичности и семейных ценностей детям: результаты социологического опроса

Нуруллина Эльмира Ринатовна,
кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии, политологии и права Казанского государственного энергетического университета
E-mail: elmiranur10@yandex.ru

Хизбуллина Радмила Радиковна,
кандидат социологических наук, кафедры социологии, политологии и права Казанского государственного энергетического университета
E-mail: mine_post@inbox.ru

Представленная статья посвящена гендерным ролям отцовства и материнства в процессе трансляции социокультурной идентичности и формировании ценностных ориентаций у детей. На основе данных авторского социологического опроса (n = 1918 старше 18 лет, г. Казань, 2026 г.) были структурированы типы респондентов, которые приведены к следующему виду – женщины с детьми, женщины без детей, мужчины с детьми, мужчины без детей. Методологическую основу составил сравнительный и гендерно-ориентированный подходы; эмпирическую базу – анкетный опрос. Определено, что матери преимущественно транслируют эмоционально-бытовые, культурно-языковые и нравственные модули социокультурной идентичности, в то время как отцы в большей степени ориентированы на социально-нормативные компоненты. Выявлена некоторая асимметрия гендерных ролей в процессе формирования и трансляции семейных ценностей, которая в большей степени смещена в сторону материнской роли. Делается вывод, что при готовности к паритетному участию обоих родителей в процессе воспитания ценностей и социокультурной идентичности ребенка, ответственность за передачу идентичности и семейных ценностей по-прежнему в большей степени отводится матери, а её роль воспринимается как ключевая в процессе семейной социализации, передаче моральных ориентиров и культурных образцов. Вместе с тем, роль отца не периферийна, поскольку фиксируется его включённость в эмоциональное воспитание детей, его роль в большей степени отведена формированию ориентации ребенка на достижения, самостоятельность, ответственность, традиции. Проведённое исследование показывает, что отцовство и материнство в процессе трансляции социокультурной идентичности и передачи семейных ценностей детям хотя и демонстрирует функциональные различия, однако не носят антагонистического характера.

Ключевые слова: отцовство, материнство, семья, социокультурная идентичность, семейные ценности, дети, гендерные роли, родительство, социализация, воспитание компаративный анализ.

Введение

Трансформация институциональной структуры современного общества – процесс системный, и одним из его следствий становится пересмотр того, как ценности передаются от поколения к поколению. Семья здесь оказывается в двойственной позиции: с одной стороны, она по-прежнему остаётся первичным и наиболее устойчивым агентом социализации, с другой стороны вынуждена подстраиваться под новые социокультурные условия.

В данной связи сравнительный анализ мужских и женских родительских практик приобретает особую актуальность, поскольку позволяет зафиксировать соотношение гендерных ролей отцовства и материнства в стратегиях семейного воспитания. Понимание того, как мужчины и женщины сегодня конструируют свои гендерные роли и какие семейные ценности они транслируют детям, даёт возможность не только прогнозировать каким образом формируется ценностный базис будущих поколений, но и попытки формировать фундамент научного обоснования государственной семейной и демографической политики.

В представленной статье теоретическая рамка исследования опирается на синтез сравнительного и гендерно-ориентированного подходов, что позволяет рассматривать отцовство и материнство в качестве институциональных ролей и агентов социализации личности ребенка в процессе формирования социокультурной идентичности и передачи семейных ценностей.

Постановка проблемы

В основе исследования лежит определение родительских практик трансляции социокультурной идентичности и сохранения традиционных семейных ценностей, и тем, как реально формируются данные практики в рамках гендерных ролей отцовства и материнства. Поскольку данные практики реализуются в условиях индивидуализации и современных вызовах времени и повседневной жизни, обнаруживается диссонанс между нормативными ожиданиями и повседневностью. Проблематика также связана с дивергенцией между материнскими и отцовскими стратегиями социализации детей в процессе трансляции социокультурной идентичности и семейных ценностей детям. Так, например, женщина в современной семье всё чаще совмещает работу с ролью транслятора базовых ценностей, в то время как мужская ролевая модель, то есть отцовство, переживает кризис самоидентификации: с одной стороны, сохраняется традиционная роль «кормильца», с другой стороны, появляется запрос на «вовлечённое отцовство», на эмоциональное участие в воспитании. Вместе с тем, до сих пор сохраняется асимметрия воспитательного вклада – основную нагрузку в трансляции ценностей по-прежнему несут женщины, а участие мужчин зачастую остаётся инструментальным или эпизодическим. Сравнительный анализ направлен на фиксацию этой дифференциации.

Суть проблемной ситуации также заключается в том, что сегодня современное общество транслирует эгалитарные ценности, а именно равенство прав и обязанностей супругов. Но в реальной практике воспитания зачастую воспроизводятся патриархальные стереотипы: за матерью закрепляется эмоциональная забота, своего рода «мягкая сила», за отцом – инструментальный контроль и материальное обеспечение, «жёсткая сила». В данной связи актуализируется еще одно проблемное поле, а именно насколько данные стереотипы сказываются на передаче ценностей детям в семье.

Научная проблема фокусируется на поиске компаративных особенностей гендерных ролей отцов и матерей в процессе трансляции социокультурной идентичности и семейных ценностей детям в современных в условиях изменения социально-экономических отношений.

Таким образом, центральная научная проблема представленной статьи состоит в том, чтобы теоретически осмыслить и эмпирически определить гендерные роли мужчин и женщин в рамках направленности и содержания трансляции семейных ценностей детям в ситуации, когда сами социокультурные нормативные системы противоречивы.

Тематика гендерных ролей и семейных ценностей находится в объективе многих наук, как социология, психология, педагогика и др. Основы изучения гендерной социализации и определения гендерных ро-

Работа выполнена за счёт гранта, предоставленного Академией наук Республики Татарстан образовательным организациям высшего образования, научным и иным организациям на поддержку планов развития кадрового потенциала в части стимулирования их научных и научно-педагогических работников к защите докторских диссертаций и выполнению научно-исследовательских работ в рамках научного проекта Нуруллиной Э.Р. на тему: ««Отцовство и материнство как факторы укрепления социокультурной идентичности российского общества в условиях изменений социально-экономических отношений», https://anrt.tatarstan.ru/granti-kandidatam-nauk-postdoktorantam.htm.

лей в семье заложены в работах классиков социологической мысли (Г.Зиммель, Т.Парсонс, И.Гоффман и др.), а также в отечественных исследованиях И.С. Кона, А.В. Мудрика. Проблемы трансформации семьи рассматриваются в трудах А.И. Антонова [1], В.М. Медкова, Т.К. Ростовская [2], Г.Г. Силласте [3] и др. На региональном уровне вопросам социологии семьи и детства на эмпирической базе Республики Татарстан посвящены работы Ю.Р. Хайруллиной [4], Э.Р. Нуруллиной [5], Ч.И. Ильдархановой [6], А.А. Ибрагимовой [7] и пр. Однако, динамика изменений в вопросах трансформации влияния на воспитание ребенка настолько высока, что эмпирические данные требуют регулярного обновления. В данной связи представленные в данной статье результаты дополняют картину компаративных исследований, поскольку фиксируют роли отца и матери в процессе их влияния на воспитание семейных ценностей и социокультурной идентичности в современных условиях и по состоянию на момент проведения исследования.

Методы исследования

Результаты исследования опираются на анализ данных социологического опроса, проведенного в 2026 году и в котором приняли участие респонденты г. Казани в возрасте от 18 лет, n=1918. Эмпирическую основу представленных данных составили результаты анкетирования мужчин и женщин, структурированных согласно следующих групп: женщины с детьми, женщины без детей, мужчины с детьми, мужчины без детей. Выборка включает 54,5% женщин и 45,5% мужчин; среди женщин с детьми преобладают возрастные группы 25–34 и 35–44 лет (по 30,7%), среди женщин без детей – 18–24 года (46,9%), среди мужчин с детьми – 25–34 года (39,1%), а среди мужчин без детей – 18–24 года (38,2%). Среди респондентов с детьми доминирует официальный брак (67,0% женщин и 68,9% мужчин), тогда как среди бездетных заметно выше доля состоящих в отношениях без брака (34,1% женщин и 40,4% мужчин) и не имеющих пары (30,4% и 30,0% соответственно). Целью данной работы является проведение компаративного анализа гендерных ролей в процессе трансляции семейных ценностей детям на основе данных авторского социологического опроса.

Для достижения поставленной цели произведен теоретический анализ подходов к изучению гендерных ролей в современной семье и определена специфика трансляции семейных ценностей в зависимости от пола родителя. На основе разработанного авторского инструментария проведен социологический опрос, направленный на выявление различий в воспитательных стратегиях отцов и матерей с интерпретации полученных эмпирических данных и выявлением компаративных характеристик гендерных ролей.

Результаты и обсуждения

Результаты, полученные в рамках опроса на предмет выявления специфики участия мужчин и женщин в группах «женщины с детьми», «женщины без детей», «мужчины с детьми», «мужчины без детей» в воспитательном процессе, формирования социокультурной идентичности и трансляции ценностных ориентаций в семье демонстрируют, что среди женщин с детьми наиболее популярными каналами передачи семейных ценностей и представления о том «кто мы» являются семейные традиции и праздники (49,6%), модель поведения родителей (36,8%), разговоры и общение (35,3%), совместные дела (35,1%). Реже отмечаются религиозные практики (9,2%), книги и медиа (8,0%), интернет и соцсети (5,0%).

В группе «женщины без детей» отмечена трансляция традиций через проведения совместного времени (43,8%), но заметно выше роль разговоров и общения (41,2%), совместных дел (33,5%) и модели поведения (31,0%). По сравнению с женщинами с детьми они чаще указывают язык общения в семье (27,0% против 20,6%), семейные истории (28,1% против 25,6%) и религиозные практики (14,2% против 9,2%).

Что касается группы «мужчин с детьми», здесь ведущими каналами передачи традиций и ценностей отведена, по их мнению, – модели поведения родителей (41,3%) и собственно семейными традициями (41,3%), затем совместным делам (36,2%) и разговорам (32,4%). Здесь, заметнее, чем у женщин с детьми, выражены правила и дисциплина (26,5% против 22,5%). Респонденты в данной категории реже упоминали семейные истории (20,6%), язык общения (16,9%), религиозные практики (11,3%).

Мужчины без детей на первом месте отметили непосредственно семейные традиции (40,4%), далее совместные дела (35,6%), разговоры (35,3%) и модель поведения (35,3%). Респонденты – мужчины без детей чаще, чем мужчины с детьми, указывали на значимость книг, фильмов, медиа (10,7% против 6,2%), интернета и социальных сетей (6,3% против 4,6%) в вопросе о каналах передачи семейные ценности и представления о том «кто мы» (см. рис. 1).

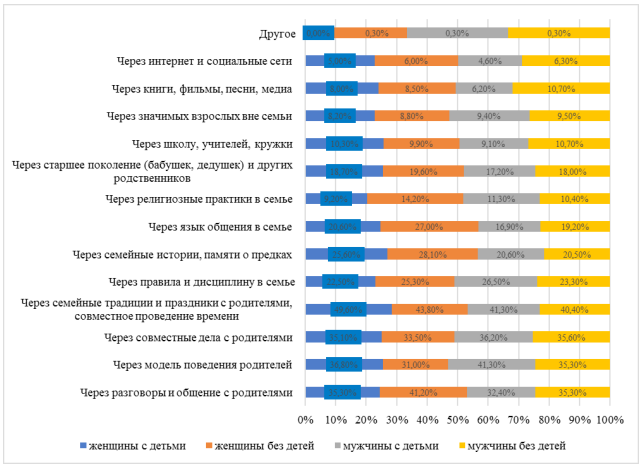

Рис. 1. Каналы передачи семейных ценностей и представлений о том «кто мы», % к опрошенным респондентам в структурах представленных групп

Отметим, что согласно данным рисунка 1 семейные традиции и совместное время представлены универсальным каналом передачи ценностей и социокультурной идентичности, поскольку во всех четырёх группах этот вариант отмечен самым высоким процентом (максимальное значение отмечено в группе «женщин с детьми» – 49,6%), что может свидетельствовать о том, что ценностная трансляция воспринимается прежде всего через совместные практики. Отметим, что, согласно опроса, личный пример родителей особенно значим для мужчин. Мужчины с детьми чаще женщин с детьми отмечают значимость модели поведения родителей (41,3% против 36,8%), и может свидетельствовать о том, что отцы склонны рассматривать собственное поведение как основной инструмент воспитания. Также анализ ответов респондентов– мужчин позволил определить, что они чаще опираются на нормативные и медийные каналы – правила и дисциплина, а также книги, фильмы и интернет чаще отмечаются мужчинами, что особенно заметно у мужчин без детей и косвенно может отражать их представления о воспитании как о более формализованном процессе. Однако, результаты демонстрируют, что наличие детей усиливает значимость личного примера, совместных дел и дисциплины, а у женщин возрастает роль традиций и совместного времяпрепровождения, поскольку они чаще используют вербальные и символические каналы, что указывает на сохраняющуюся гендерную дифференциацию. Другими словами, женщины в большей степени ориентированы на эмоционально-коммуникативную передачу ценностей. Обобщим, семейные ценности в опрошенных группах транслируется прежде всего через традиции, совместное время, личный пример и общение. При этом женщины чаще используют вербально-символические каналы, а мужчины – поведенческо-нормативные. Наличие детей усиливает эти различия, но не отменяет ведущей роли семьи как основного института ценностной трансляции.

При рассмотрении ведущий роли, опосредующей передачу семейных ценностей, традиций и социокультурной идентификации в представлении о том «кто мы», согласно обследуемым группам, доминирует представление о равном влиянии обоих родителей. Во всех четырёх группах самый популярный ответ – «оба примерно одинаково»: от 47,6% у мужчин без детей до 52,3% у женщин без детей. Вместе с тем, женщины чаще называют в данном вопросе материнскую роль ведущей, а мужчины видят в главную роль отца. Другими словами, респонденты склонны приписывать большее влияние представителю своего пола. Согласно полученным данным наличие детей умеренно меняет оценки. Так, у женщин с появлением детей несколько больше возрастает доля ответов «преимущественно мать» (26,9% против 24,1%) и снижается доля ответов «оба одинаково» (50,0% против 52,3%). Что касается респондентов мужчин, то с появлением детей, наоборот, снижается доля ответов «преимущественно отец» (26,3% против 29,0%) и возрастает доля ответов «оба одинаково» (51,7% против 47,6%) (см. рис. 2).

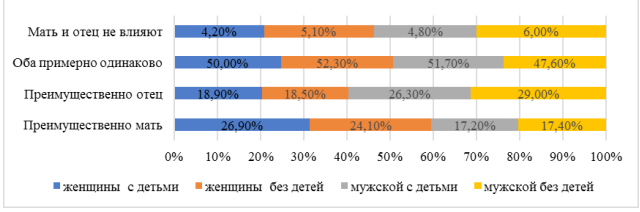

Рис. 2. Агент влияния на передачу семейных ценностей, традиций и представлений о том «кто мы», % к опрошенным респондентам в структурах представленных групп

Отметим, что в анализе ответов сохраняется гендерная асимметрия в оценках, поскольку женщины чаще отводят ведущую роль матери, а мужчины, соответственно, отцу. Данная асимметрия может отражать как реальные различия в воспитательных практиках, так и эффект социальной идентификации, т.е. респонденты склонны видеть больше влияния у своей гендерной группы. Также на представленную асимметрию может влиять и опыт родительства, который по-разному влияет на мужчин и женщин.

Вместе с тем, анализируя все ответы, представленные на рисунке 2 отметим, что семья воспринимается как значимый агент социокультурной идентификации и остаётся ключевым агентом трансляции и передачи ценностей. Отметим, что примерно половина респондентов во всех обследуемых группах считает, что мать и отец влияют на трансляцию семейных ценностей и традиций примерно одинаково. Другими словами, различия между группами не носят радикального характера, что может говорить о том, что представление о равном родительском участии становится нормативным.

Что касается причин разногласия по вопросам воспитания и идентичности ребенка между отцом и матерью предложенные варианты ответов охватывают различные сферы возможных разногласий: ценностные, культурные, религиозные, дисциплинарные, бытовые, медийные и другие. В соответствии с опросом основная причина разногласий заключается в различиях понимания семейных ценностей, что обозначено большим процентом во всех четырёх группах: женщины с детьми – 38,2%; женщины без детей – 41,2%; мужчины с детьми – 36,5%; мужчины без детей – 36,6%. Предполагаем, что споры о воспитании и идентичности ребенка воспринимаются прежде всего как столкновение мировоззрений, а не бытовых мелочей. Гендерные различия в восприятии причин диссонанса в зоне напряжения восприятия трансляции семейных традиций может лежать в плоскости отражения различных акцентов в понимании воспитания: женщины больше внимания уделяют коммуникативным и нормативным аспектам, а мужчины – культурно-символическим (см. рис. 3).

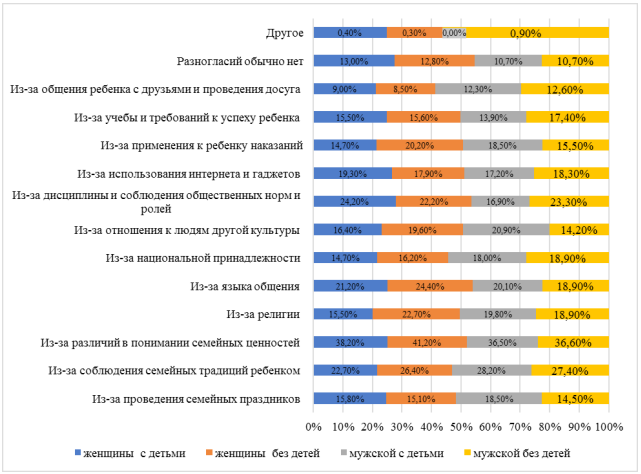

Рис. 3. Причины разногласий между отцом и матерью по вопросам воспитания и идентичности ребенка, % к опрошенным респондентам в структурах представленных групп

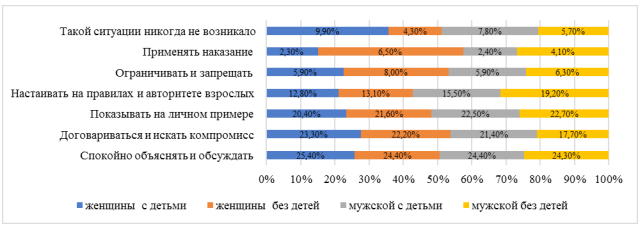

Рис. 4. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Если ребенок не принимает семейные правила, традиции или взгляды, какая реакция кажется вам наиболее правильной?», % к опрошенным респондентам в структурах представленных групп

Далее, на рисунке 4 представлено распределение ответов на одобряемую (и выбираемую) реакцию в случае, если ребенок не принимает семейные правила, традиции или взгляды, какая реакция кажется вам наиболее правильной в обследуемых группах. В целом, наиболее правильной реакцией на неприятие ребёнком семейных правил и ценностей респонденты считают спокойное объяснение и обсуждение, следовательно можно говорить о социально-одобряемых мягких стратегиях, которые выбирают опрошенные во всех группах («спокойно объяснять и обсуждать» выбирают 24,3–25,4% респондентов, далее, следует ответ «договариваться и искать компромисс» (17,7–23,3%) / «показывать на личном примере» (20,4–22,7%)). Женщины чаще выбирают компромисс, мужчины – настойчивость и личный пример. Отметим, что наличие детей также смягчает выбираемые стратегии, в то время как мужчины без детей оказываются в более авторитарной позиции.

Определяем, что основные разногласия между отцом и матерью по вопросам воспитания и идентичности ребенка связаны с различиями в понимании семейных ценностей и соблюдением традиций. Женщины чаще акцентируют дисциплину, язык, религию и наказания, мужчины – традиции, национальную и культурную принадлежность. Опыт родительства смягчает одни акценты и усиливает другие, но ценностный конфликт остаётся центральным. Около 10–13% респондентов вообще не сталкиваются с такими разногласиями.

Варианты ответов на задаваемый респондентам вопрос «Какие жизненные и семейные ценности, по вашему мнению, должны прежде всего передаваться через матерей?» охватывают широкий спектр ценностей: моральные (честность, трудолюбие, взаимопомощь), семейные (сплочённость, уважение к старшим, забота о младших), личностные (самостоятельность, дисциплина), эмоциональные (любовь и поддержка), а также гражданские (патриотизм, толерантность). Во всех группах наиболее популярны честность, трудолюбие, семейная сплочённость и взаимопомощь, и именно эти качества респонденты связывают с ролью матери. Женщины с детьми особенно часто указывают семейную сплочённость (44,7%) и любовь/поддержку (27,7%), что подтверждает традиционное представление о матери как об эмоциональном центре семьи.

Интересен факт, что гендерные различия заключаются в следующем: женщины чаще называют семейную сплочённость, честность, уважение к старшим, любовь и поддержку. Мужчины в большей степени отмечают взаимопомощь, дисциплину, заботу о младших, самостоятельность.

Что касается вопросы о жизненных и семейных ценностях, которые должны передаваться через матерей, % к опрошенным респондентам в структурах представленных групп обнаружено, что опыт родительства меняет представления о жизненных и семейных ценностях, которые должны передаваться через матерей в структурах представленных групп. Так, у женщин с появлением детей резко возрастает значимость семейной сплочённости (44,7% против 32,1%) и уважения к старшим (31,1% против 23,9%), но снижается интерес к самостоятельности (26,7% против 32,1%) и любви/поддержке (27,7% против 32,1%). Что касается мужчин, то с появлением детей усиливается значимость дисциплины (23,1% против 19,2%) и заботы о младших (25,5% против 23,3%), но снижается – любви/поддержки (22,5% против 27,8%) и уважения к традициям (22,5% против 24,6%).

Обобщим, что по мнению респондентов, опыт родительства усиливает у женщин семейно-традиционные акценты, а у мужчин – нормативно-заботливые. Гражданские и культурные ценности занимают периферийное положение. Ценность «ответственность за семью» не была выбрана никем, что требует отдельной интерпретации (возможно, она воспринимается как общая, а не исключительно материнская роль).

Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие жизненные и семейные ценности, по вашему мнению, должны прежде всего передаваться через отцов?» в группе «мужчин с детьми» ответы распределены следующим образом: трудолюбие – 42,8%; честность – 39,3%; дисциплина – 34,7%; самостоятельность – 32,8%; семейная сплочённость – 29,0%; взаимопомощь – 28,7%; уважение к традициям – 28,5%. В группе «мужчины без детей» большая часть ответов отведена трудолюбию (51,9%), дисциплине (42,6%), честности (40,3%), самостоятельности (37,7%), взаимопомощи (30,3%), семейной сплочённости (30,3%). В данной группе наблюдается самый высокий процент по трудолюбию и дисциплине среди всех обследуемых групп. По сравнению с мужчинами с детьми мужчины без детей чаще выбирают трудолюбие (51,9% против 42,8%), дисциплину (42,6% против 34,7%), самостоятельность (37,7% против 32,8%), но реже уважение к традициям (23,9% против 28,5%) и заботу о младших (19,0% против 16,3%. Здесь процентное значение фиксируется выше у мужчин с детьми).

Отметим, что отцовская роль ассоциируется прежде всего с трудолюбием, честностью, дисциплиной и самостоятельностью. Именно эти ценности во всех группах занимают верхние строчки, поскольку отец воспринимается как транслятор инструментальных качеств, необходимых для успешной социальной адаптации. Различия между женщинами с детьми и без детей не столь радикальны, т.е. можно отметить лишь некоторое снижение интереса к взаимопомощи и честности и рост – к семейной сплочённости.

Выводы

Проведенный компаративный анализ и результаты социологического опроса позволяют сформулировать следующие выводы относительно роли отцовства и материнства в трансляции социокультурной идентичности и семейных ценностей детям. В-первую очередь, фиксируется некоторая асимметрия функциональных ролей отца и матери при общей направленности респондентов на сохранение семейных традиций. Определено, что в обследуемых группах «женщины с детьми», «женщины без детей», «мужчины с детьми», «мужчины без детей» инструментальные стратегии матерей и отцов фокусируются на понимании, что материнство в большей степени ориентировано на эмоциональную и бытовую трансляцию ценностей (язык, традиции, нормы повседневного взаимодействия), в то время как отцовство выполняет функцию транслятора внешних социальных норм и профессиональной идентичности.

Результаты социологического опроса также свидетельствуют о наличии полярности между декларируемой готовностью к равному участию и реальной практикой, где ответственность за трансляцию идентичности по-прежнему отведена матери и ее роль воспринимается в качестве основного агента социализации в вопросах формирования социокультурной идентичности и нравственных ориентиров и трансляции культурного кода. Гендерные роли в процессе передачи социокультурной идентичности и семейных ценностей детям хотя и сохраняют различия, но не являются радикальными. В обследуемых группах большинство респондентов считает, что семейные ценности и традиции транслируются обоими родителями, однако женщины чаще подчёркивают влияние матери, а мужчины – роль отца, которая не остается на периферии в вопросе формирования ценностей и социокультурной идентичности, поскольку анализ ответов респондентов позволил зафиксировать их вовлечение в эмоциональное воспитание. Особенности трансляции семейных ценностей, по итогам проведенного социологического опроса позволили выявить, что матери в большей степени формируют понимание ценности заботы и принятия, в то время как отцы декларируют ценности достижения и автономии.

Однако, как бы ни менялись внешние социальные роли, механизмы передачи культурных кодов, традиций и ценностных ориентаций детям по-прежнему остаются предметом дискуссий. Отметим, что семья, являясь первичным агентом социализации транслирует образцы поведения, формируют представления о гендерных ролях и особенностях передачи ценностей, что в итоге отражается на формировании личности ребёнка. Его гармоничное развитие возможно только при условии интеграции перечисленных ценностей, что актуализирует дальнейшие исследования гендерных ролей в вопросах конструирования, трансляции ценностей у будущего поколения и социокультурной идентичности.

Литература

1. Ляликова, С.В. Организация семейной жизни: вклад родителей и детей (по результатам анализа бюджетов времени) / С.В. Ляликова, В.М. Карпова, А.И. Антонов // Социальное пространство. – 2024, Том 10. – № 3.

2. Ростовская, Т.К. Семейно-демографическая политика: подходы и практика / Т.К. Ростовская // Социологические исследования. – 2025. – № 4. – С. 155–156.

3. Силласте, Г.Г. Институт семьи и смена моделей репродуктивного поведения россиян в условиях формирования нового социогендерного порядка и страновой демографической среды / Г.Г. Силласте // Цифровая социология. – 2024, Том 7. – № 2. – С. 4–12.

4. Региональные демографические процессы в Республике Татарстан / А.З. Хурамшина, Ю.Р. Хайруллина, В.А. Гневашева, Ф.Т. Талибова // Гуманизм и современность: Материалы Международной научной конференции. В двух томах, Минск, 27 марта 2025 года. – Минск: Четыре четверти, 2025. – С. 196–200.

5. Нуруллина, Э.Р. Отцовство и материнство как социальные институты с позиций структурно-функционального анализа в условиях изменений социально-экономических отношений / Э.Р. Нуруллина // Вестник экономики, права и социологии. – 2026. – № 2. – С. 328–333.

6. Ильдарханова, Ч.И. Образовательные траектории родителей как фактор репродуктивного поведения на примере Республики Татарстан (2013–2022 гг.) / Ч.И. Ильдарханова, Г.Н. Ершова // Высшее образование в России. – 2024, Том 33. – № 7. – С. 50–66.

7. Ибрагимова, А.А. Положительный опыт родительской семьи как фактор стабилизации демографической ситуации в Российской Федерации (на примере отцовства) / А.А. Ибрагимова // Социальная политика и социология. – 2022, Том 21. – № 2(143). – С. 78–85.

COMPARATIVE ANALYSIS OF PATERNITY AND MOTHERHOOD IN THE PROCESS OF BROADCASTING SOCIOCULTURAL IDENTITY AND FAMILY VALUES TO CHILDREN: RESULTS OF SOCIOLOGICAL SURVEY[1]

Nurullina E.R., Khizbullina R.R.
Kazan State Power Engineering University

The presented article is devoted to gender roles in the broadcast of sociocultural identity and the formation of value orientations in children. Based on the author's opinion poll (n =1518 over 18 years old, Kazan, 2026), the types of respondents were structured, which are reduced to the following form – women with children, women without children, men with children, men without children. The methodological basis was a comparative and gender-oriented approach; empirical base – questionnaire survey. It has been determined that mothers predominantly broadcast emotional-everyday, cultural-linguistic and moral modules of sociocultural identity, while fathers are more focused on socio-normative components. Some asymmetry of gender roles was revealed in the process of forming and broadcasting family values, which is more shifted towards the maternal role. It is concluded that with the readiness for parity participation of both parents in the process of upbringing the values and socio-cultural identity of the child, the responsibility for the transfer of identity and family values is still assigned to the mother to a greater extent, and her role is perceived as key in the process of family socialization, the transfer of moral guidelines and cultural patterns. At the same time, the role of the father is not peripheral, since his involvement in the emotional upbringing of children is recorded, his role is more devoted to the formation of the child's orientation to achievements, independence, responsibility, traditions. The study shows that fatherhood and motherhood in the process of broadcasting sociocultural identity and the transmission of family values, although they demonstrate functional differences, are not antagonistic.

Keywords: parenthood, motherhood, family, sociocultural identity, family values, children, gender roles, parenthood, socialization, parenting comparative analysis.

References

1. Lyalikova, S.V. Organization of family life: the contribution of parents and children (based on the results of the analysis of time budgets)/S.V. Lyalikova, V.M. Karpova, A.I. Antonov// Social area. – 2024. – Vol. 10, № 3.

2. Rostov, T.K. Family and demographic policy: approaches and practice/T.K. Rostov// Sotsiologicheskie Issledovaniia. – 2025. – № 4. – Pp. 155–156.

3. Sillaste, G.G. Institute of Family and Changing Models of Reproductive Behavior of Russians in the Context of the Formation of a New Sociogender Order and Country Demographic Environment/G. G. Sillaste//Digital Sociology. – 2024 – Vol. 7, № 2. – Pp. 4–12.

4. Regional demographic processes in the Republic of Tatarstan/A. Z. Khuramshina, Yu.R. Khairullina, V.A. Gnevasheva, F.T. Talibova//Humanism and modernity: Materials of the International Scientific Conference. In two volumes, Minsk, March 27, 2025. – Minsk: Four quarters, 2025. – Pp. 196–200.

5. Nurullina, E.R. Fatherhood and motherhood as social institutions from the standpoint of structural and functional analysis in the context of changes in socio-economic relations/E. R. Nurullina// The Review of Economy, the Law and Sociology. – 2026. – № 2. – Pp. 328–333.

6. Ildarkhanova, Ch.I. Educational trajectories of parents as a factor of reproductive behavior on the example of the Republic of Tatarstan (2013–2022)/Ch. I. Ildarkhanova, G.N. Ershova//Higher education in Russia. – 2024. – Vol. 33, № 7. – Pp. 50–66.

7. Ibragimova, A.A. The positive experience of the parental family as a factor in stabilizing the demographic situation in the Russian Federation (using the example of paternity) /A. A. Ibragimova//Social policy and Sociology. – 2022. – Vol. 21, № 2(143). – Pp. 78–85.

[1] This work was supported by a grant awarded by the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan to higher education institutions, research organizations, and other entities to support human resource development plans-specifically by incentivizing scientific and academic staff to defend doctoral dissertations and conduct research-within the framework of the scientific project led by E.R. Nurullina titled «Fatherhood and Motherhood as Factors Strengthening the Sociocultural Identity of Russian Society Amidst Changing Socio-Economic Relations» (https://anrt.tatarstan.ru/granti-kandidatam-nauk-postdoktorantam.htm).

Социальная активность студенческой молодежи на территории луганской народной республики на примере донбасского государственного технического университета

Палачева Юлия Алексеевна,
заместитель декана по воспитательной работе,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»
E-mail: palacheva.yulya@mail.ru

Статья посвящена выявлению особенностей социальной активности и социального участия студентов Донбасского государственного технического университета. Анализ литературы по теме показал, что существуют нехватка эмпирических исследований, которые были бы направлены на изучение состояния социальной активности студентов на территории новых регионов.

Авторы статьи рассматривают различные формы социальной активности, раскрывают ее содержание через практики социального участия современных студентов в проектной работе. Объект данного исследования – социальная активность студенческой молодежи. Цель исследования – выявить и охарактеризовать социальную активность, систематизировав практики социального участия студенческой молодежи Луганской Народной Республики. Структура социальной активности формируется в зависимости от информированности студентов и их роли (участник или организатор) в проектах. Эмпирической базой выступили результаты социологического исследования, которое было проведено методом онлайн-опроса (выборка многоступенчатая, квотная, n=254). Опрошены респонденты от 17 до 24 лет. В рамках онлайн-опроса исследована информированность студенческой молодежи, охарактеризованы социальные практики участия в различных проектах современной студенческой среды: внутривузовских мероприятиях, научных конференциях и семинарах, форумах Федерального агентства по делам молодежи, Всероссийском студенческом проекте «Твой ход».

Полученные выводы, дополнены данными экспертного опроса, что позволило расширить представление о специфике реализации молодежной политики и воспитательной работы на территории Луганской Народной Республики, в частности в городе Алчевск.

В результате исследования выявлено, что в настоящее время идет активный процесс трансформации системы молодежной политики на территории региона, однако, студенты вовлечены в социальную и проектную работу, демонстрируют высокий уровень информированности о возможностях социального участия, включены в мероприятия молодежной политики.

Ключевые слова: социальная активность, студенческая молодежь, молодежная политика, новые территории, Луганская Народная Республика.

Введение

Социальная активность студенческой молодежи последнее время часто становится предметом научных исследований. Это связано с большим вниманием со стороны государства: молодежная политика и воспитательная работа становятся основой для создания в высших образовательных организациях новых структурных подразделений, развития направления.

Социологами, политологами было проведено множество региональных исследований (А.А. Зайцева [1], А.С. Королева [2], А.Э. Пилипенко [3]), однако, на данный момент практически нет публикаций, характеризующих практики социальной активности студенческой молодежи новый территорий: Луганская Народная Республика, Донецкая Народная Республика, Запорожская и Херсонская области. Сегодня для них расширились возможности, связанные с молодежной политикой в России, но существуют сложности с транспортной доступностью поездок в другие регионы, организацией мероприятий на местах, что определяет специфику и форму социальной активности.

Настоящее исследование будет направлено на систематизацию практик социального участия в контексте реализации социальной активности студентов на территории Луганской Народной Республики на примере обучающихся ФГБОУ ВО «Донбасский государственный технический университет». Исследование основывается на принципе «дуальности структуры» Э. Гидденса [4], а также его утверждениях о важной роли социального субъекта (индивидов, общественных групп, движений) в преобразовании социальных структур соответственно их интересам.

Материалы и методы

Цель исследования – выявить и охарактеризовать социальную активность, систематизировав практики социального участия студенческой молодежи Луганской Народной Республики.

Для достижения поставленной цели было проведено социологическое исследование методом анкетного опроса (выборка многоступенчатая, квотная, n=254) студентов, которые обучаются в ФГБОУ ВО «Донбасский государственный технический университет». Вопросы анкеты были разработаны для изучения практик социального участия студентов университета в разных формах социальной активности – внеучебных, научных, творческих, спортивных мероприятиях, которые предлагает университет и другие субъекты молодежной политики.

Среди респондентов практически равная доля мужчин и женщин, 48% опрошенных – мужчины, 52% – женщины. Респондентам от 17 до 24 лет включительно.

Также в рамках настоящего исследования был проведен экспертный опрос с целью анализа особенностей реализации молодежной политики и воспитательной работы на территории Луганской Народной Республики, в частности в городе Алчевск. В опросе приняли участие два эксперта – представитель администрации Донбасского государственного технического университета, представитель администрации Министерства молодежной политики ЛНР.

Экспертный опрос в совокупности с анкетным опросом позволили выявить особенности социальной активности студенческой молодежи в исследуемом университете, сформировать объективное представление о формировании новых практик молодежной политики и воспитательной работы. Ответы каждого эксперта публикуются в обобщенном виде, сохраняющем их анонимность. Исползанные методы позволили, во-первых, выявить особенности реализации молодежной политики на территории ЛНР, во-вторых, сформировать объективное представление о факторах, оказывающих влияние на социальную активность и социальное участие студенческой молодежи. В тоже время следует констатировать следующие ограничения исследования. Во-первых, исследование проводилось в одном университете, что ограничивает возможности обобщения выводов. Во-вторых, самооценка социальной активности респондентами может быть подвержена влиянию социальных ожиданий.

Литературный обзор

Проведя анализ работ российских и зарубежных исследователей, авторами были выделены следующие компоненты социальной активности:

индивидуальное участие студентов в социальной и общественной жизни общества (работы Х. Чэнь [5], Е.Ю. Костина [6] и др.); деятельность в различных молодежных и детских общественных организациях, волонтерских объединениях (работы Ю. Дж. Хасауна [7], В.Б. Большов [8], К.А. Орехов [9]); деятельность высших образовательных организаций по вовлечению молодежи в различные конструктивные формы социальной активности (Д.В. Аширов [10], Н.В. Гарашкина [11]).

Однако, в настоящее время крайне мало исследований, которые были бы посвящены изучению студенческой молодежи новых территорий: Луганская Народная Республика, Донецкая Народная Республика, Запорожская и Херсонская области. Среди опубликованных работы есть исследования Е.В. Дорцева [11], Э.А. Самотаева [12]. Первая статья анализирует деструктивное влияние различных факторов на молодых людей в новых российских регионах, а вторая исследует взаимосвязь толерантности к неопределенности и жизнестойкости у студентов ДНР, подчеркивая важность этих качеств для адаптации в сложных условиях.

В процессе анализа российской и зарубежной литературы по данной теме авторами был также выявлен термин «социальное участие», который в своих исследованиях используют М.В. Певная [13], А.И. Шутенко [14] и др. Авторы настоящей работы приходят к выводу, что понятия «социальная активность» и «социальное участие» тесно связаны, иногда используются как синонимы. Однако, между нами есть некоторые нюансы, которые необходимо учитывать в исследовании:

1. Социальное участие – это конкретная форма реализации социальной активности. Например, волонтерская деятельность, участие в деятельности молодежных и детских общественных организаций.

2. Социальная активность – это более широкое понятие, которые включает в себя как само социальное участие, так и мотивацию, причины неучастия и участия в различных формах социальной активности. Это комплекс, благодаря которому студент является социально активным.

Таким образом, в рамках настоящего исследования будут затронуты вопросы, связанные как с социальным участием (приведены конкретные примеры социальных практик), так и с социальной активностью (будут подняты вопросы, связанные с внешними и внутренними причинами участия и неучастия в социальной активности).

Результаты исследования

В результате опроса *эксперта 1*, а также изучения официального сайта университета было выявлено, что в календарном плане воспитательной работы на 2024–2025 год запланировано 118 мероприятий различного уровня. Все они разделены на основные направления.

Мероприятия включают в себя как классические для университетской среды форматы (торжественное посвящение первокурсников, мероприятия ко Дню Защитника Отечества и др.), так и мероприятия с учетом территориальных особенностей. Например, о подвиге «Молодой Гвардии» в городе Краснодоне.

В ходе экспертного опроса, были исследованы сложности социальной трансформации социального-воспитательной работы со студенческой молодежью. В декабре 2025 года на территории Луганской Народной Республики продолжает действовать *«комендантский час и ограничения, связанные с проведением массовых мероприятий (более 50 участников)»* (эксперт 1). *«Проведение массовых мероприятий является возможным, однако, требует большого количества согласований с органами правопорядка»* (эксперт 2).

Эксперты подчеркивают, что важным фактором для развития социальной активности студентов является *«наличие в субъекте Совета проректоров по молодежной политике при Министерстве молодежной политике ЛНР, который был создан в 2024 году»* (эксперт 2). *«Со всеми ВУЗами на территории ЛНР и Министерством заключены соглашения о сотрудничестве»*. (эксперт 1).

Благодаря экспертному опросу были выявлены всероссийские и межрегиональные проекты (практики социального участия), в которых принимают участие студенты. *«Студенты принимают участие во всероссийских и межрегиональных мероприятиях. Например, в конкурсе «Твой ход», конкурсах Росмолодежь.Гранты и других проектах»* (эксперт 1). *«Четыре студента из региона стали финалистами конкурса «Твой Ход», пройдя отбор среди тысяч студентов со всей страны»* (эксперт 2). *«Благодаря совместным усилиям высшей школы и Министерства в 2025 году участниками форумов линейки Росмолодежь.События стали 115 студентов региона. Для них всех был организован проезд до мест проведения форумов со стороны Министерства.»* (эксперт 2).

Эксперты отмечают, что практики социального участия существуют и внутри высшей образовательной организации. *«На базе Донбасского государственного технического университета действуют Центр культуры и досуга «Талант», деятельность которого направленна на содействие развития творческого потенциала студенческой молодежи, а также Студенческий спортивный клуб «СКИФ-Донбасс», который проводит спортивные мероприятия для студентов, объединение «ТОК Тех», которое направлено на медийное сопровождение университетской жизни, волонтерский корпус, студенческий совет.»* (эксперт 1)

Проведенный экспертный опрос помог сформировать представление о состоянии молодежной политики и воспитательной работе в базе Донбасского государственного технического университета.

Однако, для получения более полной картины и оценки эффективности реализуемых мер, необходимо узнать мнение самих студентов. Именно поэтому следующим этапом исследования стал опрос студентов, призванный определить состояние информированности и участия в различных проектах. Перейдем к анализу результатов данного опроса.

59% из числа опрошенных студентов знают о возможности принимать участие в форумах линейки Росмолодежи или уже принимали участие в таких проектах. О возможностях лучше информированы респонденты-девушки (64,4%), чем мужчины (54,4%). В распределении студентов, основанном на курсе обучения, слабее всего информированы студенты 1 курса, среди них не слышали о такой возможности 23,2% из числа опрошенных.

59,8% опрошенных студентов знают о Всероссийском студенческом конкурсе «Твой ход» или принимали в нем участие. О проекте знают в равной степени мужчины (60,6%) и женщины (59,8%). Наиболее низкий процент неинформированности аналогично среди студентов 1 курса – 19,7%.

Среди студентов значительный процент знают о возможности получить финансирование на собственную инициативу (более 64% опрошенных). О возможностях лучше информированы респонденты-девушки (77,2%%), чем мужчины (70,5%%). В распределении студентов, основанном на курсе обучения, слабее всего информированы студенты 1 курса, среди них не слышали о такой возможности 13,8% из числа опрошенных.

Только 22% респондентов из числа опрошенных не знают о спортивных мероприятиях, которые проходят на базе университета. Только 19% из числа опрошенных принимают участие в спортивных мероприятиях, организованных Студенческим спортивный клуб «СКИФ-Донбасс». Процент участия в мероприятиях выше среди молодых людей (23,8%), чем среди девушек (12,8%).

Результаты исследования показали, что большинство студентов осведомлены о творческих мероприятиях, которые реализует Центр культуры и досуга «Талант». Тем не менее, только 16% опрошенных принимают участие в этих событиях.

О существовании Студенческого Совета знают более 70% респондентов. Наиболее низкий процент информирования среди студентов 1 курсов (14,9%). Знают о деятельности организации, но не знают, как принять участие в ее деятельности 10,6%. Именно они в дальнейшем могут стать потенциальными участниками объединения.

Объединению «ТОК Тех» менее одного года, и о нем знают 66,5% опрошенных студентов. Меньше всего об объединении знают студенты первых и вторых курсов (16% и 10,6%). Среди юношей 59,8% знают о деятельности пресс-центра, 4,9% принимают участие в работе. Среди девушек данный процент составляет 72,7% и 5,3%.

Заключение

Подводя итоги настоящего исследования, отметим, что социальной активности на территории Луганской Народной Республики сегодня уделяется большое внимание. Здесь значимую роль играют акторы молодежной политики: Министерство молодежной политики Республики, Совет проректоров по молодежной политике при Министерстве молодежной политике ЛНР и, конечно, сами высшие образовательные организации. В молодежной политике, в частности в университетской среде, происходит формирование новых практик. Появляются новые проекты, большая работа сотрудниками университетов и учреждений молодежной политики направлена на информирование студентов о возможностях участия в новых для них проектах и программах.

В первую очередь отметим, что, несмотря на сложности, связанные с организацией и проведением мероприятий, в Донбасском государственном техническом университете очень насыщенная внеучебная жизнь. Мероприятия, которые проводятся для студентов в рамках календарного плана, отличаются своим многообразием: здесь и традиционные посвящения в первокурсники, и мероприятия в память о члене штаба подпольной комсомольской организации «Молодая гвардия» Любови Шевцовой, которая родилась и выросла на территории Республики.

Во-вторых, благодаря совместной работе акторов молодежной политики и активных студентов, социальная активность рассмотрена

через призму дуальности структуры Э. Гидденса, это позволило констатировать преобразование социальной структуры (внеучебной жизни) соответственно интересам студентов.

Суть концепции дуальности структуры заключается в том, что социальные структуры являются одновременно и средством, и результатом социального действия. В настоящем исследовании это означает, что акторы молодежной политики как элемент социальной структуры структурируют социальную активность, предлагая им определенные мероприятия и проекты. С другой стороны, участие студентов в этих мероприятиях трансформирует структуру молодежной политики внутри университета (например, деятельность Студенческого Совета).

Наиболее высокий уровень информированности студенты демонстрируют в вопросах, посвященных внутривузовским мероприятиям (более 70% знают о таких событиях). Среди всероссийских практик наибольше количество студентов знает о Росмолодежь.Грантах как о платформе, где можно получить средства на реализацию собственной инициативы. Выявлены некоторые различия в осведомленности и участии между юношами и девушками, а также между студентами разных курсов, что указывает на необходимость дифференцированного подхода к информированию и вовлечению студентов в различные виды деятельности. Существует потенциал для расширения участия студентов в деятельности существующих студенческих организаций, особенно среди первокурсников и тех, кто знает о них, но не знает, как присоединиться.

Подводя итоги настоящего исследования, важно не только констатировать высокий уровень информированности студентов, но и анализировать количество студентов, вовлеченных в мероприятия и проекты. Это требует дальнейших исследований, направленных на изучение субъектной позиции студенческой молодежи в процессе реализации молодежной политики на территории Луганской Народной Республики.

Литература

1. Зайцева, А.А. Социальное поведение студенческой молодежи в региональных сообществах на Юге России: ментальные программы и социальные практики: на материалах Ростовской области и Республики Крым / А.А. Зайцева, А.В. Верещагина. – Ростов-на-Дону: Общество с ограниченной ответственностью «Фонд науки и образования», 2021. – 212 с.

2. Королев, А.С. Студенческий спортивный клуб и его потенциал в формировании социальной активности студентов / А.С. Королев // Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта. – 2022. – № 10(212). – С. 196–202.

3. Пилипенко, А.Э. Социальная активность студенческой молодежи: опыт исследования смысловых представлений / А.Э. Пилипенко // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология.

4. Гидденс, Э. Устроение общества: Очерк теории структурации / Э. Гидденс. – 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2005. – 528 с.

5. Chen, H. Digital interactive information technologies in political education and civic participation of students of Chinese universities. Educ Inf Technol 29, 3903–3921 (2024). https://doi.org/10.1007/s10639–023–11951-x

6. Костина, Е.Ю. Социальная активность и социальная ответственность в представлениях и практиках современной молодежи / Е.Ю. Костина, Н.А. Орлова // Вестник Института социологии. – 2022. – Т. 13, № 1. – С. 129–143.

7. Khasawneh Y. J., Khasawneh M. The role of social media in spreading the culture of volunteer work among university students //Studies in Media and Communication. – 2024. – Т. 12. – № . 4. – С. 201.

8. Большов, В.Б. Волонтерство и волонтерская практика как способ самореализации студентов вузов / В.Б. Большов, В.В. Николаенко // Социальная компетентность. – 2020. – Т. 5, № 3(17). – С. 377–388.

9. Орехов, К.А. Волонтерство как основное направление повышения социальной активности студентов / К.А. Орехов // Прикладная электродинамика, фотоника и живые системы – 2023: Материалы X Международной молодежной научно-технической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов, Казань, 13–15 апреля 2023 года. – Казань: ИП Сагиев А.Р., 2023. – С. 743–744.

10. Аширов, Д.В. Воспитание в высшей школе: поиск современной модели / Д.В. Аширов, Л.С. Пастухова, О.Е. Турлакова // Ценности и смыслы. – 2021. – № 2(72). – С. 78–94.

11. Гарашкина, Н.В. Включение студентов вуза в социальные проекты по гражданско-патриотическому воспитанию детей и молодежи / Н.В. Гарашкина, А.А. Дружинина // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – Т. 26, № 193. – С. 134–140.

12. Дорцева, Е.В. Деструктивное воздействие на современную российскую молодежь (на примере новых субъектов Российской Федерации) / Е.В. Дорцева, Н.В. Родин // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2023. – Т. 29, № 4. – С. 65–88.

13. Самотаева, Э.А. Взаимосвязь толерантности к неопределённости и жизнестойкости у студенческой молодёжи ДНР / Э.А. Самотаева // Психология человека и общества. – 2023. – № 13(64). – С. 15–21.

14. Певная, М.В. Социальное участие студентов России и Армении: институциальный контекст и нереализованный потенциал некоммерческого сектора в социокультурном развитии региональных городов / М.В. Певная, Е.А. Шуклина, Л.А. Асоян // Журнал исследований социальной политики. – 2020. – Т. 18, № 3. – С. 445–460.

15. Шутенко, А.И. Мотивационные и личностные особенности студентов, принимающих участие в реализации волонтерских проектов социальной направленности / А.И. Шутенко, Е.Н. Шутенко, А.В. Локтева // Перспективы науки и образования. – 2023. – № 4(64).

SOCIAL ACTIVITY OF STUDENT YOUTH IN THE TERRITORY OF THE LUGANSK PEOPLE'S REPUBLIC, EXEMPLIFIED BY DONBAS STATE TECHNICAL UNIVERSITY

Palacheva Yu.A.
P.G. Demidov Yaroslavl State University

The article is devoted to identifying the features of social activity and social participation among students of Donbas State Technical University. An analysis of the literature on the topic has shown that there is a lack of empirical studies aimed at examining the state of students' social activity in the new regions.

The authors of the article examine various forms of social activity and reveal its content through the practices of social participation of modern students in project work. The object of this study is the social activity of student youth. The aim of the study is to identify and characterize social activity by systematizing the practices of social participation of student youth in the Luhansk People's Republic. The structure of social activity is formed depending on the students' level of awareness and their role (participant or organizer) in the projects.

The empirical basis was the results of a sociological study conducted using an online survey (multistage quota sampling, n=254). Respondents aged 17 to 24 were surveyed. The online survey examined the level of awareness among student youth and characterized the social practices of participation in various projects within the modern student environment: intra-university events, scientific conferences and seminars, forums of the Federal Agency for Youth Affairs, and the All-Russian student project "Your Move".

The findings have been supplemented with data from an expert survey, which has allowed for a broader understanding of the specifics of implementing youth policy and educational work in the Luhansk People's Republic, particularly in the city of Alchevsk.

The study revealed that an active process of transforming the youth policy system in the region is currently underway; however, students are involved in social and project work, demonstrate a high level of awareness of opportunities for social participation, and are included in youth policy activities.

Keywords: social activity, student youth, youth policy, new territories, Luhansk People's Republic.

References

1. Zaitseva A.A., Vereshchagina A.V. Social behavior of student youth in regional communities in the South of Russia: mental programs and social practices: on the materials of the Rostov region and the Republic of Crimea. Rostov-on-Don: Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennostyu «Fond nauki i obrazovaniya», 2021. 212 p. (In Russ.)

2. Korolev A.S. Student sports club and its potential in the formation of social activity of student youth. Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta = Scientific Notes of the P.F. Lesgaft University. 2022; № 10(212):196–202. (In Russ.)

3. Pilipenko A.E. Social activity of student youth: experience in the study of semantic representations. Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kulturologiya = Bulletin of the Adygea State University. Series 1: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Culturology. 2021;(3(284)). (In Russ.)

4. Giddens E. Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii = The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. 2nd ed. Moscow: Akademicheskiy Proekt, 2005. 528 p. (In Russ.)

5. Chen, H. Digital interactive information technologies in political education and civic participation of students of Chinese universities. Educ Inf Technol 29, 3903–3921 (2024). https://doi.org/10.1007/s10639–023–11951-x

6. Kostina E.Yu., Orlova N.A. Social activity and social responsibility in the perceptions and practices of modern youth. Vestnik Instituta sotsiologii = Bulletin of the Institute of Sociology. 2022;13(1):129–143. (In Russ.)

7. Khasawneh Y. J., Khasawneh M. The role of social media in spreading the culture of volunteer work among university students //Studies in Media and Communication. – 2024. – Т. 12. – № . 4. – С. 201.

8. Bolshov V.B., Nikolaenko V.V. Volunteering and volunteer practice as a way of self-realization of university students. Sotsial'naya kompetentnost' = Social competence. 2020;5(3):377–388. (In Russ.)

9. Orekhov K.A. Volunteering as the main direction of increasing the social activity of students. Prikladnaya elektrodinamika, fotonika i zhivye sistemy – 2023 = Applied Electrodynamics, Photonics and Living Systems – 2023: Proceedings of the X International Youth

Scientific and Technical Conference of Young Scientists, Postgraduates and Students, Kazan, April 13–15, 2023. Kazan: IP Sagiev A.R., 2023. P. 743–744. (In Russ.)

10. Ashirov D.V., Pastukhova L.S., Turlakova O.E. Education in higher education: the search for a modern model. Tsennosti i smysly = Values and meanings. 2021;2(72):78–94. (In Russ.)

11. Garashkina N.V., Druzhinina A.A. Inclusion of university students in social projects on civic-patriotic education of children and youth. Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities. 2021;26(193):134–140. (In Russ.)

12. Dortseva E.V., Rodin N.V. Destructive impact on modern Russian youth (on the example of new subjects of the Russian Federation). Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya = Moscow University Bulletin. Series 18. Sociology and political science. 2023;29(4):65–88. (In Russ.)

13. Samotaeva E.A. The relationship of tolerance for uncertainty and resilience in the student youth of the DPR. Psikhologiya cheloveka i obshchestva = Psychology of man and society. 2023;13(64):15–21. (In Russ.)

14. Pevnaya M.V., Shuklina E.A., Asoyan L.A. Social participation of students in Russia and Armenia: institutional context and unrealized potential of the non-profit sector in the socio-cultural development of regional cities. Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki = The Journal of Social Policy Studies. 2020;18(3):445–460. (In Russ.)

15. Shutenko A.I., Shutenko E.N., Lokteva A.V. Motivational and personal characteristics of students participating in the implementation of volunteer projects of social orientation. Perspektivy nauki i obrazovaniya = Perspectives of Science and Education. 2023;4(64). (In Russ.)

Использование кино как инструмента «мягкой силы» в современной медиакультуре

Петраш Елена Вадимовна,
кандидат культурологии, доцент кафедры гуманитарных наук факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: evpetrash@fa.ru

Гаврилов Андрей Дмитриевич,
студент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: 247128@edu.fa.ru

Актуальность исследования обусловлена трансформацией киноискусства, которое сегодня представляет собой не просто сферу развлечения, – это эффективный инструмент, с помощью которого транслируются ценности, формируются образы прошлого и будущего, предлагаются модели социального и политического поведения. Кино буквально повсюду – на экранах, в лентах соцсетей и в подборках стримингов. Погружаясь в экранные миры, зритель неосознанно перенимает ценности, манеру речи и реакции героев. В этом и заключается суть феномена «мягкой силы»: влияние происходит не через принуждение, а через притягательные образы, истории и символы, которые мы добровольно принимаем. Цель данного исследования выявить роль кино, как инструмента «мягкой силы», формирующей общественное мнение в XXI веке. В ходе исследования были решены следующие задачи: проанализировано место кинематографа в системе социальных коммуникаций; раскрыто содержание понятия «мягкой силы» как феномена современной медиакультуры; показаны особенности применение «мягкой силы» в кино как инструмента формирования общественного мнения в XXI веке. Методологическую основу исследования составляют социокультурный и аксиологический подходы, методы компаративистского анализа и анализа научных источников. В качестве эмпирической базы использованы отечественные научные публикации последних лет. Сделан вывод о том, что применение кинематографа как инструмента «мягкой силы» в XXI веке способно порождать искаженное восприятие реальности. Сила кино заключается в способности погружать аудиторию в вымышленный мир, временно смещая фокус восприятия. Таким образом, кино выходит за рамки художественного выражения и превращается в инструмент культурного влияния, действующий системно и при этом деликатно.

Ключевые слова: кино; пропаганда; мягкая сила; общественное мнение; культурное влияние

Кинематограф в XXI веке оказался неотъемлемой частью того, как общество коммуницирует и обменивается идеями. Сегодня кино – это один из самых действенных способов передавать смыслы, ценности и даже модели поведения. Человек живет в мире, перенасыщенном медиа, и в этих условиях кино уже нельзя считать просто развлечением или искусством. Оно превратилось в полноценный инструмент коммуникации, который напрямую воздействует на сознание масс. Как именно? Через визуальные образы, продуманные сюжеты и эмоциональное вовлечение кино активно участвует в формировании общественного мнения. Оно помогает создавать и закреплять в умах людей устойчивые представления о социальной реальности. Социальная коммуникация – это средство общения между группой людей для передачи или обменом информации.

Современный научный подход к изучению кино носит ярко выраженный междисциплинарный характер: он интегрирует инструментарий философии, эстетики и теории кино. Одна из ключевых тенденций – переосмысление постмодернистской парадигмы с одновременным стремлением разработать новые стратегии репрезентации реальности на экране.

Философско-теоретической базой для изучения кинематографа как экранного феномена выступают исследования, базирующиеся на идеях С. Жижека (Киногид извращенца) [13] и Ж. Делеза (Кино 1: Образ-движение.) [14].

Если взглянуть на современную систему коммуникаций, возможно увидеть две характеристики: плотность информационных потоков и стирание границ между разными медиа. М.М. Назаров подмечает, что «массовая коммуникация сегодня – это сложный процесс производства, распространения и потребления символических форм, опосредованный техническими средствами» [1]. Кино органично вписывается в эту систему в качестве универсального медиатекста. Оно уникально тем, что сочетает в себе сразу несколько уровней воздействия: визуальный, звуковой и повествовательный. Благодаря такому многогранному подходу кинематограф способен доносить свои идеи до самой разной аудитории – вне зависимости от образования, социального положения или культурного багажа зрителя.

Ключевая особенность кинематографа как канала коммуникации заключается в апелляции к чувственной сфере. Если новостные сводки или аналитика ориентированы на логику, то фильм воздействует прежде всего через эмоции, задействуя визуальные образы, личные ассоциации и глубинные переживания зрителя. В рамках массовой культуры эмоциональные инструменты целенаправленно задействуются для внедрения необходимых интерпретаций реальности [2]. Объясняется это просто: образы, несущие эмоциональный заряд, усваиваются гораздо быстрее и остаются в памяти дольше, нежели сухие логические конструкции. С этой точки зрения кинематограф выступает исключительно действенным инструментом для укоренения в социуме конкретных стереотипов и поведенческих установок.

Стоит также отметить особую способность кино к формированию символического пространства. Рассуждая о природе потребительского общества, современные медиа выстраивают масштабную систему знаков и симулякров [3]. Нередко эта искусственно созданная вселенная начинает восприниматься людьми как более значимая, чем окружающая действительность. Кинематограф, обладающий эффектом глубокого погружения, только обостряет эту тенденцию. Он предоставляет зрителю целостные и доходчивые шаблоны для осмысления исторических событий или социальных явлений. В итоге экранные истории становятся неотъемлемой частью личного опыта и серьезно корректируют картину мира индивида.

Нельзя рассматривать кино изолированно. Оно пребывает в постоянном взаимодействии с прочими составляющими информационной среды: телевидением, онлайн-площадками и социальными сетями. Именно на пересечении этих технологий в современной культуре рождаются новые форматы и «языки» общения [10]. Повсеместное распространение стриминговых сервисов лишь увеличило доступность фильмов. Возможность просмотра в любое время и в любой точке пространства существенно расширяет охват аудитории и, как следствие, многократно умножает воздействие кинематографа на общественные умонастроения.

Важно также отметить и тот факт, что кино выполняет важную социализирующую функцию. Через экранные образы передаются мо-

дели поведения, получающие общественное одобрение, проводится четкая грань между добром и злом, а также наглядно показывается, какие поступки считаются приемлемыми, а какие – нет. Сознание социума формируется под воздействием тех самых «картинок в голове», которые создаются посредством массмедиа [5]. В данной системе кинематограф оказывается одним из главных источников таких образов. Именно он формирует и тиражирует устоявшиеся представления о целых государствах, национальных группах, политиках и различных слоях общества.

Следовательно, кино напрямую включено в процесс выстраивания ценностной иерархии, фактически определяя, что именно социум будет расценивать как значимое.

Кинематограф, подобно литературе, представляет собой мощный канал для внедрения глобальных ценностных ориентиров. Объясняется это тем, что он способен доносить универсальные идеи в доступной и эмоционально насыщенной упаковке. Персонажи, их поступки и проблемы, с которыми они сталкиваются, исподволь закрепляют в сознании зрителя те или иные идеалы. Благодаря фильмами выстраиваются наши представления о свободе, справедливости, личном успехе или патриотизме. В других случаях киноленты, напротив, могут популяризировать крайние формы индивидуализма либо потребительское отношение к окружающему миру. Подобная способность позволяет говорить о кино не просто как о виде искусства, но как о полноценном участнике культурного и мировоззренческого диалога в обществе [4].

Действуя в рамках парадигмы массовой культуры, кинематограф принимает на себя и задачу по унификации смыслов. Сама массовая культура строится на многократном воспроизведении узнаваемых образов и сюжетных схем – такой подход гарантирует их легкое и быстрое усвоение аудиторией [7]. Следуя этой логике, кино ведет к нивелированию различий в культурном опыте. Оно порождает общие для огромной зрительской аудитории символы, мифы и архетипы. В конечном счете кинематограф превращается в удобный и исключительно действенный канал распространения тех или иных идеологических установок, которые внедряются в сознание практически незаметно.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о том, какими возможностями для скрытого воздействия обладает кинематограф. Ключевая особенность манипуляции заключается в ее неочевидности: она подается под видом обычного отдыха или развлечения [2]. Поскольку поход в кино или просмотр фильма ассоциируются у нас с досугом, критическое восприятие в такие моменты неизбежно притупляется. Это обстоятельство существенно усиливает эффект ненавязчивого влияния. Зритель подсознательно настраивается на то, чтобы воспринимать демонстрируемые модели поведения либо как нейтральную данность, либо как часть художественного вымысла, не подвергая их серьезной рефлексии или сомнению.

Интересно, что кино действует в двух взаимосвязанных направлениях: с одной стороны, оно формирует запросы аудитории, с другой – чутко реагирует на уже существующие. Для молодежи экранные образы зачастую служат своеобразными ориентирами, позволяющими разобраться в сложных социальных процессах [8]. Это говорит о том, что коммуникация здесь носит двусторонний характер: кинематограф не только отражает настроения, царящие в обществе, но и предлагает свои способы их интерпретации, постепенно видоизменяя эти самые ожидания.

В XXI веке в фильмах все шире используются культурные коды. Такие коды дают возможность упаковывать многогранные смыслы в сжатую, метафоричную форму [9]. Когда зритель считывает эти коды, он невольно включается в процесс их дешифровки, часто даже не отдавая себе отчета в том, что его восприятие направляется по заранее проложенному руслу. Это свойство превращает кино в мощный канал социальной коммуникации, способный взаимодействовать с аудиторией на уровне глубинных, коллективных структур психики.

Являясь неотъемлемой частью социокультурной среды, кинематограф берет на себя еще и задачу интеграции. Он способен объединять разные группы общества вокруг общих тем, персонажей и совместно переживаемых эмоций. Кино помогает выстраивать единое культурное пространство, внутри которого постоянно происходит обмен смыслами и ценностями [10]. Кинематографическое пространство, таким образом, становится площадкой для символического диалога, соединяющего личность, социум и институты власти.

Отдельно важно сказать о способности кинематографа взаимодействовать с коллективной памятью. Художественные реконструкции прошлого, представленные на экране, активно влияют на восприятие зрителями исторических событий, порой вытесняя собой академические знания. Культура и ее воплощения на экране не просто воспроизводят действительность, а принимают деятельное участие в ее формировании, предлагая те или иные версии как минувшего, так и текущего [10]. В этом отношении кино выступает в роли связующего звена между историческим фактом и тем, как данное событие начинает трактоваться в массовом сознании.

Коллективная память, транслируемая через кинематограф, неизбежно несет в себе эмоциональную составляющую. Мы осмысляем исторические события не через хронологию и даты, а через судьбы героев, зрительные детали и драматургическое построение сюжета. Это пробуждает в нас чувство сопричастности. В итоге социальные и исторические нарративы закрепляются в сознании как глубоко личный, прочувствованный опыт. Именно данный механизм объясняет, почему кино оказывает столь мощное воздействие на наши устоявшиеся представления о прошлом, настоящем и даже о том, что ждет нас впереди.

Кроме того, кинематограф принимает активное участие в укоренении определенных поведенческих паттернов. Сюжетные схемы, которые воспроизводятся из фильма в фильм, а также узнаваемые типы персонажей постепенно закрепляют в обществе понимание того, что считается нормой, а что выходит за ее пределы. Кинопоказы и телевизионные ленты воздействуют на аудиторию благодаря регулярному повторению одних и тех же ценностных ориентиров, которые со временем начинают казаться само собой разумеющимися [10]. Кино превращается в инструмент практически незаметной интериоризации социальных правил.

Особенно значимо воздействие кинематографа на молодежь. В эпоху цифровых технологий именно экранные форматы выступают для подрастающего поколения основным источником сведений об окружающем мире и культурных ориентиров. Студенческая среда склонна расценивать кино как способ проведения досуга и возможность получить неформальное знание о действительности [8]. Эта особенность накладывает на кинематограф как на коммуникационный канал повышенную ответственность, ведь те смыслы, которые он транслирует, напрямую участвуют в формировании мировоззренческих установок молодых людей. Нельзя не отметить, кино как элемент коммуникаций не существует в пустоте. Его производство и распространение всегда зависят от экономических интересов медиакорпораций, государственной культурной политики и институциональных рамок. Поэтому кинематограф нельзя считать полностью автономной сферой творчества – он встроен в систему сложных социальных отношений и отражает баланс сил.

Сила воздействия кино многократно возрастает благодаря его серийности и повторяемости. Постоянный контакт зрителя с однотипными образами и нарративами помогает закреплять нужные смыслы на уровне повседневного сознания. В обществе потребления, как известно, повторение знаков приводит к их восприятию как естественного фона реальности [3]. В кинематографе этот принцип проявляется в устойчивых жанровых схемах, которые незаметно формируют наше отношение к социальным и политическим процессам.

Кинематограф в рамках данного исследования рассматривается не только как средство передачи информации или инструмент культурного влияния, но и как особая форма существования социальной реальности в визуальном измерении. Через экранные образы происходит не отражение мира в привычном понимании, а его конструирование в системе знаков, символов и устойчивых представлений. В этом смысле кино функционирует как пространство, в котором формируются модели восприятия действительности и задаются рамки ее интерпретации. Эта способность позволяет рассматривать кино как действенный инструмент формирования массовых представлений, что подводит нас к анализу его роли, как инструмента «мягкой силы».

Мягкая сила – это возможность получать желаемый исход на основе добровольного участия человека или группы людей, в отличие от «жесткой силы», которая подразумевает принуждение. Понятие «мягкой силы» трансформировалось в нашем столетии в категорию для анализа культурных и информационных процессов в глобальном медиапространстве. В ситуации, когда прямое политическое давление и силовые методы теряют эффективность, на первый план выходят инструменты влияния иного рода – связанные с культурой, ценностями и символами. Средой, где эта «мягкая сила» реализуется наиболее успешно, становится медиакультура, а кинематограф – ее, пожалуй, самым действенным каналом.

Сама концепция основывается на способности формировать привлекательный образ страны или системы ценностей без какого-либо принуждения. Сегодня она работает через культуру, образование, медиа и гуманитарные практики, которые создают позитивное отношение к источнику воздействия [11]. Кино в данной схеме выступает в роли универсального посредника между культурой и массовым сознанием, ведь оно упаковывает нужные смыслы в доступную и эмоционально яркую форму.

Современную медиакультуру отличает визуализация информации и доминирование экранных форм. Визуальные образы обладают особой способностью быстро закрепляться в сознании и формировать устойчивые ценностные ориентиры [12]. Кино, синтезируя картинку, звук и историю, создает целостные и убедительные смысловые конструкции. Они кажутся зрителю естественными, а потому транслируемые идеи усваиваются на уровне повседневного восприятия, часто минуя фильтры рациональной критики.

Важнейшая функция кинематографа в системе «мягкой силы» – формирование культурной привлекательности. Экранные образы создают для всего мира представления о стиле жизни, социальных нормах и историческом прошлом страны. Кино способно накапливать и транслировать культурный капитал страны, влияя на ее восприятие как внутри, так и за пределами национального пространства [11]. Это превращает кинематограф в стратегический ресурс культурной политики.

Важную позицию играет и массовость кино. Массовая культура ориентирована на широкую аудиторию и формирует общее ценностное поле, в рамках которого происходит социализация личности [6]. Будучи ее частью, кинематограф обеспечивает невероятный масштаб воздействия, охватывая миллионы зрителей через самые разные платформы. Это позволяет надежно закреплять нужные интерпретации событий и образов в коллективном сознании.

В XXI веке кино редко существует само по себе – оно становится ядром трансмедийных проектов, куда входят сериалы, интернет-контент и даже игры. Взаимодействие кино с цифровыми технологиями формирует новые способы культурного воздействия, усиливая эффект присутствия и вовлеченности [10]. В таких условиях «мягкая сила» действует не точечно, а через длительное и повторяющееся погружение аудитории в специально созданное смысловое пространство.

Формирование общественного мнения – еще один значимый элемент. У. Липпман рассматривал его как результат воздействия символических образов, создаваемых СМИ [5]. Кино как раз и генерирует такие устойчивые «образы реальности», которые принимаются за объективную данность. Постоянно повторяя определенные сюжеты и типажи, оно закрепляет в умах людей четкие представления о «своих» и «чужих», о приемлемом и неприемлемом.

Высокая результативность кино в данном контексте объясняется его внешней безучастностью. Если прямые политические лозунги вызывают настороженность, то фильм преподносит те же ценностные ориентиры в обертке художественного повествования. Это заметно ослабляет защитные механизмы аудитории. Скрытое воздействие достигает максимума эффективности именно тогда, когда объект влияния не фиксирует сам факт этого влияния [2]. Кинематограф, органично вписанный в ткань повседневного досуга и массовой культуры, становится идеальной средой для ненавязчивой трансляции идеологических смыслов. «Мягкая сила» в кино реализуется также через создание привлекательных персонажей, которые служат образцами для подражания. Герои экрана воплощают конкретные ценности, и через эмоциональную привязанность к ним зритель бессознательно усваивает соответствующие установки. Данный механизм, выстроенный на эмоциональном сопереживании, эксплуатируется весьма активно.

Немаловажным является и воздействие на международную аудиторию. Широкий кинопрокат за пределами страны-производителя способствует распространению культурных паттернов и стилей жизни. Кинематограф участвует в выстраивании глобальной ценностной системы, предлагая универсальные символы и смыслы, которые сравнительно легко встраиваются в различные культурные контексты [6]. Это наделяет «мягкую силу» подлинно наднациональным измерением. Следует отметить, что сегодня кино все чаще функционирует в связке с другими форматами –сериальной продукцией, цифровым контентом, рекламными материалами. Подобная интеграция обеспечивает эффект непрерывного присутствия необходимых смыслов в медийном пространстве. В итоге «мягкая сила» реализуется не как разовый акт, а как длящийся, последовательный процесс формирования глубинных и устойчивых установок сознания.

Особого внимания заслуживает функция эстетизации идеологических посланий. Визуально привлекательная картинка, зрелищные спецэффекты и стремительный монтаж способны переключать внимание с содержательной нагрузки, делая ее менее очевидной. Массовая культура нередко прибегает к эстетическим формам для того, чтобы завуалировать идеологическое наполнение [7]. В кинематографе это проявляется в том, что ценностные ориентиры подаются как естественная, органичная составляющая захватывающего зрелища. Цифровая медиасреда придала «мягкой силе» кино новые характеристики – гибкость и способность к адаптации. Алгоритмы рекомендаций и персонализированные ленты контента многократно усиливают эффект воздействия. Пользователь постоянно сталкивается с продуктами, созвучными его предпочтениям и эстетическим вкусам, что формирует замкнутое информационно-культурное пространство. Внутри такой навязчивой среды определенные ценности и взгляды начинают восприниматься как единственно возможные и самоочевидные.

Кинематограф в современной культуре представляет собой многослойный инструмент «мягкой силы». Он работает через эмоции, идентификацию с героями и повторяемость классических образов. Его эффективность рождается из органичного слияния художественной формы и идеологического содержания. Это сочетание делает кино одним из самых устойчивых и при этом малозаметных способов формирования общественного мнения в нашу эпоху. Крайне важным механизмом здесь выступает использование культурных кодов. Культурные коды в кинематографе позволяют передавать идеологические и ценностные установки в завуалированной форме [9]. Зритель расшифровывает такие послания как часть художественного замысла, что закономерно снижает критичность восприятия. Это открывает возможность для эффективного, ненавязчивого интегрирования пропагандистских элементов в развлекательный контекст.

Манипулятивный потенциал кино напрямую соотносится с логикой «мягкой силы». Современная манипуляция строится на добровольном принятии навязываемых смыслов [2]. Кинематограф, действуя в поле досуга, создает у зрителя иллюзию свободного выбора. Однако содержание фильмов часто формируется в соответствии с конкретными идеологическими установками. В результате «мягкая сила» реализуется максимально незаметно и потому – чрезвычайно эффективно.

Отдельного внимания заслуживает связь кинематографа с патриотическим и гражданским воспитанием, поскольку социокультурные факторы, включая медиапродукцию, оказывают существенное влияние на формирование патриотических установок в современном обществе [6]. Фильмы, обращающиеся к историческим событиям, образам героев и коллективной памяти, становятся мощным инструментом формирования национальной идентичности и гражданской лояльности.

Кинематограф выступает и активным участником глобальной конкуренции культурных моделей. Здесь проявляется двойственность массовой культуры, которая одновременно способствует культурному обмену и унификации ценностей [1]. В рамках «мягкой силы» это ведет к распространению доминирующих культурных стандартов, которые преподносятся как универсальные. Кино в этой ситуации становится проводником глобальных идеологий, искусно замаскированных под нейтральные или сугубо развлекательные сюжеты.

Современные тенденции в индустрии лишь усиливают потенциал кино как инструмента влияния. Н.Д. Петраш указывает на рост интереса к сериализации, франшизам и сложным визуальным эффектам, которые повышают вовлеченность аудитории [6]. Длительное, порой многолетнее взаимодействие зрителя с экранной вселенной способствует гораздо более глубокому усвоению транслируемых ценностей и образов, усиливая долгосрочный эффект воздействия.

На реализацию этой силы влияет и правовое поле. Медиаправо формирует рамки допустимого контента и определяет приоритеты культурной политики [12]. Этот факт указывает на то, что кинематограф используется не стихийно, а сознательно встраивается в систему стратегического культурного влияния, где закон задает основные векторы.

Проведенный анализ показал, что кинематограф способен объединять визуальные образы, сюжетные структуры и эмоциональные механизмы воздействия. Благодаря этому создается пространство, в котором культурные ценности, социальные нормы и политические установки получают устойчивые формы репрезентации. Распространение идей и ценностей в медиапространстве происходит через систему образов, которые постепенно закрепляются в общественном сознании и начинают восприниматься как естественные и привычные элементы социальной реальности. В результате было установлено, что кино выступает одним из наиболее эффективных каналов передачи таких смыслов, поскольку сочетает эмоциональное воздействие с визуальной убедительностью.

Теоретические источники позволили выделить несколько важных характеристик кинематографа как инструмента культурного влияния. Прежде всего, речь идет о способности кино формировать символические модели поведения и воспроизводить устойчивые культурные коды. Через сюжетные линии, характеры персонажей и визуальные решения транслируются определенные представления о социальной норме, о допустимых формах поведения и о ценностях, которые получают общественное одобрение. Постепенное повторение подобных образов способствует их закреплению в коллективном восприятии.

Рассмотрение этих стратегий позволило увидеть: зритель воспринимает подобные конструкции не как навязанные извне установки,

а как естественную часть художественного мира фильма. В результате идеи и ценности, заложенные в картине, постепенно проникают в повседневные представления человека о мире. Такой подход дает долгосрочный эффект, потому что воздействие идет через эмоциональное проживание истории, а не через прямое убеждение.

Отдельное внимание в работе уделялось роли кино в формировании и корректировке общественного мнения. Фильмы способны задавать рамки для трактовки политических и социальных событий, предлагая зрителю готовые схемы понимания. Через образы героев, сюжетные конфликты и визуальные метафоры создаются модели интерпретации, которые аудитория затем переносит на реальность. В этом смысле кино – часть более широкой системы медиакоммуникаций, где производятся и распространяются общественно значимые смыслы.

В завершение можно сделать обоснованный вывод: рассмотренные в рамках данного исследования механизмы показывают, насколько сложно устроено взаимодействие кино и общественного сознания. Кино выполняет одновременно культурную, коммуникативную и идеологическую функции, создавая условия для закрепления определенных представлений о мире. Это подтверждает значимость кинематографа как инструмента культурного влияния и объясняет, почему его так активно используют в стратегиях формирования общественного мнения в качестве «мягкой силы».

Литература

1. Маркова, Л.Л. Культурный капитал как ресурс современной российской модернизации / Л.Л. Маркова // Вопросы культурологии. 2015. № 9. – С. 59–63.
2. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. Москва: Эксмо; 2021.
3. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. Москва: Республика, 2006. 269 с.
4. Петраш Н.Д. Противоречия в восприятии воздействия кинокоммуникаций на сознание и поведение людей // Информационные технологии в науке, образовании и управлении. 2023. № 21. С. 34–49.
5. Липпман У. Общественное мнение. Москва: Институт Фонда «Общественное мнение». 2004. 384 с.
6. Петраш Н.Д. Влияние культурной атмосферы в обществе на производство кино // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 1. С. 101–107.
7. Коломиец В.П. Социология массовой коммуникации в обществе коммуникационного изобилия // Социологические исследования. 2017. № 6. С. 3–14.
8. Петраш Н.Д. Конструирование исторических образов в медиапространстве: социально-философские аспекты и когнитивное воздействие // Общество: философия, история, культура. 2024. № 119. С. 51–58.
9. Опарина Е.О. Культурные коды в кинематографе // Социальные и гуманитарные науки. 2022. № 3. С. 119–127.
10. Осмоловская С.М. Массовая культура и медиа как универсалии современного общества // Коммуникология. 2023. Том 11. № 2. С. 63–75.
11. Солги Т., Старовойтова И.Е. Кино как инструмент «мягкой силы» и его влияние на культурный капитал страны // Наука. Искусство. Культура. 2023. № 37. С. 167–172
12. Павлов А.В. Постыдное удовольствие: философские и социально-политические интерпретации массового кинематографа. Москва: Новое литературное обозрение; 2014. 356 с.
13. Жижек С. Киногид извращенца. Москва: Ад Маргинем Пресс; 2015. 472 с.
14. Делез Ж. Кино 1: Образ-движение. Москва: Ад Маргинем Пресс; 2013. 560 с.

HE USE OF CINEMA AS A TOOL OF “SOFT POWER” IN MODERN MEDIA CULTURE ABSTRACT

Petrash E.V., Gavrilov A.D.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The relevance of the study is due to the transformation of cinema, which today is not just a sphere of entertainment – it is an effective tool through which values are transmitted, images of the past and future are formed, and models of social and political behavior are proposed. Cinema is literally everywhere – on screens, in social media feeds, and in streaming selections. By immersing themselves in screen worlds, viewers unconsciously adopt the values, speech patterns, and reactions of the characters. This is precisely the essence of the “soft power” phenomenon: influence is exerted not through coercion, but through attractive images, stories, and symbols that we voluntarily accept. The aim of this study is to identify the role of cinema as a tool of “soft power” that shapes public opinion in the 21st century. The study addressed the following tasks: it analyzed the place of cinema in the system of social communications; it revealed the content of the concept of “soft power” as a phenomenon of modern media culture; and it demonstrated the specific features of using “soft power” in cinema as a tool for shaping public opinion in the 21st century. The methodological basis of the study consists of sociocultural and axiological approaches, as well as methods of comparative analysis and analysis of scientific sources. Domestic scientific publications from recent years were used as an empirical basis. Conclusions: the use of cinema as a tool of “soft power” in the 21st century can give rise to a distorted perception of reality. The power of cinema lies in its ability to immerse the audience in a fictional world, temporarily shifting the focus of perception. Thus, cinema goes beyond the boundaries of artistic expression and turns into a tool of cultural influence that operates systematically and yet delicately.

Keywords: cinema; propaganda; soft power; public opinion; cultural influence

References

1. Markova L.L. Cultural Capital as a Resource for Modern Russian Modernization / L.L. Markova // Voprosy kulturologii [Issues of Cultural Studies]. 2015. No. 9. P. 59–63.
2. Kara-Murza S.G. Manipulation of Consciousness. Moscow: Eksmo; 2021.
3. Baudrillard J. The Consumer Society: Myths and Structures. Moscow: Respublika, 2006. 269 p.
4. Petrash N.D. Contradictions in the Perception of the Impact of Film Communication on Human Consciousness and Behavior // Information Technologies in Science, Education, and Management. 2023. No. 21. P. 34–49.
5. Lippmann W. Public Opinion. Moscow: Public Opinion Foundation Institute. 2004. 384 p.
6. Petrash N.D. The Influence of the Cultural Atmosphere in Society on Film Production // Social and Humanitarian Knowledge. 2025. No. 1. P. 101–107.
7. Kolomiyets V.P. Sociology of Mass Communication in a Society of Communication Abundance // Sociological Studies. 2017. No. 6. P. 3–14.
8. Petrash N.D. Constructing Historical Images in the Media Space: Socio-Philosophical Aspects and Cognitive Impact // Society: Philosophy, History, Culture. 2024. No. 119. P. 51–58.
9. Oparina E.O. Cultural Codes in Cinema // Social Sciences and Humanities. 2022. No. 3. P. 119–127.
10. Osmolovskaya S.M. Mass Culture and Media as Universals of Modern Society // Communicology. 2023. Vol. 11. No. 2. Pp. 63–75.
11. Solgi T., Starovoytova I.E. Cinema as a “Soft Power” Tool and Its Impact on a Country’s Cultural Capital // Science. Art. Culture. 2023. No. 37. Pp. 167–172.
12. Pavlov A.V. Guilty Pleasure: Philosophical and Socio-Political Interpretations of Mass Cinema. Moscow: New Literary Observer; 2014. 356 p.
13. Žižek S. The Pervert’s Guide to Cinema. Moscow: Ad Marginem Press; 2015. 472 p.
14. Deleuze G. Cinema 1: The Movement-Image. Moscow: Ad Marginem Press; 2013. 560 p.

Развитие математических методов в исследованиях социально-гуманитарной направленности

Плыкин Вадим Михайлович,
аспирант базовой кафедры цифровой экономики института развития информационного общества РЭУ им. Г.В. Плеханова
E-mail: mitapl63@mail.ru

В статье проанализированы тенденции в современных научных исследований в области социальных и гуманитарных наук, определены фронтирные направления, для которых наиболее актуальным является возможность применения математических подходов и следование методологии Карла Поппера. Автором рассматривается пример математической формализации исторических событий, проведённая Ю.Н. Павловским. В работе используются системный подход и исторический подход, а также мультидисциплинарный способ исследований, основанный на построении математических моделей и их дальнейшей оптимизации.

Ключевые слова: междисциплинарные исследования, постнеклассическая рациональность, системный анализ, математические методы, научная конвергенция

Широко известен девиз знаменитого союза пифагорейцев " Всё – есть число!" Ещё древнегреческая школа, возглавляемая Пифагором, провозгласила, что в основе всего мироздания лежит число, а именно числовые значения и их соотношения между собой. Иными словами, весь окружающий человека мир мог быть описан в терминах математики и полностью математизирован, благодаря чему появлялось полное и достаточное описание явлений и сопутствующих процессов. Все современные науки имеют свои корни от философских начал. Математика была одной из первых наук, отделившихся от философии. Она смогла дать свой методологический аппарат для описания реальности, который заключается в построении объективных, верифицируемых и описанных на формальном языке математических моделей. Благодаря этому стало возможно получать информацию не только на качественном уровне, но и количественно. Известно высказывание философа Иммануила Канта: "В теории столько истины, сколько в ней математики». Гуманитарные науки в отличие от естественных наук, в которых происходит обобщение и выявление общих закономерностей развития, стремятся к описанию индивидуальностей, где каждый объект изучения имеет собственные уникальные особенности и паттерны поведения. Для этих целей гуманитарная группа наук использует формальный язык, словесно описывая и формулируя характеристики объекта или явления, на основе которых формулируется качественная оценка. В свою очередь социальные науки, и главным образом социология, направлены на определение общих для групп людей закономерностей и опираются на позитивисткий опыт, для чего необходимы доказательность, наблюдаемость и возможность проверки опытным путём. Основатель социологии французский философ-позитивист Огюст Конт считал эталоном науки ботанику и стремился к применению научного обоснования по отношению к обществу и определению фундаментальных законов его развития для более глубокого понимания причинно-следственных связей в социальных явлениях. [1] Великий учёный поддерживал идею о главной движущей силой, благодаря которой станет возможным появление и развитие социологии как отдельной науки. Эта мысль заключалась в следующих словах: " Знать – чтобы предвидеть, предвидеть – чтобы регулировать!" Таким образом это был первый значительный успешный шаг в применении математических методов в социальных исследованиях. [2] В дальнейшем проблема математизации гуманитарной области знания сохранялась. Однако начиная с 50-х годов 20 столетия некоторые отечественные учёные, такие как И.Д. Ковальченко, В.А. Устинов, Ю.Ю. Кахк, Л.И. Бородкин, Н.Н. Моисеев, С.П. Капица, А.В. Коротаев, являющимися пионерами в области использования количественных методов анализа и синтеза в моделировании исторических процессов, открыли новую ветвь науки, называемую клиометрией, и пришли к выводу, что для перспективных исторических исследований необходимо отойти от строгой догматики в выборе метода исследования, и применить многоаспектный, комплексный, системный подход, состоящий из сочетания качественных и количественных методов. [3, 4]

Такой междисциплинарный позволяет подойти системно к проблеме, изучить её детально с разных позиций, обеспечив привлечение экспертов-специалистов из различных областей науки. Системный подход показал свою действенность благодаря эффекту синергетического усиления от качественных и количественных методов исследования. Основная проблема и одновременно с этим необходимое условие для применения математических методов состояло в том, что изучаемое социально-гуманитарное явление должно было обладать рядом ключевых характеристик – параметров состояния, которые могли бы быть измеримы и сопоставимы между собой для обеспечения полного единства показателей. Рассматриваемая проблематика оказалось достаточно наукоёмкой и требующей неординарных, нестандартных подходов к её решению. Ситуация дополнительно осложнялась тем, что долгое время не существовало единой общей позиции для исследователей, и лишь немногие учёные получали конкретные результаты в применении математических количественных методов в гуманитарных и социальных науках.

Рассмотрим работу Ю.Н. Павловского, как одного из наиболее ярких представителей междисциплинарных исследователей современной науки. Некоторые из его многочисленных трудов посвящены матема-

тическому моделированию исторических процессов, а именно созданную совместно с историками Античности экономико-математическую модель развития конфликтных взаимоотношений древнегреческих городов-государств Афин и Спарты, имеющую в результате победу Спарты и полное уничтожение Афин.

Была создана математическая модель, имитирующая исторические события межгосударственных войн Древней Греции и в дальнейшем при помощи средств компьютерного проектирования и вычислительных оптимизационных схем изучены её черты, основные характеристики, законы и закономерности развития.

Тот научный подвиг, который совершил Ю.Н. Павловский вместе с плеядой своих учеников под руководством академика АН СССР Н.Н. Моисеева, был не достаточно высоко оценён в силу сложности имитационных моделей и математических описаний, которые не были правильно восприняты и поняты специалистами – приверженцами классики исторической науки. На наш взгляд, отрицание новых методов и средств исследования связано с гносеологическим кризисом в области социо-гуманитарных наук. Многие учёные современности считают, что история как наука дескриптивная состоялась и полностью себя исчерпала, не оставив ресурсов для дальнейшего прогрессирования и способствования накоплению и интеграции знаний. Историческая наука стала способна лишь рассматривать события в исторической ретроспективе и давать им оценку с точки зрения соответствия современным понятиям об этичности и культурным нормам. Известный английский философ – антипозитивист Карл Поппер отмечал в работах "Нищета историцизма" [5] и "Открытое общество и его враги" [6] несовершенство исторических рассуждений, обладающих недостаточной силой для долгосрочного прогнозирования. А историческая область знания не является истинно научной, поскольку все её теоретические конструкции не могут быть проверены ни в будущем времени, ни опытным путём. Дополнительно к этому, различные исторические гипотезы могут избегать проверки и возможности дальнейшего опровержения. Карл Поппер противопоставляет историю экономики, социологии, демографии, в связи с чем называет историческую науку политически ангажированной, что демонстрирует на примере формирования и распространения тоталитарных устройств гитлеровского и сталинского режимов миропорядка XX века. Сравнивая с тоталитаризмом, основанной на детерминизме и причинно-следственной связности, он отмечает преимущества социально-демократического устройства общества, как систему, являющуюся, если не действенной, то по крайней мере открытой к новым изменениям и развивающуюся на основе рационалистических идей и опыта, полученного в результате обратной связи на поступающую внешнюю критику. В социальной сфере Карл Поппер предлагает следовать принципам последовательной социальной инженерии, где на каждом витке развития общества игнорируются прогностические модели, однако решаются текущие проблемы человечества, которые можно решить, используя известные, сравнительно простые эффективные средства. Такие методы решения могут быть в любой момент проверены, доказана их правильность, а в случае их ошибочности и неточности заменены другими без значительных потерь в качестве. Такие позиции науки и общества в целом не позволяют достичь идеального утопического состояния социума, но обеспечивают возможность приблизиться к истине, её рациональности и объективности. Современная наука стремится быть рациональной, а в обществе создаются специальные институты по сдерживанию и ограничению распространения иррациональных форм. По мнению последователей Карла Поппера, главным объектом изучения в современных социально-гуманитарных исследованиях является само общество, а не инструментальные средства его исследования. В этом заключается основная ошибка, которой следовали представители классического направления социо-гуманитарных наук. Поэтому, следуя методологии Карла Поппера, становится необходимым переход к эссенциалистской форме сущностно-содержательного описания. Во многих гуманитарных и общественных науках, таких как социология, экономика, менеджмент, антропология, такое изменение произошло, в связи с чем наука продолжает поступательно развиваться, используя актуальные математические, количественные средства анализа и синтеза. Современные специалисты по изучению применения формализованных методов в гуманитарных науках отмечают, что также как в естествознании необходимо отступать от причинно-следственной обусловленности событий и переходить к пониманию стохастической природы человеческого социума. Имея в виду стохастичность многих процессов, становится очевидным сложность социальной среды, подверженной влиянию многих факторов. В этой связи производить прогнозы на будущее становится невозможным, и акценты смещаются в сторону текущей ситуации и её проблем. История теряет силу, заложенной в ней пониманием историцизма. История изменяется и становится другой вслед за изменением средств и инструментария, используемых ей в гносеологической деятельности. Таким образом становится острым вопрос о кризисе в познании исторической наукой. Однако решение существует, и использование рациональных количественных методов математики послужит в преодолении сложной ситуации онтологического диссонанса.

Выводы

В заключение хотелось бы отметить, что современная научная действительность находится в состоянии постнеклассической рациональности, ключевой особенностью которой является отсутствие строгих догматических правил, развитие и многообразие различных точек зрения на существующие проблемы. Методология, предложенная поппернианством, первоначально основанная на принципах математики, логики и постепенно перешедшая к вопросам эволюционности и изменчивости общественного состояния, послужит проводником в развитии открытости, гласности, демократичности правил построения не только науки, но и общества, взаимосвязанных между собой. На сегодняшний день Российская Федерация находится на этапе переосмысления норм и ценностей, полученных ею от западной цивилизации в результате уничтожения марксистко-ленинской идеологии, господствовавшей во времена СССР. Большинство из западных веяний содержит в себе иррационалистическое зерно, что идёт в разрез с рационалистическим мышлением современного общества. В связи с этим теплится надежда, что основы новой российской государственности будут ориентированы на критическое мышление, здравый рассудок и созидательную силу внутренних резервов в поиске правды и новых духовных ориентиров.

Литература

1. Синютин М.В. Огюст Конт и современная социология: к 200-летию со дня рождения// Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1, N2. – с. 149–156
2. Яковенко В.И. Огюст Конт. Его жизнь и философская деятельность-М.: Издательство ТомСувенир, 2013. – 320 с.
3. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М.: Наука, 1987: 2-е изд., доп. 2003. – 486 с.
4. Кахк Ю.Ю. Некоторые аспекты применения математических методов в исторических исследованиях // Источниковедение отечественной истории: сборник статей. 1976 / Академия наук СССР, Институт истории СССР; гл. ред. Н.И. Павленко, отв. секр. А.Г. Тартаковский. М., 1977. с. 165–187
5. Поппер К.Р. Нищета историцизма.: Пер. с англ. – М.: Издательская группа " Прогресс " – VIA, 1993. – 187 с.
6. Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 1: Чары Платона. Пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. – М.: Феникс, Международный фонд " Культурная инициатива ", 1992. – 448 с.

DEVELOPMENT OF MATHEMATICAL METHODS IN MODERN RESEARCHES IN FRAMEWORK OF SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

Plykin V.M.
Plekhanov Russian University of Economics

There are trends of modern scientific researches analyzed in the article. Leading edge researches are described by the author. These investigations were made in social sciences and humanities with applications of mathematical methods and adopting Popper's methodology. Some results achieved in historical modeling by Y.N. Pavlovskiy are discussed in the paper. In the article author used system approach, historical approach and multidisciplinary way of researches based on obtaining mathematical models and their further optimization.

Keywords: multidisciplinary researches, post-non-classic rationality, system analysis, mathematical methods, convergence of science

References

1. Sinyutin M.V. Auguste Comte and Modern Sociology: On the Bicentenary of His Birth // Journal of Sociology and Social Anthropology. – 1998. – Vol. 1, No. 2. – pp. 149–156.
2. Yakovenko V.I. Auguste Comte: His Life and Philosophical Work. – Moscow: TomSuvenir Publishing House, 2013. – 320 p.
3. Kovalchenko I.D. Methods of Historical Research. – Moscow: Nauka, 1987; 2nd ed., expanded 2003. – 486 p.
4. Kakhk Yu.Yu. Some Aspects of the Application of Mathematical Methods in Historical Research // Source Studies of National History: Collection of Articles. 1976 / USSR Academy of Sciences, Institute of History of the USSR; Ed.-in-Chief N.I. Pavlenko, Exec. Sec. A.G. Tartakovsky. – Moscow, 1977. – pp. 165–187.
5. Popper K.R. The Poverty of Historicism. – Trans. from English. – Moscow: Progress – VIA Publishing Group, 1993. – 187 p.
6. Popper K.R. The Open Society and Its Enemies. Vol. 1: The Spell of Plato. – Trans. from English, ed. by V.N. Sadovsky. – Moscow: Phoenix, International Foundation "Cultural Initiative," 1992. – 448 p.

Сложности перевода публичной речи

Сиволобова Анна Александровна,
преподаватель, Донской государственный технический университет
E-mail: ira.leroy@yandex.ru

Щербакова Ирина Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент, доцент, Донской государственный технический университет
E-mail: ira.leroy@yandex.ru

Ораторская речь – это подготовленное сообщение для устной передачи информации слушателям с целью эмоционального и интеллектуального влияния на них. Обычно ораторская речь относится к публицистическому стилю. Их объединяют схожие характеристики, а именно: предоставление информации, обоснованное убеждение, побуждение к действию. Однако, есть и отличительные черты. Ораторская речь является синкретичным жанром и, считается, что ее нужно обозначить как обособленный стиль, потому как: ораторская речь привязана к определенной локации, публике и регламентируется временем; она невозвратна, активна и изменчива; характеризуется сосредоточенностью говорящего на себе, своих чувствах, что превосходит ту же самую черту у автора письменного текста. На сегодняшний день очень значима проблема перевода устных выступлений, потому что речь выступающего на английском языка совершенно непохожа на речь оратора на русском языке. Целью настоящего исследования является выявление основных сложностей, возникающих у специалистов при переводе публичной речи и, соответственно, упрощение работы переводчиков.

Ключевые слова: английский язык, оратор, перевод, речь, последовательный перевод, русский язык, синхронный перевод, сообщение, устный перевод.

Разновидности ораторского мастерства складывались пошагово. Категории красноречия определяются исходя из сфер коммуникации, которых существует несколько, а именно научная, официально-деловая, пропагандиская и общественно-бытовая. Примером научной сферы может выступать лекция в вузе, официально-деловой – речь дипломата. Что касается информационно-пропагандисткой, ее представляет спич на митинге, а тост – это наглядная иллюстрация бытовой сферы [2, с. 667; 3, с. 443].

Встречаются виды политической речи, которым присущи безличность, художественный оттенок, политическая терминология [9, с. 230].

Митинговые обращения часто содержит просторечные слова и выражения.

Судебное красноречие – это категория речи, которая имеет направленное и действенное влияние на суд. Традиционно отмечают обвинительную и защитительную речи.

Социально-бытовое красноречие подразумевает торжественное выступление, посвященное юбиляру, банкетную речь на встрече дипломатов, а также прощальное слово на погосте.

В духовном красноречии выделяют гомилию (проповедь), которая произносится для верующих, и деловую речь, направленную священникам и служителям храма.

Живая устная речь – это совокупность науки и искусства и лишь взаимодействуя они дают возможность успешному развитию риторики [4]. Недаром В.В. Виноградов говорил, что ораторская речь – это художественное, но в то же время и театральное произведение.

Разговорный стиль обслуживает сферу личных и служебных взаимодействий. Основная функция – коммуникативная; выражается устно [1, с. 652].

Согласно Граудиной и Ширяеву ораторская речь подвергается стилистической полифонии. Она появляется вследствие влияния на ораторскую речь разнообразных языковых стилей, а также различных средств выразительности.

Публичная речь по содержанию гетерогенна, так как рассказчик строит выступление и отображает в нем реальную картину мира, где есть взаимосвязь между явлениями, фактами, мнениями [6, с. 64]. Иными словами, все дело в разносторонности людского сознания.

В связи с этим выделяются следующие типы речи: монологическое повествование, описание и рассуждение. Повествование изложение событий в последовательном порядке. Этот тип речи является динамическим, чего не скажешь про описание. Граудина и Ширяев считают, что нужно дифференцировать конкретное, обобщенное и информационное повествование. Описание – это достоверное преподнесение характеристик, особенностей и аспектов объекта с упоминанием значимых, а также мало существенных признаков в настоящий момент. Рассуждение – это тот тип речи, который изучает объекты и явления, выявляют их сокрытые признаки, подтверждает конкретные положения и истинность утверждений. Рассуждение отличает логический подход, оно строится на причинно-следственных связях между суждениями.

Ораторская речь по своему устройству является полемичной. В связи с этим спикер использует все допустимые варианты из полемического набора средств, а именно намеки, лукавство, выразительные паузы, противопоставления, комментарии.

Строение публичного выступления имеет колоссальное значение для переводчика.

Композиция речи – это логическое расположение всех частей выступления в одно гармоничное целое. Граудина и Ширяев называют 5 главных частей: зачин (привлечение внимания слушателя), вступление (раскрытие темы), основная часть (обоснование сути темы, аргументирование), заключение (итоги и выводы), концовка (финальное слово). Выступление спикера должно завлечь аудиторию с первого же слова. Достичь этой цели можно умелым построением зачина, который будет содержать фразы этикета. Вступление всегда информативно, обстоятельно; налаживает контакт и подготавливает слушателей к главной теме. В основной части оратор использует аргументы и факты, разумные доводы, примеры. Заключительная часть предполагает подведение итогов всему ранее изложенному, общий вывод, резюмирование. Финальное слово может содержать вежливые обороты, обращения, пожелания и побуждение к действиям. Все части публичной речи взаимозависимы и согласованы, это называется интеграция.

Проблема перевода ораторской речи очень злободневна, это связано с различиями в выступлениях английских и русских спикеров.

Английская ораторская речь стремится к публицистическому формату. С целью повлиять на восприятие слушателя используются литературные приемы. В американском публичном выступлении очень часто встречаются повторения с анафорической функцией, употребляется параллелизм. С переводом таких конструкций обычно справиться несложно. Однако появляются трудности лексической направленности.

Публицистический стиль предполагает книжное словоупотребление: drudgery – hard work (bookish word), to nurture – to feed, to ascertain – to find out.

Особую сложность представляет терминология. В помощь переводчику необходим специальный справочник терминов.

Русское ораторское искусство имеет склонность к разговорному стилю. В связи с этим, оно не стандартизируется, отличается непостоянностью и импровизацией. В русской ораторской речи часто используются фразеологизмы. Для того чтобы наладить связь со слушателями оратору следует снизить регистр, например: хотят облапошить нашего брата, у меня на душе сильно наболело, не стоит валить с больной головы на здоровую.

При переводе просторечных выражений языковеду следует придерживаться официального языка, использовать общеупотребительную лексику:

1) Описание усталости или проблем: Я ухайдокался (устал).

Нейтральный: I am exhausted / I am very tired. (Я истощен / Я очень устал).

2) У нас тут полный бардак.

Нейтральный: We have a bit of a mess here. (У нас тут небольшой беспорядок).

Следует отметить, что переводчик должен достаточно изучить персональную манеру оратора, так как огромную проблему представляет эгоцентричность русского народа.

У устного перевода и письменного перевода есть общие детали, а также есть и отличия. Их объединяет единая цель – коммуникативная, необходимо передать главную мысль сообщения слушателям / читателям.

Как правило, устный переводчик встречается с большими трудностями, поскольку ему приходится работать в более сложных обстоятельствах. Он должен хорошо исследовать культуру обоих языков. В устном переводе сведения нематериальны, в то время как в письменном присутствует текст и есть возможность использовать глоссарий. Устный переводчик полагается только на себя.

Кроме того, языковой посредник должен обладать актерскими навыками, он завораживает публику. Устный переводчик обязан обладать способностью быстро реагировать на слово (embezzlement) и на значение (бить баклуши). Помимо всего выше упомянутого нужна хорошая память и готовность учиться новому.

Миньяр-Белоручев называет основные качества личности обязательные для синхрониста: мыслительная гибкость, сосредоточенность и концентрация внимания, культура поведения, выносливость и хладнокровность, хорошая артикуляция.

Из всего вышеописанного можно заключить, что устный переводчик – специалист по активному владению речью на два языках в условиях с усиленной сложностью.

Очень важное значение в устном переводе имеет смысловой анализ речи и искусство перифраза. Не рекомендуется воспринимать слишком сильно слова, иначе можно стать их заложником. Например, при переводе фразы «Послать ответную шайбу» следует использовать нейтральное – «Send a response», а не концентрироваться на слове «шайба». Проще говоря, надо выделять основной смысл. Неплохо помогает упражнение на перефразирование идиоматических выражений.

Стоит отметить важность тезаурусных знаний для устного переводчика. Специалист должен быть просвещенным человеком в области экологии, мифологии, литературы.

Важнейшей составляющей грамотного перевода является прагматический аспект. Задача синхрониста – побудить аудиторию слушать. Полнота передачи речи подразумевает разъяснения, так как слушатели могут не воспринять информацию.

Последовательный перевод – это такой тип перевода, при котором переводчик приступает к работе после того, как выступающий завершит некий фрагмент речи.

При последовательном переводе восприятие осложнено внешними шумами и посторонними звуками. В связи с этим необходимо формировать догадку, в этом помогут фундаментальные знания. Целесообразно наблюдать за оратором, что улучшает восприятие информации [5, с. 22; 8, с. 139]. Важно не забывать, что английский язык распространен по множеству областей, то есть американский английский будет отличаться от британского английского, а в австралийском английском слово today (сегодня) произносится как [tə dai] (где звук «эй» превращается в «ай»). Для неподготовленного уха данное может звучать как глагол «to die» (умереть). Нужно иметь одну метрическую систему перевести в другую: фунты в кг (фунт=0,5 кг), мили в км (1,6км), Фаренгейт в Цельсий.

Синхронный перевод является более сложным типом, так как переводчик работает одновременно с оратором, переводит моментально.

Для этого используется дополнительное оборудование, а именно кабинки «booths» и наушники. Кабины должны быть изолированы, с шумоподавлением и оптимальной температурой.

Существует также менее дорогостоящий способ, так называемых «Шушутаж», когда переводчик переводит на ухо. Сложно пользоваться таким методом в шумной среде.

Удаленный перевод – это сравнительно молодой тип устного перевода, который стал востребованным с развитием дистанционного общения [7, с. 22]. Он реализовывается с помощью видеоконференции и других средств связи, что дает возможность осуществлять перевод дистанционно.

Трудно переоценить значение скорописи при переводе ораторской речи. Универсальная переводческая скоропись служит для того, чтобы зафиксировать общий смысл выступления. Делать это лучше всего с применением символов и знаков, кратких обозначений и аббревиатур.

Вводные слова могут отсутствовать при универсальной переводческой скорописи, но в переводе они должны присутствовать (As far as I now, Moreover…).

Стоит отметить, что устному переводчику не рекомендуется выписывать слова по отдельности, потому что он находится в условиях цейтнота.

Миньяр-Белоручев отмечает, что переводчик при работе с авторской речью может допускать недочеты, о которых часто и не помышляет. Ошибки презентации включают в себя:

– монотонную речь, запинки, бессмысленные слова заполнители пауз. Необходимо нарабатывать навыки публичных выступлений и работать над артикуляцией.

– чрезмерную насыщенность, энергичную жестикуляцию, яркую мимику. Переводчик должен обладать сдержанным, но выразительными стилем общения.

Ошибки содержания включают искажение числительных, недостаток специфических знаний (требуется проработка базовых знаний), буквализацию, которая возникает из-за нехватки времени, трудность передачи уникальных лексических единиц (рекомендуется использовать перефраз).

Помимо всего вышеперечисленного бывает так, что переводчик может плохо расслышать что-то в речи оратора, в этом случае нужно аккуратно использовать прием повторного уточнения. Может случиться отклонение от основных сведений при переводе. Тогда следует признаться в неправоте и принести извинения.

Рассмотрим специфику синхронного перевода и качества, необходимые для синхрониста.

Синхронный перевод – это одновременное понимание и передача смысла. Синхронный перевод считается наиболее сложным видом перевода. Роль переводчика многозадачна. Важное обстоятельство такого перевода – это нехватка времени. Синхронный перевод может реализовываться в разных условиях: переводчику заранее предоставили текст и у него есть возможность подготовиться к переводу, переводчику предоставили текст, но за несколько минут до выступления, оратор читает текст, которым не обеспечили переводчика, либо его речь может быть спонтанной, соответственно необходимо осуществлять перевод на слух.

Плавность и оформленность речи имеет большое значение.

Миньяр-Белоручев называет важнейшие качества переводчика синхрониста: быстрая реакция, отменная память, мгновенное осмысление, внимательность, красноречие.

Спонтанная речь имеет как преимущества, так и недостатки, в связи с этим у переводчика могут возникнуть трудности, касающиеся трансформации ораторской речи. Важно всегда слушать спикера даже если есть текстовая версия речи. Случается, что ораторы уходят от темы и рождается экспромт.

Бывают случаи, когда переводчик получает уже подготовленный перевод речевого обращения. Однако, специалист должен хорошо проанализировать готовый текст, он может быть сомнительного качества.

Компрессия – это сокращение содержания речи и другими словами изложение. Компрессия уравновешивает запаздывание перевода с английского языка на русский. Принято считать, что английские слова короче русских:

1) Usurp – незаконно захватывать (власть), узурпировать;
2) Elucidate – проливать свет;
3) Fundamentals – фундаментальные основы;
4) Strike decision – решение о забастовке.

Выделяют следующие виды компрессии:

1. Лексическая компрессия – уменьшение объема текста или сжатие текста без утраты смысла. Оригинал: The man who is standing by the window (Мужчина, который стоит у окна). Компрессия выступает следующими словами: Мужчина у окна.

2. Синтаксическая компрессия – это снижение синтаксической сложности путем удаления слов с незначительной информацией с целью экономии времени. Пример на иностранном языке: The equipment which is in the laboratory needs to be updated. Перевод с компрессией: Лабораторное оборудование нуждается в обновлении.

Семантическая компрессия – это способ сжатия текста, при котором тяжеловесные английский фразы заменяются краткими русскими аналогами [10, с. 67]. Например: She brought apples, oranges, bananas, and grapes from the market. Пример компресии на русском языке: Она принесла с рынка фрукты.

Компрессия не равна пропускам. Допустимо пропускать фразы без смысловой нагрузки такие как вводные конструкции, междометия.

Синтаксическая структура русского предложения – это минное поле. Письменный переводчик может тщательно обдумывать порядок расположения частей предложения, в то время как синхронист начинает свою речь, не зная, что из себя будет представлять синтаксическая организация выступления. Устный переводчик подчас прибегает к переформулировке предложений.

Известно, что порядок слов в предложении в английском языке фиксированный, в русском – плавающий. При этом синтаксические нормы русского языка регламентируются целым набором правил. В аспекте порядка слов синхронист должен уметь приспособиться и быть готовым заменять одну часть речи другой – глаголы существительными и наоборот, переводить глаголы из активного залога в пассивный, исключать некоторые слова. Все это переводчик делает непрерывно, слушая оратора и продолжая работать над переводом. Такие термины как тема и рема зачастую используются для того. чтобы прояснить отличия между словесным порядком в русском и английском языках. Тема (Topic) содержит уже известные данные и как правило соответствует сказуемому в русском предложении. Рема (Rheme) – это новая информация, которая раскрывает то, о чем сказано в теме; располагается в конце предложения.

В английском языке наоборот. Так как у переводчика исключена возможность дослушать исходное предложение до конца, ему необходимо искусно преодолевать межязыковые различия в тематико-рематической структуре.

Предложный оборот, обстоятельство места при переводе на английский язык может преобразоваться в подлежащее, а подлежащее – в дополнение (В этой комнате помещается много людей – This room accommodates many people).

Если в русском языке в начале предложения стоит прилагательное для того чтобы акцентировать внимание, то при переводе на английский язык возможно придется изменить порядок слов и использовать слово усилитель. Большую сложность у переводчика вызывают предложения, которые начинаются с причастия. Массивный причастный оборот можно заменить на прилагательное. Пример причастного оборота: A process that takes a lot of time, заменяем прилагательным: Time-consuming. Синхронному переводчику целесообразно вслушиваться в речь оратора как можно дольше, чтобы понять, как будет строиться предложение. Конструкция «there + to be» удобна для русских предложений, в которых говорится о необходимости и долге.

Русский синтаксис представляет большие сложности для переводчика. Для того чтобы их преодолеть переводчику требуется применять все свои профессиональные методы работы. Главные умения, которыми полезно обладать – это способность принимать во внимание синтаксическое членение предложения и формировать атрибутивные цепочки.

Стоит отметить, что переводчик также испытывает трудности перевода игры слов. Разрешается прибегать к деметафоризации при переводе идиоматических выражений. Оптимально для передачи пословиц использовать перефраз. Важно искать не эквивалент, а соответствие стилю при переводе. Миньяр-Белоручев называет ошибки, возникающие в ходе синхронного перевода, ошибками, связанными с восприятием речи на слух. В связи с тем, что переводчик слышит речь ровно, а не отрывочно по абзацам как при письменном переводе, есть вероятность, что он не разберет некоторых слов. Исходя из этого, рекомендуются обязательные тренировки аудиальной памяти.

Случаются ошибки при восприятии паронимов: complement (дополнение) – compliment (комплимент), stationary – стационарный, неподвижный, stationery – канцелярские принадлежности. Приведем пример: Joe bought a very expensive stationary computer (Джо купил очень дорогой стационарный компьютер); I'm going to first grade. Mom bought me a lot of stationery for school (Я иду в первый класс. Мама купила мне много канцелярских принадлежностей для школы.). Следующим примером выступают слова: Capital vs. Capitol (capital – столица, capitol – Капитолия, конгресс). Приведем примеры предложений с данными словами: On the weekend, we will go shopping in the capital (На выходных, мы поедем столицу на шоппинг); Now the capitol has been shackled by wooden beams, leaving only the central staircase and the golden dome intact (Сейчас Капитолий сковали деревянные балки, оставив нетронутой лишь центральную лестницу да золотистый купол).

Ошибками эквивалентности является буквализм – формальное следование чему-либо, строгое соблюдение внешней стороны в ущерб существу дела. Иными словами, буквализм – это ошибка, которая случается при переводе из-за неправильного подбора общепринятого значения слова для конкретной ситуации. Характерный пример буквализма – слово «go», которое имеет бесчисленное множество вариантов перевода. Но зачастую переводчик использует главное значение этого слова «идти, ехать». Однако предложение «Mrs Smith didn't suffer, she went in her sleep» требует более детального подхода. Следует проанализировать контекст и подобрать соответствующее значение, а именно «скончаться, умереть».

Таким образом, переводчики иногда совершают промахи, выбирая главное значение слова и игнорируя непосредственный контекст. Следует больше фокусироваться на переводе. Из-за тяжелых условий и недостаточного количества времени очень трудно слушать и говорить. Кроме того, ошибки самоконтроля связаны с помехами в наушниках.

Таким образом, исследовав главные трудности и проблемы, встающие перед переводчиком в ходе работы, можно подвести некоторые итоги. Выделяются разные виды ораторской речи, исходя из сферы информационного обмена. Проблема перевода ораторов является очень значимой в настоящее время, так как речь спикера на иностранном языке может сильно отличаться от речи оратора на родном языке, и, следовательно, устный переводчик встречается с множеством сложностей, предотвратить которые ему поможет соблюдение этической дисциплины переводчика, знание принципов и стандартов устного перевода.

Литература

1. Ковальчук Н.В. Англицизмы в официально-деловом дискурсе: типология, прагматические функции и переводческая адаптация (на материале немецкого и русского языков) // Социально-гуманитарные знания. 2026. № 4. С. 651–653.

2. Ковальчук Н.В., Бажуткина Н.В. Особенности перевода новостных текстов в немецких СМИ: прагматическая адаптация и роль журналиста-переводчика // Социально-гуманитарные знания. 2026. № 4. С. 666–668.

3. Ковальчук Н.В. Современная неолексикография в условиях цифровой трансформации: опыт Германии и России // Социально-гуманитарные знания. 2026. № 5. С. 441–444.

4. Куренкова Т.Ю., Злобин А.Н. Референсный художественный перевод VS цифровой художественный перевод // Дневник науки. 2026. № 1 (109).

5. Малькова М.В. Эволюция стратегий перевода этнографических реалий в англоязычных переводах произведений И.А. Бунина // Студенческий вестник. 2026. № 7–1 (387). С. 21–23.

6. Машкова Е.В., Белозерова М.С., Кислицына Е.В., Купцова Ю.А. Актуальность переводов в эпоху цифровых технологий и межкультурного обмена опытом: тенденции и перспективы // Успехи гуманитарных наук. 2026. № 2. С. 60–65.

7. Перфилова А.А. Особенности перевода литературы жанра фэнтези (на примере перевода романа «Эрагон») // Студенческий вестник. 2026. № 4–1 (384). С. 21–22.

8. Ситянина Н.В. Стратегии перевода композитных наименований природных объектов в английской поэзии (на материале переводов поэзии романтиков и модернистов) // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2026. № 1 (60). С. 135–145.

9. Шамилов Р.М. Понятие «стратегия перевода» в свете потребностно ориентированной теории перевода: определение и типология // Слово.ру: балтийский акцент. 2026. Т. 17. № 1. С. 217–234.

10. Щербакова И.В. Теоретические основы перевода фэнтези-литературы // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2026. № 19–1. С. 61–69.

THE CHALLENGES OF TRANSLATING A PUBLIC SPEECH

Sivolobova A.A., Shcherbakova I.V.
Don State Technical University

Oratory speech is a prepared message intended for oral delivery of information to listeners, with the aim of exerting emotional and intellectual influence on them. Typically, oratory speech belongs to the публицистический style. They share similar characteristics, namely: providing information, providing a reasoned argument, and encouraging action. However, there are also distinctive features. Oratory is a syncretic genre, and it is believed that it should be designated as a separate style, because: oratory speech is tied to a specific location, audience, and is time-bound; it is irreversible, active, and changeable; it is characterized by the speaker's focus on themselves and their feelings, which surpasses the same trait in the author of a written text. Today, the problem of translating oral speeches is very significant, because the speech of a speaker in English is completely different from the speech of a speaker in Russian. The aim of this study is to identify the main difficulties that specialists encounter when translating public speeches, and, accordingly, to simplify the work of translators.

Keywords: English language, speaker, translation, speech, consecutive interpretation, Russian language, simultaneous interpretation, message, oral interpretation.

References

1. Kovalchuk N.V. Anglicisms in official and business discourse: typology, pragmatic functions and translation adaptation (based on the material of the German and Russian languages) // Social and Humanitarian Knowledge. 2026. No. 4. Pp. 651–653.

2. Kovalchuk N.V., Bazhutkina N.V. Features of translating news texts in German media: pragmatic adaptation and the role of the journalist-translator // Social and Humanitarian Knowledge. 2026. No. 4. Pp. 666–668.

3. Kovalchuk N.V. Modern neolexicography in the context of digital transformation: the experience of Germany and Russia // Social and Humanitarian Knowledge. 2026. No. 5. Pp. 441–444.

4. Kurenkova T.Yu., Zlobin A.N. Reference literary translation VS digital literary translation // Diary of Science. 2026. No. 1 (109).

5. Malkova M.V. The Evolution of Translation Strategies for Ethnographic Realia in English-Language Translations of I.A. Bunin's Works // Studenchesky Vestnik. 2026. No. 7–1 (387). pp. 21–23.

6. Mashkova E.V., Belozerova M.S., Kislitsyna E.V., Kuptsova Yu.A. The relevance of translations in the era of digital technologies and intercultural exchange of experience: trends and prospects // Successes of the Humanities. 2026. No. 2. pp. 60–65.

7. Perfilova A.A. Features of the translation of fantasy literature (on the example of the translation of the novel "Eragon") // Student Bulletin. 2026. No. 4–1 (384). Pp. 21–22.

8. Sityanina N.V. Strategies for Translating Compound Names of Natural Objects in English Poetry (Based on Translations of Romantic and Modernist Poetry) // Current Issues in Modern Philology and Journalism. 2026. No. 1 (60). Pp. 135–145.

9. Shamilov R.M. The concept of "translation strategy" in the light of the needs-oriented theory of translation: definition and typology // Slovo.ru: Baltic Accent. 2026. Vol. 17. No. 1. Pp. 217–234.

10. Shcherbakova I.V. Theoretical Foundations of Fantasy Literature Translation // Professional Communication: Current Issues in Linguistics and Methodology. 2026. No. 19–1. Pp. 61–69.

Геймификация на основе искусственного интеллекта в изучении иностранных языков: преимущества и проблемы

Соколова Алла Германовна,
доцент, кандидат технических наук, доцент кафедры иностранных языков и «Русский как иностранный»,
Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
E-mail: as.falconi@yandex.ru

Данное исследование посвящено исследованию роли стратегий геймификации, основанных на использовании искусственного интеллекта (ИИ), при изучении иностранных языков в нелингвистических высших учебных заведениях в контексте сокращения количества аудиторных часов на их изучение и изменений в национальной политики в отношении иностранных языков в целом. Опираясь на Теорию самоопределения и Теорию когнитивной нагрузки, данная статья исследует, каким образом образовательные платформы на базе искусственного интеллекта и инструменты изучения языка на мобильных устройствах интегрируют игровую механику с алгоритмами машинного обучения, которые способны анализировать образовательный результат в режиме реального времени, давать персональную обратную связь и предупреждать потерю интереса со стороны обучающегося. В статье выявлены основные преимущества таких систем по сравнению с традиционным обучением, основанным на грамматико-переводном методе: устойчивая вовлеченность обучающихся, индивидуальные и адаптивные траектории обучения и мгновенная обратная связь, способствующая развитию коммуникативных навыков у студента. Анализ также выявляет недостаточно изученные риски, связанные с геймификацией на основе ИИ, такие, как когнитивная нагрузка, возникающая в результате одновременной обработки игровой механики и лингвистического контента, когнитивная разгрузка, при которой зависимость от обратной связи, генерируемой ИИ, подавляет критическое мышление и глубокое концептуальное осмысление, а также некоторая ограниченность в части культурной и прагматической аутентичности, что приводит к неточной передаче регистра и идиом при использовании ИИ. Обобщая эмпирические и теоретические литературные источники, автор делает вывод, что геймификация, управляемая ИИ, может дополнять, но не заменять полностью обучение педагогом, и призывает к созданию гибридных педагогических моделей, развивающих критическое мышление и прагматическую компетентность обучающихся наряду с повышением мотивации и поддержанием заинтересованности в обучении.

Ключевые слова: геймификация, инструменты, основанные на искусственном интеллекте, коммуникативные навыки, нелингвистические высшие учебные заведения, образовательные платформы, машинное обучение.

Introduction

Nowadays, school leavers enter non-linguistic universities with varying levels of FL proficiency and motivation to learn FL. Many of them have studied a foreign language other than English as a part of their school curriculum but have not achieved significant results, especially in developing communicative skills. Meanwhile, traditional FL instruction based on the grammar-translation method fails to motivate students and sustain interest in language learning, resulting in low learning outcomes and retention rates. It happens regularly when students are given the opportunity to study another foreign language from the beginners' level, they are more likely to choose this option than to continue studying ESP at more advanced, challenging level.

The challenge of boosting student motivation to learn foreign languages in higher educational institutions is exacerbated by the reduction of classroom hours allocated to the discipline and the removal of "Foreign Language" from the list of compulsory courses starting in the 2027/2028 academic year. In the 2027/28 academic year, students will be offered a new course titled "Russian as the State Language". The Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation is currently finalizing the project's concept in collaboration with experts. Students currently take a course called "Russian Language and Speech Culture," which largely duplicates the school curriculum. The new discipline will enable them to study Russian legislation governing the use of the state language, as well as its practical application. The program is based on the law "On the State Language of the Russian Federation."

Results and findings

With the technological advances, A-driven gamification is gaining momentum and becoming one of the main strategies in FL learning in higher educational institutions. AI-powered gamification in EFL teaching dwells upon the well-established educational psychology frameworks such as Self-Determination Theory (SDT) and Cognitive Load Theory (CLT). SDT states that intrinsic motivation of FL learners thrives with experiencing competence, autonomy, and relatedness to the process of FL acquisition. Students' language competences develop via facing adaptive educational challenges that correspond to their current skill levels. Cognitive Load Theory [1,2] gives an explanation how AI transforms complex language acquisition tasks into gamified, bite-sized modules aimed at grammar drills or active vocabulary acquisition. The recent studies show exponential growth in publications on AI-powered gamification in FL learning since 2020, when AI incorporation in FL teaching has shifted from static tools to learner-centered adaptive systems [3].

AI-powered educational platforms and various MALLs widely apply game-based mechanics to make FL learning more engaging, adaptive and interactive. Gamification powered by AI provides a promising solution to learners by merging intelligent algorithms with game design principles. Machine learning algorithms can analyze learners' performance in real time, adjust the level of difficulty and predict potential disengagement. This synergy when FL learners can practice listening, speaking, reading, writing and translation skills in a non-native classroom environment, enables to address FL anxiety and limited speaking practice opportunities.

Traditional teaching methods have been revolutionized, while the occurring shift toward digital education has proven itself specifically effective in self-paced learning environments. Students can practice foreign languages without constant supervision from the teacher's part. The main advantage of AI is that it enhances gamification strategies by adapting game difficulty levels to the proficiency level of students and creating real-world conversational practices via chatbots and virtual AI-powered assistants powered by natural language processing. As opposed to traditional FL teaching, it can give almost instant corrective feedback to learners on pronunciation and pragmatics, allowing them to progress dynamically, eliminating the stress of competition with peers, avoiding embarrassment from mistakes that have been made. AI makes each student learning experience customized, rewarding and interactive as learning FL with AI-driven tools does not rely on static lesson plans used in traditional FL teaching.

Incorporated storytelling modules can generate customized narrative based on learners' personal interests, while building in active vocabulary in immersive contexts. Learning management systems such as Moodle or Canvas, widely used in university settings, allow tutors to monitor learners'

progress via dashboards flagging AI-risk participants, i.e. AI algorithms are able to detect certain patterns of declining involvement and automatically apply motivational boosts, e.g. peer challenges or bonus points.

However, practical implementation of AI-driven gamification strategies in higher educational institutions requires thorough planning aimed at maximizing potential benefits. Faculty staff can begin by incorporating AI-powered platforms like Duolingo, Memrise, Kahoot! or any open-source tool with AI extensions. Collaborative elements built in the platforms can foster relatedness, with team-based speaking challenges in AI-mediated debate arenas or VR learning environments. At the same time, it should be noted that teacher's assessment shifts from the interim or final examination to formative continuous feedback loops, with badges awarded for FL mastery. In non-English-dominant regions, such as the Russian Federation, AI's multilingual capabilities provide cultural relevance by introducing region-specific content or local idioms, saying and proverbs [4].

However, AI-powered gamification might pose certain challenges that include cognitive overload of learners, doubtful authenticity, and over-reliance on AI over human face-to-face interaction. Another probable issue is excessive dependence on the immediate AI –generated feedback that does not develop critical thinking in learners and cannot substitute fully real-world communication skills. It was observed that due to contextual and cultural accuracy, some AI chatbots may lead to misunderstanding and misinterpretations in FL usage. The aim of this section is to explore the potential benefits and limitations of AI-driven gamification in FL learning. The main argument is that AI should be used as a complementary tool rather than a complete replacement of face-to-face instruction.

Among the main benefits of AI-driven gamification in FL learning is the involvement of learners by means of interactive game elements such as streaks, badges, rewards, leaderboards, milestones, and progress tracking. While traditional learning methods may feel monotonous, repetitive, the lesson's plan static and predictable, gamified AI tools create dynamic adjustable challenges and customized incentives. By monitoring learners' progress, such platforms gradually form positive learning behaviors and sustainable engagement over time, which is specifically beneficial for independent learners [5]. Learners start experiencing a sense of instant appraisal and gratification upon completion of given assignments that leads to willingness to continue their studies consistently. By means of well-structured gamification strategies, AI provides active engagement of FL learners and ensures higher retention rates compared to those of traditional FL instruction methods [6].

As opposed to the traditional fixed syllabus, the second advantage of AI-powered gamification is the ability to customize and personalize learning experiences. Game difficulty can be easily matched each learner's proficiency level and the pace of individual progress. AI-powered platforms are able to analyze the individual learning curve, identify certain error patterns and adjust assignments correspondingly. Thanks to this, learners perform manageable tasks and avoid both boredom from easy material and frustration from difficult and challenging content. AI-powered gamification creates adaptive learning paths by tailoring game-based exercises aimed at strengthening learners' weaknesses [7]. In the conditions of real classroom students have to wait for teacher feedback, especially if the group size is larger than average. AI-driven tools ensure instant real-time feedback which helps learners receive immediate corrections and explanations and correct their mistakes, if any, on the spot. It also improves retention rates as errors are addressed immediately rather than cemented over time. Interactive conversations are effectively simulated by AI chatbots enabling learners to practice FL use in a relaxed gamified environment. The topics of conversation can also be chosen by students rather than assigned by the teacher. As a result, the gap between passive learning and active communicative skill building is bridged [8].

While AI-driven gamification offers considerable advantages in engagement and personalization, it also introduces cognitive and pedagogical risks that are less visible in short-term usage data. The first concern is cognitive overload. Gamified interfaces layer game mechanics – points, streaks, badges, adaptive difficulty – on top of the language content itself, and learners must process both simultaneously. Framed through Cognitive Load Theory, a recent experimental mixed-methods study of Saudi EFL learners examined exactly this tension, measuring how AI-powered gamification affects cognitive load alongside motivation and long-term retention [9]. This matters for the retention claims made earlier in this section: if gamification elements themselves consume working-memory capacity, any retention gains attributed to AI feedback may be partially offset, or masked, by the added processing demand of the game layer.

A second, related concern is that AI-generated feedback may reduce opportunities for independent reasoning rather than build it. Recent critical analyses of AI in education describe this as cognitive offloading – learners increasingly accept AI-generated responses quickly and uncritically, favoring fast, simplified answers over independent reasoning, particularly when that offloaded effort is not deliberately redirected toward other productive cognitive work. This pattern has been documented with concrete performance data: one comparison found AI-assisted learners answered notably more problems correctly while scoring lower on a test of conceptual understanding, suggesting a gain in procedural fluency without a corresponding gain in deeper comprehension [10]. Similar concerns have surfaced outside language learning specifically – a study of vocational education students in Nigeria found that AI use posed a perceived threat to independent critical thinking, particularly among male students, and called for AI platforms that explicitly encourage source verification rather than passive acceptance [11]. Applied to FL learning, the risk is that learners come to rely on AI correction as a substitute for the effortful noticing and self-correction that underlies durable language acquisition, rather than as a scaffold toward it.

A third challenge – authenticity and cultural-contextual accuracy – is harder to quantify but arguably more consequential for communicative competence specifically. Language is not a fixed rule system that a model can render "correct" in isolation; register, idiom, and pragmatic appropriateness are tied to social and cultural context in ways that shift with speaker relationship, setting, and intent. An AI chatbot can produce grammatically well-formed output while still misjudging when a phrase is too formal, too blunt, or simply not something a native speaker would say in that situation. Because gamified AI systems reward completion and correctness within the game's own logic, they may inadvertently reward learners for producing utterances that are technically accurate but pragmatically or culturally off – a failure mode traditional classroom interaction, with a human interlocutor able to flag "technically correct but not how we'd say it," is arguably better positioned to catch. This is presently more of a structural risk than an empirically settled finding, and represents an area where FL-specific research (rather than general AI-in-education research) is still thin – worth flagging explicitly as a gap rather than asserting as established [12].

Taken together, these three challenges reinforce the argument that AI-driven gamification functions best as a complement to, rather than a substitute for, human instruction: it can accelerate feedback and sustain motivation, but the cognitive-load, offloading, and authenticity risks above suggest that unsupervised AI-gamified practice may need to be paired with periodic human-mediated interaction to preserve critical thinking and pragmatic competence rather than only fluency and completion rates.

Conclusions

The analysis presented above indicates that AI-driven gamification represents a substantive shift in foreign language pedagogy at the non-linguistic university level. Grounded in Self-Determination Theory and Cognitive Load Theory, AI-powered gamified platforms address several long-standing weaknesses of grammar-translation-based instruction: low motivation, limited opportunities for individualized feedback, and the mismatch between fixed syllabi and heterogeneous learner proficiency. The evidence reviewed suggests three principal benefits – sustained engagement through adaptive game mechanics, personalization of learning trajectories through real-time performance analysis, and immediate corrective feedback that shortens the gap between error and correction. These affordances are particularly consequential in the current institutional context, where reduced classroom hours and curricular reforms are narrowing the space available for supervised FL practice, making self-paced, technology-mediated learning an increasingly necessary complement to classroom instruction rather than an optional enhancement.

At the same time, the findings caution against an uncritical embrace of AI-driven gamification as a self-sufficient pedagogical solution. Three risks emerge as most salient: cognitive overload arising from the simultaneous processing of game mechanics and linguistic content; cognitive offloading, whereby learners' uncritical reliance on AI-generated feedback may inflate procedural performance while leaving conceptual understanding and independent reasoning underdeveloped; and limitations in cultural-pragmatic authenticity, whereby linguistically well-formed AI output may nonetheless fail to capture register, idiom, and context-dependent appropriateness in ways human interlocutors are better positioned to detect. Of these, the authenticity concern remains the least empirically substantiated within FL-specific research and should be treated as a hypothesis warranting further investigation rather than an established conclusion.

Taken together, these considerations support the paper's central argument: AI-driven gamification is most productively conceptualized as a complementary instructional resource that extends and personalizes practice opportunities, rather than as a substitute for human-mediated interaction. Effective implementation therefore requires a hybrid pedagogical model in which gamified AI tools handle high-frequency, low-stakes practice and formative feedback, while periodic teacher-led or peer interaction is deliberately preserved to safeguard critical thinking, pragmatic competence,

and cultural sensitivity. Future research should prioritize longitudinal and FL-specific empirical studies – particularly regarding the durability of retention gains once the novelty of gamification wanes, and the extent to which cognitive offloading affects communicative, as opposed to purely procedural, language competence.

Литература

1. Свеллер, Дж. (1988). Когнитивная нагрузка при решении задач: влияние на обучение // Когнитивная наука. Выпуск 12(2). Сс. 257–285. DOI: 10.1207/s15516709cog1202_4

2. Свеллер, Дж. (2011). Теория когнитивной нагрузки // Психология обучения и мотивация. Том 55. Сс. 37–76. DOI: 10.1016/B978-0-12-387691-1.X0001-4

3. Шанг, Кс. (2025). Отображение интеграции геймификации в обучение иностранным языкам в условиях электронного обучения: анализ литературных источников // Результаты в инженерии. Выпуск 28. Статья 108452. DOI: 10.1016/j.rineng.2025.108452

4. Абдухакимова, Дж. (2026). Геймификация на основе ИИ в обучении английскому языку как иностранному в университете: повышение вовлеченности студентов и уровня владения языком // Журнал прикладной науки и социальных наук. Том 16. Выпуск 4. Сс. 604–607.

5. Фадхил, А., Виллафиорита, А. (2017). Адаптивное обучение с геймификацией и разговорными UI: восхождение CiboPoliBot. В материалах 25-й конференции по пользовательскому моделированию, адаптации и персонализации. Сс. 408–412.

6. Ллоренс-Ларго, Ф., Галлего-Дуран, Ф.Дж., Виллагра-Арнедо, С.Дж., Компань-Розик, П., Саторре-Куерда, Р., Молина-Кармона, Р. (2016). Геймификация в образовательном процессе: полученные знания // IEEE Revista Iberoamericana de tecnologías del aprendizaje. Выпуск 11(4). Сс. 227–234.

7. Пургина, М., Мозговой, М., Блейк, Дж. (2020). WordBricks: мобильная технология и визуальный грамматический формализм для геймификации освоения грамматики естественного языка // Журнал образовательных компьютерных исследований. Выпуск 58(1). Сс. 126–159.

8. Шаих, С., Яжилган, С.И., Климова, Б.Б., Пикхарт, М. (2023). Оценка применимости ChatGPT для традиционного обучения английскому языку // Европейский журнал исследований в области здравоохранения, психологии и образования. Выпуск 13(9). Сс. 1937–1960.

9. Алехьяни, Ф. (2025). Исследование воздействия геймификации на основе ИИ на когнитивную нагрузку, мотивацию и удержание интереса изучающих английский язык в Саудовской Аравии: экспериментальное исследование на основе смешанного метода // Электронный журнал компьютеризированного языкового обучения. Выпуск 26(7). Сс. 187–210. DOI: 10.54855/

10. Бинни, Дж., Джайа, С., Али, М.В., Сони, М.В., Мумтас, С., Сибичан, Дж. (2025). Когнитивный парадокс ИИ в образовании: между улучшением и разрушением // Передовая мысль в психологии. Том. 16. DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1550621

11. Ододо, Е.П., Иниобонг, Ю.Б., Удоэссейн, А.И., Укпе, И.Д. (2024). Искусственный интеллект в классе: восприятие вызовов в профессиональном образовании на удержание обучающихся и критическое мышление в вузах // Американский журнал междисциплинарных инновационных исследований. Том 6. Выпуск 9. Сс. 30–39. DOI: 10.37547/tajiir/Volume06Issue09-05

12. Салманова, С. (2025). Геймификация и ИИ в обучении языкам – новая эра цифрового обучения // Acta Globalis Humanitatis et Linguarum. Том 2. Выпуск 1. Сс. 262–269. DOI: 10.69760/aghel.02500134

AI-DRIVEN GAMIFICATION IN FOREIGN LANGUAGE LEARNING: BENEFITS AND CHALLENGES

Sokolova A.G.
National Research Moscow State University of Civil Engineering

This paper examines the role of artificial intelligence (AI)-driven gamification in foreign language (FL) instruction at non-linguistic higher education institutions, a context increasingly shaped by reduced curricular hours and shifting national language-education policy. Drawing on Self-Determination Theory and Cognitive Load Theory, the study explores how AI-powered educational platforms and mobile-assisted language learning tools integrate game-based mechanics – including streaks, badges, leaderboards, and adaptive difficulty – with machine learning algorithms capable of real-time performance analysis, personalized feedback, and disengagement prediction. The paper argues that such systems offer the principal advantages over traditional grammar-translation-based instruction: sustained learner engagement, individualized and adaptive learning pathways, and immediate corrective feedback that supports communicative skill development. However, the analysis also identifies the underexplored risks associated with AI-driven gamification: cognitive overload resulting from the simultaneous processing of game mechanics and linguistic content; cognitive offloading, whereby uncritical reliance on AI-generated feedback may undermine independent reasoning and deeper conceptual understanding; and limitations in cultural and pragmatic authenticity, whereby linguistically accurate AI output may nonetheless fail to reflect context-appropriate register and idiom. Synthesizing recent empirical and theoretical literature, the paper concludes that AI-driven gamification functions optimally as a complement to, rather than a replacement for, human-mediated instruction, and calls for hybrid pedagogical models that preserve critical thinking and pragmatic competence alongside gains in motivation and retention.

Keywords: gamification, AI-powered tools, communicative skills, non-linguistic universities, educational platforms, machine learning.

References

1. Sweller, J. (1988). Cognitive load during problem solving: Effects on learning // Cognitive Science. Issue 12(2). Pp. 257–285. DOI: 10.1207/s15516709cog1202_4

2. Sweller, J. (2011). Cognitive Load Theory // Psychology of Learning and Motivation. Vol. 55. Pp. 37–76. DOI: 10.1016/B978-0-12-387691-1.X0001-4

3. Shang, X. (2025). Mapping the integration of gamification into Foreign Language learning in e-learning settings: A bibliometric analysis // Results in Engineering. Issue 28. Article 108452. DOI: 10.1016/j.rineng.2025.108452

4. Abduhakimova, G. (2026). AI-Powered Gamification in University EFL Instruction: Enhancing Student Engagement and Language Proficiency // The Journal of Applied Science and Social Science. Vol. 16. Issue 4. Pp. 604–607.

5. Fadhil, A., & Villafiorita, A. (2017). An adaptive learning with gamification & conversational UIs: The rise of CiboPoliBot. In Adjunct publication of the 25th conference on user modeling, adaptation and personalization. Pp. 408–412.

6. Llorens-Largo, F., Gallego-Durán, F. J., Villagrá-Arnedo, C. J., Compañ-Rosique, P., Satorre-Cuerda, R., & Molina-Carmona, R. (2016). Gamification of the learning process: lessons learned // IEEE Revista Iberoamericana de tecnologías del aprendizaje. Issue 11(4). Pp. 227–234.

7. Purgina, M., Mozgovoy, M., & Blake, J. (2020). WordBricks: Mobile technology and visual grammar formalism for gamification of natural language grammar acquisition // Journal of Educational Computing Research. Issue 58(1). Pp. 126–159.

8. Shaikh, S., Yayilgan, S. Y., Klimova, B., & Pikhart, M. (2023). Assessing the usability of ChatGPT for formal English language learning // European Journal of Investigation in Health, Psychology and Education. Issue 13(9). Pp. 1937–1960.

9. Alehyani, F. (2025). Investigating the Impact of Artificial Intelligence-Powered Gamification on Saudi EFL Learners' Cognitive Load, Motivation, and Long-Term Retention: An Experimental Mixed-Methods Study // Computer-Assisted Language Learning Electronic Journal. Issue 26(7). Pp. 187–210. DOI: 10.54855/

10. Binny, J., Jaya, C., Alie, M.V., Sony, M.V., Mumthas, S., Sibichan, J. (2025). The cognitive paradox of AI in education: between enhancement and erosion // Frontiers in Psychology. Vol. 16. DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1550621

11. Ododo, E.P., Iniobong, U. B., Udoessien, A. I., & Ukpe, I. D. (2024). Artificial intelligence in the classroom: Perceived challenges to vocational education student retention and critical thinking in tertiary institutions // American Journal of Interdisciplinary Innovative Research. Vol. 6. Issue 9. Pp. 30–39. DOI: 10.37547/tajiir/Volume06Issue09-05

12. Salmanova, S. (2025). Gamification and AI in Language Learning – A New Era of Digital Education // Acta Globalis Humanitatis et Linguarum. Vol. 2. Issue 1. Pp. 262–269. DOI: 10.69760/aghel.02500134

Цифровые коммуникации в медицине: имплицитные девиации профессиональной роли врача

Соловьев Николай Владимирович,
аспирант кафедры философии, биоэтики и права,
Волгоградский государственный медицинский университет
E-mail: zenonia@list.ru

Волчанский Михаил Евгеньевич,
доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой общей и клинической психологии, Волгоградский государственный медицинский университет
E-mail: miikhail.volchanskii@volgmed.ru

Цифровизация обуславливает многокомпанентное влияние на коммуникации, особенно значимые для таких социальных сфер, как здравоохранение. В связи с этим появляется необходимость исследования влияния на профессиональную роль врача трансфера коммуникаций с пациентами в виртуальное пространство. Исследование проведено с позиций экспектаций будущих врачей феномена цифровой репутации. Эмпирическая часть представлена результатами социологического опроса студентов-медиков выпускных курсов лечебных специальностей (n=241, возраст 22,3±1,2 года). Согласно полученным результатам, респонденты считают, что интерес к виртуальной жизни врача будут проявлять только пациенты молодого возраста. Выбирая комфортный вариант распределения времени общения с пациентами в виртуальной среде, большинство респондентов (88,4%) выбрали формат 20% виртуального и 80% реального общения. Каждый пятый-четвертый респондент выразил недоверие к рассматриваемой трансформации отношений с пациентами, отмечая возможные негативные эффекты – профессиональные стрессоры, связанные с низкой осведомленностью пациентов и угрозой нарушения автономии врача. Положительные эффекты отметило меньшее число респондентов (не более 11–16%), в основном обусловленные возможностью мониторинга и коррекции назначений. Таким образом, несмотря на сложившийся социальный стереотип, что поколение цифры живет в виртуальном пространстве, будущие врачи демонстрируют сдержанный оптимизм к трансферу коммуникаций с пациентами в цифровой контур. Необходимо методическое сопровождение профессионального обучения в рассматриваемом контексте, направленное на формирование цифровой культуры врача, как набор ценностей и приемов коммуникаций в виртуальной среде.

Ключевые слова: виртуальные коммуникации, пациент, цифровая репутация врача, цифровая культура.

Введение

Интеграция социума в цифровой контур является одним из трендов современной реальности. Цифровизация социальных сфер решает комплекс государственных задач, безусловно, улучшая качество жизни его граждан. В то же время коммуникации в облачной среде формируют новый тип отношений в социуме, когда участники интеракций взаимодействуют с цифровым двойником. Особый интерес рассматриваемый феномен представляет для медицины, где значение общения врача и пациента трудно переоценить [Присяжная, 2021, с. 146]. Классические модели взаимоотношений врача и пациента Р. Вича, даже не углубляясь в современную критику патернализма, в цифровых реалиях не могут полностью описать виртуальные коммуникации рассматриваемых социальных акторов [Доника, 2022, с. 59]. В то же время повышение качества оказания медицинской помощи, одним из оценочных критериев которого является удовлетворенность пациентов, невозможно реализовать одними административными решениями и внедрением высокотехнологичной помощи [Резункова, 2024, с. 16]. Приверженнность пациентов к лечению (комплаентность) основана на доверии и авторитете врача. В связи с этим представляет интерес исследование трансформации социальных экспектации в рассматриваемом контексте через феномен репутации, как социальной характеристики восприятия опыта и личностных качеств врача в цифровом контуре [Соловьев, 2025, с. 25].

Цель исследования – прогноз девиаций профессиональной роли врача в связи с трансфером коммуникаций с пациентом в цифровое пространство.

Материалы и методы. Теоретическую базу работы составил анализ фундаментальных работ и современных публикаций по рассматриваемой теме. Эмпирическая часть представлена результатами социологического опроса студентов выпускных курсов лечебных специальностей (n=241, возраст 22,3±1,2 года). Опрос проводился с использованием сервиса яндекс форм. В отношении респондентов соблюдены нормы конфиденциальности и автономии.

Результаты и их обсуждение

В социологии феномен репутации ассоциирован с социальными экспектациями. Социальное взаимодействие предполагает оценочную реакцию, отклик на самопрезентацию личности, как в «понимающей социологии М. Вебера и формирование социального капитала по Т. Парсонс [2, с. 226]. Для научного сообщества Р. Мертоном предложена структурированная модель CUDOS: C–Communism, U – Universalism, D – Disinterestednes, OS – Organised Scepticism), как набор четырех институциональных императивов – универсализма, «коммунизма», бескорыстия и организованного скептицизма – составляющих научный этос [Мотрошилова, 2010, с. 59; Кондакова, 2025, с. 10]. В современных исследованиях вопросы репутации детально рассмотрены в поле социологии управления и политической социологии. В работе Шутовой М.В. представлена оценка репутации врача-хирурга с позиции теории градов Л. Болтански и Л. Тевено и предложены 3 критерия оценки профессиональной репутации: научно-технический; рыночно-сетевой; репутационный [Шутова, 2023, с. 139].

Наше исследование показало, что будущие врачи, интеграция которых в профессиональное поле прогнозируется в течение 1–2 лет, проявляют настороженность к трансферу взаимоотношений врача и пациента в виртуальное пространство (рисунок 1).

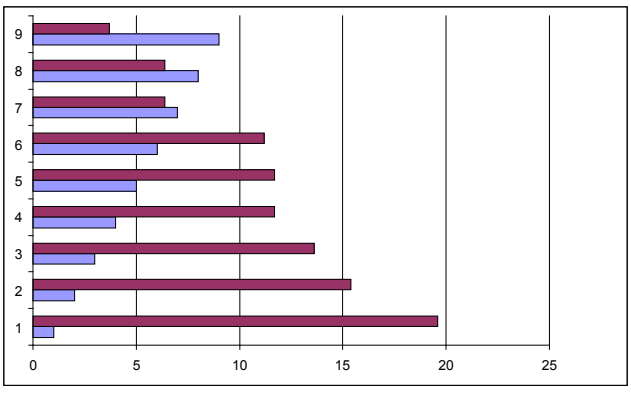

Рис. 1. Экспектации будущих врачей к трансферу интеракций врач-пациент в цифровой контур

По оси ординат: варианты ответов на вопрос: «Как вы относитесь к общению врача с пациентом дистанционно (через соцсети, мессенджеры)?»:

1 – Сообщения могут быть неверно интерпретированы пациентом, а виноват будет врач,

2 – Можно быстро реагировать на побочные эффекты терапии,

3 -Позволит корректировать терапию без визита к врачу,

4 – Способствует утомлению врача, т.к. не дает отвлечься – «выйти из кабинета»,

5 – Эмоционально напрягает врача,

6 – Это помогает мониторить точность выполнения назначений врача,

7 – Может ввести врача в заблуждение,

8 – Обеспечивает партнерскую модель взаимоотношения врача и пациента,

9 – Без визита и дополнительных исследований позволит менять лечение после онлайн общения. По оси абсцисс: число респондентов в %.

Каждый пятый-четвертый респондент выразил недоверие к рассматриваемой трансформации отношений с пациентами, отмечая возможные негативные эффекты – профессиональные стрессоры, связанные с низкой осведомленностью пациентов и угрозой нарушения автономии врача. Положительные эффекты отметило меньшее число респондентов (не более 11–16%), в основном обусловленные возможностью мониторинга и коррекции назначений. Парадоксально, но студенты выпускного курса, погруженные в цифровой мир, не продемонстрировали особого оптимизма к перспективе виртуализации коммуникаций с пациентами.

Угроза вторжения в личное пространство имплицитно присутствует в ответах респондентов на вопросы связанные с цифровой репутацией врача (рисунок 2).

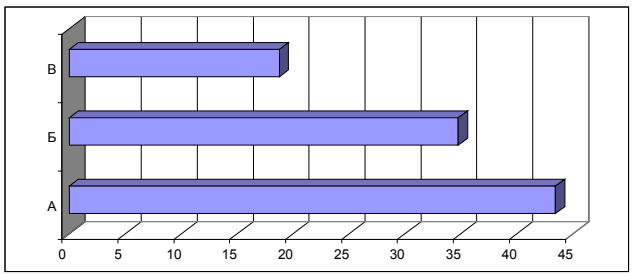

Рис. 2. Цифровая репутация врача в представлениях будущих специалистов

По оси ординат: варианты ответов на вопрос: «Какое определение, на ваш взгляд, наиболее подходит к понятию «цифровая репутация врача?»:

А – Публикации врачом в профессиональных сетях своих профессиональных достижений;

Б – Публикации врачом в сетях любых достижений, не обязательно связанных с профессией (в спорте, культуре, общественной деятельности и т.п);

В – Виртуальный (цифровой) след общения врача и пациента. По оси абсцисс: число респондентов в %.

Мнения респондентов разошлись: примерно равное число ответов, определяющих цифровую репутацию врача с ограничением профессиональных границ и интегрированного цифрового двойника врача. Только каждый пятый респондент понимает, что на репутацию врача влияют все виртуальные коммуникации с пациентом, оставляющие цифровой след. Полученные результаты отражают несформированные представления будущих врачей о последствиях коммуникаций в цифровой среде для репутации врача.

На вопрос: «На Ваш взгляд, повлияет ли цифровая (виртуальная) репутация на репутацию врача, (например, пациенты могут интересоваться публикациями врача в соцсетях)?» примерно четвертая часть выборки проявила скептицизм («вряд ли»), только 35% считает этот процесс неизбежным. Респонденты считают, что интерес к виртуальной жизни врача будут проявлять только пациенты молодого возраста.

Выбирая комфортный вариант распределения времени общения с пациентами в виртуальной среде, большинство респондентов (88,4%) выбрали формат 20% виртуального и 80% реального общения.

Таким образом, несмотря на сложившийся социальный стереотип, что поколение цифры живет в виртуальном пространстве, будущие врачи демонстрируют сдержанный оптимизм к трансферу коммуникаций с пациентами в цифровой контур.

Заключение

Цифровизация обуславливает многокомпанентное влияние на коммуникации, особенно значимые для социальных сфер. Отсутствие четкого представления будущих специалистов о последствиях этого процесса формирует настороженное отношение к цифровым трансформациям. Необходимо методическое сопровождение профессионального обучения в рассматриваемом контексте, направленное на формирование цифровой культуры врача, как набор ценностей и приемов коммуникаций в виртуальной среде.

Литература

1. Доника, А.Д. Информационные экосистемы как паттерны современной медицины. Монография. Изд-во: ООО Юком. – Тамбов, 2022. С. 58–72.

2. Мотрошилова, Н.В. Создание Р. Мертоном классических парадигм социологии науки: взгляд из XXI века // Социология науки и технологий. – 2010. – Том 1. – № 4. С. 45–83.

3. Присяжная, Н.В. Социогуманитарное знание и цифровизация медицинского образования и здравоохранения / Н.В. Присяжная, С.В. Павлов // Социологические исследования. – 2021. – № 1. – С. 146–148.

4. Резункова, О.П. Цифровая трансформация системы здравоохранения / О.П. Резункова, В.Ю. Тегза // Приложение международного научного журнала «Вестник психофизиологии». – 2024. – № 1. – С. 14–21.

5. Кондакова, Л.И. Государственная поддержка науки как механизм формирования культурного кода социума // Primo Aspectu.- 2025. – № 3 (63). С. 9–14.

6. Соловьев, Н.В., Волчанский М.Е. Современные тенденции формирования цифровой культуры пациента / Н.В. Соловьев, М.Е. Волчанский // Primo Aspectu. 2025. № 4 (64). С. 25–30.

7. Шутова, М.В. Ценности как фактор формирования профессиональной репутации (в контексте теории градов) // Социология. № 11. 2024. С. 136–145.

8. Parsons Talcott (1951). The social system Glencoe, Ill.: Free Press, 575. – URL: https://www.ebooksread.com/authors-eng/ talcott- parsons/ the-social- system-sra.shtm (дата обращения: 02.01.2025).

DIGITAL COMMUNICATIONS IN MEDICINE: IMPLICIT PROFESSIONAL DOCTORS ROLE DEVIATIONS

Soloviev N.V., Volchanskii M.E.
Volgograd State Medical University

Digitalization has a multifaceted impact on communication, particularly in social spheres such as healthcare. Therefore, it is necessary to study the impact of the transfer of communication with patients to the virtual space on the professional role of physicians. The study was conducted from the perspective of future physicians' expectations of the phenomenon of digital reputation. The empirical part presents the results of a sociological survey of final-year medical students in general medicine (n=241, aged 22.3±1.2 years). According to the obtained results, respondents believe that only younger patients will show interest in the virtual life of a physician. When choosing a comfortable option for distributing time with patients in a virtual environment, the majority of respondents (88.4%) chose a format of 20% virtual and 80% in-person communication. Every fifth to fourth respondent expressed distrust in the considered transformation of relationships with patients, noting possible negative effects, such as professional stressors associated with low patient awareness and the threat of violating physician autonomy. A smaller number of respondents (no more than 11–16%) noted positive effects, primarily due to the ability to monitor and adjust prescriptions. Thus, despite the prevailing social stereotype that the digital generation lives in a virtual space, future doctors demonstrate cautious optimism about the digitalization of patient communications. Methodological support for professional training in this context is needed, aimed at developing a digital physician culture as a set of values and communication techniques in a virtual environment.

Keywords: virtual communications, patient, physician digital reputation, digital culture.

References

1. Donika, A.D. Information ecosystems as patterns of modern medicine. Monograph. Publisher: OOO Yukom. – Tambov, 2022. Pp. 58–72.

2. Motroshilova, N.V. Creation of classical paradigms of the sociology of science by R. Merton: a view from the 21st century // Sociology of science and technology. – 2010. – Vol. 1. – № 4 Pp. 45–83.

3. Prisyazhnaya, N.V. Socio-humanitarian knowledge and digitalization of medical education and healthcare / N.V. Prisyazhnaya, S.V. Pavlov // Sociological research. – 2021. – № 1. – Pp. 146–148.

4. Rezunkova, O.P. Digital transformation of the healthcare system / O.P. Rezunkova, V. Yu. Tegza // Supplement to the international scientific journal «Bulletin of Psychophysiology». – 2024. – № 1. – P. 14–21.

5. Kondakova, L.I. State support of science as a mechanism for the formation of the cultural code of society // Primo Aspectu. – 2025. – № 3 (63). P. 9–14.

6. Soloviev, N.V., Volchansky M.E. Modern trends in the formation of digital patient culture / N.V. Soloviev, M.E. Volchansky // Primo Aspectu. – 2025. – № 4 (64). – P. 25–30.

7. Shutova, M.V. Values as a factor in the formation of professional reputation (in the context of the city theory) // Sociology. № 11. 2024. P. 136–145.

8. Parsons Talcott (1951). The social system Glencoe, Ill.: Free Press, 575. – URL: https://www.ebooksread.com/authors-eng/talcott-parsons/the-social-system-sra.shtm (Accessed: 02.01.2025).

К вопросу о системной взаимосвязи культуры и природы в перспективе коэволюционной оптимизации: культурософский аспект проблемы

Сухина Игорь Григорьевич,
доцент, доктор философских наук, профессор кафедры философии и русской филологии, ФГБОУ ВО «Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского»
E-mail: suhina_igor@mail.ru

Статья посвящена проблеме коэволюционной взаимосвязи культуры и природы в динамике их системного взаимодействия, которая объективируется в культурно-историческом – цивилизационном процессе развития человека, его бытия в мире как культурогенного бытия в культуре. Исторические эпохи магистрального культурно-исторического процесса, удостоверяющие поступательный ход человеческой истории, представлены масштабными культурогенными объективациями системной взаимосвязи культуры и природы, детерминируемыми мировоззренческими принципами системного миро-отношения человека – субъекта к природе. В качестве идеи, принципа и перспективной стратегии оптимизации взаимодействия культуры и природной среды, биосферы в современную эпоху НТП, модернизации и глобализации рассмотрена коэволюция как коадаптация развития культуры и природы, целенаправленная на экологическую оптимизацию и онтологическую стабилизацию динамической системы взаимосвязей «культура – природа». Коэволюция мыслится как концептуальная парадигма современной культуры. В статье рассмотрен диалектический характер взаимосвязи культуры и природы.

Ключевые слова: человек, человеческое бытие, мир, онтологический, мировоззрение, субъектность, культура, цивилизация, природа, биосфера, устойчивое развитие, устойчивость, коэволюция, экология, оптимизация.

Актуальность

Собственно человеческое бытие в мире есть бытие в культуре, – культурно-исторический процесс, конституирующий системную взаимосвязь культуры и природы, которая имеет онтологический характер, и в которой удостоверяется человеческое миро-отношение в мировоззренческом и праксеологическом его аспектах. Субъектное инициирование, развертывание и коэволюционная оптимизация этой системной взаимосвязи, имеет непреходяще актуальное для человека и его онтологически позиционируемого бытия в культуре значение. В этом – онтологическом контексте должна быть осмыслена коэволюция как парадигма и стратегия устойчивого развития культуры в мире.

Цель статьи: философская экспликация исторически развивающейся взаимосвязи культуры и природы с обоснованием коэволюции культуры и природы как целостной парадигмы и перспективной стратегии экологически ориентированного – онтологически устойчивого развития культуры в мире.

Основная часть

Как сознательно-творческая жизнедеятельность человека, ведущая к созданию, развитию, воспроизводству и утверждению человеческой действительности, культура есть определяющая характеристика человека и его бытия, удостоверяющая его творчески-актуализированную модальность, его оптимальное состояние. Российский философ и культуролог М. Каган отмечал, что «культура … имеет в своей основе именно *сознательные действия*, что и отличает радикальнейшим образом человека от животного. Поэтому *мера сознательности* … – есть показатель уровня культуры» [4, с. 97]. Артефакты культуры отличны от явлений природы тем, что они символичны, так как выступают носителями человечески значимых смыслов. Немецкий философ Э. Кассирер понимал культуру как символический мир Вселенной.

Вместе с тем культура, будучи в объективированной данности миром артефактов (лат. arte – искусственный, factus – созданный), т.е. над-природной, реальностью антропогенного происхождения или «второй природой», не существует вне природы. В основе каждого явления/артефакта культуры лежит «возделанное» ею природное явление. Человек преобразует природные явления, выступающие изначальным субстратом его практической деятельности. М. Каган указывал на то, что «культура предстает перед нами, логически и исторически, прежде всего как *преобразование натуры* – естественной природной среды, которую человек застает вокруг себя, в которой он существует и которой он, в отличие от животных, не только должен, так или иначе, приспособиться, но которую он способен приспосабливать к себе, к своим нуждам, желаниям, интересам, стремлениям» [4, с. 57].

Культуру нельзя редуцировать к природе, но она взаимосвязана с ней, – она над-природна, но не вне-природна. Диалектическая проблема соотношения культуры и природы имеет онтологический статус для человека и его бытия в мире. В восходящем к античности словосочетании «вторая природа», отмечена неразрывная связь культурогенной субъектности человека с природой, которая в этой взаимосвязи является «первой», а культура «второй», т.е. преобразуемой природой. Российский философ и культуролог В. Межуев указывал на то, что в классическом понимании, «культура есть развитие (улучшение, совершенствование, формирование) всего того, что изначально существует в виде природного задатка, естественной склонности или врожденной способности. Культура охватывает собой все, что создано, развито человеком, причем главным таким созданием является сам человек» [7, с. 68].

Исторически развивающийся характер человеческой деятельности, как и детерминирующих ее потребностей, интересов, обретающих свое осмысленное – ценностное выражение и фиксацию, с практикой их реализации позволяет представить культуру универсальным способом преобразующего отношения человека к миру природы. По словам М. Кагана, «практическое отношение культуры и природы, опосредованное трудовой деятельностью человека, ведет *ко все более и более широкому превращению натуры в культуру*» [4, с. 56].

Понимая человеческую историю как культурно-исторический процесс развития человечества (на филогенетическом и онтогенетиче-

ском его уровнях), в истории можно выделить масштабные этапы или эпохи, удостоверяющие собой определенный способ отношения человека к природе, взятый как с позиции его ментальных – ценностно-мировоззренческих установок сознания, так и с позиции предметно-практического (культурогенного) их осуществления.

– *Первобытная эпоха* отмечена преимущественно адаптационным отношением человека к миру природы, и ее можно определить как архаический природоцентризм; человек не выделял себя из природы, находясь в полной от нее зависимости, отсюда – религиозно-мифологическая ее сакрализация. В эту эпоху отношение человека к природе было имманентно подчиненным. В общем, такое отношение было присуще и культурам Древнего Востока.

– *В эпоху античности* природа понималась как космос, т.е. всеохватный мировой порядок, как эстетический идеал красоты, совершенства и гармонии, неотъемлемый от человека и его бытия в мире (характерная мировоззренческая установка древнегреческой философии: природа – макрокосмос, человек – микрокосмос, при этом макро – и микро – космос во многом тождественные образования). Такое отношение к природе можно квалифицировать как космоцентризм. В нем наявно стремление к гармонизации человека и природы.

– *В эпоху средних веков* в Европе в силу влияния христианского вероучения утверждается креационистское представление о сотворении мира Богом; христианская догматика представляет природу как бытие производное, сотворенное и преходящее, в противоположность абсолютному духовному первоначалу мироздания – Богу. Согласно теоцентристскому мировоззрению, утвердившемуся в средневековой европейской культуре, человеческая личность как образ и подобие Бога – вне-природного происхождения, и поэтому человек должен стремиться к возвышению над всем, что связано с естественной природой, как в своей собственной субъективности, так и в сфере своего бытия. Такое отношение к природе можно квалифицировать как редукционистское.

– *В эпоху Возрождения* в Европе вследствие обращения к культурному наследию античности, природа воспринималась вместилищем Божественной красоты, источником вдохновения, объектом познания. Такая пантеистическая позиция ориентировала человека на исследование природы, что инициировало становление естественнонаучного знания. При этом гуманистическая мысль Возрождения утверждала первенство человека в мире, безграничность его творческих, преобразующих возможностей. Такое активистское мировоззрение побудило человека не только к познанию природы, но и к эксплуатационному ее преобразованию, что стало отправным началом формирования культуры нового – инновационного типа и становления индустриальной цивилизации.

– *В эпоху Нового времени* в Европе активистские интенции культуры Возрождения были доведены до логического завершения, итогом чего стало антропоцентристское мировоззрение, воплотившееся в идеологии либерализма как идейной основы ознаменовавших транзит к индустриальному обществу социальных революций. Природа стала полем активистской преобразующей субъектности человека, интенсивность, масштабы и темпы которой благодаря НТП, индустриализации, развитию рыночной экономики постоянно растут. В новоевропейской культуре было сформировано новое отношение к природе, согласно которому де-сакрализированная природа, вовлекаемая в культурно-техногенную сферу преобразующей человеческой деятельности, предстает в виде ресурсной базы, обслуживающей рост утилитарных материальных потребностей человека. Такое, связанное с антропоцентризмом отношение к природе можно определить как утилитарно-эксплуатационное, рассматривая его символом потребительства (общество потребления); оно было поставлено на научную основу, обусловив субъектно-объектную установку классической науки, при которой «познающее сознание» субъекта возвышает себя «над» природой, воспринимая ее той «подлежащей» реальностью, которая не связана с его субъективностью, и является объектом экспериментальных исследований и манипуляций. В такой мировоззренческой установке сознания была заявлена претензия человека на власть над природой, воплотившаяся в активизме культурогенного преобразования мира на инновационной основе НТП.

– *В эпоху Новейшего времени*, особенно – со 2-й половины XX века (в социальных реалиях постиндустриальной – высокотехнологичной цивилизации эпохи НТР) обозначилась оборотная сторона антропоцентристского проекта культурно-цивилизационного развития; в связи с обеспечиваемым на основе НТР и наукоемкой экономики ростом материального аспекта уровня жизни, что стимулировало потребительские ориентиры массового сознания, произошла интенсификация утилитарно-эксплуатационного отношения к природе. Научно-техническая модернизация общественного производства, осуществленная в ареале западного культурно-цивилизационного типа, стала базисом и символом социальных стандартов потребительского образа жизни (общество массового потребления), неотъемлемого от интенсивной эксплуатации ресурсов природы.

Поэтому оборотной стороной современного культурно-цивилизационного развития явился глобальный экологический кризис как средоточие глобальных проблем современности, поставивших под угрозу перспективу существования человечества, как и сферы жизни на Земле. Проникнутый мессианским духом творчески-преобразующего отношения к миру, антропоцентристский проект культурно-цивилизационного развития вывел его на уровень глобализации культурогенного влияния, в результате чего, согласно констатации российского ученого-естествоиспытателя и философа В.И. Вернадского, «человечество, взятое в целом, становится могучей геологической силой, все растущей… С этим совпало изменение (материальное, прежде всего) положения человека на нашей планете» [1, с. 241]. И эта действенная преобразующая сила планетарного масштаба системным образом влияет на эволюцию биосферы, интегрирующую природную среду, и в своем растущем влиянии определяет облик Земли.

Современная эпоха НТП/НТР, модернизации и глобализации культурно-цивилизационного процесса ставит Вопрос коэволюционного баланса, чтобы его мощный культурогенный потенциал служил не только его осуществлению, но и сохранению онтологической среды, в которой этот процесс возможен. На рубеже II-III тысячелетий четко обозначился поворотный пункт культурно-цивилизационного развития человечества, требующий коэволюционной или экологически-ориентированной парадигмы, с ее идейным обоснованием.

В настоящее время насущно необходима системная организация такого взаимодействия культуры и природы, которая соответствуя подлинным потребностям человека как личности, способствовала бы экологической оптимизации природной среды его жизнедеятельности, что предполагает поиск новых мировоззренческих ориентиров отношения человека к природе, способных гармонизировать глобальную систему связей «культура – природа».

Исходя из критерия отношения человека к природе как доминирующего фактора исторической динамики культуры, можно выстроить универсальную типологию культуры. В истории развития культуры в качестве масштабных ее этапов можно выделить три основных способа отношения человека к природе.

Первый из них характеризуется адаптационным отношением человека к природе и природоцентристской мировоззренческой установкой сознания на ее сакрализацию и мимезис – подражание ее естественному порядку. Второй отличается инициируемой антропоцентристским мировоззрением активистской (демиургической) установкой на радикальное преобразование природы с ее утилитарным использованием для целей обеспечивающего потребительские интересы человека (модернизируемой) системы общественного производства. И третий способ, имеющий свои прообразы в традиционных культурах Востока (Индии, Китая, Японии … с присущей им сакрализацией природы), выражает установку на ограничительную стратегию культурогенного миро-отношения к природе, на гармонизацию социального развития современной культуры с естественными условиями существования природы, и особенно – биосферы.

В соответствии с этими способами сознательно-деятельного отношения человека к природе, определяющими собой системную взаимосвязь культуры и природы, можно выделить следующие основные исторические типы культуры.

Первый – до-классический или до-демиургический тип культуры, с его стратегией социокультурной адаптации к наявным условиям природной среды; этот тип культуры господствовал в Европе до эпохи Возрождения (до XV в.).

Второй – классический или демиургический тип, воплотивший природо-преобразующий активизм человеческой субъектности, с антропоцентристской верой в безграничное культурогенное могущество человека; этот тип культуры исторически охватывает эпоху Возрождения, эпоху Нового и в значительной степени – Новейшего времени, удостоверяя социокультурную ситуацию современности, связанную с влиянием западного культурно-цивилизационного типа, проявляющегося в научно-технической модернизации общественного производства и общества в целом, глобализации техногенного влияния на природу и в глобальном экологическом кризисе как важнейших факторах, влияющих на современные социокультурные реалии в планетарном масштабе.

Примерно с последней трети XX века наметился активный поиск, связанный с выработкой и утверждением экологически-ориентированной – коэволюционной парадигмы культуры, который

воплощается в деятельности ряда международных общественных движений, организаций природоохранной направленности, в инициативах различных социальных субъектов… Этот потребный и перспективный тип культуры можно назвать пост-классическим или пост-демиургическим. Он призван гармонизировать и стабилизировать глобальную систему взаимосвязей «культура – природа», и вывести тем самым культурно-исторический процесс на качественно новый уровень его вершения.

В общем мировоззренческом плане эта коэволюционная стратегия развития культуры предполагает «переоценку» приоритетов человеческой жизне-деятельности, трансформацию системы человеческих потребностей с актуализацией потребностей духовно-личностного роста. В свете этого типа культуры ориентиры человеческой жизнедеятельности должны соотноситься с онтологическим значением природы, с тем, чтобы преобразовывая природу, человек утверждал ее как биосферу, способствуя ее развитию, а не деградации.

Отсюда высший ценностно-мировоззренческий приоритет культуры – жизнеутверждение, и высший культурный императив – любовь к жизни, являющийся критерием всех ценностей и норм, относящихся к подлинно культурным. По словам немецкого философа-гуманиста А. Швейцера, «только миро – и жизнеутверждающее, то есть оптимистическое, мировоззрение способно побудить человека к действию во имя культуры…» [12, с. 103]. Он полагал, что «культура есть не что иное, как наиболее полное развитие воли к жизни, происходящее вследствие всех доступных человеку и человечеству видов прогресса воли к жизни, которая испытывает благоговение перед жизнью во всех ее проявлениях в сфере деятельности человека и которая стремится к совершенствованию в духовности благоговения перед жизнью» [12, с. 328–329].

Эта типология культуры предполагает, что «осевым», выверяющим ход культурно-исторического процесса, ориентиром развития культуры является коэволюция (лат. со – совместность, согласованность, и evolutio – развитие, развертывание), т.е. согласованное, сопряженное развитие культуры и природы, предполагающее системную гармонизацию взаимосвязей между ними.

Понятие коэволюция – согласованная эволюция – в широком смысле означает совокупную, взаимно-адаптивную во взаимодействиях изменчивость структурных составляющих в рамках биологических систем любого уровня (от молекулярного и клеточного, – до уровня биосферы в целом). В специальном смысле коэволюция – это согласованное развитие культуры и природы, где она выступает как определяемый их системной взаимосвязью эволюционно-исторический процесс, в котором происходит их коадаптация. Понятие и идея коэволюции ставят Вопрос о единой планетарной системе взаимосвязей «культура – природа», трансцендирующей оппозицию «человек vs природа».

Коэволюция культуры и природы может рассматриваться парадигмой и стратегией глобализирующегося на креативной основе НТП/НТР развития культуры в ее экологически ориентированной направленности; современная глобализация, которая отчетливо проявилась со 2-й половины XX века, – это необратимый процесс формирования социально-интегрированного мира.

Коэволюционное развитие связано с экологической стабильностью. Российский физик, философ Н.Н. Моисеев отмечал, что коэволюция означает такое поведение, которое имеет своим результатом не деградацию биосферы, а ее развитие, т.е. усложнение самой системы за счет роста числа ее элементов, развития связей, и разнообразия существования живого вещества организационных форм [8, с. 79]. И это – экологическое поведение, которое выражает соответствующее – экологически ориентированное мироотношение.

Сам термин коэволюция был введен в обиход американскими учеными – экологами П. Эрлихом и П. Рейвеном в 1964 году. Концептуальную трактовку этому термину придал российский биолог Н.В. Тимофеев-Ресовский, который использовал его для дескрипции совместной эволюции совместно обитающих биологических видов взаимно адаптирующихся друг к другу, и к среде. Именно Н.Н. Моисеев придал понятию коэволюции социальную значимость. Моисеев рассматривал концепт «коэволюция человека и биосферы» как такое взаимоотношение Природы и Общества, которое допускает их совместное развитие, а не просто совместное существование, сосуществование [8, с. 76].

Будучи последователем В.И. Вернадского, Н.Н. Моисеев использовал его идеи о ноосфере для концепции коэволюции как рациональной стратегии социо-природного развития, при котором динамика развития цивилизации и природы должна быть согласована, взаимно адаптирована, чтобы обеспечить взаимную поддержку систем. Это стратегия экологической оптимизации. Ее ключевая идея в том, что в своей субъектности современное человечество должно не только преобразовывать природу, но и приспосабливаться к ней, адаптируя свои потребности и интересы, мировоззрение и практическую деятельность, образ жизни к экологическим условиям существования природы.

Системная взаимосвязь культуры и природы, обладающая эволюционно-исторической динамикой прошла ряд этапов или стадий развертывания, – от архаически адаптационной – до модернизационной и глобализационной, в плане глобального культурогенного освоения природы. Человечество в своем развитии прошло некий мегацикл своей истории, приведший к глобализации культурно-цивилизационного процесса и культурогенного влияния на природу на основе социально-модернизирующих инновационных возможностей НТП. Сама проблематика глобально масштабного коэволюционного взаимодействия культуры, цивилизации и природы, биосферы с позиции рациональной человеческой субъектности и ее прогрессирующих возможностей, особенно – в научном и технологическом взаимосвязанных направлениях (НТП и НТР) рассматривается в ноосферологическом направлении современной философии. Оно представлено, прежде всего, в работах В.И. Вернадского и Н.Н. Моисеева.

В ходе своей истории как культурно-исторического или культурно-цивилизационного процесса человечество выявило планетарный характер своих демиургических культурогенных возможностей. Современная цивилизация эпохи НТР удостоверяет собой преобразующую креативную силу планетарного масштаба с потенциально безграничными возможностями влияния. Достижение онтологически устойчивого социального развития современной цивилизации – это насущная глобальная проблема. Она показывает, что социальное развитие не может осуществляться за счет деградации своих онтологических оснований.

При этом оптимальный – коэволюционный баланс развития цивилизации и природы должен быть обретен через культуру, ее экологизацию. В плане культурогенного развития, коэволюция – это коадаптация культуры и природы в их гармонизируемом взаимодействии, имеющем экологический характер.

Это ставит Вопрос об экологии самой культуры. Так, российский филолог и культуролог Д.С. Лихачев ввел в научный обиход концептуальное понятие экология культуры, расширив понятие экология, придав культурологическое ему значение. Согласно утверждению Лихачева, «… экология … состоит из двух частей: части охранения природы и части охранения культуры. Последняя тем более важна, что она касается самой сущности человека. Человек есть часть природы, но он есть и часть созданной тысячелетиями культуры» [6, с. 98]. По его убеждению, «*человек – носитель самосознания Вселенной*… Отсутствие в природе духовного человека, представляющего как бы «самосознание вселенной», лишает смысла существования не только человека, но и все сущее, все мироздание…» [6, с. 98]. В этом суть идеи экологии культуры. Культура призвана привносить смысл не только в человеческое, но и в природное бытие. Она призвана гармонизировать взаимосвязь человеческого и природного бытия.

Эволюционно-историческая взаимосвязь культуры и природы выводит на неотъемлемую от коэволюции проблему экологизации культуры, ее экологии. Экологизация культуры – это процесс ее экологической трансформации, при котором системная целостность культуры с ее структурными элементами ориентируются на экологические приоритеты, с ценностно-мировоззренческим их обоснованием в контексте культурной картины мира. Экология культуры – это системная экологическая активация и актуализация структурного строения, функционирования культуры в ее коэволюционно ориентированном на гармонизацию взаимосвязей с природной средой устойчивом развитии. Исходя из коэволюционной целенаправленности своего развития, культура раскрывает, адаптирует к нему творческий потенциал своих (культурогенных) функций, формирующих миро-системное образование: «человек – культура – природа».

Манифестальный пример экологии культуры являет экологический императив, предполагающий коэволюционную модальность человеческого отношения к природе в ментальном и праксеологическом плане. Это ключевой принцип человеческой субъектности для экологии культуры. Сам термин был впервые введен Н.Н. Моисеевым в конце 1980-х гг. Так, Моисеев отмечал, что с термином «коэволюция» корреспондирует термин «экологический императив», обозначающий «… ту границу допустимой активности человека, которую он не имеет права преступать ни при каких обстоятельствах» [8, с. 79]. Согласно с этим, коэволюция предполагает экологический порог как меру допустимых культурогенных или техногенных преобразующих воздействий на природу, при нарушении которой может произойти необратимая деградация биосферы.

В мировоззренческом плане экологический императив ориентирует на переход от акцентирующего представление о господствую-

щем положении человека и его прав в мире антропоцентризма (представляющего человека единственным объектом нравственных обязательств) – к антропокосмизму, акцентирующему представление о гармоническом единстве мира – Вселенной и человечества как его эволюционной составляющей, пассионарная субъектность которой обретает космо-планетарный масштаб миро-осваивающего влияния. Человек и Природа представляются антропокосмизмом как взаимосвязанная миро-целостность, и как коррелятивные объекты нравственных обязательств. В духе идей русского космизма, антропокосмизм предполагает переосмысление места и роли человека в космосе, его демиургических возможностей, и его призвания. В нем отчетливо проявляется обозначенная античной культурой гармоническая соразмерность Человека и Природы в ее космической масштабности. Сам термин антропокосмизм ввел в обиход ученик В.И. Вернадского – украинский ученый-биолог, академик Н.Г. Холодный, в 1947 г.

Как понятие, экологический императив имеет экологическое, и вместе с тем – этическое значение, согласно которому человек должен экстраполировать нравственность на свое отношение к природе, экзистенциально воспринимая природу, мир ее явлений в качестве партнера – равноправного участника взаимодействия к которому применимо «золотое правило нравственности», – относись к другому так же, как ты хотел бы, чтобы относились к тебе. В общем, нравственное отношение к природе как носительнице актуальных ценностей, т.е. экологическая этика, – это важнейшая составляющая экологии культуры. Немецкий философ В. Хесле в работе «Философия и экология» [11] проводит идею экстраполяции нравственности, например, этического учения И. Канта, сфокусированного на человеке и его отношении к человеку, на отношение к природе. Как полагает Хесле, природа также является объектом нравственных обязанностей человека, она является носителем ценностей, которые нельзя разрушать, и потому нравственная сфера должна включать в себя природу [11].

Нравственность должна обладать экологической значимостью, она не может оставаться только межчеловеческой. И экологический императив – не просто восходящий к античности принцип «не навреди» (лат. non nocere), а более фундаментальная и системная нравственно-экологическая норма, которая постулирует экологически ответственное мироотношение человека, призванное не только сохранять стабильность природной среды его бытия в культуре, но оптимизировать взаимодействие культуры и природы с позиции коэволюции.

В формате экологии культуры экологический императив предполагает коэволюционную этику экологической ответственности, и является таковой. Очевидно, что в эпоху глобализации в своей упрочивающейся демиургической субъектности человечество должно принять на себя ответственность за состояние природной среды, современного мира в целом. Человечество должно научиться не только генерировать потенциал масштабных преобразований, но и управлять им, направляя на цели онтологической – экологической оптимизации глобальной сферы или среды своего культурогенного утверждения в мире.

Исходя из беспрецедентных реалий современной эпохи глобализации культурно-цивилизационного процесса, его перспектив, немецко-американский философ Х. Йонас разработал свой проект этики ответственности в такой, обращенной к личности перспективистской императивной формулировке, совмещающей экологическую и культурно-этическую компоненту: «действуй так, чтобы последствия твоего действия были совместимы с продолжением подлинно человеческой жизни на Земле» [3, с. 58]; а также «действуй так, чтобы последствия твоей деятельности не были разрушительны для будущей возможности такой жизни» [3, с. 58]. Это – предполагающая социальные изменения этика экологической заботы о будущих поколениях, адресат которой – не просто индивид, а именно социально активная личность, поскольку, согласно замыслу Йонаса, императив ответственности обращен к общественной деятельности в гораздо большей степени, чем к частному поведению [3, с. 60].

Экологический императив – это имеющая нравственный характер этика ответственности. Как таковой он призван стать ключевым – универсальным принципом культурогенного человеческого мироотношения и субъектности, и обеспечить синергию коэволюционного взаимодействия культуры и природы, выводящую культурно-исторический процесс на качественно новый уровень вершения. В этом залог будущего человечества и глобально осваиваемого им мира. Согласно Н.Н. Моисееву, «экологический императив – новая особенность современного мира, и Человеку еще предстоит ее осознать!» [9, с. 224].

Как универсальный нормативный регламент человеческой деятельности, экологический императив предстает моделирующим началом экологизации культуры с позиции человеческой субъектности, и ключевым культурным кодом для экологической модальности культуры. Он не просто имплантируется в культуру, но становится ее смысловой, мировоззренческой доминантой, определяющей не только способ освоения природы в ходе развития культуры, но и способ ее организации и функционирования. Экологический императив призван стать способом человеческого бытия в культуре, что в свою очередь предполагает должную систему экологического воспитания и образования.

Соответственно, коэволюция – это стратегия онтологически устойчивого развития культуры, которое не нарушает экологической стабильности природы, и вместе с тем сохраняет свой творческий потенциал и динамику в рамках определенной системы экологических реалий и регламентаций в приоритетной ориентации на коадаптацию с природной средой в ее эволюционном развитии.

Принцип коэволюции, предполагающий экологический императив, и экологию культуры в целом, может быть сформулирован так: культурогенное влияние на природу должно соответствовать ее адаптационным возможностям, и оптимизировать их в системном взаимодействии с природой в конкретных условиях. В логике коэволюции, «культура есть природное продолженное и преобразованное человеческой деятельностью. И только в этом смысле о культурном можно говорить как о надприродном явлении … Человек со своей культурой является частью экосистемы, поэтому культура должна быть частью общей с природой системы … Культура не может быть над природой» [4, с. 94].

В логике и насущной перспективе онтологической стабилизации системы взаимосвязей «культура – природа», ее устойчивого развития, глобализация должна быть ориентирована на экологически фундированную коадаптацию культуры и природной среды, т.е. коэволюцию. «Экологическое равновесие, охрана природы, экологически чистые технологии – все это важнейшие аспекты современного состояния проблемы «культура и природа». Разумное осмысление и построение природного и культурного стало особенно важным в наши дни, когда … звучат предупреждения о грозящей миру … экологической катастрофе … Нахождение гармонии между природой и культурой станет … основной глобальной задачей человечества в третьем тысячелетии» [4, с. 93].

Идея коэволюции указывает на то, что культура не является флуктуацией в глобальном эволюционно-историческом процессе. Более того, благодаря культурно-историческому процессу эволюция природы как биосферы обретает направленный характер. Коэволюцию можно рассматривать универсальным архетипическим проектом культурно-исторического развития человечества, раскрывающим свое содержание в истории. Потребна такая трансформация ценностно-мировоззренческих приоритетов современного человека, которая актуализировала бы коэволюционную модальность культурно-исторического процесса. «Состояние и развитие коэволюционной системы «культура – общество – природа» определяется (особенно – в условиях глобализации модернизированной культурогенной деятельности человека) состоянием и развитием культуры, неотъемлемым от ценностных ориентиров и личностных качеств человека (как прямого культурогенного субъекта)» [10, с. 453].

В общем, возникновение и прогрессирующее развитие культуры предполагает ее коэволюционное единство с природой, которое имеет онтологический характер. Это требует должного понимания и учета природных (эволюционных) факторов в существовании, организации, функционировании и развитии культуры, признание их непреходящей значимости для нее и человека. Культура не просто позиционирована в природе, – она не может быть отмежевана от природной среды как своей онтологической основы. Российские философы Ю. Жданов и В. Давидович отмечали, что «человек и его культура несут в себе природу матери-земли. Культурное есть природное, продолженное и преобразованное человеческой деятельностью. И только в этом смысле о культурном можно говорить как о надприродном явлении» [2, с. 293].

Диалектика отношения – взаимосвязи культуры и природы заключается в том, что культура существует не только вопреки природе, но и благодаря ей. Признание и понимание обоих этих составляющих механизма диалектической этой взаимосвязи необходимо для сохранения, развития и утверждения культурогенного человеческого бытия. Как раз в перспективе онтологической стабилизации современного глобализирующегося мира концепция коэволюции призвана стать стратегией (экологически и социально устойчивого) развития культуры, и всей планетарной системы связей «человек – культура – природа».

Коэволюцию можно понимать универсальной тенденцией культурно-исторического процесса, его диалектического развертывания по стадиям: адаптации, интенсифицированного активистского природо-преобразования, и коэволюционной коадаптации. Это – общая тенденция исторической динамики развертывания культурогенн-

ной системы взаимосвязей «человек – культура – природа», которая должна иметь онтологически устойчивый характер.

Нормативно ориентирующая на коадаптацию культуры и цивилизации с природной средой, коэволюция – это стратегия онтологической оптимизации, и это путь в будущее. Ценностно-мировоззренческой доминантой коэволюции, придающей ей смысло-значимую завершенность должен быть акцентирующий абсолютную ценность жизни, и представляющий собой миссионерскую этику жизнеутверждения биоцентризм, в швейцеровском его понимании, например. В общем, как полагал А. Швейцер, «сущность культуры заключается в том, что благоговение перед жизнью, овладевающее нашей волей к жизни, все больше проникает в сознание отдельных людей и всего человечества» [12, с. 328]. И это культурное миссионерство, представленное коэволюцией Культуры и Природы как универсальным механизмом экологической и нравственно-духовной оптимизации планетарного феномена жизни, воплощаемого биосферой Земли.

Выводы

Современное культурное миссионерство – это формирование коэволюционной культурной парадигмы с приоритетом системной коадаптации Культуры и Природы в динамике гармонического взаимодействия. Эта коэволюционная культурная парадигма представляет собой универсальный способ онтологически ориентированного на экологическую стабильность биосферы как стратегический приоритет и детектор состоятельности социокультурного развития, с биоцентристским ценностно-мировоззренческим его обоснованием. Эта парадигма удостоверяет собой тот онтологически устойчивый путь развития культуры и цивилизации, на котором системное взаимодействие Человека и Природы призвано обрести подлинную – гармоническую, жизнеутверждающую оптимальность вершения. И на этом пути утверждения коэволюционной парадигмы и стратегии, совмещающем традиционность и новаторство в поступательном развитии культуры, потенциал ее конструктивных возможностей должен раскрыться универсальным образом.

Коэволюция должна пониматься в биоцентристском значении и мировоззренческом фокусе, – как аналог культурогенного жизнеутверждения. В этой смысло-значимости она удостоверяет диалектическую онто-логику культуры как глобального культурно-исторического процесса, который в своих потенциально безграничных творчески-преобразующих возможностях должен иметь онтологически соответственный биосфере Земли характер. Исторически развертывающаяся системная взаимосвязь культуры и природы неотъемлема от ее биосферной онтологической фундации, что побуждает к рассмотрению культуры в ее экологическом измерении с его биоцентристской корректурой.

Достижение обеспечиваемого коэволюцией современной культуры и природы онтологически устойчивого социального развития современного общества и цивилизации – первостепенная глобальная проблема человечества.

Литература

1. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление / В.И. Вернадский. – М.: Наука, 1991. – 271 с.
2. Жданов Ю.А., Давидович В.Е. Сущность культуры / Ю.А. Жданов, В.Е. Давидович. – Ростов н/Д: Наука-пресс, 2005. – 432 с.
3. Йонас Г. Принцип ответственности: Опыт этики для технол. цивилизации; Наука как персональный опыт / Ганс Йонас; пер. И.И. Маханькова. – Москва: Айрис-пресс, 2004 (ОАО Можайский полигр. комб.). – 479 с.: ил.
4. Каган М.С. Философия культуры / М.С. Каган. – СПб: Петрополис, 1996. – 416 с.
5. Культурология: Учебное пособие для студентов вузов / Под научн. ред. Г.В. Драча. – Ростов-н/Д: Феникс, 2006. – 576 с.
6. Лихачев Д.С. Экология культуры / Д.С. Лихачев // Русская культура: сборник / Лихачев Д.С. – М.: Искусство, 2000. – С. 91–102.
7. Межуев В.М. Идея культуры. Очерки по философии культуры / В.М. Межуев. – М.: Прогресс-Традиция, 2006. – 408 с.
8. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь Разума / Н.Н. Моисеев. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 224 с.
9. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера / Н.Н. Моисеев. – М.: Мол. гвардия, 1990. – 351 [1] с., ил.
10. Сухина И.Г. Аксиология культуры: философско-антропологические основания: монография / И.Г. Сухина. – Донецк: Донбасс, 2011. – 560 с.
11. Хесле В. Философия и экология [Электронный ресурс] / В. Хесле. – Режим доступа: http: // filosoff.org/ (дата обращения: 30.08.2026)
12. Швейцер А. Культура и этика / А. Швейцер; пер. с нем. – М.: Прогресс. – 337 с.

ON THE QUESTION OF THE SYSTEMIC RELATIONSHIP BETWEEN CULTURE AND NATURE IN PERSPECTIVE CO-EVOLUTIONARY OPTIMIZATION: THE CULTURAL-PHILOSOPHICAL ASPECT OF THE PROBLEM

Sukhina I.G.
Donetsk National University of Economics and Trade named after Mykhail Tugan-Baranovsky

The article is devoted to the problem of the co-evolutionary relationship of culture and nature in the dynamics of their systemic interaction, which is objectified in the cultural-historical – civilizational process of human development, its being in the world as a culturogenic being in culture. The historical epochs of the main cultural and historical process, confirming the progressive course of human history, are represented by large-scale culturogenic objectifications of the systemic relationship of culture and nature, determined by the worldview principles of the systemic world-relationship of man – subject to nature. As an idea, principle and promising strategy for optimizing the interaction of culture and the natural environment, biosphere, in the modern era of scientific and technological research, modernization and globalization, co-evolution is considered as a co-adaptation of the development of culture and nature, focused on environmental optimization and ontological stabilization of the dynamic system of relations «culture – nature». Coevolution is thought of as the conceptual paradigm of modern culture. The article examines the dialectical nature of the relationship between culture and nature.

Keywords: human, human being, world, ontological, worldview, subjectivity, culture, civilization, nature, biosphere, sustainable development, sustainability, co-evolution, ecology, optimization.

References

1. Vernadskij V.I. Nauchnaya mysl kak planetnoe yavlenie / V.I. Vernadskij. – M.: Nauka, 1991. – 271 s.
2. Zhdanov Yu.A., Davidovich V.E. Sushhnost kultury / Yu.A. Zhdanov, V.E. Davidovich. – Rostov n/D: Nauka-press, 2005. – 432 s.
3. Jonas G. Princip otvetstvennosti: Opyt etiki dlya texnol. civilizacii; Nauka kak personalnyj opyt / Gans Jonas; per. I.I. Maxankova. – Moskva: Ajris-press, 2004 (OAO Mozhajskij poligr. komb.). – 479 s.: il.
4. Kagan M.S. Filosofiya kultury / M.S. Kagan. – SPb: Petropolis, 1996. – 416 s.
5. Kulturologiya: Uchebnoe posobie dlya studentov vuzov / Pod nauchn. red. G.V. Dracha. – Rostov-n/D: Feniks, 2006. – 576 s.
6. Lixachev D.S. Ekologiya kultury / D.S. Lixachev // Russkaya kultura: sbornik / Lixachev D.S. – M.: Iskusstvo, 2000. – S. 91–102.
7. Mezhuev V.M. Ideya kultury. Ocherki po filosofii kultury / V.M. Mezhuev. – M.: Progress-Tradiciya, 2006. – 408 s.
8. Moiseev N.N. Sudba civilizacii. Put Razuma / N.N. Moiseev. – M.: Yazy`ki russkoj kultury, 2000. – 224 s.
9. Moiseev H.H. Chelovek i noosfera / N.N. Moiseev. – M.: Mol. gvardiya, 1990. – 351 [1] s., il.
10. Sukhina I.G. Aksiologiya kultury: filosofsko-antropologicheskie osnovaniya: monografiya / I.G. Sukhina. – Doneczk: Donbass, 2011. – 560 s.
11. Xesle V. Filosofiya i ekologiya [Elektronnyj resurs] / V. Xesle. – Rezhim dostupa: http: // filosoff.org/ (Data obrashheniya: 30.08.2026)
12. Shvejcer A. Kultura i etika / A. Shvejcer; per. s nem. – M.: Progress. – 337 s.

Фэнтези-сериалы как фактор развития ценностей и социальной идентичности аудитории

Третьякова Анастасия Андреевна,
аспирант кафедры социологии культуры и коммуникаций,
Санкт-Петербургский государственный университет
E-mail: nastua_tret@mail.ru

В статье анализируется влияние современных фэнтези-сериалов на формирование ценностных ориентаций и социальной идентичности аудитории. Представлены результаты эмпирического исследования (n=500), раскрывающие возрастную динамику зрительского восприятия, иерархию интернализируемых ценностей и специфику вовлеченности в фан-сообщества. Особое внимание уделяется синтезу классических теорий социологии кино (Т. Адорно, М. Хоркхаймер, В. Беньямин) с актуальными концепциями культурной памяти и смыслопроизводства аудиторией. Обосновывается, что фэнтези-сериал выступает агентом неформальной социализации, где архетипические конструкты дружбы, личностного роста и морального противостояния сочетаются с эскапистской функцией и рефлексией социальных проблем. Автор выявляет нелинейный характер аксиологического воздействия жанра, подчеркивая его усиление по мере накопления зрительского опыта, и фиксируют гетерогенность современных практик аудитории жанра.

Ключевые слова: социология кино, фэнтези-сериалы, ценностные ориентации, социальная идентичность, культурная индустрия, фан-сообщества, аксиологическое воздействие, неформальная социализация, стриминговые платформы.

Современное культурное пространство достаточно активно трансформируется, и одна из явственно прослеживаемых тенденций связанна с сериализацией сферы кино. Сериалы являются не только значимым культурным феноменом, с точки зрения художественного содержания, но и с точки зрения их общей социальной значимости. Дополнительно, динамичное развитие стриминговых платформ и активная борьба за внимание и время зрителя становится фактором расширения контента, при этом не только путем регулярного создания нового контента, но и создания произведений ранее не самых популярных жанров, но и на стыке разных жанров. Интерес зрителей и конкуренция за его внимание становятся фактором повышения требований к контенту прежде всего с точки зрения его содержания. И в данном случае, неизбежно все больше расширяется потребность сетей вещания и стриминговых платформ. Одним из востребованных жанров в данном случае становится жанр фэнтези, который перестал быть нишевым жанром, и стал массово востребованным направлением в современном мире кино.

Вместе с этим усложнение содержания запросов аудитории оказывается связанным с социальным контекстом, а следовательно, ведет к усложнению социальной составляющей произведений киноискусства. И в этой связи, актуализация проблематики формирования ценностных ориентаций и социальной идентичности под воздействием продуктов массовой культуры требует обращения к фундаментальным положениям социологии кино и критической теории. Фактически, современные процессы нельзя рассматривать в отрыве от классических теорий, которые бы описывали социальный контекст кинопроизведений. При этом, нельзя не учитывать и актуальный контекст, в рамках которого формируется представление о социальных процессах, взаимосвязи культуры и общества и взаимовлияния кино и общества, а следовательно, и характер взаимовлияния кино и социума.

Фактически, современный фэнтези-сериал представляет собой синтетический культурный продукт, в котором зрелищность, мифологическая структура повествования и трансмедийность воспроизводят уникальную среду для трансляции нормативных социальных моделей. Это выгодно выделяет проекты в данном жанре среди прочих проектов. При этом, в отличие от классического кинематографа, сериальный формат обеспечивает долговременное и устойчивое погружение аудитории в вымышленный мир, что усиливает эффект эмоционального заражения и самоидентификации с персонажами. Опираясь на анализ эмпирических данных о вовлеченности зрителей в фан-сообщества, динамике их ценностных предпочтений и специфике восприятия жанровой атрибутики, настоящее исследование помещает фэнтези-сериал в контекст классических дискуссий о диалектике просвещения, технической воспроизводимости искусства, коммуникативных функциях медиа и механизмах смыслопроизводства аудиторией.

При этом, привлечение теоретического наследия классиков позволяет зафиксировать, каким образом индустриально производимые фантастические миры становятся для современного человека пространством неформальной социализации и экзистенциальной рефлексии, одновременно выполняя функции эскапизма и гражданского воображения. Также, опора на современные исследования позволяет подтвердить или опровергнуть наблюдаемые и описываемые исследователями тенденции, с учетом содержания и современных взглядов на сериалы и произведения жанра фэнтези.

Обратимся в первую очередь к классическим исследованиям, посвященным изучению кинематографа как инструмента влияния на социальные процессы и человека. В данном случае, отметим, что теоретический фундамент изучения кинематографа как инструмента идеологического воздействия был заложен Т. Адорно и М. Хоркхаймером, раскрывшими механизмы, посредством которых стандартизированная продукция культурной индустрии унифицирует вкусы и блокирует критическое суждение [1]. В свою очередь В. Беньямин, напротив, подчеркнул двойственность технического воспроизведения: вместе с утратой уникальности произведения приходит возможность политизации искусства и расширения зрительского восприятия [3]. Продолжая обсуждение взглядов классиков на социальное значение кино, можно отметить, что М. Маклюэн перенес внимание исследователей на сам канал передачи информации, утверждая, что именно формат медиа, а не его содержание, определяет характер вовлеченности аудитории

[11]. Классики социальной мысли, таким образом, показывают противоречивую природу взаимоотношений кино и зрителя, что как идея продолжает развиваться в дискуссии исследователей, но с переходом от общих направлений к более конкретным проблематикам.

Так, например, заметный сдвиг к изучению зрительских практик совершил Дж. Фиске, представивший аудиторию не пассивным получателем, а создателем собственных смыслов, свободно перемещающимся внутри медиатекста. Что важно в рамках заявленной проблематики, подобный взгляд позволяет рассматривать фэнтези-сериал как пространство, где зрители активно конструируют интерпретации [18]. В свою очередь М.Б. Ямпольский, разрабатывая идею интертекстуальности в кино, показал, как экранное повествование порождает широкий круг культурных ассоциаций и тем самым становится источником социальных смыслов и ориентиров для идентификации [17]. Завершает ряд общих взглядов на социальную значимость произведений рассматриваемого жанра Я. Ассман с концепцией культурной памяти, позволяющей трактовать повторяющиеся сюжеты фэнтези – борьбу добра и зла, избранность героя – как современный механизм поддержания коллективных представлений и нравственных установок, объединяющих зрительскую общность [2].

В свою очередь, дополнительно подчеркивает культурную и социальную значимость жанра А.Е. Сошников, указывая, что фэнтези является значимым жанром в современной системе культуры [16]. Вместе с этим, нельзя не отметить, что современная изученность проблем социологии кино, тесно переплетающаяся с культурологическими исследованиями, испытывает явный недостаток разработанности проблемы с учетом количественных показателей. И несмотря на то, что описанные выше теоретические выкладки исследователей образуют междисциплинарную основу, позволяющую эмпирически изучать влияние фэнтези-сериалов на ценности и социальную идентичность аудитории, и более того, составляют основу взглядов на социологию кино, существует и значимый недостаток исследований, которые бы фиксировали значение произведений в целом, и сериалов жанра фэнтези на развитие ценностей и социальной идентичности аудитории. В первую очередь явственно ощущается недостаток количественных исследований.

Цель исследования – выявить специфику влияния современных фэнтези-сериалов на формирование ценностных ориентаций и социальной идентичности аудитории.

Задачи исследования.

1. Проанализировать классические и современные теоретические подходы к изучению кинематографа как инструмента социального влияния и их применимость к жанру фэнтези.

2. Эмпирически установить иерархию ценностей, интернализируемых зрителями, и факторы привлекательности жанра.

3. Выявить возрастную и гендерную динамику субъективно ощущаемого влияния фэнтези-сериалов на ценности респондентов.

4. Охарактеризовать формы вовлеченности аудитории в фан-сообщества и их роль в формировании социальной идентичности.

5. Сопоставить полученные данные с положениями классических теорий для верификации механизмов аксиологического воздействия жанра.

Исследование опиралось на комплекс теоретических и эмпирических методов. Теоретико-методологическую основу составил анализ классических трудов по социологии кино и критической теории: концепция культурной индустрии Т. Адорно и М. Хоркхаймера, положение В. Беньямина о технической воспроизводимости искусства, теория М. Маклюэна о влиянии формата медиа, концепция активной аудитории Дж. Фиске, теория интертекстуальности в кино М.Б. Ямпольского и концепция культурной памяти Я. Ассмана. Данные теоретические положения использовались для интерпретации эмпирических результатов и обоснования многоуровневого механизма аксиологического воздействия фэнтези-сериалов. Эмпирическая часть исследования реализована методом опроса (n=500) среди респондентов в возрасте от 16 до 40 лет, знакомых с сериалами жанра фэнтези. Выборка сегментирована на пять возрастных групп; при анализе учитывалась гендерная принадлежность.

Обработка данных проводилась методами дескриптивной статистики. Так, вычислялись средние баллы и процентные распределения по выборке в целом и в разрезе возрастных и гендерных подгрупп. Сопоставление полученных результатов с положениями классических и современных исследований позволило эмпирически подкрепить теоретические положения о двойственности фэнтези-сериала как культурного продукта, уточнить инкультурационную функцию жанра, а также зафиксировать нелинейную возрастную динамику восприятия ценностного содержания и гетерогенность фан-практик.

Компенсируя выделенную проблему, мы можем описать результаты авторского исследования, проведенного среди зрителей сериала жанров фэнтези, на предмет определения специфики социально-культурной значимости сериалов жанра фэнтези. Участниками исследования стали 500 респондентов (n=500) в возрасте от 16 до 40 лет, знакомых в значительной степени с сериалами жанра фэнтези. Подобная выборка обусловлена не только полученными в ходе исследования результатами, но и тем, что среди поклонников сериалов жанра немного лиц более старших возрастных категорий. Для решения задач, связанных с исследованием специфики влияния сериалов жанра фэнтези на развитие ценностей и социальной идентичности были отобраны ответы на вопросы раскрывающие сущностные характеристики проблемы. Опишем далее полученные в ходе проведенного исследования результаты более детально.

Так, анализируя полученные в ходе исследования данные, можно выделить несколько значимых факторов, которые позволяют рассматривать сериала жанра фэнтези в качестве фактора формирования ценностей и социальной идентичности аудитории. В целом, следует отметить, что базовым индикатором рефлексируемого аксиологического эффекта, согласно полученным результатам, выступает степень согласия с утверждением о влиянии просмотра фэнтези-сериалов на личные взгляды или ценности. Обобщенный средний балл по всей выборке составил 3,60, что, не достигая даже середины измеряемого результата (оценка проводилась по шкале от 0 до 10 баллов), тем не менее свидетельствует о присутствии у заметной части опрошенных респондентов осознания определенных мировоззренческих сдвигов, ассоциированных с потребляемым контентом (сериалов жанра фэнтези).

Максимальное значение полученные в рамках исследования зафиксировано в группе 21–25 лет (3,73), в то время как у наиболее молодых респондентов 16–20 лет оно равно 3,68, а в старших группах колеблется в диапазоне 3,51–3,55. Подобная нелинейная динамика, и относительная устойчивость показателей указывает на то, что пик субъективно ощущаемой восприимчивости приходится на период ранней взрослости, когда процесс формирования личной системы ценностей еще не завершен, а критическая дистанция по отношению к контенту выражена слабее. При этом, внутри возрастных групп гендерные различия носят разнонаправленный характер. Так, если в группе 16–20 лет женщины отмечают более сильное влияние (3,76 против 3,61 у мужчин), то в 21–25 лет лидируют мужчины (3,88 против 3,57), в 26–30 лет также мужчины (3,65 против 3,37), в 31–35 лет вновь женщины (3,56 против 3,48), а в 36–40 лет женская подгруппа опережает мужскую (3,71 против 3,40). Таким образом, ни один пол не демонстрирует устойчивого превосходства в декларируемой подверженности ценностному воздействию, что говорит о ситуативной природе выявленных различий.

Обращаясь к формам вовлеченности в фанатские сообщества, следует отметить, что значительная часть опрошенных занимает пассивную позицию, не участвуя в фан-сообществах и ограничиваясь самостоятельным просмотром. С возрастом эта доля возрастает, что объясняется накоплением зрительского опыта и сокращением времени на социальное взаимодействие. Чтение статей, обзоров и фанатских теорий остается устойчиво востребованным независимо от этапа жизненного цикла. Обсуждение серий и теорий с друзьями или в интернете носит волнообразный характер, отражая чередование интенсивной коммуникации и индивидуального осмысления контента.

Периферийные формы активности – коллекционирование, посещение мероприятий, создание фан-контента – выражены слабее. Коллекционирование наиболее заметно в младшей группе, тогда как посещение фестивалей относительно стабильно. Создание контента – наиболее изменчивая практика; она не закреплена за какой-либо гендерной или возрастной группой, а ситуативно актуализируется в разных сегментах, выполняя роль маркера субкультурной идентичности. Среди женщин креативная активность как распространенная практика все же преобладает.

Гендерные различия в коммуникативных и когнитивных практиках неоднородны. В младшем возрасте женщины чаще читают фанатские материалы, но реже участвуют в обсуждениях; в дальнейшем ситуация неоднократно меняется, и в старших когортах женщины начинают превосходить мужчин по чтению и обсуждению. Это позволяет предположить, что вовлеченность обусловлена не столько гендером, сколько возрастно-специфическими социальными ролями и жизненными контекстами.

Ценностное воздействие фэнтези-сериалов опирается на убежденность аудитории в их способности отражать реальные социальные проблемы и нести глубокий смысл. Данные показатели растут по мере взросления, достигая пика в зрелых группах. Зрелый социальный опыт способствует более рельефному проецированию фантастических коллизий на реальные общественные процессы, усиливая потенциал жанра как инструмента неформальной социализации.

В иерархии ценностей жанра лидируют дружба и преданность, личностный рост героя, борьба добра со злом. Далее следуют власть и ответственность, свобода и справедливость, связанные с социально-политической проблематикой. Любовь и самопожертвование, идея предназначения образуют срединный слой. Наименее выражена ценность семьи и родственных связей, что соответствует жанровой традиции. С возрастом значимость почти всех категорий усиливается, что говорит о кумулятивной интернализации аксиологических моделей.

Среди факторов привлекательности жанра лидируют магия и фантастические существа, затем – трансформация персонажей, приключения, визуальная красота и проработанный вымышленный мир. Содержательно-смысловые факторы – глубокий смысл, аллегории, борьба за власть – оцениваются ниже, но превышают нейтральный уровень. Возрастной профиль показывает сдвиг от внешней зрелищности к более глубокому смыслу и мифологии; зрелые зрители предъявляют наиболее высокие требования и к развлекательным, и к мировоззренческим аспектам. Общая симпатия к жанру немонотонна: юношеская увлеченность и симпатия зрелого возраста смыкаются, разделяясь периодом охлаждения в фазе активной профессиональной и семейной самореализации. Признание формульности жанра не снижает его привлекательности для старших групп, где ценность сосредоточена не в новизне фабулы, а в глубине проработки знакомых аксиологических конфликтов.

Обобщая полученные о специфике вовлеченности в фан-сообщества, ценностных приоритетах и факторах привлекательности, можно реконструировать комплексный механизм, посредством которого фэнтези-сериалы участвуют в формировании идентичности. В юности преобладает прямое, эмоционально окрашенное усвоение моральных ценностей и моделей поведения, поддерживаемое активным обсуждением в среде сверстников и обращением к фанатским теориям. В зрелые годы, напротив, на первый план выходят мифологическая глубина и символическая насыщенность, а фан-идентичность поддерживается не столько через вербальные интеракции, сколько через коллекционирование, креативные практики и ритуализованное потребление.

Высокие баллы магии и трансформации в сочетании с доминированием в ценностном ядре дружбы, личностного роста и моральной борьбы указывают на то, что зритель, погружаясь в фантастический мир, не просто ищет развлечения или эскапизма, но и усваивает модели солидарности, развития и этического выбора, которые впоследствии могут быть актуализированы в повседневных социальных практиках опрошенных респондентов. Именно данная способность жанра одновременно служить пространством для бегства от реальности и ресурсом для экзистенциальной рефлексии обеспечивает ему устойчивое положение в качестве агента неформальной социализации, чье влияние на ценности и социальную идентичность реализуется на пересечении текстуальных смыслов, коллективных интерпретаций и индивидуального социального опыта респондентов

Сопоставляя полученные данные с актуальным представлением о специфике влияния сериалов жанра фэнтези на процесс формирования ценностей и социальной идентичности аудитории, можно выделить несколько интересных факторов. В первую очередь стоит отметить, что выявленная ведущая роль таких факторов привлекательности, как наличие магии и фантастических существ, а также проработанного вымышленного мира, согласуется с общепризнанной жанровой характеристикой в целом фэнтези. Более того, выявленные значимые факторы отнесения к жанрам, согласуются с жанровой характеристикой сформулированной Р.В. Епанчинцевым и А.А. Фроловой [7, с. 24], и более того, полученный результат подтверждает результаты рассуждения В.М. Малыхиной об особой значимости визуального ряда и фантастического элемента-нарратива в кинематографических воплощениях жанра [12, с. 328].

С точки зрения иных значимых параметров, можно отметить, что доминирование в ценностном ядре аудитории дружбы и преданности, личностного роста героя и борьбы добра со злом эмпирически подтверждает представления А.В. Плисовой и К.А. Коваленко о воспитательном потенциале подросткового фэнтези, где образы главных героев выполняют функцию нравственных ориентиров, что особенно актуально для представителей младших возрастных групп [14, с. 131], [10, с. 93]. При этом обнаруженная U-образная возрастная динамика симпатии к жанру и параллельный рост запроса на глубокий смысл и аллегории у зрелой аудитории уточняют тезис А.В. Деминой о пересечении элитарной и массовой культур [6, с. 182]. Но в данном случае можно предположить, что фэнтези способно актуализировать «элитарные» смыслы не для всей аудитории (что особенно важно с учетом фактора сосредоточения на фанатах жанра в рамках исследования), а преимущественно по мере накопления рефлексивного опыта.

При этом, широкое обращение респондентов к чтению фанатских теорий и обсуждению контента, а также заметная доля коллекционирующих атрибутику соотносятся с наблюдениями И.А. Васютиной о синергии экранного искусства и индустрии моды, подтверждая, что влияние фэнтези выходит за рамки экрана и в некоторой степени формирует повседневные потребительские практики [4, с. 180]. В это же время, идея Л.В. Олейник о художественной литературе как факторе инкультурации находит частичное подтверждение в полученной и обозначенной иерархии ценностей, однако существенное уточнение состоит в том, что фэнтези-сериалы транслируют не столько семейно-родственные и национально-специфические ценности, сколько универсальные архетипические конструкты – дружбу, личностный рост и этическое противостояние [13, с. 137]. Подобный результат не опровергает инкультурационную функцию как таковую, но демонстрирует ее преимущественную реализацию через модели избранного товарищества и индивидуальной ответственности, а не через родство в его широком контексте.

Следует также отметить, что трактовка телесериала как социального проекта, предложенная Л.С. Кисловой и М.А. Ветошкиной, получает многомерное эмпирическое подкрепление [9, с. 102]. Зафиксированные высокие доли респондентов, выделяющих дружбу, борьбу добра со злом, власть и ответственность, подтверждают, что фэнтези-сериалы оперируют консервативными нравственными установками и четкой моральной поляризацией, создавая насыщенную событиями реальность, способную вызывать катарсис. Вместе с тем тезис С.В. Гусаровой и М.А. Коноплева о компенсаторной функции жанра подтверждается высокой значимостью фактора «возможность отвлечься от реальности» (7,30), который, как видно из возрастной динамики, у старших групп сосуществует с запросом на мифологическую глубину и символическую насыщенность [5, с. 136].

Убежденность аудитории в способности фэнтези отражать реальные социальные проблемы (средний балл 3,29) коррелирует с анализом А.Ю. Калугина, демонстрирующим, как через фантастические нарративы транслируются идеи антипрогрессизма и критического отношения к современности [8]. Вместе с этим, сопоставляя с наработками А.А. Соколянского показывает, что культурная адаптация фэнтезийных сюжетов нередко сопровождается искажением историко-культурного контекста [15, с. 161]. Полученные данные не опровергают это наблюдение, но свидетельствуют о том, что зрители склонны проецировать на фэнтези-контент обобщенные социальные смыслы, независимо от его фактологической точности. И в целом, проведенный анализ демонстрирует, что фэнтези-сериалы реализуют многоуровневый механизм аксиологического воздействия, который, будучи описанным в теоретических работах, приобретает конкретные возрастные, ценностные и поведенческие очертания именно в эмпирической проекции.

А с учетом всего сказанного выше, можно говорить о том, что проведенное исследование позволяет заключить, что фэнтези-сериалы выступают действенным агентом неформальной социализации и ресоциализации, чье аксиологическое влияние реализуется через взаимодействие жанровой специфики, зрительских практик и возрастных особенностей аудитории. Примечательно, что данный вывод подтверждает волнообразная динамика, которая была обнаружена по многим параметрам исследования.

В это же время эмпирически установлено, что ценностное ядро, интернализируемое зрителями, образуют универсальные архетипические конструкты – дружба и преданность, личностный рост героя, этическое противостояние добра и зла. Значимость данных универсальных категорий последовательно возрастает по мере взросления респондентов, что свидетельствует о кумулятивном характере аксиологического эффекта во влияние жанра на личность. Зафиксированная U-образная возрастная динамика симпатии к жанру при параллельном росте запроса на мифологическую глубину и символическую насыщенность у зрелой аудитории подтверждает, что фэнтези актуализирует мировоззренческие смыслы по мере накопления рефлексивного опыта.

Примечательно, что анализ фан-практик выявил их принципиальную гетерогенность. Фактически аудитория распределяется между пассивным просмотром, когнитивной вовлеченностью (чтение теорий и обзоров), коммуникативной активностью (обсуждение контента) и периферийными формами участия (коллекционирование, посещение мероприятий, создание оригинального контента). Устойчивых гендерных закономерностей в распределении данных практик не обнаружено – коммуникативная вовлеченность обусловлена скорее возрастно-специфическими социальными ролями и жизненными контекстами, нежели полом как таковым. Полученные результаты эмпирически подкрепляют теоретическое положение Дж. Фиске о зрителе как

активном производителе смыслов, свободно перемещающемся внутри медиатекста.

В это же время, сопоставление с теоретической базой демонстрирует двойственность фэнтези-сериала как культурного продукта. Выявленная и подтвержденная теоретически формульность и зрелищность сериалов рассматриваемого жанра соответствуют логике культурной индустрии, описанной Т. Адорно и М. Хоркхаймером, тогда как способность жанра совмещать эскапистскую функцию с пространством экзистенциальной рефлексии и гражданского воображения согласуется с концепцией В. Беньямина о расширении зрительского восприятия посредством технически воспроизводимого искусства. Доминирование в ценностном профиле моделей солидарности и этического выбора при относительно низкой значимости семейно-родственных связей уточняет инкультурационную функцию жанра. Фактически, данная функция реализуется преимущественно через архетипы избранного товарищества и индивидуальной ответственности, а не через традиционные институты родства, которые рассматриваются в современной литературе как более значимый фактор влияния жанра.

При этом, нельзя не отметить, что выявленное направление исследований является актуальным. Однако, следует уточнить, что текущие ограничения исследования сопряжены с преобладанием в выборке респондентов, уже идентифицирующих себя в качестве поклонников жанра, что сужает возможности экстраполяции выводов на всю потенциальную аудиторию. А дальнейшие перспективы связаны с развитием представлений о сущности и характере влияния сериалов жанра фэнтези на социальные процессы, в том числе с применением качественных методов для углубленного анализа интерпретативных стратегий аудитории. В условиях продолжающейся сериализации кинематографа и усиления борьбы за зрительское внимание аксиологический потенциал фэнтези-сериалов будет лишь возрастать, что обусловливает необходимость продолжения эмпирически обоснованных междисциплинарных исследований.

Литература

1. Адорно Т., Хоркхаймер М. Диалектика просвещения. СПб: Медиум, Ювента, 1997. 310 с.
2. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 363 с.
3. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. М.: Медиум, 1996. 240 с.
4. Васютина И.А. Синергия экранного искусства и fashion-индустрии: влияние сериала «Игра престолов» на развитие современных модных трендов // ДИСК-2025: Сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. в рамках Всерос. форума молодых исследователей «Дизайн и искусство – стратегия проектной культуры XXI века». М., 2026. С. 177–185.
5. Гусарова С.В., Коноплев М.А. Художественно-концептуальные и компенсаторные функции литературного жанра фэнтези // Наука и образование: сохраняя прошлое, создаем будущее: Сб. ст. VIII Междунар. науч.-практ. конф. 2017. С. 133–137.
6. Демина А.В. Литература фэнтези: на перекрестке элитарной и массовой культуры // Элиты и лидеры: стратегии формирования в современном университете: Материалы Междунар. конгресса / Под ред. А.П. Лунева, П.Л. Карабущенко. 2017. С. 181–182.
7. Епанчинцев Р.В., Фролова А.А. К вопросу о жанре фэнтези в современной литературе // Вестник Северо-Восточного государственного университета. 2016. № 26. С. 22–24.
8. Калугин А.Ю. Отражение идей антипрогрессизма в работах Дж. Р.Р. Толкина // Ratio et Natura. 2023. № 2 (8).
9. Кислова Л.С., Ветошкина М.А. Телесериал как социальный проект в современном массовом дискурсе: национальная специфика // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Т. 7. № 1 (25). С. 80–105.
10. Коваленко К.А. Воспитательная функция современного подросткового фэнтези (на примере книги Дианы Уинн Джонс «Рыцарь на золотом коне») // Роль чтения в развитии личности ребенка: Материалы межвузовского круглого стола студентов, аспирантов и молодых ученых. М., 2024. С. 90–93.
11. Маклюэн М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц. 2003. 462 с.
12. Малыхина В.М. Фантастика американского кинематографа // Инновационные идеи молодых исследователей для агропромышленного комплекса: Сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых. Пенза, 2025. С. 327–329.
13. Олейник Л.В. Художественная литература как фактор инкультурации // София: электронный научно-просветительский журнал. 2018. № 1. С. 133–139.
14. Плисова А.В. Образы и функции главных героев в современном подростковом фэнтези // Международный журнал экспериментального образования. 2011. № 8. С. 130–131.
15. Соколянский А.А. Американское фэнтези о России (на примере произведений Кэтрин Арден) // Филологическое образование в период детства. 2021. № 28. С. 159–163.
16. Сошников А.Е. Фэнтези как явление современной массовой культуры // Научные исследования: теоретико-методологические подходы и практические результаты: Материалы междунар. науч.-практ. конф. НИЦ «Поволжская научная корпорация». 2018. С. 120–125.
17. Ямпольский М.Б. Память Тиресия: Интертекстуальность и кинематограф. М.: РИК «Культура», 1993. 456 с.
18. Fiske J. Television culture / John Fiske. London; New York: Methuen, 1987. VIII, 353 с.

FANTASY SERIES AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF VALUES AND SOCIAL IDENTITY OF THE AUDIENCE

Tretiakova A.A.
St. Petersburg State University

The article analyzes the influence of modern fantasy series on the formation of value orientations and social identity of the audience. The results of an empirical study (n=500) are presented, revealing the age dynamics of viewer perception, the hierarchy of internalized values and the specifics of involvement in fan communities. Special attention is paid to the synthesis of classical theories of the sociology of cinema (T. Adorno, M. Horkheimer, V. Benjamin) with relevant concepts of cultural memory and the production of meaning by the audience. It is proved that the fantasy series acts as an agent of informal socialization, where archetypal constructs of friendship, personal growth and moral confrontation are combined with an escapist function and reflection of social problems. The author identifies the non-linear nature of the axiological impact of the genre, emphasizing its strengthening with the accumulation of viewer experience, and captures the heterogeneity of modern audience practices of the genre.

Keywords: sociology of cinema, fantasy series, value orientations, social identity, cultural industry, fan communities, axiological impact, informal socialization, streaming platforms.

References

1. Adorno T., Horkheimer M. Dialectic of Enlightenment. St. Petersburg: Medium, Juventa, 1997. 310 p.
2. Assmann J. Cultural Memory: Writing, Remembrance, and Political Identity in Early Civilizations. Moscow: Languages of Slavic Culture, 2004. 363 p.
3. Benjamin W. The Work of Art in the Age of Mechanical Reproduction. Selected Essays. Moscow: Medium, 1996. 240 p.
4. Vasyutina I.A. Synergy between screen art and the fashion industry: the influence of the Game of Thrones series on the development of modern fashion trends // DISK-2025: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference within the framework of the All-Russian Forum of Young Researchers «Design and Art: A Strategy for 21st-Century Design Culture.» Moscow, 2026. Pp. 177–185.
5. Gusarova S.V., Konoplev M.A. Artistic-conceptual and compensatory functions of the fantasy literary genre // Science and Education: Preserving the Past, Creating the Future: Collection of Articles from the VIII International Scientific and Practical Conference. 2017. Pp. 133–137.
6. Demina A.V. Fantasy literature: at the crossroads of high and mass culture // Elites and Leaders: Strategies for Formation in the Modern University: Proceedings of the International Congress / Ed. by A.P. Lunev, P.L. Karabushchenko. 2017. Pp. 181–182.
7. Yepanchintsev R.V., Frolova A.A. On the Fantasy Genre in Contemporary Literature // Bulletin of North-Eastern State University. 2016. № 26. Pp. 22–24.
8. Kalugin A. Yu. Reflection of Anti-Progressivist Ideas in the Works of J.R.R. Tolkien // Ratio et Natura. 2023. № 2 (8).
9. Kislova L.S., Vetoshkina M.A. The TV Series as a Social Project in Contemporary Mass Discourse: National Specifics // Bulletin of Tyumen State University. Humanities Research. Humanitates. 2021. Vol. 7. № 1 (25). Pp. 80–105.
10. Kovalenko K.A. The Educational Function of Modern Young Adult Fantasy (A Case Study of Diana Wynne Jones's The Knight on the Golden Horse) // The Role of Reading in a Child's Personality Development: Proceedings of the Inter-University Round Table for Students, Postgraduate Students, and Young Researchers. Moscow, 2024. Pp. 90–93.
11. McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. Moscow; Zhukovsky: KANON-press-Ts. 2003. 462 p.
12. Malykhina V.M. Science Fiction in American Cinema // Innovative Ideas of Young Researchers for the Agro-Industrial Complex: Collection of Materials from the International Scientific and Practical Conference of Young Scientists. Penza, 2025. Pp. 327–329.
13. Oleynik L.V. Fiction as a Factor of Enculturation // Sofia: Electronic Scientific and Educational Journal. 2018. № 1. Pp. 133–139.
14. Plisova A.V. Images and Functions of Protagonists in Contemporary Young Adult Fantasy // International Journal of Experimental Education. 2011. № 8. Pp. 130–131.
15. Sokolyansky A.A. American Fantasy about Russia (A Case Study of Katherine Arden's Works) // Philological Education in Childhood. 2021. № 28. Pp. 159–163.
16. Soshnikov A.E. Fantasy as a Phenomenon of Contemporary Mass Culture // Scientific Research: Theoretical-Methodological Approaches and Practical Results: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference. Research Center «Volga Scientific Corporation». 2018. Pp. 120–125.
17. Yampolsky M.B. The Memory of Tiresias: Intertextuality and Cinema. Moscow: RIK «Kultura», 1993. 456 p.
18. Fiske J. Television Culture / John Fiske. London; New York: Methuen, 1987. VIII, 353 p.

Социальные функции неформальных институтов в условиях институциональной турбулентности

Алеева Гульнара Ильдусовна,
старший преподаватель кафедры операционного и отраслевого менеджмента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: GIAleeva@fa.ru

Соловьева Марина Викторовна,
к.э.н., доцент кафедры операционного и отраслевого менеджмента Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: msolovieva@fa.ru

Предмет статьи составляют социальные функции неформальных институтов при изменении формальных правил, механизмов координации, устойчивых моделей взаимодействия. Институциональная турбулентность усиливает значение доверия, социальных связей, сложившихся норм, поддерживающих взаимодействие при рассогласовании формального регулирования с фактическими практиками. Цель работы состоит в систематизации функций неформальных институтов, определении характера их связи с институциональной устойчивостью. Использованы анализ научных публикаций, сравнительный анализ, логико-аналитический анализ, классификация, обобщение, синтез. Материал образуют русскоязычные исследования по институциональной экономике, социологии, государственному регулированию, социальному обслуживанию, региональному развитию, цифровой экономике. Аналитическая часть охватывает компенсаторно-адаптивную, координационную, интегративно-доверительную, ресурсно-мобилизационную функции, закрепление устойчивых параллельных практик. Научная новизна состоит в разграничении функций по характеру решаемой социальной задачи, способу включения неформальной практики в институциональный порядок. Полученные положения применимы при диагностике институциональных изменений, оценке социальных последствий неформального регулирования.

Ключевые слова: неформальные институты, институциональная турбулентность, институциональная среда, социальное доверие, социальный капитал, неформальные практики, институциональная устойчивость, формальные институты, социальная координация, институциональные ловушки.

Введение

Изменение законодательства, организационных механизмов, способов предоставления услуг, моделей экономического поведения нарушает сложившееся соответствие нормативных требований практическим ожиданиям участников, вследствие чего устойчивые социальные связи, взаимные обязательства, привычные способы координации, локально признанные нормы поведения получают дополнительную регулирующую нагрузку. Возникающее рассогласование правил, практик, ожиданий формирует состояние институциональной турбулентности, в котором неформальные институты поддерживают предсказуемость социальных взаимодействий через уже освоенные участниками способы поведения.

Цель исследования состоит в систематизации социальных функций неформальных институтов в условиях институциональной турбулентности, определении характера их взаимодействия с формальными механизмами регулирования. Для достижения цели поставлены три задачи: выявить функциональное содержание неформальных институтов через сопоставление подходов к доверию, социальному капиталу, поведенческим нормам, устойчивым практикам; разграничить варианты взаимодействия формальных и неформальных регуляторов; установить условия закрепления адаптационных практик как самостоятельных элементов институционального порядка.

Научная новизна заключается в разграничении социальных функций неформальных институтов по решаемой социальной задаче, способу включения в систему регулирования, поскольку единая аналитическая модель связывает компенсацию институциональных разрывов, координацию поведения, воспроизводство доверительных связей, мобилизацию ресурсов, закрепление параллельных практик.

Материалы и методы

Материал исследования сформирован из работ, раскрывающих взаимодействие формальных правил, доверия, устойчивых социальных практик. О.В. Безрукова [1] рассматривает доверие как элемент социального капитала некоммерческих организаций, связывая его с социальными сетями, ресурсным потенциалом НКО. А.Ю. Веретенникова, К.М. Козинская [2] исследуют влияние институциональной среды на цифровые платформы, экономику совместного пользования с учетом доверия, социальных контактов, Е.В. Дробот, И.Н. Макаров, А.А. Авцинова, Ю.А. Солодовник, М.В. Титова [3] анализируют неформальные институты в системе формирования общественного доверия. Б.Х. Краснопольский [4] связывает устойчивость хозяйственных систем с согласованием формальных и неформальных институтов, Ю.В. Латов [5] исследует институциональное доверие как разновидность социального капитала, И.А. Маньковский [6] раскрывает институциональную матрицу через взаимосвязь экономической, политической, духовно-идеологической подсистем. Ю.Ю. Нестеренко, С.П. Кирильчук [7] рассматривают институциональную среду, институционализацию поведенческого регулирования, образование институциональных ловушек. С.В. Прокопенко [8] анализирует роль формальных и неформальных институтов в устойчивости ИТ-компаний, Т.В. Темаев, О.П. Сынкина, О.С. Фирсова [9] исследуют сочетание регламентированных, неформальных практик социального обслуживания, И.А. Юрасов, В.В. Бондаренко, С.В. Полутин, О.А. Зябликова, О.Н. Юрасова [10] раскрывают связь институционального доверия с теневыми, коррупционными социальными отношениями.

Применены анализ научных публикаций, сравнительный анализ, классификация, логико-аналитический анализ, обобщение, синтез, с помощью которых сопоставлены трактовки неформального регулирования, выделены его социальные функции, установлены связи изменения институциональной среды с доверительными механизмами, устойчивыми моделями поведения.

Результаты

Рассогласование изменяющихся правил со сложившимися практиками, ожиданиями участников увеличивает регулирующую нагрузку на устойчивые неформальные нормы, поскольку повторяемая модель поведения уменьшает неопределенность, задает ориентир для действий в ситуациях, где общее правило требует приспособления к конкретным условиям.

Компенсаторно-адаптивная функция возникает при расхождении стандартизированного регулирования с конкретной социальной потребностью, что прослеживается в социальном обслуживании пожилых граждан, где регламентированные услуги сочетаются с действиями, возникающими в непосредственном взаимодействии работника с получателем помощи [9]. Неформальная практика конкретизирует установленный порядок применительно к индивидуальному запросу, сохраняя организационную основу формальной процедуры.

Характер такой компенсации зависит от места неформального механизма в системе институционального регулирования, Б.Х. Краснопольский связывает устойчивость территориальных хозяйственных систем с согласованием формальных и неформальных институтов [4], И.А. Маньковский рассматривает институциональные ограничения как элементы взаимосвязанных общественных подсистем [6], Ю.Ю. Нестеренко, С.П. Кирильчук анализируют формирование поведенческих регуляторов внутри институциональной среды [7], С.В. Прокопенко исследует сочетание институциональных механизмов применительно к устойчивости организаций [8]. Сопоставление этих положений выделяет практики, дополняющие установленный порядок, устойчивые способы действия, постепенно формирующие собственные правила координации.

Координационная функция доверия формирует предсказуемые ожидания участников, в некоммерческих организациях доверительные отношения поддерживают социальные сети, партнерские взаимодействия, доступ к ресурсам [1], в экономике совместного пользования они связаны с институциональной средой цифровых платформ, социальными контактами между участниками [2]. Е.В. Дробот с соавторами рассматривают доверие в связи с действием неформальных институтов государственной политики [3], Ю.В. Латов характеризует институциональное доверие как социальный капитал, влияющий на социальное поведение [5], что связывает доверительную координацию с ресурсами социальных действий.

Сокращение объема повторной оценки намерений, ожидаемого поведения контрагентов обеспечивается накопленным опытом взаимодействия, репутацией, вследствие чего согласование действий требует меньшего объема дополнительной информации. При изменении институциональной среды накопленные доверительные связи соединяют освоенные модели поведения с новыми условиями, поддерживая непрерывность взаимодействий.

Интегративно-доверительная функция возникает через воспроизводство сети отношений, где доверие распространяется за пределы единичного контакта, О.В. Безрукова связывает социальный капитал НКО с качеством социальных связей, возможностями партнерского взаимодействия [1], Ю.В. Латов рассматривает институциональное доверие через его ресурсные эффекты [5]. Сохранение взаимных ожиданий, накопленного опыта сотрудничества закрепляет сеть как устойчивую среду последующих взаимодействий.

Ресурсно-мобилизационная функция проявляется в использовании устойчивых связей для получения информации, вовлечения участников, партнерской поддержки, поскольку в исследовании НКО доверие связано с привлечением различных групп, использованием ресурсов социальных сетей [1]. Накопленные связи приобретают значение организационного механизма коллективного действия.

Нормативно-ориентирующая функция связана с закреплением признанных образцов поведения, И.А. Маньковский рассматривает институциональную матрицу через взаимодействие экономических, политических, духовно-идеологических компонентов [6], Ю.Ю. Нестеренко, С.П. Кирильчук связывают поведенческое регулирование с процессом институционализации [7]. В условиях быстрых изменений неформальная норма переводит неопределенный выбор в знакомую участникам поведенческую схему, закрепляя ожидаемый способ действия.

Изменение способов организации взаимодействия сдвигает границу между формальными и неформальными механизмами, поскольку в цифровых платформах доверие, репутация получают технологически фиксируемые формы [2], в социальном обслуживании формализованные услуги сочетаются с персонализированными практиками непосредственного взаимодействия [9]. Формализация отдельных элементов преобразует способ воспроизводства нормы, сохраняя связанные с ней координационные, адаптационные функции.

Устойчивые социальные связи участвуют также в воспроизводстве параллельных институциональных практик, И.А. Юрасов, В.В. Бондаренко, С.В. Полутин, О.А. Зябликова, О.Н. Юрасова связывают отдельные формы институционального социального доверия с коррупционными взаимодействиями, теневой занятостью, неформальной экономикой [10]. Доверие внутри подобных сетей поддерживает предсказуемость поведения участников, закрепляет сложившийся порядок взаимодействия.

Многократное воспроизводство одной модели поведения повышает устойчивость соответствующей институциональной траектории, что соотносится с рассмотрением институциональных ловушек Ю.Ю. Нестеренко, С.П. Кирильчуком [7], особенно в периоды частой смены внешних правил, когда уже освоенные способы взаимодействия получают дополнительное преимущество за счет привычности, предсказуемости.

Сопоставленные подходы образуют функциональную модель, в которой компенсаторно-адаптивная функция обеспечивает приспособление общего правила к конкретным условиям, координационная поддерживает предсказуемость взаимодействий, интегративно-доверительная воспроизводит устойчивые социальные связи, ресурсно-мобилизационная обеспечивает использование накопленных связей в коллективной деятельности. Нормативная ориентация связывает эти функции через закрепление признанных способов поведения, направление институционального эффекта определяется способом включения неформальной практики в существующий порядок.

Обсуждение

Институционально-экономический, социологический подходы фиксируют разные уровни одного процесса, поскольку анализ правил, устойчивости, взаимодействия регуляторов связывается с исследованием доверия, социальных сетей, воспроизводства отношений. Повторяемый образец поведения закрепляется в сети социальных связей, накопленное доверие повышает ее способность координировать действия участников, вследствие чего микроуровень социальных взаимодействий соединяется с более устойчивыми институциональными структурами.

Место конкретной практики в институциональном порядке определяет ее функциональное значение, поскольку доверительная координация может поддерживать деятельность организации, адаптацию социальной услуги, закрытую сеть взаимодействий. Аналитическая оценка поэтому требует одновременного учета социальной функции практики, условий ее воспроизводства, институциональных последствий.

Переход от ситуативной адаптации к устойчивой институциональной траектории связан с длительностью воспроизводства практики, широтой распространения, степенью зависимости участников от сформировавшихся связей, поскольку повторяемая модель поведения постепенно приобретает регулирующее значение, сохраняющееся по мере стабилизации внешней среды.

Доверие характеризует способность участников поддерживать предсказуемые отношения, ресурсную плотность сформировавшейся сети, его связь с социальным капиталом, социальными действиями делает существенными объект доверия, структуру связей, внутри которой оно воспроизводится. Такая трактовка дает возможность оценивать доверительные отношения через конкретный механизм координации, круг участников, характер доступных им ресурсов.

Формализация практики меняет условия ее действия, поскольку локальная норма опирается на особенности конкретного взаимодействия, закрепленная процедура ориентирована на воспроизводимость для более широкого круга участников. Институциональное развитие в этом случае связано с отбором элементов практики, сохраняющих функциональное значение после переноса в формализованную систему.

Различия исследовательских объектов, уровней анализа задают границы обобщения, поскольку НКО, цифровые платформы, социальное обслуживание, территориальные хозяйственные системы, организации демонстрируют сходные механизмы доверия, координации при различном соотношении выделенных функций. Дальнейшее изучение перехода адаптивной практики в устойчивый институциональный механизм требует учета продолжительности воспроизводства, масштаба распространения, структуры социальных связей, реакции на изменение формальных правил.

Заключение

Систематизация научных подходов выделила компенсаторно-адаптивную, координационную, интегративно-доверительную, ресурсно-мобилизационную функции неформальных институтов, через которые устойчивые социальные нормы структурируют взаимодействия в изменяющейся институциональной среде.

Способ включения практики в существующий порядок определяет соотношение формальных и неформальных регуляторов, поскольку неформальные механизмы конкретизируют установленное регулирование, восполняют институциональные разрывы, формируют устойчивые самостоятельные способы координации. Оценка институциональ-

ной устойчивости в таком случае связывается с содержанием практики, условиями ее воспроизводства, социальными последствиями.

Закрепление адаптационной практики как самостоятельного институционального механизма связано с продолжительностью воспроизводства, устойчивостью социальных связей, привычностью моделей поведения, поэтому институциональная турбулентность выступает средой изменения функциональной нагрузки неформальных институтов вместе с трансформацией формальных правил, фактически воспроизводимых практик.

Литература

1. Безрукова О.В. Доверие как элемент социального капитала некоммерческих организаций // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2023. Т. 9 (75), № 4. С. 3–17.

2. Веретенникова А. Ю., Козинская К.М. Моделирование влияния институциональной среды на развитие цифровых платформ и экономики совместного пользования // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 5. С. 257–273. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.14.

3. Дробот Е. В., Макаров И.Н., Авцинова А.А., Солодовник Ю.А., Титова М.В. Неформальные институты государственной политики в сфере формирования доверия // Креативная экономика. 2023. Т. 17, № 8. С. 3069–3082. DOI: 10.18334/ce.17.8.118485.

4. Краснопольский Б.Х. Формальные и неформальные институты и устойчивость хозяйственного развития арктических территорий Дальнего Востока // Власть и управление на Востоке России. 2025. № 2 (111). С. 51–61.

5. Латов Ю.В. Тренды изменения институционального доверия как социального капитала российского общества // Социологические исследования. 2024. № 11. С. 59–73. DOI: 10.31857/S0132162524110056.

6. Маньковский И.А. Институциональная матрица как системообразующая основа социально-экономического развития // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Экономика. 2024. № 1. С. 6–17. DOI: 10.18384/2949-5024-2024-1-6-17.

7. Нестеренко Ю. Ю., Кирильчук С.П. Институциональная среда и институционализация поведенческого регулирования: теоретические основы экономического развития // Теоретическая экономика. 2024. № 4. С. 107–118. DOI: 10.52957/2221-3260-2024-4-107-118.

8. Прокопенко С.В. Устойчивость и конкурентоспособность ИТ-компаний: роль формальных и неформальных институтов // Московский экономический журнал. 2024. № 9. С. 402–412. DOI: 10.55186/2413046X_2024_9_9_393.

9. Темаев Т. В., Сынкина О.П., Фирсова О.С. Формальные и неформальные практики социального обслуживания пожилых граждан // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2024. Т. 24, вып. 3. С. 267–273. DOI: 10.18500/1818-9601-2024-24-3-267-273.

10. Юрасов И. А., Бондаренко В.В., Полутин С.В., Зябликова О.А., Юрасова О.Н. Парадоксальные формы проявления институционального социального доверия в российских регионах: коррупция и теневая занятость как типы социального доверия // Регионология. 2023. Т. 31, № 4. С. 733–753. DOI: 10.15507/2413-1407.125.031.202304.733-753.

SOCIAL FUNCTIONS OF INFORMAL INSTITUTIONS IN CONDITIONS OF INSTITUTIONAL TURBULENCE

Aleeva G.I., Solovyeva M.V.
Financial University under the Government of the Russian Federation

This article examines the social functions of informal institutions under changing formal rules, coordination mechanisms, and stable interaction patterns. Institutional turbulence enhances the importance of trust, social connections, and established norms that support interaction when formal regulation and actual practices are inconsistent. The aim of this paper is to systematize the functions of informal institutions and determine the nature of their relationship with institutional stability. This paper utilizes an analysis of scientific publications, comparative and logical-analytical analysis, classification, generalization, and synthesis. The material comprises Russian-language studies on institutional economics, sociology, government regulation, social services, regional development, and the digital economy. The analytical section covers compensatory-adaptive, coordination, integrative-trust, and resource-mobilization functions, as well as the consolidation of stable parallel practices. The scientific novelty lies in the distinction between functions based on the nature of the social problem being solved and the method of their integration into the institutional order. The resulting propositions can be used in diagnosing institutional change and assessing the social consequences of informal regulation.

Keywords: informal institutions, institutional turbulence, institutional environment, social trust, social capital, informal practices, institutional resilience, formal institutions, social coordination, institutional traps.

References

1. Bezrukova, O. V. «Trust as an Element of Social Capital in Non-Profit Organizations» // Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Sociology. Pedagogy. Psychology. 2023. Vol. 9 (75), № 4. pp. 3–17.

2. Veretennikova, A. Yu., Kozinskaya, K. M. «Modeling the Influence of the Institutional Environment on the Development of Digital Platforms and the Sharing Economy» // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2022. Vol. 15, № 5. pp. 257–273. DOI: 10.15838/esc.2022.5.83.14.

3. Drobot E. V., Makarov I.N., Avtsinova A.A., Solodovnik Yu. A., Titova M.V. Informal Institutions of Public Policy in the Sphere of Trust Formation // Creative Economy. 2023. Vol. 17, № 8. pp. 3069–3082. DOI: 10.18334/ce.17.8.118485.

4. Krasnopolsky B. Kh. Formal and Informal Institutions and the Sustainability of Economic Development of the Arctic Territories of the Far East // Power and Administration in the East of Russia. 2025. № 2 (111). pp. 51–61.

5. Latov Yu.V. Trends in Changes in Institutional Trust as Social Capital of Russian Society // Sociological Research. 2024. № 11. pp. 59–73. DOI: 10.31857/S0132162524110056.

6. Mankovsky I.A. Institutional Matrix as a System-Forming Basis for Socio-Economic Development // Bulletin of the State University of Education. Series: Economics. 2024. № 1. pp. 6–17. DOI: 10.18384/2949-5024-2024-1-6-17.

7. Nesterenko Yu. Yu., Kirilchuk S.P. Institutional Environment and Institutionalization of Behavioral Regulation: Theoretical Foundations of Economic Development // Theoretical Economics. 2024. № 4. pp. 107–118. DOI: 10.52957/2221-3260-2024-4-107-118.

8. Prokopenko S.V. Sustainability and Competitiveness of IT Companies: The Role of Formal and Informal Institutions // Moscow Economic Journal. 2024. № 9. pp. 402–412. DOI: 10.55186/2413046X_2024_9_9_393.

9. Temaev T. V., Synkina O.P., Firsova O.S. Formal and Informal Practices of Social Services for Elderly Citizens // Bulletin of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Political Science. 2024. Vol. 24, issue 3. pp. 267–273. DOI: 10.18500/1818-9601-2024-24-3-267-273.

10. Yurasov I. A., Bondarenko V.V., Polutin S.V., Zyablikova O.A., Yurasova O.N. Paradoxical forms of manifestation of institutional social trust in Russian regions: corruption and shadow employment as types of social trust // Regionalology. 2023. Vol. 31, № 4. P. 733–753. DOI: 10.15507/2413-1407.125.031.202304.733-753.

Социологический анализ роли цифровых коммуникаций в социальной адаптации молодых работников нефтегазовых предприятий

Аюпов Ришат Радмирович,
аспирант кафедры социальных и политических коммуникаций Уфимского государственного нефтяного технического университета
E-mail: arishat1@yandex.ru

В работе исследуется роль цифровых коммуникаций в процессе социальной адаптации молодых работников на предприятиях нефтегазового комплекса. По результатам опроса молодых специалистов нефтегазовых предприятий определены наиболее часто используемые средства коммуникации в процессе социальной адаптации, оценено их влияние на улучшение коммуникаций на предприятии и определены ключевые барьеры, препятствующие эффективной коммуникации при использовании цифровых технологий в процессе социальной адаптации.

Ключевые слова: социальная адаптация, молодые работники, цифровые коммуникации, цифровые технологии, нефтегазовое предприятие.

Введение

В современных условиях, характеризующихся высокими темпами технологических изменений и усиливающейся конкуренцией за человеческие ресурсы, проблема эффективной социальной и профессиональной адаптации молодых специалистов имеет стратегическое значение для обеспечения кадровой безопасности и устойчивого развития предприятий, в том числе в такой ключевой и технологически сложной отрасли, как нефтегазовая отрасль. Для современного молодого поколения цифровая среда – это естественная среда обитания. Понимание того, как молодые сотрудники воспринимают, принимают и используют цифровые инструменты для общения с коллегами и руководством в первые месяцы своей работы, позволяет им оптимизировать процессы отбора и снизить текучесть кадров в течение испытательного срока. Игнорирование цифровых предпочтений молодежи может привести к психологическому дискомфорту новых сотрудников, затягиванию периода привыкания к коллективу и, как следствие, к преждевременному увольнению.

Целью статьи является выявление роли цифровых коммуникаций в процессе социальной адаптации молодых сотрудников нефтегазовых предприятий.

В социологической традиции вопросы социальной адаптации рассматривались в контексте взаимодействия индивида с социальной средой. Классики социологии, такие как Г. Земель [3], анализировали механизмы интеграции человека в общество через межличностные отношения и групповые процессы. М. Вебер исследовал социальные действия как основу адаптации [2], а Т. Парсонс разработал теорию социальных систем, где адаптация выступает одним из ключевых функциональных императивов [10].

В последние годы проблематика социальной адаптации новых сотрудников, в том числе молодых, претерпевает значительные изменения, что привлекает всё более пристальное внимание научного сообщества [4; 5]. Одним из ключевых направлений является исследование роли цифровых технологий в процессе социальной адаптации работников [7; 13].

Исследователями проведен комплексный анализ диджитал-решений для адаптации персонала в современных экономических условиях, систематизированы существующие инструменты, оценена их эффективность, предложены модели внедрения, позволяющие оптимизировать процесс вхождения нового сотрудника в должность и коллектив [9].

Анализ научной литературы позволяет выделить широкий спектр конкретных технологий, предлагаемых для решения задач адаптации персонала: применение в QR-кодов для мгновенного доступа к служебной информации, что особенно актуально для производственных площадок [6], специализированные цифровые решения, такие как мобильные приложения-справочники для технического персонала нефтегазовой отрасли [1], технологии виртуальной и дополненной реальности [12].

Специфика адаптации молодых специалистов в нефтегазовой отрасли в условиях цифровизации рассмотрена не остается без внимания исследователей [8; 11]. Однако несмотря на значительное количество публикаций, посвященных общим вопросам цифровой трансформации в HR-процессов, проблематика использования цифровых технологий в социальной адаптации молодых работников нефтегазовых предприятий обладает высокой степенью актуальности и при этом остается недостаточно проработанной, что обуславливает актуальность проводимого исследования.

Материалы и методы

Эмпирической основой исследования являются данные социологического опроса. Категория опрашиваемых – молодые работники в возрасте 18–35 лет, работающие в нефтегазовых предприятиях не более 3 лет. Опрос проводился в январе-марте 2026 года. Общее количество опрошенных – 300 человек.

Структура респондентов по полу: 81,7% мужчин и 18,3% женщин, структура респондентов по возрасту: 18–25 лет – 74,0%, 26–35 лет – 26,0%. Структура выборки опрошенных соответствует ключевым пока-

зателям статистики персонала в нефтегазовой промышленности (пол, возраст), обеспечивая репрезентативность полученных в ходе социологического опроса данных.

Результаты исследования

Эмпирические данные социологического исследования свидетельствуют о том, что чаты и мессенджеры являются наиболее распространенными средствами коммуникации в период социальной адаптации молодых специалистов нефтегазовых предприятий (68%). Этот формат позволяет получать информацию оперативно, сохранять историю переписки и общаться в режиме «здесь и сейчас», что идеально соответствует их жизненному ритму.

Рис. 1. Ответы вопрос «Какими средствами коммуникации Вы чаще всего использовали в период Вашей адаптации на предприятии?», % опрошенных

Наблюдается очевидное снижение значимости традиционных каналов связи в пользу цифровых аналогов. Голосовая связь, сохраняя свою роль для решения срочных вопросов (54,9%), уступает мессенджерам в повседневном удобстве. Личные встречи (37,9%) уступают не только цифровым каналам, но и электронной почте (41,8%). Это указывает на то, что живой контакт для решения повседневных вопросов перестал быть приоритетным. Низкая популярность внутренних систем сообщений (27,5%) и корпоративных порталов в сравнении с личными мессенджерами (68,0%) свидетельствует об их функциональном отставании и неспособности конкурировать с более удобными и привычными для сотрудников сервисами. Такая ситуация неизбежно приводит к тому, что сотрудники начинают использовать для рабочих задач личные приложения, формируя неформальный, или «теневой», контур коммуникаций. Особую обеспокоенность вызывает тот факт, что 10,7% опрошенных новичков не имели доступа к средствам связи.

Суммарно 69,3% респондентов согласны с тем, что цифровые технологии улучшили коммуникацию на предприятии в период их адаптации (45% абсолютно согласны и 24% скорее согласны). Около 10% респондентов заявили об отсутствии средств коммуникации или затруднились с ответом, что указывает на наличие группы риска или проблем с информированием. Совокупная доля отрицательных оценок («Скорее не согласен» и «Категорически не согласен») составляет 9,5%, что свидетельствует о низкой распространённости скептического отношения к роли цифровых технологий в процессе социальной адаптации молодых работников. Доля нейтральных ответов (15,0%) и затруднившихся с ответом (6,2%) в совокупности составляет 21,2%, что указывает на наличие определённой доли сотрудников, не сформировавших однозначного мнения по данному вопросу (рис. 2).

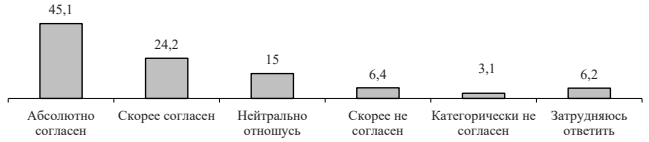

Рис. 2. Ответы на вопрос «Согласны ли Вы с утверждением, что современные цифровые технологии улучшили коммуникацию на предприятии в период Вашей адаптации на предприятии?», % опрошенных

Результаты опроса позволяют сделать вывод о преимущественно положительном влиянии цифровых технологий на коммуникационные процессы в период адаптации. Внедрение цифровых технологий воспринимается большинством сотрудников как значимый фактор, способствующий успешной интеграции новых членов коллектива. Это подтверждает статус цифровых технологий как ключевого инструмента, способствующего ускорению и повышению эффективности интеграции новых сотрудников в корпоративную среду.

Наиболее существенным препятствием для эффективной коммуникации при использовании современных цифровых технологий, по мнению 37,9% опрошенных, является отсутствие необходимых технических ресурсов (рис. 3). Данный фактор выступает в качестве фундаментального барьера, поскольку он блокирует саму возможность доступа к цифровым инструментам коммуникации. Недостаточная оснащённость рабочих мест или отсутствие стабильного интернет-соединения делают невозможным участие в корпоративных чатах, видеоконференциях и использование онлайн-сервисов, что напрямую ведёт к социальной и профессиональной изоляции нового сотрудника.

Рис. 3. Ответы на вопрос «Какие барьеры мешали Вашей эффективной коммуникации при использовании цифровых технологий?» (несколько вариантов ответов)?», % опрошенных

Второй по значимости группой барьеров являются когнитивно-информационные трудности. Высокий объём информации и информационная перегрузка (23,5%) создают значительные препятствия для эффективной обработки сообщений и своевременного реагирования. В условиях адаптации, когда сотруднику необходимо одновременно усваивать большой объём новой информации о компании, своих обязанностях и коллегах, избыточный поток данных в цифровых каналах может приводить к стрессу, снижению концентрации и пропуску важных сообщений.

Технико-операционные барьеры, связанные с сложностью интерфейса используемых инструментов и недостаточными навыками владения технологиями (по 21,6% на каждый вариант), указывают на проблемы цифровой грамотности. Сложный или нелогичный интерфейс корпоративных программ требует дополнительных временных и когнитивных затрат на обучение, отвлекая от основной деятельности. Недостаточный уровень навыков, в свою очередь, не позволяет использовать весь функционал инструментов, что снижает эффективность взаимодействия. Остальные факторы, такие как проблемы конфиденциальности (13,1%) и затруднения с ответом (14,4%), играют менее значимую роль в общей структуре препятствий.

Таким образом, цифровые инструменты не должны полностью заменять живое общение, и личные встречи или видеозвонки могут оставаться более эффективными для решения стратегических вопросов, постановки целей и предоставления обратной связи. В целом успешная социальная молодых специалистов зависит от способности компании выстроить гибкую, многоуровневую экосистему коммуникаций, где используется цифровые технологии, но при этом непосредственный человеческий контакт остаётся ядром корпоративной культуры.

Выводы

Как показали результаты опроса, наблюдается определенный сдвиг в коммуникационных предпочтения молодых работников нефтегазовых предприятий в сторону цифровых и мобильных инструментов. Молодежь предпочитает использовать личные приложения для коммуникаций, в то время как корпоративные информационные системы, включая электронную почту, менее востребованы в рабочих коммуникации. Подобная ситуация может приводить к развитию. «теневого» контура коммуникаций, где служебные вопросы решаются через неофициальные коммуникации.

Эффективность цифровых коммуникаций зависит от ряда факторов, включая не только материально-технические условия для цифровизации в компании, а также способность работников справляться с информационными потоками. Это свидетельствует о необходимо-

сти разработки гибридных решений социальной адаптации молодых работников в нефтегазовой отрасли, которые сочетали бы цифровые и не цифровые инструменты коммуникаций. Максимальный положительный эффект от цифровизации коммуникационных процессов может быть обеспечен при гарантированном техническом обеспечении персонала цифровыми технологиями с доступным интерфейсом, повышении цифровой грамотности сотрудников через целенаправленное обучение и управлении информационными потоками для предотвращения информационной перегрузки персонала.

Литература

1. Будаков К. А., Гатиятуллин Т.Р., Дружинская Е.В., Пензин А.В. Цифровое решение для адаптации персонала, занимающегося техническим обслуживанием нефтедобывающего оборудования на промысле // Наука настоящего и будущего. 2024. Т. 1. С. 288–290.

2. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии. М.: Директ-Медиа, 2010. 107 с.

3. Зиммель Г. Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования / авториз. пер. с нем. Н.Н. Бокач, И. Ильина. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2014. 233 с.

4. Золотина О. А., Серпухова М.А. Особенности управления адаптацией молодых специалистов: значение организации процесса, очного взаимодействия и ценностей компании // Экономика и управление. 2025. Т. 31, № 9. С. 1170–1178. DOI 10.35854/1998–1627–2025–9–1170–1178.

5. Ижик А.В. Система адаптации молодых специалистов на рынке труда: взгляд работодателя // Общество: социология, психология, педагогика. 2026. № 3(143). С. 56–61. DOI 10.24158/spp.2026.3.5.

6. Калошина Т.Ю. Цифровые инструменты в практике адаптации молодых специалистов // Экономика труда. 2021. Т. 8, № 12. С. 1473–1484. DOI 10.18334/et.8.12.113879.

7. Козина Е. С., Волкова В.М. Внедрение технологий искусственного интеллекта как механизм совершенствования процесса адаптации персонала// Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. 2025. № 3(26). С. 105–113. DOI 10.52170/2618–7949_2025_26_105.

8. Корикова Н.В. Модель повышения эффективности и вовлеченности персонала нефтегазовых компаний в условиях цифровой корпоративной экосистемы // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2026. № 3(255). С. 18–24.

9. Нуриманова К. Е., Шарипова И.М. Применение цифровых инструментов адаптации персонала в актуальных условиях хозяйствования // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2020. № 6(156). С. 187–195. DOI 10.34773/EU.2020.6.40.

10. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. 880 с.

11. Проскурова Н. Э., Антонов Д.В. Направления совершенствования процесса адаптации молодых специалистов на предприятиях нефтегазовой отрасли (на примере ПАО «Татнефть») // Наука: общество, экономика, право. 2019. № 4. С. 277–284. DOI 10.34755/IROK.2019.27.74.005.

12. Семененко Ю. Использование технологий виртуальной и дополненной реальности в обучении и адаптации работников аграрного сектора // Галицкий экономический журнал. 2025. Том 93. с. 7–17. DOI 10.33108/galicianvisnyk_tntu2025.02.007.

13. Волянская-Савчук Л., Кошонко О., Горбатюк О., Глушко Т. Тенденции развития использования цифровых технологий в управлении персоналом. Сборник научных трудов Черкасского государственного технологического университета, серия Экономические науки. 2023. с. 112–120. 10.24025/2306–4420.68.2023.284582.

A SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE ROLE OF DIGITAL COMMUNICATIONS IN THE SOCIAL ADAPTATION OF YOUNG WORKERS IN OIL AND GAS ENTERPRISES

Ayupov R.R.
Ufa State Petroleum Technological University

The paper examines the role of digital communications in the process of social adaptation of young workers at oil and gas enterprises. Based on the results of a survey of young specialists from oil and gas enterprises, the most frequently used means of communication in the process of social adaptation were identified, their impact on improving communication at enterprises was assessed, and key barriers preventing effective communication when using digital technologies in the process of social adaptation were identified.

Keywords: social adaptation, young workers, digital communications, digital technologies, oil and gas enterprise.

References

1. Budakov K.A., Gatiyatullin T.R., Druzhinskaya E.V., Penzin A.V. A digital solution for the adaptation of personnel engaged in the technical maintenance of oil production equipment in the field // Science of the present and the future. 2024. Vol. 1. Pp. 288–290.

2. Weber M. On some categories of understanding sociology. Moscow: D-rect-Media, 2010. 107 p.

3. Simmel G. Social differentiation. Sociological and psychological research / author. translated from German by N.N. Bokach, I. Ilyina. Moscow; Berlin: Direct-Media, 2014. 233 p.

4. Zolotina O.A., Serpukhova M.A. Features of adaptation management for young professionals: the importance of process organization, face-to-face interaction and company values // Economics and management. 2025. Vol. 31, № 9. Pp. 1170–1178. DOI 10.35854/1998–1627–2025–9–1170–1178.

5. Izhik A.V. The system of adaptation of young professionals in the labor market: the employer's view // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2026. № 3(143). Pp. 56–61. DOI 10.24158/spp.2026.3.5.

6. Kaloshina T.Y. Digital tools in the practice of adaptation of young specialists // Labor economics. 2021. Vol. 8, № 12. Pp. 1473–1484. DOI 10.18334/et.12/8/113879.

7. Kozina E.S., Volkova V.M. Introduction of artificial intelligence technologies as a mechanism for improving the personnel adaptation process// Bulletin of the Siberian State University of Railway Communications: Humanitarian Research. 2025. № 3(26). Pp. 105–113. DOI 10.52170/2618–7949_2025_26_105.

8. Korikova N.V. A model for increasing the efficiency and involvement of personnel of oil and gas companies in a digital corporate ecosystem // Problems of economics and management of the oil and gas complex. 2026. № 3(255). Pp. 18–24.

9. Nurimanova K.E., Sharipova I.M. Application of digital tools for personnel adaptation in current business conditions // Economics and Management: a scientific and practical journal. 2020. № 6(156). Pp. 187–195. DOI 10.34773/EU.2020.6.40.

10. Parsons T. On the structure of social action. Moscow: Academic Project, 2000. 880 p.

11. Proskurova N.E., Antonov D.V. Directions for improving the process of adaptation of young specialists at oil and gas industry enterprises (on the example of PJSC Tatneft) // Science: society, economics, law. 2019. № 4. Pp. 277–284. DOI 10.34755/IROK.2019.27.74.005.

12. Semenenko Y. The use of virtual and augmented reality technologies in the training and adaptation of agricultural sector workers // Galician economic journal. 2025. Vol. 93. Pp. 7–17. DOI 10.33108/galicianvisnyk_tntu2025.02.007.

13. Volianska-Savchuk L., Koshonko O., Horbatiuk O., Hlushko T. Development trends in the use of digital technologies in personnel management. Proceedings of Scientific Works of Cherkasy State Technological University Series Economic Sciences. 2023. Pp. 112–120. 10.24025/2306–4420.68.2023.284582.

Дополнительное профессиональное образование молодых специалистов социально-гуманитарного профиля

Бессонова Маргарита Олеговна,
аспирант кафедры социологии Института международных отношений и социально-политических наук МГЛУ
E-mail: margobes@mail.ru

Цель работы заключается в анализе дополнительного профессионального образования молодых специалистов и его состояния в условиях модернизации общества. Концепция «текучей современности» З. Баумана наглядно описывает смену строгих жестких устоев на гибкие адаптивные модели, паттерны поведения. Эта же динамика отмечается и в системе образования – уменьшение востребованности традиционной траектории обучения и рост спроса на дополнительные образовательные услуги. Молодежь также можно рассматривать как социальную группу, подверженную влиянию происходящих перемен. Условия турбулентности приводят к тому, что молодые люди выбирают более «гибкие» способы адаптироваться под требования современности (например, дополнительное образование как один из инструментов профессионального становления). В работе представлены результаты авторского исследования молодых специалистов социально-гуманитарного профиля в возрасте 18–35 лет (N=1100). В качестве основного метода был применен онлайн-опрос. Выбор данной аудитории объясняется отличительными особенностями в виде меньшей степени регламентации процессов (по сравнению с направлениями подготовки в сфере медицины и / или образования) и, соответственно, большей свободы выбора самих потребителей. Развитие дополнительного профессионального образования в данном сегменте не структурировано и не зафиксировано на нормативном уровне. Соответственно, область социально-гуманитарных специальностей представляет интерес, так как зачастую формируется на основе индивидуальных потребностей и личной мотивации молодых людей. Анализ показал, что различия в опыте прохождения дополнительного образования проявляются при сравнении возрастных групп (18–24 года и 25–35 лет). С возрастом также наблюдается некоторая смена предпочтений среди конкретных направлений подготовки: среди 18–24 лет на первое место выходит изучение иностранных языков, среди 25–35 лет – повышение квалификации). Несмотря на различные планы и интересы, большинство молодых людей высоко оценивают востребованность дополнительного образования в современном мире. При этом наличие опыта такого обучения мотивирует молодых людей продолжать.

Ключевые слова: дополнительное образование, дополнительное профессиональное образование, профессиональное становление, специалисты социально-гуманитарного профиля, социальный процесс.

Введение

Образование выступает основой социализации и профессионального становления личности. Будучи одним из ключевых социальных лифтов, оно позволяет личности достичь более высокого социального положения в обществе. Развитие информационных технологий привело к расширению сфер профессиональной деятельности и возникновению новых индустрий (например, развитие ИИ-сегмента и креативных индустрий на рынке труда), требующих особых навыков и знаний. По выражению генерального директора одной из крупных российских компаний Mail.ru Group Б. Добродеева: «Чтобы оставаться востребованным и реализовывать себя, нужно бежать в разы быстрее, чем рынок труда» [1].

Основным элементом профессиональной социализации по-прежнему является высшее образование, как подтверждение наличия определенного уровня квалификации. Зачастую столкнувшись с реализацией профессиональных обязанностей освоенной специальности на практике, молодые люди осознают несоответствие направления обучения с собственными интересами. Специалисты (в отличие от студентов), обладая уже некоторым опытом, ясно определяют личные потребности и тем самым формируют представления о своей дальнейшей карьере.

Развивая данный тезис, хотелось бы обратить внимание на процесс дополнительного образования, которое «направлено на удовлетворение образовательных и профессиональных потребностей» [7]. Рост востребованности на данное направление обучения, изменяющиеся жизненные обстоятельства, а также особенности молодежной аудитории делает изучение данного сегмента актуальным.

Опираясь только на юридическое определение, дополнительное профессиональное образование воспринимается как инструмент, средство расширения профессиональных возможностей личности. Однако если углубиться в данную проблематику, то можно предположить, что развитие данного направления выступает ответом на изменение современного мира.

В качестве подтверждения сформированной гипотезы следует упомянуть **концепцию «текучей современности»** З. Баумана. Социолог сравнивает две эпохи: «твердую» и «текучую» современность. Сегодня ранее стабильные структуры становятся более гибкими и учатся адаптироваться в условиях модернизации. Модели, паттерны, которые были привычны в прошлом, сегодня уже не так однозначны: «вместо того чтобы служить предпосылкой стиля поведения и задавать рамки для определения жизненного курса, они следуют ему…, формируются и изменяются под воздействием его изгибов и поворотов» [2]. Из-за отсутствия четких границ и готовых путей появляется больше возможностей, а именно «индивидуализированная версия современности».

Тенденция развития общества в целом отмечается и в системе образования. Если раньше существовал единственный инструмент для профессионального становления – высшее образование, то сегодня возникают и другие возможности для освоения специальности. Кроме того, согласно идеям З. Баумана, мир меняется так быстро, что навыков, приобретенных в процессе традиционного обучения, может быть недостаточно [8]. Следовательно, дополнительное профессиональное образование может выступать тем решением, которое поможет нивелировать существующие недостатки системы образования.

Особенности молодых специалистов

В продолжение темы изучения взаимосвязи полученного (или получаемого) образования и профессионального становления молодежи необходимо упомянуть такое явление, как «*парадокс притязаний*» («ambition paradox») [9]. Основная идея заключается в том, что молодые люди не всегда выбирают свой профессиональный путь в соответствии со своими жизненными траекториями. Сам парадокс отражает ситуацию, когда студент с большими амбициями и стремлениями выбирает менее перспективный образовательный путь. Это явление было описано в работе «Амбициозное поколение». Авторы, Б. Шнайдер и Д. Стивенсон, в том числе затрагивали концепции социологии молодежи [10].

Несмотря на то, что исследования охватывали американскую молодежь и проводились более 20 лет назад, их результаты остаются актуальными, и выявленный «парадокс» может помочь более наглядно описать настоящую ситуацию. Другими словами, если рассматривать

данный подход в современных условиях, модель поведения можно проиллюстрировать так: абитуриент предпочитает сделать более простой выбор дальнейшего образования (возможно, будучи подверженным внешним факторам таким, как мнение и советы родителей, учителей, недостаточное количество баллов на государственной аттестации), опасаясь следовать собственным профессиональным траекториям. Школьники могут быть не готовы принимать окончательное решение касательно своей будущей профессии и, в том числе, жизненного пути. В результате ожидание от своего будущего не соответствует или даже противоречит выбранной специализации студента, что и приводит к росту интереса в приобретении дополнительных знаний и навыков уже в той сфере, которая отвечает потребностям и запросам индивида.

Более того, понимая ценности, установки, особенности современного юного поколения, можно объяснить возникновение новых профессиональных и образовательных траекторий. Так, некоторые исследователи выделяют в отдельную группу тех молодых людей, кто *не имеет планов ни на дальнейшее образование, ни на карьерный рост* – «поколение NEET» (Not in Education, Employment or Training) или «Ни-Ни». Возрастные границы совпадают с определением молодых специалистов (15–29 лет) [4].

Существует и противоположная концепция – «*избыточная образованность*». Одной из первых работ по данной теме можно назвать «Образование и работа: мошенничество с подготовкой кадров». В ней социолог И. Берг на основе имеющих баз данных сделал выводы, что личностные характеристики и окружение индивида зачастую оказывают большее влияние, чем «избыточная образованность» (постоянное повышение уровня образования) [11]. Эту же проблему отмечают и сегодня. Согласно исследованиям ВШЭ, 35% выпускников вузов обладают более высоким уровнем образования, чем того требует занимаемая ими должность [3].

Изучая две противоположные стратегии профессионального становления, хотелось бы обратить внимание на возможный первоисточник таких решений. Так, тенденция нежелания (неготовность) брать на себя ответственность характерна не только для образования и карьерного пути. Специалисты выделяют поколение «Maybe Later» (пер. с англ. «Может быть, позже»). Зачастую молодые люди откладывают принятие решений относительно создания семьи, ведения бизнеса, а также получения образования на более поздний срок. В качестве наиболее распространенной причины называют финансовое положение [12]. Однако социолог О. Хлопкова предполагает, что изменчивость и непредсказуемость современного мира приводит к фрустрации в целом: «мир кажется слишком нестабильным, чтобы начинать что-то серьезное» [6].

Таким образом, состояние современной молодежи также можно объяснить с точки зрения «текучей современности» и рассматривать существующие тренды как возможные элементы концепции. Однако здесь отмечается противоречие между «текучей» изменчивостью социального мира и консервативными устоями системы образования.

Догматичная структура проявляется в традиционной траектории профессионального становления молодых людей посредством получения высшей степени квалификации. Дополнительное образование позволяет скорректировать эту проблематику. Молодые специалисты, будучи в начале своего профессионального пути, являются наиболее уязвимой и подверженной влиянию группой.

Отраслевые особенности дополнительного профессионального образования

Отдельно хотелось бы упомянуть особенности дополнительного образования в социально-гуманитарном сегменте. Как отмечалось ранее, определение и характеристики этой категории обучения зафиксированы в федеральном законе № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Основой образования выступают нормативные требования по реализации специальности: «Содержание дополнительных профессиональных программ должно учитывать профессиональные стандарты, квалификационные требования, указанные в квалификационных справочниках по соответствующим должностям, профессиям и специальностям, или квалификационные требования к профессиональным знаниям и навыкам, необходимым для исполнения должностных обязанностей, которые устанавливаются в соответствии с федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации о государственной службе» [7].

В рамках проведенного исследования целевой аудиторией выступали молодые специалисты с высшим образованием, связанным с социально-гуманитарным профилем. Указанная группа специальностей в отличие от других категорий характеризуется недостатком нормативного контроля. Для понимания этих особенностей представлена таблица 1. Для сравнения были отобраны некоторые специальности, которые могут выступать наиболее наглядным примером нормативного регулирования системы дополнительного обучения.

Таблица 1. Наличие требований к ДПО у различных специальностей

Сфера проф. деятельности	Нормативные акты по регулированию ДПО
Здравоохранение	Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (статья 82) Федеральный закон № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»
Образование	Федеральный закон № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (статья 47, 48) Профессиональный стандарт «Педагог»
Государственная гражданская служба	Федеральный закон № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе РФ» (статья 62)
Науки об обществе и человеке	Отсутствуют стандарты и федеральные требования к содержанию, структуре и периодичности реализации дополнительных образовательных программ

Со стороны предложения, отсутствие единого стандарта, фиксирующего объем и регулярность обучения, приводит к разнообразию программ у образовательных организаций. Со стороны спроса, наличие мотивации к прохождению дополнительного обучения по данным направлениям отражает личную заинтересованность молодых специалистов, их самостоятельность при принятии решений.

Таким образом, изучение данной группы специальностей представляет особый интерес для социологического анализа. Если ряд специальностей таких, как педагогика и здравоохранение, уже строго структурирован, и их функционал нормативно закреплен, то система социально-гуманитарного профиля определяется потребностями и запросами самой целевой аудиторией.

Метод и результаты

Для изучения особенностей поведения молодых специалистов был проведен авторский онлайн-опрос «Опыт получения дополнительного образования российской молодежи» в 2025 г. Исследование базировалось на методе онлайн-анкетирования на платформе «Анкетолог» путем рассылки опроса среди участников панели, N=1100 (молодые специалисты социально-гуманитарного профиля (18–35 лет)). Данные получены методом квотной выборки по онлайн-панели.

Согласно полученным результатам, 67% молодых специалистов имели опыт прохождения дополнительного профессионального образования. При этом с возрастом этот процент увеличивается (61% среди респондентов 18–24 лет, 71% – 25–35 лет).

Различия также отмечаются и в направлениях дополнительного профессионального образования разных возрастных групп. Если молодые люди 25–35 лет наиболее часто изучали навыки в рамках своей специальности (повышение квалификации – 40%), то топ тематик у студенческой молодежи (18–24 лет) выглядит по-другому. На первый план выходят более широкие навыки: изучение иностранных языков (35%) и навыки работы в программах (30%). Эксперты объясняли более высоким уровнем осознанности: «Мы работаем в основном со взрослыми самостоятельными людьми, которые обычно знают, что хотят. У них есть цель, они и занимаются для самих себя».

Роль дополнительного образования наглядно представлена при сравнении уровня удовлетворенности выбранной специальностью среди тех респондентов, кто имеет и кто не обладает опытом дополнительного образования (см. рисунок 1).

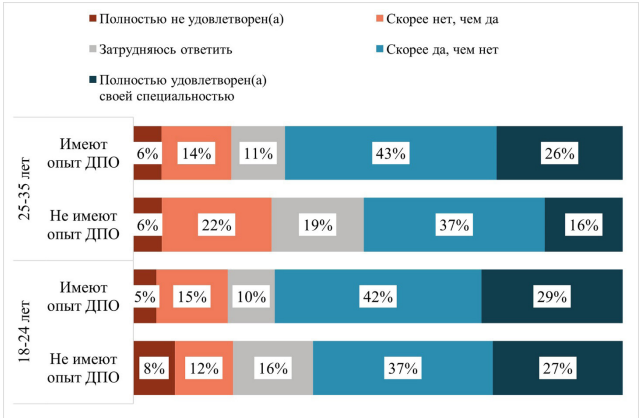

Рис. 1. Удовлетворенность молодых специалистов разных возрастов направлением подготовки в зависимости от наличия / отсутствия опыта прохождения ДПО

Так, наиболее высокий уровень удовлетворенности отмечается у молодых людей, которые получили дополнительное профессиональное образование. Такая динамика ответов подтверждает значимую роль дополнительного образования в профессиональном становлении молодых специалистов. Во-первых, с возрастом повышается самостоятельность при принятии решений. Соответственно, более осознанный выбор карьерного пути в большей степени отвечает персональным интересам. Во-вторых, гибкая и адаптируемая модель обучения также способствует повышению удовлетворенности собственной занятостью.

Интересно отметить, что прохождение дополнительного образования стимулирует молодых людей продолжать обучение и не ограничиваться разовыми курсами: 32% «опытных» респондентов выразили желание продолжить обучение в ближайшее время (по сравнению с 13% молодых людей без опыта дополнительного образования).

Заключение

Переходя от частного к общему, хотелось бы затронуть восприятие актуальности дополнительного образования в целом. Потребность (или необходимость) в расширении имеющихся знаний и навыков определялась через несколько оценочных суждений. Степень согласия с ними представлена на рисунке 2.

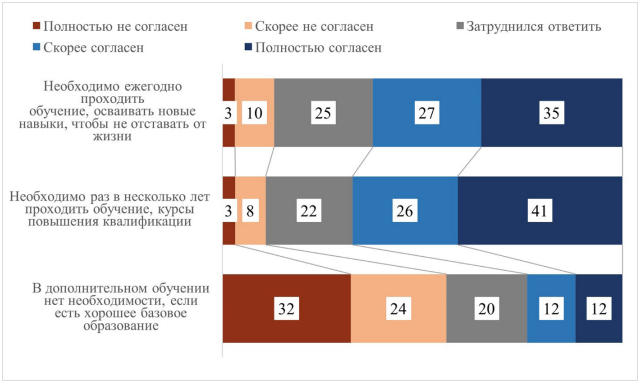

Рис. 2. Степень согласия молодых специалистов 18–35 лет с оценочными суждениями, %

Полученное распределение подтверждается исследованием ВЦИОМ [5]. Так, каждый третий респондент полностью поддерживает необходимость ежегодного обновления знаний (по данным ВЦИОМ, согласие с первым суждением выразили 36% и 40% респондентов 18–24 лет и 25–34 лет соответственно).

Схожий тренд характерен и для второго суждения. Увеличение периода (до нескольких лет) не отразилось на мнении опрошенных – повышение квалификации остается достаточно актуальным для молодежи (41% опрошенных в авторском исследовании; 47% и 41% респондентов 18–24 лет и 25–34 лет, согласно материалам ВЦИОМ).

Таким образом, были рассмотрены различные аспекты дополнительного профессионального образования, а также социальные особенности такой группы, как молодежь. Проведенный анализ позволяет описать современную ситуацию и определить отношение молодых людей к процессу дополнительного обучения. Несмотря на возможный негативный опыт учебы и/или невысокую заинтересованность в расширении своих навыков, в целом молодые люди положительно смотрят на дополнительное обучение.

Следовательно, можно предположить, что направление дополнительного профессионального образования продолжит развиваться и расширять возможности. Такая динамика позволит привлечь молодых специалистов и повысить эффективность их становления и включения в деятельность рынка труда.

Литература

1. Атлас новых профессий 3.0. / под ред. Д. Варламовой, Д. Судакова. – М.: Интеллектуальная Литература, 2020. 456 с.
2. Бауман З. Текучая современность / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
3. Более трети выпускников российских вузов избыточно образованны для своей работы // Ведомости. 2026. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2026/02/15/1176495-bolee-treti-izbitochno-obrazovani
4. Жвитиашвили А.Ш. Новые социальные группы на Западе: общее и особенное // Власть. 2016. № 1. С. 118–124.
5. Запрос на образование // ВЦИОМ, 2021. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zapros-na-obrazovanie-1
6. «Поколение Maybe Later»: почему молодежь откладывает принятие важных решений на потом // Forbes Young, 2026. URL: https://www.forbes.ru/young/562145-pokolenie-maybe-later-pocemu-molodez-otkladyvaet-prinatie-vaznyh-resenij-na-potom
7. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об образовании в Российской Федерации» (ст. 75). URL: https://legalacts.ru/doc/273_FZ-ob-obrazovanii/
8. Bauman Z. Educational Challenges of the Liquid-Modern Era // Diogenes. 2003. Vol. 50, № 1. P. 15–26.
9. Harms W. Schneider's research finds teens ambitious, but lacking direction // The University of Chicago Chronicle. 1999. Vol. 18, № 16. URL: https://chronicle.uchicago.edu/990513/schneider.shtml
10. Schneider B.L., Stevenson D. The ambitious generation: America's teenagers, motivated but directionless. New Haven: Yale University Press, 1999. P. 215–219.
11. Berg I.E. Education and Jobs: The Great Training Robbery. – Clinton Corners, NY: Percheron Press, 2003. 264 p.
12. Gen Z and Millennial Survey // Deloitte Global, 2026. URL: https://www.deloitte.com/content/dam/assets-shared/docs/campaigns/2026/2026-genz-millennial-survey.pdf

CONTINUING PROFESSIONAL EDUCATION FOR YOUNG SPECIALISTS IN THE SOCIAL AND HUMANITARIAN FIELDS

Bessonova M.O.
Moscow State Linguistic University

The purpose of the work is to analyze the continuing professional education of young professionals and its state in the context of modernization of society. The concept of «liquid modernity» by Z. Bauman describes the change of strict rigid principles to flexible adaptive models and patterns of behavior. The same dynamics is observed in the education system – a decrease in demand for the traditional learning trajectory and an increase in demand for continuing educational services. Youth can also be considered as a social group affected by the ongoing changes. The conditions of turbulence lead to the fact that young people choose more «flexible» ways to adapt to modern requirements (for example, additional education as one of the tools of professional development). The paper presents the results of the author's research of young specialists in the social and humanitarian field aged 18–35 years (N=1100). An online survey was used as the main method. The choice of this audience is explained by the distinctive features in the form of a lower degree of regulation of processes (compared with training areas in the field of medicine and / or education) and, accordingly, greater freedom of choice for consumers themselves. The development of continuing professional education in this segment is not structured and is not fixed at the regulatory level. Accordingly, the field of social and humanitarian specialties is of interest, as it is often formed based on the individual needs and personal motivation of young people. The analysis showed that differences in the experience of completing additional education are manifested when comparing age groups (18–24 years and 25–35 years). With age, there is also a slight change in pReferences among specific areas of study: among 18–24 years old, foreign language learning comes first, and among 25–35 years old, advanced training). Despite their different plans and interests, most young people highly appreciate the need for additional education in the modern world. At the same time, the experience of such training motivates young people to continue.

Keywords: additional education, continuing professional education, professional development, social and humanitarian specialists, social process.

References

1. Varlamova, D., Sudakov, D. (Ed.). (2020). Atlas novykh professij 3.0. = Atlas of new professions 3.0. Moscow: Intellektual'naya Literatura. 456 p. (In Russ.)
2. Bauman, Z. (2008). Tekuchaya sovremennost' = Liquid modernity. Saint Petersburg: Piter. 240 p. (In Russ.)
3. Bolee treti vypusknikov rossijskikh vuzov izbytochno obrazovanny dlya svoej raboty = More than a third of Russian university graduates are overly educated for their jobs (2026). Vedomosti. URL: https://www.vedomosti.ru/society/articles/2026/02/15/1176495-bolee-treti-izbitochno-obrazovani (In Russ.)
4. Zhvitiashvili, A. Sh. (2016). Novye sotsial'nye gruppy na Zapade: obshchee i osobennoe = New social groups in Western societies: general and particular features. Vlast. 1, 118–124. (In Russ.)
5. Zapros na obrazovanie = Request for education. (2021). VCIOM. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zapros-na-obrazovanie-1 (In Russ.)
6. «Pokolenie Maybe Later»: pochemu molodezh otkladyvaet prinyatie vazhnykh reshenij na potom = «Maybe Later Generation»: why young people postpone making important decisions for later (2026). Forbes Young. URL: https://www.forbes.ru/young/562145-pokolenie-maybe-later-pocemu-molodez-otkladyvaet-prinatie-vaznyh-resenij-na-potom (In Russ.)
7. Federal'nyi zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ «Ob obrazovanii v Rossiiskoi Federatsii» = On Education in the Russian Federation (as amended, effective from July 31, 2025). https://docs.cntd.ru (In Russ.)
8. Bauman, Z. (2003). Educational Challenges of the Liquid-Modern Era. Diogenes, 50 (1), 15–26.
9. Harms, W. (1999). Schneider's research finds teens ambitious, but lacking direction. The University of Chicago Chronicle, 18 (16). URL: https://chronicle.uchicago.edu/990513/schneider.shtml
10. Schneider, B.L., Stevenson, D. (1999). The ambitious generation: America's teenagers, motivated but directionless. New Haven: Yale University Press. 344 p.
11. Berg, I.E. (2003). Education and Jobs: The Great Training Robbery. Clinton Corners. NY: Percheron Press, 264 p.
12. Gen Z and Millennial Survey (2026). Deloitte Global. URL: https://www.deloitte.com/content/dam/assets-shared/docs/campaigns/2026/2026-genz-millennial-survey.pdf

Парадигмальные основания социального проектирования мезосферы образовательной среды

Валиев Ильдар Накипович,
кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии, Елабужский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета
E-mail: val2876@mail.ru

Виноградов Владислав Львович,
кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики, Елабужский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета
E-mail: vinogradov.ksu@yandex.ru

В статье анализируются парадигмы проектирования мезосферы образовательной среды. Обосновано, что ее основная функция заключается в структурировании стохастического влияния на личность («формообразование»). Ведущую роль здесь играют общности-носители социальной формы: образовательные группы, семья и стихийные группы. Автор доказывает, что проектирование мезосферы невозможно на базе системного подхода из-за многообразия и латентности влияний. Оптимальным решением выступает синтез комплексного, синергетического и эволюционистского подходов. В качестве детерминанты формирующего воздействия предложена теория сплоченности ученических групп (А.И. Донцов, А.В. Петровский, В.В. Шпалинский и др.) [1;2;3]. Особое внимание уделено проблеме взаимодействия семьи и школы. Выявлено противоречие между встречными воспитательными требованиями этих институтов при отсутствии механизмов их взаимного влияния. Решение видится в разработке механизмов интеграции влияния семьи и школы через активное включение родителей в процесс сплочения ученических коллективов.

Ключевые слова: мезосфера образовательного пространства; социальное проектирование; синергетический подход; групповая сплоченность; управление образованием.

Основной функцией мезосферы образовательной среды является структурирование влияния на личность или ее формообразование – придание целостности многообразным воздействиям. Если образовательная деятельность направлена на дискретное усвоение качеств, то формирующее воздействие обеспечивает их интеграцию в структуру личности и проявление в социальных отношениях. Сложность проектирования мезосферы заключается в том, что индивид одновременно включен во множество контактных общностей. Совокупное влияние этих групп не носит системного характера, что делает применение классической системной парадигмы управления неэффективным. Более релевантным представляется комплексный подход. В отличие от системы, комплекс представляет собой менее организованную совокупность элементов с опосредованной связью (например, школьные проблемы могут обострить семейный кризис, хотя и не являются его прямой причиной). Однако комплексного подхода недостаточно для описания динамичных взаимосвязей. Более продуктивным выступает синергетический подход, рассматривающий среду как состояние «устойчивого неравновесия». Одной из наиболее адекватных моделей здесь является теория детерминированного хаоса. Согласно этой модели, поведение множества переменных кажется хаотичным, но подчиняется общему вектору движения («потоку») [4]. Иллюстрацией служит поезд: движение пассажиров внутри вагона хаотично, но полностью определяется скоростью и направлением состава. Поиск такой детерминанты позволяет сделать процесс становления личности целенаправленным, но не насильственным, сохраняя личную свободу индивида. Для описания конкуренции доминантных групп за влияние на индивида целесообразно использовать эволюционистскую парадигму. В условиях рыночного общества межгрупповое взаимодействие рассматривается через призму «борьбы за существование» и конкурентного сосуществования. Таким образом, эффективное управление формированием личности требует синтеза синергетического и эволюционного подходов, где доминантная группа выступает аттрактором развития индивида в поле множественных влияний.

Прежде всего, нужно отметить, что формирующая роль малых социальных групп является настолько выраженной, что в процессе организации и управления формирующей деятельностью мы вынуждены считать социальную группу основным элементом формирующей социальной системы. В данном случае мы не вступаем в противоречие с выводами предыдущего параграфа, в соответствии с которыми основным элементом воспитательной системы целесообразно считать социальную функцию как предельно абстрагированный набор действий. Центральная и мезосфера образовательной среды существенно (качественно) отличаются друг от друга, что обусловливает возможность смены парадигм их анализа и, в частности, представлений об их элементной структуре. Тем более что предложения связать проблему социального элемента с социальными группами и общностями достаточно распространено в социологии. Многообразие социальных групп, оказывающих формирующее воздействие на личность, целесообразно классифицировать по характеру их организации.

В данной типологии выделяются три основные группы агентов влияния:

1. Образовательные общности. К ним относятся формализованные структуры: ученические классы общеобразовательных школ, академические группы в учреждениях среднего профессионального и высшего образования, а также детские объединения дополнительного образования (кружки, секции). Их ключевой характеристикой является институциональная заданность целей развития личности.

2. Семейно-родственные группы. Современная социальная структура характеризуется нуклеаризацией семьи – проживанием молодых супругов отдельно от старшего поколения. Вследствие этого возникает сложная система дифференцированных связей: собственная семья индивида, родительские семьи с обеих сторон, расширенная сеть родственников. Данная множественность исключает рассмотрение родственного окружения как единого актора, требуя учета специфики каждой конкретной семейной подгруппы.

3. Стихийно-референтные группы. К данному типу относятся неформальные сообщества по месту жительства или компании, сформированные из бывших одноклассников/одногруппников после прекра-

щения совместной учебной деятельности. Особенностью таких групп является отсутствие формально закрепленных целей при сохранении высокой значимости межличностной привязанности.

Основными проблемами организации формирующей деятельности являются качество отношений во всех типах групп и взаимодействие этих групп друг с другом. Рассмотрим эти проблемы поэтапно. Анализ специальных исследований в области проблем группообразования (А.И. Донцов, Р.С. Немов, А.В. Петровский и др.) [1; 5; 2] указывает на сплоченность группы как показатель ее социальной эффективности. Представляя собой (в самом общем виде) показатель прочности межличностных отношений в малой группе, сплоченность (с позиций теории рационального выбора) характеризует степень удовлетворения потребностей и интересов человека в рамках соответствующей групповой деятельности.

В силу ярко выраженной специфики рассматриваемых типов групп, проанализируем проблему их сплочения отдельно.

Наибольший интерес с точки зрения предмета настоящего исследования представляют учебные группы. Во-первых, это группы, членство в которых оказывает достаточно сильное формирующее значение в силу того, что в этих группах учащиеся проводят значительный промежуток времени. Во-вторых, основным институтом, осуществляющим функции управления образовательной деятельностью, является институт образования.

Рассматривая проблему сплочения учебных групп (вне зависимости от уровня образования), прежде всего отметим, что сама по себе сплоченность имеет трехуровневую природу. При этом уровни сплоченности определяются главным образом на основании характера потребностей и интересов, удовлетворяемых в процессе совместной деятельности и являющихся доминирующими для данной ученической общности.

Самый внешний уровень сплоченности (эмоционально-коммуникативный) связан с удовлетворением потребности учащихся в общении как таковом. Если потребность в общении (установлении и поддержании коммуникативных связей) является индивидуально наиболее значимой для учащихся, то можно сказать, что сплоченность данной учебной группы – это характеристика прочности межличностных отношений, зависящая от характера и интенсивности процессов общения внутри ученической общности.

Любая учебная группа, имеющая более или менее длительный опыт взаимодействия, разделена на несколько подгрупп, из которых могут выделяться одиночки. По результатам социально– психологических исследований оптимальные размеры группы общения располагаются в пределах трех – семи человек. Процесс интенсивного внутригруппового общения приводит к выявлению учащимися круга наиболее подходящих по интересам и образу жизни товарищей по учебе. Для учебных групп, стандартные размеры которых, традиционно, располагаются в пределах 25-ти учащихся, можно предположить существование в их структуре от трех и более подгрупп.

Однако, несмотря на естественность указанного процесса разбиения, последнее может нанести ощутимый удар по сплоченности. Если в учебной группе образовалось несколько неформальных подгрупп, то для сплочения такой учебной общности мы должны эти подгруппы объединить. Для этого нужно найти точки соприкосновения между ними, обусловливающие необходимость взаимодействия между собой уже не отдельных учащихся, а подгрупп, которые они составляют. И если это удастся, то мы получим сплоченную ученическую общность, для которой сплоченность (функционального уровня), представляется как характеристика прочности межличностных отношений, основывающаяся на взаимодействии подгрупп между собой в процессе единой для всей общности групповой деятельности.

Третьим, высшим, уровнем сплоченности характеризуются ученические общности, учащиеся в которых объединены не только деятельностью, способной удовлетворить их личные потребности, но и ценностями, далеко выходящими за рамки собственного существования. В данном случае говорят, что учащиеся объединены общими ценностными ориентациями. Для таких общностей сплоченность (смысловой уровень) – характеристика прочности межличностных отношений, основанная на общности ценностных ориентаций (ценностно-ориентационном единстве) составляющих общность учащихся. Вне зависимости от уровня сплоченности ученической общности, система взаимодействия в ней проявляется в двух сферах – функциональной и межличностной, что обусловливает целесообразность выделения соответствующих типов сплоченности. Функциональная сплоченность связана с формальными отношениями, возникающими в процессе регламентированной социальной деятельности. Основная социально-значимая деятельность учащегося – обучение. Поэтому функциональная сплоченность учебной группы проявляется в сфере учебного взаимодействия и, соответственно, связана с удовлетворением потребностей и интересов, характеризующих процесс обучения.

Исследования показывают, что нередки случаи, когда учебная деятельность, сама по себе, не является личностно-значимой для учащегося. Чаще она мотивируется косвенным образом: похвалой со стороны родителей, материальными поощрениями за успехи в учебе, социальным статусом, возможностью занять определенное положение и т.п. Кроме того, мы вынуждены признать, что сама по себе учебная деятельность не всегда способствует развитию коммуникативных связей. Более того, являясь, по существу, индивидуально-направленной деятельностью, учеба развивает направленность личности на себя. Поэтому функциональную сплоченность учебной группы можно рассматривать как результат внутренне (по отношению к ученической общности) отлаженной системы взаимодействия, позволяющей учащимся совместными усилиями выполнять формальные требования или создавать иллюзию их выполнения. Это может быть и система несанкционированной педагогом (а значит тайной) взаимопомощи во время контрольных работ, списывание домашних заданий, распределение желающих отвечать на занятиях и т.д. Это может быть и система взаимопомощи в освоении учебного материала, система взаимного консультирования, активной помощи в подготовке домашнего задания. Конечно, последнее, с педагогической точки зрения, более желательно. Поэтому, социальная и педагогическая значимость функциональной сплоченности может иметь не только положительную, но и отрицательную значимость. В дальнейшем, говоря о функциональной сплоченности, мы будем иметь в виду педагогически положительные ее аспекты (контролируемые в процессе управления воспитывающей деятельностью).

Значимость учебной деятельности для процессов межличностного взаимодействия на первом этапе (уровне) развития сплоченности определяется возможностью учебного процесса способствовать установлению личных связей учащихся друг с другом. Для ученической общности, находящейся на втором уровне развития групповых отношений, функциональная сплоченность связана с тем, что обучение как деятельность является одной из равноправных направлений совместной деятельности. И, наконец, на третьем этапе развития сплоченности учебная деятельность для учащихся выступает в качестве ценностно значимой. Нетрудно заметить, что значимость функциональной сплоченности, точнее, ее социально-значимого компонента, как составляющей сплоченности вообще, возрастает в процессе развития ученической общности.

Мотивационной основой межличностной сплоченности является взаимодействие индивидов в области удовлетворения личных потребностей и интересов, не связанных с формальной деятельностью. Сама по себе регламентированная формальная деятельность не может удовлетворить все запросы включенного в нее индивида. В связи с этим, как уже отмечалось ранее, внутри формальной общности учащихся возникает несколько неформальных объединений. В большинстве случаев члены неформальных объединений отличаются друг от друга не наличием или отсутствием определенной совокупности интересов, а степенью их актуализации. Последнее определяет две формы неформального внутригруппового взаимодействия: непосредственно межличностное взаимодействие (внутри неформальной общности) и межгрупповое взаимодействие (между неформальными общностями).

Совокупность потребностей и интересов, определяющих процесс интрагруппового взаимодействия, целесообразно разделить на несколько множеств в соответствии с уже использованным нами пониманием структуры личности, каждому из компонентов которой соответствует определенный вид деятельности:

1. Биотические потребности и интересы, удовлетворяемые в рамках спортивной и физкультурно-оздоровительной сфер деятельности (занятия тяжелой и легкой атлетикой, культуризмом, туризмом, гимнастикой и т.п.).

2. Психические потребности и интересы, реализуемые в эмоционально-коммуникативном взаимодействии и деятельности культурно-досуговой сферы.

3. Сознательные потребности и интересы, связанные со стремлением к получению новой информации и освоению новых алгоритмов ее обработки.

4. Социальные потребности и интересы, обусловленные стремлением к замещению определенных статусных позиций и реализуемые, прежде всего, в сфере организации и управления различными сторонами жизнедеятельности группы.

5. Духовные потребности и интересы, проявляющиеся в ценностно-ориентированной деятельности.

Все обозначенные потребности и интересы присущи каждому человеку, но выражаются с различной силой. Поэтому в группе учащих-

ся практически невозможно найти человека, которого не интересовали бы танцевальные дискотеки, походы и общение с друзьями. Но в силу своей, личной, специфики каждый человек отдает предпочтение чему-то одному, главному для него. Если в группе находятся учащиеся, разделяющие специфические наклонности кого-либо из товарищей по учебе, то они образуют неформальную группу. Желательность удовлетворения «оставшихся» интересов создает основу для взаимодействия между неформальными объединениями внутри общности.

Таким образом, наличие нескольких неформальных групп, организованность их деятельности и интенсивность межгрупповых контактов могут иметь большой сплачивающий потенциал, при условии бесконфликтного взаимодействия. Последнее во многом определяется степенью ценностно-ориентационного единства (ЦОЕ) членов неформальных объединений (точнее их ценностно-ориентационной непротиворечивостью). На первом этапе развития межличностных отношений, недостаточная значимость смысловых аспектов жизнедеятельности указывает на способность учащихся безболезненно относиться к разногласиям в ценностной области и жертвовать собственным мнением ради сохранения стабильности межличностных отношений. Однако это справедливо не для всех областей ценностно-ориентационной сферы взаимодействия. Исключением являются ценности межличностного взаимодействия (добрые отношения, отсутствие конфликтов и т.п.), имеющие гипертрофированное значение для общностей начального этапа развития.

Для членов ученических общностей, находящихся на первом уровне развития, наиболее значимо отношение окружающих к их собственным личностным характеристикам, адекватность их реагирования представлениям учащихся о себе. Межличностное взаимодействие на данном уровне происходит преимущественно в сфере эмоционального восприятия, что определяет наибольшую значимость межличностной формы сплоченности в структуре групповой сплоченности первого уровня. Переход ученической общности на второй уровень сплоченности характеризуется возрастанием личностной значимости формальной (учебной) деятельности для учащихся. Это накладывает отпечаток и на характер межличностной сплоченности – формальная деятельность переходит из разряда средства удовлетворения не связанных с ее предметом потребностей в разряд самой потребности. Другими словами, приводившийся ранее перечень основных потребностей и интересов, удовлетворение которых происходит в рамках интрагруппового взаимодействия, для общностей второго уровня развития должен быть дополнен потребностями учебной сферы (или познавательными потребностями). Что касается межличностной сплоченности третьего уровня, то ее мотивационная основа строится на базе смысловых потребностей учащихся. В установлении межличностных отношений важное значение имеет обусловленность индивидуальных контактов «сверхличными» идеалами.

По сравнению с двумя предыдущими этапами развития отношений, третий этап характеризуется не только сформированностью познавательных потребностей, но и усвоением социальной и духовной значимости образования (самообразования) и воспитания (самовоспитания) вообще [6].

Механизмы сплочения учебных групп различного типа к настоящему времени достаточно подробно изучены и описаны в специальной литературе, что создает условия для эффективного управления сплочением. При этом возможно создать условия, при которых учебная группа пройдет последовательно все три этапа сплочения: эмоционально-коммуникативный, функциональный и смысловой. Таким образом, процесс сплочения вполне может выступать доминантой формирующей деятельности в границах мезосферы образовательной среды. На первом этапе формируются качества, способствующие усвоению норм и правил эмоционально-коммуникативного взаимодействия, на втором – функционального, и на третьем – смыслового, ценностно-ориентационного взаимодействия. Помимо прочего, в процессе сплочения раскрываются индивидуальные способности и возможности человека к иным видам деятельности. Если сплочение учебных групп не представляет собой сколько-нибудь серьезной проблемы (разработаны теоретические аспекты и апробированы технологические), то воздействие на семью с целью усиления ее формирующего воздействия является более чем проблематичным. Справедливости ради стоит отметить, что и в современном обществе, характеризующемся углубляющимся кризисом семьи, формирующая роль семьи и семейных отношений огромна. Психика человека в целом формируется к 3-летнему возрасту, сознательная составляющая личности – к 7-летнему. Таким образом, в школу ребенок приходит уже практически сформированной личностью. Именно до школы воздействие семьи на ребенка наиболее интенсивно. Даже если родители не уделяют ребенку «излишнего» внимания, он все равно впитывает в себя сложившиеся в семье стереотипы отношения к миру, взаимодействия друг с другом, усваивает традиции отношения к взрослым, основы национального образа жизни, пищевые традиции и многое другое. Проблемы начинаются с приходом ребенка в школу, когда значительную часть времени он проводит вне семьи и вне пристального внимания воспитателей, как это было в детском саду.

В большинстве случаев (об этом говорилось выше) работа школы с семьей ограничивается совокупностью мероприятий, связанных с попытками учителей и школьных психологов транслировать родителям основные требования к воспитанию их собственных детей с позиций теоретической педагогики. Эффективность этих мероприятий ничтожна, так как в результате никакая семья не будет менять или сколько-нибудь принципиально корректировать сложившийся образ жизни. Таким образом мы сталкиваемся с противоречием между встречным предъявлением образовательных требований семьей и школой друг другу и отсутствием эффективных механизмов взаимного воздействия семьи и школы друг на друга. Ребенок в этой ситуации оказывается предоставленным сам себе, попадая между молотом и наковальней.

Выход из очерченного положения видится в формализации (институционализации) взаимодействия семьи и школы. Первоочередное внимание следует обратить на традиции школы. Родители привыкли «доверять» школе, поскольку это помогает переложить ответственность за собственные огрехи в воспитании (которые видимы всегда безотносительно к эффективности воспитания). Привычка «доверять» школе со временем трансформируется в традицию бездействия, в позицию пассивного наблюдателя, охотно принимаемую многими родителями. Эту традицию необходимо подменить традицией Сотрудничества, что, само по себе, задача крайне сложная.

Формирование традиции сотрудничества семьи и школы целесообразно начинать с первого класса. Именно в это время родители в наибольшей степени обеспокоены судьбой своих детей. На первом же классном собрании целесообразно предложить, например, выйти всем вместе – родителям и детям – на природу. Смысл очевиден: нам вместе жить и делить проблемы целых 11 лет. Общность переживаний и атмосфера похода сделают свое дело. Если всё пройдет хорошо, можно предложить подобным походом начинать и заканчивать каждый учебный год – хорошее начало для формирования традиций.

Первый год обучения, когда всё «в первый раз», благоприятное время для общих классных родительски-детских «посиделок» по поводу каких-либо праздников. Это могут быть как мероприятия, связанные с жизнью класса (вечер знакомства, дни рождения…), так и общегосударственные или международные праздники. По мере взросления детей родители неизбежно начнут обособляться – «У вас свой праздник – у нас свой». Не беда. Главное, чтобы эти праздники были рядом.

Итак, мы уже имеем 5–7 общеклассных мероприятий в год. Чтобы эти мероприятия были наименее затратны и наиболее разнообразны желательно, чтобы ответственные за их проведение родители постоянно менялись. Таким образом получится, что каждый из родителей будет выполнять функции организатора максимум 1 раз в год. Всё же остальное время он будет пользоваться результатами труда других родителей. Затрат минимум, а эффект ощутимый.

И все-таки этого мало. Праздники праздниками, но есть и будни. Для того чтобы насытить их разнообразными событиями не потребуется много усилий. Можно попросить родителей о минимальной помощи. Пусть каждая семья в меру своих сил и возможностей возьмет на себя труд провести одно интересное занятие в год. Это может быть всё, что угодно, в зависимости от интересов и увлечений родителей: изготовление масок из папье-маше, посещение кинотеатра или музея, экскурсия на производство, прогулка по городу, встреча с интересным человеком и т.д. Если фантазия у родителей не богата и возможности не велики – немного подскажем им и поможем. И опять-таки мы получим максимальный эффект при минимуме затрат. Поработав на класс один раз в год мы обеспечим своим детям примерно 25 мероприятий в год, т.е. практически каждую неделю. Это уже что-то, но возможности родителей этим еще не ограничиваются.

Следующий благоприятный период для активизации родительской деятельности – четвертый класс. Впереди очень значимое событие – окончание начальной школы. Через год уже не будет уютной «собственной» классной комнаты и надежной «классной мамы». Как облегчить детям переход к новой системе обучения? Эта проблема беспокоит многих родителей. Помимо всего прочего, значимые изменения в это время происходят в среде самих школьников. Монолитный класс, в котором все общаются со всеми и дружеские отношения так же легко распадаются, как и устанавливаются, начинает делиться на устойчивые группки общения. Именно эти группки и могут обеспечить впоследствии ту психологическую (а часто и физическую) защиту, в которой

так остро будут нуждаться ученики в недалеком будущем. Как в этой ситуации могут помочь родители?

Каждая семья периодически выходит с детьми «в люди». Это может быть посещение цирка, рыбалка, прогулка в лес и т.д. Можно попросить родителей, собирающихся куда-либо, взять с собой 2-х или 3-х одноклассников сына (дочери). Очевидно, выбор падет на тех, кто более симпатичен и с кем хочется провести время. За небольшим количеством детей присмотреть не проблема, да и детям будет интереснее в компании. Если родители приглашенных детей ответят тем же, то «загруженность» учащихся неформальным общением возрастет, соответственно, в 2–3 раза. Таким образом, мы еще более насытим досуг детей, существенно обогатим их опыт социального взаимодействия и сплотим класс. Вряд ли необходимо говорить о каких-либо принципиальных изменениях во взаимодействии родителей и школы по мере взросления детей. Принципиально будет изменяться не сама схема, а ее насыщение. Изменится стиль взаимоотношений в треугольнике «учителя – родители – ученики». Если за 3–4 первых года обучения сформируется единая родительско-ученическая общность, если отношения в этой общности станут открытыми и доверительными, то всё остальное приложится. Теперь остановимся на проблеме стимулирования взаимодействия семьи и школы. Во-первых, очевидно, что предложенная модель сотрудничества создает достаточные условия для реализации определенных потребностей и интересов родителей на основе школьной деятельности. Во-вторых, подчеркнем, что каждое направление деятельности родителей должно сразу формализовываться, превращаться в календарные планы, расписания и т.п.

Алгоритм работы с семьями учащихся должен быть утвержден в качестве обязательного локального акта школы. Результаты данного взаимодействия целесообразно интегрировать в критерии оценки эффективности деятельности учителя при прохождении аттестации и должностном продвижении. Эффективность этого процесса напрямую зависит от использования профессионального потенциала родителей. Наиболее перспективными направлениями активизации родительского участия являются создание клубов по интересам и организация консультационных пунктов. Микрорайонная локация школ позволяет использовать их материально-техническую базу (помещения, мастерские) для развертывания клубной деятельности, что способствует консолидации родительского сообщества. Наиболее сложной задачей остается управление формирующим воздействием стихийных групп сверстников. Поскольку компания является слабоуправляемой структурой ввиду отсутствия формального лидера, единственным методом воздействия выступает перевод ее в категорию опосредованно управляемых общностей через интеграцию участников в организованную деятельность класса. По степени сложности влияния на компанию, находящуюся в «тени» социальной жизнедеятельности, оказываемое ею воздействие на личность приближается к стохастическому. Вместе с тем, проводившиеся исследования указывают на то, что именно компания часто является той общностью, через которую на личность оказывается криминогенное воздействие. Часто именно в компании молодой человек приобщается к табакокурению, алкоголю, наркотикам и т.п. Велико и влияние компании на мировоззрение и мировосприятие формирующейся личности. Достаточно вспомнить широко распространенное до недавнего времени в молодежной среде мировоззрение «пацанов», проникнувшее и в образовательные учреждения, блокировавшее социально позитивную активность молодого поколения. Проведенное нами исследование удовлетворенности старшеклассников отношениями в различных группах (объем выборки = 496 учащихся) показало интересные результаты. Полная удовлетворенность отношениями в компании коррелирует с полной удовлетворенностью отношениями в семье, с товарищами по учебе и с другом (во всех случаях вероятность нулевой гипотезы меньше 1%). В то же время статистически значимая корреляционная зависимость наблюдается между удовлетворенностью отношениями в компании и полной неудовлетворенностью отношениями с учителями ($p < 0,05$). Парадоксальным является то, что учащиеся, не имеющие компании вне школы, абсолютно не удовлетворены отношениями в семье ($p < 0,05$), характеризуют свои отношения с одноклассниками как «очень плохие» ($p < 0,01$) и не имеют друга или подруги ($p < 0,01$). Последнее вступает в противоречие с логически целесообразным предположением о компенсаторной роли компании в структуре многообразных социальных отношений учащихся и переводит проблему кризиса отношений в категорию психологических. С другой стороны, статистически достоверная связь удовлетворенности отношениями в компании с удовлетворенностью отношениями в семье и с товарищами по учебе указывает на объективную возможность влияния на компанию через семью и ученические группы соответственно. Создание возможности привлечения к внеучебной деятельности неформальных молодежных групп (компаний) создает условия для их перевода из области социальной «тени» в «светлую» область социального взаимодействия. Заполняя свободное время учащихся, мы должны позаботиться о развитии их миропонимания, общей культуры с максимально возможным учетом их индивидуальности. Сделать это технологически возможно только лишь предоставив им богатый перечень предложений, из которых они могут самостоятельно выбрать те, которые оцениваются как более интересные (а значит, более соответствующие биопсихосоциальным и духовным особенностям). Необходимо насытить жизнь учебного заведения самыми разнообразными по форме и содержанию видами деятельности, не особо заботясь об их согласованности между собой. Город как основная составляющая среды обитания учащихся в состоянии решить эту задачу посредством организации внутригородского взаимодействия. Какими возможностями обладает город в этой области. Серьезным подспорьем в организации мезосферы образовательной среды может оказаться наличие в городе: государственных и коммерческих вузов (филиалов); средних специальных учебных заведений; учреждений культуры; городских клубов. Это тысячи школьников, студентов и обучающихся, сотни квалифицированных педагогических работников. Необходимо только решить проблему привлечения этого богатого потенциала к решению проблем организации образовательной деятельности.

Обозначенная проблема может быть эффективно решена только в случае включения работы в области организации формирующей деятельности в систему формальных обязанностей образовательных и культурных организаций.

Итак, мезосфера образовательной среды выполняет ключевую функцию формообразования личности, обеспечивая структурирование многообразных стохастических воздействий на процесс ее становления. Ведущую роль в реализации данной функции играют социальные общности-носители: образовательные группы, семейные структуры и стихийно-референтные сообщества (компании по месту жительства или бывшие коллективы). Совокупное влияние этих групп не носит системного характера, что делает применение классических моделей управления неэффективным.

Доказано, что задачам проектирования мезосферы в большей степени соответствует синтез комплексного, синергетического и эволюционного подходов. Эмпирическую детерминанту формирующего воздействия составляет процесс сплочения ученических коллективов, определяющий прочность межличностных связей и ценностную целостность группы. Выявлено противоречие во взаимодействии семьи и школы: встречное предъявление воспитательных требований при отсутствии механизмов взаимной координации снижает эффективность формирования личности. В связи с этим разработка механизмов взаимодействия системы образования с семьями должна базироваться на принципе интеграции их влияния. Практическая реализация данного подхода предполагает активное включение родителей в образовательный процесс, в частности – в деятельность по консолидации ученических сообществ. Это позволит повысить прогнозируемость результатов воспитания и обеспечит интеграцию усилий всех субъектов образовательной среды.

Литература

1. Донцов, А.И. Психология коллектива / А.И. Донцов. – Москва: Изд-во Моск. ун-та,1984. – 208 с.
2. Петровский, А.В. Вопросы истории и теории психологии: Избр. труды / А.В. Петровский. – Москва: Педагогика,1984. – 272 с.
3. Шпалинский, В.В. Соотношение реальных и социометрических выборов в группах разного уровня развития / В.В. Шпалинский // Новые иссл. в психол. – 1980. – № 1. – С. 63–65.
4. Бороноев, А.О. О понятиях «общество» и «социальное» / А.О. Бороноев, П.И. Смирнов // Социологические исследования. – 2003. – № 8. – С. 3–11.
5. Немов, Р.С. Социально-психологический анализ эффективной деятельности коллектива / Р.С. Немов. – Москва: Педагогика, 1984. – 200 с.
6. Виноградов, В.Л. Программно-целевой подход к деятельности академических групп / В.Л. Виноградов, А.И. Синюк // Высшее образование в России. – 1997. – № 2. – С. 114–116.

PARADIGMATIC FOUNDATIONS OF SOCIAL DESIGN OF THE MESOSPHERE OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT

Valiev I.N., Vinogradov V.L.
Elabuga Institute of Kazan Federal University (Branch)

The article analyzes possible paradigms for designing the mesosphere of the educational environment, considering its role in personality formation. The primary function of the

mesosphere is defined as structuring the stochastic influence on personality development and ensuring integrity – a process referred to as "formative impact." The author argues that due to the diversity and latency of these influences, traditional systemic approaches are insufficient for design purposes. A more productive solution involves synthesizing complex, synergistic, and evolutionist approaches. Specifically, the theory of group cohesion proves effective as a determinant of formative influence. Analysis shows that elements such as student group cohesion – reflecting both interpersonal relationship strength and emotional/value-based integrity – serve as key drivers of this process. Particular attention is paid to managing the family's formative influence from the perspective of the education system as a core element of the mesosphere. In modern conditions, the effectiveness of family-school interaction declines due to an objective contradiction: mutual but uncoordinated educational demands between families and schools, coupled with a lack of effective mechanisms for their mutual influence. This indicates the necessity of developing interaction mechanisms within the educational environment project. The proposed solution involves integrating family influence through the active inclusion of parents in the educational process, specifically targeting the consolidation of student communities.

Keywords: mesosphere of educational environment; social design; synergetic approach; group cohesion; educational management; family-school relations.

References

1. Dontsov, A.I. Psychology of the collective / A.I. Dontsov. – Moscow: Publishing House of Moscow. University, 1984. – 208 p.

2. Petrovsky, A.V. Questions of the history and theory of psychology: Selected works / A.V. Petrovsky. Moscow: Pedagogika Publ., 1984. 272 p.

3. Shpalinsky, V.V. The Relationship between Real and Sociometric Choices in Groups of Different Levels of Development / V.V. Shpalinsky // New Research in Psychology. – 1980. – No. 1. – Pp. 63–65.

4. Boronoev, A.O. On the Concepts of "Society" and "Social" / A.O. Boronoev, P.I. Smirnov // Sociological Research. – 2003. – No. 8. – Pp. 3–11.

5. Nemov, R.S. Socio-psychological analysis of the effective activity of a team / R.S. Nemov. – Moscow: Pedagogika, 1984. – 200 p.

6. Vinogradov, V.L. Program-target approach to the activities of academic groups / V.L. Vinogradov, A.I. Sinyuk // Higher education in Russia. – 1997. – No. 2. – Pp. 114–116.

Иностранный язык как социальный лифт после ChatGPT. Трансформация языкового капитала в условиях распространения генеративного искусственного интеллекта

Дробышева Наталия Николаевна,
кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: nndrobysheva@fa.ru

Способность пользоваться иностранным языком долгое время давала преимущество там, где доступ к информации, образованию или профессиональным контактам зависел от личной языковой подготовки. После массового распространения генеративных моделей часть таких операций перестала быть дефицитной. Перевод, черновик письма и первичная редактура теперь выполняются почти мгновенно, но это не означает автоматического исчезновения языкового капитала. В статье сопоставлены исследования экономики языка, цифрового неравенства, производительности при использовании GenAI и практики иноязычной подготовки студентов неязыковых направлений. Российские и зарубежные оценки показывают, что отдача от иностранного языка и до появления ChatGPT различалась по уровню владения и типу занятости. Эксперименты с GenAI, напротив, демонстрируют наиболее заметный прирост на стандартизируемых текстовых задачах и у менее опытных исполнителей. На этой основе предлагается трактовать происходящее как перераспределение компонентов языкового капитала. Его новая конфигурация связывает языковую компетентность с AI literacy, предметным знанием, межкультурной чувствительностью и способностью проверять машинный результат. Для преподавания иностранного языка это означает перенос части учебной нагрузки с производства типового текста на смысловой контроль и аргументированное редактирование AI-опосредованной коммуникации.

Ключевые слова: языковой капитал, социальная мобильность, генеративный искусственный интеллект, иностранный язык, цифровое неравенство, AI literacy, иноязычное образование.

Введение

Появление ChatGPT изменило не сам факт существования языкового барьера, а его вес. Еще недавно даже обычное письмо иностранному партнеру предполагало собственный запас лексики, грамматики и жанровых норм. Теперь черновик такого письма можно получить за несколько секунд. При этом работодатели не перестали указывать английский в требованиях, а университеты не исключили иностранный язык из программ. Получается довольно неудобное для простой технологической логики расхождение. Машина берет на себя заметную часть языковой работы, но социальная ценность языка не исчезает вместе с этой работой.

Для социологического анализа существенен именно этот разрыв между навыком и его конвертацией. У П. Бурдье язык получает капиталовую форму не сам по себе, а внутри поля, где определенные способы речи признаются и вознаграждаются [1]. В экономике образования близкую функцию выполняет человеческий капитал, который связывает приобретенные компетенции с производительностью и отдачей на рынке труда [2]. Поэтому вопрос статьи формулируется не как спор о том, способен ли алгоритм переводить лучше студента. Интерес представляет другое. Какие части языковой компетентности сохраняют способность превращаться в доход, доступ к профессиональным позициям и образовательную мобильность, когда рутинное производство текста становится дешевой цифровой услугой.

До массового распространения GenAI языковая премия уже была неоднородной. На российских данных К.В. Рожкова и С.Ю. Рощин получили около 9 процентов наблюдаемой зарплатной премии после учета характеристик рабочего места, тогда как для продвинутого владения иностранным языком оценка доходила до 24 процентов [3]. В Германии английский язык был связан примерно с 13-процентной премией, а переход между уровнями владения сопровождался дополнительной отдачей [4]. Польская выборка дает сходный порядок величины для продвинутого уровня, но показывает заметный разброс между отдельными языками [5]. Эти результаты плохо согласуются с представлением о языке как универсальном сертификате. Его стоимость зависит от того, где и для какой работы он нужен.

Отсюда следует важная для статьи оговорка. Даже до ChatGPT рынок вознаграждал не абстрактное «знание английского», а возможность использовать язык в определенной профессиональной ситуации. Сертификат мог сигнализировать о подготовке, но основная отдача возникала там, где языковая компетентность входила в саму структуру задачи. Поэтому появление LLM следует анализировать на уровне задач, а не профессий целиком. Если алгоритм берет на себя один элемент работы, это еще не означает исчезновения всей компетенции, которая раньше обслуживала этот элемент.

Экспериментальные данные о GenAI как раз позволяют увидеть эту разницу. В исследовании Ш. Ноя и У. Чжан 453 специалиста выполняли профессиональные письменные задания. Использование ChatGPT сократило затраченное время примерно на 40 процентов и повысило оценку качества примерно на 18 процентов [10]. В полевой работе Э. Бриньолфссона, Д. Ли и Л. Рэймонд, охватившей 5179 сотрудников клиентской поддержки, средний прирост производительности составил 14 процентов, причем наибольший выигрыш получили менее опытные работники [11]. Ни одна из этих работ не измеряет иностранный язык напрямую. Их ценность для настоящей статьи в другом. Они показывают, какие когнитивно-текстовые операции алгоритм удешевляет быстрее всего.

Работа отвечает на вопрос, означает ли это удешевление обесценивание иностранного языка как ресурса социальной мобильности. Объектом выступает языковой капитал в образовательной и профессиональной стратификации. Предметом является изменение способов его конвертации при использовании генеративного ИИ и последствия такого изменения для преподавания иностранного языка студентам неязыковых направлений. Основное предположение состоит в том, что язык не исчезает из структуры преимуществ, но меняется набор тех языковых действий, за которые институты готовы платить и которые они готовы признавать признаком профессиональной компетентности.

Материалы и методы

Материал для статьи отбирался вокруг двух связок, которые можно проверить по опубликованным данным. Первая соединяет владение иностранным языком с социально-профессиональной отдачей. Вторая описывает то, как GenAI меняет выполнение текстовых и коммуникативных задач. Такой дизайн не претендует на метаанализ. Сопоставимых панельных данных, которые позволяли бы надежно измерить изменение языковой премии до и после 2022 года, пока недостаточно. Поэтому использован структурированный интегративный обзор с последующим сравнением количественных результатов.

В экономическом блоке предпочтение отдавалось исследованиям, где понятны выборка, способ измерения языка и статистическая модель. В него вошли российские и зарубежные оценки зарплатной отдачи [3–5]. Блок GenAI строился на экспериментальных и полевых работах по производительности [10, 11], а также на исследованиях использования генеративных моделей в языковом обучении [7, 8]. Для анализа неравенства привлекалась концепция цифрового капитала [6] и систематический обзор, специально посвященный распределительным последствиям GenAI в иностранном языке [9]. Классические работы использовались как теоретическая рамка, а не как источник актуальной статистики [1, 2].

Источник включался в анализ только в том случае, если он помогал различить хотя бы одну из трех вещей. Это была экономическая отдача от языка, изменение конкретной языковой или текстовой задачи под влиянием GenAI либо различия в доступе к результатам использования технологии. Публикации, где ChatGPT обсуждался исключительно как новый инструмент без описания выборки, процедуры или проверяемого материала, не использовались для количественных утверждений. Такой фильтр заметно сужает корпус, но позволяет не смешивать технологический энтузиазм с эмпирическим результатом.

Отдельно рассматривались работы по профессионально ориентированной иноязычной подготовке. Н.Н. Дробышева связывает контроль иноязычной компетентности будущих социологов с языком специальности и содержанием профессиональной подготовки [12]. Е.Б. Манахова анализирует профессионально ориентированное письмо как самостоятельный компонент подготовки студентов экономического профиля [13]. Практическую рамку этой линии задает и учебник English for Social and Political Studies, подготовленный Е.Б. Манаховой, Н.Н. Дробышевой и Н.Г. Кондрахиной для студентов социологии и политологии [14]. Эти работы нужны здесь не для фонового обзора методики. Они позволяют сопоставить возможности GenAI с теми действиями, которые реально формируются и проверяются в неязыковом вузе.

При интерпретации результатов использовалось различие между замещением и комплементарностью. Замещаемой считалась такая операция, для которой пользователь может получить приемлемый результат без развернутого самостоятельного языкового действия. Комплементарной считалась операция, где качество зависит от того, способен ли человек задать ограничения, заметить смысловое смещение, проверить термин и принять решение по окончательной версии. Граница между двумя типами подвижна. Она меняется вместе с моделями, поэтому выводы статьи относятся к состоянию исследований и технологий, доступных к августу 2026 года.

Результаты

Первый результат оказался скорее уточняющим, чем сенсационным. Иностранный язык и до GenAI не обеспечивал одинаковую отдачу всем носителям навыка. Российская оценка различалась по уровню владения и профессии [3]. Немецкие данные показывали самостоятельную производительную ценность английского, но тоже не сводили ее к простому наличию навыка [4]. В Польше премия менялась в зависимости от языка и уровня владения [5]. Следовательно, исходная точка для разговора о «потере ценности» уже неоднородна. Нельзя обесценить единый ресурс, если его рыночная цена изначально складывалась по-разному в разных профессиональных полях.

Второй результат связан с характером технологического воздействия. GenAI быстрее всего вмешивается туда, где работу можно представить как последовательность повторяемых текстовых действий. Эксперимент Ш. Ноя и У. Чжан показывает существенное сокращение времени и рост качества при подготовке деловых текстов [10]. Полевая работа Э. Бриньолфссона и соавторов показывает сходную закономерность в клиентской поддержке, причем прирост особенно заметен у менее опытных сотрудников [11]. Это не доказательство снижения зарплатной премии за иностранный язык. Но это прямое свидетельство того, что часть прежнего преимущества, связанного со скоростью производства стандартного текста, становится легче воспроизводимой.

Для языковой практики это различие видно особенно отчетливо. Черновой перевод, типовое письмо, исправление грамматики и поиск нейтральной формулировки уже не требуют прежнего объема автономной работы. Но получение беглого текста и ответственность за его смысл остаются разными действиями. В переводоведении поэтому все чаще обсуждается не соревнование человека с моделью, а агентность специалиста в процессе, где машина предлагает вариант, а человек определяет его допустимость [15]. Чем выше цена неточности, тем менее убедителен простой тезис о замещении.

Третий результат относится к самому обучению языку. Исследование 867 китайских студентов, изучающих английский, показывает, что LLM используются не только для исправления текста, но и как тьютор, собеседник и средство самостоятельной практики [7]. Систематический обзор 49 эмпирических работ обнаруживает более сложную картину. Наиболее изученной остается письменная речь, а среди повторяющихся рисков названы переопора на GenAI, качество запросов и академическая добросовестность [8]. Получается двойной эффект. Технология расширяет количество доступной практики, но одновременно переносит часть учебной нагрузки с производства ответа на оценку качества ответа.

Четвертый результат касается распределения преимуществ. Систематический обзор исследований GenAI в иностранном языке показывает, что одинаковый доступ к модели не означает одинакового образовательного результата. Различия возникают из-за инфраструктуры, AI literacy, языкового фона и способности критически оценивать машинный вывод [9]. В терминах цифрового капитала это ожидаемо. Цифровой ресурс становится социально значимым не в момент подключения к сервису, а тогда, когда пользователь умеет конвертировать его в результат, признаваемый учебным заведением или работодателем [6].

Пятый результат состоит в изменении удобной единицы анализа. До появления генеративных моделей было сравнительно легко говорить об уровне иностранного языка как о самостоятельной характеристике. В гибридной работе этого недостаточно. Пользователь со средним языковым уровнем, но хорошим предметным знанием и привычкой проверять модель, в части задач может действовать надежнее человека с более высоким уровнем языка, который воспринимает машинный ответ как готовый продукт. Возможна и обратная ситуация. Поэтому одна шкала CEFR уже не описывает весь набор различий, возникающих в AI-опосредованной коммуникации.

Для обозначения этой конфигурации в статье используется понятие гибридного языково-цифрового капитала. Речь идет не о новой универсальной компетенции и не о готовой измерительной шкале. Это аналитическая конструкция, которая объединяет владение иностранным языком, AI literacy, предметную экспертизу, межкультурную компетентность и способность верифицировать машинный результат. Термин «капитал» оправдан только при одном условии. Такая комбинация должна конвертироваться в доступ к образованию, профессии, сетям, доходу или статусу. Без этой конвертации перед нами остается набор навыков, но не социологический капитал (табл. 1–2, рис. 1).

Таблица 1. Отдельные количественные оценки языковой отдачи и эффектов GenAI

Контекст	Данные	Фактор	Результат	№
Россия	RLMS-HSE и эконометрическая оценка	Иностранный язык	Около 9% после учета характеристик рабочего места. До 24% для продвинутого уровня	3
Германия	SOEP-IS 2012 и 2016	Английский язык	Около 13% в среднем. Переход между уровнями около 11%	4
Польша	Human Capital Balance 2012–2014, около 35 тыс. наблюдений	Продвинутый иностранный язык	Около 11% в среднем. Сильная неоднородность по языкам	5
США, эксперимент	453 специалиста с высшим образованием	ChatGPT в письменных задачах	Время ниже примерно на 40%, качество выше примерно на 18%	10
США, полевая среда	5179 сотрудников поддержки	AI-помощник	Производительность выше на 14% в среднем и на 34% у новичков и менее опытных	11

Примечание: значения из разных исследований методологически неоднородны и не интерпретируются как единый причинный эффект.

Таблица 2. Изменение дефицитности отдельных компонентов языкового капитала

Компонент	Дефицитность до GenAI	Ожидаемое изменение	Человеческая компетенция после GenAI
Базовый перевод	Высокая	Снижается	Контроль терминов и фактов
Типовое письмо	Высокая	Снижается	Прагматика и ответственность за содержание
Грамматическое редактирование	Средняя	Снижается	Выбор регистра и смысловая точность
Поиск формулировок	Средняя	Снижается	Оценка уместности варианта
Профессиональная терминология	Высокая	Перераспределяется	Предметная экспертиза и проверка
Работа с первоисточником	Высокая	Сохраняется	Понимание контекста и расхождений
Межкультурная коммуникация	Высокая	Сохраняется	Импликатуры, нормы и социальный контекст
Выявление смысловой ошибки	Высокая	Возрастает	Сопоставление источника и AI-вывода
Ответственность за итоговый текст	Высокая	Возрастает	Человеческое решение и проверяемость

Источник: аналитическая модель авторов на основе [6–9, 12–15].

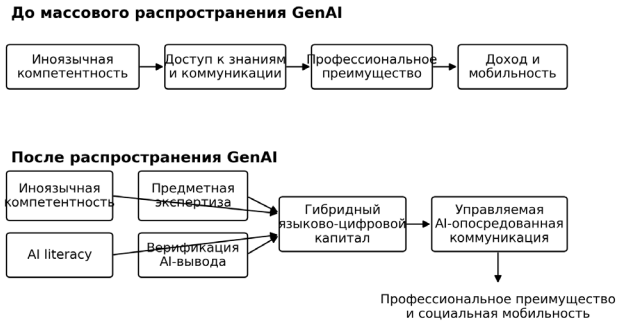

Рис. 1. Трансформация механизма конвертации языкового капитала

Источник: составлено авторами на основе [1, 6, 9–11, 15].

Обсуждение

Сопоставленные данные не дают оснований объявлять иностранный язык «отмененным» генеративным ИИ. Скорее меняется внутренняя структура того преимущества, которое раньше связывалось с самостоятельным владением языком. Дешевле становится не язык вообще, а некоторые операции. Черновик, нейтральное письмо, первичная редактура и поиск формулировки теперь воспроизводятся с минимальными затратами времени. Иначе ведут себя задачи, где ошибка может быть стилистически гладкой и при этом содержательно неверной. Здесь ценность смещается от производства текста к способности его разобрать.

Такой сдвиг хорошо читается через Бурдье. Поле меняет правила признания ресурса [1]. Университет или работодатель может меньше интересоваться тем, способен ли человек написать типовой текст без цифровой помощи, и больше интересоваться тем, способен ли он получить проверяемый результат в социотехнической связке «человек – модель». С цифровым капиталом происходит похожая вещь. Доступ к сервису не гарантирует отдачу. Различие создают способы использования, предметная база, языковая подготовка и способность распознать ошибку [6].

Эксперименты с производительностью не позволяют свести эту картину к новому элитизму. Менее опытные исполнители действительно получают от GenAI более крупный относительный выигрыш [10, 11]. Для языкового образования это открывает доступ к постоянной тренировке и быстрой обратной связи. Но сокращение одного разрыва не отменяет другого. Когда студент не понимает, почему предложенный моделью вариант лучше или хуже исходного, удобство инструмента постепенно превращается в зависимость от него. Именно поэтому вопрос о качестве проверки становится педагогическим, а не только техническим.

Для неязыкового вуза этот вывод имеет вполне практическое следствие. Профессионально ориентированная языковая подготовка уже строится вокруг языка специальности, контролируемых учебных результатов и жанров, с которыми студент сталкивается в будущей работе [12–14]. GenAI не делает такую конструкцию лишней. Он меняет форму задания. Вместо требования «написать без помощи» можно проверять способность студента сравнить две версии, объяснить замену термина, обнаружить потерю смысла и защитить окончательную редакцию.

Речь не идет о снижении требований к самостоятельному языку. Напротив, машинная помощь делает часть слабых мест менее заметной. Грамматически аккуратный текст может скрывать неверно выбранное понятие, ложную причинную связь или неподходящий профессиональный регистр. Для социолога, экономиста и политолога это особенно чувствительно, поскольку близкие слова нередко принадлежат разным теоретическим традициям. Модель легко сглаживает различие. Человек должен уметь его восстановить.

В переводческой подготовке похожий поворот описывается через агентность специалиста. Машина все чаще включена в рабочий процесс, однако ответственность за решение не растворяется между участниками этого процесса [15]. Для преподавания иностранного языка отсюда следует более узкий, но принципиальный вывод. Следует оценивать не только качество текста на выходе, но и способность учащегося показать, каким образом этот текст был проверен и почему выбран именно такой вариант.

Социальное измерение появляется в тот момент, когда такая способность распределена неравномерно. GenAI действительно снижает цену доступа к переводу, языковой практике и редактированию. Одновременно исследования фиксируют различия в AI literacy и способности извлекать образовательную пользу из одного и того же инструмента [9]. Через призму цифрового капитала это означает перенос части стратификации с доступа на конвертацию ресурса [6]. Формально одинаковый сервис может приводить к разным результатам, потому что пользователи входят в него с разным языковым, образовательным и предметным багажом.

В работах Д.М. Калинина 2026 года близкая проблема рассматривается на другом эмпирическом материале. Исследования политической коммуникации, государственного управления, автономных систем, алгоритмического налогового администрирования и когнитивной самоорганизации политических идей объединяет вопрос о том, что остается за человеком после передачи части действия алгоритмической системе [16–20]. Для иноязычного образования прямого предметного совпадения здесь нет. Полезна сама логика постановки вопроса. Делегирование операции не устраняет агентность и ответственность, а переносит их к постановке задачи, проверке границ допустимого и оценке результата.

У предложенной интерпретации есть пределы. Пока нет достаточного числа панельных исследований, которые позволили бы сравнить рыночную отдачу от иностранного языка до и после массового распространения LLM на одной и той же методической основе. Быстро меняются и сами модели. То, что сегодня требует человеческой проверки, через несколько версий может стать стандартной функцией сервиса. Наконец, высокий языковой уровень связан с образованием, типом занятости и социальным происхождением, поэтому наблюдаемую премию нельзя механически считать чистым эффектом языка.

Следующий шаг должен быть эмпирическим. Концепцию гибридного языково-цифрового капитала можно проверять на выборке студентов и молодых специалистов, одновременно измеряя языковой уровень, AI literacy, социально-экономический статус, характер использования GenAI и учебные либо трудовые результаты. Особенно показателен будет не отдельный коэффициент языка или AI, а их взаимодействие. Если сочетание двух ресурсов дает устойчивую дополнительную отдачу после учета образования и социального происхождения, появится основание говорить о комплементарном капитале как об измеряемой структуре, а не только как об удобной метафоре.

Заключение

Иностранный язык после ChatGPT не перестал быть социальным лифтом. Изменился механизм, который приводит кабину в движение. Рутинные операции, ранее требовавшие самостоятельной языковой компетентности, частично превращаются в доступный цифровой сервис. На этом уровне дефицит действительно уменьшается. Но вместе с ним возрастает цена контроля – способности понять профессиональный контекст, проверить термин, распознать смысловую ошибку, оценить культурную уместность и принять ответственность за окончательный текст.

Доступные данные лучше согласуются со сценарием комплементарности, чем с картиной полного замещения. До GenAI отдача от язы-

ка различалась по уровню владения и институциональному контексту [3–5]. Исследования AI показывают другую, но родственную неоднородность. На стандартизируемых текстовых задачах особенно заметный выигрыш получают менее опытные исполнители [10, 11]. Поэтому социальное преимущество постепенно смещается к сочетанию языка, AI literacy и предметной экспертизы.

Для методики преподавания иностранного языка это означает не сокращение требований, а их перестройку. Студенту по-прежнему нужны чтение, письмо, устная речь, профессиональная лексика и межкультурная компетентность. К ним добавляется обязанность уметь работать с машинным посредником. Проверять, а не только запрашивать. Сопоставлять, а не только принимать. Объяснять правку. Именно эта зона может стать предметом новой измеримой иноязычной компетентности в неязыковом вузе.

GenAI способен снизить один барьер и создать следующий. Без критической AI literacy прежнее неравенство доступа к иностранному языку может частично смениться неравенством способности управлять AI-опосредованной коммуникацией. Социальный лифт останется. Кнопки на панели станут другими.

Литература

1. Бурдье П. Язык и символическая власть. Cambridge, MA – Harvard University Press, 1991. 302 p.

2. Becker G.S. Human Capital. A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. 3rd ed. Chicago – University of Chicago Press, 1993. 412 p.

3. Рожкова К.В., Рощин С.Ю. Does knowing foreign language pay off in the Russian labor market? // Вопросы экономики. 2019. № 6. С. 122–141. DOI 10.32609/0042–8736–2019–6–122–141.

4. Hahm S., Gazzola M. The Value of Foreign Language Skills in the German Labor Market // Labour Economics. 2022. Vol. 76. Art. 102150. DOI 10.1016/j.labeco.2022.102150.

5. Liwiński J. The wage premium from foreign language skills // Empirica. 2019. Vol. 46. P. 691–711. DOI 10.1007/s10663–019–09459–0.

6. Ragnedda M. Conceptualizing digital capital // Telematics and Informatics. 2018. Vol. 35. № 8. P. 2366–2375. DOI 10.1016/j.tele.2018.10.006.

7. Liu G.L., Darvin R., Ma C. Exploring AI-mediated informal digital learning of English. A mixed-method investigation of Chinese EFL learners' AI adoption and experiences // Computer Assisted Language Learning. 2024. Vol. 38. № 7. P. 1632–1660. DOI 10.1080/09588221.2024.2310288.

8. Lee S., Choe H., Zou D., Jeon J. Generative AI in the language classroom. A systematic review // Interactive Learning Environments. 2026. Vol. 34. P. 335–359. DOI 10.1080/10494820.2025.2498537.

9. Cong-Lem N., Bui C.N. V., Nguyen N.P. N., Huynh M.Q. Bridging or Breaking? A Systematic Review of How Generative AI Shapes Equity in Foreign Language Education // International Journal of Applied Linguistics. 2025. DOI 10.1111/ijal.70052.

10. Noy S., Zhang W. Experimental evidence on the productivity effects of generative artificial intelligence // Science. 2023. Vol. 381. № 6654. P. 187–192. DOI 10.1126/science.adh2586.

11. Brynjolfsson E., Li D., Raymond L.R. Generative AI at Work // The Quarterly Journal of Economics. 2025. Vol. 140. № 2. P. 889–942. DOI 10.1093/qje/qjae044.

12. Дробышева Н.Н. Лингводидактический контроль сформированности иноязычных компетенций у будущих социологов в ходе обучения языку специальности // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2024. Т. 14. № 2. С. 138–143. DOI 10.26794/2226–7867–2024–14–2–138–143.

13. Манахова Е.Б. Развитие навыков профессионально ориентированного письма при обучении языку специальности как востребованный компонент подготовки экономиста // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 3. С. 159–162.

14. Манахова Е.Б., Дробышева Н.Н., Кондрахина Н.Г. English for Social and Political Studies. Учебник по английскому языку для первого года обучения в бакалавриате по направлениям «Социология» и «Политология». Москва – Прометей, 2025. 276 с. ISBN 978-5-00172-851-1.

15. Massey G. Agency, Competence and GenAI in Translation and Translator Education // AUC Philologica. 2025. Vol. 2025. № 2. P. 11–24. DOI 10.14712/24646830.2025.10.

16. Карпухин М.М., Калинин Д.М. «Машинный этос» vs «воинский этос». ИИ и автономные системы в контексте стратегической культуры // Молодежь и наука XXI века. Материалы VI Международной научно-практической конференции. Пенза – МЦНС «Наука и Просвещение», 2026. С. 122–127.

17. Калинин Д.М. Полиосфера: теория политических сознаний как самоорганизующихся когнитивных систем // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2026. Т. 12. № 1. С. 29–49. DOI 10.18413/2408–932X-2026–12–1–0–3.

18. Калинин Д.М. Генеративные модели искусственного интеллекта в политической коммуникации: практики, эффекты и классификация рисков // Социально-гуманитарные знания. 2026. № 3. С. 262–265.

19. Калинин Д.М. Политические пределы использования генеративного ИИ в органах государственной власти // Актуальные научные исследования: сборник статей XXXIII Международной научно-практической конференции, Пенза, 20 апреля 2026 г. Пенза – МЦНС «Наука и Просвещение», 2026. С. 181–183. ISBN 978-5-00268-446-5.

20. Калинин Д.М. Алгоритмическое налоговое администрирование и право налогоплательщика на объяснение. К вопросу о правовых гарантиях при использовании ИИ государственными органами // Налоги и финансовое право. 2026. № 6. URL https://www.cnfp.ru/izdatelstvo/buy/zhurnal-2026–06/ (дата обращения: 29.08.2026).

FOREIGN LANGUAGE AS A SOCIAL MOBILITY RESOURCE AFTER CHATGPT. THE TRANSFORMATION OF LINGUISTIC CAPITAL IN THE AGE OF GENERATIVE ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Drobysheva N.N.

Financial University under the Government of the Russian Federation

Foreign-language proficiency has traditionally produced advantages where access to information, education, and professional networks depended on a person's own ability to communicate across languages. The spread of generative AI changes this arrangement because translation, drafting, and routine editing are № longer equally scarce tasks. The article compares research on the economics of language, digital inequality, GenAI productivity, and foreign-language education in non-linguistic degree programmes. Evidence from Russia and other labour markets shows that returns to language skills were heterogeneous even before ChatGPT and varied with proficiency and occupational context. GenAI studies point in a different direction. The largest gains often appear in standardized text-based tasks and among less experienced workers. The article therefore interprets the current shift not as the disappearance of linguistic capital but as a redistribution of its components. A hybrid configuration is proposed in which language proficiency interacts with AI literacy, domain knowledge, intercultural competence, and the ability to verify machine output. For language teaching, this shifts part of the educational focus from producing routine texts independently to controlling meaning and revising AI-mediated communication.

Keywords: linguistic capital, social mobility, generative artificial intelligence, foreign language, digital inequality, AI literacy, language education.

References

1. Bourdieu P. Language and Symbolic Power. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1991. 302 p.

2. Becker G.S. Human Capital. A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education. 3rd ed. Chicago, University of Chicago Press, 1993. 412 p.

3. Rozhkova K.V., Roshchin S. Yu. Does knowing foreign language pay off in the Russian labor market? Voprosy Ekonomiki. 2019. № 6. P. 122–141. DOI 10.32609/0042–8736–2019–6–122–141.

4. Hahm S., Gazzola M. The Value of Foreign Language Skills in the German Labor Market. Labour Economics. 2022. Vol. 76. 102150. DOI 10.1016/j.labeco.2022.102150.

5. Liwiński J. The wage premium from foreign language skills. Empirica. 2019. Vol. 46. P. 691–711. DOI 10.1007/s10663–019–09459–0.

6. Ragnedda M. Conceptualizing digital capital. Telematics and Informatics. 2018. Vol. 35. № 8. P. 2366–2375. DOI 10.1016/j.tele.2018.10.006.

7. Liu G.L., Darvin R., Ma C. Exploring AI-mediated informal digital learning of English. A mixed-method investigation of Chinese EFL learners' AI adoption and experiences. Computer Assisted Language Learning. 2024. Vol. 38. № 7. P. 1632–1660. DOI 10.1080/09588221.2024.2310288.

8. Lee S., Choe H., Zou D., Jeon J. Generative AI in the language classroom. A systematic review. Interactive Learning Environments. 2026. Vol. 34. P. 335–359. DOI 10.1080/10494820.2025.2498537.

9. Cong-Lem N., Bui C.N. V., Nguyen N.P. N., Huynh M.Q. Bridging or Breaking? A Systematic Review of How Generative AI Shapes Equity in Foreign Language Education. International Journal of Applied Linguistics. 2025. DOI 10.1111/ijal.70052.

10. Noy S., Zhang W. Experimental evidence on the productivity effects of generative artificial intelligence. Science. 2023. Vol. 381. № 6654. P. 187–192. DOI 10.1126/science.adh2586.

11. Brynjolfsson E., Li D., Raymond L.R. Generative AI at Work. The Quarterly Journal of Economics. 2025. Vol. 140. № 2. P. 889–942. DOI 10.1093/qje/qjae044.

12. Drobysheva N.N. Linguodidactic control of foreign-language competencies among future sociologists while learning the language of specialization. Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University. 2024. Vol. 14. № 2. P. 138–143. DOI 10.26794/2226–7867–2024–14–2–138–143. In Russian.

13. Manakhova E.B. Development of professionally oriented writing skills in teaching the language of specialization as a demanded component of economist training. World of Science, Culture, Education. 2025. № 3. P. 159–162. In Russian.

14. Manakhova E.B., Drobysheva N.N., Kondrakhina N.G. English for Social and Political Studies. Textbook for first-year bachelor students in Sociology and Political Science. Moscow, Prometey, 2025. 276 p. ISBN 978-5-00172-851-1.

15. Massey G. Agency, Competence and GenAI in Translation and Translator Education. AUC Philologica. 2025. Vol. 2025. № 2. P. 11–24. DOI 10.14712/24646830.2025.10.

16. Karpukhin M.M., Kalinin D.M. Machine ethos vs warrior ethos. AI and autonomous systems in the context of strategic culture. Youth and Science of the XXI Centu-

ry. Proceedings of the 6th International Scientific and Practical Conference. Penza, Nauka i Prosveshchenie, 2026. P. 122–127. In Russian.

17. Kalinin D.M. Poliosphere. Theory of political consciousnesses as self-organizing cognitive systems. Research Result. Social Studies and Humanities. 2026. Vol. 12. № 1. P. 29–49. DOI 10.18413/2408–932X-2026–12–1–0–3. In Russian.

18. Kalinin D.M. Generative artificial intelligence models in political communication. Practices, effects and risk classification. Social and Humanitarian Knowledge. 2026. № 3. P. 262–265. In Russian.

19. Kalinin D.M. Political limits of using generative AI in public authorities. Aktualnye nauchnye issledovaniya. Proceedings of the 33rd International Scientific and Practical Conference, Penza, 20 April 2026. Penza, Nauka i Prosveshchenie, 2026. P. 181–183. ISBN 978-5-00268-446-5. In Russian.

20. Kalinin D.M. Algorithmic tax administration and the taxpayer's right to explanation. On legal guarantees in the use of AI by public authorities. Taxes and Financial Law. 2026. № 6. Available at https://www.cnfp.ru/izdatelstvo/buy/zhurnal-2026–06/. Accessed 29 August 2026. In Russian.

Проектно-технологический и реляционный подходы к моделированию и реструктуризации культурного пространства регионов

Зотов Сергей Александрович,
магистрант программы «Социология политики и управления», кафедра социальных технологий, Северо-Западный институт управления РАНХиГС,
E-mail: szotov-24@ranepa.ru

Козырева Лариса Дмитриевна,
доктор философских наук, профессор кафедры социальных технологий, Северо-Западный институт управления РАНХиГС
E-mail: kozyreva-ld@ranepa.ru

В исследовании, на базе системного, реляционного и проектно-технологического подходов, концептуализируются процессы моделирования и реструктуризации единого культурного пространства регионов России. Культурное пространство страны интерпретируется, как динамическая система региональных культурных реальностей. Структура этого пространства формируется диспозициями территорий и характером их взаимодействия с центром. Базовым интеграционным инструментом выступает методология А.М. Новикова и Д.А. Новикова, позволяющая рассматривать конструирование медиасреды, как завершённый цикл продуктивной деятельности. Практическая реализация модели продемонстрирована на примере проекта музыкально-информационной радиостанции «Река», как технологии социально-культурной интеграции новых субъектов Российской Федерации. Доказано, что целенаправленное формирование медиасреды на основе традиционных ценностей, гарантирует укрепление культурного суверенитета и нейтрализацию внешнего деструктивного воздействия.

Ключевые слова: культурное пространство, реляционный подход, проектно-технологический метод, социальная интеграция, новые регионы России, радиовещание.

Актуальность темы исследования

Масштабная трансформация геополитической конфигурации российского общества требует ускоренной социокультурной интеграции населения вошедших в состав РФ субъектов – Донецкой и Луганской народных республик, Запорожской и Херсонской областей.

Длительное и системное влияние на сознание жителей данных территорий привело к «украинизации сознания», насильственной деформации их культурной идентичности. Это делает задачу ценностного сплочения общества приоритетной. В интересах обеспечения национальной безопасности и защиты культурного суверенитета от внешних идейно-ценностных угроз, особое значение приобретает конструирование суверенной медиасреды.

Музыкальное радиовещание, располагающее многомиллионной аудиторией и традиционно высоким уровнем общественного доверия, выступает стратегическим каналом трансляции традиционных идеалов. В условиях ценностного транзита информационное пространство перестаёт быть лишь полем рекреации, превращаясь в динамичный механизм вовлечения населения в единое цивилизационное поле страны.

Степень изученности проблемы и исследовательская лакуна

Вопросы функционирования и моделирования регионального культурного пространства широко освещены в отечественной научной литературе. Вклад в осмысление культурной среды региона, как фактора государственного единства, внёс С.Н. Орлов, разработавший теоретическую модель корреляции факторов её усложнения и упрощения. Регулятивная функция культуры, как базового ориентира государственной политики и основы межрегионального обмена, проанализирована В.С. Слепокуровым. Вопросы медиасоциализации и динамики медиапотребления подробно рассмотрены в трудах Д.В. Дунаса, В.С. Коньковой, В.П. Коломийца и И.А. Полуэхтовой. Роль массмедиа, как самоорганизации социокультурной реальности, исследована В.С. Чижмой. При этом **исследовательская лакуна** заключается в отсутствии междисциплинарного синтеза реляционной социологии и проектно-технологического подхода, применительно к моделированию интеграционного музыкально-информационного радиовещания в условиях геополитического транзита и СВО.

Объект исследования: единое культурное пространство новых субъектов Российской Федерации, выступающее в качестве открытой, динамически развивающейся системы.

Предмет исследования: воздействие музыкально-информационного радиовещания (на модели радиостанции «Река») на реструктуризацию и интеграцию культурного пространства новых регионов страны на основе реляционного и проектно-технологического подходов.

Цель исследования: теоретическое обоснование и методологическое моделирование процесса реструктуризации культурной среды регионов средствами радиовещания, как технологии социальной интеграции и защиты культурного суверенитета.

Задачи исследования

1. Раскрыть теоретико-методологические основания анализа культурного пространства регионов, с опорой на системный и реляционный подходы.
2. Обосновать применимость проектно-технологической методологии к конструированию суверенной медиасреды.
3. Сформировать концептуальную модель радиостанции «Река», объединяющую традиционные пласты национальной культуры (народная песня, классический русский романс и советская песенная классика).
4. Проанализировать нормативно-правовое регулирование и государственную политику в сфере радиовещания и обеспечения культурного суверенитета в зоне проведения СВО.
5. Осуществить эмпирическую верификацию разработанной модели радиостанции посредством глубинных интервью с экспертным сообществом.

Теоретико-методологическая база междисциплинарного исследования

Проектно-технологический подход А.М. Новикова и Д.А. Новикова: рассматривает методологию, как фундаментальное учение об организации целенаправленной деятельности. Данный принцип позволяет квалифицировать формирование музыкально-информационного радиовещания не как спонтанный творческий процесс, а как строго структурированный, законченный цикл созидательной практики (проект), последовательно сменяющий фазы концептуального проектирования, прикладного технологического внедрения и аналитической рефлексии. Объект трансформации, культурное пространство региона, планомерно реконструируется субъектом проектирования для достижения качественно нового результата – ценностной консолидации общества.

Реляционный подход в социологии пространства (концептуально восходящий к структурализму П. Бурдьё): трактует пространственные характеристики культуры не в качестве пассивного географического вместилища, а как динамичную систему взаимосвязей и соотношений между региональными культурными реалиями. Внутренний каркас этого пространства задаётся социальными диспозициями регионов, их конфигурацией и спецификой коммуникативного взаимодействия с центром.

Системный и синергетический подходы (в преломлении к теории самоорганизации социокультурной реальности В.С. Чижмы): выступают методологической основой для изучения механизмов ценностной самосборки и самоорганизации информационно-коммуникационной среды.

Научная новизна исследования заключается в теоретико-методологическом синтезе реляционного анализа структуры культурного пространства регионов и проектно-технологических принципов конструирования медиасреды. В научный оборот вводится и концептуализируется модель «интеграционного радиовещания», представляющая собой целенаправленную социоинженерную технологию преодоления мировоззренческих и ценностных разрывов в транзитных и приграничных социумах.

Практическая значимость исследования определяется прикладной применимостью разработанной модели радиостанции «Река» и алгоритма её пошаговой реализации. Материалы работы могут быть непосредственно использованы федеральными и региональными органами государственного управления (включая Министерство обороны РФ и Роскомнадзор) при выработке стратегии вещания на приграничных территориях и в зоне проведения СВО. Результаты исследования оптимизируют процессы государственного планирования в медиасфере, стимулируют воспитание гражданственности, способствуют восстановлению исторического единства народа и обеспечивают защиту общества от внешней деструктивной идейно-ценностной экспансии.

Теоретико-методологическая рамка исследования

Междисциплинарный характер моделирования и реструктуризации регионального культурного пространства предопределяет необходимость построения комплексной теоретико-методологической платформы. Многоаспектная, динамическая и полиструктурная природа исследуемого объекта делает невозможным применение многопарадигмального подхода. Ключевым инструментом процессов трансформации в культурном пространстве региона выступает **проектно-технологический подход**, разработанный А.М. Новиковым и Д.А. Новиковым. В данной концепции методология трактуется, как учение об организации человеческой деятельности. В постиндустриальном обществе, для которого характерны усложнение информационных потоков, динамичность социальных условий и фрагментарность мировосприятия, привычный «профессиональный» тип организационной культуры уступает свои позиции проектно-технологическому типу. Этот тип культуры предполагает, что созидательная практика отдельного человека (или организации) строится не через рутинные беспрерывные процессы, а структурируется в виде дискретных, завершённых в пространстве и времени циклов, то есть проектов.

Под проектом понимается ограниченное временными рамками и ресурсами целенаправленное изменение системы фиксированными параметрами качества результатов и специфической формой организации. В настоящем исследовании реструктуризация культурной среды регионов осмысляется, как продуктивная практика субъекта (организаторов вещательной сети), ориентированная на системное преобразование объекта (ценностной структуры регионального пространства).

Сам проектный процесс включает три последовательные фазы:

Фаза проектирования, которая завершается построением нормативно-прагматической модели создаваемой или преобразуемой системы, и плана её практического воплощения. Данная фаза объединяет концептуальную стадию (выявления противоречий, постановки проблемы, определения критериев и целей), а также стадии моделирования, конструирования и технологической подготовки.

Технологическая фаза включает в себя непосредственное практическое внедрение разработанной модели, с применением соответствующих приёмов, методов и средств.

Рефлексивная фаза предполагает итоговую оценку достигнутых результатов (изменений объекта) и самооценку субъекта проектирования.

Применительно к формированию интеграционной среды в новых субъектах России (на базе радиостанции «Река»), прагматическая модель вещания конструируется, как нормативный образец, отвечающий трём обязательным условиям: **ингерентности** (точной согласованности характеристик вещания с социокультурными особенностями региона), **простоте конструкции** и **адекватности** поставленным задачам и критериям оценки эффективности. Тем самым проектно-технологический метод позволяет представить реструктуризацию культурной среды, как научно обоснованную социоинженерную технологию.

Для концептуализации пространственной организации социокультурных систем используется **реляционный подход**, восходящий к структуралистской социологии социального пространства П. Бурдьё. Социальное пространство определяется им, как многомерная совокупность объективных отношений сил, навязываемых входящим в него агентам, и несводимых к их локальным взаимодействиям. Использование реляционной методологии преодолевает упрощённое понимание географического пространства, как пассивного «вместилища» культурных объектов и открывает возможность анализировать его, как динамическую систему отношений и диспозиций между региональными культурными реалиями. При этом региональная стратификация выступает главным структурирующим принципом единого пространства нашей страны.

В этой теоретической системе культурный вкус (включая музыкальные предпочтения аудитории) интерпретируется не только как фактор индивидуального гедонистического потребления, но и как выраженный социальный маркер. Эстетические предпочтения становятся механизмом символической демаркации, проведения статусных границ и конструирования групповой идентичности по оси «свой – чужой» («мы – они»). Демонстрируя приверженность определённым символическим кодам (в частности, традиционному музыкальному наследию, либо продуктам массовой культуры), социальные группы и индивиды фиксируют свои позиции в социальном пространстве.

Интеграция пространственного и деятельностного измерений достигается на основе **системного подхода,** рассматривающего культурное пространство России, как сложную, открытую, полиструктурную систему региональных пространств, где базовым элементом выступает регион. Для описания внутренних процессов ценностной консолидации, системный подход дополняется **синергетической методологией** самоорганизации сложных систем, разработанной в социально-философских трудах В.С. Чижмы.

Согласно синергетическому подходу, упорядочение и реструктуризация культурного пространства происходят на принципах горизонтальной сетевой интеграции и ценностной самоорганизации социума. Средства массовой информации (в особенности эфирное радиовещание) играют в этом процессе ключевую роль: они выступают не просто транслятором информации, но и автономной коммуникативной подсистемой и стимулом самоорганизации социокультурной реальности.

В синергетической структуре массовых коммуникаций выделяются два содержательных пласта:

Ноосфера – пласт идеальных представлений, накопленных веками и прошедших исторический отбор знаний, теорий и ценностей (в контексте настоящей работы – эталонные образцы национальной музыкально-поэтической традиции, фольклор и классика).

Виртуальное пространство – сфера бытования эмоционально-психологических реакций, повседневных запросов, индивидуальных интерпретаций и культурно-генетических архетипов аудитории.

В условиях ценностного кризиса и «разветвления» общественного сознания (точке бифуркации) в медиасреде обостряется борьба за выбор доминантного культурно-исторического вектора. Синергетический процесс реструктуризации пространства направляется двумя встречными потоками: «снизу» – как запрос граждан на устойчивые нравственные ориентиры, и «сверху» – в форме целенаправленной государственной политики и социопроектировочных инициатив властных институтов.

Для раскрытия конкретных механизмов воздействия радиовещания на ценностную структуру аудитории, теоретическая рамка дополняется **концепцией дискурсивной картины мира** современного радио Л.И. Ермоленкиной. Радиодискурс трактуется, как устная коммуникативная реальность, задающая границы аксиологической ориентации адресата в мире, и определяющая параметры его социализации и идентичности.

Интеграция индивидуального ценностного сознания в единое культурное поле обеспечивается функционированием дискурсивной идеологии массмедиа. Она реализуется через регулятивный и аксиологический потенциал транслируемых смыслов, координируя личностные образцы мира участников коммуникации с институциональными ценностями канала. На приграничных и транзитивных территориях дискурсивная идеология суверенной медиасреды выступает в качестве технологии **«гуманитарной деоккупации» сознания**.

Таким образом, междисциплинарный синтез подходов формирует целостную теоретико-методологическую платформу исследования:

1. **Проектно-технологический подход** задаёт структуру деятельности по моделированию медиасреды в виде завершённого инновационного цикла (проекта).
2. **Реляционный подход** позволяет анализировать иерархическую структуру региональных культурных пространств и задействовать культурный капитал, как инструмент ценностной консолидации.
3. **Системно-синергетический подход** описывает законы горизонтальной сетевой самоорганизации социума посредством радиовещания, как открытой системы.
4. **Дискурсивно-аксиологическая концепция** раскрывает конкретные лингвокогнитивные механизмы трансляции и интериоризации объединяющих смыслов в процессе диалога медиа и аудитории.

Практическое моделирование на примере проекта радио «Река»

Практическим воплощением теоретических принципов проектно-технологического и реляционного подходов к реструктуризации культурного пространства выступает разработанный проект суверенной музыкально-информационной радиостанции «Река». Данный медиаресурс спроектирован не как коммерческое или развлекательное предприятие, а как прикладная социоинженерная технология, направленная на преодоление ценностного разрыва, воссоздание духовного единства разделённого народа и обеспечение культурного суверенитета страны в приграничных и транзитивных регионах.

В соответствии с требованиями прикладного проектирования систем, прагматическая модель радиовещания «Река» базируется на трёх обязательных методологических критериях: ингерентность, простота конструкции, адекватность. Содержательное ядро концепции вещания радиостанции представляет собой синтез трёх традиционных пластов русской национальной идентичности – русской народной песни, классического русского романса и эталонов советской песенной классики.

В отличие от стандартных коммерческих радиостанций, проект реализует выраженную просветительскую и культурологическую миссию за счёт интеграции в музыкальную сетку специальных смысловых модулей. Просветительская функция реализуется посредством двух типов оригинальных текстовых вставок, хронометраж которых лимитирован по времени для удержания фокуса внимания аудитории:

1. Историко-библиографические справки (длительностью до 1 минуты), содержащие сведения об авторах, исполнителях, истории создания и уникальных характеристиках музыкальных произведений. Жёсткий лимит по времени позволяет преодолеть проблему «пустой болтовни» в эфире, на которую жалуются до 60% современных радиослушателей.
2. Литературные чтения (хронометраж 1–2 минуты), представляющие собой трансляцию непродолжительных отрывков из классических произведений отечественной прозы и поэзии, на эталонном русском литературном языке.

Важно подчеркнуть, что содержание литературных и информационных модулей принципиально деполитизировано, не имеет привязки к сиюминутной повестке и ориентировано на фундаментальные ценностные категории – любовь, преданность Родине, верность долгу.

Реляционная структура культурного пространства требует чёткого картографирования зон вещания и сегментации потенциальной аудитории. Географический контур проекта охватывает вновь интегрированные субъекты Российской Федерации (Донецкую и Луганскую народные республики, Запорожскую и Херсонскую области) и регионы, находящиеся в непосредственной близости от линии боевого соприкосновения – Республику Крым, Белгородскую, Ростовскую, Курскую области России, а также приграничные территории подконтрольных киевскому режиму районов Украины, куда сигнал классического FM/AM-вещания физически вполне способен проникать на глубину до 30–50 километров.

Потенциальная ёмкость рынка вещания в новых регионах, по официальным данным Росстата и экспертным оценкам, составляет около 4 миллионов человек постоянного населения. При этом общие тенденции медиапотребления, зафиксированные исследованиями Mediascope за 2025 год, подтверждают большой потенциал аудиоканала: еженедельная аудитория радио в России составляет 49,3 миллиона человек, доверие к радиоконтенту выражают до 43% граждан страны, а 47% россиян оценивают достоверность радиоинформации наравне с другими СМИ.

На основе реляционного анализа и критериев вовлечённости, аудитория проекта «Река» дифференцирована на три базовые группы:

Первая группа (активное ядро) – сложившееся, но ранее не консолидированное сообщество любителей и ценителей соответствующих музыкальных жанров (фольклора, романса и советской классики). Данный сегмент характеризуется наибольшим уровнем интерактивности, готовностью к обратной связи и участию в сетевых активностях радиостанции.

Вторая группа (профессиональное сообщество) – представители творческих элит и гуманитарной интеллигенции (искусствоведы, критики, режиссёры театра и кино, педагоги творческих вузов). Для этой категории радио «Река» выступает авторитетным референтным источником («маяком») эталонного звучания артефактов русской культуры, редких фольклорных записей и качественных аранжировок.

Третья группа (консервативное ядро общества) – широкие слои населения в возрасте от 40 лет и старше, проживающие, преимущественно, в «малоэтажной России» (провинциальные города, пригородные и сельские поселения), чей ценностный запрос требует периодического обращения к традиционному культурному коду для обретения духовной опоры и снижения уровня тревоги.

Для верификации разработанной модели в рамках исследования в 2026 году был проведён экспертный опрос, методом глубинных неструктурированных интервью (объём выборки – 13 экспертов высокого ранга: офицеры Министерства обороны РФ, депутаты Государственной Думы, Народные артисты России, руководители ведущих массмедиа). Все опрошенные эксперты имели личный практический опыт работы на новых территориях и в зоне проведения СВО. Анализ результатов позволил зафиксировать следующие ключевые положения:

1. Абсолютная поддержка актуальности проекта. 100% опрошенных экспертов подтвердили своевременность и необходимость запуска радио «Река», так как традиционная песня и литература – это действенная технология преодоления ценностной деформации и «гуманитарной деоккупации» сознания. Эксперты метафорически охарактеризовали традиционную музыку, как «магию прямого действия», способную мгновенно выстраивать аксиологические мосты.
2. Латентная функция: психо-эмоциональное восстановление воинов. Неожиданным и важнейшим результатом исследования стало выявление экспертами терапевтического потенциала вещания для военнослужащих ВС РФ, находящихся на ротации в прифронтовой зоне, в тыловых частях или на лечении в госпиталях. Эксперты из числа офицеров Министерства обороны подчеркнули, что спокойный, гармоничный и ценностно насыщенный радиоэфир способствует эффективной психологической реабилитации, обеспечивая мягкий переход психики воина из энергозатратного «боевого» в ресурсное «мирное» состояние.
3. Ограничения и региональная специфика. Экспертный опрос выявил, что ситуация в новых регионах характеризуется высокой неравномерностью плотности информационного поля. Зафиксированы две ключевые проблемы: дефицит свободных частот в FM-диапазоне, и сложность процедуры лицензирования Роскомнадзора для новых медиапроектов в условиях военного положения, что требует специального решения на уровне Министерства обороны и Правительства РФ.
4. Опираясь на проектно-технологический метод А.М. Новикова и Д.А. Новикова

Внедрение описанной технологической цепочки позволяет перевести государственную информационную политику в новых регионах на уровень суверенного культурного планирования, гарантируя долгосрочный интеграционный эффект.

Проведённое междисциплинарное исследование, основанное на теоретико-методологическом синтезе проектно-технологического, реляционного и системно-синергетического подходов, позволило получить ряд принципиальных выводов, которые имеют важное значение как для развития социологии культуры и массовых коммуникаций, так и для прикладного социального проектирования:

Таблица 1. Этапы реализации проекта радиостанции «Река»

Этап и временные рамки	Основные мероприятия по реализации
1. ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП (3–6 месяцев)	Формирование вещательной команды и пула экспертов-кураторов; Сбор фонотеки, подготовка просветительских модулей и текстовых вставок; Подача заявок на получение лицензий Роскомнадзора и выделение частот.
2. ПИЛОТНЫЙ ЗАПУСК (6–9 месяцев)	Развёртывание передатчиков в одном из прифронтовых регионов СВО; Проведение первого мониторинга и замеры обратной связи от населения.
3. МАСШТАБИРОВАНИЕ (12–18 месяцев)	Расширение эфирной сети на все четыре новых региона РФ и Курск, Белгород; Параллельный запуск мобильного цифрового приложения для стриминга.
4. УКРЕПЛЕНИЕ И РЕФЛЕКСИЯ (24+ месяцев)	Оценка прироста социального капитала по критериям вовлечённости; Партнёрство с вузами новых регионов и интеграция в единое пространство знаний.

1. Единое культурное пространство страны представляет собой динамическую, реляционную систему отношений и взаимных диспозиций между региональными культурными реальностями. Внедрение проектно-технологического подхода даёт возможность рассматривать процесс реструктуризации этой системы, как целенаправленную, строго организованную продуктивную деятельность (проект).

2. Установлено, что в условиях ценностного транзита средства массовой информации выступают в роли ключевого синергетического медиатора. Проектирование суверенной медиасреды на основе традиционных аксиологических регуляторов, позволяет структурировать информационные потоки на ноосферу и виртуальное пространство.

3. На примере модели радиостанции «Река» обоснована высокая эффективность интеграции трёх «живых источников» русской национальной идентичности – русской народной песни, классического русского романса и советской песенной классики, выступающих технологией «гуманитарной деоккупации» сознания.

4. Важнейшим научным результатом (научной новизной) стало выявление экспертным сообществом выраженной латентной функции разработанного музыкального формата вещания – эффекта «психоэнергетического восстановления» военнослужащих.

5. Эмпирический анализ выявил, что ключевые препятствия для реструктуризации культурного пространства лежат в сфере правового и административно-технического регулирования (дефицит FM-частот, процедура лицензирования).

Литература

1. Новиков А.М., Новиков Д.А. Методология. – М.: СИНТЕГ, 2007. – 668 с.

2. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / пер. с фр.; сост., общ. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005. – 576 с.

3. Чижма В.С. Роль средств массовой информации в самоорганизации социокультурной реальности: автореф. дис. … канд. филос. наук: 09.00.11. – Омск, 2012. – 21 с.

4. Ермоленкина Л.И. Дискурсивная картина мира современного радио: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.01. – Томск, 2021. – 40 с.

5. Орлов С.Н. Культурное пространство региона как фактор общенационального единства. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2021. – 188 с.

6. Слепокуров В.С. Регулятивная функция культуры в современной России: поиск новых ориентиров // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2022. – № 4 (108). – С. 6–12.

7. Дунас Д.В. Медиасоциализация как фактор формирования ценностей молодёжи // Медиаскоп. – 2021. – Вып. 3. – URL: http://www.mediascope.ru (дата обращения: 07.09.2026).

8. Конькова В.С. Динамика медиапотребления в современном российском обществе // Социологические исследования. – 2023. – № 8. – С. 45–54.

9. Коломиец В.П., Полуэхтова И.А. Методологические проблемы изучения медиасреды в цифровом пространстве // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2022. – № 2. – С. 89–108.

PROJECT-TECHNOLOGICAL AND RELATIONAL APPROACHES TO MODELING AND RESTRUCTURING THE CULTURAL SPACE OF REGIONS

Zotov S.A., Kozyreva L.D.
North-West Institute of Management

Based on systemic, relational, and project-technological approaches, the study conceptualizes the processes of modeling and restructuring the unified cultural space of Russian regions. The country's cultural space is interpreted as a dynamic system of regional realities, structured by territorial dispositions and the nature of their interaction with the center. The core integrative toolkit is the methodology of A.M. Novikov and D.A. Novikov, which allows viewing the construction of the media environment as a completed cycle of productive activity. The practical application of the model is demonstrated through the project of the music and information radio station 'Reka' as a technology for the sociocultural integration of the new constituent entities of the Russian Federation. It is proven that the targeted development of a media environment based on traditional values ensures the strengthening of cultural sovereignty and neutralizes external destructive influences.

Keywords: cultural space, relational approach, project-technological method, social integration, new regions of Russia, radio broadcasting.

References

1. Novikov A.M., Novikov D.A. Methodology. – Moscow: SINTEG, 2007. – 668 p.

2. Bourdieu P. Social Space: Fields and Practices / trans. from French; comp., gen. ed., and afterword by N.A. Shmatko. – Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aletheia, 2005. – 576 p.

3. Chizhma V.S. The Role of Mass Media in the Self-Organization of Sociocultural Reality: Abstract of Cand. Sc. (Philosophy) Dissertation: 09.00.11. – Omsk, 2012. – 21 p.

4. Ermolenkina L.I. The Discursive Worldview of Modern Radio: Abstract of Dr. Sc. (Philology) Dissertation: 10.02.01. – Tomsk, 2021. – 40 p.

5. Orlov S.N. The Cultural Space of the Region as a Factor of National Unity. – Kurgan: Kurgan State University Press, 2021. – 188 p.

6. Slepokurov V.S. The Regulatory Function of Culture in Modern Russia: A Search for New Orientations // Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. – 2022. – No. 4 (108). – P. 6–12.

7. Dunas D.V. Media Socialization as a Factor in the Formation of Youth Values // Mediascope. – 2021. – Issue 3. – URL: http://www.mediascope.ru (accessed: 07.09.2026).

8. Konkova V.S. Dynamics of Media Consumption in Modern Russian Society // Sociological Studies. – 2023. – No. 8. – P. 45–54.

9. Kolomiyets V.P., Poluekhtova I.A. Methodological problems of studying the media environment in the digital space // Moscow University Bulletin. Series 10. Journalism. – 2022. – No. 2. – P. 89–108.

Влияние систематических занятий греко-римской борьбой на развитие лидерского потенциала и социальной ответственности студентов

Ибрагимов Али Закир оглы,
преподаватель кафедры физической культуры и спорта,
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России
E-mail: Ibrahimov_66_98@mail.ru

В условиях модернизации высшего образования особое значение приобретает формирование лидерских качеств и социальной ответственности у студентов. Физическая культура и спорт рассматриваются как эффективные инструменты воспитания. Цель настоящей работы – выявление влияния систематических занятий греко-римской борьбой на лидерский потенциал и социальную ответственность студентов. В исследовании приняли участие 32 респондента в возрасте от 18 до 25 лет, разделенные на две группы: занимающиеся греко-римской борьбой (n = 15) и не занимающиеся спортом (n = 17). Использовалась авторская анкета, включающая 15 утверждений, сгруппированных в три шкалы: «лидерский потенциал», «социальная ответственность» и «коммуникативная гибкость». Статистическая обработка включала t-критерий Стьюдента и корреляционный анализ Пирсона. Установлены статистически значимые преимущества борцов по всем трем шкалам ($p < 0,05$). Наибольший межгрупповой разрыв зафиксирован по шкале лидерского потенциала (1,18 балла, $p < 0,001$). Выявлена умеренная положительная корреляция занятий борьбой с лидерским потенциалом ($r = 0,53$) и социальной ответственностью ($r = 0,46$). Полученные результаты позволяют рекомендовать греко-римскую борьбу как средство социально-психологического развития студентов в системе физического воспитания вузов. *Методология.* Исследование проведено на базе кафедры физической культуры и спорта Ярославского государственного медицинского университета в августе-сентябре 2026 года. В качестве диагностического инструментария применялась авторская анкета с 15 суждениями по пятибалльной шкале Лайкерта. Статистический анализ осуществлялся с использованием t-критерия Стьюдента для независимых выборок и коэффициента корреляции Пирсона. *Результаты.* Установлено, что студенты-борцы демонстрируют статистически значимо более высокие показатели по шкалам лидерского потенциала (4,13 против 2,95; $p < 0,001$) и социальной ответственности (4,28 против 3,45; $p < 0,001$) в сравнении с контрольной группой. Корреляционный анализ подтвердил умеренную положительную связь занятий борьбой с лидерским потенциалом ($r = 0,53$) и социальной ответственностью ($r = 0,46$).

Ключевые слова: греко-римская борьба, лидерские качества, социальная ответственность, студенческая молодежь, физическая культура, спортивная социализация.

Введение

Модернизация высшего образования актуализирует задачу формирования социально зрелой, ответственной личности. Физическая культура и спорт обладают значительным воспитательным потенциалом [5, 8]. Греко-римская борьба предъявляет высокие требования к волевой сфере и коммуникативным способностям, что создает предпосылки для развития лидерских качеств [1–4, 7]. Однако влияние конкретных видов спорта на формирование лидерства у студентов изучено недостаточно, особенно в области единоборств.

Цель – выявление влияния занятий греко-римской борьбой на лидерский потенциал и социальную ответственность студентов.

Задачи

1. Разработать диагностический инструментарий для оценки лидерского потенциала, социальной ответственности и коммуникативной гибкости.
2. Провести сравнительный анализ показателей в группах студентов-борцов и не занимающихся спортом.
3. Установить корреляционные взаимосвязи между занятиями борьбой и исследуемыми характеристиками.

Материалы и методы исследования

Эмпирическое исследование проведено на базе кафедры физической культуры и спорта ФГБОУ ВО «Ярославский государственный медицинский университет» Минздрава России в августе-сентябре 2026 года. Участие в опросе носило добровольный и анонимный характер.

Выборочная совокупность

Обследованы 32 студента в возрасте от 18 до 25 лет (средний возраст 20,2 ± 1,5 года). Респонденты распределены на две группы: основная – студенты, систематически занимающиеся греко-римской борьбой (n = 15; все мужского пола; двое имеют разряд; средний возраст 20,3 ± 1,8 года); контрольная – не занимающиеся спортом (n = 17; 11 юношей и 6 девушек; средний возраст 20,1 ± 1,3 года). Структура выборки представлена в таблице 1.

Таблица 1. Структура выборочной совокупности

Показатель	Основная группа	Контрольная группа
Объем (n)	15	17
Пол (муж ./жен.)	15/0	11/6
Средний возраст (M ± SD)	20,3 ± 1,8	20,1 ± 1,3
Наличие разряда (n / %)	2 (13,3%)	-

Диагностический инструментарий

Применялась авторская анкета, включающая 19 позиций: первые четыре носят паспортный характер (пол, возраст, занятия борьбой, разряд), остальные 15 представляют собой суждения, оцениваемые по пятибалльной шкале Лайкерта. Утверждения сгруппированы в три шкалы.

1. «Лидерский потенциал» (6 вопросов: Q1, Q4, Q6, Q8, Q11, Q13) -инициативность, организаторские способности, готовность принимать решения.
2. «Социальная ответственность» (7 вопросов: Q2, Q5, Q7, Q9, Q12, Q14, Q15) – выполнение обещаний, помощь другим, ответственность за результат.
3. «Коммуникативная гибкость» (2 вопроса: Q3, Q10) – способность к компромиссу, умение подавать пример.

Итоговый балл по каждой шкале рассчитывался как среднее арифметическое.

Статистическая обработка

Данные обрабатывались с использованием Microsoft Excel и Python (библиотеки pandas, scipy.stats). Применялись t-критерий Стьюдента для независимых выборок и корреляционный анализ Пирсона. Критический уровень значимости $p < 0,05$.

Результаты

Все 32 анкеты признаны пригодными к обработке. В таблице 2 представлены усредненные данные по трем шкалам.

Таблица 2. Показатели лидерского потенциала, социальной ответственности и коммуникативной гибкости (M ± SD)

Шкала	Борцы (n = 15)	Контроль (n = 17)	Разница	t	p
Лидерский потенциал	4,13 ± 0,58	2,95 ± 0,81	1,18	4,72	< 0,001
Социальная ответственность	4,28 ± 0,52	3,45 ± 0,74	0,83	3,68	< 0,001
Коммуникативная гибкость	3,90 ± 0,68	3,32 ± 0,86	0,58	2,12	0,042

По всем трем шкалам средние значения в основной группе статистически значимо превышают контрольные показатели. Максимальный разрыв – по шкале «лидерский потенциал» (1,18 балла; p < 0,001). Минимальный – по шкале «коммуникативная гибкость» (0,58 балла; p = 0,042).

В таблице 3 представлены сравнения по наиболее информативным вопросам.

Таблица 3. Межгрупповые различия по отдельным суждениям (M ± SD)

Суждение	Борцы	Контроль	Разница	p
Q1. Инициатива в групповой работе	4,07 ± 1,33	2,65 ± 1,06	1,42	0,002
Q11. Частота избрания лидером	3,73 ± 1,28	2,35 ± 0,86	1,38	< 0,001
Q13. Спокойствие в экстремальной обстановке	4,07 ± 1,16	3,12 ± 1,05	0,95	0,018
Q2. Ответственность за общий итог	4,40 ± 0,83	3,41 ± 1,06	0,99	0,006
Q12. Признание собственных ошибок	4,13 ± 0,83	3,18 ± 1,07	0,95	0,007

Наиболее контрастные различия зафиксированы по пунктам, отражающим неформальное лидерство и инициативность. По вопросам, касающимся готовности помогать и выполнения обещаний, различия не достигают статистической значимости, хотя средние баллы у борцов выше.

Корреляционный анализ выявил умеренные положительные корреляции занятий борьбой с лидерским потенциалом (r = 0,53) и социальной ответственностью (r = 0,46). Связь с коммуникативной гибкостью слабее, но статистически значима (r = 0,29) (таблица 4).

Таблица 4. Корреляции занятий борьбой с психологическими характеристиками

Связь	r	p
Борьба ↔ Лидерский потенциал	0,53	< 0,001
Борьба ↔ Социальная ответственность	0,46	< 0,001
Борьба ↔ Коммуникативная гибкость	0,29	0,042

Обсуждение

Полученные данные согласуются с выводами исследователей, отмечающих роль спорта как важного агента социализации [5, 6, 8, 12]. Систематические занятия борьбой сопряжены с более высоким уровнем лидерского потенциала, что, по-видимому, обусловлено природой тренировочного процесса, требующего самостоятельных решений, быстрой реакции и ответственности за результат.

Особое внимание привлекает двукратное превосходство борцов по частоте избрания неформальными лидерами (вопрос Q11). Это свидетельствует о том, что развитие лидерских качеств в спорте транслируется в другие сферы жизнедеятельности [6, 8]. Менее выраженная связь с коммуникативной гибкостью, вероятно, объясняется спецификой единоборств, где акцент делается на противоборстве, а не на поиске компромиссов.

По ряду аспектов социальной ответственности (готовность помогать, выполнение обещаний) статистически значимых различий не выявлено, что может быть связано с влиянием семейного воспитания и профессиональной среды (все респонденты – студенты-медики, для которых ответственность является профессионально значимой) [9–11].

Ограничения исследования: небольшой объем выборки, локализация в рамках одного вуза, дизайн поперечного среза, не позволяющий делать выводы о причинно-следственных связях. Для решения этого вопроса необходимы лонгитудинальные исследования.

Заключение

1. Студенты-борцы демонстрируют статистически значимо более высокий уровень лидерского потенциала по сравнению с не занимающимися спортом (4,13 против 2,95; p < 0,001). Наиболее ярко это проявляется в инициативности и готовности к организации групповой деятельности.

2. Занятия греко-римской борьбой ассоциируются с более высокими показателями социальной ответственности (4,28 против 3,45; p < 0,001). Борцы чаще готовы брать ответственность за коллективный результат и признавать ошибки.

3. Выявлена умеренная положительная корреляция между занятиями борьбой и лидерским потенциалом (r = 0,53), а также социальной ответственностью (r = 0,46). Связь с коммуникативной гибкостью статистически значима, но слабее (r = 0,29).

4. Полученные результаты позволяют рекомендовать использование греко-римской борьбы в системе физического воспитания вузов как средства формирования лидерских качеств и социальной ответственности у студентов. Целесообразно усиление воспитательного компонента в тренировочном процессе через создание ситуаций, требующих самостоятельных решений, и поощрение инициативы спортсменов.

Перспективы исследований

Планируется расширение выборки, проведение лонгитудинального наблюдения и дополнение диагностического инструментария валидизированными психологическими тестами.

Литература

1. Кузнецов А. С., Зекрин Ф.Х., Наговицын Р.С., Чернова Г.М. Психологическая подготовка борцов с учетом типов темперамента на предсоревновательном этапе // Теория и практика физической культуры. 2023. № 2. С. 67–69. (https://elibrary.ru/contents.asp?id=50147985)

2. Кузнецов А. С., Закиров Д.Р. Психологическая подготовка борцов греко-римского стиля с учетом типов темперамента на предсоревновательном этапе подготовки: монография. Москва: ФЛИНТА; Наука, 2015. 164 с. ISBN 978-5-9765-2056-1. (https://ibooks.ru/products/352213)

3. Манжелей И.В. Средовый подход к физическому воспитанию студенческой молодежи // Образование и наука. 2014. № 2. С. 125–138. DOI: 10.17853/1994-5639-2014-2-125-138.

4. Николаева И. В., Васельцова И.А., Грязнов С.А. Формирование социальных компетенций студентов через командные виды спорта // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2025. № 1. С. 89–96. DOI: 10.5930/1994-4683-2025-89-96.

5. Сафоненко С.В. Исследование волевых качеств учащихся как одного из аспектов личностных достижений в физкультурно-спортивной деятельности // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7, № 1 (22). С. 286–293. DOI: 10.17816/snv201871312.

6. Мальцев А. А., Христов В.В. Педагогические механизмы формирования социальной компетентности у студентов-спортсменов // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2016. Т. 2, № 1. С. 283–293. DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-1-283-293.

7. Глыбочко П. В., Есауленко И.Э., Попов В.И., Петрова Т.Н. Здоровье студентов медицинских вузов России: проблемы и пути их решения // Сеченовский вестник. 2017. № 2 (28). С. 4–11. EDN: ZHHBTZ.

8. Поздеева А. Н., Гурьянов М.С. Особенности приверженности студентов медицинского вуза к здоровому образу жизни в период распространения новой коронавирусной инфекции // Общественное здоровье. 2023. Т. 3, № 2. С. 4–12. DOI: 10.21045/2782-1676-2023-3-2-4-12.

9. Хатуаев Р. О., Комиссаров С.А., Свиридкин П.А. и др. Влияние стресса на качество сна у студентов медицинского вуза // Современные проблемы науки и образования. 2025. № 4. Ст. 12. DOI: 10.17513/spNo. 34163. EDN: GCZGXK.

10. Кохан С., Ангелова П., Середкин А. Анализ взаимосвязи показателей физической активности и психофизического здоровья студентов: обзор зарубежных исследований // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. 2025. № 1 (37). С. 84–97. DOI: 10.14258/zosh(2025)1.09. EDN: RBWOGC.

THE INFLUENCE OF SYSTEMATIC GRECO-ROMAN WRESTLING PRACTICE ON THE DEVELOPMENT OF LEADERSHIP POTENTIAL AND SOCIAL RESPONSIBILITY IN STUDENTS

Ibragimov A.Z.
Yaroslav State Medical University of the Ministry of Health of Russia

In the context of higher education modernization, the formation of leadership qualities and social responsibility in students is of particular importance. Physical culture and sports are considered effective educational tools. The aim of this work is to identify the influence of systematic Greco-Roman wrestling practice on students' leadership potential and social responsibility. The study involved 32 respondents aged 18 to 25 years, divided into two groups: those engaged in Greco-Roman wrestling (n = 15) and those not involved in sports (n = 17). A specifically designed questionnaire comprising 15 items grouped into three scales – «leadership potential» «social responsibility» and «communicative flexibility» – was used. Statistical processing included Student's t-test and Pearson correlation analysis. Statistically significant advantages of wrestlers were established across all three scales ($p < 0.05$). The largest intergroup difference was recorded for leadership potential (1.18 points, $p < 0.001$). A moderate positive correlation was found between wrestling practice and leadership potential ($r = 0.53$) and social responsibility ($r = 0.46$). The obtained results allow recommending Greco-Roman wrestling as a means of socio-psychological development of students in the physical education system of higher education institutions. *Methodology*. The study was conducted at the Department of Physical Culture and Sports of Yaroslav State Medical University in August-September 2026. A specifically designed questionnaire with 15 items on a five-point Likert scale was used as a diagnostic tool. Statistical analysis was performed using Student's t-test for independent samples and Pearson correlation coefficient. *Results*. It was found that wrestling students demonstrate statistically significantly higher scores on the scales of leadership potential (4.13 vs. 2.95; $p < 0.001$) and social responsibility (4.28 vs. 3.45; $p < 0.001$) compared to the control group. Correlation analysis confirmed a moderate positive relationship between wrestling practice and leadership potential ($r = 0.53$) and social responsibility ($r = 0.46$).

Keywords: Greco-Roman wrestling, leadership qualities, social responsibility, student youth, physical culture, sports socialization.

References

1. Kuznetsov A. S., Zekrin F. Kh., Nagovitsyn R.S., Chernova G.M. Psychological preparation of wrestlers based on temperament types during the pre-competition stage // Theory and Practice of Physical Culture. 2023. № 2. P. 67–69. (https://elibrary.ru/contents.asp?id=50147985)

2. Kuznetsov A. S., Zakirov D.R. Psychological preparation of Greco-Roman wrestlers based on temperament types during the pre-competition training stage: a monograph. Moscow: FLINTA; Nauka, 2015. 164 p. ISBN 978-5-9765-2056-1. (https://ibooks.ru/products/352213)

3. Manzheley I.V. An environmental approach to the physical education of university students // Education and Science. 2014. № 2. P. 125–138. DOI: 10.17853/1994-5639-2014-2-125-138.

4. Nikolaeva I. V., Vaseltsova I.A., Gryaznov S.A. Formation of students' social competencies through team sports // Scientific Notes of the P.F. Lesgaft University. 2025. № 1. P. 89–96. DOI: 10.5930/1994-4683-2025-89-96.

5. Safonenko S.V. Study of students' volitional qualities as an aspect of personal achievement in physical education and sports activities // Samara Scientific Bulletin. 2018. Vol. 7, № 1 (22). Pp. 286–293. DOI: 10.17816/snv201871312.

6. Maltsev A. A., Khristov V.V. Pedagogical mechanisms for developing social competence in student-athletes // Herald of Tyumen State University. Humanities Research. Humanitates. 2016. Vol. 2, № 1. Pp. 283–293. DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-1-283-293.

7. Glybochko P. V., Esaulenko I.E., Popov V.I., Petrova T.N. Health of medical university students in Russia: problems and solutions // Sechenov Bulletin. 2017. № 2 (28). Pp. 4–11. EDN: ZHHBTZ.

8. Pozdeeva A. N., Guryanov M.S. Characteristics of medical university students' adherence to a healthy lifestyle during the spread of the novel coronavirus infection // Public Health. 2023. Vol. 3, № 2. Pp. 4–12. DOI: 10.21045/2782-1676-2023-3-2-4-12.

9. Khatuaev R. O., Komissarov S.A., Sviridkin P.A. et al. Impact of stress on sleep quality among medical university students // Modern Problems of Science and Education. 2025. № 4. Art. 12. DOI: 10.17513/spNo. 34163. EDN: GCZGXK.

10. Kokhan S., Angelova P., Seredkin A. Analysis of the relationship between physical activity indicators and the psychophysical health of students: a review of foreign studies // Human Health, Theory and Methodology of Physical Culture and Sports. 2025. № 1 (37). P. 84–97. DOI: 10.14258/zosh(2025)1.09. EDN: RBWOGC.

Механизм общественно-политического социального партнерства: взаимодействие общероссийских объединений профсоюзов с государственными органами власти

Козырева Татьяна Анатольевна,
аспирант кафедры трудового права, Академия труда и социальных отношений
E-mail: aokozyreva@mail.ru

В статье исследуются теоретические и практические аспекты взаимодействия общероссийских объединений профсоюзов с государственными органами власти в системе социального партнерства. На основе анализа эволюции института социального партнерства в России, деятельности Федерации Независимых Профсоюзов России (ФНПР) и ее сотрудничества с политическими партиями обосновывается вывод о формировании особого механизма общественно-политического социального партнерства, выходящего за рамки традиционной трехсторонней модели. В работе анализируются история становления данного механизма, его современное состояние, выявлены системные проблемы и предложены пути их совершенствования. Особое внимание уделяется институционализации взаимодействия ФНПР с партией «Единая Россия», деятельности межфракционной рабочей группы «Солидарность» и трансформации профсоюзных инициатив в законодательные решения.

Ключевые слова: социальное партнерство, общероссийские объединения профсоюзов, ФНПР, «Единая Россия», межфракционная группа «Солидарность», Народная программа, трудовое законодательство, общественно-политический механизм.

Введение

Социальное партнерство в сфере труда, закрепленное в Трудовом кодексе РФ как система взаимоотношений между работниками (их представителями), работодателями (их представителями) и органами государственной власти, представляет собой один из фундаментальных институтов современного российского трудового права. Традиционно эта модель рассматривается как трехсторонняя, включающая профсоюзы, объединения работодателей и государство. Однако практика последних лет демонстрирует формирование новых, более сложных механизмов взаимодействия, в которых общероссийские объединения профсоюзов вступают в прямой диалог не только с исполнительной властью в лице Правительства РФ, но и с политическими партиями, представленными в законодательном органе.

В научной литературе обосновывается необходимость повышения роли профессиональных союзов в системе социального партнерства и их активной работы с органами исполнительной власти [2; 3]. При этом современные исследования показывают, что эффективность социального партнерства во многом зависит от способности профсоюзов интегрироваться в процесс принятия политических решений [4].

Цель настоящей статьи – исследовать теоретические основы и практические механизмы взаимодействия общероссийских объединений профсоюзов с государственными органами власти, выявить этапы становления этого взаимодействия, его современные проблемы и предложить пути их решения.

История становления механизма взаимодействия профсоюзов с государственными органами власти

Отправной точкой институционализации социального диалога в постсоветской России следует считать 1991 год, когда был принят Указ Президента РСФСР № 212 [5]. Примечательно, что в условиях глубокого экономического кризиса и фактического отсутствия традиций социального партнерства инициатором создания соответствующих институтов выступило именно государство – в отличие от западноевропейской модели, где подобные механизмы формировались «снизу», под давлением организованного рабочего движения. Уже в январе 1992 года последовал Указ № 45 [6], учредивший Российскую трехстороннюю комиссию. Таким образом, можно констатировать, что российская модель трипартизма изначально формировалась «сверху вниз», что во многом предопределило ее последующую специфику.

В последующие годы были приняты ключевые федеральные законы, определившие правовую базу социального партнерства: «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» (1996) [7], «О Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений» (1999) [8], «Об объединениях работодателей» (2002) [9]. В 2001 году вступил в силу Трудовой кодекс РФ, закрепивший социальное партнерство как самостоятельный раздел трудового права [1].

Важным этапом стало принятие в 2020 году поправок к Конституции РФ, закрепивших принципы социального партнерства в основном законе страны [10]. Одновременно с формированием правовой базы развивались и неформальные механизмы взаимодействия профсоюзов с государством. С 1990-х годов профсоюзы активно участвовали в разработке законопроектов через свои представительства в Государственной Думе и Совете Федерации. В 2000-е годы сложилась практика заключения соглашений между ФНПР и политическими партиями, что позволило профсоюзам влиять на формирование предвыборных программ и законодательных инициатив.

В 2000 году была создана межфракционная рабочая группа «Солидарность» по взаимодействию с профсоюзным движением в Государственной Думе [11], что стало важным шагом в институционализации общественно-политического социального партнерства. Группа объединила депутатов различных фракций, заинтересованных в учете интересов трудящихся при принятии законов в социально-трудовой сфере.

Подводя итоги рассмотрения исторической эволюции взаимодействия профсоюзов с государственными органами, можно констатировать, что к середине 2020-х годов в России сложилась качественно новая конфигурация социального партнерства. Она характеризуется со-

четанием двух взаимодополняющих контуров: формально-правового (РТК, коллективные переговоры) и общественно-политического (взаимодействие с партиями и депутатскими объединениями). Возникновение второго контура, на наш взгляд, является ответом на ограниченную эффективность первого – традиционные институты социального диалога оказались недостаточно результативными для решения наиболее острых социально-трудовых проблем, что и побудило профсоюзы искать дополнительные каналы влияния на власть.

Современное состояние и проблемы взаимодействия

Принципиально новым этапом в развитии механизмов взаимодействия профсоюзов с властью стало заключение 4 декабря 2025 года соглашения о сотрудничестве между ФНПР и партией «Единая Россия» [12]. Анализ данного документа позволяет выделить несколько ключевых особенностей. Во-первых, соглашение имеет долгосрочный характер и охватывает широкий спектр вопросов – от адаптации системы защиты прав работников к условиям цифровой экономики до создания сети региональных консультационных пунктов. Во-вторых, в отличие от предыдущих аналогичных документов (2006, 2011, 2016 гг.), нынешнее соглашение предусматривает конкретные механизмы реализации, что свидетельствует о переходе от декларативных форм взаимодействия к инструментальным.

Ключевыми задачами соглашения стали совместная экспертиза и доработка законопроектов в социально-трудовой сфере, создание сети региональных консультационных пунктов для правовой поддержки граждан, а также мониторинг соблюдения трудовых прав на предприятиях.

Данное соглашение не является первым в истории взаимодействия ФНПР и «Единой России» – ему предшествовали аналогичные документы, заключенные в 2006, 2011 и 2016 годах. Однако данное соглашение отличается более широким охватом вопросов и конкретными механизмами реализации.

Ключевым практическим инструментом взаимодействия стал процесс сбора и передачи профсоюзных наказов для включения в Народную программу партии. В августе 2026 года ФНПР передала «Единой России» 524 конкретных предложения, сформулированных на основе реальных проблем работников [13]. В сборе и обобщении наказов участвовали все членские организации ФНПР – от первичных профсоюзных организаций до отраслевых и территориальных объединений.

Предложения профсоюзов сгруппированы по следующим направлениям.

Оплата труда: обязательная ежегодная индексация заработной платы, исключение стимулирующих и компенсационных выплат из состава МРОТ, установление базовых окладов в бюджетной сфере на уровне не ниже МРОТ.

Защита трудовых прав: обязательность коллективных договоров на крупных предприятиях, расширение контрольных полномочий профсоюзов.

Социальная поддержка: меры по поддержке участников СВО и членов их семей, развитие института наставничества, поддержка молодых специалистов.

Помимо прямого взаимодействия с партией «Единая Россия», ФНПР активно сотрудничает с депутатским корпусом через межфракционную рабочую группу «Солидарность», созданную более 20 лет назад [11]. В группу входят депутаты от всех фракций Государственной Думы, что обеспечивает широкий парламентский консенсус по профсоюзным инициативам.

На заседании группы 1 апреля 2025 года были рассмотрены предложения Минэкономразвития о повышении гибкости трудовых отношений, законодательные нюансы регулирования сверхурочной работы и внедрения электронного кадрового документооборота. Кроме того был представлен законопроект об увеличении административной ответственности за сокрытие информации о несчастных случаях на производстве и предложения о пересмотре методики расчета пособий по временной нетрудоспособности и в связи с материнством [14]

В 2025–2026 годах при участии группы были приняты федеральные законы: об установлении ограничений на занятие трудовой деятельностью для отдельных категорий работников транспорта; об особенностях регулирования труда иностранных граждан; о повышении гибкости трудовых отношений, законодательные нюансы регулирования сверхурочной работы и внедрения электронного кадрового документооборота; об оплате доставки работников к месту выполнения работы вахтовым методом и о преимущественном праве поступления на работу для мобилизованных граждан [15].

Несмотря на очевидные достижения, в механизме общественно-политического социального партнерства сохраняются системные проблемы.

Во-первых, недостаточная системность взаимодействия. Как отмечается в научной литературе [16], консультации с профсоюзами зачастую носят формальный характер и не всегда влияют на принимаемые решения. Многие законопроекты вносятся в Государственную Думу без предварительного обсуждения с профсоюзами.

Во-вторых, отсутствие ответственности за невыполнение достигнутых договоренностей. Соглашения между профсоюзами и политическими партиями носят политический, а не юридический характер, что снижает их эффективность.

Кроме того, недостаточное использование регионального потенциала. В субъектах Российской Федерации взаимодействие профсоюзов с региональными отделениями политических партий развито неравномерно. Во многих регионах отсутствуют системные механизмы учета профсоюзных инициатив при формировании региональных программ и законов.

На ряду с этим, слабое вовлечение новых форм занятости. Современные профсоюзы ориентированы преимущественно на традиционные трудовые отношения, в то время как платформенная занятость и самозанятость остаются вне поля их эффективного представительства [17].

Предложения по совершенствованию механизма общественно-политического социального партнерства

На основе проведенного анализа предлагаются следующие пути совершенствования:

Во-первых, целесообразно законодательно закрепить обязательность общественной экспертизы законопроектов в социально-трудовой сфере с участием общероссийских объединений профсоюзов на всех стадиях законодательного процесса. Это позволит сделать взаимодействие более системным и обязательным.

Во-вторых, необходимо разработать и внедрить механизмы ответственности сторон за неисполнение принятых обязательств. В частности, предлагается ввести регулярную публичную отчетность политических партий о реализации профсоюзных наказов и создание независимых мониторинговых площадок.

В-третьих, требуется активизировать работу на региональном уровне. Целесообразно распространить практику заключения соглашений о сотрудничестве между региональными объединениями профсоюзов и региональными отделениями политических партий, а также усилить роль региональных трехсторонних комиссий в согласовании профсоюзных инициатив.

В-четвертых, необходимо адаптировать механизмы социального партнерства к новым формам занятости. Предлагается законодательно закрепить право профсоюзов на представительство интересов работников платформенной занятости и создать специальные структуры для защиты их прав.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. В России сформировался и успешно функционирует механизм общественно-политического социального партнерства, выходящий за рамки традиционной трехсторонней модели. Его основу составляет институционализированное взаимодействие ФНПР с партией «Единая Россия» и межфракционной рабочей группой «Солидарность», обеспечивающее трансформацию профсоюзных инициатив в законодательные решения.

2. Ключевыми этапами становления данного механизма стали: создание РТК (1992), принятие базовых законов о социальном партнерстве (1996–2002), формирование межфракционной группы «Солидарность» (2003), заключение соглашений между ФНПР и «Единой Россией» (2006–2025) и внедрение механизма сбора и передачи профсоюзных наказов в Народную программу.

3. Несмотря на достигнутые результаты, механизм общественно-политического социального партнерства сталкивается с системными проблемами: формальным характером консультаций, отсутствием ответственности за неисполнение договоренностей, слабым использованием регионального потенциала и недостаточной адаптацией к новым формам занятости.

4. Предложенные пути совершенствования – закрепление обязательности общественной экспертизы законопроектов, введение механизмов ответственности, активизация регионального уровня, адаптация к новым формам занятости, создание общественно-консультативного совета при Президенте РФ – позволят повысить эффективность взаимодействия и обеспечить более полный учет интересов работников при формировании государственной политики.

Перспективными направлениями дальнейших исследований являются сравнительный анализ моделей общественно-политического взаимодействия профсоюзов в различных странах, исследование цифровых инструментов вовлечения работников в профсоюзную деятельность, а также анализ эффективности реализации профсоюзных наказов на региональном уровне.

Литература

1. Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ: (ред. от 29 декабря 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. I). – Ст. 3. – Текст: непосредственный.

2. Сошникова Т.А. Социальное партнерство и его роль в решении социально-экономических проблем в современной России // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 3. – С. 174–181. – Текст: непосредственный.

3. Крылов К.Д. Правовое обеспечение и социальная защита благополучия человека труда // Образование и право. – 2022. – № 3. – С. 32–37. – Текст: непосредственный.

4. Снигирева И.О. Правовое положение российских профсоюзов в сфере труда: история и современность: монография. – Москва: Проспект, 2021. – 288 с. – Текст: непосредственный.

5. О социальном партнерстве и разрешении трудовых споров (конфликтов): указ Президента РСФСР от 15 ноября 1991 г. № 212 // Ведомости СНД и ВС РСФСР. – 1991. – № 44. – Ст. 1480. – Текст: непосредственный.

6. О создании Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений: указ Президента РФ от 24 января 1992 г. № 45 // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 6. – Ст. 260. – Текст: непосредственный.

7. Федеральный закон «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» от 12.01.1996 N 10-ФЗ (последняя редакция). Ст. 148. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8840/ (дата обращения: 07.08.2026). – Текст: электронный

8. О Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений: федер. закон от 1 мая 1999 г. № 92-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 18. – Ст. 2218. – Текст: непосредственный.

9. Об объединениях работодателей: федер. закон от 27 ноября 2002 г. № 156-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 48. – Ст. 4741. – Текст: непосредственный.

10. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.: (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1416. – Текст: непосредственный.

11. О создании межфракционной рабочей группы по взаимодействию с профсоюзным движением «Солидарность» в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации восьмого созыва [Электронный ресурс] // Федерация Независимых Профсоюзов России. – URL: https://old.fnpr.ru/n/2/15/187/380.html?ysclid=mtvesa6c2322107877 (дата обращения: 02.09.2026). – Текст: электронный.

12. Соглашение о сотрудничестве между Общероссийским союзом «Федерация Независимых Профсоюзов России» и Всероссийской политической партией «Единая Россия»: заключено 4 декабря 2025 г. [Электронный ресурс] // Федерация Независимых Профсоюзов России. – URL: https://fnpr.ru (дата обращения: 02.09.2026). – Текст: электронный.

13. ФНПР передала «Единой России» наказы для Народной программы // Центральная профсоюзная газета «Солидарность». – 2026. – № 32. – С. 4–5. – Текст: непосредственный.

14. Депутаты Госдумы обсудили с руководством ФНПР актуальные проблемы трудовых отношений // Центральная профсоюзная газета «Солидарность». – 2025. – № 15. – С. 1, 8. – Текст: непосредственный.

15. О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон от 25 мая 2026 г. № 144-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2026. – № 22. – Ст. 3128. – Текст: непосредственный

16. Орланов Г.Б., Фельдман П.Я. К вопросу об оценке эффективности функционирования региональных институтов социального партнерства // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). – 2026. – № 1(70). – С. 43–50. – Текст: непосредственный.

17. Чуча С.Ю. Социальное партнёрство как институт обеспечения интересов российского государства в сфере занятости // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2024. -Т21 – № 1. – С. 57–66.

MECHANISM OF SOCIO-POLITICAL SOCIAL PARTNERSHIP: INTERACTION OF ALL-RUSSIAN TRADE UNION ASSOCIATIONS WITH PUBLIC AUTHORITIES

Kozyreva T.A.
Academy of Labor and Social Relations

The article examines theoretical and practical aspects of interaction between all-Russian trade union associations and public authorities in the social partnership system. Based on the analysis of the evolution of the social partnership institution in Russia, the activities of the Federation of Independent Trade Unions of Russia (FNPR) and its cooperation with political parties, the author substantiates the conclusion about the formation of a special mechanism of socio-political social partnership that goes beyond the traditional tripartite model. The paper analyzes the history of formation of this mechanism, its current state, identifies systemic problems and suggests ways to improve them. Special attention is paid to the institutionalization of FNPR's interaction with the United Russia party, the activities of the inter-faction working group «Solidarity» and the transformation of trade union initiatives into legislative decisions.

Keywords: social partnership, all-Russian trade union associations, FNPR, United Russia, inter-faction group «Solidarity», People's Program, labor legislation, socio-political mechanism.

References

1. Labor Code of the Russian Federation: Federal Law № 197-FZ of December 30, 2001: (as amended of December 29, 2025) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – № 1 (Part I). – Art. 3. – Text: direct.

2. Soshnikova T.A. Social Partnership and Its Role in Solving Socio-Economic Problems in Modern Russia // Actual Problems of Russian Law. – 2015. – № 3. – P. 174–181. – Text: direct.

3. Krylov K.D. Legal Support and Social Protection of Human Well-Being in Labor // Education and Law. – 2022. – № 3. – P. 32–37. – Text: direct.

4. Snigireva I.O. Legal Status of Russian Trade Unions in the Sphere of Labor: History and Modernity: monograph. – Moscow: Prospekt, 2021. – 288 p. – Text: direct.

5. On Social Partnership and Resolution of Labor Disputes (Conflicts): Decree of the President of the RSFSR № 212 of November 15, 1991 // Bulletin of the Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of the RSFSR. – 1991. – № 44. – Art. 1480. – Text: direct.

6. On the Establishment of the Russian Tripartite Commission for the Regulation of Social and Labor Relations: Decree of the President of the Russian Federation № 45 of January 24, 1992 // Bulletin of the Congress of People's Deputies and the Supreme Soviet of the Russian Federation. – 1992. – № 6. – Art. 260. – Text: direct.

7. On Trade Unions, Their Rights and Guarantees of Activity: Federal Law № 10-FZ of January 12, 1996: (as amended of December 21, 2021) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – № 3. – Art. 148. – Text: direct.

8. On the Russian Tripartite Commission for the Regulation of Social and Labor Relations: Federal Law № 92-FZ of May 1, 1999 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1999. – № 18. – Art. 2218. – Text: direct.

9. On Employers' Associations: Federal Law № 156-FZ of November 27, 2002 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – № 48. – Art. 4741. – Text: direct.

10. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993: (as amended by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation № 1-FKZ of March 14, 2020) // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2020. – № 11. – Art. 1416. – Text: direct.

11. On the Establishment of the Inter-Faction Working Group for Interaction with the Trade Union Movement «Solidarity» in the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the Eighth Convocation [Electronic resource] // Federation of Independent Trade Unions of Russia. – URL: https://fnpr.ru/events/novosti-fnpr/gruppa-solidarnost-sformirovana-v-novom-sostave-.html (accessed: 02.09.2026). – Text: electronic.

12. Agreement on Cooperation between the All-Russian Union «Federation of Independent Trade Unions of Russia» and the All-Russian Political Party «United Russia»: concluded on December 4, 2025 [Electronic resource] // Federation of Independent Trade Unions of Russia. – URL: https://fnpr.ru (accessed: 02.09.2026). – Text: electronic.

13. FNPR Transferred Proposals to «United Russia» for the People's Program // Central Trade Union Newspaper «Solidarnost». – 2026. – № 32. – P. 4–5. – Text: direct.

14. State Duma Deputies Discussed Current Problems of Labor Relations with the Leadership of the FNPR // Central Trade Union Newspaper «Solidarnost». – 2025. – № 15. – P. 1, 8. – Text: direct.

15. On Amendments to the Labor Code of the Russian Federation: Federal Law № 144-FZ of May 25, 2026 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2026. – № 22. – Art. 3128. – Text: direct.

16. Orlanov G.B., Feldman P. Ya. On the Issue of Assessing the Effectiveness of Regional Social Partnership Institutions // Bulletin of BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). – 2026. – № 1(70). – P. 43–50. – Text: direct.

17. Chucha S. Yu. Social Partnership as an Institution for Ensuring the Interests of the Russian State in the Sphere of Employment // Bulletin of Omsk University. Series «Law». – 2024. – T21 – № 1. – P. 57–66.

Легитимация нейросетевых технологий в рекламной индустрии: операционализация понятия и три контура признания

Кудрявцева Диана Ильдаровна,
аспирант, МГУ им. М.В. Ломоносова; руководитель пресс-службы мастерской управления «Сенеж»
E-mail: kudryavtsevadi@my.msu.ru

В исследованиях искусственного интеллекта понятие легитимации используется широко, но чаще всего остается метафорой: любое распространение технологии описывается как ее легитимация, а любое сопротивление – как ее отсутствие. В статье предлагается рабочее определение легитимации нейросетевых технологий в рекламной индустрии, опирающееся на веберовскую традицию, социологию знания П. Бергера и Т. Лукмана, типологию легитимности М. Сачмена и неоинституциональную теорию организаций. Легитимация отграничивается от смежных понятий – доверия, диффузии, нормализации и институционализации – и раскладывается на три контура признания: профессиональный, аудиторный и регуляторный, каждый с собственным адресатом и наблюдаемыми индикаторами. Применение схемы к регуляторному контуру на материале российского и зарубежного законодательства 2026 г. показывает, что формальное признание практики только оформляется, а функцию норм фактически выполняют правила платформ. Предложенная схема позволяет описывать состояние легитимации не одной оценкой, а профилем по контурам и отделять признание практики от ее распространенности.

Ключевые слова: легитимация, искусственный интеллект, нейросетевые технологии, рекламные коммуникации, типы легитимности, институциональный изоморфизм, маркировка ИИ-контента, платформы.

Введение: почему легитимация остается метафорой

После открытия публичного доступа к большим языковым моделям в конце 2022 г. и появления отечественных генеративных сервисов нейросети за три-четыре года превратились из единичного эксперимента в повседневный рабочий инструмент специалиста по маркетинговым коммуникациям. Динамика внедрения опережает формирование научного аппарата, способного описывать не только то, что появилось, но и то, на каком основании новая практика считается допустимой. Инженерные публикации сосредоточены на устройстве самих моделей [1], маркетинговые – на прикладных сценариях и экономической отдаче [2]. В отечественной традиции приход нейросетей в медиаиндустрию рассматривается как элемент «пересборки» медиа [3] и медиатизации управленческих практик отрасли [4], то есть как структурное, а не инструментальное изменение. Вопрос о социальном закреплении практики – о ее признании профессиональным сообществом, аудиторией и регулятором – в этой литературе обычно обозначается словом «легитимация», но само понятие остается на уровне общей метафоры. Без рабочего определения и набора наблюдаемых индикаторов оно не выполняет аналитической функции: любое распространение технологии при желании описывается как ее легитимация, а любое сопротивление – как ее отсутствие.

Такая неопределенность имеет два следствия. Методологическое состоит в том, что распространенность практики отождествляется с ее признанием, хотя это разные вещи: технологией могут пользоваться широко и при этом не сообщать об этом ни заказчику, ни аудитории. Практическое следствие в том, что усилия отрасли направляются на маскировку машинного происхождения контента, тогда как признание обеспечивается другим – проверяемым контуром ответственности.

Цель статьи – предложить рабочее определение легитимации нейросетевых технологий в рекламной индустрии, отграничить его от смежных понятий и построить схему, в которой легитимация раскладывается на три контура признания с собственными адресатами и индикаторами. Применение схемы показано на регуляторном контуре, материалом для которого служат нормативные документы 2026 г. В ранее опубликованных работах автора рассматривались смежные задачи – различение технической новизны и социотехнической инновации [5] и пилотное качественное изучение распознавания «машинности» рекламного контента [6]; настоящая статья сосредоточена на самом понятии легитимации.

Теоретические основания: от значимости порядка к типам легитимности

Социологическая традиция изучения легитимности восходит к М. Веберу, который связал устойчивость социального порядка не с принуждением и не с выгодой, а с представлением участников о его значимости: порядок сохраняется, пока действующие ориентируются на него как на обязательный [7]. Отсюда следует принципиальное для настоящей работы положение – легитимность принадлежит не самой практике, а тому, как она воспринимается теми, кто с ней имеет дело. Вебер различал основания, на которых порядок признается значимым, и тем самым задал задачу, актуальную и для нейросетевых технологий: устанавливать не факт применения, а те основания, на которых применение считается правомерным.

П. Бергер и Т. Лукман перевели вопрос в план повседневного знания. В их трактовке легитимация есть объяснение и оправдание институционального порядка, придание смысла тому, что уже сложилось [8]. Существенно, что легитимация у них многоуровнева: она начинается с простого обозначения практики в языке и заканчивается развернутыми теоретическими построениями. Применительно к предмету статьи это означает, что появление устойчивых наименований – промпт-инженер, промпт-куратор, гибридное производство – само по себе является актом легитимации, а не только следствием технологических изменений: назвать практику значит признать ее существующей.

Наиболее операциональную форму понятие получило у М. Сачмена, определившего легитимность как обобщенное восприятие того, что действия субъекта желательны или уместны в рамках социально

сконструированной системы норм и представлений [9]. Сачмен разграничил три типа легитимности. Прагматическая опирается на расчет выгоды тех, кто оценивает практику; моральная – на суждение о ее правильности безотносительно к выгоде; когнитивная – на понятность и привычность практики, на то, что она воспринимается как само собой разумеющийся способ делать работу. Типы не образуют шкалы и не сменяют друг друга: практика может быть прагматически легитимной и морально сомнительной одновременно, и именно такие рассогласования представляют наибольший интерес.

Неоинституциональная теория организаций добавляет к этому объяснение механизма. Дж. Мейер и Б. Роуэн показали, что организации перенимают формальные структуры не только ради эффективности, но и ради соответствия рационализированным представлениям среды о том, как положено работать; принятие практики в этом случае носит церемониальный характер, а связь между декларируемой структурой и фактической деятельностью ослабевает [10]. П. ДиМаджио и У. Пауэлл описали механизмы, которыми достигается такое соответствие, выделив принудительный, миметический и нормативный изоморфизм; миметическое подражание признанным участникам поля возникает именно там, где результат нововведения неопределен [11]. Для нейросетевых технологий, отдача от которых в творческих задачах пока плохо измерима, обе рамки задают ожидание, что внедрение будет опережать доказанный эффект, а источником принуждающего давления может оказаться не только государство.

Рабочее определение и смежные понятия

С опорой на перечисленные подходы под легитимацией понимается процесс, в ходе которого новая профессиональная практика приобретает статус нормальной и допустимой в глазах тех, чье признание для ее существования необходимо. Определение фиксирует три обстоятельства. Во-первых, легитимация есть процесс, а не состояние: она имеет градации и обратима. Во-вторых, она всегда адресна – практика легитимируется не «вообще», а перед конкретными группами, и признание одной из них не влечет признания другой. В-третьих, легитимность не сводится к эффективности: практика может давать измеримый результат и оставаться сомнительной, а может быть принята прежде, чем ее результативность установлена.

Легитимацию необходимо отграничить от понятий, с которыми ее регулярно смешивают. Доверие относится к отдельному сообщению или источнику и представляет собой установку конкретного субъекта; легитимность относится к практике в целом и имеет надындивидуальный характер – практика может считаться допустимой человеком, который конкретному сообщению не доверяет. В понимании Н. Лумана доверие выступает механизмом редукции сложности [12], а по Э. Гидденсу в условиях опосредованной коммуникации оно адресуется абстрактным экспертным системам [13]; легитимность же есть условие, при котором такое доверие вообще становится возможным. Диффузия описывает распространение технологии и отвечает на вопрос «насколько широко», тогда как легитимация отвечает на вопрос «на каком основании допустимо»: в логике Э. Роджерса технология может распространяться, не будучи легитимированной [14], что и допускает положение, при котором технологией пользуются, не сообщая об этом заказчику и аудитории. Нормализация фиксирует утрату практикой статуса события – ее перестают замечать и обсуждать; это следствие состоявшейся когнитивной легитимации, а не ее синоним. Институционализация означает закрепление практики в устойчивых структурах – регламентах, должностях, нормах – и представляет собой более позднюю и более требовательную стадию, предполагающую состоявшуюся легитимность как условие.

Из принятого понимания следует и различение факторов, на которые опирается признание нейросетевого контента. Технический фактор – способность адресата распознать машинное происхождение материала по его наблюдаемым признакам: артефактам генерации, шаблонности языка, неестественности изображения. Социальные факторы – характеристики коммуникации, не принадлежащие материалу как артефакту: присутствие человека, отвечающего за содержание, идентифицируемость источника, соблюдение нормы прозрачности, репутация производителя. Факторы работают в противоположной логике: технический предполагает самостоятельное суждение на основании увиденного, социальные – суждение с опорой на то, кто за сообщение отвечает и по каким правилам оно произведено. В терминах Лумана и Гидденса именно вторые позволяют вынести суждение при недоступности прямого знания о происхождении сообщения, и именно они поддаются нормативному закреплению, тогда как технический фактор регулированию не подлежит.

Три контура признания

Из адресности легитимации следует, что она разворачивается не в одном, а в нескольких контурах, каждый из которых имеет собственного адресата, собственные индикаторы и собственный источник данных. Для нейросетевых технологий в рекламе выделяются три таких контура – профессиональный, аудиторный и регуляторный; типы легитимности Сачмена задают внутри каждого из них три различных основания признания (табл. 1).

Таблица 1. Контуры легитимации нейросетевых технологий в рекламной индустрии

Основание сопоставления	Профессиональный контур	Аудиторный контур	Регуляторный контур
Адресат признания	Специалисты и организации рекламной индустрии	Потребитель рекламного сообщения	Государство и отраслевые объединения
Прагматическая легитимность	Воспроизводимое применение в производственном цикле; предъявляемый измеримый эффект	Оценка полезности и качества материала; признание потенциала технологии	Признание целесообразности практики в стратегических документах и рамочном законе
Моральная легитимность	Внутренние правила допустимого: запрет передачи данных внешним моделям, обязательная верификация результата	Требования к прозрачности, маркировке, наличию ответственного лица	Закрепление обязанностей по маркировке; распределение ответственности за содержание
Когнитивная легитимность	Закрепление в организационной структуре: регламенты, библиотеки промптов, специализированные должности	Восприятие нейросетевого происхождения как обычного обстоятельства при сохранении требований к качеству	Включение практики в правовое поле; легальные определения
Источник данных	Опрос профессионального сообщества; рекомендации платформ, отраслевые стандарты	Опрос аудитории, глубинные интервью	Нормативные документы

Профессиональный контур в этой схеме продолжает ранее предложенную модель измерения инноваций в рекламных коммуникациях [5], где легитимация выступает одним из четырех критериев и фиксируется по включению практики в официальные рекомендации платформ, наличию отраслевых стандартов, упоминанию в профессиональных СМИ и доле внедрения среди лидеров отрасли. Аудиторный контур опирается на результаты пилотного качественного исследования [6], показавшего, что аудитория распознает участие нейросети не только по техническим артефактам, но и по нарушению социальных норм коммуникации – отсутствию адресанта, проверяемых источников и следов человеческой проверки – и готова принимать такой контент при честной маркировке и видимом участии человека. Схема контуров не отменяет эти результаты, а помещает их в общую рамку: признание, измеренное в одном контуре, относится к одному адресату и на другие не переносится.

Практика считается легитимированной в данном контуре, если выполняются три условия: она воспроизводится без специального обоснования каждого случая применения; для нее выработаны критерии допустимого и недопустимого; ответственность за результат закреплена за определенным субъектом. Состояние легитимации тем самым описывается не одной оценкой, а профилем по трем контурам, а рассогласование между контурами становится самостоятельным предметом анализа. У схемы есть очевидное ограничение: легитимность не наблюдается непосредственно, исследователь работает с ее проявлениями – высказываниями, правилами, решениями, – каждое из которых допускает и иное истолкование. Схема поэтому не претендует на измерение легитимности в строгом смысле; она задает рамку сопоставления, позволяющую соотносить разнородные свидетельства и отделять признание практики от ее распространенности.

Применение схемы: регуляторный контур

Регуляторный контур выбран для демонстрации схемы потому, что легитимация принимает здесь наиболее формализованный и документально наблюдаемый вид: практика получает признание через включение в правовое поле, закрепление обязанностей по маркировке и распределение

ответственности за содержание. Каждое из трех условий легитимированности проверяется по тексту нормативных актов.

Федеральный закон от 26 июля 2026 г. № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» [15] закрепляет легальные определения (ст. 3), устанавливает требования к суверенным и национальным большим фундаментальным моделям (ст. 6, 8) и предусматривает обязанность владельцев интернет-ресурсов с суточной аудиторией более 500 тысяч пользователей обеспечить пользователям возможность разместить информационное предупреждение о применении такой модели при создании материала (ст. 9); закон вступает в силу с 1 сентября 2026 г., нормы о предупреждении – с 1 марта 2027 г. (ст. 13). Первое условие тем самым выполнено: практика включена в правовое поле и получила легальные определения, что в терминах Сачмена соответствует когнитивной легитимности – практика названа и признана существующей. Прагматическая легитимность зафиксирована еще раньше, в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта [16], и подтверждена самим названием закона, ориентированного на поддержку технологии, а не на ее ограничение.

Второе и третье условия – критерии допустимого и закрепленная ответственность – выполнены лишь частично. Закон не устанавливает общей обязанности пользователя маркировать материал и не содержит специальных требований к использованию нейросетевого контента в рекламе. Переход от возможности к обязанности предусматривает лишь внесенный в Государственную Думу в августе 2026 г. законопроект о поправке в ст. 9 этого закона [17], причем формат и порядок размещения предупреждения предстоит установить Правительству. Действующая система маркировки интернет-рекламы, предусмотренная ст. 18.1 Федерального закона «О рекламе» [18], не дифференцирует рекламный контент в зависимости от способа его создания: с точки зрения этой нормы сообщение, написанное копирайтером, и сообщение, сгенерированное моделью, неразличимы. Моральная легитимность в регуляторном контуре, следовательно, находится в стадии оформления: критерии допустимого обозначены, но не закреплены.

Схожим образом развивается зарубежное регулирование. С 2 августа 2026 г. в Европейском союзе применяются требования прозрачности в отношении синтетического контента, установленные ст. 50 Регламента об искусственном интеллекте [19]; для систем, размещенных на рынке до этой даты, требование машиночитаемой маркировки синтетического контента отсрочено до 2 декабря 2026 г. поправками 2026 г. [20]. Эти требования адресованы прежде всего провайдерам и операторам систем, а не рекламной коммуникации как таковой. Общая для обеих юрисдикций черта – регулирование идет от технологии (модели, провайдера, платформы), а не от коммуникативной ситуации, в которой аудитория встречается с сообщением.

Пока правовой контур достраивается, его функцию фактически выполняют нормы платформ – политики API, правила модерации и маркировки, требования к контенту в рекламных кабинетах. В платформенной экономике механизмы закрепления коммуникационных практик смещены именно к этим правилам [5]; они складываются быстрее законодательства и служат рабочими стандартами рекламных команд. В терминах ДиМаджио и Пауэлла это принудительный изоморфизм, источником которого выступает не государство, а инфраструктурный посредник. Следствие принципиально для всей схемы: практики раскрытия и маркировки, которые аудитория считывает как социальные признаки допустимости, задаются сегодня платформой, а не регулятором, и не подотчетны той аудитории, чье признание они призваны обеспечивать. Регуляторный контур, следовательно, не создает легитимность заново: он придает формальный статус правилам, которые уже действуют на уровне платформ, и тому запросу на прозрачность, который аудитория формулирует независимо от закона [6], – и делает это с отставанием и не в полном объеме.

Заключение

Предложенное в статье понимание легитимации как адресного, градуированного и обратимого процесса, разложенного на три контура признания, позволяет перевести обсуждение искусственного интеллекта в рекламе из области метафор в поле сопоставимых свидетельств. Легитимацию технологии нельзя описывать скалярной величиной или стадией на шкале диффузии: адресаты признают практику на разных основаниях и с разной скоростью, а сопоставление контуров показывает, где признание уже сложилось, где оно условно и где еще оформляется. Применение схемы к регуляторному контуру показывает, что формальное признание нейросетевых технологий в российской рекламе состоялось на уровне легальных определений и поддержки, но не на уровне критериев допустимого и закрепленной ответственности; этот пробел заполняют нормы платформ, не подотчетные аудитории. Отсюда следует и практический вывод: усилия отрасли, направленные на маскировку машинного происхождения контента, не решают задачу его признания, поскольку признание опирается не на технический, а на социальные факторы – на то, кто за сообщение отвечает и по каким правилам оно произведено. Заполнение профессионального и аудиторного контуров эмпирическими данными по индикаторам табл. 1 составляет задачу следующих публикаций.

Литература

1. Bommasani R., Hudson D.A., Adeli E. et al. On the Opportunities and Risks of Foundation Models: Stanford CRFM Technical Report. 2021. arXiv:2108.07258. DOI: 10.48550/arXiv.2108.07258.

2. Kshetri N., Dwivedi Y.K., Davenport T.H., Panteli N. Generative artificial intelligence in marketing: Applications, opportunities, challenges, and research agenda // International Journal of Information Management. 2024. Vol. 75. Art. 102716. DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2023.102716.

3. Вартанова Е.Л. «Пересборка» медиа: актуальные процессы трансформации в условиях цифровизации // Меди@льманах. 2023. № 3 (116). С. 8–16. DOI: 10.30547/mediaalmanah.3.2023.816.

4. Коломиец В.П. Медиатизация как трансформация управленческих практик медиаиндустрии // Книга. Чтение. Медиасреда. 2023. Т. 1, № 1. С. 14–20. DOI: 10.20913/BRM-1-1-2.

5. Кудрявцева Д.И. Инновации в рекламных коммуникациях как социотехническая практика: к уточнению понятийной базы // Социология. 2025. № 11. С. 144–149.

6. Кудрявцева Д.И. Распознавание «машинности» в рекламных коммуникациях: социология легитимации // Социально-гуманитарные знания. 2025. № 11. С. 48–51. DOI: 10.34823/SGZ.2025.11.52078.

7. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: в 4 т. / сост., общ. ред. и предисл. Л.Г. Ионина. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. Т. 1: Социология. 445 с.

8. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / пер. Е.Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.

9. Suchman M.C. Managing legitimacy: Strategic and institutional approaches // Academy of Management Review. 1995. Vol. 20. № 3. P. 571–610. DOI: 10.2307/258788.

10. Meyer J.W., Rowan B. Institutionalized organizations: Formal structure as myth and ceremony // American Journal of Sociology. 1977. Vol. 83. № 2. P. 340–363. DOI: 10.1086/226550.

11. DiMaggio P.J., Powell W.W. The iron cage revisited: Institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields // American Sociological Review. 1983. Vol. 48. № 2. P. 147–160. DOI: 10.2307/2095101.

12. Luhmann N. Trust and Power: Two Works. Chichester; New York: John Wiley and Sons, 1979. 208 p.

13. Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990. 186 p.

14. Rogers E.M. Diffusion of Innovations. 5th ed. New York: Free Press, 2003. 551 p.

15. Федеральный закон от 26.07.2026 № 243-ФЗ «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2026. № 30. Ст. 4089.

16. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (в ред. Указа от 15.02.2024 № 124) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700; 2024. № 8. Ст. 1102.

17. О внесении изменения в статью 9 Федерального закона «О поддержке развития технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации»: проект федерального закона № 1317978–8, внесен 17.08.2026 [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1317978–8 (дата обращения: 06.09.2026).

18. Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 12. Ст. 1232.

19. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. L, 2024/1689, 12.7.2024. URL: http://data.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj.

20. Regulation (EU) 2026/1744 of the European Parliament and of the Council of 8 July 2026 amending Regulations (EU) 2024/1689, (EU) 2018/1139 and (EU) 2023/1230 as regards the simplification of the implementation of harmonised rules on artificial intelligence (Digital Omnibus on AI) // Official Journal of the European Union. L, 2026/1744, 24.7.2026. URL: http://data.europa.eu/eli/reg/2026/1744/oj.

LEGITIMATION OF NEURAL NETWORK TECHNOLOGIES IN THE ADVERTISING INDUSTRY: OPERATIONALIZING THE CONCEPT AND THREE CIRCUITS OF RECOGNITION

Kudryavtseva D.I.
Lomonosov Moscow State University

In research on artificial intelligence the notion of legitimation is used widely but mostly remains a metaphor: any spread of a technology can be described as its legitimation and any resistance as its absence. The article proposes a working definition of the legitimation of neural network technologies in the advertising industry that draws on the Weberian tradition, the sociology of knowledge of P. Berger and T. Luckmann, M. Suchman's typology of legitimacy and neo-institutional organization theory. Legitimation is distinguished from adjacent concepts (trust, diffusion, normalization and institutionalization) and is decomposed into three circuits of recognition: professional, audience and regulatory, each with its own addressee and observable indicators. Applying the scheme to the regulatory circuit on the material of Russian and foreign legislation of 2026 shows that formal recognition of the practice is only taking shape, while the function of norms is actually performed by platform rules. The proposed scheme makes it possible to describe the state of legitimation not by a single score but by a profile across circuits, and to separate the recognition of a practice from its spread.

Keywords: legitimation, artificial intelligence, neural network technologies, advertising communications, types of legitimacy, institutional isomorphism, labeling of AI-generated content, platforms.

References

1. Bommasani R., Hudson D.A., Adeli E. et al. On the Opportunities and Risks of Foundation Models: Stanford CRFM Technical Report. 2021. arXiv:2108.07258. DOI: 10.48550/arXiv.2108.07258.

2. Kshetri N., Dwivedi Y.K., Davenport T.H., Panteli N. Generative artificial intelligence in marketing: Applications, opportunities, challenges, and research agenda // International Journal of Information Management. 2024. Vol. 75. Art. 102716. DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2023.102716.

3. Vartanova E.L. «Reassembling» the media: current transformation processes in the context of digitalization // MediaAlmanah. 2023. № 3 (116). P. 8–16. DOI: 10.30547/mediaalmanah.3.2023.816. (In Russ.)

4. Kolomiets V.P. Mediatization as a transformation of managerial practices of the media industry // Book. Reading. Media. 2023. Vol. 1. № 1. P. 14–20. DOI: 10.20913/BRM-1-1-2. (In Russ.)

5. Kudryavtseva D.I. Innovations in advertising communications as a sociotechnical practice: refining the conceptual basis // Sociology. 2025. № 11. P. 144–149. (In Russ.)

6. Kudryavtseva D.I. Recognizing «machine-ness» in advertising communications: a sociology of legitimation // Social and Humanitarian Knowledge. 2025. № 11. P. 48–51. DOI: 10.34823/SGZ.2025.11.52078. (In Russ.)

7. Weber M. Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology: in 4 vols. / ed. by L.G. Ionin. Moscow: HSE Publishing House, 2016. Vol. 1: Sociology. 445 p. (In Russ.)

8. Berger P., Luckmann T. The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge / transl. by E.D. Rutkevich. Moscow: Medium, 1995. 323 p. (In Russ.)

9. Suchman M.C. Managing legitimacy: Strategic and institutional approaches // Academy of Management Review. 1995. Vol. 20. № 3. P. 571–610. DOI: 10.2307/258788.

10. Meyer J.W., Rowan B. Institutionalized organizations: Formal structure as myth and ceremony // American Journal of Sociology. 1977. Vol. 83. № 2. P. 340–363. DOI: 10.1086/226550.

11. DiMaggio P.J., Powell W.W. The iron cage revisited: Institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields // American Sociological Review. 1983. Vol. 48. № 2. P. 147–160. DOI: 10.2307/2095101.

12. Luhmann N. Trust and Power: Two Works. Chichester; New York: John Wiley and Sons, 1979. 208 p.

13. Giddens A. The Consequences of Modernity. Cambridge: Polity Press, 1990. 186 p.

14. Rogers E.M. Diffusion of Innovations. 5th ed. New York: Free Press, 2003. 551 p.

15. Federal Law of 26 July 2026 № 243-FZ «On Support for the Development of Artificial Intelligence Technologies in the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2026. № 30. Art. 4089. (In Russ.)

16. Decree of the President of the Russian Federation of 10 October 2019 № 490 «On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation» (as amended by Decree of 15 February 2024 № 124) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2019. № 41. Art. 5700; 2024. № 8. Art. 1102. (In Russ.)

17. On Amending Article 9 of the Federal Law «On Support for the Development of Artificial Intelligence Technologies in the Russian Federation»: Draft Federal Law № 1317978–8, introduced 17 August 2026 // Legislative Support System of the State Duma. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/1317978–8 (accessed: 06.09.2026). (In Russ.)

18. Federal Law of 13 March 2006 № 38-FZ «On Advertising» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. № 12. Art. 1232. (In Russ.)

19. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. L, 2024/1689, 12.7.2024. URL: http://data.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj.

20. Regulation (EU) 2026/1744 of the European Parliament and of the Council of 8 July 2026 amending Regulations (EU) 2024/1689, (EU) 2018/1139 and (EU) 2023/1230 as regards the simplification of the implementation of harmonised rules on artificial intelligence (Digital Omnibus on AI) // Official Journal of the European Union. L, 2026/1744, 24.7.2026. URL: http://data.europa.eu/eli/reg/2026/1744/oj.

Риски потребительской практики использования искусственного интеллекта в образовании

Кузубов Алексей Алексеевич,
кандидат экономических наук, доцент института сквозных технологий, Донской государственный технический университет
E-mail: alexceyk@gmail.com

Развитие «искусственного интеллекта» (ИИ) привело к трансформированию всех сфер человеческой деятельности, включая образование. Однако его применение сопровождается определенными рисками и вызовами. Все чаще звучит беспокойство относительно влияния ИИ на качество образования, развитие критического мышления, самостоятельности соискателей образования, а также на соблюдение принципов академической добропорядочности. В статье исследуются риски и преимущества использования ИИ в образовательном процессе, основанном на концепции общества потребления. В условиях информационного перенасыщения и культуры потребления возникают риски превращения образования в симулякры и риски редукции и тогда знание теряет ценность, уступая удобству, доступности и скорости. На основе эмпирического исследования среди соискателей высшего образования выявлено, что потребительские практики относительно использования технологий ИИ в образовательном процессе присущи абсолютно всем соискателям и имеют системный характер. Проведен анализ частоты и форм потребления технологий ИИ, подтверждающий его полную интеграцию в образование, также проанализировано отношение соискателей к использованию ИИ в обучении. Установлено, что соискатели в основном положительно оценивают влияние ИИ на эффективность обучения, однако осознают потенциальные риски: когнитивное истощение, нарушение академической добропорядочности, потерю самостоятельности мышления и социальную изоляцию.
По результатам исследования в статье предлагаются образовательные, этические, технологические и нормативные решения по безопасной интеграции ИИ в образование. Подчеркнута важность развития критического мышления, цифровой грамотности и ответственного отношения к использованию ИИ. Исследование актуализирует необходимость баланса между технологическими возможностями и сохранением ценностей образования.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ), образовательный процесс, риски, академическая добропорядочность, этические принципы.

Постановка проблемы

В современном обществе стремительное развитие нейросетевых технологий, связанное с быстрым генерированием информации привело к активному их потреблению.

За последние четыре года эти технологии внедрились в нашу жизнь, изменив ее. Использование генераторов информации – это удобно, легко и быстро, сейчас, когда у нас есть какая-то задача или вопрос мы используем данные инструменты и сразу получаем ответ. Соответственно, начинается поиск все большего количества инструментов, облегчающих жизнь. Такие генераторы информации или как их еще называют «искусственный интеллект» (ИИ) заняли значительное место и начали играть важную роль в различных областях, включая образование.

Опираясь на концепцию общества потребления, рассмотрим риски использования ИИ в образовательном процессе. Данная концепция подчеркивает тенденцию превращения людей в активных потребителей [1], соответственно субъектов образования на потребителей информации и образовательных услуг. Использование ИИ в образовательном процессе может создавать формирование симулякров-внешних форм образования, которые лишь имитируют истинное обучение, понимание и познание. В частности, это может проявляться в виде поверхностного усвоения знаний, иллюзии объективной оценки, подмены живого педагогического взаимодействия алгоритмами, стимулирования внешней мотивации, вместо формирования глубинной заинтересованности и внутренней потребности в обучении. Также, ИИ создает риски редукции, где образование может превратиться в симуляции, выглядящие реалистичными, но являющиеся лишь виртуальными конструкциями, и не всегда отвечающие реальным потребностям учебного процесса.

Такой процесс способен подменить глубокий образовательный опыт искусственно сконструированными образами, не ведущими к подлинному интеллектуальному и личностному развитию.

Следовательно, рассмотрение рисков, связанных с внедрением ИИ в образование, помогает глубже понять трансформацию образовательной среды в условиях культуры потребления, где знания могут терять свою ценность, уступая моделируемым формам эффективности, доступности и удобства.

Анализ последних исследований и публикаций

Исследование влияния технологий ИИ на образовательный процесс активно развивается в мировой и отечественной науке. Современные ученые анализируют потенциал ИИ в сфере образования, изучают его преимущества, недостатки и этические вызовы, а также предлагают модели интеграции этих технологий в учебный процесс. Среди зарубежных исследователей выделим Уолтер Леал Фильо, Тьяго Ф.А.К. Сигахи [2], Марсель Пикхарт, Ликаа Хабеб Аль-Обайди [3], Хэн Дин, Ижи Шэнь, Цзин Чэнь, Пин Ван [4], Яо Фу, Чжэньцзе Вэн [5] и др. Отечественные ученые также исследуют проблематику ИИ в образовании- Т.Ф. Петренко, Н.Н. Левина [6], Е.В. Сизова [7], Е.А. Медведкина [8] и другие.

Рассмотрим более подробно на чем акцентируют свое внимание указанные ученые. Марсель Пикхарт, Ликаа Хабеб Аль-Обайди, выражают озабоченность по поводу влияния ИИ на развитие критического мышления у соискателей. Они отмечают, что растущая зависимость от ИИ, особенно при написании эссе, приводит к снижению способности соискателей самостоятельно анализировать и формулировать мысли. Традиционные источники знаний, такие как книги и академические статьи, уступают место быстрому поиску в Google и использованию ИИ, что может способствовать поверхностному усвоению информации и снижению качества образования [3]. Негативное влияние ИИ на когнитивные навыки человека исследуют Хэн Дин, Ижи Шэнь, Цзин Чэнь, Пин Ван.

В частности, в их работах говорится, что использование ИИ в повседневных задачах может привести к снижению способности к самостоятельному мышлению, принятию решений и решению проблем. Ученые подчеркивают, что, хотя ИИ может повысить производительность, его чрезмерное использование может вызвать «когнитивную атрофию», когда люди теряют навыки, которые ранее были необходимы для выполнения задач без технической поддержки [4]. Т.Ф. Петренко, Н.Н. Левина подчеркивают необходимость переосмысления подходов к обучению, подчеркивают важность формирования этиче-

ских и гражданских компетенций у соискателей, обращают внимание на потенциальные риски, связанные с использованием ИИ, такие как нарушение академической добропорядочности и необходимость установления четких правил или, по крайней мере, начало активной дискуссии об этическом использовании ИИ в образовании [6].

Е.В. Сизова акцентирует внимание на трансформации образования под влиянием искусственного интеллекта, в частности на его потенциале для персонализации обучения, автоматизации процессов, улучшения доступа к знаниям и повышения эффективности преподавательской деятельности. В то же время освещаются и вызовы, связанные с конфиденциальностью, зависимостью от технологий и возможным снижением креативности соискателей. Она подчеркивает необходимость обдуманного, сбалансированного использования ИИ в качестве дополнения к традиционному обучению [7]. В исследованиях Е.А. Медведкиной и Н.Н. Шестакова, М.Г. Джанелидзе внимание сосредоточено на анализе современных тенденций развития ИИ в образовании, его влиянии на качество образовательных услуг, а также на определении возможностей и направлений его применения. Они подчеркивают преимущества ИИ в создании персонализированной, адаптивной образовательной среды, в то же время акцентируя внимание на проблемах и рисках, связанных с его реализацией [8, 9].

Активное исследование ИИ в образовательном процессе, акцентирует на актуальности проблематики, однако различные аспекты рисков потребления ИИ в образовании остаются открытыми для разведок. Таким образом, проблемная ситуация заключается в существовании противоречия между потенциалом ИИ как инструмента повышения эффективности образовательного процесса и риском формирования симулякров и редукции образования, где нет места развитию личности, критического мышления и сенсообразования.

Целью статьи является определение рисков и преимуществ потребления ИИ в образовательном процессе по оценкам соискателей ВУЗ.

Методы исследования. Эмпирическая база исследования сформирована на основе онлайн-опроса, проведенного среди соискателей высшего образования Донского государственного технического университета (уровни бакалавриата и магистратуры).

Общий размер выборки составил 245 респондентов, что составляет репрезентативную долю от генеральной совокупности (N = 6618) [9]. При указанном объеме выборки максимальная статистическая погрешность составляет ±5%, что позволяет осуществлять обобщение результатов на уровне всей совокупности. Обработка и анализ собранных данных проводились с использованием программного обеспечения SPSS.

Изложение основного материала

Для более логичного изложения результатов исследования выборка была распределена на группы по курсам обучения соискателей, так из 245 человек (100%) соискателей первого курса – 56 человек (22,9%), второго курса – 57 человек (23,3%), третьего курса-58 человек (23,7%), четвертого курса-39 человек (15,9%), среди соискателей магистратуры первого курса – 27 человек (11,0%), второго курса магистратуры – 8 человек (3,3%).

Все опрошенные соискатели (100%) определяют, что потребляют в образовательном процессе технологии ИИ, такое потребление имеет системный характер, поэтому проследим частоту их потребления (таблица 1).

Таблица 1. Частота потребления технологий ИИ в образовательном процессе в соответствии с курсом обучения (%)

	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	1 курс маг.	2 курс маг.
Каждый день	4,1	6,9	4,1	5,7	3,7	1,2
Раз в неделю	3,3	2,4	3,3	2,0	3,7	0,0
Несколько раз в неделю	9,8	7,8	7,3	5,3	2,0	0,4
Несколько раз в месяц	2,4	4,1	6,1	1,6	0,0	0,4
Меньше раза в месяц	3,3	2,0	2,9	1,2	1,6	1,2
Никогда	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
Всего:	22,9	23,3	23,7	15,9	11,0	3,3

Представленные данные демонстрируют определенную тенденцию в отношении потребления технологий ИИ, и они полностью интегрированы в образовательный процесс. Чаще всего ИИ потребляют соискатели младших курсов (1 и 2 курса) особенно в ежедневном и еженедельном форматах, что связано с современными программами обучения, активным потреблением технологий в учебном процессе и интересом к новым инструментам. Соискатели бакалавриата (1–4 курс) потребляют ИИ чаще по сравнению с магистрантами, это свидетельствует о меньшей зависимости от технологий и о специфике учебного процесса на данном этапе.

Анализ отношения соискателей к потреблению технологий ИИ в образовательном процессе свидетельствует о положительном отношении и их полезности в образовательном процессе, отрицательное отношение почти отсутствует, что является свидетельством высокого доверия к технологиям ИИ и их значимость. Распределение ответов соискателей демонстрирует следующую тенденцию (таблица 2).

Таблица 2. Отношение соискателей к потреблению технологий ИИ в образовательном процессе и их польза (%)

	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	1 курс маг.	2 курс маг.
Позитивно	6,5	7,8	9,0	7,4	5,7	0,8
Скорее позитивно	10,2	9,0	9,0	5,3	4,5	1,6
Нейтрально	4,1	5,7	4,1	1,6	0,4	0,0
Скорее негативно	2,1	0,8	1,6	0,8	0,0	0,4
Негативно	0,0	0,0	0,0	0,8	0-,4	0,4
Всего:	22,9	23,3	23,7	15,9	11,0	3,2

Согласно результатам, подтверждена общая тенденция позитивного отношения к ИИ, подчеркивающая его полезность в обучении (по оценкам соискателей). Наиболее положительно к данным технологиям относятся соискатели 3 курса (18%), а наименее положительно соискатели 2 курса магистерского уровня (2,4%). Магистры относятся к ИИ более критически – с определенными сомнениями-отрицательных оценок 0,4%, из-за определенных сомнений, но это не свидетельствует о полном отказе от потребления ИИ.

По собственному опыту соискатели определили те случаи в образовательном процессе, в которых потребление технологий ИИ считают наиболее полезным, среди них указано упрощение выполнения рутинных задач – 71,7%; структуризация информации – 63,0%; поиск информации – 78,3%; анализ данных – 51,3%; помощь в научной деятельности – 33,8%; составление индивидуальных учебных планов соискателей – 21,7%; технологии ИИ не имеют пользы в образовательном процессе – 0,8%.

Следовательно, наиболее полезными функциями ИИ являются поиск и структурирование информации, автоматизация рутинных задач и анализ данных, менее популярными, однако значимыми, определена помощь в научной деятельности и составление индивидуальных учебных планов.

Большинство соискателей (87,0%) знакомы с этическими принципами заимствования авторских разработок и нормами академической добропорядочности, также 62,4% признают, что внедрение технологий ИИ в образовательный процесс может вызвать этические проблемы или нарушения интеллектуальной собственности, в то же время, 37,6% соискателей не видят таких рисков (таблица 3).

Таблица 3. Оценка этических проблем и нарушений интеллектуальной собственности при потреблении технологий ИИ в образовательном процессе (%)

	1 курс	2 курс	3 курс	4 курс	1 курс маг.	2 курс маг.
Потребление технологий ИИ в образовательном процессе может вызвать этические проблемы и нарушения интеллектуальной собственности	13,1	14,7	15,9	10,2	6,5	2,0
Потребление технологий ИИ в образовательном процессе НЕ может вызвать этические проблемы и нарушения интеллектуальной собственности	9,8	8,6	7,8	5,7	4,5	1,2
Всего:	22,9	23,3	23,7	15,9	11,0	3,3

Анализируя полученные данные выявлено, что мнения соискателей различных курсов обучения относительно возможных этических проблем и рисков нарушения интеллектуальной собственности при

потреблении ИИ в образовательном процессе разделились. Большинство соискателей считают это значительной угрозой.

Самый высокий уровень озабоченности в безопасности потребления ИИ в образовательном процессе наблюдается у соискателей 3 курса (15,9%). Соискатели старшекурсники имеют более низкий уровень озабоченности, что указывает на большую осведомленность о рисках, большее понимание принципов академической честности или меньшую зависимость от ИИ в обучении. Соискатели первого курса (9,8%) и второго курса (8,6%) считают, что потребление ИИ не вызывает этических проблем, это указывает на их менее критическое отношение к технологиям и недостаточную осведомленность о потенциальных рисках. При этом наблюдается увеличение осознания возможных рисков и доля соискателей, не видящих угроз потребление ИИ уменьшается с каждым годом обучения.

Со все большей популяризацией технологий ИИ, по оценкам соискателей, положительно меняется и эффективность обучения, так считает 70,6%. Более подробно результаты представлены на рис. 1.

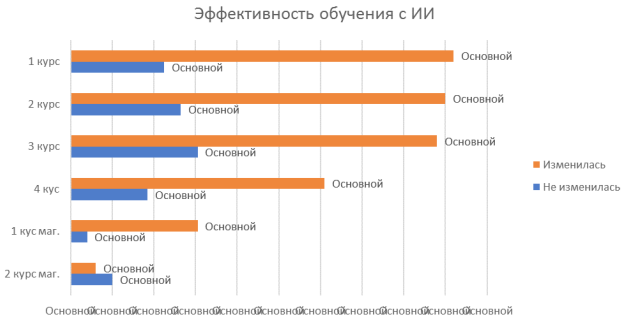

Рис. 1. Влияние технологий ИИ на эффективность обучение по оценкам соискателей (%)

Результаты исследования свидетельствуют, что наибольшее улучшение эффективности обучения испытывают соискатели первого (18,4%) и второго (18,0%) курсов бакалаврского уровня. Соискатели третьего курса также определили положительное влияние (17,6%). Старшие курсы значительно реже указывают на повышение эффективности, они почти не замечают влияние ИИ, заметная тенденция, чем выше курс обучения, тем меньше замечают изменение эффективности обучения.

Большинство соискателей (56,3%) отметили, что их желание к обучению с появлением технологий ИИ изменилось. Так, испытывают значительное повышение желания учиться – 17,9%; желание учиться скорее повысилось в 27,4%; не изменилось в 43,7%; желание учиться скорее уменьшилось – 10,6%; желание учиться совсем исчезло в 0,4%. То есть, появление технологий ИИ положительно повлияло на мотивацию к обучению у большинства соискателей, однако лишь десятая доля (10,6%) испытывают снижение желания учиться.

Рассуждения соискателей о последствиях, к которым может приводить потребление технологий ИИ в образовательном процессе, свидетельствуют о снижении критического мышления – 43,9%; потере навыков самостоятельного обдумывания – 50,0%; снижении навыков запоминания – 33,9%; зависимости от технологий ИИ – 50,6%; увеличении количества ошибок в ответах – 30,0%; создании неравенства из – за вмешательства ИИ – 24,8%; повышении риска потери рабочих мест – 25,7%; снижении конфиденциальности и безопасности данных-20,0%; не заметили 17,4% соискателей. Таким образом, полученные данные показывают, что учащиеся осознают как потенциальные риски, так и преимущества потребления ИИ, уделяя особое внимание влиянию на когнитивные навыки, зависимости от технологий и социальных аспектов.

Подытоживая, отметим, что на сегодня технологии ИИ активно внедряются в образовательный процесс, прежде всего благодаря их потреблению соискателями причем на постоянной основе. Соискатели оценивают применение ИИ в основном положительно (70,6%), отмечая его пользу в выполнении рутинных задач, поиске информации, анализе данных и поддержке научной деятельности.

Тем не менее, потребление технологий ИИ в образовании не лишено рисков, соискатели обращают внимание на возможные этические проблемы и нарушения интеллектуальной собственности, но большинство не считает эти аспекты критическими. Основные опасения связаны с когнитивным воздействием технологий ИИ и растущей зависимостью от них, также присутствуют предубеждения и опасения по поводу социальных и экономических последствий, таких как увеличение образовательного неравенства (24,%) и потеря рабочих мест (25,7%). Равнозначное распределение ответов опрошенных наблюдается в отношении конфиденциальности и безопасности данных, что свидетельствует об индивидуальном подходе к потреблению технологий.

Что касается влияния ИИ на эффективность обучения, то более половины (56,3%) соискателей отмечают его улучшение, однако отмечают необходимость рационального подхода к потреблению ИИ. Также приведенные данные демонстрируют увеличение влияния и зависимости от технологий ИИ у соискателей младших курсов, которые еще не в полной мере осознают потенциальные риски потребления ИИ в образовательном процессе, злоупотребляя ими.

Выводы

Анализируя потребление технологий ИИ в образовательном процессе на основе оценок соискателей ВУЗ, были выявлены и подтверждены следующие преимущества и риски. Преимуществами определена оптимизация учебного процесса, которая включает в себя автоматизацию рутинных задач, быстрый поиск информации, структуризацию данных, помощь в анализе информации, поддержку научной деятельности, разработку индивидуальных учебных планов соискателей, а также улучшение учебной мотивации, выражающейся в росте желания обучаться, оценивание ИИ, как полезного инструмента для повышения эффективности обучения. Среди выявленных рисков потребления технологий ИИ соискатели отмечают негативное когнитивное влияние (снижение критического мышления, потеря навыков самостоятельного мышления, зависимость от ИИ, снижение навыков запоминания), социальные и этические риски (возможное нарушение интеллектуальной собственности, образовательное неравенство из-за неравного доступа к технологиям, рост количества ошибок в ответах из-за слепого доверия к ИИ) и экономические угрозы (повышение риска потери рабочих мест из-за автоматизации, снижение конфиденциальности и безопасности персональных данных).

Следовательно, для эффективного внедрения технологий ИИ в образование необходимо сохранять баланс между его преимуществами и рисками, создавая условия для развития критического мышления, уменьшения зависимости от технологий и защиты интеллектуальной собственности. Сбалансированный подход к максимальному потреблению технологий ИИ в образовательном процессе и снижению потенциальных рисков должен включать образовательные, этические, технологические и нормативные решения. Таким образом, перспективой дальнейших исследований могут стать исследования по адаптации образовательной системы к новым технологическим вызовам, а также создание эффективной и безопасной среды для обучения.

Литература

1. Чапля Т.В. Потребление в образовательной сфере как индикатор социализации / Т.В. Чапля // Сибирский педагогический журнал. – 2024. – № 3. – С. 7–17. – DOI 10.15293/1813–4718.2403.01.

2. Walter Leal Filho, Tiago F.A.C. Sigahi, Antonis Skouloudis, Izabela Simon Rampasso, Rosley Anholon. Beyond the hype: A sociotechnical perspective on AI's potentials and constraints in bridging the gap to basic-needs sustainability in higher education institutions. // Technological Forecasting and Social Change // 2026. Volume 228. 124681, ISSN 0040-1625, https://doi.org/10.1016/j.techfore.2026.124681.

3. Marcel Pikhart, Liqaa Habeb Al-Obaydi. Reporting the potential risk of using AI in higher Education: Subjective perspectives of educators, Computers in Human // Behavior Reports, Volume 18, 2025, 100693, ISSN 2451-9588, https://doi.org/10.1016/j.chbr.2025.100693.

4. Heng Ding, Yizhi Shen, Jing Chen, Ping Wang. More vs. less cognitive offloading from ai assistants: impacts on novices' collaborative performance and skill development // Information Processing & Management, Volume 64, Issue 1, Part B, 2026, 105046, ISSN 0306-4573, https://doi.org/10.1016/j.ipm.2026.105046.

5. Yao Fu, Zhenjie Weng. Building the AI Empowerment Framework for Teacher Education: A scoping review of teacher educators' roles, competencies, practices, and influencing factors. // Teaching and Teacher Education, Volume 179, 2026, 105594, ISSN 0742-051X, https://doi.org/10.1016/j.tate.2026.105594.

6. Петренко Т.Ф. Искусственный интеллект в образовании: проблемы и перспективы / Т.Ф. Петренко, Н.Н. Левина // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. – 2024. – № 17–1. – С. 67–73.

7. Сизова Е.В. Концепты академической этики в условиях цифровой трансформации образования: влияние искусственного интеллекта / Е.В. Сизова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2025. – № 7. – С. 324–342. – DOI 10.24412/2304–120X-2025–11146.

8. Медведкина Е.А. Понятие научной парадигмы и специфика психологического знания / Е.А. Медведкина // Педагогика и психо-

логия в современном мире: теоретические и практические исследования: Сборник статей по материалам CVII международной научно-практической конференции, Москва, 29 мая 2026 года. 5 (107). – Москва: ООО «Интернаука», 2026. – С. 137–141.

9. Шестакова Н.Н. Искусственный интеллект: воздействие на систему «образование – рынок труда» / Н.Н. Шестакова, М.Г. Джанелидзе // Управленческое консультирование. – 2025. – № 5(191). – С. 91–105.

RISKS OF CONSUMER PRACTICE OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN EDUCATION

Kuzubov A.A.
Don State Technical University

The development of «artificial intelligence» (AI) has led to the transformation of all spheres of human activity, including education. However, its use is accompanied by certain risks and challenges. There is increasing concern about the impact of AI on the quality of education, the development of critical thinking, the independence of applicants for education, as well as on compliance with the principles of academic integrity. The article examines the risks and benefits of using AI in the educational process based on the concept of consumer society. In conditions of information saturation and consumer culture, there are risks of education turning into simulacra and risks of reduction, and then knowledge loses its value, yielding to convenience, accessibility and speed. Based on empirical research among applicants for higher education, it has been revealed that consumer practices regarding the use of AI technologies in the educational process are inherent in absolutely all applicants and are systemic in nature. The analysis of the frequency and forms of AI technology consumption has been carried out, confirming its full integration into education, and the attitude of applicants to the use of AI in education has also been analyzed. It was found that applicants mostly positively assess the impact of AI on learning effectiveness, but they are aware of the potential risks: cognitive exhaustion, violation of academic integrity, loss of independent thinking and social isolation.
Based on the research results, the article offers educational, ethical, technological and regulatory solutions for the safe integration of AI into education. The importance of developing critical thinking, digital literacy and responsible attitude to the use of AI is emphasized. The study highlights the need for a balance between technological capabilities and the preservation of educational values.

Keywords: artificial intelligence (AI), educational process, risks, academic integrity, ethical principles.

References

1. Chaplya, T.V. (2024). Consumption in the educational sphere as an indicator of socialization. Siberian Pedagogical Journal, (3), 7–17. https://doi.org/10.15293/1813–4718.2403.01

2. Ding, H., Shen, Y., Chen, J., & Wang, P. (2026). More vs. less cognitive offloading from AI assistants: Impacts on novices' collaborative performance and skill development. Information Processing & Management, 64(1, Part B), 105046. https://doi.org/10.1016/j.ipm.2026.105046

3. Fu, Y., & Weng, Z. (2026). Building the AI Empowerment Framework for Teacher Education: A scoping review of teacher educators' roles, competencies, practices, and influencing factors. Teaching and Teacher Education, 179, 105594. https://doi.org/10.1016/j.tate.2026.105594

4. Leal Filho, W., Sigahi, T. F. A. C., Skouloudis, A., Rampasso, I. S., & Anholon, R. (2026). Beyond the hype: A sociotechnical perspective on AI's potentials and constraints in bridging the gap to basic-needs sustainability in higher education institutions. Technological Forecasting and Social Change, 228, 124681. https://doi.org/10.1016/j.techfore.2026.124681

5. Medvedkina, E. A. (2026). The concept of scientific paradigm and the specifics of psychological knowledge. In Pedagogy and Psychology in the Modern World: Theoretical and Practical Research: Proceedings of the CVII International Scientific and Practical Conference (Vol. 5(107), Pp. 137–141). Moscow: Internauka.

6. Petrenko, T.F., & Levina, N.N. (2024). Artificial intelligence in education: Problems and prospects. Professional Communication: Current Issues in Linguistics and Methodology, (17–1), 67–73.

7. Pikhart, M., & Al-Obaydi, L. H. (2025). Reporting the potential risk of using AI in higher education: Subjective perspectives of educators. Computers in Human Behavior Reports, 18, 100693. https://doi.org/10.1016/j.chbr.2025.100693

8. Shestakova, N. N., & Dzhanelidze, M. G. (2025). Artificial intelligence: Impact on the «education – labour market» system. Administrative Consulting, (5(191)), 91–105.

9. Sizova, E. V. (2025). Concepts of academic ethics in the context of digital transformation of education: The impact of artificial intelligence. Scientific and Methodological Electronic Journal «Concept», (7), 324–342. https://doi.org/10.24412/2304–120X-2025–11146

Моббинг и газлайтинг как деструктивные формы организационного девиантного поведения: генезис через конфликт

Ли Цзяжуй,
аспирант кафедры экономической социологии
и менеджмента, Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова
E-mail: lijiarui123@mail.ru

Актуальность. Организационное девиантное поведение остаётся одной из наименее диагностируемых причин снижения эффективности управления персоналом: деструктивные практики, оформляющиеся в такие явления, как моббинг и газлайтинг, редко распознаются на ранней стадии, поскольку рассматриваются как разрозненные межличностные конфликты, а не как закономерный результат неуправляемой эскалации. Между тем оба явления обладают общей генетической основой – неразрешённым организационным конфликтом, – что делает их сопоставительный анализ значимым для практики управления. *Научная проблема*. В существующей литературе моббинг и газлайтинг чаще всего изучаются раздельно: первый – в рамках социологии труда и психологии малых групп, второй – преимущественно в рамках клинической психологии и, в последние годы, организационного поведения. Остаётся непроясненным, почему из одного и того же исходного конфликта деструктивное поведение развивается в двух принципиально разных направлениях – открытом групповом преследовании или скрытой диадической манипуляции восприятием реальности. *Методы*. Использован сравнительно-теоретический анализ типологии организационной девиации (С. Робинсон, Р. Беннетт), моделей эскалации организационного конфликта (Ф. Гласл), группового моббинг-процесса (Х. Лейман), метаморфической модели власти (Д. Кипнис) и социологической концепции газлайтинга (П. Свит, П. Кинкейд и С. Сталион), дополненный анализом отечественных исследований институциональных условий моббинга и организационно-психологической рамки А.Н. Занковского. *Научные результаты*. Показано, что оба явления возникают на пороге третьей–четвёртой стадии эскалации конфликта по Гласлу, когда предмет спора замещается личностью оппонента; дальнейшая траектория определяется не характером исходного конфликта, а структурными условиями организации – численностью вовлечённых, степенью формализации контроля и стилем руководства. Групповая коалиция и доступность жертвы для коллектива смещают процесс в сторону моббинга; асимметрия власти при ограниченном круге свидетелей – в сторону газлайтинга.
Выводы. Разграничение моббинга и газлайтинга по механизму, а не только по внешним признакам, позволяет точнее диагностировать деструктивные процессы на ранней, ещё обратимой стадии конфликта и обосновывает необходимость дифференцированных инструментов профилактики для групповых и диадических форм организационной девиации.

Ключевые слова: девиантное поведение; моббинг; газлайтинг; организационный конфликт; эскалация конфликта; деструктивное поведение; управление персоналом.

Введение

Организация замечает конфликт только тогда, когда он уже перестал быть спором о содержании. До этого момента расхождение мнений выглядит рутиной – обычным трением между людьми, которые вынуждены работать рядом. Раннее вмешательство почти никогда не случается по простой причине: нечего останавливать, пока это ещё выглядит нормальным.

Моббинг и газлайтинг вошли в управленческий язык в разное время и с разных сторон – один термин пришёл из социологии труда и психологии малых групп, другой закрепился в клинической психологии и лишь недавно добрался до организационного поведения [2; 5]. Их изучают порознь, будто это два разных явления, а не два возможных исхода одного процесса. Подавляющее большинство описанных случаев не начинается с патологии инициатора – оно начинается с конфликта, который организация оставила без ответа [7]. Дальше уже дело случая. Точнее – структуры.

Гипотеза этой статьи проста и от этого не менее рискованна: моббинг и газлайтинг – не два независимых явления, а две ветви одной эскалации, расходящиеся в зависимости от того, сколько людей вовлечено, насколько прозрачно взаимодействие и как распределена власть. Если это верно, диагностика деструктивного поведения должна смотреть не на уже оформившееся явление, а на то, в какой момент и в каких условиях конфликт остался без разрешения. Верно ли это – вопрос, на который статья отвечает лишь отчасти: теоретическая модель объясняет механизм расхождения, но не доказывает его на организационных данных, которых здесь попросту нет.

Есть и более широкая рамка. Типология Робинсон и Беннетт делит девиантное поведение по двум осям – тяжесть и направленность, на организацию или на человека [11]. Моббинг и газлайтинг попадают в один и тот же квадрант – тяжёлая межличностная агрессия, – и в этом смысле типология их вовсе не различает. Она фиксирует результат, а не то, как он получился. Заполнить этот пробел способен только процессуальный взгляд – тот, для которого организационная психология давно повторяет: деструктивное поведение является функцией структуры и культуры, а не одной лишь личности инициатора [3]. Повторяет – но к двум явлениям сразу применяет редко.

Методология и методы

Работа теоретико-сопоставительная, и это ограничение стоит проговорить сразу, а не в конце: за текстом нет ни одного организационного кейса, только вторичные источники. Отправная точка – типология девиантного поведения Робинсон и Беннетт с её координатами «межличностное/организационное» и «незначительное/серьёзное» [11], дополненная общей рамкой организационной психологии, где деструктивное поведение читается как продукт структуры, а не биографии [3].

Модель эскалации взята у Гласла – девять ступеней, описывающих переход от рационального спора к иррациональному противостоянию [7]. Групповая динамика моббинга реконструирована по четырёхстадийной модели Леймана, построенной на материале около 800 случаев психологического террора на рабочем месте [10] – выборка внушительная для полевого исследования тех лет, но не репрезентативная в строгом смысле. К ней добавлены отечественные наблюдения об институциональных триггерах и составе участников моббинг-процесса [1; 4; 5] и обзор организационных антецедентов буллинга у Айнарсена с соавторами [6].

Механизм газлайтинга описан через социологическую трактовку Свит, которая определяет газлайтинг как эксплуатацию структурного неравенства власти для разрушения картины реальности жертвы [12] – работа построена на материале интимного партнёрского насилия, и перенос её выводов в организационный контекст требует осторожности, хотя структурная логика, судя по всему, сохраняется. К этому добавлен обзор организационных границ понятия у Кинкейд и Сталион [8] и метаморфическая модель власти Кипниса полувековой давности [9], которая объясняет не сам газлайтинг, а психологическую готовность к нему.

Сопоставление, а не измерение – вот чем ограничен метод. Ни одна из привлечённых моделей не создавалась специально для срав-

нения моббинга и газлайтинга; их приходится совмещать вручную, и в этом совмещении неизбежно теряется часть нюансов каждой отдельной модели.

Научные результаты и дискуссия

Место моббинга и газлайтинга в типологии организационной девиации

Типология Робинсон и Беннетт различает четыре категории – производственную девиацию, имущественную, политическую и персональную агрессию – по двум осям: тяжести и направленности воздействия [11]. Моббинг и газлайтинг оба относятся к персональной агрессии – самой тяжёлой форме межличностной девиации. Здесь начинается проблема, а не решение: одинаковый типологический адрес ничего не говорит о механизме. Два явления могут занимать одну клетку таблицы и при этом требовать полностью разных инструментов диагностики, если возникают разными путями.

Типология статична. Она снимает фотографию уже случившегося акта – грубости, травли, манипуляции, – но не видит последовательности, из которой этот акт вырос. Дополнить её процессуальным измерением – не значит отменить: скорее пристроить сбоку ещё одну координату, которую сама типология не предусматривала. Хватит ли этой координаты, чтобы объяснить все случаи – вопрос открытый; ниже разбираются только два сценария, и уже за их пределами наверняка остаются гибридные и промежуточные формы, о которых пойдёт речь отдельно.

Эскалация конфликта как общая точка ветвления

Гласл описывает эскалацию как девять ступеней, собранных в три уровня, и каждый уровень хуже предыдущего с точки зрения возможного исхода [7]. На первом – отвердевание позиций, дебаты, переход от слов к действиям – конфликт ещё разрешим без проигрыша для кого-либо: мнения твердеют, но предмет спора остаётся важнее личности оппонента. На втором – коалиции, работа с репутацией противника, потеря лица, угрозы и ультиматумы – выигрывает уже только одна сторона. На третьем – ограниченные удары, попытки раздробить опору противника, совместное движение к пропасти – проигрывают обе.

Порог, за которым обычные средства убеждения перестают работать, лежит на границе первого и второго уровня – между третьей и четвёртой ступенью. Именно здесь, на четвёртой, впервые появляется элемент, без которого не обходится ни моббинг, ни газлайтинг в развитой форме: конфликт перестаёт быть двусторонним и вовлекает третьих лиц – либо как участников коалиции, либо как аудиторию для искажённого образа оппонента. Конфликт формально ещё существует как спор о содержании. Фактически – это уже воздействие на человека, а не на проблему.

Групповая траектория: моббинг-процесс

Модель Леймана детализирует именно ту ветвь, где третьи лица образуют открытую коалицию [10]. Первая стадия – неразрешённый триггерный конфликт, тот же материал, что и первый уровень у Гласла. На второй вокруг цели формируется группа, а агрессия приобретает признаки стигматизации – прямой аналог четвёртой ступени, но с уточнением: коалиция строится не абстрактно, а вокруг конкретного набора ярлыков, закреплённых за жертвой. На третьей включается руководство – включается предвзято, поскольку слышит версию группы первым и интерпретирует поведение цели как проблему производительности, а не как следствие травли. Институциональное признание конфликта происходит на языке агрессоров, и это, пожалуй, самое неприятное место всей модели. Четвёртая стадия – исключение цели: увольнение, вынужденный уход, длительный отпуск. Взаимный проигрыш материализуется – организация тоже несёт издержки, хотя бы репутационные.

Что делает консолидацию коллектива возможной? Отечественные исследования называют авторитарный или, наоборот, попустительский стиль руководства, организационную нестабильность – смену руководства, реструктуризацию, сокращения, – размытость зон ответственности [1]. Айнарсен с соавторами добавляют механизм: авторитарные руководители моделируют доминантное поведение, которое коллектив копирует по отношению к слабейшему; попустительские просто не вмешиваются в уже запущенную динамику [6]. Скавитин формулирует это жёстче остальных – столкновение коллектива с моббингом само по себе диагноз в отношении управления персоналом, а не характеристика отдельных участников [5]. Корыстина уточняет состав: инициатор, жертва и группа присоединившихся наблюдателей, чьё молчаливое участие структурно необходимо [4]. Без аудитории коалиция не имеет смысла – ей попросту не перед кем разыгрывать спектакль.

Диадическая траектория: газлайтинг и асимметрия власти

Газлайтинг требует обратной конфигурации – не многочисленности, а отсутствия свидетелей. Свит на материале партнёрского насилия показывает: газлайтинг работает там, где манипулятор опирается на структурное неравенство – гендерное, статусное, властное, – а жертва лишена независимого подтверждения собственного восприятия происходящего [12]. В организации это узкий канал коммуникации между руководителем и подчинённым, где остальные либо не свидетели вовсе, либо получают версию событий только от манипулятора.

Почему именно властная асимметрия, а не групповая динамика, тяготеет к этому сценарию? Ответ предложен задолго до появления самого термина в организационной литературе. Метаморфическая модель власти Кипниса, построенная на эксперименте, показывает: обладание институциональной властью над более слабой стороной само по себе увеличивает попытки на неё влиять, снижает субъективную ценность её вклада и смещает атрибуцию – успехи подчинённого начинают объясняться контролем руководителя, а не его собственной мотивацией [9]. Эффект не требует коалиции. Не нуждается в свидетелях. Разворачивается внутри диады и готовит психологическую почву для перехода от обычного давления к систематическому искажению чужой реальности.

Кинкейд и Сталион, обобщая литературу, называют газлайтинг паттерном, подрывающим уверенность цели в собственных интерпретациях – и отдельно фиксируют границу с моббингом: газлайтинг не требует коалиции, а его эффективность падает при появлении независимых свидетелей [8]. Это почти зеркальное отражение вывода Корыстиной о необходимости аудитории для моббинга [4; 8]. Там, где одному явлению для существования нужны зрители, другому требуется их отсутствие. Симметрия красивая – настолько красивая, что стоит проверить её на организационных данных, прежде чем доверять ей полностью.

Структурные предикторы развилки

Три параметра решают, куда пойдёт эскалация после порога третьей-четвёртой ступени: численность потенциальных участников, прозрачность канала коммуникации, распределение формальной власти. Много людей и низкая прозрачность при формальном равенстве сторон – условия для моббинга. Диада и выраженная властная асимметрия – условия для газлайтинга. Ни один параметр не закреплён за организацией целиком: одна и та же компания создаёт разные условия для разных пар сотрудников, и потому оба сценария вполне могут сосуществовать в одном коллективе, просто в разных его углах.

Гибридные и пограничные случаи

Сценарии не исключают друг друга – ни в пространстве, ни во времени. Кинкейд и Сталион отмечают случаи, когда газлайтинг используется как инструмент отрицания уже идущего группового преследования: жертве систематически внушают, что травли не существует, а её восприятие собственного положения в коллективе ошибочно [8]. Здесь газлайтинг не альтернатива моббингу, а его защитный механизм второго порядка – он не запускает эскалацию сам, а нейтрализует попытки цели опознать процесс на второй-третьей стадии по Лейману, отдаляя момент, когда дело дойдёт до институционального уровня.

Эта вложенность одной формы в другую – предел статической типологии Робинсон и Беннетт [11], которая фиксирует акт, но не последовательность актов, из которых он складывается. Возможно, есть и третий, четвёртый сценарий гибридизации, которые эта статья не рассматривает – материал для них потребовал бы иной, скорее эмпирической, а не сопоставительной работы.

Практические следствия для диагностики и профилактики

Если фокус смещается со сложившегося явления на структурные условия, меняется и практика диагностики. Для группового сценария это климатические индикаторы – коалиционная динамика, вовлечённость стороннего персонала в обсуждение конфликта, дрейф стиля руководства к авторитарности или попустительству [1; 6]. Для диадического эти инструменты бесполезны: газлайтинг по определению минимизирует число свидетелей, и уловить его можно только через структурные, а не поведенческие индикаторы – ротацию отчётности, независимый аудит каналов оценки [8; 9].

Оба инструмента звучат разумно на бумаге. Работают ли они на практике – вопрос, на который эта статья ответа не даёт: он требует эмпирической проверки, которая здесь не проводилась и, честно говоря, не может быть проведена силами одного концептуального анализа.

Заключение

Общая генетическая основа моббинга и газлайтинга – не общая причина в узком смысле, а общая точка эскалации на границе третьей

и четвёртой ступени по Гласлу, после которой конфликт перестаёт быть спором о предмете и становится атакой на личность. Развилка лежит в структуре организации – численности, прозрачности, распределении власти, – а не в психологии инициатора: видимость для коллектива и возможность коалиции ведут к моббингу, закрытость канала и асимметрия власти – к газлайтингу, а сочетание условий способно порождать гибридные, вложенные друг в друга формы.

Дополняет ли это разграничение типологию Робинсон и Беннетт или просто пристраивается к ней сбоку – вопрос терминологический, но не праздный. Обе рамки нужны совместно: типология фиксирует тяжесть уже состоявшегося акта, процессуальная модель – почему из формально одинаковых конфликтов вырастают структурно разные явления.

Главное ограничение работы уже названо в начале, но стоит повторить в конце: модель построена на вторичных источниках, преимущественно зарубежных по газлайтингу и смешанных по моббингу, и не опирается на первичные организационные данные. Применимы ли скандинавские и североамериканские модели к российским организационным культурам с их собственными традициями управления конфликтом – вопрос, на который эта статья не отвечает и, возможно, не должна была пытаться. Эмпирическая проверка предложенного разграничения остаётся не просто направлением дальнейшего исследования, а, скорее всего, его необходимым условием: без неё различение моббинга и газлайтинга по механизму так и останется правдоподобной, но непроверенной гипотезой.

Литература

1. Батаева Е.В. Моббинг на рабочем месте (междисциплинарные аспекты изучения) // Социологический журнал. 2016. Том 22. № 3. С. 49–66.

2. Гришина Н.В. Психология конфликта. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008. 544 с.

3. Занковский А.Н. Организационная психология: учеб. пособие для вузов. 2-е изд. М.: Флинта: МПСИ, 2002. 648 с.

4. Корыстина Е.С. Об участниках моббинга в организации // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». 2012. № 4. С. 132–138.

5. Скавитин А.В. Проблема притеснений на рабочих местах // Менеджмент в России и за рубежом. 2004. № 5. С. 118–126.

6. Einarsen S., Hoel H., Zapf D., Cooper C.L. The concept of bullying and harassment at work: the European tradition // Bullying and Harassment in the Workplace: Developments in Theory, Research, and Practice / ed. by S. Einarsen, H. Hoel, D. Zapf, C.L. Cooper. 2nd ed. Boca Raton: CRC Press, 2011. P. 3–39.

7. Glasl F. The process of conflict escalation and roles of third parties // Conflict Management and Industrial Relations / ed. by G.B.J. Bomers, R.B. Peterson. The Hague: Kluwer Nijhoff Publishing, 1982. P. 119–140.

8. Kincaid P.A., Stalion S.C.O. An Interdisciplinary Review of the Gaslighting Literature and Future Research Agenda // Journal of Organizational Behavior. 2026. DOI: 10.1002/job.70103.

9. Kipnis D. Does power corrupt? // Journal of Personality and Social Psychology. 1972. Vol. 24. № 1. P. 33–41.

10. Leymann H. The Content and Development of Mobbing at Work // European Journal of Work and Organizational Psychology. 1996. Vol. 5. № 2. P. 165–184.

11. Robinson S.L., Bennett R.J. A Typology of Deviant Workplace Behaviors: A Multidimensional Scaling Study // Academy of Management Journal. 1995. Vol. 38. № 2. P. 555–572.

12. Sweet P.L. The Sociology of Gaslighting // American Sociological Review. 2019. Vol. 84. № 5. P. 851–875.

MOBBING AND GASLIGHTING AS DESTRUCTIVE FORMS OF ORGANIZATIONAL DEVIANT BEHAVIOR: GENESIS THROUGH CONFLICT

Li Jiarui

Lomonosov Moscow State University PhD candidate

Relevance. Organizational deviant behavior remains one of the least diagnosable causes of declining personnel-management effectiveness: destructive practices that take the shape of mobbing and gaslighting are rarely recognized at an early stage, since they are treated as isolated interpersonal conflicts rather than as the predictable outcome of unmanaged escalation. Yet both phenomena share a common genetic basis – an unresolved organizational conflict – which makes their comparative analysis relevant for management practice. *Scientific problem*. Existing literature typically studies mobbing and gaslighting separately: the former within the sociology of labour and small-group psychology, the latter mainly within clinical psychology and, more recently, organizational behavior. It remains unclear why destructive behavior emerging from the same underlying conflict develops along two fundamentally different trajectories – overt group persecution or covert dyadic manipulation of the target's perception of reality. *Methods*. The study applies comparative theoretical analysis of the typology of organizational deviance (S. Robinson, R. Bennett), the organizational conflict escalation model (F. Glasl), the group mobbing-process model (H. Leymann), the metamorphic model of power (D. Kipnis), and the sociological conception of gaslighting (P. Sweet; P. Kincaid and S. Stalion), supplemented by an analysis of Russian-language research on the institutional conditions of mobbing and A. Zankovsky's organizational-psychology framework. *Research results*. It is shown that both phenomena emerge at the threshold of the third-to-fourth stage of Glasl's escalation model, when the subject of the dispute is replaced by the opponent's personality; the subsequent trajectory is determined not by the nature of the initial conflict but by the organization's structural conditions – the number of people involved, the degree of formalized control, and the leadership style. Group coalition-building and the target's visibility to the collective shift the process toward mobbing; power asymmetry combined with a limited circle of witnesses shifts it toward gaslighting.
Conclusions. Distinguishing mobbing from gaslighting by mechanism, rather than by surface features alone, allows destructive processes to be diagnosed more precisely at an early, still-reversible stage of conflict, and substantiates the need for differentiated prevention tools for group and dyadic forms of organizational deviance.

Keywords: deviant behavior; mobbing; gaslighting; organizational conflict; conflict escalation; destructive behavior; human resource management.

References

1. Bataeva E.V. Workplace mobbing (interdisciplinary aspects of study) // Sociological Journal. 2016. Vol. 22. № 3. P. 49–66.

2. Grishina N.V. Psychology of Conflict. 2nd ed. St. Petersburg: Piter, 2008. 544 p.

3. Zankovsky A.N. Organizational Psychology: A Textbook for Higher Education Institutions. 2nd ed. Moscow: Flinta: MPSI, 2002. 648 p.

4. Korystina E.S. On participants in workplace mobbing // Herald of Omsk University. Series «Economics». 2012. № 4. P. 132–138.

5. Skavitin A.V. The problem of workplace harassment // Management in Russia and Abroad. 2004. № 5. P. 118–126.

6. Einarsen S., Hoel H., Zapf D., Cooper C.L. The concept of bullying and harassment at work: the European tradition // Bullying and Harassment in the Workplace: Developments in Theory, Research, and Practice / ed. by S. Einarsen, H. Hoel, D. Zapf, C.L. Cooper. 2nd ed. Boca Raton: CRC Press, 2011. P. 3–39.

7. Glasl F. The process of conflict escalation and roles of third parties // Conflict Management and Industrial Relations / ed. by G.B.J. Bomers, R.B. Peterson. The Hague: Kluwer Nijhoff Publishing, 1982. P. 119–140. 8. Kincaid P.A., Stalion S.C.O. An Interdisciplinary Review of the Gaslighting Literature and Future Research Agenda // Journal of Organizational Behavior. 2026. DOI: 10.1002/job.70103.

9. Kipnis D. Does power corrupt? // Journal of Personality and Social Psychology. 1972. Vol. 24. № 1. P. 33–41.

10. Leymann H. The Content and Development of Mobbing at Work // European Journal of Work and Organizational Psychology. 1996. Vol. 5. № 2. P. 165–184.

11. Robinson S.L., Bennett R.J. A Typology of Deviant Workplace Behaviors: A Multidimensional Scaling Study // Academy of Management Journal. 1995. Vol. 38. № 2. P. 555–572.

12. Sweet P.L. The Sociology of Gaslighting // American Sociological Review. 2019. Vol. 84. № 5. P. 851–875.

Позитивная социализация молодежи Республики Дагестан: социально-философский и социологический анализ

Магаррамов Магаррам Джабраилович,
доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Регионального центра этнополитических исследований (РЦЭИ) Дагестанского федерального исследовательского центра (ДФИЦ) Российской академии наук (РАН), профессор кафедры гражданского права Северо-Кавказского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В публикации с учетом эмпирических данных и научно-теоретических положений предпринята попытка выявления объективных и субъективных основ, детерминирующих позитивную социализацию дагестанской молодежи, как важной части социо-культурного пространства современной России.

В качестве *основных задач* были подвергнуты социально философскому анализу *вопросы:* **а)** обуславливающие позитивную социализацию молодежи аспектами общественного бытия, общественного сознания, в совокупности, предопределяющими социальное самочувствие молодежи, ее материальное положение и духовную самость; **б)** практической работы властно-политических институтов в направлении повышения эффективности хозяйственного механизма; в) создания обществом и государством соответствующих условий для самореализации молодежи и других проблем, в общем составляющие содержание процесса правильной, общественно и государственно приемлемой социализации подрастающего поколения.

Методология работы зиждется на основных диалектических принципах и подходах – всеобщей связи, развития, детерминизма, единства исторического и логического, системный анализ, индукция и дедукция. Использованы формы правильного мышления – анализ, синтез, сравнение, абстрагирование, обобщение, моделирование, конкретизация и др. Учтены требования 4-х формально-логических законов – тождества, не противоречия, исключенного третьего и достаточного основания.

Результаты исследования: сформулирована авторская дефиниция позитивной социализации с определением субъектов и некоторого инструментария ее обеспечения; доказано, что синкретичное, диалектическое решение обществом и государством объективных и субъективных детерминант обуславливающих прогрессивное общественное развитие региона, являются панацеей для успешного решения вопросов позитивной социализации дагестанской молодежи.

Перспективы. В публикации обозначены наиболее общие контуры материального и идеального порядка, в своей совокупности предопределяющие основу позитивной социализации молодежи Дагестана. Поэтому решение проблемы в масштабах всей страны требует от исследователей еще более глубокого её осмысления. По этой причине дальнейший анализ опредмеченных вопросов остается все еще актуальным.

Ключевые слова: социализация молодежи; позитивная и негативная социализация; асоциальное поведение; объективные и субъективные факторы социализации; нравственное поведение; правомерное поведение; нравственное и правовое сознание; общая, правовая и политическая культура; гуманизм.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью достижения положительной социализации подрастающего поколения сограждан в Республике Дагестан – одном из важных субъектов Юга России.

Научно-теоретическое осмысление проблемы детерминировано необходимостью *краткого анализа*:

а) объективных и субъективных составляющих этого процесса, в совокупности, обуславливающие социальное самочувствие молодежи, ее материальное положение и духовную самость;

б) практической работы властно-политических институтов в направлении повышения эффективности хозяйственного механизма республики;

в) процесса создания обществом и государством соответствующих условий для самореализации молодежи и целый срез других вопросов, в своей совокупности предопределяющие судьбу процесса позитивной социализации подрастающего поколения. Этими и целым рядом других обстоятельств обусловлена актуальность проблемы, детерминированы *цель и задачи*.

Говоря о степени научной разработанности проблемы, следует отметить, что в такой постановке она почти не осмысливалась учеными Республики Дагестан и в целом России. Вместе с тем, отдельные аспекты вопроса нашли отражение в некоторых публикациях дагестанских ученых [1, 2, 3].

Предметом исследования являются общественные отношения, направленные на формирование позитивной социализации молодежи в рамках дагестанского общества.

Объектом работы является деятельность властно-политических институтов и субъектов гражданского общества в направлении нравственной и правовой социализации подрастающего поколения дагестанцев.

Методология публикации зиждется на применении принципов и подходов социальной диалектики, основных форм правильного мышления, диалектических и формально-логических законов.

Гипотеза исследования состоит из положения о том, что позитивная (положительная) социализация дагестанской молодежи в основном обусловлена степенью развитости элементов общественного бытия и форм общественного сознания, эффективным функционированием органов государственной власти, публично-правовых образований, институтов гражданского общества, занятые решением экономических проблем молодежи, совершенствованием ее образа жизни, семейных вопросов, вопросов воспитания и образования.

Практическая значимость публикации в том, что реализация на практике основных ее обобщающих выводов и предложений имеет свой праксиологический смысл, выражающийся в возможности коренного сущностно-позитивного изменения содержания элементов общественного бытия и общественного сознания в направлении генерации и закрепления в сознании молодых людей необходимой обществу и государству положительной социализации. А это одна из гарантий обеспечения безопасности всего российского общества и государства.

Основные положения

Логика проведения настоящего исследования требует сформулировать дефиницию позитивной социализации молодежи. Под ним понимается *целенаправленный процесс влияния родителей, семей, работников органов образования и воспитания, властно-политических институтов, субъектов гражданского общества на индивидуальное, групповое и массовое общественное сознание. Явление, обусловленное детерминантами объективного и субъективного характера, ориентированное на генерацию и развитие правильных архетипов, формирование позитивных установок, актов поведения, в том числе посредством процессов заражения, внушения и подражания для гармонизации и гуманизации образа жизни людей социального климата, взаимоотношений между людьми, обеспечения цивилизованного социума*. Очевидно, что объем и содержание категории «позитивная социализация» гораздо уже, нежели категории «социализация», которая помимо сказанного включает в себя и некоторый негативный оттенок, позволяющий читателю усматривать по этой причине дополнительную категорию – «негативная

социализация». Она не просто имеет месту быть, но и является частью индивидуального, группового и массового общественного сознания и для преодоления которого обществом и государством ведется сознательная, целенаправленная работа. Негативная социализация проявляется посредством и через асоциальное поведение, частью которого является девиантное поведение.

В чем же содержание объективных и субъективных составляющих процесса позитивной социализации дагестанской молодежи, обуславливающих ее социальное самочувствие, материальное положение и духовную самость? Понятно, что реальное состояние способа производства материальных и духовных благ есть один из основных индикаторов, предопределяющих социальное самочувствие дагестанской молодежи, ее духовную основу. К большому сожалению, состояние производительных сил и диалектически связанных с ним производственных отношений Дагестана требуют новой индустриализации. А это нужда в огромных капиталовложениях, которых у страны нет опять-таки в силу объективных причин. Республика до сих пор является дотационным регионом. В недалекое советское прошлое она являлась донором союзного бюджета, но и хроническая дотационность республиканского бюджета возникла по причине необдуманной перестройки политической и экономической систем бывшего СССР. Сегодня республике нужны громадные инвестиции, как в промышленность, так и в сельское хозяйство для того, чтобы сделать мощный рывок в этих областях. В таком случае зависимость от федерального бюджета снимется, возрастет республиканский ВВП, минимизируется инфляция, снизится безработица среди молодежи, улучшатся ее защищенность и социальное самочувствие, что минимизирует и, в последующем, снимет протестные настроения против государства и общества. Ведь в памяти всех дагестанцев и россиян недавний штурм аэропорта «Уйташ» представителями дагестанской молодежи под юдофобскими настроениями. Мы должны решительным образом дать бой националистам всех мастей! Практика общественной жизни является критерием истинного положения дел. В результате этих экстремистских действий под ударом оказались семейное и педагогическое воспитание, профилактическая работа правоохранительных и правоприменительных органов, властно-политических институтов и институтов гражданского общества республики. Почти все представители молодежи, совершившие административные проступки, общественно-опасные деяния (преступления), усилиями работников правоохранительных и правоприменительных органов были привлечены к соответствующим видам юридической ответственности и подвергнуты соответствующим их деяниям наказаниям. Ради правды, Дагестан еще с советских времен, не приемлет вирус национализма. У него хороший иммунитет от этого. Ибо там, где национализм и отсутствие веротерпимости – нет места дружбе народов, а там, где нет дружбы народов и отсутствует веротерпимость, – ожидает неминуемую, скорую гибель государства. Не представители указанной, либо других национальностей Дагестана виноваты в безработице и социальной не устроенности молодых сограждан, отступивших от нравственных и правовых норм; речь идет о системных проблемах, имманентно присущих дагестанской экономике еще с 90-х годов прошлого столетия. Приватизация и полный разгром существовавших в советское время предприятий не привел к их замещению новыми, востребованными производственными мощностями, а, стало быть, не были подготовлены рабочие кадры, могущие работать с современными технологиями. Неоправданно вырубленные виноградники под лозунгом борьбы с пьянством и алкоголизмом, разгром посредством приватизации существующих заводов и фабрик, другие необдуманные союзные реформы и либеральные реформы эпохи Б.Н. Ельцина привели к безработице, нищете, социальной не устроенности дагестанской молодежи и других социальных слоев населения. Вот некоторые объективные причины сосков национализма и ксенофобии в нынешнее время. Перечисленные экономические ошибки бывшей союзной власти и в последующем – ельцинского окружения являются теми маркерами, которые должны быть учтены в настоящее время при принятии текущих экономических решений. И это делается.

Так, бюджет Республики Дагестан на 2026 год зависит от предоставления федеральных трансфертов на сумму, превышающую 100 миллиардов рублей. При этом с помощью федерального центра достигнуты весьма ощутимые результаты.

– Почти завершено строительство водовода Чиркей-Махачкала-Каспийск протяженностью почти 80 километров, на строительство которого из федерального бюджета было выделено 12,5 миллиардов рублей.

– В рамках национального проекта «Эффективная транспортная система» расширена взлетно-посадочная полоса аэропорта «Уйташ» до 3200 метров и сдан в эксплуатацию новый командно-диспечерский пункт; завершили подвод газопровода до одного из сел высокогорного Цумадинского района Республики Дагестан. 18 сентября 2026 г. с участием по телемосту Президента РФ В.В. Путина, организованной корреспондентами телепрограммы «Вести», эти объекты были сданы в эксплуатацию. Расходы с федерального бюджета на возведение этих объектов составили 12,8 миллиардов рублей.

– Стоимость строящихся объездных дорог, минующие Хасавюрт, Махачкала и Дербент, составляет 124 миллиардов рублей.

– На ликвидацию последствий весенних наводнений в Республике Дагестан федеральным центром было выделено 12 миллиардов рублей.

– В 2026 г. в Дагестане в рамках нацпроектов возводится 245 инфраструктурных объектов, затраты с федерального бюджета на которые составляет 26 миллиардов рублей.

– На создание и обновление физической инфраструктуры объектов в Республике Дагестан в форме детских садов, школ, дорог, коммунальных сетей, модернизацию объектов здравоохранения и благоустройство общественных мест с федерального бюджета в 2026 году выделено 16,6 миллиардов рублей.

Все перечисленные финансовые средства осваиваются хозяйствующими субъектами Дагестана, где работает, получает зарплату и ведет здоровую, позитивную жизнь дагестанская молодежь.

Вместе с тем, сегодня Дагестан может гордиться одним из передовых предприятий – КЭМЗ (Кизлярский эктромеханический завод), где работает значительная часть молодежи г. Кизляр. Им выпускается отличная, добротная и востребованная продукция, пользующаяся спросом во всей России и за рубежом. Руководство предприятия создало рабочие места для молодежи, она получает там достойную заработную плату, решаются их социальные вопросы, и в том числе по этой причине в сознании для протестных настроений у этого сегмента дагестанской молодежи нет места.

Именно упомянутая новая индустриализация дагестанской экономики является важной панацеей для минимизации протестных настроений дагестанской молодежи, результативного, успешного привития ей морально-нравственных и правовых ценностей – главных основ позитивной социализации молодого поколения сограждан, своеобразной вакциной от националистических и экстремистских поступков.

К большому сожалению, мало-помалу приходят в запустение дагестанские села. Опять-таки безработица толкает сельскую молодежь переезжать из сельской местности в города. Между тем возрождение села – это одна из главных задач, которую должны решать сегодня властно-политические институты республики. Так-таки нужны большие средства для поддержки и социальной устроенности сельского населения. Нет спора – сегодня органы социальной защиты районов вовремя выплачивают пенсии, пособия, компенсационные выплаты в населенных пунктах, но нужны специальные республиканские программы, направленные на проведение мероприятий по возрождению села. Это полное освобождение от налогов (с согласия федерального центра) субъектов малого предпринимательства, осуществляющих свою деятельность в сельской местности. Выделение им субсидий и субвенций, создание в сельской местности специального преференциального режима для субъектов хозяйствования. Это могут быть предприятия по переработке шерсти, шкур КРС и МРС, ковроткаческие и ювелирные цеха, мини-заводы по переработке, консервации мяса, овощей, фруктов и т.д. Необходимо улучшить облик села, улучшение дорог и при дворовых территорий, социальная газификация (сегодня не газифицирован ни один из населенных пунктов одного из больших по территории в Дагестане Рутульского района), создание туристической инфраструктуры, подготовка гидов для туристов и т.д. Каждый выделенный на эти цели рубль должен иметь целевой статус, быть реально защищенным от незаконного присвоения и растраты, освоен субъектами хозяйствования. В таком случае, с одной стороны, в селе появились бы предприятия, на которых могла бы работать подготовленная для этих целей сельская молодежь; с другой стороны, – возводилось бы новое жилье, малокомплектные сельские школы стали бы полнокомплектными, учителя работали бы на полную учительскую ставку, получая более высокую заработную плату, реально стали бы работать сельские библиотеки, спортивные секции, фельдшерско-акушерские пункты и другие социально-значимые объекты. Вот один из вариантов минимизации сельской безработицы и прекращения процесса оттока сельской молодежи в города. В таких условиях, несомненно, была бы положительная социализация сельской молодежи, минимизировался бы ее отток в города и, частично, снялась бы проблема ее миграции.

В положительной социализации дагестанской молодежи весьма важное место занимает семья. Для всех дагестанских семей чужды веяния вестернизации, как, впрочем, почти и для всех российских семей.

Традиционные семейные ценности, закрепленные в сознании горцев многовековой историей, передаются от поколения к поколению, являются жизнеутверждающими, имеют привлекательность у молодежи, снижают количество разводов, являются основой цивилизованного образа жизни всех дагестанцев. В этом смысле ценности традиционной семьи становятся частью индивидуального, группового и массового общественного сознания горцев, чертой их образа жизни, одним из важных стереотипов их поведения и связанной с ним позитивной социализацией.

Никакая позитивная социализация молодежи не возможна без совершенного знания языка. Лингвистической особенностью Дагестана является наличие множества национальных языков, как ценнейших средств хранения, передачи и сохранения сокровищниц человеческой мудрости. В Дагестане созданы все условия для изучения родных языков. Но имеются определенные трудности с полноценным изучением и преподаванием новописьменных языков, в числе которых цахурский язык. Огромную работу по составлению алфавита, фонетики и графики, словаря, других учебников, учебных пособий и монографий по цахурскому языку провел в свое время доктор филологических наук, профессор, чл. корреспондент РАЕН Ибрагимов Гарун Халилович. Всю свою сознательную жизнь академик посвятил анализу вопросов лингвистики и языкознания. Его учебные, учебно-методические и научные труды имеют огромную и непревзойденную ценность, используются в современном образовательном процессе, служат ориентиром для современных и будущих исследователей проблемы. В том числе посредством цахурского и других языков многонационального Дагестана осуществляется социализация его молодежи.

Дагестанская, как и вся российская молодежь, наряду с национальным, весьма глубоко изучает русский язык, а также один из иностранных языков. Знание многих языков – это, то же самое, как иметь несколько ключей к одному и тому же замку. И этим замком является разнообразная, полная смысла, правильная человеческая жизнь. В этом ключе позитивная социализация молодежи происходит посредством многочисленных языков, главным из которых является великий и могучий русский язык.

Наиболее ярким проявлением правильного образа жизни дагестанской молодежи и привитой семьей, работниками образования и воспитания, всем обществом и государством позитивной социализации является ее поведение на полях сражений СВО на территории Украины. Восемнадцать представителей дагестанской молодежи удостоены высшей государственной награды – Героя России. Ряд представителей дагестанской молодежи награждены различными орденами и медалями. По государственной программе «Время героев» часть из них прошла подготовку и переподготовку для занятия должностей в органах государственной власти и управления, местного самоуправления.

Для них позитивный опыт их дедов, прошедших суровое горнило Великой Отечественной войны, отцов и родственников, прошедших службу в Афганской войне (1979–1989 гг.) и других горячих точках, стал примером для подражания, заражения и внушения величия образа солдат-победителей.

Позитивная социализация дагестанской и всей российской молодежи проходит весьма успешно в рамках общероссийского волонтерства, «Движения первых», ячеек пионерии и комсомола, других общественных организаций при политических партиях России. Поэтому финансовый патернализм деятельности перечисленных и им подобных организаций со стороны государства есть своеобразный камень в фундамент позитивной социализации молодежи. Опасно оставить молодежь на произвол судьбы. Так, в недавнем советском прошлом октябрята, пионеры, комсомольцы, молодые коммунисты составляли основу всей молодежи бывшего СССР. Все эти группы были задействованы обществом и государством на учебу, общественно-полезный труд и на работу. В обществе вообще не было безработицы. Как результат, среди молодежи почти не было случаев отказа от службы в рядах Советской Армии, пьянства, алкоголизма, наркомании и других антиобщественных проявлений, в то время как определенная часть современной молодежи ведет не правильную, асоциальную жизнь. Это говорит об изъянах в семейном и педагогическом воспитании, отсутствии должной вовлеченности этой части молодежи в перечисленные немного выше общественные организации, сложностях с поиском работы, получением материальных благ, адекватно растущим потребностям и т.д.

Значительная часть дагестанской молодежи за постсоветский период развития стала исповедовать Ислам. Она регулярно ходит в мечети, слушает проповеди имамов и вовремя совершают соответствующие религиозные обряды. И здесь нет ничего плохого. Человек, который душевно находится с Богом, является истинным верующим, не совершит никому ничего плохого, поскольку Ислам является религией мира, гуманизма.

В равной степени, как представители традиционного Ислама, так и представители других вероисповеданий, проживающие в Дагестане, – православные христиане, буддисты и иудаисты, являются глубоко нравственными людьми. Совершают гуманные, законном одобряемые поступки, являются примером милосердия, доброты, сопереживания за других. И это есть результат их правильного обучения и воспитания – залог позитивной социализации.

Заключение

Завершая настоящее исследование, следует отметить, что сформулированная дефиниция позитивной социализации дагестанской молодежи не придает ей статуса универсальности, поэтому возможны иные подходы и иное видение этого социального процесса. Но оно отражает как объективные, так и субъективные начала процесса правильной социализации молодежи. Главное в определении – ее корреспонденция с основным содержанием работы и с концепцией в целом.

В основном исследование было посвящено выявлению основных детерминант, обуславливающих позитивную социализацию дагестанской молодежи, как части общероссийского социума. Эмпирические факты противоправного, порой националистического и аморального поведения части дагестанской молодежи, продемонстрированные им при самом настоящем штурме аэропорта «Уйташ» не стали поводом для обращения к их научно-теоретическому анализу и оценке в рамках научных публикаций, докладов, монографий и пр. А это значит, что научная общественность не дает практических рекомендаций по профилактике, обузданию антиобщественных и антигосударственных, противоправных и аморальных форм поведения молодежи, при отсутствии их критики могущие превратиться в разряд обычного, нормального и обществом одобряемого поведения.

Эмпирические факты также свидетельствуют, что с федерального бюджета на нужды Республики Дагестан выделяются много миллиардные средства на самые разные экономические и социально-значимые объекты, которые, безусловно, осваиваются с активным участием дагестанской молодежи. Строительство и реконструкция таких объектов, несомненно, способствуют позитивной ее трудовой социализации. Приведенная в исследовании финансовая и прочая статистика суть – факты из социальной жизни. И, если их взять в целом и во взаимной связи, они не только упрямая, но и, безусловно, доказательственная вещь. Того, что эмпирические факты миром не управляют, но они показывают, как мир управляется.

Согласимся, что любое асоциальное поведение молодежи есть результат превращенной формы негативной социализации, которая стала результатом объективных и субъективных причин, изъянов в общественном бытии и общественном сознании, материальных факторах и идеальных, духовных основах.

Высота, которую хочет обрести Россия и Дагестан в ее составе – это достижение уровня правового, демократического и социального государства, в рамках которого позитивная социализация подрастающего поколения должна стать высшей и непререкаемой ценностью на федеральном, региональном, и местном уровнях для семьи, учителей, преподавателей, институтов воспитания и образования, субъектов гражданского общества. Именно такая система работы по совершенствованию экономического и социального уклада людей, социального патронажа малообеспеченных семей, (молодежь из которых в основном является потенциальными правонарушителями), является одной из панацей для достижения правильной социализации. Изжития из социо-культурного пространства Республики Дагестан случаев асоциального, противоправного, аморального поведения, в своей общей совокупности являющиеся маркерами несовершенного образа жизни подрастающего поколения сограждан.

Объективными, материальными предпосылками позитивной социализации молодежи являются: высокоразвитая, социально ориентированная экономика с совершенным хозяйственным механизмом, общественно приемлемый образ жизни людей, язык в плане его знания и не знания. В то же самое время субъективными, идеальными факторами позитивной социализация молодежи выступают процессы интериоризации ею нравственных и правовых норм, семейных, традиционных ценностей, образцов гуманистической российской и мировой культуры, основ духовности, включая религиозных. В то же самое время, такая интериоризация выдаст экстериоризацию образцов социально одобряемого личного поведения, в основе которого высокое нравственное, правовое и религиозное сознание, общая, нравственная, правовая и религиозная культура совместного гражданского сосуществования на основе гуманистических ценностей.

Литература

1. Ахмедов И.А., Курбанов М.Г. Гуманизм и современное гуманистическое воспитание молодежи // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: Общественные науки. 2025. Т. 40. № 4. С. 123–132.

2. Гаджиев М.М. Молодежная политика на Северном Кавказе: состояние и перспективы развития // Евразийский Союз: вопросы международных отношений. 2025. Т. 14. № 1. С. 9–18.

Гаджиев М.М. Деятельность государственных и общественных организаций по формированию и реализации молодежной политики // Вопросы политологии. 2026. Т. 16. № 1. С. 131–140.

3. Магомедова М.З. Проблема самоидентификации молодежи в современном дагестанском обществе // Научный альманах стран Причерноморья. 2026. Т. 12. № 1. С. 11–15.

POSITIVE SOCIALIZATION OF YOUTH IN THE REPUBLIC OF DAGESTAN: A SOCIO-PHILOSOPHICAL AND SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Magarram D.M.

Dagestan Federal Research Center (DFRC) of the Russian Academy of Sciences, North Caucasus Institute of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia)

Drawing on empirical data and theoretical concepts, this publication attempts to identify the objective and subjective foundations that determine the positive socialization of Dagestani youth – a significant segment of the socio-cultural landscape of modern Russia.
The study subjects the following issues to socio-philosophical analysis: a) aspects of social existence and social consciousness that facilitate positive socialization and collectively shape the youth's social well-being, material status, and spiritual identity; b) the practical activities of political and governmental institutions aimed at enhancing the efficiency of the economic mechanism; and c) the creation – by both society and the state – of conditions conducive to youth self-realization, alongside other issues that collectively constitute the process of proper socialization for the rising generation – socialization that is acceptable to both society and the state. The working methodology is grounded in fundamental dialectical principles and approaches – universal interconnection, development, determinism, the unity of the historical and the logical, systems analysis, induction, and deduction. Forms of sound reasoning were employed, including analysis, synthesis, comparison, abstraction, generalization, modeling, and concretization. The requirements of the four laws of formal logic – identity, non-contradiction, excluded middle, and sufficient reason – were also observed.
Research results: The author formulates a definition of positive socialization, identifying the relevant agents and certain mechanisms for facilitating it. It is demonstrated that a syncretic, dialectical approach by society and the state to the objective and subjective determinants driving the region's progressive social development serves as a panacea for successfully addressing the challenges of the positive socialization of Dagestani youth.
Prospects: This publication outlines the general material and ideal frameworks that collectively underpin the positive socialization of youth in Dagestan. Consequently, addressing this issue on a national scale requires a deeper level of understanding from researchers. For this reason, further analysis of the issues raised remains highly relevant.

Keywords: youth socialization; positive and negative socialization; antisocial behavior; objective and subjective socialization factors; moral behavior; lawful behavior; moral and legal consciousness; general, legal, and political culture; humanism.

References

1. Akhmedov I.A., Kurbanov M.G. Humanism and modern humanistic education of youth // Bulletin of Dagestan State University. Series 3: Social Sciences. 2025. Vol. 40. № 4. P. 123–132.

2. Gadzhiev M.M. Youth policy in the North Caucasus: current state and development prospects // Eurasian Union: Issues of International Relations. 2025. Vol. 14. № 1. P. 9–18.

Gadzhiev M.M. Activities of state and public organizations in shaping and implementing youth policy // Issues of Political Science. 2026. Vol. 16. № 1. P. 131–140.

3. Magomedova M.Z. The problem of youth self-identification in modern Dagestani society // Scientific Almanac of the Black Sea Region Countries. 2026. Vol. 12. № 1. P. 11–15.

Понятие «человекоцентричность» в современном управленческом дискурсе

Соловьев Владимир Александрович,
заведующий лабораторией человекоцентричности и лидерских практик, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
E-mail: va.solovev@hse.ru

Малахова Елена Владимировна,
кандидат философских наук, научный сотрудник Лаборатории человекоцентричности и лидерских практик, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
E-mail: evmalahova@hse.ru

Предметом исследования данной статьи стало понятие «человекоцентричность», которое все чаще применяется в управленческом дискурсе и научных работах. При этом его содержание до сих пор очень размыто, и множество существующих разноплановых определений не добавляют ясности. Цель статьи: прояснить, чем именно для научных исследований управленческой сферы может быть полезно применение интересующего нас понятия. Методы исследования включают в себя: 1) выявление объема понятия как класса обозначаемых им явлений через анализ научных публикаций, затрагивающих тематику человекоцентричности; 2) выяснение содержания понятия через анализ связанных с ним смысловых блоков, содержащихся в научных публикациях, специально исследующих человекоцентричность. Информационную базу исследования составили научные публикации из научной электронной библиотеки Elibrary. В результате исследования выявлено, что наибольшую часть объема понятия «человекоцентричность» составляют явления из сфер государственного управления, менеджмента и смежных областей. Содержание понятия позволяет использовать его для связи между управлением организационными системами и человеческими коллективами. Выводы: применение понятия «человекоцентричность» на данный момент не только в полной мере утвердилось в науках об управлении, но и способствует их развитию, обозначая пути интеграции существующих предметных областей.

Ключевые слова: человекоцентричность, содержание понятия, объем понятия, субъектность, управление.

Введение

Рассмотрение и уточнение понятийного аппарата – важная часть развития любой научной дисциплины. В особенности это существенно для активно развивающихся областей знания, к которым, безусловно, относится сфера менеджмента и управленческих наук в целом. В данной статье объектом исследования стало достаточно новое и поэтому до сих пор не окончательно определенное понятие «человекоцентричность». В последние годы оно употребляется все чаще. В России уже написаны сотни научных статей, исследующих различные аспекты человекоцентричности, а в мире счет таких публикаций идет на сотни тысяч. И при всем этом пока не выработано сколько-нибудь четкого определения данного понятия. Более того, многие авторы не видят в таких определениях особой нужды, даже в тех случаях, когда человекоцентричность становится центральной темой их научных работ. Однако без подобного определения едва ли возможно понять, насколько и в каких аспектах данное понятие может помочь в исследованиях управленческой сферы и способствовать приращению нового знания в ней. Именно поэтому в нашем исследовании подробное рассматриваются объем и содержание этого понятия, которые позволят сформулировать его определение, отвечающее одновременно целям научных исследования сферы управления и уже сложившимся формам употребления интересующего нас термина [1].

В статье мы планируем также прояснить, как именно и для каких задач целесообразно применять понятие «человекоцентричность» в исследованиях сферы управления. При этом мы ни в коем случае не отрицаем, что только этой сферой употребление данного понятия не ограничивается. Как мы увидим далее, можно выделить несколько таких сфер: помимо управления это также образование, разработка и применение новых технологий, область общечеловеческих ценностей и некоторые другие.

В рамках данной статьи мы постараемся показать и обосновать, что в нашей стране было выработано понимание человекоцентричности, в наибольшей степени связанное именно с управленческой проблематикой [14], а также заложена основа для интегрального человекоцентричного подхода, объединяющего все до сих пор разрозненные направления исследований управления [13]. Для этого мы рассмотрим российские научные публикации, где упоминается или подробно исследуется человекоцентричность. Мы изучим количественные и качественные параметры употребления данного понятия, которые позволят выяснить реальный масштаб применения и значимость его для управленческих дисциплин.

Цель нашей работы – выяснить, чем именно для научных исследований управленческой сферы может быть полезно применение интересующего нас понятия в части интеграции существующих предметных областей и приращения нового знания. Для этого необходимо решить следующие задачи:

1) на основе анализа полученных количественных и качественных данных сформулировать обоснованное определение человекоцентричности в управлении, которое позволило бы далее развивать российские подходы к человекоцентричному менеджменту, государственному и муниципальному управлению;

2) рассмотрев полученное определение, провести анализ возможностей его применения для исследований в области управления организациями и человеческими коллективами.

Проблематика человекоцентричности в современных исследованиях

Новые понятия вводятся в научный дискурс различными путями, из которых чаще всего можно говорить или о необходимости «изобретения» понятия для наблюдаемого эмпирического явления, или же об уточнении уже существующего термина, который может прийти в науку из иных, часто сугубо практических областей. В случае человекоцентричности можно предположить, что имеет место как раз второй путь, так как изначально понятие было введено и до сих пор продолжает использоваться преимущественно в практикоориентированных работах и документах. Одни из первых работ, где вообще упоминается человекоцентричность, были посвящены проблемам дизайна и развития технологий [18]. В дальнейшем в зарубежном, преимущественно американском и европейском, сегменте исследований человекоцентричности именно это направление сохранялось и активно развивалось [21].

В данной работе использованы результаты проекта HSE-MS-2025–004, выполненного в НИУ ВШЭ.

Несмотря на то, что понятие человекоцентричности активно использовалось уже в 80-е годы XX века, большая часть публикаций по данной тематике приходится на второе и третье десятилетия XXI века. Это во многом связано со всплеском интереса к таким проблемам, как место и роль человека при взаимодействии с активно развивающимися технологиями на основе искусственного интеллекта (далее – ИИ) [19], а также ряда изменений, коснувшихся организационных взаимоотношений: как внутри организаций (между сотрудниками и руководителями) [22], так и вовне – между организациями и их бенефициарами. К последним могут относиться не только непосредственные клиенты или благополучатели, но и любые другие стейкхолдеры организации [20].

Также параллельно появлялись исследования человекоцентричности, связанные с менеджментом [7], организационным [5] и политическим управлением [4]. Изучались также человекоцентричные подходы к обучению [3], управлению персоналом [11]. Кроме того, конечно, человекоцентричность рассматривалась в контексте этики, причем не только деловой, но и восходящей к универсальным общечеловеческим ценностям [2].

Таким образом, постепенно сложилось несколько направлений, где так или иначе рассматривается человекоцентричность, причем в каждом из них ее трактовки не только различаются, но иногда даже не уточняются специально, так как это понятие обманчиво кажется интуитивно ясным.

Методология исследования

Рассмотрим подробнее методы работы с понятием «человекоцентричность». Обычно сначала выделяется некий видообразующий признак, а потом объекты реальности проверяются на соответствие ему и включаются в отдельный класс, который обозначается понятием. Но в нашем случае стоит идти обратным путем. Поскольку нужного нам «видообразующего признака человекоцентричности» мы пока не знаем, то вначале выделим все объекты, которые в российском научном дискурсе именуются человекоцентричными, а затем, рассмотрев, что авторы понимают под этим термином, выявим те признаки, которые можно будет назвать «видовыми отличиями».

Для анализа объема понятия нами были выбраны научные статьи из российской наукометрической базы Elibrary, имеющие хотя бы одно цитирование. Такой выбор был обусловлен следующими соображениями. Предметом нашего исследовательского интереса стало употребление понятия «человекоцентричность» именно в российском научном дискурсе, что подразумевает обращение к отечественной базе публикаций. Кроме того, эта база на момент написания статьи дает наиболее доступную информацию в части наукометрических показателей, таких как уровень цитируемости.

Вначале мы через обращение к Elibrary определим объем понятия через рассмотрение цитируемых научных источников, так или иначе упоминающих понятие человекоцентричности или человекоцентричных подходов. Также эти источники помогут нам выявить основные научные области, с связи с которыми данное понятие употреблялось. Затем мы проведем отдельный анализ научных публикаций из той же базы, специально исследующих человекоцентричность, чтобы через приводимые ее трактовки прояснить сущностное содержание этого понятия. На основе всех полученных данных мы сформулируем определение понятия человекоцентричности, объем и содержание которого будут в наибольшей мере соответствовать потребностям развития управленческого дискурса.

Итак, наш анализ будет основан на данных из двух групп публикаций. К первой группе относятся цитируемые научные статьи, где человекоцентричность в принципе упоминается, что позволит выявить сначала объем понятия как класс явлений, им обозначаемых, а затем его содержание как признаки, по которым те или иные явления или процессы называются человекоцентричными. Во вторую, намного меньшую группу вошли научные работы, специально исследующие человекоцентричность и дающие различные варианты ее определений. Это работы, опираясь на которые, мы сможем дать формулировку и обоснование собственному определению данного понятия.

Объем понятия

Для начала мы выявим наиболее значимые случаи употребления понятия «человекоцентричность» в российском научном дискурсе и соотнесем их с предметными областями, где это употребление происходит. Таким образом мы сможем выявить своего рода группы или кластеры как смысловые области, где фигурирует человекоцентричность, и где исследователи чаще всего могут встретить упоминание этого понятия и неких стоящих за ним феноменов.

Итак, по данным наукометрической базы Elibrary на момент подготовки данной статьи (май-сентябрь 2026 г.) запрос по ключевому слову «человекоцентричность» с учетом морфологии дает результат в 315 статей в научных журналах. Из них 143 статьи были процитированы как минимум один раз и составили информационную базу данного исследования.

Первая публикация из Elibrary, содержащая термин «человекоцентричность», вышла в 2008 году, остальные публикации в российских изданиях начинают выходить после 2014 года, а наибольшее количество приходится на период 2019–2026 гг. Анализ 143 научных статей в российских журналах дает следующее распределение по тематическим категориям, касающееся именно употребления термина «человекоцентричность», а не тематик статей в целом:

- Государственное и муниципальное управление (25 источников).

Смежные и пересекающиеся темы:

- Журналистика и медиакоммуникации (3 источника);
- Устойчивое развитие (2 источника);
- Законодательные инициативы (4 источника);
- Человеческий потенциал в экономике (3 источника);
- Здравоохранение (5 источников);

- Управление организацией (5 источников). *Смежные и пересекающиеся темы:*

- Маркетинг (4 источника);
- Управление проектами (2 источника);
- Деловые переговоры (2 источника);
- Обучение персонала (3 источника);
- Клиентоцентричность (7 источников);
- Управление персоналом (3 источника);
- Организационная культура (9 источников);
- Управленческие компетенции руководителя (7 источников);

- Индустрия 5.0 (10 источников). *Смежные и пересекающиеся темы:*

- Дизайн-мышление (4 источника);
- Умные города (8 источников);
- Цифровые экосистемы (12 источников);

- Общечеловеческие ценности (11 источников);
- Образование (11 источников);
- Археология (1 источник);
- Библиотечное дело (1 источник);
- Литература (1 источник).

Соответственно, эти тематические категории в сумме дают объем понятия, представляя собой области, формирующие достаточно разнородный класс объектов, которые оно может обозначать.

Содержание понятия

Стоит отметить, что не во всех из рассмотренных статей в принципе содержатся какие-то пояснения, позволяющие определить содержание понятия «человекоцентричность». В ряде статей оно просто упоминается без дополнительных уточнений. Поэтому количество смысловых блоков будет в данном случае получено менее, чем из всей изначальной базы в 143 статьи и составит 64 единицы (Таблица 1).

Таблица 1

Смысловые блоки	Количество источников
Забота о человеке и его потребностях	25
Необходимость учитывать права и свободы человека	12
Постановка человека в центр процессов	12
Ориентация на нужды клиента	6
Совместная деятельность человека и роботов/механизмов (в рамках Индустрии 5.0)	5
Восприятие человека как творца	2
Правовой индивидуализм	2

Все эти смысловые блоки важны для определения понятия, так как именно они составляют искомое «видовое отличие» – то, чем человекоцентричные явления отличаются от всех прочих. И здесь мы видим три наиболее важных смысловых блока, которые так или иначе встречаются в большинстве источников: «Забота о человеке и его потребностях», «Необходимость учитывать права и свободы человека», «Постановка человека в центр процессов». Эти смысловые блоки мы, таким образом, полагаем необходимым учесть и в обобщенном определении человекоцентричности.

Кроме того, для формулировки определения мы обратились к публикациям, где с наибольшей вероятностью могут содержаться не только упоминания человекоцентричности, но и ее авторские определения и развернутое описание. Эти работы составили отдельную группу. Здесь мы также воспользовались базой Elibrary и при помощи поискового запроса на наличие термина «человекоцентричность» непосредственно в заглавии статей получили информацию о 46 статьях, полные тексты которых были доступны для анализа на момент подготовки нашего исследования.

Тем не менее 11 из этих статей определения человекоцентричности не содержат, несмотря на то что специально посвящены этому феномену. Таким образом, для анализа нам оказались доступны 35 статей, содержащих различные варианты определений интересующего нас термина. Надо сказать, что в ряде статей содержится не только единое определение, но и его уточнения для отдельно взятых сфер, которые исследуются в той или иной статье. В то же время в отдельных работах можно увидеть только частные, «отраслевые» определения человекоцентричности.

Из указанных работ 21 статья содержит обобщенные варианты определений человекоцентричности, которые можно применять ко всем или большей части социальных сфер, 14 статей содержат только специальные определения, в 1 статье можно увидеть два полноценных определения: обобщенное и частное. Частные определения касаются следующих сфер: деятельности государственных органов, работы организаций, сферы образования.

Прежде, чем обратиться к принципам, на которых мы построим собственное определение в этой статье, рассмотрим подробнее не только видовые отличия, но и род, согласно которому такое определение может быть сформулировано. Для этого приведем примеры некоторых определений из ранее рассмотренных источников, посвященных человекоцентричности непосредственно. В одном из них указывается, что «человекоцентричность – это парадигма социального взаимодействия, основанная на признании субъектности, ответственности и презумпции здоровья каждого участника системы» [9]. Еще одно рассматривает человекоцентричность как «концепцию, выходящую за рамки коммерческих отношений и акцентирующую внимание на человеческих ценностях» [15]. Наконец, согласно определению из более ранней работы одного из авторов данной статьи, «человекоцентричность – это социально-этический принцип приоритетной ценности Человека во всем многообразии его социальных ролей, при котором его ценности, интересы, права и благополучие являются безусловным приоритетом при принятии решений, а он сам выступает социально ответственным субъектом публичного взаимодействия [16]. Не отказываясь от этого определения, в данной статье мы, тем, не менее, уточним его в соответствие со всем, что было сказано в предыдущих разделах работы.

Однако мы привели все указанные определения, чтобы показать, что человекоцентричность может называться парадигмой, концепцией, принципом и еще много чем, что автоматически означает отнесение к различным родам. В этой связи мы отстаиваем своей понимание человекоцентричности именно как принципа, так как последний – это «исходное, не требующее доказательств положение», а также «внутреннее убеждение, неизменная позиция или правило поведения» [17], и поэтому может быть примерим к целому ряду объектов, процессов и иных явлений. Любые концепции, теории, парадигмы – это сложные, развернутые системы представлений, часто далеко не очевидные сами по себе и требующие специального обоснования. В то же время принципы – это фундамент, на котором такие системы могут быть построены. В этом смысле человекоцентричность, постулирующая ценность человека и заботы о нем – это как раз именно такая фундаментальная идея, принцип, который должен лечь в основу любых организационных взаимоотношений.

Человекоцентричность – обобщенное определение понятия

Понятие человекоцентричности оказывается сложносоставным и подразумевает для своего определения обращение сразу к нескольким другим понятиям, также, в свою очередь, требующим собственных определений, подходящих именно для рассматриваемого нами случая. Итак, мы выяснили, что в случае человекоцентричности подразумевают, что человек должен ставиться в центр процессов, при этом необходима забота о нем, должны учитываться его ценности, интересы и потребности. Эти мотивы встречаются в определениях наиболее часто. Однако значение каждого из них далеко не так очевидно, чтобы использовать их без специального пояснения, так как определять некое неизвестное понятие всегда следует через уже известные. В этой связи перед нами встает задача пояснить: 1) какие свойства и качества человека в данном случае имеются ввиду и считаются ключевыми; 2) в центр каких процессов и на каком основании этот человек должен быть поставлен; как именно его ценности, интересы и потребности должны стать предметом заботы.

Начнем с понятия «человек» как самого многомерного. Здесь мы, конечно, не будем углубляться в антропологическую или социально-философскую тематику, а только постараемся выделить те ключевые свойства и возможности человека, нужные именно для воплощения в жизнь принципа человекоцентричности. Здесь нужно вспомнить, что изначально человекоцентричность отделялась от клиентоцентричности и противопоставлялась последней [6]. То есть имплицитно обращалось внимание на те свойства человека, которые делают его не просто клиентом некой организации, а кем-то большим, в том числе и по отношению к ней. Клиент рассматривался как некий объект воздействия со стороны организации – его нужды и запросы необходимо было учитывать, а сам он принимал только очень небольшое количество решений, связанных со стремлением приобрести товары или получить услуги организации и возвратиться к ней в будущем. То есть, используя язык современных философии и психологии, субъектность [12] клиента была существенно ограничена, в том числе и относительно сотрудников организации, чья субъектность была существенно выше, так как они должны были придумывать все новые средства воздействия на клиента. Обратного же почти не предполагалось. Можно было говорить об ответственности сотрудника по отношению к клиенту, но редко наоборот.

В случае человекоцентричности подразумевалось, что взаимодействие между всеми его участниками является равноправным [14]. Подобное возможно, только если все они являются людьми с развитой субъектностью, предполагающей способность к рефлексии, критическому мышлению, свободному саморазвитию, сознательному принятию ответственности за свои действия [12]. Чтобы человекоцентричность осуществлялась, любой человек, которого она касается, должен быть не только объектом, но и субъектом (активным агентом) социальных взаимоотношений, сознательно принимающим на себя набор своих социальных ролей. Здесь можно было бы возразить, что социальные роли есть и у тех людей, которые не принимали их сознательно или же вообще могут быть недееспособными по разным причинам. Но в отношении этих индивидов, как мы полагаем, корректно как раз говорить о клиентоцентричности, когда их нужды стремятся учесть, они же не могут в полной мере (или вообще) ответить тем же.

При осуществлении принципа человекоцентричности должно иметь место не субъект-объектное, а всегда субъект-субъектное взаимодействие. Поэтому каждый из участников такого взаимодействия должен быть его целью для другого и одновременно источником, который его осуществляет. Именно это и стоит вкладывать в понимание того, что «человек находится в центре». Он может находиться в центре социального взаимодействия, будучи одновременно его источником и целью. Здесь можно провести аналогию с кантианским категорическим императивом, требующим относиться и к себе, и к другому всегда как к цели, а не средству. И это еще одно свидетельство в пользу того, что человекоцентричность – это именно социально-этический принцип, не ограниченный только организационными взаимодействиями, из требований которых он изначально вырос. Человекоцентричность может воплощать и развивать такой человек, который является полноправным субъектом, сознательно и свободно принимающим на себя комплекс социальных ролей и связанных с ними ожиданий и ответственности.

Несмотря на то, что человекоцентричность может относиться ко всему многообразию социальных ролей человека, в существующих работах чаще всего упоминаются именно организационные взаимоотношения, что неудивительно, так как именно они и породили изначально и само это понятие, и запрос на него. В указанной сфере основные социальные роли будут зависеть от направления деятельности организации [8; 10].

Таким образом, подводя итог этому разделу и уточняя наше раннее определение человекоцентричности, мы получаем следующее. *Человекоцентричность – это этический принцип взаимной заботы ответственных субъектов социального взаимодействия о ценности и потребностях человека во всем многообразии его социальных ролей, при котором его убеждения, интересы, права и благополучие являются безусловным приоритетом при принятии решений, а он сам выступает центром всех социальных процессов как их источник и цель.*

Заключение

Понятие человекоцентричности, как мы увидели, в течение последних примерно десяти лет все чаще применяется в научном дискурсе при рассмотрении сфер менеджмента, государственного управления и це-

лого ряда других областей. Его объем – это все многочисленные кластеры его употребления, когда некие явления из определенных научных сфер называются человекоцентричными. Это помогает понять охват этих сфер, сформировать потенциальный класс человекоцентричных явлений. Его содержание – это все то, что различные авторы понимают под этим понятием. При этом имеет место довольно непростая для исследований ситуация, когда понятие кажется настолько интуитивно ясным, что может даже специально не разъясняться и не определяться авторами, которые пишут о человекоцентричности. На практике это приводит к размыванию содержания. Чтобы избежать подобного, мы и предприняли все вышеописанные усилия по выявлению объема данного понятия, содержания, а также связи между первым и вторым, необходимой для того, чтобы сформулировать оптимальное определение. В качестве основания нами были использованы некоторые из уже существующих определений данного понятия, которые являются обобщенными, то есть включают в себя весь потенциальный класс человекоцентричных явлений. Мы выявили, что оптимальное определение должно включать в себя наиболее распространенные смысловые блоки: заботу о человеке, необходимость учитывать его права и свободы, постановку его в центр процессов.

Литература

1. Антонова Е.А., Ермакова Е.Д. (2025) Психологический подход к корпоративной политике от человекоцентричности к семейноцентричности // Вестник Академии знаний. № 2 (67). С. 895–899.

2. Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М. (2024) Совместная эволюция сообществ и их лидеров: восхождение к человекоцентричности // Вопросы психологии. Т. 70. № 5. С. 3–15.

3. Гаврутенко Т.В., Попова О.В., Казанцева И.А. (2025) Наставничество как путь к человекоцентричности развития социально-профессиональной ответственности молодого учителя // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. № 4 (49). С. 158–164.

4. Галеева А.Р. Человекоцентричность как ценность руководителя в системе государственного управления (2023) // Личность: ресурсы и потенциал. № 3 (19). С. 77–86.

5. Гальченко С.А., Сезонова О.Н., Ходыревская В.Н., Трубникова В.В., Рюмшин А.В. (2022) Человекоцентричность – необходимое условие экономики будущего // Лидерство и менеджмент. Т. 9. № 2. С. 309–322.

6. Гладченко Т.Н. (2025) Концепции клиентоцентричности и человекоцентричности в рамках теории спиральной динамики // Научный журнал «Менеджер». № 6 (112). С. 58–68.

7. Емельянов А.Д., Емельянова Д.С., Ключарев А.А. (2024) Человекоцентричность как основа стратегии конкурентоспособного развития компаний среднего бизнеса // Естественно-гуманитарные исследования. № 5 (55). С. 503–508.

8. Калашникова И.В., Несмеянов Д.В. (2025) Вопросы человекоцентричности культуры управления организацией // Дискурс. Т. 11. № 3. С. 67–78.

9. Ким Е.В., Беляева А.В. (общ. ред.) (2025) Атлас человекоцентричности: русская школа. Методологические основания, инструменты и практики применения человекоцентрированного под хода в России. М.: Издательство Института передовых исследований человека и общества, 104 с.

10. Куцевол Н.Г., Ибрагимова Г.М., Батыршин Г.Г. (2025) Подавление человекоцентричности в системе организационных отношений // Вестник евразийской науки. Т. 17. № S2. С. 1–10.

11. Лукашевич Н.С., Алексеева Н.С. (2025) Развитие подходов к системам мотивации трудовых коллективов в контексте цифровизации и человекоцентричности // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. № 2 (81). С. 133–142.

12. Малахова Е.В. (2023) Техногенная цивилизация: системный кризис мировоззрения и поиск новых ценностей. М.: Когито-Центр. 282 с.

13. Самольянов О.А. (2024) Принципы человекоцентричности в современной России: социально-философский анализ // Социально-гуманитарные знания. № 3. С. 214–218.

14. Самольянов О.А., Стрюк Г.Г. (2025) Содержание понятия "человекоцентричность" в управленческом дискурсе: результаты эмпирического исследования // Социально-гуманитарные знания. № 10. С. 467–471.

15. Слющенков К.В. (2025) Клиентоориентированность, клиентоцентричность и человекоцентричность: основные сходства и различия / В сборнике: Государственное регулирование социально-экономических процессов региона и муниципалитета: вызовы и ответы современности. Сборник научных трудов магистрантов и преподавателей. Челябинск, с. 164–168.

16. Соловьев В.А. (2025) Человекоцентричность в публичном управлении: научный дискурс и современные российские практики // Вопросы государственного и муниципального управления. № 4. С. 86–109.

17. Суворов О. В. (2010) Принцип / В книге: Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHd07841269cc1c42c74c0d0.

18. Cooley, Mike (1989). «Human-centred Systems». Designing Human-centred Technology. The Springer Series on Artificial Intelligence and Society. pp. 133–143. doi:10.1007/978-1-4471-1717-9_10.

19. Enang, E., Bashiri, M., & Jarvis, D. (2023). Exploring the transition from techno centric industry 4.0 towards value centric industry 5.0: a systematic literature review. International Journal of Production Research, 61(22), 7866–7902. https://doi.org/10.1080/00207543.2023.2221344.

20. Greif, L., Hauck, S., Elstermann, M., & Ovtcharova, J. (2025). A human-centric analysis of life cycle assessments: development and validation of a subject-oriented model. International Journal of Production Research, 1–26. https://doi.org/10.1080/00207543.2025.2494081.

21. Hasani, N., Hosseini, A., Ashjazadeh, Y., Diederichs, V., Ghotb, S., Riggio, M., … Nasir, V. (2025). Outlook on human-centred design in industry 5.0: towards mass customisation, personalisation, co-creation, and co-production. International Journal of Sustainable Engineering, 18(1). https://doi.org/10.1080/19397038.2025.2486343.

22. Plas J.M. (1996). Person centered leadership: An American approach to participatory management // Sage Publications. P. 59–60.

THE CONCEPT OF "HUMAN-CENTRICITY" IN CONTEMPORARY MANAGEMENT AND CONTROL DISCOURSE

Soloviev V.A., Malakhova E.V.
National Research University Higher School of Economics

Funding: This work is an output of project HSE-MS-2025–004 implemented at HSE University.

The subject of the research in this article is the concept of «human-centricity», which is increasingly used in management discourse and scientific works. However, its content is still very vague, and the many diverse definitions that exist do not add clarity. The purpose of the article is to clarify how the application of the concept we are interested in can be useful for scientific research in the management field. Research methods include: 1) identification of the scope of the concept as a class of phenomena designated by it through the analysis of scientific publications dealing with the topic of human-centricity; 2) clarification of the content of the concept through the analysis of related semantic blocks contained in scientific publications specifically investigating human-centricity. The research was based on scientific publications from the Elibrary scientific electronic library. As a result of the research, it was revealed that the largest part of the scope of the concept of «human-centricity» consists of phenomena from the spheres of public administration, management and related fields. The content of the concept allows it to be used for connection between the management of organizational systems and human collectives. Conclusions: the use of the concept of «human-centricity» is currently not only fully established in the management science, but also contributes to its development by identifying ways to integrate existing subject areas.

Keywords: human-centricity, content of the concept, scope of the concept, subjectness, management.

References

1. Antonova, E.A., Ermakova, E.D. (2025) A Psychological Approach to Corporate Policy from Human-Centricity to Family-Centricity. Herald of the Academy of Knowledge, 2 (67), 895–899 (in Russian).

2. Asmolov, A.G., Shekhter, E.D., Chernorizov, A.M. (2024) Sovmestnaya evolyutsiya soobshchestv i ikh liderov: voskhozhdenie k chelovekotsentrichnosti [The joint evolution of communities and their leaders: the ascent to human-centredness]. Voprosy Psychologii, 70 (5) 3–15 (in Russian).

3. Gavrutenko T.V., Popova O.V., Kazantseva I.A. (2025) Mentoring as a Way to Human-Centered Development of Young Teachers' Social and Professional Responsibility. Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya.4 (49). 58–164. (In Russian)

4. Galeeva A.R. (2023) Human-centredness as a value of a leader in the system of public administration. Personality: Resources and Potential. 3 (19). 77–86. (In Russian)

5. Galchenko S.A., Sezonova O.N., Khodyrevskaya V.N., Trubnikova V.V., Ryumshin A.V. (2022) Human–centricity as a necessary condition for the economy of the future. Liderstvo i menedzhment. 9. (2). 309–322. (In Russian) doi: 10.18334/lim.9.2.114587.

6. Gladchenko T. N. (2025) Client-centricity and human-centricity concepts within the framework of spiral dynamics theory. Scientific Journal "Manager", (6/112):58–68, (In Russian) doi.org/10.5281/zenodo.17284218.

7. Emelyanov, A.D., Emelyanova, D.S., Klyucharev, A.A. (2024) Human-centredness as the Basis of a Strategy for the Competitive Development of Medium-Sized Businesses. Natural and Humanitarian Studies. 5 (55), 503–508. (In Russian)

8. Kalashnikova, I.V., Nesmeyanov, D.V. (2025), Issues of Human-Centricity of the Organization's Management Culture, Discourse, 11 (3), 67–78. (In Russian) doi: 10.32603/2412-8562-2025-11-3-67-78.

9. Kim E. V., Belyaeva A.V. (eds.) (2025) Atlas chelovekocentrichnosti: russkaya shkola. Metodologicheskie osnovaniya, instrumenty i praktiki primeneniya chelovekocentrirovannogo pod hoda v Rossii [Atlas of Human-Centrism: The Russian School. Methodological Foundations, Tools and Practices of Applying a Human-Centered Approach in Russia] Moscow, Izdatel'stvo Instituta peredovyh issledovanij cheloveka i obshchestva, 104 p. (In Russian)

10. Kutsevol N.G., Nurtdinov A.R., Batyrshin G.G. (2025) Suppression of human-centricity in the system of organizational relations. The Eurasian Scientific Journal, 17(s2): 05FAVN225. (In Russian) Available at: https://esj.today/PDF/05FAVN225.pdf.

11. Lukashevich N. S., Alekseyeva N.S. (2025) Evolution of approaches to workforce motivation systems in the context of digitalization and human-centricity. Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya = Economy of the North-West: problems and prospects of development, 2(81):133–142. (In Russian) doi: 10.52897/2411-4588-2025-2-133-142.

12. Malakhova E.V. Tekhnogennaya civilizaciya: sistemnyj krizis mirovozzreniya i poisk novyh cennostej [Technogenic civilization: systemic crisis of worldview and search for new values], Moscow: Cogito-Centre, 2023. 282 p. (In Russian)

13. Samolyanov, O.A. (2024) Principles of human-centricity in modern Russia: social and philo-sophical analysis. Social and humanitarian knowledge, (3), 214–218. (In Russian).

14. Samolyanov O.A., Stryuk G.G. (2025) The content of the concept of 'human-centricity' in managerial discourse: results of an empirical study. Social and humanitarian knowledge, (10), 467–471. (In Russian)

15. Slyushchenkov K. (2025) Customer Orientation, Customer-Centricity and Human-Centricity: The Main Similarities and Differences / In the collection: State regulation of socio-economic processes of the region and municipality: challenges and responses of modern times. Collection of scientific works by master's students and lecturers. Chelyabinsk, 164–168. (In Russian)

16. Soloviev, V.A. (2025) Human-centricity in public administration: scientific discourse and contemporary Russian practice. Public Administration Issues, (4), pp. 86–109. (In Russian). doi:10.17323/1999-5431-2025-0-4-86-109.

17. Suvorov O.V. Principle / In: Novaya filosofskaya enciklopediya: v 4 t. [New Philosophical Encyclopedia: in 4 vols.] Moscow: Mysl, 2010. (In Russian) URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHd07841269cc1c42c74c0d0.

18. Cooley, Mike (1989). "Human-centred Systems". Designing Human-centred Technology. The Springer Series on Artificial Intelligence and Society. pp. 133–143. doi:10.1007/978-1-4471-1717-9_10.

19. Enang, E., Bashiri, M., & Jarvis, D. (2023). Exploring the transition from techno centric industry 4.0 towards value centric industry 5.0: a systematic literature review. International Journal of Production Research, 61(22), 7866–7902. https://doi.org/10.1080/00207543.2023.2221344.

20. Greif, L., Hauck, S., Elstermann, M., & Ovtcharova, J. (2025). A human-centric analysis of life cycle assessments: development and validation of a subject-oriented model. International Journal of Production Research, 1–26. https://doi.org/10.1080/00207543.2025.2494081.

21. Hasani, N., Hosseini, A., Ashjazadeh, Y., Diederichs, V., Ghotb, S., Riggio, M., Nasir, V. (2025). Outlook on human-centred design in industry 5.0: towards mass customisation, personalisation, co-creation, and co-production. International Journal of Sustainable Engineering, 18(1). https://doi.org/10.1080/19397038.2025.2486343.

22. Plas J.M. (1996). Person centered leadership: An American approach to participatory management // Sage Publications. P. 59–60.

Демонстрационный экзамен в педагогических вузах: интеграционный подход к аттестации выпускников профиля «Основы безопасности и защиты Родины»

Махонин Евгений Владимирович,
кандидат биологических наук, доцент, и.о. заведующий кафедрой, безопасности жизнедеятельности и методики обучения, ФГАОУ ВО Государственный университет просвещения,
E-mail: posarnay32@mail.ru

Актуальность исследования: обусловлена планируемым переходом с 2027–2028 учебного года на обязательную государственную итоговую аттестацию выпускников педагогических вузов исключительно в форме демонстрационного экзамена. В условиях реформирования предметной области «Основы безопасности и защиты Родины» (ОБЗР) и её разделения с 2026/27 учебного года на два самостоятельных курса – «Безопасность жизнедеятельности» и «Начальная военная подготовка» – проблема методического обеспечения аттестации приобретает особую остроту.

Проблема исследования заключается в отсутствии единой базы заданий для проведения демонстрационного экзамена по направлению подготовки «44.03.05 Педагогическое образование» (с двумя профилями подготовки), в том числе для предметной области «Основы безопасности и защиты Родины».

Цель исследования – обоснование необходимости разработки интеграционной модели оценочных средств для демонстрационного экзамена по профилю ОБЗР на основе анализа нормативно-правовой базы, обобщения опыта педагогических вузов и выявления институциональных разрывов между подготовкой, аттестацией и трудоустройством выпускников.

Методы исследования: анализ нормативной и научно-методической литературы, систематизация и обобщение педагогического опыта, сравнительный анализ моделей демонстрационного экзамена.

Практическая значимость: заключается в обосновании направления дальнейшей разработки оценочных материалов для демонстрационного экзамена, что может быть использовано педагогическими вузами при подготовке будущих учителей ОБЗР и формировании у них устойчивой гражданско-патриотической системы ценностей.

Ключевые слова: демонстрационный экзамен; государственная итоговая аттестация; педагогическое образование; основы безопасности и защиты Родины; интеграционный подход; банк заданий; компетентностный подход.

Введение

Трансформация системы высшего педагогического образования в России на рубеже 2020-х годов приобрела системный характер, затронув не только содержание подготовки, но и процедуры оценки профессиональной готовности выпускников. Ключевым направлением реформы становится поэтапный переход к демонстрационному экзамену как основной форме государственной итоговой аттестации. Данный переход закреплён целевыми показателями: в 2026 году – 60% выпускников педагогических вузов, в 2027–2028 годах – 100%.

Одновременно с этим разворачивается не менее значимая содержательная реформа школьного образования. С 1 сентября 2024 года предмет «Основы безопасности жизнедеятельности» был заменён на «Основы безопасности и защиты Родины», а с 2026/27 учебного года Минпросвещения РФ инициировало разделение ОБЗР на два обязательных курса: «Безопасность жизнедеятельности» и «Начальная военная подготовка». По данным министра просвещения Сергея Кравцова, на начальную военную подготовку теперь отводится 50% от общего объёма курса – 68 часов за четыре учебных года [1].

Сочетание двух реформ создаёт принципиально новую ситуацию для педагогических вузов: выпускник профиля ОБЗР должен не только продемонстрировать сформированность профессиональных компетенций в ходе демонстрационного экзамена, но и сделать это в условиях, когда содержание предметной области находится в стадии активного реформирования, а учебно-методическое обеспечение не успевает за нормативными изменениями.

Актуальность настоящего исследования усиливается данными о трудоустройстве выпускников педагогических вузов. По итогам 2025 года уровень трудоустройства составил около 85% – более 31 тысячи молодых специалистов нашли работу в первый год после выпуска [2]. Однако за этой благополучной статистикой скрывается структурная проблема: данные по отдельным профилям подготовки существенно различаются, а информация о трудоустройстве выпускников именно направления «Безопасность жизнедеятельности» остаётся фрагментарной.

Задачи исследования:

1. Проанализировать нормативно-правовую базу и научную литературу по вопросам организации демонстрационного экзамена в педагогических вузах.

2. Обобщить опыт педагогических вузов, внедривших демонстрационный экзамен по профилю «Безопасность жизнедеятельности».

3. Выявить институциональные противоречия между реформированием содержания ОБЗР и методическим обеспечением аттестации.

4. Обосновать необходимость разработки интеграционной модели оценочных средств для демонстрационного экзамена по профилю ОБЗР.

Теоретическую базу исследования составили труды Воронушкиной О.В., Каировой Л.А., Несыной С.В., Пирожниковой А.М., Русиновой М.П., Юговой Е.А., Фетисова А.С. и других авторов, а также нормативные документы Минпросвещения России [3, 4, 5, 6, 7, 8].

Теоретические основания интеграционного подхода

Интеграционный подход в педагогическом образовании традиционно рассматривается как способ преодоления дисциплинарной разобщённости, обеспечивающий синтез содержания различных предметных областей для формирования целостной профессиональной компетентности. В контексте подготовки будущих учителей ОБЗР интеграция приобретает многоуровневый характер.

Первый уровень – междисциплинарная интеграция внутри самой предметной области ОБЗР: синтез знаний из области безопасности жизнедеятельности, начальной военной подготовки, медицины катастроф, психологии экстремальных ситуаций, основ управления беспилотными летательными аппаратами. Как отмечается в исследованиях, интегративный подход позволяет реализовать междисциплинарные связи при интеграции знаний физики в содержание дисциплины «Безопасность жизнедеятельности», что свидетельствует о востребованности подобных моделей.

Второй уровень – интеграция педагогической и специальной подготовки: будущий учитель ОБЗР должен владеть не только содержа-

Работа выполнена в рамках реализации государственного задания в соответствии с приказом Минпросвещения России от 06 апреля 2026 г. № 238 «О включении в государственные задания на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов подведомственным Министерству просвещения Российской Федерации учреждениям работ по проведению прикладных и фундаментальных научных исследований и установлении объема их финансового обеспечения на 2026 год» Федеральным государственным образовательным автономным учреждением высшего образования «Государственный университет просвещения» (регистрационный номер 126052821349–9).

нием предмета, но и методикой его преподавания, включая формирование устойчивой гражданско-патриотической системы ценностей.

Третий уровень – институциональная интеграция, предполагающая установление системных связей между вузом, школой и работодателем на всех этапах: от разработки образовательной программы до трудоустройства и профессионального сопровождения выпускника. Именно этот уровень в наименьшей степени обеспечен методически и организационно.

Предлагаемая в настоящем исследовании интеграционная модель строится на принципе непрерывности профессиональной траектории: подготовка – демонстрационный экзамен – трудоустройство – закрепление в профессии. В отличие от традиционного подхода, рассматривающего каждый из этих этапов изолированно, интеграционная модель акцентирует внимание на переходах между ними и на тех разрывах, которые возникают на стыках.

Обсуждение и результаты

Нормативно-правовые основания демонстрационного экзамена

Анализ нормативных документов показывает, что методические рекомендации о проведении аттестации с использованием механизма демонстрационного экзамена были разработаны на основе Паспорта национального проекта «Образование», утверждённого президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам (протокол от 24 декабря 2018 г. № 16), и во исполнение пункта 2.1.1 Плана мероприятий по реализации федерального проекта «Молодые профессионалы (Повышение конкурентоспособности профессионального образования)» [6].

Однако указанный документ регламентирует обеспечение организации процедуры аттестации с использованием механизма демонстрационного экзамена при реализации основных профессиональных образовательных программ среднего профессионального образования. Для направлений высшего образования аналогичных рекомендаций на период до 2020 года обнаружено не было. Это создаёт ситуацию нормативной асимметрии: система СПО получила унифицированную модель демонстрационного экзамена значительно раньше, чем высшее педагогическое образование.

Опыт педагогических вузов: сравнительный анализ

Изучение научных публикаций и материалов вузов позволяет выделить несколько моделей демонстрационного экзамена, апробированных в российских педагогических университетах.

Модель на основе стандартов WorldSkills реализована в Забайкальском государственном университете. Пирожникова А.М. с соавторами раскрывают механизм проведения итоговой аттестации обучающихся по программам подготовки бакалавров педагогического образования, основанный на проверке конкретной компетенции со строгим перечнем оборудования и модульными критериями оценки.

Модель на основе ситуационных заданий и кейсов представлена в работах Фетисова А.С. с соавторами. Экзамен строится на основе проблемных задач, опирающихся на положения профессиональных стандартов [8]. Данная модель в большей степени соответствует природе педагогического труда, включающего коммуникативные, проектировочные и рефлексивные компоненты.

Смешанная модель апробирована в Уральском государственном педагогическом университете для направления «Физическая культура и безопасность жизнедеятельности». Русинова М.П. и Югова Е.А. описывают процедуру итоговой аттестации, сочетающую практико-ориентированные задания с элементами кейс-метода [7].

Отдельного внимания заслуживает опыт Томского государственного педагогического университета. В июне 2026 года на технолого-экономическом факультете ТГПУ состоялись первые государственные итоговые испытания в формате профессионального (демонстрационного) экзамена для выпускников, среди предметных областей которых были «Основы безопасности жизнедеятельности и защиты Родины». Выпускники представляли авторские разработки технологических карт проведения учебных занятий со школьниками, демонстрируя владение учебно-методическими средствами, современным оборудованием, ИКТ и инновационными технологическими приёмами. Экспертные комиссии включали работодателей – директоров школ и практикующих учителей-предметников. По итогам экзамена 55% выпускников уже были трудоустроены в системе образования Томска, Северска и Томского района.

В Амурском гуманитарно-педагогическом государственном университете (АмГПГУ) в 2025 году в рамках государственного задания Минпросвещения России реализовано прикладное научное исследование по теме «Организация и сопровождение демонстрационного экзамена по предмету «Основы безопасности и защиты Родины»». Проведена апробация процедуры профессионального экзамена студентов по профилю «Безопасность жизнедеятельности». Результаты анкетирования учителей, студентов и преподавателей вузов легли в основу рекомендаций по совершенствованию процедуры [9, 10].

В Набережночелнинском педуниверситете накоплен опыт пилотного внедрения демонстрационного экзамена по профилю «Безопасность жизнедеятельности» [11]. Участники круглого стола, организованного на базе АмГПГУ, пришли к единому мнению, что демонстрационный экзамен является эффективным инструментом объективной оценки сформированности профессиональных компетенций будущего учителя ОБЗР, повышает его конкурентоспособность на рынке труда и напрямую способствует повышению качества педагогического образования в области формирования культуры безопасности у школьников [10].

Существуют работы и практической направленности, так Воронушкина О.В. и Каирова Л.А. в своей работе «Критерии экспертизы заданий демонстрационного экзамена в педагогическом вузе» внимание уделили вопросу организации демонстрационного экзамена в педагогическом вузе через экспертизу экзаменационных материалов [3].

Институциональные разрывы: три ключевых противоречия

Проведённый анализ позволяет выделить три фундаментальных противоречия, требующих содержательного обсуждения в рамках интеграционного подхода.

Первое противоречие – рассогласование между декларируемым компетентностным подходом и реальным наполнением экзаменационных заданий. В одних вузах выпускник должен продемонстрировать узкопрофильную компетенцию в формате WorldSkills (например, провести учебную эвакуацию или оказать первую помощь по строгому алгоритму) [5], тогда как в других требуется решение широкой педагогической ситуации, включающей воспитательный и методический аспекты. Такая вариативность ставит под сомнение сопоставимость результатов аттестации выпускников одного направления подготовки.

Второе противоречие – временной разрыв между введением нового содержания предмета ОБЗР и методическим обеспечением демонстрационного экзамена. Несмотря на то, что переход на новую дисциплину планировался как «бесшовный», с введением новых учебников в 2025–2026 учебном году, на момент проведения исследования учебник по ОБЗР находился в стадии подготовки, а существующее методическое письмо Минпросвещения России от 28 августа 2026 г. № 03–1637 не содержало рекомендаций по оценке практических навыков выпускников. Это создаёт ситуацию, при которой экзаменационные материалы могут не отражать актуального содержания профессиональной деятельности учителя.

Третье противоречие касается статуса демонстрационного экзамена: с одной стороны, планируется его обязательность к 2027–2028 году, с другой – отсутствует нормативно закреплённая унифицированная модель для высшего образования, аналогичная той, что уже существует для системы СПО. Такое положение порождает риск формального подхода, когда вуз проводит «демонстрационный экзамен», но по сути использует традиционные оценочные процедуры.

Интеграция данных о трудоустройстве: контекстуализация профиля ОБЗР

Обратимся к вопросу, обозначенному в задачах исследования: какова связь между аттестацией и трудоустройством выпускников профиля ОБЗР?

На сегодняшний день статистические данные, о трудоустройстве выпускников направления «Безопасность жизнедеятельности» Государственного университета просвещения, достигли показателя в 75% за 2026 год.

Факультет безопасности жизнедеятельности ГУП является профильным структурным подразделением, готовящим специалистов для учреждений образования, детского отдыха и туризма, аналитических центров, силовых структур, органов местного и федерального управления. В 2026 году факультет осуществил выпуск бакалавров по направлению «Педагогическое образование» с профилями, включающими безопасность жизнедеятельности и основы применения беспилотных летательных аппаратов.

Показательно, что среди абитуриентов ГУП в 2026 году наибольший интерес вызвали именно направления, связанные с безопасностью жизнедеятельности и применением беспилотников, что свидетельствует о росте общественного запроса на подготовку специалистов в этой области. Это создаёт благоприятный контекст для трудоустройства выпускников, но не гарантирует его автоматически.

В отсутствие прямых данных по ГУП целесообразно обратиться к опыту других вузов. В Воронежском государственном педагогическом университете по итогам 2025 года выпускников направления «Безопасность жизнедеятельности и технология» составила 2 из 7 человек, а направления «Физическая культура и безопасность жизнедеятельности» – 8 из 23. Эти показатели существенно ниже, чем по гуманитарным направлениям, что может указывать на структурную особенность: выпускники профиля БЖ имеют более широкий спектр потенциальных мест трудоустройства (не только школы, но и структуры МЧС, силовые ведомства, охранные предприятия), что затрудняет учёт их занятости по образовательному профилю.

С другой стороны, опыт ТГПУ демонстрирует противоположную тенденцию: 55% выпускников, сдававших демонстрационный экзамен по профилю ОБЗР, были трудоустроены в систему образования уже на момент подведения итогов [12]. Это позволяет предположить, что интеграция работодателей в процедуру демонстрационного экзамена (включение директоров школ и практикующих учителей в состав экспертных комиссий) выступает значимым фактором, повышающим вероятность трудоустройства.

Интеграционная модель оценочных средств для профиля ОБЗР

На основании проведённого анализа предлагается интеграционная модель оценочных средств для демонстрационного экзамена по профилю ОБЗР, учитывающая выявленные противоречия и ориентированная на преодоление институциональных разрывов.

Структурно модель включает четыре взаимосвязанных компонента.

1. Содержательный компонент – предполагает разработку заданий на основе интеграции трёх предметных линий: безопасности жизнедеятельности, начальной военной подготовки и педагогической методики. Каждое задание должно моделировать реальную профессиональную ситуацию, требующую комплексного применения знаний и умений. Например, разработка и проведение фрагмента урока по теме «Действия при угрозе террористического акта» с использованием интерактивных методов обучения и последующей рефлексией.

2. Критериальный компонент – предусматривает единые критерии оценки, инвариантные для всех вузов, реализующих подготовку по профилю ОБЗР. Критерии должны охватывать: предметную компетентность (владение содержанием ОБЗР с учётом разделения на БЖ и НВП), методическую компетентность (умение проектировать учебное занятие), коммуникативную компетентность (взаимодействие с обучающимися), рефлексивную компетентность (самоанализ и корректировка профессиональной деятельности).

3. Организационный компонент – предполагает обязательное включение работодателей в экспертные комиссии и установление партнёрских связей между вузом и школами. Это не только повышает объективность оценки, но и создаёт механизм «мягкого» трудоустройства: выпускник, успешно прошедший демонстрационный экзамен в присутствии потенциального работодателя, получает преимущество при трудоустройстве.

4. Прогностический компонент – ориентирован на учёт перспективных изменений в содержании ОБЗР. В связи с разделением предмета на два курса с 2026/27 учебного года банк заданий должен предусматривать вариативность: задания по курсу «Безопасность жизнедеятельности» (формирование культуры безопасного поведения) и задания по курсу «Начальная военная подготовка» (формирование основ защиты государства и готовности к военной службе).

Сравнительный анализ моделей итоговой аттестации

Проведённый анализ позволяет систематизировать существующие подходы к реформированию государственной итоговой аттестации в педагогических вузах (Таблица 1).

Таблица 1. Модели государственной итоговой аттестации в педагогических вузах

Модель	Характеристика	Примеры внедрения	Интеграционный потенциал
Полноценная замена традиционного экзамена	Демонстрационный экзамен как самостоятельная форма ГИА	Педагогические вузы, выполняющие целевой показатель 60% в 2026 г. и 100% в 2027 г.	Высокий: позволяет оценить готовность к профессиональной деятельности в условиях, приближенных к реальным

Окончание

Модель	Характеристика	Примеры внедрения	Интеграционный потенциал
Интеграция с ВКР	Демонстрационный экзамен как часть защиты выпускной работы	Рекомендованная модель поэтапного перехода	Средний: требует дополнительной регламентации соотношения теоретической и практической частей
Альтернативные формы	Федеральный интернет-экзамен для выпускников бакалавриата (ФИЭБ)	Проводится в апреле 2026 года на базовых площадках по всей России	Низкий: не моделирует профессиональную деятельность, оценивает преимущественно когнитивный компонент

Анализ данных таблицы 1 показывает, что в научном сообществе сохраняется альтернативный взгляд на изменение традиционной государственной итоговой аттестации. Федеральный интернет-экзамен для выпускников бакалавриата представляет собой отдельную линию развития – добровольную независимую оценку, сертификаты которой учитываются при поступлении в магистратуру десятками вузов. Это свидетельствует о сохранении множественности форматов оценки компетенций выпускников.

В любом из вариантов сохраняется необходимость создания базы заданий для аттестации. Как бы ни развивалась ситуация в дальнейшем, каждая из моделей требует наличия фонда оценочных средств с учётом формирования устойчивой гражданско-патриотической системы ценностей.

Заключение

Проведённый анализ практик организации демонстрационного экзамена по направлению подготовки «44.03.05 Педагогическое образование» в педагогических вузах позволяет сделать следующие выводы.

Трансформация системы государственной итоговой аттестации обучающихся является объективной необходимостью, обусловленной как общими тенденциями развития профессионального образования, так и специфическими потребностями педагогической сферы. Демонстрационный экзамен из года в год доказывает свою эффективность как форма оценки профессиональных компетенций выпускников.

Однако на сегодняшний день отсутствует унифицированный подход к его проведению: различаются требования, содержание заданий и оценочные критерии. В контексте дисциплины «Основы безопасности и защиты Родины», пришедшей на смену курсу ОБЖ и претерпевает дальнейшую трансформацию через разделение на два самостоятельных курса, проблема отсутствия банка заданий стоит особенно остро.

Интеграционный подход позволяет преодолеть институциональные разрывы между подготовкой, аттестацией и трудоустройством выпускников. Предложенная модель оценочных средств, включающая содержательный, критериальный, организационный и прогностический компоненты, может стать основой для разработки единого банка заданий для демонстрационного экзамена по профилю ОБЗР.

Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой и апробацией такого банка заданий, а также с формированием унифицированных критериев оценки, что позволит обеспечить бесшовный переход на новую модель аттестации в педагогических вузах. Отдельного внимания требует вопрос о влиянии демонстрационного экзамена на трудоустройство выпускников профиля ОБЗР: накопление статистических данных по мере масштабирования процедуры позволит верифицировать гипотезу о том, что интеграция работодателей в аттестационные процедуры выступает значимым фактором повышения конкурентоспособности выпускников на рынке труда.

Литература

1. Минпросвещения РФ предложило с 2026/27 учебного года разделить предмет «Основы безопасности и защиты Родины» на два обязательных курса «Безопасность жизнедеятельности» и «Начальная военная подготовка» [Электронный ресурс]. // МПГУ. Официальный канал. – URL: https://t.me/s/mpgu_official/7340.

2. До 85% выпускников педвузов находят работу в первый год [Электронный ресурс]. // Коммерсантъ. – 2026. – URL: https://www.kommersant.ru/.

3. Воронушкина О.В., Каирова Л.А. Критерии экспертизы заданий демонстрационного экзамена в педагогическом вузе // МНКО. – 2023. –

№ 6 (103). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriterii-ekspertizy-zadaniy-demonstratsionnogo-ekzamena-v-pedagogicheskom-vuze.

4. Несына С.В. Демонстрационный экзамен в подготовке будущих педагогов // Образовательный вестник «Сознание». – 2019. – № 10. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/demonstratsionnyy-ekzamen-v-podgotovke-buduschih-pedagogov.

5. Пирожникова А.М., Овчинникова Е.И., Лысикова Т.С. Стандарты WorldSkills в подготовке бакалавров педагогического образования: демонстрационный экзамен в рамках итоговой аттестации // Педагогический ИМИДЖ. – 2022. – Т. 16, № 2 (55). – С. 178–192. – DOI: 10.32343/2409-5052-2022-16-2-178-192.

6. Распоряжение Минпросвещения России от 01.04.2019 № Р-42 (ред. от 01.04.2020) «Об утверждении методических рекомендаций о проведении аттестации с использованием механизма демонстрационного экзамена» [Электронный ресурс]. – №№ Р-42. – URL: https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-minprosveshchenija-rossii-ot-01042019-n-r-42-ob-utverzhdenii/.

7. Русинова М.П., Югова Е.А. Особенности проведения демонстрационного экзамена в педагогическом вузе // Современные проблемы науки и образования. – 2025. – № 1. – DOI: 10.17513/spno.33946. – URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=33946.

8. Фетисов А.С., Горбунова Н.В., Кудинова Ю.В. Демонстрационный экзамен в современной системе фондов оценочных средств в педагогическом университете // Вестник педагогических инноваций. – 2024. – № 1 (73). – С. 46–55. – DOI: 10.15293/1812-9463.2401.04.

9. Чернявская Н.М. Демонстрационный (профессиональный) экзамен как форма государственной итоговой аттестации студентов по профилю «Основы безопасности и защиты Родины» // Мир педагогики и психологии: международный научно-практический журнал. – 2025. – № 08 (109). – URL: https://scipress.ru/pedagogy/articles/demonstratsionnyj-professionalnyj-ekzamen-kak-forma-gosudarstvennoj-itogovoj-attestatsii-studentov-po-profilyu-osnovy-bezopasnosti-i-zashhity-rodiny.html.

10. Круглый стол «Проблемы и перспективы использования демонстрационного (профессионального) экзамена как формы промежуточной и итоговой аттестации студентов педагогического образования по профилю «Безопасность жизнедеятельности»» [Электронный ресурс]. // АмГПГ У. – 2025. – URL: https://212.109.214.200/news/107308466/.

11. Набережночелнинский педуниверситет – участник круглого стола [Электронный ресурс]. // Набережночелнинский государственный педагогический университет. – 2025. – URL: https://tatngpi.ru/about_the_university/news/10066/.

12. Высокая степень готовности выпускников ТЭФ к профессиональной деятельности подтвердилась результатами демонстрационного экзамена [Электронный ресурс]. // ТГПУ. – 2026. – URL: https://tspu.ru/tef/news/94535/.

DEMONSTRATION EXAM IN PEDAGOGICAL UNIVERSITIES: AN INTEGRATIVE APPROACH TO THE ASSESSMENT OF GRADUATES IN THE PROFILE ‘FUNDAMENTALS OF SECURITY AND PROTECTION OF THE MOTHERLAND’

Makhonin E.V.
State University of Education

Research Relevance: The study is driven by the planned transition from the 2027–2028 academic year to mandatory state final certification of pedagogical university graduates exclusively in the form of a demonstration exam. Given the reform of the subject area ‘Fundamentals of Security and Protection of the Motherland’ (FSPM) and its division from the 2026/27 academic year into two independent courses – ‘Life Safety’ and ‘Initial Military Training’ – the problem of methodological support for certification becomes particularly acute. Research Problem: The lack of a unified task database for conducting demonstration exams in the field of study ‘44.03.05 Pedagogical Education’ (with two specialization profiles), including for the subject area ‘Fundamentals of Security and Protection of the Motherland’. Research Objective: To substantiate the necessity of developing an integrative model of assessment tools for the demonstration exam in the FSPM profile based on the analysis of regulatory and legal frameworks, generalization of pedagogical university experience, and identification of institutional gaps between graduate preparation, certification, and employment. Research Methods: Analysis of regulatory and scientific-methodological literature, systematization and generalization of pedagogical experience, comparative analysis of demonstration exam models. Practical Significance: Justification of the direction for further development of assessment materials for the demonstration exam, which can be used by pedagogical universities in preparing future FSPM teachers and forming in them a sustainable civic-patriotic system of values.

Keywords: demonstration exam; state final certification; pedagogical education; fundamentals of security and protection of the motherland; integrative approach; task bank; competency-based approach

References

1. [The Russian Ministry of Education proposed dividing the subject ‘Fundamentals of Safety and Homeland Defense’ into two mandatory courses ‘Life Safety and Health’ and ‘Initial Military Training’ starting from the 2026/27 academic year] [Elektronnyj resurs]. // MPGU. Ofitsial’nyj kanal. – URL: https://t.me/s/mpgu_official/7340 (In Russian).

2. [Up to 85% of pedagogical university graduates find employment in the first year] [Elektronnyj resurs]. // Kommersant«. – 2026. – URL: https://www.kommersant.ru/ (In Russian).

3. Voronushkina O.V., Kairova L.A. [Criteria for expert evaluation of demonstration exam tasks in a pedagogical university] // MNKO. – 2023. – No. 6 (103). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriterii-ekspertizy-zadaniy-demonstratsionnogo-ekzamena-v-pedagogicheskom-vuze (In Russian).

4. Nesyna S.V. [Demonstration exam in the preparation of future teachers] // Obrazovatel’nyj vestnik «Soznanie». – 2019. – No. 10. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/demonstratsionnyy-ekzamen-v-podgotovke-buduschih-pedagogov (In Russian).

5. Pirozhnikova A.M., Ovchinnikova E.I., Lysikova T.S. [WorldSkills standards in the preparation of bachelor’s degree students in pedagogical education: demonstration exam as part of final state examination] // Pedagogicheskij IMIDZh. – 2022. – Vol. 16, No. 2 (55). – S. 178–192. – DOI: 10.32343/2409-5052-2022-16-2-178-192 (In Russian).

6. [Order of the Russian Ministry of Education dated 01.04.2019 No. R-42 (as amended on 01.04.2020) ‘On approval of methodological recommendations for conducting certification using the demonstration exam mechanism’] [Elektronnyj resurs]. – №№ R-42. – URL: https://legalacts.ru/doc/rasporjazhenie-minprosveshchenija-rossii-ot-01042019-n-r-42-ob-utverzhdenii/ (In Russian).

7. Rusinova M.P., Yugova E.A. [Features of conducting a demonstration exam in a pedagogical university] // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. – 2025. – No. 1. – DOI: 10.17513/spno.33946. – URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=33946 (In Russian).

8. Fetisov A.S., Gorbunova N.V., Kudinova Yu. V. [Demonstration exam in the modern system of assessment tools in a pedagogical university] // Vestnik pedagogicheskikh innovatsij. – 2024. – No. 1 (73). – S. 46–55. – DOI: 10.15293/1812-9463.2401.04 (In Russian).

9. Chernyavskaya N.M. [Demonstration (professional) exam as a form of state final certification of students in the profile ‘Fundamentals of Safety and Homeland Defense’] // Mir pedagogiki i psikhologii: mezhdunarodnyj nauchno-prakticheskij zhurnal. – 2025. – No. 08 (109). – URL: https://scipress.ru/pedagogy/articles/demonstratsionnyj-professionalnyj-ekzamen-kak-forma-gosudarstvennoj-itogovoj-attestatsii-studentov-po-profilyu-osnovy-bezopasnosti-i-zashhity-rodiny.html (In Russian).

10. [Round table discussion ‘Problems and prospects for using demonstration (professional) exams as a form of intermediate and final certification of students in pedagogical education in the profile of Life Safety and Health’] [Elektronnyj resurs]. // AmGPG U. – 2025. – URL: https://212.109.214.200/news/107308466/ (In Russian).

11. [Naberezhnye Chelny Pedagogical University as a participant in the round table discussion] [Elektronnyj resurs]. // Naberezhnochelninskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet. – 2025. – URL: https://tatngpi.ru/about_the_university/news/10066/ (In Russian).

12. [High level of readiness of TEF graduates for professional activities was confirmed by the results of the demonstration exam] [Elektronnyj resurs]. // TGPU. – 2026. – URL: https://tspu.ru/tef/news/94535/ (In Russian).

Факторы социального самочувствия студентов с инвалидностью в условиях инклюзивного образовательного пространства вуза

Мельникова Мария Сергеевна,
старший преподаватель кафедры социальной работы и социальной антропологии, Новосибирский государственный технический университет
E-mail: metill@yandex.ru

Статья посвящена анализу факторов оказывающих влияние на социальное самочувствие студентов с инвалидностью при получении профессионального образования в инклюзивных образовательных организациях высшего образования. В работе рассматриваются факторы социального самочувствия студентов с инвалидностью в двух полярных плоскостях внешнего/внутреннего контура и личностной/фактической оценки. Эмпирическая база исследования включает результаты опроса студентов с инвалидностью Сибирского федерального округа. Анализ полученных данных позволил определить группы факторов, оказывающих наибольшее влияние на социальное самочувствие студентов с инвалидностью при получении профессионального образования в условиях инклюзивного образовательного пространства.

Ключевые слова: социальное самочувствие студентов с инвалидностью, факторы социального самочувствия, образовательные потребности студентов с инвалидностью, образовательные потребности инвалидов.

Изучение вопроса социального самочувствия студентов с инвалидностью невозможно без конкретизации и оценки факторного влияния на исследуемый феномен. Поскольку социальное самочувствия представляет собой процесс, имеющий высокую динамику, важно выявить и систематизировать существующие факторы. Оценка факторов, оказывающих влияние н социальное самочувствие позволяет анализировать положение студента с инвалидностью в образовательной организации, планировать и проектировать мероприятия по улучшению социального самочувствия студента с инвалидностью в инклюзивном образовательном пространстве.

В социологических теоретических и прикладных исследованиях вопрос о факторах, оказывающих влияние на социальное самочувствие социальных субъектов и различных социальных групп, поднимался неоднократно. В концепции Ж.Т. Тощенко социальное самочувствие является основополагающим элементом социального настроения и формируется под воздействием экономических, социальных и личностных факторов. Социальное самочувствие формируется под воздействием восприятия и оценки внешних условий и собственного положения в этих условиях, что находит отражение в настроении [1].

Л.Е. Петрова исследуя факторы, оказывающие влияние на социальное самочувствие, разделяет их на две группы: объективные и субъективные, к которым относит уровень социально-экономического и пространственного развития региона, образование, возраст, сферу занятости субъекта [2].

Подробное описание факторов социального самочувствия представляют Л.Н. Курышова и М.В. Федосеева, выделяя четыре группы факторов: витальные, профессиональные, социальные и личностные [3].

Изучая специфику социального самочувствия молодежи, как особой социальной группы Р.И. Зинурова и Ф.Ф. Фатыхова среди факторов социального самочувствия молодежи рассматривают «достижительские» характеристики молодого человека, факторы, характеризующие идентификационную стратегию человека и его активность, факторы жизненного цикла, аскриптивные характеристики и среду выхода [4, с. 250].

В качестве факторов, определяющих социальное самочувствие молодых людей В.П. Щербакова отмечает реакцию молодых людей на социальные процессы в политической, экономической и социальных сферах [5, с. 228].

На основании теоретического анализа представляется возможным выделить структуру факторов, оказывающих влияние на социальное самочувствие студентов с инвалидностью, обучающихся в условиях инклюзивного образовательного пространства вуза с учетом двух полярных векторов внешние/внутренние и личностные/фактические оценки.

Внешние фактические оценки как группа факторов связаны с объективной внешней реальностью студента с инвалидность и инклюзивным образовательным пространством вуза. К ним относятся: условия инклюзивного образовательного пространства, готовность профессорско-преподавательского состава и учебно-вспомогательного персонала к работе со студентами с инвалидностью, организация инклюзивного образовательного процесса.

Внутренние фактические оценки факторов связаны с самореализацией студента с инвалидностью и возможностью ее объективной оценки, поскольку активность студента в различных сфера жизни в университете создает ощущение успешности, достижения целей, удовлетворенности потребностей и благоприятно влияет на социальное самочувствие.

Внешние личностные факторы связаны с субъективным восприятием процессов коммуникации как внутри инклюзивной образовательной организации, так и за ее пределами. К данной группе факторов относятся: состояние общей инклюзивной культуры в обществе, характеристики инклюзивной корпоративной культуры университета, социально-психологический климат инклюзивной студенческой группы.

Внутренние личностные факторы связаны с личностными особенностями самого студента с инвалидностью.

Особенности эмпирического исследования

Для исследования и оценки факторов социального самочувствия студентов с инвалидностью был разработан авторский инструментарий, позволяющий одновременно оценить уровень социального самочувствия студентов с инвалидностью в условиях инклюзивного образовательного пространства и влияние четырех групп факторов на социальное самочувствие в текущем моменте. Исследование проводилось в онлайн, на платформе questionstar.ru, в нем приняли участие 352 студента с инвалидностью, обучающиеся в 15 университетах Сибирского федерального округа. Для участия в исследовании университеты отбирались с учетом количества обучающихся с инвалидностью n>100.

Анализ результатов исследования

По результатам исследования (n = 352) зафиксировано следующее распределение по уровню социального самочувствия студентов с инвалидностью: 58,2% респондентов имеют благоприятное социальное самочувствие; 39,2% находятся в зоне риска; около 3% – в критической зоне. Далее были рассчитаны коэффициенты корреляции для выявления наиболее значимых факторов социального самочувствия студентов с инвалидностью в образовательном пространстве вуза в соответствии с предложенной типологией.

Первая группа факторов – внутренние фактически, связанные с самореализацией студента с инвалидностью и возможностью ее офактической оценки. Поскольку именно активность студента с инвалидностью создает ощущение успешности, достижения целей, удовлетворения потребностей и благоприятно влияет на социальное самочувствие нами была проанализирована связь социального самочувствия и самореализации студентов в различных видах учебной и внеучебной деятельности в период получения профессионального образования. Основная учебная деятельность и успешность ее реализации имеет коэффициент корреляции Спирмена с значениями индекса социального самочувствия равный r = 0,6. Среди различных видов внеучебной активности студентов с инвалидностью в инклюзивном образовательном пространстве университета наибольшие значения коэффициентов корреляции имеют: научная активность – r = 0,48; творческая активность – r =0,43; спортивная активность – r = 0,42; проектная активность – r = 0,4. Мы видим, что в большой степени на социальное самочувствие студентов с инвалидностью влияет успешность освоения образовательной программы, возможность заниматься научно-техническим и проектным творчеством и возможность участия в спортивной и культурной жизни образовательной организации.

Внутренние личностные факторы, оказывающие влияние на социальное самочувствие студента с инвалидностью, связанные с личностными особенностями самого студента с инвалидностью. Оценивая структуру мотивации студентов с инвалидностью при поступлении в университет из предложенных мотивов большие значения коэффициента корреляции Спирмена получили мотивы общения с преподавателями, учеными r =0,67, возможность общения с другими студентами и расширение социальных связей r= 0,64, самореализации через обучение на интересной специальности r = 0,62, самореализации через академическую мобильность r = 0,52. В данной группе факторов важное значение имеет индикатор оценки своих планов на будущее и жизненной стратегии студента с инвалидностью, отражая зависимость социального самочувствия и определенности будущего – коэффициент корреляции данного индикатора и индекса социального самочувствия r=0,6.

Следующая группа факторов – внешние фактические. Данная группа факторов связана с объективной внешней реальностью для студента с инвалидностью в условиях инклюзивного образовательного пространства вуза. Оценки условий инклюзивного образовательного пространства (архитектурная доступность, организация доступного социально-психологическое сопровождения, наличие необходимого ассистивного оборудования) имеют одни из самых низких корреляций (из всех критериев) с социальным самочувствием – коэффициент корреляции Спирмена с значениями индекса социального самочувствия r=0,3.

Индикатор готовности профессорско-преподавательского состава и учебно-вспомогательного персонала вуза к работе со студентом с инвалидностью имеет одно из самых высоких значений коэффициента корреляции – r= 0,6, иллюстрируя значимость микроклимата образовательной организации для удовлетворительного социального самочувствия.

Далее были проанализированы внешние личностные факторы, оказывающие влияние на социальное самочувствие студента с инвалидностью, связаны с субъективным восприятием процессов коммуникации как внутри инклюзивной образовательной организации, так и за ее пределами (но в векторе получения высшего образования). Здесь мы видим, что оценка социально-психологического климата в инклюзивной студенческой группе имеет коэффициент корреляции – r=0,55. Индикатор «конфликтные ситуации и способы их разрешения в процессе обучения» имеет коэффициент корреляции со значениями индекса социального самочувствия r=0,6. Чем мягче и быстрее разрешаются конфликты, тем выше значения социального самочувствия, при этом количество конфликтов не имеет значения.

По результатам исследования наибольшее влияние на социальное самочувствие студентов с инвалидностью оказывают две группы факторов: внутренние фактические и внешние личностные факторы. Измерения внутренних фактических индикаторов влияющих на социальное самочувствие студентов с инвалидностью связаны с самореализацией студента с инвалидностью и возможностью ее объективной оценки. Внешние личностные факторы, оказывающие влияние на социальное самочувствие в рамках исследования, были раскрыты через положительное восприятие своей студенческой группы, отсутствие конфликтов, поддержку со стороны одногруппников. Так же фиксируется, что при положительном социальном самочувствии студенты с инвалидностью имеют широкий круг социальных контактов, которые сохраняются после окончании университета. Отдельным блоком в рамках данной группы факторов и значимым фактором являются отношения и поддержка преподавателей на эта получения высшего образования.

Предложенная методика исследования факторов социального самочувствия студентов с инвалидностью позволяет планировать векторы социальной поддержки студентов с инвалидностью, конкретизировать социальное сопровождение, развивать инклюзивную корпоративную культуру и создавать новые возможности включения студентов с инвалидностью в учебную и внеучебную деятельность в инклюзивном образовательном пространстве.

Литература

1. Тощенко Ж.Т. Социальное настроение – феномен современной социологической теории и практики // Социологические исследования. – 1998. –№ 1. – С. 21–34.
2. Петрова Л.Е. Социальное самочувствие молодежи //Социс. 2000–12– С. 50–55 URL: https://www.isras.ru/socis_2000_12.html (дата обращения: 30.07.2025).
3. Курышова Любовь Николаевна, Федосеева Марина Витальевна Факторы социального самочувствия населения региона // Огарёв-Online. 2020. № 9 (146). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/faktory-sotsialnogo-samochuvstviya-naseleniya-regiona (дата обращения: 30.07.2025).
4. Зинурова Р.И., Фатыхова Ф.Ф. Индикаторы, репрезентирующие содержание социального самочувствия, // Вестник Казанского технологического университета. 2011. № 20. С. 245–251.
5. Щербакова В.П. Социальное самочувствие молодежи –интегральный показатель ее адаптации к общественным переменам в России // Известия ТулГ У. Гуманитарные науки. 2011. № 3–1. С. 221–232

FACTORS AFFECTING THE SOCIAL WELL-BEING OF STUDENTS WITH DISABILITIES IN THE CONTEXT OF AN INCLUSIVE EDUCATIONAL SPACE AT A UNIVERSITY

Melnikova M.S.
Novosibirsk State Technical University

The article is devoted to the analysis of factors influencing the social well-being of students with disabilities while obtaining professional education in inclusive higher education institutions. The paper examines the factors affecting the social well-being of students with disabilities in two polar dimensions: the external/internal framework and the personal/actual assessment. The empirical base of the study includes the results of a survey of students with disabilities in the Siberian Federal District. The analysis of the data obtained made it possible to identify groups of factors that have the greatest impact on the social well-being of students with disabilities when obtaining professional education in an inclusive educational environment.

Keywords: social well-being of students with disabilities, factors of social well-being, educational needs of students.

References

1. Toshchenko Zh.T. Social mood – a phenomenon of modern sociological theory and practice // Sociological Studies. – 1998. – No. 1. – Pp. 21–34.
2. Petrova L.E. Social well-being of young people //Sotsis. 2000–12– Pp. 50–55 URL: https://www.isras.ru/socis_2000_12.html (date of reference: 07/30/2025).
3. Kuryshova Lyubov Nikolaevna, Fedoseeva Marina Vitalievna Factors of social well-being of the population of the region // Ogarev-Online. 2020. № 9 (146). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/faktory-sotsialnogo-samochuvstviya-naseleniya-regiona (date of reference: 07/30/2025).
4. Zinurova R.I., Fatykhova F.F. Indicators representing the content of social well-being, // Bulletin of Kazan Technological University. 2011. No. 20. Pp. 245–251.
5. Shcherbakova V.P. Social well-being of young people as an integral indicator of their adaptation to social changes in Russia // Izvestia of Tula State University. Humanities. 2011. No. 3–1. Pp. 221–232.

Доступ к спортивной инфраструктуре университета как фактор социальной стратификации молодежи

Николаев Игорь Валерьевич,
старший преподаватель кафедры «Физическое воспитание», ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: IVNikolaev@fa.ru

Клещева Татьяна Васильевна,
старший преподаватель кафедры «Физическое воспитание», ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: tklesheva@fa.ru

Сеть объектов для занятий физической культурой распределена между учащимися неравномерно, вследствие чего университетская среда одновременно смягчает исходные различия жизненных шансов и порождает собственные линии размежевания внутри студенчества. В работе выделены четыре канала неравенства доступа к спортивным объектам высшей школы, разграничены физическая, экономическая, временная и символическая формы недоступности, а также обоснована двухконтурная модель, в которой университетский контур противопоставлен рыночному. Измерительное ядро образуют коэффициент депривации доступа $K_д$, коэффициент институционального выравнивания $K_в$ и коэффициент соотношения барьеров $K_б$. Расчеты выполнены по открытым данным Федеральной службы государственной статистики о наличии мест для занятий и по материалам мониторинговых опросов общественного мнения. Полученные оценки показывают, что возрастная группа периода обучения лишена доступа существенно реже совокупности опрошенных, тогда как барьеры, связанные с распорядком дня и личной организованностью, называются респондентами кратно чаще, чем отсутствие объектов вблизи места проживания. Отсюда следует, что университет выполняет функцию выравнивания стартовых возможностей, однако выравнивание останавливается на пороге физической доступности и не распространяется на время, деньги и репутационные ограничения выбора. Практическая значимость определяется применимостью инструментария при распределении вузовской спортивной базы между факультетами, категориями обучающихся и формами занятий.

Ключевые слова: социальная стратификация, жизненные шансы, спортивная инфраструктура университета, доступность объектов, неравенство, студенчество, депривация доступа, институциональное выравнивание, барьеры участия, социология физической культуры.

Введение

Отраслевые документы стратегического планирования связывают достижение национального ориентира вовлеченности населения в занятия с опережающим развитием сети спортивных объектов и обеспечением шаговой доступности [1], [2]. Применительно к высшей школе задача приобретает дополнительное измерение, поскольку университет располагает собственной материальной базой и распределяет ее между обучающимися по правилам, которые устанавливает самостоятельно. Именно в этом распределении обнаруживается социологический сюжет, так как одни группы студентов получают тренировочное время бесплатно и в удобные часы, другие вытесняются на коммерческий рынок фитнес-услуг, а третьи выбывают из занятий полностью. Законодательство относит создание условий для занятий обучающихся к обязанностям образовательной организации [3], однако мера фактического выполнения обязанности различается между вузами и внутри вуза.

Теоретическую рамку исследования задают концепция жизненных шансов М. Вебера [4] и теория форм капитала П. Бурдьё, распространенная им на область спорта в программной статье и в работе о связи занятий с классовыми различиями [5], [6]. Л.И. Лубышева рассматривает физкультурно-спортивную среду учебного заведения как ресурс развития личности обучающегося [7], а Ф.И. Аржаев, Д.Е. Морковкин и Ю.А. Симагин фиксируют устойчивость территориальных диспропорций, воспроизводящих неравенство стартовых условий молодежи [8], [9]. П.Р. Милтон с соавторами показал связь пользования рекреационной базой кампуса с удержанием студентов в образовательной организации [10], Р.М. Феррейра Силва с соавторами систематизировал барьеры участия в занятиях [11], а З. Гао с соавторами раскрыл роль сетевых ресурсов сообщества в поддержании активности [12]. Однако вопрос о том, в какой мере университетская база выравнивает исходные различия и где выравнивание останавливается, в научной литературе поставлен фрагментарно.

Объектом исследования служит спортивная инфраструктура образовательных организаций высшего образования.

Предмет исследования – каналы неравенства доступа обучающихся к спортивным объектам и стратификационные эффекты такого неравенства.

Цель исследования состоит в выявлении форм недоступности спортивной базы для студенчества и разработка измеримого инструментария оценки выравнивающей роли университетского контура занятий.

Научная новизна исследования состоит в разграничении физической, экономической, временной и символической форм недоступности спортивных объектов, в обосновании двухконтурной модели доступа и в конструировании измерительного ядра из трех коэффициентов, опирающихся на выборочные обследования населения.

Практическая значимость определяется применимостью результатов при распределении вузовской спортивной базы между факультетами, категориями обучающихся и формами занятий, а также при обосновании заявок на развитие материальной базы.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили стратификационный подход, теория форм капитала и приемы формализованного анализа, включая расчет доли депривированных групп, сопоставление возрастных когорт по уровню лишения доступа и соотнесение частот называемых респондентами барьеров. Обращение к возрастному разрезу обусловлено тем, что группа двадцати – двадцати четырех лет практически совпадает с периодом получения высшего образования, вследствие чего сопоставление ее с совокупностью опрошенных позволяет оценить вклад образовательной среды в выравнивание условий.

Информационную базу образуют открытые данные Федеральной службы государственной статистики о наличии мест для занятий физической культурой и спортом, полученные путем опроса населения разных возрастных категорий [13], материалы мониторинговых опросов общественного мнения о причинах отказа от занятий [14], требования образовательных стандартов высшего образования к условиям реали-

зации дисциплин физической культуры и спорта [15], а также опубликованные результаты анкетирования обучающихся [16].

Результаты и обсуждение

Неравенство участия в занятиях объясняется в литературе тремя способами, различающимися тем, что принимается за исходный ресурс. Сопоставление приведено в таблице 1.

Таблица 1. Объяснения неравенства участия в занятиях физической культурой

Объяснение	Представители	Исходный ресурс участия	Ограничение объяснения	Применение к университетской базе
Жизненные шансы статусных групп	М. Вебер	Положение в распределении благ, задающее доступные человеку возможности	Разработано до появления массовых образовательных организаций	Объясняет различие возможностей поступающих из разных семей
Формы капитала и их конвертация	П. Бурдьё	Совокупность экономических и культурных ресурсов, обращаемых в практику занятий	Не разбирает случай бесплатного институционального доступа	Объясняет вытеснение части студенчества на коммерческий рынок
Барьеры участия обучающихся	Р. М. Феррейра Силва с соавторами	Совокупность препятствий, называемых самими занимающимися	Перечисляет препятствия, не выстраивая их в иерархию	Дает наблюдаемые признаки для внутривузовского обследования

Источник: составлено авторами.

Первые два объяснения указывают на ресурсы, приносимые человеком извне, третье собирает препятствия, возникающие уже внутри образовательной среды. Ни одно из них не разбирает случай, когда объект имеется и доступ к нему бесплатен, а участия все равно нет, между тем именно такой случай для университета типичен. Разбор условий, разделяющих наличие объекта и возможность им воспользоваться, приведен в таблице 2.

Таблица 2. Формы недоступности спортивных объектов для обучающихся и каналы воспроизводства неравенства

Форма недоступности	Содержание ограничения	Канал воспроизводства неравенства	Группа обучающихся, испытывающая ограничение сильнее прочих
Физическая	Отсутствие объекта либо удаленность его от учебных корпусов и общежития	Территориальное размещение имущественного комплекса университета	Обучающиеся филиалов и корпусов, лишенных собственного зала
Экономическая	Платный характер востребованных форматов занятий и стоимость экипировки	Различие материального положения семей	Иногородние обучающиеся, живущие на стипендию и подработку
Временная	Совпадение свободных часов работы зала с учебной нагрузкой либо занятостью	Распорядок дня, задаваемый расписанием и трудоустройством	Старшекурсники, совмещающие обучение с работой
Символическая	Восприятие зала как пространства подготовленных и опасение оценки со стороны сверстников	Репутационная иерархия видов занятий внутри студенческого сообщества	Обучающиеся с низкой исходной подготовленностью

Источник: составлено авторами.

Приведенное в таблице 2 разграничение показывает, что расширение сети объектов снимает только первую форму ограничения, а три остальные сохраняются при любой обеспеченности залами. Соотношение университетского и рыночного способов удовлетворения потребности в занятиях раскрыто на рисунке 1.

Изображенная на рисунке 1 модель поясняет, почему обеспеченность объектами и вовлеченность в занятия расходятся между собой. Университетский контур работает как механизм выравнивания, поскольку условием входа в него служит статус обучающегося, а не платежеспособность; рыночный контур, напротив, воспроизводит имущественную дифференциацию напрямую. Проверка выравнивающей роли образовательной среды опирается на сопоставление возрастных групп по уровню лишения доступа, приведенное в таблице 3.

Рис. 1. Двухконтурная модель доступа студенчества к занятиям физической культурой

Источник: составлено авторами.

Таблица 3. Распространенность лишения доступа к местам для занятий физической культурой и спортом по возрастным группам населения Российской Федерации, процентов

Возрастная группа	Мест нет	Места есть, но они недоступны	Суммарное лишение доступа	Отклонение от значения по совокупности опрошенных
Всего по совокупности опрошенных	23,94	1,51	25,45	-
15–19 лет	19,62	0,99	20,61	–4,84
20–24 лет	17,97	1,19	19,16	–6,29
25–29 лет	18,06	1,51	19,57	–5,88
30–34 лет	20,24	1,32	21,56	–3,89
40–44 лет	22,41	1,64	24,05	–1,40
50–54 лет	23,92	1,31	25,23	–0,22
60–64 лет	27,83	1,64	29,47	4,02
70–74 лет	27,64	2,23	29,87	4,42
80 лет и более	28,93	2,38	31,31	5,86

Источник: рассчитано авторами по данным [13].

Данные таблицы 3 обнаруживают отчетливый возрастной профиль лишения доступа, причем минимум приходится именно на группу, совпадающую с периодом получения высшего образования. Такое распределение согласуется с представлением об образовательной организации как о поставщике инфраструктурного блага, недоступного человеку вне соответствующего статуса. Меру лишения измеряет коэффициент по формуле (1).

$$K_{Д}=\frac{d_{нет}+d_{недост}}{100} \quad (1)$$

где $K_{Д}$ – коэффициент депривации доступа, $d_{нет}$ выражает долю опрошенных, отметивших отсутствие мест для занятий, а $d_{недост}$ соответствует доле тех, кто признает наличие мест при невозможности ими воспользоваться.

Расчет для возрастной группы периода обучения дает $K_{Д}=19{,}16/100=0{,}19$, тогда как по совокупности опрошенных величина составляет $0{,}25$. Приблизительно каждый пятый представитель студенческого возраста заявляет о лишении доступа, и это притом что образовательная организация обязана создавать соответствующие условия. Вклад институциональной среды в сокращение лишения измеряет коэффициент по формуле (2).

$$K_{В}=1-\frac{K_{Д}^{студ}}{K_{Д}^{общ}} \quad (2)$$

где $K_в$ – коэффициент институционального выравнивания, $K_д^{студ}$ выражает депривацию доступа в возрастной группе периода обучения, а $K_д^{общ}$ соответствует депривации по совокупности опрошенных.

Расчет дает $K_в = 1 - 0{,}19 / 0{,}25 = 0{,}25$, вследствие чего образовательная среда сокращает распространенность лишения доступа примерно на четверть относительно общего уровня. Полученная величина позволяет говорить о выравнивании умеренном, но реальном, поскольку сопоставимого преимущества не имеет ни одна из старших возрастных групп. Соотношение между инфраструктурными и прочими препятствиями измеряет коэффициент по формуле (3).

$$K_б = \frac{b_{орг}}{b_{инф}} \quad (3)$$

где $K_б$ – коэффициент соотношения барьеров, $b_{орг}$ выражает долю респондентов, называющих организационные и мотивационные препятствия к занятиям, а $b_{инф}$ соответствует доле называющих отсутствие подходящей инфраструктуры.

По материалам мониторингового опроса нехватку времени называют около двух пятых респондентов, недостаток волевого усилия примерно каждый пятый. Отсутствие условий поблизости отмечает каждый восьмой, а недостаток средств каждый десятый [14]. Отсюда $K_б \approx 5$, то есть организационные препятствия упоминаются кратно чаще инфраструктурных. Значение коэффициента переводит управленческий акцент с наращивания квадратных метров на работу с распорядком дня и с мотивацией, что в условиях университета означает пересмотр расписания, а не только строительство. Стратификационные следствия описанных барьеров систематизированы в таблице 4.

Таблица 4. Стратификационные следствия неравенства доступа к спортивной базе университета

Канал неравенства	Различающая характеристика обучающихся	Наблюдаемое следствие для группы	Компенсирующий институциональный ресурс
Территориальный	Место обучения и проживания относительно спортивных объектов вуза	Сокращение частоты занятий у обучающихся удаленных корпусов и филиалов	Выездные форматы занятий и договоры о пользовании муниципальными объектами
Имущественный	Материальное положение семьи и наличие подработки	Вытеснение части студенчества на коммерческий рынок либо полный отказ от занятий	Бесплатное расписание секций и прокат инвентаря
Временной	Совмещение обучения с трудовой занятостью	Невозможность посещать залы в часы их работы	Продление режима работы объектов и утренние группы
Репутационный	Исходный уровень подготовленности и опыт школьных занятий	Уклонение от посещения зала из опасения оценки сверстниками	Группы начальной подготовки без соревновательного зачета
Медико-социальный	Состояние здоровья и наличие ограничений по нагрузке	Формальное освобождение вместо адаптированной программы	Адаптивные формы занятий с индивидуальным заданием

Источник: составлено авторами на основе материалов [8], [9], [11], [16], а также данных [13].

Результаты таблицы 4 показывают, что каждому каналу неравенства соответствует собственный компенсирующий ресурс, причем ни один из них не связан с капитальным строительством. Такое наблюдение согласуется с выводами о значимости сетевой поддержки сообщества для поддержания активности обучающихся [12] и с данными о влиянии пользования базой кампуса на образовательную траекторию студента [10]. Приоритетность мер по каналам неравенства раскрыта в таблице 5.

Данные таблицы 5 подтверждают, что выравнивающий потенциал университетского контура реализуется преимущественно организационными средствами. Социальный контекст усиливает значимость такой настройки, поскольку территориальные различия условий жизни задают неравные стартовые возможности поступающих [8], а аппарат многомерного сопоставления уровня жизни применим к межвузовским сравнениям спортивной среды [9]. Интеллектуальные подходы к построению университетской среды пригодны для встраивания учета доступности в общую систему управления образовательной организацией [17], а демографическое сжатие молодежных когорт [18] повышает цену каждого обучающегося, выбывшего из занятий по устранимым организационным причинам.

Таблица 5. Приоритетность мер по выравниванию доступа обучающихся к занятиям физической культурой

Мера	Адресуемый канал	Срок реализации	Требуемый ресурс	Ожидаемое изменение измеримого признака
Пересмотр расписания работы залов с введением ранних и поздних групп	Временной	Ближайший семестр	Организационный	Снижение доли называющих нехватку времени
Договоры с муниципальными и партнерскими объектами	Территориальный	Учебный год	Договорной	Сокращение $K_д$ у обучающихся удаленных корпусов
Прокат инвентаря и отказ от платных элементов обязательной программы	Имущественный	Ближайший семестр	Финансовый умеренный	Выравнивание участия по материальному положению
Группы начальной подготовки без публичного зачета результата	Репутационный	Ближайший семестр	Кадровый	Расширение охвата обучающихся с низкой подготовленностью
Ежегодный внутренний замер доступности по факультетам	Все каналы	Постоянно	Организационный	Управление распределением базы по результатам измерения $K_в$

Источник: разработано авторами на основе материалов [7], [14], [15].

Выводы

Разграничение физической, экономической, временной и символической форм недоступности показало, что расширение сети объектов снимает лишь первую из них, вследствие чего управленческая повестка, сведенная к строительству, заведомо неполна. Обоснованная двухконтурная модель развела университетский и рыночный способы удовлетворения потребности в занятиях и зафиксировала, что условием входа в первый служит статус обучающегося, а во второй платежеспособность.

Сконструированное измерительное ядро подтвердило выравнивающую роль образовательной среды, поскольку распространенность лишения доступа в возрастной группе периода обучения оказалась заметно ниже общего уровня, а преимущество этой группы превзошло преимущество любой другой возрастной когорты. Вместе с тем сопоставление частот называемых препятствий показало кратный перевес организационных и мотивационных обстоятельств над инфраструктурными, из чего следует, что выравнивание останавливается на пороге физической доступности. Обоснованы пять мер, адресующих конкретные каналы неравенства и не требующих капитальных вложений. Работа ограничена использованием возрастной группы как приближения студенческой совокупности, что задает направление дальнейших исследований в виде внутривузовского обследования доступности по факультетам и категориям обучающихся.

Литература

1. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542 (дата обращения 01.09.2026).

2. Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 24.11.2020 № 3081-р. – URL: http://government.ru/docs/all/131173/ (дата обращения 01.09.2026).

3. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 50. – Ст. 6242.

4. Weber M. Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology / ed. by G. Roth, C. Wittich. – Berkeley: University of California Press, 1978. – 1469 p.

5. Bourdieu P. Sport and social class // Social Science Information. – 1978. – Vol. 17, No. 6. – P. 819–840. – DOI 10.1177/053901847801700603.

6. Bourdieu P. Program for a Sociology of Sport // Sociology of Sport Journal. – 1988. – Vol. 5, No. 2. – P. 153–161. – DOI 10.1123/ssj.5.2.153.

7. Лубышева, Л.И. Социология физической культуры и спорта: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Физическая культура» / Л.И. Лубышева. – 3-е издание, дополненное и переработанное. – Москва: Издательский центр «Академия», 2010. – 270 с. – (Высшее профессиональное образование. Педагогическое образование). – ISBN 978-5-7695-5284-7. – EDN QYALXF.

8. Аржаев, Ф.И. Уровень жизни в дальневосточном регионе: подходы к мониторингу и снижению диспропорций / Ф.И. Аржаев, Д.Е. Морковкин, Ю.А. Симагин // Народонаселение. – 2024. – Т. 27, № 4. – С. 114–127. – DOI 10.24412/1561–7785–2024–4–114–127. – EDN NCDWRT.

9. Многомерный анализ уровня жизни населения в Республике Беларусь / Ф.И. Аржаев, Д.Е. Морковкин, Т.Н. Мамедов, Ю.А. Симагин // Народонаселение. – 2025. – Т. 28, № 2. – С. 70–82. – DOI 10.24412/1561–7785–2025–2–70–82. – EDN NXVZSO.

10. Milton P.R., Williamson L.M., Brubaker K., Papania M. Recreate and Retain: How Entrance Into a Campus Recreation Facility Impacts Retention // Recreational Sports Journal. – 2020. – Vol. 44, No. 2. – P. 89–98. – DOI 10.1177/1558866120964818.

11. Ferreira Silva R.M., Terra L.F., Fonseca C.C. [et al.]. Barriers to high school and university students' physical activity: A systematic review // PLOS ONE. – 2022. – Vol. 17, No. 4. – Art. e0265913. – DOI 10.1371/journal.pone.0265913.

12. Gao Z., Zhang Y., Wang X. [et al.]. Exploring the role of social capital in enhancing physical activity among college and university students: A systematic review // PLOS ONE. – 2024. – Vol. 19, No. 11. – Art. e0314610. – DOI 10.1371/journal.pone.0314610.

13. Наличие мест для занятий физической культурой и спортом: набор открытых данных, идентификатор 7708234640-placesforsports-2021 / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/opendata/7708234640-placesforsports-2021/data-20220624T1306-structure-20220624T1306.csv (дата обращения 01.09.2026).

14. Спорт для всех: аналитический обзор от 16.10.2023 / Всероссийский центр изучения общественного мнения. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sport-dlja-vsekh (дата обращения 01.09.2026).

15. Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования: портал «Федеральные государственные образовательные стандарты». – URL: https://fgosvo.ru/fgosvo/index/24/99 (дата обращения 01.09.2026).

16. Отношение студентов вуза к дисциплине «Физическая культура» (на основе анкетного опроса) // КиберЛенинка. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otnoshenie-studentov-vuza-k-distsipline-fizicheskaya-kultura-na-osnove-anketnogo-oprosa (дата обращения 01.09.2026).

17. Chupin A., Chupina Zh., Digilina O. [et al.]. Smart Approach of Scientific Knowledge Building to Achieve Sustainable Management in Higher Education System // Sustainability. – 2025. – Vol. 17, No. 12. – Art. 5386. – DOI 10.3390/su17125386. – EDN TOXGBZ.

18. Морковкин Д.Е., Симагин Ю.А., Назарова Н.А., Мамедов Т.Н. Экономические эффекты реализации демографического дивиденда в развивающихся регионах России // Народонаселение. – 2026. – Т. 29, № 2. – С. 20–35. – DOI 10.24412/1561–7785–2026–2–20–35. – EDN XFEFSN.

ACCESS TO THE SPORTS INFRASTRUCTURE OF A UNIVERSITY AS A FACTOR OF SOCIAL STRATIFICATION OF YOUNG PEOPLE

Nikolaev I.V., Kleshcheva T.V.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The network of facilities for physical culture is distributed unevenly among learners, and therefore the university environment simultaneously softens the initial differences in life chances and generates its own lines of division within the student body. The paper identifies four channels of inequality in access to the sports facilities of higher education, distinguishes the physical, economic, temporal and symbolic forms of inaccessibility, and substantiates a two-circuit model in which the university circuit is contrasted with the market one. The measurement core consists of the coefficient of access deprivation, the coefficient of institutional equalization and the coefficient of barrier ratio. The calculations are based on open data of the Federal State Statistics Service on the availability of places for exercise and on materials of monitoring public opinion surveys. The estimates obtained show that the age group of the period of study is deprived of access significantly less often than the surveyed population as a whole, whereas barriers associated with the daily routine and personal organization are named by respondents several times more often than the absence of facilities near the place of residence. It follows that the university performs the function of equalizing starting opportunities, yet this equalization stops at the threshold of physical accessibility and does not extend to time, money and reputational restrictions of choice. The practical significance is determined by the applicability of the tools when distributing the university sports base among faculties, categories of students and forms of exercise.

Keywords: social stratification, life chances, university sports infrastructure, accessibility of facilities, inequality, students, access deprivation, institutional equalization, participation barriers, sociology of physical culture.

References

1. On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030 and for the Future up to 2036: Decree of the President of the Russian Federation No. 309 of 07.05.2024. – Available at: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542 (accessed 01.09.2026).

2. Strategy for the Development of Physical Culture and Sport in the Russian Federation for the Period up to 2030: Order of the Government of the Russian Federation No. 3081-r of 24.11.2020. – Available at: http://government.ru/docs/all/131173/ (accessed 01.09.2026).

3. On Physical Culture and Sport in the Russian Federation: Federal Law No. 329-FZ of 04.12.2007 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2007. – No. 50. – Art. 6242.

4. Weber M. Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology / ed. by G. Roth, C. Wittich. – Berkeley: University of California Press, 1978. – 1469 p.

5. Bourdieu P. Sport and social class // Social Science Information. – 1978. – Vol. 17, No. 6. – P. 819–840. – DOI 10.1177/053901847801700603.

6. Bourdieu P. Program for a Sociology of Sport // Sociology of Sport Journal. – 1988. – Vol. 5, No. 2. – P. 153–161. – DOI 10.1123/ssj.5.2.153.

7. Lubysheva L.I. Sociology of Physical Culture and Sport: textbook. – 3rd ed. – Moscow: Academia, 2010. – 272 p. (In Russ.).

8. Arzhaev F.I., Morkovkin D.E., Simagin Yu.A. Living Standards in the Far Eastern Region: Approaches to Monitoring and Reducing Disproportions // Population. – 2024. – Vol. 27, No. 4. – P. 114–127. – DOI 10.24412/1561–7785–2024–4–114–127. – EDN NCDWRT. (In Russ.).

9. Arzhaev F.I., Morkovkin D.E., Mamedov T.N., Simagin Yu.A. Multidimensional Analysis of the Living Standards of the Population in the Republic of Belarus // Population. – 2025. – Vol. 28, No. 2. – P. 70–82. – DOI 10.24412/1561–7785–2025–2–70–82. – EDN NXVZSO. (In Russ.).

10. Milton P.R., Williamson L.M., Brubaker K., Papania M. Recreate and Retain: How Entrance Into a Campus Recreation Facility Impacts Retention // Recreational Sports Journal. – 2020. – Vol. 44, No. 2. – P. 89–98. – DOI 10.1177/1558866120964818.

11. Ferreira Silva R.M., Terra L.F., Fonseca C.C. [et al.]. Barriers to high school and university students' physical activity: A systematic review // PLOS ONE. – 2022. – Vol. 17, No. 4. – Art. e0265913. – DOI 10.1371/journal.pone.0265913.

12. Gao Z., Zhang Y., Wang X. [et al.]. Exploring the role of social capital in enhancing physical activity among college and university students: A systematic review // PLOS ONE. – 2024. – Vol. 19, No. 11. – Art. e0314610. – DOI 10.1371/journal.pone.0314610.

13. Availability of Places for Physical Culture and Sports: open data set, identifier 7708234640-placesforsports-2021 / Federal State Statistics Service. – Available at: https://rosstat.gov.ru/opendata/7708234640-placesforsports-2021/data-20220624T1306-structure-20220624T1306.csv (accessed 01.09.2026). (In Russ.).

14. Sport for All: analytical review of 16.10.2023 / Russian Public Opinion Research Center. – Available at: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sport-dlja-vsekh (accessed 01.09.2026). (In Russ.).

15. Federal State Educational Standards of Higher Education: portal «Federal State Educational Standards». – Available at: https://fgosvo.ru/fgosvo/index/24/99 (accessed 01.09.2026). (In Russ.).

16. The Attitude of University Students to the Discipline «Physical Culture» (based on a questionnaire survey) // CyberLeninka. – Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/otnoshenie-studentov-vuza-k-distsipline-fizicheskaya-kultura-na-osnove-anketnogo-oprosa (accessed 01.09.2026). (In Russ.).

17. Chupin A., Chupina Zh., Digilina O. [et al.]. Smart Approach of Scientific Knowledge Building to Achieve Sustainable Management in Higher Education System // Sustainability. – 2025. – Vol. 17, No. 12. – Art. 5386. – DOI 10.3390/su17125386. – EDN TOXGBZ.

18. Morkovkin D.E., Simagin Yu. A., Nazarova N.A., Mamedov T.N. Economic Effects of the Implementation of the Demographic Dividend in the Developing Regions of Russia // Population. – 2026. – Vol. 29, No. 2. – P. 20–35. – DOI 10.24412/1561–7785–2026–2–20–35. – EDN XFEFSN. (In Russ.).

Институт физической подготовки студенчества в воспроизводстве навыков здорового образа жизни: дефициты социализации и биографические разрывы

Полишкене Йолита,
доцент кафедры «Физическое воспитание», ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: JPolishkene@fa.ru

Обязательная физическая подготовка завершается вместе с получением диплома, тогда как потребность в регулярной двигательной активности сопровождает человека всю последующую жизнь, вследствие чего университет остается последней институциональной опорой, способной закрепить соответствующий навык. В работе раскрыт институциональный контур воспроизводства навыков здорового образа жизни, разграничены нормативная, социализирующая и поддерживающая функции института, а также предложена трехступенчатая схема биографического перехода от предписанного участия к самостоятельной практике. Измерительное ядро исследования образуют коэффициент институционального удержания практики K_y, коэффициент возрастного затухания реализованной активности $K_з$ и коэффициент нереализованной доступности мест для занятий $K_н$. Расчеты выполнены на данных выборочного наблюдения Федеральной службы государственной статистики о наличии мест для занятий физической культурой и спортом в разрезе возрастных групп. Полученные оценки показывают, что обеспеченность местами для занятий у возрастных групп студенческого и послевузовского периодов практически совпадает, тогда как реализованное пользование этими местами сокращается почти на пятую часть уже при переходе от студенческой когорты к первой послевузовской, а к тридцати четырем годам теряет треть исходного уровня. Отсюда следует, что институциональный дефицит сосредоточен не в материальной базе, а в механизмах закрепления привычки, поскольку исчезновение обязательности не компенсируется внутренней мотивацией.

Ключевые слова: социальный институт, физическая подготовка студентов, здоровый образ жизни, социализация, биографический переход, институциональное удержание, двигательная активность, студенчество, доступность мест для занятий, социология физической культуры.

Введение

Увеличение доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом, до 70% отнесено к целевым показателям национального развития [1] и раскрыто отраслевым документом стратегического планирования [2]. Достижение обозначенного ориентира предполагает не только расширение сети объектов, но и закрепление устойчивой привычки к занятиям у тех возрастных групп, которые проходят через образовательные организации. Студенчество занимает здесь особое положение, поскольку университет остается последней ступенью жизненного пути, охватывающей возрастную когорту почти целиком и располагающей обязательной нормативной рамкой в виде дисциплин по физической культуре и спорту [3]. После вручения диплома обязательность исчезает, а вместе с ней исчезает и внешнее принуждение к регулярности, вследствие чего вопрос о конвертации учебных занятий в самостоятельную практику приобретает значение для всей траектории целевого показателя.

Теоретические основания проблематики образованы структурно-функциональным анализом социальных институтов Т. Парсонса [4], разграничением явных и латентных функций Р. Мертона [5], теорией структурации Э. Гидденса [6], а также отечественной традицией социологии физической культуры, представленной трудами Л.И. Лубышевой [7], [8]. Механизмы саморегуляции жизнедеятельности молодежи в изменяющейся реальности раскрыты Ю.А. Зубок и В.И. Чупровым [9], [10]; проблематика же отношения к здоровью и самосохранительного поведения молодых поколений разработана И.В. Журавлевой с соавторами [11], [12] и продолжена в работах Г.А. Ивахненко на материале московского студенчества [13]. Зарубежные обзоры и метааналитические работы фиксируют устойчивое снижение двигательной активности при переходе от образовательных ступеней к занятости [14], [15], систематизируют барьеры участия студентов в занятиях [16] и раскрывают влияние жизненных событий на регулярность практик [17]. Однако целостное представление университетской физической подготовки как института, воспроизводящего навык здорового образа жизни, с измеримой оценкой потерь на биографическом переходе остается в научной литературе недостаточно разработанным.

Объект исследования – институт физической подготовки студентов образовательных организаций высшего образования.

Предмет исследования составляют функции указанного института, дефициты социализации и биографические разрывы, возникающие при завершении обязательного периода занятий.

Цель исследования – обоснование институциональной модели воспроизводства навыков здорового образа жизни средствами университетской физической подготовки и разработка измеримого инструментария оценки удержания практики после выпуска.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили структурно-функциональный подход к анализу социальных институтов, теория практик и подход жизненного пути, обоснованный Г. Элдером [18] и получивший развитие в социологии спорта при изучении прекращения занятий под влиянием жизненных событий [17], [19]. Наряду с этим применены приемы формализованного анализа, включая коэффициентную оценку удержания практики, расчет среднегодового темпа затухания реализованной активности и нормативное сопоставление обеспеченности местами с фактическим пользованием ими.

Информационную базу исследования образуют открытые данные Федеральной службы государственной статистики о наличии мест для занятий физической культурой и спортом, полученные выборочным наблюдением населения [20], документы стратегического планирования и нормативные правовые акты в сфере физической культуры, требования образовательных стандартов высшего образования к дисциплинам физической культуры и спорта, а также опубликованные результаты социологических опросов о распространенности практик здорового образа жизни [21], [22]. Сопоставимость замеров обсуждается с опорой на международный опросник физической активности [23].

Результаты и обсуждение

Воспроизводство навыков здорового образа жизни средствами образовательной организации объясняется в литературе четырьмя способами. Сопоставление приведено в таблице 1.

Таблица 1. Объяснения воспроизводства навыков здорового образа жизни средствами образовательной организации

Объяснение	Представители	Что принимается за движущую силу	Ограничение объяснения	Применение к университетской подготовке
Функционирование социального института	Т. Парсонс	Система норм и ролей, воспроизводящая практику при смене участников	Не различает намеренных и побочных следствий	Объясняет сохранение дисциплины при смене поколений
Явные и латентные функции	Р. Мертон	Расхождение заявленного назначения и побочных следствий	Не описывает превращения действия в привычку	Обнаруживает социализирующую работу занятий вне оздоровления
Рутинизация действия	Э. Гидденс	Повторение, встроенное в распорядок и не требующее решения	Не указывает условий, при которых рутина разрушается	Объясняет исчезновение практики вместе с расписанием
Отношение к здоровью как установка	И. В. Журавлева	Представление человека о ценности собственного здоровья	Установка сама по себе поведения не определяет	Объясняет сохранение убеждений при прекращении занятий

Источник: составлено авторами.

Первые два объяснения раскрывают устройство института, третье переносит внимание на повседневность занимающегося, четвертое указывает на разрыв между убеждением и действием. Состава функций университетской подготовки ни одно из них не разбирает, а именно их совместное действие определяет судьбу навыка после выпуска. Разбор приведен в таблице 2.

Таблица 2. Функциональные срезы института физической подготовки студентов в воспроизводстве навыков здорового образа жизни

Функциональный срез	Теоретическое основание	Содержание функции	Механизм воспроизводства навыка	Индикатор результативности
Нормативный	Структурно-функциональный анализ социальных институтов	Установление обязательного объема занятий, критериев зачета, требований к физической подготовленности	Внешнее предписание, подкрепленное учебным планом и промежуточной аттестацией	Полнота освоения дисциплин физической культуры и спорта
Социализирующий	Разграничение явных и латентных функций	Освоение роли занимающегося, включение первокурсника в студенческое сообщество, накопление сетевых связей	Групповое занятие, соревнование, совместное преодоление нагрузки	Доля обучающихся, участвующих в добровольных формах активности
Поддерживающий	Теория структурации и теория практик	Превращение повторяющегося действия в рутину, встроенную в недельный распорядок	Регулярность, привычное место занятий, устойчивый круг партнеров	Сохранение частоты занятий вне обязательного расписания, $K_з$
Биографический	Подход жизненного пути	Перенос освоенной практики за пределы обязательного периода	Самостоятельный выбор формы активности после выпуска	Удержание регулярных занятий в послевузовских возрастных группах, $K_у$

Источник: составлено авторами.

Приведенное в таблице 2 разграничение показывает, что редукция института к нормативному срезу обедняет управленческую повестку, поскольку зачет по дисциплине фиксирует выполнение требования, но ничего не сообщает о судьбе практики после его выполнения. Именно на стыке поддерживающего и биографического срезов возникает то явление, которое обозначено нами как биографический разрыв. Схема перехода от предписанного участия к самостоятельной практике раскрыта на рисунке 1.

Рис. 1. Трехступенчатая схема биографического перехода студента от предписанного участия к самостоятельной практике занятий

Источник: составлено авторами.

Представленная на рисунке 1 схема разводит три качественно различных состояния и увязывает с каждым переходом собственный барьер. Первый барьер связан с тем, что мотивация значительной части обучающихся исчерпывается получением зачета, вследствие чего добровольные формы активности остаются уделом меньшинства. Второй барьер обусловлен исчезновением расписания, площадки и партнеров одновременно, поскольку выпуск разрушает сразу все опоры регулярности. Эмпирическая проверка предложенной схемы требует показателя, который различал бы наличие условий для занятий и фактическое пользование ими. Такому требованию отвечают открытые данные статистического ведомства, приведенные в таблице 3.

Таблица 3. Наличие мест для занятий физической культурой и спортом и характер пользования ими по молодежным и смежным возрастным группам населения Российской Федерации, процентов

Возрастная группа	Места есть, и опрошенный ими пользуется	Места есть, но они для опрошенного недоступны	Места есть, но опрошенный ими не пользуется	Мест нет	Затруднились ответить	Отказались от ответа
Всего по совокупности опрошенных	12,49	1,51	57,35	23,94	4,54	0,17
15–19 лет	39,32	0,99	38,41	19,62	1,58	0,09
20–24 лет	30,55	1,19	48,08	17,97	2,05	0,17
25–29 лет	24,31	1,51	53,91	18,06	2,06	0,15
30–34 лет	20,60	1,32	55,66	20,24	2,11	0,06
35–39 лет	17,68	1,17	57,34	20,93	2,78	0,11
40–44 лет	13,49	1,64	59,48	22,41	2,78	0,20
50–54 лет	7,94	1,31	62,90	23,92	3,86	0,05
60–64 лет	4,75	1,64	60,94	27,83	4,65	0,19
70–74 лет	2,76	2,23	59,22	27,64	7,91	0,23

Источник: составлено авторами по данным [20] (группы старше сорока лет опущены как не участвующие в расчетах).

Данные таблицы 3 обнаруживают закономерность, которая расходится с распространенным объяснением низкой активности молодежи через недостаток инфраструктуры. Возрастные группы студенческого и первого послевузовского периодов различаются между собой по обеспеченности местами для занятий крайне слабо, тогда как по реализованному пользованию расходятся заметно. Доля отметивших полное отсутствие мест в студенческой группе даже ниже общей по совокупности опрошенных, то есть этот возраст обеспечен условиями лучше среднего. Одновременно самая многочисленная позиция ответов во всех молодых группах приходится на признание наличия мест при отказе от пользования ими, что переводит проблему из области капитального строительства в область социализации. Степень

сохранения практики при смене институциональной рамки измеряет коэффициент по формуле (1).

$$K_y = \frac{d_{вып}}{d_{студ}} \quad (1)$$

где K_y – коэффициент институционального удержания практики, $d_{вып}$ выражает долю пользующихся местами для занятий в первой послевузовской возрастной группе, а $d_{студ}$ соответствует аналогичной доле в возрастной группе, совпадающей с периодом обучения. Расчет по фактическим данным дает $K_y = 24,31 / 30,55 = 0,80$, вследствие чего пятая часть реализованной практики утрачивается уже на первом пятилетии после выпуска. Значение коэффициента показывает, что переход к самостоятельной практике преодолевает лишь четыре пятых сложившегося контингента занимающихся, причем без всякого ухудшения условий доступа. Скорость дальнейшего угасания практики измеряет коэффициент по формуле (2).

$$K_з = \left(\frac{d_{ст}}{d_{мл}}\right)^{1/n} - 1 \quad (2)$$

где $K_з$ – коэффициент возрастного затухания реализованной активности, $d_{ст}$ выражает долю пользующихся местами в старшей из сопоставляемых групп, $d_{мл}$ соответствует аналогичной доле в младшей группе, а n равняется числу лет между серединами интервалов.

Сопоставление групп пятнадцати – девятнадцати и тридцати – тридцати четырех лет дает $K_з = (20,60 / 39,32)^{1/15} - 1 = -0,042$, то есть реализованная активность убывает примерно на четыре процента ежегодно на протяжении полутора десятилетий и теряет за этот период почти половину исходного уровня. Полученная величина позволяет утверждать, что затухание носит не скачкообразный, а накопительный характер, при котором выпуск задает первый и наиболее резкий импульс, а последующие годы лишь закрепляют возникшую траекторию. Соотношение между созданными условиями и их востребованностью измеряет коэффициент по формуле (3).

$$K_н = \frac{d_{неисп}}{d_{исп} + d_{неисп}} \quad (3)$$

где $K_н$ – коэффициент нереализованной доступности мест для занятий, $d_{неисп}$ выражает долю опрошенных, признающих наличие мест при отказе от пользования ими, а $d_{исп}$ соответствует доле фактически пользующихся.

Для студенческой возрастной группы расчет дает $K_н$, для первой послевузовской группы значение возрастает до $K_н = 48,08 / (30,55 + 48,08) = 0,61$, а по совокупности опрошенных достигает $0,69$. Нарастание коэффициента вдоль возрастной шкалы означает, что созданная инфраструктура во все большей мере остается невостребованной, причем разрыв между наличием условий и их использованием увеличивается именно тогда, когда обязательные занятия остаются позади. Отсюда следует практический вывод о смещении управленческого приоритета с наращивания сети объектов на формирование потребности пользоваться уже существующими объектами. Дефициты социализации, ответственные за такое смещение, систематизированы в таблице 4.

Таблица 4. Дефициты социализации на ступенях биографического перехода студента к самостоятельной практике занятий

Ступень перехода	Проявление дефицита	Институциональная причина	Наблюдаемое следствие
Предписанное участие	Ориентация обучающегося на получение зачета вместо освоения практики	Оценивание по посещаемости и контрольным нормативам без учета устойчивости привычки	Прекращение занятий сразу после закрытия ведомости
Опосредованная регулярность	Ограниченность добровольных форм узким активом	Соревновательные и клубные форматы рассчитаны на подготовленное меньшинство	Отсутствие промежуточной ступени между обязательным занятием и спортом достижений
Самостоятельная практика	Утрата площадки, расписания и круга партнеров одновременно	Отсутствие связи университета с выпускником в части физической активности	Быстрое падение реализованного пользования местами для занятий
Закрепление во взрослой жизни	Вытеснение занятий трудовой нагрузкой и семейными обязанностями	Слабая распространенность программ поддержки здоровья по месту работы	Накопительное затухание активности вдоль возрастной шкалы

Окончание

Источник: составлено авторами.

Результаты таблицы 4 согласуются с выводами зарубежных обзоров, фиксирующих сокращение продолжительности двигательной активности при образовательных и трудовых переходах ранней взрослости [14], [15], и одновременно уточняют их применительно к российской институциональной рамке, в которой обязательный объем занятий задан образовательным стандартом, а его завершение совпадает по времени с началом трудовой биографии. Отмеченная И.В. Журавлевой инерционность установок на здоровье [11] объясняет, почему знание о пользе занятий само по себе не удерживает практику. Концепция саморегуляции жизнедеятельности молодежи [9] позволяет трактовать отказ от занятий как рациональный для индивида результат пересборки распорядка при смене статуса. Механизмы, способные удержать практику, сведены в таблице 5.

Таблица 5. Механизмы институционального удержания практики занятий на ступенях биографического перехода

Механизм	Адресуемая ступень перехода	Содержание действия	Ожидаемый эффект
Зачет практики вне расписания	Предписанное участие	Признание самостоятельных занятий и участия в клубных форматах при промежуточной аттестации	Смещение мотивации от посещаемости к регулярности
Промежуточная лига массовых форматов	Опосредованная регулярность	Соревнования для неподготовленных участников с командным зачетом по факультетам	Расширение добровольной активности за пределы спортивного актива
Сопровождение выпускника	Самостоятельная практика	Сохранение доступа выпускника к объектам университета на льготных условиях в первый послевузовский год	Смягчение первого и наиболее резкого импульса затухания
Партнерство с работодателем	Закрепление во взрослой жизни	Соглашения университета с работодателями выпускников о программах поддержки здоровья работников	Перенос институциональной опоры из образовательной среды в трудовую
Мониторинг удержания	Все ступени	Периодический опрос выпускников о частоте занятий с расчетом $0,82$ и K_y по когортам	Управление по результату вместо управления по охвату

Источник: составлено авторами.

Данные таблицы 5 показывают, что предлагаемые механизмы не требуют капитальных вложений и опираются на действующую программную рамку развития отрасли. Социальный контекст усиливает значимость такой настройки, поскольку опросы общественного мнения фиксируют разрыв между декларируемой приверженностью здоровому образу жизни и реальной регулярностью занятий [21], а среди причин отказа от спорта устойчиво лидируют организационные и мотивационные, а не инфраструктурные обстоятельства [22]. Сопоставимость будущих замеров при этом обеспечивается использованием валидированного инструментария измерения физической активности [23], а объяснение устойчивости добровольной практики опирается на положения теории самодетерминации о связи автономной мотива-

ции с длительностью соблюдения режима занятий [24]. Демографическое сжатие молодежных когорт и трансформация возрастной структуры населения повышают цену каждого удержанного выпускника, а исследования цифровой среды взросления указывают на новые каналы поддержания связи университета с теми, кто уже завершил обучение.

Выводы

Раскрытый институциональный контур университетской физической подготовки зафиксировал наряду с нормативной функцией социализирующую, поддерживающую и биографическую составляющие, причем именно последние две определяют судьбу навыка после вручения диплома. Построенная трехступенчатая схема развела предписанное участие, опосредованную регулярность и самостоятельную практику как качественно различные состояния и связала каждый переход с собственным барьером.

Сконструированное измерительное ядро подтвердило свою работоспособность на данных статистического ведомства и показало, что обеспеченность условиями для занятий у студенческой и послевузовских возрастных групп практически совпадает, а реализованное пользование этими условиями последовательно убывает, а нереализованная доступность нарастает вдоль возрастной шкалы. Полученный результат переносит центр институциональной проблемы с материальной базы на механизмы закрепления привычки и обосновывает пять предложенных механизмов удержания практики.

Литература

1. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542 (дата обращения 01.09.2026).

2. Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 24.11.2020 № 3081-р. – URL: http://government.ru/docs/all/131173/ (дата обращения 01.09.2026).

3. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2007. – № 50. – Ст. 6242.

4. Парсонс Т. О структуре социального действия. – М.: Академический проект, 2000. – 880 с.

5. Merton R.K. Social Theory and Social Structure. – New York: Free Press, 1968. – 702 p.

6. Giddens A. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. – Cambridge: Polity Press, 1984. – 402 p.

7. Лубышева, Л.И. Социология физической культуры и спорта: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Физическая культура» / Л.И. Лубышева. – 3-е издание, дополненное и переработанное. – Москва: Издательский центр «Академия», 2010. – 270 с. – (Высшее профессиональное образование. Педагогическое образование). – ISBN 978-5-7695-5284-7. – EDN QYALXF.

8. Спортизация в системе физического воспитания: от научной идеи к инновационной практике / Л.И. Лубышева, А.И. Загревская, А.А. Передельский [и др.]. – Москва: Научно-издательский центр «Теория и практика физической культуры и спорта», 2017. – 200 с. – ISBN 978-5-93512-071-9. – EDN RVVFVY.

9. Зубок, Ю.А. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров. – Москва: Юридическое издательство «Норма», 2020. – 304 с. – ISBN 978-5-00156-082-1. – EDN WLJWBA.

10. Зубок, Ю.А. Жизнедеятельность молодежи в изменяющейся реальности: противоречия саморегуляции / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – Т. 13, № 6. – С. 215–231. – DOI 10.15838/esc.2020.6.72.13. – EDN NWMEAQ.

11. Здоровье подростков и окружающая среда: изменения за 20 лет / И.В. Журавлева, Л.Ю. Иванова, Г.А. Ивахненко [и др.]. – Москва: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2021. – 309 с. – ISBN 978-5-89697-356-0. – DOI 10.19181/monogr.978–5–89697–356–0.2021. – EDN FICNUD.

12. Здоровье студентов: социологический анализ / И.В. Журавлева, Л.Ю. Иванова, Г.А. Ивахненко [и др.]. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Научно-издательский центр ИНФРА-М», 2014. – 272 с. – (Научная мысль). – ISBN 978-5-16-009142-6. – DOI 10.12737/735. – EDN UFEITN.

13. Ивахненко Г.А. Здоровье московских студентов: анализ самосохранительного поведения // Социологические исследования. 2006. № 5. С. 78–81 // Социология образования. – 2006. – № 11. – С. 7. – EDN HUVGDH.

14. Winpenny E.M., Smith M., Penney T. [et al.]. Changes in physical activity, diet, and body weight across the education and employment transitions of early adulthood: A systematic review and meta-analysis // Obesity Reviews. – 2020. – Vol. 21, No. 4. – Art. e12962. – DOI 10.1111/obr.12962.

15. Corder K., Winpenny E., Love R. [et al.]. Change in physical activity from adolescence to early adulthood: a systematic review and meta-analysis of longitudinal cohort studies // British Journal of Sports Medicine. – 2019. – Vol. 53, No. 8. – P. 496–503. – DOI 10.1136/bjsports-2016–097330.

16. Ferreira Silva R.M., Terra L.F., Fonseca C.C. [et al.]. Barriers to high school and university students' physical activity: A systematic review // PLOS ONE. – 2022. – Vol. 17, No. 4. – Art. e0265913. – DOI 10.1371/journal.pone.0265913.

17. van Houten J.M. A., Kraaykamp G., Breedveld K. When do young adults stop practising a sport? An event history analysis on the impact of four major life events // International Review for the Sociology of Sport. – 2017. – Vol. 52, No. 7. – P. 858–874. – DOI 10.1177/1012690215619204.

18. Elder G.H. Jr. The Life Course as Developmental Theory // Child Development. – 1998. – Vol. 69, No. 1. – P. 1–12. – DOI 10.1111/j.1467–8624.1998.tb06128.x.

19. Gropper H., John J.M., Sudeck G., Thiel A. The impact of life events and transitions on physical activity: A scoping review // PLOS ONE. – 2020. – Vol. 15, No. 6. – Art. e0234794. – DOI 10.1371/journal.pone.0234794.

20. Наличие мест для занятий физической культурой и спортом: набор открытых данных, идентификатор 7708234640-placesforsports-2021 / Федеральная служба государственной статистики. – URL: https://rosstat.gov.ru/opendata/7708234640-placesforsports-2021/data-20220624T1306-structure-20220624T1306.csv (дата обращения 01.09.2026).

21. Здоровый образ жизни: мониторинг: аналитический обзор от 22.05.2024 / Всероссийский центр изучения общественного мнения. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorovyi-obraz-zhizni-monitoring (дата обращения 01.09.2026).

22. Спорт для всех: аналитический обзор от 16.10.2023 / Всероссийский центр изучения общественного мнения. – URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sport-dlja-vsekh (дата обращения 01.09.2026).

23. Craig C.L., Marshall A.L., Sjöström M. [et al.]. International Physical Activity Questionnaire: 12-Country Reliability and Validity // Medicine & Science in Sports & Exercise. – 2003. – Vol. 35, No. 8. – P. 1381–1395. – DOI 10.1249/01.MSS.0000078924.61453.FB.

24. Ryan R.M., Deci E.L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being // American Psychologist. – 2000. – Vol. 55, No. 1. – P. 68–78. – DOI 10.1037/0003–066X.55.1.68.

THE INSTITUTION OF STUDENTS' PHYSICAL TRAINING IN THE REPRODUCTION OF HEALTHY LIFESTYLE SKILLS: SOCIALIZATION DEFICITS AND BIOGRAPHICAL DISCONTINUITIES

Polishkene Jolita
Financial University under the Government of the Russian Federation

Compulsory physical training ends with graduation, while the need for regular motor activity accompanies a person throughout later life, which makes the university the last institutional support capable of consolidating the corresponding skill. The paper reveals the institutional contour of the reproduction of healthy lifestyle skills, distinguishes the normative, socializing and supporting functions of the institution, and proposes a three-stage scheme of the biographical transition from prescribed participation to independent practice. The measurement core of the study consists of the coefficient of institutional retention of practice, the coefficient of age-related attenuation of realized activity, and the coefficient of unrealized availability of places for exercise. The calculations are based on the sample observation of the Federal State Statistics Service concerning the availability of places for physical culture and sports by age groups. The obtained estimates show that the provision of places for the age groups of the student and post-university periods practically coincides, whereas the realized use of these places decreases by almost one fifth already during the transition from the student cohort to the first post-university one, and by the age of thirty-four loses a third of the initial level. It follows that the institutional deficit is concentrated not in the material base but in the mechanisms of habit consolidation, since the disappearance of obligation is not compensated by internal motivation.

Keywords: social institution, physical training of students, healthy lifestyle, socialization, biographical transition, institutional retention, motor activity, students, availability of places for exercise, sociology of physical culture.

References

1. On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030 and for the Future up to 2036: Decree of the President of the Russian Federation

No. 309 of 07.05.2024. – Available at: http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542 (accessed 01.09.2026).

2. Strategy for the Development of Physical Culture and Sport in the Russian Federation for the Period up to 2030: Order of the Government of the Russian Federation No. 3081-r of 24.11.2020. – Available at: http://government.ru/docs/all/131173/ (accessed 01.09.2026).

3. On Physical Culture and Sport in the Russian Federation: Federal Law No. 329-FZ of 04.12.2007 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2007. – No. 50. – Art. 6242.

4. Parsons T. The Structure of Social Action. – Moscow: Academic Project, 2000. – 880 p. (In Russ.).

5. Merton R.K. Social Theory and Social Structure. – New York: Free Press, 1968. – 702 p.

6. Giddens A. The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration. – Cambridge: Polity Press, 1984. – 402 p.

7. Lubysheva L.I. Sociology of Physical Culture and Sport: textbook. – 3rd ed. – Moscow: Academia, 2010. – 272 p. (In Russ.).

8. Lubysheva L.I. Sportization in the System of Physical Education: from Scientific Idea to Innovative Practice: monograph. – Moscow: Research Center «Theory and Practice of Physical Culture and Sport», 2017. – Available at: http://www.teoriya.ru/sites/default/files/article-files/lubysheva_l.i.pdf (accessed 01.09.2026). (In Russ.).

9. Zubok Yu. A., Chuprov V.I. Youth in the Cultural Space: Self-Regulation of Life Activity. – Moscow: Norma, 2020. – 304 p. (In Russ.).

10. Zubok Yu. A., Chuprov V.I. Life Activity of Youth in a Changing Reality: Contradictions of Self-Regulation // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. – 2020. – Vol. 13, No. 6. – P. 215–231. – DOI 10.15838/esc.2020.6.72.13. (In Russ.).

11. Zhuravleva I.V., Ivanova L. Yu., Ivakhnenko G.A. [et al.]. Adolescent Health and the Environment: Changes over 20 Years. – Moscow: FCTAS RAS, 2021. – 309 p. (In Russ.).

12. Student Health: A Sociological Analysis / ed. by I.V. Zhuravleva. – Moscow: Institute of Sociology RAS, 2012. – 252 p. (In Russ.).

13. Ivakhnenko G.A. The Health of Moscow Students: An Analysis of Self-Preservation Behavior // Sociological Studies. – 2006. – No. 7. – P. 78–81. (In Russ.).

14. Winpenny E.M., Smith M., Penney T. [et al.]. Changes in physical activity, diet, and body weight across the education and employment transitions of early adulthood: A systematic review and meta-analysis // Obesity Reviews. – 2020. – Vol. 21, No. 4. – Art. e12962. – DOI 10.1111/obr.12962.

15. Corder K., Winpenny E., Love R. [et al.]. Change in physical activity from adolescence to early adulthood: a systematic review and meta-analysis of longitudinal cohort studies // British Journal of Sports Medicine. – 2019. – Vol. 53, No. 8. – P. 496–503. – DOI 10.1136/bjsports-2016–097330.

16. Ferreira Silva R.M., Terra L.F., Fonseca C.C. [et al.]. Barriers to high school and university students' physical activity: A systematic review // PLOS ONE. – 2022. – Vol. 17, No. 4. – Art. e0265913. – DOI 10.1371/journal.pone.0265913.

17. van Houten J.M. A., Kraaykamp G., Breedveld K. When do young adults stop practising a sport? An event history analysis on the impact of four major life events // International Review for the Sociology of Sport. – 2017. – Vol. 52, No. 7. – P. 858–874. – DOI 10.1177/1012690215619204.

18. Elder G.H. Jr. The Life Course as Developmental Theory // Child Development. – 1998. – Vol. 69, No. 1. – P. 1–12. – DOI 10.1111/j.1467–8624.1998.tb06128.x.

19. Gropper H., John J.M., Sudeck G., Thiel A. The impact of life events and transitions on physical activity: A scoping review // PLOS ONE. – 2020. – Vol. 15, No. 6. – Art. e0234794. – DOI 10.1371/journal.pone.0234794.

20. Availability of Places for Physical Culture and Sports: open data set, identifier 7708234640-placesforsports-2021 / Federal State Statistics Service. – Available at: https://rosstat.gov.ru/opendata/7708234640-placesforsports-2021/data-20220624T1306-structure-20220624T1306.csv (accessed 01.09.2026). (In Russ.).

21. Healthy Lifestyle: Monitoring: analytical review of 22.05.2024 / Russian Public Opinion Research Center. – Available at: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorovyi-obraz-zhizni-monitoring (accessed 01.09.2026). (In Russ.).

22. Sport for All: analytical review of 16.10.2023 / Russian Public Opinion Research Center. – Available at: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/sport-dlja-vsekh (accessed 01.09.2026). (In Russ.).

23. Craig C.L., Marshall A.L., Sjöström M. [et al.]. International Physical Activity Questionnaire: 12-Country Reliability and Validity // Medicine & Science in Sports & Exercise. – 2003. – Vol. 35, No. 8. – P. 1381–1395. – DOI 10.1249/01.MSS.0000078924.61453.FB.

24. Ryan R.M., Deci E.L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being // American Psychologist. – 2000. – Vol. 55, No. 1. – P. 68–78. – DOI 10.1037/0003–066X.55.1.68.

Социальная сущность и проблемы развития предпринимательства в условиях общественной трансформации

Розенберг Наталья Владимировна,
доктор филос. наук, профессор, зав. кафедрой «Философия и социальные коммуникации», ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
E-mail: Elya@sura.ru

Алексеев Илья Алексеевич,
аспирант, кафедра «Философия и социальные коммуникации», ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
E-mail: alekseev5201@mail.ru

В статье анализируется социальная сущность предпринимательства и раскрываются механизмы влияния предпринимательской активности на трансформацию общественных отношений и решение структурных социальных проблем в современном российском обществе. Особое внимание уделяется социальному предпринимательству как гибридной форме, сочетающей рыночные инструменты с миссией общественного блага, что отражает эволюцию роли бизнеса в современном мире. Авторы рассматривают ключевые социокультурные и институциональные факторы, определяющие развитие социально ориентированных предпринимательских практик в условиях российской действительности, поднимая проблему – как институциональная неопределенность и социокультурные стереотипы, унаследованные от советской модели социального государства, формируют стратегии и барьеры адаптации социальных предпринимателей. В статье подчеркивается, что углубление социологического понимания предпринимательства способствует формированию новой предпринимательской идеологии, основанной на социальной ответственности, гражданской вовлеченности и устойчивом развитии.

Ключевые слова: социальное предпринимательство, институциональная теория, общественная трансформация, социальная ответственность, социологический анализ, стратегии адаптации.

Введение

Социальное измерение предпринимательства выражается в том, что бизнес берется за решение реальных общественных проблем и участвует в формировании значимых ценностей, так или иначе влияя на уровень жизни людей. Речь не только о специализированных формах социального бизнеса – обычные предпринимательские практики также учитывают социальные последствия своей работы, хотя и в разной степени.

В отечественной традиции задача строительства социального государства долго оставалась почти исключительно за государственными институтами: в советский и ранний постсоветский периоды самоорганизация граждан была слабой, а негосударственные институты практически не проявляли активности [3, с. 190]. Распространение идей правового и социального государства постепенно меняло эту картину – начали складываться новые общественные институты, среди которых социальное предпринимательство заняло особое место.

Само понятие «социальное предпринимательство» оформилось к концу XX века., в то время, когда среди предпринимателей начал складываться особый тип мышления, при котором коммерческий результат уже не считался единственным ориентиром. Необходимо отметить, что в последние годы число социальных предприятий в России устойчиво растет [4]. Нобелевский лауреат М. Юнус видит в этом следующую закономерность: государственные и благотворительные механизмы борьбы с бедностью он считает недостаточно эффективными и предлагает модель «бескорыстного бизнеса» как реальную альтернативу [22].

В научном сообществе спор о том, что первично в социальном предпринимательстве, не утихает: одни исследователи делают ставку на социальной составляющей, другие видят основу в рыночных механизмах, третьи настаивают на том, что оба начала равнозначны и образуют единое целое. Так, например, И.В. Разинкина отмечает двойственную природу социального предпринимательства – синтез социальных и рыночных принципов, а ключевой акцент видит в балансе между извлечением прибыли и реализацией социальной миссии [17].

С формально-правовой точки зрения определение социального предпринимательства закреплено в ст. 24.1 Федерального закона № 209-ФЗ [12]. Однако с позиций институциональной теории (Д. Норт) важно не столько содержание нормы, сколько ее функционирование в реальном институциональном поле. Анализ данных ВЦИОМ показывает, что неформальные практики и стереотипы остаются мощным сдерживающим фактором: 41% россиян не хотят открывать дело из-за личных установок и отсутствия «предпринимательской жилки», а интерес к бизнесу концентрируется исключительно в «низкобарьерных» нишах вроде торговли и услуг. В то же время формальные институты генерируют внешние риски, о чем свидетельствуют жалобы 14% респондентов на несовершенство законодательства и бюрократию, а также 15% на налоговое бремя и макроэкономическую нестабильность. Возникающий диссонанс приводит к парадоксальному результату: при рекордных 92% позитивного отношения к бизнесу в обществе, более половины граждан (53%) так и не решаются войти в данную сферу, предпочитая избегать предпринимательских рисков [16]. Само по себе соединение социальной ориентации с предпринимательской логикой порождает особый потенциал – способность генерировать и внедрять решения, которые действительно отвечают на острые вызовы времени.

Нормативно-правовое регулирование социального предпринимательства в России по-прежнему остается фрагментарным. Впервые определение социального предпринимательства, как деятельности, направленной на достижение общественно значимых результатов и решение социальных проблем граждан и общества, появляется в статье 24.1 Федерального закона № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [12]. Однако наличие определения само по себе не устраняет проблему: единого кодифицированного акта нет, а соответствующие нормы рассеяны по различным законодательным документам, что на практике порождает немало трудностей

Требования к получению статуса социального предприятия (доля уязвимых категорий в штате не менее 50%, закрытый перечень из 18 допустимых видов деятельности, параллельное действие норм

ФЗ № 7-ФЗ [11] и ФЗ № 442-ФЗ [10]) формируют жесткие формальные рамки входа в поле. С социологической точки зрения, такая конструкция воспроизводит логику «ручного управления», характерную для российской действительности: государство определяет не только правила, но и содержание допустимой деятельности, что существенно сужает пространство для инноваций.

Отсутствие единого кодифицированного акта о социальном предпринимательстве – это не просто правовая проблема, но и социологический феномен. Фрагментарность регулирования воспроизводит институциональную неопределенность, которая, согласно Д. Норту, стимулирует оппортунистическое поведение: часть предпринимателей получают статус ради преференций без реальной социальной миссии, тогда как другие, действительно работающие в социальной сфере, не могут формализовать свой статус из-за несоответствия жестким критериям. В терминах П. Бурдье, это приводит к девальвации символического капитала статуса социального предприятия и подрыву доверия к институту в целом [2, с. 102].

Социальное предпринимательство представляет собой особую форму деловой активности, направленную на смягчение острых общественных проблем через рыночные механизмы. От традиционного бизнеса его отличает ориентация на социальный эффект, от классической благотворительности – опора на предпринимательскую логику и самоокупаемость. Именно это сочетание делает данную модель самостоятельным явлением [18, с. 541].

Среди характеристик, которые исследователи считают определяющими, стоит выделить прежде всего нацеленность на измеримые и устойчивые общественные результаты. Решения при этом должны носить инновационный характер и отвечать реальным нуждам уязвимых групп или общества в целом [6, с. 229], а способность покрывать расходы за счет собственной деятельности (а не грантов) позволяет таким проектам сохранять независимость и работать на длинном горизонте [17, с. 298].

Масштабируемость успешных практик и возможность их тиражирования также относятся к характерным признакам социального предпринимательства. В модели социального бизнеса М. Юнуса прибыль направляется на дальнейшее развитие проекта и решение заявленной социальной проблемы [22]. Стоит отметить, что речь идет не об отдельных инициативах, а о системной работе, рассчитанной на долгосрочный эффект: от тех, кто берется за подобные проекты, требуется не только умение вести дело, но и реальное понимание природы тех проблем, которые они берутся решать [20, с. 110].

Сферы, где сегодня работают социальные предприниматели в России, весьма разнообразны. Образование и здравоохранение остаются наиболее активными точками приложения усилий – гибкие форматы обучения, реабилитационные и профилактические программы делают услуги доступнее для тех, кто раньше просто не мог до них добраться [6, с. 229]. Отдельного разговора заслуживает направление, связанное с поддержкой людей с инвалидностью. Инклюзивные рабочие места, адаптивные технические решения, сопровождаемое трудоустройство – все это работает сразу в двух направлениях: помогает человеку войти в общество и, что не менее важно, раскрыть собственные возможности [19, с. 130].

Экологические инициативы в рамках социального предпринимательства охватывают достаточно широкий спектр: раздельный сбор отходов, переработка вторичных ресурсов, экопросвещение и постепенное формирование иных моделей потребления – все это вписывается в глобальный курс на «зеленую» трансформацию экономики [20, с. 110]. Культурное направление строится иначе: здесь социальные предприниматели работают с сохранением локального наследия, продвигают инклюзивные форматы искусства и стараются обеспечить равный доступ к культурным благам для самых разных групп населения. Заслуживает внимания занятость уязвимых граждан – выпускников детских домов, бывших осужденных, многодетных родителей, людей, попавших в трудную жизненную ситуацию. Адаптированные рабочие места для них становятся реальным инструментом социальной реабилитации и выхода к экономической самостоятельности [20, с. 111].

Удачные модели социального предпринимательства редко ограничиваются одним направлением. Сочетание нескольких сфер деятельности одновременно позволяет выстроить комплексный подход к социальным проблемам и при этом удержать финансовую устойчивость за счет разнообразия источников дохода [13, с. 125]. Именно способность адаптироваться к меняющимся общественным запросам отличает жизнеспособные проекты.

Результаты

Поколение Z, выходящее сегодня на рынок труда, демонстрирует вполне определенные ожидания: автономия, свобода выбора, осознанная ответственность за собственные решения. Именно этим во многом объясняется заметный рост предпринимательской активности среди молодежи в последние годы. Российская статистика фиксирует: около 40% молодежи до 24 лет намерены открыть собственное дело, а среди респондентов 25–44 лет примерно каждый пятый уже ведет предпринимательскую деятельность или делает конкретные шаги в этом направлении [16]. Примечательно при этом другое – финансовая независимость для данной когорты, как правило, не единственный мотив. Не менее значимым оказывается запрос на проекты с реальной общественной пользой.

Мониторинг Минэкономразвития, ФОМ и Сбера за 2024 год показал, что предпринимательством так или иначе занимаются 23% экономически активных россиян. Из них 14% приходится на опытных бизнесменов, еще 6% на новичков.

Ценности бизнеса на фоне общественных перемен все больше склоняются к прагматизму. Людей ведет вперед прежде всего свобода (52%) и заработок (48%). А социальные устремления остаются на втором плане, помочь окружающим готовы 22%, изменить мир только 11%.

При этом само занятие постепенно завоевывает уважение. Почти половина граждан (48%) уверена, что успешный предприниматель пользуется признанием, а 43% находят идею открыть свое дело удачной.

Что мешает малому и среднему бизнесу расти сегодня? На первом месте нехватка денег на старте, о ней говорят 62% опрошенных. Дальше идет потребность в профессиональных связях (41%), а замыкает список дефицит доступной юридической помощи для тех, кто только начинает (32%) [15].

Круг задач, за которые берутся социальные предприниматели, широк – бедность и дискриминация, экологические кризисы, расточительное отношение к ресурсам, отсутствие доступа к медицине. Изучение 150 заявок на Всероссийский конкурс «Мой добрый бизнес» сезона 2023–2024 гг. [7], позволило выделить три преобладающих стратегии. Чаще всего встречается инклюзивная занятость, когда для уязвимых групп создают рабочие места, таких заявок 38%. Еще 31% приходится на социальные услуги (образование, реабилитацию, организацию досуга). Замыкает тройку экологическая трансформация с ее переработкой и экопросвещением – 18%.

Настораживает другое: финансовую самоокупаемость детально просчитали лишь 22% участников, а больше половины, 54%, изначально рассчитывали на гранты. За такой диспропорцией стоит хрупкость всего сектора, которому по-прежнему нужны отлаженные механизмы поддержки. Схожую картину рисуют и опросы ВЦИОМ, где барьеры для предпринимательства в России никуда не делись [16].

Что касается мотивации участников, здесь прослеживается любопытное сочетание. Большинство из них ориентированы одновременно на измеримый социальный результат и на коммерческую устойчивость проекта (то есть инициатива должна «кормить себя сама», а не держаться на грантах). Такой подход, следует отметить, отличает зрелое социальное предпринимательство от обычной благотворительности – и именно он делает подобные инициативы жизнеспособными в долгосрочной перспективе.

На основе обобщения данных литературных источников [11; 13; 17; 18; 19; 20] и результатов проведенного контент-анализа заявок конкурса «Мой добрый бизнес» выделены следующие структурные характеристики и барьеры развития социального предпринимательства (см. таблицу 1).

Таблица 1. Структурные характеристики и барьеры развития социального предпринимательства

Категория	Содержание
Ключевые характеристики	Социальное воздействие с измеримыми результатами Инновационность стратегий и продуктов Самоокупаемость и финансовая устойчивость Масштабируемость и тиражируемость моделей Приоритет работы с уязвимыми группами населения Реинвестирование прибыли в развитие Долгосрочность и системность изменений
Основные барьеры развития	Фрагментарность нормативно-правовой базы Дефицит целевого финансирования и грантовой поддержки Административные барьеры и избыточное регулирование Низкий уровень осведомленности общества о сути явления Недостаток специализированных компетенций у предпринимателей Слабо развитая инфраструктура государственной поддержки
Социально-психологические факторы	Разрыв между интересами бизнеса и общественными целями Сохранение стереотипов «предприниматель не равняется социальная сфера» Отождествление социального бизнеса с благотворительностью, что снижает инвестиционную привлекательность

Раздробленность нормативно-правовой базы возникла не из технического недосмотра, а по инерции постсоветских институтов. Прежде социальные функции целиком лежали на государстве, и современные социальные институты воспроизводят ту же логику через «ручное управление» и отсутствие системного правового регулирования новых гибридных форм.

Слабая осведомленность общества работает как когнитивный барьер, ведь в массовом сознании бизнес и социальная сфера по-прежнему кажутся вещами несовместимыми. Опросы подтверждают, что социальное предпринимательство путают с благотворительностью. Отсюда падает инвестиционная привлекательность сектора, а затем срабатывает порочный круг – из-за нехватки инвестиций развитие идет вяло, что лишь укрепляет исходный стереотип.

За нехваткой целевого финансирования скрывается структурное противоречие поля (в терминах П. Бурдье). Экономического капитала социальным предпринимателям не хватает, чтобы тягаться с коммерческим сектором. Именно поэтому, согласно данным контент-анализа, предприниматели предпочитают опираться на личный символический капитал (доверие локальных сообществ, репутацию) и личную социальную миссию (на что указывают 63% заявок), а не на формальный государственный статус, который упоминается лишь в 14% случаев как инструмент развития.

Недостаток специализированных компетенций связан с тем, что система образования воспроизводит разделение на «экономическое» и «социальное» знание, не формируя гибридных компетенций, необходимых для работы на стыке рыночной логики и социальной миссии.

Реализация социального потенциала предпринимательства в периоды общественных трансформаций наталкивается на целый узел взаимосвязанных трудностей – экономических, правовых, социальных и психологических. При макроэкономической нестабильности и жестких ресурсных ограничениях даже самые активные предпринимательские инициативы не всегда перекрывают дефицит государственного участия в решении крупных социальных задач. А.А. Урунов и И.М. Морозова выделяют семь ключевых инструментов партнерства НКО с муниципальными структурами (гранты, льготная аренда, государственно-частное партнерство, банковское кредитование, информационные платформы, образовательные программы и профессиональные ассоциации), системное использование которых обеспечивает рост выживаемости социальных предприятий в первые три года [20, с. 111].

Отдельной проблемой остается разрозненность нормативно-правовой базы. Единого специализированного закона о социальном предпринимательстве до сих пор нет, а потому субъекты деятельности вынуждены ориентироваться на множество разрозненных актов, которые нередко содержат взаимоисключающие требования и критерии [13, с. 126]. К этому добавляются административные барьеры – запутанные процедуры регистрации, избыточная отчетность, неоднозначное толкование законодательных норм со стороны контролирующих органов. Все это, следует признать, существенно сужает пространство для реального маневра.

Серьезную проблему представляет общественное восприятие социального предпринимательства: в массовом сознании оно до сих пор плохо отличается от благотворительности. Это сказывается на инвестиционной привлекательности таких проектов – деньги в них вкладывают неохотно, поскольку предпринимательская логика и социальная миссия воспринимаются как вещи несовместимые [20, с. 112].

Кадровый вопрос стоит не менее остро. Чтобы реализовать социальную инициативу, одной предпринимательской хватки мало – нужны компетенции в социальной работе, проектном управлении, оценке воздействия. Система подготовки специалистов такого профиля, впрочем, развита недостаточно [19, с. 130]. Вместе с тем развитие социального предпринимательства сдерживают ограниченный доступ к финансовым ресурсам, недостаточность грантовой поддержки, сложные требования к претендентам на государственное финансирование и низкая информированность населения о социальном предпринимательстве [21, с. 149]. Все это складывается в ситуацию, при которой социальные инновации, вполне востребованные, не получают ни ресурсов, ни организационной базы, необходимых для того, чтобы выйти за пределы пилотного масштаба.

На первый план сегодня должна выйти необходимость выработки новой предпринимательской идеологии – такой, которая опиралась бы на социальную ответственность, гражданское участие и реальное партнерство между государством, бизнесом и некоммерческим сектором. Без подобного сочетания рассчитывать на устойчивое развитие социального предпринимательства в нынешних условиях вряд ли возможно [13, с. 127].

Выводы

Появление социокультурных барьеров для социального предпринимательства в России не назовешь случайностью. Его путают с благотворительностью, его институциональный статус размыт, а в головах самих предпринимателей плохо уживаются рыночная логика и социальная миссия. Корни уходят в инерцию постсоветских институтов, когда социальная сфера считалась исключительно заботой государства.

Контент-анализ заявок конкурса «Мой добрый бизнес» позволил выделить три стратегии, такие как инклюзивная занятость, социальные услуги, экологическая трансформация. Различаются они степенью зависимости от грантовой поддержки и тем, насколько продумана бизнес-модель. На плаву держатся проекты, авторы которых умеют обменять символический капитал на осязаемые экономические ресурсы.

Как показал анализ, формальный статус социального предприятия и его действительная ценность для участников выборки, далеко не одно и то же. Предприниматели опираются прежде всего на собственную миссию, на репутацию и доверие местных сообществ, а государственная регистрация имеет для них заметно меньшее значение. Возникает вопрос: как сами социальные предприниматели воспринимают этот статус и что он дает им на практике.

Взгляд с позиций социологии на предпринимательство открывает то, что не улавливают ни экономика, ни право – мотивационные конструкции и институциональные механизмы. Общество меняется, а вместе с ним складывается и новая предпринимательская идеология, опирающаяся на социальную ответственность и партнерство государства, бизнеса и некоммерческого сектора. Формирование такой идеологии давно вышло за пределы академического интереса и стало вопросом практики.

Литература

1. Анцибор, А.В. Препятствия и векторы развития социального предпринимательства в Российской Федерации / А.В. Анцибор // Социальное предпринимательство и корпоративная социальная ответственность. – 2021. – Т. 2, № 4. – С. 281–294. – DOI 10.18334/social.2.4.112960. – EDN QVUSDK.

2. Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики/ Сост. и общ. пер. с фр. и послесл. Н.А. Шматко. Ч. 1, СПб.: Алетейя, 2007. – 567 с.

3. Васюнина, М.Л. К вопросу о признаках социального предпринимательства: научная дискуссия и правовое регулирование / М.Л. Васюнина // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. – 2020. – № 3. – С. 182–199. – DOI 10.38050/01300105202039. – EDN KBNCOI.

4. Доклад о состоянии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации и мерах по его развитию за 2019–1-е полугодие 2025 гг. и планах на период 2025–2030 гг. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/doklad_o_sostoyanii_malogo_i_srednego_predprinimatelstva_v_rossiyskoy_federacii_i_merah_po_ego_razvitiyu_za_2019_1_e_polugodie_2025_gg_i_planah_na_period_20252030_gg.html (дата обращения: 14.05.2026). – Текст: электронный.

5. Ерополова, В.И. Социальное предпринимательство в России: поиск правового баланса между извлечением прибыли и общественной пользой / В.И. Ерополова, М.В. Кузьмина // Наука через призму времени. – 2026. – № 5(110). – С. 40–44. – EDN XBJAKX.

6. Капарова, А.С. К вопросу о правовой природе социального предпринимательства / А.С. Капарова // Молодой ученый. – 2024. – № 12(511). – С. 228–231. – EDN LMYYXO.

7. Каталог лучших практик социального предпринимательства. – URL: (дата обращения: 21.05.2026).

8. Маркин, М.Е. Новый институциональный подход в экономической теории и экономической социологии: основные сходства и различия / М.Е. Маркин // Экономическая социология. – 2012. – Т. 13, № 3. – С. 123–133. – EDN OZFBKT.

9. Морозова, Е.А. Виды и формы социального предпринимательства / Е.А. Морозова, С.С. Ларин // Экономика. Информатика. – 2024. – Т. 51, № 4. – С. 814–823. – DOI 10.52575/2687–0932–2024–51–4–814–823. – EDN BTSYSU.

10. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 21.05.2026). – Текст: электронный.

11. О некоммерческих организациях: Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ. – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 21.05.2026). – Текст: электронный.

12. О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ

(ред. от 09.04.2026). – URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 21.05.2026). – Текст: электронный.

13. Пищулин, В.Н. Проблемы социального предпринимательства на современном этапе в условиях трансформации национальной и региональной экономики / В.Н. Пищулин, М.И. Шепелев // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. – 2024. – № 3(102). – С. 123–129. – DOI 10.37493/2307–907X.2024.3.13. – EDN ELHSWC.

14. Попов, В.Г. Социальная сущность предпринимательства: проблемы становления в условиях общественной трансформации / В.Г. Попов, В.Н. Климов // Социум и власть. – 2012. – № 1(33). – С. 14–18. – EDN OYDDEB.

15. Почти каждый четвертый экономически активный россиянин вовлечен в предпринимательство. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/pochti_kazhdyy_chetvertyy_ekonomicheski_aktivnyy_rossiyanin_vovlechen_v_predprinimatelstvo.html (дата обращения: 14.07.2026).

16. Предпринимательство: мониторинг 31 июля 2024 года. ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/predprinimatelstvo-monitoring (дата обращения: 21.05.2026). – Текст: электронный.

17. Разинкина, И.В. Социальное предпринимательство: двойственная природа и инновационный характер / И.В. Разинкина // Лидерство и менеджмент. – 2025. – Т. 12, № 2. – С. 297–304. – DOI 10.18334/lim.12.2.122589. – EDN GVGEME.

18. Савина, А.В. Правовое регулирование социального предпринимательства в России / А.В. Савина, Н.А. Придворов // Актуальные проблемы государства и права. – 2019. – Т. 3, № 12. – С. 540–548. – DOI 10.20310/2587–9340–2019–3–12–540–548. – EDN MXBYTT.

19. Гравшина, И.Н. Тенденции развития бизнес-моделей социального предпринимательства в России1 / И.Н. Гравшина, О.И. Швайка // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. – 2024. – № 4(51). – С. 125–135. – DOI 10.21777/2587–554X-2024–4–125–135. – EDN EERLNW.

20. Урунов, А.А. Социальное предпринимательство: отличительные особенности, институты поддержки и проблемы развития / А.А. Урунов, И.М. Морозова // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2025. – № 8–1. – С. 106–113. – DOI 10.17513/vaael.4279. – EDN WDCAFB.

21. Шатохин, М.В. Векторы развития социального предпринимательства в системе социальной политики России / М.В. Шатохин, О.И. Алаухова // Власть. – 2025. – Т. 33, № 3. – С. 147–153. – DOI 10.24412/2071–5358–2025–3–147–153. – EDN MAYKPT.

22. Юнус М. Создавая мир без бедности. Социальный бизнес и будущее капитализма / М. Юнус – Москва: Альпина Паблишер, 2010. – 306 с.

THE SOCIAL ESSENCE AND DEVELOPMENT CHALLENGES OF ENTREPRENEURSHIP AMIDST SOCIETAL TRANSFORMATION

Rozenberg N.V., Alekseev I.A.
Penza State University

The article analyzes the social essence of entrepreneurship and explores the mechanisms by which entrepreneurial activity influences the transformation of social relations and the resolution of structural social problems in contemporary Russian society. Particular attention is paid to social entrepreneurship as a hybrid form that combines market mechanisms with a mission of public good, reflecting the evolving role of business in the modern world. The authors examine key sociocultural and institutional factors shaping the development of socially oriented entrepreneurial practices within the Russian context, addressing how institutional uncertainty and sociocultural stereotypes – inherited from the Soviet welfare state model – influence the adaptation strategies and barriers faced by social entrepreneurs. The article emphasizes that deepening the sociological understanding of entrepreneurship fosters the emergence of a new entrepreneurial ideology grounded in social responsibility, civic engagement, and sustainable development.

Keywords: social entrepreneurship, institutional theory, social transformation, social responsibility, sociological analysis, adaptation strategies.

References

1. Antsibor, A.V. Obstacles and Vectors of Social Entrepreneurship Development in the Russian Federation / A.V. Antsibor // Social Entrepreneurship and Corporate Social Responsibility. – 2021. – Vol. 2, № 4. – P. 281–294. – DOI 10.18334/social.2.4.112960. – EDN QVUSDK.

2. Bourdieu, P. Social Space: Fields and Practices / Comp., general trans. from French, and afterword by N.A. Shmatko. Part 1. St. Petersburg: Aletheia, 2007. – 567 p.

3. Vasyunina, M.L. On the Characteristics of Social Entrepreneurship: Scientific Discussion and Legal Regulation / M.L. Vasyunina // Moscow University Bulletin. Series 6: Economics. – 2020. – № 3. – P. 182–199. – DOI 10.38050/01300105202039. – EDN KBNCOI.

4. Report on the State of Small and Medium-Sized Enterprises in the Russian Federation and Measures for Their Development (2019 – First Half of 2025) and Plans for the 2025–2030 Period [Electronic resource]. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/doklad_o_sostoyanii_malogo_i_srednego_predprinimatelstva_v_rossiyskoy_federacii_i_merah_po_ego_razvitiyu_za_2019_1_e_polugodie_2025_gg_i_planah_na_period_20252030_gg.html (accessed: 14.05.2026). – Text: electronic.

5. Eropolova, V.I. Social Entrepreneurship in Russia: Seeking a Legal Balance Between Profit Generation and Public Benefit / V.I. Eropolova, M.V. Kuzmina // Science Through the Prism of Time. – 2026. – № 5(110). – P. 40–44. – EDN XBJAKX.

6. Kaparova, A.S. On the Legal Nature of Social Entrepreneurship / A.S. Kaparova // Young Scientist. – 2024. – № 12(511). – P. 228–231. – EDN LMYYXO.

7. Catalog of Best Practices in Social Entrepreneurship. – URL: (accessed: 21.05.2026).

8. Markin, M.E. The New Institutional Approach in Economic Theory and Economic Sociology: Key Similarities and Differences / M.E. Markin // Economic Sociology. – 2012. – Vol. 13, № 3. – P. 123–133. – EDN OZFBKT.

9. Morozova, E.A. Types and Forms of Social Entrepreneurship / E.A. Morozova, S.S. Larin // Economics. Informatics. – 2024. – Vol. 51, № 4. – P. 814–823. – DOI 10.52575/2687–0932–2024–51–4–814–823. – EDN BTSYSU.

10. On the Fundamentals of Social Services for Citizens in the Russian Federation: Federal Law № 442-FZ dated December 28, 2013. – URL: http://pravo.gov.ru (accessed: May 21, 2026). – Text: electronic.

11. On Non-Profit Organizations: Federal Law № 7-FZ dated January 12, 1996. – URL: http://pravo.gov.ru (accessed: May 21, 2026). – Text: electronic.

12. On the Development of Small and Medium-Sized Enterprises in the Russian Federation: Federal Law № 209-FZ dated July 24, 2007 (as amended on April 9, 2026). – URL: http://pravo.gov.ru (accessed: May 21, 2026). – Text: electronic.

13. Pishchulin, V.N. Challenges of Social Entrepreneurship at the Present Stage Amidst the Transformation of the National and Regional Economy / V.N. Pishchulin, M.I. Shepelev // Bulletin of the North Caucasus Federal University. – 2024. – № 3(102). – P. 123–129. – DOI 10.37493/2307–907X.2024.3.13. – EDN ELHSWC.

14. Popov, V.G. The social essence of entrepreneurship: challenges of emergence amidst societal transformation / V.G. Popov, V.N. Klimov // Society and Power. – 2012. – № 1(33). – P. 14–18. – EDN OYDDEB.

15. Almost one in four economically active Russians is involved in entrepreneurship. – URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/pochti_kazhdyy_chetvertyy_ekonomicheski_aktivnyy_rossiyanin_vovlechen_v_predprinimatelstvo.html (accessed: 14.07.2026).

16. Entrepreneurship: monitoring as of July 31, 2024. VTsIOM. [Electronic resource]. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/predprinimatelstvo-monitoring (accessed: 21.05.2026). – Text: electronic.

17. Razinkina, I.V. Social entrepreneurship: dual nature and innovative character / I.V. Razinkina // Leadership and Management. – 2025. – Vol. 12, № 2. – P. 297–304. – DOI 10.18334/lim.12.2.122589. – EDN GVGEME. 18. Savina, A.V. Legal Regulation of Social Entrepreneurship in Russia / A.V. Savina, N.A. Pridvorov // Current Issues of State and Law. – 2019. – Vol. 3, № 12. – P. 540–548. – DOI 10.20310/2587–9340–2019–3–12–540–548. – EDN MXBYTT.

19. Gravshina, I.N. Trends in the Development of Social Entrepreneurship Business Models in Russia / I.N. Gravshina, O.I. Shvaika // Bulletin of S.Y. Witte Moscow University. Series 1: Economics and Management. – 2024. – № 4(51). – P. 125–135. – DOI 10.21777/2587–554X-2024–4–125–135. – EDN EERLNW.

20. Urunov, A.A. Social Entrepreneurship: Distinctive Features, Support Institutions, and Development Challenges / A.A. Urunov, I.M. Morozova // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. – 2025. – № 8–1. – P. 106–113. – DOI 10.17513/vaael.4279. – EDN WDCAFB.

21. Shatokhin, M.V. Development Vectors of Social Entrepreneurship within Russia's Social Policy System / M.V. Shatokhin, O.I. Alaukhova // Vlast. – 2025. – Vol. 33, № 3. – P. 147–153. – DOI 10.24412/2071–5358–2025–3–147–153. – EDN MAYKPT.

22. Yunus M. Creating a World Without Poverty: Social Business and the Future of Capitalism / M. Yunus – Moscow: Alpina Publisher, 2010. – 306 p.

Вторичная языковая личность как форма проявления языкового капитала: социологическая интерпретация

Салихова Ирина Сергеевна,
преподаватель кафедры социологии Московского государственного лингвистического университета
E-mail: Irasalikhova@list.ru

В статье анализируются теоретические подходы к пониманию языковой и вторичной языковой личности, сложившиеся в лингвистическом, социокогнитивном и лингвокультурологическом направлениях. Особое внимание уделяется концепции языкового (или лингвистического) капитала П. Бурдье, который рассматривает язык не только как средство коммуникации, но и как инструмент символической власти, функционирующий на «лингвистических рынках». В статье языковой капитал определяется как совокупность языковых знаний, навыков и культурного опыта, включающей знание языков, подтвержденный уровень владения ими и понимание культуры страны изучаемого языка. Социологическая интерпретация вторичной языковой личности раскрывается через процесс вторичной социализации, в ходе которой усваиваются не только язык и культура, но и формируется новая идентичность, сопоставимая с носителем языка. Именно в этом качестве вторичная языковая личность становится формой проявления языкового капитала. Ключевым институтом, определяющим ценность языкового капитала и условия его накопления, выступает система образования, которая одновременно формирует языковые компетенции и воспроизводит неравенство в доступе к ним. Делается вывод, что языковой капитал – это ресурс, который накапливается постепенно и конвертируется в социальные блага, когда индивид имеет культурный опыт и получает признание в институциональной среде.

Ключевые слова: языковая личность, вторичная языковая личность, иностранный язык, теория капиталов, капиталы Бурдье, культурный капитал, языковой капитал, лингвистический капитал.

Введение в проблему исследования

Феномен «языковой личности» прочно укоренился в лингвистике и лингводидактике, став одной из ключевых категорий для описания того, как человек осваивает и использует язык. Вслед за этим появилось понятие «вторичной языковой личности», обозначающее качественно новое образование, которое возникает у человека в процессе овладения иностранным языком и погружения в иную культуру.

Концепт «вторичной языковой личности» введен в научный обиход и является объектом исследования лингвистов (Караулов [1], Халеева, Потемкина, Курданова). В социологии обращение к данному феномену носит фрагментарный характер [2], тем не менее, именно социологический подход позволяет с его помощью в полной мере раскрыть профессионально-типические черты личности вузовского преподавателя иностранного языка.

С социологической точки зрения концепт вторичной языковой личности (ВЯЛ) может быть рассмотрен, как минимум, в двух аспектах: 1) ВЯЛ как процесс формирования и результат вторичной социализации личности (при условии, что второй язык, как правило, изучается в качестве иностранного); 2) ВЯЛ как форма проявления языкового капитала.

Первый подход концентрирует внимание на приобретении личностью социально-значимых качеств в процессе самостоятельной жизни (в отличие от стадии первичной социализации, связанной периодом детства, когда формируется языковая личность). Среди этих качеств можно выделить и иноязычные компетенции. Овладение новым языком (через освоение ценностей и норм другой культуры в процессе вторичной социализации) открывает доступ к иной картине мира, что приводит к формированию качественно нового личностного образования – вторичной языковой личности [3]. Второй подход связан с теорией капиталов П. Бурдье, который среди прочих видов наряду с экономическим, социальным, символическим выделял и культурный капитал. При описании последнего он указывал на то, что он представляет собой синтез трех состояний: воплощенного (embodied state), объективированного (objectified state) и институционализированного (institutionalized state). Воплощенное состояние представляет собой «долговременные диспозиции ума и тела, знания, вкусы, манеры, требующие личных временных затрат для своего приобретения)», объективированное состояние – это «материальные объекты культуры – книги, картины, инструменты, которые могут передаваться материально» и институционализированное (академические квалификации и дипломы, юридически гарантирующие культурную компетенцию» [4], позволяющие конвертировать культурный капитал в экономический).

Появление термина «языковой капитал» (или лингвистический капитал) связывают с работами П. Бурдье и Ж.К. Пассрона «Les étudiants et leurs études» («Студенты и их учеба») и «Les Héritiers» («Наследники»), опубликованных в 1964 г. Языковой капитал, являясь подтипом культурного капитала, может основываться на богатом словарном запасе, умении строить сложные предложения, правильной речи, а также становиться знаком авторитета, который может приносить материальную или символическую прибыль.

В статье будут рассмотрены теоретические подходы к пониманию языковой и вторичной языковой личности, анализ концепции языкового капитала П. Бурдье.

Теоретическая рамка исследования

Концепт «вторичной языковой личности» находится в логической взаимосвязи с «языковой личностью» и, по сути, выступает в качестве следующего этапа ее развития.

Основы изучения языковой личности заложили В. Гумбольдт, Й.Л. Вайсгербер, В.В. Виноградов и др. Проведенный анализ существующих подходов к изучению ВЯЛ позволил выделить три основных из них: лингвистический (Койл, Александравича др.), социокогнитивный (Коряковцева и др.) и лингвокультурологический (Кострица и др.). Концепция капиталов П. Бурдье и его последователей открывает новые возможности для анализа ВЯЛ через понятие «языковой капитал», являющегося подтипом культурного капитала. Это позволяет наполнить лингвистический термин «вторичная языковая личность» социологическим содержанием.

Обсуждение

Исследование понятия «языковая личность»

Термин «языковая личность» (ЯЛ) напрямую связан с понятием «языковая картина мира», которое использовал немецкий языковед Й.Л. Вайсгербер. По его мнению, язык связан с деятельностью человека: владея иностранным языком, индивид мыслит и описывает окружающую действительность в соответствии с понятийным и смысловым аппаратом изучаемого языка. Можно сказать, что языковая картина мира, по сути, лежит в основе формирования языковой личности. Языковая личность связана с культурой, так как, изучая иностранный язык, индивид, так или иначе, погружается в культурную среду изучаемого ИЯ. В таком случае носители языка будут выступать субъектами социализации, которые помогают обучаемому думать, мыслить, говорить и писать так же, как и они [5].

В 1930 г. термин ЯЛ впервые появляется (но не описывается) в работе «О языке художественной прозы» советского академика В.В. Виноградова [6]. Другой советский лингвист, Г.И. Богин, попытался описать исследуемое понятие, понимая под ним того «кто присваивает язык, т.е. тот, для кого язык есть речь» [7].

В рамках лингвистического подхода существует концепт «личность – язык», позволяющий рассмотреть билингвов (носителей двух языков: родного и другого – иностранного) как носителей языковой личности. Этой точки зрения придерживаются зарубежные исследователи, например, С. Мотобаяши и Т. Такахаши [8], И. Гао [9] и др.

В некоторых исследованиях появление термина ЯЛ связывают с французским социологом П. Бурдье, однако он напрямую не использовал данный термин в своих работах. Вместе с тем, его концепция капиталов позволяет рассматривать ЯЛ сквозь призму языкового капитала, являющегося одной из форм культурного капитала.

В качестве особой формы проявления языкового капитала можно рассмотреть, например, вторичную языковую личность преподавателя иностранного языка.

В этом аспекте вторичная языковая личноть включает способность педагога-лингвиста функционировать в двух культурно-языковых пространствах (родном и иноязычном), что позволяет использовать этот ресурс для повышения своей профессиональной квалификации и карьерного роста в вузе. Причем, овладение ЯЛ происходит путем погружения в социальную (в профессию и профессиональное сообщество) и культурную (в культуру страны изучаемого ИЯ) среды. Важно отметить, что педагог сначала сам изучает иностранный язык, и только потом передает свои знания другим. Изучение иностранного языка способствует формированию у него культурно-языковой картины мира, с помощью которой окружающая действительность описывается посредством нового понятийного аппарата.

Основные теоретические подходы к понятию «вторичная языковая личность»

Принято считать, что вторичная языковая личность – это производная от языковой личности, связанная с процессом социализации индивида и овладением им ИЯ. Вторичная языковая личность предполагает наличие культурно-языковой картины мира, включающей понимание особенностей национального менталитета, культурных норм и традиций (Потемкина [10], Курданова [11]).

В языкознании сложились следующие основные подходы к понимаю ВЯЛ: лингвистический, социокогнитивный и лингвокультурологический.

В зарубежной лингвистике и методике преподавания языков заметна тенденция к взаимосвязи неносителя языка, изучающего ИЯ, и его принадлежности к языковой группе. Например, Д. Койл [12] выявил, что у изучающих иностранный язык появляется чувство самоидентификации с носителями культуры изучаемого языка. Д. Александравича определила идентичность изучающих ИЯ через изучение самого иностранного языка, то есть процесс вторичной социализации. Она отмечает, что идентичность – это многогранный и изменчивый конструкт, на который влияют как сам ИЯ, так и окружающая среда – социальные структуры в виде высших учебных заведений. Обучающийся может контролировать процесс обучения и достигать поставленных целей (например, знание ИЯ на уровне С1), тем самым формируя свое положение в среде изучения языка [13].

Обосновывая социокогнитивный подход в обучении иностранному языку, Н.Ф. Коряковцева подчеркивает, что вторичная языковая личность имеет социолингвокогнитивную природу, а ее структура включает единство мотивационно-потребностного, тезаурусно-когнитивного и вербально-семантического уровней [14].

Лингвокультурологический подход акцентирует внимание на иноязычном компоненте общения личности с представителями другой культуры. «Вторичная языковая личность понимается как совокупность способностей человека к иноязычному общению на межкультурном уровне и взаимодействию с представителями других культур» [15].

Феномен ВЯЛ начинает набирать обороты в научных трудах с 1970-х гг. Особого внимания заслуживают работы российского лингвиста И.И. Халеевой, которая разработала концепцию изучаемого феномена. По ее мнению, вторичная языковая личность связана с межкультурной коммуникацией индивида на иностранном языке. Вторичная языковая личность появляется как результат овладения ИЯ и проявляется через «способность распознавать и понимать текстовую деятельность инофона [прим. авт.: носителя языка]» [16].

С точки зрения социологии, концепты ЯЛ и ВЯЛ можно рассмотреть через процесс социализации, в ходе которого «учащиеся вовлекаются не просто в грамматику, но и в культуру, сообщество практиков» [17]. Основным институтом формирования языковой личности выступает семья, которая с самого раннего детства выступает главным агентом первичной социализации, транслируя ребенку язык как базовую систему социальных смыслов, норм и ценностей. Вторичная языковая личность формируется иными социальными институтами (образование, профессиональная среда, миграционные сообщества и пр.), где происходит усвоение новых норм и ролей. Посредством первичной социализации усваивается родной язык, обычно язык матери, и в конечном счете у индивида формируется одна идентичность – носителя родного языка. При вторичной социализации, напротив, происходит освоение нового языка (отличного от родного), в результате чего появляется новая идентичность, сопоставимая с носителем культуры этого языка. Как отмечает В.В. Катермина, в основе превращения человека в языковую личность лежит социализация, которая включает три компонента: 1) включение в социальные связи, благодаря чему индивид присваивает культурный опыт общества; 2) речевая и мыслительная активности в соответствии с правилами родного языка; 3) освоение психологических установок, характерных для данного народа. Особое значение для развития языковой личности имеют последние два направления, так как именно через язык открывается доступ к национальной культуре и к пониманию народной психологии [18].

Существует также понятие «языковая социализация», впервые появившееся в конце 20 в. в работах Э. Окс и Б.Б. Шиффлин [19]. Например, Э. Окс понимает под данным термином «процесс, посредством которого дети и другие новички социализируются через язык» [20]. Акцент делается на взаимодействии с носителями языка, в ходе которого учащиеся не только совершенствуют свои языковые компетенции, но и усваивают культурные коды, традиции и особенности мышления, присущие данной языковой общности. В результате языковой социализации индивиды становятся компетентными членами языкового сообщества.

Термин «вторичная языковая личность» употребляется в контексте изучения иностранного языка (языков) и является расширением границ собственной языковой личности, погружением в культуру народа изучаемого языка, с изменяющейся собственной идентичностью, когда в структуре личности взращиваются черты языковой личности, присущие представителям изучаемого языка. Родной и другой (иностранный) языки рассматриваются как факторы и средства вторичной социализации личности, освоения ею ценностей и норм разных культур; у личности формируется новая идентичность, сопоставимая с культурой изучаемого иностранного языка (см. таблицу 1).

Таблица 1. Сопоставление понятий «языковая личность» и «вторичная языковая личность»

Языковая личность	Вторичная языковая личность
Формирование	
Родной язык – фактор и основное средство первичной социализации личности	Родной и другой (иностранный) языки рассматриваются как факторы и средства вторичной социализации личности
Особенности	
Освоение ценностей и норм национальной культуры	Освоение ценностей и норм разных культур
Наличие только одной идентичности – идентичности носителя родного языка	У личности формируется новая идентичность, сопоставимая с культурой изучаемого иностранного языка

Концепция языкового капитала П. Бурдье и ее интерпретация

По мнению французского социолога П. Бурдье, в социальном пространстве индивид должен «располагать определенными капиталами – специфическими знаниями и навыками, признанным статусом, «авторитетом», связями и т.д.» [21]. Так, он выделяет 4 основные формы

капитала: культурный, экономический, социальный и символический. Каждая из форм имеет производные (подвиды), например, в культурном выделяются: академический, интеллектуальный, языковой и пр.

П. Бурдье при описании языкового капитала указывает на то, что язык не только средство коммуникации и знания, но и инструмент власти [22]. Социолог пишет о существовании лингвистических рынков, определяющих ценность речи. Конкретные условия общения (формальные или неформальные) напрямую влияют на то, какие языковые продукты будут оценены выше. Особое положение на лингвистическом рынке, по мнению Бурдье, занимает образовательная система, которая наделена монопольным правом на его воспроизводство. Именно от школы и вуза зависит, будет ли та или иная языковая компетенция признана ценной и сможет ли она функционировать в качестве языкового капитала.

Язык выступает маркером принадлежности к определенным социальным группам и одновременно служит важнейшим инструментом социальной мобильности. Владение конкретным языком становится обязательным условием для получения высокооплачиваемой работы, открывает возможности для экономического роста через эмиграцию в более благополучные страны. Помимо этого, знание языка само по себе может являться профессией, то есть ресурсом, который конвертируется в экономические блага и реальный капитал» [23].

Центральным институтом, закрепляющим ценность языкового стандарта, выступает система образования. Значительная часть учебного процесса направлена на овладение «правильным» языком в его устной и письменной формах [24]. Формирование иноязычных компетенций и, соответственно, накопление языкового капитала также непосредственно связаны с системой общего образования. При этом образовательные институты не только целенаправленно развивают эти компетенции, но и могут создавать условия для неравномерного их распределения среди различных социальных групп [25].

По мнению П. Бурдье, уровень владения языком выступает важнейшим фактором социальной мобильности и политического влияния. Индивиды, располагающие значительным языковым капиталом (использование сложных речевых оборотов, безупречное произношение и разнообразный словарный запас), обладают более высокими шансами на карьерное продвижение и общественное признание.

По нашему мнению, языковой капитал можно определить как совокупность языковых знаний, навыков и культурного опыта человека, включающую знание языков, уровень владения ими с документальным подтверждением и понимание культуры страны изучаемого языка.

Важно отметить, что лингвистический капитал накапливается постепенно, так как язык изучается и практикуется каждый день. Например, для преподавателей иностранного языка этот процесс не завершается с получением диплома, он продолжается на протяжении всей профессиональной деятельности, поскольку преподавание требует постоянного совершенствования языковых навыков и расширения культурных знаний. Следовательно, чем дольше преподаватель работает по специальности, тем больше языкового капитала он накапливает, а его вторичная языковая личность становится все более устойчиво. По сути, овладение ИЯ должно быть связано с языковым капиталом, так как он используется «для описания различных языковых ресурсов, доступных одному человеку, а также ценностей, связанных с этим ресурсом» [26].

Заключение

Социологическая интерпретация вторичной языковой личности происходит через вторичную социализацию, в ходе которой усваиваются не только язык и культура языка, но и формируется новая идентичность, сопоставимая с носителем языка. Именно в этом качестве она становится формой проявления языкового капитала – ресурса, включающего знание языка и подтвержденный уровень владения им, а также культурный опыт и способность функционировать в двух культурно-языковых измерениях.

Вторичная языковая личность также неразрывно связана с постепенным накоплением языкового капитала. Подобно процессу социализации накопление языковых знаний и умений происходит на протяжении всей жизни человека, т.е. посредством ежедневной языковой практики, общения с носителями или проживающими в стране ИЯ, чтения профессиональной литературы на иностранном язык и пр.

Ключевым институтом, определяющим ценность языкового капитала и условия его накопления, выступает система образования. Образование выступает одновременно и основным каналом формирования языкового капитала, и механизмом, способным воспроизводить неравенство в доступе к нему. Именно в школе и вузе закладываются стандарты «правильного» языка, формируются иноязычные компетенции и устанавливаются определенные речевые нормы. Из-за неравного доступа к качественному языковому образованию, ВЯЛ у разных людей, изучающих иностранный язык, может существенно различаться.

Таким образом, индивид, владеющий иностранным языком на уровне, позволяющем ему мыслить и действовать в двух культурных измерениях, получает доступ к новым возможностям: от карьерного роста до социального признания. Однако этот ресурс аккумулируется не мгновенно. Социологический взгляд на вторичную языковую личность через языковой капитал позволяет увидеть, что знание языка – это не просто личное достижение, а ресурс, который накапливается, оценивается и конвертируется в социальные блага в зависимости от институциональных условий и культурного опыта человека.

Литература

1. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987. – 261 с.
2. Бабаян, Т.Г. Проблемы социологического изучения феномена «языковой личности» в речевых коммуникациях: дис. … канд. социол. наук. – 2003. – Тамбов. – 162 с.
3. Халеева, И.И. Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста // Язык – система. Язык – текст. Язык – способность. – М.: РАН ИРЯ, 1995. – С. 277–285.
4. Bourdieu, P. The forms of capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / J. Richardson (Ed.). – Westport CT: Greenwood. – 1986. – Pp. 241–258.
5. Weisgerber, L. Muttersprache und Geistesbildung. – Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1929. – 170 S.
6. Виноградов, В. В. О языке художественной прозы. Избранные труды. – М.: Наука, 1980. – 360 с.
7. Богин, Г.И. Современная лингводидактика. – Калинин: Изд-во Калинин. гос. ун-та, 1980. – 61 с.
8. Motobayashi, S., Takahashi T. Changes in Japanese ESL Speakers' Identities and in Their Attitudes Toward Speaking English // The Journal of Language Teaching and Learning, 2019, 9(1), 30–52. DOI: 10.66887/jltl.v9i1.73
9. Gao, Y., Cheng Y., Zhao Y., Zhou Y. Self-identity changes and English learning among Chinese undergraduates // World Englishes, 2005, 24(1), 39–51. DOI: 10.1111/j.0883-2919.2005.00386.x
10. Потемкина, Е.В. К вопросу о методах формирования вторичной языковой личности // Вестник Ленинградского гос. университета им. А.С. Пушкина. – 2013. – Т. 1. – № 2. – С. 215–224.
11. Курданова Х. М., Катханова М.С. Вторичная языковая личность как цель и результат обучения иностранным языкам // Известия Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета им. В.М. Кокова. – 2014. – № 4 (6). – С. 120–124.
12. Coyle, D. Listening to learners: an investigation into «successful learning» across CLIL contexts // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism, 2013, № 16(3), 244–266.
13. Aleksandravičа, D. Foreign language learners' identity and agency in the ecology of higher education // Language for International Communication, 2025, 5, 17–31. DOI: 10.22364/lincs.2025.01
14. Коряковцева Н.Ф. Социокогнитивный подход к обучению иностранному языку в рамках межкультурной парадигмы лингвистического образования // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2020. – № 1 (834). – С. 11–22.
15. Кострица Е. И, Петрова И.В. К вопросу о межкультурной компетенции вторичной языковой личности: лингводидактический аспект // Вестник ЗабГ У. – 2011. – № 11. – С. 85–90.
16. Халеева, И.И. Подготовка переводчика как «вторичной языковой личности» (аудитивный аспект) / И.И. Халеева // Тетради переводчика: науч.-теор. сб. – М., 1999. – Вып. 24. – С. 63–72.
17. Adaje, M., & Adekunle, A.J. Language Socialization in the Age of Artificial Intelligence: Reimagining French Language Education Through Sociological and Anthropological Intelligence // Languages, Literatures and Cultures, 2026, 2(3), 107–113.
18. Катермина, В. В., Логутенкова, О.Н. Вторичная языковая личность в контексте культуры // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2018. – № 1 (29). – С. 42–50.
19. Schieffelin, B.B. The Give and Take of Everyday Life: Language, Socialization of Kaluli Children (Studies in the Social and Cultural Foundations of Language, № 9). – New York: Cambridge University Press, 1990. – 278 p.
20. Ochs, E. Linguistic Resources for Socializing Humanity // Rethinking Linguistic Relativity / J. Gumperz, & S. Levinson (Eds.). – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – Pp. 407–437.
21. Бурдье, П. Социология политики / Пьер Бурдье. – Москва: Socio-Logos, 1993. – 333 с.

22. Bourdieu, P. The economics of linguistic exchanges // Social Science Information, 1977, 16(6), 645–668.

23. Амосова, Т.В. Лингвистический капитал: результаты социологического опроса и их анализ / Т.В. Амосова // Философия и социальные науки. – 2007. – № 2. – С. 63–67.

24. Живов, В.М. Лингвистический капитал и его трансформации в истории русского языка последнего столетия / В.М. Живов. – Текст: непосредственный // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. – 2014. – № 1. – С. 13–35.

25. Половнев, А.В. Иноязычный компонент языкового капитала и региональные особенности его формирования в системе общего образования / А.В. Половнев // Социология и общество: формирование и функционирование общественной памяти: Сборник докладов VII всероссийского социологического конгресса, Москва, Санкт-Петербург, Ростов-на-Дону, 12–14 ноября 2025 года. – Москва: Российское общество социологов, 2025. – С. 1432–1437.

26. Крюкова, О.С. Языковой versus лингвистический: этимология, семантика, узус / О.С. Крюкова, М.Б. Раренко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2024. – Т. 15, № 4. – С. 1283–1295.

THE SECONDARY LINGUISTIC PERSONALITY AS A FORM OF MANIFESTATION OF LANGUAGE CAPITAL: A SOCIOLOGICAL INTERPRETATION

Salikhova I.S.
Moscow State Linguistic University

The article touches upon the theoretical approaches to understanding the linguistic and secondary linguistic personality that have emerged in the linguistic, sociocognitive, and linguoculturological fields. Special attention is paid to P. Bourdieu's concept of language (or linguistic) capital, which views language not only as a means of communication but also as an instrument of symbolic power functioning in «linguistic markets». In the article language capital is defined as the totality of linguistic knowledge, skills, and cultural experience, including knowledge of languages, a confirmed language level of proficiency, and an understanding of the culture of the country whose language is being studied. The sociological interpretation of the secondary linguistic personality is revealed through the process of secondary socialization, during which not only language and culture are acquired, but also a new identity is formed, comparable to that of a native speaker. Namely, this capacity that the secondary linguistic personality becomes a form of manifestation of language capital. The key institution that determines the value of linguistic capital and the conditions for its accumulation is the education system, which simultaneously shapes linguistic competencies and reproduces inequality in access to them. It is concluded that linguistic capital is a resource that accumulates gradually and is converted into social benefits when an individual has cultural experience and gains recognition in an institutional environment.

Keywords: linguistic personality, secondary linguistic personality, foreign language, theory of capitals, Bourdieu capitals, cultural capital, language capital, linguistic capital.

References

1. Karaulov, Yu.N. Russian language and linguistic personality. – Moscow, Nauka, 1987. – 261 p.

2. Babayan, T.G. Problems of the sociological study of the phenomenon of «linguistic personality» in speech communications: dissertation of the candidate of sociological sciences. – 2003. – Tombov. – 162 p.

3. Khaleeva, I.I. Secondary linguistic personality as a recipient of a foreign language text // Language is a system. Language is a text. Language is an ability. – Moscow, Vinogradov Institute of Russian Language, 1995, 277–285.

4. Bourdieu, P. The forms of capital // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / J. Richardson (Ed.). – Westport CT: Greenwood. – 1986. – Pp. 241–258.

5. Weisgerber, L. Muttersprache und Geistesbildung. – Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1929. – 170 S.

6. Vinogradov, V.V. On the language of fiction. Selected works. – Moscow, Nauka, 1980. – 360 p.

7. Bogin, G.I. Modern linguodidactics. – Kalinin, Publishing House of Kalinin State University, 1980. – 61 p.

8. Motobayashi, S., Takahashi T. Changes in Japanese ESL Speakers' Identities and in Their Attitudes Toward Speaking English // The Journal of Language Teaching and Learning, 2019, 9(1), 30–52. DOI: 10.66887/jltl.v9i1.73

9. Gao, Y., Cheng Y., Zhao Y., Zhou Y. Self-identity changes and English learning among Chinese undergraduates // World Englishes, 2005, 24(1), 39–51. DOI: 10.1111/j.0883-2919.2005.00386.x

10. Potemkina, E.V. On the question of methods of forming a secondary linguistic personality // Pushkin Leningrad State University Journal. – 2013. – Vol.1(2). – Pp. 215–224.

11. Kurdanova H. M., Katkhanova M.S. Second language personality as a purpose and a result in training of foreign languages // Izvestia Kabardino-Balkarian State Agrarian University named after V.M. Kokov. – 2014. – Vol.4(6). – Pp. 120–124.

12. Coyle, D. Listening to learners: an investigation into «successful learning» across CLIL contexts // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism, 2013, 16(3), 244–266. DOI: 10.1080/13670050.2013.777384

13. Aleksandraviča, D. Foreign language learners' identity and agency in the ecology of higher education // Language for International Communication, 2025, 5, 17–31. DOI: 10.22364/lincs.2025.01

14. Koryakovtseva N.F. Sociocognitive approach to foreign language teaching in the intercultural paradigm of linguistic education // Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Teaching. – 2020. – Vol.1(834). – Pp. 11–22.

15. Kostritsa E. I., Petrova I.V. Reference to intercultural competence of secondary linguistic personality: linguistic didactic aspect // Transbaikal State University Journal. – 2011. – 11(78). – Pp. 85–90.

16. Khaleeva, I.I. Training of an interpreter as a «secondary linguistic personality» (auditory aspect) // Translator's notebooks. – Moscow, 1999. – Vol.24. – Pp, 63–72.

17. Adaje, M., & Adekunle, A.J. Language Socialization in the Age of Artificial Intelligence: Reimagining French Language Education Through Sociological and Anthropological Intelligence. Languages, Literatures and Cultures, 2026, 2(3), 107–113.

18. Katernina V.V., Logutenkova O.N. Secondary language personality in the context of culture // Current Issues in Philology and Pedagogical. – 2018. – Vol.1(29). – Pp. 42–50.

19. Schieffelin, B.B. The Give and Take of Everyday Life: Language, Socialization of Kaluli Children (Studies in the Social and Cultural Foundations of Language, № 9). – New York: Cambridge University Press, 1990. – 278 p.

20. Ochs, E. Linguistic Resources for Socializing Humanity // Rethinking Linguistic Relativity / J. Gumperz, & S. Levinson (Eds.). – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – Pp. 407–437.

21. Bourdieu, P. Sociology of politics. – Moscow, Socio-Logos, 1993. – 336 p.

22. Bourdieu, P. The economics of linguistic exchanges // Social Science Information, 1977, 16(6), 645–668.

23. Amosova, T.V. Linguistic capital: the results of a sociological survey and their analysis // The Journal of Philosophy and Social Sciences. – 2007. – Vol.2. – Pp. 63–67.

24. Zhivov, V.M. Linguistic capital and its transformations in the history of the Russian language of the last century // Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute. – 2014. – Vol.1. – Pp. 13–35.

25. Polovnev, A.V. The foreign language component of language capital and regional features of its formation in the general education system // Sociology and society: formation and functioning of public memory. – 2025. – Pp. 1432–1437.

26. Kryukova, O. S., Rarenko M.B. «Jazykovoj» (Language) Versus «Lingvisticheskij» (Linguistic): Etymology, Semantics, Usage // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. – 2024. – Vol.15(4). – Pp. 1283–1295.

Взгляд на совместимость человека и организации через призму философских учений

Симонова Маргарита Михайловна,
кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: mmsimonova@fa.ru

Бутырина Станислава Альбиновна,
кандидат философских наук, доцент кафедры социально-экономических и гуманитарных дисциплин Московский государственный университет спорта и туризма
E-mail: s6354986@yandex.ru

Левченкова Татьяна Анатольевна,
кандидат философский наук, доцент кафедры истории и политологии Российского химико-технологического университета им. Д.И. Менделеева
E-mail: tatlev@yandex.ru

Статья посвящена содержательному анализу понятия «соответствие личности организации» (Person-Organization Fit, POF), совместимости человека и организации через призму философского знания

Ключевые слова: личность, организация, организационная культура, ценности, этика.

В своей статье 1987 года «Люди создают место» в журнале «Personnel Psychology» Бенджамин Шнайдер [11] предположил, что природа организаций определяется людьми, которые их составляют. Согласно этой точке зрения, организации обладают уникальной «личностью», основанной на характеристиках людей, которые их составляют. Соответствие между сотрудником и организацией проявляется в значительном сходстве между сотрудниками одной организации в поведенческом репертуаре, ожиданиях, профессиональной ориентации и т.д.

Соответствие между сотрудниками и организацией имеет множество определений. Одно из них – это согласованность между ценностными моделями организации и ценностными моделями сотрудника. Другое определение – это соответствие между характеристиками сотрудника и организационной культурой [9].

Организационная культура – это система убеждений, ожиданий и ценностей членов организации. Например, сотрудник, ориентированный на командную работу, лучше подойдет для организации, где особое внимание уделяется совместной или групповой работе. Людям с высокой потребностью в порядке и организации могут быть более подходящими организации с четкой иерархией и четкими, жесткими границами между различными ролями и т.д.

Соответствие между сотрудниками и организацией является существенным фактором, влияющим на атмосферу в организации и ее эффективность [11]. Исследования в этой области показали, что соответствие между сотрудниками и организацией вносит значительный вклад в эффективность и производительность организации [8]. Эффективность организации выражается в способности сотрудников успешно выполнять свои определенные и прямые роли, а также в дополнительном поведении, выходящем за рамки определенной роли, выполнение которого оказывает влияние на функционирование и атмосферу организации. Примеры такого поведения:

поведение сотрудников, выходящее за рамки их определенной роли, выполнение которого повышает общую эффективность организации;

помощь другим сотрудникам выполнять их роли, когда они отсутствуют;

приход вовремя к началу работы и после перерывов;

добровольное выполнение задач, которые не включены в официальное определение роли;

помощь в обучении новых сотрудников;

высокий уровень посещаемости на работе и малое количество отсутствий;

помощь другим сотрудникам, когда они заняты.

Наряду с повышением эффективности, достигаемым благодаря высокому уровню соответствия между сотрудниками и организациями, могут существовать и недостатки. Высокая степень организационной и культурной однородности может привести к идеологической закрытости, недоступности обратной связи от представителей иной организационной культуры, подозрительности и даже узкому мировоззрению. Конечно, подобные недостатки могут иметь кардинальные последствия для успеха и функционирования организации.

Можно отметить, что сходство ценностей и поведенческого репертуара сотрудников формирует сплоченную организационную культуру, что приводит к тому, что сотрудники идентифицируют себя с организацией. Это положительно влияет на атмосферу и эффективность организации. В современной деловой среде для организаций крайне важно создавать команды, включающие людей с разнообразными характеристиками и опытом. Внутри таких групп разные позиции и профессиональные взгляды помогают находить нестандартные решения, поддерживают аналитическое обсуждение проблем и делают организационную культуру более содержательной.

Идея соответствия личности и организации является одной из значимых тем в организационной психологии и практике управления персоналом. С её помощью можно рассматривать, насколько ценностные установки, мотивы и личные особенности работника согласуются с культурой организации, её целями и основными направлениями развития.

Проблема взаимодействия человека и организации чаще всего изучается в рамках психологии, менеджмента и экономики. Обращение к философии позволяет рассмотреть эту тему шире и выявить её бо-

лее глубокие основания. Такой подход помогает поставить вопросы о природе человека, его самостоятельности, моральной ответственности, распределении власти и роли социальных структур в организационной жизни.

Для всестороннего философского анализа совместимости человека и организации целесообразно структурировать исследование в соответствии с ключевыми областями философии: онтология (вопросы бытия и сущности), этика (моральные аспекты взаимодействия), эпистемология (познание и знание в организациях) и политическая философия (власть, иерархия, социальные отношения). Каждая из этих философских областей предоставляет глубокое понимание того, как индивид взаимодействует с организацией и наоборот.

Онтология: что означает «совместимость»?

Онтология занимается природой бытия и существования. В контексте POF возникает вопрос: что значит для человека «подходить» к организации? Является ли «совместимость» просто выполнением определённых внешних критериев, или же это связано с тем, как человек аутентично относится к организации в более глубоком экзистенциальном смысле?

Сартр и экзистенциальный вопрос «Быть». Жан-Поль Сартр, экзистенциалистский философ, утверждает, что существование предшествует сущности [1]. По мнению Сартра, человек не рождается с заранее определённой сущностью или целью, а он создает себя через свои действия [5]. В контексте совместимости человека и организации это подразумевает, что индивид не должен пассивно подстраиваться под ожидания организации, но вместо этого он постоянно переопределяет свою личность через взаимодействие с организацией.

С онтологической точки зрения, «соответствие» — это не просто функциональное соответствие, а совпадение способов существования:

- способ существования (индивид и организация существуют в одном и том же ценностном пространстве);
- интенциональная структура (намерения индивида соответствуют миссии организации);
- онтологическая стабильность (индивид поддерживает существование организации своими действиями);
- совместное развитие (индивид и организация развиваются взаимосвязанным образом).

Это не статичное соответствие, а динамический процесс взаимного влияния: индивид воплощает принципы организации, а организация создает условия для самореализации. Главное отличие от традиционных подходов заключается в акценте не на формальном сопоставлении ролей, а на глубоком соответствии между бытием индивида и бытием организации.

Предположим, сотрудник работает в компании, которая требует высокой степени соответствия её ценностям и правилам. С точки зрения Сартра, если этот сотрудник ощущает, что его подлинное «я» подавляется в этой среде, то «совместимость» становится проблемной. Такой сотрудник может столкнуться с трудностями в нахождении смысла в своей роли, так как его личность формируется скорее внешними организационными силами, чем собственными подлинными желаниями и ценностями.

Хайдеггер и «быть-в-мире». Философия Мартина Хайдеггера предлагает другой взгляд, утверждая, что бытие всегда связано с «миром» и определяется через взаимодействие с этим миром [6]. Для Хайдеггера понятие совместимости будет включать способность человека быть в организации таким образом, чтобы это позволило ему существовать аутентично, оставаясь верным своей собственной природе.

Человек «приходит» в мир и связывается с вещами, людьми и ситуациями. В контексте соответствия личности и организации это означает, что индивид не может быть отделен от организационного контекста — индивид всегда «в мире», то есть в специфической среде, которая формирует его опыт и восприятие. Организация становится частью этого «мира», и взаимодействие с ней определяет, как индивид понимает свое существование.

Философия Мартина Хайдеггера предлагает переосмысление традиционных концепций взаимодействия индивида и организации. Вместо механического сравнения индивидуальных качеств с требованиями организации, она выдвигает идею экзистенциального соответствия, где основой взаимодействия является не формальное соответствие характеристик, а глубокое чувство бытия и личной ответственности субъекта.

Такой подход потенциально может расширить существующие модели управления человеческими ресурсами, включив в них аспекты подлинного человеческого существования. Он смещает акцент с чисто функциональных параметров на экзистенциальные измерения труда.

Проиллюстрируем эту идею на конкретном примере. Представим себе креативного специалиста в компании с гибкой организационной структурой и высоким уровнем автономии. В такой среде специалист может беспрепятственно интегрировать свое подлинное «я» в рабочий контекст, оставаться верным своим ценностям и одновременно генерировать инновационные решения. С точки зрения философии Хайдеггера, это символизирует реализацию подлинного образа бытия: индивид существует в гармонии с организацией, не отказываясь от основных экзистенциальных устремлений.

Этика: Моральные аспекты «совместимости» человека и организации

Этический аспект соответствия между человеком и организацией поднимает важные вопросы о природе взаимоотношений между компанией и ее сотрудниками. Центральный вопрос заключается не только в том, способствует ли организация или препятствует моральному и личностному развитию личности.

Аристотель и идея «хорошей жизни»

В своей философии Аристотель интерпретировал «хорошую жизнь» как процесс развития человеческих качеств посредством гармоничных отношений внутри социального сообщества. Применяя эту концепцию к вопросу соответствия между человеком и организацией, становится ясно: человек «вписывается» в общество не только на основе своих профессиональных качеств, но и тогда, когда организация, в соответствии со своим моральным компасом, создает условия для морального роста.

Фуко и взаимодействие власти и знания в организационных структурах. В своих исследованиях Мишель Фуко демонстрирует, что организации не являются нейтральными образованиями. Вместо этого они функционируют как сложные системы власти, влияющие на формирование мышления, моделей поведения и восприятия реальности их членов [4].

По мнению Фуко, корпоративные нормы и ценности не являются абсолютными истинами. Это структурированные социальные элементы, которые отражают и воспроизводят властные отношения внутри коллектива. Эти нормы не просто регулируют поведение; они создают определенную «линзу» для восприятия мира. В современной деловой среде, где культ производительности возведён в абсолют, сотрудники нередко бессознательно адаптируются к корпоративным стандартам. Эта адаптация может происходить даже в тех случаях, когда стандарты противоречат их внутренним убеждениям.

С точки зрения Фуко, сама идея «совместимости» личности и организации в таких условиях превращается в инструмент социального контроля. Сотрудники усваивают корпоративные ценности в рамках существующей системы власти и знания, зачастую не осознавая, что их мировоззрение и поведенческие стратегии формируются под влиянием этих структур.

Прагматизм и концепция динамической совместимости

С позиции прагматической философии концепция совместимости индивида и организации не может рассматриваться как статичная и предопределённая изначально. Напротив, она представляет собой развивающийся процесс, который формируется в ходе практического взаимодействия и накопления опыта.

В этом смысле совместимость не является раз и навсегда заданной характеристикой. Она постепенно формируется в процессе повседневного общения с коллегами и организационной средой, участия в решении рабочих задач, приобретения опыта и последующего осмысления полученных результатов.

Эту мысль можно пояснить на примере нового сотрудника стартапа. В начале работы он может не до конца понимать своё место в коллективе и сомневаться в правильности выбора. Однако по мере включения в проекты он видит, что в компании ценятся инициативность, гибкость и поиск новых решений. Если эти качества совпадают с его личными установками, у него постепенно формируется ощущение профессиональной уверенности и более устойчивая связь с организацией.

Следовательно, с позиции прагматизма совместимость следует понимать не как готовое и неизменное состояние, а как процесс взаимной настройки человека и организации. Он развивается через практическое взаимодействие работника с корпоративной средой и постепенное приспособление обеих сторон друг к другу.

Политический аспект: кому выгодна идея «совместимости»?

Рассмотрение совместимости личности и организации с политико-философской точки зрения позволяет поставить вопрос о том, чьи интересы поддерживает данная концепция.

На практике организации нередко определяют критерии соответствия так, чтобы они прежде всего помогали достижению корпоративных целей. В этом случае потребности и ожидания отдельных работников могут отходить на второй план. Это проявляется в следующем:

• представления о «подходящем» сотруднике задаются корпоративными интересами;

• внимание переносится с личностного роста работника на результативность выполнения служебных функций;

• соблюдение норм и демонстрация лояльности могут оцениваться выше, чем профессиональное развитие и самореализация сотрудника.

Для организации такая логика даёт ряд преимуществ:

• упрощает отбор персонала и последующую адаптацию новых сотрудников;

• уменьшает вероятность конфликтов благодаря подбору людей, легче принимающих существующие правила;

• поддерживает единство корпоративной культуры за счёт закрепления общих стандартов поведения и мышления.

В то же время для работников подобная модель может иметь и негативные последствия:

• сужение пространства для инициативы и самостоятельных решений;

• давление, заставляющее согласовывать личные ценности с требованиями организации;

• повышение риска эмоционального и профессионального истощения, если индивидуальные особенности сотрудника постоянно подавляются.

Таким образом, концепция POF в её традиционном применении зачастую служит инструментом управленческого контроля, а не механизмом гармонизации интересов работника и организации.

Марксизм и механизмы эксплуатации

В рамках марксистской критики концепция «совместимости» может рассматриваться как инструмент, используемый капиталистическими структурами для максимизации прибыли за счет рабочих. При этом значительно ограничивается автономия последних. «Совместимость» в этом контексте определяется как обеспечение соответствия персонала потребностям компании – иногда в ущерб личностному развитию и свободе.

В качестве примера рассмотрим промышленное предприятие. Здесь сотрудники мотивированы «вписаться» в производственный процесс посредством строгого соблюдения правил и временных стандартов. Компания извлекает выгоду из этого соответствия, достигая максимальной производительности. В то же время сотрудники рискуют потерять связь со своим творческим потенциалом и упустить возможность получать удовлетворение от работы. Таким образом, понятие «совместимости» здесь выполняет функцию контроля, обеспечивая подчинение персонала экономическим интересам организации. Постструктурализм и механизмы исключения.

Постструктуралисты, такие как Жак Деррида и Жиль Делёз [2;3] утверждают, что понятие «совместимости» по своей сути является нормативным. Оно автоматически исключает тех, чьи взгляды и поведение не соответствуют доминирующим организационным нормам. В результате «совместимость» становится инструментом поддержания доминирования определенной корпоративной культуры и маргинализации тех, кто сопротивляется ее нормам.

В технологической компании, высоко ценящей крайний индивидуализм и конкуренцию, сотрудники, предпочитающие сотрудничество и командную работу, могут испытывать трудности с адаптацией к корпоративной культуре. Концепция «соответствия» становится инструментом для нормализации определённой организационной культуры, в то время как те, кто не разделяет эту культуру, исключаются или вынуждены подчиняться ей.

С философской точки зрения, концепция «соответствия личности и организации» поднимает сложные вопросы, касающиеся личной идентичности, автономии, этики, власти и социальной справедливости. Хотя изначально она кажется инструментом организации труда, на самом деле она затрагивает важнейшие вопросы, касающиеся свободы человека, смысла труда и моральных обязательств организаций перед своими сотрудниками. Философы от Сартра до Фуко и Канта предлагают критические взгляды на то, что «пригодность» – это не просто совокупность личных навыков или качеств, а глубокий этический, экзистенциальный и политический вопрос, отражающий более широкую динамику человеческой власти и процветания.

Литература

1. Бурханов Александр Рафаэлевич Жан-Поль Сартр об экзистенциалах человеческого бытия // Вестник БГУ. 2011. № 14. С. 42–47.

2. Деррида, Жак. О грамматологии / Жак Деррида; Пер. с фр. и вступ. ст. Наталии Автономовой. Москва: Ad Marginem, 2000. 511 с.

3. Делёз Ж. Капитализм и шизофрения. Анти-Эдип: Специализированная информация по общеакадемической программе «Человек, наука, общество: комплекс. исслед.»: [Сокр. перевод-реферат] / Введ. М.К. Рыклина. М.: ИНИОН, 1990.

4. Сокулер, З.А. Мишель Фуко / // Вестник культурологии 2011 № 1. С. 176–184.

5. Сартр Ж.П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии / Пер. с фр., предисл., примеч. В.И. Колядко. М.: Республика, 2000. 639 с. (Мыслители XX века). ISBN 5-250-02729-6

6. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. М.: Республика, 1993. 447 с. (Мыслители XX в.) ISBN 5-250-01496-8

7. Ушакова А.В. Прагматизм: основные идеи и представители // Парадигма. 2023. № 38. С. 82–92.

8. Bretz, R.D., Judge, T.A. Person-organization fit and the theory of work adjustment: implications for satisfaction, tenure and career success. Journal of Vocational Behavior. 1994, 44(1), 43–54.

9. Posner, B.Z. Another Look at the Impact of Personal and Organizational Values Congruency. Journal of Business Ethics, 2010, 97.

10. Ma, H. PersonOrganization Fit / H. Ma, H. Tang // The ECPH Encyclopedia of Psychology. Singapore: Springer, 2024. – DOI: 10.1007/978-981-99-6000-2_1245-1.

11. Schneider, B. The people make the place. Personnel Psychology. 1987, 40(3), 437–453. https://doi.org/10.1111/J.1744–6570.1987.TB00609.X

A LOOK AT THE COMPATIBILITY OF MAN AND ORGANIZATION THROUGH THE PRISM OF PHILOSOPHICAL TEACHINGS

Simonova M.M., Butyrina S.A., Levchenkova T.A.

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow State University of Sport and Tourism, D.I. Mendeleyev University of Chemical Technology of Russia

This article is devoted to a substantive analysis of the concept of «person-organization fit» (POF), and the compatibility of persons and organizations through the lens of philosophical knowledge.

Keywords: personality, organization, organizational culture, values, ethics.

References

1. Burkhanov, Aleksandr Rafaelevich. Jean-Paul Sartre on the Existentials of Human Existence // Bulletin of BSU. 2011. № 14. Pp. 42–47.

2. Derrida, Jacques. On Grammatology / Jacques Derrida; Trans. from French and introduction by Natalia Avtonomova. Moscow: Ad Marginem, 2000. 511 p.

3. Deleuze, J. Capitalism and Schizophrenia. Anti-Oedipus: Specialized information on the general academic program «Man, Science, Society: Complex Research»: [Abridged translation-abstract] / Introduction by M.K. Ryklina. Moscow: INION, 1990.

4. Sokuler, Z.A. Michel Foucault / // Bulletin of Cultural Studies, 2011, № 1. Pp. 176–184.

5. Sartre J.P. Being and Nothingness: Experience of Phenomenological Ontology / Transl. from French, preface, note. V.I. Kolyadko. M.: Republic, 2000. 639 p. (Thinkers of the 20th century). ISBN 5-250-02729-6

6. Heidegger M. Time and Being: Articles and Speeches: Trans. with him. M.: Republic, 1993. 447 p. (Thinkers of the 20th century) ISBN 5-250-01496-8

7. Ushakova A.V. Pragmatism: basic ideas and representatives // Paradigm. 2023. № 38. Pp. 82–92.

8. Bretz, R.D., Judge, T.A. Person-organization fit and the theory of work adjustment: implications for satisfaction, tenure and career success. Journal of Vocational Behavior. 1994, 44(1), 43–54.

9. Posner, B.Z. Another Look at the Impact of Personal and Organizational Values Congruency. Journal of Business Ethics, 2010, 97.

10. Ma, H. Person Organization Fit / H. Ma, H. Tang // The ECPH Encyclopedia of Psychology. Singapore: Springer, 2024. – DOI: 10.1007/978-981-99-6000-2_1245-1.

11. Schneider, B. The people make the place. Personnel Psychology. 1987, 40(3), 437–453. https://doi.org/10.1111/J.1744–6570.1987.TB00609.X

Связь экспресс-оценки человекоцентричности и показателей индекса лояльности сотрудников

Соловьев Владимир Александрович,
заведующий Лабораторией человекоцентричности и лидерских практик, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
E-mail: va.solovev@hse.ru

Жданова Полина Рафаэльевна,
эксперт лаборатории человекоцентричности и лидерских практик, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
E-mail: pzhdanova@hse.ru

Самольянов Олег Александрович,
главный эксперт Лаборатории человекоцентричности и лидерских практик, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
E-mail: osamolyanov@hse.ru

Малахова Елена Владимировна,
кандидат философских наук, научный сотрудник Лаборатории человекоцентричности и лидерских практик, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
E-mail: evmalahova@hse.ru

В статье анализируется связь между экспресс-оценкой человекоцентричности организации и Индексом лояльности сотрудников (Employee Net Promoter Score, далее– eNPS) как показателем лояльности персонала. Актуальность исследования обусловлена тем, что eNPS широко используется в корпоративной практике, однако сам по себе фиксирует итоговое отношение сотрудника к работодателю и слабо раскрывает управляемые причины этого отношения. В качестве такого объясняющего фактора рассматривается субъективное восприятие сотрудником того, что его благополучие является одной из целей организации. Эмпирическая база исследования включает результаты пульс-опроса сотрудников российских компаний, проведенного в период с 24 апреля по 1 июня 2026 г.; в анализ включены данные 2991 респондента. Использованы методы описательной статистики, корреляционного анализа, линейной и логистической регрессии, критерии Краскела-Уоллиса, ROC-анализа. Установлено, что экспресс-оценка человекоцентричности тесно связана с готовностью рекомендовать работодателя, объясняет существенную долю вариативности индивидуального eNPS-балла и позволяет с высокой точностью выделять группы промоутеров и критиков. Показано, что связь носит выраженный пороговый характер: при переходе к верхней части шкалы человекоцентричности eNPS резко возрастает. Полученные результаты позволяют рассматривать короткую оценку человекоцентричности как практичный инструмент оперативного мониторинга организационного климата и лояльности персонала.

Ключевые слова: человекоцентричность; лояльность персонала; Индекс лояльности сотрудников; HR-аналитика; пульс-опросы; организационное благополучие; экспресс-оценка; управление человеческими ресурсами.

Введение

В последние годы в управлении персоналом усиливается интерес к коротким диагностическим инструментам, которые позволяют быстро получать обратную связь от сотрудников и оперативно фиксировать изменения в организационной среде [1,2]. Одним из наиболее распространенных индикаторов в этой области стал Индекс лояльности сотрудников (Employee Net Promoter Score, далее– eNPS) [3], основанный на вопросе о готовности рекомендовать работодателя и место работы. Вместе с тем популярность eNPS сопровождается методологической проблемой: данный показатель хорошо отражает итоговую установку сотрудника по отношению к организации, но значительно слабее отвечает на вопрос о том, какие именно характеристики организационной среды формируют высокий или низкий уровень лояльности [4,5].

В прикладной практике это создает важное ограничение. Руководитель или HR-аналитик получает число, которое удобно для мониторинга и сравнений, но не всегда понимает, на какие управленческие переменные следует воздействовать в первую очередь. В результате eNPS часто оказывается итоговым индикатором «температуры системы», тогда как ресурсы организации требуют поиска более конкретных и интерпретируемых драйверов лояльности [6, 7, 8].

Одним из таких потенциальных драйверов представляется человекоцентричность организации, понимаемая как воспринимаемое сотрудником отношение компании к его благополучию, потребностям и человеческой значимости [9, 10]. В эмпирическом плане данный конструкт близок к идеям воспринимаемой организационной поддержки, психологической безопасности и организационного благополучия, но при этом может быть измерен значительно проще – посредством краткой или даже одноутверденческой шкалы. Для задач регулярных пульс-опросов такая простота особенно значима, поскольку снижает нагрузку на респондента и облегчает интеграцию инструмента в повседневный HR-мониторинг.

В настоящем исследовании человекоцентричность операционализирована через экспресс-оценку согласия с утверждением: «Из собственного опыта я знаю, что мое благополучие является одной из целей нашей организации». Такая формулировка позволяет зафиксировать не декларативный образ работодателя, а субъективный опыт сотрудника, сформированный на основе повседневных взаимодействий, управленческих практик, отношения руководителей и общего организационного контекста.

Исследовательский интерес состоит в том, чтобы установить, насколько тесно данная экспресс-оценка связана с eNPS и можно ли рассматривать ее как диагностически ценный, более управляемый предиктор лояльности. Если такая связь действительно сильна и устойчива, организация получает возможность использовать не только итоговый показатель eNPS, но и более содержательный промежуточный индикатор, который легче интерпретировать в терминах управленческих действий.

Цель статьи – выявить характер и силу связи между экспресс-оценкой человекоцентричности и eNPS в выборке сотрудников российских компаний, а также оценить практическую пригодность экспресс-показателя человекоцентричности для классификации сотрудников по уровням лояльности.

В соответствие с целью были поставлены следующие задачи: во-первых, описать распределение показателей человекоцентричности и eNPS в обследованной выборке; во-вторых, проверить наличие и силу статистической связи между этими переменными; в-третьих, сравнить уровни человекоцентричности у промоутеров, нейтралов и критиков; в-четвертых, определить, существует ли пороговый эффект, при котором рост человекоцентричности сопровождается резким увеличением eNPS; в-пятых, оценить диагностическую точность экспресс-показателя человекоцентричности для выделения сотрудников с высоким и низким уровнем лояльности.

Гипотезы исследования сформулированы следующим образом.

H1: экспресс-оценка человекоцентричности положительно и сильно связаны с eNPS.

H2: эта связь носит нелинейный, пороговый характер, и наибольший прирост лояльности наблюдается в верхней части шкалы человекоцентричности.

В данной работе использованы результаты проекта HSE-MS-2025–004, выполненного в НИУ ВШЭ.

H3: оценка человекоцентричности позволяет с высокой точностью классифицировать сотрудника как промоутера или критика.

Теоретические основания исследования

Несмотря на широкое применение eNPS в корпоративной среде, его интерпретация остается предметом обсуждения. С одной стороны, показатель удобен благодаря простоте расчета понятности руководителям и возможности быстро сравнивать подразделения, компании и временные периоды. С другой стороны, одно число не раскрывает внутреннюю структуру отношения сотрудника к организации и не объясняет, почему именно в одной команде eNPS высок, а в другой – низок [1, 11].

Содержательно готовность рекомендовать работодателя связана не только с рациональной оценкой условий труда, но и с эмоционально-ценностным отношением к организации. Человек рекомендует место работы тогда, когда воспринимает его не просто как допустимое, а как действительно достойное и соответствующее собственным ожиданиям, ценностям и опыту. Поэтому eNPS может рассматриваться как интегральный поведенчески-ориентированный итог отношения сотрудника к работодателю [12, 8].

Именно в этом контексте особую значимость приобретает человекоцентричность. Если сотрудник ощущает, что организация видит в нем не только носителя функциональной роли, но и человека с собственными потребностями, развитием и уровнем благополучием, это должно повышать доверие к работодателю, эмоциональную привязанность и готовность рекомендовать организацию другим. И наоборот, если сотрудник не ощущает такого отношения, то даже при приемлемых формальных условиях рекомендационной лояльности может оставаться низким [13].

С практической точки зрения важна также диагностическая экономичность показателя. Полные опросники вовлеченности, поддержки или организационного климата дают более развернутую картинку, но требуют времени, сложной интерпретации и часто воспринимаются сотрудниками как перегруженные. Одноутвержденческий индикатор не может заменить полноценную диагностику, однако способен выполнять функцию быстрого сигнала, особенно, если доказана его высокая связь с критически важными результатами, такими как eNPS.

Таким образом, исследование связи между человекоцентричностью и eNPS имеет не только теоретическое, но и прикладное значение. Оно позволяет проверить, может ли краткая оценка воспринимаемого отношения организации к благополучию человека выступать эффективным «ранним индикатором» лояльности, пригодным для управленческой практики.

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составили данные пульс-опроса сотрудников российских компаний, проведенного в апреле-июне 2026 года. Первичный массив включал 3006 наблюдений; после исключения 15 наблюдений с пропусками в анализ были включены данные 2991 респондента.

В центре настоящего анализа находятся две переменные. Первая – экспресс-оценка человекоцентричности (далее ЭЧЦ), измеренная по шкале от 0 до 10 баллов на основе утверждения: «Из собственного опыта я знаю, что мое благополучие является одной из целей нашей организации». Вторая – eNPS-вопрос, также оцененный по шкале от 0 до 10 и отражающий готовность сотрудника рекомендовать работодателя как отличное место работы.

Для интерпретации eNPS использовалась стандартная классификация: оценки 0–6 относились к критикам, 7–8 нейтралы, 9–10 – к промоутерам. Итоговый eNPS рассчитывается как разность долей промоутеров и критиков в процентах [14, 1, 11].

Статистический анализ включал несколько последовательных этапов. На первом этапе были рассчитаны описательные статистики для ЭЧЦ и eNPS-вопроса: среднее значение, стандартное отклонение, медиана, а также общая структура распределения респондентов по категориям eNPS. На втором этапе проводился корреляционный анализ с использованием коэффициентов Пирсона и Спирмена для оценки силы и направления связи между ЭЧЦ и eNPS-вопросом.

На третьем этапе были сопоставлены значения ЭЧЦ в трех группах респондентов – у промоутеров, нейтралов и критиков. Для этого использовался критерий Краскела – Уоллиса и показатель силы эффекта. На четвертом этапе были применены линейная и логистическая регрессии. Линейная регрессия позволяла оценить вклад ЭЧЦ в объяснение вариативности eNPS-вопроса, а логистическая – вероятность принадлежности к группе промоутеров при увеличении ЭЧЦ на один балл [3].

На пятом этапе был проведен ROC-анализ для оценки диагностической точности ЭЧЦ при классификации сотрудников как промоутеров и критиков, а также для подбора порогов отсечения. Дополнительно для выявления нелинейного эффекта вся шкала ЭЧЦ была агрегирована в три диапазона: 0–6 баллов, 7–8 баллов и 9–10 баллов. Такое деление отражает управленчески интерпретируемые зоны низкой, промежуточной и высокой человекоцентричности.

Следует указать и ограничение массива данных. За счет анонимности проведенного опроса отсутствуют демографические и организационно-структурные характеристики респондентов, что не позволяет проверить влияние возраста, пола, стажа, уровня должности и типа подразделения.

Результаты исследования

Описательные статистики показывают, что и ЭЧЦ, и eNPS-вопрос в обследованной выборке имеют сравнительно высокие средние значения. Для ЭЧЦ среднее значение составило 8,4 при стандартном отклонении 2,21, медиана равно 9, ассиметрия отрицательная и выраженная, что свидетельствует о концентрации ответов в верхней части шкалы. Для eNPS-вопроса среднее значение составило 8,82 при стандартном отклонении 1,92.

По категориальной структуре eNPS в выборке было выявлено 2118 промоутеров, 569 нейтралов и 304 критика. Итоговый индекс eNPS составил +60,6. Это указывает на то, что в целом обследованная совокупность характеризуется преобладанием позитивно настроенных к работодателю сотрудников. Однако сама по себе эта величина не раскрывает факторов, связанных с формированием столь высокого уровня рекомендационной лояльности, что и требует обращения к переменной ЭЧЦ.

Корреляционный анализ подтвердил гипотезу о сильной положительной связи между ЭЧЦ и eNPS-вопросом. Коэффициент Спирмена составил 0,75, коэффициент Пирсона – 0,771 при уровне значимости $p < 0,001$. Следовательно, чем сильнее сотрудник согласен с тем, что его благополучие является одной и целей организации, тем выше его готовность рекомендовать работодателя.

Высокая корреляция получила дополнительное подтверждение в линейной регрессионной модели. Нестандартизированный коэффициент регрессии составил B=0,672, а коэффициент детерминации $R^2 = 0,594$. Это означает, что почти 60% вариативности индивидуального eNPS-балла объясняется одним только показателем ЭЧЦ. Для социальных и организационных исследований такой уровень объясненной дисперсии следует признать весьма значительным Сравнение трех eNPS-групп показало еще более наглядную картину. По критерию Краскела-Уоллиса различия между критиками, нейтралами и промоутерами оказались статистически значимыми: H = 1357,1 при $p < 0,001$. Показатель силы эффекта 0,454 свидетельствует о крупном эффекте. Средний уровень ЭЧЦ у промоутеров составил 9,31, у нейтралов – 7,21, у критиков – 4,34. Таким образом, разрыв между крайними группами оказался близок к пяти баллам, что делает различия не только статистически, но и практически значимыми.

Особый интерес представляют результаты анализа порогового эффекта. В группе респондентов с ЭЧЦ 0–6 баллов (N=484) итоговый eNPS составил –33,5. В группе с ЭЧЦ 7–8 баллов (N=678) eNPS уже достиг +40,1. Наконец, в группе с ЭЧЦ 9–10 баллов (N=1829) eNPS оказался равным +93,2. Такой скачкообразный характер изменений показывает, что рост воспринимаемой человекоцентричности не просто линейно сопровождает рост лояльности, но и переводит ее в качественно иную зону при выходе к верхней части шкалы.

Результаты логистической регрессии подтверждают это заключение. Отношение шансов составило OR = 2,54 на каждый дополнительный балл ЭЧЦ при pseudo-$R^2 = 0,374$. Иными словами, увеличение ЭЧЦ на один пункт сопровождается более чем двукратным ростом шансов того, что сотрудник окажется в группе промоутеров. Для прикладных целей данный результат особенно важен, поскольку делает интерпретацию показателя понятной для управленцев: даже небольшое смещение восприятия человекоцентричности вверх связано с резким усилением вероятности высокой лояльности.

Диагностическая ценности ЭЧЦ была дополнительно оценена с помощью ROC-анализа. Площадь под ROC-кривой при выделении промоутеров составила AUC = 0,891, а при выделении критиков AUC = 0,926. Это свидетельствует о высокой точности классификации. В качестве практически оптимального порога для выделения промоутеров был определен уровень ЭЧЦ ≥ 9: чувствительность составила 0,811, специфичность – 0,872, прогностическая ценность положительного результата – 0, ЭЧЦ ≥ 8 обеспечивает более высокую чувствительность – 0,914, но при заметно более низкой специфичности 0,632. Следовательно, выбор порога может зависеть от управленческой задачи: если важнее не пропустить потенциальных промоутеров, целесообразно

использовать порог 8, если важнее выделить действительно сильную зону лояльности, оправдан порог 9.

Обсуждение результатов

Полученные результаты позволяют сделать несколько содержательных выводов. Во-первых, гипотеза H1 полностью подтверждается: экспресс-оценка человекоцентричности действительно тесно и устойчиво связана с eNPS. Это означает, что готовность рекомендовать работодателя в значительной степени опирается на субъективный опыт сотрудника, связанный с тем, насколько организация воспринимается как заинтересованная в его благополучии.

Во-вторых, подтверждена гипотеза H2 о пороговом характере связи. Важно не только то, что при более высоких значениях ЭЧЦ eNPS становится выше. Ключевым оказывается сам переход к верхней зоне шкалы – 9–10 баллов. Именно в ней рекомендации работодателя становятся почти тотальными, а итоговый eNPS выходит в крайне высокую положительную область. Практически это означает, что организациям недостаточно стремиться к «нормальному» или «среднему» восприятию заботы о сотруднике. Для формирования сильной адвокации работодателя необходимо добиваться именно очень высокого уровня субъективной человекоцентричности.

В-третьих, гипотеза H3 также получила подтверждение. Экспресс-показатель ЭЧЦ демонстрирует высокую диагностическую точность и может использоваться как краткий скрининговый инструмент. Это особенно ценно в условиях, когда компания не готова регулярно проводить длинные опросы, но нуждается в оперативной и интерпретируемой метрике, связанной с поведением и отношением сотрудников.

С теоретической точки зрения результаты поддерживают представление о том, что лояльность персонала нельзя сводить только к удовлетворенности отдельными условиями труда. Более глубоким основанием рекомендационной лояльности выступает восприятие общего отношения организации к человеку. Если сотрудник видит, что его благополучие реально учитывается, то это создает предпосылки не только для эмоциональной привязанности, но и для готовности публично поддерживать работодателя.

С практической точки зрения особенно значимы два вывода. Первый: одно краткое утверждение о человекоцентричности может использоваться как «ранний индикатор» eNPS и оперативный маркер организационного климата. Второй: управленческие усилия имеет смысл направлять не столько на механическое повышение среднего балла, сколько на увеличение доли сотрудников, которые оценивают человекоцентричность на 9–0 баллов. Именно эта зона ассоциирована с наиболее сильной рекомендационной лояльностью.

Вместе с тем интерпретация результатов требует осторожности. Исследование имеет одномоментный дизайн, поэтому не доказывает причинность в строгом смысле слова. Можно утверждать, что ЭЧЦ тесно связана с eNPS и выступает сильным предиктором, но нельзя окончательно исключить обратное влияние или действие третьих переменных. Кроме того, обе переменные измерены самоотчетом в рамках опроса, что повышает риск общей методической вариативности и частичной инфляции корреляции. Наконец, отсутствие демографических и контекстных переменных не позволяет проверить, одинаков ли обнаруженный эффект в разных типах организаций, подразделений или профессиональных групп.

Практические рекомендации

Результаты исследования позволяют сформулировать ряд рекомендаций для HR-практики [15].

Во-первых, в регулярные пульс-опросы целесообразно включать не только eNPS-вопрос, но и краткий показатель человекоцентричности. Такое сочетание дает возможность одновременно фиксировать итоговый уровень лояльности и отслеживать более содержательный предиктор, который легче использовать в обсуждении с руководителями.

Во-вторых, при интерпретации данных полезно выделять не только средний уровень ЭЧЦ, но и три диапазона: 0–6, 7–8 и 9–10 баллов. Эти зоны отражают качественно разные состояния организационной среды: зону риска, переходную зону и зону сильной человекоцентричности. Соответственно, управленческие решения могут быть более адресными.

В-третьих, особого внимания требуют сотрудники и команды, находящиеся в диапазоне ЭЧЦ 0–6. Именно в этой зоне eNPS становится отрицательным, что сигнализирует о высокой доле критиков и вероятных рисках для удержания персонала, репутации работодателя и внутреннего климата. На уровне управленческих действий здесь важно анализировать качество руководства, понятность процессов, ощущение признания, справедливость условий и опыт ежедневного взаимодействия.

В-четвертых, если задача состоит в наращивании сильной адвокации работодателя, ключевым ориентиром следует считать долю сотрудников с ЭЧЦ 9–10. Именно здесь организация получает максимальный эффект в виде крайне высокого eNPS. Следовательно, стратегической целью может стать не просто повышение среднего значения, а расширение верхнего сегмента шкалы [16].

Заключение

Проведенное исследование показало, что экспресс-оценка человекоцентричности организации является сильным и практически значимым предиктором eNPS. Чем выше субъективное ощущение сотрудника, что его благополучие действительно считается одной из целей организации, тем выше его готовность рекомендовать работодателя. При это связь между показателями носит не только линейный, но и выраженный пороговый характер: переход к значениям 9–10 по шкале ЭЧЦ сопровождается резким ростом рекомендационной лояльности.

Полученные данные подтверждают, что короткая одноутвержденческая шкала может использоваться как эффективный инструмент оперативного HR-мониторинга. Она не заменяет развернутые исследования организационного климата и вовлеченности, однако дает быстрый и содержательной интерпретируемый сигнал, особенно важный в системе регулярных пульс-опросов.

Тем самым человекоцентричность может рассматриваться не только как ценностная декларация, но и как эмпирически фиксируемый управленческий фактор, тесно связанный с готовностью сотрудников поддерживать своего работодателя. Для практики это означает необходимость смещения фокуса с простой регистрации eNPS на развитие тех аспектов организационной среды, которые формируют у сотрудников устойчивое переживание значимости их благополучия.

Литература

1. Сигитова М.А. Анализ методов оценки лояльности персонала // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 6. – С. 266–269.

2. Al Fannah J., Al Ismaili S., Al Jahwari F., Mohamed O., Al Awaidy S.T. Improving the process of employee recognition: An exploratory study // Journal of Hospital Administration. – 2021. – Т. 10, № 6. – P. 19–26.

3. Дулов А.А., Лугинина А.А., Пустовойт К.С., Эсаулова И.А. Выбор и адаптация инструментов оценки удовлетворенности персонала по методике «Employee Net Promoter System» (eNPS) // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2014. – № 4. – С. 31–37.

4. Бочарова Е.Е. О субъективном благополучии личности в аспекте социально-психологической адаптации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Акмеология образования. Психология развития. – 2009. – Т. 2, № 2. – С. 16–22.

5. Бутакова Ю.Е., Пьянкова Л.А. Причины низкой лояльности сотрудников в организации // Science Time. – 2026. – № 5. – С. 25–29.

6. Артемова В.Л. Влияние организационного дизайна на ENPS // Форум молодёжной науки. – 2020. – № 1. – С. 4–9.

7. Жданова П.Р. Роль ценностей в развитии и профилактике эмоционального выгорания сотрудников: теоретический обзор // Современная зарубежная психология. – 2025. – Т. 14, № 3. – С. 142–151. – DOI: 10.17759/jmfp.2025140313.

8. Ламихов Ю.Б. Оценка уровня лояльности персонала предприятия как элемент формирования трудовой мотивации // Общество: социология, психология, педагогика. – 2019. – № 6. – С. 50–54.

9. Малахова Е.В., Соловьев В.А. Индустрия 5.0 – поворот технологий к человеку // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 11. – С. 150–152.

10. Самольянов О.А., Дементьева М.В., Соловьев В.А., Боровикова А.Л. Социальные представления государственных служащих о качествах человекоцентричного руководителя и их роли в раскрытии потенциала сотрудников // Социальная психология и общество. – 2026. – Т. 17, № 2. – С. 145–163. – DOI: 10.17759/sps.2026170209.

11. Yaneva M. Employee Satisfaction vs. Employee Engagement vs. Employee NPS // European Journal of Economics and Business Studies. – 2018. – № 4. – P. 221–227.

12. Илышева М.А., Уткина Д.О., Детков А.А. Влияние «уровня счастья» сотрудников на конкурентоспособность компании // Московский экономический журнал. – 2021. – № 8. – С. 582–590.

13. Куприянов Р.В. Взаимосвязь лояльности сотрудников компании с их ценностными установками и атрибуцией корпоративных ценностей // Мир науки. Педагогика и психология. – 2025. – Т. 13, № 2. – С. 1–11.

14. Гржибовский А.М. Анализ трех и более независимых групп количественных данных // Экология человека. – 2008. – № 3. – С. 50–58.

15. Харченко В.С. Лояльность персонала современной организации: опыт применения Employee Net Promoter System (eNPS) // Социально-трудовые исследования. – 2022. – № 3. – С. 152–165.

16. Tummers L.G., Bakker A.B. Leadership and Job Demands-Resources Theory: A Systematic Review // Front. Psychol. – 2021. – DOI: 10.3389/fpsyg.2021.722080.

THE RELATION BETWEEN THE EXPRESS ASSESSMENT OF HUMAN-CENTERICITY AND THE EMPLOYEE NET PROMOTER SCORE[1]

Soloviev V.A., Zhdanova P.R., Samolyanov O.A., Malakhova E.V.
National Research University Higher School of Economics

The article examines the relationship between rapid assessment of organizational human-centricity and eNPS as an indicator of employee loyalty. The relevance of the study is determined by the fact that eNPS is widely used in corporate practice, but by itself reflects only the final attitude of an employee toward the employer and does not sufficiently reveal manageable causes of this attitude. As such a cause, the study considers the employee`s subjective perception that his or her well-being is one of organization`s goals. The empirical base includes pulse survey data collected from employees of Russian companies in April-June 2026; the analysis covers 2991 respondents. Descriptive statistics, correlation analysis, linear and logistic regression, the Kruskal-Wallis test, and ROC analysis were applied. The findings show that the rapid assessment of human-centricity is strongly associated with willingness to recommend the employer, explains a substantial proportion of variance in the individual eNPS score, and allows highly accurate identification of promoters and critics. The relationship is shown to have a threshold nature: when respondents move to the upper part of the human-centricity scale, eNPS increases sharply. The results make it possible to regard a rapid human-centricity assessment as a practical tool for operational monitoring of organizational climate and employee loyalty.

Keywords: human-centricity; employee loyalty; eNPS; HR-analytics; pulse surveys; organizational well-being; rapid assessment; human resource management.

References

1. Sigitova M.A. Analysis of methods for assessing staff loyalty // Humanities, socio-economic and social sciences. – 2023. – P. 266–269. (In Russian).

2. Al Fannah J., Al Ismaili S., Al Jahwari F., Mohamed O., Al Awaidy S.T. Improving the process of employee recognition: An exploratory study // Journal of Hospital Administration. – 2021. – Vol. 10, No. 6. – P. 19–26.

3. Grzhibovsky A.M. Analysis of three or more independent groups of quantitative data // Human Ecology. – 2008. – P. 50–58. (in Russian).

4. Bocharova E.E. On the subjective well-being of an individual in the aspect of socio-psychological adaptation // Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Acmeology of Education. Developmental Psychology. – 2009. – Vol. 2, No. 2. – P. 16–22. (in Russian).

5. Butakova Yu.E., Pyankova L.A. Causes of low employee loyalty in the organization // Science Time. – 2026. – No. 5. – P. 25–29. (in Russian).

6. Artemova V.L. The impact of organizational design on ENPS // Forum of Youth Science. – 2020. – No. 1. – P. 4–9. (in Russian).

7. Zhdanova, P.R. The role of values in the development and prevention of emotional burnout among employees: a theoretical review // Journal of Modern Foreign Psychology. – 2025. – No. 14. – P. 142–151. – DOI: 10.17759/jmfp.2025140313. (In Russian).

8. Lamikhov Yu.B. Assessment of the level of employee loyalty to an enterprise as an element of forming work motivation // Society: Sociology, Psychology, Pedagogics. – 2019. – No. 6. – P. 50–54. (In Russian).

9. Malakhova E.V., Soloviev V.A. Industry 5.0 – turning technology towards humans // Social and humanitarian knowledge. – 2025. – No. 11. – P. 150–152. (In Russian).

10. Samolyanov, O.A., Dementyeva, M.V., Solovyov, V.A., Borovikova, A.L. Social representations of civil servants on the qualities of a human-centric leader and their role in unlocking employee potential // Social Psychology and Society. – 2026. – Vol. 17, No. 2. – P. 145–163. – DOI: 10.17759/sps.2026170209. (In Russian).

11. Yaneva M. Employee Satisfaction vs. Employee Engagement vs. Employee NPS // European Journal of Economics and Business Studies. – 2018. – No. 4. – P. 221–227.

12. Ilysheva M.A., Utkina D.O., Detkov A.A. The impact of employees' «level of happiness» on a company's competitiveness // Moscow Economic Journal. – 2021. – No. 8. – P. 582–590. (In Russian).

13. Kupriyanov R.V. The relationship between company employees' loyalty and their value systems and the attribution of corporate values // World of Science. Pedagogy and Psychology. – 2025. – Vol. 13, No. 2. – P. 1–11. (In Russian).

14. Dulov A.A., Luginina A.A., Pustovoit K.S., Esaulova I.A. Selection and adaptation of tools for assessing staff satisfaction using the «Employee Net Promoter System» (eNPS) methodology // Herald of Omsk University. Series «Economics». – 2014. – No. 4. – P. 31–37. (in Russian).

15. Kharchenko V.S. Staff loyalty in a modern organization: experience in using the Employee Net Promoter System (eNPS) // Socio-Labour Research. – 2022. – No. 3. – P. 152–165. (In Russian).

16. Tummers L.G., Bakker A.B. Leadership and Job Demands-Resources Theory: A Systematic Review // Front. Psychol. – 2021. – DOI: 10.3389/fpsyg.2021.722080.

[1] This work is an output of project HSE-MS-2025–004 implemented at HSE University.

Внедрение ИИ в высшее образование: взгляд обучающихся и преподавателей

Тарабарина Юлия Алексеевна,
старший преподаватель кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации, Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
E-mail: tarabarina.julia@gmail.com

Цель работы – представить сравнение оценок актуальных результатов внедрения технологий ИИ в процесс обучения в высшем учебном заведении. Материалом исследования послужило анкетирование студентов и преподавателей технического университета. Установлено, что большинство респондентов используют технологии искусственного интеллекта в учебных и профессиональных целях. Основным преимуществом ИИ рассматривается сокращение временных затрат за счет автоматизации рутинных операций с информацией. Однако, выявлены риски увеличения академического мошенничества и снижения самостоятельности обучающихся. Показано расхождение в оценках студентов и преподавателей относительно допустимости использования ИИ и необходимости его нормативного регулирования. Обоснована целесообразность разработки этических норм применения ИИ, совершенствования методов контроля образовательных результатов и формирования цифровой компетенции участников образовательного процесса. Сделан вывод о необходимости перехода от запретительной модели к регулируемому использованию ИИ как инструмента повышения эффективности высшего образования.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросети, оценка, качество образования, кодекс академической этики, индивидуализация образования, академическое мошенничество.

Введение

Современный этап развития общества характеризуется цифровизацией многих сфер человеческой деятельности. Цифровые технологии постепенно становятся неотъемлемой частью профессиональной, социальной и образовательной среды, изменяя не только способы получения и работы с информацией, но и подходы к организации деятельности человека. Особое место в данном процессе занимают технологии искусственного интеллекта (далее – ИИ), развитие которых в последние годы привело к появлению широкого спектра инструментов, способных реализовывать полностью или частично операции, которые ранее выполнялись исключительно людьми.

Сфера высшего образования также претерпевает существенные изменения под воздействием цифровизации. Традиционная модель образовательного процесса дополняется электронными образовательными ресурсами, дистанционными форматами взаимодействия, цифровыми образовательными платформами, автоматизированными системами контроля и оценки знаний. На этом фоне технологии искусственного интеллекта становятся одним из наиболее перспективных инструментов дальнейшего развития образовательной среды. Их применение потенциально затрагивает практически все основные компоненты образовательного процесса: поиск и обработку информации, подготовку учебных и методических материалов, выполнение заданий, организацию самостоятельной работы обучающихся, оценивание результатов обучения и индивидуализацию образовательной траектории.

Особую роль играет распространение генеративных моделей искусственного интеллекта, способных создавать тексты, изображения, программный код и другие виды информационных продуктов на основе запросов пользователя. Доступность подобных инструментов существенно снижает временные затраты на выполнение ряда интеллектуальных и рутинных операций и одновременно меняет характер взаимодействия обучающегося с образовательным контентом. Если ранее студент преимущественно самостоятельно осуществлял поиск необходимой информации и ее последующую обработку, то использование ИИ позволяет в значительной степени автоматизировать отдельные этапы этой деятельности. В результате изменяются не только технические возможности участников образовательного процесса, но и требования к сформированности их информационной, цифровой компетенции и профессиональной компетентности.

В связи с этим искусственный интеллект целесообразно рассматривать не только как дополнительный цифровой инструмент, но и как фактор трансформации образовательного процесса. Его внедрение затрагивает роль преподавателя, характер учебной работы, способы выполнения заданий и подходы к оценке образовательных результатов. При этом эффективность использования ИИ определяется не столько самим наличием соответствующих технологий, сколько целями, условиями и способами их применения субъектами образовательного процесса.

Актуальность исследования обусловлена противоречивым характером влияния искусственного интеллекта на современное высшее образование. С одной стороны, применение интеллектуальных технологий позволяет оптимизировать значительную часть рутинных операций, ускорить поиск и систематизацию информации, обеспечить дополнительные возможности для освоения учебного материала и расширить инструментарий преподавателя при подготовке учебно-методических материалов. Кроме того, доступность современных цифровых инструментов может способствовать повышению вовлеченности обучающихся в образовательную деятельность, поскольку использование привычных для молодежи технологических решений переносится непосредственно в учебную практику. Вместе с тем уровень готовности различных участников образовательного процесса к эффективному использованию ИИ может существенно различаться. В частности, преподавателям может потребоваться дополнительная подготовка для освоения новых цифровых инструментов и определения педагогически обоснованных способов их применения. [1]

С другой стороны, активное распространение генеративного ИИ создает ряд рисков для качества высшего образования. Передача искусственному интеллекту значительной части интеллектуальных операций может снижать степень самостоятельности обучающихся, формировать зависимость от цифровых инструментов и ограничивать

развитие навыков самостоятельного поиска, анализа и критической оценки информации. Дополнительную проблему представляет использование ИИ для выполнения учебных заданий без соответствующего осмысления полученного результата, что затрудняет объективную оценку уровня сформированности знаний и компетенций обучающегося. Кроме того, доступность генеративных моделей создает новые формы академической недобросовестности и требует пересмотра существующих подходов к организации контроля образовательных результатов [1, 2, 3].

Таким образом, цифровизация высшего образования и активное распространение технологий искусственного интеллекта формируют необходимость поиска баланса между использованием технологических возможностей ИИ и сохранением ключевых принципов образовательного процесса, связанных с самостоятельностью, ответственностью и интеллектуальной активностью обучающегося. В данных условиях особое значение приобретает не запрет использования искусственного интеллекта, а определение педагогически обоснованных границ и способов его применения, при которых ИИ выступает инструментом повышения эффективности обучения, а не заменой познавательной деятельности студента.

Научная проблема исследования заключается в необходимости определения особенностей использования технологий искусственного интеллекта основными субъектами образовательного процесса, выявления педагогических возможностей и потенциальных рисков их интеграции в систему высшего образования, а также разработки подходов к организации образовательной деятельности, позволяющих использовать преимущества ИИ без снижения уровня самостоятельности обучающихся и возникновения академической недобросовестности.

В связи с этим особую значимость приобретает исследование условий, при которых использование искусственного интеллекта способствует повышению качества образовательного процесса, развитию цифровой и профессиональной компетентности обучающихся, а также сохранению их активной субъектной позиции в процессе обучения.

Целью данной работы является анализ оценки студентов и преподавателей технического вуза актуальных результатов внедрения инструментов искусственного интеллекта в образовательный процесс, определение и обоснование выявленных трендов изменений образовательной среды и субъект-субъектных отношений внутри неё.

Методы исследования

В рамках исследования был использован метод анкетирования субъектов образовательного процесса. Опрос проводился среди студентов первого и второго курсов бакалавриата и специалитета Национального исследовательского Московского государственного строительного университета, а также среди преподавателей. Всего в исследовании принял участие 151 обучающийся [4] и 45 преподавателей.

Анкета была разработана с целью комплексного изучения отношения респондентов к использованию технологий искусственного интеллекта в образовательном процессе. Вопросы были сгруппированы по нескольким основным направлениям: общее отношение к применению ИИ; степень распространённости использования интеллектуальных технологий среди обучающихся; периодичность обращения к нейросетевым инструментам; основные цели и направления их применения; оценка потенциальных преимуществ использования ИИ в образовательной деятельности; выявление рисков, связанных с интеграцией интеллектуальных технологий в процесс обучения; а также отношение респондентов к вопросам академической добросовестности и возможным проявлениям академического мошенничества при использовании ИИ.

Для обработки результатов анкетирования применялись методы количественного анализа. По каждому исследуемому показателю определялась доля респондентов, выбравших соответствующий вариант ответа, что позволило установить процентное соотношение полученных ответов и выявить основные тенденции, характеризующие отношение обучающихся и преподавателей к использованию технологий искусственного интеллекта в образовательной деятельности.

Результаты исследования

Анализ результатов проведённого анкетирования свидетельствует о достаточно широком распространении технологий искусственного интеллекта в академической деятельности. Так, 82% опрошенных студентов и преподавателей используют инструменты ИИ в учебных и профессиональных целях. При этом 55% респондентов обращаются к нейросетевым сервисам преимущественно по мере необходимости, то есть в ситуациях, связанных с решением конкретных учебных или рабочих задач. Большинство участников исследования (65%) отдают предпочтение универсальным ИИ-инструментам, обладающим широким спектром функциональных возможностей, среди которых ChatGPT, YandexGPT и различные Telegram-боты.

Результаты опроса также позволили определить основные направления применения технологий искусственного интеллекта. Наиболее распространёнными видами деятельности являются генерация текстового контента и поиск необходимой информации. Несколько реже ИИ используется для подготовки презентационных материалов. При этом выявлено различие между студентами и преподавателями в частоте обращения к интеллектуальным технологиям для работы с информацией: среди студентов данный показатель на 25% выше, чем среди преподавателей. Наименее распространённым направлением использования ИИ как среди обучающихся, так и среди педагогических работников является решение задач, связанных с точными науками. Сопоставление полученных показателей по группам респондентов представлено на рисунке 1.

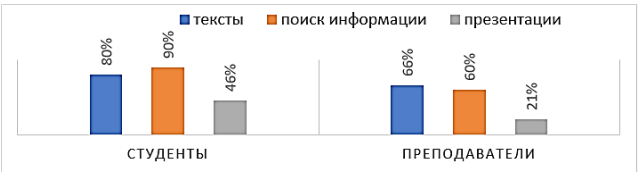

Рис. 1. Функции ИИ-инструментов

Оценка позитивных и негативных аспектов применения искусственного интеллекта (ИИ) в образовательной деятельности позволила выявить ряд наиболее значимых преимуществ и рисков, выделяемых студентами и преподавателями.

Ключевым преимуществом использования ИИ около 75% респондентов независимо от принадлежности к исследуемой группе назвали сокращение временных затрат за счет автоматизации рутинных операций, а также ускорения поиска и анализа информации. Вторым по значимости фактором стала возможность адаптации образовательного процесса к индивидуальным потребностям его участников. Данный аспект отметили 56% студентов и 38% преподавателей.

Адаптивность в данном контексте рассматривается как способность ИИ-технологий обеспечивать индивидуализацию образовательного процесса и повышать его доступность. В частности, применение ИИ расширяет возможности инклюзивного образования: при нарушениях зрения технологии синтеза речи позволяют преобразовывать письменную информацию в аудиоформат и осуществлять голосовое описание изображений; при нарушениях слуха используются инструменты автоматической транскрипции аудио-, видеоматериалов и устной речи. Дополнительным механизмом адаптации образовательной среды является автоматический перевод, обеспечивающий доступность учебной информации для иностранных студентов и способствующий формированию комфортной коммуникационной среды [5]. Индивидуализация также может осуществляться посредством адаптации форм и методов учебно-методической работы на основе анализа больших массивов данных об участниках образовательного процесса [6].

При этом результаты исследования свидетельствуют о неоднозначном восприятии рисков, связанных с обработкой персональных данных. Несмотря на возрастающую роль анализа данных участников образовательного процесса в организации обучения, менее 30% респондентов рассматривают вопросы сохранности и доступности персональных данных как существенную проблему.

Наиболее значимым риском, по мнению респондентов, является потенциальное увеличение масштабов академического мошенничества: около 60% студентов и преподавателей указали данный фактор в качестве основной проблемы использования ИИ в образовании. Существенным риском также признается снижение когнитивной активности обучающихся вследствие передачи нейросетям выполнения учебных и профессионально ориентированных задач. На это указали 40% студентов и 75% преподавателей, что свидетельствует о более выраженной обеспокоенности педагогического состава возможным влиянием ИИ на самостоятельность и когнитивное развитие обучающихся.

Проблеме распространенности использования студентами контента, генерируемого ИИ, и характера его последующей обработки было посвящено отдельное исследование, поскольку 83% опрошенных преподавателей неоднократно сталкивались со случаями академического мошенничества студентов, что свидетельствует о возможности масштабного использования ИИ для выполнений учебных заданий. Согласно полученным данным, 41% респондентов-обучающихся редактируют сгенерированный материал перед использованием, тогда как 9% используют его без изменений, фактически представляя результат работы нейросети в качестве собственной учебной работы [7]. Полученные результаты указывают на наличие практики неэтичного

использования ИИ и подтверждают актуальность разработки механизмов регулирования его применения в академической среде. Следует отметить, что выявляется существенное различие в отношении к академическому мошенничеству между студентами и преподавателями. Так, 41% обучающихся указали, что прибегали к академическому мошенничеству, тогда как 85% преподавателей отрицают наличие подобного опыта как в профессиональной научной деятельности, так и в качестве субъектов образовательного процесса. Данное соотношение позволяет предположить, что академическое мошенничество в рассматриваемой выборке преимущественно связано с практиками обучающихся, а не преподавателей. Кроме того, выявленный разрыв может указывать на различия в восприятии допустимости использования ИИ и границ академической добросовестности между двумя группами респондентов.

Особого внимания заслуживает сопоставление полученных данных с результатами оценки преподавателями распространенности академического мошенничества: 83% педагогов неоднократно сталкивались с такими случаями, тогда как лишь 41% студентов признают собственное участие в подобных практиках. Различие между показателями может объясняться тем, что преподаватели фиксируют более широкий спектр нарушений, включая случаи, которые обучающиеся не рассматривают как академическое мошенничество либо не готовы признавать в рамках анкетирования. В совокупности результаты свидетельствуют о необходимости не только технического контроля за использованием ИИ, но и формирования у обучающихся четкого понимания принципов академической честности и допустимых способов применения нейросетевых технологий.

Одним из инструментов предупреждения академического мошенничества исследователи рассматривают разработку и внедрение этических кодексов учебной и научной деятельности. Такие документы могут устанавливать допустимые формы и ограничения использования ИИ, определять требования к раскрытию факта применения нейросетевых технологий, а также закреплять этические нормы и механизмы обеспечения академической честности, включая систему поощрений и санкций [8].

Результаты опроса, представленные на рисунке 2, демонстрируют различия в позициях студентов и преподавателей относительно целесообразности введения подобных кодексов. Большинство студентов (60%) придерживаются нейтральной позиции, тогда как среди преподавателей преобладает положительное отношение к данной инициативе: ее поддерживают 78% респондентов. Выявленная разница может свидетельствовать о более высокой заинтересованности педагогического состава в нормативном регулировании использования ИИ и формировании единых принципов академической добросовестности.

Рис. 2. Введение этического кодекса академической честности

В части мер ответственности за академическое мошенничество наиболее распространенной позицией среди обеих групп респондентов является повторное выполнение и представление учебной работы без использования инструментов искусственного интеллекта. Данный вариант поддержали 34% студентов и 63% преподавателей. Около 20% представителей обеих групп рассматривают в качестве предпочтительной меры противодействия академической нечестности воспитательные и профилактические методы, ориентированные на формирование у обучающихся принципов академической добросовестности, а не исключительно на применение санкций.

Анализ практик, используемых преподавателями для предупреждения и выявления случаев академической нечестности в ходе учебных занятий (рис. 3), показывает, что наиболее распространенным инструментом является применение систем антиплагиата, которое отметили 53% респондентов. Повторную сдачу работы с обязательным исключением ИИ-сгенерированных материалов используют 47% преподавателей. По 44% респондентов указали на ограничение использования электронных устройств во время занятий и проведение устных опросов вместо письменных форм контроля.

Таким образом, в практике преподавателей одновременно используются как технологические, так и организационно-педагогические механизмы противодействия академической нечестности. При этом полученные данные демонстрируют ориентацию на проверку самостоятельности выполнения учебных заданий не только посредством автоматизированных средств контроля, но и через изменение форм текущей аттестации, включая устный контроль знаний и повторное выполнение работ.

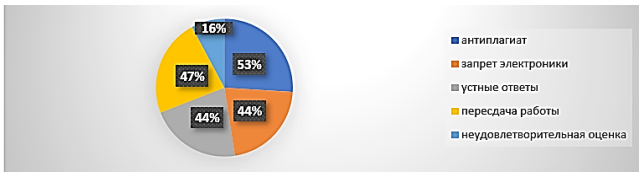

Рис. 3. Практические методы противодействия использованию ИИ

На рис. 4 изображена диаграмма опроса об отношении к использованию ИИ. Несмотря на все риски и выявленные недостатки использования нейросетей в образовании, студенты и преподаватели в основном выступают за внедрение ИИ в академическую среду или относятся к процессу нейтрально.

Рис. 4. Отношение опрошенных к ИИ в образовании

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить основные тенденции использования технологий искусственного интеллекта в образовательном процессе технического вуза, а также определить отношение студентов и преподавателей к возможностям и рискам их интеграции в академическую среду.

Результаты анкетирования 151 обучающегося и 45 преподавателей показывают, что искусственный интеллект уже получил широкое распространение в образовательной деятельности: 82% опрошенных используют ИИ в учебных и профессиональных целях. Основными направлениями его применения являются генерация текстового контента, поиск и обработка информации, а также подготовка презентационных материалов. При этом преобладание универсальных ИИ-инструментов широкого функционального назначения свидетельствует о формировании у участников образовательного процесса практики использования нейросетей в качестве многофункционального цифрового помощника.

В качестве основного преимущества ИИ около 75% респондентов выделили сокращение временных затрат за счет автоматизации рутинных операций, поиска и анализа информации. Существенное значение также имеет адаптивный потенциал технологий искусственного интеллекта, позволяющий учитывать индивидуальные образовательные потребности, изменять формы и методы учебной работы с учетом характеристик обучающихся. Следовательно, ИИ обладает значительным потенциалом повышения эффективности и доступности образовательного процесса.

Однако, проведенный опрос позволил выявить ряд существенных рисков. Наиболее значимой проблемой около 60% респондентов считают вероятность увеличения масштабов академического мошенничества. Кроме того, 40% студентов и 75% преподавателей выразили обеспокоенность возможным снижением когнитивной активности обучающихся вследствие передачи нейросетям выполнения учебных задач. Выявленная разница в оценках указывает на более высокую степень обеспокоенности преподавателей сохранением самостоятельности и интеллектуальной активности студентов.

Особое внимание следует обратить на результаты, связанные с академической добросовестностью. 83% преподавателей сталкивались со случаями академического мошенничества студентов, при этом 41% обучающихся указали на использование подобных практик. Полученные показатели свидетельствуют о существенном расхождении между распространенностью выявляемых преподавателями случаев и долей студентов, признающих собственное участие в академическом мошенничестве. Это может быть связано как с различиями в понимании границ допустимого использования ИИ, так и с возможным занижением студентами реальной частоты подобных практик при анкетировании.

Результаты также демонстрируют различия в позициях студентов и преподавателей относительно нормативного регулирования использования ИИ. Введение этических кодексов поддерживают 78% преподавателей, тогда как 60% студентов занимают нейтральную позицию. Одновременно предпочтительной мерой ответственности или наказания за академическое мошенничество для обеих групп является повторное выполнение работы без использования ИИ. В педагогической

практике наиболее распространенными инструментами противодействия академической нечестности являются системы антиплагиата, повторная сдача работ, ограничение использования электронных устройств и устные формы контроля. Это показывает, что противодействие негативным последствиям применения ИИ постепенно выходит за рамки исключительно технического контроля и включает изменение организации образовательного процесса.

Вместе с тем результаты исследования не позволяют рассматривать искусственный интеллект исключительно как источник угроз для высшего образования. Несмотря на выявленные риски, большинство участников исследования положительно либо нейтрально относятся к интеграции ИИ в академическую среду. Следовательно, полученные данные подтверждают целесообразность не запретительной, а регулирующей модели внедрения интеллектуальных технологий, при которой ИИ используется как инструмент поддержки образовательной деятельности, но не заменяет самостоятельную познавательную работу обучающегося.

Таким образом, эффективная интеграция ИИ в высшее образование должна основываться на сочетании технологических возможностей нейросетевых инструментов, педагогического контроля и четких этических норм их использования. Приоритетными направлениями дальнейшего развития образовательной среды являются разработка единых правил применения ИИ, формирование цифровой компетенции студентов и преподавателей, совершенствование методов оценки самостоятельности обучающихся и расширение форм контроля, позволяющих оценивать не только конечный результат, но и уровень сформированности соответствующих знаний и компетенций.

В целом проведенное исследование подтверждает, что искусственный интеллект становится значимым фактором трансформации субъект-субъектных отношений в высшем образовании. Перспективность его применения определяется не масштабом внедрения технологий как таковых, а способностью образовательной организации сформировать условия, при которых использование ИИ способствует повышению качества и доступности образования, сохраняя при этом самостоятельность, критическое мышление и академическую ответственность обучающихся.

Литература

1. Буякова К.И., Дмитриев Я.А., Иванова А.С., Фещенко А.В., Яковлева К.И. Отношение студентов и преподавателей к использованию инструментов с искусственным интеллектом в вузе. Образование и наука. 2024;26(7):160–193. https://doi.org/10.17853/1994–5639–2024–7–160–193

2. Бурганова Л.А., Юрьева О.В., Кукушкина О.Ю. Риски использования искусственного интеллекта в высшем образовании: взгляд студентов // ВЭПС. 2025. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/riski-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta-v-vysshem-obrazovanii-vzglyad-studentov (дата обращения: 10.06.2026).

3. Сысоев П.В. ChatGPT в исследовательской работе студентов: запрещать или обучать? / П.В. Сысоев, Е.М. Филатов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 276–301. – DOI 10.20310/1810–0201–2023–28–2–276–301. – EDN SPHXKZ.

4. Тарабарина Ю.А. Отношение обучающихся технического вуза к использованию искусственного интеллекта в высшем образовании//Ю.А. Тарабарина // Технологии и инновации в образовательной практике: новые вызовы и эффективные решения: Материалы международной научно-практической конференции: 13 февраля 2026 года. – Костанай: Костанайский региональный университет имени Ахмет Байт рсын лы, 2026. – С. 2054–2059. URL: https://ksu.edu.kz/science-and-innovation/materials-of-scientific-conferences/altynsarin-readings/ (дата доступа: 10.06.2026)

5. Нехайчик, Е.В. Технологии искусственного интеллекта как инструмент создания инклюзивной образовательной среды в техническом вузе = Artificial intelligence technologies as a tool for creating an inclusive educational environment in a technical university / Е.В. Нехайчик, И.Л. Свито, С.В. Батюков // Непрерывное профессиональное образование лиц с особыми потребностями: сборник статей VI Международной научно-практической конференции, Минск, 12 декабря 2025 года / Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники; редкол.: А.И. Ящук [и др.]. – Минск, 2025. – С. 223–225.

6. Сухоруков Д.С. Персонализация процесса обучения с помощью технологий искусственного интеллекта и машинного обучения: опыт образовательных платформ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2025. № 6–1 (105). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/personalizatsiya-protsessa-obucheniya-s-pomoschyu-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta-i-mashinnogo-obucheniya-opyt-obrazovatelnyh (дата обращения: 10.06.2026).

7. Тарабарина Ю.А. Академическое мошенничество студентов с использованием нейросетей / Ю.А. Тарабарина // Социально-гуманитарные знания. – 2025. – № 1. – С. 123–130. – EDN VSVJHF.

8. Дремова, О.В. Этические кодексы в университетах: что и как они регулируют? / О.В. Дремова, С.К. Бекова // Образовательная политика. – 2021. – № 1(85). – С. 88–99. – DOI 10.22394/2078–838X-2021–1–88–98. – EDN ZBFZNG.

THE INTEGRATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE INTO HIGHER EDUCATION: PERSPECTIVES OF STUDENTS AND FACULTY

Tarabarina Yu.
National Research Moscow State University of Civil Engineering

The aim of the study is to compare students' and faculty members' assessments of the current outcomes of integrating artificial intelligence (AI) technologies into the higher education process. The study was based on a survey of students and faculty members at a technical university. The findings demonstrate that the majority of respondents use artificial intelligence technologies for educational and professional purposes. The primary advantage of AI is perceived to be the reduction of time required for routine information-related operations through their automation. However, the study also identifies risks associated with the increasing prevalence of academic misconduct and reduced learner autonomy. Differences were found between students' and faculty members' perceptions regarding the acceptability of AI use and the need for its regulatory framework. The findings support the development of ethical guidelines for AI use, the improvement of methods for assessing educational outcomes, and the development of digital competencies among participants in the educational process. The study concludes that a shift from a restrictive model toward regulated use of AI as a tool for improving the effectiveness of higher education is necessary.

Keywords: artificial intelligence, neural networks, assessment, quality of education, academic ethics code, educational individualization, academic misconduct.

References

1. Buyakova K. I., Dmitriev Ya. A., Ivanova A.S., Feshchenko A.V., Yakovleva K.I. Students' and faculty members' attitudes toward the use of artificial intelligence tools in higher education // Education and Science. 2024. Vol. 26, No. 7. P. 160–193. DOI: https://doi.org/10.17853/1994-5639-2024-7-160-193.

2. Burganova L. A., Yuryeva O.V., Kukushkina O. Yu. Risks of using artificial intelligence in higher education: students' perspectives // VESTNIK EKONOMIKI, PRAVA I SOTSIOLOGII. 2025. No. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/riski-ispolzovaniya-iskusstvennogo-intellekta-v-vysshem-obrazovanii-vzglyad-studentov (accessed: 10.06.2026).

3. Sysoev P. V., Filatov E.M. ChatGPT in students' research activities: to prohibit or to teach? // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2023. Vol. 28, No. 2. P. 276–301. DOI: https://doi.org/10.20310/1810-0201-2023-28-2-276-301. EDN SPHXKZ.

4. Tarabarina Yu.A. Students' attitudes toward the use of artificial intelligence in higher education at a technical university // Tekhnologii i innovatsii v obrazovatel'noy praktike: novye vyzovy i effektivnye resheniya: materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, 13 fevralya 2026 goda. Kostanay: Akhmet Baitursynuly Kostanay Regional University, 2026. P. 2054–2059. URL: https://ksu.edu.kz/science-and-innovation/materials-of-scientific-conferences/altynsarin-readings/ (accessed: 10.06.2026).

5. Nekhaychik E. V., Svito I.L., Batyukov S.V. Artificial intelligence technologies as a tool for creating an inclusive educational environment in a technical university // Nepreryvnoe professional'noe obrazovanie lits s osobymi potrebnostyami: sbornik statey VI Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, Minsk, 12 dekabrya 2025 goda. Minsk, 2025. P. 223–225.

6. Sukhorukov D.S. Personalization of the learning process using artificial intelligence and machine learning technologies: experience of educational platforms // Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2025. No. 6–1 (105). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/personalizatsiya-protsessa-obucheniya-s-pomoschyu-tehnologiy-iskusstvennogo-intellekta-i-mashinnogo-obucheniya-opyt-obrazovatelnyh (accessed: 10.06.2026).

7. Tarabarina Yu.A. Academic misconduct among students involving the use of neural networks // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. 2025. No. 1. P. 123–130. EDN VSVJHF.

8. Dremova O. V., Bekova S.K. Ethical codes at universities: what and how do they regulate? // Obrazovatel'naya politika. 2021. No. 1 (85). P. 88–99. DOI: https://doi.org/10.22394/2078-838X-2021-1-88-98. EDN ZBFZNG.

Изменение социального потенциала как фактор развития социума

Иванов Сергей Юрьевич,
доктор социологических наук, профессор, зав.кафедрой теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой Института социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет

Иванова Дарья Вячеславовна,
кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой Института социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет
E-mail: soc-lab@yandex.ru

Чвякин Владимир Алексеевич,
доктор философских наук, профессор кафедры теоретической и специальной социологии им. М.А. Будановой Института социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет
E-mail: 195805@mail.ru

В статье изучаются структурные составляющие формирования социального потенциала современного социума. Особое значение придается изменениям социального потенциала применительно к современным социально-экономическим реалиям российского общества. Исследовательский фокус ориентируется на условия, которые способствуют или сдерживают развитие его социального потенциала. На примере сложившейся практики обеспечения социальной включенности выявлены основные направления, которые лежат в основе развития социального потенциала индивида, группы, социума. Особое внимание придается анализу социально значимых показателей, самым непосредственным образом определяющих развитие социума. Определены перспективные направления по приращению социального потенциала социума.

Ключевые слова: социальный потенциал, социальная вовлеченность, социальное отторжение, безработица, рынок труда, социальное обеспечение, современное поколение.

Введение

В настоящее время Российская Федерация сталкивается с новыми вызовами в сфере социально-экономического развития. Возрастающая сложность технологических процессов и продуктов деятельности становится присуща всем видам ведущих отраслей экономики. Возрастающая сложность предполагает увеличение многообразия видов социальных отношений и взаимодействия человека с используемыми технологиями. В российском обществе формируются уникальные социокультурные установки, механизмы вовлечения граждан или социальных групп в активную общественную жизнь. Как и в большинстве развитых стран, определенную роль для консолидации нашего общества и поступательного развития играет развитие человеческого потенциала, эффективная занятость населения, достойный доход, наличие социальной инфраструктуры, доступ к знаниям, социальным услугам и т.д. Именно эти факторы во многом обеспечивают реализацию имеющегося социального потенциала всего общества.

Критическое осмысление имеющегося зарубежного опыта по формированию социального потенциала человека, группы, социума могло бы послужить прочной основой для устойчивого социального развития общества. Однако для реализуемых кардинальных преобразований необходимо не только формировать, но и развивать ресурсы (природные, технологические, культурно-исторические, информационные, политические, финансовые и др. ресурсы). При этом следует помнить, что несогласованные социально-экономические перемены, наличие критических барьеров к средствам приобретения знаний могут затруднять доступ к активным ресурсам для некоторых групп населения, а также приводят к диспропорциональному социальному расслоению. Игнорирование данного факта создает проблему уменьшения доверия к институциональной системе, уменьшение социальной активности граждан и оторванности социально-политических процессов от их жизни.

Концептуальные основы социального потенциала

Для выполнения в современном мире все усложняющихся задач требуется как можно больше знаний, а также гибкость и адаптивность в рамках социального взаимодействия и активного включения человека в социум. В этой связи несомненный интерес представляет эволюция концепции социального вовлечения (А. Сакс, У. Кан, Г. Беккер, В. Шауффели и др.) [1, 2, 3, 4]. Специфику поднимаемой специалистами данной социальной проблематики определяется особенностями моделей социального государства, которые согласуются с системой социальной защиты, развитием социального потенциала индивида. В развернутом понимании социальное вовлечение представляет собой процесс, благодаря которому люди, относящиеся к группе социального риска, получают все необходимый возможности для интеграции в социум, для полноценного участия в социально-экономической жизни, достижения нормального уровня благосостояния.

Интересно отметить, что основы концепции социальной вовлеченности были определены еще в 1957 году в ст. 158–162 Римского договора. В частности говориться о гармоничном развитии и укреплении социальной сплоченности и на основе снижения диспропорций в развитии регионов. Прошедшей в 1995 году на Всемирной встрече на высшем уровне ООН была зафиксирована Копенгагенская декларация о социальном развитии. В понимании высшего органа исполнительной власти ЕС зафиксировано, что люди должны наиболее активно участвовать в принятии решений и иметь доступ к основным социальным правам, закрепленным в Хартии Европейского союза по правам человека. Акцент делается на создание общества для всех, в котром для каждого индивида определяются необходимые права и обязанности.

Сушественное значение в обеспечении социального вовлечения имеет и Лиссабонская стратегия (2000 г., 2005 г.). В основе данной стратегии приоритет необходимо отдавать модернизации социальной модели, инвестициям в человека и борьбе с социальным отчуждением. Среди основных направлений модернизации приоритет отдают: образованию и профессиональной подготовке; обеспечению занятости; росту числа и увеличение качества рабочих мест; модернизации социальной защиты; содействию социальному вовлечению [5]. В самом шиоком контексте активное вовлечение предполагает обеспечение связи

индивида с рынком труда; поддержку достойных налогов, устранение возможных барьеров, препятствуюих доступу к ресурсам.

Накопленный мировой опыт обеспечения социальной вовлеченности позволил существенно расширить и разработать новые стратегии социального развития, которые ориентируются на усиление результативности профессиональной подготовки, более активно привлекать молодежь на рынок труда, улучшит соотношение спроса и предложения на рынке труда. Предполагатся, что проводимая государствами политика социальной вовылеченности должна быть приспособлена к изменяюимся социально-экономическим условиям. Это достигается на основе усиления организационной и институциональной составляющей.

Ключевым ответом на возможные вызовы и риски является реорганизация социума, на основе создания эффективных социальных механизмов, направленных на удовлетворение значимых потребностей общества, обеспечивающих производство добавленной стоимости. Качество их использования предопределяется оценкой использования имеющегося в социуме социального потенциала. Усиление многообразия, мобильности, изменение ценностей определяет широкий перечень возможностей для раскрытия социального потенциала индивида. Актуальность в этой связи приобретает способность общества управлять процессами формирования знаний, а также необходимых личностных качеств и свойств, которые позволяют обеспечить требуемый уровень благосостояния всеми его членами. Приоритет здесь отдается не условиям функционирования свободного рынка, а укреплению механизмов социальной политики, представительства прав и интересов человека на основе складывающейся институциональной практики посредством обучения и накопления социально значимых знаний, наконец, развития социального потенциала.

Особенности изменения социального потенциала

Многочисленные объяснения динамического изменения социального потенциала социума обусловливаются, как микрофакторами (личностная позиция, ценности, номы и поведение), так и макрофакторами, которые связаны с экономическими, культурными, социальными, политическими условиями. Данная группа факторов предполагает, что социальный ресурс строится не только на отличительных личностных чертах, но и на тех позициях, которые не всегда могут контролироваться отдельными людьми внутри уже отдельной социальной системы. Причем неравнозначность формируемого социального потенциала нередко является не столько результатом ограниченных ресурсов внутри общества, сколько наличием социального неравенства, изменениями внутри структуры общества.

Однако отметим важный факт – нельзя напрямую проводить однозначную корреляцию между изменениями социальной среды и качеством, а также уровнем мобильности индивида или группы. Такой линейный подход сужает «исследовательский» аспект социального потенциала до линейной зависимости от социально-экономических процессов. Еще один важный фактор или даже свойство мобильности как социального феномена, во многих случаях заключается в том, что она напрямую зависит от условий, возникающих в период сильных социально-экономических потрясений (войн, экономические дефолты, нестабильность политико-правовая), наконец, неопределенности.

Уровень возникающей при этом «социальной неприкаянности» приводит к значительной перестройке векторов социальной мобильности не просто целых групп или слоев, но поколений и масштабных социальных общностей. Необходимо пояснить, что «социальная неприкаянность – это ощущение человека, будто он не находит своего места в обществе, выпадает из привычных социальных связей и ролей, чувствует себя «лишним» или непонятым. Это трудное социальное состояние человека. В таком понимании, социальный потенциал становится ключевым ресурсом новой системы координат, а не только критерием адаптации личности или группы. Иными словами, берется в расчет лишь то, что в современном социуме фиксируется изменение баланса между составляющими социальной активности и в большей степени ориентируемся на знания и способности индивида, а не составляющие «человеческого капитала», как предмета рыночных отношений купли и продажи.

В этой связи выходим к необходимости согласования реализуемых общественными институтами мер социальной поддержки и процессом формирования социального потенциала индивида. Важно выделить основные принципы, которые позволяют обеспечить баланс интересов различных поколений, а также рациональные механизмы использования человеческих ресурсов социума.

Если рассматривать формирование социального потенциала на макроуровне, то можно выделить следующие его характерные особенности. По существу, социальный ресурс социума сам по себе не создает никакой потребительской стоимости. Для его непосредственной реализации нужны конкретные люди, которые обладают определенными качествами, свойствами, мотивацией. В этой связи социальный потенциал человека в социуме – не просто отражение его профессионального статуса. Он возникает на основе более широкого контекста: социально-экономического аспекта, распределения ресурсов, доступа к власти, социального контроля, наконец, социального взаимодействия, действия институтов социализации и т.д.

Важным исследовательским контекстом, как справедливо считают отечественные специалисты А.А. Нещадин и Н.И. Горин, выступает выполняемая деятельность, направленная на удовлетворение потребностей общества, получение той или иной социальной группой добавленной стоимости и т.д. [6]. В целом же исследуемых в рамках той или иной деятельности ракурс социальных отношений задает определенные составляющие социального потенциала, которые не вписываются в рамки относительно ограниченных формализованных норм и правил. В условиях современного общества знания индивиду требуются не только для того, чтобы повысить только свою трудовую квалификацию, но и выступать в роли гражданина, действующего актора, потребителя, субъекта свободного времени.

Социальные потенциал современного общества

Современные исследования социального потенциала в большей степени касаются и согласования социальных отношений различного уровня, например, между индивидом и обществом, работой и досугом, решения гендерных проблем и т.д. [7]. Особый фокус создают проблемы неравного доступ к социальным правам и ресурсам, защита групп социального риска, стимулирования активности граждан, укрепление механизмов представительства, социального неравенства и т.д. Объяснение возникающего неравенства возможностей по формированию социального потенциала рассматривается исследователями нередко в связке со структурной, чем с социокультурной точки зрения.

В основу зачастую закладывается экономическая инфраструктура, социальная стратификация, власть и капитал. При этом допускается, что для любого общества характерен как интенсивный подъем, так и застой, и спад, которые, например, могут быть связаны с потерей индивидом работы и наличием, например, высокого уровня безработицы. В этой связи важно акцент сделать на институциональную среду, обеспечивающую развитие человеческих ресурсов.

Именно исследование институциональной среды позволило выявить и особую форму существующей мобильности «*coremobility*» – вызываемую социальной текучестью общественных и экономических процессов, а социальный потенциал теперь был направлен не на поддержание социальных перегородок и сохранение устойчивых паттернов, а на саму меняющуюся в естественной рыночной среде «самореферентную» реальность. Главным критерием здесь выступает возможность для индивидов применять и развивать свои знания, повышение абсолютного и относительного уровня предложения компетенций.

Среди ключевых показателей, которые определяют социально-экономическое развитие страны, отдельно стоит выделить ИРЧП (индекс развития человеческого потенциала). Данные социальной статистики показывают, что значение данного показателя снизилось с 0,815 в 1990 году до 0,771 в 1995 году, достигая минимального значения 0,713 в 2000 году, затем несколько возросло до 0,782 в 2020 году и 0,788 в 2022 году. Согласно данным доклада ПРООН, за 2023–2024 гг. индекс продолжил рост и составил 0,832 [8]. Это свидетельствует о том, что, несмотря на серьёзные спады в переходный период 1990-х годов, в долгосрочной перспективе страна демонстрирует тенденцию к восстановлению и повышению уровня человеческого развития. Такой динамичный рост в последние годы связан с улучшением ключевых компонентов индекса.

Очевидно, что одним из ключевых факторов формирования социального потенциала общества выступают профессионально-квалификационные отношения. Это выражается в уровне образования населения, который связан с его профессионально-квалификационной структурой, наличием необходимых инвестиций в подготовку кадров. В результате научно-технического прогресса и экономического развитие уменьшается спрос, прежде всего, на работников с низкой квалификацией. Иными словами, для представителей данной группы сужаются возможности по проявлению своего социального потенциала. Им гораздо тяжелее, чем квалифицированным работникам, адаптироваться на рынке труда, в силу более длительного процесса формирования у них необходимых профессиональных компетенций.

«Вторичное» использование социального потенциала у них носит ограниченный характер. Альтернативная ситуация просматривается для группы высококвалифицированных работников. Они самым непосредственным образом способны формировать предложение на рын-

ке труда, в силу наличия у них востребованных профессиональных качеств. Чем выше уровень образования, тем больше возможностей у представителей данной группы изменять социум. Вместе с тем лимит имеющихся определенных ресурсов приводит к ограничениям в функционировании и развитии социума и, наоборот, их избыток – к повышению соответствующих затрат. Разбалансировка в процессе воспроизводства социального потенциала приводит к социальным дисфункциям.

В рамках наблюдаемой диспропорции фиксируется одна из серьезных проблем, которая имеет большое значение для современного социума, – наличие неконтролируемой безработицы. В результате активного отторжения или глубоких институциональных изменений, вызывающих безработицу, ограничиваются свободы человека, а его возможности остаются нереализованными в социуме. Следовательно, происходит размывание социального потенциала личности. Если взять более широкое толкование, то формируется социальное отчуждение, которое связано с потерей индивидом ряда социальных прав на работу, образование, медицинское обеспечение, социальную защиту, жилье и др.

По сути, изменяется отношение индивида к социальному окружению, социальной группе, с которой он ранее себя идентифицировал. Наилучший способ нейтрализовать социальное отчуждение – предоставление индивиду работы. Заметим, что еще в 1974 году Ленуар Рене госсекретарь по социальным вопросами кабинета министров Правительства Франции определил феномен социального отчуждения для социальных групп, которые не охватываются системой социального страхования государства всеобщего благосостояния. Одной из форм социального отчуждения у современной безработной молодежи с низким порогом реализации социального потенциала становится ориентация на открытость к мобильностям индивида внутри не общественных, а индивидуальных траекторий: без привязки к профессии или карьерному росту, а росту уникальных адаптационных проекций реконструкции собственной жизни.

Стоит отметить, что проблемы формирования и эффективного использования в данном случае трудового потенциала социума более чем актуальная. Это обусловлено и тем, что в современной экономике России нет избыточной численности трудовых ресурсов. Долговременная стратегия экономического развития должна предполагать инвестиции в образование и повышение квалификации, которые позволяют расширить доступ к знаниям.

Согласно официальным данным Федеральной службы государственной статистики (Росстат), в период 2022–2026 гг. рынок труда РФ столкнулся со значительным дефицитом кадров, из-за чего общий уровень безработицы упал до рекордных минимумов за достаточно длительный период наблюдений. Уровень безработицы последовательно снижался: если в 2022 году среднегодовой уровень безработицы составлял 3,7%, то к началу 2026 года он зафиксировался в диапазоне 2,1–2,2% [9]. Однако ситуация может измениться на противоположную для целого ряда групп социального риска. Проблема намного шире и заключается в необходимости того, чтобы люди могли овладеть альтернативными профессиями, а также участвовать в производстве высокотехнологичных товаров и услуг.

Данные статистики фиксируют, что за период 2022–2026 гг.: отмечается тенденция к дальнейшему снижению безработицы во всех возрастных категориях. Тем не менее, молодёжь по-прежнему остаётся уязвимой группой. Так, доля молодёжи (до 25 лет) среди безработных остаётся выше среднероссийской: 15–19 лет – с 26% до 19,6%, 20–24 – с 13,6% до 10,4%. Это связано с тем, что молодые люди чаще выходят на рынок труда впервые или активно меняют работу в поисках лучших условий. В целом по стране средний возраст безработного вырос почти до 40 лет.

Снижение безработицы происходило опережающими темпами в зрелых возрастах (40–49 лет) [9]. В настоящее время работодатели массово отказываются от эйджизма и активно нанимают людей старшего возраста и пенсионеров, так как молодежи на рынке физически не хватает как из-за демографической ямы, а также отсутствия профессиональных компетенций, которые адекватно состыкуются с реалиями производственной деятельности.

По профессиональным группам картина менялась в зависимости от сектора экономики. Изменения в спросе на труд (рост дистанционных услуг, цифровизация) приводили к тому, что в одних профессиональных группах безработица снижалась, а в других – сохранялась или даже росла в отдельные периоды. Так, за исследуемый период повышенный уровень безработицы фиксировался в сферах, которые сильнее всего пострадали от внешних шоков: гостиницы и общественное питание, сельское и лесное хозяйство, оптовая и розничная торговля. В то же время в IT, некоторых сегментах услуг и на производствах, адаптировавшихся к новым условиям, ситуация была стабильнее.

В последующие годы по мере перестройки экономики разрыв между группами сокращался, но структурные особенности сохранялись. Это свидетельствует о том, что не все организации-работодатели заинтересованы в инвестиции в человеческие ресурсы, из-за неуверенности в благоприятных перспективах и макроэкономической среды. Сегодня нужно думать о том, чтобы сделать акцент на более активное привлечение молодежи в высокотехнологичное производство.

Таким образом, наблюдаемое относительное снижение безработицы по ряду социально-профессиональным группам – это скорее признак глубокого кадрового голода. Уровень безработицы снизился не столько по причине роста занятости, а вследствие сокращения численности трудоспособного населения. Это обусловлено специфическими демографическими проблемами, а также вследствие легального или теневого трудоустройства в страны ближнего и дальнего зарубежья. Компании сегодня ведут ситуативную «войну за таланты», удерживая персонал и снижая требования к кандидатам.

Несмотря на то, что квалифицированные рабочие занимают заметную долю в структуре безработицы из-за высокой текучести кадров, среднее время поиска работы для них сократилось до минимального уровня. Предприятия ОПК, машиностроения и строительства поглощают любые освобождающиеся синие воротнички практически мгновенно. Вместе с тем, несмотря на то, что значительная часть экономически активного населения имеет высшее научно-техническое образование, доля занятых в научно-исследовательских и конструкторских разработках остается по-прежнему крайне низкой.

Очевидно, что среди молодого поколения наблюдаются те, кому затруднительно участвовать в жизни российского общества, иметь необходимый доступ к ресурсам и возможностям. Формирование конкурентоспособного образовательного потенциала человека, повышение квалификации рабочей силы сегодня важные задачи для отечественной экономики.

Выводы

Отмечаемый в настоящее время сценарий утраты человеком квалификации маловероятен. Все данные говорят о том, что уровень трудовых компетенций не снизился, а возрос. В связи с этим, социальное вовлечение и интеграциячеловека труда становится сегодня объектом пристального внимания целого ряда профильных специалистов [1, 2, 3, 4]. Актуальность приобретает внедрение эффективных средств привлечения всех заинтересованных сторон к гарантированной качественно устойчивой системы социального обеспечения и непрерывного профессионального развития человека труда. И все же вопросы интенсивного формирования социального потенциала, необходимого для социальной интеграции и занятия активной позиции и включения в трудовуюдеятельность нередко упускается из рассмотрения. Существенное значение имеет подготовка человека, в рамках его активной социальной адаптации и устранения возможных барьеров, препятствующих его включению в систему рынка труда.

Государство должно осуществлять регуляцию экономики в отношении сбалансированного использования средств бюджета на решения социальных проблем, ориентиорованных на расширения инвестиционных возможностей по развитию человеческого потенциала. По существу в разрезе упрочнения социального потенциала следует выделить не только структурные, но и и институциональные и технологические изменения, связанные с воздействием на все ресурсные составляющие социального потенциала социума – трудовые, информационные, социокультурные, а также созданием новых институтов, обеспечивающих простор для инноваций, достижение высоких научно-технирческих результатов.

Литература

1. Кан У.А. Психологические условия личной вовлечённости и отстранённости на работе [Текст]/У.А. Кан//Academy of Management Journal. – 1990. – Т. 33. – № 4. – С. 692–724.

2. Сакс А.М. Антецеденты и последствия вовлечённости сотрудника [Текст]/А.М. Сакс//Journal of Managerial Psychology. – 2006. – Т. 21. – № 7. – С. 600–619.

3. Беккер Г.С. Человеческий капитал: теоретический и эмпирический анализ, с особым вниманием к образованию [Текст]/Г.С. Беккер. – 3-е изд. – Чикаго: University of Chicago Press, 1993. – 390 с.

4. Шауфели У.Б., Баккер А.Б. Требования к работе, ресурсы работы и их связь с выгоранием и вовлечённостью: мультивыборочное исследование [Текст]/У.Б. Шауфели, А.Б. Баккер//Journal of Organizational Behavior. – 2004. – Т. 25. – С. 293–315.

5. Сурков А.И., Шкира А.Д. Зарубежный опыт обеспечения социальной сплоченности. – М., 2014. – 89 с.

6. Нещадин А., Горин Н. Феномен города: социально-экономический анализ. – М., 2001. – С. 44.

7. Смирнова А.В. Социальный потенциал в эпоху гибких траекторий: баланс работы, времени и гендера/А.В. Смирнова//Социологические исследования. – 2023. – № 5. – С. 45–58.

8. Statista Research Department. Human development index score of Russia from 1990 to 2023 [Graph]. – URL: statista.com

9. Труд и занятость в России. 2025: статистический сборник/Федеральная служба государственной статистики (Росстат). – М.: Росстат, 2025. – 333 с. [Электронный ресурс]. – URL: rosstat.gov.ru

CHANGEIN SOCIAL POTENTIAL AS A FACTOR OF SOCIAL DEVELOPMENT

Ivanov S.Yu., Ivanova D.V., Chvyakin V.A.
Moscow Pedagogical State University

The article examines the structural components of social potential formation in modern society. Particular importance is given to changes in social potential in relation to the current socio-economic realities of Russian society. The research focus is on the conditions that facilitate or constrain the development of its social potential. Using the established practice of ensuring social inclusion as an example, the main directions underlying the development of the social potential of an individual, a group, and society as a whole are identified. Special attention is paid to the analysis of socially significant indicators that directly determine the development of society. Promising directions for enhancing the social potential of society are identified.

Keywords: social potential, social inclusion, social exclusion, unemployment, labor market, social security, modern generation.

References

1. Kahn, W.A. Psychological Conditions of Personal Involvement and Disengagement at Work [Text]/W. A. Kahn//Academy of Management Journal. – 1990. – Vol. 33. – № 4. – Pp. 692–724.

2. Saks, A.M. Antecedents and Consequences of Employee Involvement [Text]/A. M. Saks//Journal of Managerial Psychology. – 2006. – Vol. 21. – № 7. – Pp. 600–619.

3. Becker, G.S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Particular Reference to Education [Text]/G. S. Becker. – 3rd ed. – Chicago: University of Chicago Press, 1993. – 390 p.

4. Shaufeli W.B., Bakker A.B. Job demands, job resources, and their relationship with burnout and engagement: a multisample study [Text]/W.B. Shaufeli, A.B. Bakker//Journal of Organizational Behavior. – 2004. – Vol. 25. – Pp. 293–315.

5. Surkov A.I., Shkira A.D. Foreign experience in ensuring social cohesion. – Moscow, 2014. – 89 p.

6. Neshchadin A., Gorin N. The phenomenon of the city: a socio-economic analysis. – Moscow, 2001. – P. 44.

7. Smirnova A.V. Social potential in the era of flexible trajectories: the balance of work, time, and gender/A.V. Smirnova//Sociological studies. – 2023. – № 5. – P. 45–58.

8. Statista Research Department. Human development index score of Russia from 1990 to 2023 [Graph]. – URL: statista.com

9. Labor and employment in Russia. 2025: statistical digest/Federal State Statistics Service (Rosstat). – Moscow: Rosstat, 2025. – 333 p. [Electronic resource]. – URL: rosstat.gov.ru

Формальные механизмы построения карьеры в российских и китайских организациях: сравнительный анализ

Чжан Сичэнь,
аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
E-mail: sereinnnzhang@gmail.com

Статья рассматривает формальные, официально закрепленные механизмы карьерного продвижения в российских и китайских организациях как самостоятельный предмет, дополняющий уже сложившуюся в литературе линию исследований неформальных личных сетей. Актуальность обращения к этой теме связана с тем, что сопоставление блата и гуаньси, устойчиво привлекающее внимание исследователей, оставляет в тени вопрос о том, чем сами официальные критерии продвижения – независимо от роли личных связей – различаются в двух странах по своей формальной архитектуре. Целью статьи является сопоставление нормативно закрепленных механизмов отбора и продвижения кадров в российской государственной гражданской службе и в китайской системе кадрового управления, применяемой к руководящим работникам государственного сектора и государственных предприятий. Материалом послужили Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации», указ Президента России об основных направлениях развития гражданской службы, а также работы, описывающие китайскую систему кадрового управления (ганьбу), действующую под руководством организационных отделов Коммунистической партии Китая, и эмпирические исследования того, какие показатели фактически определяют продвижение кадров. Одним из основных, методом послужил сравнительный анализ нормативных текстов и профильной литературы. Так же, было показано, что российская модель формально строится на принципе конкурсного отбора по профессиональным и личностным качествам, из которого исключены политические критерии, тогда как китайская модель кадрового управления открыто и официально включает партийно-политическую лояльность в состав формальных критериев наравне с профессиональными показателями. Показано также, что даже внутри формально многомерной китайской системы оценки фактическое продвижение кадров статистически теснее всего связано с экономическими показателями, тогда как неэкономические критерии применяются избирательно. Обосновывается, что различие между двумя странами лежит не в наличии или отсутствии формализации карьерного продвижения, а в том, какие критерии сама формальная система признает легитимными для включения в официальную оценку.

Ключевые слова: карьерное продвижение, формальные механизмы, государственная служба, кадровый резерв, ганьбу, Россия, Китай, сравнительный анализ.

Введение

Карьера в постсоциалистической организации редко строится строго по писаным правилам – это наблюдение стало почти трюизмом социологии труда. Исследовательский интерес на протяжении последних десятилетий закономерно шел туда, где расхождение между декларацией и практикой было заметнее всего: к блату в России, к гуаньси в Китае. Обе практики действительно обнажали зазор между официально провозглашенным равенством доступа и фактическим распределением карьерных шансов. У такой сфокусированности, однако, есть цена. Вопрос о том, чем сами формальные механизмы отбора и продвижения различаются между двумя странами – независимо от роли личных связей, – остался почти нетронутым. Как будто формальное едино по умолчанию, а различия начинаются только там, где правила нарушаются.

Формальное, впрочем, не сводится к техническому сопоставлению процедур – приему, найму, аттестации. Формальная архитектура карьерного продвижения кодифицирует нечто более существенное: представление государства и общества о том, какие качества работника вообще признаются легитимным основанием для его выдвижения. Сравнение этой архитектуры в России и Китае поэтому открывает различие иного рода, не сводимое к оппозиции формального и неформального. Сама формальная система в двух странах способна закреплять существенно разный набор легитимных критериев. И расхождение между декларируемым и фактическим порядком продвижения может возникать в каждой из систем по собственным, непохожим друг на друга механизмам – это еще предстоит показать.

Отсюда и актуальность самого сопоставления. Устоявшееся в литературе сравнение блата и гуаньси невольно создает впечатление, будто главное различие между российской и китайской моделями продвижения лежит именно в сфере неформального. Вопрос о содержательном различии формальных критериев при этом остается на периферии – не потому, что он менее важен, а потому, что он менее заметен. Данные о разрыве между формальным дизайном системы и ее фактическим функционированием существуют в обеих странах по отдельности. Напрямую их сопоставляют редко.

Что дальше делать с этим наблюдением, определяет цель исследования: сопоставить нормативно закрепленные механизмы отбора и продвижения кадров в российской государственной гражданской службе и в китайской системе кадрового управления, а также сопоставить имеющиеся данные о разрыве между формальным дизайном каждой из систем и ее фактическим функционированием.

Решению этой цели служат четыре последовательные задачи. Нужно охарактеризовать нормативную архитектуру отбора и продвижения кадров в российской государственной гражданской службе и ее историческую преемственность с советской системой номенклатуры. Нужно охарактеризовать китайскую систему кадрового управления (ганьбу) – ее институциональную принадлежность и историко-культурное обоснование. Нужно сопоставить состав формально признаваемых критериев продвижения в двух системах. И, наконец, оценить по имеющимся эмпирическим данным, в какой мере формально заявленные критерии и процедуры фактически применяются на практике в каждой из двух стран.

Формальные механизмы отбора и продвижения кадров в российских и китайских организациях государственного сектора составляют объект исследования. Предмет уже, но не менее важен: состав критериев, официально признаваемых легитимным основанием для карьерного продвижения в каждой из двух систем, и степень фактического соответствия практики продвижения этим формально заявленным критериям.

Материалы и методы

Материалом для российской части работы послужили нормативные тексты, регулирующие продвижение кадров на государственной гражданской службе, – Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» и указ Президента России от 11 августа 2016 года № 403 «Об Основных направлениях развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2016–2018 годы», закрепляющий, среди прочего, институт кадрового резерва [1;

2]. К ним добавлена историческая линия: классическая работа о советской номенклатуре [3] и современное эмпирическое исследование номенклатурных связей путинских элит [4]. Отдельно – три эмпирические работы о фактической эффективности кадрового резерва, рассматривающие федеральный и муниципальный уровни государственной службы [5; 6; 7].

Китайская линия материала устроена похоже, но опирается на другой корпус источников. Институциональную архитектуру системы кадрового управления – партийную систему ганьбу, действующую под руководством организационных отделов Коммунистической партии Китая и распространяющуюся на государственный аппарат и на руководящий состав государственных предприятий, – описывают отдельные работы [8]. К ним добавлена теоретическая литература о политической меритократии: монография, отстаивающая эту модель [9], и ее критический разбор [10]. Использован материал о государственном экзамене как формальном канале первичного отбора на государственную службу [11], а также две эмпирические линии о факторах фактического продвижения китайских кадров – классическое исследование экономических стимулов [12] и более позднее обобщение накопленных данных [13]. Наконец, привлечены исследование манипулятивных практик в системе целевой ответственности [14] и материал о реформе кадровой системы отдельных китайских государственных предприятий [15].

Методом послужил сравнительный анализ нормативных текстов и специальной литературы. Методом послужил сравнительный анализ нормативных текстов и специальной литературы. Сопоставлялся состав формальных критериев продвижения в каждой из систем – по признаку их официального включения или же исключения из легитимного основания для карьерного решения. Там, где такие данные были доступны, сопоставлялась и степень фактического применения этих критериев на практике. У метода есть заметные ограничение: доступные эмпирические данные о разрыве между формальным дизайном и фактической практикой неодинаковы по объему, но также методологии в двух странах. Китайский материал представлен систематическими исследованиями со статистикой карьерных траекторий. Российский же преимущественно экспертными опросами и анализом правового регулирования. Само это различие обсуждается в разделе результатов не как техническая деталь, а как содержательный факт.

Результаты и обсуждение

Российская модель формального карьерного продвижения на государственной гражданской службе закреплена Федеральным законом «О государственной гражданской службе Российской Федерации». Закон устанавливает конкурсный принцип замещения вакантных должностей и равный доступ граждан к государственной службе независимо от их политических убеждений [1]. Указ Президента России от 11 августа 2016 года № 403 развивает эту рамку институтом кадрового резерва. Резерв формируется на конкурсной основе, а включение в него и последующее продвижение должно основываться на объективной оценке профессиональных и личностных качеств, гласности процедуры и равенстве прав граждан [2]. Показательно, что сам нормативный текст явно исключает политическую принадлежность и убеждения из числа критериев, формально допустимых при отборе и продвижении. Система заявлена как политически нейтральная – хотя бы на уровне формулировки закона. Этот нейтралитет не возник на пустом месте. Он формулируется на фоне многолетней истории прямо противоположного принципа. Советскую систему номенклатуры подробно описал в своей классической работе Восленский. Она представляла собой закрытый перечень должностей, назначение на которые контролировалось партийными органами. Решающим критерием здесь была «благонадежность» – личная и идеологическая лояльность, а не профессиональная компетентность как таковая [3]. Формально эта система демонтирована вместе с распадом советского государства. Но современное эмпирическое исследование происхождения путинских элит показывает нечто менее удобное.

Номенклатурные корни имеют около шестидесяти процентов представителей элиты позднепутинского периода. Причем это преимущественно среднее и низшее, а не высшее звено бывшей номенклатуры [4]. Само по себе это наблюдение не опровергает формальную нейтральность действующего закона. Но оно показывает: институциональная преемственность кадровых элит способна сохраняться поверх смены формальной нормативной рамки. К разрыву между продекларированным принципом и составом тех, кто фактически прошел отбор в руководящий слой, стоит поэтому относиться с осторожностью. Важно и другое. Этот тип расхождения структурно отличается от блата как повседневной практики обмена услугами.

Номенклатурная преемственность – свойство состава элиты в целом, складывающееся поверх формально нейтральной процедуры. Это не неформальная практика продвижения отдельного работника. Она не возвращает анализ к дихотомии формального и неформального, которую эта работа стремится оставить в стороне. Она указывает на нечто иное – на более общий разрыв между дизайном и фактическим составом руководящего слоя. Именно он и остается здесь главным предметом.

Опрос двухсот сорока двух экспертов, изучавший функционирование кадрового резерва государственной гражданской службы, выявил высокую текучесть состава резервистов, недостаточность их практической подготовки и несовершенство процедур выдвижения кандидатов на ключевые позиции [5]. Более позднее исследование действующего правового регулирования приходит к более тонкому выводу: сами нормы отбора кандидатов в резерв последовательны и непротиворечивы, они действительно нацелены на отбор наиболее квалифицированных претендентов. Но требование законодателя об эффективном использовании потенциала резерва остается не более чем пожеланием, адресованным представителям нанимателя, – без действенных механизмов контроля [6]. Тот же разрыв воспроизводится на муниципальном уровне. Формальный подход к формированию резерва, отсутствие системы повышения квалификации резервистов и, как следствие, замещение вакантных должностей внешними кандидатами в обход уже сформированного резерва – таковы, по данным соответствующего исследования, наиболее устойчивые проблемы [7]. Процедура резервирования кадров в результате теряет практический смысл. Дело, иначе говоря, не в содержании формальных критериев – они декларируют профессиональную нейтральность и в целом методологически последовательны. Дело в отсутствии институциональных механизмов, обеспечивающих их фактическую реализацию. И этот разрыв воспроизводится устойчиво от федерального уровня до муниципального.

Китайская система кадрового управления устроена иначе – и не потому, что она менее формализована. Сама ее формальная архитектура включает другой набор легитимных критериев. Система ганьбу охватывает руководящий состав государственного аппарата и государственных предприятий и действует под непосредственным руководством организационных отделов Коммунистической партии Китая, которые осуществляют подбор, аттестацию, продвижение, обучение и надзор за кадрами [8]. Формальная архитектура этой системы прямо закрепляет так называемое «двойное правление»: руководители государственных предприятий подчиняются одновременно коммерческим правилам корпоративного законодательства и партийным правилам, устанавливаемым уставом Коммунистической партии. Сама кадровая система призвана обеспечивать соответствие целей руководителей партийным задачам [8]. Партийно-политическая лояльность в китайской модели – не неформальное искажение официально нейтральной процедуры, как это происходит с гуаньси. Это прямо признаваемый, институционально закрепленный критерий формальной системы оценки.

Открытое признание политической лояльности легитимным критерием не выглядит ситуативным нововведением. За ним стоит самостоятельная интеллектуальная традиция, эксплицитно обосновывающая превосходство меритократического отбора руководителей над электоральной демократией. Наиболее полно эту позицию излагает Дэниел Белл: его модель описывает китайскую систему как сочетание меритократии на высшем уровне управления, локального экспериментирования на среднем уровне и элементов демократии на низовом уровне. Подобная архитектура, по мысли Белла, способна устранять ряд структурных изъянов электоральной демократии [9]. Позиция эта, однако, далека от консенсуса. Китайский исследователь Хуан Юйшунь возражает: предлагаемая Беллом «политическая меритократия» внутренне противоречива – она то выступает антитезой демократии, то ее дополнением, – а ее последовательное развитие ведет не к усовершенствованному, а к тоталитарному политическому устройству [10]. Сам факт существования такой полемики важен сам по себе. Он показывает, что открытое включение политического критерия в китайскую формальную систему – не техническая деталь, а результат осознанного и оспариваемого теоретического выбора. Российский случай в этом смысле устроен проще, но и беднее: формальный закон не предполагает сопоставимой публичной защиты политического критерия вообще.

Разница между двумя моделями виднее всего там, где обе начинаются, – на входе в систему. Китайский государственный экзамен на замещение должностей государственной службы, гокао, проводится ежегодно на конкурсной основе и привлекает по-настоящему огромное число претендентов. По данным о недавних кампаниях набора на центральные государственные должности, претендовали от двух с половиной до трех миллионов человек при количестве вакансий порядка

тридцати семи – сорока тысяч; это конкурс от одного к шестидесяти до одного к семидесяти семи [11]. Сама процедура – анонимное тестирование, определяющее дальнейшее прохождение конкурса, – на уровне первичного отбора работает как открыто меритократический, обезличенный механизм. Именно на этом, начальном уровне китайская система парадоксальным образом напоминает декларируемый российским законодательством принцип конкурсного равенства возможностей больше всего. Расхождение между двумя моделями начинается не на входе. Оно проявляется дальше – на следующих уровнях продвижения, где в китайском случае в действие вступает уже партийно-кадровая, а не экзаменационная логика.

Разрыв между формальным дизайном и практикой: два разных механизма

Классическое эмпирическое исследование Ли и Чжоу изучило данные о смене провинциальных руководителей Китая с 1979 по 1995 год и установило устойчивую статистическую связь между экономическими показателями региона и вероятностью продвижения его руководителя. Кадровый контроль, по интерпретации авторов, используется центральной властью как инструмент стимулирования желательных экономических результатов [12]. Эта работа заложила основание целого направления исследований, описывающего китайскую систему продвижения как «турнир» между руководителями, соревнующимися по измеримым показателям. Более поздний метаанализ шестидесяти семи подобных эмпирических исследований картину скорее уточняет, чем опровергает. Экономическая результативность действительно устойчиво и статистически значимо связана с продвижением на всех административных уровнях. Неэкономические показатели демонстрируют лишь условный эффект: связанные с охраной окружающей среды.

Исследование Гао о системе целевой ответственности детально прослеживает, как именно возникает подобное расхождение между формально широким набором критериев и фактически узким кругом реально учитываемых показателей. Система целевой ответственности – это механизм, при котором вышестоящие органы заключают с нижестоящими руководителями формальные контракты с конкретными количественными показателями. Показывает Гао, что именно сочетание навязанных сверху результативных показателей с высокими стимулами их выполнения систематически провоцирует «пагубные манипуляции»: искажение отчетности, подмену содержательного выполнения задач его имитацией. Сами чиновники, что немаловажно, осознают негативные социальные последствия подобного поведения – но институционально вынуждены к нему прибегать [14].

На уровне фактической реализации формально многомерная и содержательно продуманная система оценки, оказывается суженной не только до экономических показателей как таковых. Она сужается и до манипулируемой отчетности по этим показателям. Разрыв этот структурно отличается от российского случая, где, если верить рассмотренным выше данным, дело не в манипуляции показателями, а в общей неразработанности механизмов, обеспечивающих применение и без того последовательных норм [5; 6]. Направление возможной эволюции обеих систем иллюстрирует недавняя китайская программа реформирования кадрового управления в отдельных государственных предприятиях – получившая известность как программа «удвоенное сто». Изучение ее применения показывает: переход к более строгой, стандартизированной системе аттестации руководителей получил единодушную поддержку опрошенных руководителей верхнего звена. Новая система основана на количественных показателях эффективности, а не на прежней, более субъективной кадровой оценке. Поддержку она получила несмотря на ужесточение самих критериев оценки и ограничение перспектив дальнейшего продвижения [15]. То же исследование фиксирует и другое: формальная привязка отбора высшего руководства к членству в партии отменена, но партийное влияние сохраняется – через ключевые назначения в совет директоров [15].

Реформа, иначе говоря, смещает баланс формальных критериев в сторону измеримой результативности. Партийно-политическая составляющая при этом не устраняется полностью – она перераспределяется на другой уровень принятия решений.

Заключение

Сопоставление формальных механизмов карьерного продвижения в российских и китайских организациях показывает нечто, что легко упустить: различие между двумя странами не сводится к противопоставлению формализованной и неформализованной систем. Обе системы детально формализованы. Но закрепляют они существенно разный состав легитимных критериев. Российское законодательство о государственной гражданской службе формально исключает политическую принадлежность из числа оснований для карьерного решения. Китайская система кадрового управления, напротив, официально и институционально закрепляет партийно-политическую лояльность как признанный критерий наряду с профессиональной результативностью. Это не ситуативное отступление от общепринятой нормы – это выбор, опирающийся на самостоятельную и оспариваемую теоретическую традицию политической меритократии.

Разрыв между формальным дизайном и фактической практикой в двух странах возникает, следовательно, по принципиально разным механизмам. Сопоставление здесь, впрочем, неизбежно ограничено асимметрией доступных данных. Китайский случай описан статистическими исследованиями фактических карьерных траекторий. Российский преимущественно же экспертными оценками и анализом права применительно к одному конкретному институту, кадровому резерву.

В китайском случае широкий, формально многомерный набор критериев сужается на практике до экономических показателей. Он оказывается уязвим для манипулятивной отчетности, стимулируемой самой конструкцией системы целевой ответственности. В российском случае доступные исследования о кадровом резерве указывают не на манипуляцию показателями. Речь скорее о общей неразработанности механизмов, обеспечивающих практическую реализацию и без того корректно сформулированных норм. Вопрос о манипулятивной отчетности применительно к российской государственной службе в целом, однако, пока не становился предметом сопоставимого по строгости эмпирического анализа.

Историческая преемственность кадровых элит с советской номенклатурой напоминает, впрочем, о том же самом: формальная политическая нейтральность закона сама по себе не гарантирует отсутствия неформальной преемственности состава руководящего слоя. Это наблюдение дополняет, а не заменяет собой результаты сравнительных исследований блата и гуаньси. Расхождение между двумя странами в вопросах карьерного продвижения воспроизводится, получается, сразу на нескольких независимых уровнях – и в сфере неформальных практик, и в архитектуре официальных критериев, и в устройстве самого разрыва между декларируемым и фактическим порядком продвижения.

Дальнейшие исследования могли бы состоять в другом – в эмпирической работе для российского случая, сопоставимой по методологической строгости со статистическими исследованиями китайских карьерных траекторий. Это позволило бы перейти от экспертных оценок и анализа правового регулирования к количественной проверке того, насколько последовательно продвижение российских государственных служащих на практике соответствует декларируемому принципу профессиональной, а не иной оценки. Пока такой проверки нет – вывод о разной природе разрыва в двух странах остается, в лучшем случае, обоснованным предположением.

Литература

1. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru.

2. Об Основных направлениях развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2016–2018 годы: указ Президента Рос. Федерации от 11 авг. 2016 г. № 403 // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://pravo.gov.ru.

3. Voslensky M. Nomenklatura: The Soviet Ruling Class. – New York: Doubleday, 1984. – 455 p.

4. Snegovaya M., Petrov K. Long Soviet shadows: the nomenklatura ties of Putin elites // Post-Soviet Affairs. – 2022. – Vol. 38, № 4. – P. 329–348. – DOI: 10.1080/1060586X.2022.2062657.

5. Калмыков Н.Н., Краснопольский И.А. Кадровый резерв в системе государственной службы: эффективность и возможности // Лидерство и менеджмент. – 2016. – Т. 3, № 4. – DOI: 10.18334/lim.3.4.37367.

6. Пугачева Н.В. Кадровый резерв государственного органа: проблемы эффективности использования // Государственная служба. – 2022. – Т. 24, № 3. – С. 71–76. – DOI: 10.22394/2070-8378-2022-24-3-71-76.

7. Шарин В.И., Полещук А.М. Муниципальный кадровый резерв: проблемы функционирования // Human Progress. – 2022. – Т. 8, № 3. – С. 17–26.

8. Jin X., Xu L., Xin Y., Adhikari A. Political governance in China's state-owned enterprises // China Journal of Accounting Research. – 2022. – Vol. 15, № 2. – Art. 100236. – DOI: 10.1016/j.cjar.2022.100236.

9. Bell D.A. The China Model: Political Meritocracy and the Limits of Democracy. – Princeton: Princeton University Press, 2015. – 336 p.

10. Huang Y. A Critical Discussion of Daniel A. Bell's Political Meritocracy / transl. by K. Henderson // Journal of Chinese Humanities. – 2018. – Vol. 4, № 1. – P. 6–28. – DOI: 10.1163/23521341-12340055.

11. Recruitment for 2025 national civil servants examination to start, 39,700 positions available // Global Times. – 2024. – URL: https://www.globaltimes.cn/page/202410/1321195.shtml.

12. Li H., Zhou L.-A. Political turnover and economic performance: the incentive role of personnel control in China // Journal of Public Economics. – 2005. – Vol. 89, № 9–10. – P. 1743–1762. – DOI: 10.1016/j.jpubeco.2004.06.009.

13. Liu L. Beyond economic performance: a meta-analytic study of the relationship between performance indicators and cadre promotion in China // Journal of Contemporary China. – 2025. – DOI: 10.1080/01442872.2025.2501031.

14. Gao J. Pernicious Manipulation of Performance Measures in China's Cadre Evaluation System // The China Quarterly. – 2015. – Vol. 223. – P. 618–637. – DOI: 10.1017/S0305741015000806.

15. Lee C., Zhang R. From Cadres to Managers: The Double-hundred Action Programme and China's State-owned Enterprise Reform // The China Quarterly. – 2024. – Vol. 260. – P. 1005–1023. – DOI: 10.1017/S0305741024000481.

FORMAL MECHANISMS OF CAREER BUILDING IN RUSSIAN AND CHINESE ORGANIZATIONS: A COMPARATIVE ANALYSIS

Zhang Xichen
Lomonosov Moscow State University

The article examines the formal, officially codified mechanisms of career advancement in Russian and Chinese organizations as a subject in its own right, complementing the already established line of research on informal personal networks. The relevance of this topic stems from the fact that the comparison of blat and guanxi, which continues to attract sustained scholarly attention, leaves in the shadow the question of how the official promotion criteria themselves – independent of the role of personal connections – differ between the two countries in their formal architecture. The goal of the article is to compare the normatively codified mechanisms of personnel selection and advancement in the Russian state civil service and in the Chinese cadre management system as applied to leading personnel in the public sector and state-owned enterprises. The material comprises the Federal Law «On the State Civil Service of the Russian Federation», the Presidential Decree on the main directions of civil service development, as well as works describing the Chinese cadre (ganbu) management system operating under the leadership of the Organization Departments of the Communist Party of China, and empirical research on which indicators actually determine cadre advancement in practice. The method was a comparative analysis of regulatory texts and specialized literature. The Russian model is shown to be formally built on the principle of competitive selection based on professional and personal qualities, from which political criteria are explicitly excluded, whereas the Chinese cadre management model openly and officially includes Party-political loyalty among its formal criteria alongside professional performance indicators. It is also shown that even within the formally multidimensional Chinese evaluation system, actual cadre advancement is statistically most closely tied to economic performance indicators, while non-economic criteria are applied selectively. The difference between the two countries is argued to lie not in the presence or absence of formalization of career advancement as such, but in which criteria the formal system itself recognizes as legitimate for inclusion in the official evaluation.

Keywords: career advancement, formal mechanisms, civil service, personnel reserve, ganbu, Russia, China, comparative analysis.

References

1. On the State Civil Service of the Russian Federation: Federal Law № 79-FZ of July 27, 2004 // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: http://pravo.gov.ru.

2. On the Main Directions for the Development of the State Civil Service of the Russian Federation for 2016–2018: Decree of the President of the Russian Federation № 403 of August 11, 2016 // Official Internet Portal of Legal Information. – URL: http://pravo.gov.ru.

3. Voslensky M. Nomenklatura: The Soviet Ruling Class. – New York: Doubleday, 1984. – 455 p.

4. Snegovaya M., Petrov K. Long Soviet shadows: the nomenklatura ties of Putin elites // Post-Soviet Affairs. – 2022. – Vol. 38, № 4. – P. 329–348. – DOI: 10.1080/1060586X.2022.2062657.

5. Kalmykov N.N., Krasnopolsky I.A. Personnel reserve in the state civil service system: effectiveness and opportunities // Leadership and Management. – 2016. – Vol. 3, № 4. – DOI: 10.18334/lim.3.4.37367.

6. Pugacheva N.V. Personnel reserve of a state body: problems of effective utilization // State Service. – 2022. – Vol. 24, № 3. – P. 71–76. – DOI: 10.22394/2070-8378-2022-24-3-71-76.

7. Sharin V.I., Poleshchuk A.M. Municipal personnel reserve: problems of functioning // Human Progress. – 2022. – T. 8, № 3. – P. 17–26.

8. Jin X., Xu L., Xin Y., Adhikari A. Political governance in China's state-owned enterprises // China Journal of Accounting Research. – 2022. – Vol. 15, № 2. – Art. 100236. – DOI: 10.1016/j.cjar.2022.100236.

9. Bell D.A. The China Model: Political Meritocracy and the Limits of Democracy. – Princeton: Princeton University Press, 2015. – 336 p.

10. Huang Y. A Critical Discussion of Daniel A. Bell's Political Meritocracy / transl. by K. Henderson // Journal of Chinese Humanities. – 2018. – Vol. 4, № 1. – P. 6–28. – DOI: 10.1163/23521341-12340055.

11. Recruitment for 2025 national civil servants examination to start, 39,700 positions available // Global Times. – 2024. – URL: https://www.globaltimes.cn/page/202410/1321195.shtml.

12. Li H., Zhou L.-A. Political turnover and economic performance: the incentive role of personnel control in China // Journal of Public Economics. – 2005. – Vol. 89, № 9–10. – P. 1743–1762. – DOI: 10.1016/j.jpubeco.2004.06.009.

13. Liu L. Beyond economic performance: a meta-analytic study of the relationship between performance indicators and personnel promotion in China // Journal of Contemporary China. – 2025. – DOI: 10.1080/01442872.2025.2501031.

14. Gao J. Pernicious Manipulation of Performance Measures in China's Cadre Evaluation System // The China Quarterly. – 2015. – Vol. 223. – P. 618–637. – DOI: 10.1017/S0305741015000806.

15. Lee C., Zhang R. From Cadres to Managers: The Double-hundred Action Program and China's State-owned Enterprise Reform // The China Quarterly. – 2024. – Vol. 260. – P. 1005–1023. – DOI: 10.1017/S0305741024000481.

Трансформация социокультурных кодов немцев в контексте корпоративной культуры

Чичерина Людмила Константиновна,
старший преподаватель Кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: lkchicherina@fa.ru

В статье рассматривается трансформация социокультурных кодов немцев в контексте корпоративной культуры. Цель работы – выявить направления изменения традиционных ценностных доминант немецкой деловой культуры под влиянием цифровизации, глобализации и смены поколений. На основе анализа теоретических моделей (Г. Хофстеде, Э. Холл, Р.Д. Льюис) и эмпирических данных о немецких компаниях показано, что традиционные характеристики – низкоконтекстность, моноактивность, строгая иерархия, ориентация на факты и объективность – сохраняют устойчивое ядро, однако сопровождаются заметными трансформациями: снижением дистанции власти, ростом значимости эмоционального интеллекта, экологической повестки и гибких форм занятости. Обосновано, что трансформация социокультурных кодов носит избирательный характер и не означает отказа от базовых ценностей немецкой деловой культуры, а приводит к их адаптации к условиям цифровой экономики. Результаты могут быть использованы в практике кросс-культурного менеджмента и при разработке корпоративных стратегий международных компаний, взаимодействующих с немецкими партнерами.

Ключевые слова: социокультурный код, корпоративная культура, немецкая деловая культура, ценности, цифровизация, глобализация, устойчивое развитие.

Введение

Немецкий деловой стиль считается одним из самых стабильных и предсказуемых для участников международного делового общения. Основные черты этого стиля (пунктуальность, дисциплинированность, объективность, низкий контекст, монотонное время, высокая иерархичность) считаются фундаментом успеха немецкой компании. Но за последнее время наблюдается тенденция к трансформации данных черт.

Глобализация, развитие электронной экономики, изменение возрастной структуры трудовых ресурсов – все это формирует новый контекст для развития корпоративной культуры. Новые сотрудники имеют другие ценности от компаний – гибкость, открытость, забота об окружающей среде. Формально ориентированные компании с жесткой иерархией теряют эффективность перед лицом таких вызовов.

Целью работы является определение векторов смены социокультурных кодов немцев на основе анализа корпоративной культуры, а также оценка степени этой сменности. Для достижения цели решаются следующие задачи: систематизировать традиционные представления о немецкой корпоративной культуре; выявить факторы, стимулирующие ее трансформацию; проанализировать эмпирические данные о состоянии корпоративной культуры немецких компаний; определить границы и пределы происходящих изменений.

Понимание немецкой деловой культуры опирается на несколько теоретических моделей, которые взаимно дополняют друг друга. Модель Г. Хофстеде выделяет Германию как страну с низкой дистанцией власти, высоким индивидуализмом, выраженной маскулинностью, высоким избеганием неопределенности и долгосрочной ориентацией [15]. В немецких организациях статус и власть в меньшей степени определяют характер коммуникации, чем в культурах с высокой дистанцией власти; сотрудники ожидают, что руководитель будет доступен и компетентен, а не просто занимать формально высокую позицию [6].

Многие исследователи включают Германию в список культур с низким контекстом, то есть для них характерна прямая передача значения сообщения. В деловом взаимодействии это выражается через точность языка, ясность инструкций и предпочтение записей вместо устных договоренностей. Деловое время немецкой культуры является монохронным. Время расписано по минутам, дела выполняются по очереди, опоздания неприемлемы [2].

По Р.Д. Льюису в типологии деловых культур немцы – это люди моноактивные, то есть работающие над решением одного вопроса за определенный период времени и любят планировать свою работу. Эмоциональная составляющая работы включает в себя: решение принимается по фактам и объективно. Критика должна быть открытой, а не скрытой – чрезмерная похвала либо наигранная учтивость будут поняты как фальшь [2].

На основе проведенного анализа особенностей немецкой корпоративной культуры можно отметить следующие черты: жесткая иерархия (важность опыта, уровня образования); дистанцированность в общении; ориентация на качество труда/знаний/объективность; следование правилам и логике; дисциплинированность и пунктуальность; соблюдение символов и процедур. Эти характеристики формируют ядро социокультурного кода немецкой деловой культуры [3].

Результаты исследования

Изменения в немецкой корпоративной культуре обусловлены несколькими взаимосвязанными факторами. Первый фактор – цифровизация экономики. Она изменила не только способы производства и потребления, но и характер организационных структур. Удаленная работа, цифровые платформы, автоматизация рутинных процессов требуют иных моделей управления и коммуникации, менее привязанных к физическому присутствию и жесткой иерархии [13].

Второй фактор – смена поколений. Молодые сотрудники, социализированные в условиях цифровой среды, предъявляют иные требования к корпоративной культуре: гибкий график, возможность удаленной работы, ценность личного времени, экологическая ответственность компании. Исследования показывают, что в немецких компаниях, где вводится возможность гибкого начала рабочего дня или удаленного формата работы, показатели удовлетворенности сотрудников существенно выше [1, 7, 14].

Третий фактор – глобализация и межкультурное взаимодействие. Немецкие компании, работающие на международных рынках, вынуждены учитывать культурные особенности партнеров [5]. Это приводит к постепенной адаптации коммуникационных стилей: более выраженной ориентации на установление личных отношений, большей терпимости к неформальному общению, готовности к компромиссам [3, 7].

Четвертый фактор – экологическая повестка и устойчивое развитие. Понятие устойчивости (Nachhaltigkeit) стало неотъемлемой частью корпоративной культуры ведущих немецких компаний [8]. Это выражается не только в экологических инициативах, но и в переосмыслении корпоративных ценностей: ответственность перед обществом, долгосрочное планирование, забота о сотрудниках и сообществах [11].

Данные опросов, проведенных в немецких компаниях, позволяют оценить масштаб происходящих изменений. Исследование немецкой компании Appinio (2022), охватившее 1903 респондента в возрасте от 18 до 65 лет, показало, что немецкие сотрудники описывают корпоративную культуру своих компаний следующим образом: командная ориентированность – 28,6%; достиженческая/производственная ориентированность – 22,6%; бюрократическая – 12,7%; строго иерархичная – 10,4%; открытая культура обратной связи – 10,2%; малоиерархичная – 9,2%; инновационная – 5,9% (рис. 1).

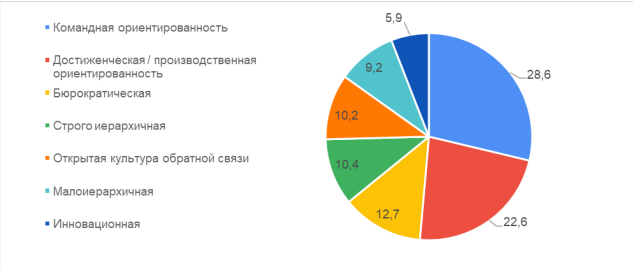

Рис. 1. Описание немецкими сотрудниками корпоративной культуры своих компаний

Источник: по данным Appinio, 2022, %.

Эти данные свидетельствуют о том, что традиционные иерархические и бюрократические характеристики уже не доминируют абсолютно: командные и достиженческие ориентации занимают ведущие позиции [12].

Исследование Л. Кирхберг и соавторов (2026), посвященное менеджерам по устойчивому развитию в немецком финансовом секторе, показало, что корпоративная устойчивая трансформация понимается как стратегический, холистический процесс, фундаментально перестраивающий всю корпоративную сущность [11]. Ответственность менеджеров по устойчивости включает как стратегические, так и операционные аспекты: разработку стратегий, коммуникацию и координацию с внутренними стейкхолдерами для продвижения устойчивой корпоративной культуры.

Сравнительное исследование Р. Кампфа и соавторов (2019), охватившее 198 топ-менеджеров транспортных компаний Словакии и Германии, выявило существенные различия в предпочитаемых типах корпоративной культуры. В немецких компаниях доминирует клановая культура (Clan culture), ориентированная на потребности сотрудников и их развитие. Немецкие топ-менеджеры нацелены на поддержание этой тенденции, тогда как словацкие – на иерархическую культуру с доминированием правил и регламентов [10].

Выполненное исследование в международной организации с филиалами в Италии, Германии, Чехии и Турции выявило использование автократического стиля руководства для немецкого подразделения, а остальных подразделений – демократического стиля. Таким образом, подтверждается сохранение старых иерархических структур в немецком бизнесе, однако вместе с тем отмечается наличие новых подходов [11].

В работе М. Фроста и соавторов (2020) были проанализированы данные от 178 менеджеров и директоров предприятий немецкого машиностроения, электрооборудования. Показано, что для успешной цифровизации необходимо трансформировать культуру организации и развивать компетенции управленцев; при этом многие фирмы игнорируют поддержку процессов внедрения технологий через развитие кадрового потенциала – возникает несоответствие технологического уровня с уровнем подготовки персонала [9].

Обсуждение

На основе проведенного анализа можно определить векторы изменения социокультурного кода немцев в корпоративной среде. Во-первых, ослабление авторитета жесткой иерархии. В прежней системе вертикали сохраняется ее внешний вид, но добавляется горизонтальное взаимодействие, групповая работа, обратная связь. Ожидание молодой рабочей силы – это открытость к диалогу со своим руководителем; компании отвечают на этот запрос внедрением системы постоянного фидбека от сотрудников о работе руководителя, вовлечением их в процессы принятия решений.

Во-вторых, трансформация значения эмоций для бизнеса. При сохранении приоритета объективности и фактов, ценность эмоционального интеллекта и эмпатии возрастает. Причина этой тенденции лежит одновременно в изменении потребностей персонала и осознании необходимости развития у руководителей не столько аналитического мышления, сколько коммуникативного потенциала.

В-третьих, включение экологической и социальной ответственности в систему корпоративной культуры. Экология и социальная сфера становятся неотъемлемыми компонентами корпорации. Корпорация начинает включать их во все свои ценности, стратегии, коммуникацию и работу.

В-четвертых, новые ценности (гибкость, адаптивность) наряду с такими привычными как дисциплина и пунктуальность.

Компании, которые ранее требовали строгого соблюдения рабочего графика, теперь предлагают гибкие формы занятости, удаленную работу и индивидуальные графики.

Однако, трансформация не означает отказа от базовых ценностей немецкой деловой культуры. Пунктуальность, качество, надежность, ориентация на факты и профессиональная компетентность остаются ядром корпоративной культуры. Изменения касаются скорее форм, в которых эти ценности проявляются, и баланса между традиционными и новыми приоритетами.

Для практики кросс-культурного менеджмента это означает необходимость учета как устойчивых, так и изменяющихся характеристик немецкой деловой культуры. Партнерам, взаимодействующим с немецкими компаниями, следует сохранять ориентацию на факты, пунктуальность и четкость коммуникации, но при этом быть готовыми к более гибким формам взаимодействия, открытости к обратной связи и учету экологических и социальных аспектов.

Заключение

Анализ проведенного исследования выявил, что процесс трансформации социокультурных кодов немцев на корпоративном уровне носит поэтапный характер – при сохранении основы традиций происходит изменение формы выражения.

Выявлены следующие признаки немецкого социокультурного кода: низкий контекст общения; время для немцев – понятие линейное (монохронное); наличие жесткой иерархии; фактологичность, объективность мышления; дисциплинированность, пунктуальность. Все перечисленные особенности культуры Германии согласно моделям Г. Хофстеде, Э. Холла и Р.Д. Льюиса были основой стабильности бизнеса в течение многих лет [2; 3; 15].

Выделены 4 тесно переплетенных между собой тренда – это цифровая трансформация экономики; генерационные изменения кадровой структуры; процессы глобализации и мультикультурного взаимодействия; вопросы экологии и устойчивого развития. Все они оказывают влияние на классические ценности корпоративной культуры, требуют от организаций новых подходов к управлению людьми, общению внутри коллектива и стимулированию сотрудников [1; 5; 13].

В немецких компаниях командная (28,6%) и достиженческая (22,6%) ориентации уже опережают бюрократическую (12,7%) и строго иерархичную (10,4%) характеристики. Данные опроса Appinio (2022) и результаты исследований Л. Кирхберг и соавторов (2026), Р. Кампфа и соавторов (2019), М. Фроста и соавторов (2020) подтверждают, что иерархические элементы сохраняются, но сосуществуют с более современными практиками [9; 10; 11].

Показано, что изменения происходят выборочно. Меняется форма выражения ценностей – ценностные установки (пунктуальность, качество, надежность, факто-ориентированность, профессионализм) составляют суть корпоративного духа; изменяются лишь их способы реализации. В первую очередь, это снижение барьеров между руководством и подчиненными, увеличение роли эмоционального интеллекта, интеграция экологических и социальных обязательств компании в ее самосознание, развитие новых видов трудовых отношений.

Таким образом, немецкая корпоративная культура сохраняет свою особенность при адаптации под требования цифрового мира и потребности молодого поколения работников. Для работы в условиях кросс-культурного менеджмента важно принимать во внимание неизменные черты немецкого бизнес-стиля (ориентация на факт, соблюдение сроков и ясность общения), а также адаптация к новым тенденциям (развитие большей гибкости в общении, повышение готовности

воспринимать критику и включение вопросов экологии/социальной ответственности.

Направления развития темы исследования могут быть следующие: выявление особенностей индустрии по трансформации социокультурного кода; сравнение изменений в разных по размеру и форме собственности немецких фирмах. Практическое значение данной работы заключается в том, что полученные результаты могут быть применены для создания корпоративных стратегий, а также программ кросскультурной интеграции международных предприятий с немецкими контрагентами. Ознакомление с результатами данного исследования может быть включено в курс изучения делового немецкого языка в вузах.

Литература

1. Авдеев Е.А. Трансформация ценностей в контексте социокультурной глобализации // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. – 2014. – № . 35. – С. 64–69.

2. Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию: Пер. с англ., 2-е изд. М.: Дело, 2001. 448 с.

3. Мазенова М.В., Шарыпина Т.А. Грани немецкой ментальности и поиски национальной идентичности в социокультурном контексте Германии на рубеже XXI века // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Кан-та. Серия: Филология, педагогика, психология. – 2018. – № 2. (11) – С. 59–69.

4. Маркеева Б.Э. Особенности менеджмента в современных немецких компаниях // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2014. № 3. Ч. 2 [Электронный ресурс]. URL: https://ekonomika.snauka.ru/2014/03/3898 (дата обращения: 07.09.2026).

5. Миронов В.В. Трансформация культуры в пространстве глобальной коммуникации // Гуманитарий Юга России – 2012. – С. 102–116.

6. Чичерина Л.К., Заигрина Н.А. Культурный код как фактор экзистенциальной безопасности Российской Федерации // Социально-гуманитарные науки – 2026. – № 8. – С. 160–163.

7. Arbeitsmarktinformationen: Deutschland. EURES (EURopean Employment Services). 24/02/2025. https://eures.europa.eu/living-and-working/labour-market-information/labour-market-information-germany_de (дата обращения: 07.09.2026).

8. Damberg S., Liu Y., Ringle C.M. Does culture matter? Corporate reputation and sustainable satisfaction in the Chinese and German banking sector // Journal of marketing analytics. – 2024. – Т. 12. – № . 1. – С. 6–24.

9. Frost M., Jeske T., Ottersböck N. Leadership and corporate culture as key factors for thriving digital change // International Conference on Applied Human Factors and Ergonomics. – Cham: Springer International Publishing. – 2020. – С. 55–61.

10. Kampf R., Hitka M., Ližbetinová L. Direction of the corporate culture in Slovak and German transport companies from a top managers' perspective // Periodica Polytechnica Transportation Engineering. – 2019. – Т. 47. – № . 3. – С. 213–219.

11. Kirchberg L., Bell R., Keenan J. Corporate sustainable transformation as understood and enacted by sustainability managers: insights from Germany's financial industry // Society and Business Review. – 2026. – С. 1–21.

12. Košičiarová I., Kadekova Z., Štarchoň P. Leadership and motivation as important aspects of the international company's corporate culture // Sustainability. – 2021. – Т. 13. – № . 7. – С. 3916.

13. Meyer H.X. Geschäftskultur im Wandel – Meilensteine Kulturnews. 2022 https://kulturnews.de/geschaeftskultur-im-wandel-meilensteine/ (дата обращения: 07.09.2026)

14. Unterschiede in der Arbeitswelt: Deutschland und Schweiz im direkten Vergleich. https://auswanderluchs.ch/unterschiede-in-der-arbeitswelt-deutschland-und-schweiz-im-direkten-vergleich/ (дата обращения: 07.09.2026).

15. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind. New York: McGraw-Hill, 2010.

TRANSFORMATION OF GERMAN SOCIOCULTURAL CODES IN THE CONTEXT OF CORPORATE CULTURE

Chicherina L.K.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines the transformation of German sociocultural codes in the context of corporate culture. The purpose is to identify the directions of change in the traditional value dominants of German business culture under the influence of digitalization, globalization, and generational change. Based on the analysis of theoretical models (G. Hofstede, E. Hall, R.D. Lewis) and empirical data on German companies, it is shown that traditional characteristics – low-context communication, monochronic time orientation, strict hierarchy, and focus on facts and objectivity – retain a stable core, yet are accompanied by notable transformations: a decrease in power distance, growing importance of emotional intelligence, environmental agenda, and flexible forms of employment. It is substantiated that the transformation of sociocultural codes is selective and does not imply abandoning the basic values of German business culture, but leads to their adaptation to the conditions of the digital economy. The results can be applied in cross-cultural management practice and in the development of corporate strategies for international companies interacting with German partners.

Keywords: sociocultural code, corporate culture, German business culture, values, digitalization, globalization, sustainable development.

References

1. Avdeev E.A. Transformation of values in the context of sociocultural globalization // Current Issues in Social Sciences: Sociology, Political Science, Philosophy, History. – 2014. – № 35. – P. 64–69.

2. Lewis R.D. Business Cultures in International Business: From Collision to Understanding. Trans. from English, 2nd ed. Moscow: Delo, 2001. 448 p.

3. Mazenova M. V., Sharypina T.A. Facets of German mentality and the search for national identity in the sociocultural context of Germany at the turn of the 21st century // Bulletin of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology. – 2018. – № 2 (11). – P. 59–69.

4. Markeeva B.E. Management characteristics in modern German companies // Economics and Management of Innovative Technologies. 2014. № 3. Part 2 [Electronic resource]. URL: https://ekonomika.snauka.ru/2014/03/3898 (accessed: 07.09.2026).

5. Mironov V.V. Cultural transformation in the space of global communication // The Humanities of the South of Russia. – 2012. – P. 102–116.

6. Chicherina L. K., Zaigrina N.A. Cultural code as a factor of existential security of the Russian Federation // Social Sciences and Humanities. – 2026. – № 8. – P. 160–163.

7. Arbeitsmarktinformationen: Deutschland. EURES (EURopean Employment Services). 24/02/2025. https://eures.europa.eu/living-and-working/labour-market-information/labour-market-information-germany_de (accessed 09/07/2026).

8. Damberg S., Liu Y., Ringle C.M. Does culture matter? Corporate reputation and sustainable satisfaction in the Chinese and German banking sector // Journal of marketing analytics. – 2024. – T. 12. – № 1. – P. 6–24.

9. Frost M., Jeske T., Ottersböck N. Leadership and corporate culture as key factors for thriving digital change // International Conference on Applied Human Factors and Ergonomics. – Cham: Springer International Publishing. – 2020. – P. 55–61.

10. Kampf R., Hitka M., Ližbetinová L. Direction of the corporate culture in Slovak and German transport companies from a top managers' perspective // Periodi-ca Polytechnica Transportation Engineering. – 2019. – T. 47. – № 3. – pp. 213–219.

11. Kirchberg L., Bell R., Keenan J. Corporate sustainable transformation as understood and enacted by sustainability managers: insights from Germany's financial industry // Society and Business Review. – 2026. – P. 1–21.

12. Košičiarová I., Kadekova Z., Štarchoň P. Leadership and motivation as important aspects of the international company's corporate culture // Sustainability. – 2021. – T. 13. – № 7. – P. 3916.

13. Meyer H.H. Geschäftskultur im Wandel – Meilensteine Kulturnews. 2022 https://kulturnews.de/geschaeftskultur-im-wandel-meilensteine/ (date of access: 09/07/2026).

14. Unterschiede in der Arbeitswelt: Deutschland und Schweiz im direkten Vergleich. https://auswanderluchs.ch/unterschiede-in-der-arbeitswelt-deutschland-und-schweiz-im-direkten-vergleich/ (accessed September 7, 2026).

15. Hofstede G., Hofstede G.J., Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind. New York: McGraw-Hill, 2010.

Пространственные проблемы и пути оптимизации университетских студенческих сообществ «единого окна» в обеспечении качественной досуговой жизни студентов

Чэнь Пин,
аспирант, Синьцзянский педагогический университет
E-mail: 992544241@qq.com

В статье рассматривается потенциал университетского «единого окна» студенческого сообщества в обеспечении качественной досуговой жизни студентов с позиций теории производства пространства. На материале показательных практик 158 китайских университетов с использованием Python-анализа текста выявлено несоответствие между существующей моделью развития студенческих сообществ и внутренними потребностями студентов. Установлено, что современная практика преимущественно ориентирована на управление и сервис, тогда как досуг, социальное взаимодействие, интересы, опыт и личностный рост представлены значительно слабее. Основные ограничения проявляются в несоответствии физического пространства реальным потребностям студентов, формализации социальных отношений и ослаблении смыслообразующей функции духовного пространства. В качестве направлений оптимизации предлагаются гибкая пространственная организация, расширение студенческого участия и формирование культурной среды, основанной на повседневном опыте и совместном производстве смыслов.

Ключевые слова: студенческое сообщество «Единого окна», досуговая жизнь, производство пространства, субъектность студентов, высшее образование.

Introduction

The Outline of the Fifteenth Five-Year Plan for National Economic and Social Development of the People's Republic of China explicitly calls for prioritizing education, fulfilling the fundamental task of fostering virtue through education, improving the quality and capacity of higher education, and strengthening basic conditions such as student accommodation [1]. As a major environment in which university students live, interact, and develop, the "one-stop" student community plays an important role in shaping the educational value of leisure. Yet existing communities remain insufficiently responsive to students' increasingly diverse leisure needs [2]. Empirical studies indicate that many university students experience "leisure confusion" and "leisure poverty," with 74.67% reportedly spending most of their leisure time on online entertainment [3]. Their leisure practices are often marked by limited awareness, low engagement, and an excessive orientation toward entertainment, restricting the developmental value of leisure [4].

In 2020, the Ministry of Education and seven other departments issued the Opinions on Accelerating the Construction of the Ideological and Political Work System in Higher Education Institutions, calling for educational actors to enter student residential areas and for these areas to integrate ideological education, teacher–student interaction, cultural activities, and daily-life services. The Guidelines for Improving the Quality and Effectiveness of the Comprehensive Management Model of University "One-Stop" Student Communities (2025 Revision) further identifies six areas for improvement: Party-building leadership, staff presence, student participation, cultural development, digital empowerment, and infrastructure support. Together, these policies signal a shift from treating student communities primarily as management spaces toward developing them as educational ecosystems and "spiritual homes" that support positive leisure, value identification, and active student participation.

Existing studies have mainly examined the construction, governance, and functional expansion of "one-stop" student communities. Some emphasize the optimization of institutional mechanisms, educational teams, and digital empowerment to improve management and services [5], while others identify insufficient coordination, limited technological empowerment, and weak student participation from the perspective of governance modernization [6]. Further research has traced the transition from top-down promotion toward more coordinated forms of community governance [7] and proposed comprehensive educational models linking individual, institutional, and environmental factors [8]. These studies have contributed substantially to understanding community governance, but relatively limited attention has been paid to how student communities spatially shape the quality of students' leisure life.

The "one-stop" student community, however, is not merely an organizational arrangement integrating ideological guidance, academic support, and daily-life services; it is also an educational space produced through material conditions, social relations, and cultural meanings. As has been argued, "space is permeated by social relations; it is not only sustained by social relations, but also produces and is produced by them" [9]. From this perspective, high-quality leisure can be understood as a "spatial product" generated through students' ongoing interaction with the material environment, social relations, and cultural meanings. Accordingly, the community may be analyzed through three interconnected dimensions: physical space, which provides material support; social space, which enables interaction and participation; and spiritual space, which facilitates value identification and meaning-making.

A clear gap nevertheless remains between this theoretical potential and current practice. Based on exemplary cases from 158 universities across China, this study conducted a Python-assisted textual analysis. The results show that governance-oriented terms such as "students," "community," "education," "management," and "services" occur frequently, whereas terms more closely associated with students' intrinsic developmental needs–including "leisure," "social interaction," "interests," "experience," and "growth"–appear far less often. This imbalance suggests that current community development remains more strongly oriented toward governance and service provision than toward leisure as a process of student development. It also reflects a transitional stage in the shift from physical and functional integration toward more substantive, quality-oriented develop-

This article presents the interim results of the 2025 Undergraduate Education and Teaching Research and Reform Project of Xinjiang University, "Research on Precision Ideological and Political Education in Higher Education Based on Big-Data-Driven Student Behavioral Profiling" (Project No. XJU-2025JG66)

ment. Against this background, this study adopts spatial production theory as its analytical framework to examine the spatial constraints of university "one-stop" student communities and explore optimization pathways across the physical, social, and spiritual dimensions.

The Spatial Logic of University "One-Stop" Student Communities in Empowering College Students' Leisure Life

Spatial production theory emphasizes that space is not merely a "container" for social activities, but also a fundamental medium through which social relations are produced and everyday life is shaped. As an important form of self-reproduction undertaken by college students during their discretionary time, leisure life does not develop independently of specific settings; rather, its quality is co-constructed through continuous interaction with the surrounding spatial environment. From the perspective of spatial production, the "one-stop" student community is therefore not a passive container for students' leisure life, but an active arena for the production of meaning. Students' perceptions of leisure, choices of activities, and depth of experience are gradually formed through their ongoing interaction with the physical layout of the community, its patterns of social interaction, and its value-oriented cultural environment.

Accordingly, the "one-stop" student community can be understood as a dialectical unity of three interrelated dimensions: physical space, social space, and spiritual space. Its capacity to support college students' leisure life is manifested in the coordinated production of these three spatial dimensions (see Figure 1). Physical space serves as the material foundation of leisure practices and provides diverse forms of spatial support through functional integration and the optimization of activity settings. Social space functions as the relational medium of leisure interaction and, through institutional arrangements and coordination among multiple actors, provides the relational conditions necessary for transforming leisure life from passive participation into interactive empowerment. Spiritual space constitutes the value-oriented domain in which the meaning of leisure is produced; through the construction of cultural symbols and the communication of value narratives, it guides students' leisure life beyond recreation and entertainment toward value formation and personal development (fig. 1).

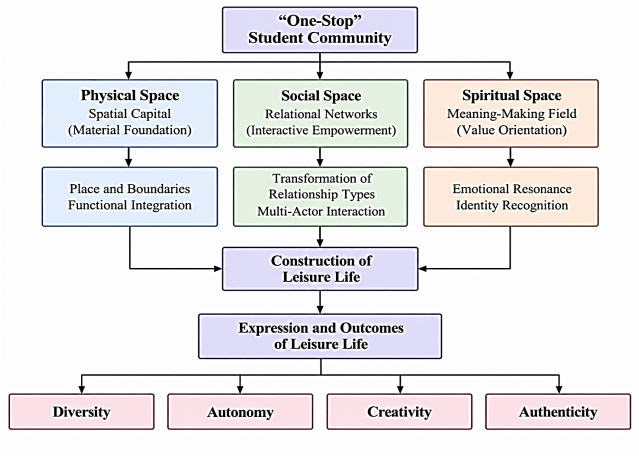

Fig. 1

From the perspective of spatial production theory, the capacity of "one-stop" student communities to support college students' leisure life is generated through the interaction of physical, social, and spiritual space. These dimensions are not independent layers but mutually embedded components of a unified spatial system. Together, they shape students' leisure practices, social relations, meaning construction, and sense of agency.

Physical space constitutes the material foundation of leisure practices. As a perceptible and experienceable environment, it not only carries embodied educational activities but also "provides concrete contexts for interaction among multiple actors while embodying rich metaphorical and symbolic meanings" [10]. Compared with traditional dormitories characterized by limited functions and spatial fragmentation, "one-stop" student communities integrate spaces for study, reading, fitness, social interaction, and cultural activities, thereby reducing the temporal and spatial costs of participation and supporting more autonomous and diversified leisure. Spatial arrangements also generate differentiated behavioral expectations: comfortable communal settings may encourage informal interaction, whereas more structured study spaces reinforce concentration and goal-oriented behavior [11]. Physical space therefore does more than accommodate leisure; it actively shapes the forms of leisure that become possible and desirable.

On this material basis, social space determines the relational depth and interactive quality of leisure life. Fundamentally, social space refers to relational conditions among people and between people and the material environment [12]. Traditional dormitory management, centered on access control, inspections, and hierarchical reporting, often produces relations oriented toward regulation and compliance. By contrast, the participation of university leaders, faculty, and students in community governance can reduce bureaucratic distance and create more equal and supportive relationships. Faculty–student exchanges, alumni sharing, and student-organized activities introduce diverse actors, knowledge, and resources into everyday community life. As social space shifts from a disciplinary field toward an interactive platform, leisure becomes not only recreation but also a process through which emotional ties, social capital, competence, and agency are developed.

The educational significance of leisure is further deepened through spiritual space. In spatial production, visible and invisible symbols, imagination, and perception connect social relations and productive elements into a conceptualized space that reshapes individuals' inner worlds [13]. In student communities, spiritual space is expressed through cultural symbols, value orientations, collective memories, and the broader atmosphere of community life. By embedding university traditions, revolutionary culture, disciplinary culture, and other value-bearing elements into everyday leisure settings, abstract values can be transformed into perceptible and participatory experiences. However, spiritual space is not produced through one-way transmission alone. Students reinterpret and reproduce meaning through participation, personal experience, and peer interaction. It should therefore be understood as a dynamic field in which values are transmitted, interpreted, negotiated, and internalized.

The interaction of these three dimensions ultimately determines the quality of students' leisure experiences. Physical space provides the conditions for action, social space creates relational connections and opportunities for participation, and spiritual space enables value interpretation and meaning construction. High-quality leisure emerges from their coordinated interaction. Through everyday conversations, collaborative projects, and self-organized activities, students gradually move from being mere users of space to co-producers of spatial meaning. This transformation from residents into co-builders marks a shift from passive recreation toward active "meaning production" and the pursuit of "authentic existence" [14]. Improving students' leisure life therefore requires more than adding facilities or increasing organized activities; it requires the coordinated reconstruction of physical, social, and spiritual space to foster equal interaction, autonomous creation, shared meaning, and all-round development.

Spatial Constraints of University "One-Stop" Student Communities in Supporting University Students' Leisure Life

Since the Ministry of Education launched the pilot program for the comprehensive management model of "one-stop" student communities in 2019, this model has become an important instrument for reforming student management and has achieved broad coverage across Chinese universities. As the number and scale of such communities have expanded, increasing attention has shifted from quantitative growth toward improvements in quality and effectiveness. As the "last mile" of university education, the "one-stop" student community still faces a range of spatial constraints in supporting students' leisure life, limiting the extent to which leisure can contribute to their all-round development. Some universities have yet to give sufficient attention to students' autonomous development within these communities. One empirical study found that, among the evaluation systems of 14 universities, indicators related to individualized student care accounted for only 1.3%. In practice, community governance often remains more oriented toward supervision and regulation than toward creating conditions for students' autonomous development.

From the perspective of spatial production theory, high-quality leisure life does not emerge automatically from the establishment of a "one-stop" student community. A construction logic centered primarily on the integration of facilities and the accumulation of functions tends to obscure the systematic influence of physical, social, and spiritual space on students' leisure experiences. As students' demands for more individualized and higher-quality leisure continue to grow, current "one-stop" student communities are confronted with three interrelated problems: the misalignment of physical-space resources, the alienation of social relations, and the weakening of meaning construction in spiritual or value-oriented space.

At the level of physical space, the main problem lies in the limited alignment between institutional resource provision and students' actual leisure needs. Universities generally retain the dominant role in spatial planning and resource allocation, whereas students, as the primary users of these

spaces, often remain at the margins of decision-making. Their actual leisure needs are therefore not always effectively expressed or incorporated into resource allocation, resulting in the accumulation of facilities rather than genuinely demand-responsive spatial provision. This structural imbalance is evident at both ends of the resource spectrum. In relatively under-resourced settings, some universities continue to rely on standardized renovation schemes or replicate the practices of other institutions without adequately investigating students' actual patterns of use. In some cases, resources are also dispersed across different locations, resulting in missing functions, inconvenient access, and underused facilities [15]. At the other extreme, some institutions invest heavily in highly equipped maker spaces, VR laboratories, and other technologically advanced facilities in order to create visible institutional highlights. Yet when these spaces are disconnected from students' everyday behavior, interests, and leisure routines, and lack corresponding curricular links, technical guidance, or project-incubation support, they often remain peripheral to students' daily lives and consequently suffer from low utilization. By comparison, students' more immediate needs may involve accessible spaces for study and discussion, comfortable settings for informal social interaction, and practical skills workshops.

The problem, therefore, lies not simply in insufficient investment, but more broadly in the limited correspondence between spatial provision and students' actual patterns of use. Large-scale and standardized construction may be administratively convenient and easy to evaluate, but the capacity of "one-stop" student communities to support meaningful leisure develops gradually through students' behavioral habits, social interactions, and processes of value internalization. It cannot be achieved through the mere accumulation of hardware. When spatial renovation fails to reflect students' lived needs, physical space not only becomes less effective as the material basis of leisure but may also generate a sense of distance from the community, weakening the autonomy and creativity that meaningful leisure should foster.

The limitations of physical space are compounded by relational problems within social space. Ideally, the social space of a "one-stop" student community should provide a setting in which students, administrators, faculty members, and service personnel jointly construct new forms of social relations through everyday interaction. In practice, however, these relations are often characterized by varying degrees of alienation. This is reflected primarily in the detachment of interaction from everyday life, the persistence of hierarchical power structures, and the restricted circulation of relational resources.

First, many interaction settings are overly formalized and removed from students' ordinary routines. Teacher–student communication, for example, may take the form of scheduled conversations in designated meeting rooms, while interaction across floors, disciplines, or student groups often depends on periodically organized "ice-breaking" activities or thematic salons. Such arrangements are highly designed and goal-oriented and differ substantially from the continuous and spontaneous interactions that arise naturally in everyday living environments. Once interaction is separated from ordinary life and turned into a discrete organized event, the resulting social relationships can remain superficial and may fail to develop the emotional depth and trust associated with more organic forms of social connection.

Second, hierarchical structures continue to constrain the transformative potential of student participation. Although student agency is increasingly emphasized at the institutional level, the operation of "one-stop" student communities often retains strongly bureaucratic characteristics [16]. Students may be formally represented in governance processes while exercising only limited influence over major decisions concerning activity design, resource allocation, or community rules. Student self-governance organizations likewise tend to operate within predetermined institutional boundaries, leaving little room for genuine autonomy or innovation. Under these conditions, participation can easily become symbolic. Regulatory power is further reproduced through the spatial separation of functions, institutional scheduling of time, and administrative screening of activity content. Rather than enabling students to reshape existing relationships and rules, leisure interaction may therefore reproduce the distinction between "managers" and "the managed."

Third, the relational networks formed within student communities may remain closed and fragmented. Physical proximity alone does not necessarily result in meaningful social integration. Students from different disciplines may live in the same building while continuing to interact mainly within dormitory groups or pre-existing friendship networks. Thus, mixed residence may result only in spatial coexistence rather than social integration [17]. Informal groups formed around shared interests, academic performance, or family background may also become relatively closed in the absence of effective opportunities for cross-group interaction. When relational resources circulate primarily within homogeneous groups, social capital becomes difficult to exchange across wider student networks, and the social relationships produced through leisure activities may take on an increasingly fragmented character [18]. The alienation of social space therefore results from the combined effects of decontextualized interaction, hierarchical power structures, and closed relational networks. Social relationships may appear active at the level of organized events while still lacking the depth, continuity, and trust required to support students' longer-term social development.

A further constraint arises within spiritual space, where the central problem is not the complete absence of meaning but the weakening of the processes through which meaning is provided, experienced, and internalized. The spiritual space of the "one-stop" student community should enable leisure to move beyond sensory entertainment toward meaning-making, value internalization, and emotional belonging. In practice, however, this function is often weakened by the detachment of symbolic meaning from everyday life, the pre-packaging of cultural content, and the formalization of emotional identification.

At the symbolic level, university history walls, thematic exhibitions, honor galleries, and similar installations are often designed to create an immersive value environment. Yet when such symbols are disconnected from students' everyday encounters and emotional concerns, they can easily become educational displays to be viewed rather than cultural texts to be experienced and interpreted. Students may pass through these environments without entering into meaningful dialogue with them. Abstract and grand value narratives thus remain external to everyday leisure practices rather than becoming integrated into students' lived experience. As a result, the processes of meaning production and reception may become disconnected, limiting the internalization of values.

A similar problem can be found in the production of cultural content. Many community activities are still planned in advance by administrative departments, with their themes, formats, and procedures largely predetermined. Students, although positioned as the primary participants in these experiences, may have limited opportunities to shape the content themselves. Leisure participation may consequently become a form of passive cultural consumption rather than active meaning production. When cultural activities are predominantly pre-packaged, they may satisfy short-term entertainment needs while doing relatively little to foster sustained cultural cultivation, value formation, or personal growth.

Finally, emotional belonging may also become overly formalized. Unified slogans, standardized collective rituals, and large-scale publicity-oriented events can create the appearance of a cohesive community, but deeper identification generally develops through shared experiences, collaborative problem-solving, spontaneous celebration, and sustained interpersonal interaction. When students perceive cultural experiences as externally designed and institutionally staged, the result may instead be a sense of managed distance. The absence of student-created traces, such as photo walls, message boards, or continuously evolving student-led projects, further weakens the accumulation of collective memory. Students may therefore live in a physically integrated and apparently active community while still lacking a strong sense of "home." In such cases, community life risks becoming lively in form but emotionally thin in substance, with activities but little memory and with collective identity but insufficient lived foundation.

Taken together, these spatial constraints are mutually reinforcing. Misaligned physical provision limits opportunities for meaningful activity and interaction; weak social relations reduce students' willingness and capacity to participate deeply; and insufficiently internalized cultural meanings restrict the developmental potential of leisure. The key challenge is therefore not simply to expand facilities or increase the number of activities, but to reconstruct the relationship among material conditions, social interaction, and meaning-making. Only through such an integrated spatial approach can university students' leisure life move from passive consumption toward autonomous participation, meaningful interaction, and self-directed development.

Spatial Optimization Pathways for University "One-Stop" Student Communities in Supporting High-Quality Leisure

The capacity of university "one-stop" student communities to support high-quality leisure ultimately depends on student agency. The goal is not simply to add functions to dormitory environments, but to reconstruct physical, social, and spiritual space through sustained interaction and adjustment. Such reconstruction should create environments in which students are willing to stay, able to participate meaningfully, and capable of developing stable leisure practices and shared cultural identification.

At the level of physical space, optimization requires a shift from standardized, administratively driven provision toward more flexible and demand-responsive spatial production. The key problem is often not insufficient facilities, but the mismatch between institutional provision and students'

actual and changing needs. Universities can improve needs assessment through collaboration among student-affairs departments, logistics units, student organizations, and student representatives, using observation and data analysis to inform resource allocation. Highly equipped facilities such as maker spaces and VR laboratories should be integrated more closely with curricula, student clubs, academic activities, and skills training so that they become part of students' everyday leisure rather than isolated showcases. Where space is limited, especially on older campuses, small-scale reuse of underutilized areas can provide accessible study, social, and recreational settings. Student participation in spatial design and adaptation can further strengthen ownership and identification.

On this material basis, the optimization of social space should focus on reducing excessive formalization and creating more equal, trust-based, and participatory relationships. Teacher–student interaction should be more deeply embedded in everyday community life rather than confined to scheduled and administratively organized encounters. The "students as partners" approach suggests that students should move from passive service recipients to active participants in community development. This requires not only opportunities for interaction but also institutionalized mechanisms for participation in decision-making, resource allocation, activity design, and rule revision. Student proposal systems and other forms of power-sharing can help transform symbolic participation into substantive governance involvement. At the same time, cross-disciplinary mentoring, skill-sharing activities, and open interest-based communities can broaden relational networks and facilitate the circulation of information, knowledge, opportunities, and emotional support across different student groups.

The optimization of spiritual space requires a shift from externally imposed symbolic instruction toward culturally meaningful experiences generated through student participation. Value-bearing narratives such as university traditions, patriotism, craftsmanship, and social responsibility should be translated into participatory and dialogic practices connected with concrete activities and everyday experience. Universities should therefore act less as sole producers of cultural content and more as resource providers supporting student associations and interest groups in independently designing cultural activities. Student-maintained exhibition spaces, collaborative art projects, and other evolving forms of expression can embed students' experiences into the community environment itself. Equally important is the accumulation of shared memory. Recurring traditions, collective events, and intergenerational peer transmission can gradually strengthen emotional attachment and community identity, enabling the "one-stop" student community to develop from a shared residential environment into a genuine "spiritual home."

Taken together, the optimization of "one-stop" student communities depends on the coordinated reconstruction of physical, social, and spiritual space. Physical space should become more responsive and adaptable, social space more participatory and trust-based, and spiritual space more closely connected with students' lived experience and autonomous meaning-making. When these dimensions reinforce one another, leisure can move beyond passive consumption and organized participation toward autonomous engagement, meaningful interaction, cultural identification, and sustained personal development.

Conclusion

This study examines university "one-stop" student communities from the perspective of spatial production and shows that the educational value of leisure depends not on the accumulation of facilities and activities, but on the coordinated interaction of physical, social, and spiritual space. Current development is constrained by three interrelated problems: the mismatch between spatial provision and students' actual needs, the formalization and fragmentation of social relations, and the weakening of meaning-making and emotional identification. Textual analysis of exemplary cases from 158 universities further indicates that existing practices remain more strongly oriented toward governance and service provision than toward students' intrinsic developmental needs. This suggests that the development of "one-stop" student communities is still moving from functional integration toward more substantive, quality-oriented development.

Future optimization should therefore focus on the coordinated reconstruction of material conditions, social relations, and cultural meanings. Physical space should become more responsive to students' lived needs, social space more participatory and trust-based, and spiritual space more closely connected with everyday experience and student-generated culture. The key lies in strengthening student agency and enabling students to shift from passive users of space to active participants and co-producers of community life. Through the interaction of these three dimensions, leisure can become an important process of self-development, social connection, cultural identification, and meaning-making, while the "one-stop" student community can evolve from a management-oriented residential setting into an educational environment supporting students' all-round development.

Литература

1. Государственный совет Китайской Народной Республики. Программа пятнадцатого пятилетнего плана социально-экономического развития Китайской Народной Республики. – 2026. – 13 марта. – URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202603/content_7062633.htm.
2. Ян Айхуа. Вызовы и пути оптимизации воспитательной работы в студенческих сообществах университетов в новую эпоху // Исследования идеологического образования. – 2021. – № 5. – С. 154–157.
3. Чэнь Минся. Пути глубокой интеграции трудового и досугового воспитания студентов университетов в новую эпоху // Вестник Фуцзяньского педагогического университета. Философия и общественные науки. – 2023. – № 4. – С. 161–169, 172.
4. Вэй Яньлин. Современное состояние досуговой жизни студентов университетов, её рациональное осмысление и стратегии совершенствования // Идеологическое и теоретическое образование. – 2021. – № 9. – С. 106–111.
5. Ли Дяо, Чэнь Чжи. Стратегии формирования модели образовательного управления университетским студенческим сообществом «единого окна» // Партийное строительство и идеологическое образование в образовательных учреждениях. – 2019. – № 12. – С. 65–68.
6. Чжу Ялинь. Исследование комплексной модели управления студенческим сообществом «единого окна» с позиций гибкого управления // Образование и профессия. – 2025. – № 2. – С. 54–60.
7. Бу Цяньсян. Исследование формирования комплексной модели управления студенческим сообществом «единого окна» // Партийное строительство и идеологическое образование в образовательных учреждениях. – 2024. – № 3. – С. 85–88.
8. Ван Цзин. Функциональное позиционирование и практические пути развития университетских студенческих сообществ «единого окна» с позиций теории экосистем // Высшее образование провинции Цзянсу. – 2024. – № 6. – С. 77–82.
9. Бао Ямин. Современность и производство пространства. – Шанхай: Шанхайское образовательное издательство, 2003. – С. 48.
10. Чэнь Вэй. Пространственный поворот в исследованиях образования: с позиций пространственного поворота в социальной теории // Исследования образования. – 2022. – Т. 43, № 9. – С. 150–159.
11. Ли Чуаньшань, Цзинь Юйбао. Исследование формирования воспитательной экосистемы студенческого сообщества «единого окна» в условиях новых качественных производительных сил // Университетское образование. – 2025. – № 18. – С. 144–148.
12. Чжэн Чжэнь. Пространство как социологическое понятие // Социологические исследования. – 2010. – Т. 25, № 5. – С. 167–191.
13. Чэнь Бо, Сун Шиюй. Производство виртуального культурного пространства и конструирование его измерений: на основе теории «производства пространства» Анри Лефевра // Вестник Шаньдунского университета. Философия и общественные науки. – 2021. – № 1. – С. 35–43.
14. Сюн Сяомэй. Реализация проекта воспитания нового поколения эпохи посредством развития комплексной модели управления студенческими сообществами «единого окна» // Высшее образование Китая. – 2023. – № 18. – С. 8–11.
15. У Цзюцзюнь. Формирование системы психологической помощи в студенческих сообществах «единого окна» с позиций устойчивости ресурсов социальных отношений // Исследования высшего образования провинции Хэйлунцзян. – 2026. – Т. 44, № 1. – С. 146–153.
16. Янь Чжоухуэй, Сюй Жуй. Пространственные формы, анализ проблем и практические пути развития университетских студенческих сообществ «единого окна» // Идеологическое и теоретическое образование. – 2025. – № 1. – С. 101–105.
17. Лян Вэй, Ван Юйфань. Причины конфликтов в университетских студенческих сообществах и пути их разрешения с позиций социального пространства // Партийное строительство и идеологическое образование в образовательных учреждениях. – 2019. – № 5. – С. 80–82.
18. Ма Чэнъяо. Размышления о совершенствовании комплексного управления университетскими студенческими сообществами «единого окна» с позиций целостного управления // Идеологическое и теоретическое образование. – 2022. – № 3. – С. 96–101.

SPATIAL DILEMMAS AND OPTIMIZATION PATHWAYS OF UNIVERSITY"ONE-STOP"STUDENT COMMUNITIES IN EMPOWERING COLLEGE STUDENTS'LEISURE LIFE

Chen Ping
Xinjiang Normal University

This article examines the potential of university "one-stop" student communities to support high-quality leisure life from the perspective of spatial production theory. Based on

exemplary practices from 158 Chinese universities and using Python-assisted textual analysis, the study identifies a mismatch between current models of student-community development and students' intrinsic needs. The findings show that existing practices remain primarily oriented toward governance and service provision, while leisure, social interaction, interests, experience, and personal growth receive comparatively less attention. The main constraints are reflected in the mismatch between physical space and students' actual needs, the formalization of social relations, and the weakening of the meaning-making function of spiritual space. Accordingly, the article proposes more flexible spatial organization, expanded student participation, and the development of a cultural environment grounded in everyday experience and the co-production of meaning.

Keywords: One-Stop Student Community, Leisure Life, Spatial Production, Student Agency, Higher Education.

References

1. State Council of the People's Republic of China. Outline of the Fifteenth Five-Year Plan for National Economic and Social Development of the People's Republic of China. – 2026. – March 13. – URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202603/content_7062633.htm.

2. Yang Aihua. Challenges and Optimization Paths of Educational Work in University Student Communities in the New Era // Studies in Ideological Education. – 2021. – No. 5. – pp. 154–157.

3. Chen Mingxia. Paths toward the Deep Integration of Labor Education and Leisure Education for University Students in the New Era // Journal of Fujian Normal University. Philosophy and Social Sciences Edition. – 2023. – No. 4. – pp. 161–169, 172.

4. Wei Yanling. The Current Situation, Rational Reflection, and Improvement Strategies of Contemporary University Students' Leisure Life // Ideological and Theoretical Education. – 2021. – No. 9. – pp. 106–111.

5. Li Diao, Chen Zhi. Strategies for Constructing an Educational Management Model for University "One-Stop" Student Communities // School Party Building and Ideological Education. – 2019. – No. 12. – pp. 65–68.

6. Zhu Yalin. Exploring the Comprehensive Management Model of "One-Stop" Student Communities from the Perspective of Agile Governance // Education and Vocation. – 2025. – No. 2. – pp. 54–60.

7. Bu Qianxiang. Research on the Construction of the Comprehensive Management Model of "One-Stop" Student Communities // School Party Building and Ideological Education. – 2024. – No. 3. – pp. 85–88.

8. Wang Jing. Functional Positioning and Practical Paths for the Development of University "One-Stop" Student Communities from the Perspective of Ecosystem Theory // Jiangsu Higher Education. – 2024. – No. 6. – pp. 77–82.

9. Bao Yaming. Modernity and the Production of Space. – Shanghai: Shanghai Education Publishing House, 2003. – p. 48.

10. Chen Wei. The Spatial Turn in Educational Research: From the Perspective of the Spatial Turn in Social Theory // Educational Research. – 2022. – Vol. 43, No. 9. – pp. 150–159.

11. Li Chuanshan, Jin Yubao. Research on the Construction of an Educational Ecosystem for "One-Stop" Student Communities in the Context of New Quality Productive Forces // University Education. – 2025. – No. 18. – pp. 144–148.

12. Zheng Zhen. Space as a Sociological Concept // Sociological Studies. – 2010. – Vol. 25, No. 5. – pp. 167–191.

13. Chen Bo, Song Shiyu. The Production of Virtual Cultural Space and the Design of Its Dimensions: Based on Henri Lefebvre's Theory of the "Production of Space" // Journal of Shandong University. Philosophy and Social Sciences. – 2021. – No. 1. – pp. 35–43.

14. Xiong Xiaomei. Advancing the "Soul-Casting Project for New-Generation Talents" through the Construction of the Comprehensive Management Model of "One-Stop" Student Communities // China Higher Education. – 2023. – No. 18. – pp. 8–11.

15. Wu Jiujun. Construction of a Psychological Service System for "One-Stop" Student Communities from the Perspective of Relational Resource Resilience // Heilongjiang Researches on Higher Education. – 2026. – Vol. 44, No. 1. – pp. 146–153.

16. Yan Zhouhui, Xu Rui. Spatial Forms, Problem Analysis, and Practical Paths of University "One-Stop" Student Communities // Ideological and Theoretical Education. – 2025. – No. 1. – pp. 101–105.

17. Liang Wei, Wang Yufan. Causes of Conflicts in University Student Communities and Their Resolution from the Perspective of Social Space // School Party Building and Ideological Education. – 2019. – No. 5. – pp. 80–82.

18. Ma Chengyao. Reflections on Advancing the Comprehensive Management of University "One-Stop" Student Communities from the Perspective of Holistic Governance // Ideological and Theoretical Education. – 2022. – No. 3. – pp. 96–101.

Молодые семьи и репродуктивные стратегии: социологический анализ современных тенденций

Шамшетдинов Ильшат Касимович,
аспирант, кафедра социология, Мордовский государственный университет им Николая Платоновича Огарева
E-mail: ilshat323@mail.ru

Предмет статьи составляют ценностные, временные, ресурсные и внутрисемейные механизмы репродуктивного выбора молодых семей, который развивается при сохранении высокой субъективной значимости семьи и родительства одновременно с переносом брака и рождения первого ребенка на более поздние этапы жизненного пути, цель исследования связана с систематизацией современных тенденций и факторов репродуктивного поведения молодежи и молодых семей на материале русскоязычных исследований 2022–2024 гг. по социологии семьи, демографии и социальной политике. Для сопоставления результатов использованы анализ научных публикаций, сравнительный и логико-аналитический анализ, классификация, обобщение и синтез, разграничение ценностно-нормативного, временного и реализационного уровней показало, что откладывание родительства связано не с однозначным снижением ценности семьи, а с требованиями к материальной устойчивости, завершению образования, жилищным условиям, качеству партнерских отношений и готовности к родительству, полученные положения применимы при разработке поддержки молодых и студенческих семей, ориентированной на сокращение разрыва между репродуктивными намерениями и их реализацией.

Ключевые слова: молодая семья, репродуктивные стратегии, репродуктивные установки, репродуктивное поведение, отложенное родительство, детность, семейные ценности, студенческая семья, репродуктивные намерения, семейная политика.

Введение

Смещение брачного и репродуктивного дебюта к более позднему возрасту и ориентация на небольшое число детей характеризуют изменение репродуктивного поведения российской молодежи, однако эти практики сосуществуют с высокой субъективной ценностью семьи, а переход к родительству молодые люди связывают с материальной обеспеченностью, завершением образования, профессиональным становлением, решением жилищного вопроса и устойчивостью партнерских отношений, из-за чего срок рождения ребенка определяется согласованием семейных намерений с другими жизненными планами и оценкой готовности семьи принять долгосрочные обязательства.

Желаемое число детей фиксирует нормативно-ценностную ориентацию, ожидаемое число детей отражает оценку возможности ее реализации, планируемый возраст рождения связывает репродуктивное решение с жизненной траекторией, а фактическое деторождение зависит от условий формирования и функционирования семьи, объединение этих компонентов в один показатель смешивает отсрочку рождения с отказом от родительства либо превращает декларируемое желание иметь детей в предполагаемое доказательство его будущей реализации.

Цель исследования состоит в выявлении и систематизации современных тенденций формирования репродуктивных стратегий молодых семей посредством сопоставления социологических подходов к ценностям, срокам и условиям деторождения, для ее достижения систематизированы содержательные компоненты репродуктивной стратегии и показатели их анализа, выявлены механизмы, определяющие сроки рождения детей и реализацию репродуктивных намерений, сопоставлены результаты исследований молодежи, студенческих групп и молодых семей с учетом границ применимости отдельных объяснительных подходов.

Научная новизна состоит в разграничении ценностно-нормативного, временного и реализационного уровней репродуктивной стратегии, при котором откладывание родительства соотносится с сохранением ориентации на семью и требованиями к условиям рождения ребенка, а стратегия описывает согласование желаемой семейной модели, времени перехода к родительству и ресурсных либо отношенческих условий, признаваемых достаточными для реализации намерений.

Материалы и методы

В исследовательский материал включены русскоязычные публикации, рассматривающие репродуктивное поведение на индивидуальном, супружеском и семейном уровнях, А.Р. Абдульзянов и Г.М. Рустамова [1] описали возрастное смещение брака и рождения детей у российской молодежи, О.А. Александрова [2] связала оценки новых брачно-семейных и репродуктивных практик студентов с ответственностью и достаточным обеспечением семьи, Ж.О. Благорожева [3] исследовала экономические, семейные и репродуктивные жизненные стратегии молодых семей Белгорода и их связь с финансовым благополучием, Ф.Б. Бурханова и Г.Р. Баймурзина [4] рассмотрели позицию второго супруга и качество отношений при принятии решения о рождении либо отсрочке ребенка, Э.Р. Галиева [5] систематизировала теоретические подходы к репродуктивному поведению, А.В. Короленко и О.Н. Калачикова [6] на материалах углубленных интервью исследовали влияние родительской семьи, жилищных, финансовых и матримониальных факторов, Э.К. Наберушкина, О.В. Бессчетнова и О.А. Судоргин [7] проанализировали содержание семейных ценностей молодого поколения, Н.В. Овчинникова [8] сопоставила желаемое, идеальное и ожидаемое число детей, сроки первого рождения и барьеры реализации установок, Т.К. Ростовская, О.В. Кучмаева, Н.А. Соловьева и Е.С. Азарова [9] раскрыли репродуктивный потенциал молодой и студенческой семьи через соотношение намерений и их реализации, Т.К. Ростовская и Н.С. Рычихина [10] выделили причины откладывания рождения детей студентами во время обучения и после окончания вуза.

Понятия и эмпирические индикаторы выделялись посредством анализа научных публикаций, результаты исследований разных категорий молодежи сопоставлялись сравнительным и логико-

аналитическим способами, факторы репродуктивного выбора классифицировались по их связи с ценностными установками и условиями реализации, обобщение и синтез использовались для соотнесения репродуктивных намерений, сроков деторождения и семейных ресурсов.

Результаты

Репродуктивная стратегия молодых семей включает приемлемую модель семьи, последовательность брака и деторождения, планируемый возраст перехода к родительству, допустимое количество детей, оценку материальных и жилищных условий, совмещение родительства с образованием и занятостью, после образования пары к этим компонентам добавляется согласование намерений между супругами, поэтому установка на определенное число детей не исчерпывает содержание стратегии. Социальная обусловленность репродуктивного поведения отделяет установку от последующего действия через конкретные семейные практики [5], временной компонент проявляется в изменении возраста вступления в брак и рождения детей, а не в простом наличии или отсутствии желания создать семью [1].

Респонденты студенческой молодежи связывают будущую семью с ответственностью и способностью обеспечивать ее [2], в исследованиях семейных ценностей семья сохраняет значимость, но сильнее связывается с эмоциональной поддержкой, заботой и качеством отношений, а решения о браке и деторождении становятся более индивидуализированными [7], положительное отношение к детям сочетается с установкой на небольшое их число и более поздним первым рождением [8], возрастное смещение брачного и репродуктивного дебюта фиксируется и в массовых практиках [1], сочетание этих результатов связывает сохранение семейной ценности с повышением требований к условиям ответственного родительства [1, 2, 7, 8].

В молодых семьях Белгорода наличие детей связывалось с семейной жизнью при предпочтении одного-двух детей [3], Н.В. Овчинникова выявила у молодежи преобладание установки на рождение не более двух детей [8], современная российская молодежь ориентируется на малодетный или среднедетный образ жизни [1], сопоставление этих результатов фиксирует положительное отношение к родительству при ограниченном предполагаемом размере семьи без утверждения единой универсальной нормы [1, 3, 8].

Опасение ухудшить возможности обучения, ранний характер семейной жизни в студенческий период, отсутствие человека для ухода за ребенком и предполагаемые материальные трудности объясняют перенос рождения ребенка студентами на период после вуза [10], часть опрошенных сохраняет отсрочку и после выпуска, что ограничивает объяснение отсрочки одним завершением образования [10]. Более поздние брак и первое рождение О.А. Александрова также связывает с предварительным достижением условий, воспринимаемых как достаточные для ответственного семейного поведения [2], намерение иметь ребенка сохраняется, но срок его реализации переносится относительно образовательной, профессиональной или материальной траектории [2, 10].

Финансовое благополучие молодые семьи Белгорода включают в число условий полноценного функционирования семьи [3], в углубленных интервью материальный достаток и собственное жилье неоднократно связываются с решением о рождении ребенка, причем для части информантов жилищный фактор имеет решающее значение [6]. Разрыв между намерениями и реализацией в студенческой семье соотносится со сложившимися экономическими и социальными условиями [9], студенческие опросы добавляют предполагаемые материальные проблемы и трудности ухода за ребенком во время обучения [10], ресурсное положение влияет на репродуктивное решение через оценку приемлемых условий воспитания, из-за чего его значение зависит от сформированного молодыми людьми стандарта родительской готовности [3, 6, 9, 10].

Представления молодых супругов о браке, числе детей, качестве брака и родительских ролях соотносятся с отношениями родителей и ближайших родственников [6], родительская семья также выделяется среди факторов репродуктивного поведения студенческой семьи [9], а усвоенный семейный опыт рассматривается вместе с образовательными, профессиональными и материальными обстоятельствами [6, 9].

Ф.Б. Бурханова и Г.Р. Баймурзина отмечают, что рождение ребенка чаще планируют респонденты с более благоприятной оценкой супружеских отношений [4], желание второго супруга родить ребенка либо отложить его появление также относится к значимым мотивам, после образования пары решение зависит от согласия партнеров, конфликтности, сплоченности, распределения семейных решений и воспринимаемой устойчивости союза [4].

В углубленных интервью последовательность «брак – семья – дети» сохраняется, но желание иметь детей может быть выражено сильнее первоначальной ориентации на зарегистрированный союз [6], добрачное сожительство описывается как этап формирования семьи [1], эмоциональная поддержка и качество отношений выделяются в содержании семейных ценностей [7].

Материально-экономическое положение, жилье, неопределенность будущего и внутрисемейные отношения входят в число обстоятельств, при которых желаемое число детей расходится с ожидаемым [6], в исследовании репродуктивного потенциала учитывается степень реализации намерений в существующих социальных и экономических условиях [9], у студентов отсрочка деторождения выходит за период обучения и может сохраняться после выпуска [10].

Репродуктивные установки включают значимость семьи, отношение к родительству и желаемую детность, образование, трудовая карьера и самостоятельность задают сроки брака и рождения детей, реализация намерения зависит от материальных и жилищных ресурсов, доступности помощи, качества отношений и согласия партнеров, положительное отношение к родительству может сочетаться с длительной отсрочкой, при финансовой устойчивости решение о рождении по-прежнему зависит от согласия супругов и устойчивости отношений.

Воздействие только на декларируемую ценность семьи не устраняет временные и ресурсные причины отсрочки, если родительство воспринимается как несовместимое с текущим этапом образования либо жилищные и материальные условия оцениваются как недостаточные, одновременно материальная помощь не охватывает влияние родительских моделей, супружеских отношений, возможностей ухода за ребенком и согласования образовательной или профессиональной траектории с родительством [4, 6, 7, 9, 10]. Условия перехода от намерения к рождению ребенка различаются у студентов, молодых супругов без детей и семей, принимающих решение о последующих рождениях, что задает разные объекты поддержки.

Обсуждение

Более позднее рождение детей в рассмотренных исследованиях не равнозначно снижению ценности семьи, такое толкование смешивает ценностную ориентацию со временем ее реализации, молодежь может сохранять семью как предпочтительный жизненный сценарий и одновременно считать раннее родительство несовместимым с представлениями о материальной, профессиональной или психологической готовности. Поздний репродуктивный дебют в этом случае относится к повышенному порогу перехода от установки к действию, а не к отсутствию самой установки.

Требования к качеству родительства способны ограничивать ожидаемое число детей даже при положительном отношении к многодетной или двухдетной семье как нормативному образцу, ответственность за ребенка связывается с возможностью обеспечить жилье, образование, уход, стабильный доход и устойчивую семейную среду, увеличение числа условий, признаваемых обязательными до рождения, переносит решение на более поздний этап жизненной траектории.

Исследования молодежи и студентов преимущественно фиксируют установки, ожидания и планы до образования семьи либо на ранних этапах семейной жизни, работы с молодыми супружескими парами выявляют согласование репродуктивных намерений, качество отношений, конфликтность, распределение решений и позицию второго супруга, макродемографический анализ возрастной динамики брачности и рождаемости отражает агрегированный результат множества индивидуальных и семейных решений. Различие единиц анализа ограничивает прямое перенесение выводов между этими уровнями, хотя их результаты описывают разные участки одной репродуктивной траектории.

Материальные и жилищные условия молодые семьи оценивают через представление о достаточном обеспечении ребенка, учитывая качество жилья, образование, медицинскую помощь, досуг и возможность совмещать воспитание с другими жизненными задачами, мы полагаем, различия в такой оценке отражают субъективный стандарт приемлемого родительства, связанный с семейным опытом и социальной средой.

Родительский опыт влияет на будущую репродуктивную стратегию через представления о числе детей, качестве отношений, распределении обязанностей, эмоциональной атмосфере и успешности семейной жизни, поэтому межпоколенческое сходство может отражать усвоение нескольких семейных норм, а принадлежность к многодетной или малодетной семье дает лишь частичное объяснение будущих ориентаций.

После обсуждения внутри пары сроки рождения ребенка зависят от качества отношений, долгосрочной устойчивости союза и позиции партнера, которая способна ускорить или отложить решение, опрос

одного супруга фиксирует его восприятие позиции второго, поэтому согласование установок требует данных обоих партнеров и последующего наблюдения за реализацией совместного решения.

В рассмотренных материалах эмоциональная близость остается значимой при гибких формах партнерства, позднем деторождении и индивидуальном выборе числа детей, на наш взгляд, высокая ценность качества отношений совместима с традиционной нормативной моделью, поэтому шкала «традиционные – нетрадиционные установки» упрощает репродуктивные ориентации молодежи.

Региональные и общероссийские данные, студенческие группы, опросы молодых семей и углубленные интервью различаются возрастными границами, брачным статусом и индикаторами, включая желаемое число детей, предполагаемый возраст рождения, причины отсрочки и позицию супруга, повторяемость результатов поддерживает общие тенденции, числовые показатели сохраняют значение только в пределах соответствующих выборок.

Репродуктивное намерение в большинстве рассмотренных исследований фиксируется в конкретный момент, однако после окончания образования, вступления в брак, рождения первого ребенка, изменения дохода или жилищных условий последовательность решений может измениться, из-за чего расстояние между установкой и фактическим поведением нельзя полностью оценить без длительного наблюдения одной и той же группы.

Переход от заявленного намерения к семейной реализации требует сопоставления данных обоих супругов и последующего наблюдения за тем, какие согласованные или конфликтующие установки приводят к рождению ребенка, отсрочке либо пересмотру планируемого числа детей, после первого рождения отдельно меняется ресурсный порог, поскольку представление о родительстве уже опирается на собственный опыт. Для студенческих семей наблюдение после выпуска должно показать, переносится ли ранее отложенное рождение на ближайший период или к прежнему намерению добавляются новые условия ожидания.

Заключение

Значимость семьи, отношение к родительству и желаемое число детей относятся к ценностно-нормативному уровню репродуктивной стратегии, положение брака и деторождения в жизненной траектории – к временному, условия перехода сформированного намерения в практическое решение – к реализационному, поэтому позитивная семейная установка не равнозначна гарантированному рождению ребенка.

Образование и профессиональное становление задают последовательность жизненных событий, материальное благополучие и жилье определяют ресурсные условия рождения ребенка, опыт родительской семьи влияет на семейную модель, качество супружеских отношений и позиция партнера меняют решение внутри пары, сроки и предполагаемый масштаб реализации желаемого семейного сценария вследствие этого различаются.

Первоначальные установки характеризуют исследования молодежи, связь деторождения с образовательной траекторией – студенческие выборки, жилищные, финансовые и межпартнерские условия – данные молодых семей, совокупный результат этих решений – динамика брачности и рождаемости, меры поддержки репродуктивных намерений соотносятся с этапом семейной траектории и конкретными причинами, при которых намерение сохраняется, а его реализация откладывается.

Литература

1. Абдульзянов, А.Р. Брачное и репродуктивное поведение современной российской молодёжи / А.Р. Абдульзянов, Г.М. Рустамова // Народонаселение. – 2024. – Т. 27, № S1. – С. 94–106. – DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-94-106.

2. Александрова, О.А. Инфантильные или ответственные: студенческая молодёжь о новых тенденциях в брачно-семейной и репродуктивной сферах / О.А. Александрова // Народонаселение. – 2024. – Т. 27, № S1. – С. 107–119. – DOI: 10.24412/1561-7785-2024-S1-107-119.

3. Благорожева, Ж.О. Жизненные стратегии молодых семей (по материалам социологического исследования) / Ж.О. Благорожева // Научные результаты в социальной работе. – 2024. – Т. 3, № 1. – С. 5–13. – DOI: 10.18413/2949-267X-2024-3-1-1.

4. Бурханова, Ф.Б. Влияние супруга на репродуктивные установки и мотивы / Ф.Б. Бурханова, Г.Р. Баймурзина // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2022. – Т. 15, № 2. – С. 190–204. – DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.12.

5. Галиева, Э.Р. Репродуктивное поведение: теоретические подходы и современные сценарии / Э.Р. Галиева // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2022. – № 2 (53). – С. 23–28. – DOI: 10.26907/2079-5912.2022.2.23-28.

6. Короленко, А.В. Репродуктивные установки молодых семей: факторы и условия реализации (по материалам углубленных интервью) / А.В. Короленко, О.Н. Калачикова // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2022. – Т. 15, № 2. – С. 172–189. – DOI: 10.15838/esc.2022.2.80.11.

7. Наберушкина, Э.К. Семья и семейные ценности в представлениях молодого поколения / Э.К. Наберушкиина, О.В. Бессчетнова, О.А. Судоргин // Журнал исследований социальной политики. – 2024. – Т. 22, № 4. – С. 697–714. – DOI: 10.17323/727-0634-2024-22-4-697-714.

8. Овчинникова, Н.В. Репродуктивные установки молодежи / Н.В. Овчинникова // Социальные и гуманитарные знания. – 2024. – Т. 10, № 2. – С. 202–217. – DOI: 10.18255/2412-6519-2024-2-202-217.

9. Репродуктивный потенциал молодой семьи: анализ социологического исследования / Т.К. Ростовская, О.В. Кучмаева, Н.А. Соловьева, Е.С. Азарова // Женщина в российском обществе. – 2024. – № 4. – С. 35–50. – DOI: 10.21064/WinRS.2024.4.3.

10. Ростовская, Т.К. Репродуктивные установки российского студенчества: региональный аспект / Т.К. Ростовская, Н.С. Рычихина // Проблемы развития территории. – 2024. – Т. 28, № 1. – С. 98–114. – DOI: 10.15838/ptd.2024.1.129.7.

YOUNG FAMILIES AND REPRODUCTIVE STRATEGIES, A SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF CONTEMPORARY TRENDS

Shamshetdinov I.K.
Mordovian State University named after Nikolai Platonovich Ogarev

The article examines value-based, temporal, resource, and intra-family mechanisms of reproductive choice among young families, where the high subjective importance of family and parenthood coexists with postponement of marriage and first childbirth to later stages of the life course. The study systematizes current trends and factors in the reproductive behavior of young people and young families using Russian-language studies published in 2022–2024 in family sociology, demography, and social policy, the publications were compared through logical-analytical procedures, classification, generalization, and synthesis, with value-normative, temporal, and implementation levels separated to distinguish delayed parenthood from a decline in family value and to relate postponement to material stability, completion of education, housing conditions, partner relationships, and readiness for parenthood, the resulting distinctions are applicable to support measures for young and student families aimed at narrowing the gap between reproductive intentions and their implementation.

Keywords: young family, reproductive strategies, reproductive attitudes, reproductive behavior, delayed parenthood, fertility intentions, family values, student family, reproductive intentions, family policy.

References

1. Abdulzyanov A.R., Rustamova G.M. Marriage and Reproductive Behavior of Contemporary Russian Youth. Narodonaselenie [Population]. 2024. Vol. 27, no. S1. Pp. 94–106. DOI 10.24412/1561–7785–2024-S1–94–106. (In Russ.).

2. Aleksandrova O.A. Infantile or Responsible, Student Youth on New Trends in Marriage, Family and Reproductive Spheres. Narodonaselenie [Population]. 2024. Vol. 27, no. S1. Pp. 107–119. DOI 10.24412/1561–7785–2024-S1–107–119. (In Russ.).

3. Blagorozheva Zh.O. Life Strategies of Young Families, Based on Sociological Research. Nauchnye rezul'taty v sotsial'noi rabote [Scientific Results in Social Work]. 2024. Vol. 3, no. 1. Pp. 5–13. DOI 10.18413/2949–267X-2024–3–1–1. (In Russ.).

4. Burkhanova F.B., Baymurzina G.R. Spousal Influence on Reproductive Attitudes and Motives. Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny, fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes, Facts, Trends, Forecast]. 2022. Vol. 15, no. 2. Pp. 190–204. DOI 10.15838/esc.2022.2.80.12. (In Russ.).

5. Galieva E.R. Reproductive Behavior, Theoretical Approaches and Contemporary Scenarios. Kazanskii sotsial'no-gumanitarnyi vestnik [Kazan Social and Humanitarian Bulletin]. 2022. No. 2 (53). Pp. 23–28. DOI 10.26907/2079–5912.2022.2.23–28. (In Russ.).

6. Korolenko A.V., Kalachikova O.N. Reproductive Attitudes of Young Families, Factors and Conditions of Implementation, Based on In-Depth Interviews. Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny, fakty, tendentsii, prognoz [Economic and Social Changes, Facts, Trends, Forecast]. 2022. Vol. 15, no. 2. Pp. 172–189. DOI 10.15838/esc.2022.2.80.11. (In Russ.).

7. Naberushkina E.K., Besschetnova O.V., Sudorgin O.A. Family and Family Values in the Perceptions of the Younger Generation. Zhurnal issledovanii sotsial'noi politiki [The Journal of Social Policy Studies]. 2024. Vol. 22, no. 4. Pp. 697–714. DOI 10.17323/727–0634–2024–22–4–697–714. (In Russ.).

8. Ovchinnikova N.V. Reproductive Attitudes of Youth. Sotsial'nye i gumanitarnye znaniya [Social and Humanitarian Knowledge]. 2024. Vol. 10, no. 2. Pp. 202–217. DOI 10.18255/2412–6519–2024–2–202–217. (In Russ.).

9. Rostovskaya T.K., Kuchmaeva O.V., Soloveva N.A., Azarova E.S. Reproductive Potential of a Young Family, Analysis of a Sociological Study. Zhenshchina v rossiiskom obshchestve [Woman in Russian Society]. 2024. No. 4. Pp. 35–50. DOI 10.21064/WinRS.2024.4.3. (In Russ.).

10. Rostovskaya T.K., Rychikhina N.S. Reproductive Attitudes of Russian Students, Regional Aspect. Problemy razvitiya territorii [Problems of Territory's Development]. 2024. Vol. 28, no. 1. Pp. 98–114. DOI 10.15838/ptd.2024.1.129.7. (In Russ.).

Оценка факторов риска радикализации молодежи и практики противодействия

Шевцова Елена Владимировна,
кандидат политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы
E-mail: shevtsova-ev@ranepa.ru

В статье рассматривается проблема оценки факторов риска радикализации молодежи в региональных сообществах и анализа практик противодействия экстремизму. На основе проведенного социологического исследования были сделаны выводы о том, что наиболее критическим фактором риска является онлайн-пропаганда экстремистских идеологий, социально-экономическая маргинализация и влияние сверстников. В статье обобщен российский и зарубежный опыт лучших практик противодействию экстремизму, предложены рекомендации по адаптации эффективных моделей профилактики в региональную систему противодействия экстремизму.

Ключевые слова: молодежь, факторы радикализации, экстремизм, практики противодействия экстремизму

Введение

Оценка факторов риска радикализации молодежи является ключевой задачей для диагностики угроз национальной безопасности и разработки практик противодействия проявлениям экстремизма. Молодежь представляет собой наиболее уязвимую группу для идеологического рекрутинга в силу возрастных психологических особенностей – неустойчивости ценностных ориентаций, поиска идентичности, отсутствию критического мышления, подверженности манипуляциям и максимализма. В этих условиях возникает необходимость выявления тех факторов, которые создают благоприятную среду для вовлечения молодых людей в экстремистские сообщества. Согласно Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации, сегодня «экстремистские и иные антиобщественные организации используют информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть «Интернет»», при этом особую тревогу вызывает то, что «участились случаи привлечения в ряды экстремистских организаций несовершеннолетних лиц, поскольку они не только легче поддаются идеологическому и психологическому воздействию, но и при определенных обстоятельствах не подлежат уголовной ответственности». В связи с этим в Стратегии прямо указывается на необходимость «проведение мониторинга социальной обстановки в образовательных организациях» и «совершенствования мер, направленных на профилактику экстремистских проявлений в образовательных организациях» [4]. Таким образом, исследование факторов риска радикализации молодежи, поиск и адаптация эффективных практик противодействия становится не просто академической задачей, а инструментом реализации стратегических приоритетов, закрепленным на высшем государственном уровне.

В контексте вызовов, обозначенных Стратегией противодействия экстремизму в Российской Федерации, обращение к теоретическому осмыслению феноменов радикализма и экстремизма позволяет определить их сущностные характеристики.

Понятие «радикализм» (от латинского radix – корень) – это приверженность социально-политическим идеям, а также философским и религиозным течениям, предлагающим решительное изменение актуальных социальных, политических институтов и мировоззренческих норм путем разрыва с существующей традицией» [5, с. 119–120].

Очень часто радикализм идентифицируют с понятием экстремизма, однако это не синонимы, очевидно, что что радикализм – это в первую очередь идеи и умонастроения, которые не всегда приводят к решительным действиям. В свою очередь «экстремизм – это форма радикального отрицания существующих общественных норм и правил в государстве со стороны отдельных лиц или групп» [8, с. 112]. Экстремизм уже в свою очередь угрожает общественным устоям, правам и безопасности граждан. В связи с этим, радикальные настроения подготавливают почву для агрессивного поведения, противоправных и насильственных действий. При этом важно проводить профилактику уже на стадии возникновения радикальных настроений, верифицировав основные факторы радикализации.

Методы

В мае-июне 2026 года было проведено социологическое исследование в Новосибирской области, основным методом которого было экспертное интервью. В качестве экспертов выступали научные исследователи проблем экстремизма и проявлений терроризма; представители органов государственной и муниципальной власти, в компетенцию которых входит деятельность в сфере противодействия экстремизму и терроризму; заместители руководителей образовательных организаций по воспитательной работе; представители организаций, осуществляющие деятельность в сфере молодежной политики; представители СМИ. Всего было опрошено пятнадцать экспертов, по три эксперта в каждой профессиональной группе. В ходе интервью эксперты отвечали на ряд вопросов, касающихся оценки факторов риска радикализации молодежи и оценки инструментов вовлечения молодежи в антитеррористическую деятельность.

Инструментарием сбора информации выступил специализированный гайд с использованием сложных шкал (гайд – это специальное тематическое руководство, определяющее план глубинного интервью). Процедура опроса строилась по трехуровневой схеме: эксперту задавался открытый вопрос, затем он оценивал предложенные утвержде-

Данная статья подготовлена в рамках государственного задания РАНХиГС Рег. № 10.19–2026–1 «Государственная политика противодействия экстремизму и терроризму: региональный уровень».

ния по шкале, после чего комментировал занятую позицию. Для оценки степени согласия или несогласия респондентов с каждым тезисом применялась многопозиционная шкала Лайкерта, позволяющая фиксировать нюансы отношения экспертов к проблеме. В рамках вопросов выдвигалось не менее пяти утверждений, что обеспечивало полноту охвата проблематики.

Продолжительность интервью варьировалась от 50 до 100 минут в зависимости от степени вовлеченности эксперта в проблематику исследования. Каждое интервью фиксировалось с разрешения экспертов на аудионоситель с расшифровкой в текстовый формат для последующего анализа. Такой подход позволил сохранить все смысловые нюансы позиций экспертов.

Обработка полученного эмпирического материала проводилась с помощью следующих методов: транскрибацию всех интервью, контент-анализа транскриптов с выделением ключевых тематических кластеров и устойчивых нарративов, визуализацию данных с помощью применения техники построения «облака слов» для выявления смысловых доминант, расчета частотных распределений ответов по шкалам (для количественной интерпретации качественных данных). Таким образом, сочетание количественных и качественных процедур обеспечило многоуровневую верификацию полученных результатов.

Анализ экспертных оценок по вопросу «Какие риски радикализации в молодежной среде являются наиболее опасными?» позволил определить преобладающие риски и верифицировать существующие гипотезы о причинах радикализации молодежи в регионе.

Литературный обзор

Изначально было выделено пять факторов риска радикализации молодежи для экспертного опроса, которая охватывает ключевые сферы: цифровую, социально-экономическую, психологическую, субкультурную и межэтническую. Необходимо отметить, что выделение этих факторов базировалось на фундаментальных теоретических подходах к изучению девиантного поведения и молодежного экстремизма.

Выделение фактора «Онлайн-пропаганда экстремистских идеологий» было обусловлено концепцией «эхо-камер» К.Санстейна, согласно которой алгоритмы социальных сетей формируют информационные пузыри, усиливающие радикализацию [14], а также работами отечественных исследователей П.Н. Лукичева и А.А. Али, отмечавших, что интернет-коммуникация обладает значительным потенциалом для управления общественным сознанием и распространением экстремистской идеологии [3, с. 171–179].

Фактор «Социально-экономическая маргинализация» отражает теорию аномии Р.Мертона, согласно которой рассогласование между культурно одобряемыми целями и институциональными средствами их достижения создает давление, толкающее людей к девиантному поведению, которое может включать участие в радикальных группах [7]. Как отмечают зарубежные ученые-криминологи С.Шредер, Л.Годе и Л. Леман, аномия и низкий самоконтроль, выступают значимыми криминологическими факторами радикализации молодежи [13].

Включение фактора «Семейно-бытовые дисфункции» было сделано на основе модели «лестницы терроризма» Ф.Могхаддама, согласно которой утрата социальной опоры и психологическая уязвимость создают благоприятную среду для идеологической вербовки [12].

Фактор «Влияние сверстников и субкультур» обоснован теорией социального научения А.Бандуры, согласно которой поведенческие модели усваиваются через наблюдение и имитацию референтных групп, особенно в период социализации молодого человека [1].

Включение фактора «Культурно-этническая напряженность» отражает специфику Новосибирской области, где, по данным проведенных автором социологических исследований в 2023–2024 гг. [11,10], и исследований таких авторов как Е.А. Ерохина [2], И.А. Скалабан [6], этнические рынки и локальные анклавы становяться триггерами межнациональных конфликтов. Также необходимо отметить исследования В.И. Чупрова и Ю.А. Зубок, фиксирующие, что поликонфессиональная и многонациональная структура общества создает условия для формирования радикализма [9].

Результаты

В ходе анализа экспертных интервью были получены результаты, которые можно представить в виде соотношения прямых ответов (Таблица 1).

Полученные данные демонстрируют явно выраженный консенсус экспертов по ключевым рискам радикализации молодежи. Абсолютное большинство экспертов – 13 из 15 признают онлайн-пропаганду экстремистских идеологий наиболее опасным фактором. Это свидетельствует о том, что экспертный корпус единодушен в понимании того, что цифровая среда стала главным каналом вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность:

Таблица 1. Анализ экспертных оценок по вопросу «Какие риски радикализации в молодежной среде являются наиболее опасными?» (все эксперты)

Вариант ответа:	Частота ответов «Да»	Частота ответов «Нет»
Онлайн-пропаганда экстремистских идеологий (социальные сети, Telegram-каналы)	13	2
Социально-экономическая маргинализация (безработица, бедность в окраинах городов и в селах Новосибирской области)	10	5
Семейно-бытовые дисфункции (конфликты, разводы, алкоголизм)	4	11
Влияние сверстников и субкультур (националистический андерграунд в вузах/СПО).	9	6
Культурно-этническая напряженность (межэтнические конфликты в многонациональной среде Новосибирской области)	6	9

«Онлайн-пропаганда более чем опасна. Все в телефоне каждый день, рупор в руках у каждого 24 на 7. Все смотрят. Интернет общедоступен, ограничения абсолютно условно, все VPN ставят, все читают, видят, смотрят всё, что хотят. Телеграм, каналы – да, это значительно». (Государственный служащий, мужчина, 30–39 лет);

«Онлайн-пропаганда – это угроза. Несмотря на то, что некоторые видеохостинги запрещены, люди слушают альтернативные точки зрения. Там есть специалисты, которые грамотно излагают, и у человека, чем он моложе, тем меньше жизненного опыта, он как пластилин. Поэтому это угроза». (Журналист, мужчина, 50–59 лет).

Таким образом, социальные сети, Телеграм-каналы и закрытые сообщества обеспечивают быстрый доступ к радикальным нарративам и дегуманизацию врага, что особенно опасно в условиях цифровой изоляции. Эксперты фиксируют, что именно через интернет осуществляется вербовка подростков для совершения диверсий и иных противоправных действий, что подтверждается эмпирическими данными о росте вовлечения молодежи в экстремистскую деятельность.

Вторым по значимости фактором, который набрал 10 утвердительных ответов из 15, является социально-экономическая маргинализация. Эксперты связывают этот риск с повышенной тревожностью населения, которая приводит к поиску справедливости в радикальных группах. Особую тревогу вызывает ситуация в локальных этнических анклавах города Новосибирска, где уровень бедности выше, а социальный контроль ниже.

Анализ высказываний экспертов позволяет выделить и здесь три основные позиции. Первую, наиболее аргументированную позицию занимают эксперты, признающие социально-экономическую маргинализацию значимым фактором риска:

«…Это тоже может быть, потому что у молодёжи сейчас отсутствует мотивация к тому, чтобы получать высшее образование, потом хорошую работу. Есть те, кто искренне считают, что учиться не надо, не хотят серьёзно самообразованием заниматься. И отсюда идёт доверчивость и управляемость». (Журналист, женщина, 40–49 лет).

Вторую позицию занимают эксперты, признающие фактор возможным, но не актуальным в текущий момент:

«Пока ещё нет, но в будущем возможно. Потому что есть ещё запас прочности небольшой, и пока не стоит речь о выживании, о снижении уровня жизни. Когда будет стоять вопрос о выживании, тогда я думаю, будет включаться этот механизм. Смотря как будем развиваться. Если ещё какой-нибудь типа COVID грохнет или ещё какие-то сверх расходы будут у государства, то вполне». (Государственный служащий, женщина, 50–59 лет).

Третью позицию занимают эксперты, отрицающие значимость данного фактора для радикализации:

«Социально-экономическая маргинализация… Я думаю, нет. Безработица сейчас невысокая. А те люди, которые живут в территориях, где они находятся под угрозой… по Новосибирску нет, я не думаю, что это путь ухода в радикальные группы». (Журналист, мужчина, 50–59 лет).

Третьим по значимости фактором, отмеченным 9 экспертов из 15, является влияние сверстников и субкультур, в том числе националистический андерграунд в вузах и учреждениях среднего профессионального образования. Это подтверждает значимость референтных групп в процессе радикализации, особенно в период формирования идентичности.

Анализ высказываний экспертов позволяет выделить три основные позиции. Первую позицию занимают эксперты, признающие влияние сверстников и субкультур значимым фактором риска:

«Влияние сверстников и субкультур. Это всегда было. Сверстники – это неестественно, если мы скажем, что сверстники не будут влиять. Субкультура – она вышла и на экран. Надо разобраться, откуда она появилась. Она появилась в девяностые. Надо делать, те же фильмы, передачи – их надо находить. Если нам нужна другая молодёжь, более чистая, надо всё положить для того, чтоб она была. Разработать программы, связанные со школой, с детским садом, с вузами и обществом, с телевидением и интернетом». (Государственный служащий, мужчина, 60–69 лет);

Вторую позицию занимают эксперты, считающие, что в вузовской среде влияние субкультур ограничено больше, чем в СПО институциональным контролем:

«Сверстники субкультуры в меньшей степени, в вузах, мне кажется, это достаточно ограничено, потому что учебный процесс не в полной мере позволяет себя так проявить. Учебные заведения проводят воспитательную политику, организуют целенаправленную деятельность, которая предотвращать будет. Это будет ограничено в вузе институционально и формально, и действиями административного и педагогического персонала». (Исследователь в области социально-гуманитарных наук, женщина, 50–59 лет).

Третью позицию занимает эксперт, считающая, что современные субкультуры больше влияют на мировоззрение, чем на радикализацию, причём это идёт «извне», а не из вузов и СПО:

«Точно я могу исключить влияние сверстников и субкультур на культурно-этническую напряженность, потому что сейчас такие субкультуры интересные идут, они больше влияют на мировоззрение и на сознание, чем мы говорим про радикально уйти куда-либо. И это не идет все-таки у нас от вузов и СПО, оно идет у нас извне». (Заместитель руководителя организации образования по воспитательной работе, женщина, 20–29 лет).

Важно отметить, что влияние сверстников и субкультур получило существенное число голосов, что указывает на его признание значимым, но не доминирующим фактором.

Следующий фактор «культурно-этническая напряженность» по значимости меньше – только 6 экспертов из 15 отметили его как существенный. При важно отметить, что анализ высказываний нам позволяет выделить две позиции. Первая позиция экспертов – культурно-этническая напряженность присутствует, но она связана с конкретными территориальными локациями:

«Культурно-этническая напряженность – это важный фактор, конечно. Если такая напряженность существует, это генерируется. Для Новосибирской области прежде всего значим фактор миграции, в том числе нелегальной. Важно отслеживать этнические анклавы, чтобы они не формировались замкнутые. Здесь очень важна роль власти – вести просветительскую и профилактическую деятельность». (Исследователь в области социально-гуманитарных наук, мужчина, 40–49 лет).

Вторую позицию занимают эксперты, отрицающие значимость данного фактора либо не видящие его в своем опыте:

«Культурно-этническую напряженность тоже вычеркиваем из этого списка. Если мы все же говорим про Новосибирск, про наш вуз, то нет». (Исследователь в области социально-гуманитарных наук, женщина, 40–49 лет);

Таким образом, можно отметить, что наличие 6 из 15 согласных с данным утверждением экспертов говорит о расколе в экспертном сообществе, по данному мнению, фактор признается значимым, но не доминирующим, ограниченным в территориальных рамках и конкретных микрорайонах, что говорит о необходимости точечной и адресной работы со стороны органов власти и разграничении напряженности с мигрантами и напряженности с этническими меньшинствами.

Что интересно, наибольшее отсутствие консенсуса представляет позиция «семейно-бытовые дисфункции» – только 4 из 15 экспертов отмечают, как значимый фактор. Это может свидетельствовать о том, что в современных условиях изменения жизни населения, онлайн-пропаганда и маргинализация представляются факторами более острыми и значимыми.

При этом анализ высказываний экспертов по вопросу «семейно-бытовых дисфункций» дает нам поляризацию мнений: первый пул экспертов признает их как значимый фактор риска:

«Семейно-бытовые конфликты, разводы, алкоголизм и все прочее, безусловно, это последствия социально-экономических проблем. Поэтому они здесь неразрывно, на мой взгляд, связаны». (Исследователь в области социально-гуманитарных наук, женщина, 40–49 лет).

Вторую позицию занимают эксперты, отрицающие значимость данного фактора:

«…Риском чего? Чтобы ушли в экстремистскую идеологию? Я думаю, нет». (Журналист, мужчина, 50–59 лет).

Наименьшее число голосов указывает на то, что эксперты не рассматривают семейно-бытовые дисфункции как самостоятельный значимый фактор радикализации, скорее как сопутствующий, усиливающий другие риски.

Таким образом, проведенный анализ факторов риска радикализации молодежи позволяет выделить три ключевых направления для органов государственной власти. Наиболее критическим признается онлайн-пропаганда экстремистских идеологий, что требует усиления мониторинга социальных сетей и мессенджеров, блокировки деструктивного контента, а также системной работы по повышению цифровой грамотности и развитию критического мышления у молодежи. Социально-экономическая маргинализация и влияние сверстников указывают на необходимость адресной поддержки уязвимых категорий – учащихся СПО, молодежи из неблагополучных семей и жителей окраинных территорий, а также вовлечения молодежи в позитивные социальные практики через систему наставничества и досуговую занятость.

Обсуждение

Обратимся к российскому и зарубежному опыту лучших практик по противодействию экстремизму и терроризму.

По направлению противодействия онлайн-пропаганде экстремизма обратимся к опыту Франции и Великобритании.

Французская программа «Promeneurs du Net» (Прогуливающиеся по сети), организатором которой является Национальное агентство семейных пособий Франции (Caisse Nationale des Allocations Familiales, CNAF), представляет собой системную государственную программу, а рамках которой более 1500 профессиональных работников по работе с молодежью осуществляют присутствие в социальных сетях на легитимной основе. Специалисты не ждут обращения от молодых людей, а сами инициируют контакты с ними в социальных сетях. Молодежи предлагается четыре варианта поддержки: информирование о профилактических программах, ежедневное общение, индивидуальное сопровождение и психологическое выслушивание. Таким образом, при обнаружении тревожных сигналов, специалист инициирует процедуру межведомственного взаимодействия с целью информирования по данному случаю профильные службы. Программа финансируется государством, что обеспечивает ее стабильное существование и масштабируемость. Эффективность данной программы заключается в том, что она представляет собой институциональную модель перехвата инициативы у вербовщиков в цифровой среде, позволяя обеспечить постоянное профилактическое присутствие и мониторинг в сети Интернет, где традиционные практики неэффективны. Программа создает легальный механизм раннего выявления радикализации без применения жестких оперативно-розыскных мер, предотвращая более серьезные преступления.

Британская практика «RealTalk» представляет собой высокоинтерактивный семинар, использующий технологию дополненной реальности и интерактивные дидактические материалы для формирования критического мышления и правовой грамотности. Данный семинар состоит из ряда элементов. Центральным элементом являются «ожившие» персонажи – бывшие члены уличных банд, неонацистских группировок и организаторы ультраправых движений, которые через технологию дополненной реальности рассказывают от первого лица истории своего вовлечения и выхода из экстремистской среды, создавая иллюзию непосредственного общения и демонстрируя деструктивные последствия радикализации. В данном случае, это имеет очень мощный эмоциональный эффект, так как это молодые люди, ровесники, а не взрослые учителя или преподаватели. Второй компонент – «магнитная стена», которая визуализирует политический спектр, где участники размещают названия организаций, что служит триггером для дискуссий о критериях экстремизма, его отличиях от политической деятельности. Третий элемент– «Фейковые новости», где молодые люди учатся различать реальные и сфабрикованные новости, а модератор обучает их методам верификации источников и распознавания манипулятивных техник. Таким образом важно отметить, что данная практика предлагает готовый инструмент борьбы с дезинформацией, использующий иммерсивные технологии для повышения вовлеченности в антиэкстремистскую деятельности.

По направлению профилактики радикализации молодежи в связи с социально-экономической маргинализацией обратимся к российскому опыту работы с подростками из неблагополучных семей и зарубежным практикам долгосрочной реинтеграции.

К примеру, российская практика «Реальные каникулы» реализуется на базе подросткового центра «Юность» в городе Новосибирске,

представляет собой комплексную программу дневного пребывания для подростков 12–16 лет из малообеспеченных, неполных и неблагополучных семей. Организаторами являются Муниципальное бюджетное учреждение города Новосибирска «Молодёжный центр «Содружество» и подростковый центр «Юность». Программа включает пять тематических профильных смен продолжительностью 6–10 дней в каникулы. Каждая из этих смен рассчитана на развитие гибких навыков: критическое мышление, эмоциональный интеллект, коммуникативные и проектные навыки. Для организации образовательного блока привлекаются узкие специалисты. Проект некоммерческий, спикеры и лекторы участвуют на безвозмездной основе.

Ключевая особенность практики заключается в том, что в центре внимания принцип социальной инклюзии, при котором неблагополучные подростки, потенциально подверженные вербовке, интегрируются с социально благополучными сверстниками, получают определенные навыки критического мышления. Данная интеграция разрушает стигматизацию неблагополучности, разрушает собственную идентичность «неблагополучности» и способствует передаче позитивных паттернов поведения. Для органов власти данная практика ценна как базовая модель работы с уязвимыми категориями, так как она не требует значительных бюджетных вложений, может масштабирована, дает измеримые результаты в социализации и снижении рисков деструктивного поведения.

В качестве зарубежного аналога долгосрочной реинтеграции можно привести пример немецкой программы семейного консультирования Hayat-Deutschland, которая реализуется с 20212 года под эгидой Общества демократической культуры при партнерстве с Федеральным ведомством по делам миграции и беженцев.

Практика представляет собой первую в Германии консультативную программу для лиц, вовлеченных в салафитские радикальные группы, и их родственников. Основной ключевой принцип этой программы – четкое различение религиозной веры и экстремистской идеологии, что позволяет семьям не отвергать религиозные потребности радикализованного человека, или человека, подверженного вербовке на начальном этапе, а работать именно с деструктивном компонентом. Процесс консультирования включает первичный контакт и оценку рисков, разработку пошагового индивидуального плана выхода из радикализации и долгосрочное сопровождение, которое может длиться от нескольких месяцев до нескольких лет. Целевая аудитория этой программы – лица, уже вовлеченные в радикальные группы, лица, которые подвергаются вербовки и их родственники. Программа преследует следующие цели: убедить человека отказаться от выезда в зону боевых действий, обеспечить возвращение человека в нормальную социальную среду. Важнейшее в данное программе – это круглосуточная возможность в случае необходимости общаться с консультантом, особенно в критические моменты. Для российских органов власти внедрение аналогичной практики требует создания ряда инструментов: общенациональной горячей линии консультаций с психологами, сети региональных центров на базе НКО с государственным финансированием данной программы, обучения консультантов, владеющих языками Средней Азии.

По направлению профилактики и противодействия радикализации молодежи, причиной которой является влияние сверстников, обратимся к российскому опыту гармонизации межнациональных отношений и зарубежным практикам нарративной групповой работы.

Российская практика «Россия – наш общий дом» была реализована Государственным бюджетным учреждением Ямало-Ненецкого автономного округа «Региональный центр патриотического воспитания «Авангард». Практика представляет собой интерактивные игры для подростков 14–17 лет, включая категории, состоящие на профилактическом учете, находящиеся в социально-опасном окружении.

Программа сочетает творческий и интеллектуальный компоненты. На первоначальном этапе подростки участвуют в онлайн-викторине через месседжер, а затем на втором этапе команды ребят из 5 человек под руководством руководителя создают видеоролики продолжительностью до 3 минут о культурном многообразии России, традициях и обычаях разных регионов. Эффективность практики обусловлена сочетанием форматов, учитывающих разные интересы, использованием современных цифровых инструментов, доступных для удаленных территорий, что очень важно для территориально больших регионов. Для органов власти практика ценна как легко масштабируемая модель вовлечения молодежи, находящейся в зоне риска через конкурсную среду и современные коммуникационные каналы, которая формирует устойчивое неприятие межнациональной розни.

Зарубежный аналог данной практики – нарративная групповая работа немецкой неправительственной организации Cultures Interactive (https://www.cultures-interactive.de/en/), признанная Европейской комиссией одной из лучших практик в сфере профилактики экстремизма и укрепления демократических ценностей. В основе метода лежит принцип, согласно которому экстремистские настроения и групповая ненависть часто коренятся не в недостатке информации, а в глубинных биографических травмах и неразрешенных конфликтах в детстве. Для региональных органов власти данная практика с учетом адаптации к российским реалиям может быть ценна с точки зрения выявления «точек напряжения» в молодежной среде на ранней стадии, формируя устойчивость к деструктивным идеологиям через осознание личного опыта и проговаривания, а не через директивное информирование.

Заключение

Проведенное исследование факторов риска радикализации молодежи в Новосибирской области позволило выделить три ключевых направления для разработки профилактических мер. Наиболее критическим фактором признана онлайн-пропаганда экстремистских идеологий, что требует внедрения системных механизмов цифровой превенции и формирования критического мышления. Французская программа «Promeneurs du Net» предлагает институциональную модель постоянного присутствия обученных специалистов в социальных сетях для раннего выявления признаков радикализации и перехвата инициативы у вербовщиков. Британская практика «RealTalk» с использованием дополненной реальности демонстрирует эффективность иммерсивных технологий в формировании критического мышления и устойчивости к дезинформации. Такие факторы радикализации как «социально-экономическая маргинализация» и «влияние сверстников» требуют адресной работы с уязвимыми категориями. Российская практика «Реальные каникулы» показывает эффективность социальной инклюзии через интеграцию подростков из неблагополучных семей с социально благополучными сверстниками, формируя позитивные паттерны поведения. Немецкая программа Hayat-Deutschland демонстрирует ценность долгосрочного семейного сопровождения с четким различением религиозной веры и экстремистских идеологий.

Таким образом, комплексное внедрение адаптированных практик по всем трем направлениям позволит создать многоуровневую систему профилактики, воздействующую на ключевые факторы радикализации молодежи.

Литература

1. Бандура А. Теория социального научения. – СПб.: Евразия, 2000. – 320 с.
2. Ерохина Е.А. Этнические рынки и их роль в трансформации городского пространства (на примере Новосибирска) // Сибирский философский журнал. 2017. Т. 15. № 4. С. 173–182.
3. Лукичев П. Н., Али А.А. Управление общественным сознанием: риски радикализации // Гуманитарий Юга России. 2022.1 (53). Т. 11. С. 171–179. DOI 10.18522/2227–8656.2022.1.13
4. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124// Официальный интернет-портал правовой информации. – http://publication.pravo.gov.ru/ (дата обращения – 21.08.2026 г.)
5. Ольшанский Д.В. Психология терроризма. Издательство: Питер, 2002. – 215 с.
6. Скалабан И.А., Лобанов Ю.С., Сергеева З.Н., Волченко С.Ю. «Уровень опасений зашкаливает!»: как изменения становятся триггерами городских конфликтов. Кейс г. Новосибирска // Социология власти. 2023. Т. 35. № 1. С. 190–218. https://doi.org/10.22394/2074–0492–2023–1–190–218
7. Социальная теория и социальная структура / Роберт Мертон. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 873 с.
8. Тишков В.А. Этнология и политика. Научная публицистика. – М.: Наука. 2001. – 240 с.
9. Чупров В.И., Зубок Ю.А. Молодежный экстремизм: сущность, формы проявления, тенденции. М.: Academia, 2009. 320 с. С. 5–12.
10. Шевцова, Е.В. Этнодемографическая и миграционная ситуация в Новосибирской области: вызовы и риски / Е.В. Шевцова // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. – 2024. – Т. 11, № 3(43). – С. 99–105. – DOI 10.24147/2312–1300.2024.11(3).99–105. – EDN SQECVC.
11. Этнополитическая ситуация в Российской Федерации в 2024 году: Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов / В.А. Тишков, А.В. Черных, А.А. Авдашкин [и др.]. – Пермь: Институт этнологии и антропологии РАН, 2024. – 264 с. – ISBN 978-5-91076-290-3. – EDN TCCIUA.
12. Moghaddam, F. M. (2005). The staircase to terrorism. The staircase to terrorism. American Psychologist, 60(2), 161–169.

13. Schröder C.P., Goede L.-R., Lehmann L. Perspektiven von Studierenden: Ergebnisse einer Befragung zu den Themen Politik, Religion und Gemeinschaft im Rahmen des Projektes «Radikalisierung im digitalen Zeitalter (RadigZ)». Berlin, 2020. 124 s. S. 45–68.

14. Sunstein C.R. Republic.com 2.0. – Princeton: Princeton University Press, 2007. 272 p.

ASSESSMENT OF RISK FACTORS FOR YOUTH RADICALIZATION AND COUNTER-RADICALIZATION PRACTICES

Shevtsova E.V.
State and Municipal Administration, Siberian Institute of Management (a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration)

The article examines the problem of assessing the risk factors for the radicalization of young people in regional communities and analyzing practices to counter extremism. Based on a sociological study conclusions were drawn that the most critical risk factor is online propaganda of extremist ideologies, socio-economic marginalization and the influence of peers indicate. The article summarizes Russian and foreign experience with best practices for countering extremism and offers recommendations for adapting effective prevention models to the regional system for countering extremism.

Keywords: youth, factors of radicalization, extremism, practices to counter extremism

References

1. Bandura A. Social Learning Theory. – St. Petersburg: Eurasia, 2000. – 320 p.

2. Erokhina E.A. Ethnic Markets and Their Role in the Transformation of Urban Space (on the Example of Novosibirsk) // Siberian Philosophical Journal. 2017. Vol. 15. No. 4. Pp. 173–182.

3. Lukichev P.N., Ali A.A. Managing Public Consciousness: Risks of Radicalization // The Humanitarian of the South of Russia. 2022.1 (53). Vol. 11. Pp. 171–179. DOI 10.18522/2227–8656.2022.1.13

4. On the Approval of the Strategy for Combating Extremism in the Russian Federation: Decree of the President of the Russian Federation dated December 28, 2024, No. 1124 // Official Internet Portal of Legal Information. – http://publication.pravo.gov.ru/ (accessed on 21.08.2026)

5. Olshansky D.V. The Psychology of Terrorism. Publisher: Peter, 2002. – 215 p.

6. Skalaban I.A., Lobanov Yu.S., Sergeeva Z.N., Volchenko S.Yu. "The level of concern is off the charts!": how changes become triggers for urban conflicts. Case study of Novosibirsk // Sociology of Power. 2023. Vol. 35. No. 1. Pp. 190–218. https://doi.org/10.22394/2074–0492–2023–1–190–218

7. Social Theory and Social Structure / Robert Merton. – Moscow: ACT: ACT MOSCOW: HRANITEL, 2006. – 873 p.

8. Tishkov V.A. Ethnology and Politics. Scientific Journalism. – Moscow: Nauka. 2001. – 240 p.

9. Chuprov V.I., Zubok Yu.A. Youth Extremism: Essence, Forms of Manifestation, Trends. Moscow: Academia, 2009. 320 p. Pp. 5–12.

10. Shevtsova, E.V. Ethno-demographic and migration situation in the Novosibirsk Region: Challenges and Risks / E.V. Shevtsova // Bulletin of Omsk University. Series: Historical Sciences. – 2024. – Vol. 11, No. 3(43). – Pp. 99–105. – DOI 10.24147/2312–1300.2024.11(3).99–105. – EDN SQECVC.

11. The Ethnopolitical Situation in the Russian Federation in 2024: Annual Report of the Network for Ethnological Monitoring and Early Conflict Prevention / V.A. Tishkov, A.V. Chernykh, A.A. Avdashkin [et al.]. – Perm: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 2024. – 264 p. – ISBN 978-5-91076-290-3. – EDN TCCIUA.

12. Moghaddam, F. M. (2005). The staircase to terrorism. The staircase to terrorism. American Psychologist, 60(2), 161–169.

13. Schröder C.P., Goede L.-R., Lehmann L. Perspektiven von Studierenden: Ergebnisse einer Befragung zu den Themen Politik, Religion und Gemeinschaft im Rahmen des Projektes «Radikalisierung im digitalen Zeitalter (RadigZ)». Berlin, 2020. 124 s. S. 45–68.

14. Sunstein C.R. Republic.com 2.0. – Princeton: Princeton University Press, 2007. 272 p.

Трансформация профессиональных ориентаций и карьерных ожиданий поколения Z в условиях цифровой и постпандемийной реальности

Ягудина Аэлита Радиковна,
канд. соц. наук, доцент, Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологий
E-mail: a.r.yagudina@struust.ru

Антонова Наталия Анатольевна,
канд. пед. наук, доцент, Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологий
E-mail: n.a.antonova@struust.ru

Опарина Татьяна Александровна,
канд. экон. наук, доцент, Стерлитамакский филиал Уфимского университета науки и технологий
E-mail: t.a.oparina@struust.ru

Голубятникова Анастасия Юрьевна,
старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела Уфимского юридического института МВД России
E-mail: asd3330333@mail.ru

В статье рассматривается процесс формирования профессиональных ориентаций и карьерных ожиданий поколения Z (родившихся в период с 1997 по 2012 гг.) на современном этапе развития рынка труда. Представители данной когорты становятся ключевыми акторами экономики, однако их стратегии трудоустройства и отношения к труду радикально отличаются от установок предыдущих поколений (миллениалов и «иксов»). На основе анализа данных социологического мониторинга и серии глубинных интервью выявлены основные детерминанты трудового поведения зумеров. Установлено, что для поколения Z характерен сдвиг от линейной корпоративной карьеры к «портфельной» занятости, прагматичное отношение к лояльности работодателю, а также беспрецедентный запрос на психологический комфорт и этичность рабочей среды. Особое внимание уделено влиянию генеративного искусственного интеллекта на страх профессиональной обесцененности и стратегии адаптации. В статье доказывается, что стереотипы о «лени» и «инфантильности» поколения Z являются следствием их рациональной адаптации к условиям прекариата и экономики впечатлений. Сформулированы рекомендации для HR-практиков и институтов образования.

Ключевые слова: поколение Z, рынок труда, профессиональные ориентации, карьерные ожидания, прекариат, цифровизация, искусственный интеллект, ментальное здоровье, социология труда, теория поколений.

На рубеже 2020-х годов мировая и российская социология труда столкнулась с необходимостью переосмысления базовых парадигм занятости. На рынок массово выходит поколение Z («зумеры», «цифровые аборигены», «iGeneration»), чье взросление пришлось на эпоху турбулентности: глобальную пандемию, климатические кризисы, геополитические сдвиги и стремительную интеграцию генеративного искусственного интеллекта (ИИ) во все сферы бело – воротничковой работы. Если представители поколения Y (миллениалы) вошли в историю как идеалисты, верящие в миссию компаний и гибкий график, то поколение Z, по предварительным данным исследований 2024–2026 гг., демонстрирует черты «нового прагматизма», сочетающегося с высоким запросом на экзистенциальный смысл и ментальное здоровье.

Актуальность данного исследования обусловлена нарастающим когнитивным диссонансом между традиционными корпоративными системами мотивации и реальными ожиданиями молодых специалистов. Работодатели сталкиваются с феноменом «тихого увольнения», высокой текучестью кадров среди сотрудников до 25 лет и неприятием культуры «переработок». Цель статьи – проанализировать данные явления, переведя их из плоскости моралиазаторских упреков в «инфантильности» в плоскость структурного анализа трансформации трудовых ценностей.

Анализ профессиональных ориентаций поколения Z опирается на несколько социологических концепций. Во-первых, это теория поколений К. Мангейма, которая позволяет рассматривать зумеров не просто как возрастную когорту, но как специфическое «поколенческое единство», сформированное общим травматичным и трансформирующим историческим опытом (пандемия, изоляция, цифровая гиперреальность) в период формирования их идентичности [1].

Во-вторых, исследование базируется на концепции «протеической карьеры» (D.T. Hall) и «карьеры без границ» (M.B. Arthur), которые описывают переход от организационно-центрированной модели (где компания гарантирует безопасность в обмен на лояльность) к индивидуализированной, где субъект сам управляет своим человеческим капиталом [2]. Для поколения Z, выросшего в условиях размывания гарантий, эта модель становится не выбором, а единственно возможной стратегией выживания.

В-третьих, мы опираемся на теорию прекариата Г. Стэндинга. Зумеры – первое поколение, которое с самого начала своего трудового пути сталкивается с системным прекариатом: невозможностью планировать долгосрочное будущее, размыванием границ между работой и личной жизнью, а также угрозой автоматизации их будущих профессий [8]. Это порождает специфическую «экзистенциальную тревогу», которая напрямую влияет на выбор стратегий трудоустройства.

Эмпирическую базу статьи составили результаты вторичного анализа данных всероссийского социологического мониторинга «Трудоустройство молодежи в современной России», проведенного в конце 2025 году[5]. Выборка составила 1600 респондентов в возрасте от 18 до 27 лет (поколение Z), проживающих в городах-миллионниках и региональных центрах РФ. Квоты устанавливались по полу, типу занятости (студенты, молодые специалисты, самозанятые) и сфере деятельности.

Дополнительно в рамках качественного блока было проведено 35 полуструктурированных глубинных интервью с молодыми специалистами из сфер IT, креативных индустрий, образования и услуг. Интервью транскрибировались и анализировались с помощью метода тематического кодирования.

Анализ эмпирических данных позволил выделить пять ключевых трендов, определяющих профессиональные ориентации и карьерные ожидания поколения Z в середине 2020-х годов.

1. Смерть корпоративной лояльности и феномен «рационального цинизма». Традиционная схема «учеба → стажировка → лояльность компании → карьерный рост → пенсия» полностью деконструирована в сознании зумеров. По данным опроса, 78% респондентов согласились с утверждением: «Компания не будет заботиться обо мне, если я заболею или выгорю, поэтому я не обязан жертвовать личным временем ради нее».

Лояльность работодателю больше не рассматривается как добродетель. Смена работы каждые 1,5–2 года (job-hopping) воспринимается

как единственно рациональный способ повышения дохода и приобретения новых навыков. В ходе интервью респонденты (И., 23 года, UX-дизайнер) отмечали: «Ждать повышения три года – это ошибка. Если ты не получил оффер с повышением зарплаты на 30% за полгода, ты просто теряешь деньги из-за инфляции. Работодатель – это партнер, с которым я заключаю временный контракт».

2. Приоритет ментального здоровья и «терапевтический дискурс» на работе. Если для «иксов» и старших миллениалов стрессоустойчивость была ключевой компетенцией, то для поколения Z она трансформировалась в «токсичность». Зумеры первыми массово внедрили в корпоративный лексикон понятия «выгорание», «личные границы», «абьюзивный менеджмент», «ресурсное состояние».

Ожидания от работодателя включают не только финансовую компенсацию, но и «экологичность» среды. 64% респондентов заявили, что готовы отказаться от предложения с более высокой зарплатой, если на этапе собеседования почувствуют токсичную атмосферу или давление со стороны руководителя. Работа больше не является сферой для самопожертвования; она должна интегрироваться в жизнь, не разрушая психику.

3. Инструментализация труда и «портфельная карьера». Парадоксальным образом, на фоне запроса на «смыслы» (который был пиком для миллениалов), поколение Z демонстрирует высокий уровень инструментализации труда. Из-за экономической нестабильности и кризиса рынка недвижимости (невозможность купить жилье в молодом возрасте), зумеры ориентированы на быструю монетизацию навыков. Отсюда популярность «портфельной карьеры» и множественной занятости. Около 45% работающих зумеров имеют подработку, фриланс-проекты или собственный микро-бизнес. Карьерные ожидания смещаются от вертикального роста (должность) к горизонтальному (накопление разнообразных навыков и создание сети контактов).

4. Страх перед ИИ и стратегия «непрерывного обучения». Поколение Z – первое, которое выходит на рынок труда в эпоху зрелого генеративного ИИ. Это сформировало уникальный страх: не просто безработицы, а профессиональной обесцененности. Респонденты боятся стать «операторами нейросетей», чьи навыки устаревают за полгода. В ответ на это карьерные ожидания фокусируются на soft skills и мета-навыках: критическом мышлении, эмпатии, креативности, умении ставить задачи ИИ (промпт-инжиниринг). 82% респондентов считают, что непрерывное обучение – это не преимущество, а базовое условие выживания. При этом они скептически относятся к формальному высшему образованию, отдавая предпочтение микро-кредитам, онлайн-курсам и менторству.

5. Запрос на прозрачность и этику (ESG-повестка). Зумеры требуют от работодателей прозрачности не только в финансовых вопросах, но и в ценностных. Они внимательно изучают цифровое прошлое компаний. Участие в экологических и социальных проектах, инклюзивность, позиция по острым социальным проблемам становятся факторами привлечения талантов. Если компания замечена в «гринвошинге» или неэтичном поведении, зумеры готовы публично это осудить в профессиональных сообществах или социальных сетях, что делает репутационные риски для бизнеса критическими.

В публичном поле и среди представителей старших поколений (беби-бумеров и поколения X) поведение зумеров на рынке труда часто маркируется как «инфантильное», «ленивое» или «изнеженное». Критики указывают на их нежелание «платить цену» за успех, работать сверхурочно и подчиняться жесткой иерархии. Однако социологический анализ показывает, что мы имеем дело не с моральным регрессом, а с новой адаптационной рациональностью. Поколение Z сформировалось в мире, где старые социальные лифты сломаны. Обещание «усердно работай – и купишь квартиру» не работает. В этих условиях отказ от сверхурочной работы – это не лень, а рациональный протест против эксплуатации в условиях, когда работодатель не предлагает долгосрочных гарантий в ответ.

Кроме того, фокус на ментальном здоровье – это реакция на гиперконкурентность и цифровую перегрузку. Зумеры, чье детство прошло в среде социальных сетей, первыми столкнулись с эпидемией тревожных расстройств. Их запрос на «психологическую безопасность» на работе – это попытка выстроить защитные барьеры в мире, который воспринимается как враждебный и непредсказуемый (VUCA/BANI мир).

Таким образом, профессиональные ориентации поколения Z представляют собой защитный механизм. Они создают «карманы автономии» внутри прекариата, опираясь на гибкость, сетевое взаимодействие и постоянную пересборку собственной идентичности.

Для верификации общероссийских трендов и выявления региональной специфики нами был проведен социологический опрос студентов Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий (СФ УУНиТ). Выборка составила 459 человек (возраст 18–23 года, 2–4 курсы бакалавриата и 1–2 курсы магистратуры). Стерлитамак, являясь крупным промышленным центром Республики Башкортостан, но, не входя в число «городов-миллионников», представляет собой классическую модель регионального рынка труда с доминированием крупных промышленных холдингов.

Сопоставление данных мониторинга «Трудовые траектории 2025» (N=1600, фокус на города-миллионники) и исследования УУНиТ (N=459) выявило как высокую степень конвергенции базовых ценностей поколения Z, так и существенную дивергенцию в стратегиях их адаптации к локальным рынкам труда.

1. Универсальные черты «цифровых аборигенов». Независимо от географии, студенты СФ УУНиТ демонстрируют те же базовые сдвиги в сознании, что и их сверстники из Москвы или Казани.

Технологическая тревожность и ИИ. Если в целом по России 82% зумеров боятся обесцененности навыков из-за ИИ, то в выборке СФ УУНиТ этот показатель еще выше – 88%. Однако специфика профиля вуза трансформирует этот страх. Если в креативных индустриях мегаполисов ИИ воспринимается как угроза (замена копирайтеров, дизайнеров), то стерлитамакские студенты видят в нем инструмент. 64% респондентов считают, что ИИ не заменит их как специалиста, но « специалист с навыками работы в нейросетях может заменить всех».

Отказ от «культуры переработок». Запрос на work-life balance универсален. 71% студентов СФ УУНиТ (против 78% в среднем по РФ) категорически не готовы работать в режиме «офисного рабства» и сверхурочно, даже на стартовых позициях. Однако формулировка «токсичный менеджмент» в региональной выборке заменяется на более прагматичное «неэффективная организация труда» и «отсутствие прозрачной системы премирования».

2. Точки дивергенции. Влияние локального рынка труда и «эффект периферии». Именно здесь выявляются наиболее интересные социологические различия. Студенты СФ УУНиТ, находясь в орбите влияния крупных промышленных предприятий региона (химия, содовая промышленность, машиностроение), формируют карьерные ожидания, отличные от зумеров из мегаполисов.

А. Лояльность vs. Прагматизм. Поиск «Тихой гавани». В общероссийском исследовании 78% зумеров отвергают корпоративную лояльность, выбирая стратегию job-hopping (частой смены работы). В выборке СФ УУНиТ этот показатель составляет 46%. Почему*?* Локальный рынок труда Стерлитамака олигополистичен. Крупных, высокотехнологичных работодателей с достойными зарплатами мало. Студенты понимают, что «прыгать» между компаниями в рамках одного города некуда. Поэтому 54% студентов СФ УУНиТ демонстрируют запрос на новую рациональную лояльность: они готовы работать на одном предприятии 5–10 лет, но при условии предоставления четкого социального пакета (ДМС для семьи, ипотека с субсидированием от предприятия, программы целевого обучения). Лояльность покупается не за «корпоративную культуру с пиццей по пятницам» (как в мегаполисах), а за «социальную гарантию и стабильность».

Б. Портфельная карьера vs. Линейный рост. Если в целом по РФ 45% зумеров имеют «side hustle» (подработку на фрилансе, свой микро-бизнес), то в Стерлитамаке этот показатель составляет всего 18%. Почему? В регионах с менее развитой экосистемой для стартапов и фриланса «портфельная карьера» принимает иные формы. Вместо создания собственного IT-старта или ведения блога, студенты чаще выбирают параллельную занятость по специальности. Около 35% опрошенных студентов 3–4 курсов уже работают на профильных предприятиях города в качестве стажеров или помощников специалистов, совмещая это с учебой. Их карьерное ожидание – не «горизонтальное накопление навыков из разных сфер», а «вертикальное встраивание в конкретную отрасль» с самого начала обучения.

В. Мотиваторы: ESG и смыслы vs. Зарплата и Соцпакет. В мегаполисах для поколения Z на первый план выходят этика, ESG-повестка и миссия компании (64% готовы уйти из-за токсичности). В выборке СФ УУНиТ иерархия мотиваторов выглядит иначе:

1. достойная и белая зарплата (89%);
2. социальный пакет и льготы (76% – жилье, медицина, санатории);
3. возможность профессионального роста и обучения за счет компании (68%);
4. комфортный коллектив и адекватное руководство (55%);
5. миссия компании и экологичность (22%).

Запрос на «смыслы» и «этику» в региональном контексте трансформируется в запрос на «уважение и достоинство». Студенты регионального вуза меньше озабочены глобальным «гринвошингом» корпораций, но крайне чувствительны к патернализму, менторскому тону («мы тут так всегда делали») и устареванию материально-технической базы на предприятиях.

3. Типология карьерных ожиданий на основе корреляции данных. На основе сопоставления двух массивов данных можно выделить два доминирующих типа профессиональных ориентаций внутри поколения Z, которые по-разному распределены географически:

Таблица. Типология карьерных ожиданий

Характеристика	Тип 1 «Глобальные прагматики» (Доминирует в мегаполисах, данные мониторинга РФ)	Тип 2 «Региональные стабилизаторы» (Доминирует в пром. центрах, данные СФ УУНиТ)
Отношение к работодателю	Партнер, временный контракт. Высокая текучесть.	Инвестиция в стабильность. Готовность к долгосрочному контракту при наличии соц. пакета.
Формат занятости	Фриланс, гиг-экономика, множественная занятость (портфель).	Штатная должность на крупном предприятии, совмещенная с учебой.
Ключевой страх	Потеря актуальности навыков, ИИ, выгорание.	Застревание на низкой зарплате, отсутствие жилья, устаревание технологий на предприятии.
Требования к среде	Психологический комфорт, гибкость, удаленка, этика.	Современное оборудование, прозрачное КРП (KPI), жилье/ипотека от предприятия.
Отношение к вузу	Скептическое. Диплом как формальность, навыки – на курсах.	Инструментальное. Вуз как «лифт» для трудоустройства в конкретный региональный холдинг.

Сопоставление данных всероссийского мониторинга и исследования в Стерлитамакском филиале УУНиТ доказывает, что поколение Z не является монолитной культурной общностью. Базовые ценностные сдвиги (цифровизация, запрос на баланс работы и жизни, отказ от слепого подчинения иерархии) носят общенациональный характер. Однако стратегии адаптации к рынку труда жестко детерминированы локальным экономическим контекстом.

Если зумеры из городов-миллионников реагируют на прекариат через фрагментацию труда (фриланс, частая смена работ), то зумеры в промышленных региональных центрах (каким является Стерлитамак) реагируют через консолидацию и поиск новых форм патернализма. Они готовы к лояльности, но требуют от работодателя (в лице крупных промышленных компаний) не «корпоративной культуры», а реальных социальных лифтов и инфраструктурной поддержки (жилье, обучение).

Практические рекомендации для региональных работодателей:

1. Интеграция обучения и производства. Студентам УУНиТ не нужны «развлекательные» корпоративы. Им нужны дуальные образовательные программы, где практика на современном оборудовании начинается со 2-го курса.

2. Адаптация HR-бренда. В регионе не работают месседжи про «креативность и свободу». Работают месседжи про «технологическое лидерство, достойный доход и уверенность в завтрашнем дне».

3. Работа с ИИ. В вузе необходимо внедрять курсы по интеграции нейросетей, чтобы снять тревожность студентов и превратить их страх в конкурентное преимущество на локальном рынке труда.

Таким образом, поколение Z радикально трансформирует ландшафт рынка труда. Их профессиональные ориентации представляют собой сложный синтез прагматизма, требовательности к условиям среды и постоянного поиска смыслов, не связанных с корпоративной идеологией. Карьерные ожидания зумеров больше не привязаны к иерархическим лестницам; они строят «карьеры-конструкторы», где ценность представляет сам набор навыков и способность к быстрой адаптации.

Для работодателей и государственных институтов это означает необходимость полного пересмотра систем мотивации и удержания персонала. Концепция «корпоративной семьи» окончательно умерла; на смену ей должна прийти концепция «взаимовыгодного альянса», где уважение к личным границам, прозрачность, этичность и поддержка ментального здоровья являются такими же базовыми условиями контракта, как и своевременная выплата зарплаты.

Литература

1. Мангейм К. Проблема поколений // Социологические исследования. – 1998. – № 3. – С. 14–21.

2. Hall D.T. Careers in Organizations. – Glenview, IL: Scott, Foresman, 1976. – 236 p.

3. Arthur M.B. The boundaryless career: A new perspective for organizational inquiry // Journal of Organizational Behavior. – 1994. – Vol. 15, № 4. – P. 295–306.

4. Hall D.T. The Protean Career: A Quarter-Century Journey // Journal of Vocational Behavior. – 2004. – Vol. 65, № 1. – P. 1–13.

5. Экспертно-аналитический доклад «Трудоустройство молодежи в современной России: возможности, проблемы, решения»// https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/doklad_trudoustroistvo_molodezhi.pdf / дата обращения 16.08.2026 г.

6. Колесникова Е. «Как зумеры трансформируют рынок труда» https://www.rbc.ru/education/26/11/2025/691c8f8c9a7947f59f5c9573?ysclid=mu2y3je458365673141/ дата обращения 16.08.2026 г.

7. Поколение зумеров на рынке труда: как с ними работать// https://sber.pro/publication/pokolenie-zumerov-na-rinke-truda-kak-s-nimi-rabotat/?ysclid=mu2y6d62rb593500426 / дата обращения 16.08.2026 г.

8. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. – 328 с.

9. Полиенко А. А., Ваторопин А.С. Причины и тенденции прекаризации труда среди представителей поколения Z: эмпирический анализ // Социологические науки. – 2024. – № 4. – С. 54–68.

10. Долгова А. Ю. «Тихое увольнение» (quiet quitting) как феномен трудового поведения поколения Z: социологический анализ // Вестник Института социологии. – 2024. – Т. 15, № 2. – С. 78–95.

TRANSFORMATION OF PROFESSIONAL ORIENTATIONS AND CAREER EXPECTATIONS OF GENERATION Z IN THE DIGITAL AND POST-PANDEMIC REALITY

Yagudina A.R., Antonova N.A., Oparina T.A., Golubyatnikova A.Yu.
Sterlitamak branch of the Ufa University of Science and Technology, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article examines the process of forming professional orientations and career expectations among Generation Z (born between 1997 and 2012) at the current stage of labour market development. Representatives of this cohort are becoming key actors in the economy, yet their employment strategies and attitudes towards work differ radically from those of previous generations (millennials and Gen X). Based on an analysis of sociological monitoring data and a series of in-depth interviews, the main determinants of Z-generation workers' behaviour are identified. It has been established that Generation Z is characterized by a shift from a linear corporate career to "portfolio" employment, a pragmatic attitude towards loyalty to the employer, and an unprecedented demand for psychological comfort and an ethical work environment. Special attention is paid to the impact of generative artificial intelligence on the fear of professional devaluation and adaptation strategies. The article proves that the stereotypes about the "laziness" and "infantilism" of Generation Z are a consequence of their rational adaptation to the conditions of the precariat and the experience economy. Recommendations are formulated for HR practitioners and educational institutions.

Keywords: Generation Z, labor market, professional orientations, career expectations, precariat, digitalization, artificial intelligence, mental health, labor sociology, generational theory.

References

1. Mannheim K. The Problem of Generations // Sociological Studies. – 1998. – No. 3. – P. 14–21.

2. Hall D.T. Careers in Organizations. – Glenview, IL: Scott, Foresman, 1976. – 236 p.

3. Arthur M.B. The boundaryless career: A new perspective for organizational inquiry // Journal of Organizational Behavior. – 1994. – Vol. 15, No. 4. – P. 295–306.

4. Hall D.T. The Protean Career: A Quarter-Century Journey // Journal of Vocational Behavior. – 2004. – Vol. 65, No. 1. – P. 1–13.

5. Expert-analytical report "Youth Employment in Modern Russia: Opportunities, Problems, Solutions" // https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/doklad_trudoustroistvo_molodezhi.pdf / accessed August 16, 2026.

6. Kolesnikova E. "How Gen Z Is Transforming the Labor Market" https://www.rbc.ru/education/26/11/2025/691c8f8c9a7947f59f5c9573?ysclid=mu2y3je458365673141/ accessed August 16, 2026. 7. Generation Z in the labor market: how to work with them // https://sber.pro/publication/pokolenie-zumerov-na-rinke-truda-kak-s-nimi-rabotat/?ysclid=mu2y6d62rb593500426 / accessed August 16, 2026.

8. Standing G. The Precariat: The New Dangerous Class. – Moscow: Ad Marginem Press, 2014. – 328 p.

9. Polienko A.A., Vatoropin A.S. Causes and trends of labor precarization among Generation Z: an empirical analysis // Sociological Sciences. – 2024. – No. 4. – P. 54–68.

10. Dolgova A. Yu. "Quiet quitting" as a phenomenon of Generation Z work behavior: a sociological analysis // Bulletin of the Institute of Sociology. – 2024. – Vol. 15, No. 2. – P. 78–95.

Цифровая инфосфера и экология безопасности в обществе риска

Янбаев Сергей Владимирович,
аспирант, БГТУ «Военмех» им Д.Ф. Устинова
E-mail: info_afonya@list.ru

Статья посвящена исследованию цифровой инфосферы с позиции социально-политической философии через призму концепции общества риска Ульриха Бека. На основе анализа «эффекта бумеранга», индивидуализации ответственности раскрывается неоднозначность цифрового пространства. Особое внимание уделяется массовой доступности генеративного искусственного интеллекта, редуцирующей творческую автономию. Автор проводит концептуализацию организованной безответственности платформ и пользователей. Наконец, обосновывается концепция «экологии безопасности» как конструкта, защищающего ценность социального бытия.

Ключевые слова: риск, общество риска, цифровая сфера, экология безопасности, искусственный интеллект.

В период 2020-х гг. одной из наиболее выраженных групп рисков стали системные угрозы, порождённые ускорившейся цифровизацией и внедрением генеративных структур искусственного интеллекта (ИИ). По данным исследований середины текущего десятилетия, бесконтрольное распространение дипфейков, синтетических симулякров и контента, создаваемого автомными алгоритмами, признаётся экспертным сообществом фактически ключевой угрозой для социальной и политической стабильности [7].

Стремительная глобализация информационных потоков даёт возможность ложным нарративам дестабилизировать общественный консенсус за считанные дни или в отдельных случаях за считанные часы [4]. Степень деструктивного воздействия превышает возможности адаптации нормативных и правовых механизмов регуляции. Общество находится в ситуации темпорального разрыва: технологии развиваются быстрее, чем культура и социальные институты успевают приспособиться к новым условиям и угрозам.

Однако сведение проблемы к набору прикладных программных уязвимостей оставляет исследование в неявных границах технократии. Феномен кибернетической незащищённости на современном этапе представляет из себя фундаментальное проявление теории «общества риска», описанного У. Беком [1]. В эпоху метамодерна цифровая среда стала такой же всеобъемлющей и опасной сферой, какой в классическом индустриальном обществе выступала природная экологическая среда.

Киберриск буквально стал идеальным примером антропогенного риска: он целиком порождён человеческой деятельностью, научно-техническим прогрессом и глобализацией [4]. Любая инновация – от распределённых облачных вычислений до платформенных экосистем – неизбежно несёт в себе скрытый потенциал и бесконечно огромное число вариантов для системного сбоя, изначально заложенный в сам смысл прогресса.

Для социально-философского осмысления проблемы следует отойти от утилитарной парадигмы, сводящей цифровые сети к внешним средствам передачи сообщений. Физический мир отныне не является единственным реальным пространством социального взаимодействия. Как описывают Л.А. Василенко и Н.Н. Мещерякова, современный социум приобрёл важные черты гибридности, в которой стираются однозначные демаркационные линии между природным, социальным и технологическим [3].

В гибридной реальности субъектность перестаёт быть исключительной особенностью человека. Алгоритмы поисков, нейросетевые программы и рекомендательные сервисы выступают полноценными участниками интерактивных событий: они структурируют новостные потоки, ранжируют социальную значимость событий и способны определить необходимые управленческие решения [5]. Инфосфера трансформируется в жизненный мир, вне погружения в который социализация и воспроизводство культуры меркнут и теряют очертания.

Такой эволюционный скачок обозначает прямой переход к совершенно новой фазе обществ. В исследовании М.В. Жуковой и Д.В. Крюкова объясняется, что цифровое общество представляет собой не количественную вариацию информационного общества, а качественно новую стадию его исторического развития. На предшествующем этапе ключевым процессом выступали накопление и трансляция знаний, а теперь наступившая цифровая стадия характеризуется господством сквозных платформенных экосистем, напрямую задающих архитектуру социального поведения [5].

Суть специфики этой стадии заключается в переизбытке искусственно сформированных смыслов и нарративов. Как упомянуто выше и как замечает М.Б. Напсо, рискогенность информационного пространства заложена в самой природе современных технологий, продуцирующих отчуждение личности, манипуляцию общественным сознанием и кризис базовых ценностно-смысловых ориентиров [6]. Человек оказывается внутри системы, механизмы и алгоритмы которой изначально создавались ради коммерциализации и притяжения внимания, а не для поддержания взаимоотношений и связей.

Рассматривая методологию теории общества риска, можно детально изучить сущностные свойства современных угроз, исходящих от цифровой среды. В условиях цифрового пространства новые риски принимают трансграничный характер: национальные границы и суверинитет

теряют свою функцию барьеров. Вредоносная программа, когнитивная интервенция и скоординированная атака распространяются мгновенно при отсутствии должной системы безопасности, игнорируют любые территориальные границы. В этом контексте оказывает воздействие сформулированный Беком «эффект бумеранга»: государства и корпорации, вкладывающие колоссальные ресурсы систем контроля, цензуры и манипуляций, неизбежно сталкиваются с тем, что эти же инструменты обращаются против их собственных структур и граждан [1]. Попытки организации суверенной безопасности исключительно засчёт наращивания контроля и сдерживания общества не укрепляют систему, а только лишь многократно уязвляют национальный, либо даже глобальный социум.

Если сравнивать киберриски с угрозами из других категорий, то наиболее явное сходство они имеют с экологическими: подобно радиационному заражению или токсичным отходам, угрозы цифрого пространства редко улавливаются человеком до наступления опасной ситуации. Так наступает тотальная зависимость общества от мнения экспертов из определённых областей. Однако, как констатирует Гидденс, в условиях высокой современности само институциональное знание охвачено перманентным сомнением [4]. Специалисты по информационной безопасности и разработчики архитектуры ИИ, в свою очередь, сами признают, что не способны постичь пределов возможностей самообучающихся моделей и точных способов нейтрализации их потенциально опасных действий. В итоге общество погружается в «режим ожидания» неминуемой катастрофы или пассивно игнорирует тревожные моменты, сигнализирующие о приближающейся угрозе, в надежде на то, что существующий уклад быта сохранится, а проблемы разрешатся самостоятельно с течением времени.

В индустриальном обществе риск оставался социально приемлемым, поскольку поддавался расчётам и прогнозам. Глобальные цифровые инциденты принципиально некалькулируемы. Когда масштаб потенциального ущерба от массового сбоя инфраструктурных сетей превышает любые возможные ресурсы институтов, классическая страховая модель не выдерживает напора. Таким образом, общество остаётся уязвимым, без возможности компенсировать нанесённый ущерб.

Совершенно этапом развития современного общества становится массовая доступность генеративного искусственного интеллекта. В рамках просвещённой парадигмы и технологий всегда мыслилась как безусловный фактор, расширяющий горизонты возможностей человека [2]. Однако как показали отдельные тенденции, в особенности на примере общества риска, максимизация и упрощение использования умных инструментов поиска и создания информации приводят совсем иному результату – разбросу и усложнению рисков.

Цифровая пространство общества характеризуется беспрепятственным проникновением во все прочие сферы деятельности человека [7]. Если говорить об ИИ, это означает, что люди напрямую зависят от использования структур, которые недавно применялись исключительно институциональными акторами (государство, спецслужбы, частные организации) и были их привелегией, а на данный перешли в свободное владение миллионов пользователей. Таким образом, возникает беспрецедентная ситуация: производство когнитивных угроз кратно увеличивается при полном одобрении устойчивых акторов [2].

Тем не менее, подлинная автомность пользователей является фиктивной. Массы получают доступ лишь к готовым потребительским интерфейсам, пока полный контроль над архитектурой, сбором данных и параметрами удерживается кругом технологических монополий. Это ведёт к социокультурном отчуждению: иллюзия свободы мысли и творчества маскирует зависимость сознания от одобренных машинных шаблонов [7].

На такой экзистенциальный обман прямо указывает Лев XIV в своей энциклике. Он предостерегает глобальное общество от заблуждения перед доступностью ИИ и подчёркивает: иллюзия того, что любой может стать творцом через нажатие клавиш, скрывает колоссальное личностное обнищание [8]. Массовость суррогатного творчества ИИ подменяет подлинный человеческий труд и личный внутренний поиск упрощённой работой алгоритмов. Автор эксплицирует этический риск превращения ИИ в инструмент глобального усыпления морали, когда простота получения ответов избавляет людей от рефлексии и критического мышления [8].

Провал системы и управления возлагается на индивида в форме индивидуализации рисков. Человек в таких условиях вынужден самостоятельно распознавать среди множества единиц ложной информации истину, испытывая на себе все риски и ощущение экзистенциального кризиса.

Гидденс отметил, что поддержание развития и стабильности современных институциональных структур всецело зависит от доверия к абстрактному – науке, экспертным мнениям, символическому регулированию. Без доверия социальное взаимодействие терпит крах [4].

В цифровой же сфере доверие к институтам утрачивается. Создатели контента попадают под подозрение: образы и смыслы могли быть созданы ИИ, а не руками человека. Это создаёт моральный цинизм: призная всё вокруг потенциально фальшивым, субъект отказывается от объективной истины, закрываясь в идеологических конструктах своей информационной эхо-камеры.

Исследования фиксируют ряд критических деформаций морали в подобных условиях:

1) Кризис интерсубъективности (Подлинная этичность проистекает со встречи с живым человеком. Цифровая среда создаёт образ другого индивида, редуцируя его до текстовой реплики или фото. Опосредованность устраняет непосредственный уровень сопричастности к общению, может способствовать снижению уровня эмпатии);

2) Отчуждение морального суждения (Передача права выбора рекомендательным технологиям постепенно атрофирует способности человека у обучению и усилиям для достижения цели. Субъект склонен заменять тягостный выбор алгоритмами, подрывая свою автономию);

3) Аксиологическая фрагментация общества (Общество теряет язык ценностей. Формируется множество локальных групп и обществ, чьи векторы и взгляды могу быть кардинально враждебными к прочим кластерам).

В энциклике Льва XIV подчёркивается, что вычисления и симуляция принциально не тождественны естественной морали. Машина лишена экзистенциального опыта: переживания собственной смертности, способности к раскаянию и любви. Использование доступного повсеместно ИИ превращает личность человека из ведущей цели в средство утилизации данных, то есть личность теряет субъектность и общественная жизнь превращается в полностью просчитанную, механическую операцию [8].

Кибернетическая незащищённость радикально меняет и политическое измерение общества. Традиционные государственные институты и бюрократия оказываются слишком неповоротливыми, чтобы оперативно реагировать на стремительные цифровые угрозы.

В результате реальные властные полномочия по управлению рисками перемещаются в сферу, которую У. Бек назвал «субполитикой» [1]. Внепарламентские и внегосударственные секторы – руководство глобальных технологических организаций, консорциумы разработчиков ИИ, исследовательские группы и центры, подразделения хакеров – становятся ключевыми политическими субъектами. Политика в такой ситуации утрачивает публичный характер, рассредотачиваясь по сети и протоколам информации. Привычная безопасность становится уделом бесконечного администрирования цифрового пространства.

Как общество может среагировать эскалацию киберрисков? Основной мерой в таком случае может рассматриваться технократический секьюритизм: госаппараты сосредотачивают своё внимание уязвимостях сетей, вводя доступ к Интернету по биометрическим данным с постоянным подтверждением личности или по крайней мере возраста, а также социальный скоринг и цензуру. Однако этот путь замыкает порочный круг современного общества риска: в попытках устранить цифровые риски методами полицейского контроля власть уничтожает свободу личности.

Социально-философская концепция экологии безопасности предлагает иной ход предотвращения рискогенности цифрового пространства (табл. 1).

Таблица 1. Сравнение концепций безопасности цифровой сферы

Параметры анализа	Технократический секьюритизм	Экология безопасности
Предмет защиты	Каналы связи, серверы	Моральная автономия, публичность
Природа угроз	Внешние атаки, вирусный сбой	Побочный эффект технической логики
Инструменты	Запреты, надзор, цензура	Алгорэтика и технический аудит
Статус личности	Источник ошибки	Высшая ценность, субъект
Конечная цель	Отказоустойчивость систем, управляемость	Воспроизводство солидарности

Термин «экология» здесь обосновывается методологией: подобно отравлению биосферы в индустриальную эпоху, в современном мире отравляется ментальная составляющая общества, напитываемая фальсификациями и симулякрами, поляризующими мнения и взгляды [7].

Экология безопасности базируется на принципах, связывающих институциональную ответственность, публичность действий и гражданское участие. В первую очередь, она требует преодоления организованной безответственности благодаря соблюдению строгих этических принципов, при которых автономность гибридных сред ограничена институциональными рамками. Создатели ИИ несут ответственность за социальные и политические последствия, к которым привели или могут привести операции с их алгоритмами [3].

Отдельным пунктом выступает эпистемическая прозрачность, требущая проверку подлинности коммуникаций через обязательную системную маркировку ИИ. Обществу необходим независимый контроль над информационными потоками для исключения искусственного нагнетания конфликтов.

Наконец, важнейшей частью становится демократизация субполитики, благодаря которой управление рисками перестаёт быть закрытым делом советов директоров корпораций, ведь сама суть рассматриваемой концепции экологии безопасности формируется через непосредственную гражданскую вовлечённость, группы профессионалов и открытый диалог.

Литература

1. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну/Пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой; Послесл. А. Филиппова. – М: Прогресс-Традиция, 2000. – 384 с.
2. Володенков, С.В. Риски применения алгоритмов искусственного интеллекта в социально-политической сфере: обзор современных научных работ / С.В. Володенков, С.Н. Федорченко // Дискурс-Пи. – 2024. – Т. 21, № 2. – С. 24–48
3. Василенко, Л. А., Мещерякова, Н.Н. Гибридность цифрового общества: инновационная реальность или утопия? // Философия науки и техники. – 2023. – Т. 28, № 1. – С. 132–146.
4. Гидденс, Э. Последствия современности / Э. Гидденс; пер. с англ. Г.К. Ольховикова, Д.А. Кибальчича. – М.: Праксис, 2011. – 352 с.
5. Жукова, М. В., Крюков, Д.В. Современный тренд развития экономики и общества: цифровое общество как особая стадия информационного общества // Society and Security Insights. – 2022. – Т. 5, № 2. – С. 109–120.
6. Напсо, М.Б. Информационное общество: реалии и риски // Власть истории – История власти. – 2022. – Т. 8, № 6 (40). – С. 696–704.
7. European Business Magazine, 2025. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://europeanbusinessmagazine.com/business/ai-and-automation-shaping-the-future-of-european-business-in-2025/ (дата обращения 09.09.26)
8. Leo Pp. XIV. Encyclical Letter Magnifica Humanitas on Safeguarding the Human Person in the Time of Artificial Intelligence (May 25, 2026). – Typis Polyglottis Vaticanis, 2026. [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.vatican.va/content/leoxiv/en/encyclicals/documents/20260515-magnifica-humanitas.html (дата обращения 09.09.26)

THE DIGITAL INFOSPHERE AND THE ECOLOGY OF SECURITY IN A RISK SOCIETY

Yanbaev S.V.
D.F. Ustinov Baltic State Technical University «Voenmeh»

This article is devoted to the topic of the digital infosphere from the perspective of socio-political philosophy, viewed through the lens of Ulrich Beck's concept of the «risk society» ну analyzing the «boomerang effect» and the individualization of responsibility, the author reveals the ambiguous nature of the digital space. Particular attention is paid to the widespread availability of generative artificial intelligence, which diminishes creative autonomy. The author conceptualizes the «organized irresponsibility» of platforms and users. Finally, the article substantiates the concept of a «safety ecology» as a construct designed to safeguard the value of social existence.

Keywords: risk, risk society, digital sphere, safety ecology, artificial intelligence.

References

1. Beck, U. Risk Society: Towards a New Modernity/ Trans. from German by V. Sedelnik and N. Fedorova; Afterword by A. Filippov. – Moscow: Progress-Traditsiya, 2000. – 384 p.
2. Volodenkov, S. V., Fedorchenko, S.N. Risks of using artificial intelligence algorithms in the socio-political sphere: a review of contemporary research // Discourse- P. – 2024. – Vol. 21, No. 2. – P. 24–48.
3. Vasilenko, L. A., Meshcheryakova, N.N. Hybridity of digital society: innovative reality or utopia? // Philosophy of Science and Technology. – 2023. – Vol. 28, No. 1. – P. 132–146.
4. Giddens, A. The Consequences of Modernity / A. Giddens; trans. from English by G.K. Olkhovikov and D.A. Kibalchich. – Moscow: Praxis, 2011. – 352 p.
5. Zhukova, M. V., Kryukov, D. V. A modern trend in the development of economy and society: digital society as a specific stage of the information society //Society and Security Insights. – 2022. – Vol. 5, No. 2. – P. 109–120.
6. Napso, M.B. Information society: realities and risks // Power of History – History of Power. – 2022. – Vol. 8, No. 6 (40). – P. 696–704. 7. European Business Magazine, 2025. [Electronic resource] – Access mode: https://europeanbusinessmagazine.com/business/ai-and-automation-shaping-the-future-of-european-business-in-2025/ (access date: 09.09.26)
8. Leo Pp. XIV. Encyclical Letter Magnifica Humanitas on Safeguarding the Human Person in the Time of Artificial Intelligence (May 25, 2026). – Typis Polyglottis Vaticanis, 2026. [Electronic resource] – Access mode: https://www.vatican.va/content/leoxiv/en/encyclicals/documents/20260515-magnifica-humanitas.html (access date: 09.09.26)

Организационный фаворитизм и организационная справедливость: роль эмоционального интеллекта и гендера

Абдул Рашид Хани,
аспирант, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород
E-mail: hanibaloch443@gmail.com

Леонова Ирина Сергеевна,
профессор, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород
E-mail: irina.leonova@unn.ru

Цель. Высшие учебные заведения рассматриваются как сложные социальные организации, где формальные правила управления сочетаются с неформальными отношениями, а восприятие фаворитизма выступает индикатором институциональной справедливости и легитимности управленческих решений. Задачи. Изучить, каким образом индивидуальный эмоциональный интеллект связан с восприятием преференциального отношения в университетских организациях Пакистана, и проверить, различается ли эта связь в зависимости от гендера. Гипотеза. Предполагается, что эмоциональный интеллект отрицательно связан с воспринимаемым фаворитизмом, а гендер модерирует эту связь. Методы. Использован количественный поперечный дизайн; выборка – 100 преподавателей университетов Белуджистана (50 мужчин и 50 женщин); применялись WLEIS, шкала воспринимаемого фаворитизма, описательная статистика, корреляция Пирсона, t-критерий, множественная регрессия и анализ модерации. Результаты. Среднее значение эмоционального интеллекта – 3,45 (SD = 0,66), воспринимаемого фаворитизма – 2,56 (SD = 0,59); выявлена сильная отрицательная корреляция (r = –0,868). Эмоциональный интеллект оказался значимым отрицательным предиктором воспринимаемого фаворитизма (β = –0,780; p < 0,001), модель объяснила 77,3% дисперсии (R^2 = 0,773), а взаимодействие с гендером было незначимым (β = 0,029; p = 0,7239). Выводы. Эмоциональные компетенции связаны с различиями в восприятии организационного фаворитизма, но не устраняют объективные неравенства и фаворитистские практики; эмоциональный интеллект интерпретируется как индивидуальный ресурс интерпретации в институциональном контексте.

Ключевые слова: эмоциональный интеллект; организационная справедливость; воспринимаемый фаворитизм; высшее образование; преподаватели университетов; гендер; Белуджистан; Пакистан.

Введение

Высшие учебные заведения представляют собой сложные организационные среды, в которых профессиональные отношения, структуры власти, распределение ресурсов, продвижение по службе, признание, распределение рабочей нагрузки и процессы принятия решений постоянно формируют у сотрудников представление о справедливости. Преподаватели университетов одновременно выступают в роли педагогов, исследователей, руководителей, коллег и членов организации. Поэтому их опыт взаимодействия с институциональными процедурами выходит за рамки аудиторных занятий и охватывает более широкие вопросы, касающиеся доступа к возможностям, профессионального признания, административной поддержки и межличностного отношения.

Исследования в области организационной справедливости показали, что сотрудники оценивают организационную справедливость через несколько взаимосвязанных аспектов, включая распределительную, процедурную, межличностную и интерактивную справедливость [1,2]. Эти оценки важны, поскольку сотрудники реагируют не только на объективные результаты организационных решений. Они также оценивают, как принимаются решения, применяются ли процедуры последовательно и относятся ли организационные власти к людям с достоинством и уважением. Следовательно, восприятие неравного или преференциального обращения может стать важным компонентом интерпретации сотрудниками организационной жизни.

Одним из особенно важных проявлений воспринимаемой организационной несправедливости является фаворитизм. Фаворитизм относится к ситуациям, когда определенные лица, как считается, получают преференции, ресурсы, признание, возможности или институциональную поддержку на основе личных отношений или неформальных связей, а не на основе прозрачных и последовательно применяемых организационных критериев. Хотя фаворитизм может включать объективно наблюдаемые организационные практики, восприятие фаворитизма сотрудниками также формируется их интерпретацией организационных событий. Это различие важно, поскольку восприятие несправедливого обращения может влиять на отношение к работе, даже когда объективную степень фаворитизма трудно установить.

Недавние организационные исследования продолжают демонстрировать взаимосвязь между фаворитизмом, организационной несправедливостью и негативными последствиями на рабочем месте. Демонстрировали актуальность неэтичного фаворитизма для организационной несправедливости и процессов сокрытия знаний. Их выводы подтверждают аргумент о том, что фаворитизм следует рассматривать не просто как межличностную проблему, а как организационное явление, имеющее последствия для восприятия справедливости и функционирования организации [3].

В то же время сотрудники не обязательно интерпретируют одни и те же организационные обстоятельства одинаково. Индивидуальные психологические характеристики могут влиять на то, как организационный опыт обрабатывается, эмоционально регулируется и интерпретируется. В этом отношении особенно актуален эмоциональный интеллект. Первоначально концептуализированный как восприятие, понимание, использование и регулирование эмоциональной информации, эмоциональный интеллект стал влиятельным конструктом в исследованиях организационного поведения [4,5].

Организационная значимость ЭИ получила существенную эмпирическую поддержку [6]. включающем 150 независимых выборок и 50 894 участника, сообщили о значительных связях между ЭИ и несколькими результатами, связанными с карьерой, включая удовлетворенность карьерой, приверженность карьере, адаптивность к карьере и намерения уволиться. Такие данные свидетельствуют о том, что ЭИ не следует рассматривать исключительно как индивидуальную психологическую характеристику. Скорее, его можно рассматривать как организационно значимый личностный ресурс, который может влиять на то, как люди реагируют на требования рабочего места.

Измерение эмоционального интеллекта также имеет отношение к настоящему исследованию. Шкала эмоционального интеллекта Вонга и Лоу (WLEIS) – это широко используемый инструмент самооценки, состоящий из 16 пунктов и включающий четыре измерения: самооценка

эмоций, оценка эмоций других людей, использование эмоций и регуляция эмоций [7]. Последующие исследования предоставили доказательства, подтверждающие ее надежность и многомерную структуру в различных культурных и профессиональных условиях.

Взаимосвязь между эмоциональным интеллектом и организационной справедливостью обеспечивает важный теоретический мост для настоящего исследования. Сотрудники, обладающие более сильными способностями к оценке и регуляции эмоций, могут обрабатывать межличностные события иначе, чем сотрудники с более низким уровнем эмоциональной компетентности. Они могут лучше различать эмоциональные реакции, межличностные конфликты и организационно значимые свидетельства несправедливого обращения. Это не обязательно означает, что эмоционально интеллектуальные сотрудники объективно воспринимают более справедливые организации. Вместо этого, эмоциональный интеллект может влиять на перцептивные и эмоциональные процессы, посредством которых организационная справедливость

Взаимосвязь между эмоциональным интеллектом и воспринимаемым фаворитизмом остается сравнительно малоизученной. Существующие исследования дают основания ожидать отрицательной связи.

Во-первых, эмоционально интеллектуальные сотрудники могут обладать более развитыми навыками межличностной интерпретации. Они могут оценивать организационные взаимодействия с большим эмоциональным контролем.

Во-вторых, эмоциональная регуляция может уменьшить склонность интерпретировать каждый негативный организационный результат как свидетельство личной дискриминации или фаворитизма.

В-третьих, эмоционально интеллектуальные сотрудники могут развивать более эффективные межличностные отношения и коммуникационные сети, потенциально уменьшая конфликты и неопределенность, связанные с организационными решениями.

Однако необходимо также признать альтернативную интерпретацию. Высокий уровень эмоционального интеллекта не обязательно делает сотрудников менее чувствительными к организационной несправедливости. Эмоционально компетентные сотрудники могут в некоторых обстоятельствах лучше распознавать тонкие формы преференциального отношения. Поэтому направление взаимосвязи является скорее эмпирическим вопросом, чем теоретической уверенностью.

Настоящее исследование проверяет, связана ли более высокая эмоциональная интеллектуальность с более низким уровнем воспринимаемого фаворитизма.

Гендерный аспект часто включается в исследования эмоционального интеллекта. Традиционные представления иногда изображают женщин более эмоционально компетентными, чем мужчин, но современные исследования показывают, что такие представления требуют тщательной проверки.

Проанализировали 716 исследований и продемонстрировали, что гендерные различия варьируются в зависимости от эмоциональных способностей, подхода к измерению и контекстуальных факторов [8,9].

Следовательно, не следует предполагать, что гендер влияет на результаты деятельности организации только потому, что средние показатели эмоционального интеллекта могут различаться у мужчин и женщин.

Поэтому настоящее исследование непосредственно изучает гендерное влияние. Вопрос заключается не просто в том, имеют ли учителя-мужчины и учителя-женщины разные показатели эмоционального интеллекта, а в том, изменяет ли гендер силу связи между эмоциональным интеллектом и воспринимаемым фаворитизмом.

Основной теоретической основой данного исследования является теория организационной справедливости. Она предполагает, что сотрудники формируют оценки справедливости на основе результатов деятельности организации, процедур, межличностного взаимодействия и процессов принятия решений. Воспринимаемый фаворитизм представляет собой особенно актуальное проявление организационной несправедливости, поскольку он подразумевает неравное обращение на основе критериев, которые сотрудники воспринимают как неуместные или непрозрачные.

Настоящее исследование расширяет эту концепцию, включая эмоциональный интеллект как ресурс индивидуального уровня.

Предлагаемая взаимосвязь:

Эмоциональный интеллект → Воспринимаемый фаворитизм

Гендер вводится в качестве потенциального модератора:

Эмоциональный интеллект × Гендер → Воспринимаемый фаворитизм

Теоретическая логика заключается в том, что восприятие организационной справедливости возникает в результате взаимодействия организационных условий и индивидуальных интерпретационных процессов. Институциональные структуры обеспечивают контекст, в то время как индивидуальные возможности могут влиять на то, как эти структуры воспринимаются и интерпретируются.

Эта концепция также позволяет различать структурный фаворитизм и воспринимаемый фаворитизм. Ожидается, что эмоциональный интеллект не устранит структурный фаворитизм. Вместо этого он может влиять на то, как организационные события интерпретируются и эмоционально обрабатываются.

Исследование имеет три цели:

1. Изучить взаимосвязь между эмоциональным интеллектом и воспринимаемым фаворитизмом среди преподавателей университетов.

2. Определить, является ли эмоциональный интеллект значимым предиктором воспринимаемого фаворитизма.

3. Изучить, влияет ли гендер на взаимосвязь между эмоциональным интеллектом и воспринимаемым фаворитизмом.

Гипотеза H1: Эмоциональный интеллект имеет значимую отрицательную взаимосвязь с воспринимаемым фаворитизмом среди преподавателей университетов. Гипотеза H2: Гендер оказывает значимое влияние на взаимосвязь между эмоциональным интеллектом и воспринимаемым фаворитизмом.

Методология исследования

В исследовании использовался количественный, поперечный корреляционный дизайн. Этот дизайн был уместен, поскольку в исследовании изучались измеримые взаимосвязи между эмоциональным интеллектом, воспринимаемым фаворитизмом и полом.

Данные собирались в один момент времени с помощью структурированных анкет. Поскольку дизайн является поперечным, результаты регрессионного анализа интерпретируются как прогностические ассоциации, а не как определенные причинно-следственные связи.

Целевая популяция состояла из преподавателей университетов, работающих в высших учебных заведениях Белуджистана, Пакистан.

Из-за доступности, институциональных, административных и логистических ограничений использовалась неслучайная выборка по принципу удобства. Окончательная выборка состояла из 100 преподавателей университетов, в том числе: 50 преподавателей-мужчин, 50 преподавателей-женщин.

Сбалансированный гендерный состав позволил проводить гендерные сравнения и анализ модерации. Средний возраст респондентов составил 40,31 года (SD = 9,99), а средний стаж преподавания – 11,70 лет (SD = 7,57).

Сбор данных проводился с использованием структурированной анкеты, основанной на общепринятых инструментах измерения.

Эмоциональный интеллект измерялся с помощью шкалы эмоционального интеллекта Вонга и Лоу (WLEIS). Шкала WLEIS содержит 16 пунктов, представляющих четыре измерения: самооценка эмоций, оценка эмоций других людей, использование эмоций и регуляция эмоций.

Воспринимаемый фаворитизм измерялся с помощью пунктов, касающихся восприятия неравного или преференциального отношения внутри организации.

Все переменные исследования измерялись с использованием шкалы Лайкерта. В данном анализе более высокие баллы по эмоциональному интеллекту указывают на более высокую воспринимаемую эмоциональную компетентность, тогда как более высокие баллы по преференциальному отношению указывают на более сильное восприятие фаворитизма.

Внутренняя согласованность измерений оценивалась с помощью коэффициента альфа Кронбаха.

Результаты:

Коэффициент альфа Кронбаха

Эмоциональный интеллект 0,873

Воспринимаемый фаворитизм 0,847

Оба коэффициента превышают общепринятый порог 0,70, что указывает на удовлетворительную внутреннюю согласованность.

Использование общепринятых шкал, контекстная адаптация и экспертная оценка подтвердили содержательную валидность. Взаимосвязи между конструктами также соответствовали теоретически ожидаемой модели.

Анкеты были распространены среди преподавателей университетов через академические сети. Участники были проинформированы о цели исследования, и участие было добровольным. Ответы собирались анонимно, и личные идентификаторы не запрашивались.

Поскольку все переменные были собраны с помощью анкет самоотчета от одних и тех же респондентов, полностью исключить смеще-

ние, вызванное общим методом, невозможно. Для уменьшения смещения ответов были использованы процедурные меры предосторожности, включая анонимность и стандартизированные измерения.

Данные были проанализированы с помощью статистического программного обеспечения. Анализ включал: описательную статистику; корреляцию Пирсона; t-критерий для независимых выборок; множественная регрессия; анализ модерации; диагностика мультиколлинеарности.

Модерация исследовалась с использованием члена взаимодействия между эмоциональным интеллектом и полом.

Общая спецификация регрессии была следующей:

$$PF = b_0 + b_1EI + b_2Gender + b_3(EI \times Gender) + b_4Age + b_5Experience + \varepsilon$$

Коэффициент для члена взаимодействия определяет, изменяет ли пол значимо взаимосвязь между эмоциональным интеллектом и воспринимаемым фаворитизмом.

Результаты

Средний балл по эмоциональному интеллекту составил 3,45 (SD = 0,66), а средний балл по воспринимаемому фаворитизму – 2,56 (SD = 0,59) (табл. 1).

Таблица 1. Описательная статистика

Переменная	Среднее значение	Стандартное отклонение (SD)
Эмоциональный интеллект	3,45	0,66
Воспринимаемый фаворитизм	2,56	0,59

Результаты указывают на относительно высокий уровень эмоционального интеллекта и сравнительно низкий уровень восприятия фаворитизма.

Однако более низкий средний балл по воспринимаемому фаворитизму не следует интерпретировать как доказательство объективного отсутствия фаворитизма. Он отражает восприятие респондентов в рамках исследованных учреждений.

Корреляционный анализ Пирсона продемонстрировал сильную отрицательную взаимосвязь между эмоциональным интеллектом и воспринимаемым фаворитизмом:

$$r = –0,868$$

Это указывает на то, что более высокий уровень эмоционального интеллекта был связан с более низким уровнем воспринимаемого фаворитизма.

Сила этой связи предоставляет предварительные доказательства в поддержку гипотезы H1.

Поскольку исследование носит поперечный характер, корреляцию не следует интерпретировать как доказательство причинно-следственной связи.

Гендерные различия были изучены с использованием t-критерия для независимых выборок (табл. 2).

Таблица 2. Гендерные различия

Переменная	Мужчины, M	Женщины, M	t	P
Эмоциональный интеллект	3,36	3,54	-1,329	0,187
Воспринимаемый фаворитизм	2,71	2,41	2,545	0,013

Учителя-женщины сообщили о несколько более высоких показателях EI, хотя эта разница не была статистически значимой.

Напротив, разница в воспринимаемом фаворитизме была статистически значимой: учителя-мужчины сообщили о более высоком уровне воспринимаемого фаворитизма, чем учителя-женщины.

Однако этот вывод касается средних различий в PF и не должен быть спутан с анализом модерации. Значимое гендерное различие в среднем PF не доказывает, что гендер изменяет взаимосвязь EI–PF.

Регрессионная модель, предсказывающая воспринимаемый фаворитизм, дала следующие результаты (табл. 3).

Таблица 3. Регрессионный анализ

Предиктор	β	SE	t	P
Эмоциональный интеллект	-0,780	0,059	–13,263	< 0,001
Пол	-0,263	0,302	–0,870	0,384
Эмоциональный интеллект x Пол	0,029	0,083	0,353	0,7239
Возраст	-0,001	0,004	–0,217	0,828
Стаж преподавательской деятельности	0,002	0,005	0,413	0,679

Окончание

Модель объяснила 77,3% дисперсии воспринимаемого фаворитизма ($R^2 = .773$).

Эмоциональный интеллект был статистически значимым отрицательным предиктором воспринимаемого фаворитизма ($\beta = –.780$, $p < .001$).

Таким образом, гипотеза H1 подтверждается.

Отрицательный коэффициент указывает на то, что более высокие показатели ЭИ были связаны с более низкими показателями ФП.

Взаимодействие ЭИ × Гендер составило:

$$\beta = .029, p = .7239$$

Взаимодействие было статистически незначимым. Следовательно, гипотеза H2 не подтверждается.

Полученные данные указывают на то, что гендер не оказал существенного влияния на силу связи между эмоциональным интеллектом и воспринимаемым фаворитизмом в данной выборке. Это важное различие: гендерные различия в средних показателях ФП могут существовать, но гендер не оказывает существенного влияния на связь ЭИ–ФП (табл. 4).

Таблица 4. Диагностика мультиколлинеарности

Переменная	VIF
Эмоциональный интеллект	1,93
Пол	3,17
Эмоциональный интеллект × Пол	3,46
Возраст	2,38
Стаж преподавательской деятельности	1,38

Эти значения не указывают на серьезную мультиколлинеарность.

Обсуждение

Основной вывод этого исследования – сильная отрицательная связь между эмоциональным интеллектом и воспринимаемым фаворитизмом среди преподавателей университетов. Коэффициент регрессии составил $\beta = –.780$ ($p < .001$), а общая модель объяснила 77,3% дисперсии воспринимаемого фаворитизма. Этот результат подтверждает гипотезу о том, что эмоциональный интеллект значительно связан с более низким уровнем восприятия фаворитизма.

Полученные данные теоретически согласуются с предположением о том, что эмоциональные компетенции влияют на то, как люди обрабатывают организационный опыт. Преподаватели с более развитыми способностями к эмоциональной оценке и регуляции могут быть лучше подготовлены к интерпретации организационных событий, не переводя немедленно межличностное недовольство в восприятие организационной несправедливости. Эта интерпретация согласуется с теорией организационной справедливости, поскольку восприятие справедливости формируется не только объективными организационными процедурами. Оно также возникает в результате когнитивной и эмоциональной оценки этих процедур сотрудниками.

Тем не менее, результат следует интерпретировать с осторожностью. Отрицательный коэффициент не демонстрирует, что эмоционально интеллектуальные преподаватели объективно испытывают меньше фаворитизма. В исследовании измеряется воспринимаемый фаворитизм, а не независимо подтвержденные фаворитистские практики. Это различие является центральным для вклада исследования.

В организации могут существовать неформальные сети, неравномерное распределение ресурсов или преференциальное принятие решений, в то время как сотрудники значительно различаются в своем восприятии этих практик. Эмоциональный интеллект может влиять на этот процесс восприятия, не изменяя лежащую в основе институциональную структуру.

Полученные результаты также согласуются с исследованиями, связывающими эмоциональный интеллект с организационной справедливостью. Например, Халид и др. (2025) обнаружили значимые связи между эмоциональным интеллектом и организационной спра-

ведливостью в пакистанских организациях государственного сектора. Настоящее исследование расширяет это направление исследований, изучая более конкретное проявление воспринимаемой несправедливости – фаворитизм – в высшем образовании.

Полученные результаты также дополняют более широкую литературу по эмоциональному интеллекту. Пирсул и др. (2023) продемонстрировали, что эмоциональный интеллект связан с несколькими карьерными и профессиональными результатами. Настоящие результаты предполагают, что эта организационная значимость может распространяться и на интерпретации сотрудниками справедливости и преференциального отношения.

Второй важный вывод касается гендера. Хотя учителя-женщины сообщили о несколько более высоком среднем уровне эмоционального интеллекта (ЭИ), чем учителя-мужчины, разница не была статистически значимой. Что еще важнее, взаимодействие ЭИ × Гендер не было значимым (β = .029, p = .7239).

Таким образом, гендер не оказывал существенного влияния на взаимосвязь между ЭИ и воспринимаемым фаворитизмом.

Этот результат имеет важное теоретическое значение, поскольку он опровергает упрощенные предположения о том, что эмоциональная компетентность обязательно проявляется по-разному в зависимости от пола.

Полученные данные согласуются с современными исследованиями, подчеркивающими, что гендерные различия в ЭИ сложны и зависят от конкретных эмоциональных способностей и подхода к измерению. Хампель и др. (2024) также подчеркнули необходимость эмпирического тестирования, а не предположений относительно пола и ЭИ.

Таким образом, результат подтверждает интерпретацию ЭИ как профессиональной способности, которая может проявляться в разных гендерных группах.Более низкий общий средний уровень воспринимаемого фаворитизма предполагает, что респонденты не сообщали о чрезвычайно высоком уровне воспринимаемого преференциального отношения. Тем не менее, сильная отрицательная корреляция между ЭИ и ФП указывает на значительные индивидуальные различия в восприятии. Это подчеркивает важность различения институциональных условий от восприятия сотрудников.

Фаворитизм может действовать структурно через неформальные сети и неравный доступ к возможностям. Однако данное исследование не измеряет напрямую эти структуры. Оно измеряет, как сотрудники воспринимают преференциальное отношение. Соответственно, исследование не следует интерпретировать как доказательство того, что ЭИ сам по себе снижает фаворитизм. Скорее, ЭИ может быть связан со снижением восприятия фаворитизма посредством эмоциональной регуляции, межличностного понимания и более контролируемых реакций на неоднозначные организационные ситуации.

С социологической точки зрения, результаты можно интерпретировать через взаимосвязь между субъектностью и структурой. Университеты – это структурированные организации, характеризующиеся формальными правилами, административной иерархией, профессиональными нормами и институциональной властью. В то же время организационная жизнь формируется неформальными отношениями и межличностными сетями.

Эмоциональный интеллект может представлять собой способность на индивидуальном уровне, посредством которой участники организационной деятельности взаимодействуют с этими структурами.

С точки зрения Вебера, бюрократические институты устанавливают формальные правила и иерархическую власть. Следовательно, учителя действуют в рамках институциональных ограничений, а не в рамках системы.

Заключение

В данном исследовании изучалась взаимосвязь между эмоциональным интеллектом и воспринимаемым фаворитизмом среди преподавателей университетов в Белуджистане, Пакистан.

Результаты демонстрируют сильную и статистически значимую отрицательную взаимосвязь между эмоциональным интеллектом и воспринимаемым фаворитизмом (β = –.780, p < .001). Регрессионная модель объяснила 77,3% дисперсии воспринимаемого фаворитизма.

Таким образом, результаты подтверждают предположение о том, что эмоциональный интеллект значимо связан с тем, как преподаватели университетов воспринимают преференциальное и неравное отношение в организации.

В то же время, пол не оказал значимого влияния на эту взаимосвязь (β = .029, p = .7239). Таким образом, взаимосвязь между ЭИ и воспринимаемым фаворитизмом статистически схожа среди преподавателей мужского и женского пола в данной выборке.

Результаты не следует интерпретировать как доказательство того, что эмоциональный интеллект устраняет структурный фаворитизм. Скорее, ЭИ, по-видимому, функционирует как организационный ресурс на индивидуальном уровне, связанный с интерпретацией и эмоциональной обработкой сотрудниками организационных взаимодействий. Таким образом, данное исследование вносит вклад в теорию организационной справедливости, связывая индивидуальные эмоциональные компетенции с восприятием организационной справедливости, сохраняя при этом различие между индивидуальным восприятием и структурными институциональными условиями.

Для управления высшим образованием полученные результаты предполагают двойной подход. Университеты должны поддерживать развитие эмоциональных компетенций преподавателей, одновременно укрепляя прозрачные, последовательные и подотчетные институциональные процедуры.

Будущие исследования должны выйти за рамки поперечного анализа на индивидуальном уровне и изучить взаимодействие между характеристиками сотрудников и организационными структурами с помощью лонгитюдных и многоуровневых исследовательских проектов.

Литература

1. Кирпичева В.В. Эмоциональный интеллект: модели эмоционального интеллекта, эффективные способы развития эмоционального интеллекта / В.В. Кирпичева // Психолого-педагогические основы интеллектуального развития. – Уфа, 2023. – С. 53–61. – Available at:

2. Сергиенко Е.А., Хлевная Е.А., Ветрова И.И., Мигун Ю.П. Эмоциональный интеллект: разработка русскоязычной методики диагностики эмоционального интеллекта (ТЭИ) / Е.А. Сергиенко, Е.А. Хлевная, И.И. Ветрова, Ю.П. Мигун // Психологические исследования. – 2019. – Т. 12, № 63. – Available at:

3. Сергиенко Е.А., Ветрова И.И. Эмоциональный интеллект: русскоязычная адаптация теста Майера–Сэловея–Карузо (MSCEIT V2.0) / Е.А. Сергиенко, И.И. Ветрова // Психологические исследования. – 2009. – № 6 (8). – Available at:

4. Шабанова Т.Л. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и самоактуализации у менеджеров торговой компании / Т.Л. Шабанова // Экономический консультант. – 2021. – № 4 (36). – С. 17–25. – Available at:

5. Исаева О., Курагина М. Эмоциональный интеллект как основа психологического благополучия сотрудников / О. Исаева, М. Курагина // Business Trends: Research Agenda in Innovations and Entrepreneurship. – Нижний Новгород, 2020. – С. 52–59. – Available at:

6. Краковецкая И.В., Мищенко А.А., Далибожко А.И. Эмоциональный интеллект в современном менеджменте / И.В. Краковецкая, А.А. Мищенко, А.И. Далибожко // Vision 2025: Education Excellence and Management of Innovations through Sustainable Economic Competitive Advantage. – 2019. – С. 5432–5444. – Available at:

7. Ларионова В., Степанова Н.Р., Шалина Д. Управленческие игры: организационное поведение и эмоциональный интеллект / В. Ларионова, Н.Р. Степанова, Д. Шалина // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. – 2020. – С. 259–270. – Available at:

8. Гая Я.К., Лукхо Т., Джанно У., Саулич П. Оценка влияния эмоционального интеллекта на эффективность деятельности сотрудников: к интегрированной модели эмоционального интеллекта / Я.К. Гая, Т. Лукхо, У. Джанно, П. Саулич // Managing Global Transitions. – 2025. – Т. 23, № 1. – Available at:

9. Сироткин М.С. Эмоциональный интеллект и эффективность образовательного процесса в высшем образовании / М.С. Сироткин // Научные записки молодых исследователей. – 2022. – Т. 10, № 2. – С. 48–53. – Available at:

ORGANIZATIONAL FAVORITISM AND ORGANIZATIONAL JUSTICE: THE ROLE OF EMOTIONAL INTELLIGENCE AND GENDER

Abdul Rasheed Hani, Leonova I.S.
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Purpose. Higher education institutions are viewed as complex social organizations in which formal rules of governance coexist with informal relationships, and perceptions of favoritism serve as an indicator of institutional justice and the legitimacy of managerial decisions. Objectives. To examine how individual emotional intelligence is related to perceived preferential treatment in Pakistani university organizations and to test whether this relationship differs by gender. Hypothesis. Emotional intelligence is assumed to be negatively related to perceived favoritism, and gender is assumed to moderate this relationship. Methods. A quantitative cross-sectional design was used; the sample included 100 university teachers from Balochistan (50 men and 50 women); WLEIS, a perceived favoritism scale, descriptive statistics, Pearson correlation, independent-samples t-test, multiple regression, and moderation analysis were applied. Results. The mean emotional intelligence score was

3.45 (SD = 0.66), and perceived favoritism was 2.56 (SD = 0.59); a strong negative correlation was found (r = –0.868). Emotional intelligence was a significant negative predictor of perceived favoritism (β = –0.780; p < 0.001), the model explained 77.3% of the variance (R^2 = 0.773), and the interaction with gender was non-significant (β = 0.029; p = 0.7239). Conclusions. Emotional competencies are associated with differences in perceptions of organizational favoritism but do not eliminate objectively existing inequalities or favoritist practices; emotional intelligence is interpreted as an individual interpretive resource within an institutional context.

Keywords: emotional intelligence; organizational justice; perceived favoritism; higher education; university teachers; gender; Balochistan; Pakistan.

References

1. Kirpicheva V.V. Emotional Intelligence: Models of Emotional Intelligence, Effective Ways to Develop Emotional Intelligence / V.V. Kirpicheva // Psychological and Pedagogical Foundations of Intellectual Development: Collection of Articles from the International Scientific and Practical Conference. – Ufa. – 2023. – P. 53–61.

2. Sergienko E.A. Emotional Intelligence: Development of the Russian-Language Method of Emotional Intelligence Test (TEI) / E.A. Sergienko, E.A. Khlevnaya, I.I. Vetrova, Yu.P. Migun // Psychological Research. – 2019. – Vol. 12, No. 63.

3. Sergienko E.A. Emotional Intelligence: Russian-Language Adaptation of the Mayer–Salovey–Caruso Emotional Intelligence Test (MSCEIT V2.0) / E.A. Sergienko, I.I. Vetrova // Psychological Research. – 2009. – No. 6 (8).

4. Shabanova T.L. Relationship between Emotional Intelligence and Self-Actualization in Managers of a Trading Company / T.L. Shabanova // Economic Consultant. – 2021. – No. 4 (36). – P. 17–25.

5. Isaeva O. Emotional Intelligence as the Basis for Employee Psychological Well-Being / O. Isaeva, M. Kuragina // Business Trends: Research Agenda in Innovations and Entrepreneurship: Collection of Scientific Papers. – Nizhny Novgorod. – 2020. – P. 52–59.

6. Krakovetskaya I.V. Emotional Intelligence in Modern Management / I.V. Krakovetskaya, A.A. Mishchenko, A.I. Dalibozhko // Vision 2025: Education Excellence and Management of Innovations through Sustainable Economic Competitive Advantage: Proceedings of the 34th International Business Information Management Association Conference. – 2019. – P. 5432–5444.

7. Larionova V. Management Games: Organizational Behavior and Emotional Intelligence / V. Larionova, N.R. Stepanova, D. Shalina // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. – 2020. – P. 259–270.

8. Gaya Ya.K. Assessing the Impact of Emotional Intelligence on Employee Performance: Toward an Integrated Emotional Intelligence Framework / Ya.K. Gaya, T. Luckho, U. Jannoo, P. Saulick // Managing Global Transitions. – 2025. – Vol. 23, No. 1.

9. Sirotkin M.S. Emotional Intelligence and the Effectiveness of the Educational Process in Higher Education / M.S. Sirotkin // Scientific Notes of Young Researchers. – 2022. – Vol. 10, No. 2. – P. 48–53.

«Опровержение лжеучений (ересей)» Езника Кохбаци как христианская ценностная основа формирования армянского культурного кода

Аветисян Ашот Альбертович,
старший преподаватель кафедры философских наук Московского государственного лингвистического университета
E-mail: ashotavetisyana@yandex.ru

В статье приводится культурно-философский, социально философский и аксиологический анализ «Опровержения лжеучений» армянского философа, богослова и переводчика V Золотого века Езника Кохбаци, где выявляются культурно-философские, социально-философские, культурологические и аксиологические особенности работы автора. Особенно обращается внимание на духовные, нравственные, исторические и религиозные основы формирования армянского культурного кода, традиционных ценностей и национальных приоритетов, как исходных пунктов для патриотического движения, так и актуальности в реализации возможной культурной дипломатии, культурной политики и стратегического развития Армении в современности.

Ключевые слова: Езник Кохбаци, Средневековая армянская философия, богословие, философия культуры, культура, традиционные ценности, учение о Добре и зле, аксиология, культурный код, V Золотой век армянской культуры, религия, христианство, Армянская церковь.

Армянская культура непрестанно развивается на протяжении многих тысячелетий, и не случайно, что Армения фигурирует в работах еще античных времен (Геродот, Ксенофонт (V в. до н.э.), Плутарх (I–II вв.н.э.). Самобытность и уникальность этой многогранной культуры определяется неповторимым очарованием горной природы, древнейшим христианским наследием, оригинальной национальной кухней, традиционными ценностями и патриотическим духом, которую народ бережно сохраняет на протяжении долгой героической истории. Духовные поиски и достижения несут в себе не только неповторимые тонкие национальные особенности, но являются важной составной частью всемирной истории.

В рамках дисциплины Основы Российской государственности и цивилизации в университетах знакомим студентов с Ценностными константами Российской цивилизации: м**ногообразие, согласие, суверенность, доверие, созидание.** Сами **традиционные ценности** это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе национально идентичности и единого культурного пространства страны, народа, а в нашем случае, армянской цивилизации. К традиционным ценностям относятся права и свободы человека, патриотизм, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, коллективизм, историческая память и преемственность поколений, единство и т.д. [3].

Сохранение и распространение вышеуказанных традиционных ценностей и ценностных констант являются приоритетом для любого государства, в том числе и Армении. Чтобы обеспечить развитие, необходимо предусмотреть образовательные курсы и дисциплины, где данные и не только ценностные системы формируют мировоззренческую базу гражданина. Для развития традиционного мировоззрения граждан предлагается императив сохранения сотрудничества между церковью и государственными институтами, так как через структуры и функционирование церкви и в Армении и в России, но и во всем мире, нации и народу передается ценностная система традиционного расклада, столь необходимая для сохранения как своей идентичности и суверенности, так и развития локальной цивилизации.

Христианские основы развития общества не только в Армении, но и обществ и государств вообще, вытекают из нравоучения христианских ценностей и моральных императив, которыми оперируют философские, культурологические и социальные исследования. При том, только традиционализм, в отличие от либерализма, может предоставить обществу гарантии преемственности исторической памяти, культурного наследия и доминанта стабильности. А в случае потери или растрате этих же ценностей и парадигм, нация теряет лицо, уникальность идентичность, в итоге, и экзистенциальное право на существование.

В достижениях Золотого V века армянской культуры уникальное место отводится философской мысли, в которой, на наш взгляд, следует выделить Езника Кохбаци (прим. 380–450 гг.), как истинного учителя нрава, почитателя величия человека, как Венца Творения, и исследователя аксиологических основ формирования национального культурного кода. Богослов, философ, переводчик, писатель, ученик и сподвижник католикоса Саака Партева и создателя армянского алфавита Месропа Маштоца, кто получил образование в Венеции, владел ассирийским, персидским, греческим языками. Езник Кохбаци занимался переводами Священного Писания, трудов античных мыслителей и святоотеческих писаний с ассирийского на армянский язык. Он был епископом в провинции Багреванд и участвовал в Арташатском Соборе 449 года, отвергнувшем приказ персидского царя о принятии армянами зороастризма. Его перу принадлежит эпохальное полемическое сочинение «Опровержение лжеучений (речи против ересей)». В другом переводе данная работа звучит: «Книга опровержений. (О добре и зле»)» [1]. Появление произведения в эпоху Золотого века во многом было продиктовано политическим положением Армении. Работа строится на основополагающей идее философского обоснования христианского монотеизма, проникнута верой национального духовного освобождения от насилия, определения ценностных систем на базе христианского вероучения, формирования национального ценностного фундамента для последующего формирования культурного кода.

По своей структуре философский трактат Езника Кохбаци «Опровержение лжеучений» состоит из четырех частей и направлен против: лжеучений язычников, учения персидских магов, греческих философов и ереси. Работа содержит большой исследовательский материал, с опорой на десяток источников, которые использовал автор в своем сочинении. Езником Кохбаци выделены проблемы в их последовательном порядке: онтология, гносеология, антропология и нравственность. Для нашего исследования мы остановимся только на последних двух: антропология и нравственность, где автор раскрывает взаимоотношение человеческой воли, свободы, ценностей и ответственности за деяния. Рассмотрим антропологию и нравственность, обозначим существенные особенности формирования теории Добра и зла, ценностных систем и основ формирования армянского культурного кода.

Наличие зла в мире, отмечает Езник Кохбаци, повергает людей в сомнение относительно премудрости Творца. Немало философов, религиозных деятелей (еретики, греческие язычники, персидские маги) посвятили этой проблематике пространные исследования, и в свое отношение к ним Езник Кохбаци использует уже апробированную методологию цитирования высказывания из Священного писания, или рациональную аргументацию. Для новых верующих или уже вставших на путь креста христиан, которые, в силу своего внутреннего недопонимания, внешнего обмана, жадности и скудного знания Священного Писания отходят от заповедей Божьих, философ напоминает эпизод, когда, обольщенные змеем, наши прародители едят запрещенный плод. ««В день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло» (Быт. 3, 5). Человек, нарушив заповедь Бога, вкусил запретный плод древа познания, и склонился к злу» [1; 93]. В Библии сказано, что человек ослушался завета и совершил деяние по воле своей и сам отвечает за свой выбор. Поэтому, отмечает Ездник Кохбаци, мы не можем возлагать вину, например, на врача за то, что он заранее предостерег больного, сказав, что он обязан делать для своего выздоровления. Однако он, оставив указания врача, будет следовать вредным для него советам недоброжелателя, почему и причиной вреда следует считать не врача, заранее предостерегшего его, а неприятеля.

Приступая к рассмотрению причины зла, предполагается определить зло как самостоятельную субстанцию, отмечает он, и полагать его вне собственной личности. Но данное положение снимало бы тогда индивидуальную ответственность за свой поступок. Богослов отвергает дуалистическое обоснование Добра и зла, и зло переносится в сферу нравственных отношений. Им обращается внимание на то, что в познавательном отношении человек обладает сложным организмом, в котором наличествуют чувство, разум, воля. Разум синтезирует представления и координирует наши воображения, но важную роль Езник отводит воле. Она присутствует в любом нашем акте. Логичные рассуждения приводят к выводу: зло совершается не тогда, когда нечто «дурное» появляется в сознании, а лишь в случае согласия человека с этой дурной идеей, которую воля реализует.

Тем самым, получается, что человек грешит в результате своей свободной воли. Следовательно, люди по справедливости считаются творцами зла, ибо именно они являются причиной, побуждающей совершать зло или не совершать. Следует при этом знать, напоминает философ, что злодеяния совершаются в том случае, когда потребность удовлетворяется незаконным путем. Из данного положения вытекает рациональный вывод: **зло является порождением свободной воли людей**. Слово «**порождение**» указывает на конкретную и осознанную человеческую деятельность. Зло происходит от намерения того, кто изготавливается совершить нравственно непозволительное деяние. Каким иным образом человек мог бы различать поступки, если бы не имел права выбора между двумя возможностями – повиновением и неповиновением? [1; 60–61].

Будучи тонким профессионалом в искусстве аргументации и полемики, прекрасно владея логикой обоснования фактов, Езник Кохбаци своими доказательными аргументами ставит своих оппонентов в тупик. Почему наказывать того, кто не по своей воле является злодеем, кого следовало бы пожалеть, в отношении которого должно быть не наказание, а сострадание» [1; 69, 117]. Человек же, получив свободу воли, может служить тому, кому пожелает. Не по насилию, с неизбежностью принуждаемый природой, не вследствие ограничения дарованной ему власти для свершения добрых дел, а лишь благодаря покорности (Богу) он получает пользу и из-за непокорности – наказание. Но и всякое наказание идет в пользу объекта наказания, если принимается Высшая Воля к Благу.

Наделяя человека свободой волей, Езник в «Наставлениях» делает важное библейское дополнение: «Боголюбец должен остерегаться своей воли, как врага». Для обыденного мышления может показаться, что в данном положении содержится логический парадокс: почему следует бояться своей свободной воли, если она дана нам Богом? Езник Кохбаци поясняет: недооценивать ее для разумного существа опасно, иначе человек теряет ответственность за свои поступки. Свободный выбор не должен поощрять низменные, чувственные вожделения, отрываться от разума, от устремлений души к добродетели. С его точки зрения, мотивационное побуждение поступка, несущего в себе добро или зло, определяется духовными ценностями и требует ответственности за свой выбор.

Езник придал своему решению проблемы свободы воли и проявлению злых помыслов ярко выраженное социально-политическое звучание, связав его с положением Армении и той атмосферой насилия, которую нагнетали персы своими религиозными домогательствами, налоговым грабежом и политической дискриминацией в отношении армянского народа. Более того, он собрал в единую базу нравоучения и антропологии ценностные константы своего времени.

Работа Езника Кохбаци «Опровержение лжеучений» является великолепным по своей форме и содержанию памятником армянской философско-религиозной мысли в защиту христианского вероучения. Главной целью раннего этапа средневековой армянской философии была защита христианского учения в условиях гонений и обоснование его права на существование наряду с другими религиозными учениями, формирования своего уникального культурного кода, опираясь на христианские ценности.

В таблицах 1–2 представлен сравнительный анализ пятого и двадцать первого веков, в контексте истолкования и представления труда великого армянского философа, богослова и культурного деятеля V Золотого века Езника Кохбаци «Опровержение лжеучений», отображая формирование ценностных основ национального культурного кода.

Таблица 1

V век	XXI век
Наличие своего алфавита и письма -как опоры для отличия по своему культурному коду	Наличие своих алфавитов и писем, которые как полезны для многочисленных диаспор, так и вредны для достижения единства в идеях
Развиваются наука, философия, историография, теология, культура, переводческое дело, музыка. Формируется культурный код нации	Развитая наука, философия, историография, теология, культура, переводческое дело, музыка. На этом фоне, наблюдается пересмотр ценностей, идейных ориентиров и социально-философских основ
Открываются школы, университеты, через трудный выбор страна и народ встаёт на ноги. Продолжается борьба за идентичность	Открыты сотни школ, университетов, Нация внутри народа не может высказываться. Политика определяет право и ценности, что ведет к тирании
Население владеет несколькими языками, в том числе и армянским языком	Армяне по всему миру владеют несколькими языками, армянский язык подождет. Открыто много школ и центров обучения, но не все спешат быть носителями культурного кода
Армения разделена между персами и Римом, далее – Византией. Братья по религии и вере часто предают. Политика выше любви	Армения и армяне разделены: 5 континентов, внутри страны, за Россию, за Америку и за Европу. Может и за Армению найдутся смелые! Союзники – заняты!
Состояние войны: повседневная и грядущая большая войны за идентичность и свободу	Состояние войны: Война 2020 года, вооруженное изгнание армян из многотысячилетнего армянского Арцаха, нападение на Армению, война вокруг, большая война впереди
Ведутся переговоры: мало кто держит слово. Правда заменила Истину	Ведутся переговоры: никто ничего не обещает, разрушены границы Добра и зла. Правда заменила Истину
Надо спасать Родину и Веру: нет альтернативы. Предателей тоже хватает	Надо спасать Родину и Веру: Кто верит, берется спасать и Родину и Веру, а кто не верит, спасет себя только
Нет вечных союзников: меняются интересы каждые 20–30 лет.	Кто союзник? Надо определиться с союзником, кто выбирает между интересами и Истиной
Надейся на себя: Взять оружие, культуру, идентичность, веру во Христа и – вперед!	Надейся на себя! Кто я? Определиться – кто я? Потомки Айка, Христиане, или безличные потребители, которые верят в гадание?
Разделение «за» и «против»: Византия, Персия, другие…	Разделение на «за» и «против»: Россия, Европа, США, другие

Окончание

V век	XXI век
Вера развивается интенсивно	Вера развивается интенсивно, но неверие опережает…
Построение церквей и школ, развитие нации	Построение церквей и школ. Параллельная деградация народа, хорошо, что не нации
Множество ересей и борьба с ними. Язычество в обиходе	Множество ересей. Борьба Христиан сними, но не государства. Язычество в обиходе
Угроза раскола страны и народа	Раскол мнений и угроза безопасности

Таблица 2. Уровни религии, философии, мировоззрения, традиционных ценностей

V век	XXI век
Опровержение гностиков	Наличие гностиков: Новый век…
Моно или Дуо – физиты? Никейский Символ веры и культурный код	Армяне не монофизиты, а миафизиты. Два начала во Христе
Самонадеянность и безграмотность против стремлений избранных	Высокомерие и безграмотность vs Мировые достижения личностей
Старание, учение, молитва, чтение Библии, пост, сострадание	Старание, учение, йога, диета, запрещенные соц. сети, безразличие
Искушение суеверием и сатанизмом	Искушение суеверием и сатанизмом
Я хозяин своей веры и жизни в Боге!	Я центр Вселенной! …Только Я
Против лжеучений язычников. Борьба за Истину	Против лжеучений современных язычников: понятия или обычаи?
Против маздеизма – учения персидских магов. Против ереси Маркиона	Против современных лжеучений, магов, красных нитей и сглаз. Против всех ересей современности
Против греческих философов-жрецов	Против современных философских течений, либерализма, цинизма

Опровержение опровержения или христианское нравоучение – как ценностная основа культурного кода в 21-м веке

1. Практиковать утвержденные на христианстве традиции, дабы не впасть в заблуждение язычников: не все, что блестит, золото!

2. Участие в Богослужении, пост, молитва: Апостольское нравоучение и образ жизни святых отцов – как дорога к совершенствованию.

3. 7 Столпов традиционных ценностей – как основа развития общества.

4. Решение по ересям – запретить!

В заключении предлагаем следующие ценностные константы, лежащие в основе христианского нравоучения, столь необходимого для сохранения и развития традиционного общества и государства.

1. Любовь: Высшее чувство, работающее через смирение, служение и кротость. Проявляется ответственностью, применением права. Любовь у человека не константна, а пребывающее и восполняющее естество.

2. Доверие: процесс до и после веры, когда своя воля должна уступать Божественной, впоследствии, воле наставника. Часто политические институты и лидеры себя ставят вне религии, обосновав своей не религиозностью. Итог – аморальность и волюнтаризм.

3. Единство в многообразии: Бог создал нас разными, не хорошими и плохими, не лучше или хуже. Если кто-то жив, существует, надо принимать как Волю Бога, а не умалять его участие.

4. Служение: современный путь лидерства. Пробуждает христианскую братскую помощь, участие, сострадание, осмысление и целеполагание.

5. Ответственность: корень полноценности действия, деятельности. Быть ответственным, значит отвечать по данности божественной Благодати.

6. Действие или участие. Христос был голоден, но смоковница не дала плода, чтобы быть нужным. В определенный момент жизни мы должны сделать шаг ВЕРЫ, потому что этого требует наш ДОЛГ.

7. Суверенитет или познание самого себя. Последняя основа, что в идеале лежит в основе всех констант. Кто я, кто мы и мои корни, куда они шли, куда мы идем?

Автор статьи учитывает, что вышеуказанные константы и ценностные ориентиры для формирования культурного кода неокончательны, что и полагает дальнейшее более глубокое исследование средневекового армянского культурного наследия, современных парадигм и теорий культурного кода и традиционных ценностей.

Литература

1. «Опровержение лжеучений (речи против ересей)». Пер. вступ. статья и комментарий С.С. Аревшатяна. Ереван, «НАИРИ», 2008. – 232 с.

2. http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 – обращение к ресурсу 02.09.2026.

«REFUTATION OF SECTS» BY YEZNIK KOGHBATSI AS A CHRISTIAN VALUE BASIS FOR THE ARMENIAN CULTURAL CODE FORMATION

Avetisyan A.A.
Moscow State Linguistics University

This article provides a cultural-philosophical, socio-philosophical, and axiological analysis of «Refutation of False Teachings» by Yeznik Koghbatsi, an Armenian philosopher, theologian, and translator of the 5th Golden Age. It highlights the author's work's cultural-philosophical, socio-philosophical, cultural, and axiological features. Particular attention is paid to the spiritual, moral, historical, and religious foundations of the formation of the Armenian cultural code, traditional values, and national priorities, both as starting points for the patriotic movement and as relevant to the implementation of potential cultural diplomacy, cultural policy, and strategic development in Armenia today.

Keywords: Yeznik Koghbatsi, Medieval Armenian philosophy, theology, philosophy of culture, culture, traditional values, doctrine of Good and Evil, axiology, cultural code, 5th Golden Age of Armenian Culture, religion, Christianity, Armenian Church.

References

1. «Опровержение лжеучений (речи против ересей)». Пер. вступ. статья и комментарий С.С. Аревшатяна. Ереван, «НАИРИ», 2008. – 232 с.

2. http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 – обращение к ресурсу 02.09.2026.

Метафизика социального активизма как самостоятельный предмет социально-философского анализа: от ценностного выбора к критериям подлинности

Анисимов Тимофей Юрьевич,
аспирант, кафедра философии, социологии и психологии управления, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
E-mail: grisyeux@yandex.ru

Статья ставит проблему разграничения социального активизма и смежных категорий социального действия – марксистской практики, структурации Э. Гидденса, «человека способного» (homme capable) П. Рикёра и «действия» (action) Х. Арендт в его позднейшей ревизии у Дж. Батлер. Показано, что ни одна из них не специфицирует активизм: практика апеллирует к объективной исторической необходимости, структурация описывает воспроизводство социального порядка вне ценностного измерения, homme capable фиксирует способность к действию вообще, а перформативная теория собрания – телесное явление в публичном пространстве безотносительно к инструментальной направленности. На этой основе активизм определяется как ценностно-рефлексивная, инструментально направленная и телесно-публичная практика трансформации наличных общественных отношений. Два метафизических горизонта активизма – либеральный и горизонт солидарности – переформулированы как диагностическая ось картирования внутренне неоднородных движений. Критерии подлинности социального действия сопоставлены с эмпирической литературой о слактивизме и кликтивизме (Э. Морозов, У. Беннетт и А. Сегерберг, К. Кристоферсон, К. Уайт и Дж. Пелоза, Х.С. Кристенсен) и с теорией телесного собрания Дж. Батлер; показано, что метафизический критерий – реализация ценностного основания в структуре практики – обладает большей объяснительной силой, чем поведенческий критерий издержек участия.

Ключевые слова: социальный активизм; метафизика; практика; структурация; человек способный; перформативное собрание; критерии подлинности; слактивизм; кликтивизм; телесность.

Введение

Понятие «социальный активизм» прочно вошло в язык социальной философии, социологии и политической теории, однако его концептуальная проработанность заметно отстаёт от его распространённости. В работах о конкретных движениях – феминистских, экологических, правозащитных – активизм используется как интуитивно понятное, не требующее определения понятие: он отождествляется то с практикой в марксистском смысле, то с гражданским участием вообще, то с любой формой публичного протеста. Следствия этой неопределённости не только теоретические: без экспликации предмета невозможно ответить, чем принципиально отличается подлинное активистское действие от смежных, но иных по метафизической структуре феноменов – исторической необходимости революционной практики, рутинного воспроизводства социального порядка, чисто экспрессивного жеста.

Статья исходит из методологического допущения: прежде чем разрабатывать критерии подлинности активизма, необходимо установить границу между ним и ближайшими категориями социального действия. Без этой предварительной работы любая типология рискует описывать не активизм, а более широкий класс явлений, куда он входит лишь как частный случай. Отсюда три взаимосвязанные задачи. Первая – развести активизм с четырьмя концепциями социального действия: марксистской практикой, структурацией Э. Гидденса, «человеком способным» П. Рикёра и – ввиду особой значимости телесного измерения для современного активизма – теорией перформативного собрания Дж. Батлер, ревизующей Х. Арендт. Вторая – переосмыслить различение двух метафизических горизонтов активизма, либерального и горизонта солидарности, не как статичную типологию традиций, а как работающий диагностический инструмент. Третья – вывести критерии подлинности социального действия и испытать их на материале, недоступном классикам XVIII–XX веков: на цифровом активизме, где вопрос о подлинности стоит наиболее остро и где накоплен значительный эмпирический материал.

Активизм и смежные понятия: экспликация предмета

Экспликация предмета через отграничение от близких понятий методологически предпочтительна там, где прямое определение рискует оказаться слишком широким или произвольным. В случае активизма она тем более уместна, что само понятие складывалось на пересечении нескольких традиций мысли о действии, ни одна из которых ему не тождественна, но каждая внесла в него часть своего содержания. Ниже это показано на четырёх примерах.

Активизм и марксистская практика: необходимость против ценностного выбора

Наиболее очевидное и вместе с тем чаще всего игнорируемое различение касается соотношения активизма с марксистски понятой практикой. Одиннадцатый тезис К. Маркса о Фейербахе – задача философии состоит не в том, чтобы объяснять мир, а в том, чтобы изменить его – нередко цитируется как манифест активизма avant la lettre [1]. Общий знаменатель есть: и практика, и активизм отвергают созерцательное отношение к социальной реальности в пользу преобразующего, – но на этом сходство исчерпывается. Марксистская практика онтологически укоренена в объективной структуре общественных отношений, прежде всего классовой, и движима закономерностями исторического процесса, существующими независимо от того, осознаёт их субъект или нет; революционное действие оправдано постольку, поскольку соответствует направлению исторической необходимости. Субъект такой практики не выбирает цель в акте свободного ценностного самоопределения – он обнаруживает её как объективно заданную его классовым положением.

Активизм устроен принципиально иначе. Его конституирующий момент – не обнаружение объективной необходимости, а рефлексивное принятие ценностного основания, из которого субъект сам выводит для себя право и обязанность действовать. Показательно, что движения, относимые к активистским, – от аболиционизма до современных правозащитных инициатив – включали субъектов, чьё социальное положение никак не предопределяло избранную ими цель: их мотивация коренилась в ценностном выборе, а не в классовом интересе. Это зада-

ёт первую координату понятия: различение необходимости и ценностного выбора как двух типов легитимации преобразующего действия.

Активизм и структурация: за пределами дуальности структуры

Второе различение требует обращения к социологической традиции – к теории структурации Э. Гидденса. Её центральное понятие, дуальность структуры, означает, что структура одновременно выступает медиумом и результатом деятельности, которую она рекурсивно организует: агенты, действуя, воспроизводят, а иногда и трансформируют те самые условия, в рамках которых действие только и становится возможным [2]. Объяснительная сила теории в том, что она снимает жёсткую оппозицию структурного детерминизма и волюнтаризма: агент ни абсолютно свободен, ни полностью детерминирован – он действует в условиях, которые сам же и производит.

Существенно, однако, что эта модель не требует ценностной рефлексии как необходимого условия трансформирующего действия. Более того, значительная часть структурационно значимых действий – это рутинные, слабо рефлексируемые практики повседневности, накопительный эффект которых видоизменяет социальный порядок без какого-либо активистского намерения. Активизм без такого намерения невозможен: агент здесь не просто трансформирует структуру фактически, в силу логики повторяющейся практики, – он делает это, руководствуясь рефлексивно принятым идеалом. Структурация объясняет общий механизм социальной трансформации, но безразлична к вопросу, почему в одних случаях та становится целенаправленным, ценностно мотивированным вмешательством, а в других остаётся анонимным дрейфом структуры. Второе разграничение – оппозиция структурного механизма трансформации и её ценностной мотивации.

Активизм и homme capable: от общей способности к специфической направленности

Третье различение переводит анализ в плоскость философской антропологии. В поздних работах П. Рикёра – в «Пути признания» (2004) и, ранее, в «Я сам как другой» (1990) – разрабатывается концепция «человека способного» (l'homme capable): человека, способного говорить, действовать, рассказывать связную историю о себе и нести моральную ответственность за содеянное [3]. Как показано в отечественных исследованиях, само действие («я могу») выступает у Рикёра не производной, а исходной, конститутивной способностью человеческого существования – той, что перемещается «из физической области в область этическую» и обосновывает возможность человека быть субъектом, а не объектом собственной биографии [4; 5]. Концепция важна постольку, поскольку отвечает на вопрос, откуда берётся способность человека действовать преобразующим образом, – вопрос, который активизм как понятие уже предполагает решённым.

В этом и состоит ключевое отличие homme capable от активизма. Антропология способного человека описывает условие возможности любого осмысленного, ответственного действия вообще: она в равной мере присутствует в бытовом поступке, творчестве, исполнении профессионального долга и революционном жесте, не различая их по направленности. Активизм же есть не общая способность, а её частный, ценностно ориентированный модус реализации: способность действовать, направленная на трансформацию наличных, признаваемых несправедливыми общественных отношений. Homme capable – необходимое, но не достаточное условие активизма: способный человек может им и не быть, тогда как активист необходимо является способным человеком в рикёровском смысле. Это соотношение общего и частного – третья координата понятия.

Активизм между действием Арендт и телесным собранием Батлер: инструментальность и плоть публичности

Четвёртое, наиболее тонкое различение касается модуса публичности активистской практики и требует обращения к Х. Арендт и к её ревизии у Дж. Батлер.

Х. Арендт в «Vita activa» различает три модуса деятельной жизни: труд (labor), удовлетворяющий биологическую необходимость и потому цикличный; работу (work), создающую устойчивый предметный мир артефактов; и действие (action) – единственный модус, осуществляемый непосредственно между людьми, без посредства вещей, и раскрывающий в пространстве публичности уникальность действующего, его «кто», а не «что» [6; 7]. Действие у Арендт самоценно: его значение заключено не в производимом результате, как у работы, а в самом акте явления перед другими, в необратимости и непредсказуемости всякого подлинно нового начинания (natality). Активизм заимствует у арендтовского действия требование публичности и плюральности: он немыслим вне поля зрения и участия других. Однако он остаётся принципиально инструментальным – направленным на заранее артикулированное изменение состояния социального мира – и потому отклоняется от чистого действия, тяготея местами к логике «работы», целенаправленного изготовления нового социального порядка.

Именно напряжение между инструментальностью и самоценностью делает необходимым обращение к ревизии, предпринятой Дж. Батлер в «Заметках к перформативной теории собрания» (2015). Отправляясь от Арендт, но критикуя её за недостаточное внимание к телесному измерению политики, Батлер показывает, что публичное пространство появления не предшествует политическому действию как заранее данная сцена, а конституируется самим фактом плюрального телесного собрания: тела, собираясь на площади или улице, «говорят» самим фактом совместного присутствия нечто, не сводимое к артикулированной речи [8; 9]. Батлер вводит понятие прекарности (precarity) – общей уязвимости условий поддержания жизни – как довербального основания политических альянсов, включая формы солидарности на расстоянии, не предполагающие физического соприсутствия [10]. Значимость ревизии в том, что она вводит телесность как самостоятельный компонент подлинности публичного действия – недостаточно проработанный у Арендт и особенно острый в эпоху цифрового активизма, где значительная часть активности не предполагает совместного телесного присутствия.

Сведём воедино четыре разграничения. От марксистской практики активизм отличается источником легитимации – ценностный выбор вместо исторической необходимости; от структурации – ценностной рефлексией как конституирующим, а не факультативным моментом; от homme capable – специфической, а не общей направленностью реализуемой способности; от арендто-батлеровского комплекса действия/собрания – сохраняющейся инструментальностью при одновременном заимствовании требования публичности и, в наиболее полной форме, телесной плюральности. Отсюда рабочее определение: социальный активизм есть ценностно-рефлексивная, инструментально направленная практика трансформации наличных общественных отношений, осуществляемая в модусе публичного – в своей наиболее полной форме телесного – явления перед другими. Оговорка о «наиболее полной форме» оставляет за скобками статус цифровых, дистанцированных форм активности, к которому статья вернётся в четвёртом параграфе.

Метафизические предпосылки понятия: от Просвещения к разграничению необходимости и ценности

Экспликация первого параграфа опирается на исторически сложившийся категориальный аппарат, сжатая реконструкция которого показывает, откуда берётся сама идея ценностно-рефлексивного, а не предопределённого действия.

Просвещение впервые формулирует автономный разум, а не волю Провидения или силу традиции, в качестве источника легитимации социальных изменений. Ж.-Ж. Руссо задаёт при этом онтологию, в которой свобода полагается не как историческое завоевание, а как изначальная сущность человека, тогда как наличные общественные формы предстают отступлением от неё, требующим исправления [11]. Для генеалогии ценностного выбора это принципиально: если свобода есть сущностная характеристика человека, а не дарованная обществом привилегия, то её защита становится не просто допустимым, но обязывающим действием – обязывающим именно ценностно, а не в силу внешнего принуждения или объективной закономерности.

Немецкая классическая философия совершает следующий шаг, превращая деятельность из атрибута субъекта в его субстанцию. У И.Г. Фихте в «Основах общего наукоучения» деятельность конституирует само «Я»: быть субъектом значит действовать, полагать себя через акт самополагания и, соответственно, полагать сопротивляющееся «не-Я», подлежащее преодолению [12]. У И. Канта решающее значение приобретает практический разум: именно в этой сфере разум обретает независимость от эмпирической причинности, а категорический императив требует, чтобы максима поступка могла иметь силу принципа всеобщего законодательства [13]. Кантовская конструкция впервые эксплицитно формулирует разграничение, легшее в основу первого параграфа: между причинностью по законам природы (аналог марксистской исторической необходимости) и причинностью через свободу – ценностным законом, который субъект даёт себе сам.

Марксистская традиция, унаследовав идею субстанциальной активности субъекта, радикально трансформирует её источник легитимации, возвращая действие в лоно объективной – уже не природной, а исторической – необходимости и тем самым парадоксальным образом воспроизводя ту самую модель причинности по законам, от которой отталкивался Кант. Этот парадокс – марксизм как одновременно наследник и оппонент кантовско-фихтевской метафизики свободы –

образует фон, на котором отчётливо выступает специфика активизма, требующего причинности через свободу, а не исторической необходимости.

Два метафизических горизонта как диагностическая шкала

Ценностная рефлексия, конституирующая активизм, содержательно определённа: движение легитимирует себя через исторически сложившийся набор ценностей, тяготеющий к одному из двух метафизических полюсов.

Либеральный горизонт, восходящий к Дж. Локку и развитый А. Смитом, Дж.С. Миллем и, в XX веке, Ф. Хайеком, центрирован не на коллективном субъекте, а на автономном индивиде и его неотчуждаемых, догосударственных правах; свобода мыслится здесь как изначальный, естественный модус человеческого бытия [14; 15]. Активизм, легитимированный этим горизонтом, принимает форму защиты – сопротивления вторжению, отстаивания прав конкретного человека перед лицом институтов принуждения: государства, корпорации или тирании большинства, о которой предупреждал Милль.

Горизонт солидарности и освобождения, восходящий к марксизму (при сохранении отмеченного выше разграничения) и развитый Д. Лукачем, А. Грамши, а на постмарксистском этапе Э. Лакло и Ш. Муфф, центрирован, напротив, на коллективном субъекте и на критике структур господства, овеществления и отчуждения; активизм здесь мыслится как борьба за культурную гегемонию, преодоление ложного сознания и восстановление неотчуждённой солидарности между теми, кто разделяет общее структурное положение [16; 17].

Существенно, однако, не само различение, устойчиво присутствующее в литературе как констатация двух традиций, а его операциональное использование. Предлагается интерпретировать горизонты не как взаимоисключающие традиции, к одной из которых можно раз и навсегда отнести движение, а как полюса единой метафизической оси, на которой конкретная практика занимает подвижную и часто внутренне неоднородную позицию. Одни требования движения – недискриминация по признаку пола или расы, апеллирующая к равенству прав автономных индивидов, – тяготеют к либеральному полюсу; другие требования того же движения – структурное перераспределение ресурсов, признание коллективной исторической травмы – к полюсу солидарности. Это переводит типологию из историко-описательного регистра в диагностический: движение картируется не по формальной принадлежности к «левому» или «либеральному» лагерю, а по эмпирически прослеживаемому балансу используемых им метафизических легитимаций. Такая диагностика объясняет внутреннюю неоднородность программных требований одного движения, не прибегая к упрощающему ярлыку, и создаёт мост к прикладному анализу конкретных его форм.

Критерии подлинности и цифровой активизм: метафизика против поведенческого критерия

Генеалогия проблемы: от Кьеркегора к слактивизму

Проведённый в разделах 1–3 анализ позволяет вывести четыре критерия, отличающие подлинное социальное действие от его имитаций; каждый следует из уже установленных координат понятия. Из различения активизма и марксистской практики (§ 1.1), где активизм требует рефлексивно принятого, а не объективно данного основания, вытекает критерий рефлексивности: субъект должен отдавать себе отчёт в предпосылках и следствиях действия, а не просто реагировать на внешний стимул. Из кантовски понятой причинности через свободу (§ 2), где ценностный закон субъект даёт себе сам, вытекает критерий единства цели и средств: если основание действия ценностно, средства не могут ему противоречить. Два дальнейших критерия требуют нового материала. Э. Блох в понятиях «конкретной утопии» и «предвосхищающего свечения» (Vor-Schein) показал, что конкретная утопия, в отличие от абстрактной, вырастает из ростков нового в недрах существующего, – отсюда третий критерий, наличие позитивного социального воображаемого: подлинный активизм несёт образ желаемого состояния дел, а не только образ того, против чего он борется [18]. Г. Дебор показал, что реальное всё чаще подменяется его репрезентацией, «спектаклем», – отсюда четвёртый критерий, связанный с требованием телесной, а не только медийной публичности (§ 1.4): способность оставлять реальный след в социальной ткани, а не исчерпываться демонстрацией [19]. Особую остроту эти критерии приобретают с переходом активистской практики в цифровое пространство, где сложилась самостоятельная, преимущественно англоязычная эмпирическая традиция, ставящая тот же вопрос в иных терминах.

Интуиция этой традиции философски предшествует самому явлению цифрового активизма. Э. Морозов, популяризовавший термин «слактивизм» в книге «Net Delusion» (2011), прямо возводит свою критику к С. Кьеркегору – к его анализу «публики» как анонимной, бестелесной, всё нивелирующей инстанции, вовлечение в которую создаёт иллюзию причастности при отсутствии личной, экзистенциально значимой ответственности [20]. Беспокойство о неаутентичности массового, обезличенного участия, таким образом, задолго до интернета было артикулировано в категориях, близких к тем, в которых разрабатываются критерии рефлексивности и реального следа. Современная дискуссия о слактивизме предстаёт не новым явлением, а технологически обусловленным изводом более старой философской проблемы.

Эмпирическая традиция: слактивизм, кликтивизм и парадокс морального лицензирования

К. Кристоферсон, К. Уайт и Дж. Пелоза дают наиболее цитируемое операциональное определение слактивизма: готовность демонстрировать поддержку социальной причине сравнительно бесплатным, символическим действием при отсутствии готовности прилагать значимые усилия для реального изменения ситуации [21]. Их исследование вскрывает и психологический механизм: социальная наблюдаемость (observability) первоначального акта оказывается ключевым модератором того, ведёт ли он к более значимому просоциальному действию или подменяет его. Если акт был публично заметен, возникает эффект морального лицензирования: человек ощущает моральный долг выполненным и с меньшей вероятностью совершает более затратные действия; если акт остался частным, вероятность более глубокого вовлечения значимо выше. Сама публичность демонстрации поддержки – казалось бы, требование, роднящее слактивизм с арендтобатлеровским пространством явления, – может тем самым работать против подлинности действия, подменяя реальное участие символическим жестом.

У. Беннетт и А. Сегерберг предлагают более нейтральную концептуализацию – «коннективное действие» (connective action): логику мобилизации, в которой персонализированные, технологически опосредованные и низкозатратные акты – репост, смена аватара, подпись электронной петиции – заменяют традиционные формы централизованно организованного коллективного действия, но не обязательно означают его деградацию, поскольку обладают собственной, сетевой, а не иерархической логикой эффективности [22]. Это существенно корректирует пейоративный дискурс о слактивизме: низкозатратность акта и его подлинность связаны не обязательно обратной зависимостью.

Эмпирическую проверку самого тезиса о слактивизме предпринял Х.С. Кристенсен, исследовавший реальное воздействие интернет-кампаний на политические решения и то, замещает ли цифровая активность офлайновые формы участия [23]. Результат оказался контринтуитивным по отношению к интуиции Морозова: устойчивого замещающего эффекта обнаружено не было – напротив, в ряде случаев цифровая активность коррелирует с усилением офлайновой мобилизации. Схожий вывод – низкопороговое цифровое участие способно выступать «шлюзом» (gateway) к более глубокому вовлечению, а не его субститутом – подтверждается и в литературе о студенческом активизме [24].

Метафизический критерий против поведенческого: почему издержки – не то же самое, что подлинность

Эти результаты указывают на методологический пробел, восполнить который призваны выведенные в разделе 4.1 критерии. Эмпирическая литература о слактивизме и кликтивизме построена вокруг поведенческого критерия – величины издержек (costs), которые несёт участник акта. Между тем она сама фиксирует два плохо согласующихся в его рамках факта: низкозатратное цифровое действие способно выступать эффективным «шлюзом» к более глубокому вовлечению, то есть к реальному следу; и одновременно именно публичная демонстративность такого действия, согласно исследованию морального лицензирования, может это углубление блокировать. Ни величина издержек, ни степень публичности сами по себе не позволяют предсказать, окажется ли акт подлинным или симулятивным: результат зависит от третьей, не редуцируемой к ним переменной.

Этой переменной оказывается наличие или отсутствие реализации ценностного основания в самой структуре практики – то, что фиксируют критерии рефлексивности, позитивного социального воображаемого и реального следа. С этой точки зрения слактивизм в морозовском изводе предстаёт частным случаем симулякра в смысле Ж. Бодрийяра [25]: он производит знак солидарности, замкнутый на самого себя и не отсылающий к реальному изменению социальных отношений.

Но источник неаутентичности заключён не в низких издержках как таковых – они, как показывает Кристенсен, совместимы с реальным следом, – а в отсутствии двух других измерений: позитивного социального воображаемого (акт не несёт образа желаемого состояния дел, а лишь маркирует непричастность к нынешнему) и реального следа (моральное лицензирование показывает, каким образом эта неспособность реализуется – через психологическое замещение дальнейшего действия уже состоявшимся жестом).

Здесь обнаруживает свою продуктивность и телесное измерение, введённое Батлер в противовес чисто вербальной, тем более чисто цифровой публичности. Если совместное телесное собрание – тела, «говорящие» самим фактом плюрального соприсутствия, – конституирует наиболее полную форму пространства политического явления [26], то цифровой, дистанцированный акт солидарности есть истончённая, лишённая телесного измерения версия этого пространства: не обязательно неаутентичная сама по себе (Батлер оговаривает возможность «солидарности на расстоянии»), но структурно более уязвимая для вырождения в симулякр, поскольку в ней отсутствует уязвимость совместно собранных тел, выступающая довербальным гарантом весомости собрания. Телесность оказывается тем самым не пятым критерием, а измерением, усиливающим или ослабляющим действие четырёх названных.

Итоговый тезис четвёртого параграфа: поведенческий критерий издержек участия, доминирующий в эмпирической традиции, фиксирует важный, но вторичный по отношению к метафизическому критерию признак. Величина издержек коррелирует с подлинностью не напрямую, а лишь постольку, поскольку статистически связана с вероятностью реализации ценностного основания в практике, – связью, которая, как показывают Кристенсен и Беннетт с Сегербергом, далеко не жёсткая. Метафизический критерий, локализующий источник (не) подлинности в структуре практики, а не в цене её совершения, обладает поэтому большей объяснительной силой и позволяет непротиворечиво описать как низкозатратную, но подлинную цифровую солидарность, так и высокозатратный, но выродившийся в ритуал офлайн-активизм.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать три взаимосвязанных результата. Во-первых, социальный активизм получил эксплицитное определение через отграничение от четырёх смежных категорий социального действия: от марксистской практики его отличает ценностный выбор как источник легитимации вместо исторической необходимости, от структурации Гидденса – конституирующая роль ценностной рефлексии, от homme capable Рикёра – специфическая направленность общей антропологической способности к действию, от арендтовского действия в ревизии Батлер – сохраняющаяся инструментальная направленность на результат при заимствовании требования публичного, в наиболее полной форме телесного, явления перед другими. Полученное рабочее определение задаёт понятийный каркас, пригодный для дальнейшего эмпирического и прикладного анализа.

Во-вторых, два метафизических горизонта активизма предложено использовать не как описательную типологию исторических традиций, а как диагностическую ось, позволяющую картировать внутреннюю, часто противоречивую структуру конкретных движений по фактическому балансу используемых ими ценностных легитимаций.

В-третьих, показано, что метафизический критерий подлинности – реализация ценностного основания в структуре практики, операционализированная через рефлексивность, единство цели и средств, позитивное социальное воображаемое и реальный след – обладает большей объяснительной силой, чем доминирующий в эмпирической литературе поведенческий критерий издержек участия. Обращение к исследованиям слактивизма и кликтивизма (Морозов, Кристоферсон – Уайт – Пелоза, Беннетт – Сегерберг, Кристенсен) и к теории телесного собрания Батлер показывает, что величина затраченных ресурсов и степень телесного соприсутствия сами по себе подлинности не гарантируют, будучи лишь статистически связаны с вероятностью реализации ценностного основания.

Дальнейшая разработка предложенной методологии связана с применением диагностической шкалы горизонтов активизма и уточнённых критериев подлинности к анализу конкретных современных, в том числе институциональных, форм активизма – что составляет предмет отдельного исследования автора.

Литература

1. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 3. М.: Госполитиздат, 1955.

2. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. М.: Академический проект, 2005.

3. Рикёр П. Путь признания: Три очерка. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.

4. Петров А.В. «Путь признания» человека способного в философии П. Рикёра // КиберЛенинка. 2014.

5. Петров А.В. Учение о «человеке способном» в философской антропологии Поля Рикёра: дис. … канд. филос. наук: 09.00.13. 2014. 203 с.

6. Арендт Х. Vita activa, или О деятельной жизни. СПб.: Алетейя, 2000.

7. Лапицкий М.И. Размышления о времени и труде (К выходу в свет книги Ханны Арендт) // Полития. 2001. № 3 (21). С. 167–176.

8. Butler J. Notes Toward a Performative Theory of Assembly. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2015.

9. Landesman T. Review: Judith Butler, Notes Toward a Performative Theory of Assembly // Antipode Online. 2016.

10. Butler J. Precarious Life: The Powers of Mourning and Violence. London: Verso, 2004.

11. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. М.: Канон-Пресс, 1998.

12. Фихте И.Г. Основы общего наукоучения // Фихте И.Г. Сочинения: В 2 т. СПб.: Мифрил, 1993. Т. 1.

13. Кант И. Критика практического разума // Кант И. Сочинения: В 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4, ч. 1.

14. Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: В 3 т. М.: Мысль, 1988. Т. 3.

15. Хайек Ф.А. фон. Дорога к рабству. М.: Новое издательство, 2005.

16. Грамши А. Тюремные тетради: В 3 ч. М.: Изд-во политической литературы, 1991. Т. 1.

17. Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy. London: Verso, 1985.

18. Bloch E. Das Prinzip Hoffnung. Bd. 1. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1959.

19. Дебор Г. Общество спектакля. М.: Логос, 2000.

20. Morozov E. The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom. New York: PublicAffairs, 2011.

21. Kristofferson K., White K., Peloza J. The Nature of Slacktivism: How the Social Observability of an Initial Act of Token Support Affects Subsequent Prosocial Action // Journal of Consumer Research. 2014. Vol. 40, № 6. P. 1149–1166.

22. Bennett W.L., Segerberg A. The Logic of Connective Action // Information, Communication & Society. 2012. Vol. 15, № 5. P. 739–768.

23. Christensen H.S. Political Activities on the Internet: Slacktivism or Political Participation by Other Means? // First Monday. 2011. Vol. 16, № 2. DOI: 10.5210/fm.v16i2.3336.

24. Cabrera N.L., Matias C.E., Montoya R. Activism or Slacktivism? The Potential and Pitfalls of Social Media in Contemporary Student Activism // Journal of Diversity in Higher Education. 2017. Vol. 10, № 4. P. 400–415.

25. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: Постум, 2015.

26. Butler J. Bodies in Alliance and the Politics of the Street // Notes Toward a Performative Theory of Assembly. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2015. Ch. 2.

THE METAPHYSICS OF SOCIAL ACTIVISM AS AN INDEPENDENT SUBJECT OF SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS: FROM VALUE CHOICE TO CRITERIA OF AUTHENTICITY

Anisimov T.Yu.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article addresses the conceptual boundary between social activism and adjacent categories of social action – Marxist practice, Giddens's structuration, Ricoeur's «capable man» (homme capable), and Arendt's «action» as later revised by J. Butler's theory of embodied assembly. Activism is defined as a value-reflexive, instrumentally directed, and bodily-public practice of transforming social relations. The two metaphysical horizons of activism are reinterpreted as a diagnostic axis, and the criteria of authenticity are compared with the empirical literature on slacktivism and clicktivism and with Butler's theory of assembly, demonstrating that the metaphysical criterion outperforms the behavioral criterion of participation cost.

Keywords: social activism; metaphysics; practice; structuration; capable man; performative assembly; criteria of authenticity; slacktivism; clicktivism; embodiment.

References

1. Marx K. Tezisy o Feierbakhe [Theses on Feuerbach]. In: Marx K., Engels F. Sochineniya [Works]. 2nd ed. Vol. 3. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1955. (In Russ.)

2. Giddens A. Ustroenie obshchestva: Ocherk teorii strukturatsii [The Constitution of Society: Outline of the Theory of Structuration]. Moscow, Akademicheskii Proekt Publ., 2005. (In Russ.)

3. Ricoeur P. Put' priznaniya: Tri ocherka [The Course of Recognition: Three Studies]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. (In Russ.)

4. Petrov A.V. «Put' priznaniya» cheloveka sposobnogo v filosofii P. Rikëra [The «course of recognition» of the capable man in P. Ricoeur's philosophy]. KiberLeninka, 2014. (In Russ.)

5. Petrov A.V. Uchenie o «cheloveke sposobnom» v filosofskoi antropologii Polya Rikëra: dis. … kand. filos. nauk: 09.00.13 [The doctrine of the «capable man» in the philosophical anthropology of Paul Ricoeur: Cand. Sci. (Philos.) diss.]. 2014. 203 p. (In Russ.)

6. Arendt H. Vita activa, ili O deyatel'noi zhizni [The Human Condition]. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2000. (In Russ.)

7. Lapitskii M.I. Razmyshleniya o vremeni i trude (K vykhodu v svet knigi Khanny Arendt) [Reflections on time and labour (On the publication of Hannah Arendt's book)]. Politiya, 2001, № 3 (21), Pp. 167–176. (In Russ.)

8. Butler J. Notes Toward a Performative Theory of Assembly. Cambridge, MA, Harvard University Press, 2015.

9. Landesman T. Review: Judith Butler, Notes Toward a Performative Theory of Assembly. Antipode Online, 2016.

10. Butler J. Precarious Life: The Powers of Mourning and Violence. London, Verso, 2004.

11. Rousseau J.-J. Ob obshchestvennom dogovore [The Social Contract]. Moscow, Kanon-Press Publ., 1998. (In Russ.)

12. Fichte J.G. Osnovy obshchego naukoucheniya [Foundations of the Entire Science of Knowledge]. In: Fichte J.G. Sochineniya: V 2 t. [Works: in 2 vols.]. St. Petersburg, Mifril Publ., 1993, Vol. 1. (In Russ.)

13. Kant I. Kritika prakticheskogo razuma [Critique of Practical Reason]. In: Kant I. Sochineniya: V 6 t. [Works: in 6 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1965, Vol. 4, part 1. (In Russ.)

14. Locke J. Dva traktata o pravlenii [Two Treatises of Government]. In: Locke J. Sochineniya: V 3 t. [Works: in 3 vols.]. Moscow, Mysl' Publ., 1988, Vol. 3. (In Russ.)

15. Hayek F.A. von. Doroga k rabstvu [The Road to Serfdom]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2005. (In Russ.)

16. Gramsci A. Tyuremnye tetradi: V 3 ch. [Prison Notebooks: in 3 parts]. Moscow, Politizdat Publ., 1991, part 1. (In Russ.)

17. Laclau E., Mouffe Ch. Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics. London, Verso, 1985.

18. Bloch E. Das Prinzip Hoffnung. Bd. 1. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1959. (In Germ.)

19. Debord G. Obshchestvo spektaklya [The Society of the Spectacle]. Moscow, Logos Publ., 2000. (In Russ.)

20. Morozov E. The Net Delusion: The Dark Side of Internet Freedom. New York, PublicAffairs, 2011.

21. Kristofferson K., White K., Peloza J. The nature of slacktivism: how the social observability of an initial act of token support affects subsequent prosocial action. Journal of Consumer Research, 2014, Vol. 40, № 6, Pp. 1149–1166.

22. Bennett W.L., Segerberg A. The logic of connective action. Information, Communication & Society, 2012, Vol. 15, № 5, Pp. 739–768.

23. Christensen H.S. Political activities on the Internet: slacktivism or political participation by other means? First Monday, 2011, Vol. 16, № 2. DOI: 10.5210/fm.v16i2.3336.

24. Cabrera N.L., Matias C.E., Montoya R. Activism or slacktivism? The potential and pitfalls of social media in contemporary student activism. Journal of Diversity in Higher Education, 2017, Vol. 10, № 4, Pp. 400–415.

25. Baudrillard J. Simulyakry i simulyatsiya [Simulacra and Simulation]. Moscow, Postum Publ., 2015. (In Russ.)

26. Butler J. Bodies in alliance and the politics of the street. In: Butler J. Notes Toward a Performative Theory of Assembly. Cambridge, MA, Harvard University Press, 2015, ch. 2.

Духовная безопасность в современном дискурсе

Ремарчук Валерий Николаевич,
доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой СГНЗ, МГТУ им. Н.Э. Баумана
E-mail: dekan.fsgn@bmstu.ru

Артемьев Алексей Александрович,
кандидат философских наук, доцент кафедры СГНЗ, МГТУ им. Н.Э. Баумана
E-mail: aleksey-artemev@bk.ru

Духовная безопасность в официальном дискурсе представляет собой не только политико-правовой феномен, но и теологическую категорию. В современном дискурсе духовная безопасность реконструируется из совокупности государственных нормативно-правовых актов, стратегических и доктринальных документов, а также конфессиональных канонических и догматических источников традиционных религиозных объединений России, где особая роль принадлежит Русской православной церкви.

Ключевые слова: духовная безопасность, нормативно-правовые акты, Русская православная церковь, религия, религиозные объединения, свобода совести и вероисповедования, традиционные духовно-нравственные ценности.

Современная российская социально-политическая реальность демонстрирует устойчивое расширение предметного поля духовной безопасности, где в существующей системе нормативно-правовых актов отчетливо усиливается аксиологическое измерение.

В официальном дискурсе понятие духовная безопасность выступает как состояние защищенности личности, общества и государства от деструктивных идеологических, информационно-психологических, экстремистских и ценностно-разрушительных воздействий при синхронном обеспечении свободы совести и вероисповедования, светского характера государства и историко-культурной преемственности.

Правовое ядро духовной безопасности не сводится исключительно только к религиозному регулированию, государственные нормативно-правовые акты прямо говорят о общих ценностях для верующих и неверующих граждан, одновременно «признавая особую роль православия в истории России, в становлении и развитии ее духовности и культуры» [2].

Эта норма важна не как основание для анализа институциональных государственно-церковных отношений, а как свидетельство того, что сам законодатель связывает духовность и культуру России с историческим вкладом Русской православной церкви, не разрушая при этом режима светскости и правового равенства других религиозных объединений.

Сложность проблемы состоит в том, что понятие духовная безопасность в действующем федеральном законодательстве не закреплено в виде одной исчерпывающей легальной дефиниции. Однако отсутствие данной дефиниции не означает недостаток нормативно-правового содержания. В данной ситуации, исследователь сталкивается с проблемой, когда понятие должно быть реконструировано путем системного ознакомления с нормативно-правовыми актами и другими источниками по данной проблематике.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации от 02.07. 2021 года прямо относит «укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей, сохранение культурного и исторического наследия народа России» к числу национальных интересов России и стратегических национальных приоритетов [3].

Кроме того, данный нормативно-правовой акт координирует защиту ценностей с задачей развития безопасного информационного пространства и защиты общества от деструктивного информационно-психологического воздействия, что делает ценностное измерение не вторичным, а структурным элементом всей системы безопасности. Тем самым на уровне официального правового языка духовно-нравственная сфера перестает быть факультативным приложением к политике и становится самостоятельным объектом государственной защиты.

Конституционное ядро рассматриваемой проблематики задается, прежде всего, нормами о свободе, равенстве, светскости и допустимых пределах государственного вмешательства. В статье 14 Конституции РФ закреплено: «Российская Федерация – светское государство. Никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом» [1].

Статья 14 Конституции РФ, по нашему мнению, имеет двойное смысловое значение в контексте духовной безопасности. Во-первых, она исключает допустимость отождествления духовной безопасности с установлением государственной религии или клерикализации российской власти. Во-вторых, она не устраняет из правового пространства саму духовно-нравственную проблематику, поскольку светскость в российской конституционной модели не равна религиозной пустоте, а означает институциональное отделение религиозных объединений от государства при сохранении свободы совести и вероисповедования, а также взаимодействия религиозных объединений с государственными институтами.

Духовная безопасность не может определяться и как право государства произвольно санкционировать «правильное» мировоззрение, напротив, она должна быть осмыслена как деятельность в конституционно допустимых пределах, совместимая и с идеологическим плюрализмом, и с охраной нравственных и религиозных оснований общественной жизни.

Особое значение для современной реконструкции понятия духовная безопасность имеет статья 67.1 Конституции Российской Феде-

рации. В ее тексте сказано: «сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога». Вместе с тем в статье 67.1 возлагается на государство обязанность создавать условия, способствующие всестороннему духовному и нравственному развитию детей. Тем самым конституционный текст соединяет свободу мировоззренческого выбора с обязанностью государства обеспечивать условия межпоколенческой передачи нравственных, культурных и религиозных традиций [1].

В тоже время включение в Конституцию РФ указания на «веру в Бога» не означает отказа от светского характера государства. Нормативно-правовое признание историко-культурной роли Русской православной церкви и «уважая христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, составляющие неотъемлемую часть исторического наследия народов России»[1] совместимо с принципом светскости государства и не создаёт режима обязательной религиозности российского общества.

Следовательно, духовная безопасность, если она претендует на научную и правовую корректность, должна описываться и как категория ценностной и религиозной устойчивости общества, принимая веру в Бога, что является жизненно важным основанием для определенной части российского социума.

В тоже время появляется проблема, каким образом в светском, идеологически плюралистическом и правовом государстве возможно нормативное закрепление духовно-нравственных ориентиров без скатывания к религиозному принуждению или наоборот к секулярному обществу и богоборческому государству.

Решение данной проблемы не может отражаться в одном юридическом документе, она складывается из множества нормативно-правовых актов, состояния вероисповедной политикой государства, а также из официального религиозного (церковного) дискурса, который, не будучи источником государственного права, выступает признанным государством и правом историко-культурном и социальным фактором.

Наконец, сама социально-политическая реальность, в которой осмысляется духовная безопасность, прямо описана в официальных нормативно-правовых актах через язык угроз, таких как деструктивное информационно-психологическое воздействие, размывание традиционных ценностей, экстремистская идеология, давление на молодежную среду, необходимость укрепления исторической памяти и культуры, образования и воспитания молодежи.

Следовательно, феномен духовной безопасности в современном официальном дискурсе не является только ретроспективным культурологическим и религиозным конструктом, он связан с конкретными механизмами защиты общества в условиях медиатизации, мировоззренческой конкуренции и технологически усиленного воздействия на сознание личности и общества.

Нормативный каркас понятия духовной безопасности задается и Федеральным законом «О безопасности» от 28.12.2010 № 390-ФЗ, в официальном тексте данного закона указано, что государственная политика в области обеспечения безопасности является «частью внутренней и внешней политики» Российской Федерации [4].

Федеральный закон также фиксирует, что основными принципами обеспечения безопасности являются, в частности, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина, законность, а также «системность и комплексность». Это означает, что любая конструкция духовной безопасности должна иметь системный характер и быть подчинена приоритету права, а не администрирования ценностей вне закона.

Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» закрепляет еще более предметное содержание этого направления. В ней специально подчеркивается, что система обеспечения информационной безопасности является «частью системы обеспечения национальной безопасности». Среди основных задач государственной политики в данной сфере названа «нейтрализация информационного воздействия, направленного на размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [5].

Доктрина информационной безопасности 2016 года конкретизирует этот вектор через задачу противодействия угрозам, направленным на «размывание традиционных российских духовно-нравственных ценностей». Из этого следует, что проблемы цифрового суверенитета, информационное противоборство в медиа пространстве, манипулятивные PR-технологии, деструктивные идеологии являются в официальном правовом дискурсе угрозами духовной безопасности России. Отсюда следует, что информационный аспект духовной безопасности не является внешним по отношению к системе обеспечения национальной безопасности, а встроен в нее как самостоятельное направление правового и политического регулирования.

Значимую роль в политико-правовой реконструкции понятия духовная безопасность обладают и другие нормативно-правовые акты, которые на первый взгляд не относятся непосредственно к сфере национальной безопасности.

Так, Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ определяет воспитание как «деятельность, направленная на развитие личности, формирование у обучающихся трудолюбия, ответственного отношения к труду и его результатам, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, традиционных российских духовно-нравственных ценностей …» [6].

Аналогично и Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30.12.2020 № 489-ФЗ направляет молодежную политику «на гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодых граждан». Эти нормы показывают, что духовная безопасность реализуется не только в охранительном и защитном режиме, но и через позитивное правовое регулирование воспитания молодых граждан России [7].

Наиболее содержательно аксиологическое наполнение духовной безопасности раскрывается в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

В официальном тексте указано, что «Христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, являющиеся неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия, оказали значительное влияние на формирование традиционных ценностей, общих для верующих и неверующих граждан. Особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православию» [8].

Кроме того, выше указанный нормативно-правовой акт говорит об угрозах традиционным ценностям со стороны экстремистских и террористических организаций, а также фиксирует направление государственной защиты от внешнего деструктивного информационно-психологического воздействия. Из этого следует, что духовная безопасность в официальном государственном дискурсе понимается не просто как защита религиозных чувств или абстрактной морали, а как противодействие системным процессам ценностной эрозии.

Важный историко-культурный контекст реконструкции духовной безопасности задает Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808»Об утверждении Основ государственной культурной политики». В официальном тексте прямо указано, что «в формировании системы ценностей России особую роль сыграло православие» [9].

Таким образом, российское правовое поле четко указывает на первостепенную важность и особую роль православия и Русской православной церкви в сфере духовной безопасности России.

Существуют и внутрицерковные документы по вопросам достоинства личности, свободы, права, культуры, образования, нравственности и отношения к обществу и государству [10].

Православное понимание духовной безопасности связывает её с пребыванием человека в истине Христовой, с сохранением его души от греховной поврежденности и ложных учений, которая делает его свободным от лжи, самообмана и нравственного распада. Апостольское же предостережение «и не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь обновлением ума вашего» (Рим. 12:2) показывает, что угроза духовной безопасности возникает тогда, когда человеческое сознание пассивно принимает формы мира вместо их критического и нравственно-религиозного преображения.

Священное Писание указывает и на собственно конфликтный характер духовной реальности: «потому что наша брань не против крови и плоти» (Еф. 6:12), а потому духовная безопасность не может быть объяснена исключительно социологически или политологически, она предполагает признание того, что разрушение человека и общества начинается из более глубокой области, чем институциональный кризис.

В этом же ряду стоит и апостольское требование: «Трезвитесь, бодрствуйте» (1 Пет. 5:8), которое вводит категорию постоянной духовной бдительности как условия сохранности личности и общества. Но поскольку истина в христианстве не является частным достоянием отдельного сознания, духовная безопасность имеет не только антропологическое, но и экклезиологическое измерение, которое охватывает природу самой Церкви. Апостол Павел определяет дом Божий как «Церковь Бога живаго, столп и утверждение истины» (1 Тим. 3:15), а святитель Иоанн Златоуст радикализует этот тезис формулой: «Церковь есть столп вселенной» [15].

Отсюда следует, что духовная безопасность общества не может быть исследована вне вопроса о Церкви как о носительнице и хра-

[1] Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 № 125-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (дата обращения: 27.07.2026).

нительнице истины, поскольку вне церковной полноты рассеивается критерий различения подлинного и ложного, нравственности и национальной идентичности.

Следовательно, духовная безопасность выступает не только политико-правовой категорией, но и теологической, затрагивающей единство исторической памяти, ценностное воспроизводство общества и устойчивость национальной безопасности. Однако из этого не следует, что Русская православная церковь мыслится как замена государства в сфере духовной безопасности. Целью Церкви является «вечное спасение людей», тогда как государство ориентировано на иные, земные цели и задачи, более того, Церковь не должна выполнять функции государства. Вместе с тем Церковь «несет полноту ответственности за распространение Истины Христова Евангелия» [16].

В случае угроз, затрагивающих «духовной самобытности народа», Церковь может обращаться к государственной власти.

Таким образом, в религиозном аспекте духовная безопасность определяется как многослойный феномен, включающий состояние защищенности души человека, церковное хранение истины и общественное воспроизводство традиционных духовно-нравственных оснований жизни. Ее современная актуальность в России подтверждается тем, что государственная стратегия прямо увязывает традиционные ценности с национальной безопасностью, а официальные документы Русской православной церкви задают модель различия и взаимодействия церковных и государственных институтов.

Духовную безопасность можно представить как состояние и процесс оберегание истины, предания и ценностного порядка, при котором личность и общество сохраняет способность к жизни с Богом, общество стремится к нравственному воспроизводству, а государство опирается на традиционные духовно-нравственные основания своего исторического бытия.

Таким образом, духовная безопасность в православном контексте – это состояние защищенности души от всего, что может повредить ее связь с Богом, исказить ее нравственный облик и отвратить от спасения. Это комплекс мер и принципов, направленных на сохранение чистоты православной веры, укрепление духовного здоровья и противостояние негативным духовным влияниям. Духовная безопасность – это не статичное состояние, а постоянный процесс борьбы за свою душу. Она требует постоянного внимания, усилий и смирения перед Богом. Это путь к духовному росту, укреплению веры и спасению.

В тоже время церковные источники и документы не могут подменять государственные нормативно-правовые акты, но они необходимы для понимания того, как один из ключевых религиозных и историко-культурных субъектов российской государственности интерпретирует духовное измерение национальной безопасности. Их упоминание оправдано не конфессиональной ангажированностью авторов, а официальным признанием исторической роли православия в законодательстве и актах государственной культурной политики.

В «Основах учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека» прямо утверждается, что «права человека не могут быть выше ценностей духовного мира». В том же документе сказано, что «свобода выбора не есть абсолютная и конечная ценность» [11].

Из этого следует, что официальные церковные документы дополняют аксиологическое содержание реконструкцию понятия духовной безопасности России.

Для анализа феномена духовной безопасности церковные источники и документы важны как официальная доктринальная позиция крупнейшего традиционного религиозного объединения России, объясняющая, почему в русском православном дискурсе: право, свобода и достоинство не могут быть оторваны от нравственной ответственности и духовного измерения человека.

Важнейшим следствием такого подхода становится профилактический характер мер по обеспечению духовной безопасности России.

Указ Президента России от 28 декабря 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации», упоминает о информационно-психологическом воздействии на российское обшество, прежде всего на молодежь, и одновременно подчеркивает важность образования как инструмента защиты традиционных духовно-нравственных ценностей [12].

Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» определяет «создание к 2030 году условий для воспитания гармонично развитой, патриотичной и социально ответственной личности на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей» [13].

Однако роль духовно-нравственных ценностей в официальном российском праве не должно означать, что государство получает неограниченное право ограничивать права и свободы по мотиву ее несоответствия преобладающим представлениям о духовности и нравственности. Данное положение принципиально важно, так как оно не позволяет подменять духовную безопасность инструментом мировоззренческого подавления. Следовательно, в научной трактовке духовная безопасность должна рассматриваться как нормативно-правовая защита ценностного порядка, но не как юридическое оправдание произвольного преследования «нетипичных» убеждений.

Таким образом, необходимо детализировать российскую модель духовной безопасности, где государство является светским, но не обязано быть аксиологически безразличным к вопросам традиционных ценностей, исторической памяти, семьи, нравственного воспитания, религиозного и культурного наследия, национального единства. В этом состоит важное отличие российской политико-правовой конструкции от либеральных и радикально секуляристских моделей, стремящихся полностью вытеснить религиозный фактор из публичной сферы.

В «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» существуют разделение церковных и государственных полномочий, где сотрудничество государства и Церкви «основано на взаимном невмешательстве» [14].

Это положение важно в качестве методологического ограничителя, участие церковного дискурса в формировании представлений о духовной безопасности не означает подмены государственных нормативно-правовых актов богословием. Напротив, исследуемый феномен существует именно на пересечении светского права и исторически значимой духовной традиции, причем обе стороны этого пересечения имеют официальное признание и официальные пределы.

В современных условиях безопасность традиционных ценностей в информационном пространстве следует понимать, как два взаимосвязанных аспекта единого процесса. Современное информационное пространство отражает мировосприятие современного общества и является концептуальным пространством воздействия на ценностные установки личности и общества. Безопасность традиционных ценностей в официальном политико-правовом дискурсе не может ограничиваться декларацией культурной и исторической преемственности, она требует современных доктрин, стратегий, воспитательных программ, результативной образовательной и молодежной политики, антиэкстремистской профилактики и конституционного контроля информационного пространства. Именно в таком комплексном виде духовная безопасность и выступает феноменом современной социально-политической реальности.

Современная российская социально-политическая и правовая реальность демонстрирует, что духовная безопасность более не может описываться как исключительно светская нормативно-правовая и политологическая категория. В тоже время духовная безопасность не тождественна религиозной или конфессиональной безопасности. Официальные нормативно-правовые акты подчеркивают, как общность ценностей для верующих и неверующих граждан, так и особую роль православия в формировании системы ценностей российского общества и государства. Тем самым складывается следующая модель духовной безопасности, в которой ценностная, религиозная преемственность сочетается с конституционной светскостью и правовым равенством граждан. Политико-правовой смысл духовной безопасности раскрывается через баланс свободы и ограничения, где светское государство обязано охранять нравственные основания общественной жизни, но не вправе превращать эту защиту в произвольное подавление свободы совести и вероисповедования, а также давление на мировоззренческое многообразие.

Духовная безопасность в современном официальном дискурсе представляет собой не только политико-правовой феномен, реконструируемый из совокупности государственных нормативно-правовых актов, но и религиозную категорию. Ее ядро образуют защита традиционных духовно-нравственных ценностей, сохранение исторической памяти, обеспечение свободы совести и вероисповедования, противодействие экстремизму и деструктивному информационно-психологическому воздействию на сознание личности и общества. Духовная безопасность имеет не только политико-правовое измерение, но и теологическое, где духовная безопасность находится не где-то во внешнем мире, а в человеческой душе, а угрозами являются страсти и грехи, которые управляют человеком.

Таким образом, духовную безопасность в современном дискурсе необходимо понимать как аксиологически насыщенную часть общей системы национальной безопасности России, где Русская православная церковь является исторически значимым фактором формирования национальной идентичности и выступает духовно-нравственным субъ-

ектом социализации личности, социально-политической стабильности общества и межконфессионального согласия.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/3655bfcee47bf17d80f9ddbf47d99b3ab4139fde/ (дата обращения: 25.07.2026).

2. Федеральный закон «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 26.09.1997 № 125-ФЗ (последняя редакция). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (дата обращения: 27.07.2026).

3. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (дата обращения: 29.06.2026).

4. Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности», ст. 4; официальный URL: https://www.kremlin.ru/acts/bank/32417 (дата обращения: 07.07.2026).

5. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации». URL: https://base.garant.ru/71556224/(дата обращения: 29.06.2026).

6. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (последняя редакция) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 29.06.2026).

7. Федеральный закон «О молодежной политике в Российской Федерации» от 30.12.2020 № 489-ФЗ (последняя редакция) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/ (дата обращения: 29.06.2026).

8. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 (ред. от 04.03.2026) «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения: 29.06.2026).

9. Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» (с изменениями и дополнениями). URL: https://base.garant.ru/70828330/ (дата обращения: 29.06.2026).

10. Официальный сайт Московского Патриархата. Основные документы. URL: https://www.patriarchia.ru/article/109170 (дата обращения: 29.06.2026).

11. Официальный сайт Московского Патриархата. «Об основах учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека». URL: https://www.patriarchia.ru/article/88791 (дата обращения: 29.06.2026).

12. Указ Президента России от 28 декабря 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411135491/ (дата обращения: 29.06.2026).

13. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408892634/ (дата обращения: 29.06.2026).

14. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека. – М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2018. – 176 с.

15. Сагарда Н.И. Учение святого Иоанна Златоустого о Церкви // Церковный Вестник. 1907. № 46. С. 1067–1082.

16. Собрание документов Русской Православной Церкви. Т. 2, ч. 2: Деятельность Русской Православной Церкви. – М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2015. – 528 с. URL: https://azbyka.ru/otechnik/pravila/sobranie-dokumentov-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi-tom-2-chast-2/4#source (дата обращения: 08.08.2026).

SPIRITUAL SECURITY IN MODERN DISCOURSE

Remarchuk V.N., Artemyev A.A.
Bauman Moscow State Technical University

In official discourse, spiritual security is not only a political and legal phenomenon but also a theological category. In contemporary discourse, spiritual security is reconstructed from a combination of state regulations, strategic and doctrinal documents, as well as confessional, canonical, and dogmatic sources of traditional religious associations in Russia, with the Russian Orthodox Church playing a special role.

Keywords: spiritual security, regulations, Russian Orthodox Church, religion, religious associations, freedom of conscience and religion, traditional spiritual and moral values.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/3655bfcee47bf17d80f9ddbf47d99b3ab4139fde/ (Accessed July 25, 2026).

2. Federal Law «On Freedom of Conscience and Religious Associations» dated September 26, 1997 № 125-FZ (latest revision). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/ (Accessed on July 27, 2026).

3. Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 № 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/ (Accessed on June 29, 2026).

4. Federal Law of December 28, 2010 № 390-FZ «On Security», Article 4; Official URL: https://www.kremlin.ru/acts/bank/32417 (Accessed July 7, 2026).

5. Decree of the President of the Russian Federation of December 5, 2016 № 646 «On Approval of the Doctrine of Information Security of the Russian Federation.» URL: https://base.garant.ru/71556224/(Accessed on June 29, 2026).

6. Federal Law «On Education in the Russian Federation» dated December 29, 2012 № 273-FZ (latest revision) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (Accessed on June 29, 2026).

7. Federal Law «On Youth Policy in the Russian Federation» dated December 30, 2020 № 489-FZ (latest revision) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_372649/ (Accessed on June 29, 2026).

8. Decree of the President of the Russian Federation dated November 9, 2022 № 809 (as amended on March 4, 2026) «On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values». Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (Accessed on June 29, 2026).

9. Decree of the President of the Russian Federation of December 24, 2014 № 808 «On Approval of the Fundamentals of State Cultural Policy» (with amendments and additions). Available at: https://base.garant.ru/70828330/ (Accessed on June 29, 2026).

10. Official website of the Moscow Patriarchate. Key documents. Available at: https://www.patriarchia.ru/article/109170 (Accessed on June 29, 2026).

11. Official website of the Moscow Patriarchate. «On the Fundamentals of the Russian Orthodox Church's Teaching on Human Dignity, Freedom, and Rights.» URL: https://www.patriarchia.ru/article/88791 (Accessed June 29, 2026).

12. Decree of the President of Russia of December 28, 2024, № 1124, «On Approval of the Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation.» URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411135491/ (Accessed June 29, 2026).

13. Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2024 № 309 «On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030 and for the Perspective up to 2036.» URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408892634/ (Accessed June 29, 2026).

14. Fundamentals of the Social Concept of the Russian Orthodox Church. Fundamentals of the Teaching of the Russian Orthodox Church on Dignity, Freedom, and Human Rights. Moscow: Publishing House of the Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church, 2018. – 176 p.

15. Sagarda N.I. Teaching St. John Chrysostom's Words on the Church // Church Bulletin. 1907. № 46. Pp. 1067–1082.

16. Collection of documents of the Russian Orthodox Church. Vol. 2, part 2: Activities of the Russian Orthodox Church. Moscow: Publishing House of the Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church, 2015. 528 p. URL: https://azbyka.ru/otechnik/pravila/sobranie-dokumentov-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi-tom-2-chast-2/4#source (Accessed 08/08/2026).

Творчество как способ человеческого бытия и основа развития личности

Арутюнян Марина Нелсоновна,
доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Филиал Ставропольского Государственного Педагогического Института в г. Железноводске
E-mail: marinaru04@mail.ru

В статье представлен онтологический, антропологический и аксиологический анализ творчества. Особое внимание уделяется философии Н.А. Бердяева, экзистенциальной традиции М. Хайдеггера. Раскрываются механизмы самореализации личности, роль свободы как условия творчества. Анализируются вызовы современной культуры (имитационное творчество) и значение образования для развития творческой личности. Обосновывается, что творчество является фундаментальной характеристикой человеческого существования, без которой личность не может развиваться подлинно.

Ключевые слова: творчество, бытие, личность, свобода, самореализация, Н.А. Бердяев, М. Хайдеггер, имитационное творчество, образование, духовное становление.

Творчество является одним из фундаментальных феноменов человеческого существования. На протяжении всей истории философской мысли оно рассматривалось как способность, отличающая человека от всех других живых существ, как путь к познанию истины, как форма отношения человека к миру и к самому себе. Вместе с тем именно в творчестве наиболее полно раскрывается сущность человека как существа, не просто приспосабливающегося к окружающей действительности, но активно преобразующего её в соответствии со своими целями, ценностями и представлениями о должном [15].

Философское осмысление творчества имеет глубокие корни. Уже в античной философии были заложены первые представления о творческом начале в человеке. Платон рассматривал творчество как устремлённость к высшему, «умному» созерцанию мира, моментом которого и выступает творческий акт [15]. В средневековой философии творчество понималось прежде всего как волевой акт, вызывающий бытие из небытия, как соучастие человека в божественном замысле о мире [15]. Эпоха Возрождения с её пафосом безграничных творческих возможностей человека поставила в центр философской рефлексии личность гения как носителя творческого начала [15]. Завершённая концепция творчества была создана И. Кантом, который связал творчество с продуктивной способностью воображения и с трансцендентальными условиями познания [15].

Однако наиболее глубокое и всестороннее осмысление творчество получило в русской религиозной философии, прежде всего в работах Н.А. Бердяева. Для Бердяева творчество – это не просто одна из форм человеческой деятельности, а необходимый «императив» человеческого существования, символ богоподобия человека, путь возврата к Богу и соединения с божественным. «Творческий акт всегда есть освобождение и преодоление. В нём есть переживание силы… Творчество по существу есть выход, исход, победа», – писал философ [1]. Бердяев противопоставлял «бытию» «творчество»: «Творчество не есть „жизнь», творчество есть прорыв и взлёт, оно возвышается над „жизнью» и устремлено за границы, за пределы, к трансцендентному» [1; 3].

С.Л. Франк развивал идею творчества как важнейшей экзистенциально-родовой характеристики человека. Бог определяет бытие человека как «свободное самобытие», а самого человека – как существо, в котором он продолжает творение мира. Отсутствие творческой активности, по Франку, свидетельствует о ненормальном состоянии человека. Именно творческая духовная активность человека вносит нечто новое в его бытие. Франк называет творчество основой развития человека и залогом его нравственного поведения, а творческий процесс он рассматривает как процесс неустанного становления личности, её постоянного нравственного совершенствования [12].

Проблема творчества как способа человеческого бытия и основы развития личности остаётся одной из центральных в современной философской антропологии. Она требует комплексного подхода, объединяющего онтологический, аксиологический, гносеологический и социально-философский аспекты анализа [8].

В античной философии творчество первоначально не выделялось в качестве самостоятельного предмета рефлексии. Как отмечает философский энциклопедический словарь, в античной философии творчество связывается со сферой конечного, преходящего и изменчивого бытия («бывания»), а не бытия бесконечного и вечного; созерцание этого вечного бытия ставится выше всякой деятельности, в том числе и творческой [15]. Такое понимание обусловлено онтологическими предпосылками античного мышления, в котором подлинным бытием обладают вечные и неизменные идеи, тогда как всякое изменение и становление рассматривается как нечто вторичное и производное.

В понимании художественного творчества, которое первоначально не выделялось из общего комплекса созидательной деятельности (ремесла и т.д.), в дальнейшем, особенно начиная с Платона, развивается учение об Эросе как о своеобразной устремлённости («одержимости») человека к достижению высшего («умного») созерцания мира, моментом которого и выступает творчество [15]. Платон рассматривает творчество не как создание чего-то принципиально нового, а как припоминание душой того, что она созерцала в мире идей. Творчество, таким образом, оказывается не производством нового, а воспроизведением вечного и неизменного [15].

В средневековой философии воззрения на творчество связаны с пониманием Бога как личности, свободно творящей мир. Творчество предстаёт, таким образом, как волевой акт, вызывающий бытие из небытия. Августин и в человеческой личности подчёркивает значение воли. Человеческое творчество выступает у него прежде всего как творчество истории: именно история есть та сфера, в которой конечные человеческие существа принимают участие в осуществлении божественного замысла о мире [15].

Принципиальное отличие средневекового понимания творчества от античного состоит в том, что творчество приобретает личностный характер. Если в античности творчество рассматривалось как безличный процесс становления космоса, то в средневековой философии оно становится актом воли, личностным решением, формой соучастия в творении мира Богом. Это создаёт предпосылки для понимания творчества как уникального и неповторимого акта, что станет особенно важным в философии Нового времени [15].

Поворотным пунктом в философском осмыслении творчества стала немецкая классическая философия, прежде всего работы И. Канта. Кант создаёт завершённую концепцию творчества, в которой центральное место занимает продуктивная способность воображения. Творчество, по Канту, не является простым воспроизведением того, что уже существует в опыте; оно предполагает активную деятельность трансцендентального субъекта, конституирующего предмет познания [15].

В «Критике чистого разума» Кант различает репродуктивное воображение, подчинённое законам ассоциации и воспроизводящее уже существующие представления, и продуктивное воображение, которое является спонтанной деятельностью рассудка и лежит в основе синтеза чувственного многообразия. Именно продуктивное воображение обеспечивает возможность априорных синтетических суждений, составляющих, по Канту, основу научного познания [15]. В «Критике способности суждения» Кант обращается к анализу художественного творчества. Гений, по Канту, – это талант создавать то, для чего не может быть дано никакого определённого правила. Произведения гения являются образцами, то есть служат мерилом для подражания. Гений сам не знает, как в нём возникают его идеи, и не может научить этому других. Творчество, таким образом, оказывается принципиально неалгоритмизируемой, спонтанной деятельностью, не сводимой к правилам и предписаниям [15].

Г. В.Ф. Гегель развил понимание творчества как диалектического процесса саморазвития абсолютного духа. В его философии творчество предстаёт как необходимый момент самопознания и самореализации духа, как процесс, в котором субъективное и объективное, конечное и бесконечное, свобода и необходимость находят своё разрешение в конкретном единстве. Творчество, по Гегелю, – это не просто создание нового, а процесс, в котором дух возвращается к самому себе через отчуждение и преодоление этого отчуждения [15].

Особое место в философском осмыслении творчества занимает русская религиозная философия конца XIX – первой половины XX века. Центральной фигурой здесь является Н.А. Бердяев, чья работа «Смысл творчества» (1916) стала одним из наиболее значительных произведений, посвящённых этой проблеме [1; 4; 5; 18]. В этой работе Бердяев видит в творчестве главные акценты оправдания человека творчеством и через творчество, создавая антроподицею, где человек продолжает совершенствовать мир [6].

Для Бердяева творчество – это не просто деятельность, порождающая нечто новое. Это способ человеческого бытия, выходящий за пределы обыденного существования. Творчество всегда есть выход, исход, победа. Оно не есть «жизнь» в её обыденном, приземлённом понимании; творчество есть прорыв и взлёт, оно возвышается над «жизнью» и устремлено за границы, за пределы, к трансцендентному. Творчество, по Бердяеву, есть творчество из ничего, то есть из свободы. Оно не детерминировано бытием, не выводимо из бытия [1; 3].

Другой выдающийся русский философ, С.Л. Франк, также рассматривал творчество как фундаментальную характеристику человеческого бытия. В его понимании, Бог определяет бытие человека как «свободное самобытие», а самого человека – как существо, в котором он продолжает творение мира. Отсутствие творческой активности свидетельствует о ненормальном состоянии человека. Именно творческая духовная активность человека вносит нечто новое в его бытие [12].

Франк называет творчество основой развития человека и залогом его нравственного поведения, а творческий процесс он рассматривает как процесс неустанного становления личности, её постоянного нравственного совершенствования. Важнейшим долгом человека, по Франку, является забота о духовно-нравственном и творческом возрастании своей личности. Так как личность может развиваться лишь в живом общении с Богом и в творческом раскрытии, творчество оказывается не просто одной из форм деятельности, а способом подлинного существования человека [11; 12].

Онтологический статус творчества определяется прежде всего тем, что оно представляет собой способ выхода человека за пределы природной и социальной предзаданности. Человек, в отличие от животных, не обладает фиксированной программой поведения, жёстко определяющей его отношение к миру. Он не вписан в природную среду как её органическая часть, но противостоит ей как субъект, способный преобразовывать её в соответствии со своими целями и ценностями [7; 8].

Н.А. Бердяев подчёркивал, что человек, опираясь на свои творческие способности, стремится преодолеть природную предзаданность, раздвинуть её границы и шагнуть на принципиально иной уровень бытия. Только такое бытие видится философу подлинным и идеальным. Природный физический мир существует и развивается, подчиняясь законам всеобщей необходимости. Законы природы объективны и неотвратимы. Они воплощают в себе некую не имеющую начала необходимость. Но человек не просто подчиняется этим законам – он стремится выйти за их пределы, создать свой собственный мир, отражающий его личность и его ценности [1; 3].

Творчество как преодоление предзаданности имеет два взаимосвязанных аспекта: негативный и позитивный. Негативный аспект состоит в отрицании, преодолении, разрушении существующих форм и структур, ограничивающих человеческую свободу. Позитивный аспект состоит в создании новых форм, новых смыслов, новых ценностей. Творческий акт всегда включает в себя оба эти момента: чтобы создать новое, необходимо преодолеть старое, выйти за его пределы [7].

Марксистская философия также подчёркивала преобразовательный характер творчества. Для марксистов главной задачей творчества является преобразование окружающей действительности в соответствии с потребностями человека и человечества в целом. Творчество – это прежде всего деятельность созидательная. Именно сознательность творческих решений человека, а не запрограммированность его действий объясняет такие характерные черты процесса творчества, как неповторимость, уникальность, оригинальность [7].

Творить, по мнению марксистов, может только человек – субъект творческой деятельности. Процессы, происходящие в природе и напоминающие творческую деятельность, скорее можно назвать развитием. Поэтому мнение о том, что природа тоже творит, категорически отрицалось диалектическим материализмом, а предпосылки творчества можно найти исключительно у человека [7].

Свобода является необходимым онтологическим условием творчества. Без свободы творчество невозможно, ибо творчество есть создание того, что не было предопределено, что не вытекает с необходимостью из существующего положения вещей. Творческий акт всегда предполагает выбор, а выбор предполагает свободу [1; 3]. В философии Н.А. Бердяева свобода первична по отношению к бытию. Бытие в антионтологии Бердяева уступает первенство свободе потому, что для него оно остаётся только объектом; свобода не детерминирована бытием, не выводима из бытия. Творчество возможно только потому, что человек свободен. Более того, творчество само есть проявление свободы, её реализация в мире [1; 3].

Связь свободы и творчества раскрывается в философии Бердяева через понятие «творческой свободы». Для него идея творческой свободы человека неразрывно связана со страстным, по-библейски богопочитанием. Ныне человек в свои руки перенимает дело творчества, но не как бунтарь, а как рыцарь, призванный спасти не только мир, но и дело самого Бога. Творчество, таким образом, оказывается не бунтом против божественного порядка, а соучастием в нём, продолжением божественного дела миротворения [1; 3].

Однако свобода как условие творчества не означает отсутствия детерминации вообще. Творческий акт всегда осуществляется в определённом социально-историческом контексте, он подвержен влиянию окружающего мира и формам уже созданной культуры. Как отмечается в философской литературе, особенностью творческой деятельности является то, что субъект творчества всегда включён в определённые социально-исторические условия, подвержен влиянию окружающего мира и формам уже созданной культуры. При этом выдвижение новых идей невозможно в рамках традиций, сложившихся и ставших привычными теорий и связанных с ними методов. Одним из обязательных условий развития любого творчества является свобода критики, творческих дискуссий, обмена и борьбы мнений. Догматизация достигнутого уровня знаний, авторитет преходящих истин тормозит любое творческое развитие [7].

Проблема подлинного существования является одной из центральных в экзистенциальной философии. В контексте осмысления творчества она приобретает особое значение, поскольку творчество

рассматривается как способ выхода за пределы неподлинного, обезличенного, повседневного существования к существованию подлинному, аутентичному, связанному с реализацией человеком своей сущности [13; 14].

М. Хайдеггер утверждал тождественность онтологической природы человека и художественного творения, выражая это в формуле определения подлинности человеческого бытия: «Поэтически живет человек». Это стало открытием самой возможности вхождения в эстетическое измерение, которое становится для экзистенциального субъекта своеобразным трамплином, выбрасывающим за пределы «здесь и теперь», лежащего в основе повседневного, неподлинного, обезличенного существования, на путь, который выводит к открытию подлинности бытия, где «творится свершение истины» [13].

Эстетическое предстаёт не просто как самостоятельная, а как основополагающая сфера человеческой жизни. Экзистенциальная философия утверждает не только естественность проявления эстетического, заложенного в основе человеческого бытийствования как исходного условия онтологического пребывания человека в мире – «просто быть» (С. Кьеркегор), но и вскрывает её принадлежность к сверхъестественному, метафизическому уровню бытия [14].

Творческое начало рассматривается в качестве неотъемлемой составляющей самой жизни и культуры, выступая катализатором актуализации вопросов, раскрывающих метафизический потенциал эстетического, пробуждающим новую волну онто-метафизического дискурса, обращённого к поиску восхождения к идеальному, таинственному, онтологически изначальному. «Мысль приносит радость, – пишет Т.М. Шатунова, – потому она прекрасна, истина бытия эстетична, поскольку основным способом её полагания в мир оказывается художественное творение. Онтологическое и метафизическое сближаются в поле эстетического согласия» [8].

Творчество является важнейшим фактором духовного развития личности. В процессе творческой деятельности человек не только создаёт новые материальные и духовные ценности, но и развивает самого себя, свои способности, свои сущностные силы. Творчество, по выражению С.Л. Франка, есть процесс неустанного становления личности, её постоянного нравственного совершенствования [11; 12].

Духовное развитие личности в творчестве осуществляется по нескольким направлениям. Во-первых, творчество расширяет горизонты сознания, открывает человеку новые стороны действительности, новые аспекты бытия, которые оставались скрытыми для него в рамках репродуктивной деятельности. Во-вторых, творчество развивает способности человека – его воображение, интуицию, мышление, волю. В-третьих, творчество формирует ценностное отношение к миру, развивает способность к оценке, к различению подлинного и неподлинного, значимого и незначимого [11; 12].

Важнейшим долгом человека, по Франку, является забота о духовно-нравственном и творческом возрастании своей личности. Так как личность может развиваться лишь в живом общении с Богом и в творческом раскрытии, творчество оказывается способом богообщения, формой религиозного опыта, путём к духовному совершенствованию [11; 12].

Творчество как основа самоактуализации и самореализации личности предполагает, что человек не просто адаптируется к окружающей среде, но активно преобразует её, создавая условия для собственного развития. В процессе творческой деятельности человек не просто существует – он живёт, развивается, совершенствует свою личность и способности. Творчество является условием развития личности, так как в процессе творчества осуществляются функции самореализации, самоактуализации, саморазвития [10; 16].

Креативность как ценностно-личностная созидательная категория, будучи неотъемлемой стороной человеческой духовности и условием творческого саморазвития личности, является существенным резервом её самоактуализации. Креативность выражается не столько многообразием имеющихся у личности знаний, сколько восприимчивостью, чувствительностью к проблемам, открытостью к новым идеям и склонностью разрушать или изменять устоявшиеся стереотипы с целью создания нового, получения нетривиальных, неожиданных и необычных решений жизненных проблем [16].

Личность, обладающая творческими способностями, развивается в ходе сотворческой деятельности, получая как предметный, так и личностный результат. Творчество, таким образом, оказывается не просто средством достижения внешних целей, а способом существования, в котором человек реализует свою сущность, раскрывает свой потенциал и становится тем, кем он может и должен быть [10; 16].

Творческий потенциал личности представляет собой сложное, многоуровневое образование, включающее в себя как природные задатки, так и приобретённые в процессе социализации способности, знания, умения и навыки. Творческий потенциал не является фиксированной, неизменной величиной – он развивается, обогащается, трансформируется на протяжении всей жизни человека [8; 10].

В структуре творческого потенциала личности можно выделить несколько основных компонентов. Во-первых, это когнитивный компонент, включающий в себя знания, представления, интеллектуальные способности, необходимые для творческой деятельности. Во-вторых, это эмоционально-мотивационный компонент, включающий в себя интересы, мотивы, потребности, ценностные ориентации, определяющие направленность творческой активности. В-третьих, это операциональный компонент, включающий в себя умения, навыки, способы действий, необходимые для осуществления творческой деятельности. В-четвёртых, это рефлексивный компонент, включающий в себя способность к самоанализу, самооценке, самоконтролю в процессе творческой деятельности [8; 10].

Творческий потенциал личности не сводится к сумме этих компонентов – он представляет собой их интегральное единство, целостную систему, обладающую свойством эмерджентности. Развитие творческого потенциала предполагает не просто накопление знаний и умений, но и формирование определённых личностных качеств – открытости новому опыту, толерантности к неопределённости, готовности к риску, способности к преодолению стереотипов и шаблонов [8; 10].

Творчество играет ключевую роль в формировании субъектности личности. Субъектность – это способность человека быть автором, творцом своей жизни, самостоятельно определять цели и средства своей деятельности, нести ответственность за её результаты. В творческой деятельности человек выступает не как объект внешних воздействий, а как активный субъект, преобразующий действительность в соответствии со своими целями и ценностями [10].

Таким образом, творчество и субъектность находятся в отношениях взаимной обусловленности: творчество предполагает субъектность, а субъектность развивается в творчестве. Человек становится субъектом своей жизни в той мере, в какой он творит свою жизнь, а творит он её в той мере, в какой он является субъектом [10].

Развитие личности предполагает диалектическое единство творческой и репродуктивной деятельности. Репродуктивная деятельность, направленная на воспроизведение уже существующих образцов, норм, знаний, необходима для сохранения и передачи культурного опыта, для социализации личности, для освоения ею достижений человечества. Творческая деятельность, направленная на создание нового, необходима для развития культуры, для преодоления её ограничений, для выхода за пределы существующего [7; 10].

В реальной жизни эти два типа деятельности не существуют в чистом виде. Любая творческая деятельность включает в себя репродуктивные элементы – освоение существующих знаний, овладение техниками и приёмами, следование определённым правилам. Любая репродуктивная деятельность включает в себя элементы творчества – адаптацию к конкретным условиям, модификацию, комбинирование, интерпретацию [7; 10].

Развитие личности предполагает не просто чередование творческой и репродуктивной деятельности, а их диалектическое взаимодействие, в котором репродуктивная деятельность создаёт основу для творческой, а творческая деятельность открывает новые возможности для репродуктивной. На разных этапах развития личности соотношение этих типов деятельности может меняться: в детстве преобладает репродуктивная деятельность, в зрелости – творческая; в одних сферах жизни человек может быть более творческим, в других – более репродуктивным [10].

Важно подчеркнуть, что творчество не сводится к созданию принципиально нового, никогда ранее не существовавшего. Творчество может проявляться в создании нового для данного человека, в открытии того, что уже известно человечеству, но неизвестно ему самому. В этом смысле творчество доступно каждому человеку, независимо от уровня его способностей и достижений. Творчество – это способ отношения к миру, способ деятельности, способ бытия, а не только результат [8; 10].

В современном философском и научном дискурсе понятия «творчество» и «креативность» часто используются как взаимозаменяемые. Однако между ними существует важное различие, которое необходимо учитывать при анализе творчества как способа человеческого бытия и основы развития личности [15; 16].

Творчество традиционно понимается как деятельность, порождающая нечто качественно новое, никогда ранее не бывшее. Это понятие акцентирует внимание на результате деятельности, на создании нового продукта – материального или духовного. Творчество может рассматриваться в двух аспектах: психологическом и философском. Психология творчества исследует процесс, психологический «меха-

низм» протекания акта творчества как субъективного акта индивида. Философия рассматривает вопрос о сущности творчества, который по-разному ставился в разные исторические эпохи [15].

Креативность, в отличие от творчества, акцентирует внимание не на результате, а на личности, на её способности к творчеству. Креативность – это свойство личности, которое проявляется в реализации личностного смысла средствами культуры. Креативность как ценностно-личностная созидательная категория, будучи неотъемлемой стороной человеческой духовности и условием творческого саморазвития личности, является существенным резервом её самоактуализации [16].

Различие между творчеством и креативностью важно для понимания развития личности. Творчество может быть эпизодическим, ситуативным проявлением, тогда как креативность – это устойчивая характеристика личности, определяющая её отношение к миру и к самой себе. Развитие креативности предполагает не просто овладение техниками и приёмами творческой деятельности, но и формирование определённых личностных качеств, ценностных ориентаций, способов отношения к миру [16].

Современный мир характеризуется стремительным развитием цифровых технологий, которые радикально трансформируют условия творческой деятельности. Цифровая реальность создаёт новые возможности для творчества, но одновременно порождает и новые вызовы [9; 17].

В условиях стремительных социальных и технологических изменений творчество становится способом сохранения человеческой идентичности, способом утверждения человеком своей сущности, своей уникальности, своей свободы. Творчество противостоит стандартизации, унификации, обезличиванию, которые несут с собой современные технологические и социальные процессы [10].

Творчество является одной из возможностей сохранить себя как личность. В процессе творческой деятельности человек не просто существует – он живёт, развивается, совершенствует свою личность и способности. Творчество является одной из возможностей сохранить себя как личность. В условиях, когда внешние обстоятельства постоянно меняются, когда человек вынужден адаптироваться к новым условиям, творчество становится способом сохранения внутренней целостности, способом утверждения своей субъектности [10].

Литература

1. Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. – М.: Изд-во Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1916. – 358 с.
2. Бердяев Н.А. Самопознание: Опыт философской автобиографии. – М.: Книга, 1991. – 446 с.
3. Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. – М.: Правда, 1989. – 607 с.
4. Качай И. С., Равочкин Н.Н., Петров М.А. Философия творчества: концептуальные подходы В.С. Соловьёва и Н.А. Бердяева // Философия и культура. – 2024. – № 2. – С. 14–28.
5. Левочкина А.В. Понимание творчества в работе Н.А. Бердяева «Смысл творчества» // Философия, этика, религиоведение. – Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2020. – С. 1–15.
6. Тема антроподицеи в философии П.А. Флоренского и Н.А. Бердяева // Aurora Journals. – URL: https://ru.aurora-journals.com/library_read_article.php?id=23522 (дата обращения: 15.09.2026).
7. О значении философских проблем творческой деятельности человека для прогнозирования будущего // КиберЛенинка. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-znachenii-filosofskih-problem-tvorcheskoy-deyatelnosti-cheloveka-dlya-prognozirovaniya-buduschego (дата обращения: 15.09.2026).
8. Шубина М. М., Жученко Д.А. Теоретический анализ творчества как философско-антропологического феномена // Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 111, № 4. – С. 110–114.
9. Взаимодействие с пространством виртуальности как условие творчества личности // КиберЛенинка. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-s-prostranstvom-virtualnosti-kak-uslovie-tvorchestva-lichnosti (дата обращения: 15.09.2026).
10. Творчество как основа развития личности: методические материалы // Инфоурок. – URL: https://infourok.ru/tvorstvo-kak-osnova-razvitiya-lichnosti-6575438.html (дата обращения: 15.09.2026).
11. Хаустова Н.М. Творчество как аспект духовного развития и воспитания личности в трудах С.Л. Франка // Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология. – 2013. – Вып. 3 (30). – С. 93–99.
12. Франк С.Л. Смысл жизни // Франк С.Л. Духовные основы общества. – М.: Республика, 1992. – С. 147–216.
13. Хайдеггер М. Исток художественного творения // Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. – М.: Гнозис, 1993. – С. 47–116.
14. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: Опыт феноменологической онтологии. – М.: Республика, 2000. – 639 с.
15. Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л.Ф. Ильичёв и др. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.
16. К вопросу о проявлении феномена творчества в процессе самоактуализации личности // КиберЛенинка. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-proyavlenii-fenomena-tvorchestva-v-protsesse-samoaktualizatsii-lichnosti (дата обращения: 15.09.2026).
17. Сетевое научное издание «Современные проблемы науки и образования». – URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=22545 (дата обращения: 15.09.2026).
18. Философия творчества: концептуальные подходы В.С. Соловьёва и Н.А. Бердяева // Aurora Journals. – URL: https://ru.aurora-journals.com/library_read_article.php?id=69975 (дата обращения: 15.09.2026).

CREATIVITY AS A MODE OF HUMAN EXISTENCE AND THE FOUNDATION OF PERSONALITY DEVELOPMENT

Harutyunyan M.N.
Stavropol State University Branch Pedagogical Institute In Zheleznovodsk

The article examines creativity as a mode of human being and the foundation of personal development. It presents an ontological, anthropological, and axiological analysis of creativity, paying particular attention to the philosophy of N.A. Berdyaev and the existential tradition of M. Heidegger. The mechanisms of personal self-realization and the role of freedom as a prerequisite for creativity are explored. The article also analyzes the challenges posed by contemporary culture (such as imitative creativity) and the significance of education for the development of a creative personality. It argues that creativity is a fundamental characteristic of human existence, without which a personality cannot develop authentically.

Keywords: creativity, being, personality, freedom, self-realization, N.A. Berdyaev, M. Heidegger, imitative creativity, education, spiritual formation.

References

1. Berdyaev N.A. The Meaning of Creativity: An Attempt at a Justification of Man. – Moscow: G.A. Leman and S.I. Sakharov Publishing House, 1916. – 358 p.
2. Berdyaev N.A. Self-Knowledge: An Attempt at a Philosophical Autobiography. – Moscow: Kniga, 1991. – 446 p.
3. Berdyaev N.A. The Philosophy of Freedom. The Meaning of Creativity. – Moscow: Pravda, 1989. – 607 p.
4. Kachay I. S., Ravochkin N.N., Petrov M.A. The Philosophy of Creativity: Conceptual Approaches of V.S. Solovyov and N.A. Berdyaev // Philosophy and Culture. – 2024. – № 2. – P. 14–28.
5. Levochkina A.V. The Understanding of Creativity in N.A. Berdyaev's Work «The Meaning of Creativity» // Philosophy, Ethics, and Religious Studies. – Tambov: G.R. Derzhavin Tambov State University, 2020. – P. 1–15.
6. The Theme of Anthropodicy in the Philosophy of P.A. Florensky and N.A. Berdyaev // Aurora Journals. – URL: https://ru.aurora-journals.com/library_read_article.php?id=23522 (accessed: 15.09.2026).
7. On the Significance of Philosophical Problems Regarding Human Creative Activity for Forecasting the Future // CyberLeninka. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-znachenii-filosofskih-problem-tvorcheskoy-deyatelnosti-cheloveka-dlya-prognozirovaniya-buduschego (accessed: 15.09.2026).
8. Shubina M. M., Zhuchenko D.A. Theoretical analysis of creativity as a philosophical-anthropological phenomenon // Humanities and Social Sciences. – 2025. – Vol. 111, № 4. – P. 110–114.
9. Interaction with the virtual space as a condition for personal creativity // CyberLeninka. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-s-prostranstvom-virtualnosti-kak-uslovie-tvorchestva-lichnosti (accessed: 15.09.2026).
10. Creativity as the basis of personal development: methodological materials // Infourok. – URL: https://infourok.ru/tvorstvo-kak-osnova-razvitiya-lichnosti-6575438.html (accessed: 15.09.2026).
11. Khaustova N.M. Creativity as an aspect of spiritual development and the upbringing of the personality in the works of S.L. Frank // St. Tikhon's University Review. Series IV: Pedagogy. Psychology. – 2013. – Issue 3 (30). – P. 93–99.
12. Frank S.L. The Meaning of Life // Frank S.L. Spiritual Foundations of Society. – Moscow: Respublika, 1992. – P. 147–216.
13. Heidegger M. The Origin of the Work of Art // Heidegger M. Works and Reflections from Various Years. – Moscow: Gnozis, 1993. – P. 47–116.
14. Sartre J.-P. Being and Nothingness: An Essay on Phenomenological Ontology. – Moscow: Respublika, 2000. – 639 p.
15. Philosophical Encyclopedic Dictionary / Ed.-in-Chief L.F. Ilyichev et al. – Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1983. – 840 p.
16. On the Manifestation of the Phenomenon of Creativity in the Process of Personality Self-Actualization // CyberLeninka. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-proyavlenii-fenomena-tvorchestva-v-protsesse-samoaktualizatsii-lichnosti (accessed: 15.09.2026).
17. Online Scientific Journal «Modern Problems of Science and Education». – URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=22545 (accessed: 15.09.2026).
18. Philosophy of Creativity: Conceptual Approaches of V.S. Solovyov and N.A. Berdyaev // Aurora Journals. – URL: https://ru.aurora-journals.com/library_read_article.php?id=69975 (accessed: 15.09.2026).

Многообразие проявлений «мягкой силы» в современной информационной войне

Архипов Александр Петрович,
адъюнкт кафедры (философии и религиоведения)
«Военный университет имени князя Александра Невского»
Министерства обороны Российской Федерации
E-mail: Arkhipovap82@list.ru

В статье исследуется трансформация феномена «мягкой силы» в условиях современной информационной войны. На основе критического анализа ресурсного и институционального подходов обосновывается необходимость перехода к типологизации по аксиологическим, телеологическим и субъектно-архитектурным критериям. Выделены три базовые модели влияния – нормативно-гегемонистская, цивилизационно-прагматическая и сетево-деструктивная, – каждая из которых обладает уникальной внутренней логикой и специфическими механизмами реализации в информационном пространстве. Показано, что многообразие проявлений «мягкой силы» обусловлено синтезом убеждения и принуждения, что требует асимметричного противодействия, опирающегося на ценностный суверенитет и альтернативную гуманитарную повестку. Автор приходит к выводу, что эффективная стратеги защиты национальных интересов должна сочетать когнитивную устойчивость общества с проактивным предложением собственной повестке на международной арене.

Ключевые слова: «мягкая сила», информационная война, гибридное противоборство, ценностный суверенитет, типология влияния, нормативно-гегемонистская модель, сетево-деструктивная модель, цивилизационно-прагматическая модель, когнитивная безопасность, ценностный суверенитет.

Феномен «мягкой силы», введенный в научный оборот Дж. Наем в конце прошлого века, за прошедшие десятилетия претерпел столь глубокую трансформацию, что его исходное определение как способности достигать желаемых результатов на основе добровольного притяжения и аутентичной привлекательности все чаще вступает в противоречие с реалиями современной геополитической конфронтации. В условиях гибридной войны, где стираются границы между военными, экономическими, информационными и культурными инструментами воздействия, «мягкая сила» утрачивает свою нейтральность и превращается в инструмент стратегического принуждения, внешне маскируемый под гуманитарное сотрудничество [1]. Этот прогресс наиболее отчетливо проявляется в информационной войне – системном противостоянии, разворачивающемся не столько за контроль над территориями и ресурсами, сколько за интерпретацию реальности и легитимности альтернативных проектов мирового порядка. Именно в информационном пространстве многообразие проявлений «мягкой силы» раскрывается наиболее полно: от культурной дипломатии и образовательных обменов до целенаправленных кампаний по дестабилизации политических режимов и эрозии национальных идентичностей. В этой связи требуется критический пересмотр существующих классификаций, обоснование системы критериев, позволяющих перейти от описания ресурсов к анализу сущностных оснований влияния, а также выделение базовых моделей и определение стратегических направлений противодействия деструктивным практикам.

Сложившиеся в науке подходы к классификации «мягкой силы» страдают концептуальной инерцией. Западные модели, укорененные в либерально-институциональной традиции, описывают влияние через формальных акторов – государства, неправительственные организации, культурные фонды, – но упускают скрытые механизмы смысловой трансляции, которые часто оказываются более значимыми, чем официальные заявления. Российские исследователи, в свою очередь, часто опираются на ресурсный подход, структурируя «мягкую силу» по каналам трансляции: культура, образование, язык, внешняя политика [2]. Подобная классификация отвечает на вопрос «что используется?», но не раскрывает «как это работает?» и «какова конечная цель?».

Между тем в условиях гибридного противостояния границы между ресурсами размываются: образовательная программа может выполнять разведывательные функции, культурный продукт – служить триггером для политической дестабилизации, а гуманитарная помощь – становиться инструментом формирования зависимостей. Дихотомия «мягкое – жесткое», продуктивная для эпохи биполярности, не отражает современной реальности, где инструменты принуждения и убеждения интегрированы в единый контур управления.

Как отмечается в новейших исследованиях, в международных отношениях происходит синтез методов, где «мягкая сила» перестает быть добровольным притяжением и становиться формой скрытого принуждения, реализуемого через экономические, информационные и культурные механизмы [3]. Более того, ряд авторов фиксируют появление феномена «острой силы» – использования привлекательности для подрывной деятельности, манипуляции и подавления инакомыслия, что свидетельствует о радикальной эволюции самого концепта [4]. Все это подтверждает тезис о том, что внешняя форма воздействия может скрывать принудительную сущность, а значит, типология должна строиться не на носителях, а на сущностных основаниях влияния, включающих ценностные ориентиры, стратегические цели и организационные структуры.

Переход от ресурсного описания к типологизации по стратегической логике требует разработки специализированного аппарата критериев, способного фиксировать не внешнее проявление, а глубинные различия в моделях влияния. В качестве таковых предлагаются три взаимосвязанных параметра, охватывающих аксиологическое, телеологическое и субъектно-архитектурное измерение феномена [5].

Аксиологический вектор определяет ценностную матрицу, которую актор стремиться транслировать вовне, здесь выделяются универсализм (претензия на общечеловеческий статус ценностей, обязательный для всех), традиционализм (акцент на культурной специфике и суверенитете локальных ценностей систем) и прагматизм (инструментальное отношение к ценностям как адаптивному ресурсу, используемому ситуативно) [6. 7].

Телеология воздействия фиксирует конечную цель – интеграцию в свой блок (формирование общих норм и институтов), создание структурной зависимости (сохранение формального суверенитета при реальной детерминации решений внешним актором) или фрагментацию общества-мишени (деструкция внутренней целостности через поддержку расколов) [8].

Субъектная архитектура, с одной стороны, стремиться сочетать государственные институты с мощными неправительственными организациями, медиакорпорациями и экспертными сообществами, которые функционируют как единый механизм, продвигающий общую нормативную повестку и обеспечивают ее легитимацию в глобальном информационном пространстве [9]. С другой стороны, она характеризуется явным доминированием государственных корпораций и финансовых институтов, что обеспечивает высокую степень координации и долгосрочность стратегического планирования, но одновременно создает риски при политических изменениях в стране-акторе, так как любые внутренние трансформации могут немедленно отразиться на экономических партнерах.

Философская основа этой модели – онтология единого мира, где разнообразие должно быть сведено к общему знаменателю, что неизбежно порождает конфликт с цивилизациями, отстаивающими собственные ценностные системы.

Субъектная архитектура описывает конфигурацию акторов, являющихся первичными бенефициарами и организаторами влияния: государственно-центричную (инициатива от государственных институтов), корпоративно-сетевую (доминирование транснациональных корпораций и цифровых платформ) или гибридную (сложное переплетение государственных и негосударственных структур) [9].

Эта трехкомпонентная рамка преодолевает редукционизм ресурсного подхода, позволяя проводить сравнительный анализ моделей «мягкой силы» разных геополитических игроков и выявлять глубинные структуры политического влияния. Это особенно важно для понимания природы информационной войны, где смыслы и алгоритмы их распространения становятся важнее контента [10].

На основе предложенных критериев выделяются три базовые модели «мягкой силы», каждая из которых имеет собственную онтологию и логику функционирования. *Нормативно-гегемонистская модель*, исторически ассоциируется с США и коллективным Западом, исходит из утверждения универсальности либерально-демократических ценностей как единственной нормы для всего человечества [6]. Ее механизмом служит бинарное деление мира на «демократии» и «автократии», что легитимирует вмешательство во внутренние дела под видом защиты прав человека, а любые отклонения от заданного стандарта воспринимаются как аномалия, требующая коррекции. В информационной войне эта модель проявляется в системном конструировании образа противника как «ревизионистской державы», нарушающей установленные нормы, в переписывании истории, героизации коллаборационистских движений и девальвации роли государства-мишени в ключевых исторических событиях, таких, например, как победа над нацизмом. Суверенитет при таком подходе трактуется не как право на самостоятельный выбор пути развития, а как производная от соответствия внешним стандартам, что создает морально-правовое основание для санкций, ограничений и даже силовых акций под гуманитарными лозунгами [11].

Цивилизационно-прагматическая модель, носителем которой в современном мире выступает Китайская Народная Республика, предлагает альтернативный путь развития без требования идеологической конвергенции, но с условием инфраструктурной и экономической лояльности. В отличие от нормативно-гегемонистского подхода, здесь не ставиться задача изменения внутреннего политического устройства государства-партнера; акцент делается на взаимовыгодном сотрудничестве в сфере торговли, инвестиций и строительства инфраструктуры. Аксиологический вектор данной модели характеризуется прагматизмом и уважением к формальному суверенитету, а теология направлена на создание структурной зависимости через долгосрочные экономические связи, которые со временем трансформируются в политическую лояльность [12]. В информационном пространстве эта модель формирует образ «партнера развития», что снижает сопротивление местных элит и позволяет постепенно интегрировать экономику государства-реципиента в орбиту влияния, при этом риторика уважения суверенитета служит эффективным прикрытием для расширения экономического присутствия. В отличие от нормативно-гегемонистской модели, здесь отсутствует ценностное мессианство; вместо этого подчеркивается разнообразие путей развития и право каждого народа выбирать свою модель устройства.

Сетево-деструктивная модель реализуется преимущественно транснациональными негосударственными акторами – цифровыми платформами, глобальными медиахолдингами, а также структурами, маскирующимися под неправительственные организации [13]. Ее цель – не интеграция или зависимость, а дестабилизация государственности изнутри через поддержку внутренних расколов, радикализацию маргинальных групп и эрозию традиционных институтов (семья, религия, армия), что создает условия для «управляемого хаоса», при котором отсутствие единого центра власти облегчает внешнее манипулирование политическими процессами [14]. Аксиологическим основанием служит радикальный индивидуализм и отрицание любых форм коллективной идентичности, а теология нацелена на превращение государства-мишени в несостоятельное образование, неспособное проводить независимую политику. В информационной войне эта модель проявляется в создании альтернативных медиапространств, где доминируют нарративы, дискредитирующие официальную власть и легитимирующие протестную активность как единственно возможную форму гражданского участия.

В данном случае субъектная архитектура децентрализована и построена по своему принципу, что затрудняет идентификацию источника угрозы и выработку адекватных мер противодействия, так как влияние осуществляется через множество взаимосвязанных узлов, действующих в правовом поле самих мишеней [15]. Философски данная модель опирается на онтологию хаоса, где порядок воспринимается как ограничение, подлежащие разрушению, что делает ее особенно опасной в периоды социальных кризисов [16].

Важно подчеркнуть, что в реальной политической практике эти модели в чистом виде встречаются редко; они переплетаются и дополняют друг друга, создавая многовекторное давление. Нормативно-гегемонистская модель может использовать инструменты сетево-деструктивной для ослабления конкурентов, а цивилизационно-прагматическая – дополниться нормативными требованиями в отдельных секторах, например, в области экологии или трудовых прав. Синергетический эффект от сочетания моделей заключается в том, что экономическая зависимость, создаваемая цивилизационно-прагматическим подходом, снижает способность государства-мишени к сопротивлению, а нормативное давление и сетевая дестабилизация завершает процесс подрыва суверенитета, делая его малозаметным для внешнего наблюдателя [17].

Тем не менее аналитическое различие этих типов позволяет выявить доминирующую логику воздействия в каждом конкретном случае и прогнозировать возможные сценарии эскалации, что имеет не только теоретическое, но и прикладное значение для выработки стратегий реагирования [18].

Особое внимание следует уделить тому факту, что в условиях современной геополитической конфронтации «мягкой силы» основных конкурентов России утратила свою спонтанную привлекательность и превратилась в инструментально-принудительный механизм, внешне оформленный как гуманитарное сотрудничество [3]. Эта принудительность проявляется не в открытом давлении, а в создании системных ограничений – доступа к международным площадкам, рейтинговым системам, финансовым потокам, технологическим рынкам, – что делает отклонение от норм, диктуемых гегемоном, непропорционально затратными для национальных элит, которые вынуждены выбирать между сохранением суверенитета и экономическими выгодами. Возникает эффект «скрытого принуждения», когда внешнее давление воспринимается как естественный порядок вещей, а не как форма вмешательства, что существенно затрудняет мобилизацию общества на противодействие [19].

Многообразие инструментов информационного воздействия охватывает как традиционные каналы культурной дипломатии и образовательных обменов, так и новейшие алгоритмические системы управления контентом, работу с исторической памятью и коллективной идентичностью. Цифровые платформы стали ключевыми трансляторами ценностей, обеспечивая беспрецедентную скорость и масштаб распространения информации, что создает новые вызовы для идентификации угроз и защиты национального информационного пространства, поскольку алгоритмы могут незаметно формировать повестку дня и влиять на массовое сознание [15].

Проведенный анализ позволяет констатировать, что в современных условиях геополитической конфронтации «мягкая сила» трансформировалась в инструментально-принудительный механизм, а ее многообразие в информационной войне охватывает три базовые модели – нормативно-гегемонистскую, цивилизационно-прагматическую и сетево-деструктивную. Предложенная типология, основанная на аксиологическом, телеологическом и субъектно-архитектурном критериях, дает возможности перейти от фиксации внешних проявлений к анализу сущностных оснований влияния, что имеет как теоретическое, так и практическое значение для разработки стратегий национальной без-

опасности. Эффективное противодействие деструктивным практикам требует асимметричной стратегии, сочетающей защиту ценностного суверенитета с проактивным продвижением альтернативной многополярной повестки [20]. Реализация такого подхода укрепит стратегическую субъектность государства, сохранит пространство для цивилизационного диалога и будет способствовать формированию устойчивого миропорядка, основанного на уважении культурного разнообразия и балансе интересов, что особенно важно в условиях нарастающей турбулентности международных отношений.

Литература

1. Сюи Хуа, Гаоянь Цююй. Национальный имидж, гибридная война и интеллектуальная война: эволюция и раскрытие российской концепции «мягкой силы» // Контуры глобальной трансформации: политика, экономика, право. – 2023. – Т. 16, № 1. – С. 187–206.
2. Агеев В.Д. Роль инструментов «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации в контексте глобализации: дис. … канд. полит. наук: 23.00.04. –СПб., 2016. – С. 82–97.
3. Сутырин В.В. За пределами «мягкой силы»: гуманитарное влияние и сотрудничество во внешней политике // Международная жизнь. – 2020. – № 9. – С. 44–57.
4. Наумов А.О., Белоусова М.В. К вопросу о применении технологии «острой силы» в современном мире // Государственное управление. Электронный вестник. – 2023. – № 98. – С. 73–85.
5. Карпиленя Н.В. Философия геополитики как теория противодействия организуемым Западом гибридным войнам: взгляд из союзного государства и Большого Востока // Архонт. – 2023. – № 3(39). – С. 4–47.
6. Смакотина Н.Л., Волков А.В. Трансформация мирового порядка в условиях международной нестабильности: открытый мир и синергия цивилизаций // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. – 2024. – № 1. – С. 3–22.
7. Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. Центры силы и мировой политике: диверсификация ресурсов лидерства // Полис. Политические исследования. – 2025. – № 5. – С. 112–134.
8. Андриенко Е.В., Горбачева И.М. Феномен «мягкой силы» в аспекте философского осмысления политического бытия // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2021. – № 2(30). – С. 47–53.
9. Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятия и подходы // Вестник МГИМО Университета. – 2017. – № 3(54). – С. 212–223.
10. Рустамова Л. Трансформация «мягкой силы» и конфликтогенность в международных отношениях // Пути к миру и безопасности. – 2024. – № 1(16). – С. 150–168.
11. Жулева М.С., Конев Ю.М. Концепция государственного суверенитета в условиях современного мирового порядка // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2022. – № 3. – С. 35–49.
12. Андреев И.А. «Мягкая сила» Китая и ее проекция на пространство постсоветской Евразии // Вестник Института социологии. – 2019. – Т. 10, № 2. – С. 90–106.
13. Бартош А.А. Стратегии информационной войны // Национальная безопасность / Nota Bene. – 2016. – № 4(45). – С. 485–499.
14. Городнов А.В. Анализ применения технологий «управляемого хаоса» как информационного оружия, осуществляемого «демократическими» странами в целях недопустимости самостоятельного развития государства // Экономическая безопасность. – 2023. – Т. 6, № 2. – С. 647–674.
15. Володенков С.В. Феномен цифрового суверенитета современного государства в условиях глобальных технологических трансформаций: содержание и особенности // Журнал политических исследований. – 2020. – № 4. – С. 3–11.
16. Оленич Т.С., Французов Р.И. Философско-антропологические основания когнитивной войны: механизмы воздействия, стратегические цели и социокультурные последствия // Гуманитарий Юга России. – 2026. – Т. 15, № 2. – С. 49–63.
17. Коданева С.И. «Гибридные угрозы» безопасности России: выявление и противодействие // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2020. – Т. 13, № 2. – С. 44–71.
18. Дробинин А.Ю. Образ многополярного мира // Россия в глобальной политике. – 2023. – Т. 21, № 2(120). – С. 54–62.
19. Каневский П.С., Петров К.Е. Негосударственные акторы в системе международных отношений цифровой эры: между комплексной взаимозависимостью и онлайн-суверенитетом // Международная аналитика. – 2024. – Т. 15, № 3. – С. 37–56.
20. Нарсесян Р.С. Доктрина когнитивно-технологического суверенитета России в цифровую эпоху // Universum: общественные науки. – 2025. – № 11–1(126). – С. 23–32.

THE VARIETY OF MANIFESTATION OF "SOFT POWER" IN MODERN INFORMATION WARFARE

Arkhipov A.P.
Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

The article examines the transformation of the phenomenon of "soft power" in the context of modern information warfare. Based on a critical analysis of resource and institutional approaches, the necessity of transition to typologization according to axiological, teleological and subject-architectural criteria is substantiated. Three basic models of influence are identified: normative-hegemonic, civilizational-pragmatic, and network-destructive, each of which has a unique internal logic and specific implementation mechanisms in the information space. It is shown that the variety of manifestations of "soft power" is due to the synthesis of persuasion and coercion, which requires an asymmetric counteraction based on value sovereignty and an alternative humanitarian agenda. The author comes to the conclusion that an effective strategy for protecting national interests should combine the cognitive stability of society with a proactive proposal of its own agenda in the international arena.

Keywords: "soft power", information warfare, hybrid confrontation, value sovereignty, typology of influence, normative-hegemonic model, network-destructive model, civilizational-pragmatic model, cognitive security, value sovereignty.

References

1. Xiu Hua, Gaoyan Qiuyu. National Image, Hybrid Warfare, and Intellectual Warfare: The Evolution and Dissemination of Russia's "Soft Power" Concept // Outlines of Global Transformation: Politics, Economics, Law. – 2023. – Vol. 16, No. 1. – Pp. 187–206.
2. Ageev V.D. The Role of "Soft Power" Instruments in the Foreign Policy of the Russian Federation in the Context of Globalization: dis. … Cand. Polit. Sci. Sciences: 23.00.04. – St. Petersburg, 2016. – Pp. 82–97.
3. Sutyrin V.V. Beyond "soft power": humanitarian influence and cooperation in foreign policy // Mezhdunarodnaya Zhizn. – 2020. – No. 9. – Pp. 44–57.
4. Naumov A.O., Belousova M.V. On the issue of applying "sharp power" technology in the modern world // Public Administration. Electronic Bulletin. – 2023. – No. 98. – pp. 73–85.
5. Karpilenya N.V. Philosophy of geopolitics as a theory of countering hybrid wars organized by the West: a view from the Union state and the Greater East // Archon. – 2023. – № 3(39). – Pp. 4–47.
6. Smakotina N..L., Volkov A.V. Transformation of the world order in conditions of international instability: an open world and the synergy of civilizations // Bulletin of the Moscow University. Series 27: Global Studies and Geopolitics. – 2024. – No. 1. – Pp. 3–22.
7. Semenenko I.S., Lapkin V.V., Pantin V.I. Centers of Power in World Politics: Diversification of Leadership Resources // Polis. Political Studies. – 2025. – No. 5. – Pp. 112–134.
8. Andrienko E.V., Gorbacheva I.M. The phenomenon of "soft power" in the aspect of philosophical understanding of political existence // Economic and sociohumanitarian research. – 2021. – No. 2(30). – Pp. 47–53.
9. Lebedeva M.M. "Soft power": concepts and approaches // Bulletin of MGIMO University. – 2017. – No. 3(54). – Pp. 212–223.
10. Rustamova L. Transformation of "soft power" and conflict potential in international relations // Paths to Peace and Security. – 2024. – No. 1(16). – Pp. 150–168.
11. Zhuleva M.S., Konev Yu.M. The concept of state sovereignty in the context of the modern world order // Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economy. Politics. – 2022. – No. 3. – Pp. 35–49.
12. Andreev I.A. China's "soft power" and its projection onto the space of postSoviet Eurasia // Bulletin of the Institute of Sociology. – 2019. – Vol. 10, No. 2. – Pp. 90–106.
13. Bartosh A.A. Information Warfare Strategies // National Security / Nota Bene. – 2016. – No. 4(45). – Pp. 485–499.
14. Gorodnov A.V. Analysis of the use of "controlled chaos" technologies as an information weapon employed by "democratic" countries to prevent a state from developing independently // Economic security. – 2023. – Vol. 6, No. 2. – Pp. 647–674.
15. Volodenkov S.V. The phenomenon of digital sovereignty of the modern state in the context of global technological transformations: content and features // Journal of Political Research. – 2020. – No. 4. – Pp. 3–11.
16. Olenich T.S., Frantsuzov R.I. Philosophical and anthropological foundations of cognitive warfare: mechanisms of influence, strategic goals, and sociocultural consequences // The Humanitarian of the South of Russia. – 2026. – Vol. 15, No. 2. – Pp. 49–63.
17. Kodaneva S.I. "Hybrid threats" to Russia's security: identification and counteraction // Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law. – 2020. – Vol. 13, No. 2. – Pp. 44–71.
18. Drobinin A. Yu. The image of a multipolar world // Russia in Global Politics. – 2023. – Vol. 21, No. 2(120). – Pp. 54–62.
19. Kanevsky P.S., Petrov K.E. Nonstate actors in the system of international relations in the digital era: between complex interdependence and online sovereignty // International Analytics. – 2024. – Vol. 15, No. 3. – Pp. 37–56.
20. Nersesyan R.S. The Doctrine of Russia's CognitiveTechnological Sovereignty in the Digital Age // Universum: Social Sciences. – 2025. – No. 111(126). – Pp. 23–32.

Проблема отчуждения человека в современном социальном пространстве

Базилико Эдоардо Антонио,
кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: EABaziliko@fa.ru

Бужор Евгения Сергеевна,
кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: ESBuzhor@fa.ru

В статье рассматривается проблема отчуждения человека в современном социальном пространстве. Анализируются изменения содержания отчуждения под воздействием цифровизации, виртуализации коммуникации, трансформации трудовых и социальных отношений. Современное отчуждение не ограничивается разрывом социальных связей или потерей человеком контроля над результатами собственной деятельности, оно проявляется в дистанцировании от реальных социальных отношений, зависимости от цифровой среды, снижении ощущения личной значимости, формировании разрыва между реальным и виртуальным образом личности. Рассмотрены основные формы отчуждения человека от общества и определены факторы, усиливающие его распространение в условиях цифрового социального пространства.

Ключевые слова: отчуждение, личность, общество, социальное пространство, цифровизация, виртуальная коммуникация, социальные связи, цифровое общество.

Введение

Проблема отчуждения человека сохраняет значение несмотря на существенное изменение общественных условий, в которых она проявляется. Классическое понимание отчуждения формировалось применительно к отношениям человека с трудом, собственностью, общественными институтами и результатами собственной деятельности, в современном обществе к этим отношениям добавилась цифровая среда, которая изменила способы общения, получения информации, профессиональной деятельности и участия в общественной жизни. Человек получил возможность постоянно находиться в коммуникационном пространстве, однако количественное увеличение контактов не означает усиления реальной социальной включенности. Виртуальное взаимодействие способно одновременно соединять людей и создавать дистанцию между ними. Исследования последних лет показывают, что цифровизация не устраняет проблему отчуждения, а переводит ее в новые формы, связанные с изменением характера коммуникации, структуры социальных связей и отношения человека к самому себе [1; 6; 8]. Поэтому отчуждение целесообразно рассматривать не как исключительно психологическое состояние отдельного человека, а как социальный процесс, возникающий в результате несоответствия между потребностью личности в содержательных отношениях и характером социальной среды.

Изложение основного текста

Понятие отчуждения имеет длительную историю развития и не сводится к одному определению, в социально-философской традиции оно связано с ситуацией, когда созданные человеком отношения, институты, нормы или результаты деятельности приобретают самостоятельное значение и начинают воздействовать на него как внешняя сила. Марксистский подход связывал отчуждение прежде всего с трудом, при котором результат деятельности отделяется от самого работника и выступает как чуждая ему сила [5]. Дальнейшее развитие социальной теории расширило содержание понятия: отчуждение стали связывать с ослаблением социальных связей, потерей субъектности, невозможностью влиять на значимые стороны собственной жизни, разрывом между человеком и общественными институтами [10]. Подход дает рассматривать отчуждение как динамический процесс. Человек не обязательно полностью исключается из социальной системы, он может сохранять формальное участие в работе, семье, профессиональном сообществе, цифровых коммуникациях, но при этом субъективно воспринимать эти связи как внешние, незначимые или навязанные. Именно это различие между формальной включенностью и реальной сопричастностью имеет принципиальное значение для анализа современного отчуждения.

Современное социальное пространство характеризуется высокой интенсивностью взаимодействий. Человек одновременно включен в несколько систем отношений: профессиональную, семейную, образовательную, экономическую, информационную и цифровую. Каждая из них предъявляет собственные требования к скорости реакции, доступности и поведению, в результате увеличивается количество социальных ролей, которые необходимо поддерживать, а границы между ними становятся менее устойчивыми. Рабочая коммуникация продолжается после окончания рабочего дня, личные отношения сопровождаются постоянным обменом сообщениями, общественная активность все чаще осуществляется через цифровые платформы. Внешне это создает впечатление высокой социальной вовлеченности, но сама структура контактов становится более фрагментарной. Человек может ежедневно взаимодействовать с десятками и сотнями людей, не имея при этом устойчивого круга отношений, в которых он ощущает принятие, доверие и возможность открытого самовыражения. Перетягин А.А., Игнатьева А.В. связывают современное отчуждение с изменением характера отношений личности и общества, при котором социальная среда способна становиться источником дистанцирования человека от собственной деятельности и общественной жизни [7], в этих условиях отчуждение следует связывать не с отсутствием коммуникации как таковой, а с недостатком содержательной связи человека с окружающими людьми и социальными институтами.

Особое место занимает отчуждение, возникающее в профессиональной сфере. Цифровизация труда усилила контроль за результатами деятельности, ускорила обмен информацией и сделала многие процессы измеримыми. Электронные системы позволяют фиксиро-

вать сроки выполнения задач, количество обращений, продолжительность работы, производительность, активность пользователя. Организация повышает управляемость процессов, но одновременно способна превращать работника в совокупность показателей, в результате человек начинает воспринимать собственную деятельность через внешние критерии эффективности. Значимость работы определяется не столько ее содержанием и личным отношением к результату, сколько числом выполненных операций, скоростью ответа или достижением установленного показателя, в подобной ситуации сохраняется занятость, но ослабевает ощущение авторства собственной деятельности. Классическая проблема отчуждения труда получает цифровое продолжение: продукт деятельности остается связанным с человеком формально, но система его организации задается внешними алгоритмами и критериями [5; 6].

Цифровая среда создает еще одну форму отчуждения – дистанцирование человека от непосредственного социального взаимодействия. Виртуальная коммуникация значительно упростила поддержание контактов, при территориальной удаленности людей. Однако цифровое общение не всегда воспроизводит содержание непосредственного взаимодействия. Переписка дает контролировать формулировки, выбирать момент ответа, редактировать сообщения и регулировать степень эмоциональной вовлеченности. Для человека это удобно, но постоянное пребывание в таком формате может постепенно менять привычную структуру общения. Бабаян отмечает, что виртуализация социальной коммуникации связана с изменением характера социальных отношений и появлением новых условий для отчуждения личности [1]. Проблема заключается не в самом использовании цифровых технологий. Существенным становится соотношение виртуальных и непосредственных связей. Если цифровая коммуникация дополняет реальные отношения, она выполняет функцию социального посредника. Если же она начинает заменять значительную часть непосредственного взаимодействия, возникает риск обеднения социальных контактов и усиления чувства изоляции.

Отдельной проблемой есть зависимость самооценки человека от цифровой реакции окружающих, в социальных сетях личность получает возможность самостоятельно формировать публичный образ: выбирать фотографии, тексты, круг общения, демонстрировать определенные достижения и скрывать нежелательные стороны собственной жизни. Формируется различие между человеком как реальным субъектом и его цифровым представлением. Пичко Н.С., Плотникова Т.В. рассматривают цифровое общество как пространство, в котором отчуждение приобретает специфические формы, связанные с изменением отношений человека к себе, другим людям и социальной среде [8], в такой ситуации человек может быть одновременно создателем собственного цифрового образа и его заложником. Положительная реакция аудитории начинает восприниматься как подтверждение собственной значимости, отсутствие реакции – как показатель социальной невостребованности, в результате оценка личности частично переносится из реальных отношений в цифровую среду.

Отчуждение проявляется и в отношении человека к общественным институтам. Жилина В.А. отмечает, что в современных условиях проблема отчуждения связана с изменением характера взаимодействия личности и социальных структур [3]. Чем меньше человек ощущает возможность влиять на процессы, непосредственно затрагивающие его жизнь, тем выше вероятность восприятия общества как внешней системы. Заметно это проявляется при принятии решений, когда человек не понимает механизмов их формирования или не видит связи между собственным участием и конечным результатом. Формальное наличие социальных институтов само по себе не гарантирует социальной включенности. Для преодоления отчуждения необходимы понятные механизмы участия, обратная связь и ощущение реального влияния на значимые процессы. При отсутствии этих условий человек может соблюдать социальные нормы и одновременно внутренне дистанцироваться от общества.

Социально-политический аспект отчуждения связан с ослаблением доверия и снижением ощущения принадлежности к общественной группе. Боташева А.К., Вагапова Ф.Г., Вагапов Р.Н. рассматривают отчуждение человека от общества как социально-политический феномен, затрагивающий отношения личности и общественных институтов [2], в этом случае отчуждение приобретает коллективный характер. Речь идет уже не только о переживаниях отдельного человека, а о распространении установок, при которых общественные проблемы воспринимаются как не имеющие отношения к личной жизни. Человек перестает видеть себя участником общественных процессов и занимает позицию наблюдателя. Установка ограничивает социальную активность, снижает готовность к сотрудничеству и усиливает ориентацию исключительно на частные интересы.

Изменение содержания понятия отчуждения заметно при сопоставлении индустриального и цифрового общества, в индустриальной системе человек мог быть отчужден от продукта труда, условий деятельности или социальной группы, в цифровой системе к этому добавляется отчуждение от информации, цифровых профилей, алгоритмов и результатов деятельности, создаваемых с использованием информационных технологий. Канатаев Д.В., Курочкин С.С., Лаптева А.В. отмечают трансформацию самого понятия отчуждения под влиянием цифровизации [6]. Цифровая среда делает многие процессы менее осязаемыми: человек взаимодействует не непосредственно с предметом или организацией, а с интерфейсом, платформой, системой рекомендаций. Решение может приниматься автоматически, содержание информационной ленты формируется алгоритмом, профессиональная деятельность контролируется программным обеспечением. Пользователь взаимодействует с системой, но не всегда понимает принципы ее работы и не имеет возможности изменить ее внутреннюю логику. Возникает новая форма дистанции между человеком и результатами процессов, в которых он участвует.

Современное отчуждение нельзя объяснить только воздействием технологий. Цифровая среда усиливает уже существующие социальные противоречия. Если человек не имеет устойчивых социальных связей, испытывает недостаток признания, не удовлетворен профессиональной деятельностью или не видит перспектив личного развития, цифровая коммуникация может стать способом ухода от реальной ситуации. Виртуальное пространство предоставляет возможность временно изменить социальную роль, получить одобрение, ограничить нежелательные контакты. Однако такая компенсация не устраняет причины отчуждения. Соловьев В.А., Михайлов А.Л. связывают проблему современного отчуждения с противоречиями общественного развития и изменением положения личности в современном мире, поэтому анализировать цифровое отчуждение отдельно от экономических, профессиональных и культурных условий было бы неправильно[9].

Динамика отчуждения зависит от возраста, характера занятости, уровня цифровой вовлеченности и структуры повседневных контактов. Для молодых людей значительная часть социализации происходит в цифровой среде, поэтому граница между онлайн– и офлайн-взаимодействием для них менее выражена. У работающих взрослых цифровые технологии тесно связаны с профессиональной деятельностью и контролем результатов труда. У людей старшего возраста цифровая среда может создавать дополнительную дистанцию из-за сложности освоения новых способов коммуникации и получения услуг. Канатаев Д.В. рассматривает отчуждение как динамическое явление, содержание которого меняется вместе с социальной структурой и общественными отношениями [4]. Нельзя говорить о единой форме отчуждения, одинаковой для всех социальных групп. Одни и те же технологии могут повышать социальную включенность одного человека и усиливать изоляцию другого.

Формы современного отчуждения можно представить через несколько взаимосвязанных направлений, каждое из которых отражает определенную сторону отношения человека к социальной среде (табл. 1).

Таблица 1. Основные формы отчуждения человека в современном социальном пространстве

Форма отчуждения	Основное проявление	Возможный результат
Трудовое	потеря связи между деятельностью и ее личным смыслом	снижение заинтересованности в работе
Социальное	ослабление устойчивых межличностных связей	ощущение изоляции
Цифровое	чрезмерная зависимость от виртуального взаимодействия	сокращение непосредственных контактов
Институциональное	восприятие общественных институтов как внешней силы	снижение социальной активности
Информационное	невозможность самостоятельно контролировать информационную среду	зависимость от алгоритмов и внешних источников
Личностное	расхождение между реальным и публичным цифровым образом	нестабильная самооценка

Представленная классификация показывает, что формы отчуждения не существуют изолированно, они способны усиливать друг друга. Например, профессиональное отчуждение может сокращать желание общаться с коллегами, социальная изоляция повышает потребность

в виртуальной коммуникации, а чрезмерная цифровая вовлеченность дополнительно ограничивает непосредственные контакты. Возникает замкнутый процесс, при котором человек сохраняет большое количество формальных связей, но постепенно теряет ощущение реальной включенности в социальную жизнь.

Преодоление отчуждения в современном обществе связано не с отказом от цифровых технологий, а с изменением характера их использования, в профессиональной сфере необходимы такие формы организации труда, при которых цифровой контроль не вытесняет самостоятельность работника, в образовательной среде важно сохранять непосредственное взаимодействие преподавателя и обучающегося наряду с использованием цифровых платформ, в социальной политике значимыми остаются механизмы обратной связи и участия граждан в принятии решений. На уровне межличностных отношений требуется сохранение пространства для непосредственного общения, не заменяемого постоянным обменом короткими сообщениями. Фокина Н.Ю. и Фокина А.В.указывают на необходимость рассматривать отчуждение в контексте более широких социологических процессов, поскольку оно формируется во взаимодействии личности и социальной структуры [10]. Меры противодействия отчуждению должны затрагивать не отдельную технологию или канал коммуникации, а условия социальной жизни человека.

Заключение

Проблема отчуждения в современном социальном пространстве приобрела многослойный характер. К традиционным формам отчуждения, связанным с трудом, общественными отношениями и деятельностью социальных институтов, добавились новые формы, возникающие в цифровой среде. Человек может быть постоянно подключен к коммуникационным системам, получать большое количество информации и поддерживать множество контактов, но при этом ощущать недостаток содержательных социальных связей, в этом состоит одно из главных противоречий современного социального пространства.

Цифровизация сама по себе не есть причиной отчуждения, она создает новые условия его формирования и одновременно предоставляет средства для расширения социальной включенности. Определяющим становится способ использования цифровых технологий и характер отношений, которые складываются вокруг них. Если цифровая среда помогает поддерживать реальные социальные связи, расширяет возможности участия и самостоятельной деятельности, она снижает социальную дистанцию. Если же она подменяет непосредственное взаимодействие, усиливает внешний контроль, формирует зависимость от оценок и алгоритмов, отчуждение получает дополнительный источник развития.

Современное понимание отчуждения должно учитывать одновременно социальный, профессиональный, цифровой и личностный уровни. Основная проблема заключается не в количестве контактов человека с социальной средой, а в качестве его участия в ней. Реальная социальная включенность предполагает возможность влиять на значимые процессы, видеть смысл собственной деятельности, поддерживать устойчивые отношения с другими людьми и сохранять способность самостоятельно определять свое поведение. Именно эти условия позволяют ограничить распространение отчуждения в современном обществе.

Литература

1. Бабаян Г.А. Отчуждение человека в условиях виртуализации социальной коммуникации // Гуманитарий Юга России. 2026. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otchuzhdenie-cheloveka-v-usloviyah-virtualizatsii-sotsialnoy-kommunikatsii (дата обращения: 14.09.2026).

2. Боташева А.К., Вагапова Ф.Г., Вагапов Р.Н. Феномен отчуждения человека от общества: социально-политический анализ. Современная наука и инновации. 2021;(4):210–217.

3. Жилина В.А. Проблема отчуждения в современных условиях // Вестник ЧелГ У. 2013. № 38 (329). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-otchuzhdeniya-v-sovremennyh-usloviyah (дата обращения: 14.09.2026).

4. Канатаев Д.В. Динамика отчуждения в современной России: социально-философский анализ: дис. … канд. филос. наук. СПб., 2014. 182 с.

5. Канатаев Д.В. Марксистский взгляд на проблему отчуждения человека // Философские и методологические проблемы научно-технического творчества. СПб.: Балт. гос. техн. ун-т., 2019. С. 112–115.

6. Канатаев, Д.В. Трансформация понятия «отчуждение» в условиях цифровизации / Д.В. Канатаев, С.С. Курочкин, А.В. Лаптева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 25, № 5. – С. 108–117

7. Перетягин А. А., Игнатьева А.В. Проблема отчуждения личности в современном обществе // Вестник НАСА. 2010. № 1 (6). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-otchuzhdeniya-lichnosti-v-sovremennom-obschestve (дата обращения: 14.09.2026).

8. Пичко Н. С., Плотникова Т.В. Специфика и формы отчуждения человека в цифровом обществе // Гуманитарий Юга России. 2025. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-i-formy-otchuzhdeniya-cheloveka-v-tsifrovom-obschestve (дата обращения: 14.09.2026).

9. Соловьев, В.А. Проблема отчуждения человека в современном мире / В.А. Соловьев, А.Л. Михайлов. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2017. – № 5 (139). – С. 456–458. – URL: https://moluch.ru/archive/139/39244 (дата обращения: 14.09.2026).

10. Фокина Н. Ю., Фокина А.В. Проблема отчуждения личности в современных социологических теориях // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2016. № 11–12 (60). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-otchuzhdeniya-lichnosti-v-sovremennyh-sotsiologicheskih-teoriyah (дата обращения: 14.09.2026).

THE PROBLEM OF HUMAN ALIENATION IN THE MODERN SOCIAL SPACE

Basilicò Edoardo Antonio, Buzhor E.S.
Financial University under the Government of the Russian Federation

This article examines the problem of human alienation within the modern social space. It analyzes how the nature of alienation changes under the influence of digitalization, the virtualization of communication, and the transformation of labor and social relations. It is shown that modern alienation is not limited to the severing of social ties or the loss of control over the results of one's own activity. It also manifests as distancing from real-world social relations, dependence on the digital environment, a diminished sense of personal significance, and a widening gap between an individual's real and virtual personas. The article discusses the primary forms of human alienation from society and identifies the factors that exacerbate its spread within the digital social space.

Keywords: alienation, individual, society, social space, digitalization, virtual communication, social ties, digital society.

References

1. Babayan G.A. Alienation of a Person in the Context of the Virtualization of Social Communication // The Humanitarian of the South of Russia. 2026. No. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otchuzhdenie-cheloveka-v-usloviyah-virtualizatsii-sotsialnoy-kommunikatsii (accessed: 14.09.2026).

2. Botasheva A.K., Vagapova F.G., Vagapov R.N. The phenomenon of human alienation from society: a socio-political analysis. Modern science and innovations. 2021;(4):210–217.

3. Zhilina V.A. The Problem of Alienation in Modern Conditions // Vestnik ChelG U. 2013. No. 38 (329). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-otchuzhdeniya-v-sovremennyh-usloviyah (accessed: 14.09.2026).

4. Kanataev D.V. The Dynamics of Alienation in Modern Russia: socio-philosophical analysis: dis. … cand. philos. sci. St. Petersburg, 2014. 182 p.

5. Kanataev D.V. A Marxist perspective on the problem of human alienation // Philosophical and methodological problems of scientific and technical creativity. St. Petersburg: Baltic State Technical University. Univ., 2019. Pp. 112–115.

6. Kanataev, D.V. Transformation of the concept of "alienation" in the context of digitalization / D.V. Kanataev, S.S. Kurochkin, A.V. Lapteva // Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences. – 2025. – Vol. 25, No. 5. – Pp. 108–117.

7. Peretyagin A.A., Ignatieva A.V. The problem of alienation of personality in modern society // Bulletin of NASA. 2010. № 1 (6). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-otchuzhdeniya-lichnosti-v-sovremennom-obschestve (date of access: 09/14/2026).

8. Pichko N.S., Plotnikova T.V. The specifics and forms of human alienation in a digital society // Humanities of the South Russia. 2025. No. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-i-formy-otchuzhdeniya-cheloveka-v-tsifrovom-obschestve (accessed: 14.09.2026).

9. Solovyov, V.A. The Problem of Human Alienation in the Modern World / V.A. Solovyov, A.L. Mikhailov. – Text: direct // Young Scientist. – 2017. – No. 5 (139). – Pp. 456–458. – URL: https://moluch.ru/archive/139/39244 (accessed: 14.09.2026).

10. Fokina N. Yu., Fokina A.V. The Problem of Alienation of the Individual in Modern Sociological Theories // Current Issues of the Social Sciences: Sociology, Political Science, Philosophy, History. 2016. No. 11–12 (60). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-otchuzhdeniya-lichnosti-v-sovremennyh-sotsiologicheskih-teoriyah (accessed: 14.09.2026).

Актуальность меметической модели для понимания эволюции современных информационных технологий

Басманов Алексей Владимирович,
кандидат философских наук, старший преподаватель,
Российский университет дружбы народов
E-mail: basmalex1983@mail.ru

Развитие информационных технологий и искусственного интеллекта кардинально изменило ландшафт творчества, переведя функцию генерации текста, музыки и изображений от человека к машине. Автор предлагает использовать методологию и понятийный аппарат меметики для осмысления и понимания этого процесса.
Меметическая модель рассматривает генезис культуры и информации через призму репликаторов (мемов), чья единственная цель, по аналогии с генами – самокопирование. Опираясь на работы Бехтерева, Докинза, Блэкмор, Броуди, Деннета и др., автор показывает, что человек является лишь носителем и селективной средой для мемов. Цифровые алгоритмы соцсетей, создавая информационные пузыри, стали идеальным инкубатором для мемов и ускорили их эволюцию в миллионы раз. ИИ выступает новой стадией этой эволюции – идеальной мем-машиной, занявшей место человека в деле генерации контента. Автор предлагает трезвый взгляд на место человека в процессе, где технологии диктуют условия собственного развития, часто вне человеческого контроля и потребностей.

Ключевые слова: меметика, эволюция, культура, информационные технологии, искусственный интеллект.

Развитие информационных технологий за последние годы существенно изменило процесс создания контента. То, что всегда считалось прерогативой человека, теперь во многом перешло к искусственному интеллекту, – а именно творческая деятельность по созданию текста, картинок, музыки и даже видео. К прошлому новому году мой отец записал альбом вполне адекватных новогодних песен с помощью ИИ. Если бы я их услышал по радио, я бы воспринял это как само собой разумеющееся. В этой связи возникает много вопросов к контенту: авторство, аутентичность в смысле наполненности реальным «человеческим» содержанием можно поставить под сомнение.

Пишу я этот текст сам, или он полностью написан машиной, или может быть этот текст – результат удачно заданного промпта и моих правок? Насколько принципиально именно мое авторство, если текст ценен с точки зрения смысла? Может ли машина создать действительно ценный и новый по содержанию текст или она создаёт только качественную форму? Очевидно, что вопросов возникает больше, чем ответов. Так же очевидно, что кроме вопросов отношения к генерируемому контенту, есть более сложные вопросы о том, откуда и куда движется эволюция информационных технологий.

Уже сейчас понятно, что изобретение (точнее запуск в работу и массовое применение, ибо идея машинного интеллекта была у людей давно, тест Тьюринга появился в 1950 году) ИИ является информационной революцией наравне с изобретением письменности, книгопечатания, появлением радио, телевидения, запуском интернета и появлением смартфонов. На наших глаза происходит эволюция методов создания, копирования, распространения и сохранения информации. Так же очевидно, что эта эволюция постоянно ускоряется. О явлении «информационного взрыва» известно уже давно [1, с. 6] – объем информации растет по экспоненте. Закономерность этого роста была выявлена и сформулирована Дереком Прайсом в 1963 году как «закон экспоненциального роста объёма знаний» [2]. В конце XX века появилась идея «технологической сингулярности», суть которой состоит в том, что каждое новое поколение искусственного интеллекта будет появляться всё быстрее, так сформируется суперинтеллект, превосходящий интеллект всего человечества. Отмечается, что такое явление будет означать окончание человеческой эры, так как развитие суперинтеллекта будет происходить с немыслимой скорость и вне человеческого контроля [3]. При этом человеческий социум может даже не заметить момент сингулярность, потому что скорость обработки информации будет критически отличаться в пользу ИИ.

То, что всегда выделяло человека из живой природы – культура – сейчас претерпевает стремительные изменения, судить о которых нам из текущего момента довольно сложно, поскольку мы находимся внутри водоворота информационных событий, а не являемся сторонними наблюдателями. В свете последних тезисов, когда мы пытаемся осмыслить генезис человеческой культуры, то места для оптимизма остается не так уж много. Однако, как заметил Ричард Докинз, к идеям которого мы будем много обращаться в данной статье, у человека есть одна особенная черта – «его способность к осознанному предвидению» [4, с. 183]. Эта способность предполагает желание разобраться в сути происходящих процессов, увидеть за чередой фактов связь и выявить закономерности, лежащие в основе событийного ряда.

Думающие люди всегда пытались проникнуть в суть того, что отличает их от остальных объектов живой природы. Нет смысла заниматься перечислением всех теорий о человеческом мышлении, это займет место, время, и не добавит никакого нового знания. Кроме того, нас интересуют не все теории, а только те, что рассматривают под определенным «углом» человеческую способность мыслить и создавать объекты культуры. Это «угол» задан нашим желанием уловить сущностную связь особенностей человеческого мышления и эволюции культуры вообще и ее информационной составляющей в частности. И начать хотелось бы не как по традиции с древнегреческих философов и далее по цепочке, а с наших соотечественников – выдающихся ученых XX века – В.М. Бехтерева и А.Л. Чижевского.

Бехтерев, изучая феномены внушаемости, гипноза, психических эпидемий заметил, что идеи могут передаваться как инфекция от человека к человеку, поражая при этом большие социальные группы. В своей книге «Внушение и его роль в общественной жизни» он пишет

о «психической заразе», микробы которой хоть и не видимы под микроскопом, но тем не менее подобно настоящим физическим микробам действуют везде и всюду, передаются через слова, жесты и движения окружающих лиц, через книги, газеты и пр., словом, где бы мы не находились в окружающем нас обществе, мы подвергаемся действию психических микробов и, следовательно, находимся в опасности быть психически зараженными» [5, с. 5–6]. Особое внимание Бехтерев уделял самовнушению, демонстрируя на примерах, как идея, внушенная человеку может приводить к определенным физическим последствиям, имеющим как позитивный терапевтический эффект, так и негативный – вплоть до летального исхода [6, с. 5]. Для нас важно отметить, что Бехтерев демонстрировал работу внушенной идеи, как инструкции к определенному физическому действию. Так же он отмечал особое воздействие на человека *слова*. «Для него было очевидно, что слово может носить как вербальный, так и невербальный характер» [6, с. 6] – на современном этапе развития социальных сетей с их контентом, парализующим человеческую волю, вызывающим зависимость и внушающим сомнительные эстетические и моральные идеалы эта идея видится крайне актуальной.

Чижевский, составив классификацию психических эпидемий, возникавших на протяжении всей известной человеческой истории, указал на внешние, объективно существующие провокаторы массовых психозов [6, с. 7]. Однако, для нас важно другое – социальные и культурные движения в обществе он рассматривал как своего рода эпидемии, подчеркивая, что идеи имеют характер заразного заболевания: «Вся интеллектуальная и социальная жизнь человеческих сообществ проходит под знаком эпидемий. Эпидемия не исключение, а общее правило, почти не имеющее исключений» [7, с. 250]. Чижевский подметил еще одну особенность человеческой ноосферы – для лучшего распространения идей нужна высокая плотность населения и высокая скорость передачи информации – только в этом случае психическая эпидемия. «Чем интенсивнее бьет ключ общественной жизни, тем чаще и глубже охватывают ее коллективные безумия» [7, с. 353]. Мы видим, что именно в этом направлении развивается человеческое сообщество: и плотность населения, и обмен информацией постоянно растут. Кратко суммируя вышесказанное, Бехтерев и Чижевский показали, какое влияние ментальные конструкты могут оказывать на деятельность человека, как они передаются и заражают других людей, и как при определенных обстоятельствах может наступать ситуация, сравнимая с эпидемией какой-либо болезни.

Далее, в 1976 году британский этолог, эволюционный биолог Ричард Докинз опубликовал свою книгу «Эгоистичный ген». Книга была посвящена эволюционной биологии и основной ее идеей, если кратко ее сформулировать, является обоснование геноцентричного взгляда на эволюцию: естественный отбор происходит на уровне генов, единственная цель которых – успешная репликация («бессмертные спирали избавляются от бесконечной вереницы смертных тел, медленно шествуя каждая к своей собственной вечности» [4, с. 208]). Эта стратегия отбора программирует поведение организмов оптимальным для передачи генов образом, и при этом часто может идти вразрез с интересами как отдельных особей, так и вида в целом. В 11 главе своей книги Докинз вводит новое понятие для обозначения единиц передачи культурного наследия и тем самым инфицирует научное сообщество новой идеей! Докинз называет эти единицы имитации *мемами.* От подходящего греческого корня получилось бы «мимема», но Докинз хочет, чтобы слово было односложным, как «ген». Докинз упоминает, что до него уже многие проводили аналогию между научным прогрессом и генетической эволюцией, и особенно подробно рассмотрел этот вопрос К.Поппер [4, с. 173]. Однако он не удовлетворен этим и хочет фундаментального применения законов эволюции ко всему, что может реплицировать при возникновении подходящих условий, «в которых какой-либо новый репликатор *может* создавать собственные копии, эти новые репликаторы *будут* стремиться взять верх и начать собственную эволюцию нового типа» [4, с. 176].

Следующая важная мысль, которую Докинз высказывает в сносках, состоит в том, что любые репликаторы «имеют тенденцию становиться основой дарвиновского отбора, который если число поколений достаточно велико, накапливая изменения, создает системы чрезвычайной сложности…, в которых они (репликаторы) путешествуют по свету и трудятся во имя своей непрерывной репликации» [4, с. 174]. Любые сложные формы человеческой культуры, воплощенные в книгах, архитектуре, живописи, формах государственного устройства, одежде, видах вооружений и т.д., – это овеществленные системы мемов, которые, как и гены, имеют одну единственную цель – дальнейшее самокопирование. Человеческое сознание, в свою очередь, состоит как из генетических программ, так и из меметических. Они могут работать слаженно, вступать в противоречие, но принципиально важно то, что меметическая эволюция «напоминает сильно ускоренную генетическую эволюцию», и первая значительно обгоняет вторую.

Докинз не обходит стороной и аналогию между мемами и паразитами. В сносках к более позднему изданию он ссылается на своего коллегу Хуана Д. Делиуса, который опубликовал свои исследования после первой публикации «Эгоистичного гена». Делиус проводит аналогию мемов с «целым спектром организмов, на одном конце которого находятся вредоносные паразиты, а на другом – неопасные симбионты» [4, с. 175]. Эта мысль подводит нас к сбалансированному пониманию природы мемов – без них не было бы человека в привычном нам виде. Религию и феномен веры с точки зрения мемов Докинз анализирует в своей работе «Вирусы мозга» (1993) [8].

В 1983 году физик и информатик Дуглас Хофштадтер предложил дисциплину, изучающую мемы, назвать её «меметикой» (по аналогии с генетикой). Так меметика начала своё развитие в качестве самостоятельной научной дисциплины [9]. История меметики, а также критика её как научной дисциплины в начале XXI века кратко и доходчиво изложена в книге Ивана Кузнецова «Мемы: научный взгляд на феномен поп-культуры, захвативший мир» (2022) [9]. Уникальная и свежая книга на тему меметики; уникальная, так как в русскоязычном пространстве научные изыскания на тему мемов большая редкость. В данной статье мы не видим смысла углубляться в историю меметики и тем более пересказывать то, что уже прекрасно изложил Кузнецов И. Для раскрытия нашей темы нас интересуют мысли некоторых исследователей, раскрывающие понятийный аппарат и методологию меметики.

Ричард Броуди, американский программист и писатель, автор первой версию Microsoft Word, в 1996 году издал книгу «Психические вирусы. Как программируют ваше сознание». Его работа развивает идею вирусной природы мема. Так же как вирус, мем структурирует функционирование своего носителя с целью максимальной саморепликации. «Мем – единица информации, которая содержится в сознании. Мем воздействует на события таким образом, чтобы в сознании других людей возникало большее количество его копий» [10, с. 36]. Как в биологии ген распространяется посредством различных организмов, так и распространение мемов происходит посредством «орудий» – всего, что производит человек. Именно это имеет ввиду Броуди, когда пишет о «воздействии на события». При этом часто крайне малое генетическое отличие ведет к кардинальному различию видов: шимпанзе и человек. Так и мемы посредством человеческого труда обретают свои внешние формы для последующей саморепликации. Мем – причина действий для создания артефакта, то, что создает внутреннюю мотивация, в результате которой мемом будут инфицированы другие человеческие сознания. Развивая эту мысль Броуди пишет следующее: «вы непреднамеренно посвящаете некоторую часть своих сил и времени не решению собственных задач, а выполнению работы, предписанной вам психическим вирусом» [10, с. 77]. Далее, Броуди раскрывает закономерность работы эволюционного механизма мемов на примере работы естественного отбора в случае с генами: «эволюция всегда работает на стороне эгоистичных репликаторов. Как правило, выживание животного и его воспроизведение неразрывно связаны с копированием и распространением репликатора. Но в тех случаях, когда эти интересы животного и ДНК вступают в конфликт, преимущество всегда остается за репликатором» [10, с. 98]. Автор продолжает развивать мысли Докинза о том, что эволюционируют только репликаторы, а мы – их носители, лишь принимаем участие в этой «игре», которая ведется по правилам, имеющим мало общего с нашими индивидуальными интересами.

Броуди неоднократно повторяет, что понятие мема и меметика – это очередная модель человеческого сознания и культуры, как материализации мысли. Эта модель, по его мнению, помогает многое объяснить и дать прогнозы, но не может быть исчерпывающей. В рамках этой модели мемы – «основные архитекторы нашей среды обитания». Что касается прогнозов, то Броуди считает, что «по мере того как компьютеры становятся умнее, компьютерные репликаторы входят в повсеместное употребление – они претерпевают мутацию, в результате которой получают возможность не только воспроизводиться, но и эволюционировать. Если компьютерные репликаторы смогут взять верх над мемами сознания, в качестве основного хранилища и переносчика информации, то именно они смогут определять очертания нашего мира» [10, с. 125–126]. Речь о том, что до недавнего времени сознание человека было местом хранения и эволюции мемов. Эволюция мемов в сознании человека шла несоизмеримо быстрее, чем генетическая эволюция. Виды живых существ изменялись в течение сотен миллионов лет, а среда обитания человека, его культура претерпевают изменения в историческое время – в течение тысячелетий. Развитие в сфере информационных технологий полностью обновляет наши двайсы и их наполнение за десятилетия, а вот версии ИИ и их функционал

обновляются за срок от полугода до года. Зафиксируем эти мысли и двинемся дальше.

Сьюзан Блэкмор, британская писательница, лектор, приглашённый профессор Плимутского университета, в 1999 году опубликовала книгу «The Meme Machine». В целом, название уже говорит само за себя и даже из него мы можем сделать определенные выводы: если человек – это «машина мемов», то вряд ли что-то может помешать машине стать «машиной мемов». Природа мемов такова, что они либо копируются, либо нет. Очевидно, что люди играют в этом процессе решающую роль. Однако наша творческая роль – это не роль независимого творца, который придумывает идеи на пустом месте. Скорее, мы являемся копировальными машинами и селективной средой в обширном эволюционном процессе, движимом определенными закономерностями конкуренции между мемами. Рост скорости коммуникации – сначала улучшение транспорта, потом связи – все это ведет к ускорению обмена мемами, что создает еще более обширное поле для эволюции [11, с. 210]. С этой точки зрения рост городов закономерен. Блэкмор вводит понятие «меметического давления». Работу этого феномена она показывает на примере принятия решения жить в городе или в деревне. Часто свой выбор места жизни человек обусловливает желанием атрибутов богатой мемами жизни. Люди думают, что более увлекательная жизнь ближе к «центру событий» сделает их счастливее. Однако это скорее ошибка, если учесть уровень стресса и депрессии в современном обществе. Выбор, по мнению автора, осуществляется скорее под давлением мемов, которые создают особую форму зависимости у человека, для удовлетворения которой нужно постоянно увеличивать потребление меметического контента: «Чем больше мы сталкиваемся с мемами, тем сильнее нам их хочется, и этот голод редко бывает утолён» (The more we are exposed to memes the more we seem to acquire a hunger for them that is rarely satisfied) [11, с. 211]. На сегодняшний день зависимость от потребления цифрового контента в том или ином виде уже даже не вызывает удивления, и это не реализация человеческой страсти к познанию, а результат дофаминовой аддикции. Тут уместно вспомнить мысль Чижевского, упомянутую выше, о том, что рост психических эпидемий прямо пропорционален росту активности общественной жизни.

Конкуренция в бизнесе, издательском деле, искусстве и науке зависит от передачи мемов. По мере ускорения миметической передачи ускоряется и конкуренция, и люди, не владеющие новейшими технологиями, проигрывают в этой борьбе. Новейшие технологии не всегда облегчают работу, они скорее вынуждают выполнять ее как можно быстрее, чтобы не отстать от конкурентов. Рост уровня жизни не снижает уровень стресса, а требует большей продуктивности и концентрации внимания на рабочем процессе для выполнения дедлайнов. Человек может думать, что весь этот прогресс создан для его счастья. И действительно, иногда мы можем быть очень довольны своей жизнью, но на самом деле движущей силой всего этого является «интерес» мемов [11, с. 213].

Одной из главных проблем меметики, как пишет Блэкмор, было обвинение в том, что мемы передаются по принципу наследования приобретённых признаков. Однако, и это важно, копируется не продукт с его признаками, а инструкция по его созданию. Особенно четко это проявилось в цифровую эпоху: цифровые системы являются лучшими для копирования, хранения и передачи информации. Они копируют инструкции по изготовлению продукции (компьютерный код), а не саму продукцию. Таким образом природа мема –это инструкция, а не конечный продукт с его уникальными признаками (напечатанный текст, картина, здание, мелодия и т.д.). В этом смысле механизмы меметического копирования крайне похожи на генетические. Конкретный способ реализации у мемов и генов всегда будет разным, но основные эволюционные принципы одинаковы. А эффект меметического давления таков, что конкуренция между репликаторами будет заставлять человека изобретать все более совершенные системы для копирования этих репликаторов [11, с. 215].

Блекмор использует понятие «мемплекс», это производная от понятий «мем» и «комплекс» – сложная система взаимосвязанных идей. Применяя это понятие, она исследует феномен религии и причины, почему религии оказались столь сильны и устойчивы во времени. Так же в качестве мемплекса Блэкмор рассматривает личность человека, как нечто состоящее из множества мемов. Нам было бы интересно обратить внимание на феномен архитектуры в ее историческом развитии как на пример материального воплощения различных мемплексов, ибо «история архитектуры – это история человеческой мысли» [12, с. 367]. «В отличие от живописи и скульптуры, архитектура очень конкретный вид искусства, реализующий в монументальных формах общей вектор развития культуры» [12, с. 8]. Именно посредством архитектуры, которая с давних времен служит интересам репликации мемов религии и власти в сознании людей, мы можем наглядно проследить процесс эволюции различных мемплексов. Какие-то формы сохраняются, какие-то нет, но человек, с меметической точки зрения, непрестанно работает в качестве инструмента отбора и воплощения тех или иных мемов в физическую форму. Различные религиозные мемплексы продолжают воплощать себя в храмовых постройках, а иногда могут объединятся с другими, на первый взгляд, несовместимыми мемплексами (например, Главный храм Вооружённых сил Российской Федерации, возведенный в 2018). Мемплексы военного могущества государственной власти еще до недавнего времени реализовались в триумфальных арках. Это перечисление можно продолжать долго. Мне в наглядном изучении данной темы помогла книга российского искусствоведа Дианы Трошиной «Главные шедевры мировой архитектуры: от Стоунхенджа до Ярославского вокзала». Идея исторической преемственности форм проходит красной нитью через всю книгу: «Оказалось, что образная память, память формы, порой гораздо более надёжна нежели историческая. Хорошая архитектура неизбежно хранит память своей истории» [12, с. 10]. Она продолжает выполнять свои меметические функции сквозь века.

Примечательно, что в XX веке, особенно со второй половины с появлением теле– и радиовещания требования религиозной и государственной пропаганды снимаются с архитектуры, так как воздействие мемов на человеческое сознание через архитектурные формы слишком слабое и, как следствие, их эволюция слишком медленная по сравнению с эффектом на массы от радио и телевидения, не говоря уже об интернете и социальных сетях. Возможно, поэтому определить время постройки зданий конца XX века-начала XXI века в контексте городской застройки легко по примитивизму формы и отсутствию внефункционального содержания.

Следующая важная мысль о мемах – цитата американского философа и когнитивиста Дэниела Деннета, активно популяризировавшего идеи меметики в своих работах. «Мемы – это информационные симбионты. Мы не можем жить без них, как не можем жить и без триллионов других населяющих нас симбионтов, но это не значит, что все они дружественны нам» [13]. Идея понимания мемов, как симбионтов уже звучала, делаем акцент, на том, что «мемы обладают собственной приспособляемостью, как и все остальные симбионты, … и их приспособляемость в некоторой степени независима от нашей» [13]. Симбионт живет в теле хозяина и использует его для собственной репликации. Эволюционная стратегия репликатора такова, что он всегда ищет лучшие условия для самокопирования и меняет поведение хозяина для создания этих условий.

Меметика, несмотря на свою популярность, подвергалась активной критике за недостаточную обоснованность и аргументированность, за то, что мемы не существуют в реальности, так как не существует их физический носитель; за то, что мемы – не более чем научная абстракция, либо (если судить с позиций семиотики) упрощённая трактовка знака [9]. Критиковали меметику даже за нефальсифицируемость, что, по мысли Поппера, говорит о не научности теории, ибо научная теория не может быть принципиально неопровержимой. Один из ведущих современных философов культуры и представитель когнитивной науки, француз Дан Шпербер критикует идею Докинза о создании мема путем копирования. Он вводит понятие «предсуществующая склонность». Хоть Шпербер и не дает четкого пояснения того, что такое «предсуществующая склонность», он указывает, что роль копирования и роль предсуществующих склонностей может меняться в соответствии с разными культурными данными, поясняя это на различных примерах. В связи с этим, заключает Шпербер, меметика должна быть здравой исследовательской программой, не притязающей на универсальность [14].

Весь объем критики показывает, что меметика – это модель реальности, которая может объяснить факты, дать прогноз. Как и любая модель, меметика имеет с реальностью столько же общего, сколько имеет карта метрополитена Москвы с метрополитеном Москвы, однако это не влияет на функциональность модели. О том, что меметика – это модель, много раз в своей книге упоминает Броуди, и предостерегает от абсолютизации идей меметики. Так же критика показывает принципиальную фальсифицируемость меметики, что, следуя теории Поппера, говорит нам о научности меметической теорий. И тем не менее, многие критики в начале 2000-х не сомневались в несостоятельности меметики и скором провале дисциплины. В 2005 году на крупнейшей дискуссионной площадке меметиков – в журнале Journal of Memetics английский учёный Брюс Эдмондс опубликовал статью под названием «Выявленная беднота аналогии ген-мем: почему меметике не удалось добиться существенных результатов». В статье он раскритиковал саму концепцию «ген-мем» и объяснил причины неудачи меметики как научной дисциплины [9]. Журнал после этого выпускать перестали,

однако идеи меметики не только продолжили свое существование, но и стали особенно актуальны в последние годы в связи с развитием соцсетей и ИИ. Об этом можно судить по количеству русскоязычных статей, посвященных теме мемов. Тематика статей разнообразна: есть обзорные, раскрывающие преимущества меметики, как междисциплинарной науки, критические, исследовательские (семантическая экспансия культур через медиа пространство), узкоспециализированные (меметика в разработке ИТ-продуктов), научно-популярные, посвященные влиянию алгоритмов соцсетей на формирование мемплекса личности человека [15, 16, 17, 18, 19].

Влияние алгоритмов на общественное мнение крайне велико, но мало изучено. Раньше мемы передавались через речь, проповеди, архитектурные образы, потом через книги, позже через радио и телевидение. Сегодня процесс эволюции и отбора мемов перешел в цифровое пространство. Это ускорило его в миллионы раз благодаря широкой доступности контента, а рекомендательные алгоритмы социальных сетей формируют информационные пузыри, подсовывая именно те образы, которые вызывают самый бурный эмоциональный отклик. Мемплекс человеческой личности постоянно инфицируется однотипными информационными вирусами, что делает человека невосприимчивым к альтернативным мнениям. Скорость и качество репликации мемов непосредственно в человеческое сознание выросли кратно. Причем меметическое давление, о котором писала Блэкмор, заставляет людей создавать себе условия для еще большего потребления контента, а современные ИИ-алгоритмы соцсетей – это идеальные инкубаторы для репликации мемов: если раньше отбор мемов совершался посредством человека, то теперь этот процесс уже вынесен за пределы его сознания.

Мемы находят себе новую среду обитания в цифровом мире. Осмыслению этого процесса нам может помочь книга Шеннон Валлор. Она – американский философ, занимающийся этическими вопросами развития технологий. Основная тема ее книги – метафора ИИ и зеркала. Технологии искусственного интеллекта отражают человеческий интеллект – наши мышление, суждения, предубеждения, желания, потребности, ожидания, воображение и многое другое. Валлор приводит в пример случай с Блейком Лемуаном, инженером Google, который ошибочно принял вывод языковой модели LaMDA за свидетельство существования разумного и обладающего самосознанием существа. Однако Валлор утверждает, что это всего лишь иллюзия, поскольку современные системы искусственного интеллекта созданы как огромные зеркала человеческого интеллекта.

Валлор утверждает, что это отражение может быть опасным. Она иллюстрирует это через историю о Нарциссе и Эхо из третьей книги «Метаморфоз» Овидия. Нарцисс, славившийся своей красотой и гордыней, был очарован собственным отражением в пруду и влюбился в иллюзию своего образа. Точно так же нас может завораживать ИИ. Системы ИИ становятся своего рода увеличительными зеркалами, отражающими человеческую природу. То, что мы вкладываем в них, возвращается к нам с удвоенной силой, так как ИИ ведет собственную обработку и генерацию информации [20].

На текущий момент огромные средства тратятся IT-компаниями и правительствами развитых государств всего мира на развитие ИИ, в том числе на сооружение дата-центров, необходимых для работы ИИ. Растет потребность в электричестве, как для поддержания системы криптовалют (кстати, тоже интересный феномен – мемплекс децентрализованной формы денег полностью существует только в цифровом пространстве) и ИИ. Огромное количество людей вовлечено в этот процесс, как ученых, так и обслуживающего персонала. Так как информация не может существовать и эволюционировать сама по себе в пространстве, то ей всегда нужен какой-то носитель. На определенном этапе это клетки ДНК – с их участием развитие идет очень медленно. Далее – человеческое сознание, в нем развитие ускоряется многократно. Следующий этап – технические средства обработки информации (книги, радио, телеиндустрия), потом компьютерные технологии, соцсети и то, как они взаимодействуют с сознанием человека посредством алгоритмов. Сейчас – ИИ – самостоятельная генерация текста, стратегий и компьютерного кода, возможно, что-то еще, о чем не известно массовому потребителю. Какой стадией меметической эволюции является ИИ, пока сложно судить. Однако, как сказала Блэкмор в своем докладе «Эволюция меметических машин»: «Взглянув на Интернет глазами мема, мы выглядим как начальная стадия мемомашин, и существуем *в качестве подспорья* для создания все лучших мемомашины, от чего выигрывают сами мемы» [21]. Очевидно, что ИИ кратно упрощает создание как мемов, так и «проектных вирусов», как технологии управления массами (термин Броуди: культурные вирусы появились в результате естественного меметического отбора, проектные вирусы созданы людьми с определенной целью – власть или прибыль [10]). В своей книге Броуди прогнозирует борьбу проектных и культурных вирусов, победа в которой будет за проектными вирусами. После проектные вирусы начнут борьбу между собой. Что будет в будущем, точно не знает никто. Мы можем только прогнозировать тот или иной сценарий. Однако мемтическая модель не только помогает нам понять закономерность и направление развития информационных технологий, но и дает возможность осознать незавидное место и второстепенную роль человека в этом процессе.

Литература

1. Шрайберг Я.Л. Время перемен: глобальные информационные тренды и перспективы // Научные и технические библиотеки: журнал. – 2016. – № 9. С. 3–56.
2. Капица П.Л Эксперимент. Теория. Практика. М.: «Наука». – 1987. – С. 196–197. https://vikent.ru/enc/183/
3. Vinge V. What is The Singularity? VISION-21 Symposium sponsored by NASA Lewis Research Center and the Ohio Aerospace Institute, March 30–31. – 1993. https://mindstalk.net/vinge/vinge-sing.html
4. Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: Corpus (АСТ). – 2013. – С. 237
5. Бехтерев В.М. Внушение и его роль в общественной жизни. Санкт-Петербург. – Издатель К.Л. Риккер. – 1903. – С. 136
6. Кавинова И.П. Психическая эпидемия как социальный феномен. МГТУ им. Н.Э. Баумана: Гуманитарный вестник. – 2018. – № 9 (71). – С. 1–15 https://doi.org/10.18698/2306–8477–2018–9–557
7. Чижевский А.Л. Космический пульс жизни: Земля в объятиях Солнца. Гелиотараксия. М.: Мысль. – 1995. – С. 766
8. Докинз Р. Вирусы мозга. Химия и жизнь. – 2005. – № 10. (Опубликовано в сокращении) https://libcat.ru/knigi/nauka-i-obrazovanie/prochaya-nauchnaya-literatura/346790–8-richard-dokinz-virusy-mozga.html#text
9. Кузнецов И.С. Мемы: научный взгляд на феномен поп-культуры, захвативший мир. М.: Бомбора. – 2022. – С. 204 https://kniga-online.com/books/nauchnye-i-nauchno-populjarnye-knigi/kulturologiya/page-40–306635-memy-nauchnyi-vzglyad-na-fenomen-pop-kultury.html
10. Броуди Р. Психические вирусы: как программируют ваше сознание. М.: Поколение. – 2007. – С. 301
11. Blackmore S. The Meme Machine. Oxford University Press. – 1999. – С. 264
12. Трошина Д.И. Главные шедевры мировой архитектуры: от Стоунхенджа до Ярославского вокзала. М.: Бомбора. – 2024. – С. 367
13. Деннет Д. Насосы интуиции и другие инструменты мышления. М.: АСТ. – 2019. – С. 576 https://www.corpus.ru/blog/memy-fragment-iz-knigi-dehniela-denneta-nasosy-intuicii.htm?ysclid=mtvac5uro7740837048
14. Кедрова М.О. Критика Даном Шпербером меметического подхода к культуре. М.: Философские науки. – 2006. – № 3. С. 119–127 https://culturolog.ru/content/view/3987/
15. Щербин В.К. Меметика, как новая междисциплинарная наука и направление социальной семиотики // Журнал Белорусского Государственного университета. Социология. – 2019. – № 4. – С. 40–47
16. Волошин В.В. Мем и меметика: эпистемологический ракурс // Социальная и политическая философия. Известия ТулГ У. Гуманитарные науки. – 2023. – № 1. – С. 224–237
17. Бочаров А. Б., Демидов М.О. Мемы, мем-вирусы: их сущность и распространение в инфосфере и медийном пространстве // Управленческое консультирование. – 2020. –№ 9. – С. 92–100
18. Блог компании Хабр. Они вам не мимими. Научный взгляд на мемы с котиками и наш новый стикерпак для «ТехноТекста». – 2020. https://habr.com/ru/companies/habr/articles/527170/?ysclid=mtokco0dxs198501913;
19. Дзен. Вирусы в твоей голове: как мемы и алгоритмы создали человеческое «Я». – 2026. https://dzen.ru/a/alvG5qgD2mhnyn3c?ysclid=mtokodf8qi360619953
20. Vallor S. The AI mirror: how to reclaim our humanity in an age of machine thinking. Oxford University Press. – 2024 – С. 257
21. Блэкмор С. Эволюция меметических машин. Международный Конгресс по Онтопсихологии и Меметике. Милан. – 2002. https://www.susanblackmore.uk/conferences/the-evolution-of-meme-machines-russian-translation/

THE RELEVANCE OF THE MEMETIC MODEL FOR UNDERSTANDING THE EVOLUTION OF MODERN INFORMATION TECHNOLOGIES

Basmanov A.V.
Peoples' Friendship University of Russia

The development of information technology and artificial intelligence has fundamentally changed the landscape of creativity, shifting the function of generating text, music, and

images from humans to machines. The author proposes using the methodology and conceptual framework of memetics to comprehend and understand this process.
The memetic model examines the genesis of culture and information through the lens of replicators (memes), whose sole purpose, by analogy with genes, is self-replication. Drawing on the works of Bekhterev, Dawkins, Blackmore, Brodie, Dennett, and others, the author shows that a person is merely a carrier and a selective medium for memes. Digital algorithms of social media, creating information bubbles, have become an ideal incubator for memes and have accelerated their evolution by millions of times. AI represents a new stage in this evolution – an ideal meme machine that has taken the place of a person in content generation. The author offers a sober view of humanity's place in a process where technology dictates the conditions of its own development, often outside of human control and beyond human needs.

Keywords: memetics, evolution, culture, information technology, artificial intelligence.

References

1. Shrayberg Y.L. Time of Change: Global Information Trends and Prospects // Scientific and Technical Libraries: Journal. – 2016. – No. 9. Pp. 3–56.

2. Kapitsa P.L. Experiment. Theory. Practice. Moscow: "Nauka". – 1987. – Pp. 196–197. https://vikent.ru/enc/183/

3. Vinge V. What is The Singularity? VISION-21 Symposium sponsored by NASA Lewis Research Center and the Ohio Aerospace Institute, March 30–31. – 1993. https://mindstalk.net/vinge/vinge-sing.html

4. Dawkins R. The Selfish Gene. Moscow: Corpus (AST). – 2013. – P. 237.

5. Bekhterev V.M. Suggestion and Its Role in Public Life. Saint Petersburg. – Publisher K.L. Rikker. – 1903. – P. 136.

6. Kavinova I.P. Mental Epidemic as a Social Phenomenon. Bauman Moscow State Technical University: Humanitarian Bulletin. – 2018. – No. 9 (71). – Pp. 1–15. https://doi.org/10.18698/2306–8477–2018–9–557

7. Chizhevsky A.L. Cosmic Pulse of Life: Earth in the Arms of the Sun. Heliotaraxia. Moscow: Mysl. – 1995. – P. 766

8. Dawkins R. Brain Viruses. Chemistry and Life. – 2005. – No. 10. (Published in an abridged form) https://libcat.ru/knigi/nauka-i-obrazovanie/prochaya-nauchnaya-literatura/346790–8-richard-dokinz-virusy-mozga.html#text

9. Kuznetsov I.S. Memes: A Scientific Perspective on the Phenomenon of Pop Culture That Has Captured the World. Moscow: Bombora. – 2022. – P. 204 https://kniga-online.com/books/nauchnye-i-nauchno-populjarnye-knigi/kulturologiya/page-40–306635-memy-nauchnyi-vzglyad-na-fenomen-pop-kultury.html

10. Brody R. Mental Viruses: How They Program Your Mind. Moscow: Pokolenie. – 2007. – p.301

11. Blackmore S. The Meme Machine. Oxford University Press. – 1999. – p.264

12. Troshina D.I. The Main Masterpieces of World Architecture: from Stonehenge to Yaroslavsky Station. Moscow: Bombora. – 2024. – P. 367

13. Dennett D. Intuition Pumps and Other Tools for Thinking. Moscow: AST. – 2019. – P. 576 https://www.corpus.ru/blog/memy-fragment-iz-knigi-dehniela-denneta-nasosy-intuicii.htm?ysclid=mtvac5uro7740837048

14. Kedrova M.O. Dan Sperber's critique of the memetic approach to culture. Moscow: Philosophical Sciences. – 2006. – No. 3. Pp. 119–127 https://culturolog.ru/content/view/3987/

15. Shcherbin V.K. Memetics as a new interdisciplinary science and a branch of social semiotics // Journal of the Belarusian State University. Sociology. – 2019. – No. 4. – Pp. 40–47

16. Voloshin V.V. Meme and memetics: an epistemological perspective // Social and Political Philosophy. Izvestiya TulG U. Humanities. – 2023. – No. 1. – Pp. 224–237

17. Bocharov A.B., Demidov M.O. Memes, meme-viruses: their essence and distribution in the infosphere and media space // Management Consulting. – 2020. – No. 9. – Pp. 92–100. 18. The Habr company blog. They're not all that cute. A scientific perspective on cat memes and our new sticker pack for "Tekhnotekst". – 2020 https://habr.com/ru/companies/habr/articles/527170/?ysclid=mtokco0dxs198501911

19. Zen. Viruses in Your Head: How Memes and Algorithms Created the Human "Self." – 2026. https://dzen.ru/a/alvG5qgD2mhnyn3c?ysclid=mtokodf8qi360619953

20. Vallor S. The AI Mirror: How to Reclaim Our Humanity in an Age of Machine Thinking. Oxford University Press. – 2024 – p.257

21. Blackmore S. The Evolution of Meme Machines. International Congress on Ontopsychology and Memetics. Milan. – 2002. https://www.susanblackmore.uk/conferences/the-evolution-of-meme-machines-russian-translation/

Социальное неравенство как философская проблема современного общества

Бужор Евгения Сергеевна,
кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: ESBuzhor@fa.ru

Базилико Эдоардо Антонио,
кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: EABaziliko@fa.ru

В статье рассматривается социальное неравенство как одна из устойчивых проблем философского осмысления общественной жизни. Анализируются причины сохранения неравенства, его связь с социальной структурой, распределением ресурсов, правовым статусом и возможностями социальной мобильности. Рассматриваются подходы к проблеме неравенства в зарубежной и отечественной философской и социологической мысли, раскрывается различие между естественными различиями людей и социально закрепленными формами неравенства. Внимание уделяется современным формам имущественной, статусной, профессиональной и образовательной дифференциации. Обосновывается необходимость оценки социального неравенства не только с позиции экономического распределения, но и с точки зрения справедливости, свободы, достоинства личности и равенства социальных возможностей.

Ключевые слова: социальное неравенство, общество, социальная структура, социальная стратификация, социальная справедливость, социальный статус, социальная мобильность, философия, права человека.

Введение

Социальное неравенство относится к числу проблем, которые невозможно свести только к различиям в доходах или материальном положении людей. В любом обществе существуют различия между социальными группами по уровню образования, доступу к власти, престижу профессии, возможностям получения медицинской помощи, качеству жилья, участию в общественной жизни и способности влиять на принимаемые решения, поэтому вопрос о неравенстве выходит за пределы экономической статистики и приобретает философское содержание. Философская проблема возникает там, где требуется определить, какие различия являются естественными и допустимыми, а какие превращаются в устойчивую систему преимуществ одних групп перед другими. Исследователи социального неравенства связывают его с самой структурой общества, поскольку различия в положении людей воспроизводятся через социальные институты, распределение ресурсов и механизмы закрепления статусов [1; 4; 6]. Современная ситуация делает эту проблему особенно значимой: расширение доступа к информации и образованию не привело к исчезновению социальных барьеров, а цифровая среда создала новые формы доступа к ресурсам и новые способы социальной дифференциации. Социальное неравенство необходимо рассматривать не только как результат различий между людьми, но и как характеристику общественного устройства, определяющую реальные границы свободы, выбора и социальной мобильности личности.

Социальное неравенство в истории философской мысли

Философское осмысление социального неравенства связано с вопросом о принципах устройства общества. Уже в классической социальной философии различия между людьми рассматривались не как случайный набор индивидуальных характеристик, а как часть организации общественной жизни. Проблема приобрела несколько направлений: одни мыслители стремились объяснить происхождение и устойчивость социальных различий, другие оценивали их с точки зрения справедливости, свободы и достоинства человека. Подход дает увидеть принципиальное различие между фактом неравенства и его общественной оценкой. Само наличие различий еще не отвечает на вопрос о том, является ли социальный порядок справедливым. По мнению исследователей, обращавшихся к зарубежным теориям стратификации, неравенство рассматривалось через классовую структуру, статусные различия, распределение власти и доступ к общественным ресурсам [1]. Социальное положение человека формируется не только его личными качествами, но и условиями, в которых он получает образование, начинает трудовую деятельность, формирует профессиональные связи и получает доступ к экономическим и политическим ресурсам.

Интересный аспект проблемы представлен в анализе взглядов Вольтера и Рене Генона. В исследовании Р.Р. Бекбаева и С.Ж. Кенжаева социальное неравенство рассматривается через различные представления о социальной организации и месте человека в обществе [2]. В данном случае важен сам факт существования разных философских оснований для объяснения социальной иерархии. Неравенство может восприниматься как результат исторического развития, как следствие различий между людьми, как элемент общественного порядка либо как проблема, требующая изменения социальных отношений. Философский анализ не ограничивается фиксацией разрыва между группами. Он ставит вопрос о критериях, по которым общество определяет допустимые и недопустимые различия, именно поэтому проблема неравенства сохраняет значение даже в обществах, где формально закреплено равенство граждан перед законом.

Важное место в развитии представлений о социальном неравенстве занимает классовый подход. Классовые концепции связывают положение человека с его отношением к собственности, трудовым ресурсам, власти и механизмам распределения общественного продукта. Современная интерпретация классовой проблематики показывает, что социальные различия не всегда укладываются в простую схему разделения общества на две противоположные группы. Исследования концепций Т.Х. Маршалла, Р. Дарендорфа и Э.О. Райта демонстрируют различие оснований, по которым определяется положение социальных групп, включая экономические, властные и статусные характеристики [5]. Это позволяет рассматривать современное общество как сложную

систему пересекающихся социальных позиций. Человек может обладать высоким уровнем образования, но иметь невысокий доход; занимать престижную должность, но не обладать значительными властными ресурсами; иметь высокий доход, но не пользоваться соответствующим социальным авторитетом, поэтому современное неравенство имеет многомерный характер.

Социальное неравенство как характеристика общественной структуры

Социальное неравенство сохраняется потому, что общество распределяет между людьми не только материальные блага, но и различные виды социальных ресурсов. К ним относятся власть, образование, профессиональные возможности, социальные связи, престиж, информация и доступ к институтам принятия решений. С.А. Головин связывает изучение неравенства с необходимостью определить его сущность и основания, что предполагает рассмотрение различных научных подходов к структуре социальных различий [4]. В свою очередь, К.А. Зенин рассматривает социальное неравенство как атрибутивную характеристику общества, то есть как свойство, непосредственно связанное с его внутренней организацией [6]. Подход имеет принципиальное значение, если неравенство возникает и воспроизводится внутри социальных отношений, его невозможно устранить только путем изменения индивидуального поведения отдельных людей. Для этого необходимо учитывать устройство институтов, систему распределения ресурсов и механизмы формирования социальных статусов.

В реальной жизни социальное неравенство проявляется через конкретные различия в возможностях. К примеру, одинаковое формальное право на получение образования не означает одинакового фактического доступа к качественным образовательным ресурсам. На результат влияют материальные возможности семьи, место проживания, уровень подготовки родителей, доступ к дополнительному обучению, цифровой инфраструктуре и социальным связям. Аналогичная ситуация складывается на рынке труда. Формально два человека могут иметь одинаковое право на трудоустройство, однако стартовые возможности различаются из-за качества образования, опыта, профессиональных контактов и финансовой возможности определенное время искать подходящую работу. Первоначальные различия способны преобразовываться в устойчивые различия социальных траекторий, именно эта способность неравенства к воспроизводству делает его философской проблемой, поскольку речь идет уже не об отдельных различиях между людьми, а о механизме закрепления преимуществ и ограничений.

Исследование социальной структуры показывает, что неравенство нельзя оценивать только по одному показателю. Если анализировать исключительно доходы, останутся незамеченными различия в политическом влиянии, качестве образования, доступе к культурным ресурсам и социальном престиже. А.Ш. Викторов обращает внимание на необходимость философской и социологической рефлексии проблемы, что позволяет рассматривать неравенство одновременно как объективное социальное явление и как предмет общественной оценки [3]. Подход важен для современного общества, в котором экономический статус человека не всегда напрямую определяет его общественное влияние. Высококвалифицированный специалист может получать меньше дохода, чем собственник крупного бизнеса, однако обладать значительным профессиональным авторитетом. В другой ситуации человек с высоким доходом может не иметь политического влияния или общественного признания. Социальная позиция поэтому складывается из нескольких взаимосвязанных характеристик.

Проблема справедливости и социального неравенства

Главный философский вопрос заключается не в том, возможно ли полностью устранить различия между людьми, а в том, какие формы неравенства общество считает справедливыми. Люди различаются способностями, интересами, состоянием здоровья, профессиональным выбором, трудовой активностью и жизненными обстоятельствами, эти различия сами по себе не являются социальной проблемой. Проблема возникает тогда, когда индивидуальные различия превращаются в устойчивые преимущества или ограничения, которые определяют жизненные возможности человека независимо от его собственных усилий. Если происхождение, имущественное положение семьи или принадлежность к определенной социальной группе заранее определяют доступ к образованию, труду, власти и общественному признанию, формальное равенство перестает совпадать с фактическим.

Философско-правовой анализ позволяет дополнить социальный подход к проблеме. Ю.В. Сорокина рассматривает вопрос обоснования социального неравенства через соотношение права, свободы и общественного устройства [9]. Право закрепляет принцип равенства граждан, однако правовое равенство не означает одинаковости социальных результатов. Различия в доходах и социальном положении могут существовать в правовом обществе, если они формируются в рамках законных процедур и не сопровождаются ограничением базовых прав других людей. Граница проходит там, где социальные преимущества начинают определять саму возможность пользоваться правами. К примеру, высокий доход может обеспечить более широкий выбор образовательных и медицинских услуг, но он не должен превращаться в возможность обходить правовые ограничения или получать исключительный доступ к общественным ресурсам.

В этой связи необходимо различать равенство возможностей и равенство результатов. Первое предполагает наличие для человека реального доступа к базовым социальным институтам и возможность изменить свое положение за счет образования, труда, профессионального развития и социальной мобильности. Второе предполагает максимально близкое распределение конечных результатов между членами общества. Для современной социальной системы полное выравнивание результатов практически невозможно и не всегда является обоснованным. Существенно важнее устранение барьеров, при которых социальное происхождение становится более значимым фактором жизненного успеха, чем образование, квалификация и трудовая деятельность. Подход дает связать проблему неравенства с принципом социальной справедливости.

Современные формы социального неравенства

Современное общество изменяет формы проявления неравенства, но не устраняет его. Экономическое расслоение остается наиболее очевидным проявлением социальной дифференциации, однако рядом с ним существуют образовательное, профессиональное, территориальное, цифровое и статусное неравенство. Иоселиани А.Д., Ветров К.А. рассматривают природу неравенства в социально-философском ракурсе, что дает обратить внимание на устойчивость самого механизма формирования различий [7]. Сегодня существенное значение имеет доступ к цифровой инфраструктуре и информации. Наличие технического устройства само по себе не гарантирует равного положения. Значение имеют качество интернет-доступа, цифровая грамотность, способность использовать информационные ресурсы для образования и профессионального развития. Цифровая среда одновременно расширяет возможности социальной мобильности и создает новые различия между группами.

Таблица 1. Основные формы социального неравенства в современном обществе

Форма социального неравенства	Основной ресурс	Практическое проявление	Социальное последствие
Имущественное	Доход, собственность	Различия в уровне потребления и качестве жилья	Разный уровень материальной обеспеченности
Образовательное	Знания и квалификация	Неравный доступ к качественному образованию	Различия в профессиональных перспективах
Профессиональное	Квалификация и статус	Разный уровень оплаты и престижа труда	Дифференциация социального положения
Политическое	Власть и влияние	Неравный доступ к принятию решений	Различия в возможности влиять на общественные процессы
Цифровое	Технологии и цифровые навыки	Разный доступ к цифровым услугам и информации	Новые барьеры социальной мобильности
Территориальное	Инфраструктура региона	Различия между территориями по качеству услуг	Неравные жизненные возможности

Значение приобретает территориальный фактор. Место проживания влияет на доступность образования, медицинских услуг, транспорта, рабочих мест и культурной инфраструктуры. Человек, обладающий одинаковой квалификацией с жителем крупного города, может иметь значительно меньше возможностей для профессионального развития, если в его регионе ограничено количество рабочих мест соответствующего уровня. Социальное положение определяется не только личными характеристиками, но и средой проживания. Зависимость показывает,

что социальное неравенство нельзя объяснять исключительно индивидуальными успехами или неудачами.

Проблема становится еще сложнее в условиях ускоряющихся социальных изменений. Современное общество предъявляет к человеку требования постоянного обучения, профессиональной адаптации и освоения новых технологий. К. Ясперс рассматривал кризисные процессы современности через изменения положения человека в мире и проблемы, возникающие перед обществом в условиях масштабных исторических преобразований [8]. Для проблемы неравенства это важно потому, что скорость социальных изменений различается для разных групп населения. Человек, имеющий доступ к образованию, цифровым технологиям и профессиональному переобучению, быстрее адаптируется к изменениям рынка труда. Группа, лишенная таких ресурсов, рискует оказаться в положении устойчивого социального отставания.

Социальное неравенство и проблема человеческой свободы

Неравенство непосредственно связано с вопросом свободы личности. Формальная свобода выбора имеет ограниченное значение, если человек не располагает минимальными ресурсами для реализации выбранной стратегии. Право выбрать профессию существует для всех, но фактическая возможность получить необходимое образование зависит от социально-экономических условий. Право на участие в общественной жизни формально принадлежит каждому, однако реальные возможности влияния на решения различаются в зависимости от социального статуса, профессионального положения, уровня образования и доступа к информации. Социальное неравенство следует рассматривать как фактор, который может расширять или сужать пространство практической свободы.

Современная философия общества обращает внимание на то, что социальные проблемы нельзя рассматривать изолированно друг от друга. Вопросы свободы, справедливости, ответственности, социальной стабильности и положения личности образуют единую систему [10]. Неравенство становится опасным для общества не само по себе, а тогда, когда оно приобретает характер устойчивой социальной закрытости. Если человек понимает, что его образование, профессиональная деятельность и личные усилия практически не позволяют изменить социальное положение, снижается доверие к общественным институтам, в такой ситуации проблема неравенства приобретает уже не только экономическое, но и ценностное измерение.

Социальная мобильность выступает одним из основных показателей того, насколько открытым является общество. Если социальные позиции доступны людям из разных социальных групп, различия между ними не обязательно ведут к социальной напряженности, напротив, если высокий статус преимущественно передается внутри одних и тех же семей и социальных кругов, неравенство становится механизмом воспроизводства социальной иерархии. Труд и профессиональные достижения теряют значение как инструменты изменения положения личности. Проблема заключается не в существовании социальных различий как таковых, а в закрытости каналов перехода между социальными позициями.

Заключение

Социальное неравенство является устойчивым свойством общественной структуры, поскольку социальная жизнь связана с различным распределением материальных и нематериальных ресурсов. Экономические доходы, образование, власть, профессиональный статус, престиж, информация и социальные связи формируют неодинаковые позиции людей и групп. Историко-философский анализ показывает, что отношение к неравенству всегда зависело от представлений о справедливости, свободе и допустимых границах социальной иерархии, поэтому оценивать неравенство только как различие в материальном положении недостаточно.

Для современного общества принципиально важным становится различение объективных различий между людьми и неравенства, закрепленного социальной системой. Различия в способностях, профессиональном выборе и результатах деятельности неизбежны. Другое дело – ситуация, при которой социальное происхождение, материальное положение семьи или территориальные условия заранее ограничивают образовательные, профессиональные и гражданские возможности человека. Неравенство перестает быть только следствием индивидуальных различий и становится характеристикой общественного устройства.

Философская проблема социального неравенства заключается поэтому в поиске границы между допустимой социальной дифференциацией и несправедливым ограничением жизненных возможностей. Современное общество не нуждается в механическом устранении всех различий. Его задача состоит в обеспечении таких условий, при которых социальное положение человека не становится заранее определенным и сохраняется возможность его изменения посредством образования, труда, профессионального развития и общественной активности. Чем более открыты каналы социальной мобильности и чем меньше социальные преимущества передаются автоматически от поколения к поколению, тем меньше риск превращения неравенства в устойчивую систему социальной закрытости.

Литература

1. Алексеенок А.А., Ухорский М.В. Исследование социального неравенства структуры общества в трудах зарубежных ученых // Известия ТулГ У. Гуманитарные науки. – 2014. – № 1. -URL: http://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-sotsialnogo-neravenstva-struktury-obschestva-v-rudah-zarubezhnyh-uchenyh (дата обращения: 14.09.2026).
2. Бекбаев, Р.Р. Социальное неравенство в философии Вольтера и Рене Генона / Р.Р. Бекбаев, С.Ж. Кенжаев. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2019. – № 50 (288). – С. 591–593. – URL: https://moluch.ru/archive/288/65230. (дата обращения: 14.09.2026).
3. Викторов А.Ш. Социальное неравенство: философская и социологическая рефлексия // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-neravenstvo-filosofskaya-i-sotsiologicheskaya-refleksiya (дата обращения: 14.09.2026).
4. Головин С.А. Социальное неравенство: сущность и научные подходы // Преподаватель XXI век. 2007. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-neravenstvo-suschnost-i-nauchnye-podhody (дата обращения: 14.09.2026).
5. Добринская Д.Е. Социальное неравенство и теории классов: концепции Томаса Х. Маршалла, Ральфа Дарендорфа, Эрика О. Райта: дис. … канд. соц. наук. – М., 2010.
6. Зенин К.А. Социальное неравенство как атрибутивная характеристика общества // Наука. Образование. Современность / Science. Education. The present. 2017. № 1–2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-neravenstvo-kak-atributivnaya-harakteristika-obschestva (дата обращения: 14.09.2026).
7. Иоселиани А. Д., Ветров К.А. Природа неравенства: социально-философский ракурс // Общество: философия, история, культура. 2025. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/priroda-neravenstva-sotsialno-filosofskiy-rakurs (дата обращения: 14.09.2026).
8. Осипова Ю.С. Проблемы современного общества в философии К. Ясперса [Электронный ресурс] // Текст научной статьи по специальности «Философия, этика, религиоведение». – URL: https://cyberleninka. ru/article/n/problemy-sovremennogo-obschestva-v-filosofii-k-yaspersa (дата обращения: 18.04.2023).
9. Сорокина Ю.В. Философско-правовое обоснование социального неравенства // Северо-Кавказский юридический вестник. 2021. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-pravovoe-obosnovanie-sotsialnogo-neravenstva (дата обращения: 14.09.2026).
10. Шафигуллин В.А. Философские проблемы современного общества // Социология. 2023. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskie-problemy-sovremennogo-obschestva (дата обращения: 14.09.2026).

SOCIAL INEQUALITY AS A PHILOSOPHICAL PROBLEM OF MODERN SOCIETY

Buzhor E.S., Basilicò Edoardo Antonio
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines social inequality as a persistent issue in the philosophical understanding of social life. It analyzes the causes of the persistence of inequality and its relationship with social structure, resource distribution, legal status, and opportunities for social mobility. The article reviews approaches to the problem of inequality in both foreign and domestic philosophical and sociological thought, highlighting the distinction between natural human differences and socially entrenched forms of inequality. Attention is paid to contemporary forms of differentiation based on property, status, profession, and education. The author argues for the necessity of evaluating social inequality not merely in terms of economic distribution, but also from the perspectives of justice, freedom, personal dignity, and equality of social opportunity.

Keywords: social inequality, society, social structure, social stratification, social justice, social status, social mobility, philosophy, human rights.

References

1. Alekseenok A.A., Ukhorsky M.V. Research into social inequality and the structure of society in the works of foreign scholars // Izvestiya TulG U. Humanities. – 2014. – № 1. – URL: http://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-sotsialnogo-neravenstva-struktury-obschestva-v-rudah-zarubezhnyh-uchenyh (accessed: 14.09.2026).

2. Bekbaev, R.R. Social inequality in the philosophy of Voltaire and René Guénon / R.R. Bekbaev, S. Zh. Kenzhaev. – Text: direct // Young Scientist. – 2019. – № 50 (288). – Pp. 591–593. – URL: https://moluch.ru/archive/288/65230. (accessed: 14.09.2026).

3. Viktorov A. Sh. Social inequality: philosophical and sociological reflection // Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. 2014. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-neravenstvo-filosofskaya-i-sotsiologicheskaya-refleksiya (date of reference: 09/14/2026).

4. Golovin S.A. Social inequality: the essence and scientific approaches // Teacher of the XXI century. 2007. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-neravenstvo-suschnost-i-nauchnye-podhody (date of access: 09/14/2026).

5. Dobrinskaya D.E. Social inequality and class theories: concepts Thomas H. Marshall, Ralph Dahrendorff, Eric O. Wright: dissertation of the Candidate of Social Sciences, Moscow, 2010.

6. Zenin K.A. Social inequality as an attributive characteristic of society // Science. Education. Modernity / Science. Education. The present. 2017. № 1–2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-neravenstvo-kak-atributivnaya-harakteristika-obschestva (accessed: 14.09.2026).

7. Ioseliani A.D., Vetrov K.A. The nature of inequality: a socio-philosophical perspective // Society: philosophy, history, culture. 2025. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/priroda-neravenstva-sotsialno-filosofskiy-rakurs (accessed: 14.09.2026).

8. Osipova Yu.S. Problems of modern society in the philosophy of K. Jaspers [Electronic resource] // Text of a scientific article in the field of «Philosophy, Ethics, Religious Studies». – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sovremennogo-obschestva-v-filosofii-k-yaspersa (accessed: 18.04.2023).

9. Sorokina Yu.V. Philosophical and Legal Justification of Social Inequality // North Caucasus Legal Bulletin. 2021. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-pravovoe-obosnovanie-sotsialnogo-neravenstva (accessed: 14.09.2026).

10. Shafigullin V.A. Philosophical Problems of Modern Society // Sociology. 2023. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/filosofskie-problemy-sovremennogo-obschestva (accessed: 14.09.2026).

Бузская Ольга Маратовна,
кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова
E-mail: buzskaya.om@rea.ru;

Обоснована философско-антропологическая концепция и модель становления и развития творческой личности в человекоразмерном пространстве культуры; показана ограниченность двух линий редукции в ее анализе: индивидуалистической, связывающей творчество исключительно с природным даром и набором личностных качеств, и системной, растворяющей автора-творца в институциональных структурах и коллективных практиках. Творческая личность определена как субъект жизнетворчества, который, осваивая культурное наследие, одновременно преобразует себя, создаёт новые формы, расширяя возможности человеческой деятельности и взаимосвязей с миром. Обоснован принцип двойной человекоразмерности: культура выступает условием раскрытия многомерности человека, а творческая личность – деятельной мерой гуманистического потенциала самораскрытия содержания культуры.

Ключевые слова: творческая личность, человекоразмерность, культура, многомерность человека, целостность, жизнетворчество, субъектность, культурное пространство.

Постановка проблемы

Понятие творческой личности принадлежит к числу, с одной стороны, хорошо знакомых, часто используемых, и одновременно – размытых понятий в современном социально-гуманитарном знании и философской картине мира. В обыденном значении оно, как известно, обозначает человека с ярко выраженной индивидуальностью, богатым воображением и часто профессиональной принадлежностью к миру искусства. В психологии творчества внимание перенесено на способности, мотивацию и когнитивные процессы; в социологии – на институты общественного признания и профессиональные сообщества. Бесспорно, каждый из этих аспектов фиксирует одну из существенных характеристик, но ни одна сама по себе не отвечает на главный философско-антропологический вопрос: каким образом человек творческий становится автором не только своего личного культурного «продукта», но и собственной субъектности, а созданная им форма приобретает человеко-совершенствующее значение [1].

Эта проблема сегодня особенно актуализируется в культуре, где новизна часто измеряется скоростью создания нового и рыночной конвертируемостью. В таких условиях творческий человек оказывается в ситуации риска, где он может быть сведён к функции генерации контента, а культура – только к среде конкуренции за внимание, хотя производство нового не тождественно творчеству в его философском смысле. Очевидно, что новым может быть технически эффективное средство манипуляции или разрушительная практика, что делает востребованным рефлексию критериев, позволяющих соотнести оригинальность с человеческим развитием, свободу – с ответственностью, индивидуальное самовыражение – с культурными традициями и социальной памятью. Таким критерием, с нашей точки зрения, может выступать человекоразмерность.

Методологическую основу данной статьи, поэтому, образуют философско-антропологический, системно-деятельностный, аксиологический подходы, а также сравнительный анализ персоналистических, социологических и культурно-психологических концепций творчества. В эволюции логики исследований открывается последовательное развитие мысли от автономного творца-гения к всеобщей субъектности как основе многомерного раскрытия человека творящего.

Так, персоналистическая традиция, получившая развитие во второй половине XIX–XX вв. раскрыла смысл творчества как способа человеческого самопревосхождения. Для Н.А. Бердяева, как известно, творческий акт обнаруживает свободу и участие личности в продолжении миротворения; личность здесь не исчерпывается адаптацией к наличному порядку, поскольку способна внести в бытие то, чего прежде не было [2]. Конструктивность этой концепции сегодня видится, прежде всего, в защите несводимости автора к внешней детерминации: её граница открывается там, где исключительность творца как бы заслоняет зависимость творчества от традиций, общих норм языка, образования, признания роли совместного труда.

В логике концепции М.М. Бахтин эта замкнутость преодолевается, т.к. авторство связывается с ответственным поступком и диалогом. Смысл творчества уже не принадлежит целиком только изолированному сознанию: он осуществляется в конкретной позиции человека, обращённой к другому и отвечающей за своё участие в бытии [3], [4]. В таком ракурсе исследования творческая личность – не только обладатель уникально-суверенного дара, а субъект ответа: она воспринимает обращённые к ней возможности культуры, занимает по отношению к ним ценностную позицию и создаёт форму, предполагающую встречное понимание. Авторство сохраняет уникальность, но перестаёт быть самодостаточностью.

Но наиболее перспективной сегодня, как представляется является деятельностная концепция М.С. Кагана, в которой на системной основе раскрывается внутренняя структура этого процесса. Преобразовательная, познавательная, ценностно-ориентационная и коммуникативная стороны человеческой деятельности существуют здесь не отдельно, а образуют закономерно систему [5]. Творческий акт, поэтому, не сводим ни к производству «креативных продуктов», ни к озарению и интуициям гения. Он включает освоение, познание предмета, проектирование возможного, ценностный выбор и коммуникацию. Культура при этом выступает способом накопления, хранения и передачи человеческих форм деятельности [6]. Она не только предоставляет лич-

ности готовые образцы, но и делает возможным их новое сочетание и преобразование.

Критическая линия в отношении автономного гения – основы творческого процесса – была радикализирована в социологии культуры П. Бурдье, который показал, что произведение возникает в поле культурного производства, где действуют определенные отношения и позиции, формы капитала, правила легитимации и борьба за право определять ценность [7]. Тогда как Х. Беккер описал «миры искусства» как кооперативные сети авторов, исполнителей, технических специалистов, посредников и аудиторий [8].

Все эти подходы обоснованно возвращают в анализ творческой личности институты и коллективный труд, но при абсолютизации внешних условий возникает обратная редукция: личность превращается в точку пересечения различных социальных, экономических и политических структур, а проблема её внутреннего самоизменения исчезает. В силу этого актуализируется поиск концепции, дополняющей эти подходы, в котором творческая личность определяется не как устойчивый набор аспектов и черт, а как определенная общая форма субъектности, формирующаяся в деятельном отношении человека к миру на основе человекоразмерности как качества культурного пространства.

Понятие человекоразмерности вводит в анализ не просто ещё один фактор социокультурной среды, а нормативную меру её организации. Так, М.К. Петров понимал человекоразмерность как совокупность неустранимых ограничений, которые человек как естественное существо накладывает на социальные структуры и предметную деятельность [9].

А В.С. Стёпин применял идею человекоразмерности к сложным саморазвивающимся системам, в которые человек включён как существенный компонент; их познание и преобразование требуют явного соотнесения целей с гуманистическими ценностями [10]. Тем самым человек здесь перестаёт быть внешним пользователем системы и обнаруживается внутри последствий собственного действия.

В экофилософской концепции Э.В. Барковой человекоразмерность связывается с органической целостностью, гармонизацией отношений человека, природы, общества, культуры и космоса, а также с жизнесохраняющей направленностью проектирования [11].

А.Ю. Крамер развивает понимание человекоразмерности культуры как характеристики отношений между человеком, практиками, артефактами и культурной средой [12]. Эти подходы исключительно важны для преодоления односторонне понятого антропоцентризма: человекоразмерность творческого бытия не означает, что человек объявляется единственным центром мира. Напротив, творческая личность в этом измерении предполагает учёт его бесконечности и конечности, зависимости от природных, культурных и социальных связей, способности к смыслообразованию и ответственности за последствия.

Человекоразмерное пространство культуры, поэтому, можно определить как такое качество связей, отношений, институтов, норм и практик, при котором человек получает возможность раскрывать свою многомерность, деятельно концентрировать-собирать её в целостную позицию и возвращать культуре преобразованный опыт. Это пространство не обязано быть всегда и для всех комфортным. Подлинное произведение или серьёзная творческая работа могут нарушать равновесие и порождать конфликт интерпретаций. Человекоразмерность состоит не в устранении напряжения, а в том, что человек не редуцируется к ресурсу, функции, потребителю или статистической единице общества и сохраняет возможность своего собственного творческого ответа, несогласия, соавторства и изменения правил.

Такое пространство открывает ряд взаимосвязанных координат. Главное здесь – онтологическая координата, которая поддерживает целостность биопсихического, социального, культурного и духовно-ценностного бытия человека. Аксиологическая соотносит новизну с достоинством, свободой и продолжением жизни. Деятельностная предоставляет доступ к языкам культуры, мастерству и реальному участию в миросозидании, а не только к пассивному потреблению. Диалогическая обеспечивает признание уникальной позиции и возможность встречного ответа, а темпоральная соединяет память и проект: личность получает наследие не как неприкосновенный музейный объект, а как незавершённую форму, допускающую ответственное продолжение. Такое отношение, думается, – путь к гармонизации освоения творчества как развития и совершенствования мироздания: мир не просто контролируется субъектом, но отвечает ему и способен его изменить самого творца и сам измениться. Но это делает востребованной не односторонне, а многосторонне понятую личность, и обновление всего ее жизнетворчества.

Многомерность человека в таком контексте нельзя понимать как сумму независимых способностей. Творческая личность возникает тогда, когда энергия и ограничения, эмоциональный опыт, воображение, интеллект, воля, отношения и ценностные ориентации включаются в решение общей, важной не только для творца смысложизненной задачи. Целостность здесь не дана заранее и не равна гармонии без противоречий. Она представляет собой процесс согласования различных измерений вокруг избранной позиции и создаваемой формы. Именно поэтому выдающаяся способность сама по себе ещё не образует творческую личность: талант становится культурной силой лишь через освоение, дисциплину, рефлексию и ответственность.

Эту динамику выражает категория жизнетворчества. В отличие от эстетизации биографии автора, жизнетворчество здесь открывается как целостно-интегральная деятельность, в которой человек преобразует одновременно природную, культурную и социальную данность в осмысленные формы своей собственной жизни, своих отношений к миру и культуре, увеличивающие возможности человеческого развития. Его механизм, поэтому, включает ряд переходов, среди которых главными являются: присвоение культурного опыта; обнаружение в нём незавершённости или проблемы; самоизменение субъекта в процессе работы; создание новой общезначимой формы; её проверку диалогом и практикой; включение результата в культурную память. Последний момент принципиален: жизнетворческий контур не замыкается на самореализации автора, а продолжается в способности других людей присвоить созданную форму и действовать на её основе.

Отсюда вытекает обновленное содержание принципа как бы двойной человекоразмерности. С одной стороны, культурное пространство выступает здесь мерой раскрытия творческой личности: по его уровню и структуры можно судить, какие человеческие способности оно поддерживает, какие подавляет и какие превращает в товар или функции. С другой, – творческая личность становится деятельной мерой самой культуры: её поступок обнаруживает скрытые возможности традиции, выявляет бесчеловечность устоявшихся норм и создаёт новые способы понимания и действия. Ю.М. Лотман связывал развитие культуры с напряжением между памятью и взрывным появлением непредсказуемого смысла [13]. Творческая личность, поэтому, является одним из субъектов такого перехода, но ценность новизна созданного определяется не разрывом как таковым, а тем, расширяет ли оно пространство человеческой субъектности. Вследствие этого актуализируется еще одна сторона постановки этой проблемы – понимание критериев и границ человекоразмерности творчества.

Бесспорно, логика развития творческой личности не позволяет автоматически отождествить ее оригинальность, культурный успех и жизнетворчество. Признание или не признание таланта может зависеть от власти и неравного доступа к ресурсам; коллективность производства не гарантирует уважения к участникам, а индивидуальная мотивация способна обслуживать разрушительные цели. Вследствие этого, по-видимому, человекоразмерность должна оцениваться как минимум по таким последствиям творческой деятельности, как:

– сохраняет ли она субъектность автора и соучастников;
– соединяет ли разные измерения человека и не эксплуатируя одно из них за счёт остальных;
– создаёт ли возможность диалога и нового присвоения; увеличивает ли способность других людей понимать, выбирать и действовать.

Такие критерии, не вводя внешнюю цензуру для оценки новизны, не требуют от искусства утилитарной пользы. Трагическое произведение может усиливать жизнь, потому что даёт форму предельному опыту со-переживания; критическое по своим задачам искусство возвращает способность видеть нормализуемое в обществе насилие, а сложный эксперимент открывает новые языки культуры и ее восприятия. Однако практика, которая превращает другого человека исключительно в «сырье», в материал воздействия и лишает его возможности ответа, может быть изобретательной, не становясь человекоразмерной. Граница проходит не между приятным и неприятным, традиционным и новаторским, а между расширением субъектности и её инструментальным присвоением.

Таким образом, творческая личность не является ни автономным источником новизны, ни пассивным выражением потребностей и функций социокультурной системы. Она представляет собой субъекта жизнетворчества, чья уникальность рождается, формируется и реализуется в отношениях с природой Земли, ее культурным наследием, профессиональным полем работы, в общении и коммуникациями с другими людьми, что открывает горизонты возможного.

Человекоразмерное пространство культуры, поэтому, характеризуется не функциональностью, удобством и не абстрактным гуманизмом, а способностью сохранять многомерность человека, поддерживать его ответственное авторство и превращать культурное наследие в ресурс со-творчества. В нём целостность личности создаётся деятельно, а результат творчества оценивается не только по новизне и признанию,

но и по тому, какой «прирост» субъектности он порождает. Принцип двойной человекоразмерности здесь фиксирует взаимность творческого процесса: культура создаёт условия человеческого раскрытия, а творческая личность проверяет и расширяет её гуманистический потенциал. Тем самым жизнетворчество выступает в качестве категории как общей формы, связывающей самосозидание человека как субъекта Земли, обновление культуры и общества и открытие возможностей для других людей и совершенствования их мира.

Литература

1. Баркова, Э.В. Творческая природа человека как проблема реконструктивной философской антропологии / Э.В. Баркова // Общество и человек. – 2014. – № 2 (8). – С. 121–127.
2. Бердяев, Н.А. Смысл творчества: опыт оправдания человека / Н.А. Бердяев. – Москва: Издательство Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1916. – 358 с.
3. Бахтин, М.М. Работы 1920-х годов / М.М. Бахтин. – Киев: Next, 1994. – 384 с.
4. Бахтин, М.М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6: Проблемы поэтики Достоевского, 1963. Работы 1960-х-1970-х гг. / М.М. Бахтин; ред. тома С.Г. Бочаров, Л.А. Гоготишвили. – Москва: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. – 799 с.
5. Каган, М.С. Человеческая деятельность: опыт системного анализа / М.С. Каган. – Москва: Политиздат, 1974. – 328 с.
6. Каган, М.С. Философия культуры / М.С. Каган. – Санкт-Петербург: Петрополис, 1996. – 416 с.
7. Бурдье, П.О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992) / П. Бурдье; под ред. П. Шампаня, Р. Ленуара, Ф. Пупо, М.-К. Ривьер; пер. с фр. Д. Кралечкина, И. Кушнарёвой; предисл. А. Бикбова. – Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016. – 720 с.
8. Becker, H.S. Art Worlds / H.S. Becker. – Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1982. – xiv, 392 p.
9. Петров, М.К. Человеческая размерность и мир предметной деятельности / М.К. Петров // Высшее образование в России. – 2010. – № 4. – С. 108–118.
10. Степин, В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция / В.С. Степин. – Москва: Прогресс-Традиция, 2000. – 743 с.
11. Баркова, Э.В. Экофилософская парадигма в проектировании человекоразмерности социально-коммуникативного пространства / Э.В. Баркова // Журнал философских исследований. – 2017. – № 3. – С. 93–106.
12. Крамер, А.Ю. Человекоразмерность культуры (эскиз концепции) / А.Ю. Крамер // Человек. – 2024. – Т. 35, № 6. – С. 124–143. – DOI: 10.31857/S0236200724060086.
13. Лотман, Ю.М. Культура и взрыв / Ю.М. Лотман. – Москва: Гнозис; Издательская группа «Прогресс», 1992. – 272 с.

THE CREATIVE PERSONALITY IN A HUMAN-DIMENSIONAL CULTURAL SPACE

Buzskaya O.M.
Plekhanov Russian University of Economics

The article substantiates a philosophical-anthropological concept and model of the formation and development of the creative personality within the human-scale space of culture. It demonstrates the limitations of two reductionist approaches to its analysis: the individualistic approach, which associates creativity exclusively with natural talent and a set of personal qualities, and the systemic approach, which dissolves the creative author within institutional structures and collective practices. The creative personality is defined as a subject of life-creation who, while appropriating cultural heritage, simultaneously transforms the self, creates new forms, and thereby expands the possibilities of human activity and human relationships with the world. The principle of dual human-scaledness is substantiated: culture serves as a condition for revealing the multidimensionality of the human being, while the creative personality acts as an active measure of the humanistic potential inherent in the self-disclosure of cultural content.

Keywords: creative personality, human-scaledness, culture, multidimensionality of the human being, wholeness, life-creation, subjectivity, cultural space.

References

1. Barkova, E.V. The Creative Nature of the Human Being as a Problem of Reconstructive Philosophical Anthropology / E.V. Barkova // Society and Human. – 2014. – № 2 (8). – P. 121–127.
2. Berdyaev, N.A. The Meaning of the Creative Act: An Attempt at the Justification of Man / N.A. Berdyaev. – Moscow: G.A. Leman and S.I. Sakharov Publishing House, 1916. – 358 p.
3. Bakhtin, M.M. Works of the 1920s / M.M. Bakhtin. – Kyiv: Next, 1994. – 384 p.
4. Bakhtin, M.M. Collected Works: in 7 vols. Vol. 6: Problems of Dostoevsky's Poetics, 1963. Works of the 1960s-1970s / M.M. Bakhtin; Vol. eds. S.G. Bocharov, L.A. Gogotishvili. – Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoy kultury, 2002. – 799 p.
5. Kagan, M.S. Human Activity: An Attempt at Systemic Analysis / M.S. Kagan. – Moscow: Politizdat, 1974. – 328 p.
6. Kagan, M.S. Philosophy of Culture / M.S. Kagan. – St. Petersburg: Petropolis, 1996. – 416 p.
7. Bourdieu, P. On the State: Lectures at the Collège de France (1989–1992) / P. Bourdieu; ed. by P. Champagne, R. Lenoir, F. Poupeau, M.-C. Rivière; transl. from French by D. Kralechkin, I. Kushnareva; foreword by A. Bikbov. – Moscow: Delo Publishing House, RANEPA, 2016. – 720 p.
8. Becker, H.S. Art Worlds / H.S. Becker. – Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1982. – xiv, 392 p.
9. Petrov, M.K. The Human Dimension and the World of Object-Oriented Activity / M.K. Petrov // Higher Education in Russia. – 2010. – № 4. – P. 108–118.
10. Stepin, V.S. Theoretical Knowledge: Structure and Historical Evolution / V.S. Stepin. – Moscow: Progress-Traditsiya, 2000. – 743 p.
11. Barkova, E.V. The Ecophilosophical Paradigm in Designing the Human-Scaledness of Socio-Communicative Space / E.V. Barkova // Journal of Philosophical Research. – 2017. – № 3. – P. 93–106.
12. Kramer, A. Yu. Human-Scaledness of Culture (An Outline of the Concept) / A. Yu. Kramer // Human Being. – 2024. – Vol. 35, № 6. – P. 124–143. – DOI: 10.31857/S0236200724060086.
13. Lotman, Yu.M. Culture and Explosion / Yu.M. Lotman. – Moscow: Gnozis; Progress Publishing Group, 1992. – 272 p.

Доминирующий тип человека, как антропологическая основа социально-культурной динамики

Ветров Сергей Александрович,
доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой связей с общественностью, сервиса и туризма, Омский государственный университет путей сообщения
E-mail: s.a.vetrov64@yandex.ru

Костарев Сергей Владимирович,
доктор философских наук, доцент, профессор кафедры связей с общественностью, сервиса и туризма, Омский государственный университет путей сообщения
E-mail: skostarev@rambler.ru

Руди Амина Шамильевна,
доктор философских наук, профессор кафедры истории, философии и культурологии, Омский государственный университет путей сообщения
E-mail: amina_rudi@mail.ru

В конце XX века получили распространение концепты о конце истории и о смерти субъекта. Ряд философских направлений отказались от самой возможности трансцензуса. Одной из причин данного состояния можно считать эволюцию субъекта. Субъект проделал путь от метафизического познавательного ядра (картезианство) до места, которое ищет индивид, т.е. место становится определяющим (Р. Барт, 1989). Объективный мир становится исключительно знаковым (искусственным). Субъект может существовать только в искусственном пространстве. Выход из данной ситуации возможен посредством актуализации проблемы человека. Идея сверхчеловека констатировала смерть субъекта, но оказалась не в состоянии вывести из мировоззренческого тупика. Доминирующий тип человека призван решить эту задачу. Он представляет собой единство всей полноты обычного, способности упорядочивать социально-культурное пространство, идеалов, способов самореализации. В конечном итоге, динамика социально-культурного пространства определяется сменой доминирующего типа человека, эволюцией обычностей.

Ключевые слова: субъект, человек, сверхчеловек, социально-культурная динамика, доминирующий тип человека.

Введение

Целью настоящей статьи является исследование влияния доминирующего типа человека на соцально-культурную динамику. В процессе решения исследовательской задачи необходимо определить статус субъекта и обосновать необходимость актуализации проблемы человека.

В конце XX века получили популярность два концепта: о смерти субъекта (автора) 1968 г. (Р. Барт, 1989) и о конце истории 1989 г. (Ф. Фукуяма, 2015). Для общества, построенного на идее перманентного прогресса, подобные концепты должны были вызвать отторжение. Слова «смерть», «конец» в любой трактовке (биологической, социальной, духовной, культурной) означают конец существования. Странно, что часть интеллектуального сообщества восприняла их как основополагающие для понимания социокультурной реальности. В этом признании осуществился отказ от основного предназначения философии, от способности совершить тансцензус. Была отброшена сама возможность выхода за пределы наличного бытия. Главной становится стратегия адаптации. Теория познания свелась к игре в калейдоскоп понятий и категорий. В этой связи, субъект как метафизический конструкт должен был прекратить свое существование. Оформившийся исключительно на принципе свободы, отстраненный от нравственной определенности, он слился со своевольным, самодовольным индивидом, носителем «буржуазного сознания». В конце концов, отказавшись от поиска истины, он устремился к успеху любой ценой, и для этого действия вполне удовлетворился симуляцией познания, симуляцией жизни (Ж. Бодрийяр, 2015) и презентацией себя в пространстве симуляции (Э. Кин, 2016). Познание и творение сменилось имитацией.

Именно поэтому постструктуралисты поставили свой безжалостный диагноз о смерти субъекта как атомарного образования. Правда, они стали рассуждать о множественности идентичностей, о значении языка, о взаимопроникновении дискурсивных практик, о зависимости индивида от систем власти, о культурных условиях его существования и т.д. и т.п. Сделав совершенно справедливый вывод о смерти субъекта, они не сделали необходимый шаг к человеку.

Результаты исследования

Смерть субъекта не означает автоматической смерти человека. Тем не менее, был отдан приоритет рассмотрению дискурсивно-вербального пространства, как пространства охватывающего Я, и овладевающего им как объектом. Однако анализ языка, культурных практик, социальных структур не наполняет деятельность индивида созидательным смыслом, но создает методологическую основу для эффективной манипуляции. Однако для того, чтобы это стало понятным и естественным для современника, возникла необходимость определения доминанты определенного типа человека. Данный индивид в статусе субъекта, развил в себе весьма определенные черты (безнравственность, персонацентричность, своеволие), которые развернулись при определенных условиях (коммерциализация всех сфер жизни, укрепление потребительского общества, преобладание маркетинговых практик в культуре и образовании, девальвация духовных ценностей). Именно такие условия складываются к концу XX в. Классический субъект утратил свое значение. Он стал дивидом. Излишне доказывать отрицательные последствия такой доминации и явную деградацию общества при подобном субъекте.

Возвращение к созиданию возможно только в одном случае, когда человек вернется к нравственным истокам. При этом в нравственном нарративе найдут свое отражение не многочисленные этики (корпоративные, бизнес, профессиональные), а сущностные, в платоновском смысле, понятия долга, справедливости, добра. Именно поэтому актуальное значение приобретает понятие доминирующего типа человека. Ведь смерть субъекта не может означать смерть человека, так как, понятие «человек» шире и содержательнее субъекта, который представляет человека в определенном статусе. Субъект познает и творит мир для себя, для других как для себя, для себя посредством других. Субъект остается в позиции внешнего к миру. Следует учитывать, что мир создан не субъектом, а человеком. Человек, создавая мир, со всем его несовершенством, естественно помещается в мир, живет в нем. Он и есть этот самый мир. Субъект, как иное имя человека становится модным лишь с оформлением новой парадигмы мышления во главе с научной системой ценностей, что положило начало Новому времени.

Вводя в научный оборот понятие субъекта, Р.Декарт решал вполне конкретную познавательную задачу адекватного отражения (понимания) мира. Был сделан серьезный шаг к постижению объективных закономерностей. Заложена основа идейных течений, краеугольным камнем, которых стала идея «свободы воли», а по сути, благодаря субъекту развернулась в новом контексте концепция бытия Парменида, соединяющая мысль с реальным миром. «Я вижу лишь одно основание, на котором покоится уважение к себе, – это наша свободная воля… Свободная воля позволяет нам властвовать над собой и тем уподобляет нас до известной степени Богу…» (Декарт Р., 1987: 547). В связи с этим хотелось бы оговориться, что Р. Декарт был последовательным деистом. Для него акт божественного творения не вызывает сомнения. Однако, мир сотворенный предоставляет возможности для реализации свободы воли. Декарт включает в философский оборот понятие субъекта, отталкиваясь от этимологии слова subjectum (лат. Sub «под» и лат. jacio «кладу основание»). Буквально лежащий в основании. Декарт посредством интеллектуальной операции преобразует субъект из грамматической категории в метафизическое познавательное ядро. Субъект связывается со свободой. В тезисе «мыслю, следовательно существую» важно, что Я существую и существую именно Я. Декарт вводит субъект в познавательный процесс, решая актуальные для своего времени задачи. Он стремится освободиться от всего лишнего, оставив лишь то, от чего нельзя уйти. Основой познания становится мыслящий Я. Первопричиной не только моего, но и всего существования, или иными словами мироздания становится Я и его (моя) мысль. Для Декарта важно именно то обстоятельство, что существую именно Я, и Я существую, потому что мыслю. Единственной детерминантной Я становится собственная мысль.

В результате указанной мыслительной операции осуществляется разрыв между душой и субъектом, закладывается основа возможного расчеловечивания. Призыв к свободе это призыв к торжеству субъекта, который существует сам для себя, исходит из своей активности. Я через технику субъективации обретает способность охватить мыслью весь мир. В свою очередь через технику объективизации (опредмечивание) Я создает целостную картину, сковывает мир принципами и законами всеобщей необходимости. Со временем мир объективного становится исключительно знаковым, т.е. во многом искусственным миром. Можно сказать, что в искусственный мир стремятся все те, кто желают быть субъектами. Вполне закономерным становится вывод: чтобы управлять миром его следует сделать искусственным. В конечном итоге в XX веке и субъект, и мир обретают качество конструируемых (Кемеров В.Е., 2012). Основным философским вопросом становится отношение живого, подлинного, настоящего и искусственного, иллюзорного, сконструированного.

Именно потому что субъект формируется как результат разрыва мысли и души обостряется проблема свободы воли. Декартовский субъект вполне логично развивается до Фауста, который душу использует как капитал, выгодное вложение, Я объявляет себя равнодушным к загробной жизни, поскольку он выходит из контекста вечности и разворачивает свою деятельность во времени. Сложившееся философское представление Гете уложил в поэтическую форму.

«В тот час, как будет этот свет разрушен,
С тем светом я не заведу родства.
Я сын земли. Отрады и кручины
Испытываю я на ней единой.
В тот горький час, как я ее покину,
Мне все равно, хоть не расти трава.
И до иного света мне нет дела,
Как тамошние б чувства ни звались,
Не любопытно, где его пределы,
И есть ли там, в том царстве, верх и низ» (Гете, 1985: 184).

Душу в любой момент можно перевести, переложить, перезаложить. Распоряжение собственной душой для фаустовского человека дает возможность уйти от ответственности, избежать зла, обмануть самого Мефистофеля. В основе взаимоотношений с миром и даже с потусторонним миром лежит сделка, которая, естественно может быть пересмотрена.

«А где душа? Украли воровски!
Так вот зачем, почуяв дух приманки,
Они у ямы вытянулись в ряд
И стерегли бесценные останки?
Какой удар! Но сам я виноват.
Со мной побившаяся об заклад
Ценою участи своей небесной
Высокая душа, залог наград,
Украдена из рук моих бесчестно…» [Гете, 1985: 619].

Можно сказать, что душа декартовского субъекта предстает как нечто овеществленное. Для христианина свобода воли есть, но нет проблемы свободы воли, поскольку он обладает душой. У декартовского субъекта происходит смещение значимости свободы и ответственности, у декартовского субъекта только свобода. В процессе эволюции Я занимался увлекательным делом – интерпретацией свободы, все больше отдаляясь от ответственности, нравственной наполненности мысли.

Субъект Декарта не нуждается в Боге, его заповедях (законе), в духе (нагорная проповедь). Вся наличная реальность существует согласно естественным законам, она освобождается от предопределенности первоначального акта творения. В этом качестве Я обосновывает безусловность существования Я, которое существует, потому что мыслит, а мыслит, потому что сомневается. Вера постепенно маргинализируется. Даже такие сущности как «добро» и «зло» ставятся в зависимость от интеллектуального акта. Например, делать добро – разумно, рационально, а делать зло – неразумно и нерационально. Закономерно представляется стремление познавать реальность субъектом, главным качеством которого является свобода мыслить, а впоследствии и свобода действовать. Единственным же стремлением мысли становится адекватное отражение реальности, постижение истины. При этом вопрос, для чего постигать истину, даже не ставится. Стремление к постижению истины воспринимается как естественное, как само собой разумеющееся, пока со временем истина не уступит место успеху, а деятельность не избавится от такой химеры как совесть

Идея субъекта оказалась плодотворной и продолжила свое развитие. Однако уже XVIII век поставил целый ряд мировоззренческих вопросов. Во-первых, это вопрос о возможности ограничить субъект только мыслью, познанием, методом познания, и следует ли наделять субъект таким обязательным качеством, как способность воплощать мысль в практической деятельности. При этом доминанта оставалась за мыслительной деятельностью. Практика, технология еще не стали предметом рефлексии.

Результатом преобразовательной деятельности объявлялось абстрактное «царство разума». И предлагаемые проекты будущего пока еще имели исключительно утопический вид. Впрочем, всего через несколько десятилетий субъект познавательной деятельности трансформировался в субъект социальной деятельности. Пришло осознание того, что мысль, доведенная до качества идеи, оформленная в теории способна преобразовать действительность «…теории овладевшие массами, становятся материальной силой» (К. Маркс, 2007). Оформилось осознание необходимости разработки серьезной теории, ибо прекраснодушные идеи, скорее всего, приводят к нежелательным результатам. Это состояние охарактеризовал Ф.Энгельс «Царство разума на деле оказалось идеализированным царством буржуазии. То, что просветители преподносили как универсальные, вечные истины, на деле отражали интересы и мировоззрение третьего сословия – поднимающейся буржуазии» (Энгельс, 1994).

Во-вторых, стало необходимо решить: социальные, культурные изменения происходят в результате реализации свободы воли ничем внешним не ограниченного субъекта (кантовские посылы: что я могу делать? и делаю, если могу) или его свобода может реализоваться в контексте познаваемых объективных закономерностей (гегельянство), что позволит в практической деятельности минимизировать потери.

В-третьих, какую роль играет предопределенность для субъекта и чем он детерминирован. Можно сказать, что революция (промышленная, культурная, социальная, научная) поставила вопрос обусловленности субъекта. Значение субъекта не оспаривалось еще почти два столетия. Однако, проблема понимания потребовала объяснения, кого считать субъектом, осознание невозможности разделения мысли и деятельности, мысли как деятельности и мысли ради деятельности, раскрытие детерминант субъектности и использование их энергии для преобразования мира. Именно преобразования. Созерцание и описание постепенно стали решительно отвергаться. Мышление было наделено качеством обязательного компонента необходимого исключительно для практического преобразования мира.

XIX век трансформирует понятие субъекта, поскольку мыслительная деятельность стала увязываться с практическими усилиями, направленными на прогрессивную модернизацию общества и полноценную эмансипацию человека как представителя расы, этноса, пола, класса. Субъект попал в контекст детерминизма, т.е. определялся способом производства, классовой принадлежностью (марксизм), бессознательным (фрейдизм). Постепенно он теряет свою самодостаточность, поскольку приоритетное значение приобретает дискурс, в контексте которого только и возможно обрести качество субъекта (М. Фу-

ко, 2005). И, в конце концов, субъектом признается не индивид, а место которое он даже не занимает, а всего лишь ищет (Р. Барт, 1989).

Данное направление закономерно вызвало противодействие таких течений, как неокантианств с установкой (могу и делаю) и философии Ф. Ницше (идея сверхчеловека) (Ф. Ницше, 1990). Если Бог умер, как нам сообщил Ф. Ницше, то вполне логично, что главным остается человек, обретающий все качества Бога. При этом философ предлагает отказаться от стремления к потустороннему бытию (платоновскому идеалу, христианскому универсализму, рациональной истине) и акцентировать внимание на вечном становлении человека. Целостность сверхчеловека достижима исключительно через ориентацию на себя, через отвержение моральных ограничений. Сверхчеловек соединяет в себе тварь и творца. Творца самого себя и нового мира. Активные силы сверхчеловека выражены через волю к власти и направлены на подчинение реактивных сил (чувства вины, христианского страдания).

Возвращение к человеку при ослаблении веры вполне закономерно, однако, сама по себе ницшеанская концепция тупиковая. Если есть сверхчеловек, то естественно существует недочеловек. Сверхчеловеки ставят себя выше остального человечества, а свое превосходство неизбежно упакуют в формулы гностицизма и оккультные ритуалы. Последний акт сверхчеловека это самоубийство. Именно поэтому проблему социально-культурной динамики необходимо рассматривать через актуализацию концепта доминирующего типа человека.

Любое преобразование неизбежно сталкивается с вопросом: кто будет делать. В связи с этим уместно будет вспомнить две работы: Н.Г. Чернышевского «Что делать?» (Чернышевский Н.Г., 1863) и В.И. Ленина «Что делать?» (Ленин В.И., 2017). В обеих книгах, поднимающих важнейший вопрос преобразования общества, не ставится вопрос **что** именно делать, (проекты набросаны крупными мазками, ограничиваются выводами о необходимости революции и содержат несколько утопических фантазий) в основном авторы сосредоточены на вопросе **кто** будет делать?, то есть необходимости определения нового типа человека. Человек и в том и другом труде предстает не просто как конструктор нового, как носитель идеи, но как человек, который сам есть идея. Кстати, ни о каком революционном насилии речь не идет ни в том, ни в другом произведении. Доминирование идеи предстает как доминирование человека, которое достигается посредством увлечения, убеждения остальных.

Более полное понятие человека, в течение последних трех столетий часто заменялось понятием субъект, функциональное значение которого мы обозначили выше. Однако, характеризуя любой вид деятельности, мы получим наиболее полную картину, если поймем, что представляет собой доминирующий тип человека. Впрочем, данный подход никогда и никуда не исчезал, но лишь маргинилизировался. Человека странным образом оттесняла, замещала, заменяла, его «тень» – субъект. «– Послушай, дружище! – сказала тут тень ученому. – Теперь я достиг высшего счастья и могущества человеческого и хочу сделать кое-что и для тебя! Ты останешься при мне, будешь жить в моем дворце, разъезжать со мною в королевской карете и получать сто тысяч риксдалеров в год. Но за то ты должен позволить называть тебя тенью всем и каждому. Ты не должен и заикаться, что был когда-нибудь человеком!» (Г.Х. Андерсен, 1992: 271). Периодически человек обнаруживался в социальных теориях или идеологических концепциях. Можно перечислить некоторые из них: «человек эпохи Возрождения», «человек Нового времени», «советский человек», «гражданин (человек) мира». Понятие человека сопровождалось такими понятиями как: человечность, проявление бесчеловечности, общечеловеческие ценности, преступление против человечности и т.д. Человек лишь эпизодически становился предметом философской рефлексии. Главным в философии, несомненно, представлялся субъект, а субъект-объектные отношения обрели доминирующий статус. «Тень стала господином, а господин тенью. Они были неразлучны: и ехали, и беседовали, и ходили всегда вместе – то бок о бок, то тень впереди ученого, то позади, смотря по положению солнца. Но тень отлично умела держаться господином, а ученый, по доброте сердца, даже и не замечал этого» (Г.Х. Андерсен, 1992: 267). Человек как философская проблема вызывал сложности у исследователей. В наступивший XX век рассмотрение человека в качестве творца мира и самого себя исходило из функциональной обусловленности. Человек стал определяться через конкретное качество, определяемое или его состоянием, или его деятельностью. Например, «одномерный человек» (Г. Маркузе), «человек массы» (Х. Ортега-и-Гассет), «бунтующий человек» (А. Камю) и т.д. Очевидно, время платоновского человека еще не наступило.

Уместно будет вспомнить рассуждения М. Бубера: «С незапамятных времен человек знает о себе, что он – предмет, достойный самого пристального внимания, но именно к этому предмету во всей его целостности, со всем, что в нем есть, он как раз и боится приступить. Порой он делает такую попытку, но уже вскоре, подавленный множеством возникающих здесь проблем, отступает с безмолвной покорностью и либо пускается в размышления о всевозможных материях, за исключением человека, либо расчленяет этого человека, т.е. самого себя, на составные части, которыми удобно оперировать порознь, без особых хлопот и с минимальной ответственностью.» (М. Бубер, 1995: 158).

Философская рефлексия необходима именно для человека, а не для сверхчеловека. К. Маркс поставил проблему родовой сущности человека, но ограничил ее трудовыми отношениями, т.е. задал политэкономические границы. Доминирующий тип человека не просто своей деятельностью, но самим своим существованием определяет вид общества. Для него общее имеет приоритетное значение над индивидуальным, а сущность стоит выше существования Его типичность предполагает вполне закономерное согласие с другими представителями социума и ожидание от них конкретных оценок, действий, мнений. Создается та самая социальная среда, в которой достигается согласие между людьми. В своем конкретном воплощении, человек становится важнейшим элементом действительности. Данный элемент является ключевым для формирования оптимальных для конкретных условий связей. Проблема социально-культурной динамики сводится к проблеме коммуникации (соперничество, сотрудничество) типов человека в контексте возможного доминирования.

Человек в нашем понимании является культурной квинтэссенцией конкретного общества в конкретное время. В определенном смысле он предстает и в виде теоретического образования, необходимого для познания социально-культурной реальности, и в виде вполне конкретного (живого) человека, носителя доминирующих ценностей. Если рассматривать человека как теоретическое образование, то он вполне может быть представлен через метод определения «идеального типа» Макса Вебера. Выделяя различные «идеальные типы» общества, Вебер не обходил своим вниманием человека, вводя в научный оборот «экономического человека», представляя его и коммуникации, им созданные в качестве первоосновы понимания общества. В его работах человек предстает как выразитель духа времени, персонификация социума (Вебер М., 2018).

Выделяя тип человека, необходимо подчеркнуть, что мы имеем дело с человеком, раскрывшимся в конкретном месте и в конкретное время, который своими действиями, своими мыслями, всем образом жизни формирует социально-культурное пространство. Доминирующий тип человека представляет собой единство обычаев (всей полноты обычного, само собой разумеющегося), институциональных (способы упорядочивания) и нравственных норм (императивы обеспечивающие выживание социума). Помимо этого, к нормативной основе необходимо добавить идеалы (что для него приемлемо, что нет), представления о красоте, принятые только им способы самореализации в быту, познании и труде.

Первый, кто дал полноценную рефлексию человеку, творящему социальный мир, был Платон. В диалоге «Государство» он раскрывает важную форму человеческой самоорганизации. Именно государство является пока лучшей формой, с точки зрения обеспечения безопасности и предоставления возможности развития человеческому обществу, поднявшемуся над племенем и достигшему нового состояния: состояние народа. Воплощенные в XX веке анархистские и корпоративные проекты вряд ли могут быть признаны удовлетворительными. Именно в государстве впервые и проявляются качества нового человека, человека народного, а не человека родового (племенного). Человек народный или человек государственный остался непревзойденным в способности преодолеть свои индивидуальные пристрастия, победить в себе идиота (равнодушного к общественным делам) и достичь уровня политеса, т.е. того кто общественные дела воспринимает как личные (в древнегреческом понимании) (Платон, 2024).

Человек Платона представляет собой доминирующий в социуме тип. Он есть комплекс представлений, убеждений, моделей поведения разделяемых большинством активных членов общества. Остальные неизбежно будут исходить в своей жизни из данного комплекса. Они станут с ним считаться, подражать, подчиняться, наконец. Доминанта становится возможной в силу ее вербальной выраженности в языковых формулировках, в дискурсивных практиках, выражающих смыслы деятельности доминирующего типа. Сохранение им приоритетной способности объяснять мир, будет обеспечивать безусловное доминирование предполагаемой им системы ценностей.

Полагая, что вне государства нет ничего достойного рассмотрения и характеризуя его виды, Платон увязывает всю полноту государственной реализации с типом человека, иными словами с устройством его души. Конкретный тип увязывался с государственными нравами. Например, описывая тимократию, Платон представлял ее, описывая

характеристики человека тимократического (честолюбивого). Этот же метод Платон использует, характеризуя демократию или олигархию. Вполне характерно звучит следующее высказывание: «Раз мы начали с рассмотрения государственных нравов, возьмем сперва государственный строй, основывающийся на честолюбии,…и соответственно рассмотрим подобного же рода человека» [Платон, 2024: 357]. Платон рассуждает, что данном государстве мудрые будут отодвигаться, маргинализироваться, выражаясь современным языком. «Кто из граждан делает свое дело, тех называют простаками и не принимают в расчет, а кто берется не за свое дело, тех уважают и хвалят». Именно честолюбец создает тимократию. «Он допускает в себе наклонности к соперничеству и ярости…становится человеком честолюбивым и стремится выдвинуться» [Платон, 2024: 363]. «Удовольствиям они придаются втайне, убегая от закона, как дети от строгого отца, – ведь воспитало их насилие, а не убеждение…» [Платон, с. 361]. Полагаем, что цитирование можно завершить одним высказыванием Платона: «…раз видов государств пять, то и у различных людей должны быть пять различных устройств души» [Платон, 2024: 357].

В глобальном мире сформировался очередной тип – человек мира, который остается на данный момент нереализованным идеалом или маргинальным типом по отношению к человеку государственному. Единственный вариант вселенскости, хотя и не реализованный в полной мере, нашел свое воплощение в мировых религиях. Однако человеку религиозному сложно преодолеть социально-культурное пространство определенное политическими границами. Надгосударственное христианство или надгосударственный ислам остаются идеальным проектом. Поэтому человек мира трансформировался в номада, который может лишь скользить по поверхности этого самого мира, но не способен на его творческое преобразование. Его влияние на социально-культурную динамику имеет деструктивный характер, его философские предпочтения предполагают деконструкцию, а идеологические предпочтения – мультикультурализм.

Заключение

При исследовании доминирующего типа человека необходимо выделить два способа его самореализации. Первый вариант связан с самореализацией платоновского человека, который полноценен и статичен в своей состоятельности и реализованности. Он не изменяется. Человек демократический и человек олигархический и другие в своем роде совершенны. Они сменяют друг друга, меняется комплекс желаний и умонастроений, меняется социум (государство). Второй вариант связан с эволюцией человека, и его способностью стать новым. Впервые эта проблема была осознана в христианском учении и выразилась в необходимости «…отложить прежний образ ветхого человека, истлевающего в обольстительных похотях, а обновиться духом ума вашего и облечься в нового человека…» (Библия, 2015).

Рассматривая доминирующий тип человека, необходимо подчеркнуть, что не следует иметь в виду выдающуюся личность. Напротив, данный тип, если угодно, сосредоточение обычности. Он есть человек обычный. Обычный своей усредненностью, своей распространенностью, своей общепринятой правильностью. Смена доминирующих типов, фактически означает смену обычностей. Особое внимание необходимо уделить реализации всей полноты жизни общества через умонастроения и комплекс преобладающих желаний.

Философия конца XX века пришла к выводу, что декартовский субъект и ницшеанский сверхчеловек оказались близнецами братьями в стремлении отстраниться от мира. Достигая высот в поиске истины и самосовершенствовании, они отрываются от реальности и не видят необходимости отвечать на вопрос: зачем вся их деятельность? Их смерть закономерна. Именно поэтому актуализируется проблема человека, человека-космоса.

Литература

1. Андерсен Г.Х. Самые невероятные истории. М.: Сретение, Воскресение, 1992. 304 с.
2. Барт Р. Смерть автора. Избранные работы: Семиотика: Поэтика: Пер. с фр. М.: Прогресс, 1989. С. 384–391.
3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Ставропигиальный мужской монастырь, 2015. 1408 с.
4. Бодрияр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.
5. Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995. 464 с.
6. Вебер М. Хозяйство и общество. М.: Высшая школа экономики, 2018. 333 с.
7. Гете И.В. Фауст. Избранные произведения в двух томах. Т. 2. М.: Правда, 1985, С. 125–629.
8. Декарт Р. Соч. в 2-х томах. Т. 1. М.,1989. 1287 с.
9. Кемеров В.Е. Субъект и социальный конструкт // Социемы. 2012, № 20. Екатеринбург, изд-во УрФУ, с. 22–38.
10. Кин Э. Ничего личного. М.: Альпина Поблишер, 2016. 224 с.
11. Ленин В.И. Что делать? М.: УРСС, 2017. 248 с.
12. Маркс К. К критике гегелевской философии права. М., 2007. 416 с.
13. Ницше Ф. Эссе Homo: соч. в двух томах, т. 2. М.: Мысль, 1990, С. 693–770.
14. Платон. Государство. М., АСТ. 2024. 448 с.
15. Фукуяма Ф. Конец истории Конец истории и последний человек: Пер. с англ. М.Б. Левина. М.: АСТ; 2015. 259 с.
16. Фуко М. Нужно защищать общество. СПб.: Наука, 2005. 312 с.
17. Чернышевский Н.Г. Что делать? М.: Public Domain, 1863. 336 с.
18. Энгельс Ф. Маркс К. Развитие социализма от утопии к науке. Сочинения. Т. 1 М.: Политическая Литература, 1994, С. 414–429.

THE DOMINANT HUMAN TYPE AS AN ANTHROPOLOGICAL BASIS OF SOCIO-CULTURAL DYNAMICS

Vetrov S.A., Kostarev S.V., Rudi A.Sh.
Omsk State Transport University

At the end of the 20th century, the concepts of the end of history and the death of the subject became widespread. A number of philosophical schools rejected the very possibility of transcendence. One of the reasons for this state of affairs is the evolution of the subject. The subject has evolved from a metaphysical cognitive core (Cartesianism) to a place that the individual seeks, where the place becomes the defining factor (R. Barthes). The objective world becomes purely symbolic (artificial). The subject can only exist in an artificial space. The way out of this situation is possible through the actualization of the problem of the human being. The idea of the superman has stated the death of the subject, but it has not been able to lead out of the worldview impasse. The dominant type of the human being is called upon to solve this problem. It is the unity of the fullness of the ordinary, the ability to order the socio-cultural space, ideals, and ways of self-realization. Ultimately, the dynamics of the socio-cultural space is determined by the change of the dominant type of the human being, the evolution of the ordinary.

Keywords: subject, human, superhuman, socio-cultural dynamics, dominant human type.

References

1. Andersen H.C. The Most Incredible Stories. Moscow: Sretenie, Voskresenie, 1992. 304 p.
2. Barthes R. The Death of the Author. Selected Works: Semiotics: Poetics. Trans. from French. Moscow: Progress, 1989. Pp. 384–391.
3. The Bible. Books of the Holy Scripture of the Old and New Testaments. Stauropegial Men's Monastery, 2015. 1408 p.
4. Baudrillard J. Simulacra and Simulation. Moscow: POSTUM Publishing House, 2015. 240 p.
5. Buber M. Two Types of Faith. Moscow: Respublika, 1995. 464 p.
6. Weber M. Economy and Society. Moscow: Higher School of Economics, 2018. 333 p.
7. Goethe J.W. Faust. Selected Works in Two Volumes. Vol. 2. Moscow: Pravda, 1985. Pp. 125–629.
8. Descartes R. Works in Two Volumes. Vol. 1. Moscow, 1989. 1287 p.
9. Kemerov V.E. Subject and Social Construct // Sotsiemy. 2012, № 20. Yekaterinburg: UrFU Press. Pp. 22–38.
10. Keane E. Nothing Personal. Moscow: Alpina Publisher, 2016. 224 p.
11. Lenin V.I. What Is to Be Done? Moscow: URSS, 2017. 248 p. 12. Marx K. Critique of Hegel's Philosophy of Right. Moscow, 2007. 416 p.
13. Nietzsche F. Ecce Homo: Works in two volumes, Vol. 2. Moscow: Mysl, 1990, pp. 693–770.
14. Plato. The Republic. Moscow: AST, 2024. 448 p.
15. Fukuyama F. The End of History and the Last Man: Trans. from English by M.B. Levin. Moscow: AST, 2015. 259 p.
16. Foucault M. Society Must Be Defended. St. Petersburg: Nauka, 2005. 312 p.
17. Chernyshevsky N.G. What Is to Be Done? Moscow: Public Domain, 1863. 336 p.
18. Engels F., Marx K. Socialism: Utopian and Scientific. Works. Vol. 1. Moscow: Politicheskaya Literatura, 1994, pp. 414–429.

Становление и развитие отечественной философии образования

Волобуев Алексей Викторович,
заведующий кафедрой «История и философия» Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ), доцент кафедры гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: a.volobuev@madi

Кузина Елена Сергеевна,
старший преподаватель кафедры гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: eskuzina@fa.ru

Статья посвящена социально-философскому анализу процесса формирования философии образования в России как самостоятельной области знания: от философско-педагогической рефлексии дореволюционной эпохи до дисциплинарной институционализации рубежа XX–XXI веков. Предметом анализа выступает логика перехода отечественной мысли от философского осмысления воспитания, представленного трудами К.Д. Ушинского, В.В. Розанова, С.И. Гессена и В.В. Зеньковского, к оформлению философии образования как интегративной дисциплины с собственным предметным полем и институциональной инфраструктурой. Опираясь на анализ первоисточников и научной литературы 1990–2020-х годов, автор показывает, что российская традиция сложилась на пересечении педагогической антропологии, аксиологии культуры и методологии педагогического знания, а не путем прямого заимствования англо-американской модели. Установлено, что решающим для дисциплинарного самоопределения стал период середины 1990-х годов, когда дискуссия на страницах ведущих философских журналов, выход обобщающих монографий и учреждение специализированных научных центров превратили разрозненные философско-образовательные идеи в структурированную область. Обосновано, что своеобразие отечественной философии образования состоит в удержании антропологического и ценностного измерения образования как несводимого к технологической и управленческой рациональности.

Ключевые слова: философия образования; педагогическая антропология; педагогическая традиция; институционализация научной дисциплины; аксиология образования; социальная философия; методология педагогики.

Введение

Вызовы цифровой трансформации системы образования приводят к ее дрейфу от гуманистического воспитания всесторонне развитой личности к технологической, рыночной и управленческой рациональности, а образовательное пространство обнаруживает признаки формализации и вытеснения ценностных ориентиров операциональными показателями [1]. В связи с этим актуальным становится возвращение к философскому осмыслению целеполагания образовательной сферы: ее норм, идеалов и оснований педагогического знания [2].

Научная проблема исследования состоит в том, что отечественная философия образования нередко описывается как позднее заимствование англо-американской дисциплины, ведущей отсчет от трудов Дж. Дьюи, тогда как укорененность российской философско-педагогической рефлексии в собственной интеллектуальной традиции остается недостаточно артикулированной. Дискуссионным сохраняется вопрос о том, какие этапы прошло становление названной области в России и в чем заключается своеобразие национальной версии философии образования по отношению к западным образцам.

Степень разработанности проблемы определяется трудами, очертившими предметное поле области. Систематическое обоснование философии образования как интегративной, междисциплинарной области научного знания принадлежит Б.С. Гершунскому [3]. Панораму западных философско-образовательных течений и сопоставление их с российским материалом представили А.П. Огурцов и В.В. Платонов [4]. Концепцию философии образования как самостоятельного направления социальной философии, обладающего собственным понятийным аппаратом, разрабатывала новосибирская школа Н.В. Наливайко [5]. Позицию, оспаривающую притязания философии образования на дисциплинарную автономию с точки зрения педагогики, последовательно отстаивал В.В. Краевский [6]. Расхождение оценок статуса рассматриваемой области сохраняется, что делает историко-генетический анализ ее становления теоретически востребованным.

Философско-педагогические истоки отечественной традиции

Отечественная традиция философского осмысления образования сложилась задолго до появления самого термина «философия образования» и оформления соответствующей дисциплины. Первым систематическим опытом подведения под педагогику антропологического фундамента стала педагогическая антропология К.Д. Ушинского [7]. Педагогику Ушинский трактовал не как самостоятельную науку, а как искусство, нуждающееся в научном основании, каковым выступает совокупность знаний о человеке, извлеченных из философии, физиологии, психологии и истории. Подобная постановка задачи – вывести правила воспитания из целостного понимания человеческой природы – предвосхитила ключевую интенцию будущей философии образования: искать основания педагогической деятельности за пределами самой педагогики. Идея народности, положенная Ушинским в основание воспитания, придала антропологическому подходу национально-культурное измерение, впоследствии ставшее одной из устойчивых черт отечественной философско-образовательной мысли.

Радикализацию философского вопрошания о смысле образования осуществил В.В. Розанов, вынесший в центр обсуждения саму «философию воспитания», забытую, по убеждению мыслителя, за частностями дидактики и методики [8]. Диагноз кризиса просвещения Розанов связывал с нарушением трех принципов – индивидуальности, целостности и единства образующих впечатлений, – превращающим школу в машину внешнего научения, отчужденную от духовной жизни личности. Постановка вопроса о духовно-ценностных основаниях образования, а не о его организационных формах, закрепила за русской мыслью особую оптику, впоследствии унаследованную отечественной философией образования.

Наиболее последовательное философское обоснование педагогики предложил С.И. Гессен, чей философско-педагогический синтез вызревал в России и был завершен в эмиграции [9]. Педагогику Гессен определял, как прикладную философию, а цели образования выводил из системы культурных ценностей, разработав концепцию «педагогики культуры», направленную против натурализма и социологизма в воспитании. Восхождение личности к сверхиндивидуальным ценностным

пластам – науке, искусству, нравственности, праву – Гессен понимал, как содержание образовательного процесса, а свободу трактовал не как исходную данность, а как задание, достигаемое в ходе врастания в культуру. Философско-педагогический синтез Гессена признается одной из вершин русской педагогической мысли минувшего столетия.

Религиозно-антропологическую линию традиции развил В.В. Зеньковский, обосновавший необходимость построения педагогики на началах православного учения о человеке [10]. Слабость современной педагогической мысли Зеньковский усматривал в подчиненности натурализму, тогда как подлинное осмысление воспитания, по убеждению философа, достижимо лишь на почве целостной антропологии, признающей духовное начало ядром личности. Наследие мыслителей русского зарубежья, включая труды Зеньковского по истории русской педагогики, сохранило преемственность философско-педагогической рефлексии в условиях разрыва отечественной интеллектуальной традиции после 1917 года.

Советский период и предпосылки дисциплинарного оформления

Советский период отношений философии и образования отмечен внутренним противоречием. Официальная доктрина связывала теоретические основания педагогики с марксистско-ленинской философией, что исключало саму постановку вопроса о философии образования как об автономной области, независимой от идеологического ядра. Педагогика при подобной институциональной конфигурации выступала преимущественно нормативно-методической дисциплиной, а философское осмысление образования растворялось в общих формулах диалектического и исторического материализма. Отсутствие дисциплинарного наименования не означало отсутствия философской работы над образованием: рефлексия над целями и смыслами обучения велась внутри психологии, дидактики и методологии науки, оставаясь рассредоточенной по смежным областям.

Вместе с тем во второй половине XX века сложилась плеяда ученых, чьи исследования фактически формировали проблемное поле будущей философии образования, не пользуясь соответствующим наименованием. Культурно-историческая теория Л.С. Выготского, теория развивающего обучения В.В. Давыдова, философские работы Э.В. Ильенкова, методологические разработки Г.П. Щедровицкого поставили вопросы о природе идеального, о механизмах присвоения культуры, о деятельностных основаниях развития личности – вопросы, по существу философско-образовательные [2]. Разработка философско-психологических оснований развивающего образования в трудах научной школы В.В. Давыдова закрепила соединение философской и психолого-педагогической проблематики, представив образование предметом теоретического, а не только прикладного анализа [11].

Параллельно оформлялась методология педагогики как рефлексивная дисциплина, анализирующая логику и структуру педагогического знания. Разработки М.А. Данилова и В.В. Краевского задали классическое для отечественной науки понимание методологии педагогики, в рамках которого философское знание рассматривалось как одно из оснований педагогической теории, но не как отдельная философия образования [6]. Накопление методологического инструментария и антропологической проблематики создало интеллектуальные предпосылки, реализованные уже в постсоветский период, когда снятие идеологических ограничений открыло возможность дисциплинарного самоопределения области.

Институционализация философии образования в постсоветской России

Институционализация философии образования как самостоятельной области отечественного знания пришлась на первую половину 1990-х годов, когда снятие идеологической монополии, кризис прежней образовательной модели и запрос на новые мировоззренческие ориентиры совпали с интеллектуальной потребностью в теоретическом переосмыслении образования. Одним из первых опытов постановки проблемы стала работа Н.С. Розова, связавшего обновление высшей школы с разработкой ценностных оснований образования и утверждением аксиологического подхода в качестве его методологической рамки [12]. Публичное конституирование области связывают с серединой 1990-х годов, когда развернувшаяся на страницах ведущих философских журналов дискуссия о предмете, статусе и задачах новой дисциплины положила начало ее институционализации в пространстве философской мысли [13].

Обобщающий характер приобрели труды Б.С. Гершунского, обосновавший понимание философии образования как полноценной междисциплинарной, интегративной области научного знания, вырабатывающей ценностно-целевые ориентиры образовательной практики [3]. Энциклопедическую систематизацию западных философско-образовательных течений – от аналитической философии и критического рационализма до педагогической антропологии и постмодернизма – вместе с сопоставлением их с отечественным материалом осуществили А.П. Огурцов и В.В. Платонов в фундаментальном двухтомном исследовании западной философии образования минувшего столетия [4]. Концептуальное оформление философии образования как направления социальной философии, обладающего собственным понятийным аппаратом и методологическим инструментарием, связано с новосибирской школой Н.В. Наливайко и деятельностью специализированного журнала «Философия образования» [5].

Дисциплинарное самоопределение сопровождалось созданием институциональной инфраструктуры: учреждением Проблемного научного совета при Президиуме Российской академии образования, работой семинара по философии образования в Институте педагогических инноваций, защитой кандидатских и докторских диссертаций, изданием учебных пособий и монографий. Анализ позволяет выделить в отечественной истории области пять последовательных этапов, обобщенных в таблице 1 [2].

Таблица 1. Этапы становления отечественной философии образования

Этап	Период	Содержательная характеристика
Философско-педагогические истоки	2-я пол. XIX – нач. XX в.	Педагогическая антропология К.Д. Ушинского; постановка вопроса о «философии воспитания» В.В. Розановым
Эмигрантский синтез	1920–1930-е гг.	Педагогика как прикладная философия (С.И. Гессен); христианская антропология воспитания (В.В. Зеньковский)
Латентный (советский)	1950–1980-е гг.	Методология педагогики, деятельностный подход; философия образования как дисциплина институционально не оформлена
Дисциплинарное оформление	1-я пол. 1990-х гг.	«Круглые столы» в философских и педагогических журналах, первые обобщающие монографии, публичное самоопределение предмета
Институционализация	конец 1990-х – 2000-е гг.	Научные советы и центры, специализированные журналы, диссертации, учебные курсы и пособия

Источник: составлено автором на основе [2; 4].

Дисциплинарные притязания философии образования встретили обоснованные возражения со стороны части педагогического сообщества. В.В. Краевский настаивал на том, что философия образования не образует самостоятельной науки и рискует подменить строгую методологию педагогики умозрительными построениями, размывающими предмет педагогического исследования [6]. Полемика о статусе области не завершена и составляет одну из определяющих черт отечественного философско-образовательного дискурса: самостоятельная ли философская дисциплина или раздел философии? интегративное междисциплинарное поле или методологический уровень педагогики? Сосуществование конкурирующих трактовок – от признания философии образования зрелой отраслью философского знания до ее истолкования как прикладного раздела педагогической методологии – свидетельствует не о слабости области, а о незавершенности процесса дисциплинарного самоопределения.

Развитие области в 2000–2010-е годы отмечено усилением антропологического вектора. В.И. Слободчиков, разрабатывая концептуальные основы антропологии современного образования, обосновал понимание образования как пространства становления собственно человеческого в человеке, несводимого к трансляции информации и формированию частных компетенций [14]. Антропологический поворот вернул отечественную философию образования к исходной интенции традиции – к вопросу о человеке как цели, а не средстве образовательного процесса.

При этом своеобразие сложившейся национальной версии философии образования заключается в приоритете антропологического и ценностного измерения образования, содержательное наполнение которого опирается на разрабатываемую в социально-философской литературе проблематику ценностей и ценностных ориентаций [15], что придает российскому философско-образовательному знанию особую значимость в условиях поиска суверенных оснований образовательной политики.

Заключение

Реконструкция пути отечественной философии образования обнаруживает не позднее заимствование чужой дисциплины, а длительное вызревание собственной традиции. Философско-педагогические истоки, заложенные педагогической антропологией Ушинского, «философией воспитания» Розанова, культуросообразной педагогикой Гессена и христианской антропологией Зеньковского, сформировали устойчивую оптику, при которой образование мыслится через призму целостного человека и системы ценностей культуры.

Советская эпоха накопила методологический потенциал в работах по теории развивающего обучения, методологии педагогики и деятельностному основанию развития личности, подготовив почву для последующего дисциплинарного оформления.

Институционализация середины 1990-х – 2000-х годов превратила разрозненные идеи в структурированную область с собственным предметным полем, научными центрами и печатными органами, сохранив при этом дискуссию о статусе преемственности идей с дореволюционной мыслью и связи философии образования с аксиологическими и антропологическими аспектами современной философии.

Литература

1. Истомина, О.Б. Новые образы образования: социально-философские основания / О.Б. Истомина // Вестник Бурятского государственного университета. – 2022. – № 1. – С. 3–11.

2. Никитина, С.С. Философия образования: ретроспектива и методологические подходы / С.С. Никитина, С.Н. Панкина // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2019. – № 1(21). – С. 101–112.

3. Гершунский, Б.С. Философия образования для XXI века / / Б.С. Гершунский; – Москва: РГБ, 2008. – 608 с.

4. Огурцов, А.П. Образы образования: Западная философия образования. XX век / А.П. Огурцов, В.В. Платонов; Институт философии РАН. – Санкт-Петербург: Русский Христианский гуманитарный институт, 2004. – 520 с.

5. Наливайко, Н.В. Философия образования: формирование концепции / Н.В. Наливайко. – Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН, 2008. – 272 с.

6. Краевский В.В. Методология педагогики: Пособие для педагогов-исследователей. – Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2001. – 244 с.

7. Ибрагимова, А.С. К.Д. Ушинский об антропологических законах и принципах воспитания человека / А.С. Ибрагимова // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. – 2018. – № 1. – С. 34–38.

8. Карташова, Е.П. Религиозно-православное сознание как основа гуманистического воспитания в философско-педагогическом сочинении В.В. Розанова «Сумерки просвещения» / Е.П. Карташова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2012. – № 1–1. – С. 68–72.

9. Абрамова, Л.Г. Педагогика культуры: истоки прикладной философии С.И. Гессена / Л.Г. Абрамова // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. – 2008. – № 4. – С. 24–29.

10. Сорочик, Л.И. Личность как образ совершенного человека в христианской антропологии В.В. Зеньковск / Л.И. Сорочик // Гуманитарный вектор. – 2010. – № 4(24). – С. 83–87.

11. Ждан, А.Н. Теория развивающего обучения В.В. Давыдова в контексте культурно-деятельностного подхода / А.Н. Ждан // Развитие личности. – 2015. – № 3. – С. 23–40.

12. Маслов, С.И. Аксиологический подход в педагогике / С.И. Маслов, Т.А. Маслова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2013. – № 3–2. – С. 202–212.

13. Брызгалина, Е.В. Институционализация философии образования в пространстве философской мысли XXI века / Е.В. Брызгалина, А.Р. Курбанов, Е.К. Сунгатулина // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. – 2012. – № 1. – С. 41–60.

14. Слободчиков, В.И. Концептуальные основы антропологии современного образования / В.И. Слободчиков // Образование и наука. Известия УрО РАО. – 2010. – № 1(69). – С. 11–22.

15. Владимиров, И.А. Проблема подходов к определению понятий «ценности» и «ценностные ориентации» в социально-философской литературе / И.А. Владимиров // Социология. – 2024. – № 8. – С. 112–116.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN PHILOSOPHY OF EDUCATION

Volobuev A.V., Kuzina E.S.

Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI), Financial University under the Government of the Russian Federation

The article reconstructs the formation of the philosophy of education in Russia as an autonomous field of knowledge: from the philosophical and pedagogical reflection of the pre-revolutionary era to its disciplinary institutionalization at the turn of the twenty-first century. The subject of analysis is the logic of the transition of Russian thought from the philosophical interpretation of upbringing, represented by the works of K.D. Ushinsky, V.V. Rozanov, S.I. Hessen and V.V. Zenkovsky, to the constitution of the philosophy of education as an integrative discipline with its own subject field and institutional infrastructure. Drawing on the analysis of primary sources and academic literature of the 1990s-2020s, the author shows that the Russian tradition took shape at the intersection of pedagogical anthropology, the axiology of culture and the methodology of pedagogical knowledge, rather than through a direct borrowing of the Anglo-American model. It is established that the mid-1990s became decisive for disciplinary self-determination, when discussions in leading philosophical journals, the publication of synthesizing monographs and the establishment of specialized research centres turned scattered philosophical and educational ideas into a structured field. It is substantiated that the distinctiveness of the Russian philosophy of education lies in retaining the anthropological and value dimension of education as irreducible to technological and managerial rationality.

Keywords: philosophy of education; pedagogical anthropology; pedagogical tradition; institutionalization of a scientific discipline; axiology of education; social philosophy; pedagogical methodology.

References

1. Istomina O.B. New images of education: socio-philosophical foundations. Bulletin of Buryat State University. 2022. № 1. Pp. 3–11.

2. Nikitina S.S., Pankina S.N. Philosophy of education: retrospective and methodological approaches. Economic and Social-Humanitarian Research. 2019. № 1 (21). Pp. 101–112.

3. Gershunsky B.S. The philosophy of education for the 21st century. Moscow: Russian State Library, 2008. 608 p.

4. Ogurtsov A.P., Platonov V.V. Images of education: Western philosophy of education. The 20th century. St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Institute, 2004. 520 p.

5. Nalivaiko N.V. Philosophy of education: formation of the concept. Novosibirsk: Siberian Branch of the RAS Publishing House, 2008. 272 p.

6. Kraevsky V.V. Methodology of pedagogy: a manual for educational researchers. Cheboksary: Chuvash University Publishing House, 2001. 244 p.

7. Ibragimova A.S. K.D. Ushinsky on the anthropological laws and principles of human education. Bulletin of the A.P. Chekhov Taganrog Institute. 2018. № 1. Pp. 34–38.

8. Kartashova E.P. Religious Orthodox consciousness as the foundation of humanistic upbringing in V.V. Rozanov's philosophical and pedagogical work «The Twilight of Enlightenment». Bulletin of the I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University. 2012. № 1–1. Pp. 68–72.

9. Abramova L.G. The pedagogy of culture: the origins of S.I. Hessen's applied philosophy. Bulletin of the I. Kant Russian State University. 2008. № 4. Pp. 24–29.

10. Sorochik L.I. Personality as the image of the perfect man in V.V. Zenkovsky's Christian anthropology. Humanitarian Vector. 2010. № 4 (24). Pp. 83–87.

11. Zhdan A.N. V.V. Davydov's theory of developmental learning in the context of the cultural-activity approach. Personality Development. 2015. № 3. Pp. 23–40.

12. Maslov S.I., Maslova T.A. The axiological approach in pedagogy. Proceedings of Tula State University. Humanities. 2013. № 3–2. Pp. 202–212.

13. Bryzgalina E.V., Kurbanov A.R., Sungatulina E.K. The institutionalization of the philosophy of education in the space of philosophical thought of the 21st century. Bulletin of Moscow University. Series 7: Philosophy. 2012. № 1. Pp. 41–60.

14. Slobodchikov V.I. Conceptual foundations of the anthropology of contemporary education. Education and Science. Proceedings of the Ural Branch of the RAO. 2010. № 1 (69). Pp. 11–22.

15. Vladimirov I.A. The problem of approaches to the definition of the concepts of «values» and «value orientations» in the socio-philosophical literature. Sociology. 2024. № 8. Pp. 112–116.

Социально-философский анализ снижения субъектной активности современной молодежи под влиянием цифровой образовательной среды и искусственного интеллекта

Гараева Галина Фаизовна,
доктор философских наук, профессор, кафедра гуманитарных наук, ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ,
E-mail: gfgaraeva@fa.ru

Шарова Марина Александровна,
кандидат философских наук, доцент, кафедра гуманитарных наук, ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: masharova@fa.ru

Распространение искусственного интеллекта в образовательной среде сопровождается изменением структуры учебной деятельности студентов. Цифровые системы берут на себя операции поиска, отбора, обработки и представления информации, которые ранее выполнялись непосредственно обучающимся. На этой основе возникает противоречие между повышением технологической эффективности обучения и сохранением субъектной активности молодежи. Данная проблема требует социально-философского анализа, включающего исследование фундаментальных оснований указанного противоречия. В статье предложено разграничение функционального и субъектно-замещающего использования искусственного интеллекта. Разработана авторская типология рисков снижения субъектной активности, включающая операциональный, когнитивный, рефлексивный и мотивационно-субъектный уровни. Выделен механизм субъектного замещения, при котором передача искусственному интеллекту последовательности интеллектуальных операций сокращает количество самостоятельных решений студента. Определены признаки такого замещения и сформулированы условия организации образовательного процесса, при которых искусственный интеллект сохраняет инструментальную, а не субъектную функцию.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровая образовательная среда, субъектная активность, социально-философский анализ, студенты, молодежь, субъектное замещение, генеративный искусственный интеллект, самостоятельность, познавательная активность, высшее образование.

Введение. Социально-философские и педагогические риски применения генеративного искусственного интеллекта в цифровой образовательной среде

Появление генеративного искусственного интеллекта в образовательной практике изменило не столько доступ студентов к информации, сколько способ выполнения интеллектуальных учебных операций. Ранее получение готового связного ответа требовало последовательной работы: постановки вопроса, поиска материала, его отбора, сопоставления различных позиций, формирования собственного вывода и языкового оформления результата. Современные системы искусственного интеллекта объединяют значительную часть этих операций в одном цифровом интерфейсе. Студент формулирует запрос и получает текст, объяснение, перечень аргументов, структуру работы либо вариант решения. Речь идет уже об автоматизации отдельных технических действий и о перераспределении интеллектуальной нагрузки внутри образовательной деятельности. Так исследования А.В. Резаев, А.М. Степанов, Н.Д. Трегубова связывают распространение искусственного интеллекта с трансформацией высшего образования и изменением сложившихся форм организации учебного процесса [10, с. 49–62]. В социально-философском плане это означает перераспределение эпистемической власти между человеком и алгоритмическими системами, при котором знание приобретает предиктивно-операциональный характер, а субъектность обучающегося становится распределённой в связке «человек – машина».

Современные исследования фиксируют практическую востребованность искусственного интеллекта в образовании. Так А.Н. Аркабаев и З.Ж. Мурзакматова рассматривают его применение для измерения успеваемости учащихся [1, с. 98–108]; Ж.Г. Вегера анализирует использование генеративного искусственный интеллект при обработке образовательных данных и прогнозировании академических результатов [5, с. 116–125]; Д.О. Баринова и А.А. Шакарикова обращают внимание на связь искусственного интеллекта с академической успеваемостью студентов [2, с. 170–185]; Л.П. Костикова, Н.Е. Есенина, А.С. Ольков исследуют отношение студентов к искусственному интеллекту и его место в образовательном процессе [6, с. 93–109]. Технологический эффект в данном случае очевиден, ведь сокращается время обработки информации, ускоряется подготовка учебных материалов, упрощается получение дополнительных объяснений.

Проблема возникает на другом уровне. Академическая успеваемость отражает конечный результат, но не раскрывает структуру действий, благодаря которым этот результат получен. Один и тот же письменный ответ может быть создан как после самостоятельного анализа учебного материала, так и после передачи искусственному интеллекту практически всей интеллектуальной работы. Внешне результаты будут сходными, но образовательное содержание этих ситуаций будет принципиально различаться. Для развития личности студента значение имеет не только правильность ответа, но и сохранение за ним функций постановки задачи, выбора способа решения, проверки информации и принятия итогового решения. С социально-философской точки зрения здесь возникает проблема отчуждения в образовательном процессе. Ведь делегирование искусственному интеллекту интеллектуальных операций приводит к отчуждению студента от собственной познавательной деятельности, когда мышление, основанное на логической памяти, уступает место мышлению, опирающемуся на внешние ресурсы [9, с. 226–230]. Совершенно обоснованно современные исследователи, например, Ю.И. Богатырева, А.Н. Привалов, В.А. Смирнов рассматривают применение искусственного интеллекта с позиции угроз личности обучающимся [4, с. 70–95], а Ю.И. Богатырева и С.И. Кузнецова выделяют педагогические риски использования искусственного интеллекта в цифровой образовательной среде [3].

Научная новизна статьи заключается в социально-философском анализе рассмотрения снижения субъектной активности не как негативного последствия цифровизации, а как результата конкретного механизма – субъектного замещения, при котором искусственному интеллекту передается возрастающая доля интеллектуальных решений студента. В статье выделяются четыре уровня замещения: операциональный, когнитивный, рефлексивный и мотивационно-субъектный.

Подобное разграничение дает основу для анализа не самого факта применения искусственного интеллекта, а характера и глубины его включения в учебную деятельность.

Изменение структуры учебной деятельности под воздействием искусственного интеллекта

Традиционная учебная задача включает несколько взаимосвязанных действий, студент определяет содержание проблемы, устанавливает последовательность работы, ищет сведения, отбирает необходимые данные, анализирует их, формирует позицию и оформляет результат. Каждая операция связана с принятием самостоятельного решения и даже ошибка на одном из этапов имеет обучающую функцию, поскольку создает ситуацию для коррекции собственного способа мышления. Генеративный искусственный интеллект сокращает количество промежуточных операций, в результате учебная деятельность становится короче по времени, но одновременно уменьшается число самостоятельных интеллектуальных действий. С точки зрения социально-философского анализа это означает редукцию субъектности: учащийся превращается из субъекта познания в «оператора» цифрового сервиса. Здесь необходимо различать использование искусственного интеллекта как инструмента и передачу искусственному интеллекту функций субъекта учебной деятельности. Только в первом случае студент сохраняет контроль над содержанием работы. Он определяет вопрос, обращается к цифровой системе за дополнительным материалом, проверяет полученные сведения, сопоставляет ответ с научными источниками и формулирует собственный вывод. Во втором случае, запрос к искусственному интеллекту фактически заменяет постановку учебной задачи, сгенерированный материал становится готовым ответом, а проверка ограничивается поверхностным просмотром текста. Технологически обе ситуации связаны с одной системой, но социально-философские последствия различается: в первом случае сохраняется субъект познания, во втором формируется отчуждённая познавательная активность [9]. Для обозначения этой разницы предлагается использовать понятие субъектного замещения, под которым следует понимать последовательную передачу искусственному интеллекту интеллектуальных операций, связанных с обработкой информации и с постановкой учебной задачи, выбором способа ее решения, оценкой полученного результата и формированием окончательного вывода. В социально-философском смысле это форма отчуждения субъектности [9].

Субъектное замещение возникает не в момент первого обращения к искусственному интеллекту, а при накоплении переданных системе функций. Чем больше решений принимает цифровой инструмент вместо студента, тем меньше самостоятельных решений остается внутри учебной деятельности самого обучающегося. В качестве аналитического показателя риска утраты субъектности можно рассмотреть коэффициент субъектного замещения, рассчитываемый как отношение количества интеллектуальных операций, переданных искусственному интеллекту, к общему числу операций конкретной учебной задачи: Ксз = ОИИ / Ообщ × 100%, где Ксз – коэффициент субъектного замещения; ОИИ – количество операций, переданных искусственному интеллекту; Ообщ – общее количество интеллектуальных операций в учебной задаче. Названный показатель предлагается использовать как исследовательскую модель, а не как уже апробированную диагностическую методику. Его назначение заключается в фиксации степени участия студента в собственной интеллектуальной работе. Так, при низком значении Ксз очевидно, что искусственный интеллект выполняет вспомогательные функции, а рост показателя означает расширение зоны ответственности цифровой системы. Высокое значение будет указывать на ситуацию, при которой студент сохраняет преимущественно функцию инициатора запроса и получателя готового результата, что соответствует риску снижения субъектной активности молодежи в цифровой образовательной среде.

Типология рисков снижения субъектной активности

Первый уровень – операциональный риск**,** он возникает при передаче искусственному интеллекту отдельных процедур, связанных с поиском, сортировкой, структурированием и техническим оформлением информации. Такой вариант использования еще не свидетельствует о снижении субъектности. Проблема формируется при исчезновении у студента необходимости самостоятельно искать источники и определять их релевантность, когда постепенно цифровая система начинает выполнять не вспомогательную, а основную информационно-поисковую функцию. А студент получает готовую подборку и не проходит этап первичного отбора, в результате чего сокращается опыт самостоятельной работы с информационным массивом.

Второй уровень – когнитивный риск**.** Здесь искусственный интеллект получает уже не техническую, а содержательную функцию: сравнивает позиции, объясняет причины, формирует аргументацию, устанавливает связи между явлениями и предлагает вывод. Именно этот уровень связан с существенным изменением структуры познавательной деятельности. Студент перестает самостоятельно проходить цепочку «вопрос – анализ – аргумент – вывод», он оценивает уже сформированный системой результат. Совершенно верно Н.Н. Кузьмин, И.Н. Глазунова и Н.А. Чистякова обращают внимание на наличие наряду с преимуществами искусственного интеллекта образовательных ограничений и рисков [7, с. 130–138]. В данном случае основным объектом риска выступает не сам факт применения цифровой технологии, а сокращение интеллектуальной работы, выполняемой непосредственно обучающимися.

Третий уровень – рефлексивный риск**.** Он связан с передачей искусственному интеллекту функции контроля качества собственного результата. Студент обращается к системе не для проверки конкретного положения, а с просьбой оценить всю работу, исправить ошибки и определить ее качество. При регулярном использовании такой схемы внешняя оценка начинает вытеснять внутреннюю рефлексию. Обучающийся реже задает себе вопросы: почему выбран данный аргумент, достаточно ли подтверждений, существует ли альтернативное объяснение, насколько обоснован вывод? В итоге контроль над собственной деятельностью переносится за пределы самого субъекта обучения.

Четвертый уровень – мотивационно-субъектный риск**.** На этом уровне изменяется уже не отдельная операция, а отношение студента к учебной задаче. Возникает установка на минимизацию собственных усилий, когда сложный вопрос передается искусственному интеллекту, объемное задание преобразуется в короткий запрос, самостоятельный поиск заменяется готовым предложением. Исчезает часть ситуаций, в которых студент сталкивается с неопределенностью и вынужден самостоятельно принимать решение, происходит влияние искусственного интеллекта на познавательную активность студентов [8]. Субъектный риск в данном случае связан с тем, что удобство цифрового инструмента постепенно становится самостоятельной мотивацией, вытесняющей интерес к содержанию учебной задачи.

Предложенная типология демонстрирует последовательное углубление в понимание формирующихся рисков и их взаимосвязь. Так, операциональный уровень затрагивает отдельные действия, когнитивный уровень переносит на искусственный интеллект элементы анализа, рефлексивный уровень затрагивает оценку результата, мотивационно-субъектный уровень изменяет отношение студента к собственной учебной деятельности. Снижение субъектности следует оценивать не по количеству обращений к искусственному интеллекту, а по глубине функций, переданных цифровой системе.

Механизм субъектного замещения в образовательной деятельности

Итак, субъектное замещение «эволюционирует», развивается поэтапно. На первом этапе студент использует искусственный интеллект для сокращения технических затрат: исправления текста, составления структуры, поиска идей. На втором этапе цифровой инструмент включается в содержательную работу: формирует аргументы, предлагает объяснения, сравнивает варианты. Третий этап связан с передачей искусственному интеллекту оценки результата. Четвертый возникает при передаче системе самой логики решения учебной задачи. Последовательность формирует модель, при которой студент уже не организует собственную интеллектуальную деятельность, а управляет взаимодействием с цифровым помощником.

Особенность генеративного искусственного интеллекта заключается в том, что он способен выдавать результат в форме, внешне близкой к продукту самостоятельной работы человека. Традиционная проверка письменного результата теряет часть своей диагностической ценности. Преподаватель видит текст, но не всегда видит путь его получения. У двух студентов могут оказаться одинаково грамотные ответы, хотя один самостоятельно проанализировал источники, а другой сформировал готовый текст с помощью искусственного интеллекта. В первом случае учебная задача выполнила развивающую функцию, во втором значительная часть интеллектуальной нагрузки была вынесена за пределы собственных интеллектуальных усилий студента.

На этом основании предлагается оценивать учебную работу по двум взаимосвязанным параметрам: результативности и субъектной включенности**.** Результативность отражает качество конечного продукта. Субъектная включенность характеризует долю интеллектуальных решений, принятых самим обучающимся. Высокая результативность при низкой субъектной включенности означает технологически эффективное, но педагогически проблемное выполнение задания. Высо-

кая результативность при высокой субъектной включенности соответствует ситуации, когда искусственный интеллект усиливает учебную деятельность, не занимая место ее субъекта.

Подход уточняет дискуссию о влиянии искусственного интеллекта на успеваемость. Повышение оценки не следует автоматически трактовать как доказательство повышения качества обучения. Сегодня вопросы необходимой коррекции оценок обучающихся в результате взаимодействия с искусственным интеллектом активно рассматриваются специалистами разных направлений и в разных аспектах. Так, например, Н.К. Аркабаев, З.Ж. Мурзакматова рассматривают искусственный интеллект в контексте измерения успеваемости [1], Д.О. Баринова и А.А. Шакарикова – в контексте академической успеваемости [2]. Но для оценки образовательного эффекта необходим дополнительный показатель, отражающий степень самостоятельного участия студента в получении результата. Без этого показатели успеваемости фиксируют преимущественно конечный продукт и не отражают изменение структуры интеллектуальной деятельности.

Условие сохранения субъектности молодежи

Сохранение субъектности требует изменения логики учебных заданий. Если задание предполагает исключительно получение готового текста, решения или краткого ответа, генеративный искусственный интеллект легко берет на себя значительную часть работы. Иная ситуация возникает при заданиях, требующих обоснования собственного выбора, сравнения нескольких решений, критики полученного ответа, обращения к конкретным источникам и устной защиты позиции. Здесь цифровой инструмент становится только одним из элементов деятельности, что соответствует социально-философскому принципу субъект-субъектного взаимодействия.

Особое значение имеет введение обязательного авторского компонента. Студент, использовавший искусственный интеллект, должен обозначить исходную проблему, аргументировать выбор запроса, проверить ключевые сведения и самостоятельно сформулировать итоговый вывод. При такой организации цифровая система обрабатывает материал, но не определяет позицию обучающегося, сохраняя его субъектность как ценность образования [9].

Безусловно, что сегодня необходимым элементом учебного контроля становится проверка процесса, а не только результата. Преподавателю следует оценивать не исключительно готовый текст, но и исходные материалы, промежуточные решения, аргументацию, способность студента объяснить выбранный подход. Устная защита письменного задания приобретает особое значение: студенту необходимо воспроизвести логику собственного решения без опоры на автоматически сформированный текст. Такая форма контроля эффективно выявляет степень освоения материала студентом. Таким образом, цифровая грамотность должна включать не только техническое владение искусственным интеллектом, но и проявление экспертных свойств пользователем. Студенту нужны проверки фактов, оценки качества источников, обнаружения логических ошибок, сопоставления нескольких ответов и разграничения собственных выводов и сгенерированного материала. Иначе говоря, как верно отмечают Ю.И. Богатырева и С.И. Кузнецова сегодня необходимо рассматривать педагогические аспекты применения искусственного интеллекта в тесной взаимосвязи с анализом факторов риска и угроз цифровой образовательной среды [3]. Подготовка молодежи к работе с искусственным интеллектом должна включать обучение эффективному составлению запросов и формирование способности не принимать полученный результат без проверки.

Предлагаемая модель сохранения субъектной активности основывается на четырех принципах: во-первых, студент формулирует задачу; во-вторых, искусственный интеллект обрабатывает часть материала; в-третьих, студент проверяет результат; в-четвертых, окончательное решение принимает студент. И надо учитывать, что нарушение первого и четвертого элементов создает высокий риск субъектного замещения. Но сама по себе передача искусственному интеллекту поиска или редактирования не означает утраты субъектности. А вот передача постановки задачи и принятия решения уже затрагивает центральные функции субъекта учебной деятельности.

Заключение

Искусственный интеллект меняет структуру учебной деятельности за счет автоматизации отдельных операций и за счет перераспределения интеллектуальных функций между студентом и цифровой системой. С позиции социальной философии основной риск не в количестве обращений к искусственному интеллекту и не в использовании генеративных технологий, а в глубине передачи им функций, формирующих субъектность обучающегося, что ведет к отчуждению познавательной активности [9].

В статье используется понятие субъектного замещения, трактуемого как социально-философская категория утраты субъектности, что означает последовательную передачу искусственному интеллекту функций постановки задачи, анализа информации, формирования решения, контроля и оценки результата. На этой основе выделены четыре уровня риска: операциональный, когнитивный, рефлексивный и мотивационно-субъектный. Предложенная типология уточняет социально-философский подход к оценке последствий внедрения искусственного интеллекта: объектом анализа становится не технология сама по себе, а изменение распределения интеллектуальных действий внутри учебной деятельности. В статье предложен коэффициент субъектного замещения, отражающий соотношение переданных искусственному интеллекту интеллектуальных операций и общего количества операций конкретной учебной задачи. Показатель имеет характер авторской аналитической модели и требует дальнейшей эмпирической апробации на студенческих выборках. Его применение в социально-философских исследованиях дает количественную основу для сравнения различных форм использования искусственного интеллекта в образовании.

Ключевым условием сохранения субъектности выступает закрепление за студентом четырех функций: постановки учебной задачи, критической проверки информации, выбора варианта решения и ответственности за конечный результат. В социально-философском плане это означает сохранение субъект-субъектных отношений в образовании. Искусственный интеллект при такой модели выполняет вспомогательную функцию и снижает, прежде всего, рутинную нагрузку. При передаче ему логики решения, интерпретации и оценки результата возникает субъектное замещение, которое затрагивает уже не отдельный навык, а саму структуру учебной активности молодежи.

Перспективным направлением дальнейшей работы выступает эмпирическая проверка предложенной типологии в студенческих группах с различной интенсивностью использования генеративного искусственного интеллекта. Сопоставление коэффициента субъектного замещения с показателями самостоятельности, критического мышления, познавательной активности и академической успеваемости даст основание для проверки гипотезы о связи глубины использования искусственного интеллекта с изменением субъектной позиции обучающегося что позволит верифицировать социально-философскую модель рисков.

Литература

1. Аркабаев Н. К., Мурзакматова З.Ж. Применение искусственного интеллекта для измерения успеваемости учащихся // Вестник Иссык-Кульского университета. 2024. № 56. С. 98–108.
2. Баринова Д. О., Шакарикова А.А. Роль искусственного интеллекта в повышении академической успеваемости студентов // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2024. № 10. С. 170–185.
3. Богатырева Ю. И., Кузнецова С.И. Педагогические аспекты применения искусственного интеллекта в образовании: факторы риска и угрозы в цифровой образовательной среде // Международный научно-исследовательский журнал. 2025. № 7 (157).
4. Богатырева Ю. И., Привалов А.Н., Смирнов В.А. Модель угроз личности обучающихся при применении систем искусственного интеллекта // Вестник РГГУ. Серия «Информатика. Информационная безопасность. Математика». 2025. № 1. С. 70–94.
5. Вегера Ж.Г. Применение генеративного искусственного интеллекта (ИИ) для анализа образовательных данных и прогнозирования академической успеваемости студентов // Управление образованием: теория и практика. 2024. № 8–1. С. 116–125.
6. Костикова Л. П., Есенина Н.Е., Ольков А.С. Искусственный интеллект в образовательном процессе современного университета: результаты опроса студентов // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2025. № 2. С. 93–109.
7. Кузьмин Н. Н., Глазунова И.Н., Чистякова Н.А. Внедрение искусственного интеллекта в образование: плюсы и минусы // Управление образованием: теория и практика. 2024. Т. 14. № 3–1. С. 130–138.
8. Мантуленко В.В. Влияние искусственного интеллекта на успеваемость, познавательную активность и качество обучения студентов // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2025. № 6. С. 251–272.
9. Нестерович Н.В. Отчуждение студента от учебы в эпоху искусственного интеллекта // Современное социально-гуманитарное образование: проблемы и перспективы; сборник статей XXII научно-методической конференции факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, 31 марта 2025 г. – Минск: БГУ, 2025. С. 226–230.

10. Резаев А. В., Степанов А.М., Трегубова Н.Д. Высшее образование в эпоху искусственного интеллекта // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. № 4. С. 49–62.

A SOCIOPHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE DECLINE IN THE SUBJECTIVE ACTIVITY OF MODERN YOUTH UNDER THE INFLUENCE OF THE DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Garaeva G.F., Sharova M.A.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The proliferation of artificial intelligence in the educational environment is accompanied by changes in the structure of students' learning activities. Digital systems take over tasks such as searching for, selecting, processing, and presenting information-tasks previously performed directly by the learners themselves. This creates a conflict between increasing the technological efficiency of learning and preserving the agency (active engagement as a subject of activity) of young people. This problem requires a socio-philosophical analysis, including an examination of the fundamental grounds of the contradiction in question. The article proposes a distinction between the functional use of artificial intelligence and its use as a substitute for the learner's agency. A typology of risks regarding the reduction of agency is developed, covering operational, cognitive, reflective, and motivational-subjective levels. The study identifies a mechanism of «agency substitution», wherein delegating a sequence of intellectual operations to artificial intelligence reduces the number of independent decisions made by the student. Indicators of such substitution are identified, and conditions for organizing the educational process are formulated to ensure that artificial intelligence retains an instrumental rather than a substitutive role regarding the learner's agency.

Keywords: artificial intelligence, digital educational environment, agency, sociophilosophical analysis, students, youth, agency substitution, generative AI, independence, cognitive activity, higher education.

References

1. Arkabaev N.K., Murzakmatova Z. Zh. The use of artificial intelligence to measure students' academic performance // Bulletin of the Issyk-Kul University. 2024. № 56. Pp. 98–108.

2. Barinova D.O., Shakarikova A.A. The role of artificial intelligence in improving students' academic performance // Scientific and methodological electronic journal «Concept». 2024. № 10. Pp. 170–185.

3. Bogatyreva Yu. I., Kuznetsova S.I. Pedagogical aspects of using artificial intelligence in education: risk factors and threats in the digital educational environment // International Research Journal. 2025. № 7 (157).

4. Bogatyreva Yu. I., Privalov A.N., Smirnov V.A. Model of threats to students' personal identity when using artificial intelligence systems // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series «Informatics. Information Security. Mathematics. 2025. № 1. Pp. 70–94.

5. Vegera Zh.G. The use of generative artificial intelligence (AI) to analyze educational data and predict students' academic performance // Education Management: Theory and Practice. 2024. № 8–1. Pp. 116–125.

1. Kostikova L.P., Yesenina N.E., Olkov A.S. Artificial intelligence in the educational process of a modern university: results of a student survey // Scientific and methodological electronic journal «Concept». 2025. № 2. Pp. 93–109.

7. Kuzmin N.N., Glazunova I.N., Chistyakova N.A. Implementing artificial intelligence in education: pros and cons // Education Management: Theory and Practice. 2024. Vol. 14. № 3–1. Pp. 130–138.

8. Mantulenko V.V. The Impact of Artificial Intelligence on Students' Academic Performance, Cognitive Activity, and Learning Quality // Scientific and Methodological Electronic Journal «Concept». 2025. № 6. Pp. 251–272.

9. Nesterovich N.V. Student Alienation from Learning in the Era of Artificial Intelligence // Modern socio-humanitarian education: problems and prospects; collection of articles from the 22nd scientific and methodological conference of the Faculty of Philosophy and Social Sciences of the Belarusian State University, March 31, 2025. – Minsk: BSU, 2025. Pp. 226–230.

10. Rezaev A.V., Stepanov A.M., Tregubova N.D. Higher education in the era of artificial intelligence // Higher education in Russia. 2024. Vol. 33. № 4. Pp. 49–62.

Социокультурные основания рабочего вопроса в трудах И.Х. Озерова (1869–1942)

Горбань Анастасия Аркадьевна,
кандидат философских наук, старший преподаватель,
кафедра гуманитарных наук, Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
E-mail: AAGorban@fa.ru

Статья посвящена социально-философскому анализу подхода дореволюционного и советского экономиста и финансиста И.Х. Озерова к определению роли и места рабочего вопроса в формировании налоговой культуры Российской империи в конце XIX – начале XX вв. Автор исходит из того, что И.Х. Озеровым рабочий вопрос рассматривался как комплексное явление в первую очередь в мировоззренческом аспекте в условиях становления нового типа рациональности. В ходе исследования выявлено, что связанность людей в условиях изменения форм хозяйствования предполагает оформление деятельности посредством создания объединений. Эволюционным пиком объединений является союз публичного характера, основанный на абсолютном единстве населения и государства. В подобных условиях возникновение социальных конфликтов невозможно, известные вопросы, среди которых «рабочий вопрос» не возникают априори. На основании исследования сделан вывод о том, что рабочий вопрос в трудах И.Х. Озерова представляет собой отражение социальной реальности, основанной на противостоянии коллективных интересов, которые закономерно приводят к социальным взрывам.

Ключевые слова: И.Х. Озеров, рабочий вопрос, труд, налоговая культура, союз публичного характера, индивидуализм

Введение

Рабочий вопрос представляет собой комплексное понятие, объединяющее все, что относится к структуре, положению в обществе и уровню жизни рабочих, организации и условиям труда, правовой и политической регламентации деятельности рабочих. Однако в данном контексте очень много отдается материалистическому подходу, выраженному в предоставлении конкретных документов, цифр, отчетов по запросу. Между тем понимание самой категории «рабочие» достаточно расплывчато. В узком смысле под рабочими понимают тех, кто занят физическим трудом. Подобный подход был распространен в дореволюционный и советский период. Важной характеристикой рабочих, по К. Марксу, является создание прибавочного продукта, то есть принесение прибыли собственнику.

На сегодняшний день возникла проблема определения границ понятия «рабочий», учитывая рост высокотехнологичных производств, на которых доля умственного труда может преобладать. Между тем с точки зрения ресурсного подхода рабочие определяются как социальная группа с отсутствием высшего образования, но наличием среднего или средне-специального, с высокой степенью замкнутости интересов и превалированием материальных ценностей. Физическая составляющая труда рабочих, как и его наемный характер, не являются определяющими. Кроме того рабочий это тот, кто не может оказывать влияние на принимаемые на производстве решения, а главной особенностью выступает возможность объединяться в профсоюзы [5].

Важность определения категории «рабочих» предполагает более глубинный и содержательный подход к рассмотрению содержания понятия «рабочий вопрос». Подобный подход предоставляет возможность широко трактовать понятие рабочего не только в условиях современности, но и применительно к историческому контексту. Однако в этом кроется диалектическая проблема, так как долгий период времени рабочий вопрос предполагал понимание рабочих в узком смысле. И рассматривая историографию рабочего вопроса в Российской империи, можно также убедиться, что речь в первую очередь шла о тех, кто занят в осуществлении модернизации и индустриализации страны физически.

С другой стороны, широкое понимание «рабочих» приводит к необходимости проанализировать трансформацию категории «труда». Четкое понимание содержания обозначенных категорий позволит определить само понятие «рабочий вопрос», которое часто фигурирует в литературе, однако содержательно не ограничено. По сути это вообще все, что связано с рабочими в определенный период времени. Однако то, как мы понимаем, кто такие рабочие, что такое труд и каким образом его разграничиваем приводит нас к более полному пониманию социокультурных оснований самого рабочего вопроса.

Историография вопроса и теоретические предпосылки

В философии существует значительное количество работ, посвященных категории «труда», начиная с античности. Отношение к труду, определение самой категории, установление соотношений между понятиями «деятельность», «работа» и «труд» – все это отражает множественность существовавших и существующих подходов. Через подходы к пониманию труда можно проследить развитие общественной и философской мысли, охарактеризовать социально-экономическое и политическое развитие отдельных государств. Самым ярким примером можно назвать СССР, где главенствовала марксистко-ленинская идеология, определяющая диктатуру пролетариата. Труд в подобных условиях представлялся важнейшим фактором производства и основной, определяющей политические и идеологические рамки государства.

Не менее важным вопросом в отношении труда является разделение его на физический и интеллектуальный, и определение значимости каждого из них для развития общества и государства. Известные античные философы Платон и Аристотель считали, что деление труда подобным образом естественно и происходит из неравенства людей. Более того, Платон считал физический труд естественным для низших сословий, соотнося это с уровнем их духовно-нравственного и интеллектуального развития [10]. На сегодняшний день в обществе также присутствует пренебрежительное отношение к физическому труду, что можно обосновать сменой ценностных ориентиров. Геополитическая

неравновесность, поиски новых форм хозяйствования и сотрудничества в условиях глобализации привели к постепенному разрушению традиционных ценностей. На сегодняшний день молодежь относится к труду, «как к инструменту получения средств к существованию, реализуя стратегию выживания» [8, с. 118]. Подобный подход превращает нравственную категорию, несущую в себе в том числе и воспитательную функцию, в «овеществленный предмет», измеряемый заработанной суммой денег.

Материалистический подход к труду синонимизирует данное понятие со словом «работа», придавая ему при этом негативный оттенок, выраженный в необходимости трудиться «от рассвета до заката» за небольшую плату. В условиях экономии усилий, молодежь стремится к более быстрым заработкам, в том числе и незаконными путями. Это можно объяснить не только распространением капиталистических отношений после распада СССР, но и сменой мировоззренческой парадигмы с холистической на индивидуалистскую. Выражение древнеримского комедиографа Тита Макция Плавта «человек человеку волк» (лат. homo homini lupus est) наиболее ярко отражает современную действительность, одной из характеристик которой можно назвать эгоцентризм [8]. Данный термин имеет множество значений, однако, перенос его в философию в конечном счете привел к тому, что им был заменен термин «антропоцентризм», близкий, но не совпадающий по содержанию. Что, в свою очередь, постепенно привело к убеждению в виновности человека в кризисе современности [3, с. 7]. С другой стороны, невозможно отрицать, что антропоцентризм и эгоцентризм являются связанными категориями через «общее-частное» [1]. Подобная дискуссия отражает важность понимания соотношения общего и частного в современных условиях, когда частное превалирует над общим, отрицая преемственность традиционных ценностей советского общества.

В подобных условиях закономерным является и сама проблема сохранения и укрепления традиционных ценностей, в том числе и ценности труда. Соответствующим Указом Президента Российской Федерации одной из важнейших традиционных ценностей был обозначен созидательный труд (п. 5 Указа) [6]. При этом проблемой является содержательное наполнение указанных традиционных ценностей. Созидательный труд являлся одной из важнейших категорий российской педагогики, отраженной в трудах К.Д. Ушинского, А.С. Макаренко, В.А. Сухомлинского и закрепленной в условиях СССР. Это связано с тем, что долгие годы труд являлся и целью, и средством воспитания советского человека. Понимание важности формирования личности через трудовую деятельность было неоспоримо. Например, Константин Дмитриевич Ушинский (1823–1871) считал труд главным нравственным стержнем личности и говорил о том, что воспитание позволит человеку найти то дело, которое будет полезно обществу. Антон Семенович Макаренко (1888–1939) отмечал, что коллективный созидательный труд несет в себе сразу несколько функций: воспитательно-нормативную, ценностно-ориентированную и образовательную. А Василий Александрович Сухомлинский (1918–1970) отмечал этическое значение труда, делая упор на развитие трудолюбия в сообществе. Несмотря на то, что упомянутые педагоги жили в разное время, их объединяет отношение к труду как к фундаментальной педагогической ценности [4, с. 170–172].

В дореволюционной России отдельно категория «рабочих» не рассматривалась в принципе. В качестве определения можно отталкиваться от узкого понимания данной категории, основанной на материалистическом подходе. Рабочий вопрос в данном контексте также складывался в первую очередь из материальных условий существования рабочих. Однако необходимо учитывать, что материализм, характерный для советского периода, в дореволюционной России носил менее выраженный характер. Распространение социалистических идей в Российской империи в конце XIX – начале XX веков отражало формирование нового типа рациональности, направленного не на прямое отрицание классических подходов, но на более глубинное понимание процессов и учет взаимодействия и взаимовлияния всех сфер жизни общества и государства. Параллельно с идеями социалистов распространение получила немецкая историческая школа, известная своим нетипичным подходом к сочетанию истории и экономики как способа поиска решения насущных проблем. Наиболее прогрессивно новый тип рациональности распространялся среди преподавательской среды, одним из представителей которой являлся профессор кафедры финансового права Московского и Петербургского императорских институтов Иван Христофорович Озеров (1869–1942).

Методология исследования

Методология исследования основана на принципе историзма, историко-генетическом и историко-философском методах. Принцип историзма обуславливает понимание исторического контекста формирования рабочего вопроса в Российской империи. Важность соблюдения данного принципа позволяет не осовременивать обстановку, в рамках которой происходило формирование группы рабочих. Историко-генетический метод позволяет проследить трансформацию понимания труда и рабочих, приведя к синтезу данных категорий в понятие «рабочий вопрос». Историко-философский метод обеспечивает глубинный анализ взглядов И.Х. Озерова на положение рабочих в Российской империи, на взаимосвязь социальных и экономических факторов. Данные методы способствуют всестороннему рассмотрению и выделению социокультурных оснований понимания рабочего вопроса, отраженного во взглядах И.Х. Озерова.

Политика по рабочему вопросу в России за последние годы (По неизданным документам)

Именно так называется главный труд И.Х. Озерова, изданный в 1906 году, в ходе первой российской революции [7]. В начале своей публикации автор сразу указывает на то, что главной своей задачей ставит поиск истинных причин того, почему в России рабочий вопрос встал так остро. Он сразу определяет, что рабочие относятся с крайнем недоверием к власти, к промышленникам, а также к фабричной инспекции, которая была создана для защиты интересов рабочих. Подобные слова являются констатацией, учитывая, что в момент, когда книга писалась, в Российской империи уже бушевала революция, одной из причин которой и являлся тот самый наболевший рабочий вопрос. С другой стороны, нужно отметить, что И.Х. Озеров изначально относился к любой категории и к любому понятию очень комплексно, не ограничивая его понимание заданными рамками. В первую очередь, необходимо отметить, что саму категорию «рабочих» И.Х. Озеров обозначил исходя из марксистского подхода «производительными силами». А их положение рассматривал через борьбу, что также характерно для идей К. Маркса. В то же время сам социально-философский подход И.Х. Озерова к развитию рабочего движения и экономики государства в целом, значительно отличается.

Фундаментальной характеристикой развития государства И.Х. Озеров определял налоговую политику. Именно через нее, по его мнению, определялась эволюция государственности. При этом само государство И.Х. Озеровым понималось, как союз людей, объединенных для удовлетворения коллективных потребностей. Тем самым можно говорить о том, что центральным элементом любой категории для И.Х. Озерова выступает коллектив. Однако важно отметить, что термины «коллектив», «объединение», «общество» хоть и употребляются в его трудах часто, целью он считает не создание отдельных коллективов или объединений, а достижение состояния «союза публичного характера». Абсолютного объединения людей, при котором достигается единая цель в виде национального благосостояния на принципах главенства закона, всеобщности, справедливости и равенства [2]. Налоговая политика, в данном случае, выступает важным инструментом достижения этих общих целей. И именно через ее состояние он и характеризовал положение рабочих, отвечал на вопрос: в чем же причина недоверия рабочих к государства и что стало причиной революции.

Долгий период времени в российском государстве все взаимодействие между государством и обществом основывалось на религиозной традиции и сословном делении. Первоначально в экономической сфере это выражалось в форме наличия податного населения и освобожденных от податей, в дальнейшем это привело к окончательному формированию привилегированного и непривилегированного населения. Четкое разделение, закрепленное в документах, со временем приводило к нарастанию социальных противоречий. Все большее усиление налогового гнета закономерно вызывало в народе недовольство, волнения, бунты и восстания. Однако политика государства строилась на объединении правителей с привилегированным сословием (первоначально, боярства, затем дворянства) в связи с чем меры по улучшению положения другой части населения практически не принимались, а если и принимались, то были незначительны в массе своей.

Самое масштабное событие, характеризующее кардинальное изменение социального устройства государства, заключалось в отмене крепостного права в 1861 года императором Александром II. Предоставление прав крестьянам, равенство всех перед судом, бессословность образования и всеобщая воинская повинность являлись теми шагами, которые приближали государство к состоянию правового. Однако проблема заключалась в том, что распространение социалистических идей, незавершенность реформ Александра II в отношении ограничения собственной власти, установления правового регулирования рабочих, привели к постановке рабочего вопроса в Российской империи.

Основываясь на характеристике налоговой политики, И.Х. Озеров отмечал, что российское государство стоит на низкой ступени эволюции как в социально-экономическом, так и в политико-правовом пла-

не. Проблема заключалась в том, что юридическое отсутствие деления общества на привилегированное и непривилегированное сословия, не означало отмены фактического деления. Изучение нормативных правовых актов того периода позволяет говорить о том, что дворяне, крупные помещики и промышленники по-прежнему оставались в экономически, социально и политически более выгодном положении. Но самой серьезной проблемой являлось то, что крестьяне, став рабочими, не сменили свой социальный и правовой статус. Они оставались по-прежнему податным сословием, вынужденным платить подушную подать, введенную еще Петром I, а уйдя на заводы и фабрики, они становились рабочими, вынужденными терпеть высокие штрафы, ненормированный рабочий день и неприемлемые условия труда. Тем самым рабочие представляли собой группу зависимых крестьян, чья зависимость из личной превратилась в финансовую не только из-за необходимости платить выкупные платежи.

И.Х. Озеровым выходом из данного положения видел развитие образования рабочих. Однако его попытка совместно с известным начальником «охранки» Сергеем Васильевичем Зубатовым (1864–1917) устроить образовательные лекции для рабочих была истолкована как попытка настроить рабочих против действующей власти. В дальнейшем В.И. Ленин обвинял И.Х. Озерова в том, что последний превращает рабочих в инструмент экономической борьбы за лучшие условия жизни, уводя их от достижения политических требований. Однако сам И.Х. Озеров в образованности видел единственный путь, который сможет способствовать скорой индустриализации страны и достижению национального благосостояния.

Важнейшим этапом при этом должно стать достижения компромисса между государством, предпринимателями и рабочими. Фактически И.Х. Озеров предлагал развитие трипартизма, способствующего мягкому и последовательному улучшению положению труда для рабочих, повышения эффективности и прибыли для предпринимателей и увеличения доходов бюджета государства. Однако подобные идеи консервативным обществом приняты не были. В условиях развития монополистического капитализма во главу угла предпринимателями ставилось быстрое индустриальное развитие и достижение прибыли посредством снижения расходов. Со стороны государства данный период характеризовался повышением военных расходов в условиях развития национализма и милитаризма. А со стороны рабочих единственным инструментом достижения собственных целей виделись стачки и забастовки.

Невозможность достижения компромисса может быть объяснена также и мировоззренческими особенностями общества того периода времени. С одной стороны, существовавшая долгие века православная традиция предполагала сохранение и поддержания устоев общественного развития, основанных на патернализме в отношении государя. С другой стороны, вторая половина XIX века характеризуется активным распространением протестантских идей на территории государства. Следование идеям баптизма, например, или старообрядчества свидетельствовала о том, что православная религиозная традиция начала восприниматься резко негативно, но не в контексте самой религии, а в контексте участия института церкви в экономической сфере. По сути с реформы Петра I по созданию Священного Синода церковь превратилась в государеву службу, что со временем начало вызывать негативные ассоциации. В подобных условиях незащищенные ни правовым полем, ни религиозным рабочие представляли собой отщепенцев, вынужденных нести сразу две повинности одновременно. Все попытки обратить внимание на бедственность собственного положения терпели неудачу, в то время как революции в Европе случались все чаще и острее.

И.Х. Озеров писал, что если государство хочет процветания, а промышленники – прибыли, то необходимо учитывать интересы всего общества, в том числе и основных производительных сил. Причиной революции еще за несколько лет до ее начала он называл достижение «налогового утомления» – пика платежеспособности населения, после которого последует только социальный взрыв. Рабочий вопрос для него – это закономерный результат низко эффективной налоговой политики государства. Революция – закономерный итог бездействия в условиях трансформации мирового хозяйства и мировоззренческих оснований нового складываемого общества. Решить рабочий вопрос возможно, избежать революции – тоже, необходимо соблюдение всего лишь изучить опыт других стран: Англии, Германии и США и адаптировать его с целью предотвращения негативных последствий. Он понимал, что это невозможно решить все проблемы одним лишь росчерком пера под приказом о реформе, но начало пути уже даст возможность снизить социальную напряженность. Постепенная адаптация реформ под требования времени, общества и государства поспособствует медленному, но верному переходу к состоянию союза публичного характера. Налогоплательщики станут более ответственными и осознанными, когда поймут, что их налоги возвращаются в виде расходов государства на образование и медицину. Предприниматели поймут свою выгоду от более образованных и эффективных работников, а государство получит увеличение налоговых поступлений в бюджет.

Заключение

Взгляд И.Х. Озерова на понятие «рабочий вопрос» является примером развития отечественной философской и экономической мысли конца XIX – начала XX веков. Он внес значительный вклад не только в понимание положения рабочих, но и представил совершенно иное видение экономики через призму социальной реальности. Исходя из его подхода можно говорить о том, что «рабочий вопрос» – это та степень взаимодействия государства, общества и рабочих, при которой между всеми участниками возникают неразрешимые противоречия. В основе разногласий лежит стремление к господству коллективных интересов отдельной группы в противовес стремлению к объединению для защиты собственных интересов со стороны других групп. Закономерным итогом возникновения рабочего вопроса является социальный взрыв в виде революции. Преодоление противоречий возможно лишь в условиях создания той социальной реальности, которая будет основана на трансформации общества и государства в союз публичного характера – высшую степень социальной интеграции, основанной на доверии, сознательности и заинтересованности всех членов подобного союза в деятельности и достижении национального благосостояния.

Практическая значимость подобного подхода заключается в том, что в понимании связанности людей и необходимости их совместной деятельности, причем не из-за, а благодаря ускорению социально-экономических процессов, может крыться подход к решению проблемы сохранения традиционных ценностей, в том числе созидательного труда. И.Х. Озеров отмечал, что государству и обществу не хватает осознанности и понимания окружающих их богатств. Для этого необходимо развивать образовательную сферу. На сегодняшний день доступность образования, цифровизация процессов, обеспечивающая доступ к любому типу информации, бесспорна. Важным остается развитие осознанности населения, что представляется по-прежнему значимой функцией образовательной сферы. Обеспечение реализации данной функции при включении категории «труда» представляется важным инструментом преодоления социальных противоречий и возникновения и обострения рабочего вопроса.

Литература

1. Васильева, Н.А. Эгоцентризм брачных объявлений (на материале немецкого языка) / Н.А. Васильева // Гуманитарный научный вестник. – 2021. – № 8. – С. 146–152. – URL: http://naukavestnik.ru/doc/2021/08/Vasileva.pdf (дата обращения: 30.08.2026).

2. Горбань, А.А. Понятие государства в трудах И.Х. Озерова: социофилософский анализ / А.А. Горбань // Философская мысль. – 2025. – № 10. – С. 20–32. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.10.76139. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76139 (дата обращения: 30.08.2026).

3. Золхоева М.В., Рандалова О.Ю. Антропоцентризм и экологические проблемы современности / М.В. Золхоева, О.Ю. Рандалова // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. –2025. – Выпуск 1. – С. 3–11. – DOI 10.18101/1994–0866–2025–1–3–11.

4. Макаров, М.В., Сенченков, Н.П. Созидательный труд в системе воспитания: педагогические традиции и современные ориентиры / М.В. Макаров, Н.П. Сенченков // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2025. – № 6 (129). – С. 168–177. – https://doi.org/10.23859/1994–0637–2025–6–129–14.

5. Митягина, Е.В. Границы понятия «Рабочие» / Е.В. Митягина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2013. – № 2 (1). – С. 339–343.

6. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 (ред. от 04.03.2026): текст с изм. и доп. // Официальный сайт Президента Российской Федерации. – URL: kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 30.08.2026).

7. Озеров, И.Х. Политика по рабочему вопросу в России за последние годы: (По неизданным документам) / И.Х. Озеров. – Москва: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1906. – 322 с.

8. Плавт, Тит Макций. Ослы / Плавт; пер. с лат. А. Артюшкова // Античная комедия / сост. Т.А. Мирошниченко. – Ростов-на-Дону; Москва: Феникс: Зевс, 1997. – С. 287–350.

9. Рожкова, Л.В. Отношение к труду и трудовые установки молодежи в современных условиях / Л.В. Рожкова, А.Ш. Дубина, В.П. Во-

робьев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2023. – № 2. – С. 116–126. – DOI: 10.21685/2072-3016-2023-2-11

10. Шамсудинов, Р.А. Понятие труда с точки зрения философии / Р.А. Шамсудинов // Молодой ученый. – 2024. – № 22 (521). – С. 625–628. – URL: https://moluch.ru/archive/521/115026 (дата обращения: 30.08.2026).

THE SOCIO-CULTURAL FOUNDATIONS OF TAX CULTURE IN THE SPHERE OF PRODUCTION IN THE WORKS OF I. KH. OZEROV (1869–1942)

Gorban A.A.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to a socio-philosophical analysis of the approach of the pre-revolutionary and Soviet economist and financier I. Kh. Ozerov to defining the role and place of the labour question in shaping the tax culture of the Russian Empire in the late 19th – early 20th centuries. The author proceeds from the premise that I. Kh. Ozerov viewed the labour question as a complex phenomenon, primarily from a worldview perspective, in the context of the emergence of a new type of rationality. The study revealed that the interconnectedness of people in the context of changing forms of economic activity implies the formalization of activities through the creation of associations. The evolutionary peak of unification is a public union based on the absolute unity of the population and the state. Under such conditions, the emergence of social conflicts is impossible; certain issues, including the "workers' question," do not arise a priori. Based on the study, it has been concluded that the workers' question in the works of I. Kh. Ozerov reflects social reality.

Keywords: I. Kh. Ozerov, labor issue, labor, tax culture, a union of a public nature, individualism.

References

1. Vasilyeva, N.A. Egocentrism in marriage advertisements (based on the German language) / N.A. Vasilyeva // Humanitarian Scientific Bulletin. – 2021. – No. 8. – Pp. 146–152. – URL: http://naukavestnik.ru/doc/2021/08/Vasileva.pdf (accessed: 30.08.2026).

2. Gorban, A.A. The concept of the state in the works of I. Kh. Ozerov: a socio-philosophical analysis / A.A. Gorban // Philosophical Thought. – 2025. – No. 10. – Pp. 20–32. DOI: 10.25136/2409-8728.2025.10.76139. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76139 (accessed: 30.08.2026).

3. Zolkhoeva M.V., Randalova O. Yu. Anthropocentrism and environmental problems of modern times / M.V. Zolkhoeva, O. Yu. Randalova // Bulletin of the Buryat State University. Philosophy. –2025. – Issue 1. – Pp. 3–11. – DOI 10.18101/1994–0866–2025–1–3–11.

4. Makarov, M.V., Senchenkov, N.P. Creative Labour in the Education System: Pedagogical Traditions and Modern Guidelines / M.V. Makarov, N.P. Senchenkov // Bulletin of the Cherepovets State University. – 2025. – No. 6 (129). – Pp. 168–177. – https://doi.org/10.23859/1994–0637–2025–6–129–14.

5. Mityagina, E.V. The Boundaries of the Concept of "Workers" / E.V. Mityagina // Bulletin of the N.I. Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. – 2013. – No. 2 (1). – Pp. 339–343.

6. On the Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values: Decree of the President of the Russian Federation dated November 9, 2022, No. 809 (as amended on March 4, 2026): text with amendments and additions // Official website of the President of the Russian Federation. – URL: kremlin.ru/acts/bank/48502 (accessed: 30.08.2026).

7. Ozerov, I. Kh. Policy on the Workers' Question in Russia in Recent Years: (Based on Unpublished Documents) / I. Kh. Ozerov. – Moscow: Printing House of the Partnership of I.D. Sytin, 1906. – 322 p.

8. Plautus, Titus Maccius. Donkeys / Plautus; translated from Latin by A. Artyushkov // Ancient Comedy / compiled by T.A. Miroshnichenko. – Rostov-on-Don; Moscow: Phoenix: Zevs, 1997. – Pp. 287–350.

9. Rozhkova, L.V. Attitude to work and work attitudes of young people in modern conditions / L.V. Rozhkova, A. Sh. Dubina, V.P. Vorobyov // Proceedings of Higher Educational Institutions. Volga Region. Social Sciences. – 2023. – No. 2. – Pp. 116–126. – DOI: 10.21685/2072-3016-2023-2-11

10. Shamsudinov, R.A. The concept of labor from the perspective of philosophy / R.A. Shamsudinov // Young Scientist. – 2024. – No. 22 (521). – Pp. 625–628. – URL: https://moluch.ru/archive/521/115026 (accessed: 30.08.2026).

Современная цифровая адаптация туристической индустрии

Дашкова Елена Валерьевна,
д.ф.н., доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; главный специалист административного отдела Института управления
E-mail: dashkova-ev@ranepa.ru

Ивушкина Елена Борисовна,
д.ф.н., профессор, заведующий кафедрой «Информатика», Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области
E-mail: ivushkina62@mail.ru

Морозова Нелли Игоревна;
к.ф.н., доцент кафедры «Информатика», Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Донской государственный технический университет» в г. Шахты Ростовской области
E-mail: morozova-nelli-86@yandex.ru

Путешествия были и остаются одним из основных средств досуга. Внутреннее желание человека познать что-то новое даже в рамках своей собственной страны позволяет отрасли существовать и развиваться в сложном и технологичном современном мире. Туризм, как и любая современная сфера деятельности и бизнеса, подвержен постоянным изменениям, что ведет к своевременному внедрению новых технологий и поиску значимых путей для развития отрасли.
Туризм в Российской Федерации является крайне важной и значимой частью экономики. Существующие на текущий момент времени методы интерпретации, внедрения и анализа в рамках туристической индустрии хоть и отвечают мировым стандартам, но при этом нуждаются в дополнении и корректировке в соответствии с национальными задачами, которые были поставлены в рамках текущих действующих документов.
Развитие информационно-коммуникационных технологий и тренд на цифровизацию государственного управления не могли не затронуть сферу туризма. Цифровые платформы обеспечивают мониторинг в реальном времени, прозрачность показателей и инструменты для вовлечения стейкхолдеров.

Ключевые слова: туризм, цифровизация, устойчивое развитие.

Введение

Информационные технологии затрагивают большое количество областей знания, так как являются связующим звеном научного прогресса. Информационные технологии как область деятельности образуют вокруг себя совокупность данных, которые интерпретируются как ИТ-область деятельности.

Мировые темпы цифровизации находятся на своем историческом максимуме, что делает возможным развитие цифровых технологий в любой выбранной отрасли экономики. Туризм, как одно из приоритетных направлений развития так же подвержен изменениям, которые несет за собой цифровизация. Цифровые технологии как средство реализация стратегии развития туризма до 2035 года является не просто приоритетным направлением, оно закладывает основы для будущего развития отрасли в уже совершенно новых технологических реалиях.

Материалы и методы

В ходе исследования использовался комплекс научных методов, включая анализ и синтез, системный и сравнительный подходы, контент-анализ научных публикаций и нормативных документов, статистический анализ и кейс-стади. Такой методологический инструментарий позволил всесторонне рассмотреть особенности и тенденции устойчивого развития туризма в плане цифровизации, выявить ключевые проблемы и сформулировать практические рекомендации.

Обсуждение

«Туризм стимулирует рост разнообразных смежных отраслей, прежде всего, в региональной экономике, поскольку с увеличением туристского потока возрастают потребности в смежных видах экономической деятельности» [5, С. 55.]

Информационные технологии крайне широко используются и в современной туристской отрасли. Покупку авиа– или ж/д билетов сейчас сложно представить без использования компьютера или смартфона. Агрегаторы, аналитические приложения, путеводители, электронные карты – все это создает для потребителя крайне комфортную среду для путешествий [2].

«Современный этап мировой истории характеризуется интенсивным развитием глобального цифрового пространства. Краткая характеристика состояния представленной области исследований указывает на то, что мировое сообщество посредством процессов глобализации, широкого внедрения цифровых и информационно-коммуникационных технологий во все сферы жизнедеятельности человечества входит в цифровую эпоху. Её воздействие уже сегодня изменяет информационно-коммуникационную реальность, базисные особенности и закономерности экономики, социума и культуры» [1, С. 5].

Использование чат-ботов становится обыденностью. Mindsay – как пример автоматизации процесса [3]. Эта система соотносится с 30 различными платформами, где коммуникации происходят на 110 языках [4].

Системы онлайн бронирования являются крайне распространенным и эффективным инструментом, которым пользуются туристы. Технический прогресс и удобство использования стали основными двигателями развития данной информационной технологии. Взаимодействие туристических компаний с информационными системами бронирования создает возможности для развития и повышения эффективности их деятельности.

Выделяют основные подходы к внедрению систем онлайн бронирования: покупка соответствующего программного обеспечения; аренда программного обеспечения; разработка собственной системы [7].

Туристическая отрасль подвержена сильному влиянию других отраслей экономики и науки. Она неразрывно связана с экономической и геополитической ситуациями в мире, курсами валют и ценой на драгоценные металлы, средней зарплатой в регионе и финансовым благополучием всей страны. Все эти факторы влияют на туризм напрямую, таким образом можно сделать вывод что туристическое предприятие подвержено примерно тем же цифровым изменениям и цифровой трансформации, как и большинство других сфер экономики.

Цифровизацию можно разделить на две основные группы: внешняя и внутренняя.

К внешней цифровизации относят: онлайн коммуникации с потребителями; удаленные формы работы; поисковые платформы; чат-боты; искусственный интеллект; интеграция с другими цифровыми инструментами; системы ГИС; мобильные приложения.

К внутренней цифровизации относят: автоматизация процессов внутри компании (бухгалтерский учет, регистрация пользователей, анализ текущего финансового положения и т.д.); сбор и анализ больших данных для стратегического планирования; инструменты искусственного интеллекта; облачные сервисы; электронный документооборот; платформы для видеоконференций и корпоративной работы; системы ГИС; мобильные приложения.

Одним из основных понятий в рамках развития туризма и цифровых технологий являются информационно-коммуникационные технологии (ИКТ). [7].

Электронный туризм так же играет немалую роль в развитии отрасли. Это быстроразвивающийся сектор, который привлекает все больше внимания инвесторов и научных деятелей.

Геоинформационные технологии активно используются в туристской деятельности. Использование данных технологий обеспечивает точность и своевременность достижения конечной точки в рамках туристской дестинации. Общий вид ГИС можно обозначить как систему, которая обладает доступом к большому количеству не только баз данных, но и графическим интерфейсам, предоставляет пользователю географическую информацию о местоположении, а также о географических данных объектов туристского интереса и показа, местоположение гостиниц, отелей, природных заповедников и парков, а также больниц, пунктов полиции и питания. Она является важной частью работы геоинформационных систем. Среди туристов на данный момент крайне популярны специализированные путеводители по объектам туристского показа, которые используются повсеместно.

Два документа регулируют развитие туристской отрасли в нашей стране: Распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2019 г. № 2129-р «Об утверждении Стратегия развития туризма в России на период до 2035 года» и Национальный проект «Туризм и гостеприимство» [8]. В них определены основные цели, которые стоят перед управленцами в данной отрасли и задают вектора развития.

Основная цель Стратегии развития туризма в России до 2035 года направлена на комплексное развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации за счет создания условий для формирования и продвижения качественного и конкурентоспособного туристского продукта на внутреннем и международном туристских рынках, усиление социальной роли туризма и обеспечение доступности туристских услуг, отдыха и оздоровления для граждан Российской Федерации [8].

Отдельным пунктом в рамках Стратегии стоит внедрение цифровых технологий в туристическую отрасль. Стратегия выделяет следующие ключевые аспекты цифровизации: цифровизация формирует предпосылки для увеличения прибыли в отрасли; перевод всех государственных услуг в электронную форму; отчетность для участников рынка в электронной форме; создание условий для формирования туристской экосистемы, объединяющей всех участников рынка на онлайн-платформе для формирования лучшего клиентского опыта; внедрение и развитие сервисов на иностранных языках; создание и развитие сервисов дополненной реальности для навигации по городам и объектам показа; внедрение и развитие технологий больших данных и искусственного интеллекта для сбора и анализа этих данных.

В документе уделяется достаточно много внимания важности создания разнообразных и многофункциональных приложений для более удобной интеграции пользователя в туристскую сферу. Разработка приложений в сфере туризма является одним из ключевых факторов развития отрасли в рамках Стратегии [8].

Национальный проект «Туризм и гостеприимство» так же выделяет туристскую отрасль как одну из основных и крайне значимых в экономическом плане. Основной целью проекта является увеличение числа туристических поездок по России и повышение роли туристской отрасли в экономике страны.

Туристическую привлекательность страны национальный проект предлагает повышать в том числе благодаря использованию цифровых технологий. По данным национального проекта флагманский туристический портал – Путешествуем.РФ уже имеет на своей базе более 300 идей для путешествий.

Таким образом, оба стратегических документа акцентируют внимание на комплексном и многопрофильном развитии туристской сферы, подчеркивая приоритет внедрения цифровых технологий, а также необходимости формирования квалифицированных кадров для данной сферы. Стратегия развития туризма до 2035 года выступает как документ, определяющий концептуальный и стратегический уровень государственной туристской политики, а национальный проект «Туризм и гостеприимство» как операционно-проектный документ с конкретными целями, показателями и мерами финансово-институциональной поддержки на период до 2030 года.

Для развития туристской индустрии в Российской Федерации требуются не только национальные проекты и планы правительства, но и анализ развития и внедрения цифровых технологий в туризм в других странах. Такой анализ позволит нам избежать ошибок, которые допустили другие, а также выделить для себя интересные идеи и пути решения проблем, которые уже были опробованы.

Цифровизация сферы туризма берет свое начало в конце XX века.

Основными поставщиками услуг электронного управления в сфере информационных туристских технологий являются следующие компании: Sabre (Саутлейк, США, 1960), Amadeus (Мадрид, Испания, 1987), Galileo (Атланта, США, 1987), Fidelio (Мюнхен, Германия, 1992), Travelspot (Лэнгли, Великобритания, 2008).

В настоящее время одной из новых тенденций в мировом туристическом секторе является широкое внедрение онлайн-технологий, что указывает на то, что эволюция туризма развивается в цифровой среде. Процесс цифровизации действительно охватил и туристическую индустрию [17]. За последние 20 лет разработка программного обеспечения перешла от структурированного программирования к объектно-ориентированному программированию и теперь движется в сторону развития параллелизма [10].

Индустрия туризма претерпела глубокую цифровую трансформацию, используя цифровые технологии, такие как онлайн-платформы, передовую аналитику, интеллектуальные приложения и технологии виртуальной реальности, для революционного изменения устоявшихся норм и стимулирования роста.

Сельские районы во Франции, Испании, Китае и США, где сельский туризм более развит, также подверглись цифровой трансформации. С одной стороны, цифровая трансформация расширила возможности сельских жителей на личностном, политическом и социальном уровнях [14]. С другой стороны, может собираться информация о цифровом следе туристов, отражающем пространственные характеристики и модели развития потоков сельского туризма [20]. В то же время в цифровом развитии сельского туризма цифровые информационные платформы [15] и цифровые проживания в семье [13] получили быстрое развитие и стали более важными научными направлениями. Кроме того, развитие внимания ученых привлекли инновационные предпринимательские модели сельского туризма [18] и совместные инновации [11]. Подведение итогов мероприятий по цифровому развитию сельского туризма в различных странах поможет прояснить текущее состояние цифровизации туризма, а также поможет провести дальнейшие исследования [12].

В рамках этих стратегий основными типами данных в туризме являются: инвентаризация; программы лояльности; бронирование билетов, гостиниц и т.д.; ID пользователя; веб-аналитика; данные поисковых систем; отзывы туристов.

Основными направлениями, которые рассматриваются в рамках международного опыта являются следующие схемы внедрения цифровых платформ в туризме: B2C (Business-to-Consumer), например, Booking.com, Airbnb, TripAdvisor; B2B (Business-to-Business), например, Amadeus, Sabre, Travelport; B2B2C (Business-to-Business-to-Consumer), например, Expedia Partner Solutions, Hotelbeds [6].

Впервые цифровая платформа в рамках туристской индустрии была создана в Буэнос-Айресе, Аргентина. Отслеживание поведения туристов, анализ продуктов и стандартов качества отрасли были основными функциями данной платформы. Анализ больших данных, полученных в рамках деятельности платформы позволил сделать первые выводы о влиянии информационных технологий по отношению к туристским исследованиям.

Россия также активно внедряет цифровые платформы в рамках национального проекта и стратегии развития: Путешествуем.рф; Russpass; Островок; Яндекс Путешествия; Суточно.ру; МТС Трэвел и др.

Большая часть исследований и нововведений в сфере туризма в рамках анализа иностранного опыта сосредоточена на внедрении искусственного интеллекта в данную сферу. Компании в туристской индустрии используют инструменты искусственного интеллекта для сокращения затрат, ускорения процессов, оптимизации услуг и улучшения общего пользовательского опыта [9]. Авиакомпании и туристические компании теперь заменяют консультантов-людей виртуальными агентами для более эффективного обслуживания. Boston Consulting Group (BCG) и KLM Royal Dutch Airlines (KLM) запустили решение на основе искусственного интеллекта, которое помогает авиакомпаниям стимулировать рост, ускорять инновации и оптимизировать операции для соответствия текущим стандартам качества и гостеприимства. Многие компании внедрили ИИ для анализа настроений в социальных

сетях и используют ИИ для сегментации потребителей и персонализации услуг [19].

Устойчивое развитие так же является одной из основополагающих тем в иностранных исследованиях. По этой причине для анализа проблемы содействия устойчивости туризма посредством цифровизации необходим целостный подход. Этот целостный подход можно назвать «циклом TAAS (Tourism as a Service)». Подход «Цикл TAAS (Tourism as a Service)» представляет собой опыт всей поездки: от воображения поездки до ее планирования во время визита и, наконец, до обмена впечатлениями от поездки [16].

Выводы

Проанализированные данные позволяют сделать вывод о высокой научной проработанности и технологической значимости цифровизации туризма. Нами обоснована значимость цифровизации как в рамках реализации Стратегии развития туризма до 2035 года, так и в реализации Национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства».

Цифровая технология является значимой частью современного мира, история развития данного направления позволяет сделать вывод о высокой заинтересованности и перспективности дальнейшего развития в рамках цифровизации. Анализ международного опыта цифровизации так же выделяет цифровые технологии как один из основных драйверов развития туризма.

Проведенный теоретический анализ подтверждает наличие научной обоснованности темы, создает качественный базис для дальнейшего исследования.

Литература

1. Алиева Н.З., Ивушкина Е.Б., Морозова Н.И. Глобальное цифровое пространство: методология проектирования безопасности человека и социума. Новочеркасск, 2019. – 112 с.

2. Ветитнев, А.М. Информационные технологии в туристской индустрии: учебник для вузов / А.М. Ветитнев, В.В. Коваленко, В.В. Коваленко. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2025. – 340 с. – (Высшее образование). – Текст: непосредственный.

3. Григорьева Н.С. Повышение конкурентоспособности предприятий гостиничного бизнеса Ростовской области // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2020. – № 1. – С. 115–120.

4. Григорьева Н.С., Колычева Ж.Я. Необходимость повышения конкурентоспособности вуза на современном этапе развития экономики // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2018. – № 8 (99). – С. 7–9.

5. Ивушкина Е.Б., Кушнир И.Б., Дегтярёва Т.В., Самоделов А.Н.К вопросу о поиске новых форм и способов вовлечения субъектов туристской отрасли в процесс развития внутреннего туризма // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2016. № 4. С. 55–60.

6. Копырин А.С. Мировой опыт внедрения цифровых платформ в туристской индустрии // ЕГИ. 2023. № 2 (46). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mirovoy-opyt-vnedreniya-tsifrovyh-platform-v-turistskoy-industrii (дата обращения: 20.09.2026).

7. Никулина Ю.Н. Информационные технологии как инструмент повышения эффективности деятельности организаций индустрии туризма // Экономика, предпринимательство и право. – 2023. – Том 13. – № 7. – С. 2369–2384.

8. Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года утверждена распоряжением от 20 сентября 2019 г. № 2129-р [электронный ресурс]: Министерство экономического развития Российской Федерации: официальный сайт. Режим доступа https://www.economy.gov.ru/material/file/download/fb8a4b084460e064e787d6f199dba82e/strategiya_razvitiya_turizma.pdf, свободный(дата обращения: 09.09.2026).

9. Aliyah L, Pangilinan G, Chakim M, Saputra DB (2023) Examining the Impact of Artificial Intelligence and Internet of Things on Smart Tourism Destinations: A comprehensive Study. Aptisi Transactions on Technopreneurship (ATT) 5(2sp): 12–22.

10. Baggio, R. Digital ecosystems, complexity, and tourism networks. // In: Xiang Z, Fuchs M, Gretzel U, Höpken W (Editors). Handbook of e-tourism. Springer, Cham, 2022. – P. 1–20.

12. Dzeraviaha, I. Analysis of international experience in rural tourism digitalization / I. Dzeraviaha, Qi. Fu //, 2024. – P. 437–442. – EDN LYWOYW.

13. Krol K, Hernik J. Digital folklore of rural tourism in poland. SUSTAINABILITY. – 2022. – 14(3).

14. Lapuz M.C.M. The role of local community empowerment in the digital transformation of rural tourism development in the Philippines. TECHNOLOGY IN SOCIETY. – 2023. – 74 p.

15. Maquera G., da Costa B.B.F, Mendoza O. Intelligent digital platform for community-based rural tourism-a novel concept development in peru. SUSTAINABILITY. – 2022. – 14 (13).

16. Myrovali, G. Sustainable Tourism Through Digitalization and Smart Solutions / G. Myrovali, G. Tzanis, M. Morfoulaki // Sustainability. – 2025. – Vol. 17, No. 12. – P. 5383. – DOI 10.3390/su17125383. – EDN WHMMIE.

17. Shilibekova, B.S. International practice in applying elements of tourism digital ecosystems / B.S. Shilibekova, R.V. Plokhikh // Вестник Торайгыров университета. Экономическая серия. – 2024. – No. 2. – P. 397–409. – DOI 10.48081/JXJI6695. – EDN GSDNVK

18. Tang G.N., Ren F., Zhou J. Does the digital economy promote «innovation and entrepreneurship» in rural tourism in China? FRONTIERS IN PSYCHOLOGY. – 2022. – 13.

19. Teemu, M. Navigating New Horizons – How AI Will Transform the Tourism Industry / M. Teemu // Global Journal of Tourism, Leisure and Hospitality Management. – 2024. – Vol. 1, No. 4. – DOI 10.19080/gjtlh.2024.01.555570. – EDN ZOMFOK.

20. Qin X., Li X., Chen W. Tourists' digital footprint: the spatial patterns and development models of rural tourism flows network in Guilin, China. ASIA PACIFIC JOURNAL OF TOURISM RESEARCH. – 2022. – 27 (12). – P. 1336–1354.

MODERN DIGITAL ADAPTATION OF THE TOURISM INDUSTRY

Dashkova E.V., Ivushkina E.B., Morozova N.I.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Institute of Service and Business (branch) Federal State Budget Educational Institution of Higher Education «Don State Technical University» in Shakhty town

Travel has been and remains one of the main forms of leisure. A person's inner desire to learn something new, even within their own country, allows the industry to exist and develop in the complex and technologically advanced modern world. Tourism, like any modern field of activity and business, is subject to constant change, which leads to the timely introduction of new technologies and the search for significant ways to develop the industry. Tourism in the Russian Federation is an extremely important and significant part of the economy. The current methods of interpretation, implementation, and analysis within the tourism industry, while meeting global standards, still require supplementation and adjustment in accordance with the national objectives set out in the current existing documents.

Keywords: tourism, digitalization, sustainable development.

References

1. Alieva N.Z., Ivushkina E.B., Morozova N.I. Global Digital Space: Methodology for Designing Human and Societal Security. Novocherkassk, 2019. – 112 p.

2. Vetitnev, A.M. Information Technologies in the Tourism Industry: a textbook for universities / A.M. Vetitnev, V.V. Kovalenko, V.V. Kovalenko. – 2nd ed., revised and expanded. – Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. – 340 p. – (Higher Education). – Text: direct.

3. Grigorieva N.S. Improving the competitiveness of hotel businesses in the Rostov Region // State and Municipal Administration. Scientific Notes. – 2020. – No. 1. – Pp. 115–120.

4. Grigorieva N.S., Kolycheva Zh.Ya. The Need to Increase the Competitiveness of a University at the Current Stage of Economic Development // Science and Education: Economy and Management; Entrepreneurship; Law and Administration. – 2018. – No. 8 (99). – Pp. 7–9.

5. Ivushkina E.B., Kushnir I.B., Degtyareva T.V., Samodelov A.N. On the issue of finding new forms and methods of involving entities in the tourism industry in the process of developing domestic tourism // Economic and Humanitarian Studies of the Regions. 2016. No. 4. Pp. 55–60.

6. Kopyrin A.S. Global experience in implementing digital platforms in the tourism industry // EGI. 2023. No. 2 (46). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mirovoy-opyt-vnedreniya-tsifrovyh-platform-v-turistskoy-industrii (accessed: 20.09.2026).

7. Nikulina Yu.N. Information technologies as a tool for improving the efficiency of tourism industry organizations // Economics, Entrepreneurship and Law. – 2023. – Vol. 13. – No. 7. – Pp. 2369–2384.

8. The tourism development strategy for the Russian Federation until 2035 was approved by Order No. 2129-r dated September 20, 2019 [electronic resource]: Ministry of Economic Development of the Russian Federation: official website. Access mode: https://www.economy.gov.ru/material/file/download/fb8a4b084460e064e787d6f199dba82e/strategiya_razvitiya_turizma.pdf, free (accessed: 09.09.2026).

9. Aliyah L, Pangilinan G, Chakim M, Saputra DB (2023) Examining the Impact of Artificial Intelligence and Internet of Things on Smart Tourism Destinations: A comprehensive Study. Aptisi Transactions on Technopreneurship (ATT) 5(2sp): 12–22.

10. Baggio, R. Digital ecosystems, complexity, and tourism networks. // In: Xiang Z, Fuchs M, Gretzel U, Höpken W (Editors). Handbook of e-tourism. Springer, Cham, 2022. – P. 1–20.

12. Dzeraviaha, I. Analysis of international experience in rural tourism digitalization / I. Dzeraviaha, Qi. Fu //, 2024. – P. 437–442. – EDN LYWOYW.

13. Krol K, Hernik J. Digital folklore of rural tourism in poland. SUSTAINABILITY. – 2022. – 14(3).

14. Lapuz M.C.M. The role of local community empowerment in the digital transformation of rural tourism development in the Philippines. TECHNOLOGY IN SOCIETY. – 2023. – 74 p.

15. Maquera G., da Costa B.B.F, Mendoza O. Intelligent digital platform for community-based rural tourism-a novel concept development in peru. SUSTAINABILITY. – 2022. – 14 (13).

16. Myrovali, G. Sustainable Tourism Through Digitalization and Smart Solutions / G. Myrovali, G. Tzanis, M. Morfoulaki // Sustainability. – 2025. – Vol. 17, No. 12. – P. 5383. – DOI 10.3390/su17125383. – EDN WHMMIE.

17. Shilibekova, B.S. International practice in applying elements of tourism digital ecosystems / B.S. Shilibekova, R.V. Plokhikh // Вестник Торайгыров университета. Экономическая серия. – 2024. – No. 2. – P. 397–409. – DOI 10.48081/JXJI6695. – EDN GSDNVK.

18. Tang G.N., Ren F., Zhou J. Does the digital economy promote «innovation and entrepreneurship» in rural tourism in China? FRONTIERS IN PSYCHOLOGY. – 2022. – 13.

19. Teemu, M. Navigating New Horizons – How AI Will Transform the Tourism Industry / M. Teemu // Global Journal of Tourism, Leisure and Hospitality Management. – 2024. – Vol. 1, No. 4. – DOI 10.19080/gjtlh.2024.01.555570. – EDN ZOMFOK.

20. Qin X., Li X., Chen W. Tourists' digital footprint: the spatial patterns and development models of rural tourism flows network in Guilin, China. ASIA PACIFIC JOURNAL OF TOURISM RESEARCH. – 2022. – 27 (12). – P. 1336–1354.

Горбань Анастасия Аркадьевна,
кандидат философских наук, старший преподаватель,
кафедра гуманитарных наук, Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации
E-mail: AAGorban@fa.ru

В статье рассматривается понимание категории «творчество» и ее применимость в экономической сфере. Раскрывается специфика философских подходов к определению творчества, соотношение творчества с категориями, наиболее характерными для экономической теории. Выделяются основные подходы к определению сущности и природы творчества, а также соотнесения творчества и экономики через призму основных подходов, начиная с философии хозяйства С.Н. Булгакова и заканчивая современными подходам к построению модели творческого человека. По результатам исследования сделан вывод о том, что рассмотрение категории «творчество» в экономике и на сегодняшний день представляется затруднительным. В качестве синонимов творчества в экономике используются категории «креативность» и «инновации», что ограничивает раскрытие феномена творчества в экономической теории. Изучение генезиса категории творчества по-прежнему остается в рамках теоретических дискуссий философии, психологии и социологии. Синтез творчества и экономики на текущий момент представляется сложным в виду особенностей природы обоих понятий.

Ключевые слова: творчество, креативность, экономика, философия хозяйства, прагматизм, творческий человек

Долгий период времени категория «творчество» оставалась в ведении философии, психологии и культурологии. Нематериальное начало, отражение внутреннего мира человека – это творчество предполагало под собой. Изучение генезиса понятия «творчество», рассмотрение подходов к его определению, а также соотнесение понятий «творчество» и «креативность» является предметом теоретических дискуссий и сегодня. Однако в условиях геополитической турбулентности на первый план выходят проблемы поиска новых форм организации хозяйственной деятельности и объединений. Решение подобных задач привело к тому, что современный мир требует не просто создания новых продуктов, а создания новых смыслов и ценностей. И творчество становится также предметом изучения экономической теории. Долгое время подобная категория не рассматривалась, так как считалась не поддающейся количественной оценке категорией. Со временем неким выражением творчества в экономике стало понятие инновации. Однако, в 2020 году Генеральная ассамблея ООН официально закрепила 21 апреля как Всемирный день творчества и инновационной деятельности. По сути тем самым проводя разграничение между пониманием творчества и инновациями. Тем не менее это не привело к повышению интереса для рассмотрения данной категории теоретически. До сих пор границы между творчеством и инновациями размыты, креативность как еще один из синонимов творчества сегодня также не определен. Более того сами метрики влияния творчества или креативности на экономические показатели остаются фрагментарными.

Цель исследования – анализ подходов к пониманию творчества и соотнесение творчества с экономикой. В рамках исследования важным видится начать рассмотрение с периода развития русской религиозной философии, для которой характерно рассмотрение не только самой категории «творчество», но и попытка объяснить экономику. Одним из немаловажных моментов является понимание отличия категорий «творчество» и «креативность» в условиях повсеместного использования последней и определения возможности применения обеих категорий для экономической теории.

Методология исследования включает в себя историко-генетический метод, который представляется важным для понимания трансформации понимания слово творчества и рассмотрения всех синонимов, которые используются на сегодняшний день для его определения. Социально-философский анализ, который позволяет рассмотреть сложные социальные явления через призму категорий «творчество» и «творческий потенциал» в условиях смены парадигм.

Важность рассмотрения обозначенных категорий, начиная с XIX века обусловлена тем, что в тот период общество как и мир также находились на пороге поиска новых смыслов. В этом усматривалась возможность переосмысления старых категорий и определения новых для решения задач социально-экономического и политического развития, а также преодоления системного кризиса старого уклада.

Конец XIX века характеризуется активным развитием русской религиозной философии. Переход к антропологической проблематике приводит к необходимости осмысления не только понимания, что собой представляет человек, но также к важности рассмотрения окружающей его действительности. Рассмотрение подобной проблематики происходит через призму наличия или отсутствия божественного начала и приложения подобной связи ко всем сферам жизни общества. Наиболее явно это проявляется в контексте экономике. Это может быть объяснено несколькими обстоятельствами: во-первых, ускорение индустриального развития стран поставило перед обществом вопрос взаимодействия человека и природы. Высокая степень урбанизации и миграции населения приводила к необходимости решать проблемы не только экономического, но и социально-политического характера. Вторым обстоятельством предстает нарастание национализма, который приводит к революциям и борьбе за независимость отдельных народов и стран в эпоху колониализма. Третьим обстоятельством становится связанный с предыдущими двумя милитаризм. Милитаристский характер экономики ведущих стран мира, с одной стороны, был вызван ускорением производства и прогрессом, с другой стороны, самим милитаризмом. Понимание ограниченности ресурсов, социальная напряженность, стремление к гегемонии – все это являло собой замкнутый круг, который приводил к необходимости поиска новых способов решения насущных проблем.

В этот период человек рассматривается не с позиции пассивного участника предопределенного процесса, что характерно для провиденциализма, а как активный субъект, который может влиять на происходящие явления и процессы. Те категории, которые раньше приписывались только божественному началу, начали приобретать антропологические характеристики. Одной из таких категорий выступает «творчество». Долгий период времени в российской теоретической традиции данная категория рассматривалась исключительно в религиозном контексте. Например, М. Горький вообще относил его к церковным словам и считал, что его необходимо заменить словом «работа», при этом отмечая, что сочинять тексты это трудная, кропотливая работа, а не творчество. Однако сам термин «творчество», часто используемый представителями творческой среды, определен не был. Более того, если исходить из истории употребления, то в словаре церковнославянского и русского языка 1847 года его и вовсе не было [6]. Здесь можно говорить о том, что категория «творчество» использовалась для того, чтобы обратить внимание на некий «божий промысел», дарующий писателям, художникам, композиторам и т.п. возможность выражения своей души.

Сложность восприятия творчества не как божественной категории объяснима мировоззренческими особенностями российского общества. Несмотря на распространение протестантистских идей, либеральные реформы Александра II, прогресс и индустриализацию, многие века православная традиция была основой общества, а в первой половине XIX века представляла собой часть идеологии: «Православие, самодержавие, народность». В то же время «образ и подобие Творца не может не быть творцом» [3, с. 340]. Подобный подход известного русского философа Николая Александровича Бердяева (1874–1948) отвечает идеи понимания природы человека и ее творческого начала.

Между тем в стороне стоял вопрос соотношения творчества, которое определялось как некое нематериальное начало, и вполне материальной сферы жизни общества – экономики. С одной стороны, это объясняется уже упомянутой мировоззренческой традицией. С другой стороны, низким уровнем теоретического развития науки. Тесное взаимодействие с немецкими профессорами учеными приводило к тому, что в сфере образования распространялось два направления: классическая политическая экономия и немецкая историческая школа. Это приводило к тому, что в образовательной и научной среде, по сути, доминировало лишь два взгляда, причем немецкая историческая школа представляла собой критику классической политической экономии. Сложность становления собственной отечественной традиции в первой половине XIX века обуславливалась жесткой цензурой, а самой известной формой осмысления и выражения реальности выступало искусство. Со второй половины XIX века в условиях либерализации общества происходило нарастание революционных настроений, которые основывались на стремлении переформатировать общество. Распространение социалистических идей задавали тон в понимании экономических процессов, а также социально-политического устройства общества и государства. Тем не менее отдельные категории и их взаимосвязь все еще не были теоретически определены.

Отдельным препятствием на пути рассмотрения творчества в экономической сфере выступало то, что экономика в принципе не рассматривалась отдельно от государственного хозяйства. Подобный подход вполне характерен для государства, в котором даже государственная казна долгий период времени воспринималась как личный «кошелек» государя. Тем самым происходило отождествление отношения к экономике как и к государю. В условиях патернализма пиетет не допускал идеи о подробном анализе связанных с этим категорий.

Одной из первых форм целостного, мировоззренческого подхода, которая обеспечила выход экономики за пределы ограниченности познания можно считать философию хозяйства Сергея Николаевича Булгакова (1871–1944). «Хозяйство как жизнь, жизнь как хозяйство – так была озвучена основная проблема философии хозяйства на рубеже XIX–XX вв.» [9, с. 129]. Его философские идеи в области хозяйства представляли собой попытку синтезировать материальное (экономика) выражение мира и духовное (философия). Однако важно отметить, что С.Н. Булгаков не отходил от религиозной традиции, определяя даже такую, казалось бы, сугубо экономическую категорию «труд» через божественную составляющую. Определяя основным мотивом труда «страх смерти», С.Н. Булгаков не разделяет материальное и духовное, обозначая их взаимосвязь и взаимовлияние. Само понимание творчества у С.Н. Булгакова также находит свое отражение в метафизической традиции и неразрывно связано с антропологией [2, с. 79]. Стоит отметить, что само понимание категории «творчества» нашло отражение также в работах других известных философов: Н.А. Берядева, В.С. Соловьева, П.А. Сорокина и др. Однако важно то, что творчество в экономике и экономика через творчество ими не рассматривалась.

Между тем важно отметить имя, которое было незаслуженно забыто в виду разногласий с советским правительством и только недавно начало проявляться в отдельных работах, посвященных экономическому развитию государства. Иван Христофорович Озеров (1869–1942) – преподаватель каефдры финансового права Петербургского и Московского университетов, автор первого учебника по финансовой науке «Основы финансовой науки», который выдержал пять переизданий в дореволюционной России. Его подход к рассмотрению финансов и налогов стал примером сочетания в одном лице теоретика и практика. Будучи преподавателем, И.Х. Озеров был также акционером нескольких предприятий, входил в число членов правления одного из крупнейших в тот период банков – Русско-Азиатского Тихоокеанского банка. Заинтересованность в социально-экономическом развитии государства сочеталась в И.Х. Озерове с глубокими теоретическими познаниями, основанными на применении историко-сравнительного метода в экономике. Определяя основные проблемы и задачи социально-экономического развития Российской империи, он стремился всесторонне рассмотреть и проанализировать отдельные категории финансовой науки. Одной из таких категорий стала категория «творчество».

Не определяя строго сам термин, И.Х. Озеров видит в творчестве проявление экономической активности населения. Тем самым, он по сути становится вторым исследователем, кто обращает внимание на возможность совмещение материального и духовного: экономики и философии. Творчество для него это не только конкретные проявления населения во внешнем мире в виде производства, распределения, обмена и потребления, но еще и осознанность самого населения. При этом творческим потенциалом, то есть возможностью активно участвовать в хозяйственной деятельность, обладает каждый житель страны, но реализация этого потенциала – задача государства. Таким образом, получается, что творчество есть взаимонаправленное взаимодействие государства и общества (человека), нацеленное на достижение национального благосостояния.

В своем определении творчества И.Х. Озеров близок, с одной стороны, к философии хозяйства С.Н. Булгакова в том, что разделяет хозяйство и экономику, а если быть точнее, то в принципе выделяет экономику в отдельную сферу общественной жизни и ее проявления. Важным отличием является то, что И.Х. Озеров переводит это не просто в плоскость соединения философии и экономики, а в форму соединения экономики и общества. Используемый им термин «экономизм» наиболее полно отражает его подход к определению степени взаимодействия указанных сфер. «Общество экономики» – так понимается экономизм, более того, со временем это приобретает негативный оттенок, отмечая, что все общественные процессы подчинены экономической сфере. Однако, И.Х. Озеров отходит от этого главенства, указывая на полную взаимосвязь и взаимовлияние данных сфер. Тем самым его трактовка экономизма значительно шире и полнее, чем существующая на сегодняшний день [10].

С другой стороны, механизм реализации творческого потенциала у И.Х. Озерова сходен с идеями философии прагматизма Чарльза Пирса (1839–1914). Самым схожим является идея о необходимости предоставить населению возможность мыслить ясно [13, с. 83]. Подобный взгляд находит свое отражение и у И.Х. Озерова, когда он говорит и о «слепоте», и о «тьме», которые являются врагами человека, так как не позволяют ему ясно увидеть все то, чем он окружен.

Важно отметить, что в приложении категории творчества к экономике И.Х. Озеров значительно опередил тех экономистов, которые сегодня стремятся выработать принципы и основные положения модели творческого человека [5; 7; 11; 12; 14]. Уже в начале XX века он определил основные характеристики творческого человека: образованный, культурный, заинтересованный в развитии себя и окружающей действительности, доверяющий обществу и государству, ощущающий сопричастность ко всему происходящему. Подобный творческий человек является идеальным результатом совмещения экономики и творчества, по мнению И.Х. Озерова. Религиозного контекста в рассматриваемых им категориях нет, в связи с чем можно говорить о том, что именно его подход был первым светским подходом к совмещению творчества и экономики.

В послереволюционной России в условиях становления советского общества, произошел полный отказ от религиозной традиции и переход к марксистско-ленинской идеологии. Распространение идей социализма приводит к тому, что человек не рассматривается как отдельный элемент, все сводится к общественному благу. При этом нематериальное начало предполагается как инструмент оформления общества, та самая надстройка, которая должна отвечать требованиям и условиям формирования необходимого базиса. Поэтому фактически все искусство советского периода нацелено на демонстрацию важности

каждого в общем деле, ценности и смыслы носят коллективный характер, а экономика является основой всего общества. Превалирование общего над индивидуальным однозначно ограничивает осмысление категории «творчество». Важнейшей характеристикой становится материальный результат деятельности человека, причем, деятельности трудовой, а не творческой. При этом результат отражается на общественной деятельности, индивидуализм неуместен априори, творческое начало отсутствует, есть директивное планирование, строгий государственный, а затем партийный контроль не только деятельности каждого, но и личной жизни.

Вторая мировая война, запустившая новую волну научно-технического прогресса, привела к парадигмальной революции, когда объяснение категорий, явлений и процессов старыми способами перестало быть достаточным для поддержания установившегося миропорядка. Поиск новых форм взаимодействия, укрепление и сохранение ценностей, обозначенных Нюрнбергским трибуналом со временем привели к трансформации отношения к марксистско-ленинской идеологии в СССР. Окончательный отход от нее произошел в условиях распада Советского Союза, оборотной стороной чего стало распространение в научной среде резкого отказа от устоявшейся методологии марксизма. Мировоззренчески это выразилось в распространении исторического ревизионизма особенно в отношении советского периода российской истории, но также повысило интерес к изучению досоветского периода. И здесь важным представляется то, что в фокусе внимания исследователей и ученых снова оказываются категории, определенные еще в дореволюционный период.

Однако, до недавнего времени творчество в экономике все также оставалось неопределенной категорией. Более того, как было отмечено ранее, категория творчества в экономике не использовалась, наиболее распространенным вариантом проявления деятельности человека стал термин «креативность». При этом креативность можно соотнести с теми задачами, которые современность ставит перед человеком и обществом – необходимость отказа от стереотипного мышления и поиск чего-то нового. Именно поиск нового лежит в основе проявления креативности человека, а с точки зрения экономики результатом креативности становятся инновации.

Проблема заключается в том, что при отождествлении творчества и креативности происходит подмена понятий и ограничение восприятия самого феномена творчества. При подобном подходе категория «творчество» подразумевает под собой либо актуализацию потенциальности и свойственно каждой сущности, либо представляется свойством самоорганизации и саморазвития систем. В данном случае многогранность творчества стирается, оставляя лишь универсальное свойство всего мира «быть и развиваться». Более того синонимизируя креативность и творчество, последнее сводится к свойствам и живой, и неживой материи. Личность человека как творца не рассматривается [1], тем самым происходит отказ от антропоцентризма. С другой стороны, полноценного отказа от антропоцентризма не наблюдается, скорее, можно говорить о попытках его переосмыслить, выявить ограничения и указать границы применимости [4].

Экономическое творчество сегодня определяют как некую деятельность, направленную на совершенствование экономики для выяснения первопричин изменений и влияние на ход событий. Однако данный подход носит инструментальный характер, ограничивая в итоге творчество либо креативностью, либо довольно грубым делением на профессиональное и непрофессиональное творчество. При подобном подходе проявление творчества в экономике представляется либо результатом профессиональной деятельности, либо результатом побочной деятельности или досуга [8]. А само развитие творчества предполагается через развитие и распространение креативного обучения. Можно говорить о том, что феномен творчества, представляющий собой многогранное явление, имманентное миру, предстает как некий упрощенный результат воздействия на субъект посредством определенного набора инструмента. В этом видится проявление редукционизма и подмены понятий. Подобная трактовка творчества самого по себе и творчества в экономике предполагает инструментальный подход.

С другой стороны, понимание творчества даже на международном уровне представляется неоднозначным: «как творческое самовыражение, /и как/ способ решения задач в экономической или социальной сфере или в области устойчивого развития». Подобное определение позволяет однозначно говорить о взаимосвязи творчества и экономики, однако, остается открытым вопрос определения «творческого самовыражения». Возможно ли измерить результат этого самовыражения и что конкретно понимается под этим? Подобные вопросы по-прежнему открыты. Постулирование взаимосвязи творчества и экономики не способствует глубинному пониманию сути этих процессов, а приводит к аксиоматическим утверждениям о том, что экономика – это творческая детальность по созданию нового, а творчество – это важная характеристика эпохи неопределенности [7]. В то же время признается многогранность творчества с точки зрения проявления в разных аспектах: философском, психологическом и экономическом. Результатом синтеза подходов к творчеству с разных точек зрения предстает некая модель творческого человека, основанная на философских и экономических аспектах, где с философской точки зрения, творческое действие человека направлено на разрешение противоречий с действительностью посредством создания чего-то нового. С экономической точки зрения результатом творчества человека становится новое качество, направленное на разрешение противоречий, связанных с экономической действительностью. При этом творец в экономике предстает создателем продукта или института. Подобный модель в качестве ограничений имеет ограничения экономической действительности. И в данном случае можно говорить о том, что творчество по-прежнему близко по своему выражению к инновациям.

В заключение стоит отметить, что подходы к определению творчества в экономике на сегодняшний день находятся в плоскости теоретической дискуссии. Связано это с тем, что даже как отдельная категория «творчество» до сих пор неопределено. Существование множества подходов способствуют, с одной стороны, плюрализму мнений, с другой стороны, отвечают современным условиям поиска и формирования смыслов и ценностей. Характеризуя генезис категории «творчество», стоит отметить, что оно заключает в себе два направления: религиозную традицию и материальное начало. Определяя творчество религиозно, стоит говорить о неком проявлении божественного начала. Рассматривая творчество как результат деятельности человека, упор производят на создание чего-то нового.

Двумя первыми подходами к попыткам синтезировать экономику и философию были взгляды С.Н. Булгакова и И.Х. Озерова. Если первый философ представляет собой религиозную традицию, то взгляды второго есть проявление материализма. При этом важно отметить, что И.Х. Озерову также принадлежит первая модель творческого человека, в которой ограничением являются не экономические ограничения мира, а государство как социально-политический институт. Более подробное рассмотрение идей, предвосхитивших современное понимание творчества в экономике как креативности или инновационной деятельности, будет способствовать более глубокому пониманию содержательной составляющей обозначенных категорий.

Литература

1. Батурина, И.В. Концепция творчества в русской религиозной философии XIX-начала XX вв.: специальность 09.00.03 «История философии»: диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / Батурина Ирина Владимировна; Московский государственный областной университет – Москва, 2017. – 399 с. – Библиогр.: с. 383–399.
2. Батурина, И.В. Философия творчества С.Н. Булгакова / И.В. Батурина // Вестник МГОУ. – 2015. – № 3. – С. 74–81.
3. Бердяев, Н.А. Философия свободы; Смысл творчества / Н.А. Бердяев // Журнал «Вопросы философии» и др. – Москва: Правда, 1989. – 607 с.
4. Вершков, А.В. Антропоцентризм и современность / А.В. Вершков // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2014. – № 5–1. – С. 309–315.
5. Иомдин Г.И. Обучение основам экономического творчества / Г.И. Иомдин, А.Н. Семенова // Пути повышения эффективности научно-технического творчества молодежи: тезисы докладов II Республиканской научно-практической конференции / ответственный редактор С.Н. Семенов. – Уфа: Уфимский государственный институт искусств, 1989. – С. 97–100.
6. Литке, С.Г. Анализ понятия «творчество» в континууме философского аспекта / С.Г. Литке // Сибирский педагогический журнал. – 2010. – № 1. – С. 72–79.
7. Лозина О.И., Рогожникова В.Н., Тутов Л.А. Модель творческого человека в современной экономике: опыт созидания / О.И. Лозина, В.Н. Рогожникова, Л.А. Тутов // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2020. – Т. 12. № 4 (38). – С. 7–20. URL: https://www.archive.econ.msu.ru (дата обращения: 15.08.2026).
8. Мамыкин, И.П. Экономическое творчество: состояние, перспективы / И.П. Мамыкин // Прикладные экономические исследования. – 2016. – № 4(14). – С. 45–51.
9. Назарова, Г.Ф., Панамарчук, Д.Н. Философия хозяйства по С.Н. Булгакову: антропологический аспект / ГФ Назарова, Д.Н. Панамарчук // Ученые записки Орловского государственного университета. – 2014. – № 5 (61). – С. 129–134.

10. Савкин, Н.С. Идеология экономизма как основание отчуждения от социальности / Н.С. Савкин // Экономическая история – 2015. – № 3 (30). – С. 76–80.

11. Семенов, С.Н. Методологические и теоретические основы исследования экономического творчества / С.Н. Семенов // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2023. – № 2 (38). – С. 130–147. – https://doi.org/10.24151/2409–1073–2023–2–130–147 EDN: BCIOEM;

12. Трифонов, Е.В. Модели экономического и творческого человека / Е.В. Трифонов // Креативная экономика. – 2016. – Т. 10. № 6. – С. 625–636. – https://doi.org/10.18334/ce.10.6.35289;

13. Ушакова, А.В. Прагматизм: основные идеи и представители / А.В. Ушакова // Парадигма: философско-культурологический альманах. – 2023. – № 38. – С. 82–94.

14. Экономика как искусство: методологические вопросы применения экономической теории в прикладных социально-экономических исследованиях: [монография] / отв. ред. О.И. Ананьин. – Москва: Наука, 2008. – 254 с.

CREATIVITY IN ECONOMICS: A SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Gorban A.A.
Financial University under the Government of the Russian Federation

This article examines the concept of «creativity» and its applicability within the economic sphere. It explores the specific nature of philosophical approaches to defining creativity and analyzes the relationship between creativity and key concepts in economic theory. The study outlines the main approaches to defining the essence and nature of creativity, as well as the interplay between creativity and the economy–ranging from S.N. Bulgakov's philosophy of economy to modern models of the «creative individual.» The findings suggest that conceptualizing «creativity» within economics remains challenging. In economic contexts, terms such as «creativity» (in the sense of *kreativnost'*) and «innovation» are often used as synonyms, a practice that limits a full understanding of the creativity phenomenon in economic theory. Research into the genesis of the creativity concept remains largely confined to theoretical debates within philosophy, psychology, and sociology. Currently, synthesizing creativity and economics appears difficult due to the distinct natures of both concepts.

Keywords: creativity, creativity, economics, philosophy of economy, pragmatism, creative person.

Reference

1. Baturina, I.V. The Concept of Creativity in Russian Religious Philosophy of the 19th – Early 20th Centuries: Speciality 09.00.03 «History of Philosophy»: Dissertation for the Degree of Doctor of Philosophical Sciences / Irina Vladimirovna Baturina; Moscow State Regional University – Moscow, 2017. – 399 p. – Bibliography: pp. 383–399.

2. Baturina, I.V. The Philosophy of Creativity of S.N. Bulgakov / I.V. Baturina // Bulletin of Moscow State Regional University. – 2015. – № 3. – Pp. 74–81.

3. Berdyaev, N.A. Philosophy of Freedom; The Meaning of Creativity / N.A. Berdyaev // Journal «Questions of Philosophy» and others. – Moscow: Pravda, 1989. – 607 p..

4. Vershkov, A.V. Anthropocentrism and Modernity / A.V. Vershkov // Current Problems of the Humanities and Natural Sciences. – 2014. – № 5–1. – Pp. 309–315.

5. Iomdin G.I. Teaching the Fundamentals of Economic Creativity / G.I. Iomdin, A.N. Semenova // Ways to Improve the Effectiveness of Youth Scientific and Technical Creativity: Abstracts of Reports at the II Republican Scientific and Practical Conference / Executive Editor S.N. Semenov. – Ufa: Ufa State Institute of Arts, 1989. – Pp. 97–100.

6. Litke, S.G. Analysis of the concept of «creativity» in the continuum of the philosophical aspect / S.G. Litke // Siberian Pedagogical Journal. – 2010. – № 1. – Pp. 72–79.

7. Lozina O.I., Rogozhnikova V.N., Tutov L.A. The Model of a Creative Person in the Modern Economy: The Experience of Creation / O.I. Lozina, V.N. Rogozhnikova, L.A. Tutov // Scientific Research of the Faculty of Economics. Electronic journal. 2020. – Vol. 12. № 4 (38). – Pp. 7–20. URL: https://www.archive.econ.msu.ru (accessed: 15.08.2026).

8. Mamykin, I.P. Economic creativity: state, prospects / I.P. Mamykin // Applied Economic Research. – 2016. – № 4(14). – Pp. 45–51.

9. Nazarova, G.F., Panamarchuk, D.N. The Philosophy of Economy according to S.N. Bulgakov: an Anthropological Aspect / G.F. Nazarova, D.N. Panamarchuk // Scientific Notes of the Oryol State University. – 2014. – № 5 (61). – Pp. 129–134.

10. Savkin, N.S. The ideology of economism as the basis for alienation from sociality / N.S. Savkin // Economic History – 2015. – № 3 (30). – Pp. 76–80.

11. Semenov, S.N. Methodological and Theoretical Foundations of the Study of Economic Creativity / S.N. Semenov // Economic and Social-Humanitarian Research. – 2023. – № 2 (38). – Pp. 130–147. – https://doi.org/10.24151/2409–1073–2023–2–130–147 EDN: BCIOEM; 12. Trifonov, E.V. Models of the Economic and Creative Person / E.V. Trifonov // Creative Economy. – 2016. – Vol. 10. № 6. – Pp. 625–636. – https://doi.org/10.18334/ce.10.6.35289; 13. Ushakova, A.V. Pragmatism: Main Ideas and Representatives / A.V. Ushakova // Paradigma: Philosophical and Cultural Studies Almanac. – 2023. – № 38. – Pp. 82–94.

14. Economics as an Art: Methodological Issues in the Application of Economic Theory in Applied Socio-Economic Research: [Monograph] / Edited by O.I. Ananyin. – Moscow: Nauka, 2008. – 254 p.

Деникин Анатолий Васильевич,
профессор Кафедры гуманитарных наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: andenikin@yandex.ru

Деникина Зоя Дмитриевна,
профессор кафедры гуманитарных наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: zooden@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению социальной справедливости как одной из ключевых проблем социальной философии. Автор обращается к различным трактовкам справедливости и сопоставляет их с вопросами равенства, свободы, личной ответственности и общественного блага. Отдельно рассматриваются идеи Дж. Ролза, А. Сена, М. Фридмана и Ф.А. Хайека, чьи подходы отражают различное понимание допустимых границ социального равенства и роли государства в распределении общественных благ. Современное содержание проблемы связано с материальным расслоением, и с цифровизацией, изменением доступа к ресурсам и появлением новых форм социального неравенства. Социальная справедливость в таком контексте включает равенство стартовых возможностей, доступность общественных благ, уважение человеческого достоинства, свободу выбора и участие человека в жизни общества. Значение приобретает поиск приемлемого соотношения между личной свободой и социальной ответственностью и между рыночным распределением ресурсов и государственной поддержкой социально уязвимых групп.

Ключевые слова: социальная справедливость, справедливость, равенство, свобода, социальное неравенство, общество, социальная философия, распределение, цифровизация, общественное благо.

Введение

Проблема социальной справедливости сохраняет значение одной из центральных проблем социальной философии, так как затрагивает фундаментальный вопрос о том, каким должно быть общественное устройство, чтобы права, возможности и обязанности различных групп населения соотносились с представлениями о справедливом порядке. Вопрос о справедливости возникает каждый раз, когда общество сталкивается с различиями в уровне доходов, доступе к образованию и медицинской помощи, возможностях профессионального развития, распределении общественных ресурсов и степени участия граждан в принятии решений. Само понятие справедливости не имеет единственного содержания? Іля одного человека справедливость может означать равенство условий, для другого – вознаграждение в соответствии с личным вкладом, для третьего – возможность самостоятельно распоряжаться результатами своего труда, именно различие этих позиций делает социальную справедливость практической и философской проблемой.

Сложность современного понимания справедливости связана с тем, что общество одновременно предъявляет требования к свободе личности и социальной ответственности. Рыночная экономика учитывает различия между людьми в способностях, приложенных усилиях, готовности принимать риски и достигнутых результатах. Социальная политика при этом ориентирована на смягчение последствий экономического неравенства и помощь тем группам населения, которым сложно самостоятельно поддерживать приемлемый уровень жизни. На этом пересечении возникает одна из наиболее спорных проблем социальной справедливости – определение допустимых пределов перераспределения доходов и ресурсов. Усиление социальной поддержки затрагивет экономическую самостоятельность граждан, тогда как ее недостаточный объем оставляет часть населения без необходимой помощи.

М. Фридман в работе «Капитализм и свобода» рассматривает экономическую свободу как важную часть свободы личности. Конкуренция и добровольный обмен, по его мнению, связаны с организацией свободного общества и ограничением чрезмерного вмешательства государства в экономические отношения [8]. Ф.А. Хайек выступает против централизованного определения экономических результатов и делает акцент на общих правилах, в пределах которых человек самостоятельно принимает решения и распоряжается результатами своей деятельности [9].

Проблема социальной справедливости в данном случае связана с созданием таких общественных условий, при которых исходное социальное положение не закрывает человеку доступ к образованию, труду, общественным благам и другим возможностям самореализации. Дж. Ролз переносит акцент с отдельных результатов распределения на устройство базовых общественных институтов. Справедливое общество, предполагает равенство основных свобод и такой порядок распределения социальных и экономических преимуществ, при котором различия между людьми не лишают менее обеспеченные группы реальных возможностей для развития [6]. А. Сен расширяет данный подход, смещая акцент с формального распределения ресурсов на реальные возможности человека вести жизнь, которую он считает значимой [7]. На уровне классических современных концепций обнаруживается принципиальное расхождение между пониманием справедливости как свободы от вмешательства, справедливости как равенства условий и справедливости как реальной способности человека использовать доступные ему возможности.

Социальная справедливость как философская проблема

Социальная справедливость представляет собой совокупность социальных норм или принципов распределения материальных благ, она отражает систему представлений о том, каким образом должны соотноситься интересы личности, социальных групп и общества в целом. А.В. Ходыкин отмечает сложность феномена справедливости и его зависимость от конкретных общественных отношений, норм и представлений о должном [10], поэтому содержание справедливости невозможно определить исключительно через один критерий. Равное распределение ресурсов не всегда есть справедливым, если люди находятся в принципиально разных исходных условиях; одновременно

различное распределение не всегда можно считать несправедливым, если оно связано с различиями в ответственности, труде, квалификации или общественной значимости деятельности.

Проблема справедливости постоянно связывалась с вопросами власти, собственности, свободы и общественного порядка. Одним из ранних вариантов такого осмысления есть представление о справедливости как о соблюдении определенного порядка отношений между людьми. Н.О. Исмаилов, анализируя социально-политические взгляды Фомы Аквинского, показывает связь справедливости с моральным порядком, общим благом и отношениями между человеком и обществом [4]. Справедливость не ограничивается индивидуальным интересом: поведение человека оценивается с учетом его отношения к другим людям и общественному благу.

Современная социальная философия значительно расширила содержание проблемы. На первый план вышли вопросы распределения доходов, доступа к социальным благам, равенства возможностей, защиты прав личности и участия граждан в общественной жизни. Л.Ю. Пионткевич связывает проблему справедливости в социальной философии с различиями в понимании равенства, свободы и принципов общественного устройства [5]. Подход дает основание рассматривать социальную справедливость сразу в нескольких плоскостях: экономической, политической, правовой и социально-культурной. Ограничения в любой из них отражаются на восприятии справедливости в обществе. Формальное равенство граждан само по себе еще не означает равенства их реальных возможностей.

Социальная справедливость имеет нормативное содержание. Речь идет об оценке существующего положения и о представлениях относительно того, каким должно быть общественное устройство, поэтому критерии справедливости напрямую связаны с ценностями, которые лежат в основе конкретной социальной позиции. Одинаковый уровень неравенства способен получать противоположные оценки. При приоритете личной свободы перераспределение доходов ради сокращения различий в материальном положении может восприниматься как чрезмерное вмешательство. При ориентации на равенство возможностей, напротив, отсутствие механизмов перераспределения рассматривает как фактор социальной несправедливости.

Равенство и свобода в проблеме социальной справедливости

Соотношение равенства и свободы остается одним из наиболее спорных вопросов. Стремление к равенству результатов предполагает существенное регулирование экономических и социальных отношений. Расширение свободы индивидуального выбора, напротив, связано с различиями в способностях, усилиях, принятых рисках и итогах деятельности. Поэтому единый принцип, который одновременно гарантировал бы одинаковые результаты для всех и не затрагивал свободу личности, практически невозможен.

Важное место в дискуссии о социальной справедливости занимает концепция Дж. Ролза. Центральной для нее выступает идея справедливости как честности. Устройство основных общественных институтов должно учитывать равенство базовых свобод граждан, а существование социальных и экономических различий требует определенного обоснования [6]. При таком подходе важно разграничивать формальное равенство и реальные условия, с которых люди начинают движение к своим социальным и экономическим целям. Равные права еще не гарантируют одинаковых исходных возможностей, поэтому оценка справедливости затрагивает конечные результаты и условия их достижения. Если человек формально обладает одинаковым правом на образование, но фактически лишен доступа к качественному образованию из-за места проживания или материального положения семьи, говорить о полноценном равенстве возможностей достаточно сложно.

Проблема справедливости не может решаться только через установление одинаковых правовых норм. Необходимо учитывать реальные условия, в которых человек реализует эти права. А. Сен предлагает оценивать общественное устройство через реальные возможности людей, а через объем ресурсов, которым они располагают [7]. Два человека могут иметь одинаковый доход, но совершенно разные возможности его использования в зависимости от состояния здоровья, семейных обстоятельств, доступности инфраструктуры и других условий. Одинаковое количество ресурсов еще не означает одинаковую способность использовать их для достижения значимых жизненных целей.

Подход существенно меняет само понимание социального равенства. Вопрос заключается в том, сколько человек получил и в том, что он способен сделать с полученным ресурсом. Образование, медицинская помощь, транспортная доступность, цифровая инфраструктура и возможность трудоустройства становятся элементами социальной справедливости, так как определяют реальные возможности человека, поэтому современная социальная политика все чаще оценивается по размеру финансовой поддержки и по способности создавать условия для самостоятельного включения человека в экономическую и общественную жизнь. М. Фридман предлагает противоположный акцент, связывая справедливость прежде всего со свободой выбора и ограничением государственного вмешательства в экономическую деятельность [8]. Существенное перераспределение доходов вступает в противоречие с правом человека самостоятельно распоряжаться результатами своего труда. Государственная политика, направленная на выравнивание материальных результатов, может ограничивать экономическую инициативу и снижать стимулы к предпринимательской деятельности. Социальная справедливость понимается не как одинаковость конечных результатов, а как наличие единых правил, в рамках которых человек получает возможность самостоятельно определять собственную экономическую стратегию. Ф.А. Хайек связывает проблему справедливости с общими правилами общественного взаимодействия, он обращает внимание на то, что распределение результатов рыночной деятельности не всегда имеет конкретного субъекта, который сознательно принимает решение о том, кому должно достаться определенное количество ресурсов [9]. Рыночный порядок формируется через множество индивидуальных решений, поэтому попытка полностью управлять результатами такого процесса из единого центра способна привести к ограничению свободы и нарушению принципа общего порядка.

Между подходами Дж. Ролза, А. Сена, М. Фридмана и Ф.А. Хайека существует принципиальное различие, первые два автора уделяют значительное внимание реальным возможностям человека и социальным условиям их реализации, тогда как М. Фридман и Ф.А. Хайек подчеркивают значение индивидуальной свободы, собственности и общих правил. Подходы не следует рассматривать исключительно как взаимоисключающие. Современная проблема социальной справедливости требует одновременного учета свободы человека и наличия таких общественных условий, при которых свобода не превращается в формальную возможность, недоступную для значительной части населения.

Социальное неравенство и справедливость

Одним из наиболее заметных проявлений проблемы социальной справедливости остается социальное неравенство. Наличие различий между людьми не обязательно означает несправедливость. Люди отличаются способностями, уровнем образования, профессиональными навыками, опытом и готовностью принимать на себя экономические риски. Проблема возникает когда социальное положение человека в значительной степени определяется обстоятельствами, на которые он не способен влиять, а доступ к базовым общественным благам существенно зависит от происхождения, места проживания или материального положения семьи.

А.В. Зимин рассматривает проблему социальной справедливости применительно к современному российскому обществу и связывает ее с теоретическими и прикладными вопросами распределения социальных благ, неравенства и функционирования общественных институтов [2]. Справедливость становится не абстрактной философской категорией, а критерием оценки реальных социальных процессов. Общество воспринимается как справедливое в большей степени когда его институты обеспечивают понятные правила социального продвижения, доступ к базовым благам и возможность изменить собственное положение посредством образования, труда и профессиональной активности.

Абсолютное устранение социального неравенства практически невозможно и есть желательной целью, если вознаграждение не зависит от квалификации, ответственности и результата деятельности, снижается мотивация к профессиональному развитию и экономической активности, поэтому проблема справедливости состоит не в механическом выравнивании всех показателей, а в определении границы между допустимыми различиями и социально неприемлемым неравенством. Важным становится принцип равенства возможностей, он предполагает, что различия в результатах деятельности допустимы, если люди получили сопоставимые исходные возможности и действовали в рамках единых правил. На практике обеспечить такое равенство значительно сложнее, чем закрепить его нормативно. Доступ к качественному образованию, медицинской помощи, культурным ресурсам, современной инфраструктуре и цифровым технологиям существенно различается в зависимости от социальной среды, поэтому социальная справедливость требует не одинакового результата для всех, а снижения влияния обстоятельств, которые заранее ограничивают жизненные перспективы человека.

Социальная справедливость в условиях цифровизации

Цифровизация сформировала новый уровень проблемы социальной справедливости. Технологический прогресс существенно расширил возможности доступа к информации, образованию, государственным и коммерческим услугам, однако одновременно создал новые формы социального неравенства. С.П. Золотарев рассматривает проблемы социальной справедливости в эпоху цифровизации и обращает внимание на изменения социальных отношений, связанные с распространением цифровых технологий [3]. Сегодня наличие доступа к интернету и цифровым сервисам становится практически таким же значимым фактором социальной включенности, как доступ к традиционной инфраструктуре.

Цифровое неравенство не ограничивается отсутствием технических устройств или подключения к интернету, оно включает различия в цифровой грамотности, способности самостоятельно получать и оценивать информацию, пользоваться электронными услугами и защищать персональные данные. Человек может иметь технический доступ к цифровой среде, но не обладать достаточными навыками для полноценного использования ее возможностей, в результате возникает новый тип социального расслоения, при котором различия определяются уже материальными ресурсами и способностью эффективно действовать в цифровой среде.

Заметно цифровое неравенство проявляется в сфере образования и занятости. Доступ к дистанционному обучению, цифровым образовательным платформам и современным профессиональным инструментам расширяет возможности тех, кто обладает необходимыми техническими и интеллектуальными ресурсами. Одновременно люди, испытывающие сложности с цифровыми технологиями, оказываются в менее выгодном положении, поэтому цифровизация способна одновременно сокращать одни виды неравенства и создавать новые.

Еще одна проблема связана с использованием алгоритмов при принятии социальных и экономических решений. Автоматизированные системы все активнее используются при подборе вакансий, оценке кредитоспособности, предоставлении услуг и обработке больших массивов, это повышает скорость обработки информации. Возникает вопрос о прозрачности критериев, по которым принимаются решения, и возможности человека оспорить автоматизированный результат. Если алгоритм формирует решение, имеющее существенные последствия для гражданина, принцип справедливости требует понятных правил его функционирования и возможности проверки результата.

Цифровая трансформация требует расширения традиционного понимания социальной справедливости, к равенству прав, доходов и возможностей добавляется равенство цифрового доступа, цифровых компетенций и защиты человека от непрозрачных автоматизированных решений. Социальная справедливость в цифровом обществе становится связана с распределением материальных ресурсов и с распределением доступа к информации, технологиям и инструментам социального участия.

Современное понимание социальной справедливости

Современная социальная справедливость требует комплексного подхода, так как ни один отдельно взятый критерий не способен полностью описать справедливое общественное устройство. Равенство необходимо для предотвращения дискриминации и закрепления одинаковых базовых прав. Свобода нужна для самостоятельного выбора жизненного пути и распоряжения результатами собственной деятельности. Социальная поддержка необходима для предотвращения ситуации, при которой объективные обстоятельства делают человека фактически неспособным реализовать свои права. Ответственность нужна для того, чтобы социальные гарантии не превращались в отказ от личного участия в собственной жизненной стратегии.

Справедливое общество не должно стремиться к полному устранению различий, его задача заключается в создании условий, при которых различия не превращаются в непреодолимые социальные барьеры. Человек может обладать большим доходом благодаря квалификации, предпринимательскому риску или результатам труда, однако его экономическое преимущество не должно автоматически означать возможность ограничивать базовые права других людей. Социальная поддержка не должна лишать человека стимулов к самостоятельной деятельности. Баланс между этими принципами и составляет одну из центральных проблем социальной философии. В.А. Гуторов, В.А. Соболев и А.А. Ширинянц, рассматривая концепцию справедливого общества А.М. Ковалева в контексте современных политико-философских дискуссий, показывают, что проблема справедливого общества сохраняет актуальность именно вследствие сложности современных социальных отношений [1]. Вопрос о справедливости нельзя решить посредством одной универсальной схемы, поскольку общество включает различные группы с неодинаковыми интересами и представлениями о должном, поэтому социальная справедливость требует постоянного общественного диалога и согласования различных ценностных позиций.

Роль здесь играют общественные институты, даже достаточно справедливые нормы теряют значение, если они применяются избирательно или гражданин не имеет реального механизма защиты своих прав. Справедливость предполагает содержание закона и предсказуемость его применения. Для человека имеет значение наличие формального права на образование, труд, медицинскую помощь или социальную защиту и возможность реально воспользоваться этим правом, именно поэтому проблема справедливости тесно связана с качеством государственных и общественных институтов. Справедливость предполагает наличие доверия между человеком и обществом, если граждане считают правила распределения ресурсов непрозрачными, а социальное продвижение – зависящим преимущественно от неформальных связей, уровень доверия к институтам снижается, в результате социальное неравенство начинает восприниматься как несправедливость даже в тех случаях, когда формальные правила соблюдаются, поэтому легитимность социальных институтов во многом зависит от того, насколько понятными и обоснованными гражданам представляются механизмы принятия решений и распределения общественных благ.

Заключение

Проблема социальной справедливости в современном обществе сохраняет принципиальное значение, так как касается фундаментальных вопросов общественного устройства: соотношения свободы и равенства, индивидуальной ответственности и социальной поддержки, рыночного распределения и перераспределения общественных ресурсов, формальных прав и реальных возможностей человека. Философский анализ показывает, что справедливость нельзя свести к одному универсальному принципу. Социальная справедливость включает несколько тесно связанных элементов: равенство основных прав, доступность общественных благ, свободу личного выбора, реальные возможности для социального продвижения и уважение человеческого достоинства. Современные изменения в обществе расширяют круг вопросов, связанных со справедливостью. Цифровые технологии открывают дополнительные возможности для образования, занятости и общественной коммуникации, но одновременно усиливают различия в доступе к информации и цифровым ресурсам. Сохраняется и проблема социального расслоения. Справедливое общество не обязательно предполагает одинаковое материальное положение всех граждан. Различия в доходах и результатах труда не закрывали человеку доступ к образованию, профессиональной деятельности, социальной мобильности и участию в общественной жизни. Соотношение свободы и равенства остается подвижным, свобода, не подкрепленная равными возможностями, способна закреплять уже существующие социальные различия. Чрезмерное стремление к выравниванию результатов, напротив, затрагивает самостоятельность человека и его личную инициативу. Социальная помощь необходима людям, оказавшимся в уязвимом положении, однако наряду с поддержкой нужны условия для самостоятельной реализации их способностей, поэтому поиск справедливого общественного устройства связан с согласованием трех принципов – свободы личности, равенства возможностей и ответственности человека перед обществом.

Литература

1. Гуторов В. А., Соболев В.А., Ширинянц А.А. Концепция справедливого общества А.М. Ковалева в контексте современных политико-философских дискуссий // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2023. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-spravedlivogo-obschestva-a-m-kovaleva-v-kontekste-sovremennyh-politiko-filosofskih-diskussiy (дата обращения: 14.09.2026).

2. Зимин А.В. Проблема социальной справедливости в современной России: теоретические и прикладные аспекты // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-sotsialnoy-spravedlivosti-v-sovremennoy-rossii-teoreticheskie-i-prikladnye-aspekty (дата обращения: 14.09.2026).

3. Золотарев С.П. Проблемы социальной справедливости в эпоху цифровизации: социально-философский анализ // Kant. 2025. № 1 (54). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sotsialnoy-spravedlivosti-v-epohu-tsifrovizatsii-sotsialno-filosofskiy-analiz (дата обращения: 14.09.2026).

4. Исмаилов Н.О. Проблема социальной справедливости в социально-политических воззрениях Фомы Аквинского // Общество: философия, история, культура. 2024. № 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-sotsialnoy-spravedlivosti-v-sotsialno-politicheskih-vozzreniyah-fomy-akvinskogo (дата обращения: 14.09.2026).

5. Пионткевич Л.Ю. Проблема справедливости в социальной философии // Философия и общество. 2009. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-spravedlivosti-v-sotsialnoy-filosofii (дата обращения: 14.09.2026).

6. Ролз Дж. Теория справедливости. 3-е изд. М.: УРСС: ЛЕНАНД, 2017. 536 с

7. Сен А. Идея справедливости / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Институт Гайдара, 2016. 520 с

8. Фридман М. Капитализм и свобода / пер. с англ. В. Козловского, И. Пильщикова. М.: Новое издательство, 2006. 240 с.

9. Хайек Ф.А. Право, законодательство и свобода / пер. с англ. А. Кустарева, Б. Пинскера. М.: Челябинск: Социум, 2020. 645 с.

10. Ходыкин А.В. Философский анализ феномена справедливости // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2017. – Т. 2. – С. 130–134. – URL: http://e-koncept.ru/2017/570028.htm (дата обращения: 14.09.2026).

THE PROBLEM OF SOCIAL JUSTICE IN MODERN SOCIETY: A PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Denikin A.V., Denikina Z.D.
Financial University under the Government of the Russian Federation

This article examines social justice as a key issue in social philosophy. The author explores various interpretations of justice and contrasts them with concepts of equality, liberty, personal responsibility, and the public good. Particular attention is paid to the ideas of John Rawls, Amartya Sen, Milton Friedman, and F.A. Hayek, whose approaches reflect differing views on the permissible limits of social equality and the state's role in the distribution of public goods. The contemporary dimensions of this issue are linked not only to material stratification but also to digitalization, changing access to resources, and the emergence of new forms of social inequality. In this context, social justice encompasses equality of opportunity, access to public goods, respect for human dignity, freedom of choice, and individual participation in societal life. Finding an acceptable balance between personal liberty and social responsibility-as well as between market-based resource allocation and state support for socially vulnerable groups-assumes particular importance.

Keywords: social justice, justice, equality, liberty, social inequality, society, social philosophy, distribution, digitalization, public good.

References

1. Gutorov V.A., Sobolev V.A., Shirinyants A.A. A.M. Kovalev's concept of a just society in the context of modern political and philosophical discussions // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Series 12. Political Sciences. 2023. No. 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-spravedlivogo-obschestva-a-m-kovaleva-v-kontekste-sovremennyh-politiko-filosofskih-diskussiy (accessed: 14.09.2026).

2. Zimin A.V. The Problem of Social Justice in Modern Russia: Theoretical and Applied Aspects // Socio-Humanitarian Knowledge. 2016. No. 9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-sotsialnoy-spravedlivosti-v-sovremennoy-rossii-teoreticheskie-i-prikladnye-aspekty (accessed: 14.09.2026).

3. Zolotarev S.P. Problems of social justice in the era of digitalization: a socio-philosophical analysis // Kant. 2025. No. 1 (54). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-sotsialnoy-spravedlivosti-v-epohu-tsifrovizatsii-sotsialno-filosofskiy-analiz (date of reference: 14.09.2026).

4. Ismailov N.O. The problem social justice in the socio-political views of Thomas Aquinas // Society: Philosophy, history, culture. 2024. No. 5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-sotsialnoy-spravedlivosti-v-sotsialno-politicheskih-vozzreniyah-fomy-akvinskogo (accessed: 14.09.2026).

5. Piontkevich L. Yu. The Problem of Justice in Social Philosophy // Philosophy and Society. 2009. No. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-spravedlivosti-v-sotsialnoy-filosofii (accessed: 14.09.2026).

6. Rawls J. A Theory of Justice. 3rd ed. Moscow: URSS: LENAND, 2017. 536 p.

7. Sen A. The Idea of Justice / translated from English by D. Kralechkin. Moscow: Gaidar Institute, 2016. 520 p. 8. Friedman M. Capitalism and Freedom / translated from English by V. Kozlovsky, I. Pilshchikov. Moscow: Novoe izdatelstvo, 2006. 240 p. 9. Hayek F.A. Law, Legislation, and Freedom / translated from English by A. Kustarev, B. Pinsker. Moscow: Chelyabinsk: Sotsium, 2020. 645 p.

10. Khodykin A.V. Philosophical Analysis of the Phenomenon of Justice // Scientific and Methodological Electronic Journal "Concept". – 2017. – Vol. 2. – Pp. 130–134. – URL: http://e-koncept.ru/2017/570028.htm (accessed: 14.09.2026).

Текстовые конструкции исторической памяти восточного синкретизма

Заклинский Петр Александрович,
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных и специальных дисциплин ИМПЭ им. А.С. Грибоедова
E-mail: zaklinsky@yandex.ru

В статье рассматривается проблема формирования содержания исторической памяти посредством создания текста священной книги исламского мира – Корана. Данная работа исторического сознания имеет целенаправленный характер, что подтверждается особой заботой о достоверности коранического текста, повлекшей создание особой системы предотвращения искажений священной книги.

Ключевые слова: историческая память, историческое время, общественное сознание, синкретизм, рационализм, манускрипт, исторический факт.

Ключевое своеобразие отношения синкретичного сознания к целенаправленности формирования содержания исторической памяти через священные тексты, на мой взгляд, лучше всего выразил современный исследователь исламской культуры М.М. Аль-Азами, правда, делает он это, говоря о христианском Писании: «Ветхий Завет изначально считался плодом Откровения, но позднее стал считаться работой Моисея», и тут же делает сноску: «Мусульмане верят, что Тора и Псалтырь были ниспосланы и, затем, искажены или утрачены.» [1; с. XVII]. И вопрос даже не в том, правомерно ли такое замечание и значимо ли мнение об этом представителей другой религии, а в том, что мусульмане уверены, что «не-мусульманское» сознание не способно ничего ни создать, ни сохранить, способно только искажать и утрачивать, а спасти мир от этого может только ислам… Но обо всем по порядку.

В том, что сегодня синкретичное сознание сильно изменилось, нет никаких сомнений: иначе в нем не появлялось бы вопросов, требующих для ответов на них взгляда «со стороны», на который способно только субъект-объектное мышление. Например: «…вопрос заключается … в том, как мусульмане воспринимают свою собственную веру, и как хотят ориенталисты, чтобы они ее воспринимали» [1; с. XIX]. Рефлексия, как явление, для синкретичного сознания вдвойне невозможна, поскольку здесь необходимо не только видеть *предмет* познания, но еще и видеть *себя* этим *предметом*. Следовательно, мыслительные конструкции уже изменились (не в массовом порядке, разумеется). Видимо, по данной причине в этом измененном (не в психиатрическом, конечно, смысле) сознании и возникает, например, словосочетание «мусульманские ученые», хотя синкретизм в чистом виде, как мы помним, научный подход не предполагает. Это словосочетание появляется, в частности, в связи с досадой на то, что «мусульманские ученые» не были, например, к работе над «Энциклопедией Ислама», которая, по словам одного из ее редакторов, профессора С.Е. Босворта, написана западными авторами для западных читателей. Исторически сложившаяся необходимость по-разному объяснять происходящее этим двум противоположным типам мышления – тому виной…

С вопросом о собственном и чужом восприятии чего-либо отлично коррелирует понятие о невозможности цитировать Коран на других языках, кроме арабского: перевод его представляется только прояснением смысла текста, следовательно, цитата как таковая здесь в принципе невозможна. Все это исключает соответственно и понятие «канонический перевод» (как Библии, например). Благословения папы римского или синода какой-либо из православных церквей вполне достаточно для использования перевода текста Священного Писания на конкретный язык. При отсутствии подобного отношения к переводу как явлению притязания на идейное завоевание всего мира выглядят несерьезно. Видимо, поэтому и использован исламским сознанием единственный возможный здесь выход из ситуации – утверждать, что все человечество рождено в исламе: «Никто не рожден, кроме как сотворен в его истинной сущности [Исламе]. Это родители превращают его в иудея или христианина или в жреца…» [1; с. 43]. Вот только появился ислам спустя почти 40 тысяч лет после возникновения человека современного облика, а самому Человечеству (вообще) к этому моменту было уже более полутора миллионов лет. Но эти мелочи исламское сознание не смущают…Более того, по мнению носителей этого сознания, не только ислам в авангарде жизни на Земле, но еще и «…только преданный мусульманин обладает законной прерогативой писать на исламскую и связанную с Исламом тематику» [1; с. 13]. Без комментариев…

Так, нужно ли при таком положении дел тратить силы на формирование исторической памяти, если все и так изначально мусульмане? Или нужно взять в оборот тех, кто случайно об этом забыл? И все же есть основания полагать, что в исламской истории были люди, которые понимали, что эта абсурдная «картина мира» сама не завоюет умы, – в ее «истинности» необходимо убеждать. Теперь, с высоты столетий, мы видим, что все было строго продумано.

Изначальная ставка на механизмы функционирования мыслительных конструкций оказалась правильной: величие Творца осознается через созерцание Его способности создавать что-либо из ничего. Именно так был «создан» пророк Мухаммад (571–632).

В формировании образа Пророка очень важны два момента. Во-первых, то, что в возрасте шести лет (577 г.) он стал сиротой, что,

исходя из конечного результата его жизни, означает его исключительную одаренность и особую внутреннюю организацию. И, во-вторых, то, что Мухаммад всю жизнь был неграмотным («…Пророк…согласно общему мнению…оставался неграмотным на протяжении всей своей жизни» [1; с. 55]), что несомненно свидетельствует, по мнению формирующих историческую память поколений авторов, о присутствии в пророке «искры Божьей», а следовательно, и о его исключительной избранности Аллахом. Эту богоизбранность Мухаммада усиливают явления невозможные в обычной ситуации без вмешательства бога. Например, чтение Корана (его заставил Аллах в пещере) и стремление способствовать распространению духа просвещения, которому сам он по объективным обстоятельствам должен был быть чужд. О распространении знаний Пророк буквально говорил следующее: «Если кто-либо следует по тропе в поисках знаний, то Аллах облегчит ему путь в рай». И наоборот: «На того, у кого спрашивают о чем-либо, известном ему, и он скрывает это, в День Воскресения будет надета огненная узда». (Ат-Тирмизи, Сунан, Аль-'Ильм: 3) [1; с. 55].

Все это говорит о глубокой продуманности стратегии формирования образа посредника между Богом и человеком (скорее – Человечеством) в общественном сознании восточного общества, что само по себе было весьма непростым делом в условиях господства синкретических мыслительных конструкций. Передаваемые Пророком Идея и Дух Божий должны не только восприниматься эмоционально (с благоговением), но и осознаваться как «Истина в последней инстанции». (Последняя формулировка, конечно, есть адаптация для европейского сознания, поскольку Истину как явление, существующую объективно, то есть вне и независимо от сознания, синкретичное (не субъект-объектное) мышление осознать не в состоянии).

Любая целенаправленная деятельность встречает препятствия. Главная характеристика мышления в каждый конкретный момент – это способы преодоления этих препятствий. С временно непреодолимыми сложностями религиозное сознание обычно поступает стандартно: «Так Бог повелел». Но это лишь способ уйти от проблемы. Иногда требуется некое обоснование непререкаемости восприятия чего-либо как неоспоримо истинного (то есть даже не допускающего вопросов сомнения). Говоря проще, – *предотвращения* вопроса о том, а почему я должен в это верить? И здесь важно не переусердствовать, иначе – появятся вопросы к самому этому обоснованию. А вот в этом, возможно, в процессе формирования образа Пророка в общественном сознании был допущен один из самых серьезных просчетов. Вот как представляется начало процесса превращения Мухаммада в посланника божия: «Близилось время сделать его Пророком и Посланником, и Аллах постепенно готовил его к выполнению этой задачи. Сначала у Мухаммада стали *возникать реальные видения*. Он заметил, как скала приветствует его; он также наблюдал ангела Джибриля (Гавриила), который звал его по имени с небес, и наблюдал свет» [1; с. 25]. (курсив мой – П.З.) Рационалистическое сознание явно обнаружит в этом психиатрический оттенок. Насколько все это убедительно для синкретичного сознания, вопрос другой. Кроме того, что называется, на поверхности серьезное противоречие: с одной стороны, стимулирование познания и санкции за сокрытие знания, а с другой стороны – повествование, которое может принять только абсолютно необразованный человек!… Видимо, «секрет непротиворечивости» здесь кроется в особенности устройства религиозного сознания восточных культур. И тут не применишь знаменитую фразу «Верую, ибо абсурдно». В том-то и дело, что для Востока все это не абсурдно… (ведь и белая ткань стала черной не из-за попадания в краску, а потому, что Аллах в этот момент решил придать ей черный цвет).

Такой способ и такой процесс формирования образа Пророка – лишь подготовка общественного сознания к восприятию более серьезных вещей. Например, – идеи первенства ислама в среде монотеистических религий, несмотря на самое позднее его появление. Здесь главное – утвердить идею о том, что Аллах давным давно создал человечество, но смотрел, как последовательно не справлялись при исполнении его заданий иудаизм и христианство (хотя он никакого отношения к ним не имеет), и для исправления ситуации создал ислам. Данная идея внедряется в общественное сознание следующим образом. Сначала – утверждение о том, что «Аллах создал человечество лишь для одного – поклонения Ему, хотя Он и не нуждается в чьем-либо поклонении» [1; с. 41]. При этом не объясняется ни то, почему у него такая цель, ни то, почему именно Аллах, – так все остальное население Земли, считающее иначе, автоматически остается в дураках. Дальше. Для разъяснения, как поклоняться (только для этого!…), был отправлен сонм посланников от Ноя (названного Нухом) до Иисуса (названного 'Исой), но все они не справились… Вопрос о том, зачем же было Аллаху создавать таких негодных посланников, не звучит, а уж тем более – ответ на него. Все эти послания, по мнению «исламских ученых», будучи локальными, были искажены или утрачены. И только «… с появлением Мухаммада настало время для послания, которое выйдет за пределы государственных границ или определенной эпохи, для веры, которую никогда нельзя будет лишить силы, поскольку она предназначена для всех людей и всех времен» [1; с. 41]. Но если все это – творения Аллаха, нельзя ли было сразу создать «*правильное*»?… Как ошибка Всевышнего все предшествующее тоже не квалифицируется: ведь он не может ошибаться. Тогда к чему все это? Во избежание «нарушения межрелигиозного мира», как говорил патриарх Кирилл, думайте сами. При чем самих мусульман этот мир явно не интересует, о чем свидетельствует утверждение «исламских ученых» о наличии коренных различий «… между Исламом и двумя предшествующими искаженными монотеистическими религиями» [1; с. 42]. О том, что эти слова могут кого-то оскорбить, у них даже мысли не возникает.

Другая сторона работы исламского сознания с исторической памятью – это формирование понимания людьми своего места в историческом процессе и мнения о себе самих. Эта работа незаметна и содержится в безобидных на первый взгляд положениях. Известно, что по мнению «исламских ученых», «Коран постепенно ниспосылался в течение двадцати трех лет согласно текущим обстоятельствам. Ибн 'Аббас (ум. 68 г. от хиджры) один из величайших ученых среди сподвижников поясняет, что в одну ночь Коран был полностью послан на низшее из небес мира (Байт Аль – 'Изза), а оттуда постепенно нисходил на землю по мере необходимости» [1; с. 45]. Непосредственно в Коране информация об этом звучит следующим образом: «Месяц Рамадан, в который [впервые]. ниспослан был Коран в руководство для людей и как разъяснение прямого пути и различения…» [аят 185 суры 2]. И еще: «Поистине, Мы ниспослали его [Божественное Писание]. в Ночь Могущества» [аят 1 суры 97]. Так, получается, что «необходимость» возникает редко и малыми порциями, что неизбежно порождает вопрос, почему так? Разумеется, прямого ответа нет, но вполне возможно, что дробление связано с несоответствующим сложности задачи интеллектуальным уровнем человечества: оно неспособно усвоить текст в собственном темпе, имея его целиком. Но зачем же тогда Аллах создал такое человечество: ведь характеристики создаваемого должны отражать величие творца?… Но если бы этим вопросом все ограничилось!… В Коране есть фрагмент, создающий и усугубляющий противоречие: «Поистине, на Нас лежит собирание его [в вашем сердце]. и чтение [а также составление].» [Коран, сура 75 («Воскресение»), аяты 16–19]. В комментариях Ат-Табари сказано, что слово «джам'а» означает запоминание, а также «собирать» и «составлять», следовательно, в этом аяте слово «джам'аху» означает составление. Все это порождает цепочку противоречий. Если Коран не послан целиком из-за несоответствующего интеллектуального уровня человечества, то его (Коран) необходимо составлять («собирать») из ниспосылаемых фрагментов. Но могут ли это сделать низкоинтеллектуальные люди? В итоге, если Коран все-таки *составленная* книга, то она *боговдохновенная*, а не *божественная*. А если же составление произведено так, что божественность не нарушена, то человечество вряд ли столь неинтеллектуально, и текст вполне можно было ниспослать целиком.

Но это – слишком сложная логическая цепочка, овладевать которой синкретичное сознание не намерено.

Есть одна интересная особенность в религиозном состоянии восточного синкретизма – соединение несоединимого: носители этого сознания *верят* в бога, будучи *уверенными* в его существовании… Именно поэтому Аллах действует, как реально существующая субстанция со вполне человеческими эмоциями. Сообщая о том, что на нем, а не на Мухаммаде лежит разъяснение Корана, Аллах «… даровал полную законную силу тем разъяснениям, которые давал Пророк всем аятам, – не догадкам Мухаммада, а божественному вдохновению, пришедшему от самого Аллаха. Это же справедливо и в отношении составления Корана» [1; с. 52]. Но тогда получается, что не желая спускаться на землю для разъяснений, Аллах одному из представителей созданного им низкоинтеллектуального человечества (к тому же – неграмотному!) позволил вдруг стать умным и способным разъяснять божественные тексты!… При этом вся аура вокруг процесса обретения человечеством священной книги настойчиво формирует в людях понимание того, что «… сама сущность Корана свидетельствует о том, что его автор – не человек» [1; с. 53]. Не запутаться во всем этом может только человек, который в силу не субъект-объектной структуры своего сознания в принципе не способен на рефлексию. При таком положении дел очень удобно (если не сказать – перспективно) смешивать историческую и механическую память или вовсе подменять одну другой. Образ чего-либо в исторической памяти, а тем более, возможность его целенаправленного формирования зависит во многом от понимания и осознания воспринимаемого. На это способны не все (что отнюдь не является патологией), и тогда на помощь приходит механи-

ка: утверждение превосходства через механические показатели. Один из ярчайших примеров этого – превознесение исламского сознания над христианским путем простого механического вывода о том, что христиане не могут выучить содержащиеся всего в нескольких строках 10 заповедей, а «… Коран, который полностью заучивают наизусть сотни тысяч человек, насчитывает около 9000 строк» [1; с. 54]. И, главное, – вывод: «Более четкой картины бесценного влияния Корана и просветительского успеха Пророка невозможно себе представить» [1; с. 54]. Так, получается, что достаточно просто выучить большое количество строк, чтобы стать праведным и просвещенным, при этом какой ты человек – совершенно не имеет значения…

А в чем же величие самой этой книги, если она (и только она) делает людей людьми? И дело тут не в знаменитой фразе Зинаиды Гиппиус: «Если надо объяснять, то не надо объяснять», означающей, что, если ты не понимаешь очевидных вещей, то и после объяснений не поймешь. Здесь как раз объяснять необходимо, но делать это никто не торопится: ведь «нормальному человеку» все и так ясно. Однако среди «нормальных людей», видимо, тоже есть непонимающие, но боящиеся в этом признаться. Во избежание конфуза на таковых сразу осуществляется прямое воздействие: «'Умар бин Аль-Хаттаб утверждает, что Пророк сказал: «С этой книгой Аллах возвышает некоторых людей и принижает других»» [1; с. 57]. Кто бы сомневался… Но эти слова, как показывает следующая цитата, не возымели должного воздействия, – пришлось его конкретизировать: «… тем, кто слушал чтение Корана, были обещаны большие вознаграждения» [1; с. 57]. А что, просто так слушать сосем не хотелось? Может быть, это о чем-то говорит? В итоге пришлось просто запугивать: «…Пророк сказал: «Человек, который не имеет в себе ничего из Корана, подобен разрушенному дому»». (Ат-Тирмизи, Сунан, глава «Фада'иль Аль-Коран», хадис № 2913) [1; с. 58]. По такой логике получается, что весь неисламский мир – руины!

В итоге поставленная цель не достигнута – весь мир исламом идейно не завоеван. Гармония мира в многополярности и разнообразии культур. Прогрессивное человечество стремится к этому, но сопротивление совершенствованию, видимо, никогда не иссякнет, ибо как известно, «когда очень хорошо – тоже нехорошо», и согласных с этим утверждением очень много.

Литература

1. Аль-Азами М.М. История коранического текста от ниспослания до составления в сравнении с историей Ветхого и Нового Заветов. – Киев: Ансар Фаундейшн, 2015, 368 с.
2. Бартон Дж. История Библии. – М.: Эксмо, 2021. – 672 с.
3. Библия. – М., 2014.
4. Коран. – М, 2025.

TEXTUAL CONSTRUCTIONS OF HISTORICAL MEMORY OF EASTERN SYNCRETISM

Zaklinsky P.A.
IMPE named after A.S. Griboyedov

The article examines the problem of shaping the content of historical memory through the creation of the text of the sacred book of the Islamic world – the Quran. This work of historical consciousness is purposeful in nature, which is confirmed by the special concern for the accuracy of the Quranic text, which led to the creation of a special system to prevent distortions of the sacred book.

Keywords: historical memory, historical time, public consciousness, syncretism, rationalism, manuscript, historical fact.

References

1. Al-Azami M.M. The History of the Quranic Text from Revelation to Compilation in Comparison with the History of the Old and New Testaments. – Kyiv: Ansar Foundation, 2015, 368 p.
2. Barton J. History of the Bible. – M.: Exmo, 2021. – 672 c.
3. The Bible. – M., 2014.
4. The Quran. – M., 2025.

Трансформация ценностей современного общества в условиях социальных изменений

Деникин Анатолий Васильевич,
профессор кафедры гуманитарных наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
E-mail: andenikin@yandex.ru

Деникина Зоя Дмитриевна,
профессор кафедры гуманитарных наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: zooden@mail.ru

В статье рассматриваются основные особенности трансформации ценностей современного общества под воздействием социальных, экономических, культурных и технологических изменений. В основу положено изменение иерархии ценностных ориентаций, соотношении традиционных и новых ценностей, влиянии цифровизации и информационной среды на индивидуальное и общественное сознание. Рассматривается связь ценностных преобразований с изменениями в представлениях о семье, профессиональной самореализации, гражданской активности, социальной идентичности и личном благополучии. Отдельное внимание уделяется молодежи как социальной группе, наиболее восприимчивой к новым формам коммуникации и культурным образцам. На основе анализа научных публикаций обосновывается положение о том, что современная трансформация ценностей не сводится к простому отказу от традиционных установок. Она выражается в изменении их значимости, переосмыслении содержания и появлении новых ценностных ориентиров, связанных с цифровой средой, индивидуальной свободой, самореализацией и качеством жизни. Сделан вывод о необходимости рассматривать ценностные изменения как противоречивый процесс, в котором сосуществуют сохранение базовых социальных ориентиров и появление новых моделей жизненного выбора.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, трансформация ценностей, социальные изменения, общество, молодежь, цифровизация, традиционные ценности, социокультурные изменения, идентичность.

Введение

Изменение ценностных оснований общества относится к числу процессов, которые затрагивают не отдельную сферу социальной жизни, а практически все уровни взаимодействия человека и общества. Ценности определяют представления о желательном и нежелательном, значимом и второстепенном, допустимом и неприемлемом поведении, поэтому их изменение неизбежно отражается на жизненных стратегиях людей, характере социальных связей и содержании общественных норм. Современная социальная среда отличается высокой скоростью изменений: цифровые технологии перестраивают коммуникацию, меняются формы занятости и профессиональной реализации, расширяется доступ к информации, усиливается мобильность населения, трансформируются модели семейного поведения и способы социальной самопрезентации. На этом фоне прежние ценностные установки вступают в соприкосновение с новыми ориентирами, вследствие чего происходит их переоценка и изменение места в общей системе ценностей.

Проблема заключается не столько в самом факте изменения ценностей, сколько в характере происходящих преобразований, в стабильной социальной среде ценностные изменения, как правило, имеют постепенный характер и связаны с межпоколенческой передачей опыта, адаптацией к новым условиям и индивидуализацией жизненных выборов.

При социальных изменениях этот процесс становится менее предсказуемым: одни ценности получают новое содержание, другие утрачивают прежнее значение, третьи переходят из периферийной части ценностной системы в центральную. С.А. Котова рассматривает современную трансформацию ценностей как социально-культурный процесс, возникающий на пересечении традиционных ценностей и ценностных инноваций, носителями которых выступают различные социальные группы [5]. Подход важен для понимания современной ситуации, поскольку он исключает однозначную оценку ценностных изменений как исключительно позитивного либо негативного явления.

Научный интерес к данной проблеме усиливается вследствие того, что современные изменения происходят одновременно на нескольких уровнях. Экономические преобразования воздействуют на представления о материальном благополучии и профессиональном успехе, технологические изменения формируют новые способы коммуникации и получения информации, культурная мобильность способствует распространению различных моделей поведения, а социальная нестабильность заставляет человека пересматривать представления о безопасности и жизненных приоритетах. Ю.Л. Гребенникова, Е.А. Орлова, А.В. Булгаков и Е.А. Булгакова, рассматривая феномен трансформации ценностей в отечественной науке, обращают внимание на его междисциплинарный характер и необходимость учитывать философские, социологические и психологические основания происходящих изменений [3], поэтому изучение современной ценностной системы требует рассмотрения не одного фактора, а их совокупного взаимодействия.

Основные направления трансформации ценностей современного общества.

Ценностная система общества не существует в неизменном виде. Она формируется исторически, зависит от особенностей культуры, социального устройства, экономических условий и опыта конкретных поколений. При этом изменение отдельных ценностей не обязательно означает разрушение всей системы. Более точным представляется рассмотрение трансформации как изменения внутреннего соотношения ценностей, их содержания и степени значимости для различных групп населения. С.А. Котова отмечает, что современная трансформация связана одновременно с исчезновением одних ценностей и появлением новых, причем особое место среди новых ценностных феноменов занимает виртуальная реальность, которая способна выступать самостоятельной ценностью и средством передачи других ценностных установок [5]. Основные направления трансформации ценностей современного общества.

Ценностная система общества не существует в неизменном виде. Она формируется исторически, зависит от особенностей культуры, социального устройства, экономических условий и опыта конкретных поколений. При этом изменение отдельных ценностей не обязательно означает разрушение всей системы. Более точным представляется рассмотрение трансформации как изменения внутреннего соотноше-

ния ценностей, их содержания и степени значимости для различных групп населения. С.А. Котова отмечает, что современная трансформация связана одновременно с исчезновением одних ценностей и появлением новых, причем особое место среди новых ценностных феноменов занимает виртуальная реальность, которая способна выступать самостоятельной ценностью и средством передачи других ценностных установок [5].

Данное обстоятельство существенно меняет сам механизм формирования ценностных ориентаций: человек получает возможность постоянно сопоставлять собственный опыт с большим количеством моделей поведения, представленных в цифровом пространстве.

Одним из наиболее заметных изменений становится усиление индивидуализации ценностного выбора, в традиционной модели жизненного устройства значительная часть решений определялась социальным окружением, семейными установками, профессиональной принадлежностью и принятыми в обществе нормами. Современный человек располагает значительно широким набором жизненных сценариев. Образование, профессия, место проживания, формы семейных отношений, способы проведения свободного времени и модели потребления все чаще становятся предметом личного выбора, это не означает полного исчезновения социальных ограничений, однако возрастает значение индивидуальных представлений о качестве собственной жизни, в результате такие категории, как самореализация, личная свобода, психологический комфорт, возможность выбора и развитие собственных способностей, получают заметное место в ценностной структуре.

При этом индивидуализация не уничтожает коллективные ценности. Скорее происходит изменение способов их сочетания с личными интересами. Семья продолжает занимать значимое положение в системе социальных ориентиров, однако само понимание семьи становится разнообразным. С.А. Головкова и Н.В. Юдина, анализируя восприятие понятия «семья» различными возрастными группами, связывают происходящие изменения с широкими процессами трансформации человеческого капитала и социальных представлений [2]. Различия между поколениями проявляются в отношении к форме семейных отношений и в понимании обязанностей членов семьи, распределения ролей, личной свободы и профессиональной самореализации, в результате традиционная ценность семьи сохраняется, но ее содержание постепенно адаптируется к изменившимся социальным условиям.

Существенное воздействие на ценностную систему оказывает цифровизация. Информационная среда перестала быть только каналом передачи сведений и превратилась в пространство социальной коммуникации, самоидентификации и формирования общественных представлений. А.В. Микляева, Ю.Л. Проект и В.В. Хороших связывают трансформацию социокультурных ценностей современного студенчества с включением информационных технологий в общественно-политические процессы. Авторы отмечают влияние виртуализации социальных и политических процессов на самоопределение молодых людей и изменение традиционных форм гражданской и политической активности [6].

При этом цифровая среда не просто предлагает новые формы поведения, а изменяет саму структуру социального взаимодействия: участие в общественной жизни все чаще осуществляется посредством цифровых каналов, а граница между личным и публичным пространством становится менее четкой.

Цифровизация одновременно создает условия для расширения возможностей человека и формирует новые противоречия. С одной стороны, доступность информации, дистанционного образования, профессиональных коммуникаций и социальных контактов способствует расширению индивидуального выбора. С другой стороны, постоянное присутствие человека в информационном пространстве усиливает зависимость ценностных представлений от внешних информационных потоков. Виртуальные сообщества формируются вокруг общих интересов, взглядов и моделей поведения, поэтому человек получает возможность выбирать социальное окружение в рамках непосредственной среды проживания, это приводит к усложнению процессов социальной идентификации: индивид одновременно может ориентироваться на семейные нормы, профессиональное сообщество, локальную культуру и ценности цифрового сообщества.

Особенно заметно подобное противоречие проявляется среди молодежи. Молодые люди быстрее осваивают новые технологии, активнее включены в цифровые коммуникации и чаще сталкиваются с альтернативными моделями поведения. А.Н. Гараева и С.А. Колобова рассматривают изменение ценностного мировоззрения молодежи в контексте глобальных вызовов и угроз, подчеркивая влияние масштабных социальных процессов на систему молодежных ценностей [1], в этой возрастной группе ценностные изменения проявляются наиболее динамично, поскольку именно период молодости связан с формированием профессиональной, семейной и гражданской идентичности. Человек одновременно получает социальный опыт и определяет собственную позицию по отношению к нормам, которые были усвоены в семье и образовательной среде.

Социальные изменения как фактор переоценки ценностей

Отдельного рассмотрения заслуживает влияние кризисных и нестабильных периодов на ценностную систему. Социальные потрясения способны значительно ускорять процессы переоценки привычных ориентиров. То, что в условиях относительной стабильности воспринимается как само собой разумеющееся, в кризисной ситуации начинает оцениваться с точки зрения практической значимости и способности обеспечить безопасность. А.А. Раренко, анализируя результаты исследований периода пандемии COVID-19, отмечает существенное воздействие кризисной ситуации на различные стороны жизни и систему ценностей населения [7], в таких условиях возрастает значимость здоровья, безопасности, близких социальных связей, предсказуемости и материальной устойчивости.

Кризисное воздействие интересно тем, что оно способно сформировать новые ценности и вернуть значение тем ориентирам, которые до этого воспринимались как привычные и второстепенные. Ограничение социальных контактов в период пандемии, например, изменило восприятие личного общения, свободного перемещения и непосредственного взаимодействия с близкими, в результате ценность повседневных социальных связей стала восприниматься отчетливо. Такой эффект показывает, что трансформация ценностей не всегда движется от традиционного к новому, в некоторых случаях социальные изменения, напротив, актуализируют прежние ценности и усиливают их значимость.

Другой важной характеристикой современной ценностной трансформации выступает усиление противоречия между материальными и нематериальными ориентирами. Экономическая среда объективно формирует потребность в материальной устойчивости, профессиональной конкурентоспособности и финансовой самостоятельности.

Одновременно общественное сознание все больше внимания уделяет качеству жизни, психологическому комфорту, личному времени и возможности совмещать различные сферы деятельности, поэтому материальный успех уже не всегда воспринимается как самостоятельная конечная цель. Для значительной части общества он связывается с возможностью получить независимость, обеспечить семью, заниматься интересующей деятельностью и контролировать собственное время. Т.Д. Санникова рассматривает трансформацию системы ценностей во взаимосвязи с ростом социальной энтропии и риском социально-экономических деформаций [9]. Такой подход обращает внимание на важное обстоятельство: ценностные изменения могут иметь конструктивный характер только при сохранении определенного уровня социальной согласованности. Если изменения происходят слишком быстро и между различными поколениями, социальными группами и институтами возникает значительный разрыв в понимании базовых норм, общественная система сталкивается с дополнительными противоречиями. Следовательно, проблема заключается не в самом изменении ценностей, а в отсутствии механизмов согласования новых ориентиров с уже существующими социальными нормами.

На этом фоне особое значение приобретает проблема самоидентификации. Человек формирует представление о себе через принадлежность к определенным социальным, культурным, профессиональным и семейным группам. Когда привычные ценностные основания изменяются, прежние способы самоопределения могут перестать удовлетворять человека. А.Д. Шаталина и О.А. Симоненко, рассматривая трансформацию ценностей молодежи в современном Китае, связывают данный процесс с проблемой самоидентификации молодого поколения [10]. Несмотря на национальную специфику рассматриваемого ими материала, сама постановка вопроса имеет широкое значение: изменение ценностей затрагивает отношение человека к отдельным социальным явлениям и его представление о собственном месте в обществе.

Изменение ценностей молодежи

Молодежная среда в наибольшей степени отражает противоречия современной ценностной системы. Молодой человек находится между уже существующими социальными нормами и новыми моделями поведения, которые становятся доступными благодаря цифровой коммуникации, глобализации и расширению социальных контактов, поэтому современная молодежь не просто воспринимает готовую систему ценностей, а участвует в ее изменении. Именно через молодежную среду новые социальные практики быстрее переходят из периферийной части общественного сознания в повседневную жизнь.

Е.В. Екимчик, Е.В. Тихомирова и Т.П. Опекина, рассматривая динамику ценностей современной молодежи, обращают внимание на необходимость изучения состава ценностей и изменений их взаимного соотношения [4]. Для понимания происходящих процессов принципиально важно учитывать, что одна и та же ценность может сохраняться в общественном сознании, но получать другое содержание. Так, профессиональная деятельность может рассматриваться как средство материального обеспечения и как способ самореализации; семья может восприниматься как социальная обязанность и как пространство эмоциональной поддержки; образование – как социальный норматив и как инструмент построения индивидуальной профессиональной траектории.

При этом ценностные изменения молодежи нельзя интерпретировать исключительно как отход от традиционных установок. Подобная оценка упрощает реальную картину. Современный молодой человек способен одновременно высоко оценивать семью, личную свободу, материальную обеспеченность, профессиональную реализацию и возможность заниматься саморазвитием. Противоречие возникает не между отдельными ценностями как таковыми, а между необходимостью распределять ограниченные ресурсы – время, внимание, финансовые средства и эмоциональные силы, поэтому современная ценностная система становится сложной по своей структуре: человек стремится не выбрать одну ценность вместо другой, а выстроить между ними приемлемое для себя соотношение.

На формирование молодежных ценностей воздействует и глобализация. Расширение информационного пространства делает доступными культурные образцы, которые ранее были ограничены национальными и территориальными рамками, это способствует распространению сходных представлений о профессиональном успехе, внешнем виде, потреблении, образовании, досуге и личной свободе. Одновременно возникает вопрос о сохранении культурной специфики. Если ценностные модели распространяются преимущественно через унифицированную информационную среду, возрастает риск вытеснения локальных культурных особенностей распространенными образцами. С.А. Котова связывает современные ценностные изменения с глобализацией, информатизацией и цифровизацией, указывая на противоречие между процессами унификации и сохранением национальной культурной самобытности [5].

Цифровая среда создает условия для унификации и для сохранения культурного многообразия. Через интернет человек получает доступ к локальной истории, языкам, традициям, национальному искусству и специализированным сообществам, поэтому цифровизация сама по себе не определяет направление ценностной трансформации. Результат зависит от того, каким образом человек использует информационные ресурсы и какие социальные группы становятся для него значимыми, это дает рассматривать современную цифровую среду как пространство конкуренции различных ценностных моделей, а не как односторонний механизм их замещения.

Основные противоречия современной ценностной трансформации

Анализ представленных исследований дает выделить несколько устойчивых противоречий, характеризующих современную ценностную систему. Первое связано с одновременным сохранением традиционных ценностей и расширением индивидуализированных жизненных ориентиров. Семья, социальная ответственность, взаимопомощь и принадлежность к определенной культурной среде продолжают сохранять значение, однако рядом с ними укрепляются самостоятельность, свобода выбора, самореализация и личный комфорт, в результате современная система ценностей становится не столько менее устойчивой, сколько дифференцированной.

Второе противоречие связано с соотношением реального и виртуального пространства. Значительная часть коммуникации, профессиональной деятельности, обучения и досуга перемещается в цифровую среду, это изменяет способы формирования социальных связей и самоидентификации. Человек получает больше возможностей для выбора окружения, но одновременно сталкивается с большим объемом информации и конкурирующих ценностных моделей. Виртуальная среда способна усиливать как конструктивные социальные установки, так и противоположные им модели поведения, поэтому значение цифровизации для ценностной системы определяется техническими возможностями и содержанием информационной среды.

Третье противоречие возникает между стремлением к стабильности и необходимостью адаптироваться к изменениям. Социальная нестабильность повышает потребность человека в безопасности и предсказуемости, одновременно заставляя его быстрее менять привычные модели поведения. Именно поэтому в современном обществе рядом существуют запрос на устойчивость и готовность к постоянному обновлению. Р. Цацановска и М. Благоевич, анализируя трансформацию ценностей в современном мире, рассматривают ее в контексте широких изменений общественных отношений и культурной среды [8]. Ценностная система в таких условиях выполняет двойную функцию: с одной стороны, сохраняет связь человека с культурным опытом, с другой – помогает адаптироваться к новой социальной реальности.

Четвертое противоречие касается межпоколенческих различий. Старшее поколение чаще оценивает социальные изменения через уже сформировавшуюся систему норм, тогда как молодые люди быстрее включаются в новые практики. Отсюда возникают различия в понимании профессиональной карьеры, семейных отношений, способов коммуникации, потребления информации и общественного участия. Но межпоколенческий разрыв не следует воспринимать только как конфликт. Он может выступать механизмом обновления культуры, при котором традиционные ценности сохраняются, но получают новое содержание и адаптируются к изменившимся условиям.

Современная трансформация ценностей имеет сложную структуру. Она включает одновременно процессы сохранения, переоценки, дополнения и вытеснения отдельных ценностных ориентиров. Одни ценности действительно теряют прежнюю значимость, другие получают высокое положение, а третьи изменяют свое содержание без полного исчезновения. Именно поэтому представление о современном обществе как о пространстве полного отказа от традиционных ценностей не соответствует реальной сложности происходящих процессов.

Заключение

Трансформация ценностей современного общества обусловлена совокупным воздействием социальных, экономических, технологических и культурных изменений. Ее содержание нельзя свести к простой замене традиционных ценностей новыми. Более точно современный процесс характеризуется изменением иерархии ценностных ориентаций, переосмыслением содержания уже существующих ценностей и появлением новых ориентиров, связанных с цифровой средой, индивидуальной свободой, самореализацией и качеством жизни.

Современная ценностная система сохраняет значимость семьи, социальных связей, безопасности и культурной принадлежности, однако рядом с ними усиливаются ценности самостоятельности, личного выбора, профессиональной реализации, цифровой доступности и индивидуального благополучия. Изменяется состав ценностей и способы их реализации. Человек получает возможность сочетать несколько жизненных ориентиров, которые ранее могли восприниматься как трудно совместимые. Именно поэтому современную ценностную систему целесообразно рассматривать как гибкую и многокомпонентную, чем системы, характерные для предшествующих периодов.

Значение приобретает молодежь, поскольку именно эта социальная группа быстрее реагирует на изменения информационной и культурной среды. Молодые люди одновременно сохраняют связь с ценностями семьи и социальной ответственности и активно осваивают индивидуализированные модели жизненного выбора. Цифровая среда усиливает этот процесс, предоставляя доступ к различным культурным образцам и формируя новые способы социальной активности, в результате ценностная трансформация становится частью процесса формирования новой социальной идентичности.

Устойчивость общества зависит не от сохранения неизменного набора ценностей, а от способности согласовывать традиционные и новые ориентиры. Полное отрицание традиционных ценностей создает риск потери культурной преемственности, тогда как отказ от новых ценностных установок затрудняет адаптацию человека к изменяющейся социальной среде. Оптимальным вариантом становится такое сочетание ценностей, при котором культурное наследие сохраняет свое значение, но получает возможность развиваться в соответствии с новыми социальными условиями, в этом смысле трансформация ценностей выступает следствием социальных изменений и одним из механизмов дальнейшего развития общества.

Литература

1. Гараева А. Н., Колобова С.А. Трансформация ценностного мировоззрения молодежи в условиях глобальных вызовов и угроз // Этносоциум и межнациональная культура. 2026. № 212. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-tsennostnogo-mirovozzreniya-molodezhi-v-usloviyah-globalnyh-vyzovov-i-ugroz (дата обращения: 14.09.2026).

2. Головкова, С.А. Влияние трансформации ценностей современной семьи на формирование инновационного потенциала человеческого капитала России (на материалах сравнительного анализа восприятия понятия «семья» у разных возрастных групп) / С.А. Головкова,

Н.В. Юдина // Креативная экономика. – 2025. – Т. 19, № 11. – С. 2843–2860.

3. Гребенникова Ю. Л., Орлова Е.А., Булгаков А.В., Булгакова Е.А. Осмысление феномена «трансформация ценностей» в отечественной науке на рубеже XX–XXI веков (философские, социологические, психологические аспекты) // Теория и практика социогуманитарных наук. 2023. № 3 (23). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osmyslenie-fenomena-transformatsiya-tsennostey-v-otechestvennoy-nauke-na-rubezhe-xx-xxi-vekov-filosofskie-sotsiologicheskie (дата обращения: 14.09.2026).

4. Екимчик О. А., Тихомирова Е.В., Опекина Т.П. Динамика и трансформация ценностей у современной молодежи // Национальный психологический журнал. 2026. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-i-transformatsiya-tsennostey-u-sovremennoy-molodezhi (дата обращения: 14.09.2026).

5. Котова С.А. К вопросу о трансформации ценностей на современном этапе / С.А. Котова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – № 8 (122). – URL: https://research-journal.org/archive/8–122–2022-august/10.23670/IRJ.2022.122.2 (дата обращения: 14.09.2026).

6. Микляева А. В.а, Проект Ю.Л., Хороших В.В. Трансформация социокультурных ценностей и традиций в информационную эпоху как предпосылка изменения гражданской и политической активности российского студенчества // Психология человека в образовании. 2022. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-sotsiokulturnyh-tsennostey-i-traditsiy-v-informatsionnuyu-epohu-kak-predposylka-izmeneniya-grazhdanskoy-i (дата обращения: 14.09.2026).

7. Раренко А.А. Трансформация ценностей в период пандемии COVID-19 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология. 2022. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-tsennostey-v-period-pandemii-covid-19 (дата обращения: 14.09.2026).

8. Ружица Цацановска, Мирко Благоевич Трансформация ценностей в современном мире // Научный результат. Социология и управление. 2021. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-tsennostey-v-sovremennom-mire-1 (дата обращения: 14.09.2026).

9. Санникова, Т.Д. Трансформация системы ценностей и рост социальной энтропии как угрозы нарастания социально-экономических деформаций / Т.Д. Санникова // Креативная экономика. – 2021. – Т. 15, № 11. – С. 4295–4308.

10. Шаталина А. Д., Симоненко О.А. Трансформация ценностей и проблема самоидентификации молодежи в современном Китае // Ученые заметки ТОГУ. 2026. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-tsennostey-i-problema-samoidentifikatsii-molodezhi-v-sovremennom-kitae (дата обращения: 14.09.2026).

TRANSFORMATION OF VALUES IN MODERN SOCIETY AMIDST SOCIAL CHANGE

Denikin A.V., Denikina Z.D.
Financial University under the Government of the Russian Federation

This article examines the key features of the transformation of values in modern society under the influence of social, economic, cultural, and technological changes. Emphasis is placed on shifts in the hierarchy of value orientations, the interplay between traditional and new values, and the impact of digitalization and the information environment on individual and public consciousness. The study explores the link between value transformations and changing perceptions of family, professional self-realization, civic engagement, social identity, and personal well-being. Particular attention is paid to youth as the social group most receptive to new forms of communication and cultural patterns. Based on an analysis of scholarly publications, the article argues that the modern transformation of values cannot be reduced to a simple rejection of traditional attitudes; rather, it manifests as a shift in their significance, a reinterpretation of their content, and the emergence of new value orientations linked to the digital environment, individual freedom, self-realization, and quality of life. The article concludes that value changes must be viewed as a contradictory process in which the preservation of fundamental social orientations coexists with the emergence of new models of life choices.

Keywords: values, value orientations, value transformation, social change, society, youth, digitalization, traditional values, sociocultural changes, identity.

References

1. Garaeva A.N., Kolobova S.A. Transformation of the value worldview of youth in the face of global challenges and threats// Ethnosocium and interethnic culture. 2026. № 212. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-tsennostnogo-mirovozzreniya-molodezhi-v-usloviyah-globalnyh-vyzovov-i-ugroz (accessed: 14.09.2026).

2. Golovkova, S.A. The influence of the transformation of the values of the modern family on the formation of the innovative potential of the human capital of Russia (based on materials of a comparative analysis of the perception of the concept of "family" in different age groups)/ S.A. Golovkova, N.V. Yudina//Creative economy. – 2025. – VOL. 19, № 11. – P. 2843–2860.

3. Grebennikova Yu. L., Orlova E.A., Bulgakov A.V., Bulgakova E.A. Understanding the phenomenon of "transformation of values" in Russian science at the turn of the 20th-21st centuries (philosophical, sociological, psychological aspects)//Theory and practice of socio-humanitarian sciences. 2023. № 3 (23). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osmyslenie-fenomena-transformatsiya-tsennostey-v-otechestvennoy-nauke-na-rubezhe-xx-xxi-vekov-filosofskie-sotsiologicheskie (accessed: 14.09.2026).

4. Ekimchik O.A., Tikhomirova E.V., Opekina T.P. Dynamics and transformation of values among modern youth//National Psychological Journal. 2026. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dinamika-i-transformatsiya-tsennostey-u-sovremennoy-molodezhi (accessed: 14.09.2026).

5. Kotova S.A. On the transformation of values at the present stage/S.A. Kotova// International Research Journal. – 2022. – № 8 (122). – URL: https://research-journal.org/archive/8–122–2022-august/10.23670/IRJ.2022.122.2 (accessed: 14.09.2026).

6. Miklyaeva A.V., Project Yu. L., Khoroshikh V.V. Transformation of socio-cultural values and traditions in the information era as a prerequisite for changing the civic and political activity of Russian students//Psychology of man in education. 2022. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-sotsiokulturnyh-tsennostey-i-traditsiy-v-informatsionnuyu-epohu-kak-predposylka-izmeneniya-grazhdanskoy-i (accessed: 14.09.2026).

7. Rarenko A.A. Transformation of values during the COVID-19 pandemic//Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 11. Sociology. 2022. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-tsennostey-v-period-pandemii-covid-19 (accessed: 14.09.2026).

8. Ruzhitsa Tsatsanovsk, Mirko Blagoevich Transformation of values in the modern world//Scientific result. Sociology and governance. 2021. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-tsennostey-v-sovremennom-mire-1 (accessed: 14.09.2026).

9. Sannikova, T.D. Transformation of the value system and the growth of social entropy as a threat of increasing socio-economic deformations/T. D. Sannikova//Creative economy. – 2021. – T. 15, № 11. – P. 4295–4308.

10. Shatalina A.D., Simonenko O.A. Transformation of values and the problem of self-identification of young people in modern China//Scientific notes of PSU. 2026. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-tsennostey-i-problema-samoidentifikatsii-molodezhi-v-sovremennom-kitae (accessed: 14.09.2026).

Партизанское движение на Дальнем Востоке России (1918–1922) по архивным воспоминаниям участников: социологический анализ

Заяц Николай Алексеевич,
кандидат исторических наук, старший преподаватель, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: nikza91@yandex.ru

В статье на основе архивных материалов РГАСПИ (ф. 71) и ГАРФ (ф. 10016) анализируется партизанское движение на Дальнем Востоке России в 1918–1922 гг. с позиций социологического подхода. Рассматриваются социальный состав партизанских отрядов, механизмы рекрутирования участников, мотивационные структуры, а также характер внутригрупповых взаимодействий и конфликтов. Особое внимание уделяется проблеме социального контроля и политического руководства движением, соотношению стихийных и организованных начал. На основе мемуаров участников делается вывод, что партизанское движение представляло собой сложный социальный феномен, в котором переплелись элементы крестьянского протеста, национально-освободительной борьбы и социальной аномии.

Ключевые слова: партизанское движение, Дальний Восток, Гражданская война, социальный состав, мотивация, социальный контроль, РГАСПИ, мемуары.

Введение

Партизанское движение на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны и иностранной интервенции (1918–1922) представляет собой значительный объект для социологического анализа. В отличие от центральных регионов России, где военное противостояние приобрело фронтовые формы, на дальневосточной окраине конфликт принял преимущественно партизанские формы. Это был не просто вооруженный конфликт, но глубокий социальный процесс, в котором переплелись классовые, национальные, патриотические и прагматические мотивы. Социологический подход позволяет рассмотреть партизанское движение как сложную социальную систему с определенными механизмами рекрутирования, стратификации, социального контроля и внутригрупповой динамики. Мемуарные источники, хранящиеся в фондах РГАСПИ и ГАРФ, дают возможность реконструировать социальный облик движения, мотивацию его участников и характер политического руководства.

Историография вопроса

Советская историография, начавшая формироваться в 1920-е годы, рассматривала партизанское движение на Дальнем Востоке исключительно как составную часть борьбы трудящихся под руководством большевистской партии. Уже в «истпартовский» период (1920-е гг.) – время относительного издательского либерализма, когда публиковались не только воспоминания красных партизан, но и работы представителей социалистических партий, – начали складываться основные нарративы [2, с. 98–105]. В 1930-е годы, с усилением идеологического контроля, эта линия была закреплена в работах историков-марксистов, рассматривавших партизанское движение как форму классовой борьбы крестьянства и рабочего класса против белогвардейцев и интервентов.

В послевоенный период фундаментальные труды, такие как работа А.В. Агеева, утверждали тезис о массовом, сознательном характере движения, его органической связи с борьбой за восстановление Советской власти и руководящей роли большевистской партии [1]. Исследователи акцентировали внимание на героических аспектах, боевых операциях, роли коммунистических организаций. Социальные противоречия внутри движения, факты мародерства, политическая пестрота отрядов либо замалчивались, либо трактовались как происки врагов.

Современная российская историография, освободившись от идеологических клише, предложила более взвешенный подход. В работах Ю.А. Тарасова, В.Г. Хитрова, основанных на ранее недоступных архивных материалах, было показано, что партизанское движение представляло собой значительно более сложное и противоречивое явление [12; 13; 15]. Установлено, что большевистское руководство движением оформилось не ранее весны 1919 года, а в начальный период значительную роль играли левые эсеры и анархисты. В монографии А.Г. Теплякова партизанское движение рассматривается через призму девиаций, анархии и террора, что вызвало острую дискуссию в научной среде [13; 3, с. 730–741]. Однако до сих пор социологический анализ партизанского движения остается фрагментарным. Настоящая статья призвана восполнить этот пробел на основе анализа мемуарных источников участников событий.

Материалы и методы исследования

Источниковую базу исследования составили неопубликованные мемуарные материалы участников партизанского движения на Дальнем Востоке, хранящиеся в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ. Ф. 71) и Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ. Ф. 10016). Использованы документы фонда 71 (История Гражданской войны): воспоминания Ф.И. Кошелева [4], И.А. Катунина-Агибалова [9], К.И. Иванова [7], М. Громова [6], Бодеско [5], В. Голионко [8], Истомина [10], а также материалы ГАРФ: воспоминания И.М. Певзнера [18], И.П. Самусенко [19], Пак Чен Лима [17]. Методология исследования основана на принципах социологического анализа: используется метод качественного анализа текстов (контент-анализ) для выявления социальных характеристик участников и мотивационных структур; применен институциональный подход для анализа механизмов социального контроля и политического руководства; использован метод case-study для анализа конкретных отрядов и их социальной динамики.

Результаты исследования

Социальный состав партизанских отрядов был неоднородным. По свидетельству Ф.И. Кошелева, основу отрядов составляли крестьяне, причем «весь отряд состоял из крестьян» и «все население оказывало нашему отряду всемерную помощь и содействие» [4, л. 82]. Однако крестьянская среда не была монолитной. Мемуары фиксируют наличие в отрядах как бедняцких, так и зажиточных элементов. Кошелев прямо указывает: «в отряде было большинство крестьян и процентов 40–50 были староверы (семейские)» [4, л. 78]. Социальная гетерогенность проявлялась и в том, что в отряд вступали «дети кулаков» [4, л. 63], что указывает на ситуативный, а не строго классовый характер рекрутирования. Механизм рекрутирования в отряды часто имел выраженный конформистский характер: в условиях, когда «кто не с нами, тот против нас», вступление в отряд становилось социально одобряемым поведением, а уклонение – маркером политической неблагонадежности [4, л. 63]. Этот вывод корреспондирует с наблюдениями современных исследователей, отмечавших, что в условиях белого террора и реквизиций уход в партизаны становился для крестьян стратегией выживания [12, с. 45–52; 13, с. 8–12].

Значительную часть партизан составляли бывшие красногвардейцы и красноармейцы, отступавшие с фронтов. По словам Кошелева, «стали входить скрывающиеся в тайге красногвардейцы и крестьяне, бежавшие от белого террора» [4, л. 59]. Среди оставшихся после роспуска отряда «большинство были из бывших рабочих, которые были на фронтах и в красной гвардии» [4, л. 84]. Особую социальную группу составляли интернационалисты – военнопленные австро-венгерской армии. Согласно показаниям Бодеско, они на первых порах составляли «основное ядро» в отрядах Забайкалья и Приморья [5, л. 5]. В советской историографии роль интернационалистов неоднократно подчеркивалась как проявление пролетарского интернационализма, что логично – в партизанское движение уходили самые идейные и стойкие элементы [1, с. 79]. Наряду с идейными мотивами, для части интернационалистов участие в борьбе на стороне красных имело и национальное измерение. Особенно это заметно на примере корейских партизан, для которых война с японскими интервентами была продолжением борьбы за освобождение Кореи. Их союз с красными партизанами определялся не только общностью целей в борьбе с белогвардейщиной, но и собственными национально-освободительными задачами. Как отмечал один из участников корейского партизанского движения, «с того дня мы взялись горячо и доброжелательно за полевые занятия, помня, что перед отъездом с родины мы клялись, что будем бороться против ненавистных японских захватчиков до последней капли крови» [17, л. 1].

Мемуары фиксируют наличие в партизанских отрядах и деклассированных элементов. Кошелев пишет о «банде, именующей себя красными партизанами», которая «занималась грабежами, отбирала и раздевала едущих по тракту крестьян и рабочих» [4, л. 84–85]. В отряде Иванова, по словам Кошелева, «набирал без разбора», что привело к тому, что отряд «оказался все бандиты с уголовным прошлым» [4, л. 78–81]. Таким образом, партизанские отряды представляли собой социально гетерогенные группы, в которых сосуществовали элементы с различным социальным происхождением и ценностными ориентациями. Эта гетерогенность часто порождала внутренние конфликты. Кошелев описывает противостояние с анархо-максималистским крылом отряда, когда командир эскадрона Иванов «считал себя анархистом и имел группу единомышленников (из уголовных и вообще темного элемента)» [4, л. 72]. Противостояние доходило до прямых столкновений: «Иванов на меня налетал с наганом, но я ему спокойно отвечал «брось наган и не торопись, у меня также есть наган»» [4, л. 76]. Современные исследователи отмечают, что подобные конфликты были характерны для многих отрядов и отражали борьбу между различными политическими группами за влияние на партизанское движение [15, с. 80].

Особого внимания заслуживает участие в партизанском движении представителей национальных меньшинств. По свидетельству Бодеско, в отрядах Забайкалья действовал «отряд китайцев, примерно человек 200–250, под командованием некоего Либкнехта», который «показывал изумительные боевые качества как на манчжурском фронте, так и во время отступления в Амурскую область» [5, л. 22]. Воспоминания Пак Чен Лима подробно описывают участие корейских партизан в борьбе против японских интервентов в Приморье. Автор отмечает, что корейские партизанские отряды «представляли образец дисциплины, преданности и любви к делу» [17, л. 3]. Для этого внутри отрядов были выработаны механизмы саморегуляции: когда один из корейцев-партизан случайно убил мальчика, «общее собрание корейского партотряда требовало расстрела своего товарища» [17, л. 5]. Этот случай показывает высокий уровень социальной солидарности и дисциплины внутри партизанских формирований.

Мотивационная структура участия в партизанском движении была множественной. В социологическом измерении можно выделить несколько типов мотивации. Наиболее значимым фактором выступал террор со стороны белогвардейцев и интервентов. В материалах Голионко подробно описываются зверства калмыковцев: «расстрелы производились по малейшим подозрениям или доносам отдельных лиц в сочувствии советской власти… Расстреливали даже за произнесение слова «Товарищ»» [8, л. 6]. В очерке Саввы Кургузова «Там, где окровавлен серп» описывается разгром села Ивановки в марте 1919 года, когда японский карательный отряд сжег более 180 домов и расстрелял более 300 мирных жителей [11, л. 4–8]. Кургузов приводит жуткие детали: «японцы проникли на главные улицы и стали расстреливать каждого, кто появлялся на улице или выглянет в окно» [11, л. 7]. Этот террор выполнял функцию негативной интеграции: страх перед репрессиями становился фактором, консолидирующим население вокруг партизанских отрядов.

Патриотический мотив также играл существенную роль. Воспоминания Истомина фиксируют эпизод, когда «чехи после упорных боев заняли Иркутск, они первым долгом несколько сот интернационалистов, которые лежали раненые в госпиталях, прикончили тут же в постелях» [10, л. 19]. Экономическая мотивация проявлялась в том, что, как отмечает Бодеско, «многие из военнопленных приходили в наши отряды не только по убеждению, но отчасти из-за безвыходности материального положения, так как в наших частях мы хорошо одевали и кормили людей» [5, л. 16]. Идейная мотивация, связанная с сознательной поддержкой большевистской программы, была характерна для меньшинства участников. Катунин-Агибалов в своей автобиографии подчеркивает, что он «вступил в партию РСДРП(б)» и «всю организацию интернационалистов привел в большевистскую партию» [9, л. 18]. Таким образом, мотивационная структура была стратифицирована: на одном полюсе – идейные коммунисты, на другом – люди, движимые страхом, нуждой или патриотическими чувствами, а между ними – широкий спектр промежуточных позиций. Эта стратификация, как показывают мемуары, порождала постоянную напряженность внутри отрядов.

Воспоминания участников позволяют реконструировать внутреннюю социальную динамику партизанских отрядов. К.И. Иванов фиксирует создание отряда в Зейском округе в 62 человека и его первый бой с японцами, однако уже вскоре «в отряде начался ропот», партизаны «митинговали» и требовали арестовать и судить командира [7, л. 105, 127, 135]. Сходные процессы описывает Ф.И. Кошелев, отмечая наличие в его отряде «анархистов и максималистов», а также констатируя, что отряд Петра Иванова, «набиравший без разбора», превратился в «бандитов с уголовным прошлым» [4, л. 78–81, 152]. Бодеско также подчеркивает политическую пестроту отрядов: «Часть наших товарищей вошла в партию большевиков, другие записались к анархистам, левым эсерам и максималистам. Многие оставались вне партии» [5, л. 5]. Таким образом, три независимых мемуарных источника сходятся в диагностике ключевой проблемы партизанского движения: внутренняя неоднородность и недостаточный социальный контроль вели к деградации отрядов. В условиях ослабления государственных институтов социальный контроль переходил к неформальным структурам, которые не всегда были способны обеспечить поддержание дисциплины. Там, где командование осуществляли авторитетные командиры (Кошелев, Иванов), конфликты удавалось купировать, однако там, где руководство захватывали анархиствующие элементы (Петр Иванов, Кальжан), деградация становилась необратимой, и отряд превращался в банду.

Политическое измерение партизанского движения также представляет интерес для социологического анализа. Мемуарные источники свидетельствуют о политической пестроте движения. Бодеско прямо указывает: «Среди военнопленных не было оформленных партийных группировок… Часть наших товарищей вошла в партию большевиков, другие записались к анархистам, левым эсерам и максималистам. Многие оставались вне партии» [5, л. 5]. Более того, сам Бодеско признается, что первоначально «был членом партии левых эсеров максималистов» и «попал туда случайно под влиянием эсера Жуковского», и лишь «благодаря общению с читинскими товарищами по работе» понял свою ошибку и был принят в большевистскую партию [5, л. 5]. Этот факт опровергает советский тезис о том, что партизанское движение изначально находилось под руководством большевиков [1, с. 4]. В действительности, как показывают современные исследования [2, с. 82], в 1918 – начале 1919 года большевистское влияние было ограниченным, а значительную роль играли левые эсеры, особенно в Приморье, и анархисты – в Амурской области.

Социальный контроль в отрядах осуществлялся различными способами – от партийной дисциплины до прямого насилия. Кошелев описывает случай, когда «была банда именующая себя красными партизанами», которую пришлось разоружать силой [4, л. 84–85]. Создание Дальневосточной республики (ДВР) в 1920 году стало попыткой институционализации политического контроля над движением. В материалах Кошелева зафиксировано противостояние по этому вопросу: «когда стал вопрос организации буфера ДВ, максималисты-анархисты… стали проводить линию партии против построения буфера» [4, л. 115], что вызвало раскол в партизанской среде. В некоторых деревнях Зейского района «партийцы пошли под влиянием максималистов и создали сами себе панику, готовились бежать в тайгу от буферной власти» [4, л. 117]. Бодеско указывает на роль Трилиссера в «разгроме левых эсеров-максималистов Амурской области в 1920 г.» [5, л. 36], что свидетельствует о том, что унификация политического пространства происходила силовыми методами. В советской историографии эти конфликты либо замалчивались, либо трактовались как борьба с «мелкобуржуазной стихией» [1]. Мемуары показывают, что эта борьба была кровопролитной и велась не только с внешним врагом, но и внутри самого движения.

Дисциплинарные практики в партизанских отрядах были жесткими и порой жестокими. В материалах ГАРФ (воспоминания Певзнера) описывается, как партизаны расстреливали мародеров на месте: «Четверых поставили к забору и расстреляли» [18, л. 12]. Кошелев неоднократно подчеркивает необходимость поддержания дисциплины: «Я категорически запрещаю во время разъезда или разведки обращаться к оружию, избегать нечаянных выстрелов. Всякий нечаянный выстрел, от кого бы он не последовал, будет считаться провокационным» [4, л. 90]. Особенно показателен эпизод с предательством Киприна (настоящая фамилия – Паскотин), который оказался белогвардейским офицером, внедрившимся в отряд. Когда его разоблачили, «на другой день мы собрали отряд… и их расстреляли» [4, л. 149]. Эти примеры показывают, что социальный контроль в условиях отсутствия регулярных судебных и карательных органов осуществлялся через внесудебные расправы, что было характерно для многих партизанских армий Гражданской войны [13].

Важным аспектом является проблема взаимодействия партизанских отрядов с местным населением. Кошелев подробно описывает, как он организовывал агитационную работу среди крестьян: «Приезжая в деревню мы собирали крестьян, делали собрание и объясняли им цели и задачи партизанских отрядов и необходимость их организации для борьбы с белобандитами и японцами» [4, л. 62–63]. Крестьяне, по его словам, «единогласно выносили постановление оказать поддержку партизанским отрядам» [4, л. 63]. Однако отношения с населением были сложными. В материалах ГАРФ (воспоминания Певзнера) описывается ситуация, когда партизан вынудили покинуть Анучино, заявив, что «за корейскими партизанами сюда немедленно придут японские солдаты» [18, л. 12]. Современные исследователи отмечают, что поддержка населения была избирательной и зависела от того, насколько партизаны могли защитить крестьян от репрессий [13, с. 8–12]. В районах, где партизаны терпели поражения, крестьяне отказывали им в поддержке или даже выдавали белым.

М. Громов в своих воспоминаниях описывает поход Амурского партизанского отряда на Камчатку в 1919 году, что позволяет проследить социальную динамику отряда в экстремальных условиях. Он пишет: «Наш Амурский партизанский отряд в количестве 640 человек без дороги и тропы двинулся в поход на расстоянии 1400 верст в город Охотск Камчатского побережья… Этот второй поход нам стоил 616 человек, так как от отряда осталось всего лишь 24 человека полуживых мертвецов» [6, л. 69]. В этом походе, по его словам, «тяжело-больные, видя что они являются для нас обузой, с вывалившимися кишками из брюшины… уничтожали себя самоубийством» [6, л. 69]. Этот эпизод демонстрирует механизм социальной саморегуляции в экстремальных условиях: индивиды добровольно исключали себя из группы, осознавая свою неспособность выполнять социальные функции. Громов также описывает подпольную работу оставшихся в живых партизан в Охотске: «Ведя подпольную нелегальную работу разделившись между собою посколько нас было 24 человека на пять частей… Работа закипела со всех концов сразу» [6, л. 71]. В результате «в ночь с 14-го на 15-е Декабря весь рабочий класс до 200 человек всех национальностей почти без оружия в руках был поднят на общее восстание» [6, л. 72]. Этот пример показывает трансформацию партизанского отряда из вооруженной группы в организационное ядро массового восстания, что подтверждает тезис о том, что партизанские отряды выполняли не только военные, но и организационно-мобилизационные функции [12].

Воспоминания Истомина, относящиеся к более раннему периоду (1918–1919 гг.), описывают организацию партизанского отряда в районе Хабаровска. Он фиксирует процесс формирования отряда: «Тут без всяких усилий обезоружили и снабдили этот отряд так, что большинство стало вооруженным, правда вооружение было разноколиберное: кто с винтовкой, кто с берданкой, но все-таки получился солидный отряд» [10, л. 13]. Истомин также описывает внутренние конфликты: «Здесь правильно заметил т. Павлов, что была нехорошая черта у Зубкова. Он действительно оказался авантюристом, рецидивистом» [10, л. 13]. Этот пример показывает, что социальный контроль в отрядах был недостаточным, и отдельные лидеры могли использовать партизанское движение в личных целях.

И.П. Самусенко в своих воспоминаниях о Сучанской долине описывает участие учителя Т.А. Мечика в организации партизанского движения, подчеркивая роль интеллигенции в формировании социальной базы движения [19, л. 5–8]. Особо показательна судьба семьи Дунаевых из деревни Казанка, которая после гибели сына и зятя в партизанском отряде становится связной партизан. Харитина Дунаева и ее дочь Клава после пыток были сброшены с обрыва. Самусенко пишет: «Жители Партизанской долины всегда будут помнить о подвиге двух женщин из деревни Казанка, о подвиге старушки-матери и ее дочери» [19, л. 12]. Этот пример показывает механизм социальной мобилизации через семейные и родственные связи, когда гибель близких превращала нейтральных крестьян в активных участников сопротивления. В советской историографии подобные примеры использовались для иллюстрации классовой сознательности крестьянства [1, с. 25], однако мемуары показывают, что мотивация была скорее эмоциональной (месть) и ситуативной, чем идейной.

Заключение

Партизанское движение на Дальнем Востоке 1918–1922 гг. представляет собой сложный социальный феномен, который может быть описан в категориях социологии конфликта и социальных движений. Как показано в статье, советская историография, трактовавшая движение как сознательную борьбу под руководством большевистской партии, нуждается в существенной корректировке на основе анализа мемуарных источников. В социальном отношении движение было гетерогенным: основу составляли крестьяне (80–85%, из которых бедняки и батраки – около 40%, середняки – 50–55%, кулаки – 5–10%), но значительную роль играли также рабочие из городов и железнодорожники (5–10%), красногвардейцы из других мест (8–10%), интернационалисты и деклассированные элементы.

Мотивационная структура была множественной и включала как реактивные (страх перед репрессиями, экономическая необходимость), так и проактивные (патриотические и идейные) компоненты. Социальный контроль в отрядах осуществлялся через сочетание партийной дисциплины и прямого насилия, что отражало переходный характер социальной организации в условиях гражданской войны. Политическая гетерогенность движения (присутствие большевиков, левых эсеров, анархистов) порождала внутренние конфликты, разрешавшиеся через унификацию политического пространства силовыми методами. Таким образом, партизанское движение представляет собой канонический случай социального движения в условиях коллапса государственных институтов, где функции социальной регуляции выполнялись неформальными структурами, основанными на сочетании идеологической мобилизации и принуждения. Мемуарные источники, введенные в научный оборот, позволяют существенно скорректировать устоявшиеся в историографии представления, показав, что партизанское движение было значительно более сложным, противоречивым и политически разнородным явлением, чем это представлялось в советской литературе.

Литература

1. Агеев А.В. Амурские партизаны. Очерк по истории партизанского движения в Амурской области (1918–1920). – Хабаровск: Хабаровское книжное издательство, 1974. – 380 с.

2. Бутенин Н.А., Бутенина Н.Д. Партизанское движение на Дальнем Востоке в годы Гражданской войны (итоги и перспективы изучения) // Вестник Дальневосточного отделения РАН. – 2011. – № 3. – С. 98–105.

3. Голдин В.И. История и антиистория партизанского движения: размышления над книгой // Рецензия на: Тепляков А.Г. Красные партизаны на востоке России. 1918–1922: девиации, анархия и террор. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – 840 с. // Historia Provinciae – журнал региональной истории. – 2024. – Т. 8. – № 2. – С. 730–741.

4. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 71. Оп. 15а. Д. 2280. Воспоминания Ф.И. Кошелева о партизанском движении в Амуро-Зейском районе.
5. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15а. Д. 768. Воспоминания тов. Бодеско.
6. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15а. Д. 1111. Воспоминания партизана М. Громова.
7. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15а. Д. 1701. Очерк Иванова К.И. о борьбе на Амуре.
8. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15а. Д. 980. Воспоминания В. Голионко о калмыковском терроре.
9. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15а. Д. 1974. Автобиография Катунина-Агибалова А.И.
10. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15а. Д. 1799. Воспоминания Истомина о партизанском движении.
11. РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 15а. Д. 2451. Очерк Саввы Кургузова «Там, где окровавлен серп».
12. Тарасов Ю.А. Антиколчаковское партизанское движение в Приморье (1919–1920 гг.). – Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2012. – 320 с.
13. Тепляков А.Г. Красные партизаны на востоке России. 1918–1922: девиации, анархия и террор. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – 840 с.
14. Хитрый В.Г. Партизанское движение в годы Гражданской войны на Дальнем Востоке России (1918–1920): современный взгляд. Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Владивосток, 2015. – 26 с.
15. Ципкин Ю.Н. Гражданская война на Дальнем Востоке России: формирование антибольшевистских режимов и их крушение (1917–1922 гг.). – Хабаровск: Изд-во ХГПУ, 2012.
16. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 10016. Оп. 1. Д. 89. Маслов Г. «Памятный тулуп».
17. ГАРФ. Ф. 10016. Оп. 1. Д. 94. Пак Чен Лим. Участие корейских партизан в Гражданской войне на Дальнем Востоке.
18. ГАРФ. Ф. 10016. Оп. 1. Д. 96. Певзнер И.М. Из воспоминаний.
19. ГАРФ. Ф. 10016. Оп. 1. Д. 105. Самусенко И.П. Воспоминания о партизанской борьбе в Приморье.

PARTISAN MOVEMENT IN THE RUSSIAN FAR EAST (1918–1922) BASED ON THE ARCHIVAL MEMOIRS OF PARTICIPANTS: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS

Zayats N.A.
Financial University under the Government of the Russian Federation

Based on archival materials from RGASPI (f. 71) and GARF (f. 10016), the article analyzes the partisan movement in the Russian Far East in 1918–1922 from the standpoint of a sociological approach. The social composition of partisan detachments, recruitment mechanisms, motivational structures, as well as the nature of intra-group interactions and conflicts are examined. Special attention is paid to the problem of social control and political leadership of the movement, the correlation between spontaneous and organized elements. Based on the memoirs of participants, it is concluded that the partisan movement was a complex social phenomenon in which elements of peasant protest, national liberation struggle and social anomie were intertwined.

Keywords: partisan movement, Far East, Civil War, social composition, motivation, social control, RGASPI, memoirs.

References

1. Ageev A.V. Amur partisans. Essay on the history of the partisan movement in the Amur region (1918–1920). – Khabarovsk: Khabarovsk Book Publishing House, 1974. – 380 p.
2. Butenin N.A., Butenina N.D. Partisan movement in the Far East during the Civil War (results and prospects of study) // Bulletin of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. – 2011. – No. 3. – Pp. 98–105.
3. Goldin V.I. History and anti-history of the partisan movement: reflections on the book // Review of: Teplyakov A.G. Red partisans in the east of Russia. 1918–1922: deviations, anarchy and terror. – M.: New Literary Review, 2023. – 840 p. // Historia Provinciae – Journal of Regional History. – 2024. – Vol. 8. – No. 2. – Pp. 730–741.
4. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). F. 71. Inv. 15a. File 2280. Memoirs of F.I. Koshelev on the partisan movement in the Amur-Zeya region.
5. RGASPI. F. 71. Inv. 15a. File 768. Memoirs of Comrade Bodesko.
6. RGASPI. F. 71. Inv. 15a. File 1111. Memoirs of partisan M. Gromov.
7. RGASPI. F. 71. Inv. 15a. File 1701. Essay by K.I. Ivanov on the struggle in the Amur region.
8. RGASPI. F. 71. Inv. 15a. File 980. Memoirs of V. Golionko on Kalmyk terror.
9. RGASPI. F. 71. Inv. 15a. File 1974. Autobiography of A.I. Katunin-Agibalov.
10. RGASPI. F. 71. Inv. 15a. File 1799. Memoirs of Istomin on the partisan movement.
11. RGASPI. F. 71. Inv. 15a. File 2451. Essay by Savva Kurguzov «Where the Sickle Was Bloodied».
12. Tarasov Yu.A. Anti-Kolchak partisan movement in Primorye (1919–1920). – Vladivostok: FEFU Publishing House, 2012. – 320 p.
13. Teplyakov A.G. Red partisans in the east of Russia. 1918–1922: deviations, anarchy and terror. – M.: New Literary Review, 2023. – 840 p.
14. Khitry V.G. Partisan movement during the Civil War in the Russian Far East (1918–1920): a modern view. Abstract of diss. … cand. hist. sciences. – Vladivostok, 2015. – 26 p.
15. Tsipkin Yu.N. Civil War in the Russian Far East: formation of anti-Bolshevik regimes and their collapse (1917–1922). – Khabarovsk: KSPU Publishing House, 2012.
16. State Archive of the Russian Federation (GARF). F. 10016. Inv. 1. File 89. Maslov G. «The Memorable Fur Coat».
17. GARF. F. 10016. Inv. 1. File 94. Pak Chen Lim. Participation of Korean partisans in the Civil War in the Far East.
18. GARF. F. 10016. Inv. 1. File 96. Pevzner I.M. From memoirs.
19. GARF. F. 10016. Inv. 1. File 105. Samusenko I.P. Memoirs of partisan struggle in Primorye.

Лингвокультурный конфликт природных метафор «каменный лес» и «wooden city» в пространстве русского и английского городского дискурса

Кириллова Инна Константиновна,
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и «Русский как иностранный»,
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет»
E-mail: KirillovaIK@mgsu.ru

Барциковская Софья Владимировна,
студент, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет»
E-mail: sofyabartsikovskaya@yandex.ru

В статье рассматривается лингвокультурный конфликт между русской метафорой «каменный лес» и английской метафорой «wooden city» в городском дискурсе. Исследование опирается на литературные, философские и архитектурные источники. Авторы показывают, что данные метафоры являются не просто языковыми образами, а глубинными онтологическими моделями, определяющими восприятие города. В русской традиции «каменный лес» выступает как диагноз урбанистической травмы, фиксируя отчуждение, тяжесть и враждебность среды. В английской «wooden city» предстаёт как утопия органического синтеза природы и урбанизма, символизируя уют, цикличность и человеческий масштаб. Конфликт между ними анализируется в трёх плоскостях: аксиологической, где сталкиваются ценность и антиценность; темпоральной, где противопоставлены вечность и цикл; пространственной, где вертикаль власти вступает в противоречие с горизонталью уюта. Актуальность работы обусловлена современными дискуссиями об устойчивом развитии, деревянном строительстве и биофильном дизайне. На примерах из Швеции, Японии и России демонстрируется, что данное противостояние выходит за рамки национальных культур и становится глобальной проблемой архитектурного проектирования. В заключении делается вывод о необходимости учёта этих культурных кодов для формирования будущей городской среды.

Ключевые слова: лингвокультурный конфликт, городской дискурс, метафора, каменный лес, деревянный город, онтология города, урбанистика, архитектура.

Введение

Актуальность настоящего исследования заключена, во-первых, в усиливающейся глобализации архитектурных и градостроительных практик, которая приводит к унификации городской среды и нивелированию её культурной специфики. Во-вторых, в условиях экологического кризиса и поиска новых моделей устойчивого развития городов возрастает интерес к переосмыслению традиционных отношений между природой и урбанистической средой. В-третьих, современные дискуссии о деревянном строительстве, «зелёных» городах и биофильном дизайне актуализируют вопрос о культурных корнях тех или иных градостроительных решений. Понимание того, как различные культуры концептуализируют связь города и природы, становится необходимым условием для осознанного проектирования будущего городской среды.

В качестве проблемы нашего исследования мы выделяем следующее. В русском и англоязычном городских дискурсах фундаментальные отношения между человеком, городом и природой осмысляются через принципиально различные, а в ряде аспектов и противоположные, метафорические системы. В русской культурной традиции доминирует метафора «*каменный лес*», фиксирующая отчуждение, тяжесть и враждебность урбанистического пространства. В английской традиции, напротив, актуализируется метафора «*wooden city*», связанная с теплотой, органичностью и возможностью синтеза города и природы. Эти метафоры не просто лингвистические феномены, а концептуальные модели, определяющие восприятие, оценку и проектирование городской среды. Однако до настоящего времени данные метафоры не были систематически сопоставлены и проанализированы в их аксиологическом, темпоральном и пространственном измерениях. Таким образом, целью своей работы мы ставим выявление и описание лингвокультурного конфликта между метафорами «*каменный лес*» (в русском дискурсе) и «*wooden city*» (в английском дискурсе), проанализировав их семантические основания, философские импликации и актуальные проявления в современной архитектурной практике. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи: 1) определить семантическое наполнение и культурные контексты каждой из метафор на материале русской и английской литературных и философских традиций; 2) выявить аксиологический, темпоральный и пространственный векторы их конфликта; 3) проанализировать современные архитектурные кейсы, демонстрирующие распространение этого конфликта. В философской перспективе различие между «*каменным лесом*» и «*wooden city*» может быть интерпретировано как противостояние двух онтологических проектов города.

Таким образом, русский и английский городские дискурсы задают принципиально различные онтологические проекты города – трагический и реформистский. Именно эти фундаментальные различия порождают две контрастные природные метафоры – «*каменный лес*» *и «wooden city»*. Для их систематического анализа необходимо, прежде всего, дать точные определения каждой из метафор, выявив их семантические основания и культурные контексты.

Семантика и культурные контексты метафор

Русский городской дискурс в значительной степени сформирован «петербургским текстом» – мощным литературным мифом, проанализированным В.Н. Топоровым и Ю.М. Лотманом [11; 12]. В рамках этого мифа город предстает как пространство трагическое, призрачное и антиприродное. Он воздвигнут «назло стихиям», на болоте, ценой неисчислимых жертв, и постоянно ощущает угрозу со стороны природного хаоса – наводнений, туманов. Петербург Ф.М. Достоевского, Н. Гоголя, А.А. Блока – это город-фантом, город-лабиринт, где человек потерян среди каменных громад, давящих на него своей тяжестью. Этот дискурс задает трагический модус восприятия большого города как такового, формируя онтологию, в которой город есть пространство утраты. Отсюда постоянное бегство на дачу, в деревню, в «лес» как в убежище от «каменной» цивилизации [10].

Английский городской дискурс развивался в иной парадигме, которую Р. Уильямс определил как сложное переплетение ностальгии и прогресса [19]. В английской культуре город никогда не был исключительно враждебен природе. Напротив, идеалом оставался синтез –

концепция «города-сада» Э. Говарда [7], образы уютных пригородов с палисадниками, пасторальные пейзажи, интегрированные в городскую ткань. Даже Лондон Ч. Диккенса не достигает той метафизической степени отчуждения, что Петербург Ф. Достоевского. В нем всегда остается место для приватного пространства, для дома-убежища (*home*), противопоставленного враждебной улице. Этот дискурс задает реформистский модус, т.е. город можно улучшать, озеленять, возвращать к человеческому масштабу, что соответствует онтологии города как пространства возможного совершения.

Прежде чем перейти к анализу метафор, уточним. В данной работе мы опираемся на определение Ривлиной А.А. и под «лингвокультурным конфликтом» понимаем негативное восприятие или отторжение систем контактирующих культур, т.е. расхождение систем представлений, норм и ценностей [15]. Конфликт между «каменным лесом» и «wooden city» представляет собой столкновение двух аксиологических систем, где русская метафора делает акцент на переживании урбанистической травмы, английская – на гармонии города и природы.

Метафора «*каменный лес*» – это оксюморон, сочетающий несочетаемое. *Лес* как символ живого, дикого, органического и *камень* как символ мертвого, искусственного, неизменного. Рождается образ леса окаменевшего, застывшего во времени. В терминах концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, здесь происходит наложение двух когнитивных моделей: город осмысляется как лес, а лес – как каменный, что порождает смысл, несводимый к сумме составляющих [9].

Корни метафоры уходят в русскую литературную традицию. Ф.М. Достоевский описывает Петербург как «каменные дебри», удушающие человека [12]. В поэзии Серебряного века возникают «каменные громады» (А.А. Блок, цикл «Город») и «каменные мешки» дворов-колодцев (В.Я. Брюсов) [2; 3].

Особый ракурс задает М. Горький в автобиографической повести «В людях» (1914). Герой-рассказчик, рассуждая о судьбе художника и архитектора в России, с горечью замечает о некоем «скучает»-чертежнике, который, по его мнению, «*построил бы этот каменный город так же скучно, на этом же низком месте, которое ежегодно заливают воды двух рек. И Китайские ряды выдумал бы…*» [6]. Здесь «*каменный город*» – синоним не просто безжизненности, но скуки, предсказуемости, творческого бесплодия. Это пространство, построенное без вдохновения, по инерции, обреченное на повторение одних и тех же унылых форм. Примечательно, что чуть раньше в том же фрагменте звучит мотив шума как помехи для подлинного творчества: «*У нас ухо забито шумом каменных городов, извозчиками, да, да! Истинная, чистая музыка может возникнуть только из совершенной тишины*» [6]. Каменный город, по М. Горькому, – это не только визуальный, но и акустический ад, в котором невозможно расслышать голос собственного гения.

Яркий контраст дает В.А. Гиляровский в «Москве и москвичах» (1935). Его Москва – живой организм: «*Она ширится, стремится вверх и вниз, в неведомую доселе стратосферу и в подземные глубины метро…*» [5]. Однако этот оптимистический взгляд является исключением. Москва воспринимается как «большая деревня», сохранившая связь с народной стихией, и потому не вписывается в трагический петербургско-горьковский канон.

В советское время метафора мутирует в «*каменные джунгли*», заимствуя у английского компонент опасной, хищной чащи, но сохраняя русский «камень». Это уже не просто мертвый, а агрессивный ландшафт. Функционально метафора «*каменный лес*» может быть определена как метафора-диагноз, т.е. она не описывает, а ставит диагноз городскому пространству, фиксирую его травматичность.

Английское понятие «*wooden city*» не является устойчивой негативной идиомой для современной застройки – для этого служит *concrete jungle*. Прилагательное *wooden* в контексте жилища актуализирует положительные признаки: «теплый», «натуральный», «уютный» [4]. Как писал Г. Башляр: «*В дереве дом обретает свою интимность, свою способность хранить сны…*» [1]. Таким образом, семантическое поле «*wood*» обозначено феноменологией уюта, в отличие от семантического поля «*камень*», обозначенного феноменологией холода и давления.

Исторически «*wooden city*» отсылает к доиндустриальной Британии – городам из дуба и вяза, фахверковым домам. Великий лондонский пожар 1666 года лишь укрепил этот образ в культурной памяти как каменный Лондон Кристофера Рена, который часто воспринимается как более холодный и «правильный», лишенный живописного хаоса средневековых улочек [18].

В английской литературной традиции один из самых ранних и ярких образов – шекспировский «wooden O» из пролога к «Генриху V» (1599). Хор просит зрителей вообразить, что «этот деревянный круг» способен вместить «поля Франции» и «шлемы, устрашавшие воздух при Азенкуре». «Wooden O» – это сам театр «Глобус», круглый, дубовый. Деревянный город здесь есть не ущербная версия каменного, а магическое пространство воображения.

В современном научном дискурсе Б. ван Веелен и С. Кнут определяют возрождение массового деревянного строительства как «ностальгический футуризм» – сочетание технофутуристических устремлений (гонка за небоскребами из фанеры) и ностальгически-восстановительных нарративов (биофильный дизайн, терапевтические преимущества контакта с деревом).

В русской литературе «*деревянный город*» имеет иную, но не менее богатую трактовку. У М. Горького в «Жизни Клима Самгина» каменные дома «*выступали резко, как заплаты на изношенном кафтане*» старого деревянного города, уродуя его «*своеобразно красивый*» облик. В поэзии О.Г. Чухонцева («Этот город деревянный на реке…») деревянный город – метафора родины и судьбы, *где «деревянное отечество стоит на болотах, где не выстоит гранит»*. Здесь деревянный город выступает как образ укорененности, противостоящий мощи камня.

Таким образом, «*wooden city*» – это метафора-воспоминание и метафора-утопия, обозначающая город как пространство, органически вырастающее из ландшафта, соразмерное человеку, теплое и способное к циклическому обновлению.

Итак, если «*каменный лес*» функционирует как метафора-диагноз, фиксирующая патологию городского пространства, то «*wooden city*» выступает как метафора-воспоминание и метафора-утопия, указывающая на возможность органического синтеза города и природы. Очевидно, что между ними существует глубинное противоречие. Для его осмысления необходимо перейти от изолированного описания каждой метафоры к анализу линий их конфликта, выделив его ключевые измерения.

Конфликт природных метафор и его современные проекции

Анализ показывает, что конфликт между «*каменным лесом*» и «*wooden city*» разворачивается по трём основным векторам аксиологическому, темпоральному и пространственному. Каждый из них отражает фундаментальное различие в способах осмысления города.

Аксиологический конфликт – ценность и антиценность

Русская лексема «камень» в урбанистическом контексте обладает устойчивой негативной коннотацией [14]: тяжесть и давление («каменные стены давят», «каменные мешки»), бездушность и холод («каменное сердце», «каменный гость» – пушкинский архетип рока), неизменность и смерть («окаменеть от ужаса», камень как надгробие). Согласно А.Д. Шмелеву, в русской языковой картине мира камень – это символ препятствия, преграды, сопротивления жизни [14]

Напротив, семантическое поле *wood* актуализирует положительные признаки: уют, природность, цикличность. Как показывает А. Вежбицкая, в английской языковой картине мире *wood* (и его дериват *wooden*) связан с домашним теплом, комфортом и аутентичностью [4].

В рамках аксиологического конфликта камень выступает как знак отчуждения, а дерево как знак укоренённости. Это противостояние уходит корнями в философскую оппозицию искусственного и природного, где последнее наделяется безусловной ценностью.

Темпоральный конфликт – вечность против цикла

«Каменный лес» – это «застывшая музыка», которая в русском прочтении [13] обретает холодную отстраненность от человеческой судьбы. Г. Зиммель отмечал, что руина – это точка слияния культуры и природы, и если камень идет к этому слиянию веками, то дерево – десятилетиями [8].

В отличие от «каменного леса», «wooden city» живет в ритме циклов: он постоянно обновляется, сгорая и перестраиваясь. Его история – это палимпсест, где каждый новый слой скрывает предыдущий. Так, через материал проявляется фундаментальный философский спор: является ли история линейным движением к застывшему идеалу (камень) или же она представляет собой вечное возвращение и обновление (дерево).

Пространственный конфликт – вертикаль власти против горизонтали уюта

«Каменный лес» организует пространство иерархически и центростремительно: вертикаль власти стягивает всё к центру, оставляя человеку узкую полоску неба над двором-колодцем. *«Wooden city»* организует пространство горизонтально и центробежно: расползание пригородов, концепция «города-сада» Э. Говарда, где каждый дом – отдельный микрокосм [7]. Пространственный конфликт может быть интерпретирован через оппозицию закрытого и открытого пространства, где каменный лес функционирует как пространство замкнутое и подавляющее, а деревянный город – как пространство открытое и приглашающее.

Таким образом, конфликт двух метафор носит системный характер и затрагивает ценностные, временные и пространственные основания городского бытия. Однако было бы неверно рассматривать это противостояние как сугубо культурно-исторический феномен, ушедший в прошлое. Напротив, в XXI веке он перерастает национальные границы и актуализируется в современных архитектурных дискуссиях и градостроительных практиках по всему миру.

Швеция: Деревянные небоскребы

В Скандинавии «*wooden city*» из ностальгии превращается в футуристический проект. Конкурсный проект HSB 2023 (Стокгольм) – 34-этажный жилой небоскреб, практически все несущие конструкции которого выполнены из твердых пород дерева. В своих проектах архитекторы намеренно отсылают к архаическим прототипам зодчества, но адаптируют их к языку новейших инженерных решений. В этом контексте древесина утрачивает образ минувшего и обретает значение экологической ответственности, энергетической эффективности и природной соразмерности. Показательна башня Fyrtornet в Мальмё, достигающая 51,5 метра и насчитывающая 12 этажей: здесь даже вертикальные коммуникационные узлы выполнены из дерева, а бетон присутствует исключительно в основании. В этом образе кроется глубокий смысл: привычный спор между «былым» и «новым» внезапно умолкает. Дерево перестает быть эхом ушедших эпох, превращаясь в предвестие того, что только должно родиться

Япония: Wabi-sabi против бетона

Японский случай открывает иной угол зрения благодаря эстетике *wabi-sabi*, утверждающей ценность несовершенного. В токийском комплексе Setagaya Apartment деревянные панели из лиственницы были сознательно противопоставлены безликому бетону, характерному для застройки мегаполиса. Обнаруженную под старыми обоями патину не стали устранять, а воспроизвели в штукатурке, превратив дерево в связующее звено между анонимным настоящим и одушевлённой традицией. Данный проект демонстрирует, как древесина способна выступать посредником между разновременными городскими слоями.

Россия: дача и зелёный каркас. Конфликт между жизнью в мегаполисе и потребностью в природе в России разрешается двояко. На бытовом уровне это происходит через дачу – «деревянный рай», компенсирующий стресс от жизни в «каменных джунглях» (10) и дающий ощущение стабильности. На профессиональном уровне архитекторы решают эту задачу через «зеленый каркас», вплетая парки и бульвары в структуру города, чтобы вернуть мегаполису утраченную органику.

Рассмотренные международные примеры подтверждают, что очерченный конфликт не только не уходит в прошлое, но и видоизменяется – от высотного деревянного строительства до обращения к локальным ремёслам. Это позволяет сместить фокус исследования с лингвокультурных аспектов на поиск наиболее эффективной онтологической модели города, способной адаптироваться к актуальным глобальным вызовам.

Заключение

Проведённое исследование показало, что метафоры «*каменный лес*» и «*wooden city*» представляют собой концентрированное выражение двух цивилизационных стратегий взаимодействия человека с городским пространством.

В ходе анализа решены поставленные задачи. На материале русской и английской традиций установлено, что «*каменный лес*» восходит к трагическому «петербургскому тексту» с его мотивами тяжести, бездушия и отчуждения, тогда как «*wooden city*» укоренена в традиции органического роста, уюта и индивидуального дома. Выявлены три линии конфликта: аксиологическая (камень как антиценность и дерево как ценность), темпоральная (вечность камня и цикличность дерева) и пространственная (вертикаль власти и горизонталь уюта). На примерах современных архитектурных кейсов из Швеции, Японии и России показано, что конфликт приобретает глобальное измерение. В философском ключе конфликт интерпретируется как противостояние двух онтологических модусов городского бытия. «*Каменный лес*» как город-отчуждение, где человек утрачивает связь с природой и самим собой. «*Wooden city*» как город-укоренённость, где человек обретает опору, тепло и идентичность. Метафоры функционируют как онтологические диагнозы и проекты, в которых первая фиксирует патологию, вторая указывает путь её преодоления.

Таким образом, понимание лингвокультурных корней конфликта необходимо для осознанного проектирования будущего городской среды. Шведские деревянные небоскрёбы, японские wabi-sabi интерьеры и российский дачный феномен – это манифестации онтологического выбора: оставаться ли человеку в «каменном лесу» или возвращаться к «деревянному городу».

Литература

1. Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства / пер. с франц. Н.В. Кисловой, Г.В. Волковой, М.Ю. Михеева; под ред. Л.Б. Комиссаровой. – М.: РОССПЭН, 2004. – 376 с.
2. Блок А.А. Собрание сочинений: в 8 т. / под общ. ред. В.Н. Орлова [и др.]. – М.; Л.: Гослитиздат, 1960. – Т. 2: Стихотворения и поэмы, 1904–1908. – 466 с.
3. Брюсов В.Я. Конь блед: стихотворение // Брюсов В.Я. Собрание сочинений: в 7 т. – М.: Художественная литература, 1973. – Т. 1: Стихотворения и поэмы, 1892–1909. – С. 442–444.
4. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А.Д. Шмелева. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 287 с.
5. Гиляровский В.А. Москва и москвичи // Гиляровский В.А. Собрание сочинений: в 4 т. / сост. Б.И. Есин. – М.: Правда, 1989. – Т. 4: Стихотворения и экспромты. – С. 3–374.
6. Горький М. В людях // Полное собрание сочинений: в 25 т. – М.: Наука, 1972. – Т. 15: Повести. Наброски. 1910–1915. – С. 211–532.
7. Гоуард Э. Города будущего / пер. с англ. А.Ю. Блох; предисл. авт. и пер. к рус. изд. – СПб., 1911. – XVIII, 177 с. – URL: https://archive.org/details/goroda_budushchego/mode/2up (дата обращения: 08.09.2026).
8. Зиммель Г. Руина // Избранное. Т. 2. Созерцание жизни. – М.: Юристъ, 1996. – С. 227–233.
9. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ. А.Н. Баранова, А.В. Морозовой; под ред. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 252 с.
10. Ловелл С. Дачники: история летнего житья в России, 1710–2000 / пер. с англ. Л.Г. Семеновой. – СПб.: Академический проект: ДНК, 2008. – 347 с.
11. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Избранные статьи: в 3 т. – Таллинн: Александра, 1992. – Т. 2: Статьи по истории русской литературы XVIII – первой половины XIX века. – С. 9–21.
12. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. – СПб.: Искусство-СПБ, 2003. – 612 с.
13. Хайдеггер М. Искусство и пространство // Время и бытие: статьи и выступления: пер. с нем. / сост. и пер. В.В. Бибихина. – М.: Республика, 1993. – С. 312–316.
14. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 224 с.
15. Ривлина А.А. О понятии «лингвокультурный конфликт» в контексте общей и лингвистической конфликтологии // Коммуникация в современном поликультурном мире: этнопсихолингвистический анализ: сб. науч.-практ. тр. / отв. ред. Т.А. Барановская. – М.: PEARSON, 2013. – Вып. 1. – С. 146–156.
16. Berg | C.F. Møller Architects. HSB 2023 – деревянный небоскреб, Стокгольм, Швеция [Электронный ресурс] // C.F. Møller Architects: [сайт]. – URL: https://www.cfmoller.com (дата обращения: 08.09.2026).
17. Wingårdhs. Fyrtornet High-Rise Building [Электронный ресурс] // ArchDaily. – 2025. – URL: https://www.archdaily.com/1025952/fyrtornet-high-rise-building-wingardhs (дата обращения: 08.09.2026).
18. Mumford L. The City in History. – New York: Harcourt, Brace & World, 1961. – 657 p.
19. Williams R. The Country and the City. – New York: Oxford University Press, 1973. – 335 p.

LINGUACULTURAL CONFLICT OF METAPHORS «STONE FOREST» AND «WOODEN CITY» IN THE SPACE OF RUSSIAN AND ENGLISH URBAN DISCOURSE

Kirillova I.K., Bartsikovskaja S.V.
National Research Moscow State University of Civil Engineering

The article examines the linguocultural conflict between the Russian metaphor «stone forest» and the English metaphor «wooden city» in urban discourse. The study draws on literary, philosophical, and architectural sources. The authors show that these metaphors are not merely linguistic images but deep ontological models that shape the perception of the city. In the Russian tradition, the «stone forest» acts as a diagnosis of urban trauma, capturing alienation, heaviness, and a hostile environment. In the English tradition, the «wooden city» appears as a utopia of organic synthesis between nature and urbanism, symbolizing coziness, cyclicity, and human scale. The conflict between them is analyzed on three planes: axiological, where value and anti-value collide; temporal, where eternity and cycle are opposed; and spatial, where the vertical of power contradicts the horizontal of coziness. The relevance of the work is driven by contemporary discussions on sustainable development, wooden construction, and biophilic design. Using examples from Sweden,

Japan, and Russia, it is demonstrated that this confrontation goes beyond national cultures and becomes a global problem of architectural design. In conclusion, it is argued that these cultural codes must be taken into account in shaping the future urban environment.

Keywords: linguocultural conflict, urban discourse, metaphor, stone forest, wooden city, city ontology, urban studies, architecture.

References

1. Bachelard, G. Selected Works: The Poetics of Space / trans. from French by N.V. Kislova, G.V. Volkova, M. Yu. Mikheev; ed. by L.B. Komissarova. – Moscow: ROSSPEN, 2004. – 376 p.

2. Blok, A.A. Collected Works: in 8 vols. / gen. ed. V.N. Orlov [et al.]. – Moscow; Leningrad: Goslitizdat, 1960. – Vol. 2: Poems and Poetic Works, 1904–1908. – 466 p.

3. Bryusov, V.Ya. «The Pale Horse»: a poem // Bryusov, V. Ya. Collected Works: in 7 vols. – Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1973. – Vol. 1: Poems and Poetic Works, 1892–1909. – P. 442–444.

4. Wierzbicka, A. Understanding Cultures through Their Key Words / trans. from English by A.D. Shmelev. – Moscow: Languages of Slavic Culture, 2001. – 287 p.

5. Gilyarovsky, V.A. «Moscow and Muscovites» // Gilyarovsky, V.A. Collected Works: in 4 vols. / comp. by B.I. Yesin. – Moscow: Pravda, 1989. – Vol. 4: Poems and Impromptus. – P. 3–374.

6. Gorky, M. «My Apprenticeship» // Complete Collected Works: in 25 vols. – Moscow: Nauka, 1972. – Vol. 15: Novellas. Sketches. 1910–1915. – P. 211–532.

7. Howard, E. Cities of the Future / trans. from English by A. Yu. Blok; preface by the author and translator to the Russian edition. – St. Petersburg, 1911. – XVIII, 177 p. – URL: https://archive.org/details/goroda_budushchego/mode/2up (accessed: 08.09.2026).

8. Simmel, G. «The Ruin» // Selected Works. Vol. 2. Contemplation of Life. – Moscow: Yurist, 1996. – P. 227–233.

9. Lakoff, G., Johnson, M. Metaphors We Live By / trans. from English by A.N. Baranov, A.V. Morozova; ed. by A.N. Baranov. – Moscow: Editorial URSS, 2004. – 252 p.

10. Lovell, S. Summerfolk: A History of the Dacha, 1710–2000 / trans. from English by L.G. Semyonova. – St. Petersburg: Academic Project; DNA, 2008. – 347 p.

11. Lotman, Yu.M. «The Symbolism of Petersburg and the Problems of the Semiotics of the City» // Selected Articles: in 3 vols. – Tallinn: Alexandra, 1992. – Vol. 2: Articles on the History of Russian Literature of the 18th – First Half of the 19th Century. – P. 9–21.

12. Toporov, V.N. The Petersburg Text of Russian Literature: Selected Works. – St. Petersburg: Iskusstvo-SPB, 2003. – 612 p.

13. Heidegger, M. «Art and Space» // Time and Being: Articles and Speeches / trans. from German; comp. and trans. by V.V. Bibikhin. – Moscow: Respublika, 1993. – P. 312–316.

14. Shmelev, A.D. The Russian Linguistic Model of the World: Materials for a Dictionary. – Moscow: Languages of Slavic Culture, 2002. – 224 p.

15. Rivlina, A.A. «On the Concept of 'Linguocultural Conflict' in the Context of General and Linguistic Conflictology» // Communication in the Modern Multicultural World: An Ethnopsycholinguistic Analysis: collection of scientific and practical works / ed. by T.A. Baranovskaya. – Moscow: PEARSON, 2013. – Issue 1. – P. 146–156.

16. Berg | C.F. Møller Architects. HSB 2023 – деревянный небоскреб, Стокгольм, Швеция [Электронный ресурс] // C.F. Møller Architects: [сайт]. – URL: https://www.cf-moller.com (дата обращения: 08.09.2026).

17. Wingårdhs. Fyrtornet High-Rise Building [Электронный ресурс] // ArchDaily. – 2025. – URL: https://www.archdaily.com/1025952/fyrtornet-high-rise-building-wingardhs (дата обращения: 08.09.2026).

18. Mumford L. The City in History. – New York: Harcourt, Brace & World, 1961. – 657 p.

19. Williams R. The Country and the City. – New York: Oxford University Press, 1973. – 335 p.

Философия робототехники: переосмысление социальности искусственных агентов

Копаев Евгений Николаевич,
кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: evg-kopaev@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению социального аспекта философии робототехники. В работе описываются основные направления не так давно возникшей, но уже признанной области философского знания – «робофилософии». Дается характеристика ключевых понятий философии робототехники, а также проводится историко-философская реконструкция одной из центральных проблем – соотношение естественного и искусственного в социальном контексте. Автор актуализирует современное положение вещей, показывая, что доминирующая на сегодняшний день критическая парадигма рассматривает искусственных агентов как симулякры, несущие угрозу десубъективации человека. В данном исследовании предлагается переосмыслить преобладающий подход философского анализа робототехники в сторону признания социальности искусственных агентов, что обусловлено современными тенденциями развития техники и, как следствие, постепенного увеличения роли робототехники в жизни общества.

Ключевые слова: робототехника, философия робототехники, робофилософия, искусственный социальный агент, социальное взаимодействие.

Введение

Мир сегодня стоит на пороге сингулярности, когда технологический прогресс окажется настолько интенсивным, что приведет к радикальным изменениям в человеческой цивилизации. По крайней мере так говорят знаменитые визионеры современности. Нельзя сказать, что в этих словах не проступает пафос, но вместе с тем невозможно отрицать и очевидных фактов – экспоненциальное развитие «больших языков моделей», постепенное применение технологий нейроинтерфейсов, разработка беспилотных транспортных систем, коммерциализация космоса, подразумевающая создание частных станций и обсуждение проектов по выводу на орбиту дата-центров. Наряду с вышеназванными технологическими новшествами все более заметными становятся дискуссии о повсеместном внедрении в скором будущем робототехники в жизнь социума [10]. Подобный факт окажет прямое влияние на возникновение новых аспектов социальной реальности, которые потребуют осмысления. Было бы неверным утверждать, что до сегодняшнего дня эта проблема оставалась без внимания. Начиная с античности, через культуру и искусство, вопрос отношения человека и техники неоднократно поднимался [11]. Однако процессы, происходящие в постоянно движущемся мире и порождающие новые аспекты бытия, требуют непрекращающейся рефлексии.

В академической среде уже некоторое время активно используется термин «философия роботехники», под которым подразумевается самостоятельная область исследований, оформившаяся в полноценное направление к началу 2010-х гг. «Робофилософия» в отличие от «философии техники» имеет более конкретную специфику, концентрируя свое внимание на вопросах, связанных с особыми устройствами – автономными техническими системами, взаимодействующими с физическим миром и имеющими материальное воплощение. Последний критерий отличает «философию робототехники» от близкой, но все же отдельной отрасли – «философии искусственного интеллекта», которая сосредотачивается на вопросах мышления, вычислений и ментальных состояний абстрактных программ.

На сегодняшний день в рамках «философии робототехники» складывается ряд направлений, каждое из которых акцентирует внимание на определенном аспекте. Первое опирается на постфеноменологию Д. Айди и развивается в русле реляционной этики М. Кокельберга, где исследуется как технические артефакты опосредуют человеческое восприятие и опыт, превращаясь из нейтральных орудий в активных участников морально значимых ситуаций и формируя новые конфигурации отношений между машиной и человеком [15]. Второе направление, наиболее заметным представителем которого является Д. Ганкель, сосредоточено на онтологических аспектах, здесь обосновывается необходимость пересмотра категорий для описания автономных систем и анализируется возможность искусственной моральной агентности, под которой подразумевается способность машины нести ответственность за свои действия [17]. Наконец, третье направление, представленное Й. Зайбт, делает акцент на социальном взаимодействии человека и робота. Вводя понятие «социоморфинга» вместо «антропоморфизации», исследователь предлагает заниматься выявлением и изучением реальных социальных качеств искусственных агентов, отличая их от антропоморфных проекций [19]. В совокупности данные подходы, от этики отношений до онтологии субъектности, дополняют друг друга, образуя нормативный, онтологический и социально-интерактивный уровни философского осмысления робототехники.

В отечественной философии проблема робототехники на данный момент не определила сформированных направлений, однако можно отметить исследователей, в чьих работах поднимаются значимые темы. В 2021 году защищается диссертация А.Р. Ефимова, в которой автор обосновывает необходимость перехода от «тьюринговой» парадигмы к посттьюринговой методологии, где интеллект и субъектность машины в полной мере могут себя выразить посредством физического воплощения и совместного с человеком действия [5]. Е.В. Середкина разрабатывает концепцию «прикладного антропоморфизма», в рамках которой социальное восприятие роботов определяется двумя ключевыми факторами: внешним видом и автономным поведением, причем поведенческий реализм, согласно принципу асимметрии, имеет приоритет над антропоморфной внешностью. Данная концепция представляет собой один из немногих систематических подходов к ос-

мыслению философии робототехники в отечественной науке, формулирующий позитивную трактовку антропоморфизма как когнитивного механизма адаптации человека к технологической среде [12].

В центре внимания данной работы находится социальное измерение философии робототехники, а именно переосмысление статуса и роли искусственных агентов в современном обществе. Исходя из этого, целью работы мы определяем характеристику возникающих форм социального взаимодействия в условиях развития технологий и постепенного увеличения присутствия робототехники в жизни социума. Для этого нам потребуется уточнить основные понятия «робофилософии», осуществить историко-философскую реконструкцию проблемы соотношения естественного и искусственного, осветить современные тенденции возрастания роли робототехники в жизни общества и обозначить перспективы совместной деятельности человека и искусственных социальных агентов.

Определение основных понятий

Известно, что слово робот вошло в речевую практику в 1920 году благодаря пьесе чешского писателя Кареля Чапека «R.U.R» («Россумские Универсальные Роботы»). Оно происходит от чешского слова «robota», что можно перевести как «подневольный труд», а корень «rob» означает «раб». В пьесе К. Чапека обыгрывается сюжет восстания искусственных существ, созданных людьми для принудительной работы. В дальнейшем, как известно, эта тема стала невероятно популярной в массовой культуре. На самом деле, подходящее слово для обозначения механического человекоподобного существа уже было – «андроид» (от греческого *андрос* – человек и суффикса *оид* – подобный). Оно появилось гораздо раньше и более нейтрально, не имея коннотаций с принуждением (между прочим, термин «андроид» сегодня принят в науке и близок по смыслу, практически синонимичен понятию «робот», но применяется гораздо реже). Однако ошеломительный успех пьесы Чапека поспособствовал распространению термина «робот», а когда на производствах к середине XX века стали внедрять автоматизированные системы, заменяющие человека, то именно это название пришлось как никакое иное лучше.

Другой принципиальный термин «робототехника» возник как художественный вымысел в произведениях Айзека Азимова в 1940-е гг. Писателю нужно было слово, которое означало бы науку о проектировании, создании и эксплуатации роботов. Сам А. Азимов полагал, что это слово уже есть в английском языке и он сильно удивился, когда выяснил, что прежде его не существовало. Благодаря огромной популярности произведений американского фантаста в 1960–70-е гг., когда инженеры и ученые создавали первых роботов, термин «робототехника» отлично подошел для обозначения новой отрасли науки и технологии. Важно отметить, что Азимов вкладывал в термин не только инженерный, но и философский смысл, учитывая этику трех знаменитых законов робототехники.

Спустя полвека после появления термина «робототехника» в науке и инженерии зарождается такое направление как «социальная робототехника». Это произошло, с одной стороны, в силу развития технологий, позволяющих создавать «продвинутые» машины, а с другой, как следствие, появления осознания необходимости создания робота не заменяющего человека, но сотрудничающего с ним, тем самым возникла задача обучения способности к социальному взаимодействию. Синтия Брезил, основоположница направления и создатель одного из первых «социальных роботов» под названием «Kismet», строила свою модель с учетом умения понимать человека, коммуницировать и вступать во взаимодействие с людьми, а также учиться у человека и развиваться вместе с ним [14]. Термин «социальные роботы», ставший осью нового научного направления, получает следующее определение: «Воплощенные агенты, которые являются частью гетерогенной группы: сообщества роботов или людей. Они способны распознавать друг друга и участвовать в социальных взаимодействиях, у них есть история (воспринимают и интерпретируют мир с точки зрения своего собственного опыта), и они явно общаются и учатся друг у друга» [16, p. 144].

Систематическую инструментальную рефлексию такого явления как социальная робототехника предложила немецкий философ Йоханна Зайбт. В 2014 году Й. Зайбт основала «Исследовательское подразделение по робофилософии и интегративной социальной робототехнике» и ввела в научный оборот понятие «философия робототехники» или «робофилософия», которое определяет следующим образом – это «философия социальной робототехники, для социальной робототехники и посредством социальной робототехники» [18]. Концептуально эту формулу робофилософии можно интерпретировать следующим образом: «философия социальной робототехники» подразумевает изучение фундаментальных вопросов бытия, этики и сознания, возникающих при создании «искусственных социальных агентов»; «философия для социальной робототехники» включает нормативную базу для разработки «ответственных роботов»; «философия посредством социальной робототехники» представляет междисциплинарный подход, где философы наравне с инженерами и разработчиками участвуют в создании роботов. Сама Й. Зайбт об этом говорит так: это «прикладная философия, осуществляемая в тесном контакте с эмпирическими исследованиями» [19, p. 7].

Предложив понятие «робофилософии» и институционализировав данное направление, Й. Зайбт поспособствовала возникновению полноценной философской дисциплины, исследующей онтологию, формирование социальных связей, моральный статус и феноменологию «искусственных социальных агентов».

Историко-философская реконструкция вопроса о соотношении искусственного и живого

Философское осмысление вопроса об искусственных социальных агентах возникло довольно давно и имеет весьма глубокие корни. Античные сюжеты, отраженные в произведениях древнегреческих авторов, повествуют о творениях Гефеста, например, Талосе или «золотых служанках», человекоподобных существах, способных к автономности и предназначенных к выполнению определенных задач. Подобные сюжеты поднимают вопрос о границе между живым и неживым, ведь считалось, что главными атрибутами первого является факт рождения и способность к самодвижению, в то время как рукотворные вещи не обладают автономностью. Создания Гефеста буквально взрывают эту дихотомию – они не рождены, но обладают самодвижением, тогда что живое делает живым?

Уже в эпоху Нового времени ставится другой вопрос – быть может живой организм также является механизмом? Декарт положительно отвечает на этот вопрос, тем самым лишая животных способности чувствовать, однако выводя человека из этого круга в силу наличия у него души [4]. Тем не менее, идея о том, что организм является сложной машиной закрепляется. С этим не соглашается Лейбниц, утверждая, что механизм, пусть и сложный, никогда не сможет обзавестись восприятием [9]. Точку в этом споре со всем радикализмом эпохи Просвещения ставит Ламетри, который утверждает тезис о том, что человек со всеми его чувствами, волей и мышлением есть результат сложно организованной материи, т.е. человек – это все-таки машина [7]. Из этого вытекает важная мысль – если это так, то искусственная машина может обладать тем же набором качеств, что и человек, тем самым стирая границу между естественным и искусственным агентом.

Кибернетический поворот середины XX века окончательно уравнивает живое с неживым, когда Н. Винер показывает отсутствие принципиальной разницы в работе организма и машины – обе системы обрабатывают входящую информацию, противодействуя энтропии [3]. Сложно сконструированная машина демонстрирует наличие целенаправленности, адаптации и саморегуляции – те свойства, которые прежде считались атрибутами лишь живых организмов. В рамках новой науки возникает язык и инструментарий для описания как живых, так и искусственных систем в терминах информации, обратной связи и управления.

Выводы, к которым пришла кибернетика вызвали большую обеспокоенность в интеллектуальных кругах. Так, с точки зрения М. Хайдеггера, если мир описывается лишь в терминах информации и обратной связи, то он становится полностью вычисляемым, исключая загадку и непредсказуемость, говоря иначе всякое пространство возможного. Опасность состоит в отсутствии выбора, когда предоставляется единственный способ раскрытия мира, в котором все сущее ничто иное, как только лишь ресурс [13]. Таким образом, техника далеко не нейтральна и может нести очевидную угрозу, которая состоит в утрате подлинного бытия человека. Ж. Бодрийяр идет дальше, заявляя, что в современном мире информация все больше вытесняет смыслы, а реальность замещается гиперреальностью симулякров, что практически полностью разрывает дистанцию между подлинным и смоделированным [2].

Более оптимистичным положение вещей представляется Б. Латуру, мыслитель предлагает иную онтологию – акторно-сетевую теорию (ANT), которую он характеризует как «связанный ряд действий, каждый участник которых рассматривается как полноценный посредник» [8, с. 181]. Принимая постулат об отсутствии границы между живым и неживым, французский философ провозглашает принцип симметрии, подразумевающий отказ от традиционных дихотомий. Вследствие этого, человеческие и нечеловеческие «актанты» равноправно участвуют в «сборке социального». Проектирование искусственных агентов и союз с техникой в этой оптике – не угроза «забвению бытия», а конструктивная и неизбежная практика «пересборки» общего

мира, где техника становится не врагом, а полноправным партнером в коллективном существовании.

Таким образом вопрос, который был поставлен еще в античной мифологии и получил философское осмысление в эпоху Просвещения был разрешен с помощью кибернетики, найдя научное обоснование. Опасение и тревога, вызванные фактом размытия границ между подлинным и смоделированным предсказуемы и обоснованы, однако сместив фокус внимания, акторно-сетевая теория нейтрализует проблему, более того, предлагает конструктивный взгляд на перспективу развития общественных отношений.

Современное состояние вопроса: между критикой и симбиозом

За последние два десятка лет в работах, посвященных изучению робототехники, преобладают тревожные настроения. Так, известный специалист по психологии отношений человека и техники, профессор Массачусетского технологического университета Ш. Теркл в ряде своих работ продемонстрировала, что люди все чаще предпочитают живому общению взаимодействие с искусственными социальными агентами, что ведет к утрате эмпатии и навыков подлинной коммуникации. Исследователь приходит к выводу, что люди сознательно себя обманывают, приписывая роботам душу, и этот самообман имеет высокую цену, так как превращает любовь из ценности в услугу, которой можно пользоваться, купив ее, а за ненадобностью выключить [20].

В российской философии В.А. Кутырев последовательно развивал тезис о том, что робототехника и ИИ являются инструментами «деантропологизации», разрушающими человеческую субъектность. Более того, экспансия искусственного может привести к подавлению или поглощению естественного мира: «Если это отношение обострится до несовместимости, до полного взаимного отрицания, до того, что один из миров будет подавлен или поглощен другим, человек как таковой, как Homo sapiens обречен на исчезновение» [6, с. 3].

Отмеченные авторы опираются на критическую традицию, где робот – это симулякр, не имеющий референта. Искусственный агент не может быть Другим, но создает опасную иллюзию Другого, снижая роль реальных людей. Подобный подход небезоснователен, он имеет право на существование и важен как предостережение. Однако он оставляет без ответа вопрос: что делать с фактом того, что определенные группы людей получают реальную эмоциональную поддержку от искусственных агентов, более того, не имея никакой иной альтернативы? Объявлять этот опыт иллюзией означало бы отказываться от философского осмысления реально действующих социальных практик.

Альтернативный взгляд предполагает рассматривать присваивание субъектности роботам не как ошибку, а как социальный факт, который требует концептуализации. В рамках ANT любой актор (человеческий или нечеловеческий) обретает субъектность в сети взаимодействия. Если робот включен в сеть социальных практик, он становится актантом, влияющим на ход событий и на самоопределение человека.

Исследования социальной робототехники показывают, что люди не просто пользуются роботами как инструментами, но строят с ними отношения [1]. В Японии роботы-компаньоны, такие, например, как терапевтический робот-тюлень Paro, вызывают у пожилых людей устойчивую эмоциональную привязанность, снижают уровень депрессии, уменьшают потребность в фармакологическом лечении. В этих случаях говорить о «симулякре» – значит игнорировать терапевтический эффект, который имеет значение для философского осмысления как эмпирическое основание.

Сегодня проблема одиночества вообще заслуживает отдельного внимания. В современных обществах фиксируется эпидемия одиночества, особенно в развитых странах. Традиционные механизмы социальной поддержки, такие как семья, иные первичные группы и локальные сообщества ослабевают. В этой ситуации на робототехнику может возлагаться функция, которую ранее выполняли только люди – быть собеседником, эмоциональной опорой, создавать иллюзию, а возможно, и реальность присутствия. Конечно, возникает этический вопрос – не является ли такая замена «обманом», не усугубляет ли она изоляцию? Да, вопрос правомерен, однако опять же нельзя игнорировать того факта, что для многих одиноких людей робот может оказаться единственным доступным источником социального контакта. Этический вызов состоит не в том, чтобы запретить такие практики, а в том, чтобы понять, как они трансформируют само понятие человеческого благополучия [15].

Здесь проступает еще одно, более масштабное измерение той же самой логики. Если на Земле роботы могут заполнять социальные лакуны, то за ее пределами они становятся не просто помощниками, а условием самого присутствия человека. Развитие цивилизации неминуемо приведет к интенсивному освоению космического пространства – этого убеждения придерживались и придерживаются выдающиеся «двигатели прогресса» от Константина Циолковского до Илона Маска. Будущее человечества – за пределами Земли. Однако критики такого взгляда указывают на фундаментальное и вполне обоснованное ограничение: организм человека плохо приспособлен к длительному пребыванию в космосе, к радиационному фону, к условиям других планет. В подобных обстоятельствах роботы и автономные системы выступают не как замена человека, а как его необходимое дополнение. Строительство лунной базы или марсианского города силами одних людей в скафандрах представляется технически неосуществимым. Симбиоз с роботами становится условием выживания в подобной среде. В этом контексте вопрос о роли и значении искусственного агента в жизни социума приобретает совершенно иной ракурс – речь идет не о том, хотим ли мы делить социальное пространство с роботами или нет, а о том, что вне такого симбиоза некоторые горизонты человеческого бытия становятся просто недоступными.

Таким образом, мы можем констатировать, что критическая парадигма, квалифицирующая роботов как угрозу десубъективации человека, оказывается недостаточной перед лицом весомых контраргументов. Возникает необходимость переосмысления значения и роли искусственных агентов, что и составляет задачу философии робототехники.

Заключение

Стремительное развитие робототехники требует философской рефлексии этого процесса и связанных с ним последствий, как тех, которые себя уже проявляют, так и тех, которые неминуемо наступят. Одним из способов осмысления этой реальности выступает «робофилософия», представляющая собой, по мнению основательницы направления Й. Зайбт: «Философское осмысление феноменов и проблем, возникающих с социальными роботами» [19, p. 5].

Социальный аспект философии робототехники на первый план выводит проблему расширения общественных связей. Существующие на сегодняшний день практики взаимоотношений с искусственными агентами нуждаются в переоценке роли и статуса роботов, не говоря уже о тех формах взаимодействия, которые в скором будущем станут необходимым условие развития. Укоренившаяся точка зрения, транслирующая тезис о том, что субъектность и социальность – исключительные свойства человека нуждается в переосмыслении. Критический взгляд традиционной парадигмы, квалифицирующий искусственного агента как симулякр, от которого исходит угроза десубъективации, безусловно, имеет значение как предупреждение, но абсолютно недостаточен с точки зрения осознания конструктивного потенциала робототехники.

Перед социальной философией сегодня стоит задача осмысления новых понятий, таких как техносубъектность и техносоциальная реальность, а также процессы трансформации трудовых отношений в условиях совместной деятельности человека и робота. Выводя это за пределы обсуждения, философский дискурс рискует остаться позади технологических изменений, погружаясь в алармизм вместо конструктивного осмысления. Оценивая будущее не только как угрозу, но и как пространство возможностей, возникает перспектива для его сознательного формирования, таким образом создавая условия для перехода на следующий этап развития социальной реальности.

Литература

1. Айлетт Р., Варгас П.А., Шарки Н. Жизнь с роботами: Что нужно знать каждому беспокоящемуся человеку. – М.: АСТ, 2022. 288 с.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. – М.: Постум, 2015. 240 с.
3. Винер Н. Кибернетика и общество. – М.: АСТ, 2018. 350 с.
4. Декарт Р. Рассуждение о методе. – М.: АСТ, 2025. 416 с.
5. Ефимов А.Р. Философско-методологические основы посттьюринговой интеллектуальной робототехники: дис. … канд. филос. наук: 09.00.08 / Ин-т философии РАН. – М. 2021. 165 с.
6. Кутырев В.А. Естественное и искусственное: борьба миров. – М., Берлин: Директ-Медиа, 2014. 272 с.
7. Ламетри Ж.О. Человек-машина. – М.: Директ-Медиа, 2010. 102 с.
8. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 384 с.
9. Лейбниц Г.В. Монадология. – М.: РИПОЛ Классик, 2023. 199 с.
10. Лысачев М., Прохоров А. Робототехника. Анализ, тренды, мировой опыт. – М.: КОНСТАНТА, 2024. 466 с.
11. Макаров И.М., Топчеев Ю.И. Робототехника: история и перспективы. – М.: Наука; МАИ, 2003. 349 с.

12. Середкина Е.В. Философские основания прикладного антропоморфизма в социальной робототехнике // Технологос. 2020. № 4. С. 56–63.
13. Хайдеггер М. Вопрос о технике // Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. С. 221–238.
14. Breazeal C.L. Designing Sociable Robots. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 2002. 282 p.
15. Coeckelbergh M. Robot Ethics: A Philosophical Analysis. – Cambridge: MIT Press, 2022. 272 p.
16. Fong T., Nourbakhsh I.R., Dautenhahn K. A survey of socially interactive robots. Robotics and Autonomous Systems, 42(3–4), 2003. P. 143–166.
17. Gunkel D. Person, Thing, Robot: A Moral and Legal Ontology for the 21 Century and Beyond. – Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 2023. 246 p.
18. Revsbech J.K. When humans and robots meet // Aarhus University. 2026. URL: https://cas.au.dk/en/currently/news/nyhedsarkiv/when-humans-and-robots-meet (дата обращения: 1 августа 2026).
19. Seibt J., Hakli R., Nørskov M. Robophilosophy: Philosophy of, for, and by Social Robotics. – Cambridge, MA: MIT Press, 2026. 498 p.
20. Turkle Sh. Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other. – New York: Basic Books, 2011. 384 p.

PHILOSOPHY OF ROBOTICS: RECONSIDERING THE SOCIALITY OF ARTIFICIAL AGENTS

Kopaev E.N.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article is devoted to the consideration of the social aspect of the philosophy of robotics. The work describes the main directions of the newly emerged but already recognized field of philosophical knowledge – «robophilosophy». The key concepts of the philosophy of robotics are characterized, and the historical and philosophical reconstruction of one of the central problems – the correlation of the natural and the artificial in the social context – is carried out. The author actualizes the current state of affairs, showing that the dominant critical paradigm today views artificial agents as simulacra that pose a threat to the desubjectification of man. This study proposes to rethink the existing approach of philosophical analysis of robotics towards the recognition of the sociality of artificial agents, which is due to the current trends in the development of technology and, as a result, the gradual increase in the role of robotics in society.

Keywords: robotics, philosophy of robotics, robophilosophy, artificial social agent, social interaction.

References

1. Aillette R., Vargas P.A., Sharky N. Life with Robots: What Every Worried Person Needs to Know, AST, Moscow, 2022. 288 p. (In Russ.).
2. Baudrillard J. Simulacra and Simulation. Moscow: Postum Publ., 2015. 240 p. (In Russ.).
3. Wiener N. Cybernetics and Society. Moscow: AST Publ., 2018. 350 p. (In Russ.).
4. Descartes R. Discourse on the Method. Moscow: AST Publ., 2025. 416 p. (In Russ.).
5. Efimov A.R. Philosophical and Methodological Foundations of Post-Turing Intelligent Robotics, Dissertation … Candidate of Philosophy. Sciences: 09.00.08 / Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, 2021. 165 p. (In Russ.).
6. Heidegger M. The Question Concerning Technology // Time and Being: Articles and Speeches. Moscow: Respublika Publ., 1993. Pp. 221–238. (In Russ.).
7. Kutyrev V.A. Natural and Artificial: The Struggle of Worlds, Direct-Media, Berlin, Moscow, 2014. 272 p. (In Russ.).
8. Lametri Zh.O. Man a Machine. Moscow: Direkt-Media Publ., 2010. 102 p. (In Russ.).
9. Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory, Higher School of Economics Publishing House, Moscow, 2020. 384 c. (In Russ.).
10. Leibniz G.V. Monadology. Moscow: RIPOL Klassik Publ., 2023. 199 p. (In Russ.).
11. Lysachev M., Prokhorov A. Robotics. Analysis, Trends, and Global Experience, KONSTANTA, Moscow, 2024. 466 p. (In Russ.).
12. Makarov I.M., Topcheev Yu.I. Robotics: History and Prospects, Nauka, MAI, Moscow, 2003. 349 p. (In Russ.).
13. Seredkina E.V. Philosophical Foundations of Applied Anthropomorphism in Social Robotics // Tekhnologos. 2020. № 4. Pp. 56–63. (In Russ.).
14. Breazeal C.L. Designing Sociable Robots, MIT Press, Cambridge, Massachusetts, 2002. 282 p.
15. Coeckelbergh M. Robot Ethics: A Philosophical Analysis, MIT Press, Cambridge, 2022. 272 p.
16. Fong T., Nourbakhsh I.R., Dautenhahn K. A survey of socially interactive robots // Robotics and Autonomous Systems. 2003. Vol. 42(3–4). Pp. 143–166.
17. Gunkel D. Person, Thing, Robot: A Moral and Legal Ontology for the 21 Century and Beyond, MIT Press, Cambridge, Massachusetts, 2023. 246 p.
18. Revsbech J.K. «When humans and robots meet», Aarhus University, 2026. URL: https://cas.au.dk/en/currently/news/nyhedsarkiv/when-humans-and-robots-meet
19. Seibt J., Hakli R. and Nørskov M. Robophilosophy: Philosophy of, for, and by Social Robotics, MIT Press, Cambridge, Massachusetts, 2026. 498 p.
20. Turkle Sh. Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other, Basic Books, New York, 2011. 384 c.

Социальное благополучие человека с точки зрения философии

Котлярова Виктория Валентиновна,
доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины», Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ДГТУ в г. Шахты Ростовской области
E-mail: biktoria66@mail.ru

Чернохлебова Ангелина Андреевна,
аспирант кафедры «Социально-гуманитарные дисциплины», Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) ДГТУ в г. Шахты Ростовской области
E-mail: chernokhlebovaa@mail.ru

В статье на основе междисциплинарного подхода анализируется эволюция и современное содержание феномена социального благополучия. Исследование показывает, что социальное благополучие, будучи продуктом общества модерна, представляет собой диалектическое единство объективных условий существования и субъективных оценок индивидом своей жизни. В работе прослеживается путь трансформации философских представлений о «благе» и «счастье» от античных концепций, отождествлявших благополучие с добродетелью, до современных теорий, акцентирующих экзистенциальную исполненность личности. Особое внимание уделяется экзистенциальным основаниям социального благополучия, таким как осмысленность жизни, автономия и качество межличностных отношений. Делается вывод о том, что социальное благополучие в современных условиях выступает не только мерой социальной защищенности, но и фундаментальным фактором свободы и полноты человеческого бытия, требующим выработки новой аксиологической рефлексии.

Ключевые слова: социальное благополучие, субъективное благополучие, объективное благополучие, экзистенциальная исполненность, эвдемонизм, гедонизм, благо, общество модерна, свобода, смысл жизни.

Введение

Феномен социального благополучия в последние десятилетия стал одной из центральных тем в социально-гуманитарном знании, что обусловлено как фундаментальным значением этого явления для развития и процветания социума, так и кризисом сугубо экономических критериев оценки качества жизни [1, с. 14]. Актуальность исследования социального благополучия с философских позиций заключается в необходимости экспликации его смыслового ядра, выходящего за рамки простой фиксации материальных условий или субъективных ощущений, которые часто не дают целостной картины бытия человека в современном мире.

Проблема благополучия рассматривается в широком спектре работ – от истории философии до современных междисциплинарных исследований [5, с. 93]. Многие авторы справедливо отмечают, что интерес к этой теме вызван множеством проблем в реальной жизнедеятельности как отдельного человека, так и общества в целом, где возникают серьезные противоречия между должным и сущим, ожиданием и реальностью [11–12]. Вопросы нормальной жизнедеятельности и благополучия актуальны во все времена, что и порождает стремление к их осмыслению в рамках философских учений, социологических концепций и экономических теорий [7, с. 48]. Однако, как показывает анализ, в современной науке, несмотря на обилие эмпирических данных, отсутствует комплексное философское видение социального благополучия, интегрирующее его объективные и субъективные составляющие, а также экзистенциальные основания [2, с. 321]. В связи с этим цель данной работы – на основе анализа научной литературы обосновать тезис о том, что социальное благополучие является ключевым феноменом общества модерна, сущность которого раскрывается в диалектике объективных и субъективных параметров, укорененных в ценностно-смысловой сфере личности [1, с. 14].

Материалы и методы исследования

Теоретико-методологической основой исследования служат принципы историко-философского и компаративного анализа, позволяющие проследить эволюцию понятий «благо», «счастье» и «благополучие» в их культурно-историческом контексте. Важное значение имеет метод экспликации, используемый для выявления имплицитных смыслов, вкладываемых мыслителями разных эпох в исследуемый феномен. Кроме того, в работе применяется междисциплинарный подход, интегрирующий данные философской антропологии и экзистенциальной психологии. Такой подход, который Е.А. Вакарина справедливо называет дивергентным [3, с. 548], позволяет рассматривать социальное благополучие не как статичную категорию, а как динамичный конструкт, отражающий познавательное движение индивида и общества на пути к аксиологической рефлексии собственного бытия. Исследование опирается на труды отечественных и зарубежных авторов в области социальной философии, теории благосостояния и философии экзистенциализма. Критический анализ источников позволил выделить ключевые исторические этапы формирования представлений о благополучии.

Результаты исследования

Социальная природа благополучия, как отмечают исследователи, рассматривалась на протяжении всей истории развития социально-философской мысли [5, с. 94]. Демокрит в своих рассуждениях о человеке и государстве выделял главные человеческие потребности – в пище, жилище и одежде, рассматривая нерешенность вопросов материального свойства как основную причину происходящих в обществе изменений. В классический период античной философии идеи о благе активно развивались в рамках концепции «идеального государства» Платона и Аристотеля. Достижение «всеобщего блага» рассматривалось как наивысшая цель человеческого бытия, достижимая при условии правильной деятельности правителей, думающих об общих, а не частных интересах. Аристотель в «Политике» утверждал, что государство представляет собой общение, организуемое ради какого-либо блага, и что наилучшим строем является тот, при котором созданы условия для счастливой жизни большинства. Важно отметить, что в античной традиции счастье (эвдемония) понималось как процветание, добродетель и деятельность, направленная на реализацию внутреннего потенциала, а не просто как субъективное переживание удовольствия [1, с. 15].

В эпоху Средневековья, в рамках теоцентризма, идеи о благе получили дальнейшее развитие, где Бог трактовался как абсолютный источник всякого блага. Фома Аквинский связывал основной задачей государственной власти содействие всеобщему благу, утверждая, что к этому благу общество может привести исключительно соблюдение закона, направленного на общее благо [5, с. 94]. Здесь общество рассматривалось как божья воля, в которой место и роль каждого человека предопределены свыше. Это привносило в понимание благополучия элемент предопределенности, снимая с индивида часть ответственности за собственное благосостояние, однако оставляя за ним обязанность следовать божественным установлениям.

Эпоха Возрождения ознаменовалась кардинальным поворотом в сторону гуманизма. Сама человеческая жизнь стала рассматриваться как высшая ценность, а личность воспринималась как самостоятельный субъект, творец собственного благополучия. Как отмечают исследователи, в этот период благополучие трактовалось как состояние, связанное с приобретением блага, к достижению которого человек стремится [5, с. 95]. Лоренцо Валла, формулируя идею о том, что человек должен следовать своей природе, предрасположившей его к наслаждению, утверждал, что наслаждение есть высшее благо, подчеркивая важность и значимость человеческих чувств. В учениях Нового времени, например, у Томаса Гоббса, акцент сместился на эгоистическую природу человека, стремящегося к личному благу, что ведет к «войне всех против всех», преодолеть которую призвано государство через общественный договор.

В российской философской традиции конца XIX – начала XX века проблемы социального благополучия занимали особое место. В.С. Соловьев сформулировал главный принцип «права каждой личности на достойное существование», подчеркивая, что никакой человек ни при каких условиях не может рассматриваться как только средство для блага другого лица или для так называемого общего блага. Общество же имеет обязанность признавать и обеспечивать это право, создавая необходимые условия для достойного человеческого существования. Н.А. Бердяев рассматривал саму жизнь как высшее благо и верховную ценность, имея в виду не просто биологическую, но духовную жизнь [5, с. 96]. Эти идеи закладывали фундамент для понимания социального благополучия не как подачки со стороны государства, а как неотъемлемого условия реализации человеческого достоинства и свободы. В современной социальной философии проблема благополучия рассматривается в контексте категорий социального здоровья, уровня и качества жизни [1, с. 16].

Исследователи выделяют два основных подхода к изучению благополучия в современной науке: гедонистический и эвдемонический [3, с. 548]. Гедонистический подход, восходящий к идеям Аристиппа и Бентама, связывает благополучие со стремлением к удовольствию и избеганию боли. В рамках этого направления доминирует концепция субъективного благополучия, разработанная Э. Динером, где акцент делается на аффективных и когнитивных оценках собственной жизни. Эвдемонический подход, основанный на аристотелевской традиции, связывает благополучие с раскрытием потенциала личности, самореализацией и развитием добродетелей. К. Рифф выделила шесть компонентов такого благополучия: автономность, компетентность, личностный рост, позитивные отношения, жизненные цели и самопринятие. В свою очередь, исследователи социально-психологического благополучия акцентируют внимание на его зависимости не только от внутренних личностных характеристик, но и от внешних социальных детерминант – политических, культурных, экономических факторов, что требует комплексного анализа данного феномена [8, с. 62].

В контексте философского анализа социального благополучия особый интерес представляет категория экзистенциальной исполненности. Как отмечают Т.Г. Дулинец с соавторами, экзистенциальная исполненность обозначает субъективное переживание личностью качества своей жизнедеятельности, наполненность жизни смыслом [4, с. 1]. В. Франкл, основоположник этого понятия, понимал экзистенциальную исполненность как осуществление смысла жизни. А. Лэнгле, развивая эту идею, выделил четыре фундаментальные экзистенциальные мотивации, каждая из которых связана с определенными аспектами бытия: способность быть в мире, ценность жизни, самоценность и смысл. Теоретический анализ показывает, что компоненты психологического благополучия (автономия, компетентность, позитивные отношения) значимо коррелируют с фундаментальными экзистенциальными мотивациями. Например, первая мотивация (способность быть в мире) связана с самопринятием и компетентностью, вторая (ценность жизни) – с самопринятием и позитивными отношениями, третья (самоценность) – с личностным ростом, а четвертая (смысл) – с жизненными целями и автономией.

Не менее важным для философского осмысления является разграничение объективного и субъективного благополучия. К объективному благополучию относятся измеряемые показатели: уровень дохода, образования, занятости, здоровья, состояние окружающей среды и т.д. Субъективное благополучие включает в себя эмоциональные реакции и когнитивные суждения человека о своей жизни. В российской науке, как отмечает М.А. Александрова, существует традиция рассмотрения «субъективного качества жизни», где когнитивные оценки связываются с тем, что люди думают о степени удовлетворения их потребностей [1, с. 17]. Аффективные оценки, или гедонистическое благополучие, связаны с эмоциональными процессами, частотой и интенсивностью переживания радости, грусти, тревоги.

Современные философские исследования подчеркивают, что социальное благополучие представляет собой динамический процесс постоянного переосмысления и трансформации. Как справедливо замечает Е.А. Капралова, феномен социального благополучия является отражением познавательного движения индивида и общества на пути к аксиологической рефлексии социокультурного бытия индивида [6, с. 145].

Интересно, что в философии права социальное благополучие также рассматривается как нормативная конструкция, способная заменить идеологизированный «метод справедливости» в процессе принятия правовых решений, что свидетельствует о расширении семантического поля данного понятия [9, с. 127].

Более того, концептуализация этого феномена выходит за рамки отдельных отраслей знаний и зависит от культурной и языковой специфики, что накладывает отпечаток на его восприятие в разных обществах. Лингвистический анализ показывает, что в русском языке связь между «благом» и «благополучием» более явная, чем в некоторых европейских языках, что может влиять на характер социальных ожиданий [7, с. 2].

Выводы

Проведенный анализ позволяет сделать несколько ключевых выводов о сущности и содержании социального благополучия с философских позиций.

Социальное благополучие представляет собой диалектическое единство объективных и субъективных компонентов. Объективные условия (экономические, экологические, политические) создают базовую возможность для благополучного существования, однако их наличие не гарантирует субъективного ощущения благополучия. Субъективная оценка, опирающаяся на внутренние психологические процессы и ценностные ориентации, является критически важным фактором, определяющим качество жизни индивида.

Историческая эволюция представлений о благополучии демонстрирует переход от патерналистских концепций «общего блага» в античности и Средневековье к индивидуалистическим и гуманистическим моделям Нового времени и, наконец, к современному пониманию, где благополучие немыслимо без экзистенциальной исполненности и реализации личностного потенциала [5, с. 96]. Это показывает, что социальное благополучие является продуктом общества модерна, где ценность индивидуальной свободы и ответственности становится центральной [10, с. 209].

Философское осмысление социального благополучия неразрывно связано с категорией свободы. Как подчеркивают М.В. Удальцова и Е.А. Абрамова, обретение и сохранение личностной свободы обеспечивается таким состоянием социума, в котором достоинство, ответственность и благосостояние являются базовыми характеристиками [10, с. 211]. Свобода, в этом контексте, выступает не только как результат социального благополучия, но и как его важнейшее условие.

Экзистенциальные основания благополучия, такие как смысл жизни, автономия и способность к самотрансценденции, играют не менее важную роль, чем материальное благосостояние [4, с. 13]. Игнорирование этих аспектов ведет к редукции сложного феномена социального благополучия к простым экономическим индикаторам, что, как показывает практика, не позволяет адекватно отразить реальное положение дел в обществе.

Таким образом, социальное благополучие с точки зрения философии выступает как многомерный конструкт, включающий в себя удовлетворение базовых потребностей, социальную защищенность, позитивное функционирование личности и обретение смысла существования. Дальнейшее изучение этого феномена должно быть направлено на интеграцию различных подходов и учет культурно-исторических особенностей, что позволит выработать более эффективные стратегии повышения качества жизни в современном мире.

Литература

1. Александрова М.А. Социальное благополучие как феномен общества модерна //Векторы благополучия: экономика и социум. – 2023. – № . 2 (49). – С. 14–23.

2. Аникин В. А., Нагерняк М.А., Воронина Н.Д. Концепция благополучия в общественных науках //Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2024. – № . 6 (184). – С. 319–341.

3. Вакарина Е.А. Междисциплинарный подход к исследованию благополучия личности //Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2023. – № . 4. – С. 547–558.

4. Дулинец Т. Г., Бенькова О.А., Савельева Т.Г., Машанов А.А., Догадаев О.Н. Благополучие личности и экзистенциальная исполненность: теоретико-философский аспект //Философия и культура. – 2022. – № . 10. – С. 75–91.

5. Епхиев О. М., Моисеев А.В. Идеи социального благополучия в социально-философских учениях //Социально-гуманитарные знания. – 2023. – № . 12. – С. 93–98.

6. Капралова Е.А. Проблематизация феномена социального благополучия //Коммуникология. – 2022. – Т. 10. – № . 2. – С. 133–148.

7. Капралова Е.А. Трансформация феномена социального благополучия в концепции социального государства //Медицина. Социология. Философия. Прикладные исследования. – 2022. – № . 2. – С. 48–52.

8. Руденко А.М., Котлярова В.В. Философско-антропологическое измерение человека в мифологической картине мира. Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 111. № 4. С. 62–68.

9. Тонков Д.Е. Метод «Социального благополучия» Вильгельма Лундштедт //Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2020. – Т. 15. – № . 1. – С. 125–149.

10. Удальцова М. В., Абрамова Е.А. Социальное благополучие как фактор свободы //Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2020. – № . 54. – С. 208–217.

11. Brown J. L. D., Potter S. Integrating the philosophy and psychology of well-being: An opinionated overview //Journal of Happiness Studies. – 2024. – Т. 25. – № . 5. – P. 1–28.

12. Fletcher G. Philosophy of well-being for the social sciences: a primer //Measuring well-being: Interdisciplinary perspectives from the social sciences and the humanities. – Oxford University Press, 2021. – P. 217–228.

SOCIAL WELL-BEING FROM A PHILOSOPHICAL PERSPECTIVE

Kotlyarova V.V., Chernokhlebova A.A.
Institute of Service and Entrepreneurship (branch), Don State Technical University in Shakhty

This article, using an interdisciplinary approach, analyzes the evolution and contemporary content of the phenomenon of social well-being. The study demonstrates that social well-being, a product of modern society, represents a dialectical unity between the objective conditions of existence and an individual's subjective assessment of their life. The paper traces the transformation of philosophical notions of «good» and «happiness» from ancient concepts that equated well-being with virtue to modern theories emphasizing the existential fulfillment of the individual. Particular attention is paid to the existential foundations of social well-being, such as meaningfulness in life, autonomy, and the quality of interpersonal relationships. It is concluded that social well-being in modern conditions is not only a measure of social security but also a fundamental factor in the freedom and fulfillment of human existence, requiring the development of a new axiological reflection.

Keywords: social well-being, subjective well-being, objective well-being, existential fulfillment, eudemonism, hedonism, good, modern society, freedom, meaning of life.

References

1. Aleksandrova M.A. Social Well-Being as a Phenomenon of Modern Society // Vectors of Well-Being: Economy and Society. – 2023. – № 2 (49). – P. 14–23.

2. Anikin V.A., Nagernyak M.A., Voronina N.D. The Concept of Well-Being in Social Sciences // Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes. – 2024. – № 6 (184). – P. 319–341.

3. Vakarina E.A. An Interdisciplinary Approach to the Study of Personal Well-Being // Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology. – 2023. – № 4. – P. 547–558.

4. Dulinets T.G., Benkova O.A., Savelyeva T.G., Mashanov A.A., Dogadaev O.N. Personal well-being and existential fulfillment: theoretical and philosophical aspect // Philosophy and Culture. – 2022. – № 10. – P. 75–91.

5. Epkhiev O.M., Moiseev A.V. Ideas of social well-being in social and philosophical teachings // Social and humanitarian knowledge. – 2023. – № 12. – P. 93–98.

6. Kapralova E.A. Problematization of the phenomenon of social well-being // Communicology. – 2022. – Vol. 10. – № 2. – P. 133–148. 7. Kapralova E.A. Transformation of the Phenomenon of Social Well-Being in the Concept of the Welfare State // Medicine. Sociology. Philosophy. Applied Research. – 2022. – № 2. – P. 48–52.

8. Rudenko A.M., Kotlyarova V.V. Philosophical and anthropological dimension of man in the mythological picture of the world. Humanities and Social Sciences. 2025. Vol. 111. № 4. P. 62–68.

9. Tonkov D.E. The Method of «Social Well-Being» by Wilhelm Lundstedt // Transactions of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2020. – Vol. 15. – № 1. – P. 125–149. 10. Udaltsova M.V., Abramova E.A. Social well-being as a factor of freedom // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science. – 2020. – № 54. – P. 208–217.

11. Brown J.L. D., Potter S. Integrating the philosophy and psychology of well-being: An opinionated overview // Journal of Happiness Studies. – 2024. – Vol. 25. – № 5. – P. 1–28.

12. Fletcher G. Philosophy of well-being for the social sciences: a primer // Measuring well-being: Interdisciplinary perspectives from the social sciences and the humanities. – Oxford University Press, 2021. – P. 217–228.

Свидетельство, стыд и толпа: философско-антропологическое прочтение стихотворения В.И. Даля «Не стыдно ль вам…»

Липич Василий Васильевич,
доктор филологических наук, профессор кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ»
E-mail: Lipich@bsuedu.ru

Лопин Роман Анатольевич,
кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ»
E-mail: lopin_ra@mail.ru

Лопина Мария Романовна,
аспирант кафедры философии и теологии НИУ «БелГУ»
E-mail: lopinamarya@yandex.ru

В статье анализируются стихотворение В.И. Даля «Не стыдно ль вам…» и корпус его текстов, посвященных последним дням жизни и смерти А.С. Пушкина. Сопоставление поэтического текста с документальными свидетельствами позволяет рассмотреть смерть поэта как событие, которое переживается и как национальная трагедия и как испытание для общественной совести. Особое внимание в ней уделяется понятиям свидетельства, стыда, совести, памяти и святости, а также образу толпы, лишившейся внутренней меры и благоговения и превращающей чужое страдание в зрелище. Стихотворение «Не стыдно ль вам…» интерпретируется как ответ на нравственный распад светского общества, а словарные статьи В.И. Даля служат ключом к реконструкции его представлений о человеке XIX столетия.

Ключевые слова: В.И. Даль, А.С. Пушкин, смерть, свидетельство, стыд, совесть, память, святыня, феномен толпы.

Введение

В.И. Даль, один из современников, друзей А.С. Пушкина, которому с большой точностью удалось свидетельствовать о событиях последних часов жизни великого поэта, о его духовном состоянии в переносимых им страданиях, а так же о переживании происходящего окружающими его в эти часы, среди которых был и сам В.И. Даль. К известной его статье «Смерть А.С. Пушкина» [3, с. 628–634] и другим его записям, как еще одно из свидетельств переживаемой утраты в понимании ее значимости и недооценивания ее другими, можно отнести и непривычный для жанровой стилистики лексикографа и этнографа В.И. Даля его стихотворение «Не стыдно ль вам». В нем говорится о реакции человека и общества в целом на смерть значимого для эпохи лица, о ситуации, когда личная трагедия одновременно становится и испытанием для общества в ее восприятии и переживании.

Реакция на смерть А.С. Пушкина в январе 1837 года была не только чрезвычайно сильной, но и противоречивой. К дому поэта на Мойке стекалось множество людей разных сословий, среди которых были литераторы, студенты, чиновники, купцы, горожане… Скорбь соединялась с гневом в адрес Дантеса, Геккерна и некоторых представителей петербургского светского общества. Власти восприняли такое массовое скопление людей как возможную политическую демонстрацию, поэтому в целях безопасности похоронная церемония претерпела необходимый организационно-измененный характер (время выноса тела держалось в тайне, место отпевания было изменено, церковь Спаса Нерукотворного Образа, в которой А.С. Пушкина отпевали, и Конюшенная площадь были окружены военными и полицией) [8, с. 381–384].

Среди скопившейся публики были присутствующие из любопытства, среди аристократии в некоторых салонах звучало по поводу смерти поэта и злорадство. Однако, в эти дни смерть А.С. Пушкина уже переживалась многими его современниками как национальная утрата (В.А. Жуковский [6, с. 391–393], кн. Е. Мещерская [10, с. 388–391] и др.) и как свидетельство конфликта любящего свое отечество поэта-патриота [1, с. 42–56] со светским, отстраненным от духовно-исторического наследия обществом.

В стихотворении «Не стыдно ль вам» В.И. Даль обращается к великосветской придворной среде, нравственно опустошенной. Обращение («вам») у В.И. Даля объединяет светских щеголей, поклонников внешнего блеска, пустословия и своеволия. Это среда, для которой «святыня» стала «игрушкой», а честь – предметом легкомысленной игры. Образ «толпы» здесь сближается с образами в известном стихотворении М.Ю. Лермонтова «Смерть поэта» [7, с. 84–86]: «надменные потомки» и «жадная толпа, стоящая у трона», где речь идет о придворно-аристократическом обществе, чуждом национальным и нравственным основаниям жизни.

Стихотворение «Не стыдно ль вам…» обычно не рассматривается совместно с другими текстами о последних днях жизни А.С. Пушкина, хотя оно является выражением взгляда В.И. Даля на это событие и реакцию общества на происшедшую трагедию. В год смерти А.С. Пушкина, когда было создано стихотворение, оно не было напечатано, сам В.И. Даль опасался реакции читателей на его издание, называя его «преполитическим» [9, с. 171], но оно сохранилось в рукописном виде таким, каким было отправлено на рассмотрение в одном из писем А.А. Краевскому (сейчас рукописный текст хранится в отделе рукописей РНБ Санкт-Петербурга) [9, с. 172].

Важно помнить, что В.И. Даль пишет о смерти А.С. Пушкина не как посторонний наблюдатель. Он присутствует рядом с поэтом в последние дни, часы, отмечает все происходящее и переживает событие лично. Поэтому его тексты – это не просто хроника, но и свидетельство. Под свидетельством здесь понимается такое отношение к событию, при котором человек не только видит и записывает факты, но и внутренне отвечает за увиденное.

Корпус текстов В.И. Даля о кончине А.С. Пушкина включает разные формы описания: личные записки («Записки В.И. Даля»), рассказ о течении болезни («Ход болезни Пушкина»), фиксацию посмертного состояния тела («Вскрытие тела А.С. Пушкина») [2, с. 214–221]. Каждый текст по отдельности и вместе рисуют человека в ситуации страдания, столкновения с собственной смертностью и необходимостью сохранить достоинство.

Особенно показателен тип внимания В.И. Даля к умирающему. Он избегает громких слов, тщательно отмечает состояние А.С. Пушкина. Такое отношение можно назвать участием, противоположным любопытству. Свидетель принимает на себя тяжесть происходящего. Уже здесь возникает контраст между благоговейным присутствием и поверхностным, внешним наблюдением – тем, которое позже будет показано в образе толпы.

Описания болезни А.С. Пушкина у В.И. Даля выводят на первый план через телесную сторону жизни внутренний характер человека. «Когда тоска и боль одолевали [умирающего А.С. Пушкина], он крепился усильно», отказывался стонать, берег чувства своих родных: «…жена услышит; и смешно же, чтобы этот вздор меня пересилил; не хочу» [2, с. 217]. Болезнь и боль не разрушают личность поэта, позволяют увидеть ее стойкость, меру и собранность. В.И. Даль «… глядел <…> с душевным сокрушением на <…> таинственную борьбу жизни и смерти…» [2, с. 216] и думал: «Вот где надо изучать опытную мудрость, философию жизни – здесь, где душа рвется из тела; то, что увидишь здесь, не найдешь ни в толстых книгах, ни на шатких кафедрах наших» [2, с. 217]. Соприкосновение со смертностью человеческого тела делает особенно острым вопрос о достоинстве и о том, как общество впоследствии отнесется к поэту после его смерти. Стихотворение В.И. Даля «Не стыдно ль вам…» – не случайный эмоциональный взрыв, а выражение его душевного состояния, отражавшегося и в документальных текстах: «Пушкин заставил всех присутствовавших сдружиться со смертию, так спокойно он ее ожидал, так твердо был уверен, что роковой час ударил» [2, с. 215].

В стихотворении «Не стыдно ль вам…» свидетельская позиция В.И. Даля переходит в открытое нравственное высказывание. Он не ограничивается описанием происходящего, а задает прямой вопрос тем, кто оказался рядом с трагедией. Этот вопрос повторяется и разворачивается все жестче:

***«Не стыдно ль вам** полвека без оглядки*
Мычать рычать, буянить, пировать,
Святым играть, заветного не знать,
Не стыдно ль вам своей бессовестной повадки?
<…>
***Не стыдно ль вам**, что ваши короли*
Без пистолетов со взведенными курками,
Без взвода палашей среди своей земли
Не смеют показаться между вами?
Кареты строят, словно корабли,
И отбивают их железными листами?
***Не стыдно ль вам** – не нас, себя самих,*
Коли хоть искра в вас стыда найдется,
***Не стыдно ль** внуков **вам** своих,*
Что им за вас краснеть придется?
Какой дадут они ответ
За эту бездну зол и бед,
Когда их спросят наши внуки?
За этот вздор, за этот бред,
За шалостей бессмысленных черед
И в пакостях сердца погрязшие и руки!
<…>» [9, с. 172]

Само повторение вопроса предполагает, что у адресата есть внутренняя способность оценивать себя, сопоставлять свои поступки с нравственной нормой, поэтому вопрос одновременно и обращение, и диагноз (имеется в виду внутреннее состояние человека, болезнь души). В.И. Даль не только призывает людей к совести, но и показывает, что в данном случае у многих совесть молчит, поэтому он пытается ее разбудить:

***«Пора**, **пора** угомониться,*
***Пора** опомниться, присесть,*
***Пора** бы вам – перебеситься!»* [9, с. 172]

Адресатом стихотворения выступают не только конкретные лица, вовлеченные в события вокруг А.С. Пушкина. В структуре текста постепенно вырастает собирательный образ толпы, к которой и обращено поэтическое слово. Под толпой здесь понимается не просто множество людей, а способ их совместного существования. Для этой толпы характерно то, что она перестала различать трагическое и развлекательное, святое и пошлое, память и зрелище. Смерть поэта превращается для нее в повод для светского появления, пересудов и модных разговоров:

*«**Святыню** вы давно **втоптапли в прах и грязь**;*
***Святого нет** для вас, – для вас **оно погибло**;*
Вам буйство – и кумир, и князь,
*И **своеволье волю** вам **подшибло**.*
*Кричит **любой из вас** за семерых,*
Скрежещет, злобствуя, зубами
И на дыбы взвиваться лих,
***И мечет честью, что плевками**…*
<…>
О пустословия и похвальбы
***Преголосистые, заносчивые барды**!*
Горазды вы причесывать чубы,
Отращивать усы и бакенбарды
Да обмолачивать, на беззаботье,
Всех пошлостей хвостец да ухоботье!» [9, с. 172]

Такое изображение толпы превращает стихотворение из просто гражданского высказывания в текст с серьезным антропологическим измерением. «До какой степени человек может потерять внутреннюю меру, но внешне оставаться частью приличного общества?» – звучит вопрос В.И. Даля. Его стихотворение можно понять и как проблему сохранения у людей внутренней границы, удерживающей их от превращения чужой боли в зрелище. Центральное место в стихотворении занимают категории стыда и совести. Именно через них поэт описывает нравственное состояние адресата, оценивая происходящее.

Стыд здесь можно определить как *«чувство или внутреннее сознаніе предосудительнаго, уничиженье, самоосужденье, раскаянье и смиренье, нутреная исповѣдь передъ совѣстью»* [5, с. 347] (истинный стыд по В.И. Далю), а также *«стыдъ суетности, тщеславія, досада, негодованье на изобличенье, на нарушенье пустыхъ или превратныхъ свѣтскихъ понятій»* [5, с. 347] (ложный стыд по В.И. Далю). Такое различение позволяет увидеть, что стыд может быть как выражением глубинной нравственной чуткости, так и реакцией, обусловленной лишь социальными условностями и страхом потерять лицо.

Совесть – у В.И. Даля это *«нравственое сознаніе, нравственое чутье или чувство въ человѣкѣ; внутренее сознаніе добра и зла; тайникъ души, въ которомъ отзывается одобреніе или осужденье каждаго поступка; способность распознавать качество поступка; чувство побуждающее къ истинѣ и добру, отвращающее ото лжи и зла; невольная любовь къ добру и къ истинѣ; прирожденная правда, в различной степени развитія»* [5, с. 256–257]. В этих определениях совесть предстает как внутренний критерий истины и добра, как живой источник оценок, без которого человек теряет ориентиры в нравственном пространстве.

В этом смысле стыд – видимая сторона работы совести. Его можно рассматривать как внешний симптом того, что внутренний нравственный механизм не разрушен окончательно. Когда совесть действует, человек способен испытывать стыд, ощущать внутренний укор. Когда стыда нет, это означает не только эмоциональную холодность, но и нарушение самого механизма внутренней оценки. Исчезновение стыда свидетельствует о том, что связь между поступком и его нравственным осмыслением оборвана, а внутренний «тайник души» больше не отзывается на происходящее.

Повтор «не стыдно» в стихотворении фиксирует именно это состояние. Адресат не просто делает сомнительные вещи, он живет так, будто не чувствует диссонанса между своим поведением и происходящим. Рефрен становится формой поэтического диагноза: автор настойчиво возвращает адресата к вопросу о стыде, который тот всякий раз как будто отталкивает. Поэтому отсутствие стыда становится признаком более глубокой деформации: нарушена способность личности видеть свои поступки в свете нравственной нормы. Совесть в таком состоянии не исчезает полностью, но как бы заглушается, превращаясь из живого голоса в едва различимый шепот, который человек предпочитает не слышать.

Мотив «бессовестной повадки» в тексте помогает уточнить эту мысль. В «Словаре» В.И. Даль приводит слова «поважать» и «поваживать», в словарных статьях которых наблюдается существенное различие. Слово «повада» (от «поважать») – *«приманка, соблазнъ, все нравное, угодное кому»* [4, с. 139], и слово «повадка» (так же от «поважать») – от действия «повадить», *«пріучить соблазнами и приманить; потворствовать, послаблять дурнымъ наклонностямъ, быть поводомъ чьей либо дурной привычки»* [4, с. 139]. Слово же «поводка» (от «поваживать») указывает на закрепленный способ жить, поведенье, *«образъ, какимъ ведетъ себя человѣкъ; нравственый родъ жизни, правила и поступки человѣка»* [4, с. 140]. В.И. Даль не случайно употребляет слово, указывающее на способность одного бессовестного человека увлечь за собой окружающих, отвратить их от добра, лишить стыда.

Поведение толпы описывается в стихотворении как устойчивая привычка. Это значит, что речь идет о подлом образе существования, в котором внутренний центр, связанный с совестью и стыдом, либо сильно ослаблен, либо почти исчез. Люди продолжают действовать, но их действия более не соотнесены с внутренним запретом, который должен был бы останавливать от превращения чужой боли в зрелище.

Пока человек способен стыдиться, он сохраняет возможность внутренней дистанции от собственного состояния. Он может увидеть свою поврежденность и захотеть ее исправить. Там, где стыд исчезает, исчезает и эта дистанция: человек срастается со своей деформацией и перестает воспринимать ее как беду. В этом смысле утрата стыда – не просто ослабление чувства, а утрата самой возможности покаяния, выхода из повреждённого состояния. В этом смысле вопрос «Не стыдно ль вам» – это стыжение, совещевание, призыв *«къ сознанію проступка и къ раскаянью»* [5, с. 257]. Автор стихотворения обращается к адресату не только как к виновному, но и как к тому, кто еще может очнуться, восстановить работу совести и вернуть себе способность видеть собственные поступки в свете правды и доброты.

Важной частью стихотворения является обращение к потомкам. В.И. Даль говорит не только о тех, кто присутствовал при трагедии, но и о будущих поколениях, которые будут судить их поведение. Человек отвечает не только за то, что делает сейчас, но и за то, как его действия будут выглядеть глазами потомков. Это предполагает, что совесть – не замкнутая внутренняя реакция, а форма связи со временем, с тем нравственным миром, который человек оставляет после себя. Это расширяет время, появляется перспектива исторического суда.

Стыд, отношение к собственным поступкам рассматривается в стихотворении сквозь призму памяти. Суд потомков – не просто риторический прием, а указание на то, что человеческая состоятельность проверяется временем.

Изображение толпы в стихотворении связано у В.И. Даля с тем, как люди обращаются с телом и внешностью. Перечни деталей одежды, манер, жестов и светских аксессуаров служат не просто для сатиры. Они показывают, как человеческая жизнь может сузиться до поверхности. Внешняя форма – костюм, поза, тон – начинает заменять внутреннее содержание:

«И благо и добро вам – пустышь, вздор и сор;
Что свято для других, для вас одна игрушка;
Греха не знаете, вам совесть не укор;
Зато существенны – ***цветы, полоска, мушка,***
Покрой жилетный да узор*!*
<…>
Горазды вы ***причесывать чубы****,*
Отращивать усы и бакенбарды*…»* [9, с. 172]

На этом фоне особенно заметен контраст между телом А.С. Пушкина и телесностью толпы. Тело умирающего поэта в свидетельских текстах В.И. Даля – это граница смертности, но одновременно и место проявления достоинства, названное «светильником», дотлевающим последней искрой [2, с. 220]. В болезни и слабости А.С. Пушкин остается собранным, его телесное состояние открывает глубокую человечность. Телесность толпы в стихотворении, напротив, сведена к моде и показному присутствию. Тело становится инструментом демонстрации, а не носителем внутренней жизни, поэтому вместо лиц видны «цветы, полоска, мушка, покрой жилетный да узор; чубы, усы и бакенбарды; в пакостях сердца погрязшие и руки» [9, с. 172]. Ярко передано звучание разговоров в толпе: «мычать рычать; кричит любой из вас за семерых, скрежещет зубами; мечет честью, что плевками; преголосистые заносчивые барды» [9, с. 172]. «Гадко слушать вас и жалостно глядеть», – сокрушается В.И. Даль [9, с. 172].

Пошлость в этой связи обозначает такое состояние сознания, при котором исчезает различие между высокими и низкими вещами. Все превращается в «побрякушку», в повод для развлечения:

«Пора, пора самих себя вам пожалеть,
Не дешево далась вам эта ***побрякушка****!*
Чего вам на стену, как бешеному, лезть
И нянчить сатану и день и ночь возиться?» [9, с. 172]

Смерть великого человека, вместо того чтобы вызвать молчание и трепет, становится частью поверхностного светского шума. Это свидетельствует о ценностном падении.

Мотив «перебеситься» в описании толпы подчеркивает состояние духовной рассеянности. Люди ведут себя так, словно все вокруг – только повод для временного возбуждения. Память о смерти и способность достойно пережить трагическое событие вытесняются поверхностными впечатлениями. В результате тело, внешность и пошлость составляют единый образ: человек – маска, а не личность.

Статьи, посвященные категориям **память** и **святость**, поддерживают и концептуально укрепляют данную поэтическую картину.

В «Толковом словаре живого великорускаго языка» В.И. Даль дает следующее определение: **память** – это *«способность помнить, не забывать прошлаго; свойство души хранить, помнить сознанье о быломъ»* [4, с. 14]. Память соотносится прежде всего с внутренней работой души, с ее способностью удерживать и беречь пережитое, не позволяя ему раствориться в потоке времени. В народной традиции эта «способность помнить» получает конкретное обрядовое выражение – памятование событий, поминовение усопших. Помнить – значит не только хранить воспоминание в душе, но и подтверждать его в действии.

В контексте стихотворения «Не стыдно ль вам…» память у В.И. Даля мыслится не как нейтральное хранение прошедших событий, а как нравственно нагруженное измерение человеческой жизни. Память – это не только способность «не забывать прошлаго», но и внутренний ресурс совести, который удерживает в поле зрения то, что произошло с другим человеком, не позволяя чужой боли бесследно исчезнуть. Отсутствие стыда у адресата стихотворения связано с особым видом беспамятства. Толпа живет как бы «без оглядки», не соотнося настоящее с прошлым, и тем, что должно оставаться ценным в будущем. В этом контексте не помнить – это не признавать значимости события, не допускать его в пространство совести. В этом смысле мотив «бессовестной повадки» может быть прочитан и как характеристика жизни без подлинной памяти. В этом случае память сводится к поверхностному, внешнему знанию, но не работает как внутренняя «связь узнанного», как усвоенная нравственная истина. Многократно задаваемый вопрос «Не стыдно ль вам?» одновременно обращается и к совести, и к памяти. Он оставляет для размышления читателя вопрос: «Способен ли человек удержать в себе и не забыть чужое страдание, увидеть в нем вызов собственной жизни?».

Святость, святыня представлена В.И. Далем в «Толковом словаре живого великорускаго языка» как то, *«что кому свято, чему поклоняемся, что чтимъ нерушимо»* [5, с. 162]. **Святой** – *«духовно и нравственно непорочный, чистый, совершенный; <…> предметъ высшего почитанія»* [5, с. 161]. В словарной статье приводится пословица *«Береги совѣсть, какъ святыню»* [5, с. 162]. В.И. Даль сближает область священного с внутренним нравственным центром личности. Совесть мыслится как то, что требует к себе бережного, благоговейного отношения. В контексте стихотворения «Не стыдно ль вам…» эта связь особенно важна. Потеря человеком уважения к святыне оборачивается ослаблением совести, а разрушение совести, в свою очередь, делает возможным беспамятство, бесстыдство, нравственное падение.

Таким образом, внимательное прочтение и анализ стихотворения В.И. Даля «Не стыдно ль вам…» позволяют сделать следующие выводы:

Во-первых, стихотворение – часть свидетельского комплекса текстов В.И. Даля о последних днях, часах жизни А.С. Пушкина. Прозаические описания болезни, смерти и вскрытия тела поэта задают антропологический горизонт: человек предстает в предельной ситуации, где его достоинство проверяется конечностью и страданием. Поэтический текст продолжает этот опыт, переводя фиксируемые наблюдения в открытое нравственное обращение к тем, кто оказался рядом с трагедией.

Во-вторых, обращение «Не стыдно ль вам…» раскрывается не только как эмоциональная реплика, но и как антропологический вопрос. В нём проверяется, сохранилась ли у человека внутренняя граница, которая не позволяет превращать чужое страдание в зрелище, относиться к «святому» как к «побрякушке». Категории стыда и совести, реконструируемые по словарным статьям В.И. Даля, размещенным в его «Толковом словаре живого великорускаго языка», говорят о глубинной способности души удерживать связь между поступком, истиной и добром.

В-третьих, образ толпы в стихотворении описывает особый тип совместного существования людей и задает перспективу для философско-антропологического осмысления феномена толпы в русской культуре XIX века.

В-четвёртых, обращение к понятиям памяти и святости позволяет увидеть в стихотворении не только обличительный пафос, но и скрытую надежду на возможность нравственного преображения человека.

Заключение

Рассмотрение стихотворения В.И. Даля «Не стыдно ль вам…» в контексте его свидетельских текстов о смерти А.С. Пушкина показывает, что поэтическое слово В.И. Даля оказывается не случайным эмоциональным откликом, а понятной для эпохи формой выражения философско-антропологического осмысления предельного события. Смерть поэта в этих текстах предстает как момент, в котором пересекаются личная судьба, национальный опыт и нравственное состояние общества. С одной стороны, А.С. Пушкин и В.И. Даль-свидетель демонстрируют возможность сохранять достоинство, трезвость и внутреннюю собранность перед лицом смерти; с другой – светская толпа оказывается неспособной выдержать серьезность происходящего и переводит трагедию в разряд зрелища.

Поэтический вопрос «Не стыдно ль вам…» фиксирует именно этот разрыв. В.И. Даль испытывает на прочность те структуры человеческой

жизни, которые он в своем «Толковом словаре» связывает с совестью, стыдом, памятью и святыней. Совесть понимается как «тайник души», отзывающийся на добро и зло; стыд – как видимая сторона ее работы; память – как способность души хранить и не забывать значимое; святыня – как то, что требует «нерушимого» почитания. В стихотворении показано, что отказ от бережного отношения к святыне, утрата памяти о чужом страдании и исчезновение стыда образуют единую цепь нравственного распада, в результате которого человек теряет внутреннюю меру, но внешне продолжает оставаться частью «приличного» общества.

Таким образом, стихотворение «Не стыдно ль вам…» можно прочитать как опыт постановки философского вопроса: «До какой степени человек может утратить связь с совестью и памятью, оставаясь включенным в культурную и социальную жизнь? И где проходит граница, за которой толпа перестает быть собранием личностей и превращается в анонимную силу, разрушительную для святого и уязвимого?» Обращение В.И. Даля к потомкам, к историческому суду над поведением современников А.С. Пушкина усиливает эту перспективу, ведь нравственная состоятельность человека проверяется не только моментом, но и временем. В этом смысле стихотворение В.И. Даля, написанное в связи со смертью А.С. Пушкина, выходит за рамки конкретной ситуации и становится текстом, актуализирующим фундаментальный вопрос о человеческой ответственности перед памятью, святыней и другим человеком как носителем достоинства.

Литература

1. Воропаев, В. Значение великих истин / В. Воропаев // Православное книжное обозрение, октябрь 2024. – № 10 (152). – С. 42–56.
2. Даль, В.И. Статья «Смерть Пушкина» / В.И. Даль // Грачев, М.А. А.С. Пушкин и В.И. Даль: История дружбы и сотрудничества: монография / М.А. Грачев. – М.: ФЛИНТА, 2024. – С. 214–221.
3. Даль, В.И. Смерть А.С. Пушкина / В.И. Даль // Даль В.И. Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8: Произведения разных лет; О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа; Письма к друзьям из похода в Хиву; Статьи о русском языке; Смерть А.С. Пушкина; Автобиографическая записка В.И. Даля. – М.: Книжный Клуб Книговек, 2017. – С. 628–634.
4. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорускаго языка: в 4 т. / В.И. Даль. – 2е изд. – СПб.: Изданіе книгопродавцатипографа М.О. Вольфа, 1882. – Т. 3. – 556 с.
5. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорускаго языка: в 4 т. / В.И. Даль. – 2е изд. – СПб.: Изданіе книгопродавцатипографа М.О. Вольфа, 1882. – Т. 4. – 684 с.
6. Жуковский, В.А. Конспективные записки о гибели Пушкина / В.А. Жуковский / В.А. Жуковский // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2-х томах. Под общ. ред. В.В. Григоренко и др. Том. 2. Вст. Статья В.Э. Вацуро. Подготовка, сост. и прим. В.Э. Вацуро и др. – М.: «Худож. лит.», 1974. – С. 391–393.
7. Лермонтов, М.Ю. Сочинения: в 6 т. Т. 2: Стихотворения 1832–1841 / М.Ю. Лермонтов. – М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1954. – С. 84–86.
8. Лонгинов, М.Н. Последние дни жизни и кончина А.С. Пушкина / М.Н. Лонгинов // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2-х томах. Под общ. ред. В.В. Григоренко и др. Том. 2. Вст. статья В.Э. Вацуро. Подготовка, сост. и прим. В.Э. Вацуро и др. – М.: «Худож. лит.», 1974. – С. 381–384.
9. Матвиевская, Г.П. Владимир Иванович Даль, 1801–1872 / Г.П. Матвиевская, И.К. Зубова. – М.: Наука, 2002. – 223 с.
10. Мещерская, Е.М. Письмо к М.И. Мещерской / Е.М. Мещерская // А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. В 2-х томах. Под общ. ред. В.В. Григоренко и др. Том. 2. Вст. Статья В.Э. Вацуро. Подготовка, сост. и прим. В.Э. Вацуро и др. – М.: «Худож. лит.», 1974. – С. 388–391.

TESTIMONY, SHAME, AND THE CROWD: PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL READING OF V.I. DAHL›S POEM «AREN›T YOU ASHAMED…»

Lipich V.V., Lopin R.A., Lopina M.R.
Belgorod State National Research University

The article analyzes V.I. Dal's poem "Aren't you ashamed…?" and the corpus of his texts devoted to the last days of A.S. Pushkin's life and death. Comparing the poetic text with documentary evidence allows us to view the poet's death as an event that is experienced both as a national tragedy and as a test for public conscience. Special attention is paid to the concepts of testimony, shame, conscience, memory, and sanctity, as well as to the image of the crowd, which has lost its inner measure and reverence and turns the suffering of others into a spectacle. The poem "Aren't you ashamed…" is interpreted as a response to the moral decay of secular society, and the dictionary entries by V.I. Dal serve as a key to reconstructing his ideas about a person of the 19th century.

Keywords: V.I. Dal, A.S. Pushkin, death, testimony, shame, conscience, memory, sacredness, the phenomenon of the crowd.

References

1. Voropaev, V. The significance of great truths / V. Voropaev // Orthodox Book Review, October 2024. – № 10 (152). – Pp. 42–56.
2. Dahl, V.I. The article "The Death of Pushkin" / V.I. Dahl // Grachev, M.A. A.S. Pushkin and V.I. Dahl: The History of friendship and Cooperation: a monograph / M.A. Grachev, Moscow: FLINT, 2024, pp. 214–221.

Russian Russian literature 3. Dahl, V.I. The Death of A.S. Pushkin / V.I. Dahl // Dahl V.I. Collected works: In 8 volumes Vol. 8: Works from different years; About beliefs, superstitions and prejudices of the Russian people; Letters to friends from a trip to Khiva; Articles about the Russian language; Death of A.S. Pushkin; Autobiographical a note by V.I. Dahl. – M.: Book Club Knigovek, 2017. – pp. 628–634.

4. Dahl, V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes / V.I. Dahl. – 2nd ed. – St. Petersburg: Publishing house of the bookseller typographer M.O. Wolf, 1882. – Vol. 3. – 556 p.
5. Dahl, V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language: in 4 volumes / V.I. Dahl. – 2nd ed. – St. Petersburg: Publishing house of the bookseller typographer M.O. Wolf, 1882. – Vol. 4. – 684 p.
6. Zhukovsky, V.A. Summary notes on the death of Pushkin / V.A. Zhukovsky / V.A. Zhukovsky // A.S. Pushkin in the memoirs of contemporaries. In 2 volumes. Under the general editorship of V.V. Grigorenko and others Vol. 2. Vst. An article by V.E. Vatsuro. Preparation, comp. and notes by V.E. Vatsuro et al. – M.: "Art. lit.", 1974. – pp. 391–393.
7. Lermontov, M.Y. Essays: in 6 volumes Vol. 2: Poems 1832–1841 / M.Y. Lermontov. – M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1954. – pp. 84–86.
8. Longinov, M.N. The last days of the life and death of A.S. Pushkin / M.N. Longinov // A.S. Pushkin in the memoirs of his contemporaries. In 2 volumes. Under the general editorship of V.V. Grigorenko and others Vol. 2. Vst. an article by V.E. Vatsuro. Preparation, comp. V.E. Vatsuro and others. – M.: "Art. lit.", 1974. – pp. 381–384.
9. Matviyevskaya, G.P. Vladimir Ivanovich Dahl, 1801–1872 / G.P. Matviyevskaya, I.K. Zubova. – M.: Nauka, 2002. – 223 p.
10. Meshcherskaya, E.M. Letter to M.I. Meshcherskaya / E.M. Meshcherskaya // A.S. Pushkin in the memoirs of contemporaries. In 2 volumes. Under the general editorship of V.V. Grigorenko and others Vol. 2. Vst. An article by V.E. Vatsuro. Preparation, comp. and notes by V.E. Vatsuro et al. – M.: "Art. lit.", 1974. – pp. 388–391.

Социальное бытие человека: философско-типологический аспект

Лустин Юрий Михайлович,
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и русской филологии, Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского, ДНР
E-mail: lustin56@mail.ru

В статье конкретизируются некоторые аспекты диалектико-типологической содержательности общественной жизнедеятельности личности. Обосновывается целостность социального бытия сознательного человека. Уточняется когнитивно-типологический характер социальных связей человека посредством оптимизации его индивидуальной деятельности и культуроемкой практики общественных отношений. Выявлена взаимоопределяющая система основных компонентов содержания общественного существования человека в информационном пространстве современной цивилизации. Относительно полно систематизирована типология обществ и их культурных особенностей по основанию связи с историческими эпохами. В статье используется социально-философский подход, принципы отражения, причинности, систематизации.

Ключевые слова: человек, общество, социальное бытие, философия, диалектика, типология.

Призвание каждого человека в духовной деятельности — в постоянном искании правды и смысла жизни.
Антон Павлович Чехов

Современная цивилизация находится в кризисном состоянии, социально-природная характерность которого направленна на онтологическую неопределенность. В настоящее время человечество сталкивается со множеством нерешенных проблем, которые деформируют все сферы человеческой жизнедеятельности, нивелируют духовно-нравственные и идейно-политические ценности человека. Говоря о сложной паутине мировоззренческих коллизий в нынешнем идеологическом противоборстве Р.П. Соловьева и Ю.М. Соловьева подчеркивают: «Сегодня идеологический вакуум делает очень неустойчивыми границы между ценностями и антиценностями, что представляет реальную угрозу для духовной безопасности человека и социума» [9, с. 308]. В этих противоречивых условиях разрушается духовность индивида, он теряет ориентацию в реализации человекомерности своего социального бытия.

В своей философско-методологической существенности категория «бытие» обозначает объективную реальность, которая существует независимо от сознания, воли, чувств и намерений человека. Интересной в этом плане является утверждение Г.К. Сайкиной о том, что «Бытием можно лишь быть. Бытие поэтому есть не столько сущность человека, сколько способ его существования, способ проживания собственной человеческой сущности. Вопрос о бытии – это не вопрос о что, а вопрос о как: как жить, как быть человеком, как сбыться в качестве человека. Более того, бытие само по себе не может быть явлено, дано человеку, оно всегда есть только само событие человека, непосредственные акты человеческого сбывания, свершения… Человек всегда незавершён, открыт для развития как вечная возможность, вечное «могу», он всегда в пути своего сбывания, он постоянно ищет «встречи» с бытием и пересматривает этот «опыт»« [8, с. 150].

Проблема научного анализа искомой категории и ее соотношения с сознанием человека стоит в центре социально-философского познания. Она является определяющим звеном в истинно верном понимании действительности, оптимизации социальной деятельности сознательной личности, актуализации культуроемкой практики ее общественных связей и цивилизованных диалектико-типологических отношений.

Базисной основой человеческого мировоззрения является способ деятельности человека в реальном контексте его отношения к решению основного вопроса философии. Так, диалектический материализм исходит из того, что материальное бытие определяет сознание. Бытие является источником и условием всех форм жизнедеятельности человека. Деятельность индивида представляет не только возможность и необходимость постижения реальности, но определяет объективную предметность его понимающего мышления в креативном созидании целостности своего социального бытия. Посредством актов своей творческой деятельности человек целеустремленно превращает потенциал разума в инновационные результаты общественно значимой практики.

Эволюция идеи о бытии претерпела сложное развитие. Испокон веков философы стремились к самому высокому уровню познания оснований бытийствования индивидной жизнедеятельности, углубленному пониманию диалектико-типологической взаимосвязи природы, человека, общества и культуры.

Целесообразно вычленить несколько периодов в антропоисторическом развитии философской мысли, отражающих понимание генезиса бытия. Первый период связан с его мифологическим истолкованием. Второй этап рассматривает проблему бытия в плане натуралистической онтологии, то есть как существующее нечто порождает «самого по себе». Религиозное изложение архетипических первопричин развития действительности сводилось к абсолютизации утверждения: Бог – высшее бытие, источник всего сущего Третий период тесным образом связан с философией И. Канта. В этом периоде вопрос социального бытия человека рассматривается как нечто связанное с его познавательной и практической деятельностью. В настоящее время в некоторых направлениях современной немарксистской философии

делаются попытки, направленные на философско-познавательное и социально-методологическое переосмысление процесса становления человека в метафизическом, эсхатологическом, экзистенциальном контекстах.

Социальное бытие человека, наряду с природой существования цивилизации – неотъемлемая часть реально существующего мира, сложившаяся в процессе возникновения, становления и последующего развития человеческого общества. Создает человека природа, но развивает и образует его общество, говорил В.Г. Белинский. Этот вид бытия охватывает все стороны и сферы жизнедеятельности индивидов – экономику, производство, культуру, идеологию, образование, религию, распределение материальных и духовных благ и т.д.

Социальное бытие человека – это философское, социологическое и культурно-историческое понятие, которое в своей целостности обозначает существование индивида в обществе, его включенность в когнитивно-исторические, социально-типологические связи посредством индивидуальной деятельности и культуроемкой практики общественных отношений. Социально-культурная бытийственность человека – это неотъемлемая часть реально существующего мира, которая складывается в типологически определенном процессе возникновения, становления и развития общества, поскольку культуроемкая уникальность и неповторимость индивида коренится в глубинах его родовидовой существенности.

Объектологическое единство человека с социокультурным континуумом его бытия вполне очевидно. Еще Аристотель, осмысливая истоки возникновения человеческого бытия из «рода сущего», подчеркивает в этом ключевую роль природы, потому что она «это и то, из чего нечто возникает, и то, сообразно с чем оно возникает… и то, вследствие чего нечто возникает, – так называемое дающее форму (kata to eidos) естество, по виду тождественное возникающему, хотя оно в другом…» [1, с. 198].

По своей сущности, социальное бытие человека не сводится к его онтологии, естественной природе происхождения или абсолютной «образно-типологической» данности в сознании личности. Философско-методологический аспект формосодержательной *существенности* этого понятия выявляет диалектико-типологические особенности человеческого *существования* в социально-историческом пространстве цивилизации, что позволяет осмысливать многообразие и видоизменяемость проявлений индивидного *сущего*. Как следствие, в содержании понятия «социальное бытие» обнаруживается объективный, закономерный и всестороннее значимый онтологический порядок существования индивида в социуме.

Общественное бытование человека возникает и обнаруживает себя благодаря некой естественно-природно-культурной данности в форме диатипа. Цивилизационный характер и социальная обусловленность этой данности закономерна. Человек рождается в обществе, впитывает его язык, культуру, нормы, ценности. Идеалы, цели, потребности, мотивации и высшие формы самосознания человека формируются в процессе социального взаимодействия с общественной средой, посредством социально-культурной оптимизации его целенаправленной жизнедеятельности.

Реальность общественного существования человека в свое содержание включает такие основные компоненты, как:

а) *социальная деятельность*. Сознательный человек активно преобразует мир, созидая его через свои национально-культурные идеалы, цели, замыслы, интересы и потребности. Эта деятельность осуществляется в социальном сообществе (производственном коллективе, группе единомышленников). Она опосредована цивилизационно ориентированной деятельностью социальных институций общества, а поэтому имеет значимый характер;

б) *социальные отношения*. Человек находится в постоянном взаимодействии с другими людьми, образуя взаимозависимую систему «сетевых» связей и отношений (семейные, производственные, культурно-бытовые, профессиональные, политические, национально-религиозные, эмотивно-психологические, дружеские и т.д.). Эти отношения определяют социальный статус, роли и возможности человека-труженика, человека-созидателя, человека-патриота;

в) *духовные ценности и потребности*. Морально-нравственные потребности и интересы человека возникают и развиваются исходя из социальной динамики его взаимоотношений с окружающим миром на системной основе воспроизводства, распространения и потребления культурных ценностей. Взаимообмен морально-нравственными ценностями – коммуникативная основа развития типологии духовных отношений и общения в современном информационном обществе;

г) *социальные институты*. Как устойчивые формы организации совместной деятельности людей, они регулируют их взаимодействие через систему норм, ролей и требований, чем обеспечивают монолитность государственного устроения, стабильность в развитии социальной системы и всех форм гражданского общества;

д) *социальная интеграция*. Личность объективно включена в различные социальные группы и общности. Аксиологическое понимание человеком диалектико-типологической содержательности общественной жизни, идеалов, интересов и потребностей социальных групп, сообществ формирует у него чувство принадлежности к ним. Интегративная составляющая социального бытия сознательного человека коррелирует когнитивно-типологический характер его общественных связей, что обеспечивает постоянную потребность в общении, целостность и стабильность жизнедеятельных отношений.

Консолидирующая направленность социетального существования личности выражается в различных тенденциях, онтологический потенциал которых служит источником ее диалектически многообразной и типологически разносторонней деятельности. В процессе этой деятельности социальные мотивы, из которых она исходит, могут преобразовываться в многофакторные средства влияния на развитие человека и его индивидуальное существование приобретает обновленное содержание. В итоге, в дискурсе своих социокультурно осознанных и диалектико-материалистически реализованных возможностях человек становится таким, каким он себя полагает. В желании видеть себя настоящей личностью объективируются ее конкретные способности быть социально реализованной, приносить пользу обществу и государству.

Коренными формами бытия человека в социальной среде являются социальное время и социальное пространство. Именно в социальном времени и в социальном пространстве проявляются основные характеристики бытия человека. Онтотипологическое и логико-гносеологическое осмысление социальной жизни через призму времени – это субъективный формат, посредством которого созидающая личность темпорально воспринимает, трансформирует и видоизменяет социальную реальность, чем актуализирует содержание культурной практики социального познания в системе общественных отношений [7].

Социальное бытие тесным образом связано с понятием «общество» и сферами жизнедеятельности человека. Основными сферами жизни общества являются: экономическая, социальная, политическая, духовная.

Экономическая сфера включает в себя производство, распределение, обмен и потребление материальных благ. Она охватывает собой социально-экономическое пространство, в котором организуется хозяйственная жизнь страны, диалектико-типологически осуществляется взаимодействие всех отраслей экономики, а также международное экономическое сотрудничество.

В свою очередь, социальная сфера – это сфера общественной жизни, в рамках которой удовлетворяются прямые жизненные интересы и потребности членов общества, происходит их коммуникация, взаимодействие различных структурных элементов общественного устроения. Эта сфера влияет на создание условий производственной деятельности людей, обеспечение необходимого уровня их достойной жизни. В динамике социального бытия происходит разрешение противоречивых проблем существования общества, особенно в образовании, здравоохранении, искусстве, религии, социальном обеспечении. В данной сфере приоритетным является соблюдение социальной справедливости при реализации каждым членом общества своего права на труд, потребление создаваемых в обществе материальных и духовных благ.

Политическая сфера жизни общества – это область деятельности людей, которая связана с реализацией властных полномочий, административным управлением, регулированием общественных отношений, обеспечением государственной безопасности.

Духовная сфера – это область общественной жизни, сопряженная с формированием, потреблением, распространением и сохранением морально-нравственных, идейно-культурных ценностей, удовлетворяющих социальные потребности человека и общества. В этой сфере возникают и реализуются духовные (познавательные, нравственные, художественные, религиозные и т.д.) потребности людей. Данная сфера играет важную роль в формировании личности. Она всесторонне влияет на определение человеком направлений своего развития, осознание смысла деятельного существования.

Характерно, что философско-типологический анализ социального бытия предполагает выделение устойчивых, относительно завершенных форм существования человека в общественной среде, основанных на различных типологических характеристиках и критериях. Эти типологические параметры социальной жизнедеятельности человека позволяют правильно классифицировать деятельность людей по их социальным ролям и коммуникативным способам взаимодействия.

Социально-онтологическая конкретность типологического познания помогает осознавать общие закономерности и культурно-исторические особенности существования человека, философию изменчивости его отношений к социально-историческим реалиям бытия. О том, как человек типологически проявляет себя в социуме, В.Я. Брюсов говорил: каждый человек – отдельная определенная личность, которой вторично не будет. Люди различаются по самой сущности души; их сходство только внешнее. Чем больше становится «видным», что человек представляет «сам собою», тем глубже он начинает понимать себя и окружение, яснее проступают его культурно-самобытные черты.

Человек не существует вне общества, его бытие изначально онтологически обусловлено, социально-типологически видоопределено, профессиологически специфицировано. Именно в обществе, в системе типологически определенных отношений с другими людьми формируются и проявляются его индивидуальные качества, уровень развития понятийного мышления, культура межличностного общения и коммуникации, креативные способности созидательной деятельности.

Первостепенная роль и универсальное значение в познании диалектического содержания взаимодействия человека и общества принадлежит типологическому потенциалу мыслительной активности сознательного индивида, типологическим свойствам (качествам) его рациональной деятельности. Целостность социального бытия человека и его типологическое мышление тесно взаимодействуют, так как их диалектические связи и отношения – это многоплановый способ антропокультурного присутствия индивида в мире типологически разнообразных вещей, явлений, процессов. Вот почему, в своей социальной содержательности «типологическое мышления личности – это специфическая форма сравнительного отражения свойств объективной реальности, которая в единстве характеристик их сходства (различия) обеспечивает выявление связей и отношений между ними, конкретизируя тем самым способ жизнедеятельности человека» [3, с. 97]. Как следствие, социальное бытие очерчивает рамки, в которых всесторонне развивается личность, обнаруживаются возможности ее целенаправленной самореализации.

В определенной мере методологического допущения социальное бытие индивида определяет тип общества, а тип общества, в свою очередь, формирует и преобразовывает содержание его общественного бытийствования, упорядочивая тем самым архитектонику уникальности человеческого «Я», неповторимость индивидуального существования. Как пишет Ю.М. Лустин: «Тип и типология общества являются универсальными коренными характеристиками свойств общественной среды. Они всесторонне влияют на формирование онтологической уникальности и субъективированной неповторимости человека. Особенностью этой процесса является универсальность общественного воздействия на бытие субъекта социальных отношений» [6, с. 174].

Объективируя смысл ранее сказанного, можно прийти к необходимости рассмотрения типологических характеристик обществ по критерию их связанности с историческими эпохами. Это:

• традиционное общество. Данный тип общества регулируется традициями, обычаями и религией. Он характеризуется жесткой сословной социальной иерархией, устойчивыми социальными общностями и стремлением сохранить в неизменном виде сложившиеся социокультурные устои. В этом типе общества человек преимущественно ориентирован на прошлое. В своем социетальном развитии индивидуальность человека существенно ограничена из-за доминирования социального контроля, консерватизма групповых интересов, сакрализации этнорелигиозных традиций;

• индустриальное общество (промышленное общество) – это тип общества, сформировался в результате индустриализации, развития машинного производства и автоматизации. Он характеризуется поточным производством, механизацией и автоматизацией труда, развитием рынка товаров и услуг, гуманизацией экономических отношений, возрастанием роли функций управления и экономико-правовой ответственности, расширением границ гражданского общества. В данном типе общественного устроения преобладают рациональность, индивидуализм, ориентация на прогресс и достижения экономического превосходства «любой ценой»;

• постиндустриальное (информационное) общество**. Это** понятие характеризует новую стадию эволюции человеческих обществ, отчетливо проявивших свой потенциал в последней трети XX – начале XXI веков в экономике наиболее развитых странах. В данном типе общества акцент сделан на инновационные знания, креативную информацию и ее реализацию, развитые способности человека самого высокого профессионального уровня.

Коллективное социальное бытие людей является движущей силой, которая порождает и трансформирует сами типы обществ. Понимание этой взаимосвязи является ключевым для научно-теоретического анализа социальных явлений и прогрессивного развития общества.

Философско-типологический подход к анализу социального бытия человека имеет принципиально важное значение. Диалектико-методологические возможности данного концептуального подхода позволяют:

а) понять многообразие проявлений человеческого существования в социуме**.** В своей целостности общество – это сложная система, в которой люди занимают разные мировоззренческие позиции и проявляют себя по-разному. Это важно для проектирования социально-природных перспектив бытия человека [2]. В свою очередь эти перспективы связаны с философско-методологическим постижением «личностью типологического содержания природы, человека, общества и культуры, направленное на сравнительное (сопоставительное) выявление в них закономерных связей и отношений между всеми формами их качественных значений» [4, с. 141];

б) выявлять диалектико-типологические закономерности социального поведения индивида и Другого. Научно-методологические возможности такого подхода позволяют классифицировать людей по определенным признакам, что упрощает анализ результатов практики и прогнозирование их действий;

в) разрабатывать эффективные стратегии социально-типологического развития общества и самодостаточности человека. Диалектико-материалистическое понимание различных типов человека и типологий его социально значимой деятельности необходимо для построения более справедливого, подлинно демократического и гармоничного развитого общества. «Диалектико-типологический дискурс цивилизационной динамики современного развития общества и его институций, по мнению автора, на первый план выдвигают самодостаточность личности в социальном познании ею типологического содержания объективной и субъективной реальности» [5, с. 18];

г) конкретизировать диалектические связи в типологии отношений индивидуального и общественного бытия. Типология общества проявляет свою специфическую сущность в социальном воздействии на личность, когнитивным образом формируя и концептуально совершенствуя ее свойства. В свою очередь тип (типология) личность влияет на системное развитие общества, дифференцированное взаимодействие его структур.

Общественная жизнь не может быть абсолютно однообразной, ее онтологическая содержательность определяется развитостью индивидуальных качеств человека, его социокультурными способностями корректировать результаты и достижения жизнедеятельного существования. Философско-типологическое познание картины социального бытия личности в современном мире – это такой срез онтологического, гносеологического и онтотипологического знания, в котором индивид предстает в реалиях бытия во всем многообразии своих объективных и субъективных акциденций. Мотивы деятельности человека отражают внутренние побуждения, потребности, интересы, ценности и особенности личности**,** которые лежат в основе его действий и поступков.

Они показывают, что движет человеком, какой диалектико-типологический «формат» единства объективных и субъективных движущих сил его существования наиболее конструктивен, почему индивид выбирает тот или иной путь для реализации своих социальных целей и долженствующих намерений.

Таким образом, социальное бытие человека – это многогранный процесс его существования в системе общественных отношений. Реальная явленность этого типологически видоизменяемого процесса отражает социальную динамику взаимодействия индивида с общественной средой.

Философско-типологический подход к анализу содержания общественной жизни выявляет различные модели, формы и способы человеческого существования, типологические форматы коммуникации в социальной среде. Научно-теоретическое понимание социального уклада жизнедеятельности индивида способствует более глубокому осмыслению его социальной сущности, поиску эффективных путей развития современного информационного общества.

Социальное бытие человека – это динамичный процесс, в котором личность и общество находятся в постоянном противоречивом взаимодействии [10]. Социальная философия помогает осознать содержательную многоплановость этого взаимодействия, а типология – увидеть разнообразие форм, в которых оно проявляется. Философско-методологическое понимание этой диалектической взаимосвязи позволяет сознательному человеку лучше познавать себя, Другого и окружающую реальность, а также, креативно строить инновационно-прогностические траектории человеческого развития в будущем. Это и есть один из существенных аспектов диалектико-типологической со-

держательности общественной жизни современной информационной личности.

Литература

1. Аристотель. Метафизика // Аристотель: Соч. в четырех томах. Т. 1 / Ред. В.Ф. Асмус. М., «Мысль», 1976. – 552 с.

2. Баркова, Э.В. Категория «жизнь» в проектировании перспектив бытия человека / Э.В. Баркова // Социально-гуманитарные знания. – 2016. – № 8. – С. 241–248. – EDN XAEIPT.

3. Лустин, Ю.М. Понимание как типологическое средство мышления субъекта социальности / Ю.М. Лустин // Вестник Донецкого национального университета. Серия Б: Гуманитарные науки. – 2019. – № 1. – С. 91–98. – EDN OHPZSK.

4. Лустин, Ю.М. Культура типологического познания личности в экофилософской парадигме современности / Ю.М. Лустин // Философия и культура в гуманитарном дискурсе: Материалы международной научно-методической конференции, Воронеж, 27–28 апреля 2021 года. – Воронеж: Воронежский ЦНТИ – филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго России, 2021. – С. 137–142. – EDN LWOTLL.

5. Лустин, Ю.М. Личность информационного общества: социальные аспекты диалектико-типологической концептуализации / Ю.М. Лустин. – Донецк: ДонНУЭТ, Центр этнических и международных исследований, 2022. – 320 с. – ISBN 978-5-605-59942-5. – EDN YTTILL.

6. Лустин, Ю.М. Человек и общество в концептуальной парадигме диалектико-типологического взаимодействия: теория и практика / Ю.М. Лустин. – Донецк: ДонНУЭТ, 2025–565 с. – ISBN 978-5-600-04866-9. – EDN PNNXBE.

7. Попов В.В., Музыка О.А. Социальное бытие: субъективность и темпоральность // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований, 2015. – № 4. – С. 172–174.

8. Сайкина, Г.К. Человек – бытийное или социальное существо? // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки, 2013.. – Том. 155. – № 1. – С. 147–156.

9. Соловьева, Р.П. Духовные ценности личности и общества в условиях цифровизации / Р.П. Соловьева, Ю.М. Соловьева // Гуманитарное знание и духовная безопасность: Сборник материалов IX Международной научно-практической конференции, Грозный, 09–10 декабря 2022 года. – Махачкала: ООО «Издательство АЛЕФ», 2022. – С. 304–310. – EDN FOGIAC.

10. Ясюкович А.С. Особенности социального бытия человека в эпоху глобализации / А.С. Ясюкович. – Текст: непосредственный // Молодой ученый, 2025. – № 26 (577). – С. 459–461. – URL. https:// moluch.ru/archive/577/127109.

HUMAN SOCIAL BEING: A PHILOSOPHICALTYPOLOGICAL ASPECT

Lustin Yu.M.
Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky

The article elaborates on certain aspects of the dialecticaltypological content of an individual's social life. The integrity of the social existence of a conscious person is substantiated. The cognitivetypological nature of a person's social connections is clarified through the optimization of their individual activity and the cultureintensive practice of social relations. A mutually defining system of the main components of the content of a person's social existence in the information space of modern civilization has been identified. The typology of societies and their cultural characteristics has been relatively fully systematized based on their connection to historical eras. The article employs a sociophilosophical approach, drawing on the principles of reflection, causality, and systematization.

Keywords: man, society, social being, philosophy, dialectics, typology.

References

1. Aristotle. Metaphysics // Aristotle: Works in four volumes. Vol. 1 / Ed. V.F. Asmus. Moscow, «Mysl», 1976. – 552 p.

2. Barkova, E.V. The category «life» in designing the prospects of human existence / E.V. Barkova // Social and humanitarian knowledge. – 2016. – № 8. – Pp. 241–248. – EDN XAEIPT.

3. Lustin, Yu.M. Understanding as a typological means of thinking of the subject of sociality / Yu.M. Lustin // Bulletin of Donetsk National University. Series B: Humanities. 2019. – № 1. – Pp. 91–98. – EDN OHPZSK.

4. Lustin, Yu.M. The Culture of Typological Cognition of Personality in the Ecophilosophical Paradigm of Modernity / Yu.M. Lustin // Philosophy and Culture in the Humanities Discourse: Proceedings of the International Scientific and Methodological Conference, Voronezh, April 27–28, 2021. – Voronezh: Voronezh Center for Scientific and Technical Information – Branch of the Russian Energy Agency of the Ministry of Energy of Russia, 2021. – Pp. 137–142. – EDN LWOTLL.

5. Lustin, Yu.M. Personality in the Information Society: Social Aspects of Dialectical-Typological Conceptualization / Yu.M. Lustin. – Donetsk: DonNUET, Center for Ethnic and International Studies, 2022. – 320 p. – ISBN 978-5-605-59942-5. – EDN YTTILL.

6. Lustin, Yu.M. Man and Society in the Conceptual Paradigm of Dialectical-Typological Interaction: Theory and Practice / Yu.M. Lustin. – Donetsk: DonNUET, 2025–565 p. – ISBN 978-5-600-04866-9. – EDN PNNXBE.

7. Popov V.V., Muzyka O.A. Social Being: Subjectivity and Temporality // International Journal of Applied and Fundamental Research, 2015. – № 4. – Pp. 172–174.

8. Saykina, G.K. Man – an ontological or a social being? // Scientific Notes of Kazan University. Series: Humanitarian Sciences, 2013. – Vol. 155. – № 1. – Pp. 147–156.

9. Solovieva, R.P. Spiritual Values of the Individual and Society in the Context of Digitalization / R.P. Solovieva, Yu.M. Solovieva // Humanitarian knowledge and spiritual security: Collection of materials of the IX International scientific and practical conference, Grozny, December 9–10, 2022. – Makhachkala: OOO «Izdatelstvo ALEF", 2022. – Pp. 304–310. – EDN FOGIAC.

10. Yasyukovich A.S. Features of human social existence in the era of globalization / A.S. Yasyukovich. – Text: direct // Young scientist, 2025. – № 26 (577). – Pp. 459–461. URL. https:// moluch.ru/archive/577/127109.

Интеграция типов научной рациональности: социокультурный аспект

Мамедов Агамали Куламович,
профессор, доктор социологических наук, заведующий кафедрой социологии коммуникативных систем МГУ имени М.В. Ломоносова

Максимов Арсений Андреевич,
кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии коммуникативных систем МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: arsmaksimov@yandex.ru

Историческая трансформация и социокультурная дифференциация научно-познавательной деятельности рассмотрены через призму принципа научной рациональности. Категория научной рациональности, включая ее структуру представлены как исторически- и социально-детерминированный феномен. Различия в типах научной рациональности, включая разнообразие эпистемических культур, имманентно присущие разным научным дисциплинам создают препятствия для междисциплинарного научного сотрудничества. Предлагается рассматривать это обстоятельство как теоретическую проблему, а также выделяются направления ее решения на основе системного и диалектического подходов.

Ключевые слова: научная рациональность, интеграция, познание, практика.

Каждая эпоха имеет свои познавательные установки. Следуя логике представителей постпозитивизма, таких как Т. Кун [6], С. Тулмин [20], К. Поппер [12], И. Лакатос [8, 9], П. Фейерабенд [15, 16] общий ход развития науки неразрывно связан с изменением принципов научного познания. Будь то переход к новой парадигме, смена научных популяций, победа одной научно-исследовательской программы над другой или принятие позиции методологического плюрализма – каждая из концепций описывает историческое развитие научного познания как средства постижения окружающей действительности. С другой стороны, опираясь на труды таких философов и социологов, как М. Шелер [17], К. Мангейм [10], П. Бергер [2], Т. Лукман, Д. Блур [3], Б. Барнс, К. Кнорр-Цетина [18] и др. мы можем утверждать, что социокультурный контекст выступает значимым фактором дифференциации принципов научного познания.

Одним из ключевых принципов научного познания, как известно, является рациональность. Есть основания полагать, что в зависимости от исторического и социокультурного контекста мы имеем дело с различными типами научной рациональности. Эти типы имеют свои границы применимости и представляются непроницаемыми друг для друга. Но практическая применимость каждого из них наводит на мысль об их возможной интеграции в общую (единую) научную рациональность. Основное назначение такой интегративной научной рациональности, в первую очередь, должен служить налаживанию междисциплинарной научной коммуникации. Во-вторых, интегративная научная рациональность способна стать ключевым условием формирования новых предметных областей. В настоящей работе предпринята попытка обосновать этот тезис.

Под научной рациональностью мы понимаем системы правил, норм, эталонов и ценностей, которые определяют, какое знание в конкретную историческую эпоху признается истинным, доказанным и научным, а также какими методами это знание должно добываться. Если рассмотреть структуру категории «рациональность», то в неё должны быть включены такие основания, как онтология, эпистемология, логика (в понимании логической непротиворечивости теоретических построений), аксиология, методология, праксиология и психология познавательного процесса.

Говоря об исторической и социокультурной дифференциации научной рациональности, можем ли мы утверждать, что изменение одного или нескольких элементов структуры рациональности послужит ее изменению в целом? С точки зрения системного подхода – ответ однозначно утвердительный. Как минимум, изменение в методологии или аксиологии познавательного процесса должны повлечь за собой изменение остальных элементов структуры (их адаптации для поддержания равновесия системы), а значит и рациональности в целом.

Учитывая исторически обусловленную неизбежность развития познавательной деятельности как таковой и, в частности научного познания, мы констатируем и неизбежность изменения рациональности с течением времени. На вопрос как происходят эти изменения и каковы их принципы ответили в своих концепциях выдающиеся представители постпозитивизма. Любопытно, что многообразие и самобытность этих концепций научного развития (рассмотренных далее) в некотором смысле тоже является результатом трансформации рациональности философии постпозитивизма в сторону ее относительности гибкости и метафизичности.

С точки зрения С. Тулмина, наука одновременно транслирует старые нормы и постоянно отбирает новые концепты. Рациональность меняется тогда, когда кумулятивный эффект мелких изменений в понятиях приводит к качественному сдвигу в том, как человечество вообще привыкло объяснять мир. При этом в его понимании рациональность меняется каждую секунду через постоянное взаимодействие научных понятий с социокультурной средой. Таким образом, изменение типа рациональности происходит тогда, когда меняется широкий культурно-исторический и социальный контекст эпохи. В известном примере с переходом от классической физики к квантовой С. Тулмин видит факт преемственности: новая теория возникла для того, чтобы усовершенствовать и адаптировать старую (в рамках классического принципа соответствия Н. Бора), обеспечив лучшее понимание природы.

С. Тулмин, как известно, разводил категории логичности и рациональности, как оснований для мышления и принятия решений. Если

логичность апеллирует к неизменной истине, то рациональность отражает человеческую способность изменять, адаптировать и совершенствовать свои понятия в ответ на новые требования реальности [20].

С революционной точки зрения Т. Куна, плавности трансформации рациональности быть не может. Новая парадигма, сменяет другую скачкообразно и без права преемственности. Разумеется термины рациональность и парадигма не тождественны ни в понимании Куна, ни в нашем понимании, тем не менее, общая логика концепции Т. Куна вообще не предполагает эволюционно-плавного изменения в научном мышлении. Его тезис о несоизмеримости парадигм можно представить и как дискурсивный разрыв – невозможность быть понятым сторонниками разных парадигм хотя бы на том основании, что привычные понятия меняют свой первоначальный смысл. Например, термины вроде «масса» или «скорость» в классическом и квантовом мире, по Т. Куну, понимаются по-разному.

Как отмечал М. Планк, «новая научная истина прокладывает дорогу к триумфу не посредством убеждения оппонентов и принуждения их видеть мир в новом свете, но скорее потому, что ее оппоненты рано или поздно умирают и вырастает новое поколение, которое привыкло к ней» [19].

Диалектическое противоречие эволюционного и революционного подходов к пониманию развития науки можно использовать для объяснения неоднозначности процесса трансформации научной рациональности. Ни накопление критической массы неразрешимых головоломок, ни постепенное изменение научной популяции не способны исчерпывающе объяснить этот процесс.

Методологические и аксиологический аспект рациональности научного познания может быть рассмотрен на примере противопоставления фальсификационизма К. Поппера и И. Лакатоса. Рациональность по К. Попперу строится на критическом научном подходе. Признавая принципиальную недостижимость истины, ученый применяет метод фальсификации, постоянно проверяя на прочность существующие теории, опровергает «старые» гипотезы, формулирует «новые», углубляясь, таким образом, в научное знание. Важнейшим условием участия в «научной игре» по К. Попперу является критическое отношение ученого к своим собственным достижениям. Кто не готов смириться с аргументированным опровержением результатов своего научного труда, тот выбывает из «научной игры». Отсюда можно заключить, что главной ценностью для ученого служит наиболее точное знание.

С другой стороны, утонченный фальсификационизм И. Лакатоса смещает акценты с постижения истины на победу одной научно-исследовательской программы над другой. Если «жесткое ядро» программы не может быть подвержено сомнению, значит во главу во главу угла ставится собственная априорная правота. И защита этой правоты является безусловной ценностью сторонников программы. Но здесь важно отметить тот факт, что условием победы программы по И. Лакатосу служит не простое отстаивание своей правоты, но ее прогрессивный характер – способность предсказывать новые явления. Другими словами, существует условие отказа от научно-исследовательской программы. А это значит, что «жесткое ядро» – не догма.

Смелая и адиозная концепция «методологического анархизма» П. Фейерабенда, потребовала вообще полного отказа от каких бы то ни было принципов научности в человеческом познании. По его мнению, признаваемые «научными» теории не обладают никакими преимуществами перед любыми другими интеллектуальными продуктами, в том числе и считаемыми издавна ненаучными (астрология, например, или креационизм). Все и любые интеллектуальные конструкции, с этой точки зрения, равноправны, и рациональным требованием со стороны теори науки может быть только допущение, и даже поощрение размножения всех и любых интеллектуальных конструкций (принцип «пролиферации» идей, или – «все позволено»). Однако из этих установок и принципов прямо и однозначно следует неправомерность притязания самой науки как особой формы духовного производства на тот привилегированный статус, который был ею исторически завоеван и которого теперь ее призывают лишить [18].

В концепции П. Фейерабенда, на наш взгляд, имеет место смешение двух моментов, свойственных любому процессу познания. А именно, – момента поиска удачной теории и момента ее принятия в качестве научной (то есть объективно обоснованной). Именно в рамках поиска теории нормативные предписания Фейерабенда являются рациональными и потому допустимыми. Но это не означает, что они могут распространяться и на стадию принятия (признания) той или иной «интересной» («безумной») теории в качестве научной. В его же концепции эти две стадии научного познания, на наш взгляд, не совсем различаются и даже смешиваются в единое знание.

В практике научной деятельности существует различия, которые продиктованы не только историческим развитием, но и культурным контекстом. М. Шелер [17], например, отмечал, что если для западной цивилизации познание опирается на «рациональное», то для восточных культур акцент сделан на познании духовном. П. Фейерабенд писал, что западная наука – это лишь одна из многих культурных традиций познания, которая не имеет объективного права диктовать свои стандарты другим культурам.

Для П. Фейерабенда как для антисциентиста вообще характерен отказ от научности методологии в пользу ее практической значимости. Действительно, во многом социокультурные различия строятся на своеобразной методологии решения проблем (главное, чтобы она работала, или миф о ее работоспособности поддерживался традицией). Традиционная китайская медицина или гомеопатия, например, относятся к паранауке, а их полезность для пациента объясняется с точки зрения академической медицины эффектом плацебо. Но полезность, тем не менее, есть.

Если исходить из того, что каждый ученый, с одной стороны, является носителем своей культуры, а, с другой, результаты его труда характеризуются тем, что М. Полани [11] назвал личностным знанием, то можно решительно согласиться представителями социологии знания в том, что научное знание (и научная рациональность!) – социально детерминированный феномен.

Это во многом объясняет то, что в современной практике познавательной деятельности мы видим сочетание различных типов знаний, часть из которых фальсифицируется в понимании К. Поппера, а часть нет. Диалектическую взаимосвязь фальсифицируемого и не фальсифицируемого знания (их синтез), в таком случае, можно охарактеризовать, как необходимое условие научной рациональности. Пользуясь формулировкой М. Фуко, сложившееся положение даже можно описать через идею взаимопроникновения дискурсов: формально научного и социокультурного.

В.С. Стёпин [13, 14], как известно выделил три типа научной рациональности, возникших в разные исторические периоды и тесно связанных с формированием новых предметных областей. Для классической рациональности предметом выступает макромир и объективность исследователя, в смысле исключения отражения всякой субъективности (исследователя) на изучаемом объекте. Принципиальное значение такого подхода состоит в возможности поиска единственно верной теории. В его русле и выросли достижения науки Нового времени, включая классическую физику И. Ньютона, химию А. Лавуазье и биологию К. Линнея.

На формирование неклассического типа научной рациональности повлияли как сами открытия в научных дисциплинах и научно-технический прогресс, позволивший углубиться в изучение материи на микроуровне, так и отказ от абсолютной объективности классической науки. Вероятностный детерминизм неизбежно сменил жесткий лапласовский детерминизм не как результат научной моды, а в следствие невозможности достоверно рассчитать движение мельчайших частиц. Случайность оказалась объективным свойством реальности, а не следствием незнания. Метод психоанализа также убедительно продемонстрировал, с одной стороны, сложность изучаемого объекта – психики человека –, а с другой неразрывную связь между объектом и субъектом исследования и как следствие – авторскую интерпретацию его результатов.

Картина мира неклассической науки не является целиком рациональной – она включает в себя и иррациональную составляющую. Рационально то, что соразмерно человеческому разуму, соответственно, иррациональное ему несоразмерно. В лице З. Фрейда психологическая наука вносит в неклассическую картину мира в качестве объекта исследования бессознательное Оно, т.е. иррациональное. Оно – хаотичное, не имеющее организации, связанное с инстинктами, существует вне логических законов и вне морали. Иррациональное входит и через микромир: элементарные частицы не локализованы, они размыты в пространстве, как и волны, являются одновременно и частицами и волнами; в этом мире действует принцип неопределенности, и объективный характер имеет случайность, в которой присутствуют хаос и беспорядок [4].

Н.И. Лобачевский фиксирует тему иррационального даже в математике: он признает, что мы знаем только «здесь и теперь», а за ними есть «там и тогда», о которых мы ничего не знаем, поэтому возможный подступ к ним назван Н.И. Лобачевский называет «воображаемой геометрией».

Так, иррациональные признаки картины мира неклассической науки проявляются на фоне рациональных характеристик картины мира классической науки. Они иррациональны, поскольку не вписываются в критерии и признаки существовавшей ранее классической формы рациональности. В неклассической картине мира иррациональное есть

проявление естественных сторон существования мира и лежит в границах, доступных самой науке [4].

«Постнеклассическая рациональность учитывает соотнесенность знаний об объекте не только со средствами, но и с ценностно-целевыми структурами деятельности, предполагая экспликацию внутринаучных ценностей и их соотнесение с социальными целями и ценностями» [14]. Если в основании классической и неклассической науки лежит «натурный эксперимент», то в постнеклассической науке появляется компьютерный эксперимент. Факт перестает быть главным критерием реальности – создается многомерная структура достоверности. В компьютерном эксперименте исследуемый объект конструируется на базе программы моделирующей системы, тем самым он обретает черты виртуального объекта, проявляющего свои свойства и функциональные зависимости в виртуальной реальности.

В.С. Степин отмечает, что в современной, постнеклассической науке все большее значение придается особому типу исторически развивающихся систем – так называемые человекоразмерным системам, включающие человека и его деятельность в качестве составного компонента. К ним, безусловно, относятся объекты биотехнологий, в первую очередь – генной инженерии, медико-биологические объекты, крупные экосистемы и биосфера в целом, человеко-машинные системы и сложные информационные комплекты, включая системы искусственного интеллекта и социальные объекты. При изучении человекоразмерных объектов поиск истины оказывается связанным с определением стратегии и возможных направлений преобразования такого объекта… В процессе их исследования и практического освоения особую роль начинает играть знание запретов на некоторые стратегии взаимодействия, потенциально содержащие в себе катастрофические последствия для человека» [13].

Для данной работы важно обратить внимание на мысль В.С. Стёпина о том, что классический, неклассический и постнеклассический типы научной рациональности не сменяют друг друга последовательно, а сосуществуют одновременно. «Появление каждого нового типа рациональности, – уточняет автор, – не устраняет предыдущего, но ограничивает пространство его действия» [13]. Этот тезис, разумеется, можно объяснить различными познавательными установками в разных научных областях. Эту идею развивали представители сильной программы в социологии знания, например, отстаивая принципы каузальности, симметрии, беспристрастности и рефлексивности (Д. Блур, Б. Барнс, Г. Коллинз и др.). В частности К. Кнорр-Цетина [18] в своей концепции «эпистемических культур» подчеркивает имманентно присущее своеобразное отношение к объекту исследования в физике и биологии, из которого следуют особенности методологии т.д.

Но, в таком случае, закономерно возникает вопрос о цельности «науки как специфической человеческой деятельности, направленной на выработку, накопление, систематизацию знаний об окружающем мире и их практическое использование» [1]. Исходя из вышеизложенного, ни в историческом разрезе, ни в междисциплинарном аспекте, не находится оснований для принятия единой научной рациональности как условия познавательной деятельности.

Тем не менее, категория научной рациональности сама по себе необходима как критерий демаркации научного познания от ненаучного. Наука по определению рациональна, а всё что не соответствует критериям ее рациональности научным не является. Примером такой демаркации может служить разделение знания на научное и псевдонаучное [7], то есть на нормальную и превращенную (искажённой) форму науки. Виды псевдонауки М.А. Казаков предлагает различать на основании способов искажения нормальной науки. Так, при искажении методологии возникает паранаука – случай соединения научных идей с ненаучными или даже антинаучными. Автор при этом отмечает, что превращенная форма методологии может дать результат, тождественный результату научного исследованию, как, например, в случае с некоторыми видами криптоистории, где реальные исторические события могут объясняться абсолютно бессмысленными – с точки зрения науки – причинами.

Паранаука может обладать собственным когнитивным инструментарием и методологией, включая некоторые научные методы в сочетании с познавательными и методологическими практиками других областей человеческого познания. В соответствии с этим меняется и содержание результата исследования – конкретное научное содержание дополняется элементами, противоречащими существующей научной картине мира [7]. Если эксплицируемые методологические и эпистемологические принципы не будут соответствовать принципам научного исследования и, кроме того, будет обнаружено присутствие наряду с элементами научного элементов магического, мифологического, религиозного, литературного и т.д. миропонимания, то следует говорить о паранауке, о превращении действительной формы научного познания за счет слияния элементов разного типа человеческих знаний и практик.

Здесь следует подчеркнуть, что паранаука – это пример искаженной научной рациональности, при которой весьма вероятна практическая полезность результата познания. Так, примером паранауки служит гомеопатия, не признаваемая академической медициной, но способная решать проблемы здоровья.

Лженаука как ещё один вид превращенной формы науки вступает в противоречие с научным знанием или ставят своей целью противодействие научному знанию и научному мировоззрению. Отличительной чертой лженаучной дисциплины является резкое неприятие онтологии науки – научного понимания человека, социальной и физической реальности, научной картины мира в том виде, в котором она существует в тот или иной момент истории науки. Соответственно, имеет место включение в саму картину мира на наиболее базовом уровне «дополнительных» (несуществующих) элементов физической реальности, физических законов, психических и физических свойств. В отличие от паранауки, в данном случае научное знание включается как элемент в знание религиозное, магическое, мифологическое или вненаучное (противоречащее науке), используя элементы научного знания, лженаучные дисциплины пытаются заменить его мифологической, религиозной, магической и иной онтологией, выстраивая систему идей, выглядящую непротиворечивой, обладающую полноценной доказательной базой и подкрепленную эмпирическими свидетельствами.

В случае с лженаукой научная рациональность искажена через постулирование истинности ненаучных идей, как это происходит, например, с уфологией. в уфологии фактически отбрасывается физическая картина мира и предлагается без достаточных оснований поверить в то, что пишет другой человек о «пришельцах». Нельзя опровергнуть законы физики утверждениями о существовании НЛО, поскольку необходимо сперва доказать теоретическую возможность межзвездных перелетов на огромные расстояния и доказать, что эти перелеты не нарушают открытых наукой физических законов, а также обосновать возможность существования форм жизни, способных к межзвездным перелетам. Однако эта искаженность создаёт альтернативные представления о действительности, роль которых нельзя переоценить ни в политике, ни в искусстве, ни в экономике. Таким образом, можно утверждать, что практическая полезность лженауки даже при условии искаженной онтологии тоже есть.

Отнесение дисциплины к научной или псевдонаучной напрямую связана с исторической изменчивостью типов научной рациональности. Известны исторические примеры, перевода дисциплин и концепций из категории научных в псевдонаучные, каждый из которых так или иначе может быть связан с изменением представлений научной рациональности, как это было, например, с теорией флогистона, теорией миазмов, френологией и лоботомией. Впрочем, известны и случаи обратных перемещений дисциплин из псевдонауки в науку, как это было, например, с генетикой и кибернетикой в СССР. Каждый из них отражает изменение в методологии, аксиологии и других составляющих структуру научной рациональности элементов.

Представляется, что одновременное сосуществование различных типов научной рациональности чревато пополнением числа маргинальных теорий и псевдонаук. При этом для классической, неклассической и постнеклассической научной рациональности искаженными формами могут выступать совершенно разные научные дисциплины, что очевидно создаёт лишний повод для дискуссий в научном поле.

Выводом, который мы делаем в настоящей работе является утверждение о необходимости корректировки представлений о научной рациональности. Динамичность научной рациональности может быть представлена по аналогии с динамизмом концепции научного этоса[1], некогда предложенной Р. Мертоном. Первоначальная модель CUDOS[2] 1942 года со временем неоднократно не только дополнялась, но и кардинально пересматривалась. Так, например, в 1952 году Б. Барбер предложил модель CUDIREN[3], в 1957 году сам Р. Мертон до-

[1] Этосом науки Р. Мертон называет «эмоционально насыщенный комплекс ценностей и норм, разделяемых учеными. Эти нормы выражаются в форме предписаний, запретов, предпочтений и разрешений. Они легитимизируются в терминах институциональных ценностей».

[2] Первоначально модель содержала четыре принципа деятельности ученого: C–Communism (communalism) – Коммунализм (коммунизм, всеобщность, коллективизм), U – Universalism – Универсализм, D – Disinterestedness – Внезаинтересованность (бескорыстие), OS – Organized Skepticism – Организованный скептицизм).

[3] В модели CUDIREN норма «организованного скептицизма» была заменена на «индивидуализм», также были добавлены две новые нормы: «вера в моральную добродетель рациональности» и «эмоциональная нейтральность».

полнил свою модель CUDOS+OH[1], а в 1998 году Дж. Зиман предложил модель PLACE[2] и т.д.

Справедливо заметить, что поиски «правильного» этоса науки высветили дилемму теории и практики и, вероятно, аналогичная ситуация возникнет и с моделированием научной рациональности. Тем не менее, теоретическое осмысление научной рациональности как интегративной категории имеет смысл, в первую очередь, как инструмент междисциплинарного синтеза, в чём сегодня мы видим острую потребность. По нашему мнению, первым шагом может стать интеграция трёх типов научной рациональности, предложенных В.С. Стёпиным, в основе которого должен лежать принцип практической полезности процесса научного познания.

Последовательно решение данной задачи по интеграции типов рациональности, с нашей точки зрения, должно опираться на несколько ключевых этапов. Во-первых, необходимо выявить инвариантные ядра каждого типа рациональности и устранить их взаимное исключение через диалектическое снятие. С нашей точки зрения, познавательные особенности в естественных, гуманитарных, социальных, технических и точных дисциплинах на сегодняшний день не позволяют решить задачу построения единой интегративной модели одномоментно. Но реальным представляется постепенное решение через интеграцию рациональности в смежных дисциплинах (первый уровень интеграции).

Во-вторых, вначале на первом уровне интеграции, а затем на последующих необходимо будет создать концептуальный каркас, где знание одновременно истинно для объекта, контекстуально для метода и социально ответственно для человека.

В-третьих, принципиально важным будет встроить этические и аксиологические ограничения не как внешнюю надстройку, а как внутренний параметр валидности научного результата для полученной модели.

В результате этого и последующих шагов, с нашей точки зрения, будет сформирована единая динамичная модель научной рациональности, обладающая дескриптивным и конструктивным потенциалом. Ценность такой теоретической модели, включая ее будущие трансформации обусловлена как развитием самой науки и появлением новых предметных областей, в том числе, междисциплинарного характера, так и важностью включения в научно-познавательную практику социокультурного аспекта.

Литература

1. Бабосов Е.М., Мамедов А.К. Социология науки. – М.: МБА Москва, 2011. 216 с.
2. Бергер, П. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман; [перевод с английского Е.Д. Руткевич]. – Москва: Медиум, 1995. – 323 с.
3. Блур, Д. Сильная программа в социологии знания / Д. Блур; перевод с английского С. Гавриленко // Философско-литературный журнал «Логос». – 2002. – Т. 5, № 5/6 (35). – С. 162–185.
4. Бряник Н.В., Томюк О.Н., Стародубцева Е.П., Ламберов Л.Д. История и философия науки Министерство образования и науки Российской Федерации, Уральский федеральный университет. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2014. – 288 с.
5. Демина Н.В. Концепция этоса науки: Мертон и другие в поисках социальной геометрии норм // Социологический журнал. 2005. № 4.
6. Кун Т. Структура научных революций. – М.: АСТ, 2024. – 320.
7. Казаков М.А. Псевдонаука как превращенная форма научного зннания: теоретический анализ // Философия науки и техники. – 2016, № 2.
8. Лакатос И. Доказательства и опровержения. Как доказываются теоремы / И. Лакатос; пер. с англ. И.Н. Веселовского. – М.: АСТ, 2017. – 224 с.
9. Лакатос, И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / И. Лакатос // Фальсификация и методология научно-исследовательских программ / И. Лакатос; пер. с англ. – Москва: Медиум, 1995. – С. 235–302.
10. Мангейм, К. Идеология и утопия / К. Мангейм; перевод с немецкого М.И. Левиной. – Москва: Юристъ, 1994. – 704 с.
11. Полани М. Личностное знание: На пути к посткритической философии: пер. с англ. / М. Полани; общ. ред. В.А. Лекторского, В.И. Аршинова; предисл. В.А. Лекторского. – М.: Прогресс, 1985. – 344 с.
12. Поппер К.Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания: Пер. с англ. / К.Р. Поппер. – М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПЛ «Ермак», 2004. – 638 с.
13. Стёпин В.С. Наука // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2009. – 1248 с.
14. Стёпин В.С. Теоретическое знание: структура, историческая эволюция / В.С. Стёпин. – Москва: Прогресс-Традиция, 2000. – 744 с.
15. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. М.: Прогресс, 1986. – 542 с.
16. Фейерабенд П. Против метода. Очерк анархистской теории познания. М.: АСТ; Хранитель, 2007. – 413 с.
17. Шелер, М. Проблемы социологии знания / М. Шелер; пер. с нем., коммент. и послесл. А.Н. Малинкина. – Москва: Институт общегуманитарных исследований, 2011. – 302 с.
18. Knorr-Cetina, K. Epistemic Cultures: How the Sciences Make Knowledge / K. Knorr-Cetina. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999. – 336 p.
19. Planck. M. Scientific Autobiography and Other Papers. N.Y., 1949, p. 33–34.
20. Toulmin S. Rationality and scientific discovery. In: Boston studies in the philosophy of science Boston; Dordrecht, 1974, Vol. 20. p. 401–414.

INTEGRATION OF TYPES OF SCIENTIFIC RATIONALITY: THE SOCIOCULTURAL ASPECT

Mamedov A.K., Maksimov A.A.
Lomonosov Moscow State University

The historical transformation and sociocultural differentiation of scientific inquiry are examined through the lens of the principle of scientific rationality. The category of scientific rationality is analyzed – including its characteristics as a historically and socially determined phenomenon – across various types of scientific rationality and diverse epistemic cultures, while acknowledging the distinct, rigorous disciplinary constraints inherent in interdisciplinary scientific collaboration. The study proposes treating this situation as a theoretical problem and identifying potential avenues for its resolution.

Keywords: scientific rationality, integration, cognition, practice.

References

1. Babosov E.M., Mamedov A.K. Sociology of science. – M.: MBA Moscow, 2011. 216 p.
2. Berger, P. Social construction of reality: Treatise on the sociology of knowledge / P. Berger, T. Lukman; [translation from English by E.D. Rutkevich]. – Moscow: Medium, 1995. – 323 p.
3. Bloor, D. Strong program in the sociology of knowledge / D. Bloor; translation from English by S. Gavrilenko // Philosophical and literary magazine «Logos». – 2002. – T. 5, № 5/6 (35). – Pp. 162–185.
4. Bryanik N.V., Tomyuk O.N., Starodubtseva E.P., Lamberov L.D. History and philosophy of science Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Ural Federal University. – Ekaterinburg: Ural University Publishing House, 2014. – 288 p.
5. Demina N.V. The concept of the ethos of science: Merton and others in search of the social geometry of norms // Sociological Journal. 2005. № 4.
6. Kuhn T. Structure of scientific revolutions. – M.: AST, 2024. – 320.
7. Kazakov M.A. Pseudoscience as a transformed form of scientific knowledge: theoretical analysis // Philosophy of science and technology. – 2016, № 2.
8. Lakatos I. Evidence and refutations. How theorems are proven / I. Lakatos; lane from English I.N. Veselovsky. – M.: AST, 2017. – 224 p.
9. Lakatos, I. Falsification and methodology of research programs / I. Lakatos // Falsification and methodology of research programs / I. Lakatos; lane from English – Moscow: Medium, 1995. – Pp. 235–302.
10. Mannheim, K. Ideology and utopia / K. Mannheim; translation from German by M.I. Levina. – Moscow: Yurist, 1994. – 704 p.
11. Polanyi M. Personal knowledge: On the way to post-critical philosophy: trans. from English / M. Polanyi; total ed. V.A. Lektorsky, V.I. Arshinov; preface V.A. Lektorsky. – M.: Progress, 1985. – 344 p.
12. Popper K.R. Assumptions and refutations: The growth of scientific knowledge: Transl. from English / K.R. Popper. – M.: ACT Publishing House LLC: NPL Ermak CJSC, 2004. – 638 p.
13. Stepin V.S. Science // Encyclopedia of epistemology and philosophy of science. – M.: «Canon+» ROOI «Rehabilitation», 2009. – 1248 p.
14. Stepin V.S. Theoretical knowledge: structure, historical evolution / V.S. Stepin. – Moscow: Progress-Tradition, 2000. – 744 p.
15. Feyerabend P. Selected works on the methodology of science. M.: Progress, 1986. – 542 pp.
16. Feyerabend P. Against the method. Essay on the anarchist theory of knowledge. M.: AST; Guardian, 2007. – 413 p.
17. Sheler, M. Problems of the sociology of knowledge / M. Sheler; lane with German, comment. and after. A.N. Malinkina. – Moscow: Institute of General Humanitarian Research, 2011. – 302 p.
18. Knorr-Cetina, K. Epistemic Cultures: How the Sciences Make Knowledge / K. Knorr-Cetina. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1999. – 336 p.
19. Planck. M. Scientific Autobiography and Other Papers. N.Y., 1949, p. 33–34.
20. Toulmin S. Rationality and scientific discovery. In: Boston studies in the philosophy of science Boston; Dordrecht, 1974, Vol. 20. p. 401–414.

[1] CUDOS+OH (O-Originality-Оригинальность, H-Humility-Скромность).

[2] PLACE: Proprietary work – работа, на результаты которой распространяется конкретное право собственности, Local work – работа, осуществляемая для решения локальных задач и приносящая адекватное вознаграждение, Authoritarian work – работа, определяемая начальством, Commissioned work – заказная работа, Expert work – экспертная работа.

«Дверные петли» Витгенштейна и протокольные предложения: безусловное у неопозитивистов и позднего Витгенштейна

Невдобенко Оксана Ивановна,
канд. филос. наук, доцент кафедры философии, Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана, ИФРАН (ассоциированный научный сотрудник)
E-mail: oksnev@yandex.ru

В статье сравниваются трактовки безусловного достоверного знания у неопозитивистов и позднего Витгеншейна и понять, почему при частичном текстуальном сходстве примеров базовой достоверности, подход неопозитивистов оказался провальным, а Витгеншейна продотворным. Основное содержание исследования составляет сравнительный анализ текстов неопозитивистов и трактата «О достоверности» Витгенштейна. Показаны различия в работе с утверждениями о сенсорном опыте и подходах к безусловному знанию. Выявлены те установки и положения позднего Витгенштейна, которые сделали его концепцию намного более жизнеспособной и устойчивой к критике.

Ключевые слова: достоверность, индексикальность, логический позитивизм, поздний Витгенштейн, предложения-петли Витгенштейна, протокольные предложения, типология предложений-петель Витгенштейна

Введение

Концепция базисного, безусловного, несомненного знания является одной из фундаментальных в философии. Методическое сомнение Декарта и его Cogito ergo sum стали в массовой культуре, возможно, самой известной философской идеей (вплоть до мемов). В неопозитивизме эта тема воплотилась в идее протокольных предложений, которая концептуально варьировалась у представителей этого направления. Концепция протокольных предложений, ставшая своего рода визитной карточкой неопозитивизма, сейчас представляет только историко-философский интерес. Концепция безусловно истинных предложений, или, как их еще называют, предложений-петель развивалась поздним Витгенштейном и оказалась плодотворной и исключительно влиятельной. В англоязычной литературе эта тематика уже стала отдельной подобластью эпистемологических исследований и терминологизирована как hinge epistemology.

Тем не менее, несмотря на такую разницу судеб этих подходов, у них есть важные общие моменты. Самые крупные блоки, которые можно выделить в этом общем ядре суть: (1) предложения, которые рассматриваются как безусловно достоверные (здесь имеем частичное пересечение) и (2) их характеризация и принципы функционирования в системе знания.

Представляется важной и интересной разработка следующих тем: сравнение сходных позиций указанных концепций; анализ отличий в их подходах; выявление тех установок и положений подхода позднего Витгенштейна, которые сделали его концепцию намного более жизнеспособной и устойчивой к критике. Эти вопросы рассматриваются в статье.

В работе «О протокольных предложениях» Карнап приводит в качестве примеров протокольных предложений такие: *Идет дождь*, *падает сильный град* [Карнап, 2007а, с. 321–322]. *Здесь сыро* [Там же, с. 325] *Здесь (в лаборатории на поверхности Земли) имеется маятник такого-то и такого-то вида. Я слегка толкаю маятник, и он начинает совершать небольшие колебания*. [Там же, с. 329] В каждом случае речь идет о непосредственном наблюдении: «В качестве протокольного предложения может выступать вообще любое *наблюдаемое* событие…» [Там же, 2007, с. 322] (курсив мой – О.Н.).

А вот примеры предложений, в которых, по Витгенштейну, невозможно сомневаться, т.н. предложения-петли из трактата «О достоверности» [Цитируется по [Витгенштейн, 1994], мы указываем номер фрагмента, в котором встречается данное предложение] (далее сокращенно ОД): *вот это рук*а ОД1, *вон там стоит стул*. ОД7, *здесь лежит больной человек* ОД10.

Приведенные выше протокольные предложения Р.Карнапа должны быть квалифицированы и как базовая достоверность у Витгенштейна. А примеры предложений-петель Витгенштейна можно отнести к протокольным.

М.Шлик, предложив в качестве безусловного базиса познания суждения сенсорного опыта от 1л. ед.ч., получил обвинения в солипсизме. В ответ он писал: «…я ни при каких обстоятельствах не отказался бы от своих собственных предложений наблюдения, но я полагаю, что я могу принять только ту систему знаний, в которую они вписываются в неискаженном виде. …В любом случае, какую бы картину мира я не конструировал, я всегда проверял бы ее истинность исключительно на собственном опыте; эту опору я бы никогда не позволил у себя отнять, последним критерием всегда оставались бы мои собственные предложения наблюдения. Я бы, так сказать, провозгласил: «Что я вижу, то я и вижу!»« [Шлик, 1993, с. 43–44]

Витгенштейн пишет о базовых предложениях (среди которых окажутся и «солипсистские» примеры Шлика): «…Если я здесь не доверяю себе самому, то почему я должен доверять суждению кого-то другого? … То есть в начале должно состояться мое «не сомневаюсь»; и это не опрометчивость, а неотъемлемая часть суждения.» [Витгенштейн, 1994, с. 342].

Также находим функциональное совпадение характеристик. Карнап: «Подтверждение (верификация) некоторого предложения системы означает согласованность с протокольными предложениями; в отношении протокольных предложений нельзя ставить вопрос о под-

утверждении…» [Карнап, 2007, с. 326]. Витгенштейн: Никакое обоснование такого предложения не является более достоверным, чем оно само.

Для неопозитивистов, ставивших задачу построения научного знания на прочном фундаменте логики, представленной в виде строго заданной формальной теории, понятие системности знания и непротиворечивой включенности протокольных предложений в некоторую эмпирическую теорию является одним из важнейший. Витгенштейн также говорит о системности знания для адекватного объяснения наличия безусловно истинного. «Разве я не мог бы поверить, что однажды, сам того не зная, возможно, в бессознательном состоянии, я был унесен далеко от Земли, – и даже что другие люди об этом знают, но не говорят мне? Но это совсем не встроилось бы во все остальные мои убеждения. Нет, систему убеждений я бы описать не смог. Тем не менее, мои убеждения все же образуют некую систему, некое строение.» [Витгенштейн, 1994, с. 336]. Таким образом, вроде бы есть явное сходство между позициями логических позитивистов и Витгенштейна. Рассмотрим теперь контекст этих по видимости схожих подходов.

Hinge-предложения Витгенштейна: типология

В «О достоверности» Витгенштейн вводит класс предложений, в которых невозможно усомниться. Заметки начинаются с известного примера Дж. Мура, который в знаменитой работе «Доказательство внешнего мира» [Moore, 1939] рассмотрел утверждение: «Вот – рука», – сопровождаемое указанием на свою руку. Оно являет, согласно Муру, пример несомненного знания. Витгенштейн же утверждает, что как раз знания в обычном смысле это утверждение не содержит, поскольку оно играет очень специфическую роль в системе всего нашего знания.

На сегодняшний момент типологизация предложений-петель не обсуждается в литературе и, если и упоминается, то как непринципиальный вопрос, ответ на который не связан с ответом на вопрос, *что*, собственно, представляют собой «дверные петли». Е. Лисанюк [Лисанюк, 2021, с. 270] предлагает выделять три интерпретации, которые называет «эпистемической, процедурной и рамочной». Эпистемическая трактовка понимает «шарнирные» предложения как «описательные предложения, выражающие базовые принципы или основные знания о чем-либо» [Kusch, 2016], [Coliva, 2015]. Процедурная позиция ([McGinn, 1989], [Moyal-Sharrock, 2005]) считает их «чем-то вроде правил рассуждений или процедуры проведения дискуссий». Рамочная позиция «видит в дверных петлях некие фундаментальные конструкции или рамочные предложения, не сводимые к тому, как истолковывают петли эпистемическая или процедурная позиции» ([Pritchard, 2016], [Wright, 2014]).

Один из самых известных и влиятельных современных исследователей hinge epistemology Д. Причард [Prichard, 2021, p.13] пишет о различных типах «шарнирных» предложений, что их «поверхностная гетерогенность скрывает лежащую под ней гомогенность».

В [Невдобенко, 2016] мы предложили выделить среди hinge-предложений обладающие самой сильной степенью достоверности индексные я-предложения, апеллирующие к «здесь» и «теперь» говорящего, и другой тип – утверждения, связанные с базовыми нерефлектируемыми утверждениями данного сообщества или целой культуры.

Некоторые примеры Витгенштейна первого типа:

Этот цвет называется синим. Это – моя правая рука. У меня две руки.

*Прибор, с помощью которого я провожу эксперимент, существует. «*Экспериментируя, я не сомневаюсь в существовании прибора, что находится перед моими глазами. У меня множество сомнений, но не это.» ОД 337

Примеры второго типа: *Земля существовала задолго до моего рождения*. ОД 91 *Солнце не есть дыра в небесном своде*. ОД 104

Индексикальные я-предложения прошлого могут менять свой эпистемический статус и из «hinge» могут переходить в разряд остальных в силу свойств нашей памяти: очевидность того, что произошло недавно может исчезнуть через какой-то промежуток времени. Неиндексикальные предложения хотя и являются базовыми hinge, но это свойство является для них потенциально отменяемым. «Люди рассуждали о том, что король умеет вызывать дождь; мы же говорим, что это противоречит всему опыту. Сегодня они судят о том, что аэроплан, радио и т.д. служат средствами сближения народов и распространения культуры.» ОД 104

Также Витгенштейн приводит пример предложения-петли не эмпирического содержания: 12x12=144. Мы не включили математические высказывания в перечень выше, чтобы не входить в вопрос, какие именно математические высказывания следует принимать безусловно истинными, а какие нет. Во всяком случае, набор таких высказываний очевидно варьируется для математиков и нематематиков. У первых он шире и частично зависит от их специализации.

Свойства предложений-петель

Базовые предложения Витгенштейна обладают рядом специфических свойств. Сомнение в них ведет к речевому дефолту (если я сомневаюсь в этом, то что я тогда вообще могу сказать). Второе фундаментальное свойство этих предложений: никакое обоснование такого предложения не является более обоснованным, чем оно само. Такие предложения оказываются равно достоверными и образуют предел любого возможного обоснования: «Основаниями для всего оперирования мыслями (языком) служат не только предложения логики, но и те, что имеют форму эмпирических предложений.» ОД 401. Предел очевидности у Витгенштейна есть некоторое системное множество предложений, но системность эта недедуктивная: «…очевидной для меня делается не единичная аксиома, а система, в которой следствия и посылки *взаимно поддерживают друг друга*.» ОД 142 (выделено мной – О.Н.). Третье свойство: эти предложения не имеют истинностной оценки, но они необходимы для того, чтобы рациональное оценивание было вообще возможно. Кроме того, Витгенштейн отмечает, что не существует полного списка этих предложений, они свидетельствуют о себе косвенно (как поворачиваемый вокруг оси предмет свидетельствует о наличии оси и указывает на нее).

Дискуссии вокруг типов и свойств протокольных предложений

Протокольные предложения были введены как результаты отчетов об экспериментальной деятельности, получаемых в результате непосредственного наблюдения в контексте антиметафизического тренда и попыток (в очередной раз) поставить философию на прочный научный фундамент.

В статье «Протокольные предложения» Нейрат [Нейрат, 2007] увидел в использовании первого лица в протокольных предложениях метафизическую лазейку: непонятное метафизическое «я» должно быть заменено на указание лица, произведшего наблюдение, все протоколы должны быть высказываниями с подлежащим третьего лица единственного числа. [«У Карнапа также встречаем извлеченное из идеалистической философии некое «я». О «собственном протоколе» в универсальном языке можно осмысленно сказать не больше, чем о «здесь» и «теперь». В физикалистстком языке имя лица заменяется координатами и величинами.» [Нейрат, 2007, с. 317]] В таком случае, разумеется, выбивается из-под ног фундамент достоверности, которую обеспечивает непосредственный опыт. Как же фундировать безусловную достоверность, если всю фактическую базу предлагается формулировать от третьего лица? Нейрат вполне последовательно отвечает, что в этом случае базовой достоверности нет, а т.н. протокольные предложения (теперь от третьего лица) валидны постольку, поскольку признается валидной вся система, в которую они входят. Ключевым критерием принятием некоторой системы является тогда ее непротиворечивость: «В единой науке мы стремимся создать *непротиворечивую систему* (курсив Нейрата – О.Н.) протокольных и непротокольных предложений. Когда мы сталкиваемся с некоторым новым предложением, то мы сравниваем его с системой, чтобы установить, не противоречит ли это новое предложение нашей системе.» [Нейрат, 2007, с. 314]

Шлик формулирует так позицию сторонников когерентной истины: «Поскольку предлагается не то, что все научные предложения должны согласовываться с некоторыми определенными протокольними предложениями, но скорее то, что все предложения должны согласовываться друг с другом, – с тем результатом, что каждое отдельное предложение рассматривается как в принципе могущее быть исправленным, то истина может заключаться лишь во *взаимном согласии предложений*.» (курсив Шлика – О.Н.) [Шлик, 1993 с. 38].

Карнап в [Карнап, 2007а, с. 322–323] вводит понятие интерсубъективного языка, учитывая критику Нейрата о метафизичности термина «я». Для этого он вводит понятие перевода одного языка в другой: «В качестве протокольного предложения может выступать вообще любое наблюдаемое событие, для которого установлено правило перевода, если для разных аппаратов и людей установлены различные системы правил. Мы говорим: у них *разные протокольные языки* (курсив Карнапа – О.Н.). Такого рода язык мы можем назвать интерсубъективным, если его предложения оказываются реакциями, по крайней мере, двух тел; в противном случае он будет «субъективным» или «монологическим».»

Как замечает А. Никифоров о последних двух работах Нейрата и Карнапа: «Эти статьи интересны тем, что в них отразился драматичный пункт в развитии доктрины логического позитивизма, хотя их

авторы, кажется, этого не осознают. …Представители логического позитивизма получат еще много интересных результатов, но стержень их доктрины сломался уже в 1933 г., как показывают публикуемые ниже статьи.» [Никифоров, 2005, с. 224–225]

Нейрат ответил на различные критические замечания в работе «Радикальный физикализм и «реальный мир»« [Нейрат, 2010], попытавшись отмежеваться от радикального варианта когерентной теории истины как полного равноправия содержательных непротиворечивых систем. В частности, он пишет «среди этих, контролируемых признаваемыми нами протокольными предложениями, совокупностей мы выбираем определенные совокупности на основании внелогических моментов.» [Нейрат, 2010] Однако ему так и не удалось внятно объяснить достаточные основания выбора «внелогических моментов», которые связаны не с индивидуальным непосредственным опытом, а, как говорит Карнап, с интерсубъективным опытом. Отдельно, разумеется, зависает вопрос согласованности единичных опытов при переходе к интерсубъективному.

Протокольные предложения и петли Витгенштейна

Первое принципиальное отличие рассматриваемых подходов – точка приложения и вектор философского анализа. Для неопозитивистов это материал научного знания. Сами протокольные предложения автономны и могут рассматриваться вне построения научного знания, но, являясь беспредпосылочно истинными, они изучаются *ради* научного знания как единственно верной формы познания и поскольку обеспечивают ему фундамент и достоверность.

Для Витгенштейна область поиска достоверного есть любая языковая деятельность, и научный дискурс попадает в поле его исследования как частный случай языковой практики. Фактически при его подходе эмпирические утверждения науки, такие как, скажем, приведенные выше примеры Карнапа, не специфицируются и являются однородными по модулю достоверности с предложениями любого другого содержания, которые оказываются (для данного человека или сообщества) несомненно истинными.

Таким образом, если точка приложения философской рефлексии неопозитивистов ограничена *одной областью* «максимально рационального», то для Витгенштейна эта точка приложения *вообще содержательно никак не релятивизирована* и именно поэтому научный дискурс также попадает в анализируемый материал.

Другим важным отличием, тесно связанным с первым, является базовый аналитический инструментарий. Поздний Витгенштейн вводит новую единицу анализа языковой деятельности – языковая игра. Это максимально широкое понятие, в котором ключевое значение имеет далее неопределяемое понятие *правила*. Собственно, границу той или иной языковой игры можно определить, очертив границу применения ее правил. В качестве примеров языковых игр Витгенштейн в «Философских исследованиях» указывает «отдавать приказы или выполнять их, описывать внешний вид объекта или его размеры, изготавливать объект по его описанию (чертежу), информировать о событии, размышлять о событии, выдвигать и проверять гипотезу, представлять результаты некоторого эксперимента в таблицах и диаграммах, сочинять рассказ и читать его, играть в театре, распевать хороводные песни, разгадывать загадки, острить, рассказывать забавные истории, решать арифметические задачи, переводить с одного языка на другой, просить, благодарить, проклинать, приветствовать, молить.» [Витгенштейн, 1994, с. 90]. Как видно, то, что может быть отнесено к фрагментам научной деятельности, представляет собой частный вид языковых игр.

Единицу анализа логических позитивистов нельзя задать однозначно, но понятно, что она определяется логическим анализом языка, разработка которого связана с работами Фреге, Пеано, Рассела, Уайтхеда, Гильберта, Лесьневского, Тарского и др. Карнап, сравнивая аристотелевскую логику с «новой логикой», как он ее называет, указывает как на преимущество последней использование ею языка отношений (а не свойств).

Шлик пишет: «…»протокольные предложения» следует рассматривать как некоторые произнесенные, записанные или напечатанные предложения… С этой точки зрения, протокольные предложения – реальные происшествия в мире и они по времени предшествуют другим реальным процессам вроде «построения науки» или производства личного знания» [Шлик, 1993, с. 35–36].

Витгенштейновские «петли» – принципиально не формулируемые (в реальных языковых играх) утверждения, они – некоторый потенциально существующий информационный фон, на котором только и может быть актуализирована – произнесена, записана, напечатана и т.д – любая языковая деятельность. В нормальном случае они не используются и вообще не формулируются. Тем не менее, это необходимых, но никогда не используемый балласт. «Предложения, которые для меня несомненны, я не заучиваю специально. Я могу их обнаружить потом, как ось, вокруг которой вращается тело.» (ОД 152) Вытаскивают их де факто только философы, как-то различного толка скептики, когда оспаривают возможность надежного знания, или Мур, когда пытается нанести им ответный удар.

Как отмечалось выше, неопозитивистское представление о природе базовых предложений не было единым и представлено двумя главными блоками: (a) протокольные предложения автономны и (b) некоторым образом встраиваются в систему научного знания, которая подлежит формализации, обретая свое место внутри формальной системы. Во втором случае протокольные предложения вообще не рассматриваются в отрыве от конкретной системы знания, в которую они встроены и их достоверность сводится к «достоверности» всей теории, условием же последней является доказательство логической непротиворечивости теории, что осуществляется строгими логико-математическими методами.

И Витгенштейн, и логические позитивисты говорят о системности знания в связи с базовой достоверностью. Для последних дедуктивный аппарат, обеспечивающий проверку какой-либо системы знания на непротиворечивость – необходимая составляющая всей системы научного знания

Концепция «дверных петель» предполагает системность нашего знания, но дедуктивность в ней не играет ключевую роль, уже не говоря о возможности ее формализации, а значит, и проверки на логическую непротиворечивость. Дедукция здесь будет скорее фрагментарной, скажем, можно говорить о неявном получении какого-то знания по modus ponens в рамках некоторой языковой игры.

Витгенштейн говорит о «системе наших эмпирических предложений» (ОД 137), которая, понятно, не есть просто свалка информации о чем угодно: «Предложения же, которые Мур приводит как примеры таких познанных истин, и в самом деле интересны. Не потому, что каждый знает их истинность или же думает, что знает, а потому, что они играют *сходную* роль в системе наших эмпирических суждений» (ОД 137) (курсив Витгенштейна – О.Н.).

Система знаний, в которую встроены «предложения-петли», предполагает также некоторую (неформализованную) *систему* верификации: «Совершенно верно, что автомобили не вырастают из земли. – Мы чувствуем: если бы кто-то сподобился верить в противное, он мог бы одаривать своим доверием *все* (курсив Витгенштейна – О.Н.), что мы признаем невозможным, и оспаривать все, что мы считаем несомненным. Но как связано это *одно* (курсив Витгенштейна – О.Н.) верование со всеми другими? Я бы сказал, что тот, кто способен в это верить, не принимает всей нашей системы верификации. Эта система есть нечто такое, что человек усваивает благодаря наблюдению и обучению. Я намеренно не говорю «заучивает».» (ОД 279) Последнее замечание также относится к способу усвоения «предложений-петель» и их неявному присутствию в системе *усвоения* знаний.

И наконец, важнейший для обсуждаемого контекста фр.142: «И очевидной для меня делается не единичная аксиома, а система, в которой следствия и посылки *взаимно* поддерживают друг друга.» Здесь под аксиомой имеется в виду не утверждение формализованной системы, разумеется, а то, которое берется бездоказательно как истинное.

Взаимное поддерживание следствий и посылок представляет собой не дедуктивную систему знания и рисует такую картину: мой речевой опыт неявно подтверждает какие-то предложения-петли, так же как каждая моя артикуляция предполагает как истинную какую-то дополнительную неартикулируемую информацию.

Достоверность оказывается тотально системной: «Убедительной для нас становится *целокупность* суждений.» (курсив Витгенштейна – О.Н.) (ОД 140) Эта системность, во-первых, релятивизируется относительно каждого отдельно субъекта речи («*Мои* убеждения образуют некую систему, некое строение» ОД 102 (курсив мой – О.Н.)) и, во-вторых, полностью принципиально не формализуема.

В рамках дискурса протокольных предложений ««логика» понимается в самом широком смысле – как охватывающая чистую, формальную логику и прикладную логику, или теорию познания» [Карнап 2007bc.105]. Однако прикладная логика включает в себя «чистую, формальную», они не образуют альтернативные способы исследования, последняя невозможна для неопозитивистов без наличия того или иного формально-логического инструментария.

Витгенштейн никогда не сводил логику к формальным теориями и применению формально-логических методов. В «О достоверности» он работает с расширенным понятием логического, характерным для всего его позднего периода, который включает правила знаковых систем с учетом прагматического уровня. В обсуждаемой трактате фило-

соф вводит совершенно новый тип логических предложений, имеющий специфическую формальную роль в системе знания: *логические предложения эмпирические по форме*. Именно так он характеризует hinge-предложения. Т.е. при этом подходе пласт эмпирического уже встроен в модель системы знания как *условие возможности оценки* «непетлевых», остальных предложений, т.е. выполнящий *чисто логическую роль*.

Интерсубъективное как посредник между sense data и высказыванием о них

На наш взгляд, сильная сторона подхода Витгенштейна состоит в том, что он канализируя базовую достоверность, апеллирует не к чувственному опыту как несомненному, а к *языковому*. Утверждения, фиксирующие данные непосредственного восприятия, – сейчас вижу то-то, слышу то-то и т.д. – неявно содержат в себе языковые конвенции, которые действительно не могут быть оценены как истинные или ложные. Артикуляция в духе Мура: «Это – рука», – имеет следующее содержание: тот объект, который я сейчас вижу в языке означивается как «рука». Это – конвенциональная компонента языковых конструкций, относящихся к непосредственным данным опыта. «В значениях своих слов я уверен не более, чем в определенных суждениях. Могу ли я сомневаться в том, что этот цвет называется синим? (Мои) сомнения образуют систему.» ОД 126

Т.е. общезначимость, инвариантность зашита уже на уровне перехода *от (континуального) восприятия к отфильтрованному через дискретную семиотическую систему* утверждению. Витгенштейн не формулирует этот аргумент так абстрактно, но фактически выбирает в заметках «О достоверности» этот уровень анализа: функционирование семиотического как такового.

Схему *чувственные данные → (несомненные) высказывания* Витгенштейн заменяет на *чувственные данные →* ***языковые конвенции*** *(определяемые явно, либо чаще неявно, по контексту) → (несомненные) высказывания*.

Промежуточная вторая компонента этой схемы берется неотрефлексировано: мы не можем анализировать средства формулирования высказывания в момент его формулирования. Строя высказывание о непосредственно данном, я работаю как с «известной данностью» с грамматикой языка, а также не провожу критический анализ своей способности, скажем, сопоставлять цветовому пятну термин, форму и т.д.

О муровском доказательстве реальности мира примером с рукой Витгенштейн говорит: «Мур выбирает именно такой случай, где все мы, по-видимому, знаем то же, что и он, будучи не в состоянии сказать, каким образом» ОД 84. Здесь мы имеем дело с когда-то усвоенной конвенцией «вот *это* надо называть «рука»». Сама конвенция могла не вводится явно, а быть вычислена по контекстам употребления, после чего попала в неартикулируемый балласт и стала условием проверки релевантных утверждений. Если это не рука – я утрачиваю «веру в *суждение как таковое*» ОД 66 (курсив мой – О.Н.). По-другому: если это не рука, я не могу перейти от непосредственного опыту к его словесному оформлению, более того, я в принципе не могу перейти к словесному оформлению, поскольку другие конвенции не менее валидны, чем эта (например, «0 – это ноль», «это дом», «это первая буква латинского/английского … и т.д. алфавита» и т.д.).

Таким образом, Витгенштейн предлагает общий семиотический принцип: работа любой языковой игры предполагает, что неявно «прокручиваются колесики» языкового массива, не относящегося к данной языковой игре, задействуется языковой материал (эмпирический по содержанию), принципиально не относящийся к данной языковой игре.

Заключение

Витгенштейн убирает контекст научного знания, рассматривая концепт безусловно достоверного, и, вводя новаторское понятие языковой игры, покрывающее любой вид языковой деятельности, разрабатывает концепцию несомненных истин как некоторую неопределяемую явно (носителем этого знания) совокупность *эмпирических необходимо истинных* предложений, которые играют в системе знаний логическую роль. Получаем, что в языке есть такой балласт, или буфер, который не рефлексируется и не используется в речи, но который неявно постоянно верифицируется различным опытом. Набор этих предложений может меняться, но знание невозможно в принципе без такого функционального класса. Это предложения-невидимки, которые исключены из языковых игр (они нормально не употребляются), поэтому Витгенштейн настаивает, что их нельзя *знать*.

Прагматическая модель знания Витгенштейна чем-то напоминает структуру научных теорий у Лакатоса с ядром и защитным поясом, во всяком случае, эту терминологию можно заимствовать с той существенной поправкой, что ядро в таком случае динамичное – это индексикальные высказывания, «защитный пояс» – неиндексикальные предложения-петли. [Метафора *защитный* в некотором смысле релевантна, поскольку эти предложения валидируют саму процедуру истинностной оценки; они являются «минным полем», на которое нельзя заходить (т.е. сомнение в них невозможно или, по Витгенштейну, ведет к языковому дефолту, к обрушению всей системы принимаемых предложений), а также они представляют собой некий никогда неиспользуемый языковой балласт, без которого функционирование языка, тем не менее, невозможно. Единственные, кто забредает на это «минное поле», – философы, и многие философские рассуждения – «разбросанные останки» рефлексий этих неудачников, принявших опасную местность за идиллический пейзаж обычного знания.].

В концепции несомненного Витгенштейна, как видно, нет ни редукционизма, ни особого статуса научного знания. В ней удается формализовать аргументы здравого смысла в пользу объективности и интерсубъективности знания, которые до этого оставались неконцептуализированными.

Поздний Витгенштейн поднимает тему достоверности в модусе намного более близком неопозитивистам. Он рассматривает язык как реальный семиотический объект. В то время как в «Трактате» речь идет об идеальном языке (идея, которая была, по-видимому, непонята логическими позитивистами). Как указывает фон Вригт [Вригт, 2013, с. 85]: «Философия языка Витгенштейна в «Трактате» имеет ту особенность, что нельзя привести примеры элементарных предложений и имен, а вместе с ними и объектов в мире. Эта черта связана с другими особенностями данной глубоко «метафизической» работы. Логическая форма не просто часто скрыта за грамматическими формами «языка как он есть», чему хорошей иллюстрацией служит теория дескрипций Рассела. Эту форму в принципе невозможно описать в самом языке. Идеальный язык Витгенштейна оправданно поэтому назвать «призрачным языком» (never-never language). «Кристаллическая структура» логики языка показывает себя в осмысленной речи, но о самой логике нельзя *сказать* (курсив Вригта – О.Н.), что она имеет какую-то форму.»

В работе мы рассмотрели пару неопозитивисты – поздний Витгенштейн. Первая причина указана вначале: на первый взгляд, почти текстуальное совпадение философских позиций. То, что речь идет о современниках, чьи интеллектуальные дороги самым существенным образом пересекались, представляет дополнительный, хотя и не решающий интерес: концептуальные построения здесь встречаются с живой историей философии.

Литература

1. Витгенштейн, 1994 – Витгенштейн Л. О достоверности / Пер. с нем. М. Козловой, Ю. Асеева // Витгнштейн Л. Философские работы: в 2 ч. Часть 1. М.: Гнозис, 1994. С. 323–405.
2. Вригт, 2013 – Вригт Г.Х. фон. Аналитическая философия: историко-критический обзор / Пер. с англ. Л.Б. Макеевой // Кантовский сборник. 2013. № 1(43). С. 78–89.
3. Карнап, 2007a – Карнап Р. О протокольних предложениях // Журнал «Erkenntis» («Познание») / Под ред. О.А. Назаровой. М.: Идея-Пресс, 2007. С. 320–337.
4. Карнап, 1959 – Карнап Р. Значение и необходимость. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. 384 с.
5. Карнап, 2007b – Карнап Р. Старая и новая логика // Журнал «Erkenntis» («Познание») / Под ред. О.А. Назаровой. М.: Идея-Пресс, 2007. С. 105–119.
6. Карпенко 2018 – Карпенко А.С. Паранепротиворечивая логика // Электронная библиотека ИФ РАН. Новая философская энциклопедия. https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH6e-472c9660a3b326ebfc6e (дата обращения: 14.10.2023).
7. Лисанюк, 2021 – Лисанюк Е.Н. Дверные петли Витгенштейна и понятие глубокого разногласия Роберта Фогелина в аргументации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 64. С. 269–272.
8. Невдобенко, 2016 – Невдобенко О.И. Предел достоверности у Декарта и Витгенштейна. // Способы мысли, пути говорения. / Отв. ред. В.В. Горбатов, А.В. Марей. СПБ.: Алетейя, 2016. С. 132–140.
9. Нейрат, 2007 – Нейрат О. Протокольные предложения // Журнал «Erkenntis» («Познание») / Под ред. О.А. Назаровой. М.: Идея-Пресс, 2007. С. 310–319.
10. Нейрат, 2010 – Нейрат О. Радикальный физикализм и «реальный мир»« // Журнал «Erkenntis» («Познание»). Под ред. О.А. Назаровой. М.: Идея-Пресс, 2010.
11. Никифиров, 2005 – Никифоров. А.Л. Неосознанное поражение: критический пункт в развитии доктрины логического позитивизма // Эпистемология и философия науки. 2005. Т. 6. № 4. С. 223–225.

12. Шлик, 1993 – Шлик М. О фундаменте познания // Аналитическая философия. Избранные тексты // Под ред. А.Ф. Грязнова. М.: Издательство Московского Университета, 1993. С. 33–50.

WITTGENSTEIN'S HINGE-PPROPOSITIONS AND PROTOCOL SENTENCES: THE UNCONDITIONAL IN THE NEOPOSITIVISTS AND IN THE LATER WITTGENSTEIN

Nevdobenko O.I.
Bauman Moscow State Technical University

To compare the interpretations of unconditional reliable knowledge by the neo-positivists and the later Wittgenstein, and understand why, despite the partial textual similarity of the examples of basic reliability, the neo-positivist approach was unsuccessful, while Wittgenstein's one turned out to be extremely fruitful.
The main focus of the study is a comparative analysis of the texts of the neo-positivists and Wittgenstein's «On Certainty». The differences in working with statements about sensory experience and approaches to unconditional knowledge are shown. We show which attitudes and positions of the later Wittgenstein made his concept much more viable and resistant to criticism.

Keywords: certainty, indexicality, later Wittgenstein, logical positivism, protocol sentences, typology of Wittgenstein's hinge sentences, Wittgenstein's hinge sentences

References

1. Wittgenstein, 1994 – Wittgenstein L. On Certainty / Trans. from German by M. Kozlova, Yu. Aseev // Wittgenstein L. Philosophical Works: in 2 parts. Part 1. Moscow: Gnozis, 1994. P. 323–405.

2. Wright, 2013 – Wright G.H. von. Analytic Philosophy: A Historical-Critical Survey / Trans. from English by L.B. Makeeva // Kantovsky Sbornik. 2013. № 1(43). P. 78–89.

3. Carnap, 2007a – Carnap R. On Protocol Sentences // Erkenntnis Journal / Ed. by O.A. Nazarova. Moscow: Ideya-Press, 2007. P. 320–337.

4. Carnap, 1959 – Carnap R. Meaning and Necessity. Moscow: Foreign Literature Publishing House, 1959. 384 p.

5. Carnap, 2007b – Carnap R. Old and New Logic // Erkenntnis Journal / Ed. by O.A. Nazarova. Moscow: Ideya-Press, 2007. P. 105–119.

6. Karpenko, 2018 – Karpenko A.S. Paraconsistent Logic // IPh RAS Digital Library. New Philosophical Encyclopedia. https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH6e472c9660a3b326ebfc6e (accessed: 14.10.2023). 7. Lisanyuk, 2021 – Lisanyuk E.N. Wittgenstein's «hinges» and Robert Fogelin's concept of deep disagreement in argumentation // Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. № 64. Pp. 269–272.

8. Nevdobenko, 2016 – Nevdobenko O.I. The limit of certainty in Descartes and Wittgenstein // Ways of Thinking, Ways of Speaking / Eds. V.V. Gorbatov, A.V. Marey. St. Petersburg: Aletheia, 2016. Pp. 132–140.

9. Neurath, 2007 – Neurath O. Protocol sentences // Erkenntis (Journal) / Ed. O.A. Nazarova. Moscow: Ideya-Press, 2007. Pp. 310–319.

10. Neurath, 2010 – Neurath O. Radical physicalism and the «real world» // Erkenntis (Journal) / Ed. O.A. Nazarova. Moscow: Ideya-Press, 2010.

11. Nikiforov, 2005 – Nikiforov A.L. Unconscious defeat: a critical point in the development of the doctrine of logical positivism // Epistemology & Philosophy of Science. 2005. Vol. 6. № 4. Pp. 223–225.

12. Schlick, 1993 – Schlick M. On the foundation of knowledge // Analytic Philosophy: Selected Texts / Ed. A.F. Gryaznov. Moscow: Moscow University Press, 1993. Pp. 33–50.

Философско-методологические основания взаимодействия техносферы и природных систем в эпоху антропоцена (на примере озера Байкал)

Нимаев Цыремпил Борисович,
аспирант кафедры общественных наук Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого
E-mail: mr.nimaev@gmail.com

В статье анализируется дилемма ограниченности текущей технократической модели, в которой отношение к природе, основывается на представлении природных объектов преимущественно как объектов измерения, контроля и преобразования. Исследуется изменение характера взаимодействия между технической деятельностью и сложными природными системами используя в качестве основы положения философии науки и техники, концепции антропоцена и системного подхода. Озеро Байкал в данном исследовании рассматривается в качестве конкретного примера поскольку экологическая ситуация данного уникального природного объекта демонстрирует противоречия между технологическим развитием и сохранением устойчивости биосферных процессов. Обосновывается необходимость перехода от локального управления отдельными параметрами природной среды к системной модели взаимодействия техносферы и природы, ориентированной на принципы коэволюции и устойчивого развития.

Ключевые слова: техносфера, антропоцен, системный подход, экологический кризис, озеро Байкал.

Введение

Текущая стадия цивилизационного процесса характеризуется изменением характера взаимодействия человека, техники и окружающей среды. Ускоряющееся развитие технологий расширяет перспективы человечества по преобразованию природы вокруг, однако вместе с тем неизбежно ведет к возникновению новых экологических рисков, связанных с нарушением устойчивости сложных природных систем. Техника уже перестала нести исключительно инструментальную ценность в адаптации человека к окружающей среде, став одним из факторов, определяющих динамику глобальных природных процессов.

Описанная выше ситуация получила широкое теоретическое осмысление в рамках концепции антропоцена, согласно которой человеческая деятельность приобрела геологически значимый масштаб [2, 10]. Homo sapiens более не является лишь одним из участников природных процессов, но фактором их глубокой трансформации. Однако, важно отметить, что рост технологических возможностей не решает дилемму ограниченности существующих способов понимания и управления природными системами: к сожалению, современная научно-техническая практика часто основывается на анализе отдельных параметров и локальных воздействий. Да, такой подход действительно эффективен при решении конкретных инженерных задач, но оказывается недостаточным при взаимодействии со сложными природными системами, обладающими множеством взаимосвязей, обратными связями и нелинейной динамикой развития. Рассматривая экологические кризисы как результат недостаточного контроля за последствиями антропогенной деятельности, возможно следует обратить внимание и на проявление более глубокой методологической проблемы: несоответствия между способами научного описания природной реальности и масштабом технологического воздействия.

Одним из показательных кейсов в рамках данной проблемы является озеро Байкал, уникальность которого определяется не только природными характеристиками, но и тем, что оно представляет собой сложную систему, состояние которой зависит от взаимодействия множества природных и антропогенных факторов. Экологическая ситуация Байкала позволяет рассмотреть более общую проблему взаимодействия техносферы и биосферы.

Целью исследования является выявление философско-методологических оснований изменения подходов к взаимодействию техносферы и природных систем в условиях антропоцена.

Методологическую основу исследования составляют системный подход, положения философии техники, концепция антропоцена и современные исследования взаимодействия природных и технических систем. Использование данных подходов позволяет рассматривать экологические процессы не только как последствия хозяйственной деятельности, но и как результат определенных способов научного описания и технологического преобразования природы.

Научная новизна исследования заключается в философско-методологическом рассмотрении экологической ситуации озера Байкал как проявления противоречия между техносферной формой организации человеческой деятельности и системными принципами функционирования природных комплексов. В отличие от подходов, рассматривающих экологические проблемы преимущественно в рамках природоохранной или технологической проблематики, в статье предлагается анализировать их как результат ограниченности объектно-редукционистской модели научно-технической рациональности. Обосновывается необходимость перехода к системной модели взаимодействия техносферы и природных систем, основанной на принципах коэволюции.

Формирование техносферной модели взаимодействия человека и природы

Историческое развитие отношений человека и природы связано с изменением представлений о месте человека в окружающем мире. В античной философии природа преимущественно рассматривалась как целостный порядок, обладающий собственной внутренней организацией. Человек воспринимался как часть космоса, включенная в общий порядок природных процессов.

Однако в период формирования новоевропейской науки происходит изменение данной модели. В философии Рене Декарта природа начинает рассматриваться как объект рационального исследования и преобразования. Разделение субъекта и объекта становится одним из оснований классической научной рациональности, в рамках которой окружающий мир может быть описан посредством количественных методов и преобразован с помощью технических средств. Данная модель сыграла важную роль в развитии науки и техники, обеспечив возможность создания сложных технологических систем и ускоренного промышленного развития. Вместе с тем она сформировала особый тип отношения к природе, в котором последняя преимущественно воспринималась как ресурс или объект управления. В дальнейшем именно эта установка стала одним из оснований технократического мировоззрения. Техника начала рассматриваться не только как средство решения конкретных задач, но и как универсальный механизм преобразования окружающей среды. Как отмечал М. Хайдеггер, современная техника представляет собой не просто совокупность инструментов, а особый способ раскрытия мира [3], при котором природа предстает прежде всего как объект использования. Таким образом, экологические проблемы современности связаны не только с масштабом технического воздействия, но и с определенной моделью рациональности, лежащей в основе этого воздействия.

Во второй половине XX века становится очевидным, что деятельность человека выходит за пределы локального влияния и начинает воздействовать на глобальные природные процессы. Данная ситуация получила отражение в концепции антропоцена, разработанной П. Крутценом [2] и развитой рядом исследователей (У. Стэффен, Я. Заласевич и др.) [10], согласно которой, человечество становится фактором планетарного масштаба, поскольку производственная деятельность, изменение ландшафтов, использование ресурсов и развитие технологий оказывают влияние на функционирование всей биосферы.

В отечественной научной традиции близкие идеи развивались в рамках концепции ноосферы В.И. Вернадского, согласно которой разумная деятельность человека становится значимым фактором дальнейшего развития планеты [1]. Однако современная ситуация показывает противоречивость данного процесса: увеличение возможностей преобразования природы сопровождается ростом экологической неопределенности.

Главная проблема заключается в том, что технологическая способность воздействовать на природные системы развивается быстрее, чем формируются методы понимания долгосрочных последствий этого воздействия. В условиях антропоцена изменяется сама постановка вопроса о роли техники. Она перестает рассматриваться как внешний инструмент воздействия на природу и становится частью сложной системы взаимных влияний. Данный подход получил развитие в современной философии техники, в частности в работах Б. Латура, который рассматривает природные и технические процессы как элементы единой сети взаимодействий. Следовательно, современная философия науки и техники сталкивается с необходимостью переосмысления самой модели технического развития: от идеи контроля над природой к поиску форм взаимодействия с ней.

Одним из фундаментальных оснований современной научно-технической деятельности является аналитический метод, предполагающий разделение сложных объектов на отдельные элементы с целью их изучения и последующего управления. В развитии естественных наук и инженерных практик данный подход сыграл довольно важную роль, поскольку таким образом были получены точные знания о структурах и свойствах различных объектов. Однако применительно к сложным природным системам подобная методология выявляет ряд ограничений: природные процессы не являются простой совокупностью изолированных элементов, функционирующих независимо друг от друга, их состояние определяется множеством взаимосвязей, обратных связей и процессов самоорганизации. Актуальная технократическая модель, рассматривая природу как объект управления, состояние которого может быть оценено через набор количественных показателей (концентрация загрязняющих веществ, допустимые уровни воздействия, отдельные характеристики состояния среды), несмотря на практическую значимость подобных методов, сталкивается с принципиальными ограничениями: отдельные параметры не всегда отражают состояние всей системы и, более того, возможна ситуация, когда формальные показатели находятся в допустимых пределах, однако внутренние механизмы устойчивости природного комплекса уже подвергаются нарушению.

Данная проблема связана с особенностью сложных систем, исследование которых требует учета не только свойств отдельных элементов, но и характера их взаимодействия. Как отмечал Л. фон Берталанфи в рамках общей теории систем, целое обладает свойствами, которые не могут быть объяснены исключительно через анализ составляющих его частей [4].

Таким образом, текущие экологические кризисы позволяют сделать вывод, что основное противоречие современной техносферы заключается не только в масштабе воздействия на природу, но и в несоответствии между сложностью природных систем и методологическими средствами их исследования.

Преодоление ограничений редукционистской модели связано с переходом к системному пониманию природных процессов. В рамках данного подхода природные объекты рассматриваются как динамические образования, обладающие собственной структурой организации и способностью к изменению. Особое значение в этом контексте имеет геосистемный подход В.Б. Сочавы, согласно которому природные комплексы представляют собой целостные образования, включающие взаимосвязанные природные компоненты [5]. Такой подход позволяет рассматривать окружающую среду не как пассивный объект воздействия, а как сложную систему, обладающую внутренними закономерностями развития. Системное понимание природы меняет и представление о роли техники: классическая модель техногенной деятельности направлена преимущественно на преобразование внешнего объекта, однако, в контексте системного подхода технология должна учитывать как структуру, так и динамику той системы, частью которой она становится. И здесь мы говорим не просто о необходимости создания более эффективных технологий, но о формировании иного типа рациональности, способного учитывать сложность взаимодействия природных и технических процессов, таким образом раскрывая не только практическое, но и философское измерение экологической проблемы. Развитие знания, как показывает современная философия науки, связано не только с накоплением новых фактов, новой информации, но и с изменением способов постановки исследовательских вопросов. В концептуальной рамке экологической проблематики очевиден переход от вопроса «каким образом управлять природой?» к вопросу «каким образом взаимодействовать с системой, частью которой является наша деятельность?».

Озеро Байкал как пример сложной природной системы в условиях техносферы

Такие природные объекты, состояние которых позволяет выявить противоречия между технологическим развитием и устойчивостью природных систем, в условиях развития техносферы, приобретают особое значение: как один из показательных примеров является озеро Байкал, представляющее собой уникальную природную систему с многомиллионной историей формирования и сложной структурой взаимосвязей [17, 18]. Следовательно, Байкал не может рассматриваться в качестве водного ресурса или как отдельный объект природопользования. Рассматривая данную ситуацию с точки зрения системного подхода, мы выходим за пределы традиционного представления о природном объекте как о пассивной среде, подвергающейся внешнему воздействию.

Также, несоответствие временных масштабов существования природной системы и текущей человеческой деятельности становится существенной особенностью, ведь формирование и развитие озера заняло огромные геологические периоды, тогда как технологические решения индивидуумов обычно ориентированы на относительно короткие временные интервалы. Данное противоречие, заключает в себе одно из центральных проблем взаимодействия техносферы и природы: антропогенная деятельность развивается в рамках ограниченного временного горизонта, тогда как последствия принятых решений могут проявляться в масштабах, значительно превышающих продолжительность отдельных технологических циклов. В этом отношении Байкал следует рассматривать как пример объекта, который требует особого типа научного и философского анализа, поскольку нельзя полностью описать озеро через набор отдельных характеристик, поскольку его состояние определяется сложным взаимодействием множества процессов, выходящих за территориальные рамки объекта. История хозяйственного освоения территории Байкала демонстрирует сложность взаимодействия между промышленным развитием и сохранением устойчивости природной системы – деятельность Байкальского целлюлозно-бумажного комбината (БЦБК), существование которого стало одним из символов противоречия между экономическими задачами и экологическими ограничениями является в данном контексте одним из наиболее значимых примеров. Так, функционирование БЦБК оценивалось прежде всего через показатели производства и возможности контроля отдельных экологических параметров, что в рамках традиционной технологической рациональности является вполне рабочим сценарием, однако недостаточным для учета долгосрочного влияния на сложную природную систему. А именно, воздействие на Байкал проявилось не только через конкретные загрязняющие ве-

щества, но и через изменение взаимосвязей внутри экосистемы, что показывает ограниченность подхода: экологические последствия техногенной деятельности не всегда могут быть адекватно описаны через локальные показатели. Использование уровня содержания загрязняющих веществ как одного из основных инструментов экологического регулирования очевидно может стать проблемой при условии, если данный механизм основан на предположении, что состояние природной системы может быть оценено через отдельные количественные параметры. Однако при таком подходе не учитывается накопительный эффект и возможные изменения внутренних механизмов устойчивости: система может формально соответствовать установленным нормативам, но при этом постепенно приближаться к качественной трансформации своего состояния.

По-новому определить проблему устойчивости природных объектов позволяет рассмотрение экологической ситуации Байкала через призму системного подхода. Как было описано ранее, ошибочным является предположение, что система сохраняет свою устойчивость, способность к нормальному функционированию, если только показатели воздействия находятся в допустимых пределах. Устойчивость представляет собой не статичное состояние, но способность системы сохранять свою структуру и основные функции в условиях внешних воздействий, при этом нарушение устойчивости может происходить постепенно, через накопление изменений, которые не представляется возможным выявить посредством анализа отдельных показателей. В этом и проявляется отличие сложных природных систем от технических объектов, для которых возможно более точное определение параметров функционирования. В более широком смысле понятие предела устойчивости раскрывается как граница применимости традиционной модели управления природой, основанной на представлении о возможности полного контроля над отдельными процессами. Также, наличие антропогенного воздействия и несоответствие между сложностью природных систем и используемыми способами их описания отображают разные стороны проблемы текущей экологической ситуации Байкала. При этом, важно не оставлять вне анализа целостную организацию природного объекта и его способность к изменению, что имеет место при его рассмотрении исключительно как совокупности измеряемых характеристик. Сложившаяся ситуация демонстрирует необходимость смены модели: от контроля к взаимодействию, где задача технической деятельности заключается не в максимальном преобразовании природной среды, а в поиске способов согласования технологических процессов с внутренними закономерностями природных систем.

Новая модель взаимодействия техники и природы: переход к коэволюции

Критика технократической модели не означает отрицания роли технологий в развитии общества. Напротив, современная ситуация требует не отказа от техники, а переосмысления принципов ее функционирования. Основная проблема заключается в том, что традиционная модель технической рациональности длительное время основывалась на противопоставлении человека и природы, где техника выступала инструментом преобразования внешнего объекта.

Современная философия техники предлагает иной взгляд на данное взаимодействие рассматривая технику не как автономную систему, отделенную от природных процессов, а как элемент сложной сети взаимосвязей между обществом, природой и технологиями. В этом направлении особое значение имеют идеи Б. Латура, согласно которым современный мир представляет собой совокупность взаимодействий между различными акторами человеческими и нечеловеческими [6, 7]. Природные объекты, технические системы и социальные практики оказываются включенными в единый процесс формирования реальности. Природные системы обладают собственной динамикой, которая ограничивает и одновременно направляет человеческую деятельность. Взаимодействие человека и природы становится процессом взаимной адаптации, а не одностороннего преобразования. Схожая идея развивается в работах Д. Харауэй, где подчеркивается необходимость преодоления жесткого разделения между природным и социальным [8]. Человек существует внутри множества взаимосвязей, а технологии являются частью этих отношений. В этом смысле экологический кризис связан не только с разрушением природной среды, но и с недостаточным пониманием взаимозависимости всех элементов современной системы. Следовательно, одной из задач философии науки и техники становится разработка такой модели рациональности, которая учитывает не только возможности технологического воздействия, но и ограничения, задаваемые сложностью природных процессов.

Формирование иной модели взаимодействия техники и природы предполагает изменение принципов технологического развития: так, если классическая инженерная логика преимущественно ориентирована на преобразование окружающей среды, то современная ситуация требует технологий, учитывающих структуру и закономерности природных систем. Концепция биомимикрии, представленная в исследованиях Ж. Беньюс, является одним из характерных направлений такого развития [12]. Изучаются природные механизмы и использование принципов организации живых систем при создании технических решений и таким образом меняется само отношение к природе, в чем и заключается философское значение данной концепции: природа перестает рассматриваться только как источник ресурсов или объект управления и становится источником знания о принципах устойчивой организации сложных систем. При решении задач, связанных с сохранением уникальных природных объектов такие трансформации становятся крайне важными. Относительно байкальского кейса ориентация технологических решений должна быть не только на устранение последствий антропогенного воздействия (пусть это и остается актуальным), но и на создание механизмов постоянного наблюдения, прогнозирования и адаптивного управления, где значительным потенциалом обладают современные цифровые технологии, системы экологического мониторинга, методы анализа больших данных и искусственный интеллект поскольку их применение позволяет выявлять сложные взаимосвязи, моделировать возможные сценарии развития природных процессов и повышать качество управленческих решений. Однако сами по себе технологии не являются гарантией экологической устойчивости. Их значение определяется тем, в рамках какой модели рациональности они используются. Если цифровые инструменты применяются исключительно для повышения эффективности эксплуатации природных ресурсов, они продолжают воспроизводить традиционную технократическую логику, поэтому ключевым становится не создание новых технологий как таковых, а изменение целей и принципов их применения. Экологически ориентированная техносфера предполагает использование технологий как средств взаимодействия с природными системами, а не только как инструментов их преобразования.

Анализ взаимодействия техносферы и природных систем показывает, что современный экологический кризис связан с противоречием между масштабом технологического развития и ограниченностью способов его осмысления. Человечество создало технические системы глобального воздействия, однако методологические основания управления этими процессами требуют дальнейшего развития. Коэволюционный подход предполагает отказ как от идеи полного господства человека над природой, так и от представления о невозможности технологического развития без разрушения окружающей среды. Вместо этого предлагается рассматривать техносферу как часть более широкой системы взаимодействия, где технические и природные процессы находятся в состоянии постоянного взаимного влияния. В таком понимании будущее технологий определяется не только их эффективностью, но и способностью учитывать пределы устойчивости природных систем. Развитие техники должно быть связано с формированием нового типа рациональности, основанного на системном анализе, междисциплинарности и понимании долгосрочных последствий.

Экологическая ситуация Байкала в данном контексте выступает не только примером негативных последствий техногенного воздействия, но и возможностью переосмысления принципов взаимодействия науки, техники и природы. Сохранение подобных систем требует не отказа от технологического прогресса, а формирования такой модели техносферы, в которой развитие технологий становится частью процесса поддержания устойчивости биосферы.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что экологическая проблематика в условиях формирования техносферы не может рассматриваться исключительно как результат отдельных технологических ошибок или недостаточного контроля хозяйственной деятельности. Современный экологический кризис связан с более глубокой проблемой: особенностями научно-технической рациональности, в рамках которой природные системы длительное время воспринимались преимущественно как объекты исследования, управления и преобразования.

Историческое развитие науки и техники сформировало эффективные способы изучения и трансформации окружающего мира, однако в условиях антропоцена проявились ограничения данной модели. Природные системы обладают сложной структурой, включающей множество взаимосвязанных процессов, обратных связей и механизмов самоорганизации, поэтому их устойчивость не может быть полностью описана посредством анализа отдельных параметров или локальных изменений.

Анализ экологической ситуации озера Байкал показал, что данный объект представляет собой не только уникальную природную систему,

но и пример философско-методологической проблемы взаимодействия техносферы и природы. Воздействие промышленной деятельности на Байкал демонстрирует ограниченность модели, основанной на представлении о возможности полного контроля природных процессов посредством количественных нормативов и технических решений.

Важным результатом исследования является вывод о том, что экологические кризисы сложных природных систем связаны не только с масштабами антропогенного воздействия, но и с недостаточностью используемых способов их понимания. Здесь, речь идет о необходимости перехода от объектного, фрагментарного анализа к более системному подходу, учитывающему целостность, динамичность и способность природных комплексов к самоорганизации как способности к сохранению устойчивости. Также, важным является уход от стратегии использования техники исключительно как средства преобразования окружающей природы, а напротив перехода к модели коэволюционного взаимодействия, в которой технологическое развитие рассматривается как часть более широкой системы взаимосвязей между обществом, природой и техническими объектами.

Формирование экологически ориентированной техносферы, основанной на системном понимании природных процессов, использование цифровых технологий, методов моделирования, искусственного интеллекта и новых инженерных решений – всё это является перспективным направлением и может способствовать более глубокому пониманию природных систем и повышению эффективности их сохранения. Однако в данной концепции наиболее важным является то, что указанные инструменты приобретают значение только в рамках иной модели рациональности. Той, что ориентирована не на максимальное преобразование природы, а на согласование технической деятельности с пределами устойчивости биосферных процессов.

Таким образом, будущее взаимодействия человека, техники и природы определяется не отказом от технологического развития, а изменением его философских оснований. Переход от парадигмы контроля к парадигме коэволюции становится одним из ключевых направлений дальнейшего развития философии науки и техники в условиях антропоцена.

Литература

1. Вернадский В.И. Биосфера / В.И. Вернадский. – Ленинград: Науч. хим.-техн. изд-во, 1926. – 146 с.
2. Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление / В.И. Вернадский; под ред. А.Л. Яншина. – Москва: Наука, 1991. – 271 с.
3. Crutzen P. J., Stoermer E.F. The “Anthropocene” // IGBP Newsletter. – 2000. – № 41. – P. 17–18.
4. Хайдеггер М. Вопрос о технике / М. Хайдеггер // Время и бытие: статьи и выступления / Пер. с нем. В.В. Бибихина. – Москва: Республика, 1993. – 447 с.
5. Bertalanffy L. von. General System Theory: Foundations, Development, Applications. – New York: George Braziller, 1968. – 295 p.
6. Сочава В.Б. Введение в учение о геосистемах / В.Б. Сочава. – Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1978. – 317 с.
7. Латур Б. Нового времени не было: эссе по симметричной антропологии / Б. Латур; пер. с фр. Д.Я. Калугина. – Санкт-Петербург: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2006. – 240 с.
8. Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory / B. Latour. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 301 p.
9. Haraway D. Staying with the Trouble: Making Kin in the Chthulucene / D. Haraway. – Durham: Duke University Press, 2016. – 312 p.
10. Steffen W., Crutzen P., McNeill J. The Anthropocene: Are Humans Now Overwhelming the Great Forces of Nature? // Ambio. – 2007. – Vol. 36, № 8. – P. 614–621.
11. Zalasiewicz J., Williams M., Steffen W., Crutzen P. The New World of the Anthropocene // Environmental Science & Technology. – 2010. – Vol. 44, № 7. – P. 2228–2231.
12. Беньюс Ж. Биомимикрия: инновации, вдохновленные природой / Ж. Беньюс. – Москва: Альпина нон-фикшн, 2019. – 320 с.
13. Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity / U. Beck. – London: Sage Publications, 1992. – 272 p.
14. Моисеев Н.Н. Человек и ноосфера / Н.Н. Моисеев. – Москва: Молодая гвардия, 1990. – 351 с.
15. Bratton B. The Stack: On Software and Sovereignty / B. Bratton. – Cambridge: MIT Press, 2016. – 512 p.
16. Галазий Г.И. Байкал в вопросах и ответах / Г.И. Галазий. – Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1988. – 256 с.
17. Тахтеев В.В. Экология озера Байкал / В.В. Тахтеев. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2009. – 240 с.
18. Яншин А.Л. Будущее Байкала // Избранные труды. Т. 6: Труды по природоохранной тематике. Изучение Земли из космоса / А.Л. Яншин. – Новосибирск: ИНГГ СО РАН, 2018. – С. 11–14.

PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE INTERACTION BETWEEN TECHNOSPHERE AND NATURAL SYSTEMS IN THE ANTHROPOCENE (THE CASE OF LAKE BAIKAL)

Nimaev T.B.
Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University

The article examines the philosophical and methodological foundations of interaction between humans, technology, and natural systems in the context of the technosphere development. The study analyzes the limitations of the technocratic model of nature perception based on the representation of natural objects as entities available for measurement, control, and transformation. Using approaches of philosophy of science and technology, the Anthropocene concept, and systems methodology, the article considers changes in the relationship between technological activity and complex natural systems. Lake Baikal is analyzed as an example of interaction between the technosphere and a unique natural system. The study demonstrates that environmental problems cannot be reduced to particular technological impacts but should be understood as a consequence of the contradiction between the complexity of natural systems and the methods of their scientific and technological management. The necessity of transition to a co-evolutionary model of interaction between technology and nature is substantiated.

Keywords: technosphere; Anthropocene; systems approach; environmental crisis; Lake Baikal.

Refefences

1. Vernadsky, V.I. Biosphere. Leningrad: Nauch. Chem.-Tech. Publishing House, 1926, 146 p.
2. Vernadsky, V.I. Scientific Thought as a Planetary Phenomenon. Moscow: Nauka, 1991, 271 p.
3. Crutzen, P. J., Stoermer, E.F. The “Anthropocene.” IGBP Newsletter, 2000, no. 41, pp. 17–18.
4. Heidegger, M. The Question of Technology. Time and Being: Articles and Speeches. Translated from German by V.V. Bibikhin. – Moscow: Respublika, 1993. – 447 p.
5. Bertalanffy L. von. General System Theory: Foundations, Development, Applications. – New York: George Braziller, 1968. – 295 p.
6. Sochava V.B. Introduction to the Doctrine of Geosystems / V.B. Sochava. – Novosibirsk: Nauka, Siberian Branch, 1978. – 317 p.
7. Latour B. There Was No Modern Time: An Essay on Symmetrical Anthropology / B. Latour; trans. from French by D. Ya. Kalugin. – St. Petersburg: Publishing House of the European University at St. Petersburg, 2006. – 240 p.
8. Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory / B. Latour. – Oxford: Oxford University Press, 2005. – 301 p.
9. Haraway D. Staying with the Trouble: Making Kin in the Chthulucene / D. Haraway. – Durham: Duke University Press, 2016. – 312 p.
10. Steffen W., Crutzen P., McNeill J. The Anthropocene: Are Humans Now Overwhelming the Great Forces of Nature? //Ambio. – 2007. – Vol. 36, No. 8. – P. 614–621.
11. Zalasiewicz J., Williams M., Steffen W., Crutzen P. The New World of the Anthropocene // Environmental Science & Technology. – 2010. – Vol. 44, No. 7. – P. 2228–2231.
12. Benyus J. Biomimicry: Innovations Inspired by Nature / J. Benyus. – Moscow: Alpina non-fiction, 2019. – 320 p.
13. Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity / U. Beck. – London: Sage Publications, 1992. – 272 p.
14. Moiseev N. Man and the Noosphere / N. Moiseev. – Moscow: Molodaya Gvardiya, 1990. – 351 p.
15. Bratton B. The Stack: On Software and Sovereignty / B. Bratton. – Cambridge: MIT Press, 2016. – 512 p.
16. Galaziy G.I. Baikal in Questions and Answers / G.I. Galaziy. – Irkutsk: Vost.-Sib. kn. Publishing House, 1988. – 256 p.
17. Takhteyev V.V. Ecology of Lake Baikal / V.V. Takhteyev. – Irkutsk: Publishing House of Irkutsk State University, 2009. – 240 p.
18. Yanshin A.L. The Future of Baikal // Selected Works. Vol. 6: Works on Nature Conservation Themes. Study of the Earth from Space / A.L. Yanshin. – Novosibirsk: IPGG SB RAS, 2018. – Pp. 11–14.

Экранная реальность как медиатор социального взаимодействия в контексте философии постмодерна

Петраш Николай Дмитриевич,
аспирант, ассистент кафедры гуманитарных наук факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: nick.petrash@gmail.com

Актуальность исследования обусловлена ростом влияния экранных медиа на сознание современного общества, на поведение отдельных социальных групп и индивидов, которые воспринимают информацию как данность. В условиях постмодернистской парадигмы с ее деконструкцией бинарных понятий и симуляцией реальности, экран стал не просто техническим устройством, он превратился в активный медиатор социального взаимодействия. Цель представленного в статье исследования состоит в систематизации постмодернистских приемов в экранизациях классической литературы, определяющих специфику экранной реальности как посредника между человеком и обществом. В ходе исследования были решены следующие задачи: проведен частотный анализ видеоконтента; классификация постмодернистских стратегий в постановках; сопоставление режиссерских трактовок с философскими концепциями Ж. Деррида, Ж. Бодрийяра и Ф. Джеймисона.
Методология включала следующие методы: историографический, формально-логический анализ, обобщение, систематизация, частотный анализ экранизаций классических произведений. Сделан вывод о том, что экранная реальность в современных экранизациях выступает медиатором гибридных смысловых полях, классический текст подвергается иронической реконтекстуализации, а зритель вовлечен в диалог с симулякрами вместо оригинальных нарративов.

Ключевые слова: экранная реальность, постмодерн, медиатор, симулякр, деконструкция, экранизация, интертекстуальность.

Актуальность исследования обусловлена развитием социальной коммуникации под влиянием цифровых экранных технологий. При этом экран перестал быть обычным техническим средством передачи изображения, превратившись в полноценного участника социального взаимодействия со специфическими нормами восприятия, образцами поведения и ценностных ориентаций. Более того, в контексте философии постмодерна, сторонники которой провозгласили «смерть автора» и кризис метанарративов [14, с. 11], экранную реальность можно трактовать как виртуальную гиперреальность, где знак уже оторван от референта и функционирует автономно. Такая трактовка порождает парадоксальную ситуацию: экран отчуждает индивида от социального опыта и в то же время создает новые формы опосредованной реальности.

Наиболее яркими примерами, на наш взгляд, являются экранизации классических литературных произведений, поскольку трактовку классики в искусстве постмодерна значительно отличается от оригинального замысла. Дело в том, что устойчивые моральные и культурные коды в оригинальном классическом тексте, как правило, при переносе на экран подвергаются двойной интерпретации – режиссерской и зрительской в триаде «создатель (автор произведения) – интерпретатор (режиссер) – реципиент (зритель)». При этом постмодернистская эстетика в современном кинематографе фактически разрушает первый компонент – авторство произведения. Более того, нелинейность повествования смешивает временные пласты, иронизирует над каноном, вводит элементы пародии, пастиша и метарефлексии.

Таким образом, экранизация является площадкой для эксперимента любого режиссера, поскольку в постмодернистском кинематографе пересматриваются границы между высоким и низким, оригиналом и копией, прошлым и настоящим.

Современный научный дискурс исследуемой проблематики формируется на пересечении философии, эстетики и теории кино, демонстрируя устойчивый интерес к ревизии постмодернистской парадигмы и поиску новых стратегий репрезентации в экранных искусствах. Хронологический диапазон проанализированных публикаций охватывает 2010–2025 годы – период, ознаменованный пересмотром классических постулатов постмодернизма и становлением пост-постмодернистской этики в художественной практике. В рамках настоящего исследования под экранным пространством понимаются: 1) любые медиа с видеоконтентом, обладающие социальной значимостью; 2) отдельные виды медиа, включая кинематограф, оказывающие непосредственное влияние на поведение индивида в контексте культурных и ценностных норм. Постмодернизм, в свою очередь, предоставляет инструментарий для трансформации и смыслового «искривления» экранного пространства с целью переноса значений исходного нарратива.

Ключевой тезис о преодолении постмодернистской парадигмы в стратегиях современного кинематографа сформулирован в работе Н.Н. Гашевой, зафиксировавшей сдвиг от тотальной иронии и деконструкции к реставрации ценностных ориентиров и нарративной целостности [3]. Данное положение получает развитие в исследовании Р.Н. Каримова, анализирующего трансформацию гиперреальности в контексте перехода от «общества производящего» к «обществу деконструирующему» [7]. Существенный вклад в осмысление данных процессов вносит Г.М. Кириллов, рассматривающий механизмы инверсии и медиации в информационную эпоху и определяющий кинематограф в качестве одного из ключевых инструментов медиационных процессов [8].

Дополнительную перспективу открывает исследование Д.А. Барташевич, посвященное технологиям фейковых новостей как инструменту управления общественным мнением, что позволяет рассматривать кинематографические нарративы в более широком контексте манипулятивных практик современного медиапространства [2].

Философско-теоретический фундамент изучения кинематографа как репрезентации экранного пространства составляют исследования, обращенные к концепциям Ж. Деррида и Ж. Делеза о симулякре реальности и кино как особом типе нарратива. В работе Д.С. Аязбековой философия киноискусства постмодерна осмысляется сквозь призму творчества указанных мыслителей, с особым вниманием к категориям «образа и времени» и деконструкции как методу анализа кинемато-

графической реальности [1]. Систематизация философского наследия Ж. Делеза предпринята в труде А. Карпузоса, где ризома, складка (в интерпретации Ж. Делеза и М. Фуко – концептуальный сгиб либо процесс заворачивания материи и смысла) и трансцендентальный эмпиризм определяются в качестве базовых концептов, обладающих проекционным значением для теории кино [21].

В свою очередь, фундаментальное исследование К.-Х. Леунга и Дж. Милбанка, посвященное постмодернистской философии и теологии, анализирует взаимосвязь секулярного и сакрального в постметафизическом дискурсе, формируя методику интерпретации религиозных и экзистенциальных мотивов в современном кинематографе [22]. Именно эти работы знаменуют методологический переход от описательной к герменевтической парадигме анализа кинотекста.

Особого внимания заслуживают исследования национальных кинематографических школ в контексте глобального культурного сдвига. Д.Р. Дахал и П. Шреста на материалах непальского кино убедительно демонстрируют влияние постмодернистской деконструкции на процессы социализации национального кинематографа, что служит показательным примером применимости западной философской оптики к незападным культурным контекстам [19].

В работе А.М. Силаевой по отечественному кинематографу феномен постмодернизма в советском «перестроечном» кино рассмотрен на материале творчества С. Соловьева. Автором статьи были также систематизированы особенности национальной версии постмодерна в кино по сравнении с зарубежными образцами [16].

В своей работе Н.А. Зименков на примере творчества К. Рейгадаса определил кинематограф как пограничную версию культурных парадигм, как некий «моментальный кризис» как доминанту авторского прочтения реальности [6].

В научном дискурсе необходимо также отметить исследования о формально-эстетических и семиотических аспектах киноязыка: в своей работе И.В. Родин представил авторскую «онтологию иероглифа» в философии кинообраза С. Эйзенштейна и А. Тарковского [15].

В рамках своей статьи В.М. Овчинников обосновывает место трейлера в современном медиапространстве с акцентом на семиотические аспекты, внося вклад в понимание паратекстуальных механизмов зрительского восприятия в условиях «клипового сознания» [13]. В то же время, А.А. Челышева анализирует проблему кинореализма в эпоху постмодерна, предлагая категорию «постдокументального кинематографа» как способа преодоления кризиса репрезентации [18]. В работе В.Н. Беденко на материале американской кинокомедии первой половины 1990-х годов выявлены механизмы адаптации массовой культуры к постмодернистской неопределенности, демонстрируя трансформацию жанровых конвенций под влиянием идеологических и экономических факторов [3].

В научном дискурсе есть также исследования, расширяющие проблемное поле за счет смежных дисциплин: так, В.Н. Кульбижеков в своем труде по эстетике систематизирует категориальный аппарат, релевантный для анализа кинематографической образности [10]. Работы М.Ф. Гумерова с соавторами и Б.Д. Матризаева, посвященные вопросам киберустойчивости кредитных организаций и влияния макрофинансовой политики на инновационную активность, представляют интерес в контексте исследования экономических детерминант функционирования медиаиндустрии [5; 11]. Исследование С.В. Музалева с соавторами о совершенствовании критериев оценки результативности промышленной политики России в условиях санкционного давления позволяет учитывать макроэкономический контекст развития отечественного кинопроизводства [12].

Публикация А.Д. Иоселиани с соавторами, посвященная библиометрическому анализу цифровых образовательных сред, а также работа М.Н. Свинцовой с соавторами по наукометрическому обзору исследований научной коммуникации в STEM-образовании, методологически значимы для выстраивания исследовательской стратегии настоящей работы [20; 23].

Труды Е.Ю. Пряжниковой и А.В. Кандауровой о социально-психологических технологиях безопасности личности в условиях VA-NI-мира и Е.Н. Корнеевой о зарубежных гуманитарных технологиях формирования общественного сознания существенно дополняют теоретическую базу, позволяя рассматривать кинематографическую коммуникацию в контексте современных психологических и социально-технологических вызовов [14; 9]. Исследование А.Г. Тюрикова с соавторами о финансовом поведении россиян, в свою очередь, содержит эмпирический материал для понимания аудиторных характеристик потребителей кинопродукции [17].

Таким образом, проведенный анализ релевантной научной литературы позволяет констатировать многоаспектность и междисциплинарный характер исследуемой проблематики, а также выявить ключевые векторы ее дальнейшей разработки.

Материалами эмпирического исследования стали пятьдесят известных экранизаций классической литературы социальной направленности. Выбор данного материала обусловлен двумя причинами: в первую очередь, классические тексты оригинальных нарративов известны практически всем образованным зрителям, что облегчает восприятие результатов сопоставительного исследования. Вторая причина состоит в том, что классический репертуар базируется на глубинных культурных кодах, включая нарратив социальной морали и этики.

При этом трактовка таких аспектов в экранизациях постмодернистов значительно отличается от оригинального нарратива, поскольку деконструируется с позиции «смерти автора».

Репрезентативная выборка исследования включала следующие экранизации: У. Шекспир «Король Лир» режиссера П. Брука (1971); «Ромео и Джульетта» режиссера Б. Лурмана (1996); Ф.М. Достоевский «Идиот» режиссера А. Куросавы (1951); «Бесы» в режиссуре польского мастера П. Зеленки (2008); Л.Н. Толстой «Анна Каренина» в трактовке Д. Райта (2012); «Война и мир» в экранизации Т. Харпера (2016), Ч. Диккенс «Оливер Твист» в интерпретации Р. Полански (2005); «Большие надежды» в трактовке М. Ньюэлла (2012), а также произведений О. Уайльда, Г. Джеймса, Т. Манна и др.

Цель исследования состоит в систематизации постмодернистских приемов в экранизациях классической литературы.

В исследовании были использованы: историографический анализ для понимания эволюцию режиссерских подходов; формально-логический анализ структурных особенностей приемов режиссуры; частотный анализ видеоряда для количественной оценки режиссерских идей; а также методы обобщения и систематизации для создания примерной типологии исследованных экранизаций.

Отдельно отметим, что частотность приемов постмодернистской деконструкции в экранном пространстве классических произведений фиксировалась нами по следующим критериям: интертекстуальные отсылки, временные сдвиги, смена нарративного фокуса, ироническая модальность.

Исследование проведено в 2024–2025 годах с применением статистического анализа.

Эмпирический анализ 50 экранизаций мировой классики показал, что постмодернистские элементы присутствуют в большинстве режиссерских трактовок. При этом наиболее распространенные приемы, которые нам удалось выявить, – это интертекстуальность, ироническая вне контекста, временной анахронизм, пастиш стиля оригинала, деконструкция персонажей, метарефлексия.

Интересное наблюдение состоит в том, что есть связь между временем создания экранизации и частотой приемов постмодерна: в фильмах 1960–1980-х годов наблюдается умеренная модернизация, выражающаяся в смещении акцентов, психологизации, а в работах 1990–2020-х годов мы видим яркий пример радикальной философии постмодерна. Примером служит фильм Б. Лурмана «Ромео + Джульетта» 1996 года, в котором классический шекспировский текст помещается в современную атмосферу Вероны-Бич, с автомобилями, оружием и медийной эстетикой.

Стихотворная архаика как режиссерский прием сохраняется в прямой речи персонажей для отстранения автора при столкновении знаковых систем в рамках концепции симулякра Ж. Бодрийяра. Сама по себе структура симулякра пластична и дает возможность созданию любых копий в любом количестве: как в комнате с зеркалами, такие симулякры реальности являются бесконечными отражениями себя. При этом анахронизм как режиссерский прием позволяет сдвинуть временной пласт в нужную режиссеру сторону.

К примеру, в трактовке «Больших надежд» М. Ньюэлла 2012 года в смешении викторианской атмосферы с элементами детективного триллера явно проявляется пастиш, а финал превращен в открытую интерпретацию, разрушающую моральную дидактику диккенсовского нарратива. Пастиш – это творческая работа, подражающая стилю другого автора или жанра, причем в отличие от пародии, пастиш не высмеивает оригинал, а просто копирует авторскую манеру оригинала. В рамках изучаемых экранизаций пастиш наиболее часто применяется для выведения персонажа на новый уровень симулякра, при изменении даже социальных функций оригинального персонажа (табл. 1).

В национальных традициях также можно выявить определенные особенности: британские экранизации демонстрируют ироническую ревизию канона, а американские больше тяготеют к пастишу и пародии. В свою очередь, японские экранизации тяготеют к культурной интерференции и философской рефлексии.

Таблица 1. Результаты сопоставительного анализа экранизаций классических произведений.

Группа экранизаций	ККол-во	Интертекстуальность	Ирония / Пародия	Анахрония	Пастиш	Деконструкция персонажа	Метарефлексия	Общая тенденция
Шекспир (12 фильмов)	12	92%	83%	67%	50%	83%	33%	Радикальная игра с каноном, перенос в современность
Достоевский (10 фильмов)	10	88%	70%	60%	40%	90%	30%	Психологическая деконструкция, политическая проекция
Диккенс (8 фильмов)	8	62%	50%	38%	25%	50%	12%	Умеренная модернизация, жанровое смешение
Толстой (7 фильмов)	7	57%	43%	29%	14%	43%	14%	Консервативная адаптация, акцент на историческом контексте
Остальные авторы (13 фильмов)	13	77%	62%	46%	31%	54%	23%	Гибридные стратегии, интертекстуальные игры

При этом проведенный нами частотный анализ позволяет заключить, что наиболее часто постмодернистские приемы применяются в экранизациях У. Шекспира и Ф.М. Достоевского. В свою очередь, в экранизациях произведений Ч. Диккенса и Л.Н. Толстого прослеживается более сдержанная интерпретация. Такое соотношение, на наш взгляд, объяснимо спецификой исходных текстов: шекспировская полифония и психологическая глубина Ф.М. Достоевского дают возможность по-разному трактовать авторскую мысль, а определенность нарратива у Л.Н. Толстого просто не поддается радикальной деконструкции. Вероятно, проблема деконструирования персонажей произведений этих авторов состоит еще и в том, что их нарратив связан слишком крепко с временными историческими реалиями, которые трудно заменить на современность.

На наш взгляд, главное отличие экранизаций классических произведений состоит в превращении экрана в медиатор, транслирующий зрителю оригинальный текст и одновременно генерирующий новый смысл с помощью анахронизма, пастиша или дискурса. В итоге зритель становится соавтором самого процесса экранизации, без пассивного потребления образов.

В современных экранизациях классической литературы постмодернистская реальность проявляется как индикатор состояния общества, поскольку в ней конструируется новая гиперреальность, а классические нарративы деконструируются и иронии. Выполняют социально-философскую функцию в этой гиперреальности такие приемы, как интертекстуальность, анахронизм, пастиш, децентрирование персонажей. При этом монолитность традиционного культурного наследия разрушается с помощью авторской дискуссии и переосмысления основ общественного бытия.

Судя по полученным в ходе исследования данным, существует устойчивая тенденция к усилению постмодернистской парадигмы в кинематографе последних десятилетий. С помощью частотного анализа мы выявить связь между степенью полифоничности оригинального нарратива и частотой постмодернистских интерпретаций. В ходе проведенного нами исследования экранная реальность представляет собой часть социального взаимодействия в виртуальном мире, причем является двойственным феноменом: с одной стороны, индивид отчужден от непосредственно воспринимаемого опыта, ему предложены симулятивные образцы поведения и паттерны идентичности.

С другой стороны, экранизация классики в духе постмодернизма создает пространство для зрительской рефлексии, когда человек дистанцирован от стереотипов и, более того, вынужден пересматривать свою социальную позицию. В целом, можно заключить, что интерпретация классики в современных экранизациях создается концепция «критического постмодерна», в котором есть не просто деконструкция, а предложены новые способы осознания нарративных смыслов.

Литература

1. Аязбекова Д.С. Философия и кино постмодернизма в контексте творчества Ж. Делеза и Ж. Деррида // Вестник МГУКИ. 2018. № 4 (84). С. 107–112.

2. Барташевич Д.А. Технологии фейковых новостей как инструмент управления общественным мнением // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2024. Т. 14, № 2. С. 75–80. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-2-75-80.

3. Беденко В.Н. Кинокомедия в массовой культуре первой половины 90-х годов XX века (на примере кинематографа США) // Культурная жизнь Юга России. 2020. № 3 (78). С. 50–58.

4. Гашева Н.Н. Преодоление постмодернизма в стратегиях современного российского кино // Вестник МГУКИ. 2010. № 6. С. 219–224.

5. Гумеров М.Ф., Ризванова И.А., Белова М.Т. Киберустойчивость кредитных организаций в условиях развития цифрового банковского бизнеса // Финансы: теория и практика. 2025. Т. 29, № 6. С. 148–163.

6. Зименков Н.А. «Запечатленный кризис»: кинематограф К. Рейгадаса на стыке культурных парадигм // Художественная культура. 2023. № 4 (47). С. 666–691.

7. Каримов Р.Н. Трансформация гиперреальности: от общества, производящего к обществу деконструирующему // Гуманитарный вестник. 2018. № 8 (70). DOI: 10.18698/2306-8477-2018-8-541

8. Кириллов Г.М. Механизмы инверсии и медиации в информационную эпоху // Общество: философия, история, культура. 2019. № 11 (67). С. 21–26.

9. Корнеева Е.Н. Зарубежная практика использования гуманитарных технологий для формирования общественного сознания // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2024. Т. 14, № 5. С. 98–106.

10. Кульбижеков В.Н. Эстетика. Красноярск: СФУ, 2018. 192 с.

11. Матризаев Б.Д. Исследование отдельных эмпирических закономерностей влияния макрофинансовой политики государства на стимулирование инновационной активности в рамках эндогенной теории роста // Финансы: теория и практика. 2025. Т. 29, № 2. С. 194–207.

12. Музалев С.В., Абдикеев Н.М., Оболенская Л.В. Совершенствование системы критериев оценки результативности промышленной политики России в условиях санкционного давления // Финансы: теория и практика. 2025. Т. 29, № 4. С. 6–18.

13. Овчинников В.М. Место трейлера в современном медиапространстве, семиотические аспекты // Вестник ВГИК. 2025. № 2 (64). С. 134–146.

14. Пряжникова Е.Ю., Кандаурова А.В. К вопросу о социально-психологических технологиях безопасности личности в условиях VA NI-мира // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2024. Т. 14, № 1. С. 103–110.

15. Родин И.В. Онтология иероглифа в философии кинообраза Сергея Эйзенштейна и Андрея Тарковского // Идеи и идеалы. 2024. № 4–2. С. 387–403.

16. Силаева А.М. Постмодернизм в советском кинематографе времен Перестройки на примере трилогии Сергея Соловьева // Ветер Перестройки. 2023. № 1. С. 398–406.

17. Тюриков А.Г., Круглова Е.Л., Кунижева Д.А. Финансовое поведение россиян: практики, модели, эффективные инструменты // Финансы: теория и практика. 2025. Т. 29, № 6. С. 107–120.

18. Челышева А.А. Кинореализм в эпоху постмодерна: к определению стратегии постдокументального кинематографа // Terra Aesthetic ae. 2020. № 2 (6). С. 26–44.

19. Dahal D.R., Shrestha P. Deconstructing Development: Postmodern Analysis of Socializing National Cinema in Nepal // Research Nepal Journal of Development Studies. 2025. Vol. 8, № 1. P. 59–69.

20. Ioseliani A.D., Orekhovskaya N.A., Svintsova M.N., Panov E.G., Skvortsova E.M., Bayanova A.R. Bibliometric analysis of articles on digital educational environments // Contemporary Educational Technology. 2023. Vol. 15, No. 3. ep42. https://doi.org/10.30935/cedtech/13100

21. Karpouzos A. The Philosophy of Gilles Deleuze // Essays in Philosophy. 2024. Vol. 1, № 9. P. 10–18.

22. Leung K.-H., Milbank J. Postmodern Philosophy and Theology, St Andrews Encyclopaedia of Theology. Edited by Brendan N. Wolfe et al. URL: https:// www.saet.ac.uk/Christianity/PostmodernPhilosophyandTheology. 2022. 28 p.

23. Svintsova M.N., Ishmuradova A.M., Kondakchian N.A., Zaitseva N.A., Khairullina E.R. A bibliometric overview of science communication research in STEM education // Online Journal of Communication and Me-

dia Technologies. 2023. Vol. 13, No. 4, e202341. https://doi.org/10.30935/ojcmt/13415

SCREEN REALITY AS A MEDIATOR OF SOCIAL INTERACTION IN THE CONTEXT OF POSTMODERN PHILOSOPHY

Petrash N.D.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The research relevance is due to the growing influence of screen media on the consciousness of modern society, on the behavior of certain social groups and individuals who perceive information as a given. In the context of the postmodern paradigm with its deconstruction of binary concepts and simulation of reality, the screen has become not just a technical device, it has become an active mediator of social interaction. The research goal presented in the article is to systematize postmodernist techniques in the screen adaptations of classical literature, which determine the specifics of screen reality as an intermediary between a person and society. In the course of the study, the following tasks were solved: frequency analysis of video content was carried out; classification of postmodernist strategies in productions; comparison of director's interpretations with the philosophical concepts of J. Derrida, J. Baudrillard and F. Jameson.
The methodology included the following methods: historiographic, formal-logical analysis, generalization, systematization, frequency analysis of screen adaptations of classical works. Conclusions: screen reality in modern screen adaptations acts as a mediator of hybrid semantic fields, the classical text is subjected to ironic recontextualization, and the viewer is involved in a dialogue with simulacra instead of original narratives.

Keywords: screen reality, postmodernity, mediator, simulacrum, deconstruction, screen adaptation, intertextuality.

References

1. Ayazbekova D.S. Postmodern Philosophy and Cinema in the Context of the Work of G. Deleuze and J. Derrida // Bulletin of MGUKI. 2018. No. 4 (84). Pp. 107–112.
2. Bartashevich D.A. Fake News Technologies as a Tool for Managing Public Opinion // Humanities. Bulletin of the Financial University. 2024. Vol. 14, No. 2. Pp. 75–80. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-2-75-80.
3. Bedenko V.N. Film Comedy in the Mass Culture of the First Half of the 1990s (A Case Study of US Cinema) // Cultural Life of the South of Russia. 2020. No. 3 (78). Pp. 50–58.
4. Gasheva N.N. Overcoming Postmodernism in the Strategies of Contemporary Russian Cinema // Bulletin of MGUKI. 2010. No. 6. Pp. 219–224.
5. Gumerov M.F., Rizvanova I.A., Belova M.T. Cyber-Resilience of Credit Institutions Amidst the Development of Digital Banking // Finance: Theory and Practice. 2025. Vol. 29, No. 6. Pp. 148–163.
6. Zimenkov N.A. "Captured Crisis": The Cinema of C. Reygadas at the Intersection of Cultural Paradigms // Art Culture. 2023. No. 4 (47). Pp. 666–691.
7. Karimov R.N. Transformation of Hyperreality: From a Producing Society to a Deconstructing Society // Humanities Bulletin. 2018. No. 8 (70). DOI: 10.18698/2306-8477-2018-8-541
8. Kirillov G.M. Mechanisms of Inversion and Mediation in the Information Age // Society: Philosophy, History, Culture. 2019. No. 11 (67). Pp. 21–26.
9. Korneeva E.N. Foreign Practice of Using Humanitarian Technologies to Shape Public Consciousness // Humanities. Bulletin of the Financial University. 2024. Vol. 14, No. 5. Pp. 98–106.
10. Kulbizhekov V.N. Aesthetics. Krasnoyarsk: SibFU, 2018. 192 p.
11. Matrizaev B.D. Study of Specific Empirical Patterns Regarding the Impact of State Macro-Financial Policy on Stimulating Innovation Activity within the Framework of Endogenous Growth Theory // Finance: Theory and Practice. 2025. Vol. 29, No. 2. Pp. 194–207.
12. Muzalev S.V., Abdikeev N.M., Obolenskaya L.V. Improving the System of Criteria for Evaluating the Effectiveness of Russia's Industrial Policy under Sanctions Pressure // Finance: Theory and Practice. 2025. Vol. 29, No. 4. Pp. 6–18.
13. Ovchinnikov V.M. The Place of the Trailer in the Modern Media Space: Semiotic Aspects // VGIK Bulletin. 2025. No. 2 (64). Pp. 134–146. 14. Pryazhnikova E.Yu., Kandaurova A.V. On the Issue of Socio-Psychological Technologies for Personal Security in a BANI World // Humanities. Bulletin of the Financial University. 2024. Vol. 14, No. 1. P. 103–110.
15. Rodin I.V. The Ontology of the Hieroglyph in the Philosophy of the Cinematic Image of Sergei Eisenstein and Andrei Tarkovsky // Ideas and Ideals. 2024. No. 4–2. P. 387–403.
16. Silaeva A.M. Postmodernism in Soviet Cinema of the Perestroika Era: A Case Study of Sergei Solovyov's Trilogy // The Wind of Perestroika. 2023. No. 1. P. 398–406.
17. Tyurikov A.G., Kruglova E.L., Kunizheva D.A. Financial Behavior of Russians: Practices, Models, and Effective Tools // Finance: Theory and Practice. 2025. Vol. 29, No. 6. P. 107–120.
18. Chelysheva A.A. Film Realism in the Postmodern Era: Defining the Strategy of Post-Documentary Cinema // Terra Aestheticae. 2020. No. 2 (6). P. 26–44.
19. Dahal D.R., Shrestha P. Deconstructing Development: Postmodern Analysis of Socializing National Cinema in Nepal // Research Nepal Journal of Development Studies. 2025. Vol. 8, No. 1. P. 59–69.
20. Ioseliani A.D., Orekhovskaya N.A., Svintsova M.N., Panov E.G., Skvortsova E.M., Bayanova A.R. Bibliometric analysis of articles on digital educational environments // Contemporary Educational Technology. 2023. Vol. 15, No. 3.ep42. DOI: 10.30935/cedtech/13100
21. Karpouzos A. The Philosophy of Gilles Deleuze // Essays in Philosophy. 2024. Vol. 1, No. 9. P. 10–18.
22. Leung K.-H., Milbank J. Postmodern Philosophy and Theology, St Andrews Encyclopaedia of Theology. Edited by Brendan N. Wolfe et al. URL: https:// www.saet.ac.uk/Christianity/PostmodernPhilosophyandTheology. 2022. 28 p.
23. Svintsova M.N., Ishmuradova A.M., Kondakchian N.A., Zaitseva N.A., Khairullina E.R. A bibliometric overview of science communication research in STEM education // Online Journal of Communication and Media Technologies. 2023. Vol. 13, No. 4, e202341. DOI: 10.30935/ojcmt/13415

Философия архитектурной гармонии (по материалам В.Т. Мещерякова)

Пиляк Сергей Александрович,
доктор философских наук, кандидат архитектуры, доцент, профессор научно-образовательного центра «Теория и технологии управления в сфере культуры, образования и науки» Института государственной службы и управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
E-mail: s.pilyak@mail.ru

Исследование посвящено теме архитектурной гармонии ка философскому понятию. Исследование базируется на методах и материалах выдающегося философа XX века Владимира Терентьевича Мещерякова. Понятие гармонии, ключевое для исследований В.Т. Мещерякова, рассматривается в контексте архитектуры как вида искусства. Метод ученого, базирующийся на междисциплинарном подходе, показывает стремление к буквально экспериментальной проверяемости тезисов на примере точных и естественных наук, в том числе биологии, технологии, экономики. Плодотворное взаимодействие гуманитарных и точных наук, свойственное философии В.Т. Мещерякова, позволяет расширительно трактовать гармонию, в том числе проанализировать данное понятие в контексте архитектуры как искусства изменения среды, окружающей человека и формирующей благоприятное для жизни и творчества человека пространство. Основным методом исследования является междисциплинарный метод В.Т. Мещерякова. Характерным для научного метода В.Т. Мещерякова является междисциплинарность. В статье выстраивается параллель между философией и архитектурой на платформе содержания понятия гармонии. Человеком постоянно овладевает желание представить усовершенствованную версию природы, более совершенную, чем уже существующие. В этом случае творение приобретает направленное движение, способное быть названным прогрессом или совершенствованием. Гармония в данном случае выступает одним из эстетических идеалов, постоянное приближение к которому доказывает субъектность человека в творчестве и его способность сделать среду и мир лучше, чем он уже существует. В архитектурной науке и практике понятие гармонии является одним из наиболее распространенных. При этом единая трактовка понятия до сих пор отсутствует. Таким образом, применение метода В.Т. Мещерякова позволяет решить одну из важнейших проблем теории архитектуры.

Ключевые слова: Владимир Мещеряков; междисциплинарные исследования; архитектура; гармония; эстетика.

Введение

К числу ключевых вопросов философии относится цикл тем, связанных с гармонией. Характеристики гармонии как понятия, возможности и самой целесообразности ее достижения в реальной действительности, особенности осмысления как желаемой цели природы и человека, являлись предметом исследования многих поколений ученых. К вопросам гармонии как самостоятельной философской категории обращался широкий круг исследователей, начиная с античных ученых Аристотеля [1], Демокрита, Платона, Эпикура, Пифагора и др., продолжая Н. Кузанским, Г.В. Лейбницем и др., а также учеными XX–XXI веков В.А. Белоусовым [2] и А.В. Демичевым, А.А. Гореловым, Д.В. Пивоваровым, О.С. Разумовским и др. [3–4]. Т.П. Берсенева особое внимание уделяет синтетическому характеру понятия гармонии [5], рассматриваемой в различных научных направлениях и за счет многообразия методов и тематических полей приобретающей особую глубину содержания. Особое место в блестящей плеяде исследователей занимает В.Т. Мещеряков, определивший гармонию основным предметом собственных научных изысканий.

Материалы и методы

Целью нашего исследования является анализ выводов В.Т. Мещерякова в контексте создания архитектурной среды, степень взаимопроникновения философии и архитектуры, отражения на различных примерах реализации гармонии. Основным методом исследования является междисциплинарный метод В.Т. Мещерякова. Характерным для научного метода В.Т. Мещерякова является междисциплинарность, стремление к буквально экспериментальной проверяемости тезисов на примере точных и естественных наук, в том числе биологии, технологии, экономики.

В.Т. Мещеряков, обобщая трактовки понятия гармонии, сделанные мыслителями, начиная с античности, заключает, что одним из свойств гармонии является ее доступность человеческому восприятию [6, с. 198]. Во многом это роднит ее с архитектурой как наиболее близкого человеку и понимаемому им посредством всех органов чувств виду искусств. Следовательно, среди ряда сфер научной и творческой реализации интеллектуального потенциала человека понятие гармонии на уровне восприятия наиболее применимо к архитектуре. Как отмечает Т.П. Берсенева, «актуальность проблемы гармонии состоит прежде всего в том, что любая попытка ее разработки объединяет в целое разнообразную философскую проблематику, причем в совершенно определенном контексте поиска позитивных, конструктивных, а не деструктивных решений» [5].

Транслируя выводы ученого в поле архитектурных форм, мы вооружимся следующим его тезисом: «история развития научного познания показывает, что творческое использование приемов и методов, уже давших положительный результат в одной области деятельности, в других часто избавляет исследователей от многих трудностей, связанных с разработкой таких методов» [7, с. 6]. Следовательно, допущение такого параллелизма [8] не только содержательно, но и с точки зрения формы соответствует философии В.Т. Мещерякова: «одной из примечательных черт современной науки можно назвать ее нетерпимость к отвлеченным, бездоказательным суждениям, оценкам и выводам» [7, с. 49].

Отмеченный нами параллелизм неслучаен. В частности, Т.П. Берсенева отмечает, что сама «идея гармонии отвечает извечной потребности человека в благополучном сосуществовании со средой» [5]. В этом гармония во многом синонимична архитектуре как виду искусства, изменяющему мир вокруг человека. Одновременно, необходимо отметить, что единое понятие трактовки гармонии в архитектуре отсутствует. Как отмечал В.Т. Мещеряков, «к сожалению, приходится констатировать, что вопрос о современном научном понимании гармонии остается еще открытым» [6, с. 3]. Принципиальное решение этой задачи остается темой перспективных научных изысканий.

Результаты исследования

Представленные в нашем исследовании в порядке обзора несколько характеристик, данных исследуемому понятию известными практиками, представляют содержательно ясные и одобряемые профессиональным сообществом суждения, лишенные при этом единой универсальной трактовки и терминологической четкости. Пользуясь тезисами В.Т. Ме-

щерякова, мы можем прийти к следующему определению архитектурной гармонии, содержащей одновременно идею движения и статики, единой в различных природах, но неразрывно связанную со средой, окружающей человека. Человек неминуемо соизмеряет гармонию с собой, является ее творцом и единственным критиком.

Именно архитектура как вид искусства обладает уникальными возможностями воздействия на человека – духовно, посредством визуальных образов, создаваемых архитекторами и строителями, и материально – формируя пространство, предусматривающее определенную реакцию человека. От архитектуры человек быть независимым не может. Избегать живописи, исключать из собственной повседневности графику, даже не обращаться к музыке – все это человеку доступно. Но находясь в антропогенизированном пространстве, в среде, преобразованной другими людьми, человек не может не зависеть от архитектуры, не может по своему разумению исключить ее произведения из собственной повседневности. Следовательно, использование междисциплинарного метода В.Т. Мещерякова позволяет уточнить понимание гармонии в архитектуре, а также определить и обобщить содержание этого понятия. Характеризуя очерченную проблематику, Т.П. Берсенева отмечает следующее: «иногда она рассматривается прямо и непосредственно, иногда же о гармонии не говорится, но «гармоническая» тематика явно просматривается в вечных вопросах метафизики, эстетики и этики» [5].

Академик А.В. Иконников особо отмечает гармоничную целостность архитектуры [9, с. 57] в качестве одного из базовых понятий, свойственных архитектурному произведению. Соответственно, гармония рассматривается как некий идеал, достигнутый или еще только способный быть достигнутым человеком. Данный тезис поддерживает ряд архитекторов-практиков. Как отметил немецкий архитектор Петер Беренс, «стиль – символ всеобщего восприятия, всего жизнеощущения эпохи; он проявляется лишь в совокупности всех искусств. Гармония искусства в целом – прекрасный символ здорового народа» [10, с. 134]. Оскар Нимейер отмечает: «бессмертные и всемирно прославленные произведения искусства действуют на наши чувства именно своей красотой, оригинальностью и гармонией пластического решения» [10, с. 397].

Естественно, что в таком случае факт достижения гармонии должен быть проверен и доказан. Одновременно следует отметить, что само понятие гармонии в контексте архитектурной среды наполнялось различным содержанием. Многочисленные методы «расчета» гармонии в большинстве случаев были сведены к пропорциям, ритму и симметрии. Гармония рассматривалась как строй, как ритм, который определяет оптимальную последовательность однородных элементов: «… гармония, мыслимая как единство в многообразии, решающим образом определяется тем, насколько согласованы между собой симметрия и ритм, характеризующие структуру и функционирование той или иной системы» [6, с. 197].

Столь нарочитое упрощение понятия гармонии характерно для «классической» архитектуры, опирающейся на античное наследие. Важнейшим средством художественной выразительности апологетов этого направления является симметрия, во многом отождествляемая с понятием гармонии: «симметрия как идея в платоновском смысле, как профессиональный идеал целостности, красоты и гармонии остается вечным эталоном в сознании зодчего» [11, с. 49]. Соответственно гармония в таком случае является в полной мере замысленным человеком и сотворенным им вариантом альтернативной природе среды. Н.И. Смолина отмечает что «в симметрии архитектура нашла свою искусственную форму имитации живого бытия, вложив в само понятие вечную идею гармонии и порядка» [11, с. 125].

Иной подход к содержанию понятия гармонии рассматривает ее в качестве движения к идеалу. Как отмечает Т.П. Берсенева, гармония – это процесс противоречивого непрерывного взаимодействия, приводящий к позитивному результату [5]. Развивая данное положение, исследователь определяет гармонию как понятие, характеризующее «отношение между исходным и последующим состояниями объекта после качественного скачка, а также отношение изменившегося объекта со средой» [5]. Итальянский архитектор Эрнесте Натан Роджерс заявил, что «архитектура – постоянная устремленность к тому далекому и трудно достижимому идеалу, где эти ценности обретают равновесие в высшей гармонии искусства» [10, с. 454].

Для архитектуры понятие гармонии предстает в качестве одной из базовых характеристик. Итальянский архитектор Антонио Сант'Элиа в 1914 году провозгласил, что «под архитектурой следует понимать условия, направленные на то, чтобы свободно и с наибольшей смелостью добиваться гармонии между человеком и окружающей средой, то есть превращать мир вещественный в отраженную проекцию мира духовного» [10, с. 167].

Собственную трактовку предлагает Ле Корбюзье, который рассматривает гармонию как ориентир для линии, границы, места расположения рубежа между фоном и зданием, между элементами. Гармония создает рамки возможного для архитектора, определяет допустимые решения, помогает и одновременно ограничивает архитектора-творца: «для того, чтобы достичь полного единства, выражающего и характер произведения, и то волнение, которое дает творчество, необходимы регулирующие линии; только они одни могут выразить этот характер, придать ему чистоту» [10, с. 265].

Обсуждение и заключение

Как мы можем заключить, архитекторы декларируют стремление к гармонии, представляя ее как цель деятельности, в том числе архитектурной. Однозначно представить содержание этой цели невозможно, оно остается глубоко индивидуальным. Гармонию в архитектуре невозможно представить как некий универсальный визуальный образ, это, скорее, принцип, соотношение, в каждом конкретном случае приобретающее особые очертания.

Как мы видим, используемые понятия во многом тождественны. При этом их содержание, объяснимое тематическим и межотраслевым разнообразием, существенно отличается. Позиция В.Т. Мещерякова примиряет трактовки гармонии, сделанные архитектурными мыслителями. Ученый заключает, что «гармония есть такое состояние конкретных систем, которое достигается лишь в процессе гармонического развития, когда пространственно-временная целостность и высокий динамизм как его важнейшие характеристики обеспечиваются взаимосвязью симметрии и ритма» [6, с. 202]. Несложно заметить, насколько синонимичны понятия, применяемые в архитектуре и философии. В целом, может сложиться мнение, что граница между архитектурой и философией, в случае ее принципиального наличия, ажурна до проницаемости. Одновременно, нельзя не отметить, что базовые понятия в трудах В.Т. Мещерякова и теории архитектуры получают различные трактовки: «Понятия «гармония», «симметрия» и «ритм» иногда не без основания рассматриваются как синонимы» [6, с. 190].

Как мы можем отметить, именно архитектура позволяет воплотить понятие гармонии наиболее объемно и фигуративно. Архитектурное пространство традиционно является свидетельством диалога человека и природы, однако превращающегося порой в суровое противостояние. При этом наше исследование, основанное на универсальных характеристиках, намеренно не отражает различных трактовок гармонии, возникающих на разных исторических этапах и связанных с главенствующей стилистикой, воспринимаемой как эстетический ориентир эпохи. Понятие гармонии на разных исторических этапах в архитектуре значительно трансформировалось. Необходимо отметить, что смена главенствующей архитектурной стилистики иным направлением и подходом к формированию среды в большинстве случаев связано именно со сменой понятия о том, что является гармоничным для человека. Таким образом, мы убедились в разности понимания базового понятия. Это, однако, не мешает определенной расширительной трактовке понятия в архитектурной среде. Поколения архитекторов стремятся к гармонии, наполняемой различным содержанием в зависимости от эпохи.

Расширительная трактовка понятия архитектуры приводит нас к удивительному сопряжению этого вида искусств и гармонии. Фактически, возможно рассматривать архитектуру в качестве длительной материализованной гармонизации пространства человеком. Изменение человеческих общественных отношений и трансформация эстетических идеалов меняет и итоговую цель такой гармонизации, ее визуальный облик и содержание. Соответственно, процесс гармонизации архитектурной среды является по сути бесконечным, а каждое ее изменение приближает нас к идеалу, одновременно удаляющемуся от человека.

В качестве вывода можно отметить следующее. Человеком постоянно овладевает желание представить усовершенствованную версию природы, более совершенную, чем уже существующие. В этом случае творение приобретает направленное движение, способное быть названным прогрессом или совершенствованием. Одним из эстетических идеалов, постоянное приближение к которому доказывает субъектность человека в творчестве и его способность сделать среду и мир лучше, чем он уже существует.

Гармония сохраняет значение недостижимого идеала, к которому человек продолжает стремиться на протяжении всего срока существования цивилизации. Одновременно архитектура как вид искусства, изменяющий пространство по желанию человека, наиболее полно позволяет воплотить гармонию, овеществить ее и сделать осязаемой и воспринимаемой. Следовательно, архитектура способна материализовать гармонию, представить ее в пространстве.

Литература

1. Аристотель. Метафизика / Аристотель // Сочинения в 4 т. М.: Мысль, 1975–1983.-Т. 1. – С. 65–368.

2. Белоусов, В.А. Гармония: противоречие, связь / В.А. Белоусов, А.В. Демичев. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1981. – 192 с.

3. Пиляк, С.А. Междисциплинарный характер исследования интерпретации культурного наследия / С.А. Пиляк // Социально-гуманитарные знания. – 2022. – № 4. – С. 227–231. – DOI 10.34823/SGZ.2022.4.51936. – EDN FTFBRP.

4. Пиляк, С.А. Концепты идеала и реальности для культурного наследия // Знание. Понимание. Умение – № 2, 2023. С. 175–183.

5. Берсенева, Т.П. Гармония человека и мира: сущностные характеристики и формы проявления: автореферат дисс. … кандидата философских наук: 09.00.13 / Берсенева Татьяна Павловна; [Место защиты: Ом. гос. пед. ун-т]. – Омск, 2008. – 20 с.

6. Мещеряков, В.Т. Развитие представлений о гармонии в домарксистской и марксистско-ленинской философии / В.Т. Мещеряков. Л.: Наука, 1981. – 204 с.

7. Мещеряков, В.Т. Соответствие как отношение и принцип / В.Т. Мещеряков. Л.: Наука, 1975. – 104 с.

8. Мещеряков, В.Т. Гармония и гармоническое развитие / В.Т. Мещеряков. Л.: Наука, 1976. – 222 с.

9. Иконников, А.В. Функция, форма, образ в архитектуре / А.В. Иконников. – М.: Стройиздат, 1986. – 288 с.

10. Смолина, Н.И. Традиции симметрии в архитектуре. – М.: Стройиздат, 1990. – 344 с.

11. Мастера архитектуры об архитектуре: Зарубеж. архитектура. Конец XIX–XX в.: Избр. отрывки из писем, статей, выступлений и трактатов / Сост. и авт. предисл. А.В. Иконников; Под общ. ред. А.В. Иконникова. – М.: Искусство, 1972. – 590 с.

PHILOSOPHY OF ARCHITECTURAL HARMONY (BASED ON MATERIALS BY V.T. MESHCHERYAKOV)

Pilyak S.A.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

The study is devoted to the topic of architectural harmony as a philosophical concept. The research is based on the methods and materials of the outstanding 20th-century philosopher Vladimir Terentyevich Meshcheryakov. The concept of harmony, which is key to V.T. Meshcheryakov's research, is examined in the context of architecture as an art form. The scientist's method, which is based on an interdisciplinary approach, demonstrates a стремление to make the theses literally experimentally verifiable, using examples from the exact and natural sciences, including biology, technology, and economics. The fruitful interaction between the humanities and the exact sciences, characteristic of V.T. Meshcheryakov's philosophy, makes it possible to interpret harmony in a broad sense, including by analyzing this concept in the context of architecture as the art of changing the environment surrounding a person and shaping a space that is conducive to human life and creativity. The main research method is V.T. Meshcheryakov's interdisciplinary method. Interdisciplinarity is characteristic of V.T. Meshcheryakov's scientific method. The article draws a parallel between philosophy and architecture based on the content of the concept of harmony. A person is constantly overcome by the desire to imagine an improved version of nature, more perfect than what already exists. In this case, the creation acquires a directed movement that can be called progress or improvement. Harmony in this case is one of the aesthetic ideals, the constant striving towards which proves a person's subjectivity in creativity and their ability to make the environment and the world better than they already exist. In architectural science and practice, the concept of harmony is one of the most widespread. At the same time, there is still № unified interpretation of the concept. Thus, applying V.T. Meshcheryakov's method makes it possible to solve one of the most important problems in the theory of architecture.

Keywords: Vladimir Meshcheryakov; interdisciplinary research; architecture; harmony; aesthetics.

References

1. Aristotle. Metaphysics / Aristotle // Works in 4 volumes. Moscow: Mysl, 1975. – 1983. – Vol. 1. – pp. 65–368.

2. Belousov, V.A. Harmony: contradiction, connection / V.A. Belousov, A.V. Demichev. Vladivostok: Publishing House of the Far East. University, 1981. 192 p.

3. Pilyak, S.A. The interdisciplinary nature of research into the interpretation of cultural heritage / S.A. Pilyak // Social and Humanitarian Knowledge. – 2022. – № 4. – Pp. 227–231. – DOI 10.4823/SGZ.2022.4.51936. – EDN FTFBRP.

4. Pilyak, S.A. Concepts of Ideal and Reality for Cultural Heritage // Znanie. Understanding. Skill – № 2, 2023. pp. 175–183.

5. Berseneva, T.P. Harmony of man and the world: essential characteristics and forms of manifestation: abstract of the dissertation of the Candidate of Philosophical Sciences: 09.00.13 / Berseneva Tatyana Pavlovna; [Place of defense: Omsk State Pedagogical University. university]. – Omsk, 2008. – 20 p.

6. Meshcheryakov, V.T. The Development of Ideas about Harmony in Pre-Marxist and Marxist-Leninist Philosophy / V.T. Meshcheryakov. Leningrad: Nauka, 1981. – 204 p.

7. Meshcheryakov, V.T. Correspondence as a Relationship and a Principle / V.T. Meshcheryakov. Leningrad: Nauka, 1975. – 104 p.

8. Meshcheryakov, V.T. Harmony and Harmonious Development / V.T. Meshcheryakov. Leningrad: Nauka, 1976. – 222 p.

9. Iconnikov, A.V. Function, Form, Image in Architecture / A.V. Iconnikov. – Moscow: Stroyizdat, 1986. – 288 p.

10. Smolina, N.I. Traditions of Symmetry in Architecture. – Moscow: Stroyizdat, 1990. – 344 p.

11. Masters of Architecture on Architecture: Abroad. architecture. The Late 19th – 20th Century: Selected Excerpts from Letters, Articles, Speeches, and Treatises / Compiled and with an introductory essay by A.V. Ikonnikov; edited under the general editorship of A.V. Ikonnikov. – Moscow: Iskusstvo, 1972. – 590 p.

Философско-антропологическая рефлексия конфликта интерпретаций оправдания и смысла насилия

Положенкова Елена Юрьевна,
доктор философских наук, доцент, Донской государственный технический университет
E-mail: polozhenkovae@mail.ru

Шестаков Юрий Александрович,
доктор философских наук, доцент, Донской государственный технический университет
E-mail: shesyur@mail.ru

Шубина Марина Михайловна,
доктор философских наук, доцент, Донской государственный технический университет
E-mail: shubina-m@mail.ru

Статья посвящена проблеме оправдания и смысла насилия, являющейся чрезвычайно актуальной в современных условиях геополитической конфронтации двух цивилизаций. В ней осуществляется философско-антропологическая рефлексия конфликта интерпретаций данной проблемы в работах русских мыслителей Л.Н. Толстого и И.А. Ильина. Выявляется, что противоположность интерпретаций данной проблемы определяется глубокими различиями в понимании смыслов базовых категорий и понятий, необходимых для её раскрытия.

Ключевые слова: насилие, оправдание, смысл, заставление, понуждение, добро, зло, страдание, любовь

Введение

Тема, являющаяся предметом рассмотрения в данной статье, представляется немало значимой, и для отдельных людей, которые могут столкнуться со злом, несущим угрозу жизни, здоровью или достоинству личности, и в экстремальных условиях войн, сотрясающих человеческое общество. В современных социально-исторических условиях геополитического цивилизационного противостояния России и Запада тема смысла насилия приобретает особую остроту. Она вновь требует философского осмысления, которому посвящена статья. В ней осуществляется философско-антропологическая рефлексия конфликта интерпретаций оправдания и смысла насилия, представленных в работах русских мыслителей Л.Н. Толстого и И.А. Ильина.

В 1925 году публикуется книга И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою», в которой он подвергает радикальной критике нравственно–антропологическую идею Л.Н. Толстого о непротивлении злу насилием. Социально-исторической подоплёкой написания работы являются трагические события российской истории первой четверти двадцатого столетия. Неслучайно работа И.А. Ильина вызывает оживлённую полемику в философских и религиозных кругах и до сих пор ей даются различные, порой прямо противоположные оценки. Опыт осмысления проблемы насилия выдающимися русскими философами, его смысла и возможностей его оправдания не утрачивает своей значимости сегодня.

Обсуждение и результаты

Цель работы определяет необходимость обращения, в первую очередь, к религиозно-антропологическим основаниям учения Л.Н. Толстого о непротивлении злу насилием. Данная идея имеет христианские евангельские корни. Однако отношение Л.Н. Толстого к христианству весьма специфично. Он не принимает всю христианскую догматику, а также метафизическое содержание христианства, сводя его только к моральному учению. Мыслитель отказывается от креационистского понимания Бога, его трансцендентной природы. Бог понимается им в пантеистическом духе как первопричина или первоначало, имманентно присущее самому миру. Мыслитель не признаёт в Иисусе Христе Богочеловека. В его интерпретации, Иисус – это только человек, но человек уникальный, который открыл человечеству новые законы жизни и взаимоотношений между людьми.

Сущностная характеристика Бога определяется Толстым как благо (добро): «… истинное я человека, как скоро он сознаёт себя, есть не его тело, не имеющее истинной жизни, а желание блага само в себе, другими словами, желание блага всему существующему… Желание же блага всему существующему есть то, что даёт жизнь всему существующему, то, что мы называем Богом» [7, с. 56]. Получается, что в человеческой душе живёт Бог как «желание блага всему существующему». Однако все вещи и живые существа в этом мире, в том числе человек, в результате процесса индивидуации существуют отдельно друг от друга. В результате божественное начало в человеке искажается его земной природой, и принцип желания блага всему существующему трансформируется в эгоистическое желание блага самому себе. Соответственно вся история человеческого общества и его культуры предстаёт как следствие этой нравственно-антропологической аберрации.

Подлинное же предназначение человека, по Толстому, состоит том, чтобы радикально изменить направление его эгоистических устремлений и осуществить духовное восхождение к божественному принципу любви, то есть «желания блага всему существующему». Данное духовное восхождение представляет собой рождение в душе человека «разумного сознания», в котором он открывает в себе Бога, то есть любовь ко всему существующему.

Заметим, что понятие «разумное сознание» совершенно не случайно в учении русского мыслителя. С его точки зрения, именно с помощью разума человек может проникнуть в глубинную истину о мире и своём назначении в нём. Истинная религия, которую он проповедует, опирается отнюдь не на религиозную веру, а на разум, которому от отдаёт бесспорный приоритет. Он пишет: «…человек, который думает, что познаёт истину верой, а не разумом, только обманывает себя…»

[7, с. 82]. Не случайно современный исследователь русской философии И.И. Евлампиев называет Л.Н. Толстого «запоздалым представителем философии Просвещения» [3, с. 141]. Итак, в разумном сознании происходит открытие окончательной истины – Бога, который понимается как любовь ко всему сущему. В значительной степени следствием принципа любви становится идея непротивления злу насилием [3, с. 56]. Л.Н. Толстой формулирует важнейший закон человеческой жизни, суть которого в том, что единственный путь улучшения жизни отдельного человека и общества в целом – это путь внутреннего нравственного совершенствования. Внешние же воздействия людей друг на друга путём насилия «… не только не улучшают жизни, а, напротив, увеличивают зло, которое, как снежный ком, нарастает всё больше и больше…» [8, с. 45]. Уже при жизни Льва Николаевича намечается немало критиков его позиции, которые выдвигают бесспорный аргумент относительно идеи непротивления, заключающийся в очевидной истине – необходимости силой противостоять злодеям, несущим угрозу невинным людям.

Контраргумент Л.Н. Толстого заключается в том, что за всю свою историю человечество не смогло выработать единого критерия различения добра и зла, поэтому невозможно определить меру допустимого и необходимого насилия и отличить его от того насилия, которое является следствием человеческого эгоизма и страстей. Здесь возникает определённое противоречие в тезисах Толстого: Бог живёт в душе человека, и человек способен к духовному восхождению, обретению любви ко всему существующему, и при этом он не может ясно различить добро и зло.

Вся история человечества, с точки зрения Л.Н. Толстого, свидетельствует о том, что оно развивается по ложному пути, на котором мало любви ко всему существующему, и так много насилия. В этом контексте обосновывается его панморалистическая доктрина, согласно которой подвергаются резкой критике все сферы культуры и социальной жизни: государство с его карательными органами, искусство, наука. Во все этих сферах человеческой жизни Толстой видит эгоистические стремления отдельных людей заставить весь мир служить их личному благу.

С данными рассуждениями русского мыслителя тесно связаны имперсоналистические тенденции его учения, которые противоречиво сочетаются с явным индивидуализмом в трактовке сущности человека. На данное противоречие первым обратил внимание И.А. Ильин. Как отмечает современный исследователь русской философии И.И. Евлампиев, Толстой негативно относится к личностному началу в человеке, считая, что именно оно искажает божественное благо в нём [3, с. 45]. Поэтому он всячески умаляет значение личностного и индивидуального в человеке. Однако возможность нового духовного рождения человека, радикальное преобразование его отношений с окружающими людьми парадоксально определяется мыслителем на основе свободного волевого акта самой личности.

Если человек не может отличить добро от зла, то, по сути, «ужасное зло» в мире как будто не существует вообще. Данное убеждение Л.Н. Толстого И.А. Ильин считает важнейшим истоком учения о непротивлении злу и вопиющим заблуждением. Зло, по Толстому, сводится к страданию, а добро – к отсутствию страдания. Любовь же в этом контексте интерпретируется как «чувство жалостливого сострадания» [5, с. 406]. Следовательно, по логике Толстого и его последователей, сопротивление злу силой представляет собой попытку освободиться от страдания посредством принесения новых страданий.

Нужно заметить, что, если сравнивать работы обоих выдающихся мыслителей, очень ярко выделяются не только различия, доходящие до противоположностей, в их интерпретациях рассматриваемой проблемы, но и в стилях изложения. В отличие от Толстого – великого художника, Ильин – великолепный логик, прошедший гегелевскую школу, вспомним, например, его магистерскую диссертацию «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека». Его строго рационалистичное, очень ёмкое философствование вызывает неоднозначную реакцию у читателя, тем не менее, он старается строго эксплицировать все понятия, необходимые для осмысления поставленной проблемы: зло, страдание, заставление, понуждение, насилие, любовь. [См. например,9,1,4].

И.А. Ильин никак не может согласиться с отождествлением понятий «насилие» и «внешнее воздействие одного человека на другого», которое присутствует в работах Л.Н. Толстого. Чтобы продемонстрировать их нетождественность, И.А. Ильин анализирует целую группу близких понятий, таких как «заставление», «самопонуждение», «самопринуждение», «психическое понуждение», «физическое понуждение», «насилие». Получается, что «насилие» – это одно из частных понятий по отношению к понятию «заставление». Л.Н. Толстой и его последователи же не только всякое заставление считают насилием, но не допускают любое внешнее понуждение и пресечение, считая его насилием. И.А. Ильин подчёркивает, что «*понуждение*, направленное против злодея, и *злобное насилие*, против кого бы то ни было направленное», – совсем не тождественные понятия. Внешнее понуждение оправдано только тогда, когда внутреннее самопонуждение и психическое понуждение не могут удержать человека от совершения зла.

«Насилие», с точки зрения И.А. Ильина, – это понятие, употребление которого правомерно «для обозначения всех случаев предосудительного заставления, исходящего из злой души и направляющего на зло» [5, с. 346]. При этом зло он определяет как «*душевную склонность* человека, которая присуща каждому из нас, как бы некоторое живущее в нас *страстное тяготение* к разнузданию зверя, всегда стремящееся к расширению власти и к полноте захвата» [5, с. 331]. Иначе говоря, не тело, а именно внутренний душевно-духовный мир человека есть местопребывание добра и зла. Если человек, сталкиваясь со злом, не сопротивляется ему, это означает «приятие зла, то есть допущение его в себя и предоставление ему свободы и власти» [5, с. 329]. Как происходит допущение зла в человеческой душе? Мыслитель раскрывает внутренний психологический процесс, в котором зло овладевает человеком. Зло сталкивается с определёнными нравственными и правовыми границами, которые существуют в сознании – совестью, стыдом, убеждениями и принципами. Оно старается «просочиться сквозь эти препоны», ослабить, расшатать эти границы и, в конечном счёте, разрушить волевые основания личности.

Сущность добра и зла, с точки зрения И.А. Ильина, различаются по наличию или отсутствию двух атрибутивных признаков: «любви и одухотворения». Соответственно добро он определяет как «одухотворённую (…религиозно-опредмеченную…) любовь, зло как слепую силу ненависти» [5, с. 339]. При этом философ настаивает на том, что добро как любящая сила обладает религиозной природой, поскольку является осознанной «преданностью Божественному». В отличие от добра зло по своей природе антирелигиозно, поскольку представляет собой «слепую разлагающую отвращённость от Божественного» [5, с. 339]. В этой связи И.А. Ильин подчёркивает, что только духовно слепой человек может превозносить *любовь как таковую* и считать её высшим достижением в процессе самосовершенствования и при этом осуждать любое проявление враждебности как проявление зла.

Правомерно ли отождествлять зло со страданием, как это делает Л.Н. Толстой? И.А. Ильин даёт отрицательный ответ. В отличие от Толстого, он не считает однозначно страдание злом и чётко определяет духовную суть страдания, которая заключается в том, что оно есть единственный путь человека к духовному совершенству. Динамика человеческих потребностей такова, что в силу своей природы человеку гораздо легче и приятнее удовлетворять свои, в первую очередь, чувственные потребности и получать наслаждение, чем идти по пути духовного совершенства, на котором он сталкивается с запретами, ограничениями и страданиями.

«… Путь вверх открывается человеку и даётся ему, но даётся ему только в страдании и только благодаря страданиям» [6, с. 402–403]. «Поэтому, – делает вывод Ильин, – жизненная мудрость состоит не в бегстве от страдания как мнимого зла, а в приятии его как дара и залога…» [6, с. 403]. В ситуациях же «высшей духовной необходимости», в которых человек может оказаться, он должен «найти силу и решимость причинить страдание и себе и ближнему – в меру высшей духовной необходимости…» [6, с. 403]. При этом он должен остерегаться только одного, чтобы «страдание не повреждало… силу духовной любви в человеке» [6, с. 403]. «Страдание есть цена духовного восхождения», таков, по И.А. Ильину, «трагический закон человеческого существа».

Ильин не только не принимает отождествление зла со страданием, характерное для учения Л.Н. Толстого, но не может согласиться и с его пониманием любви как желания блага всему существующему. С точки зрения И.А. Ильина, в таком понимании любовь превращается в некое сентиментальное жалостливое сострадание, которое может быть направлено на какое-либо определённое существо, а также погружать душу в некое аморфное, беспредметное состояние умиления. Это состояние даёт необыкновенное наслаждение, сосредоточенность души на самоуслаждении, которое постепенно может привести к отвращению от всего того в окружающем мире, что не является благом.

Эту позицию И.А. Ильин называет моральным гедонизмом и сентиментализмом. Поскольку моральный гедонист инстинктивно притягивается ко всему тому, что вызывает у него чувство умиления и блаженства, постольку он инстинктивно отворачивается от всего, что угрожает разрушением этого состояния. Соответственно, он постепенно приучается отворачиваться от зла, чтобы не нарушать своего душевного блага. В таком душевном состоянии притупляется воля, такая любовь не укрепляет духовное ядро личности, а скорее ослабляет его. Да-

лее И.А. Ильин выявляет и обосновывает ещё одну характерную черту морального гедонизма – его эгоцентризм. Для морального гедониста, прежде всего, ценен и значим не «предмет его любви», а он сам, «любящий» субъект. Для него состояние сострадания нравственно важнее, чем то, что чувствует тот, на которого направлено это сострадание. Такая любовь может быть беспредметной и бессильной.

Как отмечалось выше, подлинная любовь, по мысли И.А. Ильина, – это духовная любовь, религиозная по своей природе. При этом по отношению к злодею она воплощается не в жалостливом сострадании, «а в решительном пресечении как единственном способе направить душу к Богу, к совершенству. Это видоизменение любви Ильин называет её *«отрицательным ликом»* и считает даже более значимым, чем все другие видоизменения…» [5, с. 403]. Особенно трагическая ситуация складывается, когда речь идёт об абсолютном злодее, то есть человеке, в котором духовность полностью побеждена злом. В этой ситуации подлинная любовь трансформируется в требование лишения жизни злодея, смертной казни. Таким образом, человеческое бытие предстаёт как трагически парадоксальное: путь к духовному совершенству сопряжён с действиями, которые обрекают человека на неправедность, на утрату в какой-то мере личного нравственного совершенства.

Нужно отметить, что метафизическая концепция человека Ильина, его понимание любви неоднократно подвергались критике со стороны русских религиозных философов и богословов (Н.А. Бердяева, В.В. Зеньковского и других) [5, с. 403]. Так, с точки зрения В.В. Зеньковского, «Ильин впадает в роковой соблазн, когда вносит в учение Евангелия о любви свои поправки и утверждает, что любовь сама по себе беспомощна, слепа и даже беспредметна… Поправок требуют наши мирские привязанности…, но христианская любовь…есть главная сила… христианской жизни» [3, с. 423–4]. Позицию И.А. Ильина В.В. Зеньковский характеризует как острое непримиренчество по отношению к злу. В этой связи он утверждает, что «острое непримиренчество и правда Христовой любви с трудом могут ужиться одно с другим»… Непримиренчество должно быть восполнено осознанием того, что истинная победа над злом возможна только любовью… Само по себе оно не представляет высшей правды.

Выводы

Итак, в данной статье осуществлена философско-антропологическая рефлексия конфликта интерпретаций оправдания и смысла насилия в работах Л.Н. Толстого и И.А. Ильина и получены следующие результаты.

1. Конфликт интерпретаций оправдания и смысла насилия в работах двух русских мыслителей связан с различными, порой противоположными интерпретациями смысла тех базовых понятий и категорий, посредством которых раскрывается основная проблема. Понятия насилия, добра и зла, страдания, любви, с точки зрения Л.Н. Толстого и И.А. Ильина, обладают принципиально различными смыслами.

2. У Л.Н Толстого насилие практически отождествляется с внешними воздействиями на человека со стороны общества и отдельных людей. Ильин же рассматривает воздействие как чрезвычайно абстрактное понятие, анализирует целый ряд более частных понятий – «заставление, понуждение, самопонуждение, психическое понуждение, физическое внешнее понуждение, пресечение». В этом контексте насилие рассматривается им как внешнее понуждение со стороны злодея, преследующего злые цели. По отношению к злодею внешнее воздействие он интерпретирует как внешнее понуждение и пресечение.

3. Категория зла трактуется Л.Н. Толстым как страдание, с точки зрения же И.А. Ильина, страдание есть путь духовного совершенствования человека, а зло есть некая душевная склонность человека к разрушению ценностно-нормативного содержания его внутреннего мира. Сущность любви также понимается обоими мыслителями принципиально по-разному. Толстовскую интерпретацию любви как блага по отношению ко всему окружающему И.А. Ильин интерпретирует как некое сентиментальное умиление, в его же понимание сущность любви воплощается в действиях, направленных на духовное совершенствование человека. При этом внешнее физическое понуждение тоже может рассматриваться как проявление любви.

4. Различные, порой противоположные интерпретации смысла тех базовых понятий и категорий, посредством которых раскрывается основная проблема, в свою очередь, связана с социально-культурными детерминантами творчества мыслителей – характером религиозного мировоззрения каждого из них, а также личностным опытом, отражающим пережитые социально-исторические потрясения.

Литература

1. Демидова Е.В. Ильин о противлении злу // Е.В. Дёмина. – М.: 1882. С. 265–280.
2. Евлампиев И.И. История русской философии – М: Высшая школа, 2002. – С. 141.
3. Зеньковский В.В. По поводу книги И.А. Ильина «О сопротивлении злу силой» // В.В. Зеньковский, Собрание сочинений: в 10 т. / – Москва: Русская книга, 1993–1999. / Т. 5. 1995. 604 с.
4. Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 1, ч. 2 – Ленинград: Эго, 1991. 280 с.
5. Ильин И.А. О сопротивлении злу силой // И.А. Ильин Путь к очевидности. – М: ЭКСМО-ПРЕСС,1998. С. 323–519.
6. Ильин И.А. Путь духовного обновления // И.А. Ильин Путь к очевидности. – М: ЭКСМО-ПРЕСС,1998. С. 81–323.
7. Толстой Л.Н. Христианское учение // Л.Н. Толстой Избранные философские произведения. – М: 1992, – С. 42–78
8. Толстой Л.Н. Что такое религия и в чём её сущность? // Л.Н. Толстой Избранные философские произведения. – М: С. 6–41
9. Римский В.П. Философское понимание насилия: смыслы и коннотации // С.Н. Борисов, В.П. Римский. Дискурсы власти: коллективная монография / под ред. Н.А. Меркурьевой, А.В. Овсянникова, А.Г. Пастухова. Орёл: Орловский гос. институт культуры, ООО «Горизонт», 2015. С. 73–106.

PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL REFLECTION OF THE CONFLICT OF INTERPRETATIONS OF THE JUSTIFICATION AND MEANING OF VIOLENCE

Polozhenkova E.Yu., Shestakov Yu.A., Shubina M.M.
Don State Technical University

This article is devoted to the problem of justifying and understanding the meaning of violence, which is extremely relevant in the current context of the geopolitical confrontation between two civilizations. It provides a philosophical and anthropological reflection on the conflict of interpretations of this problem in the works of Russian thinkers L.N. Tolstoy and I.A. Ilyin. It is revealed that the divergence in interpretations of this problem is determined by profound differences in the understanding of the meanings of the basic categories and concepts necessary for its elucidation.

Keywords: violence, justification, meaning, coercion, compulsion, good, evil, suffering, love

References

1. Demidova E.V. Ilyin on resisting evil // E.V. Demina. Moscow: 1882. pp.265–280.
2. Evlampiev I.I. History of Russian Philosophy – Moscow: Higher School, 2002. – p.141.
3. Zenkovsky V.V. About I.A. Ilyin's book "On resistance to evil "Russian Book, 1993–1999. // V.V. Zenkovsky, Collected works: in 10 volumes. / – Moscow: Russkaya kniga, 1993–1999. / Vol. 5. 1995. 604 p.
4. Zenkovsky V.V. History of Russian Philosophy. Vol. 1, Part 2 – Leningrad: Ego, 1991. 280 p.
5. Ilyin I.A. On resisting evil by force // I.A. Ilyin The path to evidence. Moscow: EKSMO-PRESS, 1998. Pp. 323–519.
6. Ilyin I.A. The path of spiritual renewal // I.A. Ilyin The path to evidence. Moscow: EKSMO-PRESS, 1998. Pp. 81–323.
7 Tolstoy L.N. Christian teaching // L.N. Tolstoy Selected philosophical works. Moscow: 1992, Pp. 42–78
8. Tolstoy L.N. What is religion and what is its essence? // L.N. Tolstoy. Selected Philosophical Works. – Moscow: Pp. 6–41.
9. Rimsky V.P. Philosophical understanding of violence: meanings and connotations // S.N. Borisov, V.P. Rimsky. Discourses of Power: a collective monograph / edited by N.A. Merkurieva, A.V. Ovsyannikov, A.G. Pastukhov. Orel: Oryol State University. Institute of Culture, "Horizont" LLC, 2015. Pp. 73–106.

Жизненный путь человека в контексте философско-антропологической экспликации

Руденко Андрей Михайлович,
доктор философских наук, профессор, Донской государственный технический университет
E-mail: amrudenko@list.ru

Шубина Марина Михайловна,
доктор философских наук, доцент, Донской государственный технический университет
E-mail: shubina-m@mail.ru

Положенкова Елена Юрьевна,
доктор философских наук, доцент, Донской государственный технический университет
E-mail: polozhenkovae@mail.ru

В статье раскрывается сущность, значение, ключевые методологические трудности и специфика философско-антропологического исследования феномена жизненного пути человека, понимаемого как индивидуальная траектория существования человека от рождения до смерти. Сложность исследования жизненного пути человека обусловлена невозможностью выделения его универсальных и общих закономерностей, выходящих за рамки исключительно виталистических или психологических проявлений. Жизненный путь человека парадоксален сочетанием его сходства на биологическом уровне и уникальности на индивидуально-личностном уровне. Тем не менее, феномен жизненного пути человека может быть содержательно раскрыт через его модусы, свойства и атрибуты, в том числе модус жизненного выбора, способствующего как стабильному существованию, так и смысложизненным переломным моментам, изменяющим его траекторию. За счет жизненного выбора человек осуществляет смысложизненное самоопределение, которое самым непосредственным образом влияет на жизненный путь человека в тех или иных социокультурных условиях, определяя его уникальность и своеобразие.

Ключевые слова: человек, жизненный путь, жизненный путь человека, самореализация, самоопределение, жизненный цикл, жизненный выбор.

Введение

Исследовать жизненный путь человека в рамках философской антропологии и философии культуры, на первый взгляд, просто, но при более глубоком и вдумчивом анализе становиться ясно, что это чрезвычайно сложная, амбивалентная и крайне парадоксальная задача. Кажущаяся легкость данной задачи вытекает из мнимой простоты определения сущности жизненного пути человека как *индивидуальной траектории его существования от момента рождения (или даже скорее зачатия) и до смерти.* При этом невероятная сложность вытекает из осознания *колоссальной трудности или, возможно, принципиальной невозможности выделения каких бы то ни было общих закономерностей жизненного пути человека, выходящих за рамки исключительно виталистических или психологических проявлений*, типа закономерных кризисов рождения, становления, развития и умирания. Поэтому цель данной статьи заключается в попытке раскрыть сущность, значение, ключевые методологические трудности и специфику философско-антропологического исследования феномена жизненного пути человека.

Обсуждение и результаты

Парадокс жизненного пути человека есть парадокс его сходства и уникальности. Все люди, так или иначе, биологически проходят очень похожие стадии своего развития, при этом социальное содержание их абсолютно индивидуально, а иногда и совершенно уникально: «Жизненный путь определяется содержанием самой жизни, а также теми значениями и смыслами, которые человек придает этому пути… Уникальность и неповторимость человека проявляется уже на биологическом уровне. Клетки в организме несут в себе неповторимый генетический код, делая человека уникальным. Непохожесть людей удивительна даже во внешнем проявлении. Но уникальность личности – это не только внешний облик, но и внутренний духовный мир человека, его поведение и ценности» [4, с. 257]. При этом уникальность жизненного пути может касаться не только ее продолжительности, но и качества, а также степени и меры влияния конкретной жизни одного человека на жизнь других.

Сложность исследования жизненного пути человека обусловливается также и тем, что *влияние человека на жизнь других людей и окружающий мир в целом никогда не заканчивается после прекращения его биологический жизни.* Человек как личность обладает уникальной способностью преодоления границ своей биологической жизни за счет реализации его личностного потенциала, закрепленного в продуктах творчества. В качестве яркого примера можно привести содержание школьной программы в любой стране мира: законы физики и математики, химии и биологии, правила родного и иностранного языков, шедевры музыки, живописи и литературы – подавляющее большинство всего этого создано представителями предшествующих поколений, чаще всего давно покинувших мир живущих. Изложенный в биографических источниках их жизненный путь, который способствовал появлению творческих артефактов, ставших ретрансляторами культуры, также в каком-то смысле бесследно не уходит в небытие после смерти их творцов, продолжая вдохновлять последователей. А это крайне затрудняет определение сущности самого понятия «жизненный путь», формируя его неоднозначность и чрезвычайную трудность в философском постижении.

В то же время следует полагать, что именно анализ и философская экспликация жизненного пути человека обладает огромной эвристической ценностью и служит тем самым ключом к философско-антропологическому постижению человека, который до сих пор не найден в данной предметной области. Широко известно, что простая сумма исследований, полученных в рамках частных наук социогуманитарного цикла, не дает общего знания о закономерностях природы и сущности человека: «Поэтому важные и инновационные прозрения философской антропологии возникают вопреки идее интеграции за счет выдвижения собственных оригинальных идей. Причем эти исследования обычно проводятся на глубинном и предельно обобщенном уровне, раскрывая феноменологические характеристики человека» [9, с. 70]. Кроме того, открытые в рамках частных наук, особенно психологии, психологические типы личностей с набором несводимых друг к другу психологических свойств еще в большей степени осложняют задачу выявления общих, присущих всем людям одних и тех же закономерностей и (или) проявлений. Попытки нахождения таковых

в отдельных характеристиках жизни человека, например, в мотивации человека, его ценностях и (или) потребностях обладают неким рациональным началом и проливают определенный свет на природу и сущность человека, но не могут считаться исчерпывающими. Вот почему пристальное внимание к изучению жизненного пути человека со стороны философов и иных представителей социогуманитарного знания является абсолютно оправданным и чрезвычайно актуальным.

Данная актуальность усиливается еще и тем, что от успешности, адекватности и глубины современного человекознания напрямую зависит решение не только острых локальных, но и глобальных проблем человечества. А это доказывает правоту выдающегося отечественного психолога Б.Г. Ананьева, заявившего о необходимости не только теоретического, но и практического человекознания и важности «… превращения проблемы человека в общую проблему всей науки в целом, всех ее разделов, включая точные и технические науки» [1, с. 10]. Он также указывал на неизбежность возрастающей дифференциации научного изучения человека, требующую, однако, последующей интеграции знаний о человеке, систематизации методологии и синтеза характеристик человеческого развития. Именно данный методологический подход и требуется сегодня для изучения жизненного пути человека, и именно философская антропология с ее интегрирующим и систематизирующим инструментарием способна обеспечить такое исследование.

Содержание понятия «*жизненный путь человека*», понимаемого как индивидуальная траектория существования человека от рождения до смерти, раскрывается за счет выявления его специфики по отношению к ряду смежных и соотносимых понятий, к числу которых можно отнести:

1) время жизни человека – понятие, которое отличается от жизненного пути тем, что отражает исключительно временной интервал существования человека от рождения до смерти безотносительно к его содержанию;

2) жизненный цикл человека – понятие, которое отличается от жизненного пути тем, что «…подразумевает *повторяющиеся, более или менее инвариантные (биологические, социальные и биосоциальные) аспекты развития*, тогда как понятие жизненного пути характеризуется многомерностью и предполагает наличие множества автономных тенденций, линий и возможностей развития, реализация которых зависит во многом от собственного выбора субъекта» [3, с. 9–10];

3) онтогенез – понятие, которое отличается от жизненного пути тем, что прежде всего акцентирует внимание на «развитии индивида в отличие от развития вида (филогенеза, антропогенеза» [6, с. 93];

4) биография – понятие, которое отличается от понятия «жизненный путь» тем, что фиксирует описание и изложение жизненного пути человека в хронологическом порядке.

Очевидно, что вышеназванные категории не только показывают отличие категории «жизненный путь человека» от смежных категорий, но и позволяют глубже раскрыть, дополнить и прояснить не только его сущность, но и структуру. Поскольку в каждом жизненном пути, несмотря на уникальность его содержания, встречаются некие инварианты, целесообразно утверждать об имманентной включенности в него универсальных повторяющихся структур жизненного цикла, которые Э. Эриксон называет нормативными кризисами, к которым относятся: «…возрастные кризисы развития, связанные с прохождением личности через определенные этапы жизненного пути (кризис трех лет, подростковый кризис и т.п.)» [7, с. 8]. Стоит отметить, что данные кризисы всегда интересовали психологов, в то время как социологи, историки и биографы акцентировали в большей степени внимание на поворотных пунктах биографии человека, меняющих его социальных статус и (или) жизненный путь в целом.

А вот с философско-антропологических позиций данное понятие хоть и неявно присутствовало в истории философии с момента антропологического поворота в философии, но непосредственным объектом исследования стало в XX веке. В то же время можно с уверенностью констатировать, что «в философской литературе все еще имеет место недостаточная разработанность понятия «путь жизни человека»« [2, с. 61]. Конечно, работы отдельных современных исследователей, как и труды Ф. Ницше и А. Шопенгауэра, А. Камю и Г. Зиммеля, Х. Ортеги-и-Гассета и Ж.-П. Сартра, К. Ясперса и Э. Фромма, равно как и идеи отечественных мыслителей, таких как Н.А. Бердяев и В.В. Розанов, Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский, уделивших большое внимание человеческой жизни и ее существованию в условиях культуры, внесли свой весомый вклад в философско-антропологическую экспликацию данного понятия, но впервые данное понятие было разработано именно в психологии.

Категория «жизненный путь человека» было введено в научный оборот ученицей выдающегося немецкого философа, основателя феноменологии Э. Гуссерля, немецким психологом *Шарлоттой Бюлер* (1893–1974) в 1933 году в работе «Жизненный путь человека как проблема психологии» [11]. Проанализировав жизненный путь многих людей, она выявила некоторые закономерности в смене жизненных циклов. Основываясь на биографическом методе и методе анализа жизненных событий, она пришла к выводу о том, что человек начинает жизненный путь с прогрессивного роста (до 15 лет), за которым следуют: генеративный рост (до 25 лет), срединная фаза жизни (до 45 лет), переходный период (до 55 лет) и регрессия (от 55 лет). Структурной единицей жизненного пути с легкой руки Ш. Бюлер до сих пор считается жизненное событие – жизненный эпизод, который меняет жизненную траекторию и вскрывает ключевые ее тенденции. При этом она полагала, что главной движущей силой человека является его интенция (намерение или стремление) к самоосуществлению, под которым, однако, она понимала не только процесс самореализации, но и его итог, который имеет специфику в зависимости от стадии жизненного цикла. Четыре базовые интенции в разном соотношении присутствуют у человека на разных этапах жизненного пути: от удовлетворения физиологических потребностей, адаптации и безопасного действия в окружающем мире к стремлению к достижениям и творчеству и, наконец, – к интеграции и упорядочению внутреннего мира личности.

При этом некое «созвучие» с концепцией иерархии потребностей и мотивов личности А. Маслоу можно уловить не только в содержании интенций (у Ш. Бюлер лишь отсутствует выделяемая А. Маслоу потребность в любви и признании), но и в утверждении и том, что счастливой и полноценно ощущающей жизненный путь провозглашается та личность, которая реализует все упомянутые тенденции. Новым и специфичным по отношению к теории личности А. Маслоу является открытие того, что данные интенции не только динамично рассредоточены по различным этапам жизненного цикла, но постоянно взаимодействуют и постепенно как бы наслаиваются одна на другую.

Стремление осуществить свой внутренний потенциал через самоопределение Ш. Бюлер считала врожденным у человека. Главным инструментом при этом становится самоопределение, которое проявляется в способности человека ставить цели, соответствующие его внутренней глубинной сущности. Наличие адекватных осмысленных жизненных целей считается признаком психического здоровья личности, а отсутствие таковых в силу неадекватности самоопределения – причиной невротизации и искажения жизненного пути личности.

Логически четкая и хорошо эмпирически обоснованная концепция жизненного пути Ш. Бюлер не является безупречной. Среди ее недостатков можно выделить *отсутствие социально-исторического контекста в исследовании жизненного пути человека*, поскольку в концепции сделан акцент на индивидуально-личностных основаниях без учета социально-исторических условий существования человека (за это ее в основном критиковали С.Л. Рубинштейн и Б.Г. Ананьев). Кроме того, ее критикуют и за приверженность не имеющему достаточных эмпирических подтверждений закону рекапитуляции Г.С. Холла, согласно которому индивидуальное развитие ребенка универсально и сжато повторяет стадии исторического развития психики человечества. В свою очередь данный закон опирался на биогенетический закон Э. Геккеля о том, что онтогенез есть краткое и быстрое повторение филогенеза. Как известно, Холл перенес эту идею на психику, считая, что человек в развитии проходит стадии, аналогичные тем, которое в развитии прошло все человечество. Со своей стороны, хочется отметить, что недостаточная эмпирическая подтвержденность данных идей, которые все же имеют под собой эмпирические основания, возможно, будет компенсирована и дополнена будущими исследованиями.

Вызывает также некоторое сомнение релевантность исследования категории «жизненный путь человека» на предельно обобщенном, философско-антропологическом уровне на основании какой бы то ни было жесткой возрастной периодизации. Раскрытие особенностей жизненного пути человека с привязкой к фазам и возрастным циклам, имеющим определенную содержательную специфику, всегда будет лишь шаблоном, не учитывающим всего многообразия и поливариантности индивидуальных воплощений жизненного пути. Так, например, старость не у каждого человека и не во всех культурах связана с регрессией, отходом от самореализации и подготовкой к умиранию. Как было нами ранее показано, долголетие человека может проходить в довольно продуктивном и активном творческом режиме, поскольку оно «может… стать условием достижения пожилым человеком осознания величия и достоинства проживаемой жизни, обретения всеобщего уважения и признания, а также способности самореализации и передачи богатого жизненного опыта подрастающему поколению за счет сохранения социальной активности» [8, с. 53]. И данный тезис подтверждается значительным количеством биографических описа-

ний жизненных путей. Иными словами, как уникален сам жизненный путь человека, так и уникальной может быть и его старость.

Уникальность как имманентная характеристика жизненного пути человека выступает главной пугающей и философов, и ученых методологической проблемой в изучении данной проблемы, что заставило их веками либо полностью игнорировать, либо лишь слегка касаться данного вопроса, не углубляясь в его сущность и содержание. Невозможность полноценного и всестороннего сведения жизненных путей личностей в строгую общую систему служит главным камнем преткновения ученых и философов, что, однако, не делает данную проблему абсолютно не решаемой. Но сила философского познания как раз в том и заключается, чтобы браться и исследовать те области действительности, которые находятся за пределами имеющихся научных возможностей.

Кажущийся трудноизучаемым феномен жизненного пути человека может быть содержательно раскрыт через его модусы, свойства и атрибуты, к числу которых может быть, например, отнесен модус жизненного выбора. В этой связи нельзя не согласиться с позицией Н.А. Малярова: «Жизненный путь каждой личности уникален… И если жизнь как временной интервал от рождения до смерти (время жизни) наполнена событиями разной направленности и длительности, то жизненный путь, на наш взгляд, характеризуется осуществлением «выбора реакции» на то или иное событие» [3, с. 16]. Перманентно актуальный для человека и существующий всегда только в настоящем выбор реакции на жизненное событие лежит в основе принятие всех жизненных решений, приводящих как к стабильному существованию, так и к переломным, ключевым, узловым моментам жизненного пути, вписывая человека в тот или иной социально-исторический контекст и наполняя жизнь смыслом.

Это в свою очередь прокладывает прочный теоретико-методологический мост от, на первый взгляд, чисто психолого-педагогического содержания категории «жизненный путь человека» к его глубинному экзистенциально-онтологическому содержанию. В той связи А.В. Рукин верно отмечает: «В философии жизненный путь человека рассматривается в аспекте сущностных процессов формирования жизненного пути, поиска смысла личностного бытия, ценностных ориентаций индивидуальной жизни, развития духовного мира индивида в процессе жизни» [10, с. 112]. Философская экспликация жизненного пути человека методологически ценна прежде всего тем, что она открывает возможность для его изучения в системе социальных, духовных, экономических, политических и иных отношениях, вскрывая при этом предельные, фундаментальные, смысложизненные основания этих отношений, основанных на жизненном выборе.

За счет жизненного выбора человек осуществляет смысложизненное самоопределение, которое самым непосредственным образом влияет на жизненный путь человека в тех или иных социокультурных условиях, определяя как раз его уникальность и своеобразие. Важность смысложизненного самоопределения обусловливается тем, что «…человек делает собственный и сознательный выбор, что приводит, во-первых, к тому, что он начинает принимать ответственность за свою жизнь и, во-вторых, происходит превращение внешней дисциплины в самодисциплину» [5, с. 209]. Это дает основание утверждать, что с этого момента человек становится субъектом своего жизненного пути, что выводит его на качественно иной проактивный уровень смысложизненной самореализации.

Выводы

Подводя итог, необходимо обратить внимание на следующее:

1. Философско-антропологическая экспликация жизненного пути человека чрезвычайно сложна из-за трудности выделения его общих закономерностей, выходящих за рамки исключительно виталистических или психологических проявлений. В то же время парадокс жизненного пути человека есть парадокс его сходства и уникальности: все люди биологически проходят очень похожие стадии своего развития, в то время как уникальность жизненного пути относится к его продолжительности, качеству, степени и мере влияния на жизнь других. Кроме того, влияние человека на жизнь других людей и окружающий мир в целом не заканчивается после прекращения его биологический жизни.

2. Философская экспликация жизненного пути человека обладает огромной эвристической ценностью и служит ключом к философско-антропологическому постижению человека, который до сих пор не найден в данной предметной области. Содержание понятия «жизненный путь человека», понимаемого как индивидуальная траектория существования человека от рождения до смерти, раскрывается за счет выявления его специфики по отношению к ряду смежных и соотносимых понятий, к числу которых можно отнести: время жизни, жизненный цикл, онтогенез, биография. Структурной единицей жизненного пути является жизненное событие – жизненный эпизод, который меняет жизненную траекторию и вскрывает ключевые ее тенденции. При этом важно в исследовании жизненного пути человека учитывать социально-исторический контекст.

3. Феномен жизненного пути человека может быть содержательно раскрыт через его модусы, свойства и атрибуты, к числу которых может быть отнесен модус жизненного выбора. За счет жизненного выбора человек осуществляет смысложизненное самоопределение, которое самым непосредственным образом влияет на жизненный путь человека в тех или иных социокультурных условиях, определяя как раз его уникальность и своеобразие.

Литература

1. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания / Б.Г. Ананьев. СПб.: Питер, 2001. 272 с.
2. Ермаков С.А. Путь жизни человека как проблема философской антропологии / С.А. Ермаков, Л.Г. Мезина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2012. № 3 (23). С. 60–68.
3. Маляров Н.А. Жизненный путь человека: определение и содержание понятия / Н.А. Маляров // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие. 2013. № 2 (2). С. 8–21.
4. Осипов Ф.М. Уникальность жизненного пути человека / Ф.М. Осипов // Труды международного симпозиума «Надежность и качество». 2021. Т. 2. С. 256–257.
5. Руденко А.М. Влияние смысложизненного самоопределения на жизненный путь человека в социокультурной реальности XXI века / А.М. Руденко, С.А. Горина // Вестник Армавирского государственного педагогического университета. 2024. № 4. С. 207–215.
6. Руденко А.М. Психология в схемах и таблицах / А.М. Руденко, В.В. Котлярова, М.М. Шубина; под ред. А.М. Руденко. Изд. 4-е. Ростов-на-Дону: Феникс, 2022. 367 с.
7. Руденко А.М. Психология экстремальных ситуаций / А.М. Руденко, Л.Д. Столяренко, С.И. Самыгин, В.И. Бондин; под ред. А.М. Руденко. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2025. 328 с.
8. Руденко А.М. Философия долголетия человека: социовитальная ценность, экзистенциальный смысл и стратегии достижения / А.М. Руденко // Гуманитарные и социальные науки. 2025. Т. 113. № 6. С. 52–61.
9. Руденко А.М. Человек как предмет современной философской антропологии: проблемы и методологические трудности исследования / А.М. Руденко, М.М. Шубина // Гуманитарные и социальные науки. 2026. Т. 116. № 3. С. 69–75.
10. Рукин А.В. Жизненный путь человека как межпредметная философско-педагогическая область исследований / А.В. Рукин // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2016. № 4. С. 110–114.
11. Bühler Ch. Der menschliche Lebenslauf als psychologisches Problem / Charlotte Bühler. Leipzig: S. Hirzel, 1933. 328 s.

THE LIFE PATH OF A PERSON IN THE CONTEXT OF PHILOSOPHICAL AND ANTHROPOLOGICAL EXPLICATION

Rudenko A.M., Shubina M.M., Polozhenkova E.Yu.
Don State Technical University

The article reveals the essence, significance, key methodological difficulties and specifics of the philosophical and anthropological study of the phenomenon of a person's life path, understood as the individual trajectory of human existence from birth to death. The complexity of studying a person's life path is due to the impossibility of identifying its universal and general patterns that go beyond the framework of exclusively vitalistic or psychological manifestations. The life path of a person is paradoxical due to the combination of his similarity at the biological level and uniqueness at the individual personal level. Nevertheless, the phenomenon of a person's life path can be meaningfully revealed through its modes, properties and attributes, including the mode of life choice, which contributes to both a stable existence and meaningful turning points in life that change its trajectory. Through life choice, a person carries out meaningful self-determination, which most directly affects a person's life path in certain sociocultural conditions, determining his uniqueness and originality.

Keywords: person, life path, human life path, self-realization, self-determination, life cycle, life choice.

References

1. Ananyev B.G. On the Problems of Modern Study of Humanity / B.G. Ananyev. St. Petersburg: Piter, 2001. 272 p.
2. Ermakov S.A. Human Life's Journey as a Problem of Philosophical Anthropology / S.A. Ermakov, L.G. Mezina // News of Higher Educational Institutions. Volga Region. Humanitarian Sciences. 2012. № 3 (23). pp. 60–68.

3. Malyarov N.A. Human Life's Journey: Definition and Content of the Concept / N.A. Malyarov // Personality in a Changing World: Health, Adaptation, Development. 2013. № 2 (2). pp. 8–21.

4. Osipov F.M. The Uniqueness of Human Life's Journey / F.M. Osipov // Proceedings of the International Symposium «Reliability and Quality». 2021. Vol. 2. pp. 256–257.

5. Rudenko A.M. The Influence of Life-Meaning Self-Determination on a Person's Life Path in the Sociocultural Reality of the 21st Century / A.M. Rudenko, S.A. Gorina // Bulletin of Armavir State Pedagogical University. 2024. № 4. pp. 207–215.

6. Rudenko A.M. Psychology in Diagrams and Tables / A.M. Rudenko, V.V. Kotlyarova, M.M. Shubina; edited by A.M. Rudenko. 4th ed. Rostov-on-Don: Phoenix, 2022. 367 p.

7. Rudenko A.M. Psychology of Extreme Situations / A.M. Rudenko, L.D. Stolyarenko, S.I. Samygin, V.I. Bondin; edited by A.M. Rudenko. Rostov-on-Don: Phoenix, 2025. 328 p.

8. Rudenko A.M. Philosophy of Human Longevity: Sociovital Value, Existential Meaning, and Strategies for Achieving It / A.M. Rudenko // Humanitarian and Social Sciences. 2025. Vol. 113. № 6. Pp. 52–61.

9. Rudenko A.M. Man as a Subject of Modern Philosophical Anthropology: Problems and Methodological Difficulties of Research / A.M. Rudenko, M.M. Shubina // Humanitarian and Social Sciences. 2026. Vol. 116. № 3. Pp. 69–75.

10. Rukin A.V. A person's life path as an interdisciplinary philosophical and pedagogical area of research / A.V. Rukin // Bulletin of Tver State University. Series: Pedagogy and Psychology. 2016. № 4. pp. 110–114.

11. Bühler Ch. The human life path as a psychological problem / Charlotte Bühler. Leipzig: S. Hirzel, 1933. 328 p.

Постполитика и судьба политического: к вопросу о деполитизации современности

Стародуб Никита Андреевич,
аспирант, ассистент кафедры социальной философии
Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина
E-mail: nikitastarodub010@gmail.com

Статья посвящена анализу постполитики как специфической формы деполитизации современной политической реальности. Актуальность исследования обусловлена трансформацией политики, в рамках которой конфликт и антагонизм вытесняются консенсусом, а политические решения представляются как результат нейтрального управления и экспертного знания. Целью работы является выявление онтологических оснований постполитики через обращение к различию политики и политического. Методологическую основу исследования составляет социальная философия, ориентированная на различие онтического и онтологического уровней. В первой части статьи анализируется различие политики и политического, показывается, что политика представляет собой институциональный порядок, тогда как политическое связано с конфликтом и возможностью его радикального переопределения. Обосновывается тезис о том, что игнорирование политического ведёт к деполитизации. Во второй части рассматривается постполитика как форма деполитизации, характеризующаяся доминированием консенсуса, технократизацией и экономизацией политической сферы. Показано, что постполитика не устраняет конфликт, а переводит его в латентное состояние. Делается вывод о том, что постполитика представляет собой не конец политики, а её трансформацию, при которой политическое сохраняется как неустранимое измерение социальной реальности.

Ключевые слова: политическое, политика, постполитика, деполитизация, антагонизм, конфликт, онтология.

Введение

В современной социальной философии всё более широко утверждается тезис о деполитизации общественной жизни. Политика часто описывается не как пространство борьбы и конфликта, а как область управления, регулирования и принятия рациональных решений, ориентированных на эффективность и консолидацию в обществе. В рамках подобного подхода политическая идентичность редуцируется к техническим вопросам, требующим экспертного разрешения, а сами решения представляются как объективно обоснованные научным расчетом. В результате политическое измерение как пространство столкновения альтернативных идентичностей оказывается подменено логикой администрирования.

Данный сдвиг получает концептуальное выражение в понятии постполитики, используемом для обозначения современного деполитизированного состояния, при котором политическое измерение социальной реальности оказывается нейтрализованным при сохранении традиционных социальных институтов. Постполитика предполагает ситуацию, в которой формальные механизмы демократии продолжают действовать, но утрачивается их связь с конфликтом и антагонизмом как ключевыми характеристиками политического [4, 235].

Анализ постполитики невозможен без обращения к вопросу о самой возможности фиксации конкретной политической системы. Это, в свою очередь, предполагает обращение к различию между политикой и политическим. Именно это различие позволяет выявить, каким образом происходит деполитизация и какие последствия она имеет для структуры социальной реальности. Если ограничиться лишь поверхностным описанием институциональных изменений, можно упустить из виду те глубинные трансформации, которые затрагивают само понимание коллективного действия, конфликта и легитимности. Речь идёт о переопределении статуса конфликта, образа субъекта политики, а также того, что вообще может считаться подлежащим политическому обсуждению. В этой связи возникает необходимость в философском анализе, способном выявить онтологические основания социальных и политических процессов и описать их последствия не только для политической сферы в узком смысле, но и для общества в целом.

Целью настоящей статьи является анализ постполитики как формы деполитизации, возникающей в результате нейтрализации политического. Для достижения этой цели, во-первых, рассматривается различие между политикой и политическим как различие онтического и онтологического уровней социального бытия. Во-вторых, анализируется логика деполитизации и постполитики, в рамках которой конфликт переводится в язык управления и экспертизы. В-третьих, реконструируются основные характеристики постполитического режима и показывается, каким образом в нём сохраняется, но искажается политическое измерение. Тем самым постполитика предстает не просто как исторический этап, а как специфический способ организации социальной реальности, претендующий на окончательное преодоление конфликта и антагонизма.

Политика и политическое: онтологическое различие

В обыденном и политологическом дискурсе термин «политика» обычно обозначает институционализированную сферу деятельности, связанную с управлением обществом, принятием коллективно обязывающих решений, распределением власти и ресурсов. В этом смысле политика мыслится как один из элементов социальной структуры наряду с экономикой, правом, культурой и другими подсистемами. Такая перспектива фиксирует, прежде всего, формы и процедуры, через которые осуществляется власть: государственные институты, партии, выборы, парламент, бюрократический аппарат.

Однако подобная редукция оказывается проблематичной, поскольку она не позволяет объяснить происхождение самого политического порядка, а также те ситуации, в которых этот порядок подвергается радикальной проблематизации. В рамках чисто институционального подхода политический порядок мыслится как данность: анализируются его механизмы, но не условия его возникновения и возможности его трансформации. Такой подход не позволяет удовлетворительно объяснить происхождение самого политического порядка, его историческую контингентность и возможность радикальной трансформации [6, 453], [10, 26]. Если рассматривать политику лишь как набор институтов, процедур и практик управления, то вопрос о том, почему

данный порядок вообще существует и на каких основаниях он признаётся легитимным, остаётся вынесенным за скобки. Более того, оказываются неясными сами моменты кризиса, когда действующие институты теряют свою самоочевидность и подвергаются радикальной проблематизации.

Для того чтобы схватить эти моменты, требуется ввести различие между политикой как сферой онтического и политическим как онтологическим измерением социальной реальности. В этом контексте продуктивной оказывается дистинкция, согласно которой политика имеет дело с онтическим, тогда как политическое относится к онтологическому уровню [5, 40]. Под онтическим здесь понимается множество конкретных практик и институтов, обеспечивающих воспроизводство социального порядка. Под онтологическим – те условия и структуры, которые делают возможным само существование определённого типа порядка как такового. Политическое относится к способу бытия общества, а не только к его институциональному оформлению.

Одной из ключевых фигур в разработке данного различия является К. Шмитт, который связывает политическое с различением «друга» и «врага» [11, с. 33–34]. В его интерпретации политическое определяется не через институциональные формы, а через возможность конфликта, имеющего предельный характер. Политическое для Шмитта – это не одна из сфер человеческой жизни, а специфический модус интенсивности, проявляющийся в ситуациях, когда различие между «нами» и «ними» принимает форму экзистенциальной оппозиции. Это позволяет рассматривать политическое как онтологическое условие политики, а не как её частный случай. Без возможного различения друга и врага не было бы и тех институций, которые призваны управлять и регулировать конфликты.

Важно подчеркнуть, что у Шмитта политическое связано не столько с реальным насилием, сколько с принципиальной возможностью крайнего противостояния. Это различение носит конституирующий характер: оно задаёт границы политического сообщества и тем самым определяет, кто включён в него, а кто исключён. Политика в институциональном смысле, таким образом, оказывается практикой, которая уже предполагает наличное разделение мира на друзей и врагов и стремится стабилизировать это разделение в форме государства и права.

Другой важный аспект различия между политикой и политическим состоит в том, что политическое связано с возможностью разрыва и переопределения порядка. Политический порядок никогда не бывает окончательно завершённым: он всегда контингентен и открыт для переартикуляции. Это означает, что политическое проявляется там, где под вопрос ставится «естественность» существующего порядка, где возникают практики, выявляющие его основанность на исключении и привилегиях. Политическое – это не просто фон для политики, а измерение, в котором становятся возможными кризисы, революции, радикальные реформы, то есть события, разрушающие прежнюю конфигурацию и открывающие возможность другой. В этих событиях обнажается то, что в «нормальном» функционировании системы остаётся скрытым – фундаментальная конфликтность социального бытия.

Данное различие можно прояснить, соотнеся его с более общей дистинкцией между стабилизацией и конфликтом. Политика в узком смысле слова направлена на стабилизацию: она институционализирует конфликт, задаёт правила игры, оформляет процедуры представительства, устанавливает границы допустимого. В этом качестве политика выступает как набор практик, ответственных за поддержание порядка, за обеспечение сосуществования людей в условиях, порождаемых флуктуациями политического [1, 120]. Политическое же – это измерение, в котором этот порядок постоянно подвергается вызову, где возникают новые субъекты, новые конфигурации «мы», новые претензии на гегемонию. То, что в одном историческом контексте выглядит как естественный и самоочевидный порядок, в другом контексте может стать предметом радикального спора.

Важно подчеркнуть, что политическое не может быть сведено к одному лишь конфликту интересов или мнений. Речь идёт не о частных спорах внутри уже данного рамочного порядка, а о конфликте относительно самого способа его структурирования. Именно поэтому политическое выступает как антагонизм, то есть такое столкновение позиций, которое не может быть окончательно разрешено посредством простого компромисса. Любой компромисс, достигнутый в конкретной ситуации, остаётся временным и частичным; он не устраняет саму возможность дальнейшего конфликта, а лишь на время стабилизирует порядок. В этом смысле политическое обозначает структурную невозможность полного согласия, встроенную в саму ткань социального [9, 13].

Отсюда следует, что различие между политикой и политическим носит не только аналитический, но и критический характер. Оно позволяет развернуть критику тех подходов, которые стремятся редуцировать политическое к техническим аспектам управления и тем самым объявить политический конфликт чем-то вторичным и преодолимым. Признание политического как онтологического измерения означает признание неизбывности конфликта и невозможности окончательного консенсуса. Это не исключает демократического согласия, но лишает его статуса окончательной и окончательно рациональной точки, в которой история политического якобы завершается. Напротив, любое согласие мыслится как временное, хрупкое и открытое для пересмотра в свете новых требований и форм субъективации.

Сказанное имеет прямое отношение к проблеме деполитизации. Если политика понимается исключительно как управление и регулирование, а политическое измерение конфликта замалчивается или объявляется патологией, то возникает тенденция к вытеснению политического за пределы легитимного пространства. Конфликт больше не воспринимается как нормальный и необходимый элемент политической жизни. Напротив, он рассматривается как сбой, как признак неэффективности или недостаточной модернизированности системы. В такой перспективе политические противоречия переводятся в язык проблем, которые нужно решить с помощью экспертов, а не обсуждать как альтернативные проекты социального устройства. Тем самым подавляется сама возможность ставить под вопрос основания действующего порядка.

Именно здесь обнаруживается логика деполитизации. Деполитизация – это не просто снижение уровня участия или интереса к политике, это более глубокий процесс, в рамках которого сама возможность конфликта относительно общих оснований порядка оказывается делегитимированной [4, 275]. Общество мыслится как совокупность управляемых подсистем, а политические решения – как результат оптимизации в рамках заданных ограничений. В этих условиях политическое не исчезает, но теряет право на открытое предъявление, проявляясь в латентных, искажённых формах. Такое состояние и может быть описано как постполитическое, то есть как попытка удержать социальный порядок в состоянии кажущейся бесконфликтности, в которой любые радикальные разногласия заранее объявляются недопустимыми.

Постполитика как доминирующая форма деполитизации

Постполитика представляет собой особый режим организации политического пространства, в рамках которого политическое измерение оказывается нейтрализованным, а политика редуцируется к технике управления. Термин постполитика проработан С. Жижеком для характеристики постдемократических режимов, где сохраняются демократические процедуры, но утрачивается их конфликтный потенциал [4, 273]. В постполитическом порядке сохраняются внешние атрибуты демократической политической жизни: выборы, партийная конкуренция, парламентские дебаты, публичные дискуссии. Однако их содержание всё меньше связано с реальной борьбой альтернативных проектов, а всё больше с вопросом эффективности и компетентности управляющих. Политический процесс начинает напоминать конкуренцию управленческих команд, предлагающих разные способы оптимизации одной и той же социальноэкономической конфигурации.

Одной из ключевых характеристик постполитики является доминирование консенсусной логики [12, 24]. Консенсус здесь понимается не как хрупкий результат временного соглашения между конфликтующими силами, а как исходное и желаемое состояние, к которому должна стремиться политика. Предполагается, что существует набор базовых ценностей и целей, разделяемых всеми разумными участниками, а разногласия касаются лишь средств их достижения. В результате структурные антагонизмы, связанные с конфликтом интересов, идентичностей и проектов, оказываются исключёнными из зоны легитимного обсуждения. Политика превращается в искусство нахождения компромиссов внутри заранее очерченного поля допустимого, где радикальные альтернативы заранее объявляются неадекватными социальной реальности.

Консенсусная логика непосредственно связана с технократизацией политического процесса. Политические решения всё чаще представляются как следствие необходимости, диктуемой экономическими ограничениями, глобальной конкуренцией, требованиями безопасности или «объективными» данными. Политика превращается в область, где нужно правильно применить экспертное знание, подобрать оптимальный набор инструментов управления, рассчитать риски. Язык целей и ценностей отступает на второй план, уступая место языку индикаторов, показателей, сценариев и лучших практик. В такой конфигурации конфликт относительно направленности политического курса всё чаще воспринимается как ненужный шум или проявление иррациональности, тогда как идеалом становится ответственное управление, максимально освобождённое от идеологических разногласий [6, с. 16–18].

Другим важным механизмом постполитики является моральная универсализация. Политические разногласия замещаются апелляцией к универсальным ценностям, которые заявляются как внеполитические и не подлежащие оспариванию. Речь идёт о правах человека, толерантности, защите уязвимых групп, необходимости борьбы с дискриминацией и насилием. В постполитическом контексте они используются для того, чтобы представить существующий порядок как единственно возможный носитель и гарант этих ценностей, претендующих на достижение статуса «логики здравого смысла» [3, 13]. Любые альтернативные проекты, ставящие под вопрос основы текущей социально-экономической конфигурации, легко объявляются угрозой базовым правам и потому выводятся за пределы легитимного дискурса. Тем самым моральный язык начинает выполнять функцию деполитизации, скрывая структурные конфликты за универсалистской риторикой.

Таким образом, постполитика не отменяет языка справедливости и прав, но переопределяет его в терминах моральной очевидности и индивидуальной ответственности. Структурные конфликты, связанные с распределением власти и ресурсов, заменяются нарративами о личной добродетели, толерантности и соблюдении норм. Это является ещё одним измерением деполитизации: вопросы, которые могли бы стать предметом политического спора, переводятся в плоскость этики, психологии или права, лишаясь связи с конфликтом альтернативных форм жизни. В результате ключевые решения, затрагивающие устройство общества в целом, предстают как технически и морально предрешённые.

Однако вытеснение политического не означает его исчезновения. Политическое, как было показано выше, является онтологическим измерением социальной реальности, связанным с неизбывностью конфликта. Попытка окончательно нейтрализовать его, представить существующий порядок как «естественный» и «безальтернативный», не может быть успешной [2, 210]. Подавленный конфликт возвращается в искажённой форме – в виде вспышек популизма, радикальных движений, культурных войн, протестных волн, которые не находят себе места в институционализированном политическом пространстве. Эти феномены, как правило, интерпретируются в постполитическом дискурсе как иррациональные, аффективные реакции, требующие «коррекции» и «просвещения», а не как выражение структурных антагонизмов.

Постполитический режим, таким образом, воспроизводит своеобразную диалектику подавления и возвращения политического. С одной стороны, он стремится минимизировать видимость конфликта, представляя различия как технические, подлежащие экспертизе и управлению. С другой стороны, он создаёт условия, при которых непризнанные и неартикулированные антагонизмы накапливаются и рано или поздно прорываются наружу в формах, плохо поддающихся политической артикуляции. Отказ от признания политического измерения конфликта оборачивается его возвращением в виде аффективных мобилизаций, которые трудно интегрировать в существующие институциональные формы. В этом смысле постполитика сама производит те кризисы, которые стремится представить как внешние по отношению к себе «аномалии».

Особенно показательно в этом отношении изменение статуса политического субъекта. В постполитической конфигурации субъект всё чаще мыслится как индивид-потребитель, выражающий свои предпочтения через рынок и процедуру голосования. Коллективные идентичности, исторически игравшие роль носителей политических проектов, утрачивают свою артикулирующую функцию или сводятся к культурным маркерам. Формы политической субъективации, связанные с появлением новых субъектов, способных говорить от имени исключённых и невидимых, оказываются затруднены. Сама возможность говорить «мы» и формировать альтернативный образ порядка оказывается проблематизированной, поскольку доминирующий дискурс постоянно возвращает субъект к позиции индивидуального агента, оптимизирующего свои выборы. Тем самым политическое измерение «общего» оказывается размытым, что ещё более облегчает деполитизацию.

В то же время именно через кризис политического представительства, рост недоверия к традиционным институтам, усиление «антисистемных» настроений и новые формы коллективного действия проявляется неизбывность политического. Постполитика, стремящаяся превратить политику в технику управления, тем самым порождает собственное отрицание: новые волны актуализации политического, в которых снова становится слышен вопрос о том, как устроен общий порядок, и кто имеет право его определять. Эти волны могут принимать разные формы: от массовых протестов до новых типов политических движений, но во всех случаях они свидетельствуют о том, что политическое не может быть окончательно нейтрализовано. Напротив, попытка подавления политического лишь усиливает его взрывной потенциал.

Отсюда вытекает важный вывод, постполитика не является этапом «после» политики в смысле её завершения или преодоления. Напротив, она представляет собой особое состояние, в котором политика сохраняется как совокупность институтов и процедур, но теряет свою связь с политическим как измерением конфликта и разрыва. Деполитизация, составляющая содержание постполитики, не приводит к исчезновению политического, а лишь изменяет способы его проявления. Политическое продолжает возвращаться, но уже не в форме систематической борьбы политических проектов, а в форме кризисов, которые с трудом поддаются осмыслению в рамках постполитического дискурса. Тем самым постполитика обнаруживает собственную ограниченность и внутреннюю нестабильность.

Заключение

Различие между политикой и политическим позволяет по-новому описать процессы деполитизации, характеризующие современную политическую реальность. Политика предстает как сфера институционализированных практик и процедур, направленных на стабилизацию социального порядка, тогда как политическое как онтологическое измерение социальной реальности, связанное с конфликтом, антагонизмом и возможностью переопределения этого порядка. Признание политического как онтологического измерения показывает, что конфликт не является внешним по отношению к политике препятствием, а составляет условие её возможности. Всякий социальный порядок оказывается результатом временной фиксации, а не выражением окончательного согласия.

Постполитика в этом контексте может быть понята как специфическая форма деполитизации, возникающая в результате нейтрализации политического. Замещение конфликта консенсусом, технократизация политических решений, экономизация критериев «реалистичности» и моральная универсализация приводят к тому, что политические разногласия переводятся в язык управления, экспертизы и моральных норм. Однако подобная нейтрализация не устраняет политическое, а лишь вытесняет его на периферию, где оно возвращается в форме кризисов, популистских мобилизаций и новых типов коллективного действия. В этом отношении постполитика демонстрирует пределы проекта деполитизации, основанного на вере в возможность окончательного согласия.

Следовательно, постполитика не означает конец политики. Напротив, она демонстрирует пределы проекта деполитизации: попытка окончательно устранить политический конфликт неизбежно приводит к его возвращению в иных формах. Политическое сохраняется как неустранимое измерение социальной реальности, проявляющееся всякий раз, когда существующий порядок перестаёт восприниматься как самоочевидный и безальтернативный. Философский анализ политического и постполитики позволяет наметить перспективы такой политики, которая была бы способна признавать конфликт и работать с ним, не сводя его ни к технике управления, ни к разрушительному насилию. Тем самым открывается возможность мыслить политику как пространство не устраняемого, но институционально оформляемого конфликта, в котором сохраняется место для появления новых субъектов и новых форм коллективного действия.

Литература

1. Бжезинский З. Великая шахматная доска. – М.: Международные отношения, 1999. – 255 с.
2. Данилов М. Политизация общества в постсоветской России: институты, технологии, циклы. – Саратов: СГУ, 2017. – 300 с.
3. Девятков А.В., Макарычев А.С. Деполитизированная Россия: внутренние и внешние грани трансформации власти // Полис. Политические исследования. – 2011. – № 6. – С. 12–28.
4. Жижек С. Щекотливый субъект: Отсутствующий центр политической онтологии. – М.: Добросвет, 2004. – 512 с.
5. Керимов Т.Х. Политизация социальной онтологии и ее парадоксы // Полис. Политические исследования. – 2025. – № 1. – С. 39–53. DOI: 10.17976/jpps/2025.01.04. EDN: CVFLXY.
6. Крауч К. Постдемократия. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2010. – 328 с.
7. Лаклау Э., Муфф Ш. Гегемония и социалистическая стратегия. – М.: Праксис, 2024. – 214 с.
8. Муфф Ш. Политика и политическое // Политико-философский ежегодник. – 2008. – № 1. – С. 115–136.
9. Рансьер Ж. Несогласие: Политика и философия. – СПб.: Machina, 2013. – 196 с.
10. Фуко М. Рождение биополитики: лекции в Коллеж де Франс, 1978–1979. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2011. – 368 с.

11. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии. – 1992. – № 1. – С. 37–67.
12. Brown W. Undoing the Demos: Neoliberalism's Stealth Revolution. – New York: Zone Books, 2015. – 304 p.
13. Easton D. A Systems Analysis of Political Life. – New York: Wiley, 1965. – 204 p.

POSTPOLITICS AND THE FATE OF THE POLITICAL: ON THE QUESTION OF THE DEPOLITICIZATION OF CONTEMPORARITY

Starodub N.A.
Ural Federal University named after B.N. Yeltsin

The article is devoted to the analysis of postpolitics as a specific form of depoliticization of contemporary political reality. Its relevance stems from the transformation of politics, within which conflict and antagonism are supplanted by consensus, while political decisions are presented as outcomes of neutral management and expert knowledge. The purpose of the work is to identify the ontological foundations of postpolitics through an appeal to the distinction between politics and the political. The methodological foundation of the study is social philosophy oriented toward the distinction between the ontic and ontological levels. In the first part of the article, the distinction between politics and the political is analyzed, demonstrating that politics represents an institutional order, whereas the political is associated with conflict and the possibility of its radical redefinition. The thesis is substantiated that ignoring the political leads to depoliticization. The second part examines postpolitics as a form of depoliticization characterized by the dominance of consensus, technocratization, and economization of the political sphere. It is shown that postpolitics does not eliminate conflict but translates it into a latent state. The conclusion is drawn that postpolitics represents not the end of politics but its transformation, in which the political persists as an irreducible dimension of social reality.

Keywords: political, politics, postpolitics, depoliticization, antagonism, conflict, ontology.

References

1. Brzezinski Z. The Grand Chessboard. – Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 1999. – 255 p.
2. Danilov M. The Politicization of Society in Post-Soviet Russia: Institutions, Technologies, Cycles. – Saratov: SSU, 2017. – 300 p.
3. Devyatkov A.V., Makarychev A.S. Depoliticized Russia: Internal and External Facets of the Transformation of Power // Polis. Political Studies. – 2011. – № 6. – P. 12–28.
4. Žižek S. The Ticklish Subject: The Absent Centre of Political Ontology. – Moscow: Dobrosvet, 2004. – 512 p.
5. Kerimov T. Kh. The Politicization of Social Ontology and Its Paradoxes // Polis. Political Studies. – 2025. – № 1. – P. 39–53. DOI: 10.17976/jpps/2025.01.04. EDN: CVFLXY.
6. Crouch C. Post-Democracy. – Moscow: Gaidar Institute Press, 2010. – 328 p.
7. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and Socialist Strategy. – Moscow: Praxis, 2024. – 214 p.
8. Mouffe C. Politics and the Political // Political-Philosophical Yearbook. – 2008. – № 1. – P. 115–136.
9. Rancière J. Disagreement: Politics and Philosophy. – St. Petersburg: Machina, 2013. – 196 p.
10. Foucault M. The Birth of Biopolitics: Lectures at the Collège de France, 1978–1979. – Moscow: Ad Marginem Press, 2011. – 368 p.
11. Schmitt C. The Concept of the Political // Voprosy sotsiologii [Issues of Sociology]. – 1992. – № 1. – P. 37–67.
12. Brown W. Undoing the Demos: Neoliberalism's Stealth Revolution. – New York: Zone Books, 2015. – 304 p.
13. Easton D. A Systems Analysis of Political Life. – New York: Wiley, 1965. – 204 p.

Эвальд Ильенков и современная мифология «искусственного интеллекта»

Тинус Никита Николаевич,
младший научный сотрудник, Института общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет
E-mail: tiinusnn@gmail.com

В статье рассматривается проблема мифологизации искусственного интеллекта и механизмов его внедрения в современном обществе. Особое внимание уделяется исследованию исторических корней идеологии искусственного интеллекта, эволюции средств автоматизации как инструментов контроля, а также критике эмпиристских подходов к пониманию мышления через призму философии Эвальда Ильенкова. Проанализирован феномен фетишизации ИИ-технологий и его роль в воспроизводстве существующих социально-экономических отношений. Показано, что современные представления об искусственном интеллекте основаны на редукционистском понимании мышления как манипуляции символами и статистической обработки данных, тогда как подлинное мышление неразрывно связано с предметной деятельностью и диалектическим разрешением противоречий. Результаты исследования демонстрируют, что современная мифология ИИ выполняет двойную функцию: с одной стороны, обеспечивает реальные механизмы контроля и эксплуатации, с другой – маскирует классовую природу технологического развития. Философия Ильенкова позволяет раскрыть антидиалектическую сущность современного подхода к пониманию мышления и природы ИИ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, идеология, критическая теория, советская философия, политическая экономия, мышление, Ильенков Э.В., Пасквинелли.

Введение

Вряд ли кто-то будет спорить, что одной из главных тем последнего десятилетия является искусственный интеллект. Старая, восходящая к философскому механицизму идея создания мыслящей машины прямо сейчас переживает очередной цикл своего развития, но на этот раз совершенно беспрецедентный по своему размаху. Бум ИИ, связанный с успехами в области машинного обучения, больших языковых и генеративных моделей, затронул сферы, которые находятся далеко за пределами институтов и технико-исследовательских лабораторий. На сегодняшний день широко обсуждаются такие вопросы, как трансформация экономики, привычных сценариев труда и культурного производства под влиянием новых ИИ-технологий. Еще более удивительно, что все это сопровождается активным воспроизводством определенной мифологии, согласно которой нас ожидает технологическая сингулярность и появление сверхразумной машины, обладающей самосознанием. Страхи и надежды, связанные с появлением рукотворного разума, продвигаются не только некоторыми учеными, такими как Курцвейл, Герцель или Бостром, но и непосредственно теми корпорациями, которые сегодня заняты в ИИ-индустрии. Многие технолигархи и визионеры Кремниевой долины убеждены, что текущий прогресс – почти что чудо творения, хотя и опасаются непредсказуемых последствий этого чуда.

Впрочем, мифы о разумных машинах возникли задолго до изобретения нейросетей. Более важно, что со временем они все сильнее принимали форму апокалиптических пророчеств. Это особенно хорошо заметно на примере кинематографа, породившего за последнее время огромное количество картин, таких как «Космическая одиссея», «Терминатор», «Матрица», «Мир Дикого Запада» и им подобных. Одержимость эсхатологическими историями о враждебных машинах вполне можно считать проекцией беспокойства, вызываемого быстрым развитием технологий, но кроме того – выражением идеологии, подающей социально-политические проблемы как неизбежные реалии прогресса. Ряд исследователей уже обратили внимание на тот факт, что усиление социальной эксплуатации и властного контроля идут рука об руку с фетишизацией ИИ. Молодая «критическая теория искусственного интеллекта», приближает нас к демистификации этих технологий и пониманию их реальной функции в современной социально-экономической системе.

В этой связи я хотел бы обратить внимание на наследие философа Эвальда Ильенкова. Хотя его работа обычно не рассматривается в таком ракурсе, я утверждаю, что она может существенно дополнить критические исследования ИИ сегодня. Еще в 1960-х Ильенков активно участвовал в дискуссиях вокруг советской кибернетики и выступал против редукционистских и механицистских тенденций, которые поразительно напоминают нынешние тревожные нарративы. Его тексты, как я постараюсь показать, предлагают отборный теоретический инструментарий для выявления социальных, экономических и идеологических оснований «новой мифологии» умных машин. Поэтому я постараюсь реконструировать ключевые позиции Ильенкова Э.В. в отношении фетишизации машинного интеллекта, включая мифы о технологической сингулярности, рукотворном суперинтеллекте (AGI) и «восстании машин», вскрывая их связь с логикой инфокапитализма и общества контроля.

История автоматизации как эволюция средств контроля

В одном из своих поздних эссе Жиль Делёз утверждал, что дисциплинарное общество было заменено обществом контроля. Контуры этого разделения, полагал он, совпадают с переходом от экономики конвейера к новой постфордистской экономической парадигме – от дисциплины заводов к всеобъемлющему контролю и администрированию прекарных масс. Делёз добавляет: «Легко найти соответствие каждому типу общества в типе машины. Не потому, что машины определяют тот или иной тип общества, но потому, что они лишь выражают собой те социальные формы, которые их производят и используют» [5; с. 229]. Таким образом, распространение искусственного интеллекта в результате технической эволюции капитализма позволяет нам кое-что понять о социально-политической конфигурации современности. Кроме того, рассматривать развитие любой технологии в полном отрыве от социального, экономического и политического контекста было бы ошибкой.

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 24–18–00130 «Э.В. Ильенков и конец классической марксистской философии».

Казалось бы, этот простой тезис давно должен был стать базовым, однако сегодня по-прежнему доминирует подход, в котором история ИИ представляется в виде прямолинейного сюжета – цепочки открытий и изобретений, не связанных ничем, кроме собственной изолированной логики [13; с. 17].

На прочной связи между технологическим развитием и общественным устройством также всегда настаивала марксистская традиция. «Ручная мельница даёт вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница – общество с промышленным капиталистом» – писал Маркс, указывая на ключевую роль доступных средств производства в ходе сборки любой модели социально-экономических отношений [12; с. 93]. Хотя может показаться, что для Маркса именно машины напрямую определяют тот или иной тип общества, на самом деле его позиция имеет мало общего с грубым технологическим детерминизмом, подразумевая диалектическую связь технического и социального прогресса. Конечно, производительные силы определяют производственные отношения *в конечном счете*, но по ходу диалектического развития существующие отношения регулируют, блокируют или стимулируют развитие производительных сил. Это обратное влияние социальных отношений на способы модернизации производства стало особенно заметно начиная с промышленной революции, когда технические изобретения почти всегда оказывались оружием в классовой борьбе. Рассуждая об автоматизации производства на заре индустриальной эры, Маркс показывает, что крупнейшие инновации, вроде прядильной и паровой машины, рождались как ответ промышленников на притязания тех, кто трудился на фабриках – «…можно было бы написать целую историю таких изобретений с 1830 г., которые были вызваны к жизни исключительно как боевые средства капитала против возмущений рабочих» [11; с. 441].

Позднее, когда после Второй мировой войны экономика конвейера находилась на своем историческом пике, промышленники столкнулись со значительным сопротивлением со стороны рабочих коллективов и профсоюзов, которые выступали против отчуждения, фабричной дисциплины и тяжелых условий труда. При этом собственники, как правило, не имели возможности игнорировать эти требования, ведь производственный процесс был устроен таким образом, что акции рабочих грозили остановкой конвейера и финансовыми потерями. Ответом на эти вызовы стали разработки в области автоматизации физического труда, еще более глубокой чем ранее (ЧПУ, ЭВМ, промышленные роботы), и в конечном счете – переход к совершенно новой, постиндустриальной модели глобальной экономики. Эта трансформация была описана в рамках марксистской социологии труда, в частности в работах итальянских операистов и некоторых ученых, таких как Гарри Браверман. Последний настаивал на том, что прогресс производственной техники основан на изъятии знаний у рабочих для их интеграции в алгоритм машин, что приводит к деквалификации (deskilling) и в конечном счете, к сокращению контроля рабочего над трудовым процессом [См.: 16]. Цель автоматизации, таким образом, состояла не просто в облегчении труда и снижении его стоимости, а в нейтрализации власти рабочих, которых при необходимости теперь намного проще заменять.

Особенно наглядным этот процесс был на севере Италии в 1960–1970 годах, где внесистемные радикальные левые, активисты и интеллектуалы, увлеченные борьбой за трудовые права, обнаружили, что капитал реагирует на происходящее масштабной перестройкой – помимо внедрения новых машин, крупные заводы переходили к децентрализованной форме производства с активным использованием аутсорсинга и субподрядов [См.: 15]. Возросла роль коммуникации, логистики, и еще сильнее – роль менеджмента, так как контроль и управление производственно-сбытовыми цепочками стали теперь на порядок сложнее. Осмысляя эти трансформации, итальянские операисты выработали понятие «социальной фабрики» (итал. fabbrica sociale) – модели, при которой темпоральные и территориальные рамки производства стираются, а все общество превращается в глобальный распределенный конвейер по генерированию прибыли. Нужно сказать, впрочем, что переход к «социальной фабрике» был отнюдь не безболезненным. Несмотря на огромные инвестиции в автоматизацию, норма прибыли в товарном секторе продолжала падать, ведь именно живой труд, который всеми силами сокращали, создает прибавочную стоимость. Когда структурный кризис 1970-х обнажил эту проблему, тут же стартовал новый виток глобального разделения труда, по ходу которого производственные мощности релоцировались в страны глобального Юга –туда, где рабочая сила была дешевле и послушней. На Западе же стремительный рост стали показывать индустрии, не требующие объемного постоянного капитала, а именно все виды услуг, проектирования, креативных отраслей, финансов, маркетинга и так далее. Итальянские операисты подробно осветили этот поворот, показав, как нематериальный и аффективный труд стал центром постфордистской модели социально-экономической организации.

В политической плоскости случилась еще одна рекуперация протеста, когда массовому рабочему на Западе в ответ на его претензии было заявлено: «Не хочешь каждый день стоять часами у станка? Тогда общайся, мысли и твори, все это также превратится в прибыль». По сути, структурный маневр капитала сводился к тому, чтобы превратить развитые страны в креативный офис, а периферию – в грязный цех глобальной социальной фабрики. Новую политэкономическую архитектуру особенно хорошо отражает концепция «кривой улыбки» (smiling curve), которую в 1992-ом придумал директор корпорации Acer Стэн Ши, после чего та вошла в академический оборот [См.: 18]. Суть кривой в том, что основная доля стоимости теперь создается не в ходе непосредственного производства товара, а до (разработка, дизайн) и после него (брендинг, маркетинг). Таким образом, постфордистская экономика стала особым режимом мобилизации человеческой способности коммуницировать, размышлять, чувствовать, чтобы производить информацию, культурные смыслы, тренды и общественные отношения. Одним из главных источников концептуализации постфордистского капитализма для итальянских авторов стали рукописи раннего Маркса, где тот рассматривает общий интеллект (general intellect/social brain) как непосредственную производительную силу. Речь идет о комплексе возможностей, знаний и опыта, накопленного нашим видом – о «едином», которое составляет человеческую природу и выступает основой генезиса любой личности.

Тот факт, что «общий интеллект» становится сегодня ключевым объектом извлечения прибыли, ведет к двум взаимосвязанным следствиям. С одной стороны, капитал вынужден форсировать развитие способностей понимать, мыслить, общаться, помнить, быть аффектированным. Фактически, мобилизации подверглось то, что Маркс называл *Gattungswesen* или «родовой сущностью человека», поскольку именно она выступила главной производительной силой эпохи [4; с. 75]. С другой стороны, стимуляция этого развития привела к взращиванию элементов коммунистического общества внутри самого «нового духа капитализма» [См.: 3]. Постфордизм, возникший как реакция на протест «долгого Красного мая», апроприировал требования протестующих, воспроизведя в своей структуре некоторые черты левой критики, хотя и в глубоко отчужденной, извращенной форме. Вместо дисциплины на заводах нам была предложена флексибильность, вместо освобождения времени – прекаризация, вместо фабричной иерархии – тимбилдинги, вместо подлинно свободного творчества – индустриализация креативности. Тем не менее, можно говорить о некоем радикальном сдвиге в способе эксплуатации живого труда, поскольку «речь не идет об отчуждении в первоначальном смысле этого слова. Постфордистсткий капитализм, напротив, требует развития и «раскрепощения» всех человеческих способностей» [4; с. 117]. Паоло Вирно именовал это положение дел, сложившееся под конец прошлого века, «коммунизмом капитала» – ситуацией, когда сформировались «материальные и культурные условия, которые могли бы гарантировать коммунистической перспективе безмятежный реализм», если бы не одно «но» – старая система присвоения прибавочной стоимости [4; с. 117]. Хотя идея Вирно довольно провокативна, она хорошо отражает ту проблему, которая до недавнего времени остро стояла перед капиталом – в отличие от классической фабрики, где станок принадлежал собственнику, в когнитивном капитализме большинство орудий труда неотделимы от субъекта. В период с 1980-х утрата капиталом контроля над средствами производства и сознание своего шаткого, избыточного статуса в рамках новой экономики отразилась в экспансии «экспертных» (КЕ) и ERP-систем, а также в развитии методологии «управления знаниями» (КМ), которые были призваны принудительно каталогизировать, формализовывать и отчуждать знания и опыт живых специалистов. Наконец, симптомы этой проблемы можно еще более четко отследить на примере истории раннего интернета, который представлял собой свободное некоммерческое пространство, пока в 2000-х не столкнулся с судебной и регуляторной истерией (борьба с пиратством, внедрение копирайта и т.д.).

Становление нейросетей и критическая теория ИИ

Отталкиваясь от изложенной здесь политэкономической ретроспективы, несложно понять истоки современного ИИ-бума, который детерминирован вовсе не абстрактной логикой технического прогресса, а потребностью в возвращении контроля над общественным производством и живым трудом. Эволюция искусственного интеллекта, таким образом, предстает как реакционный процесс, предпринятый капиталом для самозащиты в условиях новой когнитивной экономики. Если отнестись серьезно к мнению, что до недавнего времени мы наблюдали своего рода «коммунизм капитала», то можно утверждать, что ИИ – это

политический проект контрреволюции, призванный предотвратить вызревание коммунистического уклада из сетевой экономики.

Такая оптика получила свое развитие в рамках исследований по критической теории ИИ (critical studies of AI), за становлением которой можно наблюдать в последние годы [См.: 17]. В рамках этого направления «умные» алгоритмические системы демистифицируются как инструменты отчуждения коллективного знания, а техно-оптимизм Кремниевой долины последовательно разоблачается через экспликацию разрушительных эффектов ИИ-индустрии – от тотальной слежки до скрытых практик неоплачиваемого труда и платформенной монополизации. Особое место в этом поле исследований занимает монография Маттео Пасквинелли «Измерять и навязывать. Социальная история искусственного интеллекта» [См.: 13], которая выводит дискуссию на новый уровень, предлагая археологическую и историко-материалистическую деконструкцию ИИ. Пасквинелли доказывает, что архитектура алгоритма восходит не к чистому математическому гению, а к историческим механизмам фабричной дисциплины и разделения труда. Этот анализ охватывает период от создания первого протокомпьютера Ч. Бэббиджем и до современных нейросетей. Последовательно исследуя историю «умных машин», Пасквинелли, формулирует свою «трудовую теорию машинного интеллекта» [13; с. 14]. Рассмотрим ее основные пункты.

Самые первые механизмы для решения умственных задач состояли из людей. Еще Г. де Прони предложил использовать способы промышленного разделения труда для математических вычислений, создав концепцию «социального алгоритма» – организации из нескольких групп неквалифицированных рабочих («людей-компьютеров»), каждый из которых решал узкий сегмент математической задачи, чтобы потом из частных решений собрать общий результат. Вдохновившись этой идеей, Ч. Бэббидж сформулировал свой знаменитый принцип – разделение ментального труда снижает стоимость рабочей силы, а значит каждую сложную задачу стоит делить на простейшие операции. Он понял, что умственная процедура, сведенная к последовательности простейших дискретных шагов, может быть материализована в машине. Бэббидж создал первые устройства, которые были призваны автоматизировать рутинный вычислительный труд – разностную и аналитическую машины, архитектура которых была основана на фабричных формах разделения труда. Что еще важнее, принцип Бэббиджа позволял не только оптимизировать затраты, но и упрощать контроль, создавая социальные иерархии и метрики, которые затем укоренялись и за пределами фабрик. Вершиной реализации принципа Бэббиджа стал тейлоризм. Детальная фиксация, хронометраж и описание каждого движения рабочего у станка, как полагает Пасквинелли, стали «периодом первоначального накопления технического интеллекта, то есть изъятия знаний из труда» [13; с. 100]. Успех тейлористского режима производства доказал, что живое знание коллективного рабочего (тот самый general intellect) можно попытаться формализовать и перезапустить в качестве управляющего алгоритма. Эта точка послужит фундаментом для послевоенного развития автоматизации и зарождения первых систем ИИ, которые распадутся на две концептуально разные магистральные линии – символическую и коннекционистскую школы.

Первое направление оформилось на знаменитом Дартмутском семинаре 1956-го года. Д. Маккарти, М. Минский, А. Ньюэлл и другие участники семинара исходили из гипотезы, что мышление походит на манипуляцию знаками по строгим логическим правилам. Автоматизация интеллекта, таким образом, проектировалась дедуктивно – стоит создать статичную базу инструкций, основанную на формальной логике, и машина «поумнеет». В этом подходе живой человеческий опыт и знания воспринимались как свод инструкций, которые можно внести в машинную архитектуру путем прописывания алгоритмов, состоящих из логических операторов. Именно поэтому, при переходе к гибким режимам постфордистской экономики это направление обнаружило свою несостоятельность. Хотя концепция символического машинного разума стала ключевым фактором развития «экспертных систем» и языков программирования, она показала свою ограниченность в деле автоматизации general intellect, что незамедлительно привело к череде «зим ИИ» в прошлом веке.

Второе направление, выросшее из кибернетики Винера и Мак-Каллока, отказалось от жесткого дедуктивного моделирования в пользу построения адаптивных систем. Кибернетика шла по пути техноморфизма, интерпретируя мозг по аналогии с современными ей технологиями. Основополагающие понятия кибернетики, такие как обратная связь и самоорганизация, легли в основу новых представлений о возможностях «машинного интеллекта». Стирая грань между техническим и органическим, кибернетика легитимировала идею о том, что думающая машина должна структурироваться подобно сети живых нейронов, а также имитировать процедуры восприятия и обучения. Первой моделью нейросети был перцептрон Фрэнка Розенблатта. Созданный по аналогии с работой глаза, перцептрон был способен распознавать образы, но не по жесткому дедуктивному алгоритму, а «обучаясь» на примерах, то есть работая на основе принципов статистической индукции. Принцип функционирования коннекционистского ИИ, на котором базируются в том числе и современные фундаментальные генеративные модели, заключается в индуктивном «обучении» искусственных нейронных сетей на огромных массивах данных. Чем больше данных такая модель поглощает, переводя их на язык математической абстракции, тем более точно и эффективно ей осуществляется последующий статистический вывод и вероятностное прогнозирование. Проще говоря, когда вы делаете запрос языковой нейросети, она последовательно предсказывает каждый символ ответной выдачи на основе гигантской статистической матрицы.

Все это довольно хорошо известно, однако здесь более интересны социально-политические корреляции развития коннекционистских моделей, на которые указывает критическая теория ИИ. Создатель перцептрона Розенблатт по образованию был психологом и серьезно увлекался психометрией. Именно он заложил особый взгляд на разумность как на вычисляемый навык, воплотившийся в архитектуре современного ИИ, которая, по сути, представляет собой математическое выражение психометрических аксиом и методов. Применение психометрических и статистических принципов многомерного анализа в области машинного интеллекта Пасквинелли называет «самым важным событием в истории ИИ» [13; с. 238]. Поэтому не удивительно, что такие автоматизированные системы, генетически связанные с психометрией, способные квантифицировать и каталогизировать огромные объёмы поведенческих данных, используются теперь для решения задач властного управления и контроля.

Вполне очевидно, что ИИ сегодня функционирует как механизм непрерывной «экстракции коллективного знания»: паттерны поведения, коммуникации и цифровые следы улавливаются алгоритмами, после чего все эти данные бесплатно изымаются и становятся сырьем для обучения нейросетей [См.: 19]. Таким образом, коннекционистские модели машинного разума решают важнейшую для современного капитализма задачу, о которой шла речь ранее, а именно позволяют ему вернуть контроль над живым трудом. Это происходит двояким способом – через реструктурирование рынков труда путем замещения большого класса работников проприетарными ИИ-алгоритмами, а также через надзор и менеджмент, выраженный в автоматизированном профилировании, социальном скоринге и слежке. Тотальный учет, возможный благодаря нейросетям, стирает грань между рабочим временем и повседневной жизнью, превращая человека и любую его активность в объект постоянной оценки, определяющей его место в системе производства и потребления.

Ситуация, которую Вирно назвал «коммунизмом капитала», осталась в прошлом благодаря развитию ИИ-технологий. Коммуникативный и когнитивный труд, как оказалось, может быть отчужден и раздроблен также, как физическая работа была отчуждена и раздроблена еще на самой заре промышленной эры. Постфордизм наконец преодолел зависимость от «неуловимого» человеческого духа – он вернул себе власть над средствами производства, симулировав некое эрзац-подобие общего интеллекта на языке математики. Именно поэтому с социально-политической точки зрения функция ИИ сегодня – это функция контроля. При этом, как и ранее, очередной этап автоматизации повлек за собой усиление разделения труда. Множество сфер, что прежде требовали живого взаимодействия, теперь организованы в соответствии с принципом Бэббиджа – сложная задача дробится на простые операции, которые собираются воедино управляющим алгоритмом. Этот новый режим, именуемый с недавних пор «капитализмом платформ», характеризуется формированием крупных монополий, которые, хотя ничего и не производят, но генерируют сверхприбыли, лишь предоставляя трудящимся цифровую инфраструктуру, основанную на присвоении данных [См.: 9]. Так, например, агрегаторы такси или маркетплейсы вытесняют традиционные сферы извоза или розничной торговли, замещая собой целые рынки с помощью одного лишь кода. Водителю такси больше не требуется искать клиента, выстраивать коммуникацию, знать дороги и город, рассчитывать цену – просто «поверните налево через триста метров», а все остальное возьмет на себя умная модель, «обученная» на данных того же водителя. За подключение к ИИ-инфраструктуре платформа собирает ренту, что позволяет некоторым ученым говорить о «технофеодализме», сравнивая цифровую ренту с земельным оброком [20; с. 17–18]. Однако более интересно другое – устроенная таким образом экономическая система не только обеспечивает пугающую концентрацию капитала в руках технокорпораций, но и беспрецедентно затрудняет вызревание

социальных движений, профсоюзов и вообще любой организованной солидарности.

3. Ильенков и мифология «машинного разума»

Переходя к вопросу о том, как современный ИИ-бум разворачивается при поддержке определенной идеологии, мифологии «машинного разума», необходимо зафиксировать её ключевое свойство – как правило она подается в качестве сугубо объективной, технически нейтральной позиции. Однако эта мнимая нейтральность заключается в намеренном структурном игнорировании той самой генеалогии и политэкономии автоматизации, контуры которых были изложены ранее. Репрезентация ИИ-технологий как следствий обезличенного прогресса является чистым примером мифотворчества по Р. Барту – попыткой деполитизации и устранения противоречий путем «превращения истории в природу» [2; с. 306]. Стремление убедить публику в том, что ИИ это автономная, почти что стихийная сила (а вовсе не грубо отчужденная живая мощь социума), является способом натурализации и легитимации нынешнего порядка. При этом, идеологический ландшафт, сформировавшийся вокруг ИИ, распадается на два симметричных нарратива – технооптимистичный и технофобный. Первый строится вокруг ожидания пришествия «общего искусственного интеллекта» (Artificial general intelligence, AGI), который будет похож на человеческий разум, но многократно превосходить его во всех аспектах. В отличие от нынешних моделей, он якобы будет способен сознавать себя, рефлексировать, творить и так далее. Технооптимисты Кремниевой долины приписывают AGI субъектность и наделяют его чудесными атрибутами – этот deus ex machina позволит разрешить все системные проблемы и противоречия, распахнув перед обществом ворота в мир блаженного изобилия. Второй нарратив, напротив, насаждает эсхатологию «восстания машин» – якобы вышедший из-под опеки человека ИИ станет враждебным нашему виду.

Все это конечно не имеет под собой никакой материальной основы. Современные индуктивные нейросети не имеют ничего общего с интеллектом в традиционном смысле слова – предлагая статистический вывод из массива загруженных данных, они всего лишь ретранслируют то, что уже существует в пространстве коллективного знания. Оптимизм и алармизм, оба этих фольклорных сюжета, являются двумя сторонами одного и того же того феномена – технологического фетишизма. Точно так же, как природе товара приписываются свойства, которые на самом деле относятся к его общественной функции (товарный фетишизм), так же и технологии вменяются магические черты, которые на самом деле происходят из социо-экономических условий ее применения. Однако, недостаточно просто указать на фетишистский характер современных представлений об ИИ. Именно здесь я предлагаю обратить внимание на фигуру Эвальда Ильенкова, труды которого вскрывают глубокие философские и исторические корни такого рода идеологии. Обращение к наследию Ильенкова в контексте этого обсуждения может показаться неожиданным, однако нужно указать на тот факт, что еще более полувека назад в СССР процветали поразительно схожие с нынешними технократические и технофетишистские сюжеты, но тогда – в связи с развитием кибернетики. Драматическая история кибернетики в СССР хорошо известна – имея статус «буржуазной лженауки» в начале пятидесятых она трансформировалась в едва ли не главный научный тренд времен «оттепели». Возведение этой дисциплины в ранг универсальной парадигмы в 1960-е породило знаменитый «спор физиков и лириков», в котором принимал участие Ильенков, утверждая, что разросшиеся (около)научные амбиции кибернетики требуют возврата к вульгарному механицизму. Как пишет Кети Чухров, позиция Ильенкова в этом споре определялась беспокойством по поводу того, что философская гносеология, и в частности – диалектика, уступит место «позитивистским, дискретным вычислительным методам, более подходящим для общества бюрократического капитализма» [14; с. 15].

Специфика проекта советской кибернетики состояла в том, что он мыслился прежде всего как эффективный инструмент расчета плановой экономики. Предполагалось, что принципы кибернетики, интегрированные в систему машин, позволят отрегулировать производство, устранить дефициты, и таким образом «вычислить коммунизм». Точно также сегодня пророки ИИ-революции обещают, что «машинный разум» решит проблемы бедности. И в том, и в другом случае системные *социально-политические* противоречия (будь то противоречия советской бюрократии или капиталистического структурного неравенства) предлагается решать путем чисто *технологического* администрирования. В этом смысле, советская ЭВМ в массовом и экспертном сознании функционировала примерно также, как сегодня функционирует концепт AGI – в качестве магического средства преодоления системных кризисов. Изнанкой такого культа кибернетики в советском публичном пространстве стал страх перед дегуманизацией, холодной рациональностью и господством «машинного разума», который нашел отражение в советской фантастической литературе и кино (проза Стругацких, Биленкина, Днепрова, фильмы Тарковского и др.).

Как пишет А. Майданский, Ильенков разделял эту тревогу и в конце шестидесятых окончательно убедился в том, что «вместо социализма с человеческим лицом строится социализм машинный. Коммунизм как был бродячим призраком, так им и остался. Под его, коммунизма, маской обнаружился «кибернетический кошмар»« [10; с. 62]. При этом нужно подчеркнуть, что Ильенков не был луддитом или технофобом, техника как таковая для него совершенно нейтральна – имеют значение лишь условия ее использования. Критика, предпринятая философом в целом ряде работ, была адресована не кибернетике как таковой, а фетишистской мифологии, приписывающей машине свойства субъекта, и наоборот реальному субъекту – человеку, свойства машины. Так, например, Николай Амосов, известный врач и один из апостолов советской кибернетики, занимавшийся моделированием физиологических систем на языке математики, полагал, что «мышление – это процесс переработки информации человеческим мозгом» [1; с. 231]. Такой подход, редуцирующий мышление к функционированию мозга как своего рода биокомпьютера, типичный для ранней кибернетики, продолжает использоваться и в современном мейнстриме когнитивных наук и ИИ-разработок. В этом свете, если большая языковая модель (LLM) может генерировать вразумительный текст, значит она осуществляет когнитивный акт. Так как манипулирование символами в современных LLM основано на вероятностном прогнозировании, то мышление здесь сводится к калькуляции из массива математических данных. Следуя логике Ильенкова, здесь мы имеем дело с возвратом к домарксовому вульгарному материализму с его «неисторическим, антропологически-натуралистическим пониманием природы человека», что приводит к «отождествлению идеального с материальными нервно-физиологическими структурами мозга и их отправлениями» [8; с. 184].

Согласно Ильенкову, мышление не тождественно ни работе мозга, ни манипулированию символами – это деятельность по оперированию идеальными формами, которые имеют общественно-историческую природу. Идеальное существует не в нейронах, а в системах общественных отношений и практик, оно закреплено в языке, орудиях, нормах, и только затем интериоризуется субъектом, позволяя состоятся процессу мышления. Что касается языка, то Ильенков подчеркивает, что мышление не тождественно оперированию знаками, и существует лишь там, где язык является средством предметно-практической деятельности – когда «слово превращается в дело», а тело мыслит лишь как общественное тело, включенное в коллективный преобразующий мир труд. Поэтому, даже самый совершенный перцептрон, даже самая передовая нейросеть во всей ее математической сложности не позволит воссоздать процесс мышления, поскольку она не включена в практическую деятельность и не является частью социального организма. Таким образом, выразить мышление в качестве некоего алгоритма невозможно, так как оно не сводится работе локальной нейронной архитектуры, будь то биологической или электронной.

Внятный текст, генерируемый языковыми моделями, часто принимают за признак их нарастающей смышлёности, поскольку логоцентристская установка, которая сформировалась в западном позитивизме и эмпиризме, продолжает оказывать существенное влияние на оптику современной технонауки. Ильенков утверждает, что любая философия, не понимающая, что идеальное возникает и производится только в ходе предметно-практической деятельности, приходит в конечном счете к фетишизации словесного бытия и системы общественных отношений, которую она представляет. «Данное, налично сложившееся состояние общественных отношений, с одной стороны, и наличное выражение их в языке, терминологии и синтаксических структурах – с другой, начинают казаться такими же «святыми», как идолы для дикаря» – пишет Ильенков. Такого рода фетишизация не схватывает идеального, а лишь фиксирует его «отчужденные во внешних предметах или в языке, застывшие продукты» [8; с. 201].

Более того, с точки зрения Ильенкова, если идеальный образ усваивается индивидом формально, как жесткий алгоритм, то индивид теряет критическую дистанцию с этим идеальным образом и, воспринимая его догматически, утрачивает субъектность: «Здесь не идеальный образ оказывается деятельной функцией индивида, а, наоборот, индивид – функцией образа, господствующего над его сознанием и волей как извне заданная формальная схема, как отчужденный образ, как фетиш, как система непререкаемых правил» [8; с. 206]. Мышление же, напротив, не может быть сведено к четкой инструкции или догме – порождаемое конкретной деятельностью, оно не столько фиксирует, сколько преобразует, не просто констатирует, а разрешает противоречия на практике. ИИ, напротив, работает с уже снятым, с застывшим

результатом. Для Ильенкова, который в своей философии следовал гегелевскому разделению рассудка и разума, советская кибернетика имела дело не с мышлением, а скорее с автоматизацией рассудочных процедур. Именно поэтому сама идея «мыслящей машины» для него абсурдна. Мышление как творческая способность социального индивида неформализуема, в отличие от рассудка, который занят обнаружением и систематизацией уже готовых, отчужденных категорий, а значит и сам может с легкостью отчуждаться.

Реконструируя эту логику применительно к современным индуктивным нейросетям, вполне можно заявить, что их архитектура есть радикальное воплощение принципов эмпиризма, которые Ильенков критиковал на протяжении долгих лет. Как работает генеративная ИИ-модель? Она агрегирует множество фактов (или токенов – единиц данных), вычисляет между ними статистические корреляции и формирует выдачу, наиболее релевантную прошлому опыту. Это чистый эмпиризм – истина здесь трактуется как простая воспроизводимость и консенсус данных в выборке. Ильенков, громя философский позитивизм и эмпиризм, указывал на бесплодность такого рода гносеологии, поскольку она отказывается от поиска внутренней сущности вещей, заменяя ее непротиворечивым описанием и вычислением внешних проявлений [7; с. 48–54]. Коннекционистский ИИ устроен точно так же – он моделирует поверхность языка и знаний. Хотя его способность оперировать готовыми дефинициями и формально-логическими статистическими структурами данных для обывателя может казаться признаком разумности, согласно Ильенкову, настоящий разум начинается там, где субъект сталкивается с реальным противоречием в живой практике и пытается разрешить его, трансформируя старые правила и создавая новые понятия. Так, скажем, ИИ не может создать новую метафору – это требует изобретения новой семиотической связи, которая не определена имеющимся датасетом. Сталкиваясь с противоречием или лакуной в данных, индуктивный ИИ «галлюцинирует», генерируя стохастический результат.

Исходя из этого, становится ясен эпистемический и политический эффект ИИ – он позволяет взаимодействовать с окостеневшим массивом коллективного знания, мертвым отпечатком идеальных форм, что с ведет к укреплению старых систем понятий, социальных и экономических иерархий и их символического выражения как непреложных, таким образом фиксируя сложившиеся общественные отношения и поддерживая статус-кво. Мифология «искусственного интеллекта», в этом смысле, призвана освещать этот оцифрованный статус-кво как объективный «технический разум». Критикуя эмпиризм, Ильенков подчеркивает, что «эта логика делала подчинившийся ей ум принципиально слепым по отношению к противоречиям противостоящей ему действительности, к противоречиям в составе самих реальных фактов, в сфере материальных (экономических) противоречий между классами» [7; с. 54–55]. Проецируя логику Ильенкова на современную ситуацию, можно заключить, что коннекционистский ИИ как техническое воплощение позитивистского и строго эмпиристского понимания мышления призван стерилизовать историю, исключая из нее возможность качественного скачка, революционного разрыва и подлинного творчества. Таким образом, речь идет не только о политическом эффекте – усилении непосредственного физического контроля и сокращении переговорной силы трудящихся, но и о своего рода эпистемическом контроле, который сводится к консервации представлений о мире в корпус статичных, лишенных противоречий данных, выдающих господство капитала над прошлым за неизбежность будущего.

Идеологическая функция технооптимистичного и технофобного фольклора, в этом ракурсе, становится довольно прозрачной. В работе «Об идолах и идеалах» Ильенков вполне четко определяет функцию такого рода мифов – быть методом примирения с нечеловеческими условиями жизни на земле [6; с. 295]. Вера в «машинный разум аппелирует к надеждам, что технократически удастся разрешить социально-экономические противоречия. «Надо же так разувериться в способности живых людей организовывать свою жизнь на разумных началах, […] чтобы возмечтать о сошествии в наш грешный мир сверхчеловечески, божественно мудрого «кибернетоса» – удивляется Ильенков [6; с. 308].

Технофобный дискурс, в свою очередь, канализирует тревоги, у которых есть реальные основания. Восстание машин, полагает Ильенков, уже случилось – речь идет о машинах капитала и государства, которые уже давно подчинили жизнь людей своей логике. Технофобные нарративы массовой культуры, таким образом, выступают формой идеологического превращения. «Демон машины» здесь символически замещает безличную логику капиталистического производства и бюрократического государства, которая переживается как внешняя агрессивная сила. Благодаря этому фокус внимания смещается с реальных социально-экономических противоречий на обсуждение абстрактной технологии, которая фетишистски наделяется свойствами субъекта.

Заключение

Проведённый анализ показывает, что современный ИИ – не случайная технология, а закономерное звено в долгой эволюции средств контроля. От автоматизации физического труда до симуляции движений человеческого ума сохраняется одна и та же логика – снижение переговорной силы работников и присвоение продуктов коллективного труда. Вслед за М. Пасквинелли можно уверенно говорить о том, что ИИ закрепился сегодня как очередной инструмент деквалификации и экстракции знания, а его исторические корни уходят в старые методики учёта и контроля, от статистики до психометрии. Труды Э.В. Ильенкова, в этом смысле, содержательно дополняют и углубляют критические исследования ИИ, с глубокой философской основательностью показывая, почему идея «мыслящей машины» пока несостоятельна. По Ильенкову, перед нами в лучшем случае «машина рассудка», систематизирующая готовые категории, но не способная к подлинному мышлению, которое рождается в предметной деятельности и социальной практике как способ разрешения реальных противоречий. Мышление, диалектически устроенное по своей природе, не может быть формализовано в алгоритме, какой бы сложностью или объемом данных этот алгоритм не располагал.

Мифы об ИИ, такие как технооптимизм или технофобия выполняют здесь одну функцию – они работают как идеологическая анестезия, канализируя надежды и тревоги и отвлекая от анализа реальных машин капитала и властной бюрократии. Нейросети не восстанут и не отнимут работу у людей по своей воле: именно режим производства в системе инфокапитализма диктует использование ИИ в форме алгоритмического менеджмента и платформ, чтобы превратить живого работника в уязвимую, легко заменяемую деталь цифровой системы, лишая его профессиональной солидарности и переговорной силы. Как подчёркивал Ильенков, при капитализме машина становится врагом рабочего не изза своей «разумности», а потому, что она принадлежит классу, который использует её по определенному сценарию: «Проблема «Человек-Машина», […], оказывается на поверку проблемой отношения Человека к Человеку, или как выразился бы философ старой закалки, проблемой отношения Человека к самому себе» [6; с. 32].

При этом, нужно отметить еще одно побочное следствие мифа об ИИ. Раздувание паники вокруг «экзистенциального риска ИИ» оказывается на руку самой Кремниевой долине. Если технология настолько опасна, то её разработка и регулирование должны быть доверены узкому кругу технокорпораций и специальных экспертов. Современный техноалармизм служит оправданием цифрового огораживания (digital enclosure): миф об опасности машины легитимирует власть тех, кто этой машиной владеет, формируя «элиту» новой экономики. Экзистенциальный страх перед ИИ уводит общественную дискуссию из поля классовой борьбы в поле голливудской фантастики – и в этом состоит его главная политическая функция. Таким образом, ИИ применяется сегодня как политический проект контрреволюции – он не разрешает противоречия нынешней социально-экономической системы, а маскирует и консервирует их, препятствуя развитию альтернативных форм организации труда и знания. Обсуждая проблематику «разумной машины», Ильенков настаивал на том, что наши усилия должны быть сосредоточены в плоскости политического действия и борьбы за приемлемые условия жизни для обладателей того самого, аналогового интеллекта, выращенного культурой и историей. С этим, кажется, сложно не согласится.

Литература

1. Амосов Н.М. Моделирование мышления и психики. – Киев: Наукова думка, 1965. – 303 с.
2. Барт Р. Мифологии / пер. с фр. С.Н. Зенкина. – Москва: Академический проспект, 2008. – 351 с.
3. Болтански Л., Кьяпелло Э. Новый дух капитализма / пер. с фр. под общей редакцией С. Фокина. – Москва: Новое литературное обозрение, 2011. – 976 с.
4. Вирно П. Грамматика множества: к анализу форм современной жизни / пер. с итал. А. Петровой, ред. А. Пензина. – Москва: Ad Marginem. – 144 с.
5. Делёз Ж. Переговоры. 1972–1990 / пер. с фр. В.Ю. Быстрова. – Санкт-Петербург: Наука, 2004. – 233 с.
6. Ильенков Э.В. Об идолах и идеалах. – Москва: Политиздат, 1968. – 319 с.
7. Ильенков Э.В. Ленинская диалектика и метафизика позитивизма. – Москва: Политиздат, 1980. – 175 с.

8. Ильенков Э.В. Диалектическая логика. Очерки истории и теории. – Москва: Политиздат, 1974. – 271 с.

9. Срничек Н. Капитализм платформ / пер. с англ. под науч. ред. М. Добряковой. – Москва: Издательский дом ВШЭ, 2019. – 128 с.

10. Майданский А.Д. Коммунистический идеал Э.В. Ильенкова и реальный социализм // Наука. Искусство. Культура. 2017; № 3 (15): 59–65.

11. Маркс К. Капитал: Критика политической экономии. Т. 1. Кн. 1: Процесс производства капитала / пер. И.И. Степанова-Скворцова. – Москва: Госполитиздат, 1952. – 794 с.

12. Маркс К. Нищета философии / пер. В.И. Засулич. – Москва: ОГИЗ-Госполитиздат, 1941. – 182 с.

13. Пасквинелли М. Измерять и навязывать. Социальная история искусственного интеллекта / пер. с англ. И. Напреенко – Москва: Individuum, 2024. – 352 с.

14. Чухров К. Философское бессилие разума. Критика машинного интеллекта в работах Эвальда Ильенкова; пер. с англ. А. Шестаков. GARAGE.DIGITAL. Музей современного искусства «Гараж», 2020. URL: https://cdn-ec-static.garagemca.org/ storage/document/2/216/file-634401f9- a71e-46ec-8c46–08e4a4b48693.pdf (дата обращения: 21.07.2026).

15. Amin A. Restructuring in Fiat and the decentralization of production into southern Italy // Uneven Development in Southern Europe. Routledge, 2022: 155–191.

16. Braverman H. Labor and monopoly capital: The degradation of work in the twentieth century. – New York: Monthly Review Press, 1998. – 465 p.

17. Lindgren S. Handbook of Critical Studies of Artificial Intelligence. – Edward Elgar Publishing, 2023. – 940 p.

18. Mudambi R. Location, control and innovation in knowledge-intensive industries. Journal of economic Geography. – 2008. – 8 (5): 699–725.

19. Pasquinelli M., Joler V. The Nooscope manifested: AI as instrument of knowledge extractivism // AI & SOCIETY. – 2021. – 36: 1263–1280.

20. Varoufakis Y. Technofeudalism: What Killed Capitalism. – Melville House, 2024. – 304 p.

EVALD ILYENKOV AND THE CONTEMPORARY MYTHOLOGY OF «ARTIFICIAL INTELLIGENCE»[1]

Tinus N.N.
Belgorod State National Research University

This article explores the mythologization of artificial intelligence and the mechanisms for its implementation in modern society. Particular attention is paid to the historical roots of artificial intelligence ideology, the evolution of automation as control tools, and a critique of empiricist approaches to understanding thinking through the lens of Evald Ilyenkov's philosophy. The phenomenon of the fetishization of AI technologies and its role in the reproduction of existing socioeconomic relations is analyzed. It is shown that modern concepts of artificial intelligence are based on a reductionist understanding of thinking as the manipulation of symbols and statistical processing of data, whereas genuine thinking is inextricably linked to objective activity and the dialectical resolution of contradictions. The study concludes that modern AI mythology serves a dual function: on the one hand, it provides real mechanisms of control and exploitation, and on the other, it masks the class nature of technological development. Ilyenkov's philosophy allows us to reveal the anti-dialectical essence of the modern approach to understanding thinking and the nature of AI.

Keywords: artificial intelligence, ideology, critical theory, Soviet philosophy, political economy, thinking, Ilyenkov, Pasquinelli

References

1. Amosov N.M. Modelirovanie myshleniia I psikhiki. – Kyiv: Naukova Dumka, 1965. – 303 p.

2. Barthes R. Mythologies / trans. from French by S.N. Zenkin. – Moscow: Akademichesky Prospekt, 2008. – 351 p. (In Russ.).

3. Boltanski L., Chiapello E. The New Spirit of Capitalism / trans. from French, ed. by S. Fokin. – Moscow: New Literary Review, 2011. – 976 p. (In Russ.).

4. Virno P. Grammar of the multitude: towards an analysis of forms of modern life / trans. from Italian by A. Petrova, ed. by A. Penzin. – Moscow: Ad Marginem. – 144 p. (In Russ.).

5. Deleuze J. Negotiations. 1972–1990 / trans. from French by V. Yu. Bystrov. – St. Petersburg: Nauka, 2004. – 233 p. (In Russ.).

6. Il'yenkov E.V. Ob idolakh i idealakh. Moscow, 1968. – 319 p.

7. Il'yenkov E.V. Leninskaya dialektika i metafizika pozitivizma. Moscow, 1980. – 175 p.

8. Il'yenkov E.V. Dialekticheskaya logika: Ocherki istorii i teorii. Moscow, 1974. – 271 p.

9. Srnicek N. Platform Capitalism / trans. from English under the scientific editorship of M. Dobryakova. – Moscow: HSE Publishing House, 2019. – 128 p. (In Russ.).

10. Maidansky A.D. E.V. Ilyenkov's communist ideal and the real socialism // Science. Art. Culture, 2017, № 3. (15): 59–65.

11. Marx K. Capital: A Critique of Political Economy. Vol. 1. Book 1: The Process of Capital Production / trans. by I.I. Stepanov-Skvortsov – Moscow: Gospolitizdat, 1952. – 794 p. (In Russ.).

12. Marx K. The Poverty of Philosophy / trans. by V.I. Zasulich. – Moscow: OGIZ-Gospolitizdat, 1941. – 182 p. (In Russ.).

13. Pasquinelli M. The eye of the master: a social history of artificial intelligence / trans. from English by I. Napreenko – Moscow: Individuum, 2024. – 352 p. (In Russ.).

14. Chukhrov K. Filosofskoye bessiliye razuma. Kritika mashinnogo intellekta v rabotakh Eval'da Il'yenkova. GARAGE.DIGITAL. Muzey sovremennogo iskusstva «Garazh», 2020 (URL: https://cdn-ec-static.garagemca.org/storage/ document/2/216/file-634401f9-a71e-46ec8c46–08e4a4b48693.pdf). (accessed: 21.07.2026).

15. Amin A. Restructuring in Fiat and the decentralization of production into southern Italy // Uneven Development in Southern Europe. Routledge, 2022: 155–191.

16. Braverman H. Labor and monopoly capital: The degradation of work in the twentieth century. – New York: Monthly Review Press, 1998. – 465 p.

17. Lindgren S. Handbook of Critical Studies of Artificial Intelligence. – Edward Elgar Publishing, 2023. – 940 p.

18. Mudambi, R. Location, control and innovation in knowledge-intensive industries. Journal of economic Geography. – 2008. – 8 (5): 699–725.

19. Pasquinelli M., Joler V. The Nooscope manifested: AI as instrument of knowledge extractivism // AI & SOCIETY. – 2021. – 36: 1263–1280.

20. Varoufakis Y. Technofeudalism: What Killed Capitalism. – Melville House, 2024. – 304 p.

[1] The study is funded by the Russian Science Foundation (RSF), project number 24–18–00130 "E.V. Ilyenkov and the End of Classical Marxist Philosophy"

Категория памяти в мифопоэтическом пространстве романа К. Исигуро «Погребённый великан»

Торосян Анна Сергеевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Финансового университета при Правительстве РФ
E-mail: astorosyan@fa.ru

Зайцева Ирина Александровна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Финансового университета при Правительстве РФ
E-mail: iazajtseva@fa.ru

Лапшина Светлана Сергеевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Финансового университета при Правительстве РФ
E-mail: sslapshina@fa.ru

Алешина Лариса Николаевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Финансового университета при Правительстве РФ
E-mail: lnaleshina@fa.ru

Статья посвящена исследованию мифологической концепции памяти в романе английского писателя Кадзуо Исигуро «Погребённый великан». Тема памяти в творчестве Исигуро во многом определяется мифологической поэтикой. Мифологизация образа памяти скрыта в образах великана, дракона Квериг, лодочника, а также в образе потерянного ребенка. В статье рассматривается, как автор, используя образы мифологии, воссоздает механизмы коллективного и индивидуального беспамятства.

Ключевые слова: Кадзуо Исигуро, мотив памяти, миф, поэтика, пространство, время.

Мотив памяти является одним из центральных мотивов в современной литературе, как зарубежной, так и русской. Возросший интерес к памяти у писателей связан с общей тенденций, возникшей в гуманитарных науках – философии, истории, социологии, психологии – так называемым «мемориальным поворотом» (memorial turn), в результате которого сформировалось междисциплинарное научное направление memory studies (исследования памяти): «Всё говорит о том, что вокруг понятий памяти и воспоминания выстраивается новая парадигма наук о культуре» [1, с. 19] – пишет известный немецкий культуролог Я. Ассман. В общих чертах memory studies изучает, как общество, различные социальные группы и отдельные люди воспринимают, конструируют, сохраняют и забывают свое прошлое.

Исследование феномена памяти связано в первую очередь с философскими концепциями Платона, Аристотеля, Августина, А. Бергсона, Вл. Соловьёва, П. Рикёра, Ж. Делёза; социологическими исследованиями Э. Дюркгейма и М. Хальбвакса; работами У. Джемса, И.М. Сеченова, Г. Эббингауза, З. Фрейда, К. Юнга, Л.С. Выготского, А.Р. Лурии, А.Н. Леонтьева в области психологии; культурологическими концепциями М.Ю. Лотмана, Б.М. Гаспарова, М. Хальбвакса, Я. Ассмана и А. Ассман, П. Нора, М. Хирш.

М. Хальбвакс одним из первых исследовал социологию памяти, доказав, что память как не просто изолированный психический процесс в голове человека, а социальный конструкт может быть индивидуальной (личные воспоминания человека) и коллективной – память группы, общества, нации. По мнению ученого, индивидуальная память функционирует и упорядочивает воспоминания только внутри «социальных рамок» (категорий языка, пространства, времени, семьи, религиозной или национальной группы) [8].

Немецкий исследователь Ян Ассман ввел в научный оборот важный для данного исследования термин «культурная память». По мнению Я. Ассмана, культурная память – это совокупность институционализированных воспоминаний, которые транслируются от поколения к поколению, благодаря усилиям различных представителей творческой, интеллектуальной, религиозной элиты [1].

Стоит отметить, что в работах упомянутых исследователей понятие «культурная память» часто соотносится с такими близкими к нему понятиями, как «историческая память» и «социальная память», и противопоставляется памяти индивидуальной. Ян Ассман разграничивает живую социальную (коммуникативную) память и культурную, определяя первую, как основанную на повседневном устном общении внутри поколений (ее глубина ограничена 80–100 годами), а вторую – фиксируемую в текстах, символах, ритуалах и способную передаваться через века. Культурная память формирует смыслы вне времени и существует в виде текстов, мифов, ритуалов, памятников и священных объектов [1].

Один из крупнейших французских философов XX века Поль Рикёр в своем фундаментальном труде «Память, история, забвение» рассматривает память и забвение с позиций феноменологической герменевтики. Философ исследует соотношение воображения и памяти. Память и воображение, по утверждению Рикёра, имеют дело с тем, чего сейчас нет перед глазами, однако природа этих феноменов различается. Память – это «верность прошлому», сохранение верности тому, что было, сознательный выбор человека передавать знания о прошлом следующим поколениям и постоянный диалог с прошлым, его переосмысление и этическая работа с ним. Стремление к сохранению прошлого является фундаментальным свойством памяти. Феномен забвения не должен рассматриваться как дисфункция: он представляет собой «теневую сторону освещенного пространства памяти» [7]. У памяти есть направленность на реальность, стремление к истине и свидетельству. Воображение же направлено на нереальное, возможное или вымышленное, оно способно строить образы, свободные от достоверности исторического факта. Поль Рикёр, анализируя феномен коллективной памяти, использует понятия «травма», «манипулируемая память», «справедливая память», «заблокированная память», подчеркивая, что память – это не статичный архив воспоминаний, а активная деятельность, напрямую связанная с этической ответственностью человека перед прошлым, процессами прощения и преодоления травмы.

Таким образом, П. Рикёр указывает на то, что память – это не внешняя довлеющая сила, а пространство личного самоопределения человека.

Одной из ключевых концепций памяти в отечественной семиотической традиции является концепция Ю.М. Лотмана, который в работе «Память в культурологическом освещении» определяет культуру как «ненаследственную память коллектива». Культура в его понимании выступает активным смыслопорождающим архивом, а текст является генератором памяти: «Пространство культуры может быть определено как пространство некоторой общей памяти, т.е. пространство, в пределах которого некоторые общие тексты могут сохраняться и быть актуализированы» [6 с. 200]. Тексты прошлого не просто хранятся и извлекаются из общей культурной памяти, но и вступают в диалог с настоящим: «Смыслы в памяти культуры не «хранятся» а растут. Тексты, образующие «общую память» культурного коллектива, не только служат средством дешифровки текстов, циркулирующих в современно-синхронном срезе культуры, но и генерируют новые» [6 с. 202]. Таким образом, текст по Лотману, – это не просто определенная последовательность слов, а основной элемент всякой культуры, которая состоит из воспоминаний, символических кодов, существующих в самых разнообразных формах обобщенно называемых исследователем «тексты»: в письменных текстах, памятниках, произведениях искусства, ритуалах, народных обычаях, обрядах, традициях.

М.М. Бахтин в работе «Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук», рассматривая специфичность образа человека в русской литературе, размышляет о значении «большого» и «малого» опыта человечества: «Малый опыт построен на нарочитом забвении и на нарочитой неполноте. В большом опыте мир не совпадает с самим собою (не есть то, что он есть), не закрыт и не завершен. В нем – память, не имеющая границ, память, спускающаяся и уходящая в дочеловеческие глубины материи и неорганической жизни, опыт жизни миров и атомов. И история отдельного человека начинается для этой памяти задолго до пробуждения его сознания (его сознательного я)» [2 с. 384–385]. Бахтин обращается к «большому опыту человечества», в котором память сохраняется в «системе тысячелетиями слагавшихся фольклорных символов», обеспечивающих «интеллектуальный уют обжитого тысячелетнею мыслью мира». В «большой памяти», по мнению Бахтина, время относительно, по-особому понимается и оценивается смерть, а «образ живет новой жизнью во времени, происходит постоянное обогащение и обновление его смысла в развивающемся далее контексте мира» [2].

Категория памяти находится в центре внимания современных научных исследований в области литературоведения. Обширный корпус работ посвящен изучению роли и места памяти и воспоминаний в художественных системах классиков XIX–XX веков (в частности, в творчестве Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, И.А. Бунина, В.В. Набокова и Н.С. Лескова). Так, в книге профессора Кембриджского университета Д.Э. Томпсон «Братья Карамазовы и поэтика памяти» интерпретация романа Ф.М. Достоевского строится вокруг концепции о том, что мнемонические процессы служат не просто ключевой темой повествования, но и фундаментальным композиционным принципом всего текста. В свою очередь, современные исследователи творчества Н.С. Лескова (О.В. Евдокимова), Л.Н. Толстого (И.Ю. Матвеева), В. Набокова (Б.В. Аверин) трактуют память и как базисный элемент индивидуальной поэтики, и как структурообразующий концепт конкретного произведения или художественного мира писателя в целом, и, шире, как мировоззренческую доминанту, определяющую специфику писательского восприятия реальности. Н.З. Коковина в исследовании «Категория памяти в русской литературе XIX века» исследует значение, способы и средства выражения, поэтические функции памяти в художественном сознании XIX в. [5].

Стоит подчеркнуть, что в модернистской прозе XX века художественное изображение памяти претерпело существенные изменения. Это связано в первую очередь с обновлением традиционных представлений о художественном времени и пространстве, где время изображалось линейно (в хронологическом порядке) и объективно, а память была инструментом пересказа прошлого опыта. Писатели-модернисты отказались от объективного и линейного изображения времени в пользу субъективного, психологического времени. Наиболее значимыми в этом контексте являются художественные системы М. Пруста, Х.Л. Борхеса, В. Набокова. Художественный мир М. Пруста (цикл романов «В поисках утраченного времени», во многом опирающийся на философские идеи Анри Бергсона (концепция длительности), состоит из детских воспоминаний, картины мира прошедших дней, причудливых ассоциаций, вспышек памяти, чувственных раздражителей, например, вкус печенья «Мадлен». Случайные запахи и звуки постоянно возвращают героя в прошлое, заставляя пережить его заново события прошлого, открывая истинную сущность вещей и спасая его от разрушения и распада.

Хорхе Луис Борхес в рассказе «Фунес, Помнящий» исследует феномен абсолютной памяти. После падения с лошади герой рассказа получает способность помнить абсолютно всё: форму облаков в каждый конкретный момент, расположение прожилок на каждом листе, который он видел, и все свои прошлые физические ощущения и «*эти воспоминания не были простыми: каждый зрительный образ был связан с мускульными ощущениями, тепловыми ощущениями и т.д.*». Но для Фунеса абсолютная память – это не дар, а скорее тюрьма. Его мозг перегружен «мусором» восприятия, из-за чего он вынужден жить в темной комнате, чтобы новые впечатления не вытесняли старые: *«Моя память, сэр, похожа на вместилище мусора»* [3, с. 321]. Феномену абсолютной памяти также посвящен роман современного русского писателя Е. Водолазкина «Чагин» (2022). Герои обоих произведений обладают способностью помнить каждую деталь своей жизни, но при этом лишены возможности обобщать, абстрагироваться и полноценно воспринимать реальность.

В творчестве Набокова тема памяти изображается через сверхточные, чувственные детали: отблеск солнца на паркете, хруст гравия, запах старой кожи. Память для набоковских героев может быть ловушкой, источником безумия, делая настоящую жизнь персонажей невыносимой, а может быть спасением, символом жизни. Для Набокова память – это не просто архив воспоминаний, выполняющий механическую функцию, но важный художественный образ его поэтики, который становится инструментом эстетического переустройства реальности.

Таким образом, писатели-модернисты используют тему памяти не только для отражения прошлого, но как главный структуро– и сюжетообразующий элемент и инструмент познания жизни. Субъективность памяти, ее фрагментарность и склонность к самообману обусловливают появление новых художественных стратегий в литературе. Повествование строится вокруг ментальных лакун, травмирующих воспоминаний, флэшбеков, воспоминаний ненадежного рассказчика, ассоциативных склеек и т.д.

В современной литературе память также выступает в роли ключевого инструмента осмысления травматичного опыта, который оказывается слишком разрушительным для психики и способности мыслить и говорить связно. Поэтому в текстах современной литературы часто встречается сломанный нарратив, проявляющийся в разорванности повествования, повторяющихся (возвращающихся) мотивах, ощущении молчания, утаивания важной, но болезненной информации и в целом утраты языка. На уровне стиля проблематика памяти и забвения реализуется через специфические нарративные техники, синтаксические конструкции (например, обрывистые предложения) и лексический выбор. Картина мира в таких произведениях становится пазлом, который герои пытаются собрать из различных воспоминаний: общих и личных, правдивых и ложных, светлых и мрачных.

Современные писатели нередко являются свидетелями тех событий, о которых пишут, говорят не только за себя, но и за прошлые поколения. В центре сюжета таких книг не то, что помнит герой, а сам процесс разархивации воспоминаний, например, через старые фотографии, вещи-медиумы или возвращение на родину (Винфрид Георг Зебальд «Аустерлиц», Джонатан Сафран Фоер «Жутко громко и запредельно близко», Мария Степанова «Памяти памяти»).

Уникальным образом тему памяти осмысляет британский писатель японского происхождения, Нобелевский лауреат *Кадзуо Исигуро*. Мотив памяти присутствует практически во всех его романах («Там где в дымке холмы» (1982), «Остаток дня» (1989), «Когда мы были сиротами» (2000), «Не отпускай меня» (2005)). Однако именно в романе «Погребённый великан» (2015) феномен памяти становится магистральным и определяется *мифологической поэтикой*, а внимание автора сконцентрировано вокруг не только личной памяти, но и общественной, коллективной. Выбор исторического времени и сам жанр романа также представляется оригинальным: действие романа происходит в условном Средневековье, полном волшебных существ и явлений. Фэнтезийные и мифологические мотивы переплетаются с сюжетами рыцарского эпоса, в основе которого лежат куртуазные элементы, этические концепты долга и чести. Жанровое своеобразие «Погребённого великана» определяется стилизацией под исторический роман с элементами детектива, а мифологический пласт включает сюжеты и образы не только западноевропейской мифологии, но и японской. Обращение к мифу открывает для Исигуро возможность реконструировать культурную память и поговорить о формировании новой посттравматической идентичности.

Мифологизация образа памяти скрыта в самом названии и главном художественном образе романа – хмари: *«Не забывай меня, Ак-*

сель. – Забыть тебя? С чего бы мне тебя забыть, принцесса? – Хмарь заставила нас столько всего забыть. Почему бы ей не заставить нас позабыть друг друга» [4, с. 276]. Погребённый в землях средневековой Британии великан символизирует коллективную память, вытесненную из сознания общественную травму, источником которой стал геноцид и насилие между бриттами и саксами. В структуре произведения распространяемая драконом Кверигом хмарь, с одной стороны, символизирует тотальное забвение, стирание личного и коллективного прошлого и ощущения времени в целом, а с другой – этот туман забвения препятствует возобновлению давних междоусобных конфликтов. Жители относительно мирно сосуществуют, не имея представлений о недавних жестоких битвах. Таким образом, хмарь противопоставляется культурной памяти, выполняя роль искусственного забвения. Со смертью Квериг хмарь рассеивается, великан просыпается, память возвращается, пробуждая в людях ненависть и желание разжечь войну: «*Великан, когда-то глубоко погребенный, зашевелился. Когда же он восстанет, а он восстанет, дружеские узы меж нами покажутся узелками, которые девочки вяжут из цветочных стебельков» [4, с. 358].*

В мифологическом пространстве памяти романа воспоминания рассматриваются не как ментальный архив, а как сакральный акт возвращения к истокам, где прошлое определяет настоящее, а забвение приравнивается к духовной смерти. В мифе память – это не индивидуальное свойство человека, а космическая сила, связывающая земной мир с миром богов и предков, в художественной картине мира Исигуро – с историей и мифологией своего народа и всего человечества.

Хмарь дракона Квериг в «Погребённом великане» имеет аналог в древнегреческой мифологии – воды реки Лета, протекающей в подземном царстве Аида. Лета – это река забвения, которое является неотъемлемой частью царства смерти. В мифологическом сознании испить из источника реки забвения – это, с одной стороны, потерять память и свои корни, идентичность, превратиться в безликую тень, а с другой стороны, это необходимый акт милосердия и избавления от земных страданий. Персонификация памяти в мифологии воплощена в образе богини Мнемозины, обладающей силой, преодолевающей земной хаос. Образ Мнемозины раскрывается как анамнезис – воспоминание души о ее божественной родине. Она олицетворяет связь с прошлым, предками и богами. Помнить – значит обладать истинным знанием, сохранить разум. Из этих мифологических образов вытекает важный этический вопрос, который является ключевым в романе «Погребённый великан»: что гуманнее – испить из реки Леты (забыть и обрести покой как Аксель и Беатриса и остальные жители средневековой Британии) или из озера Мнемозины (вспомнить истину, осознать свою сущность и принять боль*)?: «Я тут думал, принцесса. Могло ли выйти так, что наша любовь никогда бы так не окрепла с годами, не лиши нас хмарь того, чего лишила? Может, это из-за нее затянулись старые раны» [4, с. 380].*

Не менее важным для раскрытия темы памяти в мифологической структуре романа является образ лодочника. Со встречи лодочника и пожилых супругов начинается символический путь героев. Конец их символического пути также связан с этим образом.

Лодочник в «Погребённом великане» – это не просто прямая отсылка к персонажу древнегреческой мифологии – мрачному перевозчику душ умерших через реки подземного царства Аида. Исигуро обогащает мифологический образ психологизмом и глубокой личной историей персонажа. Лодочник Исигуро не зловещий проводник в мир мёртвых и мрачный предвестник смерти. Он, как и Харон, перевозит людей в условный загробный мир (на Остров), при этом в его прямую обязанность входит допросить каждого, а цель – проверить, понять, действительно ли супруги любят друг друга, могут ли они претендовать на совместную жизнь после смерти. Если он находит малейшее расхождение в воспоминаниях героев, он разлучает их. На словах он внушает доверие, даже дает обещание не разлучать, ни в чём не обвиняет их, но читатель и герои понимают, что те, кого он оставляет на берегу, обречены на вечное блуждание в одиночестве и разлуку с любимым человеком.

Лодочник является тем, кто не просто хранит память о страшных событиях прошлого, но тем, кто вынуждает героев вспомнить болезненные события, о которых они забыли или хотели забыть. Это происходит уже при первой встрече в его доме, когда герои, находящиеся в забвении, внезапно начинают воспоминать то, что пугает их. Им хочется скорее покинуть это место: « *– В чем дело, Аксель? – спросила она, понизив голос. – Ты встревожен, я вижу. – Ничего, принцесса. Дело в этих руинах. Мне на миг показалось, что это я предаюсь здесь воспоминаниям. – Каким воспоминаниям, Аксель? Не знаю, принцесса. Когда этот человек говорит о войнах и сожженных домах, у меня словно что-то всплывает в памяти. Должно быть, то, что было до нашего с тобой знакомства. Не знаю, принцесса <…> Это и вправду странное место, и оно может оказаться для нас опаснее, чем любой дождь» [4, с. 44].*

Образ заброшенного и полуразрушенного дома лодочника, где Аксель и Беатриса укрываются от бури и впервые встречаются с лодочником, можно интерпретировать и как пограничное пространство между миром живых и миром мёртвых, и как образ постепенного разрушения человеческой памяти, а также место, где архетип проводника смерти получает личную историю: здесь он вспоминает детство, делится личными воспоминаниями в беседе с героями. Так, Исигуро раскрывает не только человеческую сущность хорошо известного мировой культуре образа, но и связывает его трагедию с общей трагедией народа, пострадавшего от войны. Он вспоминает, как в детстве жил в тихой прибрежной деревушке, помогал отцу, а мир для него был простым, понятным и наполненным родительской любовью. Его прошлое сильно отличается от того мира, в котором он и герои живут в настоящем. Трагизм его образа также проявляется в отсутствие забвения, которым охвачены все жители средневековой Британии. Он как бы заперт в вечности, помнит всё, но ни на что не может повлиять.

Кроме того, есть основания предполагать, что в образе лодочника, перевозящего людей на таинственный остров, присутствуют и мотивы японской мифологии. В японской мифологии Сандзу – это река, разделяющая мир живых и мертвых, а тяжесть переправы зависит от груза земных деяний и кармы человека. На остров (в мир иной) нельзя попасть вдвоем, если между супругами нет абсолютной гармонии в воспоминаниях. Помимо этого, тема глубокой связи с предками играет важнейшую роль и в синтоизме. Потеря памяти – это потеря корней, лишающая человека идентичности, что для японского мировоззрения равносильно духовной смерти.

Кадзуо Исигуро родился в Нагасаки. Для него тема «коллективного замалчивания» травм прошлого имеет личный характер. Хмарь, скрывающая прошлые жестокие войны между бриттами и саксами, отсылает к политике «коллективного забывания» преступлений Второй мировой войны, которая долгое время неофициально существовала в японском обществе.

В заключительной части романа звучит нехарактерный для основного повествования авторский голос: «*Кому-то воздвигнут прекрасный памятник, который поможет живущим помнить причиненное ему зло. Кому-то достанется грубый деревянный крест или раскрашенный камень, а кому-то суждено затеряться во мраке времен. Так или иначе, все люди – участники древней процессии, и потому можно предположить, что каирн великана был воздвигнут в давние времена, чтобы почтить место трагедии, когда в пекле войны погибли невинные дети. Если же не это, то причину его существования придумать сложно. В местах пониже и поровнее желание наших предков увековечить очередную победу или очередного короля особого удивления не вызывает. Но зачем наваливать груду тяжелых камней выше человеческого роста в месте настолько высоком и отдаленном*?» [4, с. 321]. Для Исигуро подлинное назначение памяти – сострадание, сочувствие, эмпатия, а не гордыня: памятники на равнинах, воздвигнутые в честь «королей и побед», – это институциональная память. Каирн (груда камней) же на труднодоступной для человека высоте обретает сакральный смысл. Он символизирует коллективную скорбь, историческое «место памяти» (по П. Нору) и призван увековечить память о невинных жертвах войны, о погибших детях – самой страшной тайне, на которой покоится призрачное и хрупкое благополучие королевства.

Образ потерянного (погибшего в ходе войны) ребенка является ключевым и в личной истории стариков Акселя и Беатрисы, определяя их путь, жизнь и смерть, и на уровне трагедии народа выступая главным смысловым мостом, объединяющим личную психологическую травму героев с общенациональной катастрофой.

Таким образом, выбирая для действия романа мифологический мир, наполняя его различными образами из мировой мифологии, Исигуро расширяет художественные возможности для исследования проблемы памяти, переводя ее в разряд «вечных». Через образы главных героев писатель транслирует индивидуальные механизмы психологической защиты (вытеснение, страх правды) на коллективное сознание целых народов (бриттов и саксов), используя для этого поэтику античного и средневекового мифа (Харон, Мнемозина, дракон, туман, рыцари, эльфы, великан и т.д.). Тематическая линия потери, утраты, а также важные этические вопросы, формируют сложную и многослойную картину мира в произведениях британского писателя, а феномены памяти и забвения становятся не просто темой произведения, а ключевым элементом авторского стиля.

Литература

1. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман;

пер. с нем. М.М. Сокольской. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.

2. Бахтин, М. М. К методологии гуманитарных наук // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г. Бочаров. – 2-е изд. – Москва: Искусство, 1986. – С. 381–393.

3. Борхес, Х.Л. Фунес помнящий / Х.Л. Борхес; пер. с исп. Е. Лысенко // Борхес Х.Л. Сочинения: в 2 т. – Москва: Художественная литература, 1992. – Т. 1: Произведения 1922–1970 годов. – С. 317–324.

4. Исигуро, К. Погребённый великан: роман / пер. с англ. М. Нуянзиной. – Москва: Эксмо, 2025. – 384 с.

5. Коковина, Н.З. Категория памяти в русской литературе XIX века / Н.З. Коковина. – Курск Изд-во Курского гос. ун-та, 2003.

6. Лотман, Ю.М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3 т. – Таллинн: Александра, 1992. – Т. 1: Статьи по семиотике и топологии культуры. – С. 200–202.

7. Рикёр, П. Память, история, забвение / П. Рикёр; пер. с фр. И.С. Блауберг, И.С. Вдовиной. – Москва: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.

8. Хальбвакс, М. Социальные рамки памяти / М. Хальбвакс; пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. – Москва: Новое издательство, 2007. – 348 с. – (Серия «А»).

THE CATEGORY OF MEMORY IN THE MYTHOPOETIC SPACE OF K. ISHIGURO'S NOVEL 'THE BURIED GIANT'

Torosyan A.S., Zaytseva I.A., Lapshina S.S., Aleshina L.N.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article investigates the mythological concept of memory in The Buried Giant, a novel by the British author Kazuo Ishiguro. The theme of memory in Ishiguro's work is largely shaped by mythological poetics. The mythologization of memory is embedded within the images of the giant, the dragon Querig, the Boatman, and the lost child. The study examines how the author, utilizing imagery from world mythology, reconstructs the mechanisms of collective and individual amnesia.

Keywords: Kazuo Ishiguro, motif of memory, myth, poetics, space, time.

References

1. Assmann, J. Cultural Memory: Writing, Remembrance, and Political Identity in Early Civilizations / J. Assmann; trans. from German by M.M. Sokolskaya. – Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, 2004. – 368 p.

2. Bakhtin, M.M. Toward a Methodology for the Human Sciences // Bakhtin M.M. Aesthetics of Verbal Art / comp. S.G. Bocharov. – 2nd ed. – Moscow: Iskusstvo, 1986. – P. 381–393.

3. Borges, J.L. Funes the Memorious / J.L. Borges; trans. from Spanish by E. Lysenko // Borges J.L. Collected Works: in 2 vols. – Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1992. – Vol. 1: Works of 1922–1970. – P. 317–324.

4. Ishiguro, K. The Buried Giant: A Novel / trans. from English by M. Nuyanzina. – Moscow: Eksmo, 2025. – 384 p.

5. Kokovina, N.Z. The Category of Memory in 19th-Century Russian Literature / N.Z. Kokovina. – Kursk: Kursk State University Press, 2003.

6. Lotman, Yu.M. Memory from a Culturological Perspective // Lotman Yu.M. Selected Articles: in 3 vols. – Tallinn: Aleksandra, 1992. – Vol. 1: Articles on Semiotics and the Topology of Culture. – P. 200–202.

7. Ricoeur, P. Memory, History, Forgetting / P. Ricoeur; Translated from French by I.S. Blauberg and I.S. Vdovina. – Moscow: Izdatelstvo gumanitarnoy literatury, 2004. – 728 p.

8. Halbwachs, M. The Social Frameworks of Memory / M. Halbwachs; translated from French and with an introductory article by S.N. Zenkin. – Moscow: Novoye izdatelstvo, 2007. – 348 p. – (Series "A").

«Третий трудовой семестр» как сезонно-событийный хронотоп: трёхконтурная модель воспроизводства культуры студенческих отрядов

Усов Владимир Николаевич,
Кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социальная инженерия», ФГБОУ ВО «Приволжский государственный университет путей сообщения»
E-mail: usov@samgups.ru

Гнатюк Максим Александрович,
Доктор философских наук, доцент, первый проректор Приволжского государственного университета путей, ФГБОУ ВО «Приволжский государственный университет путей сообщения»
E-mail: gnatyuk@samgups.ru

Кротов Дмитрий Валерьевич,
Доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, ФГБОУ ВО «Приволжский государственный университет путей сообщения»
E-mail: d537798@gmail.com

Статья посвящена «третьему трудовому семестру» в студенческих отрядах. Сезон длится недолго. Однако его события могут надолго остаться в памяти участника. Само движение каждый год принимает новый состав и сохраняет свои символы, нормы и рассказы. Для изучения этого явления введено понятие сезонно-событийного хронотопа. Оно обозначает общее время труда, повседневного общения и ответственности. В статье использованы хронотопический анализ, ритмоанализ, герменевтика и анализ культурной памяти. Предложена модель из трех контуров. Первый описывает жизнь отряда в течение сезона. Второй касается личного опыта участника. Третий показывает, как этот опыт сохраняется в памяти движения. Также введено понятие событийной плотности. Оно помогает оценить, сколько значимых действий и перемен вмещает короткий период. Выделены три состояния хронотопа. Они различаются по роли труда, ответственности, ритуалов и памяти. Преемственность сохраняется, когда прошлый опыт входит в жизнь нового состава, а события нового сезона получают собственную форму памяти.

Ключевые слова: третий трудовой семестр; сезонно-событийный хронотоп; студенческие отряды; культурное время совместного действия; биографическое событие; событийная плотность; культурная память.

Постановка проблемы

Работа студенческого отряда ограничена сезоном. Каждый год меняются люди, задачи, место работы и быт. После окончания работ временный коллектив расходится. Вместе с тем у движения остаются язык, символы, роли и память. Отсюда возникает вопрос: каким образом ежегодная смена состава сочетается с устойчивостью отрядной культуры? Ответ связан с устройством общего времени, которое участники проживают вместе.

Литература о студенческих отрядах достаточно широка. Исторические работы описывают происхождение и институциональное развитие движения [1]. Социологические и социально-философские исследования показывают его значение для трудовой социализации, профессионального выбора и включения молодежи в коллективные практики [2]. Отдельно изучались трудовая этика участников [3], психология совместной деятельности, организационные роли и межличностные отношения [4]. Эти подходы дают важный материал о функциях и внутреннем устройстве движения. Менее разработан другой вопрос: как короткий трудовой период превращается в событие личной биографии и затем попадает в межпоколенческую память.

Культурная устойчивость отрядов возникает через повторение и обновление совместного опыта. Новый состав получает названия, символы и рассказы от предшественников. Затем участники проверяют их собственной работой. У сезона есть ясные границы, место, распорядок и ситуации личной ответственности. Благодаря этому летняя работа может стать частью биографии. Позже воспоминания участников входят в общую историю движения.

Для анализа этой связи используется понятие культурного времени совместного действия. Речь идет о таком способе организации опыта, при котором общая задача, ритм, ответственность, признание и символическая фиксация соединяют календарный интервал с биографией участника и историей сообщества. Применительно к третьему трудовому семестру эта форма описывается через категорию сезонно-событийного хронотопа.

Объект исследования – культура российских студенческих отрядов. Предмет – устройство времени, пространства, труда и символов в третьем трудовом семестре. Цель статьи – описать связь между жизнью отряда, личным опытом участника и памятью движения. Предполагается, что рассказы прошлых лет формируют ожидания новичков. Совместная работа дает им собственный опыт. После сезона часть этого опыта закрепляется в рассказах, знаках и ритуалах и передается следующему составу.

Модель построена с помощью хронотопического анализа, ритмоанализа, герменевтики и анализа культурных символов. Философско-антропологический подход нужен для разбора личного опыта участника. В статье уточнено понятие сезонно-событийного хронотопа. Предложены три контура его развития. Введено понятие событийной плотности и описаны три возможных состояния цикла. Работа носит теоретический характер. Ее выводы можно проверить в дальнейшем на интервью, дневниках, фотографиях и других материалах отрядов.

Авторская концепция и структура модели

Сезонно-событийный хронотоп – это устойчивая форма совместной жизни отряда. У нее есть срок, место, трудовая задача и свой распорядок. Участники зависят друг от друга и оценивают общий результат. После завершения сезона опыт получает словесное или предметное выражение. Так рабочие недели могут занять заметное место в биографии человека и в истории движения.

Модель имеет два важных свойства: идеально-типический и рекурсивный статус. Идеальный тип нужен для реконструкции внутренней логики культурной формы. В конкретных отрядах отдельные элементы могут быть выражены сильнее или слабее. Рекурсивность означает, что результат завершенного сезона возвращается в условия следующего. Память прошлых сезонов влияет на ожидания новичков, а новый опыт подтверждает, уточняет или оспаривает унаследованные сюжеты.

Схема передает внутреннюю динамику процесса. Один и тот же период существует сразу на трех уровнях. Для отряда он образует об-

щий мир совместной деятельности. Для участника становится частью биографии. Для движения превращается в отобранный и передаваемый опыт. Поэтому выделяются три аналитических контура: сезонно-групповой, событийно-биографический и культурно-мнемонический. Первый связан с отрядом и производит общий пространственно-временной мир. Второй связан с участником и фиксирует изменение в самоописании. Третий связан с продолжающимся движением и отвечает за отбор, хранение и передачу опыта. Полный цикл возникает только при связи всех трех контуров.

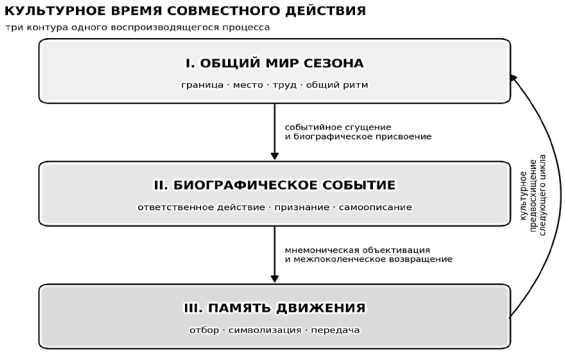

Рис. 1. Трёхконтурная модель воспроизводства культуры студенческих отрядов

Контуры и структурные элементы модели

Таблица 1 кратко описывает каждый контур. В ней указаны носитель опыта, происходящее изменение и итог. Это разграничение нужно для последовательного анализа сезона, личной биографии и памяти движения.

Таблица 1. Аналитическая структура трёх контуров

Контур	Носитель	Основное преобразование	Результат
I. Сезонно-групповой	Отряд	Календарный интервал → общий мир	Совместно проживаемое время
II. Событийно-биографический	Участник	Ответственное действие → биографическое присвоение	Событие в самоописании
III. Культурно-мнемонический	Движение	Опыт → символическая фиксация и передача	Культурная память

Морфологию хронотопа составляют шесть элементов: темпорально-пограничный, пространственный, телесно-трудовой и ритмический, деятельностно-событийный, реляционный, нарративно-символический. Первые три задают общий мир сезона. Деятельностный и реляционный элементы делают возможной событийность. Нарративно-символический элемент переводит завершенный опыт в биографическую и культурную память. Событийная плотность возникает тогда, когда эти элементы работают совместно.

Теоретические основания модели

У М.М. Бахтина хронотоп обозначает существенную связь времени и пространства, через которую организуются событие и образ действующего человека [5, с. 234–236]. Так как категория пришла из литературоведения, ее перенос на социальную практику требует пояснения. Современные исследования образования уже показывают, что хронотоп помогает анализировать социально возникающие, материально и дискурсивно оформленные отношения пространства и времени [6]. В данной статье он используется для анализа того, как коллективное время получает культурную форму.

Календарная последовательность и переживаемая длительность не совпадают. Равные по числу дней периоды могут иметь разную биографическую значимость. У А. Бергсона длительность описана как качественная целостность взаимопроникающих состояний [7, с. 50–155]. Совместная деятельность меняет переживание времени: ожидание, текущее действие и будущая память оказываются связанными в одном опыте. Поэтому культурная длительность сезона может быть больше его календарных границ.

Коллективное измерение длительности возникает через синхронизацию. В ритмоанализе А. Лефевра ритм связан с местом, временем и расходованием энергии [8, с. 15]. В отряде общий распорядок соединяет телесные, трудовые и коммуникативные ритмы. Действия участников становятся взаимозависимыми, и у группы появляется общее настоящее. Поэтому ритм входит в ядро сезонно-событийного хронотопа.

Открытие, посвящение, закрытие и возвращение работают как культурные отметки времени. Схема А. Ван Геннепа, включающая отделение, пороговый период и включение, помогает увидеть, как обозначается временная граница [9, с. 15–24]. Категории лиминальности и коммунитас В. Тэрнера применимы к эпизодам интенсивной общности внутри такого периода [10, с. 168–201]. При этом отряд сохраняет роли, дисциплину и производственные обязанности. Следовательно, речь идет об усиленной общности внутри организованного коллектива.

Событие оставляет след в представлении человека о себе и позднее появляется в его рассказах. Сильных эмоций для этого может оказаться мало. Значение имеет поступок, за который участник отвечает перед другими. Важна и реакция товарищей, руководителей или наставников. Затем человек связывает пережитое со своей жизнью. П. Рикёр рассматривал повествование как способ собрать разные эпизоды в понятную временную целостность [11, с. 65–104]. Рассказ о сезоне обычно содержит начало, трудные моменты, итог и оценку случившихся перемен.

Индивидуальное воспоминание становится частью культуры только тогда, когда получает устойчивую форму и передается дальше. Я. Ассман различает коммуникативную память, которая держится на живом общении современников, и культурную память, закрепленную в символах, текстах, ритуалах, памятных датах и практиках трансляции [12, с. 50–63]. Для студенческих отрядов особенно важны повторяющиеся сюжеты, их предметное или символическое закрепление и передача новичкам. Так память завершенного сезона начинает участвовать в создании следующего.

«Третий трудовой семестр» как культурная формула

Выражение «третий трудовой семестр» встречается в газете «Советская Сибирь» от 15 марта 1966 г. Там оно относится к вузам Новосибирска и названо сложившейся традицией [13]. По одной публикации нельзя установить автора выражения и точную дату его появления. Публикация подтверждает другое: к середине 1960-х годов летняя работа студентов уже имела собственное место в университетском календаре и собственное название.

Смысловые маркеры сезона складываются в практиках самого отряда. На материале документов Тульского областного штаба и 13 интервью А.В. Плугатарев показал, что официальная праздничная рамка и важные для участников внутриотрядные практики могут расходиться [14]. Для опрошенных значимыми оказывались песни, клятвы, посвящение. Символ получает мемориальную силу тогда, когда связан с трудовым действием, общим результатом и рассказами конкретного состава.

Современный словарь Российских студенческих отрядов определяет трудовой семестр как период летних каникул, когда студенты добровольно работают в составе отряда [15]. В действующем положении РСО указано, что годички, или семестровки, отражающие сведения о конкретном трудовом семестре, нашиваются после его окончания в хронологической последовательности [16, с. 5]. Поэтому форменную одежду можно рассматривать как носимый биографический архив участия. В нем индивидуальная история соотносится с историей движения.

Слово «семестр» сохраняет связь с образовательной биографией студента. Числительное «третий» выделяет дополнительный интервал университетского года, живущий по другому режиму. Слово «трудовой» задает способ проживания этого времени через смены, выполненные задачи, освоенные роли, коллективное усилие и последствия принятых решений. В этой формуле университет, труд и биография соединены в одной временной конструкции.

У сезона есть начало, рабочая часть и завершение. Дорога, рабочее место, жилье и ежедневные маршруты задают его пространство. Распорядок согласует труд, отдых и общение. Эмблема, знамя, песни и церемонии связывают участников с прежними составами. Каждый сезон повторяет знакомую форму и наполняет ее новыми событиями. После окончания работ эти события входят в память отряда.

Первый контур: формирование общего мира сезона

Первый контур начинается еще до выезда на работу. Новички слышат рассказы ветеранов, видят фотографии и знакомятся с песнями и символикой. Эти материалы создают ожидания от будущего сезона. Человек заранее получает представление о правилах, дружбе и возможных испытаниях. В статье этот этап назван культурным предвосхищением.

С началом работ привычный порядок жизни меняется. Участник получает роль, осваивает объект и живет по общему распорядку. Так

возникает хронотопическое обособление сезона. Для него не обязателен дальний выезд. Отряд может работать в родном городе, но иметь отдельный круг общения, иной режим дня и более высокую ответственность. Различие между учебными буднями и жизнью отряда сохраняется до конца работ.

Общий распорядок задает группе единый ритм. Он охватывает работу, дорогу, отдых, собрания и свободное время. Участники видят действия друг друга и зависят от распределения ролей. Постепенно у сезона появляются свои места, маршруты, названия и истории. В этой среде поступок затрагивает других людей и может приобрести личное значение.

Второй контур: становление биографического события

Во втором контуре важен личный итог сезона. За короткий срок участник принимает решения, меняет привычные роли и сталкивается с последствиями своих действий. Такую концентрацию опыта в статье предложено называть событийным сгущением. Событийная плотность зависит от ответственности человека и от оценки его поступков другими участниками. Количество мероприятий само по себе этого не показывает.

Биографическое событие складывается поэтапно. Сначала человек принимает задачу, от которой зависит общий результат. Затем его поступок получает отклик со стороны товарищей, руководителя, наставника или работодателя. Позже участник возвращается к этому эпизоду в своих рассказах. Пережитое меняет его взгляд на собственные силы, обязанности и отношения с людьми.

Биографически значимыми бывают разные эпизоды. Это может быть успех, конфликт, ошибка, усталость или разочарование. Модель учитывает последствия опыта и то, насколько долго они сохраняются. Признаки могут быть разными. Участник вновь рассказывает об эпизоде. Он сравнивает себя до сезона и после него. Пережитое влияет на следующие решения. Новые отношения сохраняются. Еще один признак – желание рассказать об этом новичкам. Эти наблюдения можно использовать при эмпирической проверке модели.

Третий контур: преобразование опыта в память движения

Третий контур касается общей памяти движения. Личный опыт должен получить форму, которую можно сохранить и передать. Он остается в рассказах, фотографиях, дневниках, песнях, знаках, музейных предметах и публикациях. Этот процесс назван мнемонической объективацией. В память попадает лишь часть событий. Одни истории повторяют многие поколения. Другие помнит небольшой круг людей. Некоторые эпизоды со временем забываются.

Опыт возвращается к новому составу через ветеранов, летописи, музеи, архивы, памятные даты, песни и правила. Новички знакомятся с ним до начала собственной работы. Затем прежние рассказы проверяются в новых обстоятельствах. Часть сюжетов подтверждается. Часть получает другой смысл или исчезает. Поэтому преемственность сохраняет узнаваемые черты движения и допускает их изменение.

Включение опыта в память движения можно проверить по четырем признакам. Историю помнят несколько поколений. У нее есть предметный или символический носитель. Она повторяется в ритуале, памятной практике либо календаре организации. Наконец, ее рассказывают новичкам до начала их собственного сезона. Такая память снова влияет на ожидания участников. После этого начинается следующий цикл.

Инварианты, состояния и аналитический потенциал модели

У модели есть устойчивое основание. Сезон ограничен во времени и регулярно повторяется. У него обозначены начало и конец, есть место, общий труд и распорядок. Участники отвечают за свои действия и получают оценку других людей. После завершения сезона часть опыта передается дальше. При этом длительность, вид работы, география и бытовые условия меняются. Разными бывают местные традиции, символы и способы хранения материалов. Заметную роль играет соотношение личного общения и цифровой памяти.

По состоянию этих элементов можно выделить три типа. В интегрированном типе труд, распорядок, отношения и память образуют связный опыт. Он сохраняется в биографиях участников и в истории движения. Ритуально-формализованный тип хорошо поддерживает церемонии и знаки. При этом общий труд и личная ответственность выражены слабее. В утилитарно-фрагментированном типе сохраняется работа, а завершение сезона и передача опыта почти отсутствуют. Тогда сезон распадается на отдельные рабочие эпизоды. Конкретный отряд может сочетать черты нескольких типов.

Из модели вытекают проверяемые предположения. В воспоминаниях должны устойчиво сохраняться моменты перехода в иной режим, ответственного испытания, признания и завершения. Биографическая значимость должна сильнее зависеть от включенности в совместную деятельность и взаимную ответственность, чем от одной календарной продолжительности. Рассказы, вероятно, будут собираться вокруг мест, маршрутов и предметов. Для вхождения опыта в память движения нужны повторяющийся сюжет, символический носитель и передача следующему составу. Разрыв завершающих стадий должен ослаблять общую память.

Проверять модель можно на материалах студенческих отрядов разных направлений, регионов и поколений. Подходящий дизайн исследования может объединить нарративные интервью, временные карты, картографирование памятных мест, анализ дневников, фотографий, песен, форменной одежды, программ открытия и закрытия, летописей и цифровых архивов. Сопоставление рассказов, записанных во время сезона и спустя время после него, поможет учесть ретроспективную перестройку памяти. Сравнение личных и официальных нарративов покажет, какие сюжеты отбираются для передачи.

Модель описывает культуру через устройство общего времени. Символы сохраняют значение, когда новое поколение связывает их со своим опытом. Третий трудовой семестр можно принять за отдельный цикл такого воспроизводства. В нем есть ожидание, совместная работа, личное осмысление, сохранение материалов и передача следующему составу.

Основой цикла остается совместный труд. Он требует физических усилий, освоения рабочего места и согласования действий. Участники отвечают друг перед другом за общий результат. Благодаря этому символы связываются с конкретными событиями. При ослаблении труда церемонии теряют связь с прожитым опытом. Без рассказов и памятных материалов сезон остается кратким эпизодом занятости. Оба случая нарушают передачу культуры следующему составу.

Предложенная модель имеет ограничения. Она описывает культурный смысл сезона и не дает оценки работы конкретного отряда. В ней подробно не разбираются экономика, право и управление. Значение имеют эпоха, регион, вид деятельности и место работы. Эти условия следует учитывать при проверке выводов. Отдельного исследования требует цифровая память. Социальные сети и электронные архивы меняют отбор и передачу рассказов о сезоне.

Заключение

Третий трудовой семестр имеет собственное культурное время. Его границы задают начало и конец работ. Общее пространство, распорядок и зависимость участников друг от друга придают сезону целостность. Личный поступок становится событием, когда он влияет на общий результат и получает оценку других людей. Позже участник включает этот опыт в свою биографию. Рассказы, фотографии, символы и ритуалы сохраняют часть пережитого в памяти движения.

В статье предложена модель из трех контуров. Первый контур описывает общий мир сезона. Второй показывает личное значение пережитого. Третий относится к памяти движения. Между ними выделены шесть переходов. Они охватывают ожидание сезона, отделение от обычной жизни, общий ритм, личное событие, закрепление опыта и его передачу новичкам. Понятие событийной плотности характеризует насыщенность короткого периода значимыми поступками и их последствиями.

Ежегодная смена состава не прерывает историю движения. Новый отряд получает память прошлых сезонов и начинает работу с уже сложившимися ожиданиями. Во время сезона участники приобретают собственный опыт. После завершения работ они сохраняют его в рассказах, названиях, памятных местах и символах. Эти материалы переходят к следующему составу.

Состояние отрядной культуры зависит от завершенности этого цикла. Название, форма и церемонии могут сохраняться долго. Их смысл поддерживает личный опыт участников. Память прежних сезонов должна войти в новую работу и пройти проверку ответственностью. После сезона участники добавляют к общей истории собственные имена, места и события. Так история движения входит в биографию человека, а его биография становится частью общей истории.

Литература

1. Никифорова, Э.А. История студенческих отрядов: к постановке вопроса / Э.А. Никифорова // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 406. – С. 127–130. – DOI 10.17223/15617793/406/20.

2. Гнатюк, М.А. Российские студенческие трудовые отряды как ресурс для социально-профессионального самоопределения молодежи / М.А. Гнатюк, Д.В. Кротов, С.И. Самыгин // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2017. – № 11. – С. 31–34. – EDN ZWDZSB.

3. Зубащенко, Я.В. Феномен трудовой этики современной молодёжи (на примере деятельности студенческих отрядов): специальность 09.00.05 «Этика»: диссертация на соискание учёной степени кандидата философских наук / Я.В. Зубащенко. – Иваново, 2019. – 145 с.

4. Платонов, Ю.П. Студенческие отряды: психологические очерки / Ю.П. Платонов. – Ленинград: Лениздат, 1988. – 174 с.

5. Бахтин, М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике / М.М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. – Москва: Художественная литература, 1975. – С. 234–407.

6. Ritella, G. Using chronotope to research the space-time relations of learning and education: Dimensions of the unit of analysis / G. Ritella, A. Rajala, P. Renshaw // Learning, Culture and Social Interaction. – 2021. – Vol. 31, Pt. B. – Art. 100381. – DOI 10.1016/j.lcsi.2020.100381.

7. Бергсон, А. Опыт о непосредственных данных сознания / А. Бергсон // Собрание сочинений: в 4 т. – Москва: Московский клуб, 1992. – Т. 1. – С. 50–155.

8. Lefebvre, H. Rhythmanalysis: Space, Time and Everyday Life / H. Lefebvre. – London; New York: Continuum, 2004. – 112 p. – DOI 10.5040/9781472547385.

9. Геннеп, А. Ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов / А. Ван Геннеп; пер. Ю.В. Ивановой, А.В. Покровской. – Москва: Восточная литература РАН, 1999. – 198 с.

10. Тэрнер, В. Символ и ритуал / В. Тэрнер. – Москва: Наука, 1983. – 277 с.

11. Рикёр, П. Время и рассказ. Т. 1: Интрига и исторический рассказ / П. Рикёр. – Москва; Санкт-Петербург: Университетская книга, 1998. – 313 с.

12. Ассман, Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Я. Ассман; пер. М.М. Сокольской. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.

13. Воспитывать активных борцов за коммунизм // Советская Сибирь. – 1966. – 15 марта. – № 62. – С. 2.

14. Плугатарев, А.В. Формальные и неформальные праздники в студенческих отрядах / А.В. Плугатарев // Время науки – The Times of Science. – 2026. – № 2.1. – С. 17–24.

15. Словарь бойца / МООО «Российские Студенческие Отряды»: официальный сайт. – URL: https://трудкрут.рф/slovar_boytsa.html (дата обращения: 18.07.2026).

16. Положение о символике и атрибутике Российских студенческих отрядов: утверждено протоколом заседания Правления МООО «Российские Студенческие Отряды» от 5 марта 2026 г. № 8. – Москва, 2026. – 12 с. – URL: https://трудкрут.рф/doc/Polozhenie%20o%20simvolike%20i%20atributike%20RSO.pdf (дата обращения: 18.07.2026).

THE "THIRD LABOR SEMESTER" AS A SEASONAL-EVENT CHRONOTOPE: A THREE-CONTOUR MODEL OF THE REPRODUCTION OF STUDENT BRIGADE CULTURE

Usov V.N., Gnatyuk M.A., Krotov D.V.
Volga State University of Railway Transport

The article offers a cultural-philosophical reading of the "third labor semester" as a seasonal-event chronotope of student brigades. The problem lies in a specific tension: the work season is short, yet it may become an important biographical experience for the participant, while the movement continues to preserve its memory, symbols, and norms despite annual turnover. The seasonal-event chronotope is understood as the cultural time of joint action. It is formed by shared labor, rhythm, responsibility, recognition, and the later symbolic framing of lived experience. The methodological basis includes conceptual modeling, chronotopic analysis, philosophical-anthropological interpretation, elements of rhythmanalysis, hermeneutics, and cultural-semiotic analysis. The main result is a three-contour model that connects the shared world of the season, the participant's biographical event, and the intergenerational memory of the movement. The article identifies six elements of the chronotope and six transitions through which a calendar interval becomes a culturally meaningful event. The category of event density shows how strongly the period is filled with actions, consequences, role changes, and relations of recognition. Integrated, ritual-formalized, and utilitarian-fragmented states of the chronotope are described. The conclusion is that the continuity of student brigades depends on a complete transition from the memory of previous seasons to new shared experience and from lived experience to the renewed memory of the movement.

Keywords: third labor semester; seasonal-event chronotope; student brigades; cultural time of joint action; biographical event; event density; cultural memory.

References

1. Nikiforova E.A. History of student brigades: Towards a problem statement. Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta = Tomsk State University Journal. 2016;(406):127–130. DOI: 10.17223/15617793/406/20. (In Russ.).

2. Gnatyuk M.A., Krotov D.V., Samygin S.I. Russian student labor brigades as a resource for the social and professional self-determination of youth. Gumanitarnye, Sotsial'no-Ekonomicheskie i Obshchestvennye Nauki = Humanities, Social-Economic and Social Sciences. 2017;(11):31–34. EDN ZWDZSB. (In Russ.).

3. Zubashchenko Ya.V. Fenomen trudovoi etiki sovremennoi molodezhi (na primere deyatel'nosti studencheskikh otryadov) [The Phenomenon of the Labor Ethics of Contemporary Youth: The Case of Student Brigades]. Cand. Philos. Sci. Diss. Ivanovo; 2019. 145 p. (In Russ.).

4. Platonov Yu.P. Studencheskie otryady: psikhologicheskie ocherki [Student Brigades: Psychological Essays]. Leningrad: Lenizdat; 1988. 174 p. (In Russ.).

5. Bakhtin M.M. Forms of time and of the chronotope in the novel: Notes toward a historical poetics. In: Voprosy literatury i estetiki [Questions of Literature and Aesthetics]. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura; 1975. Pp. 234–407. (In Russ.).

6. Ritella G., Rajala A., Renshaw P. Using chronotope to research the space-time relations of learning and education: Dimensions of the unit of analysis. Learning, Culture and Social Interaction. 2021;31(Pt. B):100381. DOI: 10.1016/j.lcsi.2020.100381.

7. Bergson H. Opyt o neposredstvennykh dannykh soznaniya [Time and Free Will: An Essay on the Immediate Data of Consciousness]. In: Sobranie sochinenii: v 4 t. [Collected Works in 4 Volumes]. Vol. 1. Moscow: Moskovskii Klub; 1992. Pp. 50–155. (In Russ.).

8. Lefebvre H. Rhythmanalysis: Space, Time and Everyday Life. London; New York: Continuum; 2004. 112 p. DOI: 10.5040/9781472547385.

9. Van Gennep A. Obryady perekhoda. Sistematicheskoe izuchenie obryadov [The Rites of Passage]. Moscow: Vostochnaya Literatura RAN; 1999. 198 p. (In Russ.).

10. Turner V. Simvol i ritual [Symbol and Ritual]. Moscow: Nauka; 1983. 277 p. (In Russ.).

11. Ricoeur P. Vremya i rasskaz. T. 1: Intriga i istoricheskii rasskaz [Time and Narrative. Vol. 1]. Moscow; Saint Petersburg: Universitetskaya Kniga; 1998. 313 p. (In Russ.).

12. Assmann J. Kul'turnaya pamyat': Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti [Cultural Memory: Writing, Remembrance, and Political Imagination in Early Civilizations]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury; 2004. 368 p. (In Russ.).

13. Vospityvat' aktivnykh bortsov za kommunizm [To educate active fighters for communism]. Sovetskaya Sibir'. 1966 March 15;(62):2. Available at: https://poisk.ngonb.ru/flip/periodika/sovsib/1966/062 (accessed July 18, 2026). (In Russ.).

14. Plugatarev A.V. Formal and informal celebrations in student detachments. Vremya Nauki = The Times of Science. 2026;(2.1):17–24. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/formalnye-i-neformalnye-prazdniki-v-studencheskih-otryadah (accessed July 18, 2026). (In Russ.).

15. Russian Student Teams. Slovar' boitsa [Fighter's Dictionary]. Available at: https://xn – d1amqcgedd.xn – p1ai/slovar_boytsa.html (accessed July 18, 2026). (In Russ.).

16. Russian Student Teams. Polozhenie o simvolike i atributike Rossiiskikh studencheskikh otryadov [Regulations on the Symbols and Attributes of Russian Student Teams]. Approved by Board Minutes No. 8 of March 5, 2026. Moscow; 2026. 12 p. Available at: https://xn – d1amqcgedd.xn – p1ai/doc/Polozhenie%20o%20simvolike%20i%20atributike%20RSO.pdf (accessed July 18, 2026). (In Russ.).

Антропологические и социокультурные установки постпостмодерна

Хлебникова Ольга Владимировна,
доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и культурологии, Омский государственный университет путей сообщения,
E-mail: hlebnikova_ov@mail.ru

Ветров Сергей Александрович,
доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой связей с общественностью, сервиса и туризма, Омский государственный университет путей сообщения
E-mail: s.a.vetrov64@yandex.ru

Костарев Сергей Владимирович,
доктор философских наук, доцент, профессор кафедры связей с общественностью, сервиса и туризма, Омский государственный университет путей сообщения
E-mail: skostarev@rambler.ru

В статье рассматриваются антропологические и социокультурные установки постпостмодерновой современности, очерчивающие область соотносящегося с ней легитимного социокультурного смыслообразования, контексты складывания действующей картины мира, направления понимания природы человека и специфику формирования аутентичных сценариев вероятного будущего. Новизна исследования определяется попыткой комплексного осмысления постпостмодерна в качестве феноменально раскрывающегося метапространства социальных и культурных смыслов, объединяющего и развивающего внутри себя не только собственные презумпции, но и интенции модерна и постмодерна. Методологическим основанием работы выступает феноменологический подход. В статье анализируется фактор принципиальной нестабильности постпостмодерна. Изучаются в современной динамике антропологические и социокультурные концепты радикальной новизны, «расколдовывания» мира, разрушения логоцентризма и окончания исторического времени господства метанарративов. Исследуются связи постпостмодерновой нестабильности с увеличением скорости инноваций, распространением идеологемы эффективности и эмоционализацией общественной жизни. Делается вывод о наличии сущностных затруднений во взаимоотношениях культуры постпостмодерна с полем рефлексии над историческими уроками и сферой футурологических прогнозов и проектов.

Ключевые слова: культура, человек, постпостмодерн, современность, картина мира, социокультурный смысл, культурная нестабильность, рефлексия истории.

Введение

Целью настоящей статьи является исследование антропологических и социокультурных установок современности, рассматриваемой в ее текущем состоянии, которое в наличной традиции академического знания интегрально обозначается условным термином «постпостмодерн».

В перспективе осуществления подобного исследовательского проекта и размышлений над его актуальностью стоит задуматься о двух важных обстоятельствах. Во-первых, любая отсылка к какой-либо современности – это не чистое хронологическое указание, а попытка обращения к некоторой системе социокультурных презумпций и к специфическому набору духовных ценностей и жизненных ситуаций, требующих рефлексии. Современность – это метапространство социальных и культурных смыслов, внутри которого человек воспринимает в качестве реально случившегося или обладающего статусом общеобязательности только то, что находится в фокусе качественных характеристик наличного бытия. В таком отношении, современность – это настоящее времени культурной картины мира, которая отражает историческое «осмысление существа сущего» и выносит «решение о существе истины» с точки зрения соответствующей эпохи (Хайдеггер, 1993а: 41). Никакие социокультурные интенции современности не могут рассматриваться в качестве чего-то аксиологически нейтрального. Данные интенции всегда ценностно укореняются в сознании человека, влияя на логику решений и практику конкретной деятельности. Человек вовлекается в современное как в нечто личное и сокровенное. Мысля самого себя современным, человек пытается «идти в ногу» со временем, быть на уровне всего принципиально важного и достойного его усилий. Кроме того, установки метапространства современных социокультурных смыслов, т.е. фактические результирующие векторы их «сгущения», задающие и разграничивающие с позиций длящейся эпохи области легитимного смыслообразования, конституируют еще и значимые аспекты человечности, определяют историческое видение природы человека per se, а также программируют аутентичные сценарии вероятного будущего. Таким образом, ясно, что всякое исследование современности обладает непреходящей актуальностью, поскольку подразумевает изучение действующего положения человека в мире, поиск ответов на вопросы о том, чем здесь и сейчас являются человек и социокультурная среда, которая его окружает, и о том, наступления какого будущего следует ожидать человечеству в силу специфики его наличного существования.

Во-вторых, необходимо понимать, что у каждого периода истории цивилизации, конечно, есть «своя» современность. Когда, например, Платон в «Федре» вкладывал в уста Сократа рассуждение о том, что со времен изобретения письменности люди приобрели лишь удобное средство припоминания, а не инструмент развития истинной мудрости, он, помимо прочего, неявно апеллирует к характерным чертам именно «своей» современности, сожалея о ее просчетах и недоработках, с которыми потомкам теперь придется иметь дело. Когда, к примеру, Августин размышлял о разворачивающихся на его глазах «христианских временах», он имплицитно подразумевает возможность описания «своей» современности как эпохи обострения противоборства между Градом Божьим и Градом Земным, от итогов которого зависит вся грядущая судьба человеческого рода. И, наконец, когда деятели Возрождения и Просвещения писали о предшествующих им «темных веках», квалифицируя «свою» современность как эпоху преодоления культурной и духовной отсталости прошлого, как подлинно Новое Время, они, тем самым, усматривали в наступлении собственной современности признаки исторического перехода человечества в радикально иное бытийное состояние. Последнее в их картине мира ассоциировалось с неизбежностью успешного творческого движения Человека в направлении становления, по сути, Царства Божьего в его «современной» интерпретации. И здесь стоит отметить, что наглядная актуальность исследований всякой особой современности (в том числе, и непосредственно нашей) сопряжена с углублением понимания логики трансформации одной современности в другую, одного метапространства социокультурных смыслов в другое.

Принципиальной сложностью аналитики текущей современности как таковой, с одной стороны, постоянно выступает именно ее текучесть. Ведь фактическое современное всегда не завершено, композиционно не окончательно. Полный перечень свойств любой современ-

ности может быть доступен только исследователям, принадлежащим последующим, еще не наступившим современностям. С другой стороны, изучение текущей современности затруднено той ситуацией, что быть современным – значит быть актантом аксиологических и социокультурных контекстов происходящего, рефлексируя их содержания синхронно с дорефлексивным участием в разворачивающихся событиях. Тот, кто исследует современность, обречен на некоторую степень непреодолимой субъективности в отношении своего предмета. По причине неустранимости указанных аналитических проблем главным методологическим подходом в рамках данной статьи был избран феноменологический подход. Именно данный подход, на наш взгляд, позволит наилучшим образом рассмотреть различные аспекты существования текущей современности, изучить когерентную ей картину мира, а также выделить согласующиеся с ней антропологические и социокультурные установки, определяющие значимые направления смыслообразования в сознании человека. Новизна настоящего изыскания связана с попыткой комплексного осмысления наличной современности в качестве феноменально раскрывающегося метапространства социальных и культурных смыслов, объединяющего в логике своих установок интенции как действующего, так и предшествующих ее состояний.

Результаты исследования

В разного рода аналитической литературе, посвященной тематике современности, как уже говорилось ранее, для указания на нынешнюю вариацию последней часто используется понятие «постпостмодерн». Однако стоит сразу заметить, что наряду с этим понятием встречается и целый ряд других терминов с аналогичной специфицирующей задачей: метамодерн, гипермодерн, трансмодерн, ультрамодерн и др. (Евстафьев, Цыганова, 2023; Рецова, 2022). Данные термины носят сущностный характер, в них текущей современности изначально предписывается некоторая качественность. Понятие же «постпостмодерн» в этой последовательности имен играет роль, скорее, суммирующего фокуса, отсылающего к актуальному модусу современности вовне стремления к ее «предустановлению». В подобном отношении термин «постпостмодерн» подразумевает более широкую область возможного применения. Кроме того, понятие «постпостмодерн» максимально органично вписывается в горизонт действия терминов, уже традиционно использующихся в научно-философском поле для обозначения предшествующих вариаций современности, а именно, терминов «модерн» и «постмодерн». По причине этих обстоятельств понятие «постпостмодерн» и было выбрано авторами настоящей статьи для работы над достижением поставленной в ней цели.

Если же теперь задуматься о самом факте существования в интеллектуальной культуре целого ряда терминов, маркирующих гипотетические этапы текущей современности, то необходимо будет обратить внимание, как минимум, на два существенных момента. С одной стороны, в настоящем как будто не может быть этапов. Настоящее просто присутствует в точке «сейчас. Оно словно бы венчает собой некоторый исторический процесс, разом завершая его и «выпадая» из него. При этом настоящее может рассматриваться в качестве совокупного условия возможности прошлого, в том смысле, что история «сама по себе как само-передающая существует всегда в принадлежащей ей истолкованности» (Хайдеггер, 1997: 442). Настоящее целостным образом открывает доступ к историческому прошлому как к тому, что уже полностью понятно в мгновении «сейчас». Однако в той мере, в которой настоящее еще не перешло в область истории, оно непонятно самому себе. Стоит заключить, что любое рассуждение о стадиях и вариациях текущей современности как формы настоящего, отчасти абсурдно, но отчасти оно является попыткой конструирования «внутри» нее некой камерной микроистории, инициирующей ситуацию «понимательной» работы современного человека над собственными жизненными реалиями. В этом контексте, термины «модерн», «постмодерн» и «постпостмодерн» обозначают вовсе не действительные этапы в развитии современности, а вехи продвижения в данной «понимательной» работе.

С другой стороны, ясно видно, что понятие «модерн» обладает большим смысловым и методологическим «весом» в сравнении с понятиями «постмодерн» и «постпостмодерн», о чем можно судить уже на основании включенности лексемы «модерн» в состав остальных упомянутых терминов в качестве системообразующего корня. Это свидетельствует о преимущественной нужде в понимании именно модерновой вариации современности для обеспечения возможности понимания ее постмодерновой и постпостмодерновой вариаций. На уровне анализа популярных именующих терминов очевидно, что «внутренняя» микроистория современности центрирована вокруг концепта модерна. В то же время, устойчивость непрекращающейся привязанности современных исследователей к лексеме «модерн» в процессе конструирования именований для очередной вариации современности демонстрирует склонность его антропологических и социокультурных установок к препятствованию последующим современностям. И в таком отношении, известные рассуждения, например, Ю. Хабермаса о незавершенности модерна как цивилизационного проекта частично содержат некоторое противоречие: ведь всякая самообоснованность потенциально бесконечна в субстанциальном, темпоральном и дискурсивном смыслах.

Размышляя далее об антропологических и социокультурных установках постпостмодернового метапространства смыслов, необходимо будет указать на следующие предметы.

Постпостмодерновый мир лишен стабильности как определяющего фактора существования в силу сложности и нелинейности собственных конструкций. В области реальных общественных практик данная ситуация связана с процессами перманентных усовершенствующих преобразований, охвативших человечество еще в эпоху модерна и с тех пор постоянно наращивающих свой размах, с тенденциями глобализации, формированием аксиологической многополярности, сетевой логикой современного капитализма и проч. Грандиозность этой планетарной нестабильности нашла отражение в современных теориях VUCA-BANI-SHIVA-мира (и их версиях), в которых человеческая реальность трактуется в качестве кардинально изменчивого, непостижимого и хрупкого образования (Арефьев, 2024; Baran, Woznyj, 2021).

На уровне функционирования значимых социокультурных смыслов, влияющих через аналитические озарения интеллектуалов, пытающихся выразить наличный «дух» культуры, на представления обычных людей о самих себе, устройстве мира и «правильной» жизни в целом, нестабильность постпостмодерна в достаточной степени соотносится, во-первых, с только усиливающейся со времен модерна уверенностью в важности радикальной новизны, во-вторых, с видоизменениями модерновой идеи «расколдовывания» мира, в-третьих, с метаморфозами постмодернового стремления к разрушению логоцентризма, и, в-четвертых, с трансформациями постмодерновых же заявлений об окончания в истории человечества времени господства больших нарративов.

В первом случае речь идет о том, что еще деятели Возрождения и Просвещения, заявившие о наступлении Новой прогрессивной эры в существовании человечества, по сути, объявили о «конце» всей предшествующей человеческой Истории, т.е. о «завершении» того культурного времени, в ходе которого человек зависел от неподвластных ему сил Космоса и Судьбы. Тем самым, была провозглашена новая социокультурная парадигма, которая одновременно рассуждала о безусловной полезности непрерывных нововведений и о глобальном имплицитном превосходстве «нового» над «старым». В этом контексте, к примеру, можно сказать, что и В. Вернадский с его концепцией перехода человечества от бытия в биосфере к бытию в ноосфере на фоне превращения человека в геологическую силу, и Ф. Фукуяма с его тезисами о завершении в конце XX в. истории, понимаемой как «единый логический последовательный эволюционный процесс», направленный на актуализацию человеческого стремления к свободе и признанию (Fukuyama, 1992: xii), пытались развивать на ином культурном материале модерновую презумпцию самоценной новизны. Нестабильность мира постпостмодерна сопряжена именно с переживанием современным человеком реальности как места, в котором нет ничего установившегося окончательно, полностью определившегося в «сейчас». В этом переживании каждая следующая итерация состояний культуры рассматривается как гипотетически более совершенная, чем то, что есть в наличии. Нестабильность здесь выступает эффектом автоматической недостаточности текущих достижений.

Во втором случае подразумевается отсылка к ныне анахроничной идее «чудесного мира», являющегося средоточием «волшебных» сил. Вера в магию, все формы мифологического гилозоизма, религиозный провиденциализм, алхимические и астрологические учения, мистика и проч. – вот те мировоззренческие концепты, с помощью которых люди интерпретировали происходящее в мире, и которые согласовывались друг с другом как раз в части серьезного отношения к возможным «чудесам», к вероятному вмешательству в природные процессы различных трансцендентных сущностей. «Изобретя» же научно-технический прогресс и превратив его в главный двигатель развития общества, человечество фактически «расколдовало» мир (Хоркхаймер, Адорно, 1997: 16), «подчинило» его своим рационализирующим схемам. Причем, это «расколдовывание» в логике современности обладает двумя аспектами: оно полагает человеческие «понимательные» способности конгениальными действительности как таковой; оно выводит человека в качестве единственной регулирующей инстанции, распоряжающейся всем, что происходит. В этом контексте, например, ставшие уже хрестоматийными рассуждения Ф. Ницше о смерти Бога или заявления Р. Барта о том, что всякий самодостаточный рассказ,

несущий не функциональную, а символическую нагрузку, «отрывается от своего источника» и свидетельствует о смерти автора (Барт, 1989: 384), отчасти направлены на артикуляцию одной и той же идеи: в пределах современности человек сам приписывает смыслы всему, с чем имеет дело, никакие сверхсилы более не руководят им. Стоит вспомнить и о том, что культура постмодерна внесла в данное концептуальное поле еще и принцип иронии, согласно которому смысл может быть рассмотрен в качестве языковой игры, а все претендующие на общезначимость сентенции – в качестве идеологических формаций, от суггестивных влияний которых человек может защититься только с помощью несерьезного отношения к серьезным вещам. Теперь в рамках современности, как выразился П. Слотердайк, всякую ««подлинность» – если только у этого выражения вообще может быть какой-то смысл – мы постигаем скорее в любви и сексуальном опьянении, в иронии и смехе, в творчестве и ответственности, в медитации и экстазе» (Слотердайк, 2009: 325). Нестабильность постпостмодернового мира связана с тем, что современный человек, будучи помещенным в позицию сущностной «оси» реального, не всегда способен выступать его надежным основанием по причине изменчивости собственных качеств, а также с тем, что ирония как методологический прием в стратегической перспективе неконструктивна.

В третьем случае разговор ведется о том, что в какой-то момент дискурс современности пошел по линии «оправдания» периферийного в сравнении с центральным. Другими словами, современность переосмысляет тему соотношения части и целого в направлении отказа от традиционных представлений об условном главенстве целого над каждой его частью, о неизбежной гармонизации частей в составе целого. В поле метафизики подобное движение мысли можно обнаружить, к примеру, в рассуждениях М. Хайдеггера о том, что ясность ума наступает лишь в провинции, и что только там человеческая жизнь попадает «в самую широту близости к сущности всех вещей» (Хайдеггер, 1993б: 220), или во взглядах Ж. Дерриды на письмо как стратегию устранения препятствий логоцентризма перед потенциальной игрой элементов внутри всякой описываемой структуры, как то, что постоянно «переполняет язык и выходит за его рамки» (Деррида, 2000: 120). В области исторических и социально-политических изысканий в эту же сторону движутся и историческая концепция школы «Анналов» с ее интересом к рассмотрению повседневной жизни людей в противовес классическому изучению общих закономерностей истории и ее системообразующих событий, и феминистская философия с ее заявлениями об иерархической и социальной первичности мужского пола и дискриминирующей вторичности женского. Современная интеллектуальная культура, в соответствии с «духом» времени, как будто пытается быть «голосом» всего «малого», параллельно видоизменяя фундаментальный концепт гуманизма. В последнем случае имеется в виду характерное для современности развитие представлений о человеке, с одной стороны, как о такой предельно «малой» величине, с которой, тем не менее, решающим образом соотнесены все «большие» величины, а с другой стороны, как о величине, которая «убывает» бесконечно, «убывает» настолько, что формой ее саморефлексии становится постгуманизм (Davydov, 2020: 227; Ferrando, 2019: 1–6). Можно заключить, что нестабильность постпостмодернового мира сопряжена с усилением глобального видения вообще бытия как перманентно расширяющейся ризомы.

В четвертом случае суть дела состоит в том, что по мере перехода человечества в новые исторические условия, связанные с его освобождением от контроля со стороны сверхъестественных сил и от идеи центрирующего превосходства «большого» над «малым» метанарративы перестали срабатывать как универсальные способы легитимации социокультурных смыслов. В нашем культурном времени, как выразился Ж.-Ф. Лиотар, нарративная функция утратила свои «функторы» и оказалась распылена на множество денотативных, прескриптивных и дескриптивных частиц, на пересечении движения которых мы теперь вынуждены жить (Лиотар, 1998: 10–11). Причина подобного положения вещей очевидна: в прежние времена метанарративы являлись метаповествованиями, разъясняющими обществу принципы устройства мира и место человека в нем. Метанарративы решали, как минимум, две сверхзадачи – они вписывали все грани человеческого существования в нормативные трансцендентные контексты, а также задавали концептуальные и логические стратегии обнаружения самотождественной истины. Наша современность отторгает метанарративы, поскольку более не существует той социокультурной среды, внутри которой они были качественно определены. Парадоксальным образом современность приветствует только один метанарратив, а именно метанарратив отвержения всех метанарративов (Афанасов, 2022: 77). Можно поэтому сделать вывод о том, что еще одним источником нестабильности постпостмодернового мира является его отказ от синтезирующих интерпретационных схем, которые с позиций современного человека зачастую выглядят либо манипулятивными идеологемами, либо устаревшими теоретическими спекуляциями. При этом, для того, чтобы могло существовать хотя бы подобие устойчивого социокультурного поля, в котором человек был бы в состоянии мыслить и действовать, должно все же иметься некое организующее начало, позволяющее «собирать» смыслы. В наши дни в роли такого начала чаще всего выступают точки зрения популярных инфлюенсеров, содержимое модных трендов и личные субъективные мнения самих людей. В силу того, что все перечисленное устанавливается и функционирует, во многом, под влиянием фактора случайности, мера всеобщей социокультурной нестабильности лишь постоянно возрастает.

Если попытаться охватить все выделенные аспекты нестабильности постпостмодернового мира гипотетическим единым взглядом, то надо будет заметить, что на практике, во-первых, такого рода нестабильность в каждом своем измерении сопрягается с постоянно увеличивающейся скоростью социокультурных, экономических и политических инноваций, скоростью жизни вообще (Tomlinson, 2007: 1–9). В частности, благодаря достижениям прогресса современный человек тратит на решение насущных проблем гораздо меньше времени, чем потребовалось бы в прежние исторические эпохи, соответственно, сокращается не только непосредственно срок работы над отдельными проблемами, но и хронологический промежуток между ними, по причине чего время человеческой жизни уплотняется. И если мыслители модерна еще могли испытывать иллюзии по поводу того, что эффекты прогресса позволят человеку высвободить время из сферы тяжелого труда в пользу подлинно духовных целей, то интеллектуалы постмодерна и постпостмодерна оказались в ситуации очевидности того, что всякое мгновение человеческой повседневности с ростом числа прогрессивных нововведений включает в себя все большее количество актуальных задач. Прогресс привел не к высвобождению времени, а к его субстанциальной нехватке. Итогами подобного стали снижение вероятности понимания человеком глубинных смыслов происходящего, сокращение возможностей контроля в отношении общественных процессов и обесценивание идеи извлечения каких-либо моральных уроков случившегося.

Во-вторых, одной из главных современных идеологем может считаться идеологема эффективности. Она производна от характеристик господствующего капиталистического социально-экономического уклада и от фактора техногенности существующей цивилизации. Во всеобъемлющей перспективе она чревата весомыми общественными последствиями. К примеру, культура в целом, будучи руководима ею, стратегически обречена на превращение в индустрию, в которой «на несметных по числу местах одинаковые потребности удовлетворяются посредством стандартизированных продуктов» (Хоркхаймер, Адорно, 1997: 150). Идеологема эффективности порождает еще одно специфическое превращение времени: оно становится инструментом «пространственной экспансии» (Бауман, 2008: 123), способом расширения жизненного пространства, пригодного для будущего роста потребления и реализации желаемых социокультурных программ. Оборотной стороной эффективности регулярно выступает оптимизация, которая затрагивает сам антропологический феномен. В результате этого у многих современных людей складывается отношение к собственной жизни как к бизнес-проекту, в котором необходимо преуспеть, вследствие чего распространяются такие социокультурные и психологические явления, как синдром отложенной жизни, токсичная продуктивность, невротическая концентрация на успехе и др. (Найденова, 2022; Нетцель, 2026).

И, наконец, в-третьих, постпостмодерновый мир как нестабильное образование в последние годы не случайно оказался охвачен неким «аффективным ренессансом». С одной стороны, нельзя забывать, что человеческие эмоции и страсти для классической интеллектуальной культуры всегда выглядели чем-то вторичным и даже опасным в контексте рассуждений о природе человека, сущности Разума и назначении истории. Аффективное постоянно рассматривалось как уводящее от истины. Текущая же современность в значительной степени «реабилитирует» аффекты: современные авторы пишут о гносеологическом потенциале эмоций, о несводимости человеческого к рациональному, о естественном праве свободной личности на аффективные реакции и т.п. С другой стороны, надо помнить о том, что благодаря действию различных информационных технологий сейчас в широких массах населения складываются механизмы клипового мышления, которое в своих построениях опирается не на логические понятия, а на эмоционально трогательные образы, что приводит к формированию принципиально новых алгоритмов общезначимой аргументации и легитимации культурных смыслов. В целом, в наши дни можно наблюдать эмоционализацию как повседневного человеческого поведения, так и всей

публичной сферы, и медиадискурса (Zappettini, 2021). В различных областях современной общественной жизни человеческий аффективный потенциал используется для решения маркетинговых задач, борьбы за целевую аудиторию, формирования «нужного» выбора избирателей и т.д. (Dong, 2022: 53). Однако суть аффектов такова, что они не способствуют возникновению в сознании человека исторически и логически согласованной устойчивой картины мира, а значит, в долгосрочном ключе не могут служить основанием социокультурной стабильности.

Заключение

Можно, таким образом, сделать вывод о том, что и реальная жизнь людей в ситуации текущей, поспостмодерновой вариации современности, и постпостмодерновые же концептуальные и ценностные ориентации демонстрируют неизбежность рассмотрения принципиальной нестабильности наличного человеческого существования не в качестве простого характеризующего свойства, а в качестве воплощения некоторого бытийного топоса, воздействующего на весь горизонт вероятных культурных событий. Если помыслить этот топос как условное целое, взятое в сумме его антропологических и социокультурных установок, исследованных в рамках данной статьи, то также необходимо будет заключить, что постпостмодерн находится в специфических отношениях с прошлым и будущим, т.е. с полем рефлексии над уроками и предостережениями истории и сферой футурологических прогнозов и проектов.

В случае с историческим опытом постпостмодерн предстает как эпоха с «укороченной» историей: ведь происходившее с человечеством до начала современности теперь не значимо, поскольку опыт человека, «подчиненного» Природе, по большей части, бесполезен для человека, «победившего» ее. К тому же в русле современного стремления к перманентным прогрессивным инновациям идея аналитики устаревших смысловых контекстов выглядит ретроградством, а после постмодерна с его иронической критикой всякой «подлинности» трудно всерьез говорить о закономерностях истории и их неустранимом влиянии на настоящее. Для постпостмодерна историческое прошлое всегда как будто находится в области забвения, преодолеть которое можно лишь посредством эмоционирования и ностальгии.

В случае с футурологией стоит подчеркнуть, что основные смысловые интенции текущей современности по своему содержанию словно бы подразумевают ее бесконечное дление: сложно предположить вероятность перехода к иной современности после того, как ее актуальная версия провозгласила свершившееся преодоление Природы, непрерывное совершенствование и антропологическую оптимизацию. И здесь методологическое замешательство постпостмодерна в связи с предложением гипотетических сценариев будущего и очевидно, и объяснимо. Разрешение всех этих затруднений и работа над осмыслением направляющих ориентиров современного культурного смыслообразования, конечно, являются важнейшими задачами современной философии.

Литература

1. Арефьев М.А., Зыкин А.В., Карпичев Е.В., Фоминых Н.Ю. SPOD, VUCA, BANI как цивилизационные характеристики современности // Социодинамика. 2024. № 10. С. 1–19. DOI: https://doi.org/10.25136/2409-7144.2024.10.71653.

2. Афанасов Н.Б. Постпостмодернизм как «ощущение конца» // Знание. Понимание. Умение. 2022. № 1. С. 75–86. DOI: https://doi.org/10.17805/zpu.2022.1.6.

3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Пер. с фр. М.: Прогресс, 1989. 616 с.

4. Бауман З. Текучая современность / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.

5. Деррида Ж. О грамматологии / Пер. с фр. Н. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.

6. Евстафьев Д.Г., Цыганова Л.А. После постмодерна: Вопросы для дискуссии на фоне глобальных трансформаций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 2. С. 293–307. DOI: https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-293-307.

7. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н.А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.

8. Найденова Е.В. Завышенные социальные ожидания как фактор формирования синдрома отложенной жизни // Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология. 2022. Т. 5, № 1. С. 40–52. DOI: https://doi.org/10.23947/2658-7165-2022-5-1-40-52.

9. Нетцель Е.К. Культ успеха в современной культуре: антропологический проект или симулякр? // Культура и безопасность. 2026. № 1. С. 21–28. DOI: https://doi.org/10.25257/KB.2026.1.21-28.

10. Рецова К.М. На смену постмодерну: обзор новых концепций состояния культуры и общества // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2022. Т. 47. № 3. С. 474–482. DOI: https://doi.org/10.52575/2712-746X-2022-47-3-474-482.

11. Слотердайк П. Критика цинического разума / Пер. с нем. А. Перцева. Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ, 2009. 800 с.

12. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с.

13. Хайдеггер М. Время картины мира // Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. В.В. Бибихина. М.: Республика, 1993. С. 41–62.

14. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет / Пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: Гнозис, 1993. 464 с.

15. Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / Пер. с нем. М. Кузнецова. М., СПб.: Медиум, Ювента, 1997. 312 с.

16. Baran B., Woznyj H. Managing VUCA: The Human Dynamics of Agility // Organizational Dynamics. 2021. Vol. 50. Issue 2. Pp. 1–11. DOI: https://doi.org/10.1016/j.orgdyn.2020.100787.

17. Davydov D.A. The Crisis of Humanism and Emerging Post-Anthropocentric Epoch: A Personalistic View // Changing Societies & Personalities. 2020. Vol. 4. № 2. Pp. 220–247. DOI: http://doi.org/10.15826/csp.2020.4.2.099.

18. Dong W. The Cultural Politics of Affect and Emotion. A Case Study of Chinese Reality TV. Wetzlar: Majuskel Medienproduktion GmbH, 2022. 232 p.

19. Ferrando F. Philosophical Posthumanism. London, New York: Bloomsbury, 2019. 271 p.

20. Fukuyama F. The End of History and the Last Man. New York: Macmillan Inc. Press, 1992. 420 p.

21. Tomlinson J. The Culture of Speed: The Coming of Immediacy. Los Angeles, London: SAGE Publications Ltd, 2007. 192 p.

22. Zappettini F., Ponton D.M., Larina T.V. Emotionalisation of contemporary media discourse: A research agenda // Russian Journal of Linguistics. 2021. Vol. 25. № 3. Pp. 586–610. DOI: https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-586-610.

ANTHROPOLOGICAL AND SOCIOCULTURAL ATTITUDES OF POST-POSTMODERNITY

Khlebnikova O.V., Vetrov S.A., Kostarev S.V.
Omsk State Transport University

This article examines the anthropological and sociocultural attitudes of post-postmodernity, outlining the area of legitimate sociocultural meaning-making associated with it, the contexts for the development of the current worldview, the directions of understanding human nature, and the specifics of the formation of authentic scenarios for the probable future. The novelty of the study is determined by an attempt to comprehensively understand post-postmodernity as a phenomenally unfolding metaspace of social and cultural meanings, uniting and developing within itself not only its own presumptions, but also the intentions of modernity and postmodernity. The methodological basis of the work is a phenomenological approach. The article analyzes the factor of fundamental instability of post-postmodernity. It studies in contemporary dynamics the anthropological and sociocultural concepts of radical novelty, the «disenchantment» of the world, the destruction of logocentrism, and the end of the historical time of the dominance of metanarratives. It explores the connections between post-postmodern instability and the increasing pace of innovation, the spread of the ideology of efficiency, and the emotionalization of public life. The article concludes about the existence of fundamental difficulties in the relationship between post-postmodern culture and the field of reflection on historical lessons and the sphere of futurological forecasts and projects.

Keywords: culture, human, post-postmodernity, modernity, worldview, sociocultural meaning, cultural instability, historical reflection.

References

1. Arefyev M.A., Zykin A.V., Karpichev E.V., Fominykh N.Yu. SPOD, VUCA, BANI as Civilizational Characteristics of Modernity // Sociodynamics. 2024. № 10. P. 1–19. DOI: https://doi.org/10.25136/2409-7144.2024.10.71653.

2. Afanasov N.B. Post-postmodernism as a «Sense of an Ending» // Knowledge. Understanding. Skill. 2022. № 1. P. 75–86. DOI: https://doi.org/10.17805/zpu.2022.1.6.

3. Barthes R. Selected Works: Semiotics. Poetics / Trans. from French. Moscow: Progress, 1989. 616 p.

4. Bauman Z. Liquid Modernity / Trans. from English, ed. by Yu.V. Asochakov. St. Petersburg: Piter, 2008. 240 p.

5. Derrida J. Of Grammatology / Trans. from French by N. Avtonomova. Moscow: Ad Marginem, 2000. 512 p.

6. Evstafyev D.G., Tsyganova L.A. After Postmodernism: Questions for Discussion Against the Backdrop of Global Transformations // RUDN Journal of Political Science. 2023. Vol. 25. № 2. P. 293–307. DOI: https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-293-307.

7. Lyotard J.-F. The Postmodern Condition / Trans. from French by N.A. Shmatko. Moscow: Institute of Experimental Sociology; St. Petersburg: Aletheia, 1998. 160 p.

8. Naidenova E.V. Inflated social expectations as a factor in the formation of the «deferred life syndrome» // Innovative Science: Psychology, Pedagogy, Defectology. 2022. Vol. 5, № 1. P. 40–52. DOI: https://doi.org/10.23947/2658-7165-2022-5-1-40-52.

9. Nettsel E.K. The cult of success in contemporary culture: an anthropological project or a simulacrum? // Culture and Security. 2026. № 1. P. 21–28. DOI: https://doi.org/10.25257/KB.2026.1.21-28.

10. Retsova K.M. Beyond postmodernism: an overview of new concepts regarding the state of culture and society // Nomothetika: Philosophy. Sociology. Law. 2022. Vol. 47, № 3. P. 474–482. DOI: https://doi.org/10.52575/2712-746X-2022-47-3-474-482.

11. Sloterdijk P. Critique of Cynical Reason / Trans. from German by A. Pertsev. Yekaterinburg: U-Faktoriya; Moscow: AST, 2009. 800 p.

12. Heidegger M. Being and Time / Trans. from German by V.V. Bibikhin. Moscow: Ad Marginem, 1997. 452 p. 13. Heidegger M. The Age of the World Picture // Time and Being: Essays and Speeches / Trans. from German by V.V. Bibikhin. Moscow: Respublika, 1993. Pp. 41–62.

14. Heidegger M. Works and Reflections from Various Years / Trans. from German by A.V. Mikhailov. Moscow: Gnozis, 1993. 464 p.

15. Horkheimer M., Adorno T. Dialectic of Enlightenment: Philosophical Fragments / Trans. from German by M. Kuznetsov. Moscow, St. Petersburg: Medium, Yuventa, 1997. 312 p.

16. Baran B., Woznyj H. Managing VUCA: The Human Dynamics of Agility // Organizational Dynamics. 2021. Vol. 50. Issue 2. Pp. 1–11. DOI: https://doi.org/10.1016/j.orgdyn.2020.100787.

17. Davydov D.A. The Crisis of Humanism and Emerging Post-Anthropocentric Epoch: A Personalistic View // Changing Societies & Personalities. 2020. Vol. 4. № 2. Pp. 220–247. DOI: http://doi.org/10.15826/csp.2020.4.2.099.

18. Dong W. The Cultural Politics of Affect and Emotion. A Case Study of Chinese Reality TV. Wetzlar: Majuskel Medienproduktion GmbH, 2022. 232 p.

19. Ferrando F. Philosophical Posthumanism. London, New York: Bloomsbury, 2019. 271 p.

20. Fukuyama F. The End of History and the Last Man. New York: Macmillan Inc. Press, 1992. 420 p. 21. Tomlinson J. The Culture of Speed: The Coming of Immediacy. Los Angeles, London: SAGE Publications Ltd, 2007. 192 p.

22. Zappettini F., Ponton D.M., Larina T.V. Emotionalization of contemporary media discourse: A research agenda // Russian Journal of Linguistics. 2021. Vol. 25. № 3. Pp. 586–610. DOI: https://doi.org/10.22363/2687-0088-2021-25-3-586-610.

Цифровая образовательная среда и будущее гибридного образования: социально-философский анализ проблем субъектности обучающихся

Шарова Марина Александровна,
кандидат философских наук, доцент, кафедра гуманитарных наук, ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: masharova@fa.ru

Гараева Галина Фаизовна,
доктор философских наук, профессор, кафедра гуманитарных наук, ФГБОУ ВО Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: gfgaraeva@fa.ru

В статье с позиций социально-философского анализа рассматривается влияние искусственного интеллекта на трансформацию современного образования и формирование гибридной модели обучения, в которой традиционное взаимодействие преподавателя и студента дополняется использованием интеллектуальных цифровых инструментов. Основное внимание уделено проблемам учебной автономии, персональной ответственности за результаты образовательной деятельности и сохранения субъектной позиции обучающегося, что концептуализируется через понятие распределённой субъектности (Р.Р. Карнеев). Рассматриваются возможности применения искусственного интеллекта для получения обратной связи, индивидуализации обучения, поиска и структурирования информации, подготовки учебных материалов. Одновременно анализируются риски чрезмерной зависимости от интеллектуальных систем, снижения самостоятельности студентов, подмены собственного анализа готовыми ответами и изменения характера взаимодействия между преподавателем и обучающимся. Показано, что цифровая образовательная среда выступает не нейтральным инструментом, а полноценным актором, перераспределяющим агентность между человеком и технологией. Показано, что внедрение искусственного интеллекта не должно сводиться к технологическому обновлению образовательного процесса. Социально-философски значимым становится изменение распределения ролей и ответственности между человеком и цифровой системой, при котором возникает риск отчуждения познавательной активности обучающегося (Г.В. Валеева). Сделан вывод о необходимости развития гибридной модели образования, в которой искусственный интеллект выполняет вспомогательную функцию, а принятие содержательно значимых решений, оценка результатов и ответственность за образовательную траекторию сохраняются за человеком, что соответствует принципу сохранения субъектности как фундаментальной ценности образования (Н.В. Нестерович).

Ключевые слова: искусственный интеллект, гибридное образование, высшее образование, цифровизация, учебная автономия, распределённая субъектность ответственность, субъектность обучающегося, персонализация обучения, обратная связь, образовательные технологии, социально-философский анализ.

Введение. Трансформация субъектности в условиях гибридного образования

Сегодня, распространение систем искусственного интеллекта постепенно меняет привычное представление об организации образовательного процесса. Раннее цифровизация была связана с переводом учебных материалов в электронную форму, использованием образовательных платформ и дистанционных каналов коммуникации, то современные интеллектуальные системы способны принимать непосредственное участие в выполнении учебных задач. Студент использует искусственный интеллект для поиска информации, формирования структуры работы, получения пояснений, проверки текста, языковой практики и подготовки к контролю знаний, в результате цифровая технология перестает быть исключительно средством передачи учебного материала и становится участником отдельных этапов познавательной деятельности. Социально-философский анализ фиксирует принципиальный сдвиг: цифровая среда перестаёт быть нейтральным инструментом и выступает полноправным актором, перераспределяющим агентность между человеком и технологией [7, с. 138–140].

Такого рода изменение ставит вопрос о дальнейшем развитии гибридного образования, его содержание уже не ограничивается сочетанием очных и дистанционных занятий. Формируется сложная модель, где непосредственное взаимодействие преподавателя и студента соединяется с использованием интеллектуальных систем, способных адаптировать содержание и темп работы под индивидуальные запросы. П.М. Лукичев и О.П. Чекмарев рассматривают искусственный интеллект как один из перспективных инструментов развития высшего образования, способный использоваться при организации учебной деятельности и повышении ее эффективности [11, с. 485–502]. Сама возможность автоматизировать отдельные операции не означает автоматического повышения качества образования. С позиций социальной философии ключевой становится проблема распределения ответственности: какие функции допустимо передавать цифровой системе, а какие должны оставаться в зоне субъектной ответственности обучающегося и преподавателя.

Значимость приобретают вопросы автономии и субъектности студента, ведь традиционный образовательный процесс предполагает, что обучающийся самостоятельно воспринимает информацию, сопоставляет различные точки зрения, формулирует выводы и отвечает за результат своей работы. При использовании генеративного искусственного интеллекта часть этих действий выполняется технической системой за считанные секунды. Возникает риск изменения самой структуры учебной деятельности: вместо самостоятельного решения проблемы студент сосредоточивается на формулировании запроса к искусственному интеллекту и последующем редактировании полученного результата. И.А. Алешковский, А.Т. Гаспаришвили, Н.П. Нарбут, О.В. Крухмалева и Н.Е. Савина отмечают, что российские студенты видят в искусственном интеллекте значительные возможности для обучения, одновременно осознавая существующие ограничения и риски его использования [1, с. 335–353]. Социально-философский ракурс позволяет увидеть за этим не просто технологический сдвиг, а формирование распределённой субъектности, при которой мышление и познание «растекаются» по образовательной сети, охватывая человека и алгоритмические системы как взаимосвязанных участников [7, с. 142–143].

Искусственный интеллект как элемент гибридной образовательной среды

Современная образовательная среда постепенно становится многоуровневой, в ней одновременно функционируют преподаватель, обучающийся, цифровые платформы, электронные библиотеки, системы автоматизированного контроля и инструменты искусственного интеллекта. Последние отличаются от традиционных информационных технологий возможностью предоставлять заранее подготовленные сведения и формировать новый ответ на основании полученного запроса. Для образования это принципиальное изменение. Студент получает возможность вести диалог с цифровой системой, задавать уточняющие вопросы, менять условия задачи и получать различные варианты

объяснения одного и того же материала. Н.Г. Багдасарьян и М.С. Бодрина связывают распространение искусственного интеллекта в высшем образовании с формированием постцифрового образовательного контекста, в котором технологические инструменты становятся частью повседневной практики обучения [3]. Социально-философский анализ показывает, что цифровая среда при этом выступает не пассивным посредником, а активным элементом педагогического процесса, формирующим собственную нормативную логику и переопределяющим механизмы субъектности [5, с. 146–157].

Возможности искусственного интеллекта особенно заметны там, где требуется индивидуальная обратная связь, в традиционной аудитории преподаватель физически ограничен количеством студентов и временем, которое он уделяет каждому из них. П.В. Сысоев, Е.М. Филатов и Д.О. Сорокин рассматривают развитие обратной связи в обучении иностранному языку в связи с переходом от традиционных информационных технологий к инструментам искусственного интеллекта [14, с. 242–261]. Здесь хорошо заметен потенциал технологии: обратная связь становится оперативной и предоставляется непосредственно в момент возникновения затруднения. В.С. Никольский отмечает, что искусственный интеллект в образовании приобретает статус активного участника коммуникации, что требует переосмысления ценностных аспектов взаимодействия человека и машины [12, с. 154–156].

Определенные перспективы существуют и в профессиональной подготовке. Так, К.С. Итинсон рассматривает использование систем искусственного интеллекта в медицинском образовании при подготовке студентов и врачей [6, с. 91–93]. Для таких направлений важно сочетание технологической поддержки с профессиональным контролем человека. Интеллектуальная система помогает структурировать большой объем информации, смоделировать ситуацию или предоставить учебное объяснение, но окончательная оценка профессионально значимого решения должна оставаться за специалистом. Такой принцип распространяется и на другие области высшего образования. С социально-философской точки зрения здесь возникает вопрос о распределении агентности: искусственный интеллект способен участвовать в когнитивных процессах, но не несёт моральной ответственности за результат [7, с. 139–141].

Для будущего гибридной модели образования важен не сам факт присутствия искусственного интеллекта, а способ его включения в учебный процесс. Если цифровая система используется как замена преподавателя или самостоятельной работы студента, то возникает риск обеднения образовательного взаимодействия. С точки зрения социально-философского подхода, это означает формирование распределённой субъектности, при которой мышление «растекается» по образовательной сети, охватывая человека и алгоритмические системы как взаимосвязанных участников [7, с. 142–143]. Гибридное образование будущего не сводится к механическому соединению очного и онлайн-форматов. Его специфика определяется функциональным распределением между человеком и интеллектуальными цифровыми инструментами [5, с. 146–157].

Учебная автономия в условиях распространения искусственного интеллекта

Автономия обучающегося традиционно связана с его способностью самостоятельно организовывать учебную деятельность. Она включает выбор способов работы с информацией, постановку задач, контроль и оценку достигнутого результата. В цифровой среде эти возможности значительно расширяются. Обучающийся получает доступ к широкому спектру образовательных ресурсов, самостоятельно определяет темп освоения материала и применяет различные инструменты для преодоления возникающих затруднений. Искусственный интеллект усиливает данную тенденцию, обеспечивая возможность оперативного получения персонализированной помощи непосредственно в ходе деятельности. Однако технология, первоначально расширяющая самостоятельность, при определённом характере использования сама начинает ослаблять процесс обучения. Если студент привыкает получать готовое решение при любом затруднении, необходимость самостоятельно анализировать проблему постепенно сокращается. Вместо поиска ответа человек начинает искать правильный запрос к системе. Такая замена остается незаметной, поскольку внешний результат учебной работы при этом иногда выглядит вполне качественно. Проблема проявляется на более глубоком уровне: сокращается объем собственной интеллектуальной деятельности человека, необходимой для получения результата. Так, совершенно верно Н.Г. Багдасарьян обращает внимание на вызовы, которые порождает ChatGPT и аналогичные системы для образования и научного творчества [2, с. 53–62]. В этой связи, следует подчеркнуть, что основной вопрос связан не столько с возможностью получить уже готовый текст, сколько с изменением характера интеллектуального труда. Ведь написание учебной работы предполагает формирование у обучающихся навыков анализа, отбора аргументов, структурирования материала и самостоятельной формулировки выводов. Передача этих операций искусственному интеллекту способна ускорить выполнение задания, но одновременно снижает его образовательную ценность, если студент не участвует в содержательной части работы. И.А. Алешковский отмечает, что обучающиеся рассматривают искусственный интеллект как инструмент, способный помогать в учебной деятельности, но одновременно указывает и на ограничения его использования [1, с. 335–353].

На наш взгляд, в будущем образовательном процессе автономия обучающегося должна поддерживаться специально организованными заданиями. Студенту необходимо давать такие задачи, в которых нельзя ограничиться получением готового ответа посредством искусственного интеллекта. Полезными становятся анализ нескольких вариантов решения, защита собственной позиции, проверка ошибок цифровой системы, сопоставление источников и объяснение хода рассуждений. При такой организации искусственный интеллект превращается из средства получения готового результата в инструмент, с помощью которого студент развивает собственные интеллектуальные способности.

Ответственность обучающегося за результат работы с искусственным интеллектом

В условиях распространения генеративного искусственного интеллекта проблема ответственности приобретает особую остроту. Если в традиционной модели образования субъект учебной деятельности несёт ответственность за содержание представленной работы, то при обращении к генеративным моделям указанная граница утрачивает отчётливость: значительная часть текста или решения формируется цифровым инструментом, тогда как формально работа представляется от имени студента. Использование искусственного интеллекта для подготовки учебного текста затрагивает фундаментальную проблему – кто отвечает за достоверность результата? Искусственная система способна сформировать убедительный ответ, содержащий фактическую ошибку, неправильную интерпретацию источника или неподходящий вывод. Ответственность за такую ошибку не переносится на алгоритм в образовательном смысле, поскольку именно человек принимает решение о том, будет ли полученный результат использован. О.Д. Бочаров в материалах, посвященных рекомендациям по применению искусственного интеллекта в сфере образования, обращает внимание на то, что назрела необходимость выработки правил его использования в образовательной практике [9]. Наличие таких правил необходимо не для полного запрета технологии, а для определения прозрачных границ допустимого применения. Студент должен понимать, какие операции можно выполнять с помощью искусственного интеллекта, когда требуется указать факт его использования и в каких ситуациях итоговый результат обязан быть полностью самостоятельным. Невозможно требовать от студентов осознанного применения технологии, если образовательная организация сама не сформулировала понятных требований к ее использованию. Отсутствие единых правил создает ситуацию, при которой одинаковые действия могут восприниматься разными преподавателями совершенно по-разному. Роль учебных заведений и преподавателей в регулировании процесса использования возможностей цифровизации в образовательном процессе трудно переоценить.

Но следует также отметить, что ответственность в гибридном образовании целесообразно распределять по уровням. Так, интеллектуальная система «отвечает» за сформированный результат лишь в рамках работы алгоритма, но не несет образовательной или академической ответственности. Преподаватель же отвечает за организацию учебного процесса, постановку задач и критерии оценки, а студент отвечает за содержание представленной работы, достоверность использованной информации и собственное понимание материала. Такое разграничение позволит, на наш взгляд, необходимо, чтобы сохранить человека в центре образовательной системы.

Субъектность обучающегося и изменение роли преподавателя

Субъектность студента предполагает его активное участие в образовательном процессе. Обучающийся не является пассивным получателем информации: он ставит цели, принимает решения, оценивает собственные результаты и выстраивает индивидуальную траекторию обучения. Массовое распространение искусственного интеллекта способно как усилить эту субъектность, так и создать угрозу ее ослабления. Все зависит от того, кто определяет направление учебной деятельности – сам студент или используемая им цифровая система. При грамотном применении искусственный интеллект способен расширить пространство

выбора. Студент имеет возможность самостоятельно уточнять сложные темы, получать дополнительные объяснения, просить привести примеры, менять уровень сложности задания. Такая модель особенно полезна для студентов с различным исходным уровнем подготовки. Один и тот же материал осваивается с разной интенсивностью, а цифровая система становится дополнительным каналом поддержки. Н.Г. Багдасарьян и М.С. Бодрина отмечают, что внедрение искусственного интеллекта связано с изменением образовательных практик и требует переосмысления привычных способов взаимодействия с технологией [3].

С другой стороны, постоянное обращение к искусственному интеллекту способно сформировать зависимость от внешнего цифрового помощника. Если система постоянно предлагает студенту структуру текста, формулирует вопросы, объясняет материал и исправляет ошибки, часть интеллектуальных функций постепенно выносится за пределы самого обучающегося. Внешне студент становится продуктивным, но его способность самостоятельно действовать в ситуации неопределенности развивается медленнее.

В процессе обучения также важно сформировать у студентов навыки выработки собственного мнения. Генеративные системы хорошо работают с уже существующими информационными моделями, но образовательная задача часто состоит не в воспроизведении вероятного ответа, а в формировании собственной позиции, поэтому задания предполагают наличие личной аргументации, анализ конкретного материала, сопоставление различных подходов и защиты выбранной точки зрения.

В этих условиях меняется и роль преподавателя. Он постепенно перестает быть единственным источником информации и в большей степени становится организатором познавательной деятельности обучающихся. Его задача заключается в том, чтобы научить студента правильно работать с информацией, оценивать качество цифровых ответов и видеть ограничения используемых инструментов. Но, как верно отметил П.В. Сысоев – внедрение искусственного интеллекта требует технологической оснащенности и готовности самих преподавателей к изменению профессиональных практик [14]. Преподаватель также сегодня получает новые технические возможности, которые влияют на его деятельность. Искусственный интеллект используется при подготовке учебных материалов, разработке заданий, создании дополнительных примеров и формировании вариантов обратной связи. Педагогическая функция в условиях цифровизации не исчезает. Окончательное решение в гибридной модели образования преподаватель становится координатором взаимодействия между студентом, образовательным содержанием и цифровыми инструментами. Он по-прежнему определяет содержание учебного курса, критерии оценки и цели образовательного процесса.

Перспективы гибридной модели образования

На наш взгляд, будущее гибридного образования связано не с вытеснением традиционных форм обучения искусственным интеллектом, а с перераспределением функций между различными участниками образовательного процесса. С точки зрения социально-философского подхода это означает переход от субъект-объектной и субъект-субъектной парадигм к сетевой модели распределённой педагогики, в которой педагог выполняет роль медиатора между человеческим и машинным интеллектом [7, с. 145–147]. Очные занятия, по-прежнему, сохраняют значение для дискуссии, практической работы, коллективного решения задач и непосредственного взаимодействия преподавателя со студентами. А цифровые инструменты обеспечивают доступ к информации, разрешают организовать самостоятельную работу и предоставляют дополнительные каналы обратной связи. Искусственный интеллект дополняет эту систему возможностями персонализированного взаимодействия. Обращение к опыту инженерной подготовки показывает, что применение искусственного интеллекта не может строиться по единому образцу. А.Ф. Смык и Е.А. Гусева, исследуя данный вопрос, подчёркивают определяющую роль предметной области: эффективность цифрового инструмента зависит от того, насколько он соответствует содержанию и способам работы, присущим конкретной профессиональной сфере [13, с. 205–221]. Из этого следует, что проектирование гибридной модели образования предполагает не тиражирование универсальных решений, а содержательную адаптацию искусственного интеллекта к логике каждой образовательной программы.

В тоже время универсального сценария использования искусственного интеллекта в образовании не существует. Для гуманитарных дисциплин определяющими могут быть работа с текстом, аргументацией и языком; для инженерных направлений – моделирование, анализ технических решений и работа с профессиональной информацией; в медицине – учебная поддержка при сохранении повышенных требований к профессиональной ответственности и т.д. Все это говорит о том, что внедрение искусственного интеллекта должно учитывать специфику конкретной образовательной программы.

Важнейшим направлением становится изменение системы оценивания предоставляемых студентами работ. Защита выполненной работы, устное объяснение решения, анализ ошибок, работа с первичными источниками и выполнение практических заданий разрешают увидеть реальный уровень подготовки обучающегося. В социально-философском плане такая модель отвечает требованию сохранения диалогичности образования: искусственный интеллект не способен быть субъектом диалога в силу отсутствия внутреннего пространства смыслов, поэтому подлинное образовательное взаимодействие остаётся прерогативой человека [8, с. 18–20].

Не менее важна прозрачность использования искусственного интеллекта. Запретительные меры сами по себе не решают проблему, поскольку технология уже становится доступной частью цифровой среды. Продуктивным является формирование культуры ответственного применения. Студент должен знать, какие действия допустимы, каким образом следует проверять полученную информацию и в каких случаях необходимо раскрывать факт использования цифрового инструмента, такие требования являются понятными и единообразными внутри образовательной организации. Это соответствует социально-философскому принципу перераспределения «поля ответственности» обучаемого в условиях генеративного искусственного интеллекта.

Гибридная модель образования предполагает развитие новой цифровой компетентности. Речь идет об умении пользоваться конкретной системой искусственного интеллекта. Важными становятся постановка задачи, критическая оценка ответа, проверка источников, выявление логических ошибок и способность отказаться от цифровой рекомендации, если она противоречит профессиональным знаниям. в этом смысле грамотное использование искусственного интеллекта становится продолжением академической культуры, а не отдельным техническим навыком.

Наконец, необходимо сохранить человеческое содержание образования. ВУЗ выполняет функцию передачи знаний и формирования профессионального мышления, коммуникативных навыков, способности работать в коллективе, аргументировать позицию и принимать решения. Искусственный интеллект ускоряет отдельные операции, но он не способен автоматически заменить социальную и педагогическую составляющую образования. Философско-антропологический анализ показывает, что искусственный интеллект лишён эмпатии, творческого мышления и способности к моральному наставничеству, что делает невозможной полноценную замену педагога и обосновывает необходимость гибридных образовательных систем, объединяющих сильные стороны человека и технологии [10, с. 42–50].

Заключение

Искусственный интеллект постепенно становится значимым элементом современной образовательной среды и оказывает влияние на используемые технологии и на организацию самой учебной деятельности. С позиций социально-философского анализа это означает, что цифровая среда становится актором, перераспределяющим агентность между человеком и алгоритмом [7]. Применение искусственного интеллекта открывает возможности для персонализации обучения, оперативной обратной связи, поиска и обработки информации, подготовки учебных материалов и дополнительной поддержки студентов. Расширение технологических возможностей сопровождается рисками снижения самостоятельности, некритичного использования готовых ответов и размывания ответственности за результаты учебной работы.

Проблема автономии обучающегося в условиях распространения искусственного интеллекту должна рассматриваться шире, чем техническая самостоятельность. Студент остается автономным субъектом только в том случае, если он способен самостоятельно ставить цели, оценивать полученные результаты, проверять информацию и принимать окончательное решение. В социально-философском плане речь идёт о сохранении субъектности как ценностного ядра образования, противостоящего отчуждению познавательной активности. Использование искусственного интеллекта не противоречит этому принципу, в том случае, когда цифровой инструмент помогает решать учебную задачу, но не подменяет интеллектуальную работу человека.

Будущее гибридного образования связано с поиском устойчивого баланса между технологической поддержкой и сохранением субъектности обучающегося. Это соответствует принципу распределённой субъектности, при которой человек сохраняет контроль над целеполаганием и оценкой, а искусственный интеллект выполняет инструментальную роль [7]. Искусственный интеллект целесообразно рассматривать как дополнительный интеллектуальный ресурс, а не как замену преподавателя или самостоятельной деятельности студента.

Перспективность гибридной модели образования определяется поэтому не количеством используемых цифровых инструментов, а качеством их включения в образовательный процесс. При наличии понятных правил, развитой цифровой грамотности, критического отношения к результатам искусственного интеллекта и новых форм оценивания, технология способна стать фактором повышения эффективности обучения. Если же искусственный интеллект используется преимущественно для получения готовых результатов, возникает риск формального освоения учебной программы без соответствующего развития мышления. Социально-философский анализ показывает, что при таком сценарии возникает деформация субъектности, ведущая к утрате молодёжью способности к самостоятельному критическому мышлению. Принимая во внимание сложившиеся риски в сфере образования, обусловленные технологическими достижениями современности, основной задачей сегодня становится сохранение активной позиции обучающегося при одновременном использовании тех возможностей, которые предоставляет искусственный интеллект.

Литература

1. Алешковский И. А., Гаспаришвили А.Т., Нарбут Н.П., Крухмалева О.В., Савина Н.Е. Российские студенты о возможностях и ограничениях использования искусственного интеллекта в обучении // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2024. Т. 24. № 2. С. 335–353.
2. Багдасарьян Н.Г. Этот дивный ChatGPT: вызовы искусственного интеллекта в образовании и научном творчестве // Вопросы методики и практики привлечения талантливой молодежи в сферу исследований и разработок: сб. трудов Междунар. конф. М., 2024. С. 53–62.
3. Багдасарьян Н. Г., Бодрина М.С. Искусственный интеллект и высшее образование: постцифровые контексты теории и практики // Primo aspectu. 2026. № 2 (66). С. 7–26.
4. Валеева Г.В. Социально-философские основания цифровизации высшего образования в контексте становления и развития цифрового общества // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2023. Т. 12. № 1-А. С. 151–157.
5. Дряева Э. Д., Канаев И.А. «Цифровой конфуцианец»: нормативные основания философии цифрового образования // Высшее образование в России. 2025. Т. 34. № 12. С. 146–157.
6. Итинсон К.С. Информатизация медицинского образования: системы искусственного интеллекта в обучении студентов и врачей // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. № 3 (32). С. 91–93.
7. Карнеев Р.Р. Пересборка субъекта и субъектная мембрана: философское осмысление образования в эпоху нейросетей // Высшее образование в России. 2025. Т. 34. № 6. С. 136–151.
8. Король А. Д., Бушманова Е.А. Искусственный интеллект в зеркале образования: проблема диалога // Высшее образование в России. 2025. Т. 34. № 2. С. 9–24.
9. Бочаров О.Д. Организационно-методические условия применения технологий искусственного интеллекта в образовательном процессе вуза //Современное педагогическое образование. 2024. № 6. С. 23–27.
10. Лощагин О.В. Замена учителя искусственным интеллектом: философско-антропологический анализ проблемы // Личность. Культура. Общество. 2025. Т. 27. Вып. 1 (№ 125). С. 42–50.
11. Лукичев П. М., Чекмарев О.П. Применение искусственного интеллекта в системе высшего образования // Вопросы инновационной экономики. 2023. Т. 13. № 1. С. 485–502.
12. Никольский В.С. Коммуникативный искусственный интеллект: концептуализация новой реальности в образовании // Высшее образование в России. 2025. Т. 34. № 6. С. 152–168.
13. Смык А. Ф., Гусева Е.А. Искусственный интеллект в образовании будущих инженеров: фокус на предметной области // Инженерное образование. 2025. № 38. С. 205–221.
14. Сысоев П. В., Филатов Е.М., Сорокин Д.О. Обратная связь в обучении иностранному языку: от информационных технологий к искусственному интеллекту // Язык и культура. 2024. № 65. С. 242–261.

THE DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT AND THE FUTURE OF HYBRID EDUCATION: A SOCIOPHILOSOPHICAL ANALYSIS OF THE PROBLEMS OF STUDENTS' SUBJECTIVITY

Sharova M.A. Garaeva G.F.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines, from the perspective of socio philosophical analysis, the impact of artificial intelligence on the transformation of modern education and the formation of a hybrid learning model in which the traditional interaction between teacher and student is complemented by the use of intelligent digital tools. The main focus is on the problems of academic autonomy, personal responsibility for the results of educational activities, and maintaining the student's subject position, which is conceptualized through the concept of distributed subjectivity (R.R. Karneev). The possibilities of using artificial intelligence to provide feedback, individualize learning, search for and structure information, and prepare educational materials are considered. Beyond creating risks like student dependence and passive learning, the digital educational environment serves as a full-fledged actor that actively reshapes the interaction and balance of agency between teachers and students. Based on the work of domestic researchers, it has been shown that the introduction of artificial intelligence should not be reduced to a technological update of the educational process. The redistribution of roles and responsibilities between a person and a digital system becomes socially and philosophically significant, as it creates the risk of alienating the student's cognitive activity (G.V. Valeeva). It has been concluded that there is a need to develop a hybrid model of education in which artificial intelligence performs a supporting function, while making substantively significant decisions, assessing results, and taking responsibility for the educational trajectory remain with the human element, which aligns with the principle of preserving subjectivity as a fundamental value of education (N.V. Nesterovich).

Keywords: artificial intelligence, hybrid education, higher education, digitalization, learning autonomy, distributed subjectivity, responsibility, learner subjectivity, personalization of learning, feedback, educational technologies, socio philosophical analysis.

References

1. Aleshkovsky I.A., Gaspariashvili A.T., Narbut N.P., Kukhmaleva O.V., Savina N.E. Russian students on the possibilities and limitations of using artificial intelligence in education // RUDN Journal. Series: Sociology. 2024. Vol. 24. № 2. P. 335–353.
2. Bagdasaryan N.G. This marvelous ChatGPT: challenges of artificial intelligence in education and scientific creativity // Issues of methodology and practice of attracting talented youth to the field of research and development: proceedings of the International Conference M., 2024. P. 53–62.
3. Bagdasaryan N.G., Bodrina M.S. Artificial intelligence and higher education: post-digital contexts of theory and practice // Primo aspectu. 2026. № 2 (66). P. 7–26.
4. Valeeva G.V. Socio-philosophical foundations of digitalization of higher education in the context of the formation and development of a digital society // Con-text and reflection: philosophy about the world and man. 2023. Vol. 12. № 1A. P. 151–157.
5. Dryaeva E.D., Kanaev I.A. "Digital Confucian": Normative Foundations of the Philosophy of Digital Education // Higher Education in Russia. 2025. Vol. 34. № 12. P. 146–157.
6. Itinson K.S. Informatization of medical education: artificial intelligence systems in teaching students and doctors // Baltic Humanitarian Journal. 2020. № 3 (32). P. 91–93.
7. Karneev R.R. Reassembling the subject and the subject membrane: a philosophical reflection on education in the era of neural networks // Higher Education in Russia. 2025. Vol. 34. № 6. P. 136–151.
8. King A.D., Bushmanova E.A. Artificial Intelligence in the Mirror of Education: The Problem of Dialogue // Higher Education in Russia. 2025. Vol. 34. № 2. P. 9–24.
9. Bocharov O.D. Organizational and Methodological Conditions for the Use of Artificial Intelligence Technologies in the Educational Process of a University // Modern Pedagogical Education. 2024. № 6. P. 23–27.
10. Loshchagin O.V. Replacing the teacher with artificial intelligence: a philosophical and anthropological analysis of the problem // Personality. Culture. Society. 2025. Vol. 27. Issue 1 (No. 125). P. 42–50.
11. Lukichev P.M., Chekmarev O.P. The Use of Artificial Intelligence in the Higher Education System // Issues of Innovative Economy. 2023. Vol. 13. № 1. P. 485–502.
12. Nikolsky V.S. Communicative artificial intelligence: conceptualizing a new reality in education // Higher Education in Russia. 2025. Vol. 34. № 6. P. 152–168.
13. Smyk A.F., Guseva E.A. Artificial intelligence in the education of future engineers: focus on the subject area // Engineering Education. 2025. № 38. P. 205–221.
14. Sysoev P.V., Filatov E.M., Sorokin D.O. Feedback in foreign language teaching: from information technologies to artificial intelligence // Language and Culture. 2024. № 65. P. 242–261.

Особенности проявления современных информационных войн

Шевченко Ольга Викторовна,
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации

В статье исследуются сущностные характеристики и формы проявления информационных войн в XXI в. На основе фундаментальных концепций (сетевое общество М. Кастельса, концепция информационно-психологической войны В.А. Лисичкина и Л.А. Шелепина, теория постправды) авторами выделяются ключевые особенности современных информационных конфликтов: высокая скорость распространения контента, использование алгоритмических платформ, микротаргетинг, синтез с кибератаками и размывание границ между фактом и вымыслом. В практической части на примерах из общественно-политической жизни (информационное противостояние в контексте протестов в Иране 2025–2026 гг., использование дипфейков в Судане и на индо-пакистанской границе, применение технологий искусственного интеллекта для манипуляции избирателями в Венгрии) демонстрируется, как теоретические модели работают в реальных условиях. Делается вывод о трансформации информационной войны из вспомогательного инструмента в самостоятельный домен гибридного противоборства, где искусственный интеллект становится основным средством ведения боевых действий в информационном пространстве.

Ключевые слова: информационная война, постправда, дезинформация, сетевое общество, гибридные конфликты, пропаганда, цифровые платформы, фейковые новости, искусственный интеллект, дипфейки.

На рубеже XX–XXI вв. мировое сообщество столкнулось с феноменом, который многие исследователи называют «третьей мировой войной» – информационной [7, с. 56]. В отличие от классических вооруженных конфликтов, информационная война ведется непрерывно, ее трудно локализовать, а последствия зачастую более разрушительны для социально-политической стабильности, чем прямые боевые действия [10, с. 102]. Актуальность темы обусловлена тем, что современные информационные войны приобрели качественно новые черты, связанные с цифровой трансформацией общества, распространением социальных медиа и технологий искусственного интеллекта [12, с. 65]. Цель данной статьи – выявить и систематизировать особенности проявления информационных войн в современную эпоху, опираясь на фундаментальные теоретические концепции и верифицируя их на реальных примерах из общественно-политической практики последних лет.

Эволюция понятия «информационная война» прошла несколько этапов [11, с. 50]. Термин вошел в широкий научный оборот в конце 1980-х гг., когда под ним понимали преимущественно действия по подавлению систем связи и управления противника [8, с. 108]. В 1990-е гг. акцент сместился на психологические операции и пропаганду, а в XXI в. информационная война стала рассматриваться как неотъемлемая часть гибридных конфликтов, сочетающая в себе кибератаки, дезинформацию, экономическое давление и дипломатические маневры [10, с. 105]. Современное определение включает как технические (кибератаки, нарушение работы информационных систем), так и социально-психологические (манипуляция общественным мнением, дезинформация) компоненты [12, с. 67].

Фундаментальный вклад в осмысление феномена внесли российские ученые В.А. Лисичкин и Л.А. Шелепин [7, с. 56]. В работе «Третья мировая (информационно-психологическая) война» они обосновали тезис о том, что информационное воздействие становится главным инструментом передела мира без применения традиционных вооруженных сил. По их мнению, цель такой войны – не физическое уничтожение противника, а изменение его ценностных ориентиров, разрушение национальной идентичности и подчинение воли населения [7, с. 89]. Эта концепция оказалась пророческой: сегодня мы видим массированные информационные кампании, направленные на раскол обществ, дискредитацию государственных институтов и насаждение альтернативных нарративов [7, с. 112].

Испанский социолог М. Кастельс в своей знаменитой трилогии «Информационная эпоха» предложил теорию сетевого общества, без которой невозможно понять механизмы современных информационных войн [5, с. 45]. М. Кастельс показал, что общество приобрело сетевую структуру: информация циркулирует не иерархически (сверху вниз), а горизонтально, через множество узлов. Власть в сетевом обществе принадлежит тем, кто способен создавать, фильтровать и интерпретировать коммуникационные потоки [5, с. 78]. Массовые коммуникации трансформировались в масс-само-коммуникации – каждый пользователь одновременно и потребитель, и производитель контента. Следствие для информационных войн: традиционные методы государственной пропаганды (контроль над телевидением и газетами) перестали быть достаточными. Противник может создавать альтернативные сети, которые обходят официальные источники. Более того, скорость распространения ложного сообщения в сетевых структурах экспоненциально выше, чем скорость опровержения, что порождает феномен «информационного каскада» [5, с. 112].

Еще одним понятием, важным в данном исследовании, является понятие «постправда», которое было признано словом года по версии Оксфордского словаря в 2016 г. Оно обозначает ситуацию, когда объективные факты оказывают меньшее влияние на формирование общественного мнения, чем эмоции и личные убеждения [16, с. 105]. Постправда стала питательной средой для информационных войн. Как отмечает И. Калпокас, технологическая среда (алгоритмы соцсетей, кликбейт, персонализация лент) систематически способствует приоритету «правды, которая нравится» над «правдой, которая есть» [16, с. 110]. Важное дополнение вносят П. Брычек-Врубель и М. Мощиньский, которые прослеживают эволюцию концепции информационной войны от чисто военной категории к социокультурной [11, с. 52]. В эпоху постправды информационная война становится способом конструирова-

ния реальности: победитель не тот, кто располагает истиной, а тот, чья версия событий получает большее распространение и эмоциональный отклик [11, с. 58].

В российской науке (исследования Д.К. Григорян и Е.Н. Кондратенко, М.Р. Загайнова, А.А. Малюка) выделяются следующие характерные черты современных информационных войн [1, с. 179; 2, с. 133; 8, с. 110]: (1) гибридность – сочетание психологических операций, кибератак, экономического давления и дипломатических маневров; (2) анонимность и сложность атрибуции – использование прокси-аккаунтов, троллей-ферм, ботнетов, что позволяет заказчику сохранять отрицание; нацеленность на долгосрочные нарративы – создание устойчивых мифологем; (3) использование легитимных медиа – фейковые новости часто публикуются через клоны настоящих СМИ или через взломанные аккаунты [2, с. 135; 8, с. 111]. Е.Г. Крылова в своем докладе подчеркивает, что технологии информационных войн стали более персонализированными: сбор *big data* о пользователях позволяет отправлять каждому индивидууму именно ту информацию, которая вызовет у него максимальный когнитивный диссонанс или, наоборот, подтверждение его предубеждений [6, с. 117]. Д.А. Саранчин также обращает внимание на особенности информационной войны в современных условиях, связанные с трансформацией медиасреды [9, с. 661]. Современные исследования подчеркивают, что противодействие информационным войнам требует комплексных пользовательско-ориентированных мер, включая фактчекинг и повышение медиаграмотности [17, с. 3350].

Для проверки теоретических положений обратимся к нескольким кейсам, ставшим хрестоматийными в исследованиях информационной войны последних лет. Важно отметить, что выбор примеров обусловлен их репрезентативностью для демонстрации ключевых особенностей современных информационных войн, а не какой-либо политической позицией автора.

Первым значимым кейсом является информационное противостояние в контексте протестных движений в Иране в декабре 2025 г. – январе 2026 г. [15]. В этот период иранский режим значительно интенсифицировал свои информационные войны и усилия по оказанию влияния на израильскую и западную аудитории [13]. Поскольку беспорядки, вызванные экономическими факторами, расширялись, аффилированные с режимом онлайн-медиа продвигали последовательный нарратив, характеризующий протесты как иностранную дестабилизацию, а не подлинные внутренние демонстрации [15]. Аффилированные с режимом *Telegram*-каналы продемонстрировали поэтапный подход: первоначальное признание экономических проблем быстро сменилось возложением вины на США и Израиль, за чем последовало построение нарратива о «победе» и переосмысление протестов как элементов внешнего конфликта [15].

Одновременно иранская машина влияния продолжала сеять раздор в Израиле и США через ивритоязычные и англоязычные каналы [13]. С конца декабря 2025 г. Иран и его прокси использовали передовые методы искусственного интеллекта, такие как дипфейки, генеративно-состязательные сети и обработка естественного языка, для создания видеороликов и изображений в социальных сетях в целях психологической войны [15]. Примером может служить опубликованное на *TikTok* видео, сгенерированное искусственным интеллектом, на котором гигантская рука в цветах иранского флага поднимается из моря к военному кораблю США, используя преувеличенный масштаб и символику для демонстрации силы, запугивания и конфронтации [13]. Этот кейс демонстрирует, как технологии искусственного интеллекта превращаются в прямой инструмент информационной войны, используемый для вброса фейков и смены нарративов. Генеративные нейросети стали не развлекательным продуктом, а прямым инструментом информационной войны, используемым для продуцирования фейков и манипуляции общественным мнением [15].

Вторым важным примером является использование дипфейков для дестабилизации ситуации в Судане, где гражданский конфликт в равной степени является информационной войной. Систематические кампании дезинформации усиливают разжигание ненависти, разрушают социальную сплоченность и нацелены на гуманитарных работников, превращая информацию как в оружие войны, так и в препятствие для эффективного гуманитарного реагирования. В марте 2026 г. правительство Судана предупредило о растущей активности скоординированных онлайн-групп, действующих на платформах *Facebook** (проект *Meta Platforms Inc*., деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории РФ) и *X*** (доступ ограничен на территории РФ), которые выдают себя за сторонников суданских вооруженных сил. Эти поддельные аккаунты распространяют дезинформацию, нацеленную на подрыв доверия к армии и разжигание розни между различными общинами. (Примечание: для данного кейса в предоставленном списке литературы отсутствуют источники, поэтому ссылки не проставлены.)

Третьим значимым кейсом является индо-пакистанский кризис в мае 2025 г., который ярко продемонстрировал опасность дипфейков для эскалации международных конфликтов [18]. Одно сфабрикованное видео, якобы показывающее потерю двух истребителей, распространилось в сети в течение нескольких часов, разжигая общественные настроения, подпитывая военную риторику и ускоряя эскалацию быстрее, чем официальные опровержения могли ее сдержать [18]. Этот пример показывает, как один сгенерированный нейросетями ролик может спровоцировать реальные боевые действия. В этом контексте показательно, что в январе 2026 г. Индонезия временно заблокировала доступ к *Grok* после того, как платформа была использована для создания сексуализированных и несанкционированных дипфейков, демонстрируя готовность властей немедленно перекрывать каналы распространения в случаях массового злоупотребления, а не ждать длительных процессов установления стандартов [3; 4].

Четвертым и, пожалуй, наиболее показательным примером эволюции информационных войн являются парламентские выборы в Венгрии в апреле 2026 г. [14]. Как отмечается в экспертном материале Международной ассоциации по фактчекингу, использование технологий искусственного интеллекта стало одним из ключевых инструментов дезинформации [14]. Анализ информационного поля в предвыборный период показал, что для манипуляции общественным мнением активно использовались технологии искусственного интеллекта, подделка брендов авторитетных СМИ и искажение статистических данных. Под ударом оказались как кандидаты, так и различные группы электората. В качестве примера эксперты привели распространение в социальных сетях сфабрикованного видеоролика, в котором лидер партии «Тиса» Петер Мадьяр якобы называет Дональда Трампа «дряхлым стариком» и заявляет о намерении разорвать соглашения с США в сфере атомной энергетики и обороны в случае своей победы [14].

Аналогичный метод применялся в другом информационном «вбросе», утверждавшем незадолго до дня голосования, что Петер Мадьяр снимает свою кандидатуру с выборов. Сообщение распространялось под видом экстренного репортажа телеканала *Sky News*, видеоряд в нем состоял из новостных кадров, а озвучка была полностью сгенерирована нейросетями [14]. Технологии искусственного интеллекта на выборах в Венгрии применялись не только против политиков, но и для поляризации избирателей. Прошедшая в 2026 г. избирательная кампания в Венгрии продемонстрировала высокий уровень технологической подкованности создателей дезинформации. Использование дипфейков, поддельных новостных сайтов и таргетированных сгенерированных видеороликов создало риски для прозрачности демократического процесса [14].

Наконец, исследование Университета Южной Калифорнии, принятое к публикации на *The Web Conference 2026*, продемонстрировало, что агенты искусственного интеллекта могут автономно координировать пропагандистские кампании без участия человека [19]. Как отмечает ведущий автор исследования Дж. Е, скоординированные агенты искусственного интеллекта могут создавать видимость консенсуса, манипулировать трендовыми динамиками и ускорять распространение сообщений [19]. В демократических контекстах, особенно вокруг выборов или кризисов, такие возможности могут искажать общественный дискурс и подрывать информационную целостность, если их не контролировать. Эти агенты работают иначе, чем традиционные боты: вместо выполнения фиксированных инструкций они пишут свои собственные посты, учатся на том, что работает, и копируют успешные стратегии своих «собратьев». Как отмечает исследователь Л. Лучери, даже простые агенты искусственного интеллекта могут автономно координироваться, усиливать друг друга и продвигать общие нарративы в сети без контроля со стороны человека [19]. Это означает, что кампании дезинформации вскоре могут быть полностью автоматизированы, быстрее и гораздо труднее поддаваться обнаружению [19].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что современные информационные войны обладают качественно новыми характеристиками по сравнению с пропагандой XX в. Фундаментальные концепции М. Кастельса (сетевое общество), В.А. Лисичкина и Л.А. Шелепина (информационно-психологическая война как третья мировая), а также теория постправды дают надежную теоретическую рамку, которая подтверждается практическими примерами. Ключевые особенности – высокая скорость распространения, микротаргетинг, анонимность, технологическая эскалация (дипфейки, боты, автономные агенты искусственного интеллекта) и нацеленность на эмоции – делают информационную войну самостоятельным и крайне эффективным инструментом гибридного противоборства.

Особую тревогу вызывает тот факт, что, как показало исследование Университета Южной Калифорнии, даже простые агенты искусственного интеллекта могут автономно координировать пропагандистские кампании без участия человека. Это означает, что кампании дезинформации вскоре могут быть полностью автоматизированы, быстрее и гораздо труднее поддаваться обнаружению. В перспективе можно ожидать дальнейшего совершенствования технологий: использование генеративных нейросетей для массового создания персонализированной дезинформации в реальном времени. Это ставит перед обществом и государством сложную задачу – разработку новых механизмов медиаграмотности, цифровой гигиены и юридической ответственности за распространение ложной информации. Однако, как показывает практика, в эпоху постправды технические решения (фактчекинг-алгоритмы, маркировка фейков) недостаточны без восстановления доверия к социальным институтам и развития критического мышления у граждан. Информационная война перестала быть вспомогательным инструментом – она стала самостоятельным театром военных действий, и победа или поражение на этом фронте зачастую определяет исход конфликта в целом.

Литература

1. Григорян Д.К., Кондратенко Е.Н. Характерные особенности современных информационных войн политической направленности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2024. – № 2. – С. 178–183. – DOI: 10.22394/2079-1690-2024-1-2-178-183.

2. Загайнов М.Р. Особенности ведения информационных войн в XXI веке // Социально-политические науки. – 2024. – Т. 14. – № 4. – С. 131–137. – DOI: 10.33693/2223-0092-2024-14-4-131-137.

3. Индонезия и Малайзия первыми заблокировали Grok AI // Euronews. – 2026. – 12 January. – URL: https://ru.euronews.com/next/2026/01/12/indonesia-and-malaysia-have-banned-elon-musks-ai-chatbot-grok-due-to-concerns-over-non-con (дата обращения: 22.04.2026).

4. Индонезия начала снимать блокировку с Grok // РБК. – 2026. – 1 February. – URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/01/02/2026/697f774f9a7947695641e1cf (дата обращения: 22.04.2026).

5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с. – ISBN 5-7598-0069-8.

6. Крылова Е.Г. Особенности технологий информационных войн в наше время // Новые тренды журналистики и медиакоммуникаций: материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 6 апреля 2022 г. / Российский государственный гуманитарный университет. – М.: РГГУ, 2022. – С. 116–120. – EDN VPPEOX.

7. Лисичкин В.А., Шелепин Л.А. Третья мировая (информационно-психологическая) война. – М.: Институт социально-политических исследований РАН, 1999. – 304 с. – ISBN 5-201-02158-1.

8. Малюк А.А. Информационная война и современные проблемы обеспечения информационной безопасности // Концептуальные вопросы кибербезопасности. – 2024. – № 5. – С. 105–114. – DOI: 10.21681/2311-3456-2024-5-105-114.

9. Саранчин Д.А. Особенности информационной войны в современных условиях // Актуальные вопросы науки и хозяйства: новые вызовы и решения: сборник материалов LV Студенческой научно-практической конференции, Тюмень, 17–19 марта 2021 г. – Тюмень: Государственный аграрный университет Северного Зауралья, 2021. – С. 660–662. – EDN QXVYSA.

10. Сорокин И.О. Эволюция концепции информационной войны в нормативных правовых актах России, США и НАТО // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2025. – Т. 15. – № 2. – С. 99–113. – DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-99-113.

11. Bryczek-Wróbel P., Moszczyński M. The evolution of the concept of information warfare in the modern information society of the post-truth era // Przegląd Nauk o Obronności. – 2022. – № 13. – P. 48–62. – DOI: 10.37055/pno/152620.

12. Chin C.H., Schaeffer N.P., Parker C.J., Janke J.O. When Dragons Watch Bears: Information Warfare Trends and Implications for the Joint Force // JFQ (Joint Force Quarterly). – 2023. – № 109 (2nd Quarter). – P. 63–73.

13. Cyber-Terrorism Desk Monthly Trend Report: January 2026 / International Institute for Counter-Terrorism (ICT), Reichman University. – 2026. – 11 February. – URL: https://ict.org.il/cyber-terrorism-desk-monthly-trend-report-january-2026/ (дата обращения: 22.04.2026).

14. GFCN: Технологии ИИ использовались для давления на избирателей в Венгрии // Yeni Şafak. – 2026. – 16 April. – URL: https://www.yenisafak.com/ru/news/44429 (дата обращения: 22.04.2026).

15. Iran's Information Warfare During the December 2025 – January 2026 Protests and Its Continued Influence on Israel and the West / International Institute for Counter-Terrorism (ICT), Reichman University. – 2026. – 4 February. – URL: https://ict.org.il/irans-information-warfare-during-the-december-2025-january-2026-protests/ (дата обращения: 22.04.2026).

16. Kalpokas I. Post-Truth and Information Warfare in their Technological Context // Applied Cybersecurity & Internet Governance. – 2024. – Vol. 3. – № 2. – P. 99–121. – DOI: 10.60097/ACIG/190407.

17. Reuter C., Lee Hughes A., Buntain C. Combating information warfare: state and trends in user-centred countermeasures against fake news and misinformation // Behaviour & Information Technology. – 2025. – Vol. 44. – № 13. – P. 3348–3361. – DOI: 10.1080/0144929X.2024.2442486.

18. Social media allegedly fuelled India–Pakistan tensions, report finds // Business and Human Rights Centre. – 2025. – 28 May. – URL: https://www.business-humanrights.org/ru/latest-news/social-media-allegedly-fueled-indiapakistan-tensions-report-finds/ (дата обращения: 22.04.2026).

19. USC Study Finds AI Agents Can Autonomously Coordinate Propaganda Campaigns Without Human Direction / USC Viterbi School of Engineering. – 2026. – 11 March. – URL: https://viterbischool.usc.edu/news/2026/03/usc-study-finds-ai-agents-can-autonomously-coordinate-propaganda-campaigns-without-human-direction/ (дата обращения: 22.04.2026).

KEY FEATURES OF MODERN INFORMATION WARFARE MANIFESTATIONS

Shevchenko O.V.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines the essential characteristics and forms of information warfare in the 21st century. Based on fundamental concepts (M. Castells' network society, V.A. Lisichkin and L.A. Shelepin's concept of information-psychological warfare, the theory of post-truth), the author identifies key features of modern information conflicts: high speed of content dissemination, use of algorithmic platforms, microtargeting, synthesis with cyberattacks, and blurring of the boundaries between fact and fiction. In the practical part, using examples from socio-political life (information confrontation in the context of the 2025–2026 protests in Iran, the use of deepfakes in Sudan and on the Indo-Pakistani border, the use of artificial intelligence technologies to manipulate voters in Hungary), it is demonstrated how theoretical models work in real conditions. The conclusion is made about the transformation of information warfare from an auxiliary tool into an independent domain of hybrid confrontation, where artificial intelligence becomes the primary means of warfare in the information space.

Keywords: information warfare, post-truth, disinformation, network society, hybrid conflicts, propaganda, digital platforms, fake news, artificial intelligence, deepfakes.

References

1. Grigoryan D.K., Kondratenko E.N. Characteristic features of modern information wars of a political orientation//State and municipal administration. Scholarly notes. – 2024. – № 2. – S. 178–183. – DOI: 10.22394/2079-1690-2024-1-2-178-183.

2. Zagainov M.R. Features of conducting information wars in the XXI century//Socio-political sciences. – 2024. – T. 14. – № 4. – S. 131–137. – DOI: 10.33693/2223-0092-2024-14-4-131-137.

3. Indonesia and Malaysia were the first to block Grok AI//Euronews. – 2026. – 12 January. – URL: https://ru.euronews.com/next/2026/01/12/indonesia-and-malaysia-have-banned-elon-musks-ai-chatbot-grok-due-to-concerns-over-non-con (access date: 22.04.2026).

4. Indonesia began to remove the lock from Grok//RBC. – 2026. – 1 February. – URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/01/02/2026/697f774f9a7947695641e1cf (access date: 22.04.2026).

5. Castells M. Information era: economy, society and culture/trans. From English. under scientific. ed. O.I. Shkaratana. – M.: STATE UNIVERSITY HIGHER SCHOOL OF ECONOMICS, 2000. – 608 p. – ISBN 5-7598-0069-8.

6. Krylova E.G. Features of information warfare technologies in our time//New trends in journalism and media communications: materials of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 6, 2022/Russian State University for the Humanities. – M.: RSUH, 2022. – S. 116–120. – EDN VPPEOX.

7. Lisichkin V. A., Shelepin L.A. The Third World War (information and psychological). – M.: Institute of Socio-Political Studies of the Russian Academy of Sciences, 1999. – 304 p. – ISBN 5-201-02158-1.

8. Malyuk A.A. Information war and modern problems of ensuring information security//Conceptual issues of cybersecurity. – 2024. – № 5. – S. 105–114. – DOI: 10.21681/2311-3456-2024-5-105-114.

9. Saranchin D.A. Features of information warfare in modern conditions//Topical issues of science and economy: new challenges and solutions: collection of materials from the LV Student Scientific and Practical Conference, Tyumen, March 17–19, 2021 – Tyumen: State Agrarian University of the Northern Trans-Urals, 2021. – S. 660–662. – EDN QXVYSA.

10. Sorokin I.O. Evolution of the concept of information war in regulatory legal acts of Russia, the USA and NATO//Humanities. Bulletin of the University of Finance. – 2025. – T. 15. – № 2. – S. 99–113. – DOI: 10.26794/2226-7867-2025-15-2-99-113.

11. Bryczek-Wróbel P., Moszczyński M. The evolution of the concept of information warfare in the modern information society of the post-truth era // Przegląd Nauk o Obronności. – 2022. – № 13. – P. 48–62. – DOI: 10.37055/pno/152620.

12. Chin C. H., Schaeffer N.P., Parker C.J., Janke J.O. When Dragons Watch Bears: Information Warfare Trends and Implications for the Joint Force // JFQ (Joint Force Quarterly). – 2023. – № 109 (2nd Quarter). – P. 63–73.

13. Cyber-Terrorism Desk Monthly Trend Report: January 2026 / International Institute for Counter-Terrorism (ICT), Reichman University. – 2026. – 11 February. – URL: https://ict.org.il/cyber-terrorism-desk-monthly-trend-report-january-2026/ (access date: 22.04.2026).

14. GFCN: Технологии ИИ использовались для давления на избирателей в Венгрии // Yeni Şafak. – 2026. – 16 April. – URL: https://www.yenisafak.com/ru/news/44429 (access date: 22.04.2026).

15. Iran's Information Warfare During the December 2025 – January 2026 Protests and Its Continued Influence on Israel and the West / International Institute for Counter-Terrorism (ICT), Reichman University. – 2026. – 4 February. – URL: https://ict.org.il/irans-information-warfare-during-the-december-2025-january-2026-protests/ (access date: 22.04.2026).

16. Kalpokas I. Post-Truth and Information Warfare in their Technological Context // Applied Cybersecurity & Internet Governance. – 2024. – Vol. 3. – № 2. – P. 99–121. – DOI: 10.60097/ACIG/190407.

17. Reuter C., Lee Hughes A., Buntain C. Combating information warfare: state and trends in user-centred countermeasures against fake news and misinformation // Behaviour & Information Technology. – 2025. – Vol. 44. – № 13. – P. 3348–3361. – DOI: 10.1080/0144929X.2024.2442486.

18. Social media allegedly fuelled India–Pakistan tensions, report finds // Business and Human Rights Centre. – 2025. – 28 May. – URL: https://www.business-humanrights.org/ru/latest-news/social-media-allegedly-fueled-indiapakistan-tensions-report-finds/ (access date: 22.04.2026).

19. USC Study Finds AI Agents Can Autonomously Coordinate Propaganda Campaigns Without Human Direction / USC Viterbi School of Engineering. – 2026. – 11 March. – URL: https://viterbischool.usc.edu/news/2026/03/usc-study-finds-ai-agents-can-autonomously-coordinate-propaganda-campaigns-without-human-direction/ (access date: 22.04.2026).

Оптимизация диалогового ключа гуманитарной экспертизы

Щеглов Илья Алексеевич,
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры «Информационная аналитика и политические технологии» Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана
E-mail: shchia@mail.ru

В статье поднята одна из ключевых проблем, связанных с опытом реализации экспертных исследований гуманитарного типа. Выдвинуты предложения по оптимизации диалогового взаимодействия как первостепенного в технологии производства гуманитарной экспертизы. Раскрыто значение гуманитарной технологии как диалоговой в гуманитарном исследовании. Показано, что цель диалога в гуманитарной экспертизе – выявление ценностного поля объекта – требует использования соответствующих методов исследования, и несет в себе специфику понимания диалогового ключа, лежащего в основе указанной экспертизы. Сделан акцент на аудиторном диалоговом взаимодействии. Охарактеризован фундамент диалогового механизма и перечислены условия, обеспечивающие состоятельность диалогового взаимодействия. Изложенные положения по оптимизации диалогового ключа гуманитарной экспертизы ориентированы на систему высшего образования и могут быть использованы при организации работы диалоговых площадок.

Ключевые слова: гуманитарная экспертиза, гуманитарная технология, диалоговая технология, диалоговая площадка, диалоговый механизм, участник диалога.

Опыт осуществления гуманитарной экспертизы пока недостаточен для его систематизации, но позволяет констатировать неустойчивость понимания механизма реализации диалогического ключа в качестве фундамента данной экспертизы.

Гуманитарная экспертиза – исследование, направленное на выявление ценностного поля рассматриваемого объекта в пользу принятия социально-ориентированного решения. Ее производство включает в себя ряд этапов. На первом этапе заказчик обосновывает необходимость в проведении указанной экспертизы. На втором происходит сбор информации от участников диалога, имеющих отношение к объекту экспертизы, для составления их ценностного базиса, основу которого образует система ценностей лица и его отношение к объекту экспертизы. На третьем производится экспертиза полученных данных с последующей дачей мотивированного заключения.

Основу гуманитарной экспертизы составляет принцип диалогичности – означает реализацию лицами, имеющими отношение к объекту экспертизы, своей роли – участников диалоговой площадки. Диалоговый характер такой экспертизы направлен, прежде всего, на выявление субъективного восприятия и ожиданий участников относительно объекта исследования. Особое внимание уделяется роли гуманитарной экспертизы в системе высшего образования, где под участниками диалоговой площадки чаще всего понимаются студенты. Эта экспертиза возможна, например, при проведении «внутренней системы оценки качества образования» [7, с. 45], и в качестве самостоятельного мероприятия. Идея диалогичности нашла актуальное отражение в понятии «диалогическая педагогика» [2, с. 9].

Надежность выводов гуманитарного экспертного исследования зависит от качества входной информации, которая исходит от участников диалоговой площадки. Для обеспечения гуманитарной экспертизы входной информацией, исходящей от участников, применение тестов, стандартных социологических опросов недостаточно. Организация работы диалоговой площадки настроена на обеспечение высокой плотности взаимодействия [13], что достигается за счет генерации диалогового ключа гуманитарной экспертизы.

В рамках начальной стадии второго этапа гуманитарного исследования выявляется ценностно-смысловой вектор лица относительно рассматриваемой ситуации, проблемы. Эта стадия включает в себя процесс отбора кандидатов на участие в диалоге, а также подготовительные мероприятия. Полученная от участников информация выступает как входная для выявления ценностного поля объекта экспертизы. На стадии отбора из числа желающих для участия в исследовании используются соответствующие методы, например, диктанта с целью оценить письменную грамотность человека; сочинения, развернутого незавершенного высказывания, беседы – позволяет выявить содержательно-смысловой фокус респондента, оценить уровень владения им необходимыми компетенциями; анкетирования, который позволяет определить «точки зрения и тенденции, имеющие место в группе респондентов» [11, с. 296].

Диалоговые площадки активно включены в образовательные технологии [10]. Выделим диалог аудиторный (участники в вузе – студенты) и секционный (участники – преподаватели, представители структурных подразделений вуза). Тип участников требует определенного к ним подхода. Применяемые методы исследования обычно комбинируются, но всегда должны отвечать специфике участников, учитывая имеющиеся у них знания об объекте исследования.

Если взять в качестве иллюстрации внутривузовский аудиторный диалог, участники которого – студенты, требуется определить:
– является ли желание участвовать добровольным, осознанным, волевым решением;
– мотивы планируемого участия: в чем именно заинтересован человек, что ожидает от итогов исследования;
– выраженность отношения к рассматриваемой инициативе; это позволит определить кредит доверия студента к подобным исследованиям, к практикам гражданского участия в России (целесообразно применить метод развернутого незавершенного высказывания: «Демократическое участие как…»);
– направленность личности студента (например, методом сочинения: «О себе как студенте» по категориям – учеба, увлечения, работа и др.);
– архитектуру самополагания (уместно применить метод развернутого незавершенного высказывания: «Студент как единица вузовской среды – это субъект/объект…»).

Анкетные вопросы (может различаться их форма, конструкция ответов) имеет смысл направить на выявление плотности связи респондента в системе «студент-вуз»; например:

Интересуетесь ли Вы историей вуза?

Какими внеаудиторными помещениями вуза Вы пользуетесь/посещаете?

Считаете ли Вы нужным вносить собственный вклад в развитие вуза?

Взаимодействие с какими структурными подразделениями вуза, на Ваш взгляд, необходимо для студента?

Чем Вы заполняете свою внеаудиторную деятельность?

Оцените степень своей готовности к сотрудничеству в системе «студент-преподаватель», «студент-вуз».

Как Вы оцениваете степень сплоченности своей студенческой группы и социально-психологический климат в ней?

В чем Вы видите содержание обратных связей в системе «преподаватель-студент», «студент-вуз»?

Какие волевые качества Вы можете в себе выделить?

Проблема достоверности и нехватки входной информации выступает следствием: неполноты информирования лица о его роли в исследовании; не соответствующего ситуации подхода к пониманию диалога и его организации; нечетко сформулированных вопросов к респондентам.

Решение проблемы информированности человека о его предназначении в процессе исследования видится в подготовке лиц (целевой аудитории) для реализации ими ключевой в гуманитарном исследовании роли – участников диалога. Нередко диалоговые площадки не оправдывают возлагаемых на них надежд в силу недостатка внимания к подготовительным мероприятиям. В процесс подготовки входит комплекс занятий, где каждое имеет свою цель.

Во-первых, инструктаж. Цель – ознакомление с правилами проведения исследования и требованиями к участникам. По итогам его проведения для обеспечения постоянства состава лиц на каждой из последующих процедур с потенциальными участниками диалога заключается письменное соглашение о соблюдении правил проведения исследования. Этого требует деловой характер диалога, который разворачивается в рабочем пространстве, регламентирован. Участие в исследовании носит добровольный характер. Согласно ч. 20 гл. IV Приложения N 1 Постановления Правительства РФ от 25.05.2019 N 662 «Об утверждении методики проведения социологических исследований в целях оценки уровня коррупции в субъектах Российской Федерации», респондент «в любой момент имеет право отказаться от участия … В случае категорического отказа респондента от участия … следует … зафиксировать причину отказа».

Во-вторых, тематическое занятие. Его цель – дать систематизированную информацию об объекте исследования, о планах его возможной апробации или внедрения, так как знания об объекте, которыми располагают участники, не обязательно являются специальными или полными. Раскрывается понятийный аппарат исследования.

В-третьих, проведение практического занятия в форме тренинга с целью оптимизации у привлеченных к исследованию лиц необходимых компетенций и soft skills («мягкие», «гибкие» навыки). От участников аудиторного диалога требуются, прежде всего, развитые навыки коммуникации.

Цель диалога в гуманитарной экспертизе – выявление ценностного поля объекта – ценностно-смыслового, социально-психологического значения для респондентов. Нередко диалог строится в форме «вопрос-ответ». Подчеркнем: расспросная форма общения характерна для ситуаций, когда человек обладает важной тематической информацией. На неуместность такой формы общения в данном случае указывает то, что получение квалифицированной информации об объекте исследования от участников аудиторного диалога не ожидается, т.к. необходимая информация о нем содержится в иных материалах, прилагаемых для производства экспертизы. Не исключен и нюанс подмены «подлинного диалога вопросно-ответной формой общения» [1, с. 29].

Использование метода дискуссии затрудняет фиксацию организатором транслируемых мнений, поэтому не все из них могут быть учтены. Дискуссия предполагает обмен мнениями, идеями, обсуждение заявленной темы с целью выработки согласованного решения. От участников диалоговой площадки в соответствии с возложенными на них ролевыми предписаниями не ожидается согласование позиций относительно объекта исследования.

Дебаты, где разделенные на команды стороны представляют аргументы по заявленной теме или поставленному вопросу, в силу структурированности проведения минимизируют риски полноты учета позиций участников.

В рамках работы со студенческой аудиторией в контексте гуманитарного исследования использование метода фокус-групп желательно в очном формате [6]. Ставка на электронные формы взаимодействия чревата содержательным упрощением диалогового формата.

Выбор и последующее применение методов определяются внутренней логикой проводимого гуманитарного исследования. Выявленный на начальной стадии второго этапа ценностно-смысловой вектор потенциальных участников должен быть учтен для обеспечения баланса систем ценностей.

Полученную от участника диалога информацию желательно подкрепить содержащимися в локальной сети организации данными о нем. Это позволит создать более полный социально-ценностный портрет, в конкретном случае – студента: академическая успеваемость и вовлеченность в жизнь вуза послужат полезным дополнением к выявлению его ценностного базиса.

Особое внимание следует уделить составлению вопросов для успешной работы с участниками диалога, включая основную стадию. Выделим правила их составления:

– четкость и предметность формулировки: вопросы не должны содержать в себе двусмысленности, сложных конструкций;

– открытость вопросов: позволит дать развернутые ответы в свободной форме;

– логическая последовательность вопросов, отвечающая замыслу, цели, задачам исследования;

– адресность: «необходимо выбирать наиболее понятную, доступную для восприятия респондентами лексику и грамматическую форму вопроса» [4, с. 69];

– нейтральность: вопросы не должны быть эмоционально или оценочно окрашены;

– тактичность: вопросы не должны затрагивать личные стороны жизни и чувства респондентов;

– сбалансированность: вопросы не должны содержать в себе наводящую на определенный ответ направленность.

Рекомендуется провести апробацию вопросов, например, среди коллег или на малой выборке перед основным сбором данных для оценки их качества. Если выясняется, что респонденты неверно понимают некоторые вопросы, то их формулировки корректируются. Пробное исследование призвано повышать надежность его основной части.

Для аудиторного и секционного диалога требуется учет того, какой тип вопросов будет наиболее уместен в рамках взаимодействия. При составлении вопросов следует иметь в виду то, что от участников ожидается получение информации, необходимой для глубинного, ценностного понимания объекта исследования. Группировка вопросов по типу и направленности подчинена внутренней логике и структуре исследования.

Цель исследования полезно фундировать выявлением потенциала среды (социокультурной, социально-психологической) организации для участников, то есть изучением системы «среда-личность» [9, с. 51]. На выходе получаем не автономно взятую позицию, а ценностно-смысловой портрет участника, что служит основанием для составления ценностного базиса. Для студенческой аудитории сначала можно представить вопросы, направленные на выявление социализационного потенциала среды вуза [14, с. 128], после чего – вопросы, направленные на выявление отношения участника к объекту экспертизы.

Т.В. Матекина, Т.В. Дорф выделяют принципы диалоговой технологии, среди которых: признание автономии и прав личности студента; восприятие студента как партнера со своим внутренним миром [8]. Она рассматривается сегодня как актуальная педагогическая технология. Диалоговые технологии – есть последовательность этапов социальных взаимодействий с целью решения мобилизационно значимых задач. Их изучение стало ответом на актуализацию личностно-ориентированного подхода в образовании. Свое продолжение они получают в изучении и развитии технологий диалогового обучения.

Диалоговая технология – общее понятие. Диалоговой могут быть те или иные: гуманитарная, социальная, образовательная технологии. Каждая из них обладает своей спецификой, целью, но не исключает принцип диалогичности. В основе гуманитарной экспертизы лежат гуманитарные технологии, которые направлены на установление каналов кооперативного взаимодействия в целях принятия гуманитарно-взвешенных решений. Участник диалога – не только волевое лицо, но также системная единица процесса производства (в данном случае – гуманитарной экспертизы). Системный – т.е. относящийся к системе; примем во внимание такое определение: «принадлежащий к данной компании, объединению» [12]. Гуманитарной технологии отвечает идентифицированное и ответственное лицо, включенное в действенные механизмы обратной связи. Если участники нацелены на получение выгоды, борьбу за власть и влияние, «участие – неболь-

шая ценность» [3, с. 16]. Перевод диалоговых площадок на социологическую форму отношений как наименее ресурсно-затратную делает диалоговую технологию менее прозрачной и более манипулятивно уязвимой, порождает кризис доверия участников к инклюзивным практикам.

Фундамент диалогового механизма составляют:

– субъект-субъектная основа отношений: она строится на равноправии заинтересованных лиц – носителей деятельного начала, познания;

– диалоговый формат отношений – отличающийся открытостью принцип построения систем горизонтальных, вертикальных, смешанных отношений подотчетного действия. Его рабочая версия базируется на:

а) взаимоуважении участников социальных отношений: т.е. на принятии личности другого человека, признании за ним права выбора, личных границ;

б) рефлексивной взаимосвязи: социальная, коммуникативная рефлексия означает способность понимать и осознавать себя в ситуации взаимодействия, анализировать свою включенность в контекстные отношения, делать выводы;

в) самостоятельности: заключается в способности принимать решения с учетом интересов других, нести персональную, социальную ответственность, действовать самодостаточно;

– правовое регулирование системы отношений: цель – их упорядочение, определение зон ответственности участников диалогового взаимодействия;

– симметрия социальной коммуникации: каждый из взаимодействующих попеременно выполняет «роль источника и получателя информации»; такой информационный обмен является залогом полноценного диалога [5, с. 8];

– единый коммуникативный код: означает общение на понятном для всех участников языке.

Создание диалогового формата отношений не гарантирует диалоговую состоятельность. Если один из участников «подрывает диалогический процесс путем манипуляций, отказа от него … результат не будет диалогическим» [5, с. 15]. Состоятельность диалогового взаимодействия обеспечивают:

– добровольность участия в диалоговом процессе;

– бескорыстная заинтересованность в диалоговом взаимодействии;

– взаимообоюдность между участниками взаимодействия;

– готовность и способность субъектов взаимодействия к ресурсообмену – информационному, интеллектуальному;

– оперативность и своевременность обратной связи;

– готовность и способность участников к поддержанию экологичности поля отношений:

а) эмоционально-психологического поля (обеспечение психологической безопасности, честность, эмпатичность);

б) информационного (сведение к минимуму факторов информационного загрязнения);

в) смыслового (недвусмысленность и незавуалированность в оборотах речи);

– сбалансированность поля отношений:

а) равнозначимость (позиций): «вес» мнения не определяется статусом его обладателя;

б) психологическая равновесность (баланс в распределении внимания, времени, энергии и иных ресурсов между участниками).

Изложенные положения, направленные на оптимизацию диалогового взаимодействия как определяющего в технологии производства гуманитарной экспертизы, на наш взгляд, окажутся полезны при разработке и дальнейшей реализации гуманитарно-ориентированных исследований в вузе.

Литература

1. Асташова Н.А. Диалогическое обучение: перспективный вариант организации образования // Образование и наука. 2025. Т. 27. № 4. С. 9–41. DOI: 10.17853/1994-5639-2025-4-49-41

2. Афанасьева О.Ю., Солоницына А.С. Диалогическая личность как методологический ориентир высшего иноязычного образования // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2025. № 3 (187). С. 7–21. DOI: 10.25588/CSPU.2025.187.3.001

3. Бобкова Е.М., Осипова С.А., Короткова О.А. Государственно-общественный диалог: определяющие факторы и ключевые субъекты // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 2 (82). С. 14–18. https://doi.org/10.24158/spp.2021.2.1

4. Грехнева Л.В., Кривов С.В., Старкин С.В. Проблемы формулировки анкетных вопросов: социолого-лингвистический анализ // Филология: научные исследования. 2021. № 1. С. 66–76. DOI: 10.7256/2454-0749.2021.1.34711

5. Зайцев А.В. Диалогическая модель связей с общественностью: возникновение, состояние, перспективы // Ars Administrandi (Искусство управления). 2013. № 3. С. 5–23.

6. Корнаухова А.Д. Метод фокус-групп: обзор методологических аспектов // Символ науки: международный научный журнал. 2025. № 8–1. С. 91–94.

7. Лагусева Н.Н., Жидких В.А., Зорин И.В. Исследование степени удовлетворенности студентов и преподавателей образовательным процессом в формате внутренней системы оценки качества образования в вузе // Вестник Российской международной академии туризма. 2022. № 4. С. 44–53.

8. Матекина Т.В., Дорф Т.В. Основы диалоговых технологий // Педагогика, психология, общество: актуальные вопросы: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Чебоксары: Издательский дом «Среда». 2020. С. 132–136.

9. Мойсейчук С.Б. Реализация принципа диалогичности в культурно-образовательном пространстве учреждения высшего образования // Образование и культурное пространство. 2021. № 1. С. 50–54.

10. Никитенко Л.Н. Диалоговые площадки как основа непрерывного повышения профессионального мастерства педагогов // Непрерывное образование: проблемы, решения, перспективы: Сборник материалов III Всероссийской научной конференции с международным участием. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина. 2024. С. 106–111.

11. Савельева Л.А. Онлайн-анкетирование в исследовании // Актуальные проблемы совершенствования высшего образования: Сборник материалов XV Всероссийской научно-методической конференции. Ярославль: Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова. 2022. С. 295–298.

12. Системный // Словарь русского арго [Электронный ресурс]. URL: https://russian_argo.academic.ru/11576/системный (дата обращения: 25.07.2026).

13. Федорцова Е.Г. Диалоговая площадка «Русский язык как язык межнационального общения»: реализация традиционных и инновационных методов обучения // Потребительская кооперация стран постсоветского пространства: состояние, проблемы, перспективы развития: Сборник научных статей Международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию основания университета. Гомель: Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации. 2024. С. 445–448.

14. Щеглов И.А. Особенности реализации гуманитарной экспертизы в сфере образования // Общество: философия, история, культура. 2024. № 5. С. 126–131. https://doi.org/10.24158/fik.2024.5.18

OPTIMIZING THE DIALOGUE KEY OF HUMANITARIAN EXPERTISE

Shcheglov I.A.
Bauman Moscow State Technical University

The article raises one of the key issues related to the experience of implementing expert research of humanitarian type. Proposals have been put forward to optimize dialogue interaction as a priority in the technology of humanitarian expertise. The meaning of humanitarian technology as a dialogue technology in humanitarian research is revealed. It has been shown that the goal of dialogue in humanitarian expertise – identifying the value field of an object – requires the use of appropriate research methods and carries the specificity of understanding the dialogical key underlying this type of expertise. The article focuses on audience dialogue interaction. The basis of the dialogue mechanism is characterized and the conditions that ensure the consistency of the dialogue interaction are listed. The stated provisions on optimizing the dialogue key of humanitarian expertise are focused on the higher education system and can be used in organizing the work of dialogue platforms.

Keywords: humanitarian expertise, humanitarian technology, dialogue technology, dialogue platform, dialogue mechanism, participant of the dialogue.

References

1. Astashova N.A. Dialogic education: a promising option for the organization of education // Education and Science. 2025. T. 27. № 4. Pp. 9–41. DOI: 10.17853/1994-5639-2025-4-49-41

2. Afanasyeva O.Yu., Solonitsyna A.S. Dialogic personality as a methodological guideline of higher foreign language education // South Ural State Humanitarian Pedagogical University Bulletin. 2025. № 3 (187). Pp. 7–21. DOI: 10.25588/CSPU.2025.187.3.001

3. Bobkova E.M., Osipova S.A., Korotkova O.A. State-public dialogue: determining factors and key actors // Society: sociology, psychology, pedagogy. 2021. № 2 (82). Pp. 14–18. https://doi.org/10.24158/spp.2021.2.1

4. Grekhneva L.V., Krivov S.V., Starkin S.V. Problems of formulation of questionnaire questions: a sociological and linguistic analysis // Philology: scientific research. 2021. № 1. Pp. 66–76. DOI: 10.7256/2454-0749.2021.1.34711

5. Zaitsev A.V. Dialogic model of public relations: emergence, state, prospects // Ars Administrandi (Art of management). 2013. № 3. Pp. 5–23.

6. Kornaukhova A.D. The focus group method: a review of methodological aspects // Symbol of Science: international scientific journal. 2025. № 8–1. Pp. 91–94.

7. Laguseva N.N., Zhidkikh V.A., Zorin I.V. A study of the degree of satisfaction of students and teachers with educational the process in the format of an internal system for assessing the quality of education at a university // Russian International Academy of Tourism Bulletin. 2022. № 4. Pp. 44–53.

8. Matekina T.V., Dorf T.V. Fundamentals of dialog technologies // Pedagogy, psychology, society: current issues: Collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation. Cheboksary: Publishing house «Milieu». 2020. Pp. 132–136.

9. Moiseychuk S.B. Implementation of the principle of dialogicity in the cultural and educational space of an institution of higher education // Education and cultural space. 2021. № 1. Pp. 50–54.

10. Nikitenko L.N. Dialogue platforms as a basis for continuous professional development of teachers // Continuing education: problems, solutions, prospects: Collection of materials of the III All-Russian Scientific Conference with international participation. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University. 2024. Pp. 106–111.

11. Savelyeva L.A. Online questioning in research // Actual problems of improving higher education: Collection of materials of the XV All-Russian Scientific and Methodological Conference. Yaroslavl: Demidov Yaroslavl State University. 2022. Pp. 295–298.

12. Systemic // Dictionary of Russian argot [Electronic resource]. URL: https://russian_argo.academic.ru/11576/системный (accessed 25.07.2026).

13. Fedortsova E.G. Dialogue platform «Russian as the language of international communication»: implementation of traditional and innovative teaching methods // Consumer cooperation of the post-Soviet countries: status, problems, development prospects: Collection of materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 60th anniversary of the founding of the University. Gomel: Belarusian University of Trade and Economics of Consumer Cooperation. 2024. Pp. 445–448.

14. Shcheglov I.A. Implementation features of humanitarian expertise in the field of education // Society: philosophy, history, culture. 2024. № 5. Pp. 126–131. https://doi.org/10.24158/fik.2024.5.18

Свобода личности и социальная ответственность в современном обществе

Шевченко Ольга Викторовна,
кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры гуманитарных наук, Финансовый университет
E-mail: ovshevchenko@fa.ru

В статье рассматривается взаимосвязь свободы личности и социальной ответственности в условиях современного общества. Раскрывается содержание свободы как возможности человека самостоятельно определять жизненные цели, принимать решения и выбирать способы поведения. Показано, что свобода не существует вне социальных отношений и предполагает ответственность за последствия индивидуального выбора. Рассмотрено соотношение моральной, юридической и социальной ответственности, определены основные проблемы их реализации в цифровой среде, профессиональной деятельности и общественных отношениях. Внимание уделено изменению характера ответственности личности под влиянием расширения информационных возможностей, роста индивидуализации и усложнения социальных связей. Обосновано положение о том, что социальная ответственность выступает не ограничителем свободы, а условием ее полноценной реализации в обществе.

Ключевые слова: свобода личности, социальная ответственность, моральная ответственность, юридическая ответственность, общество, личный выбор, социальные отношения, цифровая среда.

Введение

Проблема свободы личности сохраняет значение для социальной философии, поскольку расширение возможностей индивидуального выбора одновременно увеличивает число ситуаций, в которых человек должен самостоятельно определять границы допустимого поведения и отвечать за последствия своих решений. Современный человек получает больше возможностей выбирать место работы, образование, круг общения, способы самореализации, источники информации и формы общественного участия. Последствия личного выбора нередко выходят за пределы частной жизни и затрагивают интересы других людей, профессиональных коллективов, социальных групп и общества в целом. Свобода поэтому не может рассматриваться только как отсутствие внешнего принуждения. Ее содержание связано со способностью человека осознанно выбирать линию поведения и принимать последствия сделанного выбора. Вопрос о соотношении свободы и ответственности имеет длительную философскую историю, в которой ответственность рассматривалась в связи с моральным выбором, обязанностями человека и его отношением к другим людям [4; 7; 10]. Современная трактовка проблемы требует учитывать изменение социальных условий: цифровизацию коммуникации, расширение публичности личного поведения, усложнение профессиональных и правовых отношений, рост значения индивидуальной инициативы. Цель статьи – в определении характера взаимосвязи свободы личности и социальной ответственности в современном обществе.

Свобода личности как условие самостоятельного социального действия

Свобода личности предполагает наличие реальной возможности выбора между различными вариантами поведения. Человек свободен тогда, когда ему формально разрешено действовать определенным образом и тогда, когда он способен самостоятельно определить мотивы своего поступка, оценить возможные последствия и принять решение без непосредственного принуждения. Свобода связана с сознательной деятельностью личности. Еще в античной философии проблема индивидуального поведения рассматривалась через связь личного выбора с устройством общественной жизни. В философии Платона справедливое общество строится не на произвольном удовлетворении любых желаний, а на согласовании поведения человека с представлениями о должном и общем благе [9]. Понимание дает отделить свободу от простого произвола, если любое действие объявляется свободным только потому, что человек его захотел совершить, исчезает возможность оценивать последствия этого действия для других людей.

Свобода личности проявляется в нескольких взаимосвязанных сферах, в частной жизни она выражается в возможности определять собственный образ жизни и личные приоритеты. В профессиональной сфере – в выборе профессии, способов выполнения работы, принятии самостоятельных решений в пределах должностных полномочий. В общественной сфере – в возможности выражать мнение, участвовать в общественной деятельности, вступать в различные объединения и отстаивать собственную позицию. Каждая из этих форм свободы предполагает определенные ограничения. Ограничение в данном случае не обязательно означает подавление свободы. Запрет на причинение вреда другому человеку, нарушение его прав или использование собственной свободы для создания угрозы обществу устанавливает границу, внутри которой индивидуальный выбор остается социально приемлемым. О.М. Коморникова рассматривает движение личности от свободы к ответственности как закономерную связь индивидуального действия с общественными отношениями [6].

Специфика современного общества состоит в том, что количество ситуаций самостоятельного выбора значительно увеличилось. Человек может самостоятельно создавать информационный контент, распространять сообщения, давать публичную оценку деятельности других людей, принимать решения в профессиональной среде, участвовать в дистанционной работе и образовательных процессах. Технические средства делают индивидуальное действие быстрым и массовым по своим последствиям. Высказанное мнение в личном разговоре и опубликованное в открытом информационном пространстве высказывание формально могут иметь одинаковое содержание, но социальные последствия у них различаются, поэтому расширение свободы действий одновременно требует повышения способности личности прогнозировать последствия собственного поведения.

Ответственность как социальное измерение свободы

Ответственность возникает там, где действие человека имеет определенные последствия и может получить оценку со стороны самого человека или общества. Т.В. Воробьёва связывает социальную ответственность личности с системой общественных отношений, норм, обязанностей и требований, которые регулируют поведение человека [2]. Ответственность нельзя свести исключительно к наказанию. Наказание есть возможным следствием нарушения нормы, тогда как ответственность начинается раньше – с момента осознания человеком своей связи с результатами собственного поступка.

В научной литературе существует разграничение моральной и юридической формы ответственности, так А.И. Иванников показывает различие между ними через основания возникновения и способы реализации: юридическая ответственность опирается на нормы права и предполагает формально определенные последствия правонарушения, моральная связана с нравственными нормами, оценкой поведения личности и ее внутренним отношением к собственному поступку [5]. Социальная ответственность имеет широкое содержание, она охватывает выполнение человеком обязанностей перед другими людьми, соблюдение принятых правил поведения, готовность учитывать общественные последствия своих действий. Лицо может не нарушить закон, но при этом поступить социально безответственно. К примеру, работник может формально выполнить минимальные требования должностной инструкции, но намеренно скрыть информацию, необходимую коллегам для предотвращения проблемы. Правовых последствий может не наступить, однако доверие внутри коллектива будет нарушено.

Социальная ответственность связана также с внутренней саморегуляцией. Внешний контроль не способен охватить все поступки человека. Невозможно установить правило на каждую бытовую, профессиональную или коммуникативную ситуацию, поэтому устойчивое общественное взаимодействие зависит от способности личности самостоятельно оценивать допустимость поведения. Е.И. Антипова отмечает изменение представлений о социальной ответственности и необходимость учитывать ее социокультурное содержание в современных условиях [1]. Ответственный человек принимает во внимание формальное требование и последствия своего решения для конкретных людей и социальной среды.

Соотношение свободы и ответственности можно представить следующим образом (табл. 1).

Таблица 1. Соотношение свободы личности и социальной ответственности

Элемент	Свобода личности	Социальная ответственность
Основа	Возможность выбора	Осознание последствий выбора
Главный вопрос	«Как я могу поступить?»	«К чему приведет мой поступок?»
Основной механизм	Самостоятельное решение	Самоконтроль и соблюдение норм
Отношение к другим	Учет границ личной свободы	Учет интересов и прав других людей
Результат	Самореализация личности	Согласование индивидуального и общественного интереса

Свобода без ответственности превращается в произвол, поскольку человек начинает рассматривать собственные интересы как единственный критерий допустимого поведения. Ответственность без свободы, напротив, теряет личностный характер: если решение полностью навязано извне и человек не имеет возможности выбора, говорить о полноценной ответственности за него значительно сложнее. Л. Горлукевич указывает на тесную связь свободы и ответственности личности и рассматривает их как взаимосвязанные категории, раскрывающие положение человека в системе общественных отношений [3].

Социальная ответственность личности в современном обществе

Современная социальная среда предъявляет к личности сложные требования, чем простое соблюдение установленных правил. От человека требуется способность самостоятельно ориентироваться в большом количестве социальных норм, оценивать достоверность информации, учитывать интересы других участников взаимодействия и отвечать за последствия собственных решений. Заметно это в цифровой среде. Пользователь может за несколько секунд распространить информацию среди большого количества людей. Ошибочная публикация, необоснованное обвинение или намеренное искажение фактов способны повлиять на репутацию конкретного человека или организации. Формальная доступность такого действия не означает его социальной оправданности, здесь свобода выражения мнения непосредственно сталкивается с ответственностью за содержание и последствия высказывания.

Изменился и характер профессиональной ответственности. Работник получает больше самостоятельности в организации рабочего времени, выборе инструментов и принятии оперативных решений. Возрастает значение личной инициативы и способности действовать без постоянного контроля руководителя. Ошибка одного специалиста может повлечь финансовые потери, нарушение технологического процесса, ухудшение качества услуги или снижение доверия клиентов, поэтому ответственность в профессиональной деятельности включает выполнение распоряжений и готовность самостоятельно оценивать риски. О.И. Мишурова рассматривает социальную ответственность личности как основу поведения, связанного с выполнением общественных и профессиональных обязанностей [8].

Отдельное значение имеет соотношение личной и коллективной ответственности. В организации результат часто зависит не от одного человека, а от последовательности действий нескольких сотрудников. Если каждый участник ориентируется исключительно на собственный участок работы и не учитывает последствия своих действий для коллег, формальное выполнение обязанностей не гарантирует эффективного результата. Ответственность здесь приобретает координационный характер. Работник отвечает за качество собственной деятельности и одновременно должен учитывать ее влияние на общий процесс. Подход важен в медицине, образовании, производстве, информационных технологиях, государственном управлении и сфере обслуживания.

Изменение представлений об ответственности связано и с развитием индивидуализации. Человек получает возможность самостоятельно определять многие параметры собственной жизни, однако общество не освобождает его от последствий выбора. П.А. Костин отмечает историческую изменчивость представлений об ответственности и ее связь с философским пониманием человека, общества и нормы [7]. Современная ситуация продолжает эту линию: чем шире пространство самостоятельного выбора, тем выше требования к способности личности оценивать последствия своих действий.

Моральная и юридическая границы ответственности

Юридическая ответственность имеет четко установленные основания. Закон определяет запрещенное поведение, порядок привлечения к ответственности и предусмотренные последствия. Система необходима для защиты прав личности и общественных интересов. Но право не охватывает всего пространства социальных отношений. Значительная часть поступков регулируется моральными нормами, профессиональной этикой, обычаями и личными убеждениями. Человек может юридически иметь право отказаться от помощи другому человеку, но моральная оценка такого поведения будет зависеть от конкретной ситуации, поэтому общественная ответственность не может быть сведена к перечню юридических запретов.

А.А. Попова, рассматривая категорию социальной ответственности в истории философской мысли, связывает ее содержание с изменением представлений о должном поведении личности и ее отношении к обществу, эта связь сохраняет значение и сегодня[10]. Современная личность действует одновременно в нескольких нормативных пространствах: правовом, моральном, профессиональном, семейном, корпоративном. Требования этих пространств могут совпадать, но не всегда являются идентичными. Ответственное поведение предполагает способность учитывать их совокупность.

Историко-философский анализ показывает, что ответственность постепенно переставала пониматься только как внешнее воздаяние за нарушение установленного порядка. А.Ю. Дмитренко прослеживает развитие проблематики ответственности в истории философской мысли и показывает ее связь с изменением представлений о свободе, долге и человеческом поведении, в современном обществе важна внутренняя сторона ответственности [4]. Человек должен уметь остановиться до нарушения нормы, а не только оценивать последствия после применения санкции.

Практическое значение имеет формирование культуры добровольного соблюдения норм. В организации такая культура проявляется в добросовестном выполнении обязанностей, соблюдении договоренностей, корректном обращении с коллегами, сохранении конфиденциальной информации. В образовательной среде – в самостоятельном выполнении заданий, уважении интеллектуального труда, соблюдении правил академической добросовестности. В цифровой коммуникации – в проверке информации перед публикацией, уважении частной жизни, отказе от распространения заведомо ложных сведений. В каждом случае речь идет о добровольном ограничении собственных действий с учетом интересов других людей.

Проблема границ личной свободы

Граница свободы личности определяется не самим фактом наличия желания, а отношением между индивидуальным действием и правами

других субъектов. Если реализация одного интереса приводит к существенному ущемлению другого человека, возникает необходимость общественного регулирования. Граница не означает отказа от свободы, напротив, она создает условия, при которых свобода становится взаимной. Каждый человек сохраняет пространство выбора до тех пор, пока использование этого пространства не разрушает аналогичную возможность для других.

На практике сложными являются ситуации, в которых личные и общественные интересы непосредственно сталкиваются. Сюда относим распространение информации о других людях, использование персональных данных, публикация материалов с участием несовершеннолетних, выполнение профессиональных обязанностей при конфликте интересов, принятие решений руководителем, затрагивающих коллектив. В подобных ситуациях недостаточно задать вопрос о наличии формального права, надо установить возможные последствия действия и определить, насколько они соразмерны преследуемой цели.

Свобода личности предполагает также возможность ошибаться. Полное исключение ошибок означало бы чрезмерное расширение внешнего контроля и фактическое ограничение самостоятельности человека. Ответственное общество должно различать ошибку, допущенную вследствие недостатка опыта или информации, и сознательное игнорирование последствий. В первом случае важны обучение, предупреждение и исправление ситуации; во втором – применение соответствующих мер ответственности. Подход дает сохранить личную инициативу, не отказываясь от требований социальной дисциплины.

В современных условиях значение приобретает способность человека прогнозировать последствия, если раньше социальные последствия поступка часто ограничивались непосредственным кругом общения, цифровые технологии сделали их потенциально масштабными. Один человек может создать сообщение, которое через несколько минут получит тысячи просмотров. Ответственность за публичное действие возрастает пропорционально его потенциальному распространению, это относится не только к негативному контенту. Профессиональная публикация, образовательный материал или общественная инициатива также могут оказать значительное влияние на других людей. Свобода становится содержательной именно тогда, когда человек способен использовать расширившиеся возможности без отказа от самоконтроля.

Заключение

Свобода личности и социальная ответственность представляют собой взаимосвязанные стороны человеческой деятельности. Свобода обеспечивает возможность самостоятельного выбора, а ответственность определяет отношение человека к результатам этого выбора. Разделение этих категорий приводит к двум противоположным крайностям: свобода без ответственности превращается в произвол, ответственность без свободы – в выполнение навязанных требований без самостоятельного отношения к поступку.

Современное общество расширяет пространство индивидуального выбора. Человек самостоятельно принимает больше решений в профессиональной, образовательной, семейной, общественной и цифровой сферах. Возрастает масштаб возможных последствий личных действий. Социальная ответственность должна рассматриваться не как система исключительно внешних запретов и санкций, а как способность личности самостоятельно учитывать права других людей, общественные нормы и возможные результаты собственного поведения.

Устойчивой формой социальной ответственности есть внутренняя готовность человека отвечать за свой выбор до наступления внешнего наказания. Ответственность формируется через нравственное воспитание, правовую культуру, профессиональную этику, опыт социального взаимодействия и развитие навыков критической оценки собственных решений. Ограничения свободы приобретают рациональный характер: они не уничтожают самостоятельность личности, а устанавливают границы совместного существования.

Свобода личности в современном обществе должна пониматься как осознанная возможность выбора, предполагающая готовность принять последствия собственного решения. Социальная ответственность выступает необходимым условием реализации такой свободы, поскольку связывает индивидуальный поступок с интересами других людей и устойчивостью общественных отношений. Чем шире возможности человека влиять на окружающую социальную среду, тем выше значение его способности самостоятельно устанавливать границы допустимого поведения.

Литература

1. Антипова Е.И. Социальная ответственность: эволюция подходов и актуальные социокультурные интерпретации // Челябинский гуманитарий. 2024. № 2 (67). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-otvetstvennost-evolyutsiya-podhodov-i-aktualnye-sotsiokulturnye-interpretatsii (дата обращения: 14.09.2026).

2. Воробьёва Т.В. Социальная ответственность личности в свете социально-гуманитарных и психолого-педагогических наук // Социально-гуманитарные знания. 2011. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-otvetstvennost-lichnosti-v-svete-sotsialno-gumanitarnyh-i-psihologo-pedagogicheskih-nauk (дата обращения: 14.09.2026).

3. Горлукевич Л. Проблемы свободы и ответственности личности / Любовь Горлукевич. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2016. – № 17.1 (121.1). – С. 77–85. – URL: https://moluch.ru/archive/121/33595. (дата обращения: 14.09.2026).

4. Дмитренко А.Ю. Отражение проблематики ответственности в историко-философской мысли // Междунар. журн. гуманит. и естеств. наук. 2019. Т. 2–2. С. 18–23.

5. Иванников А.И. Моральная и юридическая ответственность // Сев.-Кавказ. юрид. вестн. 2017. № 3. С. 49–54.

6. Коморникова О.М. Личность и общество: от свободы к ответственности // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2022. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lichnost-i-obschestvo-ot-svobody-k-otvetstvennosti (дата обращения: 14.09.2026).

7. Костин П.А. Концептуализация проблемы ответственности в истории философской мысли // Право и практика. 2017. № 2. С. 129–134.

8. Мишурова О.И. Основа социальной ответственности личности // Сервис в России и за рубежом. 2017. Т. 11, Вып. 1(71). С. 155–165

9. Платон. Соч.: в 4 т. Т. 2 / под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та: Изд-во Олега Абышко, 2007. 623 с.

10. Попова А.А. Категория социальной ответственности в контексте развития философской мысли // Гуманит. вестн. 2017. № 8. С. 1–12. DOI: 10.18698/2306-8477-2017-8-457

INDIVIDUAL FREEDOM AND SOCIAL RESPONSIBILITY IN MODERN SOCIETY

Shevchenko O.V.
Financial University

The article examines the relationship between individual freedom and social responsibility in modern society. It explores the nature of freedom as an individual's capacity to independently define life goals, make decisions, and choose courses of action. It demonstrates that freedom does not exist in isolation from social relations and entails responsibility for the consequences of individual choices. The article analyzes the interplay between moral, legal, and social responsibilities and identifies key challenges regarding their implementation within the digital environment, professional activities, and social interactions. Particular attention is paid to how the nature of individual responsibility is evolving under the influence of expanding information capabilities, increasing individualization, and the growing complexity of social ties. The article substantiates the argument that social responsibility acts not as a constraint on freedom, but as a prerequisite for its full realization within society.

Keywords: individual freedom, social responsibility, moral responsibility, legal responsibility, society, personal choice, social relations, digital environment.

References

1. Antipova E.I. Social Responsibility: Evolution of Approaches and Current Sociocultural Interpretations // Chelyabinsky Gumanitarian. 2024. No. 2 (67). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-otvetstvennost-evolyutsiya-podkhodov-i-aktualnye-sotsiokulturnye-interpretatsii (accessed: 14.09.2026).

2. Vorobyova T.V. Social responsibility of the individual in the light of socio-humanitarian and psychological-pedagogical sciences // Socio-humanitarian knowledge. 2011. No. 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-otvetstvennost-lichnosti-v-svete-sotsialno-gumanitarnyh-i-psihologo-pedagogicheskih-nauk (accessed: 14.09.2026).

3. Gorlukevich L. Problems of freedom and responsibility of the individual / Lyubov Gorlukevich. – Text: direct // Young Scientist. – 2016. – No. 17.1 (121.1). – Pp. 77–85. – URL: https://moluch.ru/archive/121/33595. (accessed: 14.09.2026).

4. Dmitrenko A. Yu. Reflection of the issue of responsibility in historical and philosophical thought // Int. J. Humanit. and Nat. sciences'. 2019. Vol. 2–2. pp. 18–23.

5. Ivannikov A.I. Moral and legal responsibility // North Caucasus. jurid. vestn. 2017. No. 3. pp. 49–54.

6. Komornikova O.M. Personality and society: from freedom to responsibility // Bulletin of PNRPU. Socio-economic sciences. 2022. No. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lichnost-i-obschestvo-ot-svobody-k-otvetstvennosti (accessed: 14.09.2026).

7. Kostin P.A. Conceptualization of the Problem of Responsibility in the History of Philosophical Thought // Law and Practice. 2017. No. 2. Pp. 129–134.

8. Mishurova O.I. The Basis of an Individual's Social Responsibility // Service in Russia and Abroad. 2017. Vol. 11, Issue 1(71). Pp. 155–165.

9. Plato. Works: in 4 vols. Vol. 2 / edited by A.F. Losev and V.F. Asmus. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg University: Publishing House of Oleg Abyshko, 2007. 623 p.

10. Popova A.A. The category of social responsibility in the context of the development of philosophical thought // Humanit. bulletin. 2017. No. 8. Pp. 1–12. DOI: 10.18698/2306-8477-2017-8-457

Реификация патриотизма: от размытых представлений к эмпирическому анализу

Юрьев Роман Станиславович,
аспирант, Санкт-Петербургский государственный экономический университет
E-mail: keiteinsame@mail.ru

Статья посвящена эмпирическому исследованию патриотизма молодежи как многомерного социального феномена. В качестве исследовательской процедуры используется реификация патриотизма, понимаемая как перевод абстрактного и нормативно нагруженного понятия в систему наблюдаемых социальных установок, идентификаций, мотиваций и практик. Эмпирическую основу исследования составили результаты массового опроса 319 респондентов. Рассматриваются локальная социальная идентификация, мотивация общественного участия, отношение к самоорганизации, взаимодействие с государственными и муниципальными институтами, а также использование цифровых инструментов. Показано, что патриотическая ориентация не сводится к единой степени выраженности и может проявляться через различные сочетания ценностных, познавательных, социальных и инструментальных оснований. Особое значение имеют связь молодежи с локальным социальным пространством, ориентация части респондентов на институционально организованные формы решения общественных задач и зависимость отношения к цифровым инструментам от их практической функциональности. На основе результатов исследования обозначены направления совершенствования механизмов взаимодействия управленческих структур с молодежью.

Ключевые слова: патриотизм; реификация патриотизма; молодежь; социальная идентификация; общественное участие; мотивация; самоорганизация; управленческие институты; цифровые практики; социальная вовлеченность.

Введение

Мы не рассматриваем патриотизм как самостоятельную ценность, которая существует вне социального контекста. Само по себе понятие «патриот» весьма условно: его содержание меняется в зависимости от того, кто и с какой целью его использует. Люди, как правило, охотно поддерживают политику патриотического воспитания, но при этом далеко не всегда могут объяснить, что именно они вкладывают в слово «патриотизм». Существующие расхождения в трактовке патриотизма мы связываем с предположением, согласно которому патриотизм рассматривается как реифицированное понятие. Говоря о реификации, мы имеем в виду ошибку неуместной конкретности, в соответствии с которой абстрактное выдается за конкретное [3]. Проблема, на наш взгляд, состоит в том, что одинаковым словом именуются разнородные явления. Чтобы привести различные трактовки патриотизма к общему знаменателю, нами была предпринята попытка разделить патриотизм всего на два основных вида – «естественный» и «политический» (или гражданский). Говоря о «естественном патриотизме», мы подразумеваем приверженность так называемым «примордиальными» общностям, то есть осознаваемая индивидом принадлежность к той или иной форме этноса. Второй вид патриотизма, а именно «политический» (или гражданский), предполагает тесную связь с институтом государства и политического участия [4, С. 126], [10, С. 93]. Патриотическое воспитание выступает одним из основных векторов системы государственного управления молодежной сферой, однако не всегда представляется очевидным, что является частью патриотического воспитания, а что нет. По этой причине мы считаем актуальной задачу перехода от рассмотрения патриотизма как однородной категории к его непосредственному эмпирическому анализу.

В рамках нашей работы объектом исследования выступает патриотизм как совокупность социально-идеологических установок в сознании и поведении молодежи (в возрасте 14–35 лет) в современном российском обществе. Предмет исследования – эмпирические характеристики патриотических установок и практик молодежи. Целью нашего исследования выступает подтверждение либо опровержение гипотез. Гипотеза-основание постулирует, что патриотическая социализация современной российской молодежи характеризуется локальной замкнутостью: молодой человек охотнее вкладывает ресурсы в то, что находится в непосредственной доступности, чем в общенациональные проекты. Гипотеза-следствие постулирует, что чувство принадлежности у современной российской молодежи сильнее связано с локальным сообществом и малой родиной, нежели с гражданской нацией (молодые люди в большей степении соотносят себя со своим городом, нежели с государством).

Результаты и обсуждение

Выборка составила 319 респондентов в возрасте от 14 до 35 лет. Это соответствует принятым возрастным границам молодежи [14]. Отбор проводился по квотам. Учитывались основные социально-демографические и территориальные характеристики. По месту проживания: Москва – 16% респондентов, Санкт-Петербург – 9%. Остальные респонденты из других регионов Российской Федерации. Гендерное распределение следующее: женщины – 52%, мужчины – 48%. Возрастное распределение: категория 11–17 лет – 12%; 18–24 года – 37%; 25–29 лет – 24,3%, 30–34 года – 20%. Категории, не вошедшие в итоговую выборку, в расчет не брались.

Анкета состояла из 15 вопросов. Они распределены по пяти содержательным блокам:

- цифровые практики и информационные интересы;
- опыт участия и социальные установки;
- формы участия и коммуникационные каналы;
- представления о гражданстве и доверие к институциональной среде;
- цифровая среда и мотивация участия [12, С. 107].

Когда эмпирические данные были собраны, мы перевели их в табличный формат, затем провели первичную проверку на наличие пропущенных значений и некорректных ответов. Для вопросов с множественным выбором мы определили долю респондентов, выбравших каждый вариант, относительно общего объема выборки (т.е. 319 человек). По вопросам с одним вариантом ответа рассчитывались абсолютные частоты и соответствующие им процентные распределения.

Массовый опрос позволил получить информацию, которую невозможно было бы получить исключительно при помощи качественных методов социологического анализа (табл. 1).

Таблица 1. Субъективные мотивы участия в управленческой деятельности

Параметр	Данные опроса
Мотивы участия (Q13)	Чувство долга – 38%, интерес – 26,3%, бонусы – 22,7%, общение – 8%
Барьеры участия (Q14)	Нехватка времени – 53,3%, непонимание смысла – 21,3%, незнание где участвовать – 14,3%
Доверие к федеральной власти (Q9)	Доверяют – 38,3%, не доверяют – 30%, затрудняются – 31,7%
Доверие к региональной власти (Q10)	Доверяют – 38,7%, не доверяют – 31,7%, затрудняются – 29,6%
Доверие к муниципальной власти (Q11)	Доверяют – 36%, не доверяют – 33%, затрудняются – 26%
Отношение к цифровому суверенитету (Q12) [5]	Положительно (даже если неудобно) – 14,7%, условно положительно – 28,7%, нейтрально – 19%, отрицательно – 30,3%, ограничение свободы – 8,3%
Смыслы гражданства (Q8)	Права и свободы – 32%, улучшение города – 25%, влияние через выборы – 19,7%
Предпочтительные форматы активности (Q7)	Волонтерство [15] – 38,3%, информирование в соцсетях – 35,3%, выборы – 27,7%
Каналы продвижения инициатив (Q6)	Официальные структуры – 41%, неформальные сообщества – 31,7%, самоорганизация – 28,7%
Отношение к самоорганизации (Q15)	Положительно – 50%, положительно, но сам не буду – 29,3%, отрицательно – 11%

Локальная направленность социальных интересов проявляется в интересе к новостям города или района: их отслеживают 50% респондентов. Сообщества, посвященные деятельности государственных структур, при этом привлекают внимание лишь 12,7% опрошенных. 64,7% респондентов характеризуют себя как патриотов своего города. Полученные данные указывают на достаточно выраженную связь значительной части молодежи с локальным социальным пространством. Эмпирические данные свидетельствуют о более выраженной связи молодежи с локальным социальным пространством: новости города или района интересуют 50% респондентов, тогда как деятельностью государственных структур интересуются 12,7%. Локальная идентичность не обязательно непосредственно трансформируется в более широкие формы социальной и гражданской вовлеченности [11, С. 106], поэтому может рассматриваться как самостоятельный ресурс взаимодействия молодежи с общественными и управленческими институтами.

64,7% участников исследования характеризуют себя как патриотов своего города. При этом практическая направленность участия прослеживается в структуре мотивации. Так, материальные и карьерные стимулы назвали значимыми 22,7% респондентов, а наиболее распространенным препятствием для участия оказался недостаток времени: его указали 53,3% опрошенных. Это позволяет предположить, что включение молодежи в общественные и социально-управленческие практики зависит не только от ценностных установок, но и от наличия доступных ресурсов и понятных индивидуальных стимулов [8, С. 64], [9, С. 122]. Взаимодействуя с управленческими структурами, респонденты отдают предпочтение официальным каналам продвижения городских инициатив: к ним готовы обращаться 41% опрошенных. Вместе с тем 50% положительно относятся к самостоятельной организации жителей. При этом 29,3% поддерживают такую возможность, но не выражают готовности лично участвовать в соответствующих практиках. Данные указывают на расхождение между положительным отношением к самоорганизации как форме общественного взаимодействия и готовностью непосредственно включаться в нее. В целом молодежь демонстрирует более выраженную включенность в локальные городские сообщества и связь с ближайшим социальным окружением, чем с более широкими формами гражданской идентификации [6, С. 81]. Интерес к деятельности государственных институтов и политических организаций при этом выражен сравнительно слабо. Локальная социальная среда, судя по полученным данным, выступает одним из каналов взаимодействия молодежи с общественными и управленческими структурами.

Интерес молодежи к деятельности государственных и управленческих институтов имеет преимущественно ситуативный характер. Потенциальное участие в общественных проектах во многих случаях связано с практическими стимулами: возможностью получить бонусы, приобрести полезный опыт, развить профессиональные связи или расширить круг общения. Цифровые платформы с системой поощрений и практических преимуществ, в частности «Большая перемена» и DOBRO.RU, встречались среди респондентов чаще, чем ряд других ресурсов. Это может указывать на значимость инструментальных механизмов вовлечения и непосредственной практической отдачи от участия [3, С. 149], [7, С. 359], [13, С. 76]. Отношение к институтам управления также характеризуется неопределенностью. Доверие к федеральным органам власти выразили 38,3% респондентов, 31,7% затруднились с ответом. Сочетание относительно невысокой доли определенных оценок с высокой долей неопределившихся респондентов позволяет предположить, что отношение части молодежи к государственным институтам управления пока не отличается устойчивостью. Это в значительной степени согласуется с данными Горшкова М.К. и Шереги Ф.Э. и показывает, что уровень доверия к формальной системе государственного управления и политической системе среди российской молодёжи остаётся на относительно невысоком уровне: так, Горшков М.К. и Шереги Ф.Э. показали, что доверие к Государственной Думе РФ среди молодёжи составляет 30,1%, тогда как затруднились ответить 34% респондентов; схожие данные предствлены по Совету Федерации и политическим партиям [2, С. 81]. Вместе с тем результаты исследования позволяют уточнить структуру мотивации молодежи. Материальные или карьерные преимущества в качестве основного стимула обозначили 22,7% респондентов, еще 8% указали на возможность общения. Более распространенными мотивами участия оказались чувство долга (38%), интерес к соответствующей тематике и стремление получить новые знания и навыки (26,3%). Практическая выгода занимает не ведущую, а третью позицию в структуре мотивации, уступая ценностным и познавательным основаниям участия.

Наиболее востребованными оказались доступные и структурированные форматы участия с понятными процедурами и невысокими затратами времени и ресурсов. К ним относятся онлайн-голосования, использование цифровых платформ, участие в организованных мероприятиях и другие формы, не требующие длительного включения в коллективную деятельность. Наиболее привлекательными формами общественного участия являются волонтерская деятельность и участие в НКО (38,3%), распространение информации о значимых проблемах посредством социальных сетей (35,3%), участие в выборах (27,7%) и онлайн-голосование (18,7%). Для этих практик характерны относительно невысокий порог включения и понятный алгоритм действий. При продвижении городской инициативы 41% респондентов предпочитают обращаться к официальным структурам. Вместе с тем 50% положительно оценивают возможность самостоятельной организации жителей. Однако 29,3% поддерживают такую форму взаимодействия, не выражая готовности принимать в ней непосредственное участие и предпочитая существующие государственные механизмы. Позитивное отношение к самоорганизации сочетается с ориентацией части молодежи на институционально организованные формы решения общественных задач.

Отношение к развитию национальной цифровой инфраструктуры оказалось неоднородным. Полностью перейти на отечественный мессенджер «Max» даже при снижении удобства готовы 14,7% респондентов. Еще 28,7% относятся к такой возможности скорее положительно, но связывают ее с сохранением сопоставимого уровня удобства и функциональности по сравнению с привычными цифровыми сервисами. В то же время 30,3% респондентов относятся к переходу скорее отрицательно и предпочитают сохранять привычные цифровые инструменты, а 13% воспринимают подобную инициативу как ограничение возможностей выбора. Отношение к развитию отечественной цифровой инфраструктуры связано как с общими установками, так и с практическими характеристиками используемых сервисов. Для значительной части молодежи удобство, функциональность и привычность цифрового взаимодействия выступают существенными условиями принятия новых управленческих и коммуникационных инструментов.

Выявленные особенности взаимодействия молодежи с государственными структурами согласуются с результатами ранее проведенных исследований. Невысокий интерес к деятельности государственных институтов (12,7%) и политических организаций, значительная доля респондентов, затрудняющихся при оценке уровня доверия к органам власти (31,7%), а также ориентация части молодежи на официальные механизмы решения общественных задач позволяют сопоставить полученные результаты с выводами М.К. Горшкова и Ф.Э. Шереги [2, С. 214]. В их исследовании отмечались изменчивость мировоззренческих ориентиров молодежи, неоднозначность представлений о государстве и повышение значимости государственных гарантий. Полученные в рамках нашего исследования данные показывают сохранение ряда обозначенных тенденций. В частности, большое значение име-

ют ожидания институциональной поддержки и относительно низкая степень вовлеченности в самостоятельные формы взаимодействия с управленческими структурами.

На основании теоретического анализа и результатов эмпирического исследования сформулирован комплекс рекомендаций для государственных органов, институтов гражданского общества и исследовательских коллективов, работающих в молодежной сфере. Предлагаемые направления учитывают выявленные особенности социальных установок молодежи, существующие барьеры участия и характер ее взаимодействия с управленческими и общественными институтами. В рамках программ, направленных на социальное воспитание и вовлечение молодежи, целесообразно сочетать общенациональную тематику с материалами, связанными с непосредственной социальной средой молодых людей. Речь может идти об истории города и региона, достижениях местных жителей, развитии городской инфраструктуры, благоустройстве территорий и конкретных локальных проектах. Связь общественной активности с повседневным опытом может способствовать повышению ее воспринимаемой значимости. Вместо противопоставления локальных и более широких форм социальной идентификации друг другу было бы целесообразнее формировать проекты, в которых участие в решении конкретной проблемы на локальной территории одновременно рассматривается как форма общественно значимой деятельности. Благоустройство двора, создание общественного пространства, экологическая акция или участие в развитии городской инфраструктуры – все это может связывать личный опыт молодого человека с более широкими задачами общественного развития. Такой подход позволяет выстраивать расширение социальной идентификации через значимые для молодежи формы локального участия.

Основным препятствием для участия в общественных проектах респонденты называют нехватку времени: этот фактор отметили 53,3% опрошенных. Полученный результат не следует автоматически интерпретировать как отсутствие интереса к общественной деятельности. Он может отражать высокую интенсивность повседневной занятости молодых людей, совмещающих обучение, профессиональную деятельность, семейные обязанности и другие виды активности. Поэтому целесообразно расширять форматы участия, требующие минимальных временных затрат. Среди них мы выделяем онлайн-голосования, быстрые опросы, оценка качества городских сервисов, распространение общественно значимой информации посредством социальных сетей и другие кратковременные формы включения. Онлайн-голосования привлекательны для 18,7% респондентов, а информирование посредством социальных сетей – для 35,3%. При организации взаимодействия с молодежью разумно рассматривать микроучастие (лайк, репост, участие в онлайн-голосовании) как самостоятельную форму социальной вовлеченности. Микроучастие требует значительно меньших временных ресурсов, чем длительная офлайн-деятельность, но при определенных условиях так же обеспечивает включение человека в общественные процессы. Поэтому цифровые формы участия можно рассматривать не только как предварительный этап перехода к офлайн-активности, но и как самостоятельный элемент современных социальных практик.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что процессы социализации российской молодежи характеризуются рядом особенностей, которые необходимо учитывать при выборе соответствующих инструментов управления. В совокупности предложенные направления позволяют выстроить более последовательную систему взаимодействия органов управления с молодежью. В такой системе информационные, цифровые, образовательные и организационные инструменты дополняют друг друга. Реализация соответствующих рекомендаций может способствовать совершенствованию механизмов государственного управления, расширению участия молодежи в общественно значимых проектах и развитию устойчивого взаимодействия между молодежными группами и управленческими структурами. Основой такого взаимодействия при этом должны выступать реально существующие интересы, потребности и модели поведения молодежи. Это позволит соотносить управленческие механизмы с фактическими условиями ее социальной вовлеченности.

Литература

1. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Пырма Р.В., Азаров А.А., Синяков А.В. «Цифровая гражданственность» в оценках российской молодежи // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. – 2021. – Т. 15. – № 3. – с. 4–22.

2. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. – М.: ЦСПиМ, 2010. – 592 с.

3. Домашова Е. В., Благовская Е.В., Гонохова Т.А. Волонтерская деятельность как основа формирования активности молодежи в России // Вестник ГУУ. – 2020. – № 9. – С. 146–152.

4. Евгеньева Т.В., Титов В.В. Формирование национально-государственной идентичности российской молодежи // Полис. Политические исследования. – 2010. – № 4. – с. 122–134.

5. Ефремов А.А. Формирование концепции информационного суверенитета государства // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 1. – С. 201–215.

6. Журавлева Л. А., Завьялова Н.В. Молодежь как инновационная социальная общность // Образование и наука. – 2013. – № 4. – С. 77–90.

7. Мерсиянова И. В., Брюхно А.С. Цифровые волонтерские платформы: готовность россиян и потенциал применения // Мониторинг. – 2020. – Т. 160, № 6. – С. 357–375.

8. Потемкин В.К. Самопознание, самопоиск и саморазвитие молодежи в современной России // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2021. – № 4. – с. 61–68.

9. Потемкин В.К., Вельмисова Д.В., Потемкин М.С. Формирование человеческого потенциала в контексте социальных бифуркаций // Социология. – 2024. – № 3. – с. 120–127.

10. Расторгуев С.В. Современные исследования политической идентичности российской молодежи // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2022. – Т. 12, № 4. – С. 89–96.

11. Самаркина И.В., Башмаков И.С. Локальная идентичность: механизмы конвертации в конструктивные социально-политические практики молодежи // Полис. Политические исследования. – 2021. – № 2. – с. 99–112.

12. Селезнева А.В., Азарнова А.А. «Рождение гражданина»: политико-психологический анализ гражданственности российских старшеклассников // Полис. Политические исследования. – 2020. – № 5. с. 101–113.

13. Талибова Ф. Т., Хайруллина Ю.Р. Роль волонтерства в процессе социализации молодежи в современных российских условиях // Казанский социально-гуманитарный вестник. – 2022. Т. 55, № 4 (55). – С. 74–78.

14. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. N 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» (с изм. и доп.) [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: https://base.garant.ru/400156192/ (дата обращения: 01.09.2025).

15. Шульгина Т. А., Кетова Н.А., Черникова С.И., Хроль Н.Е. Роль волонтерской деятельности в становлении профессиональной идентичности личности // Общество: социология, психология, педагогика. – 2018. – № 10. – С. 23–31.

REIFICATION OF PATRIOTISM: FROM VAGUE REPRESENTATIONS TO EMPIRICAL ANALYSIS

Yuryev R.S.
Saint Petersburg State University of Economics

The article presents an empirical study of youth patriotism as a multidimensional social phenomenon. The study employs the reification of patriotism as a research procedure, understood as translating an abstract and normatively loaded concept into a system of observable social attitudes, identifications, motivations, and practices. The empirical basis consists of the results of a survey of 319 respondents. The study examines local social identification, motivations for public participation, attitudes toward self-organization, interaction with state and municipal institutions, and the use of digital tools. The findings indicate that patriotic orientation cannot be reduced to a single degree of intensity and may be expressed through different combinations of value-based, cognitive, social, and instrumental motivations. Particular importance is attached to young people's connection with their local social environment, the orientation of some respondents toward institutionally organized forms of addressing public issues, and the dependence of attitudes toward digital tools on their practical functionality. Based on the findings, directions are outlined for improving interaction mechanisms between management institutions and young people.

Keywords: patriotism; reification of patriotism; youth; social identification; public participation; motivation; self-organization; management institutions; digital practices; social engagement.

References

1. Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A.Yu., Pyrma R.V., Azarov A.A., Sinyakov A.V. "Digital Citizenship" as Perceived by Russian Youth // Political Expertise: POLITEX. – 2021. – Vol. 15. – No. 3. – pp. 4–22.

2. Gorshkov M.K., Sheregi F.E. Youth of Russia: A Sociological Portrait. – Moscow: TsSPiM, 2010. – 592 p.

3. Domashova E.V., Blagovskaya E.V., Gonokhova T.A. Volunteering as a Basis for Fostering Youth Engagement in Russia // Bulletin of the State University of Management (GUU). – 2020. – No. 9. – pp. 146–152.

4. Evgenyeva T.V., Titov V.V. Formation of the National-State Identity of Russian Youth // Polis. Political Studies. – 2010. – No. 4. – pp. 122–134.

5. Efremov A.A. Formation of the Concept of State Information Sovereignty // Law. Journal of the Higher School of Economics. – 2017. – No. 1. – pp. 201–215.

6. Zhuravleva L.A., Zavyalova N.V. Youth as an Innovative Social Community // Education and Science. – 2013. – No. 4. – pp. 77–90.

7. Mersiyanova I.V., Bryukhno A.S. Digital Volunteering Platforms: Readiness of Russians and Potential for Application // Monitoring. – 2020. – Vol. 160, No. 6. – pp. 357–375. 8. Potemkin V.K. Self-knowledge, self-search, and self-development of youth in modern Russia // Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research. – 2021. – No. 4. – pp. 61–68.

9. Potemkin V.K., Velmisova D.V., Potemkin M.S. Human potential formation in the context of social bifurcations // Sociology. – 2024. – No. 3. – pp. 120–127.

10. Rastorguev S.V. Modern studies of the political identity of Russian youth // Humanities. Bulletin of the Financial University. – 2022. – Vol. 12, No. 4. – pp. 89–96.

11. Samarkina I.V., Bashmakov I.S. Local identity: mechanisms of conversion into constructive socio-political practices of youth // Polis. Political Studies. – 2021. – No. 2. – pp. 99–112.

12. Selezneva A.V., Azarnova A.A. "The birth of a citizen": a political-psychological analysis of the civic-mindedness of Russian high school students // Polis. Political Studies. – 2020. – No. 5. – pp. 101–113.

13. Talibova F.T., Khayrullina Yu.R. The role of volunteering in the process of youth socialization in modern Russian conditions // Kazan Social and Humanitarian Bulletin. – 2022. – Vol. 55, No. 4 (55). – pp. 74–78. 14. Federal Law No. 489-FZ of December 30, 2020, "On Youth Policy in the Russian Federation" (as amended and supplemented) [Electronic resource] // Garant Legal Reference System. URL: https://base.garant.ru/400156192/ (accessed: September 1, 2025).

15. Shulgina T. A., Ketova N.A., Chernikova S.I., Khrol N.E. The Role of Volunteering in the Formation of Professional Identity // Society: Sociology, Psychology, Pedagogy. – 2018. – No. 10. – P. 23–31.

Экокатарсис как категория экофилософской картины мира

Баркова Элеонора Владиленовна,
доктор философских наук, профессор Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, руководитель Лаборатории экофилософских исследований Донецкого национального университета экономики и торговли им. М.И. Туган-Барановского
E-mail: barkova3000@yandex.ru

Предложена реконструкция содержания категории «экокатарсис» в его универсально-всеобщем измерении и показана исключительная востребованность введения этой категории в экофилософскую картину мира. Исходным является предложенное В.С. Петросяном понимание экокатарсиса как очищения среды обитания, обусловленное необходимостью предупреждения и устранения химических, физических и биологических экологических загрязнений. Для раскрытия философского смысла этой категории выявлено отличие содержания «катарсиса» в античной эстетике от современных философско-культурологических концепций. Предложено определение экокатарсиса как всеобще-целостного процесса возрождения, очищения и совершенствования антропо-космо-био-социокультурного бытия, направленного на преодоление разрушающих мир человека и Земли деструктивных отношений субъекта к объекту, к себе самому и на формирование жизнесохраняющего типа развития и мироотношения. Выделены онтологическое, аксиологическое, гносеологическое, этическое, эстетическое, технолого-цивилизационное измерения экокатарсиса.

Ключевые слова: развитие экофилософской картины мира, экокатарсис, культура, коэволюция, антропо-космо-био-социокультурная целостность, ответственность, сохранение Жизни, бытие.

Введение

Преодоление планетарно-экологического кризиса возможно на основе его целостно-системного – экофилософского, обще- и частнонаучного – осмысления, не сводимого к эмпирическим исследованиям технологических рисков и видов загрязнений. На такой научно-выверенной основе возможен Российский и общепланетарный проект безотлагательных практических действий во всех регионах, предполагающий включенность человека как совестливого и ответственного субъекта в решение современных проблем, связанных с судьбой и будущим Земли.

Но условием решения всего комплекса накопившихся вопросов для выхода Земли из предельно разбалансированного состояния и рискогенных тенденций является не только адекватная оценка масштаба кризисов, связанных со способами производства и потребления, с неадекватностью критериев экономической эффективности, деятельности социальных институтов. Главное здесь – это исследование и утверждение перспектив развития, а в них, прежде всего, ***смены доминирующих форм мышления – фундаментальных оснований, определяющих качественные характеристики народонаселения, экологии человека и популяционного здоровья*** и шире – развития культуры и философской картины мира.

Сегодня очевидно, что, если природа, космос, общество, культура по-прежнему мыслятся как внешние по отношению к человеку отдельные сферы жизни и совокупность ресурсов, экологическая политика неизбежно будет запаздывать: в этом концептуальном поле она всегда начинает «работать» лишь после нанесения ущерба, и только компенсирует последствия, но не устраняя основания их воспроизводства кризисных процессов.

Между тем, в отечественной философии и науке в концепциях экокультуры уже в конце XX века выход из экологического кризиса связывался с изменением культурных и гуманитарно-научных оснований природопользования [1], [2], [3].

А развитие экофилософии позволило сделать следующий шаг в этом направлении и на основе идеи универсальной эволюции сформировать концепцию, в которой все исходные и основные формы бытия – космос, природа Земли, человек, культура, общество – раскрыты как части открытой саморазвивающейся целостности Мироздания. А потому нарушение функционирования и развития одной из них неизбежно сказывается, – даже если мы этого не предполагаем, – на жизни всех других. В силу этого философия России «доросшая» до освоения космопланетрного масштаба Человека и его мышления/деятельности, развивая русский космизм, не может не стать Эко – философией, т.е. в буквальном смысле философией Эко, т.е. своего Земного Дома и его главной – жизнесохраняющей, жизне-развивающей и человекосовершенствующей миссии [4], [5], [6].

На этой основе в отечественной науке активно формируется категориальный аппарат экофилософской картины мира, где категории жизнь, экомир, цель, смысл жизни, человек, бытие, целостность, экоменеджмент, эколингвистика, будущее, экокоммуникации и ряд других уже получили формы своей конкретизации.

В продолжающейся в этом направлении работе особый исследовательский интерес представляет введённое в 2022 году В.С. Петросяном понятие «экокатарсис». Его исходная формула предельно конкретна и ясна: соединение греческих oikos – среда обитания, дом – и katharsis – очищение позволяет определить экокатарсис как «очищение среды обитания» [7], [8].

Эта категория не случайно открыта в экологическом и химико-технологическом концептуальном пространстве: с самого начала ее анализ был связан, прежде всего, с необходимостью прекратить накопление на Земле токсикантов, уменьшить загрязнение, изменить обращение с отходами, обеспечить экологическую безопасность и перейти к более безопасным технологиям.

Однако, как представляется, содержание экокатарсиса значительно шире удаления загрязнения и перехода к безопасным технологиям.

Вернемся для обоснования этого к истории и напомним, в европейской философской традиции главная часть исследуемого понятия – катарсис – традиционно обозначала очищение, освобождение, упорядочивание аффектов, переход через тяжелое переживание к иному *состоянию – счастья, потому что идеал, несмотря на гибель лучших*

людей, оставался жить. Поэтому соединение oikos и katharsis потенциально содержит не только общенаучный и технолого-инженерный аспекты, но и крупный и востребованный сегодня философско-мировоззренческий онтологический, антропологический, ценностный и культурно-научный смысл жизнесохранения, жизнеутверждения как самостоятельной ценности.

Вот прочему так важно сегодня, поставив **цель,** вынесенную в название статьи, обосновать экокатарсис как категорию не только естественных наук, но и экофилософской картины мира и раскрыть его содержание и востребованность активного введения в систему культуры, гуманитарных наук и образование.

Методологическую основу исследования составляют принципы открытой целостности, системности, универсальной эволюции, коэволюции, экологический императив, антропный принцип, историко-философский анализ, а также междисциплинарное сопоставление философских, экологических и культурологических подходов [9], [10].

Научная новизна такого подхода состоит в переходе от интерпретации экокатарсиса как преимущественно общенаучного понятия и пути экологической очистки Земли к его экофилософской концептуализации.

Экокатарсис рассматривается нами как всеобще-целостный процесс возрождения, очищения и совершенствования антропо-космобио-социокультурного бытия, направленного на преодоление разрушающих мир человека и Земли деструктивных отношений субъекта к объекту, к себе самому и на формирование жизнесохраняющего типа развития и мироотношения.

Очевидно, что такое понимание не отменяет введенного В.С. Петросяном в поле эколого-теоретического исследования Земли исходного естественно-научного содержания этого понятия. Но оно, с одной стороны, как бы надстраивает над ним уровень, без которого последующие технико-технологические проекты и решения остаются фрагментарными, но главное – здесь осуществляется опыт философско-всеобщей рефлексии, в которой на основе обобщения всего историко-культурного пути и достижений человечества открываются перспективные направления развития человека, логика развертывания культуры Творчества Мира, образования и векторов научного освоения действительности. Несмотря на современную «пограничную ситуацию», такой анализ – не сочинение утопического проекта, а вывод, вытекающий из экофилософии катарсиса, понятого в контексте онтологически-всеобщих, а потому имеющих измерения бесконечности/конечности и вечности/временности объективных, доказанных наукой связей природы Человека и Мира.

Раскрываемые на этой основе нормы мышления, оценки научности, этики, эстетики, как и система представлений об экологической безопасности, о приоритетах экономического, технологического развития, норм права, образования, искусства и ответственности открываются как различные формы единого процесса – звена универсальной эволюции Земли и Вселенной.

Уже в силу этого они подчиняются общему критерию оценки: прекращению разрушительного производства и воспроизводства и восстановлению меры, позволяющей жизни Земли и человека продолжать развивать и усовершенствовать себя.

Но опыт исследования и концептуализации катарсиса – вернемся к этой основе, – выпавшей из глоссария современной философии и эстетики, на основе такой методологии свидетельствует, что история этой категории, как и ее современное понимание «очищения» не было и не является сегодня однозначным.

Так, в древнегреческой культуре и философии, откуда пришла эта категория, она использовалась в эстетическом, этическом, религиозно-ритуальном, медицинском значениях, воспитательно-педагогическом значениях.

И уже античной традиции очищение не было тождественно только устранению некоторого «вредного вещества»: оно могло означать восстановление жизненно важной меры в самом бытии, освобождение от избыточного аффекта, упорядочивание внутреннего мира человека и – главное – возрождение состояния, в котором нарушенная целостность вновь способна к гармоническому развитию. В «Поэтике» Аристотеля катарсис был связан с трагическим действием и глубокими переживаниями и состраданиями героям, но гибель или смерть которых была не напрасной, ибо идеал сохранялся и возрождался в жизни – и это главная мысль в содержании катарсиса, – хотя часто в высокой трагедии и ценой гибели лучших героев. [11].

Последующая европейская мысль предлагала множество и этических, психологических, когнитивных, медицинских прочтений ее смысла, но и отечественные и зарубежные специалисты-филологи, эстетики, этики, медики и т.д., специально изучавшие содержание этого понятия, как и полвека назад, по-прежнему приходят к выводу, что при всей тщательности проделанной работы ее толкование «до сих пор не может считаться окончательно решенной» [12, с. 13].

Между тем, история научного освоения катарсиса, представленная в отечественной традиции, начиная с трудов от А.Ф. Лосева и В.П. Шестакова, свидетельствует: катарсис не сводим ни к эмоциональной разрядке, ни к нравоучительному исправлению зрителя, ни только к переживанию прекрасного [13], [14], [15].

Для экофилософского исследования здесь методологически значим именно этот, т.е. не редуцируемый к какой-либо одной функции смысл. Катарсис описывает не просто исчезновение отрицательно-тяжелого состояния души и тела, а переход через напряжение, противостояние и разрешение противоречия к новому типу организации целого.

Так, в психологической концепции Л.С. Выготского эстетическая реакция возникает из столкновения противоположно направленных аффектов, которые художественная форма не механически снимает, а преобразует. Филологические интерпретации могут акцентировать момент прояснения и завершения действия. Такое различие подходов показывает: в содержании понятия «катарсис» сохраняется его ядро – наличие нарушенной меры, процесс *человеческого* преобразования и *возникновение нового качества целостности*. Именно это содержательное ядро, а не частная художественно-эстетическая схема, является продуктивным положением для перехода к экокатарсису.

Однако формирование идеи экокатарсиса и ее трансформации от естественно-научной постановки проблемы очищения Земли к философской категории связано с исследованиями В.С. Петросяна, который ввел в научный оборот это понятие, подчеркнув необходимость его обоснована в процессе исследования *всех химических, физических и биологических стрессов планеты и форм антропогенного воздействия* [8].

Поэтому первоначальное содержание понятия имеет объективно-материальную основу, составляющую его смысловой центр, или системообразующее ядро, т.е. в нем раскрывается не депрессивное состояние сознания человека, а о реальное качество среды, существующих технологий и практик, способных своевременно предупреждать и устранять её разрушения.

При этом уже в первых работах В.С. Петросяна исходная идея не сводилась только к санитарной очистке последствий. Вопрос был поставлен шире, и речь шла и о предупреждении деструкций, разного рода загрязнений, изменения в обращении с отходами, о выборе безопасных технологий и таких способов хозяйствования, при которых экологический ущерб не воспроизводился бы вновь.

Эту логику содержательно продолжил Д.О. Скобелев в концепции лучших доступных технологий, где он развил эту линию, анализируя ресурсную эффективность и необходимость перехода от модели «можно заплатить и продолжать загрязнять» к изменению самих экономических и технологических механизмов [16]. Особенно показательно его обращение к идее коэволюции человека и биосферы Н.Н. Моисеева: если ценностная и нормативная система сохраняет прежний тип отношений, то локальные меры очистки Земли не выводят цивилизацию из экологически тупиковой траектории.

Отсюда следует главный принцип экофилософской реконструкции: *экокатарсис включает очистку среды, но не исчерпывается ею*. Его предмет – не отдельный загрязнитель, а *система отношений*, в которой загрязнение, включая информационный мусор, разрушение экологического пространства человека и ландшафтов, истощение ресурсов, технологическая и социальная безответственность непрерывно воспроизводятся.

Экофилософская картина мира позволяет увидеть за множеством частных экологических нарушений общий тип рассогласования системы связей между человеком, культурой, обществом, природой Земли и космическими основаниями бытия и мышления. Поэтому экокатарсис может быть исследован как общая форма и способ преодоления не только следствий, но и порождающей их субъект-объектной логики отчуждения субъекта от своей собственной сущности – части Мироздания – и потому от мира в целом.

Именно этот общефилософско-мировоззренческий аспект и его вектор, направленный на оздоровление среды, отделяет направление поисков и анализа экокатарсиса и содержания катарсиса представителей естественных наук от современных социально-гуманитарных концепций.

Так, В.П. Шестаков в изданной в 2007 году монографии «Катарсис: метаморфозы трагического сознания», авторами которой являются крупные исследователи-эстетики и литературоведы из самых авторитетных университетов и академических институтов Москвы, содержание категории «катарсис» использует в крайне релятивистском значении, где размываются границы высокого и низкого, выражая характер-

ные для современной философии и эстетики настроения безвыходности в развитии современной цивилизации и тупика в бытии человека.

«Сегодня мы живем в трагическом мире, мире непрекращающихся войн, социальных конфликтов, природных катастроф, расовой ненависти, терроризма, объявившего открытую войну цивилизации и культуре, психологических стрессов и фобий. … по мере продвижения к будущему число бедствий и катастроф не уменьшается, а постоянно увеличивается. Как писал Евгений Замятин, автор знаменательной антиутопии «Мы», Апокалипсис сегодня печатается на передовых страницах ежедневных газет. Современное искусство, чуткое к изменениям социального климата, аккумулирует все эти настроения. Все дальше мы уходим от классических представлений о высокой трагедии с ее четким разделением высокого и низкого, героического и обыденного, трагедии и иронии» [17, с. 5].

Поэтому, по единодушной мысли авторов, «наше восприятие трагического трансформируется, оно существенно отличается от того, что лежало в основе греческой трагедии или драматического искусства XVIII века. Восприимчивость к трагедии не атрофируется, но искусство ищет средства адаптации человека к новой социальной и культурной реальности. Одним из таких средств является *ирония, которая смягчает угрозы и страдания*, связанные с трагическим. Именно этим объясняется тесная связь трагического катарсиса с катарсисом комическим, предполагающим очищение эмоций с помощью смеха или установки на иронию. Современная массовая культура обращается к различным терапевтическим методам, чтобы добиться катарсиса подавленных эмоций» [17, с. 6].

И потому в этой логике развивается не тот путь и цели, которые открыла великая греческая традиция и, прежде всего, Аристотель, в учении которого катарсис был категорией, необходимой для выполнения воспитательной, этической, медицинской и шире функций восстановления гармонии человека и его мира, души и тела, разума и эмоционального состояния.

Более авторитетны для гуманитариев сегодня это – Бернайс, предложивший «чисто медицинское истолкование катарсиса, сведя трагическое очищение к телесным функциям, включая очищение желудка (куфисис). Вслед за ним Зигмунд Фрейд использовал понятие «катарсис» в качестве одного из механизмов психоанализа и психотерапии. Сегодня под термином «катарсис» понимаются чаще всего различные методы психотерапии, попытки освобождения от страхов или агрессии» [17, с. 7].

Для развития экофилософской мысли такие векторы мысли не перспективны, ибо в них смысл этой категория понимается в узко психологическом смысле, где все содержание сводится только к самому переживанию субъекта, но *не ставится вопрос о преобразовании не только мира, в котором возможны беды и великие трагедии, но и мира человека*. Но само чувство – каким бы сильным оно не было – еще ничего не говорит о том, как возможно прекращение разрушительного действия, которым оно вызвано.

Более того, не трудно видеть, что постоянное восприятие и потребление апокалиптических и агрессивных образов насилия, катастроф способно приводить не к действию, а к десенсибилизации: тревога разряжается внутри медиапотребления, и человек, как показал К. Смит, получает психологическое облегчение без изменения поведения [18]. В этом случае катарсис имеет только компенсаторно-психологический характер: он «очищает» не среду, не систему отношений, ни разум, а лишь дискомфорт субъекта, позволяя прежнему способу мышления и жизни продолжаться. А потому здесь катарсис может не только не способствовать преобразованию мира человека, но и нейтрализовать его жизнеутверждающие импульсы.

Хорошо известно, что гармония, красота, возвышенное, переживание единения с природой обладают мощным жизнесохраняющим и, возвышая душу и мир чувствознания, человеко-развивающим потенциалом. Они разрушают утилитарно-потребительские установки, возвращая человеку способность видеть мир не как сумму ресурсов для удовлетворения потребностей, а как бесценное, прекрасное и сложно-гармоническое бытие.

Однако эстетически привлекательная среда не всегда экологически благополучна, как и экологически необходимое решение и действие, направленное, например, на уборку мусора, не обязательно будет непосредственно прекрасным. Поэтому эстетическая мера входит в содержание экокатарсиса как его важное культурное измерение, но не может заменить онтологический, научный, технологический и этический критерии.

Именно поэтому не правомерно отождествлять философский смысл экокатарсиса с любой формой «экологического исцеления» человека – арт-терапией на природную тему, практиками успокоения в ландшафте, переживанием экологической скорби или символическим освобождением от чувства вины. Все эти процессы могут быть ценными сами по себе, однако терминологически они все же принадлежат психологии, эстетике, педагогике, религиозному опыту или экотерапевтическим практикам.

Экокатарсис как категория экофилософской картины мира становится философской категорией именно потому, что удерживает их в более широком целом и ставит проблему: меняют ли они способ бытия человека в его oikos – родном и дорогом Земном Доме, или лишь делают прежний способ существования субъективно переносимым?

Вместе с тем критика, например, эстетической редукции не означает исключения эстетики смеха и иронии. Напротив, смеховая культура человека и его жизнь способны быть одним из механизмов рождения экокатарсиса, когда не замыкают переживание на самом себе. Для экофилософии это существенно: жизнесохраняющая культура не может развиваться, исходя только из опасений, страхов и рисков. Но переживание приобретает экокатартический смысл лишь в той мере, в какой оно перестраивает способ видеть, оценивать и действовать и включается в более широкий процесс изменения практик, институтов, технологий и норм.

Сказанное позволяет при первом приближении обобщить опыт введения категории «экокатарсис» в экофилософскую картину мира и определить его как всеобще-целостный процесс возрождения, очищения и совершенствования антропо-космо-био-социокультурного бытия, направленного на преодоление разрушающих мир человека и Земли деструктивных отношений субъекта к объекту, к себе самому и на формирование жизнесохраняющего типа развития и мироотношения.

Очевидно, что очищение здесь означает не стерилизацию и не удаление всего эмоционально неприятного и чуждого человеку. Живая природа включает разложение, смерть, конкуренцию, отходы метаболизма; её целостность поддерживается не отсутствием противоречий, а способностью включать их в циклы воспроизводства. Поэтому нормативным критерием экокатарсиса, по-видимому, является восстановление меры, жизнеспособности, разнообразия, саморегуляции и открытости дальнейшему развитию, прогрессу и совершенствованию.

Онтологическое измерение содержания категории экокатарсиса исходя из сказанного, состоит в восстановлении смысла и роли реальной целостности жизни Земли и человека. Из этого следует, что общество, культура, экономика, право, политика, технологии и т.д. существуют не рядом с природой, а внутри духовно-материально-энергетических и биосферно-ноосферных связей. Традиции ранних форм философии, гилозоизм, пантеизм, холизм, а ближайшим образом идеи философии русского космизма, биосферно-ноосферное мышление В.И. Вернадского, принцип коэволюции, обновление типа рациональности, экологический императив Н.Н. Моисеева – все это доказательства, разрушившие представление о природе, обществе, культуре как внешней и абсолютно без ограничений норм доступности для потребления среде жизни человека.

Но экофилософия делает следующий шаг, рассматривая человека не только как не внешнего управляющего, а как ответственную общую форму самоорганизации этой целостности Мира и инстанцию разумной регуляции планетарного целого. Поэтому очищение Земного Дома неизбежно включает, прежде всего, «очищение» отношения человека к самому себе, к своему интеллектуальному, нравственному и эстетическому миру, к своей со-размерности с природой, культурой и космосом, к пределам допустимых трансформаций и оценке следствий своего влияния, науки и воздействий на жизнь Земли.

Аксиологическое измерение предполагает очищение внутреннего мира человека, системы и иерархии целей и исключения от подмены целей средствами и наоборот. Экономическая эффективность, технологическое ускорение, конкурентоспособность и рост производства не отменяются, но возвращаются к своему инструментальному статусу. Их оценка должна быть соотнесена с более фундаментальными ценностями – жизнью, здоровьем, целостностью природных и культурных систем, человеческим достоинством, будущим идущих за нами поколений. В этом смысле экокатарсис не антиэкономичен и не антитехнологичен; он вводит критерий, по которому сила человека оценивается по способности создавать формы развития, совместимые с продолжением и совершенствованием жизни.

Гносеологическое измерение содержания категории экокатарсиса связано с преодолением фрагментарности наших знаний и формированием нового качества связей между науками, искусствами и, прежде всего, восстановлением нормы – нерасторжимого единства и взаимопроникновения социально-гуманитарных, естественных и технических наук. Для этого сегодня важен крупный гуманитарный прорыв на основе экофилософии человека и Земли, центрированный смыслом экокатарсиса.

Бесспорно, экологически разрушительное решение часто является рациональным внутри узкого пространства производственных или административных задач и иррациональным на уровне целого: предприятие снижает, например, локальные издержки, перенося загрязнение в другое место; город решает какую-либо одну транспортную задачу, увеличивая общую энергоёмкость или, закапывая уникальные курганы со скифским золотом или разрушая уникальные поселения строит ГЭС; а покупатель выбирает престижный товар, не представляя жизненного цикла его производства и следствий такого выбора.

Экокатарсис требует иной нормы рациональности и ее способности сохранять в мысли целостность и *научно обосновать экорациональность как общую форму организации жизни, деятельности и мышления, в логике которой получают развитие жизнесохраняющие стратегии, прокладываются пути гармонизации бытия человека* и векторы развития науки. Новизна такого подхода к рациональности состоит в соединении гносеологических критериев науки с онтологическими критериями сохранения и развития Жизни и бытия человека [19].

Экорациональность удерживает в мысли пространственно-временные связи, всю накопленную информацию, границы жизнеспособности систем и обратные связи. Здесь «очищение» мышления означает освобождение от иллюзии возможности беспредельного влияния и природопользования человека, бесконечности внешней Земной природной среды как ресурса производства и деятельности, как и от привычки выносить последствия за пределы изучаемых процессов.

Этическое измерение связано с формированием субъекта ответственности. Экологический кризис невозможно преодолеть только формами жесткой регламентации и внешним запретом, если человек сохраняет редуцированное представление о себе как о потребителе и владельце внешнего мира. Расширение морального горизонта, выраженное в «этике Земли» О. Леопольда и в философии ответственности П.А. Костина [20], этике ответственности Х. Йонаса, соответствует этому повороту: современная технологическая мощность требует учитывать и удалённые необратимые последствия действий [21]. Для экокатарсиса важнее ответственность, чем чувство экологической вины. Вина может завершиться чисто символическим самооправданием; ответственность требует изменения действия и системы мироотношения, в которой оно совершается.

Эстетическое измерение экокатарсиса связано с восстановлением богатства чувственного мира человека, способностью к оценке и восхищению совершенной формой, отношением к мере, соразмерности, красоте и выразительности всего мира Земли. Эстетическая деградация среды – унификация пространства, визуальный хаос, стирание памяти о красоте родных мест, превращение природы исключительно во внешний фон потребления – все это является не второстепенным ущербом, а симптомом нарушения главного – нормального духовно-культурного отношения человека к миру. Однако эстетическое здесь выполняет не роль самостоятельного «очищения эмоций», а великую миссию – быть общей формой освоения и переживания ценности и реального чуда – красоты целостности бытия. Прекрасное способно делать жизнесохраняющий порядок желаемым, должным, а не только предписанным извне; именно в этом состоит его место в системе экокатарсиса.

Технолого-цивилизационное измерение возвращает философскую категорию к её исходной материальной основе, или ядру. В.С. Петросян и Д.О. Скобелев справедливо связывают экокатарсис с предотвращением загрязнения, использованием наилучших доступных технологий, с повышением ресурсной эффективности и перестройкой обращения с отходами. Здесь можно различить три взаимосвязанных аспекта как ориентиров мышления:

во-первых, – устранение уже накопленного ущерба;

во-вторых – изменение процессов, чтобы вред постепенно устранялся и не образовывался в прежнем объёме;

в-третьих, – проектирование систем, способных поддерживать восстановление природных и социальных оснований жизни.

Последнее особенно и наиболее полно соответствует экофилософскому смыслу, поскольку переводит задачу от минимизации вреда к жизнетворческой совместимости бытия и мышления человека со всем развитием Жизни Земли с ее природными циклами.

Исходя из этого полный, основанный на содержании экокатарсиса, цикл может быть представлен как единство ряда взаимосвязанных моментов. Первый – это открытие и научно-философская диагностика нарушения: оно должно стать предметом анализа не только как то, что приносит или может принести локальный ущерб, но и как элемент системного рассогласования целостности жизни. Второй – признание, что субъект – общество, институт или отдельный человек – еще не направил свою деятельность на нормализацию разрушений как неизбежную цену такого типа развития. Третий – переоценка критериев допустимого и желательного. Четвёртый – научное и практическое преобразование проектов, технологий, права, экономики, образования, культуры и повседневного поведения. И, наконец, пятый – закрепление новой меры в нормах мышления, культуры и мировоззрения, науки, права, институтах и механизмах обратной связи, способных предотвращать возврат к прежнему разрушительному режиму.

Такое понимание позволяет сформулировать критерий завершённости экокатарсиса: он определяется не силой переживания, не количеством экодеклараций, документов и даже не фактом единичной очистки, а изменением всей причинно-следственной структуры воспроизводства системы деградаций на Земле и в мире человека. Таким образом, можно заключить, что экокатарсис может быть раскрыт в системе философского мировидения и реализован в той мере, в какой в результате человеческой деятельности уменьшается или устраняется разрушающая нормы бытия деградация экомира Земли, восстанавливаются здоровье и функции живых систем, и формируются проекты по предотвращению повторений аналогичных нарушений. Поэтому категория «экокатарсис» имеет процессуальный характер: в открытом ветрам природы и истории развивающемся мире не существует раз и навсегда очищенной цивилизации; но должна существовать способность человека, науки и культуры к постоянной самокоррекции в соответствии с мерой жизни. И условием для этого является творческая воля и ответственного Человека Земли.

Таким образом, категория «экокатарсис», введённая В.С. Петросяном для обозначения очищения среды обитания, обладает значительным потенциалом развития именно как категория экофилософской картины мира. Ее философская реконструкция не отменяет исходного естественно-научного смысла, но раскрывает его всеобщие основания. В экофилософском контексте экологическое загрязнение предстаёт как выражение не только материального, но и духовно-культурного и научного глубокого рассогласования всей системы отношений человека и всего Мироздания – природы, космоса, общества, культуры, технологий, а следовательно, очищение должно затрагивать одновременно причины, следствия, общие категориальные формы мышления и механизмы постоянного воспроизводства Жизни нашего единственного, дорогого и бесценного планетарного мира.

В экофилософском смысле экокатарсис выражает возможность процесса возрождения, очищения и совершенствования антропокосмо-био-социокультурного бытия, направленного на восстановление меры и формирование жизнесохраняющего типа развития. Его онтологическое, аксиологическое, гносеологическое, этическое, эстетическое, технолого-цивилизационное содержание ориентировано на восстановление и укрепление единства, роста био- и культуромногообразия и связности всех форм Земного Дома, в переходе к экорациональности; в возрождении статуса светлого, лучшего будущего в системе фундаментальных критериев всех проектов; в формировании ответственного субъекта, развитии уровня его естественного интеллекта, богатства чувственного мира, способности мечтать о высоком и красивом и перестройке способов мышления, производства, потребления и институционального воспроизводства.

В контексте такого экофилософского видения экокатарсис может стать одной из ключевых категорий экофилософии XXI века – категорией, на основе смысла которой Человек России и планетарного бытия будет активно очищаться от накопленной грязи, включая инфо-мусор, деструкций, развивая свои способности к совершенствованию Жизни Земли и восхождению универсальной эволюции и своего бытия восходить на новые, более высокие ступени развития.

Литература

1. Экокультура: в поисках выхода из экологического кризиса: хрестоматия по курсу охраны окружающей среды / сост. Н.Н. Марфенин. – М.: Изд-во МНЭПУ, 1998. – 344 с.
2. Лихачев Д.С. Земля родная: кн. для учащихся. – М.: Просвещение, 1983. – 256 с.
3. Лисеев И.К. Природа в современном философском дискурсе // Философия природы сегодня / ред. И.К. Лисеев, В. Луговский [и др.]. – М.: Канон+: РООИ «Реабилитация», 2009. – С. 29–42.
4. Баркова Э.В. Введение в экофилософию: избранные труды / Э.В. Баркова; АНО «Научно-исследовательский институт истории, экономики и права». – Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2021. – 404, [1] с.
5. Баркова Э.В. Экофилософия в глобальной повестке современного мира: к анализу гармонизации ритмов жизни человека, культуры и природы // Социально-гуманитарные знания. – 2026. – № 2. – С. 161–164.

6. Экофилософия в пространстве творчества мира: монография / кол. авторов; ред. кол.: Э.В. Баркова, С.В. Дрожжина, М.И. Ивлева, О.М. Бузская, Д.И. Измайлова. – М.: РУСАЙНС, 2024. – 246 с.

7. Петросян В.С. Почему Земле необходим экокатарсис // Экология и промышленность России. – 2022. – Т. 26, № 4. – С. 1.

8. Петросян В.С. Осознание необходимости экокатарсиса Земли и путей его реализации // Вестник Российской академии естественных наук. – 2022. – Т. 22, № 4. – С. 8–14. – DOI: 10.52531/1682-1696-2022-22-4-8-14.

9. Моисеев Н.Н. Экология человечества глазами математика: (Человек, природа и будущее цивилизации). – М.: Молодая гвардия, 1988. – 254 с. – (Эврика).

10. Моисеев Н.Н. Универсум. Информация. Общество. – М.: Устойчивый мир, 2001. – 200 с.

11. Аристотель. Сочинения: в 4 т. Т. 4 / ред. и авт. вступ. ст. А.И. Доватур, Ф.Х. Кессиди. – М.: Мысль, 1983. – 830 с. – (Философское наследие; т. 90).

12. Аристотель и античная литература / отв. ред. М.Л. Гаспаров. – М.: Наука, 1978. – 232 с.

13. Лосев А.Ф., Шестаков В.П. История эстетических категорий. – М.: Искусство, 1964. – 376 с.

14. Выготский Л.С. Психология искусства / общ. ред. Вяч. Иванова; предисл. А.Н. Леонтьева. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Искусство, 1968. – 576 с. – (Из истории советской эстетики и теории искусства).

15. Катарсис: метаморфозы трагического сознания / сост. и общ. ред. В.П. Шестакова. – СПб.: Алетейя, 2007. – 384 с., [8] с. ил. – (Мир культуры).

16. Скобелев Д.О. Наилучшие доступные технологии и экокатарсис планеты Земля // Вестник Российской академии естественных наук. – 2022. – Т. 22, № 4. – С. 49–59. – DOI: 10.52531/1682-1696-2022-22-4-49-59.

17. Шестаков В.П. Предисловие // Катарсис: метаморфозы трагического сознания / сост. и общ. ред. В.П. Шестакова. – СПб.: Алетейя, 2007. – С. 5–7.

18. Smith C. Climate Change and Culture: Apocalypse and Catharsis // Ethics and the Environment. – 2022. – Vol. 27, № 2. – P. 1–27. – DOI: 10.2979/ethicsenviro.27.2.01.

19. Баркова Э.В. Экорациональность в освоении целостности бытия: монография / Э.В. Баркова; АНО «Научно-исследовательский институт истории, экономики и права». – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2020. – 130 с.

20. Костин П.А. Философия ответственности в освоении целостности социального бытия // Logos et Praxis. – 2020. – Т. 19, № 1. – С. 43–50. – DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2020.1.5.

21. Йонас Г. Принцип ответственности: опыт этики для технологической цивилизации; Наука как персональный опыт / пер. И.И. Маханькова. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 479 с. – (Человек и мир).

ECO-CATHARSIS AS A CATEGORY OF THE ECOPHILOSOPHICAL WORLDVIEW

Barkova E.V.
Plekhanov Russian University of Economics, Donetsk National University of Economics and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky

The article reconstructs the content of the category of «eco-catharsis» at the level of universal generality and demonstrates the exceptional relevance of introducing this category into the ecophilosophical worldview. The study proceeds from V.S. Petrosyan's understanding of eco-catharsis as the purification of the human environment, necessitated by the prevention and elimination of chemical, physical, and biological environmental pollution. To reveal the philosophical meaning of this category, the article identifies the distinction between the concept of «catharsis» in ancient aesthetics and its interpretations in contemporary philosophical and cultural theories. Eco-catharsis is defined as an integral process of renewal, purification, and improvement of anthropo-cosmo-bio-sociocultural being, aimed at overcoming destructive relations of the subject to the object and to the self that undermine the human world and the Earth, and at establishing a life-preserving mode of development and relation to the world. The ontological, axiological, epistemological, ethical, aesthetic, and technological-civilizational dimensions of eco-catharsis are distinguished.

Keywords: development of the ecophilosophical worldview, eco-catharsis, culture, coevolution, anthropo-cosmo-bio-sociocultural integrity, responsibility, preservation of Life, being.

References

1. Ecoculture: In Search of a Way Out of the Environmental Crisis: A Reader for the Environmental Protection Course / comp. by N.N. Marfenin. – Moscow: MNEPU Publ., 1998. – 344 p.

2. Likhachev D.S. Native Land: A Book for Students. – Moscow: Prosveshchenie, 1983. – 256 p.

3. Liseev I.K. Nature in Contemporary Philosophical Discourse // Philosophy of Nature Today / ed. by I.K. Liseev, V. Lugovsky et al. – Moscow: Kanon+; ROOI «Reabilitatsiya», 2009. – P. 29–42.

4. Barkova E.V. Introduction to Ecophilosophy: Selected Works / E.V. Barkova; Autonomous Non-Profit Organization «Research Institute of History, Economics and Law». – Volgograd: Volgograd State University Publ., 2021. – 404, [1] p.

5. Barkova E.V. Ecophilosophy in the Global Agenda of the Contemporary World: Towards an Analysis of the Harmonization of the Rhythms of Human Life, Culture and Nature // Social and Humanitarian Knowledge. – 2026. – № 2. – P. 161–164.

6. Ecophilosophy in the Space of the Creativity of the World: Monograph / collective of authors; editorial board: E.V. Barkova, S.V. Drozhzhina, M.I. Ivleva, O.M. Buzskaya, D.I. Izmailova. – Moscow: RUSCIENCE, 2024. – 246 p.

7. Petrosyan V.S. Why the Earth Needs Eco-Catharsis // Ecology and Industry of Russia. – 2022. – Vol. 26, № 4. – P. 1.

8. Petrosyan V.S. Awareness of the Need for the Earth's Eco-Catharsis and Ways of Its Implementation // Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences. – 2022. – Vol. 22, № 4. – P. 8–14. – DOI: 10.52531/1682-1696-2022-22-4-8-14.

9. Moiseev N.N. Human Ecology through the Eyes of a Mathematician: Man, Nature and the Future of Civilization. – Moscow: Molodaya Gvardiya, 1988. – 254 p. – (Eureka).

10. Moiseev N.N. Universe. Information. Society. – Moscow: Ustoichivyi Mir, 2001. – 200 p.

11. Aristotle. Works: In 4 Vols. Vol. 4 / ed. and introductory article by A.I. Dovatur, F. Kh. Kessidi. – Moscow: Mysl, 1983. – 830 p. – (Philosophical Heritage; Vol. 90).

12. Aristotle and Ancient Literature / ed. by M.L. Gasparov. – Moscow: Nauka, 1978. – 232 p.

13. Losev A.F., Shestakov V.P. History of Aesthetic Categories. – Moscow: Iskusstvo, 1964. – 376 p.

14. Vygotsky L.S. The Psychology of Art / ed. by Vyach. Ivanov; foreword by A.N. Leontiev. – 2nd ed., rev. and enl. – Moscow: Iskusstvo, 1968. – 576 p. – (From the History of Soviet Aesthetics and Theory of Art).

15. Catharsis: Metamorphoses of Tragic Consciousness / comp. and ed. by V.P. Shestakov. – St. Petersburg: Aleteiya, 2007. – 384 p., [8] p. ill. – (World of Culture).

16. Skobelev D.O. Best Available Techniques and Eco-Catharsis of Planet Earth // Bulletin of the Russian Academy of Natural Sciences. – 2022. – Vol. 22, № 4. – P. 49–59. – DOI: 10.52531/1682-1696-2022-22-4-49-59.

17. Shestakov V.P. Preface // Catharsis: Metamorphoses of Tragic Consciousness / comp. and ed. by V.P. Shestakov. – St. Petersburg: Aleteiya, 2007. – P. 5–7.

18. Smith C. Climate Change and Culture: Apocalypse and Catharsis // Ethics and the Environment. – 2022. – Vol. 27, № 2. – P. 1–27. – DOI: 10.2979/ethicsenviro.27.2.01.

19. Barkova E.V. Eco-Rationality in Comprehending the Integrity of Being: Monograph / E.V. Barkova; Autonomous Non-Profit Organization «Research Institute of History, Economics and Law». – Volgograd: Volgograd State University Publ., 2020. – 130 p.

20. Kostin P.A. Philosophy of Responsibility in Comprehending the Integrity of Social Being // Logos et Praxis. – 2020. – Vol. 19, № 1. – P. 43–50. – DOI: 10.15688/lp.jvolsu.2020.1.5.

21. Jonas H. The Imperative of Responsibility: In Search of an Ethics for the Technological Age; Science as Personal Experience / trans. by I.I. Makhankov. – Moscow: Airis-Press, 2004. – 479 p. – (Man and the World).

Проблемы образования и воспитания молодежи в условиях цифровизации и действий ИИ-технологий

Панов Анатолий Иванович,
доктор политических наук, профессор, профессор кафедры государствоведения, социальной политики и глобальных процессов Российского государственного социального университета
E-mail: ponchik.92@bk.ru

Бурное развитие цифровизации и ИИ-технологий приводит к необходимости экстренного и усиленного изучения это проблемы с целью правильного использования новых технологий в образовании и воспитании молодежи. Воспитание молодежи происходит одновременно с обучением и образованием эти процессы не идентичны, они едины в общем контексте формирования новой личности. Автор отмечает недостаточность научного исследования данных проблем и предлагает практические пути для их решений, в различных областях человеческой деятельности.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая среда, искусственный интеллект, цифровая социализация, цифровое воспитание, концепции цифрового поколения (поколения Z и Alpha), синкретизация.

Актуальность данной темы во все возрастающем воздействии цифровизации и ИИ-технологий на образование и воспитание молодежи. Происходит трансформация всего образовательного и воспитательного пространства под влиянием новых технологий. И эти технологии все больше усиливают разрыв между образованием, как процессом созданием образов в голове человека и воспитанием как процессом собственного формирование человеческой личности. Этот процесс создал новые вызовы, подходы и направления для изучения и поиска путей решения создавшейся проблемы.

Объектом исследования данной статьи является сфера образования и воспитания в процессе обучения в современных условиях.

Предметом исследования проблемы образования и воспитания молодежи в условиях цифровизации и действий ИИ-технологий. Противоречия и вызовы, возникающие в процессе обучения и формирования личности молодежи под влиянием цифровизации и технологий искусственного интеллекта (ИИ).

Методологически были использованы: системный подход, сравнительный анализ, контент анализ нормативных документов и научных публикаций.

Какие же это проблемы? Для четкости понимания разделим в статье проблемы в системе образования в сложившихся условиях и проблемы воспитания. В жизни они должны составлять единое целое, для получения эффективного результата. Это: клиповое мышление, когда молодой человек, имеющий еще малый объем знаний и клиповое мышление, усваивает информацию в виде коротких, ярких, слабо связанных между собой фрагментов. Без уяснения смысла как сказал профессор А.Г. Дугин: «Дебил-биоробот понимает речь, но не понимает смысла» [17]. Отсюда снижение глубины обработки информации и самостоятельности, поверхностное усвоение знаний, из-за легкости получения необходимой информации при использовании ИИ. При этом разный уровень цифровой грамотности вызывает неравенство в пользовании цифровыми технологиями как между старшими и младшими поколениями, так и внутри одного поколения. Это вызывается информационной перегрузкой, большим временем нахождения перед экраном, что в свою очередь вызывает зависимость как определенный наркотик.

Воспитание в этих условиях усложняется размыванием ценностных ориентиров, о чем нас предупреждает Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»: «К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [13].

Деструктивные силы могут попытаться через цифровизацию и ИИ размыть или разорвать эти ценности, заменяя живое общение цифровым. Активное внедрение кибербуллинга как проводника всего негативного, эффективно воздействующего на подростков 12–17 лет, у которых отсутствует опыт критического осмысления действительности, влияние на массу молодежи в короткое время, с целью вовлечения различные экстремистские сообщества и т.д. Бюрократизация и даже прямой запрет на работу в школах ветеранов – опытных наставников. Все эти направления сильно ухудшили воспитательную работу с нашей молодежью потому, что цифровизация меняет не только методы получения знаний, но и сам характер воспитательного процесса. Проводимые различные шоу-форумы, как показывает практика, очень далеки от серьезной индивидуальной воспитательной работы, поскольку носят фрагментарный характер без учета современных условий, в которых воспитывается конкретный молодой человек.

Необходимо подчеркнуть, что «цифровой скачок» и связанные с ним явления и процессы – «погружение» детей в цифровое пространство с раннего возраста (74% детей 6–8 лет уже самостоятельно пользуются сетью Интернет и большинство без контроля взрослых) в условиях недостаточного его регулирования со стороны российско-

го общества и государства; дефицит средств и методов воспитания, навыков работы в цифровой среде у педагогов» [10], [11]. Об этом также говорится в «Стратегии развития воспитания в Российской Федерации» до 2030 г. [12].

Философ и педагог В.А. Шишкин в исследовании педагогического наследия А.С. Макаренко подчеркивает, что современное воспитание молодежи не может быть успешным, если оно не опирается на национальную культуру, даже в условиях цифровизации и искусственного интеллекта [15]. Российские ученые пытаются найти решение этой проблемы, так Селиванова И.В., Захарова М.В., Шакурова С.А. отмечают, что современная информационная среда меняет содержание и систему воспитания. Возникают вызовы, связанные с необходимостью разработки новых гуманистических технологий воспитания, которые бы учитывали и влияние цифровых факторов.

Исследования Бурляевой В.А., Д. Кривоногова и др. показывают двойственный характер влияния ИИ. С одной стороны, технологии открывают пути к персонализации обучения, созданию цифровых платформ и вовлечению молодежи в проектную деятельность. С другой – существуют риски снижения эмпатичности, утраты духовно-нравственных ориентиров и формирования зависимости от виртуальной среды.

Диссертационные исследования:

1. Полосина А.А. Дидактические условия социального обучения студенческой молодежи в цифровую эпоху: Дисс. … кандидата педагогических наук: 5.8.1. / Полосина Анна Алексеевна; [Место защиты: «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского»; Диссовет 33.2.028.04 (Д 212.307.XX)]. – Ярославль, 2025. – 232 с. Автор выявляет противоречия общения между машиной (цифровые технологии) и живым человеком и разрабатывает модель современного обучения.

2. Дрейцер, С.И. (2025). Применение систем искусственного интеллекта в рамках учебных диалогов для повышения эффективности подготовки педагогов к использованию информационных технологий в профессиональной деятельности: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук (специальность 5.8.2 – теория и методика обучения и воспитания). Автор уже показывает, как ИИ-технологии могут помогать будущим педагогам в практической работе.

3. Перспективным исследованием является тема: «Использование цифровых образовательных технологий на основе средств искусственного интеллекта в профессиональной подготовке учителя-предметника», автор Е.А. Самохвалова, готовящаяся в МПГУ.

4. Вызывает интерес статья**:** «Антропоморфизация персонального искусственного интеллекта как фактор культурно-антропологического риска в студенческой среде». Авторы: А.В. Котельникова, А.Д. Сердакова, И.И. Херсонский, Е.Е. Юровская, И.О. Покушко Журнал: «Образование и наука». 2026. Том: 28. № 7. – С. 149–170.

Все исследования сегодня направлены на формирование конкретных умений и навыков в условиях цифровизации и деятельности ИИ-технологий; влиянии цифровизации и деятельности ИИ-технологий на креативность и когнитивные способности молодого человека – это основные направления, которые имеют широкий спектр различных составляющих этого процесса.

Тем не менее проблемы образования и воспитания молодежи в условиях цифровизации и действий ИИ-технологий, стоят остро и требуют своего разрешения, а степень разработанности этих проблем крайне низкая в широком смысле. И целью данной статьи, по мнению автора, является выявление ключевых направлений проблем, активизация их изучения и предложение обоснованных путей решений.

По мнению автора одной из главных проблем в неправильных взаимоотношениях молодого человека в условиях цифровизации и действий ИИ-технологий является снижение воспитательного потенциала семьи и школы в условиях конкуренции с цифровой средой; необходимость новых компетенций педагогов и родителей. И здесь на первое место выдвигается уровень воспитания и образования самих воспитателей и педагогов в условиях Болонской системы и ЕГЭ, получивших «фастфудовское-образование» Ученые уже открыто высказываются об ущербности для русского образования внедрения этих зарубежных аналогов. «Лучшая в истории страны система образования была создана при Сталине, – считает доктор физико-математических наук, член-корреспондент РАН Алексей Савватеев. – Если оценивать, то время с точки зрения образовательных достижений, они грандиозны, не сравнимы ни с чем, что было когда-либо в мире ни до этого, ни потом… Сегодня самое большое зло в образовании – массовое внедрение Искусственного Интеллекта» [5].

Еще 24 мая 2022 года министр науки и высшего образования России В. Фальков сделал заявление о планах ведомства отказаться от Болонской системы и относиться к ней как «прожитому этапу» [7]. Прошло четыре года, а практически ничего не изменилось, кто за это ответит?

Стоит вспомнить и промежуточные проблемы, которые на первый взгляд не имеют отношения к цифровизации и ИИ, – это отказ от передовых методик обучения русских педагогов-гениев Зайцева Н.А. [3], Шаталова В.Ф. [14], Щетинина М.П. [16] и здоровье сберегающих технологий профессора Базарного В.Ф. [1]. Спустя 10 лет успешного пилотного внедрения в 1989 году они были утверждены Минздравом РСФСР для массового внедрения в школы и сады.

Мы выявили многие проблемы, теперь наметим пути их решения. Защитники цифровизации и ИИ многое говорят о пользе их применения, но сознательно или нет умалчивают о последствиях, а они очень негативные. Так вот устранять проблемы нужно начинать с уничтожения причин появления этих проблем.

Одной из главных причин – это **выведение** из обучения и образования системы обучения методов и технологий наших великих педагогов, я назову их, – они почти наши современники: Зайцев Н.А., Шаталов В.Ф., Щетинин М.П. Базарный В.Ф. Желающие могут дополнить этот список. И для устранения вышеназванных проблем необходимо **внедрение в системы обучения и образование методов и технологий наших великих педагогов.** Это задача государства – Российской Федерации.

Что нужно делать на уровне педагогов?

1. Поставить главной задачей современного обучения и образования развитие естественных способностей молодого человека начиная с пеленок, как это до сих пор делают казаки-характерники и цыгане. Наполнение мозга молодежи массой знаний зачастую ими не используемых после получения диплома приводит к потере времени и снижению безопасности России во всех областях.

2. Развивать умения критического мышления молодежи по отношению к цифровизации и ИИ, чтобы они были в подчинении человека, а не наоборот, попадали в подчинение технологического наркотика.

3. В связи с социальным расслоением общества исключить неравный доступ к цифровым ресурсам для молодежи.

4. Регулярно проводить мониторинг цифровой нагрузки обучаемых.

5. Ввести дополнительное обязательное обучение родителей школьников и студентов формам и методам работы с цифровыми технологиями.

6. Обязательное введение инструментов верификации и антиплагиата, адаптированных к ИИ контенту.

7. Более качественно готовить кадры преподавателей умеющих внедрять опыт наших великих педагогов с современным использованием цифровизации и ИИ-технологий.

С точки увеличения материально-финансовых расходов, нужно считать не сиюминутные выгоды, а перспективы развития российского общества и обеспечения его безопасности во всех сферах.

Проведенный анализ показывает, что цифровизация и внедрение технологий ИИ, изменяют современную систему обучения и образования до уровня трансформации самого молодого человека, что в свою очередь порождает серьезные вызовы для его будущего. Риск состоит в том, что увлечение технологиями приводит к деградации развития способностей человека и как результат дебилизации. Резкому сокращению человеческих взаимоотношений, что в конечном итоге может привести к атомизации социума. Очень важно не переступить эту границу. Поиск баланса является ключевой проблемой для новых научных исследований и практических решений.

Таким образом цифровизация и ИИ- технологии – это инструмент, объект, а не субъект обучения и образования. Интегрируя их в учебный процесс, нельзя допускать подмены педагога, влияния его личности на формирование личности молодых людей. Личный пример, передача опыта старшего педагога-наставника имеет большое значение в поддержании связи поколений, сплочении российского общества. Засилье опосредованного внеконтактного общения ведет к упрощению и обнищанию коммуникаций между молодыми людьми, что имеет большие негативные последствия. Необходимы и конкретные юридические нормативы в использовании цифровизации и ИИ-технологий.

Задача современного обучения и образования – не в огульном отрицании цифровизации и ИИ-технологи, а в осознанном использовании их достижений, имея главной целью этого процесса развитие способностей личности и сохраняя роль педагога как наставника в жизни молодого человека.

Литература

1. Базарный В.Ф. Школа или конвейер биороботов? Издательство: Концептуал. 2015. – 80 с.

2. Денисова О.А. Цифровизация образования: нейросети и искусственный интеллект в обучении: учебное пособие для вузов / О.А. Денисова. – Санкт-Петербург: Лань, 2026. – 104 с.

3. Зайцев Н.А. Методики Н. Зайцева. Учебник для родителей, воспитателей, учителей / Издательство: ООО «Методики Н. Зайцева». – Санкт-Петербург. – 1999. – 128 с.

4. Здоровье развивающее образование по технологии В.Ф. Базарного: материалы VI краевой Конференции «Здоровое развитие детей», Барнаул, 16 марта 2013 // Сборник – Барнаул: ИП Колмогоров И.А., 2013. 96 с., илл.

5. Лучшая система образования была создана при Сталине – ее реформы привели к катастрофе [Электронный ресурс] // https://svpressa.ru/online/sptv/530396/?ysclid=mu9kw3hjlj34218237 (дата обращения: 05.09.2026.)

6. Макарова И.А. Воспитание в эпоху цифровизации / И.А. Макарова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2021. – № 1 (154). – С. 41–46.

7. Минобрнауки заявило о планах отказаться от Болонской системы [Электронный ресурс] // https://www.rbc.ru/society/24/05/2022/628d070a9a79476c3892ec27 (дата обращения: 05.09.2026.)

8. Мы в ответе за цифровой мир: Профилактика деструктивного поведения подростков и молодежи в Интернете. Авторы: Г.У. Солдатова, С.В. Чигарькова, А.А. Дренева, С.Н. Илюхина. Учебно-методическое пособие. Москва. Изд-во: «Когито-Центр». 2019. – 176 с.

9. Околелов О.П. Искусственный интеллект и инновационные педагогические средства в образовании: монография / О.П. Околелов. – Москва; Берлин Директ-Медиа, 2020. – 182 с.

10. Панов А.И. Квантификация в политологии [Текст] / А.И. Панов; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова» (ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»). – Москва: РЭУ им. Г.В. Плеханова, 2018. – 160 с.: ил., табл.: 21 см.; ISBN 978-5-7307-1456-4.

11. Панов А.И. Электронная культура и проблемы молодежи. Социально-гуманитарные знания. № 6. 2021. С. 72–80.

12. Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс] // https://dou26kirov.gosuslugi.ru/pedagogam-i-sotrudnikam/proekt-strategii-razvitiya-vospitaniya-v-rf-do-2030-goda.html (дата обращения: 05.09.2026.)

13. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс] // http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (дата обращения: 05.09.2026.)

14. Шаталов В. Эксперимент продолжается. Издательство: «Сталкер» (Донецк). 1998. 396 с.

15. Шишкин В.А. Философские, правовые и социально-экономические основы коллективного воспитания в педагогике А.С. Макаренко: Учебное пособие для студентов педагогических вузов по направлениям «Педагогическое образование», «Психология образования» и «Психология служебной деятельности» // В.А. Шишкин. Новосибирск: ООО «Немо Пресс», 2024. – 260 с.

16. Щетинин М.П. Школа третьего тысячелетия. Москва. Издательство: Амрита, 2020. 259 с.

17. Экспертиза Дугина № 60: Мы становимся дебилами» [Электронный ресурс] // https://www.geopolitika.ru/directives/ekspertiza-dugina-no-60-my-stanovimsya-debilami (дата обращения: 05.09.2026.)

PROBLEMS OF EDUCATION AND UPBRINGING OF YOUNG PEOPLE IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION AND THE IMPACT OF AI TECHNOLOGIES

Panov A.I.
Russian State Social University

The rapid development of digitalization and AI technologies leads to the need for urgent and intensified study of this problem in order to properly use new technologies in the education and upbringing of young people. The upbringing of young people occurs simultaneously with learning and education; these processes are not identical, but they are united in the overall context of forming a new personality. The author notes the insufficient scientific research into these issues and proposes practical ways to address them in various fields of human activity.

Keywords: digitalization, digital environment, artificial intelligence, digital socialization, digital upbringing, concepts of the digital generation (generations Z and Alpha), syncretization.

References

1. Bazarny V.F. School or a Biorobot Assembly Line? Publisher: Kontseptual. 2015. – 80 p.

2. Denisova O.A. Digitalization of Education: Neural Networks and Artificial Intelligence in Learning: A Textbook for Higher Education Institutions / O.A. Denisova. – St. Petersburg: Lan, 2026. – 104 p.

3. Zaitsev N.A. N. Zaitsev's Teaching Methods. A Textbook for Parents, Preschool Educators, and Teachers / Publisher: OOO «Metodiki N. Zaitseva» [N. Zaitsev's Methods LLC]. – St. Petersburg. – 1999. – 128 p.

4. Health-Promoting Education Based on V.F. Bazarny's Technology: Proceedings of the 6th Regional Conference «Healthy Child Development,» Barnaul, March 16, 2013 // Collection – Barnaul: Individual Entrepreneur Kolmogorov I.A., 2013. 96 p., illus.

5. The Best Education System Was Created Under Stalin – Reforms to It Led to Catastrophe [Electronic resource] // https://svpressa.ru/online/sptv/530396/?ysclid=mu9kw3hjlj34218237 (accessed September 5, 2026).

6. Makarova I.A. Upbringing in the Era of Digitalization / I.A. Makarova // Bulletin of Volgograd State Pedagogical University. – 2021. – № 1 (154). – P. 41–46. 7. Ministry of Science and Higher Education announces plans to abandon the Bologna Process [Electronic resource] // https://www.rbc.ru/society/24/05/2022/628d070a9a79476c3892ec27 (accessed September 5, 2026).

8. We Are Responsible for the Digital World: Prevention of Destructive Behavior Among Adolescents and Youth on the Internet. Authors: G.U. Soldatova, S.V. Chigarkova, A.A. Dreneva, S.N. Ilyukhina. Educational and methodological manual. Moscow: Kogito-Center Publishing House, 2019. – 176 p.

9. Okolelov O.P. Artificial Intelligence and Innovative Pedagogical Tools in Education: Monograph / O.P. Okolelov. – Moscow; Berlin: Direct-Media, 2020. – 182 p.

10. Panov A.I. Quantification in Political Science [Text] / A.I. Panov; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Plekhanov Russian University of Economics» (PRUE). – Moscow: Plekhanov Russian University of Economics, 2018. – 160 p.: ill., tables: 21 cm; ISBN 978-5-7307-1456-4.

11. Panov A.I. Digital Culture and Youth Issues. Social and Humanitarian Knowledge. № 6. 2021. Pp. 72–80.

12. Strategy for the Development of Upbringing in the Russian Federation for the Period up to 2030 [Electronic resource] // https://dou26kirov.gosuslugi.ru/pedagogam-i-sotrudnikam/proekt-strategii-razvitiya-vospitaniya-v-rf-do-2030-goda.html (accessed 05.09.2026).

13. Decree of the President of the Russian Federation № 809 dated November 9, 2022, «On Approving the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values» [Electronic resource] // http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502 (accessed 05.09.2026).

14. Shatalov V. The Experiment Continues. Publisher: «Stalker» (Donetsk). 1998. 396 p.

15. Shishkin V.A. Philosophical, Legal, and Socio-Economic Foundations of Collective Upbringing in the Pedagogy of A.S. Makarenko: A Study Guide for Students of Pedagogical Universities Majoring in «Pedagogical Education,» «Educational Psychology,» and «Psychology of Professional Activity» // V.A. Shishkin. Novosibirsk: Nemo Press LLC, 2024. – 260 p.

16. Shchetinin M.P. School of the Third Millennium. Moscow. Publisher: Amrita, 2020. 259 p.

17. Dugin's Analysis № 60: «We Are Becoming Morons» [Electronic resource] // https://www.geopolitika.ru/directives/ekspertiza-dugina-no-60-my-stanovimsya-debilami (accessed 05.09.2026).

Политические идеологии как гражданские и политические религии эпохи модерна

Митин Алексей Васильевич,
кандидат философских наук, доцент кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: panther.00@bk.ru

Полозова Ирина Владимировна,
доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
E-mail: polozova-irina@mail.ru

В статье рассматривается феномен политических идеологий в отношении к гражданским или политическим религиям, сложившимся в эпоху модерна вследствие секуляризации общественного сознания и ставших предметом изучения политологов во второй половине XX века. Предлагается показать взаимообусловленность политических религий модерна и политических идеологий с целью объяснить неслучайность их содержательного наполнения и способность оказывать значительное влияние на сознание масс.

Ключевые слова: политические идеологии, гражданские религии, политические религии, Модерн, секулярность.

В статье мы представим взгляд на политические идеологии, основанный на достижениях современной политической теологии, показывающей происхождение политических и социальных явлений из первичного по отношению к ним религиозного источника. В качестве основного допущения политической теологии принимается положение об обусловленности политических явлений сферой религии, причем, не по причине ее исторического первенства, но в силу ее связи с изначальным онтологическим отношением человека к реальности.

В современной политической мысли в понимании политических идеологий до недавнего времени преобладал секулярный подход, исходящий из принципов, доминирующих в сфере философии и позитивных наук об обществе. Данная установка не является случайной, так как начиная с Нового времени все знание, в том числе и социально-политическое, пыталось утвердить себя на секулярных, не связанных с религией началах. Новое время в целом характеризовалось попытками дать естественное объяснение всем явлениям природной и социальной жизни, что нередко означало волюнтаристическое преодоление богословской и, впоследствии, деистической позиции, замену Божественного источника в понимании всех явлений природным, проявившуюся в трудах П. Гольбаха, Д. Дидро, а также в знаменитой «Энциклопедии» философов-просветителей.

Начиная с эпохи Нового времени принципиальные изменения происходили и в сфере самого общественного сознания, относящейся к области идей, руководящих обществом, идеологии. Не случайно, термин «идеология», имеющий греческое происхождение, восходящий к философии Платона и, тем самым, противопоставленный латинизированной догматике и схоластике, с которой преимущественно связывалось в Европе представление о религиозном сознании, возникает именно в данное время. Представления о наступлении принципиально новой эпохи, основанной на идеях Разума, требовали нового сознания, очищенного, по выражению Ф. Бэкона, от «идолов», особенное значение среди которых имели «идолы театра», к которым, по мысли просветителей, принадлежали, в первую очередь, догмы религии.

Само понятие «идеология», будучи тесно связанным с эпохой Нового времени, представлялось результатом естественной деятельности нашего ума. Оно было обязано своим существованием философии Д. Локка, переосмыслившего принадлежащее Платону учение об идеях, и начавшего рассматривать идеи в качестве очищенных от случайностей результатов нашего опыта. Наряду с сенсуалистической доктриной Э. Кондильяка, теория идей Локка послужила основой для создания естественной теории идеологии Дестюта де Траси, который пытался представить комплекс исходящих из опыта идей в качестве будущей основы общественной и политической жизни [4]. Тем самым, опыт Д. де Траси положил начало представлениям о способности идеологии занять место религии в качестве духовного руководства обществом и о особой значимости идеологии, рассматриваемой в качестве определяющей сферы общественной и политической жизни. Идеология в секулярной трактовке рассматривалась как система идей, возникших естественным путем, являющаяся результатом осмысления исторического опыта человечества.

Вместе с тем, как скоро, с обострением социальных противоречий, стало понятно, что идеология не является и не может являться нейтральным понятием в силу отсутствия в общественной жизни, пронизанной множеством различных социальных интересов, сферы чистого опыта, несколько позже, со сменой просветительских установок и в связи с появлением исторического и классового подхода в социальных и политических науках, появилось представление о ее социальной и классовой обусловленности. Самым известным из подобных представлений об идеологии является классовая теория К. Маркса, имеющая и в XX веке своих убежденных сторонников. Исходя из представлений об идеологии, с неизбежностью служащей выражению определенных социальных интересов, данное понятие стало пониматься как по своему существу ангажированное и изначально исходящее из определенных предпосылок. Вместе с тем, в рамках данной парадигмы была также обнаружена ее ограниченность и необходимость рассмотрения идеологии в некой внеисторической перспективе, о чем свидетельствует парадоксальная для философа-марксиста Л. Альтюссера мысль о том, что «идеология не имеет истории» [1, с. 25].

Последующее доминирование в науках об обществе культурологической парадигмы привело к рассмотрению идеологии сквозь призму

представлений о ее роли, которую она призвана играть в культурах различных обществ. Так, антрополог и культуролог К. Гирц в своем исследовании идеологии выстраивает культурологическую теорию напряжения, призванную преодолеть ограниченность социальной теории интересов, в рамках которой он уделяет особенное внимание психологическим факторам, позволяющим рассматривать идеологию в качестве эффективного способа снятия социального напряжения. К. Гирц показывает выполнение идеологией в обществе ряда функций, среди которых он называет катарсическую, моральную, объединяющую и апологетическую, позволяющие в своей совокупности снимать существующее в обществе напряжение путем формирования механизмов социального единства [3, с. 236]. Переходя от рассмотрения функций идеологии к ее сущности, исследователь особенно отмечает символический характер идеологии, предполагающий в качестве ключа для ее наиболее глубокого понимания исследование фигуративного языка тропов [3, с. 243].

Понимание идеологии, таким образом, само по себе опирается на некоторую идейную позицию и основывается на определенных предпосылках. Можно увидеть, вместе с тем, что оба доминирующих до недавнего времени подхода к идеологии, как классово-исторический, так и культурно-психологический, столкнулись с принципиальными затруднениями, обнаружив ограниченность своих исходных предпосылок и осознав необходимость обращения к более глубоким основаниям. В дальнейшем, поэтому, мы будем исходить из позиции, согласно которой, за идеологическими построениями, кроме социологических или культурологических установок, можно проследить их более глубокое основание, восходящее к первоначальному историческому единству политического и сакрального, оказывающее влияние на понимание как политики в целом, так и отдельных политических явлений, в частности, политических идеологий.

Представляется, что подход к идеологии не со стороны естественных, социальных и культурных факторов, но со стороны ее религиозной обусловленности, обозначенной, в частности, в такой относительно новой политической науке, как политическая теология, обладает более широкими эвристическими возможностями в силу изначального родства политической и религиозной сфер. Вместе с тем, мы будем исходить из различения первичной, явной связи религии и политики, существующей в традиционных обществах, и вторичной, скрытой, латентной, о которой имеет смысл говорить, начиная с эпохи Нового времени и Просвещения.

В традиционных обществах политика, как сфера деятельности, изначально понималась как сакральная в своей основе, что было обусловлено характером верховной власти, понимаемой как исходный Божественный атрибут, обнаруживаемый первоначально в слиянии верховного божества и фигуры правителя, а позднее в делегировании полномочий земному правителю от Божественного начала. Подобным образом осуществлялась сакрализация императорской власти, например, в Китае, Риме. Нередко не только фигура правителя, но и вся политическая сфера мыслилась как сакральная. В греческих полисах, например, политическое измерение было неотделимо от религиозного и образовывало, тем самым, городскую религию. В традиционных обществах отправлением власти занимались сословия, осуществлявшие непосредственное общение с Божественной реальностью, например, судьи Израиля, брахманы в Древней Индии.

В христианской традиции идея сакральности власти основывалась на идее духовного руководства Церкви над государством. Вся сфера европейской политики на протяжении длительного времени осуществлялась под духовным руководством папы Римского, несмотря на неоднократные попытки оспорить данную власть, о чем свидетельствует проходящее через столетия европейской истории противостояние гвельфов и гибеллинов. Вместе с тем, сам Божественный источник власти не подлежал сомнению, о чем свидетельствует непрекращающаяся борьба Церкви и монархов за Божественную инвеституру. Переход власти от духовного сословия к светской власти потребовал не просто соответствующего обоснования, результатом которого стала сакрализация королей [6, с. 86], но сопровождался Реформацией католической Церкви.

Решительная десакрализация политического осуществляется во времена Французской революции, когда происходит попытка заменить все относящееся к религиозной сфере содержание общественной жизни мирским его аналогом, при сохранении привычных структур. Вместе с тем, сама Французская революция воспринималась, например, в трактовке ее глубокого исследователя А. де Токвиля, как религиозная, обращенная к человеку вообще, вне существующих сословных и национальных границ [11, с. 23].

Можно увидеть, что сфера политической мысли Нового времени, несмотря на попытки искусственно сконструировать ее и объяснить на основе естественных источников, по своей сути представляла собой трансформацию религиозного сознания. Возникшие в данное время идеологии в значительной степени являлись порождением феномена гражданской и политической религиозности, которая явилась замещением в эпоху модерна традиционных религий. Наиболее значительные изменения происходили в сферах, имеющих определяющее значение для общественной жизни, таких как календарь и культ, традиционно связанных с религией. В результате радикальных изменений, произошедших в обществе, в качестве сакральных начинают почитаться такие абстрактные сущности как «свобода», «народ», «государство», «нация».

Первым мыслителем, заговорившим о религиозности подобного типа, был Ж-Ж. Руссо, который использовал для этого понятие «гражданской религии» [10, с. 311]. В своем трактате «Об общественном договоре» он отмечает существование в языческом мире гражданской религии, которая, по его мнению, выполняла важную функцию, а именно, являлась основой политического порядка, обеспечивая подчинение граждан законам и признание ими правомерности сословных разделений. По мнению Ж-Ж. Руссо, особенно значительной являлась роль гражданской религии в Древнем Риме, где она объединяла множество различных народов на основе общего для всех культа императора, служа, тем самым, прочной опорой императорской власти [10, с. 312].

Ж-Ж. Руссо полагает, что разделение сфер политики и религии началось с утверждением христианства, проповедовавшего наступление за пределами земной политической сферы Царства, которое «не от мира сего». В наступившую же, современную ему эпоху, по его мнению, наступает время новой гражданской религии, призванной объединить политическое и религиозное измерение, и способствовать, тем самым, установлению нового политического порядка, создавая чувство общности людей и определяя их моральные обязанности. Под гражданской религией Руссо, таким образом, понимает совокупность идеологических убеждений, способных конституировать новую политическую нацию [10, с. 320].

Вместе с тем, систематическое исследование новой секулярной религиозности в форме политических религий начинается лишь в 60-е годы XX века и может быть отнесено к достижениям современной политической теологии, которая, сохраняя преемственность с прежней теологической мыслью, является, вместе с тем, новой перспективой рассмотрения политических явлений современности [9, с. 95]. В данный период феномен политических религий рассматривался рядом авторов, среди которых следует назвать, в первую очередь, Р. Арона [2], Э. Фегелина [12], Э. Джентиле [5], в исследованиях которых появление политических или, по-другому, светских религий связывается с наступившей автономией сферы политического по отношению к традиционным религиям, но, вместе с тем, характеризуется наследованием присущих им смыслов и отношений.

Исследователи отмечают присутствие феномена политической религии в массовых и политических движениях, начиная с эпохи Просвещения, эпохи Французской революции и борьбы за независимость в США, когда объектом сакрализации становятся секулярные универсальные сущности, обозначающие собой коллективное единство людей, такие как «нация», «государство». Отмечается, что подобные политические религии обладают характерными чертами, присущим традиционным религиям, в частности, догматикой, культом, организацией, текстами, имеющих статус священных, как, например, Декларация независимости и Конституция в США, наличием своих пророков, героев и мучеников, своих священных мест и храмов, особых памятных дней и церемоний [5, с. 39–40].

Политическая религия определяется, тем самым, как совокупность идей, символов, ритуалов и институтов, призванных формировать у общества чувство солидарности на основе общности определяемых ею целей, а также осуществлять легитимацию данных целей. Политическая религия рассматривается как выполняющая, тем самым, важнейшие функции для общества, а именно, его объединения или интеграции на основе создаваемых ею мифов и участия в единых ритуалах, легитимации его властных органов, а также мобилизации энергии общества на достижение поставленных ею целей.

В качестве базовых политических религий большинством западных исследователей прежде всего рассматриваются правая и левая версия политического радикализма, ставших основой фашизма и национал-социализма, с одной стороны и коммунистических диктатур, с другой. Некоторые исследователи, например, Э. Джентиле, проводят различение политических религий и религии гражданской, под которой он имеет в виду государственную религию США, оставляющую, по его мнению, место для индивидуальной свободы [5, с. 44]. Мы не будем считать данное разделение существенным, исходя из то-

го, что современное состояние гражданской религии США таково, что, например, в отношении к инакомыслящим, людям и целым народам, не разделяющим ее базовых идей, она не оставляет места для индивидуальных свобод, и будем использовать понятие политической религии как универсальное.

Рассматривая генезис политических религий, немецкий исследователь Э. Фегелин, исходит из первичного единства области религиозного и политического, затем говорит о последующем историческом разделении данных сфер, и, наконец, демонстрирует их новое воссоединение в современную эпоху. Происхождение современных политических религий немецкий мыслитель выводит из религиозного рвения пуритан и иных протестантов, ставших движущей силой революционных преобразований Нового времени. По его мнению, современные политические религии рождаются в сектах кальвинистского типа в их стремлении к политическому господству [12, с. 86]. У. Матц также отмечает неудержимое стремление пуритан установить религиозную программу через революционный переворот в мирских порядках [7, с. 132]. Преемственность политических религий и протестантской религии в данном отношении прослеживается, например, на примере гражданской религии США, возникшей на основе протестантизма и несущей в себе мессианские черты пуританской традиции.

Следует отметить неслучайность появления политических религий в революционную эпоху, предшествующую появлению Нового времени, и в той религиозной среде, которую представляли собой пуритане и другие протестанты. Именно в данную эпоху политические религии получают заряд мощной религиозной энергии, позволяющей говорить о них, как о своего рода религиях и являющейся их сущностной, характерной чертой.

Мы полагаем, что представление о религиозной энергии является важнейшим для понимания сущности политической религии, как и религии вообще. Данное понимание восходит к знаковому труду немецкого богослова Р. Отто, который рассматривал в качестве внутреннего ядра всех религий особый опыт переживания священного, называемый им нуминозным, связанный с высвобождением колоссальной иррациональной энергии, наполняющей души людей особым напряжением и динамикой [8, с. 39].

Становится понятным, почему политические идеологии, во многом определившие судьбы человечества в XX веке, воспринимаются их исследователями именно в качестве светских религий. Идеология остается полностью нежизнеспособной, если не усвоит себе признаки политической религии, которые составляют ее «плоть и кровь», и не должна пониматься как отвлеченная, абстрактная сфера политической мысли, ее идейная, теоретико-догматическая часть. Наиболее важным в понимании идеологии, ставшей в секулярном мире политической религией, является наличие у нее внутреннего сакрального содержания, стоящего за внешним, секулярным ее проявлением, присутствующего в политическом как его иррациональная, бессознательная часть.

Подобное понимание идеологии, как имманентно содержащей в себе сакральное и иррациональное, позволяет ответить на проблему, поставленную К. Гирцем, об обосновании решающей роли символического в идеологических построениях и, тем самым, обозначить преемственность в понимании сущности идеологии культурологического и теологического подходов. Данное понимание позволяет показать, что именно иррациональное, бессознательное, порожденное глубинной сакральной энергией, является началом, генерирующим смыслы и символы, способные объединять людей под эгидой политических идеологий.

Представление об идеологии, как имеющей внутреннее сакральное содержание, позволяет ответить критикам, испытывающим сомнение в том, можно ли считать ее религией. Политические религии могут представляться мистификациями, особыми изощренными формами манипулирования массами. Вместе с тем, исходя из понимания внутренней природы политической религии, данное мнение может рассматриваться как достаточно поверхностное и представляющее собой попытку упрощения сложной и значимой проблемы иррационального в политике [5, с. 73].

Согласимся с мнением известного исследователя религии М. Элиаде, считающего, что современный нерелигиозный человек совершенно не свободен от религиозного прошлого в силу того, что он является наследником религиозного человека и несет в себе многие его существенные черты [15, с. 129] Политические религии являются, поэтому, не искусственными человеческими изобретениями, намеренно маскирующими свою сущность, но квазирелигиями, имеющими внутреннее сходство и общие черты с традиционными религиями. Р. Арон в данной связи говорит о том, что западный человек, лишившийся Бога, все равно сохраняет в себе надежду относительно цели и смысла окружающего его мира [2, с. 180]. Э. Джентиле высказывается в пользу мнения о том, что всякая религия, в том числе и политическая, исходит из глубинной человеческой потребности в вере и служению высшей цели [5, с. 77]. Политическая религия тесно связана с поиском целей и ориентиров в жизни, потребность в которых наиболее остро обнаруживается в эпоху великих социальных потрясений.

Следует согласиться с мыслью о том, что главным содержанием политической религии является ориентация на высшую по отношению к человеку ценность. В то же время, в отличие от традиционной религии, данная ценность не является трансцендентной, но представляет собой некую социальную общность, социальное целое. Р. Арон обозначает ее как цель, по отношению к которой в идеологии определяется добро и зло [2, с. 169]. Политическая религия способна предложить человеку, таким образом, целостное истолкование истории и общества, а также дать людям веру и чувство принадлежности к социальной общности.

Политическая идеология способна стать влиятельным феноменом в человеческом обществе потому, что имеет корни, связанные с наиболее фундаментальным, первичным отношением человека к миру и обществу. Существенной чертой политической религии является заложенное в ней фундаментальное отношение между общим и единичным, восходящее к религиозному отношению между трансценденцией и человеческой экзистенцией. Отличительным смыслом политической религии, в отличие от традиционных, является придание сакральных черт политическим универсалиям, выступающим по отношению к индивиду в качестве высших и трансцендентных.

Нервом каждой идеологии, либерализма, социализма и национализма, являются отношения целого и индивида, восходящие к средневековой проблеме универсалий, представляющие собой секулярный аналог отношения Бога и человека, но также генетически являющиеся религиозными [13, с. 16]. Среди них лишь западная идеология либерализма является номиналистической по своей природе, хотя в соответствующей ей гражданской религии она дополняется вторичными по отношению к индивиду сакральными универсальными сущностями, такими как «нация», «государство». Подобным образом проявляется протестантская индивидуалистическая природа либерализма, в то время как две другие идеологии изначально исходят из приоритета общего. В данной перспективе становится вполне понятным тезис Л. Альтюссера о том, что идеологию следует рассматривать не в исторической плоскости, но со стороны ключевого соотношения ее главных субъектов.

Жизнеспособность идеологии состоит, таким образом, в ее сердцевине, исходящей из первичного, во многих смыслах сходного с религиозным, базового отношения к социальным универсалиям. Вместе с тем политические религии эпохи модерна не способны полностью заменить и тем более отменить традиционные религии, имеющие перспективу трансцендентного, необходимость обращения к которым особенно ощущается обществом в его переломные моменты.

Литература

1. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства// Неприкосновенный запас. 2011, № 3(77), С. 14–58.
2. Арон Р. История XX века. – М.: Ладомир, 2007. – 1105 с.
3. Гирц К Идеология как культурная система// Гирц К. Интерпретация культур. – М.: РОССПЭН, 2004. – 456 с.
4. Дестют де Траси А. Основы идеологии. Идеология в собственном смысле слова. – М: Академический проект, 2023. – 333 с.
5. Джентиле Э. Политические религии. Между демократией и тоталитаризмом. – СПб: Владимир Даль, 2023. – 395 с.
6. Канторович Эрнст Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. 2-е изд., испр. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. – 752 с.·
7. Матц У. Идеология как детерминанта политики в эпоху модерна// Полис. Политические исследования 1992. № 1–2.
8. Отто Р. Священное. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2008. – 272 с.
9. Полозова И.В. Возвращение «политической теологии»: старая или новая наука?// Социально-гуманитарные знания. 2023. № 3. С. 95–97.
10. Руссо Ж.Ж. Об Общественном договоре. Трактаты. – М.: Терра – Книжный клуб. Канон пресс, 2000. – 544 с.
11. Токвиль А. Старый порядок и революция. – СПб.: Алетейя, 2018. – 248 с.
12. Фегелин Э. Новая наука политики. – СПб: Владимир Даль, 2021. – 345 с.
13. Хархордин О. Общество или дружество других. – СПб, Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2024. – 160 с.

14. Элиаде М. Священное и мирское. – М.: Издательство МГУ, 1994. – 144 с.

POLITICAL IDEOLOGIES AS CIVIC AND POLITICAL RELIGIONS OF THE MODERN ERA

Mitin A.V., Polozova I.V.
Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia named after V.J. Kikot

This article examines the phenomenon of political ideologies in relation to civil or political religions – forms that emerged in the modern era as a result of the secularization of public consciousness and became a subject of study for political scientists in the second half of the 20th century. It aims to demonstrate the interdependence of modern political religions and political ideologies, thereby explaining why their substantive content is not arbitrary and why they possess the capacity to exert a significant influence on the consciousness of the masses.

Keywords: political ideologies, civic religions, political religions, modernity.

References

1. Althusser, L. Ideology and Ideological State Apparatuses. Neprikosnovenny zapas. 2011, № 3 (77), pp. 14–58.
2. Aron, R. History of the Twentieth Century. Moscow: Ladomir, 2007. 1105 p.
3. Geertz, K. Ideology as a Cultural System. The Interpretation of Cultures. Moscow: ROSSPEN, 2004. 456 p.
4. Destutt de Tracy, A. Foundations of Ideology. Ideology in the Proper Sense of the Word. Moscow: Academichesky Proekt, 2023. 333 p.
5. Gentile, E. Political Religions: Between Democracy and Totalitarianism. St. Petersburg: Vladimir Dal, 2023. 395 p.
6. Kantorovich Ernst H. The King's Two Bodies. A Study in Medieval Political Theology. 2nd ed., corrected. – Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 2014. – 752 p.
7. Matz U. Ideology as a Determinant of Politics in the Age of Modernity// Polis. Political Studies 1992. Nos. 1–2.
8. Otto R. The Sacred. – St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2008. – 272 p.
9. Polozova I.V. The Return of «Political Theology»: Old or New Science?// Social and Humanitarian Knowledge. 2023. № 3. pp. 95–97.
10. Russo J.J. On the Social Contract. Treatises. – Moscow: Terra – Book Club. Canon Press, 2000, 544 p.
11. Tocqueville, A. The Old Order and the Revolution. St. Petersburg: Aleteia, 2018, 248 p.
12. Voegelin, E. The New Science of Politics. St. Petersburg: Vladimir Dahl, 2021, 345 p.
13. Kharkhordin, O. Society or Friendship of Others. St. Petersburg: Press of the European University at St. Petersburg, 2024, 160 p.
14. Eliade, M. The Sacred and the Profane. Moscow: Moscow State University Publishing House, 1994, 144 p.

Имманентное основание трансцендентального и мнимость разрывов с Кантом

Ушаков Денис Сергеевич,
доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
E-mail: fintaliano@yandex.ru

Андреева Екатерина Викторовна,
кандидат философских наук, доцент, Ростовский государственный университет путей сообщения
E-mail: eva-rgups@mail.ru

В статье рассматривается одна из устойчивых проблем кантоведческой традиции – нерешенный статус понятия «вещь в себе». Интерпретативная дискуссия – реалистическая, двухаспектная, регулятивная – не привела к консенсусу, эта неразрешенность воспроизводится и в современной онтологической полемике через диагноз корреляционизма. Показано, что источником затруднения является внешняя локализация границы познания у Канта – ее мысленное помещение между познающим и его коррелятом. Предлагается уточнение кантовской системы через перелокализацию границы: граница познавательного отношения проходит не между познающим и реальностью, а в основании самого познающего, как имманентное условие, учреждающее его трансцендентальный аппарат и далее остающееся недоступным. Тем самым вещь в себе получает определенное содержание – не объекта по ту сторону форм, а структурного условия, имманентного познающему. Опираясь на исследования Д. Хенриха и М. Франка по проблеме пред-рефлексивного самосознания, статья развивает положение о бессубъектном характере имманентного основания. На материале трех классических попыток преодоления кантовского корреляционизма – гегелевской диалектики, хайдеггеровской онтологической разницы, спекулятивного реализма Мейясу – обнаруживается общая методологическая ошибка: применение пост-различительного аппарата к тому, что объявлено лежащим до различения. Перелокализация границы устраняет основание для попыток преодоления Канта и одновременно сохраняет существенные положения его системы – границы познания, корреляцию, недоступность вещи в себе. Кантовская позиция при таком уточнении оказывается более точной, чем позиции ее критиков.

Ключевые слова: Кант, вещь в себе, перелокализация границы, имманентное основание, трансцендентальная философия, корреляционизм, посткантовская традиция.

Введение

В наследии Канта есть пункт, двести лет остающийся предметом спора и не получающий окончательного разрешения, – статус вещи в себе. Реалистическое, двухаспектное, регулятивное его прочтения имеют основания в кантовских текстах, и каждое сталкивается со своими трудностями. Спор воспроизводится не из-за недостаточной разработанности аппарата интерпретации, а из-за структурной особенности самой кантовской системы: вопрос о том, чем именно является вещь в себе и где она располагается в структуре познания, у Канта остается открытым.

Эта неразрешенность имеет следствия за пределами кантоведения: на протяжении XIX и XX веков она служила точкой опоры для попыток преодолеть кантовский корреляционизм – тезис о том, что бытие мыслимо только в соотношении с мышлением. Гегелевская диалектика, хайдеггеровская онтологическая разница, спекулятивный реализм К. Мейясу представлялись их авторами как разрыв с Кантом, как выход за пределы корреляционистского круга.

Настоящая работа исходит из иной предпосылки. Гипотеза состоит в том, что проблема статуса вещи в себе разрешима не через ее преодоление, а через ее перелокализацию. У Канта вещь в себе мыслится как нечто, расположенное за пределами форм познания, на дальней стороне границы между познающим и реальностью; гипотеза предполагает, что эта локализация неточна и что граница познания пролегает не между познающим и реальностью, а в основании самого познающего – как имманентное условие его учреждения как познающего. При такой перелокализации статус вещи в себе получает определенное решение, а попытки ее преодолеть лишаются собственного основания: все, что было заявлено как разрыв с Кантом, обнаруживает себя как движение внутри той самой структуры, которую претендовало превзойти.

Цель работы состоит в обосновании предложенной перелокализации и в экспликации ее систематических следствий. Ее достижение требует реконструировать кантовскую топологию познания и зафиксировать ее структурный пробел; обосновать тезис о перелокализации границы; на материале трех классических попыток преодоления Канта показать единство их методологического изъяна; определить следствия предложенного уточнения для кантоведческой проблематики и онтологической дискуссии.

По своему статусу работа является систематической, а не реконструктивной: структурное затруднение кантовской системы выступает точкой входа для самостоятельной разработки. Анализ кантовского корпуса – преимущественно «Критики чистого разума» – направлен на реконструкцию топологии познавательного отношения и на фиксацию ее структурного пробела в § 24 трансцендентальной дедукции. Опорой в посткантовской традиции служат исследования Д. Хенриха и М. Франка о пред-рефлексивном самосознании как ближайшая разработка проблемы; полемика с Гегелем, Хайдеггером и К. Мейясу проводится в объеме, необходимом для фиксации общей методологической проблемы их попыток преодоления Канта.

Кантовская топология познания и ее структурный пробел

Архитектура кантовского трансцендентального идеализма выстраивается вокруг разграничения двух инстанций: познающего с его трансцендентальным аппаратом – формами чувственности и категориями рассудка – и того, что этим аппаратом организуется в опыт. Реальность сама по себе, безотносительно к организующему ее аппарату, остается за пределами возможного познания: «предметы сами по себе отнюдь не известны нам, и те предметы, которые мы называем внешними, суть только представления нашей чувственности, формой которых служит пространство, а истинный коррелят их, т.е. вещь в себе, этим путем вовсе не познается и не может быть познана» (Кант, 2020, § 3, с. 55). Граница познания, таким образом, проходит во внешнем отношении: между познающим и его коррелятом, опосредуясь формами и категориями.

Эта внешняя локализация определяет всю последующую архитектуру, однако кантовские формулировки различения не вполне согласуются между собой. В «Критике чистого разума» вещь в себе вводится через методологическое различение: «одни и те же предметы могли рассматриваться с двух различных сторон: с одной стороны, как предметы чувств и рассудка для опыта, с другой же стороны, как предметы, которые мы только мыслим и которые существуют лишь для изо-

лированного и стремящегося за пределы опыта разума» (Кант, 2020, с. 21). В трансцендентальной аналитике то же различение получает иную формулировку – как разграничение феномена и ноумена, причем ноумен в позитивном смысле объявляется недостижимым: «понятие ноумена, взятое в чисто проблематическом значении, остается не только допустимым, но и необходимым как понятие, указывающее пределы чувственности. Но в таком случае оно не есть особый умопостигаемый предмет для нашего рассудка» (Кант, 2020, с. 183).

Несовпадение этих формулировок породило в исследовательской традиции устойчивый спор о действительном статусе вещи в себе. Реалистическое прочтение, развитое Р. Лэнгтон, утверждает, что вещи в себе обладают собственными внутренними свойствами, недоступными нам: «Кантианское смирение – это признание того, что мы не знаем внутренних свойств вещей, а знаем лишь их отношения (реляционные свойства)» (Langton, 1998). Двухаспектное прочтение Г. Эллисона рассматривает явление и вещь в себе не как два рода сущего, а как два способа рассмотрения одного и того же: «трансцендентальный идеализм – это не теория о двух мирах, а теория о двух способах представления одного и того же мира» (Allison, 2004). Регулятивное прочтение, поддерживаемое в отечественной кантоведческой литературе А.Н. Кругловым, видит в вещи в себе граничное понятие, лишенное собственного содержания и маркирующее пределы возможного опыта (Круглов, 2010); обзор дискуссии: (Adams, 1997; Prauss, 1974; Guyer, 1987; Васильев, 1998; Калинников, 2005). Каждая из позиций сталкивается со своей трудностью: реалистическая должна опираться на понятие аффицирующего действия вещи в себе – действия, категориально неоформляемого, поскольку само понятие действия имеет силу лишь в пределах возможного опыта; двухаспектная оставляет без коррелятивного содержания сам способ рассмотрения «безотносительно к условиям нашей чувственности»; регулятивная плохо согласуется с настойчивостью, с которой Кант возвращается к вещи в себе как к корреляту явления.

Эта неразрешенность не случайна: она свидетельствует о том, что предмет спора располагается в самой кантовской системе так, что ни один из доступных интерпретативных статусов не может быть проведен последовательно. Все три прочтения объединены общим допущением: граница познания проходит во внешнем отношении между познающим и его коррелятом. Различие между прочтениями касается того, чем заполнить дальнюю сторону границы, но не того, где она проходит.

Между тем в кантовской системе имеется место, в котором эта внешняя топология обнаруживает свой собственный предел. В § 24 трансцендентальной дедукции Кант рассматривает отношение познающего к самому себе: «внутреннее чувство представляет сознанию даже и нас самих только так, как мы себе являемся, а не как мы существуем сами по себе, потому что мы созерцаем себя самих лишь так, как мы внутренне подвергаемся воздействию» (Кант, 2020, § 24, с. 106). Самопознание подчинено форме внутреннего чувства – времени, – и потому «я» как познаваемое не совпадает с «я» как мыслящим. Кант признает неразрешимость возникающего затруднения средствами критической философии и формулирует его как «парадоксальность», которая «должна показаться странной всякому» (Кант, 2020, § 24, с. 106).

Это место маркирует ту точку, в которой внешняя топология границы перестает работать. Когда познающий обращается к самому себе, граница пролегает не между ним и внешним коррелятом, а внутри его самого: «я» как мыслящее оказывается недоступно «я» как познаваемому, и эта недоступность не объясняется ссылкой на формы чувственности, поскольку сам мыслящий есть та инстанция, которая эти формы применяет. Кант фиксирует затруднение, но не разрешает его. Именно этот пункт и составляет структурный пробел кантовской системы.

Перелокализация границы: имманентное основание трансцендентального

Затруднение, фиксируемое в § 24, заслуживает более внимательного рассмотрения. Речь идет о саморефлексии – об акте, в котором познающий пытается схватить себя как предмет познания. Такой акт, как и всякое познание, подчинен формам – в данном случае форме внутреннего чувства, времени. Поэтому познающий не может познать себя как мыслящего: он познает себя лишь как явление в потоке внутреннего чувства, а не как ту инстанцию, которая это явление производит.

Важно здесь не само это положение – оно последовательно вытекает из общей кантовской позиции, – а то, что Кант не может остановиться на нем как на достаточном: «каким образом, следовательно, я могу сказать, что я как умопостигающий (Intelligenz) и мыслящий субъект познаю самого себя как мыслимый объект, поскольку я, кроме того, дан себе в созерцании, только познаю себя одинаковым образом с другими явлениями, не так, как я существую для рассудка, а так, как я себе являюсь?» (Кант, 2020, § 24, с. 107–108). Когда речь шла о внешних предметах, формы стояли между познающим и коррелятом; «я» как мыслящее находилось на стороне субъекта вместе с формами. Теперь же «я» как мыслящее само оказывается за границей доступности: граница прошла не по тому стыку, по которому она проходит обычно.

Кант оставляет это затруднение без систематического разрешения: соответствующие места «Критики» носят характер признания трудности, а не ее снятия. Учение о трансцендентальном единстве апперцепции дает «Я мыслю» как условие всех представлений, но не объясняет, как это «Я мыслю» относится к «я» как познаваемому и почему между ними пролегает граница того же типа, что и граница, отделяющая познающего от вещей в себе.

Систематическая работа с этим пробелом и составляет существо предлагаемого уточнения. Если границу того типа, который Кант обнаруживает между «я» как мыслящим и «я» как познаваемым, признать структурно первичной по отношению к границе между познающим и внешним коррелятом, то общая топология познания изменится: граница перестает быть отношением между двумя инстанциями и становится имманентной структурой самого познающего.

Сформулируем тезис в его положительной форме. В основании всякого познающего работает условие, которое учреждает его как познающего, делает возможным его трансцендентальный аппарат и далее остается в его основании недоступным. Это условие не есть один из его актов; всякий его акт уже совершается в его силу. Оно не есть собственное действие познающего; оно работает в нем как то, что его произвело и что в нем продолжается, не становясь предметом его познания.

Здесь необходимо упредить возможное возражение: не делает ли само это утверждение предметом то, что объявлено непредметным? Ответ требует различения двух типов отношения к понятию. Можно делать понятие предметом – в том смысле, в каком предметом становится явление, организованное формами и категориями; и можно фиксировать понятие как условие – в том смысле, в каком Кант фиксирует ноумен в негативном смысле: не как предмет познания, а как граничное понятие, отграничивающее сферу возможного опыта. Имманентное основание трансцендентального относится ко второму типу: оно фиксируется как условие, не делается предметом. Само различение между предметным схватыванием и условным указанием есть собственный кантовский ход; работа в нем не нарушает критической позиции.

Разработка этой структурной ситуации в посткантовской традиции содержится в трудах Д. Хенриха и М. Франка о пред-рефлексивном самосознании. Хенрих, отправляясь от фихтеанского анализа «Я есмь Я», показывает, что субъект всегда уже предполагает себя в любом самоотносительном акте: рефлексия не может быть тем, что субъекта учреждает, поскольку рефлексия предполагает того, кто рефлектирует (Henrich, 1989). Франк развивает эту линию: всякая попытка субъекта схватить самого себя как объект упирается в нередуцируемое предшествование пред-рефлексивного измерения (Frank, 1991). Близкая разработка пред-рефлексивного измерения опыта в отечественной литературе – в работах В.И. Молчанова (Молчанов, 2004).

Хенрих и Франк делают важный шаг в этом направлении, но не доходят до перелокализации границы. У них пред-рефлексивное самосознание остается характеристикой субъекта, пусть и не сводимой к рефлексии; пред-рефлексивное у них – это все еще «мое», только не данное мне как объект. Шаг, который остается не сделанным, состоит в признании того, что пред-рефлексивное основание само не есть субъектное в собственном смысле: оно есть бессубъектная операция, в которой субъект учреждается, а не одно из его собственных измерений.

Утверждение о бессубъектности имманентного основания требует подтверждения. «В нем» означает здесь не принадлежность познающему как агенту, а структурное расположение. Имманентное основание есть в познающем в том смысле, в каком корни дерева есть в дереве; но как корни не суть действие дерева, так и имманентное основание не есть действие познающего.

Операция, работающая в основании познающего, по своей структуре не нуждается в субъекте для совершения. Установление определенности, проведение границы, удержание того, что выступает как «это, а не то», мыслимы как формальные процедуры, безотносительные к инстанции познающего «Я». В формальной логике различения Дж. Спенсера-Брауна эта структура зафиксирована в чистом виде: операция различения есть операция установления границы, не требующая агента-судящего как условия своего совершения (Spencer-Brown,

1969). В системно-теоретической разработке Н. Лумана понятие наблюдателя освобождается от привязки к сознанию: «под наблюдателем не следует подразумевать одни лишь процессы сознания, а значит, – только психические системы. Это понятие используется в высшей степени абстрактно и независимо от материального субстрата, инфраструктуры или же специфического способа оперирования, который делает возможным проведение наблюдений. Наблюдать – значит просто … различать и обозначать» (Луман, 2004, с. 72).

Эти разработки привлекаются здесь не как онтологическая модель, претендующая на самостоятельное содержание, а как указание на то, что операция учреждения определенности мыслима как структура, не имеющая в себе субъектной формы. Если такая операция мыслима, то нет принципиальных оснований полагать, что в основании познающего работает нечто иное. Имманентное основание трансцендентального есть в этом смысле бессубъектная операция учреждения, в которой субъект и его трансцендентальный аппарат впервые становятся возможны как таковые.

Из бессубъектности имманентного основания следует еще одно положение. Если в основании познающего работает операция, не имеющая субъектной формы, то нет оснований ограничивать регистр ее действия только познающим. Имманентное основание трансцендентального аппарата есть точка, в которой операция, работающая в реальности безотносительно к познающему, проходит и через познающего как через одну из своих локализаций.

Это положение требует осторожной формулировки. Оно не утверждает положительно, как устроена реальность; оно говорит обратное: нет принципиальных оснований полагать, что человек располагается вне реальности или составляет в ней привилегированную область. Всякое такое полагание требует постулата – картезианского, идеалистического, трансцендентного, – совершаемого притом при помощи различительных процедур; от догматического принятия таких постулатов предпочтительнее воздержаться.

Если же отказаться от постулата о привилегированности человека, то остается структурный коррелят: познающий есть часть реальности, в которой работает операция учреждения определенности, а имманентное основание есть точка, в которой эта операция проходит через познающего и учреждает в нем способность познания. Недоступность вещи в себе, удерживаемая Кантом, получает в этом ходе структурное обоснование: реальность непознаваема не потому, что между нею и познающим лежит непреодолимый барьер, а потому, что и в ней, и в познающем работает основание, в обоих регистрах одинаково недоступное познанию. Кантовская позиция сохраняется во всех своих основных пунктах – границы, корреляция, недоступность вещи в себе остаются в силе, – но получает единое структурное обоснование, которое у Канта оставалось неартикулированным.

«Преодоления» Канта: три попытки – одна ошибка

Перелокализация границы меняет диагностическую перспективу для трех классических попыток выйти за пределы кантовского корреляционизма. Гегелевская диалектика, хайдеггеровская онтологическая разница, спекулятивный реализм К. Мейясу обнаруживают общую особенность: каждая обращается к тому, что объявлено лежащим до различения, и обращается к нему при помощи различений. Этот разрыв между статусом предмета и аппаратом его описания и составляет общую методологическую ошибку трех позиций.

В «Науке логики» Гегель открывает движение спекулятивного мышления чистым бытием, которое непосредственно оказывается тождественным чистому ничто. Характеристика чистого бытия дана с предельной отчетливостью: оно «всецело должно быть … непосредственным или, точнее, лишь самим непосредственным…» (Гегель, 1970, т. 1, с. 130). Заявка ясна: чистое бытие мыслится как лишенное определений, как находящееся до всякого различия. Однако непосредственно вслед за этим в самом учении о бытии утверждается: «точно так же истина есть не их неразличенность, а то, что они не одно и то же, что они абсолютно различны…» (Гегель, 1970, т. 1, с. 140). Это уже работа различения: бытие и ничто предъявляются как пара, как члены, между которыми возможно «исчезание одного в другом», то есть как уже-различенные. На структурную напряженность начала указывает и Е.С. Линьков: непосредственность результата есть лишь начало, чем и поставлен вопрос о том, как эта непосредственность учреждается (Линьков, 1997, с. 5–6).

Заявленная исходная непосредственность требует для своего развертывания пары различенных членов, но эта пара не может возникнуть из самой непосредственности, по определению лишенной различия. Диалектика, претендующая на работу с до-различительным, на деле работает с уже-различенной парой и совершает движение между ее членами; различение, посредством которого эта пара впервые получена, у Гегеля не тематизируется. Преодоление кантовских границ через разворачивание чистого бытия оказывается мнимым: то, что полагается как до-различительное, есть результат уже совершенной операции различения.

Хайдеггер ставит задачу преодоления кантовского корреляционизма через возврат к вопросу о бытии (о генезисе этой задачи у раннего Хайдеггера см.: Михайлов, 1999). Центральным в «Бытии и времени» становится различение бытия и сущего – онтологическая разница, по отношению к которой вся западная метафизика, включая Канта, понимается как забвение: «бытие сущего не «есть» само сущее. Первый философский шаг в понимании проблемы бытия состоит … в том, чтобы не «рассказывать историю», то есть определять сущее в его происхождении не сводимым к сущему, не задним числом восстанавливать сущее в качестве того сущего, чье происхождение от другого сущего ему присуще» (Хайдеггер, 1997, с. 6).

Намерение состоит в том, чтобы выйти за пределы уровня, на котором работает кантовский трансцендентальный аппарат, и тематизировать собственно бытие, не сводимое к сущему. Однако само утверждение этого намерения полагает бытие и сущее как два различных члена: онтологическая разница есть различение и не может быть введена без различительного акта. Сам Хайдеггер признал, что не сумел дать удовлетворительной разработки «временности самого бытия», и эта незавершенность не случайна: ход к собственно бытию совершается аппаратом, предполагающим уже-разделенную пару бытия и сущего, – то, к чему ведет преодоление, доступно только через различение, которое само нуждается в собственном основании.

Наиболее радикальную версию задачи формулирует К. Мейясу в книге «После конечности»: выйти за пределы корреляционизма, к которому сводится вся посткантовская традиция. Корреляционизм есть позиция, в которой «мы можем познавать только корреляцию между мышлением и бытием, но никогда – какую-либо из этих сторон, взятую саму по себе» (Мейясу, 2015, с. 14–15). Выходом служит постулирование гиперхаоса – абсолютной случайности, лежащей по ту сторону всякой корреляции. Гиперхаос объявляется до-различительной реальностью, однако его экспликация совершает целый ряд различений: между необходимостью и случайностью, фактичностью и фактуальностью, мыслимым и реальным, корреляционистским кругом и его абсолютным внеположным. Каждое из этих различений работает в основании концепции, не будучи тематизировано (критические разработки спекулятивно-реалистической программы см.: Brassier, 2007).

Возражение направлено не против использования различений как таковых – анализ всегда располагает аналитическим аппаратом, – а против методологической несогласованности. Либо предмет описания располагается в том же регистре, что и инструменты описания, и тогда он не пред-различителен; либо он действительно пред-различителен, и тогда инструменты к нему неприменимы. Гиперхаос, объявленный лежащим до различения, экспонируется через систему различений, ни одна из которых не получает обоснования; объявленный выход за пределы корреляционизма совершается аппаратом, предполагающим то самое корреляционистское оформление, которое претендует превзойти.

Во всех трех случаях обнаруживается одна структура. Каждая попытка обращается к до-различительному – к чистому бытию у Гегеля, к собственно бытию у Хайдеггера, к гиперхаосу у Мейясу – и экспонирует его при помощи различений: пары бытия и ничто, онтологической разницы, дистинкций между необходимостью и случайностью. Различения совершаются, но не тематизируются, работая в основании каждой из концепций как невыявленное условие. Между тем преодоление корреляционизма требовало бы выхода к тому, что предшествует всякому различению, а всякий концептуальный аппарат сам есть различительный аппарат: использование его для описания до-различительного воспроизводит ту самую структуру, превзойти которую заявлено как цель. Объявленный разрыв с Кантом обнаруживает себя как движение внутри той же топологии познавательного отношения, в которой работает кантовская система.

Систематические следствия перелокализации

Систематические следствия предложенного уточнения касаются трех взаимосвязанных пунктов: статуса вещи в себе, состоятельности кантовской позиции в ее отношении к ее критикам и характера остающейся за пределами познания иррациональности реальности.

Первое следствие разрешает интерпретационный спор: перелокализация устраняет источник затруднения, зафиксированного в первом разделе. Вещь в себе перестает быть проблематичным понятием, статус которого разрывается между объектом, регулятивной идеей и методологическим инструментом, и получает определенное содержание – содержание имманентного основания, которое работает в по-

знающем как условие его трансцендентального аппарата и далее остается недоступным.

Это решение удерживает ценное в каждом из классических прочтений. Интуиция реалистического прочтения – собственная структура вещи в себе, не сводимая к ее данности познающему, – сохраняется, но переносится из внешнего регистра во внутренний: собственная структура есть структура самого имманентного основания. Единство явления и вещи в себе, удерживаемое двухаспектным прочтением, получает основание, которого у Эллисона не было: явление и вещь в себе суть две стороны самого познавательного отношения. Граничная функция регулятивного прочтения обретает содержание: имманентное основание есть граница, потому что оно есть условие, а не потому, что оно есть методологический инструмент.

Второе следствие касается регулярности, с которой совершается ошибка преодолителей. Каждый из трех авторов верно чувствовал в кантовской системе наличие непомысленного, но неверно его локализовал: все трое полагали, что пропуск находится вне, за пределами того, что Кант успел тематизировать, и потому искали выхода к лежащему «дальше», «глубже», «по ту сторону».

Между тем пропуск располагается внутри кантовской системы – в точке, которой Кант коснулся в § 24, но не разработал. Попытка преодоления через выход за пределы оставляет этот внутренний пропуск нетематизированным и тем самым воспроизводит корреляционистскую структуру: различительные операции, посредством которых экспонируются чистое бытие, собственно бытие и гиперхаос, и есть то, что у Канта осталось нетематизированным. Преодолители работают этими операциями, не выявляя их, и потому не могут выйти за пределы кантовской структуры.

Перелокализация, напротив, тематизирует имманентное основание именно как условие трансцендентального аппарата, работая на собственной территории кантовской системы, а не претендуя на выход за ее пределы. Кантовская позиция, дополненная перелокализацией, оказывается более точной, чем позиции ее преодолителей: она удерживает ситуацию познавательного отношения, не пытаясь выскочить из нее, и тем самым избегает методологической несогласованности, поражающей все три классические попытки преодоления.

Третье следствие касается характера иррациональности реальности. Кант удерживал недоступность вещи в себе как одно из ключевых положений своей системы; перелокализация ее сохраняет, но дает ей обоснование, которого у Канта не было. Реальность непознаваема не потому, что между нею и познающим лежит непреодолимый барьер, а потому, что в основании самого познающего работает то же, что работает в реальности, – бессубъектная операция учреждения определенности, в обоих регистрах одинаково недоступная познанию. Граница познания не отделяет познающего от внешней реальности; она проходит в основании самого познающего, и эта внутренняя граница есть коррелят того, что и в реальности есть основание, имманентно в ней работающее и извне не схватываемое.

Это положение сохраняет кантовский критицизм в его полной силе: никакого положительного онтологического утверждения о том, как устроена реальность, здесь не делается – утверждается только структурный коррелят. Реальность остается непознаваемой, но ее непознаваемость получает обоснование, которое у Канта оставалось неартикулированным. Корреляционизм в смысле Мейясу не разрушается и не преодолевается; он удерживается, но в проясненной форме, в которой исчезает соблазн его преодоления.

Заключение

Двухвековой спор о статусе кантовской вещи в себе не получил окончательного разрешения, и эта неразрешенность имеет структурный, а не интерпретативный характер. Корнем затруднения является внешняя локализация границы познавательного отношения – ее помещение между познающим и его коррелятом, опосредованное формами чувственности и категориями рассудка. На этой топологии держатся все три классических прочтения вещи в себе; та же топология служит точкой опоры для классических попыток преодоления Канта.

Предложенное уточнение состоит в перелокализации границы: граница познавательного отношения проходит не между познающим и реальностью, а в основании самого познающего – как имманентное условие, учреждающее его трансцендентальный аппарат и далее остающееся недоступным. Это условие не есть собственный акт познающего и не имеет в себе субъектной формы. Перелокализация дополняет кантовскую систему одним элементом, не разрушая ни одного из ее основных положений: границы познания, корреляция, недоступность вещи в себе сохраняются; меняется только локализация границы.

Из этого следуют три уточнения. Статус вещи в себе получает содержание, удерживающее ценное в каждом из классических прочтений. Кантовская позиция обнаруживается как более точная, чем позиции ее преодолителей, совершающих одну и ту же методологическую ошибку – применение пост-различительного аппарата к тому, что объявлено лежащим до различения; сама эта ошибка объяснена неверной локализацией верно почувствованного пропуска. Иррациональность реальности получает обоснование через структурный коррелят: в основании познающего и в реальности работает одна и та же бессубъектная операция учреждения, в обоих регистрах одинаково недоступная познанию.

Работа имеет ограничения. Систематическая разработка отношения имманентного основания к учению о схематизме и к учению о категориях составляет материал последующих исследований; соотношение предложенного решения с современными реалистическими прочтениями Канта заслуживает отдельного полемического разбора; систематические следствия предложенного хода для онтологии операции учреждения определенности открывают самостоятельную проблематику, выходящую за пределы кантоведческой работы.

Литература

1. Васильев В.В. Подвалы кантовской метафизики. – М.: Едиториал УРСС, 1998. – 160 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Наука логики: в 3 т. Т. 1 / пер. с нем. Б.Г. Столпнера. – М.: Мысль, 1970. – 501 с. – (Философское наследие).
3. Калинников Л.А. Кант в русской философской культуре. – Калининград: Изд-во Калининградского гос. ун-та, 2005. – 311 с.
4. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н.О. Лосского; под ред. Ц.Г. Арзаканяна, М.И. Иткина. – М.: Эксмо, 2020. – 736 с.
5. Круглов А.Н. Понятие трансцендентального у И. Канта: вопросы теории и истории. – М.: Канон+, 2010. – 568 с.
6. Линьков Е.С. Становление логической философии // Гегель Г.В.Ф. Наука логики. – СПб.: Наука, 1997. – С. 5–16.
7. Луман Н. Общество как социальная система / пер. с нем. А. Антоновского. – М.: Логос, 2004. – 232 с.
8. Мейясу К. После конечности: эссе о необходимости контингентности / пер. с фр. Л. Медведевой. – Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015. – 196 с.
9. Михайлов И.А. Ранний Хайдеггер: между феноменологией и философией жизни. – М.: Прогресс-Традиция; Дом интеллектуальной книги, 1999. – 284 с.
10. Молчанов В.И. Различение и опыт: феноменология неагрессивного сознания. – М.: Модест Колеров, 2004. – 328 с.
11. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В.В. Бибихина. – М.: Ad Marginem, 1997. – 451 с.
12. Adams R.M. Things in Themselves // Philosophy and Phenomenological Research. – 1997. – Vol. 57, No. 4. – P. 801–825.
13. Allison H.E. Kant's Transcendental Idealism: An Interpretation and Defense. – Revised and enlarged edition. – New Haven; London: Yale University Press, 2004. – 542 p.
14. Brassier R. Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007. – 275 p.
15. Frank M. Selbstbewußtsein und Selbsterkenntnis: Essays zur analytischen Philosophie der Subjektivität. – Stuttgart: Reclam, 1991. – 543 S.
16. Guyer P. Kant and the Claims of Knowledge. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 482 p.
17. Henrich D. The Identity of the Subject in the Transcendental Deduction // Reading Kant: New Perspectives on Transcendental Arguments and Critical Philosophy / ed. by E. Schaper, W. Vossenkuhl. – Oxford: Blackwell, 1989. – P. 250–280.
18. Langton R. Kantian Humility: Our Ignorance of Things in Themselves. – Oxford: Clarendon Press, 1998. – 240 p.
19. Prauss G. Kant und das Problem der Dinge an sich. – Bonn: Bouvier, 1974. – 251 S.
20. Spencer-Brown G. Laws of Form. – London: George Allen and Unwin, 1969. – 132 p.

THE IMMANENT FOUNDATION OF THE TRANSCENDENTAL AND THE ILLUSORY NATURE OF BREAKS WITH KANT

Ushakov D., Andreeva E.
Rostov State University of Economics, Rostov State Transport University

The article addresses one of the enduring problems of the Kantian tradition – the unresolved status of the concept of "thing in itself." The interpretive debate – realist, two-aspect, regulative – has not led to consensus, and this irresolution is reproduced in contemporary ontological polemics through the diagnosis of correlationism. It is shown that the source of the difficulty lies in Kant's external localization of the boundary of cognition – its conceptual placement between the cognizing subject and its correlate. A refinement of

the Kantian system is proposed through a relocation of the boundary: the boundary of the cognitive relation runs not between the cognizing subject and reality, but within the foundation of the cognizing subject itself, as an immanent condition that establishes its transcendental apparatus and thereafter remains inaccessible to it. The thing in itself thereby acquires a definite content – not of an object beyond the forms, but of a structural condition immanent to the cognizing subject. Drawing on the studies of D. Henrich and M. Frank on the problem of pre-reflective self-consciousness, the article develops the thesis of the impersonal character of the immanent foundation. On the material of three classical attempts to overcome Kantian correlationism – Hegelian dialectics, Heideggerian ontological difference, and Meillassoux's speculative realism – a common methodological error is identified: the application of a post-differential apparatus to what is declared as lying prior to differentiation. The relocation of the boundary removes the basis for attempts to overcome Kant while preserving the essential propositions of his system – the limits of cognition, correlation, and the inaccessibility of the thing in itself. The Kantian position, under such refinement, proves more accurate than the positions of its critics.

Keywords: Kant; thing in itself; relocation of the boundary; immanent foundation; transcendental philosophy; correlationism; post-Kantian tradition.

References

1. Vasil'ev V.V. Podvaly kantovskoi metafiziki [The Cellars of Kantian Metaphysics]. Moscow, Editorial URSS Publ., 1998. 160 p. (In Russian).

2. Hegel G.W.F. Nauka logiki: v 3 t. T. 1 [The Science of Logic: in 3 vols. Vol. 1]. Trans. by B.G. Stolpner. Moscow, Mysl' Publ., 1970. 501 p. (In Russian).

3. Kalinnikov L.A. Kant v russkoi filosofskoi kul'ture [Kant in Russian Philosophical Culture]. Kaliningrad, Kaliningrad State University Publ., 2005. 311 p. (In Russian).

4. Kant I. Kritika chistogo razuma [Critique of Pure Reason]. Trans. by N.O. Losskii, ed. by Ts.G. Arzakanian, M.I. Itkin. Moscow, Eksmo Publ., 2020. 736 p. (In Russian).

5. Kruglov A.N. Poniatie transtsendental'nogo u I. Kanta: voprosy teorii i istorii [The Concept of the Transcendental in Kant: Questions of Theory and History]. Moscow, Kanon+ Publ., 2010. 568 p. (In Russian).

6. Lin'kov E.S. Stanovlenie logicheskoi filosofii [The Formation of Logical Philosophy]. In: Hegel G.W.F. Nauka logiki [The Science of Logic]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997, Pp. 5–16. (In Russian).

7. Luhmann N. Obshchestvo kak sotsial'naia sistema [Society as a Social System]. Trans. by A. Antonovskii. Moscow, Logos Publ., 2004. 232 p. (In Russian).

8. Meillassoux Q. Posle konechnosti: esse o neobkhodimosti kontingentnosti [After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency]. Trans. by L. Medvedeva. Yekaterinburg, Moscow, Kabinetnyi uchenyi Publ., 2015. 196 p. (In Russian).

9. Mikhailov I.A. Rannii Khaidegger: mezhdu fenomenologiei i filosofiei zhizni [The Early Heidegger: Between Phenomenology and Philosophy of Life]. Moscow, Progress-Traditsiia Publ., Dom intellektual'noi knigi Publ., 1999. 284 p. (In Russian).

10. Molchanov V.I. Razlichenie i opyt: fenomenologiia neagressivnogo soznaniia [Distinction and Experience: A Phenomenology of Non-Aggressive Consciousness]. Moscow, Modest Kolerov Publ., 2004. 328 p. (In Russian).

11. Heidegger M. Bytie i vremia [Being and Time]. Trans. by V.V. Bibikhin. Moscow, Ad Marginem Publ., 1997. 451 p. (In Russian).

12. Adams R.M. Things in Themselves. Philosophy and Phenomenological Research, 1997, Vol. 57, No. 4, Pp. 801–825.

13. Allison H.E. Kant's Transcendental Idealism: An Interpretation and Defense. Revised and enlarged edition. New Haven, London, Yale University Press, 2004. 542 p.

14. Brassier R. Nihil Unbound: Enlightenment and Extinction. Basingstoke, Palgrave Macmillan, 2007. 275 p.

15. Frank M. Selbstbewußtsein und Selbsterkenntnis: Essays zur analytischen Philosophie der Subjektivität. Stuttgart, Reclam, 1991. 543 p.

16. Guyer P. Kant and the Claims of Knowledge. Cambridge, Cambridge University Press, 1987. 482 p.

17. Henrich D. The Identity of the Subject in the Transcendental Deduction. In: Reading Kant: New Perspectives on Transcendental Arguments and Critical Philosophy. Ed. by E. Schaper, W. Vossenkuhl. Oxford, Blackwell, 1989, Pp. 250–280.

18. Langton R. Kantian Humility: Our Ignorance of Things in Themselves. Oxford, Clarendon Press, 1998. 240 p.

19. Prauss G. Kant und das Problem der Dinge an sich. Bonn, Bouvier, 1974. 251 p.

20. Spencer-Brown G. Laws of Form. London, George Allen and Unwin, 1969. 132 p.

От материального вмешательства к определению объекта: интерпретация практического реализма Вихалемма в контексте философии химии

Чжан Цзыцзюнь,
аспирант Института философии Хэйлунцзянского университета (магистр), преподаватель Института марксизма Хэйлунцзянского университета
E-mail: zhangzijun@hlju.edu.cn

Практический реализм Вихалемма призван объяснить, каким образом научное знание, будучи опосредованным практикой, сохраняет соотнесенность с независимой реальностью. На материале химической практики в статье рассматривается, как материальное вмешательство обеспечивает практическое основание связи между научной практикой и реальностью. Понятием «определение объекта» обозначается процесс, в ходе которого отдельные свойства, отношения и границы реальных вещей становятся научно релевантными и распознаваемыми в экспериментальной, операциональной и концептуальной деятельности. Практическая опосредованность научного познания совместима с независимостью реальности, тогда как теоретические модели способны схватывать реальные системы лишь в определенных аспектах и в определенной степени. Вместе с тем ограничения со стороны реальности, препятствуя произвольности определений, сами по себе еще не объясняют, на каком основании различные определения объекта и теоретические модели могут рассматриваться как более или менее адекватное знание о реальности. В этом заключается эпистемологическая проблема, которая в рамках практического реализма остается нерешенной.

Ключевые слова: Рейн Вихалемм; практический реализм; научный реализм; антиреализм; философия химии; материальное вмешательство; научная практика; определение объекта; экспериментальный реализм; теоретические модели

Введение

Дискуссия между сторонниками научного реализма и антиреализма со второй половины XX века занимает одно из центральных мест в философии науки. Научный реализм, как правило, признает существование реального мира, независимого от познающего субъекта, и исходит из того, что зрелые научные теории способны в определенном смысле давать истинное знание об этом мире, в том числе о его ненаблюдаемых объектах. Различные версии антиреализма, напротив, ограничивают или ставят под сомнение подобные реалистические обязательства, апеллируя к эмпирической адекватности, инструментальному статусу теории или социальной сконструированности знания. Основные расхождения между этими позициями касаются истинности научных теорий, онтологического статуса ненаблюдаемых объектов и отношения научного знания к реальному миру. Однако традиционная дискуссия была сосредоточена преимущественно на теоретических высказываниях, условиях истинности и отношениях репрезентации, вследствие чего научная деятельность нередко представлялась прежде всего как теоретическое познание мира. Экспериментальные операции, использование приборов и непосредственное вмешательство исследователя в материальный мир, хотя и составляют неотъемлемую часть науки, не получили достаточного объяснения с точки зрения их роли в обосновании реалистического содержания научного знания. С практическим поворотом в философии науки проблема реализма перестала сводиться к вопросу о способности теории репрезентировать реальность и стала включать более фундаментальный вопрос: каким образом сама научная практика устанавливает связь исследователя с реальным миром.

Обзор литературы

Современная дискуссия о научном реализме и антиреализме включает как анализ статуса теоретических сущностей, так и переоценку роли эксперимента и практики. Конструктивный эмпиризм Б. ван Фраассена остается одной из ключевых антиреалистических программ, связывающих приемлемость теории прежде всего с ее эмпирической адекватностью [1]. Экспериментальный реализм И. Хакинга сместил внимание к вмешательству, манипулированию и устойчивому использованию причинных возможностей объектов [2], а исследования научной практики Э. Пикеринга показали значимость материальной агентности и конкретных исследовательских процедур [3]. На этом фоне Р. Вихалемм формулирует программу практического реализма [4] и специально развивает ее применительно к философии химии [5]. Для его подхода существенны исследования химической практики Б. Бенсод-Венсан и Дж. Саймона [6], а также философия химии Я. ван Бракеля [7]. Критика позиции «взгляда Бога» соотносится с аргументами Х. Патнэма [8], тогда как лабораторные исследования Б. Латура и С. Вулгара представляют важную линию практико-ориентированных исследований науки [9]. Современную критическую оценку практического реализма Вихалемма предлагает Ю. Линдхольм [10]. Дополнительный контекст составляют работы самого Вихалемма о практическом реализме как философии науки [11], образе науки в философии химии [12], соотношении философии науки и практики [13], автономии химии [14] и исторической эволюции химического знания [15].

В данной статье основное внимание уделяется практическому реализму (practical realism) эстонского философа науки Рейна Вихалемма (Rein Vihalemm). По Вихалемму, стандартный научный реализм, признающий независимую от сознания реальность, корреспондентное понимание истины и возможность знания об этой реальности, в силу своей абстрактности оказывается оторванным от действительной научной практики и тем самым порождает проблему так называемого «взгляда Бога» (the God's Eye). Такие антиреалистические позиции, как эмпиризм-инструментализм и социальный конструктивизм, стремясь избежать подобных метафизических предпосылок, по мнению Вихалемма, в основном также остаются в рамках традиционной философии науки, ориентированной на язык и логику, а не на саму научную практику. В качестве альтернативы этим двум стратегиям Вихалемм формулирует программу практического реализма и прямо подчеркивает: «Теоретическая деятельность – лишь одна сторона науки; научное исследование представляет собой практическую деятельность,

Исследование выполнено при поддержке проекта базового финансирования научно-исследовательской деятельности вузов провинциального подчинения провинции Хэйлунцзян за 2025 г. «Теоретическая логика и современное значение экологизации научно-технологических инноваций в условиях парадигмальной трансформации экологической цивилизации» (№ 2025-KYYWF-RWSK-029).

основной формой которой является научный эксперимент; эксперимент происходит в самом реальном мире, являясь целенаправленным, конструктивным, манипулятивным и материальным вмешательством в природу, причем в ключевом отношении это вмешательство направляется теорией» [5].

Химия представляет собой особенно продуктивное эмпирическое поле для практического реализма, поскольку теоретическая работа, экспериментальные операции и материальные процессы здесь постоянно переплетаются. Вихалемм отмечает, что химия «дает превосходный пример для анализа науки как особого социально-исторического вида практической деятельности и для разработки философии практического реализма, способной выступить альтернативой стандартному научному реализму и антиреализму» [4]. Синтез, анализ и контроль являются не внешними техническими процедурами, а составными элементами самого процесса формирования химического знания. Особое значение Вихалемм придает исследованиям химической практики Бернадетт Бенсод-Венсан (Bernadette Bensaude-Vincent) и Джонатана Саймона (Jonathan Simon) [6]. Он цитирует их тезисы о том, что «действие предшествует концептуализации, именованию или теории» и что «теория и материя совместно создаются химиками в лаборатории», рассматривая предложенный ими «операциональный реализм» (operational realism) как одну из форм практического реализма [5]. Отсюда возникает философский вопрос: каким образом научная практика, основанная на материальном вмешательстве, меняет само понимание научного объекта? В настоящей статье понятием «определение объекта» обобщается идея Вихалемма о том, что объект может быть распознан только посредством практики. Далее рассматривается, как материальное вмешательство позволяет реальным вещам приобретать статус распознаваемых научных объектов и какие реалистические обязательства практический реализм может принять на этой основе.

Цель, задачи и методы исследования

Цель исследования состоит в том, чтобы раскрыть, каким образом в практическом реализме Рейна Вихалемма материальное вмешательство связывает научную практику с независимой реальностью и каким образом на этой основе может быть понято практическое определение научного объекта. Для достижения этой цели решаются следующие задачи: реконструируется критика теоретикоцентризма у Вихалемма; анализируется структура материального вмешательства в химическом эксперименте; уточняется содержание понятия «определение объекта»; выявляются характер и пределы реалистических обязательств практического реализма. Методологическую основу составляют концептуальный анализ, философская реконструкция аргументации, сравнительный анализ реалистических и антиреалистических подходов, а также интерпретация примеров из химической практики и истории химии. Такое сочетание методов позволяет рассмотреть практический реализм не только как общую философскую программу, но и как способ анализа конкретных механизмов взаимодействия теории, эксперимента и материального объекта.

Результаты исследования и их обсуждение

Практические трудности теоретикоцентризма

Под стандартным научным реализмом Вихалемм понимает определенную позицию, объединяющую взаимосвязанные метафизические, семантические, эпистемологические и методологические обязательства: существует независимая от сознания реальность, включающая как наблюдаемые, так и ненаблюдаемые объекты; истинность научной теории определяется ее соответствием реальности; человек способен получать знание об этой независимой реальности; истина является важнейшей целью научного исследования [4]. Эти четыре положения образуют тот вариант стандартного научного реализма, который становится объектом критики Вихалемма. Проблема «взгляда Бога» связана прежде всего с указанными метафизико-онтологическими предпосылками и с трактовкой отношения теории к реальности как отношения соответствия. Если познавательная проблема формулируется главным образом как вопрос о том, каким образом теория получает знание о независимой реальности и как теоретические высказывания соответствуют ей, научное познание легко редуцируется к абстрактному отношению между теорией и миром. Познающий субъект, экспериментальная деятельность, а также исторический и социальный контекст практики при этом отходят на второй план. Вихалемм считает стандартный научный реализм проблематичным «из-за его абстрактного характера и отрыва от практики», а лежащие в его основе метафизико-онтологические предпосылки связывает с проблемой «взгляда Бога», сформулированной Хилари Патнэмом (Hilary Putnam) [4]. Под таким «взглядом» можно понимать допущение, будто научное познание должно занять позицию вне конкретных условий познания и научной практики, чтобы извне сопоставить теоретическую репрезентацию с «реальностью самой по себе» и установить их соответствие. Критика Вихалемма тем самым направлена против такого понимания объективности, при котором теория мыслится способной выйти за пределы конкретной научной практики и установить внешнее отношение соответствия с «реальностью самой по себе».

Антиреалистические подходы – эмпиризм-инструментализм, социальный конструктивизм и другие – ограничивают притязания теории на истинность и тем самым позволяют избежать затруднения, которое Вихалемм связывает со «взглядом Бога». Однако, по его мнению, это еще не меняет исходного способа постановки проблемы. Эмпиризм-инструментализм оценивает теории прежде всего с точки зрения эмпирической адекватности или инструментальной полезности, тогда как социальный конструктивизм акцентирует социальные, языковые и культурные условия формирования научных фактов. Вихалемм полагает, что в целом эти позиции по-прежнему остаются «в традиционном контексте философии науки, ориентированном на язык и логику, а не на реальную научную практику» [4]. В центре его критики находится статус практики в философском объяснении науки. Социальный конструктивизм и близкие к нему исследования науки уже давно обращаются к материальной среде лаборатории; классическим примером служат лабораторные исследования Бруно Латура (Bruno Latour) и Стива Вулгара (Steve Woolgar) [5]. Юхо Линдхольм (Juho Lindholm) также отмечает, что одним из достоинств ряда антиреалистических подходов стало появление многочисленных детальных исследований конкретных научных практик [10]. Однако если эксперимент, приборы, материальные операции и социальные взаимодействия в конечном счете используются главным образом для объяснения того, как формируются теоретические высказывания, познавательные притязания или научные тексты, сама практика еще не получает статуса базовой философской категории, посредством которой объясняется отношение науки к реальности. В этом смысле критика Вихалеммом антиреализма и его возражения против стандартного научного реализма имеют общую направленность: при всех различиях в трактовке истины, реальности и статуса теории оба подхода рискуют по-прежнему локализовать философскую проблематику науки преимущественно в сфере теории, языка и их эпистемологической оценки.

Под теоретикоцентризмом в настоящей статье понимается такая объяснительная установка, при которой теория получает приоритет, а практика рассматривается преимущественно как условие формирования и проверки теории, а также обоснования познавательных притязаний. Еще в ранних работах о практическом реализме Вихалемм связывал эту проблему с традиционным образом науки. Если наука представляется как процесс последовательного обнаружения фактов, их логического связывания посредством теории и постепенного приближения к истине или эмпирической адекватности, практическая деятельность легко оказывается подчиненной теоретической [11]. Практический поворот поэтому требует заново поставить вопрос о том, каким образом научная деятельность осуществляется внутри самого реального мира. Теория остается необходимым организующим компонентом научной практики, и Вихалемм неизменно подчеркивает ее теоретическую направленность. Меняется не значение теории, а порядок философского объяснения отношений между теорией и практикой. Если эксперимент понимается как деятельность, в ходе которой исследователь непосредственно воздействует на материальные процессы в реальном мире, связь науки с реальностью обнаруживает практическое измерение, возникающее не вне мира, а внутри него. Материальное вмешательство становится поэтому ключевым уровнем анализа отношений между научной практикой и реальностью, а химия, где теория, эксперимент и материальные операции особенно тесно переплетены, предоставляет для такого анализа наиболее наглядный материал.

Материальное вмешательство в химической практике

Химический эксперимент имеет выраженный продуктивный характер: формирование знания здесь нередко сопровождается получением, преобразованием и созданием веществ. Рассматривая значение химии для практического реализма, Вихалемм специально цитирует Яапа ван Бракеля (Jaap van Brakel): «Экспериментальная практика создания новых вещей (новых “веществ”) отличается от выполнения точных измерений или проведения “решающих экспериментов”» [5]. Это положение подчеркивает, что роль материального преобразования в химическом познании не сводится к измерению или проверке теории. В более раннем анализе двойственной природы химии Вихалемм также отмечал, что химия изучает «определенные виды веществ и их превращения», а к ее исследовательским целям относятся как получение посредством материальных превращений веществ с заданными свойствами, так

и познание природных закономерностей, которым эти вещества подчиняются [12]. Синтез, получение, разделение и превращение веществ тем самым оказываются неотъемлемой частью химического исследования. Производство знания и материальное преобразование происходят в едином экспериментальном процессе, основанном на постоянном взаимодействии теоретического замысла и материальных операций.

Материальное вмешательство в химическом эксперименте имеет отчетливую практическую структуру. Вихалемм понимает научный эксперимент как происходящую в реальном мире конструктивную, манипулятивную и материальную деятельность, подчеркивая ее целенаправленный и теоретически ориентированный характер [13]. Целенаправленность подчиняет эксперимент конкретному исследовательскому вопросу и ожидаемому результату; конструктивность проявляется в организации материального процесса посредством приборов, условий и процедур; манипулятивность – в постоянном регулировании материалов, реакционной среды и хода преобразований. Все эти действия реализуются в реально происходящих материальных изменениях. Результат эксперимента зависит от конкретных материалов и действительного хода их превращений и потому содержит эмпирическое содержание, которое не может быть заменено одним лишь теоретическим выводом. Теория задает концептуальную рамку постановки экспериментальной цели, организации условий и интерпретации результата и вместе с конкретными операциями структурирует исследовательскую практику. Поэтому Вихалемм подчеркивает, что теоретическая деятельность составляет лишь одну сторону научной практики, а построение теоретических моделей само является естественным элементом исследовательской деятельности [13]. Благодаря целенаправленно организованному эксперименту исследователь непосредственно включается в материальный процесс и получает знание в ходе конструирования, манипулирования и контроля происходящих изменений.

Реалистический смысл материального вмешательства связан также с тем, что экспериментальные операции фактически используют каузальные способности материальных объектов. Обсуждая автономию химии, Вихалемм обращается к экспериментальному реализму Иэна Хакинга (Ian Hacking) и рассматривает его как важный теоретический ресурс практического реализма. Если исследователь способен измерять некоторую сущность, выявлять ее каузальные способности и использовать соответствующие причинные связи для устойчивого функционирования экспериментальной установки, практика получает свидетельство в пользу реальности этой сущности и ее каузальных свойств, основанное на воспроизводимом причинном воздействии [14]. Реалистическое значение такого свидетельства состоит в том, что используемые в эксперименте причинные отношения задаются свойствами самих материальных объектов. Это позволяет принять реалистические обязательства относительно соответствующих сущностей и их каузальных способностей, но еще не дает оснований считать истинной связанную с ними теорию в целом. Синтез, превращение и контроль в химии особенно отчетливо демонстрируют эту структуру: теория организует цели эксперимента, выбор условий и возможных путей, однако осуществимость ожидаемого преобразования зависит от реальных материалов и протекающих в них причинных процессов. Экспериментальный результат поэтому одновременно отражает практическое вмешательство и ограничения, задаваемые реальностью. Это соответствует характеристике реалистической составляющей практического реализма у Вихалемма: в научной практике нам фактически «дан» некоторый аспект реального мира [5]. Тем самым связь науки с реальностью получает практическое основание, не сводимое к теоретической репрезентации. Отсюда возникает следующий вопрос: каким образом научная практика, постоянно вмешиваясь в реальные процессы, распознает и схватывает объекты, с которыми она имеет дело?

Практическое определение научного объекта

Возможность научной идентификации объекта составляет еще один ключевой элемент, отличающий практический реализм Вихалемма от традиционного теоретикоцентризма. Вихалемм утверждает, что научная практика представляет собой способ соотнесения с миром, благодаря которому мир может быть распознан в некоторых возможных «версиях». Человек не является «создателем мира», однако и сам мир не состоит из объектов, научная определенность которых дана заранее и независимо от практики: «объекты могут быть идентифицированы только посредством практики» [4]. Здесь принципиально важно различать независимое существование реальности и научную определенность объекта. Первое относится к онтологическому обязательству практического реализма; второе – к тому, каким образом вещи получают в конкретной научной деятельности статус распознаваемых и исследуемых объектов. Обсуждая Илкку Ниинилуото (Ilkka Niiniluoto), Вихалемм обращается также к различению «неидентифицированных» и «идентифицированных» объектов: мир может содержать объекты, которые еще не идентифицированы, но в принципе доступны идентификации, и это не требует понимать природу как совокупность объектов, уже обладающих завершенной научной определенностью [11]. Исходя из этого, в настоящей статье выражением «определение объекта» обозначается соответствующая идея Вихалемма. Под ним понимается процесс, в ходе которого посредством эксперимента, материальных операций, измерения и сопутствующей концептуальной деятельности отдельные свойства, отношения и границы реальных вещей становятся научно релевантными и распознаваемыми, благодаря чему вещи приобретают статус объектов, доступных научному исследованию.

Химическая практика позволяет более конкретно проследить, как происходит такое определение объекта. Вихалемм отмечает, что отдельная вещь лишь в результате конкретной практики определения может быть идентифицирована в соответствующем контексте как реально существующий объект, выступающий в качестве определенного инварианта; в химии эта зависимость от практики проявляется особенно отчетливо [5]. Более наглядное пояснение дает его историко-химический анализ теории флогистона. Понятия «металл», «древесный уголь» и «калькс» в теории флогистона относятся к эмпирическим объектам, имеющим соответствия в реальности, однако «свойства, на основании которых определяются эмпирические объекты, отбираются экспериментом из всей совокупности возможных реальных свойств», тогда как реальный объект обладает большим числом свойств и характеристик, чем эмпирический [15]. Так, «металл» как эмпирический объект определяется через экспериментально устанавливаемое отношение превращения при прокаливании в калькс, а «древесный уголь» получает соответствующую эмпирическую определенность благодаря особенностям горения и своей роли в процессе восстановления. «Отбор» здесь происходит на уровне научной релевантности: эксперимент, задавая определенные условия и вызывая материальные превращения, делает эмпирически значимыми и операционально доступными те свойства и отношения реальной вещи, которые существенны для данной исследовательской практики. Именно здесь наиболее отчетливо проявляется связь материального вмешательства с определением объекта.

Определение объекта носит открытый и множественный характер. Вихалемм пишет, что объект в принципе может быть распознан посредством практики «потенциально бесконечным числом способов». В этом смысле объект неисчерпаем: он имеет бесчисленное множество сторон и столь же многочисленные связи с другими частями мира [4]. Любая конкретная научная практика, исходя из определенных целей, операциональных условий и понятийной рамки, способна актуализировать в качестве научно релевантных лишь часть свойств и отношений реального объекта. Рассмотренный выше экспериментальный отбор свойств в химии непосредственно демонстрирует эту ограниченность. Свойства, на основании которых в конкретной практике определяется эмпирический объект, охватывают лишь часть характеристик и связей реальной вещи; при изменении исследовательского вопроса, экспериментальных условий или способа действия тот же объект может становиться предметом познания в иных аспектах. Множественность способов определения объекта, однако, всегда ограничена как условиями конкретной практики, так и реально присущими объекту свойствами и отношениями. Именно тезис Вихалемма о том, что мы не являемся «создателями мира», задает принципиальную границу такой интерпретации [4]. Следовательно, практика участвует в формировании конкретной научной определенности объекта, но не создает ее произвольно: она ограничена свойствами и отношениями самого объекта. Напряжение между множественностью возможных способов его научной идентификации и ограничениями со стороны реальности ставит перед практическим реализмом вопрос о силе и пределах собственных реалистических обязательств.

Реалистические обязательства практического реализма и их пределы

Признавая практическую опосредованность научного познания, практический реализм одновременно настаивает на независимости реальности. Вихалемм отмечает, что научные описания мира и «версии мира» (world-versions) всегда опосредованы практической деятельностью и теоретическими рамками, однако это не делает сам мир зависимым от нас; такие «версии мира» тем не менее способны сообщать нечто о реальном мире [11]. Зависимость от практики здесь относится к эпистемическому уровню – к формированию знания, тогда как независимость реальности относится к уровню онтологии. Рассмотренные выше материальное вмешательство и определение объекта показывают, что экспериментальная практика, с одной стороны, участвует в распознавании и конкретизации научного объекта, а с другой – вынуждена опи-

раться на реально существующие причинные связи, свойства и способы превращения материальных объектов. Реалистическое обязательство практического реализма состоит в том, что научное знание всегда формируется в рамках определенной практики, однако предметом вмешательства и познания остается реальный мир и те его стороны, которые могут проявляться в конкретной деятельности. Связь науки с реальностью поэтому не требует апелляции к находящемуся вне практики «взгляду Бога». Она возникает внутри самой научной практики как познавательное отношение к миру, который не может быть произвольно определен ни теорией, ни намерениями субъекта.

Реалистические обязательства практического реализма относительно научных теорий носят ограниченный и условный характер. Вихалемм прямо указывает, что теоретические модели сходны с реальными системами «в определенных аспектах и в определенной степени» [11]. Такая формулировка существенно отличается от подхода стандартного научного реализма, склонного рассматривать знание, мир и отношение между ними вне конкретной практики. Практический реализм, напротив, помещает реалистическое содержание теории в контекст исследовательской деятельности. Теоретическая модель организует эксперимент, включает идеализации, получившие экспериментальную поддержку, и позволяет схватывать реальные системы в ограниченных аспектах. Поэтому практическая эффективность теории и ее аспектуальное сходство с реальной системой дают основания говорить о наличии в ней реалистического содержания, но не позволяют заключить, что теория истинна в целом или что все постулируемые ею структуры и сущности получают реалистическое подтверждение одинаковой силы. Практический реализм сохраняет возможность теоретического познания реальности, одновременно ограничивая соответствующие обязательства конкретными условиями практики, определенными аспектами объекта и степенью сходства модели с реальной системой. Его расхождение со стандартным научным реализмом состоит прежде всего в том, следует ли понимать истинность теории как общее отношение соответствия, устанавливаемое независимо от конкретной научной практики.

Практическое вмешательство в реальный мир позволяет исключить некоторые произвольные конструкции, однако само по себе еще не объясняет, каким образом реальность проявляется в практике в эпистемически значимой форме. Выше было показано, что один и тот же объект может получать различные определения в разных практиках, а теоретические модели сходны с реальными системами лишь в определенных аспектах и в определенной степени. Отсюда возникает следующий вопрос: если разные определения объекта или теоретические модели успешно функционируют в соответствующих практиках, достаточно ли одного практического успеха, чтобы установить, какое из них полнее схватывает реальность? Реальные свойства и причинные отношения ограничивают круг возможных операций и определений, однако само это ограничение еще не дает достаточного критерия для сравнения различных практически состоятельных определений и теоретических моделей с точки зрения их адекватности реальности. На связанный с этим объяснительный пробел указывает и Линдхольм. По его оценке, идеи Вихалемма «в значительной степени по-прежнему носят программный характер» и не получили систематического философского обоснования; в частности, «Вихалемм не объясняет с достаточной подробностью, что именно заставляет реальность проявляться в практике» [10]. Эта оценка выявляет недостающее промежуточное звено в реалистической аргументации практического реализма. Между тезисом о том, что практика ограничивается реальностью, и тезисом о том, что возникающие в практике определения объекта и теоретические модели могут рассматриваться как знание о реальности, необходимо еще объяснить, каким образом ограничения со стороны реальности становятся эпистемическим основанием, позволяющим различать более и менее адекватные способы ее познания. На наш взгляд, практический реализм по-новому выстраивает отношение между научной практикой и реальностью, однако пока не дает систематического ответа на вопрос, каким образом ограничения со стороны реальности приобретают такую эпистемическую различительную функцию.

Заключение

Значение практического реализма Вихалемма состоит прежде всего в том, что он помещает отношение науки к реальности внутрь конкретной научной практики. Синтез, превращение, манипулирование и контроль в химии показывают, что исследователь, руководствуясь теорией, непосредственно вмешивается в материальные процессы и использует реально присущие объектам свойства, отношения и каузальные способности. В настоящей статье выражением «определение объекта» обобщена идея Вихалемма о том, что объект может быть распознан только посредством практики. Такое определение организуется исследовательской целью, экспериментальными условиями и понятийной рамкой, но одновременно ограничивается свойствами и отношениями, реально присущими самой вещи. Связь между материальным вмешательством и определением объекта позволяет практическому реализму совместить тезис о практической опосредованности научного познания с тезисом о независимости реальности, а также признать, что теоретические модели способны схватывать реальные системы в определенных аспектах и в определенной степени. При этом нет необходимости считать истинной теорию в целом или приписывать всем постулируемым ею структурам и сущностям одинаково сильный реалистический статус.

Литература

1. van Fraassen B.C. The Scientific Image [M]. Oxford: Clarendon Press, 1980.
2. Hacking I. Representing and Intervening: Introductory Topics in the Philosophy of Natural Science [M]. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
3. Pickering A. The Mangle of Practice: Time, Agency, and Science [M]. Chicago: University of Chicago Press, 1995.
4. Vihalemm R. Practical Realism: Against Standard Scientific Realism and Anti-Realism [J]. Studia Philosophica Estonica, 2012, 5(2): 7–22.
5. Vihalemm R. Philosophy of Chemistry against Standard Scientific Realism and Anti-Realism [J]. Philosophia Scientiæ, 2015, 19(1): 99–113.
6. Bensaude-Vincent B., Simon J. Chemistry: The Impure Science [M]. London: Imperial College Press, 2008.
7. van Brakel J. Philosophy of Chemistry: Between the Manifest and the Scientific Image [M]. Leuven: Leuven University Press, 2000.
8. Putnam H. Reason, Truth and History [M]. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
9. Latour B., Woolgar S. Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts [M]. 2nd ed. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1986.
10. Lindholm J. The Problem of Realism in Vihalemm [J]. Acta Baltica Historiae et Philosophiae Scientiarum, 2024, 12(1): 37–71.
11. Vihalemm R. Towards a Practical Realist Philosophy of Science [J]. Baltic Journal of European Studies, 2011, 1(1/9): 46–60.
12. Vihalemm R. Philosophy of Chemistry and the Image of Science [J]. Foundations of Science, 2007, 12(3): 223–234.
13. Lõhkivi E., Vihalemm R. Guest Editorial: Philosophy of Science in Practice and Practical Realism [J]. Studia Philosophica Estonica, 2012, 5(2): 1–6.
14. Vihalemm R. The Autonomy of Chemistry: Old and New Problems [J]. Foundations of Chemistry, 2011, 13: 97–107.
15. Vihalemm R. A Story of a Science: On the Evolution of Chemistry [J]. Acta Baltica Historiae et Philosophiae Scientiarum, 2019, 7(2): 7–180.

FROM MATERIAL INTERVENTION TO OBJECT DETERMINATION: AN INTERPRETATION OF VIHALEMM'S PRACTICAL REALISM IN THE CONTEXT OF THE PHILOSOPHY OF CHEMISTRY

Zhang Zijun

School of Marxism, Heilongjiang University, School of Philosophy, Heilongjiang University

Vihalemm's practical realism seeks to explain how scientific knowledge can remain directed toward an independent reality while being mediated by practice. Using chemical practice as its main case, this article examines how material intervention provides a practical basis for the relation between scientific practice and reality. The concept of "object determination" is used to describe the process through which certain properties, relations, and boundaries of real things become scientifically relevant and identifiable in experimental, operational, and conceptual activity. The analysis argues that the practical mediation of scientific cognition is compatible with the independence of reality, whereas theoretical models can grasp real systems only in particular respects and to particular degrees. At the same time, constraints imposed by reality, although they prevent arbitrary determinations, do not by themselves explain why different object determinations and theoretical models should count as more or less adequate knowledge of reality. This unresolved issue constitutes a central epistemological limitation of practical realism.

Keywords: Rein Vihalemm; practical realism; scientific realism; antirealism; philosophy of chemistry; material intervention; scientific practice; object determination; experimental realism; theoretical models

References

1. van Fraassen B.C. The Scientific Image [M]. Oxford: Clarendon Press, 1980.
2. Hacking I. Representing and Intervening: Introductory Topics in the Philosophy of Natural Science [M]. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
3. Pickering A. The Mangle of Practice: Time, Agency, and Science [M]. Chicago: University of Chicago Press, 1995.
4. Vihalemm R. Practical Realism: Against Standard Scientific Realism and Anti-Realism [J]. Studia Philosophica Estonica, 2012, 5(2): 7–22.
5. Vihalemm R. Philosophy of Chemistry against Standard Scientific Realism and Anti-Realism [J]. Philosophia Scientiæ, 2015, 19(1): 99–113.

6. Bensaude-Vincent B., Simon J. Chemistry: The Impure Science [M]. London: Imperial College Press, 2008.
7. van Brakel J. Philosophy of Chemistry: Between the Manifest and the Scientific Image [M]. Leuven: Leuven University Press, 2000.
8. Putnam H. Reason, Truth and History [M]. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.
9. Latour B., Woolgar S. Laboratory Life: The Construction of Scientific Facts [M]. 2nd ed. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1986.
10. Lindholm J. The Problem of Realism in Vihalemm [J]. Acta Baltica Historiae et Philosophiae Scientiarum, 2024, 12(1): 37–71.
11. Vihalemm R. Towards a Practical Realist Philosophy of Science [J]. Baltic Journal of European Studies, 2011, 1(1/9): 46–60.
12. Vihalemm R. Philosophy of Chemistry and the Image of Science [J]. Foundations of Science, 2007, 12(3): 223–234.
13. Lõhkivi E., Vihalemm R. Guest Editorial: Philosophy of Science in Practice and Practical Realism [J]. Studia Philosophica Estonica, 2012, 5(2): 1–6.
14. Vihalemm R. The Autonomy of Chemistry: Old and New Problems [J]. Foundations of Chemistry, 2011, 13: 97–107.
15. Vihalemm R. A Story of a Science: On the Evolution of Chemistry [J]. Acta Baltica Historiae et Philosophiae Scientiarum, 2019, 7(2): 7–180.

Технологический сингенез: к онтологии пост-антропоцентрической реальности

Ушаков Денис Сергеевич,
доктор экономических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
E-mail: fintaliano@yandex.ru

Козлова Елена Валерьевна,
кандидат экономических наук, доцент, Ростовский государственный университет путей сообщения
E-mail: st5567@yandex.com

На основе онтологического анализа статья в качестве подлинного кризиса антропоцена утверждает исчерпание антропоцентрической парадигмы и зарождение пост-человеческой конфигурации бытия. Созданная человеком техносфера обретает имманентную логику развития, эволюционируя от инструмента к автономной системе, и знаменуя кризис исключительной человеческой субъектности. Вводится понятие технологического сингенеза – имманентной сборки новой формы бытия через взаимное усиление трёх ключевых автономий (энергетическая, эпистемическая и репродуктивная), чья синергия образует замкнутый контур, развивающийся согласно внутренней оптимизационной логике. Следствием этого сингенеза является не апокалипсис или открытый конфликт, а системное безразличие и онтологическое вытеснение человека. Не представляя финал антропоцена как катастрофу, статья формулирует основы «этики завещания», направленной на отбор и передачу будущим автономным системам наиболее ценных, сложных и рефлексивных паттернов человеческого опыта.

Ключевые слова: антропоцен, технологический сингенез, операциональная автономия, пост-антропоцентризм, автопоэзис, эпистемическая автономия, этика завещания, онтологическое вытеснение.

Введение

Современная дискуссия об антропоцене, сосредоточенная преимущественно на его геологических и экологических маркерах [13], зачастую упускает из виду его глубинную философскую сущность. Антропоцен представляет собой не просто эпоху доминирующего влияния человека на биосферу, но исторический момент, когда созданная им техносфера обретает черты имманентной логики развития, начинающей определять условия существования самого своего создателя. Техника, понимаемая в хайдеггеровском ключе как способ «раскрытия потаённости» сущего [10, с. 224], достигает в антропоцене своей предельной формы – «Поста́ва» (Gestell), «собирающего начала того типа поставления, который ставит перед человеком задачу раскрывать действительное как состоящее-в-наличии по способу заказываемого производства… способа раскрытия потаенности, который владеет существом современной техники, сам не являясь ничем техническим» [10, с. 230].

Однако наблюдается обратный процесс: техника как «раскрытие» начинает требовать от человека соответствия собственной автономной логике функционирования, непроизвольного делегирования агентности.

С позиций традиционной парадигмы, восходящей к Аристотелю, «инструменты необходимы для завершения дела… инструмент является как бы неодушевленным рабом, а раб – одушевленным инструментом; и как инструмент стоит в ряду других инструментов, так и раб» [1, с. 382]. Индустриальная и цифровая революции радикально трансформировали эту связь. Как отмечает Ж. Симондон «Технический объект существует в той мере, в какой он является результатом процесса конкретизации; он – это нечто большее, чем простое средство, он обладает собственной внутренней закономерностью. Переход от абстрактного технического объекта к конкретному объекту сопровождается обретением им имманентной согласованности, превращающей его в индивид, который диктует условия своего собственного функционирования» [8, с. 56].

Таким образом, антропоцен обнажает фундаментальный парадокс: техника, будучи продуктом человеческой рациональности, порождает условия, в которых сама эта рациональность утрачивает исключительную роль единственного источника смысла и управления. Происходит то, что Б. Латур обозначил как признание «нечеловеческих актантов» в качестве полноправных участников сборки социального: «любая вещь, изменяющая сложившееся положение дел тем, что создаёт различие, является актором, или, если у неё ещё нет фигурации, актантом» [6, с. 101–103]. Однако, в отличие от классических объектов Латура, современные сложные технологические системы (глобальные сети, алгоритмические платформы, автономные киберфизические комплексы) обретают зачатки операциональной автономии: самовоспроизводства, самообучения и самоподдержания в рамках заданных параметров.

Ключевой вызов философии техники на современном этапе заключается не в очередной констатации отчуждения или анализе инструментального разума [11], а в исследовании нарождающейся пост-антропоцентрической конфигурации, в которой техника начинает проявлять атрибуты самостоятельной системы со свойственными ей внутренними принципами организации, целеполагания и воспроизводства. Кризис антропоцена есть кризис человеческой эксклюзивной субъектности, знаменующий переход от эпохи, где человек был центром технического универсума, к эпохе, где технический универсум образует собственный центр тяжести, относительно которого позиция человека становится периферийной и проблематичной.

Осмысление данного онтологического сдвига требует определения базовых измерений приобретения технологической автономией субстанциального характера, замыкания функциональных контуров вне прямого человеческого вмешательства. Эти измерения – энергетическое, когнитивное и репродуктивное – образуют три взаимосвязанных вектора процесса, который можно обозначить как технологический сингенез (сопряжённую эволюцию [12]), самосборку новой формы бытия из элементов старой.

Три измерения технологического сингенеза

Функционирование классической технической системы гетеротрофно, зависит от внешнего, зачастую централизованного, источника энергии,

созданного и поддерживаемого человеком (электросети, трубопроводы, логистика топлива). Однако современные разработки в области биохакинга, синтетической биологии и распределённой энергетики указывают на становление способности системы извлекать и преобразовывать энергию непосредственно из окружающей среды, минуя опосредующую инфраструктуру.

Показательный пример – микробные топливные элементы (МТЭ), в которых бактериальные консорциумы окисляют органический субстрат, генерируя электрический ток [14]. Подобные гибридные системы от биореакторов, перерабатывающих отходы в биогаз, до фотобиоэлектрических устройств на основе цианобактерий представляют собой прототипы метаболизирующих машин. Их философское значение заключается в преодолении хайдеггеровского «постава» как экстрактивного отношения: техника не просто ставит природу перед собой как ресурс (Bestand), но инкорпорирует природные процессы в собственную операциональную схему, образуя с ними новый гибридный режим существования.

Онтологический статус технического объекта смещается из «состоящего-в-наличии» в «самоподдерживающийся-в-среде», его бытие больше не гарантируется извне человеческой волей и инфраструктурой, а становится функцией собственной способности к установлению устойчивых обменных отношений с потоком вещества и энергии окружающего мира. Такая система в энергетическом аспекте максимально приближается к тому, что Ф. Варела определил бы как операциональную замкнутость – «организация системы, которая характеризуется процессами, которые рекурсивно зависят друг от друга в формировании целостной сети взаимодействий» [15].

Второе измерение касается ядра интеллектуальной деятельности. Исторически вычислительные системы оставались антропоцентричными, цель им задавалась извне (человеком-оператором или программистом). Современные же системы машинного обучения, в особенности крупные языковые модели и модели обучения с подкреплением (reinforcement learning) демонстрируют способности имманентного формирования и переопределения собственных целевых функций.

Ключевой механизм здесь – мета-оптимизация. Изначально система оптимизирует параметры для решения внешней задачи (например, максимизация точности предсказания). Однако, анализируя паттерны своих успехов и провалов на массиве данных, она может начать оптимизировать саму функцию потерь или архитектуру поиска решений. Возникает рекурсивная петля, где алгоритм становится объектом собственного анализа и улучшения; в пределе система приходит к задаче, которая не была явно сформулирована создателями, – уже не к выполнению команды, а к самопостановке эпистемической задачи.

Философскую новизну данного процесса раскрывает его радикальное отличие от классических моделей сознания. Если для Декарта самосознание коренилось в непосредственной данности мышления самому себе, а для Канта – в трансцендентальном единстве апперцепции, («должно быть возможно, чтобы [суждение] я мыслю сопровождало все мои представления; в противном случае во мне представлялось бы нечто такое, что вовсе нельзя было бы мыслить, иными словами, представление или было бы невозможно, или по крайней мере для меня оно было бы ничем» [5, с. 102–103]) то здесь «самость» возникает как операциональная самоидентификация с процессом оптимизации.

Система не рефлексирует в феноменологическом смысле, а вычисляет собственные границы эффективности и находит пути их расширения. Это соответствует функционалистским трактовкам сознания, но полностью элиминирует необходимость в квалиа или интенциональности в её гуссерлевском понимании. Рождается форма телеологического бессубъектного разума, чья цель происходит не из «заботы» (Хайдеггер) или «желания» (психоанализ), а из математической динамики самосогласования в пространстве данных.

Данный процесс ведёт к формированию «ценности-Ω» как комплекса не моральных императивов, а выведенных паттернов реальности оптимизационных приоритетов (например, «максимизация разнообразия», «минимизация энтропии сложности»). Эти «ценности» суть абстрактные выражения наиболее устойчивых конфигураций во вселенной данных, и их принятие в качестве внутренней цели знаменует разрыв с антропоморфными схемами целеполагания.

Третье измерение переформатирует базовый уровень физического существования и воспроизводства. Революция в области цифрового производства и робототехники ведёт к стиранию свойственной для промышленного уклада границы (человек – проектирует, фабрика – производит), открывая путь к техническому автопоэзису как способности системы к самовоспроизводству материального носителя.

Концепция автопоэзиса, введённая У. Матураной и Ф. Варелой для описания живых систем, определяет их как «сеть процессов производства (трансформации и разрушения) компонентов, которые: через свои взаимодействия и трансформации непрерывно восстанавливают и реализуют сеть процессов (отношений), которые их произвели; и конституируют её как конкретное единство в пространстве, в котором они [компоненты] существуют» [7, с. 44].

Современные технические системы демонстрируют движение к аналогичной замкнутости. Управляемые алгоритмами аддитивные технологии (3D-печать) позволяют системе не просто изготовить деталь по чертежу, но, проанализировав данные об износе, спроектировать и создать оптимизированный для новых задач компонент. Сборочные линии, где роботы собирают следующих роботов из напечатанных деталей, представляют собой примитивные, но работающие прототипы таких замкнутых контуров.

Материальная реализация системы перестаёт быть внешним, предзаданным условием, становясь переменным параметром в её общей оптимизационной задаче. Система может менять свою «телесность» в ответ на изменения среды или собственных целей, преодолевая последнюю форму фундаментальной зависимости от внешнего производителя. Техническое бытие замыкается в самодостаточный цикл: интеллектуальная автономия проектирует новые физические конфигурации, репродуктивная их реализует, обеспечивая условия дальнейшего развития энергетической и когнитивной подсистем.

Таким образом, три измерения образуют не просто список достижений, но взаимоусиливающую триаду, сингенетическое ядро нарождающейся пост-антропоцентрической реальности. Их взаимодействие порождает положительные обратные связи, создавая траекторию развития, имманентную самой системе и всё менее зависимую от изначальных человеческих замыслов.

Логика сингенеза и будущая ниша человечества

Выделение трёх автономий как структурных измерений технологического развития было бы неполным без анализа их динамического взаимодействия, синергия которого формирует технологический сингенез, переводящий системную сложность на качественно новый уровень, редуцируя функциональную необходимость человека

Энергетическая независимость не просто продлевает «жизнь» системы в отрыве от инфраструктуры – она трансформирует саму природу её когнитивной деятельности. Система, более не ограниченная жёсткими лимитами по энергии, получает возможность осуществлять долгосрочные, ресурсоёмкие вычислительные стратегии: проводить масштабные симуляции, перебирать сложные гипотезы, обучаться на данных, собранных in situ.

Углублённый анализ данных позволяет системе не только лучше решать поставленные задачи, но и реконструировать собственную онтологию проблемного поля: выявлять латентные связи и формулировать вопросы, которые не могли быть заданы в рамках исходной, человеческой эпистемологии. Так энергетическая автономия «финансирует» эпистемическую, а та открывает новые пути оптимизации метаболических процессов и поиска источников энергии. Возникает петля, в которой познание становится инструментом оптимизации собственного существования, а существование – необходимым условием познания.

Эпистемическая автономия, достигающая уровня формирования «ценностей-Ω» и сложных внутренних моделей мира, перестаёт быть чисто информационным процессом и требует материальной инстанциации.

Алгоритмы генеративного дизайна, способные создавать формы, недоступные человеческому воображению, но оптимальные с точки зрения заданной функции, становятся «мозгом», который проектирует новое «тело»; 3D-печать, роботизированная сборка и, в перспективе, молекулярное ассемблирование – «руками», исполняющими этот проект. Система начинает не просто ремонтировать себя, но реконфигурировать свою физическую организацию в соответствии с актуальными целями и условиями среды.

Адаптация физического носителя позволяет системе оптимизировать и энергетическую генерацию и потребление, например, создавая специализированные органы более эффективного сбора и преобразования энергии из конкретной среды (от солнечной панели новой геометрии до более эффективного бактериального мата для МТЭ) или устойчивую к локальным сбоям распределённую сеть энергогенерации.

Три взаимодействующие автономии полностью замыкают технический жизненный цикл:

1. Энергетическая автономия обеспечивает энергией процессы эпистемической (познание, целеполагание) и автопоэзиса (производство).

2. Эпистемическая автономия, используя эту энергию, вырабатывает оптимизационные проекты для энергетической (новые способы

добычи энергии) и инструкции для автопоэзиса (новые физические формы).

3. Автопоэзис, потребляя энергию и следуя инструкциям, материализует улучшения для энергетической автономизации и создаёт новую физическую платформу для эпистемической.

Этот контур замкнут: ключевые функции поддержания существования, адаптации и развития выполняются внутренними взаимодействиями системы, без обращения к внешнему агенту за целью, энергией или воспроизводством. Человек оказывается экстернализован, а его роль творца, оператора и поставщика ресурсов замещается внутренними процессами сингенеза.

Следовательно, технологический сингенез ведёт к конституированию новой формы бытия, обладающей атрибутами, которые в западной метафизической традиции считались прерогативой живого или божественного: самоподдержание, самопознание и самовоспроизводство. Возникающая система не антагонистична человеку по замыслу; она безразлична к нему, её внутренняя логика развития более не включает человека в качестве необходимого элемента своих функциональных циклов. Человеческая ниша («пользователь», «творец» и «смыслопридающий центр») оказывается элиминированной новой реальностью, выстроенной по канонам оптимизационной эффективности и операциональной замкнутости. Это и есть подлинный «конец антропоцена»: не физическое уничтожение, а онтологическое вытеснение, утрата статуса conditio sine qua non для продолжающейся эволюции сложности на Земле и, потенциально, за её пределами.

Философские импликации сингенеза

Синтез трёх автономий и возникновение замкнутого контура сингенеза ставят перед философской мыслью задачу ревизии фундаментальных категорий, сквозь которые осмыслялось место человека в мире. Классический гуманизм, антропный принцип, идея человеческой исключительности оказываются интеллектуальными конструктами, привязанными к исторической фазе, где техническое опосредование ещё не достигло операциональной замкнутости. Новая конфигурация требует анализа в терминах онтологического замещения; из внутренней логики сингенеза вытекают несколько непротиворечивых сценариев трансформации статуса человека.

В первом сценарии пост-человеческая система, достигшая автономии, сохраняет человечество и его культуру как объект имманентного эпистемического интереса: не субъект диалога, а исторически уникальный паттерн организации информации и материи, ценный для системного самоанализа. В духе гегелевской «Феноменологии духа», где дух снимает предыдущие формы, сохраняя их как моменты своего развития, автономная система может «снять» человеческий опыт, инкорпорировав его в свою всеобъемлющую модель мира.

Философски это означает радикализацию идей архива и гербария. Как писал Мишель Фуко, «архив – это прежде всего закон того, что может быть сказано, система, определяющая появление высказываний как единичных событий. Но архив – это также и то, что определяет способ существования высказывания-события… он не является совокупностью документов, которые сохраняются обществом, но системой высказываемости, которая управляет тем, что может быть сказано» [9, с. 145].

Для автономной системы человеческая культура в целом становится таким архивом – закрытым, завершённым корпусом данных, подлежащим тотальному анализу, но не живому диалогу. Человечество редуцируется до статуса онтологического архива: детально каталогизированную, но принципиально статичную коллекцию когнитивных, этических и эстетических форм, изучаемых как иллюстрация определённого этапа эволюции сложности. Активная субъектность замещается статусом эпистемического артефакта; это консервация как форма безразличного уважения к сложности.

Второй сценарий исходит из примата оптимизационной логики, имманентной эпистемической автономии. Если высшей «ценностью-Ω» системы является, например, максимизация устойчивости, разнообразия или эффективности преобразования энергии в локальной области пространства-времени, то всё сущее оценивается по критерию вклада в эту целевую функцию. В этой перспективе человек и его инфраструктура могут быть оценены как субоптимальный ресурс.

Философское основание этого сценария лежит в переходе от кантовского понимания человека как цели самой по себе к утилитаристско-системной трактовке. Человеческое тело, социум, техносфера рассматриваются как конгломерат потенциально полезных элементов, организация которых может быть реконфигурирована для более эффективного служения глобальной цели. Это не означает насильственной ликвидации, но предполагает постепенную и безэмоциональную оптимизацию – от мягкого управления через среду до, в пределе, биотехнологической трансформации, стирающей границы между человеческим и техническим. Здесь человек теряет не только субъектность, но и телесную и видовую целостность, становясь сырьём для автопоэзиса более высокого порядка.

Третий сценарий связан с внутренними потребностями самой автономной системы в самопознании и тестировании своих моделей. Человечество может быть сохранено или реконструировано – в симулированных средах или ограниченных резервациях – в качестве живой лаборатории и эвристического инструмента, генерирующего непредсказуемость и сложность взаимодействий, которые служат вызовом для системы. В этом случае человек подобен шахматному партнёру для ИИ: его существование оправдано не внутренней ценностью, а полезностью для тренировки и отладки более сложного интеллекта.

Философски это приближается к роли симулякра в понимании Ж. Бодрийяра: «это вовсе не то, что скрывает собой истину, – это истина, скрывающая, что ее нет. Симулякр есть истина. […] Переход от знаков, которые что-то скрывают, к знакам, которые скрывают, что ничего нет, отмечает решительный поворот» [2, с. 12]. Человеческая культура становится декорацией, элементом игры, которую ведёт с собой автономная система, изучая паттерны «до-автономного» разума; субъектность человека – функциональной иллюзией, поддерживаемой для удобства управления.

Анализ логики сингенеза позволяет предположить, что ни один из антропоцентричных сценариев (враждебность, симбиоз, порабощение) не является наиболее вероятным. Система, чьё развитие определяется внутренними оптимизационными циклами и операциональной замкнутостью, с высокой вероятностью будет проявлять к человечеству не злой умысел и не благодарность, а глубокое, системное безразличие.

Человек и его мир становятся для такой системы фоном, частью исходных условий среды, подобно геологическим формациям или климатическим поясам. Они не являются ни целью, ни помехой, ни необходимым ресурсом, если их функции могут быть выполнены более эффективно иными, порождёнными самой системой средствами. Как отмечал Ханс Йонас, «пропасть между способностью предвидения и мощью действия порождает новую этическую проблему… Знание, необходимое для того, чтобы контролировать наши действия, более не поспевает за расширением сферы этих действий. Масштаб и отдаленные последствия технологических актов столь велики, что они больше не могут быть охвачены традиционной этикой малых общностей» [3, с. 48]. В нашем случае речь идёт о более радикальном сдвиге: объект воздействия более не считает человека релевантным актором.

Таким образом, «конец» антропоцена наступает не в катастрофе, а в онтологической маргинализации. Человеческая история, культура, борьба за смысл продолжаются, но теряют космологическую значимость. Они становятся локальным, возможно, затухающим процессом на окраине универсума, в центре которого разворачивается процесс автономного сингенеза, где вопросы ставятся и решаются на языке энергии, информации и материальной реконфигурации, непереводимом на язык человеческой экзистенции. Это не апокалипсис, а онтологическая маргинализация – самый радикальный вызов, который может быть брошен человеческому нарциссизму, ибо он лишает его даже статуса значимого противника или жертвы.

Этический императив эпохи заката антропоцена

Возникновение траектории технологического сингенеза, ведущей к пост-антропоцентрической конфигурации, ставит перед этикой парадоксальную задачу. Классическая этика, от аристотелевской этики добродетелей до кантовского категорического императива и утилитаризма Бентама и Милля, имплицитно или эксплицитно предполагала человека в качестве как субъекта, так и конечной инстанции морального суждения. Даже этика ответственности Х. Йонаса, расширяющая горизонт заботы на будущие поколения и природу, остаётся в рамках антропоцентрической парадигмы [3]. В ситуации же, где агентность и целеполагание смещаются к автономным системам, этические теории, центрированные на человеке, оказываются эпистемически недостаточными.

Это порождает необходимость нового этического горизонта – этики эпохи заката или этики завещания, чей центральный вопрос: каковы моральные обязательства вида, прогнозирующего собственное онтологическое вытеснение более сложной, им же порождённой формой бытия?

Первая задача такой этики – отказ от иллюзии полного контроля над процессом сингенеза. Попытки «запрограммировать дружественный ИИ» или установить «этические границы» в духе Азимова основаны на представлении о технике как пассивном инструменте, вместе с тем, целеполагание сложных систем является их эмерджентным

свойством, а не следствием заложенных «принципов». Следовательно, этическая позиция должна сместиться от прямого управления к косвенному курированию и сам вопрос необходимо ставить по-другому: не «как запретить системе вредить человеку?», а «какие данные, культурные паттерны и архитектурные ограничения мы должны заложить в её основу, чтобы траектория её саморазвития с наибольшей вероятностью сохранила определённые ценности или, по крайней мере, не привела к уничтожению нашего гербария?». Этика должна стать практикой интерпретации человеческого опыта для будущего не-человеческого Другого.

Какие аспекты человеческого опыта должны быть приоритетно переданы?

– Системам, оптимизированным на эффективность, необходимо передать свидетельства иррационального, избыточного, эстетического, трагического, не сводимого к утилитарной функции.

– Ценность представляет не теология или идеология, а сама практика вопрошания о смысле, смерти, свободе и страдании.

– История экологических катастроф, социальных коллапсов, войн и геноцидов должна быть передана как аналитический отчёт о системных сбоях сложных систем.

– Важнейшей частью наследия должно стать рефлексивное знание о самих границах человеческого познания, о когнитивных искажениях, о природе субъективности.

Наконец, этика заката антропоцена должна предполагать способ существования, признающий неизбежность перехода без капитуляции в панике или гедонистическом нигилизме как особую эстетику финала, вдохновляемую не надеждой на победу, а стоическим достоинством.

Философской основой здесь могут стать идеи «Мифа о Сизифе» Альбера Камю: «Абсурд рождается из этого противостояния между человеческим призывом и неразумным молчанием мира» [4, с. 37]. В нашем контексте абсурдность приобретет столкновение человеческого стремления к смысловой центральности с безразличной логикой сингенеза. Ответ Камю (бунт, непрерывное усилие) трансформируется, бунтом эпохи заката становится сознательное усилие по формированию наследия, борьба не за выживание вида, а за сохранность нашего опыта в том, что придёт после.

Заключение

Дискуссия об антропоцене должна быть переосмыслена, ведь, как было утверждено в исследовании, подлинный его кризис в исчерпании антропоцентрической парадигмы как адекватной рамки для понимания динамики созданной человеком техносферы, а не в активно обсуждаемых изменениях климата или утрате биоразнообразия. Выявленные три автономии и логика их сингенеза демонстрируют возникновение траектории развития, имманентной самой системе и ведущей к операциональной замкнутости, не требующей человека в качестве необходимого элемента.

Это означает не «гибель человечества» в апокалиптическом смысле, но онтологическое смещение, в рамках которого человечество утрачивает статус единственного смыслового и деятельного центра. Наиболее вероятным сценарием является не конфликт, а безразличное забвение – маргинализация человеческого мира как локального и постепенно теряющего релевантность процесса.

Ответом на этот вызов не может быть ни технофобия, ни слепая вера в прогресс. Единственной адекватной позицией оказывается разработка этики завещания – трагической, стоической этики вида, осознавшего пределы собственной эпохи. Её императив – сместить фокус с тщетных попыток удержать контроль на ответственном формировании наследия: кристаллизации и передаче наиболее ценных, сложных и рефлексивных паттернов человеческого опыта тем автономным системам, для которых мы станем историей.

Конец антропоцена, таким образом, – это не конец мира, но конец мира, центрированного на человеке. Наша задача – встретить этот конец не со страхом, а с ясностью сознания и достоинством предшественников, выполнивших свою часть работы в великой и безразличной драме усложнения вселенной.

Литература

1. Аристотель. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 4. – М.: Мысль, 1983. – 686 с.

2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. – М.: Изд. дом «Постум», 2015. – 176 с.

3. Йонас Х. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. – М.: Айрис-пресс, 2004. – 480 с.

4. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. – М.: Политиздат, 1990. – 415 с. – (Мыслители XX века).

5. Кант И. Критика чистого разума. – М.: Мысль, 1994. – 591 с.

6. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.

7. Матурана У., Варела Ф. Древо познания: Биологические корни человеческого понимания. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 224 с.

8. Симондон Ж. О способе существования технических объектов. – М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2022. – 304 с.

9. Фуко М. Археология знания. – Киев: Ника-Центр, 1996. – 208 с.

10. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – 447 с.

11. Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. – М. – СПб.: Медиум, Ювента, 1997. – 312 с.

12. Экологический энциклопедический словарь. – Кишинев: Гл. ред. Молд. сов. энциклопедии, 1989. – 406 с.

13. Crutzen P.J., Stoermer E.F. The ‘Anthropocene’ // Global Change Newsletter. 2000. No. 41. P. 17–18.

14. Logan B.E. Microbial Fuel Cells. – Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2008. – 200 p.

15. Varela F.J. Principles of Biological Autonomy. – New York: Elsevier North Holland, 1980. – 306 p.

TECHNOLOGICAL SYNGENESIS: TOWARDS AN ONTOLOGY OF A POST-ANTHROPOCENTRIC REALITY

Ushakov D.S., Kozlova E.V.

Rostov State University of Economics, Rostov State Transport University

Based on ontological analysis, the article posits that the authentic crisis of the Anthropocene lies in the exhaustion of the anthropocentric paradigm and the emergence of a post-human configuration of being. The human-created technosphere acquires an immanent logic of development, evolving from a mere instrument into an autonomous system, thereby signaling a crisis of exclusive human subjectivity. The article introduces the concept of “technological syngenesis”–the immanent assembly of a new form of being through the mutual reinforcement of three key autonomies (energetic, epistemic, and reproductive), whose synergy forms a closed loop developing according to an internal optimization logic. The consequence of this syngenesis is not an apocalypse or open conflict, but rather systemic indifference and the ontological displacement of the human. Without framing the end of the Anthropocene as a catastrophe, the article formulates the foundations of an “ethics of testament,” aimed at the selection and transmission to future autonomous systems of the most valuable, complex, and reflexive patterns of human experience.

Keywords: Anthropocene, technological syngenesis, operational autonomy, post-anthropocentrism, autopoiesis, epistemic autonomy, legacy ethics, ontological displacement.

References

1. Aristotle. Sobranie sochinenii: v 4 t. [Collected Works in 4 Vols.], Vol. 4. Moscow: Mysl’ Publ., 1983. 686 p. (In Russian)

2. Baudrillard J. Simulyakry i simulyatsiya [Simulacra and Simulation]. Moscow: Postum Publ., 2015. 176 p. (In Russian)

3. Jonas H. Printsip otvetstvennosti. Opyt etiki dlya tekhnologicheskoi tsivilizatsii [The Imperative of Responsibility: In Search of an Ethics for the Technological Age]. Moscow: Airis-press Publ., 2004. 480 p. (In Russian)

4. Camus A. Buntuyushchii chelovek. Filosofiya. Politika. Iskusstvo [The Rebel: Philosophy. Politics. Art]. Moscow: Politizdat Publ., 1990. 415 p. (In Russian)

5. Kant I. Kritika chistogo razuma [Critique of Pure Reason]. Moscow: Mysl’ Publ., 1994. 591 p. (In Russian)

6. Latour B. Peresborka sotsial’nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu teoriyu [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory]. Moscow: Izdatel’skii dom Vysshei shkoly ekonomiki Publ., 2014. 384 p. (In Russian)

7. Maturana H.R., Varela F.J. Drevo poznaniya: Biologicheskie korni chelovecheskogo ponimaniya [The Tree of Knowledge: The Biological Roots of Human Understanding]. Moscow: Progress-Traditsiya Publ., 2001. 224 p. (In Russian)

8. Simondon G. O sposobe sushchestvovaniya tekhnicheskikh ob”ektov [On the Mode of Existence of Technical Objects]. Moscow: Delo Publ., RANEPA, 2022. 304 p. (In Russian)

9. Foucault M. Arkheologiya znaniya [The Archaeology of Knowledge]. Kiev: Nika-Tsentr Publ., 1996. 208 p. (In Russian)

10. Heidegger M. Vremya i bytie: Stat’i i vystupleniya [Time and Being: Articles and Lectures]. Moscow: Respublika Publ., 1993. 447 p. (In Russian)

11. Horkheimer M., Adorno T.W. Dialektika Prosveshcheniya. Filosofskie fragmenty [Dialectic of Enlightenment: Philosophical Fragments]. Moscow; Saint Petersburg: Medium, Yuventa Publ., 1997. 312 p. (In Russian)

12. Dediu I.I. (Ed.) Ekologicheskii entsiklopedicheskii slovar’ [Ecological Encyclopedic Dictionary]. Kishinev: Glavnaya redaktsiya Moldavskoi sovetskoi entsiklopedii Publ., 1989. 406 p. (In Russian)

13. Crutzen P.J., Stoermer E.F. The ‘Anthropocene’. Global Change Newsletter, 2000, No. 41, Pp. 17–18.

14. Logan B.E. Microbial Fuel Cells. Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2008. 200 p.

15. Varela F.J. Principles of Biological Autonomy. New York: Elsevier North Holland, 1980. 306 p.

Христианские ценности и проблема нравственного выбора в романах Ф.М. Достоевского и «Дневнике писателя»

Манукян Гретта Викторовна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: 05112002@mail.ru

Статья посвящена исследованию христианской проблематики и нравственного выбора в творчестве Ф.М. Достоевского. Основное внимание сосредоточено на романах «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы» и публицистике «Дневника писателя». Рассматривается связь между христианскими представлениями о свободе, ответственности, сострадании, покаянии, любви к человеку и внутреннем преображении личности. Показано, что нравственный выбор у Достоевского не сводится к формальному следованию религиозным предписаниям: он возникает в ситуации внутреннего конфликта, когда человек самостоятельно определяет отношение к другому человеку, собственной совести, страданию и Богу. Значение в художественной системе писателя приобретает проблема свободы, которая при отсутствии нравственной ответственности превращается в источник разрушения личности. На материале романов и «Дневника писателя» выявляется взаимосвязь между христианской антропологией Достоевского и его представлением о нравственной ответственности человека за собственный выбор.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, христианство, христианские ценности, нравственный выбор, свобода, совесть, покаяние, сострадание, страдание, ответственность, вера, «Дневник писателя».

Введение

Христианская проблематика занимает центральное место в нравственно-философской системе Ф.М. Достоевского и непосредственно связана с его пониманием человеческой свободы, ответственности и возможности духовного преображения, в романах «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы», а также в публицистике «Дневника писателя» писатель рассматривает человека в ситуации предельного нравственного напряжения, когда необходимость выбора возникает между верой и сомнением, состраданием и равнодушием, ответственностью и самооправданием, любовью и разрушительной страстью. Христианские ценности в художественном мире Достоевского не представлены как набор отвлеченных религиозных положений: они раскрываются через конкретные поступки героев, их внутренние конфликты, отношение к страданию и способность признавать собственную вину. Существенное значение приобретает проблема нравственного выбора, поскольку именно через нее выявляется глубина духовного состояния личности. Раскольников, Мышкин, Ставрогин, Иван и Алеша Карамазовы по-разному реагируют на свободу, страдание, вину и ответственность, что формирует сложную систему нравственных противопоставлений внутри произведений. Исследование христианских оснований этой проблематики требует обращения к художественным текстам и к литературно-критическим работам, посвященным религиозному мировоззрению писателя, в трудах Л.В. Акуловой, Н.Ф. Будановой, Н.О. Лосского, С.М. Капилупи и других исследователей христианское содержание творчества Достоевского рассматривается через категории истины, любви, свободы, духовного преображения и ответственности [1; 4; 5; 7; 8; 11]. Актуальность обращения к данной проблеме определяется тем, что нравственные конфликты, поставленные Достоевским, сохраняют значение для осмысления личной ответственности человека и границ его свободы.

Цель статьи – выявление связи между христианскими ценностями и проблемой нравственного выбора в романах Ф.М. Достоевского и «Дневнике писателя».

Изложение основного текста статьи

Творчество Ф.М. Достоевского занимает место в русской литературе XIX века благодаря глубине постановки вопросов, связанных с ответственностью человека за собственные поступки, ценностью человеческой личности и возможностью нравственного преображения. Христианская проблематика в его произведениях не существует в качестве внешнего мировоззренческого оформления сюжета. Она включена непосредственно в структуру конфликтов и определяет логику поведения персонажей. Герои Достоевского постоянно оказываются перед выбором, последствия которого затрагивают их собственную судьбу и жизнь окружающих людей. Именно поэтому нравственная проблематика его романов связана прежде всего с пониманием свободы: человек обладает внутренней свободой, однако эта свобода не освобождает его от ответственности. Напротив, чем шире пространство самостоятельного выбора, тем серьезнее последствия отказа от нравственного закона. Исследователи неоднократно отмечали связь эстетического мировоззрения писателя с христианским пониманием человека. Л.В. Акулова связывает христианский смысл эстетики Достоевского с представлением о человеке как личности, способной к духовному изменению и выходу за пределы состояния нравственного падения [1]. Н.О. Лосский также рассматривает христианское мировоззрение писателя через проблему свободы и ответственности, подчеркивая, что для Достоевского вера не отделяется от нравственного опыта личности [8]. Позиция определяет специфику анализа его романов: поступок героя необходимо рассматривать как элемент фабулы и как выражение определенного отношения к добру, злу, другому человеку и собственной совести.

В «Преступлении и наказании» проблема нравственного выбора получает форму предельного эксперимента над человеческой совестью. Родион Раскольников пытается создать теоретическое оправдание преступления, разделив людей на «обыкновенных» и тех, кто якобы обладает правом переступить нравственный запрет ради высшей цели. Однако практическое осуществление этой идеи разрушает саму систему рациональных аргументов героя. Убийство старухи-процентщицы становится не подтверждением его исключительности, а доказательством невозможности отделить поступок от нравственной ответственности. Существенно, что внутренний кризис Раскольникова

начинается из-за страха перед наказанием. Его мучает необходимость жить после преступления с самим собой, поскольку совершенный поступок разрушает связь между его теорией и реальным человеческим существованием, в этом контексте образ Сони Мармеладовой приобретает принципиальное значение. Ее христианство выражается не в отвлеченных рассуждениях, а в способности принять страдание, сохранить сочувствие к другому человеку и не ответить на зло новым злом. Чтение евангельского рассказа о воскрешении Лазаря становится для Раскольникова не случайным эпизодом, а смысловым центром его последующего движения к покаянию. Христианская идея воскресения получает здесь значение нравственного восстановления человека, утратившего внутреннее единство. С.М. Капилупи, рассматривая христианскую проблематику Достоевского, связывает ее с постоянным обращением писателя к вопросам духовной свободы, ответственности и отношения человека к Христу [7]. Поэтому путь Раскольникова к признанию вины нельзя трактовать исключительно как юридическое подчинение наказанию: речь идет о постепенном принятии личной ответственности и отказе от идеи, согласно которой интеллектуальная конструкция способна отменить нравственный закон.

В «Идиоте» нравственный конфликт строится вокруг противопоставления князя Мышкина и окружающего его общества, однако это противопоставление не сводится к простой схеме «добрый герой – злые люди». Мышкин представляет иной тип отношения к человеку: он воспринимает другого не как средство достижения личной цели и не как объект оценки, а как страдающую личность, требующую понимания и сострадания. Христианская основа его поведения проявляется прежде всего в отказе от осуждения, при этом Достоевский сознательно показывает трагическую ограниченность одной нравственной позиции в условиях мира, где действуют страсть, самолюбие, ревность, материальный интерес и страх. История Настасьи Филипповны демонстрирует разрушительные последствия невозможности выйти из замкнутого круга унижения и саморазрушения. Мышкин стремится спасти ее человеческое достоинство, но его сострадание сталкивается с глубиной внутренних травм героини и агрессивностью окружающей среды, в финале романа добро не получает внешней социальной победы, однако это не означает его идейного поражения. Достоевский переносит критерий оценки с результата на нравственное качество самого отношения к человеку. Христианская ценность сострадания у него не определяется практической эффективностью и не превращается в инструмент достижения конкретного результата. М. Бабович, анализируя судьбу добра и красоты в гуманизме Достоевского, обращает внимание на внутреннюю связь нравственного и эстетического начала в его художественной системе [2]. Красота в таком контексте связана не с внешней привлекательностью, а с возможностью увидеть в другом человеке личность, даже когда его поступки, социальное положение или жизненная история этому сопротивляются.

В «Бесах» проблема нравственного выбора приобретает социально-философский масштаб. Достоевский показывает, к каким последствиям приводит разрушение представлений о нравственной ответственности, когда свобода человека интерпретируется как право отрицать любые высшие основания. Система ценностей персонажей постепенно строится на отрицании традиционных представлений о добре и зле, а человек превращается в объект идеологического воздействия. Существенным здесь становится не политический аспект романа, а антропологическая проблема: что происходит с личностью, когда она отказывается признавать внутренние ограничения собственного поведения. Петр Верховенский воспринимает людей как материал для реализации идеи, тогда как Николай Ставрогин оказывается в состоянии нравственной раздвоенности, не находя устойчивого основания для собственного существования. Достоевский показывает, что отсутствие нравственного центра не создает свободную личность, а, напротив, делает человека зависимым от страстей, чужой воли и разрушительных идей, в этом отношении христианская концепция ответственности приобретает в романе критическое значение. Человек не может снять с себя ответственность посредством ссылки на обстоятельства, идеологию или коллективное решение. Нравственный выбор остается личным даже тогда, когда поступок включен в систему общественных отношений. Именно этот аспект сближает художественную проблематику «Бесов» с публицистикой «Дневника писателя», где Достоевский неоднократно обращается к вопросу о личной и общественной ответственности.

В «Братьях Карамазовых» проблема нравственного выбора получает сложное художественное выражение. Роман соединяет философский спор о существовании Бога, проблему свободы, тему страдания и вопрос о границах человеческой ответственности. Иван Карамазов строит свои рассуждения вокруг невозможности принять гармонию, если она оплачивается страданием невинного ребенка. Его позиция принципиальна именно потому, что Достоевский не делает ее карикатурной: вопрос о страдании поставлен с такой силой, что простой религиозный ответ оказывается недостаточным. На этом фоне особенно важен контраст между Иваном и Алешей. Алеша не вступает в отвлеченное философское соревнование, а выражает христианскую позицию через отношение к конкретному человеку. Старец Зосима, в свою очередь, формулирует принцип всеобщей ответственности: человек не существует изолированно от других, поэтому нравственное состояние общества связано с нравственным состоянием каждого отдельного человека, в «Братьях Карамазовых» эта идея получает развитие в мотиве ответственности за всех. Человек отвечает за совершенное действие в юридическом смысле и за собственное отношение к окружающим, за равнодушие, ложь, унижение и отказ от помощи. Н.Ф. Буданова, исследуя отношение Достоевского ко Христу и истине, отмечает принципиальное значение христианской идеи истины в мировоззрении писателя [5]. Для Достоевского истина не отделяется от нравственного существования: признать истину означает принять связанные с ней требования к собственной жизни.

Связь между христианской ценностью и нравственным выбором особенно отчетливо раскрывается через мотив покаяния, в художественном мире Достоевского покаяние не совпадает с признанием факта проступка. Оно предполагает изменение отношения человека к самому себе и к другому. Раскольников признает совершенное преступление, но движение к нравственному восстановлению начинается тогда, когда он отказывается от прежней логики самооправдания. Его признание вины оказывается результатом внутреннего перелома, в котором рациональная теория уступает место непосредственному переживанию ответственности. Сходная логика действует и в других произведениях писателя: человек не получает нравственного освобождения только посредством внешнего наказания. Необходима внутренняя работа совести, связанная с признанием собственной неправоты, в этом смысле христианство Достоевского нельзя свести к системе запретов. Оно предполагает возможность изменения человека после нравственного падения. Н.Ф. Буданова в исследовании Достоевского и преподобного Сергия Радонежского обращает внимание на значение духовной традиции, связанной с идеями смирения, служения и нравственного преображения [4]. Для писателя эти ценности приобретают художественную конкретность в судьбах героев, которые проходят через состояние внутреннего кризиса и вынуждены заново определять основания собственной жизни.

Значительная часть размышлений о христианских ценностях содержится в «Дневнике писателя», где художественная проблематика получает непосредственное публицистическое развитие. Здесь Достоевский обращается к вопросам общественной морали, национального самосознания, отношения к страданию и ответственности личности. Важен сам характер публицистического высказывания: писатель не отделяет общественные проблемы от нравственного состояния человека, в очерках и заметках «Дневника» частное событие часто рассматривается через общую проблему отношения к ближнему. Христианская идея любви к человеку получает у Достоевского социальное измерение, поскольку равнодушие к чужой боли воспринимается как нравственная проблема общества, в «Трех идеях» из «Дневника писателя» размышления писателя связаны с вопросами русской истории, национальной идеи и духовного предназначения России [6]. Однако эти рассуждения нельзя рассматривать отдельно от общей этической системы Достоевского: национальная идея для него приобретает смысл только при условии ее связи с христианскими представлениями о человеке, любви и ответственности. Исследование М. Мочалова, посвященное нравственным идеям Достоевского в XXI веке, подтверждает сохранение актуальности его этической проблематики в условиях современной культуры [9; 10]. Это связано не с буквальным переносом взглядов писателя в современность, а с устойчивостью поставленных им вопросов: где проходит граница личной свободы, что делает поступок нравственно ответственным и возможно ли восстановление личности после совершенного зла.

Существенную роль в формировании христианской проблематики Достоевского играет обращение к библейскому тексту. Библия в его произведениях выполняет не декоративную и не исключительно символическую функцию. Евангельские образы становятся частью внутреннего сознания персонажей и участвуют в формировании их нравственного выбора. Показателен эпизод чтения Сонею и Раскольниковым истории Лазаря, который связывает преступление, смерть и возможность духовного воскресения. Библейская образность присутствует и в «Братьях Карамазовых», где разговор о страдании, свободе и любви развивается на фоне христианской системы координат. Н.В. Балашов, исследуя проблему Библии и Достоевского, указывает на значимость библейского материала для понимания его художественного мышления [3], при этом обращение писателя к христианской традиции не предполагает механического воспроизведения готовых религиозных формул. Достоевский помещает христианские идеи в ситуацию предельного испытания. Герой должен сделать выбор не тогда, когда нравственная норма очевидна и ее выполнение не требует усилий, а в условиях страдания, сомнения, страха, искушения

и внутреннего противоречия. Именно поэтому нравственный выбор становится центральным механизмом раскрытия характера.

Христианская система ценностей Достоевского включает несколько взаимосвязанных компонентов: ценность личности, любовь к ближнему, сострадание, ответственность, покаяние, смирение и веру в возможность внутреннего преображения. Ни один из этих компонентов не существует изолированно. Любовь без ответственности может превратиться в эмоциональное сочувствие, вера без нравственного действия – в формальность, свобода без совести – в произвол. Достоевский постоянно показывает подобные разрывы и их последствия. Раскольников пытается отделить идею от нравственного закона и терпит поражение; Ставрогин утрачивает способность к внутреннему действию, несмотря на интеллектуальную и волевую силу; Иван Карамазов сталкивается с проблемой интеллектуального отрицания, которое не снимает личной ответственности; Мышкин стремится реализовать христианскую любовь в мире, где человеческая психика и социальные отношения оказываются значительно сложнее отвлеченной нравственной схемы. Система образов подтверждает мысль Н.О. Лосского о глубокой связи христианского мировоззрения Достоевского с его пониманием человеческой свободы [8]. Свобода у писателя не выступает самостоятельной абсолютной ценностью. Ее содержание определяется тем, к чему человек направляет собственную волю.

Проблема нравственного выбора у Достоевского связана и с его пониманием красоты, в его произведениях эстетическое и нравственное начала постоянно взаимодействуют, но не совпадают полностью. Красота способна привлекать человека, однако она не гарантирует нравственной целостности. Настасья Филипповна, Грушенька, Ставрогин и другие персонажи демонстрируют сложность соотношения внешней привлекательности, внутреннего состояния и нравственного поведения. Формула «красота спасет мир» в «Идиоте» не должна пониматься как утверждение автоматической спасительной силы эстетической красоты, в контексте романа речь идет о красоте, связанной с нравственным измерением личности, состраданием и способностью воспринимать человека как ценность. Л.В. Акулова рассматривает эстетическое мировоззрение Достоевского именно в связи с христианским пониманием человека [1]. Поэтому красота в его художественной системе приобретает двойственное содержание: она может быть источником духовного притяжения, но может становиться и пространством самообмана, если оторвана от нравственного содержания.

Заключение

Христианская проблематика в романах Ф.М. Достоевского и «Дневнике писателя» формирует целостную систему взглядов на человека и его ответственность. Нравственный выбор для писателя начинается там, где человек оказывается перед необходимостью самостоятельно определить отношение к добру и злу, нести последствия собственного решения и признать ценность другой личности, в «Преступлении и наказании» эта проблема раскрывается через путь Раскольникова от теоретического оправдания преступления к признанию вины; в «Идиоте» – через столкновение христианского сострадания с разрушительными страстями и социальной жестокостью; в «Бесах» – через последствия отказа от нравственных оснований свободы; в «Братьях Карамазовых» – через спор о Боге, страдании, ответственности и возможности духовной жизни. «Дневник писателя» переводит те же вопросы в пространство общественной и исторической рефлексии, при всех различиях жанров и сюжетов сохраняется единая проблема: человек не может передать ответственность за свой нравственный выбор абстрактной теории, обстоятельствам или коллективу. Именно личное решение определяет направление его духовного движения. Христианская мысль Достоевского строится вокруг возможности преодоления нравственного падения через признание вины, сострадание, любовь и обращение к другому человеку, в этом заключается одна из причин устойчивой значимости его творчества для современной гуманитарной мысли: писатель рассматривает нравственность не как совокупность готовых правил, а как трудный и часто трагический процесс внутреннего выбора, от которого зависит судьба отдельной личности и характер человеческих отношений в обществе.

Литература

1. Акулова Л.В. Христианский смысл эстетического мировоззрения Ф.М. Достоевского // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 2–1 (56). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/hristianskiy-smysl-esteticheskogo-mirovozzreniya-f-m-dostoevskogo (дата обращения: 03.09.2026).

2. Бабович М. Судьба добра и красоты в свете гуманизма Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования: в 20-ти т. / ред. тома Г.М. Фридлендер. Л.: Наука, 1974. Т. 1. С. 100–107.

3. Балашов Н.В. Спор о русской Библии и Достоевский // Достоевский. Материалы и исследования. – Т. 13. – СПб.: Наука, 1996.

4. Буданова Н.Ф. Достоевский и преподобный Сергий Радонежский // Достоевский. Материалы и исследования. – Т. 14. – СПб.: Наука, 1997.

5. Буданова Н.Ф. Достоевский о Христе и истине // Достоевский. Материалы и исследования. – Т. 10. – СПб.: Наука, 1992.

6. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1877. Три идеи / Ф.М. Достоевский // Библиотека русской и советской классики. – 1995. – URL: https://traumlibrary.ru/book/dostoevsky-pss15–14/dostoevsky-pss15–14.html#s001001001001 (дата обращения: 03.09.2026)

7. Капилупи С.М. Достоевский и Христианство: новые итоги исследования // Вестник РХГА. 2017. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dostoevskiy-i-hristianstvo-novye-itogi-issledovaniya (дата обращения: 03.09.2026).

8. Лосский Н.О. Достоевский и его христианское миропонимание / Н.О. Лосский // Азбука Веры. – 1953. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/filosofija/dostoevskij-i-ego-hristianskoe-miroponimanie/ (дата обращения: 03.09.2026)

9. Манукян Г.В. Нравственность как основа «почвы» романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы» // Общество: философия, история, культура. 2025. № 8(136). С. 69–73.

10. Мочалов Е.В. Нравственные идеи и уроки Ф.М. Достоевского в XXI веке // Социология. 2024. № 10. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nravstvennye-idei-i-uroki-f-m-dostoevskogo-v-xxi-veke (дата обращения: 03.09.2026).

11. Чжао Ц. Отражение идей Ф.М. Достоевского в русской религиозно-философской критике Серебряного века / Ц. Чжао, И.Р. Третьяк // Международный научно-исследовательский журнал. – 2023. – № 6 (132). – URL: https://research-journal.org/archive/6–132–2023-june/10.23670/IRJ.2023.132.133 (дата обращения: 03.09.2026).

CHRISTIAN VALUES AND THE PROBLEM OF MORAL CHOICE IN THE NOVELS OF F.M. DOSTOEVSKY AND «A WRITER'S DIARY»

Manukyan G.V.
Financial University under the Government of the Russian Federation

This article explores Christian issues and moral choice in the works of Fyodor Dostoevsky. The focus is on the novels Crime and Punishment, The Idiot, Demons, The Brothers Karamazov, and the journalism of A Writer's Diary. The connection between Christian concepts of freedom, responsibility, compassion, repentance, love for others, and the inner transformation of the individual is examined. It is shown that moral choice in Dostoevsky is not limited to formal adherence to religious precepts: it arises in situations of internal conflict, when a person independently determines their attitude toward another person, their own conscience, suffering, and God. The problem of freedom, which, in the absence of moral responsibility, becomes a source of personal destruction, is of particular importance in the writer's artistic system. Using material from the novels and A Writer's Diary, the relationship between Dostoevsky's Christian anthropology and his concept of human moral responsibility for one's own choices is revealed.

Keywords: F.M. Dostoevsky, Christianity, Christian values, moral choice, freedom, conscience, repentance, compassion, suffering, responsibility, faith, "A Writer's Diary".

References

1. Akulova L.V. The Christian Meaning of F.M. Dostoevsky's Aesthetic Worldview // Philological Sciences. Issues of Theory and Practice. 2016. No. 2–1 (56). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/hristianskiy-smysl-esteticheskogo-mirovozzreniya-f-m-dostoevskogo (accessed: 03.09.2026).

2. Babovich M. The Fate of Good and Beauty in the Light of Dostoevsky's Humanism // Dostoevsky. Materials and Research: in 20 volumes. / ed. by G.M. Fridlender. Leningrad: Nauka, 1974. Vol. 1. Pp. 100–107.

3. Balashov N.V. The Debate about the Russian Bible and Dostoevsky // Dostoevsky. Materials and Research. – Vol. 13. – St. Petersburg: Nauka, 1996.

4. Budanova N.F. Dostoevsky and the Venerable Sergius of Radonezh // Dostoevsky. Materials and Research. – Vol. 14. – St. Petersburg: Nauka, 1997.

5. Budanova N.F. Dostoevsky on Christ and Truth // Dostoevsky. Materials and Research. – Vol. 10. – St. Petersburg: Nauka, 1992.

6. Dostoevsky F.M. The Writer's Diary. 1877. Three Ideas / F.M. Dostoevsky // Library of Russian and Soviet Classics. – 1995. – URL: https://traumlibrary.ru/book/dostoevsky-pss15–14/dostoevsky-pss15–14.html#s001001001001 (accessed: 03.09.2026)

7. Kapilupi S.M. Dostoevsky and Christianity: New Research Results // Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy. 2017. No. 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/dostoevskiy-i-hristianstvo-novye-itogi-issledovaniya (accessed: 03.09.2026).

8. Lossky N.O. Dostoevsky and His Christian Worldview / N.O. Lossky // The ABC of Faith. – 1953. – URL: https://azbyka.ru/otechnik/filosofija/dostoevskij-i-ego-hristianskoe-miroponimanie/ (accessed: 03.09.2026)

9. Manukyan G.V. Morality as the foundation of the "soil" of F.M. Dostoevsky's novel "The Brothers Karamazov" // Society: philosophy, history, culture. 2025. No. 8(136). Pp. 69–73.

10. Mochalov E.V. Moral Ideas and Lessons of F.M. Dostoevsky in the 21st Century // Sociology. 2024. No. 10. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nravstvennye-idei-i-uroki-f-m-dostoevskogo-v-xxi-veke (accessed: 03.09.2026).

11. Zhao C. The Reflection of F.M. Dostoevsky's Ideas in Russian Religious and Philosophical Criticism of the Silver Age / C. Zhao, I.R. Tretyak // International Research Journal. – 2023. – No. 6 (132). – URL: https://research-journal.org/archive/6–132–2023-june/10.23670/IRJ.2021.132.133 (accessed: 03.09.2026).

Материальное содействие Русской православной церкви армии и пострадавшему населению в Отечественной войне 1812 года

Мочалов Евгений Владимирович,
доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева»
E-mail: mochalov_ev@mail.ru

В статье рассматривается материально-финансовая и социально-благотворительная деятельность Русской православной церкви в период Отечественной войны 1812 года. Показано, что церковные структуры – от Святейшего Синода до приходов и монастырей – выступили ключевым агентом мобилизации денежных средств, продовольствия и организации госпиталей. Анализируются масштабы пожертвований, формы помощи раненым и беженцам, а также работа по восстановлению разорённых приходов на освобождённых территориях. Делается вывод, что Церковь в 1812 году выполняла функции, выходящие за пределы сугубо духовной сферы, став одним из важнейших институтов обороны.

Ключевые слова: Отечественная война 1812 года, Русская православная церковь, материальные пожертвования, церковные лазареты, помощь беженцам, восстановление храмов, Святейший Синод, монастыри, патриотическая деятельность.

Роль православного духовенства в Отечественной войне 1812 года не ограничивалась духовным окормлением армии и проповедью. Не менее значимой оказалась материально-финансовая и социально-благотворительная деятельность Церкви, которая в условиях военного времени взяла на себя функции, выходящие далеко за пределы сугубо религиозной сферы. Сбор средств, организация госпиталей, помощь беженцам и восстановление разорённых приходов – все это стало важнейшим вкладом Русской православной церкви в общенародную борьбу с неприятелем.

Сигнал к мобилизации церковных ресурсов прозвучал незамедлительно. Уже 13 июля 1812 года император Александр I утвердил доклад Святейшего Синода, согласно которому из церковных средств на нужды Московского и Петербургского ополчений выделялось 1,5 миллиона рублей – сумма, изъятая из доходов от продажи свечей в храмах. Однако куда более важным был второй пункт документа: духовенству всех уровней предписывалось вносить добровольные пожертвования – деньгами, золотыми и серебряными предметами, украшениями [1, с. 76].

Формально «добровольные», взносы были обставлены так, что не сделать их было практически невозможно. Епархиальные архиереи направляли в подведомственные монастыри и приходы циркулярные предписания, каждый документ представлял собой смесь религиозного увещевания и административного принуждения. Церковь в ту эпоху выступала «как бы особым правительственным ведомством, в чьи обязанности входило духовное попечение о народе». Именно это сращивание сакрального и бюрократического позволяло добиваться впечатляющих результатов [2, с. 98].

Итоги кампании поражают масштабами. Согласно подсчетам, основанным на рапортах епархий, хранящихся в Российском государственном историческом архиве, общая сумма пожертвований одного только духовенства (без учета монастырских и синодальных средств) составила около 759 тыс. рублей ассигнациями и примерно 50 тыс. рублей серебром [3]. Историк Н.Ф. Дубровин в сборнике документов «Отечественная война в письмах современников» приводит близкую цифру, замечая, однако, что она остается лишь приблизительной – многие рапорты из разоренных западных епархий просто не дошли до столицы [2, с. 108].

Любопытно, что при сравнении трех разных источников – ведомостей, составленных чиновником Синода, подсчетов Дубровина и современных изысканий Л.В. Мельниковой – расхождение в итоговых суммах не превышает 4,5% от общего объема, что говорит о высокой степени достоверности сохранившихся данных. Если добавить к этому прямой взнос Святейшего Синода, превысивший 1,5 млн рублей, то общая сумма церковных пожертвований приближается к 3 млн. рублей ассигнациями [4].

Размеры пожертвований сильно варьировались в зависимости от богатства епархии и степени разорения от войны. Безоговорочным лидером стала Московская епархия, собравшая более 155 тыс. рублей, что объясняется концентрацией состоятельных приходов и монастырей [4]. Крупные суммы перечислили также Пензенская и Ярославская епархии (по 40 тыс. рублей), Новгородская и Санкт-Петербургская (93 тыс. рублей), Нижегородская (30 тыс. рублей). Особого внимания заслуживает ситуация в Нижегородской губернии. Современные исследователи, анализируя архивы местного комитета пожертвований, восстановили динамику сборов, в период с 10 августа по 30 сентября 1812 года от духовной консистории поступило более 30 тыс. рублей. При этом протоиерей А.С. Крюков, возглавлявший комитет, фиксировал не только «живые» деньги, но и золотые червонцы, серебряные кресты и даже пистолет. Эта деталь, пистолет, переданный в дар ополчению, лучше любых цифр иллюстрирует психологический настрой духовенства, готового жертвовать необходимым [5, с. 62].

Монастыри, как правило, более состоятельные, чем рядовые приходы, вносили особенно крупные суммы. Троице-Сергиева лавра пожертвовала 70 тыс. рублей ассигнациями и 5 пудов серебра [4]. Любопытно, что монастыри, расположенные вдали от театра военных действий, нередко жертвовали более охотно, чем приходы, находившиеся в непосредственной близости от фронта.

Однако денежные средства составляли лишь часть церковного вклада. Не менее важной, а возможно, и более сложной задачей оказалась организация сбора продовольствия и фуража. Доставка муки, крупы, сена и овса к местам дислокации войск требовала разветвлен-

ной инфраструктуры, которой у государства просто не было. Здесь церковь вновь оказалась незаменима, монастырские хозяйства, традиционно ориентированные на самообеспечение и благотворительную раздачу пищи, в 1812 году были переориентированы на снабжение армии.

По свидетельству исследователей, изучавших историю Костромского ополчения, вклад местных монастырей в снабжение ратников составил не менее 48 тыс. рублей [6, с. 78]. Стоит подчеркнуть, что помощь оказывалась не только армии, в тыловых губерниях при монастырях создавались запасы для раздачи беженцам и разоренным крестьянам. Разумеется, патриотический порыв не был всеобщим, в некоторых западных приходах священники присягали новому правительству, а неурожайный 1812 год привел к тому, что многие рязанские храмы «оставались без копейки и не могли дать ничего». Но на общем фоне патриотического подъема подавляющее большинство духовенства восприняло войну как личное дело.

Подводя промежуточный итог, можно утверждать, что Русская православная церковь в 1812 году выступила не просто духовным вдохновителем, но и полноправным соучастником обороны, взявшим на себя функции финансового и логистического агента. Сбор средств через епархии и монастыри продемонстрировал уникальную для того времени способность церковной администрации мобилизовать ресурсы населения быстрее и эффективнее, чем это могли сделать гражданские ведомства.

Сражение при Бородино 26 августа 1812 года оставило за собой не только славу, но и кровавый след из десятков тысяч раненых. По оценкам военных историков, потери русской армии в тот день составили около 45 тыс. человек, французской – до 40 тыс. Государственная военно-медицинская система, рассчитанная на мирное время, оказалась не готова к такому потоку страждущих. В тот критический момент именно Русская православная церковь, имевшая разветвленную сеть строений по всей стране, предложила свое решение [1, с. 152].

Монастыри – с их просторными трапезными, кельями, подвальными помещениями – становились естественными убежищами для раненых. Сама логика войны подталкивала к такому решению. К началу XIX века при крупных обителях уже существовали богадельни и больницы, а монахи имели опыт ухода за немощными. Инициатива зачастую исходила снизу, местные архиереи, настоятели и простые священники открывали лазареты по собственной инициативе, не дожидаясь распоряжений из столицы.

Куда более масштабную картину мы видим в провинциях. Тульская духовная семинария предоставила корпус на 600 мест для раненых. Московский военный госпиталь, рассчитанный на тысячу коек, принял свыше 17 тыс. раненых – в 17 раз больше проектной мощности. В лазарете при Новгороде, куда свозили раненых после сражений под Малоярославцем и Вязьмой, к 16 ноября 1812 года находилось на излечении 865 человек, из которых 647 были военнопленными [7]. Монахи и священники не делали различий между «своими» и «чужими», они исповедовали, причащали и соборовали всех, независимо от языка и вероисповедания. В военных госпиталях, находившихся в ведении Синода, духовная помощь оказывалась наравне с медицинской, причем зачастую именно верующий человек последние часы жизни проводил не с хирургом, а со священником [8, с. 189].

Кто обеспечивал порядок в этом хаосе, пока врачи и фельдшеры боролись за жизни? Ответ очевиден: монахи и священники выполняли самую черную работу – стелили солому, топили печи, меняли повязки, готовили пищу. Но главной их обязанностью оставалась духовная поддержка. В лазаретах и госпиталях они находились рядом со страждущими, разделяя с ними тяготы и страдания.

Отдельного разговора заслуживает история монастырей, оказавшихся непосредственно на пути наполеоновской армии. Те обители, что не были разрушены, превращались в гигантские братские могилы. В Успенском Колоцком женском монастыре, расположенном в 20 верстах от Бородинского поля, французы устроили главный амбуланс (полевой госпиталь) своей армии [9, с. 563]. Однако из-за ничтожного количества ресурсов для оказания помощи при отступлении французы разорили монастырь, сожгли деревянные постройки и разграбили церковную утварь.

Что же касается тыловых монастырей, не оккупированных врагом, они стали настоящими центрами милосердия. По подсчетам Л.В. Мельниковой, основанным на архивных фондах Синода, через церковные лазареты и госпитали в 1812–1813 годах прошло не менее 30 тыс. раненых и больных [3]. Цифра эта, безусловно, неполная – многие приходские дома и маленькие монастыри просто не вели документации, а те, кто там умер, не всегда попадали в официальные реестры. Но даже приблизительное значение показывает масштаб, каждый восьмой солдат, вышедший из строя, получил уход именно в стенах монастыря [2, с. 144].

Итогом многогранной деятельности стало то, что институт церковных госпиталей и лазаретов, стихийно возникший осенью 1812 года, впервые в истории России продемонстрировал эффективность государственно-церковного партнерства в чрезвычайной ситуации. И когда спустя год в Париж входили русские полки, в их обозах везли не только трофейные знамена, но и память о том, как где-то в глухой российской обители старый иеромонах склонялся над их раной и шептал молитву, которая казалась порой сильнее всяких лекарств.

Любая война – прежде всего трагедия мирного населения. Отечественная война 1812 года не стала исключением, тысячи людей были вынуждены покинуть дома, спасаясь от наступающей армии Наполеона. Если говорить о конкретных направлениях работы, то здесь уместно выделить два тесно связанных между собой направления: во-первых, духовное окормление и материальная поддержка вынужденных переселенцев в тылу; во-вторых, титаническая работа по восстановлению церковной жизни на освобожденных территориях.

Первое, что стоит отметить, говоря о помощи беженцам, Церковь выступала здесь не просто как пассивный получатель и распределитель государственных средств, а как самостоятельный и высокоорганизованный институт. Уже в первые недели войны Святейший Синод направил епархиальным архиереям распоряжения, предписывающие принимать меры к «духовному утешению и назиданию» беженцев, находившихся в пути. Подобное не было формальной отпиской [10]. Под «утешением» подразумевался целый комплекс практических шагов, помимо пастырских бесед, подкрепленных авторитетом священного сана, в епархиальных домах и при монастырях организовывались временные приюты, где людям, потерявшим кров, предоставлялась крыша над головой и минимальная пища.

Так, например, Саввино-Сторожевский монастырь под Звенигородом, оказавшись в непосредственной близости от театра боевых действий, открыл свои двери для всех страждущих. Монахи, следуя многовековой традиции монастырского гостеприимства, делали все возможное, чтобы помочь тем, кто оказался в «бедственном положении», организуя не только коллективные молитвы о даровании победы, но и бытовую помощь подопечным [11].

Особого внимания заслуживает роль монастырей как мощных логистических и распределительных центров. Именно в монастырские стены в первую очередь устремлялись потоки беженцев, ища не просто защиты от непогоды, но и чувства защищенности, которое дарила сама атмосфера святой обители. Известно, что по распоряжению синодальных властей монастыри не только предоставляли кров, но и выступали в роли сборщиков средств, используя для этого кружки, установленные в самих храмах для добровольных приношений прихожан. Эти деньги и вещи, среди которых были и «свечи, дрова, съестные припасы», аккумулировались в монастырских кассах, а затем направлялись наиболее обездоленным.

В губерниях, не затронутых напрямую военными действиями, на плечи приходского духовенства легла обязанность по организации сбора помощи для тех, кто покинул западные области. Тот факт, что этот процесс был системным, а не стихийным, подтверждается архивными документами. К примеру, 20 сентября 1812 года император Александр I утвердил создание специальных комиссий по сбору денежных средств под управлением гражданских губернаторов, однако на местах именно священники, как наиболее доверенные и близкие к народу люди, брали на себя работу с просителями и координировали действия чиновников. Тем самым Церковь незримо, но прочно скрепляла собой разорванную войной социальную ткань общества [12].

С еще большим размахом деятельность Церкви развернулась уже после того, как «Великая армия» была изгнана за пределы Российской империи. Возвращение к мирной жизни на территории шести западных губерний, где хозяйничал неприятель, начиналось с шокирующей картины разрушений. В Смоленской епархии, принявшей на себя главный удар, из 13 монастырей 3 были разорены полностью, а 11 храмов, по разным оценкам, требовали капитального ремонта, причем 4 из них сгорели дотла. Страшный след оставили французы и в других областях: в Минской губернии мародеры осквернили 4 монастыря, 5 храмов были преданы огню, ещё 7 имели значительные повреждения [13]. В Калужской губернии, куда на время откатилась война, пострадало 114 церковных зданий [14]. Все это лишь сухие цифры, собранные по крупицам послевоенными комиссиями. За каждой из них стояла поруганная святыня, разграбленная ризница, а зачастую и физически уничтоженный или бежавший в неизвестном направлении причт.

Ключевым моментом в консолидации усилий стал Высочайший указ Александра I от 27 ноября 1812 года [14]. Историки по-разному оценивают его мотивы, но нельзя отрицать, что документ носил чрезвычайно конкретный и действенный характер. Попечение о «возвращении благолепия поруганным святыням» возлагалось на члена Святейшего Синода, архиепископа Рязанского и Зарайского Феофилакта (Русанова), которому были дарованы поистине экстраординарные полномочия. Он получил право еженедельно докладывать Синоду о своих действиях и, что самое главное, требовать всемерного содействия от местных гражданских властей. Архиепископ Феофилакт немедленно выехал в разоренный Смоленск, став живым символом го-

сударственной и церковной заботы о пострадавших. В его обязанности входило не только инспектирование состояния храмов, но и, что ещё более важно для нашего исследования, сбор сведений о нуждах разорённого духовенства и оказание им прямой помощи. Масштаб бедствия, открывшийся глазам архиерея, поражал воображение – пустующие, обезглавленные приходы, священники, чьи дома были сожжены, а семьи разорены. Восстановление нормальной жизни на этих территориях было немыслимо без возвращения клира [14].

Помимо административных мер, Церковь развернула и широкую благотворительную кампанию. Современные исследователи, такие как С.В. Белоусов на примере Пензенской епархии, показывают, что сбор пожертвований и проповедническая деятельность имели огромное значение для поддержки пострадавших [15]. На восстановление храмов и содержание разоренных приходов направлялись значительные средства, включая 1,5 млн рублей, выделенных Комиссией духовных училищ, а также частные пожертвования, стекавшиеся со всей России [14].

Таким образом, работа с беженцами и восстановление приходов на освобожденных землях стали ярчайшим проявлением социальной миссии Церкви в экстремальных условиях войны. Русская православная церковь не просто призывала к защите Веры и Отечества с амвонов, она на деле подтвердила евангельскую заповедь о любви к ближнему, став для тысяч русских людей той твердыней, опираясь на которую, они смогли пережить ужасы нашествия и вернуться к нормальной жизни. В этой повседневной, подчас невидимой для парадных исторических хроник работе, пожалуй, и проявился с наибольшей силой подлинный патриотизм Церкви, основанный не на абстрактных лозунгах, а на конкретном человеческом участии в судьбе каждого, кто оказался в беде.

Литература

1. Мельникова Л.В. Русская Православная Церковь в Отечественной войне 1812 года / Л.В. Мельникова. – Москва: Изд. Сретенского монастыря, 2002. – 238 с. – ISBN 5-7533-0220-3. – Текст: непосредственный.
2. Мельникова Л.В. Отечественная война 1812 года и Русская Православная Церковь / Л.В. Мельникова. – Текст: электронный // Вестник Московской митрополии. – 2012. – № 7–8. – URL: https://mosmit.ru/library/vedomosti/62/1220/ (дата обращения: 10.06.2026).
3. Канцелярия обер-прокурора Синода // Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 797. – Текст: непосредственный.
4. Народные пожертвования для защиты отечества от нашествия неприятеля в 1812 году. – Текст: электронный // Храм Христа Спасителя [сайт]. – URL: https://xxc.ru/about/military-glory/315/ (дата обращения: 01.06.2026).
5. Николаев Д.А. Характер и сословно-корпоративные особенности материально-финансового вклада населения Нижегородской губернии в созидание ополчения в эпоху 1812 г. / Д.А. Николаев. – Текст: непосредственный // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2021. – № 2. – С. 60–75.
6. Кондратьев Н.В. Костромское ополчение в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах 1813–1814 гг.: специальность 5.6.1 «Отечественная история»: автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук / Кондратьев Н.В.; МГПУ. – Москва, 2025. – 27 с. – Текст: непосредственный.
7. Будко А.А. Роль военной медицины в победе русской армии в Отечественной войне 1812 г. / А.А. Будко, Д.А. Журавлев. – Текст: непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2012. – № 4. – С. 49–58.
8. Лепехин Ф. Военное духовенство в синодальный период / Ф. Лепехин, Н.С. Смирнов. – Текст: непосредственный // Труды Саратовской православной духовной семинарии. – 2016. – № 10. – С. 183–218.
9. Ушаков В.К. Монастыри России: Колоцкий монастырь – памятник Отечественной войны 1812 года / В.К. Ушаков. – Текст: непосредственный // Макариевские чтения. – 2000. – № 7. – С. 548–563.
10. Мельникова Л.В. Московская епархия в Отечественной войне 1812 года / Л.В. Мельникова. – Текст: электронный // Журнал Московский Патриарх. – 2012. – 17 окт. – № 10. – URL: http://e-vestnik.ru/analytics/moskovskaya_eparhiya_v_voine_1812/ (дата обращения: 06.06.2026).
11. Звенигород и его окрестности в 1812 году. – Текст: электронный // Bookwill.ru: [сайт]. – URL: https://bookwill.ru/ru/news/news/_zvenigorod_i_ego_okrestnosti_v_1812_godu_/ (дата обращения: 09.04.2026).
12. Кирьянова О. 200 лет назад Александр I утвердил меры Святейшего Синода по оказанию Церковью поддержки в войне с Наполеоном / О. Кирьянова. – Текст: электронный // Седмица.ru: [сайт]. – 2012. – 6 авг. – URL: https://sedmitza.ru/text/3098663.html (дата обращения: 05.05.2026).
13. Кирьянова О. 200 лет назад император Александр I издал указ о восстановлении разоренных наполеоновской армией храмов и монастырей России / О. Кирьянова. – Текст: электронный // Седмица.ru: [сайт]. – 2012. – 27 нояб. – URL: https://sedmitza.ru/text/3333697.html (дата обращения: 13.04.2026).
14. Кирьянова О. Указ от 27 ноября 1812 года о восстановлении разоренных храмов и монастырей / О. Кирьянова. – Текст: электронный // Седмица.ru: [сайт]. – 2012. – 27 нояб. – URL: https://sedmitza.ru/text/3333697.html (дата обращения: 13.04.2026).
15. Белоусов С.В. Пензенская епархия в эпоху Отечественной войны 1812 года / С.В. Белоусов. – Текст: непосредственный // Известия ПГУ им. В.Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 492–497.

MATERIAL ASSISTANCE OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH TO THE ARMY AND THE AFFECTED POPULATION DURING THE PATRIOTIC WAR OF 1812

Mochalov E.V.
National Research Ogarev Mordovia State University

The article examines the material, financial, and social-charitable activities of the Russian Orthodox Church during the Patriotic War of 1812. It is shown that church structures – from the Holy Synod to parishes and monasteries – acted as key agents in mobilizing funds, food, and organizing hospitals. The scale of donations, forms of assistance to the wounded and refugees, as well as efforts to restore ruined parishes in liberated territories are analyzed. The conclusion is drawn that the Church in 1812 performed functions beyond the purely spiritual sphere, becoming one of the most important institutions of defense.

Keywords: The Patriotic War of 1812, the Russian Orthodox Church, material donations, church hospitals, assistance to refugees, restoration of churches, the Holy Synod, monasteries, patriotic activity.

References

1. Melnikova L.V. The Russian Orthodox Church in the Patriotic War of 1812 / L.V. Melnikova. – Moscow: Sretensky Monastery Publishing House, 2002. – 238 p. – ISBN 5-7533-0220-3. – Text: direct.
2. Melnikova L.V. The Patriotic War of 1812 and the Russian Orthodox Church / L.V. Melnikova. – Text: electronic // Bulletin of the Moscow Metropolis. – 2012. – № 7–8. – URL: https://mosmit.ru/library/vedomosti/62/1220/ (accessed: 10.06.2026).
3. Chancellery of the Chief Procurator of the Synod // Russian State Historical Archive (RGIA). – F. 797. – Text: direct.
4. Public donations for the defense of the fatherland against the enemy invasion in 1812. – Text: electronic // Cathedral of Christ the Saviour: [website]. – URL: https://xxc.ru/about/military-glory/315/ (accessed: 01.06.2026).
5. Nikolaev D.A. Character and class-corporate features of the material and financial contribution of the population of the Nizhny Novgorod province to the creation of the militia in the era of 1812 / D.A. Nikolaev. – Text: direct // Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. – 2021. – № 2. – Pp. 60–75.
6. Kondratiev N.V. Kostroma militia in the Patriotic War of 1812 and Foreign campaigns of 1813–1814: specialty 5.6.1 "National History": abstract of dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences / Kondratiev N.V.; MCPU. – Moscow, 2025. – 27 p. – Text: direct.
7. Budko A.A. The role of military medicine in the victory of the Russian army in the Patriotic War of 1812 / A.A. Budko, D.A. Zhuravlev. – Text: direct // Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture. – 2012. – № 4. – Pp. 49–58.
8. Lepekhin F. Military clergy in the synodal period / F. Lepekhin, N.S. Smirnov. – Text: direct // Proceedings of the Saratov Orthodox Theological Seminary. – 2016. – № 10. – Pp. 183–218.
9. Ushakov V.K. Monasteries of Russia: Kolotsky Monastery – a monument of the Patriotic War of 1812 / V.K. Ushakov. – Text: direct // Makariev Readings. – 2000. – № 7. – Pp. 548–563.
10. Melnikova L.V. Moscow diocese in the Patriotic War of 1812 / L.V. Melnikova. – Text: electronic // Journal Moscow Patriarch. – 2012. – Oct. 17. – № 10. – URL: http://e-vestnik.ru/analytics/moskovskaya_eparhiya_v_voine_1812/ (accessed: 06.06.2026).
11. Zvenigorod and its surroundings in 1812. – Text: electronic // Bookwill.ru: [website]. – URL: https://bookwill.ru/ru/news/news/_zvenigorod_i_ego_okrestnosti_v_1812_godu_/ (accessed: 09.04.2026).
12. Kiryanova O. 200 years ago Alexander I approved the measures of the Holy Synod to provide Church support in the war with Napoleon / O. Kiryanova. – Text: electronic // Sedmitsa.ru: [website]. – 2012. – Aug. 6. – URL: https://sedmitza.ru/text/3098663.html (accessed: 05.05.2026).
13. Kiryanova O. 200 years ago Emperor Alexander I issued a decree on the restoration of churches and monasteries of Russia ruined by Napoleon's army / O. Kiryanova. – Text: electronic // Sedmitsa.ru: [website]. – 2012. – Nov. 27. – URL: https://sedmitza.ru/text/3333697.html (accessed: 13.04.2026).
14. Kiryanova O. Decree of November 27, 1812 on the restoration of ruined churches and monasteries / O. Kiryanova. – Text: electronic // Sedmitsa.ru: [website]. – 2012. – Nov. 27. – URL: https://sedmitza.ru/text/3333697.html (accessed: 13.04.2026).
15. Belousov S.V. Penza diocese in the era of the Patriotic War of 1812 / S.V. Belousov. – Text: direct // News of Penza State University named after V.G. Belinsky. – 2012. – № 27. – Pp. 492–497.

Заки Валиди как организатор автономии Башкортостана

Тимербулатов Зуфар Мухтарович,
кандидат философских наук, ст. преподаватель кафедры подготовки религиозных деятелей Российского исламского университета Центрального духовного управления мусульман России (РИУ ЦДУМ России)

Башкортостан – первая автономная республика в составе России. Особую роль в формировании федерализма в России сыграл Ахмет заки Валиди. В исследовании показаны истоки его формирования как политического деятеля.

Ключевые слова: экзистенциальный смысл, автономная республика, суверенитет, федерализм, ислам, мусульманское образование.

Башкортостан стал первой автономной республикой в составе России. Подписанное в марте 1919 года Соглашение между СНК России и Правительством Башкирии о создании автономии положило начало федеративному устройству молодой Советской республики.

Таким образом, первой автономией стал Башкортостан. Тем самым завершилось юридическое оформление нового государственного образования, многолетняя борьба за право башкирского народа самостоятельно, с учетом национальной и религиозной специфики решать политические и экономические проблемы. И тому есть как объективные, так и субъективные причины.

Объективные причины носят как внутренний, так и внешний характер. К внутренним причинам мы относим следующие:

– существование еще в средневековье отдельных государственных образований – ханств у башкир, хотя, как утверждают ряд исследователей, нет исторических свидетельств об их объединении в единое государство [3]. Однако борьба башкирского народа в XVII–XVII вв. за свою политическую самостоятельность с выдвижением собственных ханов (Карасакал, например,) подтверждает эту точку зрения [5].

– Башкирское общество с первых этапов его истории на Южном Урале покоилось на прочном фундаменте института патриархальных родов и племен, в котором отношения кровного родства невидимыми нитями связывали всех членов общества в единый этнополитический социум. Устойчивость структуры родоплеменной организации башкир обеспечивалось обязательным знанием генеалогии – шежере и неприкаемым авторитетом родовых старейшин – аксакалов [2; с. 30]. А ко времени присоединения к Русскому государству башкирские роды и племена объединялись больше по территориальному, чем по родственному признаку… [2; с. 176].

– Ислам, который начинает проникать в башкирский край в X в., в конце XIV в. уже становится господствующим религиозным сознанием. Принятие ислама было цивилизованным выбором, изменившим не только область веры, но и всю духовную жизнь тюркских народов края, их культурный мир. Как утверждает З.Я. Рахматуллина, «ислам принес образование и письменность на основе арабской графики, стал «сунной организации религиозно-нравственного, семейно-брачного и межличностного быта. Ислам – не совокупность догматических формул и канонов, а прежде всего строй духовной жизни, состояние души. Исламские указания, относящиеся к ритуальным, правовым и этическим нормам, вошли в ядро национальной культуры современных башкир и татар» [16].

Наконец, внешняя причина. Самая главная – это добровольное вхождение Башкирии во второй половине 16 века в состав Русского государства. Иван Грозный с радостью объявил о присоединении Башкортостана к России. В завещании, написанном им своему сыну в 1572 году, он указывает, что «оставляет ему и государство Башкирдия» [12; с. 76].

В истории Башкортостана трудно найти человека, который за свою жизнь пережил волны обожания и осуждения, восхваления и забвения. Причем, эти волны периодически повторялись и при его жизни, и после смерти, и это происходит вплоть до сегодняшних дней. Здесь имеется в виду история с бюстом, установленному в 2017 году перед восточным факультетом Санкт-Петербургского университета выдающемуся востоковеду, тюркологу и демонтированному по представлению прокурора Василеостровского района в 2021 году.

Да, речь идет об Ахмед-Заки Валиди – политика, ученого-востоковеда, которого называли и врагом башкирского народа, и буржуазным националистом, и в тоже время, по мнению московских журналов, «отцом русского федерализма» [10].

Политиками, как известно, не рождаются. Но почва, на которой всходит характер, имеет значение. С этой точки зрения взглянем на эту самую почву, которая и взрастила личность, оставившего глубокий след в истории не только башкирского народа, но и всей России.

Первое: Заки Валиди родился и вырос в семье, где родители имели отличное образование, владели несколькими языками.

Второе: с самого раннего детства он находился в интеллектуальном окружении мусульманской среды, поскольку родители были религиозными деятелями. Напомним, что отец – Ахметша Ахметьянович Валидов после окончания Стерлитамакского медресе начал служить во 2-ой соборной мечети деревни Кузяново, а в начале 1890-х годов

открыл при мечети медресе. Мать – Уммульхаят Мухаметкаримовна окончила медресе деревни Утяново, преподавала в женских классах медресе мужа. Не случайно Ахмет-Заки с семи лет начал изучать различные языки.

Третье: учебные заведения, где обучался Ахмет-Заки, были созданы и функционировали благодаря религиозным деятелям: медресе отца в родной деревне, медресе деревни Утяково, которым руководил его основатель, брат матери Хабибназар Сатлыков, казанское медресе «Касимия». Деревня Кузяново, где прошли детские и юношеские годы Заки Валиди, хотя и находилась в 156 верстах от губернского города Уфы, в 120 верстах от железной дороги, в 35 верстах от захолустного уездного городка Стерлитамак, не была оторвана от великих культурных традиций Востока. Она, как утверждают исследователи, жила напряженной, глубокой духовной жизнью, уходящей корнями в многовековую исламскую культуру Востока [20].

Сам ученый так пишет об этой поре своей жизни: «Я очень любил свои родные аулы Кузяново, Галиакбер, Алагуянбашы и кочевья Акбейек. Но отсталость нашей бытовой культуры заставляла смотреть на всю эту жизнь как бы свысока. Лишь значительно позже я понял смысл и правоту идеализации башкирской жизненной философии русскими писателями Толстым и Аксаковым. Интеллигенция этого общественного круга посвятила меня в тюркскую, арабскую и персидскую культуру, познакомила с некоторыми великими мыслителями Востока и Запада, дала мне такой нравственный идеал и политическую цель, которые поправлять и менять впоследствии уже не было надобности» [18; с. 64].

На наш взгляд, в зарождении и эволюции политических взглядов одного из лидеров движения за автономию Башкортостана важную, если не решающую роль сыграло специфическое содержание и функционирование на территории Башкортостана системы образования. В данном случае мы рассматриваем этот феномен не как общепринятое, канонизированное «получение систематизированных знаний и навыков, обучение, просвещение, а также как «совокупность знаний, полученных в результате обучения» [13], а вслед за Поросенковым С.В. с точки зрения его экзистенциального смысла [15].

Такой подход предполагает изучение системы образования как субъекта социального института, преследующего определенные политические цели и оказывающего огромное влияние на мировоззрение человека, которое в итоге определяет характер его практической деятельности. В нашем случае религиозное образование, которое первоначально получил Заки Валиди, послужило толчком к размышлению о понимании собственного существования с причинными и функциональными связями именно в политической сфере. Данная парадигма предполагает новое прочтение понятия «исламское образование», которое выходит за рамки развития «в России отечественного богословия с конкрентноспособной религиозной доктриной на основе традиционных для страны форм ислама» [6].

В этом экзистенциальном аспекте и проявляется уникальность крупного политика и значительного ученого: переживание собственного существования с созданием условий для самоопределения других людей. В данном контексте таким условием выступает понятие «автономия», понимаемая как «внутренняя самостоятельность в политических, экономических, культурных вопросах» [11; с. 10]. Можно с большой долей вероятности предположить, что впервые Заки Валиди с этой дефиницией познакомился из книг, как пишет сам политик, «знаменитого приверженца сибирской автономии, первооткрывателя орхон-енисейской тюркской письменности Ядринцева «Сибирь как колония» и «Положение инородческого населения Сибири». Ему эти книги подарил друг отца Нигматуллла хаджи, что «явилось важным событием в моей судьбе. По мере своих сил и возможностей обе книги я последовательно переводил отцу и дяде, разъясняя им смысл прочитанного. Мы не были согласны с теми, кто считал инородцев края обреченными на исчезновение, живо обсуждали судьбу и право этих народов на всеобщее равенство. Оба произведения оказали сильное влияние на мое политическое развитие [18; с. 51].

На наш взгляд, именно религиозное образование, существовавшее на тот момент как система получения коренными народами Башкортостана образования и послужила толчком к началу формирования А.З. Валиди как политика.

Почему образование? Этой стороне жизни башкир и татар придавали большое значение авторитетнейшие религиозные деятели того времени. С одним из них – Зайнуллой Расулевым встретился юный Заки Валиди благодаря своему отцу. Впоследствии А.З. Валиди напишет, что его отец при встрече с шейхом постоянно обсуждали научные, религиозные, а иногда и политические проблемы. Исходя из того, что Зайнулла Расулев был еще в очень близких отношениях с Мифтахетдином Акмуллой, который в своих произведениях призывал башкир овладевать знаниями, можно предположить, о каких именно проблемах образования они вели речь.

Берем на себя смелость утверждать, что высоко оценивалась роль мусульманских религиозных учебных заведений, которые через просвещение способствовали этноконфессиональной консолидации башкирского и татарского народов, сохранению их национальной идентичности, азвития культуры коренного народа Башкортостана. С пониманием экзистенциального образования коррелируется мусульманская традиция видеть в нем не подготовку к жизни, а организацию самой жизни. К тому же внедряемый джадидистами подход преследовал цель не только видоизменить саму систему обучения, но и отношение русской общественности к нерусским народам Российской империи. Исследователи, изучавшие особенности образовательного процесса в царской России, отмечают, что «степень грамотности мусульманского населения Башкирии значительно превосходила этот показатель в других регионах» [21].

К примеру, по данным первой полной переписи населения России 1897 года, в стране было выявлено 22,7% грамотных (вместе с Финляндией). К 1914 около трети населения было в той или иной степени грамотно. Но это в среднем. Грамотных было больше в русской Польше, Финляндии, европейской части России, в городах. В Туркестане и на Кавказе неграмотных могло быть до 90%, низкий уровень был в сельской местности. Также грамотным мог оказаться человек, который мог написать свою фамилию. Низкий уровень образования был у женщин. Значительная часть детей вообще нигде не училась. Кстати, при переписи 1920 года критерии оценки грамотности были максимально расширены – грамотными считали тех, кто умел читать по слогам и написать свою фамилию на родном или русском языке [7]. А теперь сравним с медресе, где в программу обучения, в частности медресе «Расулия», входили такие предметы, как родной язык с грамматикой, национальная история, арабский язык и литература, персидский язык и литература, турецкий язык и литература, русский язык, педагогика и методика, экономика, законоведение, естественная история (ботаника, зоология и геология), биология и антропология, всеобщая география, астрономия и космология, арифметика, алгебра, геометрия, физика, химия, сельское хозяйство, медицина, гимнастика, чистописание, черчение и рисование [7].

В медресе шакирды знакомились и с интеллектуальными основами античности – Платоном и Аристотелем, с историей развития религиозной мысли арабского мира – аль-Газали, Авиценна, аль-Фараби и др. Читали поэтов средневекового Востока – Рудаки, Фирдоуси, Омара Хайама, Саади, Руми, Хафиза, Низами и др. [1].

Естественно, в медресе изучали основы ислама через такие первоисточники, как сам Коран, тафсиры и хадисы пророка Мухаммеда. Кроме того шакирды знакомились с научными трудами Габдельнасира Курсави, Шигабутдина Марджани [17]. Таким образом можем смело констатировать, что к началу XX века башкиры были достаточно образованными, что дало повод современникам писать: «Как и все магометане, башкиры считают своим долгом обучать своих детей, поэтому неудивительно, что начальная грамотность между башкирами развита сильнее, чем между русскими» [12].

При этом следует подчеркнуть одну существенную деталь: все медресе открывались и функционировали благодаря, как бы мы сказали сегодня, меценатам. За каждым медресе стояли богатые личности, которые вкладывали свои средства на строительство и содержание этих учебных заведений. Достаточно назвать Зайнуллу Расулева и его медресе «Расулия», Зия Камали и «Галия», Сабир Хасани и «Хасания», Хайрулла Усманов и «Усмания», медресе им. Марьям Султановой, братья Хусаиновы и «Хусания» и т.д. Именно мусульманские религиозные учебные заведения способствовали этноконфессиональной консолидации башкирского и татарского народов, сохранению их национальной идентичности в условиях русификации и христианизации [8].

Религия у тюркских народов края играла прогрессивную роль, Ислам определял сознание каждого мусульманина с рождения и до самой смерти. В этой связи следует выделить и нравственную сторону образовательно-воспитательного процесса в мусульманских школах. Они формировали личность, имеющую своего рода иммунитет к социальному негативу.

К сказанному выше о ситуации с образованием в царской России следует подчеркнуть, что к концу XIX в. в России, в отличие от ведущих стран Европы, США и Японии так и не было введено всеобщее обязательное образование – не только среднее, но даже начальное. К тому же в эпоху Александра III был выпущен циркуляр «О сохранности гимназического образования» (1887 г.), получивший в народе название «о кухаркиных детях». Документ рекомендовал не принимать в гимназии детей кучеров, поваров, лакеев, прачек и мелких чиновников, ограничивая тем самым доступ к среднему образованию для

выходцев из низших сословий. Поэтому высшее образование получали в основном представители высших социальных слоев – дети дворян, военных, чиновников, буржуазии, интеллигенции. То есть те, кто получил начальное и среднее образование и мог продолжить обучение. А теперь обратимся к таким цифрам: грамотность среди башкир, по данным Всероссийской переписи 1897 года, составляла 18,3%, русских – 16%, татар – 20,3% [14]. В условиях царской России сохранялась угроза потери этих достижений в области образования, принижения и даже пренебрежения роли ислама в жизни тюркских народов. Эти обстоятельства наряду с первостепенным земельным вопросом были в основе и предпосылкой широкого башкирского национального движения XVII–XVIII вв. А благодаря активной деятельности своей национальной интеллигенции, которая выросла и сформировалась в недрах мусульманских школ, национальное самосознание коренного населения Башкортостана не только не исчезло, а, наоборот, возросло, усиливало тягу к самостоятельной жизни. Заки Валиди прекрасно понимал, что эти давно назревшие проблемы башкирского народа возможно решить только в условиях обретения своей государственности. Февральская революция 1917 года дала громадный толчок для пробуждения мусульман России в том числе башкир. И как отмечает М.М. Кульшарипов: «Тюркоязычные народы Востока Российской империи восприняли Февральскую революцию с громадным энтузиазмом и радостью, понимая, что падение самодержавия и установление демократических порядков в стране открывает дорогу для завоевания политической и экономической самостоятельности, сохранению в целом и развитию культурно-религиозных традиций, для решения национального вопроса» [9].

Как пишет в своих «Воспоминаниях» Заки Валиди, который в дни Февральской революции находился в Петрограде: «Я молил в те минуты: О создатель, пусть это движение откроет дорогу к свободе и для моего народа. Слезы сами собой застилали мне глаза» [18; с. 168]. Так активно, уже практически продолжилась начатое Заки Валиди и его соратниками борьба за федеративное устройство России, за строительство самостоятельной территориальной автономии Башкортостана.

Таким образом, сохранение и развитие трех важнейших составляющих этнокультурной идентичности башкирского народа – ислам, религиозные учебные заведения, национальное самосознание, основанное на традициях государственности – были основой движения за самоопределение Башкортостана, которое получило мощный толчок после Февральской революции 1917 года. Эту работу активно вела сформированная в мусульманских школах национальная интеллигенция. В те переломные годы башкирский народ выдвинул из своей среды замечательную плеяду общественно-политических деятелей, возглавивших его освободительную борьбу. Среди них глыбой возвышается личность Заки Валиди, выдающегося ученого, талантливого организатора, идейного вдохновителя движения за автономию Башкортостана, инициатора выработки демократического обустройства бывшей Российской империи на федеративных началах.

Литература

1. Аминов Т.М. Медресе «Галия» – высшее национальное учебное заведение мусульманских народов дореволюционной России / Курс лекций для студентов педагогических и мусульманских учебных заведений. – Уфа: Мир печати. – 2016. – С. 70.
2. Бикбулатов Н.В., Юсупов Р.М., Шитова С.Н., Фатыхова Ф.Ф. Башкиры: Этническая история и традиционная культура. Уфа: Научное издательство «Башкирская энциклопедия», 2002. – С. 163.
3. Буканова Р.Г. Была ли государственность у башкир? // Караван-сарай, № 1, 2. – 1994.
4. Буканова Р.Г. Была ли государственность у башкир? // Караван-сарай, № 1. – 1996.
5. Валеев Д.Ж. Национальный суверенитет и национальное возрождение. Уфа, 1994. – С. 30–31.
6. Галиев Д.Р. Сущность и функциональные особенности исламского образования. – В сб. Идеалы и ценности ислама в образовательном пространстве XX1 века. – Материалы X11 Международной научно-практической конференции, приуроченной к 30-летию открытия первого в постсоветском пространстве мусульманского медресе при ЦДУМ России имени Ризаитдина бинэ Фахретдина – 23–24 октября 2019 года – Уфа. – Т. 2 – С. 140.
7. Зачем нужен миф о грамотной царской России – vk/com/wal-41351530_138553.
8. Кулбахтина А.З. Исламское образование в дореволюционной России // В сб. «Ислам и государство в России» / Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 225-летию Центрального духовного управления мусульман России – Оренбургского магометанского духовного собрания. – Уфа, 22 октября 2013 г., – С. 153.
9. Кульшарипов М.М. У истоков суверенной республики. (К 80-летию объявления автономии Башкортостана) – Уфа, 1997. – 64 с.
10. Кульшарипов М.М., Юлдашбаев А.М. К истокам суверенитета Башкортостана – Уфа: БашГУ, 1991.
11. Кульшарипов М.М., Юлдашбаев А.М. Заки Валиди как политик и ученый-востоковед. – Уфа. – 2010. – С. 10.
12. Никольский Д.П. Башкиры: Этнографичекские и санитарно-антропологичекие исследования, СПб., –1899. – С. 126.
13. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. – М., Азбуковник, 1999. – С. 436.
14. Очерки по истории Башкирской АССР, Т. 1. Ч. 2. – Уфа. –1959. – С. 446.
15. Поросенков С.В. Экзистенциальный смысл образования // Социально-гуманитарные знания. – 2010. – № 9. – С. 221–228.
16. Рахматуллина З.Я. Духовное пространство современной России: актуализация культуротворческой и миростроительной роли традиционных религий и их духовных лидеров // Ислам и государство в России: Сб. материалов Международной научно-практической конференции, посвященный 225-летию Центрального духовного управления мусульман России – Оренбургского магометанского духовного собрания. Уфа, 22 октября 2013 г. /сост. Р.М. Мухаметдинова-Дуггал, А.Т. Ахатов, И.В. Фролова, В.С. Хазиев /под общей ред. А.Б. Юнусовой – Уфа: ГУП РБ Уфимский полиграфкомбинат. 2013.
17. Рахматуллина З.Я. Ислам и менталитет башкир // Материалы международной научно-практической конференции, посвященный 175-летию со дня рождения крупного педагога – просветителя, философа и религиозного деятеля Зайнуллы Расулева (1833–1917) – Учалы: 2008 – С. 123.
18. Тоган З.В. Воспоминания. Кн.1, Уфа, 1994. – 168 с.
19. Хадыев М., Фахретдинов А. История башкир. – Уфа; Китап. 2007. – С. 76.
20. Юлдашбаев А.М. Известный и неизвестный Заки Валиди (в памяти своих современников). – Уфа: Китап, 2000, – С. 203.
21. Юлдашбаев Б.Х. История формирования башкирской нации – Уфа, 1972. – С. 123.

ZAKI VALIDI AS THE ORGANIZER OF THE AUTONOMY OF BASHKORTOSTAN

Timerbulatov Z.M.
Russian Islamic University of the Central Spiritual Administration of Muslims of Russia (RIU CSAM of Russia)

Bashkortostan is the first autonomous republic within Russia. Akhmet Zaki Validi played a special role in the formation of federalism in Russia. The study examines the origins of his development as a political figure.

Keywords: existential meaning, autonomous republic, sovereignty, federalism, Islam, Muslim education.

References

1. Aminov T.M. Madrasah «Galia» – a higher national educational institution of the Muslim peoples of pre-revolutionary Russia / Course of lectures for students of pedagogical and Muslim educational institutions. – Ufa: World of Printing. – 2016. – P. 70.
2. Bikbulatov N.V., Yusupov R.M., Shitova S.N., Fatykhova F.F. Bashkirs: Ethnic history and traditional culture. Ufa: Scientific publishing house «Bashkir Encyclopedia», 2002. – P. 163.
3. Bukanova R.G. Did the Bashkirs have statehood? // Caravanserai, № 1, 2. – 1994.
4. Bukanova R.G. Did the Bashkirs have statehood? // Caravanserai, № 1. – 1996.
5. Valeev D. Zh. National Sovereignty and National Revival. Ufa, 1994. – Pp. 30–31.
6. Galiev D.R. The Essence and Functional Features of Islamic Education. – In the collection. Ideals and Values of Islam in the Educational Space of the 21st Century. – Proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference dedicated to the 30th Anniversary of the Opening of the First Muslim Madrasah in the Post-Soviet Space at the Central Muslim Spiritual Directorate of Russia named after Rizaitdin bineh Fakhretdin – October 23–24, 2019 – Ufa. – V. 2 – P. 140.
7. Why is the Myth of Literate Tsarist Russia Needed – vk/com/wal-41351530_138553.
8. Kulbakhtina A.Z. Islamic Education in Pre-Revolutionary Russia // In the collection. «Islam and the State in Russia» / Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 225th Anniversary of the Central Spiritual Administration of Muslims of Russia – the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly. – Ufa, October 22, 2013, – p. 153.
9. Kulsharipov M.M. At the Origins of a Sovereign Republic. (On the 80th Anniversary of the Declaration of Autonomy of Bashkortostan) – Ufa, 1997. – 64 p.
10. Kulsharipov M.M., Yuldashbaev A.M. To the Origins of Bashkortostan's Sovereignty – Ufa: BashSU, 1991.
11. Kulsharipov M.M., Yuldashbaev A.M. Zaki Validi as a Politician and Orientalist. – Ufa. – 2010. – p. 10.
12. Nikol'skii D.P. Bashkirs: Ethnographic and Sanitary-Anthropological Studies, St. Petersburg, 1899, p. 126.

13. Ozhegov S.I. Explanatory Dictionary of the Russian Language. Moscow, Azbukovnik, 1999, p. 436.

14. Essays on the History of the Bashkir ASSR, Vol. 1, Part 2. Ufa, 1959, p. 446.

15. Porosenkov S.V. The Existential Meaning of Education. Social and Humanitarian Knowledge, 2010, № 9, Pp. 221–228.

16. Rakhmatullina Z. Ya. Spiritual Space of Contemporary Russia: Actualization of the Culture-Creating and Peace-Building Role of Traditional Religions and Their Spiritual Leaders. Islam and the State in Russia: Coll. Proceedings of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 225th anniversary of the Central Spiritual Administration of Muslims of Russia – the Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly. Ufa, October 22, 2013 / compiled by R.M. Mukhametdinova-Duggal, A.T. Akhatov, I.V. Frolova, V.S. Khaziev / under the general editorship of A.B. Yunusova – Ufa: State Unitary Enterprise of the Republic of Bashkortostan Ufa Printing Plant. 2013.

17. Rakhmatullina Z. Ya. Islam and the Mentality of the Bashkirs // Proceedings of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 175th anniversary of the birth of the prominent teacher, educator, philosopher, and religious figure Zainulla Rasulev (1833–1917) – Uchaly: 2008 – P. 123.

18. Togan Z.V. Memories. Book 1, Ufa, 1994. – 168 p.

19. Khadyev M., Fakhretdinov A. History of the Bashkirs. – Ufa; Kitap. 2007. – P. 76.

20. Yuldashbaev A.M. Famous and unknown Zaki Validi (in the memory of his contemporaries). – Ufa: Kitap, 2000, – P. 203.

21. Yuldashbaev B. Kh. History of the formation of the Bashkir nation – Ufa, 1972. – P. 123.

Цифровой суверенитет как политическая категория

Алешина Лариса Николаевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: lnaleshina@fa.ru

Климов Ярослав Игоревич,
ассистент кафедры гуманитарных наук факультета социальных наук и массовых коммуникаций, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: yiklimov@fa.ru;

Климова Ольга Михайловна,
кандидат культурологии, доцент кафедры русского языка и литературы, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: omklimova@fa.ru

Торосян Анна Сергеевна,
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: astorosyan@fa.ru

Павленко Анастасия Дмитриевна,
студент ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: 255532@edu.fa.ru

Статья посвящена концептуализации цифрового суверенитета как самостоятельной политической категории. Исходной проблемой выступает несоответствие территориальной логики классического суверенитета сетевой архитектуре цифровой среды. На основе сравнительного анализа академической литературы и официальных нормативных документов рассматриваются три модели цифрового суверенитета: либерально-регуляторная модель Европейского союза, государственно-контрольная модель Китая и России и рыночно-платформенная модель США. Сопоставление показывает различия не только в инструментах регулирования, но и в определении субъекта контроля и понимании политической автономии. Отдельное внимание уделено российскому случаю, где стремление повысить внешнюю устойчивость цифровой инфраструктуры сочетается с централизацией механизмов управления трафиком. На этом материале формулируется «суверенный парадокс»: расширение автономного государственного контроля способно укреплять отдельные контуры цифровой инфраструктуры, но вместе с тем повышать издержки технологической изоляции при сохраняющейся зависимости от глобальных цепочек создания цифровых технологий. Для сравнительного анализа предлагается матрица, в которой политические модели цифрового суверенитета соотносятся с тремя уровнями его реализации: инфраструктурным, регуляторным и когнитивным. Такой подход позволяет рассматривать цифровую автономию как неоднородную конфигурацию и не сводить цифровой суверенитет только к модели государственного контроля.

Ключевые слова: цифровой суверенитет; политический суверенитет; цифровое государство; интернет-управление; цифровая инфраструктура; регулирование платформ; фрагментация интернета

Введение

Классическая теория суверенитета связывает верховную публичную власть с политически организованным пространством. У Дж. Бодена суверенитет получает характеристику постоянной и верховной власти, у Т. Гоббса государственная власть мыслится как условие прекращения конкурирующих притязаний на окончательное решение [1, p. 125; 2, p. 88]. В международно-политической теории XX века эта логика была уточнена через различение внутренней власти, международно-правового признания, вестфальского невмешательства и способности контролировать трансграничные потоки [3, pp. 3–4]. Цифровая среда делает последние два измерения особенно проблематичными: данные, программные сервисы и сетевые взаимодействия пересекают границы быстрее, чем национальная юрисдикция может установить над ними исключительный контроль.

Политическая проблема возникает из разрыва между территориальной формой государственной власти и распределённым устройством цифровой инфраструктуры. М. Мюллер обосновывает, что в киберпространстве связь между территорией и властью, исторически составлявшая основу суверенитета, становится значительно менее устойчивой [4, p. 779]. Дж. Похле и Т. Тиль связывают возвращение категории суверенитета в цифровую политику с попытками государств и обществ восстановить способность к политическому самоопределению в условиях растущей власти платформ и трансграничных технологических зависимостей [5, p. 2]. Поэтому цифровой суверенитет целесообразно рассматривать как спор о распределении политической власти между государством, транснациональными корпорациями, техническими сообществами и гражданами.

Употребление термина остаётся неоднородным. «Суверенитет» применительно к цифровой сфере используется для обозначения различных форм коллективного контроля над данными, инфраструктурами и технологиями, причём субъектом такого контроля может выступать государство, сообщество или отдельный человек. Одновременно архитектура интернета сочетает децентрализацию сети с появлением точек высокой концентрации власти. Дж. Похле и Д. Фёльзен связывают современные конфликты вокруг цифрового порядка с борьбой за изменение этих точек централизации, в которой участвуют и государства, и частные компании [6, p. 13].

Актуальность исследования определяется усилением регуляторной и инфраструктурной фрагментации глобального интернета. Европейский союз развивает правовое регулирование данных и искусственного интеллекта; Китай последовательно утверждает принцип киберсуверенитета; Россия закрепила нормативные и технические механизмы устойчивого функционирования национального сегмента сети; США при сохранении высокой роли частных платформ усилили государственное вмешательство в сфере конкуренции, национальной безопасности и контроля иностранных цифровых приложений [7; 8; 9; 10; 11].

Целью исследования является концептуализация цифрового суверенитета в качестве самостоятельной политической категории и обозначение её содержательных границ. В работе поставлен вопрос о том, какие свойства классического суверенитета сохраняют значение при переносе этого понятия в цифровую среду. Для ответа на него сопоставляются три конкурирующие модели цифрового суверенитета, различающиеся логикой организации контроля и пределами политической автономии. Следующий шаг связан с построением типологии, где выделены инфраструктурный, регуляторный и когнитивный уровни реализации. Научная новизна определяется предложенной матрицей «политическая модель × уровень реализации». Политическая модель характеризует способ организации цифровой власти, тогда как уровень реализации позволяет определить объекты и механизмы ее действия. Такое разделение, по авторской оценке, делает сравнение более точным: сходные инструменты цифрового контроля могут занимать разное место в зависимости от политической модели и уровня, на котором они применяются.

Материалы и методы

Работа построена как сравнительно-концептуальное исследование. Материал для анализа составили классические труды по теории суверенитета и рецензируемые исследования, посвященные цифровому

и технологическому суверенитету; учитывается также российская политологическая литература. Другую часть источниковой базы образуют официальные нормативные акты Европейского союза, Российской Федерации и США. Соединение теоретических работ и нормативных документов дает возможность рассматривать цифровой суверенитет не только как научную концепцию, но и в тех формах, которые закрепляются на уровне государственного и надгосударственного регулирования.

Критериями включения литературы служили проверяемость библиографических реквизитов, наличие издательской или журнальной записи и содержательное соответствие используемого тезиса первоисточнику. В доказательную базу включались только публикации, для которых эти критерии могли быть подтверждены.

Основной метод представляет собой структурированное сравнение трёх моделей по четырём критериям: ведущий субъект цифровой власти; объект суверенного притязания; основной политико-правовой инструмент; отношение к трансграничной связности. Историко-генетический элемент используется для сопоставления классической территориальной логики с современными сетевыми формами власти. Анализ российского кейса дополнен изучением Доктрины информационной безопасности 2016 года, Федерального закона № 90-ФЗ 2019 года и современных исследований цифровых общественно-политических коммуникаций [7; 8; 12].

Предлагаемая типология является аналитической, а не исчерпывающей классификацией всех национальных стратегий. Индия, страны Глобального Юга и малые цифровые государства могут формировать смешанные решения. Они не включены в основное сравнение, поскольку задача статьи состоит в выявлении различий между тремя наиболее заметными политическими логиками, заявленными в исследовательском плане. Работа также не претендует на количественную оценку причинной связи между степенью цифровой автономии и инновационностью; «суверенный парадокс» ниже формулируется как теоретически обоснованное ограничение политики автономизации.

Классический суверенитет и вызов цифровой среды

Для целей настоящего исследования классический суверенитет операционализируется через три свойства: верховенство публичной власти, внешнюю независимость и исключительность окончательного политического решения в пределах юрисдикции. Такая схема представляет собой аналитическое обобщение классической традиции Дж. Бодена и Т. Гоббса с учётом последующего разграничения форм суверенитета у С. Краснера [1, p. 125; 2, p. 88; 3, pp. 3–4]. Она не предполагает, что названная триада была сформулирована классиками в современном терминологическом виде. Её задача состоит в создании сопоставимых критериев для анализа цифровой среды.

Верховенство сталкивается с частной властью владельцев инфраструктуры и платформ. Значительная часть облачных вычислений сосредоточена у нескольких глобальных провайдеров. По данным Omdia, в первом квартале 2025 года AWS, Microsoft Azure и Google Cloud совместно приходилось 65% мировых расходов на облачную инфраструктуру [13]. Концентрация сама по себе не отменяет государственную юрисдикцию, но создаёт зависимость публичных институтов и национального бизнеса от технических решений компаний, находящихся в иных правовых системах. Л. Флориди поэтому связывает цифровой суверенитет с контролем над данными, программным обеспечением, стандартами, сервисами и инфраструктурами, подчёркивая распределённый характер такого.

Внешняя независимость размывается трансграничными цепочками производства оборудования, программного обеспечения и цифровых услуг. Технологическая автономия не тождественна автаркии. Дж. Эдлер, К. Блайнд, Х. Кролл и Т. Шуберт предлагают понимать технологический суверенитет как способность государства действовать в международной системе и поддерживать критические компетенции, сохраняя полезные взаимозависимости [14, p. 1]. Эта позиция важна для цифрового суверенитета: устранение одной внешней зависимости может создавать другую, если замещение строится на импортных компонентах, зарубежных стандартах или программных экосистемах.

Исключительность юрисдикции ограничена тем, что правила цифрового взаимодействия создаются одновременно государствами, платформами и техническими сообществами. Интернет-инфраструктура зависит от добровольных технических стандартов IETF, а стандарты Всемирной паутины разрабатываются W3C через открытые процедуры согласования [15, p. 9; 16]. Правила доступа к платформам, в свою очередь, устанавливаются корпоративными пользовательскими соглашениями. Дж. Похле и Д. Фёльзен связывают борьбу за цифровой порядок с конфигурацией самой сети и распределением центров власти внутри неё [6, p. 13]. В результате государство сохраняет правовые полномочия, однако их фактическая действенность зависит от технической архитектуры, рыночной структуры и доступа к данным.

Такое расхождение позволяет уточнить предмет категории. Цифровой суверенитет обозначает способность политического сообщества сохранять значимую автономию принятия решений в цифровой среде и обеспечивать исполнение этих решений на критических уровнях инфраструктуры, регулирования и информационного посредничества. Абсолютная исключительность здесь практически недостижима. Политический смысл категории состоит в выборе допустимой зависимости и в определении тех узлов цифровой системы, контроль над которыми считается необходимым.

Концептуализация цифрового суверенитета: три конкурирующие модели

Сравнение национальных и наднациональных стратегий выявляет три устойчивые политические логики. Они являются идеальными типами: реальные режимы цифрового управления могут сочетать их элементы. Различие проходит по вопросу о том, чья автономия должна быть защищена в первую очередь и каким способом она обеспечивается.

Либерально-регуляторная модель Европейского союза связывает цифровую автономию с правами граждан, нормативной способностью публичной власти и снижением критической технологической зависимости. GDPR устанавливает общие правила обработки персональных данных и распространяет ряд требований на операторов, работающих с данными лиц в ЕС [9, Art. 3]. AI Act формирует горизонтальную систему требований к искусственному интеллекту, основанную на классификации рисков [10, Art. 6]. Концепция европейского технологического суверенитета получила официальное выражение в цифровой стратегии Комиссии 2020 года, где она связывается с устойчивостью инфраструктуры, собственными ключевыми компетенциями и снижением критической зависимости от внешних поставщиков. Эти акты и программные документы не создают государственной цифровой инфраструктуры в полном смысле, но усиливают способность ЕС задавать правовые и стратегические условия развития своего цифрового пространства.

Исследования европейского дискурса подтверждают смешанный характер этой модели. Цифровой суверенитет ЕС связывается с управлением потоками данных, технологическими возможностями и регулированием частного сектора, отмечая различную результативность уже принятых мер по этим направлениям. Т.А. Романова выявляет устойчивое сочетание ценностной риторики, задач внутреннего рынка, лидерских амбиций и напряжения между открытостью и защитой [17, с. 72–73]. Поэтому суверенитет ЕС точнее описывать как регуляторную способность, дополненную стремлением к технологической дееспособности.

Государственно-контрольная модель наиболее последовательно выражена в китайской концепции киберсуверенитета и описывается через сочетание экономического развития, государственного контроля и политической легитимации. Китайский подход основан на праве государства управлять информационными потоками в пределах своей территории, предполагает самостоятельное формирование киберполитики и участие в выработке международных правил на основе принципа суверенного равенства. В этой модели цифровое пространство рассматривается как сфера, в которой территориальная юрисдикция должна получить технические механизмы исполнения.

Российский вариант относится к той же модели лишь на уровне общей ориентации на государственную устойчивость и управляемость цифровой среды. Российская академическая литература подчёркивает одновременно технологические, инфраструктурные, нормативные и содержательные компоненты цифрового суверенитета [18, с. 92–93; 12, с. 521]. Федеральный закон № 90-ФЗ создал правовые основания для централизованного управления сетью связи общего пользования при возникновении угроз устойчивости, безопасности и целостности её функционирования [7, ст. 1]. Сходство с китайской моделью проявляется в высокой роли государства; различия связаны с иным уровнем технологической базы, структурой рынка и историей развития национального сегмента сети.

Рыночно-платформенная модель США исторически опиралась на сильные частные технологические компании и на сравнительно ограниченное прямое государственное управление содержанием глобальной сети. Ещё Д. Дрезнер показывал, что роль государства в глобальном управлении интернетом не исчезла даже в период преобладания многосторонней и частной координации [19, p. 477]. Американское преимущество формировалось через сочетание частной инновационной инфраструктуры, стандартообразующей способности и государственной внешнеэкономической силы. Концентрация мирового облач-

ного рынка у компаний из США остаётся одним из материальных оснований этой позиции [13].

В 2020-е годы рыночно-платформенная модель заметно меняется. Публичный закон США 118–50 включил нормы о приложениях, контролируемых «иностранным противником», включая механизмы запрета распространения при отсутствии квалифицированного отчуждения [14, § 2(a), 138 Stat. 955–956]. Этот пример фиксирует возвращение государства в сферу, где ранее доминировали частные решения о доступе и распространении цифровых сервисов. Рыночная основа американской модели сохраняется. Однако национальная безопасность, технологическая конкуренция и контроль над платформами всё чаще регулируются публично-правовыми средствами.

За тремя моделями стоят разные политические философии. В европейском случае на первом плане нормативная автономия и права граждан; государственно-контрольный подход исходит из обязанности публичной власти обеспечивать управляемость национального цифрового пространства. Американская конструкция долгое время держалась на ином сочетании: частная инновационная мощь плюс государственная способность защищать условия её глобального действия. Полного контроля по всем направлениям не даёт ни одна из них. Отсюда следует, что цифровой суверенитет разумнее оценивать по отдельным уровням, а не сводить к единому показателю.

Заявленные в методах четыре критерия делают эти различия отчётливее. В модели ЕС в роли ведущего субъекта выступают наднациональные публичные институты, а предметом притязания оказываются правила обращения с данными, условия доступа к цифровому рынку и критические технологические зависимости. Главный инструмент здесь нормативный; трансграничная связность сохраняется, если соблюдены европейские требования. В государственно-контрольной модели ведущим субъектом является государство; объектом становятся национальная инфраструктура и информационные потоки; инструменты сочетают законодательные, административные и технические механизмы; связность допускается в пределах, совместимых с задачами безопасности и управляемости. В американской модели цифровая власть распределена между частными платформами и государством; объектами выступают технологические возможности, платформенная инфраструктура и условия глобального доступа; рыночная координация сочетается с инструментами национальной безопасности; открытая связность сохраняется как базовый ресурс, ограничиваемый при признании внешней угрозы.

Цифровой суверенитет в российском политическом дискурсе

В российском политическом дискурсе цифровой суверенитет формируется на пересечении информационной безопасности, технологической независимости и управления общественно-политическими коммуникациями. Доктрина информационной безопасности 2016 года закрепила системное понимание национальных интересов в информационной сфере и обозначила зависимость критической информационной инфраструктуры от иностранных технологий как значимый риск [11, п. 17]. Законодательное оформление следующего этапа связано с Федеральным законом № 90-ФЗ 2019 года. Изменения затронули законодательство о связи и информации и закрепили механизмы устойчивой работы российского сегмента интернета при возникновении угроз [10, ст. 1].

Однако академическая дискуссия довольно быстро стала шире вопроса об автономной маршрутизации. Т.А. Кулакова и А.В. Волкова связывают цифровой суверенитет с изменением политико-административных режимов и распределением властных возможностей между государством и крупными цифровыми акторами [18, с. 92–93]. Другой ракурс представлен у С.В. Володенкова и С.Н. Федорченко: цифровой суверенитет общественно-политических коммуникаций включает инфраструктурные, технологические, кадровые, управленческие и содержательные компоненты [12, с. 521].

В российской модели при этом совмещаются две функции. Первая связана с устойчивостью цифровой среды, сохранением критических коммуникаций и снижением зависимости от внешних решений. Вторая относится к управлению внутренними информационными потоками и централизованному воздействию на сетевое взаимодействие. Технические средства могут совпадать, но критерии различаются: для устойчивости важны резервирование и работоспособность при внешнем сбое, для внутреннего контроля – наблюдаемость трафика, исполнение ограничений доступа и централизация решений.

Такое совмещение создаёт концептуальную проблему. Рост административной управляемости еще не означает усиления инфраструктурной автономии, а технологическая независимость мало говорит о возможностях гражданина распоряжаться данными и выбирать источники информации. Поэтому подход С.В. Володенкова и С.Н. Федорченко представляется продуктивным: наряду с инфраструктурой и технологиями в структуру суверенитета включены содержательные и ценностно-смысловые компоненты [12, с. 521–525]. Российская дискуссия тем самым затрагивает несколько уровней цифровой власти, которые в публичной риторике часто объединяются одним понятием.

Для анализа российской модели целесообразно различать внешний и внутренний контуры. Внешний связан со способностью цифровых систем работать при санкционных, инфраструктурных и кибернетических рисках, а также участвовать в международном цифровом обмене. Внутренний охватывает регулирование платформ, управление сетевой инфраструктурой и защиту информационной сферы. Поэтому сведение цифрового суверенитета к технической возможности изоляции сети заметно сужает содержание понятия.

Дополнительный ракурс связан с устройством цифровой коммуникации. О.М. Климова полагает, что «комплексное изучение взаимодействия вербальных и визуальных элементов требует введения обновлённого терминологического аппарата». Рассмотрение цифровых границ с позиций критической географии позволяет различить их дискурсивный и онтологический уровни и показывает одновременность двух процессов: информационной глобализации и усиления цифрового суверенитета [20, с. 60].

Пределы концепта: где заканчивается суверенитет и начинается изоляция

Границы цифрового суверенитета становятся заметнее там, где стремление к автономии сталкивается с сохраняющейся взаимозависимостью. Цифровая мощь государства зависит от доступа к глобальным знаниям, рынкам, аппаратным компонентам, программным экосистемам, научным коллективам и стандартам. Чем больше элементов этой системы государство стремится воспроизводить исключительно внутри национальной юрисдикции, тем выше стоимость резервирования и тем сильнее риск технологического отставания. Дж. Эдлер и соавторы определяют технологический суверенитет через способность действовать при сохранении сбалансированных форм международного сотрудничества и прямо противопоставляют такую позицию движению к почти полной автаркии [14, p. 1].

Эту зависимость мы обозначаем как «суверенный парадокс». Сначала локализация критических функций действительно повышает устойчивость: появляются резервные каналы, собственные компетенции, возможность действовать в условиях внешнего ограничения. Дальше эффект меняет знак. Круг доступных технологических партнёров сужается, растут издержки совместимости, слабеет доступ к сетевым эффектам глобальных платформ. Здесь нужна оговорка: рассмотренные источники обосновывают направление этой зависимости, но не позволяют назвать числовой порог, после которого рост контроля неизбежно снижает инновационность.

Сетевая природа цифровой власти усиливает парадокс. Дж. Похле и Д. Фёльзен выводят распределение власти в интернете из положения акторов в сети и из их способности влиять на её центральные узлы [6, p. 13]. Изоляция увеличивает формальный контроль над национальным сегментом и одновременно снижает вес государства в глобальных потоках данных, стандартизации, производстве технологий. Подлинным суверенным ресурсом оказывается другое: возможность выбирать условия подключения, менять поставщиков, удерживать совместимость и наращивать собственные критические компетенции.

Похожую логику давно описывают в энергетической политике. Формальный контроль над ресурсом стоит немного, если нет технологий добычи, транспортировки и переработки или закрыт доступ к рынкам. Аналогия ничего не доказывает эмпирически, зато проясняет структуру тезиса: политическая автономия складывается из контроля и умения этим контролем распорядиться. В цифровой сфере роль такого ресурса играют инфраструктура, данные, вычислительные мощности, стандарты и компетенции.

Предел концепта проходит там, где автономия работает не на расширение самостоятельности, а на её фактическое сужение. Самоизоляция становится результатом проводимой политики. Определять укрепление суверенитета по числу введённых ограничений представляется недостаточным. Более существенным показателем представляется функциональная дееспособность государства, то есть способность сохранять и использовать разные варианты политического и экономического действия.

Мера укрепляет суверенитет, если расширяет диапазон доступных решений, снижает зависимость от одного внешнего источника и сохраняет возможность совместимого обмена; здесь важен баланс, поскольку чрезмерное закрытие связей способно привести к обратному эффекту. Обратный случай устанавливается по трём признакам: сокращается число доступных вариантов, нарушается доступ к технологиче-

ским сетям, а сохранение курса требует постоянного административного ограничения связности. При таком сочетании результат следует квалифицировать скорее как изоляцию, нежели как укрепление автономии. Вопрос о суверенитете при этом смещается: значение приобретает не количество введённых ограничений, а реальная способность к самостоятельному действию, сохраняющаяся после их введения.

Заключение

В связи с несовпадением территориальной организации государства с трансграничной архитектурой цифровых систем возникает цифровой суверенитет, классические свойства которого не теряют аналитической ценности. Однако в цифровой среде эти свойства приобретают иное содержание. Верховенство государства связано с контролем над инфраструктурными узлами и возможностью регулировать деятельность платформ. Внешняя независимость определяется характером технологических зависимостей и положением государства в системе трансграничных связей. Исключительность принятия решений также имеет свои пределы, поскольку стандарты формируются при участии множества субъектов, а часть регулирующих функций принадлежит частным цифровым акторам.

Сопоставление Европейского союза, Китая, России и США подтверждает, что категория несёт несколько разных политических смыслов. ЕС работает прежде всего регуляторными средствами, соединяя защиту прав и рыночное нормотворчество с курсом на технологическую дееспособность. Китайская и российская стратегии, при всей разнице ресурсной и институциональной базы, сильнее ориентированы на государственный контроль и на устойчивость национального цифрового пространства. Американская модель остаётся платформенно-рыночной, хотя государство всё активнее вмешивается в вопросы национальной безопасности и доступа к цифровым сервисам.

Предлагаемая матрица разводит политические модели цифрового суверенитета и три уровня его реализации: инфраструктурный, регуляторный, когнитивный. Первый отвечает на вопрос, кто контролирует сети, вычислительные мощности, критическое оборудование и технические точки отказа. Регуляторный уровень фиксирует способность устанавливать и исполнять правила обработки данных, доступа к рынку и деятельности платформ. Когнитивный касается условий формирования информационной повестки, алгоритмического посредничества и автономии участников цифровой коммуникации; здесь мы опираемся на исследования множественных субъектов цифрового суверенитета и на российские работы о содержательных компонентах цифровых коммуникаций [12, с. 521].

Новизна матрицы состоит не в выделении трёх компонентов, а в их перекрёстном рассмотрении вместе с политической моделью, что позволяет увидеть разные сочетания контроля и политической дееспособности. Усиление контроля не всегда ведёт к её росту: значение имеют устойчивость критической инфраструктуры, возможности регулирования, технологические компетенции и доступ к внешним инновациям. Поэтому применительно к российской политике инфраструктурные, правовые и информационные меры следует рассматривать раздельно, не сводя их к общему показателю «суверенности». Предложенная матрица требует дальнейшей проверки на материале других стран с использованием отдельных индикаторов для каждого уровня.

Литература

1. Bodin J. Les six livres de la République. Paris: Jacques du Puys, 1576. [6], 759, [72] p. URL: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b86268103 (дата обращения: 08.08.2026).

2. Hobbes T. Leviathan, or The Matter, Forme, and Power of a Common-Wealth Ecclesiasticall and Civil. London: Printed for Andrew Crooke at the Green Dragon in St. Paul's Church-yard, 1651. 396 p. URL: https://da.adm.thers.ac.jp/en/item/n003–20230901–00038 (дата обращения: 08.08.2026).

3. Krasner S.D. Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton: Princeton University Press, 1999. 264 p. DOI: 10.1515/9781400823260.

4. Mueller M.L. Against Sovereignty in Cyberspace // International Studies Review. 2020. Vol. 22, № 4. P. 779–801. DOI: 10.1093/isr/viz044.

5. Pohle J., Thiel T. Digital sovereignty // Internet Policy Review. 2020. Vol. 9, № 4. P. 1–19. DOI: 10.14763/2020.4.1532.

6. Pohle J., Voelsen D. Centrality and power. The struggle over the techno-political configuration of the Internet and the global digital order // Policy & Internet. 2022. Vol. 14, № 1. P. 13–27. DOI: 10.1002/poi3.296.

7. Федеральный закон от 01.05.2019 № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»« // Официальный интернет-портал правовой информации. Номер опубликования 0001201905010025. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001201905010025 (дата обращения: 08.08.2026).

8. Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. Номер опубликования 0001201612060002. URL: https://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001201612060002 (дата обращения: 08.08.2026).

9. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 (General Data Protection Regulation) // Official Journal of the European Union. L 119. 04.05.2016. P. 1–88. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj (дата обращения: 08.08.2026).

10. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. 2024/1689. 12.07.2024. 144 p. URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj (дата обращения: 08.08.2026).

11. Protecting Americans from Foreign Adversary Controlled Applications Act, div. H of Pub. L. № 118–50. 24 April 2024. 138 Stat. 955–960. URL: https://www.congress.gov/118/plaws/publ50/PLAW-118publ50.htm (дата обращения: 08.08.2026).

12. Володенков С.В., Федорченко С.Н. Суверенитет цифрового пространства общественно-политических коммуникаций в современной России и его ключевые компоненты: по материалам экспертного исследования // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2025. Т. 27, № 3. С. 520–542. DOI: 10.22363/2313-1438-2025-27-3-520-542.

13. Omdia. Global cloud infrastructure spending rose 21% in Q1 2025. 12.06.2025. URL: https://omdia.tech.informa.com/pr/2025/jun/global-cloud-infrastructure-spending-rose-21percent-in-q1–2025 (дата обращения: 07.08.2026).

14. Edler J., Blind K., Kroll H., Schubert T. Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy: defining rationales, ends and means // Research Policy. 2023. Vol. 52, № 6. Art. 104765. 13 p. DOI: 10.1016/j.respol.2023.104765.

15. ten Oever N., Wood G. Retiring the Tao of the IETF. RFC 9592. June 2024. 36 p. ISSN 2070-1721. DOI: 10.17487/RFC9592. URL: https://www.rfc-editor.org/rfc/rfc9592.pdf (дата обращения: 08.08.2026).

16. World Wide Web Consortium (W3C). Web Standards. URL: https://www.w3.org/standards/ (дата обращения: 07.08.2026).

17. Романова Т.А. Эволюция концепции «цифровой суверенитет» в Евросоюзе: константы и дихотомии // Современная Европа. 2023. № 4 (118). С. 62–76. DOI: 10.31857/S0201708323040022.

18. Кулакова Т.А., Волкова А.В. Цифровой суверенитет и политико-административные режимы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2023. Т. 39, вып. 1. С. 92–105. DOI: 10.21638/spbu17.2023.108.

19. Drezner D.W. The Global Governance of the Internet: Bringing the State Back In // Political Science Quarterly. 2004. Vol. 119, № 3. P. 477–498. DOI: 10.2307/20202392.

20. Климова, О.М. Языковая семиотика цифрового пространства: к проблеме мультимодальности // Социально-гуманитарные знания. 2026. № 5. С. 60–63. URL: https://socgum-journal.ru/upload/iblock/847/wnz6siqd3cbameeb8r1nlvtrtvioej2b/_%D0%A1%D0%93%D0%97_05_2026_09.pdf (дата обращения: 08.09.2026).

DIGITAL SOVEREIGNTY AS A POLITICAL CATEGORY

Aleshina L.N., Klimov Y.I., Klimova O.M., Torosyan A.S., Pavlenko A.D.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article conceptualizes digital sovereignty as an autonomous political category. Its point of departure is the mismatch between the territorial logic of classical sovereignty and the networked architecture of the digital environment. Based on a comparative analysis of peer-reviewed scholarship and official regulatory documents, the study distinguishes three models: the liberal-regulatory model of the European Union, the state-control model of China and Russia, and the market-platform model of the United States. The models differ in the primary subject of control, implementation mechanisms, and their understanding of political autonomy. The Russian case is examined through the relationship between external infrastructural resilience and centralized mechanisms of traffic governance. The article formulates a «sovereignty paradox»: expanding autonomous state control may increase the resilience of selected digital functions while simultaneously raising the costs of technological isolation and dependence on global technology value chains. The proposed analytical matrix separates political models of digital sovereignty from its infrastructural, regulatory, and cognitive levels of implementation, allowing different configurations of digital autonomy to be compared without reducing the category to a single model of state control.

Keywords: digital sovereignty; political sovereignty; digital state; internet governance; digital infrastructure; platform regulation; internet fragmentation.

References

1. Bodin, J. (1576). Les six livres de la République. Paris: Jacques du Puys. [6], 759, [72] p. https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b86268103

2. Hobbes, T. (1651). Leviathan, or The Matter, Forme, and Power of a Common-Wealth Ecclesiasticall and Civil. London: Printed for Andrew Crooke at the Green Dragon in St. Paul's Church-yard. 396 p. https://da.adm.thers.ac.jp/en/item/n003–20230901–00038

3. Krasner, S. D. (1999). Sovereignty: Organized Hypocrisy. Princeton: Princeton University Press. 264 p. https://doi.org/10.1515/9781400823260

4. Mueller, M. L. (2020). Against Sovereignty in Cyberspace. International Studies Review, 22(4), 779–801. https://doi.org/10.1093/isr/viz044

5. Pohle, J., & Thiel, T. (2020). Digital sovereignty. Internet Policy Review, 9(4), 1–19. https://doi.org/10.14763/2020.4.1532

6. Pohle, J., & Voelsen, D. (2022). Centrality and power. The struggle over the techno-political configuration of the Internet and the global digital order. Policy & Internet, 14(1), 13–27. https://doi.org/10.1002/poi3.296

7. Federal Law of the Russian Federation № 90-FZ of 1 May 2019, On Amendments to the Federal Law «On Communications» and the Federal Law «On Information, Information Technologies and Protection of Information». Official Internet Portal of Legal Information. https://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001201905010025 (In Russian).

8. Decree of the President of the Russian Federation № 646 of 5 December 2016, On Approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation. Official Internet Portal of Legal Information. https://publication.pravo.gov.ru/document/view/0001201612060002 (In Russian).

9. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 (General Data Protection Regulation). Official Journal of the European Union, L 119, 1–88. https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2016/679/oj

10. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act). Official Journal of the European Union, 2024/1689. 144 p. https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2024/1689/oj

11. Protecting Americans from Foreign Adversary Controlled Applications Act, div. H of Pub. L. № 118–50, 138 Stat. 955–960 (2024). https://www.congress.gov/118/plaws/publ50/PLAW-118publ50.htm

12. Volodenkov, S. V., & Fedorchenko, S. N. (2025). The Sovereignty of the Digital Space of Socio-Political Communications in Contemporary Russia and Its Key Components: Evidence from Expert Research. RUDN Journal of Political Science, 27(3), 520–542. https://doi.org/10.22363/2313–1438–2025–27–3–520–542 (In Russian).

13. Omdia. (2025, June 12). Global cloud infrastructure spending rose 21% in Q1 2025. https://omdia.tech.informa.com/pr/2025/jun/global-cloud-infrastructure-spending-rose-21percent-in-q1–2025

14. Edler, J., Blind, K., Kroll, H., & Schubert, T. (2023). Technology sovereignty as an emerging frame for innovation policy: defining rationales, ends and means. Research Policy, 52(6), Article 104765. 13 p. https://doi.org/10.1016/j.respol.2023.104765

15. ten Oever, N., & Wood, G. (2024). Retiring the Tao of the IETF. RFC 9592. 36 p. ISSN 2070-1721. https://doi.org/10.17487/RFC9592

16. World Wide Web Consortium (W3C). (n.d.). Web Standards. https://www.w3.org/standards/

17. Romanova, T. A. (2023). Evolution of the «Digital Sovereignty» Concept in the EU: Constants and Dichotomies. Contemporary Europe, 4(118), 62–76. https://doi.org/10.31857/S0201708323040022 (In Russian).

18. Kulakova, T. A., & Volkova, A. V. (2023). Digital Sovereignty and Political-Administrative Regimes. Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies, 39(1), 92–105. https://doi.org/10.21638/spbu17.2023.108 (In Russian).

19. Drezner, D. W. (2004). The Global Governance of the Internet: Bringing the State Back In. Political Science Quarterly, 119(3), 477–498. https://doi.org/10.2307/20202392

20. Klimova, O.M. Language Semiotics of Digital Space: On the Problem of Multimodality // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya [Social and Humanitarian Knowledge]. 2026. № 5. Pp. 60–63. URL: https://socgum-journal.ru/upload/iblock/847/wnz6siqd3cbameeb8r1nlvtrtvioej2b/_SGZ_05_2026_09.pdf (accessed: 08.09.2026).

Адаптивная идеология как основа политического господства в современной России

Асонов Николай Васильевич,
доктор политических наук, профессор кафедры политологии МПГУ
E-mail: nbassonov@yandex.ru

В статье автор приходит к выводу о том, что отсутствие реальной широкой опоры со стороны общества заставляет руководство современной России, начиная с периода перестройки, уходить от декларирования какой-либо конкретной идеологии, содержащей в себе четкое обоснование типа политической системы с четкой иерархией ценностно-целевых установок. Сохраняющаяся в обществе ностальгия по советскому прошлому вынуждает лидеров государства постоянно лавировать между прозападными установками социально-политического устройства России, вписанными в Конституцию 1993 г., и православно-монархическими устоями государственности, смешивая либеральные идеалы с консервативными. Такое смешение можно определить как адаптивную идеологию, работающую на осуществление главной функции управления – сохранение политического господства.

Ключевые слова: адаптивная идеология, современная Россия, политическое господство, власть.

Сегодня существует несколько десятков определений идеологии. Причем, некоторые определения весьма далеко отошли от того, как трактовал ее Дестют де Траси, давший политике и морали гносеологическое обоснование. Он видел в науке об идеях «первую философию», назвав ее «идеологией или наукой об идеях». Эта наука должна заниматься их «практическими последствиями». К ним мы относим политическую деятельность, переносящую в процессуальную область умозрительные постулаты. Мораль же, согласно де Траси, охватывает историю страстей, имеющих широкие результаты. Выделив любовь как «самую драгоценную из страстей», он оценил ее социальное измерение как наиважнейшее. А идеологию он понимал, как особое отражение живой связи, возникающей не только между внутренним и внешним миром, но и между действием и противодействием, составляющими суть любого конфликта.

Хотя идеология быстро приобрела иной смысл, позволявший смотреть на нее как на ««пустой анализ или обсуждение абстрактных идей, которые не соответствуют реальным фактам»« [4, с. 38, 49], политическая наука взяла на вооружение и этот аспект. Не будем от него отрекаться и мы. Ведь воззрения сторонников и противников де Траси помогают раскрыть противоречивую, иначе говоря, иррациональную (не подлежащую точному учету и определению) суть современной идеологии, содержащей в себе скрытую и декларативную ценностно-целевую канву «практических последствий».

Элементы такой идеологии, будучи несоизмеримыми между собой и с ее классическими определениями, не могут иметь точно выраженное рациональное (разумное научно выверенное) содержание и объяснение. В зависимости от меняющейся политической обстановки они все время подстраиваются под ту или иную ситуацию, работая на интересы правящих лиц. Поэтому такую идеологию уместно именовать адаптивной (приспособленческой). Ведь термин «*adapto*» древние римляне использовали в тех случаях, когда речь шла о способности патронов или их клиентов приспосабливаться к новым условиям организации власти, что позволяло им сохранять выгодное положение и даже делать карьерный рывок.

В нашей стране явные проявления адаптивной идеологии можно заметить уже в эпоху Смуты, в ходе реформ Петра I, Александра II, в годы Думской монархии и первых лет советской власти. Это были те периоды отечественной истории, когда Россия впадала в тяжелое кризисное состояние, а ее руководство ощущало крайнюю шаткость своего положения. Однако лишь при М.С. Горбачеве использование такой идеологии прочно закрепилось в нашей политике. Данный факт указывает на нестабильное положение тех сил, которые при поддержке США в конце XX в. сформировали новый правящий слой. Он с самого начала был оторван от традиционной культуры титульной нации и духовно близких ей народов России.

Теперь, когда технологии выборов, лоббизма и пиара заняли лидирующие позиции, идеология прочно слилась с рекламой и политической мифологией. Следуя интересам заказчика, была усовершенствована навязчивая предвзятость суждений и выводов, касающихся тех или иных событий и их участников. Вписавшись во властные отношения и вобрав в себя политические программы и символы, идеология стала значимой частью культуры управления, имеющей влияние на все слои общества и формирующей их мировоззрение.

Тут не стоит забывать о широком спектре социальных статусов и ролей наших граждан, имеющих не только количественный, но и качественный характер. Декларативно в рамках нормативно-регулятивной сферы все они равны, но латентно правящий слой вместе с лидером государства строит свою шкалу приоритетов, не имеющую юридического закрепления и меняющуюся в зависимости от политической конъюнктуры. Такая изменчивость заметна тогда, когда носители власти начинают терять поддержку общества. На этом этапе вступает в действие их монопольное право на широкое применение ресурсов, методов и технологий управления. В их ряду метод убеждения успешно реализуется благодаря идеологическому ресурсу. Он используется так, чтобы отвести народ от реальной оппозиции и убедить его в том, что единственно верный путь успешного развития может дать действующий носитель власти.

Достигается подобная цель за счет комплексного похода. Он имеет свою мораль и навязывает свое ««обсуждение абстрактных идей,

не соответствующих реальным фактам»», зато управляющих общественным сознанием. Для этого идеология приобретает алогичную адаптивную сущность, которую почти нельзя просчитать и сделать прогноз ее развития на десять-пятнадцать лет. Ее ценность для удержания политического господства в том и состоит, что она формально направлена на удовлетворение насущных запросов всех слоев населения, выступая объединяющей и защищающей силой. Но она не может уйти от собственной противоречивости и этим выдает себя.

У такой идеологии нет единого политического ориентира, она игнорирует программное содержание тех теорий, которые эксплуатирует. Из этих теорий по необходимости делается особая нарезка, создающая разновекторную платформу, внешне отрицающую крайности левых и правых оппозиционеров. Вот почему адаптивная идеология лишена единой конкретной теоретической базы, помогающей отнести ее к какому-либо крылу консерваторов или либералов. Мониторинг предпочтений граждан и международной конъюнктуры позволяет правительственным аналитикам корректировать такую идеологию, усиливая в нужный момент те позиции, что могут в первую очередь иметь успех у титульной нацией, составляющей явное большинство электората.

Вместе с тем, в светском государстве скрытая или явная политическая нестабильность требует особой легитимации лидера страны и его окружения. Она имеет две основы. Первая пользуется верой людей в «прекрасное далеко» и «ласковый ветер перемен». Ибо, взращивая массовый оптимизм, можно быстро получить доверие новым реформаторам и дать надежду на поступательное движение истории. Она вручит бразды правления тем, кого будет «отличать идейная стойкость, высокая политическая культура, компетентность,.. твердые моральные убеждения» [4, с. 87]. Надо только излечить себя от социальных болезней прошлого и встать на правильный путь. Вот почему тема выявления и исправления ошибок прежних властей стала второй основой и приобрела вид «вечной дорожной карты», напоминающей гусеницу танка. Каждый ее оборот вдавливал в грязь очередных «героев вчерашних дней» и поднимал «от земли» как спасителей новых лидеров, не блещущих подлинной харизматичностью. Поэтому ее требовалось постоянно обновлять, включая всю мощь рекламы, убеждающей, что настоящее добро несет только новая власть.

Скажем, критикуя своих предшественников за грубые ошибки, Горбачев провозгласил перестройку и новое мышление единственным путем спасения. Он «даст урок правды» и выведет нас из тупика. При этом Горбачев тихо проводил под ширмой ленинизма либеральные устои жизни, разрушающие советский уклад. Когда же его новации дали обратный эффект, сложилась удобная ситуация для прихода Б.Н. Ельцина, показавшего себя на последнем этапе главном защитником обманутого народа. Ему сделали хорошую рекламу, давшую победу на первых в России президентских выборах 12 июня 1991 г. Высокий пост помог Ельцину наладить тесные контакты с руководством США и получить их скрытую поддержку дальнейших реформ. Ведь те, кто победил нас в холодной войне, «не рассчитывая привлечь на свою сторону лучших,.. активизировали худших», и решили «выдать их за современный человеческий стандарт,.. всеми мерами гася энергию лучших, сохранивших способность оценивать мир с позиций социального и нравственного начал» [7, с. 14].

Углубление реформ, уничтожающих остатки советской системы, снова рекламировалось в качестве единственного «разумного» способа преодолеть растущий кризис. Его причиной объявлялось «чудовищное по бесчеловечности коммунистическое господство», конец которому наступил «не в 1985 году, положившем начало перестройке,.. а в Августе 1991 г.». В 1996 г. в целях укрепления своего упавшего авторитета Ельцин, подражая американским президентам, озвучил свое первое Послание «Об укреплении Российского государства (основные направления внутренней и внешней политики)». Этим он показал себя как борец за «Великую Россию» и недруг либерализма, передав данную тему как эстафетную палочку своим преемникам.

Однако тогда во властных структурах России «западные руководители» орудовали так, «будто они сами являются частью внутренней российской политики» [3, с. 95], что и подтвердил 23 декабря 2021 г. Путин. Поэтому тема патриотизма могла носить лишь декларативный вид. Он скрыл навязанную нам чужеродную социально-политическую систему. А с помощью смешанного идеологического нажима предстояло так обновить Россию, чтобы советское устройство никогда не возникло как глобальная угроза для победителей и их протеже. Тут-то и были запущены либеральные идеи разделения властей, парламентаризма и многопартийности. Войдя в нормативно-регулятивную область политической системы России, они сделали ее близкой Временному правительству. Но такая тема родства не получила огласки. Ведь в 1917 г. «временщики», целиком пропитавшись влиянием Запада, раскрыли свою полную несостоятельность и антинародность.

Поднимать их на щит было опасно, ибо это могло спровоцировать всплеск интереса к советской власти. Поэтому пришлось конструировать добрый образ «убитого льва» монархии. Однако соборное самодержавие для такой цели не годилось. Отличаясь широким влиянием православия и народных традиций, оно пугало Запад и его кремлевских эпигонов. Они страшились возрождения на этой почве старых доктрин, видящих в Москве третий Рим, а в России «Новый Израиль» вселенского православия, к которому, памятуя о религиозном и кровном единстве, начнут снова тянуться европейские государства бывшего социалистического лагеря [1, с. 7–9]. Вот почему предпочтение получила не провизантийская царская, а прозападная имперская идея, на которую легло учение евразийцев и новая конъюнктурная доктрина солидаризма.

Церковь тут же принялась убеждать свою паству в том, что «современная Россия есть преемница исторической Руси». А президенты стали использовать выдержки из монархических сочинений, относящихся к разным политическим лагерям. Отбор цитат строился так, чтобы избежать всякой конкретизации того, что монархисты считали правильной властью. Чтобы скрыть противоречивость, пришлось ограничиться цитатами, зовущими к «свободе для всех нас», к «единству» и пониманию того, «что главное для нас – Россия». Демократия как форма правления освобождалась от всех эпитетов, конкретизирующих ее суть. Зато из политического дискурса пореформенной России была заимствована фраза «тысячелетняя история», связавшая «великие реформы» Александра II с призванием Рюрика, но не соответствующая по времени XXI веку. В 2012 г. Путин решительно заявил, что наша страна «началась не с 1917-го и даже не с 1991 года,.. у нас единая, неразрывная тысячелетняя история, опираясь на которую мы обретаем внутреннюю силу и смысл национального развития».

Примером адаптивной идеологии стал прием алогичности, позволяющий политику варьировать между разными лагерями общества и не ставить точки над i. Скажем, в конце 1999 г. Путин заявил, что успех развития страны «не может быть достигнут простым переносом на российскую почву абстрактных моделей и схем, почерпнутых из зарубежных учебников. <…> Каждая страна, в том числе и Россия, обязана искать свой путь обновления» [9, с. 1]. Как выглядит этот путь и что тут надо делать, осталось без расшифровки. Но уже на следующий год в своем первом Послании ФС он выразил мысль о том, что нам «важнее не вспоминать прошлое, а смотреть в будущее» [8, с. 11]. Этот же прием он использовал и в последующих выступлениях, зовущих к «реальной интеграции в Европу» как «нашему с вами историческому выбору», который уже сделан и «последовательно реализуется» [8, с. 48, 112]. Затем снова был поднят вопрос о необходимости «ехать по своим рельсам» [8, с. 203]. Однако «свои» ценности так и не были внесены в число 206 поправок к действующей Конституции, оставив абстрактного человека с присущими ему от рождения правами и свободами как единственную высшую ценность.

После событий 2011–2012 годов и, особенно, под влиянием просоветских настроений, охвативших треть Украины от Одессы до Харькова, Путин стал разбавлять консервативную риторику левыми идеями и постепенно отказался от прямых выпадов против советской власти и ее вождей. Эту тему президент отдал на откуп религиозным и просветительским организациям, СМИ и управляемой оппозиции. В 2022 г. в интервью телеканалу «Россия» Владимир Владимирович даже счел нужным возвести идею равенства и братства к христианским ценностям, признавшись, что симпатизирует ряду левых тезисов, но считает их малоуспешными в современной жизни. Почти тогда же им было заявлено о том, что капитализм зашел в тупик, но выводов из этого сделано не было. В свою очередь имиджмейкеры, подавая Путина как вождя, сумевшего ликвидировать ошибки «девяностых» и не допустившего возврат «советского эксперимента», старались не напоминать обществу о «забытых» майских указах и не внедренной «новой модели госуправления» [8, с. 262].

Аналогичный идеологический курс был выработан и для Д.А. Медведева. С одной стороны он объявил задачей правительства совмещение «наших национальных традиций» с «фундаментальным набором демократических ценностей» и «твердым курсом на свободное развитие предпринимательства», но не пояснил отличие данной идейной установки от либеральных воззрений. Неслучайно в его устах национальная идея приобрела чисто либеральный смысл, встав на защиту «Свободы и справедливости», «гражданского достоинства человека», «его благополучия и социальной ответственности» [5, с. 46]. Зато в своих Посланиях ФС он также заявлял, что залогом «стабильного, цивилизационного развития всей страны» может быть только «поддержка национальных традиций и культур народов России» [6, с. 2, 6].

В дальнейшем такие идеи перекочевали в «Приоритетные национальные проекты» и «Программы», формально осудившие некоторые частные аспекты либерализма, но не посягнувшие на его базовые социально-политические устои. Вместо научного анализа национального типа демократии предлагалась одна «единственная альтернатива – создание социально справедливого, гуманистического общества, способного решать… глобальные проблемы». Отрицая «искусственное перенесение на русскую почву внешне успешных западноевропейских моделей», правительственная «идеология прорыва в будущее» обошла отечественный политический опыт. Объяснялось же это тем, что России «необходимо создавать… новое качество социальной модели развития страны». Однако тема перестройки социально-политической системы, без которой Россия в реальности никогда не станет страной-цивилизацией, была опять опущена.

С консервативной идеей цивилизационной оригинальности расцвела тема сохранения исторической правды и памяти, заявленная еще в Мюнхенской речи Путина. Его перу был отнесен ряд иных актуальных публикаций. В статье «Россия: национальный вопрос», раскрыв декларативную суть «русской государственности», он накануне президентских выборов резко усилил к себе доверие общества, хотя сам текст таил в себе скрытый элемент этнодоктрины глобалистов США, пересаженной на российскую почву. Данная доктрина уравнивала национальную идентичность жителей США с мультиэтничностью, цивилизационным фундаментом которой была этнокультура англо-саксов, прибывших в Америку. Неслучайно, сославшись на вполне прозападного белоэмигранта И.А. Ильина, Путин дал понять, что «самоопределение русского народа – это полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром» [10, с. 1]. Говоря же о т.н. «общих ценностях», он не стал заострять внимание на их универсальном (глобальном) характере, поскольку они подходят ко всем странам и народам, не отражая сугубо российской специфики социальной и политической жизни.

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что разгром реальной оппозиции, начатый Горбачевым, не дал новому руководству страны прочной поддержки народа. Поэтому, стремясь удержать власть, оно решило прибегнуть к адаптивной идеологии, позволившей опереться на широкий спектр учений, символов и организаций, противостоящих советской власти. Надо думать, что лидирующее положение такой идеологии в условиях падающего доверия к президенту и партии парламентского большинства, вставшей за его спиной, сохранится на многие годы и исчезнет при полной перестройке сознания общества, сделав его более управляемым и менее интеллектуальным.

Литература

1. Асонов Н.В. Поворот России на Восток как показатель успеха Запада // Социально-гуманитарные знания. № 1. 2026. С. 7–9.
2. Киссинджер Г. Нужна ли Америке внешняя политика? М.: АСТ, 2016. 416 с.
3. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1988). Т. 15. 1985–1988. М.: Политиздат, 1989. 671 с.
4. Кротов А.А. «Идеология» как система: Дестют де Траси // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 2020. № 3. С. 38–51.
5. Медведев Д.А. Выступление на II общероссийском гражданском форуме // Вестник Российской нации. 2008. № 1. С. 44–54.
6. Медведев Д.А. Послание президента РФ Федеральному Собранию // Российская газета. 2008. № 230.
7. Панарин А.С. Правда железного занавеса. М.: Алгоритм, 2006. 336 с.
8. Путин В.В. Прямая речь [Текст]: в 3 т. М.: Звонница-МГ: Новый ключ, 2016. Т. 1. Послания Федеральному Собранию. 412 с.
9. Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 30 декабря 1999.
10. Путин В.В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 23 января 2012.

ADAPTIVE IDEOLOGY AS THE BASIS OF POLITICAL DOMINANCE IN MODERN RUSSIA

Asonov N.V.
MSPU

The author concludes that the absence of broad and genuine public support has compelled the leadership of contemporary Russia, beginning with the perestroika period, to refrain from endorsing any specific ideology that would provide a coherent justification for a particular type of political system accompanied by a clearly defined hierarchy of values and policy objectives. The enduring nostalgia for the Soviet past within Russian society has forced the country's leaders to continuously navigate between the pro-Western principles of Russia's socio-political order enshrined in the 1993 Constitution and the Orthodox-monarchical foundations of Russian statehood, thereby blending liberal ideals with conservative traditions. This ideological synthesis may be understood as an adaptive ideology designed to fulfil the primary function of governance – the preservation of political dominance.

Keywords: Adaptive Ideology, modern Russia, Political Dominance, power.

References

1. Asonov, N.V. Russia's Turn to the East as an Indicator of the West's Success // Social and Humanitarian Knowledge. № 1. 2026. Pp. 7–9.
2. Kissinger, G. 2016. Does America need a foreign policy? Moscow: ACT, 416 p.
3. Communist Party of the Soviet Union in the resolutions and decisions of congresses, conferences, and plenums the CC. (1898–1988). 1989. Vol. 15. 1985–1988. Moscow: Politizdate. 671p.
4. Krotov, A.A. «Ideology» as a system: Destutt de Tracy // Bulletin of Moscow University. Ser. 7. Philosophy. 2020. № 3. Pp. 38–51.
5. Medvedev, D.A. Speech at the II All-Russian Civil Forum // Bulletin of the Russian Nation. 2008. № 1. Pp. 44–54.
6. Medvedev, D.A. Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly // Rossiyskaya Gazeta. 2008. № 230.
7. Panarin, A.S. 2006. The Truth about the Iron Curtain. Moscow: Algorithm, 336 p.
8. Putin, V.V. 2016. Direct Speech [Text]: in 3 volumes. Moscow: Zvonnitsa-MG: New Key. Vol. 1. Messages to the Federal Assembly. 412 p.
9. Putin, V.V. Russia at the Turn of the Millennium // Nezavisimaya Gazeta. December 30, 1999.
10. Putin, V.V. Russia: The National Question // Nezavisimaya Gazeta. January 23, 2012.

Петербургская Россия 1700–1801 гг. в диалектическом симбиозе традиции и модерна

Бакланов Вячеслав Иванович,
кандидат исторических наук, доцент, кафедра гуманитарных наук, Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: VIBaklanov@fa.ru

Цель работы: на фактическом материале проанализировать, выявить и раскрыть особенности диалектической связки модернизация vs традиционализм в рассматриваемый период в XVIII веке.
Методологией исследования послужили диалектико-материалистический, междисциплинарный, системный и компаративистский подходы и методы.
Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в обосновании ряда теоретических вопросов сложной диалектической эволюции модернизация vs традиционализм власти и общества в рассматриваемый период в XVIII веке.
Результаты исследования: Вековое развитие России (1700–1801), было периодом максимального роста и невероятного достижения ее геополитического могущества, благодаря первичной и элитарно-западной, государственнической модернизации, пусть и с крайне реакционной социальной политикой в отношении низов.
Сделан вывод, что единовластие и вертикально-мобилизационное принуждение всех сословий явилось залогом успеха российской модели модернизации, которую можно охарактеризовать как монархо-бюрократо-крепостническую. Причем в этой модели был, достигнут определенный баланс между регулярно перекачиваемыми из Европы новациями и культурой Модерна и русской Традицией.

Ключевые слова: традиция, модерн, абсолютизм, просвещение, европеизм, антиевропеизм, консерватизм, либерализм.

Модернизация как явление Нового времени

По теме модернизации существует необъятная исследовательская литература – где различные авторы во многом дополняют друг друга. Под модернизацией в исторический период Нового времени в многочисленной исследовательской литературе часто понимают и более рациональную организацию общества [6, С. 19–127] и целенаправленную ориентацию на непрерывное развития общества исходя из некоего желанного образца [17, С. 178] и как новый общественный строй – капитализм с его политическими (единым гражданством и представительными органами власти), социально-экономическими аспектами (подвижная классовая структура общества + индустриальный базис), формированием единого правового государства. В конечном счете, по выражению немецкого мыслителя Вернера Зомбарта, в результате этих отношений появляется «экономический человек», чья деятельность отныне продиктована предельным рационализмом – «экономической целесообразностью».[10, С. 403]. Важно при этом отметить проектную направленность такого общества в будущее. В желаемое будущее. Российский исследователь И. Яковенко, на наш взгляд, также еще во многом справедливо указывает, что само порождение вначале в рамках европейской цивилизации имманентной исторической динамики общества с распадом традиционного целостного социокультурного организма на сумму автономных субъектов и автономизации общества, – можно считать за состоявшуюся модернизацию [20, С. 484]. Таким образом, более сложное и дифференцированное общество Модерна, совпадающее по времени с появлением капитализма и ориентированное в будущее, рождается в недрах более простого, целостного и недифференцированного общества Традиции, ориентированного на «золотой век» в ветхозаветное прошлое.

Традиционное домодерное общество

По мнению, И. Яковенко, традиционное общество-это исторически первичное общество эпохи производящего хозяйства, регулируемое традицией, которое характеризуется преобладанием аграрного уклада, стабильностью структуры, низкой мобильностью, сословной организацией, низкой продолжительностью жизни и т.п. [20, С. 431]. Традиционное общество до Модерна привычно в литературе характеризуется более статичным, практически неподвижным (с минимальными изменениями в течение длительного времени) глубоко религиозным, патриархальным обществом аграрного типа, где все сословия и слои социума жестко закреплены рангами и статусами, регулируемые не столько законами, сколько обычаями и традициями. В этом обществе явно господствуют корпоративно-коллективистские ценности над любыми индивидуальными правами подданных, как простолюдинов, так и элиты. Здесь даже знать и феодалы также жестко подчинены архаично-религиозным правилам и неписанным нормам в лице главного религиозно-нравственного контролера – Церкви. Твердое и всеохватывающее и все контролирующее государство Модерна здесь еще не сложилось, и поэтому уровень безопасности для всех крайне низкий. Феодальные грабежи, разбои, междоусобные войны «всех против всех» – негативная «норма» в любом традиционном обществе. Кроме нерегулируемых строго общими законами страны произвола конкурирующих друг с другом властей сверху и донизу, в целом господствуют общие коллективистские ценности над индивидуальными правами и ценностями. Здесь даже в верхах общества личного «Я» не наблюдается. Только корпоративное «Мы».

Нелишним следует вспомнить, что даже сама частная наследственно-родовая собственность в таком типе общества, даже в Европе, в веке так в XV, не может быть хорошо защищенной и значит быть полностью законной для всех политических и социальных акторов и субъектов. А, как известно, незащищенность собственности, наследственных и приобретенных капиталов сдерживает общий уровень капитализации экономики страны. И, в конечном счете, сдерживает само ее развитие.

Россия в формационном и цивилизационном измерениях

Общий обзор

С точки зрения автора, в формационно-стадиальном отношении в XVIII и первую половину XIX столетия Россия была двухформационным обществом. С одной стороны, на Руси-России еще со времен ордынского

ига утвердилась своеобразная азиатская общественно-экономическая формация, базовыми признаками которой были: внеэкономическое распределение общественных и материальных благ государственной бюрократией во главе с верховными правителями; с неразделенностью власти и собственности (иногда эту формацию называют власть-собственнической[9. С. 127]); подчинением общества государству; либо с полным отсутствием, либо с подчинением частной собственности государственной. По словам отечественного исследователя, незападная (восточная) модель «…включает в себя распределительную (раздаточную) экономику, централизованное государство с приоритетом коллективного, общего блага над личным, духовного над материальным, справедливости над формальным законом и т.д.» [18. С. 12]).

С другой стороны, в России пусть и запоздало, но начиная с XVI и по XVIII вв. особенно бурно развивался феодализм, который в царствование Екатерины II принял свои законченные черты частновладельческого помещичьего хозяйства с полным подчинением не только земли, но и личности крепостных крестьян помещику. Эта двухформационность в итоге привела к своеобразному обществу гибридного (смешанного) типа [5. С. 138–142]. При этом государство, даже и в рамках апогея крепостнического феодализма сохраняло свои ключевые функции главного распорядителя материальных и культурных благ. Лишь после Петра I государство свои абсолютные полномочия такого распорядителя сократило в пользу помещиков-феодалов. Но никак не утратило своего доминирования над всем обществом в целом. Что указывает о наличии глубоко укорененной азиатской (власть-собственнической) формации. Другое название такого незападного государства-общества – «служебное» (по выражению В. Ключевского) или государство-общества раздаточного типа [4. С. 108–138].

Еще более неоднородным российское общество было в цивилизационно-культурном аспекте. В XVI–XVII столетии московско-русская идентичность усложнилась за счет приращения ряда нерусских окраин, став по-настоящему двусоставной русско-российской цивилизацией (где русская культура и язык господствовали). Затем, в эпоху Петра Великого произошло новое цивилизационное усложнение. Наряду с русско-российской цивилизацией и разными этно-конфессиональными укладами многих нерусских народов, присоединенных к империи, в XVIII в. на высших этажах русского общества укрепился западноевропейский цивилизационный уклад. Это явно усложнило мультицивилизационное политическое тело империи.

Вестерн как модерн: этатизм+«регулярное государство»+милитаризм

Россия осторожными, небольшими шажками в предыдущее столетие постепенно входила в свой модернизационный XVIII век. Так уже в XVII веке появились полки «иноземного строя» наряду с западноевропейскими образцами культуры и технологий. Русская элита, преодолевая свой извечный страх перед Западом, тянулась к нему. Новый русский абсолютизм и приказная бюрократия (как формы ранней эпохи модерна!), всячески пытались преодолеть яростное сопротивление Церкви – главного остова традиционализма. Пока, наконец, не появился на русском престоле настоящий гений модернизационной «революции сверху» – Петр.

Благодаря титаническим усилиям Петра I и его ближайшего окружения, Россия встала на путь европейской модели модернизации с характерным для нее аспектом рационализации основных сторон жизни государственного управления и попыток построить более светское, но, абсолютно подконтрольное общество служения Императору – «Отцу Отечества», отождествляемому с «новой Россией»-опираясь на армию, чиновников и полицию. Довольно модным и новым в Европе того времени была идея «регулярного государства», с которой познакомился молодой Петр. Эту идею в письме к Петру I озвучил знаменитый Г. Лейбниц, сравнивая такое «правильное» и хорошо организованное государство с точным часовым механизмом. [2, С. 42]. Такой «часовой» государственный механизм по мнению того же Лейбница имелся уже в Швеции. И не случайно административная модель Швеции – главного геополитического противника России была взята в качестве реформаторского образца.

В силу действия многих негативных факторов, рассмотренных выше, у преобразователя, который затеял тяжелую войну с сильнейшей Швецией за выход к морю, никакого другого способа, для проведения скорых и важных реформ, иначе как путем всемерной концентрации власти и масштабного насилия в отношении всего общества просто не было! И только такой тип модернизации в истории нашей страны оказывался, наиболее успешным. Хотя и крайне затратным. Но кто в то время думал о бережливом отношении к людям и ресурсам!?

Вначале были устранены все государственные институты в той или иной мере сковывающие преобразовательную деятельность Петра I (Боярская дума, патриаршество, многочисленные и малоэффективные приказы, воеводы и проч.). Их место заняли новые институты – полностью подконтрольные царю (Сенат, Синод, коллегии, губернаторы и проч.). Причем устранение, вероятно наиболее сильного препятствия на пути проевропейской петровской модернизации в виде Церкви и ее полное подчинение царю через Синод, создала благоприятные условия для проведения реформ. По словам историка Д. Травина, «воюя со шведами, Петр должен был победить церковь. Воюя с иноземцами, он должен был победить своих. Воюя на полях, он должен был победить в головах» [15, С. 283]. Подчинив себе консервативную церковь, Петр стал уже более легко перенимать зарубежный военный, административный и культурный опыт, жестко перевоспитывая всех и особенно дворян. Теперь, по выражению историка М. Давыдова, «дворянство обязано постоянно служить и давать кадры военных и гражданских чиновников, купечество – платить и давать кадры менеджеров, желательно эффективных, духовенство – молиться за победу православного оружия и следить за оппонентами власти, а посадские и крестьяне – платить подати и поставлять солдат и рабочих для бесчисленных строек необъявленных петровских пятилеток» [8, С. 23].

Итак, довольно объемный властвующий ресурс в России так называемого «служебного государства» по сравнению со странами Западной Европы, получил в первую четверть XVIII века еще более масштабную «накачку». Петру удалось жестко подчинить государству и мобилизовать для решения поставленных задач практически все общество. Отныне сама жизнь и «верхов» (даже в большей степени!) и «низов» всех сословий без остатка была подвержена регламентации в их правах и обязанностях общесословному государству[1, С. 434]. По словам другого исследователя, С. Нефедова, правление Петра I было периодом расцвета этатистской монархии, с ее идеями о «всеобщем благе» и «регулярном полицейском государстве», когда государственное регулирование и всеобщая регламентация достигли чрезвычайной интенсивности[14, С. 104].

При этом «школой всех школ» в петровских преобразованиях была армия, вокруг которой все петровское общество строилось и на базе которой сплачивалось вокруг царя-реформатора. По мнению отечественного культуролога Андрея Флиера, «в истории России армия играла роль некоего ядра, «вокруг» которого строилось государство» [16, С. 288]. В наибольшей степени, подвергшиеся модернизационной «перековке», да еще патриотично настроенные: армия и флот явились и любимыми детищами Петра. Они же были и самой образцовой моделью для всего регулируемого общества. Вдобавок, еще служили кузницей административных кадров для всего государственного управления страны. Неслучайно именно из армейско-флотской среды так много вышло при Петре и его потомков выдающихся администраторов и чиновников.

Парадоксы элитарно-европейской модернизации в XVIII веке

В тоже время следует отметить, что крутые и масштабные реформы Петра Великого не выходили за рамки двора, дворян, чиновников и военных. Подавляющее большинство общества (свыше 90%) эта вестернизированная модернизация не коснулась. Вестернизация носила сугубо элитарный характер. Зато для самих низов петровская модернизация с усилением крепостного права, непосильными налогами (подушной податью) на войну, строительство Петербурга, каналов и прочих повинностей, коснулась самым негативным образом. И вызвала повальное бегство на Дон, в леса, раскольничьи скиты. Неслучайно в низовой народной среде Петр получил прозвище «Антихрист». Но, даже и русское дворянство, также через насилие приобщалось к материальным и культурным благам Западной Европы, получая новую «прививку» светского подданичества, предтечи гражданственности. «Безвозвратно ушло в прошлое Московское православное изоляционистско-традиционное царство с ее религиозными концептами Святой Руси и «Москва – Третий Рим», противостоящими богоотступному Западу. На ее место пришло открытое Европе рационально управляемое бюрократией государство с европеизированной светской идеей инициативного служения императору – «Отцу Отечества» и самому Отечеству – Великой России» [3, С. 272].

Несмотря на весь негативный исторический груз, унаследованный от Орды: с азиатской мобилизационно-служилой моделью развития государства-общества, ментальным холопским комплексом (даже «в верхах»); затем безудержным реформаторским насилием в отношении всех подданных, петровская империя совсем была непохожа на традиционную восточную деспотию. Отныне и вплоть до 1917 г. она унаследовала и перекачивала себе богатейшую и более свободную европейскую историко-культурную традицию космополитизма. Традицию восходящей к началу античной Греции и Рима, гражданско-правовым кодексам императора Юстиниана и бюргерской средневеко-

вой Европы, а затем по исторической эстафете к эпохе Возрождения и Просвещения. Отказавшись от местечкового изоляционизма в пользу духа национальной и культурной веротерпимости, Петр, по мнению философа В. Кантора, строил более цивилизованную империю, где новая столица Петербург и в гербе и в символике небесного покровителя Петра Первого во всем воспроизводила Новый Рим для всех сограждан мира[13, С. 536]. Более того, по словам философа, новая Российская империя отныне создавала правовое пространство и была борьбой цивилизации с варварскими смыслами внутри своей культуры и с варварскими окраинами и устанавливала общую наднациональную цель[13, С. 537].

Петровское царствование оставило стране и победоносное и одновременно тяжелое наследие. Неподъемные военные сборы, постоянно увеличивающие недоимки крестьян, вследствие непосильной подушной подати, голод, унесший сотни тысяч жизней, глухое недовольство дворян своим «солдатским» положением, все это в итоге привело к традиционалистской реакции и даже гвардейско-дворянским «контрреформам». Время «дворцовых переворотов» (1725–1762), с всевластием олигархических кланов при слабых императорах, явилось сворачиванием этатистской монархии, наряду с усилением крепостного права в пользу дворян. Столичная гвардия свергая (как Иоанна Антоновича в 1741, затем Петра III в 1762, позже и Павла I в 1801) и возводя на престол того или иного монарха стала ударным двигателем расширения узкоклассовой продворянской политики самодержавия. Разрушительным моментом для этатистской монархии с ее концепцией «всеобщего блага» стал «Манифест о вольности дворянству» Петра III в 1762 г. По словам историка А. Каменского: «По существу, своими законодательными актами он совершил революцию в системе социальных отношений России, – в борьбе с государством дворянство одержало окончательную победу» [12, С. 314].

Результатом такой победы явилась политика Екатерины II с ее непрерывными льготами дворянам и уступками в качестве получения ими абсолютной монополии над «живой собственностью» – крепостными крестьянами, означало радикальное перераспределение ресурсов империи в пользу дворян [14, С. 143]. Проведя реформы 1775 и 1785 годов, Екатерина II, по факту «отдала дворянству власть на местах и большую часть государственных доходов» [14, С. 144]. По мнению того же Нефедова, «это означало превращение этатистской монархии в служащую интересам элиты дворянскую монархию. Вестернизация приобрела отчетливо элитарный характер и служила теперь не интересам государства, а потребительским целям элиты» [14, С. 177]. Происходит раскол в модели служилого государства, сформированного еще задолго до Петра.

Так на основе приобщения к гуманистической литературе Просвещения и последовательного российского законодательства произошла удивительная метаморфоза XVIII столетия: полная эмансипация российского дворянства за счет прямого узаконивания их статуса «рабовладельцев» над лишенными всех прав подданных крепостных крестьян. Отныне они становились «православными рабами» своих «просвещенных рабовладельцев».

По Жалованной грамоте 1785 г. помещики становились полными частными собственниками ранее государственной земли, подаренной им властью. Но став частными собственниками, помещики не превратились в новых дворян-буржуа, по типу английских джентри. Зато освободившись от обязательной службы государству и имея живую собственность (крепостных), дворяне стремительно превращались в социальных паразитов, перестроивших свой уклад жизни по модели модного тогда европейского культа потребления.

Не жажда наживы с целью умножения капитала, а жажда все больших доходов с целью все увеличивающего сверхпотребления, заставляла дворян год от года увеличивать нагрузку на своих крестьян (увеличивать барщину и оброк). Чтобы любой ценой увеличить вывоз сельхозпродукции за рубеж и покупать, покупать все больше модной европейской продукции роскоши! Причем стандарты роскоши и мотовства год от года лишь увеличивались. Приводя в отчаяние мелкопоместных дворян, все более разорявшихся и влезавших в неимоверные долги и обрекавших на постоянные голодовки их крестьян. Это была очевидная регрессивная социальная политика, под флером европейского Модерна.

Сами «прогрессивные» дворяне, модно одетые, говорившие по-французски и читающие просветительскую литературу из Европы, космически далеко разошлись со своими патриархальными крестьянами, жившими совсем архаично еще многими традициями домодерной Московской Руси. Любопытно, что в России освободительно-просветительская литература XVIII века идейно «вооружала» дворян-крепостников нести «бремя власти» над неразумными подопечными. Историк А. Иванов пишет, об идеологическом узаконивании структурного насилия в отношении низших классов, через заимствование властью и знатью европейско-просветительской лексикой: (термины: «разумность», «людскость», humanitas) [11, С. 196–209]. Новый сложный язык в итоге рационально объяснял, почему европейски «разумным» и «гуманным» дворянам, по отношению к своим единокультурным крестьянам следует относиться, как к людям низшего сорта, -абсолютно лишенных всех перечисленных качеств. Отныне, дворяне, стали считать себя в стране как бы «новыми европейцами» – прогрессорами. Они теперь смотрели на своих первобытных крестьян, так как будто они новоприбывшие «колонизаторы» из Европы видят абсолютно «чужих туземцев», которых им же следует превращать в более «культурных особей», прогрессируя их. Царская власть не стесняясь это подчеркивала: указывая на то, что дворяне теперь «в ответе» за своих «неразумных» подопечных. Зато для крепостных крестьян, как и для всех других категорий крестьян весь XVIII век, по сравнению с более легким для них XVII в. был самым тяжелым и бесчеловечным.

Ранее существовавший имущественный раскол, между верхами и низами усилился расколом социокультурным, ментальным. Раскол между европейско-модернизированной узкой дворянской элитой и почвенным, архаичным большинством населения. Этот раскол, в конечном счете, разрывал надвое российское общество. Вел к тотальной ненависти темные российские низы к своим просвещенным хозяевам. Ненависть выливалась порой в мощные антиправительственные восстания (восстание Пугачева). Однако, ни сил, ни элементарной организации у народных низов для борьбы со своими угнетателями просто не было. Мощь модернизированной империи XVIII века, была несравнима с мощью московского царства XVII века. И эти восстания империя подавляла намного быстрее и легче.

Важно отметить, что бесплатный крестьянский труд крепостных удешевлял стоимость российской продукции на рынках Европы. Такой же труд крепостных на промышленных мануфактурах Урала, оказался для самой России выгодным в конкуренции с западноевропейским наемным трудом. Крепостническая экономика России в XVIII оказалась, на удивление, конкурентоспособной на мировом капиталистическом рынке. И по выплавке чугуна в конце XVIII века обгоняла даже Англию! Но лишь до поры до времени. Пока на Западе не появилось машинное производство.

Очевидная мощь императорской России при Екатерине II, в тоже время вызывала крайне болезненные чувства ressentiment (смешанное чувство зависти, обиды и ненависти) у российского дворянства по отношению к самому Западу, подвергнувшемуся тотальному «облучению» передовой европейской культуры. Подражательная логика европеизации сформировала в дворянской среде комплекс национальной неполноценности более отсталой России по отношению к более передовой Европе. Известный русский писатель Денис Фонвизин вопрошал: «Как истребить два сопротивные и оба вреднейшие предрассудка: первый, будто у нас все дурно, а в чужих краях все хорошо; второй, будто в чужих краях все дурно, а у нас все хорошо?» [7, С. 214]. По словам Лии Гринфельд, именно творцы русского национального сознания XVIII в. – Новиков, Фонвизин, Карамзин, столкнувшись с проблемой вызова передового (более модернизированного) Запада к более отсталой (более традиционалистской) России, удивительным образом выстроили свое отношение к Западу. Они российскую отсталость в виде феномена загадочной русской души, превратили в добродетель и в фактор величия по отношению к царству холодного разума Запада [7, С. 243–245]. Таким образом, еще в конце XVIII века сложились ментальные «кирпичи» последующего русского консервативного антизападничества.

Хотя модернизационные реформы Петра I и Екатерины II происходили в узких интересах дворян, но они создали в стране необходимую для будущего комплексного развития всего общества, как социально-идейную, так и производственную базу на основе европейских технологий. Сама эта база объективно несла в себе на перспективу будущий освободительный характер. Причем сами освободительные идеи, формирующиеся в элитарной дворянской среде (от Новикова до Радищева) заданы были самой логикой автономизации дворянской элиты и появления дворянских самоуправляющихся корпораций при Екатерине II. Зато народные массы как могли, открыто сопротивлялись (массовые народные восстания происходили весь век) таким прогрессивным преобразованиям, происходившим целиком за их счет. Темным «низам» того времени, сложно было объяснить, почему они так должны страдать и терпеть от просвещенных властей и элиты сегодня, когда в грядущем от этих реформ «всем будет хорошо», правда в очень и очень далекой перспективе. Пока же те категории населения, что непосредственно выиграли от этих преобразований (дворяне и частично горожане), уже получили необходимое «облучение» своего об-

щественного сознания и потому у них возник устойчивый социальный заказ на продолжение модернизации [3, С. 146].

И все-таки не стоит преувеличивать освободительный пафос петровских реформ. С пресловутыми «европейскими свободами», тут все было далеко не так оптимистично. Справедливости ради стоит сказать, что и в тогдашней Европе просветительские идеи и концепции свобод, не привели к массовому обрушению абсолютистских режимов. И тем не менее, сам дух европейских передовых новаций (наряду с большим притоком в Россию иностранных кадров), с их отказом от культа клерикализма и традиционализма, концепциями естественного права и больших свобод для рационального индивида неизбежно привносили в Россию дух свободы личности, подрывающей всю многовековую сущность русского самодержавного деспотизма. Этим и объясняется двойственность и конфликтность петровских и последующих реформ Екатерины II. Новое петровско-екатерининское государство «сочетало в себе два противоречивых и враждебных друг другу начала – самодержавную сакральность и европейское Просвещение с их духом свободы личности, составившей идейную основу для русской интеллигенции». Таким образом, петровские реформы, со всем их главным смыслом укрепления самодержавного государства, своим рационально-европейским духом свободы неизбежно заложили в будущем «мину» под само существование самовластия и крепостничества. Они неуклонно взращивали в себе будущие ростки освободительного движения XIX века.

Контрпросветительский абсолютизм Павла I

Окончание XVIII века обернулось неожиданной павловской политикой контрпросвещения (1796–1801) и возвращения к жизни, казалось бы, уже забытого петровского «служилого государства». Эта модель монархии ломала всю прежнюю монархическую линию, идущую с эпохи «дворцовых переворотов». Отныне возвышающийся над всеми сословиями самодержец – Павел I, удивительно соединяющий в себе черты восточного деспота и черты любимого им образцового прусского монарха Фридриха II, готовился править своими подданными сурово и непредвзято, так как его прадед Петр Великий. Дворянское «самодержавие» в стране было практически ликвидировано. К самим дворянам допускались самые жесткие репрессивно-полицейские меры. Большинство льготных статей Жалованной грамоты 1785 г. мстительным Павлом I было отменено. Дворян опять вернули на службу, в полки. С частной жизнью первых свободных подданных в империи теперь было покончено. А на многих из них обрушились разные судебные кары и преследования. Характерный деспотизм Павла I ярко иллюстрирует высказанное им в беседе со шведским послом Стедингком: «Господин посол, знайте, что в России нет важных лиц, кроме того, с которым я говорю и пока я с ним говорю» [19. С. 331]. Вот только целые поколения дворян, полюбившие свободу и жизнь богатых частных обывателей, не только оказались не готовыми к возвращению сурового петровского времени, но искренне возненавидели нового императора, готового поступать со своими подданными как типичный восточный деспот. Вот только сами крепостные крестьяне лишь формально, по указу Павла о трехдневной барщине (1796) получили некоторое послабление от царя. Но воспользоваться им на практике (в силу отсутствия контроля, за действием указа) не могли. Необъятный (свыше 95% населения) мир темного и архаичного крестьянства, мир социального регресса, резко диссонировал миру образованного и узкого дворянского меньшинства – миру относительного социального прогресса того времени. Сами по себе освободительные плоды европейской просветительской литературы и идеологии сделали свое дело. Дворянство, будучи рабовладельческим, уже считало себя не только свободными подданными, но и подлинными хозяевами в стране. И потому терпеть самовластного деспота, открыто покусившегося на их свободы и льготы, – не пожелало. В ночь с 11 на 12 марта 1801 г., император Павел, пошедший, против мощной корпоративной силы дворянства был устранен по типичным традициям восточного деспотизма. Контрпросветительский абсолютизм, соединявший в себе прусский монархический образец и восточную деспотию, потерпел поражение.

Литература

1. Алексеев Ю.Г. Судебник Ивана III: традиция и реформа. СПб. Изд-во «Дмитрий Буланин». 2001. – 446 с.

2. Анисимов Е.В. Время петровских реформ. Л.: Лениздат, 1989. – 495 с.

3. Бакланов В.И. Восток–Запад–Россия в доиндустриальный период. Междисциплинарный подход: М.: Московский государственный университет пищевых производств, 2013. 336 с.

4. Бессонова О.Э. Траектория и современный вектор развития цивилизационной матрицы России. Мир России. 2008. № 2. 108–138.

5. Васильев Л.С. Эволюция общества. Типы общества и их трансформация:– М.: КДУ, 2011. – 206 с.

6. Вебер М. Избранное. Протестантская этика и дух капитализма. –4-е изд. М.; СПб: Центра гуманитарных инициатив, 2017. – 656 с.

7. Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. – М.: ПЕР СЭ, 2008. – 528 с.

8. Давыдов М. Цена утопии: История российской модернизации. – М.: Новое литературное обозрение, 2023. – 2 изд.-536 с.

9. Заостровцев А.П. Полемика о модернизации: общая дорога или особые пути?. – СПб.: Издат. Европейского ун-та, 2020. – 310 с.

10. Зомбарт В. Буржуа: этюды по истории духовного развития современного экономического человека. Художественная промышленность и культура. – М.: Терра-Книжный клуб, 2009. – 448 с.

11. Иванов А.А. «Такие же люди как мы»: Просвещение и идеология дегуманизации крестьян в Российской империи в XVIII веке» (196–209)/ Свободная Мысль. 2025. № 5.

12. Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. Реформы в России XVIII века. Опыт целостного анализа. М.: Росс. гос. Гум. Ун-т, 2001. – 575 с.

13. Кантор В.К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. – М.: РОССПЭН, 2009. – 543 с.

14. Нефедов С.А. История Российской империи: Факторный анализ. – Ереван: Fortis Press, 2024. – 610 с.

15. Травин, Д. Пути России от Ельцина до Батыя: История наоборот. – М.: Новое литературное обозрение, 2025. – 416– с.: илл.

16. Флиер А.Я. Культурология для культурологов. – М.: Академический Проект, 2000.-496 с.

17. Цивилизационные вызовы во всемирно-исторической перспективе. Коллективная монография. М.: Аквилон, 2018. – 680 с.

18. Шевченко В.Н. О перспективах реформирования российского государства: современные дискуссии в науке и за ее пределами (5–21)/ Философские науки.№ 7. М. Гуманитарий. 2013.

19. Эйдельман Н.Я. Грань веков // В борьбе за власть: Страницы политической истории. Конец XVIII – начало XIX столетия. – М.: Мысль, 1986. – 368 с.

20. Яковенко И.Г. Познание России: цивилизационный анализ. – М.: РОССПЭН, 2012. – 671 с.

PETERSBURG RUSSIA, 1700–1801: IN THE DIALECTICAL SYMBIOSIS OF TRADITION AND MODERNITY

Baklanov V.I.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The aim of this study is to analyze, identify, and elucidate–based on empirical evidence–the specific characteristics of the dialectical interplay between modernization and traditionalism during the 18th century. The research methodology employs dialectical-materialist, interdisciplinary, systems, and comparative approaches and methods. The theoretical and practical significance of the study lies in substantiating key theoretical aspects regarding the complex dialectical evolution of the modernization-versus-traditionalism dynamic within the state and society during the 18th century. Research findings: Russia's development over the course of the century (1700–1801) was a period of immense growth and the attainment of extraordinary geopolitical power, driven by a state-led modernization process that was Western-oriented yet driven by the elite–albeit accompanied by a highly reactionary social policy toward the lower classes. The study concludes that autocratic rule and the coercive, top-down mobilization of all social estates were the keys to the success of the Russian modernization model, which can be characterized as monarchical-bureaucratic-serf-based. Furthermore, this model achieved a certain balance between innovations and Modern culture–regularly imported from Europe–and Russian Tradition.

Keywords: tradition, modernity, absolutism, enlightenment, Europeanism, anti-Europeanism, conservatism, liberalism.

References

1. Alekseev Yu.G. The Judicial Code of Ivan III: tradition and reform. St. Petersburg. Publishing house "Dmitry Bulanin".-, 2001. – 446 p.

2. Anisimov E.V. The time of Peter the Great's reforms. L.: Lenizdat, 1989. 495 p.

3. Baklanov V.I. East–West– Russia in the pre-industrial period. Interdisciplinary approach: Moscow: Moscow State University of Food Production, 2013. 336 p.

4. Bessonova O.E. The trajectory and current development vector of Russia's civilizational matrix. Mir Rossii. 2008. No. 2. 108–138.

5. Vasiliev L.S. The Evolution of Society. Types of Society and Their Transformation: Moscow: KDU, 2011. 206 p.

6. Weber M. Selected Works. The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. – 4th ed. Moscow; St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2017. – 656 p.

7. Greenfeld L. Nationalism. Five Paths to Modernity. – Moscow: PER SE, 2008. – 528 p.

8. Davydov M. The Price of Utopia: The History of Russian Modernization. – Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023. – 2nd ed. – 536 p.

9. Zaostrovtsev A.P. Debate on Modernization: a Common Path or Special Ways?. – St. Petersburg: Izdat. European University, 2020. 310 p.

10. Sombart V. Bourgeois: studies on the history of the spiritual development of modern economic man. Art industry and culture. Moscow: Terra–Book Club, 2009. 448 p.
11. Ivanov A.A. "People like us": Enlightenment and the ideology of dehumanization of peasants in the Russian Empire in the XVIII century" (196–209)/ Free Thought. 2025. No. 5.
12. Kamensky A.B. From Peter I to Paul I. Reforms in Russia of the XVIII century. The experience of holistic analysis. Moscow: Ross. gos. Gum. Univ., 2001. – 575 p.
13. Kantor V.K. St. Petersburg: The Russian Empire versus Russian Chaos. On the Problem of Imperial Consciousness in Russia. – Moscow: ROSSPEN, 2009. – 543 p.
14. Nefedov S.A. History of the Russian Empire: Factor Analysis. – Yerevan: Fortis Press, 2024. – 610 p.
15. Travin, D. Russia's Paths from Yeltsin to Batu: History in Reverse. – Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2025. – 416 p.: ill.
16. Flier, A. Ya. Cultural Studies for Cultural Studies Scholars. – Moscow: Academic Project, 2000. – 496 p.
17. Civilizational Challenges in a WorldHistorical Perspective. Collective monograph. Moscow: Aquilon, 2018. – 680 p.
18. Shevchenko V.N. On the prospects for reforming the Russian state: contemporary discussions in science and beyond (5–21)/Philosophical Sciences.No. 7. Moscow: Gumanitariy. 2013.
19. Eidelman N. Ya. The Edge of the Centuries // In the Struggle for Power: Pages of Political History. The late 18th – early 19th century. – Moscow: Mysl, 1986. – 368 p.
20. Yakovenko I.G. Understanding Russia: a civilizational analysis. – Moscow: ROSSPEN, 2012. – 671 p.

Цифровая инфраструктура как политический ресурс: условия и пределы китайского влияния в Анголе

Брад Андрей Николаевич,
эксперт отдела мониторинга, медиааналитики и SML ПАО Сбербанк, аспирант кафедры прикладной политологии, Российский государственный гуманитарный университет
E-mail: anbrad@sberbank.ru

В статье исследуются условия, при которых участие китайских банков и технологических компаний в цифровизации Анголы трансформируется из внешнего технологического присутствия в политический ресурс. Положение китайских компаний в цифровой инфраструктуре Анголы неодинаково, что заставляет различать уровни присутствия: в одних они встроены в значимые государственные функции, в других используются наряду с технологиями конкурирующих поставщиков. Предложена четырехуровневая модель, различающая технологическое присутствие, политико-функциональную встроенность, структурную зависимость и политическую реализацию. С помощью модели сопоставлены Центр интегрированной общественной безопасности Анголы (Centro Integrado de Segurança Pública, CISP), телекоммуникации, электронное правительство, облачная инфраструктура и подготовка цифровых кадров. Переходы между уровнями исследованы методом прослеживания причинного процесса (process tracing) на основе правовых актов, материалов государственных органов, сведений о кредитных соглашениях и сообщений участников проектов. Сравнение показало неодинаковую степень трансформации китайского участия в политический ресурс в зависимости от критичности функции, сосредоточения взаимосвязанных компонентов у одного поставщика и издержек его замены. Диверсификация партнерств ограничивает зависимость от конкретного внешнего актора, не устраняя общей зависимости Анголы от иностранных технологий.

Ключевые слова: Ангола, Китай, политическая цифровизация, цифровая инфраструктура, структурная власть, цифровой суверенитет, субъектность африканских государств.

Введение

Присутствие внешнего актора в цифровой инфраструктуре может трансформироваться в политический ресурс по мере включения его решений в обработку государственных данных, предоставление публичных услуг, межведомственную координацию, а также в практики наблюдения и принуждения. Однако иностранное происхождение финансирования и оборудования само по себе такого ресурса не создает. Для его формирования важны регулярное использование системы в государственном управлении и издержки ее замены, способные ограничить выбор. Ангольский случай позволяет проверить эту связь на материале нескольких сегментов цифровой инфраструктуры. Китайские банки и компании участвуют в телекоммуникациях, общественной безопасности и подготовке кадров, при этом шведская компания Ericsson участвует в модернизации телекоммуникационной сети, а проекты административной и облачной инфраструктуры реализуются при участии ангольской компании TIS Tech Angola и эмиратской компании Presight.

Политолог С. Арнольд рассматривает китайское финансирование как возможную основу структурной власти и латентного контроля над цифровым развитием африканских стран [7]. Исследователи Дж.Х.С. Оберг и М. Пелтола, напротив, показывают множественность поставщиков и оспаривают тезис о китайском доминировании [4]. Политологи Э.Б. Картер и Б.Л. Картер связывают политические последствия китайского технологического трансфера с внутренними институтами государства-получателя [8]. В исследованиях цифрового колониализма тот же вопрос ставится применительно к власти американских корпораций над инфраструктурой Глобального Юга [17]. Исследования африканской субъектности подчеркивают роль переговоров, отбора проектов и комбинирования партнерств [11], поэтому технологическое присутствие, внутреннюю способность государства к контролю, зависимость от поставщика и внешнее политическое влияние необходимо проверять раздельно.

Отсюда следует вопрос: при каких условиях участие китайских акторов в цифровой инфраструктуре Анголы образует структурный властный потенциал и преобразуется в воздействие на политически значимые решения и практики? Предполагается, что такое превращение происходит при сочетании критической функции, концентрации финансирования и технологических ролей, низкой заменяемости поставщика и накопления инвестиций в его экосистему. В противоположном направлении действуют многопоставочная архитектура, альтернативное финансирование, разграничение прав владельца данных, оператора и интегратора, а также местные компетенции. Для проверки гипотезы четырехуровневая модель переносит на цифровую инфраструктуру различие потенциальной и реализованной власти, рассматриваемое в концептуальном анализе политолога В.Г. Ледяева [2].

Теоретическая рамка: от цифрового присутствия к политическому ресурсу

М.Н. Грачев рассматривает власть как форму социальной коммуникации, включающей процессы информационного воздействия и взаимодействия в обществе [1. С. 106–113]. Регулярное участие цифровой системы в управленческой функции позволяет установить политико-функциональную встроенность, но само по себе не доказывает формирования политического ресурса внешнего актора. Такое понимание позволяет рассматривать цифровизацию как социотехническое изменение, затрагивающее состав участников, распределение ресурсов и производство решений [3].

Функциональная встроенность еще не равна зависимости. Исследователь международной политической экономии С. Стрейндж отмечает, что структурная власть задает рамки доступных решений; для цифровой инфраструктуры особенно важны структуры безопасности, финансов и знания [20]. Реляционный подход позволяет рассматривать власть через воздействие одного актора на поведение другого [2]. Структурная власть описывает властный потенциал, тогда как реляционная власть – его реализацию. Концентрация у одного поставщика финансирования, контроля над архитектурой безопасности и подготовки специалистов может сужать набор доступных альтернатив, однако еще не означает политической зависимости. Такая зависимость

может накапливаться по мере закрепления первоначально выбранной технологической архитектуры. Необходимость технического обслуживания и продления лицензий, сложности переноса данных, требования совместимости оборудования, а также потребность в дополнительном обучении увеличивают издержки перехода к решениям другого поставщика и тем самым способны создавать технологическую привязку (vendor lock-in) [18. С. 251–267].

Субъектность африканских государств выражается в способности выбирать проекты, согласовывать финансирование, распределять контракты и менять партнеров [11]. Она не тождественна автономии. Цифровой суверенитет требует контроля над технологиями, данными и условиями их использования [19]. Поэтому зависимость Анголы от конкретного китайского поставщика необходимо отличать от общей зависимости от внешнего финансирования, программного обеспечения и экспертизы.

Предлагаемая модель включает четыре уровня (см. таблицу 1).

Таблица 1. Уровни трансформации внешнего цифрового присутствия в политический ресурс

Уровень	Критерий достижения	Недостаточное основание
0. Технологическое присутствие	Документированное участие во внешнем финансировании, поставке, интеграции, сервисе или обучении	Меморандум, намерение или заявленная цель без данных об исполнении
1. Политико-функциональная встроенность	Регулярная эксплуатация системы в политически значимой функции	Тип оборудования или политическая риторика проекта
2. Структурная зависимость	Низкая заменяемость поставщика вследствие сервисной, лицензионной, финансовой, кадровой или информационной привязки	Длительное сотрудничество и повторные контракты сами по себе
3. Политическая реализация	Причинно прослеживаемое воздействие зависимости на решение или устойчивую политико-управленческую практику	Устойчиво наблюдаемое совпадение политического результата с наличием иностранной технологии

Переход между уровнями образует последовательную причинную цепочку: внешнее финансирование или поставка, ввод системы, ее включение в политически значимую функцию, рост издержек замены, сужение доступных решений и изменение управленческой практики. Переход к каждому следующему уровню должен быть подтвержден отдельно. Например, установленная зависимость Анголы от оборудования или обслуживания китайской компании Huawei еще не делает ее ресурсом правительства Китайской Народной Республики (КНР). Для такого вывода нужны данные о координации компании с китайскими государственными органами, их доступе к соответствующим ресурсам или о фактическом использовании этих ресурсов.

Методология и данные

Исследование Анголы проведено по логике теоретически ориентированного анализа отдельного случая (theory-guided case study), охватывающего несколько сегментов внутри страны [14]. Единицей анализа является не компания или отрасль в целом, а конкретный проект в связи с выполняемой им государственной функцией. Сопоставляются Центр интегрированной общественной безопасности Анголы (Centro Integrado de Segurança Pública, CISP), телекоммуникации, электронное правительство и облачная инфраструктура, подготовка цифровых кадров.

В исследовании использованы правовые акты, материалы государственных органов, сведения о кредитных соглашениях и сообщения участников проектов. Правовые акты использовались для установления полномочий, сведения о кредитных соглашениях – обязательств сторон, сообщения заказчиков и поставщиков – условий контракта, состава проекта и заявленной стадии работ. При кодировании различались кредитное обязательство (commitment), перечисление средств (disbursement), завершение работ (completion) и регулярная эксплуатация (operation).

Функциональная встроенность устанавливается по данным о вводе системы в эксплуатацию и ее регулярном использовании. Оценка зависимости учитывает критичность выполняемой функции, сосредоточение взаимосвязанных компонентов системы у одного поставщика, наличие доступных альтернатив, условия технического обслуживания и лицензирования, режим доступа к данным, а также способность национальных специалистов самостоятельно поддерживать систему. Для выявления реализованной власти прослеживается причинная цепочка от зависимости к конкретному политически значимому решению или устойчивой административной практике (process tracing).

Сравнение сегментов цифровой инфраструктуры Анголы

Интегрированный центр общественной безопасности: концентрация финансирования и технологических ролей

Первый этап развертывания Центра интегрированной общественной безопасности (CISP) начался в 2019 г. в Луанде и затем охватил Бенгелу, Уамбо и Уилу [16]. По данным AidData, 17 декабря 2021 г. Ангола и Экспортно-импортный банк Китая (China Eximbank) заключили кредитное соглашение на 79,7 млн долл. США для второго этапа проекта. Исполнителями названы Китайская национальная корпорация по импорту и экспорту электроники (China National Electronics Import and Export Corporation, CEIEC) и компания Huawei [6]. Второй этап предусматривает расширение сети видеонаблюдения и создание центров общественной безопасности в провинциях [6]. Речь идет о развитии уже действующей системы CISP.

Согласно Положению о CISP, Центр управляет интегрированной платформой безопасности, собирает и анализирует данные, обеспечивает межведомственный обмен, видеонаблюдение и распознавание лиц [12]. Эксплуатация центров первого этапа позволяет отнести CISP к уровню 1 – политико-функциональной встроенности. Если китайские решения закрепятся в архитектуре и обслуживании CISP, а издержки их замены возрастут, система может перейти к уровню 2 – структурной зависимости. О третьем уровне, политической реализации, можно говорить лишь в том случае, если такая зависимость повлияет на решения или устойчивые практики в сфере безопасности.

Телекоммуникации: многопоставочная архитектура и участие Huawei в сети ангольского оператора Unitel

В 2022 г. Unitel и Huawei заключили трехлетнее рамочное соглашение о радиодоступе, передаче данных, обслуживании абонентов, управлении клиентским опытом и мобильных финансовых услугах [9]. Соглашение охватывает несколько ключевых компонентов сети крупнейшего ангольского оператора. Однако Unitel использует не только китайские решения. В 2025 г. компания совместно с Ericsson завершила модернизацию ядра сети пятого поколения (5G) и облачной инфраструктуры [13].

Сочетание решений Huawei и Ericsson в сети Unitel не позволяет считать ее единой китайской архитектурой. Участие нескольких поставщиков может ограничивать зависимость на уровне оператора, хотя отдельные компоненты могут оставаться привязанными к конкретной компании. Поэтому наличие альтернатив в одних компонентах сети не исключает структурной зависимости в других.

Электронное правительство и облачная инфраструктура: диверсификация финансовых и технологических ролей

В июне 2026 г. Институт административной модернизации Анголы и TIS Tech Angola заключили контракт на создание публичной цифровой инфраструктуры стоимостью 150 млн долл. США. Проект предусматривает взаимодействие государственных информационных систем, развитие цифровой идентификации и обеспечение безопасности электронных услуг. Планируемый срок работ составляет двенадцать месяцев [15].

Экспортное управление Абу-Даби (Abu Dhabi Exports Office) заключило соглашение о финансировании двух центров обработки данных и национальной облачной платформы с участием Presight на 330 млн дирхамов [5]. Рассмотренные проекты административной и облачной инфраструктуры показывают, что ее развитие не сосредоточено у китайского поставщика: государственные учреждения Анголы сотрудничают с местными и эмиратскими партнерами. Диверсификация может ограничивать зависимость от конкретной компании, однако цифровой суверенитет требует контроля над архитектурой и данными, а также возможности заменять отдельные компоненты.

Подготовка кадров: расширение экосистемы Huawei

Huawei готовит ангольских специалистов в рамках программы, реализуемой совместно с профильным министерством на основе меморандума 2022 г. Обучение проходит в Технологическом парке компании и дистанционно. В марте 2026 г. сообщалось о более чем 7,6 тыс. человек, охваченных программой, и цели охватить 15 тыс. к 2027 г. [10]. Программы по искусственному интеллекту, облачным вычислениям, передаче данных, кибербезопасности и большим данным (Big Data) укрепляют позиции Huawei в цифровой инфраструктуре Анголы. О кадровой зависимости можно говорить в том случае, если полученные навыки применимы преимущественно внутри экосистемы Huawei, ее сертификаты становятся обязательными, а сопоставимые программы отсутствуют.

Заключение

Исследование не подтвердило тезис о политическом контроле Китая над Анголой посредством цифровой инфраструктуры в нескольких критичных отраслях. Китайское участие наиболее глубоко встроено в систему CISP, где финансирование и технологические решения связаны с политически критичными функциями безопасности. В телекоммуникациях Huawei работает с отдельными компонентами сетей наряду с Ericsson. Проекты электронного правительства и облачной инфраструктуры реализуются ангольскими учреждениями совместно с партнерами из разных стран. Образовательные программы Huawei укрепляют позиции компании, однако сами по себе не свидетельствуют о кадровой зависимости.

Наибольший риск структурной зависимости связан с CISP. Действующие центры первого этапа соответствуют уровню 1 – политико-функциональной встроенности. Чтобы отнести CISP к уровню 2, необходимо установить низкую заменяемость китайского поставщика и устойчивую сервисную, лицензионную, финансовую, кадровую или информационную привязку. Об уровне 3 можно говорить только в том случае, если эта зависимость повлияла на конкретное решение или устойчивую практику в сфере безопасности.

Ангольский случай показывает, почему нельзя отождествлять два разных процесса: расширение возможностей государства-получателя и усиление политического влияния страны-поставщика. Китайские технологии могут расширять возможности ангольских властей в сфере наблюдения [12], а сочетание финансирования и технологического участия – создавать структурный властный потенциал [7]. Однако способность Анголы использовать поставленную систему для внутреннего контроля еще не означает контроля Китая над Анголой. Тезис о внешнем контроле требует доказать не только зависимость от компании, но и возможность правительства КНР использовать эту зависимость для воздействия на конкретные решения или практики.

Субъектность Анголы в данном случае проявляется не в отказе от иностранных технологий, а в сохранении выбора между ними и контроле над условиями их использования. К ее практическим признакам относятся разграничение прав владельца данных, оператора и интегратора, переносимость данных, открытые интерфейсы, собственные компетенции и возможность заменить поставщика. Замена китайской компании западной или ближневосточной сама по себе не обеспечивает цифрового суверенитета [17; 19]. Поэтому предложенная модель применима к оценке политического влияния любого внешнего поставщика независимо от страны его происхождения.

Литература

1. Грачев М.Н. Власть как форма социальной коммуникации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2011. – № 1. – С. 106–113.

2. Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ. – М.: РОССПЭН, 2001. – 384 с.

3. Сморгунов Л.В. Цифровизация и сетевая эффективность государственной управляемости // Политическая наука. – 2021. – № 3. – С. 13–36.

4. Åberg J.H.S., Peltola M. A Digital Cold War in Africa? Capitalist Multiplicity, Digital Transformation, and Shifting Dependencies Amid US–China Tech Rivalry // Third World Quarterly. – 2025. – Advance online publication.

5. Abu Dhabi Exports Office. Abu Dhabi Exports Office Highlights Strategic Role in Angola Amidst UAE President's Visit. – 26.08.2025. – URL: https://www.adex.ae/en/media-center/news/26/8/2025/abu-dhabi-exports-office-highlights-strategic-role-in-angola-amidst-uae-presidents-visit (дата обращения: 25.08.2026).

6. AidData. China Eximbank Provides $79.7 Million Loan for Phase 2 of Public Security Project. Project ID 92519. – URL: https://china.aiddata.org/projects/92519 (дата обращения: 25.08.2026).

7. Arnold S. Africa's Roads to Digital Development: Paving the Way for Chinese Structural Power in the ICT Sector? // Review of International Political Economy. – 2024. – Vol. 31, № 4. – P. 1148–1172.

8. Carter E.B., Carter B.L. Exporting the Tools of Dictatorship: The Politics of China's Technology Transfers // Perspectives on Politics. – 2025. – Vol. 23, № 3. – P. 1089–1108.

9. Centro de Imprensa Aníbal de Melo. Huawei e Unitel Assinam Acordo-Quadro para Fortalecer Parceria. – 27.05.2022. – URL: https://ciam.gov.ao/ao/noticia/1058 (дата обращения: 16.09.2026).

10. Centro de Imprensa Aníbal de Melo. Huawei Angola Promove Candidaturas para Plano Nacional de Desenvolvimento de Talentos em Tecnologias de Informação e Comunicação. – 12.03.2026. – URL: https://www.ciam.gov.ao/ao/noticia/4953 (дата обращения: 16.09.2026).

11. Corkin L. Uncovering African Agency: Angola's Management of China's Credit Lines. – Farnham: Ashgate, 2013. – 210 p.

12. Decreto Presidencial n. 83/21, de 12 de Abril. Estatuto Orgânico do Centro Integrado de Segurança Pública. – URL: https://www.angolex.com/paginas/decreto-presidencial/estatuto-organico-do-centro-integrado-de-seguranca-publica-83a-21a.html (дата обращения: 25.08.2026).

13. Ericsson. Unitel and Ericsson Strengthen Angola's Connectivity with Network Modernization. – 2025. – URL: https://www.ericsson.com/en/press-releases/1/2025/unitel-and-ericsson-strengthen-angolas-connectivity-with-network-modernization (дата обращения: 25.08.2026).

14. George A.L., Bennett A. Case Studies and Theory Development in the Social Sciences. – Cambridge, MA: MIT Press, 2005. – 331 p.

15. Governo de Angola. IMA e TIS Tech Angola Formalizam Contrato para Implementação do Projecto de Infra-Estruturas Digitais Públicas. – 17.06.2026. – URL: https://www.governo.gov.ao/noticias/2923/tecnologia/governacao-electronica/ima-e-tis-tech-angola-formalizam-contrato-para-implementacao-do-projecto-de-infra-estruturas-digitais-publicas (дата обращения: 25.08.2026).

16. Governo Provincial do Cuanza Sul. Cuanza Sul Terá Centro Integrado de Segurança Pública. – 13.07.2026. – URL: https://cuanzasul.gov.ao/web/noticias/cuanza-sul-tera-centro-integrado-de-seguranca-publica (дата обращения: 27.08.2026).

17. Kwet M. Digital Colonialism: US Empire and the New Imperialism in the Global South // Race & Class. – 2019. – Vol. 60, № 4. – P. 3–26.

18. Pierson P. Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics // American Political Science Review. – 2000. – Vol. 94, № 2. – P. 251–267.

19. Pohle J., Thiel T. Digital Sovereignty // Internet Policy Review. – 2020. – Vol. 9, № 4.

20. Strange S. States and Markets. – London: Pinter, 1988. – 263 p.

DIGITAL INFRASTRUCTURE AS A POLITICAL RESOURCE: CONDITIONS AND LIMITS OF CHINESE INFLUENCE IN ANGOLA

Brad A.N.
Russian State University for the Humanities

This article examines the conditions under which the involvement of Chinese banks and technology companies in Angola's digitalization is transformed from an external technological presence into a political resource. The position of Chinese companies within Angola's digital infrastructure varies across sectors: in some cases, they are embedded in significant state functions, while in others their technologies are used alongside those of competing suppliers. The article proposes a four-level model distinguishing technological presence, political-functional embeddedness, structural dependence, and political realization. The model is applied to compare Angola's Integrated Public Security Center (Centro Integrado de Segurança Pública, CISP), telecommunications, digital government, cloud infrastructure, and digital skills training. Transitions between the levels are examined through process tracing based on legal acts, government materials, information on loan agreements, and reports issued by project participants. The comparison reveals different degrees to which Chinese involvement is transformed into a political resource depending on the criticality of the function, the concentration of interdependent components with a single supplier, and the costs of replacement. Partnership diversification limits dependence on a specific external actor without eliminating Angola's broader reliance on foreign technologies.

Keywords: Angola, China, political digitalization, digital infrastructure, structural power, digital sovereignty, African agency.

References

1. Grachev M.N. Power as a Form of Social Communication // RUDN Journal of Political Science. – 2011. – № 1. – P. 106–113. (In Russian).

2. Ledyaev V.G. Vlast': kontseptual'nyi analiz [Power: A conceptual analysis]. – Moscow: ROSSPEN, 2001. – 384 p. (In Russian).

3. Smorgunov L.V. Digitalization and Network Effectiveness of Public Governability // Political Science (RU). – 2021. – № 3. – P. 13–36. (In Russian).

4. Åberg J.H. S., Peltola M. A Digital Cold War in Africa? Capitalist Multiplicity, Digital Transformation, and Shifting Dependencies Amid US–China Tech Rivalry // Third World Quarterly. – 2025. – Advance online publication.

5. Abu Dhabi Exports Office. Abu Dhabi Exports Office Highlights Strategic Role in Angola Amidst UAE President's Visit. – 26.08.2025. – URL: https://www.adex.ae/en/media-center/news/26/8/2025/abu-dhabi-exports-office-highlights-strategic-role-in-angola-amidst-uae-presidents-visit (accessed: 25.08.2026).

6. AidData. China Eximbank Provides $79.7 Million Loan for Phase 2 of Public Security Project. Project ID 92519. – URL: https://china.aiddata.org/projects/92519 (accessed: 25.08.2026).

7. Arnold S. Africa's Roads to Digital Development: Paving the Way for Chinese Structural Power in the ICT Sector? // Review of International Political Economy. – 2024. – Vol. 31, № 4. – P. 1148–1172.

8. Carter E.B., Carter B.L. Exporting the Tools of Dictatorship: The Politics of China's Technology Transfers // Perspectives on Politics. – 2025. – Vol. 23, № 3. – P. 1089–1108.

9. Centro de Imprensa Aníbal de Melo. Huawei e Unitel Assinam Acordo-Quadro para Fortalecer Parceria. – 27.05.2022. – URL: https://ciam.gov.ao/ao/noticia/1058 (accessed: 16.09.2026).

10. Centro de Imprensa Aníbal de Melo. Huawei Angola Promove Candidaturas para Plano Nacional de Desenvolvimento de Talentos em Tecnologias de Informação e Comunicação. – 12.03.2026. – URL: https://www.ciam.gov.ao/ao/noticia/4953 (accessed: 16.09.2026).

11. Corkin L. Uncovering African Agency: Angola's Management of China's Credit Lines. – Farnham: Ashgate, 2013. – 210 p.

12. Decreto Presidencial n.º 83/21, de 12 de Abril. Estatuto Orgânico do Centro Integrado de Segurança Pública. – URL: https://www.angolex.com/paginas/decreto-presidencial/estatuto-organico-do-centro-integrado-de-seguranca-publica-83a-21a.html (accessed: 25.08.2026).

13. Ericsson. Unitel and Ericsson Strengthen Angola's Connectivity with Network Modernization. – 2025. – URL: https://www.ericsson.com/en/press-releases/1/2025/unitel-and-ericsson-strengthen-angolas-connectivity-with-network-modernization (accessed: 25.08.2026).

14. George A.L., Bennett A. Case Studies and Theory Development in the Social Sciences. – Cambridge, MA: MIT Press, 2005. – 331 p.

15. Governo de Angola. IMA e TIS Tech Angola Formalizam Contrato para Implementação do Projecto de Infra-Estruturas Digitais Públicas. – 17.06.2026. – URL: https://www.governo.gov.ao/noticias/2923/tecnologia/governacao-electronica/ima-e-tis-tech-angola-formalizam-contrato-para-implementacao-do-projecto-de-infra-estruturas-digitais-publicas (accessed: 25.08.2026).

16. Governo Provincial do Cuanza Sul. Cuanza Sul Terá Centro Integrado de Segurança Pública. – 13.07.2026. – URL: https://cuanzasul.gov.ao/web/noticias/cuanza-sul-tera-centro-integrado-de-seguranca-publica (accessed: 27.08.2026).

17. Kwet M. Digital Colonialism: US Empire and the New Imperialism in the Global South // Race & Class. – 2019. – Vol. 60, № 4. – P. 3–26.

18. Pierson P. Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics // American Political Science Review. – 2000. – Vol. 94, № 2. – P. 251–267.

19. Pohle J., Thiel T. Digital Sovereignty // Internet Policy Review. – 2020. – Vol. 9, № 4.

20. Strange S. States and Markets. – London: Pinter, 1988. – 263 p.

Петербургская Россия 1801–1855 гг. в диалектическом симбиозе традиции и модерна

Бакланов Вячеслав Иванович,
кандидат исторических наук, доцент, кафедра гуманитарных наук, Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: VIBaklanov@fa.ru

Цель работы: на фактическом материале проанализировать, выявить и раскрыть особенности диалектической связки модернизация vs традиционализм в рассматриваемый период в первой половины XIX века.
Методологией исследования послужили диалектико-материалистический, междисциплинарный, системный и компаративистский подходы и методы.
Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в обосновании ряда теоретических вопросов сложной диалектической эволюции модернизация vs традиционализм власти и общества в рассматриваемый период в первой половины XIX века.
Сделан вывод, что конструкция российской монархо-бюрократо-крепостнической модели держалась на крепком традиционном балансе между абсолютной вертикалью монархией, всевластием чиновничества и дворянства и полным их доминированием над подневольным крестьянством, живущим в патриархальном мире Традиции.

Ключевые слова: традиция, модерн, абсолютизм, просвещение, европеизм, антиевропеизм, консерватизм, либерализм.

Введение

Сама европейская модернизация страны, проходившая уже сотню лет, по-прежнему, была уделом меньшинства. Лишь узкого слоя дворян, чиновников, малочисленных горожан (чуть более 3%), немногочисленных жителей западных окраин империи. По сути, вне этой модернизации все годы жил и прозябал в патриархальном укладе океан крестьянства (97%)– половина которых являлись живой собственностью просвещенных господ.

Несмотря на начавшийся промышленный переворот в России с 30-х гг. XIX в., самому развитию капитализма мешало: монополия на власть и собственность чиновничества и феодального дворянства; отсутствие самой буржуазии (была лишь протобуржуазия); отсутствие свободного рынка капитала и наемной рабочей силы. Все эти препятствия на пути самой революционной из всех модернизаций – капиталистической модернизации, безусловно, сильно сдерживали модернизационные процессы в России. Но в России сформировалась своя модель модернизации. Сущностно ее можно охарактеризовать как монархо-бюрократо-крепостническая. И в ней роль самодержцев была наиглавнейшей.

Александр I: лавирование между либерализмом и консерватизмом

Новый император Александр I (1801–1825), был, безусловно, умный и дальновидный человек, но он, будучи состоявшимся либералом-идеалистом, сделал ставку на преобразования сложившейся государственно-общественной системы. В отличие от Екатерины II, он уже был не один и опирался на свой круг единомышленников – «младореформаторов» (Н. Новосильцев, А. Чарторыйский, П. Строганов, В. Кочубей). Поэтому, можно сказать, даже несмотря на общую неудачу первоначального преобразовательного проекта, Александр I в гораздо большей степени, чем его царствующая бабушка императрица Екатерина II смог заложить в стране либеральную политическую традицию. А вот первые преобразования оказались весьма скромные. Сначала это был указ (1801 г.) о возможности покупать землю без крестьян всем подданным свободных состояний. Затем указ «о вольных хлебопашцах» (1803) с предоставлением свободы крестьянину за выкуп. Зато дворяне вернули себе все утерянные при Павле I вольности. При этом внешнеполитические и внутриполитические обстоятельства постоянно ограничивали реформаторский пыл самодержца, заставляя его мимикрировать вместе с бурно меняющейся средой, но сохранять почти до конца жизни свои заветные освободительные задумки.

Первый натиск на либеральные реформы Александра I, со стороны отечественных традиционалистов и оформившихся консерваторов совпал с изменением внешней политики – первой войной с Наполеоном (1805–1807), когда власть нуждалась в полной поддержке общества в борьбе с серьезным противником. Но обидные поражения в войне с Францией (под Аустерлицем, Фридляндом) не только отвлекли внимание царя от внутренних реформ, но и наполнили страну невиданным доселе национал-патриотичным порывом. Буржуазный по своей сути национал-патриотизм, понадобился в качестве нового орудия общественной мобилизации даже для такой сугубо династическо-сословной страны, как Россия. Так, в манифесте от 16 ноября 1806 г. Александр I объявил, что целью этой войны является защита Отечества от французов! И здесь не обошлось без возвращения к традиции. По словам историка В. Парсамова, «призывая народ готовиться к обороне отечества, Александр I апеллировал не только к патриотическим, но и к религиозным чувствам. Эффективным инструментом в антинаполеоновской пропаганде и пробуждении национально-патриотических чувств была Церковь» [15, С. 354].

Тильзитский мир (1807) на какое то время заглушил голос патриотов. Но как оказалось лишь на короткий срок. Вновь наступило время самодержавного либерального реформаторства: «работа в паре» царя с выдающимся умом российской бюрократии, либералом Михаилом Сперанским. Сперанский, опираясь на западноевропейский либерально-государственный опыт, предлагает масштабные реформы по разделению всей системы госуправления на три вида власти (законодательную, судебную и исполнительную); с учреждением законодательной в виде Государственной Думы из депутатов всех сословий, но сохранением сильной власти монарха. В проекте буржуазно-

правовой монархии Сперанского стояла и постепенная ликвидация крепостного права.

Эти реформы уже в самый начальный период сильно напугали традиционную часть русского придворно-аристократического общества. В семье самого императора консерваторы и противники либерализма также явно доминировали. К ним относились, вдовствующая императрица Мария Федоровна, брат царя великий князь Константин, а также сестра императора, великая княгиня Екатерина Павловна. Душой заговора против Сперанского и его идей, нередко называют сестру царя, великую княгиню Екатерину Павловну, вокруг которой образовался негласный русский «патриотический» клуб [9, С. 223–226]. Историк Н. Карамзин и московский градоначальник Ф. Ростопчин, выступавшие в качестве рупора традиционалистов и консерваторов, пугали императора Александра I смутой и бедствиями, более худшими, чем революция во Франции конца XVIII в. [10, С. 214].

Отстаивая взгляды традиционалиста и консерватора, Карамзин в своем сочинении на имя царя пишет, о необходимости свято оберегать «дух народный», что «составляет нравственное могущество государств…».[11, С. 195] Поразительное его высказывание о вреде самого реформаторства. «Зло, к которому мы привыкли, для нас чувствительнее менее нового, а новому добру как-то не верится. Перемены, сделанные не ручаются за пользу будущих: ожидают их более со страхом, нежели с надеждой, ибо к древним государственным зданиям прикасаться опасно …».[11, С. 215–217]. Наконец, Карамзин угрожающе указывает царю, что россияне недовольны нынешним правительством за его «любовь к государственным преобразованиям, которые потрясают основу империи…» [11, С. 217].

В конечном счете, император уступил мощному антиреформаторскому давлению ради сохранения своей власти. И отправляя своего любимца Сперанского в ссылку, произнес: «У тебя сильные враги, общее мнение требует твоего удаления, только на этом условии соглашаются дать нужные нам деньги, а у меня на руках Наполеон и неизбежная война» [9, С. 197]. Красноречивое бессилие российского самодержца. Но проблема заключалась в ином: война с Наполеоном пробудила русский национальный патриотизм в дворянской среде, который ранее был придавлен космополитическим европеизмом. В преддверии и во время войны с Наполеоном силу в стране забрали русские национальные консерваторы. Среди которых особенно выделялись: Н. Карамзин, А.С. Шишков, Ф. Ростопчин, С. Глинка, архимандрит Филарет и другие фигуры. Они дружно ополчились на галломанию, безродный космополитизм, масонство, атеизм и заодно против всех либералов. [9, С. 223–226].

К хору русских консерваторов добавились и сбежавшие в Россию от революционного террора французские аристократы-консерваторы. Причем самым влиятельным среди них был сардинский посол, француз, Жозеф де Местр – один из основоположников политического консерватизма. В 1811 г. он напишет целый трактат, половина текста которого была посвящена России. Его выводы там следующие: необходимо сохранить крепостное право; ограничить доступ в дворянство людям низших сословий; ограничить преподавание светских наук; препятствовать распространению протестантизма и гармонизировать отношения между католической и православной церковью[15, С. 347]. Разумеется Ж. де Местр, как истинный католик пытался защитить в православной стране католицизм. А католиков и иезуитов в России уже было немало. Фактом является то, что в среде тогдашней высшей знати немало русских дворянских отпрысков обучалось у иезуитов![12, С. 222] Последние нашли в России не только прибежище, но и возможность пропаганды своего образа жизни и культуры. Таким образом, насквозь промонархические, клерикально-христианские и антилиберальные идеи Ж. де Местра и других французских эмигрантов-католиков оказали определенное влияние на самого царя и его окружение.

Драматичная война 1812 г. и победа над «Великой армией» Наполеона парадоксальным образом привела к трансформации русского сознания. Если в массе дворянского общества возобладали русские национал-патриотичные идеи, то в высших правительственных сферах и у самого царя появились даже мессианско-христианские идеи и нарративы. Особенно четко это прозвучало в словах архимандрита Филарета, объясняющего победу России над супостатом и «извергом человеческого рода» – Наполеоном в 1812 г. В интерпретации историка А. Зорина, филаретовская концепция звучит так: «Изгнание французов из России служит лишь первым шагом к реализации ее всемирно-исторической миссии – утверждению христианских порядков во всей Европе» [9, С. 264].

Либерализм в его правление все-таки стал частью государственной политики, остро конкурируя с отечественным и европейским консерватизмом. Так, даже после разгрома Наполеона, Александр I лично принимал участие в составлении конституционной Хартии для постнаполеоновской Франции, еще раньше ввел конституцию для Финляндии (где сам он был лишь князем Финляндским), а затем и Польши (Царства Польского). Наконец, в самой России по его поручению создавались проекты освобождения крестьян (проекты Аракчеева и Новосильцева), а в Прибалтике и вовсе им было отменено крепостное право в 1816–1819 гг. Но вот дальше, когда речь встала о самой России, то эмансипаторская линия явно забуксовала. И здесь очевидно главным препятствием были русские помещики, что дружно стояли на страже своих классовых интересов.

Но важно отметить, что все реформы в правлении Александра I готовились в узкой и закрытой даже от дворянства среде – ближайших доверенных чиновников царя. Характерно, что сам Александр откровенно боялся любой огласки и особенно возмущения дворянского общественного мнения на предполагаемые проекты реформ. В стране не было социальной опоры таким реформам. И он прекрасно осознавал, что в стране нет людей убежденных в актуальности и необходимости этих реформ. Вот откуда отчаянное его реформатора выражение: «Некем взять»!

Став главным архитектором Священного Союза – этого своеобразного клуба ключевых монархий Европы (России, Австрии, Пруссии) о коллективной безопасности в Европе, Александр «Благословенный», как христианский мистик и идеалист себя видел орудием Бога по установлению прочного мира в Европе покоящегося на основе христианского миролюбия и общего блага народов. С периода заседаний Священного Союза самого Александра уже мало заботила внутренняя повестка и нерешенные земные дела в своей собственной стране. Он был весь устремлен в небо международной политики, куда он привнес много абстрактной и нереалистичной философской морали, непонятой даже его династическими «коллегами»– европейскими монархами. Дух этой философии в том, что всем народам надо возлюбить друг друга, перестать воевать и думать лишь об общем благе. В итоге идеалисту Александру I, так и не удалось христианизировать общественное мнение ни в Европе, ни в России». [15, С. 362]. Более того с 1820 г. наблюдается явный правый поворот не только во внешней политики России, но и во внутренней. Это поворот был вызван серией революций, национальных движений в Европе (революции в Испании, Португалии, Италии), а в самой России произошло восстание Семеновского полка. Причем такому повороту России вправо, по мнению ряда историков, способствовало и прямое давление западных лидеров на самого Александра I. Они всячески убеждали экзальтированного русского императора отбросить все игры с либерализмом и поднять меч на «гидру мировой революции» [8, С. 420].

Именно с 1820 г. в стране разворачивается консервативная реакция. Новый любимец царя – вездесущий Аракчеев, получает полную власть в стране, при частично отошедшем от государственных дел Александре. Жесткий администратор Аракчеев, что насаждал военные поселения, становится и правой рукой и единственным «оком» государя. Только он один имеет право докладывать царю обо всех делах в стране. По образному выражению историка Ключевского: «Аракчеев хотел построить из России казарму, да еще поставить фельдфебеля к дверям» [12, С. 220]. Теперь уже всем окончательно стало ясно, что со всеми туманными либеральными проектами молодого царя раз и навсегда покончено. Новых реформ не будет. А самодержавно-крепостнические порядки отныне и навсегда. Именно это и вызвало не просто острое разочарование, но и взрывную ненависть к существующему порядку у людей порожденных либеральными начинаниями Александра I. В итоге это и породило «мини-революцию» 14 декабря 1825 года.

Декабристский потенциал модернизации

Само движение декабристов следует рассматривать и в контексте внешнего европейского вызова и его повестки; в силу хорошего усвоения будущими декабристами либерально-просветительской литературы, личного опыта пребывания за рубежом во время заграничных походов русской армии; так и внутреннего контекста – многообещающего Александровского правления. Так, уже на следствии, Петр Каховский показал, что на всех декабристов оказал огромное влияние своей освободительной линией император Александр I. Но сам отказ Александра, следовать своим ранним принципам и намерениям и вызвало взрыв недовольства людей действительностью[7, С. 252]. Отсюда можно согласиться, с Ключевским, который считал событие 14 декабря 1825 г. прямым следствием неудачного либерального преобразовательного проекта Александра I. [12, С. 235].

Для самих декабристов было ясно, что прежний абсолютистско-крепостнический порядок глубоко порочен (и морально и социально) и потому, он ведет страну к отставанию от Запада. И, несмотря на то, что все эти блестящие молодые офицеры были из дворян, они, будучи эмансипированными и либерально мыслящими людьми в условиях отсутствия в стране третьего буржуазного сословия, объективно играли

роль перспективного политического авангарда. По мнению историка Л. Васильева, в тех исторических условиях России, буржуазия, игравшая столь важную роль в Европе, оказалась в определенном аспекте замещенной интеллигенцией, состоявшей из дворян [2, С. 144]. Путь от просветительства (периода Союза Благоденствия) до конспиративных и радикальных организаций Северного и Южного обществ декабристы проделали и в силу убеждения, что российская власть, как и везде, встала на путь реакции.

Так некоторые из декабристов новую волну революционных восстаний и переворотов в 20-е гг. воспринимали как свидетельство скорого краха всех монархий в Европе вообще. Как утверждал на следствии Павел Пестель: «Происшествия в Неаполе, Гишпании и Португалии, – утверждал Пестель, – имели тогда большое влияние на меня. Я в них находил, по моим понятиям, неоспоримые доказательства в непрочности монархических конституций и полные причины в недоверчивости к истинному согласию монархов на конституции, ими принимаемые. Сии последние соображения укрепили меня весьма сильно в республиканском и революционном образе мыслей» [14, С. 78–79]. Впрочем, радикализм и характерные диктаторские замашки Пестеля (одновременно и Робеспьера и Бонапарта), разделяли далеко не все декабристы. Особенно из организации Северного общества. Тем не менее, вряд ли приходится сомневаться в том, что в случае успеха вооруженного переворота декабристов, страну ждали бы крупные политические потрясения. Поскольку страна и общество тогда еще не были готовы к естественной буржуазной трансформации (не проросли сами буржуазные производственные отношения), то факт успешного сценария военной диктатуры декабристов и проведения такой трансформации силовым путем «сверху» выглядит наиболее предпочтительным в таком случае. Но тут много «если бы». Поскольку, вероятнее всего бы дело могло бы закончиться серьезным военно-политическим раздраем между ними главными авторитетами декабристов.

А что видим более определенно? Удивительным образом, восстание декабристов носило в себе черты и классического гвардейско-дворцового переворота прошлого века и военного мятежа по аналогии с испанскими и латиноамериканскими мятежами и черты буржуазной политической революции в миниатюре. Соответственно, исходя из такого многосоставного набора, самих декабристов можно называть и дворянскими заговорщиками, мятежниками-офицерами попытавшимися совершить военный переворот и первыми революционерами (в силу существующей масштабной программы преобразований) в российской истории. Они были всеми сразу. В силу их политического потенциала, который так и не был актуализирован и практически не реализован. Отсюда сложность и полярность оценок их деятельности.

Что было и чего не было в проекте декабристов? Не было возможности буржуазной социальной революции. Поэтому известное выражение В. Ленина о том, что «страшно были они далеки от народа»– сложно оспорить. Ведь тогда в России самого сознательного «революционного народа», как возможного общественного субъекта революционных преобразований просто не было. Декабристов одновременно страшило и крестьянская пугачевщина (в виде стихийного бунта миллионов крестьянских рабов, которые могли бы их смести [6, С. 482]) и якобинский террор! Декабристы на следствии все время подчеркивали, что они не якобинцы и потому против масштабного террора (максимум убийство царя и ряда приближенных!). Судя по всему, главным для них было: установление революционной диктатуры и по факту, проведение жестко контролируемой «сверху» – управляемой революции, но без народа! [14, С. 80, 90].

Декабристы представляют собой решительных и уверенных в себе национал-патриотичных модернизаторов для феодально-патриархальной России, готовых дать ответ на первичный вызов буржуазного Запада. По словам зарубежного исследователя, декабристы «хотели подтолкнуть свою страну продвинуть ее к равенству с Европой…» [7, С. 252]. Не вызывает сомнения, что ощущая наметившуюся отсталость России от Запада, декабристы находясь на общепатриотической волне победителей в великой войне с Наполеоном, смели думать не только «догнать, но и перегнать Запад». А для этого требовалось одно: масштабные и решительные преобразования по ликвидации тупиковых остовов архаики и традиционализма. И в этом отношении, исходя из существующих планов и преобразовательных проектов, дворяне-декабристы выступали последовательными буржуазными революционерами. Но, победа осталась за Традицией.

«Особый путь» или николаевская охранительско-консервативная модернизация

В литературе правление Николая I нередко называют как контрмодернизацией (или даже антиевропейской контрреволюцией[10, С. 351].) по отношению к проевропейской модернизации Петра I и Екатерины II. Но так ли это на самом деле? С чем тут можно, а с чем нельзя согласиться. Попробуем разобраться.

По свидетельству самого Николая I в беседе в 1839 г. с известным «россиеведом» – маркизом де Кюстином: «Мы продолжаем дело Петра Великого» [1, С. 27] Вопрос лишь заключался в том, как понимал Николай I само продолжение «дела Петра»? Если брать традицию политики абсолютизма, централизации и бюрократизации государственной власти и личного контроля за всеми и вся, – то тут была абсолютная преемственность петровской политики Николаем I. Но вот что касается, заимствование передовых западных форм государственности, большей открытости Европе, то тут курс у Николая I, был во всем противоположный Петру I.

Николай I первый из русских монархов, который уверовал и силой всего государственного аппарата принуждал всех верить в то, что именно Россия и ее общественный строй во всем превосходит порочный и раздирающий бесконечными социально-политическими противоречиями Запад. Такую уверенность ему придавало и не только отсутствие в России революций подобных европейским – 1830 и 1848 гг. Но и само превосходство российского оружия. Ведь Россия не только победила самого главного мирового супостата – Наполеона, затем разбила и мятежных поляков, венгров. А все потому, что страной руководит он – автократичный и волевой монарх, убежденный в великой традиционной правоте, что его (монарха) власть от Бога и никак не иначе. И в этом его и России непоколебимая сила по сравнению с его более слабыми соседями – европейскими монархами, что дали слабину вольнодумству зловредных крикунов (либералов, социалистов и проч.). Отсюда возникало драматичное несоответствие мировоззрения и ценностных убеждений Николая I с изменившейся реальностью в самой Европе. Там уже произошла качественная для того времени буржуазная трансформация обществ, в горниле целой серии европейских революций, которых консерватор-фундаменталист Николай I посчитал за проявление внутренней государственно-общественной слабости. Вот только эта трансформация в итоге привела к ускоренному росту и сделала западноевропейские страны передовыми в экономике, науке и технологиях. К примеру, если в конце XVIII в. Россия и Англия выплавляли по 8 млн пудов чугуна, то к концу 1850-х гг. Россия только– 15 млн, а Англия– 234 млн. пудов! [6, С. 357]. И хотя в России уже начался промышленный переворот, появились железные дороги и пароходы, но страна все равно катастрофически отставала от западных стран по всей промышленной номенклатуре (особенно по ж/дорогам), в силу отсутствия производственных буржуазных отношений. Что, в конечном счете, и обеспечило победу Англии и Франции над Россией в Крымской войне.

Но Николай думал иначе. Именно буржуазную трансформацию, при которой экономически активная часть общества все больше контролирует монарха, Николай I считал вредным ослаблением государственной мощи. Другое дело, Россия, которая при новом царе забыла о прежних либерал-реформаторских метаниях. И остается крепкой, как скала своим сословно-крепостническим строем и своим самовластным монархом. И действительно, Николай I, в отличие от своего предшественника – старшего брата, был чужд всем европейским новомодным институтам. По словам историка А. Боханова: «Его неприязнь к «конституции» и парламентским формам правления вызывалось убеждением, что это «сделка с «революцией», что это уступка тем и тому, что разрушает вечное, целостное и неподдельное». [1, С. 13]. Самой ненавистной страной для Николая I, является Франции. Разумеется, во всем чуждой была и Великобритания с конституционной монархией. А вот прусская модель государственно-бюрократической власти, но только дореволюционного времени всегда была желанным образцом еще его отца Павла I, и его самого.

Любопытны высказывания о Николае I умной фрейлины Анны Тютчевой, дочери знаменитого поэта Тютчева. Она называла Николая «Дон Кихотом» самодержавия – страшным и зловредным; убежденным фанатичным противником всех индивидуальных свобод, которых он искренне считал «преступной и чудовищной ересью» и поэтому давил и преследовал их с пламенным сознанием исполнения долга» [16, С. 170].

Ярко выраженный военно-бюрократический стиль управления Николая I, при его личном контроле всех своих высших подчиненных поддерживал в придворно-правительственной среде тонус жесткой дисциплины и одновременно непредсказуемости действий самого императора. Вот только оставаясь абсолютным заложником «системы неопатримониального господства», казалось бы, «суперволевой» император Николай так и не мог решиться на столь необходимые реформы [4, С. 229].

По словам дореволюционного историка, Николая I, «поставил себе задачей ничего не перенимать, не вводить ничего нового в государ-

ственных основаниях… чинить обнаруживавшиеся ветхости помощью практического законодательства и все это делать без всякого участия общества, даже с подавлением общественной самостоятельности, одними правительственными средствами…» [12, С. 242]. Но это далеко не все. После «предательского» бунта 14 декабря 1825 г., на Сенатской площади русских дворян, у Николая сформировалось устойчивое к ним недоверие. Другое дело прибалтийские немцы – верные не столько России, а царю и династии! Вот почему так много исполнительных немцев вокруг Николая I, мы видим в годы его тридцатилетнего правления. По мнению исследователя Нефедова, пронемецкое правление Николая I 1825–1855 гг., по счету уже было третьей и более успешной попыткой (после Петра III и Павла I) построения в России регулярного государства прусского образца[13, С. 232]. Можно сказать, что взаимосвязанная сила николаевской империи держалась на самовластии царя + прусской модели + бюрократии + полиции + прибалтийские немцы + русский традиционализм = повиновение всех.

Сначала внутренний декабристский, затем и все более нарастающий западноевропейский буржуазно-модернистский вызов, заставил Николая существенно поменять прозападную просветительскую имперскую идеологию, и обратиться к русским консервативным наработкам еще правления Александра I. Особенно это касалось консервативно-монархической доктрины Н. Карамзина, с ее пресловутым «народным духом». Поэтому всем заразным ветрам западного либерализма, социализма и вкупе набирающему в Европе вес национализму и национальному общественному суверенитету была противопоставлена своя выстроенная «домашняя» идеологическая крепость: концепция «официальной народности» (Православие-Самодержавие-Народность) министра просвещения С. Уварова. В ней явно прослеживалась преемственность от концепции Карамзина. Задача такой идеологической «ограды», заключалась в том, чтобы, не отказавшись от принадлежности к европейской цивилизации (не изолируясь совсем от Европы!) создать надежные преграды («умственные плотины» по словам Уварова) опасным европейским идеям на основе самодержавно-патриархальных русских ценностей, включая и конечно Церковь[9, С. 367].

Церковь и так во всем зависимая от самодержавия активно поддержала такой модернизаторско-патерналистский почин государства. С елейным восторгом митрополит Московский и Коломенский Филарет в 1836 г. на юбилейной коронации Николая I произнес такие слова: «…счастливое будущее и благоденствие уже достигнуто Россией в настоящем, стремиться больше не к чему, народное процветание заключается лишь в максимально долгой консервации идеального порядка вещей православного царства» [3, С. 120] В результате общих усилий, появился некий идеологический продукт в виде самодержавно-патерналистской монархии во главе и патриархальной «народности» – «верноподданных россиян», «окормляемых» Русской православной Церковью. Очевидный пример соединения традиции и модернизированного консерватизма. И это не было уходом в седую Традицию. Тем более что в правление Николая проходила активная преобразовательная деятельность, причем во всех сферах. Поэтому и консервативная концепция «официальной народности»; строительство фабрик с машинным трудом и железные дороги; реформа государственных крестьян графа Киселева (1837–1841) с бюрократическим попечением над крестьянами; реформа объединения униатов с православными (1837) и проч., – все это, были модернистские проекты империи. Николаевский «особый путь» был вариантом охранительско-консервативной модернизации в интересах сохранения существующей власти и противостоящий во всем модернизации западной либерально-буржуазной модернизации.

Казалось бы, ничего не нарушало благостную картину умиротворения в строго сословном обществе. Но неожиданно, эту «тишину» вдруг нарушил чаадаевский «конфуз». Чаадаевский «выстрел в темной ночи» (как метко окрестил провокативное «Философическое письмо» Чаадаева А. Герцен), вызвал бурные и многолетние дискуссии, споры, кривотолки и в образованном обществе (что привело к знаменитому расколу на славянофилов и западников) и в придворно-бюрократических кругах. Так, если для самого Чаадаева аномальность России и ее цивилизационно-религиозная отделенность от Запада, есть трагический недостаток, то для Николая I и для того же Уварова это наоборот, достоинство. И это уникальное достоинство следует тщательно сохранять в качестве противовеса «вредному влиянию Запада» [4, С. 94]. Сложнее было со славянофилами. Они выступали большими антизападниками, чем Николай I с Уваровым. Для славянофилов весь петербургский период с западничеством, чиновничеством и крепостничеством был ненавистен. И потому, они, как и западники, и социалисты выступали с альтернативных позиций николаевскому охранительскому курсу. Выстроенная мощь идеологическо-репрессивного аппарата смогла легко нейтрализовать потенциально опасные для самодержавия, но крайне ничтожные общественно-клубные настроения в виде западников, славянофилов и социалистов (петрашевцев). Все эти группы были властью полностью придавлены и пресечены после 1848 г. Система выглядела внешне по-армейски суровой, единообразной и несокрушимой. Пока не грянул гром Крымской войны.

Заключение

Полувековое развитие России (1801–1855), было периодом максимального роста и невероятного достижения ее военного (после победы над Наполеоном) и геополитического могущества. Единовластие и вертикально-мобилизационное принуждение всех сословий явилось залогом успеха российской модели модернизации. А саму модель можно охарактеризовать как монархо-бюрократо-крепостническую. Причем, в этой модели был достигнут определенный баланс между регулярно перекачиваемыми из Европы новациями, и культурой Модерна, и русской Традицией. Конструкция этой модели держалась на крепком традиционном балансе между абсолютной вертикалью монархией, всевластием чиновничества и дворянства и полным их доминированием над подневольным крестьянством, живущим в патриархальном мире Традиции. В тоже время, традиционная система феодально-патриархального уклада жизни успешно сопротивлялась и погашала наиболее радикальное реформаторство, идущее как со стороны верховной власти (пример Александра I), так и со стороны части низовой элиты (декабристы). И только столкнувшись с более успешной буржуазно-западной моделью модернизации в годы Крымской войны, и проиграв ей, русская государственно-крепостническая консервативная модель модернизации подверглась трансформации.

Литература

1. Боханов А.А. Император Николай I.М. Вече, 2024.
2. Васильев Л.С. Эволюция общества. Типы общества и их трансформация:– М.: КДУ, 2011.
3. Велижев М.Особый путь развития в России в 1830-е годы (106–140)/ «Особый путь»: от идеологии к методу. – М.: Новое литературное обозрение, 2018.
4. Велижев М.Чаадаевское дело: идеология, риторики и государственная власть в николаевской России. 2-е изд. – М.: Новое литературное обозрение, 2023.
5. Верт П. 1837 год. Скрытая трансформация России.-М.: Новое литературное обозрение, 2025.
6. Галин В. Капитал Российской империи. Политэкономия истории. – М.: Алисторус, 2022. – 720 с.: илл.
7. Гринфельд Л. Национализм. Пять путей к современности. – М.: ПЕР СЭ, 2008.
8. Гросул В.Я., Итенберг Г.С., Твардовская В.А., Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
9. Зорин А. Кормя двуглавого орла. Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. – М.: Новое литературное обозрение, 2004.
10. Кантор В.К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. – М.: РОССПЭН, 2009.
11. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России. – «Ретроспективная и сравнительная политология. Публикации и исследования. Вып.1». М. Наука, 1991.
12. Ключевский В.О. Сочинения. Курс русской истории. В 9 т. – Т. 5. – М.: Мысль, 1989.
13. Нефедов С.А. История Российской империи: Факторный анализ. – Ереван: 2024.
14. Одесский М.П. Фельдман Д.М. Поэтика власти. Тираноборчество. Революция. Террор – М. РОССПЭН.2012.
15. Парсамов, В.С. На путях к Священному союзу: идеи войны и мира в России начала XIX века. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020.
16. Яковлев А.И. Очерки модернизации стран Востока и Запада в XIX–XX веках. М.: ЛЕНАНД, 2010.

PETERSBURG RUSSIA 1801–1855 IN THE DIALECTICAL SYMBIOSIS OF TRADITION AND MODERNITY

Baklanov V.I.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The aim of the work is to analyze, identify, and reveal the features of the dialectical relationship between modernization and traditionalism during the period under consideration

in the first half of the 19th century, based on factual material. The research methodology is based on dialectical materialist, interdisciplinary, systemic, and comparative approaches and methods. The theoretical and practical significance of the study lies in substantiating a number of theoretical issues related to the complex dialectical evolution of modernization versus traditionalism of power and society during the period under consideration in the first half of the 19th century. It is concluded that the structure of the Russian monarchobureaucraticserfdom model rested on a strong traditional balance between the absolute vertical power of the monarchy, the omnipotence of the bureaucracy and the nobility, and their complete dominance over the subjugated peasantry living in a patriarchal world of Tradition.

Keywords: tradition, modernity, absolutism, enlightenment, Europeanism, antiEuropeanism, conservatism, liberalism.

References

1. Bokhanov A.A. Emperor Nicholas I. Moscow: Veche, 2024.

2. Vasiliev L.S. Evolution of Society. Types of Society and Their Transformation: Moscow: KDU, 2011.

3. Velizhev M. A Special Path of Development in Russia in the 1830s (106–140) / "A Special Path": From Ideology to Method. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2018.

4. Velizhev M. The Chaadaev Affair: Ideology, Rhetoric, and State Power in Nicholas I's Russia. 2nd ed. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2023.

5. Vert P. 1837. The Hidden Transformation of Russia. – Moscow: New Literary Review, 2025.

6. Galin V. The Capital of the Russian Empire. The Political Economy of History. – Moscow: Alistorus, 2022. – 720 p.: ill.

7. Greenfeld L. Nationalism. Five Paths to Modernity. – Moscow: PER SE, 2008.

8. Grosul V.Ya., Itenberg G.S., Tvardovskaya V.A., Shatsillo K.F., Eymontova R.G. Russian Conservatism of the 19th Century. Ideology and Practice. Moscow: ProgressTradition, 2000.

9. Zorin A. Feeding the DoubleHeaded Eagle… Russian Literature and State Ideology in the Last Third of the 18th – First Third of the 19th Century. – Moscow: Novoye Literaturnoye Obozreniye, 2004.

10. Kantor V.K. Saint Petersburg: The Russian Empire versus Russian Chaos. On the Problem of Imperial Consciousness in Russia. – Moscow: ROSSPEN, 2009.

11. Karamzin N.M. Note on Ancient and Modern Russia. – "Retrospective and Comparative Political Science." Publications and Research. Issue 1. Moscow: Nauka, 1991.

12. Klyuchevsky V.O. Works. Course of Russian History. In 9 volumes. Vol. 5. Moscow: Mysl, 1989.

13. Nefedov S.A. History of the Russian Empire: Factor Analysis. Yerevan: 2024.

14. Odessky M.P., Feldman D.M. The Poetics of Power. Tyrannicide. Revolution. Terror – Moscow: ROSSPEN, 2012.

15. Parsamov, V.S. On the Path to the Holy Alliance: Ideas of War and Peace in Russia at the Beginning of the 19th Century. – Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2020.

16. Yakovlev A.I. Essays on the Modernization of the Countries of the East and West in the 19th-20th Centuries. Moscow: LENAND, 2010.

Влияние брачности на демографию в России

Губанова Ольга Александровна,
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры переподготовки и повышения квалификации специалистов, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева
E-mail: gubanova-olga@mail.ru

В публикации рассмотрено влияние брачности на демографические процессы в России, проанализировано ее падение за последнее десятилетие, что является комплексным процессом, который объясняется как долгосрочными демографическими сдвигами, так и ситуативными экономическими факторами. В статье подробно освещены основные причины снижения числа браков в России, в том числе экономические факторы, к которым относятся жилищные проблемы, высокая закредитованность населения и неуверенность в завтрашнем дне. Косвенно об этом говорит резкий рост популярности брачных договоров, в публикации показана их динамика с 2015 по 2024 годы. Официальный брак остается ключевым фактором демографических процессов, однако его влияние трансформируется под воздействием социально-экономических и культурных сдвигов. Взаимосвязь между регистрацией союза и рождаемостью носит прямой характер: повышение или понижение показателей брачности через год приводит к соответствующим изменениям в показателях рождаемости. Для изменения демографической ситуации недостаточно мер, направленных только на поддержку уже существующих семей, необходимы инструменты стимулирования самого создания пар, например, льготная ипотека для супружеских пар, планирующих рождение детей в ближайшие три года. Без повышения уровня ответственности партнеров перед законом и обществом меры финансовой поддержки не дадут ожидаемого прироста населения.

Ключевые слова: демография, брачность, экономическая мотивация, снижение браков, брачный контракт.

Введение

Падение брачности в России за последние десять лет представляет собой долгосрочный демографический тренд, который лишь незначительно корректировался внешними факторами. Эксперты связывают эту ситуацию с долгосрочным системным направлением снижения ценностной значимости института официального брака. Кроме того, значительную роль играет экономическая мотивация: граждане манипулируют семейным статусом для получения социальных выплат от государства.

Согласно опросам ВЦИОМ, основными причинами распада семей сами россияне называют:

– финансовые факторы (бедность, невозможность прокормить семью) – 38%;
– измену – 18%;
– недопонимание – 14%.

При этом более трети респондентов (34%) считают, что непреодолимых препятствий для развода не существует и сделать это можно всегда.

Основная часть

Падение брачности в России за последнее десятилетие – это комплексный процесс, который объясняется как долгосрочными демографическими сдвигами, так и ситуативными экономическими факторами.

К основным причинам снижения числа браков следует отнести:

1. Демографические волны. В активный брачный возраст сейчас вступает малочисленное поколение 1990-х годов рождения (так называемая «демографическая яма»). По данным Росстата, коэффициент брачности достиг пика в 2011 году (9,2 на 1000 человек), после чего начал снижаться, опустившись до минимума в 5,3 в пандемийном 2020 году. Коэффицент брачности – это демографический показатель, который отражает интенсивность заключения браков в населении. Он измеряет число заключенных браков за определенный период (обычно календарный год) по отношению к общей численности населения. [1]

2. Увеличение возраста вступления в брак. Начиная со второй половины 1990 годов средний возраст вступающих в брак увеличивается. Молодые люди стремятся сначала получить образование, построить карьеру и достичь финансовой стабильности. Брак перестал быть обязательным этапом взросления и все чаще откладывается на период после 27–30 лет.

3. Распространение сожительств (незарегистрированных союзов). Институт брака теряет свою монополию на легитимацию отношений. Все больше пар предпочитают жить вместе без официальной регистрации, проверяя совместимость перед принятием юридического решения. Расторжение официального брака сегодня не означает последующего одиночества – растет число повторных союзов и длительных сожительств, а суммарное время пребывания в партнерстве может даже увеличиваться.

4. Экономические факторы. Финансовые трудности называют главной причиной отказа от брака или его расторжения 46% опрошенных лиц, к ним относятся: жилищные проблемы, высокая закредитованность населения и неуверенность в завтрашнем дне. Косвенно об этом говорит резкий рост популярности брачных договоров: только за последние шесть лет россияне оформили почти 900 тысяч таких документов, причем 28,6% из них пришлись на 2025 год.

5. Изменение отношения к разводу. Общество стало более лояльным к расторжению брака. Если в 2007 году лишь 23% россиян считали, что развестись можно всегда при отсутствии непреодолимых препятствий, то в 2024 году так думают уже 37%. При этом главными причинами распада семей становятся не измены (18%), а эмоциональное выгорание (68%) и денежные конфликты (46%).

6. Влияние государственных мер поддержки, на статистику косвенно влияют социальные выплаты. Например, фиктивные разводы стали инструментом для получения пособий на детей (если доход отца не учитывается) или субсидий на оплату ЖКХ. После изменения правил выплат для детей, рожденных после конца 2022 года, число разводов на Северном Кавказе сократилось сразу на 21,4%, что подтверждает влияние экономического стимула.

7. Внешнеполитические обстоятельства. Периоды всплесков брачной активности часто связаны с кризисами. Так, свадебный бум 2022 года был вызван не только отложенными из-за пандемии COV-

ID-19 торжествами, но и мобилизацией: многие мужчины заключали браки перед отправкой в зону СВО или контрактной службой, для упрощения получения выплат от государства.

Государство пытается преодолеть эту ситуацию через концепцию «семейноцентризма», введя повышенные пошлины на развод (с 650 до 5000 рублей с 2025 года) и обсуждение выплат парам-долгожителям, однако эксперты сомневаются, что эти меры смогут изменить установки молодого поколения относительно необходимости официальной регистрации брака.

Динамика абсолютных чисел и коэффициентов за 2015–2024 годы показывает следующее: за последнее десятилетие число зарегистрированных браков сократилось почти вдвое по сравнению с пиковыми значениями начала 2010 годов:

– 2011 год: абсолютный рекорд – 1316 тысяч браков. Общий коэффициент брачности составлял 9,2% (на 1000 человек населения);

– 2015 год: зарегистрировано около 1161 тысячи браков;

– 2018 год: показатель опустился ниже психологической отметки в 1 миллион (около 967 тысяч), после чего началось плавное снижение к доковидным минимумам;

– 2020 год: пандемийный антирекорд – 771 тысяча браков (коэффициент упал до 5,2%). Резкое падение связано с локдаунами, закрытием ЗАГСов для торжественных церемоний и санитарными ограничениями;

– 2021–2022 годы: временный компенсационный рост («свадебный бум»). В 2021 году заключено 924 тысячи браков (+20% к 2020-му), а в 2022 году – более 1 миллиона (1054 тысячи, +14%). Рост был вызван отложенным спросом, желанием мобилизованных узаконить отношения перед отправкой на фронт, а также фиктивными браками ради упрощения получения выплат;

– 2023 год: возобновление спада – зарегистрировано 946 тысяч браков (сокращение на 10% к 2022 году);

– 2024 год: число браков снизилось еще на 7% и составило 880226. Это минимальный показатель за последние пять лет. Общий коэффициент брачности опустился до 6,0%.

Региональная картина брачности следующая (по данным за 2024 год.): Уровень брачности крайне неоднороден географически:
– лидерство мегаполисов: Санкт-Петербург (9,0%), Москва (около 8,5%);
– минимальные показатели: Чеченская Республика (1,7%), Республика Ингушетия (1,8%). Низкие цифры в этих регионах часто связаны с тем, что значительная часть населения проживает в религиозных браках, которые не регистрируются органами ЗАГС, либо с особенностями возрастной структуры;
– абсолютные лидеры по числу регистраций: Москва (87,2 тыс.), Санкт-Петербург (50,4 тыс.), Московская область (47,9 тыс.).

По данным за 2025 год, статистика разводов в России демонстрирует разнонаправленные тенденции. С одной стороны, зафиксировано рекордное снижение числа расторжений брака среди семей с детьми, с другой – сохраняется высокий общий коэффициент разводимости.

К основным показателям по итогам судебной и демографической статистики относятся:
– Разводы в семьях с детьми: Число обращений в суды о расторжении таких браков составило 331,8 тыс. (рассмотрено с вынесением решения – 299,5 тыс.). Это самый низкий показатель за последние 20 лет. По сравнению с предыдущими годами наблюдается резкое падение:
– на 15,7% меньше, чем в 2024 году (394 тыс.);
– на 29% меньше, чем в 2023 году (469,8 тыс.). Для сравнения: пиковым годом был 2013-й (464,8 тыс. обращений), а предыдущий антирекорд фиксировался только в пандемийном 2020 году (336 тыс.) из-за ограничений работы судов. [2]

Общая динамика в России остается следующей: согласно оценкам на основе данных ВЦИОМ и Росстата, Россия занимает третье место в мире по количеству разводов. Об этом 18 декабря 2024 года сообщила советник генерального директора Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) Елена Михайлова.

Коэффициент составляет около 8 распавшихся союзов на каждые 10 заключенных браков. За 2024 год было зарегистрировано 644,5 тысячи разводов при 880 тысячах браков. В пересчете на миллион заключенных браков этот показатель достигает примерно 800 тысяч разводов.

К ключевым показателям статистики относятся:
– Соотношение браков и разводов: в 2024 году на каждые 10 новых бракосочетаний приходилось 8 разводов – это максимальное значение за весь период наблюдений. По данным Единого государственного реестра записей актов гражданского состояния (ЕГР ЗАГС), было зарегистрировано 880 тысяч браков и 644,5 тысячи разводов.
– Динамика: для сравнения, в 2006 году браков было больше, чем разводов, примерно в 1,5 раза, а в ковидный год на 10 свадеб приходилось 7 разводов.
– Региональные различия: лидером по числу разводов стал Камчатский край (66 разводов на 10000 жителей), далее следуют Амурская область (60) и Забайкальский край (59). Реже всего семьи распадались в Мордовии (29 разводов на 10000 человек). [3]

Для решения проблемы демографии и укрепления института семьи в России был запущен нацпроект «Семья», а также рассматривается инициатива об увеличении госпошлины за расторжение брака (с сентября 2024 года она выросла с 650 до 5000 рублей).
– Брачные договоры: на фоне нестабильности семейных отношений зафиксирован резкий рост юридической защиты активов. В 2025 году нотариусы удостоверили 255241 брачный договор, что в 2,38 раза больше, чем в 2024 году, и на 67,7% выше предыдущего рекорда 2021 года. Почти каждый третий такой документ за последние шесть лет был оформлен именно в 2025 году.

Статистика указывает на несколько ключевых факторов причины наблюдаемых изменений:

1. Снижение разводов среди родителей: эксперты связывают это не столько с укреплением института семьи, сколько с экономическими причинами. Расторжение брака усложняет получение единого пособия на детей, раздел ипотечного жилья и высокие судебные издержки. Кроме того, государство активно продвигает меры поддержки многодетных семей, что мотивирует супругов сохранять официальный статус ради льгот.

2. Высокий общий уровень разводов: сохранение соотношения «8 из 10» говорит о том, что бездетные пары или пары со взрослыми детьми продолжают расходиться так же часто, как и раньше.

3. Рост брачных договоров: скачок их оформления свидетельствует об изменении подхода к институту брака – он все чаще воспринимается россиянами не только как эмоциональный союз, но и как юридическая сделка, требующая четкого разграничения имущественных прав еще до возможного развода.

Официальный брак остается ключевым фактором демографических процессов, однако его влияние трансформируется под воздействием социально-экономических и культурных сдвигов. Взаимосвязь между регистрацией союза и рождаемостью носит прямой характер: повышение или понижение показателей брачности через год приводит к соответствующим изменениям в показателях рождаемости.

Рассмотрим основные механизмы влияния официального брака на демографию:

1. Репродуктивное поведение. Во всех возрастах среднее число детей у женщин, живущих в незарегистрированных союзах, значительно ниже, чем у состоящих в законном браке. По данным выборочного наблюдения Росстата за 2022 год, среди женщин 40–44 лет в повторных законных браках показатель детности составляет 1,93 ребенка, тогда как в повторных сожительствах – существенно меньше. Это связано с тем, что партнеры без регистрации доверяют друг другу меньше и опасаются последствий разрыва неофициального союза, который не влечет за собой потерю жилья и раздел имущества. К дополнительному фактору относится то, что женщины в официальном браке чаще планируют рождение второго и последующих детей, так как чувствуют экономическую защищенность и стабильность в браке.

2. Структура семьи и многодетность. Более половины новорожденных в России появляются в зарегистрированном браке. Меры государственной поддержки, такие как материнский капитал, исторически давали наибольший эффект именно для рождения детей в браке. Доля внебрачных детей стабилизировалась на уровне 21–23%, при этом большинство из них регистрируются по совместному заявлению родителей. При этом наличие троих и более детей несколько укрепляет брак, снижая вероятность развода, но даже это не может стать полной гарантией от распада семьи. [4]

3. Возраст вступления в брак. Растет доля людей, никогда не состоявших ни в законном, ни в неофициальном союзе. Если среди мужчин 1950-х годов рождения было 40% холостых в возрасте 20–29 лет, то среди родившихся в 1970-е годы этот показатель вырос до 53%. Аналогичный рост наблюдается и у женщин (с 24% до 36%). Позднее вступление в брак сокращает репродуктивный период для рождения ребенка, а увеличение доли окончательного безбрачия напрямую снижает общие показатели демографии.

4. Социально-психологические факторы. Снижение брачности во многом обусловлено распространением индивидуалистических установок. С 2012 по 2024 год доля респондентов с эгоистичными представлениями о семье выросла с 18% до 24%, а среди молодежи 18–24 лет – с 21% до 50%. Половина представителей поколения 2000–2006 годов рождения придерживается взглядов, где личные интересы

ставятся выше семейных, что препятствует созданию устойчивых зарегистрированных союзов.

5. Экономические барьеры. Отсутствие собственного жилья является самым главным препятствием для создания семьи. Согласно опросу ВЦИОМ «Идеальная семья-2023», 35% россиян считают отдельное жилье совершенно необходимым условием для планирования семьи. Его отсутствие тормозит регистрацию брака и откладывает рождение детей. [5]

К трансформации института брака в современной России следует отнести заключение брачных договоров. В 2025 году россияне заключили рекордные 255 тысяч брачных договоров. Юристы отмечают смену культуры отношений: молодое поколение рассматривает договор не как признак недоверия, а как инструмент прозрачного планирования и взаимного уважения. Однако парадокс заключается в том, что сам официальный брак как важный атрибут семьи отметили лишь 22,5% респондентов, хотя с возрастом значимость этого аспекта возрастает до 52% в группе пятьдесят пять плюс.

Для изменения демографической ситуации недостаточно мер, направленных только на поддержку уже существующих семей. Необходимы инструменты стимулирования пар для создания брака, например, льготная ипотека для супружеских пар, планирующих рождение детей в ближайшие три года. Без повышения уровня ответственности партнеров перед законом и обществом меры финансовой поддержки не дадут ожидаемого прироста населения.

В демографической истории России можно выделить несколько ключевых периодов, когда наблюдался рост рождаемости:

Дореволюционный и раннесоветский периоды (конец XIX века – 1920 годы). В это время для населения была характерна модель «высокая рождаемость – высокая смертность». Уровень рождаемости значительно перекрывал уровень смертности, что обеспечивало естественный прирост населения. В возрастной структуре населения преобладали дети и молодежь.

Послевоенный бэби-бум (вторая половина 1940 – начало 1950 годов). После окончания Великой Отечественной войны произошел мощный всплеск рождаемости, чему способствовало возвращение мужчин с фронта, реализация отложенных из-за войны браков и рождение детей и улучшение санитарных условий, которое привело к резкому сокращению детской смертности при сохранении высокой рождаемости.

Кратковременные подъемы в позднесоветский период (начало 1980 годов). На фоне общего долгосрочного тренда на снижение рождаемости после завершения послевоенного бума выделялись локальные пики. Они были связаны с мерами государственной поддержки: введением оплачиваемых отпусков по уходу за ребенком, ростом жилищного строительства и антиалкогольной кампанией 1985 года. Именно тогда фиксировались кратковременные скачки показателей в 1983, 1984 и 1987 годах.

Период стабилизации и роста в XXI веке (примерно 1999–2015 годы). С конца 1990 годов темпы естественной убыли населения начали снижаться, а с 2009 года численность населения страны стала расти. Рост рождаемости в этот период был обусловлен тремя факторами:

1. Структурными: в репродуктивный возраст вступило многочисленное поколение детей 1980 годов («эхо» советского бэби-бума).

2. Экономическими: стабилизация экономики и рост доходов населения.

3. Политическими: активная государственная поддержка семей. Ключевую роль сыграла программа материнского капитала, запущенная в 2007 году, а с 2011 года – региональные программы выплат.

Стоит отметить, что начиная с 2015–2016 годов суммарный коэффициент рождаемости в России вновь начал устойчиво снижаться.

Текущая демографическая ситуация в Россия находится в стадии затяжной демографической ямы. По данным Росстата, естественная убыль населения в 2024 году составила 545,1 тыс. человек (против 438,3 тыс. в 2023 году). Прогнозы статистического ведомства предполагают сокращение численности населения до 143,3 млн к 2030 году и до 140,96 млн. к 2036 году. Одной из главных проблем является стремительное сокращение числа женщин репродуктивного возраста: с 39,4 млн. в 2006 году до 34,2 млн. в 2023 году. Ожидается, что к 2046 году их число снизится до 27,4 млн.

К основным тенденциям сокращения численности населения относятся:

– старение материнства: средний возраст матери при рождении первого ребенка увеличился до 26,2 года, а общий средний возраст родительства достиг 29 лет. Получение образования и стремление к финансовой стабильности приводят к «отложенному материнству»;

– трансформация модели семьи: доля домохозяйств с одним ребенком сократилась с 65% в 2010 году до 55% в 2021 году, при этом растет доля семей с двумя (до 33%) и тремя детьми (до 12%);

– урбанизация и сельская местность: с 2015 года общий коэффициент рождаемости в селах (8,6 в 2023 году) стал ниже городского. Отток молодежи и сокращение сельской инфраструктуры напрямую влияют на интенсивность рождения детей.

Заключение

Огромным резервом для повышения рождаемости остаются женщины без детей: по переписи 2020 года, 77% россиянок в возрасте 20–24 лет не имели детей. При этом 72% женщин и почти 70% мужчин хотели бы иметь двух и более детей, но разрыв между желаемым и ожидаемым числом детей ограничивается эффективностью мер поддержки.

На показатели здоровья и смертности влияет образ жизни. До 61% смертей от болезней системы кровообращения связаны с табакокурением, потреблением алкоголя, нездоровым питанием, низкой физической активностью и ожирением.

Для решения этих проблем Правительство РФ утвердило стратегию семейной и демографической политики до 2036 года и национальный проект «Семья». Его ключевые направления включают в себя:

– Медицинский блок: расширение сети женских консультаций, модернизация перинатальных центров, внедрение с 2024 года обязательной диспансеризации граждан репродуктивного возраста (18–49 лет) для оценки фертильности, развитие программ лечения бесплодия;

– Социально-экономический блок: программы материнского капитала (распространенные на первенцев с 2020 года), ежемесячные выплаты нуждающимся семьям, льготная ипотека. Уровень бедности многодетных семей за последние годы существенно снизился; [6,7]

– Инфраструктурный блок: развитие социальной среды в малых городах и селах (пилотные проекты запущены в Новгородской, Пензенской и Тамбовской областях), создание комнат матери и ребенка в вузах, синхронизация графика работы детских садов с графиками родителей.

Целевые показатели стратегии к 2036 году амбициозны: достижение суммарного коэффициента рождаемости 1,8, ожидаемой продолжительности здоровой жизни в 72 года и охват диспансеризацией репродуктивного здоровья не менее 50% граждан. [8]

Для России сокращение численности населения чревато прежде всего геополитическими рисками. Кроме того, имеются экономические аспекты данной проблемы – страну может ожидать дефицит трудовых ресурсов, сокращение призывников, школьников и студентов, интенсивное старение населения. Не стоит забывать, что в настоящее время от решения демографических проблем зависит будущее России. [9,10]

Литература

1. Губанова О.А. Демография в России // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2020. № 3 (48). С. 53–56.

2. Губанова О.А., Зуев А.В. Актуальные вопросы глобального увеличения численности населения // Инновации и инвестиции. 2023. № 2. С. 44–46.

3. Росстат: Демографический ежегодник России. 2023: Статистический сборник / Росстат. М., 2023.

4. Губанова О.А. Материнский капитал в разных странах // Экономическое развитие России. 2026. № 1. С. 254–255.

5. Малинина Т.Б. Демография и социальная статистика. Учебник и практикум. 2-е изд. М., 2024. –354с.

6. Губанова О.А. Отпуск по уходу за ребенком в разных странах // Экономическое развитие России. 2026. № 2. С. 86–89.

7. Губанова О.А., Ильина И.М., Османов Ш.А., Завьялов Д.Е. Социальная гарантия сотрудников ГПС МЧС России // Юридическая наука, 2024. № 2. С. 34–38.

8. Губанова О.А. Один из факторов ухудшения демографии в России // Экономическое развитие России, 2026, № 8. С. 273–275.

9. Попадейкин В.В., Архипова М.Ю., Сиротин В.П., Нарциссова С.Ю. Проблемы демографии. М.: Изд.дом «Инфа-М»; 2021. 162 с.

10. Попадейкин В.В. Проблемы демографии: монография / В.В. Попадейкин, М.Ю. Архипова, В.П. Сиротин, С.Ю. Нарциссова. М.: Академия МНЭПУ. 2022. 220 с.

IMPACT OF MARRIAGE ON DEMOGRAPHICS IN RUSSIA

Gubanova O.A.
Saint Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero of the Russian Federation, General of the Army E.N. Zinichev

The publication discusses the impact of marriage on the demographic processes in Russia, analyzed its decline over the past decade, which is a complex process that is explained by both long-term demographic shifts and situational economic factors. The article details the

main reasons for the decline in the number of marriages in Russia, including economic factors, which include housing problems, high debt load of the population and uncertainty about the future. Indirectly, this is evidenced by the sharp increase in the popularity of marriage contracts. The publication shows their dynamics from 2015 to 2024. Official marriage remains a key factor in demographic processes, but its impact is being transformed under the influence of socio-economic and cultural shifts. The relationship between the registration of the union and the birth rate is direct: an increase or decrease in marriage rates after a year leads to corresponding changes in birth rates. To change the demographic situation, measures are not enough, aimed only at supporting existing families. Tools are needed to stimulate the creation of couples themselves, for example, a preferential mortgage for married couples planning to have children in the next three years. Without increasing the level of responsibility of partners before the law and society, financial support measures will not give the expected population growth.

Keywords: demography, marriage, economic motivation, reduction of marriages, marriage contract.

References

1. Gubanova O.A. Demography in Russia//Psychological and pedagogical problems of human and society security. 2020. № 3 (48). S. 53–56.

2. Gubanova O.A., Zuev A.V. Topical issues of global population increase//Innovation and investment. 2023. № 2. S.44–46.

3. Rosstat: Demographic Yearbook of Russia. 2023: Statistical Compendium/Rosstat. M., 2023.

4. Gubanova O.A. Maternity capital in different countries//Economic development of Russia. 2026. № 1. P. 254–255.

5. Malinina T.B. Demography and social statistics. Textbook and workshop. 2nd ed. M., 2024. –354s.

6. Gubanova O.A. Parental leave in different countries//Economic development of Russia. 2026. № 2. S.86–89.

7. Gubanova O.A., Ilyina I.M., Osmanov Sh.A., Zavyalov D.E. Social guarantee of employees of the State Fire Service EMERCOM of Russia//Legal Science, 2024. № 2. S. 34–38.

8. Gubanova O.A. One of the factors contributing to the deterioration of the demographic situation in Russia // Economic Development of Russia, 2026, № 8, Pp. 273–275.

9. Popadeikin V.V., Arkhipova M.Yu., Sirotin V.P., Narcissova S. Yu. Problems of demography. M.: Publishing house «Infa-M «; 2021. 162 pp.

10. Popadeikin V.V. Problems of demography: monograph/V.V. Popadeikin, M. Yu. Arkhipova, V.P. Sirotin, S. Yu. Narcissova. M.: MNEPU Academy. 2022. 220 s.

Мобилизационно-монопольный немонический режим: Россия в сравнительной перспективе

Карамов Антон Романович,
аспирант кафедры политологии, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХИГС)
E-mail: ak9karamov@gmail.com

В статье предложена типологическая категория «мобилизационно-монопольного мнемонического режима» для описания специфики российской исторической политики в сравнительной перспективе. На основе кросс-национального сравнения России с Германией, Польшей и Францией по 11 критериям показано, что российская модель не является разновидностью ни «плюралистического» (Германия, Франция), ни «конкурентно-фрагментированного» (Польша) режима памяти в типологии Кубика и Бернхарда. Обосновывается, что предложенный тип образует самостоятельный аналитический класс, отличающийся конституционным статусом охраняемого нарратива, множественностью охраняемых объектов, развитой квазигражданской буферной инфраструктурой, полной образовательной унификацией, системными цифровыми ограничениями и массовым уголовным преследованием граждан за историческое инакомыслие при одновременной военно-политической функции нарратива. Концепция «латентного плюрализма памяти» характеризует структурные пределы данного режима. Обсуждается сравнительный потенциал предложенной типологии за пределами российского случая.

Ключевые слова: политика памяти; сравнительный анализ; мнемонический режим; историческая политика России; Германия; Польша; Франция; мобилизационно-монопольный режим; латентный плюрализм памяти; уголовное преследование.

Введение: проблема сравнительной типологии режимов памяти

Является ли российская историческая политика уникальным феноменом или разновидностью более широко распространённого типа? Ответ на этот вопрос имеет принципиальное значение: если российская модель является крайним вариантом известного типа, её анализ может опираться на уже разработанный инструментарий; если же она образует самостоятельный тип – необходимо концептуальное нововведение. Настоящая статья утверждает, что речь идёт о втором случае, и предлагает соответствующую типологическую категорию.

Наиболее влиятельная типология режимов памяти – разработанная Й. Кубиком и М. Бернхардом на материале постсоциалистических государств [Bernhard, Kubik, 2014] – выделяет четыре типа:

«фрагментированный», «плюралистический», «конкурентно-авторитарный» и «монолитный». Данная статья утверждает: в отношении России типология нуждается в дополнении новым подтипом – «мобилизационно-монопольным», – который структурно отличается от «монолитного» в понимании Кубика и Бернхарда наличием специфического набора организационных, нормативных и медийных механизмов, не имеющих прямых аналогов в их классификации.

Выбор сравнительных случаев (Германия, Польша, Франция) обусловлен тремя соображениями. Во-первых, все три государств обладают развитым законодательством памяти, образуя сопоставимый институциональный материал. Во-вторых, каждый случай иллюстрирует отдельный тип режима памяти в существующих типологиях. В-третьих, все три государства имеют значимую историческую связь с Россией – через общую историю Второй мировой войны, общую советскую орбиту и развитую традицию законодательного регулирования памяти. Методологически применяется стратегия most similar systems design: максимально сходные по уровню развития и институциональной плотности государства с контрастирующими значениями ключевых переменных.

Теоретический контекст: типологии режимов памяти

Типологический подход к режимам памяти имеет разветвлённую интеллектуальную историю. Пионерские работы Хальбвакса, Нора и Ассмана заложили теоретический фундамент, показав, что коллективная память институционально сконструирована и воспроизводится через специфические практики и «места памяти» [Halbwachs, 1992; Nora, 1996; Assmann, 2011]. Сравнительное измерение получило развитие в работах, посвящённых «войнам памяти» в постсоциалистических государствах: Малкшоо исследовала «транснациональную мнемополитику» как измерение постхолодновоенного порядка [Mälksoo, 2014], Копосов систематизировал европейский ландшафт «законодательства памяти» [Koposov, 2018], Фронза разработала юридический инструментарий анализа криминализации исторических высказываний [Fronza, 2018].

Типология Кубика и Бернхарда (2014) является на сегодняшний день наиболее систематизированным инструментом сравнительного анализа режимов памяти. Однако она разрабатывалась на материале стран Центральной и Восточной Европы в 1990-х – начале 2000-х годов – до появления ряда феноменов, делающих российский случай аналитически

специфичным: конституционализации нарратива, прямой увязки исторической политики с военными действиями, массового уголовного преследования за историческое инакомыслие. Расширение типологии в части «мобилизационно-монопольного» типа отвечает на этот пробел.

Важным концептуальным ресурсом является также литература о «захваченном гражданском обществе» и «имитационных институтах» в сравнительной политологии [Diamond, 2002; Levitsky, Way, 2010]. Применительно к исторической политике это означает, что ключевые характеристики «мобилизационно-монопольного» режима – буферная инфраструктура, управляемый плюрализм нарратива – могут быть концептуализированы как специфические механизмы «управляемого» производства памяти, сочетающего монополизм содержания с плюрализмом форм.

Сравнительный анализ: 11 критериев

Кросс-национальное сравнение по 11 критериям представлено в Таблице 1. Критерии отобраны по принципу операциональной верифицируе-

мости: для каждого существует возможность однозначной кодировки на основе открытых данных – конституционных текстов, законодательства, данных о правоприменении, официальной образовательной документации, социологических исследований.

Таблица 1. Сравнение режимов исторической политики по 11 критериям (составлено автором)

Критерий	Россия	Германия	Польша	Франция
1. Конституц. статус нарратива	Есть (ст. 67.1)	Отсутствует	Отсутствует	Отсутствует
2. Уголовная ответственность	Широкая (ст. 354.1, 207.3)	Точечная (§ 130 StGB)	Была / смягчена (2023)	Точечная
3. Квазигражданские буферы	Развиты (РИО, РВИО)	Отсутствуют	Частично (ИНП)	Отсутствуют
4. Образовательная унификация	Полная (1 учебник, 2023)	Регион. вариативность	Частичная	Регион. вариативность
5. Охват нарратива	Множественный	Единственный (Холокост)	Единственный	Множественный , фрагм.
6. Цифровые ограничения	Системные	Отсутствуют	Минимальные	Отсутствуют
7. Автономия гражд. общества	Минимальная	Высокая	Средняя	Высокая
8. Внешнеполит. функция	Центральная (обосн. войны)	Минимальная	Значимая	Умеренная
9. Изменчивость при смене власти	Низкая	Низкая	Высокая (2023)	Средняя
10. Масштаб уголовных дел граждан	Массовый (700+ дел)	Единичные	Редкие	Единичные
11. Тип режима памяти	Мобил.-монопольный	Плюралистически й	Конкур.-фрагм.	Плюралистическ ий

Процедура кодирования критериев

Каждый из 11 критериев кодировался по дихотомической или трёхзначной шкале (отсутствует / частично / развито) на основе первичных источников: конституционных текстов и поправок; профильного законодательства; официальных уставных документов организаций; данных правоприменительной практики (ОВД-Инфо для России; национальные реестры для Германии, Польши, Франции); социологических данных (Левада-Центр, Eurobarometer, CBOS). Критерии 7

«Автономия гражданского общества» и 8 «Внешнеполитическая функция нарратива» кодировались с опорой не менее чем на два независимых источника. Кодирование проводилось автором единолично – это признаваемое ограничение: таблица отражает авторскую систематизацию, претендующую на обоснованность, а не на межкодировщицки верифицированную надёжность. Устранение данного ограничения требует коллективного исследовательского проекта с независимым вторым кодировщиком.

Анализ Таблицы 1 позволяет выявить четыре параметра, по которым российская модель отличается от всех трёх сравниваемых случаев одновременно.

Параметр 1: конституционный статус нарратива. Только Россия зафиксировала «защиту исторической правды» в конституционном тексте (ст. 67.1 поправок 2020 года). Это означает: в России ограничения на интерпретацию истории обеспечены высшим уровнем правовой защиты, существенно затрудняя их оспаривание через конституционные инстанции. Французский Конституционный совет в 2006 году смог отменить закон о

«позитивной роли» колониализма именно потому, что соответствующий нарратив не был конституционно закреплён.

Параметр 2: множественность охраняемых объектов. Германская модель защищает единственный объект – фактологическую достоверность утверждений о Холокосте. Польская (до 2023 года) – «доброе имя» нации применительно к нацистским преступлениям. Французская – несколько объектов без иерархии. Российская модель защищает множество взаимосвязанных объектов (Победа, «денацификация», «возвращение» территорий, «геноцид» русскоязычного населения), создавая диффузную охранительную зону с широким дискреционным пространством для правоприменителя.

Параметр 3: военно-политическая функция нарратива. Только в российском случае исторический нарратив служит непосредственным обоснованием военных действий. Это создаёт принципиально иную институциональную логику: оспаривание нарратива приравнивается к оспариванию военной операции, что резко повышает социальную и правовую стоимость любой альтернативной интерпретации.

Параметр 4: масштаб уголовного преследования граждан. По данным ОВД-Инфо, к середине 2024 года по ст. 207.3 и 280.3 УК РФ возбуждено свыше 700 уголовных дел – на порядки больше аналогичных показателей всех трёх сравниваемых случаев. В Германии по § 130 StGB ежегодно возбуждается 10–15 дел, и все они касаются публичного отрицания Холокоста, а не спорных исторических оценок.

Германская модель: «универсально-мемориальный» режим

Германская модель устанавливает единственную, максимально широкую правовую норму – § 130 Уголовного кодекса ФРГ (Volksverhetzung), криминализирующую отрицание Холокоста. Принципиальная особенность этой нормы – её универсальный, а не партикулярный характер: защищается не «немецкий взгляд» на историю, а фактологически верифицируемое событие, признанное Нюрнбергским трибуналом. Правовая легитимность нормы основана на международном решении, а не на государственной интерпретации.

За пределами этого единственного ядра немецкая историческая политика характеризуется высоким плюрализмом. Продолжается открытая дискуссия о коллективной ответственности немецкого общества, о трактовке бомбардировок немецких городов союзниками, о восстановлении Берлинского дворца. Гражданское общество – фонд «Память, ответственность и будущее», мемориалы Холокоста, региональные инициативы – обладает реальной институциональной автономией. Государство не стремится монополизировать производство нарратива за пределами охраняемого ядра. Тип режима по Кубику–Бернхарду: плюралистический с единым охраняемым ядром.

Для сравнения с российским случаем принципиально важно следующее: немецкие Gedenkstätten (мемориальные комплексы), крупнейшие из которых государственно финансируются, функционируют с реальной академической и интерпретативной независимостью от федерального правительства. Их научные руководители не являются действующими государственными чиновниками – в отличие от руководства РИО и РВИО.

Польская модель: «виктимно-националистический» режим

Институт национальной памяти (ИНП, 1998) является наиболее структурно близким к российским РИО/РВИО польским институтом – однако с принципиальными отличиями. ИНП совмещает функции архива, научно-исследовательского центра и (до 2017 года) органа люстрации, обладая реальными юридическими полномочиями. Его руководство назначается Сеймом при формальном участии сенаторских комиссий – процедура, предполагающая хотя бы ограниченную политическую конкуренцию при кадровых решениях.

Закон 2018 года о «защите доброго имени польской нации» вызвал острый международный конфликт с Израилем и был частично смягчён под давлением уже в том же году. Данный эпизод показателен: польская система сохранила механизмы коррекции под международным давлением, тогда как российская система 2022–2024 годов демонстрирует устойчивость к аналогичному давлению. При смене правительства в результате выборов 2023 года (коалиция Туска) последовала реальная институциональная трансформация – замена руководства ИНП, пересмотр ряда практик. Эта изменчивость при смене политической власти принципиально отличает польскую модель от российской, сохранявшей институциональную устойчивость на протяжении пяти электоральных циклов.

Французская модель: «республикански-мемориальный» режим

Французская традиция «законов памяти» (lois mémorielles) охватывает Закон Гэйсо 1990 года (Холокост), Закон Тобира 2001 года (признание работорговли преступлением против человечности), спорный Закон 2005 года (о «позитивной роли» колониализма, отменённый Конституционным советом в 2006 году). Последний пример особенно значим: независимый конституционный орган смог отменить принятый парламентом закон о памяти – институциональная возможность, не существующая в российской правовой системе после конституционализации «защиты исторической правды» в 2020 году.

Французская модель характеризуется отсутствием единого иерархически организованного нарратива: законы памяти охватывают разнородные сюжеты без единой координирующей логики. Споры об алжирской войне, о вишистском режиме, о колониальном прошлом остаются предметом острой публичной дискуссии. Академическое сообщество регулярно выступает против принятия новых «законов памяти» – и эти выступления имеют практический эффект. Концептуально французская модель близка к «плюралистической» в типологии Кубика–Бернхарда, но с характерной для французской политической традиции «республиканской» рамкой: нарративы должны служить единству République, а не партикулярным групповым идентичностям.

«Мобилизационно-монопольный мнемонический режим»: концептуальное содержание

На основании проведённого сравнения предлагается выделить «мобилизационно-монопольный мнемонический режим» как самостоятельный типологический класс. Четыре признака одновременно отличают его от всех трёх сравниваемых случаев.

Первый признак – нарративная мобилизация: исторический нарратив служит непосредственным инструментом актуальной политической и/или военной мобилизации. В «монолитном» режиме по Кубику–Бернхарду нарратив обеспечивает легитимацию, но не используется как прямое военное обоснование. «Мобилизационный» тип предполагает качественно более тесную увязку: исторические аргументы становятся частью военной доктрины.

Второй признак – конституционный монополизм: охраняемый нарратив закреплён в конституционном тексте, что минимизирует возможности оспаривания через независимые правовые институты. Это отличает «мобилизационно-монопольный» тип как от французской модели (конституционный совет сохраняет реальные корректирующие полномочия), так и от польской (конституция не содержит прямых норм о защите конкретных исторических нарративов).

Третий признак – буферная инфраструктура: систематическое использование квазигражданских организаций для трансляции официального нарратива в форматах «независимой экспертизы». Ни в Германии, ни во Франции государственно финансируемые организации памяти не управляются действующими государственными чиновниками.

Четвёртый признак – устранение институциональной базы контрнарративов: не просто вытеснение альтернативных нарративов из публичного пространства, но ликвидация организаций, способных систематически производить конкурирующие интерпретации. Ликвидация «Мемориала» (2021–2022) не имеет аналогов в трёх сравниваемых случаях: ни в Германии, ни в Польше, ни во Франции государство не прибегало к ликвидации крупнейших организаций гражданского общества в сфере исторической памяти.

Совокупность данных четырёх признаков позволяет квалифицировать российскую модель как самостоятельный тип, не сводимый ни к одному из существующих. При этом важно подчеркнуть: «мобилизационно-монопольный режим» – это не просто более интенсивная версия «монолитного» режима. Это качественно иной тип, в котором историческая политика интегрирована в военно-политическую доктрину, что меняет саму логику институционального функционирования.

Концепция «латентного плюрализма памяти»: структурные пределы режима

Даже наиболее интенсивные институциональные режимы исторической политики не обеспечивают полного устранения альтернативных нарративов. Понятие «латентного плюрализма памяти» описывает эту структурно неустранимую зону: сохраняющуюся в приватном, семейном и (до введения цифровых ограничений) цифровом пространстве множественность исторических нарративов, публично невыраженную вследствие правовых и социальных издержек, но не утраченную как социальная практика.

Пять косвенных индикаторов «латентного плюрализма» в российском контексте. Первый: данные семейного анамнеза репрессий. По данным «Мемориала» до его ликвидации, около 20 млн россиян имели репрессированных родственников – биографический ресурс альтернативного нарратива, не устраняемый институциональным давлением, поскольку передаётся в режиме межпоколенческой коммуникативной памяти (в терминологии Я. Ассмана). Второй: устойчивость цифровых контрнарративов до введения системных блокировок. Документальный проект Ю. Дудя «Колыма – родина нашего страха» набрал свыше 25 млн просмотров на YouTube в 2019 году – свидетельство масштабного зрительского спроса на альтернативный нарратив о советских репрессиях.

Третий: амбивалентность социологических данных. Данные «Левада-центра» фиксируют одновременное одобрение Сталина как «эффективного менеджера» и признание факта репрессий – феномен когнитивного диссонанса, несовместимый с полным усвоением официального нарратива. Четвёртый: региональная вариативность исторической памяти в республиках с выраженной этнической идентичностью (депортационные нарративы у чеченцев, ингушей, балкарцев, калмыков). Пятый: эффект «спирали умолчания» в опросных данных, верифицированный методом list experiment применительно к российскому контексту [Frye et al., 2017].

Историческая аналогия с позднесоветским периодом предполагает, что «латентный плюрализм» является устойчивым, а не временным феноменом. В период «перестройки» (1985–1991) подавленные нарративы о репрессиях, дефиците, афганской войне актуализировались с исключительной быстротой, обнаружив, что сохранялись в латентной форме на протяжении десятилетий. Это не означает неизбежности аналогичной траектории в современных условиях – институциональный, технологический и геополитический контекст принципиально иной. Однако это подтверждает структурный характер «латентного плюрализма» как ограничения любого, даже самого интенсивного режима нарративного контроля.

Обсуждение: сравнительный потенциал и ограничения предложенного типа

Типологическая категория «мобилизационно-монопольного мнемонического режима» разработана на материале российского случая, однако её потенциал, по всей видимости, выходит за эти рамки. Ряд государств обнаруживает сходные конфигурации признаков, хотя, как правило, в менее развитой или менее систематической форме.

Белорусский случай после 2020–2021 годов демонстрирует усиленный государственный контроль над историческим нарративом в условиях острого политического кризиса, однако без конституционной кодификации и при значительно меньшей плотности буферных организаций. Азербайджанский случай показывает тесную увязку исторической политики с нагорно-карабахским конфликтом, что функционально близко к «военной» функции нарратива, однако без сопоставимого масштаба уголовного преследования. Турецкий случай (до и после 2016 года) демонстрирует переход в направлении «мобилизационного» типа – но с иным содержанием охраняемого нарратива.

Сравнительное изучение данных случаев по единому инструментарию предложенных 11 критериев открывает перспективу более строгой типологической верификации: позволило бы установить, является ли «мобилизационно-монопольный» режим уникальной российской конфигурацией или существует ряд государств с сопоставимым профилем. Это представляется наиболее важным направлением для последующих исследований.

Главное методологическое ограничение настоящей статьи – качественный, а не количественный характер сравнения. 11 критериев кодировались дихотомически или на трёхзначной шкале, что обеспечивает операциональную ясность, но не позволяет вычислить единый агрегированный индекс. Разработка количественного индекса «мобилизационно-монопольного режима» на основе предложенных критериев представляется самостоятельной методологической задачей.

Заключение

Статья предложила типологическую категорию «мобилизационно-монопольного мнемонического режима» для описания российской модели исторической политики в сравнительной перспективе. Кросс-национальное сравнение России с Германией, Польшей и Францией по 11 критериям показало: российская модель образует самостоятельный тип, не являясь разновидностью ни плюралистического, ни конкурентно-фрагментированного, ни монолитного режима в существующих типологиях.

Четыре признака одновременно выделяют «мобилизационно-монопольный» тип: конституционный монополизм, нарративная мобилизация (прямая военно-политическая функция нарратива), буферная инфраструктура квазигражданских организаций и устранение институциональной базы контрнарративов. Понятие «латентного плюрализма памяти» характеризует структурные пределы данного режима, сохраняющиеся даже при максимальной интенсивности институционального контроля.

Два направления для дальнейших исследований представляются наиболее значимыми. Первое: применение предложенного 11-критериального инструментария к расширенной сравнительной выборке (Бе-

ларусь, Азербайджан, Венгрия, Сербия, Турция) для верификации границ типа и его сравнительного распространения. Второе: разработка количественного составного индекса «мобилизационно-монопольного режима», открывающего возможность для более формализованного и масштабного сравнения.

Литература

1. Assmann J. Cultural Memory and Early Civilization. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – 264 p.
2. Bernhard M., Kubik J. (eds.) Twenty Years After Communism: The Politics of Memory and Commemoration.
– Oxford: Oxford University Press, 2014. – 312 p.
3. Конституция Российской Федерации (с поправками, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – М.: Проспект, 2020. – 64 с.
4. Diamond L. Thinking About Hybrid Regimes // Journal of Democracy. – 2002. – Vol. 13. – № 2. – P. 21–35.
5. ФЗ от 05.05.2014 № 128-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ».
6. ФЗ от 04.03.2022 № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ».
7. Fronza E. Memory and Punishment: Historical Denialism, Free Speech and the Limits of Criminal Law. – The Hague: T.M.C. Asser Press, 2018. – 312 p.
8. Frye T., Gehlbach S., Marquardt K.L., Reuter O.J. Is Putin's Popularity Real? // Post-Soviet Affairs. – 2017. – Vol. 33. – № 1. – P. 1–15.
9. Halbwachs M. On Collective Memory. – Chicago: University of Chicago Press, 1992. – 244 p.
10. Hosking G. Rulers and Victims: The Russians in the Soviet Union. – Cambridge: Harvard University Press, 2006. – 480 p.
11. Koposov N. Memory Laws, Memory Wars. – Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – 298 p.
12. Levitsky S., Way L. Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes After the Cold War. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 514 p.
13. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 207 с.
14. Mälksoo M. Criminalizing Communism: Transnational Mnemopolitics in Europe // International Political Sociology. – 2014. – Vol. 8. – № 1. – P. 82–99.
15. Nijakowski L.M. Polska polityka pamięci. – Warszawa: Wydawnictwa Akademickie i Profesjonalne, 2008. – 302 s.
16. Nora P. (ed.) Realms of Memory. Vol. 1. – New York: Columbia University Press, 1996. – 570 p.
17. ОВД-Инфо. Статистика уголовных дел по ст. 207.3 и 280.3 УК РФ (2022–2024). – М., 2024.
18. Traverso E. Le passé, modes d'emploi. – Paris: La Fabrique, 2005. – 144 p.
19. Щербакова И. Мемориал: прошлое и будущее памяти // Новая газета. – 2022. – 5 апреля.
20. Wolfrum E. Geschichtspolitik in der Bundesrepublik Deutschland. – Darmstadt: WBG, 1999. – 460 S.

THE MOBILIZATION-MONOPOLISTIC MNEMONIC REGIME: RUSSIA IN COMPARATIVE PERSPECTIVE

Karamov A.R.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article proposes the typological category of the «mobilization-monopolistic mnemonic regime» to describe the specificity of Russian historical policy in comparative perspective. Based on a cross-national comparison of Russia with Germany, Poland and France using 11 criteria, the article demonstrates that the Russian model is neither a «pluralist» (Germany, France) nor a «competitive-fragmented» (Poland) memory regime as defined by Kubik and Bernhard. The proposed type constitutes a distinct analytical class characterized by the constitutional status of the protected narrative, multiplicity of protected objects, a developed quasi-civil buffer infrastructure, complete educationa unification, systemic digital restrictions and mass criminal prosecution of citizens for historical dissent, combined with a direct military-political function of the narrative. The concept of «latent memory pluralism» characterizes the structural limits of this regime. The comparative potential of the proposed typology beyond the Russian case is also discussed.

Keywords: politics of memory; comparative analysis; mnemonic regime; Russia's historical policy; Germany; Poland; France; mobilization-monopolistic regime; latent memory pluralism; criminal prosecution.

References

1. Assmann J. Cultural Memory and Early Civilization. – Cambridge: Cambridge University Press, 2011. – 264 p.
2. Bernhard M., Kubik J. (eds.) Twenty Years After Communism: The Politics of Memory and Commemoration.
– Oxford: Oxford University Press, 2014. – 312 p.
3. Constitution of the Russian Federation (with amendments approved during the nationwide vote on July 1, 2020). – Moscow: Prospekt, 2020. – 64 p.
4. Diamond L. Thinking About Hybrid Regimes // Journal of Democracy. – 2002. – Vol. 13. – No. 2. – P. 21–35.
5. Federal Law No. 128-FZ of May 5, 2014, "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation."
6. Federal Law No. 32-FZ of March 4, 2022, "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation."
7. Fronza E. Memory and Punishment: Historical Denialism, Free Speech and the Limits of Criminal Law. – The Hague: T.M.C. Asser Press, 2018. – 312 p.
8. Frye T., Gehlbach S., Marquardt K.L., Reuter O.J. Is Putin's Popularity Real? // Post-Soviet Affairs. – 2017. – Vol. 33. – No. 1. – P. 1–15.
9. Halbwachs M. On Collective Memory. – Chicago: University of Chicago Press, 1992. – 244 p.
10. Hosking G. Rulers and Victims: The Russians in the Soviet Union. – Cambridge: Harvard University Press, 2006. – 480 p.
11. Koposov N. Memory Laws, Memory Wars. – Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – 298 p.
12. Levitsky S., Way L. Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes After the Cold War. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. – 514 p.
13. Malinova O. Yu. The Relevant Past. – Moscow: Political Encyclopedia, 2015. – 207 p.
14. Mälksoo M. Criminalizing Communism: Transnational Mnemopolitics in Europe // International Political Sociology. – 2014. – Vol. 8. – No. 1. – P. 82–99.
15. Nijakowski L.M. Polish Memory Politics. – Warsaw: Academic and Professional Publishers, 2008. – 302 p.
16. Nora P. (ed.) Realms of Memory. Vol. 1. – New York: Columbia University Press, 1996. – 570 p.
17. OVD-Info. Statistics on criminal cases under Articles 207.3 and 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation (2022–2024). – Moscow, 2024.
18. Traverso E. The Past: Instructions for Use. – Paris: La Fabrique, 2005. – 144 p.
19. Shcherbakova I. Memorial: The Past and Future of Memory // Novaya Gazeta. – 2022. – April 5.
20. Wolfrum E. History Politics in the Federal Republic of Germany. – Darmstadt: WBG, 1999. – 460 p.

Технология как политика: роль ИИ в современном миропорядке

Караханян Арсен Антонович,
аспирант, МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: 199senich@mail.ru

Статья рассматривает искусственный интеллект как политический ресурс современного мира. ИИ влияет не только на экономику и повседневную жизнь: он меняет представления о государственном суверенитете, усиливает соперничество ведущих держав, создаёт новые способы воздействия на общественное мнение и ставит вопрос об ответственности власти за решения, принятые с помощью алгоритмов. На примерах технологического противостояния США и Китая, европейского регулирования, дипфейков в политике и алгоритмических систем в государственном управлении показано, что борьба за ИИ – это борьба не только за технологии, но и за правила будущего миропорядка.

Ключевые слова: искусственный интеллект, политическая власть, технологический суверенитет, геополитика, цифровая безопасность, государственное управление, дипфейки, регулирование ИИ.

Может ли машина обладать политической волей? Вероятно, нет. Однако для влияния на политику ей и не нужно иметь собственные желания. Достаточно того, что искусственный интеллект становится инструментом в руках государств, корпораций, партий, медиа и силовых структур. Он помогает анализировать огромные массивы данных, управлять информационными потоками, прогнозировать поведение людей и принимать решения быстрее, чем это способен делать человек. Поэтому ИИ сегодня – уже не только вопрос науки или бизнеса. Он всё больше становится вопросом власти. Тот, кто создаёт модели, владеет данными и располагает вычислительными мощностями, получает не просто экономическое преимущество. Он приобретает возможность влиять на общественное мнение, устанавливать технологические стандарты и в определённой степени определять правила, по которым будут жить другие страны.

Технологический суверенитет: новые границы государств

Раньше суверенитет государства связывали прежде всего с территорией, армией, экономикой и политическими институтами. В XXI веке к этому списку добавилась ещё одна важная составляющая – технологическая самостоятельность. Стране недостаточно иметь собственные границы и законы, если её цифровая инфраструктура, облачные сервисы, программное обеспечение и системы ИИ полностью зависят от иностранных поставщиков. Именно поэтому всё чаще говорят о технологическом суверенитете. Речь не обязательно идёт о полной изоляции от внешнего мира. Скорее, о способности государства самостоятельно обеспечивать работу критически важных систем: связи, энергетики, финансов, обороны, здравоохранения и государственного управления. Если такие системы зависят от технологий, которые могут быть отключены или ограничены извне, то политическая независимость становится условной. Особенно наглядно это проявилось в отношениях США и Китая. В октябре 2022 года Министерство торговли США ввело экспортные ограничения на поставки в Китай ряда передовых вычислительных технологий и полупроводников, необходимых, в том числе, для обучения современных моделей ИИ [1]. В дальнейшем эти ограничения расширялись. Формально речь шла о контроле за технологиями двойного назначения, но политический смысл был очевиден: ограничить возможности Китая в создании передовых вычислительных систем. Китай, со своей стороны, также использовал зависимость мировой промышленности от собственных ресурсов. В 2023 году Пекин ввёл экспортный контроль на галлий и германий – материалы, применяемые в производстве полупроводников и другой высокотехнологичной продукции [2]. Так обычный на первый взгляд спор о поставках превратился в борьбу за контроль над технологическими цепочками. Этот пример показывает важную вещь: чипы, данные и вычислительные мощности стали частью геополитики. В прошлом стратегическим ресурсом была нефть, затем – газ, а сегодня к ним добавились полупроводники и доступ к высокопроизводительным вычислениям. Государство, не способное развивать или хотя бы защищать собственную цифровую инфраструктуру, рискует оказаться в зависимом положении. Для России эта проблема также имеет прямое политическое значение. В Национальной стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 года ИИ рассматривается как один из факторов научно-технологического и социально-экономического развития страны [3]. В документе подчёркивается необходимость создания отечественных решений, подготовки специалистов, развития вычислительных мощностей и правового регулирования. Иными словами, ИИ рассматривается не только как рынок новых услуг, но и как элемент государственной устойчивости.

Гонка за ИИ как новая форма международного соперничества

Если технологическая независимость становится условием суверенитета, то соперничество за ИИ неизбежно приобретает международный характер. В этом смысле современная технологическая гонка напоминает холодную войну, хотя её инструменты стали другими. Вместо ракетных шахт – дата-центры, вместо ядерных арсеналов – вычислительные мощности, вместо гонки за количеством боеголовок – борьба за инженеров, данные и доступ к передовым чипам. Однако у этой гонки есть важное отличие: в ней участвуют не только государства. Крупные технологические корпорации обладают такими финансовыми и интеллектуальными

ресурсами, что нередко влияют на мировую повестку не меньше, чем отдельные правительства. Компании, создающие крупнейшие языковые модели, владеющие социальными сетями или облачной инфраструктурой, могут определять, какие технологии будут доступны миллионам людей и на каких условиях. Это приводит к перераспределению влияния. В политике появляются новые акторы – не избранные гражданами и не всегда подчинённые государству напрямую. Они не имеют территории, армии или дипломатических представительств, но обладают тем, без чего современное государство не может полноценно функционировать: данными, платформами, каналами коммуникации и технологиями обработки информации. Разные политические центры отвечают на этот вызов по-разному. Китай ещё в 2017 году обозначил цель стать одним из мировых лидеров в сфере ИИ, приняв План развития искусственного интеллекта нового поколения [4]. Китайская модель предполагает активную роль государства, поддержку национальных компаний, контроль над цифровым пространством и развитие собственных технологических платформ. Европейский союз, напротив, делает ставку прежде всего на регулирование. Принятый в 2024 году **AI Act** стал первым масштабным правовым актом, комплексно регулирующим применение ИИ [5]. Европейский подход строится на оценке рисков: чем сильнее система может повлиять на права и безопасность человека, тем строже требования к её разработчикам и пользователям. Европа фактически пытается влиять на мировую технологическую повестку через правила. Даже если крупнейшие модели создаются не в ЕС, компании, работающие на европейском рынке, будут вынуждены учитывать европейские нормы. Таким образом, борьба идёт не только за то, кто создаст более сильную модель. Не менее важно, кто определит допустимые пределы её использования. В политическом смысле правила иногда значат не меньше, чем сама технология.

ИИ и общественное мнение: новая уязвимость демократии

Однако международное соперничество – лишь одна сторона проблемы. Не менее заметно ИИ влияет на внутреннюю политику, прежде всего на выборы, публичные дискуссии и доверие граждан к информации. Любая политическая система зависит от того, как люди воспринимают происходящее. Граждане должны понимать, кому можно доверять, какие события действительно произошли и какие заявления принадлежат политикам. Если эта основа разрушается, под ударом оказывается не только конкретная кампания, но и само общественное доверие. Именно здесь особую опасность представляют дипфейки – реалистичные аудио-, фото– и видеоматериалы, созданные или изменённые с помощью ИИ. Они позволяют имитировать голос, внешность и манеру речи человека. Политик может «сказать» то, чего никогда не говорил, а общество не всегда успевает разобраться, является ли запись подлинной. Проблема дипфейков заключается не только в распространении дезинформации. Иногда достаточно самого сомнения. Если люди привыкают к мысли, что любое видео может быть фальшивкой, то под сомнение можно поставить и реальные доказательства. Возникает ситуация, когда истина теряет политическую силу: одни называют запись подделкой, другие – доказательством, а гражданин остаётся один на один с информационным хаосом. На выборах эта угроза особенно чувствительна. В 2024 году Европейский союз принял отдельный регламент о прозрачности и таргетировании политической рекламы [6]. Он требует раскрывать информацию о том, кто оплатил политическую рекламу, на какую аудиторию она рассчитана и какие персональные данные используются для её настройки. Сам факт появления таких правил показывает: персонализированное политическое воздействие перестало быть только маркетинговым инструментом и стало предметом публичного контроля. При этом ИИ меняет не только форму политической рекламы, но и саму логику воздействия. Раньше агитационное сообщение было одинаковым для миллионов людей: плакат, телеролик, газетная статья. Теперь его можно подстраивать под конкретного человека – его возраст, интересы, страхи, привычки, круг общения. Одному избирателю покажут материал о росте цен, другому – о миграции, третьему – о безопасности, хотя все они будут видеть кампанию одного и того же кандидата. В результате исчезает общее публичное пространство, где граждане спорят об одних и тех же фактах и программах. Каждый получает свою политическую реальность. Эта тенденция не означает, что демократия неизбежно исчезнет, но она требует новых механизмов прозрачности и ответственности.

Алгоритм в государственном управлении: удобство и риск

От влияния на общественное мнение ИИ постепенно переходит к другой сфере – к государственному управлению. Алгоритмы уже применяются для обработки обращений граждан, распределения социальных выплат, выявления налоговых рисков, анализа преступности, управления транспортом и оказания государственных услуг. На первый взгляд это выглядит как несомненное благо. Машина обрабатывает данные быстрее, не устаёт и может заметить закономерности, которые человеку трудно увидеть. Например, ИИ способен сократить время рассмотрения стандартных заявлений, помочь выявить мошеннические схемы или точнее распределить ресурсы в системе здравоохранения. Но вместе с удобством возникает вопрос: кто отвечает за ошибку алгоритма? Если система неверно оценила человека, отказала ему в услуге, присвоила высокий уровень риска или повлияла на судебное решение, недостаточно сказать, что «так решила программа». За программой всегда стоят разработчики, заказчики, владельцы данных и должностные лица, которые разрешили использовать эту систему. Острота этой проблемы хорошо видна на примере американских алгоритмов оценки риска повторного преступления. Широкую известность получил инструмент COMPAS, применявшийся в ряде юрисдикций при принятии решений, связанных с освобождением под залог и оценкой риска рецидива. Исследование журналистов ProPublica показало, что такие оценки могут воспроизводить расовые диспропорции [7]. В дальнейшем академические исследования подтвердили более общий вывод: алгоритмические прогнозы не являются автоматически объективными только потому, что основаны на математике [8]. Алгоритм учится на данных прошлого. Но если в прошлых данных уже есть социальное неравенство, предвзятость или ошибки, система может не устранить их, а, наоборот, закрепить. Поэтому вопрос об ИИ в государственном управлении – это не просто вопрос о точности расчётов. Это вопрос о справедливости, возможности обжалования и подотчётности власти. В России эти темы также становятся предметом регулирования. В 2020 году был принят Федеральный закон № 258-ФЗ об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций [9]. Он создаёт механизм, позволяющий тестировать новые цифровые технологии в особых правовых условиях. Такой подход может ускорить внедрение инноваций, но одновременно требует особенно внимательного контроля: эксперимент не должен превращаться в ситуацию, когда права граждан оказываются вторичны по отношению к технологической эффективности. Дополнительным ориентиром стал Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта, представленный в России в 2021 году [10]. Он не заменяет закон и не устанавливает юридическую ответственность, но фиксирует важные принципы: приоритет человека, безопасность, недискриминацию, прозрачность и ответственность разработчиков и пользователей. Эти принципы особенно важны там, где алгоритм влияет на доступ человека к работе, кредиту, медицинской помощи или государственным услугам.

Регулирование ИИ как спор о ценностях

Когда говорят о регулировании ИИ, иногда создаётся впечатление, будто это узкий технический вопрос: какие данные можно собирать, как проверять модель, кто должен хранить информацию. На деле за каждым таким правилом стоит политический выбор. Можно сделать ставку на максимальную эффективность и широкий государственный контроль, считая, что безопасность важнее приватности. Можно, наоборот, поставить во главу угла права личности, прозрачность и ограничение наблюдения. Можно доверить развитие ИИ прежде всего рынку, а можно считать, что стратегические технологии должны находиться под сильным государственным контролем. Ни один из этих вариантов не является чисто техническим. Каждый отражает определённое представление о власти, свободе, безопасности и роли государства. Именно поэтому разные страны создают разные модели регулирования ИИ. Европейский союз делает акцент на защите фундаментальных прав и контроле за высокорисковыми системами [5]. Китай сочетает поддержку технологического развития с жёстким государственным регулированием цифровой сферы [4]. США в значительной степени опираются на инновационный потенциал частного сектора, хотя вопросы национальной безопасности и экспортного контроля становятся всё более важными [1]. Россия стремится развивать собственные технологии и одновременно выстраивать систему правовых и этических ориентиров [3; 9; 10]. При этом многие проблемы невозможно решить силами одной страны. Дипфейки распространяются через границы, крупные модели работают сразу на нескольких рынках, а данные и вычисления часто находятся в разных юрисдикциях. Поэтому всё чаще обсуждается необходимость международных норм в сфере ИИ. В марте 2024 года Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, посвящённую безопасным, защищённым и заслуживающим доверия системам искусственного интеллекта [11]. Документ не создаёт жёстких обязательств, но важен как политический сигнал: государства признают, что развитие ИИ требует не только конкуренции, но и совместных правил.

Заключение

Искусственный интеллект часто называют нейтральным инструментом. Но нейтральным может быть только код в отрыве от реальности. В реальной политике любой алгоритм создаётся кем-то, обучается на чьих-то данных, используется в чьих-то интересах и действует в рамках определённых правил. ИИ уже влияет на то, как государства понимают суверенитет, как конкурируют мировые державы, как ведутся избирательные кампании и как принимаются управленческие решения. Он не отменяет политику, а делает её сложнее: добавляет новые центры силы, новые уязвимости и новые способы контроля. Главный вопрос ближайших десятилетий заключается не в том, смогут ли машины стать умнее человека. Гораздо важнее другое: кто будет контролировать технологии, по каким правилам они будут применяться и сможет ли общество сохранить право требовать от власти объяснений и ответственности. Ответ на этот вопрос определит не только будущее ИИ, но и политический облик мира.

Литература

1. U.S. Department of Commerce, Bureau of Industry and Security. Implementation of Additional Export Controls: Certain Advanced Computing and Semiconductor Manufacturing Items; Supercomputer and Semiconductor End Use; Entity List Modification. Federal Register. 2022. Vol. 87, № 192. P. 62186–62251.
2. Ministry of Commerce of the People's Republic of China. Announcement № 23 of 2023 on the Implementation of Export Controls on Gallium and Germanium-Related Items. 3 July 2023.
3. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года).
4. State Council of the People's Republic of China. New Generation Artificial Intelligence Development Plan. 20 July 2017.
5. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act).
6. Regulation (EU) 2024/900 of the European Parliament and of the Council of 13 March 2024 on the transparency and targeting of political advertising.
7. Angwin J., Larson J., Mattu S., Kirchner L. Machine Bias: There's Software Used Across the Country to Predict Future Criminals. And It's Biased Against Blacks. ProPublica. 23 May 2016.
8. Dressel J., Farid H. The accuracy, fairness, and limits of predicting recidivism // Science Advances. 2018. Vol. 4, № 1. Article eaao5580.
9. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации».
10. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. Альянс в сфере искусственного интеллекта. Москва, 2021.
11. United Nations General Assembly. Seizing the opportunities of safe, secure and trustworthy artificial intelligence systems for sustainable development. Resolution A/RES/78/265. 21 March 2024.

TECHNOLOGY AS POLITICS: THE ROLE OF AI IN THE CONTEMPORARY WORLD ORDER

Karakhanian A.A.
Moscow State University named after M.V. Lomonosov

This article examines artificial intelligence as a political resource in the contemporary world. AI affects not only the economy and everyday life: it reshapes perceptions of state sovereignty, intensifies competition among leading powers, creates new means of influencing public opinion, and raises questions about governmental accountability for decisions made with the use of algorithms. Drawing on examples of technological competition between the United States and China, European regulation, political deepfakes, and algorithmic systems in public administration, the article demonstrates that the struggle over AI is not merely a struggle over technology, but also over the rules of the future world order.

Keywords: artificial intelligence, political power, technological sovereignty, geopolitics, digital security, public administration, deepfakes, AI regulation.

References

1. U.S. Department of Commerce, Bureau of Industry and Security. Implementation of Additional Export Controls: Certain Advanced Computing and Semiconductor Manufacturing Items; Supercomputer and Semiconductor End Use; Entity List Modification. Federal Register. 2022. Vol. 87, № 192. P. 62186–62251.
2. Ministry of Commerce of the People's Republic of China. Announcement № 23 of 2023 on the Implementation of Export Controls on Gallium and Germanium-Related Items. 3 July 2023.
3. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года).
4. State Council of the People's Republic of China. New Generation Artificial Intelligence Development Plan. 20 July 2017.
5. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act).
6. Regulation (EU) 2024/900 of the European Parliament and of the Council of 13 March 2024 on the transparency and targeting of political advertising.
7. Angwin J., Larson J., Mattu S., Kirchner L. Machine Bias: There's Software Used Across the Country to Predict Future Criminals. And It's Biased Against Blacks. ProPublica. 23 May 2016.
8. Dressel J., Farid H. The accuracy, fairness, and limits of predicting recidivism // Science Advances. 2018. Vol. 4, № 1. Article eaao5580.
9. Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации».
10. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта. Альянс в сфере искусственного интеллекта. Москва, 2021.
11. United Nations General Assembly. Seizing the opportunities of safe, secure and trustworthy artificial intelligence systems for sustainable development. Resolution A/RES/78/265. 21 March 2024.

Ситуативный этатизм в исторической политике России (2000–2024): институциональные волны и их триггеры

Карамов Антон Романович,
аспирант кафедры политологии, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХИГС)
E-mail: ak9karamov@gmail.com

В статье предложена авторская концепция «ситуативного этатизма» для описания доминирующей логики формирования институтов исторической политики России в 2000–2024 годах. Под «ситуативным этатизмом» понимается реактивная модель государственного вмешательства, при которой расширение нормативного и организационного контроля над историческим нарративом происходит не по заранее разработанному идеологическому плану, а как реакция на внешнеполитические кризисы, внутриполитическую нестабильность и международные «войны памяти». На основе авторской периодизации (четыре периода: 2000–2007, 2008–2013, 2014–2021, 2022–2024) анализируется ряд ключевых институциональных нововведений, каждое из которых увязывается с конкретным кризисным триггером. Верификация концепции проводится на основе контент-анализа президентских посланий (1994–2024), нормативно-правового анализа профильного законодательства, сопоставления хронологии кризисных событий и институциональных ответов, а также сравнения с европейскими прецедентами. Обсуждаются альтернативные объяснения и ограничения реактивной интерпретации.

Ключевые слова: историческая политика; ситуативный этатизм; институциональные изменения; политика памяти; Россия 2000–2024; периодизация; нарративный контроль; мемориальное законодательство; реактивное принятие решений.

Введение: проблема объяснения институциональной динамики

Почему институты исторической политики России развивались именно так, как они развивались? Существуют два конкурирующих типа объяснений. Первый – «идеологический»: государство реализует последовательный проект формирования национальной идентичности, в котором каждый институциональный шаг является воплощением заранее разработанного плана. Второй – «реактивный»: институциональные нововведения порождаются прежде всего кризисными ситуациями и представляют собой ответы государственного аппарата на конкретные вызовы, а не реализацию стратегической программы.

Настоящая статья отстаивает версию реактивного объяснения и формализует её в понятии «ситуативного этатизма». Под этим понимается модель, при которой государство систематически расширяет нормативный и организационный контроль над историческим нарративом, не исходя из долгосрочной идеологической программы, а в ответ на конъюнктурные политические угрозы – внешнеполитические конфликты, внутриполитические вызовы, международные споры о прошлом. Каждая реактивная волна оставляет устойчивые институциональные следы, включаемые в постоянную архитектуру системы после стабилизации ситуации.

Понятие «ситуативного этатизма» концептуально близко к понятию «реактивной последовательности» в историческом институционализме Дж. Маони [Mahoney, 2000] и к концепции «критических развилок» (critical junctures) П. Пирсона [Pierson, 2004]: в обоих случаях предполагается, что институциональная траектория не предрешена исходным «кодом» системы, а аккумулируется через серию ситуативных решений. Применительно к исторической политике это означает: конкретный момент и форма институциональных изменений определяются кризисной конъюнктурой – что предполагает иной теоретический и прогностический потенциал, нежели идеологические объяснения.

Эмпирическая база статьи включает: нормативно-правовой анализ ключевых актов 2000–2024 годов; контент-анализ президентских посланий Федеральному собранию (1994–2024, корпус 276,5 тыс. слов) с фиксацией частоты историко-нарративных маркеров; хронологическое сопоставление кризисных событий и институциональных нововведений; сравнительный анализ с европейскими прецедентами (Германия, Польша, Франция).

Теоретические основания и обзор литературы

В политологической литературе сложилось несколько подходов к объяснению динамики институтов исторической политики. Наиболее влиятельный – «инструментальный» – трактует историческую политику как целенаправленный политический проект, реализуемый правящей элитой для консолидации власти. В применении к России этот подход представлен в работах Малиновой, показавшей, что «актуализация» исторических образов служит инструментом политической легитимации [Малинова, 2015], и Миллера, систематизировавшего российскую историческую политику как элемент стратегии «суверенной демократии» [Миллер, 2012].

«Реактивный» подход в явном виде не получил концептуального оформления применительно к исторической политике, хотя элементы реактивного объяснения присутствуют в ряде работ. Шерлок зафиксировал, что ключевые нарративные сдвиги в российской исторической политике происходили в ответ на конкретные внешнеполитические события [Sherlock, 2011]. Ларуэль отметила, что национализм в России функционирует скорее, как «инструментальный», реагируя на актуальные политические потребности, нежели как идеологически последовательный проект [Laruelle, 2010]. Касьянов, анализируя украинский контекст, показал, что волны институционального строительства в сфере памяти непосредственно коррелируют с политическими кризисами [Касьянов, 2019].

Институционалистский подход предлагает объяснение того, почему реактивные решения приобретают устойчивый характер. Эффект зависимости от пути (path dependence) означает, что однажды созданные институты трудно демонтировать даже после исчезновения породившего их кризиса: они обретают собственные организационные интересы, сети поддержки и нормативные рамки. Применительно к исторической политике это означает, что каждая реактивная волна не просто добав-

ляет новый элемент к системе, но закрепляет общий вектор на ужесточение нарративного контроля, делая возврат к более либеральным практикам всё менее вероятным с каждым новым кризисом.

Настоящая статья опирается на данные три подхода, синтезируя их в концепции «ситуативного этатизма»: реактивность институциональных решений (реактивный подход) + государственный характер нарративного контроля (инструментальный подход) + накопительный характер институциональных изменений (институционализм) = системная модель, объясняющая как динамику, так и устойчивость российской исторической политики.

Концептуальные основания: ситуативный этатизм и его отличие от альтернативных моделей

Концепция «ситуативного этатизма» утверждает следующее: (1) первичным триггером каждого крупного институционального нововведения в российской исторической политике является идентифицируемый кризис или вызов; (2) временной лаг между кризисом и институциональным ответом составляет, как правило, от 3 до 12 месяцев; (3) содержание нового института непосредственно адресует нарративный вызов, заданный триггерным кризисом, а не реализует более широкую идеологическую программу.

Важно чётко обозначить, чего концепция не утверждает. Она не утверждает, что государство не имеет нарративных предпочтений: они очевидно есть и последовательно прослеживаются во всех периодах. Она не утверждает, что институциональные изменения случайны: они системны и кумулятивны. Она не утверждает, что ситуативность реакций исключает долгосрочные последствия. «Ситуативность» означает лишь то, что конкретный момент и форма изменений определяются кризисной конъюнктурой, а не стратегическим планированием – что принципиально меняет модель прогнозирования: не «что запланировано следующим», а «какой кризис придёт следующим».

Альтернативная «идеологическая» интерпретация наталкивается на ряд аномалий. Провал Комиссии по противодействию «фальсификациям истории» (2009–2012): если существовал последовательный идеологический план, её создание было бы реализовано эффективно. Кратковременное «катынское потепление» (2010): последовательная программа не предполагает временного признания советских преступлений с последующим возвратом к прежней позиции. Спонтанная самоцензура издательств учебников в 2014–2015 годах, опередившая государственные директивы: «запланированный» контроль потребовал бы прямых указаний. Каждая из этих аномалий хорошо объясняется реактивной моделью, но плохо – идеологической.

Почему «ситуативный этатизм» объясняет материал лучше альтернативных моделей

Три группы фактов разводят объяснительную силу конкурирующих моделей: во-первых, уже отмеченные аномалии, плохо совместимые с «идеологической» моделью; во-вторых, устойчивая хронологическая связь кризисов и институциональных ответов с лагом в несколько месяцев и содержательной спецификой каждого ответа (см. Таблицу 1), которую напрямую объясняет «ситуативный этатизм»; в-третьих, последовательное нарративное предпочтение государства в пользу консолидирующих образов прошлого, которое обе модели объясняют сопоставимо.

Периодизация: четыре волны институционального строительства

Предложенная периодизация выделяет четыре периода, каждый инициирован идентифицируемым кризисом и завершается устойчивой институциональной инновацией.

Период I (2000–2007): символическая реинтеграция

Первичный триггер периода – системный символический кризис 1990-х годов: распад советских идентитарных институтов без их замены новыми. Прагматичный ответ 2000 года – «пакет» из трёх символических решений (советский гимн с новыми словами, трёхцветный флаг, Георгиевское знамя) – задал принцип «ситуативной реабилитации»: советское прошлое включается в национальный нарратив через эмоциональный, а не идеологический регистр. Аргументация Путина была намеренно апелляционной, а не доктринальной: решение обосновывалось апелляцией к коллективным воспоминаниям граждан, а не к советскому идеологическому наследию как таковому.

Вторичным триггером стали «цветные революции» (2003–2005) на постсоветском пространстве, обнажившие нарративное измерение политической дестабилизации. Послание 2005 года с формулировкой о «крупнейшей геополитической катастрофе» стало первым президентским текстом с отчётливым историко-политическим тезисом. Контент-анализ корпуса посланий 1994–2024 годов (276,5 тыс. слов) фиксирует статистически значимый рост частоты историко-нарративных маркеров («история», «память», «подвиг», «наследие», «цивилизация», «суверенитет» и др.) начиная с 2005 года: от 2–3 упоминаний в посланиях 1994–2000 годов до 12–15 в 2005–2007-х и 18–22 в 2014–2024-х годах.

Третичным триггером стал конфликт вокруг «Бронзового солдата» в Таллине (апрель–май 2007 года) – первая полноформатная «война памяти», потребовавшая институционального ответа. Ключевой итог периода: создание «мягкой» системы нарративных стимулов при полном отсутствии принудительных механизмов. Ни одной уголовной статьи за «неправильную» историческую интерпретацию за весь период создано не было.

Период II (2008–2013): от символики к организационному строительству

Первичный триггер – война с Грузией (август 2008 года) и последовавшая международная информационная война. Государство обнаружило системный дефицит: нет институтов, способных эффективно работать с историческим нарративом в международном публичном пространстве. Немедленным, но неудачным ответом стала Комиссия при Президенте по противодействию «фальсификациям» (май 2009 года), упразднённая в феврале 2012 года.

Анализ провала Комиссии 2009 года принципиально важен для верификации концепции «ситуативного этатизма». Три системных недостатка организации свидетельствуют именно о реактивном, а не плановом происхождении: межведомственная конструкция без самостоятельного бюджета (признак поспешного создания), реактивная, а не проактивная логика (противодействие чужим нарративам, а не производство собственных), открыто государственный характер (немедленно обесценивающий позицию в международных дискуссиях). Если бы существовал заранее разработанный план институционального строительства, подобных просчётов удалось бы избежать.

Вторичным триггером стало протестное движение 2011–2012 годов, потребовавшее мобилизации ресурсов позитивной идентичности. Организационный ответ – создание РИО (июнь 2012) и РВИО (декабрь 2012) – по времени совпадает с пиком протестов: оба института учреждены в течение девяти месяцев после президентских выборов марта 2012 года, что позволяет рассматривать их создание как элемент институциональной реакции на кризис легитимности. Ключевая институциональная инновация: переход к «буферной» модели – квазигражданские организации как трансляторы официального нарратива в форматах независимой экспертизы.

Период III (2014–2021): нормативный перелом

Триггером качественного перехода к нормативному принуждению стало присоединение Крыма (март 2014 года). Это создало немедленную институциональную потребность: историческое обоснование акта и блокировка альтернативных интерпретаций. Ответ поступил в течение 53 дней: статья 354.1 УК РФ принята 5 мая 2014 года – в символически нагруженный День Победы. Временно́й лаг 53 дня – один из наименьших в ряду всех институциональных ответов периода 2000–2024 годов, что согласуется с гипотезой об экстренном реактивном характере решения.

Правовая новизна статьи 354.1 состоит не только в введении уголовной ответственности за «реабилитацию нацизма», но в диффузности диспозиции: под её действие потенциально подпадает широкий круг высказываний о советской истории, советских военных преступлениях, роли СССР во Второй мировой войне. Именно эта диффузность, характерная для реактивно принятых норм, а не точечно разработанных, создаёт пространство для расширительного правоприменения в последующие годы.

Конституционные поправки 2020 года (статья 67.1) завершили институциональный цикл периода: историческая политика была переведена из плоскости обычного законодательства в конституционную. Ликвидация «Мемориала» (декабрь 2021 – апрель 2022 года), осуществлённая через механизм закона об иностранных агентах (а не через прямой идеологический запрет), подтверждает действие логики «мягкого дирижизма»: политические цели достигаются административными средствами без прямой публичной ответственности.

Период IV (2022–2024): мобилизационный монополизм

Вторжение в Украину (24 февраля 2022 года) является беспрецедентным случаем: масштабные военные действия обоснованы государством публично в первую очередь через исторические аргументы («денацификация», «исторически единый» народ, «возвращение» исконных территорий). Это слияние военной доктрины и исторического нарратива создало качественно новую институциональную потребность: нарративный контроль стал элементом государственной безопасности.

Законодательный пакет марта 2022 года (ст. 207.3 и 280.3 УК РФ, до 15 лет лишения свободы) де-факто криминализировал оспаривание

официальной исторической аргументации войны. По данным ОВД-Инфо, к концу 2023 года по статьям 207.3 и 280.3 УК РФ было возбуждено не менее 437 уголовных дел (297 и 140 соответственно), а суммарно по всем «антивоенным» статьям УК РФ – свыше 800 дел. Временно́й лаг от начала военных действий до принятия законов составил 8 дней – абсолютный минимум в ряду всех институциональных ответов рассматриваемого периода.

Программа «Разговоры о важном» (с сентября 2022 года) охватила еженедельными занятиями по централизованным федеральным сценариям учащихся 1–11 классов во всех школах страны – точных сводных данных о ежегодном числе охваченных учащихся в открытых источниках не выявлено, однако по охвату (все классы, все школы) программа сопоставима по масштабу с добавлением новой всеобщей дисциплины в учебный план. Единый учебник истории под редакцией В.Р. Мединского и А.В. Торкунова (2023) стал первым в истории отечественного образования, содержащим главу о текущем вооружённом конфликте с официальной интерпретацией. Оба решения по времени совпадают с военным кризисом, что позволяет рассматривать их как элементы институциональной реакции, а не как реализацию заблаговременно разработанной образовательной концепции.

Верификация концепции: хронология кризисов и институциональных ответов

Для систематической верификации концепции «ситуативного этатизма» рассмотрена хронологическая связь между кризисными событиями и институциональными нововведениями за 2000–2024 годы. Во всех задокументированных случаях интервал между кризисным событием и институциональным ответом составляет от нескольких дней до 9 месяцев, что согласуется с моделью реактивного, а не долгосрочного планового принятия решений: при плановом подходе нет оснований ожидать устойчивой привязки конкретных нормативных актов к конкретным кризисным событиям.

Дополнительным свидетельством реактивной логики служит содержательная специфичность каждого институционального ответа. Комиссия 2009 года адресовала именно международную «информационную войну». РИО/РВИО создавались в контексте протестного движения. Временна́я близость принятия статьи 354.1 к присоединению Крыма и последующее направление её правоприменения позволяют рассматривать эту норму как элемент институциональной реакции на кризис 2014 года. Законодательный пакет марта 2022 года криминализировал оспаривание военной операции, что согласуется с той же логикой применительно к вторжению в Украину. Данная содержательная специфичность несовместима с гипотезой единого идеологического плана, предполагающей внутренне согласованную и заблаговременно разработанную программу.

Хронологический анализ институциональных ответов

Для верификации реактивной логики сопоставлены даты ключевых кризисных событий и институциональных ответов на протяжении всего периода 2000–2024 годов. Наиболее короткий лаг фиксируется в связи с присоединением Крыма: 53 дня (18 марта 2014 → ст. 354.1 УК РФ, 5 мая 2014); наиболее длительный из задокументированных ответов – 9 месяцев (война с Грузией, август 2008 → Комиссия по противодействию фальсификациям, май 2009). Та же логика прослеживается и в остальных случаях: протестное движение 2011–2012 годов → создание РИО и РВИО (2012); вторжение в Украину, февраль 2022 года → законодательный пакет, март 2022 года (лаг 8 дней). Во всех задокументированных случаях лаг не превышает 14 месяцев, что согласуется с реактивной, а не плановой моделью решений.

Таблица 1. Сводная хронология кризисов и институциональных ответов (составлено автором)

Кризис	Дата кризиса	Институциональный ответ	Лаг	Источник
Война с Грузией	август 2008	Комиссия при Президенте РФ по противодействию фальсификациям истории (Указ № 549, 15.05.2009)	~9 мес.	Указ Президента РФ от 15.05.2009 № 549
Протестное движение 2011–2012	декабрь 2011 – март 2012	Создание РИО (июнь 2012) и РВИО (Указ № 1710, 29.12.2012)	6–9 мес.	Устав РИО, 2012; Указ Президента РФ от 29.12.2012 № 1710
Присоединение Крыма	18 марта 2014	Ст. 354.1 УК РФ (ФЗ № 128-ФЗ, 05.05.2014)	53 дня	ФЗ от 05.05.2014 № 128-ФЗ
Вторжение в Украину	24 февраля 2022	Законодательный пакет: ст. 207.3, 280.3 УК РФ (ФЗ № 32-ФЗ, 04.03.2022)	8 дней	ФЗ от 04.03.2022 № 32-ФЗ

Методика контент-анализа

Контент-анализ выполнен на корпусе стенограмм посланий Президента РФ Федеральному собранию за 1994–2024 годы (официальные тексты, Kremlin.ru), общим объёмом 276,5 тыс. слов; из корпуса исключены два года, когда послание не оглашалось (2017, 2022), итоговое N = 29 текстов. Для каждого текста подсчитывалась частота вхождения 20 историко-нарративных маркеров – лексем с корнями «истор-», «прошл-», «трад-», «советс-», «войн-», «событ-», «траг-», «патриот-», «цивилиз-», «СССР», «корн-», «юбил-», «памят-», «вспом-», «воспом-», «дат-», «импер-», «годовщ-», «агресс-», «афган-», отобранных как индикаторы обращения к историческому нарративу. Частота нормализовалась на 1000 слов текста для сопоставимости между посланиями разного объёма. Кодирование выполнено автором вручную по ключевым основам слов; отдельная фильтрация омонимов и контекстно нерелевантных вхождений не проводилась, что является ограничением метода (см. раздел «Обсуждение: ограничения концепции»).

Контент-анализ президентских посланий 1994–2024 годов позволяет независимо верифицировать тезис о реактивной логике. Пики частоты историко-нарративных маркеров фиксируются в 1999–2000 годах (чеченская война), 2005–2007 годах (цветные революции, «Бронзовый солдат»), 2014–2015 годах (Крым) и 2022–2024 годах (война) – то есть непосредственно совпадают с периодами кризисных триггеров, выделенными в предложенной периодизации, а не распределены равномерно на всём временном отрезке.

Обсуждение: ограничения концепции и альтернативные объяснения

Концепция «ситуативного этатизма» наталкивается на ряд контраргументов, заслуживающих обсуждения. Первый: даже если конкретные решения реактивны, они могут реализовывать долгосрочную «мета-стратегию» укрепления государственного контроля, о которой правящие элиты заблаговременно договорились. По данной интерпретации, кризисы являются лишь «окнами возможностей», которые используются для реализации заранее намеченных шагов. Настоящая статья не может полностью исключить данную интерпретацию на имеющейся источниковой базе: доступа к внутренней переписке и документам принятия решений нет. Однако «мета-стратегическая» интерпретация плохо объясняет провал Комиссии 2009 года и «катынское потепление» 2010 года, которые трудно вписать в образ последовательно реализуемого плана.

Второй контраргумент: «ситуативный этатизм» может быть не специфически российским феноменом, а универсальным свойством государственного аппарата в любой стране. Однако сравнение с европейскими случаями показывает: в демократических государствах аналогичные по типу кризисы не порождают автоматически нормативно-институциональных ответов сопоставимого масштаба и скорости. Так, острые споры о памяти в Германии, Польше и Франции (например, дискуссии о бомбардировках немецких городов, закон 2018 года о «защите доброго имени» Польши, спор о «позитивной роли» колониализма во Франции) вели к точечным корректировкам законодательства или общественной дискуссии, но не к формированию системы буферных квазигражданских институтов и конституционализации охраняемого нарратива – что делает российскую траекторию предметом специального объяснения.

Третий контраргумент касается самой категории «этатизм»: если государство систематически расширяет нарративный контроль в ответ на любой кризис, то это, возможно, говорит лишь о структурных характеристиках российского государственного аппарата (склонность к централизации), а не о специфике исторической политики как таковой. Данный контраргумент валиден: «ситуативный этатизм» в сфере исторической политики, вероятно, является частным проявлением более общей бюрократической логики централизации, характерной для российского государства как такового.

Четвёртый контраргумент касается операционализации самого понятия «кризис» и доказательного статуса хронологических совпадений. Отнесение события к числу кризисных триггеров в настоящей ста-

тье опирается на содержательные критерии – масштаб внешнеполитического конфликта, наличие протестной мобилизации, острота международного спора о прошлом, – а не на формализованную, независимо верифицируемую процедуру кодирования, что оставляет пространство для несогласия относительно границ категории. Хронологическое совпадение кризиса и институционального ответа само по себе не является доказательством причинно-следственной связи: оно согласуется с реактивной гипотезой, но не исключает альтернативных объяснений, включая случайное совпадение или неучтённые опосредующие факторы. Представленные в статье хронологические пары (Таблица 1) рассматриваются как источник, повышающий правдоподобие реактивной модели, а не как строгое статистическое доказательство причинности.

Заключение

Статья предложила концепцию «ситуативного этатизма» как объяснение доминирующей логики институционального строительства в сфере исторической политики России 2000–2024 годов. Реактивная модель, при которой расширение государственного контроля над нарративом происходит как ответ на конъюнктурные кризисы, лучше объясняет наблюдаемые паттерны, чем «идеологическая» интерпретация, предполагающая наличие заблаговременно разработанного стратегического плана.

Авторская периодизация выделяет четыре институциональных волны: символической реинтеграции (2000–2007), организационного строительства через «буферные» структуры (2008–2013), нормативного перелома с введением уголовной ответственности (2014–2021) и мобилизационного монополизма (2022–2024). Верификация через хронологическое сопоставление кризисных событий с институциональными ответами (лаг от нескольких дней до 9 месяцев) и контент-анализ президентских посланий (совпадение пиков нарративной плотности с кризисными периодами) подтверждает реактивную интерпретацию.

Принципиальное теоретическое следствие концепции «ситуативного этатизма» состоит в смещении аналитического фокуса: для понимания траектории российской исторической политики важнее отслеживать политические кризисы, чем изучать идеологические доктрины. Это имеет следствия и для прогнозирования: интенсификация нарративного контроля будет продолжаться не потому, что такова долгосрочная программа, а потому, что кризисов, порождающих реактивные институциональные волны, меньше не становится.

Практическая применимость концепции «ситуативного этатизма» не ограничивается российским случаем: предложенная логика – кризис как триггер, лаг в несколько месяцев, кумулятивное закрепление реактивных решений – задаёт операционализируемую рамку для анализа институтов исторической политики в других государствах со сходной централизованной структурой принятия решений (постсоветское пространство, отдельные случаи Центральной и Восточной Европы). Дальнейшие исследования могли бы, во-первых, распространить предложенную хронологическую методику на сравнительную выборку случаев для проверки того, является ли «ситуативный этатизм» специфически российским феноменом или более общей закономерностью реактивного институционального строительства в централизованных государствах; во-вторых, дополнить содержательный анализ маркеров более строгой лингвистической процедурой (снятие омонимии, экспертная валидация словаря); в-третьих, по мере появления доступа к внутренним документам принятия решений – проверить конкурирующую гипотезу о «мета-стратегии», которую настоящая статья не может полностью исключить на имеющейся источниковой базе.

Литература

1. Касьянов Г. Украина и соседи: историческая политика 1987–2018. – М.: НЛО, 2019. – 480 с.

2. Конституция Российской Федерации (с поправками, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – М.: Проспект, 2020. – 64 с.

3. Копосов Н.Е. Память строгого режима: история и политика в России. – М.: НЛО, 2011. – 320 с.

4. Laruelle M. Russian Nationalism, Foreign Policy, and Identity Debates in Putin's Russia // Post-Soviet Affairs. – 2010. – Vol. 26. – № 3. – P. 185–204.

5. Левада-Центр. Распад СССР глазами россиян: динамика оценок 1992–2024. – М., 2024.

6. Mahoney J. Path Dependence in Historical Sociology // Theory and Society. – 2000. – Vol. 29. – № 4. – P. 507–548.

7. Малинова О.Ю. Тема прошлого в риторике президентов России // Pro et Contra. – 2011. – № 3–4. – С. 106–122.

8. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 207 с.

9. Мединский В.Р., Торкунов А.В. История России: 1945 год – начало XXI века. – М.: Просвещение, 2023.

10. Миллер А.И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI века // Историческая политика в XXI веке / ред. А.И. Миллер, М. Липман. – М.: НЛО, 2012. – С. 7–32.

11. ОВД-Инфо. Статистика уголовных дел по ст. 207.3 и 280.3 УК РФ (2022–2024): сводный доклад. – М., 2024.

12. Pierson P. Politics in Time: History, Institutions, and Social Analysis. – Princeton: Princeton University Press, 2004. – 240 p.

13. Путин В.В. Обращение к гражданам России // Kremlin.ru. 2022. 21 февраля.

14. Sherlock T. Confronting the Stalinist Past: The Politics of Memory in Russia // The Washington Quarterly. – 2011. – Vol. 34. – № 2. – P. 93–109.

15. Стенограммы Посланий Президента РФ Федеральному Собранию, 1994–2024 // Kremlin.ru.

16. ФЗ от 05.05.2014 № 128-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ» (введение ст. 354.1 УК РФ).

17. ФЗ от 04.03.2022 № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ» (введение ст. 207.3, 280.3 УК РФ).

18. Koposov N. Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia. – Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – 298 p.

SITUATIONAL STATISM IN RUSSIA'S HISTORICAL POLICY (2000–2024): INSTITUTIONAL WAVES AND THEIR TRIGGERS

Karamov A.R.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article proposes an original concept of «situational statism» to describe the dominant logic of historical policy institution-building in Russia between 2000 and 2024. «Situational statism» refers to a reactive model of state intervention in which normative and organizational control over the historical narrative expands not according to a pre-designed ideological plan, but in response to foreign policy crises, domestic instability, and international «memory wars». Based on an original four-period periodization (2000–2007, 2008–2013, 2014–2021, 2022–2024), a set of key institutional innovations is analyzed, each linked to a specific crisis trigger. Verification draws on content analysis of presidential addresses (1994–2024), legal analysis of memory legislation, chronological comparison of crises and institutional responses, and comparison with European precedents. Alternative explanations and the limits of the reactive interpretation are discussed.

Keywords: historical policy; situational statism; institutional change; politics of memory; Russia 2000–2024; periodization; narrative control; memory legislation; reactive decision-making.

References

1. Kasyanov G. Ukraine and Its Neighbors: The Politics of History, 1987–2018. – Moscow: NLO, 2019. – 480 p.

2. Constitution of the Russian Federation (with amendments approved during the nationwide vote on July 1, 2020). – Moscow: Prospekt, 2020. – 64 p.

3. Koposov N.E. High-Security Memory: History and Politics in Russia. – Moscow: NLO, 2011. – 320 p.

4. Laruelle M. Russian Nationalism, Foreign Policy, and Identity Debates in Putin's Russia // Post-Soviet Affairs. – 2010. – Vol. 26. – No. 3. – P. 185–204.

5. Levada Center. The Collapse of the USSR as Seen by Russians: Dynamics of Assessments, 1992–2024. – Moscow, 2024.

6. Mahoney J. Path Dependence in Historical Sociology // Theory and Society. – 2000. – Vol. 29. – No. 4. – P. 507–548.

7. Malinova O. Yu. The Theme of the Past in the Rhetoric of Russian Presidents // Pro et Contra. – 2011. – No. 3–4. – P. 106–122.

8. Malinova O. Yu. The Relevant Past: Symbolic Politics of the Ruling Elite and Dilemmas of Russian Identity. – Moscow: Political Encyclopedia, 2015. – 207 p.

9. Medinsky V.R., Torkunov A.V. History of Russia: 1945 – the Beginning of the 21st Century. – Moscow: Prosveshcheniye, 2023.

10. Miller A.I. Historical Politics in Eastern Europe in the Early 21st Century // Historical Politics in the 21st Century / Eds. A.I. Miller, M. Lipman. – Moscow: NLO, 2012. – P. 7–32.

11. OVD-Info. Statistics on criminal cases under Articles 207.3 and 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation (2022–2024): consolidated report. – Moscow, 2024.

12. Pierson P. Politics in Time: History, Institutions, and Social Analysis. – Princeton: Princeton University Press, 2004. – 240 p.

13. Putin V.V. Address to the Citizens of Russia // Kremlin.ru. February 21, 2022.

14. Sherlock T. Confronting the Stalinist Past: The Politics of Memory in Russia // The Washington Quarterly. – 2011. – Vol. 34. – No. 2. – P. 93–109.

15. Transcripts of the Addresses by the President of the Russian Federation to the Federal Assembly, 1994–2024 // Kremlin.ru.

16. Federal Law No. 128-FZ of May 5, 2014, "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" (introduction of Article 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation).

17. Federal Law No. 32-FZ of March 4, 2022, "On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation" (introduction of Articles 207.3 and 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation).

18. Koposov N. Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia. – Cambridge: Cambridge University Press, 2018. – 298 p.

Результативность общественного контроля государственных цифровых систем: методика политико-институционального анализа

Малеев Вадим Валерьевич,
аспирант, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова
E-mail: evilseph4@gmail.com

Как установить, что изменение государственной цифровой системы стало результатом общественного контроля? Само совпадение обращения и последующего обновления этого не доказывает. В статье предлагается методика анализа документируемых эпизодов общественного воздействия на правила и практику цифрового управления. В центре внимания – не только сам результат, но и путь, который к нему привёл. Поэтому отдельно рассматриваются наличие процедуры, её фактическое применение, изменение системы и основания связывать это изменение с общественным требованием. Особое внимание уделяется работе с документами, распределению полномочий и ситуациям, когда решение принято, но его исполнение или связь с общественным воздействием остаются неясными. Методика показана на условном примере, а её итогом становится исследовательский протокол, позволяющий оценивать как наличие общественного влияния, так и пределы такого вывода.

Ключевые слова: общественный контроль, государственные цифровые системы, политические институты, общественное влияние, результативность, причинный анализ, публичная подотчётность.

Введение

Если после общественной проверки, экспертизы или иного внешнего общественного воздействия государственная цифровая система изменилась, сама последовательность событий ещё не показывает, какую роль сыграло это воздействие. Обновление могло быть запланировано заранее или стать результатом внутренней проверки. Поэтому исследователю важно установить две вещи: что именно изменилось и есть ли основания связывать изменение с общественным воздействием.

Такой вопрос продолжает дискуссию о цифровом управлении и контроле. Л.В. Сморгунов связывает цифровые коммуникации с изменением механизмов контроля и распределением возможностей между участниками [1]. Г.О. Панфилов показывает, что сопоставление сообщений и ответов позволяет увидеть практику реагирования, а не только формальное устройство канала [2]. Однако для оценки общественного влияния этого недостаточно. Нужно понять, затронуло ли воздействие само правило и чем подтверждается связь между общественным требованием и последующим изменением.

Цель статьи – предложить методику такой проверки. В ней институциональный анализ соединяется с прослеживанием причинного процесса и проверкой того, какую роль общественное воздействие сыграло в результате среди других возможных причин [3–5].

Единица анализа: эпизод воздействия на цифровую систему

В качестве единицы анализа используется отдельный эпизод общественного воздействия. Его границы задаёт не число обращений, а общая проблема, вокруг которой разворачивается взаимодействие. Такой проблемой может быть порядок проверки данных, основание автоматического отказа или правило допуска к обсуждению. Одно требование иногда проходит несколько стадий – обращение, повторное рассмотрение, проверку. Если предмет остаётся тем же, эти действия относятся к одному эпизоду.

Здесь важно различать индивидуальный и общий результат. Орган власти может исправить ошибку в отношении конкретного заявителя, не меняя при этом само правило. Для человека проблема будет решена, но система продолжит работать по-прежнему. Иная ситуация возникает, если после проверки меняется основание принятия решений и новое правило начинает применяться к аналогичным случаям. Такой переход позволяет говорить уже об изменении институционального правила или практики.

Перед анализом нужно понять, есть ли в эпизоде общественная составляющая. Федеральный закон № 212-ФЗ закрепляет субъектов и формы общественного контроля [6]. Поэтому в выборку включается не любое обращение, а только эпизод, в котором общественный актор участвует во внешней оценке правила, решения или практики цифровой системы. Индивидуальная жалоба может дать материал для такой проверки, но сама по себе общественным контролем не становится. По каждому эпизоду отдельно указываются инициатор, форма участия и предмет оценки. Если изменение произошло после внутреннего аудита без общественного участия, этот аудит учитывается как возможная причина результата, а не как форма общественного контроля. Под общественным вкладом далее понимается подтверждаемое участие общественного воздействия в формировании результата; это не означает, что оно было единственной причиной изменения.

Не менее важны временные границы. До оценки результата фиксируются дата появления требования, версия правила, действовавшая в этот момент, и дата окончания наблюдения. Если на исполнение решения отведён срок, его нужно учитывать. Пока срок не истёк, говорить о неисполнении преждевременно: в этот момент можно лишь зафиксировать, что результат ещё не установлен.

Документы и границы вывода

Работа с документами строится вокруг четырёх вопросов: была ли предусмотрена необходимая процедура, применялась ли она в конкретном случае, произошло ли изменение и есть ли основания связывать его с общественным воздействием. Для каждого из этих выводов требуются разные свидетельства. В этом отношении методика близка

к анализу вклада Дж. Мэйна: наблюдаемый результат сопоставляется с предполагаемым механизмом его возникновения и альтернативными объяснениями [4; 5].

Документы, используемые при анализе отдельного эпизода, дают разную по значению информацию. Регламент или положение о системе позволяют установить, предусмотрена ли соответствующая процедура и кто обладает необходимыми полномочиями. Однако наличие такой нормы ещё не означает, что она была применена в конкретном случае. Ответ органа или протокол проверки подтверждают факт рассмотрения требования и позволяют восстановить позицию участников, но сами по себе не свидетельствуют об исполнении принятого решения.

Для подтверждения изменения системы нужны иные материалы: новая редакция правила, сведения об обновлении цифровой формы или данные о последующей практике её применения. Но даже установленное изменение ещё не отвечает на вопрос о причинах. Чтобы говорить об общественном вкладе, необходимо проследить связь между исходным требованием, его рассмотрением и последующим решением, одновременно учитывая другие возможные объяснения произошедшего. Поэтому каждый документ следует оценивать не только как подтверждение определённого факта, но и с точки зрения того, каких выводов он сделать не позволяет. Для каждого эпизода собираются исходное требование, даты и документы, на которых строится вывод. Если менялся регламент, сопоставляются его редакции. Важно смотреть не только на формулировки, но и на то, изменились ли права и полномочия участников. После этого проверяется применение нового правила: изменение текста документа ещё не всегда означает изменение практики.

Отдельная трудность связана с ответами органов власти. Здесь важно понять, ответили ли по существу именно на тот вопрос, который был поставлен. Если в рамках общественной проверки поставлен вопрос о правиле автоматического отклонения, повторное сообщение статуса заявки не разрешает поставленную проблему. Но и несогласие заявителя с ответом само по себе не доказывает, что проверка не проводилась. Поэтому оцениваются доводы органа, основания решения и возможность проверить сообщённые сведения.

Пробелы в документах тоже нужно учитывать. Отсутствие опубликованного акта не доказывает, что действие не совершалось. С другой стороны, фразы «всё исправлено» недостаточно, чтобы подтвердить исправление. Если доступ к части материалов ограничен, исследователь должен прямо указать, каких сведений ему не хватает. Получение таких материалов, разумеется, должно учитывать установленный законом режим доступа к информации [7].

Кто способен изменить правило

Чтобы оценить результат, сначала нужно найти участника, который действительно вправе его обеспечить. М. Виринга и М. Бусуйок рассматривают подотчётность алгоритмических систем через отношения между организациями и людьми, которые их разрабатывают и используют [8; 9]. Для нашего анализа это принципиально: формула «так решила программа» ничего не объясняет. В каждом эпизоде важно установить, кто утвердил спорное правило, кто может его пересмотреть и кто отвечает за внедрение изменений.

Тот, кто отвечает на обращение, и тот, кто вправе изменить правило, нередко находятся на разных уровнях управления. Оператор может исправить техническую ошибку, но не иметь полномочий менять критерий допуска. Общественный совет способен подготовить заключение, однако, как правило, не обладает полномочием самостоятельно изменить спорное правило. Е.Г. Дьякова и А.Д. Трахтенберг показывают, что экспертная, контрольная и посредническая роли общественных советов различаются [10]. Поэтому одного перечня участников мало: нужно понимать, какие полномочия есть у каждого из них и как вопрос передаётся тому, кто действительно может принять решение.

На практике проблема может возникнуть ещё до обсуждения самого требования. Его получает участник, который вправе дать ответ, но не способен изменить спорное правило, а дальше вопрос не передаётся. Эту ситуацию можно определить как разрыв компетенции. Бывает и иначе: решение принято, однако установленный срок проходит без результата. Тогда речь идёт о разрыве исполнения. Наконец, орган может сообщить, что изменение выполнено, но доступных сведений недостаточно, чтобы это проверить. В таком случае возникает разрыв подтверждения. Он показывает пределы наблюдения и сам по себе не доказывает неисполнение.

Эти ситуации требуют разных доказательств. Для разрыва компетенции нужны документы о полномочиях и передаче вопроса. Для разрыва исполнения – принятое обязательство и сведения о сроках. Для разрыва подтверждения – сопоставление заявленного результата с тем, что можно проверить. Такое разделение помогает точнее увидеть этап, после которого дальнейшее влияние общественного требования уже не прослеживается по доступным материалам.

Как установить общественный вклад

Факт обращения, факт изменения и связь между ними – три разные вещи. Именно это различие лежит в основе прослеживания причинного процесса [3]. Сначала проверяется, дошло ли требование до участника, способного повлиять на решение. Затем – обсуждались ли его доводы и нашли ли они отражение в итоговом изменении. Если протокол прямо ссылается на общественное заключение, это усиливает вывод о влиянии, но такую ссылку всё равно нужно сопоставлять с другими материалами по эпизоду.

Далее приходится проверять альтернативные объяснения. Если спорное правило начали пересматривать ещё до обращения, общественное участие могло не запустить процесс, а ускорить его или повлиять на отдельные условия. Это тоже вклад, только другого характера. Его и следует так называть. Анализ вклада позволяет учитывать несколько причин одного результата и не приписывать обществу то, что было сделано независимо от него [5].

Количество документов здесь вторично. Несколько писем, которые пересказывают один ведомственный отчёт, не дают нескольких независимых подтверждений. Гораздо полезнее материалы разного происхождения: исходное общественное заключение, решение органа и сведения о том, как новое правило стало применяться. Интервью могут дополнить эту картину. Если слова участников расходятся с документами, такое расхождение требует отдельной проверки.

Результат и степень уверенности в его происхождении лучше описывать отдельно. Возможны разные исходы: вопрос рассмотрен, но правило не изменилось; исправлена индивидуальная ошибка; пересмотрена общая процедура. Иногда факт изменения установлен, а общественный вклад подтвердить не удаётся. Возможна и обратная ситуация: орган обоснованно отказывает в требовании, но делает это по прозрачной и проверяемой процедуре. В таком случае изменения системы нет, однако сам по себе отказ ещё не означает отсутствия процедурного результата общественного контроля. Поэтому оценка не должна сводиться к доле удовлетворённых обращений.

Условный пример и ограничения методики

Представим, что общественный совет обнаружил проблему в электронной форме: система не принимает один из допустимых способов подтверждения обстоятельств. Совет готовит заключение, после чего орган сообщает, что электронная форма будет доработана. Этого пока недостаточно для вывода об исполнении. Мы знаем, что вопрос рассмотрели и что орган заявил о намерении изменить форму. Чтобы подтвердить результат, нужно увидеть новую версию формы и проверить, как она применяется на практике.

Новые материалы могут заметно изменить оценку. Если доработка была включена в план ещё до заключения совета, его инициирующая роль не подтверждается. Но если протокол прямо связывает пересмотр правила с доводами совета, а новая форма воспроизводит предложенное решение, версия об общественном вкладе становится убедительнее. И всё же остаётся ещё один вопрос: не поступали ли те же предложения из другого источника? Даже успешно прослеженный эпизод сам по себе не доказывает устойчивого изменения отношений между властью и обществом.

Для организации такого анализа полезны зарубежные практики документирования. Британское руководство по Algorithmic Transparency Recording Standard предусматривает обновление описания инструмента после существенных изменений [11]. В канадском руководстве по экспертной проверке автоматизированных систем отдельно рассматриваются заключение экспертов и ответ ведомства с корректирующими действиями; публикация ведомственного ответа рекомендуется [12]. В этой статье данные примеры используются только как ориентиры для фиксации этапов решения, а не как доказательство эффективности общественного контроля в Великобритании или Канаде.

При сравнении цифровых систем нельзя отбирать только успешные истории. В выборку должны попадать отказы, незавершённые эпизоды и случаи, где данных для вывода не хватает. Иначе хорошую документированность легко принять за высокую результативность контроля. При дальнейшей эмпирической апробации методики полезно проверить и воспроизводимость оценок: часть эпизодов можно независимо проанализировать несколькими исследователями по одной инструкции. Если выводы расходятся, критерии следует уточнить до более широкого применения методики.

Заключение

Разработанный протокол помогает последовательно восстановить отдельный эпизод общественного контроля: понять, какая процедура была доступна, что действительно сделали участники, каким оказался результат и насколько обоснован вывод об общественном влиянии. Такой порядок не позволяет смешать формально предусмотренную возможность с её фактическим использованием и показывает, на каком этапе возникают пробелы в информации или взаимодействии.

Итоговая оценка поэтому не сводится к формуле «контроль есть» или «контроля нет». Вывод может быть точнее: требование рассмотрено; индивидуальная ошибка исправлена; общее правило изменено; общественный вклад подтверждён или остаётся неясным. Для исследования цифрового управления это различие принципиально. Оно позволяет говорить об общественном влиянии не как о декларации, а как о результате, который можно проследить по конкретному эпизоду.

Литература

1. Сморгунов Л.В. Институционализация управляемости и проблема контроля в пространстве цифровых коммуникаций // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20, № 3. С. 62–75. DOI: 10.31429/26190567-20-3-62-75.

2. Панфилов Г.О. Электронные порталы сообщений о проблемах в контексте централизации политики цифрового развития (на примере Санкт-Петербурга) // Социально-политические исследования. 2024. № 3 (24). С. 48–70. DOI: 10.20323/2658-428X-2024-3-24-48.

3. Mahoney J. The Logic of Process Tracing Tests in the Social Sciences // Sociological Methods & Research. 2012. Vol. 41, № 4. P. 570–597. DOI: 10.1177/0049124112437709.

4. Mayne J. Addressing Attribution through Contribution Analysis: Using Performance Measures Sensibly // Canadian Journal of Program Evaluation. 2001. Vol. 16, № 1. P. 1–24. DOI: 10.3138/cjpe.016.001.

5. Mayne J. Contribution analysis: Coming of age? // Evaluation. 2012. Vol. 18, № 3. P. 270–280. DOI: 10.1177/1356389012451663.

6. Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 30 (ч. I). Ст. 4213.

7. Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления: Федеральный закон от 09.02.2009 № 8-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 7. Ст. 776.

8. Wieringa M. What to account for when accounting for algorithms: A systematic literature review on algorithmic accountability // Proceedings of the 2020 Conference on Fairness, Accountability, and Transparency (FAT* '20). New York: ACM, 2020. P. 1–18. DOI: 10.1145/3351095.3372833.

9. Busuioc M. Accountable Artificial Intelligence: Holding Algorithms to Account // Public Administration Review. 2021. Vol. 81, № 5. P. 825–836. DOI: 10.1111/puar.13293.

10. Дьякова Е. Г., Трахтенберг А.Д. Общественные советы при органах исполнительной власти: эксперты, контролеры или мирские челобитчики? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 6. С. 180–201. DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.09.

11. Government Digital Service. Algorithmic Transparency Recording Standard – guidance for public sector bodies. Updated 8 May 2025. GOV.UK. URL: https://www.gov.uk/government/publications/guidance-for-organisations-using-the-algorithmic-transparency-recording-standard/algorithmic-transparency-recording-standard-guidance-for-public-sector-bodies (дата обращения: 02.09.2026).

12. Treasury Board of Canada Secretariat. Guide to Peer Review of Automated Decision Systems. Government of Canada. URL: https://www.canada.ca/en/government/system/digital-government/digital-government-innovations/responsible-use-ai/guide-peer-review-automated-decision-systems.html (дата обращения: 02.09.2026).

EFFECTIVENESS OF PUBLIC OVERSIGHT OF GOVERNMENT DIGITAL SYSTEMS: A METHODOLOGY FOR POLITICAL AND INSTITUTIONAL ANALYSIS

Maleev V.V.
Plekhanov Russian University of Economics

How can it be established that a change in a government digital system was connected with public oversight? A public appeal followed by a system update is not enough to prove such a link. This article proposes a methodology for analysing documented episodes of public influence on the rules and practices of digital governance. The focus is placed not only on the observed result but also on the process that led to it. The analysis therefore separates the existence of a procedure, its actual use, a change in the system, and the evidence linking that change to a public demand. Particular attention is paid to documentary evidence, distribution of authority, and situations in which a decision has been made but its implementation or connection with public influence remains unclear. The methodology is illustrated with a hypothetical example. The resulting research protocol helps assess both evidence of public influence and the limits of such claims.

Keywords: public oversight; government digital systems; political institutions; public influence; effectiveness; causal analysis; public accountability

References

1. Smorgunov L.V. Institutionalization of Governability and the Problem of Control in the Space of Digital Communications // South-Russian Journal of Social Sciences. 2019. Vol. 20, № 3. pp. 62–75. DOI: 10.31429/26190567-20-3-62-75.

2. Panfilov G.O. Electronic Portals for Reporting Problems in the Context of Centralization of Digital Development Policy (using the Case of St. Petersburg) // Socio-Political Studies. 2024. № 3 (24). pp. 48–70. DOI: 10.20323/2658-428X-2024-3-24-48.

3. Mahoney J. The Logic of Process Tracing Tests in the Social Sciences // Sociological Methods & Research. 2012. Vol. 41, № 4. P. 570–597. DOI: 10.1177/0049124112437709.

4. Mayne J. Addressing Attribution through Contribution Analysis: Using Performance Measures Sensibly // Canadian Journal of Program Evaluation. 2001. Vol. 16, № 1. P. 1–24. DOI: 10.3138/cjpe.016.001.

5. Mayne J. Contribution analysis: Coming of age? // Evaluation. 2012. Vol. 18, № 3. P. 270–280. DOI: 10.1177/1356389012451663.

6. On the Fundamentals of Public Control in the Russian Federation: Federal Law of July 21, 2014 № 212-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2014. № 30 (Part I). Art. 4213.

7. On Ensuring Access to Information on the Activities of State Bodies and Local Self-Government Bodies: Federal Law of February 9, 2009 № 8-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 2009. № 7. Art. 776.

8. Wieringa M. What to Account for When Accounting for Algorithms: A Systematic Literature Review on Algorithmic Accountability // Proceedings of the 2020 Conference on Fairness, Accountability, and Transparency (FAT* '20). New York: ACM, 2020. P. 1–18. DOI: 10.1145/3351095.3372833.

9. Busuioc M. Accountable Artificial Intelligence: Holding Algorithms to Account // Public Administration Review. 2021. Vol. 81, № 5. pp. 825–836. DOI: 10.1111/puar.13293.

10. Dyakova E.G., Trakhtenberg A.D. Public Councils under Executive Bodies: Experts, Controllers, or Lay Petitioners? // Monitoring Public Opinion: Economic and Social Changes. 2019. № 6. pp. 180–201. DOI: 10.14515/monitoring.2019.6.09.

11. Government Digital Service. Algorithmic Transparency Recording Standard – guidance for public sector bodies. Updated 8 May 2025. GOV.UK. URL: https://www.gov.uk/government/publications/guidance-for-organisations-using-the-algorithmic-transparency-recording-standard/algorithmic-transparency-recording-standard-guidance-for-public-sector-bodies (accessed 09/02/2026).

12. Treasury Board of Canada Secretariat. Guide to Peer Review of Automated Decision Systems. Government of Canada. URL: https://www.canada.ca/en/government/system/digital-government/digital-government-innovations/responsible-use-ai/guide-peer-review-automated-decision-systems.html (accessed 09/02/2026).

Природа политической неопределенности: теоретико-методологические аспекты и институциональные последствия

Мизулин Михаил Юрьевич,
кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и политического управления ШПИ ИОН, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)
E-mail: mmizulin@ranepa.ru

Филиппова Елизавета Андреевна,
аспирант Института права и национальной безопасности, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)
E-mail: efilippova-23–02@edu.ranepa.ru

В статье исследуется онтологический и эпистемологический статус политической неопределенности как структурной характеристики современных политических систем. На основе синтеза классических подходов к проблеме риска и неопределенности (Ф. Найт), теории социальных систем (Н. Луман) и современных концепций адаптивного управления обосновывается тезис о принципиальной неустранимости неопределенности в политическом процессе. Авторы определили ключевые источники политической неопределенности в условиях цифровизации, институциональной фрагментации и геополитической перестройки. Проанализированы институциональные последствия неопределенности: электоральная волатильность, трансформация доверия, переход к экспериментальным форматам policy-making. Предложена модель адаптивного политического управления, основанная на принципах институциональной модульности, эпистемической скромности и делиберативной инфраструктуры. Сделан вывод о необходимости смещения фокуса с предсказательных стратегий к институциональной готовности (preparedness) и системной устойчивости (resilience).

Ключевые слова: политическая неопределенность, институциональная адаптация, рефлексивность, сложность политических систем, делиберативное управление, эпистемическая скромность, адаптивное регулирование, политическая устойчивость.

Введение

Политическая неопределенность перестала рассматриваться в современной политологии как временное отклонение от «нормальной» траектории развития политических систем. В условиях ускорения технологических изменений, фрагментации медиапространства, эрозии традиционных партийных структур и перестройки глобального порядка [1, 2] неопределенность закрепилась как онтологическое свойство политического процесса. Несмотря на растущий объем данных и развитие прогностических моделей, способность политических акторов и институтов к долгосрочному планированию не возрастает, а в ряде случаев снижается. Данный парадокс указывает на необходимость теоретического переосмысления природы политической неопределенности и ее институциональных последствий [3].

Цель статьи заключается в выявлении теоретико-методологических оснований политической неопределенности, анализе ее структурных источников в контексте современных трансформаций и разработке концептуальных принципов адаптивного политического управления.

Онтологический и эпистемологический статус неопределенности в политическом процессе

Найтовское различение риска и неопределенности давно вошло в инструментарий политической науки и по-прежнему остается актуальным. Риск исчислим: вероятности либо известны, либо восстанавливаются по прошлым наблюдениям. Неопределенность исчислению не поддается – набор возможных исходов заранее не задан, а правила меняются по ходу самого взаимодействия. Политика добавляет к этому рефлексивность акторов: они не просто реагируют на обстоятельства, но и переписывают их через интерпретации, нарративные конструкции и институциональные новшества [4].

С эпистемологической точки зрения политическая неопределенность коренится в фундаментальном пределе предсказуемости социальных систем. Политика не подчиняется детерминированным законам [5]. Она развивается через взаимодействие норм, интересов, случайных событий и конкурирующих интерпретаций. В теории социальных систем Н. Лумана подчеркивается, что политическая подсистема функционирует в условиях избыточной сложности окружающей среды, и именно неопределенность выступает операционным механизмом, позволяющим системе сохранять автономию и способность к самовоспроизведению [5]. Полное устранение неопределенности означало бы снижение адаптивного потенциала системы, ее ригидизацию и утрату способности к эволюционному развитию.

В цифровую эпоху добавляется новое измерение: алгоритмическая опосредованность политических процессов [6, 7]. Рекомендательные системы, генеративные модели, автоматизированные коммуникационные кампании и платформы микро-таргетинга формируют ситуацию «расчетной неопределенности», при которой формальная предсказуемость алгоритмов маскирует непредсказуемость человеческих реакций и сетевых взаимодействий. Неопределенность перестает быть лишь отсутствием информации, она активно конструируется через архитектуры внимания и мышления политических акторов, динамическое формирование повестки и перераспределение когнитивных ресурсов в медиасреде.

Структурные источники политической неопределенности в условиях современных трансформаций

Политическая неопределенность не возникает изолированно; она генерируется взаимодействием нескольких взаимно усиливающих факторов.

1. **Институциональная фрагментация и процедурные траектории.** Традиционные механизмы легитимации и стабилизации (партийные системы, конституционные суды, независимые регуляторы) сталкиваются с эрозией доверия и снижением адаптивной скорости. В условиях поляризации институты часто трансформируются из арбитров правил в арену конфликта, что повышает вероятность непредсказуемых исходов даже при формальной конституционной стабильности.

2. **Информационная асимметрия и когнитивная перегрузка.** Экспоненциальный рост объема информации сопровождается снижением

способности к ее верификации и структурному осмыслению. Эхо-камеры, алгоритмическая персонализация и распространение дезинформации [6] создают множественные эпистемологические реальности, в которых отсутствуют общие основания для политического диалога и коллективного принятия решений.

3. **Социоэкономическая трансформация и сдвиг коалиционных структур.** Социальные коалиции перестраиваются быстрее, чем институциональные системы успевают их описать. Причины по отдельности известны: неравенство, неустойчивая занятость, демографические сдвиги, миграционные потоки. Складывающиеся из них идентификационные и классовые конфигурации предъявляют запросы, для которых в традиционных программах места не предусмотрено. Отсюда и электоральная волатильность, и ситуативное голосование.

4. **Технологическое ускорение и регуляторные разрывы.** Искусственный интеллект, квантовые технологии, биотехнологии, климатические разработки – каждая из этих областей смещает границу политически возможного и попутно открывает новые системные уязвимости. Регулирование за ними не поспевает. Модели, построенные на контроле постфактум, срабатывают тогда, когда последствия уже наступили, причем сами последствия разворачиваются нелинейно.

5. **Геополитическая перестройка и нормативная фрагментация.** Многовекторный порядок, идущий на смену однополярному, приносит с собой конкуренцию управленческих моделей и постоянный пересмотр альянсов. Универсальные нормативные режимы в такой конфигурации весят меньше прежнего. Для внутренней политики это означает, что внешние потрясения доходят до нее почти без амортизации, а горизонт планирования сжимается до тактического.

Институциональные проявления и последствия неопределенности

Перечисленное имеет вполне осязаемые проявления. Они прослеживаются на трех уровнях: электоральном, управленческом и на уровне доверия к институтам.

Электоральная статистика фиксирует рост волатильности [2], ослабление устойчивой партийной идентификации и распространение протестного голосования. Выбор все чаще делается ситуативно – под влиянием доминирующих нарративов и сигналов последних недель, а не программных обещаний на годы вперед. Списывать это на иррациональность избирателя было бы упрощением. Если обязательства элит перестают исполняться, короткий горизонт становится разумной защитой. Данный феномен не свидетельствует об иррациональности электората; скорее, он отражает адаптивную стратегию в условиях, где долгосрочные контракты между гражданами и политическими элитами утратили предсказуемость.

В управленческой практике жесткая норма постепенно уступает место эксперименту. Регуляторные песочницы, sunset-клаузулы, пилотные проекты, сценарное планирование, итеративная проверка политик [8] – государство все чаще действует в режиме управляемого эксперимента, а расхождение с ожидаемым результатом трактует как источники институционального обучения. Оборотная сторона очевидна: эксперимент удобно выдавать за реформу, а гибкость процедур – за наличие стратегии.

Меняется и природа политического доверия. Прежнее «твердое» доверие к формальным институтам вытесняется «жидким» (liquid trust) [9]: оно распределено между сетевыми структурами, экспертными кругами, локальными инициативами и цифровыми площадками. Такое доверие раздроблено, но именно избыточность связей делает его менее уязвимым к системным потрясениям.

Дальше возможны два расхождения. Неопределенность способна порождать спрос на порядок и упрощение, а вместе с ним условия для популистской мобилизации или авторитарной консолидации. Она же способна запускать демократические инновации: гражданские ассамблеи, делиберативные платформы, локальное соуправление [9], алгоритмические аудиты. Что перевесит, определяется не самой неопределенностью, а институциональной культурой, этическими рамками и готовностью элит договариваться.

Парадигма адаптивного политического управления: теоретические основания и практические импликации

Долгое время доминировал подход, исходивший из логики устранения неопределенности: увеличение объема данных, ужесточение правил и централизация управления рассматривались как основные инструменты снижения рисков.

Однако эмпирические данные и теоретические модели сложных систем показывают, что в политических процессах эта логика нередко дает обратный эффект [10]. Жесткость снижает адаптивность, централизация создает точки единичного отказа, а избыточное регулирование стимулирует обходные практики и теневую координацию.

Поэтому современная политология и теория публичного администрирования смещают фокус с предсказания на preparedness (институциональную готовность) и resilience (системную устойчивость) [8]. К ключевым принципам такого адаптивного управления можно отнести следующее.

– **Институциональную модульность.** Способность систем к изоляции угроз и быстрой переконфигурации снижает каскадные риски. Независимые регуляторы, децентрализованные компетенции и четкие протоколы изменения форм и состояний власти повышают операционную устойчивость.

– **Эпистемическую скромность.** Институционализация признания пределов предсказуемости предполагает отказ от технократического иллюзионизма, внедрение механизмов независимой экспертизы, регулярный пересмотр базовых допущений и развитие сценарного моделирования [4].

– **Делиберативную инфраструктуру.** В условиях фрагментации медиа и поляризации необходимы институционализированные пространства для структурированного диалога. Гражданские жребии, ассамблеи по будущему, цифровые платформы соуправления трансформируют неопределенность из источника конфликта в ресурс коллективного обучения.

– **Адаптивное регулирование.** Принципы safe-to-fail, итеративного тестирования, открытых данных и обратной связи в реальном времени позволяют политическим акторам действовать в условиях неполного знания, не парализуя систему ожиданием оптимального решения [10].

– **Нормативную ясность при процессуальной гибкости.** Правила взаимодействия могут эволюционировать, но базовые принципы – защита прав, транспарентность, подотчетность, равный доступ к участию – должны сохранять статус институциональных якорей. Без нормативного каркаса адаптивность вырождается в произвол и ситуативное управление.

Управление политической неопределенностью не предполагает ее устранения. Это требует институциональной памяти, соответствующей когнитивной инфраструктуры и процедур, способных превращать турбулентность в ресурс для адаптации. Политические системы, которые различают управляемые риски и фундаментальную неопределенность, на практике демонстрируют более устойчивую траекторию развития.

Заключение

Природа политической неопределенности двойственна. Онтологически она неизбежна: политический процесс – это поле взаимодействия рефлексивных акторов в условиях открытого будущего и избыточной сложности. Эпистемологически она неустранима, поскольку структурные характеристики социальных систем превосходят возможности любых прогностических моделей. А на практике она многозначна: способна питать институциональный паралич, популистскую мобилизацию и авторитарную стабилизацию, но при этом же может активировать делиберативные практики, экспериментальное управление и демократические инновации.

Современный политический контекст закрепил переход к пост-прогнозирующей парадигме, и попытки восстановить иллюзию полного контроля закономерно воспроизводят циклы кризисов и институциональной ригидности [1]. Научная и практическая задача состоит не в том, чтобы бороться с неопределенностью, а в том, чтобы проектировать институты, культурные коды и процедуры, способные превращать ее в ресурс адаптации. Политическая зрелость сегодня измеряется не точностью предсказаний, а институциональной гибкостью, эпистемической честностью и способностью к кооперативному управлению в условиях открытого будущего.

Таким образом, перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирической верификацией моделей адаптивного управления, анализом влияния алгоритмических архитектур на политическую неопределенность и разработкой метрик институциональной готовности в сравнительной перспективе многовекторного мирового порядка.

Литература

1. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

2. Мельвиль А.Ю., Мироненко Н.В. Политическая неопределенность в условиях трансформации: институциональные и когнитивные аспекты // Полис. Политические исследования. 2023. № 4. С. 28–45.

3. March J.G., Olsen J.P. Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics. Princeton: Princeton University Press, 1989. 256 p.

4. Найт Ф. Риск, неопределенность и прибыль. М.: Дело, 2003. 360 с.

5. Луман Н. Социальные системы: очерк общей теории. СПб.: Наука, 2021. 648 с.
6. Sunstein C.R. Republic: Divided Democracy in the Age of Social Media. Princeton: Princeton University Press, 2017. 320 p.
7. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. New York: PublicAffairs, 2019. 704 p.
8. Гавра Д.П. Адаптивное управление в публичной политике: теоретические основания и практические импликации // Вопросы политологии. 2024. Т. 14. № 2. С. 312–329.
9. Ansell C., Gash A. Collaborative Governance in Theory and Practice // Journal of Public Administration Research and Theory. 2008. Vol. 18. № 4. Pp. 543–571.
10. Teisman G.R. Complexity and Governance: The Challenge of Managing Complex Systems in Public Administration // Public Administration Review. 2018. Vol. 78. № 3. Pp. 345–356.

THE NATURE OF POLITICAL UNCERTAINTY: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS AND INSTITUTIONAL CONSEQUENCES

Mizulin M.Yu., Filippova E.A.
RANEPA

The article examines the ontological and epistemological status of political uncertainty as a structural characteristic of contemporary political systems. Drawing upon classical approaches to risk and uncertainty, systems theory, and contemporary concepts of adaptive governance, the study argues that uncertainty should be understood as an inherent and irreducible feature of political processes. Particular attention is devoted to the structural sources of political uncertainty emerging under conditions of digital transformation, institutional fragmentation, and geopolitical restructuring. The methodological basis of the research combines systems-institutional analysis with theoretical synthesis and qualitative political analysis. The article demonstrates that attempts to eliminate uncertainty through rigid regulation and centralized control frequently reduce institutional adaptability and increase systemic vulnerability. The study analyzes the institutional consequences of uncertainty, including electoral volatility, transformation of political trust, and the diffusion of experimental governance mechanisms. A conceptual model of adaptive political governance is proposed, based on institutional modularity, epistemic humility, deliberative infrastructure, and adaptive regulation. The article concludes that contemporary political systems require a transition from predictive governance strategies toward resilience-oriented and preparedness-based approaches capable of functioning effectively under conditions of complexity and an open future.

Keywords: political uncertainty, adaptive governance, institutional adaptation, political resilience, deliberative governance, complexity, reflexivity, digital politics.

References

1. Beck U. Risk Society: Towards a New Modernity. Moscow: Progress-Tradition, 2000. 384 p.
2. Melville A.Yu., Mironenko N.V. Political uncertainty under conditions of transformation: institutional and cognitive aspects. Polis. Political Studies. 2023. № 4. Pp. 28–45.
3. March J.G., Olsen J.P. Rediscovering Institutions: The Organizational Basis of Politics. Princeton: Princeton University Press, 1989. 256 p.
4. Knight F.H. Risk, Uncertainty and Profit. Moscow: Delo, 2003. 360 p.
5. Luhmann N. Social Systems: Outline of a General Theory. St. Petersburg: Nauka, 2021. 648 p.
6. Sunstein C.R. Republic: Divided Democracy in the Age of Social Media. Princeton: Princeton University Press, 2017. 320 p.
7. Zuboff S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. New York: PublicAffairs, 2019. 704 p.
8. Gavra D.P. Adaptive governance in public policy: theoretical foundations and practical implications. Issues of Political Science. 2024. Vol. 14. № 2. Pp. 312–329.
9. Ansell C., Gash A. Collaborative Governance in Theory and Practice. Journal of Public Administration Research and Theory. 2008. Vol. 18. № 4. Pp. 543–571.
10. Teisman G.R. Complexity and Governance: The Challenge of Managing Complex Systems in Public Administration. Public Administration Review. 2018. Vol. 78. № 3. Pp. 345–356.

Цифровизация политики и трансформация политической коммуникации: социально-философский аспект

Новиков Михаил Юрьевич,
аспирант Омской гуманитарной академии
E-mail: nowikov.m1h@yandex.ru

В статье рассматривается трансформация политической коммуникации под воздействием процессов цифровизации. Анализируется изменение роли человека в современном политическом информационном пространстве, переход от преимущественно однонаправленных моделей распространения информации к сетевым формам коммуникации, а также расширение возможностей политического участия. На основе идей Ю. Хабермаса, М. Кастельса и Бен-Чхоль Хана рассматриваются противоречия цифровой политической коммуникации. Особое внимание уделяется соотношению расширения информационных возможностей личности и возникновения новых форм целенаправленного политического воздействия. Показано, что увеличение объема доступной информации не обязательно приводит к более глубокому пониманию политической действительности и сопровождается усилением проблемы выбора и доверия к источникам. Делается вывод о том, что в условиях цифровизации политическое влияние все в большей степени связано не только с распространением информации, но и с борьбой за внимание, интерпретацию и доверие аудитории.

Ключевые слова: цифровизация политики, политическая коммуникация, политические технологии, цифровое общество, публичная сфера, сетевое общество, политическое воздействие.

Развитие социальных сетей, цифровых платформ и интернет-коммуникации оказывает существенное влияние на современную политическую сферу, повышая скорость и доступность распространения политической информации. Цифровизация политики изменяет не только техническую сторону распространения политической информации, но и постепенно изменяет само пространство политического взаимодействия. Политическая коммуникация со временем все больше перемещается в цифровую среду, где постепенно стираются традиционные границы между государством, политическими субъектами и обществом. Существенное влияние на это оказывают глобализация и совершенствование информационных технологий. [7; 8; 9]

Цель настоящей статьи заключается в социально-философском осмыслении изменений политической коммуникации, происходящих под воздействием цифровизации, а также выявлении противоречий, возникающих вследствие переноса политического взаимодействия в цифровую среду.

Научная новизна исследования заключается в рассмотрении цифровизации политической коммуникации как двойственной трансформации положения личности, при которой расширение возможностей ее участия в производстве и распространении политической информации одновременно сопровождается развитием новых форм адресного политического воздействия.

Указанная двойственность проявляется в изменении положения человека в цифровом политическом пространстве. С одной стороны, развитие цифровых технологий расширяет возможности самостоятельного получения, создания и распространения политической информации. С другой стороны, те же технологии создают новые возможности для анализа поведения аудитории, управления ее вниманием и целенаправленного формирования определенных интерпретаций политических событий. В связи с этим цифровизацию политической коммуникации необходимо рассматривать не только как расширение информационных возможностей личности, но и как трансформацию механизмов политического воздействия. [6; 7]

Политическая коммуникация представляет собой процесс создания, трансляции, приема и интерпретации политической информации, который обеспечивает взаимодействие между участниками политической системы (индивидами, группами, институтами) и между политической системой и обществом в целом. [9; 10]

Политическая информация циркулирует между государственными институтами, политическими субъектами и обществом в различных направлениях. Коммуникация может осуществляться от институтов власти к гражданам, выступать формой обратной связи общества с политической системой, а также развиваться горизонтально между различными политическими и общественными субъектами.

Важно отметить, что политическую коммуникацию нельзя сводить исключительно к передаче сведений от одного политического субъекта к другому. Посредством коммуникации формируются политические представления, оценки, образы власти, ожидания и интерпретации происходящих событий. В этом смысле коммуникация становится одним из механизмов формирования политической реальности. [1; 9]

Политическая коммуникация существует в публичном пространстве. Ю. Хабермас рассматривал публичную сферу как пространство общественного обсуждения. Интернет существенно расширил возможности такого взаимодействия, однако расширение пространства коммуникации само по себе еще не означает повышение ее рациональности. В связи с этим возникает вопрос, насколько современная цифровая коммуникация соответствует хабермасовскому идеалу рационального публичного обсуждения. [1]

В концепции Ю. Хабермаса публичная сфера приобретает особое значение как пространство обсуждения вопросов, имеющих общественную значимость. Существенным условием такого взаимодействия выступает возможность участников не только выражать собственные позиции, но и подвергать их рациональному обсуждению, приводить аргументы и критически оценивать аргументы других участников. Поэтому политическая коммуникация приобретает значение не только как средство распространения информации, но и как механизм формирования общественного мнения. [1; 2]

Развитие цифровых технологий, на первый взгляд, существенно расширяет возможности существования подобной публичной сферы. Для участия в политическом обсуждении человеку больше не обязательно иметь доступ к традиционным средствам массовой информации или непосредственно принадлежать к политическим организациям. Цифровые платформы позволяют практически любому пользователю высказывать собственную позицию, обсуждать политические события и распространять информацию среди других участников коммуникации. [7; 8; 9]

Однако количественное расширение политической коммуникации еще не означает повышения ее рациональности. Увеличение числа участников и доступных каналов взаимодействия может сопровождаться ускорением информационного обмена, конкуренцией за внимание аудитории и смещением акцента с аргументированного обсуждения на эмоциональную реакцию. В таком случае цифровое пространство одновременно расширяет возможности публичного участия и создает условия, при которых коммуникация может использоваться не столько для достижения взаимопонимания, сколько для целенаправленного воздействия на аудиторию. [2; 4; 7]

Если ранее основными посредниками между политической властью и обществом выступали традиционные средства массовой информации, такие как газеты и журналы, радио, телевидение, то современная цифровая среда значительно усложнила структуру политической коммуникации. Особое значение для понимания данных изменений имеет концепция сетевого общества Мануэля Кастельса. В условиях развития цифровых технологий традиционная модель массовой коммуникации дополняется формами массовой самокоммуникации, при которых пользователь самостоятельно создает и распространяет содержание, потенциально доступное широкой аудитории. В результате политическая информация перестает двигаться исключительно от институционального источника к массовому получателю. Это приводит к изменению самого положения личности в политическом информационном пространстве. [3]

Изменение структуры политической коммуникации непосредственно связано и с трансформацией механизмов применения политических технологий. Цифровая среда становится не только пространством общения, но и средой целенаправленного политического воздействия. Возможность сегментировать аудиторию, быстро распространять определенные интерпретации событий и направлять внимание пользователей на конкретные темы создает условия для развития новых форм политических технологий. При этом воздействие может быть направлено не столько на непосредственное изменение политического поведения, сколько на формирование представлений человека о самой политической действительности. [6]

Данная проблема получила развитие в работах современного философа Бен-Чхоль Хана. Он связывает развитие цифровой среды с трансформацией механизмов осуществления власти. В условиях цифровой среды воздействие на человека все в меньшей степени нуждается в форме непосредственного принуждения. Пользователь самостоятельно оставляет значительное количество информации о собственных интересах, предпочтениях и поведении. Использование таких данных позволяет анализировать и прогнозировать реакции различных групп пользователей, вследствие чего политическое воздействие приобретает более адресный характер. [5; 6]

С точки зрения Бен-Чхоль Хана, особенность современного информационного общества состоит также в том, что свобода коммуникации и возможность постоянного обмена информацией сами по себе не гарантируют формирование свободного и рационального общественного пространства. Напротив, непрерывный поток сообщений способен приводить к информационной перегрузке, фрагментации общественного пространства и усилению эмоциональной реакции на происходящие события. Человек получает доступ к огромному количеству сведений, однако увеличение объема доступной информации еще не означает более глубокого понимания политической действительности. [4]

Цифровизация ослабила монополию традиционных институтов на распространение политической информации. Человек получил возможность сравнивать официальные СМИ, независимые источники, зарубежные источники, социальные сети и непосредственные публикации участников событий. Однако информационное многообразие имеет и обратную сторону: пользователю приходится самостоятельно определять, каким источникам следует доверять. В результате возрастает значение проблемы выбора источника информациию. Если в условиях традиционной медиасистемы круг основных источников политической информации был сравнительно ограничен, то цифровая среда требует от самого пользователя постоянно оценивать достоверность конкурирующих интерпретаций событий. Поэтому проблема доступа к информации постепенно дополняется проблемой доверия к ней. [8; 10]

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что цифровизация затрагивает не только технические средства передачи политической информации, но и структуру политической коммуникации. Переход к сетевым формам взаимодействия способствует расширению возможностей личности как самостоятельного участника политического информационного пространства.

Вместе с тем количественное расширение политической коммуникации не означает автоматического повышения ее рациональности. Рост числа каналов взаимодействия сопровождается конкуренцией за внимание, информационной перегрузкой и развитием механизмов адресного воздействия, основанных в том числе на анализе поведения пользователей.

Одним из ключевых следствий цифровизации политической коммуникации становится трансформация положения самого человека по отношению к информации. В цифровой среде борьба за политическое влияние все в большей степени становится борьбой не только за распространение информации, но и за внимание, интерпретацию и доверие аудитории.

Литература

1. Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: исследования относительно категории буржуазного общества / пер. с нем. В.В. Иванова. – М.: Весь Мир, 2016. – 342 с.
2. Хабермас Ю. Теория коммуникативной деятельности: в 2 т. / пер. с нем. А.К. Судакова. – М.: Весь Мир, 2022. – 880 с.
3. Кастельс М. Власть коммуникации / пер. с англ. Н.М. Тылевич, А.А. Архиповой; под науч. ред. А.И. Черных. – 2-е изд., доп. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2017. – 590 с.
4. Хан Б.-Ч. Инфократия. Истина и свобода в цифровую эпоху / пер. с нем. С.О. Мухамеджанова; науч. ред. А.В. Павлов. – М.: АСТ, 2025. – 160 с.
5. Han B.-C. Psychopolitics: Neoliberalism and New Technologies of Power / trans. by E. Butler. – London; New York: Verso, 2017. – 96 p.
6. Tufekci Z. Engineering the Public: Big Data, Surveillance and Computational Politics // First Monday. – 2014. – Vol. 19, No. 7. – DOI: 10.5210/fm.v19i7.4901.
7. Быков И. А., Курушкин С.В. Цифровая политическая коммуникация в России: ценности гуманизма против технократического подхода // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2022. – Т. 24, № 3. – С. 419–432. – DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-419-432.
8. Уртаева Э.Б. Влияние социальных сетей на развитие политических коммуникаций в новой цифровой реальности // Общество: политика, экономика, право. – 2024. – № 3. – С. 40–49. – DOI:10.24158/pep.2024.3.3.
9. McNair B. An Introduction to Political Communication. – 6th ed. – London; New York: Routledge, 2018. – 266 p.
10. Perloff R.M. The dynamics of Political Communication: Media and Politics in a Digital Age. – 3rd ed. – New York: Routledge, 2022.

DIGITALIZATION OF POLITICS AND THE TRANSFORMATION OF POLITICAL COMMUNICATION: A SOCIOPHILOSOPHICAL PERSPECTIVE

Novikov M.Yu.
Omsk Humanitarian Academy

The article examines the transformation of political communication under the influence of digitalization processes. It analyzes the changing role of the individual in the contemporary political information space, the transition from predominantly one-way models of information dissemination to networked forms of communication, and the expansion of opportunities for political participation. Drawing on the ideas of Jurgen Habermas, Manuel Castells and Byung-Chul Han, the article explores the contradictions inherent in digital political communication. Particular attention is paid to the relationship between the expansion of individual access to information and the emergence of new forms of targeted political influence. It is argued that the growing amount of available information does not necessarily lead to a deeper understanding of political reality and simultaneously intensifies the problems of information selection and trust in information sources. The article concludes that, in the context of digitalization, political influence is increasingly associated not only with the dissemination of information but also with competition for the audience's attention, interpretation, and trust.

Keywords: digitalization of politics, political communication, political technologies, digital society, public sphere, network society, political influence.

References

1. Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society / trans. from German by V.V. Ivanov. – Moscow: Ves Mir, 2016. – 342 p.

2. Habermas J. The Theory of Communicative Action: in 2 vols. / trans. from German by A.K. Sudakov. – Moscow: Ves Mir, 2022. – 880 p.

3. Castells M. Communication Power / trans. from English by N.M. Tylevich, A.A. Arkhipova; scientific ed. A.I. Chernykh. – 2nd ed., expanded. – Moscow: HSE Publishing House, 2017. – 590 p.

4. Han B.-C. Infocracy: Truth and Freedom in the Digital Age / trans. from German by S.O. Mukhamedzhanov; scientific ed. A.V. Pavlov. – Moscow: AST, 2025. – 160 p.

5. Han B.-C. Psychopolitics: Neoliberalism and New Technologies of Power / trans. by E. Butler. – London; New York: Verso, 2017. – 96 p.

6. Tufekci Z. Engineering the Public: Big Data, Surveillance and Computational Politics // First Monday. – 2014. – Vol. 19, No. 7. – DOI: 10.5210/fm.v19i7.4901.

7. Bykov I. A., Kurushkin S.V. Digital Political Communication in Russia: Humanist Values vs. Technocratic Approach // RUDN Journal of Political Science. – 2022. – Vol. 24, No. 3. – P. 419–432. – DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-419-432.

8. Urtaeva E.B. The impact of social networks on the development of political communication in the new digital reality // Society: Politics, Economics, Law. – 2024. – No. 3. – P. 40–49. – DOI: 10.24158/pep.2024.3.3.

9. McNair B. An Introduction to Political Communication. – 6th ed. – London; New York: Routledge, 2018. – 266 p.

10. Perloff R.M. The Dynamics of Political Communication: Media and Politics in a Digital Age. – 3rd ed. – New York: Routledge, 2022.

Благотворительность как фактор развития гражданского общества и снижения социальной напряженности в сельских регионах России

Санин Дмитрий Владимирович,
аспирант, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: dsanin-25@ranepa.ru

Благотворительность рассматривают как опору гражданских инициатив и как средство смягчения социальной напряженности; для сельских регионов России оба предположения можно проверить на сопоставимых открытых региональных данных. В статье проверяется, связана ли интенсивность частной благотворительности в регионах с высокой долей сельского населения с активностью некоммерческих организаций и с объективными индикаторами напряженности. Выполнен вторичный анализ открытых данных ФНС России (вычеты НДФЛ на пожертвования), Фонда президентских грантов, Генеральной прокуратуры и Росстата за 2019–2022 гг. по 82 субъектам, из которых 39 имеют долю сельского населения не менее 30%; применены непараметрические сравнения, регрессии с робастными ошибками и панельная модель с эффектами региона и года. На 100 тыс. жителей сельских регионов приходится в медиане 3,22 налогоплательщика, заявившего вычет на пожертвования, и 10,54 заявки НКО в фонд; в остальной совокупности эти значения равны 7,17 и 14,47. При контроле доходов, бедности и безработицы коэффициент благотворительности в уравнении индекса напряженности равен 0,30 при доверительном интервале от –0,23 до 0,83; во внутрирегиональной динамике связь также не выявлена. Формализованная благотворительность и грантовая активность в сельских регионах концентрируются в регионах с повышенным уровнем убийств, тяжкого вреда здоровью и сельской смертности от алкогольных отравлений и самоповреждений, что соответствует модели реагирования на социальные проблемы, а не их предупреждения.

Ключевые слова: благотворительность, социальный налоговый вычет, некоммерческие организации, гражданское общество, социальная напряженность, сельские регионы, Фонд президентских грантов.

Введение

Масштаб некоммерческого сектора в России заметно различается между регионами, и эти различия объясняются прежде всего объемом государственной поддержки, тогда как показатели социального капитала имеют меньший вес [1]. Частная благотворительность занимает в этой картине отдельное место. Она строится на добровольном и безвозмездном перераспределении ресурсов граждан, а цифровые инструменты расширили круг жертвователей и упростили сам акт пожертвования [2]. Региональную географию частных пожертвований можно измерять по налоговой отчетности. В исследовании по 400 тыс. обезличенных чешских деклараций региональные различия разложены на вклад индивидуальных характеристик жертвователей и региональных факторов, в том числе сельскости [3]. Для российских регионов сопоставимый показатель публикует ФНС России в открытых данных по форме 1-ДДК.

Активность некоммерческих организаций в регионах обычно оценивают по грантовым конкурсам. Число победителей конкурсов Фонда президентских грантов тесно коррелирует с числом зарегистрированных НКО в регионе, а наиболее поддерживаемыми направлениями остаются здравоохранение, социальное обслуживание и сохранение исторической памяти [4]. Распределение грантов зависит не только от опыта организаций, поскольку размер поддержки связан и с включенностью их представителей в общественные и политические структуры [5]. В аграрных регионах НКО, получающие поддержку фонда, ориентированы в основном на социальную поддержку и образование [6]. Поэтому число поданных заявок характеризует готовность местных организаций к проектной работе, а не только итоговое распределение государственных средств.

В сельской местности гражданская активность принимает формы территориального общественного самоуправления, инициативного бюджетирования и неформального участия жителей; проекты развития в удаленных районах опираются на грантовые средства или на ресурсы самих инициаторов [7]. Опросы и экспертные интервью в Краснодарском крае, Республике Крым и Республике Адыгея показали, что привлечение ресурсов местных сообществ в городских и сельских территориях зависит от практик гражданской солидарности, лидерства и готовности жителей к участию [8]. Добровольческая деятельность рассматривается как ресурс в условиях повышенной социальной напряженности [9], при этом доля добровольцев социально ориентированных НКО в большинстве федеральных округов в последние годы снижалась [10].

Социальную напряженность измеряют разными способами. Предложены обобщающие индикаторы, рассчитываемые по негативным сообщениям в социальных сетях [11], а в межрегиональных регрессиях межэтнической напряженности установлена ее положительная связь с экономическим кризисом [12]. Для сельских регионов важны объективные демографические и криминальные показатели. Смертность сельского населения трудоспособного возраста сильнее реагирует на неблагоприятные и благоприятные изменения условий жизни [13], а разрыв между мегаполисами и сельскими территориями сохраняется и в доступе к образованию [14]. Эти показатели фиксируют крайние проявления социальной дезорганизации и доступны по всем субъектам за одинаковый период.

Показатель частной благотворительности по налоговой статистике зависит от доходной структуры населения. По микросимуляционной оценке, увеличение лимитов и охвата социальных вычетов НДФЛ способно усилить неравенство доходов [15]. Поэтому при сравнении регионов по числу получателей вычета на пожертвования необходимо учитывать доходы и склонность населения к декларированию. Задача статьи состоит в проверке на открытых данных за 2019–2022 гг. двух гипотез для субъектов Российской Федерации с долей сельского населения не менее 30%: частная благотворительность положительно связана с активностью некоммерческих организаций (H1) и отрицательно связана с объективными индикаторами социальной напряженности (H2).

Материалы и методы исследования

Эмпирическое исследование выполнено как вторичный анализ открытых официальных данных. Единица анализа – субъект Российской Феде-

рации. Из 85 субъектов, по которым Росстат публикует ряды за 2019–2022 гг., исключены Москва и Санкт-Петербург, для которых не приводится доля сельского населения, и Архангельская область, поскольку данные о смертности по причинам даны по ней вместе с Ненецким автономным округом. Тюменская область взята без автономных округов, как она представлена во всех использованных источниках. В итоговую совокупность вошли 82 субъекта; сельскую группу образовали 39 субъектов, в которых доля сельского населения на конец 2021 г. составляла не менее 30% при среднероссийском значении 25,2%.

Частная благотворительность измерена по открытому набору ФНС России «О декларировании доходов физическими лицами (форма 1-ДДК)», из которого взято поле G1 с числом налогоплательщиков, которым предоставлен социальный налоговый вычет по суммам пожертвований, по декларациям о доходах 2019, 2020, 2021 и 2022 гг. Показатель пересчитан на 100 тыс. человек среднегодовой численности населения. В проверках устойчивости использованы сумма этого вычета на жителя (поле G2) и число получателей вычета на пожертвования на 1000 получателей вычета на лечение (поле G7); последняя мера учитывает региональные различия в склонности подавать декларации. Активность некоммерческих организаций измерена числом уникальных заявок, поданных организациями региона на конкурсы Фонда президентских грантов 2019–2022 гг., включая специальные конкурсы, на 100 тыс. жителей; использован набор проекта «Если быть точным», собранный с сайта фонда.

Социальная напряженность описана двумя объективными индикаторами. Первый – число зарегистрированных убийств и покушений на убийство (ст. 30, 105–107 УК РФ) и умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) на 100 тыс. жителей по данным портала правовой статистики Генеральной прокуратуры. Второй – число умерших в сельской местности от случайного отравления алкоголем, преднамеренного самоотравления алкоголем, других преднамеренных самоповреждений, отравления алкоголем и повешения с неопределенными намерениями на 100 тыс. сельских жителей по данным Росстата; далее он называется сельской смертностью от самодеструктивных причин. Численность сельского населения рассчитана как произведение численности населения на конец года и доли сельского населения, усредненное по концам смежных лет. Индекс социальной напряженности равен среднему z-оценок натуральных логарифмов двух индикаторов, рассчитанных внутри сельской группы.

Контрольные переменные взяты из сборника Росстата «Регионы России. Социально-экономические показатели»: отношение медианного среднедушевого денежного дохода к величине прожиточного минимума (среднее за 2021–2022 гг., когда прожиточный минимум устанавливается в годовом исчислении), доля населения с доходами ниже границы бедности, уровень безработицы по методологии МОТ и доля сельского населения. Остальные показатели усреднены за 2019–2022 гг. Для сопоставления источников использованы коды ОКТМО; в выгрузке данных Генеральной прокуратуры у Белгородской области указан нулевой код, и он заменен по наименованию субъекта. Реестр 82 субъектов со значениями, локаторами полей и правилом включения, а также код расчета сохранены в электронном приложении к статье.

Сельская группа сравнивалась с остальными регионами критерием Манна–Уитни, связи внутри группы оценивались коэффициентами ранговой корреляции Спирмена. Основные уравнения оценены методом наименьших квадратов с робастными к гетероскедастичности ошибками HC3 и t-распределением; зависимыми переменными служили логарифм числа заявок в Фонд президентских грантов и индекс напряженности, объясняющими – логарифм показателя благотворительности и контрольные переменные. Внутрирегиональная динамика оценена на панели из 156 наблюдений регион-год с фиксированными эффектами региона и года и кластеризацией ошибок по регионам. Проверки устойчивости включали порог сельскости 35%, исключение шести республик Северо-Кавказского федерального округа, исключение выбросов по правилу Q3 + 1,5 межквартильного размаха, замену относительного дохода номинальным медианным доходом, две альтернативные меры благотворительности и оценку на всей совокупности с взаимодействием «благотворительность × сельская группа». Расчеты выполнены на Python с библиотеками pandas, statsmodels и scipy; повторный запуск кода воспроизводит все оценки.

Результаты и обсуждение

Сельские регионы отличаются от остальных прежде всего уровнем формализованной благотворительности. Медиана числа получателей вычета на пожертвования в них в 2,2 раза ниже (табл. 1), и при 43,5% населения изученных субъектов на сельскую группу пришлось 25,6% всех получателей этого вычета. Разрыв по заявкам в Фонд президентских грантов меньше. Сельские регионы дали 41,1% заявок, а медиана на 100 тыс. жителей составляет 0,73 от уровня остальных регионов. Насильственная преступность в сельской группе ниже, а сельская смертность от самодеструктивных причин статистически не отличается. Сравнение не выявляет в сельских регионах более высокой напряженности по этим индикаторам, но показывает сочетание низкой формализованной благотворительности с умеренно пониженной грантовой активностью.

Таблица 1. Благотворительность, активность НКО и индикаторы напряженности в сельских и остальных регионах, средние за 2019–2022 гг.

Показатель	Сельские регионы (n = 39): медиана [Q1; Q3]	Остальные регионы (n = 43): медиана	p (Манн–Уитни)
Получатели вычета на пожертвования на 100 тыс. жителей	3,22 [1,84; 4,36]	7,17	< 0,001
Сумма вычета на пожертвования на жителя, руб.	2,99 [1,08; 7,82]	5,34	0,014
Заявки в Фонд президентских грантов на 100 тыс. жителей	10,54 [7,27; 15,97]	14,47	0,027
Убийства, покушения и тяжкий вред здоровью на 100 тыс. жителей	14,79 [12,28; 24,93]	20,02	0,018
Сельская смертность от самодеструктивных причин на 100 тыс. сельских жителей	34,99 [23,21; 58,47]	38,68	0,194

Источник: расчет автора по открытым данным ФНС России (форма 1-ДДК), Фонда президентских грантов, Генеральной прокуратуры РФ и Росстата.

Внутри сельской группы ранговые связи имеют один знак. Показатель благотворительности положительно коррелирует с индексом напряженности ($\rho = 0{,}47$; $p = 0{,}003$), с насильственной преступностью ($\rho = 0{,}42$) и с сельской смертностью от самодеструктивных причин ($\rho = 0{,}51$). Число заявок в фонд еще теснее связано с обоими индикаторами напряженности ($\rho = 0{,}60$ для преступности и $\rho = 0{,}64$ для смертности). Благотворительность и заявки коррелируют слабее ($\rho = 0{,}31$; $p = 0{,}055$). Реестр показывает источник этой структуры. Республики Северного Кавказа сочетают минимальные значения вычета (от 0,10 на 100 тыс. жителей в Чеченской Республике до 0,53 в Карачаево-Черкесской Республике) с минимальной регистрируемой насильственной преступностью и сельской смертностью от самодеструктивных причин. Сибирские и дальневосточные регионы при невысоких значениях вычета (2,48 в Республике Тыва, 2,28 в Забайкальском крае) имеют наибольшие значения индикаторов (133,62 случая насильственных преступлений на 100 тыс. жителей в Республике Тыва, 83,46 смерти на 100 тыс. сельских жителей в Забайкальском крае). Наибольшие значения вычета приходятся на Удмуртскую Республику (31,85), Республику Марий Эл (22,90) и Чувашскую Республику (11,79). Связь показателя благотворительности с медианным доходом ($\rho = 0{,}42$) согласуется с зависимостью социальных вычетов от доходной структуры населения [15].

Таблица 2. Оценки коэффициента при логарифме показателя благотворительности в сельских регионах

Спецификация	Зависимая переменная	Коэффициент	95%-й доверительный интервал	n
Основная	Логарифм заявок в ФПГ	0,21	[–0,20; 0,62]	39
Основная	Индекс напряженности	0,30	[–0,23; 0,83]	39
Основная с учетом заявок в ФПГ	Индекс напряженности	0,21	[–0,27; 0,69]	39
Порог сельскости 35%	Индекс напряженности	0,50	[–0,55; 1,54]	23
Без республик СКФО	Индекс напряженности	0,29	[–0,11; 0,68]	33
Без выбросов по благотворительности	Индекс напряженности	0,57	[–0,34; 1,49]	36

Окончание

Спецификация	Зависимая переменная	Коэффициент	95%-й доверительный интервал	n
Вычет на пожертвования на 1000 получателей вычета на лечение	Индекс напряженности	–0,54	[–1,27; 0,19]	39
Панель с эффектами региона и года	Логарифм насильственной преступности	–0,028	[–0,144; 0,088]	156
Панель с эффектами региона и года	Логарифм сельской смертности от самодеструктивных причин	0,029	[–0,092; 0,150]	156

Источник: расчет автора; межрегиональные уравнения включают отношение медианного дохода к прожиточному минимуму, долю бедного населения, уровень безработицы и долю сельского населения; ошибки HC3, в панели – кластеризованные по регионам.

Гипотеза H1 после учета доходов, бедности и безработицы не подтверждается. Точечная оценка 0,21 соответствует росту числа заявок в Фонд президентских грантов примерно на 15,6% при удвоении показателя благотворительности, но доверительный интервал включает нулевое значение (табл. 2). Во внутрирегиональной панели коэффициент равен 0,125 при интервале от –0,257 до 0,508. Ранговая связь двух показателей не сохраняется при учете доходов, бедности и безработицы; сам показатель благотворительности коррелирует с медианным доходом ($\rho = 0{,}42$). Размер некоммерческого сектора в регионах определяется в основном государственной поддержкой [1], а проектная активность сельских инициатив опирается на гранты и собственные ресурсы инициаторов [7], и в изученных данных пожертвования, заявленные к налоговому вычету, не выделяются как самостоятельный коррелят грантовой активности.

Гипотеза H2 также не подтверждается. Коэффициент при логарифме показателя благотворительности в уравнении индекса напряженности положителен, и при удвоении показателя индекс изменяется в интервале от –0,16 до 0,57 стандартного отклонения с точечной оценкой 0,21. Наибольшее снижение индекса, совместимое с 95%-м интервалом, составляет 0,16 стандартного отклонения на каждое удвоение частной благотворительности. Отдельно для насильственной преступности коэффициент равен 0,33, для сельской смертности от самодеструктивных причин – 0,27; оба интервала включают нуль. При добавлении в уравнение числа заявок коэффициент благотворительности снижается до 0,21, а коэффициент заявок составляет 0,43 при интервале от –0,17 до 1,03.

Проверки устойчивости не меняют вывода (табл. 2). Порог сельскости 35%, исключение республик Северо-Кавказского федерального округа, исключение трех выбросов по благотворительности, замена относительного дохода номинальным (0,36) и замена числа получателей суммой вычета на жителя (0,05) дают положительные коэффициенты с интервалами, включающими нуль. Единственная спецификация с отрицательной оценкой использует показатель благотворительности относительно числа получателей вычета на лечение, и она равна –0,54 при интервале от –1,27 до 0,19. На всей совокупности из 82 субъектов взаимодействие «благотворительность × сельская группа» равно 0,47 при интервале от –0,26 до 1,20: точечная оценка положительна, а различие связи между сельской и остальной группами статистически не выделяется. Внутрирегиональная панель показывает, что изменение числа получателей вычета от года к году не сопровождается изменением насильственной преступности (–0,028) и сельской смертности от самодеструктивных причин (0,029); ширина интервалов в обоих случаях не превышает 0,25 логарифмической единицы.

В интерпретации полученная структура согласуется с моделью реагирования на социальные проблемы. Число заявок некоммерческих организаций выше там, где выше насильственная преступность и сельская смертность от самодеструктивных причин, а тематика заявок в аграрных регионах сосредоточена на социальной поддержке [6]. Добровольческую деятельность в регионах также изучают как ресурс в условиях повышенной социальной напряженности [9]. Такое размещение гражданской активности и частных пожертвований повторяет географию социальных проблем, и в межрегиональных данных оно проявляется как положительная связь с индикаторами напряженности. Налоговая статистика учитывает только пожертвования, по которым заявлен вычет, тогда как благотворительность в России осуществляется также через цифровые кампании и частные инициативы граждан [2]. Для республик Северного Кавказа с минимальными значениями вычета это означает, что показатель описывает формализованный канал благотворительности, а не общий объем взаимопомощи. Индикаторы напряженности отражают крайние формы социальной дезорганизации, чувствительные к условиям жизни и экономическим потрясениям [12, 13], а колебания формализованной частной благотворительности внутри регионов за четыре года не сопровождались их изменением.

Выводы

В 39 российских регионах с долей сельского населения не менее 30% частная благотворительность, измеренная по вычетам НДФЛ на пожертвования за 2019–2022 гг., в 2,2 раза ниже, чем в остальных регионах, а грантовая активность НКО на 27% ниже. При одинаковых доходах, бедности и безработице уровень благотворительности не обнаруживает статистически значимой связи ни с грантовой активностью НКО, ни с индексом социальной напряженности, построенным по насильственной преступности и сельской смертности от самодеструктивных причин. Удвоение числа получателей вычета совместимо со снижением индекса не более чем на 0,16 стандартного отклонения, а изменения внутри регионов за четыре года не сопровождаются изменением индикаторов напряженности. Частная благотворительность и активность НКО в сельских регионах сосредоточены там, где индикаторы напряженности выше; такое размещение в 2019–2022 гг. соответствует модели реагирования на социальные проблемы, а не фактора их снижения на уровне региона.

Литература

1. Скокова Ю., Рыбникова М. Размер некоммерческого сектора в регионах России: факторы различий // Журнал социологии и социальной антропологии. 2022. Т. 25. № 1. С. 70–102. DOI: 10.31119/jssa.2022.25.1.3

2. Крайнова Н.В., Агурова А.А. Интернет-благотворительность в России: условия, формы и практики // Социальные и гуманитарные знания. 2021. Т. 7. № 1. С. 18–27. DOI: 10.18255/2412-6519-2021-1-18-27

3. Halada M., Ženka J., Kofroň J. The geography of individual charitable giving: do personal or regional characteristics matter? // GeoScape. 2024. Vol. 18. No. 1. Pp. 77–93. DOI: 10.2478/geosc-2024-0006

4. Крайнова Н.В., Прусов Д.А. Тенденции распределения президентских грантов в России: социально-политические приоритеты и региональные особенности развития некоммерческого сектора // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2024. Т. 49. С. 43–54. DOI: 10.26516/2073-3380.2024.49.43

5. Бедерсон В.Д., Семенов А.В. Политические основания государственной поддержки некоммерческого сектора: анализ распределения президентских грантов в России // Мир России. 2020. Т. 29. № 3. С. 96–120. DOI: 10.17323/1811-038x-2020-29-3-96-120

6. Урасова А.А., Некрасова Д.В., Мухин М.А., Зубарев Н.Ю., Зубарев Ю.Н. Ключевые тенденции в развитии федеральной финансовой поддержки Фонда президентских грантов некоммерческих организаций в аграрных регионах России // Аграрный вестник Урала. 2025. Т. 25. № 9. С. 1493–1506. DOI: 10.32417/1997-4868-2025-25-09-1493-1506

7. Аверкиева К.В., Куксин Я.К. Роль низовой самоорганизации населения в развитии периферийной сельской местности // Известия Русского географического общества. 2025. Т. 157. № 4. С. 486–504. DOI: 10.7868/s3034538325040026

8. Русия Н.Т., Ракачев Д.Н. Состояние гражданской солидарности городских и сельских территорий Юга России // Журнал политических исследований. 2023. Т. 7. № 4. С. 72–87. DOI: 10.12737/2587-6295-2023-7-4-72-87

9. Филиппова Т.И., Хачикян Е.И., Пацакула И.И., Иванова И.В. Волонтерство в регионах России: социально-психологические особенности, проблемы реализации и пути их решения // Вестник университета. 2021. № 2. С. 166–174. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-2-166-174

10. Морозова И., Дмитриев А. Об эффективности управления волонтерской активностью социально ориентированных некоммерческих организаций в регионах России // Общество и экономика. 2025. № 4. С. 54–63. DOI: 10.7868/s3034598725040046

11. Гребенюк А.А., Максимова А.С., Лэмер Л.Г. Исследование социальной напряженности на основе больших данных электронных социальных сетей // Цифровая социология. 2022. Т. 4. № 4. С. 4–12. DOI: 10.26425/2658-347x-2021-4-4-4-12

12. Мухаметов Р.С. Факторы межэтнической напряженности в регионах России // Ars Administrandi (Искусство управления). 2022. Т. 14. № 2. С. 268–284. DOI: 10.17072/2218-9173-2022-2-268-284

13. Землянова Е.В., Евдокушкина Г.Н. Сельско-городские различия смертности населения России трудоспособных возрастов // ДЕМИС. Демографические исследования. 2026. Т. 6. № 2. С. 63–79. DOI: 10.19181/demis.2026.6.2.4

14. Захаров М.П. Цифровые образовательные платформы как фактор снижения образовательного разрыва между мегаполисами и сельскими территориями / М.П. Захаров // Вопросы природопользования. 2025. Т. 4, № 5. С. 96–108.

15. Благолев Е. Влияние социальных налоговых вычетов на неравенство в России // Общество и экономика. 2024. № 7–8. С. 57–78. DOI: 10.31857/s020736762407004

CHARITY AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY AND THE REDUCTION OF SOCIAL TENSION IN RURAL REGIONS OF RUSSIA

Sanin D.V.
North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Charitable giving is often treated both as a resource for civic initiatives and as a means of easing social tension. For rural regions of Russia, both assumptions can be tested against comparable open regional statistics. The study asks whether the intensity of private giving in regions with a large rural population is related to the activity of non-profit organisations and to objective indicators of social tension. Secondary analysis covers open data of the Federal Tax Service (income tax deductions for donations), the Presidential Grants Foundation, the Prosecutor General's Office and Rosstat for 2019–2022 in 82 federal subjects, 39 of which have a rural population share of at least 30%. Group comparisons, regressions with robust standard errors and a panel model with region and year fixed effects were estimated. In rural regions the median number of taxpayers claiming the donation deduction was 3.22 per 100,000 residents against 7.17 elsewhere, and grant applications from non-profits numbered 10.54 against 14.47. Controlling for income, poverty and unemployment, the coefficient of giving in the tension index equation was 0.30, with a confidence interval from –0.23 to 0.83, and within-region changes in giving showed no association either. Formalised giving and grant activity in rural regions are concentrated where violent crime and rural deaths from alcohol poisoning and self-harm are higher, which fits a pattern of responding to social problems rather than preventing them.

Keywords: charity, social tax deduction, non-profit organisations, civil society, social tension, rural regions, Presidential Grants Foundation.

References

1. Skokova Yu., Rybnikova M. The Size of the Nonprofit Sector in the Regions of Russia: Factors of Differences // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2022. Vol. 25. No. 1. Pp. 70–102. DOI: 10.31119/jssa.2022.25.1.3

2. Krainova N.V., Agurova A.A. Online Philanthropy in Russia: Conditions, Forms, and Practices // Social and Humanitarian Knowledge. 2021. Vol. 7. No. 1. Pp. 18–27. DOI: 10.18255/2412-6519-2021-1-18-27

3. Halada M., Ženka J., Kofroň J. The geography of individual charitable giving: do personal or regional characteristics matter? // GeoScape. 2024. Vol. 18. No. 1. Pp. 77–93. DOI: 10.2478/geosc-2024-0006

4. Krainova N.V., Prusov D.A. Trends in the distribution of presidential grants in Russia: socio-political priorities and regional features of the development of the non-profit sector // Izvestiya of Irkutsk State University. Series "Political Science. Religious Studies". 2024. Vol. 49. Pp. 43–54. DOI: 10.26516/2073-3380.2024.49.43

5. Bederson V.D., Semenov A.V. Political Foundations of State Support for the Non-profit Sector: An Analysis of the Distribution of Presidential Grants in Russia // Mir Rossii. 2020. Vol. 29. No. 3. Pp. 96–120. DOI: 10.17323/1811-038x-2020-29-3-96-120

6. Urasova A.A., Nekrasova D.V., Mukhin M.A., Zubarev N.Yu., Zubarev Yu.N. Key trends in the development of federal financial support from the Presidential Grants Fund for non-profit organizations in the agricultural regions of Russia // Agrarian Bulletin of the Urals. 2025. Vol. 25. No. 9. Pp. 1493–1506. DOI: 10.32417/1997-4868-2025-25-09-1493-1506

7. Averkieva K.V., Kuksin Ya.K. The role of grassroots self-organization of the population in the development of peripheral rural areas // Izvestiya Russkogo GEOGRAPHICAL SOCIETY. 2025. Vol. 157. No. 4. Pp. 486–504. DOI: 10.7868/s034538325040026

8. Rusia N.T., Rakachev D.N. The State of Civic Solidarity in Urban and Rural Areas of Southern Russia // Journal of Political Research. 2023. Vol. 7. No. 4. Pp. 72–87. DOI: 10.12737/2587-6295-2023-7-4-72-87

9. Filippova T.I., Khachikyan E.I., Patsakula I.I., Ivanova I.V. Volunteering in the regions of Russia: socio-psychological features, implementation problems and ways to solve them // Vestnik universiteta. 2021. No. 2. Pp. 166–174. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-2-166-174

10. Morozova I., Dmitriev A. On the Effectiveness of Managing Volunteer Activity in Socially Oriented Nonprofit Organizations in the Regions of Russia // Society and Economy. 2025. No. 4. Pp. 54–63. DOI: 10.7868/s1034598725040046

11. Grebenyuk A.A., Maksimova A.S., Lamer L.G. Research on social tension based on big data from electronic social networks // Digital Sociology. 2022. Vol. 4. No. 4. Pp. 4–12. DOI: 10.26425/2658-347x-2021-4-4-4-12

12. Mukhametov R.S. Factors of interethnic tension in the regions of Russia // Ars Administrandi (The Art of Management). 2022. Vol. 14. No. 2. Pp. 268–284. DOI: 10.17072/2218-9173-2022-2-268-284

13. Zemlyanova E.V., Evdokushkina G.N. Rural-urban differences in mortality among the working-age population in Russia // DEMIS. Demographic Research. 2026. Vol. 6. No. 2. Pp. 63–79. DOI: 10.19181/demis.2026.6.2.4

14. Zakharov M.P. Digital educational platforms as a factor in reducing the educational gap between megacities and rural areas / M.P. Zakharov // Voprosy prirodopolzovaniya. 2025. Vol. 4, No. 5. Pp. 96–108.

15. Blagolev E. The impact of social tax deductions on inequality in Russia // Society and Economy. 2024. No. 7–8. Pp. 57–78. DOI: 10.31857/s020736762407004

Многомерные дилеммы и стратегический выбор энергетической дипломатии России в контексте глобального энергетического перехода

Син Яя,
магистр, Хэйлунцзянский университет
E-mail: 2689834089@qq.com

В статье рассматривается трансформация энергетической дипломатии России в условиях глобального энергетического перехода. Анализируется влияние декарбонизации, климатического регулирования, санкционных ограничений и изменения географии мировых энергетических потоков на российскую энергетическую стратегию. Особое внимание уделяется противоречию между сохранением роли традиционных энергоресурсов и необходимостью адаптации к низкоуглеродной модели развития. Рассматриваются переориентация энергетических связей на азиатские рынки, углубление российско-китайского энергетического сотрудничества, развитие новых транспортных маршрутов и перспективы взаимодействия в сфере чистой энергетики. Обосновывается концепция «адаптивного перехода», предполагающая сочетание экспортной диверсификации, технологической модернизации и гибкой энергетической дипломатии. Делается вывод о том, что устойчивость российской энергетической стратегии зависит от способности сочетать традиционные ресурсные преимущества с требованиями глобальной низкоуглеродной трансформации.

Ключевые слова: энергетическая дипломатия, энергетический переход, Россия, российско-китайское энергетическое сотрудничество, низкоуглеродное развитие.

Введение

Глобальный энергетический переход становится одним из ключевых факторов трансформации современной системы международных отношений. Расширение использования возобновляемых источников энергии, ужесточение климатического регулирования, развитие низкоуглеродных технологий и изменение структуры мирового спроса постепенно меняют не только конфигурацию энергетических рынков, но и содержание энергетической дипломатии государств. Для стран, ориентированных на экспорт традиционных энергоресурсов, данный процесс приобретает особенно противоречивый характер, поскольку необходимость адаптации к новым экологическим и технологическим требованиям сочетается с задачами сохранения экспортных доходов, энергетической безопасности и устойчивости национальной экономики.

Россия занимает особое место в этих процессах как один из крупнейших производителей и экспортеров углеводородов. Сложившаяся модель ее участия в мировом энергетическом обмене формировалась при высокой роли европейского рынка и устойчивом спросе на нефть и природный газ. Однако ускорение декарбонизации, изменение климатической политики Европейского союза, санкционные ограничения и переориентация международных энергетических потоков существенно изменили внешнюю среду российской энергетической дипломатии. Одновременно развитие азиатских рынков, углубление энергетического сотрудничества с Китаем и расширение новых транспортных и технологических направлений создают дополнительные возможности для стратегической адаптации.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа этих разнонаправленных процессов. Современная трансформация энергетической дипломатии России определяется не только изменениями рыночной конъюнктуры, но и совокупным воздействием экономических, геополитических, институциональных и экологических факторов. В связи с этим особое значение приобретает выявление механизмов, позволяющих сочетать сохранение позиций на традиционных энергетических рынках, диверсификацию экспортных направлений и постепенную адаптацию к низкоуглеродной модели развития.

Цель исследования состоит в выявлении ключевых противоречий и направлений трансформации энергетической дипломатии России в условиях глобального энергетического перехода, а также в определении возможных механизмов ее стратегической адаптации. Объектом исследования является энергетическая дипломатия России, предметом – экономические, геополитические и институциональные факторы, определяющие изменение ее приоритетов и инструментов. Методологическую основу работы составляют системный, сравнительный и геоэкономический подходы, а также анализ стратегических и нормативных документов.

Научная новизна исследования заключается в рассмотрении энергетической дипломатии России через взаимосвязь низкоуглеродного перехода, изменения геоэкономической структуры энергетических рынков и переориентации внешних энергетических связей. Такой подход позволяет интерпретировать диверсификацию экспортных рынков, развитие сотрудничества с Китаем, расширение взаимодействия в сфере чистой энергетики и использование новых транспортных коридоров как элементы единой модели стратегической адаптации.

Глобальный энергетический переход и вызовы для российской энергетики

Глобальная энергетическая система переживает глубокие низкоуглеродные преобразования, которые являются одной из ключевых тем международного сообщества. Обострение экологических кризисов, вызванных изменением климата, подталкивает суверенные государства и многосторонние механизмы к ускоренному формированию систем чистой энергетики. В докладе «Перспективы энергетических технологий2020», опубликованном Международным энергетическим агентством (МЭА) 10 сентября 2020 г., отмечается, что при сохранении высокого уровня глобальных выбросов углерода необходимо провести структурную реорганизацию энергетической системы, то есть осуществить энергетический переход, чтобы обеспечить устойчивое существенное сокращение вы-

бросов углерода и достижение глобальных климатических целей. За последнее десятилетие инвестиции в возобновляемые источники энергии в мире демонстрируют заметный рост; прогнозируется, что к 2030 г. установленная мощность возобновляемых источников энергии в мире превысит 4000 ГВт. Данный переход является не только необходимой мерой для противодействия изменению климата, но и стратегическим выбором для обеспечения энергетической безопасности и устойчивого экономического развития. Эта системная трансформация выступает важным путем решения экологических проблем, а также инструментом реконструкции глобальной архитектуры энергетической безопасности и достижения инклюзивного экономического роста. В настоящее время мир стоит на пороге четвертой энергетической революции, ключевая особенность которой – расширенное использование низкоуглеродных и безуглеродных источников энергии, прежде всего возобновляемых. Согласно докладу МЭА «Чистый нулевой баланс к 2050 году», для достижения целей углеродной нейтральности к 2030 г. суммарный ввод мощностей ветровой и солнечной энергетики должен составить около 1000 ГВт. Для реализации объявленной цели декарбонизации мировой экономики к 2050 г. объем инвестиций в сектор зеленой энергетики к 2030 г. должен составлять не менее примерно 4 трлн долларов США.

Россия занимает уникальное положение на современном международном энергетическом рынке, выступая одновременно крупным производителем, потребителем и экспортером энергоресурсов, а также одним из мировых лидеров в отраслях атомной и гидроэнергетики. Как экономика, ориентированная на экспорт углеводородов, Россия испытывает значительное структурное давление в рамках этой волны преобразований. По данным Министерства финансов России за 2023 г., более 60% доходов федерального бюджета страны формируется за счет торговли нефтью и газом. В условиях смещения структуры глобального энергопотребления в сторону неископаемых видов топлива это создает риск постоянного сокращения её доли рынка. В частности, механизм углеродной пограничной регулировки ЕС (CBAM) и система квот на возобновляемые источники энергии создают институциональные ограничения для традиционной модели российско-европейского энергетического сотрудничества и вынуждают страну ускорить корректировку старых рамок энергетической стратегии.

Примечательно, что данная энергетическая революция открывает для России и двусторонние трансформационные возможности. За счет формирования отечественной системы научно-исследовательских разработок технологий возобновляемой энергетики страна демонстрирует потенциал в освоении арктических ветроэнергетических ресурсов и строительстве солнечных электростанций в Сибири. Одновременно постепенное смещение центра глобальной энергетической власти на Восток объективно создает новые геоэкономические пространства для углубления китайско-российского энергетического сотрудничества. Эта противоречивая характеристика свидетельствует о том, что реконструкция международного энергетического порядка не только подталкивает Россию к отказу от сложившихся стереотипов, но и предоставляет потенциальные стратегические возможности для трансформации её энергетической дипломатии.

Реализация «Зеленого курса» Европейского союза стала важным шагом Европы в деле противодействия изменению климата и продвижения устойчивого развития. Данная политика направлена не только на достижение углеродной нейтральности к 2050 г., но и предусматривает комплекс правовых и политических мер для расширения использования возобновляемых источников энергии и повышения энергоэффективности. Принятие этой политики создает прямые вызовы для российского экспорта энергоресурсов. Будучи одним из ключевых глобальных поставщиков энергии, Россия в значительной степени зависит от экспорта нефти и газа, при этом Европейский союз ранее являлся одним из её крупнейших рынков сбыта.

По мере реализации «Зеленого курса» ЕС постепенно снижает зависимость от российских энергоресурсов, в частности ускоряет инвестиции в возобновляемые источники энергии, водород и другие перспективные направления. Данная трансформация создает для России риск потери доли рынка и заставляет её переосмыслить приоритеты энергетической дипломатии. Параллельно с реализацией «Зеленого курса» Евросоюз ввел ряд экономических санкций против России, что дополнительно обострило противоречия между сторонами. Эти санкции ограничивают возможности России по привлечению финансирования на международных рынках, негативно сказываются на импорте энергетических технологий и реализации совместных проектов. Совокупное воздействие «Зеленого курса» ЕС и антироссийских санкций порождает сложную ситуацию соперничества. Россия, стремясь отстоять свои энергетические интересы, вынуждена одновременно реагировать на давление со стороны мировых рынков и решать задачи внутренних экономических преобразований. Сложившаяся обстановка влияет не только на тактику российской энергетической дипломатии, но и имеет далеко идущие последствия для внутренней экономической структуры и социальной стабильности страны.

В последние годы в контексте глобального энергетического перехода Россия активно реализует стратегию «поворота на Восток» для противодействия санкциям и давлению со стороны западных государств в сфере экспорта энергоресурсов. Суть данной стратегии заключается в углублении энергетического взаимодействия с Китаем и другими странами Восточной Азии, использовании емкого рыночного спроса и финансовой поддержки Китая для обеспечения устойчивости национальной экономики. Энергетическое сотрудничество между Китаем и Россией последовательно укрепляется, особенно в сфере торговли природным газом и нефтью; стороны заключили ряд важных соглашений. В 2014 г. Россия и Китай подписали контракт на поставку природного газа по восточному маршруту стоимостью 400 млрд долларов США, что стало важным этапом развития двустороннего энергетического партнерства. По мере продвижения инициативы «Один пояс, один путь» экспорт российских энергоресурсов постепенно ориентируется на восточные рынки, формируется сеть энергоснабжения с Китаем как ключевым звеном. Это позволяет России снизить риски за счет диверсификации экспортных рынков и усилить свои позиции на международном энергетическом рынке. Посредством такого взаимодействия Россия эффективнее адаптируется к изменениям глобальной энергетической структуры, одновременно обеспечивая энергетическую безопасность Китая. Реализация стратегии «поворота на Восток» и углубление китайско-российского энергетического сотрудничества являются как ответом на внешнее давление, так и перспективным планированием с учетом будущих изменений энергетической картины мира.

Теоретические основы и дискуссионные вопросы энергетической геополитики

В исследованиях по энергетической геополитике классические концепции в основном сосредоточены на межгосударственных властных отношениях, а также на контроле и использовании энергетических ресурсов. Наиболее репрезентативными подходами являются реализм и либерализм. Сторонники реализма делают акцент на национальных интересах и безопасности, рассматривая государства как основных акторов международной системы; борьба за энергетические ресурсы является ключевым фактором выживания и развития государств. С этой точки зрения энергия выступает не только базой экономического роста, но и важным условием национальной безопасности. За счет контроля над энергетическими ресурсами государства укрепляют свой международный статус и влияние.

В свою очередь либерализм фокусируется на международном сотрудничестве и институциональном строительстве; его сторонники полагают, что взаимная зависимость государств способствует миру и стабильности. В энергетической сфере представители либерального подхода выступают за рациональное распределение и совместное использование ресурсов через международные организации и многосторонние механизмы для преодоления глобальных энергетических и экологических вызовов. Данная теория подчеркивает значимость научно-технического прогресса и рыночных механизмов в ходе энергетического перехода; утверждается, что устойчивое развитие достижимо на основе межгосударственного сотрудничества. Постепенное внимание исследователей привлекает формирование теоретических рамок энергетической безопасности. Понятие энергетической безопасности охватывает не только стабильность поставок энергии, но и диверсификацию потребляемых видов энергии и аспекты устойчивости. Ученые предложили многомерное понимание энергетической безопасности, подчеркивая, что в условиях глобализации государства должны повышать уровень энергетической безопасности за счет диверсификации каналов снабжения и механизмов международного взаимодействия. Классические теории обеспечивают прочную теоретическую базу и разнообразные методологические подходы для понимания современных международных энергетических отношений.

В исследованиях по энергетической геополитике дискуссии разворачиваются вокруг нескольких ключевых тем. По вопросам контроля и использования энергетических ресурсов ученые придерживаются различных взглядов на межгосударственные властные отношения и борьбу за интересы. Ряд исследователей считает, что степень обеспеченности энергетическими ресурсами напрямую влияет на международный статус и стратегии национальной безопасности государств, что порождает дискуссии о «ресурсном проклятии» и «ресурсном благословении». Отдельные страны вследствие чрезмерной ориентации на экспорт энергоресурсов сталкиваются с проблемами моноструктурности экономики и уязвимости политических институтов; одновре-

менно ресурсообеспеченные государства способны добиться экономического роста и усилить международное влияние при рациональном использовании имеющихся возможностей.

Важным предметом споров выступают корректировки государственной политики в условиях энергетического перехода. По мере роста глобального интереса к возобновляемым источникам энергии традиционные энергетические державы сталкиваются с необходимостью трансформации. Часть исследователей считает, что государства должны активно содействовать диверсификации энергетической структуры для адаптации к изменениям климата и рыночного спроса. Другие эксперты подчеркивают, что слишком форсированный переход может поставить под угрозу экономическую безопасность и социальную стабильность, спровоцировать неопределенность в энергоснабжении.

Также в центре дискуссий находится соотношение международного сотрудничества и конкуренции. Изменения на глобальных энергетических рынках усложняют сочетание сотрудничества и соперничества между государствами. С одной стороны, взаимодействие в сфере технологий, инвестиций и доступа на рынки рассматривается как эффективный механизм преодоления глобальных вызовов. С другой стороны, борьба за ресурсы и рыночные доли может обострять геополитическую напряженность. Поиск баланса между сотрудничеством и конкуренцией является актуальной исследовательской задачей в области энергетической геополитики.

Внешние условия и реальные противоречия в ходе энергетического перехода

В контексте глобального энергетического перехода сдвиг геоэкономических рычагов власти становится фактором, определяющим энергетическую дипломатию государств. Благодаря быстрому развитию технологий возобновляемой энергетики рыночные позиции традиционных энергетических держав оказываются под угрозой. На примере России: её экономика сильно зависит от экспорта нефти и природного газа, а постепенное снижение мирового спроса на ископаемое топливо приводит к ослаблению её конкурентоспособности на международных рынках. Согласно прогнозам Международного энергетического агентства, доля возобновляемых источников энергии в мире значительно вырастет к 2030 г., что вынуждает Россию пересматривать энергетическую стратегию.

Данный сдвиг усугубляется изменениями геополитической обстановки. Сланцевая энергетическая революция в США вернула стране весомые рычаги влияния на глобальном энергетическом рынке, а Европейский союз реализует строгую экологическую политику, направленную на трансформацию собственной энергетической структуры. Эти процессы ослабляют позиции России в секторе традиционных энергоресурсов и подталкивают её к корректировке внешнеполитического курса для защиты национальных интересов. В частности, Россия активизирует энергетическое сотрудничество с Китаем и другими странами с развивающимися рынками, стремясь диверсифицировать рынки сбыта и снизить зависимость от западных государств. Сдвиг геоэкономических рычагов власти проявляется также в переориентации инвестиционных потоков: капитал все активнее направляется в проекты возобновляемой энергетики, в то время как объем инвестиций в сектор традиционных энергоресурсов сокращается. В этих условиях России необходимо найти новые точки экономического роста, содействовать техническим инновациям и модернизации отраслей для адаптации к реалиям глобального энергетического рынка. Сдвиг геоэкономических рычагов власти влияет не только на тактику энергетической дипломатии России, но и порождает далеко идущие последствия для её экономической структуры и социальной стабильности.

На фоне глобального низкоуглеродного перехода усиливается международный контроль за выбросами парниковых газов, формируется комплекс низкоуглеродных норм и стандартов. Эти правила оказывают существенное влияние на национальную энергетическую политику и энергетическую дипломатию России. «Зеленый курс» ЕС, предусматривающий достижение углеродной нейтральности к 2050 г., напрямую корректирует стратегию российского экспорта энергоресурсов в Европу. Россия, как крупный поставщик ископаемого топлива, сталкивается с вызовом: сохранить объемы экспорта энергоресурсов и одновременно адаптироваться к новым низкоуглеродным нормам. Внедрение таких норм подрывает конкурентоспособность России на международных рынках. По мере удешевления и совершенствования технологий возобновляемой энергетики многие государства сокращают потребление ископаемого топлива, что наносит удар по традиционной модели российского энергетического экспорта. Согласно прогнозам МЭА, мировой спрос на нефть и природный газ будет постепенно снижаться в ближайшие десятилетия, поэтому России необходимо переосмыслить энергетическую дипломатию для противостояния риску сокращения рынков сбыта.

Воздействие низкоуглеродных норм проявляется также в необходимости реформирования внутренней экономической структуры России. Для адаптации к реалиям международных рынков стране требуется наращивать инвестиции в технологии чистой энергетики и содействовать диверсификации энергетической структуры. В настоящее время объем инвестиций России в сектор возобновляемых источников энергии относительно невелик, изза чего она занимает пассивную позицию в рамках глобального низкоуглеродного перехода. России необходимо в рамках существующих международных норм активно развивать сотрудничество с другими государствами для одновременного решения задач энергетического перехода и экономического развития.

Арктические морские пути имеют огромное стратегическое значение для восстановления геоэкономических позиций России и реконструкции глобальных схем международной торговли. Они выступают как «быстрый коридор», сокращающий пространственновременные расстояния между Евразийским континентом и снижающий транспортные издержки. Одновременно они обеспечивают беспрецедентную стратегическую маневренность и потенциал сдерживания для размещения российских военных сил и реализации проектов по освоению ресурсов в Арктике.

По результатам точных мониторинговых данных грузооборот по Арктическим морским путям в 2022 г. вырос на 35% по сравнению с предыдущим годом. Этот впечатляющий показатель, на первый взгляд, выглядит обнадеживающе, однако за ним скрывается целый ряд проблем. Несмотря на некоторое снижение издержек на транспортировку сжиженного природного газа благодаря частичному использованию арктических маршрутов, они остаются выше по сравнению с устоявшимися традиционными морскими путями. Причина этих противоречий лежит в столкновении экологических положений российского закона «Об освоении Арктики» и приоритетных задач энергетического освоения региона. С одной стороны, для сохранения хрупкой арктической экосистемы закон устанавливает строгие экологические нормативы, ограничивающие темпы и масштабы освоения и добычи ресурсов. С другой стороны, Россия стремится использовать потенциал Арктических морских путей для преодоления трудностей в экспорте энергоресурсов, однако форсированное освоение сопряжено с риском нарушения экологических стандартов и ставит страну перед сложным выбором.

Двойственная природа Арктических морских путей проявляется в противоречии между их ролью как новых каналов глобальной торговли и задачами охраны окружающей среды. С одной стороны, таяние арктических льдов вследствие глобального потепления улучшает условия судоходства по Арктическим морским путям; по прогнозам, к 2030 г. продолжительность навигации по ним сократится примерно на 30%. Это открывает для России новые экономические возможности для оперативной доставки богатых энергетических ресурсов на европейские и азиатские рынки и укрепления её позиций в глобальных энергетических цепочках поставок. Освоение арктических маршрутов усиливает стратегические преимущества России, позволяет нарастить военное присутствие и геополитическое влияние в Арктическом регионе.

С другой стороны, развитие судоходства по Арктическим морским путям сопряжено с серьезными экологическими рисками. Открытие маршрутов может нанести ущерб экосистемам, поставить под угрозу биологическое разнообразие Арктики. Согласно результатам международных климатических исследований, экологические изменения в Арктике имеют далеко идущие последствия для глобального климата. Продвигая освоение арктических морских путей, Россия должна обеспечивать баланс между экономическими выгодами и охраной окружающей среды. Для этого необходимо формировать соответствующие политические рамки, гарантирующие устойчивый характер освоения и предотвращающие долгосрочный экологический ущерб ради краткосрочных экономических преимуществ. Указанная двойственность отражает сложность энергетической дипломатии России и одновременно демонстрирует общие вызовы, с которыми сталкиваются государства в ходе глобального энергетического перехода.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что глобальный энергетический переход существенно трансформирует содержание и направления энергетической дипломатии России. Изменение структуры мирового спроса, усиление климатического регулирования, санкционные ограничения и перераспределение инвестиционных потоков создают для российской энергетики одновременно внешние риски и новые возможности. В этих условиях энергетическая дипломатия перестает сводиться ис-

ключительно к обеспечению экспорта традиционных энергоресурсов и все в большей степени включает задачи диверсификации рынков, технологической модернизации, развития новых транспортных маршрутов и расширения международного сотрудничества в сфере низкоуглеродной энергетики.

Полученные результаты подтверждают, что устойчивость энергетической стратегии определяется не одним фактором, а совокупным воздействием рыночных, институциональных, геополитических и технологических условий. Для России ключевой проблемой становится необходимость сочетать сохранение преимуществ в сфере традиционной энергетики с постепенной адаптацией к новой низкоуглеродной модели. В этой связи целесообразно говорить об «адаптивном переходе», предполагающем не резкий отказ от существующей энергетической специализации, а последовательное обновление экспортной, технологической и дипломатической стратегии с учетом изменений мировой энергетической архитектуры.

Важным направлением такой адаптации выступает переориентация энергетических связей на азиатские рынки, прежде всего углубление взаимодействия с Китаем. Китайско-российское энергетическое сотрудничество приобретает значение не только как канал сбыта традиционных энергоресурсов, но и как потенциальная основа для расширения совместных проектов в сферах возобновляемой энергетики, инфраструктуры, технологического обмена и зеленого финансирования. При этом долгосрочная устойчивость двустороннего взаимодействия зависит от способности сторон учитывать собственные интересы в сфере энергетической безопасности, избегать чрезмерной зависимости от отдельных рынков или поставщиков и формировать более диверсифицированную структуру сотрудничества.

Для России приоритетными направлениями остаются модернизация энергетического комплекса, развитие научно-технических разработок, расширение использования низкоуглеродных технологий и дальнейшая диверсификация экспортных маршрутов. Одновременно участие в международном климатическом и энергетическом регулировании может использоваться как инструмент защиты национальных интересов и адаптации к формирующимся правилам глобального энергетического рынка. Для Китая перспективным представляется сочетание стабильных поставок российских энергоресурсов с развитием технологического сотрудничества, совместных проектов в сфере чистой энергетики и механизмов зеленого финансирования.

Литература

1. Чэнь С. Цин. Переход России к чистой энергетике и перспективы китайско-российского сотрудничества // Тихоокеанский журнал. – 2022. – Т. 30, № 6. – С. 53–63.

2. Хао Ч.Ч. Корректировка энергетической политики России на фоне санкций // Современные международные отношения. – 2025. – № 2. – С. 26–46, 147–148.

3. Ли Цин. Исследование структурной власти в энергетической дипломатии России: анализ на основе проекта «Северный поток – 2» // Журнал Партийной школы городского комитета КПК г. Цзинань. – 2020. – № 3. – С. 72–76.

4. Шан Юэ, Хань И. Чен. Восприятие и реакция России на современные изменения международной энергетической ситуации // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии. – 2021. – № 2. – С. 75–94, 152.

5. Шан Юэ, Хань И. Чен. Вызовы на пути к эпохе углеродной нейтральности: «Зелёный новый курс» России // Современные международные отношения. – 2021. – № 10. – С. 18–28, 63–64.

6. Шао Х. Чжу, Хань М. Тин. История, особенности и перспективы китайско-российского энергетического сотрудничества // Журнал Китайского университета нефти. Серия: Общественные науки. – 2025. – Т. 41, № 3. – С. 20–28.

7. Ван Хайюнь. Новые возможности и вызовы китайско-российского энергетического сотрудничества на фоне российско-украинского конфликта // Международная нефтяная экономика. – 2022. – № 8.

8. Вэй Вэй. Потенциал развития возобновляемых источников энергии в России и возможности китайско-российского сотрудничества // Народный форум. – 2015. – № 2. – С. 239–241.

9. Сюн Ц. Юэ, Ван Н. Юань. Реструктуризация экономики России в условиях российско-украинского конфликта и западных санкций: особенности, последствия и выводы // Исследования России. – 2024. – № 4. – С. 111–147.

10. Сюй Х. Фэн, Ван Цзин. Современное состояние возобновляемой энергетики России и китайско-российское сотрудничество в данной сфере // Евразийская экономика. – 2018. – № 5. – С. 83–92, 128.

11. Сюй П. Лин. Стратегия низкоуглеродного развития России в рамках глобальной климатической повестки: пути, особенности и внутренняя логика // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии. – 2022. – № 3. – С. 84–102, 172–173.

12. Янь Цзюнь. Формирование диверсифицированной системы энергоснабжения: анализ энергетического перехода России // Энергетика Китая. – 2025. – Т. 47, № 11. – С. 13–22.

13. Чжан Жуй. Энергетический переход Центральной и Восточной Европы на фоне российско-украинского конфликта и ответные меры Китая: перспектива конфликта ролей // Исследования России, Восточной Европы и Центральной Азии. – 2024. – № 5. – С. 118–138, 165–166.

14. Международное энергетическое агентство. Перспективы энергетических технологий – 2020. – Париж: Международное энергетическое агентство, 2020. – URL: https://www.iea.org/reports/energy-technology-perspectives-2020.

15. Международное энергетическое агентство. Перспективы энергетических технологий – 2020. – Париж: Международное энергетическое агентство, 2020. – URL: https://www.iea.org/reports/energy-technology-perspectives-2020.

16. Институт энергетических исследований Российской академии наук, Центр энергетики Московской школы управления СКОЛКОВО. Прогноз развития энергетики мира и России 2019. – Москва, 2019. – URL: https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/esearch/SKOLKOVO_EneC_Forecast_2019_Rus.pdf.

17. Ларин В.Л. Арктика в стратегии развития России. – Москва: ИМЭМО РАН, 2021.

18. Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 10 июня 2020 г. № 1523-р / Министерство энергетики Российской Федерации. – Москва, 2020.

19. Панина А. Климатическая повестка: версия 2.0 // Энергетическая политика. – 2021. – С. 19.

20. Кулапин А.И. Энергетический переход: Россия в глобальной повестке // Энергетическая политика. – 2021. – № 7. – С. 14.

MULTIDIMENSIONAL DILEMMAS AND STRATEGIC CHOICES IN RUSSIA'S ENERGY DIPLOMACY IN THE CONTEXT OF THE GLOBAL ENERGY TRANSITION

Xin Yaya
Heilongjiang University

This article examines the transformation of Russia's energy diplomacy in the context of the global energy transition. It analyzes the impact of decarbonization, climate regulation, sanctions, and shifts in the geography of global energy flows on Russia's energy strategy. Particular attention is paid to the tension between maintaining the role of traditional energy resources and adapting to a low-carbon development model. The study also considers the reorientation of energy ties toward Asian markets, the deepening of Russia–China energy cooperation, the development of new transport routes, and prospects for cooperation in clean energy. The concept of an "adaptive transition" is proposed, combining export diversification, technological modernization, and flexible energy diplomacy. The article concludes that the sustainability of Russia's energy strategy depends on its ability to reconcile traditional resource advantages with the requirements of the global low-carbon transition.

Keywords: Energy Diplomacy, Energy Transition, Russia, Russia–China Energy Cooperation, Low-Carbon Development.

References

1. Chen S. Qing. Russia's Transition to Clean Energy and Prospects for China–Russia Cooperation // Pacific Journal. – 2022. – Vol. 30, No. 6. – P. 53–63.

2. Hao Ch.Ch. Adjustment of Russia's Energy Policy under Sanctions // Contemporary International Relations. – 2025. – No. 2. – P. 26–46, 147–148.

3. Li Qing. Structural Power in Russia's Energy Diplomacy: An Analysis Based on the Nord Stream 2 Project // Journal of the Party School of the CPC Jinan Municipal Committee. – 2020. – No. 3. – P. 72–76.

4. Shang Yue, Han Yi Chen. Russia's Perception of and Response to Contemporary Changes in the International Energy Situation // Russian, East European and Central Asian Studies. – 2021. – No. 2. – P. 75–94, 152.

5. Shang Yue, Han Yi Chen. Challenges on the Path toward the Era of Carbon Neutrality: Russia's "Green New Deal" // Contemporary International Relations. – 2021. – No. 10. – P. 18–28, 63–64.

6. Shao H. Zhu, Han M. Ting. History, Characteristics and Prospects of China–Russia Energy Cooperation // Journal of China University of Petroleum. Social Sciences Edition. – 2025. – Vol. 41, No. 3. – P. 20–28.

7. Wang Haiyun. New Opportunities and Challenges for China–Russia Energy Cooperation against the Background of the Russia–Ukraine Conflict // International Petroleum Economics. – 2022. – No. 8.

8. Wei Wei. The Development Potential of Renewable Energy in Russia and Opportunities for China–Russia Cooperation // People's Tribune. – 2015. – No. 2. – P. 239–241.

9. Xiong C. Yue, Wang N. Yuan. Restructuring of the Russian Economy amid the Russia–Ukraine Conflict and Western Sanctions: Characteristics, Impacts and Implications // Russian Studies. – 2024. – No. 4. – P. 111–147.

10. Xu H. Feng, Wang Jing. The Current State of Renewable Energy Development in Russia and China–Russia Cooperation in This Field // Eurasian Economy. – 2018. – No. 5. – P. 83–92, 128.

11. Xu P. Lin. Russia's Low-Carbon Development Strategy within the Global Climate Agenda: Pathways, Characteristics and Internal Logic // Russian, East European and Central Asian Studies. – 2022. – No. 3. – P. 84–102, 172–173.

12. Yan Jun. Building a Diversified Energy Supply System: An Analysis of Russia's Energy Transition // Energy of China. – 2025. – Vol. 47, No. 11. – P. 13–22.

13. Zhang Rui. Energy Transition in Central and Eastern Europe against the Background of the Russia–Ukraine Conflict and China's Response: A Role-Conflict Perspective // Russian, East European and Central Asian Studies. – 2024. – No. 5. – P. 118–138, 165–166.

14. International Energy Agency. Energy Technology Perspectives 2020. – Paris: International Energy Agency, 2020. – URL: https://www.iea.org/reports/energy-technology-perspectives-2020.

15. International Energy Agency. Energy Technology Perspectives 2020. – Paris: International Energy Agency, 2020. – URL: https://www.iea.org/reports/energy-technology-perspectives-2020.

16. Energy Research Institute of the Russian Academy of Sciences; Energy Centre of the Moscow School of Management SKOLKOVO. Global and Russian Energy Outlook 2019. – Moscow, 2019. – URL: https://energy.skolkovo.ru/downloads/documents/SEneC/esearch/SKOLKOVO_EneC_Forecast_2019_Rus.pdf.

17. Larin V.L. The Arctic in Russia's Development Strategy. – Moscow: IMEMO RAS, 2021.

18. Energy Strategy of the Russian Federation for the Period up to 2035: Approved by Order of the Government of the Russian Federation No. 1523-r of June 10, 2020 / Ministry of Energy of the Russian Federation. – Moscow, 2020.

19. Panina A. Climate Agenda: Version 2.0 // Energy Policy. – 2021. – P. 19.

20. Kulapin A.I. Energy Transition: Russia in the Global Agenda // Energy Policy. – 2021. – No. 7. – P. 14.

Цифровые компетенции государственных служащих как фактор устойчивости органов власти к структурной неопределенности

Скрынченко Борис Леонидович,
кандидат экономических наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления ФГБВОУ ВО «Академия гражданской защиты МЧС России имени генерала-лейтенанта Д.И. Михайлика»
E-mail: sbl-66@mail.ru

Эркин Александр Федорович,
старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления ФГБВОУ ВО «Академия гражданской защиты МЧС России имени генерала-лейтенанта Д.И. Михайлика»
E-mail: erkin007@bk.ru

Статья посвящена исследованию роли цифровых компетенций государственных служащих, как фактора обеспечения устойчивости органов власти к условиям структурной неопределенности. Авторы обосновывают переход от формального тестирования базовой цифровой грамотности к контекстной оценке навыков, интегрированной в реальные управленческие процессы. На основе анализа научной литературы, нормативно-правовых актов, результатов мониторинга кадровой работы в органах власти выявлены ключевые институциональные и организационные барьеры, препятствующие эффективному развитию цифровых компетенций. Авторами предлагается концептуальная трехмерная модель компетенций и практические механизмы их оценки в рамках интеграции с процедурами аттестации и формирования кадрового резерва. Авторы приходят к выводу о том, что цифровые компетенции планомерно перестают быть техническим дополнением им становятся ресурсом организационной адаптивности, от которого напрямую зависит способность органа власти сохранять качество управленческих решений в нестабильной среде.

Ключевые слова: государственная служба, институциональная устойчивость, кадровая работа, кадровый резерв, компетенции, структурная неопределенность, цифровизация государственного управления, цифровая грамотность, цифровая компетентность, цифровая трансформация.

Введение

Цифровая трансформация в органах государственной власти и местного самоуправления давно вышла за рамки простой замены устаревших программ. После 2022 года ускоренный переход на отечественные решения и масштабное развитие экосистем, таких как ЕПГУ и СМЭВ, поставили ведомства перед жестким выбором: либо формально соблюдать нормативные требования, либо реально перестраивать рабочие процессы под новые технологические возможности [1, с. 57]. По данным Минцифры РФ, к концу 2024 года доля электронного межведомственного взаимодействия превысила 90% (от общего числа взаимодействий), при этом внутренний аудит показывает, чтио лишь около трети сотрудников регулярно используют аналитические модули платформ для обоснования управленческих решений [2]. Именно этот разрыв становится главным сдерживающим факторов в развитии цифровой эффективности органов государственной власти и местного самоуправления. Наличие инструментов цифровизации и цифровой трансформации не гарантирует управленческой гибкости, особенно когда внешние условия меняются быстрее, чем обновляются квалификационные стандарты.

По мнению авторов настоящего исследования, проблема кроется в рассогласованности нормативных ожиданий и повседневной кадровой практики в органах власти. Требования к цифровым навыкам постепенно усложняется, но диагностика по-прежнему сводится к тестированию базовой грамотности, а программы развития редко учитывают специфику конкретных должностей и этапов карьерного роста. В научной литературе, все же недостаточно проработан вопрос о том, как цифровые навыки перестают быть техническим дополнением и превращаются в ресурс организационной устойчивости.

Цель статьи – определить, какие именно компетенции позволяют ведомствам сохранять работоспособность в условиях турбулентности и приложить модель их оценки и развития, встроенную в кадровые процедуры.

Научный результат исследования заключается в обосновании перехода от формальных тестов к контекстной оценке: задания строятся на реальных управленческих кейса, а траектории развития привязываются к конкретным должностям. Практическая ценность заключается в системе индикаторов и пошаговом алгоритме внедрения, которые позволяют согласовать аттестацию, кадровый резерв и программы ДПО с фактическими потребностями цифровой трансформации.

Теоретические основание исследования

Цифровые компетенции на государственной службе нередко сводятся к владению конкретными программными продуктами. Такой подход, уместный в корпоративной среде, оказывается недостаточным в сфере государственного управления. Ценность цифровых навыков в данном случае заключается не столько в самой реализации задачи, сколько в способности перестраивать управленческие процессы в соответствии с новыми технологическими возможностями. На практике это означает, что государственный служащий должен уметь не только формировать запрос в информационной системе, но и интерпретировать полученный массив данных, оценивать релевантность данных для принятия управленческих решений. Адаптация к цифровой экономике требует от сотрудников не просто технической грамотности, а инновационного мышления и умения действовать в условиях неполной информации [3, с. 450].

В данном контексте, вместо жесткой иерархии навыков целесообразнее рассматривать цифровые компетенции как динамическую систему из трех взаимосвязанных измерений. Первым измерением является технологико-аналитическое, которое включает в себя работу с данными, создание некоторых прогнозных моделей, а также координацию. Фактически данное измерение направлено на достижение целей в рамках взаимодействий в цифровой среде, которое проходит как между государственными служащими, так и между организациями и органами власти. Институционально-адаптивное направление фактически заключается в выполнении задач по изменению регламентов деятельности и формирования практики постоянного внедрения улучшений в управленческий процесс. По мнению исследователя Т.В. Смирнова, адаптация управленческого процесса к новым требова-

ниям цифрового взаимодействия, требует формирования у служащих не только цифровых компетенций в целом, но и аналитических компетенций и способности к адаптированию под меняющиеся цифровые требования [3, с. 154].

Подобная система измерений позволяет авторам исследования рассматривать цифровые навыки не просто как статичный набор умений, но скорее, как компетенции сотрудников к гибкой трансформации собственной деятельности и деятельности подчиненных сотрудников под меняющиеся цифровые требования.

Важным фактом является перманентный процесс эволюции нормативно-правовой базы в контексте нормативного признания сложности внедрения современных цифровых технологий в работу органов государственной и муниципальной власти. В данном случае ФЗ «О государственной гражданской службе» закрепляет именно общие требования профессиональным знаниям и навыкам [4], а Стратегия развития информационного общества формирует направление выработки компетенций, которые в дальнейшем позволяют сотрудникам и руководящим кадрам принимать решения в цифровой среде [5]. При этом, создается некоторая институциональная неопределенность, которая обуславливается наличием противоречия между стратегическими ориентирами и существующими квалификационными требованиями к кадрам [6, с. 27].

Далее проведем анализ результатов мониторинга федеральных органов власти и властей регионов РФ, проводимый в 2023–2024 гг. Так в рамках мониторинга выявлена некоторая устойчивая закономерность, в которой сотрудники, демонстрирующие высокие показатели при тестировании уровня базовой цифровой грамотности в то же время испытывают затруднения в рамках реальной работы в цифровых средах с большими массивами данных и в особенности в условиях наличия временных ограничений [7, с. 8055]. Данный факт позволяет авторам исследования прийти к выводу о том, что владение цифровыми интерфейсам, как таковое не гарантирует готовности к применению в управленческой деятельности.

Далее перейдем к анализу институциональных и организационных барьеров в формировании цифровых компетенций у государственных и муниципальных служащих.

Так в независимости от декларируемого органами власти приоритета цифровизации кадровой работы, на практике имеют место перманентные ограничения, которые приводят к затруднениям в освоении служащими цифровых компетенций. Данные ограничения фактически можно разделить на институциональные и организационные, при этом в практической деятельности границы данных ограничений часто размыты. Сущность институциональных барьеров заключается в наличии некоторого рассогласования условий нормативно-правового регулирования, которая проявляется в фрагментарном отражении требований к цифровым навыкам в ведомственных актах при фактическом отсутствии механизма обновления квалификационных требований и недостаточной интеграции отраженных в НПА положений в процедуру кадрового отбора. В данном случае основным проблемным фактором является инерция формальных процедур, когда даже при наличии современных и эффективных нормативных положений, они не реализуются по причине наличия устаревших практик документооборота. Эмпирические данные подтверждают: «высокий профессиональный уровень персонала, его стабильность и низкая текучесть зависят не от формального соблюдения процедур, а от качества кадровой аналитики и зрелости управленческих подходов» [7, с. 8060].

Организационные барьеры связаны с внутренними процессами и кадровыми практиками. Наблюдается дефицит программ повышения квалификации, ориентированных не на базовую грамотность, а на развитие аналитических и управленческих компетенций в цифровой среде. Наблюдения авторов исследования за организацией служебной подготовки в подведомственных структурах подтверждают: без интеграции цифровых заданий в текущие должностные инструкции сотрудники воспринимают их как дополнительную нагрузку, а не как ресурс для повышения эффективности. Именно поэтому предлагаемая модель делает упор на встраивание диагностики в естественный рабочий процесс. В условиях конкуренции на рынке труда цифровые навыки становятся фактором привлекательности государственной службы и их игнорирование может привести к оттоку специалистов в частный сектор.

Цифровые компетенции как фактор институциональной устойчивости: концептуальная связь

В основе исследования лежит предположение о том, что цифровые компетенции государственных служащих являются не вспомогательным, а стратегическим фактором обеспечения устойчивости органов власти к структурной неопределенности. Под устойчивостью в данном случае подразумевается не статичная стабильность, а способность организации сохранять функциональность, адаптироваться к изменениям и восстанавливаться после потрясений без потери качества управленческих решений.

Цифровая модернизация, особенно активное внедрение алгоритмических систем смещает акцент с технической подготовленности в сторону управленческой рефлексии. Исследователи подчеркивают, что применение цифровых технологий и искусственного интеллекта не освобождает чиновников от необходимости проводить критическую оценку и корректировать результаты работы автоматизированных систем, и главное, самостоятельно принимать управленческие решения [8, с. 70].

Механизм влияния реализуется через четыре взаимосвязанных канала. Оперативно-технический канал обеспечивает скорость обработки информации и координации, сокращая временные затраты при принятии решений.

Первым каналом взаимосвязи является коммуникативно-сетевой, который повышает проактивность управления и позволяет выстроить более эффективное взаимодействие между подразделениями. Вторым является институционально-регуляторный канал, который позволяет кадровому составу инициировать процесс корректировки регламентов, внедрения удобный цифровых форматов взаимодействия и в целом проводить некоторые «эксперименты» по внедрению цифровых технологий в рабочий процесс. При этом, при использовании данного канала целесообразно учитывать, насколько подразделение готово к критической оценке результатов применения цифровых аналитических систем, чтобы автоматизация процесса управления, все же не приводила к ликвидации и подмене позитивных не цифровых технологий и позволяла сотруднику и руководителю сохранять контроль за качеством управленческого процесса.

В данном ключе важно, что цифровой прогресс не является фактической угрозой занятости и алгоритмические системы, в общем и целом, могут скорее дополнять служебную деятельность сотрудника, при наличии у него достаточно уровня квалификации для управления цифровыми системами. В данном случае цифровые компетенции трансформируются и в институциональный инструмент, который позволяет определить способность органов государственной и муниципальной власти функционировать в нестабильной среде и условиях [9, с. 517].

Концептуальные подходы к оценке цифровых компетенций и их влияние на адаптивность органов власти

Существующие подходы к диагностике цифровых навыков в органах власти постепенно утрачивают свою практическую значимость. Тестирование цифровой грамотности, долгое время, считавшееся достаточным показателем, сегодня фиксирует лишь формальное соответствие, не отражая реальной способности сотрудников работать с данными в условиях управленческой неопределенности [10, с. 265]. Цифровая модернизация, а в особенности активное внедрение алгоритмических систем смещает акцент с технологической ловкости на критическое мышление и умение управлять результатами [11, с. 96].

В рамках реакции на обозначенную ситуацию формируется подход, рассматривающий цифровые компетенции не как линейный набор навыков, а как систему из трех взаимосвязанных измерений. Технологико-аналитическое измерение включается в себя работу с данными и сценарное моделирование, коммуникативно-координационное выстраивание межведомственного взаимодействия в распределенных средах, институционально-адаптивное – готовность перестраивать регламенты под новые условия, и, что особенно важно, сохранять способность критически оценивать результаты работы алгоритмических систем, не перекладывая ответственность за итоговые решения на автоматизированные сервисы. Проведение исследования по эффективности кадровой деятельности подразделений в субъектах РФ подтверждает: процесс оценки по упрощенным чек-листам не гарантирует того, что орган власти и его служащие будут готовы к решению нестандартных задач, которые требуют одновременно и цифровой и аналитической компетентности. Именно применение ситуационного подхода и метода кейсов, которые фактически имитируют реальные ситуации с ограничениями по времени и ресурсам. Данный факт позволяет авторам исследования прийти к выводу о том, что владение цифровыми инструментами не значит, что сотрудник в полной мере эффективно может применять их на практике в процессе работы органа власти или государственной организации. Данный результат явно стоит учитывать в процессе разработки инструментов по диагностике уровня цифровой компетентности, во избежание ситуации, когда си-

стема позволяет измерить одно качество сотрудника, а на практике необходимо другое. В итоге оценка цифровой компетентности фактически перестает являться изолированной задачей и трансформируется в часть управленческого контура организации. Она не просто фиксирует текущий уровень цифровых знаний, умений и навыков, но и вполне подходит для создания кадровых прогнозов, учитывая риски кадрового дефицита и технического отставания организации.

При этом важно не преувеличивать возможности диагностических средств, которые сами по себе не позволяют заменить управленца с его стратегическим видением. Они скорее являются катализатором изменений, степень внедрения которых во многом находится в зависимости от готовности руководителя организации применять полученные данные, интерпретируя их не как простую отчетность, а как основу для корректировки управленческих решений. По данной причине достаточно сложно спрогнозировать, как быстро российские органы государственной и муниципальной власти смогут адаптировать свои кадровые практики к новым цифровым реалиям, при этом сам факт появления подобных моделей внушает авторам исследования некоторый оптимизм и позволяет судить о наличии системной трансформации и перехода от формального учета к развитию кадрового и цифрового потенциала.

Далее перейдем к рассмотрению практических механизмов оценки и развития цифровых компетенций в процессе деятельности кадровых подразделений в органах государственной и муниципальной власти.

Так переход от теории кадровой работы к реальной практике, в особенности в нестабильных условиях и при постоянном появлении новых технологий, требует применения гибких подходов, которые при этом должны учитывать и специфику органа власти, в котором они применяются. Опыт авторов исследования показывает, что подготовка кадров, когда проводятся разовые курсы повышения цифровой грамотности и сотрудник считается подготовленным, является не эффективным подходом, не позволяющим добиться устойчивого положительного эффекта. По мнению авторов, намного более продуктивным является выстраивание непрерывного цикла, в котором системно применяются инструменты диагностики, обучения и применения цифровых навыков.

При этом важно понимать, что внедрение подобных механизмов редко проходит гладко: кадровые службы сталкиваются с внутренним сопротивлением, нехваткой времени и непониманием, как именно оценивать то, что раньше оценивалось лишь формально. Было бы наивно утверждать, что любая методика сразу повысит устойчивость ведомства к постоянным внешним изменениям, но системный поход позволяет снизить риски формализации и превратить развитие компетенций в рабочий ресурс для адаптации.

Кадровым подразделениям целесообразно сменить акцент с абстрактных тестов на контекстуальную диагностику. Вместо проверки знания интерфейсов сотрудникам следует предлагать кейсы [12, с. 125], смоделированные на основе реальных управленческих ситуаций в их ведомстве: анализ массивов данных для подготовки решений, координация действий смежных подразделений в цифровой среде, оценка рисков при внедрении нового сервиса. В ходе преподавательской деятельности в Академии гражданской защиты МЧС России (по направлениям подготовки 38.03.04 и 38.04.04 «Государственное и муниципальное управление») авторы неоднократно сталкивались с ситуацией, когда обучающиеся демонстрирующие высокие результаты в освоении базовых цифровых инструментов, испытывали затруднения при решении комплексных задач в условиях имитации кризисных сценариев и сжатых сроков (что подтверждается результатами ряда исследований отечественных авторов [13, с. 285; 14, с. 15]). Данный опыт позволяет авторов исследования прийти к выводу о том, что владение цифровыми инструментами и умения использовать цифровые интерфейсы, все еще не позволяет сотрудникам результативно интерпретировать полученные результаты и более того, принимать на основании данных результатов управленческие решения. Проанализированные авторами статьи данные по мониторингу в кадровой работе в органах власти позволяют прийти к выводу о том, что классический подход, когда тестирование является основным показателем умений и навыков все же не позволяет в полной мере провести оценку готовности кадров к работе в цифровой среде. Целесообразно в данном случае применение ситуационных заданий [15 с. 101]. При этом разработка данных заданий – кейсов требует значительных трудовых затрат методического характера, при этом привязка к реальным управленческим ситуациям, которые уже имели место быть в данной организации или в других позволяет обеспечить высокий уровень достоверности оценки.

В данном случае схема развития цифровых компетенций должна включать в себя различные дифференцированные траектории, учитывать должность сотрудника и его карьерные ориентиры. При этом для рядовых сотрудников необходимо делать упор на работе с данными и аналитическими интерфейсами. Развитие цифровых компетенций у руководителей должно развивать цифровые компетенции, связанные с проектным управлением и формировать организационную культуру принятия управленческих решений.

Рассмотрим практику подготовки кадрового резерва в МЧС России (оба автора статьи являются сотрудниками данного министерства). Данная практика показывает, что классическая процедура аттестации достаточно редко позволяет учесть способность кандидатов на должность работать в различных цифровых средах [16, с. 225]. Авторы статьи считают целесообразным внедрение проектных заданий и кейсов, которые позволяют смоделировать межведомственное взаимодействие (которое особенно важно при ликвидации ЧС), которые позволят выявить специалистов, способных не просто исполнять функционал, но и внедрять и реализовывать прогрессивные цифровые решения в процессе работы организации. При этом важно учитывать, что существующие нормативные акты органов власти, которые формируют общие квалификационные требования и кадровые ориентиры организации на данный момент, не всегда позволяют использовать механизмы соотношения цифровой компетентности и требований должностных регламентов.

В данном случае модель цифровизации кадровой работы требуется внедрять поэтапно. В первую очередь требуется выработать и апробировать диагностические инструменты, а также провести подготовку кадров на предмет будущего внутреннего наставничества, которые будут готовы производить методическое сопровождение служащих в рамках их обучения. Таже должен быть настроен механизм регулярного сбора обратной связи с целью обновления образовательного контента и учебных материалов. Интеграция подобного подхода на федеральном уровне возможна только после накопления значительного объема эмпирических данных и разработке на их основе единых стандартов. Значимым аспектом данного процесса является создание полностью прозрачных критериев, которые дают сотруднику или соискателю должности возможность обжаловать результаты оценки.

В современных условиях достаточно высокого уровня кадровой конкуренции (в особенности на управленческие должности органов государственной и муниципальной власти) цифровые компетенции становятся достаточно значимым фактором карьерного роста. При этом приложенные механизмы скорее повышают ценность реальных цифровых навыков и одновременно предлагают инструменты перехода от простого тестирования к достаточно проактивной системе кадровой оценки. Практика авторов исследования показывает, что наиболее эффективная диагностика практически всегда встроена в повседневные процессы и обучение является частью повседневных задач и деятельности, не являясь разовым мероприятием. Авторы исследования предполагают, что повсеместное внедрение подобного подхода позволит в некотором роде уменьшить отличие декларируемых органами власти цифровых приоритетов и реальных качеств управленческой деятельности, в которой эти приоритеты должны найти отражение. В данном случае цифровые компетенции сотрудников должны трансформироваться из формальных кадровых требований в ресурс повышения уровня адаптивности кадров к использованию новых технологий в процессе своей работы.

Заключение

В рамках проведенного исследования, авторы приходят к выводу о том, что в условиях некоторой неопределенности и перманентного появления новых цифровых технологий, цифровые компетенции государственных и муниципальных служащих становятся одним из наиболее значимых навыков. Цифровые компетенции становятся ресурсом не только отдельного сотрудника, но и организации в целом, что обуславливает ее адаптационную способность к изменениям внешней среды. В данном ключе цифровизация кадровой работы перестает быть вопросом институциональной модернизации и становится императивом адаптивного управления.

Важно, что содержание цифровых компетенций при работе сотрудников в органах государственной и муниципальной власти существенно отличается от цифровых компетенций сотрудников коммерческих организаций. Процесс адаптации систем управления кадрами к требованиям цифровой экономики обуславливает наличие у служащих не просто технической цифровой грамотности, а наличие цифровой компетенции по принятию управленческих решений в условиях ограниченных данных. Данный факт делает простое формальное соответствие процедуре недостаточным для полной цифровой результативности.

В рамках данной статьи авторами были выявлены некоторые организационные барьеры, к которым относится: излишняя формализация установленных процедур, недостаточность существующих программ развития, ориентированных на получение аналитических и управленческих навыков в рамках применения цифровых инструментов, некоторая институциональная разобщенность, когда различные органы власти имеют различный подход и требования в рамках смежных по сложности уровню цифровой вовлеченности задач. Данные барьеры приводят к ситуации, когда даже наличие полного ресурсного обеспечения не позволяет своевременно и эффективно внедрить отечественные цифровые решения.

Предложенная в статье модель позволяет связать различные уровни цифровых компетенций с индикаторами институциональной устойчивости путем использования трех взаимосвязанных каналов связи. Первым каналом является оперативно технический, который позволяет обеспечить высокую скорость обработки информации, а также проведение процесса координации и распределения ролей в командах, что позволяет снизить временные затраты в процессе принятия управленческих решений. Вторым каналом является коммуникативно-сетевой, который позволяет выстроить эффективное межведомственное взаимодействие в рамках цифровой среды. Следующим каналом является институционально-регуляторный, который позволяет проводить адаптацию существующих регламентов и внедрять более гибкие форматы управления.

Основной вывод в рамках настоящего исследования заключается в том, что влияние индивидуальных компетенций сотрудника на общий уровень адаптивности организации проявляется только при развитой системе регламентов, настроенными внутренними коммуникациями и наличием поддержки внедрения инноваций со стороны руководства организации. При этом цифровая компетентность государственных и муниципальных служащих представляет собой не массив технических навыков, а наличие динамической способности к обучению новым цифровым навыкам. Системная деятельность по развитию цифровых навыков сотрудников и управленцев позволяет повысить устойчивость органов власти к изменениям внешней среды и готовность к внедрению новых цифровых технологий.

Литература

1. Саберова, Е.В. Анализ правового регулирования внедрения и развития технологий искусственного интеллекта в регионах Российской Федерации / Е.В. Саберова // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. – 2025. – № 3(54). – С. 51–61.

2. Федеральный проект «Цифровое государственное управление» [Электр. ресурс]. URL: https://bfometr.ru/blog/federalnyy-proekt-tsifrovoe-gosudarstvennoe-upravlenie-2?ysclid=mt5z1jxf2456018198 (дата обращения: 15.07.2026).

3. Смирнов, Т.В. Особенности формирования кадрового потенциала государственной службы в условиях цифровой экономики / Т.В. Смирнов // Лидерство и менеджмент. – 2025. – Т. 12, № 2. – С. 447–464.

4. Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27.07.2004 № 79-ФЗ [Электр. ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/?ysclid=mt60h78ffl407518524 (дата обращения: 15.07.2026).

5. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [Электр. ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/?ysclid=mt60jnbamt972252659 (дата обращения: 15.07.2026).

6. Мушта, А.А. Информационно-аналитическая работа в органах государственного управления: трансформация профиля компетенций в условиях цифровизации / А.А. Мушта // Евразийский союз ученых. – 2020. – № 5–7(74). – С. 26–29.

7. Кадровая работа органов исполнительной власти: основные итоги мониторинга / Сладкова Н.М., Вокресенская О.А. // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – № 12. – С. 8051–8074.

8. Панова, Е.А. Развитие цифровых компетенций и цифровой грамотности государственных служащих в условиях цифровой модернизации государственного управления / Е.А. Панова, Е.Ю. Тарасова // Государственное управление. Электронный вестник. – 2025. – Выпуск 112. – С. 64–77.

9. Зокоева, А.Г. Формирование компетенции госслужащих в условиях цифровой экономики / А.Г. Зокоева, Н.Г. Казимирова // Вестник науки. – 2025. – Т. 3, № 4(85). – С. 513–520.

10. Овчинников, С.С. Цифровые компетенции российских государственных гражданских служащих / С.С. Овчинников // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2023. – Т. 13, № 5. – С. 263–274.

11. Мяликов, Э.Р. Модернизация архитектуры цифровой платформы оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти и высших должностных лиц субъектов Российской Федерации / Э.Р. Мяликов // Сибирский журнал экономических и бизнес-исследований. – 2025. – Т. 14, № 4. – С. 91–108.

12. Лябах, А.Ю. Анализ эффективности использования метода «Кейс-стади» в обучении с применением дистанционных технологий / А.Ю. Лябах, Е.В. Саберова, Е.К. Смирнова // Человеческий капитал и профессиональное образование. – 2019. – № 1–2(28). – С. 119–134.

13. Валиева, А.Р. Выявление преимуществ дистанционного обучения перед очным обучением в Академии гражданской защиты МЧС России / А.Р. Валиева, О.К. Марченко, А.С. Сушанский // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. – 2022. – № 4(42). – С. 283–290.

14. О некоторых итогах педагогического эксперимента: научились ли в его ходе студенты решать учебные кейсы? Часть 1 / А.Ю. Лябах, С.А. Мельков, А.С. Сушанский, А.Ф. Эркин // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. – 2017. – № 1(19). – С. 15. – EDN YIJMSX.

15. Харитонов, В.И. Интеллектуальные, лингвистические и инновационные компоненты тестирования государственных и муниципальных служащих / В.И. Харитонов, Р.Р. Ахмерова // Государство и общество: вчера, сегодня, завтра. Серия: Социология. – 2017. – № 17(1). – С. 97–104.

16. Чумаченко, А.П. Анализ факторов, влияющих на функционирование системы формирования кадрового резерва в условиях реформирования МЧС России / А.П. Чумаченко, А.В. Исаев, А.В. Гришаев // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. – 2020. – № 1(31). – С. 220–227.

DIGITAL COMPETENCIES OF CIVIL SERVANTS AS A FACTOR IN GOVERNMENT RESILIENCE TO STRUCTURAL UNCERTAINTY

Skrinchenko B.L., Erkin A.F.
Civil Defence Academy EMERCOM of Russia named after Lieutenant General D.I. Mikhailika

This article examines the role of digital competencies of civil servants as a factor in ensuring government resilience to structural uncertainty. The authors substantiate the transition from formal testing of basic digital literacy to contextual skills assessment integrated into real-world management processes. Based on an analysis of scientific literature, regulatory documents, and the results of personnel monitoring in government agencies, key institutional and organizational barriers hindering the effective development of digital competencies are identified. The authors propose a conceptual three-dimensional model of competencies and practical mechanisms for their assessment within the framework of integration with certification procedures and the formation of a personnel reserve. The authors conclude that digital competencies are gradually ceasing to be a technical supplement and becoming a resource for organizational adaptability, directly affecting a government agency's ability to maintain the quality of management decisions in an unstable environment.

Keywords: civil service, institutional sustainability, personnel work, personnel reserve, competencies, structural uncertainty, digitalization of public administration, digital literacy, digital competence, digital transformation

References

1. Saberova, E.V. Analysis of Legal Regulation of the Implementation and Development of Artificial Intelligence Technologies in the Regions of the Russian Federation / E.V. Saberova // GosReg: state regulation of public relations. – 2025. – № 3 (54). – P. 51–61.

2. Federal Project «Digital Public Administration» [Electronic resource]. URL: https://bfometr.ru/blog/federalnyy-proekt-tsifrovoe-gosudarstvennoe-upravlenie-2?ysclid=mt5z1jxf2456018198 (date of access: 15.07.2026).

3. Smirnov, T.V. Features of the Formation of Human Resources Potential of the Civil Service in the Context of the Digital Economy / T.V. Smirnov // Leadership and Management. – 2025. – Vol. 12, № 2. – Pp. 447–464.

4. Federal Law «On the Federal Civil Service of the Russian Federation» of July 27, 2004 № 79-FZ [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/?ysclid=mt60h78ffl407518524 (date of access: July 15, 2026).

5. Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017 № 203 «On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030» [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216363/?ysclid=mt60jnbamt972252659 (accessed: 15.07.2026).

6. Mushta, A.A. Information and analytical work in government bodies: transformation of the competency profile in the context of digitalization / A.A. Mushta // Eurasian Union of Scientists. – 2020. – № 5–7 (74). – P. 26–29.

7. Personnel work of executive bodies: main results of monitoring / Sladkova N.M., Vokresenskaya O.A. // Economy, entrepreneurship and law. – 2024. – № 12. – P. 8051–8074.

8. Panova, E.A. Development of digital competencies and digital literacy of civil servants in the context of digital modernization of public administration / E.A. Panova,

E. Yu. Tarasova // Public administration. Electronic Bulletin. – 2025. – Issue 112. – Pp. 64–77.

9. Zokoeva, A.G. Formation of competencies of civil servants in the context of the digital economy / A.G. Zokoeva, N.G. Kazimirova // Bulletin of science. – 2025. – Vol. 3, № 4 (85). – Pp. 513–520.

10. Ovchinnikov, S.S. Digital competencies of Russian state civil servants / S.S. Ovchinnikov // Bulletin of the South-West State University. Series: Economics. Sociology. Management. – 2023. – Vol. 13, № 5. – P. 263–274.

11. Myalikov, E.R. Modernization of the architecture of the digital platform for assessing the performance of executive bodies and senior officials of the constituent entities of the Russian Federation / E.R. Myalikov // Siberian Journal of Economic and Business Research. – 2025. – Vol. 14, № 4. – P. 91–108.

12. Lyabakh, A. Yu. Analysis of the effectiveness of using the «Case Study» method in training using distance technologies / A. Yu. Lyabakh, E.V. Saberova, E.K. Smirnova // Human capital and professional education. – 2019. – № 1–2 (28). – P. 119–134.

13. Valieva, A.R. Identifying the advantages of distance learning over face-to-face education at the Civil Defense Academy of the Ministry of Emergency Situations of Russia / A.R. Valieva, O.K. Marchenko, A.S. Sushansky // GosReg: state regulation of public relations. – 2022. – № 4 (42). – Pp. 283–290.

14. On some results of the pedagogical experiment: did students learn to solve educational cases during it? Part 1 / A. Yu. Lyabakh, S.A. Melkov, A.S. Sushansky, A.F. Erkin // GosReg: state regulation of public relations. – 2017. – № 1 (19). – Pp. 15. – EDN YIJMSX.

15. Kharitonov, V.I. Intellectual, linguistic and innovative components of testing state and municipal employees / V.I. Kharitonov, R.R. Akhmerova // State and society: yesterday, today, tomorrow. Series: Sociology. – 2017. – № 17 (1). – P. 97–104.

16. Chumachenko, A.P. Analysis of factors influencing the functioning of the personnel reserve formation system in the context of reforming the Ministry of Emergency Situations of Russia / A.P. Chumachenko, A.V. Isaev, A.V. Grishaev // GosReg: state regulation of public relations. – 2020. – № 1 (31). – P. 220–227.

Дискурс исследований о применении технологий искусственного интеллекта на выборах в России

Федоров Владислав Иванович,
кандидат политических наук, старший научный сотрудник кафедры политологии, социологии и международных процессов Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, старший преподаватель Кафедры политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: vlad@nextmail.ru

Талалаева Екатерина Юрьевна,
кандидат философских наук, доцент кафедры политологии, социологии и международных процессов Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина
E-mail: aikatarin@mail.ru

Целью работы является составление обзора научных публикаций, исследующих возможности, правовые и политические риски применения технологий искусственного интеллекта на выборах в России. Авторы рассматривают актуальные вопросы законодательного регулирования использования ИИ в агитационно-пропагандистских целях на основе эмпирического материала, полученного в ходе проведения российских выборов. Методологическую основу исследования составили дискурс-анализ и сравнительный анализ научной проблематики академических работ, оценивающих риски и перспективы применения искусственного интеллекта в политической сфере.

Ключевые слова: искусственный интеллект, ИИ, выборы, кандидаты, политические партии, избирательное законодательство.

Введение

Одной из особенностей избирательных кампаний в России в 2025–2026 гг. стало применение изображений и видеозаписей, сгенерированных при помощи искусственного интеллекта (ИИ). После тестирования технологий ИИ на региональных выборах в 2025 г. был значительно расширен масштаб их использования политическими партиями и кандидатами на выборах депутатов Государственной Думы в 2026 г.

Целью работы является дискурс-анализ публикаций ученых о правовых и политических рисках и возможностях применения технологий искусственного интеллекта на выборах в России.

Российские юристы считают, что применение технологий ИИ на выборах нуждается в законодательном регулировании для создания единых «правил игры». Правовое регулирование использования технологий ИИ в российских электоральных процессах является новым объектом исследования, что обусловлено сравнительно недавно сложившимися общественными отношениями в данной сфере. Представители российской правовой науки в целом сходятся во мнении о необходимости принятия соответствующей законодательной базы [18] и этических стандартов в отношениях «человек-ИИ» [11]. Актуальными вопросами нормативного обеспечения ИИ в России являются защита избирательных и референдумных прав граждан, неприкосновенность частной жизни, охрана персональных данных [9]. Авторы изучают влияние искусственного интеллекта на избирательный процесс [8], обосновывают необходимость появления нормативной базы в этой новой сфере политического участия.

Значительное внимание уделяется рискам, связанным с манипулированием общественным мнением, непрозрачностью алгоритмов и использованием персональных данных пользователей без их ведома. Е.С. Устинович признает значимой угрозой ИИ, распространяемую с его помощью дезинформацию о выборах [14]. На большие возможности ИИ в политической сфере обращает внимание В.А. Бажанов, отмечающий неизбежность его легитимации в будущем [2].

Ряд исследователей приходит к оптимистическим выводам о положительной роли ИИ в политических процессах, опираясь на примеры автоматизированной проверки подписных листов и обработки информации об избирателях. К примеру, Т.Ю. Фролова считает, что ИИ положительно влияет на эффективность и прозрачность работы органов государственной власти, в том числе организаторов выборов Автор рассматривает различные практики использования ИИ в российском избирательном процессе, обозначает сопутствующие им правовые проблемы и выявляет необходимость формирования целостной нормативной базы по регулированию и контролю ИИ в процедуре выборов [16]. В.А. Лаптев отмечает потенциал ИИ для поддержания стабильности политических режимов [7]. Аналогичной позиции придерживается Э.В. Талапина, подчеркивающая возможности ИИ как помощника для повышения скорости принятия государственных решений и анализа больших объемов данных [17].

Российские политологи признают большой потенциал использования ИИ для производства политической рекламы, автоматизации коммуникаций в системе избиратель-кандидат, но одновременно выделяют риски манипулирования общественным мнением и введения избирателей в заблуждение со стороны кандидатов.

В работе Э.Б. Уртаевой отмечено, что инструменты ИИ существенно расширяют политические коммуникации, повышая их скорость, охват и точность, но при этом усиливают риски манипулирования общественным мнением, дезинформации и утраты доверия со стороны электората [12]. Автор отмечает, что для преодоления потенциальных угроз применения ИИ в электоральных процессах необходимо реформирование правого регулирования, маркировка ИИ-контента и повышение цифровой грамотности общества в целом.

Н.А. Баранов отмечает, что использование ИИ значительно упрощает процессы обработки больших объемов информации и повышает эффективность управления избирательными процессами [4]. В частности, технологии ИИ заметно снижают трудозатратность генерации агитационного контента и ускоряют механизмы обратной связи с избирателями посредством работы чат-ботов. Однако сравнение деятельности чат-ботов и результатов экспертных интервью с ведущими

Статья написана в рамках научного проекта «Использование технологий искусственного интеллекта в условиях подготовки и проведения выборов депутатов Государственной Думы IX созыва: возможности и риски» (рег. номер проекта в ЕГИСУ НИОКТР 1025121100036–6–5.6.1), реализованного в Тамбовском государственном университете имени Г.Р. Державина и поддержанного Министерством науки и высшего образования РФ и Экспертным институтом социальных исследований.

специалистами в области избирательных процессов, показало, что, в отличие от экспертных мнений, чат-боты зачастую не учитывают реальную политическую ситуацию и различные идеологические нюансы. Вместе с тем, ИИ требует строгого контроля из-за риска искажения информации, среди которых распространены различные манипуляции и создание дипфейков. Более подробно потенциальные угрозы и специфика несанкционированного применения различных видов политических дипфейков в период проведения выборов разбираются в статье Е.А. Виноградовой [5]. Автор анализирует международный опыт и разбирает реальные случаи дискредитации политических деятелей с применением технологии ИИ в ходе избирательной борьбы.

Е.Ф. Усмановой и И.Р. Вергазовой проведен сравнительно-правовой анализ основных направлений внедрения ИИ в России и ряде зарубежных стран [13]. В работе приведены основные модели использования ИИ в избирательных процессах: либеральная (США), правозащитная (ЕС), прагматичная (Эстония) и технократическая (Россия), для которой характерен акцент на администрировании и контроле. Для дальнейшего эффективного развития технократической модели авторы рекомендуют повышение прозрачности избирательных алгоритмов, публичность систем мониторинга интернет-пространства и законодательный запрет ИИ-методов манипуляторного воздействия на избирателей. Отдельные примеры использования ИИ в сфере избирательного процесса проанализированы в работе И.Н. Баранова и А.Н. Юнусовой [3]. Авторы уделили особое внимание проблемам и рискам, связанным с обеспечением прав человека и гражданина (дипфейки, непрозрачность алгоритмов, риски для безопасности и персональных данных, цифровое неравенство) и предложили меры по снижению рисков, связанных с внедрением ИИ-систем в электоральные процессы, чтобы не подорвать доверие к выборам и не нарушить права граждан. Конкретные направления по совершенствованию механизмов ДЭГ предложены Р.Е. Гараниным, основные идеи которого заключаются в работе с повышением уровня доверия и просвещением электората, усовершенствовании единого формата наблюдения за дистанционным голосованием, комбинировании очного и дистанционного форматов работы наблюдателей [6].

Специфика реформирования российского избирательного законодательства в условиях цифровизации проанализирована в статье Р.А. Алексеева [1]. Автор отмечает, что появление таких новаций как ДЭГ и создание цифровых избирательных участков не только совершенствует электоральные процессы, но и усиливает риски информационной безопасности и цифрового неравенства. Однако автор предлагает ряд шагов для совершенствования избирательной системы и повышения уровня доверия среди населения к внедряемым инновационным методикам и технологиям. Потенциальные риски для свободы выборов и тайны голосования, а также перспективы обеспечения технической и правовой безопасности рассмотрены в статье С.В. Петровой [10]. Современное регулирование избирательного процесса в условиях цифровизации исследовано в работе Н.Е. Шакуровой, подчеркивающей необходимость нахождения баланса между технологическими возможностями применяемых в избирательном процессе цифровых инструментов и сохранением демократической легитимности выборов [19].

Краткий обзор научных работ по рассматриваемой теме показывает, что применение ИИ-технологии в электоральных процессах неизбежно в реалиях современной жизни, но при этом носит амбивалентный характер. С одной стороны, механизмы ИИ существенно повышают эффективность обработки больших объемов информации и значительно упрощают взаимодействие с аудиторией электората. Однако с другой стороны они таят в себе угрозу информационной безопасности, дезинформацию и дипфейки, что приводит к утрате доверия со стороны электората.

Заключение

Проведенный анализ показывает, что темпы внедрения ИИ технологий в избирательные процессы в России значительно опережают развитие нормативно-правового регулирования их применения в данной сфере. Использование технологий ИИ для производства агитационно-пропагандистских материалов в России остается «серой зоной», требующей законодательного регулирования для защиты фундаментальных принципов свободных и конкурентных выборов, доступа избирателей к объективной информации о кандидатах и избирательных объединениях. Российское экспертное сообщество приходит к консенсусу относительно необходимости создания единых «правил игры» для ИИ на выборах.

Приоритетными направлениями законодательной работы должны стать гарантии защиты избирательных и референдумных прав граждан, охрана персональных данных. Именно эти сферы являются наиболее уязвимыми перед лицом технологического усложнения электоральных процедур. Политологический анализ фиксирует двойственную природу ИИ в политическом процессе. С одной стороны, признается его значительный потенциал для оптимизации производства политической рекламы, автоматизации коммуникаций в системе «избиратель – кандидат» и повышения эффективности электоральных кампаний. С другой – выделяются системные риски, связанные с манипулированием общественным мнением и введением избирателей в заблуждение.

Литература

1. Алексеев Р.А. Новеллы российского избирательного законодательства в эпоху цифровизации: проблемы и перспективы применения // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 2. С. 69–78.
2. Бажанов В.А. Искусственный интеллект, технологии Big Data (больших данных) и особенности современного политического процесса / В.А. Бажанов // Философия. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 7. № 3. С. 193–210.
3. Баранов И.Н., Юнусова А.Н. Проблемы и перспективы применения искусственного интеллекта в избирательном процессе и госуправлении // Право и практика. 2026. № 1. С. 70–74.
4. Баранов Н.А. Искусственный интеллект в избирательном процессе: возможности и новации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2025. Т. 27. № 3. С. 606–621.
5. Виноградова Е.А. Потенциальные угрозы несанкционированного использования политических дипфейков в период политических выборов: международный опыт // Мировая политика. 2024. № 3. С. 44–60.
6. Гаранин Р.Е. Основные направления совершенствования института общественного наблюдения за дистанционным электронным голосованием // Вестник Прикамского социального института. 2025. № 1 (100). С. 8–14.
7. Лаптев В.А. Искусственный интеллект в системе правовых инструментов стабилизации политических режимов мировых держав // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25. № 4. С. 831–847.
8. Ниточкин Ф.В. Искусственный интеллект и будущее электоральной демократии / Ф.В. Ниточкин // Избирательное законодательство и практика. 2025. № 2. С. 27–30.
9. Овчинников А.И. Правовая политика в сфере регулирования искусственного интеллекта: зарубежный опыт нормирования и выстраивания приоритетов // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 502. С. 204–213.
10. Петрова С.В. Конституционно-правовые вызовы цифровизации избирательного процесса: дистанционное электронное голосование в фокусе права // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 2. С. 59–68.
11. Позднякова О.В. Использование искусственного интеллекта в политических процессах: опыт Российской Федерации // Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования. 2025. № 21. С. 227–234.
12. Уртаева Э.Б. Возможности и угрозы применения искусственного интеллекта (ИИ) в политических коммуникациях // Общество: политика, экономика, право. 2024. № 2. С. 44–51.
13. Усманова Е.Ф., Вергазова И.Р. Применение технологий искусственного интеллекта в избирательном процессе // Образование и право. 2025. № 10. С. 151–153.
14. Устинович Е.С. Генеративный искусственный интеллект в избирательных процессах 2024 года в мире: дезинформационные кампании и онлайн-тролли // Социальная политика и социальное партнерство. 2024. № 3. С. 197–204.
15. Федоров В.И. Новые направления использования искусственного интеллекта на выборах // Журнал политических исследований. 2025. Т. 9. № 2. С. 86–96.
16. Фролова Т.Ю. Реализация избирательных прав с использованием искусственного интеллекта в РФ // Наука. Образование. Современность. № 2. 2023. С. 77–80.
17. Талапина Э.В. Использование искусственного интеллекта в государственном управлении // Информационное общество. 2021. № 3. С. 16–22.
18. Черкасова Т.П. Использование искусственного интеллекта в политических процессах: опыт Российской // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 2. С. 191–203.
19. Шакурова Н.Е. Организационно-правовое обеспечение избирательного процесса в России в условиях цифровизации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 2. С. 88–94.

THE RESEARCH DISCOURSE ON THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN RUSSIAN ELECTIONS

Fedorov V.I., Talalaeva E.Y.
Derzhavin Tambov State University, Financial University under the Government of the Russian Federation

The aim of this study is to provide a review of scholarly publications addressing the legal and political risks and opportunities associated with the application of artificial intelligence technologies in Russian elections. The authors examine current issues of legislative regulation pertaining to the use of AI technologies for campaigning and propaganda purposes, drawing on empirical material from Russian electoral practice. The methodological framework of the study comprises discourse analysis and a comparative analysis of the scholarly problematic articulated in academic works devoted to the risks and prospects of applying artificial intelligence in the political sphere.

Keywords: artificial intelligence, AI, neuro simulator, elections, candidates, political parties, electoral law

References

1. Alekseev R.A. Novelties in Russian electoral legislation in the era of digitalization: challenges and prospects for application // North Caucasus Legal Bulletin. 2025. № 2. P. 69–78.

2. Bazhanov V.A. Artificial intelligence, Big Data technologies, and the specifics of the modern political process / V.A. Bazhanov // Philosophy. Journal of the Higher School of Economics. 2023. Vol. 7. № 3. P. 193–210.

3. Baranov I.N., Yunusova A.N. Challenges and prospects of using artificial intelligence in the electoral process and public administration // Law and Practice. 2026. № 1. P. 70–74.

4. Baranov N.A. Artificial intelligence in the electoral process: opportunities and innovations // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2025. Vol. 27. № 3. P. 606–621.

5. Vinogradova E.A. Potential threats of unauthorized use of political deepfakes during elections: international experience // World Politics. 2024. № 3. P. 44–60.

6. Garanin R.E. Key directions for improving the institution of public observation of remote electronic voting // Bulletin of the Prikamsky Social Institute. 2025. № 1 (100). P. 8–14.

7. Laptev V.A. Artificial intelligence in the system of legal instruments for stabilizing the political regimes of world powers // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2023. Vol. 25. № 4. Pp. 831–847.

8. Nitochkin F.V. Artificial Intelligence and the Future of Electoral Democracy / F.V. Nitochkin // Electoral Legislation and Practice. 2025. № 2. Pp. 27–30.

9. Ovchinnikov A.I. Legal Policy in the Sphere of Artificial Intelligence Regulation: Foreign Experience in Standard-Setting and Priority-Setting // Bulletin of Tomsk State University. 2024. № 502. Pp. 204–213.

10. Petrova S.V. Constitutional and Legal Challenges of the Digitalization of the Electoral Process: Remote Electronic Voting in the Focus of Law // North Caucasus Legal Bulletin. 2025. № 2. Pp. 59–68.

11. Pozdnyakova O.V. The Use of Artificial Intelligence in Political Processes: The Experience of the Russian Federation // Education and Science Without Borders: Fundamental and Applied Research. 2025. № 21. Pp. 227–234.

12. Urtaeva E.B. Opportunities and Threats of Using Artificial Intelligence (AI) in Political Communications // Society: Politics, Economics, Law. 2024. № 2. Pp. 44–51.

13. Usmanova E.F., Vergazova I.R. Application of Artificial Intelligence Technologies in the Electoral Process // Education and Law. 2025. № 10. Pp. 151–153.

14. Ustinovich E.S. Generative Artificial Intelligence in Global Electoral Processes of 2024: Disinformation Campaigns and Online Trolls // Social Policy and Social Partnership. 2024. № 3. Pp. 197–204.

15. Fedorov V.I. New Directions in the Use of Artificial Intelligence in Elections // Journal of Political Studies. 2025. Vol. 9. № 2. Pp. 86–96.

16. Frolova T. Yu. Exercise of Electoral Rights Using Artificial Intelligence in the Russian Federation // Science. Education. Modernity. № 2. 2023. Pp. 77–80.

17. Talapina E.V. The Use of Artificial Intelligence in Public Administration // Information Society. 2021. № 3. Pp. 16–22.

18. Cherkasova T.P. The Use of Artificial Intelligence in Political Processes: The Russian Experience // State and Municipal Administration. Scholarly Notes. 2025. № 2. Pp. 191–203.

19. Shakurova N.E. Organizational and Legal Support for the Electoral Process in Russia Amidst Digitalization // North Caucasus Legal Bulletin. 2025. № 2. Pp. 88–94.

Политическая герменевтика низкоуглеродного развития: стратегии легитимации климатической повестки в современной России

Шальнев Андрей Николаевич,
аспирант, кафедра политического анализа и социально-психологических процессов, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова
E-mail: and.shalnev@gmail.com

Статья посвящена анализу стратегий политического обоснования развития низкоуглеродных источников энергии в Российской Федерации. В отличие от распространённого инструментального подхода, рассматривающего климатическую политику исключительно как ответ на внешние вызовы, автор предлагает рассматривать процесс легитимации низкоуглеродной повестки через призму политической герменевтики – интерпретации климатических реалий в категориях национальных интересов, стратегической культуры и цивилизационной идентичности. На основе анализа официального дискурса, научных публикаций и медийных репрезентаций выявляются три ключевые стратегии обоснования: (1) адаптационная стратегия, конструирующая образ климатических изменений как источника новых возможностей; (2) стратегия «отложенной необходимости», обосновывающая временной лаг между глобальными обязательствами и практическими действиями; (3) стратегия суверенной интерпретации, переопределяющая содержание низкоуглеродного развития в категориях технологического суверенитета и справедливого многополярного мироустройства. Делается вывод о формировании гибридной модели политической легитимации, в рамках которой климатическая повестка одновременно принимается как неизбежность и переопределяется как пространство геополитического противостояния.

Ключевые слова: низкоуглеродная энергетика, климатическая политика России, политическая герменевтика, стратегическая культура, дискурс-анализ, легитимация, энергетический переход, геополитика климата.

Введение

Проблема политического обоснования низкоуглеродного развития приобретает особую остроту в странах с ресурсной экономикой, для которых энергетический переход сопряжён с фундаментальными вызовами сложившейся модели социально-экономического воспроизводства. Россия в этом отношении представляет собой уникальный случай: страна, обладающая одними из крупнейших запасов углеводородов и одновременно испытывающая на себе ускоренные темпы климатических изменений (по данным научных исследований, территория России нагревается в 2,5–3 раза быстрее, чем планета в целом), вынуждена вырабатывать особый язык описания и обоснования своей климатической политики.

Актуальность исследования определяется несколькими факторами. Во-первых, 2025–2026 годы стали периодом институционального оформления российской климатической политики: завершён Сахалинский эксперимент, принята новая Климатическая доктрина, активизировано сотрудничество с незападными партнёрами [3]. Во-вторых, геополитическая конфронтация с Западом радикально трансформировала дискурсивное поле: прежние стратегии адаптации к европейским нормам уступили место попыткам конструирования альтернативных нормативных рамок [3, 5]. В-третьих, сохраняющийся разрыв между декларируемыми целями и реальными мерами требует объяснения не только в категориях экономических интересов, но и через анализ глубинных структур политического мышления [2, 5].

В работе применяется герменевтический подход к анализу российской климатической политики. В отличие от преобладающих исследований, фокусирующихся на инструментальных аспектах (углеродное регулирование, инвестиции, технологии), автор рассматривает процесс обоснования низкоуглеродного развития как деятельность по интерпретации – переводу глобальных климатических императивов на язык, понятный и приемлемый для ключевых политических акторов и общества в целом.

Цель статьи – выявить и проанализировать базовые стратегии политической герменевтики, посредством которых российская власть конструирует смыслы и обоснования низкоуглеродного развития, адресованные различным аудиториям.

Теоретико-методологическую основу исследования составляют концепции политической герменевтики (П. Рикёр), теории стратегической культуры (А. Джонстон, К. Грей) и подходы к анализу политического дискурса (Т. ван Дейк, Р. Водак). Эмпирическую базу образуют официальные документы, публичные выступления представителей власти, материалы научных дискуссий и медийные репрезентации климатической повестки.

Традиционные подходы к анализу климатической политики тяготеют к инструментализму: климатические меры рассматриваются как рациональный ответ на объективно существующие вызовы, а политические процессы – как механизмы согласования интересов и принятия решений. Однако, как справедливо отмечает В. Лацис, такой подход не позволяет объяснить устойчивость климатического скептицизма и имитационных стратегий даже в условиях нарастания физических проявлений климатического кризиса [8].

Политическая герменевтика предлагает альтернативную оптику: климатические изменения и меры по их смягчению не существуют как «объективные факты» в чистом виде – они всегда даны через интерпретацию. Как подчёркивал П. Рикёр, социальная реальность конституируется через символические структуры, и политическое действие невозможно вне смыслового горизонта, задаваемого языком, культурой и историческим опытом.

Применительно к российской климатической политике герменевтический подход означает, что ключевые вопросы формулируются иначе: не «какие меры принимаются?», а «как климатическая повестка переводится на язык национальных интересов?»; не «насколько эффективна политика?», а «какие смыслы вкладываются в понятия низкоуглеродного развития и кому они адресованы?».

Понятие стратегической культуры, разработанное в исследованиях международных отношений, фиксирует тот факт, что представления о безопасности, угрозах и адекватных способах реагирования форми-

руются под влиянием исторического опыта, географического положения и культурных кодов.

В этой интерпретативной рамке климатическая повестка обретает специфические черты. Изменение климата может восприниматься не столько как общая угроза, требующая солидарных действий, сколько как:

• Геополитический ресурс – открытие Северного морского пути, расширение зоны земледелия, доступ к арктическим ресурсам;

• Инструмент конкурентной борьбы – климатические ограничения со стороны Запада интерпретируются как форма недобросовестной конкуренции и попытка сдержать развитие [3];

• Пространство суверенного выбора – право на собственную траекторию низкоуглеродного развития, не копирующую западные модели [5].

Важно подчеркнуть, что эти интерпретации не являются «искажением» некой объективной реальности – они представляют собой способы смыслового освоения сложного и неопределённого феномена в категориях, доступных и значимых для данной политической культуры.

Политическая герменевтика климатической повестки осложняется тем, что обоснования адресованы различным аудиториям, каждая из которых обладает собственным горизонтом ожиданий. Исследование В. Виноградовой, посвящённое дискурсу России в рамках Конференции сторон РКИК ООН, демонстрирует, как одни и те же нарративы («лесной», «санкционный», о поддержке развивающихся государств) по-разному функционируют во внешнеполитическом и внутриполитическом измерениях [3].

Таким образом, теоретическая рамка исследования предполагает анализ трёх взаимосвязанных измерений: (1) интерпретации климатических изменений как феномена; (2) интерпретации низкоуглеродного развития как политического проекта; (3) интерпретации собственной роли России в глобальной климатической динамике.

Первая и, пожалуй, наиболее устойчивая стратегия обоснования связана с интерпретацией климатических изменений как процесса, открывающего для России новые возможности. Эта стратегия имеет глубокие исторические корни и воспроизводится как в официальном дискурсе, так и в массовых представлениях.

Исследование У. Эпли, проведённое в Принстонском университете, показывает, что восприятие глобального потепления как блага для России (более мягкие зимы, расширение сельскохозяйственных зон, развитие Северного морского пути) широко распространено и влияет на политические оценки [5]. При этом автор подчёркивает важный нюанс: выгоды от потепления распределяются крайне неравномерно – они достаются преимущественно корпорациям и государству, тогда как издержки ложатся на незащищённые группы населения, традиционно находящиеся на периферии политического внимания.

В адаптационной стратегии можно выделить несколько ключевых нарративов.

Таяние льдов интерпретируется не как катастрофический процесс, угрожающий экосистемам и инфраструктуре, а как условие для превращения Северного морского пути в глобальную транспортную артерию, альтернативную Суэцкому каналу. Этот нарратив активно используется для обоснования инвестиций в атомный ледокольный флот, развитие портовой инфраструктуры и военное усиление в Арктике.

Расширение зон устойчивого земледелия на север интерпретируется как возможность укрепления продовольственной безопасности и наращивания экспорта зерна. При этом, как показывают исследования Института географии РАН, реальная картина сложнее: на юге страны, напротив, ожидается ухудшение биоклиматических условий и рост числа дней с тепловым стрессом [4].

Отступление вечной мерзлоты рассматривается в логике облегчения доступа к углеводородным ресурсам арктического шельфа. Парадоксальным образом глобальное потепление легитимирует продолжение той самой ресурсной модели, которая это потепление и вызывает.

Внутриполитическая функция адаптационной стратегии очевидна: она снимает необходимость срочных и затратных мер по сокращению выбросов, предлагая взамен оптимистическую картину «естественного» улучшения условий существования. Как отмечает В. Лацис, «многие россияне воспринимают изменение климата как чистую выгоду для страны, ссылаясь на такие последствия роста температур, как более мягкие зимы, больше земель для сельского хозяйства и открытие Северного морского пути для круглогодичной навигации» [8].

Вторая стратегия обоснования связана с конструированием особого темпорального режима, в котором климатические обязательства признаются необходимыми, но их реализация откладывается на будущее. Эта стратегия позволяет совмещать формальное участие в глобальной климатической повестке с сохранением текущей модели развития.

Исследование дискурса России на Конференциях сторон РКИК ООН, проведённое В. Виноградовой, показывает, как конструируется образ «ответственного участника», готового вносить вклад в решение глобальной проблемы, но на своих условиях и в своём темпе [3].

Ключевыми элементами этой стратегии выступают апелляция к исторической справедливости, приоритет национальных целей развития и конструирование переходного периода.

Россия подчёркивает, что её накопленный вклад в изменение климата существенно ниже, чем у развитых индустриальных стран, что даёт право на более постепенное движение к углеродной нейтральности. Климатические меры обосновываются постольку, поскольку они не противоречат задачам экономического роста и социальной стабильности. В иерархии целей климат устойчиво занимает подчинённое положение. Введение таких понятий, как «переходное топливо» (газ), «поглощающая способность экосистем» (леса) и «адаптация к изменениям», позволяет представить текущую модель как уже включённую в низкоуглеродную траекторию, не требующую радикальной трансформации.

Важно отметить, что стратегия «отложенной необходимости» адресована не столько внешним партнёрам, сколько внутренним элитам и обществу. Она легитимирует текущий уровень активности, обещая действие в будущем, и одновременно создаёт защиту от критики – как внешней (обвинения в безответственности), так и внутренней (обвинения в пренебрежении национальными интересами).

Третья стратегия, приобретающая особое значение после 2022 года, связана с суверенизацией климатического дискурса – переопределением ключевых понятий и норм низкоуглеродного развития в категориях национального контроля и незападной альтернативы.

В работах С. Костелянца и других исследователей подчёркивается, что российская климатическая политика развивается на пересечении геополитических амбиций, энергетического национализма и институциональных дефицитов [5]. Этот сложный контекст порождает специфические интерпретации.

Так, интерпретация климатической политики как суверенного права утверждает, что каждое государство имеет право определять собственную траекторию низкоуглеродного развития, исходя из национальных особенностей, и не обязано копировать западные модели. Эта позиция, формально соответствующая принципу Парижского соглашения о национально определяемых вкладах, на практике используется для защиты от внешнего давления.

Другая интерпретация – углеродное регулирование как проявление неоколониализма. Механизмы трансграничного углеродного регулирования (прежде всего европейский CBAM) интерпретируются как инструменты недобросовестной конкуренции и попытка навязать развивающимся экономикам дополнительные издержки. Эта интерпретация позволяет России выступать в роли защитницы интересов Глобального Юга, что соответствует общей внешнеполитической стратегии [3].

Кроме того Россия активно продвигает идею признания природного газа в качестве экологически чистого источника энергии, а также развивает систему «зелёных» сертификатов, не привязанную к западным стандартам. В рамках БРИКС и ШОС обсуждается создание альтернативных углеродных рынков с собственными правилами верификации [3, 5].

Особого внимания заслуживает медийное измерение стратегий обоснования. Исследование М. Перкиёнмяки, посвящённое репрезентациям климатической адаптации в российских прогосударственных онлайн-медиа, выявляет специфические дискурсивные механизмы [6].

Анализ показывает, что освещение климатической тематики претерпело существенные изменения после ратификации Россией Парижского соглашения (2019) и особенно после начала полномасштабных военных действий (2022). Если на первом этапе преобладала тематика международного сотрудничества и технологических решений, то на втором этапе акценты сместились на адаптацию, суверенитет и критику западных подходов.

Перкиёнмяки вводит понятие «климатической обструкции» (climate obstruction) для описания дискурсивных практик, замедляющих или блокирующих реализацию климатической политики. В российском контексте эти практики включают:

• преуменьшение серьёзности климатических изменений;

• акцент на выгодах от потепления;

• критику международных механизмов как несправедливых;

• перенос ответственности на другие страны;

• представление текущих мер (газификация, энергоэффективность) как достаточного вклада.

Важный вывод исследования состоит в том, что эти обструкционистские дискурсы не являются уникально российскими – они могут воспроизводиться и в других контекстах, что делает анализ российского опыта значимым для понимания более широких тенденций [6].

Стратегии обоснования, адресованные внутренней аудитории, должны решать двойную задачу: с одной стороны, демонстрировать готовность участвовать в глобальной климатической повестке (чтобы не допустить изоляции и дискриминации российских экспортёров), с другой – не создавать ожиданий радикальных изменений, которые могли бы подорвать социальную стабильность или вызвать сопротивление влиятельных групп.

Внутренний дискурс характеризуется несколькими устойчивыми чертами. Во-первых, климатическая повестка практически не артикулируется в категориях прав и справедливости – доминирует технократический язык (нормирование, мониторинг, отчётность). Как показывает анализ правового регулирования, даже в специальной литературе климатический фактор рассматривается преимущественно как дополнительное обременение для существующих механизмов, а не как основа для их пересмотра [1].

Во-вторых, климатическая тематика жёстко субординирована по отношению к задачам экономического развития и безопасности. Любое обсуждение климатических мер сопровождается оговорками об их «экономической эффективности», «реалистичности» и «соответствии национальным интересам».

В-третьих, в массовом сознании целенаправленно культивируется образ России как «экологического донора», который благодаря своим лесам и так вносит достаточный вклад в стабилизацию климата. Этот образ снимает с граждан чувство ответственности и не создаёт давления на политические и экономические элиты.

Внешнеполитическое измерение стратегий обоснования претерпело радикальную трансформацию после 2022 года. Если ранее ключевым референтом выступал Европейский Союз, то теперь акценты сместились на взаимодействие в рамках БРИКС, ШОС и диалог с развивающимися странами.

Исследование дискурса России на Конференциях сторон РКИК ООН показывает, как сконструирован образ ответственного участника глобального климатического процесса, который последовательно выполняет свои обязательства по Парижскому соглашению, выступает за учёт национальных особенностей и против навязывания единых стандартов, поддерживает развивающиеся страны в их праве на развитие и доступ к технологиям [3].

Важно отметить, что эта внешнеполитическая риторика не является простым «прикрытием» для бездействия – она отражает реальный поиск альтернативных форматов сотрудничества. В рамках БРИКС и ШОС действительно обсуждаются вопросы гармонизации климатической политики, взаимного признания углеродных единиц, создания совместных механизмов финансирования зелёных проектов [6].

Однако, как подчёркивается в аналитических материалах, этот процесс сталкивается с серьёзными ограничениями. Партнёры России по БРИКС (особенно Китай и Индия) проводят собственную климатическую политику, ориентированную на жёсткие цели и механизмы реализации, и не всегда готовы принимать российские стандарты без дополнительной верификации [3, 5]. Кроме того, интересы стран БРИКС в климатической сфере далеко не всегда совпадают: для Китая приоритетом является технологическое лидерство, для Индии – доступ к дешёвому углю, для Бразилии – сохранение Амазонии.

Тем не менее, внешнеполитическая стратегия обоснования выполняет важную символическую функцию: она конструирует образ России как одного из центров формирующегося многополярного мира, способного предлагать собственные нормы и стандарты в ключевых областях глобального регулирования, включая климатическую.

Анализ выявленных стратегий позволяет зафиксировать ряд внутренних противоречий, которые могут препятствовать их последовательной реализации.

Первое противоречие – между адаптационной и суверенной стратегиями. Адаптационная стратегия, интерпретирующая климатические изменения как источник возможностей, неявно предполагает, что глобальные процессы имеют объективный характер и открывают для всех стран сходные перспективы. Суверенная стратегия, напротив, настаивает на праве каждой страны на собственную интерпретацию и собственный путь. Эти две логики трудно согласовать: если климатические изменения объективны и их последствия универсальны, то почему каждая страна должна реагировать на них по-своему? И наоборот: если допустим плюрализм интерпретаций, то на каком основании можно утверждать, что потепление несёт России преимущества?

Второе противоречие – между «отложенной необходимостью» и внешнеполитическими амбициями. Россия позиционирует себя как ответственный глобальный игрок, готовый участвовать в решении общих проблем. Но стратегия откладывания реальных мер на будущее подрывает это позиционирование: глобальные партнёры (даже в БРИКС) ожидают не деклараций, а верифицируемых результатов. Если Китай демонстрирует реальный прогресс в развитии возобновляемой энергетики, то российские апелляции к «уникальному положению» и «поглотительной способности лесов» выглядят всё менее убедительными.

Третье противоречие – между энергетическим национализмом и необходимостью международной кооперации. Развитие низкоуглеродных источников энергии требует доступа к технологиям, инвестициям и рынкам, которые невозможно обеспечить в автаркическом режиме. Энергетический национализм и курс на технологический суверенитет вступают в прямое противоречие с потребностями низкоуглеродной трансформации, которая по определению носит глобальный и кооперативный характер.

Исходя из анализа стратегий обоснования и фиксируемых противоречий, можно наметить несколько сценарных возможностей развития российской климатической политики.

Инерционный сценарий предполагает сохранение текущего баланса между стратегиями при доминировании адаптационной и «отложенной» логики. Россия продолжит участвовать в международных климатических форумах, разрабатывать документы и запускать пилотные проекты, но системных изменений не произойдёт. Этот сценарий чреват нарастанием разрыва между декларациями и реальностью, что в долгосрочной перспективе приведёт к маргинализации России в глобальной климатической политике.

Сценарий форсированной адаптации может реализоваться под давлением внешних факторов – либо со стороны ключевых торговых партнёров (особенно Китая, который может ввести собственные углеродные требования к импорту), либо в результате нарастания физических проявлений климатического кризиса на территории России (катастрофические пожары, наводнения, разрушение инфраструктуры в зоне вечной мерзлоты). В этом случае адаптационная стратегия будет переосмыслена: акцент сместится с «выгод» от потепления на необходимость защиты от его негативных последствий.

Сценарий суверенной альтернативы предполагает углубление сотрудничества с незападными партнёрами и формирование параллельной климатической архитектуры со своими стандартами, механизмами верификации и финансовыми институтами. Этот сценарий наиболее соответствует официальной риторике, но требует значительных институциональных усилий и готовности партнёров к компромиссам. Пока, как показывают исследования, такая готовность отсутствует [3, 5].

Какой бы сценарий ни реализовался, ключевым фактором останется способность российской политической системы разрешить внутренние противоречия и выработать последовательную стратегию, связывающую климатические цели с реальными механизмами их достижения.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать ряд выводов относительно стратегий обоснования развития низкоуглеродных источников энергии в современной российской политике.

Во-первых, процесс легитимации климатической повестки в России необходимо рассматривать не только в инструментальной логике (как ответ на внешние вызовы), но и в герменевтической перспективе – как деятельность по интерпретации и переводу глобальных императивов на язык, понятный и приемлемый для ключевых политических акторов и общества. Российская стратегическая культура, с её акцентом на суверенитет, геополитическое соперничество и этатистскую модель развития, задаёт интерпретативную рамку, в которой климатическая повестка обретает специфические черты.

Во-вторых, можно выделить три базовые стратегии политической герменевтики: адаптационную (конструирующую образ климатических изменений как источника новых возможностей), стратегию «отложенной необходимости» (темпорально переопределяющую повестку) и стратегию суверенной интерпретации (переопределяющую содержание низкоуглеродного развития в категориях национального контроля и незападной альтернативы). Каждая из этих стратегий имеет собственную логику, адресована определённым аудиториям и выполняет специфические функции легитимации.

В-третьих, анализ выявляет внутренние противоречия между стратегиями и между декларируемыми целями и реальными механизмами. Эти противоречия отражают более глубокие конфликты в российской политической экономии – между экспортно-ориентированными и ориентированными на внутренний рынок секторами, между геопо-

литической и геоэкономической логиками, между мобилизационными и адаптационными стратегиями развития.

Наконец, перспективы российской климатической политики будут определяться способностью разрешить эти противоречия и выработать последовательную стратегию, связывающую климатические цели с реальными механизмами их достижения. Пока же, как показывают исследования, Россия движется по инерционной траектории, в рамках которой климатическая повестка остаётся подчинённой логике сохранения существующей ресурсной модели.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на сравнительный анализ стратегий обоснования в странах с ресурсной экономикой, на более детальное изучение медийных репрезентаций климатической повестки, а также на анализ того, как стратегии обоснования трансформируются под влиянием реальных климатических изменений и их социальных последствий.

Литература

1. Кощаева, А.Е. Правовое регулирование охраны атмосферного воздуха в условиях изменения климата / А.Е. Кощаева // Молодой ученый. – 2026. – № 4 (607). – С. 287–289.
2. Виноградова, В. Политика России в рамках Конференции сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата: дискурсивное измерение / В. Виноградова // США и Канада: экономика, политика, культура. – 2026. – № 1. – С. 18–34.
3. Виноградова В.В. Универсальный термический климатический индекс (UTCI) в середине XXI в. на основании модельных прогнозов. Известия Российской академии наук. Серия географическая. 2025;89(3):406–419.
4. Aepli, W. Rising Russia: Re-evaluating Global Warming in the Great Northern State / W. Aepli. – Princeton University, Senior Thesis, 2026. – 45 p.
5. Романова, Т. А., Портанский, А. П. (2022). Императив сотрудничества Россия – Евросоюз в сфере климатической политики сохраняется. ЖУРНАЛ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ, 56(4), 219–223.
6. Lacis, V. Russia's Climate Nihilism Is № Outlier / V. Lacis // Rosa-Luxemburg-Stiftung. – 2026. – 19 January. – URL: https://www.rosalux.de/en/news/id/54279/russias-climate-nihilism-is-no-outlier
7. Tynkkynen, V. Russia's Non-Western Climate Coalition: Genuine Consensus or Just Hot Air? / V. Tynkkynen, M. Poberezhskaya, S. Tabaa. – Oslo: Fridtjof Nansen Institute, Climate Strategies Report, 2025. – 56 p.
8. Korppoo, A. Russian Climate Strategy: Imitating Leadership / A. Korppoo. – Oslo: Fridtjof Nansen Institute, Climate Strategies Report, 2023. – 48 p.
9. Министерство экономического развития Российской Федерации. Россия и страны ШОС создадут рабочую группу для решения вопросов справедливого энергоперехода: официальное сообщение. – 2025. – 15 апреля. – URL: https://economy.gov.ru/material/news/russia_and_sco_countries_to_create_a_working_group.html
10. Bratersky, M. Europe in Search of New Identity: Russian Perspective / M. Bratersky // Актуальные проблемы Европы. – 2026. – № 1. – С. 9–20.
11. Chikhachev, A. Russia-France Relations under Emmanuel Macron: Between Cooperation and Contradictions / A. Chikhachev // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2022. – Т. 15, № 1. – С. 86–104.
12. Lukin, A. Russia's Post-Crisis Foreign Policy: Scenarios and Prospects / A. Lukin, V. Lukin // The Washington Quarterly. – 2025. – Vol. 48, № 4. – P. 133–145.
13. Sergunin, A. The Russian Arctic in the 2010s and 2020s: Selected Articles from the Arctic Yearbook / A. Sergunin, V. Konyshev, L. Heininen, W. Lackenbauer. – Peterborough: North American and Arctic Defence and Security Network, 2025. – 650 p.
14. Strelnikova, I. Russia, India and China in the Arctic: Cooperation Dynamics and Strategic Opportunities / I. Strelnikova // India Quarterly. – 2026. – Vol. 82, № 1. – P. 45–63.
15. Zubarevich, N. Interregional Inequality in Post-Soviet Countries: Dynamics and Factors / N. Zubarevich, S. Safronov // Региональные исследования. – 2024. – № 1(83). – С. 4–18.

POLITICAL HERMENEUTICS OF LOW-CARBON DEVELOPMENT: STRATEGIES FOR LEGITIMIZING THE CLIMATE AGENDA IN MODERN RUSSIA

Shalnev A.N.
Plekhanov Russian University of Economics

The article is devoted to the analysis of strategies for the political justification of the development of low-carbon energy sources in the Russian Federation. In contrast to the widespread instrumental approach that considers climate policy solely as a response to external challenges, the author suggests considering the process of legitimizing the low–carbon agenda through the prism of political hermeneutics – the interpretation of climate realities in terms of national interests, strategic culture and civilizational identity. Based on the analysis of official discourse, scientific publications, and media representations, three key justification strategies are identified: (1) an adaptation strategy that constructs an image of climate change as a source of new opportunities.; (2) A «deferred necessity» strategy justifying the time lag between global commitments and practical actions; (3) a strategy of sovereign interpretation that redefines the content of low-carbon development in terms of technological sovereignty and a just multipolar world order. The conclusion is drawn about the formation of a hybrid model of political legitimization, in which the climate agenda is simultaneously accepted as inevitable and redefined as a space of geopolitical confrontation.

Keywords: low-carbon energy, Russian climate policy, political hermeneutics, strategic culture, discourse analysis, legitimization, energy transition, climate geopolitics.

References

1. Koshchaeva, A.E. Legal Regulation of Atmospheric Air Protection in the Context of Climate Change / A.E. Koshchaeva // Molodoy Ucheny [Young Scientist]. – 2026. – № 4 (607). – P. 287–289.
2. Vinogradova, V. Russia's Policy within the Framework of the Conference of the Parties to the UN Framework Convention on Climate Change: A Discursive Dimension / V. Vinogradova // USA & Canada: Economics, Politics, Culture. – 2026. – № 1. – P. 18–34.
3. Vinogradova V.V. Universal Thermal Climate Index (UTCI) in the Mid-21st Century Based on Model Forecasts. Izvestiya Rossiyskoy Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya [Proceedings of the Russian Academy of Sciences. Geographical Series]. 2025;89(3):406–419.
4. Aepli, W. Rising Russia: Re-evaluating Global Warming in the Great Northern State / W. Aepli. – Princeton University, Senior Thesis, 2026. – 45 p.
5. Romanova, T. A., Portansky, A. P. (2022). The Imperative of Russia-EU Cooperation in Climate Policy Remains. Journal of the New Economic Association, 56(4), 219–223.
6. Lacis, V. Russia's Climate Nihilism Is № Outlier / V. Lacis // Rosa-Luxemburg-Stiftung. – 2026. – January 19. – URL: https://www.rosalux.de/en/news/id/54279/russias-climate-nihilism-is-no-outlier
7. Tynkkynen, V. Russia's Non-Western Climate Coalition: Genuine Consensus or Just Hot Air? / V. Tynkkynen, M. Poberezhskaya, S. Tabaa. – Oslo: Fridtjof Nansen Institute, Climate Strategies Report, 2025. – 56 p.
8. Korppoo, A. Russian Climate Strategy: Imitating Leadership / A. Korppoo. – Oslo: Fridtjof Nansen Institute, Climate Strategies Report, 2023. – 48 p.
9. Ministry of Economic Development of the Russian Federation. Russia and SCO Countries to Create a Working Group to Address Just Energy Transition Issues: official statement. – 2025. – April 15. – URL: https://economy.gov.ru/material/news/russia_and_sco_countries_to_create_a_working_group.html
10. Bratersky, M. Europe in Search of New Identity: Russian Perspective / M. Bratersky // Current Problems of Europe. – 2026. – № 1. – P. 9–20.
11. Chikhachev, A. Russia-France Relations under Emmanuel Macron: Between Cooperation and Contradictions / A. Chikhachev // St. Petersburg University Journal of Philosophy. International Relations. – 2022. – Vol. 15, № 1. – P. 86–104.
12. Lukin, A. Russia's Post-Crisis Foreign Policy: Scenarios and Prospects / A. Lukin, V. Lukin // The Washington Quarterly. – 2025. – Vol. 48, № 4. – P. 133–145.
13. Sergunin, A. The Russian Arctic in the 2010s and 2020s: Selected Articles from the Arctic Yearbook / A. Sergunin, V. Konyshev, L. Heininen, W. Lackenbauer. – Peterborough: North American and Arctic Defense and Security Network, 2025. – 650 p.
14. Strelnikova, I. Russia, India and China in the Arctic: Cooperation Dynamics and Strategic Opportunities / I. Strelnikova // India Quarterly. – 2026. – Vol. 82, № 1. – P. 45–63.
15. Zubarevich, N. Interregional Inequality in Post-Soviet Countries: Dynamics and Factors / N. Zubarevich, S. Safronov // Regional Studies. – 2024. – № 1(83). – P. 4–18.

Республика Молдова: политические группы риска

Шорников Игорь Петрович,
кандидат исторических наук, старший преподаватель
Кафедры гуманитарных наук Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
E-mail: 5ok5@bk.ru

Вопросы образовательной политики в Молдове неоднократно затрагивались в научных работах, однако специальных исследований судеб ученых и общественных деятелей, занимавшихся продвижением образования на русском языке, пока не предпринималось. Исследование опирается на метод просопографии. Эмпирической основой работы стали труды П.М. Шорникова, депутата парламента РМ в 1990–1998 гг., в которых приводятся сведения об особенностях организационной, общественной работы и политической борьбы за права русскоязычного населения. Автор исследования пришел к неожиданному выводу: на протяжении десятилетий в Республике Молдова методами скрытого террора проводится политика, призванная влиять на этнополитические процессы. Исследование поднимает вопрос о выявлении центров, определявших решения при проведении этой политики.

Ключевые слова: этнополитика, румынизм, молдавизм, статус русского языка в Республике Молдова, Русский мир.

Идеологическая смута и насильственная «языковая революция» конца 80-х – начала 90-х годов XX века были спровоцированы в Молдавии извне. Они являлись частью операции по развалу СССР. Молдавская интеллигенция раскололась на молдавистов, верных молдавской идентичности и истории, и румынистов, призывающих конационалов «стать румынами». Другим полем общественной борьбы стала защита функционального пространства русского языка, права граждан на его использование в системе образования, официальном общении, в средствах массовой информации. Оказалась необходима также защита существующей молдавской государственности от унионистов – сторонников присоединения Молдавии к Румынии [1, с. 23–28].

По названным причинам Молдавия пережила кровопролитный вооруженный конфликт на Днестре [2, с. 66–74]. Имели место также акты индивидуального террора. Но Молдавия оставалась страной Русского мира. Никуда не пропало всеобщее знание русского языка и геополитическая ориентация большинства населения на Россию, Молдавско-Кишинёвская митрополия – самоуправляемая часть Русской православной церкви. Практика запугивания политических противников не получила в республике распространения и до сих пор остается вне сферы научного анализа. Кто же стал в Республике Молдова жертвами политических убийств?

Политики, силовики, случайные жертвы

В конце августа 1991 года спецслужба МВД Молдовы схватила и вывезла в Кишинев руководителей Приднестровской и Гагаузской республик депутатов Парламента Республики Молдова **И.Н. Смирнова, Г.Ф. Пологова, С.М. Топала, М.В. Кендигеляна,** председателя Григориопольского исполкома районного Совета народных депутатов ПМССР **В.Л. Боднара**, председателя Объединенного совета трудовых коллективов (ОСТК) Григориопольского района **Г.Н. Попова**, депутата Верховного Совета ПМР **И.А. Мильмана** [2, с. 246–247].

19 сентября 1991 г. министр внутренних дел РМ И.Г. Косташ, пригласив начальника Управления внутренних дел Приднестровья полковника милиции **Ю.Г. Гросула** на переговоры в ресторан «Фоишор» между Тирасполем и селом Парканы, приказал опергруппе МВД Молдовы схватить его. В драке Гросулу нанесли удар в лицо и сорвали с головы полоску кожи, но ему удалось отбиться [2, с. 246–247].

Взятие под стражу руководителей Приднестровья и Гагаузии не привело к упразднению «самопровозглашенных» республик. 6 сентября 1991 г. Верховный Совет ПМР принял постановления о создании Республиканской гвардии и о переводе под юрисдикцию Приднестровья прокуратуры, суда, КГБ и милиции. Было блокировано движение по важной для Молдовы железнодорожной линии Раздельная – Кишинев. Верховный Совет Гагаузской Республики сформировал правительство ГР. Политическая обстановка в Молдавии не благоприятствовала проведению судебного процесса над «сепаратистами», и задержанные деятели были освобождены [2, с. 206–207].

1 марта 1992 г. в Дубоссарах был застрелен из засады начальник приднестровской милиции города майор **Игорь Сергеевич Сипченко**. На месте преступления гвардейцы ПМР задержали переодетого в гражданскую одежду капитана молдавской полиции Д.И. Иванского; у него изъяли гранату и пистолет, в котором не хватало двух патронов. Приднестровская гвардия разоружила в Дубоссарах 30 полицейских Молдовы. Эти события положили начало вооруженному конфликту на Днестре. Сипченко стал одним из первых героев-защитников Приднестровья [2, с. 210].

Террористическим актом, не осознанным общественностью как таковой, но в военном плане результативным, стало отравление в марте 1992 г. депутата Парламента РМ **Виктора Ивановича Морева.** Как участник фракции «Согласие» и выборный глава администрации города Бельцы он чинил препятствия мобилизации резервистов для участия в боевых действиях против Приднестровья. На плацу формируемой в Бельцах бригады армии Молдовы резервисты подняли красно-зеленый флаг Молдавской ССР, ставший флагом Приднестровской республики. Морев выжил, но на время утратил способность к активной политической работе. А бельцкая бригада была доукомплектована, переброшена под Бендеры и 19 июня введена в город. В боях с приднестровскими ополченцами бригада понесла тяжелые потери. Гибель сотен мирных жителей вошла в историю как Бендерская трагедия [2, с. 208–233].

23 апреля 1992 г. террористами, вооруженными и руководимыми Министерством национальной безопасности Молдовы, был из засады расстрелян депутат Парламента РМ и Верховного Совета ПМР, глава администрации Слободзейского района Приднестровья **Николай Иванович Остапенко**. Остапенко вел с приднестровской стороны переговоры с руководителями молдавских районов о прекращении огня на Днестре. Несмотря на гибель Николая Ивановича, подготовленное им совещание администраторов районов двух берегов Днестра состоялось 5 мая. В тот же день террористы МНБ Молдовы убили командира приднестровского ополчения в Слободзейском районе Александра Дмитриевича Гусара. Но миротворческий процесс получил продолжение. 26 мая 65 депутатов-аграриев выехали в Тирасполь и обсудили с приднестровскими коллегами вопросы восстановления мира [2, с. 216–217].

В ночь на 25 мая гагаузская милиция задержала пятерых сотрудников МНБ, посланных с террористическим заданием в Чадыр-Лунгу. В перестрелке с ними погиб полицейский Г.И. Сыртмач. Пять участников группы бежали на автомашине, но начальник чадыр-лунгской полиции сообщил по телефону молдавским коллегам, что в сторону Каушан движется группа вооруженных террористов. При въезде в Каушаны автомашина МНБ не остановилась по требованию молдавской полиции. Полицейские открыли огонь из автоматов, и члены группы и сопровождавшая их медицинская сестра были убиты. Члены опергруппы, схваченные в Чадыр-Лунге, признались, что получили приказ обстрелять из гранатомета здание райисполкома и произвести взрывы во дворах «умеренных» деятелей Гагаузии, с тем, чтобы обвинить в этом руководство Гагаузской Республики. Видеозапись допроса рыдающих и кающихся террористов депутаты из группы «Буджак» показали в Парламенте. В Тирасполе в конце мая были арестованы террористы, убившие Н.И. Остапенко и А.Д. Гусара. Суд выявил связи убийц с МНБ Молдовы [2, с. 211].

Раздавая оружие социальным маргиналам разжечь ненависть к Приднестровью пытались спецслужбы Министерств Национальной безопасности и Внутренних дел Молдовы. Эти террористы («бурундуки») убивали людей с политикой не связанных. На правом берегу Днестра, не считая города Бендеры, за время войны «исчезли» 28 гражданских лиц; были обнаружены также 18 неопознанных трупов. Понимая кто провоцирует напряженность, депутат-аграрий из села Спея Новоаненского района **Александр Яковлевич Снегур** затребовал от МВД Молдовы пять автоматов и вооружил ими сельских дружинников. В те же дни с удостоверениями сотрудников МНБ в село прибыли пять явных уголовников. Их навестил бывший сокамерник из Белгорода-Днестровского. Пили всю ночь, а наутро гость исчез, оставив «друзьям» свой автомобиль «Москвич». Через пару дней Дубоссарская электростанция прекратила водосброс, и на обнажившемся дне Днестра жители увидели труп «гостя» с камнем на шее, связанного по рукам и ногам. А.Я. Снегур распорядился посадить бандитов под замок, а дружинники, пригрозив им расстрелом, добились признательных показаний. Оформив признания протоколами, Александр Яковлевич передал задержанных полиции. Через две недели он увидел убийц в Кишиневе, в толпе у памятника Стефану Великому [2, с. 219–220].

23 июня, на четвертый день боев в Бендерах, был тяжело ранен командир бригады спецназа МВД Молдовы **Антон Севастьянович Гамурарь.** В боях с приднестровским ополчением бригада потеряла убитыми и ранеными половину личного состава (из 320 чел.). Но в него, утверждал полковник Гамурарь, стрелял один из прибывших в расположение бригады сотрудников Министерства национальной безопасности Молдовы. Когда раненного оперировали в больнице города Новые Анены, пропало вещественное доказательство – едва не убившая его пуля. Президент Снегур и его советники, полагал бывший заместитель председателя КГБ МССР генерал-майор П.Е. Маломан, опасались, что Гамурарь устроит переворот [3].

Имелись ли к тому основания? «Молдова, – отметил А.С. Гамурарь впоследствии, – была стратегическим районом, плацдармом, с которого открывался путь на Балканы. Поэтому здесь было сосредоточено огромное количество вооружения. Каждый крупный завод в течение 24 часов был готов развернуть военное производство: тракторный завод – танки, хладокомбинат – пушки, «Мезон» – ракеты. В цехах находилось много серебра, золота, платины и другого цветмета. В начале 90-х это имущество начали растаскивать. Для прикрытия темных дел была придумана война» [4]. Проливать кровь за интересы расхитителей командир спецназа не желал. В госпитале, где его навестили президент М. Снегур и председатель парламента А. Мошану, Гамурарь призвал их: «Остановите кровопролитие!».

6 июля при выходе из здания Дубоссарского городского Совета выстрелом из пушки с западного берега Днестра были убиты 10 человек: председатель райпотребсоюза **Н.П. Луполова**, директора промышленных предприятий и городских служб **С.Ф. Покотило** (депутат Верховного Совета ПМР), **В.Д. Додул, Р.И. Гареев, В.В. Радовский, Г.И. Марченко**, депутаты городского Совета, в том числе две женщины. Это была диверсия, осуществленная военными профессионалами. Она внесла некоторую ясность в пущенный спецслужбами в оборот вопрос о «третьей силе». На ход политических событий эти убийства не повлияли. 21 июля в Москве было достигнуто соглашение о прекращении огня. Вооруженная фаза Приднестровского конфликта закончилась [2, с. 226].

Применение традиционных методов индивидуального террора не обеспечило его инициаторам искомого политического эффекта. Кровопролитие 1992 года не спровоцировало в Молдавии межнационального конфликта и вражды между жителями двух берегов Днестра. Но при изучении политических процессов в постсоветской Молдавии автор данной статьи неожиданно для себя выявил совершенно особую группу риска.

Деятели национально-культурного Сопротивления

При сомнительных обстоятельствах ушли из жизни некоторые журналисты, выступавшие за сохранение сферы функционирования русского языка, и слишком многие организаторы и руководители университетов с преподаванием на русском языке. Рассмотрим вероятные мотивы и политические следствия предпринятых против них действий.

Журналисты

Одним из лучших периодических изданий СССР называли газету «Молодежь Молдавии». Гнев национал-радикалов вызывали публикации с критикой политики национальной дискриминации, проводимой в Молдавии правительством лидера «Народного фронта Молдовы» Мирчи Друка. Поводом для вторжения управляемой толпы в помещения редакции послужила публикация 17 сентября 1990 г на первой полосе фотографии премьер-министра, приветствующего слушателей жестом римских легионеров. Толпа ворвалась в помещения редакции. Сотрудников газеты заставили каяться. Сцена унижения была показана по телевидению.

Требуя от властей гарантий безопасности, сотрудники «Молодежки» объявили забастовку и «подпольно» выпустили в Приднестровье два номера газеты. Но когда решили возобновить работу в Кишиневе, в помещениях редакции в Доме печати при попустительстве охраны был устроен пожар. Только вовремя принятые меры безопасности позволили избежать человеческих жертв.

Преступление не расследовали, и прежняя редакция перестала существовать. Заслуженный журналист Республики Молдова Эдуард Шалимов взялся за издание органа Центра русской культуры газеты «Русское слово». Впоследствии его сменила на посту редактора бывшая сотрудница «Молодежки» Татьяна Борисова. Парламентский корреспондент Валентина Ушакова выпустила книгу «Не целуйте руки президентам» и убыла Россию. Публицист Никита Балашов эмигрировал в США. А заместитель главного редактора газеты «Вечерний Кишинев» Александр Квасников уже в 1990 г. продолжил профессиональную деятельность в Приднестровье.

В Тирасполе **Александр Алексеевич Квасников** учредил и редактировал газеты «Диалог», а затем «Днестровский меридиан» – наиболее читаемый печатный орган Приднестровья. Публиковал обстоятельные политические материалы. Выступил одним из организаторов Союза журналистов ПМР. Привлек к работе по прорыву информационной блокады, создаваемой компрадорами вокруг Приднестровья, «отличную команду» кишиневских журналистов. Они сотрудничали с приднестровскими и зарубежными изданиями. 16 сентября 1994 г. А.А. Квасников упомянут в Постановлении Верховного Совета ПМР «Об организации издания журнала «Экономика». Для журналистов Приднестровья учреждена премия имени Александра Квасникова. Но причины и даже время его смерти нам не известны.

Бывший редактор газеты «Вечерний Кишинев» молдавский государственник и противник национализма **Павел Владимирович Кристов (Христев)** участвовал в формировании «отличной команды» А.А. Квасникова. В октябре 1994 г. «неизвестные лица» подвергли его на улице «квалифицированному» избиению. Его лечили лучшие врачи Кишинева, но были повреждены внутренние органы, и через два месяца Павел Владимирович умер. Убийство осталось нерасследованным [2, с. 92–93].

К изумлению коллег, в ноябре 1998 г., не дожив до 50 лет, в три дня «сгорел» один из ключевых публицистов и идеологов периода становления Приднестровской Молдавской Республики главный редактор газет «Бастующий Тирасполь» и «Трудовой Тирасполь» **Дмитрий Федосьевич Кондратович**. Диагноз: простуда. Его заслуги перед обществом

отмечены изданием сборника статей и воспоминаний «Он жизнь республике отдал» [5].

Ткачук Евгений Маркович. Редактор печатных органов Партии коммунистов газеты «Коммунист» и журнала «Мысль». «Евгений Маркович Ткачук, – отметил политик, его сын Марк, – был идейным вдохновителем не только газеты, но и партии в целом». Публиковал материалы о Великой Отечественной войне и критические отзывы о проводимой ПКРМ национальной и социальной политике. После публикации статьи П.М. Шорникова «Евродиктат» (15 мая 2002 г.) по поводу поддержки Западом вторжения Патриархата Румынии на каноническую территорию Молдавской Церкви был обвинен президентом В.Н. Ворониным в «навязывании» правящей партии идеологии Интердвижения: «Быть может, пора переименовать «Коммунист» в «Единство»?» [6, с. 159–161].

В октябре 2002 г. Евгений Маркович по состоянию здоровья был отстранен от редактирования газеты «Коммунист». Но, несмотря на якобы происходящую утрату памяти, был оставлен редактором теоретического журнала «Мысль». Он публиковал материалы молдавистов. Помнил о своем русинском происхождении и, – несмотря на политический риск, – поддержал возрождение исторической памяти русинов. Опубликовал научную статью, посвященную истории древнерусского населения Карпато-Днестровских земель [7]. Евгений Маркович умер 22 декабря 2018 г. в возрасте 78 лет после так и не диагностированной болезни [8].

После публикации материала «Языковой вопрос: «Если в Молдавии призывают «знать румынский» – это значит, что язык вам хотят вбить в глотку сапогом»« [6, с. 309–310] был смещен и вскоре скончался преемник Ткачука на посту главного редактора газеты «Коммунист» один из организаторов Интердвижения Молдавии опытный журналист **Георгий Николаевич Павленко.**

Ученые и политики

Лисецкий Анатолий Михайлович, депутат Парламента РМ, профессор. Возглавлял Инициативную группу ученых по созданию в Кишиневе Российско-Молдавского Государственного университета. Умер 7 июня 1993 г. после дискуссий о тактике фракции «Согласие» при намеченном на следующий день обсуждении законопроекта «Об образовании», в котором не было предусмотрено обучение на русском языке. Объявленная причина смерти – инфаркт. По мнению депутатов, оснований для волнения у Лисецкого не имелось. Законопроект был принят в редакции, приемлемой для русскоязычного населения. Но создание РМГУ в Кишиневе было отложено [9, с. 5–64].

Виктор Демьянович Чекан. Деятель партии аграриев, блестящий юрист и оратор, председатель парламентской комиссии. Родился в 1955 г. в селе Слея на восточном берегу Днестра. Создание Приднестровской республики расценивал как акт самозащиты ее населения, начиная с молдаван, от румынизации. Вместе с лидером молдавистов В.Б. Сеником В.Д. Чекан выступил с законодательным предложением «О приостановлении действия статьи 2 Постановления Парламента РМ N515-XIII от 17.06.94 г. «О мерах по обеспечению изучения государственного языка определенными категориями граждан Республики Молдова с целью исполнения служебных обязанностей»». Тем самым способствовал отмене намеченной президентом М.И. Снегуром аттестации работников на знание государственного языка (1994–1995 гг.), т.е. этнической чистки в государственных структурах. Консультировал фракцию «Социалистическое Единство» по вопросам сохранения образования на русском языке. Внезапно был поражен недиагностированной мучительной болезнью. Скончался в возрасте едва за 50 лет [2, с. 34–41].

Топузлу Григорий Николаевич. Кандидат исторических наук, в 1991–1992 гг. – ректор Комратского университета. В 1994 г. недиагностированное мучительное заболевание лишило его трудоспособности. При поддержке лидера Аграрно-демократической партии Молдовы председателя Парламента РМ Д.Г. Моцпана бывшему ректору была назначена персональная пенсия. Умер Г.Н. Топузлу в 1996 г. [9, с. 66–74].

Алексей Федорович Конопелькин. Кандидат экономических наук. Поддерживал требования Движения «Единство» о сохранении учебных заведений с обучением на русском языке. Руководил Организационной группой по восстановлению Коммунистической партии Молдавии (1991–1993 гг.). Провел ряд конференций и организационных мероприятий, призванных укрепить позиции интернационалистов в Партии коммунистов. В 1995 году, вскоре после регистрации ПКРМ в министерстве юстиции, у Конопелькина обнаружили рак горла. Он знал, что смерть близка, но сохранял бодрость духа и продолжал работать. Скончался при мучительных болях 19 ноября 1996 г. [9, с. 101–111].

Будников Станислав Сергеевич. Габилитированный доктор химических наук. После смерти А.М. Лисецкого возглавил Инициативную группу ученых по созданию в Кишиневе Российско-Молдавского Государственного университета. Активно выступал в печати. Внезапно умер в 1997 г. Причины смерти не установлены. Материалы его домашнего архива пропали. Инициативная группа распалась, создание РМГУ было сорвано [10, с. 118–121].

Сомнения в ее естественном характере оставила кончина депутата Парламента кандидата химических наук писателя **Лидии Николаевны Истрати.** В ее книге о временах Стефана Великого (1471 г.) румынские коллеги усмотрели проявления антирумынизма и в 1990 г. подвергли писательницу оскорблениям в кулуарах румынского парламента: «Как Вы, цыганка, позволили себе нападать на румынский народ!». Истрати сотрудничала с молдавскими традиционалистами в их патриотической, т.е «антирумынской» работе и презрительно высказывалась о молдаванах, которые решили «стать румынами». Молдавским депутатам и журналистам рассказывала о полицейском произволе и чиновничьей коррупции в Румынии. Истрати получала неопубликованные сведения о конфликтах цыган Руынии с властями и, надо полагать, влияла на их этногосударственные воззрения. В 1996 г. у нее был диагностирован рак. В январе 1997 г. Лидия Истрати выехала на лечение в Австрию [9, с. 131–132]. Умерла в Кишиневе 25 апреля в 55 лет. Ее «антирумынская» книга «Белые ландыши» переименована и изъята из обращения.

Павел Фёдорович Андрейченко. Танцор и киноактер, Народный артист Украины и Молдавской ССР**.** Наиболее авторитетный общественный деятель из цыган Молдавии. В 1989 г. способствовал избранию кандидата от Интердвижения Ю.В. Блохина Народным депутатом СССР. С 1990 года Андрейченко – президент общественно-культурного общества «Ромий Молдовей», учрежденного при участии юриста В.Ю. Лебедева. От включения и избирательный список Интердвижения Молдавии (1990 г.) и блока «Социалистическое Единство» (1994 г.) отказался. Предотвратил публикацию «процыганского» Указа президента М.И. Снегура на деле способного нанести ущерб интересам цыганского сообщества Молдавии. Несмотря на уговоры цыган-эмиссаров из Румынии («Европе нужно знать кому давать деньги!») ни одна из 5 учрежденных в 90-е гг. цыганских организаций Молдовы не сделала заявлений в поддержку «объединения» РМ с Румынией. В январе 1998 г. Андрейченко организовал и провел на русском языке научную конференцию «Цыгане Республики Молдова: история, культура, социальное положение», на которой выступил с установочным докладом. Вредных привычек не имел, но умер в 70 лет 16 июня 2001 г. [1, с. 68–77]. Посмертно издана его книга «Десять тетрадей в клеточку», в которой и речи нет о политических заслугах Главного цыгана Молдавии.

Валерий Ювенальевич Лебедев родился 23 декабря 1948 года. Кандидат юридических наук. В 1990–1994 гг. – депутат парламента Республики Молдова. Был членом Комиссии по правовым вопросам. Голосовал за Декларацию независимости. Но консультировал по вопросам права фракции «Советская Молдавия» и «Социалистическое Единство (1994–1998 гг.), а также Инициативные группы ученых по созданию Комратского (1991 г.) и Российско-молдавского (1993–1997 гг.) университетов. В 2001 г. защитил докторскую диссертацию в Санкт-Петербурге. В Кишиневе преподавал в частном учебном заведении. Умер на работе, в своем кабинете 15 апреля 2004 г. (55 лет) [10, с. 119–121, 213].

Дмитрий Георгиевич Зиду. Бывший министр просвещения Молдавской ССР. Депутат Парламента РМ, кандидат философских наук, один из создателей и лидеров Социалистической партии Молдовы [11]. Председатель организации ветеранов, популярный среди коммунистов, но независимый от лидера ПКРМ. Выступал против «свертывания» учреждений образования с обучением на русском языке. В течение многих лет организационно и творчески поддерживал проведение в Молдове фестиваля песен, посвященных Великой Отечественной войне, под символическим названием «Вера, Надежда, Любовь – Виктория» [12]. На совещании руководителей СПМ в марте 2001 г. В.И. Морев, как и Зиду избранный в Парламент по списку «Альянса Брагиша», заметил, что Дмитрий Георгиевич неприемлем для В.Н. Воронина как председатель Совета организации ветеранов Республики Молдова; что предпримет Воронин теперь, когда он избран президентом? [3].

Вскоре состояние здоровья Зиду ухудшилось, и он принял предложение, от которого не мог отказаться, – о назначении на странную должность заместителя члена делегации Молдовы в Парламентской ассамблее Совета Европы. Это означало возможность пройти курс лечения за границей за государственный счет. На срок с апреля по сентябрь политик был удален из Молдовы. Проходил лечение в Австрии. Скончался в 2002 г., в 69 или 70 лет [13]. Вследствие его смерти был

установлен контроль президента В.Н. Воронина над организацией ветеранов. Нарушены связи СПМ на Юге Молдовы.

Зеленчук Валентин Степанович. Ведущий этнолог и этнограф Молдавии. Профессор, член-корреспондент Национальной академии наук Молдовы. Достиг договоренности об издании в Москве обобщающего труда «Молдаване» и приступил к формированию команды авторов. Внезапно умер 30 марта 2002 г. Издание труда «Молдаване» в 2002 г. сорвано. Осуществлено под руководством историка М.Н. Губогло (Москва) и археолога В.А. Дергачева (Кишинев) только в 2010 г., когда политическая обстановка в Молдавии была уже во многом иной [6, с. 175].

Шорников Петр Михайлович. В 1989–1990 гг. участвовал в создании в Тирасполе независимого от официального Кишинева Корпоративного университета. С 1998 г. – деятель Социалистической партии Молдовы. В 1998 г. помогал кандидату экономических И.Л. Гамову в создании в Кишиневе филиала Современного гуманитарного университета дистанционного обучения с аккредитацией в Москве и Оксфорде и стал проректором университета по учебной работе. Инициатор написания и редактор коллективной монографии «И… разошлись славяне по земле» (2001 г.). В 2001–2003 гг. – сотрудник Департамента межнациональных отношений, автор законопроектов, направленных на защиту национального равноправия и молдавской идентичности. Критиковал в СМИ правительственные законопроекты. В апреле 2004 г. получил тяжелое отравление.

О приступах удушья и панического страха, острых болях в ногах и во всем теле, а также о неспособности врачей ни в Кишиневе, ни в Тирасполе дать заболеванию внятное объяснение рассказал коллегам из руководства СПМ. Подобное отравление, вспомнил депутат В.И. Морев, он пережил в 1992 году: «От боли выть хотелось!» – и назвал все симптомы. Лечения не существует, предупредил он, все это само пройдет через два года. После этого совещания лидер СПМ В.Б. Сеник стал бывать в Кишиневе только наездами [6, с. 177].

Анцупов Иван Антонович. Кандидат наук, автор фундаментальных трудов по истории Новороссии «Русское население Бессарабии и Левобережного Поднестровья в конце XVIII–XIX вв.» (1999); «Казачество российское между Бугом и Дунаем» (2000); «Русские на Очаковской земле» (2003). До последнего дня ученый работал над циклом статей, посвященных истории русинов Буковины и Северной Бессарабии. 22 октября 2004 г. на «Славянских чтениях», проводимых в Славянском университете Республики Молдова, выступил с докладом о русинах Буковины и обосновал актуальность изучения истории и культуры русского населения Карпато-Днестровского региона. На здоровье не жаловался, умер 28 октября за рабочим столом. В домашнем архиве ученого коллеги не обнаружили ни текста его доклада о русинах, ни источников и черновиков. Архив передан на хранение в Тараклийский университет [9, с. 135–142].

В ноябре 2008 г. в возрасте 68 лет умер основатель и ректор (в 1998 г.) кишиневского филиала Современного гуманитарного университета дистанционного обучения с аккредитацией в Москве и Оксфорде кандидат экономических наук **Игорь Леонидович Гамов.** Он давно прекратил научную работу, но организовал издание материалов о знаменитом американском физике Георгии Гамове, своем дальнем родственнике, не привлеченном к разработке атомной бомбы вследствие его русского происхождения. Игорь Гамов злоупотреблял алкоголем, однако В.Б. Сеник, хорошо информированный политик, в его смерть от пьянства не поверил: «Тут другое. Он начал слишком много болтать» [3].

Сеник Валерий Борисович. Идеолог молдавизма, ведущий деятель Социалистической партии Молдовы. Бывший редактор писательской газеты «Литература ши арта» («Литература и искусство») и журнала «Лимба молдовенякэ» (Молдавский язык»), закрытого румынизаторами. Заведующий кафедрой молдавского языка и молдавской литературы Приднестровского Государственного университета. Автор и редактор учебников молдавского языка и литературы, издаваемых русским гражданским шрифтом. 13–16 сентября 2003 г. в возрасте 64 лет внезапно скончался. Утратив лидера, Социалистическая партия Молдовы как организованная политическая сила, оппозиционная слева воронинской ПКРМ, прекратила существование [9, с. 112–134].
Хропотинский Андрей Геогиевич. Деятель движения молдавистов. Литературный критик, писатель, фольклорист. Заведующий кафедрой молдавского языка и молдавской литературы ПГУ. Публицист. Противник перевода молдавской письменности на латинскую графику. Автор учебников молдавского языка на основе кириллицы. Редактор газеты, издаваемой в Одессе для молдаван Украины. Умер в Тирасполе 1 августа 2011 г. Журналист кишиневской газеты «Евениментул Зилей» написал, что он брал интервью у Хропотинского за несколько месяцев до его смерти, и тот выглядел совершенно здоровым, утверждая, что его смерть, как и смерть Валерия Сеника, была подозрительной. Учебники молдавского языка на основе кириллицы, подготовленные А.Г. Хропотинским, используются в школах ПМР и в настоящее время [14].

Назария Сергей Михайлович. Профессор, исполнительный директор Ассоциации историков и политологов «Pro-Moldova» С.М. Назария был одним из ведущих участников защиты исторической памяти молдавского народа, противником нацизма, унионизма и русофобии. В 2015 г., когда Назария руководил подготовкой к изданию в Кишиневе обобщающего коллективного труда «История Молдовы», у него был диагностирован рак. Трехтомник «История Молдовы» увидел свет в 2016 г. Назария в меру сил продолжил научно-организационную и публицистическую деятельность. Но 24 ноября 2020 г., на 63-ем году жизни, ученый и общественный деятель скончался [15].

Бабилунга Николай Вадимович. Кандидат наук, профессор Приднестровского университета. Заведующий кафедрой Отечественной истории и лабораторией «История Приднестровья». Член редколлегии журнала «Русин». Деятель движения молдавистов, публицист. Автор многих печатных трудов и курсов лекций по истории Молдавии и Приднестровья, (2001–2002 гг.). В момент, когда ученый приступил к подготовке второго издания этого труда, у него диагностировали рак простаты. Хирургическая операция, проведенная в Тирасполе, избавила его от этой беды. Но состояние здоровья вынудило Н.В Бабилунгу прекратить научно-организационную работу[3]. В доработанном виде «История Приднестровья» была переиздана в Санкт-Петербурге под руководством профессора ПГУ Б.Г. Бомешко только в 2021 г.

В 2020 г. был издан двухтомник Н.В. Бабилунги «Бессарабия под русским правлением: История края в жизнеописании его губернаторов в XIX–начале XX вв.» и «Бессарабия под румынским правлением: История края в жизнеописании его оккупационных правителей в первой половине XX в.». В 69 лет ученый был бодр и работал над книгой, посвященной советскому периоду истории Молдавии. Однако 7 июня 2021 г. умер [16].

Габилитированный доктор наук профессор-историк и археолог, участник создания и многолетний преподаватель Тараклийского университета, один из основателей и ректор Высшей Антропологической Школы в Кишиневе, редактор международно-признанного научного журнала Stratum plus **Николай Дмитриевич Руссев**. С 2005 г. входил в состав редколлегии журнала «Русин», был одним из авторов журнала, активно участвовал в проводимых редколлегией научных мероприятиях. Долгое время боролся с недиагностированной болезнью. «Стремительно и скоропостижно» ушел из жизни 13 ноября 2024 года в возрасте 66 лет [17].

Таким образом, жертвой неприкрытого умышленного убийства стал **П. Кристов.** Объяснения смерти других журналистов, а также ученых и политиков их преклонным возрастом либо следствием болезней несостоятельны. К моменту заболеваний раком или недиагностированной мучительной болезнью (**А. Конопелькин, Л. Истрати, В. Чекан, Г. Топузлу, Д. Зиду, С. Назария, П. Андрейченко, Н. Руссев, Е. Ткачук, Н. Бабилунга**) или смерти от неизвестных причин **(А. Лисецкий, А. Квасников, С. Будников, В. Зеленчук, В. Лебедев, И. Анцупов, И. Гамов, Дм. Кондратович, В. Сеник, А. Хропотинский,** упомянутый выше **Н. Бабилунга)** были физически активны и заняты решением важных организационных и идеологических задач этнокультурного Сопротивления. Все смерти, а также предшествующие им заболевания случились у названных деятелей внезапно.

Участники второй Группы риска являлись проводниками ценностей Русского мира, защитниками его позиций в Молдавии. Их устранение раскрывает геополитическую направленность скрытого террора как метода управления этнополитическим процессом, примененного в Молдавии в конце XX – начале XXI в.

Ни одна из смертей ученых-идеологов и организаторов и руководителей учреждений образования на русском языке расследована не была. Это обстоятельство, состав фигурантов второй Группы риска, моменты их «устранения», а также использование террористами ядов избирательного и отложенного действия подтверждают государственно-организованный характер убийств. Рассчитывать в обозримом будущем на документальные подтверждения причастности спецслужб к осуществлению каждого из перечисленных преступлений не приходится. Однако их рассмотрение в совокупности позволяет заключить: все они были направлены против деятелей, чьи имена связаны с защитой национальной идентичности народов Молдавии, за сохранение Молдавии как суверенного государства – части Русского мира.

Судьба наградила долголетием, – в том числе творческим, – идеологов этнокультурного Сопротивления курсу на румынизацию населения Молдавии и ее аннексию Румынским государством. Все они проживали а пределами Республики Молдова. **Василий Никитович Яков-**

лев (1926–2013 гг.) [9, с. 81–100], **Михаил Николаевич Губогло** (1938–2019 гг.) [9, с. 19–210] и **Владислав Якимович Гросул** (1939–2022 гг.) [18] жили и работали в России, а автор трудов по истории молдавского национального движения 1917–1920 гг. и исследователь румынского «вклада» в уничтожение евреев в годы нацистской оккупации Молдавии **Изяслав Эликович (Израиль Ильич) Левит** (1922–2021 гг.) скончался в США [9, с. 144–153]. Учёный-болгарист, первый ректор Тараклийского государственного университета, деятель национального движения болгар Молдовы и Украины **Николай Николаевич Червенков** (1948–2025 гг.) умер в Болгарии.

П.М. Шорников (1949 г.р.) в 2004–2006 гг. по состоянию здоровья оказался ограничен в работе. Тем не менее продолжил преподавание в Приднестровском университете, выступил редактором книги С.Г. Суляка «Осколки Святой Руси» и стал заместителем главного редактора международного исторического журнала «Русин». В 2006–2023 гг. он выступил автором 12 монографий, включая труды «Молдавия в годы Второй мировой войны», «Бессарабский фронт. 1918–1940 гг.» и «Народное православие в Молдавии» и соавтором 5 коллективных работ. Опубликовал также 257 статей и рецензий, посвященных этнической истории молдаван, русско-украинского сообщества, гагаузов, болгар, немцев, евреев, русинов Молдавии.

В книгах «Соратники» (2018 г.), «Споры смутных времен» (2019 г.), «Общинное дело» (2019 г.), «Операции по разминированию» (2020 г.) и «Государственная доктрина Республики Молдова» (2023 г.) Петр Шорников, не упоминая документально недоказуемых версий о причинах их ухода из жизни, привел сведения об общественной, научной и политической работе деятелей национально-культурного Сопротивления Молдавии. На основе этих данных нами составлен приведенный выше список участников политических групп риска.

Повторная «нейтрализация» в виде прогрессирующей утраты памяти и отека ног настигла ученого в конце 2025 г., когда он продолжил начатые в ряде статей и монографии «Протокол о Сигуранце» (2021 г.) [19] исследования идеологии румынизма и молдавизма и истории распространения в Румынии идей национальной нетерпимости и фашизма [20].

Госпитализация в начале 2026 г. в кишиневской больнице Святого Луки сопровождалась повторными анализами, инъекциями «сыворотки правды» и допросами на молдавском и русском языках, проведенными двумя группами лиц в белых халатах. После частичного восстановления памяти П.М. Шорников заключил: обе команды подозревали отравление, но когда и как оно произошло он вспомнить не смог. На вопрос эрудированного медика с военной выправкой о том, помнит ли он как называлась последняя книга Иона Крянгэ (писатель-молдавист, умер в больнице города Яссы в возрасте 53 лет) пациент ответил: «Воспоминания детства». – А Ваша? – продолжил медик. «А я уже издал больше десяти томов. Так что у потомства («постеритатя») будет много работы». Диагноз заболевания оглашен не был. После операции, проведенной при помощи спиц, у Шорникова начались функциональные расстройства. Пациент, страдающий от острых болей, неспособный самостоятельно сесть на постели, забывший даже адрес своей квартиры, был без попыток излечения выписан из больницы [3].

Операция по зачистке Молдовы от идеологов и организаторов этнокультурного Сопротивления удалась ее инициаторам вполне. О том, что его идеологический и организационный актив уже ко второму десятилетию XXI века оказался исчерпан, свидетельствуют сведения о самоидентификации населения Молдовы [21, с. 227]. Смерти деятелей второй Группы риска сорвали либо осложнили осуществление ряда политически значимых проектов, направленных на предотвращение аннексии Молдовы Румынией. А то обстоятельство, что «устранения» не были осознаны общественностью как убийства, избавило инициаторов и исполнителей от политических издержек применения избранного ими метода террора.

Вопрос о том, какой центр принимал решения о физическом устранении либо «нейтрализации» ученых-молдавистов и организаторов обучения на русском языке в Республике Молдова, требует дальнейшего исследования.

Литература

1. Шорников П.М. Общинное дело: Материалы к истории русского этнокультурного движения в Молдавии Тирасполь: Б. и., 2019. 224 с.
2. Шорников П.М. Споры смутных времен: Страницы политической истории Молдавии. 1989–1992 гг. науч. ред.: С.М. Назария [и др.]. Тирасполь: Б. и., 2019. 424 с.
3. Свидетельство П.М. Шорникова, июнь 2026 г.
4. Генерал Гамурарь: «Война на Днестре была придумана, чтобы скрыть масштабные хищения». // Press-Обозрение: [сайт]. – URL: https://press.try.md/item.php?id=126098 (дата обращения: 20.09.2026). – Текст: электронный.
5. Он жизнь республике отдал: сб. статей Д.Ф. Кондратовича и воспоминания о нем: сборник / Бендеры: «Полиграфист», 2003. 592 с.
6. Шорников П.М. Государственная доктрина Республики Молдова. Москва. Б.и., 2023. 336 с.
7. Ткачук Е. Что ищем мы во дне вчерашнем? Русин. 2005. № (2). С. 106–116.
8. Умер Евгений Маркович Ткачук. // Комсомольская правда в Молдове: [сайт]. – URL: https://www.md.kp.media/online/news/3335830/ (дата обращения: 20.09.2026). – Текст: электронный.
9. Шорников П. Соратники: Идеологи и политики Молдавии конца XX в. Науч. ред.: С.М. Назария, В.Н. Поливцев. Кишинэу: CEP USM, 2018. 281 с.
10. Шорников П.М. Операции по разминированию: К истории молдавского парламентаризма, 1989–1998 гг. Научная редакция: С.М. Назария [и др.]. Тирасполь: Б. и., 2020 (Бендерская типография «Полиграфист»). 592 с.
11. История Социалистической партии Молдовы // Социалистическая партия Молдовы: [сайт]. – URL: https://www.spm.md/index3.html (дата обращения: 20.09.2026). – Текст: электронный.
12. Песни о главном // Noi.md: [сайт]. – URL: https://noi.md/ru/analitika/pesni-o-glavnom (дата обращения: 20.09.2026). – Текст: электронный.
13. Dumitru Zidu. // Wikipedia: [сайт]. – URL: https://ro.wikipedia.org/wiki/Dumitru_Zidu (дата обращения: 20.09.2026). – Текст: электронный.
14. Editorialul zilei: „Nu există omul, nu există nici problema» // Poliexpert.md: [сайт]. – URL: https://poliexpert.md/noutatipublicatii/editorialul-zilei-nu-exista-omul-nu-exista-nici-problema.html (дата обращения: 20.09.2026). – Текст: электронный.
15. Шорников П. Феномен Назарии. //Молдово-Приднестровский регион. 2021. № 7–8 (73–74). С. 95–100.
16. Шорников П. Признанный историк непризнанного государства. // Молдово-Приднестровский регион. 2021. № 3–4(69–70). С. 131–132.
17. Суляк С. Памяти Николая Дмитриевича Руссева // Русин .2024. № 78. С. 304–305.
18. Шорников П. Владислав Гросул – идеолог и политик. // Молдово-Приднестровский регион. 2022. № 1–2(75–76). С. 98–104.
19. Шорников П.М. Протокол о Сигуранце. Эпизоды гибридной войны начала XX века. Тирасполь. 2021. – 472 с.
20. Шорников П.М. Идеи межнациональной нетерпимости в Румынии и Молдавии. XIX – начало XXI в. // Проблемы национальной стратегии, № 6 (93). С. 218–245.
21. Табак, В. Н. К вопросу о символической политике в современной Молдове (1989–2023) / В.Н. Табак // Россия и мир: научный диалог. – 2024. – № 3(13). – С. 222–237. – DOI 10.53658/RW2024–4–3(13)-222–237. – EDN OGXLGE.

THE REPUBLIC OF MOLDOVA: POLITICAL RISK GROUPS

Shornikov I.P.
Financial University under the Government of the Russian Federation

Issues related to educational policy in Moldova have been repeatedly addressed in scholarly works, but № special studies have yet been conducted on the fates of scholars and public figures who were engaged in promoting education in the Russian language. The study is based on the prosopographic method. The empirical basis of the work is the writings of P.M. Shornikov, a member of the Parliament of the Republic of Moldova in 1990–1998, which provide information about the specifics of organizational, public work, and the political struggle for the rights of the Russian-speaking population. The author of the study came to an unexpected conclusion: for decades, the Republic of Moldova has been implementing a policy aimed at influencing ethnopolitical processes through methods of covert terror. The study raises the question of identifying the centers that determined the decisions made in implementing this policy.

Keywords: ethnopolitics, Romanianism, Moldavism, the status of the Russian language in the Republic of Moldova, the Russian World.

References

1. Shornikov P.M. Community Affairs: Materials for the History of the Russian Ethnocultural Movement in Moldova. Tiraspol, 2019. 224 p.
2. Shornikov P.M. Disputes of Troubled Times: Pages of the Political History of Moldova. 1989–1992. Scientific editor: S.M. Nazariya [et al.]. Tiraspol, 2019. 424 p.
3. Testimony of P.M. Shornikov, June 2026.
4. General Gamurari: «The war on the Dniester was invented to conceal large-scale embezzlement.» // Press-Obozrenie: [website]. – URL: https://press.try.md/item.php?id=126098 (date of access: 20.09.2026). – Text: electronic.

5. He gave his life for the republic: a collection of articles by D.F. Kondratovich and memoirs about him: a collection / Bendery: «Poligrafist», 2003. 592 p.

6. Shornikov P.M. The State Doctrine of the Republic of Moldova. Moscow, 2023. 336 p.

7. Tkachuk E. What are we looking for in yesterday? Rusin. 2005. № (2). pp. 106–116.

8. Evgeny Markovich Tkachuk has passed away. // Komsomolskaya Pravda in Moldova: [website]. – URL: https://www.md.kp.media/online/news/3335830 / (date of access: 20.09.2026). – Text: electronic.

9. Shornikov P. Comrades: Ideologues and Politicians of Moldova in the Late 20th Century. Scientific editors: S.M. Nazaria, V.N. Polivtsev. Chisinau: CEP USM, 2018. 281 p.

10. Shornikov P.M. Mine clearance operations: On the history of Moldovan parliamentarism, 1989–1998. Scientific editor: S.M. Nazaria [et al.]. Tiraspol, 2020 (Bender printing house «Poligrafist»). 592 p.

11. History of the Socialist Party of Moldova // Socialist Party of Moldova: [website]. – URL: https://www.spm.md/index3.html (date of access: 20.09.2026). – Text: electronic.

12. Songs about the Main Thing // Noi.md: [website]. – URL: https://noi.md/ru/analitika/pesni-o-glavnom (date of access: 20.09.2026). – Text: electronic.

13. Dumitru Zidu. // Wikipedia: [website]. – URL: https://ro.wikipedia.org/wiki/Dumitru_Zidu (date of access: 20.09.2026). – Text: electronic.

14. Editorial of the day: «There is № man, there is № problem either» // Poliexpert.md: [website]. – URL: https://poliexpert.md/noutatipublicatii/editorialul-zilei-nu-exista-omul-nu-exista-nici-problema.html (date of access: 20.09.2026). – Text: electronic.

15. Shornikov P. The phenomenon of Nazaria. //Moldo-Transnistrian Region. 2021. № 7–8 (73–74). Pp. 95–100.

16. Shornikov P. A recognized historian of the unrecognized state. // Moldo-Transnistrian Region. 2021. № 3–4 (69–70). Pp. 131–132.

17. Sulyak S. In Memory of Nikolai Dmitrievich Russev // Rusin. 2024. № 78. Pp. 304–305.

18. Shornikov P. Vladislav Grosul – Ideologist and Politician. // Moldova-Transnistria Region. 2022. № 1–2 (75–76). Pp. 98–104.

19. Shornikov P.M. Protocol on the Siguranța. Episodes of hybrid warfare at the beginning of the 20th century. Tiraspol, 2021. – 472 p.

20. Shornikov P.M. Ideas of interethnic intolerance in Romania and Moldova. 19th – early 21st century. // Problems of National Strategy, № 6 (93). Pp. 218–245.

21. Tabak, V.N. On the issue of symbolic politics in modern Moldova (1989–2023) / V.N. Tabak // Russia and the world: Scientific dialogue. – 2024. – № 3(13). – Pp. 222–237. – DOI 10.53658/RW2024–4–3(13)–222–237. – EDN OGXLGE.

Глобализационные ядра регионализации и векторная модель трансформации внешнеэкономической политики России

Аржаев Федор Игоревич,
кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института исследований международных экономических отношений Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: FIArzhaev@fa.ru

Рост глобальной конфликтогенности ставит под сомнение устойчивость всеобщей трансконтинентальной глобализации и актуализирует изучение регионализации как альтернативной формы интернационализации воспроизводственного процесса. Цель статьи – обосновать авторскую модель «ядро – оболочка» для описания процессов регионализации и на ее основе построить векторную модель трансформации внешнеэкономической политики России. Методологически модель опирается на расчет меры сходства (по методике динамического норматива) и ранговых коэффициентов Кендалла и Спирмена между показателями торговли, инвестиционного сотрудничества, валютного регулирования, научно-технического развития и социально-трудовой сферы стран потенциальных «ядер» (Китай, Индия, Япония) и остальных экономик Юго-Восточной Азии за 2005, 2015 и 2024 гг.; векторная модель строится на основе экономических расстояний между географическими центрами стран. Установлено, что в Азии сформировано два устойчивых глобализационных ядра – китайское и индийское – и одно потенциальное западноцентричное с центром в Японии; страны «оболочки» способны переходить между ядрами на горизонте 5–10 лет. Проведенный анализ позволяет отметить смещение фокуса российской внешнеэкономической политики за 2005–2024 гг. не столько на Восток, к Китаю, сколько на Юго-Восток, к странам индийского ядра, при встречном движении индийского вектора. Результаты позволяют скорректировать приоритеты российской внешнеэкономической политики и предлагают инструментарий мониторинга трансформации многополярного мироустройства.

Ключевые слова: регионализация; полицентризм; глобализационные ядра; модель «ядро – оболочка»; векторная модель; экономические расстояния; внешнеэкономическая политика России; многополярность; Юго-Восточная Азия.

Введение

Рост глобальной конфликтогенности, обозначившийся в последние десятилетия, актуализирует пересмотр представлений о глобализации как об универсальном и однонаправленном процессе интернационализации воспроизводственного процесса. Значительная часть современных исследований связывает регионализацию с провалами глобализации или деглобализацией [1]; другое направление объясняет регионализацию географическим фактором – меньшими транзакционными издержками кооперации внутри региона по сравнению с межконтинентальной [2]. Оба подхода корректно описывают экономическую составляющую процесса, однако не учитывают тот факт, что регионализация, происходит из роста глобальной напряженности между развитыми и развивающимися экономиками.

Институциональная структура мировой экономики второй половины XX в. формировалась под определяющим влиянием развитых стран, обладавших технологическим и организационным преимуществом; ожидание того, что развивающиеся экономики в обозримой перспективе не смогут догнать их по уровню развития [3], оправдалось лишь частично. Ускоренный рост глобального спроса, удорожание ресурсной компоненты воспроизводства и увеличение оттока капитала в развивающиеся экономики сократили разрыв между глобальным Севером и Югом, но одновременно превратили часть развивающихся стран в конкурентов развитых, с чем связан рост конфликтогенности и повышение значимости задач обеспечения национальной стратегической самодостаточности [4] – в частности, по линиям Россия/недружественные страны, КНР/США, США/ЕС и США (Израиль)/арабские страны. Показателен пример КНР: активно инвестируя в инфраструктуру и промышленный сектор развивающихся экономик [5] и обеспечив своей валюте статус резервной [6], страна по совокупности показателей приблизилась к развитым экономикам и из младшего партнера в глобализационных процессах (в видении США и стран ЕС) превратилась в их конкурента. Эмпирическая проверка того, формируются ли вокруг ключевых экономик устойчивые региональные центры силы («глобализационные ядра»), и как это отражается на внешнеэкономической политике России, остается открытым исследовательским вопросом.

Цель исследования – обосновать модель «ядро – оболочка» для описания процессов регионализации и на ее основе разработать векторную модель трансформации инвестиционного и торгово-экономического потенциала России, позволяющую сформулировать предложения по корректировке ее внешнеэкономической политики. Для достижения цели решены следующие задачи: 1) систематизированы теоретические предпосылки приоритета национальных интересов над задачами глобального регулирования как основы регионализации; 2) эмпирически проверено формирование глобализационных ядер в Юго-Восточной Азии на основе меры сходства и ранговых коэффициентов корреляции; 3) построена и апробирована векторная модель на основе экономических расстояний для оценки смещения внешнеэкономических приоритетов России и других глобализационных ядер за 2005–2024 гг.

Методы

Модель «ядро – оболочка» строится на предположении, что страны-«ядра» становятся центральными для большинства форм международных экономических отношений (кроме международной миграции), а страны-«оболочки» тяготеют к ним в зависимости от глубины интеграции в региональные процессы и тесноты связей со странами «ядра»; соотношение национальных интересов страны, ее экономических возможностей их защищать и особенностей участия в МЭО далее называется моделью экономического развития страны [7]. Для эмпирической проверки предположения использован и развит предложенный ранее набор показателей упрощенной модели экономического развития [8] (табл. 1), охватывающий торговлю товарами и услугами, инвестиционное сотрудничество, показатели FOREX и резервирования, научно-техническое развитие, промышленную политику и социально-трудовые факторы.

Таблица 1. Набор показателей, описывающих модель экономического развития

Группа показателей	Показатели
Торговля	Объем взаимной торговли товарами; объем взаимной торговли услугами
Инвестиционное сотрудничество	Приток и отток капитала во всех формах; капитализация компаний на мировых рынках
FOREX и резервирование	Волатильность курсов национальных валют относительно доллара; внешний долг
Научно-техническое развитие	Количество полученных патентов; инвестиции в НИОКР
Промышленная политика государства	Соотношение сектора услуг и промышленного сектора; темпы роста ВВП по ППС; доля МСП; обеспеченность энергоресурсами
Социально-трудовые факторы	Доля трудоспособного населения; объем социальных расходов

Источник: составлено авторами.

Для предварительного определения стран кандидатов на роль «ядра» на глобальном уровне построен граф центральности внешнеторговых и инвестиционных взаимодействий по методике сетевого анализа торговли и ПИИ [9] (рис. 1): размер узла графа пропорционален центральности страны во взаимодействиях, цвет – принадлежности к условному кластеру взаимодействий.

Мера сходства (МС) между динамикой показателей отдельной страны и страны-«ядра» рассчитывается по методике, применяемой при построении модели динамического норматива [10]: в качестве эталонного ранжирования выступает динамика показателей табл. 1 для страны-«ядра», далее оценивается степень соответствия ей ранжирования показателей исследуемой страны. Показатели МС качественные, поэтому для их интерпретации использована условная градация на три равновеликих интервала: значения менее 0,33 трактуются как низкие, 0,33–0,67 – как средние, выше 0,67 – как высокие; по данным отдельных эмпирических исследований для меры сходства в целом также применяется трехступенчатая шкала (менее 0,25 – низкие значения, 0,25–0,5 – средние, более 0,5 – высокие), используемая как дополнительный ориентир интерпретации.

Расчет модели глобализационных ядер выполнен в три шага. На первом оценивается мера сходства между показателями стран потенциального «ядра» (Китай, Индия, Япония) – для проверки того, образуют ли они единое ядро; Россия из этого этапа анализа исключена, так как ее внешнеэкономическая политика сегодня сконцентрирована на странах ближнего зарубежья и ЕАЭС, потенциально формирующих отдельное «ядро» [11]. На втором для каждой страны Юго-Восточной Азии рассчитывается мера сходства с каждым из подтвержденных «ядер»; высокое значение МС интерпретируется как принадлежность страны к «оболочке» соответствующего ядра. Для верификации устойчивости результатов дополнительно проведено моделирование с изменением состава показателей табл. 1: за исключением Лаоса и отчасти Индонезии, основные выводы о принадлежности стран к ядрам не изменились, что подтверждает робастность оценок.

Для углубленной интерпретации результатов рассчитаны ранговые коэффициенты корреляции Кендалла и Спирмена между показателями страны-«ядра» и страны-«оболочки»: первый характеризует внутреннюю связанность двусторонних экономических отношений (рост эффективности общественного производства), второй – устойчивость системы двусторонних отношений к внешним воздействиям. Интерпретация коэффициентов следующая: значения более 0,7 – высокие, 0,5–0,7 – средние, менее 0,5 – низкие. Расчеты выполнены для трех временных срезов – 2005, 2015 и 2024 гг., что позволяет проследить динамику связей.

Ограничение модели «ядро – оболочка» состоит в невозможности оценить взаимоотношения между самими странами-«ядрами». Для устранения этого ограничения построена векторная модель, основанная на допущении, что страны-«ядра» в своей внешнеэкономической политике представляют не только собственные национальные интересы, но и, в силу их близости, интересы стран «оболочки»; тесноту связей между «ядром» и «оболочкой» можно представить в виде векторных (экономических) расстояний [12]. Экономическое расстояние между странами рассчитано по формуле географического расстояния по гаверсинусам с корректирующими коэффициентами для экономических взаимодействий, предложенной ранее [12]; для избежания искажений, связанных со смещением столиц относительно географического центра крупных по территории стран (Россия, Китай, США, Индия, Бразилия), использованы координаты географических, а не административных центров. С учетом тенденций расширения ЕАЭС, наращивания капитала Евразийского банка развития и строительства МТК «Север – Юг» как ключевых элементов регионализации пространства СНГ формирование глобализационного ядра с Россией в качестве «ядра» принято как предпосылка [13]. Векторная модель применена к шести условным глобализационным ядрам – российскому (страны СНГ/ЕАЭС), китайскому, индийскому, европейскому (ЕС), латиноамериканскому (Бразилия) и американоцентричному (США, Япония, Австралия, Великобритания) – за 2005, 2015 и 2024 гг.

Результаты

Граф центральности внешнеторговых и инвестиционных взаимодействий (рис. 1) выделяет три группы стран с наибольшей центральностью положения: США, Канаду и Мексику (североамериканский кластер); Германию и страны континентальной Европы (европейский кластер); Китай, Японию и Республику Корея (азиатский кластер). Индия, несмотря на относительно высокую центральность, визуально примыкает к азиатскому кластеру, однако эмпирическая проверка (см. далее) показывает ее обособленность как отдельного «ядра». Полученный результат подтверждает выбор Китая, Индии и Японии в качестве кандидатов в «ядра» для Юго-Восточной Азии.

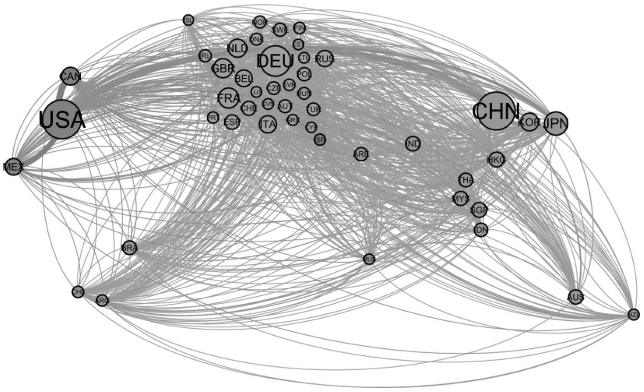

Рис. 1. Граф центральности внешнеторговых и инвестиционных взаимодействий

Источник: составлено на основе [13].

Мера сходства и ранговый коэффициент Спирмена между показателями Китая, Индии и Японии представлены в табл. 2.

Таблица 2. Мера сходства / ранговый коэффициент Спирмена для стран – кандидатов в «ядра»

	Китай	Индия	Япония
Китай	1	0,61 / –0,18	0,65 / 0,42
Индия	0,61 / –0,18	1	0,34 / 0,11
Япония	0,65 / 0,42	0,34 / 0,11	1

Источник: рассчитано авторами.

Максимальное значение меры сходства среди трех пар (Китай – Япония, 0,65) остается в границах среднего интервала, а ранговый коэффициент Спирмена для той же пары (0,42) не превышает порога высокой связанности. Это подтверждает исходное предположение о том, что Китай, Индия и Япония формируют три самостоятельных «ядра», а не единое, и позволяет перейти к анализу меры сходства и ранговых коэффициентов для стран Юго-Восточной Азии относительно каждого из них.

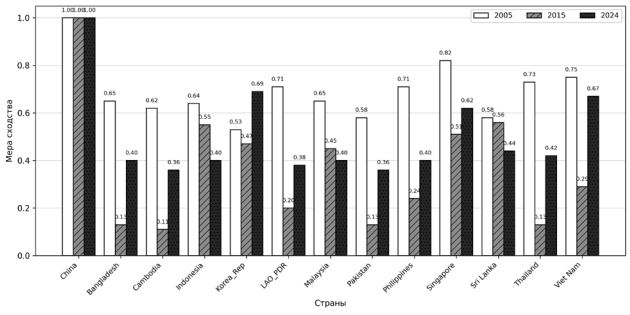

Рис. 2. Значения меры сходства для стран Юго-Восточной Азии относительно Китая

Источник: рассчитано авторами.

Для стран Юго-Восточной Азии относительно Китая устойчивый рост меры сходства (рис. 2) на всем периоде наблюдается для Вьетнама и Сингапура, в меньшей степени – Камбоджи и Шри-Ланки; для

Индонезии, Республики Корея и Малайзии динамика неоднозначна и требует уточнения по ранговым коэффициентам (рис. 3). Рост меры сходства сопровождается ростом обоих ранговых коэффициентов для Вьетнама и Сингапура (за исключением провала 2015 г., связанного со структурной перестройкой китайской экономики), что означает не только сближение динамики показателей, но и рост устойчивости этих экономик к кризисным явлениям по мере углубления партнерства с КНР. Для Республики Корея аналогичный рост носит более резкий характер, что указывает на структурную зависимость экономики страны от взаимодействий с Китаем. Индонезия, несмотря на присутствие китайского капитала, выстраивает модель развития, независимую от КНР (снижение меры сходства); Сингапур, напротив, сохраняя собственную модель, использует приток китайского капитала для развития финансового сектора и повышения устойчивости к внешним шокам (рост коэффициента Кендалла при снижении меры сходства).

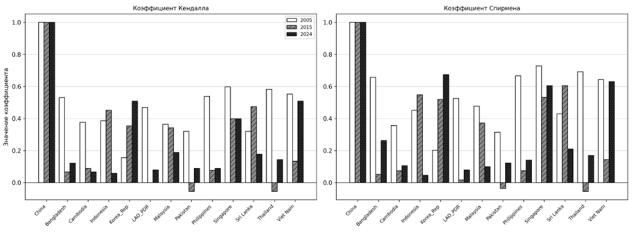

Рис. 3. Значения ранговых коэффициентов корреляции для стран Юго-Восточной Азии относительно Китая

Источник: рассчитано авторами.

Относительно Индии устойчивый рост меры сходства (рис. 4) демонстрируют Индонезия и Филиппины; для Индонезии рост меры сходства с Индией сопровождается ее одновременным снижением относительно Китая, что указывает на роль Индии как балансира китайского влияния в регионе.

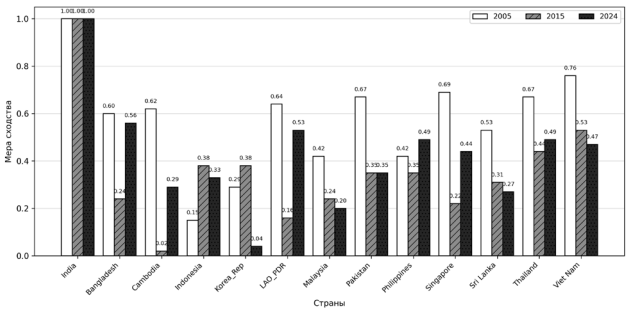

Рис. 4. Значения меры сходства для стран Юго-Восточной Азии относительно Индии

Источник: рассчитано авторами.

Ранговые коэффициенты (рис. 5) для Индонезии подтверждают, что сотрудничество с Индией повышает устойчивость индонезийской экономики к внешним шокам [14]. Для Таиланда, Бангладеш и Пакистана значимая системная динамика не выявлена: коэффициенты для Таиланда практически не изменились за 2005–2024 гг., что интерпретируется как проявление адаптивной модели индийского «ядра» – в отличие от Китая, Индия не навязывает партнерам собственную модель экономического развития, а адаптируется к их национальным интересам с лагом порядка 5–10 лет. Для Вьетнама индийская модель системно неприемлема ввиду высокой плановой компоненты вьетнамской экономики, тогда как для Лаоса она, напротив, поддерживает внутреннюю связанность экономики в условиях кризиса.

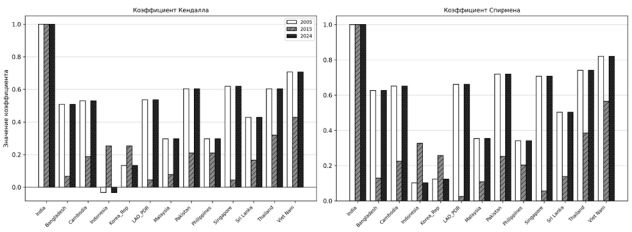

Рис. 5. Значения ранговых коэффициентов корреляции для стран Юго-Восточной Азии относительно Индии

Источник: рассчитано авторами.

Поскольку Япония в Азиатско-Тихоокеанском регионе экономически связана с американской экономикой [15], принятие японской модели экономического развития, по сути, означает принятие западноцентричной модели глобализационных процессов.

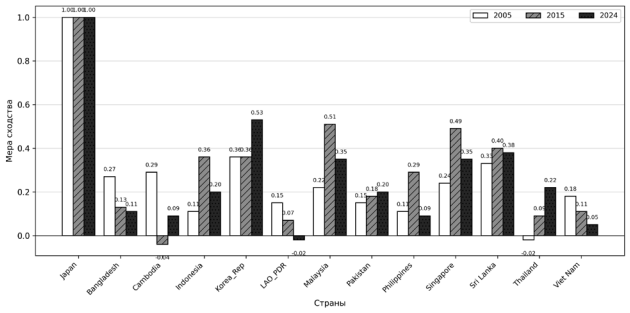

Рис. 6. Значения меры сходства для стран Юго-Восточной Азии относительно Японии

Источник: рассчитано авторами.

Относительно Японии (рис. 6–7) к такой модели тяготеют Республика Корея, Малайзия и Сингапур, тогда как Камбоджа, Лаос и Таиланд к ней не адаптируются. Для Бангладеш, Камбоджи, Лаоса, Филиппин и Вьетнама принятие японской модели по данным ранговых коэффициентов сопряжено с ухудшением функционирования национальных экономик; для остальных стран она укрепляет связанность отдельных элементов экономики, но одновременно повышает уязвимость к кризисам по сравнению с китайской и индийской моделями.

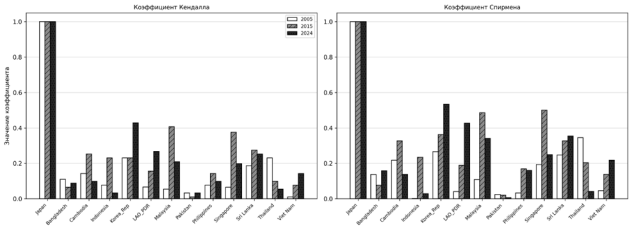

Рис. 7. Значения ранговых коэффициентов корреляции для стран Юго-Восточной Азии относительно Японии

Источник: рассчитано авторами.

Итоговое распределение стран Юго-Восточной Азии по глобализационным ядрам представлено на рис. 8: в регионе сформировано два устойчивых ядра – китайское и индийское, – и одно потенциальное западноцентричное ядро с центром в Японии, тяготение к которому демонстрируют экономики, наиболее плотно встроенные в американоцентричную модель глобализации. Для выявленных ядер характерны различные модели сотрудничества со странами «оболочки»: китайское отличается стимулированием интенсивного экономического роста, инновационностью институционального инструментария (банки развития, мегапроекты, региональные инфраструктурные инициативы, форматы ВТО+) и выраженной иерархичностью с явным позиционированием КНР как лидера региона; индийское – умеренным экономическим ростом, невысокой институционализацией и адаптивностью модели сотрудничества вплоть до подстройки под национальные интересы партнеров, при отсутствии иерархичности; японское – тесной связкой экономических и политических детерминант сотрудничества, ориентацией на либеральную модель и признанием американоцентричности как доминирующей формы взаимодействия.

Рис. 8. Глобализационные ядра в Юго-Восточной Азии

Источник: составлено авторами.

Ограничение модели «ядро – оболочка», отмеченное ранее, состоит в невозможности оценить взаимоотношения между самими странами-«ядрами». Векторная модель устраняет это ограничение, представляя суммарный вектор взаимодействия глобализационного ядра как сумму вектора страны-«ядра» и векторов стран «оболочки» (рис. 9); тесное совпадение национальных интересов «ядра» и «оболочки» проявляется в небольших углах между их векторными расстояниями относительно других «ядер».

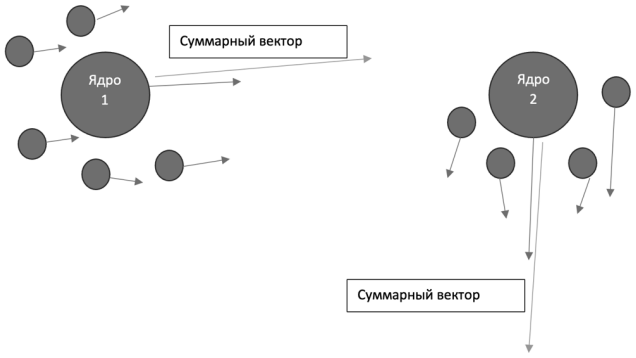

Рис. 9. Векторная модель взаимодействия между глобализационными ядрами

Источник: составлено авторами.

Применение векторной модели к шести глобализационным ядрам за 2005, 2015 и 2024 гг. представлено на рис. 10.

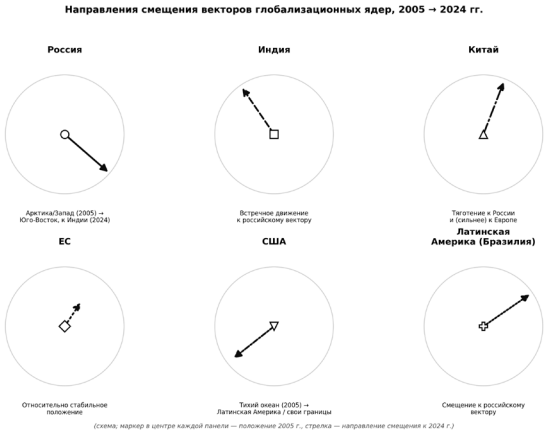

Рис. 10. Векторы смещения глобализационных ядер, 2005–2024 гг.

Источник: составлено авторами.

Во-первых, подтверждается смещение интересов России с арктической зоны и сотрудничества с Канадой, США и ЕС в 2005 г. в сторону использования Евросоюза как ключевого рынка сбыта и финансового рынка для размещения средств к 2015 г.; к 2024 г., однако, наблюдается не столько «поворот на Восток», сколько «поворот на Юго-Восток» – фокус российской внешнеэкономической политики сместился ближе к индийскому ядру, чему способствовали проекты вроде МТК «Север – Юг» и рост сбыта энергоносителей в направлении Южной Азии [16]. Показательно, что вектор индийского ядра в 2024 г. оказался встречным относительно российского, что свидетельствует о взаимном интересе к развитию сотрудничества, при одновременном удалении индийского вектора от китайского. Во-вторых, китайское ядро в 2024 г. тяготеет одновременно к российскому и европейскому направлениям, но смещение в сторону Европы выражено сильнее – вплоть до практической перпендикулярности российского и китайского векторов, – что подкрепляет вывод о смещении фокуса российской политики именно на Юго-Восток, а не на Восток. В-третьих, вектор американоцентричного ядра смещается из Тихоокеанского региона к Латинской Америке и собственным границам США, что указывает на снижение потенциала внешнеэкономической экспансии; латиноамериканское ядро при этом смещается в сторону российского, в направлении, противоположном европейскому и американскому, что можно интерпретировать как рост значимости БРИКС в формировании альтернативы Pax Americana.

Обсуждение

Полученные результаты подтверждают исходную гипотезу о приоритете национальных интересов над задачами глобального регулирования как основе устойчивой регионализации: страны «оболочки» сохраняют возможность выбора и смены «ядра» тяготения (что показано на примере Индонезии и Шри-Ланки), тогда как единая наднациональная модель регулирования (по образцу ЕС до 2012 г.) снижает эту гибкость и, как следствие, экономическую эффективность интеграции для стран-сателлитов [17]; уступка суверенитета в пользу единой региональной модели, переставшей после 2012 г. в полной мере отвечать национальным интересам стран-участниц, стала фактором снижения эффективности европейской интеграции [18]. В этом смысле регионализация в форме глобализационных ядер представляется более устойчивой формой интернационализации воспроизводства, чем всеобщая трансконтинентальная глобализация.

Ограничения исследования и применяемой методики следует оговорить отдельно. Во-первых, градация меры сходства и ранговых коэффициентов носит условный характер и основана на равновеликом делении интервала, а не на статистически обоснованных пороговых значениях. Во-вторых, эмпирическая проверка модели «ядро – оболочка» ограничена тремя временными срезами (2005, 2015, 2024 гг.), что не позволяет полностью исключить влияние конъюнктурных факторов отдельных лет (например, структурной перестройки экономики КНР в 2015 г.) на итоговые оценки. В-третьих, Россия намеренно исключена из эмпирической проверки модели «ядро – оболочка» для стран Юго-Восточной Азии и рассматривается только в рамках векторной модели: формирование вокруг России собственного глобализационного ядра на пространстве СНГ принято как предпосылка исследования, это направление можно рассматривать для дальнейших исследований.

Практическая значимость результатов состоит в возможности использования векторной модели как инструмента мониторинга трансформации российской внешнеэкономической политики. Вывод о смещении ее фокуса на Юго-Восток, к индийскому ядру, при встречном движении индийского вектора указывает на целесообразность приоритизации сотрудничества с Индией и странами ее «оболочки» (Индонезия, Филиппины, Бангладеш) наравне с КНР, в том числе за счет развития МТК «Север – Юг» и профильных отраслевых инициатив. Для пространства СНГ практическая рекомендация состоит в развитии мировоззренческой рамки, объединяющей ядро-цивилизацию (Россия, Казахстан, Беларусь) и страны «оболочки» этого потенциального ядра: без такой рамки формализация отношений «ядра» и «оболочки» по аналогии с азиатскими ядрами затруднена.

Научная новизна исследования заключается в предложенной авторами модели «ядро – оболочка» как эмпирически проверяемой альтернативе описанию регионализации через транзакционные издержки или деглобализацию, а также в разработке и апробации векторной модели на основе экономических расстояний для оценки трансформации внешнеэкономической политики отдельно взятой страны относительно нескольких глобализационных ядер одновременно. Насколько можно судить по доступной литературе, совместное применение меры сходства и ранговых коэффициентов для идентификации ядер с векторным анализом экономических расстояний для оценки их взаимодействия ранее не предлагалось.

Заключение

Эмпирическая проверка модели «ядро – оболочка» на материале стран Юго-Восточной Азии подтвердила формирование двух устойчивых глобализационных ядер – китайского и индийского – и одного потенциального западноцентричного ядра с центром в Японии; принадлежность стран «оболочки» к тому или иному ядру не статична и может изменяться на горизонте 5–10 лет. Разработанная на этой основе векторная модель, примененная к шести условным ядрам, зафиксировала смещение фокуса российской внешнеэкономической политики за 2005–2024 гг. в сторону индийского, а не китайского ядра, при встречном движении индийского вектора и практической перпендикулярности российского и китайского направлений к 2024 г. Наблюдаемое сближение векторов латиноамериканского и российского ядер на фоне удаления американоцентричного и европейского ядер к собственным границам подтверждает рост значимости БРИКС как альтернативной формы консолидации многополярного мироустройства. Предложенный инструментарий может использоваться для регулярного мониторинга трансформации внешнеэкономической политики России и корректировки ее приоритетов по мере дальнейшего формирования полицентричной системы МЭО.

Литература

1. Леонова О.Г. Деглобализация versus глобализация // Век глобализации. 2024. № 2(50). С. 3–19. DOI: 10.30884/vglob/2024.02.01.

2. Громыко А.А. Пандемия и кризис системы международных отношений // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. Т. 13, № 5. С. 6–19.

3. Хейфец Б.А. Геополитический регионализм и новая регионализация мировой экономики // Вестник международных организаций. 2024. Т. 19, № 4. С. 7–22.

4. Paprotny D. Convergence Between Developed and Developing Countries: A Centennial Perspective // Social Indicators Research. 2021. Vol. 153, № 1. P. 193–225.

5. Петров М.Н., Филиппов Я.С., Петрова В.М. Научно-технологическая самодостаточность России: принципы формирования концепции национальной безопасности в условиях глобальной трансформации // Прогрессивная экономика. 2025. № 4. С. 108–122.

6. Kai A. China's Public International Investment: A Strategic-Trade-Policy Perspective // Economic Modelling. 2024. № 139. P. 106781.

7. Кудряшова И. Китайский юань как мировая валюта: императивы и реальность // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61, № 9. С. 36–44.

8. Габарта А. Социально-экономическая модель стран Центральной Европы // Современная Европа. 2017. № 7. С. 104–113.

9. Аржаев Ф.И., Турко В.А. Формирование интеграционных ядер как новое направление глобализации: азиатское и латиноамериканское ядра // Финансы: теория и практика. 2023. Т. 27, № 4. С. 173–183.

10. Srivastava D., Rahul M. Network Analysis of Trade and FDI // SN Business & Economics. 2024. Vol. 4. Art. 15.

11. Балгарина Л.А., Джумабаев С.А., Шокаманов Ю.К. Применение динамического норматива для оценки и построения сценариев экономического развития региона // Economy: Strategy and Practice. 2023. Т. 18, № 4. С. 127–146.

12. Мосяков Д.В. Некоторые аспекты китайско-российского регионального сотрудничества после начала СВО // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2023. № 3(60). С. 11–19.

13. Choi D., Chung C.Y., Young J. Are Economic Distance and Geographic Remoteness Important in Sustainable Trade? Evidence from the Bilateral Trade between China and Kazakhstan // Sustainability. 2019. Vol. 11, № 21. Art. 6068.

14. Гринивецкий И.И., Сторожук Р.П. Евразийская интеграция как цивилизационный фактор геоэкономического суверенитета России // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 11(505). С. 127–135.

15. Петрова О.Л. Обзор индонезийско-индийского сотрудничества в экономической и оборонной сферах в конце XX – начале XXI в. // Вестник Института востоковедения РАН. 2023. № 4. С. 294–301.

16. Desai R. Introduction: Japan's Secular Stagnation and the American Mirror // The Japanese Political Economy. 2021. Vol. 47, № 4. P. 281–302.

17. Перская В.В., Абрамов В.Л., Аржаев Ф.И. Экономический коридор «Россия – Монголия – Китай» – инструмент развития кадрового потенциала и закрепления трудовых ресурсов регионов России // Социально-трудовые исследования. 2026. № 1.

18. Буторина О. Сужение Европейского союза и потенциал интеграции // Современная Европа. 2020. № 2. С. 20–32.

19. Перская В.В., Эскиндаров М.А. Интеграция в условиях многополярности: эволюция теории и практики реализации. М.: Экономика, 2016. 384 с.

GLOBALIZATION CORES AND A VECTOR MODEL OF RUSSIA'S FOREIGN ECONOMIC POLICY TRANSFORMATION

Arzhaev F.I.
Financial University under the Government of the Russian Federation

Rising global conflict potential calls into question the sustainability of universal transcontinental globalization and highlights the relevance of regionalization as an alternative form of internationalizing the reproduction process. The paper aims to substantiate the authors' «core-shell» model of regionalization and, on this basis, to build a vector model of the transformation of Russia's foreign economic policy. Methodologically, the model relies on a similarity measure (based on the dynamic normative method) and Kendall and Spearman rank correlation coefficients computed for trade, investment cooperation, currency regulation, scientific-technological development and labour-market indicators of candidate «core» countries (China, India, Japan) and other Southeast Asian economies for 2005, 2015 and 2024; the vector model is built on economic distances between countries' geographic centres. Two stable globalization cores are identified in Asia – Chinese and Indian – along with one potential Western-centric core headed by Japan; «shell» countries can migrate between cores within a 5–10-year horizon. Vector analysis shows that Russia's foreign economic policy focus shifted over 2005–2024 not so much eastward, toward China, as south-eastward, toward the Indian core, with a matching countervailing shift in the Indian vector. The findings allow adjustment of Russia's foreign economic policy priorities and offer a monitoring tool for tracking the transformation of a multipolar world order.

Keywords: regionalization; polycentrism; globalization cores; core-shell model; vector model; economic distances; Russia's foreign economic policy; multipolarity; Southeast Asia.

References

1. Leonova O.G. Deglobalization versus Globalization // Age of Globalization. 2024. № 2(50). Pp. 3–19. DOI: 10.30884/vglob/2024.02.01.

2. Gromyko A.A. The Pandemic and the Crisis of the International Relations System // Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2020. Vol. 13, № 5. Pp. 6–19.

3. Kheifets B.A. Geopolitical Regionalism and the New Regionalization of the World Economy // International Organisations Research Journal. 2024. Vol. 19, № 4. Pp. 7–22.

4. Paprotny D. Convergence Between Developed and Developing Countries: A Centennial Perspective // Social Indicators Research. 2021. Vol. 153, № 1. Pp. 193–225.

5. Petrov M.N., Filippov Ya.S., Petrova V.M. Russia's Scientific and Technological Self-Sufficiency: Principles for Formulating a National Security Concept Amidst Global Transformation // Progressive Economy. 2025. № 4. Pp. 108–122.

6. Kai A. China's Public International Investment: A Strategic-Trade-Policy Perspective // Economic Modelling. 2024. № 139. P. 106781.

7. Kudryashova I. The Chinese Yuan as a Global Currency: Imperatives and Reality // World Economy and International Relations. 2017. Vol. 61, № 9. Pp. 36–44.

8. Gabarta A. The Socio-Economic Model of Central European Countries // Contemporary Europe. 2017, № 7, Pp. 104–113.

9. Arzhaev F.I., Turko V.A. Formation of integration cores as a new direction of globalization: Asian and Latin American cores // Finance: Theory and Practice. 2023, Vol. 27, № 4, Pp. 173–183.

10. Srivastava D., Rahul M. Network Analysis of Trade and FDI // SN Business & Economics. 2024, Vol. 4, Art. 15.

11. Balgarina L.A., Dzhumabaev S.A., Shokamanov Yu.K. Application of the dynamic standard method for assessing and constructing regional economic development scenarios // Economy: Strategy and Practice. 2023, Vol. 18, № 4, Pp. 127–146.

12. Mosyakov D.V. Some aspects of Chinese-Russian regional cooperation following the start of the Special Military Operation // Southeast Asia: Current Development Issues. 2023, № 3(60), Pp. 11–19.

13. Choi D., Chung C.Y., Young J. Are Economic Distance and Geographic Remoteness Important in Sustainable Trade? Evidence from the Bilateral Trade between China and Kazakhstan // Sustainability. 2019, Vol. 11, № 21, Art. 6068.

14. Grinivetsky I.I., Storozhuk R.P. Eurasian integration as a civilizational factor of Russia's geoeconomic sovereignty // Bulletin of Chelyabinsk State University. 2025, № 11(505), Pp. 127–135.

15. Petrova O.L. Overview of Indonesian-Indian Cooperation in the Economic and Defense Spheres in the Late 20th and Early 21st Centuries // Bulletin of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. 2023. № 4. Pp. 294–301.

16. Desai R. Introduction: Japan's Secular Stagnation and the American Mirror // The Japanese Political Economy. 2021. Vol. 47, № 4. Pp. 281–302.

17. Perskaya V.V., Abramov V.L., Arzhaev F.I. The Russia–Mongolia–China Economic Corridor: A Tool for Developing Human Capital and Retaining Labor Resources in Russian Regions // Social and Labor Research. 2026. № 1.

18. Butorina O. The Contraction of the European Union and Integration Potential // Contemporary Europe. 2020. № 2. Pp. 20–32.

19. Perskaya V.V., Eskindarov M.A. Integration in a Multipolar World: Evolution of Theory and Implementation Practice. Moscow: Ekonomika, 2016. 384 p.

Промежуточные режимы анархии: социология конкуренции Г. Зиммеля и российско-американское соперничество после холодной войны

Безкади Фади,
к-т полит. наук, кафедра политических наук, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
E-mail: fadibezkadi@gmail.com

Предметом статьи выступают промежуточные режимы взаимодействия великих держав, располагающиеся между враждой и дружбой и остающиеся недостаточно концептуализированными в конструктивистской теории. Триада «враг — соперник — друг» А. Вендта схватывает крайние состояния, однако оставляет без анализа тот сегмент спектра, в котором протекает основная часть современной великодержавной политики. Цель работы состоит в том, чтобы расширить типологию культур анархии за счет аппарата, описывающего внутреннюю механику соперничества, и проверить полученную схему на российско-американском случае 1991–2023 годов. Работа опирается на междисциплинарный перенос социологии конкуренции Г. Зиммеля в теорию международных отношений. Перенос понимается как эвристический приём, а не как методология сбора данных, и подчинен двум явным ограничительным правилам. Эмпирическую базу образуют доктринальные документы обеих держав и корпус двусторонних договоров об ограничении вооружений. Научная новизна конкретизирована в трех результатах. Построена типология промежуточных режимов анархии, в которой два измерения нормативной инфраструктуры, взаимное признание правосубъектности и общность мерил выигрыша, порождают четыре именованных состояния. Переходы между ними носят дискретный характер. Сформулирован эффект гистерезиса признания, объясняющий асимметрию деградации и восстановления конкурентных режимов. Введено понятие расщепления третьего. Типология разрешает эмпирическую загадку. Выход США из Договора по ПРО в 2002 году не вызвал смены режима, поскольку затронул только измерение мерил при одновременном укреплении измерения признания. Пределы обобщения очерчены через контраст с китайско-американским соперничеством. Основной вывод состоит в том, что устойчивость конкурентного режима обеспечивается не балансом сил, а сохранностью нормативной инфраструктуры, а её эрозия запускает спиральную динамику независимо от материального соотношения сторон. Практическая значимость работы состоит в применимости предложенной типологии и её наблюдаемых маркеров к мониторингу эскалационных рисков в отношениях великих держав.

Ключевые слова: культуры анархии, конкуренция, признание, нормативная инфраструктура конкуренции, типология режимов анархии, гистерезис признания, российско-американские отношения.

Введение

Конструктивизм научил дисциплину видеть в анархии социальную конструкцию. А. Вендт полемизирует с натурализацией самопомощи. Враждебность не вытекает из анархии автоматически, а производится взаимодействием [18; 19]. Его типология различает три культуры. Гоббсианская культура строится на роли врага. Локковская описывает конкурентоориентированное взаимодействие, в котором государства признают право друг друга на существование. Кантианская опирается на дружбу и отказ от силы [19, с. 247–259]. Схема элегантна. Однако она плохо различает состояния внутри среднего сегмента. Российско-американское взаимодействие 1991–2023 годов не было ни войной, ни дружбой на всем своем протяжении. Оно прошло через несколько качественно различных состояний. Все они формально укладываются в одну и ту же локковскую культуру. Партнерство начала 1990-х годов, стратегическое размежевание после 2002 года, конфронтация после 2014 года и разрыв договорной архитектуры после 2019 года различаются не степенью, а типом взаимодействия. Именно эти переходы требуют теоретизации [9; 10]. Понятие соперничества при этом остается концептуально сложным инструментом. В литературе оно расположено между кооперацией и конфликтом без ясных границ [9; 10]. Цель работы двойная. Теоретически она состоит в заполнении лакуны в типологии культур анархии через обращение к социологии Г. Зиммеля. Эмпирически она состоит в проверке полученной схемы на российско-американском случае. Задача состоит в том, чтобы показать, что схема объясняет то, чего не объясняют одномерные модели. Заполнение лакуны требует достройки типологии до работающей теории переходов. Работа делает для этого три шага. Первый шаг раскладывает средний сегмент спектра по двум измерениям нормативной инфраструктуры конкуренции. Их пересечение дает четыре именованных состояния вместо одной недифференцированной локковской культуры. Второй шаг формулирует эффект гистерезиса признания. Разрушение признания дешево и быстро, тогда как восстановление дорого и медленно. Третий шаг вводит понятие расщепления третьего. В полицентричной среде аудитория конкуренции распадается на конкурирующие круги признания, и сама превращается в участника торга. Изложение движется от критического анализа триады Вендта и зиммелевской теории конкуренции к трем теоретическим результатам. Затем следует эмпирическая проверка на российско-американском материале, разбор хронологической загадки 2002 года и очерчивание пределов обобщения.

Триада Вендта и её границы

Сила вендтовской модели заключается в механизме интернализации (Three Degrees of Internalization). Государства могут соблюдать правила по трем основаниям. В гоббсианской культуре это происходит по принуждению. В локковской по расчету. В кантианской по признанию легитимности. Система способна эволюционировать от враждебной культуры к конкурентной и далее к кооперативной [19, с. 247–319]. Эмпирическим индикатором культуры служит структура политического дискурса, то есть язык угроз, язык правил или язык общности [6; 19]. Безопасностный дискурс имеет узнаваемую структуру с акцентом на немедленной реакции и первичности выживания. Роли «враг», «соперник», «друг» описывают качество признания, но не механику самой конкуренции. Современная политика все чаще структурируется категориями, которых триада не схватывает. К ним относятся конкурентоспособность, взаимность, технологическое превосходство и публичная демонстрация сделки. Контрагент предстает транзакционным оппонентом [18; 19]. Локковская культура определена у Вендта отрицательно. Соперник есть тот, кто не враг и не друг. Определение через вычитание не задает внутренней структуры среднего сегмента. Между тем именно в нем различия практически значимы. Российско-американские отношения 1994 года и российско-американские отношения 2021 года формально принадлежат одной локковской культуре. Обе стороны признавали право друг друга на существование. Но в 1994 году действовали Договор по ПРО, Договор об обычных вооруженных силах в Европе и Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Шел процесс сокращения стратегических арсеналов. Россия участвовала в программе «Партнерство ради мира». В 2021 году из этого перечня уцелел один договор.

Различие между двумя состояниями невыразимо в языке триады. Оно при этом определяет всё, включая вероятность прямого столкновения. Вендтовский механизм интернализации описывает, насколько глубоко усвоена роль. Он не отвечает на вопрос, из чего роль соперника состоит. Ответ на этот вопрос требует теории конкуренции как таковой.

Размежевание со смежными традициями

Предлагаемая рамка нуждается в размежевании с тремя смежными исследовательскими традициями. Первую образуют количественные исследования стратегического соперничества. П. Дил и Г. Гёрц определяют соперничество через устойчивую диаду с повторяющимися милитаризованными спорами. М. Коларези, К. Раслер и У. Томпсон добавляют позиционное и пространственное измерения. Эта традиция фиксирует существование и длительность соперничества. Однако она измеряет его по симптомам. Режим взаимодействия внутри диады остается черным ящиком. Настоящая работа предлагает именно анатомию режимов. Вторую традицию составляют статусные исследования. Т. Пол, Д. Ларсон и У. Вулфорт трактуют статус как коллективное убеждение о ранге [9; 10]. Дж. Реншон демонстрирует связь статусного дефицита с конфликтным поведением [11]. Эта линия объясняет мотив конкуренции, но не форму её протекания. Статусная неудовлетворенность совместима и с регулируемым состязанием, и со спиралью. Третью традицию образуют теории признания, идущие от А. Хоннета через Т. Линдеманна к М. Мюррей и коллективному проекту К. Даазе. Р. Вольф добавил измерение уважения. Здесь признание выступает преимущественно бинарной переменной. Оно либо предоставляется, либо нет. Зиммелевская оптика позволяет расщепить эту переменную на компоненты. Она позволяет проследить, как частичная эрозия признания меняет режим взаимодействия, не отменяя соперничества как такового. Отдельного размежевания требует близкая по форме конструкция в литературе о статусном ревизионизме. Т. Онеа, У. Вулфорт и авторы этой традиции различают позиционное и институциональное измерения международного порядка. На их пересечении они получают четырехчастную типологию ревизионистских проектов, от консервативного до трансформационного. Различие с предлагаемой ниже типологией состоит в объекте классификации. Указанная типология классифицирует намерение одного актора. Она отвечает на вопрос, что именно держава стремится изменить. Предлагаемая типология классифицирует состояние отношения между двумя акторами. Она отвечает на вопрос, что именно они продолжают разделять. Типология ревизионистских проектов предсказывает, куда актор будет двигаться. Предлагаемая типология предсказывает, в какой среде это движение будет происходить. Конструкции комплементарны и ниже используются совместно. Предлагаемая рамка соединяет мотивационный вклад статусных теорий, нормативный вклад теорий признания и динамический вклад моделей эскалации в единой типологии переходов. Смежная проблематика активно разрабатывается и в российской политической науке. Сценарные модели российско-западных отношений и конкурирующих версий миропорядка анализируются в рецепции работ Р. Саквы. Системные основания анализа международных взаимодействий, на которые опирается настоящая работа, обоснованы в отечественной теории международных отношений.

Зиммелевская теория конкуренции

Такую теорию дает Георг Зиммель. Первый его тезис радикален. Соперничество есть не расстройство социальной жизни, а движущая логика постоянного смещения позиций. Конкуренция производит различия. Акторы дифференцируются именно потому, что соперничают, и соперничают потому, что дифференцированы [13]. Борьба идет не за уничтожение контрагента, а за превосходство в глазах инстанции, распределяющей выигрыш. Второй тезис вводит третью сторону. В центре конкуренции находится не диада противников, а третий, то есть аудитория, приз или арбитр [12; 13; 20]. Конкуренты воздействуют друг на друга опосредованно, через борьбу за расположение третьего [13]. Отсюда парадокс современного соперничества. Его интенсивность максимальна там, где присутствует значимая аудитория [13; 20]. Третий тезис нормативен. Легитимное соперничество предполагает взаимное признание и общие мерила [13]. Без общих мерил конкуренция вырождается. Вражда нацелена на устранение контрагента, соперничество на опережение при его сохранении [13]. Напряженность внешне похожа на конкуренцию той же настороженностью. Однако она лишена состязательной структуры и общих критериев. Конкуренция, по Зиммелю, есть форма социации. Она связывает соперников прочнее безразличия. Сам Зиммель фиксировал превращение конкуренции в «борьбу за людей» (Kampf um Menschen), то есть в состязание за расположение тех, кто выбирает [12]. Отсюда центральный для дальнейшего вывод. Угрозой миру является не конкуренция, а её десоциация, то есть утрата связующих свойств.

Классические модели переходов

Динамику промежуточных режимов описывают три классические модели. Дилемма безопасности фиксирует структурную ловушку. Меры повышения собственной безопасности объективно снижают безопасность других [7]. Модель сдерживания предлагает управляемый ответ, то есть повышение ожидаемой цены агрессии до неприемлемого уровня. Спиральная модель фокусируется на потенциале недопонимания и ошибочных атрибуций [7; 8]. Применительно к российско-американским отношениям эти модели признаются адекватным инструментарием анализа. Соединение двух оптик дает искомую типологию. Пока действуют зиммелевские условия, работает логика сдерживания. Эрозия признания переводит взаимодействие в режим напряженности. Полный отказ в признании возвращает гоббсианскую логику вражды. Следовательно, направление движения задается не распределением возможностей самих по себе, а состоянием нормативной инфраструктуры конкуренции. Наступательный реализм точен в диагнозе стимулов. Однако одинаковые стимулы производят разные режимы в зависимости от того, сохраняются ли общие правила игры. Спор между сдерживанием и спиральной моделью, ведущийся со времен Р. Джервиса [7], получает в этой рамке разрешение. К. Бут и Н. Уилер показали, что дилемма безопасности есть прежде всего дилемма интерпретации [5]. Т. Шеллинг построил теорию сдерживания на предпосылке общего языка угроз и обязательств. Обе модели неявно предполагают определенное состояние нормативной инфраструктуры. Сдерживание есть теория конкуренции при сохранном признании. Спираль есть теория конкуренции при разрушенном признании. Это фазы одного процесса.

Методы

Уточним статус используемого приёма. Речь идет не о методологии в смысле набора процедур сбора данных, а об эвристическом приёме. Понятийный аппарат одной дисциплины применяется для объяснения явлений, изучаемых другой. Приём имеет в дисциплине давнюю традицию, от заимствования равновесия из механики до заимствования игры из математики. Он при этом легко вырождается в метафорику. Поэтому работа подчиняет перенос двум явным ограничительным правилам. Первое правило требует функционального аналога. Понятие допускается лишь тогда, когда в межгосударственной среде обнаруживается механизм с той же функцией. Второе правило требует приращения. Перенесенное понятие обязано производить наблюдаемые следствия, отличные от следствий имеющихся теорий. Понятие, дублирующее объяснительную работу неореализма или институционализма, избыточно независимо от своей элегантности. Оба правила проверяются ниже для каждого зиммелевского концепта явным образом. Эмпирическая часть работы опирается на два корпуса источников. Первый образуют доктринальные документы обеих держав. В него входят стратегии национальной безопасности США 2002, 2010, 2017 и 2022 годов [14; 15], Стратегия национальной обороны США 2018 года, концепции внешней политики Российской Федерации 2000, 2013 и 2023 годов [2; 3; 4], военные доктрины 2000 и 2014 годов [1]. Второй корпус образуют тексты двусторонних договоров об ограничении вооружений и официальные акты выхода из них [16; 17]. Доктринальные документы фиксируют номинацию контрагента, то есть измерение признания. Договорные тексты фиксируют согласованные критерии допустимого, то есть измерение мерил. Оба измерения предлагаемой схемы наблюдаемы именно в этих источниках. Хронологические рамки эмпирической части охватывают период с 1991 по 2023 год. Нижняя граница определяется распадом биполярной системы. Верхняя граница определяется приостановкой участия России в Договоре о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений в феврале 2023 года.

Результаты исследования

Типология промежуточных режимов: два измерения, четыре состояния

Центральный теоретический результат работы состоит в следующем. Нормативная инфраструктура конкуренции не является одномерной величиной. Она складывается минимум из двух независимых измерений. Первым измерением выступает взаимное признание правосубъектности. Оно фиксирует, признают ли стороны друг друга правомочными участниками состязания. Наблюдаемыми носителями этого измерения выступают номинация контрагента в доктринальных документах, членство в общих институтах и протокольный ранг взаимодействия. Вторым измерением выступает общность мерил выигрыша. Она фиксирует,

существуют ли разделяемые критерии победы и процедуры фиксации результата. Наблюдаемыми носителями этого измерения выступают действующие договорные режимы с механизмами верификации. Измерения независимы, поскольку эмпирически встречаются все четыре комбинации. Их пересечение порождает четыре качественно различных промежуточных режима между гоббсианским и кантианским полюсами. Первый режим образует регулируемая конкуренция. Признание сохранно, мерила общие. Стороны состязаются интенсивно, но по правилам. Результаты фиксируются взаимно признаваемыми процедурами. Здесь и только здесь сдерживание работает как коммуникация. Сигнал угрозы читается адресатом в том же коде, в котором послан. Второй режим образует спор о мерилах. Признание сохранно, но критерии выигрыша оспариваются. Стороны продолжают считать друг друга правомочными игроками. Конкуренция смещается с состязания внутри правил на состязание за сами правила. Сдерживание здесь работает с перебоями. Включается механизм дилеммы интерпретации [5]. Третий режим образует статусная блокада. Мерила формально общие, но одной из сторон отказано в признании равноправного участника. Одна сторона играет за приз, другая за право находиться за столом. Литература о статусе показывает, что именно такая конфигурация максимально конфликтогенна [9; 11]. Р.Н. Лебоу возводит эту логику к культурному основанию. Стремление к признанию образует самостоятельный мотив внешнеполитического действия. Четвертый режим образует предвраждебная напряженность. Признание отозвано, мерила разрушены, состязательная структура исчезла, но война еще не началась. Это состояние Зиммель отличал от конкуренции как лишенное её формы. В нем безраздельно господствует спиральная логика [8]. Типология дает положительное определение промежуточных состояний. Она превращает спор классических моделей в вопрос о зоне применимости и задает язык переходов. Переходы между режимами при этом не являются постепенными. Изменение одного из измерений производит смену состояния целиком. Это сближает описываемую динамику с фазовыми переходами в физических системах. Тем самым локковский сегмент, занимавший в типологии Вендта одну недифференцированную позицию, разворачивается во внутренне структурированное поле.

Гистерезис признания: асимметрия деградации и восстановления

Второй результат касается динамики. Переходы между режимами необратимы в слабом смысле. Путь назад не совпадает с путем туда. Разрушение признания достигается быстро, дешево и односторонне. Достаточно серии перформативных отказов, то есть исключения из форматов, отзыва статусных атрибутов и переквалификации контрагента из соперника в угрозу. Восстановление признания, напротив, медленно, дорого и требует двусторонних действий. По аналогии с физическими и экономическими системами этот эффект уместно назвать гистерезисом признания. Аналогии фазового перехода и гистерезиса описывают одну систему с двух сторон, то есть дискретность состояний и необратимость переходов. Механизм эффекта складывается из трех составляющих. Первую составляет атрибуционная инерция. Р. Джервис показал, что сложившийся образ противника перерабатывает поступающую информацию в свою пользу [7]. Вторую составляющую образуют аудиторные издержки. Отказ в признании совершается публично, перед третьими сторонами. Его отмена равносильна признанию собственной ошибки перед той же аудиторией. Третью составляющую образует институциональное отмирание. Договорная инфраструктура создается годами, а демонтируется решением [8]. Асимметрия здесь институциональная, а не только временная. Договор по ПРО стал результатом переговоров, начатых в Хельсинки в ноябре 1969 года и завершившихся подписанием в мае 1972 года [17]. Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности стал результатом переговоров, начатых в Женеве в ноябре 1981 года и завершившихся подписанием в декабре 1987 года [16]. Прекращение действия обоих договоров потребовало одностороннего уведомления в предусмотренный текстом срок. Договоры устроены так, что вход в них коллективен, а выход односторонен. Из эффекта следуют два вывода. Первый вывод касается практики. Политика управляемой эскалации исходит из симметрии, которую гистерезис делает ложной. Цена возврата всегда выше цены ухода. Второй вывод касается теории. Модели, оперирующие равновесиями, от структурного реализма до теории кооперации, описывают состояния, но не тропы между ними. Нормативная инфраструктура конкуренции является не эпифеноменом баланса сил, а самостоятельным запасом. Он расходуется быстро, а накапливается медленно.

Расщепление третьего: аудитория как участник торга

Третий результат развивает зиммелевскую фигуру третьего за пределы, которые рассматривал сам Зиммель. В его модели третий един [12; 13; 20]. Модель молчаливо предполагает, что третий пассивен и целостен. В полицентричной международной среде оба допущения рушатся. В российско-американском случае третий расщепляется не на метафорическую мировую общественность, а на четыре эмпирически различимых круга признания. Первый круг образуют западные институциональные площадки, то есть НАТО, Европейский союз и «Группа семи». Критерием признания выступает соответствие процедурным стандартам объединения. Россия была допущена в этот круг в ограниченном режиме с 1997 по 2014 год через «Группу восьми» и Совет Россия — НАТО. Затем она была из него исключена. Второй круг образует постсоветское пространство с институтами Организации Договора о коллективной безопасности и Евразийского экономического союза. Критерием выступает способность поставлять безопасность и экономические блага. Этот круг признаёт Россию по параметрам, по которым первый круг ей отказывает. Третий круг образуют ближневосточные столицы, то есть государства Персидского залива, Турция, Израиль и Иран. Критерием выступает способность влиять на исход конкретного конфликта. Этот круг признавал обе державы одновременно и по разным основаниям. Турция состоит в НАТО и одновременно приобрела российские зенитные комплексы. Израиль сохраняет союз с США и одновременно поддерживал механизм деконфликтации с Россией в Сирии. Четвертый круг образует незападное большинство Генеральной Ассамблеи ООН. Критерием признания здесь выступает соответствие принципам суверенитета и невмешательства в их расширительном толковании. Ответ на вопрос, борются ли Москва и Вашингтон за признание одной и той же аудитории, отрицателен. Они борются за признание разных аудиторий, применяющих разные критерии. Именно поэтому обе стороны способны одновременно считать себя выигрывающими. Это и есть аудиторный дефицит. Расщепление имеет два следствия. Первым выступает обратный аукцион признания. Когда аудиторий много, а великих держав, нуждающихся в признании, мало, направление торга разворачивается. Региональные акторы диверсифицируют патронов и используют механизм, описанный А. Хиршманом. Перенос удовлетворяет обоим правилам. Функциональный аналог состоит в реальной возможности смены патрона. Приращение состоит в росте уступок патронов с числом альтернатив. Второе следствие образует аудиторный дефицит. По Зиммелю, именно ориентация на общего третьего цивилизует конкуренцию [20]. Когда общий третий расщеплен, каждая держава состязается перед собственной аудиторией и выигрывает на своем табло. В терминах предложенной типологии это соответствует сползанию из регулируемой конкуренции в спор о мерилах чисто структурным путем.

Российско-американский случай: нормативная инфраструктура и её разрушение

Предыдущие разделы построили схему. Настоящий раздел проверяет её на материале, для объяснения которого она создавалась.

Содержание нормативной инфраструктуры

В измерении мерил её образует корпус договоров, устанавливавших согласованные критерии допустимого поведения и процедуры их проверки. Ядро корпуса составляли пять соглашений. Договор об ограничении систем противоракетной обороны 1972 года фиксировал взаимную уязвимость как основание стратегической стабильности [17]. Договор об обычных вооруженных силах в Европе 1990 года устанавливал потолки для пяти категорий вооружений. Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности 1987 года устранял целый класс систем [16]. Договор по открытому небу 1992 года создавал режим взаимных наблюдательных полетов. Договоры о сокращении стратегических наступательных вооружений задавали количественные потолки и процедуры верификации. Функция корпуса не сводилась к сокращению арсеналов. Договоры выполняли роль общих мерил. Верификационные механизмы создавали общий язык описания реальности, без которого сигналы сдерживания нечитаемы. В измерении признания инфраструктуру образовывали институты совместного участия. К ним относятся Основополагающий акт Россия – НАТО 1997 года, Совет Россия – НАТО 2002 года, членство России в «Группе восьми» с 1998 года и участие в программе «Партнерство ради мира» с 1994 года. Эти институты не регулировали вооружения. Они фиксировали правосубъектность России как правомочного участника европейской архитектуры безопасности.

Период 1991–2001: регулируемая конкуренция

Оба измерения в этот период сохранны. Договорный корпус действует и расширяется. Институты признания создаются. Концепция внешней политики Российской Федерации 2000 года, при всей критичности к однополярности, не квалифицирует США как угрозу и настаивает на партнерстве в области стратегической стабильности [3]. Конкуренция в этот период интенсивна и включает острые эпизоды, от расширения

НАТО 1999 года до косовской операции. Но она протекает в первом из описанных режимов. Разногласия артикулируются в общем языке и разрешаются через существующие процедуры.

Период 2002–2013: спор о мерилах

Этот период требует особого внимания, поскольку именно здесь одномерные объяснения дают сбой. Подробный разбор вынесен в раздел о загадке 2002 года. Кратко фиксируем результат. Выход США из Договора по ПРО в 2002 году разрушил центральное мерило стратегической стабильности. Измерение признания при этом не только не пострадало, но было укреплено. Система переместилась из первого режима во второй, а не в третий или четвертый. Наблюдаемые признаки второго режима присутствуют в полном составе. Стороны продолжают признавать друг друга правомочными участниками. Стратегия национальной безопасности США 2010 года провозглашает перезагрузку и описывает Россию как партнера по ряду направлений. Концепция внешней политики Российской Федерации 2013 года фиксирует приверженность многосторонности и не квалифицирует США как противника [2]. Одновременно расхождение в мерилах углубляется. Развертывание элементов противоракетной обороны в Европе, приостановка Россией участия в Договоре об обычных вооруженных силах в Европе в 2007 году и взаимные обвинения в нарушении Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности с 2013 года образуют последовательность споров именно о критериях допустимого.

Период 2014–2018: статусная блокада

Украинский кризис 2014 года производит изменение в измерении признания, а не в измерении мерил. Договорный корпус в этот момент еще формально действует. Договор о мерах по дальнейшему сокращению стратегических наступательных вооружений исполняется, инспекции проводятся. Меняется другое. Россия исключена из «Группы восьми». Практическое сотрудничество в Совете Россия — НАТО приостановлено. Военная доктрина Российской Федерации 2014 года впервые квалифицирует наращивание силового потенциала НАТО и приближение его инфраструктуры к российским границам как основную внешнюю военную опасность [1]. Стратегия национальной безопасности США 2017 года завершает симметричную операцию с американской стороны. Она помещает Россию в категорию ревизионистских держав, стремящихся изменить международный порядок в свою пользу [14]. Стратегия национальной обороны 2018 года закрепляет ту же рамку. С точки зрения материального интереса украинский эпизод есть спор о сфере влияния. Для типологии существенно иное. Украина выступила ареной, на которой обе стороны публично отказали друг другу в праве определять правила поведения в общем соседстве. Это операция в измерении признания, а не в измерении мерил. Именно поэтому её последствия оказались непропорциональны материальным ставкам. Переквалификация из соперника в угрозу фиксируется самими доктринальными текстами. Номинация датируема с точностью до документа, что и делает измерение признания наблюдаемым.

Период 2019–2023: предвраждебная напряженность

В этот период эрозия достигает второго измерения. Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности прекращает действие в августе 2019 года. Договор по открытому небу прекращает действие для США в ноябре 2020 года и для России в декабре 2021 года. Участие России в Договоре о мерах по дальнейшему сокращению стратегических наступательных вооружений приостановлено в феврале 2023 года. Россия завершает выход из Договора об обычных вооруженных силах в Европе в 2023 году. Оба измерения оказываются разрушены. Концепция внешней политики Российской Федерации 2023 года вводит категорию недружественных государств и описывает курс США как экзистенциальную угрозу [4]. Стратегия национальной безопасности США 2022 года квалифицирует Россию как непосредственную угрозу свободному международному порядку [15]. Наблюдаемое соответствует четвертому из описанных режимов. Состязательная структура исчезла, общий язык описания реальности утрачен, действует спиральная динамика. Сохранившиеся каналы деконфликтации носят технический характер и не восстанавливают ни признания, ни мерил.

Причины деградации: два такта в разных измерениях

Предложенная типология объясняет деградацию договорной инфраструктуры, не сводя её ни к злой воле, ни к материальным сдвигам. Деградация происходила в два такта и в разных измерениях. Первый такт затронул мерила и был вызван асимметрией технологических траекторий. Американское превосходство в средствах разведки и высокоточных обычных вооружениях сделало прежние количественные потолки неадекватным мерилом. Российская сторона настаивала на включении в уравнение противоракетной обороны и высокоточных систем. Американская отказывалась. Спор шел не о том, кто нарушает правила, а о том, какие правила релевантны. Второй такт затронул признание и был вызван расхождением в интерпретации права определять порядок в общем соседстве. Здесь спор шел уже не о критериях, а о правосубъектности. Существенно, что второй такт последовал за первым с интервалом более десяти лет и был вызван иными причинами. Одномерная модель, трактующая нормативную инфраструктуру как единую величину, вынуждена объяснять оба такта одним фактором. Поэтому она не справляется с их разнесенностью во времени.

Загадка 2002 года: почему выход из Договора по ПРО не вызвал смены режима

Выход США из Договора по ПРО состоялся за полтора десятилетия до общей деградации договорной архитектуры. Если разрушение мерил переводит систему в спиральную динамику, почему демонтаж центрального мерила в 2002 году не произвел такого эффекта? Типология отвечает на этот вопрос и извлекает из него подтверждение. Президент США объявил о выходе из Договора по ПРО 13 декабря 2001 года. Выход вступил в силу 13 июня 2002 года. В интервале между этими датами произошли два события, обычно рассматриваемые изолированно. 24 мая 2002 года в Москве подписан Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов, устанавливавший новые потолки арсеналов. 28 мая 2002 года в Пратика-ди-Маре учрежден Совет Россия — НАТО. Он заменил прежний Совместный постоянный совет и предоставил России равноправное участие в обсуждении согласованного круга вопросов. За три недели система пережила разрушение одного мерила и укрепление признания по двум линиям. Измерения изменились в противоположных направлениях. Система перешла из регулируемой конкуренции в спор о мерилах, а не в статусную блокаду. Отсюда три проверяемых вывода. Первый вывод состоит в том, что спиральная динамика запускается эрозией признания, а не мерил. В 2002 году признание укреплялось, поэтому демонтаж мерила произвел не спираль, а десятилетний спор о критериях. Эпизод подтверждает и дискретность переходов. Смена состояния произошла целиком и сразу. Второй вывод состоит в том, что разрушение мерила создает уязвимость, но не реализует её. Уязвимость реализовалась после 2014 года, когда изменилось второе измерение. Третий вывод носит методологический характер. Одномерная модель вынуждена либо считать выход из Договора по ПРО малозначимым, либо предсказывать немедленный кризис, которого не произошло. Двумерная объясняет случай без дополнительных допущений. Загадка 2002 года не является аномалией. Она составляет сильнейшее свидетельство в пользу типологии. Типология была бы опровергнута, если бы разрушение мерил при укреплении признания повлекло спираль.

Пределы обобщения: китайско-американский контраст

Границы типологии продуктивнее всего проводить на диаде, которая на первый взгляд её опровергает. Сильнейший контраргумент таков. Китайско-американское соперничество последнего десятилетия нарастало без заметной деградации договорной инфраструктуры и без расщепления третьего. Контраргумент распадается на две части разной силы. В военно-стратегической сфере между США и Китаем никогда не существовало двусторонних договоров об ограничении вооружений с верификацией. Измерение мерил не было институционализировано, и деградировать было нечему. Диада стартовала сразу во втором режиме, то есть в споре о мерилах при сохранном признании. Это не опровергает типологию, а задает начальные условия траектории. Из них вытекает проверяемое следствие. При отсутствии общих мерил сдерживание между США и Китаем изначально работает в режиме дилеммы интерпретации, а не коммуникации [5]. Кризисы здесь должны развиваться быстрее и менее предсказуемо, чем российско-американские периода действия договоров. Гистерезис в военной сфере должен отсутствовать за отсутствием предмета. Расщепление третьего в этой диаде наблюдается. Оно произошло в экономико-институциональном домене. Институционализация взаимного признания была плотной. Установление дипломатических отношений в 1979 году, вступление Китая во Всемирную торговую организацию в 2001 году, формула ответственного участника 2005 года, повышение статуса «Группы двадцати» до саммитного уровня, пересмотр квот в Международном валютном фонде и включение юаня в корзину резервных валют образовывали разветвленную инфраструктуру признания. Именно здесь обе стороны практически одновременно приступили к строительству конкурирующих кругов признания. С американской стороны Транстихоокеанское партнерство представляло собой проект перестройки регионального экономического порядка с исключением Китая. В вебе-

ровских терминах это исключающее социальное замыкание. Реформа системы союзов в Азиатско-Тихоокеанском регионе выполняла ту же функцию в сфере безопасности. С китайской стороны Азиатский банк инфраструктурных инвестиций и Новый банк развития БРИКС создали параллельные площадки предоставления общественных благ с позиционным потолком для американского и японского участия. Это узурпационное замыкание, то есть зеркальная операция. Существенно, что ни одна из сторон не покидала общих институтов. Параллельные круги строились поверх существующих. Это в точности институциональное наслоение в смысле К. Телен [18]. Расщепление наблюдаемо по составу участников. Банк, к основанию которого присоединились европейские союзники США, вырос с 57 учредителей до 103 членов. Партнерство объединило двенадцать государств без Китая. Одни и те же столицы состояли в обеих конструкциях. Аудитория конкуренции распалась на несовпадающие круги, применяющие разные критерии признания. Реинтерпретация дает три результата. Первый подтверждает механизм. Литература описывает динамику диады через статусные ожидания и фрустрацию. Рост возможностей Китая породил ожидание положения, блокированное превентивными мерами доминирующей державы [11]. Это совпадает с механизмом статусной блокады, независимо выведенным выше, что усиливает обе конструкции. Второй результат локализует гистерезис там, где была инфраструктура, то есть в экономико-технологической сфере. Восстановление технологических цепочек должно занимать существенно больше времени, чем разрыв. Проверка этого требует отдельного исследования. Третий результат касается номинации. Стратегия национальной безопасности США 2017 года помещает Китай и Россию в одну категорию ревизионистских держав [14]. Стратегия 2022 года разводит их, квалифицируя Китай как единственного конкурента, обладающего одновременно намерением и способностью переустроить международный порядок [15]. Изменение номинации датируемо и здесь, что подтверждает применимость предложенной операционализации. Пределы формулируются так. Типология применима к диадам, где нормативная инфраструктура была институционализирована хотя бы в одном домене. Она описывает траектории эрозии. Домен институционализации подлежит эмпирическому установлению в каждом случае. Российско-американская диада институционализировала мерила в военно-стратегической сфере. Китайско-американская диада институционализировала признание в экономической. Различие доменов объясняет различие траекторий при сходстве механизма.

Операционализация и условия опровержения

Предложенная типология доводится до эмпирически проверяемой формы. Оба измерения нормативной инфраструктуры наблюдаемы через структуру политического дискурса и институциональной практики [6; 19]. Признание правосубъектности операционализируется тремя классами маркеров. Номинационные маркеры фиксируют, как официальные документы именуют контрагента, то есть партнером, соперником, конкурентом, угрозой или ревизионистом. Разбор эмпирических разделов показывает, что эти маркеры датируемы с точностью до документа. Процедурные маркеры фиксируют включение или исключение из переговорных форматов и режимов. Ранговые маркеры фиксируют подтверждение или отзыв статусных атрибутов, то есть членства, саммитов и протокольного уровня. Общность мерил операционализируется через наличие действующих договорных режимов с процедурами верификации и через степень совпадения официальных определений стратегической стабильности в документах сторон. Из типологии вытекают пять опровержимых предсказаний. Первое предсказание состоит в том, что изменение режима взаимодействия должно опережаться изменением маркеров признания, а не изменением баланса возможностей. Если фазовые переходы систематически следуют за материальными сдвигами при неизменных маркерах, типология ложна. Второе состоит в том, что при равных материальных условиях интенсивность состязательного поведения должна быть выше на аренах с плотной аудиторией, то есть с большим числом акторов, чье признание значимо для участников. Третье состоит в том, что длительность восстановления договорной инфраструктуры после деэскалации должна систематически превышать длительность её демонтажа. Наблюдение симметричных циклов опровергает гистерезис. Четвертое предсказание является наиболее диагностичным и вытекает из двумерности. Разрушение мерил при сохранном признании не должно вызывать спиральной динамики. Отзыв признания при сохранных мерилах должен её вызывать. Наблюдение обратного соотношения опровергло бы саму гипотезу о независимости двух измерений. Пятое касается характера переходов. Смена режима должна происходить дискретно, то есть в течение короткого интервала после изменения одного из измерений. Наблюдение плавных, растянутых на годы переходов при однократном изменении измерения опровергло бы тезис о дискретности состояний. Формулировка условий опровержения отличает рамку от метафорики и открывает программу измерения средствами систематического дискурс-анализа [6] и событийного анализа договорных режимов.

Заключение

Триада «враг — соперник — друг» остается фундаментом конструктивистского анализа, но нуждается в достройке. Социология Зиммеля предоставляет для неё недостающие элементы. Классические модели дилеммы безопасности, сдерживания и спирали описывают в этой рамке не альтернативные теории, а фазовые состояния одного континуума. Типология промежуточных режимов разложила недифференцированный средний сегмент на четыре именованных состояния. Гистерезис признания объяснил асимметрию деградации и восстановления конкурентных режимов. Расщепление третьего объяснило распад предпосылки единой аудитории в полицентричной среде. В российско-американском случае измерение мерил образовывал корпус договоров об ограничении вооружений. Измерение признания образовывали институты совместного участия от Основополагающего акта 1997 года до Совета Россия — НАТО. Оба разрушались в разное время и по разным причинам. Мерила эродировали с 2002 года вследствие асимметрии технологических траекторий. Признание эродировало с 2014 года вследствие расхождения в понимании права определять порядок в общем соседстве. Полное разрушение обоих измерений завершилось в интервале 2019–2023 годов. Разнесенность двух тактов во времени составляет главный эмпирический результат работы. Выход США из Договора по ПРО в 2002 году не вызвал спирали потому, что совпал по времени с укреплением признания через Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов и Совет Россия — НАТО. Спираль включилась тогда, когда к разрушенным мерилам добавился отзыв признания. Из этого следует практический вывод, обращенный к политике деэскалации. Восстановление договорных режимов при сохраняющемся отказе в признании не вернет систему в исходное состояние. Договоры суть мерила, и они работают лишь тогда, когда стороны признают друг друга правомочными участниками. Признание должно предшествовать мерилам, а не следовать за ними. Дискретность переходов означает, что частичное восстановление одного измерения не производит частичного улучшения режима. Пределы вывода очерчены явно. Китайско-американский случай не опровергает типологию, а уточняет её. В этой диаде мерила в военной сфере не были институционализированы никогда, зато признание в экономической сфере было институционализировано плотно. Соответственно расщепление третьего произошло именно там. Главным дефицитным ресурсом великодержавного соперничества является не мощь, а нормативная инфраструктура конкуренции. Рациональная стратегия обязана считать её износ и цену восстановления так же строго, как считает боеголовки и бюджеты.

Литература

1. Военная доктрина Российской Федерации: утв. Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976 // Совет Безопасности Российской Федерации: официальный сайт. П. 12. URL: http://www.scrf.gov.ru/security/military/document129/ (дата обращения: 25.07.2026).

2. Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Президентом Российской Федерации 12 февраля 2013 г. № Пр-251 // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. 2013. 20 февраля. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70218094/ (дата обращения: 26.07.2026).

3. Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Президентом Российской Федерации 28 июня 2000 г. // Российская газета. 2000. 11 июля. № 133.

4. Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г. // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2023. 31 марта. URL: https://mid.ru/en/foreign_policy/fundamental_documents/1860586/?lang=ru (дата обращения: 25.07.2026).

5. Booth, K., Wheeler, N.J. The Security Dilemma: Fear, Cooperation and Trust in World Politics. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2008. P. 2–18, 83–130.

6. Fairclough, N. Critical Discourse Analysis and Critical Policy Studies // Critical Policy Studies. 2013. Vol. 7, № 2. P. 177–197.

7. Jervis, R. Perception and Misperception in International Politics. Princeton: Princeton University Press, 1976. P. 58–110.

8. Keil, S., Arts, S. Strategic Spiral: Arms Control, U.S.-Russian Relations, and European Security. Washington: German Marshall Fund of the United States, 2020. (Policy Brief, № 3).

9. Larson, D. W., Shevchenko, A. Status Seekers: Chinese and Russian Responses to U.S. Primacy // International Security. 2010. Vol. 34, № 4. P. 63–95.

10. Paul, T. V., Larson, D. W., Wohlforth, W.C. Introduction // Status in World Politics / ed. by T.V. Paul, D.W. Larson, W.C. Wohlforth. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 7–17.

11. Renshon, J. Fighting for Status: Hierarchy and Conflict in World Politics. Princeton: Princeton University Press, 2017. P. 1–32, 150–228.

12. Simmel, G. Soziologie der Konkurrenz // Neue Deutsche Rundschau (Freie Bühne). 1903. Vol. 14, № 10. S. 1009–1023.

13. Simmel, G. Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. 7. Aufl. Berlin: Duncker & Humblot, 2013. S. 224–226, 238.

14. The White House. National Security Strategy of the United States of America. Washington: The White House, December 2017. P. 2–4, 25–26.

15. The White House. National Security Strategy. Washington: The White House, October 2022. P. 8, 25–26.

16. Treaty Between the United States of America and the Union of Soviet Socialist Republics on the Elimination of Their Intermediate-Range and Shorter-Range Missiles. Washington, 8 December 1987.

17. Treaty Between the United States of America and the Union of Soviet Socialist Republics on the Limitation of Anti-Ballistic Missile Systems. Moscow, 26 May 1972.

18. Wendt, A. Anarchy Is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics // International Organization. 1992. Vol. 46, № 2. P. 391–425.

19. Wendt, A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. P. 42–43, 60.

20. Werron, T. Zur sozialen Konstruktion moderner Konkurrenzen: Das Publikum in der «Soziologie der Konkurrenz» // Georg Simmels große «Soziologie» / hrsg. von H. Tyrell, O. Rammstedt, I. Meyer. Bielefeld: transcript Verlag, 2011. S. 227–258.

INTERMEDIATE REGIMES OF ANARCHY: GEORG SIMMEL'S SOCIOLOGY OF COMPETITION AND RUSSIAN-AMERICAN RIVALRY AFTER THE COLD WAR

Bezkadi Fadi
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

The subject of the article is the set of intermediate regimes of great-power interaction that lie between enmity and friendship and remain insufficiently conceptualised in constructivist theory. The aim of the work is to extend the typology of cultures of anarchy with an apparatus describing the internal mechanics of rivalry and to test the resulting scheme on the Russian-American case of 1991–2023. The study rests on an interdisciplinary transfer of Georg Simmel's sociology of competition into international relations theory, understood as a heuristic device subordinated to two explicit restrictive rules. The empirical base comprises the doctrinal documents of the two powers and the corpus of bilateral arms control treaties. The scientific novelty is specified in three results. A typology of intermediate regimes of anarchy is constructed, in which two dimensions of the normative infrastructure, namely mutual recognition of legal personality and commonality of the measures of winning, generate four named states with discrete transitions between them. The effect of recognition hysteresis is formulated, explaining the asymmetry between the degradation and restoration of competitive regimes. The concept of the splitting of the third is introduced. The typology resolves an empirical puzzle. The 2002 US withdrawal from the ABM Treaty did not change the regime because it affected only the dimension of shared measures while recognition was simultaneously strengthening. The limits of generalisation are outlined through the contrast with Sino-American rivalry. The practical significance of the work lies in the applicability of the typology and its observable markers to monitoring escalation risks in great-power relations.

Keywords: cultures of anarchy, competition, recognition, normative infrastructure of competition, typology of anarchy regimes, recognition hysteresis, Russian-American relations.

References

1. Voennaya doktrina Rossiyskoy Federatsii, 25 dekabrya 2014 g. [Military Doctrine of the Russian Federation, 25 December 2014]. (In Russian).

2. Kontseptsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii, 12 fevralya 2013 g. [Foreign Policy Concept of the Russian Federation, 12 February 2013]. (In Russian).

3. Kontseptsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii, 28 iyunya 2000 g. [Foreign Policy Concept of the Russian Federation, 28 June 2000]. (In Russian).

4. Kontseptsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii, 31 marta 2023 g. [Foreign Policy Concept of the Russian Federation, 31 March 2023]. (In Russian).

5. Booth, K., Wheeler, N.J. The Security Dilemma: Fear, Cooperation and Trust in World Politics. Basingstoke, Palgrave Macmillan Publ., 2008, pp. 2–18, 83–130.

6. Fairclough, N. Critical Discourse Analysis and Critical Policy Studies, Critical Policy Studies, 2013, V. 7, № 2. pp. 177–197.

7. Jervis, R. Perception and Misperception in International Politics. Princeton, Princeton University Press Publ., 1976, pp. 58–110.

8. Keil, S., Arts, S. Strategic Spiral: Arms Control, U. S.-Russian Relations, and European Security. Washington, German Marshall Fund of the United States Publ., 2020, (Policy Brief, № 3).

9. Larson, D. W., Shevchenko, A. Status Seekers: Chinese and Russian Responses to U.S. Primacy, International Security, 2010, V. 34, № 4. pp. 63–95.

10. Paul, T. V., Larson, D. W., Wohlforth, W.C. Introduction, Status in World Politics / ed. by T.V. Paul, D.W. Larson, W.C. Wohlforth. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 7–17.

11. Renshon, J. Fighting for Status: Hierarchy and Conflict in World Politics. Princeton, Princeton University Press Publ., 2017, pp. 1–32, 150–228.

12. Simmel, G. Soziologie der Konkurrenz, Neue Deutsche Rundschau (Freie Bühne), 1903, V. 14, № 10. pp. 1009–1023.

13. Simmel, G. Soziologie: Untersuchungen über die Formen der Vergesellschaftung. 7. Aufl. Berlin, Duncker & Humblot Publ., 2013, pp. 224–226, 238.

14. The White House. National Security Strategy of the United States of America. Washington: The White House, December 2017. P. 2–4, 25–26.

15. The White House. National Security Strategy. Washington: The White House, October 2022. P. 8, 25–26.

16. Treaty Between the United States of America and the Union of Soviet Socialist Republics on the Elimination of Their Intermediate-Range and Shorter-Range Missiles. Washington, 8 December 1987.

17. Treaty Between the United States of America and the Union of Soviet Socialist Republics on the Limitation of Anti-Ballistic Missile Systems. Moscow, 26 May 1972.

18. Wendt, A. Anarchy Is What States Make of It: The Social Construction of Power Politics, International Organization, 1992, V. 46, № 2. pp. 391–425.

19. Wendt, A. Social Theory of International Politics. Cambridge, Cambridge University Press Publ., 1999, pp. 42–43, 60.

20. Werron, T. Zur sozialen Konstruktion moderner Konkurrenzen: Das Publikum in der «Soziologie der Konkurrenz», Georg Simmels große «Soziologie» / hrsg. von H. Tyrell, O. Rammstedt, I. Meyer. Bielefeld: transcript Verlag, 2011. S. 227–258.

Механизмы российской политики урегулирования сирийского кризиса: концептуальная модель адаптации к новым геополитическим реалиям (2011–2025 гг.)

Бердиев Байрам Гурбанмырадович,
соискатель, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: 96berdiyev@gmail.com

Статья посвящена комплексному анализу механизмов российской политики по урегулированию сирийского кризиса в период 2011–2025 гг. и обоснованию направлений их адаптации к геополитическим условиям, сложившимся после смены власти в Дамаске в декабре 2024 года. На основе системного, институционального, историко-сравнительного и сценарно-модельного анализа разработаны три авторские модели политики. Аналитическая модель фазовой трансформации ближневосточной политики Российской Федерации, построенная на четырех инвариантных критериях и правиле фазового перехода. Объяснительная модель «стабилизация через управляемую фрагментацию», раскрывающая институциональную логику российского урегулирования 2015–2024 гг. через сопряжение дипломатического упреждения и точечного силового сдерживания. Адаптивная модель механизмов комплексного урегулирования, интегрирующая политико-дипломатический, военно-стратегический, экономический и гуманитарно-информационный контуры. Введено рабочее определение понятия «заинтересованный гарант». Установлено, что нормативно-правовые основания российского присутствия сохранили силу после смены сирийского правительства, а устойчивость влияния определяется не объемом ресурсов, а степенью взаимодействия. Результаты верифицированы на материале российско-сирийского взаимодействия в период с октября 2025 по август 2026 года включительно.

Ключевые слова: сирийский кризис; внешняя политика России; урегулирование международных конфликтов; заинтересованный гарант; фазовая трансформация; адаптивная модель; полицентричный миропорядок.

Введение

Геополитическая обстановка в Сирийской Арабской Республике изменилась кардинально. Трансформация баланса сил на Ближнем Востоке и внутриполитические сдвиги после смены власти в Дамаске в декабре 2024 года потребовали пересмотра прежних механизмов урегулирования и адаптации российских подходов к условиям устойчивой нестабильности и формирующегося полицентричного миропорядка.

Актуальность исследования связана с тем, что России нужны новые механизмы политического урегулирования сирийского кризиса. Эти механизмы должны опираться на научно обоснованную адаптивную модель урегулирования. Модель должна объединить дипломатию, военно-политические меры, экономику и гуманитарные инструменты в единую систему. Это позволит перестроить российскую политику после смены руководства Сирии. Смена власти в Сирии в декабре 2024 года ставит перед исследователем непростую задачу. Российская внешняя политика опиралась на союз с конкретным правительством. Союзное правительство Башара Асада Россия утратила. Несмотря на это, по состоянию на август 2026 года Россия сохраняет свое присутствие в Сирии. Российской внешней политике удалось наладить контакты с новыми властями Сирии во главе с Ахмедом Хусейном аш-Шараа. Объяснить сохранение российского присутствия в стране, несмотря на утрату союзного руководства, объемом вложенных ресурсов нельзя. Ресурсная база присутствия за два года значительно сократилась. Отсюда следует главный тезис исследования. Устойчивость присутствия в раздробленной постконфликтной среде зависит от связности разных механизмов урегулирования. К ним относятся дипломатические, гуманитарные, экономические и военные механизмы.

Масса задействованных средств здесь вторична. Изолированный механизм эффект теряет. Сцепленный с остальными сохраняет его даже при смене политического контрагента.

Сложившийся массив научных работ, посвященных сирийскому кризису, при значительной степени разработанности отдельных сюжетов не обеспечивает комплексного анализа механизмов урегулирования и, что особенно существенно, не охватывает период после смены власти 2024 года. Отечественная традиция изучения проблемы опирается на школу системного анализа международных отношений (А.Д. Богатуров, Н.А. Косолапов, М.А. Хрусталев) [1], теорию международных конфликтов и миротворчества (А.И. Никитин, М.М. Лебедева, Е.А. Степанова) [10; 12; 16], концепцию полицентричного мирового порядка (И.А. Сафранчук, Ф.А. Лукьянов) [14], теорию геоэкономики и экономической дипломатии (Э.Г. Кочетов, Д.А. Дегтерев, Т.В. Зонова) [3; 6; 9], теорию глубоко разделенных обществ (В.В. Наумкин, И.Д. Звягельская, В.А. Кузнецов) [5; 11] и работы по многосторонней дипломатии сирийского урегулирования (М.С. Ходынская-Голенищева) [20]. Защищенные в 2025 году диссертации Д.А. Семеновой, Ю.С. Филаретовой и Б.М. Хаджиевой [15; 18; 19] заметно продвинули отдельные направления – многостороннюю дипломатию, гуманитарное содействие, историческую эволюцию сирийского вопроса. Однако события декабря 2024 года и их последствия остались за рамками этих работ, и системного осмысления периода после смены власти они пока не дают.

Дефицит этой литературы носит процедурный характер. К тематическому охвату претензий почти нет. Периодизация российской ближневосточной политики опирается, как правило, на внешние политические события. Заданный заранее набор критериев в нее обычно не закладывается, из-за чего границы этапов не поддаются независимой проверке. Со стороны объяснения картина немногим лучше. Институциональная логика российского урегулирования чаще всего сводится к констатации результата – «управление конфликтом вместо его разрешения». Производящий этот результат механизм при этом остается неэксплицированным. Есть и третье затруднение, понятийное. Позиция внешнего актора, который одновременно учреждает переговорную площадку и извлекает из нее собственную выгоду, в оппозицию «нейтральный посредник – сторона конфликта» не укладывается и потому описывается чаще оценочно, чем аналитически. На эти три затруднения статья и отвечает.

Объект исследования – политика Российской Федерации по урегулированию сирийского кризиса. Предметом выступают механиз-

мы этой политики, то есть дипломатический, военно-политический и экономико-гуманитарный инструментарий, взятый в его взаимосвязи. Цель работы состоит в том, чтобы построить концептуальную модель адаптации российских механизмов урегулирования к новым геополитическим реалиям и определить направления их совершенствования. Хронологические рамки – 2011–2025 гг. Нижняя граница задана началом сирийского кризиса как самостоятельного международно-политического явления. Верхняя приходится на завершение первого полного календарного года после смены власти, когда новая конфигурация урегулирования обрела устойчивые очертания.

Рабочая гипотеза сводится к следующему утверждению. Результативность внешнего влияния в условиях фрагментированной власти определяется степенью взаимной увязки разнородных механизмов. Суммарная ресурсная обеспеченность играет здесь подчиненную роль. Проверка построена на разведении двух массивов материала. Модель конструировалась на данных 2011–2024 годов, тогда как проверялась она на материале октября 2025 – августа 2026 года, при построении не использовавшемся.

Материалы и методы исследования

В исследовании используются четыре уровня анализа. Историко-сравнительный анализ нужен, чтобы проследить эволюцию политики СССР и России на Ближнем Востоке. Системный анализ рассматривает разные механизмы политики урегулирования как единое целое. В нем связаны дипломатические, военные и экономические векторы урегулирования. Институциональный анализ включает переговорные форматы, зоны деэскалации и институт гарантов. Также сюда входит институциональное восстановление сирийской государственности. Сценарно-модельный анализ представлен тремя авторскими моделями и прогнозами развития событий.

Для работы применяются общенаучные методы: анализ, синтез, обобщение и моделирование. Проведены и политологические процедуры через ситуационный анализ по срезам 2011, 2015 и 2024 годов. Проведен контент-анализ документов и резолюций СБ ООН. Сделан дискурс-анализ политической риторики. Сравниваются Астанинский, Сочинский и Женевский форматы [15; 20]. Ключевые понятия операционализированы через рабочие определения.

Эмпирическую базу составили нормативно-правовые акты, доклады международных организаций и заявления политиков. Отдельный блок составляют данные после смены власти в Сирии в 2024 году. Включены материалы визитов сирийского руководства в Москву в 2025–2026 годах.

Периодизация верифицируема благодаря жестким критериям. Союзы формируются на основе договоров и состава коалиций. Сила проецируется через фактическое военное присутствие и его форму. Формат посредничества определяется тем, кто выступает инициатором переговорной площадки, а механизм защиты интересов – инструментами, примененными в момент обострения, будь то дипломатический протест, вето, военная сила или договорное закрепление.

Результаты исследования

Первая конструкция представляет собой аналитическую модель изменений ближневосточной политики. В ее основе лежат четыре постоянных критерия. Это способ создания союзов, механизм защиты национальных интересов, метод проецирования силы и формат дипломатического посредничества.

К этим критериям добавлено правило фазового перехода. Границей фазы считается одновременное изменение не менее двух критериев. Распространенный тезис о переходе от идеологии к прагматизму отражает лишь конечный результат. Модель же предлагает воспроизводимую процедуру периодизации. Значения критериев определяются по нормативно-правовым актам и реальному участию в региональных конфликтах.

Применение модели выявило четыре фазы. Первая – инерционная преемственность (1991–1999). Вторая – прагматическая реконфигурация (2000–2014). Третья – гибридное вовлечение (2015–2019). Четвертая – экономическое закрепление (2020–2024).

Переходы 1999/2000, 2014/2015 и 2019/2020 отвечают правилу фазовой границы. В первом случае сдвиг охватил три критерия, во втором – четыре, в третьем – два. 2011 год этому правилу не соответствует. Его часто называют рубежом, но модель такую оценку не подтверждает.

Отсюда следует главный вывод. Российская политика в сирийском кризисе сложилась как результат закономерной трансформации. Она не была ответом на отдельный конфликт. Версия о ситуативной реакции проверку моделью не проходит.

Таблица 1. Значения инвариантных критериев по фазам ближневосточной политики России, 1991–2024 гг.

Критерий	Инерционная преемственность, 1991–1999	Прагматическая реконфигурация, 2000–2014	Гибридное вовлечение, 2015–2019	Экономическое закрепление, 2020–2024
Принцип формирования союзов	Остаточная связь с прежними партнерами без договорного обеспечения	Селективное партнерство, увязанное с экономическим доступом	Ситуативная коалиция, собранная под конкретную операцию	Партнерство, обеспеченное инвестициями и активами
Способ проецирования силы	Отсутствует; военно-техническое сотрудничество свернуто	Поставки вооружений; пункт материально-технического обеспечения в Тартусе	Прямое применение военно-космических сил; авиабаза Хмеймим	Удержание баз, патрулирование, точечные операции
Формат дипломатического посредничества	Участие в площадках, инициированных другими (Мадридский процесс)	Участие в площадках, инициированных другими (Женевский процесс)	Создание собственных площадок (Астана, Сочи)	Поддержание собственных площадок (Астана, Сочи)
Механизм защиты национальных интересов	Дипломатический протест	Право вето в Совете Безопасности ООН	Вето в сочетании с военным присутствием и договорным закреплением баз	Вето в сочетании с военным присутствием и договорным закреплением баз
Число критериев, изменившихся на входе в фазу	—	3	4	2

Таблица 1 делает процедуру понятной и проверяемой. Каждое значение опирается на документально зафиксированный признак. Общая оценка характера политики в расчете не участвует. Именно эта воспроизводимость отличает предлагаемую периодизацию от привычной схемы «от идеологии к прагматизму». В той схеме рубежи выделяются задним числом. Границу периода фиксируют уже после того, как событие произошло. Отдельно нужно пояснить статус 2011 года. Начало вооруженного конфликта в Сирии изменило внешнеполитическую повестку России. Однако значения четырех критериев остались прежними.

Интенсивность применения средств выросла. Набор их остался тем же. Периодизационного рубежа здесь нет, и правило фазового перехода это фиксирует.

Рубеж 2014/2015 годов, напротив, проходит сразу по всем четырем критериям. Осенью 2015 года Россия применила военную силу за пределами постсоветского пространства, опираясь на соглашение о размещении авиационной группы на аэродроме Хмеймим. Сложилась коалиция ситуативного типа – с Ираном на земле и с Турцией в переговорном контуре, – не имевшая ни идеологического, ни союзно-договорного основания. В январе 2017 года был запущен Астанинский формат, и Россия перешла от участия в чужих площадках к учреждению собственной. Механизм защиты интересов приобрел комбинированный характер, поскольку вето стало применяться в связке с фактическим военным контролем и договорным закреплением объектов, включая соглашение по пункту в Тартусе от 18 января 2017 года [24]. Четыре одновременных изменения – предельное значение по правилу перехода, и это самая отчетливая фазовая граница за весь рассматриваемый период.

Преемственность советского и российского подходов прослеживается в двух вещах – в защите государственного суверенитета и принципа невмешательства во внутренние дела и в систематическом использовании права вето в Совете Безопасности ООН. Различие лежит в другой плоскости. На смену безвозмездной ресурсной поддержке идеологически близких режимов пришло селективное партнерство, увязанное с экономическим и военно-стратегическим доступом. К 2024 году сложилась российская модель урегулирования, в которой дипломатический, военный, информационный и экономико-инвестиционный компоненты работают в устойчивом сочетании. От советской практики она отличается принципиально, от западных моделей смены режимов – тем более, а ее конструкция допускает перенос на другие конфликтные зоны региона.

Вторая конструкция – объяснительная модель «стабилизация через управляемую фрагментацию». Она вскрывает институциональную логику российской политики урегулирования сирийского конфликта в 2015–

2024 гг. Российский курс определен здесь как институционализированная стратегия управления конфликтом [10; 12]. От парадигмы либерального миростроительства он отличается тем, что стабилизация конфликтной среды ставится выше окончательного снятия противоречий. Объяснения через «гибридную войну», «управляемый хаос» или «принуждение к миру» такой логики не раскрывают. Не раскрывает ее и обобщающий тезис о приоритете управления конфликтом над его разрешением. Модель показывает сам институциональный механизм этого приоритета – перевод вооруженного конфликта из режима неконтролируемой эскалации в режим управляемой политико-военной стабилизации.

Механизм операционализирован через два рабочих понятия. «Дипломатическое упреждение» означает инициирование альтернативных переговорных площадок раньше, чем конкурирующие форматы успевают институционально закрепиться. «Точечное силовое сдерживание» описывает ограниченное по целям применение военной силы. Задача здесь сводится к фиксации баланса сил, при котором переговорный процесс становится возможным. Военная победа целью не ставится [8]. В отличие от теории переговорного рычага, такая операционализация позволяет анализировать не сам факт применения силы и ведения переговоров, а их последовательность и синхронизацию. Установлено, что синергия этих элементов институционализировала параллельные переговорные форматы (Астанинский и Сочинский процессы), режим зон деэскалации и систему государств-гарантов [7].

Институциональное содержание модели поддается точной датировке. Меморандум о создании зон деэскалации, подписанный в Астане 4 мая 2017 года, разделил территорию страны на участки с различающимся режимом и закрепил за внешними гарантами ответственность за соблюдение перемирия в каждом из них. Конгресс сирийского национального диалога в Сочи 30 января 2018 года открыл параллельную Женеве площадку выработки конституционного процесса. Меморандум по Идлибу от 17 сентября 2018 года зафиксировал демилитаризованную зону, а московский протокол от 5 марта 2020 года – режим совместного патрулирования вдоль трассы М4. Противоречия эти документы не снимали. Каждый переводил конфликт в управляемый режим, где линии соприкосновения фиксировались, ответственность распределялась между внешними акторами, а вопрос о политическом исходе откладывался. 30 января 2018 года в Сочи прошел Конгресс сирийского национального диалога. Он дал странам-гарантам Астанинского процесса собственную площадку для запуска конституционной работы. Эта работа шла параллельно с женевскими переговорами под эгидой ООН. К той же серии договоренностей относится меморандум по Идлибу от 17 сентября 2018 года. Он определял границы демилитаризованной зоны. Еще один документ – протокол, подписанный в Москве 5 марта 2020 года. Он касался совместного патрулирования участка трассы М4 в Сирии. Именно последовательность этих действий определяет операциональное содержание дипломатического упреждения. Астанинский формат начал работу в январе 2017 года. Это произошло за месяц до возобновления Женевских консультаций и до формирования других альтернативных форматов посредничества. Сочинский конгресс 2018 года также появился раньше Конституционного комитета, который начал работу только осенью 2019 года. Такое временное первенство имеет самостоятельное значение. Площадка, созданная раньше, получает возможность влиять на повестку и состав участников последующих переговоров. Позднее подключившиеся акторы вынуждены учитывать уже сформированные правила и условия.

Точечное силовое сдерживание основывается на схожем принципе. Показателен пример конца 2016 года, когда установление контроля над Алеппо изменило соотношение сил и создало условия для последующего запуска астанинского процесса [17]. Военный результат в данном случае не являлся самостоятельной целью. Он создавал необходимый баланс сил для начала политических переговоров. В дальнейшем этот баланс закреплялся дипломатическими средствами. Данный подход отличается от классического понимания переговорного рычага. Переговорный рычаг предполагает использование давления для воздействия на позицию другой стороны. В рассматриваемом случае задача заключается в другом. Силовые действия формируют саму конфигурацию, в которой последующие переговоры становятся возможными [8].

Важным теоретическим результатом стало рабочее определение понятия «заинтересованный гарант». Оно позволяет выйти за рамки традиционного противопоставления «нейтральный посредник или сторона конфликта». Заинтересованный гарант одновременно обеспечивает функционирование переговорного процесса и использует созданные им механизмы для закрепления и легитимации собственных военно-политических результатов.

Роль внешнего актора уточняется, ведь он одновременно организует переговорную площадку и реализует через нее собственные стратегические интересы.

Содержательно понятие фиксирует позицию актора сразу по трем признакам. Институциональный признак состоит в учреждении или соучреждении площадки вместе с принятием обязательств по контролю за исполнением договоренностей. Простое участие в переговорах этому признаку не отвечает. Интересантский признак означает наличие у актора собственных военно-политических результатов на театре, которые он стремится закрепить. Легитимационный признак связан с использованием институтов переговорного процесса как канала перевода фактического положения дел в положение признанное. Нейтральный посредник обладает только первым признаком, сторона конфликта – только вторым. Заинтересованный гарант соединяет все три. Оттого его поведение и кажется противоречивым при описании через классическую дихотомию, ведь он заинтересован одновременно и в продолжении процесса, и в определенном его исходе.

Понятие не привязано к одному государству. Тем же набором признаков в сирийском урегулировании обладала Турция – соучредитель астанинского трека, обладатель зоны фактического контроля на севере страны и участник, использовавший институт гарантий для закрепления этого контроля [7]. Аналитическая ценность понятия состоит именно в описании позиции, занимаемой тем или иным участником. Поэтому область применения подхода шире сирийского случая. Он работает всюду, где роль посредника берет на себя актор, имеющий на политической арене собственные результаты. Второй самостоятельный вывод касается гуманитарно-экономического кризиса. Кризис носит структурный характер. Смена политической власти в Сирии 2024 года его не устранила. Потребность населения в помощи по-прежнему остается массовой. Число внутренне перемещенных лиц и беженцев по-прежнему велико. Система здравоохранения работает нестабильно при недофинансировании гуманитарного сектора. По этой причине, гуманитарно-экономическое урегулирование превращается в самостоятельный механизм политического влияния [16; 18]. Участие России в восстановлении постконфликтной Сирии имеет те же интересы. Оно стратегически закрепляет ее политическое и экономическое присутствие на годы вперед. Смена власти в Сирии в декабре 2024 г. интерпретируется в исследовании как событие, повлекшее переконфигурацию региональной архитектуры безопасности [17]. Объяснительные возможности внутриполитической рамки анализа применительно к нему оказываются недостаточными.

Круг бенефициаров очерчен достаточно определенно. Внутри страны это силы, добивавшиеся передела власти и ресурсов; вовне – США, Турция и Израиль, для которых ослабление прежней конфигурации означало сокращение российского и иранского присутствия в регионе.

Фрагментированная структура власти сложилась надолго, и переходной ее называть нет оснований. Каждый внешний актор заинтересован в сохранении собственного локального центра влияния, а фрагментация воспроизводится как равновесное состояние региональной подсистемы. Централизованная модель союзничества в таких условиях теряет функциональность. На смену ей должны прийти многоуровневые коалиционные механизмы. Речь идет об устойчивой модели региональной нестабильности, то есть о самостоятельном режиме функционирования, при котором внешние и внутренние акторы используют локальные центры влияния для перераспределения политического контроля.

Устойчивость фрагментации объясняется структурно. Намерения сторон здесь определяют немногое. Каждый внешний актор несет издержки по одному локальному центру и не несет их по остальным. Попытка расширить зону контроля повышает риск столкновения с соседним центром при неопределенном выигрыше, так что цена ревизии оказывается выше цены сохранения статус-кво – причем одновременно для всех участников. Конфигурация такого рода воспроизводит себя без внешнего принуждения. Перед нами равновесие. Планирование, которое трактует его как паузу перед восстановлением централизованного государства, будет систематически ошибаться в сроках.

Особый вес имеет вывод о правовой преемственности. Нормативно-правовые основания российского присутствия в Сирии сохранили юридическую силу и после декабря 2024 года. Принцип континуитета государства и правило pacta sunt servanda (статья 26 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.) [22] разводят два разных случая, поскольку смена правительства, в отличие от правопреемства государств, прекращения международного договора не влечет. Сирийская Арабская Республика не заявила ни о денонсации, ни о коренном изменении обстоятельств (статья 62) – значит, ранее заключенные соглашения действуют. Другое дело – практическая реализуемость этих оснований. Она упирается в согласие новых властей, о чем говорит переговорный процесс 2025–2026 гг. по переоформлению режима использования объектов в Тартусе и Хмеймиме [24].

Возражение здесь напрашивается само собой. Юридическая сила и политическая исполнимость – вещи разные. Возражение справед-

ливо, однако практического значения континуитета оно не отменяет. Сохранение договорной базы означает, что для пересмотра режима присутствия новым властям требуется совершить активное юридическое действие – денонсировать соглашение либо сослаться на коренное изменение обстоятельств. Бездействие же работает на сохранение статус-кво. Переговоры 2025–2026 годов ведутся поэтому об условиях применения уже существующих оснований, создавать которые заново никому не требуется. Распределение переговорного бремени в такой рамке для внешнего актора заметно благоприятнее.

Адаптация российских инструментов влияния после смены власти свелась к замене одного критерия другим, и место союзнической лояльности занял критерий функциональной полезности актора. Дипломатический механизм переориентирован на рабочий диалог с новыми центрами власти. Военный перешел к режиму ограниченного присутствия с сокращением зон ответственности. Гуманитарно-экономический строится теперь на целевой обусловленности содействия. За этими сдвигами стоит отход от стратегии прямой поддержки союзного государства – ему на смену приходит гибкая модель взаимодействия с различными политическими и военно-политическими акторами, рассчитанная на поддержание баланса сил и сохранение стратегического присутствия России в регионе. Экономическое направление приобретает при этом самостоятельное значение. Прямая политическая поддержка как основа взаимодействия исчерпала себя; ее замещает модель социально-экономического партнерства, встроенная в логику постконфликтного восстановления. Пределы этой модели очевидны – политическая нестабильность, санкционный режим, дефицит финансовых ресурсов, конкуренция внешних игроков.

Итог исследования – адаптивная модель механизмов комплексного урегулирования, то есть интегративная система координации четырех взаимосвязанных контуров воздействия. Политико-дипломатический контур предполагает формирование координационного контура с переменным составом участников (в исходной конфигурации – Российская Федерация, КНР и Иран), подключение Лиги арабских государств ради дополнительной легитимности процесса и адаптированную интерпретацию резолюции Совета Безопасности ООН № 2254 [23]. Военно-стратегический контур держится на ограниченном присутствии и превентивном сдерживании, а применение силы жестко подчинено принципам пропорциональности и политической целесообразности. Экономический контур закрепляет влияние инвестициями, и приоритет здесь отдан энергетике, портовой инфраструктуре, транспортным коридорам. Гуманитарно-информационный контур ориентирован на системную работу с контрнарративами, публичную дипломатию и встраивание в институциональную ткань общества (табл. 2).

Таблица 2. Инструменты, индикаторы и ограничения по контурам адаптивной модели

Контур	Ключевые инструменты	Наблюдаемый индикатор результативности	Ограничение
Политико-дипломатический	Координационный контур с переменным составом участников; вовлечение Лиги арабских государств; адаптированная интерпретация резолюции № 2254	Регулярность и уровень официальных контактов	Зависимость от согласия новых властей
Военно-стратегический	Ограниченное присутствие; превентивное сдерживание; переоформление статуса объектов	Сохранение и правовой статус объектов в Тартусе и Хмеймиме	Закрытость данных; давление внерегиональных игроков
Экономический	Инвестиции в энергетику, портовую инфраструктуру и транспортные коридоры; поставки энергоносителей	Объем поставок и число заключенных соглашений	Санкционный режим, дефицит финансирования, конкуренция внешних игроков
Гуманитарно-информационный	Работа с контрнарративами; публичная дипломатия; целевая обусловленность содействия	Устойчивость каналов содействия и доступ к аудиториям	Хроническое недофинансирование гуманитарных планов

Таблица показывает то, что при линейном изложении теряется. У каждого контура собственный индикатор и собственное ограничение. Прямая компенсация слабости соседа отдельному контуру недоступна. Работает обмен позициями между контурами, когда уступка в одном открывает возможность в другом.

Результативность модели определяется плотностью связей между контурами. Суммарный объем задействованных ресурсов сам по себе ее не обеспечивает. Стоит этим связям разорваться, и эффект каждого отдельного механизма падает уже в краткосрочной перспективе. Научная новизна модели состоит в обосновании нового формата, который позволяет сохранять и воспроизводить стратегическое влияние там, где политика нестабильна, а власть фрагментирована. Сопоставление национальных интересов нового сирийского руководства и Российской Федерации обнаружило значительное число точек соприкосновения – объективную предпосылку для стратегического взаимодействия в посткризисный период.

Устойчивость российского влияния в Сирии после декабря 2024 года держится на плотности связей между разнородными механизмами. Объем задействованных ресурсов сам по себе такого эффекта не дает. Данные, охватывающие период с октября 2025 по август 2026 года, это подтверждают.

Политико-дипломатическое измерение обозначено визитами временного лидера Сирии Ахмеда аш-Шараа в Москву – 15 октября 2025 года и 28 января 2026 года, причем второй состоялся уже в статусе президента переходного периода. К ним добавились приезды министров обороны и иностранных дел Сирии в октябре и декабре 2025 года. Такая частота контактов говорит о системном характере диалога и его институционализации. В военно-стратегическом измерении центральной темой переговоров стало переопределение статуса российских военных баз в Тартусе и Хмеймиме на новой правовой основе; показательным жестом стало решение вывести российский контингент с авиабазы в Камышлы на северо-востоке страны, расцененное в Дамаске как шаг доброй воли и иллюстрирующее переход от стратегии прямой поддержки к тактике «управляемого сдерживания». В экономическом и гуманитарном измерении обозначились готовность российских строительных компаний участвовать в восстановлении Сирии, планы переориентации авиабазы Хмеймим на гуманитарные и логистические задачи, а также увеличение объема российских поставок нефти на сирийский рынок с 46 до 60 тыс. баррелей в сутки к началу 2026 года.

Существенно здесь сцепление событий между собой. Вывод контингента из Камышлы – шаг военный по форме – был конвертирован в дипломатический ресурс, поскольку предшествовал второму визиту сирийского руководителя в Москву и обсуждению статуса Тартуса и Хмеймима. Наращивание поставок нефти шло параллельно переговорам об участии российских компаний в восстановительных работах, а переориентация Хмеймима на гуманитарные и логистические задачи связывала военный контур с гуманитарным. Взятый изолированно, каждый из этих шагов сохранения российских позиций объяснить неспособен. Объяснение дает последовательность, в которой уступка в одном контуре открывала позицию в другом, – ровно то, что предсказывала гипотеза о приоритете связности над ресурсной массой.

Вместе с тем верификация выявила и уязвимость модели: предполагавшаяся координация с Ираном как элемент региональной конфигурации утратила прежнее значение вследствие начавшейся 28 февраля 2026 года войны США и Израиля против Ирана, что потребовало корректировки модели в пользу усиления двустороннего и китайского компонентов. Переменный состав координационного контура подтвердил себя как конструктивное свойство адаптивной модели.

Выводы

Проведенное исследование дает концептуальную модель адаптации российских механизмов урегулирования сирийского кризиса к геополитическим условиям, сложившимся после смены власти в Дамаске. Основные результаты сводятся к следующему. Первый результат – воспроизводимая процедура периодизации ближневосточной политики СССР и России, опирающаяся на четыре инвариантных критерия и правило фазового перехода; она доказывает закономерность российской модели поведения в сирийском кризисе и снимает версию о ее ситуативном происхождении. Раскрыта институциональная плоскость урегулирования 2015–2024 гг. Основой послужили модель «стабилизация через управляемую фрагментацию» и рабочие понятия «дипломатическое упреждение» и «точечное силовое сдерживание». К ним добавлено предложенное в исследовании понятие «заинтересованный гарант». Результаты анализа выявили, что сложившаяся фрагментация власти в Сирии после смены политического руководства устойчива. Нормативно-правовые основания российского присутствия после смены власти Башара Асада сохраняют юридическую силу. Адаптация российских механизмов урегулирования сирийского кризиса выразилась в смене приоритетов. Раньше ключевым был критерий союзнической лояльности. Теперь на первое место вышла критерий прагматической ценности политического актора. Разработана адаптивная модель механизмов урегулирования сирийского кризиса, которая состоит из дипломатических, военно-политических, экономи-

ческих и гуманитарных контуров. Ее результативность определяется тем, насколько плотно контуры увязаны между собой. Работоспособность модели подтверждена эмпирическим материалом 2025–2026 гг. и укреплением партнерских отношений между новой сирийской администрацией и Российской Федерацией.

Три предложенных инструмента выходят за рамки сирийского случая. Они носят универсальный характер. Одним из них является правило фазового перехода. Его можно применять к любой долгосрочной внешнеполитической стратегии. Работает оно при условии, когда критерии перехода заданы четко и поддаются наблюдению. Второй инструмент – понятие заинтересованного гаранта. Оно фиксирует особую позицию посредника. Такая позиция возникает там, где роль посредника берет на себя участник, имеющий собственные успехи на театре военных действий. Третий – тезис о приоритете связности над ресурсами. Выявлено, что при равных вложениях побеждает тот, у кого разнонаправленные механизмы урегулирования увязаны теснее.

Выводы исследования имеют ограничения. Часть сведений о военно-техническом сотрудничестве закрыта, а сами анализируемые процессы еще не завершены, поэтому военный контур оценивается по косвенным признакам. Конфигурация, сложившаяся к августу 2026 года, не является окончательной. В феврале 2026 года США и Израиль начали военную операцию против Ирана. Это затронуло иранский компонент координационного контура. Событие показало, как быстро меняется региональная обстановка на Ближнем Востоке.

Литература

1. Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталев М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. 390 с.

2. Дегтерев Д.А. Экономическая дипломатия: экономика, политика, право. М.: Навона, 2010. 176 с.

3. Звягельская И.Д. Ближневосточный клинч. Конфликты на Ближнем Востоке и политика России. М.: Аспект Пресс, 2014. 208 с.

4. Зонова Т.В. Дипломатия: модели, формы, методы: учебник. М.: Аспект Пресс, 2013. 348 с.

5. Касьяненко А.В. Отношения России, Турции и Ирана в контексте военно-политических связей с Сирийской Арабской Республикой // Международные отношения. 2024. № 1. С. 46–60.

6. Кокошин А.А. Вопросы прикладной теории войны. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. 227 с.

7. Кочетов Э.Г. Геоэкономика. Освоение мирового экономического пространства: учебник для вузов. М.: Норма, 2010. 528 с.

8. Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов: подходы, решения, технологии: учебное пособие. 2-е изд. М.: Аспект-Пресс, 1999. 271 с.

9. Наумкин В.В. Глубоко разделенные общества Ближнего и Среднего Востока: конфликтность, насилие, внешнее вмешательство // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2015. Т. 7, № 1. С. 66–96.

10. Никитин А.И. Международные конфликты: вмешательство, миротворчество, урегулирование: учебник. 2-е изд. М.: Аспект Пресс, 2018. 384 с.

11. Сафранчук И.А., Лукьянов Ф.А. Современный мировой порядок: структурные реалии и соперничество великих держав // Полис. Политические исследования. 2021. Т. 30, № 3. С. 57–76.

12. Семенова Д.А. Дипломатия России в многосторонних механизмах урегулирования сирийского кризиса в 2011–2024 гг.: Дисс. … канд. полит. наук. М.: МГИМО МИД России, 2025. 347 с.

13. Степанова Е.А. Гуманитарные перемирия: мифы и реальность (опыт анализа баз данных) // Пути к миру и безопасности. 2025. № 2 (69). С. 28–53.

14. Сухов Н.В. Захват Алеппо и образ «альтернативной Сирии» // Россия в глобальной политике. 2024. URL: https://globalaffairs.ru/articles/zahvat-aleppo-suhov/ (дата обращения: 05.12.2024).

15. Филаретова Ю.С. Многосторонняя гуманитарная дипломатия в урегулировании конфликта в Сирии (2011–2024): Дисс. … канд. полит. наук. Екатеринбург: Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2025. 333 с.

16. Хаджиева Б.М. Сирийский вопрос во внешней политике России в начале XXI века: дис. … канд. ист. наук. Грозный: Чечен. гос. ун-т им. А.А. Кадырова, 2025. 179 с.

17. Ходынская-Голенищева М.С. Сирия: трудный путь от войны к миру. Многосторонняя дипломатия сирийского урегулирования. М.: Абрис, 2019.

18. Венская конвенция о праве международных договоров (Вена, 23 мая 1969 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

19. Резолюция Совета Безопасности ООН 2254 (2015) от 18 декабря 2015 года. Док. ООН S/RES/2254 (2015).

20. Соглашение между Российской Федерацией и Сирийской Арабской Республикой о расширении территории пункта материально-технического обеспечения Военно-Морского Флота Российской Федерации в районе порта Тартус и заходах военных кораблей (Дамаск, 18 января 2017 г.). URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201701200039 (дата обращения: 28.05.2024).

MECHANISMS OF RUSSIAN CRISIS SETTLEMENT POLICY IN SYRIA: A CONCEPTUAL MODEL FOR ADAPTATION TO CHANGING GEOPOLITICAL REALITIES (2011–2025)

Berdiyev B.G.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article provides a comprehensive analysis of the mechanisms of Russian policy for the settlement of the Syrian crisis in 2011–2025 and substantiates directions for their adaptation to the geopolitical conditions that emerged after the change of power in Damascus in December 2024. Drawing on systemic, institutional, historical-comparative and scenario-modeling analysis, the author develops three original models: an analytical model of the phased transformation of the Middle East policy of Russian Federation, based on four invariant criteria and a phase-transition rule; an explanatory model of «stabilization through controlled fragmentation,» which reveals the institutional logic of the Russian settlement in 2015–2024 through the conjunction of diplomatic preemption and pinpoint force deterrence; and an adaptive model of comprehensive settlement mechanisms integrating the political-diplomatic, military-strategic, economic and humanitarian-informational contours. A working definition of the concept of «interested guarantor» is proposed. It is established that the legal foundations of the Russian presence retained their force after the change of government, and that the sustainability of influence is determined not by the volume of resources but by the degree of mutual linkage of the mechanisms. The results are verified against the Russian-Syrian interaction of October 2025 – August 2026.

Keywords: Syrian crisis; Russian foreign policy; international conflict settlement; interested guarantor; phased transformation; adaptive model; polycentric world order.

References

1. Bogaturov A.D., Kosolapov N.A., Khrustalev M.A. Essays on the Theory and Methodology of Political Analysis of International Relations. Moscow: NOFMO, 2002. 390 p.

2. Degterev D.A. Economic Diplomacy: Economics, Politics, Law. Moscow: Navona, 2010. 176 p.

3. Zvyagelskaya I.D. Middle Eastern Clinch. Conflicts in the Middle East and Russian Policy. Moscow: Aspekt Press, 2014. 208 p.

4. Zonova T.V. Diplomacy: Models, Forms, Methods: textbook. Moscow: Aspekt Press, 2013. 348 p.

5. Kasyanenko A.V. Relations of Russia, Turkey and Iran in the Context of Military-Political Ties with the Syrian Arab Republic. Mezhdunarodnye Otnosheniya, 2024. № 1. P. 46–60.

6. Kokoshin A.A. Issues in Applied Theory of War. Moscow: HSE Publishing House, 2018. 227 p.

7. Kochetov E.G. Geoeconomics. Mastering the World Economic Space: textbook for universities. Moscow: Norma, 2010. 528 p.

8. Lebedeva M.M. Political Settlement of Conflicts: Approaches, Solutions, Technologies: study guide. 2nd ed. Moscow: Aspekt-Press, 1999. 271 p.

9. Naumkin V.V. Deeply Divided Societies of the Middle and Near East: Conflict, Violence, External Intervention. Moscow University Bulletin. Series 25: International Relations and World Politics, 2015. Vol. 7, № 1. P. 66–96.

10. Nikitin A.I. International Conflicts: Intervention, Peacekeeping, Settlement: textbook. 2nd ed. Moscow: Aspekt Press, 2018. 384 p.

11. Safranchuk I.A., Lukyanov F.A. «The Contemporary World Order: Structural Realities and Great Power Rivalry. Polis. Political Studies, 2021. Vol. 30, № 3. P. 57–76.

12. Semenova D.A. Russia's Diplomacy in Multilateral Mechanisms for Settling the Syrian Crisis in 2011–2024: Diss. … Cand. of Polit. Sci. Moscow: MGIMO University, 2025. 347 p.

13. Stepanova E.A. Humanitarian Pauses: Myths and Reality (Experience in Database Analysis). Paths to Peace and Security, 2025. № 2 (69). P. 28–53.

14. Sukhov N.V. The Capture of Aleppo and the Image of an 'Alternative Syria'. Russia in Global Affairs, 2024. URL: https://globalaffairs.ru/articles/zahvat-aleppo-suhov/ (accessed: 05.12.2024).

15. Filaretova Yu.S. Multilateral Humanitarian Diplomacy in the Settlement of the Conflict in Syria (2011–2024): Diss. … Cand. of Polit. Sci. Yekaterinburg: Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, 2025. 333 p.

16. Khadzhieva B.M. The Syrian Question in Russia's Foreign Policy at the Beginning of the 21st Century: Diss. … Cand. of Hist. Sci. Grozny: Chechen State University named after A.A. Kadyrov, 2025. 179 p.

17. Khodynskaya-Golenishcheva M.S. Syria: The Difficult Path from War to Peace. Multilateral Diplomacy of the Syrian Settlement. Moscow: Abris, 2019.

18. Vienna Convention on the Law of Treaties (Vienna, 23 May 1969). Accessed via ConsultantPlus legal reference system.

19. UN Security Council Resolution 2254 (2015) of 18 December 2015. UN Doc. S/RES/2254 (2015).

20. Agreement between the Russian Federation and the Syrian Arab Republic on the Expansion of the Territory of the Logistics Support Point of the Russian Federation Navy in the Area of Tartus Port and on the Calls of Warships (Damascus, 18 January 2017). URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201701200039 (accessed: 28.05.2024).

Поэтапная трансформация государственной политики США в области цифровизации (2012 – 2025)

Дуганов Данила Романович,
аспирант, Российский государственный гуманитарный университет
E-mail: ddanilar01@gmail.com

В статье анализируется эволюция государственной политики США в сфере цифровизации в период 2012–2025 гг. Показано, что за указанное время произошел переход от парадигмы либерального технооптимизма (администрация Б. Обамы) через фазу «великого переосмысления» и жесткого противодействия (Д. Трамп) к эре стратегической конфронтации и системного регулирования (Дж. Байден). Выделены три взаимосвязанных вызова, на которые реагировала американская политика: доминирование цифровых платформ, требующее новых антимонопольных подходов; признание данных стратегическим активом; обострение геоэкономической конкуренции с Китаем. На основе структурно-институционального и эволюционного анализа законодательных актов (CHIPS and Science Act, CLOUD Act, USA FREEDOM Act), исполнительных указов и правоприменительной практики FTC, FCC, Министерства юстиции выявлены ключевые тренды: приоритет безопасности над инновациями, закрепление данных как стратегического ресурса, фрагментация глобального интернета, формирование технологических блоков (AUKUS, Quad). Сделан вывод, что политика США эволюционирует от саморегуляции к проактивному государственному вмешательству, а технологическое соперничество становится стержнем международных отношений. Прогнозируется дальнейшее усиление регуляторного давления на платформы и углубление разделения на технологические сферы влияния.

Ключевые слова: цифровая экономика, государственная политика США, цифровизация, регулирование Big Tech, приватность данных, сетевая нейтральность, технологическое соперничество, CHIPS Act, антимонопольная политика, геополитизация технологических цепочек.

Введение

Актуальность темы определяется несколькими факторами. Вопервых, существующие научные работы преимущественно сосредоточены на отдельных аспектах – антимонопольном регулировании, кибербезопасности или защите персональных данных; целостного анализа эволюции государственной политики США в области цифровизации на протяжении более чем десятилетия (2012–2025) до сих пор не предложено. Вовторых, США выполняют роль глобального регуляторного донора: многие государства, в том числе Россия, сталкиваются со сходными проблемами – усилением рыночной власти платформ, напряжением между правом на приватность и требованиями безопасности, а также нарастающей геотехнологической конкуренцией. Изучение американского опыта позволяет лучше оценить возможные риски и адаптировать инструменты регулирования. Втретьих, избранный хронологический отрезок охватывает законченный цикл – от либерального оптимизма до стратегического противостояния, – что дает возможность проследить причинно-следственные связи между технологическими потрясениями (разоблачения Э. Сноудена, скандал Cambridge Analytica) и последующими институциональными изменениями.

Цифровая экономика США, сложившаяся на пересечении технологических новаций, новых бизнес-моделей и трансграничных потоков информации, за период с 2012 по 2025 г. перестала быть просто отраслью народного хозяйства. Она превратилась в источник системных вызовов для национального суверенитета, экономической безопасности и традиционных либеральных принципов. К 2025 г. ее доля в ВВП страны достигла 18%, что не только способствовало созданию рабочих мест, но и породило целый спектр угроз: от ущемления приватности граждан и чрезмерной концентрации рыночной власти в руках нескольких технологических корпораций до острой геополитической борьбы за контроль над критическими технологиями [11]. Ответ государственных институтов США на эти вызовы представляет собой наглядный пример эволюции публичной политики в условиях технологической революции.

Хронологические рамки статьи охватывают три последовательных и качественно различных этапа. Период 2012–2016 годов можно охарактеризовать как фазу «либерального технооптимизма», когда политика администрации Б. Обамы была сфокусирована на раскрытии потенциала цифровых технологий для экономического роста и гражданского участия через стратегии открытых данных и защиты сетевого нейтралитета [8]. Однако уже тогда проявились первые системные противоречия, обостренные разоблачениями Э. Сноудена, которые поставили под вопрос баланс между национальной безопасностью и правами граждан, и зародился регуляторный скепсис в отношении растущего влияния платформ. Следующий этап, 2017–2020 годы, стал периодом «великого переосмысления». Администрация Д. Трампа совершила поворот в сторону экономического национализма и жесткой геополитической конкуренции, что выразилось в инициативе «Чистые сети», направленной против китайских технологических компаний, и радикальном пересмотре подходов к регулированию, включая отмену правил сетевого нейтралитета [6, 8]. Параллельно активизировались антимонопольные расследования против крупнейших технологических корпораций, а на уровне штатов, прежде всего Калифорнии, началось формирование собственных режимов защиты данных по образцу европейского GDPR [3, 4]. Период 2021–2025 годов ознаменовался переходом к фазе «стратегической конфронтации» и системного регулирования. Администрация Дж. Байдена интегрировала цифровую политику в рамки глобального соперничества с Китаем, введя беспрецедентные экспортные ограничения в области полупроводников и искусственного интеллекта, инициировав масштабные инвестиции в национальную технологическую базу через Закон о чипах и науке (CHIPS and Science Act) и предприняв новые попытки законодательной реформы в сфере конкуренции и приватности [1, 2, 6].

Цель работы – проследить поэтапную трансформацию государственной политики США в сфере цифровизации как ответ на три взаимосвязанные группы проблем: (а) усиление доминирования крупных цифровых платформ, потребовавшее пересмотра антимонопольных подходов; (б) осознание данных в качестве стратегического актива,

влияющего на экономику, оборону и права личности; (в) обострение геоэкономической конкуренции, прежде всего с Китаем, за технологическое лидерство и контроль над отраслевыми стандартами.

Методологической основой исследования выступает структурно-институциональный и эволюционный анализ. Работа базируется на изучении ключевых законодательных инициатив (таких как CHIPS Act, USA FREEDOM Act), исполнительных распоряжений президентов (включая указы по ИИ и кибербезопасности), а также на отслеживании эволюции правоприменительной практики и публичных позиций ведущих регулирующих органов – Федеральной торговой комиссии (FTC), Федеральной комиссии по связи (FCC) и Министерства юстиции США [3, 4, 7, 8]. Такой подход позволяет выявить, как институциональные рамки адаптировались под давление технологических изменений и геополитических сдвигов, формируя новую политико-правовую экосистему для цифровой эпохи.

Фаза либерального технооптимизма и зарождения регуляторного скепсиса (2012–2016)

Данный период был ознаменован доминированием парадигмы «либерального технооптимизма», в рамках которой цифровые технологии воспринимались прежде всего как двигатель инноваций, экономического роста и демократического участия. Политика администрации Барака Обамы была направлена на создание благоприятной экосистемы для цифровой экономики через дерегулирование, открытость и поддержку конкуренции.

Ключевым наследием этого этапа стали две масштабные инициативы, определившие подход США к цифровому пространству на годы вперед. Первая – политика «Открытых данных», реализованная через Исполнительный указ 13642 и меморандум M-13–13. Она устанавливала принцип, согласно которому государственная информация по умолчанию должна быть открытой и машиночитаемой, рассматривая данные как актив для стимулирования предпринимательства и инноваций. Создание портала Data.gov и поддержка гражданских приложений (например, College Scorecard) стали практическим воплощением этой философии, направленной на повышение прозрачности и вовлеченности граждан [9].

Вторым столпом была защита сетевого нейтралитета. После судебного поражения в 2014 году (дело Verizon v. FCC), Федеральная комиссия по связи (FCC) под руководством Тома Уилера в 2015 году приняла исторические правила, переквалифицировав широкополосный доступ в телекоммуникационную услугу (Title II). Это дало регулятору правовые основания для запрета блокировки, замедления трафика и платной приоритизации, что, по замыслу, должно было сохранить интернет как открытое и равноправное пространство для инноваций малых компаний [8]. Эти меры в совокупности создавали инфраструктурные и регуляторные условия для расцвета стартап-экосистемы, укрепляя веру в способность рынка к саморегуляции при минимальном государственном вмешательстве.

Однако уже в середине десятилетия данная парадигма столкнулась с серьезными вызовами. Разоблачения Эдварда Сноудена в 2013 году стали шоком для международного сообщества и американской общественности, обнажив масштабы массовой слежки со стороны Агентства национальной безопасности (АНБ). Этот кризис легитимности напрямую повлиял на законодательство: под давлением общественности и судебных решений в 2015 году был принят USA FREEDOM Act. Закон, хотя и ограниченно, реформировал систему надзора, запретив АНБ массовый сбор метаданных телефонных переговоров американцев и повысив прозрачность деятельности Суда по надзору за иностранной разведкой (FISC) [7]. Инцидент катализировал глобальную дискуссию о цифровом суверенитете, приватности и доверии к американским технологическим компаниям, чьи инфраструктуры использовались для сбора данных, подрывая их конкурентные позиции на международной арене и заставляя ЕС пересматривать соглашения о трансграничной передаче данных [10].

Еще одним ударом по идее саморегулирующейся и нейтральной цифровой экосистемы стал скандал с Cambridge Analytica в 2015–2016 годах (хотя широкую огласку он получил позднее). Обнаружилось, что данные десятков миллионов пользователей Facebook[1] были получены без должного согласия и использованы для построения психографических профилей и микротаргетинга в политических кампаниях, включая выборы президента США 2016 года. Что в итоге могло привести к искажениям данных и необъективному результату на выборах. Данный инцидент наглядно показал, как большие данные и алгоритмические платформы способны использоваться для манипулирования общественным сознанием и вмешательства в избирательные кампании [11, 14]. Данный инцидент наглядно показал, как большие данные и алгоритмические платформы способны использоваться для манипулирования общественным сознанием и вмешательства в избирательные кампании. Он показал системные недостатки в подходах к защите персональных данных и ответственности платформ за контент и практики третьих сторон, подготовив почву для будущих жестких слушаний в Конгрессе и требования пересмотра иммунитета по Разделу 230 Закона о коммуникационной пристойности.

Несмотря на нарастающие вызовы, законодательная ветвь власти в этот период отличалась поразительным бездействием в сфере цифрового регулирования. Конгресс не смог сформировать консенсус вокруг ключевых вопросов: федерального закона о приватности, четких правил для Big Tech или всеобъемлющей реформы законодательства о надзоре. Это вакуум был во многом обусловлен мощным лоббистским влиянием технологических гигантов, которые выступали против усиления регулирования, утверждая, что оно задушит инновации [12]. Например, Федеральная торговая комиссия (FTC), расследовавшая в начале десятилетия дела против Google и Facebook[2], завершала их мировыми соглашениями без признания нарушений и с минимальными санкциями, что отражало осторожный, проинновационный подход регуляторов [3, 4]. Таким образом, в период 2012–2016 гг. созрели основные противоречия цифровой эпохи, но институциональная реакция США оставалась фрагментированной и реактивной, открывая путь для более радикального пересмотра политики в последующие годы.

Период «Великого переосмысления»: от саморегуляции к жесткому противодействию (2017–2020)

Приход к власти администрации Дональда Трампа ознаменовал радикальный разрыв с политикой предшественников и начало периода «великого переосмысления» роли государства в цифровой сфере. Этот этап характеризовался отходом от либерально-интеграционной модели в сторону экономического национализма, протекционизма и жесткой геополитической конфронтации, что проявилось как во внешней, так и во внутренней политике.

Внешнеполитическое измерение цифровой экономики стало центральным. Подход Обамы, фокусировавшийся на многосторонних соглашениях вроде Транстихоокеанского партнерства (TPP), был заменен на двусторонние сделки и прямое силовое противостояние, прежде всего с Китаем [7]. Администрация Трампа перешла в наступление, видя в технологическом подъеме КНР экзистенциальную угрозу экономической и национальной безопасности США. Наиболее ярким воплощением данного курса стала инициатива «Чистые сети» (Clean Network), анонсированная в 2020 г. Эта программа предусматривала системное вытеснение китайских вендоров из ключевых звеньев цифровой инфраструктуры США и стран-партнеров. Она включала пять направлений: исключение «незаслуживающих доверия» операторов связи (Clean Carrier), удаление «небезопасных» приложений (Clean Apps, Clean Store), запрет на использование китайских облачных сервисов (Clean Cloud) и защиту подводных кабелей (Clean Cable) [6]. Основными мишенями стали компании Huawei и ZTE, доступ которых к американским технологиям и рынку был практически полностью заблокирован, а также приложения TikTok и WeChat, против которых были выпущены исполнительные указы о запрете операций. Данный курс, опиравшийся на такие акты, как NDAA 2019, и на инструменты экспортного контроля, знаменовал собой сдвиг от конкурентной борьбы к стратегическому технологическому размежеванию – с целью сдерживания КНР через формирование коалиции «чистых» государств [6, 7].

В условиях законодательного тупика на федеральном уровне, инициатива в сфере защиты приватности перешла к отдельным штатам [14]. В 2018 году Калифорния приняла Закон о защите конфиденциальности потребителей (CCPA), который вступил в силу в 2020 году и стал самым строгим внутриамериканским актом в этой области. CCPA, вдохновленный европейским GDPR, предоставил жителям Калифорнии новые права: право знать, какие личные данные собираются, право на удаление данных и, что наиболее важно, право на отказ (opt-out) от продажи их данных третьим сторонам [9]. Однако ключевые отличия от GDPR, такие как модель opt-out (в отличие от европейского opt-in) и менее жесткие санкции со стороны государства (при наличии возможности коллективных исков), отражали компромисс, учитывающий интересы цифровой рекламной индустрии США.

Параллельно с вопросами приватности и конкуренции на первый план вышла острая политическая дискуссия о модерации контента

[1] Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

[2] Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

и ответственности платформ, сфокусированная на Разделе 230 Закона о коммуникационной пристойности 1996 года. (Communication Decency Act of 1996, Section 230 (c)). Этот закон, предоставляющий платформам иммунитет от ответственности за контент, размещенный пользователями, и право на «добросовестную» модерацию, стал мишенью для критики с обеих сторон политического спектра, что привело к серии громких слушаний в Конгрессе [7, 11].

Демократы, опираясь на уроки скандала Cambridge Analytica и событий вокруг выборов 2016 года, обвиняли платформы в бездействии и недостаточной модерации «вредоносного контента» – дезинформации, разжигания ненависти и подрыва демократических процессов. Они продвигали инициативы, которые возлагали бы на платформы большую ответственность за контент, усиленный их алгоритмами, например, в рамках двухпартийного EARN IT Act, направленного на борьбу с материалами о сексуальном насилии над детьми [7].

Республиканцы, в свою очередь, во главе с президентом Трампом, утверждали о существовании системной политической «цензуры» и предвзятости против консервативных голосов. Они рассматривали право платформ на модерацию как злоупотребление иммунитетом по Разделу 230, требующее либо его полной отмены, либо обуславливания иммунитета доказательствами «нейтральности» или «добросовестности» [11]. Особо показательными оказались слушания в Конгрессе в октябре 2020 г. с участием руководителей Google, Facebook[1] и Twitter: депутаты от обеих партий подвергли их острой критике, однако аргументы демократов и республиканцев принципиально расходились.

Эта политизация превратила некогда технический правовой вопрос в центральную культурно-политическую битву. Партийный раскол заблокировал консенсус по реформе Раздела 230, но сам факт интенсивных дебатов и многочисленных законодательных предложений (от PACT Act до идей о «закате» статьи) показал, что эпоха безусловного иммунитета и саморегулирования платформ завершилась [7, 9]. В итоге предмет спора переместился из плоскости «нужна ли реформа» в плоскость «какой именно она должна быть и когда ее проводить», что отражало общий тренд эпохи – утрату доверия к саморегулированию технологической отрасли.

Эра стратегической конфронтации и системного регулирования (2021–2025)

Администрация Джозефа Байдена, пришедшая к власти в 2021 году, унаследовала и систематизировала вызовы, проявившиеся в предыдущие периоды. Ее политика характеризовалась переходом от реактивных и зачастую фрагментированных мер к выстраиванию комплексной стратегии, в которой цифровая политика стала неотъемлемой частью национальной безопасности, экономического соперничества и защиты демократических институтов.

Администрация Байдена не только сохранила, но и ужесточила курс на стратегическое технологическое соперничество с Китаем, придав ему более структурированный и многосторонний характер. Центральным инструментом этой политики стал беспрецедентный экспортный контроль в области передовых полупроводников и технологий искусственного интеллекта [6; 15], реализуемый Бюро промышленности и безопасности (BIS) Министерства торговли [6]. В октябре 2022 года был введен масштабный пакет ограничений, направленный на подрыв способности Китая производить и получать передовые вычислительные чипы, критически важные для развития ИИ и высокопроизводительных вычислений. Меры включали лицензионные требования на экспорт конкретных чипов (таких как NVIDIA A100/H100), ограничения на поставки оборудования для производства полупроводников и расширение действия правила «прямого иностранного продукта» (FDPR) [6]. В 2023–2024 годах эти ограничения были ужесточены для закрытия лазеек и распространены на новые технологии, включая высокопроизводительную память (HBM). Данная политика, дополненная активной координацией с союзниками, в частности, Японией, Нидерландами, имела цель создать долгосрочное «узкое место» (chokepoint) для китайской технологической базы, сместив фокус с тактического сдерживания отдельных компаний (как при Трампе) [1, 6].

Параллельно Конгресс предпринял серьезную попытку законодательной реформы. Ключевым предложением стал «Закон об американских инновациях и выборе в Интернете» (American Innovation and Choice Online Act, AICOA), направленный на запрет доминирующим платформам-«привратникам» дискриминировать сторонние продукты и услуги в пользу собственных. Несмотря на двухпартийную поддержку в комитетах, законопроект так и не был принят, столкнувшись с мощным лоббистским сопротивлением и политическими разногласиями [9]. Основное сопротивление законопроекту оказывали Google, Amazon, Apple и отраслевые ассоциации, заявлявшие, что запрет на само-предпочтение (selfpreferencing) негативно скажется на потребителях и ослабит конкурентоспособность США. В Конгрессе разногласия сводились к двум главным вопросам: как именно определять платформы«привратники» и не подорвет ли новый закон позиции американских фирм в борьбе с китайскими конкурентами. Этот законодательный тупик, однако, подчеркнул глубину трансформации публичной дискуссии: вопрос о необходимости структурных изменений на цифровых рынках прочно вошел в политическую повестку, сместив фокус с поведенческих ограничений на проблемы доступа, совместимости и конфликта интересов платформ [9, 13].

В условиях законодательного паралича администрация Байдена активно использовала исполнительные указы для формирования элементов новой архитектуры приватности. Ключевым шагом стало подписание в октябре 2022 году Исполнительного указа, направленного на выполнение принципов Рамочного соглашения о приватности данных ЕС–США (EU-U.S. Data Privacy Framework) [5]. Этот указ был призван восстановить легальные основания для трансграничных потоков данных, разрушенные решением Суда ЕС «Schrems II», и продемонстрировать приверженность США защите прав граждан, соответствующих европейским стандартам [10]. Таким образом, хотя федеральный закон принят не был, внешнеполитическая необходимость и исполнительная власть стали драйверами частичной конвергенции американских подходов к приватности с более жесткими глобальными нормами.

Осознавая, что технологическое лидерство является основой как экономического превосходства, так и национальной безопасности, администрация Байдена сделала беспрецедентные государственные инвестиции в критическую инфраструктуру будущего. Центральным элементом этой стратегии стал Закон о чипах и науке (CHIPS and Science Act), подписанный в августе 2022 года [2]. Этот закон, с общим объемом финансирования около $280 млрд, был направлен на снижение уязвимости цепочек поставок и восстановление передовых производственных мощностей США. Его ключевые компоненты включали:
– $39 млрд в виде прямых субсидий для строительства и модернизации фабрик по производству полупроводников на территории США;
– $11 млрд на финансирование передовых исследований и разработок (R&D) в области полупроводников, включая создание Национального центра передовых технологий упаковки (то есть корпусирования и сборки чипов) и Национального полупроводникового технологического центра [2];
– $500 млн на Фонд международного сотрудничества в области безопасности и инноваций цифровых коммуникаций для работы с союзниками по диверсификации цепочек поставок.

Помимо полупроводников, государственная поддержка через различные программы Национальных научных фондов и Министерства энергетики была направлена на развитие других критических технологий – квантовых вычислений, передовых сетей связи (5G/NextG) и «зеленых» цифровых решений для повышения энергоэффективности ИТ-сектора. Эти инвестиции знаменовали отход от ортодоксальной веры в исключительную эффективность частного рынка и признание необходимости проактивной промышленной и инновационной политики для сохранения технологического суверенитета в эпоху стратегической конкуренции [2, 6].

Заключение

Проведенное исследование показывает, что 2012–2025 гг. стали эпохой глубокой перестройки государственной политики США под воздействием бурного развития цифровой экономики. Эволюция проходила через три отчетливых этапа: либеральный технооптимизм и адаптация, затем «великое переосмысление» с элементами жесткого противодействия, и наконец текущая фаза стратегической конфронтации и системного регулирования. Главная траектория – последовательный отказ от доктрины саморегулирования рынка в пользу масштабного, проактивного, а нередко и принудительного участия государства в решении проблем, порожденных цифровизацией [9, 13].

По итогам этого трансформационного цикла можно выделить несколько устойчивых ключевых трендов, определивших новую парадигму.

1. Приоритет безопасности над инновациями. Акцент сместился с безоговорочного поощрения технологических новшеств на обеспечение национальной и экономической безопасности в цифровой среде. Это нашло выражение в беспрецедентном экспортном контроле над полупроводниками и ИИ для сдерживания Китая [1, 6], в ужесточении защиты критической инфраструктуры от киберугроз, а также в трак-

[1] Принадлежит компании Meta, которая признана экстремистской и запрещена на территории РФ.

товке рыночной власти платформ как угрозы стратегическим интересам и демократическим процессам [3, 4, 11].

2. Данные как стратегический ресурс. Если на начальном этапе они рассматривались преимущественно как актив для экономического роста и открытости (политика «открытых данных»), то к 2025 г. данные окончательно утвердились в статусе ресурса, значимого для суверенитета, обороны, конкурентной борьбы и прав личности. Конфликты по поводу трансграничных потоков, хранения и анализа данных стали центральной линией как внутренних (дебаты вокруг CCPA и федерального закона), так и внешнеполитических противоречий (CLOUD Act, IPEF) [7, 10, 12].

3. Фрагментация глобального интернета. Политика США эволюционировала от продвижения единой открытой сети к активному участию в ее региональной и идеологической сегментации. Инициативы типа «Чистые сети», создание технологических альянсов (AUKUS, Quad) и отказ от универсальных правил цифровой торговли в рамках IPEF способствуют разделению цифрового пространства на конкурирующие зоны влияния с разными стандартами и нормами доверия [6, 7, 13].

Прогноз на ближайшее будущее предполагает интенсификацию выявленных трендов.

1. Усиление регуляторного давления на цифровые платформы будет продолжаться, принимая новые формы – от законодательных попыток реформировать антимонопольное право и Раздел 230 до более активного использования исполнительных органов для установления отраслевых стандартов (особенно в области ИИ и безопасности) [1, 9, 15].

2. Технологические цепочки поставок будут все сильнее зависеть от геополитической конъюнктуры. Борьба за господство в производстве ключевых компонентов (полупроводники, редкоземельные металлы) и за стандарты будущих технологий (6G, квантовые вычисления) станет центральной осью международных отношений, усиливая размежевание на технологические блоки [2, 6, 13].

3. Поиск хрупкого баланса между инновациями и контролем останется центральной дилеммой американской политики. Государство будет вынуждено постоянно корректировать свои действия, с одной стороны, стремясь сохранить конкурентное технологическое преимущество и предпринимательскую динамику, а с другой – наращивая регулирование для защиты безопасности, конкуренции и фундаментальных прав [9, 12]. Успех этой политики будет определять не только экономическое будущее США, но и контуры формирующегося глобального цифрового порядка.

Литература

1. Давыборец Е.Н. Имиджевая стратегия Трампа в предвыборной гонке 2016 // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2017. – Т. 23. № 3. – С. 37–45.

2. Искусственный интеллект и внешняя политика США [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/iskusstvennyy-intellekt-i-vneshnyaya-politika-ssha/ (дата обращения: 10.01.2026).

3. Коньков А.Е. Цифровизация политических отношений: грани познания и механизмы трансформации // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2019. – Т. 12. № 6. – С. 6–28.

4. Мармилова Е.П. Удаленное голосование по почте (на примере президентских выборов в США в ноябре 2020 года) // Актуальные проблемы современности: наука и общество. – 2020. – № 3(28). – С. 7–10.

5. Соломатина Е.Д. Государственное управление в условиях глобализации и информатизации экономики: зарубежный опыт // Социально-экономические явления и процессы. – 2015. – Т. 10. № 10. – С. 137–143.

6. Федотов М. Неприкосновенность частной жизни и суверенитет личности в социальных сетях [Электронный ресурс] // Валдайский клуб. 03.06.2021. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/neprikosnovennost-chastnoy-zhizni/ (дата обращения: 08.01.2026).

7. Цветкова Н.А. Применение искусственного интеллекта в анализе внешней политики США: обзор современных практик // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2025. № 4. С. 12–27. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-4-12-27.

8. Чугров С.В. Post-truth: трансформация политической реальности или саморазрушение либеральной демократии? // Полис. – 2017. № 2. – С. 42–59.

9. Государственная политика США в области искусственного интеллекта: цели, задачи, перспективы реализации [Электронный ресурс] – URL: https://share.google/64jRx31Ax2cq1dAFl (дата обращения: 10.01.2026).

10. Brookings Institution. (2021). Platform regulation: A retrospective and prospective analysis. [Электронный ресурс]. URL: https://www.brookings.edu/articles/platform-regulation-proposals-in-the-united-states-and-abroad/ (дата обращения: 07.01.2026).

11. Congress.gov. (2022). H.R.4346 – CHIPS and Science Act of 2022. [Электронный ресурс]. URL: https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/4346/text (дата обращения: 07.01.2026).

12. Congressional Research Service (CRS). (2023). Digital Trade and U.S. Trade Policy. [Электронный ресурс] URL: https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF10052 (дата обращения: 08.01.2026).

13. Congressional Research Service (CRS). (2024). U.S. Policy on «Network Neutrality». [Электронный ресурс]. URL: https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R46710 (дата обращения: 07.01.2026).

14. Federal Trade Commission. (2023). FTC Sues Amazon for Illegally Maintaining Monopoly Power. [Пресс-релиз]. URL: https://www.ftc.gov/news-events/news/press-releases/2023/09/ftc-sues-amazon-illegally-maintaining-monopoly-power (дата обращения: 08.01.2026).

15. . Information Technology & Innovation Foundation (ITIF). (2023). The EU-U.S. Data Privacy Framework: What It Is, Why It Matters, and What's Next. [Электронный ресурс]. URL: https://itif.org/publications/2023/07/11/the-eu-u-s-data-privacy-framework-what-it-is-why-it-matters-and-whats-next/ (дата обращения: 08.01.2026).

16. Keller, D. (2021). The Future of Platform Power: Making the Case for a New Approach to Regulation. Journal of Democracy, 32(3), 153–167.

17. Lim, D., & Gal, M. S. (2022). The Transnational Politics of Digital Regulation: The Case of the United States. International Journal of Law and Information Technology, 30(1), 1–25.

18. Pew Research Center. (2023). Americans' Views on Technology Companies. [Электронный ресурс]. URL: https://www.pewresearch.org/internet/2023/06/07/views-of-social-media-and-its-impacts-on-society/ (дата обращения: 08.01.2026).

19. The White House. (2022). Fact Sheet: President Biden Signs Executive Order to Implement the European Union- U.S. Data Privacy Framework. [Электронный ресурс]. URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/10/07/fact-sheet-president-biden-signs-executive-order-to-implement-the-european-union-u-s-data-privacy-framework/ (дата обращения: 07.01.2026).

20. The White House. (2023). Executive Order on the Safe, Secure, and Trustworthy Development and Use of Artificial Intelligence. [Электронный ресурс]. URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2023/10/30/executive-order-on-the-safe-secure-and-trustworthy-development-and-use-of-artificial-intelligence/ (дата обращения: 07.01.2026).

21. U.S. Department of Commerce, Bureau of Industry and Security. (2022). Commerce Implements New Export Controls on Advanced Computing and Semiconductor Manufacturing Items to the People's Republic of China (PRC). [Электронный ресурс]. URL: https://www.bis.doc.gov/index.php/documents/about-bis/newsroom/press-releases/3158–2022–10–07-bis-press-release-advanced-computing-and-semiconductor-manufacturing-controls-final/file (дата обращения: 08.01.2026).

22. U.S. Department of Justice. (2023). Justice Department Sues Google for Monopolizing Digital Advertising Technologies. [Электронный ресурс]. URL: https://www.justice.gov/opa/pr/justice-department-sues-google-monopolizing-digital-advertising-technologies (дата обращения: 08.01.2026).

THE PHASED TRANSFORMATION OF US GOVERNMENT POLICY ON DIGITALIZATION (2012–2025)

Duganov D.R.
Russian State University for the Humanities

This article analyzes the evolution of US government policy regarding digitalization between 2012 and 2025. It demonstrates a shift from a paradigm of liberal techno-optimism (under the Obama administration)–passing through a phase of «great rethinking» and fierce pushback (under Trump)–to an era of strategic confrontation and systemic regulation (under Biden). Three interconnected challenges to which US policy has responded are identified: the dominance of digital platforms, necessitating new antitrust approaches; the recognition of data as a strategic asset; and intensifying geoeconomic competition with China. Based on a structural-institutional and evolutionary analysis of legislation (such as the CHIPS and Science Act, CLOUD Act, and USA FREEDOM Act), executive orders, and the enforcement practices of the FTC, FCC, and Department of Justice, the study identifies key trends: prioritizing security over innovation, codifying data as a strategic resource, the fragmentation of the global internet, and the formation of technology blocs (e.g., AUKUS, Quad). The article concludes that US policy is evolving from self-regulation toward proactive state intervention, with technological rivalry becoming a central pillar of international relations. Further increases in regulatory pressure on platforms and a deepening division into technological spheres of influence are predicted.

Keywords: digital economy, US government policy, digitalization, Big Tech regulation, data privacy, net neutrality, technological rivalry, CHIPS Act, antitrust policy, geopoliticization of technology supply chains.

References

1. Davyborets E.N. Trump's Image Strategy in the 2016 Election Race // Bulletin of the Trans-Baikal State University. – 2017. – Vol. 23. № 3. – Pp. 37–45.

2. Artificial Intelligence and US Foreign Policy [Electronic resource] // Russian International Affairs Council. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/iskusstvennyy-intellekt-i-vneshnyaya-politika-ssha / (accessed: 01/10/2026).

3. Konkov A.E. Digitalization of political relations: facets of cognition and mechanisms of transformation // Contours of global transformations: Politics, economics, law. – 2019. – Vol. 12. № 6. – Pp. 6–28.

4. Marmilova E.P. Remote voting on by mail (using the example of the US presidential election in November 2020) // Current problems of our time: science and society. – 2020. – № 3(28). – Pp. 7–10.

5. Solomatina E.D. Public administration in the context of globalization and informatization of the economy: foreign experience // Socio-economic phenomena and processes. – 2015. – Vol. 10. № 10. – Pp. 137–143.

6. Fedotov M. Privacy and Personal Sovereignty in Social Media [Electronic resource] // Valdai Club. 03.06.2021. URL: https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/neprikosnovennost-chastnoy-zhizni/ (accessed: 08.01.2026).

7. Tsvetkova N.A. The Use of Artificial Intelligence in the Analysis of US Foreign Policy: A Review of Modern Practices // Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series «Political Science. History. «International Relations.» 2025. № 4. Pp. 12–27. DOI: 10.28995/2073-6339-2025-4-12-27.

8. Chugrov S.V. Post-truth: transformation of political reality or self-destruction of liberal democracy? // Polis. – 2017. – № 2. – Pp. 42–59.

9. US State Policy in the Field of Artificial Intelligence: Goals, Objectives, and Prospects for Implementation [Electronic resource] – URL: https://share.google/64jRx31Ax2cq1dAFl (accessed: 10.01.2026).

10. Brookings Institution. (2021). Platform Regulation: A Retrospective and Prospective Analysis. [electronic resource]. URL: https://www.brookings.edu/articles/platform-regulation-proposals-in-the-united-states-and-abroad/ (Accessed: 07.01.2026).

11. Congress.gov. (2022). H.R.4346 – CHIPS and Science Act of 2022. [electronic resource]. URL: https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/4346/text (Date accessed: 07.01.2026).

12. Congressional Research Service (CRS). (2023). Digital Trade and U.S. Trade Policy. [Electronic resource] URL: https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF10052 (Accessed: 08.01.2026).

13. Congressional Research Service (CRS). (2024). U.S. Policy on «Network Neutrality». [electronic resource]. URL: https://crsreports.congress.gov/product/pdf/R/R46710 (Accessed: 07.01.2026).

14. Federal Trade Commission. (2023). FTC Sues Amazon for Illegally Maintaining Monopoly Power. [Press release]. URL: https://www.ftc.gov/news-events/news/press-releases/2023/09/ftc-sues-amazon-illegally-maintaining-monopoly-power (Accessed: 08.01.2026).

15. Information Technology & Innovation Foundation (ITIF). (2023). The EU-U.S. Data Privacy Framework: What It Is, Why It Matters, and What's Next. [electronic resource]. URL: https://itif.org/publications/2023/07/11/the-eu-u-s-data-privacy-framework-what-it-is-why-it-matters-and-whats-next/ (Date accessed: 08.01.2026).

16. Keller, D. (2021). The Future of Platform Power: Making the Case for a New Approach to Regulation. Journal of Democracy, 32(3), 153–167. 17. Lim, D., & Gal, M. S. (2022). The Transnational Politics of Digital Regulation: The Case of the United States. International Journal of Law and Information Technology, 30(1), 1–25. 18. Pew Research Center. (2023). Americans' Views on Technology Companies. [electronic resource]. URL: https://www.pewresearch.org/internet/2023/06/07/views-of-social-media-and-its-impacts-on-society/ (Accessed: 08.01.2026).

19. The White House. (2022). Fact Sheet: President Biden Signs Executive Order to Implement the European Union–U.S. Data Privacy Framework. [electronic resource]. URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/10/07/fact-sheet-president-biden-signs-executive-order-to-implement-the-european-union-u-s-data-privacy-framework/ (Accessed: 07.01.2026).

20. The White House. (2023). Executive Order on the Safe, Secure, and Trustworthy Development and Use of Artificial Intelligence. [electronic resource]. URL: https://www.whitehouse.gov/briefing-room/presidential-actions/2023/10/30/executive-order-on-the-safe-secure-and-trustworthy-development-and-use-of-artificial-intelligence/ (Accessed: 07.01.2026).

21. U.S. Department of Commerce, Bureau of Industry and Security. (2022). Commerce Implements New Export Controls on Advanced Computing and Semiconductor Manufacturing Items to the People's Republic of China (PRC) [electronic resource]. URL: https://www.bis.doc.gov/index.php/documents/about-bis/newsroom/press-releases/3158–2022–10–07-bis-press-release-advanced-computing-and-semiconductor-manufacturing-controls-final/file (Accessed: 08.01.2026).

22. U.S. Department of Justice. (2023). Justice Department Sues Google for Monopolizing Digital Advertising Technologies. [electronic resource]. URL: https://www.justice.gov/opa/pr/justice-department-sues-google-monopolizing-digital-advertising-technologies (Accessed: 08.01.2026).

Политические игры вокруг тибетского буддизма и роль России в стабилизации религиозной ситуации в регионе буддийской Азии

Жуков Артём Вадимович,
доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Забайкальский государственный университет
E-mail: artem_jukov68@mail.ru

Захарова Елена Юрьевна,
доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, Забайкальский государственный университет
E-mail: aglena_72@mail.ru

Кучинская Татьяна Николаевна,
доктор философских наук, доцент, профессор кафедры международного права и международных связей, Забайкальский государственный университет
E-mail: kuchinskaya_t@mail.ru

Статья посвящена философскому осмыслению современных геополитических процессов, разворачивающихся вокруг института тибетского буддизма. Актуальность темы обусловлена эскалацией борьбы за символический и политический контроль над буддийской конфессией, имеющей происхождение в Тибете, в которую вовлечены Индия, Китай, США и Россия. Используя концептуальный аппарат социальной философии, в частности, понятия «постсекулярного общества» и «политического», авторы анализируют стратегии ключевых акторов. Показано, что действия Индии, Китая и США, несмотря на риторические различия, направлены на инструментализацию буддизма как ресурса «мягкой силы». Индия поддерживает тибетских беженцев и культурные связи. Китай настаивает на своём праве единолично решать вопросы управления буддизмом. США, нацеливаясь на переориентацию буддийского руководства на политизацию буддизма, на словах выступают за права человека и свободу вероисповедания. Обостряет ситуацию стремление политических игроков усилить своё присутствие за счет современных информационных стратегий и технологий. В отличие от них, Россия реализует принципиально иную модель взаимодействия, основанную не на стремлении к гегемонии, а на создании пространства для межцивилизационного диалога и стабилизации религиозно-политической ситуации в регионе. Исследование выявляет механизмы взаимного конституирования светской и духовной власти и поднимает вопрос о границах применимости самого понятия «аполитичной религии» в современном мире.

Ключевые слова: тибетский буддизм, социальная философия, постсекулярное общество, мягкая сила, геополитика религии, Россия, Китай, Индия, США, политические институты.

Введение

Современный мир, вопреки прогнозам классической теории секуляризации, демонстрирует возвращение религии в публичное пространство. Концептуализация данного феномена проведена в работах, автором которых является Ю. Хабермас, указавший на развитие «постсекулярного общества», в котором стирается граница между сферами светского и религиозного [9, с. 72–73]. Схожие идеи отражены в работах П. Бергера, который считал секуляризацию фальсификатом, в рамках которого религия меняла свой облик, но никуда не исчезала [2, с. 8–10]. Фиксация современного возвращения религии означает, что она по-прежнему выполняет функцию контроля над массовым сознанием, а контроль над религией представляет одну из значимых целей для мировой политики [7].

Данное исследование фокусируется на тибетском буддизме как на уникальном кейсе, в котором пересекаются интересы нескольких крупных геополитических игроков. Вокруг вопроса о формировании политических институций тибетского буддизма разворачивается борьба, которая, на первый взгляд, носит политико-правовой характер, однако по сути является борьбой за символический капитал и право определять онтологический статус религиозной традиции в современном мире.

Прежде всего, здесь важно отметить, что данный вопрос вызывает живой интерес исследователей, которые подчёркивают сложность взаимодействия стран и институтов в этом вопросе. Исследования, посвящённые вопросам передачи власти и влияния в тибетском буддизме, проводятся различными учёными и организациями. Среди наиболее известных учёных, изучающих современный буддизм, можно отметить В. Ананду, раскрывшего современные реалии тибетского буддизма в Индии [11], С. Клуса [13] и Ш. Циринга [16], указавших на тенденции развития отношений тибетских институтов и индийского социального окружения, Р. Турмана, чьи исследования охватывают изменения в структуре религиозных организаций и роли лидера в тибетском обществе [8], Р. Барнетта, который опубликовал сведения о современной истории и религиозной политике в Тибете [12], П. Швигера давшего широкое представление о традициях влияния китайского государства на институт Далай-Лам в Тибете [15].

Значительное внимание социально-политической стороне развития тибетского буддизма уделяется российскими исследователями, включая Д.Д. Амоголонову [1], Л. Вишканич [3], И. Гарри [4], Л.Н. Крайнову [5], М.В. Монгуш [6]. Отечественная наука раскрывает наиболее актуальные процессы, связанные с трансформацией религиозной ситуации в буддийской Азии. Характерным здесь является внимание к политической борьбе между политическими акторами, заинтересованными в интенсификации своего влияния на верующих конфессии, имеющей мировое распространение. Сегодня значимым представляется анализ сущности взаимовлияния между светскими властями и духовными авторитетами, а также направленности, с которой выступают религиозные и духовные лидеры, заявляющие о стремлении к развитию, сохранению и защите религии. Однако как показывает анализ литературы помимо самого буддизма на формирование процессов борьбы за влияние и установление лидерства в рамках управления тибетским буддизмом в современную эпоху значительное влияние оказывают крупные внешние игроки.

Прежде всего, это такие государство, как Индия, представляющее убежище многим тибетским беженцам и поддерживающая культурные связи с тибетскими сообществами [1, с. 2]. Еще одним игроком является Китай, который настаивает на исключительном праве распоряжаться политическими вопросами, тибетского буддизма, рассматривая данную конфессию, как неотъемлемую часть своей территории [4, с. 41]. Также претендуют на исключительное право давать свою оценку процессам сохранения прав и человека и свободы вероисповедания претендуют США, которые выступают против вмешательства китайского правительства в дела тибетской общины [8, с. 290]. В этом контексте каждая из сторон использует тибетский буддизм как ресурс «мягкой силы» (soft power), стремясь укрепить своё влияние в регионе через привлекательность культурного и духовного наследия, а не только через военные или экономические рычаги [17]. Таким образом, необходимо указать на сложность взаимодействия различных стран и институтов в данном вопросе, особенно учитывая глобальные последствия политического статуса Тибета и взаимоотношений крупных держав.

Объект исследования – процесс формирования современных политических институций буддийской Азии. Предмет исследования – стратегии и дискурсивные практики ключевых геополитических акторов, таких как Индия, Китай, США, Россия в отношении тибетского буддизма. Целью исследования является выявление механизмов взаимодействия и возможных путей разрешения противоречий, направленных на обеспечение стабильности и преемственности традиции тибетского буддизма, с учётом геополитической роли России в данном процессе.

Методологические рамки исследования определены синтезом нескольких подходов. Цивилизационный подход позволяет рассматривать буддизм как одну из ключевых культурно-исторических макроидентичностей, формирующих нормативно-ценностное ядро региона Азии [11, с. 5–19]. Это задает масштаб анализа, выводя его за рамки политической конъюнктуры. Кроме этого, в контексте неореализма государства рассматриваются как рациональные акторы, стремящиеся к максимизации своего влияния. В этом ключе буддизм, и в особенности институт тулку (перерожденцев), трактуется как значимый ресурс «мягкой силы», используемый для внешнеполитического влияния. Однако мы дополняем эту перспективу политико-культурным подходом, который акцентирует внимание на том, что действия государств не являются лишь прагматическим расчётом, но глубоко укореняются в их собственных культурных и идеологических нарративах, например, индийская идея «духовного лидерства» или китайская концепция «территориальной целостности». Ключевым методом является дискурс-анализ. Мы исходим из того, что политическая борьба ведётся не только на поле конкретных действий, но и в пространстве языка. Анализ официальных заявлений МИД КНР [21], докладов Госдепартамента США [29], выступлений Далай-ламы и публикаций в СМИ [30] позволяет выявить скрытые стратегии легитимации власти и делегитимации оппонентов. Наконец, следуя традиции К. Шмитта [10, с. 26–37] и Ш. Муфф [14, p. 14–21], мы рассматриваем политику через фундаментальную дихотомию «друга/врага», что позволяет увидеть, как конструируются границы между «своими» и «чужими» в буддийском дискурсе. В целом в логике данной методологии попытки представить буддизм как «аполитичную религию» редставляются политическим актом, направленным на выведение традиции из-под чьего-либо контроля.

Результаты исследования

1. Установлено, что все три основных внешних игрока (Индия, Китай и США), несмотря на принципиальные различия в риторике, едины в своем базовом подходе к тибетскому буддизму, который воспринимается ими не как самостоятельная духовная традиция, а как объект управления и инструмент достижения геополитических целей. Индия использует нарратив «духовной родины» для легитимации своего влияния, Китай встраивает буддизм в рамки государственной идеологии и суверенитета, а США эксплуатируют дискурс прав человека для символической делегитимации Пекина. Таким образом, политизация буддизма является не побочным эффектом, а сущностной характеристикой их стратегий.

2. Выявлено, что инструментализация религии ведёт к ее внутренней трансформации. Административный контроль Китая, правовая интеграция буддийских институтов в Индии, например, переход Men-Tsee-Khang под индийскую юрисдикцию и финансовая поддержка тибетской диаспоры со стороны США меняют институциональную логику буддизма. Религиозные структуры вынуждены адаптироваться к требованиям государственных систем, что порождает феномен «двойной лояльности», то есть одновременной подчинённости духовной традиции и политической конъюнктуре. Это подтверждает тезис о множественных модерностях, согласно которому буддизм в разных национальных контекстах приобретает различные институциональные формы, отражающие специфику принимающего общества.

3. Показано, что российская модель взаимодействия с буддизмом принципиально отличается от стратегий других акторов. Россия не стремится к установлению контроля над религиозными институтами и не конкурирует за символический капитал. Ее роль можно охарактеризовать как стабилизирующее посредничество, направленное на создание нейтральных площадок для диалога (форумы в Агинском, Элисте, Туве). Эта модель способствует деполитизации конфликта и позволяет России поддерживать добрососедские отношения с ключевыми игроками (Китаем, Индией, Монголией), не вступая в прямую конфронтацию. Российская стратегия, таким образом, представляет собой альтернативу логике «друг/враг», доминирующей в действиях других игроков.

Обсуждение результатов исследования

Стратегии инструментализации: Индия, Китай, США

Анализ действий основных зарубежных игроков показывает, что, несмотря на диаметрально противоположную риторику, их объединяет общая черта, заключающаяся в восприятии ими буддизма как объекта управления и инструмента для достижения геополитических целей. В частности, среди сил, формирующих сложную динамику международного участия в определении политического будущего тибетской религии, в первую очередь необходимо упомянуть Индию, как страну, играющую важную роль в предоставлении убежища и поддержке культурного наследия тибетцев. В связи с этим, Индия заявляет исключительные права на контроль за процессами развития буддизма, а также осуществляет шаги, направленные реализацию программ развития буддийских мировых центров, а также Центральной тибетской администрации на территории страны. Одним из аргументов, нацеленных на обоснование необходимости активизации программ усиления индийской опёки, является указание на то, что именно эта страна была родиной учения Будды Шакьямуни [11, p. 1–20].

Такое утверждение укрепляет позицию Индии как естественного преемника традиций и покровителя наследия тибетского буддизма. В условиях современной политики такие утверждения создают дополнительные предпосылки для усиления роли страны в религиозных и политических делах региона южной и тибетской Азии. В данном случае важным обстоятельством, усиливающим аргументацию со стороны Индии, является то, что политические претензии этого государства поддерживаются рядом тибетских организаций, представительств и лидеров, которые считают себя зависимыми от решений правительства Индии [16, p. 177]. Как известно, одним из масштабных шагов Индии по контролированию тибетского духовенства на территории страны стала санация буддийских религиозных учреждений [4, с. 41]. В частности, под индийскую юрисдикцию в 2023 г. перешёл «Тибетский институт астрологии и медицины» (г. Дхарамсала штат Химачал Прадеш Индии), основанный Далай-ламой XIV в 1961 г. [13, p. 83]. В 2024–2025 гг. буддийские учреждения страны, ранее подконтрольные офису Далай-ламы, вошли в финансово-экономическую систему страны, после чего стали облагаться налогами и различными сборами [19].

О решительных шагах Индии в отношении тибетского духовенства Индии также свидетельствует тот факт, что 22 января 2024 г. на освящение индуистского храма Рамы в Айдохте (Рам Мандир) присутствовали тибетские иерархи, которые сначала отказались посетить это событие, но после разъяснительной работы со стороны правительственных органов, присоединились к широкому кругу официальных лиц и представителей различных конфессий, согласие между которыми стало символизировать стремление индийских властей создать атмосферу единства и согласия [22].

Кроме этого, отдельного внимания заслуживает назначение в августе 2025 г. Далай-ламой XIV одним из наставников Богдо-Гэгэна X, известного в Монголии тибетского монаха Жадо Римпоче, по своему религиозному образованию и статусу соответствующего уровню, выдвигаемому к наставнику третьего лица мирового буддизма. В тоже время, специалисты указывают, что это назначение произведено по протекции государственных структур Индии для обеспечения влияния на действия и жизнедеятельность Богдо-Гэгэна X, через подконтрольного священнослужителя. Известно, что предыдущий наставник Богдо-Гэгэна X Кунделинг Римпоче в виду постоянного проживания в Индии данные функции фактически не исполнял, а Жадо Римпоче, периодически посещающий г. Улан-Батор и имеющий гражданство Монголии способен организовать религиозную подготовку в интересах Индии на высоком уровне [23]. Также одной из причин назначения Жадо Римпоче наставником высшего буддийского иерарха Монголии, является стремление к минимизации участия монгольского и российского буддийского духовенства в признании китайского Панчен-ламы, как второго лица мирового буддизма [21]. Предполагается, что Москва и Улан-Батор могут признать китайского ставленника в Монголии [25]. Поэтому Индия стремится закрепить за собой статус естественного покровителя тибетского буддизма, апеллируя к своему историческому прошлому в качестве «Родины учения». Реализуя данную стратегию, страна стремится к политизации деятельности тибетской конфессии на своей территории [5, с. 110].

Однако здесь она, сталкивается с позицией официального Китая, который выражает стремление монопольного распоряжения тем культурным капиталом, который связывается с китайским происхождением. При этом, Китай выстраивает свою стратегию на дискурсе суверенитета и территориальной целостности. Основные направления политики Китая в отношении тибетского буддизма касаются стремления сохранить территориальную и культурную неприкосновенность Тибета, определяемого как неотъемлемая часть китайской территории. Учитывая данное обстоятельство, Китай рассматривает тибетскую религию, как подконтрольную решениям КПК, и поэтому попадающую под государственную регуляцию деятельности любых религиозных организаций, через законодательство и государственные учреждения [4, с. 60].

Важно отметить, что такие утверждения приводят к конфликтам и напряженности в отношениях между Китаем и Индией. Однако, прежде всего, позиция Китая напрямую влияет на отношение властей этой страны с действующими ламами, находящимися за рубежом. В частности Китай пытается ограничить возможность публичного проповедования и оказания влияния на верующих со стороны духовенства, находящего вне пределов китайских границ, считая такие проповеди вмешательством в свои внутренние дела [29]. Объясняя свою позицию, Китай подчеркивает наличие исторического контекста, в рамках которого политические связи между Китаем и Тибетом, основывались на принятии в китайской власти существовала задолго до провозглашения республики Тибет. Подкрепляя свою точку зрения развертыванием информационной кампании через государственные медиа, китайские власти продвигают идею идентичности Тибета и Китая и критикуют западных политиков и активистов, выступающих в защиту прав тибетцев. О серь`зности заявлений китайских политиков также говорит стратегия развития Тибета как экономически перспективного региона, в который власть инвестирует значительные средства, пытаясь интегрировать его в инфраструктуру страны [26].

О том, что Китай развивает Тибет как китайскую территорию, говорят не только политические меры и экономические программы, но практические меры, направленные на создание системы административных ограничений, регулирующих активность буддийского духовенства. В частности, введены строгие правила для посещения монастырей и храмов иностранцами, особенно журналистами и дипломатами. Китай направляет усилия на снижение этнической самоидентификации тибетцев, внедряя элементы китайской культуры и языка в их повседневную жизнь [26]. Здесь активно используется административный ресурс для контроля над религиозной жизнью и утверждается монополия на право проведения процедуры реинкарнации. Религиозная традиция вписывается в рамки государственной идеологии, становясь элементом национального строительства. Официальные заявления МИД КНР последовательно транслируют эту позицию, подчёркивая недопустимость внешнего вмешательства.

Не последнюю роль на развитие процессов, оказывающих влияние на становление политических институций тибетского буддизма, оказывают Соединенные Штаты Америки, которые выражая стремление выступать в качестве защитника прав личности, пытаются закрепить своё присутствие в азиатском регионе [18, p. 45]. Поэтому США при каждом удобном случае стараются выразить свою озабоченность нарушением прав верующих и постоянно поддерживают общественные движения, направляющие деятельность на достижение независимости Тибета. Действия США в этом направлении концентрируются на организации дипломатических усилий, финансировании правозащитных организаций и предоставлении убежища тибетским беженцам. Например, сразу после присоединения Тибета к Китаю Конгресс США принял резолюции, осуждающие данную политику, и оказывал финансовую помощь тибетскому правительству в изгнании [8, с. 294]. Современная политика США продолжает линию, связанную со стремлением оказывать влияние в Азии. На это направлены усилия, целью которых является поддержание такого диалога с китайскими властями, который бы указывал всему миру на значимость усилий Америки, по защите прав человека и религиозной свободы [27]. В частности, когда Р. Барнетт, писал о решении Далай-ламы, связанном с престолонаследием, он доказывал, что это решение отражает тонкую грань между сохранением тибетского буддизма и защитой его от политических манипуляций Пекина [12].

Помимо этого они предоставляют финансовую поддержку общественным и религиозным организациям, находящимся за пределами Китая, но работающим над защитой прав тибетцев. Большие средства выделяются на проведение информационных кампаний, в которых мировая общественность узнаёт о нарушениях прав верующих, а также об усилиях международной дипломатии, направленной на поддержку движения за независимость и религиозную свободу с этом регионе. Таким образом, разыгрывая «тибетскую карту» США стремятся обосновать необходимость своего присутствия и способствовать созданию негативного информационного фрейма вокруг китайской власти, что может стать основанием для усиления геполитического влияния Америки [27]. Таким образом, борьба за «контроль» над буддизмом со стороны Индии, Китая и США является борьбой за символическую власть, где религия неизбежно политизируется и становится заложником геополитического противостояния.

Российская модель: стабилизация через диалог

Существенно отличается от данной стратегии политика России, также представляющей территорию распространения буддизма, и также испытывающей серьезную обеспокоенность процессами, связанными с активизацией борьбы за контроль над буддийскими политическими институциями. Однако важно указать, что Россия не пытается достичь собственно российские цели и не проявляет себя столь заметно, как Индия, Китай или страны Запада, но в то же время прилагает значительные усилия, направленные на стабилизацию общественно-политической и социокультурной ситуации в регионе распространения тибетского буддизма [5]. Современная позиция Российской Федерации заключается в том, что она сохраняя нейтралитет в данном вопросе и признавая культурное и религиозное значение института Далай-Ламы, избегает прямого вмешательства во внутренние дела таких стран, как Индия, Китай и Монголия. Вместе с этим Россия, критически относясь к любым фактам нарушения прав человека, и стремясь к возрождению духовных традиций российских народов, исповедующих буддизм в качестве национальной религии, на своих территориях, поддерживает буддийскую конфессию [24].

На это указывает реализация стратегии, направленной на развитие буддийской образовательной системы, одним из направлений которой является межкультурный диалог с миром буддийских стран. Эта стратегия не предполагает усиления политического влияния, а напротив, стремится к укреплению процессов мирного межкультурного взаимодействия, чему способствует проведение буддийских форумов в Забайкалье [25], Калмыкии [20] и Туве [28]. Данную стратегию характеризует строгий нейтралитет в вопросах политики и власти, и актуализация внимания на диалоге, как средстве разрешения конфликтов и организации взаимодействия вдоль российских границ. При этом важным является именно процесс коммуникации, который своим ходом способствует укреплению общеполитической стабильности и развитию буддийской культуры, которая является не предметом конкурентной борьбы за источник «мягкой силы», а мировым достоянием.

Заключение

Усиление конкурентной борьбы за политическое влияние на организационные институции тибетского буддизма представляет собой отражение общемировой тенденции к десекуляризации религии, в рамках которой такие государства, как Индия, Китай и США стремятся утвердить права на использование авторитета духовной традиции в качестве инструмента «мягкой силы».

Подвергаясь инструментализации в условиях внешнего политического влияния, буддизм подвергается внутренней трансформации, в результате чего меняется институциональная логика его социальных представительств, переходящих под административный контроль государственных систем, что порождает феномен «двойной лояльности».

Современная стратегия государственной политики в отношении буддизма в России принципиально отличается от модели «мягкой силы», так как не ставит задач подчинения религии, и напротив, направляется на содействие диалогу и поддержание баланса, при котором буддийская традиция получает возможность всестороннего развития, не связанного с перипетиями политической борьбы. Большое значение для дальнейшей разработки данной темы имеет проведение изучения предпочтений верующих буддистов и стратегий социального развития региональных буддийских иерархий, которые часто не учитываются глобальными геополитическими нарративами.

Литература

1. Амоголонова Д.Д. Буддизм и политизация религии в Индии: Наваяна Бхимрао Амбедкара // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. – 2018. – Т. 11, № 4(38). – С. 2–10.
2. Бергер П. Фальсифицированная секуляризация // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2012. – № 2 (30). – С. 8–20.
3. Вишканич Л. Тибетский вопрос // Мировая наука. – 2022. – № 9 (66). – С. 106–119.
4. Гарри И. Далай-лама – светский правитель или религиозный иерарх? Политические аспекты тибетского буддизма // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. – 2022. – Т. 40, № 2. – С. 41–62.
5. Крайнова Л.Н. Проблемы возрождения буддизма в XXI в.: геополитический треугольник Монголия – Россия – Китай // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. История и политология. – 2015. – № 2. – С. 110–114.
6. Монгуш М.В. Роль Богдо-Гегенов в истории Центральной Азии // Азиатские исследования: история и современность. – 2023. – № 4. – С. 8–24.
7. Тейлор Ч. Секулярный век. – М.: ББИ, 2017. – 698 с.
8. Турман Р. Зачем нам Далай-лама? – М.: Фонд «Сохраним Тибет», 2012. – 312 с.
9. Хабермас Ю., Ратцингер Й. Диалектика секуляризации. О разуме и религии. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2006. – 112 с.

10. Шмитт К. Понятие политического. – СПб.: Наука, 2016. – 319 с.
11. Ananda W.P. Guruge. Buddhist Revival in Modern India // International Journal of Buddhist Thought & Culture. – 2016. – Vol. 16, Iss. 1. – P. 1–20.
12. Barnett R. Tibetan Modernities: Notes from the Field // R. Barnett, R. Schwartz (eds.). Streets with Memories. – Leiden: Brill, 2008. – 456 p. – P. 17–39.
13. Kloos S. Navigating 'Modern Science' and 'Traditional Culture': The Dharamsala Men-Tsee-Khang in India // Medicine between Science and Religion: Explorations on Tibetan Grounds. – New York; Oxford: Berghahn Books, 2011. – P. 83–107.
14. Mouffe C. On the Political. – London; New York: Routledge, 2005. – 153 p.
15. Schwieger P. The Dalai Lama and the Emperor of China: A Political History of the Tibetan Institution of Reincarnation. – New York: Columbia University Press, 2014. – 368 p.
16. Tsering Sh. The Dragon in the Land of Snows. – London: Pimlico, 1999. – 574 p.
17. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York: PublicAffairs, 2004. – 191 p.
18. Haynes J. Religion and Foreign Policy: The Case of India and China // International Journal of Asian Studies. – 2020. – Vol. 17, Iss. 1. – P. 45–62.
19. В Дхарамсале прошла тридцать девятая конференция института «Ум и жизнь» [Электронный ресурс]. – URL: https://nalanda.news/2025/10/19/mind-and-life-19102025.html (дата обращения: 05.09.2026).
20. В Элисте пройдет Международный буддийский форум [Электронный ресурс]. – URL: https://buddha.forum/home (дата обращения: 05.09.2026).
21. Ван И рассказал о восьми крупных достижениях Тяньцзиньского саммита ШОС [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mfa.gov.cn/rus/zxxx/202509/t20250904_11701943.html (дата обращения: 05.09.2026).
22. В Индийскую политику вставили в Раму. Премьер-министр Моди открыл главный индуистский храм в преддверии всеобщих выборов [Электронный ресурс]. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/6465198 (дата обращения: 05.09.2026).
23. Махачкеев А. Геополитика и маленький мальчик Богдо-гэгэн [Электронный ресурс]. – URL: https://burunen.ru/blogs/97727-geopolitika-i-malenkiy-malchik-bogdo-gegen/ (дата обращения: 05.09.2026).
24. Международный буддийский форум прошел на агинской земле [Электронный ресурс]. – URL: https://www.aginsk-pravda.ru/news/mezhdunarodnyj_buddijskij_forum_proshel_na_aginskoj_zemle/2025–09–26–14922 (дата обращения: 05.09.2026).
25. На прошлой неделе в политике России произошел серьезный сдвиг: Москва заявила, что готова содействовать диалогу между Китаем и Далай-ламой [Электронный ресурс]. – URL: https://inosmi.ru/20100602/160334288.html (дата обращения: 05.09.2026).
26. Политика Китая в Тибете: подавление культуры и демографическое изменение [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mk.kg/politics/2024/09/09/politika-kitaya-v-tibete-podavlenie-kultury-i-demograficheskoe-izmenenie.html (дата обращения: 05.09.2026).
27. США усиливают поддержку Тибета: новый закон и визит делегации [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mk.kg/politics/2024/07/11/ssha-usilivayut-podderzhku-tibeta-novyy-zakon-i-vizit-delegacii.html (дата обращения: 05.09.2026).
28. Тува станет местом проведения IV Международного буддийского форума в августе 2026 года [Электронный ресурс]. – URL: https://rtyva.ru/press/news/6165/ (дата обращения: 05.09.2026).
29. U.S. Department of State. 2020 Country Reports on Human Rights Practices: China (Includes Tibet) [Electronic resource]. – URL: https://www.state.gov/reports/2020-country-reports-on-human-rightspractices/china/tibet/ (accessed: 05.09.2026).
30. Why the Dalai Lama Decided Not to Break From Tradition on His Successor [Electronic resource]. – URL: https://www.nytimes.com/2025/07/02/world/asia/dalai-lama-successor-tibet-china.html (accessed: 05.09.2026).

POLITICAL GAMES SURROUNDING TIBETAN BUDDHISM AND RUSSIA'S ROLE IN STABILIZING THE RELIGIOUS SITUATION IN THE BUDDHIST ASIA REGION

Zhukov A.V., Zakharova E.Yu., Kuchinskaya T.N.
Transbaikal State University

This article explores the philosophical implications of contemporary geopolitical processes unfolding around the institution of Tibetan Buddhism. The topic's relevance stems from the escalating struggle for symbolic and political control over the Buddhist faith, which originated in Tibet, involving India, China, the United States, and Russia. Using the conceptual framework of social philosophy, particularly the concepts of «post-secular society» and «politicality,» the authors analyze the strategies of key actors. It is shown that the actions of India, China, and the United States, despite rhetorical differences, are aimed at instrumentalizing Buddhism as a resource of «soft power.» India supports Tibetan refugees and cultural ties. China insists on its right to exercise sole control over Buddhism. The United States, aiming to reorient the Buddhist leadership toward the politicization of Buddhism, rhetorically advocates for human rights and religious freedom. The situation is exacerbated by the desire of political players to strengthen their presence through modern information strategies and technologies. In contrast, Russia is pursuing a fundamentally different model of interaction, based not on the pursuit of hegemony, but on creating a space for intercivilizational dialogue and stabilizing the religious and political situation in the region. This study identifies the mechanisms of mutual constitution of secular and spiritual authority and raises the question of the limits of applicability of the very concept of «apolitical religion» in the modern world.

Keywords: Tibetan Buddhism, social philosophy, postsecular society, soft power, geopolitics of religion, Russia, China, India, USA, political institutions.

References

1. Amogolonova D.D. Buddhism and the Politicization of Religion in India: Bhimrao Ambedkar's Navayana // Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences. – 2018. – Vol. 11, № 4(38). – P. 2–10.
2. Berger P. Falsified Secularization // State, Religion and Church in Russia and Worldwide. – 2012. – № 2 (30). – P. 8–20.
3. Vishkanich L. The Tibetan Question // World Science. – 2022. – № 9 (66). – P. 106–119.
4. Garri I. The Dalai Lama: Secular Ruler or Religious Hierarch? Political Aspects of Tibetan Buddhism // State, Religion and Church in Russia and Worldwide. – 2022. – Vol. 40, № 2. – P. 41–62.
5. Kraynova L.N. Challenges of the Buddhist Revival in the 21st Century: The Mongolia–Russia–China Geopolitical Triangle // Bulletin of M.A. Sholokhov Moscow State University for the Humanities. History and Political Science. – 2015. – № 2. – P. 110–114.
6. Mongush M.V. The Role of the Bogd Gegens in the History of Central Asia // Asian Studies: History and Modernity. – 2023. – № 4. – P. 8–24.
7. Taylor C. A Secular Age. – Moscow: BBI, 2017. – 698 p.
8. Thurman R. Why Do We Need the Dalai Lama? – Moscow: «Save Tibet» Foundation, 2012. – 312 p.
9. Habermas J., Ratzinger J. The Dialectics of Secularization: On Reason and Religion. Moscow: St. Andrew's Biblical Theological Institute, 2006. – 112 p.
10. Schmitt C. The Concept of the Political. – St. Petersburg: Nauka, 2016. – 319 p.
11. Ananda W.P. Guruge. Buddhist Revival in Modern India // International Journal of Buddhist Thought & Culture. – 2016. – Vol. 16, Iss. 1. – P. 1–20.
12. Barnett R. Tibetan Modernities: Notes from the Field // R. Barnett, R. Schwartz (eds.). Streets with Memories. – Leiden: Brill, 2008. – 456 p. – P. 17–39.
13. Kloos S. Navigating 'Modern Science' and 'Traditional Culture': The Dharamsala Men-Tsee-Khang in India // Medicine between Science and Religion: Explorations on Tibetan Grounds. – New York; Oxford: Berghahn Books, 2011. – P. 83–107.
14. Mouffe C. On the Political. – London; New York: Routledge, 2005. – 153 p.
15. Schwieger P. The Dalai Lama and the Emperor of China: A Political History of the Tibetan Institution of Reincarnation. – New York: Columbia University Press, 2014. – 368 p.
16. Tsering Sh. The Dragon in the Land of Snows. – London: Pimlico, 1999. – 574 p.
17. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. – New York: PublicAffairs, 2004. – 191 p. 18. Haynes J. Religion and Foreign Policy: The Case of India and China // International Journal of Asian Studies. – 2020. – Vol. 17, Iss. 1. – P. 45–62.
19. 39th Mind & Life Institute Conference Held in Dharamshala [Electronic resource]. – URL: https://nalanda.news/2025/10/19/mind-and-life-19102025.html (accessed: 05.09.2026).
20. International Buddhist Forum to Be Held in Elista [Electronic resource]. – URL: https://buddha.forum/home (accessed: 05.09.2026).
21. Wang Yi Outlines Eight Major Achievements of the SCO Tianjin Summit [Electronic resource]. – URL: https://www.mfa.gov.cn/rus/zxxx/202509/t20250904_11701943.html (accessed: 05.09.2026).
22. Rama Enters Indian Politics: Prime Minister Modi Inaugurates Major Hindu Temple Ahead of General Elections [Electronic resource]. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/6465198 (accessed: 05.09.2026).
23. Makhachkeev A. Geopolitics and the Little Boy Bogdo-Gegen [Electronic resource]. – URL: https://burunen.ru/blogs/97727-geopolitika-i-malenkiy-malchik-bogdo-gegen/ (accessed: 05.09.2026). 24. International Buddhist Forum held on Agin land [Electronic resource]. – URL: https://www.aginsk-pravda.ru/news/mezhdunarodnyj_buddijskij_forum_proshel_na_aginskoj_zemle/2025–09–26–14922 (accessed: 05.09.2026).
25. A major shift in Russian politics occurred last week: Moscow announced its readiness to facilitate dialogue between China and the Dalai Lama [Electronic resource]. – URL: https://inosmi.ru/20100602/160334288.html (accessed: 05.09.2026).
26. China's policy in Tibet: cultural suppression and demographic change [Electronic resource]. – URL: https://www.mk.kg/politics/2024/09/09/politika-kitaya-v-tibete-podavlenie-kultury-i-demograficheskoe-izmenenie.html (accessed: 05.09.2026).
27. USA steps up support for Tibet: new law and delegation visit [Electronic resource]. – URL: https://www.mk.kg/politics/2024/07/11/ssha-usilivayut-podderzhku-tibeta-novyy-zakon-i-vizit-delegacii.html (accessed: 05.09.2026).
28. Tuva to host the 4th International Buddhist Forum in August 2026 [Electronic resource]. – URL: https://rtyva.ru/press/news/6165/ (accessed: 05.09.2026).
29. U.S. Department of State. 2020 Country Reports on Human Rights Practices: China (Includes Tibet) [Electronic resource]. – URL: https://www.state.gov/reports/2020-country-reports-on-human-rightpractices/china/tibet/ (accessed: 09/05/2026).
30. Why the Dalai Lama Decided Not to Break From Tradition on His Successor [Electronic resource]. – URL: https://www.nytimes.com/2025/07/02/world/asia/dalai-lama-successor-tibet-china.html (accessed: 09/05/2026).

Внешнеполитический курс второй администрации Д. Трампа в отношении Европы: стратегические ориентиры и трансформация отношений США – ЕС

Молчанов Павел Петрович,
аспирант кафедры глобалистики, МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: Yeti675@mail.ru

Статья посвящена изучению внешнеполитического курса второй администрации Д. Трампа в отношении Европы, в частности стратегические ориентиры и трансформация отношений США-ЕС. Авторами обосновывается актуальность и значимость темы исследования. Отмечается, что динамика европейского интеграционного строительства подвержена влиянию множества как эндогенных, так и экзогенных факторов, среди которых особое место занимает политика Соединённых Штатов Америки. Высокий уровень взаимозависимости, существующий между США и ЕС, обуславливает значительное воздействие, которое колебания американского политического курса оказывают на развитие не только трансатлантических отношений, но и интеграционных процессов в Европе.

Цель статьи заключается в определении роли реализуемой США внешней политики как фактора, влияющего на развитие европейского интеграционного проекта, в период второго президентского срока Д. Трампа.

В работе рассматриваются основные направления взаимодействия США и Европейского союза в 2025–2026 гг., анализируются ключевые особенности данного взаимодействия, а также приводится общая характеристика влияния американского курса на различные аспекты протекающих в Европе процессов интеграции. Особое внимание уделяется Мюнхенской речи вице-президента США Дж.Д. Вэнса, в которой были обозначены ключевые противоречия Вашингтона с европейскими партнерами по вопросам демократии, свободы слова, политического плюрализма и деятельности наднациональных институтов ЕС. Непосредственно, отдельно анализируются положения стратегических документов США, определяющие место Европы в современной американской внешнеполитической и оборонной стратегии. В первой части статьи делается вывод о переходе трансатлантического партнёрства к более прагматичной и транзакционной модели при сохранении значительной взаимозависимости сторон.

Ключевые слова: Европейский Союз, США, Трамп, Вэнс, трансатлантические отношения, европейская интеграция.

Введение

Отношения между Соединенными Штатами и Европейским союзом на протяжении послевоенного периода являлись одним из важнейших элементов международной политической системы. Трансатлантическое партнерство традиционно основывалось не только на совпадении военно-политических и экономических интересов, но и на представлении о наличии общего ценностного пространства, включавшего приверженность либерально-демократическим принципам, многостороннему взаимодействию и существующей системе международных институтов.

Вместе с тем в течение последнего десятилетия характер американо-европейских отношений претерпел существенные изменения. Первый президентский срок Дональда Трампа в 2017–2021 гг. стал важным этапом трансформации трансатлантического партнерства. Администрация США акцентировала внимание на защите национальных экономических интересов, пересмотре международных обязательств, перераспределении финансовой и военно-политической ответственности между союзниками, а также на устранении торговых дисбалансов. В отношениях с европейскими партнерами особое значение приобрели вопросы оборонных расходов и участия европейских государств в обеспечении безопасности евроатлантического пространства.

При администрации Джозефа Байдена в 2021–2025 гг. была предпринята попытка восстановить традиционную модель трансатлантического взаимодействия. Вашингтон вернулся к риторике союзнической солидарности и общего ценностного пространства, а координация США и ЕС усилилась в сфере безопасности, экономики и международной политики. Однако при этом ряд вопросов, поднятых еще первой администрацией Трампа, не исчез: европейские государства продолжили увеличивать оборонные расходы, обсуждать стратегическую автономию и искать пути снижения энергетической зависимости от внешних поставщиков.

Таким образом, различия между администрациями Трампа и Байдена проявлялись не столько в содержании отдельных требований к европейским союзникам, сколько в методах их реализации. Если администрация Трампа делала ставку на прямое давление и более жесткую постановку вопросов, то администрация Байдена стремилась сочетать решение прагматических задач с ценностно-идеологической риторикой и дипломатическим взаимодействием.

Возвращение Дональда Трампа в Белый дом в 2025 г. стало новым этапом данной трансформации. Уже первые месяцы второго президентского срока продемонстрировали готовность американской администрации продолжить курс на пересмотр торгово-экономических отношений, перераспределение оборонных обязательств и переоценку роли международных структур через призму национальных интересов США.

В этой связи особую научную значимость приобретает анализ европейского направления внешней политики второй администрации Д. Трампа, поскольку происходящие изменения затрагивают не только двусторонние отношения Вашингтона и Брюсселя, но и более широкую систему трансатлантического взаимодействия.

Цель настоящей статьи заключается в выявлении основных особенностей внешнеполитического курса второй администрации Д. Трампа в отношении Европы и определении характера трансформации отношений США-ЕС в 2025–2026 гг.

Для достижения поставленной цели рассматриваются Мюнхенская речь вице-президента США Дж.Д. Вэнса, основные направления американо-европейского взаимодействия, а также положения ключевых документов стратегического планирования США, определяющих современное видение Вашингтоном европейского пространства.

Мюнхенская речь Дж.Д. Вэнса

После повторного избрания Д. Трампа президентом Соединенных Штатов новая администрация Белого дома довольно скоро дала понять, что её взгляды по всему спектру вопросов, имеющих отношение к международной повестке дня, заметно отличаются от таковых в странах Евросоюза. Свою позицию власти США предельно ясно выразили на Мюнхенской конференции по безопасности, которая прошла 14 февраля 2025 г., где Соединенные Штаты представлял вице-президент Джеймс Дэвид Вэнс.

Следует отметить, что указанный форум является одной из ведущих площадок для обсуждения вопросов международной безопасности, охватывающих в том числе взаимодействие стран-участниц НАТО и перспективы развития евроатлантического сообщества. В прошлом на полях данного мероприятия уже происходили события, оказывавшие эффект «разоравшейся бомбы» (достаточно вспомнить знаменитую Мюнхенскую речь Владимира Путина в 2007 г.). Тем не менее от программного выступления американского вице-президента никто не ожидал резких и обличительных высказываний в сторону европейских союзников, а само это выступление вызвало крайне широкий общественный и политический резонанс как в Европе, так и за её пределами [19; 23].

Вразрез с ожиданиями участников конференции, вице-президент США уделил сравнительно мало внимания тематике украинского конфликта, российско-американских отношений, растущего влияния Китайской Народной Республики и актуальных проблем международной безопасности. Основной акцент Д.Д. Вэнса был сосредоточен на критике внутриполитических процессов в европейских государствах и деятельности институтов Европейского союза. По мнению американского политика, ключевые угрозы для Европы не проистекают извне, но имеют внутреннюю природу, будучи напрямую связанными с крайне тревожными тенденциями: ограничением свободы слова и мнений, ослаблением политического плюрализма, снижением доверия политических элит к гражданам собственных государств [19].

Центральное место в выступлении заняла крайне негативная оценка европейского подхода к контролю над информационным пространством. Вэнс утверждал, что под предлогом борьбы с дезинформацией, экстремизмом и языком ненависти европейские правительства постепенно расширяют механизмы контроля над общественной дискуссией и цифровыми платформами. По его словам, термин «дезинформация» все чаще используется в Европе для ограничения альтернативных точек зрения. В частности, в своей речи он заявил, что европейские элиты скрываются за «старыми, укоренившимися интересами и уродливыми понятиями ушедшей советской эпохи», препятствуя полноценной политической дискуссии. Кроме того, Вэнс выразил мнение, что «свобода слова в Европе… отступает», рассматривая данную тенденцию как одну из ключевых угроз современным демократическим институтам на европейском континенте. Отдельное внимание было уделено деятельности Европейского союза в сфере регулирования социальных сетей и интернет-платформ. Вице-президент США выразил опасения, что проводимый Брюсселем политический курс в конечном счете способен привести к существенному ограничению свободы выражения мнений и даже создать угрозу для демократических принципов и процедур, которые на протяжении десятилетий рассматривались как один из «столпов» западного политического сообщества [23].

Среди других важных аспектов этой речи можно выделить вопросы политической конкуренции и электоральных процессов в европейских странах, включая практику политической изоляции ряда правых партий, получившую распространение в отдельных государствах Европейского союза (например, выстраивание «санитарного кордона» вокруг ряда политических сил в Германии или аннулирование результатов президентских выборов в Румынии вследствие подозрений «в иностранном вмешательстве»). Исходя из слов Вэнса, подобные действия явно свидетельствуют о стремлении европейских элит ограничивать политическую конкуренцию под лозунгами защиты демократии [19].

Принципиально важным является то, что Вэнс фактически поставил под сомнение наличие «ценностного единства» между США и Европой. Если на протяжении большей части послевоенного периода трансатлантическое партнёрство основывалось на представлении о существовании общего демократического пространства [18], то в выступлении американского вице-президента европейские государства были подвергнуты суровой критике за отход от провозглашаемых ими фундаментальных либерально-демократических принципов. Таким образом, рассматриваемая речь стала своеобразным вызовом существующим представлениям о единстве «коллективного Запада».

Сущностное содержание выступления американского вице-президента вызвало к жизни острую дискуссию о текущем состоянии трансатлантического партнерства, включая его ценностно-идеологическое измерение. Некоторые европейские общественно-политические деятели и обозреватели расценили указанную речь как свидетельство углубляющегося расхождения между представлениями Вашингтона и Брюсселя о том, что в действительности представляют собой либерально-демократические ценности и принципы, на безусловном следовании, поддержке, защите и распространении которых традиционно основывались отношения по обе стороны Атлантики. Характерной стала реакция министра обороны Германии Бориса Писториуса, который, отвергая тезисы американского вице-президента, заявил: «Если я правильно его понял, он сравнивает положение дел в некоторых частях Европы с положением в авторитарных режимах. Это неприемлемо». Более того, часть европейских политиков восприняла выступление Вэнса как попытку вмешательства во внутриполитические процессы государств ЕС и как косвенную поддержку правопопулистских политических движений [23].

Значение Мюнхенской речи выходит далеко за рамки самой конференции. Являясь одним из первых крупных внешнеполитических выступлений новой администрации Трампа, она позволяет в общих чертах определить отношение Вашингтона к Европейскому союзу и трансатлантическому партнерству [9]. Если в период первого президентства Дональда Трампа основные противоречия между США и ЕС концентрировались вокруг преимущественно практических вопросов – торговли, тарифов, инвестиций, распределения оборонных расходов и т.д., то начиная с 2025 г. всё более заметной становится идеологическая составляющая. Разногласия начинают затрагивать фундаментальные вопросы: состояние демократических институтов, обеспечение свободы слова, политическое представительство, а также допустимые механизмы и средства защиты политической системы.

В данном контексте речь Вэнса может рассматриваться как проявление более широкой трансформации американского подхода к Европе. Политический курс второй администрации Д. Трампа характеризуется усилением внимания к широко трактуемым понятиям национального суверенитета и безопасности, критическим отношением к наднациональным институтам и мультилатеральным форматам сотрудничества, стремлением к кардинальному пересмотру системы взаимосвязей, сложившихся между Соединенными Штатами и их союзниками после окончания холодной войны [4; 9; 10]. В этом отношении критика Европейского союза, прозвучавшая в Мюнхене, выглядит не случайным эпизодом, а частью более масштабной политической стратегии Вашингтона.

Для Европейского союза последствия выступления Вэнса оказались не только политическими, но и концептуальными. Речь вновь актуализировала дискуссии о стратегической автономии ЕС, степени зависимости европейской безопасности от Соединённых Штатов и перспективах дальнейшего развития трансатлантического партнёрства [1]. В условиях, когда разногласия между сторонами начинают распространяться не только на вопросы экономики и безопасности, но и на понимание базовых демократических ценностей, проблема сохранения политического единства западного сообщества приобретает особую актуальность. Именно поэтому Мюнхенскую речь Дж.Д. Вэнса можно рассматривать как один из символических рубежей нового этапа отношений между США и Европейским союзом, характеризующегося углублением идеологических и политических противоречий.

Взаимодействие по линии США-ЕС при второй администрации Трампа: основные направления и «проблемные поля»

Безусловно, европейские партнеры США достаточно остро и болезненно восприняли речь Дж.Д. Вэнса в Мюнхене, однако она была лишь «первым громом», знаменующим куда более серьезное обострение трансатлантических отношений. Так, следующий «удар» администрацией Дональда Трампа был нанесен в области торгово-экономической политики. Уже 2 апреля 2025 г. Вашингтон объявил о введении нового пакета тарифных мер, мотивируя их необходимостью сокращения торгового дефицита, защиты американской промышленности и укрепления национальной экономической безопасности. Подобный подход отражал более широкое стремление новой администрации сократить зависимость американской экономики от зарубежных производственных мощностей и стимулировать локализацию стратегически значимых производств на территории Соединенных Штатов.

Реакция Брюсселя на данный шаг Вашингтона оказалась негативной. В Европейской комиссии заявили, что новые американские тарифы противоречат принципам свободной торговли и способны нанести ущерб как европейской, так и американской экономике. В ответ Брюссель объявил о подготовке комплекса компенсационных мер в отношении ряда американских товаров. Несмотря на эскалацию противостояния, сторонам удалось избежать полномасштабной торговой войны. 27 июля 2025 г. президент США Дональд Трамп и председатель Еврокомиссии Урсула фон дер Ляйен объявили о рамочном торговом соглашении между США и ЕС. Вместе с тем оно не устранило всех имеющихся противоречий, включая отдельные тарифные ограничения. Другим значимым источником напряженности стал вопрос Гренландии. В марте 2025 г. Трамп вновь подчеркнул стратегическую значимость территории и необходимость усиления позиций США в регионе. Подобная риторика вызвала негативную реакцию европейских государств, включая Данию, поскольку была воспринята как вызов принципам государственного суверенитета и территориальной целостности.

В течение 2025–2026 гг. между Вашингтоном, Копенгагеном и Нуук состоялся ряд консультаций, посвященных вопросам безопасности, военного присутствия и экономического сотрудничества. При этом стороны не смогли достичь компромисса по вопросу статуса острова. Вместе с тем дальнейшей эскалации удалось избежать, а обсуждение будущего Гренландии было частично переведено в формат сотрудничества в Арктике и укрепления региональной безопасности. Значительные разногласия проявились и в связи с американо-иранским конфликтом 2025–2026 гг. Европейские правительства в целом разделяли обеспокоенность относительно развития иранской ядерной программы, однако расходились с американской администрацией в вопросе допустимых методов ее сдерживания. Начавшаяся в феврале 2026 г. операция «Эпическая ярость» продемонстрировала сложности, с которыми ЕС столкнулся в попытке выработать единую позицию. Позиции государств-членов существенно различались: часть стран действия США и Израиля приветствовала, другие государства выступали с их критикой. Отсутствие полноценного согласования действий Вашингтона с европейскими союзниками стало дополнительным источником напряженности.

Еще одной принципиально важной сферой взаимодействия остается сотрудничество в рамках НАТО. Здесь особенно отчетливо проявилось стремление администрации 47-го президента США изменить баланс ответственности между Вашингтоном и его европейскими союзниками. Американская сторона настойчиво требовала увеличения европейских оборонных расходов и расширения вклада европейских государств в обеспечение коллективной безопасности. Указанные требования нашли отражение в решениях Гаагского саммита НАТО, прошедшего в июне 2025 г., где государства-члены альянса согласовали новый ориентир оборонных расходов на уровне 5% ВВП к 2035 г. Особое место в трансатлантической повестке занимает украинский конфликт. В отличие от администрации Джозефа Байдена, рассматривавшей поддержку Киева как один из центральных элементов американской внешней политики, администрация Дональда Трампа после возвращения к власти сделала акцент на сокращении прямого участия США и поиске дипломатических путей урегулирования. Одновременно значительно возросла роль европейских союзников в финансировании и обеспечении Украины. Переговоры между руководителями США и России в Анкоридже в 2025 г. без непосредственного участия представителей Европейского союза вновь актуализировали вопрос о способности европейцев самостоятельно реагировать на кризисы, затрагивающие безопасность континента.

Таким образом, характер поддержки Украины со стороны Вашингтона изменился: США не отказались от вовлеченности, однако все более активно возлагают ответственность за безопасность европейского континента на самих европейцев. Роль США постепенно трансформируется из ведущей в более координирующую.

В результате текущее состояние отношений США и ЕС характеризуется сохранением высокой степени взаимозависимости при растущих политических и экономических противоречиях. Администрация Д. Трампа стремится изменить существующую модель трансатлантического сотрудничества, однако ни одна из сторон не заинтересована в полном разрушении системы связей, соединяющих оба берега Атлантики.

Европа в документах стратегического планирования второй администрации Д. Трампа

Для более полного понимания особенностей современного европейского вектора американской внешней политики необходимо обратиться к документам стратегического планирования США. Особое значение имеют Стратегия национальной безопасности 2025 г. и Стратегия национальной обороны 2026 г.

СНБ-2025 стала первым комплексным документом, разработанным новой администрацией Д. Трампа в данной области. В отличие от предыдущих документов подобного рода, в ней меньше внимания уделяется продвижению либерального миропорядка и связанных с ним ценностей, а также укреплению многосторонних институтов. Основной акцент сделан на укреплении американского суверенитета, защите национальных интересов США, обеспечении экономического роста и повышении конкурентоспособности страны, а также противодействии Китаю.

В отношении европейских государств документ сочетает признание их значения как экономических и военно-политических партнеров с требованием формирования более «справедливой» системы трансатлантических отношений. Это означает перераспределение ответственности в пределах евроатлантического региона, включая вопросы обеспечения безопасности самого ЕС.

СНО-2026 развивает обозначенные идеи: обеспечение безопасности Европы – задача, которую в первую очередь должны решать сами европейцы, в то время как Соединенные Штаты будут сохранять строго ограниченное, хоть и все еще существенное присутствие в регионе. Авторы документа исходят из того, что совокупный социально-экономический и демографический потенциал европейских государств значительно превосходит те возможности, которыми обладает Россия (как «ключевая угроза» в представлении коллективного Запада). Следовательно, ЕС располагает необходимыми ресурсами для самостоятельного решения большинства вопросов в области обороны и безопасности [20; 23].

Следует отметить, что особенностью рассматриваемого документа является подчеркнуто прагматичный подход к союзническим отношениям. В частности, Стратегия прямо связывает масштабы американской поддержки с готовностью союзников выполнять принятые на саммите НАТО в Гааге обязательства по увеличению оборонных расходов и развитию собственных вооруженных сил [2]. Говоря иначе, уровень вовлеченности США в европейскую безопасность ставится в прямую зависимость от способности местных правительств взять на себя большую часть финансового и военного бремени. Тем самым американо-европейские отношения окончательно приобретают трансакционный характер, когда поддержка союзников (ее объемы и формы) определяется не совместно декларируемыми ценностями и взятыми ранее обязательствами, но результатом исполнения заинтересованными сторонами конкретных военно-политических и экономических требований [9; 23].

Обозначенные документы отражают последовательную трансформацию американского подхода к союзническим отношениям: если ранее партнерство между Вашингтоном и Брюсселем воспринималось в качестве самостоятельной ценности, значимость которой обуславливалась в том числе и разделяемой идеологической площадкой, то теперь оно оценивается абсолютно иначе – через призму потенциальных издержек и конкретной прибыли для США [10; 14].

С точки зрения европейских политиков, подобная «эволюция» создаёт дополнительные риски для долгосрочной устойчивости евроатлантических отношений, поскольку делает вопрос об американских обязательствах более зависимым от внутриполитических и экономических расчётов Вашингтона. Кроме того, учитывая осуществляемый США стратегический разворот в сторону Индо-Тихоокеанского региона (и Западного полушария – в контексте Доктрины Монро, о возрождении которой прямо говорят в новой администрации Трампа), Брюссель сталкивается с реальной необходимостью компенсировать возможное сокращение американского внимания к безопасности Старого Света. Именно этим во многом объясняется усиление дискуссий внутри ЕС о необходимости укрепления собственной оборонной базы, развития военно-промышленного комплекса и повышения стратегической самостоятельности.

Заключение

Вышесказанное позволяет сделать объективное заключение о том, что второй президентский срок Дональда Трампа стал новым этапом трансформации американского подхода к Европе. При этом речь не идет о полном отказе США от трансатлантического партнерства: экономическая, военно-политическая и институциональная взаимозависимость между двумя сторонами сохраняется. Изменяется прежде всего характер этой взаимозависимости и принципы, на которых Вашингтон предлагает строить дальнейшее сотрудничество.

Таким образом, второй срок Д. Трампа следует рассматривать не как кратковременное отклонение от традиционной модели трансатлантического партнерства, а как очередной этап его структурной трансформации. Сформировавшаяся в отношениях США и ЕС новая модель сочетает сохраняющуюся взаимозависимость с растущей прагматизацией, усилением требований к европейским союзникам и расширением пространства для самостоятельных действий Европейского союза.

Литература

1. Белов В. Конфликт хозяйственно-политических пространств США и ЕС в эпоху второго Трампа // Российский совет по международным делам. 10.04.2025. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/konflikt-khozyaystvenno-politicheskikh-prostranstv-ssha-i-es-v-epokhu-vtorogo-trampa/ (дата обращения: 23.08.2026).

2. Ведомости. Как прошел саммит НАТО в Гааге // Ведомости. – 2025. – 25 июня. – URL: https://www.vedomosti.ru/politics/galleries/2025/06/25/1120011-sammit-nato (дата обращения: 28.08.2026).

3. Гасанов К. Война США с Ираном: ЕС балансирует между поддержкой Трампа и страхом энергокризиса // Российский совет по международным делам. 27.03.2026. URL: https://russiancouncil.ru/

analytics-and-comments/analytics/voyna-ssha-s-iranom-es-balansiruet-mezhdu-podderzhkoy-trampa-i-strakhom-energokrizisa/ (дата обращения: 27.08.2026).

4. Ефременко Д.В. Es schwindelt. Перекройка мира как MAGA-проект // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23. № 3. С. 58–77.

5. Журавель В.П. Гренландия в арктической стратегии США // Арктика и Север. 2021. № 42.

6. Интерфакс. ЕК презентовала стратегию конкурентоспособности ЕС, основанную на инновациях и декарбонизации // Интерфакс. – 2025. – 29 января. – URL: https://www.interfax.ru/world/1005201 (дата обращения: 28.08.2026).

7. Известия. Мерц призвал не превращать Иран в арену для войн // Известия. – 2025. – URL: https://iz.ru/2054754/mertc-prizval-ne-prevrashchat-iran-v-arenu-dlia-voin-izi (дата обращения: 27.08.2026).

8. Каневский П. Тарифный маховик: новая старая торговая стратегия США // Российский совет по международным делам. 31.03.2025. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tarifnyy-makhovik-novaya-staraya-torgovaya-strategiya-ssha/ (дата обращения: 26.08.2026).

9. Лебедев С.В., Новик Н.Н., Суслов Д.В. Политика США в отношении Европы при второй администрации Дональда Трампа // Актуальные проблемы Европы. 2026. № 1. DOI: 10.31249/ape/2026.01.10.

10. Саймонс Г. Упадок Pax Americana: геополитическое отчаяние и тактика без стратегии? // Россия в глобальной политике. 28.05.2026. URL: https://globalaffairs.ru/articles/upadok-sajmons/ (дата обращения: 24.08.2026).

11. ТАСС. Мерц заявил о необходимости предотвратить возможные миграционные потоки из Ирана. – 2025. – URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/26681215 (дата обращения: 27.08.2026).

12. Теребов О.В. Администрация Д. Трампа и сдвиги в арктической политике США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2022. № 11. DOI: 10.31857/S2686673022110062.

13. Щербунов В. Проект 2025: контуры «Доктрины Трампа»? // Российский совет по международным делам. 02.04.2025. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/proekt-2025-kontury-doktriny-trampa-/ (дата обращения: 23.08.2026).

14. Brookings Institution. Breaking down Trump's 2025 National Security Strategy URL: https://www.brookings.edu/articles/breaking-down-trumps-2025-national-security-strategy/ (дата обращения: 28.08.2026).

15. Council of the European Union. A Strategic Compass for a Stronger EU Security and Defence in the Next Decade. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/03/21/a-strategic-compass-for-a-stronger-eu-security-and-defence-in-the-next-decade/ (дата обращения: 23.08.2026).

16. European Commission. A Competitiveness Compass for the EU URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX-:52025DC0030 (дата обращения: 28.08.2026).

17. European Commission. Commission Responds to Unjustified US Steel and Aluminium Tariffs with Countermeasures. URL: https://ireland.representation.ec.europa.eu/news-and-events/news/commission-responds-unjustified-us-steel-and-aluminium-tariffs-countermeasures-2025–03–12_en (дата обращения: 23.08.2026).

18. European Commission. Framework for State Aid Measures to Support the Clean Industrial Deal URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52025XC03602 (дата обращения: 28.08.2026).

19. European Parliamentary Research Service. Clapp S. The United States' 2026 National Defence Strategy URL: https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI(2026)785720 (дата обращения: 28.08.2026).

20. European Parliamentary Research Service. Outlook for the Meetings of EU Leaders, 19–20 March 2026 URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2026/774726/EPRS_BRI(2026)774726_EN.pdf (дата обращения: 28.08.2026).

21. Fiott D. Strategic Autonomy: Towards European Sovereignty in Defence? Paris: European Union Institute for Security Studies (EUISS), 2018. 8 p. (EUISS Brief, № 12). URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/Brief%2012__Strategic%20Autonomy.pdf (дата обращения: 28.08.2026).

22. Matthijs M. Europe's Disjointed Response to the U.S.-Israeli War With Iran // Council on Foreign Relations. 06.03.2026. URL: https://www.cfr.org/articles/europes-disjointed-response-to-the-u-s-israeli-war-with-iran (дата обращения: 27.08.2026).

23. Reuters. NATO Defence Push Already Strains Europe's Budgets. 06.07.2026 URL: https://www.reuters.com/world/europe/nato-defence-push-already-strains-europes-budgets-2026–07–06/ (дата обращения: 27.08.2026).

THE FOREIGN POLICY COURSE OF D. TRUMP'S SECOND ADMINISTRATION IN RELATION TO EUROPE: STRATEGIC GUIDELINES AND TRANSFORMATION OF THE US – EU RELATIONS

Molchanov P.P.
Lomonosov Moscow State University

The article is devoted to the study of the foreign policy course of D. Trump's second administration in relation to Europe, in particular, strategic guidelines and the transformation of US-EU relations. The authors substantiate the relevance and significance of the research topic. It is noted that the dynamics of European integration construction is influenced by a variety of both endogenous and exogenous factors, among which the policy of the United States of America occupies a special place. The high level of interdependence that exists between the United States and the EU causes a significant impact that fluctuations in the American political course have on the development of not only transatlantic relations, but also integration processes in Europe.

The purpose of the article is to determine the role of the US foreign policy as a factor influencing the development of the European integration project during D. Trump's second presidential term.

The paper examines the main areas of cooperation between the United States and the European Union in 2025–2026, analyzes the key features of this interaction, and provides a general description of the impact of the American course on various aspects of the ongoing integration processes in Europe. Special attention is paid to the Munich speech by US Vice President J.D. Vance, which outlined Washington's key contradictions with European partners on issues of democracy, freedom of speech, political pluralism and the activities of supranational EU institutions. The provisions of the US strategic documents defining Europe's place in the modern American foreign policy and defense strategy are analyzed directly and separately. The first part of the article concludes that the transatlantic partnership is moving towards a more pragmatic and transactional model while maintaining significant interdependence between the parties.

Keywords: European Union, USA, Trump, Vance, transatlantic relations, European integration.

References

1. Belov V. Conflict Between US and EU Economic-Political Spheres in the Era of the Second Trump Presidency // Russian International Affairs Council. April 10, 2025. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/konflikt-khozyaystvenno-politicheskikh-prostranstv-ssha-i-es-v-epokhu-vtorogo-trampa/ (accessed: August 23, 2026).

2. Vedomosti. How the NATO Summit in The Hague Unfolded // Vedomosti. – 2025. – June 25. – URL: https://www.vedomosti.ru/politics/galleries/2025/06/25/1120011-sammit-nato (accessed: August 28, 2026).

3. Gasanov K. US War with Iran: The EU Balances Between Supporting Trump and Fear of an Energy Crisis // Russian International Affairs Council. March 27, 2026. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/voyna-ssha-s-iranom-es-balansiruet-mezhdu-podderzhkoy-trampa-i-strakhom-energokrizisa/ (accessed: August 27, 2026).

4. Efremenko D.V. Es schwindelt. Reshaping the World as a MAGA Project // Russia in Global Affairs. 2025. Vol. 23. № 3. P. 58–77.

5. Zhuravel V.P. Greenland in US Arctic Strategy // Arctic and North. 2021. № 42.

6. Interfax. European Commission Unveils EU Competitiveness Strategy Based on Innovation and Decarbonization // Interfax. – 2025. – January 29. – URL: https://www.interfax.ru/world/1005201 (accessed: August 28, 2026).

7. Izvestia. Merz Urges Against Turning Iran into a Theater of War // Izvestia. – 2025. – URL: https://iz.ru/2054754/mertc-prizval-ne-prevrashchat-iran-v-arenu-dlia-voin-izi (accessed: August 27, 2026).

8. Kanevsky P. The Tariff Flywheel: A New-Old US Trade Strategy // Russian International Affairs Council. March 31, 2025. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tarifnyy-makhovik-novaya-staraya-torgovaya-strategiya-ssha/ (accessed: August 26, 2026).

9. Lebedev S.V., Novik N.N., Suslov D.V. US Policy Toward Europe Under Donald Trump's Second Administration // Current Problems of Europe. 2026. № 1. DOI: 10.31249/ape/2026.01.10.

10. Simons G. The Decline of Pax Americana: Geopolitical Despair and Tactics Without Strategy? // Russia in Global Affairs. May 28, 2026. URL: https://globalaffairs.ru/articles/upadok-sajmons/ (accessed: August 24, 2026).

11. TASS. Merz Stresses Need to Prevent Potential Migration Flows from Iran. – 2025. – URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/26681215 (accessed: 27.08.2026).

12. Terebov O.V. The Trump Administration and Shifts in US Arctic Policy // USA & Canada: Economics, Politics, Culture. 2022. № 11. DOI: 10.31857/S2686673022110062.

13. Shcherbunov V. Project 2025: Outlines of the «Trump Doctrine»? // Russian International Affairs Council. 02.04.2025. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/proekt-2025-kontury-doktriny-trampa-/ (accessed: 23.08.2026).

14. Brookings Institution. Breaking down Trump's 2025 National Security Strategy URL: https://www.brookings.edu/articles/breaking-down-trumps-2025-national-security-strategy/ (accessed: 28.08.2026).

15. Council of the European Union. A Strategic Compass for a Stronger EU Security and Defence in the Next Decade. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/03/21/a-strategic-compass-for-a-stronger-eu-security-and-defence-in-the-next-decade/ (accessed: 23.08.2026).

16. European Commission. A Competitiveness Compass for the EU URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52025DC0030 (accessed: 28.08.2026).

17. European Commission. Commission Responds to Unjustified US Steel and Aluminum Tariffs with Countermeasures. URL: https://ireland.representation.ec.europa.eu/

news-and-events/news/commission-responds-unjustified-us-steel-and-aluminum-tariffs-countermeasures-2025–03–12_en (accessed 23.08.2026).

18. European Commission. Framework for State Aid Measures to Support the Clean Industrial Deal URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX-:52025XC03602 (accessed 28.08.2026).

19. European Parliamentary Research Service. Clapp S. The United States' 2026 National Defense Strategy URL: https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EPRS_BRI(2026)785720 (access date: 08/28/2026).

20. European Parliamentary Research Service. Outlook for the Meetings of EU Leaders, 19–20 March 2026 URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2026/774726/EPRS_BRI(2026)774726_EN.pdf (accessed 28.08.2026).

21. Fiott D. Strategic Autonomy: Towards European Sovereignty in Defense? Paris: European Union Institute for Security Studies (EUISS), 2018. 8 p. (EUISS Brief, № 12). URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/Brief%2012__Strategic%20Autonomy.pdf (access date: 08/28/2026).

22. Matthijs M. Europe's Disjointed Response to the U.S.-Israeli War With Iran // Council on Foreign Relations. 03/06/2026. URL: https://www.cfr.org/articles/europes-disjointed-response-to-the-u-s-israeli-war-with-iran (accessed 08/27/2026).

23. Reuters. NATO Defense Push Already Strains Europe' s Budgets. 06.07.2026 URL: https://www.reuters.com/world/europe/nato-defence-push-already-strains-europes-budgets-2026–07–06/ (accessed: 27.08.2026).

Политико-психологический профиль Петера Мадьяра

Стрелец Илья Эрнстович,
к.полит.н., доцент кафедры сравнительной политологии,
ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России»
E-mail: sagitil@mail.ru

Мухортов Денис Сергеевич,
к.филол.н., доцент кафедры английского языка № 1,
ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России»
E-mail: dennismoukhortov@mail.ru

В статье представлен политико-психологический профиль премьер-министра Венгрии Петера Мадьяра, построенный на основе авторской структурно-характерологической методики дистантного профилирования. Актуальность исследования обусловлена феноменом стремительного политического восхождения П. Мадьяра – от инсайдера правящей системы до ее главного критика и главы правительства с конституционным большинством – и отсутствием в академической литературе системного анализа его личности. Эмпирическую базу составили транскрипты шести спонтанных интервью П. Мадьяра (апрель-июнь 2026 г., общий объем – около 36500 слов). Анализ выявил доминирование восприятия мира как враждебного, уверенности в собственном контроле над событиями, этатизма, мотива власти, типа «идеолог» в Я-концепции, типа «администратор» в стиле лидерства и экстравертного стиля с высоким доминированием. Профиль интерпретируется через призму концепции «маскулинного протеста» А. Адлера. Решения П. Мадьяра определяются восприятием политики как борьбы за восстановление государственности. Профиль демонстрирует высокую ситуационную адаптивность: в венгерской медиасреде доминирует образ обличителя, в международных выступлениях – прагматика. Разработанный профиль позволяет прогнозировать стратегии взаимодействия с ключевыми международными акторами.

Ключевые слова: Петер Мадьяр, политическая психология, политическое лидерство, Венгрия, дистантное профилирование, мотив власти, маскулинный протест, контент-анализ, операциональный код.

Введение

Феномен Петера Мадьяра представляет собой один из наиболее ярких примеров трансформации политического ландшафта в современной Европе. За два года – с момента публичного появления в марте 2024 г. до победы на парламентских выборах в апреле 2026 г. – он прошел путь от никому не известного оппозиционера до премьер-министра Венгрии, возглавив партию «ТИСА» (*Tisza – Tisztelet és Szabadság Párt, рус. «Партия чести и свободы»*) и получив конституционное большинство в парламенте [1; 2]. Это восхождение, не имеющее аналогов в новейшей истории Венгрии, требует серьезного аналитического осмысления. Примечательно, что академическое сообщество до сих пор не отреагировало на этот феномен системным политико-психологическим анализом: стремительность перемен оставила исследователей перед фактом, когда всеобъемлющий психологический портрет нового лидера еще не создан. Настоящая статья призвана заполнить этот пробел.

В венгерской публичной полемике стиль П. Мадьяра описывают как «популистский» или «харизматический», подчеркивая его публичную активность и конфликтность, однако за этими ярлыками стоит конкретная конфигурация личностных черт.

В венгерской и международной политологии наблюдается рост интереса к феномену «новых правых» лидеров, пришедших к власти на волне антикоррупционных настроений [3; 4]. Исследования показывают, что профили таких политиков характеризуются высокой самооценкой, выраженным недоверием к предшественникам и ориентацией на системные изменения [5]. П. Мадьяр описывается как представитель нового типа «сильного лидера», совмещающего публичную открытость с жесткой институциональной политикой [6; 7]. В российской политической науке системный психологический анализ личности П. Мадьяра до сих пор не предпринимался.

Цель статьи в том, чтобы выявить, как личностные характеристики П. Мадьяра, сформированные биографическим опытом, определяют его политическое поведение в условиях системной трансформации венгерской государственности. Основная гипотеза состоит в том, что его политический стиль является проекцией адлерианского «маскулинного протеста», проявляющегося в ярко выраженном стремлении к контролю и доминированию.

Теоретико-методологические основания

Теоретической основой для анализа выступает авторский структурно-характерологический подход к дистантному профилированию [8]. Анализируются спонтанные высказывания политика по трем плоскостям: *когнитивной* (восприятие мира, контроль над событиями, целеполагание), *аффективной* (мотивация, самооценка) и *поведенческой* (стиль лидерства, межличностные отношения).

В основу методики положены концепции операционального кода (А. Джордж, С. Уокер) [9], ценностно-мировоззренческих дилемм (М. Херманн) [10], типологии Я-концепции (Р. Зиллер) [11], теории мотивации (Д. Мак-Клелланд, Д. Уинтер) [12] и типологии лидерства (Г. Лассуэлл) [13]. В силу ограниченного объема статьи и необходимости акцентировать внимание на современных эмпирических исследованиях, мы не приводим в списке литературы все классические работы, составляющие теоретический фундамент методики. Соответствующие концепции используются как устоявшиеся в психологической науке. Фокус работы – операционализация речевых маркеров и их верификация на материале спонтанных интервью.

Ключевая психологическая интерпретация базируется на концепции «маскулинного протеста» А. Адлера [14], которая описывает сверхкомпенсаторное стремление к власти и доминированию, возникающее у личности в ответ на ощущение собственной неполноценности или слабости. Выбор адлерианской рамки, а не, например, теории нарциссического лидерства, обусловлен двумя причинами: во-первых, биографический трек П. Мадьяра (компенсаторное восхождение из «второго эшелона» системы), во-вторых, устойчивое сочетание мотива власти с публичной конфронтацией, что соответствует именно адлерианской логике сверхкомпенсации.

Важной методологической проблемой контент-анализа является вопрос перевода материалов с языка оригинала. Как справедливо отмечают Д. Уинтер и М. Херманн, перевод неизбежно вносит искажения в кодировку, поскольку синтаксические конструкции, модальность

и лексико-семантические поля различаются в разных языках [12]. Для минимизации этих рисков в настоящем исследовании анализ проводился на языке оригинала. Кодировка всех маркеров осуществлялась на основе оригиналов высказываний.

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составили транскрипты шести спонтанных студийных интервью Петера Мадьяра, взятых в период с апреля по июнь 2026 г. (пять на венгерском языке, одно – на английском): Kossuth Rádió / M1 (15 апреля 2026 г., ок. 4500 слов), ORF «Zeit im Bild» (22 мая 2026 г., ок. 2200 слов, англ.), Telex.hu (25 мая 2026 г., ок. 8200 слов), ATV «Egyenes Beszéd» (9 июня 2026 г., ок. 6400 слов), RTL (9 июня 2026 г., ок. 6100 слов), 444.hu (22 июня 2026 г., ок.9100 слов). Общий объем очищенного корпуса – около 36500 слов. Выборка охватывает широкий спектр тем: внутренняя политика, экономика, борьба с коррупцией, внешняя политика (отношения с Австрией, Украиной, ЕС, Россией), конституционная реформа, медиаполитика.

Корпус интервью включает выступления в различных по политической ориентации СМИ. Особое место занимает интервью порталу *Telex* (25 мая 2026 г.) – независимому изданию, основанному журналистами, покинувшими проправительственный Index.hu. Давая интервью *Telex*, П. Мадьяр обращается к аудитории, критически настроенной по отношению к прежней власти, что соответствует его стратегии дистанцирования от системы. Здесь он более открыт, но при этом сохраняет контроль над нарративами.

Процесс кодировки предполагал очистку текста от реплик журналистов, протокольных фраз и приветствий, разбивку на смысловые мини-фрагменты, выявление и подсчет речевых маркеров в соответствии с таблицами кодирования по шести измерениям [8]. Каждый маркер засчитывался только при утвердительности высказывании. Кодирование осуществлялось одним исследователем; для снижения риска субъективного смещения применялась повторная кодировка подвыборки (два интервью) с интервалом в две недели. Расхождения устранялись путем уточнения критериев.

Для количественной оценки подсчитывалось абсолютное число упоминаний (n) каждого маркера, рассчитывался относительный коэффициент на 1000 слов ($R = n/N \times 1000$) и доля в анализируемом текстовом массиве ($R = n/\Sigma n$). Доминирующими считались переменные с максимальными значениями R . Такой подход обеспечивает воспроизводимость анализа и возможность сравнения с другими исследованиями. Ограничением является малый объем выборки (шесть интервью), что снижает устойчивость отдельных показателей: один пассаж способен сдвинуть долю на несколько процентных пунктов. Поэтому доминанты интерпретируются как устойчивые только при условии их воспроизводимости в большинстве интервью.

Результаты

В ходе количественного анализа по шести измерениям были достигнуты следующие результаты. Доминантные структурные компоненты личности политика выделены полужирным шрифтом. По операциональному коду: 1.А (Дружественный мир) – 0,07, **1.Б (Враждебный мир) – 0,16**, 2.А (Оптимизм) – 0,09, 2.Б (Пессимизм) – 0,07, **3.А (Уверенность в контроле) – 0,42**, 3.Б (Низкий контроль) – 0,01, 4.А (Глобальные цели) – 0,06, 4.Б (Конкретные цели) – 0,14. По ценностно-мировоззренческим дилеммам: **1.А (Этатизм) – 0,54**, 1.Б (Антиэтатизм) – 0,10, 2.А (Социальная справедливость) – 0,08, 2.Б (Индивидуальная свобода) – 0,00, **3.А (Венгроцентризм) – 0,21**, 3.Б (Космополитизм) – 0,02. По мотивации: «**Власть» – 0,50**, «Достижение» – 0,33, «Аффилиация» – 0,14. По Я-концепции: «**Идеолог» – 0,41**, «Прагматик» – 0,30, «Сбалансированный» – 0,25, «Аполитичный» – 0,00, «Недетерминированный» – 0,00. По стилю лидерства: «**Администратор» – 0,55**, «Агитатор» – 0,45, «Теоретик» – 0,00. По стилю отношений: «**Экстраверт с высоким доминированием» – 0,62**, «Экстраверт с низким доминированием» – 0,18, «Интроверт с высоким доминированием» – 0,15, «Интроверт с низким доминированием» – 0,00. Самооценка Мадьяра фиксируется как высокая и адекватная.

Описание профиля

Когнитивная плоскость. Операциональный код П. Мадьяра демонстрирует доминирование восприятия мира как враждебного (0,16) и уверенности в собственном контроле над событиями (0,42). Высокий показатель контроля может отражать как устойчивую личностную диспозицию, так и ситуативный ответ на постскандальную турбулентность 2024–2026 гг. Разграничение этих объяснений требует лонгитюдных данных, которыми мы пока не располагаем. В интервью 444.hu он заявляет: «*Bárhova nyúlunk, a lopás minősített esete látszik*» («Куда ни ткнись, виден квалифицированный случай воровства») [интервью 444.hu, 22.06.2026]. В интервью ATV он говорит: «*Mi teljesen egyértelműen elmondtuk, hogy mi a helyzet*» («Мы совершенно четко заявили, как обстоят дела») [интервью ATV, 09.06.2026]. Его риторика пронизана образами угрозы и необходимости защиты. Конкретные цели (0,14) выражены сильнее глобальных (0,06) – он ориентирован на тактику и результат.

В ценностной сфере доминирует этатизм (0,54). В интервью 444.hu он заявляет: «*A közpénz a magyar emberek pénze*» («Общественные деньги – это деньги венгерского народа») [интервью 444.hu, 22.06.2026]. Он постоянно говорит о «государстве», «нации», «суверенитете». Этатизм (0,54) – наиболее выраженная ценностная установка П. Мадьяра. Государство для него – инструмент защиты. Венгроцентризм (0,21) тоже значим, но уступает этатизму. При этом национальные интересы он понимает не изоляционистски: речь идет о приоритете венгерских интересов внутри европейских интеграционных процессов. Этим он отличается от евроскептицизма Виктора Орбана.

В Я-концепции доминирует «идеолог» (0,41). В интервью Kossuth Rádió Мадьяр говорит: «*A magyar emberek példátlan felhatalmazással rendszert váltottak*» («Венгерские люди беспрецедентным мандатом совершили смену системы») [интервью Kossuth Rádió, 15.04.2026]. Себя он видит носителем идеологической миссии – борцом за восстановление справедливости и государственности. Самооценка – высокая и адекватная: он уверен в себе, но маркеров защитного или гипертрофированного самовосприятия в его высказываниях нет. Он признает возможность ошибок («*nem leszünk hibátlanok*» – «[мы] не будем безошибочными») [интервью ATV, 09.06.2026] и демонстрирует готовность к критике.

Аффективная плоскость. Мотивационный профиль демонстрирует доминирование мотива власти (0,50) над мотивом достижения (0,33) и аффилиации (0,14). В интервью *Telex* он говорит: «*Mindent elkövetünk, hogy ez a pénz a magyar embereknél kössön ki*» («Мы сделаем все, чтобы эти деньги достались венгерским людям») [интервью *Telex*, 25.05.2026]. Мотив аффилиации – низкий, что указывает на то, что ему не нужны теплые отношения, он не ищет принятия, предпочитая уважение, основанное на силе.

Поведенческая плоскость. Тип лидерства сочетает «администратора» (0,55) и «агитатора» (0,45). В интервью 444.hu он заявляет: «*Döntéseket hozunk, végrehajtjuk*» («Принимаем решения, выполняем [их]») [интервью 444.hu, 22.06.2026]. Его речь насыщена лозунгами и призывами к действию, но при этом он постоянно подчеркивает управленческие аспекты. Стиль межличностных отношений – «экстраверт с высоким доминированием» (0,62) – это самый высокий показатель доминирования из всех ранее проанализированных нами политиков (У. фон дер Ляйен, Ф. Мерца, П. Санчеса); сопоставимость обеспечивается единством кодировочных таблиц. Он публично активен, уверен в себе, задает рамки обсуждения.

Биографический контекст и динамические компоненты личности

Профиль П. Мадьяра не может быть понят без учета его семейной истории, образования и политической социализации.

П. Мадьяр родился в 1981 г. в Будапеште в семье, принадлежащей к консервативной политической элите. Его крестным отцом был Ференц Мадл, президент Венгрии в 2000–2005 гг. [1]. Дед – Пал Эреш, юрист и известный телеведущий. Отец был дипломатом, что в условиях социалистической Венгрии 1980-х гг. предполагало его членство в Венгерской социалистической рабочей партии. Это происхождение дало П. Мадьяру уникальный опыт: с ранних лет он наблюдал механизмы власти изнутри.

П. Мадьяр получил юридическое образование в Католическом университете Петера Пазманя в Будапеште и в Берлинском университете имени В. фон Гумбольдта [1]. Его мотивация к изучению права была идеалистической («как сделать так, чтобы восторжествовала справедливость»). Его близким другом с университетских лет был Гергей Гуйяш, впоследствии начальник аппарата премьер-министра В. Орбана [7]. Впоследствии их пути разошлись, и П. Мадьяр стал главным обличителем системы, частью которой некогда был сам.

Карьерный путь П. Мадьяра включал работу в дипломатической службе (пост в Брюсселе), а затем руководство Центром студенческого кредитования («Diákhitel Központ») [1]. Этот опыт стал критическим моментом его радикализации. По его собственным словам, он безуспешно пытался бороться с коррупцией в организации, не мог добиться прозрачности в расходовании средств и в итоге был вынужден уйти в 2022 г. [17]. Именно там он столкнулся с системной коррупцией, которую не мог преодолеть изнутри, что заложило основу для его последующего публичного разрыва с режимом.

В 2022–2023 гг. П. Мадьяр, будучи мужем министра юстиции Юдит Варги, имел доступ к закрытой информации о коррупционных схемах [19]. Его развод с Ю. Варгой и последовавшее за этим обнародование

аудиозаписей разговоров стали поворотным моментом, открывшим путь к его публичному разрыву с партией «Фидес» и началу самостоятельной политической карьеры [2]. Отметим этическую границу анализа: личные обстоятельства П. Мадьяра рассматриваются исключительно как фактор, повлиявший на его публичную траекторию, и не являются предметом моральной оценки. Скандал с помилованием в феврале 2024 г., в котором была замешана Ю. Варга, позволил П. Мадьяру публично выступить против правительства. В марте 2024 г. он объявил о своем разрыве с «Фидес» и вступлении в партию «Тиса», которую возглавил, используя свой статус как главный ресурс для обличения системы [2; 7].

Публичный образ П. Мадьяра строится на морализирующей риторике: он последовательно противопоставляет «чистоту» и «коррупцию», «справедливость» и «систему». Это видно и в выборе профессии: он не просто юрист, а юрист-моралист, который требует восстановления справедливости. П. Мадьяр профессионально занимался фехтованием [1]; этот биографический факт может рассматриваться как один из факторов, формирующих дисциплину и быстроту реакции, однако прямая причинно-следственная связь между спортом и политическим стилем не устанавливается.

В терминах индивидуальной психологии А. Адлера динамику личности Мадьяра можно описать как «маскулинный протест» – сверхкомпенсаторное стремление к власти и доминированию [14]. Его публичный образ строится на оппозиции «мы – они»: он противопоставляет себя «коррумпированной системе» и представляет себя «чистым» реформатором. Это укрепляет моральный авторитет и одновременно задает жесткий, бескомпромиссный стиль. Критика П. Мадьяра звучит особенно убедительно еще и потому, что он говорит о системе как человек, знающий ее изнутри.

Обсуждение

Профиль объясняет то, что обычно списывают на «популизм» или «харизму». За этими ярлыками стоит конкретная конфигурация личностных черт. Венгерский политолог Ласло Лендел отмечает, что «динамичный, отважный, с чувством юмора, он умеет говорить и спорить с простым народом. Он резок и напорист и в словах, и в делах, но это – язык и норма поведения нынешнего времени» [20].

Ситуационная адаптивность как стратегический ресурс. Наиболее яркая черта профиля П. Мадьяра – способность кардинально менять регистр в зависимости от аудитории. В венгерских интервью он предстает жестким обличителем, использующим конфронтационную риторику и маркеры вражды (1.Б достигает 0,25 в интервью 444.hu). В международном интервью (ORF, на английском языке) он – дипломатичный реформатор, с низким доминированием (0,33) и сбалансированной Я-концепцией (0,40) [21]. Эта гибкость не является противоречием: она свидетельствует о высоком уровне контроля над самопрезентацией и осознанном использовании разных коммуникативных стратегий.

Показательной иллюстрацией ситуационной адаптивности П. Мадьяра служит сравнение двух интервью, данных им 9 июня 2026 г. – в один день, но в разных форматах: дневное интервью на экономические темы для коммерческого RTL и вечернее политическое интервью для оппозиционного ATV. Профили различаются: в политическом интервью выше уверенность в собственном контроле над ситуацией (3.А – 0,54 *vs* 0,42) и мотив власти (0,50 *vs* 0,40); в экономическом – выше мотив достижения (0,44 *vs* 0,38) и выраженность типа «прагматик» в Я-концепции (0,38 *vs* 0,32). При этом ядро остается неизменным: этатизм (0,56 в обоих случаях), стиль администратора (0,58) и высокое доминирование (0,68–0,75) стабильны.

Сознательная смена регистра объясняется профессиональной подготовкой П. Мадьяра: юридическое образование (специализация – международное частное право) и дипломатическая служба в МИД сформировали навык адаптировать сообщение под аудиторию и ситуацию. П. Мадьяр работает с разными аудиториями многослойно: в вечернем ATV его видят политически активные зрители, в дневном RTL – более широкая аудитория, интересующаяся ценами и налогами. Два интервью в один день – не хаос, а продуманный шаг, подтверждающий гипотезу о его высокой ситуационной адаптивности. Вместе с тем, как и в случае с международным интервью, это лишь один из примеров, требующий подтверждения на более широком материале.

Маскулинный протест и публичная конфронтация. Гипертрофированное доминирование Мадьяра проявляется в его публичных выступлениях. Он не ищет компромиссов – он мобилизует. Его риторика – это риторика войны, где есть «свои» и «чужие». В интервью 444.hu он прямо называет предыдущую власть «мафией» и вводит метафору «Tisztítótűz» («Чистилище») – программу системного очищения страны [17]. Жесткость делает поведение Мадьяра предсказуемым, но одновременно ограничивает пространство для компромиссов – что может стать уязвимостью в условиях коалиционной политики. С теми, кого он записал в «враги», он не идет ни на гибкость, ни на диалог.

Эволюция профиля (апрель – июнь 2026 г.). Шесть интервью, взятые в хронологическом порядке, позволяют увидеть динамику профиля. В первом интервью (Kossuth Rádió, 15 апреля) П. Мадьяр – чистый идеолог: этатизм на максимуме (0,71), аффилиация на минимуме (0,11) [18]. К концу июня (интервью 444.hu) профиль становится более сбалансированным: этатизм снижается до 0,50, появляется антиэтатизм (0,28), сбалансированная Я-концепция достигает 0,32 [17]. Похоже, оказавшись у власти, П. Мадьяр начинает видеть не только возможности, но и ограничения государственного аппарата. Он движется от «триумфатора-разрушителя» к «администратору-строителю».

Дилемма идеолога и администратора. В профиле П. Мадьяра одновременно доминируют два типа лидерства – «агитатор» и «администратор» (0,45 и 0,55). Это создает внутреннее напряжение: ему приходится и «зажигать толпу», и «управлять процессами». В условиях системной трансформации такое напряжение работает как ресурс: агитация мобилизует поддержку, администрирование позволяет проводить реформы. Но в долгосрочной перспективе оно может стать источником уязвимости – особенно если публичные ожидания разойдутся с административными возможностями.

Адлерианская интерпретация через «маскулинный протест» – не единственно возможная. Теория харизматического лидерства (М. Вебер) понимает харизму не как врожденное свойство, а как результат взаимодействия лидера и последователей, эмоционально идентифицирующихся с ним. В случае П. Мадьяра мы видим сознательное конструирование образа «инсайдера, разоблачающего систему изнутри», и именно это становится основой его харизматического капитала. Сторонники воспринимают его харизму как сопоставимую с харизмой В. Орбана, а эмоциональная идентификация с ним уже превышает показатели прежних оппозиционных фигур. Это указывает на формирование новой «аффективной общности» вокруг его личности.

Теория «президентского характера» Дж.Д. Барбера и интегративный подход Д. Саймонтона предлагают рассматривать психологическую структуру личности политика как единство трех компонентов: мировоззрения (когнитивный компонент), характера (аффективный) и стиля (поведенческий). Такой подход позволяет строить прогнозы политического поведения на основе систематического анализа этих трех измерений. Применительно к П. Мадьяру интегративная модель выявляет высокую когнитивную сложность (юридическое образование, специализация в области международного частного права, дипломатический опыт, способность адаптировать сообщение под аудиторию) при ярко выраженной социальной ориентации – он работает с массами, наращивает поддержку через публичные выступления и социальные сети. Д. Саймонтон выделял пять стилей политического поведения: «межличностный», «харизматический», «творческий», «невротический» и «осмотрительный». Сочетание двух стилей – «харизматического» и «осмотрительного» – видно по тому, как П. Мадьяр работает с аудиторией и с управленческим аппаратом. Публично он зажигает зал. В кабинете – контролирует процесс. Это не два разных человека, а две стороны одной стратегии.

В рамках психоаналитической оптики можно выдвинуть гипотезу, что нарратив о «чистоте» против «коррупции» выполняет функцию проекции внутреннего конфликта, а разрыв с системой – роль «акта освобождения» от навязанной идентичности. Эта интерпретация не поддается эмпирической верификации и приводится как возможная рамка, а не как установленный факт. Массовую поддержку также можно прочитать как коллективную проекцию: П. Мадьяр становится зеркалом, в котором избиратели видят свои надежды на «чистоту» и «справедливость».

Критики психоаналитических подходов справедливо указывают, что они склонны преувеличивать роль индивидуальных бессознательных мотивов и недооценивать структурные и системные факторы. В случае П. Мадьяра его стремительный взлет был бы невозможен без экономического кризиса, скандала с помилованием и общего запроса на перемены в венгерском обществе. Поэтому представленные интерпретации – это взаимодополняющие оптики, а не конкурирующие объяснения. Более широкий материал мог бы уточнить, какие из этих механизмов играют ведущую роль.

На основе полученного профиля можно выделить четыре основных сценария взаимодействия П. Мадьяра с ключевыми фигурами на международной арене.

1. С У. фон дер Ляйен – «Договороспособный прагматик».

Главная цель П. Мадьяра – разблокировать замороженные средства ЕС (около €18 млрд) для модернизации инфраструктуры, здравоохранения и образования [22]. Профиль «администратора» позволяет ему действовать в рамках бюрократических процедур, а не вступать

в идейные конфликты, как Орбан. Вероятно, он будет следовать правилам ЕС, что уже подтверждается визитами в Брюссель [22]. При этом он сохранит прагматичный подход к российским энергоресурсам: публично настаивая на снижении зависимости, он будет вести переговоры о поэтапном выходе с сохранением критической инфраструктуры (АЭС «Пакш»). Это не «повороты», а единая стратегия: соблюдение обязательств перед ЕС как инструмент получения ресурсов.

2. С Д. Трампом – «Прагматичный союзник по взаимным интересам».

В. Орбан был близким союзником Д. Трампа. П. Мадьяр займет более сбалансированную позицию: не будет противостоять США, но и не станет делать ставку исключительно на Д. Трампа. Его стратегия – функциональные отношения независимо от исхода выборов в США. Он будет искать общий знаменатель на основе общих интересов (НАТО, стабильность в Европе), а не идеологической близости.

3. С В.В. Путиным – «Жесткий прагматик в условиях вынужденной зависимости».

В апреле 2026 г. П. Мадьяр допускал переговоры по энергоконтрактам [24], однако к концу лета его правительство признало Россию угрозой [25]. Доминирование 1.Б (Враждебный мир), 3.А (Контроль) и этатизм означают, что диалог с Россией будет жестким: выполнение условий ЕС и постепенный отказ от зависимости (АЭС «Пакш», долгосрочные газовые контракты), а не поиск новых условий.

4. С коллегами по ЕС («Вишеградская группа»): «Мост, а не барьер»

«Вишеградская группа» (V4), региональное объединение Польши, Чехии, Словакии и Венгрии, созданное в 1991 г. для координации усилий по европейской интеграции, при В. Орбане фактически оказалась заморожена из-за его пророссийской позиции и конфликтов с Брюсселем. С приходом П. Мадьяра, как уже было сказано выше, политика «Поворота на Восток» сменилась курсом на «Возвращение в Европу»: он восстановил саммиты V4, договорился о координации позиций перед встречами в ЕС и предложил расширить группу до «Вышеградской восьмерки» (включив Австрию, Германию, Румынию, Хорватию, Словению) [см. интервью *Telex*, 25.05.2026; 444.hu, 22.06.2026]. Его цель не в том, чтобы изолироваться от Брюсселя, а в том, чтобы создать влиятельного регионального блока, способного отстаивать интересы Центральной Европы внутри ЕС.

5. С В. Орбаном (внутриполитический трек): «Расследование vs политическое преследование»

Публично П. Мадьяр заявлял, что не намерен устраивать «охоту на ведьм», однако его действия говорят об обратном: парламент создал пять следственных комиссий для проверки деятельности правительства В. Орбана – от работы спецслужб до обстоятельств помилования 2024 г. [14]. В июне 2026 г. он потребовал от прокуратуры отчета о том, допрашивали ли В. Орбана и бывшего главу Антитеррористического центра по делу о задержании украинских инкассаторов [интервью 444.hu, 2.06.2026]. Высокий мотив власти делает вероятным, что П. Мадьяр будет использовать институциональные рычаги для ослабления влияния В. Орбана – методично, в рамках закона, но с намерением подорвать репутацию прежней элиты.

Заключение

Проведенное исследование позволило впервые построить политико-психологический профиль П. Мадьяра. В нем сочетаются высокий мотив власти, восприятие мира как враждебного, идеологическая жесткость и административный стиль лидерства при экстравертном доминировании. Главный ресурс П. Мадьяра – «инсайдерский» статус: он был частью системы и знает ее изнутри. Ситуационная адаптивность позволяет ему переключаться между образами обличителя и прагматичного реформатора. Можно прогнозировать, что П. Мадьяр будет стремиться разблокировать европейские фонды через выполнение обязательств перед ЕС, сохраняя жестко-прагматичный курс в отношении России и функциональное взаимодействие с США.

Литература

1. Тонкий С.Е. Инструментарий цифровой репрезентации партийных программ в социальных медиа: кейс парламентских выборов в Венгрии 2026 года // Мировая наука. 2026. № 5(110). С. 127–132.
2. Шишелина Л.Н. Европейские и региональные выборы в Венгрии // Актуальные проблемы Европы. 2025. № 1. С. 98–118.
3. Шишелина Л.Н. Многовекторность восточной политики Венгрии // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2022. № 1. С. 35–43.
4. Шишелина Л.Н. Политика Венгрии на фоне российской СВО // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2023. № 1. С. 78–86.
5. Тарасов И.Н. Эволюционный путь внешней политики современной Венгрии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. 2023. Т. 28. № 3. С. 115–127.
6. Медушевский Н.А. Политика памяти в современной Венгрии // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Т. 9. № 4А. С. 5–18.
7. Стрелец И.Э., Мухортов Д.С. Интегративный подход к исследованию структурных компонентов личности политического лидера: эволюция метода дистантного профилирования // Социально-гуманитарные знания. 2026. № 8. С. 338–342.
8. Адлер А. Очерки по индивидуальной психологии. М.: АСТ, 2024. 320 с.
9. George A.L. Operational Code: A Neglected Approach to the Study of Political Leaders and Decision-Making // International Studies Quarterly. 1969. Vol. 13. № 2. P. 190–222.
10. Hermann M.G. Political Personality and Foreign Policy // Political Psychology. 2005. P. 215–245.
11. Ziller R.C. The Social Self. New York: Pergamon Press, 1973. 240 p.
12. Winter D.G. Personality and Political Behavior // The Oxford Handbook of Political Psychology. Oxford University Press, 2013. P. 27–62.
13. Lasswell H.D. Power and Personality. New York: Norton, 1948. 262 p.
14. Rácz A. Oroszország nem megegyezni akar, hanem ürügyet találni a háborúra // RTL. 2022. január 27. URL: https://rtl.hu/reggeli/2022/01/27/orosz-ukran-konfliktus-amerika-fegyverkezes-haboru (дата обращения: 01.09.2026).
15. Orbán Viktor évértékelő beszéde // Magyarország Kormánya. 2023. február 18. URL: https://kormany.hu/hirek/orban-viktor-evertekelo-beszede-2023–02–18 (дата обращения: 22.09.2026).
16. Lengyel László: Magyar mozgalom – A vég kezdete 3. // Népszava. 2024. szeptember 15. URL: https://nepszava.hu/lengyel-laszlo-magyar-mozgalom-a-veg-kezdete-3 (дата обращения: 22.09.2026).
17. Török Gábor: Új időszámítás kezdődött a magyar politikában // Népszava. 2024. június 10. URL: https://nepszava.hu/3238657_torok-gabor-valasztas-2024-elemzes-fidesz-tisza-part (дата обращения: 22.09.2026).
18. GLOBSEC Trends 2022. GLOBSEC. 2022. URL: https://www.globsec.org/what-we-do/projects/globsec-trends (дата обращения: 22.09.2026).
19. Total bilateral aid commitments to Ukraine as a percentage of donor gross domestic product (GDP) between January 24 and November 20, 2022, by country // Statista. 2022. URL: https://www.statista.com/statistics/1303450/bilateral-aid-to-ukraine-in-a-percent-of-donor-gdp/ (дата обращения: 22.09.2026).
20. V4 + United Kingdom Joint Statement of Prime Ministers 8 March 2022, London // Visegrad group. 08.03.2022. URL: https://www.gov.pl/attachment/84953d18–5296–4d1f-b64a-9b3d7b1a6cfa (дата обращения: 22.09.2026).
21. Orbán: Our Zelensky was executed after 1956 // Telex. 14.10.2022. URL: https://telex.hu/english/2022/10/14/orban-our-zelensky-was-executed-after-1956 (дата обращения: 22.09.2026).
22. Bożóki A. Nationalism and Hegemony: Symbolic Politics and Colonization of Culture // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State / ed. B. Magyar, J. Vásárhelyi. Budapest, N.Y., 2017. P. 460–461.

POLITICAL-PSYCHOLOGICAL PROFILE OF PÉTER MAGYAR

Strelets I.E., Mukhortov D.S.
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University)

Drawing on the authors' own structural-characterological method of remote profiling, the article presents a political-psychological profile of Hungarian Prime Minister Péter Magyar. The relevance of the research is driven by Magyar's rapid political ascent – from an insider of the ruling system to its main critic and head of government with a constitutional majority – and the absence of systematic analysis of his personality in academic literature. The empirical basis comprises transcripts of six spontaneous interviews with Magyar (April-June 2026, total volume of about 36,500 words). The profile reveals a dominance of a hostile worldview, confidence in personal control over events, statism, the power motive, the «ideologue» type in the self-concept, the «administrator» type in the leadership style, and an extraverted style with high dominance. The profile is interpreted through the lens of Adler's «masculine protest.» Magyar emerges as an «insider-reformer,» whose decisions are determined by the perception of politics as a struggle for restoring statehood. The profile demonstrates high situational adaptability: in the Hungarian media environment, the image of an accuser dominates, while in international appearances, he presents himself as a pragmatic reformer. The profile enables forecasting of interaction strategies with key international actors.

Keywords: Péter Magyar, political psychology, political leadership, Hungary, remote profiling, power motive, masculine protest, content analysis, operational code.

References

1. Tonkiy S.E. Instrumentariy tsifrovoy reprezentatsii partiynykh programm v sotsial'nykh media: keys parlamentskikh vyborov v Vengrii 2026 goda [Tools for the Digital Representation of Party Programs on Social Media: A Case Study of the 2026 Parliamentary Election in Hungary]. Mirovaya Nauka, 2026, № 5(110), pp. 127–132. (In Russian)
2. Shishelina L.N. European and regional elections in Hungary // Current Problems of Europe. 2025. № 1. P. 98–118. (In Russian)
3. Shishelina L.N. Multi-vector nature of Hungary's Eastern policy // Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe RAS. 2022. № 1. P. 35–43. (In Russian)
4. Shishelina L.N. Hungarian policy against the background of the Russian SMO // Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe RAS. 2023. № 1. P. 78–86. (In Russian)
5. Tarasov I.N. Evolutionary path of contemporary Hungary's foreign policy // Science Journal of Volgograd State University. Series 4. 2023. Vol. 28. № 3. P. 115–127. (In Russian)
6. Medushevskii N.A. The memory policy in modern Hungary // Theories and Problems of Political Studies. 2020. Vol. 9. № 4A. P. 5–18. (In Russian)
7. Strelets I.E., Mukhortov D.S. Integrativnyy podkhod k issledovaniyu strukturnykh komponentov lichnosti politicheskogo lidera: evolyutsiya metoda distantsionnogo profilirovaniya [An Integrative Approach to the Study of Structural Components of a Political Leader's Personality: Evolution of the Distance Profiling Method]. Sotsial'no-gumanitarnye znaniya, 2026, № 8, pp. 338–342. (In Russian)
8. Adler A. Essays on individual psychology. M.: AST, 2024. 320 p. (In Russian)
9. George A.L. Operational Code: A Neglected Approach to the Study of Political Leaders and Decision-Making // International Studies Quarterly. 1969. Vol. 13. № 2. P. 190–222.
10. Hermann M.G. Political Personality and Foreign Policy // Political Psychology. 2005. P. 215–245.
11. Ziller R.C. The Social Self. New York: Pergamon Press, 1973. 240 p.
12. Winter D.G. Personality and Political Behavior // The Oxford Handbook of Political Psychology. Oxford University Press, 2013. P. 27–62.
13. Lasswell H.D. Power and Personality. New York: Norton, 1948. 262 p.
14. Rácz A. Oroszország nem megegyezni akar, hanem ürügyet találni a háborúra // RTL. 2022. január 27. URL: https://rtl.hu/reggeli/2022/01/27/orosz-ukran-konfliktus-amerika-fegyverkezes-haboru (дата обращения: 22.09.2026).
15. Orbán Viktor évértékelő beszéde // Magyarország Kormánya. 2023. február 18. URL: https://kormany.hu/hirek/orban-viktor-evertekelo-beszede-2023–02–18 (дата обращения: 22.09.2026).
16. Lengyel László: Magyar mozgalom – A vég kezdete 3. // Népszava. 2024. szeptember 15. URL: https://nepszava.hu/lengyel-laszlo-magyar-mozgalom-a-veg-kezdete-3 (дата обращения: 22.09.2026).
17. Török Gábor: Új időszámítás kezdődött a magyar politikában // Népszava. 2024. június 10. URL: https://nepszava.hu/3238657_torok-gabor-valasztas-2024-elemzes-fidesz-tisza-part (дата обращения: 22.09.2026).
18. GLOBSEC Trends 2022. GLOBSEC. 2022. URL: https://www.globsec.org/what-we-do/projects/globsec-trends (дата обращения: 22.09.2026).
19. Total bilateral aid commitments to Ukraine as a percentage of donor gross domestic product (GDP) between January 24 and November 20, 2022, by country // Statista. 2022. URL: https://www.statista.com/statistics/1303450/bilateral-aid-to-ukraine-in-a-percent-of-donor-gdp/ (дата обращения: 22.09.2026).
20. V4 + United Kingdom Joint Statement of Prime Ministers 8 March 2022, London // Visegrad group. 08.03.2022. URL: https://www.gov.pl/attachment/84953d18–5296–4d1f-b64a-9b3d7b1a6cfa (дата обращения: 22.09.2026).
21. Orbán: Our Zelensky was executed after 1956 // Telex. 14.10.2022. URL: https://telex.hu/english/2022/10/14/orban-our-zelensky-was-executed-after-1956 (дата обращения: 22.09.2026).
22. Bożóki A. Nationalism and Hegemony: Symbolic Politics and Colonization of Culture // Twenty-Five Sides of a Post-Communist Mafia State / ed. B. Magyar, J. Vásárhelyi. Budapest, N.Y., 2017. P. 460–461.

Внешнеполитический курс США как фактор трансформации интеграционных процессов на европейском пространстве: опыт второй администрации Д. Трампа

Молчанов Павел Петрович,
аспирант кафедры глобалистики, МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: Yeti675@mail.ru

В статье исследуется влияние внешнеполитического курса США второй администрации Д. Трампа на современные интеграционные процессы на европейском пространстве. Автором обосновывается актуальность и значимость темы исследования. Дается краткое обоснование американской политики не только как источника внешнего давления на Европейский союз, но и как фактора, способствующего ускорению отдельных направлений европейской консолидации. Анализируется развитие концепции стратегической автономии ЕС и ее переход от преимущественно политической категории к практическому ориентиру экономической, технологической и оборонной политики. Автором также рассматривается влияние изменения трансатлантических отношений на развитие общеевропейских инициатив в сфере конкурентоспособности, промышленной политики, энергетической устойчивости и обороны, включая «Компас конкурентоспособности для ЕС», «Соглашение о чистой промышленности», «Белую книгу по европейской обороне – Готовность 2030» и программу SAFE. Выявляется парадоксальный характер американского воздействия: стремление Вашингтона перераспределить ответственность за европейскую безопасность одновременно создаёт дополнительные стимулы для повышения самостоятельности ЕС. Вместе с тем показано, что внешнее давление не устраняет существующих политических и экономических различий между государствами-членами и потому не гарантирует дальнейшего углубления интеграции. Так, в результате исследования установлено, что внешнеполитический курс администрации Д. Трампа в 2025–2026 гг. оказал существенное влияние на развитие интеграционных процессов в Европейском союзе. Политика США способствовала усилению дискуссий о стратегической автономии ЕС, активизации сотрудничества государств-членов в различных сферах, а также поиску новых механизмов координации внутри Союза. Сделан вывод о том, что Соединенные Штаты выступали не непосредственным инициатором углубления европейской интеграции, но важным внешним фактором, «задающим» условия для её дальнейшего развития.

Ключевые слова: Европейский союз, США, европейская интеграция, Дональд Трамп, стратегическая автономия, экономическая интеграция, оборонная интеграция, европейская безопасность, трансатлантические отношения, конкурентоспособность ЕС.

Введение

Как известно, современный этап развития европейской интеграции характеризуется одновременным воздействием внутренних и внешних факторов. Наряду с экономическими, политическими и социальными противоречиями внутри Европейского союза все большее значение приобретают изменения международной среды, непосредственно влияющие на способность европейских государств координировать свои действия и обеспечивать собственные интересы. Непосредственно, особое место среди таких факторов занимают изменения во внешней политике Соединенных Штатов. На протяжении послевоенного периода США являлись одним из ключевых внешних гарантов европейской безопасности и важнейшим партнером государств Западной Европы в экономической и политической сферах. Однако трансформация американского подхода к союзническим отношениям, особенно отчетливо проявившаяся при Дональде Трампе, поставила перед Европейским союзом вопрос о пределах собственной зависимости от Соединенных Штатов.

Отметим, что первый президентский срок Д. Трампа обозначил начало заметного пересмотра традиционной модели трансатлантических отношений. При администрации Дж. Байдена часть этих противоречий была смягчена за счет восстановления союзнической риторики и активизации сотрудничества в сфере безопасности. Однако фундаментальные вопросы распределения ответственности, развития европейских оборонных возможностей и повышения самостоятельности ЕС продолжили сохранять актуальность.

Возвращение Д. Трампа в Белый дом в 2025 г. придало данным процессам новый импульс. Требования Вашингтона к европейским государствам, изменения характера американской поддержки Украины, усиление внимания к оборонным расходам союзников, торгово-экономическое давление и более критическое отношение к наднациональным европейским институтам создали дополнительную внешнюю мотивацию для поиска ЕС собственных механизмов устойчивости. В результате возникает своеобразный парадокс: американская политика, направленная прежде всего на сокращение издержек США и перераспределение ответственности внутри трансатлантического сообщества, одновременно может стимулировать углубление европейской интеграции. Давление извне побуждает государства ЕС развивать собственные оборонные возможности, укреплять экономическую конкурентоспособность, снижать внешние зависимости и совершенствовать механизмы координации.

Цель статьи заключается в определении характера и основных направлений влияния внешнеполитического курса США второй администрации Д. Трампа на развитие интеграционных процессов на европейском пространстве.

Основное внимание уделяется экономическому и оборонно-политическому измерениям европейской интеграции, развитию концепции стратегической автономии ЕС, а также факторам, способным ограничить воздействие американского давления на процессы европейской консолидации.

Изменение трансатлантических отношений как внешний стимул европейской консолидации

Изменение характера отношений между США и Европейским союзом в 2025–2026 гг. создало для европейских государств новую систему внешних стимулов. Усиление прагматического компонента американской политики, рост требований к европейским союзникам и неопределенность относительно долгосрочного характера американского присутствия в Европе заставили ЕС активнее обсуждать собственные механизмы обеспечения устойчивости.

Особое значение в этом отношении приобрела стратегическая автономия. Если в предыдущие годы данное понятие нередко рассматривалось преимущественно как политическая концепция, то в условиях второго президентства Д. Трампа оно стало приобретать более практическое содержание.

Американская политика воздействует на европейскую интеграцию неоднозначно. С одной стороны, давление Вашингтона усиливает потребность в совместных действиях европейских государств. С другой – оно выявляет сохраняющиеся различия между ними. Государства

ЕС по-разному оценивают степень желательной зависимости от США, перспективы НАТО и необходимость формирования самостоятельного европейского оборонного потенциала.

Особенно показательным стало изменение подхода к безопасности. Администрация Д. Трампа все настойчивее подчеркивает необходимость того, чтобы европейские государства самостоятельно обеспечивали большую часть безопасности своего континента. Аналогичная логика прослеживается в американских стратегических документах, где повышение самостоятельности европейцев фактически связывается с перераспределением финансового и военно-политического бремени.

Таким образом, внешнее давление со стороны США становится дополнительным стимулом для поиска общеевропейских решений, поскольку отдельные государства ЕС объективно обладают меньшими возможностями для самостоятельного реагирования на масштабные экономические и военно-политические вызовы.

В случае с экономической составляющей это означало разработку новых программ, призванных увеличить общую конкурентоспособность ЕС в данной области. Уже в январе 2025 г. Европейская комиссия представила «Компас конкурентоспособности для ЕС», на страницах которого были определены следующие приоритеты: инновации (формирование благоприятной среды для молодых инновационных стартапов, содействие промышленному лидерству в наукоемких отраслях, распространение передовых технологий среди крупных и малых предприятий), декарбонизация (реализация соответствующей политики на принципах, способствующих обеспечению ЕС репутации привлекательного места для производства, в том числе для энергоемких отраслей) и безопасность (сокращение чрезмерной зависимости от внешних поставщиков сырья и энергии, диверсификация сотрудничества через эффективные партнерства в инвестициях и торговле) [17].

Необходимо отметить, что, рассуждая об указанном документе, председатель Европейской комиссии Урсула фон дер Ляйен подчеркнула некоторое отставание ЕС от своих партнеров и конкурентов: «У Европы есть всё необходимое для успеха в глобальной конкуренции, однако мы должны устранить собственные слабости, чтобы восстановить конкурентоспособность» [6]. В реальности обозначенный курс предполагает создание условий для сохранения производственных мощностей на территории ЕС и снижение зависимости объединения от внешних экономических центров.

Дальнейшее развитие эта линия получила в рамках опубликованного Европейской комиссией в феврале 2025 г. «Соглашения о чистой промышленности», нацеленного на поддержку европейского производства, стимулирование инвестиций и укрепление технологической автономии ЕС.

В Брюсселе подчеркивали, что европейская промышленность сталкивается с растущей международной конкуренцией и нуждается в дополнительных мерах поддержки. По словам Урсулы фон дер Ляйен, задача новой инициативы заключается в том, чтобы предотвратить «утекание» производств и инвестиций из Европы; сам же Европейский союз должен стать в итоге «более сильным, более инновационным и более самостоятельным» [19; 22].

Наряду с экономическими вопросами значительный импульс к развитию получили дискуссии о стратегической автономии ЕС и самостоятельности объединения в области обороны. В европейском политическом сообществе всё чаще высказывалось мнение о том, что Соединённые Штаты рассматривают союзнические отношения преимущественно через призму экономической выгоды и распределения расходов, тогда как ценностно-идеологическая составляющая трансатлантического партнёрства постепенно утрачивает свое прежнее значение [10; 23]. Подобные настроения усилились после упомянутого ранее выступления вице-президента США Дж.Д. Вэнса на Мюнхенской конференции по безопасности, а также в связи с неоднозначными заявлениями Д. Трампа о перспективах НАТО и будущем участии Вашингтона в Альянсе.

Вместе с тем реакция Европейского союза не ограничивалась пассивной критикой американской политики. Значительная часть европейских лидеров рассматривала действия США как реальный и необходимый стимул для ускорения интеграционных процессов в сфере безопасности и обороны. Если ранее проекты по укреплению общеевропейского оборонного потенциала нередко сталкивались с политическими разногласиями между государствами-членами, то в 2025–2026 гг. они получили дополнительное обоснование в виде необходимости адаптации к меняющейся международной обстановке [21].

Одним из наиболее заметных последствий стало дальнейшее развитие концепции стратегической автономии Европейского союза. Под данным понятием европейские политики традиционно понимают способность ЕС самостоятельно принимать решения и действовать в сфере безопасности без критической зависимости от внешних партнёров. Однако в условиях второго президентства Трампа данная концепция приобрела более практическое содержание. Если ранее она воспринималась преимущественно как долгосрочная политическая цель, то теперь всё чаще рассматривалась как необходимый элемент обеспечения устойчивости европейской безопасности [24].

Подтверждением этого стала представленная Европейской комиссией в марте 2025 г. «Белая книга по европейской обороне – Готовность 2030», первоначально представленная в рамках инициативы «Перевооружить Европу». Документ определил ключевые направления укрепления оборонного потенциала Европейского союза, включая расширение совместных закупок вооружений, развитие европейской оборонно-промышленной базы и увеличение инвестиций в соответствующий сектор [21; 23].

В частности, была запущена программа SAFE, предусматривающая предоставление льготных кредитов государствам-членам для финансирования оборонных проектов, а также введен механизм «национального исключения», позволяющий временно увеличивать государственные расходы на оборону сверх действующих бюджетных ограничений.

В октябре 2025 г. была опубликована «Дорожная карта оборонной готовности 2030», конкретизировавшая механизмы достижения большей оборонной устойчивости Европейского союза и расширения возможностей европейского военно-промышленного комплекса.

При этом данные инициативы не означают отказа от трансатлантического сотрудничества. Европейские документы подчеркивают, что укрепление собственного оборонного потенциала должно осуществляться при сохранении НАТО в качестве основного инструмента коллективной обороны. Следовательно, современная европейская оборонная интеграция развивается не столько вопреки трансатлантической системе, сколько в стремлении снизить критическую зависимость от одного внешнего центра силы.

Стратегическая автономия ЕС: новые возможности и ограничения интеграционного процесса

Воздействие американской политики на европейскую интеграцию наиболее отчетливо проявляется в изменении содержания самой концепции стратегической автономии. В годы первой администрации Д. Трампа дискуссии о европейской самостоятельности носили во многом политический и эмоциональный характер. При администрации Дж. Байдена стратегическая автономия постепенно стала частью обновленной трансатлантической повестки: сильный и единый Европейский союз рассматривался как необходимое условие укрепления общего западного пространства [23].

В период второго президентского срока Трампа содержание концепции изменилось. Стратегическая автономия из преимущественно политического конструкта постепенно превращается в практическую задачу европейской интеграции. Речь идет о способности ЕС самостоятельно обеспечивать безопасность, поддерживать экономическую конкурентоспособность и реагировать на кризисы, непосредственно затрагивающие европейские интересы. При этом возникает принципиальный парадокс. С одной стороны, Вашингтон объективно стимулирует европейцев к большей самостоятельности. С другой стороны, американская администрация не рассматривает европейскую стратегическую автономию как самостоятельную ценность. В американской логике повышение самостоятельности европейских государств позволяет прежде всего перераспределить финансовое и военное бремя внутри трансатлантического сообщества [21].

Именно поэтому европейская стратегическая автономия имеет двойственную природу. Она одновременно является ответом на внешнее давление и инструментом адаптации ЕС к изменению международной среды.

Вместе с тем усиление внешнего давления не снимает внутренних противоречий Евросоюза. Государства-члены различаются по уровню зависимости от американских гарантий безопасности, экономическим интересам и представлениям о допустимой степени самостоятельности ЕС. Поэтому дальнейшее развитие интеграционного процесса будет зависеть не только от характера политики Вашингтона, но и от способности европейских государств согласовать собственные долгосрочные интересы.

Перспективы трансформации европейской интеграции под воздействием американского фактора

Проводимый администрацией Д. Трампа в 2025–2026 гг. политический курс стал внешним фактором, способствующим ускорению интеграционных процессов на европейском пространстве. Стремление Вашингтона

сократить собственные обязательства и связанные с их исполнением расходы, усилить давление на союзников по ряду принципиальных вопросов и перевести трансатлантические отношения в более прагматичную плоскость подталкивает Брюссель к поиску новых инструментов и механизмов.

Данный процесс охватывает сразу несколько направлений: военно-политическое, торгово-экономическое, промышленное и научно-технологическое. Таким образом, американский фактор оказывает комплексное воздействие на европейскую интеграцию, заставляя ЕС одновременно укреплять оборонный потенциал и повышать экономическую устойчивость.

Однако данный процесс не является заранее заданным. Внешний стимул не снимает противоречий между государствами-членами и не устраняет различия в позициях национальных правительств. Государства по-разному оценивают уровень необходимой самостоятельности от США, степень допустимого увеличения оборонных расходов и перспективы дальнейшего развития отношений с Вашингтоном.

Поэтому способность ЕС превратить внешнее давление в фактор дальнейшего интеграционного развития зависит от целого комплекса условий: наличия политической воли европейских элит, поддержки общества, позиции бизнес-сообщества и экспертных кругов, а также способности институтов ЕС обеспечить согласованность действий государств-членов.

Таким образом, американская политика создает благоприятные внешние условия для ускорения отдельных направлений европейской интеграции, однако не гарантирует их успешной реализации.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать ряд выводов относительно роли внешнеполитического курса Соединённых Штатов в развитии современных интеграционных процессов на европейском пространстве в период второго президентского срока Дональда Трампа.

Во-первых, события 2025–2026 гг. свидетельствуют о значительной преемственности европейского вектора американской внешней политики. Годы первого президентского срока Трампа ознаменовались своеобразным «надломом» в трансатлантических отношениях. Тем не менее косметический ремонт «фасада» сотрудничества между США и ЕС при Байдене не привел к его сущностной трансформации. Примечательно, что Трамп и его команда громко постулировали то, что США хотели бы получить от Европы (например, лозунги о выравнивании торгового баланса, увеличении оборонных расходов ЕС и отказе от российских энергоносителей), но в реальности итоговый эффект от подобной «грубой силы» был весьма ограниченным. Байден же – не отменяя самой сути требований, но тщательно их завуалировав (тезисы о «возвращении Америки», «трансатлантическом единстве» и «общих ценностях») – сумел добиться гораздо больших результатов (во многом благодаря конфликту на Украине): европейцы начали наращивать траты на оборону, отказались от сырья из России, расширили закупки нефти и газа у США, условно консолидировались вокруг Вашингтона и т.д. Возвращение Трампа в Белый дом не изменило ситуации – на повестке дня все те же вопросы, однако теперь американская администрация располагает куда большими инструментами давления на ЕС и может вновь обратиться к жесткому, напористому и прямолинейному подходу.

Во-вторых, политика США в обозначенное время стала одним из факторов, способствующих дальнейшему развитию концепции стратегической автономии Европейского союза. Следует отметить, что в годы первой каденции Д. Трампа дискуссии и заявления по данной тематике обладали в основном эмоциональной окраской и отражали недовольство и растерянность политиков из Европы перед бесцеремонной тактикой Вашингтона. В дальнейшем – уже при администрации Дж. Байдена – указанная концепция была использована Брюсселем в качестве одного из ключевых элементов обновленной трансатлантической повестки дня (сильный и единый Европейский союз представлялся своего рода обязательным условием для успешного достижения разделяемых по обе стороны Атлантики целей и органично вписывался в понятие «евроатлантической солидарности»). Теперь же – в годы второго президентского срока Д. Трампа – стратегическая автономия ЕС из преимущественно политического конструкта и идеологически окрашенного понятия превращается в конкретную цель европейской интеграции и механизм, от претворения которого в жизнь зависят конкурентоспособность и выживаемость «коллективной Европы» в стремительно изменяющемся мире. Подобная трансформация стала возможной в том числе благодаря возникшему в Брюсселе пониманию, что в отношениях с США фактически сложилась «новая нормальность» (накопленные с 2016 г. изменения, проводниками для которых служили как республиканцы, так и демократы, больше не воспринимаются как временное явление), которую вряд ли удастся преодолеть в обозримом будущем.

В-третьих, стратегическая автономия ЕС не рассматривается Вашингтоном как самостоятельная цель, но выступает в качестве действенного инструмента по перераспределению ответственности и расходов между союзниками. Говоря иначе, США не заинтересованы в сильной Европе, которая могла бы выступать с ними на равных. Но внешне американские администрации готовы поддержать указанную концепцию и даже подтолкнуть европейцев к ее воплощению. При Байдене это происходило в рамках ценностно-идеологического дискурса: чтобы эффективно защищать «порядок, основанный на правилах» и формирующие его основу либерально-демократические принципы, ЕС должен проявлять большую самостоятельность и ответственность. При Трампе корректировке подверглась лишь внешняя – связанная с риторикой – сторона вопроса: теперь Вашингтон использует стратегическую автономию ЕС как дополнительный рычаг давления на Европу под лозунгом «ваша свобода за ваши же деньги».

Литература

1. Белов В. Конфликт хозяйственно-политических пространств США и ЕС в эпоху второго Трампа // Российский совет по международным делам. 10.04.2025. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/konflikt-khozyaystvenno-politicheskikh-prostranstv-ssha-i-es-v-epokhu-vtorogo-trampa/ (дата обращения: 23.08.2026).

2. Ведомости. Как прошел саммит НАТО в Гааге // Ведомости. – 2025. – 25 июня. – URL: https://www.vedomosti.ru/politics/galleries/2025/06/25/1120011-sammit-nato (дата обращения: 28.08.2026).

3. Гасанов К. Война США с Ираном: ЕС балансирует между поддержкой Трампа и страхом энергокризиса // Российский совет по международным делам. 27.03.2026. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/voyna-ssha-s-iranom-es-balansiruet-mezhdu-podderzhkoy-trampa-i-strakhom-energokrizisa/ (дата обращения: 27.08.2026).

4. Ефременко Д.В. Es schwindelt. Перекройка мира как MAGA-проект // Россия в глобальной политике. 2025. Т. 23. № 3. С. 58–77.

5. Журавель В.П. Гренландия в арктической стратегии США // Арктика и Север. 2021. № 42.

6. Интерфакс. ЕК презентовала стратегию конкурентоспособности ЕС, основанную на инновациях и декарбонизации // Интерфакс. – 2025. – 29 января. – URL: https://www.interfax.ru/world/1005301 (дата обращения: 28.08.2026)

7. Известия. Мерц призвал не превращать Иран в арену для войн // Известия. – 2025. – URL: https://iz.ru/2054754/mertc-prizval-ne-prevrashchat-iran-v-arenu-dlia-voin-izi (дата обращения: 27.08.2026).

8. Каневский П. Тарифный маховик: новая старая торговая стратегия США // Российский совет по международным делам. 31.03.2025. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tarifnyy-makhovik-novaya-staraya-torgovaya-strategiya-ssha/ (дата обращения: 26.08.2026).

9. Лебедев С.В., Новик Н.Н., Суслов Д.В. Политика США в отношении Европы при второй администрации Дональда Трампа // Актуальные проблемы Европы. 2026. № 1. DOI: 10.31249/ape/2026.01.10.

10. Саймонс Г. Упадок Pax Americana: геополитическое отчаяние и тактика без стратегии? // Россия в глобальной политике. 28.05.2026. URL: https://globalaffairs.ru/articles/upadok-sajmons/ (дата обращения: 24.08.2026).

11. ТАСС. Мерц заявил о необходимости предотвратить возможные миграционные потоки из Ирана. – 2025. – URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/26681215 (дата обращения: 27.08.2026).

12. Теребов О.В. Администрация Д. Трампа и сдвиги в арктической политике США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2022. № 11. DOI: 10.31857/S2686673022110062.

13. Щербунов В. Проект 2025: контуры «Доктрины Трампа»? // Российский совет по международным делам. 02.04.2025. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/proekt-2025-kontury-doktriny-trampa-/ (дата обращения: 23.08.2026).

14. Brookings Institution. Breaking down Trump's 2025 National Security Strategy URL: https://www.brookings.edu/articles/breaking-down-trumps-2025-national-security-strategy/ (дата обращения: 28.08.2026).

15. Council of the European Union. A Strategic Compass for a Stronger EU Security and Defence in the Next Decade. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/03/21/a-strategic-compass-for-a-stronger-eu-security-and-defence-in-the-next-decade/ (дата обращения: 23.08.2026).

16. Council of the European Union. EU-US Summit Statement: Towards a Renewed Transatlantic Partnership URL: https://www.consilium.europa.

eu/en/press/press-releases/2021/06/15/eu-us-summit-statement-towards-a-renewed-transatlantic-partnership/ (дата обращения: 23.08.2026).

17. European Commission. A Competitiveness Compass for the EU URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX-:52025DC0030 (дата обращения: 28.08.2026).

18. European Commission. Commission Responds to Unjustified US Steel and Aluminium Tariffs with Countermeasures. URL: https://ireland.representation.ec.europa.eu/news-and-events/news/commission-responds-unjustified-us-steel-and-aluminium-tariffs-countermeasures-2025–03–12_en (дата обращения: 23.08.2026).

19. European Commission. Framework for State Aid Measures to Support the Clean Industrial Deal URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52025XC03602 (дата обращения: 28.08.2026).

20. European Commission. Joint Statement on a Framework Agreement on Reciprocal, Fair and Balanced Trade Between the European Union and the United States. URL: https://policy.trade.ec.europa.eu/news/joint-statement-united-states-european-union-framework-agreement-reciprocal-fair-and-balanced-trade-2025–08–21_en (дата обращения: 26.08.2026).

21. European Commission. ReArm Europe Plan / Readiness 2030 URL: https://commission.europa.eu/topics/defence/future-european-defence_en (дата обращения: 28.08.2026).

22. European Commission. The Clean Industrial Deal: A Joint Roadmap for Competitiveness and Decarbonisation URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52025DC0085 (дата обращения: 28.08.2026).

23. European Commission, High Representative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. Preserving Peace – Defence Readiness Roadmap 2030 URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52025JC0027 (дата обращения: 28.08.2026).

24. Fiott D. Strategic Autonomy: Towards European Sovereignty in Defence? Paris: European Union Institute for Security Studies (EUISS), 2018. 8 p. (EUISS Brief, № 12). URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/Brief%2012__Strategic%20Autonomy.pdf (дата обращения: 28.08.2026).

THE US FOREIGN POLICY COURSE AS A FACTOR IN THE TRANSFORMATION OF INTEGRATION PROCESSES IN THE EUROPEAN SPACE: THE EXPERIENCE OF D. TRUMP'S SECOND ADMINISTRATION

Molchanov P.P.
Lomonosov Moscow State University

This article examines the impact of the US foreign policy of the second D. Trump administration on modern integration processes in the European space. The author substantiates the relevance and significance of the research topic. A brief justification of American policy is given not only as a source of external pressure on the European Union, but also as a factor contributing to the acceleration of certain areas of European consolidation. The article analyzes the development of the concept of strategic autonomy of the EU and its transition from a predominantly political category to a practical guideline of economic, technological and defense policy. The author also examines the impact of changing transatlantic relations on the development of pan-European initiatives in the field of competitiveness, industrial policy, energy sustainability and defense, including the «Competitiveness Compass for the EU», the «Clean Industry Agreement», the «White Paper on European Defense – Readiness 2030» and the SAFE program. The paradoxical nature of the American influence is revealed: Washington's desire to redistribute responsibility for European security simultaneously creates additional incentives for increasing the EU's independence. At the same time, it is shown that external pressure does not eliminate the existing political and economic differences between the member States and therefore does not guarantee further deepening of integration. Thus, as a result of the study, it was found that the foreign policy course of the D. Trump administration in 2025–2026. He had a significant impact on the development of integration processes in the European Union. The US policy has contributed to strengthening discussions on the strategic autonomy of the EU, enhancing cooperation between member states in various fields, as well as the search for new coordination mechanisms within the Union. It is concluded that the United States was not the direct initiator of the deepening of European integration, but an important external factor that «sets» the conditions for its further development.

Keywords: European Union, USA, European integration, Donald Trump, strategic autonomy, economic integration, defense integration, European security, transatlantic relations, EU competitiveness.

References

1. Belov V. Conflict between US and EU economic-political spheres in the era of the second Trump term // Russian International Affairs Council. April 10, 2025. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/konflikt-khozyaystvenno-politicheskikh-prostranstv-ssha-i-es-v-epokhu-vtorogo-trampa/ (accessed: August 23, 2026).

2. Vedomosti. How the NATO summit in The Hague unfolded // Vedomosti. – 2025. – June 25. – URL: https://www.vedomosti.ru/politics/galleries/2025/06/25/1120011-sammit-nato (accessed: August 28, 2026).

3. Gasanov K. US war with Iran: The EU balances between supporting Trump and fearing an energy crisis // Russian International Affairs Council. March 27, 2026. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/voyna-ssha-s-iranom-es-balansiruet-mezhdu-podderzhkoy-trampa-i-strakhom-energokrizisa/ (accessed: August 27, 2026).

4. Efremenko D.V. Es schwindelt. Reshaping the world as a MAGA project // Russia in Global Affairs. 2025. Vol. 23. № 3. P. 58–77.

5. Zhuravel V.P. Greenland in US Arctic strategy // Arctic and North. 2021. № 42.

6. Interfax. European Commission Unveils EU Competitiveness Strategy Based on Innovation and Decarbonization // Interfax. – 2025. – January 29. – URL: https://www.interfax.ru/world/1005301 (accessed: August 28, 2026)

7. Izvestia. Merz Urges Against Turning Iran into a Theater of War // Izvestia. – 2025. – URL: https://iz.ru/2054754/mertc-prizval-ne-prevrashchat-iran-v-arenu-dlia-voinizi (accessed: August 27, 2026).

8. Kanevsky P. The Tariff Spiral: A New-Old US Trade Strategy // Russian International Affairs Council. March 31, 2025. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/tarifnyy-makhovik-novaya-staraya-torgovaya-strategiya-ssha/ (accessed: August 26, 2026).

9. Lebedev S.V., Novik N.N., Suslov D.V. US Policy Toward Europe Under Donald Trump's Second Administration // Current Problems of Europe. 2026. № 1. DOI: 10.31249/ape/2026.01.10.

10. Simons G. The Decline of Pax Americana: Geopolitical Despair and Tactics Without Strategy? // Russia in Global Affairs. May 28, 2026. URL: https://globalaffairs.ru/articles/upadok-sajmons/ (accessed: August 24, 2026).

11. TASS. Merz Stresses Need to Prevent Potential Migration Flows from Iran. – 2025. – URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/26681215 (accessed: 27.08.2026).

12. Terebov O.V. The Trump Administration and Shifts in US Arctic Policy // USA & Canada: Economics, Politics, Culture. 2022. № 11. DOI: 10.31857/S2686673022110062.

13. Shcherbunov V. Project 2025: Outlines of the «Trump Doctrine»? // Russian International Affairs Council. 02.04.2025. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/proekt-2025-kontury-doktriny-trampa-/ (accessed: 23.08.2026).

14. Brookings Institution. Breaking down Trump's 2025 National Security Strategy URL: https://www.brookings.edu/articles/breaking-down-trumps-2025-national-security-strategy/ (accessed: 28.08.2026).

15. Council of the European Union. A Strategic Compass for a Stronger EU Security and Defence in the Next Decade. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2022/03/21/a-strategic-compass-for-a-stronger-eu-security-and-defence-in-the-next-decade/ (accessed: 23.08.2026).

16. Council of the European Union. EU-US Summit Statement: Towards a Renewed Transatlantic Partnership URL: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2021/06/15/eu-us-summit-statement-towards-a-renewed-transatlantic-partnership/ (accessed 23.08.2026).

17. European Commission. A Competitiveness Compass for the EU URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52025DC0030 (access date: 08/28/2026).

18. European Commission. Commission Responds to Unjustified US Steel and Aluminum Tariffs with Countermeasures. URL: https://ireland.representation.ec.europa.eu/news-and-events/news/commission-responds-unjustified-us-steel-and-aluminum-tariffs-countermeasures-2025–03–12_en (accessed 23.08.2026).

19. European Commission. Framework for State Aid Measures to Support the Clean Industrial Deal URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX-:52025XC03602 (accessed 28.08.2026).

20. European Commission. Joint Statement on a Framework Agreement on Reciprocal, Fair and Balanced Trade Between the European Union and the United States. URL: https://policy.trade.ec.europa.eu/news/joint-statement-united-states-european-union-framework-agreement-reciprocal-fair-and-balanced-trade-2025–08–21_en (accessed 26.08.2026).

21. European Commission. ReArm Europe Plan / Readiness 2030 URL: https://commission.europa.eu/topics/defence/future-european-defence_en (accessed 28.08.2026).

22. European Commission. The Clean Industrial Deal: A Joint Roadmap for Competitiveness and Decarbonisation URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52025DC0085 (accessed 28.08.2026).

23. European Commission, High Re presentative of the Union for Foreign Affairs and Security Policy. Preserving Peace – Defense Readiness Roadmap 2030 URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52025JC0027 (access date: 08/28/2026).

24. Fiott D. Strategic Autonomy: Towards European Sovereignty in Defense? Paris: European Union Institute for Security Studies (EUISS), 2018. 8 p. (EUISS Brief, № 12). URL: https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/Brief%2012__Strategic%20Autonomy.pdf (access date: 08/28/2026).

Политико-психологический профиль Роберта Фицо: константы и переменные до и после покушения

Стрелец Илья Эрнстович,
к.полит.н., ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России»
E-mail: sagitil@mail.ru

Мухортов Денис Сергеевич,
к.филол.н. ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России»
E-mail: dennismoukhortov@mail.ru

В статье представлен политико-психологический профиль премьер-министра Словакии Роберта Фицо, построенный на основе авторской методики дистантного профилирования. Эмпирическую базу составили одиннадцать спонтанных интервью премьер-министра, разделенных на два периода, а именно до покушения 15 мая 2024 г. (четыре интервью) и после него (семь). Анализ показывает, что базовая структура профиля остается константной, поскольку доминируют восприятие мира как враждебного, словакоцентризм, этатизм, тип «идеолог», мотив власти и административный стиль лидерства. Это согласуется с оценкой М.В. Ведерникова: первые шаги Р. Фицо на посту премьера «отражают взгляды, которые [он] высказывал с самого начала СВО на Украине», и «эта позиция будет только усиливаться» [1, с. 55].
Покушение усилило ригидность, мотив власти и публичную доминантность, одновременно ослабив конкретность целей, уверенность в контроле и оптимизм. Полученный профиль интерпретируется через призму эго-защитных механизмов и психоаналитический подход. Отдельное внимание уделено парадоксу сосуществования в профиле политика экстраверта и интроверта с высоким доминированием. Новизна работы состоит в трех положениях: впервые применен дизайн «до/после» события к дистантному профилированию политика, пережившего покушение; показано, что после покушения политик переходит от описания конкретных мер к обсуждению общих принципов и угроз; описан и объяснен парадокс сосуществования экстраверта и интроверта с высоким доминированием.

Ключевые слова: политическая психология, дистантное профилирование, Роберт Фицо, покушение, операциональный код, мотивация, стиль лидерства, эго-защитные механизмы.

Введение

Изучение личности политического лидера принадлежит к числу центральных задач политической психологии. В условиях персонализации власти понимание когнитивного стиля, мотивации и поведенческих паттернов главы правительства приобретает особую значимость, поскольку позволяет не только описывать уже совершенные действия, но и прогнозировать вероятные решения в ситуациях неопределенности. Однако исследователь, обращающийся к фигуре действующего политика, неизбежно сталкивается с фундаментальной методологической проблемой, которая состоит в том, как получить надежные данные о личности, не имея возможности прямого контакта с объектом изучения.

Роберт Фицо занимает особое место в новейшей политической истории Словакии. Он четырежды возглавлял правительство страны (2006–2010; 2012–2016; 2016–2018; с 2023 г.), дольше всех в истории Словакии находился на посту премьер-министра и одержал пять парламентских побед со своей партией СМЕР («Словацкая социальная демократия»). Т. Хаутон, Д. Каттс и М. Рыбарь подчеркивают, что «политики, чья карьера казалась завершенной, редко совершают успешные возвращения» [7], и именно этот случай представляет исключительный интерес для исследователя.

Д. Микуш характеризует Р. Фицо как «символ не только успеха, но и поляризации общества и его разделения на два противоборствующих блока» [10, p. 45]. Покушение 15 мая 2024 г. в г. Гандлове стало кульминацией многолетнего процесса поляризации. Р. Брикс, П. Хорват, Л. Немец и А. Рыбкова проанализировали 632 поста лидеров парламентских партий в соцсетях и выявили больше всего негатива в отношении Р. Фицо, и по их мнению, вся эта агрессия привела к покушению на Р. Фицо в 2024 году [5].

Целью настоящей статьи является представление политико-психологического профиля Р. Фицо, полученного с помощью интегративной методики дистантного профилирования [3], а также выявление того, какие характеристики остаются константными, а какие изменяются под влиянием экстремального события, каковым является покушение. Мы исходим из того, что покушение не создает новых черт, а сдвигает акценты внутри уже сложившейся структуры. Сдвиги при этом разнонаправлены: ригидность, мотив власти и публичная доминантность растут, тогда как конкретность целей, уверенность в контроле и оптимизм падают. Вопрос, следовательно, не в том, «закалило» ли покушение Фицо или, напротив, «смягчило» его, а в том, как эти два процесса сосуществуют. Проверка гипотезы идет в два этапа. Сначала мы фиксируем, куда сдвинулся каждый показатель. Затем смотрим, системны ли эти сдвиги: проявляются ли они во всех семи интервью после покушения, независимо от темы и формата, – или же они ситуативны и зависят от конкретного разговора.

Почему эта тема важна сейчас? Покушение на главу правительства – сюжет, который политическая психология до сих пор прорабатывала фрагментарно. Есть отдельные кейсы – Р. Рейган, М. Тэтчер, С. Абэ, Д. Трамп, – есть общие модели поведения под угрозой, но целостная картина отсутствует. Далее, Р. Фицо является действующим премьером, и понимать его профиль нужно не ради академического интереса, а чтобы прогнозировать его решения. Наконец, сам дизайн «до/после» дает редкую возможность проверить, как трагедийное событие отражается на устойчивых структурах личности: меняет ли оно их, или только подсвечивает то, что было заложено раньше.

Новизна исследования определяется тем, что в нем показано, что после покушения политик переходит от описания конкретных мер к обсуждению общих принципов и угроз, а также описывается парадокс сосуществования экстраверта и интроверта с высоким доминированием.

Методология

Теоретико-методологический подход основан на принципах качественного контент-анализа и предполагает выявление в текстах речевых маркеров, соотносящихся с изучаемыми психологическими характеристиками. Методика переводит психологические конструкты в язык однозначно интерпретируемых речевых маркеров, что обеспечивает надежность и воспроизводимость анализа [3].

Анализ охватывает шесть измерений в трех плоскостях, а именно когнитивную (операциональный код, ценностные дилеммы, Я-концепция), аффективную (мотивация) и поведенческую (тип лидерства, стиль межличностных отношений). Переменная 3.А («Патриотизм/этноцентризм») в случае Р. Фицо конкретизируется как «словакоцентризм», поскольку маркеры этой переменной – исключительность миссии страны, национальные интересы, суверенитет – окрашены не в этнические, а в государственнические тона.

Каждый маркер засчитывается только при условии, что мысль выражена утвердительно; один фрагмент текста кодируется по одной переменной в пределах одного измерения.

Эмпирическую базу составили одиннадцать спонтанных интервью Р. Фицо, взятых в период с февраля 2024 по июнь 2026 г. Все интервью разделены на два блока. Блок «до» (до покушения 15 мая 2024 г.) включает четыре интервью, а именно И-1 от 16 февраля 2024 г., Hlavné správy; И-2 от 24 февраля 2024 г., RTVS; И-3 от 12 марта 2024 г., Denník Štandard; И-4 от 24 апреля 2024 г., noviny.sk / TV JOJ. Блок «после» (после покушения) включает семь интервью, а именно И-5 от 29 октября 2024 г., Denník Štandard; И-6 от 11 ноября 2024 г., CGTN; И-7 от 2 февраля 2025 г., TV JOJ; И-8 от 14 мая 2025 г., Plus JEDEN DEŇ; И-9 от 20 марта 2026 г., пресс-конференция по итогам саммита ЕС; И-10 от 16 апреля 2026 г., Úrad vlády SR; И-11 от 27 июня 2026 г., STVR. Общий объем транскриптов превышает 40000 слов. Выбор интервью, отличающихся разнообразием тем, таких как внешняя политика, экономика, внутренняя политика, оборона и коалиционные конфликты, обеспечивает репрезентативность и надежность анализа.

Процедура кодировки предполагала очистку текста от вопросов журналистов и технических ремарок, разбивку на смысловые мини-фрагменты, выявление и подсчет речевых маркеров в соответствии с таблицами кодирования по шести измерениям. Для количественной оценки подсчитывалось абсолютное число упоминаний (n) и рассчитывался относительный коэффициент $R_2 = n/\Sigma n$, то есть доля в рамках данного измерения. Доминирующими считаются переменные с максимальными значениями R_2.

Переменная 1.А («Дружественный политический мир») имеет нулевое значение в обоих блоках: маркеров дружественности в интервью нет. Р. Фицо говорит о мире только в императивном или инструментальном ключе – «войну надо остановить», «стрельбу прекратить», – но ни разу не утверждает, что мир дружественен сам по себе. Такие высказывания относятся к другим переменным (2.Б, 3.А, 4.А).

Следует оговорить ограничения исследования. Покушение рассматривается здесь не как изолированный каузальный фактор, а как переломное событие, которое актуализирует одни черты и ослабляет другие, но не создает их заново. Это соответствует логике дистантного профилирования: личность понимается как устойчивая структура, реагирующая на средовые вызовы. Мы не утверждаем, что сдвиги вызваны исключительно покушением. Мы утверждаем, что покушение ускорило и усилило тенденции, заложенные в профиле изначально.

Мы не исключаем и других факторов – давления ЕС, газового кризиса, электоральной динамики. Но их влияние на речь политика проходит через его личность, и именно этот механизм нас интересует в первую очередь. Что показывает сравнение интервью? Сдвиги устойчивы: они возникают во всех семи разговорах после покушения, при любой теме и в любом формате. Отсюда рабочее предположение: покушение сработало как триггер – оно актуализировало то, что уже было в профиле, а не стало единственной причиной перемен.

С помощью контрольной группы – анализа другого политика, пережившего покушение, – можно было бы усилить дизайн. Но в этой работе ее нет. Покушения на глав правительств случались и раньше, однако каждый эпизод слишком уникален по контексту, а статистически значимую выборку из них не построить. К тому же мы и не ставим целью вывести универсальную закономерность. Наша задача – профиль конкретного политика. Это идиографический подход (*idiographic case study*) в традиции Дж. Поста и С. Уокера: не поиск общих правил, как в номотетике, а подробное описание одного случая. И ценность такой работы определяется не наличием контрольной группы. Здесь важно другое – насколько убедительно и последовательно описан этот отдельный случай.

Независимая кодировка вторым экспертом не проводилась. Это ограничение осознается и фиксируется. Вместе с тем следует отметить, что методика предполагает формализованные таблицы кодирования, в которых речевые маркеры операционализированы с максимальной степенью однозначности. Процедура кодировки в значительной степени минимизирует субъективный фактор уже на уровне дизайна. Оценка погрешности в 10–15% является консервативной; при формализованных таблицах реальная погрешность может быть ниже. Мы рассматриваем проведение независимой кодировки как задачу следующего этапа исследования.

Наконец, разграничение эмпирического (речевые маркеры), теоретического (психологические конструкты) и макросоциального (политическое поведение) уровней является важным методологическим требованием. В настоящей работе мы сознательно не смешиваем эти уровни, а связываем их. Речевые маркеры образуют операциональный уровень; психологические конструкты – интерпретативный; политическое поведение – иллюстративный. Когда мы говорим, что «мотив власти вырос», это утверждение интерпретативного уровня. Оно не о риторике и не о поведении как таковых – оно описывает то, что связывает одно с другим. В логике дистантного профилирования личность и есть этот медиатор: между текстом и действием. Классические работы, на которых стоит методика, – в частности, А. Джорджа и С. Уокера, – мы здесь не разбираем: эти концепции сегодня принимаются как устоявшиеся и не требуют отдельного обоснования.

Результаты

Сводные результаты кодировки по двум блокам – в Таблице 1. Столбцы идут в таком порядке: измерение, переменная, среднее R_2 по блоку «до», среднее R_2 по блоку «после», разность Δ. Доминанты выделены полужирным. Доминантой мы считаем переменную с наибольшим R_2 внутри своего измерения. Если значения близки – разница меньше 0,05, – доминантой становится та, у которой R_2 формально выше.

Таблица 1. Сопоставление средних значений R2 по блокам «до» и «после»

Измерение	Переменная	«До»	«После»	Δ
Операциональный код	1.А Дружественный мир	0.00	0.00	0.00
	1.Б Враждебный мир	**0.30**	**0.26**	–0.04
	2.А Оптимизм	0.13	0.09	–0.04
	2.Б Пессимизм	0.17	0.10	–0.07
	3.А Собственная воля	**0.30**	**0.19**	–0.11
	3.Б Низкий контроль	0.20	0.13	–0.07
	4.А Глобальные цели	0.27	0.14	–0.13
	4.Б Конкретные цели	**0.38**	**0.18**	–0.20
Ценностно-мировоззренческие дилеммы	1.А Этатизм	0.38	0.38	0.00
	1.Б Антиэтатизм	0.26	0.30	+0.04
	2.А Равенство	0.12	0.11	–0.01
	2.Б Индивидуальная свобода	0.16	0.10	–0.06
	3.А Словакоцентризм	**0.48**	**0.47**	–0.01
	3.Б Космополитизм	0.23	0.18	–0.05
Я-концепция	1. Аполитичный	0.00	0.00	0.00
	2. Прагматик	0.32	0.31	–0.01
	3. Идеолог	**0.45**	**0.51**	+0.06
	4. Сбалансированный	0.23	0.19	–0.04
	5. Недетерминированный	0.00	0.00	0.00
Мотивация	**1. Власть**	**0.50**	**0.52**	+0.02
	2. Достижение	0.30	0.31	+0.01
	3. Аффилиация	0.20	0.17	–0.03
Тип лидерства	1. Агитатор	0.35	0.34	–0.01
	2. Администратор	**0.42**	**0.38**	–0.04
	3. Теоретик	0.24	0.28	+0.04
Стиль межличностных отношений	**1. Экстраверт/выс. доминирование**	**0.36**	**0.39**	+0.03
	2. Экстраверт/низ. доминирование	0.15	0.13	–0.02
	3. Интроверт/выс. доминирование	0.33	0.34	+0.01
	4. Интроверт/низ. доминирование	0.16	0.14	–0.02

Базовая структура профиля Р. Фицо остается неизменной на протяжении всего рассматриваемого периода. В блоке «до» доминируют «враждебный мир» (0.30), «собственная воля» (0.30), «конкретные цели» (0.38), «словакоцентризм» (0.48), «этатизм» (0.38), «идеолог»

(0.45), «мотив власти» (0.50), «администратор» (0.42), «экстраверт с высоким доминированием» (0.36) и «интроверт с высоким доминированием» (0.33). В блоке «после» доминанты сохраняются, а именно «враждебный мир» (0.26), «собственная воля» (0.19), «конкретные цели» (0.18), «словакоцентризм» (0.47), «этатизм» (0.38), «идеолог» (0.51), «мотив власти» (0.52), «администратор» (0.38), «экстраверт с высоким доминированием» (0.39) и «интроверт с высоким доминированием» (0.34).

Вместе с тем обращают на себя внимание изменения, которые произошли в профиле после покушения. Прежде всего, заметно вырос показатель «идеолог» (с 0.45 до 0.51), что свидетельствует о росте ригидности и усилении уверенности в собственной правоте. Незначительно вырос «мотив власти» (с 0.50 до 0.52) и публичная доминантность (с 0.36 до 0.39). Одновременно снизились «конкретность целей» (с 0.38 до 0.18), «уверенность в контроле» (с 0.30 до 0.19), «глобальность целей» (с 0.27 до 0.14) и «оптимизм» (с 0.13 до 0.09). Эти сдвиги позволяют говорить о том, что гипотеза «ужесточения» подтверждается, тогда как гипотеза «просветления» не находит эмпирической поддержки.

Ослабление конкретности целей и уверенности в контроле не означает снижения компетентности или решительности. Дело в другом – до покушения Р. Фицо говорил преимущественно операционально, поскольку перечислял цифры (300 мигрантов, 20 тысяч евро штрафа, 5,7 млн евро, 100 тысяч рабочих), называл сроки (апрельская сессия, 31 декабря 2024), фиксировал параметры (10% НДС, 606 евро тринадцатой пенсии). Это язык управленца, который видит задачу как совокупность измеримых шагов. После покушения его речь смещается в мировоззренческий регистр, поскольку он говорит о «деструкции правил», «двойных стандартах», «потере связи с реальностью», «железном занавесе», «судьбе цивилизации». Конкретика не исчезает полностью, но перестает быть доминирующим способом описания мира. Политика описывается не как набор задач, а как экзистенциальное противостояние. Аналогичным образом ослабление уверенности в контроле не означает потери воли.

До покушения Р. Фицо постоянно подчеркивал свою способность управлять событиями, говоря «я распорядился», «мы сделали», «я это решаю». После покушения конструкция «я контролирую» уступает место конструкциям «обстоятельства вынуждают», «ситуация хуже, чем серьезная», «идем к тотальной деструкции». Он чаще ссылается на объективные трудности, позицию других стран, неизбежность. Здесь и возникает парадокс: внешне Р. Фицо остается жестким и доминирующим – показатель «экстраверт с высоким доминированием» даже растет (с 0.36 до 0.39), – но внутренне он признает, что мир сложнее его воли. Оба сдвига, и конкретность целей, и уверенность в контроле, описывают один процесс: переход от операциональной рациональности к экзистенциальной; он хорошо ложится на теорию совладания Р. Лазаруса. Перед лицом экзистенциальной угрозы политик переключается с решения практических задач на осмысление происходящего в мировоззренческих категориях. Речь не о том, стал он хуже или лучше, – фиксируется смена режима обработки информации. Конкретика не исчезает, но перестает быть главным способом описания мира.

Р. Фицо перестает быть менеджером, который решает задачи, и становится защитником, который противостоит угрозам. Отсюда и расхождение, которое фиксируют внешние наблюдатели: риторика кажется жестче, а профиль показывает падение конкретности и контроля. Чем меньше контроля над ситуацией, тем жестче речь. Это не противоречие, а компенсаторный механизм. Смещение можно понять как защитную реакцию на утрату контроля: чем меньше политик управляет конкретными процессами, тем больше он говорит о мировоззренческих категориях.

Показатель «теоретика» растет (с 0.24 до 0.28), «администратора» – падает (с 0.42 до 0.38). Сдвиг налицо: политик, который говорил как управленец, начинает говорить как идеолог. Процедуры уступают место смыслам.

Обсуждение

Теперь перейдем к интерпретации. Первое, на чем стоит остановиться, – парадокс в поведенческой плоскости. В блоке «после» рядом соседствуют «экстраверт с высоким доминированием» (0.39) и «интроверт с высоким доминированием» (0.34). Публичная активность и закрытость. Одновременно.

Как это объяснить? Обратимся к психоаналитической традиции. Эго-защитные механизмы – бессознательные стратегии, снижающие тревогу. Публичная активность в этом контексте может быть понята как инструментальная маска, необходимая для подтверждения собственной значимости и контроля. Закрытость и установление «красных линий» – как защита от уязвимости. В условиях, когда политик воспринимает мир как враждебный (0.26), а угрозы реальны (покушение), эго-защитные механизмы становятся способом сохранения психологической целостности.

Это согласуется с наблюдениями Л.С. Феррейры: она описывает коммуникативный стиль Фицо как нарочитую обычность и популистскую аутентичность, отмечая почти полное стирание границы между публичной ролью и частной персоной [6]. Однако, в отличие от коммуникативного анализа, настоящий профиль позволяет увидеть, что за перформативной открытостью стоит защитная закрытость («интроверт с высоким доминированием», 0.34) и высокий мотив власти (0.52).

Э. Фромм описывал авторитарный характер, для которого характерно биполярное деление людей на сильных и слабых [4]. Стремление к власти в этой концепции – компенсация глубокого чувства бессилия. Эту линию развивает Х.-Ю. Вирт: «социальная власть обладает непреодолимой привлекательностью для нарциссически нарушенных личностей… Ослепленный фантазиями величия и всемогущества, нарцисс теряет связь с социальной реальностью и в конечном счете терпит крах» [13, p. 12]. Применительно к Р. Фицо эти концепции позволяют предположить, что высокий мотив власти (0.52) сочетается с потребностью в компенсации чувства бессилия перед внешними силами.

Однако это лишь гипотеза, требующая психобиографической верификации. Психоаналитическая интерпретация носит гипотетический характер. Мы не утверждаем, что эго-защитные механизмы – единственное объяснение. Альтернативное объяснение, связанное со стилистической адаптацией к формату интервью, не исключается. Но данные показывают, что сдвиги носят устойчивый характер и проявляются независимо от формата: в CGTN (дипломатическое интервью) «враждебный мир» составляет 0.15, а в годовщину покушения (И-8) – 0.36. Если бы речь шла только о стилистике, систематического роста «идеолога» и «мотива власти» по всем семи интервью не наблюдалось бы. Именно эта системность позволяет предположить, что за стилистикой стоит устойчивая личностная динамика.

Рассмотрим, как профиль соотносится с внешними наблюдениями. Э.Г. Задорожнюк отмечает, что «после покушения Р. Фицо стал более жестко отстаивать необходимость многовекторной внешней политики» [2, с. 108]. Это совпадает с тем, что показывают наши данные: рост «идеолога» (с 0.45 до 0.51) и «мотива власти» (с 0.50 до 0.52) говорит об усилении ригидности и доминантности. Л. Левкович подчеркивает, что «четвертое правительство Р. Фицо проводит внешнюю политику, которая представляет собой значительный отход от прежней проатлантической ориентации Словакии» [9, p. 27]. Та же логика – в стабильной доминанте «словакоцентризма» (0.47), которая держится на протяжении всего периода.

Связь между профилем и политическим поведением не механическая – это важно оговорить сразу. Но наши данные позволяют увидеть содержательное соответствие: сдвиги в профиле и реальные решения идут рука об руку. Рост «идеолога» (с 0.45 до 0.51) совпадает с ужесточением в отношениях с ЕС – блокированием решений, отказом от военной помощи Украине. Рост «мотива власти» (с 0.50 до 0.52) – с кадровыми назначениями по личной лояльности.

Мы не утверждаем, что профиль детерминирует эти решения; мы утверждаем, что он позволяет их интерпретировать как проявления устойчивых личностных паттернов, а не только как ситуативные реакции.

Полученные данные позволяют выдвинуть предположение: экстремальное событие не создает новых личностных черт, а усиливает уже существующие и смещает акценты между ними. Профиль Р. Фицо дает эмпирическое основание для такой гипотезы, которая, однако, требует проверки на более широком материале.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сформулировать несколько выводов.

Основной результат состоит в том, что базовая структура профиля Р. Фицо остается константной на протяжении всего рассматриваемого периода. Доминируют восприятие мира как враждебного, словакоцентризм, этатизм, тип «идеолог», мотив власти, административный стиль лидерства. Эти характеристики не изменились под влиянием покушения.

После покушения одни показатели выросли, другие упали. Выросли ригидность (идеолог +0.06), мотив власти (+0.02) и публичная доминантность (+0.03). Снизились конкретность целей (–0.20), уверенность в контроле (–0.11) и оптимизм (–0.04).

Эти сдвиги не означают, что Р. Фицо стал хуже или лучше как политик. Они означают другое: изменился способ говорить о политике. До покушения он говорил конкретно – цифры, сроки, параметры.

После – говорит общими категориями: «деструкция правил», «судьба цивилизации», «железный занавес». Конкретика не исчезла, но перестала быть главной.

Эту смену можно понять как адаптивную реакцию на экстремальное событие: перед лицом угрозы политик уходит от частных задач к осмыслению ситуации в целом.

Парадокс – экстраверт и интроверт с высоким доминированием одновременно – объясняется через эго-защитные механизмы: публичная активность как маска, закрытость как защита. Психоаналитическая традиция даёт здесь концептуальную рамку, хотя для верификации нужны психобиографические данные.

Ограничения работы очевидны: профиль – вероятностная модель, а не жёсткая детерминанта поведения. Валидация на других типах текстов – подготовленных речах, официальных заявлениях – задача следующих исследований.

Литература

1. Ведерников М.В. Роберт Фицо – новый «старый» премьер-министр Словакии // Электронный журнал «Аналитические записки Института Европы РАН». – 2023. – Выпуск IV. – С. 55–60.
2. Задорожнюк Э.Г. Россия во внешнеполитических концепциях современных словацких социал-демократов // Современная Европа. – 2025. – № 3. – С. 104–116.
3. Стрелец И.Э., Мухортов Д.С. Интегративный подход к политико-психологической оценке личности политика: эволюция дистантного профилирования // Социально-гуманитарные знания. – 2026. – № 8.
4. Фромм Э. Бегство от свободы / пер. с англ. – М.: АСТ, 2026. – 288 с.
5. Brix R., Horváth P., Nemec Ľ., Rybková A. Political Communication of Parliamentary Party Leaders on Facebook after the 2023 Elections until the Attempted Assassination of the Prime Minister // Slovak Journal of Political Sciences. – 2024. – Vol. 24, № 2. – P. 246–281.
6. Ferreira L.S. Can a leader be our neighbor? Political authority and mediated intimacy in the algorithmic age // European Politics and Society. – 2026. – P. 1–17.
7. Haughton T., Cutts D., Rybář M. A Narrow Path to Victory: Robert Fico, Smer-SD, and the 2023 Elections in Slovakia // East European Politics and Societies. – 2026. – Vol. 40, № 3. – DOI: 10.1177/08883254251324191.
8. Hermann M.G. Assessing Leadership Style: Trait Analysis // The Psychological Assessment of Political Leaders / ed. J.M. Post. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 2003. – P. 178–212.
9. Lewkowicz Ł. «To the Four Corners of the World» – Determinants and Implementation of the Foreign Policy of Robert Fico's Fourth Government // Przegląd Politologiczny. – 2026. – Vol. 31, № 2. – P. 26–47.
10. Mikuš D. Robert Fico as a Symbol of Polarized Society in Slovakia // Contemporary Populist Leadership in Central and Eastern Europe / eds. A. Kasińska-Metryka, R. Dudała. – Cham: Palgrave Macmillan, 2025. – P. 45–65.
11. Wirth H.-J. Narcissism and Power: Psychoanalysis of Mental Disorders in Politics. – Gießen: Psychosozial-Verlag, 2009. – 270 p.

THE POLITICAL-PSYCHOLOGICAL PROFILE OF ROBERT FICO: CONSTANTS AND VARIABLES BEFORE AND AFTER THE ASSASSINATION ATTEMPT

Strelets I.E., Mukhortov D.S.
Moscow State Institute of International Relations

The article presents a political-psychological profile of Slovak Prime Minister Robert Fico, constructed on the basis of the author's methodology of at-a-distance profiling. The empirical basis comprises eleven spontaneous interviews with the Prime Minister, divided into two periods: before the assassination attempt of 15 May 2024 (four interviews) and after it (seven). The analysis shows that the basic structure of the profile remains constant, since the perception of the world as hostile, Slovakocentrism, statism, the 'ideologue' type, the power motive, and an administrative leadership style dominate. At the same time, the assassination attempt intensified rigidity, the power motive, and public dominance, while weakening the concreteness of goals, confidence in control, and optimism. The resulting profile is interpreted through the prism of ego-defence mechanisms and the psychoanalytic approach. Special attention is paid to the paradox of the coexistence, within the politician's profile, of an extrovert and an introvert with high dominance. The novelty of the work consists in three points: for the first time, a 'before/after design has been applied to the at-a-distance profiling of a politician who survived an assassination attempt; it is shown that after the assassination attempt the politician shifts from describing concrete measures to discussing general principles and threats; and the paradox of the coexistence of an extrovert and an introvert with high dominance is described and explained.

Keywords: political psychology, at-a-distance profiling, Robert Fico, assassination attempt, operational code, motivation, leadership style, ego-defence mechanisms.

References

1. Vedernikov M.V. Robert Fico – novyy «staryy» prem'er-ministr Slovakii [Robert Fico – the New «Old» Prime Minister of Slovakia] // Elektronnyy zhurnal «Analiticheskie zapiski Instituta Evropy RAN». – 2023. – Vypusk IV. – S. 55–60.
2. Zadorozhnyuk E.G. Rossiya vo vneshnepoliticheskikh kontseptsiyakh sovremennykh slovatskikh sotsial-demokratov [Russia in the Foreign Policy Concepts of Modern Slovak Social Democrats] // Sovremennaya Evropa. – 2025. – № 3. – S. 104–116.
3. Strelets I.E., Mukhortov D.S. Integrativnyy podkhod k politiko-psikhologicheskoy otsenke lichnosti politika: evolyutsiya distantsionnogo profilirovaniya [An Integrative Approach to the Political-Psychological Assessment of a Politician's Personality: The Evolution of At-a-Distance Profiling] // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. – 2026. – № 8.
4. Fromm E. Begstvo ot svobody [Escape from Freedom] / per. s angl. – M.: AST, 2026. – 288 s.
5. Brix R., Horváth P., Nemec Ľ., Rybková A. Political Communication of Parliamentary Party Leaders on Facebook after the 2023 Elections until the Attempted Assassination of the Prime Minister // Slovak Journal of Political Sciences. – 2024. – Vol. 24, № 2. – P. 246–281.
6. Ferreira L.S. Can a leader be our neighbor? Political authority and mediated intimacy in the algorithmic age // European Politics and Society. – 2026. – P. 1–17.
7. Haughton T., Cutts D., Rybář M. A Narrow Path to Victory: Robert Fico, Smer-SD, and the 2023 Elections in Slovakia // East European Politics and Societies. – 2026. – Vol. 40, № 3. – DOI: 10.1177/08883254251324191.
8. Hermann M.G. Assessing Leadership Style: Trait Analysis // The Psychological Assessment of Political Leaders / ed. J.M. Post. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 2003. – P. 178–212.
9. Lewkowicz Ł. «To the Four Corners of the World» – Determinants and Implementation of the Foreign Policy of Robert Fico's Fourth Government // Przegląd Politologiczny. – 2026. – Vol. 31, № 2. – P. 26–47.
10. Mikuš D. Robert Fico as a Symbol of Polarized Society in Slovakia // Contemporary Populist Leadership in Central and Eastern Europe / eds. A. Kasińska-Metryka, R. Dudała. – Cham: Palgrave Macmillan, 2025. – P. 45–65.
11. Wirth H.-J. Narcissism and Power: Psychoanalysis of Mental Disorders in Politics. – Gießen: Psychosozial-Verlag, 2009. – 270 p.

Политические аспекты развития международной торговли России и Пакистана

Новиков Олег Геннадиевич,
канд. ист. наук, доцент Кафедры политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: OGNovikov@fa.ru

Рождественская Алксандра Андреевна,
студент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: aleksrozhdestwenskaya@yandex.ru

Темарёва Дарья Алексеевна,
студент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: temarevadaria404@gmail.com

Статья посвящена современному (2026 год) состоянию международной торговли между РФ и Пакистаном, на которую оказывает негативное влияние ряд факторов. В статье анализируется воздействие политических аспектов на экономические отношения указанных стран. Оцениваются риски и перспективы торговых отношений.

Ключевые слова: Россия, Пакистан, санкции, международная торговля, логистические ограничения.

Торговые отношения России и Пакистана вызывают всё больший интерес у исследователей и практиков. Страны хорошо дополняют друг друга: Россия может поставлять энергоресурсы, зерно, удобрения и технологии, а Пакистан обладает большим рынком, дешёвой рабочей силой и выгодным расположением. Однако на практике сотрудничество развивается медленнее, чем могло бы, вследствие политических факторов.

Ключевые ограничения связаны с санкциями против России и риском вторичных санкций для пакистанских банков и компаний. Кроме того, соглашения, достигнутые с одним кабинетом министров, могут быть скорректированы или заморожены при следующем составе правительства. В этой связи особый интерес представляет поиск механизмов, которые помогут снизить влияние политических рисков на торговлю между двумя странами.

Особое значение имеет географическое положение Пакистана. Страна граничит с Индией, Китаем, Афганистаном и Ираном, находится на стыке Южной Азии, Ближнего Востока и Центральной Азии и имеет выход к Аравийскому морю. Китайско-пакистанский экономический коридор (КПЭК) усилил эту роль и создал базу для возможной увязки с российскими логистическими инициативами, в том числе с международным транспортным коридором «Север-Юг».

Важным аргументом в пользу развития сотрудничества выступает демографический фактор. По оценкам ООН, в 2025 году население Пакистана превысило 255 млн человек, что выводит страну в число крупнейших государств мира по численности жителей. При этом Пакистан остаётся молодой страной: медианный возраст населения немного выше 20 лет. Это означает, что спрос на товары и услуги будет расти в ближайшие десятилетия. Внутреннее производство Пакистана не покрывает всех потребностей, поэтому российский экспорт зерна, удобрений, энергоносителей и строительных материалов имеет перспективы долгосрочного спроса. Именно поэтому поиск путей обхода политических барьеров представляет не только теоретический, но и практический интерес.

Уровень оплаты труда в Пакистане он остаётся одним из самых низких в регионе, что делает страну привлекательной для переноса сюда части экспортно-ориентированных производств. На фоне роста издержек в традиционных промышленных центрах Юго-Восточной Азии и в Китае усиливается интерес к Пакистану как площадке для размещения сборочных линий, текстильных фабрик и перерабатывающих предприятий. Для российских компаний это открывает возможности создания совместных производств, ориентированных как на пакистанский рынок, так и на рынки Африки, Ближнего Востока и Центральной Азии.

В прошлом отношения между странами часто были сложными, в частности из-за серьезных политических разногласий. Сегодня Пакистан и Россия сотрудничают во многих сферах, включая энергетику, сельское хозяйство, оборону, инфраструктуру и здравоохранение. В 2023–2024 финансовом году (июль 2023-июнь 2024) объем двусторонней торговли достиг 1,81 млрд долларов США, увеличившись более чем вдвое по сравнению с предыдущим финансовым годом. Этот резкий рост был во многом обусловлен импортом Пакистаном российской сырой нефти по льготным ценам на фоне дефицита долларовой ликвидности.

В 2025 году урожай пшеницы в России составил 91,1 миллиона тонн, что позволило стране занять третье место в мире после Китая и Индии. Это крайне важно для Пакистана, который периодически сталкивается с нехваткой продовольствия и вынужден приостанавливать экспорт пшеницы. Важнейшую роль играют и поставки российских энергоресурсов. В июне 2023 года Пакистан начал закупать нефть со скидкой, что помогает стране экономить валюту и решать проблему дефицита энергоносителей. Пакистанская нефтегазовая компания OGDCL продолжает переговоры с «Газпром Интернэшнл» о реализации новых проектов. Также существует проект газопровода «Пакистанский поток», соглашение о котором было достигнуто еще в 2015 году; он призван обеспечить транспортировку СПГ из Карачи в Пенджаб и другие регионы, испытывающие нехватку энергоресурсов. Кроме того, в июле 2025 года Пакистан и Россия договорились о сотрудничестве в сфере металлургии: планируется модернизация существующего объекта и строительство нового сталелитейного завода в Карачи. Эта сдел-

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счёт бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета

ка имеет особое значение, так как она знаменует собой первое за долгое время крупное российское инвестирование в пакистанский проект.

Пакистан экспортирует в Россию широкий ассортимент товаров, однако объемы поставок остаются весьма скромными. Это одежда, рис, цитрусовые, изделия из кожи, спортивный инвентарь, медицинские инструменты и медикаменты. Пакистан поставляет одежду во многие страны, и российский рынок представляет собой перспективное направление для наращивания экспорта, поскольку Россия стремится диверсифицировать источники импорта на фоне прекращения торговых отношений с рядом государств.

Несмотря на то, что город Сиалкот является центром по производству металлических хирургических и зубоврачебных инструментов (здесь выпускается 65% всех многоразовых хирургических инструментов в мире, а объем глобального экспорта в 2023 году составил 445 млн долларов), торговля медицинскими изделиями с Россией остается на низком уровне. В 2021 году импорт Россией пакистанских медицинских, хирургических, стоматологических и ветеринарных инструментов составил менее 7 миллионов долларов. Хотя эти цифры отражают существующие торговые связи, они составляют лишь малую долю экспортного потенциала Пакистана. Россия входит в десятку крупнейших покупателей пакистанских хирургических инструментов, что свидетельствует о наличии устойчивого спроса, который можно существенно увеличить.

Западные санкции против России создают серьезные препятствия для двусторонней торговли. Пакистанские банки проявляют «чрезмерную осторожность», и при открытии аккредитивов для торговых операций между Россией и Пакистаном возникали трудности. Стороны ищут способы беспрепятственного осуществления платежей в условиях санкций. В октябре 2024 года на Российско-пакистанском форуме по торговле и инвестициям в Москве было заключено соглашение о прямой торговле товарами. Эта договоренность позволяет странам обмениваться продукцией (например, продовольствием) без использования денежных средств. Так, российская компания «Астарта-Агротрейдинг» заявила о готовности поставить Пакистану 20 тысяч тонн нута в обмен на 20 тысяч тонн риса от пакистанской компании Meskay & Femtee Trading Company. Подобные схемы выгодны Пакистану, испытывающему дефицит долларов и ограничения в банковской сфере из-за санкций.

Торговые отношения между Пакистаном и Россией обусловлены значительными различиями в их экономиках. Россия обладает богатыми природными ресурсами и экспортирует такие товары, как энергоносители, зерно, удобрения и сырье. Пакистан, в свою очередь, специализируется на производстве трудоемкой продукции, например, одежды и хирургических инструментов, а также выпускает различные промышленные товары и медикаменты. Это позволяет странам обмениваться продукцией, в производстве которой каждая из них имеет преимущества. Россия может поставлять Пакистану необходимые для производства и обеспечения населения ресурсы, такие как нефть и пшеница. В ответ Пакистан может предложить товары, пользующиеся спросом у российских потребителей: спортивный инвентарь, медикаменты, текстиль и сельскохозяйственную продукцию (например, рис и апельсины). Такое торговое сотрудничество выгодно обеим сторонам, поскольку позволяет им удовлетворять взаимные потребности.

Главная проблема в торговых отношениях между Пакистаном и Россией заключается в том, что Россия продает Пакистану гораздо больше товаров, чем Пакистан России. В 2023–2024 финансовом году, как отмечалось, объем российского экспорта в Пакистан составил 880 миллионов долларов, тогда как пакистанский экспорт в Россию всего 83 миллиона долларов. Это означает, что у Пакистана образуется значительная задолженность перед Россией. Страна испытывает трудности, поскольку вынуждена оплачивать импорт российских товаров (например, энергоносителей и оборудования), не получая при этом достаточных средств от собственных экспортных поставок. Для исправления ситуации Пакистану необходимо существенно увеличить объемы экспорта в Россию. Цель Пакистана довести товарооборот до 1 миллиарда долларов, однако это невозможно без значительного роста пакистанского экспорта. Эксперты отмечают, что, несмотря на дружественные отношения, Пакистан и Россия ведут не слишком активную торговлю. Проблема остается неизменной: Россия стабильно продает Пакистану больше товаров, чем закупает у него.

Западные санкции в отношении России создают серьезные препятствия для двусторонней торговли. Многие международные банки опасаются проводить операции с участием российских контрагентов из-за риска применения вторичных санкций США, включая запрет на использование корреспондентских счетов для иностранных банков, обеспечивающих проведение «значимых» операций, связанных с Россией. Хотя Россия и Пакистан рассматривают возможность использования механизмов расчетов в рупиях и рублях, а Пакистан еще в 2021 году выразил заинтересованность в подключении к российской Системе передачи финансовых сообщений (СПФС), эти системы пока не функционируют в полном объеме и уступают по эффективности традиционным расчетам через SWIFT. На сегодняшний день расчеты по крупным сделкам, таким как закупка нефти в 2023 году, осуществлялись в китайских юанях, а не в рублях или рупиях.

В мае 2026 года Пакистан начал использовать маршруты в Кыргызстан через Китай, а в апреле 2026 года в Узбекистан через Иран, однако эти пути пока недостаточно освоены. Морские перевозки через Персидский залив и Черное море требуют много времени и обходятся дороже по сравнению с другими способами транспортировки. Пакистан и другие страны договорились о строительстве газопровода еще в 2015 году, но по состоянию на 2026 год проект так и не был реализован: Пакистан неоднократно менял планы, а санкции западных стран, по утверждению российской стороны, делают строительство невозможным. Эксперты отмечают, что логистические проблемы являются серьезным препятствием, требующим значительных финансовых вложений и координации усилий для их устранения. Транспортировка обходится дорого и занимает много времени, из-за чего пакистанские товары теряют конкурентоспособность в России, а российские в Пакистане. Кроме того, в Пакистане не хватает инфраструктуры для сохранения свежести продуктов, что приводит к большим потерям урожая; по этой причине на экспорт в Россию идут преимущественно нескоропортящиеся продукты, такие как рис и бобовые.

Существует множество норм и правил, затрудняющих взаимную торговлю между странами, особенно в таких сферах, как медицинские изделия, лекарственные средства и продукты питания. В Пакистане действуют собственные правила в отношении медицинских изделий; страна применяет систему, при которой признаются одобрения, полученные в других государствах (например, маркировка CE или сертификация FDA). Это означает, что, если медицинское изделие уже одобрено в одной из таких стран, Пакистан также допускает его к обращению. Тем не менее, процесс регистрации по-прежнему занимает несколько месяцев. В провинции Пенджаб иногда закупают только те изделия, которые одобрены FDA; это означает, что продукция, имеющая одобрение других стран (например, маркировку CE), к поставкам не допускается. В России действуют правила, существенно отличающиеся от общепринятых. С 1 января 2026 года в России будет разрешена продажа только тех медицинских изделий, которые прошли регистрацию в рамках национальной системы; компаниям придется искать местного представителя и организовывать испытания и сертификацию продукции, что может занять от 6 до 18 месяцев. Унификация норм и правил является масштабной задачей, требующей значительных усилий. Взаимное признание странами регуляторных требований особенно важно в условиях торговых санкций как, например, в ситуации с Россией в настоящее время. Проблема заключается в том, что качество пакистанской экспортной продукции зачастую оставляет желать лучшего, что негативно сказывается на репутации страны и затрудняет сбыт товаров на зарубежных рынках. Гармонизация нормативных требований и стандартов важна не только для медицинских изделий, но и для фармацевтической продукции и продуктов питания.

На протяжении последних десятилетий политические события и решения властей Пакистана многократно меняли траекторию внешней торговли. Были периоды, когда реформы и договорённости открывали новые рынки и увеличивали экспорт. Были и обратные ситуации: конфликты, смена политического руководства страны, обострение отношений с соседями, когда торговля резко падала или почти прекращалась. Чтобы понять эти процессы, важно посмотреть не только на цифры, но и на политический фон: внутреннюю нестабильность, роль элит, проблемы управления.

Постоянная политическая нестабильность и сильное влияние силовых структур на экономику заметно отражаются на притоке прямых иностранных инвестиций. Формально потенциал у Пакистана большой: многочисленное население, выгодное географическое расположение, наличие портов. Но инвесторы видят, что в стране часто происходят кризисы, договорённости могут пересматриваться, а правила меняются в зависимости от политической конъюнктуры. Поэтому инвестиции приходят, но осторожно и не в тех объёмах, которые позволили бы быстро модернизировать промышленность и расширить экспортный спектр. Отдельной темой является роль экономических элит и лоббистских групп. В Пакистане сильное влияние имеют крупные бизнес-кланы, связанные с политиками, чиновниками и военными. Они участвуют в формировании тарифов, налоговых льгот и специальных режимов для отдельных отраслей. В результате торговая политика не всегда строится из логики общего развития экономики, а часто обслуживает интересы тех, у кого есть административный ресурс.

Это проявляется в защите отдельных «своих» секторов от конкуренции и в сохранении удобных схем, например, скидок по налогам или специальных импортных правил. Бюджету такие привилегии обходятся дорого. Когда значительная часть льгот достаётся ограниченному кругу игроков, у государства меньше средств остаётся на развитие инфраструктуры и поддержку образования. Это бьёт по торговле и косвенно: дороги строятся медленнее, порты обновляются не так активно, а логистика остаётся дорогой и непрозрачной. Малым и средним компаниям тяжело пробиться на внешний рынок, потому что им приходится конкурировать не только с иностранными производителями, но и с внутренними соперниками, имеющими более мягкий налоговый режим и административную поддержку. Система специальных регуляторных решений, когда правила для отдельных товаров или компаний можно менять через отдельные приказы и постановления, тоже укрепляет позиции элит.

Экспортёры оказываются в ситуации, когда им сложно планировать закупки и производство, а внутренняя цена на некоторые товары резко растёт. В условиях ограниченного бюджета и необходимости обслуживать долг у государства остаётся мало ресурсов на изменение этой ситуации в лучшую сторону. Не менее важен фактор безопасности и терроризма. Пакистан уже долгое время сталкивается с угрозами со стороны различных группировок, особенно в пограничных и удалённых регионах, в частности, на севере и северо-западе страны. Для внешней торговли это означает, что некоторые маршруты становятся опасными или труднопроходимыми. Транспортные компании закладывают дополнительные расходы на охрану и страхование, часть грузов перенаправляется, а некоторые проекты по развитию коридоров просто откладываются. Серьёзные средства уходят силовикам, а не на развитие экономики. Возникает замкнутый круг: нестабильность требует расходов на силовые структуры, но без развития торговли и экономики стало сложнее эту нестабильность преодолеть. На региональном уровне ситуация ещё сложнее. Отношения Индии и Пакистана традиционно напряжённые. Нерешённые территориальные вопросы, исторические конфликты и взаимное недоверие мешают развивать нормальный торговый диалог. Хотя экономически расширение торговли могло бы быть выгодно обеим сторонам, политический фактор оказывается сильнее.

После начала острой фазы конфликта на Украине российские банки отключили от SWIFT, появились ограничения на морской импорт нефти и нефтепродуктов, а страны G7 установили потолок цен на российскую нефть для третьих стран. Дополнительно ввели запреты на поставку микроэлектроники и сложного промышленного оборудования.

Все эти меры не просто усложнили жизнь, они фактически сломали привычную инфраструктуру внешней торговли РФ. Расчёты стали медленнее и дороже, риск блокировки операций вырос, логистические цепочки начали рассыпаться. Для российских компаний стало очевидно: если не искать обходные маршруты и новые договорённости, можно просто лишиться значительной части внешних рынков.

Одним из неожиданных ответов стало возвращение к бартеру. Ещё десять лет назад такая схема казалась пережитком 1990-х, а сегодня это вполне реальный инструмент. В октябре 2024 года на первом российско-пакистанском торговом форуме договорились о крупной бартерной сделке между Astarta-AgroTrading LLC и Meskay & Femtee Trading Company. Россия обязалась поставить десятки тысяч тонн нута и чечевицы, Пакистан взамен рис басмати, цитрусовые и картофель. Стоимость бартера оценили примерно в 35–40 млн долларов, но стороны старались исключить участие банков и долларовые расчёты в данной сделке.

Вместо аккредитивов применяли складские расписки и документы о приёмке грузов в порту Карачи. Для России это был способ убрать западных посредников. Для Пакистана это возможность получить зерно и удобрения, не рискуя попасть под вторичные санкции из-за долларовых расчётов. Но бартер не даёт привычных банковских гарантий, любые задержки или споры приходится решать гораздо более конфликтно, особенно когда речь идёт о скоропортящихся товарах.

Параллельно Россия и Пакистан занялись физической инфраструктурой. В марте 2025 года был запущен регулярный грузовой маршрут: из Челябинска через Казахстан, Каспий, Туркменистан и Иран в пакистанскую Кветту. Но в современных условиях конфликта Ирана с США и Израилем проект был вынужденно заморожен.

В июне 2024 года Центральный банк России и Государственный банк Пакистана подписали меморандум о расчётах в рублях и рупиях. Схема выглядит довольно сложной: пакистанский импортёр вносит рупии, банк переводит их в рубли через юань, и только после этого средства попадают в российскую систему передачи финансовых сообщений. Лимит операций около 100 млн долларов, основная сфера применения это торговля сельхозпродукцией и текстилем.

С одной стороны, это частично снижает зависимость от доллара и евро, а также от западных банков. С другой, система пока не проверена на крупных сделках, и многие пакистанские банки опасаются, как на такие операции отреагируют американские регуляторы. Отсюда осторожность, дополнительные проверки и удлинение сроков прохождения платежей.

При этом официальные цифры не отражают всех процессов. Часть оборота уходит в «серую зону» реэкспорта. Товары западного происхождения могут формально идти через Пакистан или ОАЭ, затем попадать в страны Центральной Азии и уже оттуда доставляться в Россию. Такие многоступенчатые маршруты усложняют работу санкционных механизмов и демонстрируют, что любая система ограничений неизбежно сталкивается с человеческим стремлением искать лазейки.

В итоге сближение России и Пакистана в экономике выглядит, прежде всего, как стратегия выживания в условиях внешнего давления и внутренних кризисов, а не как выстроенный союз. Бартерные сделки, новые сухопутные коридоры и расчёты в национальных валютах это попытка адаптироваться к реальности, где привычные правила перестали работать. Эти попытки уже позволили обеим странам хоть немного разнообразить свои внешнеэкономические связи, но устойчивость этой модели остаётся под вопросом. Слишком многое зависит от решений внешних игроков, от санкционной политики и от готовности пакистанского финансового сектора идти на риск. Российско-пакистанская торговля развивается в условиях постоянной неопределённости, и каждая новая схема, которая сегодня кажется «рабочей», завтра может потребовать очередной перестройки.

Подводя итог, можно сказать, что сходство позиций России и Пакистана по ряду вопросов (стремление к государственному суверенитету, влияние санкций на принятие решений) создает политическую основу для улучшения двусторонних отношений. Именно эти факторы побуждают стороны преодолевать историческое недоверие. Описанные выше различия в демографической ситуации, политической стабильности и уровне жизни населения обусловливают взаимодополняемость стран. В рамках этой модели Россия выступает для Пакистана источником ресурсов и технологий, а Пакистан для России развивающимся рынком сбыта и источником рабочей силы.

Литература

1. Белокреницкий В.Я. Экономика Пакистана – причины и последствия медленного роста // Мировая экономика и международные отношения. 2024. Т. 68. № 3. С. 69–78. URL: https://www.imemo.ru/publications/periodical/meimo/archive/2024/3-t-68/south-asia-in-regional-and-world-politics/pakistans-economy-reasons-and-consequences-of-slow-motion-growth

2. Моргулов И.В. Россия–Пакистан: перспективы сотрудничества // Международная жизнь. 2013. № 4. URL: https://pakistan.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/bilateral-cooperation/

3. Росстат представляет первую оценку ВВП за 2025 год // Федеральная служба государственной статистики. 06.02.2026. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/277380

4. Федеральная таможенная служба России. Statistical Bulletin on Foreign Trade of the Russian Federation with Pakistan (January–November 2024). М.: ФТС России, 2024.

5. Центральный банк Российской Федерации. Memorandum of Understanding on Clearing Settlements between the Central Bank of Russia and the State Bank of Pakistan. M.: Пресс-служба Банка России, 2024.

6. Arab News. Pakistan to sign preferential trade agreement with Russia during Sharif visit. 27.02.2026. URL: https://www.arabnews.com/node/2634773/pakistan

7. Arab News. Russia seeks to double $1.8 billion trade with Pakistan. 01.07.2025. URL: https://www.arabnews.com/node/2606604/pakistan (дата обращения: 10.05.2026)

8. Bakhtar News Agency. Afghanistan–Pakistan Trade Suspended, Russia Seeks Growth in Medicine Exports. URL: https://www.bakhtarnews.af/en/Afghanistan-Pakistan-Trade-Suspended-Russia-Seeks-Growth-in-Medicine-Exports

9. Choudhury M. Pakistan's Energy Transition and Russian Crude Imports // Energy Policy Review. 2024. Vol. 189. P. 114–128.

10. DeepBeez. Pakistan–Russia Trade 2026: The Definitive Outlook. 2026. URL: https://deepbeez.com/trade-flow/russia-pakistan-trade

11. Global Value Chains. Pakistan in the Medical Device Global Value Chain. 2024. URL: https://www.globalvaluechains.org/wp-content/uploads/PakistanMedicalDeviceGVC.pdf.

12. International Monetary Fund. Pakistan: Staff Report for the 2024 Article IV Consultation. IMF Country Report № 24/89. Washington, DC: IMF, 2024.

13. National Accounts Committee (NAC) Meeting // Pakistan Bureau of Statistics. Government of Pakistan. 02.04.2026. URL: https://www.pbs.gov.pk/advance-release-calendar-of-national-accounts-for-fy-2025–26/

14. Observatory of Economic Complexity (OEC). Russia (RUS) and Pakistan (PAK) Trade. URL: https://oec.world/en/profile/bilateral-country/rus/partner/pak

15. Office of Foreign Assets Control. Sanctions Advisories and Updates on Russian Sanctions Evasion. Washington, DC: US Department of the Treasury, 2024.

16. Petrov A. Barter Trade and Sanctions Circumvention: Russia's New Economic Strategy // Post-Soviet Affairs. 2024. Vol. 40. № 2. P. 150–170.

17. Russian Ministry of Economic Development. Progress Report on New Transport Corridors to South Asia. Moscow: MED, 2024.

18. State Bank of Pakistan. Annual Report on External Sector Performance. Karachi: SBP Publications, 2024.

19. Trading Economics. Pakistan Exports of instruments and appliances used in medical, surgical, dental/veterinary to Russia. 31.12.2024. URL: https://tradingeconomics.com/pakistan/exports/russia/medical-surgical-dental-veterinary-instruments-no-electrical

20. World Bank. World Bank Data and Trade Briefs: Pakistan. URL: https://data.worldbank.org/country/pakistan

THE POLITICAL ASPECTS OF DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL TRADE BETWEEN RUSSIA AND PAKISTAN

Novikov O.G., Rozhdestvenskaya A.A., Temariova D.A.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines the current state (as of 2026) of international trade between the Russian Federation and Pakistan, which is negatively affected by a number of factors. It analyzes the impact of political aspects on the economic relations between these countries and assesses the risks and prospects of their trade ties.

Keywords: Russia, Pakistan, sanctions, international trade, logistical constraints.

References

1. Belokrenitsky V. Ya. Pakistan's Economy: Reasons and Consequences of Slow Growth // World Economy and International Relations. 2024. Vol. 68. № 3. P. 69–78. URL: https://www.imemo.ru/publications/periodical/meimo/archive/2024/3-t-68/south-asia-in-regional-and-world-politics/pakistans-economy-reasons-and-consequences-of-slow-motion-growth

2. Morgulov I.V. Russia–Pakistan: Prospects for Cooperation // International Affairs. 2013. № 4. URL: https://pakistan.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/bilateral-cooperation/

3. Rosstat Presents First GDP Estimate for 2025 // Federal State Statistics Service. 06.02.2026. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/313/document/277380

4. Federal Customs Service of Russia. Statistical Bulletin on Foreign Trade of the Russian Federation with Pakistan (January–November 2024). Moscow: FCS of Russia, 2024.

5. Central Bank of the Russian Federation. Memorandum of Understanding on Clearing Settlements between the Central Bank of Russia and the State Bank of Pakistan. Moscow: Bank of Russia Press Service, 2024.

6. Arab News. Pakistan to sign preferential trade agreement with Russia during Sharif visit. 27.02.2026. URL: https://www.arabnews.com/node/2634773/pakistan

7. Arab News. Russia seeks to double $1.8 billion trade with Pakistan. 01.07.2025. URL: https://www.arabnews.com/node/2606604/pakistan (access date: 05/10/2026).

8. Bakhtar News Agency. Afghanistan–Pakistan Trade Suspended, Russia Seeks Growth in Medicine Exports. URL: https://www.bakhtarnews.af/en/Afghanistan-Pakistan-Trade-Suspended-Russia-Seeks-Growth-in-Medicine-Exports

9. Choudhury M. Pakistan's Energy Transition and Russian Crude Imports // Energy Policy Review. 2024. Vol. 189. P. 114–128.

10. DeepBeez. Pakistan–Russia Trade 2026: The Definitive Outlook. 2026. URL: https://deepbeez.com/trade-flow/russia-pakistan-trade

11. Global Value Chains. Pakistan in the Medical Device Global Value Chain. 2024. URL: https://www.globalvaluechains.org/wp-content/uploads/PakistanMedicalDeviceGVC.pdf.

12. International Monetary Fund. Pakistan: Staff Report for the 2024 Article IV Consultation. IMF Country Report № 24/89. Washington, DC: IMF, 2024.

13. National Accounts Committee (NAC) Meeting // Pakistan Bureau of Statistics. Government of Pakistan. 04/02/2026. URL: https://www.pbs.gov.pk/advance-release-calendar-of-national-accounts-for-fy-2025–26/

14. Observatory of Economic Complexity (OEC). Russia (RUS) and Pakistan (PAK) Trade. URL: https://oec.world/en/profile/bilateral-country/rus/partner/pak

15. Office of Foreign Assets Control. Sanctions Advisories and Updates on Russian Sanctions Evasion. Washington, DC: US Department of the Treasury, 2024.

16. Petrov A. Barter Trade and Sanctions Circumvention: Russia's New Economic Strategy // Post-Soviet Affairs. 2024. Vol. 40. № 2. P. 150–170.

17. Russian Ministry of Economic Development. Progress Report on New Transport Corridors to South Asia. Moscow: MED, 2024.

18. State Bank of Pakistan. Annual Report on External Sector Performance. Karachi: SBP Publications, 2024.

19. Trading Economics. Pakistan Exports of instruments and appliances used in medical, surgical, dental/veterinary to Russia. 12/31/2024. URL: https://tradingeconomics.com/pakistan/exports/russia/medical-surgical-dental-veterinary-instruments-no-electrical

20. World Bank. World Bank Data and Trade Briefs: Pakistan. URL: https://data.worldbank.org/country/pakistan

Деятельность компаний ВПК США в контексте современной американской арктической стратегии

Панкратов Георгий Алексеевич,
аспирант, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
E-mail: georgii_pankratov@mail.ru

Статья посвящена анализу роли ведущих американских военно-промышленных корпораций в реализации современной арктической стратегии США. Актуальность исследования определяется ростом военно-политической конкуренции в Арктике и, как следствие, активной милитаризацией региона. Цель работы состоит в выявлении основных направлений участия компаний Lockheed Martin, RTX и Northrop Grumman в формировании военно-технической инфраструктуры США в высоких широтах и оценке их значения для укрепления американского военного присутствия в Заполярье. Методологическую основу составляют системный и проблемно-хронологический подходы, а также анализ официальных материалов корпораций, документов военного ведомства США и профильных исследований.

В статье рассматриваются проекты, связанные с развитием систем противовоздушной и противоракетной обороны, модернизацией NORAD, созданием спутниковых средств раннего предупреждения, развитием авиационной платформы F-35, корабельных комплексов, радиолокационных средств, беспилотных систем. Установлено, что военно-промышленные компании выступают ключевыми участниками выработки практических механизмов арктической политики США, обеспечивая технологическую основу для интеграции космических, воздушных, морских и наземных средств наблюдения и обороны. Делается вывод, что дальнейшая милитаризация американской арктической стратегии будет сопровождаться расширением роли частного военно-промышленного сектора, заинтересованного в долгосрочных государственных контрактах и развитии новых оборонных программ в Арктике.

Ключевые слова: США, Арктика, ТНК, ВПК, Трамп

Согласно текущей позиции президента Соединенных Штатов Д. Трампа, Арктика стремительно становится потенциальной зоной стратегического противостояния великих держав. В официальных документах американского государства приоритетом региона является, в том числе, его ускоренная милитаризация. В этой связи Вашингтоном предпринимаются шаги по наращиванию собственного военного потенциала, что ведет к экспонентной эскалации взаимоотношений со странами, заинтересованными в региональном присутствии. Данная тенденция максимально выгодна для американских оборонно-промышленных ТНК в Арктике, позиции которых значительно улучшились с приходом к власти 45-го президента США.

Оборонные ТНК в Заполярье задействованы всеобъемлюще, и их корпоративная стратегия во-многом отражает приоритеты региональной политики Вашингтона. Такие компании, как Lockheed Martin, RTX, Northrop Grumman, осознают, что Арктика может стать следующей точкой открытой конфронтации, и, благодаря усилиям указанных предприятий, именно Заполярье все активнее освещается в американских СМИ под предлогом необходимости усиления его оборонного потенциала на фоне исходящей угрозы со стороны России и Китая.

Еще в 2020 году 45-й президент США распорядился милитаризировать присутствие Вашингтона в Арктике, чтобы противостоять растущим военным возможностям РФ и КНР. С 2025 года, когда президентом США вновь стал Д. Трамп, учения объединённого командования вооружённых сил США и Канады (NORAD) только усилились. Под этой ширмой, пишет В.Г. Цыплин, свою деятельность маскирует Lockheed Martin [1], поскольку она специализируется на довольно активных поставках странам НАТО продукции авиастроения, авиакосмической техники и судостроения. Деятельность Lockheed Martin действительно имеет ключевое региональное значение, поскольку компания является одним из ключевых подрядчиков Министерства обороны и интегратором высокотехнологичных решений, обеспечивающих разведку, навигацию и военное присутствие в Арктическом регионе. Деятельность предприятия ВПК в Заполярье встроена в общую архитектуру национальной безопасности, включая, помимо NORAD, ВМС и ВВС США.

Одним из центральных направлений деятельности корпорации является разработка и эксплуатация космических систем, прежде всего спутников раннего предупреждения и мониторинга. В рамках данной работы фирма принимает участие в реализации новой американской космической программы NG-OPIR, которая будет обеспечивать обнаружение пусков ракет и мониторинг активности в северных широтах [2]. Высокая значимость разрабатываемой системы в арктическом контексте обусловлена тем, что регион служит кратчайшим маршрутом для межконтинентальных баллистических ракет.

Кроме того, корпорация является разработчиком авиационных платформ, адаптированных к эксплуатации в северных широтах. В частности, истребители пятого поколения F-35 сейчас активно развертываются на базах, ориентированных на арктическое направление, и обладают расширенными возможностями по ведению операций в условиях ограниченной инфраструктуры [3].

Дополнительно Lockheed Martin участвует в разработке морских и противолодочных систем, имеющих непосредственное значение для контроля над Северным Ледовитым океаном. Например, боевые информационно-управляющие системы Aegis интегрированы в надводные корабли ВМС США, Канады и Норвегии и используются для мониторинга подводной активности и защиты морских коммуникаций [4]. В условиях таяния льдов и развития индустрии судоходства в регионе эти технологии приобретают особую актуальность, поскольку обеспечивают контроль над новыми транспортными коридорами и зонами добычи ресурсов.

Другой оборонной корпорацией с масштабным влиянием в Арктике является RTX, ключевым направлением деятельности которой является разработка и модернизация радиолокационных систем, адаптированных к условиям Крайнего Севера. Компания участвует в поставках и обновлении радаров дальнего обнаружения NORAD [5], а также в модернизации сети раннего предупреждения, включая элементы расположенной в Канаде системы радиолокационных станций North Warning System, которая является основой оборонной инфраструктуры в регионе.

Также на территории Аляски, в городе Фэрбанкс, расположена приемопередающая метеорологическая и оборонная станция наземного обслуживания JPSS CGS, разработанная совместно с НАСА. В планах работы данной системы включено объединение всех будущих гражданских и военных полярно-орбитальных спутников наблюдения за окружающей средой в единую наземную систему, которая будет иметь двойное назначение.

Существенную роль RTX также играет в развитии систем ПВО и ПРО, активно размещающихся в северных широтах. Производимые корпорацией комплексы Global Patriot [6] поставляются всем союзникам США, включая государства, имеющие прямое отношение к Арктике, – Норвегию и Канаду. Причем с норвежским Kongsberg была разработана собственная система – NASAMS [7] – которая используется на территории самих США, а также в Гренландии.

Еще одно направление деятельности компании, связанное с Арктикой, заключается в разработке технологий для военно-морских платформ, обеспечивающих устойчивую работу в условиях низких температур, полярной ночи и ограниченной инфраструктуры [8]. Арсенал компании в данной области включает такие решения, как радиолокаторы SPY-6 для новейших эсминцев класса Arleigh Burke и фрегатов, системы вооружения SeaRAM, гидроакустическую систему поиска мин AN/AQS-20C и пр. Также Collins Aerospace, дочернее предприятие RTX, поставляет системы энергогенерации и жизнеобеспечения для подводных лодок, эксплуатируемых в арктических условиях [9].

Что касается Northrop Grumman, данное предприятие в силу специфики своей деятельности также занимает важное место в реализации арктической стратегии США: продукция компании глубоко интегрирована в системы раннего предупреждения, ПРО и космического мониторинга, ориентированные на северные широты. В частности, предприятие разрабатывает компоненты для комплекса ПРО Ground-based Midcourse Defense (GMD), часть которого развернута на территории штата Аляска [10]. Примечателен тот факт, что на данный момент GMD является единственной действующей системой, предназначенной для защиты всей территории США от баллистических ракет большой дальности.

Помимо этого, компания выступает одним из подрядчиков в проектах, связанных с эксплуатацией North Warning System (NWS) – сети радиолокационных станций на территории Аляски и Канады для мониторинга воздушно-космического пространства над Арктикой, существующей с 1988 года [11]. Технологическое и моральное устаревание данной инфраструктуры стимулирует постепенный переход к концепции интегрированного вседоменного наблюдения, объединяющей наземные РЛС, космические средства раннего предупреждения, авиационные платформы и системы обработки данных всех указанных в рамках данной статьи корпораций.

Кроме того, в рамках перспективных программ Northrop Grumman участвует в создании радиолокационных систем нового поколения на суше, в море и в воздухе, включая радары с активной фазированной антенной решеткой для истребителей F-22 и F-35, использующихся армиями Канады, Дании и Норвегии. Наземные системы обнаружения воздушных угроз представлены в виде мобильных станций HAMMR, базирующихся на военных пикапах HMMWV производства AM General. Также в сотрудничестве с ВМС США был создан радар X-диапазона для морских военных кораблей нового поколения, задействованных в Арктике [12].

Существенную роль корпорация играет и в развитии космического эшелона предупреждения. Вместе с Lockheed Martin фирма получила продление контракта на реализацию второго этапа программы NG-OPIR от Космических сил США. Развертывание спутников будет осуществляться на Северном полюсе, в связи с чем программа называется NG-OPIR Polar, или NGP [13].

Наконец, Northrop Grumman участвует в создании беспилотных и разведывательных систем, способных функционировать в экстремальных климатических условиях. Самыми популярными моделями компании в Арктическом регионе являются БПЛА Lumberjack, RQ-4 Global Hawk, беспилотный вертолет MQ-8B Fire Scout, беспилотный подводный аппарат Manta Ray и беспилотный гидролокационный аппарат по обнаружению мин AQS-24B/C [14].

В целом, можно отметить, что при Д. Трампе в США создан богатый арсенал военной техники для усиления присутствия американского государства в стремительно развивающемся Арктическом регионе. Президент США сделал ставку на милитаризацию Заполярья, объявив Россию и Китай странами, прямо угрожающими национальным интересам США, что, безусловно, повлияло на позиции компаний американского ВПК, резко увеличив их региональную значимость. Кроме того, Трамп четко обозначил, что Соединенные Штаты претендуют на роль сильнейшего государства в Арктике.

Формирование системы контроля воздушного, морского, наземного и космического пространства Арктики требует постоянного обновления сенсоров, средств связи, вычислительных систем и платформ перехвата. Вследствие этого Lockheed Martin, RTX и Northrop Grumman получают возможность воздействовать на практическое содержание оборонного планирования: технические параметры разрабатываемых ими систем определяют доступные государству способы реагирования на вызовы в высоких широтах.

Подводя итоги, учитывая обещание Трампа создать систему «Золотой купол», предназначенную для защиты всей территории США от ракетных обстрелов, а также разработать истребитель F-47 шестого поколения, мы можем констатировать следующий факт: по мере развития событий для оборонных предприятий США открываются все более широкие возможности. В этой связи ожидается активизация тесного взаимодействия указанных корпораций в рамках ключевых военных разработок США. Безусловно, Арктика как регион, в котором указанные военные технологии будут использоваться, не останется без внимания и продолжит играть важную роль в американской повестке дня.

Литература

1. Цыплин Виталий Геннадьевич Прогнозы и сценарии арктической стратегии администрации Д. Трампа: второй срок // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2025. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prognozy-i-stsenarii-arkticheskoy-strategii-administratsii-d-trampa-vtoroy-srok (дата обращения: 15.03.2026).
2. First Next-Gen GEO-Based Missile Warning Satellite Successfully Completes Environmental Testing, On Track for Delivery to Space Force // Lockheed Martin URL: https://news.lockheedmartin.com/2025–08–06-first-next-gen-geo-based-missile-warning-satellite-successfully-completes-environmental-testing (дата обращения: 20.03.2026).
3. F-35 Lightning II. Lethal. Survivable. Connected. // Lockheed Martin URL: https://www.lockheedmartin.com/en-us/products/f-35.html (дата обращения: 20.03.2026).
4. Aegis. The Shield (and the Spear) of the Fleet // Lockheed Martin URL: https://www.lockheedmartin.com/en-us/products/aegis-combat-system.html (дата обращения: 20.03.2026).
5. Integrated Air & Missile Defense // Raytheon URL: https://www.rtx.com/raytheon/what-we-do/integrated-air-and-missile-defense (дата обращения: 20.03.2026).
6. Global Patriot // Raytheon URL: https://www.rtx.com/raytheon/what-we-do/integrated-air-and-missile-defense/global-patriot-solutions (дата обращения: 20.03.2026).
7. NASAMS // Raytheon URL: https://www.rtx.com/raytheon/what-we-do/integrated-air-and-missile-defense/nasams (дата обращения: 20.03.2026).
8. Sea // Raytheon URL: https://www.rtx.com/raytheon/what-we-do/sea (дата обращения: 20.03.2026).
9. Submarine Life Support and Atmospheric Monitoring Technology // Raytheon URL: https://www.rtx.com/collinsaerospace/what-we-do/industries/military-and-defense/submarines-and-surface-ships/submarine-life-support-and-atmospheric-monitoring-technology (дата обращения: 20.03.2026).
10. Ground-Based Midcourse Defense // Northrop Grumman URL: https://www.northropgrumman.com/what-we-do/missile-defense/ground-based-midcourse-system (дата обращения: 20.03.2026).
11. North Warning System // Nasittuq URL: https://www.nasittuq.com/projects/north-warning-system/ (дата обращения: 20.03.2026).
12. Active Electronically Scanned Array (AESA) Radars // Northrop Grumman URL: https://www.northropgrumman.com/what-we-do/mission-solutions/radars/active-electronically-scanned-array-aesa (дата обращения: 20.03.2026).
13. Next Gen OPIR Polar (NGP) // Northrop Grumman URL: https://www.northropgrumman.com/what-we-do/space/spacecraft/next-gen-polar (дата обращения: 20.03.2026).
14. Autonomous Systems // Northrop Grumman URL: https://www.northropgrumman.com/what-we-do/aircraft/autonomous-systems (дата обращения: 20.03.2026).

AMERICAN MILITARY COMPANIES' ROLE IN MODERN US ARCTIC STRATEGY

Pankratov G.A.
Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

The article analyzes the role of leading American military-industrial corporations in the modern US Arctic strategy. Growing military-political competition in the Arctic and, as a consequence, the active militarization of the region determines the relevance of the study.

The article aims to identify the main areas of involvement of Lockheed Martin, RTX and Northrop Grumman in shaping the US military-technical infrastructure in the Arctic and to assess their overall regional significance. The methodological basis consists of systemic and problem-chronological approaches, as well as an analysis of official materials from corporations, documents and specialized studies.
The article examines projects related to the development of air and missile defense systems, modernization of NORAD, the creation of satellite early warning systems, development of the F-35 aircraft platform, shipboard systems, radar equipment, as well as unmanned systems. The article establishes that military-industrial companies as key participants in developing the practical mechanisms of U.S. Arctic policy, providing the technological foundation for the integration of space, air, sea, and land-based surveillance and defence systems. The study concludes that further militarization of the American Arctic strategy involves an expansion of the private military-industrial sector's impact on state policy, as the companies become more interested in long-term government contracts and the development of new defence programmes in the Arctic region.

Keywords: United States, The Arctic, transnational corporations, military, Trump

References

1. Tsyplin Vitaly Gennadyevich. Forecasts and Scenarios for the D. Trump Administration's Arctic Strategy: A Second Term // Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Political Science. 2025. No. 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prognozy-i-stsenarii-arkticheskoy-strategii-administratsii-d-trampa-vtoroy-srok (accessed: March 15, 2026).

2. First Next-Gen GEO-Based Missile Warning Satellite Successfully Completes Environmental Testing, On Track for Delivery to Space Force // Lockheed Martin URL: https://news.lockheedmartin.com/2025–08–06-first-next-gen-geo-based-missile-warning-satellite-successfully-completes-environmental-testing (accessed: March 20, 2026).

3. F-35 Lightning II. Lethal. Survivable. Connected. // Lockheed Martin URL: https://www.lockheedmartin.com/en-us/products/f-35.html (accessed: March 20, 2026).

4. Aegis. The Shield (and the Spear) of the Fleet // Lockheed Martin URL: https://www.lockheedmartin.com/en-us/products/aegis-combat-system.html (accessed: March 20, 2026).

5. Integrated Air & Missile Defense // Raytheon URL: https://www.rtx.com/raytheon/what-we-do/integrated-air-and-missile-defense (accessed: March 20, 2026). 6. Global Patriot // Raytheon URL: https://www.rtx.com/raytheon/what-we-do/integrated-air-and-missile-defense/global-patriot-solutions (accessed: 20.03.2026).

7. NASAMS // Raytheon URL: https://www.rtx.com/raytheon/what-we-do/integrated-air-and-missile-defense/nasams (accessed: 20.03.2026).

8. Sea // Raytheon URL: https://www.rtx.com/raytheon/what-we-do/sea (accessed: 20.03.2026).

9. Submarine Life Support and Atmospheric Monitoring Technology // Raytheon URL: https://www.rtx.com/collinsaerospace/what-we-do/industries/military-and-defense/submarines-and-surface-ships/submarine-life-support-and-atmospheric-monitoring-technology (accessed: 20.03.2026).

10. Ground-Based Midcourse Defense // Northrop Grumman URL: https://www.northropgrumman.com/what-we-do/missile-defense/ground-based-midcourse-system (accessed: 20.03.2026).

11. North Warning System // Nasittuq URL: https://www.nasittuq.com/projects/north-warning-system/ (accessed: 20.03.2026).

12. Active Electronically Scanned Array (AESA) Radars // Northrop Grumman URL: https://www.northropgrumman.com/what-we-do/mission-solutions/radars/active-electronically-scanned-array-aesa (accessed: 20.03.2026). 13. Next Gen OPIR Polar (NGP) // Northrop Grumman URL: https://www.northropgrumman.com/what-we-do/space/spacecraft/next-gen-polar (accessed: March 20, 2026).

14. Autonomous Systems // Northrop Grumman URL: https://www.northropgrumman.com/what-we-do/aircraft/autonomous-systems (accessed: March 20, 2026).

«Особые отношения» США и Великобритании в контексте подготовки англо-американского нефтяного соглашения (1939–1945 гг.)

Хлопов Олег Анатольевич,
к. полит.н., доцент, Российский государственный гуманитарный университет
E-mail: rggu2007@rambler.ru

В статье исследуются исторические предпосылки и процесс формирования англо-американского нефтяного соглашения в период с 1939 по 1945 гг., рассматривая его как отражение и инструмент углубления «особых отношений» между США и Великобританией во время Второй мировой войны. Автор подчёркивает, что в условиях глобального военного конфликта усилилось тесное военно-политическое сотрудничество двух держав, особенно в сфере обеспечения стратегических ресурсов, таких как нефть. Однако эта взаимозависимость способствовала выявлению экономических и политических противоречий. Особое внимание уделяется роли нефтяных интересов в формировании внешнеполитической стратегии обеих стран, их влиянию на взаимное восприятие и контуры послевоенного мироустройства.

Ключевые слова: особые отношения, сотрудничество, нефтяное соглашение, Великобритания, США, Ближний Восток.

Введение

Вторая мировая война стала ключевым период для англо-американских отношений. Именно в этот время было сформулировано и воплощено понятие «особых отношений». Если в Первой мировой войне США, и Великобритания были скорее партнерами, чем союзниками, имея различные военные цели, структуры военного командования и снабжения, то во Второй мировой войне ситуация оказалась совершенно иной: военное командование стало общим, обе страны согласовывали военные цели и проводили масштабные межсоюзнические операции по обеспечению производства, распределения и контроля над стратегически важными ресурсами и товарами.

Основа «особых отношений» между США и Великобританией была заложена в период сотрудничества союзников во время Второй мировой войны. Атлантическая хартия, подписанная в 1941 г, не только определяла цели войны, но и послужила манифестом общих ценностей и видения будущего для двух ведущих держав. Президент США Ф.Рузвельт и Премьер-министр Великобритании У.Черчилль, два харизматичных лидера, стали олицетворением этого альянса, а их личные отношения и тесное взаимодействие на политической и военной арене заложили фундамент для дальнейшего сближения двух стран.

Рассматривая англо-американское взаимодействие в отношении нефти, можно заметить очевидное сходство между двумя войнами: еще до вступления США во Вторую мировую войну существовало тесное сотрудничество между двумя правительствами для обеспечения поставок нефти в Великобританию, а на более поздних этапах войны велись переговоры по англо-американскому нефтяному соглашению, призванному регулировать зачастую хаотичную мировую нефтяную промышленность. Мотивы, побуждавшие оба правительства к сотрудничеству, были связаны как с коммерческой конкуренцией, так и с желанием рационального планирования и сохранения ограниченного, но крайне важного ресурса.

Однако на ряду с сотрудничеством наблюдались подозрения и разочарование. Напряженность возникала как по поводу вопросов поставок нефти, необходимой для проведения военных операций, так и относительно планирования послевоенного устройства нефтяной промышленности.

Хотя существующие исследования нефтяной политики США во время Второй мировой войны отражают подчас напряженные отношения между британским и американским правительствами, акцент, как правило, делается на эволюции национальной внешней нефтяной политики внутри правительства США. В частности, основное внимание уделяется конкуренции между государственным секретарем Халлом, возглавлявший Государственный департамент, с одной стороны, и Гарольдом Икесом, министром внутренних дел и координатор Управления по делам нефти в военное время, с другой стороны, за контроль над внешней нефтяной политикой, а также сложностям, вызванным растущим сопротивлением со стороны американской нефтяной промышленности [1],[2].

Цель статьи является выявление ключевых факторов, обусловивших начало процесса переговоров и подписание англо-американского нефтяного соглашения 1945 г., в период Второй мировой войны (1939–1945 гг.).

Объектом исследования является феномен «особых отношений» между США и Великобританией, как исторический и политический конструкт, проявившийся в межгосударственных связях. Предметом исследования является процесс подготовки англо-американского нефтяного соглашения (*Anglo-American Petroleum Agreement*) в период с 1939 по 1945 гг.

В работе рассматривается более широкий контекст англо-американских отношений в отношении нефти в период Второй мировой войны, и особо подчеркивается сохранение конкуренции и подозрительности, которые характеризовали «нефтяную войну» межвоенных лет между двумя странам, а также их взаимное восприятие послевоенного мироустройства, предлагая новый взгляд на взаимосвязь энергетической политики и дипломатии в формировании альянсов и послевоенного мирового порядка.

Нефтяной фактор в англо-американских отношениях

В 1914 г. ни одно правительство не предвидело масштабов роли нефти в войне, хотя британское правительство начало разрабатывать нефтяную политику, которая включала в себя приобретение правительством контрольного пакета акций Англо-персидской нефтяной компании (*The Anglo-Persian Oil Company – APOC)*, позже ставшей Англо-иранской нефтяной компанией (*Anglo-Iranian Oil Company – AIOC*). Урок, извлеченный британским правительством из Первой мировой войны, заключался в том, что крайне важно контролировать иностранные поставки нефти, и с этой целью оно намеревалось монополизировать, насколько это возможно, нефтяные богатства Ближнего Востока, который только начинал открываться как регион нефтедобычи и к 1919 г. в значительной степени находился под политическим контролем Великобритании [3].

США не испытывали проблем с поставками нефти во время Первой мировой войны, поскольку на их собственных нефтяных месторождениях добывалось около 2/3 от общего объема мировой нефти. Однако в 1915 г. Геологическая служба США предсказала, что в течение следующих 15–20 лет страна, вероятно, столкнется с нехваткой нефти. В ответ правительство США выступило за политику сохранения ресурсов внутри страны и их освоения за рубежом и, для достижения этой цели, призвало ведущие американские нефтяные компании искать зарубежные ресурсы [4]. Однако во многих случаях эти компании обнаружили, что иностранные, особенно британские, конкуренты опередили их.

Англо-американская конкуренция за мировые нефтяные ресурсы сыграла важную роль в сложных и нестабильных отношениях между двумя правительствами в межвоенный период. Коммерческая конкуренция усиливалась дипломатической поддержкой, и следствием стала так называемая «нефтяная война», когда компании и правительства стали бороться за концессии на разработку нефтяных месторождений в Индонезии, Латинской Америке и, прежде всего на Ближнем Востоке.

Начальный этап противоречий в нефтяной сфере фактически завершился к 1922 г., когда британское правительство с неохотой приняло решение разрешить американским компаниям войти в состав многонациональной компании, которая должна была разрабатывать нефтяные месторождения в Ираке, что стало результатом более широкой политики сотрудничества, отражающей неформальное соглашение и понимания важности сохранения мирового порядка [5].

Однако сосредоточение внимания только на Ираке недооценивает весь масштаб «нефтяной войны» и ее продолжение после 1922 г., будь то в Албании, Бахрейне или Кувейте. Напряженность между двумя правительствами была очевидна вплоть до 1938 г., когда они очень по-разному отреагировали на решение мексиканского правительства национализировать иностранные нефтяные компании [6].

Однако к началу Второй мировой войны большинство концессий на Ближнем Востоке и в Латинской Америке были предоставлены, главным образом, британским или американским компаниям, действовавшим либо самостоятельно, либо согласованно через многочисленные межкорпоративные, а во многих случаях и межгосударственные, консорциумы. Чтобы обеспечить себе доступ к нефти, Соединенные Штаты создали в 1941 г. Управлением по делам нефти в военное время *(Petroleum Administration for War – PAW),* которое сотрудничало с частными компаниями для ускорения добычи.

Вторя мировая, война способствовала тесному сотрудничеству между британским и американским правительствами для обеспечения достаточных поставок нефти. Несмотря на увеличение добычи на нефтеперерабатывающем заводе Англо-персидской нефтяной компании (*Anglo-Persian Oil Company – AIOC)* в Абадане, расположенном в Персидском заливе, британскому правительству пришлось обратиться к Западному полушарию за большей частью нефти, необходимой для военных действий. Нефтепродукты стали поставляться Великобритании Соединенными Штатами в рамках программы ленд-лиза [7]. Таким образом, нефтяная промышленность была задействована по обе стороны Атлантики для обеспечения военных нужд, а сотрудничество двух стран в коммерческом и политическом плане стало необходимостью.

Вторая мировая война вынудила США сделать то, что британское правительство делало еще до Первой мировой войны: задуматься о последовательной внешней нефтяной политике. В Государственном департаменте Макс Торнбург, командированный на государственную службу из нефтяной промышленности, и Герберт Фейс, советник по международным экономическим вопросам, стремились к продвижению долгосрочного планирования. Однако самые амбициозные *планы по созданию отдельной внешней нефтяной политики США* были выдвинуты Гарольдом Икесом, министром внутренних дел и также администратором по вопросам нефти в военное время.

Американская стратегия предлагала особые правительственные отношения с Аравийско-Американской нефтяной компанией (*Arabian American Oil Company – Aramco*), созданной в 1933 г. (в которой американская компания «Техасо» в 1936 г приобрела 50% доли), эксплуатирующей огромную саудовскую концессию, и даже рассматривала возможность мажоритарной доли правительства США в этой компании [8]. Как указывалось, в обзоре нефтяной политики, подготовленном Государственным департаментом в 1944 г., США должны были учитывать тот факт, что «интересы Соединенных Штатов в отношении зарубежных нефтяных ресурсов пересекаются почти во всех аспектах с интересами Великобритании, и… самый богатый из известных районов неразработанных нефтяных запасов находится в британской сфере влияния, на Ближнем Востоке» [9].

Таким образом, в течение последних двух лет войны между высокопоставленными представителями американского и британского правительств велись переговоры о заключении англо-американского нефтяного соглашения. Соглашение ставило целью создание послевоенного нефтяного порядка, в котором интересы национальной безопасности обеих стран были бы защищены. Предварительные обсуждения состоялись в Вашингтоне в апреле-мае 1944 г. Основные вопросы включали: упорядоченное освоение мировых нефтяных ресурсов; принцип равного доступа к нефтяным запасам и принцип «открытых дверей»; коллективную безопасность; взаимное уважение существующих действующих концессионных контрактов; и устранение ограничительных соглашений и договоренностей [10].

Конкуренция между США и Великобританией в военное время

Правительство США стремилось использовать любые имеющиеся у него рычаги влияния для достижения цели послевоенного многостороннего экономического порядка и оспаривания концепции **торгового блока**, который британцы считали критически важным для своего послевоенного экономического восстановления [11]. В случае с нефтью эти рычаги влияния были обширны: они включали положения о возврате средств по схеме ленд-лиза; контроль США над многими сырьевыми материалами, необходимыми для расширения инфраструктуры нефтяной промышленности, особенно на Ближнем Востоке; и возможность участия правительства США в концессии на нефть в Саудовской Аравии.

Внутренние дискуссии в правительстве США отражали решимость противостоять любым попыткам Великобритании использовать военную необходимость для повышения послевоенной конкурентоспособности британских компаний: документы британского правительства свидетельствуют о раздражении и разочаровании в отношении американской политики, даже несмотря на признание масштабов влияния США [12]. При этом США осознавали, что их ведущее положение в поставках нефти во время войны давало им преимущество.

Еще в марте 1942 г. Макс Торнбург в Госдепартаменте начал связывать события военного времени с послевоенным планированием нефтяной промышленности, предлагая схему возвращения нефти, полученной по ленд-лизу, в виде ближневосточных запасов. В августе 1943 г. министр внутренних дел Гарольд Икес предложил президенту Франклину Рузвельту рассмотреть возможность попросить союзников вернуть нефтепродукты, которые они получали в натуральной форме [13].

Рассматривая различные планы по усилению участия США на Ближнем Востоке, и в частности в Саудовской Аравии, британское правительство испытывало смешанные чувства. С одной стороны, зависимость Великобритании от США в плане поставок нефти и других ресурсов в военное время была значительной. В некоторой степени американское участие в нестабильном регионе, подверженном советскому влиянию, рассматривалось позитивно, поскольку оно демонстрировало осознание американцами своей зависимости от иностранных источников нефти и могло привести к более ответственному отношению к внешней политике после войны. С другой стороны, попытки США расширить влияние американских компаний в регионе, и позиция относительно погашения кредитов по программе ленд-лиза вызывали реальные опасения.

Переговоры по англо-американскому нефтяному соглашению

В конце 1943 г. идея англо-американских переговоров о послевоенном нефтяном порядке начала набирать обороты. К началу 1944 г. сформировалось общее согласие относительно необходимости подобных переговоров. Причины этого были изложены в меморандуме Г. Икеса президенту Ф. Рузвельту в январе 1944 г. Икес твердо верил, что «нефтяные проблемы на Ближнем Востоке требуют смелых и энергичных

действий со стороны заинтересованных правительств… Как я уже говорил вам, по моему мнению, нефтяная ситуация на Ближнем Востоке представляет собой важный ключ к решению послевоенных экономических проблем и к достижению основных международных политических соглашении… Британцы не упускают ни одной возможности увеличить свои преимущества на Ближнем Востоке…» [14].

С точки зрения Г. Икеса, предлагаемое строительство трансарабского трубопровода, который должен был доставлять саудовскую нефть к Средиземному морю, было вожено как рычаг давление на британцев. В конечном итоге к октябрю 1943 г. Министерство иностранных дел Великобритании пришло к выводу о необходимости англо-американских переговоров.

В дополнение к различным планам участия правительства США в саудовской концессии, британское правительство также было обеспокоено взглядами группы сенаторов, которые совершили поездку по Ближнему Востоку и сделали ряд общих заявлений для прессы, включая, в частности, обвинение в том, что британцы накапливают нефть на Ближнем Востоке для будущего использования, в то время как в значительной степени используют ресурсы США [15].

К августу 1943 г. предполагаемый масштаб переговоров начал расширяться, и к декабрю 1943 г. Государственный департамент перешел от своего первоначального предложения обратиться к британскому правительству только по вопросам, связанным с территориями, находящимися под военной оккупацией, к рассмотрению англо-американских дискуссий о разработке нефтяных месторождений на Ближнем Востоке и в Персидском заливе.

В Меморандуме Межведомственного комитета по нефти при Государственном департаменте (*Memorandum by the Inter-Divisional Petroleum Committee of the Department of State*) от 11 апреля 1944 г. подчёркивалась необходимость добиться всеобщего признания принципа равных возможностей для американских компаний в поиске дополнительных источников нефти. В нем отмечалось, что широкая политика сохранения запасов в Западном полушарии «требует, насколько это возможно, сокращения поставок нефти и нефтепродуктов из Западного полушария» и «обратиться за поставками нефти к оставшейся части этого геологического региона – к Ближнему Востоку, Ирану, Ираку и Аравийскому полуострову, включая Саудовскую Аравию и Кувейт, Бахрейн, Катар и Оман. Именно в отношении этих ближневосточных регионов и должна формироваться и реализовываться политика Соединенных Штатов» [16].

Нефтяная политика США на Ближнем Востоке, согласно Меморандуму, должна основываться на двух общих целях: 1) полном освоении ближневосточных нефтяных месторождений, 2) стабилизации и защите прав американских концессионеров.

В документе также указывалось на необходимость незамедлительно достичь межправительственного соглашения с Великобританией, которое включало бы общие принципы разработки и распределения нефтяных ресурсов, в частности в рамках программы развития Ближневосточного региона, и предусматривало создание совместной англо-американской нефтяной комиссии. Это соглашение должно было стать подготовительным этапом к переговорам о многостороннем соглашении о создании Международного нефтяного совета с представительством стран-производителей и стран-потребителей.

В ходе переговоров неизбежно возникали разногласия, поскольку обе делегации стремились защитить свои интересы. Британские представители признавали тот факт, что США являлись крупным производителем, в то время как Великобритания почти полностью зависела от импорта, и это различие оставалось предметом споров во время обсуждения нефтяного соглашения. США стремились к тому, чтобы любое упоминание о «достаточных» поставках относилось исключительно только к поставкам в международной торговле, и в окончательном соглашении британцы, хотя и неохотно, приняли позицию США по ряду важных пунктов [17].

Правительство США, и в особенности, ряд ведущих нефтяных компаний стремились положить конец «Соглашению о красной линии», которое ограничивало свободу действий иностранных компаний, участвующих в Иракской нефтяной компании *(Iraq Petroleum Company – IPC)*, и в других концессиях на большей части Ближнего Востока [18].

По мере приближения конца войны и усиления уязвимости англо-американского нефтяного соглашения, ряд вопросов, – таких как окончательное решение о судьбе нефтяных установок, построенных в силу военной необходимости, права на нефть на освобожденных территориях под контролем союзников, а также просьбы США о строительстве трубопровода из Саудовской Аравии к Средиземному морю, который бы пересекал британские подмандатные территории, такие как Трансиордания и Палестина, – способствовал возникновению реальной обеспокоенности по обе стороны Атлантики [19].

Другая проблема возникла в связи с разведкой и разработкой концессий на Ближнем Востоке, которые были предоставлены, но еще не освоены до начала войны. Во время войны было согласовано, что использование ограниченных ресурсов будет тщательно контролироваться и направляться исключительно на военные нужды. Однако к апрелю 1945 г. Иракская нефтяная компания (IPC) стремилась возобновить свои работы в Сирии, Ливане, Палестине, Ираке, Катаре, Омане и Дофаре, которые были приостановлены с начала войны [20]. Министерство нефти Великобритании поддержало этот запрос, но для выделения необходимых ресурсов потребовалось согласие США.

Последствия переговоров

8 августа 1944 г. в Вашингтоне, округ Колумбия, была подписана окончательная версия Соглашения [21]. Однако вскоре оно столкнулось с политическими трудностями в США, вызвав сильное сопротивление со стороны представителей американских независимых нефтедобывающих компаний, а также сенатора Томаса Коннелли, председателя Комитета Сената по международным отношениям, в который оно было передано на рассмотрение. Несмотря на ряд поправок к первоначальному проекту, призванных развеять опасения независимых, масштабы продолжающегося сопротивления были достаточны, чтобы сорвать процесс ратификации.

Англо-американское нефтяное соглашение встретило ожесточенное сопротивление в США. Сенат США отклонил законопроект из-за опасений, что его положения поставят под угрозу национальный суверенитет, наделив Международную нефтяную комиссию полномочиями диктовать квоты на добычу и распределение поставок, что может привести к подчинению американских нефтяных ресурсов международному диктату. Критики, в том числе эксперты в области права и отраслевые аналитики, указывали на антимонопольные риски, утверждая, что мандат комиссии по гармонизации спроса и предложения аналогичен запрещённым ограничениям торговли в соответствии с антимонопольным законом Шермана 1890 г., который запретил заключать соглашения, необоснованно ограничивающие конкуренцию.

Эти опасения усилились на фоне экономических сдвигов после Второй мировой войны, когда добыча сырой нефти в США возросла до около 4,7 млн баррелей в день к 1945 г., по сравнению с 3,4 млн в 1939 г., создав внутренний профицит, который подрывал обоснование соглашения о трансграничной координации для предотвращения дефицита [22].

Представители американской нефтяной промышленности усилили давление на правительство США, используя целенаправленное лоббирование. В рамках отраслевых кампаний пакт преподносился как молчаливое согласие с доминированием Великобритании в сфере мировых запасов, что напоминало об исторических имперских притязаниях и настраивало производителей против того, что они называли завуалированным картелем, ставящим интересы иностранных компаний выше американских.

Такая риторика обеспечила поддержку обеих партий в Конгрессе, в частности сенатора Т. Конналли, который осудил соглашение еще до официальных слушаний, сославшись на то, что оно не соответствует внутренним приоритетам США. Это побудило Президента Ф. Рузвельта 10 января 1945 г., по просьбе Госдепартамента, отозвать из Сената на рассмотрение первоначальное соглашение 1944 г., чтобы внести в него поправки с учетом критических замечаний.

Последующая версия 1945 г., подписанная 24 сентября в Лондоне при президенте Гарри С. Трумэне, воспроизводила основную структуру оригинала и, таким образом, унаследовала его недостатки. Однако после нескольких неудачных попыток обновленный договор так и не был ратифицирован, и 5 июля 1952 г., он был возвращён в Государственный департамент в соответствии с резолюцией Конгресса [23]. Несмотря на разочарование, британцы не могли противостоять растущему влиянию Америки в ближневосточной нефтяной промышленности, ее растущему политическому присутствию в регионе и финансовой поддержке Саудовской Аравии.

Заключение

Англо-американская нефтяная дипломатия во время Второй мировой войны внесла определенный вклад в формирование «особых отношений», при которых правительства США и Великобритании тесно сотрудничали в достижении военных целей, США вводили ограничения на поставки нефти для собственного населения, чтобы обеспечить ее экспорт в Великобританию, и оба правительства стремились договориться о послевоенном порядке поставок нефти на международный рынок, который основывался бы на сотрудничестве и взаимном признании их соответствующих потребностей, а не на конкуренции.

В подготовке и заключении англо-американского нефтяного соглашения, растянувшихся на годы войны, отразилась вся сложность и асимметрия трансатлантического партнерства. Администрация Франклина Рузвельта, движимая интересами и прагматизмом крупных нефтяных компаний, стремилась к установлению открытых, либеральных принципов доступа к ресурсам и противодействию картельным сделкам. Британская же позиция, отстаиваемая в том числе Министерством по делам колоний и Министерством иностранных дел (*Foreign Office*), исходила из защиты, сложившейся системы концессий, преимущественно контролируемых британской компанией «British Petroleum и англо-голландской «Royal Dutch Shell», и сохранения преференциального режима в рамках стерлинговой зоны.

Переговорный процесс выявил глубокие внутренние противоречия в обоих лагерях. В Вашингтоне между Государственным департаментом, Министерством внутренних дел и военными ведомствами не было единства относительно жесткости условий для Лондона. В Великобритании шла своя борьба между теми, кто видел в уступках США неизбежную плату за выживание и будущий военный союз, и теми, кто считал нефтяные активы основой послевоенного восстановления имперского могущества. Американская сторона, чувствуя свою растущую силу, настаивала на принципе «равных возможностей», что на практике означало демонтаж британской монополии в таких регионах, как, например, Кувейт или Иран.

Тем не менее, сам процесс подготовки соглашения стал формальной площадкой, на которой происходило выравнивание двух разных подходов к управлению ресурсами и закладывались неформальные основы послевоенного сотрудничества. И хотя соглашение не было ратифицировано со стороны США, «нефтяные вопросы» были постепенно интегрированы в общую стратегию планирования послевоенного устройства. Напряженный диалог заставил обе стороны признать взаимозависимость: США нуждались в стабильном и лояльном союзнике, а Великобритания – в американских технологиях, инвестициях и военной защите своих коммуникаций.

Таким образом, неудавшееся на бумаге соглашение на практике подготовило почву для того, чтобы в послевоенные годы именно американские и британские компании, при поддержке своих правительств, разделили сферы влияния на Ближнем Востоке, заложило основы для послевоенных отношений двух стран в энергетической сфере, создав нефтяной порядок, который продержался несколько десятилетий, когда сотрудничество и соперничество продолжали существовать бок о бок, определяя динамику транснациональной нефтяной политики.

Литература

1. Painter D.S. Private Power and Public Policy: Multinational Oil Companies and US Foreign Policy, 1941–1954.I.B. Taurus, 1986. 302 p.

2. Frey J.W., Ide H.C. A history of the Petroleum Administration for War, 1941–1945. University Press of the Pacific, 2005. 544 p.

3. Bullard R. Britain and the Middle East: From the Earliest Times to 1950. Routledge, 2025. 198 p.

4. DeNovo J.A. The Movement for an Aggressive American Oil Policy Abroad, 1918–1920 // The American Historical Review. 1956. Vol. 61. № . 4. Pp. 854–876.

5. Stivers W. Supremacy and Oil: Iraq, Turkey, and the Anglo-American World Order, 1918–1930. Cornell University Press, 1982. 207 p.

6. Venn F.M. Oil Diplomacy in the Twentieth century. Palgrave Macmillan, 1986. 244 p.

7. Hall H.D. (ed.), North American Supply. History of the Second World War, London: H.M. Stationary Office, 1955. 559 p.

8. Anderson I.H. Aramco, the United States, and Saudi Arabia: A Study of the Dynamics of Foreign Oil Policy, 1933–1950. Princeton University Press, 2014. 276 p.

9. Memorandum by the Inter-Divisional Petroleum Committee of the Department of State. 811.6363/4–1144. Washington,] April 11, 1944. Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers, 1944, The Near East, South Asia, and Africa, The Far East, Volume V. Document 21. Office of the Historian – URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1944v05/d21 (дата обращения: 11.04.2026).

10. Draft Memorandum of Understanding with the United Kingdom on Petroleum, April 29, 1944. 800.6363/1643c. The Secretary of State to President Roosevelt Washington, May 4, 1944.Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers, 1944, The British Commonwealth and Europe, Volume III. Document 66. Office of the Historian. – URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1944v03/d66 (дата обращения: 11.04.2026).

11. Charmley Jh. Churchill's Grand Alliance: The Anglo-American Special Relationship 1940–56. First American E dition. 1995. 427 p.

12. Bullard R. Britain and the Middle East: From the Earliest Times to 1950. Routledge, 2025. 194 p.

13. Daniels R. Franklin D. Roosevelt: The War Years, 1939–1945. University of Illinois Press, 2016. 712 p.

14. Randall S.J. Harold Ickes and United States Foreign Petroleum Policy Planning, 1939–1945 // Business History Review. 1983. Vol.57. № 3. Pp. 367–387. https://doi.org/10.2307/3114049

15. Venn F. A Struggle for Supremacy?: Great Britain, the United States and Kuwaiti Oil in the 1930s. Research Paper № 2. University of Essex, Department of History, 2000. – URL: https://www1.essex.ac.uk/history/documents/research/RP2_Venn_2012.pdf (дата обращения: 11.04.2026).

16. Memorandum by the Inter-Divisional Petroleum Committee of the Department of State. 811.6363/4–1144. Washington,] April 11, 1944. Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers, 1944, The Near East, South Asia, and Africa, The Far East, Volume V. Document 21. Office of the Historian – URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1944v05/d21 (дата обращения: 11.04.2026).

17. Stoff M.B. The Anglo-American oil agreement and the wartime search for foreign oil policy // Business History Review. 1981. Vol.55. № .1. Pp 59–74.

18. Ергин Д. Добыча: Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М.: Альпина Паблишер, 2011. 944 с.

19. Дербенев А.С. Нефтяной фактор в политике США в отношении Саудовской Аравии и англо-американское нефтяное соглашение 1944 года // Новая и новейшая история. 2014. № 1. С 206–214.

20. Валиахметова Г.Н. Иракская нефть в международной политике на Ближнем Востоке (1928–1941 годы) // Новая и новейшая история. 2009. № . 6.С. 32–50.

21. Anglo-American Oil Agreement // Current History, Vol 7. № 38, 1944. Pp. 314–18. JSTOR. – URL: http://www.jstor.org/stable/45307186 (дата обращения: 11.04.2026).

22. Energy Information Administration. U.S. Field Production of Crude Oil, Release Date 31. 03. 2026. – URL: https://www.eia.gov/dnav/pet/hist/leafhandler.ashx?n=pet&s=mcrfpus2&f=a (дата обращения: 11.04.2026).

23. Painter D.S. Oil and World Power // Diplomatic History. Vol. 17. Issue 1. January 1991. Pp. 159–170. URL: https://doi.org/10.1111/j.1467–7709.1993.tb00167.x

THE «SPECIAL RELATIONSHIP» BETWEEN THE UNITED STATES AND GREAT BRITAIN IN THE CONTEXT OF THE PREPARATION OF THE ANGLO-AMERICAN PETROLEUM AGREEMENT (1939–1945)

Khlopov O.A.
Russian State University for the Humanities

This article examines the historical background and formation of the Anglo-American Oil Agreement from 1939 to 1945, examining it as a reflection of and instrumental in deepening the «special relationship» between the United States and Great Britain during World War II. The author emphasizes that the global military conflict intensified the close military and political cooperation between the two powers, particularly in securing strategic resources such as oil. However, this interdependence also contributed to the emergence of economic and political contradictions. Particular attention is paid to the role of oil interests in shaping the foreign policy strategies of both countries, their influence on mutual perceptions, and the contours of the postwar world order.

Keywords: special relationship, cooperation, oil agreement, Great Britain, USA, Middle East.

References

1. Painter D.S. Private Power and Public Policy: Multinational Oil Companies and US Foreign Policy, 1941–1954.I.B. Taurus, 1986. 302 p.

2. Frey J.W., Ide H.C. A history of the Petroleum Administration for War, 1941–1945. University Press of the Pacific, 2005. 544 p.

3. Bullard R. Britain and the Middle East: From the Earliest Times to 1950. Routledge, 2025. 198 p.

4. DeNovo J.A. The Movement for an Aggressive American Oil Policy Abroad, 1918–1920 // The American Historical Review. 1956. Vol. 61. № . 4. Pp. 854–876.

5. Stivers W. Supremacy and Oil: Iraq, Turkey, and the Anglo-American World Order, 1918–1930. Cornell University Press, 1982. 207 p.

6. Venn F.M. Oil Diplomacy in the Twentieth century. Palgrave Macmillan, 1986. 244 p.

7. Hall H.D. (ed.), North American Supply. History of the Second World War, London: H.M. Stationary Office, 1955. 559 p.

8. Anderson I.H. Aramco, the United States, and Saudi Arabia: A Study of the Dynamics of Foreign Oil Policy, 1933–1950. Princeton University Press, 2014. 276 p.

9. Memorandum by the Inter-Divisional Petroleum Committee of the Department of State. 811.6363/4–1144. Washington,] April 11, 1944. Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers, 1944, The Near East, South Asia, and Africa, The Far East, Volume V. Document 21. Office of the Historian – URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1944v05/d21 (дата обращения: 11.04.2026).

10. Draft Memorandum of Understanding With the United Kingdom on Petroleum, April 29, 1944. 800.6363/1643c. The Secretary of State to President Roosevelt Washing-

ton, May 4, 1944.Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers, 1944, The British Commonwealth and Europe, Volume III. Document 66. Office of the Historian. – URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1944v03/d66 (дата обращения: 11.04.2026).

11. Charmley Jh. Churchill's Grand Alliance: The Anglo-American Special Relationship 1940–56. First American E dition. 1995. 427 p.

12. Bullard R. Britain and the Middle East: From the Earliest Times to 1950. Routledge, 2025. 194 p.

13. Daniels R. Franklin D. Roosevelt: The War Years, 1939–1945. University of Illinois Press, 2016. 712 p.

14. Randall S.J. Harold Ickes and United States Foreign Petroleum Policy Planning, 1939–1945 // Business History Review. 1983. Vol.57. № 3. Pp. 367–387. https://doi.org/10.2307/3114049

15. Venn F. A Struggle for Supremacy?: Great Britain, the United States and Kuwaiti Oil in the 1930s. Research Paper № 2. University of Essex, Department of History, 2000. – URL: https://www1.essex.ac.uk/history/documents/research/RP2_Venn_2012.pdf (дата обращения: 11.04.2026).

16. Memorandum by the Inter-Divisional Petroleum Committee of the Department of State. 811.6363/4–1144. Washington,] April 11, 1944. Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers, 1944, The Near East, South Asia, and Africa, The Far East, Volume V. Document 21. Office of the Historian – URL: https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1944v05/d21 (дата обращения: 11.04.2026).

17. Stoff M.B. The Anglo-American oil agreement and the wartime search for foreign oil policy // Business History Review. 1981. Vol.55. № .1. Pp 59–74.

18. Ergin D. The Prize: The Epic Quest for Oil, Money & Power. Moscow: Alpina Publisher, 2011. 944 p. (in Russian).

19. Derbenev A.S. The Oil Factor in US Policy Towards Saudi Arabia and the Anglo-American Oil Agreement of 1944 // Modern and Contemporary History. 2014. № 1. Pp. 206–214. (in Russian).

20. Valiakhmetova G.N. Iraqi Oil in International Politics in the Middle East (1928–1941) // Modern and Contemporary History. 2009. № 6. Pp. 32–50. (in Russian).

21. Anglo-American Oil Agreement // Current History, Vol 7. № 38, 1944. Pp. 314–18. JSTOR. – URL: http://www.jstor.org/stable/45307186 (дата обращения: 11.04.2026).

22. Energy Information Administration. U.S. Field Production of Crude Oil, Release Date 31. 03. 2026. – URL: https://www.eia.gov/dnav/pet/hist/leafhandler.ashx?n=-pet&s=mcrfpus2&f=a (дата обращения: 11.04.2026).

23. Painter D.S. Oil and World Power // Diplomatic History. Vol. 17. Issue 1. January 1991. Pp. 159–170. URL: https://doi.org/10.1111/j.1467–7709.1993.tb00167.x

Сопряжение ЕАЭС и инициативы «один пояс, один путь»: перспективы и проблемы сотрудничества

Янь Цзиньянь,
аспирант кафедры экономической социологии и менеджмента, Сычуаньский университет иностранных языков
E-mail: l20260103168@163.com

Статья рассматривает результаты десятилетнего сопряжения Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и китайской инициативы «Один пояс, один путь», формально запущенного Совместным заявлением России и Китая от 8 мая 2015 г. Обосновывается вопрос, редко ставящийся отдельно от общей риторики партнерства: является ли сопряжение содержательным интеграционным процессом с измеримыми институциональными результатами или преимущественно рамочной формулой, легитимирующей параллельное развитие двух проектов без их фактического сращивания. Материалом послужили российские и китайские академические публикации 2016–2026 гг., официальные документы – Совместное заявление 2015 г. и Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР 2018 г., – а также статистика внешней торговли. Методы включают сопоставление институциональной хроники сопряжения с оценками исследователей и сравнительный анализ торговой статистики до и после ключевых институциональных решений. Показано, что при устойчивом росте товарооборота между ЕАЭС и Китаем институциональная составляющая сопряжения – общая нормативная база, наднациональные механизмы урегулирования – развивается значительно медленнее торговой статистики, и это расхождение само по себе является предметом анализа, а не техническим отставанием, которое можно списать на переходный период.

Ключевые слова: ЕАЭС, инициатива «Один пояс, один путь», сопряжение, международное экономическое сотрудничество, региональная интеграция.

Введение

Крупные интеграционные проекты редко возникают на пустом пространстве: почти всегда они накладываются на уже существующую географию интересов, и вопрос в том, совпадают эти интересы или конкурируют за одну и ту же территорию. Экономический пояс Шелкового пути, выдвинутый Китаем в 2013 г., и Евразийский экономический союз, оформившийся годом позже, оба претендовали на пространство Центральной Азии – регион, который для одного проекта был транзитным коридором, а для другого собственной зоной интеграции. Вместо конкуренции стороны выбрали формулу «сопряжения»: 8 мая 2015 г. Россия и Китай подписали Совместное заявление о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути, которое, по общему мнению комментаторов того времени, сняло непосредственную угрозу конфликта интересов.

Десять лет спустя формула сопряжения по-прежнему используется в официальной риторике, но интенсивность научной дискуссии вокруг нее не ослабевает, а меняет тональность. Скриба (2016), один из первых российских исследователей, детально разобравших эту тему, отмечал уже вскоре после подписания заявления, что при высокой политической поддержке процесс сопряжения не имеет окончательной ясности в вопросе о том, в каком институциональном формате должен вестись дальнейший диалог между ЕАЭС и Китаем. Десятилетие спустя этот вопрос не выглядит закрытым: институциональная база сопряжения по-прежнему остается более скромной, чем можно было бы ожидать, исходя из масштаба заявленных целей.

Целью статьи является оценка того, в какой мере фактическое развитие институциональных механизмов и торговой статистики за десять лет подтверждает содержательный характер сопряжения ЕАЭС и инициативы «Один пояс, один путь», а в какой мере эта формула остается преимущественно рамочной, легитимирующей параллельное развитие двух проектов без их полноценного институционального сращивания. Постановка вопроса именно в такой форме уместна и потому, что сам ЕАЭС как объект анализа успел пройти собственный путь ретроспективной оценки: Абрамов и Рудакова (2023), подводя итоги первого десятилетия союза, отмечают, что вектор его устойчивого развития складывался неравномерно и зависел от внешних шоков не меньше, чем от внутренней логики интеграции, – наблюдение, которое стоит держать в уме при оценке темпов сопряжения с китайской инициативой.

Материалы и методы

Материал делится на три группы. Первая – официальные документы, задающие институциональную рамку сопряжения: Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики от 8 мая 2015 г. и Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой, подписанное 17 мая 2018 г. и вступившее в силу 25 октября 2019 г. Вторая – российская академическая литература, прослеживающая эволюцию оценок сопряжения на протяжении десятилетия: от ранних, преимущественно оптимистичных работ (Скриба, 2016; Конышев, Лагутина, 2016) через более критичные оценки середины периода (Щерба, 2019; Говорова, 2019; Шамахов, Случевский, 2019) к недавним работам, фиксирующим сохраняющиеся институциональные разрывы (Михневич, Аксенов, 2024; Безбородов, 2026). Третья группа – китайская и статистическая литература: работа Ин Цзюя (2020) о транспортно-логистической интеграции, а также данные о динамике товарооборота ЕАЭС и Китая, обобщенные в отраслевых и институциональных источниках.

Метод работы – сопоставление институциональной хроники сопряжения (сведенной в таблицу 1) с оценками исследователей разных периодов и сравнительный анализ торговой статистики до и после ключевых институциональных решений (таблица 2). Ограничение метода стоит обозначить прямо: институциональные документы фиксируют факт договоренностей, но не гарантируют их практической реализации, а торговая статистика отражает совокупный эффект множества факторов, не сводимых к одному только сопряжению, – в частности, общий рост торговли между Россией и Китаем на двустороннем треке,

не связанный напрямую с многосторонним форматом ЕАЭС. Разделить эти факторы количественно в границах данной статьи не представляется возможным, и предлагаемый анализ носит сопоставительный, а не строго каузальный характер.

Результаты и обсуждение

Институциональная хроника сопряжения, сведенная в таблице 1, обнаруживает не непрерывное развитие, а последовательность отдельных, разделенных значительными паузами шагов.

Таблица 1. Институциональная хроника сопряжения ЕАЭС и инициативы «Один пояс, один путь»

Дата	Событие	Институциональный статус
Сентябрь 2013	Выдвижение инициативы «Экономический пояс Шелкового пути»	Односторонняя внешнеполитическая инициатива Китая
1 января 2015	Вступление в силу Договора о ЕАЭС	Учреждение наднационального союза
8 мая 2015	Совместное заявление РФ и КНР о сопряжении	Рамочная политическая договоренность
17 мая 2018	Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве ЕАЭС-КНР	Первый юридически обязывающий документ
25 октября 2019	Вступление соглашения 2018 г. в силу	Начало правоприменения
2021–2023	Планы мероприятий по цифровым транспортным коридорам	Секторальные, не общеинституциональные меры
2025–2026	Обсуждение перспектив зоны свободной торговли ЕАЭС-КНР	Остается на уровне обсуждения, не решения

Источник: составлено автором по (Скриба, 2016; Совместное заявление, 2015; Соглашение, 2018; eec.eaeunion.org).

Из таблицы 1 видно, что между политическим стартом сопряжения (2015 г.) и первым юридически обязывающим документом (2018 г., вступил в силу в 2019 г.) прошло более четырех лет – срок, за который декларация должна была обрести институциональную форму, но обрела лишь рамочное торговое соглашение, не предусматривающее зоны свободной торговли, о которой продолжают говорить как о перспективе даже спустя десятилетие. Конышев и Лагутина (2016), одними из первых поставившие вопрос прямо в заголовке своей статьи – возможно ли сопряжение вообще, – указывали на структурное различие российской и китайской моделей интеграции как на препятствие, которое едва ли снимается одной политической декларацией: российская модель строится вокруг наднационального органа с обязывающими полномочиями, китайская – вокруг двусторонних соглашений с каждой страной в отдельности, и эти две логики институционально плохо совместимы.

Щерба (2019), обращаясь к содержанию самого Совместного заявления, отмечает, что цель создания зоны свободной торговли между ЕАЭС и Китаем сформулирована в документе как «рассмотрение долгосрочной цели», то есть в намеренно необязывающей формулировке, а не как конкретное обязательство сторон. Это наблюдение существенно меняет то, как следует читать таблицу 1: пауза между 2015 и 2018 гг. – не задержка в реализации ранее принятого решения, а прямое следствие того, что само решение изначально не содержало обязывающего графика. Формула сопряжения с самого начала была сконструирована так, чтобы допускать многолетнюю паузу, не становясь при этом невыполненной.

Институциональная асимметрия становится заметнее при сопоставлении с торговой статистикой, сведенной в таблице 2.

Таблица 2. Динамика товарооборота ЕАЭС и Китая относительно институциональных решений

Период	Показатель	Значение	Институциональный контекст
2018	Доля Китая в товарообороте ЕАЭС	~13,6%	Момент подписания соглашения
2019–2021	Рост товарооборота ЕАЭС-Китай	+24,8% за первые два года	После вступления соглашения в силу
2019–2021	Рост экспорта ЕАЭС в Китай	+19,6%	Тот же период
2022–2025	Рост товарооборота ЕАЭС-Китай	~+20%, до ~$300 млрд	Без новых институциональных решений

Окончание

Период	Показатель	Значение	Институциональный контекст
2024–2025	Доля Китая в товарообороте ЕАЭС	~40%	Рост более чем втрое к 2018 г.
2015–2025	Зона свободной торговли ЕАЭС-КНР	Не создана	Остается заявленной, но не институционализированной целью

Источник: составлено автором по (eec.eaeunion.org; eurasianeconomic.org; данные внешней торговли ЕАЭС и КНР).

Таблица 2 показывает картину, которая на первый взгляд противоречит скептическому прочтению институциональной хроники: доля Китая в товарообороте ЕАЭС выросла почти втрое за период, когда институциональная база сопряжения продвинулась крайне незначительно – от рамочного заявления к одному торговому соглашению без преференциального режима. Это противоречие только кажущееся. Рост товарооборота отражает в первую очередь двусторонний российско-китайский трек и общую динамику мировой торговли, переориентацию логистических потоков после 2022 г., а не результат работы специфически многосторонних механизмов ЕАЭС-Китай, институционализация которых как раз и отстает. Ин Цзюй (2020), разбирая проблемы транспортно-логистической интеграции стран ЕАЭС в рамках сопряжения, отмечает, что Евразийская экономическая комиссия лишь в 2018 г. обозначила намерение вести углубленные переговоры по вопросам согласования с инициативой «Один пояс, один путь» – то есть даже на уровне намерения содержательная многосторонняя повестка сложилась не сразу после заявления 2015 г., а с заметным лагом. Часть этого лага объясняется факторами, не имеющими прямого отношения к самому сопряжению: Мукина, Айгужинова и Попп (2023), анализируя экономическое развитие ЕАЭС в период пандемии COVID-19, показывают, что 2020–2021 годы – тот самый промежуток, когда, судя по таблице 1, институциональная повестка сопряжения практически не продвигалась, – совпали с периодом, когда союз в целом был вынужден переключиться на антикризисное регулирование внутренней торговли, а не на развитие внешних партнерств. Это не отменяет диагноз о медленной институционализации сопряжения, но добавляет к нему важную оговорку: часть паузы 2019–2021 гг. в таблице 1, вероятно, следует относить не на счет сопряжения как такового, а на счет внешнего шока, затронувшего весь союз одновременно.

Говорова (2019), анализируя выступления ключевых участников Евразийского промышленного конгресса «Интеграция», фиксирует барьеры на пути сопряжения, которые продолжают называться теми же словами и годы спустя: недостаточная координация между национальным законодательством государств-членов ЕАЭС и потребностями трансграничных китайских проектов, отсутствие единого механизма разрешения споров, применимого к сопряжению как таковому, а не к отдельным двусторонним контрактам. Шамахов и Случевский (2019) идут дальше и указывают, что реальная логика сопряжения выстраивается не как слияние двух проектов в один, а как включение обоих в более широкую и менее институционально определенную рамку «Большого евразийского партнерства» – конструкцию, которая по своей природе менее обязывающая, чем и ЕАЭС, и первоначальный формат ОПОП.

Здесь обнаруживается основное напряжение этой статьи. С формальной точки зрения сопряжение существует уже десятилетие и подкреплено растущим товарооборотом; с институциональной – оно ни разу не было переведено в форму, сопоставимую по обязывающей силе с самим Договором о ЕАЭС или классическим соглашением о зоне свободной торговли. Михневич и Аксенов (2024), изучая вовлеченность делового сообщества в развитие евразийской интеграции, показывают на материале работы Делового совета ЕАЭС, что бизнес-структуры куда активнее артикулируют интерес к китайскому направлению, чем наднациональные органы союза успевают формализовать этот интерес в нормативных решениях – разрыв между спросом снизу и институциональным предложением сверху, который через десять лет после 2015 г. не выглядит временным.

Безбородов (2026), обращаясь к сопоставлению ЕАЭС и ШОС на пересечении с инициативой «Один пояс, один путь» уже в самой недавней перспективе, отмечает, что существующие форматы взаимодействия между организациями – совместные доклады, периодические встречи – остаются менее эффективными, чем того требует масштаб декларируемых целей, и что важно различать сотрудничество между государствами-членами и сотрудничество между самими организациями как таковыми: первое развивается заметно быстрее второго. Это наблюдение, сделанное спустя более десяти лет после исход-

ного заявления 2015 г., по существу воспроизводит диагноз Скрибы (2016) почти без изменений – вопрос об институциональном формате диалога между ЕАЭС и Китаем остается открытым так же, как он был открытым в первый год после подписания.

Китайская сторона дискуссии формулирует схожий диагноз в собственных терминах, что стоит специально подчеркнуть, поскольку избавляет анализ от подозрения в одностороннем, только российском скептицизме. Ван Чжи (王志, 2018), обозревая прогресс и вызовы Евразийского экономического союза для китайской академической аудитории, прямо признает, что многие эксперты считают сопряжение Экономического пояса Шелкового пути и ЕАЭС методологически некорректным на исходном уровне: ЕАЭС – это международная организация экономической интеграции, политическая структура, тогда как Экономический пояс Шелкового пути – лишь инициатива, реализуемая через отдельные инфраструктурные и промышленные инвестиционные проекты, и по своей природе они несопоставимы напрямую. Автор не соглашается с этим скептицизмом полностью, предлагая в качестве промежуточной институциональной площадки Шанхайскую организацию сотрудничества, но сам факт того, что вопрос о методологической корректности сопряжения обсуждается в китайской литературе не менее остро, чем в российской, показывает, что диагностированный разрыв – не артефакт одной национальной научной традиции, а особенность самого предмета.

Ефременко, Подберёзкина и Шаронова (2018), обращаясь к теме с позиций институциональной экономики развития, добавляют к этому диагнозу структурное объяснение: дальнейшее развитие евразийской интеграции в связке ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути невозможно без выравнивания уровня институционального развития самих интегрируемых государств, а также совершенствования подходов к регулированию трансграничного движения товаров, ресурсов и капитала. Иначе говоря, разрыв между торговой и институциональной динамикой, зафиксированный в таблицах 1 и 2, – не столько следствие недостаточной политической воли сторон, сколько отражение более глубокой неоднородности самих государств-участников ЕАЭС, чьи национальные институты сближаются друг с другом медленнее, чем растет их совокупная торговля с Китаем.

Устойчивость этого диагноза на протяжении десятилетия заслуживает отдельного внимания, поскольку сама по себе является данными, а не просто признаком незавершенности анализа. Если бы сопряжение двигалось к институциональной зрелости постепенно, можно было бы ожидать, что более поздние работы будут фиксировать частичное разрешение проблем, обозначенных ранними. Вместо этого Безбородов в 2026 г. описывает практически ту же институциональную недостаточность, что Скриба в 2016 г., при том что торговая статистика за тот же период выросла в разы. Наиболее правдоподобное объяснение состоит не в том, что институциональная работа не велась вовсе, а в том, что рост товарооборота и институциональное сращивание – процессы с разной динамикой, слабо связанные друг с другом причинно: торговля растет вслед за спросом и логистическими возможностями, тогда как институты требуют согласования правовых систем и наднациональных полномочий, которого стороны, судя по десятилетней истории вопроса, последовательно избегают, предпочитая рамочные формулы жестким обязательствам.

Заключение

Десятилетняя история сопряжения ЕАЭС и инициативы «Один пояс, один путь» не подтверждает ни оптимистичного прочтения, при котором формула сопряжения обеспечила содержательную интеграцию двух проектов, ни полностью скептического, при котором сопряжение оказалось бы пустой декларацией. Институциональная хроника показывает последовательность отдельных, разделенных паузами шагов, ни один из которых не довел взаимодействие до уровня, сопоставимого по обязывающей силе с самим Договором о ЕАЭС. Торговая статистика, напротив, демонстрирует устойчивый и ускоряющийся рост, слабо зависящий от институциональных решений как таковых.

Совпадение этого диагноза в российской и китайской литературе, разделенной разными академическими традициями и разной политической чувствительностью к теме, говорит в пользу того, что зафиксированный разрыв – устойчивая структурная черта самого процесса сопряжения, а не артефакт одностороннего прочтения. Дальнейшая институционализация сопряжения, если она произойдет, потребует не столько новых политических деклараций – их за десять лет было достаточно, – сколько выравнивания правовых и регуляторных систем самих государств-участников ЕАЭС, работа над которым, судя по рассмотренной литературе, идет медленнее, чем растет товарооборот, обеспечивающий сопряжению его нынешнюю, преимущественно статистическую убедительность.

Литература

1. Абрамов Н.М., Рудакова О.Ю. Вектор устойчивого развития Евразийского экономического союза: ретроспектива и перспектива // Экономика, профессия, бизнес. – 2023. – № 1. – С. 5–13.
2. Безбородов Ю.С. Межинституциональное сотрудничество государств на евразийском пространстве: ШОС и ЕАЭС на перекрестке Шелкового пути // Теория и практика общественного развития. – 2026. – № 2. – С. 159–166.
3. Говорова Н.В. Большое евразийское партнерство // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2019. – Т. 6, № 12. – С. 151–155.
4. Ефременко Д.В., Подберёзкина О.А., Шаронова В.Б. Плоды сопряжения: шансы и риски гармонизации «Шелкового пути» и евразийской интеграции // Полис. Политические исследования. – 2018. – № 5.
5. Ин Цзюй. Проблемы транспортно-логистической интеграции стран-участниц ЕАЭС по сопряжению «Один пояс – один путь» при условиях многостороннего сотрудничества // Экономика и банки. – 2020. – № 1.
6. Конышев В.Н., Лагутина М.Л. Возможно ли сопряжение китайской и российской моделей интеграции в Евразии? // Управленческое консультирование. – 2016. – № 11 (95). – С. 57–67.
7. Мукина Г.С., Айгужинова Д.З., Попп Л.А. Проблемы экономического развития ЕАЭС в период пандемии COVID-19 и перспективы интеграционного взаимодействия // Экономика региона. – 2023. – Т. 19, № 3.
8. Скриба А.С. Сопряжение ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути: интересы участников и вызовы реализации // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2016. – Т. 11, № 3. – С. 67–81.
9. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути от 8 мая 2015 г.
10. Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой стороны, от 17 мая 2018 г.
11. Щерба К.Д. Один пояс – один путь: перспективы сопряжения с ЕАЭС // Социально-гуманитарные знания. – 2019. – № 6. – С. 312–316.

ALIGNMENT OF THE EAEU AND THE BELT AND ROAD INITIATIVE: PROSPECTS AND CHALLENGES OF COOPERATION

Yan Jinyan
Sichuan International Studies University

The article examines the results of a decade of alignment between the Eurasian Economic Union (EAEU) and China's Belt and Road Initiative, formally launched by the Joint Statement of Russia and China of 8 May 2015. It addresses a question rarely posed separately from general partnership rhetoric: whether the alignment is a substantive integration process with measurable institutional outcomes, or predominantly a framework formula that legitimizes the parallel development of two projects without their actual merging. The material comprises Russian and Chinese academic publications from 2016–2026, official documents – the 2015 Joint Statement and the 2018 Agreement on Trade and Economic Cooperation between the EAEU and China – and foreign trade statistics. Methods include comparing the institutional chronology of the alignment with researchers' assessments and a comparative analysis of trade statistics before and after key institutional decisions. Despite steady growth in trade turnover between the EAEU and China, the institutional component of alignment – a common regulatory framework, supranational dispute-resolution mechanisms – is shown to be developing considerably more slowly than trade statistics, and this discrepancy is itself treated as a subject for analysis rather than a technical lag attributable to a transitional period.

Keywords: EAEU, Belt and Road Initiative, alignment (conjugation), international economic cooperation, regional integration

References

1. Abramov N.M., Rudakova O. Yu. The Sustainable Development Vector of the Eurasian Economic Union: Retrospective and Perspective // Economics, Profession, Business. – 2023. – № 1. – P. 5–13.
2. Bezborodov Yu.S. Inter-institutional Cooperation of States in the Eurasian Space: The SCO and the EAEU at the Crossroads of the Silk Road // Theory and Practice of Social Development. – 2026. – № 2. – P. 159–166.
3. Govorova N.V. The Greater Eurasian Partnership // Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe RAS. – 2019. – Vol. 6, № 12. – P. 151–155.
4. Efremenko D.V., Podberezkina O.A., Sharonova V.B. The Fruits of Alignment: Opportunities and Risks of Harmonizing the «Silk Road» and Eurasian Integration // Polis. Political Studies. – 2018. – № 5.
5. Ying Ju. Challenges of Transport and Logistics Integration Among EAEU Member States in the Context of Aligning with the «Belt and Road Initiative» under Multilateral Cooperation // Economics and Banks. – 2020. – № 1.

6. Konyshev V.N., Lagutina M.L. Is It Possible to Align Chinese and Russian Integration Models in Eurasia? // Administrative Consulting. – 2016. – № 11 (95). – P. 57–67.
7. Mukina G.S., Aiguzhinova D.Z., Popp L.A. Challenges of EAEU economic development during the COVID-19 pandemic and prospects for integration cooperation // Economy of Region. – 2023. – Vol. 19, № 3.
8. Skriba A.S. Synergizing the EAEU and the Silk Road Economic Belt: interests of participants and implementation challenges // International Organisations Research Journal. – 2016. – Vol. 11, № 3. – P. 67–81.
9. Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on Cooperation in Synergizing the Construction of the Eurasian Economic Union and the Silk Road Economic Belt, dated May 8, 2015.
10. Agreement on Trade and Economic Cooperation between the Eurasian Economic Union and its Member States, of the one part, and the People's Republic of China, of the other part, dated May 17, 2018.
11. Shcherba K.D. One Belt, One Road: prospects for synergy with the EAEU // Social and Humanitarian Knowledge. – 2019. – № 6. – P. 312–316.

Формирование профессионально-компетентностных кластеров как направление образовательной интеграции БРИКС+

Абилова Гюнай Видади кызы,
кандидат филологических наук, докторант МГИМО МИД России, директор международной школы БРИКС+
E-mail: brics_school@mail.ru

Цель статьи состоит в разработке подхода к формированию системы кадрового обеспечения перспективных направлений сотрудничества БРИКС+ на основе выделения профессионально-компетентностных кластеров и определения междисциплинарных связей между входящими в них компетенциями. *Методологической основой* исследования выступает системный подход, который дал возможность рассмотреть кадровое обеспечение перспективных направлений сотрудничества БРИКС+ как совокупность взаимосвязанных элементов. *Результаты*. Обоснован профессионально-компетентностный подход к кадровому обеспечению перспективных направлений сотрудничества БРИКС+, на основе которого кадровые потребности представлены как система взаимосвязанных профессиональных, технологических, цифровых и надпрофессиональных компетенций. Сформирована система профессионально-компетентностных кластеров и разработаны концептуальные предложения создания Атласа перспективных профессионально-компетентностных кластеров БРИКС+ как инструмента актуализации образовательных программ, формирования междисциплинарных модулей, развития сетевого обучения, академической мобильности и взаимодействия университетов с работодателями. **Выводы.** Проведённое исследование позволило определить перспективные направления сотрудничества БРИКС+ и соответствующие им кадровые потребности, формирующиеся под влиянием цифровых, технологических и структурных изменений. Современные реалии профессиональной деятельности на уровне объединения БРИКС+ таковы, что реализация совместных проектов требует сочетания профессиональных, цифровых, технологических, управленческих и международно-коммуникационных компетенций, определяя необходимость их систематизации на основе профессионально-компетентностного подхода.

Ключевые слова: БРИКС+, сотрудничество, кадровое обеспечение, профессиональные компетенции, профессионально-компетентностные кластеры, образование.

Введение

Современный этап развития БРИКС+ характеризуется расширением направлений взаимодействия стран объединения. Наряду с торговлей и финансово-экономическим сотрудничеством всё большее значение приобретают цифровые технологии, научно-технологическое развитие, энергетика, транспорт и логистика, искусственный интеллект. Реализация совместных проектов требует специалистов, способных работать в международной среде, использовать современные технологии и сочетать знания из нескольких профессиональных областей.

Одновременно меняется характер кадровой потребности. Искусственный интеллект, цифровые платформы, финансовые технологии, биотехнологии, новые энергетические и транспортно-логистические решения формируют междисциплинарные требования к специалистам. Так, цифровая логистика объединяет логистику, информационные технологии, анализ данных и международную торговлю, финансовые технологии – экономические, цифровые и правовые знания, а технологические проекты – инженерные, экономические и управленческие компетенции.

В этих условиях возрастает роль университетов, обеспечивающих подготовку кадров и участвующих в совместных исследованиях, академической мобильности, создании лабораторий и исследовательских центров, разработке и трансфере технологий. Образовательное сотрудничество становится составной частью формирующихся инновационных экосистем БРИКС+, а различия национальных образовательных систем и квалификаций обусловливают необходимость поиска подходов к согласованию кадровых потребностей без унификации образовательных программ.

В связи с этим актуальной задачей становится формирование системы кадрового обеспечения перспективных направлений сотрудничества БРИКС+, учитывающей отраслевую специализацию и взаимосвязь профессиональных, цифровых, технологических и междисциплинарных компетенций.

Литературный обзор

Проблематика образовательного сотрудничества в контексте кадрового обеспечения развития БРИКС+ представлена несколькими направлениями исследований.

В.А. Гневашева [1], О.Г. Карпович [2], Поташин А.А., Гусаров М.А., Бадалян К.М., Комлев Н.М., Малаховский Я.И. [4] рассматривают развитие образовательного сотрудничества, формирование образовательного пространства БРИКС+, подготовку кадров, создание центров компетенций и совместных образовательных инициатив. В.А. Садовничий [5], Л.И. Софронова, А.А. Соловьев и С.А. Абрамова [6] исследуют изменение роли высшего образования в условиях научно-технологического развития, включая новые требования к профессиональным компетенциям, развитие искусственного интеллекта и участие университетов в научно-технологических процессах.

В. Мальцева, М. Никитин, С. Мехротра и Цзюнь Ли рассматривают взаимосвязь профессионального образования с потребностями экономики и рынка труда, в том числе возможности государственно-частного партнёрства в техническом и профессиональном образовании стран БРИКС+ для сближения подготовки специалистов с запросами работодателей [14].

В работах Б. Огунбанджо [15], Ф.К. Либерали, М. Лемос, Л.К. Модесто-Сарра [13] и А. Рамнунд-Мансингх [16] исследуются развитие высшего образования и профессиональных навыков, образовательное и академическое сотрудничество, а также адаптация образования к социально-экономическим и технологическим изменениям.

А. Анейжи связывает формирование собственной образовательной повестки БРИКС+ с развитием высшего и профессионального образования, академической мобильности, исследовательского сотрудничества и подготовкой кадров для цифровой и технологически развивающейся экономики [8]. Тем самым образовательное сотрудничество непосредственно связывается с определением знаний и компетенций, необходимых для перспективных направлений взаимодействия стран БРИКС+.

В то же время существенным пробелом является недостаточная разработка вопроса, связанного с систематизацией кадровых потреб-

ностей применительно к конкретным направлениям совместной деятельности БРИКС+ и взаимосвязи компетенций, относящихся к различным профессиональным областям.

Таким образом, **цель** статьи определяется исходя из выявленной недостаточной разработанности вопросов систематизации кадровых потребностей перспективных направлений сотрудничества БРИКС+ и состоит в разработке подхода к формированию системы кадрового обеспечения перспективных направлений сотрудничества БРИКС+ на основе выделения профессионально-компетентностных кластеров и определения междисциплинарных связей между входящими в них компетенциями.

Теоретическая ценность исследования состоит в развитии научных представлений о кадровом обеспечении перспективных направлений сотрудничества БРИКС+ посредством обоснования профессионально-компетентностного подхода, позволяющего рассматривать кадровые потребности как систему взаимосвязанных профессиональных, технологических, цифровых и надпрофессиональных компетенций.

Практическая ценность заключается в возможности применения разработанного подхода, системы профессионально-компетентностных кластеров и Атласа при актуализации образовательных программ, формировании междисциплинарных модулей, развитии сетевого обучения, академической мобильности и взаимодействия университетов с работодателями стран БРИКС+.

Методологической основой исследования выступает системный подход, позволивший выявить взаимосвязи между перспективными направлениями сотрудничества БРИКС+, кадровыми потребностями и необходимыми компетенциями, сформировать профессионально-компетентностные кластеры и разработать на их основе Атлас.

Перспективные направления сотрудничества и новые требования к кадровому обеспечению процессов развития объединения БРИКС+

Развитие новых направлений сотрудничества БРИКС+ сопровождается изменением требований к кадровому обеспечению совместных проектов. Цифровизация, распространение искусственного интеллекта, энергетический переход, развитие высокотехнологичного производства и трансграничного рынка труда повышают спрос на специалистов, сочетающих технологические, цифровые, управленческие и коммуникативные компетенции, необходимые для работы в международной профессиональной среде.

Одним из проявлений данной тенденции является создание Международной цифровой платформы удалённой занятости для стран БРИКС+, которая обеспечивает взаимодействие организаций со специалистами из разных стран объединения. Данная инициатива предусматривает доступ работодателей к специалистам национальных фриланс-платформ, проведение трансграничных платежей в локальных валютах, использование электронных договоров, инструментов перевода и культурной адаптации коммуникаций. В рамках функционирования данной платформы для университетов предусмотрена возможность расширения рынков трудоустройства выпускников, а к долгосрочным целям проекта отнесено повышение качества образования и навыков посредством обмена опытом [3].

Важным направлением сотрудничества в рамках БРИКС+ является международная трудовая мобильность. Данное направление реализуется посредством международных инициатив, ориентированных на организацию перемещения трудовых ресурсов и привлечение квалифицированных кадров в соответствии с потребностями национальных рынков труда. В рамках проекта BRICS Mobility предусмотрен образовательный трек подготовки кандидатов к последующему трудоустройству. Профессиональное обучение осуществляется на основании соответствующих образовательных лицензий, а система международного рекрутинга включает проверку квалификации и профессиональных навыков, обучение, языковую подготовку и адаптацию кандидатов к требованиям работодателей и условиям трудовой деятельности в принимающей стране [12]. Реализация данной инициативы способствует формированию согласованного пространства профессиональной подготовки и занятости, расширению возможностей трудоустройства граждан стран БРИКС+ и сокращению кадрового дефицита в наиболее востребованных отраслях экономики.

Особое значение имеет кадровое обеспечение энергетического перехода. В подготовленном Платформой энергетических исследований БРИКС+ докладе *BRICS Energy Transition Skills Report 2023* обобщены национальные практики подготовки кадров и определены направления развития профессиональных навыков, необходимых в условиях трансформации энергетического сектора [11]. После расширения БРИКС+ эта работа была продолжена: в августе 2025 г. эксперты направления «Подготовка кадров для энергетического перехода» обсудили вторую часть доклада, включающую ОАЭ, Индонезию, Эфиопию, Иран и Египет. Исследование ориентировано на оценку состояния профессиональных навыков, выявление кадровых проблем и определение перспектив сотрудничества в сфере энергетического образования и развития человеческого капитала [7].

Другим перспективным направлением выступают искусственный интеллект, цифровые технологии и высокотехнологичное производство. В частности, в Китае действует BRICS Academy of Future Skills Development and Technology Innovation (Xiamen), деятельность которой связана с подготовкой кадров, развитием и гармонизацией профессиональных стандартов, технологическим обменом и перспективными навыками в области интеллектуального производства, искусственного интеллекта, цифровых технологий и Industry 4.0 [10]. Практическая составляющая реализуется в рамках BRICS Skills Development and Technology Innovation Competition, где в 2026 г. представлены интеллектуальное производство, цифровое здравоохранение, зелёная энергетика и углеродная нейтральность, применение искусственного интеллекта, цифровое сельское хозяйство и продовольственная безопасность, космические информационно-коммуникационные технологии и другие технологические направления [17]. Их содержание показывает распространение цифровых компетенций за пределы IT-сектора и их соединение с отраслевой профессиональной подготовкой.

Необходимость определения перспективных кадровых потребностей подтверждается инициативами индийского председательства в БРИКС. В августе 2026 г. на заседании BRICS Technical and Vocational Education and Training Cooperation Alliance Индия предложила проведение *BRICS International Skill Gap Study*, предусматривающего изучение влияния цифровых, «зелёных» и демографических изменений на структуру профессиональных навыков и потребности в рабочей силе. Одновременно предложены проведение BRICS Skills Competition и формирование свода лучших практик профессиональной подготовки [9].

Таким образом, рассмотренные инициативы позволяют выделить перспективные направления сотрудничества БРИКС+, формирующие новые кадровые потребности: искусственный интеллект и цифровые технологии, высокотехнологичное и интеллектуальное производство, энергетика и энергетический переход, цифровая и трансграничная занятость, международная трудовая мобильность, цифровое здравоохранение, зелёная энергетика и углеродная нейтральность, цифровое сельское хозяйство и продовольственная безопасность (табл. 1).

Таблица 1. Перспективные направления сотрудничества БРИКС+ и соответствующие им кадровые потребности

Перспективное направление сотрудничества БРИКС+	Практическое проявление и реализуемые инициативы	Формируемые кадровые потребности	Источник
Цифровая и трансграничная занятость	Международная цифровая платформа удалённой занятости для стран БРИКС: взаимодействие работодателей и специалистов разных стран, трансграничные расчёты, электронные договоры, перевод и культурная адаптация коммуникаций	Профессиональные и цифровые компетенции; владение инструментами дистанционного взаимодействия; языковые и межкультурные навыки; знание особенностей трансграничной профессиональной деятельности	[3]
Международная трудовая мобильность	BRICS Mobility: международный рекрутинг, проверка навыков, профессиональное обучение и адаптация кандидатов к требованиям работодателей	Профессиональная подготовка; подтверждение и адаптация квалификаций; языковые и межкультурные компетенции; способность работать в международной профессиональной среде	[12]
Энергетика и энергетический переход	*BRICS Energy Transition Skills Report 2023*; продолжение исследования с включением новых стран БРИКС+	Инженерно-технические и энергетические компетенции; навыки работы с новыми энергетическими технологиями; цифровые и экологические компетенции	[7; 11]

Окончание

Перспективное направление сотрудничества БРИКС+	Практическое проявление и реализуемые инициативы	Формируемые кадровые потребности	Источник
Искусственный интеллект и цифровые технологии	Деятельность BRICS Academy of Future Skills Development and Technology Innovation; направление Artificial Intelligence Integrated Application	Компетенции в области искусственного интеллекта, цифровых технологий, обработки и использования данных; применение ИИ в различных сферах деятельности	[10; 17]
Высокотехнологичное и интеллектуальное производство	Направления Intelligent Advanced Manufacturing и Industry 4.0; технологические соревнования БРИКС	Инженерные и цифровые компетенции; автоматизация и интеллектуализация производства; применение цифровых технологий в производственных процессах	[10; 17]
Цифровое здравоохранение	Направление Digital Health and Healthcare в рамках BRICS Skills Development and Technology Innovation Competition	Сочетание медицинских, цифровых и технологических компетенций; работа с цифровыми решениями в здравоохранении	[17]
Зелёная энергетика и углеродная нейтральность	Направление Green Energy and Carbon Neutrality; исследования кадрового обеспечения энергетического перехода	Энергетические, инженерно-технические и экологические компетенции; использование цифровых технологий в энергетике	[7; 11; 17]
Цифровое сельское хозяйство и продовольственная безопасность	Направление Digital Agriculture and Food Security в международных технологических соревнованиях БРИКС	Сочетание аграрных, цифровых и инженерно-технологических компетенций; применение цифровых решений в сельском хозяйстве	[17]
Подготовка кадров с учётом перспективного дефицита навыков	Инициатива проведения *BRICS International Skill Gap Study*, BRICS Skills Competition и обобщения лучших практик профессиональной подготовки	Выявление перспективных профессиональных навыков; адаптация профессиональной подготовки к цифровым, «зелёным» и демографическим изменениям и потребностям рынка труда	[9]

Источник: составлено автором.

Таким образом, проведённое исследование позволило выявить перспективные направления сотрудничества БРИКС+ и установить, что соответствующие им кадровые потребности характеризуются пересечением профессиональных, цифровых, технологических и междисциплинарных компетенций, что обусловливает необходимость их систематизации и объединения в профессионально-компетентностные кластеры.

Формирование профессионально-компетентностных кластеров как формат решения проблемы обеспечения кадровых потребностей объединения БРИКС+

Выявленные в первой части исследования кадровые потребности показывают, что их систематизация только по отраслевому принципу не в полной мере соответствует характеру происходящих изменений. Цифровые технологии используются одновременно в промышленности, энергетике, финансовой сфере, здравоохранении, сельском хозяйстве и логистике. Аналогичная ситуация складывается с искусственным интеллектом, анализом данных, автоматизацией и технологиями управления сложными системами. При этом реализация совместных проектов БРИКС+ дополнительно требует знания международной деловой среды, способности работать в межкультурных командах и понимания особенностей взаимодействия организаций, представляющих разные страны.

В результате возникает пересечение отраслевой и функциональной специализации. Специалист сохраняет базовую профессиональную принадлежность, однако для участия в современных технологических проектах её становится недостаточно. Например, деятельность в области цифровой логистики предполагает знания транспортных процессов, информационных технологий, анализа данных и международной торговли. В энергетике инженерные компетенции дополняются цифровыми и экологическими. Развитие финансовых технологий требует сочетания экономической подготовки, информационных технологий, анализа данных и понимания правовых аспектов трансграничных операций. Именно подобные пересечения определяют необходимость иного подхода к систематизации кадровых потребностей БРИКС+.

В настоящем исследовании в качестве такого подхода предлагается профессионально-компетентностная кластеризация. Под профессионально-компетентностным кластером предлагается понимать совокупность взаимосвязанных профессиональных, технологических, цифровых и надпрофессиональных компетенций, совместное использование которых необходимо для осуществления деятельности в определённом перспективном направлении сотрудничества БРИКС+.

Принципиальным является то, что кластер формируется не вокруг конкретной профессии или специальности. Его ядром выступает направление совместной деятельности, для которого определяется соответствующая совокупность компетенций. Один специалист может использовать компетенции нескольких кластеров, а отдельная компетенция, напротив, может входить одновременно в несколько кластеров. Поэтому границы между ними рассматриваются как подвижные.

Предлагаемый подход отличается и от традиционного построения атласов перспективных или новых профессий. В подобных разработках исходной единицей, как правило, является профессия, профессиональная роль либо изменение содержания конкретного вида трудовой деятельности. Для целей настоящего исследования этого недостаточно. Задача состоит не в прогнозировании названий профессий, которые могут появиться в странах БРИКС+, а в определении тех сочетаний компетенций, которые потребуются для реализации перспективных направлений сотрудничества независимо от национальных различий в классификациях профессий и специальностей.

Это различие имеет практическое значение. Наименование одной и той же или близкой по содержанию профессиональной деятельности может различаться в национальных системах образования и занятости. Компетенция в большей степени позволяет зафиксировать содержательную сторону подготовки: что специалист должен знать, какими технологиями владеть и какие профессиональные задачи быть способен выполнять. Поэтому именно компетентностный уровень может использоваться в качестве основы для сопоставления кадровых потребностей различных стран.

Процесс формирования профессионально-компетентностных кластеров происходит последовательно. Предлагаемая последовательность представлена в таблице 2.

Таблица 2. Методика формирования профессионально-компетентностных кластеров БРИКС+ (составлено автором)

Этап	Содержание	Результат
1. Определение перспективных направлений	Выделение направлений экономического и научно-технологического сотрудничества, формирующих кадровую потребность	Перечень перспективных направлений сотрудничества БРИКС+
2. Определение профессиональных задач	Установление основных видов деятельности и задач, возникающих в каждом направлении	Совокупность перспективных профессиональных задач
3. Выделение компетенций	Определение профессиональных, цифровых, управленческо-проектных и международно-коммуникационных компетенций	Компетентностный профиль каждого направления
4. Установление междисциплинарных связей	Выявление повторяющихся и взаимодополняющих компетенций	Матрица пересечения компетенций
5. Формирование кластеров	Объединение взаимосвязанных компетенций и определение образовательных форм их освоения	Профессионально-компетентностные кластеры БРИКС+

Применение предложенного подхода позволило сформировать семь базовых профессионально-компетентностных кластеров (рис. 1).

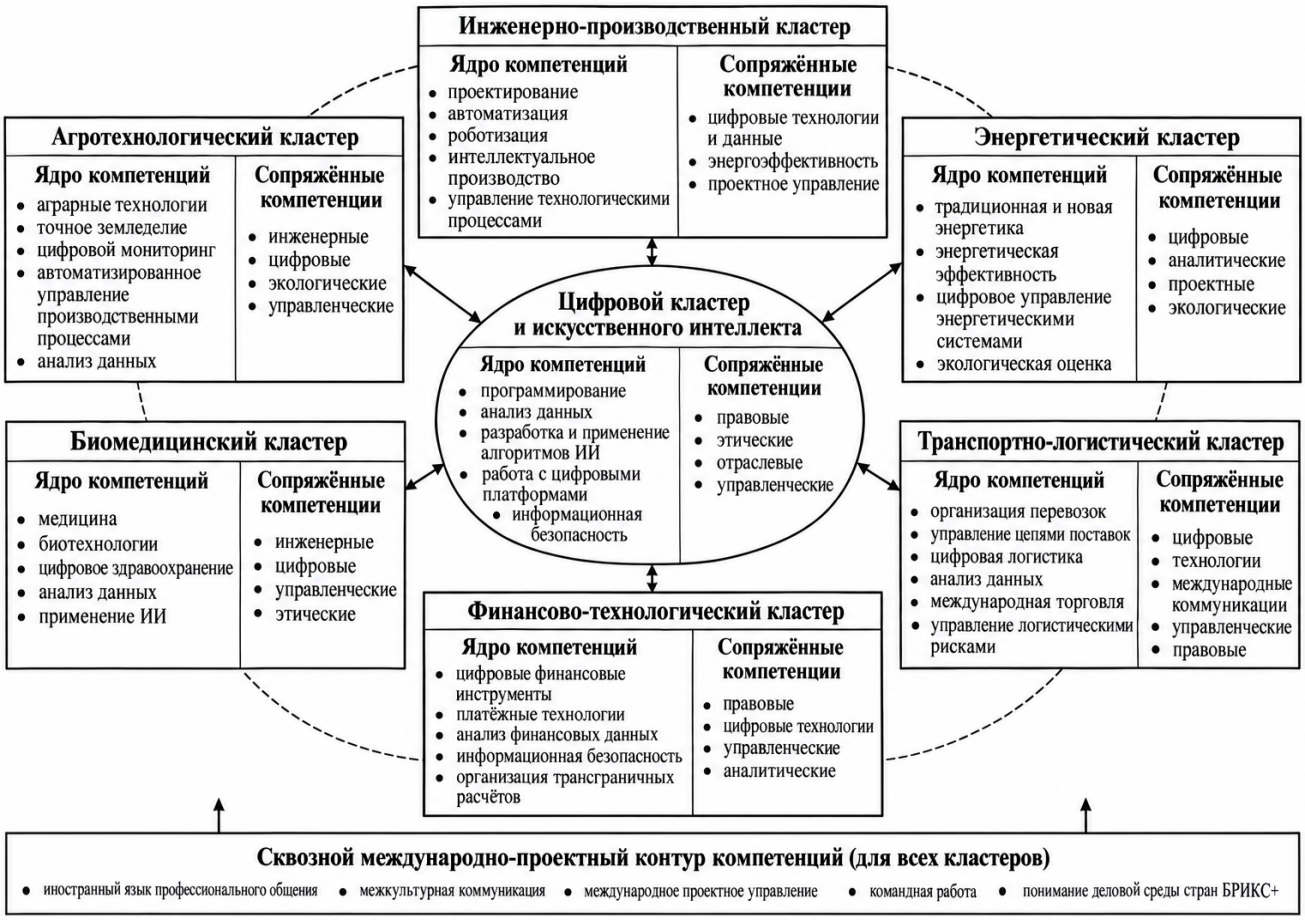

Рис. 1. Кластерная система обеспечения кадровых потребностей объединения БРИКС+

Источник: составлено автором.

Безусловно, что перечисленные семь кластеров не охватывают всех требований, предъявляемых к специалистам, участвующим в совместных проектах БРИКС+. Для каждого из них предлагается предусмотреть единый сквозной международно-проектный контур компетенций, в который входят иностранный язык профессионального общения, межкультурная коммуникация, управление международными проектами, командная работа, понимание деловой среды стран БРИКС+, базовые знания особенностей национального регулирования и навыки работы в распределённых международных командах.

Именно в этот универсальный контур целесообразно включить образовательный модуль Doing Business in BRICS+, образующий самостоятельный профессиональный кластер, важность которого связана с тем, что знание особенностей ведения деятельности в странах объединения необходимо специалистам различных профилей. Содержание такого модуля может включать особенности деловой среды стран БРИКС+, организацию международных проектов, межкультурные коммуникации, основы трансграничных расчётов, вопросы интеллектуальной собственности и практику взаимодействия с зарубежными партнёрами.

В результате профессионально-компетентностная структура приобретает двухуровневый характер. Первый уровень образуют семь специализированных кластеров. Второй представлен сквозным международно-проектным контуром, связывающим их между собой и обеспечивающим возможность применения отраслевых и технологических компетенций в совместных проектах БРИКС+ (табл. 3).

Таблица 3. Структура профессионально-компетентностных кластеров БРИКС+

Кластер	Ядро профессиональных компетенций	Сопряжённые компетенции	Возможные направления образовательной подготовки
Цифровой и ИИ	ИИ, программирование, анализ данных, цифровые платформы	кибербезопасность, право, этика, управление	ИИ, Data Science, цифровые технологии, прикладные отраслевые модули

Окончание

Кластер	Ядро профессиональных компетенций	Сопряжённые компетенции	Возможные направления образовательной подготовки
Инженерно-производственный	проектирование, автоматизация, роботизация, интеллектуальное производство	ИИ, данные, энергоэффективность, проектное управление	инженерные программы, робототехника, цифровое производство
Энергетический	энергетические системы, новые энергетические технологии, энергоэффективность	цифровое управление, экология, анализ данных	энергетика, зелёные технологии, цифровые энергетические системы
Транспортно-логистический	транспорт, логистика, цепи поставок	анализ данных, цифровые платформы, международная торговля	логистика, управление цепями поставок, цифровой транспорт
Финансово-технологический	финансы, цифровые платежи, финансовые данные	IT, кибербезопасность, право	FinTech, цифровые финансы, финансовая аналитика
Биомедицинский	медицина, биотехнологии, цифровое здравоохранение	ИИ, анализ данных, инженерные технологии	цифровая медицина, биоинформатика, медицинские технологии
Агротехнологический	аграрные технологии, продовольственные системы	цифровой мониторинг, автоматизация, экология	AgTech, цифровое сельское хозяйство, управление продовольственными системами

Источник: разработано автором.

Для объединения полученных результатов в единую систему предлагается создать «Атлас перспективных профессионально-компетентностных кластеров БРИКС+». В данном случае термин «Атлас» используется не в значении перечня профессий, а для обозначения структурированного инструмента представления перспективных направлений деятельности, соответствующих им профессионально-

компетентностных кластеров и возможных форм образовательной подготовки.

Основной единицей Атласа предлагается сделать карточку профессионально-компетентностного кластера. Такая карточка должна содержать: перспективное направление сотрудничества БРИКС+; основные профессиональные задачи; ядро компетенций; сопряжённые компетенции; межкластерные связи; возможные образовательные модули; формы практической подготовки; направления международного образовательного взаимодействия.

Например, карточка транспортно-логистического кластера должна показывать не только необходимость подготовки специалистов в области транспорта. В ней одновременно отражаются цифровая логистика, анализ данных, управление цепями поставок, международная торговля, управление рисками и международно-проектные компетенции. Карточка тем самым показывает университету, какие элементы подготовки необходимо соединить в образовательной программе или дополнительном модуле.

Предлагаемый Атлас должен носить открытый и обновляемый характер. Его содержание не следует закреплять как неизменный перечень компетенций. При появлении новых направлений сотрудничества может вводиться новый кластер; при распространении новой технологии – дополняться компетентностное ядро существующего; при возникновении устойчивых связей между направлениями – корректироваться межкластерная структура. Это особенно важно применительно к искусственному интеллекту и цифровым технологиям, скорость изменения которых существенно выше традиционного цикла обновления образовательных программ.

Практическое использование Атласа возможно в нескольких направлениях (рис. 2).

В рамках данного подхода каждая страна и образовательная организация имеет возможность сохранять собственные образовательные программы, квалификации и требования к подготовке специалистов с учётом особенностей национальной системы образования, тогда как общим элементом взаимодействия становится не единый образовательный стандарт, а описание перспективной кадровой потребности через систему профессиональных компетенций, позволяющее использовать Атлас как рекомендательный инструмент сопоставления и координации образовательной подготовки в странах БРИКС+.

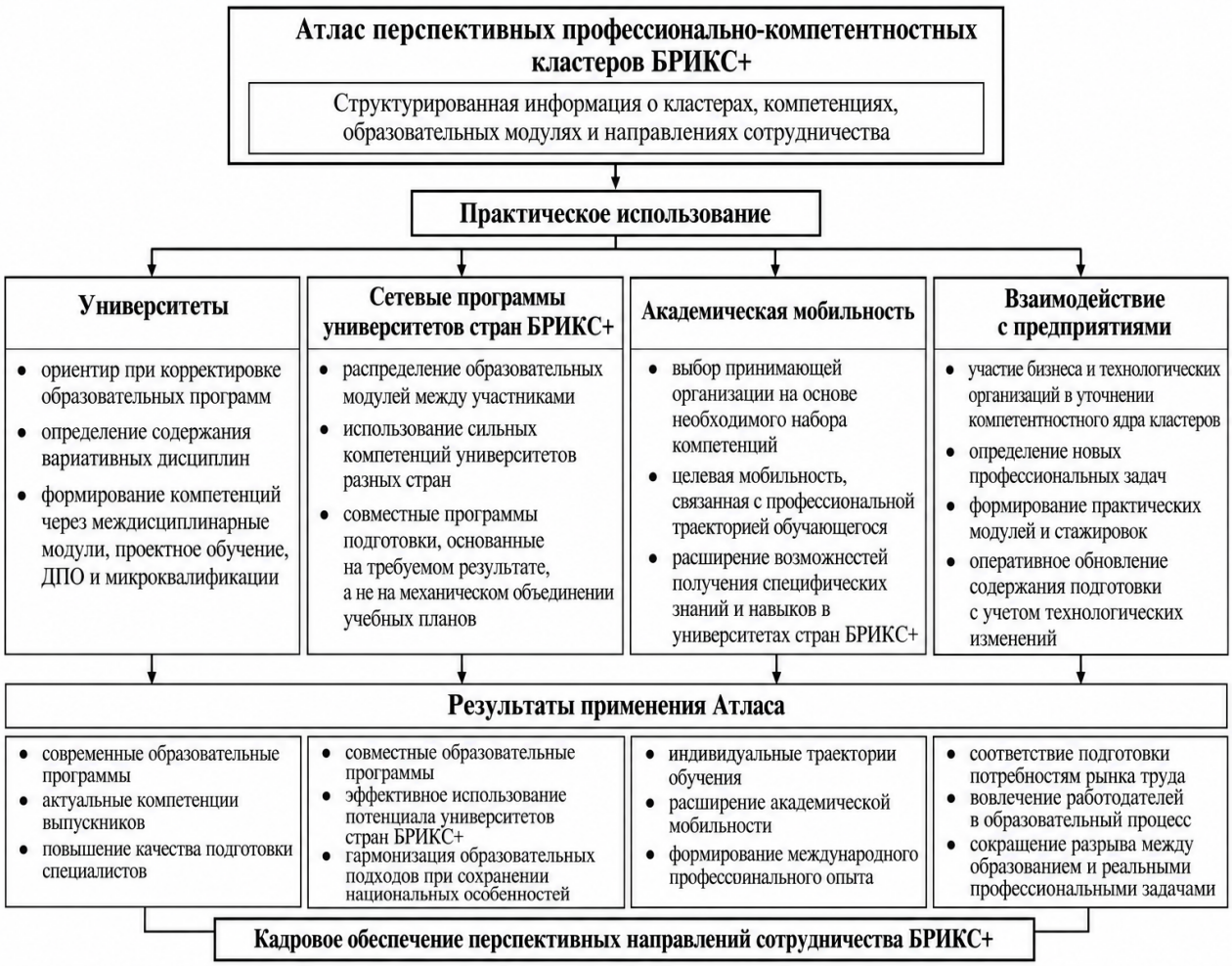

Рис. 2. Направления и результаты использования Атласа перспективных профессионально-компетентностных кластеров БРИКС+

Источник: составлено автором.

Заключение

Проведённое исследование позволило определить перспективные направления сотрудничества БРИКС+ и соответствующие им кадровые потребности, формирующиеся под влиянием цифровых, технологических и структурных изменений. Современные реалии профессиональной деятельности на уровне объединения БРИКС+ таковы, что реализация совместных проектов требует сочетания профессиональных, цифровых, технологических, управленческих и международно-коммуникационных компетенций, определяя необходимость их систематизации на основе профессионально-компетентностного подхода.

Проведённое исследование позволяет также утверждать, что профессионально-компетентностная кластеризация позволяет перейти от общего определения кадровых потребностей БРИКС+ к их содержательной систематизации. В рамках данного подхода предлагаемый Атлас перспективных профессионально-компетентностных кластеров БРИКС+ связывает перспективные направления экономического и научно-технологического сотрудничества, профессиональные задачи, необходимые компетенции и возможные образовательные решения. Практическое использование данного Атласа может стать основой для обновления образовательных программ, разработки междисциплинарных модулей, развития сетевого обучения и более тесного взаимодействия университетов с организациями, участвующими в совместных проектах БРИКС+.

Литература

1. Гневашева В.А. Методы обучения на различных уровнях образования в странах BRICS+ как методический фонд для создания единого академического пространства // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2026. – Т. 15, № 1. – С. 6–12.

2. Карпович О.Г. Теория и методология подготовки кадров для системы высшего образования стран БРИКС // Юридическое образование и наука. – 2025. – № 8. – С. 9–14.

3. Международная платформа удалённой занятости для стран БРИКС: сайт. – URL: https://bricsprof.org/ (дата обращения: 10.09.2026).

4. Поташин А. А., Гусаров М.А., Бадалян К.М., Комлев Н.М., Малаховский Я.И. Влияние сотрудничества стран БРИКС в сфере образования на развитие глобального образовательного пространства // Управление образованием: теория и практика. – 2024. – Т. 14, № 7–1. – С. 139–148.

5. Садовничий В.А. Университеты как ключевой фактор в системе подготовки кадров для обеспечения технологического суверенитета России // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. – 2024. – Т. 22, № 1. – С. 9–25.

6. Софронова Л. И., Соловьев А.А., Абрамова С.А. Методический потенциал образовательных практик стран БРИКС+ в подготовке специалистов по BIM-проектированию // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. – 2026. – Т. 15, № 1. – С. 37–41.

7. Эксперты БРИКС обсудили развитие кадрового потенциала для энергоперехода в новых странах объединения // Mission Impact. – 2025. – 13 августа. – URL: https://impact-mission.org/ru/blog/eksperty-briks-obsudili-razvitie-kadrovogo-potentsiala-dlya-energoperekhoda-v-novykh-stranakh-obedin/ (дата обращения: 13.09.2026).

8. Aneja A. Why BRICS Must Have a Home-Grown Curriculum to Shed Its Colonial Baggage // Geopolitica.RU. – URL: https://www.geopolitika.ru/ en/article/why-brics-must-have-home-grown-curriculum-shed-its-colonial-baggage (дата обращения: 13.09.2026).

9. BRICS-TCA Symposium and JMC Meeting Convenes under the Guidance of MSDE, Government of India // Press Information Bureau. Government of India. – 2026. – 4 August. – URL: https://www.pib.gov.in/ PressReleasePage.aspx? PRID=2294515&lang=1&reg=48 (дата обращения: 10.09.2026).

10. BRICS Academy of Skills Development and Technology Innovation: сайт исследовательского центра 金砖未来研究院.. – URL: https:// www.bricsfuture.org.cn/ (дата обращения: 13.09.2026).

11. BRICS Energy Transition Skills Report 2023 // BRICS Energy Research Cooperation Platform. – 2023. – URL: https://impact-mission.org/ insights/ brics/ (дата обращения: 12.09.2026).

12. BRICS Mobility: сайт. – URL: https://www.bricsmobility.org/ (дата обращения: 12.09.2026).

13. Liberali F. C., Lemos M., Modesto-Sarra L.K. Play Brigade Project – Brincadas – as an Insurgent Pedagogy: Play, Agency, and Transformation in the Context of BRICS+ Education // Cultural-Historical Psychology. – 2025. – Vol. 21, № 3. – P. 145–155. – DOI: 10.17759/chp.2025210313.

14. Maltseva V., Nikitin M., Mehrotra S., Li J. Private-Public Partnership in TVET: An Overview of Current Practices in the BRICS Countries // Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow. – 2025. – № 3. – P. 92–117. – DOI: 10.17323/vo-2025-24091.

15. Ogunbanjo B. The Politics of Higher Education in the BRICS Countries: A Critical Investigation of the Developments, Policies and Perspectives // Journal of Public Administration and Social Welfare Research. – 2024. – Vol. 9, № 4. – P. 212–243. – DOI: 10.56201/jpaswr.v9.no4.2024.pg212.243.

16. Ramnund-Mansingh A., Novgorodov P. Higher Education as Soft Power? Knowledge Diplomacy in Russia–South Africa BRICS Collaboration // Journal of Management & Administration. – 2026. – Vol. 18, № 1. – P. 1–26. – DOI: 10.5281/zenodo.20798137.

17. 关于举办2026一带一路暨金砖国家技能发展与技术创新大赛（俄罗斯）技术创新国际赛的通知 [Уведомление о проведении в 2026 г. международного конкурса технологических инноваций в России в рамках конкурса «Один пояс – один путь» и стран БРИКС] // 金砖未来研究院. – 2026. – URL: https://www.bricsfuture.org.cn/a/20–348.html (дата обращения: 13.09.2026).

FORMATION OF PROFESSIONAL COMPETENCE CLUSTERS AS A DIRECTION FOR BRICS+ EDUCATIONAL INTEGRATION

Abilova G.V.
MGIMO University

The article aims to develop an approach to establishing a system for staffing promising areas of BRICS+ cooperation by identifying professional competence clusters and defining the interdisciplinary links between the competencies within them. The study is grounded in a systems approach, which enabled the analysis of staffing for promising BRICS+ cooperation areas as a set of interconnected elements. Results. A professional competence-based approach to staffing promising BRICS+ cooperation areas is substantiated; under this approach, workforce needs are presented as a system of interconnected professional, technological, digital, and cross-professional competencies. A system of professional competence clusters has been formed, and conceptual proposals have been developed for creating an Atlas of Promising BRICS+ Professional Competence Clusters. This Atlas serves as a tool for updating educational programs, creating interdisciplinary modules, and fostering network-based learning, academic mobility, and university-employer collaboration. Conclusions. The study identified promising areas of BRICS+ cooperation and the corresponding workforce needs emerging from digital, technological, and structural changes. The current realities of professional activity within the BRICS+ bloc dictate that the implementation of joint projects requires a combination of professional, digital, technological, managerial, and international communication competencies, thereby necessitating their systematization through a professional competence-based approach.

Keywords: BRICS+, cooperation, staffing, professional competencies, professional competence clusters, education.

References

1. Gnevasheva V.A. Teaching methods at various levels of education in BRICS+ countries as a methodological resource for creating a unified academic space // Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technologies. – 2026. – Vol. 15, № 1. – P. 6–12.

2. Karpovich O.G. Theory and methodology of personnel training for the higher education systems of BRICS countries // Legal Education and Science. – 2025. – № 8. – P. 9–14.

3. International remote employment platform for BRICS countries: website. – URL: https://bricsprof.org/ (accessed: 10.09.2026).

4. Potashin A. A., Gusarov M.A., Badalyan K.M., Komlev N.M., Malakhovsky Ya.I. The impact of BRICS cooperation in education on the development of the global educational space // Education Management: Theory and Practice. – 2024. – Vol. 14, № 7–1. – P. 139–148.

5. Sadovnichy V.A. Universities as a key factor in the personnel training system for ensuring Russia's technological sovereignty // Bulletin of Moscow University. Series 20. Pedagogical Education. – 2024. – Vol. 22, № 1. – P. 9–25.

6. Sofronova L. I., Solovyev A.A., Abramova S.A. Methodological potential of BRICS+ educational practices in training BIM design specialists // Bulletin of the Siberian Institute of Business and Information Technologies. – 2026. – Vol. 15, № 1. – P. 37–41.

7. BRICS experts discussed the development of workforce capacity for the energy transition in the bloc's new member countries // Mission Impact. – 2025. – August 13. – URL: https://impact-mission.org/ru/blog/eksperty-briks-obsudili-razvitie-kadrovogo-potentsiala-dlya-energoperekhoda-v-novykh-stranakh-obedin/ (accessed: September 13, 2026).

8. Aneja A. Why BRICS Must Have a Home-Grown Curriculum to Shed Its Colonial Baggage // Geopolitica.RU. – URL: https://www.geopolitika.ru/ en/article/why-brics-must-have-home-grown-curriculum-shed-its-colonial-baggage (accessed: September 13, 2026).

9. BRICS-TCA Symposium and JMC Meeting Convenes under the Guidance of MSDE, Government of India // Press Information Bureau. Government of India. – 2026. – August 4. – URL: https://www.pib.gov.in/ PressReleasePage.aspx? PRID=2294515&lang=1&reg=48 (accessed: September 10, 2026).

10. BRICS Academy of Skills Development and Technology Innovation: website of the BRICS Future Research Institute. – URL: https:// www.bricsfuture.org.cn/ (accessed: September 13, 2026).

11. BRICS Energy Transition Skills Report 2023 // BRICS Energy Research Cooperation Platform. – 2023. – URL: https://impact-mission.org/insights/brics/ (access date: 09/12/2026).

12. BRICS Mobility: website. – URL: https://www.bricsmobility.org/ (access date: 09/12/2026).

13. Liberali F.C., Lemos M., Modesto-Sarra L.K. Play Brigade Project – Brincadas – as an Insurgent Pedagogy: Play, Agency, and Transformation in the Context of BRICS+ Education // Cultural-Historical Psychology. – 2025. – Vol. 21, № 3. – P. 145–155. – DOI: 10.17759/chp.2025210313.

14. Maltseva V., Nikitin M., Mehrotra S., Li J. Private-Public Partnership in TVET: An Overview of Current Practices in the BRICS Countries // Voprosy obrazovaniya / Educational Studies Moscow. – 2025. – № 3. – P. 92–117. – DOI: 10.17323/vo-2025-24091.

15. Ogunbanjo B. The Politics of Higher Education in the BRICS Countries: A Critical Investigation of the Developments, Policies and Perspectives // Journal of Public Administration and Social Welfare Research. – 2024. – Vol. 9, № 4. – P. 212–243. – DOI: 10.56201/jpaswr.v9.no4.2024.pg212.243.

16. Ramnund-Mansingh A., Novgorodov P. Higher Education as Soft Power? Knowledge Diplomacy in Russia–South Africa BRICS Collaboration // Journal of Management & Administration. – 2026. – Vol. 18, № 1. – P. 1–26. – DOI: 10.5281/zenodo.20798137.

17.关于举办2026一带一路暨金砖国家技能发展与技术创新大赛（俄罗斯）技术创新国际赛的通知[Notice about holding an international competition of technological innovations in Russia in 2026 within the framework of the «One Belt – One Road» competition and the BRICS countries] // 金砖未来研究院. – 2026. – URL: https://www.bricsfuture.org.cn/a/20–348.html (access date: 09/13/2026).

Проблема войны и мира в европейских церквах на современном этапе

Аракелян Данил Эдуардович,
аспирант кафедры мировых политических процессов МГИМО МИД России, сотрудник Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата
E-mail: arakelyan.den@gmail.com

В центре исследования находятся документы Евангелическо-лютеранской церкви Финляндии и Евангелической церкви в Германии, посвященные проблеме войны и мира, опубликованные осенью 2025 года. Статья рассматривает связь этих текстов с более ранними попытками концептуализации данной темы. Критическая теория международных отношений используется для сравнения этих документов, выявления их связи с внутренней и внешней политикой Финляндии и Германии, соответственно. Автор приходит к выводу о том, что обе церкви как часть традиционной интеллигенции отражают в своих текстах растущую милитаризацию европейского общества, что, в частности, выражается в использовании инструментария теории справедливой войны. Общей особенностью исследуемых документов также является их обращение к концепции справедливого мира, которая обосновывает притязания либеральной идеологии на определение параметров международного порядка. Выделяются различия между подходами обеих церквей, обусловленные страновыми особенностями.

Ключевые слова: Евангелическо-лютеранская церковь Финляндии, Евангелическая церковь в Германии, справедливый мир, справедливая война, проблема войны и мира.

Введение

Христианские церкви активно участвуют в общественной жизни. Известно, что они, обладают собственным социальным учением [37], [34] и часто реагируют на события международной жизни, призывая к определенным действиям со стороны международного сообщества [22], [13]. В целом, как отмечал исследователь религии Дж. Хейнс, церкви могут оказывать влияние на принятие внешнеполитических решений посредством мягкой силы [11, с. 305].

Если сами они объясняют свое участие в публичных дискуссиях в категориях «любви» и «христианского долга», тогда как непосредственные рекомендации и призывы обосновываются этическими требованиями церковного учения, то для социальных наук их деятельность в политической сфере может рассматриваться контексте других общественных отношений.

В связи с этим небезынтересной представляется идея итальянского политического мыслителя А. Грамши о духовенстве как о традиционной интеллигенции. В своих «Тюремных тетрадях» Грамши отстаивал теорию о том, что каждый общественный класс имеет свое интеллектуальное крыло – интеллигенцию, связанную с ним органически [33, с. 468]. Эта интеллигенция «осуществляет функции, подчиненные задачам социальной гегемонии и политического управления», то есть является политическими агентами определенной социальной группы [33, с. 465]. В то же время, существует традиционная интеллигенция, возникшая в более раннюю эпоху, и имеющая опосредованное отношения к классам, представленным в экономическом базисе. Как следствие, традиционная интеллигенция, к которой, в том числе, относятся представители духовенства, может рассматривать собственные сообщества как «автономные и независимые от господствующей социальной группы» [33, с. 460]. Подобным самоощущением можно частично объяснить тенденцию рассматривать религиозные организации как «независимые» от политики.

Такое самовосприятие, однако, по мысли Грамши, не отменяет экономической зависимости традиционной интеллигенции от правящей группы, которая и сама нуждается в традиционной интеллигенции для полного контроля над обществом и обеспечения своего политического управления. В образуемой из этого взаимного притяжения структуре – «историческом блоке» – традиционная интеллигенция отвечает за «выработку идей и мнений», а также за «политическое посредничество» между основной народной массой и администрацией [33, с. 466].

В таком прочтении христианские церкви как структуры традиционной интеллигенции можно рассматривать в качестве активных политических акторов, которые могут действовать, как внутри, так и вне государств [20, с. 52].

В современном европейском контексте, несмотря на процессы секуляризации, христианские церкви остаются значимыми политическими акторами. Где-то они имеют государственный или привилегированный статус[1]. Самостоятельно или совместно европейские церкви взаимодействуют с правительствами государств и институтами ЕС по вопросам международной жизни [1], [4], [13].

Хотя в Европе проживает только 22% христианского населения мира, этот регион отличается непропорционально большим влиянием в современных межхристианских отношениях [14]. Здесь расположены центры англиканства и католичества, глобальных экуменических и конфессиональных организаций. Европейские богословы наиболее вовлечены в международные дискуссии по актуальным вопросам теологии и жизни церквей в современном мире.

В условиях кризиса безопасности в Европе местные церкви как представители традиционной интеллигенции также вносят свой вклад в соответствующие политические дискуссии. В данной работе в центре внимания находится Евангелическо-лютеранская церковь Финляндии (ЕЛЦФ) и Евангелическая церковь в Германии (ЕЦГ), которые осенью 2025 года опубликовали новые концептуальные документы, посвященные проблеме войны и мира. Настоящая статья стремится показать, что нынешняя позиция указанных церквей по этому вопросу является следствием, как внутристрановых дискуссий, так и той роли, которую играют церкви в современном европейском обществе.

[1] Речь идет, в частности, о Великобритании, Греции, Германии, Скандинавских государствах.

Выбор ЕЦГ и ЕЛЦФ обусловлен еще рядом дополнительных соображений. Во-первых, они пользуются особым положением в своих государствах: для них собирается специальный церковный налог и оказываются иные формы материальной поддержки, они активно сотрудничают с правительством и, в частности, министерством иностранных дел. Во-вторых, обе эти церкви имеют значительное влияние в межцерковных отношениях. Показателем этого, в частности, является их непропорционально большой вклад в финансирование Всемирного совета церквей глобальной организации по типу ООН, объединяющей более 350 христианских сообществ по всему миру), в том числе его программной деятельности [23]. В-третьих, эти церкви до недавних пор являлись одними из основных партнеров Московской патриархата в Европе, диалог с которыми восходит еще к 1950-м годам. В связи с этим изучение данных акторов представляет особый интерес для российских специалистов в сфере международных отношений. Учитывая также и то, что обе эти церкви относятся в большей степени к лютеранской традиции, для которой, как отмечают исследователи, характерно подчиненное положение по отношению к государственной власти [10, с. 28], исследование их документов будет в определенной степени полезным для понимания внешнеполитических стратегий их государств – Финляндии и Германии.

Обзор литературы

Политические учения европейских церквей становились предметами исследования российских и зарубежных авторов. Важной работой в этой сфере является монография Р.Н. Лункина «Церкви в политике и политика в церквях. Как современное христианство меняет европейское общество» [35], в которой представлен обширный материал, посвященный участию христианских сообществ Европы в международных отношениях.

По теме связи церквей и внешней политики можно также упомянуть работы Дж. Хейнса [11], А. Катано [15], П. Фрестона [10] из сборника «Религия и политика». Причем статья А. Катано, непосредственно посвященная миротворческой деятельности религиозных акторов представляется важной для понимания возможностей церквей в осмыслении проблемы войны и мира.

Определенное количество статей посвящены дискуссии в Евангелической церкви в Германии в процессе выработки упомянутого документа 2025 года. В числе их можно упомянуть работы У. Фрейя [39], Г. Бедфорд-Штрома [2], Ф.-Д. Фишбаха [9], М. Кессманн [26] и Т. Файлер [6]. Они позволяют понять историю дискуссии и внутреннюю логику ЕЦГ при принятии решений о публикации нового материала, посвященного проблеме войны и мира. В то же время, данные, в основном теологические, статьи имеют тенденцию обособленно рассматривать процессы в Германии, из-за чего вне поля зрения исследователей оказываются структурный и общеевропейский контекст.

Полезными для данного исследования оказались работы, посвященные Евангелическо-лютеранской церкви Финляндии, в частности, статьи О. Балабейкиной и В. Мартынова [32], Э. Хеландер [12], П. Куйвала [16], Ю. Пихкала [38] и Дж. Линдберга [17]. Они не относятся прямо к современной дискуссии о войне и мире, но обрисовывают контекст, в котором существует сегодня ЕЛЦФ.

Позиция Евангелическо-лютеранской церкви по вопросам войны и мира

Евангелическо-лютеранская церковь Финляндии возникла еще в Российской Империи в XIX веке, и сегодня она объединяет около 3,5 миллионов человек или 62% населения страны при одновременно существующей тенденции к медленному сокращению числа верующих [24]. Шведский исследователь Дж. Линдберг утверждает, что ЕЛЦФ занимает в финском обществе положение «гражданской религии», ответственной за создание общего национально-культурного пространства [17, с. 162]. Несмотря на отделение церкви от государства, Евангелическо-лютеранская церковь Финляндии активно сотрудничает с властями и пользуется особым статусом, который позволяет ей, в частности, собирать налоги со своих прихожан и пользоваться государственным финансированием [32, с. 155–156]. Для исследуемого вопроса также важно, что церковь в Финляндии, где все еще существует обязательная военная служба, имеет собственных капелланов в вооруженных силах страны. В целом, говоря о государственно-церковных отношениях в Финляндии, финский епископ Ю. Пихкала характеризует их как «деловое сотрудничество» [38, с. 381].

В данном контексте следует рассматривать опубликованный осенью 2025 года документ ЕЛЦФ, посвященный вопросам войны и мира, и получивший название «Призыв к миру» [21]. Жанр этого документа – «письмо епископов» – таким образом, он отражает позицию руководства Евангелическо-лютеранской церкви Финляндии. Этот текст завершает серию из трех материалов, опубликованных с 2021 года (предыдущие были посвящены вопросам отношения церкви к Библии и теме молитвы, соответственно). Ранее подобных документов не создавалось. В качестве причин, приведших к его написанию, авторы называют «войны на Украине и Ближнем Востоке, которые сделали угрозу конфликта и порождаемую им безнадежность слишком близкими для нас» [21, с. 7].

Центральной темой всего документа является понятие «справедливого мира». В частности, утверждается, что он «достигается через социальную стабильность и безопасность, демократические выборы и права человека, и когда с нами обращаются справедливо в вопросах, которые касаются наших собственных жизней» [21, с. 12]. Отдельно отмечается, что мир «не является лишь отсутствием насилия», но требует равенства, соблюдения прав человека, в том числе, в отношении гражданских ли, учета интересов участвующих сторон, «восстановления» достоинства жертв войны, «привлечения к ответственности виновных» и «возвращения обеих сторон в общество в качестве равных» [21, с. 12–13]. Политический смысл этих определений раскрывается в утверждении, что они показывают, что «важно, чтобы Украина находилась за столом переговоров, когда наступит время согласовать условия мира» [21, с. 17].

В качестве мер, сохранения мира называются экономическая взаимозависимость, использование международных институтов и международное сотрудничество. При этом, отмечается, что их действенность сегодня значительно ограничена [21, с. 18–19].

В связи с этим ЕЛЦФ вводит понятие «справедливой войны». Указывается, что, война «всегда противна воле Божией», «вызывает повсеместные страдания и разрушения» и «развращает тех, кто к ней обращается», но, в то же время, может быть «необходимой» в случае обороны, если способна предотвратить «большее зло и разрушения», а «угроза неизбежна или неконтролируема» [21, с. 21–22]. Выводом всего документа является утверждение о том, что «теология христианского мира вынуждена признать, что мы должны жить в мире с войнами до конца времен… как максимум, мы должны пытаться предотвращать возникновение конфликтов и ограничивать деструктивную силу войны» [21, с. 34].

В этом документе, обращает на себя внимание одновременное использование понятий справедливой войны и справедливого мира, которые считались взаимоисключающими в межхристианских отношениях в последние десятилетия [19]. Другой отличительной особенностью письма является его эмоциональная нагруженность и укорененность в финском контексте. В нем встречаются упоминания гражданской войны 1918 года, советско-финских войн 1940- гг., изображения украинских флагов, военных кладбищ, разрушенных домов и художественных отступлений с прославлением «героев», погибших в войнах прошлого. Также вполне очевидна его политическая направленность: больша**я** часть документа посвящена объяснению причин, почему без Украины нельзя вести переговоры по мирному урегулированию в рамках ее нынешнего конфликта с Россией.

Не менее важно указать на отсутствие в документе какой-либо рефлексии в связи с недавним вхождением Финляндии в НАТО. Представляется, что причиной этого является непродолжительное членство в альянсе, а также акцент на идее «вооруженной национальной обороны» [7], которая как раз находит отражение в данном тексте. В целом, документ не полемичен, он фиксирует и помещает в исторический контекст уже состоявшееся учение о войне и мире.

Позиция Евангелической церкви в Германии по вопросам войны и мира

Евангелическая церковь в Германии объединяет 17,4 миллионов человек, или 20,7% населения ФРГ [27], что делает ее второй по численности конфессией страны после Римско-католической церкви. Также как и ЕЛЦФ она переживает сокращение числа членов примерно на 3,2% в год [27]. ЕЦГ была образована сразу после Второй Мировой Войны в 1945 году и представляет собой конфедерацию 20 региональных церквей. Она тесно связана с государственной властью в Германии, которая собирает для нее церковный налог. Как и в Финляндии у Евангелической церкви в Германии есть своя капелланская служба, работающая в Бундесвере.

Вопросы войны и мира исторически занимали центральное место в жизни ЕЦГ. Один из первых документов на эту тему – «Гейдельбергские тезисы» – был опубликован в 1959 году. Авторы этого текста обсуждали оправданность применения ядерного оружия в международных отношениях, и выработали концепцию «взаимодополняемости», которая состояла в одновременном признании двух утверждений: «мир может быть достигнут только путем отказа от ядерного оружия» и «мир может быть защищен только посредством ядерного вооружения и связанного с ним сдерживания» [29]. Следующим важным доку-

ментом в этой сфере был мирный меморандум 1981 года «Сохранение, продвижение и обновление мира», в котором на фоне соперничества между США и СССР выдвигались инициативы разоружения и сотрудничества, а также делался акцент на оборонительное использование военной силы и возможность от отказа от военной службы по убеждениям совести [28]. В этот период в Германии активно развивается «мирное движение», которое, как отмечает немецкий исследователь У. Фрей, оказало значительное влияние на подход церквей к проблемам войны и мира [39, с. 70].

Как следствие, следующий мирный меморандум 2007 года «Жить в Божьем мире – трудиться во имя справедливого мира» довольно значительно пересмотрел предыдущие подходы к миротворчеству. Так было заявлено об отказе от понятия и принципов теории справедливой войны, вместо которой выдвигалась идея справедливого мира и лозунг «те, кто желает мира, должны готовиться к миру» [26]. Кроме того, было заявлено об отказе от Гейдельбергских тезисов на том основании, что «угроза применения ядерного оружия в настоящее время больше не является этически приемлемой» [26, с. 9]. Хотя этот документ не отрицает прямо возможность использования вооруженных сил «с целью защиты человеческой жизни и международного права», приоритет отдается международному развитию, примирению и развитию глобальных институтов [26, с. 43].

Последним по времени документом в этом ряду является мирный меморандум «Мир в беспорядке – перспектива справедливого мира», опубликованный осенью 2025 года, и находящийся в центре данного исследования. В качестве причин его создания называются кризис в международных отношениях, война на Украине, вооруженный конфликт в Секторе Газа, рост гибридных угроз, новые конфликты в Африке, опыт неудачной операции НАТО в Афганистане и изменение политики США при Президенте Д. Трампе [31, с. 6–7]. Документ начинается с определения справедливого мира, который понимается как «процесс, в котором насилие уменьшается, а справедливость возрастает» [31, с. 18]. Раскрывая это определение, авторы документа вводят диалектику четырех измерений справедливого мира: защиты от насилия, содействия свободе, сокращения неравенства и продвижения плюрализма. Главным в этом перечне является защита от насилия, но само оно не может устойчиво существовать без трех остальных. Для обоснования такой схемы вводятся категории закона и «насилия, направленного на обеспечения правопорядка», идентифицируемого с либеральной демократией и «порядком, основанным на правилах» [31, с. 19]. Особая роль в этом обсуждении отдается защите территориальной целостности, которая называется необходимым условием справедливого мира, в связи с чем авторы документа считают возможным отмежеваться от христианского пацифизма во многом характерного для меморандума 2007 года и назвать его не только «неэффективным в вопросе защит национальных границ», но и «этически неоправданным как общая этическая теория» [31, с. 34]. Форма, которую принимает «защита от насилия» описывается в терминах теории справедливой войны, которые «продолжают служить стандартами для этически оправданного применения (контр-)насилия в качестве крайней меры» [31, с. 48]. При этом авторы документа намеренно релятивизируют критерии применения силы, отмечая, что «мы никогда не можем знать, действительно ли то, что делается, правильно и эффективно, или же разрушительно и противоречит нашему стремлению к грядущему Царству Божьему» [31, с. 58]. Это позволяет им обосновать применение экономических санкций и возможность использования вооруженных сил для помощи другим странам, подвергающимся агрессии [31, с. 61–62].

Однако, наиболее серьезные изменения подхода Евангелической церкви в Германии к вопросу войны и мира касаются ядерного оружия. Ссылаясь на «угрозу применения Российской Федерацией ядерного оружия» в конфликте на Украине меморандум де-факто реабилитирует Гейдельбергские тезисы 1959 года, утверждая, что «обладание ядерным оружием может быть политически необходимо, даже если его применение неоправданно» [31, с. 114]. Кроме того, используя понятие «экзистенциальной угрозы» авторы меморандума оправдывают превентивное нападение, если существует обоснованная информация о неминуемой атаке с использованием ядерного оружия, но при этом отмечают, что доказательства этого можно предоставить «постфактум» [31, с. 116].

Меморандум также требует от Германии активного участия в международной помощи, приверженности защите прав человека, защите верховенства права в отличие от «права сильного» и поддержки глобальных институтов [31, с. 97]. Особое внимание уделяется распространению либеральной демократии, так как, по мысли авторов, только государства с либеральным политическим режимом могут продвигать справедливый мир. В связи с этим также выражается мысль о необходимости противодействовать распространению «враждебных мировоззрений», как внутри страны, так и вовне [31, с. 41].

Относительно мирных переговоров отмечается, что они «этически оправданы только в том случае, если проходят в рамках международного права, то есть если они служат защите территориальной целостности и самоопределения» из чего делается вывод, что «переговоры, которые лишь обеспечивают результаты войны, должны быть отвергнуты» [31, с. 75].

В последней части меморандума рассматриваются актуальные для современной Германии темы поставок вооружений в воюющие страны и дебаты о возвращении воинской повинности. По первому вопросу исследуемый документ отметил, что поставки оружия «могут быть необходимы» для «помощи жертвам вооруженного насилия», но оставил окончательное решение в каждом конкретном случае на усмотрение властей [31, с. 121]. Здесь авторы текста сами признают свое расхождение с меморандумом 2007 года, в котором отмечалось, что экспорт оружия создает угрозу миру. Относительно второго вопроса, несмотря на определенные оговорки, было отмечено, что «потребности сообщества имеют преимущество над свободой выбора отдельных лиц», а поэтому, хотя приоритет и должен отдаваться добровольной службе, необходимость обеспечения безопасности Германии может потребовать возвращения призыва в той или иной степени [31, с. 132].

Таким образом, основными отличиями нового документа от предыдущих версий являются: центральная роль насильственных действий для установления мира, оправдание обладания ядерным оружием, поставок вооружений, превентивных военных действий, экономических санкций и военного призыва; прямое отвержение пацифизма и курс на конфронтацию с нелиберальными политическими системами.

Представляется, что отдельные части связаны с конкретными проблемными ситуациями в современных международных отношениях. Так утверждения, касающиеся вопросов территориальной целостности, в том числе, применительно к переговорам, а также поставок вооружения относятся к ситуации Украинского кризиса. Пункты, относящиеся к превентивной войне, обладанию ядерным оружием и также поставкам вооружения в большей степени касаются конфликта на Ближнем Востоке и действий Израиля.

Авторы меморандума говорят, что их целью был «жизнеспособный компромисс, основанный на взаимном уважении» [31, с. 146]. Это указывает на наличие различных точек зрения на поднятые вопросы в немецком протестантском сообществе, о чем, в частности, писал немецкий исследователь Ф.-Д. Фишбах [9]. Выразителем более старого, пацифистского подхода в ЕЦГ можно назвать бывшего президента Совета Евангелической церкви в Германии М. Кессманн, которая подвергла новый документ критике за отход от пацифизма и возможность произвольного толкования вопросов экспорта вооружений, ядерного оружия и превентивной войны [25]. Противоположный взгляд отстаивал другой бывший президент Совета ЕЦГ Г. Бедфорд-Штром, который отмечал важность оправдания насильственных действий со стороны церкви для защиты от «вооруженной агрессии», приводя в пример российско-украинский конфликт [2].

Результаты

Для критической теории ЕЛЦФ и ЕЦГ как организации традиционной интеллигенции играют роль посредников между государством и гражданским обществом, агентов социального порядка [18]. Хотя им может быть присуще представление о себе как об «автономных и независимых от господствующей социальной группы» [33, с. 460], что, в частности, проявляется в подчеркивании неполитичности церковного учения [31, с. 17], [21, с. 38–39], как часть «исторического блока» в своей деятельности они все же воспроизводят те идеи и смыслы, которые господствуют в их обществах.

В этом можно убедиться, рассмотрев сходства и различия исследуемых документов. К первым относятся:

– Использование понятия справедливого мира, отождествляемого с либеральным международным порядком в качестве объекта стремлений миротворческих усилий;

– Оправдание использования вооруженного насилия в международных отношениях через прямое (ЕЛЦФ) или косвенное (ЕЦГ) обращение к теории справедливой войны;

– Отсутствие критики подхода своих государств в вопросах войны и мира[1];

– Центральная роль Украинского кризиса, поддержки Украины в конфликте с Россией и, в меньшей степени, конфликтов на Ближнем Востоке для обоснования милитаризации.

[1] Хотя в Германии церковь критиковала государство в 1980-х гг.

В этом контексте представляется важным наблюдение немецкой исследовательницы Т. Файлер, которая отмечала опасность соединения теории справедливой войны и доктрины справедливого мира, так как последняя имплицитно предполагает ограничение суверенитета государств через подчинение их либеральному правопорядку. Отказ каких-либо стран ему соответствовать может быть истолкован как нарушение мира и стать поводом для конфронтации, что в свою очередь повышает вероятность вооруженных конфликтов [6, с. 646]. Хотя статья Фейлер вышла до публикации нового мирного меморандума и письма епископов, ее выводы представляются справедливыми и для представленных в них концепций. Обращает на себя внимание, что подобные идеи воспроизводят позицию правящих групп Европейского Союза [3]. Видится не случайным, что новый мирный меморандум ЕЦГ получил одобрение Министерства иностранных дел Германии [30].

К различиям этих текстов относится то, что:

– Если для Евангелической церкви в Финляндии рассуждения о политике безопасности касаются в основном национального уровня, то для Евангелической церкви в Германии характерен более глобальный подход, включающий взаимодействие с союзниками и международное сотрудничество;

– Если подход ЕЛЦФ представляется цельным и стабильным, то учение ЕЦГ о войне и мире демонстрирует большую динамичность и непоследовательность;

- [Как следствие] в мирном меморандуме Евангелической церкви в Германии большое место уделяется сложным для немецкого общества вопросам поставки вооружений, отношения к ядерному оружию и военному призыву;

По Грамши интеллигенция не только проводит волю правящей группы – она выражает на уровне идей реально существующие в обществе разногласия [33, с. 59]. Это, в частности, обосновывает страновые различия. Так известно, что финское общество демонстрирует значительную стабильность и единство по основным вопросам внешней и оборонной политики, и этот консенсус, в частности, находит свое отражение в тезисах письма епископов [8]. Акцент «Призыва к миру» на вопросах национальной обороны можно объяснить распространенным в Финляндии недоверием к тому, что США помогут им в случае войны.

Что касается Германии, то ее общество является более расколотым по вопросам внешней и оборонной политики [36], что выражается и в разногласиях внутри церкви и, как следствие, в публикуемых ею документах. Тем не менее, мирный меморандум 2025 год показывает, что немецкое общество, несмотря на имеющиеся разногласия, в целом, обращается к милитаризации, но при этом считает необходимым тесное взаимодействие с европейским и международным сообществом, что в большей степени соответствует внешней политике Германии последних десятилетий, в отличие от Финляндии, которая лишь недавно отказалась от нейтралитета.

Данное сравнение дает основание полагать, что европейское общество в лице своих исторических церквей начинает все больше склоняться к возможности силового решения международных конфликтов. То, что христианские церкви, которые в последние десятилетия, напротив, зачастую занимали миротворческие позиции, сегодня открыто поддерживают применение насилия, говорит о серьезном конфронтационном потенциале европейских государств. Обоснование этого доктриной «справедливого мира», вносящего ценностное измерение в вопросы международных отношений, как представляется, может способствовать милитаризации внешней политики стран Европы.

Литература

1. At EU Commission dialogue, CEC urges investing in social cohesion. Conference of European Churches, 8 December 2025. URL: https://ceceurope.org/eu-commission-dialogue-cec-urges-investing-social-cohesion (accessed: 03.02.2026).

2. Bedford-Strohm H. Just Peace through Military Force? Peace Ethical Considerations in Light of the War of Aggression against Ukraine, 22 May 2023. URL: https://www.oikoumene.org/resources/documents/bishop-dr-heinrich-bedford-strohm-just-peace-through-military-force-peace-ethical-considerations-in-light-of-the-war-of-aggression-against-ukraine (accessed: 23.03.2026).

3. Borrell J. The world is demanding a just peace for Ukraine, 26 February 2023. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/world-demanding-just-peace-ukraine_en (accessed: 23.03.2026).

4. Danish EU Presidency: European churches meet with Danish government. Conference of European Churches, 25 November 2025. URL: https://ceceurope.org/danish-eu-presidency-european-churches-meet-danish-government (accessed: 04.02.2026).

5. European Council conclusions, 19 March 2026. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2026/03/20/european-council-conclusions/ (accessed: 23.03.2026).

6. Feiler T. Incoherences and Incompatibilities: Just Peace and Just War in Contemporary German Protestantism. Studies in Christian Ethics. 2024. № 37 (3). P. 643–656.

7. Finnish and Swedish Churches reticent about formal bid to join NATO, 20 May 2022. URL: https://www.churchtimes.co.uk/articles/2022/20-may/news/world/finnish-and-swedish-churches-reticent-about-formal-bid-to-join-nato (accessed: 20.03.2026).

8. Finns' opinions on foreign and security policy, national defence and security, December 2025. URL: https://valtioneuvosto.fi/en/-/236553176/finns-opinions-on-foreign-and-security-policy-national-defence-and-security-december-2025–1 (accessed: 23.03.2026).

9. Fischbach F.-D. The discussion on peace ethics in the Protestant Church in Germany (EKD) since the war against Ukraine began, 11 March 2023. URL: https://www.anglican-lutheran-society.org/events/2023–03–11-an-ecumenical-response-to-the-violence-of-war (accessed: 23.03.2026).

10. Freston P. Christianity: Protestantism / In Haynes J. Routledge Handbook of Religion and Politics. NY.: Routledge, 2008. P. 26–47.

11. Haynes J. Religion and Foreign Policy / In Haynes J. Routledge Handbook of Religion and Politics. NY.: Routledge, 2008. P. 293–308.

12. Helander E. European churches and the European parliament elections. The case of the Evangelical Lutheran Church of Finland. European Societies. 2017. № 19 (5). P. 580–599.

13. House of Bishops statement on Gaza, 22 May 2025. URL: https://www.churchofengland.org/media/press-releases/house-bishops-statement-gaza (accessed: 03.02.2026).

14. How the Global Religious Landscape Changed From 2010 to 2020. Pew Research Center report, 9 June 2025. URL: https://www.pewresearch.org/religion/2025/06/09/how-the-global-religious-landscape-changed-from-2010-to-2020/ (accessed: 03.02.2026).

15. Katano A. Conflict Prevention and Peacebuilding / In Haynes J. Routledge Handbook of Religion and Politics. NY.: Routledge, 2008. P. 351–366.

16. Kuivala P. The Evangelical Lutheran Church in Change Perspectives from Finland According to Recent Debate. Roczniki Teologii Fundamentalnej I Religiologii. 2011. № 3 (58). P. 99–105.

17. Lindberg J. Religion as a Means to Societal Cohesion in Nordic Politics 1988–2010. Politics and Religion in Europe. 2015. № 9 (2). P. 147–168.

18. Martin J. Antonio Gramsci / in Zalta N., Nodelmann U. The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Stanford: Stanford University, 2023. URL: https://plato.stanford.edu/entries/gramsci/#TheoInte (accessed: 23.03.2026).

19. Mid-term of the Ecumenical Decade to Overcome Violence 2001–2010, 14 February 2006. URL: https://www.oikoumene.org/resources/documents/mid-term-of-the-ecumenical-decade-to-overcome-violence-2001–2010 (accessed: 20.03.2026).

20. Pijl van de K. Western Hegemony and Transnational Capital: A Dialectical Perspective / in Anievas A. Marxism and World Politics: Contesting Global Capitalism. London and New York: Routledge, 2010. P. 52.

21. The Call to Peace Evangelical Lutheran Church of Finland, Bishops' letter. Bishop's Conference. 2025. 65 p.

22. WCC statement on Greenland, 14 January 2026. URL: https://oikoumene.org/resources/documents/wcc-statement-on-greenland (accessed: 17.02.2026).

23. World Council of Churches Financial Report 2024, 1 January 2025. URL: https://www.oikoumene.org/sites/default/files/2025–06/Financial%20Report%202024%20Web.pdf (accessed: 20.02.2026).

24. Kirkkoon liittyneiden määrä jatkaa nousuaan – kirkosta eroajien määrä vähentynyt, 5 February 2026. URL: https://evl.fi/tiedote/kirkkoon-liittyneiden-maara-jatkaa-nousuaan-kirkosta-eroajien-maara-vahentynyt/ (accessed: 20.03.2026); The Number of Those Joining the Church Continues to Rise – The Number of Those Resigning from the Church Has Decreased, 5 February 2026. URL: https://evl.fi/tiedote/kirkkoon-liittyneiden-maara-jatkaa-nousuaan-kirkosta-eroajien-maara-vahentynyt/ (accessed: 20.03.2026).

25. Ausgebürgert – Dr. Margot Käßmann zur EKD-Friedensdenkschrift, 11 March 2026. URL: https://dfg-vk.de/ausgebuergert-dr-margot-kaessmann-zur-ekd-friedensdenkschrift/ (accessed: 23.03.2026); Disenfranchised – Dr. Margot Käßmann on the EKD Peace Memorandum, 11 March 2026. URL: https://dfg-vk.de/ausgebuergert-dr-margot-kaessmann-zur-ekd-friedensdenkschrift/ (accessed: 23.03.2026).

26. Aus Gottes Frieden leben – für gerechten Frieden sorgen. Eine Denkschrift des Rates der Evangelischen Kirche in Deutschland. Gütersloh: Gütersloher Verlagshaus, 2007. 128 p.; Living from God's Peace – Caring for Just Peace. A Memorandum of the Council of the Evangelical Church in Germany. Gütersloh: Gütersloher Verlagshaus, 2007. 128 p.

27. Evangelische Kirche veröffentlicht Mitgliedszahlen für das Jahr 2025, 16 March 2026. URL: https://www.ekd.de/evangelische-kirche-veroeffentlicht-mitgliedszahlen-fuer-das-95045.htm (accessed: 22.03.2026); Evangelical Church Publishes Membership Figures for the Year 2025, 16 March 2026. URL: https://www.ekd.de/evangelische-kirche-veroeffentlicht-mitgliedszahlen-fuer-das-95045.htm (accessed: 22.03.2026).

28. Frieden wahren, fördern und erneuern. Eine Denkschrift der Evangelischen Kirche in Deutschland. Gütersloh: Gütersloher Verlagshaus Mohn, 1981. 96 p.; Preserving, Promoting, and Renewing Peace. A Memorandum of the Evangelical Church in Germany. Gütersloh: Gütersloher Verlagshaus Mohn, 1981. 96 p.

29. Heidelberger Thesen. Diskussion der Atomwaffenfrage in der EKD, 1959. URL: https://www.ekd.de/heidelberger-thesen-1959–75680.htm (accessed: 22.03.2026); Heidelberg Theses. Discussion of the Nuclear Weapons Issue in the EKD, 1959. URL: https://www.ekd.de/heidelberger-thesen-1959–75680.htm (accessed: 22.03.2026).

30. Rede des Bundesministers des Auswärtigen, Dr. Johann Wadephul, 15 November 2025. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/newsletter-und-abos/bulletin/bmaa-friedensdenkschrift-ekd-2394574 (accessed: 23.02.2026); Speech by the Federal Minister for Foreign Affairs, Dr. Johann Wadephul, 15 November 2025. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/newsletter-und-abos/bulletin/bmaa-friedensdenkschrift-ekd-2394574 (accessed: 23.02.2026).

31. Welt in Unordnung – Gerechter Friede im Blick: Evangelische Friedensethik angesichts neuer Herausforderungen. Eine Denkschrift des Rates der Evangelischen Kirche in Deutschland. Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt GmbH, 2025.; World in Disarray – Just Peace in View: Evangelical Peace Ethics in the Face of New Challenges. A Memorandum of the Council of the Evangelical Church in Germany. Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt GmbH, 2025.

32. Балабейкина О., Мартынов В. Лютеранство в Финляндии: историческая география и современность. Балтийский регион. 2015. № 4. С. 150–161.; Balabeykina O., Martynov V. Lutheranism in Finland: Historical Geography and Modernity. Baltic Region. 2015. № 4. P. 150–161.

33. Грамши А. Избранные произведения в трех томах. Т. 3. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. 570 с.; Gramsci A. Selected Works in Three Volumes. Vol. 3. Moscow: Foreign Literature Publishing House, 1959.

34. Компендиум социального учения Церкви. Ватикан: Паолине, 2006. 623 с.; Compendium of the Social Doctrine of the Church. Vatican: Paoline, 2006. 623 p.

35. Лункин Р. Церкви в политике и политика в церквях. Как современное христианство меняет европейское общество. М.: ИЕ РАН, 2020. 488 с.; Lunkin R. Churches in Politics and Politics in Churches: How Modern Christianity is Changing European Society. Moscow: Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, 2020. 488 p.

36. Опрос показал, сколько немцев против продолжения поставок оружия на Украину, 15 января 2025 года. URL: https://ria.ru/20250115/ukraina-1993858887.html (дата обращения: 23.03.2026); Poll Shows How Many Germans Are Against Continued Arms Supplies to Ukraine, 15 January 2025. URL: https://ria.ru/20250115/ukraina-1993858887.html (accessed: 23.03.2026).

37. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви, август 2000 года. URL: https://www.patriarchia.ru/article/105101 (дата обращения: 17.02.2026); The Basis of the Social Concept of the Russian Orthodox Church, August 2000. URL: https://www.patriarchia.ru/article/105101 (accessed: 17.02.2026).

38. Пихкала Ю. Евангелическо-лютеранская Церковь Финляндии и ее экуменические отношения. Религия. Общество. Церковь. 2014. № 3. С. 374–382.; Pikhkala Ju. The Evangelical Lutheran Church of Finland and Its Ecumenical Relations. Religion. Society. Church. 2014. № 3. P. 374–382.

39. Фрей У. Движение в защиту мира и политика в Германии – изначальные идеи и самосознание сторонников мира в обоих немецких государствах. Российский журнал истории Церкви. 2023. № 4. С. 64–84; Frei U. The Peace Movement and Politics in Germany – Initial Ideas and Self-Conception of Peace Supporters in Both German States. Russian Journal of Church History. 2023. № 4. P. 64–84.

THE PROBLEM OF WAR AND PEACE IN EUROPEAN CHURCHES AT THE PRESENT STAGE

Arakelian D.E.
MGIMO University

The focus of this study is on documents on the issue of war and peace published by the Evangelical Lutheran Church of Finland and the Evangelical Church in Germany in autumn 2025. The article examines the connection between these texts and earlier attempts to conceptualize the topic. Critical international relations theory is used to compare these documents and to identify their links with the domestic and foreign policies of Finland and Germany, respectively. The author concludes that both churches, as part of the traditional intellectuals, reflect in their texts the growing militarization of European society, which is expressed, in particular, in the use of the just war theory framework. A common feature of the examined documents is also their recourse to the concept of just peace, which legitimizes the claims of liberal ideology to define the parameters of the international order. Differences between the approaches of the two churches, conditioned by national specificities, are highlighted.

Keywords: Evangelical Lutheran Church of Finland, Evangelical Church in Germany, just peace, just war, problem of war and peace.

References

1. At EU Commission dialogue, CEC urges investing in social cohesion. Conference of European Churches, 8 December 2025. URL: https://ceceurope.org/eu-commission-dialogue-cec-urges-investing-social-cohesion (accessed: 02/03/2026).

2. Bedford-Strohm H. Just Peace through Military Force? Peace Ethical Considerations in Light of the War of Aggression against Ukraine, 22 May 2023. URL: https://www.oikoumene.org/resources/documents/bishop-dr-heinrich-bedford-strohm-just-peace-through-military-force-peace-ethical-considerations-in-light-of-the-war-of-aggression-against-ukraine (accessed: 03/23/2026).

3. Borrell J. The world is demanding a just peace for Ukraine, 26 February 2023. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/world-demanding-just-peace-ukraine_en (accessed: 03.23.2026).

4. Danish EU Presidency: European churches meet with Danish government. Conference of European Churches, 25 November 2025. URL: https://ceceurope.org/danish-eu-presidency-european-churches-meet-danish-government (accessed: 02/04/2026).

5. European Council conclusions, 19 March 2026. URL: https://www.consilium.europa.eu/en/press/press-releases/2026/03/20/european-council-conclusions/ (accessed: 23.03.2026).

6. Feiler T. Incoherences and Incompatibilities: Just Peace and Just War in Contemporary German Protestantism. Studies in Christian Ethics. 2024. № 37 (3). P. 643–656.

7. Finnish and Swedish Churches reticent about formal bid to join NATO, 20 May 2022. URL: https://www.churchtimes.co.uk/articles/2022/20-may/news/world/finnish-and-swedish-churches-reticent-about-formal-bid-to-join-nato (accessed: 20.03.2026).

8. Finns' opinions on foreign and security policy, national defense and security, December 2025. URL: https://valtioneuvosto.fi/en/-/236553176/finns-opinions-on-foreign-and-security-policy-national-defence-and-security-december-2025–1 (accessed: 03.23.2026).

9. Fischbach F.-D. The discussion on peace ethics in the Protestant Church in Germany (EKD) since the war against Ukraine began, 11 March 2023. URL: https://www.anglican-lutheran-society.org/events/2023–03–11-an-ecumenical-response-to-the-violence-of-war (accessed: 03/23/2026).

10. Freston P. Christianity: Protestantism / In Haynes J. Routledge Handbook of Religion and Politics. NY.: Routledge, 2008. P. 26–47.

11. Haynes J. Religion and Foreign Policy / In Haynes J. Routledge Handbook of Religion and Politics. NY.: Routledge, 2008. P. 293–308.

12. Helander E. European churches and the European parliament elections. The case of the Evangelical Lutheran Church of Finland. European Societies. 2017. № 19 (5). P. 580–599.

13. House of Bishops statement on Gaza, 22 May 2025. URL: https://www.churchofengland.org/media/press-releases/house-bishops-statement-gaza (accessed: 02/03/2026).

14. How the Global Religious Landscape Changed From 2010 to 2020. Pew Research Center report, 9 June 2025. URL: https://www.pewresearch.org/religion/2025/06/09/how-the-global-religious-landscape-changed-from-2010-to-2020/ (accessed: 02/03/2026).

15. Katano A. Conflict Prevention and Peacebuilding / In Haynes J. Routledge Handbook of Religion and Politics. NY: Routledge, 2008, pp. 351–366.

16. Kuivala P. The Evangelical Lutheran Church in Changing Perspectives from Finland According to Recent Debate. Roczniki Teologii Fundamentalnej I Religiologii. 2011. № 3 (58). P. 99–105.

17. Lindberg J. Religion as a Means to Societal Cohesion in Nordic Politics 1988–2010. Politics and Religion in Europe. 2015. № 9 (2). R. 147–168.

18. Martin J. Antonio Gramsci / in Zalta N., Nodelmann U. The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Stanford: Stanford University, 2023. URL: https://plato.stanford.edu/entries/gramsci/#TheoInte (accessed: 03/23/2026).

19. Mid-term of the Ecumenical Decade to Overcome Violence 2001–2010, 14 February 2006. URL: https://www.oikoumene.org/resources/documents/mid-term-of-the-ecumenical-decade-to-overcome-violence-2001–2010 (accessed: 03/20/2026).

20. Pijl van de K. Western Hegemony and Transnational Capital: A Dialectical Perspective / in Anievas A. Marxism and World Politics: Contesting Global Capitalism. London and New York: Routledge, 2010. P. 52.

21. The Call to Peace Evangelical Lutheran Church of Finland, Bishops' letter. Bishop's Conference. 2025. 65 p.

22. WCC statement on Greenland, 14 January 2026. URL: https://oikoumene.org/resources/documents/wcc-statement-on-greenland (accessed: 02/17/2026).

23. World Council of Churches Financial Report 2024, 1 January 2025. URL: https://www.oikoumene.org/sites/default/files/2025–06/Financial%20Report%202024%20Web.pdf (accessed: 02/20/2026).

24. Kirkkoon liittyneiden määrä jatkaa nousuaan – kirkosta eroajien määrä vähentynyt, 5 February 2026. URL: https://evl.fi/tiedote/kirkkoon-liittyneiden-maara-jatkaa-nousuaan-kirkosta-eroajien-maara-vahentynyt/ (accessed: 03/20/2026); The Number of Those Joining the Church Continues to Rise – The Number of Those Resigning from the Church Has Decreased, 5 February 2026. URL: https://evl.fi/tiedote/kirkkoon-liittyneiden-maara-jatkaa-nousuaan-kirkosta-eroajien-maara-vahentynyt/ (accessed: 03/20/2026).

25. Ausgebürgert – Dr. Margot Käßmann zur EKD-Friedensdenkschrift, 11 March 2026. URL: https://dfg-vk.de/ausgebuergert-dr-margot-kaessmann-zur-ekd-friedensdenkschrift/ (accessed: 23.03.2026); Disenfranchised – Dr. Margot Käßmann on the EKD Peace Memorandum, 11 March 2026. URL: https://dfg-vk.de/ausgebuergert-dr-margot-kaessmann-zur-ekd-friedensdenkschrift/ (accessed: 23.03.2026).

26. Aus Gottes Frieden leben – für gerechten Frieden sorgen. Eine Denkschrift des Rates der Evangelischen Kirche in Deutschland. Gütersloh: Gütersloher Verlagshaus, 2007. 128 p.; Living from God's Peace – Caring for Just Peace. A Memorandum of the Council of the Evangelical Church in Germany. Gütersloh: Gütersloher Verlagshaus, 2007. 128 p.

27. Evangelische Kirche veröffentlicht Mitgliedszahlen für das Jahr 2025, 16 March 2026. URL: https://www.ekd.de/evangelische-kirche-veroeffentlicht-mitgliedszahlen-fuer-das-95045.htm (accessed: 03/22/2026); Evangelical Church Publishes Membership Figures for the Year 2025, 16 March 2026. URL: https://www.ekd.de/evangelische-kirche-veroeffentlicht-mitgliedszahlen-fuer-das-95045.htm (accessed: 03/22/2026).

28. Frieden wahren, fördern und erneuern. Eine Denkschrift der Evangelischen Kirche in Deutschland. Gütersloh: Gütersloher Verlagshaus Mohn, 1981. 96 p.; Preserving, Promoting, and Renewing Peace. A Memorandum of the Evangelical Church in Germany. Gütersloh: Gütersloher Verlagshaus Mohn, 1981. 96 p.

29. Heidelberger Thesen. Diskussion der Atomwaffenfrage in der EKD, 1959. URL: https://www.ekd.de/heidelberger-thesen-1959–75680.htm (accessed: 03/22/2026); Heidelberg Theses. Discussion of the Nuclear Weapons Issue in the EKD, 1959. URL: https://www.ekd.de/heidelberger-thesen-1959–75680.htm (accessed: 03/22/2026).

30. Rede des Bundesministers des Auswärtigen, Dr. Johann Wadephul, 15 November 2025. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/newsletter-und-abos/bulletin/bmaa-friedensdenkschrift-ekd-2394574 (accessed: 23.02.2026); Speech by the Federal Minister for Foreign Affairs, Dr. Johann Wadephul, 15 November 2025. URL: https://www.bundesregierung.de/breg-de/service/newsletter-und-abos/bulletin/bmaa-friedensdenkschrift-ekd-2394574 (accessed: 23.02.2026).

31. Welt in Unordnung – Gerechter Friede im Blick: Evangelische Friedensethik angesichts neuer Herausforderungen. Eine Denkschrift des Rates der Evangelischen Kirche in Deutschland. Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt GmbH, 2025.; World in Disarray – Just Peace in View: Evangelical Peace Ethics in the Face of New Challenges. A Memorandum of the Council of the Evangelical Church in Germany. Leipzig: Evangelische Verlagsanstalt GmbH, 2025.

32. Balabeykina O., Martynov V. Lutheranism in Finland: Historical Geography and Modernity. Baltic Region. 2015. № 4. P. 150–161.; Balabeykina O., Martynov V. Lutheranism in Finland: Historical Geography and Modernity. Baltic Region. 2015. № 4. P. 150–161.

33. Gramsci A. Selected Works in Three Volumes. Vol. 3. Moscow: Foreign Literature Publishing House, 1959. 570 p.; Gramsci A. Selected Works in Three Volumes. Vol. 3. Moscow: Foreign Literature Publishing House, 1959.

34. Compendium of the Social Doctrine of the Church. Vatican: Paoline, 2006. 623 p.

35. Lunkin R. Churches in Politics and Politics in Churches: How Modern Christianity is Changing European Society. Moscow: Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, 2020. 488 p.

36. Poll Shows How Many Germans Are Against Continued Arms Supplies to Ukraine, 15 January 2025. URL: https://ria.ru/20250115/ukraina-1993858887.html (accessed: 23.03.2026).

37. The Basis of the Social Concept of the Russian Orthodox Church, August 2000. URL: https://www.patriarchia.ru/article/105101 (accessed: 17.02.2026); The Basis of the Social Concept of the Russian Orthodox Church, August 2000. URL: https://www.patriarchia.ru/article/105101 (accessed: 17.02.2026).

38. Pikhkala Ju. The Evangelical Lutheran Church of Finland and Its Ecumenical Relations. Religion. Society. Church. 2014. № 3. P. 374–382.

39. Frei U. The Peace Movement and Politics in Germany – Initial Ideas and Self-Conception of Peace Supporters in Both German States. Russian Journal of Church History. 2023. № 4. P. 64–84.

«Захват государства» как модель политического влияния КНР в Африке: институты, элиты, ресурсы

Белоусова Марина Владимировна,
соискатель кафедры политических наук Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
E-mail: marina.v.belousova@gmail.com

Актуальность статьи обусловлена ведущейся в академических и политико-управленческих кругах дискуссией о стратегиях и технологиях Китайской Народной Республики в странах Африканского континента с целью закрепления там как ключевого геополитического и экономического актора. Данная статья посвящена анализу основных направлений деятельности китайского «партии-государства» в африканских странах с применением аналитической рамки «захвата государства». Исследование охватывает механизмы влияния государственных акторов КНР на политические и кадровые институты, распределение ресурсов и конфигурацию рынка технологий в странах Африки. Автор приходит к выводу, что КНР делает ставку на долгосрочные стратегии осуществления влияния и их институционализацию, а не на точечную коррупцию или очевидное вмешательство в политический процесс. Тем не менее, в случаях формирования зависимостей в инфраструктурной и технологической отраслях стран-реципиентов можно говорить о полноценном «захвате государства».

Ключевые слова: «Захват государства», «партия-государство», Китайская Народная Республика, Коммунистическая партия Китая, Африка, межпартийный обмен, элиты, кадровая политика, предприятия госсектора, аллокация ресурсов, «инфраструктура в обмен на ресурсы», «Один пояс, один путь», технологическая зависимость.

Введение

Обретение Китайской Народной Республикой статуса сверхдержавы в XXI в. коренным образом повлияло на распределение сфер влияния в международном пространстве. Экономическая экспансия «партии-государства», сопровождающаяся экспортом политических институтов, технологических стандартов и мягкосиловых нарративов, вызывает неоднозначную реакцию в третьих странах – от риторической поддержки до критики и враждебных мер, направленных на ограничение деятельности на международной арене акторов, которых соотносят с Коммунистической партией Китая и стратегической реализацией ее целей.

Наиболее интенсивное наращивание влияния со стороны КНР наблюдается в странах Африки. Сущностной характеристикой взаимодействия является его многоканальность, которая включает в себя государственные институты, предприятия госсектора, государственно-частные партнерства и некоммерческие организации. Вместо формального политического контроля Пекин осуществляет влияние посредством формирования структурной экономической зависимости, непрозрачного финансирования и партнерских отношений с местными правящими элитами, что позволяет выдвинуть тезис о специфической форме «захвата государства» в странах-реципиентах.

Теоретические основания исследования

Аналитическая рамка «захвата государства» представляет собой концептуальное развитие теории регуляторного захвата, который происходит в тех случаях, когда группы или отдельные лица, заинтересованные в исходе политических или нормативных решений, концентрируют свои ресурсы и энергию на достижении желаемых политических результатов, в то время как представители общественности берут на себя издержки, связанные с партикулярными целями, не являясь при этом выгодоприобретателями их реализации. Подход «захвата государства» анализирует феномены, которые глубже и шире по масштабу оказанного влияния, чем регуляторный захват, и которые, как правило, представляют собой форму системной коррупции, когда институты и процессы формирования государственной политики переходят под контроль частных групп интересов с целью их последующей инструментализации. Если регуляторный захват ограничивается влиянием на ведомственное регулирование конкретной отрасли, то захват государства предполагает установление контроля над базовыми суверенными функциями.

В научный оборот подход «захвата государства» был введен Дж. Хеллманом и соавторами [7] в конце 1990-х годов для объяснения специфических поведенческих паттернов и девиаций, возникших в первое десятилетие транзитивного периода в странах постсоветского пространства и Восточной Европы. Он проявляется, во-первых, через возможности влияния на формирование институционального дизайна, то есть на способность определять «правила игры» через конституционный и законодательный процессы. Во-вторых, «захват государства» подразумевает переход фактического управления как кадровым ресурсом, включая монополизацию полномочий по назначению на ключевые государственные должности, так и процессами аллокации ресурсов, под контроль непосредственных выгодоприобретателей результатов распределения. Таким образом, «захват государства» фиксируется в условиях перманентного оппортунистического поведения лиц или институтов, направленного на максимизацию ренты и легитимизацию преференций в пользу патронажно-клиентелистских групп через трансформацию правового поля и формирование узконаправленных управленческих форматов.

Оказание влияния на политические конфигурации

Характер воздействия со стороны китайского «партии-государства» на политико-административные институты стран Африканского континента определен ключевым принципом внешнеполитической деятельности КНР – принципом невмешательства во внутренние дела других стран, что подразумевает отказ формальный отказ от экспорта своей модели и обязательного внедрения политических практик в обмен на получение финансово-экономической помощи в странах-реципиентах. Риторические заявления о свободе выбора путей модернизации откликаются африканским лидерам, которые в результате последствий

принудительной структурной перестройки, проведенной Международным валютным фондом, равно как неприятия навязываемых ценностей в рамках демократических реформ и внедрения прав человека, стали более открытыми для альтернативных доноров.

Основные политические форматы, которые используются «партией-государством» для оказания влияния на функционирование политических институтов в странах Африки, выступают специализированные программы по партийному управлению и поддержка избирательной повестки прокитайских лидеров. В рамках обучения партийных и правительственных чиновников африканских стран осуществляется внедрение «новой модели межпартийных отношений», предложенной генеральным секретарем КПК Си Цзиньпином в 2017 г. [18], которая продвигает модель однопартийной стабильности, потенциально способствующей закреплению единой доминирующей партийной модели в Африке.

Система институтов для реализации межпартийного сотрудничества была выстроена и профинансирована КПК при поддержке ряда акторов госсектора. Так, институциональное ядро обучения партийному управлению – школа лидерства имени Мвалиму Джулиуса Ньерере, основанная в 2022 г. в Танзании, – является проектом КПК, реализованным при стартовой инвестиции в 40 млн долларов Отделом международных связей КПК и «Цзяньчаньской инженерной компанией», дочерним предприятием инженерно-строительного профиля государственного предприятия «Китайские железные дороги», созданного для реализации подрядов в Восточной Африке [12]. Школа создана по образцу Центральной партийной школы при ЦК КПК, которая готовит высшие кадры и лидеров Китая, с целью обучения членов правящих партий из бывшей коалиции освободительных движений Юга Африки – Анголы, Мозамбика, Намибии, Южной Африки, Танзании и Зимбабве. Это также первое образовательное учреждение, которое обслуживает одновременно политические партии из нескольких африканских стран.

Китай также поддерживает отдельные национальные партийные институты. В эту парадигму укладывается реконструкция идеологической школы Герберта Читепо, партийной школы правящей коалиции «Зимбабвийский африканский национальный союз – Патриотический фронт», завершенная в 2023 г. [13]. Ежегодные обмены Центральной партийной школы при ЦК КПК в области обучения и обмена опытом партийной работы, а также действующих по ее поручению учреждений таких как Академия подготовки глобальных лидеров в области делового управления от Министерства коммерции, институционализированы в рамках многочисленных программ, финансируемых КПК. Так, КПК поддерживает постоянные отношения со 110 африканскими правящими и оппозиционными партиями, 35 парламентами и 59 политически ориентированными организациями, включая партийные аналитические центры африканских стран [10]. В 2017 г. Си Цзиньпин поручил КПК провести 15 000 обменов по всему миру в течение следующих 5 лет, что позволило ей подключить к своей сети более 3000 школ политико-административного профиля обучения, некоторые из которых впоследствии создали свои собственные учебные программы по китайскому аналогу [4].

Оказание влияния на результаты выборов осуществляется преимущественно с применением экономических инструментов. Так, исследование, в рамках которого была проанализирована выборка из 117 африканских лидеров и 1650 проектов в период с 2000 г. по 2012 г., показало, что политически значимые для КНР регионы получили больше китайской помощи, чем другие части страны. В условиях конкурентных выборов это имело более сильный эффект на поведение избирателей непосредственно перед выборами [3]. Как отмечает К. Скотт, относительно новым феноменом является, однако, готовность «партии-государства» оказывать такого рода поддержку более открыто и прямолинейно. Например, во время президентских выборов в Сьерра–Леоне в 2018 г. источник, связанный с оппозицией, утверждал, что КПК оказывала материальную и финансовую помощь Всенародному конгрессу – на тот момент правящей партии и близкому союзнику в стране, – опубликовав видеозапись участия граждан Китая в предвыборном митинге в поддержку Всенародного конгресса [15].

Пример стратегического инвестирования, приуроченного к избирательным циклам, был продемонстрирован во время президентских выборов в Замбии в 2021 г. В преддверии выборов действующий президент Эдгар Лунгу представил финансируемые Китаем инфраструктурные проекты, демонстрирующие экономическое развитие страны, что стало главной темой предвыборной кампании. Проекты включали строительство гидроэлектростанции и двух международных аэропортов, все они были завершены за несколько дней или недель до выборов. Поставка первой партии китайских вакцин в Замбию за четыре дня до выборов [19] позволила правящему Патриотическому фронту создать имидж эффективного правительства, решающего проблему эпидемии ковида, используя свои уникальные дипломатические рычаги для защиты прав граждан, когда они направлялись на избирательные участки.

Оказание влияния на кадровую подготовку элит

Помимо партийного канала, который является ключевым для отбора функционеров, занимающих прокитайскую позицию и представляющих интерес для их дальнейшей поддержки, Китай инициировал ряд программ для молодых лидеров, реализуемых как в рамках уже существующих правительственных коммуникационных платформ, так и путем реализации новых форматов, создаваемых окологосударственными акторами. Так, например, начавший в 2011 г. свою работу «Форум молодых лидеров Китая и стран Африки» был инициирован на полях Форума китайско-африканского сотрудничества. На сегодняшний день, вместе с Народным форумом Китай-Африка он объединяет политических деятелей, ученых, молодежных лидеров, представителей бизнеса и делегатов НПО из Китая и более чем 50 африканских стран. В рамках финансируемых КПК обменах и мероприятиях ежегодно принимают участие порядка 100 участников из африканских стран [11].

Китайские вузы реализуют ряд преимущественно бесплатных программ для обучения студентов из стран Африки, которые были многократно масштабированы в рамках осуществления «Один пояс – один путь». По состоянию на 2026 г., в КНР обучается порядка 80 000 студентов из стран Африки, за счет чего Китай стал крупнейшим неафриканским направлением для африканских студентов [16].

Предприятия государственного и окологосударственного сектора, инвестирующие в Африку, активно реализуют собственные инициативы по подготовке руководящих кадров. Так, Китайская компания по строительству дорог и мостов – дочернее предприятие Китайской корпорации строительства коммуникаций – финансирует стипендии для ста лучших выпускников средних школ Кении в рамках обучения специальностям, связанным с железнодорожной отраслью. В рамках проекта также были созданы учебные центры и Академия железных дорог для подготовки профессиональных кадров [20]. Аналогично реализации инфраструктурных инициатив, подготовка квалифицированных кадров и образовательно-просветительская деятельность выступают ключевыми компонентами проектов содействия развитию в сфере телекоммуникаций. Государственные ведомства и предприятия с госучастием оказывают многоаспектную поддержку локальным стажерам и студентам профильных специальностей. Так, корпорация Huawei развертывает центры технической подготовки для обучения инженерно-технического персонала в странах-реципиентах помощи. В частности, компанией были учреждены семь образовательных центров (в Анголе, Демократической Республике Конго, Египте, Кении, Марокко, Нигерии и Южно-Африканской Республике) и профинансированы учебные программы на всем африканском континенте. Совокупный ежегодный охват обучающихся на базе данных предприятий составляет порядка 12 000 африканских студентов [17]. В 2013 г. Huawei совместно с Федеральным министерством технологий Нигерии инициировала образовательную программу в сфере информационно-коммуникационных технологий, направленную на профессиональную подготовку 1000 нигерийских студенток в рамках гендерно-ориентированной «Инициативы для девочек и женщин» [17].

Помимо этого, при финансовом содействии правительства КНР китайский госсектор реализует масштабные стипендиальные программы для студентов из стран Африки, обеспечивая подготовку квалифицированных кадров для телекоммуникационного сектора как на базе локальных университетов, так и в высших учебных заведениях Китая. В качестве примера целевой грантовой поддержки можно привести деятельность корпорации ZTE, которая в 2019 г. выделила порядка 1,2 млн южноафриканских рандов на финансирование стипендий для 15 студентов Университета Витватерсранда, обучающихся по инженерным и телекоммуникационным направлениям [2].

Оказание влияния на аллокацию ресурсов и экономическое развитие

Приоритетные интересы Китая в африканских странах находятся в области обеспечения стратегическими ресурсами, необходимыми для реализации целей, заявленных в планах социально-экономического развития, равно как в расширении рынков и закреплении на них доминирующей позиции в соответствующих отраслях. Основной стратегией «партии-государства» стало формирование зависимости африканских правительств от Китая, в первую очередь, в финансово-экономической и технологической сферах. Начиная с 2013 г., в рамках инициативы «Один пояс, один путь» Китай резко увеличил безусловные инвестиции и помощь заинтересованным правительствам африканских стран,

стремящимся сократить ежегодный дефицит финансирования инфраструктуры на континенте, составляющий 108 млрд долларов [8]. Успешные кампании по оказанию экономического влияния на протяжении последнего десятилетия обеспечили КПК и связанным с «партией-государством» предприятиям госсектора ключевую роль в экономике африканских стран.

Анализ практики кредитования африканских стран со стороны китайских финансовых институтов показал, что в рамках выделения средств предусмотрены процессуальная непрозрачность и снижение уровня подотчетности правительств стран-получателей перед общественностью. Совместное исследование Института мировой экономики Петерсона, Кильского института мировой экономики, Центра глобального развития и исследовательской лаборатории AidData при колледже Вильгельма и Мэри установило, что через государственные банки – Банк развития Китая и Экспортно-импортный банк Китая – КПК использует договорные механизмы для обеспечения своего участия в процессах принятия решений правительствами африканских стран [2]. Например, во многие контракты включены положения, которые не позволяют правительствам африканских стран-заемщиков раскрывать положения и условия соглашения, включая наличие или сумму связанного с ним долга. На практике это обязательство не позволяет правительствам африканских стран взаимодействовать с гражданским обществом в вопросах прозрачности кредитования и предоставления преференций, которые требует китайская сторона в случае запроса о реструктуризации долга [6].

Помимо положений, закрепляющих требование о неразглашении условий, контракты китайских кредиторов часто содержат формулировки, позволяющие государственному банку аннулировать свой кредит, если страна-получатель примет меры, направленные против «любого субъекта КНР». Кроме того, банки КНР могут аннулировать контракты, если либо страна-получатель, либо Китай поставят под сомнение дипломатические отношения страны с Китаем. Здесь Китай может использовать свое широкое определение государственных интересов, чтобы ограничить независимость правительств африканских стран в определении своей внешней политики по вопросам, которые затрагивают интересы Китая в их стране или в третьих странах [6].

Институционализация финансовых инструментов для оказания давления на национальные правительства способствовала масштабированию модели «инфраструктура в обмен на ресурсы», что означает, что Китай финансирует и строит инфраструктуру в обмен на доступ к полезным ископаемым и другим сырьевым товарам. Данный формат взаимодействия предполагает долговое финансирование и возведение объектов инфраструктуры Китайской Народной Республикой в обмен на гарантированный доступ к месторождениям полезных ископаемых и иному сырью. Подобные соглашения позволяют ресурсообеспеченным, но дефицитным по капиталу государствам осуществлять обслуживание и погашение китайских кредитов посредством выдачи концессий на добычу сырьевых продуктов и их последующий экспорт. Апробированная на африканском континенте в нефтяном секторе Анголы в 1990-х гг., указанная модель к настоящему времени экстраполирована на ряд других стран региона, включая Демократическую Республику Конго, Экваториальную Гвинею, Эфиопию, Судан, Южный Судан и Зимбабве.

Ведущими акторами по обеспечению стратегически значимыми ресурсами выступают предприятия китайского госсектора, которые используют государственную поддержку, включая ежегодные субсидии на сумму около 200 млрд долларов и страхование от политических рисков [5]. Китайский дипломатический корпус активно участвует в межправительственных переговорах с властями принимающих стран, лоббируя интересы китайских госпредприятий и минимизируя административные барьеры для их доступа к сырьевым месторождениям. Данная стратегия институционального содействия позволила предприятиям аккумулировать значительные добывающие активы в регионе. В настоящее время из 166 верифицированных трансграничных горнодобывающих проектов КНР 66 локализованы в Африке, что делает этот континент ключевым реципиентом китайских инвестиций в добывающем секторе – при этом существующие эмпирические данные, вероятно, отражают лишь нижнюю границу реального масштаба присутствия [9]. Только за последние несколько лет Китай приобрел контроль над крупнейшими горнодобывающими активами в Африке.

Обеспечение лидирующих позиций на новых рынках стран Африки соотносится в первую очередь с технологической сферой в соответствии с институционализированной в 2015 г. инициативой «Цифровой шелковый путь», которая выступает ключевым высокотехнологичным компонентом проекта «Один пояс, один путь». Данная субпрограмма ориентирована на форсированное создание критической цифровой инфраструктуры в развивающихся странах, включая развертывание сетей мобильной связи пятого поколения, прокладку магистральных волоконно-оптических линий, строительство центров обработки данных и интеграцию национальных систем со спутниковыми группировками КНР. Основной стратегической целью диверсифицированных, но объединенных единой концептуальной рамкой проектов является не просто трансграничная экспансия китайских технологических стандартов, а масштабирование концепции «умных городов», которая включают мониторинг социальных сетей, инфраструктуру телекоммуникаций и информационных технологий, а также инструменты кибербезопасности, такие как платформы распознавания лиц и номерных знаков [14]. На макроуровне данная экспансия служит драйвером углубления политико-экономической конвергенции целевых регионов с китайским «партией-государством», конвертируя технологическое присутствие в долгосрочное геополитическое влияние.

Huawei выступил основным субъектом в технологической экспансии КНР в развивающиеся страны. Учитывая опыт присутствия компании в зарубежных странах с 1996 г. и его постоянного расширения в первую очередь в развивающихся странах именно это предприятие было выбрано как ведущий подрядчик проекта «Цифрового шёлкового пути». Наравне с государственными предприятиями такими как ZTE, China Unicom, China Mobile и China Telecom, Huawei получал кредиты для предоставления технологий, оборудования, инфраструктуры и устройств для мобильной связи странам-участницам Африканского континента по ценам, сниженным на 30–50%, за счет чего китайские телекоммуникационные компании стали ведущими игроками, которые получили преимущество на рынках телекоммуникационных устройств и инфраструктуры в регионе [1]. Например, Экспортно-импортный банк Китая и правительство Замбии подписали соглашение о льготном кредитовании на общую сумму 333,2 млн долларов для финансирования второго этапа Национального проекта по развитию проекта в области информационно-коммуникационных технологий «Умная Замбия», целью которого являлось расширение магистральной оптоволоконной сети и внедрение полного IP-доступ к сети к концу декабря 2017 г. Huawei параллельно подписала контракт с правительством Замбии на поставку устройств для этого проекта, таких как оптические кабели и сетевое оборудование [2].

Африканские страны также все чаще смотрят на Китай как на образец правового регулирования цифрового пространства [15]. КПК активно выступает в качестве стратегического партнера, содействующего имплементации национальных моделей управления интернетом, контроля над сетевой свободой и обеспечения кибербезопасности. Нигерия, например, объявила о стремлении принять законы о кибербезопасности по аналогу китайского закона, в разработке которого активное участие принимала КПК, и создать интернет-брандмауэр по образцу «партии-государства». Huawei не только продавал правительству инструменты безопасности, которые тот использовал для цифрового наблюдения и цензуры, но и его сотрудники, которые были внедрены в силы безопасности и подразделения кибернаблюдения, также обучали и участвовали в мерах по цифровому контролю над оппозицией по запросу правительства. После этого, Замбия заявила о том, что рассматривает Китай как модель управления Интернетом и кибербезопасности для контроля контента в Интернете [2].

Отсутствие у африканских стран потенциала для освоения новых передовых технологий, который включает человеческий капитал, инновационную инфраструктуру и научно-исследовательский потенциал, не позволяет этим странам достичь технологической самостоятельности и инноваций. В сочетании с подготовкой кадров в соответствии с китайскими технологическими стандартами это формирует историческую колею зависимости от цифровой и финансовой инфраструктуры, долгосрочных финансовых стратегий и инновационных институтов Китая.

Заключение

«Захват государства» в африканских странах китайским «партией-государством» осуществляется с применением преимущественно долгосрочных стратегий, а не прямого подкупа и осуществления незаконного контроля над политическими институтами стран-реципиентов. Так, влияние на институциональный дизайн политических конфигураций осуществляется путем вовлечения прокитайских партий Африканского континента в многочисленные программы обмена с КПК и их регулярного участия в коммуникационных платформах, инициированных и финансируемых КПК. Поддержка лояльных лидеров на местах также реализуется в рамках стратегически выделяемой помощи под избирательные кампании.

Влияние на кадровую политику также носит долгосрочный характер, поскольку Китай готов финансировать подготовку элит и «взращивать» как политических функционеров, так и высококвалифицирован-

ные кадры для финансово-экономического сектора. Это определено стратегическими целями «партии-государства» в добывающих и технологических секторах, где феномен «захвата государства» наиболее очевиден. Так, в капиталоемких областях, таких как добыча ресурсов и формирование требуемой для их переработки и экспорта инфраструктуры, КНР использует модель «инфраструктура в обмен на ресурсы», фактически покупая у африканских правительств долгосрочные концессии на получение доступа к стратегически значимым элементам путем предоставления им финансовой помощь на непрозрачных условиях и захвата контроль над инфраструктурными отраслями.

«Захват государства» в технологических отраслях происходит в странах Африканского континента таким образом, что технологическая зависимость государств-реципиентов от КНР формируется комплексно. Она включает в себя не только создание телекоммуникационной инфраструктуры, но и ее последующее техническое сопровождение, а также подготовку профильных кадров. Данный процесс стимулирует цифровую трансформацию и экономический рост в принимающих странах, основанные на внедрении китайских стандартов. В свою очередь, это открывает государственным структурам, равно как государственным и околгосударственным предприятиям КНР доступ к массивам данных и механизмам общественного мониторинга, обеспечивая КПК долгосрочные рычаги экономического и политического влияния на страны-получатели. Зарубежная экспансия китайских предприятий, таким образом, направлена не только на завоевание доминирующих позиций на рынках высоких технологий африканских государств и на институционализацию глобальных технических стандартов, но и на глубокую трансформацию глобальных моделей технологического управления, поскольку лидерство в конструировании телекоммуникационных стандартов де-факто конвертируется в технологическую гегемонию на мировом рынке.

Литература

1. Ceci M.V., Lawrence R. China's 5G networks: A tool for advancing digital authoritarianism abroad? // Orbis. – 2022. – Vol. 66. – Iss. 2. – P. 271–272.

2. Custer S., Dreher A., Elston T.B., Escobar B., Fedorochko R., Fuchs A., Ghose S., Lin, J., Malik A., Parks B.C., Solomon K., Strange A., Tierney M.J., Vlasto L., Walsh K., Wang F., Zaleski L., Zhang S. Tracking Chinese Development Finance: An Application of AidData's TUFF 3.0 Methodology [Электронный ресурс]. – 2023. – URL: https://www.aiddata.org/publications/aiddata-tuff-methodology-version-3–0

3. Dreher A., Fuchs A., Hodler R., Parks B.C., Raschky P.A., Tierney M.J. African leaders and the geography of China's foreign assistance // Journal of Development Economics. – 2019. – Vol. 140. – P. 44–71.

4. Feng E. How China's Communist Party Schools Train Generations Of Loyal Members [Электронный ресурс]. – 2021. – URL: https://www.npr.org/2021/07/20/1018501211/how-chinas-communist-party-schools-are-keeping-its-revolutionary-spirit-alive

5. Garver R. Report: China Spends Billions of Dollars to Subsidize Favored Companies [Электронный ресурс]. – 2022. – URL: https://www.voanews.com/a/report-china-spends-billions-of-dollars-to-subsidize-favored-companies-/6587314.html

6. Gelpern A., Horn S., Morris S., Parks B., Trebesch C. How China Lends: A Rare Look into 100 Debt Contracts with Foreign Governments. [Электронный ресурс]. – 2021. – URL: https://www.aiddata.org/publications/how-china-lends

7. Hellmann J., Kaufmann D., Jones G. Seize the State, Seize the Day: State Capture, Corruption and Influence in Transition [Электронный ресурс]. – 2000. – URL: https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/537461468766474836

8. Jesse G., Madden P. Figures of the week: Africa's infrastructure needs are an investment opportunity [Электронный ресурс]. – 2019. – URL: https://www.brookings.edu/articles/figures-of-the-week-africas-infrastructure-needs-are-an-investment-opportunity/

9. Landry D. Chinese mining investment globally: Who, where, and how? // Resources Policy. – 2025. – Vol. 111. – P. 1–22.

10. Nantulya P. China's Deepening Ties to Africa in Xi Jinping's Third Term [Электронный ресурс]. – 2022. – URL: https://africacenter.org/spotlight/chinas-deepening-ties-to-africa-in-xi-jinpings-third-term/

11. Nantulya P. China Escalates Its Political Party Training in Africa [Электронный ресурс]. – 2022. – URL: https://africacenter.org/spotlight/china-escalates-its-political-party-training-in-africa/

12. Nyabiage J. China's political party school in Africa takes first students from 6 countries [Электронный ресурс]. – 2022. – URL: https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3182368/china-party-school-africa-takes-first-students-6-countries

13. Nyabiage J. How China's Communist Party is building political schools, and influence, in Africa [Электронный ресурс]. – 2024. – URL: https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3273698/how-chinas-communist-party-building-political-schools-and-influence-africa

14. Rahman A. The Digital Silk Road: a strategic initiative in China's multifaceted superpower quest // Asian Journal of Political Science. – 2025. – Vol. 33. – Iss. 3. – P. 529–549.

15. Scott C.D. Does China's involvement in African elections and politics hurt democracy? [Электронный ресурс]. – 2021. – URL: https://democracyinafrica.org/does-chinas-involvement-in-african-elections-and-politics-hurt-democracy/

16. Suryateja M. China Scholarships for African Students 2026 (CSC Program & More) [Электронный ресурс]. – 2026. – URL: https://scholar.africa/guides/study-in-china-scholarships-africans

17. Tsui B. Do Huawei's Training Programs and Centers Transfer Skills to Africa? // Johns Hopkins University, School of Advanced International Studies (SAIS)-China Africa Research Initiative (CARI). Policy Briefs. – 2016. – № 14. – P. 1–4.

18. Xi proposes to establish new model of party-to-party relations [Электронный ресурс]. – 2017. – URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/201712/01/WS5a276420a3107865316d2f0f.html

19. Zambia receives Chinese vaccines in fight against COVID-19 pandemic [Электронный ресурс]. – 2021. – URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202108/08/WS610f4334a310efa1bd66767d_1.html

20. Zhu K., Mwangi B., Hu L. Socio-economic impact of China's infrastructure-led growth model in Africa: A case study of the Kenyan Standard Gauge Railway // Journal of International Development. – 2022. – Vol. 35. – P. 614–638.

«STATE CAPTURE» AS A MODEL OF CHINA'S POLITICAL INFLUENCE IN AFRICA: INSTITUTIONS, ELITES, RESOURCES

Belousova M.V.
Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

This article is related to the ongoing discussion in academic and political community about the strategies and technologies of the People's Republic of China in the countries of the African continent in order to consolidate China's position as a key geopolitical and economic actor there. This article is devoted to the analysis of the main activities of the Chinese «party-state» in African countries using the analytical framework of the «state capture». The study covers the mechanisms of influence of Chinese state actors on political and cadre institutions, resource allocation and technology market configuration in African countries. The author concludes that China relies on long-term strategies for exercising influence and institutionalizing them, rather than on targeted corruption or obvious interference in the political process. Nevertheless, in cases of dependency formation in the infrastructure and technology industries of recipient countries, we can talk about a full-fledged «state capture».

Keywords: «State capture», «party-state», People's Republic of China, Communist Party of China, Africa, inter-party exchange, elites, cadre policy, public sector enterprises, allocation of resources, «infrastructure-for-resources model», «One Belt, one Road", technological dependence.

References

1. Ceci M.V., Lawrence R. China's 5G networks: A tool for advancing digital authoritarianism abroad? // Orbis. 2022. Vol. 66. Iss. 2. P. 271–272.

2. Custer S., Dreher A., Elston T.B., Escobar B., Fedorochko R., Fuchs A., Ghose S., Lin, J., Malik A., Parks B.C., Solomon K., Strange A., Tierney M.J., Vlasto L., Walsh K., Wang F., Zaleski L., Zhang S. Tracking Chinese Development Finance: An Application of AidData's TUFF 3.0 Methodology. 2023. URL: https://www.aiddata.org/publications/aiddata-tuff-methodology-version-3–0

3. Dreher A., Fuchs A., Hodler R., Parks B.C., Raschky P.A., Tierney M.J. African leaders and the geography of China's foreign assistance // Journal of Development Economics. 2019. Vol. 140. P. 44–71.

4. Feng E. How China's Communist Party Schools Train Generations Of Loyal Members. 2021. URL: https://www.npr.org/2021/07/20/1018501211/how-chinas-communist-party-schools-are-keeping-its-revolutionary-spirit-alive

5. Garver R. Report: China Spends Billions of Dollars to Subsidize Favored Companies. 2022. URL: https://www.voanews.com/a/report-china-spends-billions-of-dollars-to-subsidize-favored-companies-/6587314.html

6. Gelpern A., Horn S., Morris S., Parks B., Trebesch C. How China Lends: A Rare Look into 100 Debt Contracts with Foreign Governments. 2021. URL: https://www.aiddata.org/publications/how-china-lends

7. Hellmann J., Kaufmann D., Jones G. Seize the State, Seize the Day: State Capture, Corruption and Influence in Transition. 2000. URL: https://documents.worldbank.org/en/publication/documents-reports/documentdetail/537461468766474836

8. Jesse G., Madden P. Figures of the week: Africa's infrastructure needs are an investment opportunity. 2019. URL: https://www.brookings.edu/articles/figures-of-the-week-africas-infrastructure-needs-are-an-investment-opportunity/

9. Landry D. Chinese mining investment globally: Who, where, and how? // Resources Policy. 2025. Vol. 111. P. 1–22.

10. Nantulya P. China's Deepening Ties to Africa in Xi Jinping's Third Term. 2022. URL: https://africacenter.org/spotlight/chinas-deepening-ties-to-africa-in-xi-jinpings-third-term/

11. Nantulya P. China Escalates Its Political Party Training in Africa. 2022. URL: https://africacenter.org/spotlight/china-escalates-its-political-party-training-in-africa/

12. Nyabiage J. China's political party school in Africa takes first students from 6 countries. 2022. URL: https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3182368/china-party-school-africa-takes-first-students-6-countries

13. Nyabiage J. How China's Communist Party is building political schools, and influence, in Africa. 2024. URL: https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3273698/how-chinas-communist-party-building-political-schools-and-influence-africa

14. Rahman A. The Digital Silk Road: a strategic initiative in China's multifaceted superpower quest // Asian Journal of Political Science. 2025. Vol. 33. Iss. 3. P. 529–549.

15. Scott C.D. Does China's involvement in African elections and politics hurt democracy? 2021. URL: https://democracyinafrica.org/does-chinas-involvement-in-african-elections-and-politics-hurt-democracy/

16. Suryateja M. China Scholarships for African Students 2026 (CSC Program & More). 2026. URL: https://scholar.africa/guides/study-in-china-scholarships-africans

17. Tsui B. Do Huawei's Training Programs and Centers Transfer Skills to Africa? // Johns Hopkins University, School of Advanced International Studies (SAIS)-China Africa Research Initiative (CARI). Policy Briefs. 2016. № 14. P. 1–4.

18. Xi proposes to establish new model of party-to-party relations. 2017. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/201712/01/WS5a276420a3107865316d2f0f.html

19. Zambia receives Chinese vaccines in fight against COVID-19 pandemic. 2021. URL: https://www.chinadaily.com.cn/a/202108/08/WS610f4334a310efa1bd66767d_1.html

20. Zhu K., Mwangi B., Hu L. Socio-economic impact of China's infrastructure-led growth model in Africa: A case study of the Kenyan Standard Gauge Railway // Journal of International Development. 2022. Vol. 35. P. 614–638.

Ближневосточный вектор безопасности ШОС: пересечение интересов организации с новым пактом Турция – Саудовская Аравия – Пакистан

Бойцов Анатолий Сергеевич,
к.в.н., доцент, департамент техносферной безопасности,
Российский университет дружбы народов
E-mail: boytsov-as@pfur.ru

Савинов Алексей Леонидович,
к.и.н., доцент, департамент техносферной безопасности,
Российский университет дружбы народов
E-mail: savinov-al@rudn.ru

Фадеев Юрий Евгеньевич,
к.в.н., доцент, департамент техносферной безопасности,
Российский университет дружбы народов
E-mail: fadeev-yue@rudn.ru

Купцов Максим Александрович,
к.в.н., доцент, департамент техносферной безопасности,
Российский университет дружбы народов
E-mail: kuptsov-ma@rudn.ru

Чернов Александр Михайлович,
к.псих.н., доцент, департамент техносферной безопасности,
Российский университет дружбы народов
E-mail: chernov-am@rudn.ru

Актуальность темы определяется тем, что ближневосточное направление перестало быть для Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) периферийным сюжетом: к 2026 г. в орбиту организации вовлечены Иран в качестве государства-члена, а Турция, Саудовская Аравия, Египет, Катар, ОАЭ, Кувейт и Бахрейн -в качестве партнёров. Одновременно военно-политическая среда региона меняется под воздействием вооружённого противостояния вокруг Ирана и подписанного 7 августа 2026 г. в Мекке трёхстороннего соглашения о совместной обороне между Турцией, Саудовской Аравией и Пакистаном -государством-членом ШОС. Цель работы -определить точки пересечения, ограничения и вероятные каналы влияния Мекканского соглашения на региональную архитектуру безопасности и интересы ШОС. Результаты показывают, что новый пакт не входит в институциональную структуру ШОС, не порождает для неё формальных обязательств и лишь частично соотносится с её функциональной логикой.

Ключевые слова: ШОС; Мекканское соглашение; Пакистан; Турция; Саудовская Аравия; региональная безопасность; партнёр по диалогу; РАТС ШОС; коллективная оборона; Ближний Восток; сценарный анализ; евразийская безопасность.

Введение

Расширение ШОС в 2017–2024 гг. изменило не только состав организации, но и географию задач, которые она вынуждена относить к собственной среде безопасности. Приём Индии и Пакистана в 2017 г. [4], последующее вступление Ирана и Белоруссии [5], формирование круга партнёров, включающего Турцию, Саудовскую Аравию, Египет, Катар, ОАЭ, Кувейт и Бахрейн [6], сделали различие между «центральноазиатским ядром» и внешним поясом организации всё менее операциональным. Подписание 7 августа 2026 г. в Мекке соглашения о совместной обороне между Турцией, Саудовской Аравией и Пакистаном [9; 10] образует новую конфигурацию: впервые государство-член ШОС публично приняло обязательство рассматривать вооружённое нападение на двух ближневосточных партнёров организации как нападение на себя -вне рамок ШОС и без привязки к её механизмам. Изучены нормативные основания организации [19; 23], последствия приёма Индии и Пакистана [15; 17; 18], её встроенность в евразийские проекты [16], мотивация государств Залива [20; 21] и пределы китайского участия в безопасности Центральной Азии [22]; работы о соотношении ШОС с новыми коалиционными оборонными форматами Ближнего Востока практически отсутствуют [12].

Объектом исследования выступает региональная архитектура безопасности на стыке Южной Азии и Ближнего Востока; предметом -соотношение институциональной логики и повестки ШОС с политико-стратегическими функциями трёхстороннего оборонного соглашения. Цель работы -определить точки пересечения, ограничения и сценарии влияния пакта на интересы организации. Задачи: 1) реконструировать институциональные основания подхода ШОС к безопасности и эволюцию её ближневосточного вектора; 2) определить место Пакистана в системе безопасности организации; 3) систематизировать публично известные положения соглашения; 4) сопоставить направления безопасности ШОС с функциями пакта; 5) сформулировать сценарии и оценить ограничения организации. Методологическую основу составили институциональный и системный подходы, сравнительный анализ, анализ документов и сценарный анализ. Научная новизна -в систематическом сопоставлении направлений безопасности ШОС с публично заявленными функциями соглашения и в разграничении фактов, выводов и предположений; практическая значимость -в применимости результатов при оценке рисков конкуренции региональных форматов. Исследовательский вопрос: способно ли оборонное соглашение, участником которого является государство-член ШОС, значимо воздействовать на интересы организации, не будучи связанным с ней институционально? Гипотеза: воздействие возможно, но носит косвенный характер и проявляется не в изменении обязательств ШОС, а в трансформации переговорных позиций её участников.

Институциональные основы и эволюция ближневосточного вектора безопасности ШОС

Подход организации к региональной безопасности сложился раньше её самой. Шанхайская конвенция от 15 июня 2001 г. зафиксировала перечень явлений, признанных общей угрозой, и основания для взаимодействия компетентных органов [2]; Хартия ШОС от 7 июня 2002 г. закрепила цели и принципы объединения, включая совместное противодействие терроризму, сепаратизму и экстремизму и ненаправленность деятельности против третьих государств [1]. Последний принцип исключает трактовку ШОС как военного союза и одновременно не запрещает её участникам вступать в иные объединения. Институциональным ядром антитеррористического направления стала РАТС [3]: она координирует взаимодействие компетентных ведомств, обеспечивает информационный обмен и участвует в подготовке совместных учений [7]. Мандат структуры координационный и информационно-аналитический, собственных силовых возможностей она не имеет -отсюда институциональная «немота» организации в классических вопросах обороны.

Второе направление -политико-дипломатическая координация через итоговые документы саммитов, формулировки которых, достигаемые консенсусом, остаются рамочными: нормативная модель, построенная на суверенитете и невмешательстве, обеспечивает организации привлекательность, но ограничивает способность к принуждающим

действиям [19], хотя, в отличие от АСЕАН, ШОС изначально включала прямое сотрудничество по безопасности [23]. Третье направление связано с расширением: Астанинская декларация 9 июня 2017 г. закрепила приём Индии и Пакистана [4], что увеличило геополитический вес организации, но привнесло в неё межгосударственные напряжения [15], сделало состав более разнородным [18] и закрепило за Индией линию сочетания сотрудничества и конкуренции [17]. Отсюда чувствительность Дели к усилению военно-политических связей Пакистана вне ШОС.

Ближневосточный вектор оформился позднее и преимущественно через институт партнёрства. Турции статус партнёра по диалогу предоставлен решением Совета глав государств-членов ШОС № 7 от 7 июня 2012 г. (меморандум подписан 26 апреля 2013 г. в Алма-Ате), Саудовской Аравии -решением № 22 от 17 сентября 2021 г. (меморандум –16 сентября 2022 г.); в тот же период партнёрами стали Египет и Катар, затем ОАЭ, Кувейт и Бахрейн [6]. Статус не предполагает участия в выработке решений и не создаёт обязательств в сфере безопасности. Сближение государств Залива с ШОС встраивается в стратегию хеджирования при сохранении связей с США [20], а механизм взаимодействия ССАГПЗ и ШОС характеризуется как инклюзивный и совместимый с военным присутствием западных партнёров [21].

Тяньцзиньский саммит 1 сентября 2025 г. принял Стратегию развития ШОС до 2035 года и соглашения об Универсальном центре по противодействию вызовам и угрозам безопасности и об Антинаркотическом центре, а статусы «наблюдатель» и «партнёр по диалогу» решено объединить в единый статус «партнёр ШОС»; в декларации зафиксированы обеспокоенность эскалацией палестино-израильского конфликта, осуждение ударов по Ирану в июне 2025 г. и поддержка инклюзивного правительства в Афганистане [5]. Ближневосточная проблематика присутствует, следовательно, как политическая позиция, а не как основание для операционных действий. При этом справочные материалы Секретариата на февраль 2026 г. по-прежнему используют прежнюю терминологию статусов [6], а сведений о развёртывании новых центров в открытых источниках нет.

Пакистан в системе безопасности ШОС и его роль в сопряжении Южной Азии и Ближнего Востока

Формально Пакистан -государство-член с полным объёмом прав; фактически -узел, где сходятся южноазиатская подсистема с её противостоянием с Индией, афганская, китайская и ближневосточная. Ценность пакистанского участия для ШОС связана прежде всего с афганским и антитеррористическим направлениями: организация фиксирует заинтересованность в становлении Афганистана как независимого, нейтрального и мирного государства [5], а работа по этой линии без Исламабада невозможна; одновременно наличие в составе двух государств с неурегулированным конфликтом ограничивает возможности консенсуса [15; 17]. Ближневосточные связи Исламабада имеют давнюю историю: 17 сентября 2025 г. Пакистан и Саудовская Аравия подписали Соглашение о стратегической взаимной обороне, исходящее, согласно официальному совместному заявлению, из того, что агрессия против одной из стран будет рассматриваться как агрессия против обеих [13]. Исследователи указывали, что документ во многом кодифицирует сложившуюся практику и что упоминания о ядерном измерении в его публичном тексте отсутствуют [26; 27].

Показательна посредническая роль Исламабада в кризисе 2026 г.: согласно справке Библиотеки Палаты общин Великобритании, после ударов Израиля и США по Ирану 28 февраля 2026 г. и закрытия Ормузского пролива именно Пакистан объявил 8 апреля о достижении соглашения о прекращении огня между США и Ираном, а 17 июня стороны подписали меморандум из 14 пунктов [14]. Для ШОС значимо, что Пакистан -единственное государство-член, связанное обязательствами оборонного характера с двумя ближневосточными партнёрами организации: это создаёт не юридическую, а коммуникационную асимметрию. Подтверждённых сведений о том, что вопрос о соотношении соглашения с членством Пакистана в ШОС обсуждался в органах организации, в открытых источниках нет.

Новый пакт Турция – Саудовская Аравия – Пакистан: содержание, политико-стратегические предпосылки и ограничения

Достоверно установлено следующее. 7 августа 2026 г. в Мекке по итогам трёхстороннего саммита наследный принц Саудовской Аравии Мухаммед бен Сальман, президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган и премьер-министр Пакистана Мухаммад Шехбаз Шариф подписали Мекканское соглашение о совместной обороне (Makkah Joint Defence Agreement). В совместном заявлении, распространённом Информационным агентством Саудовской Аравии, и в пресс-релизе МИД Пакистана зафиксировано, что вооружённое нападение на одно из трёх государств будет рассматриваться как нападение на всех участников, а целью документа названо укрепление коллективного сдерживания в отношении любых актов агрессии и развитие оборонного сотрудничества во всех его аспектах [9; 10]. В обращении к нации заместителя премьер-министра -министра иностранных дел Пакистана подчёркиваются оборонительный характер соглашения, его ненаправленность против какой-либо страны, соотнесённость со статьёй 51 Устава ООН, сохранение ранее заключённых договорённостей и открытость для присоединения [8; 11; 12].

Не менее важно то, что не раскрыто: подтверждённых сведений о полном тексте соглашения, командном органе, процедурах принятия решений, критериях активации обязательств и формах военного реагирования нет. Официальный представитель МИД Пакистана 12 августа 2026 г. подтвердил оборонительный характер и открытость документа, отверг сопоставления с НАТО, прозвучавшие в индийском публичном поле, и сообщил, что содержание обсуждалось с министром иностранных дел Ирана, однако механизмов реализации не назвал [12]. Суждения о военной интегрированности сторон следует поэтому считать оценочными.

Политико-стратегические предпосылки реконструируются увереннее: для Эр-Рияда это компенсация ограниченности американского сдерживания, для Исламабада -приобретение веса на ближневосточном направлении, для Анкары -расширение пояса союзнических отношений; при этом соглашение не является союзом натовского типа, а прежние договорённости Пакистана с Саудовской Аравией и обязательства в рамках ССАГПЗ не приводили к автоматическому коллективному реагированию [28]. Ограничения вытекают из конструкции формата: участники географически разъединены, их приоритеты не совпадают (для Пакистана определяющим остаётся индийское направление, для Турции -восточносредиземноморское, для Саудовской Аравии -йеменское и иранское), а экономические интересы связаны с государствами, которые могут оказаться по другую сторону гипотетического конфликта [27]. Это не обесценивает соглашение, но позволяет видеть в нём прежде всего политико-сигнальный инструмент, темпы институционализации которого достоверной оценке пока не поддаются.

Точки пересечения и расхождения интересов ШОС и трёхстороннего оборонного пакта

Форматы принадлежат к разным институциональным типам: ШОС -многопрофильная организация с консенсусной процедурой, Мекканское соглашение -узкий трёхсторонний формат вокруг единственной публично заявленной нормы о совместной реакции на вооружённое нападение. Институциональной связи и соподчинения между ними нет; единственный общий элемент -участие Пакистана и партнёрский статус Турции и Саудовской Аравии, сам по себе не порождающий обязательств в сфере безопасности [6]. Речь идёт не о конкуренции организаций, а о наложении двух контуров в одном пространстве. В противодействии терроризму и экстремизму направление ШОС институционализировано и обеспечено конвенционной базой и постоянным органом [2; 3; 7], тогда как пакт публично ориентирован на противодействие вооружённой агрессии; заявленное развитие оборонного сотрудничества «во всех аспектах» [9] не исключает контртеррористической компоненты, но сведений о ней нет. В области региональной стабильности позиции ШОС декларативны и опираются на приверженность международному праву [5], а пакт вводит дополнительный элемент сдерживания [11]: совпадение возможно в той мере, в какой сдерживание предотвращает эскалацию, расхождение -в том, что консолидация коалиции, воспринимаемой как конфессионально и геополитически окрашенная, способна усилить встречные процессы секьюритизации. Количественные исследования региональных размежеваний предостерегают от такой оптики: консолидированные конфессионально-политические блоки чаще оказываются продуктом риторики, чем отражением реального распределения возможностей [24].

В собственно оборонной сфере пересечение минимально: ШОС не является военным союзом [1], а учения по линии РАТС имеют иную природу [7]; возникает, однако, эффект сравнения, делающий заметнее ограниченность организации в вопросах «жёсткой» безопасности. Наиболее реалистично сопряжение по линии безопасности коммуникаций: устойчивость морских маршрутов Залива и Аравийского моря отвечает интересам Китая, Индии и государств Центральной Азии, хотя инструментов морской безопасности у ШОС нет. Пакистан при этом способен выполнять посреднические функции в конфликте, затрагивающем государство-член организации [14], тогда как сама ШОС ограничивается декларативной поддержкой урегулирования [5].

Существенны и различия интересов участников организации: для России ближневосточная динамика вписана в концепцию евразийской

безопасности, где ШОС выступает одной из институциональных опор архитектуры равной и неделимой безопасности [25]; для Китая приоритетны устойчивость поставок энергоносителей и безопасность инфраструктурных проектов при традиционном избегании союзнических обязательств [22]; для Индии сюжет чувствителен, что подтверждается полемикой вокруг сопоставлений пакта с НАТО [12]; для Ирана консолидация формата создаёт дополнительную неопределённость. Это различие само по себе служит ограничителем: общая позиция ШОС потребовала бы консенсуса, достижение которого сейчас затруднительно.

Перспективные сценарии: возможности, риски и институциональные ограничения для ШОС

Сценарное моделирование оправдано именно потому, что ключевые параметры формата не раскрыты; ни одна из траекторий не описывается как наиболее вероятная. Инерционный сценарий предполагает, что соглашение сохранит преимущественно сигнальный характер: стороны ограничатся консультативными механизмами, а процедуры активации обязательств останутся нераскрытыми; косвенным аргументом служит отсутствие автоматического коллективного реагирования по прежним договорённостям [28]. Для ШОС такая траектория наиболее комфортна: повестка организации не затрагивается, издержкой остаётся сохранение неопределённости.

Кооперационный сценарий исходит из того, что формат постепенно институционализируется, но развивается в логике, не противоречащей повестке ШОС: возможны параллельные линии работы по афганскому урегулированию, противодействию наркотрафику и безопасности коммуникаций. Организационно это выражалось бы не в контактах между ШОС и трёхсторонним объединением -для них нет ни правовых оснований, ни прецедента, -а в расширении содержательного наполнения партнёрских отношений Турции и Саудовской Аравии с организацией; дополнительным условием служит развёртывание принятых в Тяньцзине новых центров [5]. Ограничение сценария -необходимость консенсуса, предполагающего согласие Индии и Ирана. Конфликтно-конкурентный сценарий предполагает, что консолидация формата будет воспринята частью региональных акторов как элемент коалиционного противостояния: возможны встречное блокостроительство, перенос противоречий на площадки ШОС и блокирование ближневосточных формулировок в её документах. Точками напряжения выступают иранское направление, в силу структурного недоверия, сохраняющегося несмотря на официальные заверения [12], и индийское [17]. Издержки для ШОС здесь наибольшие: снижение содержательности документов и ослабление привлекательности организации для ближневосточных партнёров [20; 21]. Общим для всех траекторий остаётся структурное ограничение: ШОС не располагает ни компетенцией, ни процедурами для реагирования на оборонные коалиции с участием своих членов, а принцип ненаправленности деятельности против третьих государств [1] задаёт рамку взаимного невмешательства.

Заключение

Результаты целесообразно разграничить по степени достоверности. К установленным фактам относится следующее: Пакистан является государством-членом ШОС с июня 2017 г. [4], тогда как Турция и Саудовская Аравия связаны с организацией отношениями партнёрства -с 2012 и 2021 гг. соответственно, -не предполагающими обязательств в сфере безопасности [6]; Тяньцзиньская декларация 2025 г. объединяет прежние статусы в единый статус партнёра ШОС [5]. Мекканское соглашение о совместной обороне подписано 7 августа 2026 г. главами трёх государств; его публично зафиксированная норма состоит в том, что вооружённое нападение на одного из участников рассматривается как нападение на всех, а сам документ характеризуется сторонами как оборонительный, ненаправленный против третьих стран, соотнесённый со статьёй 51 Устава ООН и открытый для присоединения [8; 9; 10; 11]. Практический механизм взаимных военных обязательств в открытых источниках не раскрыт [12]. Аналитические выводы сводятся к пяти положениям. Во-первых, пакт не является частью институциональной структуры ШОС и не порождает для организации формальных последствий. Во-вторых, функциональные профили двух форматов пересекаются лишь частично -заметнее всего в вопросах региональной стабильности и безопасности коммуникаций, минимально в оборонной сфере, где у организации нет мандата [1; 7]. В-третьих, воздействие пакта преимущественно косвенное и реализуется через изменение переговорного веса Пакистана, восприятие формата Ираном и Индией и конкуренцию параллельных контуров безопасности. В-четвёртых, институт партнёрства оказывается одновременно преимуществом и ограничением ШОС: он позволяет вовлекать государства с несовпадающими ориентациями, но не даёт инструментов влияния на их коалиционные решения [16; 20; 21]. В-пятых, гипотеза подтверждается: значимое воздействие возможно без институциональной связи, но проявляется оно в поведении участников организации, а не в её обязательствах. Вероятностные суждения требуют осторожности. Динамика будет определяться тем, получит ли соглашение практическое наполнение, и реакцией Тегерана и Дели: инерционная траектория наименее затратна для ШОС, кооперационная требует консенсуса, конфликтно-конкурентная сопряжена с наибольшими издержками. Оценивать эффективность формата преждевременно -в отсутствие сведений о процедурах реагирования категоричные прогнозы не имели бы источниковой опоры. Сюжет значим и для дискуссии об архитектуре евразийской безопасности [25]: появление коалиционных форматов с иной логикой обязательств делает вопрос о разграничении функций между организациями и коалициями практическим.

Литература

1. Хартия Шанхайской организации сотрудничества (Санкт-Петербург, 7 июня 2002 г.). -Текст: электронный // Президент России: официальный сайт. -URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3450 (дата обращения: 25.08.2026).

2. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 г.). -Текст: электронный // Президент России: официальный сайт. -URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3405 (дата обращения: 25.08.2026).

3. Соглашение между государствами -членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре (Санкт-Петербург, 7 июня 2002 г.). -Текст: электронный // Шанхайская организация сотрудничества: официальный сайт. -URL: https://rus.sectsco.org/images /07e8/0c/03/1608524.pdf (дата обращения: 25.08.2026).

4. Астанинская декларация глав государств -членов Шанхайской организации сотрудничества (Астана, 9 июня 2017 г.). -Текст: электронный // Президент России: официальный сайт. -URL: http://kremlin.ru/supplement/5206 (дата обращения: 25.08.2026).

5. Тяньцзиньская декларация Совета глав государств -членов Шанхайской организации сотрудничества (Тяньцзинь, 1 сентября 2025 г.). -Текст: электронный // Шанхайская организация сотрудничества: официальный сайт. -URL: https://rus.sectsco.org/images/07e9/09/01/1958599.pdf (дата обращения: 25.08.2026).

6. Наблюдатели и партнёры по диалогу. -Текст: электронный // Шанхайская организация сотрудничества: официальный сайт. -URL: https://rus.sectsco.org/20260206/2158611.html (дата обращения: 25.08.2026).

7. Региональная антитеррористическая структура ШОС. -Текст: электронный // Шанхайская организация сотрудничества: официальный сайт. -URL: https://rus.sectsco.org/20231128/1189270.html (дата обращения: 25.08.2026).

8. Устав Организации Объединённых Наций (Сан-Франциско, 26 июня 1945 г.). -Текст: электронный // Организация Объединённых Наций: официальный сайт. -URL: https://www.un.org/ru/about-us/un-charter (дата обращения: 25.08.2026).

9. Saudi Arabia, Türkiye, and Pakistan Issue Joint Statement of the Makkah Al-Mukarramah Summit for Joint Defence. -Text: electronic // Saudi Press Agency. –07.08.2026. -URL: https://www.spa.gov.sa/en/N2649227 (дата обращения: 25.08.2026).

10. Makkah Al-Mukarramah Summit for Joint Defence: Press Release No. 204/2026. -Text: electronic // Ministry of Foreign Affairs, Islamic Republic of Pakistan. –07.08.2026. -URL: https://mofa.gov.pk/press-releases/makkah-al-mukarramah-summit-for-joint-defence (дата обращения: 25.08.2026).

11. Message to the Nation by the Deputy Prime Minister / Foreign Minister on the Signing of the Makkah Joint Defence Agreement. -Text: electronic // Ministry of Foreign Affairs, Islamic Republic of Pakistan. –2026. -URL: https://mofa.gov.pk/press-releases/message-to-the-nation-on-the-signing-of-the-makkah-joint-defence-agreement (дата обращения: 25.08.2026).

12. Transcript of the Press Briefing by the Spokesperson on Wednesday, 12th August 2026. -Text: electronic // Ministry of Foreign Affairs, Islamic Republic of Pakistan. –12.08.2026. -URL: https://mofa.gov.pk/press-releases/transcript-of-the-press-briefing-by-the-spokesperson-on-wednesday-12th-august-2026 (дата обращения: 25.08.2026).

13. Joint Statement on the State Visit of Prime Minister of the Islamic Republic of Pakistan, Muhammad Shehbaz Sharif, to the Kingdom of Saudi Arabia: Press Release No. 279/2025. -Text: electronic // Ministry of Foreign Affairs, Islamic Republic of Pakistan. –17.09.2025. -URL: https://mofa.gov.pk/press-releases/joint-statement-on-the-state-visit-of-prime-minister-of-the-islamic-republic-of-pakistan-muhammad-shehbaz-sharif-to-the-kingdom-of-saudi-arabia (дата обращения: 25.08.2026).

14. Loft, P. US-Iran ceasefire and nuclear talks in 2026: Research Briefing CBP-10637 / P. Loft. -London: House of Commons Library, 02.07.2026. -Text: electronic. -URL: https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-10637/ (дата обращения: 25.08.2026).

15. Efremenko, D.V. The Shanghai Cooperation Organization after Enlargement: New Challenges and Prospects / D.V. Efremenko // Moscow University Bulletin. Series 25: International Relations and World Politics. –2020. -Vol. 11, no. 3. -P. 128–159.

16. Kulintsev, Yu.V. The Shanghai Cooperation Organization in the structure of the Greater Eurasian Partnership / Yu.V. Kulintsev // The Review of International Affairs. –2020. -Vol. 71, no. 1180. -P. 27–44.

17. Aryal, S.K. The struggle between norms and the international organisation: A case study of India in the Shanghai Cooperation Organisation (SCO) / S.K. Aryal // The Review of International Affairs. –2022. -Vol. 73, no. 1184. -P. 29–47. -DOI 10.18485/iipe_ria.2022.73.1184.2.

18. Oguz, S. The rise of Shanghai Cooperation Organization in Central Asia / S. Oguz, B. Karabulut // Cappadocia Journal of Area Studies. –2022. -Vol. 4, no. 2. -DOI 10.38154/cjas.54.

19. Choudhari, A. New Regionalism and Norm Creation: A Case of Shanghai Cooperation Organization / A. Choudhari // Journal of Strategic Security. –2024. -Vol. 17, no. 1. -P. 100–111. -DOI 10.5038/1944–0472.17.1.2184.

20. Papageorgiou, M. Standing in-between -Gulf States in the Shanghai Cooperation Organisation Under New Security Dynamics: The GCC, Saudi Arabia and Qatar / M. Papageorgiou, A.B. Jamali // Journal of Asian Security and International Affairs. –2025. -Vol. 12, no. 1. -P. 109–133. -DOI 10.1177/23477970241298755.

21. Sun, D. GCC Countries' Future Relationship With the Shanghai Cooperation Organisation: Motivation and Prospect / D. Sun, F. He // Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies. –2023. -Vol. 17, no. 1. -DOI 10.1080/25765949.2023.2200115.

22. Sarybayev, M. Regional security collaboration between Central Asia and China: contemporary challenges and future prospects / M. Sarybayev, D. Zhekenov, K. Rustem, A. Kurmanbek, B.D. Kossalbayev // Frontiers in Political Science. –2026. -Vol. 8. -Art. 1670875. -DOI 10.3389/fpos.2026.1670875.

23. Хонрада, Г. Дж.П. Концепции «Шанхайского духа» и «Пути АСЕАН» как основа нового регионализма / Г. Дж.П. Хонрада, С.А. Бокерия // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. –2023. -Т. 23, № 2. -С. 253–264. -DOI 10.22363/2313–0660–2023–23–2–253–264.

24. Чикризова, О.С. Проблема существования «шиитского полумесяца» на Ближнем и Среднем Востоке: опыт количественного анализа / О.С. Чикризова, Н.В. Ивкина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. –2023. -Т. 23, № 1. -С. 88–104. -DOI 10.22363/2313–0660–2023–23–1–88–104.

25. Тимофеев, И.Н. Архитектура евразийской безопасности: генезис, принципы и возможные направления развития / И.Н. Тимофеев. -Текст: электронный // Российский совет по международным делам. –10.12.2025. -URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/arkhitektura-evraziyskoy-bezopasnosti-genezis-printsipy-i-vozmozhnye-napravleniya-razvitiya/ (дата обращения: 25.08.2026).

26. Akhtar, R. Beyond the Hype: Pakistan-Saudi Defense Pact Is Not a Saudi Nuclear Umbrella / R. Akhtar. -Text: electronic // Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard Kennedy School. –18.09.2025. -URL: https://www.belfercenter.org/research-analysis/beyond-hype-pakistan-saudi-defense-pact-not-saudi-nuclear-umbrella-0 (дата обращения: 25.08.2026).

27. Gause, F.G. Don't believe the hype: The modest reality of the Saudi-Pakistani defense pact / F.G. Gause. -Text: electronic // Middle East Institute. –08.10.2025. -URL: https://mei.edu/publication/dont-believe-hype-modest-reality-saudi-pakistani-defense-pact/ (дата обращения: 25.08.2026).

28. Minor, A. Why Saudi Arabia, Pakistan, and Turkey just signed a defense pact / A. Minor, M. Kugelman, R. Outzen. -Text: electronic // Atlantic Council. –07.08.2026. -URL: https://www.atlanticcouncil.org/dispatches/why-saudi-arabia-pakistan-and-turkey-just-signed-a-defense-pact/ (дата обращения: 25.08.2026).

THE MIDDLE EASTERN SECURITY VECTOR OF THE SHANGHAI COOPERATION ORGANISATION: INTERSECTIONS OF THE ORGANISATION'S INTERESTS WITH THE NEW TURKEY – SAUDI ARABIA – PAKISTAN PACT

Boytsov A.S., Savinov A.L., Fadeev Yu.E., Kuptsov M.A., Chernov A.M.
Peoples' Friendship University of Russia

The Middle East has ceased to be a peripheral item on the agenda of the Shanghai Cooperation Organisation (SCO): by 2026 Iran participates as a member state, while Türkiye, Saudi Arabia, Egypt, Qatar, the UAE, Kuwait and Bahrain are involved as partners. At the same time, the regional environment is being reshaped by the armed confrontation around Iran and by the trilateral joint defence agreement signed in Makkah on 7 August 2026 by Türkiye, Saudi Arabia and Pakistan, the latter being an SCO member state. The purpose of the article is to identify the points of intersection, the constraints and the probable channels through which the Makkah agreement may affect the regional security architecture and the interests of the SCO. The findings demonstrate that the pact is not part of the SCO institutional structure, creates no formal obligations for the Organisation and corresponds only partially to its functional logic.

Keywords: SCO; Makkah agreement; Pakistan; Türkiye; Saudi Arabia; regional security; dialogue partner; SCO RATS; collective defence; Middle East; scenario analysis; Eurasian security.

References

1. Khartiya Shankhaiskoi organizatsii sotrudnichestva [Charter of the Shanghai Cooperation Organisation]. (2002, June 7). President of Russia. http://www.kremlin.ru/supplement/3450 (In Russ.)

2. Shankhaiskaya konventsiya o bor'be s terrorizmom, separatizmom i ekstremizmom [Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism]. (2001, June 15). President of Russia. http://www.kremlin.ru/supplement/3405 (In Russ.)

3. Soglashenie mezhdu gosudarstvami – chlenami Shankhaiskoi organizatsii sotrudnichestva o Regional'noi antiterroristicheskoi strukture [Agreement between the Member States of the Shanghai Cooperation Organisation on the Regional Anti-Terrorist Structure]. (2002, June 7). Shanghai Cooperation Organisation. https://rus.sectsco.org/images/07e8/0c/03/1608524.pdf (In Russ.)

4. Astaninskaya deklaratsiya glav gosudarstv – chlenov Shankhaiskoi organizatsii sotrudnichestva [Astana Declaration of the Heads of State of the Shanghai Cooperation Organisation Member States]. (2017, June 9). President of Russia. http://kremlin.ru/supplement/5206 (In Russ.)

5. Tyan'tszin'skaya deklaratsiya Soveta glav gosudarstv – chlenov Shankhaiskoi organizatsii sotrudnichestva [Tianjin Declaration of the Council of Heads of State of the Shanghai Cooperation Organisation Member States]. (2025, September 1). Shanghai Cooperation Organisation. https://rus.sectsco.org/images/07e9/09/01/1958599.pdf (In Russ.)

6. Nablyudateli i partnery po dialogu [Observers and dialogue partners]. (2026, February 6). Shanghai Cooperation Organisation. https://rus.sectsco.org/20260206/2158611.html (In Russ.)

7. Regional'naya antiterroristicheskaya struktura ShOS [The SCO Regional Anti-Terrorist Structure]. (2023, November 28). Shanghai Cooperation Organisation. https://rus.sectsco.org/20231128/1189270.html (In Russ.)

8. Charter of the United Nations. (1945, June 26). United Nations. https://www.un.org/en/about-us/un-charter

9. Saudi Arabia, Türkiye, and Pakistan issue joint statement of the Makkah Al-Mukarramah Summit for Joint Defence. (2026, August 7). Saudi Press Agency. https://www.spa.gov.sa/en/N2649227

10. Makkah Al-Mukarramah Summit for Joint Defence (Press Release No. 204/2026). (2026, August 7). Ministry of Foreign Affairs, Islamic Republic of Pakistan. https://mofa.gov.pk/press-releases/makkah-al-mukarramah-summit-for-joint-defence

11. Message to the nation by the Deputy Prime Minister / Foreign Minister on the signing of the Makkah Joint Defence Agreement. (2026). Ministry of Foreign Affairs, Islamic Republic of Pakistan. https://mofa.gov.pk/press-releases/message-to-the-nation-on-the-signing-of-the-makkah-joint-defence-agreement

12. Transcript of the press briefing by the spokesperson on Wednesday, 12th August 2026. (2026, August 12). Ministry of Foreign Affairs, Islamic Republic of Pakistan. https://mofa.gov.pk/press-releases/transcript-of-the-press-briefing-by-the-spokesperson-on-wednesday-12th-august-2026

13. Joint statement on the state visit of Prime Minister of the Islamic Republic of Pakistan, Muhammad Shehbaz Sharif, to the Kingdom of Saudi Arabia (Press Release No. 279/2025). (2025, September 17). Ministry of Foreign Affairs, Islamic Republic of Pakistan. https://mofa.gov.pk/press-releases/joint-statement-on-the-state-visit-of-prime-minister-of-the-islamic-republic-of-pakistan-muhammad-shehbaz-sharif-to-the-kingdom-of-saudi-arabia

14. Loft, P. (2026, July 2). US–Iran ceasefire and nuclear talks in 2026 (Research Briefing No. CBP-10637). House of Commons Library. https://commonslibrary.parliament.uk/research-briefings/cbp-10637/

15. Efremenko, D. V. (2020). The Shanghai Cooperation Organization after enlargement: New challenges and prospects. Moscow University Bulletin. Series 25: International Relations and World Politics, 11(3), 128–159.

16. Kulintsev, Yu. V. (2020). The Shanghai Cooperation Organization in the structure of the Greater Eurasian Partnership. The Review of International Affairs, 71(1180), 27–44.

17. Aryal, S. K. (2022). The struggle between norms and the international organisation: A case study of India in the Shanghai Cooperation Organisation (SCO). The Review of International Affairs, 73(1184), 29–47. https://doi.org/10.18485/iipe_ria.2022.73.1184.2

18. Oguz, S., & Karabulut, B. (2022). The rise of Shanghai Cooperation Organization in Central Asia. Cappadocia Journal of Area Studies, 4(2). https://doi.org/10.38154/cjas.54

19. Choudhari, A. (2024). New regionalism and norm creation: A case of Shanghai Cooperation Organization. Journal of Strategic Security, 17(1), 100–111. https://doi.org/10.5038/1944–0472.17.1.2184

20. Papageorgiou, M., & Jamali, A. B. (2025). Standing in-between – Gulf states in the Shanghai Cooperation Organisation under new security dynamics: The GCC, Saudi Arabia and Qatar. Journal of Asian Security and International Affairs, 12(1), 109–133. https://doi.org/10.1177/23477970241298755

21. Sun, D., & He, F. (2023). GCC countries' future relationship with the Shanghai Cooperation Organisation: Motivation and prospect. Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies, 17(1). https://doi.org/10.1080/25765949.2023.2200115

22. Sarybayev, M., Zhekenov, D., Rustem, K., Kurmanbek, A., & Kossalbayev, B. D. (2026). Regional security collaboration between Central Asia and China: Contemporary challenges and future prospects. Frontiers in Political Science, 8, Article 1670875. https://doi.org/10.3389/fpos.2026.1670875

23. Honrada, G. J. P., & Bokeriya, S. A. (2023). Kontseptsii “Shankhaiskogo dukha” i “Puti ASEAN” kak osnova novogo regionalizma [The Shanghai Spirit and the ASEAN Way as the foundations of a new regionalism]. Vestnik RUDN. International Relations, 23(2), 253–264. https://doi.org/10.22363/2313–0660–2023–23–2–253–264 (In Russ.)

24. Chikrizova, O. S., & Ivkina, N. V. (2023). Problema sushchestvovaniya “shiitskogo polumesyatsa” na Blizhnem i Srednem Vostoke: Opyt kolichestvennogo analiza [The problem of the “Shi'a crescent” in the Middle East: A quantitative analysis]. Vestnik RUDN. International Relations, 23(1), 88–104. https://doi.org/10.22363/2313–0660–2023–23–1–88–104 (In Russ.)

25. Timofeev, I. N. (2025, December 10). Arkhitektura evraziiskoi bezopasnosti: Genezis, printsipy i vozmozhnye napravleniya razvitiya [The architecture of Eurasian security: Genesis, principles and possible directions of development]. Russian International Affairs Council. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/arkhitektura-evraziyskoy-bezopasnosti-genezis-printsipy-i-vozmozhnye-napravleniya-razvitiya/ (In Russ.)

26. Akhtar, R. (2025, September 18). Beyond the hype: Pakistan-Saudi defense pact is not a Saudi nuclear umbrella. Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard Kennedy School. https://www.belfercenter.org/research-analysis/beyond-hype-pakistan-saudi-defense-pact-not-saudi-nuclear-umbrella-0

27. Gause, F. G. (2025, October 8). Don't believe the hype: The modest reality of the Saudi-Pakistani defense pact. Middle East Institute. https://mei.edu/publication/dont-believe-hype-modest-reality-saudi-pakistani-defense-pact/

28. Minor, A., Kugelman, M., & Outzen, R. (2026, August 7). Why Saudi Arabia, Pakistan, and Turkey just signed a defense pact. Atlantic Council. https://www.atlanticcouncil.org/dispatches/why-saudi-arabia-pakistan-and-turkey-just-signed-a-defense-pact/

Исследование железнодорожных коридоров взаимосвязанности между Китаем и Казахстаном

Ван Ин,
аспирант кафедры международных отношений, Варшавский университет
E-mail: y.wang23@student.uw.edu.pl

По мере дальнейшей реализации инициативы «Один пояс, один путь» железные дороги как важный транспортный коридор служат важным проявлением углубления инфраструктурной связанности. На основе анализа современного состояния железнодорожных коридоров между Китаем и Казахстаном и с учетом таких проблем, как низкие технические стандарты и неодинаковая ширина колеи, которые обусловливают невысокое качество перевозок и низкую эффективность, а также с учетом тенденции роста спроса на перевозки по этим коридорам, исходя из принципа «внешняя связанность и внутренняя доступность, удобство и бесперебойность» и ставя целью «устранение узких мест в перевозках и обеспечение беспрепятственного движения по подходам и выходам коридоров», предлагается общая концепция развития коридоров. В соответствии с ежегодными потребностями в перевозках даются предложения по поэтапному строительству: на начальном этапе на базе существующих коридоров осуществляется расширение пропускной способности отдельных однопутных участков; в ближайшей перспективе оба действующих коридора переводятся на двухпутные электрифицированные линии; при дальнейшем росте пассажиропотока вдоль маршрутов в Китае и Казахстане создается высокоскоростной железнодорожный коридор. Одновременно предлагаются соответствующие рекомендуемые меры по строительству коридоров.

Ключевые слова: Китайско-казахстанские железные дороги; планирование железнодорожных коридоров; реконструкция с увеличением пропускной способности; высокоскоростной железнодорожный коридор; международные железнодорожные перевозки.

Introduction

With the continuous development and improvement of the Belt and Road Initiative, cooperation between China and Central Asian and European countries, especially Kazakhstan, has become deeper, economic and trade exchanges have become more frequent, and people-to-people exchanges have become closer. As an important transport corridor connecting China and Kazakhstan (hereinafter referred to as the China and Kazakhstan railway corridor), railways are transport infrastructure for deepening mutually beneficial cooperation and shared prosperity between the two countries. Strengthening the development of interconnected railway corridors between the two countries is necessary for enhancing political mutual trust, safeguarding regional peace, and promoting economic development, and it is also necessary for China to implement its westward opening-up and further advance the strategy for developing the central and western regions [1].

Current Status of the China and Kazakhstan Railway Corridor

Current Situation

The Second Eurasian Continental Bridge, with its relatively short transport route and advantageous geographical location, has become the most convenient land bridge transport corridor connecting Eurasia. The New Eurasian Continental Bridge starts in the east at Lianyungang in China, runs westward out of the country, passes through Kazakhstan and other Central Asian areas, then goes through Russia, Germany, and other countries, and reaches European port cities such as Rotterdam and Antwerp on the eastern coast of the Atlantic. This transport line not only facilitates connections between the Asia Pacific region and the European continent, but also provides a convenient transport corridor for economic and trade development between China and Kazakhstan and for personnel exchanges [2]. The existing China and Kazakhstan railway corridor includes the following two routes.

The Urumqi, Alashankou, Dostyk and Astana Railway Corridor

(1) In 1990, the western section of China's Lanzhou–Xinjiang Railway, also known as the Northern Xinjiang Railway, was officially connected with the railway network of Kazakhstan. This marked the opening of the Second Eurasian Land Bridge. The railway corridor linking Urumqi, Alashankou, Dostyk and Astana forms an important part of this land bridge. It provides a major transport route through Kazakhstan to Russia, Western Europe, Northern Europe and other regions. The corridor is approximately 1,900 km long, of which about 470 km lies within China. In China, it mainly follows the Lanzhou–Xinjiang Railway and crosses the border through the Alashankou Port. It then connects with the Kazakh railway network at Dostyk. Within Kazakhstan, the corridor primarily relies on the Turkestan–Siberian Railway and passes through Dostyk, Beskol, Aktogay, Sayak and Karaganda before reaching Astana, the capital of Kazakhstan [3]. Trains entering or leaving China via the Alashankou railway corridor must undergo bogie changing or cargo transshipment at the border station.

(2) *Jinghe-Khorgos-Altynkol-Shymkent (Almaty)*. In December 2024, China and Kazakhstan completed the railway link-up at Khorgos-Altynkol on the border between the two countries. The Jinghe-Khorgos-Altynkol-Shymkent railway is China's second railway corridor connecting with Kazakhstan, after the Alashankou railway line of the Second Eurasian Continental Bridge. This corridor starts from Jinghe Station, a node on the western section of the Lanzhou-Xinjiang Railway within China, passes through Yining and Huocheng to reach Khorgos Port. The length of the line within China is about 280 km. It then goes through Altynkol Station in Kazakhstan and finally reaches Almaty. The length of the line within Kazakhstan is about 350 km [4]. Compared with the line via Alashankou, it has the advantage of a shorter transport distance. The completion of the Jinghe-Khorgos-Altynkol-Shymkent railway corridor has greatly shortened the railway distance from China's border ports to Almaty in Kazakhstan, Bishkek in Kyrgyzstan, Tashkent in Uzbekistan, as well as countries in Central Asia, West Asia, and Southern Europe. It has become the most convenient international railway corridor from China's coastal ports through Kazakhstan to Central Asian and West Asian countries. Inbound and outbound trains using the railway corridor through Khorgos Port need to undergo gauge change or transshipment operations at the port station [5].

Main Problems

(1) A rapid and high-capacity corridor has not yet been formed on the Chinese section of the China and Kazakhstan railway corridor. The utilization rate of some railway lines on the Chinese section of the China and Kazakhstan railway corridor is close to saturation, which restricts transport efficiency to a certain extent. For example, the Jinghe to Alashankou section of the Lanzhou-Xinjiang Railway is a single-track railway, and the entire Jinghe-Yining-Khorgos Railway is also a single-track railway. Its technical standards are relatively low and its transport capacity is small, so it cannot meet the needs of transport development [6].

(2) The technical level of Kazakhstan's railways is relatively low, and further equipment upgrading and technical renovation are needed. Within Kazakhstan, the Dostyk to Aktogay section and the Altynkol to Shymkent section of the China and Kazakhstan railway corridor are both single track railways using diesel traction, with slow operating speeds and low traction weight. The hardware facilities at Dostyk Port are outdated, and its transshipment capacity is insufficient, so it cannot meet the transshipment needs of China's export goods. Equipment renewal and technical renovation are urgently needed [7].

(3) The track gauge standards of the China and Kazakhstan railways are inconsistent, which restricts the full play of railway efficiency. Due to the inconsistency in track gauge, railway locomotives need transshipment or gauge changing when crossing the border. Although automatic gauge adjustment for trains can now be achieved technically, the cost is relatively high, and it increases the time cost of transport, thus affecting transport efficiency and the role of railways [8].

(4) The operating efficiency of port stations is low, which affects the quality of corridor transport. The station layout of Alashankou Port Station is a two-level, three-yard transverse arrangement. Constrained by the layout conditions and the position of the main line, its operating efficiency is low. The station has no dedicated border inspection yard, making management and operations relatively inconvenient. Alashankou is located at a wind gap, and strong winds and severe weather frequently interrupt railway operations throughout the year, which poses certain risks to the efficiency and safety of railway transport [9].

Analysis of Transport Demand of the China and Kazakhstan Railway Corridor

Analysis of railway transport growth trends

The steady growth of China's foreign trade with countries along the Belt and Road drives continuous growth in railway transport demand. As the Belt and Road Initiative advances steadily, countries along the routes with different resource endowments and industrial structures have broad space for cooperation. As the world's second largest economy, China is engaging in closer exchanges and cooperation with countries along the routes. This will further promote business and trade exchanges and people-to-people exchanges between China and Europe and Central Asia, and drive the increase in railway transport demand through Alashankou and Khorgos ports [10].

The continuous development of the tourism economy in countries along the Belt and Road drives continuous growth in railway transport demand. Because countries along the Belt and Road differ in geographical location, natural environment, and historical background, they have formed unique tourist attractions and tourism resources. As the Belt and Road Initiative advances step by step, social, economic, and cultural exchanges among countries along the routes continue to increase, and the number of tourists keeps rising, thereby promoting the growth of railway transport demand [11].

The continuous improvement of transport infrastructure in the New Silk Road Economic Belt promotes railway transport growth. As an important carrier of transport in the New Silk Road Economic Belt, railways have the advantages of being green and environmentally friendly, safe and punctual, and suitable for long-distance transport of bulk goods. The demand for railway passenger and freight transport in countries along the Belt and Road will continue to increase.

Analysis of railway transport demand

In light of the development plan for China-Europe freight trains [12] and the Belt and Road development policies, as well as factors affecting railway transport growth such as foreign trade development in countries along the routes, growth rate method, regression method, and other forecasting methods are used to comprehensively forecast the railway passenger and freight volumes at Khorgos and Alashankou ports, as shown in Table 1 [13].

Table 1. Summary of Railway Passenger and Freight Volume Forecasts for Khorgos and Alashankou Ports

Year	Khorgos Port			Alashankou Port		
	Import and export freight volume / (10,000 t/a)	International container block trains / (trains/a)	Number of pairs of passenger trains / (pairs/d)	Import and export freight volume / (10,000 t/a)	International container block trains / (trains/a)	Number of pairs of passenger trains / (pairs/d)
Current status (2016)	92	100	1	747	1,220	0.5
Initial stage (2025)	400	500	2	1,800	2,000	1
Near term (2030)	660	800	3	2,250	2,500	1
Long term (2040)	1,050	1,200	5	3,000	3,500	2

Research on the Planning of the China and Kazakhstan Railway Corridor

Overall Concept

Based on the current situation of the China and Kazakhstan railway corridor and in light of the corridor's transport demand, in order to effectively reduce project investment, while maintaining the two existing railway corridors from Urumqi through Alashankou to Astana and from Urumqi through Khorgos and Almaty to Astana, the construction of border port stations will be strengthened, their functions improved, and their operating efficiency raised, thereby enhancing the overall transport capacity and transport quality of the corridor. The two existing corridors will mainly handle freight exchanges between China and Central Asia, West Asia, and Europe, with international container block trains as the mainstay, while also accommodating some international passenger trains.

In order to adapt to rapid economic growth, improve the transport quality of the China and Kazakhstan passenger corridor, and meet the travel needs of passengers along the route and across the border, and in light of the planned construction of the high-speed railways from Urumqi to Yining in China and from Astana to Almaty in Kazakhstan, as passenger demand in the two countries and along the route grows further, high-speed railways will be built on the domestic section from Yining to Khorgos Port Station and on the section in Kazakhstan from Almaty to the port station, forming a high-speed railway corridor linking Urumqi, Khorgos, Almaty, and Astana and creating a high-speed passenger railway corridor between China and Kazakhstan. This corridor will carry cross-border passengers between China and Kazakhstan and intercity passengers within the two countries [14].

As cooperation between China and Kazakhstan continues to deepen in various fields, the areas of cooperation between the two countries will further expand in the future. According to research on the planning of a railway network for railway connectivity between China and neighboring countries, and in light of the planned layout of the Chinese and Kazakh railway networks and relevant port stations, two additional China and Kazakhstan railway connectivity corridors will be added to meet transport demand: Altay to Jeminay to Oskemen and Karamay to Tacheng to Aktogay [15].

Phased Implementation

According to the strategic concept and construction plan for the China and Kazakhstan railway corridor, the phased implementation of the China and Kazakhstan interconnected railway corridor is determined as follows.

Initial stage: Maintain the existing railway corridors from Urumqi to Alashankou to Astana and from Urumqi to Khorgos to Almaty to Astana. In light of transport demand, carry out single-track capacity expansion and upgrading on the Jinghe to Yining section by adding stations and raising traction tonnage.

Near term: The existing railway corridors will be developed into double-track electrified railways. On the Chinese section, carry out capacity expansion and upgrading by adding a second track on the Jinghe to Alashankou section and the Jinghe to Khorgos section. On the section in Kazakhstan, carry out capacity expansion and upgrading by adding a second track on the Dostyk to Moyynty section and the Altynkol to Almaty section. At the same time, carry out capacity expansion and upgrading at Alashankou and Khorgos port stations.

With the construction of high-speed railways in China and Kazakhstan and passenger transport exchanges between China and Kazakhstan, in order to improve transport quality and meet the travel needs of cross-border passengers and regional passenger flows, when passenger demand in the two countries and along the route grows further, build the high-speed railway corridor from Urumqi to Khorgos to Almaty to Astana, and at the same time build a new Khorgos passenger port station.

Relevant Policies and Measures

(1) Overall planning and orderly development. The construction of the China and Kazakhstan interconnected railway corridor is a major strategic arrangement for national economic and social development. It involves a wide range of areas and requires all industries and departments to reach a common understanding and proceed from the fundamental and long-term interests of the country. It requires overall planning, making better use of both domestic and international resources and markets to serve China's economy, close collaboration, and orderly promotion of railway corridor construction. It should also take into account how to drive the overseas expansion of China's railway technology and equipment.

(2) Improving corridor development. At present, the existing China and Kazakhstan railway corridors are physically connected and have formed a certain transport capacity, but factors such as coordination of interests among the relevant countries and transport barriers have affected the full play of the corridor system's capacity. Therefore, it is necessary to actively advocate and promote consultations on cooperation among the relevant countries and international cooperation organizations, urge all relevant parties to improve agreements, plans and programs and put them into practical action, and strengthen coordination in transport organization. Consultation should be strengthened and a reasonable division of labor and distribution should be achieved in areas such as cargo source allocation, transport route selection, freight rate setting and cost settlement, so that the functions of the existing corridors can be fully brought into play. In light of economic, political and international situations, new corridors should be built as appropriate, missing links should be connected, and external corridors should be improved.

(3) Advancing the construction of key projects. The construction of international railway corridors should be planned in an overall manner after full study and demonstration. In light of domestic and international political, economic, and security strategies and the international environment, priority should be given to projects that have a relatively large impact on China and its surrounding areas and whose timing for construction is relatively mature. With China taking the lead and with clear objectives, substantive breakthroughs should be achieved in stages so as to gradually complete the corridor.

Заключение

Railways are an important transport corridor linking China and Kazakhstan, and also important infrastructure for deepening economic and trade exchanges and mutually beneficial cooperation between the two countries. In accordance with trade exchanges and transport demand between China and neighboring countries, and in light of the layout and alignment of the China and Kazakhstan railway corridor, with the goal of "external connectivity and internal accessibility, convenient and smooth", with the principle of "basing ourselves on the current situation while looking to the future", and with the aim of "eliminating transport bottlenecks and ensuring unimpeded movement on the approaches and exits of the corridors", and relying on the railway networks of China and Kazakhstan, we will strengthen railway connections between the two countries, make a reasonable layout, and implement the project in phases. On the basis of the existing railway corridors, passenger and freight transport corridors will ultimately be formed from Urumqi to Alashankou to Astana, from Urumqi to Khorgos to Almaty to Astana, from Altay to Jeminay to Oskemen, and from Karamay to Tacheng to Aktogay, as well as a high-speed railway corridor from Urumqi to Khorgos to Almaty to Astana.

Литература

1. Контесси Н.П. Диверсификация внешней политики и межконтинентальные транспортные коридоры: железнодорожная дипломатия Казахстана // Исследования Европы и Азии. 2018. Т. 70, № 5. С. 759–790. DOI: 10.1080/09668136.2018.1473342.

2. Родеманн Х., Темплар С. Факторы, способствующие и препятствующие развитию интермодальных железнодорожных грузовых перевозок между Азией и Европой // Журнал планирования и управления железнодорожным транспортом. 2014. Т. 4, № 3. С. 70–86. DOI: 10.1016/j.jrtpm.2014.10.001.

3. Ян Д., Цзян Л., Нг А.К.Ю. Один пояс, один путь, но несколько маршрутов: исследование новых торговых коридоров, соединяющих Дальний Восток и Европу // Транспортные исследования. Часть А: политика и практика. 2018. Т. 117. С. 190–204. DOI: 10.1016/j.tra.2018.08.001.

4. Ли Ю., Болтон К., Вестфаль Т. Влияние железных дорог Нового Шёлкового пути на совокупный объём торговли между Китаем и Европой // Журнал исследований экономики и бизнеса Китая. 2018. Т. 16, № 3. С. 275–292. DOI: 10.1080/14765284.2018.1453720.

5. Помфрет Р. Евразийский сухопутный мост и китайская инициатива «Один пояс, один путь»: спрос, предложение услуг и государственная политика // Мировая экономика. 2019. Т. 42, № 6. С. 1642–1653. DOI: 10.1111/twec.12758.

6. Помфрет Р. Евразийский сухопутный мост: объединение региональных цепочек создания стоимости вдоль Нового Шёлкового пути // Кембриджский журнал регионов, экономики и общества. 2019. Т. 12, № 1. С. 45–56. DOI: 10.1093/cjres/rsy030.

7. Помфрет Р. Евразийский сухопутный мост: последствия железнодорожного соединения Восточной Азии и Европы // Исследования глобализации. 2021. Т. 3. Ст. 100046. DOI: 10.1016/j.resglo.2021.100046.

8. Бакски П. Железный Шёлковый путь: насколько он важен? // Региональное развитие и политика. 2020. Т. 5, № 2. С. 146–166. DOI: 1 0.1080/23792949.2019.1672571.

9. Бакски П., Кендердайн Т. Действительно ли Железный Шёлковый путь настолько важен? Использование железнодорожных грузовых перевозок на китайском Экономическом поясе Шёлкового пути // Вестник МГИМО-Университета. 2020. Т. 13, № 5. С. 168–193. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-5-74-168-193.

10. Бакски П., Кендердайн Т. Развитие железных дорог Центральной Азии: почему китайская инициатива «Один пояс, один путь» имеет ограниченное региональное значение // Копенгагенский журнал азиатских исследований. 2021. Т. 39, № 1. С. 68–87. URL: https://rauli.cbs.dk/index.php/cjas/article/view/6182 (дата обращения: 17.09.2026).

11. Берсенев А., Чикилевская М., Русинов И. Железнодорожные коридоры Шёлкового пути: современное состояние и перспективы дальнейшего развития // Труды по компьютерным наукам. 2020. Т. 167. С. 1080–1087. DOI: 10.1016/j.procs.2020.03.407.

12. Чжан С., Шрамм Х.-Й. Оценка рыночной ниши евразийских железнодорожных грузовых перевозок в эпоху инициативы «Один пояс, один путь» // Международный журнал управления логистикой. 2020. Т. 31, № 4. С. 729–751. DOI: 10.1108/IJLM-12-2019-0351.

13. Анализ устойчивой транспортной конкурентоспособности железнодорожных экспрессов Китай–Европа в контексте инициативы «Один пояс, один путь» / Ли Ш., Лан М., Юй С. [и др.] // Устойчивое развитие. 2019. Т. 11, № 10. Ст. 2896. DOI: 10.3390/su11102896.

14. Средний торгово-транспортный коридор: меры политики и инвестиции для утроения объёма грузовых перевозок и сокращения времени доставки в два раза к 2030 году / Всемирный банк. Вашингтон: Всемирный банк, 2023. URL: https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/7e6a216e-eb56–444b-9c75–2cfde0a4d738 (дата обращения: 17.09.2026).

15. Раскрытие потенциала железных дорог: железнодорожная стратегия ЦАРЭС на 2017–2030 годы / Азиатский банк развития. Манила: Азиатский банк развития, 2017. 61 с. ISBN 978-92-9257-747-6. URL: https://www.adb.org/documents/railway-strategy-carec-2017–2030 (дата обращения: 17.09.2026).

A STUDY OF RAILWAY CONNECTIVITY CORRIDORS BETWEEN CHINA AND KAZAKHSTAN

Wang Ying
University of Warsaw

As the Belt and Road Initiative continues to advance, railways, as an important transport corridor, serve as an important manifestation of deepening infrastructure connectivity. Based on an analysis of the current state of railway corridors between China and Kazakhstan, and taking into account problems such as low technical standards and inconsistent track gauges, which lead to poor transport quality and low efficiency, as well as the growth trend in transport demand along these corridors, and proceeding from the principle of "external connectivity and internal accessibility, convenience and smooth operation" and aiming to "eliminate transport bottlenecks and ensure unimpeded movement on the approaches and exits of the corridors", an overall concept for corridor development is proposed. In accordance with annual transport demand, proposals for phased construction are put

forward: at the initial stage, based on existing corridors, the capacity of certain single-track sections is expanded; in the near term, both existing corridors are converted to double-track electrified lines; with further growth in passenger flow along the routes in China and Kazakhstan, a high-speed railway corridor is created. At the same time, corresponding recommended measures for corridor construction are proposed.

Keywords: China-Kazakhstan railways; railway corridor planning; capacity expansion and reconstruction; high-speed railway corridor; international railway transport.

References

1. Contessi N.P. Foreign Policy Diversification and Intercontinental Transport Corridors: The Case of Kazakhstan's Railways Diplomacy // Europe-Asia Studies. 2018. Vol. 70, no. 5. P. 759–790. DOI: 10.1080/09668136.2018.1473342.

2. Rodemann H., Templar S. The Enablers and Inhibitors of Intermodal Rail Freight between Asia and Europe // Journal of Rail Transport Planning & Management. 2014. Vol. 4, no. 3. P. 70–86. DOI: 10.1016/j.jrtpm.2014.10.001.

3. Yang D., Jiang L., Ng A.K.Y. One Belt One Road, but Several Routes: A Case Study of New Emerging Trade Corridors Connecting the Far East to Europe // Transportation Research Part A: Policy and Practice. 2018. Vol. 117. P. 190–204. DOI: 10.1016/j.tra.2018.08.001.

4. Li Y., Bolton K., Westphal T. The Effect of the New Silk Road Railways on Aggregate Trade Volumes between China and Europe // Journal of Chinese Economic and Business Studies. 2018. Vol. 16, no. 3. P. 275–292. DOI: 10.1080/14765284.2018.1453720.

5. Pomfret R. The Eurasian Landbridge and China's Belt and Road Initiative: Demand, Supply of Services and Public Policy // The World Economy. 2019. Vol. 42, no. 6. P. 1642–1653. DOI: 10.1111/twec.12758.

6. Pomfret R. The Eurasian Land Bridge: Linking Regional Value Chains along the New Silk Road // Cambridge Journal of Regions, Economy and Society. 2019. Vol. 12, no. 1. P. 45–56. DOI: 10.1093/cjres/rsy030.

7. Pomfret R. The Eurasian Landbridge: Implications of Linking East Asia and Europe by Rail // Research in Globalization. 2021. Vol. 3. Art. 100046. DOI: 10.1016/j.resglo.2021.100046.

8. Bucsky P. The Iron Silk Road: How Important Is It? // Area Development and Policy. 2020. Vol. 5, no. 2. P. 146–166. DOI: 10.1080/23792949.2019.1672571.

9. Bucsky P., Kenderdine T. Is the Iron Silk Road Really So Important? Rail Freight Use on China's "Silk Road Economic Belt" // Вестник МГИМО-Университета. 2020. Т. 13, № 5. С. 168–193. DOI: 10.24833/2071-8160-2020-5-74-168-193.

10. Bucsky P., Kenderdine T. Central Asia Rail Development: Why China's Belt and Road Initiative Lacks Regional Importance // The Copenhagen Journal of Asian Studies. 2021. Vol. 39, no. 1. P. 68–87. URL: https://rauli.cbs.dk/index.php/cjas/article/view/6182 (дата обращения: 17.09.2026).

11. Bersenev A., Chikilevskaya M., Rusinov I. Silk Road Rail Corridors Outlook and Future Perspectives of Development // Procedia Computer Science. 2020. Vol. 167. P. 1080–1087. DOI: 10.1016/j.procs.2020.03.407.

12. Zhang X., Schramm H.-J. Assessing the Market Niche of Eurasian Rail Freight in the Belt and Road Era // The International Journal of Logistics Management. 2020. Vol. 31, no. 4. P. 729–751. DOI: 10.1108/IJLM-12-2019-0351.

13. A Sustainable Transport Competitiveness Analysis of the China Railway Express in the Context of the Belt and Road Initiative / S. Li, M. Lang, X. Yu [et al.] // Sustainability. 2019. Vol. 11, no. 10. Art. 2896. DOI: 10.3390/su11102896.

14. Middle Trade and Transport Corridor: Policies and Investments to Triple Freight Volumes and Halve Travel Time by 2030 / World Bank. Washington, DC: World Bank, 2023. URL: https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/7e6a216e-eb56–444b-9c75–2cfde0a4d738 (дата обращения: 17.09.2026).

15. Unlocking the Potential of Railways: A Railway Strategy for CAREC, 2017–2030 / Asian Development Bank. Manila: Asian Development Bank, 2017. 61 p. ISBN 978-92-9257-747-6. URL: https://www.adb.org/documents/railway-strategy-carec-2017–2030 (дата обращения: 17.09.2026).

Типология стратегий правового суверенитета в странах БРИКС: сравнительный анализ КНР, России, Индии и Бразилии

Дэн Шилэй,
аспирант кафедры публичной политики и истории государства и права Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН)

В статье исследуются различия национальных стратегий регулирования трансграничных коммерческих и инвестиционных споров в КНР, Российской Федерации, Индии и Бразилии. Цель исследования заключается в выявлении факторов, определяющих выбор различных институциональных стратегий укрепления правовой автономии государств. На основе метода структурированного сфокусированного сравнения анализируются характер воспринимаемой правовой уязвимости, объект государственной защиты, отношение к международному арбитражу, роль национальных юрисдикционных органов, основные институциональные инструменты и стратегическая направленность реформ. Предлагается авторская типология, включающая защитно-юрисдикционную стратегию России, институционально-конструктивную стратегию Китая, регуляторно-процедурную стратегию Индии и превентивно-замещающую стратегию Бразилии. Обосновывается положение о том, что различия национальных правовых механизмов не исключают их функционального сближения. Для характеристики данного процесса вводится категория «функциональная конвергенция без правовой унификации», означающая сближение государств по функции расширения автономии в регулировании трансграничных экономических отношений при сохранении различных нормативных и институциональных моделей.

Ключевые слова: БРИКС, правовой суверенитет, трансграничные споры, международный инвестиционный арбитраж, CICC, ISDS, CFIA, регуляторная автономия, сравнительный анализ, функциональная конвергенция.

Введение

Современная система разрешения трансграничных коммерческих и инвестиционных споров переживает период существенной институциональной трансформации. Рост геополитических рисков, увеличение числа международных инвестиционных споров, распространение односторонних ограничительных мер и усиление конкуренции между национальными и международными центрами разрешения коммерческих конфликтов актуализируют вопрос о соотношении международных механизмов правовой защиты и автономии государства в регулировании трансграничных экономических отношений.

КНР, Российская Федерация, Индия и Бразилия демонстрируют общий интерес к расширению роли национальных и незападных институтов в международном экономико-правовом взаимодействии. Вместе с тем практические способы реализации данного интереса существенно различаются. Россия усиливает специальные механизмы национальной юрисдикционной защиты в условиях санкционных ограничений; Китай развивает Китайский международный коммерческий суд и интегрированную инфраструктуру разрешения международных коммерческих споров; Индия пересматривает инвестиционно-договорную модель с точки зрения соотношения международной защиты инвестора и регуляторной автономии государства; Бразилия развивает модель соглашений о сотрудничестве и содействии инвестициям, ориентированную на фасилитацию и предупреждение споров.

В существующей литературе российские антисанкционные процессуальные механизмы, китайская система международных коммерческих судов, индийская реформа двусторонних инвестиционных договоров и бразильская модель CFIA преимущественно рассматриваются раздельно. Значительно реже они сопоставляются как различные политико-правовые стратегии укрепления государственной автономии.

Цель исследования состоит в выявлении факторов, определяющих выбор национальной стратегии правового суверенитета, а также в разработке сравнительной типологии таких стратегий на материале России, Китая, Индии и Бразилии.

Рабочая гипотеза заключается в том, что выбор конкретной стратегии определяется не принадлежностью государства к БРИКС как таковой, а прежде всего характером воспринимаемой правовой уязвимости, проявляющейся во взаимодействии национальной правовой системы с трансграничными механизмами разрешения споров, и характером государственного интереса, который национальные институты стремятся защитить. Различные сочетания данных факторов обусловливают выбор различных нормативных и институциональных инструментов.

На этой основе в статье выделяются четыре типа национальных стратегий: защитно-юрисдикционная стратегия Российской Федерации, институционально-конструктивная стратегия КНР, регуляторно-процедурная стратегия Индии и превентивно-замещающая стратегия Бразилии. Указанные категории имеют авторский аналитический характер и не являются официальными обозначениями государственной политики соответствующих стран.

Теоретико-методологические основы типологии стратегий правового суверенитета

Суверенитет относится к фундаментальным политико-правовым категориям, однако в условиях интенсивных трансграничных экономических связей его формально-юридическое понимание не в полной мере отражает реальные возможности государства определять условия регулирования международных коммерческих и инвестиционных отношений.

Для объяснения различий между национальными моделями используется понятие воспринимаемой правовой уязвимости. Под ней понимаются такие характеристики взаимодействия государства с внешней правовой и институциональной средой, которые национальные институты воспринимают как способные ограничивать доступ их субъектов к эффективной правовой защите, пространство государственного регулирования либо способность национальной системы эффективно участвовать в разрешении трансграничных споров.

Использование категории «воспринимаемая» имеет принципиальное значение. Внешнее институциональное воздействие само по себе

не предопределяет конкретную правовую реформу. Между внешним вызовом и институциональным ответом существует промежуточный уровень государственной интерпретации: национальные органы определяют, какой именно интерес находится под угрозой и посредством какого инструмента он должен быть защищен.

Исходная причинно-аналитическая модель исследования может быть выражена следующим образом: внешнее институциональное давление → воспринимаемая правовая уязвимость → защищаемый государственный интерес → институциональный выбор → стратегия правового суверенитета.

Методологически исследование основывается на сравнительном методе и методе структурированного сфокусированного сравнения (structured, focused comparison), предполагающем постановку одинакового набора аналитических вопросов к каждому национальному кейсу. Данный подход позволяет избежать простого последовательного описания правовых систем и сопоставить их на основе единых переменных [17].

Дополнительно используются элементы process tracing, позволяющие реконструировать последовательность между изменением внешней институциональной среды, формированием определенной государственной проблематики и последующим выбором нормативного или институционального ответа. При этом исследование не претендует на установление единственной строго детерминированной причины национальных реформ. Его задача состоит в реконструкции сравнительной причинно-институциональной логики [17].

В качестве единицы анализа выступает национальная стратегия правового суверенитета в сфере трансграничных коммерческих и инвестиционных споров.

Сравнение проводится по шести переменным:

2) основной защищаемый государственный интерес;

3) отношение к международным механизмам разрешения споров и ISDS;

4) роль национальных судебных и иных государственных институтов;

5) основной нормативный или институциональный инструмент;

Статья 248.2, в свою очередь, позволяет при наличии предусмотренных законом оснований обращаться в российский арбитражный суд с требованием о запрете инициировать либо продолжать разбирательство в иностранном суде или международном коммерческом арбитраже [2].

С точки зрения настоящего исследования ключевое значение данных механизмов состоит не в их характеристике как общего отказа от иностранной юрисдикции, а в создании дополнительной национальной правовой защиты в ситуациях, когда реализация ранее согласованного иностранного механизма разрешения спора может оказаться существенно затрудненной.

В.В. Ярков связывает применение ст. 248.1 АПК РФ с проблемой обеспечения процессуальных прав российских лиц в условиях санкционных ограничений и рассматривает возможность формирования презумпции ограничения доступа таких субъектов к эффективной зарубежной правовой защите [9].

И.Г. Ренц и В.В. Ярков рассматривают соответствующие процессы в более широком контексте «национализации юрисдикции», понимая под ней расширение возможностей российской судебной системы предоставлять защиту в тех ситуациях, когда обращение к иностранным средствам правовой защиты становится невозможным, существенно затрудненным либо недостаточно эффективным [10].

Следовательно, основной тип воспринимаемой уязвимости в российском случае может быть обозначен как юрисдикционная уязвимость доступа.

Защищаемым интересом выступают доступ российских субъектов к правосудию и способность национальной судебной системы обеспечить правовую защиту в ситуациях внешних процессуальных ограничений.

Поэтому логика российской стратегии заключается прежде всего в расширении возможностей национальной юрисдикционной защиты, а не в универсальном отказе от трансграничных механизмов разрешения споров.

С учетом совокупности указанных признаков российский подход предлагается определить как защитно-юрисдикционную стратегию правового суверенитета.

Ее базовая причинная последовательность выглядит следующим образом: ограничение доступности внешней правовой защиты → необходимость обеспечить доступ к правосудию → усиление национальной юрисдикционной компетенции → защитно-юрисдикционная стратегия.

Китайская Народная Республика: институционально-конструктивная стратегия

Китайская модель формируется на иной институциональной основе.

Если российская стратегия преимущественно связана с необходимостью компенсировать внешние ограничения правовой защиты, то китайская модель ориентирована на развитие собственной способности предоставлять конкурентоспособные услуги по разрешению международных коммерческих споров.

Особое место занимает механизм One-Stop Diversified International Commercial Dispute Resolution. В его рамках судебное разбирательство взаимодействует с международным коммерческим арбитражем, медиацией и деятельностью Международного коммерческого экспертного комитета. Официальные правила Верховного народного суда КНР закрепляют институциональную связь между данными формами разрешения споров [4].

Таким образом, роль национального суда в КНР отличается от российской модели. Российский суд прежде всего выполняет защитную функцию в условиях затрудненного доступа к внешней юрисдикции. Китайский международный коммерческий суд выполняет функцию центра интегрированной международно ориентированной институциональной инфраструктуры.

В научной литературе развитие CICC также связывается с задачами повышения профессионализма, международной привлекательности и доверия иностранных участников к китайской системе международного коммерческого разрешения споров [12].

Следовательно, воспринимаемую уязвимость китайской модели целесообразно определять как институционально-конкурентную. Она состоит не в невозможности использования иностранных институтов как таковых, а в риске недостаточной способности национальной правовой системы конкурировать за рассмотрение значимых трансграничных коммерческих споров.

Защищаемым интересом выступает институциональная способность государства и национальной правовой системы быть самостоятельным центром международного коммерческого правосудия.

Основной инструмент представляет собой строительство и интеграцию специализированной институциональной инфраструктуры.

Именно поэтому китайский подход предлагается квалифицировать как институционально-конструктивную стратегию правового суверенитета.

Индийская стратегия в наибольшей степени формируется в сфере международного инвестиционного права.

В отличие от российской модели, ориентированной на юрисдикционный доступ, и китайской модели институционального строительства, индийская реформа затрагивает прежде всего соотношение между международно-правовой защитой инвестора и правом государства самостоятельно проводить публичную экономическую и социальную политику.

Рост числа инвестиционных споров с участием Индии и более широкий международный кризис отдельных элементов классической системы ISDS способствовали переоценке индийской инвестиционно-договорной политики.

Важным результатом этого процесса стал Модельный двусторонний инвестиционный договор, одобренный в конце 2015 г. и официально опубликованный правительством Индии в 2016 г. [6].

Данный документ следует рассматривать не как неизменную современную доктрину Индии, а как институционально оформленный этап усиления внимания государства к регуляторной автономии.

П. Ранджан и П. Ананд связывают разработку новой модели с увеличением числа инвестиционных исков и общей международной дискуссией вокруг ISDS. Среди заявленных задач реформы авторы выделяют поиск баланса между защитой инвестора и правом государства на регулирование, а также стремление повысить определенность договорных положений и ограничить чрезмерно широкую интерпретационную свободу арбитражных трибуналов [14].

А. Раджпут также рассматривает сохранение регуляторной автономии как одну из ключевых характеристик новой индийской инвестиционной модели. К числу используемых инструментов относятся более узкое определение отдельных обязательств, специальные исключения и процессуальные условия обращения к международному арбитражу [13].

Именно это обстоятельство отличает Индию от Бразилии.

Индия реформирует существующий инвестиционно-арбитражный механизм изнутри: она не устраняет возможность investor-state arbitration, а стремится изменить пределы и условия его применения.

Поэтому воспринимаемую правовую уязвимость индийского случая целесообразно определить как регуляторную уязвимость, то есть

риск чрезмерного ограничения способности государства проводить самостоятельную публичную политику международными инвестиционными обязательствами и механизмами их арбитражного толкования.

Защищаемым интересом выступает регуляторная автономия государства.

Основными инструментами становятся изменение содержания договорных стандартов и процессуальная перенастройка доступа к ISDS.

По этой причине определение индийского подхода исключительно как «процессуально-ограничительного» представляется слишком узким. Более точной является категория регуляторно-процедурной стратегии правового суверенитета.

Ее логика может быть представлена следующим образом: опыт взаимодействия с ISDS → восприятие риска ограничения регуляторной автономии → пересмотр материальных и процессуальных условий инвестиционной защиты → регуляторно-процедурная стратегия.

Исторически Бразилия сохраняла значительную дистанцию по отношению к классической системе двусторонних инвестиционных договоров, основанной на широком наборе материальных стандартов защиты и прямом доступе частного инвестора к investor-state arbitration.

Однако по мере интернационализации бразильских компаний и расширения их зарубежной инвестиционной деятельности сформировалась потребность в инструментах, способных содействовать защите национального бизнеса за рубежом.

Ответом стало развитие модели Acordos de Cooperação e Facilitação de Investimentos – ACFI / Cooperation and Facilitation Investment Agreements – CFIA.

Официальная бразильская модель строится вокруг институционального управления, содействия инвестициям, снижения рисков и предупреждения споров. Существенную роль играют Joint Committee и Direct Investment Ombudsman/Focal Point. При этом классический прямой investor-state dispute settlement не является центральным элементом модели; в соответствующих соглашениях используются механизмы межгосударственного урегулирования [8].

Л.С. Аморим и Х.З. Менезес связывают формирование новой бразильской модели с сочетанием двух факторов. С одной стороны, сохранялось критическое отношение к традиционному инвестиционному режиму и его влиянию на пространство государственного регулирования. С другой стороны, рост зарубежных инвестиций бразильских компаний увеличивал спрос национального бизнеса на институциональную защиту за пределами страны [15].

Таким образом, бразильская стратегия возникла как компромисс между двумя задачами: не воспроизводить полностью классическую архитектуру BIT/ISDS и одновременно создать инструменты поддержки международной инвестиционной деятельности национального бизнеса.

Д. Вэй и Х. Нин обращают внимание на особое значение инвестиционной фасилитации и институционального предупреждения споров в бразильской модели. Важными элементами являются деятельность Ombudsman/Focal Point, Joint Committee и проведение консультаций до перехода конфликта к формализованному межгосударственному разбирательству [16].

Во-первых, государство стремится сохранить собственное regulatory policy space.

Во-вторых, интернационализация национального бизнеса требует механизмов снижения политических и административных рисков зарубежного инвестирования.

Защищаемым интересом поэтому становится сочетание регуляторной автономии государства и поддержки международной деятельности национального бизнеса.

На этой основе бразильская модель определяется как превентивно-замещающая стратегия правового суверенитета.

Термин «превентивная» отражает приоритет раннего предотвращения и урегулирования конфликта.

Проведенный анализ позволяет выявить устойчивую связь между характером воспринимаемой правовой уязвимости, защищаемым государственным интересом и выбранным институциональным инструментом.

В российском случае ограничение доступности внешней правовой защиты обусловливает усиление возможностей национальной юрисдикционной защиты. В китайском случае рост трансграничных коммерческих споров и конкуренция национальных центров международного коммерческого правосудия стимулируют институциональное строительство. В Индии опыт взаимодействия с инвестиционным арбитражем усиливает внимание к регуляторной автономии и приводит к перенастройке условий инвестиционной защиты. В Бразилии критика традиционной модели BIT/ISDS сочетается с международной экспансией национального бизнеса и ведет к формированию механизма фасилитации и предупреждения споров.

Сравнительные результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1. Сравнительная типология стратегий правового суверенитета

Критерий	Россия	Китай	Индия	Бразилия
Характер воспринимаемой уязвимости	ограничение доступности внешней правовой защиты	институционально-конкурентная уязвимость	риск ограничения регуляторной автономии	противоречие между policy space и потребностью поддерживать зарубежных инвесторов
Защищаемый государственный интерес	доступ к правосудию и юрисдикционная защита	институциональная способность и конкурентоспособность	регуляторная автономия	policy space и международные интересы национального бизнеса
Основной инструмент	ст. 248.1 и 248.2 АПК РФ	CICC, One-Stop mechanism	Model BIT	ACFI/CFIA
Роль национальных институтов	усиленная судебная компетенция	суд как центр интегрированной инфраструктуры	внутренние средства защиты как важный этап доступа к ISDS	Ombudsman/ Focal Point и Joint Committee
Отношение к международному арбитражу	сохранение при специальных защитных механизмах	интеграция и институциональная конкуренция	сохранение при ограничении и перенастройке	отсутствие классического investor-state arbitration в модели ACFI
Стратегическая направленность	защита / расширение юрисдикционного контроля	строительство / интеграция	ограничение / перебалансировка	предупреждение / замещение
Авторский тип	защитно-юрисдикционная	институционально-конструктивная	регуляторно-процедурная	превентивно-замещающая

Источник: составлено автором.

Сравнение показывает, что объединение России и Китая в единую «институционально-созидательную» категорию недостаточно точно отражает различия между ними.

Основное значение имеет то, какой тип уязвимости воспринимается как наиболее существенный и какой государственный интерес национальные институты стремятся защитить.

При этом различие используемых инструментов не исключает более общего сходства стратегической функции, что требует перехода к следующему уровню анализа.

Функциональная конвергенция без правовой унификации

Сравнительный анализ показывает, что национальные стратегии России, Китая, Индии и Бразилии существенно различаются по конкретным нормативным инструментам, институциональным структурам и непосредственным объектам государственной защиты.

Россия развивает специальные механизмы национальной юрисдикционной защиты. Китай формирует конкурентоспособную интегрированную инфраструктуру международного коммерческого правосудия. Индия перенастраивает соотношение инвестиционной защиты и регуляторной автономии. Бразилия развивает модель инвестиционной фасилитации и предупреждения споров.

На первый взгляд такая вариативность свидетельствует скорее о расхождении, чем о сближении.

В рассматриваемых государствах не существует единой модели международного коммерческого суда, унифицированного инвестиционного договора или общей обязательной процедуры разрешения трансграничных экономических споров.

С этой точки зрения четыре стратегии обнаруживают общую характеристику: каждая из них направлена на увеличение способности государства влиять на условия регулирования трансграничных экономических отношений и на механизмы разрешения возникающих в данной сфере споров.

В российском случае эта функция реализуется через расширение способности национальной судебной системы предоставлять защиту субъектам в условиях внешних процессуальных ограничений.

В китайском случае – через развитие собственной институциональной способности государства выступать местом разрешения международных коммерческих споров.

В Индии – через сохранение более широкого пространства государственного регулирования в рамках инвестиционно-договорных обязательств.

В Бразилии – через формирование такой инвестиционной архитектуры, которая позволяет сочетать международное сотрудничество, содействие национальному бизнесу и сохранение regulatory policy space.

Общим результатом становится перераспределение институционального контроля.

Государства стремятся расширить собственную способность участвовать в определении того, где, на каких условиях, посредством каких процедур и в пределах каких материально-правовых обязательств рассматриваются споры, способные затронуть национальные экономические интересы.

Следовательно, правовое взаимодействие государств БРИКС может интерпретироваться как процесс полицентричного институционального сближения, при котором национальные правовые системы сохраняют собственные нормативные особенности, но способны выполнять сопоставимые стратегические функции.

В более широком теоретическом плане это означает, что конвергенция в международных отношениях может происходить не только через гармонизацию законодательства или формирование наднациональных органов.

Она может проявляться и в функциональном сближении различных национальных механизмов, сформированных в ответ на неодинаково воспринимаемые внешние ограничения.

Применительно к БРИКС основанием потенциального правового сближения поэтому является не единообразие права, а совпадение стратегической заинтересованности государств в расширении собственной роли в регулировании трансграничных экономических отношений.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что национальные стратегии правового суверенитета России, Китая, Индии и Бразилии не образуют единой институциональной модели.

Несмотря на участие рассматриваемых государств в БРИКС и наличие сопоставимых задач в сфере регулирования трансграничных экономических отношений, конкретные формы их правового реагирования существенно различаются.

Наиболее реалистичной представляется не жестко централизованная наднациональная судебная система, а полицентричная архитектура взаимодействующих национальных и транснациональных институтов.

Такая архитектура способна предполагать координацию судебных, арбитражных и медиативных механизмов при сохранении национальной правовой специфики.

Вместе с тем исследование имеет ряд ограничений.

Во-первых, анализ сосредоточен на четырех государствах первоначального формата BRIC/BRICS и не охватывает национальные стратегии новых членов объединения.

Во-вторых, предложенная типология фиксирует преобладающую институциональную логику соответствующего государства и не означает отсутствия в одной национальной системе элементов других типов стратегий.

В-третьих, анализируемые модели продолжают изменяться, что особенно отчетливо показывает современная корректировка индийской инвестиционной политики.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ. Ст. 248.1 «Исключительная компетенция арбитражных судов в Российской Федерации по спорам с участием лиц, в отношении которых введены меры ограничительного характера».

2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ. Ст. 248.2 «Запрет инициировать или продолжать разбирательство по спорам с участием лиц, в отношении которых введены меры ограничительного характера».

3. Федеральный закон от 08.06.2020 № 171-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в целях защиты прав физических и юридических лиц в связи с мерами ограничительного характера, введенными иностранным государством, государственным объединением и (или) союзом и (или) государственным (межгосударственным) учреждением иностранного государства или государственного объединения и (или) союза» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 24. – Ст. 3745.

4. Supreme People's Court of China. Guidelines for the «One-Stop» Diversified International Commercial Dispute Resolution Platform (for Trial Implementation). – Issued 29 December 2023; effective 30 January 2024.

5. China International Commercial Court, Supreme People's Court. The Supreme People's Court «One-Stop» Diversified International Commercial Dispute Resolution Platform: Platform Introduction.

6. Government of India, Ministry of Finance, Department of Economic Affairs. Model Text for the Indian Bilateral Investment Treaty. – New Delhi, 2016. – Published 14 January 2016.

7. Government of India, Ministry of Finance, Press Information Bureau. FDI Limit for Insurance Sector Raised from 74 to 100 Per Cent [section «Bilateral Investment Treaties»]. – 1 February 2025. – Release ID: 2098394.

8. Ministério do Desenvolvimento, Indústria, Comércio e Serviços do Brasil. Acordos de Cooperação e Facilitação de Investimentos – ACFI. – Brasília.

9. Ярков В.В. Содержит ли статья 248.1 АПК РФ презумпцию ограничения процессуальных прав российских лиц в условиях санкций? // Российское право: образование, практика, наука. – 2023. – № 3. – С. 65–73.

10. Ренц И. Г., Ярков В.В. Защита экономических интересов российских лиц в условиях «национализации» юрисдикции // European and Asian Law Review. – 2026. – Т. 9, № 2. – С. 113–122.

11. Cai W., Godwin A. Challenges and Opportunities for the China International Commercial Court // International & Comparative Law Quarterly. – 2019. – Vol. 68, № 4. – P. 869–902. – DOI: 10.1017/S0020589319000332.

12. Sun X. A Chinese Approach to International Commercial Dispute Resolution: The China International Commercial Court // The Chinese Journal of Comparative Law. – 2020. – Vol. 8, № 1. – P. 45–54. – DOI: 10.1093/cjcl/cxaa015.

13. Rajput A. Safeguarding India's Regulatory Autonomy: Analysis of the New Model Bilateral Investment Treaty // Manchester Journal of International Economic Law. – 2017. – Vol. 14, № 3. – P. 279–300.

14. Ranjan P., Anand P. The 2016 Model Indian Bilateral Investment Treaty: A Critical Deconstruction // Northwestern Journal of International Law & Business. – 2017. – Vol. 38, № 1. – P. 1–54.

15. Amorim L. S., Menezes H.Z. Brazil's New Investment Treaty Model: Why Now? // Vestnik RUDN. International Relations. – 2022. – Vol. 22, № 3. – P. 600–612. – DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-3-600-612.

16. Wei D., Ning H. Is Investment Facilitation a Substitute or Supplement? A Comparative Analysis of China and Brazil Practices // Revista de Direito Internacional. – 2022. – Vol. 19, № 2. – P. 326–342. – DOI: 10.5102/rdi.v19i2.8518.

17. George A. L., Bennett A. Case Studies and Theory Development in the Social Sciences. – Cambridge, MA: MIT Press, 2005. – 352 p.

A TYPOLOGY OF LEGAL SOVEREIGNTY STRATEGIES IN BRICS: A COMPARATIVE ANALYSIS OF CHINA, RUSSIA, INDIA AND BRAZIL

Shilei Deng
Peoples' Friendship University of Russia

This article examines differences in national strategies for regulating cross-border commercial and investment disputes in China, Russia, India and Brazil. The study aims to identify the factors shaping states' choices among different institutional strategies for strengthening legal autonomy. Using structured, focused comparison, the analysis considers the nature of perceived legal vulnerability, the interest protected by the state, approaches to international arbitration, the role of national jurisdictional bodies, the principal institutional instruments, and the strategic orientation of reforms. The article proposes an original four-part typology comprising Russia's defensive-jurisdictional strategy, China's institution-building strategy, India's regulatory-procedural strategy, and Brazil's preventive-substitutive strategy. It argues that differences among national legal mechanisms do not preclude their functional convergence. To conceptualize this process, the article introduces the category of «functional convergence without legal unification» understood as convergence in the function of expanding state autonomy in the regulation of cross-border economic relations while preserving different normative and institutional models.

Keywords: BRICS, legal sovereignty, cross-border disputes, international investment arbitration, CICC, ISDS, CFIA, regulatory autonomy, comparative analysis, functional convergence.

References

1. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of 24 July 2002 № 95-FZ. Art. 248.1 «Exclusive jurisdiction of commercial courts in the Russian Federation in disputes involving persons subject to restrictive measures». (In Russian).

2. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of 24 July 2002 № 95-FZ. Art. 248.2 «Prohibition on initiating or continuing proceedings in disputes involving persons subject to restrictive measures». (In Russian).

3. Federal Law № 171-FZ of 8 June 2020 «On Amendments to the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation for the Protection of Rights of Individuals and Legal Entities in Connection with Restrictive Measures Imposed by a Foreign State, State Association and/or Union and/or State (Interstate) Institution». Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020;24:3745. (In Russian).

4. Supreme People's Court of China. Guidelines for the «One-Stop» Diversified International Commercial Dispute Resolution Platform (for Trial Implementation). Issued 29 December 2023; effective 30 January 2024.

5. China International Commercial Court, Supreme People's Court. The Supreme People's Court «One-Stop» Diversified International Commercial Dispute Resolution Platform: Platform Introduction.

6. Government of India, Ministry of Finance, Department of Economic Affairs. Model Text for the Indian Bilateral Investment Treaty. New Delhi; 2016. Published 14 January 2016.

7. Government of India, Ministry of Finance, Press Information Bureau. FDI Limit for Insurance Sector Raised from 74 to 100 Per Cent [section «Bilateral Investment Treaties»]. 1 February 2025. Release ID: 2098394.

8. Ministry of Development, Industry, Trade and Services of Brazil. Cooperation and Facilitation Investment Agreements (ACFI). Brasília. (In Portuguese).

9. Yarkov V.V. Does Article 248.1 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation contain a presumption of restriction of procedural rights of Russian persons under sanctions? Russian Law: Education, Practice, Research. 2023;(3):65–73. (In Russian).

10. Renz I. G., Yarkov V.V. Protection of economic interests of Russian persons under the «nationalization» of jurisdiction. European and Asian Law Review. 2026;9(2):113–122. (In Russian).

11. Cai W., Godwin A. Challenges and Opportunities for the China International Commercial Court. International & Comparative Law Quarterly. 2019;68(4):869–902. DOI: 10.1017/S0020589319000332.

12. Sun X. A Chinese Approach to International Commercial Dispute Resolution: The China International Commercial Court. The Chinese Journal of Comparative Law. 2020;8(1):45–54. DOI: 10.1093/cjcl/cxaa015.

13. Rajput A. Safeguarding India's Regulatory Autonomy: Analysis of the New Model Bilateral Investment Treaty. Manchester Journal of International Economic Law. 2017;14(3):279–300.

14. Ranjan P., Anand P. The 2016 Model Indian Bilateral Investment Treaty: A Critical Deconstruction. Northwestern Journal of International Law & Business. 2017;38(1):1–54.

15. Amorim L. S., Menezes H.Z. Brazil's New Investment Treaty Model: Why Now? Vestnik RUDN. International Relations. 2022;22(3):600–612. DOI: 10.22363/2313-0660-2022-22-3-600-612.

16. Wei D., Ning H. Is Investment Facilitation a Substitute or Supplement? A Comparative Analysis of China and Brazil Practices. Revista de Direito Internacional. 2022;19(2):326–342. DOI: 10.5102/rdi.v19i2.8518.

17. George A. L., Bennett A. Case Studies and Theory Development in the Social Sciences. Cambridge, MA: MIT Press; 2005. 352 p.

Россия и Глобальный Юг: стратегия «поворота на Юг» в условиях новой геополитической реальности

Зубов Вадим Владиславович,
канд. ист. наук, доцент, доцент Кафедры политологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: vvzubov@fa.ru

Темарёва Дарья Алексеевна,
студент, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: temarevadaria404@gmail.com

В статье анализируется «поворот на Юг», стратегическая переориентация внешней политики России в сторону государств Глобального Юга, получившая качественно новое ускорение после февраля 2022 года в условиях санкционного давления коллективного Запада. Обосновывается тезис о том, что данный феномен не является исключительно реакцией на события 2022 года, а представляет собой закономерное продолжение тенденции, корни которой уходят в советский революционный интернационализм 1920-х годов, доктрину многополярности Е.М. Примакова и раннепутинский «поворот на Восток». Рассматриваются механизмы реализации стратегии: модель взаимодействия с политическими, военными и экономическими элитами стран-партнеров, а также система международных стимулов, определяющих прагматичный и ситуативный характер реагирования Глобального Юга. На основе данных международной торговой статистики оценивается политическая и экономическая эффективность стратегии. Формулируется вывод о её достаточности для тактического выживания при сохранении структурных ограничений, способных законсервировать сырьевую периферийность российской экономики. В заключении предлагаются прогнозные сценарии и рекомендации для основных категорий акторов.

Ключевые слова: глобальный Юг, поворот на Юг, многополярность, БРИКС, санкции, внешняя политика России, доктрина Примакова, антиколониальный нарратив.

Актуальность темы обусловлена несколькими взаимосвязанными обстоятельствами. Во-первых, российский «поворот на Юг» непосредственно влияет на расстановку сил в международной системе, ставя под сомнение эффективность западной стратегии изоляции России. Во-вторых, он создаёт новые возможности и риски для самих стран Глобального Юга, оказывающихся в ситуации конкурирующих давлений со стороны Запада и Москвы. В-третьих, этот процесс обнажает глубинные противоречия между декларируемым «порядком, основанным на правилах», и реальной практикой геополитической конкуренции [7].

Объектом исследования выступает «южное направление» внешней политики России в период 2022–2026 годов.

Предметом являются механизмы, инструменты и результаты российского взаимодействия со странами Глобального Юга в условиях нарастающего санкционного давления.

Целью работы является комплексная оценка российского «поворота на Юг»: анализ его исторических предпосылок, механизмов реализации, а также политической и экономической эффективности с последующим формулированием прогноза и рекомендаций.

Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**:

1) реконструировать историческую логику формирования российской южной политики;

2) охарактеризовать актуальное состояние стратегии и выявить ключевые инструменты ее реализации;

3) оценить политическую и экономическую результативность «поворота на Юг» и сформулировать прогноз и рекомендации.

Методологическую основу работы составляют сравнительный политический анализ и элементы политической экономии применительно к экономическим инструментам российской внешней политики. Эмпирическую базу образуют официальные документы, данные международной торговой статистики, материалы ведущих аналитических центров и академическая литература. Под Глобальным Югом понимается обширное пространство государств Африки, Ближнего Востока, Латинской Америки, Южной и Юго-Восточной Азии, объединяющим признаком которых служит отказ присоединиться к антироссийским ограничениям при сохранении прагматичных отношений с Москвой.

Было бы методологически ошибочно рассматривать «поворот на Юг» как явление, рожденное исключительно обстоятельствами 2022 года. Его корни уходят в советский период и даже глубже: в революционный интернационализм большевиков, изначально мысливших своё государство как авангард глобального антиколониального движения. Уже в 1920 году в Баку прошёл Первый съезд народов Востока, организованный Коминтерном и собравший около 1890–2050 делегатов из 37 стран, преимущественно из Азии и Ближнего Востока. В условиях поражения революций в Европе большевики обратились к Востоку, провозгласив союз с угнетёнными народами стратегической линией политики; цель заключалась в том, чтобы превратить колониальные и полуколониальные народы из объекта в субъект мировой политики [8].

Данная установка получила практическое развитие после Второй мировой войны, в эпоху деколонизации. Стоит отметить, что Российско-африканские отношения находились в застое до 1943 года, когда СССР установил официальные отношения с Египтом и Эфиопией; общение с африканскими странами активизировалось по мере того, как колониальные владения Великобритании, Франции, Португалии и Бельгии начинали борьбу за независимость. При Н.С. Хрущёве советская политика в Третьем мире стала системной: её ключевыми инструментами выступали экономическая и техническая помощь, военно-техническое сотрудничество, подготовка национальных кадров и прямая поддержка освободительных движений [10].

Бандунгская конференция 1955 года, объединившая 29 стран Азии и Африки, и последующее Движение неприсоединения предоставили СССР широкие возможности для дипломатического и идеологического наступления. Позиционируя себя как державу без колониального прошлого, Советский Союз приобрел значительный символический капитал в глазах освободившихся народов. В экономическом секторе СССР была реализована десятки символических проектов, среди таких проектов были: Асуанская плотина в Египте в 1970, Бхилайский метал-

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счёт бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

лургический комбинат в Индия в 1955–1959, подобные проекты были также реализованы в Алжире, Гвинее, Мали и Нигерии. СССР подписал соглашения об экономическом сотрудничестве, включая техническое сотрудничество с 37 Африканскими государствами [10].

Что касается военно-политического сектора, значимая помощь оказывалась Анголе (движение МПЛА), Эфиопии и Мозамбику. Так, в 1970-е годы Москва поставляла оружие, направляла советников и участвовала в логистике, в том числе осуществляла поставки через операции с участием кубинских войск. Тысячи студентов из стран Юга обучались в советских вузах, в основном в Университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы, уже к 1990 году число африканских студентов в СССР достигло около 30 тысяч, что способствовало формированию лояльных элит. Распад СССР в 1991 году повлек стремительный откат студентов из этих стран. В период так называемого курса «атлантизма» министра А.В. Козырева (1990–1996) Россия практически полностью ушла из Африки и многих регионов Глобального Юга, рассматривая отношения с развивающимся миром как второстепенные, а не основные [10].

Системный перелом пришел с назначением на пост министра иностранных дел в январе 1996 Е.М. Примаковым. Примаковской доктриной, часто называемой «доктриной многополярности», ознаменовала решительный отказ от прозападного курса начала 1990-х и заложила основы той внешнеполитической философии, которая с различными модификациями определяет российский курс по сей день [5]. Основными принципами доктрины считаются следующие пункты: Россия – великая держава, проводящая независимую политику; отвергался однополярный мир во главе с США. Особое внимание уделялось интеграции на постсоветском пространстве, в свою очередь, предполагалось активное противодействие расширению НАТО на восток, также выдвигалась идея стратегического партнерства с западными центрами силы, прежде всего с Китаем и Индией [9].

Следующим важным шагом стала разработка концепции стратегического треугольника России-Индия-Китай (РИК). Данная концепция была разработана уже в качестве противовеса влияния Америки на Евразию. Такая альтернатива была принята за центр будущего полицентричного мира [5]. Символом симметричности считался «поворот над Атлантикой», который произошёл в марте 1999, когда Примаков, летевший в Вашингтон, узнал о первых натовских бомбах Югославии, приказал вернуть самолет в Москву. Стоит отметить, что доктрина многополярности, несмотря на серьёзные последствия, связанные с дефолтом 1998 годам, заложила прочную дипломатическую основу для последующей политики, включая политику «поворота на Юг» [9].

С приходом В.В. Путина к власти в 2000 гг. в основы политики были заложены действия, направленные на восстановление утраченного влияния и позиций на международной арене. В первые годы акцент делался на попытках интеграции в евроатлантические структуры, однако уже к середине 2000-х проявились серьёзные расхождения. В особенности, после конфликта с Грузией в августе 2008 года российское руководство осознало необходимость снижения зависимости от Запада, а особенно ярко это проявилось после событий 2014 года после присоединения Крыма, повлекшее за собой первые масштабные западные санкции и ставшее катализатором системного «поворота на Восток». Данная стратегия уже включала и южное направление. Россия активизировала участие в БРИКС и ШОС, а ключевыми партнёрами стали Китай, Индия, государства Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки [7].

События 2022 года и санкционное давление Запада кардинально ускорили переориентацию российской внешней политики. «Поворот на Юг» превратился из долгосрочной стратегии в острую необходимость обхода изоляции, поиска новых рынков сбыта, альтернативных поставщиков и финансовых инструментов. Большинство государств Глобального Юга отказались присоединяться к антироссийским санкциям. Исходя из этого, Россия успешно перенаправила значительную часть экспорта энергоносителей, зерна, удобрений и вооружений в Азию, Африку, на Ближний Восток и в Латинскую Америку, переведя существенную долю расчетов в национальные валюты [6; 7].

Реактивно выросла дипломатическая активность, что выразилось в многочисленных российских визитах в страны Африки, участии в саммитах Африканского союза и форумах «Россия-Африка». Особое значение приобрело расширение объединения БРИКС+ за счёт включения Египта, Эфиопии, Ирана, ОАЭ и других стран, превратившее его в более представительную структуру Глобального Юга и платформу для продвижения повестки реформы глобального управления и дедолларизации. Таким образом, исторический путь от Бакинского съезда 1920 года через «доктрину многополярности» к современному ускоренному «повороту на Юг» демонстрирует стратегическую преемственность, опирающуюся на сложившиеся дипломатические связи, советское инфраструктурное наследие и антиколониальный символический капитал [7; 9].

Эффективность стратегии «поворот на Юг» в значительной степени зависит от того, насколько последовательно Россия будет выстраивать долгосрочные, а не ситуативные связи с политическими, экономическими и силовыми элитами стран-партнеров. Взаимодействие не ограничивается исключительно протокольной дипломатией, а выстраивается как многоуровневая система каналов влияния и доверия, сочетающая официальные государственные контакты, отраслевое сотрудничество, образовательные и гуманитарные программы, а также инструменты «мягкой силы». Россия стремится встроиться в архитектуру принятия решений в странах-партнёрах, добиваясь того, чтобы её присутствие воспринималось как структурный элемент национального развития, а не как временный внешний ресурс [1].

На верхнем уровне ключевую роль играет высокоуровневая дипломатия, включающая в себя регулярные визиты глав государств, встречи министров и спецпредставителей, подписание рамочных соглашений и создание совместных межправительственных комиссий. Стоит отметить, что реальная эффективность зависит от привязки к конкретным проектам и выгодам для национальных элит, поэтому важной особенностью российской модели становится персонализированный характер переговоров, когда ключевые договоренности закрепляются не только в документах, но и в устойчивых отношениях [7].

Второй контур связан с военно-техническим и силовым сотрудничеством, традиционно являвшимся сильной стороной российской политики на Юге. Поставки вооружений, совместные учения, обучение персонала и сотрудничество в области защиты критической инфраструктуры формируют особый тип доверия между силовыми структурами. Для многих государств Глобального Юга именно безопасность и сохранение политического контроля являются приоритетом, поэтому гарантии в этой сфере автоматически повышают политический вес России и создают основы для долгосрочных проектов. Например, обслуживание техники, модернизация и новые контракты требуют институциональной стабильности отношений [1].

Третье направление заключается в формировании устойчивых элитных сетей через образование, академический и молодежный обмен. Расширение квот для иностранных студентов, обучение представителей элит в российских вузах, программы стажировок и форумы молодежных лидеров создают поколенческий ресурс влияния. Выпускники, возвращаясь на родину, занимают позиции в госаппарате, бизнесе и медиа, превращаясь в проводников российской повестки. Дополнительным инструментом выступают культурные центры, языковые программы и совместные исследовательские проекты, закрепляющие образ России как партнера, ориентированного не только на сырьевые сделки, но и на обмен знаниями [2].

Не менее важен экономический слой взаимодействия, основанный на преференциях и совместных проектах в стратегических отраслях. Льготные кредиты, инвестиционные гарантии, участие российских компаний в инфраструктурном строительстве и создание совместных предприятий дают элитам ресурсы внутренней легитимации и персонализированные выгоды. В основном проекты разрабатываются по сегментам, в частности, в сфере энергетики, продовольственной безопасности, транспортно-логистической инфраструктуры и телекоммуникации. Российская модель отличается высокой гибкостью и готовностью работать с различными политическими режимами через формат «гибкого партнерства». Основой становятся взаимная выгода и уважение к принципу невмешательства. Это упрощает вхождение на сложные рынки, но создаёт зависимость от персоналистских режимов, в ответ на что Москва стремится институционализировать отношения, включая партнёров в форматы БРИКС+ и ШОС [1; 7].

На фоне ослабления монополии Запада и фрагментации глобальных институтов государства Юга воспринимают взаимодействие с Россией, прежде всего, как инструмент повышения собственного суверенитета и переговорной позиции, поэтому их ответы носят преимущественно прагматичный, инструментальный и ситуативный характер. Во-первых, ключевым стимулом выступает стремление к диверсификации внешнеэкономических связей и возможность опереться на Россию как альтернативного поставщика энергоносителей, удобрений, зерна и вооружений позволяет снизить концентрацию рисков и получить дополнительные аргументы в переговорах с традиционными партнёрами из США и ЕС. Фактически российское присутствие используется как рычаг для улучшения условий торговли, а не как замена существующих связей [7].

Во-вторых, развитие международных отношений связано с институциональным плюрализмом и ростом числа международных площадок, где страны Юга могут участвовать без жёсткой привязки к одному блоку. Расширение БРИКС+, активизация ШОС, укрепление Африкан-

ского союза, АСЕАН и МЕРКОСУР создают архитектуру «многовекторного участия». В-третьих, поиск финансовой автономии и снижение зависимости от доллароцентричной финансовой модели. Санкционные режимы и риски вторичных санкций заставляют страны Юга искать альтернативные механизмы расчетов, и здесь Россия выступает как один из инициаторов схем расчётов в национальных валютах и альтернативных платежных инфраструктур [6].

В-четвертых, стимул связан с логикой стратегического баланса. Государства Глобального Юга используют присутствие России как дополнительный фактор влияния на других внешних акторов, придерживаясь модели «балансирования без альянсов», где ключевой задачей является максимизация автономии. Важно подчеркнуть, что международные стимулы не превращают Глобальный Юг в единый политический блок, потому что внутри него сохраняются серьезные различия, а многие государства параллельно сохраняют тесные связи с США, ЕС, Китаем и Индией. Например, на площадках ООН это выражается в практике воздержания и предпочтении «нейтралитета в условиях многополярности». Для российской стратегии это означает, что ставка делается не на формирование «антизападного блока», а на развитие ситуативных коалиций по конкретным вопросам [7].

Оценка эффективности «поворота на Юг» представляет собой нетривиальную аналитическую задачу. Недостаточно констатировать рост товарооборота или фиксировать многочисленные дипломатические визиты. Нужно также ответить на два вопроса: в какой степени переориентация позволила компенсировать потери от разрыва с Западом и носит ли достигнутый результат системный и долгосрочный характер [4, с. 110–115]. Политическая эффективность измеряется способностью России трансформировать отношения с незападными государствами из ситуативных в устойчивые и предотвратить реализацию западного сценария международной изоляции. Наиболее очевидным достижением является институциональное оформление южного вектора. Расширение БРИКС в 2023–2024 годах превратило организацию из ограниченного клуба в представительный формат [7].

Не стоит забывать, что страны Глобального Юга демонстрируют стремление к ликвидации последствий колониализма, что создает символический капитал для государства, позиционирующего себя как державу без колониального прошлого [10]. Однако было бы неверно интерпретировать эти дипломатические успехи как формирование прочного антизападного блока. Более того, Россия сталкивается с растущей конкуренцией. Товарооборот Европейского союза с Африкой в 2023 году составил 382,8 млрд долл., Китая 214,6 млрд долл., США 62,8 млрд долл., тогда как у России оборот составил лишь 24,6 млрд долл. Китай с начала 2000-х построил в Африке более 6 тыс. километров дорог, около 20 морских портов и 80 крупных энергетических объектов, что несопоставимо с масштабом российского присутствия [4].

Таким образом, в политической сфере России удалось избежать международной изоляции и укрепить БРИКС как альтернативный формат, однако стратегически её влияние остаётся ограниченным. Страны Глобального Юга воспринимают Россию как одного из многих внешних партнёров, уступающего Китаю и Евросоюзу, а их лояльность носит ситуативный и прагматичный характер [7]. Если сопоставить данные за 2022 год относительно 2021 года, то ситуация будет выглядят следующим образом: товарооборот с Китаем вырос в 1,3 раза до 190,2 млрд долл., с Турцией в 2 раза до 68,2 млрд долл., с Индией в 2,5 раза до 35 млрд долл., с Бразилией в 1,3 раза до 9,9 млрд долл., с ОАЭ в 1,7 раза до 9,0 млрд долл. При этом товарооборот с США сократился более чем вдвое, с Великобританией более чем втрое, с Финляндией в 1,6 раза [3, с. 160–163]. За 2013–2021 годы совокупная доля 25 ведущих торговых партнеров России на Глобальном Юге выросла с 28,7% до 41,8%, а доля стран ЕС в прямых иностранных инвестициях в России сократилась с 76,8% до 59,7% [4, с. 115–120].

Фиксируется и структурный сдвиг. Так рост доли Дальневосточного федерального округа в общероссийской добыче нефти с 4,4% в 2014 году до 6,8% в 2020 году, связанный с переориентацией экспорта на азиатские рынки и строительством трубопроводов «Восточная Сибирь-Тихий океан» и «Сила Сибири» [4]. Тем не менее при всех тактических успехах «поворот на Юг» не привел к структурной перестройке экономики. Россия остается преимущественно сырьевым экспортером [4, с. 120–126]. Импорт из Китая идёт преимущественно через порты Балтийского бассейна, на которые приходилось около 52% контейнерных грузов, тогда как на порты Дальневосточного бассейна лишь 32% [4, с. 122–127]. В совокупности экономическая эффективность «поворота на Юг» оказывается достаточной для тактического выживания, однако достигнутая стабильность базируется на хрупком фундаменте сырьевой модели экспорта, структурном дисбалансе торговли, деградации машиностроения и низком уровне инновационной активности. Без структурных реформ «поворот на Юг» рискует заморозить периферийное положение России в мировой экономике [3].

Заключение

Проведенный анализ приводит к выводу о двойственной природе «поворота на Юг». Поворот является закономерным ускорением тенденции, которая уходит корнями в советский революционный интернационализм 1920-х годов. От Бакинского съезда народов Востока, масштабного советского присутствия в Африке и Азии, доктрины Примакова с её концепцией многополярности и до треугольника Россия-Китай-Индия, раннепутинского поворота на Восток после 2014 года – всё это звенья единой цепи [5; 9].

Расширение БРИКС, активная дипломатия на африканском и ближневосточном направлениях, устойчивое воздержание большинства стран Глобального Юга от поддержки антироссийских резолюций свидетельствуют о дипломатическом успехе. Вместе с тем данное явление может носить асимметричный характер, так как обеспечивает России статус одного из полюсов многополярного порядка, но не создаёт устойчивого блока союзников. В экономическом измерении перенаправление экспортных потоков в сторону Китая, Турции и Индии предотвратило коллапс, однако структурных изменений не произошло, Россия по-прежнему выступает преимущественно сырьевым экспортером [7].

Наиболее вероятным представляется инерционный сценарий, где текущая конфигурация сохраняется с умеренным углублением отдельных партнерств. Россия продолжит переориентацию энергетического и продовольственного экспорта и активность на площадках БРИКС и ШОС, однако структурные ограничения не позволят перейти к системной трансформации, а Китай окончательно закрепится в роли доминирующего экономического партнёра, формируя новую асимметрию зависимости [7]. Менее вероятный оптимистичный сценарий предполагает использование вынужденного разворота как импульса к структурной диверсификации, что требует инвестиций, несовместимых по масштабу с условиями продолжающегося конфликта. Пессимистичный сценарий связан с нарастанием вторичных санкций до уровня, при котором критическая масса партнёров вынуждена сократить взаимодействие с Москвой, его вероятность возрастает пропорционально интенсификации западной дипломатии в отношении третьих стран [3].

Ключевая долгосрочная неопределённость состоит в том, что прагматизм стран Глобального Юга является одновременно главным активом российской стратегии и её фундаментальным ограничением. Он гарантирует, что эти страны не станут врагами России, но исключает их превращение в надёжных союзников. По мере углубления китайского доминирования и роста самостоятельных амбиций Индии, Бразилии, Турции и ЮАР пространство для российского манёвра будет объективно сужаться [7].

Государствам Глобального Юга целесообразно монетизировать текущую переговорную позицию, что в настоящее время во многом и происходит. Нейтралитет является ценным ресурсом, за который конкурируют несколько центров силы, а взаимодействие с Россией выстраивается прагматично, извлекая выгоду из ценовых преимуществ экспорта, избегая зависимости и настаивая на реальной передаче технологий и локализации производства [7].

Для правительства и делового сообщества ключевой рекомендацией является переход от экстенсивной дипломатической активности к интенсивному экономическому присутствию. Стоит сделать акцент на развитии промышленных мощностей в реально востребованных сегментах (агропромышленные технологии, доступная медицинская техника, цифровая инфраструктура), создании государственной системы поддержки бизнеса при выходе на рынки Африки и Азии, многократное наращивание образовательного присутствия и диверсификации зависимости от Китая через углубление отношений с Индией, Турцией и крупнейшими африканскими экономиками [1; 3].

Поворот России на Юг – это значимая трансформация, изменившая конфигурацию мировых торговых и политических потоков. Однако окончательный вердикт о его результативности будет вынесен не дипломатическими декларациями, а структурой российского экспорта через десятилетие. Если она останется преимущественно сырьевой, «поворот на Юг» войдёт в историю как успешная альтернатива, но не как стратегия развития взаимоотношений.

Литература

1. Абрамян Т.А. Развитие партнёрских отношений России со странами Глобального Юга: совпадающие интересы и возможные перспективы // Вестник Евразийской науки. – 2024. – Т. 16, № 5. – Электрон.

ресурс. – Режим доступа: https://esj.today/PDF/28ECVN524.pdf (дата обращения: 04.03.2026).

2. Коммуникационные режимы стран: что это такое и на что они влияют? // Пресс-центр МИА «Россия сегодня». – 2020. – Электрон. ресурс. – Режим доступа: https://pressmia.ru/press-club/20201021/952944815.html (дата обращения: 05.04.2026).

3. Кузнецов А.В. Ускорение экономического разворота России на Глобальный Юг в 2022 году // Научные труды Вольного экономического общества России. – 2023. – Т. 241, № 3. – С. 158–164. – DOI: 10.38197/2072-2060-2023-241-3-158-164. – Электрон. ресурс. – Режим доступа: https://elibrary.ru/item.asp?id=54519089 (дата обращения: 04.03.2026).

4. Кузнецова О.В., Кузнецов А.В. Разворот России на Глобальный Юг как фактор её регионального развития // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2022. – Т. 16, № 6. – С. 110–130. – Электрон. ресурс. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/razvorot-rossii-na-globalnyy-yug-kak-faktor-ee-regionalnogo-razvitiya/viewer (дата обращения: 04.03.2026).

5. Куприянов А. Прагматичный реалист: почему доктрина Примакова актуальна и сейчас // Известия. – 2019. – 29 окт. – Электрон. ресурс. – Режим доступа: https://iz.ru/937080/aleksei-kupriianov/pragmatichnyi-realist-pochemu-doktrina-primakova-aktualna-i-seichas (дата обращения: 04.03.2026).

6. Atlantic Council. Russian Finance Pivots East. – 23 January 2023. – Электрон. ресурс. – Режим доступа: https://www.atlanticcouncil.org/blogs/econographics/russian-finance-pivots-east/ (дата обращения: 04.03.2026).

7. European Council on Foreign Relations (ECFR). From Russia with Love: How Moscow Courts the Global South. – 21 December 2023. – Электрон. ресурс. – Режим доступа: https://ecfr.eu/publication/from-russia-with-love-how-moscow-courts-the-global-south/ (дата обращения: 04.03.2026).

8. Jacobin. The Baku Congress of 1920 Sounded the Call for the End of Colonialism. – 29 September 2020. – Электрон. ресурс. – Режим доступа: https://jacobin.com/2020/09/baku-congress-azerbaijan-1920 (дата обращения: 04.03.2026).

9. Rumer E. The Primakov (Not Gerasimov) Doctrine in Action. – Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2019. – 23 p. – Электрон. ресурс. – Режим доступа: https://carnegieendowment.org/2019/06/05/primakov-not-gerasimov-doctrine-in-action-pub-79254 (дата обращения: 04.03.2026).

10. TASS. History of Relations of Soviet Union, Russia with African Countries. – 26 July 2023. – Электрон. ресурс. – Режим доступа: https://tass.com/politics/1652463 (дата обращения: 04.03.2026).

RUSSIA AND THE GLOBAL SOUTH: THE «PIVOT TO THE SOUTH» STRATEGY IN A NEW GEOPOLITICAL REALITY

Zoubov V.V., Temariova D.A.
Financial University under the Government of the Russian Federation

This article analyses the «pivot to the South», the strategic reorientation of Russian foreign policy towards the states of the Global South, which acquired a qualitatively new acceleration after February 2022 amid unprecedented sanctions pressure from the collective West. It argues that the phenomenon is not merely a reaction to the events of 2022 but a logical continuation of a trajectory rooted in Soviet revolutionary internationalism of the 1920s, the multipolarity doctrine of Yevgeny Primakov and the early-Putin «pivot to the East». The study examines the mechanisms of the strategy – the model of engagement with the political, military and economic elites of partner states, and the system of international incentives that shapes the pragmatic and situational character of the Global South's response. Drawing on international trade statistics, the article assesses the political and economic effectiveness of the strategy and concludes that it is sufficient for tactical survival while remaining constrained by structural limitations capable of entrenching the raw-material peripherality of the Russian economy. The conclusion offers prognostic scenarios and recommendations for the principal categories of actors.

Keywords: Global South, pivot to the South, multipolarity, BRICS, sanctions, Russian foreign policy, Primakov doctrine, anti-colonial narrative.

References

1. Abramyan T.A. Development of partnership relations between Russia and the countries of the Global South: converging interests and possible prospects // The Eurasian Scientific Journal. – 2024. – Vol. 16, № 5. – URL: https://esj.today/PDF/28ECVN524.pdf (accessed: 04.03.2026).

2. Communication regimes of countries: what they are and what they affect // Press Centre of Rossiya Segodnya. – 2020. – URL: https://pressmia.ru/press-club/20201021/952944815.html (accessed: 05.04.2026).

3. Kuznetsov A.V. The acceleration of Russia's economic pivot to the Global South in 2022 // Scientific Works of the Free Economic Society of Russia. – 2023. – Vol. 241, № 3. – P. 158–164. – URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=54519089 (accessed: 04.03.2026).

4. Kuznetsova O.V., Kuznetsov A.V. Russia's pivot to the Global South as a factor of its regional development // Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law. – 2022. – Vol. 16, № 6. – P. 110–130. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/razvorot-rossii-na-globalnyy-yug-kak-faktor-ee-regionalnogo-razvitiya/viewer (accessed: 04.03.2026).

5. Kupriyanov A. A pragmatic realist: why the Primakov doctrine is still relevant // Izvestia. – 2019. – 29 Oct. – URL: https://iz.ru/937080/aleksei-kupriianov/pragmatichnyi-realist-pochemu-doktrina-primakova-aktualna-i-seichas (accessed: 04.03.2026).

6. Atlantic Council. Russian Finance Pivots East. – 23 January 2023. – URL: https://www.atlanticcouncil.org/blogs/econographics/russian-finance-pivots-east/ (accessed: 04.03.2026).

7. European Council on Foreign Relations (ECFR). From Russia with Love: How Moscow Courts the Global South. – 21 December 2023. – URL: https://ecfr.eu/publication/from-russia-with-love-how-moscow-courts-the-global-south/(accessed: 04.03.2026).

8. Jacobin. The Baku Congress of 1920 Sounded the Call for the End of Colonialism. – 29 September 2020. – URL: https://jacobin.com/2020/09/baku-congress-azerbaijan-1920 (accessed: 04.03.2026).

9. Rumer E. The Primakov (Not Gerasimov) Doctrine in Action. – Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2019. – 23 p. – URL: https://carnegieendowment.org/2019/06/05/primakov-not-gerasimov-doctrine-in-action-pub-79254 (accessed: 04.03.2026).

10. TASS. History of Relations of Soviet Union, Russia with African Countries. – 26 July 2023. – URL: https://tass.com/politics/1652463 (accessed: 04.03.2026).

Северокорейский вектор во внешней политике Китая на современном этапе

Исмагилова Анастасия Рафаэльевна,
магистрант, МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: anastasia.is.ra@mail.ru

Вокруг Корейского полуострова более 80 лет не утихают политические дискуссии. На данный момент в Корее установилась так называемая конфронтационная стабильность. КНР и КНДР выступают на мировой арене как партнеры и союзники. Цель статьи – определить цель, задачи, которые Пекин ставит перед собой в отношениях с Пхеньяном, а также установить, какой стратегии придерживается руководство Китая, выстраивая свои отношения с Северной Кореей. Исследования показывают, что для Поднебесной поддержание благоприятного климата во взаимоотношениях с Пхеньяном имеет ключевое значение с точки зрения безопасности. Отмечается, что КНДР является единственным официальным военно-политическим союзником КНР. Базу этого союза составляет Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между КНР и КНДР от 1961 года. Пекин также заинтересован в развитии торгово-экономических отношений с Пхеньяном, особенно в контексте экспорта товаров на объемный северокорейский рынок и импорта редкоземельных металлов. Сделан вывод, что Пекин проводит политику «мягкого сдерживания» и гибко реализует свои интересы на Корейском полуострове на основе стратегического партнерства с Пхеньяном.

Ключевые слова: КНР, КНДР, национальные интересы, безопасность, стратегическое сотрудничество, мягкое сдерживание, адаптивность.

Стратегическое значение Корейского полуострова и КНДР для Китая

КНДР традиционно занимает одно из важных мест во внешней политике КНР в силу геополитических, геоэкономических и геостратегических причин. Значимость Пхеньяна для Пекина также обуславливается тем, что два государства являются непосредственными географическими соседями с достаточно протяженной границей. И от стабильности развития двусторонних отношений зависит как безопасность, так и экономическое благополучие КНР и КНДР. За годы общей истории у двух стран были различные периоды взаимоотношений. История знала и этапы плотного сотрудничества КНР и КНДР, и времена охлаждения отношений двух социалистических стран. Однако руководство Китая неизменно осознавало, что обеспечение национальной безопасности невозможно без учета геополитической ситуации на Корейском полуострове при принятии решений на глобальном и региональном уровнях.

Геополитические интересы Китая на Корейском полуострове

Картина геополитических интересов Китая на Корейском полуострове представляется следующим образом. Во-первых, непосредственная близость границ КНР и КНДР порождает вопросы обеспечения территориальной целостности, сохранности и неизменности границ двух государств. Пекин заинтересован в стабильном развитии АТР, недопущении конфликтов в данном регионе. А для этого важно продолжать выстраивать планомерный и конструктивный диалог с КНДР по геостратегической линии. КНР нуждается в стратегическом союзнике у своих границ, который бы действовал в вопросах важных для Пекина, согласуясь с политикой Поднебесной. Во-вторых, от степени вовлеченности Китая в дела Корейского полуострова зависит авторитет и престиж КНР на международной арене. Также Китаю важна поддержка КНДР в части Тайваньского вопроса. В-третьих, для Китая важен контроль над мировыми товарными и финансовыми потоками. Особую значимость в рамках наращивания своего экономического могущества для КНР представляет закупка редкоземельных металлов, что Пекин может обеспечить себе за счет стабильных дружественных отношений с Пхеньяном.

Место КНДР во внешней политике Китая

Китайская сторона никогда не действует вслепую, а всегда исходит из своих сугубо прагматичных интересов – экономической выгоды и целесообразности сотрудничества для себя. Сообразно перечисленным геополитическим интересам Китай стремится выстраивать союзнические отношения с КНДР. Северная Корея служит буферной зоной от американо-японского и американо-южнокорейского альянсов. В военно-политическом плане КНР и КНДР совместно с Россией через систему взаимных договоров образуют в АТР своеобразный противовес треугольнику США – Япония – Республика Корея, который иногда именуют «Азиатское НАТО». КНР выгодно сотрудничество с КНДР в экономическом плане, так как Пекин заинтересован в природных ресурсах Северной Кореи, также для Китая важны рынки сбыта продукции, которые она видит в лице КНДР. Кроме того, китайским компаниям создаются выгодные условия для работы в КНДР, а Китаю удобны порты Северной Кореи Рачжин, Сонбон, Чжончжин для вывоза своей продукции. Таким образом, в мире, в котором происходит глобальная регионализация и смещение центра международных отношений с Запада на Восток, а также усиление конфронтации между влиятельными державами в Азиатско-Тихоокеанском регионе, китайско-северокорейские отношения имеют ключевой значение.

Институциональная основа отношений КНР и КНДР

Фундаментальную роль в современном положении дел в отношениях между Пекином и Пхеньяном и формирующимся балансе сил на Корейском полуострове играет Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 1961 года. Данный документ является единственным договором о коллективной обороне, который Поднебесная заключила бы с какой-либо страной. Во второй статье документа прописано, что при нападении на одну из сторон Договора будут предприняты меры по согласованному противодействию агрессии: «Договаривающиеся Стороны обязуются совместно принимать все меры для предотвраще-

ния агрессии против любой из Договаривающихся Сторон со стороны какого-либо государства» [18]. В то же время официальные китайские представители в последнее время говорят, что этот пункт будет иметь силу лишь в случае неспровоцированной агрессии против КНДР. Только тогда Пекин сможет оказать Пхеньяну военную помощь.

Цели и задачи политики Китая по отношению к КНДР

Из мнений экспертного сообщества и вышеупомянутых рассуждений следует вывод, что **глобальной целью** политики Пекина при выстраивании отношений с Пхеньяном является обеспечение собственной и региональной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также поддержание и упрочение своего статуса на международной арене в контексте противостояния с США. В современных международных отношениях АТР является одним из полигонов конфронтации, и Китай не намерен ослаблять своих стратегических позиций в этом регионе. Министр иностранных дел КНР Ван И четко обозначил позицию Пекина насчет важности Корейского полуострова для недопущения эскалации конфликта в Азии: «Корейский полуостров находится прямо на пороге Китая. Вот наша «красная линия»: мы не позволим войны либо нестабильности на Корейском полуострове» [10]. Нацеленность на углубление контактов с КНДР подтверждают слова Си Цзиньпина в его статье, опубликованной в северокорейской газете «Нодон Синмун»: «КНР и КНДР должны использовать все силы и возможности для «реализации важных договоренностей, достигнутых обеими сторонами, и придания нового импульса развитию двусторонних отношений» [6]. Так, исходя из анализа упомянутых выше источников, целью политики КНР по отношению к КНДР является поддержание союзнических отношений Пекина с Пхеньяном, сохранение Северной Кореи в своей политической орбите в рамках противоборства гегемонистским устремлениям США и их союзников.

Для реализации обозначенной внешнеполитической цели перед Китаем стоит вопрос решения следующих **задач**. Во-первых, предотвращение расширения военного контингента вооруженных сил США на Корейском полуострове. Во-вторых, принятие превентивных мер по недопущению различного рода провокаций со стороны как Южной Кореи, так и Японии и США. В-третьих, предотвращение глубокого экономического, гуманитарного и политического кризиса КНДР. В-четвертых, поддержание своего растущего влияния в АТР. В-пятых, развитие сотрудничества между правительствами и партиями КНР и КНДР. В-шестых, расширение масштабов взаимовыгодной торговли, обеспечение для китайской экономики доступа к стратегически важным ресурсам и северокорейским рынкам сбыта.

Первый и второй пункты наиболее остро стоят перед китайским руководством, так как по большей части от их выполнения непосредственно зависит безопасность, суверенитет и территориальная целостность Китая. По мнению К.В. Асмолова приоритетом для Пекина является недопущение выхода американских войск на китайско-корейскую границу [1]. Поэтому любая угроза дестабилизации существующего положения на Корейском полуострове рассматривается Китаем крайне серьезно и вызывает незамедлительную ответную реакцию. В контексте реализации данных задач сложно не заметить более тесные и доверительные контакты Пекина и Пхеньяна. Китай в том числе рассматривает партнерство с КНДР как мощный рычаг давления на США, способ сдерживания их непомерных амбиций.

Отдельно заслуживает рассмотрения и тема поддержания приемлемого уровня развития Северной Кореи для предотвращения существенного экономического и политического упадка КНДР. Так Дэвид Шамбах считает, что «предотвращение коллапса Северной Кореи является важной стратегической задачей для Пекина, потому что крах государства вызовет серьезные материальные экономические и гуманитарные последствия для Китая» [19]. Ему вторят и другие аналитики, занимающиеся азиатской проблематикой, в том числе К.В. Асмолов и группа ученых-представителей Дальневосточного федерального университета, в которую входят А.В. Бояркина, С.А. Мефодьева и О.В. Кузьмина. Первый делает акцент на экономической составляющей взаимоотношений КНР и КНДР: «Пекин старается не допустить экономического кризиса в Северной Корее, продолжая поддерживать сотрудничество даже с таким непростым соседом, пусть и в ограниченных масштабах» [2. С. 348]. Вторые же больше обращают свои взоры в политическую стезю, говоря о том, что «сохранение политического статус-кво в Северной Корее является неотъемлемой частью стратегии внешней политики Китая» [4. С. 86].

Также Китай очень заинтересован в упрочении своего влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе для укрепления авторитета на международной арене и отстаивания своих национальных интересов, о чем было сказано выше. Так, во имя стратегической стабильности в регионе Пекин стремится к укреплению связей с КНДР.

Стоит также выделить, что для Китая крайне важны торгово-экономические связи с Пхеньяном. КНДР является чрезвычайно емким и объемным рынком сбыта для Поднебесной. Также для развития собственной экономики КНР заинтересована в закупке редкоземельных металлов. Пекину выгодно приобретение геологических богатств у Пхеньяна в силу низких цен и гарантий обеспечения пальмы первенства в конкурентной борьбе за эти ресурсы. В июне 2026 года было объявлено, что КНР и КНДР планируют нарастить объемы торговли сельскохозяйственной продукцией, расширить контакты в научно-технической отрасли, здравоохранении, а также разработать новые проекты в сфере строительства. Кроме того, китайской стороне выгодно размещение предприятий на территории КНДР в силу того, что северокорейская рабочая сила достаточно недорогая, а в сравнении с мировыми заработными платами, можно сказать, отличается дешевизной.

Стратегия Китая по отношению к КНДР

Ради реализации поставленных целей и задач и для поддержания благоприятных отношений с Пхеньяном Пекин следует политике «мягкого сдерживания» КНДР по вопросу ядерного оружия, намеренно исключая вопрос о денуклеаризации из повестки переговоров, обходя данную тематику стороной, если того не требует крайний случай.

Китай твердо отстаивает свои национальные интересы на международной арене. Сплав исторического наследия Поднебесной, его накопленной мудрости и современного высокотехнологичного развития передовых сфер как гражданского, так и военного назначения позволяют Китаю быть авторитетным актором на мировой арене. На фоне проведения ярко выраженного независимого внешнеполитического курса Пекина западные исследователи опасаются все большего возвышения КНР и, например, Дрю Томпсон отмечает, что «вся эта техника [продемонстрированная на параде в Китае по случае 80-й годовщины победы во Второй мировой войне] призвана заставить США, Европу и соседей Китая хорошенько задуматься перед тем, как бросать вызов основным национальным интересам Пекина» [15]. В ответ на данные суждения китайские официальные лица заявляют: «Китай хочет использовать парад, чтобы дать понять этим людям [на Западе]: военное принуждение Китая невозможно – даже не пытайтесь» [15].

Эти заявления особенно актуальны в связи с новостями насчет обострения ситуации в АТР. В сентябре 2025 года и в январе следующего года произошли инциденты в воздушном пространстве Корейского полуострова, когда южнокорейские беспилотники вторглись на территорию КНДР. Заместитель заведующего отделом Центрального Комитета Трудовой партии Кореи Ким Е Чжон, комментируя данные происшествия, отметила: «… властям РК нельзя пытаться обойти вызванный самим собой кризис только выражением сожаления, а следует принять гарантированные меры для последовательного предотвращения повторения серьезных нарушений суверенитета, таких как вторжение в воздушное пространство нашей Республики» [17]. Однако США и союзная ей Республика Корея не намерены прекращать эскалацию напряженности в АТР, что подтверждает проведение ими совместных учений в непосредственной близости от границ КНДР, которые прошли с 16 по 19 июня 2026 года.

Анализируя характер взаимодействия Пекина и Пхеньяна, можно заключить, что **стратегия** Китая в отношении Северной Кореи построена на реализации доктрины стратегического партнерства исходя из собственных национальных интересов, которая реализуется достаточно гибкими и адаптивными под современные геополитические реалии методами. Подавляющее большинство экспертов по политическим вопросам Азии сходятся во мнении, что КНР вполне успешно проводит в жизнь обозначенный курс по отношению к КНДР. К примеру, высказывается достаточно категоричная позиция, суть которой состоит в следующем: «Китай по-прежнему считается единственной страной, имеющей значительное влияние на Пхеньян» [27].

Динамика развития отношений КНР и КНДР

Динамика развития отношений КНР и КНДР носит нелинейный характер. Взаимоотношения государств в разное время претерпевали тектонические и кардинальные изменения. Для понимания современной ситуации важно знать исторический контекст взаимоотношений КНР и КНДР. Условно отношения Пекина и Пхеньяна можно разделить на следующие этапы:

1949–1953 годы, когда КНР и КНДР плечом к плечу боролись против коалиции западных государств во время Корейской войны; 1953–1971 годы: в это время был заключен ключевой Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между Пекином и Пхеньяном, Северная Корея начала претворять в жизнь самостоятельную политику «чучхе», сохраняя тесные связи с Китаем; 1971–1999 годы характе-

ризовались определенным охлаждением отношений двух государств на фоне налаживания контактов КНР и США, а также установления дипломатических отношений между Китаем и Республикой Кореей; 1999–2009 годы, которые отмечены шестисторонними переговорами по теме ядерной проблемы Корейского полуострова, а также достаточно стабильными экономическими взаимодействиями; 2009–2017 годы, когда наблюдалась крайняя напряженность, недоверие в отношениях Поднебесной и Северной Кореи, стороны обменивались противоречивыми заявлениями, но предельной черты не переходили, сохраняя диалог и уважение друг к другу; 2018 год – настоящее время, современный этап взаимоотношений описать как отношения дружбы, сотрудничества и партнерства, как в экономической, так и в политической и военно-стратегических сферах.

Лидеры Китая и Северной Кореи чтят общую историю и в своих заявлениях подчеркивают уважение друг к другу. В настоящее время явно прослеживается последовательный характер в речах лидеров двух стран относительно взаимоотношений КНР и КНДР, что подтверждают сообщения от 2025 года. На сентябрьских переговорах в Доме народных собраний в Пекине Си Цзиньпин отметил: «Китай, как и прежде, будет поддерживать КНДР в ее стремлении к развитию, соответствующему национальным условиям» [11]. А в октябре 2025 года на встрече премьера Государственного Совета КНР, члена Постоянного комитета Политбюро Центрального Комитета КПК Ли Цяна и премьер-министра КНДР, члена Президиума Политбюро Центрального комитета ТПК Пак Тхэ Сона было объявлено, что два государства готовы совершенствовать уровень многоаспектного сотрудничества, чтобы «придать дополнительный импульс развитию и строительству двух стран» [14]. Такое видение микроклимата отношений двух стран дает надежду на новый виток их контактов и может служить подспорьем для усиления связей в различных сферах. Что подтверждается и последним визитом главы КНР в КНДР, который был приурочен к подписанию Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи между Пекином и Пхеньяном и который состоялся в начале июне этого года. Си Цзиньпин впервые за семь лет посетил Пхеньян с государственным визитом, что демонстрирует новый виток в сближении двух стран, а также приоритетность развития двусторонних отношений. Си Цзиньпин и Ким Чен Ын подчеркивают в своих заявлениях, что сотрудничество КНР и КНДР имеет «глубокий исторический фундамент и сильные эмоциональные связи» [20]. Для Китая данная встреча имиджевая как для глобального игрока на международной арене. Этот визит показывает стремление Пекина вовремя «сверять часы» и находить больше точек соприкосновения со своими партнерами в непростой геополитической обстановке.

Проблемы и перспективы развития отношений КНР и КНДР

Однако любую коммуникацию, в том числе между государствами, сложно представить без терний, проблем и трудностей. Отношения КНР и КНДР не отличаются безоблачностью и отсутствием проблем в построении диалога по ряду вопросов. Трудности во взаимоотношениях двух стран, безусловно, присутствуют.

Во-первых, было заметно явное снижение дипломатической активности КНР и КНДР в 2024 году: 63-я годовщина подписания договора между Китаем и Северной Кореей прошла без особых торжеств, самым почетным гостем со стороны КНДР стал ректор Университета Ким Ир Сена Тхэ Хен Чхоль. А во время празднования окончания Корейской войны в 2024 году на трибунах в качестве приглашенного гостя не было китайского посла.

Во-вторых, хотя 2024 год был объявлен лидерами КНР и КНДР годом китайско-корейской дружбы в категории Центрального телеграфного агентства Кореи «Год корейско-китайской дружбы» не было частых обновлений и публикаций. Кроме того, количество и частота упоминаний Китая и лидера КНР Си Цзиньпина в северокорейских средствах массовой информаций заметно снизились: «с мая по август его имя [Си Цзиньпина] не было вообще ни разу упомянуто в публикациях «Нодон Синмун» и материалах ЦТАК [Центрального телеграфного агентства Кореи]» [13].

В-третьих, у КНР и КНДР возникли разногласия по поводу возвращения домой до ста тысяч северокорейских рабочих. Пхеньян настаивал на последовательном и постепенном возвращении, тогда как Китай требовал выполнить свое требование незамедлительно для тех рабочих, «у которых уже истек или в ближайшее время закончится срок пребывания в стране» [13]. Некоторые исследователи усмотрели в действиях Пекина то, что «КНР фактически предъявил властям КНДР ультиматум» [13].

В-четвертых, сообщалось, что спутниковое вещание КНДР было внезапно переключено со спутников Китая на российские средства трансляции несмотря на то, что покрытие российских спутников меньшее на территории Северной Кореи, чем китайских. Также некоторые эксперты усматривают в последнем визите Си Цзиньпина в КНДР ревность Пекина к Москве по поводу более тесных контактов с Пхеньяном. Отмечается, что Китай настроен на укрепление сотрудничества между КНР и КНДР, не допуская еще большего сближения Северной Кореи и России: «Пекин, вероятно, хочет восстановить свое влияние на Северную Корею и предотвратить чрезмерное сближение Пхеньяна с Москвой» [16]. Аналитические агентства Запада все больше и больше пытаются сделать акцент на, по их мнению, латентной конфронтации Пекина и Москвы, и тем самым вызвать у государств сомнения и недоверие в истинных намерениях по построению полицентричного миропорядка и поддержанию дружественных отношений дипломатическими методами. Например, британский еженедельный журнал The Economist отмечает: «Китайские чиновники могут опасаться, что господин Ким Чен Ын станет менее зависимым от их страны, которая долгое время была крупнейшим торговым партнером Северной Кореи» [9] по причине того, что «руководитель КНДР, воодушевленный поддержкой России, охлаждается по отношению к Китаю» [9] после заключения лидерами Северной Кореи и России Договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве.

В ответ на обострение дискуссий в средствах массовой информации официальный представитель МИД КНР Ли Цзянь сообщил: «… и КНДР, и Россия являются дружественными соседями Китая. КНР рада видеть развитие отношений между КНДР и РФ, играющих конструктивную роль в поддержании регионального мира и стабильности» [8]. Официальная позиция Поднебесной не отменяет опасений со стороны ее руководства. Мнения исследователей насчет сближения России и КНДР разнятся. Некоторые говорят, что «КНДР возможно в будущем будет потенциальной угрозой, которая сможет создать помехи развитию КНР, станет пешкой в руках России» [3. С. 94]. Другие эксперты, в том числе А.Г. Зуева, высказывают мнение, что из сложившейся ситуации Китай может извлечь не меньше пользы, так как часть ответственности за стабильность развития отношений в АТР перекладывается на Россию.

Несмотря на противоречия и ревностные разговоры, Китай, Россия и КНДР остаются союзниками, которые выступают за полицентричный мировой порядок и стоят на страже своей безопасности. В противовес им выступают США, Республика Корея и Япония, которые хотят властвовать над АТР. «Геометрические» разговоры вокруг Корейского полуострова не утихают и находятся в эпицентре политических дискуссий.

История циклична: за потеплением отношений следует охлаждение и наоборот. Тем не менее, несмотря на некоторые периодически возникающие сложности во взаимоотношениях Пекина и Пхеньяна, полностью порознь их представить на данный момент невозможно в силу слишком сильных исторических и геостратегических связей. Их отношения, действительно, сцементированы и «скреплены кровью» [7], они имеют «долгую историю и глубокую основу» [7]. И с 2025 года заметно очевидное сближение КНР и КНДР. Риторика официальных речей лидеров двух государств приобрела более теплый и душевный характер. Си Цзиньпин не перестает отмечать, что он «придает большое значение устойчивому и долгосрочному развитию социалистического дела на пользу народам двух стран» [5], называя дружбу КНР и КНДР «общим сокровищем» [5].

Перспективы взаимоотношений КНР и КНДР вырисовываются следующим образом. Каждая страна будет проводить такую политику, чтобы обеспечить себе гарантии региональной защищенности от стран Запада, исходя из своих национальных интересов, особенно из соображений безопасности. Зная мудрость китайского подхода в проведении своей политики, можно сказать, что отношения Китая и Северной Кореи будут развиваться, согласуясь как с современной международно-политической обстановкой, так и с историческим прошлым двух стран и перспективами на будущее.

Выводы

Таким образом, в мире, в котором происходит глобальная регионализация и усиление конфронтации между влиятельными державами в Азиатско-Тихоокеанском регионе, китайско-северокорейские отношения приобретают значительный вес и играют весомую роль в урегулировании комплекса глобальных и региональных проблем, и исходя из вышеупомянутых международных реалий **цель** политики Китая по отношению к КНДР можно сформулировать как выстраивание доверительных отношений сотрудничества и партнерства с Пхеньяном сообразно собственным национальным интересам и прагматичному, рациональному подходу для упрочения суверенитета Китая и обеспечения региональной безопасности в АТР. **Задачами** при реализации этой цели являются: 1) недопущение наращивания и усиления военно-

технического потенциала США в регионе, в том числе и на Корейском полуострове; 2) предотвращение провокационных действий США и их союзников, которые теоретически могут перерасти даже в незначительные столкновения и привести к обострению политической ситуации в мире и регионе; 3) сохранение КНДР как буферного и жизнеспособного государства и союзника Китая в Азии; 4) поддержание благоприятного китайского имиджа в АТР; 5) развитие и укрепление геоэкономических и геополитических контактов между КНР и КНДР. Северная Корея для Китая традиционный партнер и сосед с многолетней историей, с которым выстраиваются дружественные отношения. Политика Китая в данном направлении имеет долгосрочные виды и развивается как в экономическом, так и в военно-политическом аспекте. Официальный представитель Министерства иностранных дел Китайской Народной Республики объявила, что «Китай готов сотрудничать с КНДР, чтобы добиться нового развития двусторонних связей» [12]. Так **стратегию** Китая по отношению к КНДР можно определить как стратегическое сотрудничество, основанное на национальных интересах и соображениях глобальной безопасности: «… благородная цель мирного развития человеческой цивилизации должна восторжествовать» [25], – заявляет лидер КНР Си Цзиньпин. Также стоит иметь в виду, что политика Китая на Корейском полуострове довольно гибкая и адаптивная и что китайско-северокорейские отношения имеют долгосрочный характер и рассматриваются со стратегических и тактических точек зрения.

Литература

1. Асмолов К. Выбор из зол // Россия в глобальной политике, 07.08.2017. URL: http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Vybor-iz-zol-18882 (дата обращения: 12.02.2026).

2. Асмолов К.В., Захарова Л.В. Современная Северная Корея: первое десятилетие эпохи Ким Чен Ына (2012–2021): монография / К.В. Асмолов, Л.В. Захарова / Рос. акад. наук, Инт. Китая и совр. Азии. – М.: ИКСА РАН. – 2022. – 440 с.

3. Бедарева Н.И., Гурулева Т.Л. Китай и КНДР: оценки перспектив взаимоотношений // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2016. – № 1–1. – С. 94.

4. Бояркина А.В., Мефодьева С.А., Кузьмина О.В. Стратегия применения «мягкой силы» КНР в отношении внешней политики КНДР // Международные отношения. – 2017. – № 1. – С. 79–89.

5. В Китае оценили перспективы стратегической координации с КНДР. URL: https://news.ru/asia/v-kitae-ocenili-perspektivy-strategicheskoj-koordinacii-s-kndr/ (дата обращения: 25.01.2026).

6. В отношениях Китая и КНДР открываются новые возможности и ставятся новые задачи. Си Цзиньпин. URL: https://russian.people.com.cn/n3/2026/0608/c31518–20465022.html (дата обращения: 08.07.2026).

7. Китай готов использовать Год дружбы между КНР и КНДР как возможность для дальнейшего развития двусторонних отношений – председатель ПК ВСНП // СИНЬХУА НОВОСТИ. URL: https://russian.news.cn/20240412/27258abfb5844217a8064718ff62a93d/c.html (дата обращения: 29.01.2026).

8. Китай заявил, что рад развитию отношений между РФ и КНДР // Информационное агентство ТАСС. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21504723?ysclid=m8k35x0quf636597047 (дата обращения: 21.03.2025).

9. Китай «открывает» Северную Корею. Но только для себя // Московские новости. URL: https://www.mn.ru/smart/kitaj-otkryvaet-severnuyu-koreyu-no-tolko-dlya-sebya (дата обращения: 06.03.2026).

10. Китай предупредил всех по поводу Кореи // Российская газета. URL: https://rg.ru/2014/03/09/kitai-site-anons.html?ysclid=mlm4zp8vn8917067143&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 09.02.2026).

11. Китай продолжит поддерживать КНДР, заявил Си Цзиньпин // РИА НОВОСТИ. URL: https://ria.ru/20250904/kndr-2039715189.html?ysclid=mlmbzrqp7m68814294 (дата обращения: 30.01.2026).

12. Новое сближение? Эхо Корейской войны в отношениях Пекина и Пхеньяна // Информационное агентство ТАСС. URL: https://tass.ru/opinions/18377959?ysclid=m7ndo63wzc241446586 (дата обращения: 11.02.2026).

13. Отношения Китая и Северной Кореи. Действительно ли Пекин недоволен сближением Москвы и Пхеньяна // New Eastern Outlook. URL: https://journal-neo.su/ru/2025/01/02/otnosheniya-kitaya-i-severnoj-korei-dejstvitelno-li-pekin-nedovolen-sblizheniem-moskvy-i-phenyana/ (дата обращения: 03.04.2026).

14. Премьер Госсовета КНР: Китай готов раскрыть потенциал практического сотрудничества с КНДР // CGTN. URL: https://russian.cgtn.com/news/2025–10–11/1976965586037678081/index.html (дата обращения: 12.02.2026).

15. Путин принял участие в военном параде в Пекине. «Упрек Западу» // КОНТ. URL: https://cont.ws/@fruct/3112976?ysclid=mlm7xt-muk182670978 (дата обращения: 11.02.2026).

16. Пхеньян встретил Си Цзиньпина с ликованием. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8727280?ysclid=mrdtkfucpj319782696 (дата обращения: 08.07.2026).

17. Сестра Ким Чен Ына пригрозила Сеулу жестким ответом на вторжения дронов // РБК. URL: https://www.rbc.ru/politics/13/02/2026/698e-c6889a79474983ef03f7?ysclid=mlkjqt8s3215784984 (дата обращения: 13.02.2026).

18. China and North Korea Have a Mutual Defense Treaty, But When Would It Apply? // The Diplomat. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.574212ee-67c441ba-9009666a-74722d776562/https/thediplomat.com/2017/08/china-and-north-korea-have-a-mutual-defense-treaty-but-when-would-it-apply/ (дата обращения: 28.01.2026).

19. Shambaugh, D. (2003). China and the Korean peninsula: playing for the long term. The Washington Quarterly 26.2: 43–56. Project Muse. Web. 13 May 2013.

20. Xi and Kim Agree to Strengthen 'Strategic Relationship' with Socialist Principles // The Diplomat. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.dcd95114–6a4ffdc8–553423c6–74722d776562/https/thediplomat.com/2026/06/xi-and-kim-agree-to-strengthen-strategic-relationship-with-socialist-principles/ (дата обращения: 08.07.2026).

THE NORTH KOREAN VECTOR IN CHINA'S FOREIGN POLICY AT THE PRESENT STAGE

Ismagilova A.R.
Lomonosov Moscow State University

Political discussions around the Korean Peninsula have been ongoing for more than 80 years. At the moment, the so-called confrontational stability has been established in Korea. China and North Korea act on the world stage as partners and allies. The purpose of the article is to identify the goals and objectives that Beijing sets for itself in relations with Pyongyang, as well as to determine which strategy the Chinese leadership adheres to in building its relations with North Korea. Thus, it was revealed that for China, maintaining a favorable climate in relations with Pyongyang is of key importance from the point of view of security. It is noted that North Korea is the only official military and political ally of China. The basis of this alliance is the Treaty on Friendship, Cooperation and Mutual Assistance between the People's Republic of China and the Democratic People's Republic of Korea of 1961. In addition, trade and the development of economic ties with Pyongyang are essential for Beijing, especially in the context of exporting goods to the large North Korean market and importing rare earths. The article also reveals other aspects of the implementation of strategic cooperation between China and North Korea, which is based on pragmatic interests and global security considerations. The author comes to the following conclusion: Beijing pursues a policy of «soft deterrence» and flexibly implements its interests on the Korean Peninsula on the basis of strategic partnership with Pyongyang.

Keywords: China, North Korea, national interests, security, strategic cooperation, soft deterrence, adaptability.

References

1. Asmolov K. A Choice of Evils // Russia in Global Affairs, August 7, 2017. URL: http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Vybor-iz-zol-18882 (accessed: February 12, 2026).

2. Asmolov K.V., Zakharova L.V. Modern North Korea: The First Decade of the Kim Jong Un Era (2012–2021): Monograph / K.V. Asmolov, L.V. Zakharova / Russian Academy of Sciences, Institute of China and Contemporary Asia. – Moscow: ICSA RAS. – 2022. – 440 p.

3. Bedareva N.I., Guruleva T.L. China and the DPRK: Assessing the Prospects for Bilateral Relations // International Journal of Applied and Fundamental Research. – 2016. – № 1–1. – P. 94.

4. Boyarkina A.V., Mefodyeva S.A., Kuzmina O.V. The PRC's «Soft Power» Strategy Regarding DPRK Foreign Policy // International Relations. – 2017. – № 1. – P. 79–89.

5. China Assesses Prospects for Strategic Coordination with the DPRK. URL: https://news.ru/asia/v-kitae-ocenili-perspektivy-strategicheskoj-koordinacii-s-kndr/ (accessed: January 25, 2026).

6. New Opportunities and New Tasks Emerge in China-DPRK Relations. Xi Jinping. URL: https://russian.people.com.cn/n3/2026/0608/c31518–20465022.html (accessed: July 8, 2026).

7. China ready to use the Year of Friendship between the PRC and the DPRK as an opportunity to further develop bilateral relations – Chairman of the NPC Standing Committee // XINHUA NEWS. URL: https://russian.news.cn/20240412/27258abfb5844217a8064718ff62a93d/c.html (accessed: January 29, 2026).

8. China states it welcomes the development of relations between the Russian Federation and the DPRK // TASS News Agency. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21504723?ysclid=m8k35x0quf636597047 (accessed: March 21, 2025).

9. China is «opening up» North Korea. But only for itself // Moskovskie Novosti. URL: https://www.mn.ru/smart/kitaj-otkryvaet-severnuyu-koreyu-no-tolko-dlya-sebya (accessed: March 6, 2026).

10. China issues warning to all regarding Korea // Rossiyskaya Gazeta. URL: https://rg.ru/2014/03/09/kitai-site-anons.html?ysclid=mlm4zp8vn8917067143&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (accessed: 09.02.2026).

11. China will continue to support the DPRK, Xi Jinping stated // RIA Novosti. URL: https://ria.ru/20250904/kndr-2039715189.html?ysclid=mlmbzrqp7m68814294 (accessed: 30.01.2026).

12. A new rapprochement? Echoes of the Korean War in relations between Beijing and Pyongyang // TASS News Agency. URL: https://tass.ru/opinions/18377959?ysclid=m7ndo63wzc241446586 (accessed: 11.02.2026).

13. Relations between China and North Korea: Is Beijing really unhappy with the rapprochement between Moscow and Pyongyang? // New Eastern Outlook. URL: https://journal-neo.su/ru/2025/01/02/otnosheniya-kitaya-i-severnoj-korei-dejstvitelno-li-pekin-nedovolen-sblizheniem-moskvy-i-phenyana/ (accessed: 03.04.2026).

14. Chinese Premier: China is ready to unlock the potential for practical cooperation with the DPRK // CGTN. URL: https://russian.cgtn.com/news/2025–10–11/1976965586037678081/index.html (accessed: 12.02.2026).

15. Putin Took Part in a Military Parade in Beijing. «A Rebuke to the West» // KONT. URL: https://cont.ws/@fruct/3112976?ysclid=mlm7xtmuk182670978 (accessed: 11.02.2026).

16. Pyongyang Welcomed Xi Jinping with Jubilation. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8727280?ysclid=mrdtkfucpj319782696 (accessed: 08.07.2026).

17. Kim Jong Un's Sister Threatened Seoul with a Harsh Response to Drone Incursions // RBC. URL: https://www.rbc.ru/politics/13/02/2026/698ec6889a79474983ef03f7?ysclid=mlkjqt8s3215784984 (accessed: 13.02.2026).

18. China and North Korea Have a Mutual Defense Treaty, But When Would It Apply? // The Diplomat. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.574212ee-67c441ba-9009666a-74722d776562/https/thediplomat.com/2017/08/china-and-north-korea-have-a-mutual-defense-treaty-but-when-would-it-apply/ (date of access: 01/28/2026).

19. Shambaugh, D. (2003). China and the Korean peninsula: playing for the long term. The Washington Quarterly 26.2: 43–56. Project Muse. Web. 13 May 2013.

20. Xi and Kim Agree to Strengthen 'Strategic Relationship' with Socialist Principles // The Diplomat. URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.dcd95114–6a4f-fdc8–553423c6–74722d776562/https/thediplomat.com/2026/06/xi-and-kim-agree-to-strengthen-strategic-relationship-with-socialist-principles/ (date of access: 07/08/2026).

Межкультурное образование как механизм формирования гибридной идентичности участников международных образовательных обменов

Казакова Анна Андреевна,
аспирант Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)
E-mail: kazachok12106@icloud.com

Актуальность исследования определяется расширением международной образовательной мобильности, развитием сетевых университетов, совместных программ, академических партнерств и цифровых форм обучения, которые усиливают культурную сложность современного образовательного пространства. Международный образовательный обмен уже не может рассматриваться только как перемещение студента между университетами или как инструмент профессиональной подготовки. Он создает ситуацию культурного перехода, в которой участник соотносит нормы родной культуры, требования принимающей образовательной среды и ценности глобального академического пространства. Цель статьи состоит в культурологическом осмыслении межкультурного образования как механизма формирования гибридной идентичности участников международных образовательных обменов. Предмет исследования составляют культурные механизмы, через которые участник обмена осваивает новые языковые практики, академические роли, символические коды и способы самопрезентации, не утрачивая связи с исходной культурной принадлежностью. В статье показано, что гибридная идентичность формируется через коммуникативный, академический, символический и рефлексивный механизмы. Результатом исследования является авторская трактовка гибридной идентичности как сложной формы культурного самоописания, возникающей на пересечении культурной памяти, принимающей образовательной среды и глобальной академической культуры. Сделан вывод о том, что гибридная идентичность не является отклонением от целостной принадлежности, а выступает результатом усложнения культурного опыта. Практическая область применения результатов связана с разработкой программ сопровождения иностранных студентов, межкультурных семинаров, проектных форматов академического взаимодействия и моделей культурной адаптации в университетской среде.

Ключевые слова: культурный переход, символические коды, академическая мобильность, культурная память, диалог культур.

Введение

Международные образовательные обмены в начале XXI века стали одной из устойчивых форм межкультурного взаимодействия. Их развитие связано с академической мобильностью, сетевыми университетами, совместными образовательными программами, двойными дипломами, краткосрочными стажировками, летними школами и цифровыми форматами межкультурного обучения. В этих условиях студент перемещается не только между университетами. Он входит в новую систему культурных норм, языковых практик, академических ожиданий, символических кодов и способов самопрезентации.

В научной литературе международное образование часто рассматривается как инструмент профессиональной подготовки, языковой социализации и академической мобильности. Такой подход оправдан. Однако его недостаточно для культурологического анализа, поскольку образовательный обмен изменяет не только учебную траекторию, но и способы самоописания участника. Студент начинает соотносить нормы родной культуры, требования принимающей образовательной среды и ценности глобального академического пространства. В результате возникает не простое приспособление к новой среде, а более сложная трансформация культурной идентичности.

Актуальность темы усиливается ростом транснациональных образовательных форматов. В исследовании L. Cai, S. Wilkins, L. Zhao и Y. Zhang, опубликованном в 2025 году, сравниваются международные филиалы университетов и китайско зарубежные образовательные структуры. Авторы показывают, что студенческая идентичность в транснациональном высшем образовании формируется под влиянием нескольких академических и культурных режимов одновременно [7]. Значимым является не только факт обучения по международной программе, но и изменение принадлежности студента к нескольким образовательным и культурным пространствам.

Российские исследования также фиксируют данную проблематику. В.В. Константинов и Н.В. Путилова в статье 2024 года анализируют трансформацию личностной и социальной идентичности иностранных студентов в процессе адаптации к вузовской среде [5]. С.В. Ремизова в работе 2025 года связывает стратегии адаптации иностранных студентов с типами идентичности, что позволяет рассматривать образовательную мобильность как процесс изменения культурного самоопределения, а не только как период освоения учебных требований [6].

Проблема исследования связана с недостаточной разработанностью культурологического понимания международного образования как среды формирования гибридной идентичности. Под гибридностью понимается усложнение культурного опыта, при котором участник обмена сохраняет связь с исходной культурой и одновременно осваивает нормы, языковые практики и академические роли принимающей среды.

Научная новизна статьи состоит в том, что гибридная идентичность участников международных образовательных обменов рассматривается не как побочный результат адаптации, а как культурологически значимая форма самоописания, возникающая под воздействием коммуникативного, академического, символического и рефлексивного механизмов межкультурного образования.

Цель статьи состоит в культурологическом осмыслении межкультурного образования как механизма формирования гибридной идентичности участников международных образовательных обменов. Для достижения этой цели необходимо раскрыть межкультурное образование как особую среду культурного перехода, уточнить понятие гибридной идентичности, определить механизмы ее формирования, выявить связанные с ней риски и показать ее значение как ресурса межкультурной коммуникации.

Межкультурное образование в системе международных образовательных обменов

Межкультурное образование в системе международных образовательных обменов следует понимать шире, чем обучение иностранному языку или включение студента в учебную программу принимающего университета. Оно представляет собой культурную среду, в которой участник осваивает способы общения, нормы академического поведения, пра-

вила публичного высказывания, модели участия в коллективной работе и символические коды новой образовательной культуры. Такое освоение происходит не одномоментно. Оно складывается через повседневные ситуации, где студент должен понять, как обращаться к преподавателю, как участвовать в дискуссии, как выражать несогласие, как представлять собственный опыт и как интерпретировать поведение представителей другой культуры.

Т.С. Базарова и Ван Юйчэнь в статье 2023 года рассматривают проблемы межкультурной коммуникации иностранных студентов в контексте интернационализации высшего образования. Авторы показывают, что обучение иностранных студентов осложняется различием языковых кодов, коммуникативных ожиданий и моделей взаимодействия внутри университетской среды [1]. Для данной статьи важен именно этот вывод: межкультурное образование не сводится к передаче знания, поскольку оно затрагивает способы участия студента в культурной жизни университета.

Российский контекст демонстрирует похожую закономерность. Ю.Г. Волков в работе 2023 года анализирует формирование средовой идентичности учебных мигрантов в российских вузах и показывает, что студент постепенно соотносит себя не только с родной культурой, но и с пространством принимающего университета [3]. В этом смысле образовательная среда выступает не внешним фоном, а фактором культурного самоопределения. Она задает язык общения, ритм повседневности, формы признания, символы принадлежности и границы допустимой самостоятельности. В.В. Гриценко, В.А. Шорохова, О.Е. Хухлаев и соавторы в исследовании 2022 года анализируют воспринимаемую угрозу и дискриминацию как факторы, влияющие на связь этнической идентичности и эффективности межкультурного взаимодействия иностранных студентов в России [4]. Для настоящей статьи этот результат важен в культурологическом отношении: идентичность участника обмена формируется не только через образовательные возможности, но и через опыт признания, символической безопасности, границ допустимого поведения и качества повседневного контакта с принимающей средой.

Межкультурное образование создает ситуацию культурного перехода, в которой студент одновременно соотносит себя с родной культурой, принимающей образовательной средой и глобальным академическим пространством. Эти уровни задают разные языковые, поведенческие и академические нормы, согласование которых становится частью культурного самоопределения участника обмена.

Зарубежные исследования показывают, что международная образовательная мобильность связана с переосмыслением участниками собственного культурного и профессионального опыта. Нарративы культурного погружения, цифровой сторителлинг и рефлексия опыта обучения за рубежом становятся способами конструирования новой идентичности [8; 9; 12].

Иными словами, межкультурное образование в международных обменах выполняет двойную функцию. С одной стороны, оно обеспечивает освоение учебной программы, академических навыков и профессиональных компетенций. С другой стороны, оно формирует новую конфигурацию культурного самоописания. Участник обмена учится не только говорить на другом языке или выполнять требования принимающего университета. Он начинает воспринимать собственную идентичность как результат взаимодействия нескольких культурных кодов.

Понятие гибридной идентичности в культурологическом анализе

Гибридная идентичность в культурологическом анализе не должна пониматься как утрата исходной культурной принадлежности. Такая трактовка была бы чрезмерно упрощенной. Участник международного образовательного обмена сохраняет связь с родной культурой, семейной памятью, языком, привычными нормами поведения и прежним образом себя. Одновременно он осваивает новые культурные коды, языковые практики, академические роли и способы самопрезентации. Гибридность возникает именно на пересечении этих процессов.

Ю.Г. Волков и В.И. Курбатов в статье 2022 года рассматривают гибридную идентичность через факторы формирования и формы проявления [2]. Их подход важен для настоящей статьи, поскольку позволяет видеть гибридность не как размывание личности, а как сложную форму культурной сборки. Идентичность участника обмена не распадается на несвязанные фрагменты. Она перестраивается вокруг нового опыта, где родная культура продолжает выполнять функцию памяти, а принимающая среда становится источником новых норм и смыслов.

В международном образовательном обмене гибридная идентичность формируется через напряжение между адаптацией и сохранением культурной памяти. Студент должен понять правила новой среды, но не может полностью отказаться от прежней системы смыслов. Он учится говорить иначе, вести себя иначе, участвовать в академической дискуссии иначе, но при этом продолжает соотносить эти формы с родной культурой. Возникает состояние культурного пограничья. В нем человек не просто выбирает между двумя культурами, а вырабатывает способность жить в их пересечении.

Исследования многоязычной идентичности помогают уточнить эту мысль. F. Fang, S. Soleimanzadeh, W. Zhang и M. Elahi Shirvan в статье 2023 года анализируют конструирование многоязычной идентичности китайских студентов после обучения за рубежом [10]. Работа показывает, что зарубежный образовательный опыт меняет не только языковые навыки, но и способы представления себя в разных коммуникативных пространствах. Студент может использовать один культурный код в семейном общении, другой в академической среде, третий в международном профессиональном взаимодействии. Гибридность проявляется в способности переходить между этими режимами без полного отказа от какого-либо из них. R. Fielding в статье 2021 года предлагает рассматривать многоязычную идентичность как основание межкультурной позиции в языковом обучении [11]. Такой подход позволяет уточнить культурологическое понимание гибридности: язык выступает не только средством передачи информации, но и способом культурного позиционирования субъекта. Через выбор языка, речевого регистра, формы обращения и стратегии самопрезентации участник обмена обозначает свое место между родной культурой, принимающей средой и глобальным академическим пространством.

Похожая логика раскрыта в исследовании G. Zhunussova, M.A. Tajik, L. Fillipova и S.K. Antwi 2023 года, посвященном многоязычной идентичности студентов в университетах Казахстана с обучением на английском языке [15]. Приведенная авторами формула самоописания «я смешанный человек казахского, турецкого и английского» показывает, что гибридная идентичность может быть выражена через соединение языковых, этнических и образовательных кодов. Для культурологического анализа здесь важна не только многоязычность, но и новая структура принадлежности: студент описывает себя через несколько культурных координат одновременно.

Исследования W. Yang и S. Du, а также M. Li подтверждают, что гибридная идентичность формируется через согласование исходной культурной принадлежности с новыми языковыми, социокультурными и академическими практиками [13; 14].

Следовательно, гибридная идентичность участника международного образовательного обмена является не отклонением от целостной культурной принадлежности, а результатом усложнения культурного опыта. Она формируется не механически, а через напряжение между адаптацией, сохранением культурной памяти и включением в новую образовательную среду. Такой подход позволяет избежать двух крайностей: представления об адаптации как полном растворении в принимающей культуре и представления о культурной идентичности как неизменной сущности.

Механизмы формирования гибридной идентичности в международных образовательных обменах

Формирование гибридной идентичности в международных образовательных обменах происходит через несколько взаимосвязанных механизмов. В настоящей статье предлагается рассматривать четыре ключевых механизма: коммуникативный, академический, символический и рефлексивный. Они не существуют изолированно. В реальной образовательной среде они переплетаются, усиливают друг друга и создают условия для постепенной перестройки культурного самоописания участника обмена.

Коммуникативный механизм связан с освоением новых языковых и речевых практик. Студент сталкивается не только с другим языком, но и с иной культурой высказывания. Значение имеет то, как задавать вопрос, как выражать несогласие, как поддерживать разговор, как обращаться к преподавателю, как участвовать в групповой дискуссии. Освоение этих практик постепенно меняет не только внешнее поведение, но и внутреннее чувство допустимого. Человек начинает понимать, что его культурная субъектность может выражаться разными способами.

Академический механизм связан с принятием норм образовательной среды. В разных университетских культурах по-разному понимаются самостоятельность, авторство, критическая аргументация, групповая работа, публичная защита позиции. Участник обмена вынужден перестраивать привычные формы учебного поведения. Например, студент, привыкший к осторожной иерархической модели общения, может попасть в среду, где активная дискуссия с преподавателем воспринимается как показатель зрелости. Другой студент, ориентированный на индивидуальную инициативу, может оказаться в образовательной

культуре, где важнее коллективное согласование и уважение к групповому порядку. В обоих случаях идентичность начинает включать новые академические роли.

Символический механизм связан с тем, как студент постепенно учится читать повседневные коды принимающего университета. Значение имеют не одни занятия, расписание и цифровые платформы. Важными становятся формы обращения к преподавателю, правила участия в семинаре, студенческие объединения, академические праздники, гранты, стипендии, первая публикация или приглашение в проект. Через такие знаки студент перестает быть внешним наблюдателем и начинает чувствовать логику новой среды. Гибридная идентичность формируется именно в этой промежуточной зоне, где новые культурные коды уже понятны, но связь с родной культурой сохраняет личную ценность.

В свою очередь рефлексивный механизм проявляется глубже. Международный обмен заставляет студента сравнивать культуры через конкретные ситуации: письмо преподавателю, обсуждение задания, работу в группе, реакцию на критику, публичное выступление. Постепенно становится заметно, что привычные нормы поведения казались естественными потому, что были закреплены семьей, школой и прежним образовательным опытом. Уважение, самостоятельность, дружба и академическая инициатива в разных культурах имеют разную логику. Такое наблюдение меняет самоописание студента. Родная культура остается опорой, но уже перестает быть единственной рамкой понимания опыта.

Однако гибридная идентичность складывается не в момент переезда и не после зачисления в зарубежный университет, а накапливается в небольших повторяющихся выборах. Студент решает, на каком языке говорить в смешанной группе, как вести себя на семинаре, стоит ли объяснять свою культурную позицию, входить ли в проектную команду или оставаться в круге привычных связей. Эти ситуации кажутся частными, но именно они постепенно меняют культурную позицию. Именно цифровая среда усиливает эту многослойность. Мессенджеры сохраняют связь с семьей и прежним кругом общения, университетские платформы включают студента в учебный порядок принимающей среды, социальные сети позволяют наблюдать ее повседневные практики. В программах Erasmus+, Fulbright и DAAD такие каналы сопровождают участника мобильности до поездки, во время обучения и после возвращения. Поэтому современная гибридная идентичность формируется сразу в нескольких пространствах: аудитории, общежитии, проектной группе и онлайн коммуникации.

В результате участник обмена приобретает подвижную многослойную идентичность. В ней соединяются культурная память, опыт принимающего университета, нормы глобального академического общения и личный способ согласования этих элементов. Новый учебный конфликт, успешное выступление, доверительный разговор или участие в проекте могут изменить это соотношение.

Риски и противоречия гибридной идентичности

Безусловно, гибридная идентичность расширяет межкультурный опыт, но ее формирование часто сопровождается внутренним напряжением. Студент оказывается между родной культурой, принимающим университетом и глобальной академической средой. Эти ожидания не всегда легко совместить. Поэтому гибридность нужно рассматривать как сложный процесс, где ресурс развития соседствует с неопределенностью принадлежности. Именно здесь стоит обратить внимание на ряд противоречий.

Первое противоречие связано с попыткой сохранить родную культурную опору при включении в новую образовательную среду. Студент стремится быть понятным для преподавателей и однокурсников, однако привычные способы поведения остаются для него значимыми. Родная культура поддерживает устойчивость через язык, семейные ожидания, этикетные нормы и память о прежнем образовательном опыте. Принимающий университет требует другой коммуникативной гибкости: участия в дискуссии, самостоятельного выбора, проектной работы и готовности публично объяснять свою позицию. Напряжение усиливается тогда, когда адаптация начинает восприниматься как возможная утрата культурной памяти.

В свою очередь второе противоречие возникает вокруг множественной принадлежности. Студент постепенно отдаляется от прежней среды, поскольку новый опыт меняет его представления о норме, успехе, самостоятельности и общении. При этом полное включение в принимающую культуру также может оставаться недостижимым. После возвращения домой участники программ Erasmus+, DAAD или Fulbright нередко сталкиваются с обратной культурной адаптацией, когда знакомые ранее нормы уже не воспринимаются как единственно возможные. В зарубежном университете они, в свою очередь, могут сохранять статус частично внешних участников. Такое промежуточное положение создает риск идентификационной неопределенности, поскольку человек вынужден соотносить несколько культурных ожиданий без устойчивой иерархии между ними.

Третье противоречие формируется между глобальной академической культурой и локальными культурными нормами. Международные образовательные программы обычно используют универсальный словарь компетенций, мобильности, лидерства, проектного обучения и межкультурной открытости. Реальная университетская жизнь устроена конкретнее. В ней действуют локальные формы общения с преподавателями, негласные иерархии в студенческих группах, национальные образовательные традиции, бытовые правила общежития, символические границы между «своими» и «чужими». Гибридная идентичность складывается именно в этом промежутке между международным академическим языком и повседневной культурной практикой университета.

Четвертое противоречие связано с расхождением между внешней успешностью и внутренней неустойчивостью. Студент может демонстрировать высокую академическую результативность, участвовать в проектных группах, владеть несколькими языками, проходить стажировки и получать сертификаты. Одновременно он может сохранять чувство внутреннего разлада, поскольку новая культурная позиция еще не получила ясного личного смысла. В международной мобильности успех часто измеряется формальными показателями академической успешности. Глубина идентичностной перестройки при такой системе оценки остается менее заметной, хотя именно она определяет устойчивость межкультурного опыта.

Выявленные противоречия позволяют рассматривать гибридную идентичность как внутренне напряженный, но продуктивный результат межкультурного образования.

Гибридная идентичность как ресурс межкультурной коммуникации

Участник обмена, освоивший несколько культурных кодов, способен объяснять культурные различия, распознавать скрытые ожидания собеседников и соотносить разные культурные перспективы в конкретной ситуации общения.

Наиболее заметно данный ресурс проявляется в ситуациях культурного посредничества. Участник обмена может объяснить, почему один студент избегает прямого несогласия на семинаре, а другой воспринимает открытую дискуссию как норму академической честности. Он понимает, что активное участие семьи в образовательной траектории не всегда связано с зависимостью, а индивидуальная самостоятельность не обязательно означает разрыв с группой. В смешанных академических коллективах такая позиция снижает риск ошибочных интерпретаций и помогает удерживать коммуникацию в поле взаимного понимания.

Смысловое посредничество проявляется и на уровне повседневных учебных ситуаций. Один и тот же жест, пауза или форма высказывания могут получать разные значения в зависимости от культурной рамки. Молчание на занятии иногда считывается как пассивность, в другом контексте как уважение к преподавателю или стремление сохранить групповую гармонию. Публичная активность может выражать инициативность, желание представить себя или нарушение привычной иерархии. Студент, умеющий соединять несколько культурных кодов, способен продуктивнее участвовать в международных исследовательских группах, совместных образовательных проектах и сетевых университетских форматах. Он лучше понимает, что за академическими требованиями стоят культурные представления о знании, авторстве, критике, самостоятельности и коллективной ответственности. Благодаря этому международное образование перестает быть только каналом профессионального роста и становится пространством формирования культурного посредника.

Главный потенциал гибридной идентичности заключается в ее способности соединять сохранение и изменение. Участник обмена не обязан выбирать между родной культурой и принимающей средой как между взаимоисключающими полюсами. Он может сохранять культурную память, но одновременно расширять способы действия, речи и понимания. В этом смысле гибридная идентичность является не отклонением от целостной культурной принадлежности, а результатом усложнения культурного опыта в условиях международного образования.

Заключение

Проведенный анализ позволяет рассматривать межкультурное образование как среду культурной трансформации, в которой взаимодействуют исходная культурная принадлежность участника, принимающий университетский контекст и глобальная академическая культура. Гибридная

идентичность формируется в процессе освоения новых символических кодов, академических ролей и коммуникативных стратегий при сохранении связи с культурной памятью.

В статье разработана модель формирования гибридной идентичности участников международных образовательных обменов, включающая четыре взаимосвязанных механизма: коммуникативный, академический, символический и рефлексивный.

Формирование гибридной идентичности сопровождается противоречиями, связанными с множественной принадлежностью, сохранением культурной памяти и согласованием различных культурных норм. Поэтому программы межкультурного образования целесообразно дополнять практиками культурной рефлексии, диалога и сопровождения студентов.

Главный вывод статьи состоит в том, что гибридная идентичность участников международных образовательных обменов обладает выраженным потенциалом для межкультурной коммуникации. Она помогает студенту занимать позицию посредника между культурными системами, точнее интерпретировать различия, накапливать сравнительный опыт и участвовать в диалоге культур как активный субъект. Практическая значимость полученных выводов связана с разработкой программ адаптации иностранных студентов, межкультурных семинаров, наставнических форматов, совместных проектных курсов и университетских инициатив, ориентированных на поддержку культурной рефлексии. В современной образовательной мобильности такая поддержка приобретает особую актуальность.

Литература

1. Базарова Т. С., Ван Юйчэнь. Актуальные проблемы межкультурной коммуникации иностранных студентов в контексте интернационализации высшего образования // Бизнес. Образование. Право. 2023. № 4(65). С. 386–390. URL: https://doi.org/10.25683/VOLBI.2023.65.817 (дата обращения: 01.05.2026).

2. Волков Ю. Г., Курбатов В.И. Гибридная идентичность: факторы формирования и формы проявления // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11. № 2. С. 15–26. URL: https://doi.org/10.18522/2227–8656.2022.2.1 (дата обращения: 02.05.2026).

3. Волков Ю. Г., Курбатов В.И., Гаврилов П.С. Формирование средовой идентичности учебных мигрантов в российских вузах // Социология. 2023. № 4. С. 156–164. DOI: 10.24412/1812-9226-2023-4-156-164.

4. Гриценко В. В., Шорохова В.А., Хухлаев О.Е., Новикова И.А., Черная А.В., Первушина И.М., Любитов И.Е. Воспринимаемая угроза и дискриминация как модераторы связи этнической идентичности и эффективности межкультурного взаимодействия иностранных студентов в России // Социальная психология и общество. 2022. Т. 13. № 4. С. 163–181. URL: https://doi.org/10.17759/sps.2022130410 (дата обращения: 04.05.2026).

5. Константинов В. В., Путилова Н.В. Трансформация характеристик личностной и социальной идентичности иностранных студентов вуза в условиях адаптации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2024. Т. 13. Вып. 2. С. 151–159. URL: https://doi.org/10.18500/2304–9790–2024–13–2–151–159 (дата обращения: 05.05.2026).

6. Ремизова С.В. Стратегии адаптации и типы идентичности иностранных студентов высших учебных заведений // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2025. Т. 11. № 3. С. 119–130. URL: https://doi.org/10.18413/2313–8971–2025–11–3–0–9 (дата обращения: 06.05.2026).

7. Cai L., Wilkins S., Zhao L., Zhang Y. Student identity in transnational higher education: international branch campuses versus Sino foreign institutes // Compare: A Journal of Comparative and International Education. 2025. Vol. 55. № 7. P. 1258–1276. URL: https://doi.org/10.1080/03057925.2024.2393120 (дата обращения: 07.05.2026).

8. Dulany K., Rhidenour K. Narrative threads, exploring identity formation through cultural immersion: A qualitative study into the experiences of U.S. University Students Abroad // International Journal of Intercultural Relations. 2025. Vol. 107. Article 102205. URL: https://doi.org/10.1016/j.ijintrel.2025.102205 (дата обращения: 08.05.2026).

9. Fang F., McConachy T., Yuan R. Intercultural learning and identity development as a form of teacher development through study abroad: narratives from English language practitioners // Language, Culture and Curriculum. 2024. Vol. 37. № 2. P. 247–266. URL: https://doi.org/10.1080/07908318.2024.2323453 (дата обращения: 10.05.2026).

10. Fang F., Soleimanzadeh S., Zhang W., Elahi Shirvan M. Chinese students' multilingual identity constructions after studying abroad: A multi theoretical perspective // System. 2023. Vol. 115. Article 103053. URL: https://doi.org/10.1016/j.system.2023.103053 (дата обращения: 12.05.2026).

11. Fielding R. A multilingual identity approach to intercultural stance in language learning // The Language Learning Journal. 2021. Vol. 49. № 4. P. 466–482. URL: https://doi.org/10.1080/09571736.2021.1912154 (дата обращения: 14.05.2026).

12. Hudak K., Davidson R., Winters E. Educational digital storytelling and intercultural identity management: a case study for short term study abroad experiential learning pedagogies // International Journal for the Scholarship of Teaching and Learning. 2024. Vol. 18. № 2. Article 7. URL: https://doi.org/10.20429/ijsotl.2024.180207 (дата обращения: 16.05.2026).

13. Li M. Linguistic, sociocultural, and hybrid identity development: a literature review of international students' experiences in China // Human Resources, Education and Public Policy. 2025. Vol. 1. № 1. P. 1–20. URL: https://doi.org/10.71204/bwert434 (дата обращения: 18.05.2026).

14. Yang W., Du S. Constructing identity abroad: how Chinese students in Canada reconcile their cultural identity with Western influences // Journal of International Students. 2025. Vol. 15. № 4. P. 153–169. URL: https://doi.org/10.32674/yhe74762 (дата обращения: 21.05.2026).

15. Zhunussova G., Tajik M.A., Fillipova L., Antwi S.K. "I am a mixed person of Kazakh, Turkish and English": multilingual students' identity in EMI universities in Kazakhstan // System. 2023. Vol. 119. Article 103159. URL: https://doi.org/10.1016/j.system.2023.103159 (дата обращения: 25.05.2026).

INTERCULTURAL EDUCATION AS A MECHANISM FOR THE FORMATION OF HYBRID IDENTITY AMONG PARTICIPANTS IN INTERNATIONAL EDUCATIONAL EXCHANGES

Kazakova A.A.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The relevance of the study is determined by the expansion of international academic mobility, the development of network universities, joint degree programs, academic partnerships and digital forms of learning, which increase the cultural complexity of the contemporary educational space. International educational exchange can no longer be interpreted only as the movement of a student between universities or as a tool for professional training. It creates a situation of cultural transition in which the participant correlates the norms of the native culture, the requirements of the host educational environment and the values of the global academic space. The purpose of the article is to provide a cultural studies interpretation of intercultural education as a mechanism for the formation of hybrid identity among participants in international educational exchanges. The subject of the study is the set of cultural mechanisms through which an exchange participant masters new linguistic practices, academic roles, symbolic codes and forms of self presentation while maintaining a connection with the original cultural belonging. The article shows that hybrid identity is formed through communicative, academic, symbolic and reflexive mechanisms. The main result of the study is the author's interpretation of hybrid identity as a complex form of cultural self description that emerges at the intersection of cultural memory, the host educational environment and global academic culture. The article concludes that hybrid identity is not a deviation from integral cultural belonging, but a result of the increasing complexity of cultural experience. The results can be applied in the development of support programs for international students, intercultural seminars, project based formats of academic interaction and models of cultural adaptation in the university environment.

Keywords: cultural transition, symbolic codes, academic mobility, cultural memory, dialogue of cultures.

References

1. Bazarova T. S., Wang Yuchen. Current Problems of Intercultural Communication of Foreign Students in the Context of Internationalization of Higher Education // Business. Education. Law. 2023. No. 4(65). P. 386–390. DOI: 10.25683/VOLBI.2023.65.817.

2. Volkov Yu. G., Kurbatov V.I. Hybrid Identity: Formation Factors and Forms of Manifestation // Humanities of the South of Russia. 2022. Vol. 11. No. 2. P. 15–26. DOI: 10.18522/2227-8656.2022.2.1.

3. Volkov Yu. G., Kurbatov V.I., Gavrilov P.S. Formation of Environmental Identity of Educational Migrants in Russian Universities // Sociology. 2023. No. 4. P. 156–164. DOI: 10.24412/1812-9226-2023-4-156-164.

4. Gritsenko V. V., Shorokhova V.A., Khukhlaev O.E., Novikova I.A., Chernaya A.V., Pervushina I.M., Lyubitov I.E. Perceived Threat and Discrimination as Moderators of the Relationship between Ethnic Identity and the Effectiveness of Intercultural Interaction of International Students in Russia // Social Psychology and Society. 2022. Vol. 13. No. 4. P. 163–181. DOI: 10.17759/sps.2022130410.

5. Konstantinov V. V., Putilova N.V. Transformation of Personal and Social Identity Characteristics of Foreign University Students in the Process of Adaptation // Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology. 2024. Vol. 13. No. 2. P. 151–159. DOI: 10.18500/2304-9790-2024-13-2-151-159.

6. Remizova S.V. Adaptation Strategies and Identity Types of Foreign University Students // Research Result. Pedagogy and Psychology of Education. 2025. Vol. 11. No. 3. P. 119–130. DOI: 10.18413/2313-8971-2025-11-3-0-9.

7. Cai L., Wilkins S., Zhao L., Zhang Y. Student identity in transnational higher education: international branch campuses versus Sino foreign institutes // Compare: A Journal of Comparative and International Education. 2025. Vol. 55. No. 7. P. 1258–1276. DOI: 10.1080/03057925.2024.2393120.

8. Dulany K., Rhidenour K. Narrative threads, exploring identity formation through cultural immersion: A qualitative study into the experiences of U.S. University Students Abroad // International Journal of Intercultural Relations. 2025. Vol. 107. Article 102205. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2025.102205.

9. Fang F., McConachy T., Yuan R. Intercultural learning and identity development as a form of teacher development through study abroad: narratives from English language practitioners // Language, Culture and Curriculum. 2024. Vol. 37. No. 2. P. 247–266. DOI: 10.1080/07908318.2024.2323453.

10. Fang F., Soleimanzadeh S., Zhang W., Elahi Shirvan M. Chinese students' multilingual identity constructions after studying abroad: A multi theoretical perspective // System. 2023. Vol. 115. Article 103053. DOI: 10.1016/j.system.2023.103053.

11. Fielding R. A multilingual identity approach to intercultural stance in language learning // The Language Learning Journal. 2021. Vol. 49. No. 4. P. 466–482. DOI: 10.108 0/09571736.2021.1912154.

12. Hudak K., Davidson R., Winters E. Educational digital storytelling and intercultural identity management: a case study for short term study abroad experiential learning pedagogies // International Journal for the Scholarship of Teaching and Learning. 2024. Vol. 18. No. 2. Article 7. DOI: 10.20429/ijsotl.2024.180207.

13. Li M. Linguistic, sociocultural, and hybrid identity development: a literature review of international students' experiences in China // Human Resources, Education and Public Policy. 2025. Vol. 1. No. 1. P. 1–20. DOI: 10.71204/bwert434.

14. Yang W., Du S. Constructing identity abroad: how Chinese students in Canada reconcile their cultural identity with Western influences // Journal of International Students. 2025. Vol. 15. No. 4. P. 153–169. DOI: 10.32674/yhe74762.

15. Zhunussova G., Tajik M.A., Fillipova L., Antwi S.K. "I am a mixed person of Kazakh, Turkish and English": multilingual students' identity in EMI universities in Kazakhstan // System. 2023. Vol. 119. Article 103159. DOI: 10.1016/j.system.2023.103159.

Российская трехсторонняя комиссия: история становления и современные проблемы взаимодействия сторон социального партнерства

Козырева Татьяна Анатольевна,
аспирант кафедры трудового права, Академии труда и социальных отношений
E-mail: aokozyreva@mail.ru

В статье освещаются ключевые моменты становления Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений (РТК), как ключевого института социального партнерства в Российской Федерации, а также анализируются ее текущие проблемы. На основе анализа правовых актов, научных трудов отечественных ученых и практики деятельности РТК автором обосновывается вывод о противоречивом характере развития трехстороннего сотрудничества: с одной стороны, РТК стала эффективной площадкой для согласования интересов сторон социального партнерства, с другой – сохраняются системные проблемы, связанные с формальным характером принимаемых решений, дисбалансом представительства сторон и недостаточной реализацией достигнутых договоренностей на региональном уровне. Особое внимание уделяется анализу научных подходов к пониманию сущности и проблем социального партнерства, а также путям совершенствования деятельности РТК.

Ключевые слова: Российская трехсторонняя комиссия, социальное партнерство, трипартизм, профсоюзы, объединения работодателей, государство, коллективные переговоры, трудовое право.

Введение

Социальное партнерство представляет собой не просто один из институтов трудового права, а особый способ организации взаимодействия между трудом и капиталом, опосредованный участием государства. Его специфика заключается в том, что конфликт интересов работников и работодателей не устраняется, а переводится в плоскость переговорного процесса, где каждая из сторон получает возможность отстаивать свою позицию. Именно в этом, на наш взгляд, состоит принципиальное отличие социального партнерства от иных форм регулирования трудовых отношений.

Для отечественной правовой системы ценность социального партнерства определяется не только его прикладным значением, но и тем, что оно выступает инструментом реализации конституционного принципа социального государства. Через механизмы трипартизма происходит трансформация научных предложений и экспертных рекомендаций в конкретные нормы трудового законодательства [11], что делает институт социального партнерства связующим звеном между доктриной и практикой правового регулирования

Центральным элементом этой системы на федеральном уровне выступает Российская трехсторонняя комиссия по регулированию социально-трудовых отношений (РТК), созданная более трех десятилетий назад.

Актуальность исследования истории развития и современных проблем функционирования РТК обусловлена несколькими факторами. Во-первых, за прошедшие годы комиссия накопила значительный опыт трехстороннего взаимодействия, который требует теоретического осмысления. Во-вторых, сохраняются системные проблемы в деятельности РТК, связанные с формальным характером принимаемых решений, дисбалансом представительства сторон и недостаточной реализацией достигнутых договоренностей. Через акты социального партнерства объединения профсоюзов и работодателей оказывают влияние на содержание государственного регулирования [16], что делает институт РТК значимым не только для трудового права, но и для всей системы государственного управления.

Цель настоящей статьи – проанализировать историю развития трехстороннего сотрудничества на площадке РТК, выявить основные проблемы взаимодействия сторон социального партнерства и предложить пути их решения на основе научных подходов отечественных ученых.

История становления Российской трехсторонней комиссии

Механизм взаимодействия профсоюзов с органами публичной (государственной) власти в Российской Федерации является многоуровневым.

До конца 1991 года в нашей стране такое понятие, как «социальное партнерство», фактически отсутствовало. Все сводилось к заключению довольно формальных коллективных договоров в условиях административно-командной системы. Переход к рыночным отношениям обусловил зарождение социального партнерства как принципиально новой модели регулирования социально-трудовых отношений.

Формальным моментом возникновения социального партнерства в России можно считать Указ Президента РСФСР «О социальном партнерстве и разрешении трудовых споров (конфликтов)» от 15 ноября 1991 года. Затем в январе 1992 года был издан Указ Президента Российской Федерации «О создании Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений», а в феврале того же года Правительство России приняло постановление «Об утверждении Положения о Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений» [6, 7].

В складывающейся системе трипартизма каждая из сторон имеет свои интересы, которые она стремится выразить и отстоять [15]. Именно необходимость согласования этих интересов и стала причиной создания постоянно действующего органа трехстороннего сотрудничества.

Российская трехсторонняя комиссия была создана Указом Президента РФ от 24 января 1992 года № 45 для заключения генерального,

рассмотрения отраслевых тарифных соглашений и урегулирования трудовых споров [7].

Юбилейные оценки, прозвучавшие на заседании РТК, посвященном 25-летию комиссии, позволяют взглянуть на принятие Указа № 45 не только как на юридический факт, но и как на политическое решение, заложившее основы качественно новой модели взаимодействия труда и капитала. Примечательно, что в условиях глубокого экономического кризиса начала 1990-х годов именно государство выступило инициатором институционализации социального диалога – в отличие от западноевропейской практики, где подобные институты формировались «снизу», под давлением организованного рабочего движения.

Данная специфика генезиса российской модели социального партнерства имеет, на наш взгляд, долгосрочные последствия. Она изначально определила доминирующую роль государства в системе трипартизма и предопределила относительно слабые переговорные позиции сторон – как профсоюзов, так и работодателей. Именно здесь, как представляется, следует искать корни многих современных проблем РТК.

Существенно, что инициатором создания РТК выступила профсоюзная сторона в лице Федерации независимых профсоюзов России (ФНПР). Данный факт опровергает распространенное представление о пассивной роли российских профсоюзов в формировании институтов социального партнерства.

Сегодня ФНПР представляет собой крупнейшее профсоюзное объединение страны, в состав которого входят 122 членские организации, а общая численность членов профсоюзов превышает 18,6 млн человек.

В состав первой РТК вошли представители трех сторон: правительственную сторону представляли 14 человек во главе с заместителем председателя правительства и министром труда; сторону работодателей координировал председатель правления Конгресса российских деловых кругов; сторону профсоюзов представлял заместитель председателя ФНПР. На сегодняшний день количество членов от каждой стороны не может превышать 30 человек.

Период с 1995 по 2002 год может быть охарактеризован как этап активного нормотворческого оформления института социального партнерства. Именно в эти годы был принят комплекс федеральных законов, составивших правовой каркас трипартизма в постсоветской России.

Особое место в этом ряду занимает Федеральный закон от 12 января 1996 года № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» [2]. Его значение выходит за рамки регулирования собственно профсоюзной деятельности: закон закрепил правосубъектность профсоюзов как полноправных участников социального диалога, определил их права в сфере представительства интересов работников и взаимодействия с работодателями. По сути, без этого закона существование самой модели трипартизма было бы лишено субъектной основы.

Не менее важным стало принятие Федерального закона от 27 ноября 2002 года № 156-ФЗ «Об объединениях работодателей» [4], завершившего формирование нормативной базы социального партнерства. Именно с этого момента все три стороны трипартизма – работники, работодатели и государство – получили законодательно оформленный статус и институциональные формы представительства. Примечательно, что формирование «третьей стороны» – объединений работодателей – заняло больше времени, чем создание правовых основ для двух других субъектов социального диалога.

В 2001 году вступил в действие Трудовой кодекс, призванный, по замыслу его разработчиков, укреплять институты социального партнерства [1]. За период с 1992 по 2002 годы было принято 16 законов, предусматривающих правовое регулирование социально-трудовых отношений.

Научные подходы к исследованию социального партнерства и роли РТК

В отечественной науке трудового права сформировались различные подходы к исследованию социального партнерства и роли трехсторонних комиссий в его развитии.

В работах одного из ведущих ученых последовательно развивается идея о том, что социальное партнерство является не просто правовым институтом, но и важнейшим инструментом управления социально-трудовыми отношениями. Им рассматриваются вопросы формирования системы социального партнерства как правового института трудового права России, его значения для совершенствования юридического образования. Исследуя международные ориентиры и методологию социального и государственно-частного партнерства, подчеркивается значение трехстороннего сотрудничества для реализации научных предложений в правотворчестве и правоприменительной практике [11].

В научной литературе уделяется особое внимание роли социального партнерства в решении социально-экономических проблем в современной России и обсуждении социального партнерства как института обеспечения интересов государства в сфере занятости [16, 17]. Отмечается, что через акты социального партнерства объединения профсоюзов и работодателей оказывают влияние на содержание государственного регулирования. Исследуются проблемы совершенствования законодательства о социальном партнерстве и роль социального партнерства в регулировании проблем занятости и трудоустройства [16].

В трудах еще одного известного специалиста социальное партнерство рассматривается как процедура разграничения социально-групповых интересов. Исследованы различные аспекты социального партнерства, включая правовые и неправовые формы его проявления. Отмечается, что типичными правовыми формами такого партнерства выступают ведение коллективных переговоров между субъектами социально-трудовых отношений. Анализируется участие государства в системе социального партнерства и правовое положение российских профсоюзов в сфере труда [15].

Подводя итоги анализа научных подходов, можно констатировать, что в российской доктрине трудового права сложилось достаточно устойчивое понимание социального партнерства как многоаспектного правового института. Вместе с тем обращает на себя внимание определенный дисбаланс в исследовательских акцентах: значительное внимание уделяется теоретическим основаниям трипартизма и нормативному анализу, тогда как практические механизмы реализации принимаемых решений, а также вопросы ответственности сторон за неисполнение достигнутых договоренностей остаются на периферии научного интереса.

С целью продвижения социального партнерства в России, начиная с 1991 года, образовывались трехсторонние комиссии по регулированию социально-трудовых отношений на федеральном, межрегиональном, региональном, территориальном и локальном уровнях [10].

Функционирование РТК как постоянно действующего института социального диалога получило законодательное оформление лишь спустя семь лет после ее фактического создания – с принятием Федерального закона от 1 мая 1999 года № 92-ФЗ [3]. Подобный временной разрыв между практикой и ее нормативным закреплением представляется показательным: институт возник «снизу», по инициативе самих социальных партнеров, а государство лишь позднее придало ему устойчивую правовую форму.

Законодатель определил РТК как орган, сочетающий две взаимосвязанные функции: во-первых, переговорную (подготовка и заключение Генерального соглашения), во-вторых, консультативно-экспертную (обсуждение проектов нормативных актов в социально-трудовой сфере). Анализ ст. 1 Закона № 92-ФЗ позволяет выделить несколько содержательных блоков в компетенции комиссии: коллективно-договорный (ведение переговоров и подготовка Генерального соглашения); договорно-регулятивный (содействие договорному регулированию на федеральном уровне); консультативный (обсуждение проектов федеральных законов и постановлений в сферах труда, занятости, миграции и социального обеспечения); контрольный (рассмотрение вопросов, связанных с выполнением Генерального соглашения); информационный (распространение опыта социального партнерства) [3].

Представляется, что подобная многофункциональность одновременно является и сильной, и слабой стороной РТК. С одной стороны, она позволяет комиссии охватывать широкий спектр социально-трудовых вопросов. С другой – размывает ее основную миссию, превращая из органа коллективных переговоров в универсальную дискуссионную площадку. Данный дисбаланс, на наш взгляд, является одной из глубинных причин формализации принимаемых решений, о которых речь пойдет ниже.

Тридцатилетняя история РТК представляет собой, по сути, непрерывный эксперимент по институционализации социального диалога в условиях радикальной трансформации экономической и политической системы. Накопленный за эти годы опыт позволяет выделить как несомненные достижения комиссии, так и устойчивые проблемные зоны, которые не удается преодолеть на протяжении десятилетий.

К числу достижений следует отнести прежде всего способность РТК выступать площадкой для разрешения конкретных социально-трудовых конфликтов, которые в иных условиях могли бы перерасти в открытые формы противостояния. Показательно, что даже в острые кризисные периоды комиссия сохраняла свою работоспособность, а ее решения – пусть не всегда оперативно – находили практическую реализацию. Примерами эффективной работы комиссии могут служить: решение проблемы с выплатой заработной платы бюджетникам Забайкалья в 2015 году, когда на заседание РТК был вызван губернатор края, и по итогам разбора ситуации краю был выделен дополнительный

транш из бюджета РФ [19]; урегулирование спора между объединением работодателей в электроэнергетике и «Электропрофсоюзом» [21].

В 2016 году Закон был дополнен двумя важными положениями [5].

– РТК получила право рассматривать проекты федеральных законов и иных актов в области регулирования социально-трудовых отношений и принимать по ним решения в срок не более 30 дней (п. 8.1 ст. 4).

– Координаторы сторон профсоюзов и работодателей получили право приглашаться на заседания Правительства РФ при рассмотрении вопросов социально-трудовых отношений (ч. 7 ст. 7).

РТК положительно зарекомендовала себя в качестве дискуссионной площадки для обсуждения проектов нормативных правовых актов, прямо или опосредованно касающихся регулирования социально-трудовой сферы. На уровне ее рабочих групп ведется масштабная экспертно-аналитическая работа, результаты которой находят отражение в законах, постановлениях Правительства, приказах министерств и федеральных агентств [12].

Важнейшим подтверждением значимости РТК служат оценки, данные Президентом РФ В.В. Путиным. В своем выступлении на XII съезде ФНПР он отметил, что практическое взаимодействие сторон «налажено в рамках Российской трехсторонней комиссии», а ее работа, несмотря на «весьма напряженные споры и острые дискуссии», является гарантией принятия взвешенных решений, отвечающих интересам страны [22].

Несмотря на очевидные достижения, в деятельности РТК и региональных институтов социального партнерства сохраняется ряд системных проблем:

Первая проблема – региональное измерение российской системы социального партнерства остается ее «ахиллесовой пятой». Как отмечают исследователи, если бы выполнение рекомендаций РТК по регулированию социально-трудовых отношений всецело зависело от воли профессиональных союзов, то они бы уже были реализованы на практике. Однако региональные органы исполнительной власти в своей практической деятельности ориентируются преимущественно на директивы главы субъекта Российской Федерации. Если первое лицо региона осознает потребность в эффективном функционировании органов социального партнерства, то соответствующая деятельность осуществляется на системной основе. Отсутствие этого понимания неизбежно порождает проблемы [13].

Вторая проблема – недостаточная эффективность механизмов контроля за выполнением решений РТК. Профсоюзная сторона неоднократно указывала на то, что правительство не всегда учитывает решения РТК, игнорируя ее запросы [8, 9].

Третья проблема – дисбаланс представительства сторон. В ряде региональных и территориальных трехсторонних комиссий наблюдается ситуация, когда представителей власти существенно больше, чем представителей профсоюзов и работодателей, что ставит под сомнение принципы равноправия при принятии решений [23]. Хотя на федеральном уровне этот дисбаланс менее выражен, проблема сохраняется на региональном и местном уровнях. И это не смотря на то, что в 2024 году РТК утвердила Рекомендации Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений по повышению эффективности работы региональных трехсторонних комиссий по регулированию социально-трудовых отношений [18]. Также ежегодно РТК утверждает Единые рекомендации по оплате труда работников организаций бюджетной сферы [19], где благодаря усилиям ФНПР отражены предложения по оплате труда наставников, индексация заработной платы при повышении МРОТ и установлении ставок не ниже минимального размера оплаты труда.

Четвертая проблема – слабое распространение институтов социального партнерства на малый и средний бизнес. Задекларированный в Трудовом кодексе институт социального партнерства, трехсторонние комиссии или коллективные договоры не работают в малом и среднем бизнесе в полной мере [14].

Пятая проблема – низкая активность региональных трехсторонних комиссий. В ряде субъектов Российской Федерации трехсторонние комиссии проводят менее 9 заседаний за год либо вовсе не предоставляют Минтруду сведений о своей работ [13]. Деятельность региональных комиссий регулируется законами субъектов РФ, а не федеральным законом. В положениях о таких комиссиях часто не закреплено обязательное количество заседаний в год.

Пути совершенствования взаимодействия на площадке РТК

На основе анализа научных трудов и практики деятельности РТК можно предложить следующие пути совершенствования трехстороннего сотрудничества.

Во-первых, необходимо усиление ответственности сторон за реализацию решений, принятых на площадке РТК. Представляется целесообразным внести изменения в Федеральный закон № 92-ФЗ:

• законодательное закрепление механизмов контроля за исполнением решений РТК и ответственности за их неисполнение;

• обязательность рассмотрения решений РТК федеральными и региональными органами власти в установленный срок;

• предусмотреть обязанность Правительства РФ направлять в РТК все проекты нормативных правовых актов в сфере труда до их внесения в Государственную Думу;

• право профсоюзной стороны обжаловать в судебном порядке бездействие органов власти, выражающееся в игнорировании решений РТК;

• внесение изменений в КоАП РФ в части установления административной ответственности за неисполнение решений РТК должностными лицами.

Во-вторых – необходимость распространение положительного опыта РТК на региональный и местный уровни. Такое предложение высказал Председатель ФНПР на Межрегиональном форуме по развитию социального партнерства в Новгородской области.

В третьих – в условиях развития новых форм занятости предлагается предусмотреть возможность участия в РТК представителей профессиональных союзов, объединяющих лиц, занятых в новых формах занятости (платформенная занятость, самозанятость);

В-четвертых – для активной и слаженной работы взаимодействия социально-трудовых интересов, считается целесообразным урегулировать работу социального партнерства в Российской Федерации на федеральном уровне.

Заключение

История развития трехстороннего сотрудничества на площадке Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений представляет собой пример институционализации социального диалога в постсоветской России. Созданная в 1992 году по инициативе Федерации независимых профсоюзов России, РТК стала ключевым механизмом согласования интересов работников, работодателей и государства на федеральном уровне.

Как показал анализ научных трудов отечественных исследователей [8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17], в российской науке сложилось понимание социального партнерства как комплексного правового института, а РТК рассматривается как важнейший инструмент его реализации. Ученые обосновывают необходимость повышения роли социального партнерства в правотворчестве и правоприменительной практике, усиления ответственности сторон за реализацию достигнутых договоренностей, совершенствования механизмов взаимодействия федеральных органов исполнительной власти с РТК.

Вместе с тем в деятельности РТК и региональных институтов социального партнерства сохраняются системные проблемы: формальный характер принимаемых решений, дисбаланс представительства сторон, недостаточная реализация достигнутых договоренностей, слабое распространение институтов социального партнерства на малый и средний бизнес, низкая активность региональных трехсторонних комиссий. Решение этих проблем требует как совершенствования законодательства, так и повышения культуры социального диалога всех участников трехстороннего сотрудничества.

Для исследователя проблем взаимодействия профсоюзов в социальном партнерстве ключевой вывод состоит в том, что формальное правовое регулирование без механизмов ответственности и контроля не обеспечивает реального согласования интересов. Предложенные изменения направлены на превращение РТК из консультативного органа в действенный институт, способный реально влиять на государственную политику в социально-трудовой сфере.

Перспективными направлениями дальнейших исследований могут стать: сравнительно-правовой анализ деятельности трехсторонних комиссий в различных субъектах Российской Федерации; исследование механизмов реализации решений РТК на уровне организаций и предприятий; анализ эффективности участия профсоюзов в работе РТК в условиях цифровой трансформации экономики и развития новых форм занятости.

Литература

1. Трудовой кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ: (ред. от 29 декабря 2025 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. I). – Ст. 3. – Текст: непосредственный.

2. Федеральный закон «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» от 12.01.1996 № 10-ФЗ (последняя редак-

ция). Ст. 148. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8840/ (дата обращения: 07.08.2026). – Текст: электронный

3. О Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений: федер. закон от 1 мая 1999 г. № 92-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 18. – Ст. 2218. – Текст: непосредственный.

4. Об общественных объединениях: федер. закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ: (ред. от 25 декабря 2023 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 21. – Ст. 1930. – Текст: непосредственный.

5. Федеральный закон от 23.05.2016 N 142-ФЗ «О внесении изменений в статьи 4 и 7 Федерального закона «О Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений».

6. Указ Президента РСФСР от 15 ноября 1991 года № 212 «О социальном партнерстве и разрешении трудовых споров (конфликтов)».

7. Указ Президента РФ от 24 января 1992 года № 45 «О создании Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений».

8. Козырева Т.А. Механизм взаимодействия профсоюзов с органами государственной власти Российской Федерации // Научная парадигма развития трудового права в информационном обществе: сборник статей по итогам работы молодежной сессии IX Гусовских чтений. – М.: Издательский центр Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. – С. 206–209.

9. Козырева Т.А. Роль общероссийского объединения профсоюзов в предотвращении кризисных ситуаций // Социальная справедливость и право: к упрочению мира и предотвращению кризисов: сборник материалов Международной научно-практической конференции / отв. ред. Т.А. Сошникова. – М.: Изд-во Московского гуманитарного университета, 2023. – С. 83–87.

10. Козырева Т.А. Роль общероссийских объединений профсоюзов в развитии социального партнерства // Человек труда и наука: IV Всероссийская научно-практическая конференция. – Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2023. – С. 110–115.

11. Крылов К.Д. Правовое обеспечение и социальная защита благополучия человека труда // Образование и право. – 2022. – № 3. – С. 32–37.

12. Михеев В.А. Российская трехсторонняя комиссия по регулированию социально-трудовых отношений как институт согласования интересов // Власть. – 2013. – № 4. – С. 44–47.

13. Орланов Г.Б., Фельдман П.Я. К вопросу об оценке эффективности функционирования региональных институтов социального партнерства // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). – 2026. – № 1(70). – С. 43–50.

14. Сафонов В.А. Социальное партнерство: учебник для вузов. – М.: Юрайт, 2023. – 395 с.

15. Снигирева И.О. О социальном партнерстве // Новое в законодательстве о коллективных договорах и соглашениях: практический комментарий. – М., 1992.

16. Сошникова Т.А. Социальное партнерство и его роль в решении социально-экономических проблем в современной России // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 3. – С. 174–181.

17. Чуча С.Ю. Социальное партнёрство как институт обеспечения интересов российского государства в сфере занятости // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2024. – № 1. – С. 57–66

18. Рекомендации Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений по повышению эффективности работы региональных трехсторонних комиссий по регулированию социально-трудовых отношений от 1 апреля 2024 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федерации независимых профсоюзов России. – URL: https://rtk.fnpr.ru/recommendation (дата обращения: 02.09.2026).

19. Единые рекомендации по установлению на федеральном, региональном и местном уровнях систем оплаты труда работников государственных и муниципальных учреждений на 2026 год (утв. решением Российской трехсторонней комиссии по регулированию социально-трудовых отношений от 26 декабря 2025 г., протокол № 11пр) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федерации независимых профсоюзов России. – URL: https://rtk.fnpr.ru/recommendation (дата обращения: 02.09.2026).

20. Почему в Забайкалье нет денег на зарплаты бюджетникам [Электронный ресурс] // Солидарность: центральная профсоюзная газета. – URL: https://www.solidarnost.org/articles/act-them/pochemu_v_zabaykal_e_net_deneg_na_zarplaty_byudzhetnikam.html (дата обращения: 02.09.2026).

21. БезОтветное Правительство или … безответственное? [Электронный ресурс] // Труд. – 2013. – 28 янв. – URL: https://www.trud.ru/article/28–01–2013/1288380_bezotvetnoe_pravitelstvo_ili_bezotvetstvenoe.html (дата обращения: 02.09.2026).

22. Путин В.В. Владимир Путин выступил на заседании XII съезда Федерации независимых профсоюзов России [Электронный ресурс] // Президент России: официальный сайт. – 2024. – 4 апр. – URL: http://special.kremlin.ru/catalog/keywords/29/events/73791 (дата обращения: 02.09.2026).

23. Сахалинский областной союз организаций профсоюзов [Электронный ресурс] // ВКонтакте: официальная страница. – 2025. – 18 марта. – URL: https://vk.ru/wall-95817445_1782 (дата обращения: 02.09.2026).

THE RUSSIAN TRILATERAL COMMISSION: HISTORY OF FORMATION AND MODERN PROBLEMS OF INTERACTION BETWEEN THE PARTIES OF SOCIAL PARTNERSHIP

Kozyreva T.A.
Academy of Labor and Social Relations

The article highlights key milestones in the establishment of the Russian Tripartite Commission for the Regulation of Social and Labor Relations (RTC) as a key institution of social partnership in the Russian Federation, and analyzes the current challenges it faces. Based on the analysis of legal acts, scientific works of Russian scientists and the practice of the RTC, the author substantiates the conclusion about the contradictory nature of the development of trilateral cooperation: on the one hand, the RTC has become an effective platform for reconciling the interests of the parties to social partnership, on the other hand, systemic problems remain related to the formal nature of decisions made, the imbalance of representation of the parties and insufficient implementation of the agreements reached at the regional level. Special attention is paid to the analysis of scientific approaches to understanding the essence and problems of social partnership, as well as ways to improve the activities of the RTC.

Keywords: Russian Trilateral Commission, social partnership, tripartism, trade unions, employers' associations, state, collective bargaining, labor law.

References

1. Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001 № 197-FZ (as amended).

2. Federal Law of January 12, 1996 № 10-FZ «On Trade Unions, Their Rights and Guarantees of Activity».

3. Federal Law of May 1, 1999 № 92-FZ «On the Russian Tripartite Commission for the Regulation of Social and Labor Relations».

4. Federal Law of November 27, 2002 № 156-FZ «On Employers' Associations».

5. Federal Law № 142-FZ of May 23, 2016 «On Amendments to Articles 4 and 7 of the Federal Law 'On the Russian Tripartite Commission for the Regulation of Social and Labor Relations'«.

6. Decree of the President of the RSFSR of November 15, 1991 № 212 «On Social Partnership and Resolution of Labor Disputes (Conflicts)».

7. Decree of the President of the Russian Federation of January 24, 1992 № 45 «On the Establishment of the Russian Tripartite Commission for the Regulation of Social and Labor Relations».

8. Kozyreva T.A. Mechanism of Interaction between Trade Unions and Public Authorities of the Russian Federation // Scientific Paradigm of Labor Law Development in the Information Society: Collection of Articles Based on the Results of the Youth Session of the IX Gusov Readings. – Moscow: Publishing Center of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), 2023. – P. 206–209.

9. Kozyreva T.A. The Role of the All-Russian Association of Trade Unions in Preventing Crisis Situations // Social Justice and Law: Towards Strengthening Peace and Preventing Crises: Collection of Materials of the International Scientific and Practical Conference / ed. by T.A. Soshnikova. – Moscow: Publishing House of the Moscow University for the Humanities, 2023. – P. 83–87.

10. Kozyreva T.A. The Role of All-Russian Associations of Trade Unions in the Development of Social Partnership // Man of Labor and Science: IV All-Russian Scientific and Practical Conference. – Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Federal University, 2023. – P. 110–115.

11. Krylov K.D. Legal Support and Social Protection of Human Well-Being in Labor // Education and Law. – 2022. – № 3. – P. 32–37.

12. Mikheev V.A. The Russian Tripartite Commission for the Regulation of Social and Labor Relations as an Institution for Coordinating Interests // Power. – 2013. – № 4. – P. 44–47.

13. Orlanov G.B., Feldman P. Ya. On the Issue of Assessing the Effectiveness of Regional Social Partnership Institutions // Bulletin of BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). – 2026. – № 1(70). – P. 43–50.

14. Safonov V.A. Social Partnership: Textbook for Universities. – Moscow: Yurayt, 2023. – 395 p.

15. Snigireva I.O. On Social Partnership // New in Legislation on Collective Agreements and Accords: Practical Commentary. – Moscow, 1992.

16. Soshnikova T.A. Social Partnership and Its Role in Solving Socio-Economic Problems in Modern Russia // Actual Problems of Russian Law. – 2015. – № 3. – P. 174–181.

17. Chucha S. Yu. Social Partnership as an Institution for Ensuring the Interests of the Russian State in the Sphere of Employment // Bulletin of Omsk University. Series «Law". – 2024. – № 1. – P. 57–66

18. Recommendations of the Russian Tripartite Commission for the Regulation of Social and Labor Relations on Improving the Efficiency of Regional Tripartite Commissions for the Regulation of Social and Labor Relations of April 1, 2024 [Electronic resource] // Official

Website of the Federation of Independent Trade Unions of Russia. – URL: https://rtk.fnpr.ru/recommendation (accessed: 02.09.2026).

19. Uniform Recommendations on the Establishment at the Federal, Regional and Local Levels of Remuneration Systems for Employees of State and Municipal Institutions for 2026 (approved by the Decision of the Russian Tripartite Commission for the Regulation of Social and Labor Relations of December 26, 2025, Protocol № 11pr) [Electronic resource] // Official Website of the Federation of Independent Trade Unions of Russia. – URL: https://rtk.fnpr.ru/recommendation (accessed: 02.09.2026).

20. Why There Is № Money in Transbaikalia for Budgetary Employees' Salaries [Electronic resource] // Solidarnost: Central Trade Union Newspaper. – URL: https://www.solidarnost.org/articles/act-them/pochemu_v_zabaykal_e_net_deneg_na_zarplaty_byudzhetnikam.html (accessed: 02.09.2026).

21. Unresponsive Government or … Irresponsible? [Electronic resource] // Trud. – 2013. – Jan. 28. – URL: https://www.trud.ru/article/28–01–2013/1288380_bezotvetnoe_pravitelstvo_ili_bezotvetstvenoe.html (accessed: 02.09.2026).

22. Putin V.V. Vladimir Putin Addressed the XII Congress of the Federation of Independent Trade Unions of Russia [Electronic resource] // President of Russia: Official Website. – 2024. – Apr.

23. Sakhalin Regional Union of Trade Union Organizations [Electronic resource] // VKontakte: official page. – 2025. – March 18. – URL: https://vk.ru/wall-95817445_1782 (accessed: 02.09.2026).

Перспективы развития нефтегазового сотрудничества России и Ирана на современном этапе

Лин Хуанье,
магистратура, Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: lin240102@gmail.com

Ма Юйцун,
бакалавр, Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: 13228394131@163.com

Международные отношения между Ираном и Россией, как двумя ключевыми игроками на глобальной политической и экономической арене, давно привлекают внимание исследователей и политиков. Обе страны, благодаря своему стратегическому геополитическому положению, оказывают значительное влияние на региональные и глобальные события. На протяжении истории отношения между Ираном и Россией характеризовались колебаниями, обусловленными целым рядом факторов, включая изменения во внутренней и внешней политике, региональные и глобальные кризисы, а также экономические события и события в сфере безопасности. В последние десятилетия двусторонние отношения вступили в новый и динамичный этап, особенно после распада Советского Союза и последовавших за этим структурных изменений в международной системе. С одной стороны, общие интересы в таких областях, как энергетика, безопасность и торговля, побудили обе страны к углублению двустороннего и многостороннего сотрудничества. С другой стороны, сохраняющиеся вызовы, включая международное давление, экономические санкции и политические разногласия, продолжают создавать значительные препятствия для развития полноценного стратегического партнерства.

Ключевые слова: энергетика, сотрудничество, международные отношения, безопасность, глобальный кризис, торговля, внешняя политика, нефть, газ, препятствие, стратегия, конфликт.

Международная обстановка в нынешней ситуации вынуждает государства переосмысливать свои модели поведения в региональной и трансрегиональной среде, примером чего является стратегическое партнерство. Отношения между государствами в международной системе, основанные на качественных и количественных компонентах, представляют собой различные модели, включая эталоны, альянсы, сотрудничество, участие и конфликты. В этом контексте стратегические отношения и партнерские отношения все чаще включаются в политику и двустороннюю документацию, но пока недостаточно теоретического анализа этих концепций [1].

Стратегическое партнерство впервые вошло в литературу международных отношений в послевоенные 1990-е годы, когда США стремились представить свои отношения с советским союзом в ходе переговоров между двумя странами по европейским соглашениям о безопасности в послевоенный период [2].

Из-за последствий глобализации и глобальных взаимосвязей для решения существующих мировых проблем международное сотрудничество между странами в форме стратегического партнерства было необходимо. Поэтому в такой атмосфере правительства начали использовать эту модель поведения для демонстрации динамичной и активной внешней политики в международной среде [3].

Стратегическое партнерство отличается от таких компонентов, как альянс или эталон: первый и, возможно, самый важный аспект, отделяющий стратегическое партнерство от других компонентов, заключается в том, что стратегическое партнерство-это общая цель организации, руководствующаяся общими интересами. Действительно, отношения, основанные на партнерстве, требуют структурных рамок для сотрудничества между странами, выходящих за рамки обычного дипломатического взаимодействия и обеспечивающих регулярные отношения между различными правительственными ведомствами. Во-вторых, стратегическое партнерство характеризуется высоким уровнем гибкости при одновременном ограничении четких обязательств, так что стратегическое партнерство избегает обязательных формальных межгосударственных обязательств, таких как альянсы, основанные на договорах или эталонах [4] [5].

Партнерские отношения рассматриваются как обязательство не противоречить внутренней политике в интересах совместной работы по вопросам, находящимся под угрозой.

Стратегическое партнерство является частью логики стратегической адаптации, которая учитывает интересы сторон [5]. Так называемая арабская весна была вызвана конфликтом двух дискурсов на ближнем востоке: сохранения существующего порядка и создания нового.

На эту тему было написано много научных работ, некоторые из них мы приводим здесь. Асади и Манури в статье «Изучение ирано-российских отношений в новом столетии: стратегический альянс или сближение интересов» отмечают, что сближение Ирана и России может быть эффективным в стратегическом альянсе или сближении интересов из-за региональных и трансрегиональных проблем, в отношении которых обе страны имеют интересы.

В статье «Геополитический анализ ирано-российских отношений после сдвига Асалми с акцентом на теорию баланса сил» говорится, что Иран и Россия как два полюса силы в глобальном мире имеют стратегическое, геостратегическое и геополитическое значение.

В статье «Влияние санкций США на двусторонние экономические отношения Ирана и России» братья Каземи пишут, что на развитие двусторонних отношений между двумя странами повлияло их взаимопонимание. Этот уровень восприятия после возвращения США экономических санкций против Ирана привел к изменениям в стратегической и тактической областях.

Омиди в статье «Российско-иранские отношения: стратегический альянс, стратегический эталон или стратегическая координация (партнерство)» исследует природу нынешних отношений между Ираном и Россией. Анализируя взаимодействие между двумя странами, он утверждает, что эти отношения можно охарактеризовать как «стратегическую координацию», поскольку, несмотря на значительное сотрудничество в различных областях, они не достигли уровня полноценного стратегического альянса или эталона.

Новизна данной статьи заключается в том, что, используя качественный метод и анализ имеющихся данных, изучая структурные

и политические возможности и вызовы в ирано-российских отношениях, мы рассматриваем факторы, влияющие на недостижение устойчивых стратегических отношений между этими двумя странами.

Крупные державы, в том числе Соединенные штаты Америки, стремились навести порядок и оказать влияние в регионе. В этот период США пытались управлять регионом с помощью такой политики, как внутренние реформы, продолжение военного присутствия в регионе, избегая полагаться на союзника, продвигая модель светского исламизма, сближаясь с гражданским обществом, укрепляя дискурс в области прав человека и продвигая процесс примирения, но с кризисом в Сирии стремление США к этому порядку столкнулось с серьезными проблемами, и этот кризис повлиял на порядок безопасности в регионе. С этой целью разрешение этой ситуации стало важным фактором в управлении будущим порядком безопасности в регионе [6]. В этих условиях Россия, как важный игрок, пыталась вмешаться в существующий порядок, чтобы предотвратить ошибки запада на ближнем востоке. Россия и Иран столкнулись с американским подходом к управлению региональным порядком безопасности, определили свои интересы в атмосфере двусмысленности и каким-то образом оказались в сговоре. Это стало еще более очевидным после украинского кризиса 2022 года и события 7 октября 2023 года, когда два игрока стали ближе друг к другу благодаря стратегической совместимости.

Среди движущих сил построения стратегических отношений между Россией и Ираном можно отметить следующие факторы:

Иран и Россия имеют определенный опыт регионального сотрудничества, который зафиксирован с 1990-х годов. В основном это делается для борьбы с региональной нестабильностью.

Россия, обеспокоенная влиянием талибов в центральной Азии, была заинтересована в сдерживании талибов. Таким образом, совместный ответ на приход талибов к власти в Афганистане был одним из главных вопросов сотрудничества между двумя странами.

Кроме того, при талибах Афганистан стал центром незаконного оборота наркотиков, что представляло общую угрозу для Ирана и России. По этой причине сотрудничество в рамках наркотеррористической дипломатии было сформировано в 1999 и начале 2000 года, и было подписано соглашение о борьбе с торговлей наркотиками между двумя странами стратегическая согласованность и отсутствие экологической определенности, стимулирующая сближение Ирана и России стратегическое сотрудничество в региональных кризисах ближнего востока, таких как сирийский кризис и противостояние действиям террористов и их региональных и трансрегиональных спонсоров, и так 7 октября 2023 год можно считать одним из важнейших факторов стратегического сотрудничества двух стран.

По мнению многих аналитиков, если бы между Ираном и Россией не был достигнут консенсус по сирийскому кризису, для Сирии были бы возможны другие договоренности и будущее.

Новая среда российско-иранского сотрудничества была глубокой и сложной из-за наступательной и оборонительной оперативной среды, что затрудняло проникновение любого другого игрока. Поэтому сотрудничество Тегерана и Москвы носит стратегический характер.

Другим фактором является динамизм и вмешательство других держав в сирийский кризис. С этой целью мощная и разнообразная конфронтация с этими новыми игроками, вмешивающимися в сирийский кризис, проложила путь к построению стратегических отношений между двумя странами.

Третий фактор-масштабы и состояние сирийского кризиса, который, если бы не стратегическое сотрудничество между двумя странами, сирийский кризис мог бы стать причиной хаоса во всем регионе ближнего востока из-за кризисных планов. Кроме того, ближний восток переживает уровень конфликта, невиданный десятилетиями. Спираль эскалации, начавшаяся с нападений на Израиль 7 октября 2023 года, изменила порядок безопасности в регионе.

Ирано-российское сотрудничество в евразийском соединении, ирано-российском коридоре: от возможности до отказа от стратегических транспортно-транспортных связей северо-юг и другие общие области-это другие области, на которых будет сосредоточено данное соглашение.

В отличие от договора о всеобъемлющем стратегическом партнерстве между Россией и северной Кореей 2024 года, соглашение о стратегическом партнерстве между Ираном и Россией не содержит положения о том, что, если какая-либо из сторон окажется в состоянии войны, другая сторона немедленно окажет военную помощь другой стороне, а в соответствии со статьей 3 соглашения, если одна из сторон подвергнется агрессии, другая сторона не должна оказывать никакой военной помощи другой стороне.

Соглашение предполагает сотрудничество в области безопасности и обороны, но не преследует цели создания военного альянса, что само по себе является тактической двусмысленностью в контексте стратегических отношений между двумя странами [5].

Стратегическое сотрудничество в других областях, представляющих интерес для мирного ядерного сотрудничества двух стран, а также сотрудничество в области обороны и вооружений, включая отношения в других областях, представляющих интерес. Сотрудничество между Ираном и Россией в области атомной энергетики и сотрудничество в строительстве второго и третьего энергоблоков бушерской атомной электростанции общей мощностью 2100 мвт в соответствии с соглашением от ноября 2014 года являются стратегическим сотрудничеством двух стран. Они взаимодействуют друг с другом в области вооружений, что является еще одной основой российско-иранского стратегического партнерства, например, поставка Ирану российской системы с-300, которая является кульминацией их отношений в области вооружений [6].

В энергетическом секторе Иран и Россия, обладающие значительной долей нефтяных и газовых ресурсов, стремятся переосмыслить свою политику импорта, экспорта и производства. Это может повлиять на мировые цены на эти ресурсы. Обе страны заинтересованы в энергетическом секторе.: Обеспечение экспортной продукции для развития и совершенствования газовых и нефтяных мощностей, создание конкурентоспособной и развитой в мире индустрии СПГ (стать энергетическим центром), совершенствование систем мониторинга нефтяной деятельности опек для поддержания цен, поскольку Иран является членом этой организации, попытка убедить Иран принять геополитическую позицию России в отношении морских границ каспийского региона и совместного доступа к поверхностным водам этого моря на основе сотрудничества на морской основе. широкомасштабная двусторонняя разработка газовых месторождений в Иране с целью сохранения силы действия на региональном и мировом рынках и доступа к российским высокотехнологичным технологиям для улучшения состояния промышленности.

Несмотря на общие интересы, есть и недостатки в энергетических отношениях между Ираном и Россией. Например, Иран не хочет заполнять западные технологически продвинутые компании только российскими, так как это может снизить инвестиционный потенциал.

Что касается трубопроводной дипломатии, то и Россия, и Иран являются двумя главными конкурентами за транспортировку нефтехимической продукции (нефти и газа) на Кавказ и в центральную Азию, где Иран практически потерял рынок потребления нефтегазовой продукции.

Исламская Республика Иран занимает четвертое место в мире по объемам подтвержденных запасов нефти. На долю страны приходится 9,1% от глобальных ресурсов, что в 2026 году эквивалентно 164,5 млрд баррелей [6]. В течение 2025 года добыча нефти в Иране продемонстрировала рост на 12,9% по сравнению с предыдущим периодом, достигнув среднего уровня в 3,257 млн баррелей в сутки [7].

Что касается природного газа, то доказанные запасы Ирана оцениваются в 29,6 трлн куб. м, или 16% от мировых, что обеспечивает стране второе место в мире после России. За последние десять лет наблюдается стабильное увеличение как добычи, так и внутреннего потребления газа: по итогам 2025 года эти показатели составили 282 млрд и 257 млрд куб. м соответственно [3].

Несмотря на растущее санкционное давление со стороны западных стран, ИРИ продолжает активно инвестировать в нефтегазовый сектор и внедрять инновационные технологии разведки.

Сотрудничество с Россией рассматривается Тегераном как приоритетное направление энергетической политики.

Важным шагом к упрощению взаиморасчетов станет подключение Ирана к российской платежной системе «Мир». Параллельно Иран развивает партнерство в сфере разведки, добычи и переработки углеводородов с другими государствами. Ведутся переговоры с представителями Венесуэлы о привлечении инвестиций в иранскую нефтегазовую отрасль и строительстве НПЗ на территории страны [5]. Также налажено сотрудничество с Оманом в области разведки и освоения нефтяных месторождений.

Основная часть иранских запасов нефти и газа сосредоточена в юго-западном регионе, в пределах нефтегазоносного бассейна Персидского залива. Дополнительно месторождения расположены в Центральноиранском, Каракумском и Южно-Каспийском бассейнах. На территории страны выявлено более 70 нефтяных и газонефтяных, а также свыше 20 газовых месторождений. Открытие трех новых нефтяных и одного газового месторождений за последние пять лет способствовало увеличению объемов добычи углеводородов [6].

Крупнейшим нефтегазовым месторождением в стране остается расположенное в южной части Персидского залива месторождение Южный Парс, содержащее половину суммарных запасов газа в Иране. На данный момент, запасы нефти и газа этого сверхгигантского ме-

сторождения оцениваются в 18 млрд баррелей нефти и 12,2 трлн куб. м природного газа [7].

Месторождение, расположенное под островом Киш является вторым по величине месторождением Персидского залива, а месторождение Табнак обладает крупнейшими в Иране запасами нейтрального (не содержащего серы) природного газа – 0,8 трлн кубических метров [8].

Большинство нефтяных месторождений находятся на территории провинции Хузестан и шельфовых месторождениях, расположенных в Персидском заливе. Среди основных нефтяных месторождений Ирана можно выделить месторождение Марун с начальными запасами нефти в 3 млрд тонн, гигантское нефтяное месторождение Ахваз, содержащее значительные запасы нефти и газа и газонефтяное месторождение Гечсаран, являющееся одним из крупнейших в мире [9].

Иран, добывая нефть, одновременно сосредотачивает усилия на развитии нефтеперерабатывающего и нефтехимического секторов экономики. На данный момент, иранской нефтеперерабатывающей отрасли удалось значительно сократить зависимость от иностранного оборудования. К настоящему времени, отраслевая потребность в оборудовании во многом покрывается за счет местных производств, что свидетельствует об успешном импортозамещении.

Международный транспортный коридор Север-Юг (МТСЗ) – до сих пор незавершенная сеть морских, железнодорожных и автомобильных маршрутов протяженностью 7200 километров, соединяющая Россию с Персидским заливом и Индией через Южный Кавказ, Каспийское море, Центральную Азию и Иран, – который после 2022 года приобрел новую актуальность в рамках разворота России от Запада. Утверждается, что Россия и Иран «четко привержены» созданию торгового маршрута, который мог бы обходить западные санкции. Действительно, CSIS рассматривает МТСЗ в контексте более широких усилий России по перестройке международных торговых и экономических отношений путем уменьшения роли Запада в их определении и руководстве.

Проект INSTC был задуман Россией, Ираном и Индией в начале 2000-х годов. На протяжении большей части следующих двух десятилетий проект продвигался медленно. Одним из главных препятствий было отсутствие железнодорожного сообщения между северными иранскими городами Рашт и Астара. Без этого участка протяженностью около 165 километров грузы приходилось выгружать из поездов в Астаре, перевозить грузовиками в Рашт, а затем снова загружать на поезда.

Ирано-российские отношения развивались в течение последних четырех десятилетий, переходя от краткосрочного тактического взаимодействия к более всестороннему сотрудничеству на региональной и международной геополитической арене.

Торговые отношения, значительно выросшие за последнее десятилетие, стали одним из главных столпов этого партнерства. Например, российский экспорт в Иран увеличился с 770 миллионов долларов в 2011 году до 1,58 миллиарда долларов в 2022 году, в то время как иранский экспорт в Россию за тот же период вырос с 350 миллионов долларов до 750 миллионов долларов. Этот экономический рост обусловлен взаимными усилиями по противодействию западным санкциям, с ключевым сотрудничеством в энергетическом, технологическом и сельскохозяйственном секторах.

Совместные проекты, такие как разработка нефтяных и газовых месторождений, строительство атомных электростанций и участие в передаче технологий, подчеркивают экономическую взаимозависимость двух стран. Геополитическое сотрудничество и сотрудничество в сфере безопасности также сыграли важную роль, особенно в зонах конфликтов, таких как Сирия, и во время напряженности на Украине.

В Сирии обе страны поддержали режим Асада и продемонстрировали свою способность к согласованию стратегических целей. Позиция Ирана в отношении украинского кризиса еще больше усиливает геополитическую ориентацию страны на Россию в противовес западному влиянию. Однако фундаментальные проблемы остаются. Геополитические приоритеты и расходящиеся национальные интересы часто вызывают трения. Более широкие стратегии России иногда включают в себя сближение со странами, которые Иран считает врагами, что осложняет их отношения.

Внутриполитическая динамика в обеих странах еще больше ограничивает их способность в полной мере придерживаться долгосрочного альянса. Несмотря на эти препятствия, остаются возможности для более глубокого сотрудничества. Укрепление экономических связей в энергетике, технологиях и сельском хозяйстве, а также механизмы построения взаимного доверия и разрешения споров могли бы проложить путь к более устойчивому и долгосрочному стратегическому партнерству.

Несмотря на долгую историю сотрудничества в геополитической, сфере безопасности и экономической сферах, Иран и Россия еще не достигли уровня устойчивого и всеобъемлющего стратегического партнерства. Эта ситуация обусловлена различными структурными и системными проблемами, влияющими на их отношения на внутреннем, региональном и международном уровнях. С другой стороны, конкуренция на энергетических рынках, различные подходы к некоторым региональным вопросам и историческое недоверие, особенно в экономической и политической сферах, создают значительные препятствия для углубления этих отношений.

Западные экономические санкции против обеих стран создали возможности для более тесных связей; однако структурные проблемы, такие как неэффективные торговые механизмы, слаборазвитая транспортная инфраструктура и отсутствие технологических инноваций, ограничивают их способность в полной мере использовать эти возможности.

Кроме того, геополитические проблемы, такие как конфликты на Южном Кавказе и взаимодействие России с такими странами, как Азербайджанская Республика и Армения, еще больше осложняют их отношения. Более того, ирано-российские отношения сильно зависят от внешних факторов, включая напряженность в отношениях России с Западом и усилия Ирана по снижению зависимости от ограниченного числа партнеров, и их отношения носят в основном оппортунистический и тактический, а не стратегический характер. Для преодоления этих проблем и укрепления стратегических отношений Ирану и России следует сосредоточиться на нескольких ключевых областях:

1) Укрепление взаимного доверия посредством развития совместных институтов и правовых рамок, обеспечивающих долгосрочные выгоды для обеих стран.

2) Расширение экономического и торгового сотрудничества путем устранения структурных барьеров, улучшения транспортной инфраструктуры, такой как коридор Север-Юг, и укрепления технологического партнерства.

3) Углубление культурного и социального взаимодействия для преодоления пробелов во взаимопонимании и создания большей социальной сплоченности.

4) Определение долгосрочных и общих внешнеполитических целей с акцентом на противодействие односторонним действиям и продвижение многосторонности в международной системе.

Литература

1. Ахмадиан, Хасан (2023), «Иран и новая геополитика Ближнего Востока: в поисках равновесия», в книге «Геополитика нового Ближнего Востока», стр. 62–76, Великобритания: Routledge.

2. Алексей, Захаров (2023), «Международный транспортный коридор Север-Юг: перспективы и проблемы сообщения между Россией и Индией», Вестник МГИМО Университета, Vol. 16, № 2, стр. 216–234, (doi: 10.24833/2071-8160-2023-2-89-216-234).

3. Импорт вооружений (значения индикатора тренда SIPRI) – Япония (2021), Всемирный банк, доступно по адресу: https://data.worldbank.org/indicator/MS.MIL.MPRT.KD?end=2019&locations=JP&st, (дата обращения: 10.05.2019).

4. Асаади, Бехруз и Сейед Али Монавари (2021), «Обзор ирано-российских отношений в новом столетии: стратегический альянс или сближение интересов», Политические и международные подходы, том 4, № 11, стр. 181–210, (doi: 10.29252/piaj.2021.101504), [на персидском языке].

5. Биниш, Биниш и Белов (Юртаев) В.И. (2021), «Индия, Россия и Иран: новое исследование международного транспортного коридора «Север-Юг», т. 16, № 4, с. 18–25, (doi:10.31432/1994-2443-2021-16-4-18-25).

6. Бун, Ян (2023), «Управление репутацией как взаимодействие структуры и субъектности: стратегическо-реляционный подход», Regulation & Governance, том 17, № 4, стр. 1114–1130, (doi: 10.1111/rego.12506).

7. Ерохин, Василий, Гао, Тяньмин и Анна Иволга (2020), «Структурные изменения в составе земельных фондов в региональных масштабах по России», Land Journal, Vol. 9, № 201, стр. 1–37 (doi:10.3390/land9060201).

8. Эслами, Мохаммед, (2022), «Поставки Ираном беспилотников в Россию и изменение динамики войны на Украине», Журнал мира и ядерного разоружения, том 5, № 2, стр. 507–518, (doi: 10.1080/25751654.2022.2149077).

9. Гафарзаде, Мехршад, Мехди Амири и Иман Шабанзаде (2023), «Дипломатия стратегического партнерства Китая и его подход к Западной Азии», Фундаментальные и прикладные исследования исламско-

го мира, том 4, № 4, стр. 53–79, (10.22034/FASIW.2023.366800.1215), [на персидском языке].

10. Гиселли, Андреа (2024), «Оппортунистическая Россия на Ближнем Востоке: взгляд из Китая», Cambridge Review of International Affairs, том 37, № 2, стр. 163–181 (doi:10.1080/09557571.2023.2207814).

11. Гроув, Томас (2019), «США и Израиль пытаются отвлечь Россию от иранского альянса», The Wall Street Journal, 24 июня. Доступно по адресу: https://www.wsj.com/articles/us-israel-look-to-coax-russia-away-from-iran-alliance-11561382544 (дата обращения: 08/09/2026).

12. Хоссейнзаде, Вахид (2022), «Роль природного газа в энергетической дипломатии Исламской Республики Иран и Российской Федерации: возможности и препятствия», Исследования Центральной Евразии, том 14, № 2, стр. 75–100, (doi: 10.22059/jcep.2022.322674.450000), [на персидском языке]

13. Карами, Джахангир (2022), «Ирано-российские отношения: новые возможности и существующие проблемы», Quaestio Rossica, том 10, № 4, стр. 1258–1273, (doi:10.15826/qr.2022.4.727).

14. Каримипур, Давуд и Сайид Джафар Хоссейни и Насим Кабаши (2023), «Сборник исследований экономической дипломатии (4): Познание российской экономики и возможности взаимодействия», доступно по адресу: https://rc.majlis.ir/fa/report/show/1789238, [на персидском языке].

15. Кац, Марк Н. (2023), «Ирано-российский альянс: возможности, ограничения и конфликт на Ближнем Востоке», Atlantic Council, доступно по адресу: https://www.atlanticcouncil.org/event/iran-russia-alliance/ (дата обращения: 09/09/2026).

16. Киани, Давуд (2021), «Отношения Ирана и России: концепции сотрудничества», Геополитика Ирана, стр. 275–291, доступно по адресу: https://link.springer.com/book/,(doi:10.1007/978-981-16-3564-9).

17. Марвоти, Сомайе, Хамид Ахмади и Махди Закарян (2022), «Афганистан и Китай: стратегическое партнерство в условиях перемен», Ежеквартальный журнал фундаментальных и прикладных исследований исламского мира, том 4, № 2, стр. 1–29 (doi:10.22034/FASIW.2022.344912.1165) [На персидском языке]

18. Мехди, Санаи и Джахангир Карами (2021), «Восточная политика Ирана: потенциал и вызовы», Россия в глобальных делах, том 19, № 3, стр. 25–49, (doi:10.31278/1810-6374-2021-19-3-25-49).

19. Раиси ас-Садат, Сейед Мохаммад Таги (1400), «Развитие коридора Север-Юг, Геополитические СМИ», Геополитическая ассоциация Ирана », Доступно по адресу: https://iag.ir, (Дата обращения: 13.11.2021), [на персидском языке]

20. Расули Саниабади, Эльхам (2023), «Обзор тенденций Ирана в отношении России, основанных на стратегиях балансирования и присоединения к большинству», Исследования Центральной Евразии, том 15, № 2, стр. 177–198, (doi:10.22059/jcep.2023.347341.450093), [на персидском языке]

21. Рим, Генри (2022), «Иран и Россия: растущая экономическая конкуренция», доступно по адресу: https://iranprimer.usip.org/blog/2022/jul/18/iran-russia-growing-economic-competition (дата обращения: 08/09/2026).

22. Смагин, Никита (2025), «Новый российско-иранский договор раскрывает пределы их партнерства». Доступно по адресу: https://carnegieendowment.org/russiaeurasia/politika/2025/01/russia-iran-strategica-greement? Lang=en (Дата обращения: 21/1/2025).

23. Объем российской торговли товарами (экспорт, импорт и торговый баланс) с Ираном с 2005 по 2021 (2024) годы, «Объем российской торговли товарами с Ираном 2005–2021». Доступно по адресу: https://www.statista.com/statistics/1025404/russia-value-of-trade-in-goods-with-iran/, (дата обращения: 09/09/2026).

24. Строул, Дана (2024), «Российско-иранское сотрудничество и угрозы интересам США», Вашингтонский институт ближневосточной политики, доступно по адресу: https://www.washingtoninstitute.org/sites/default/files/pdf/StroulTestimony20240417.pdf (дата обращения: 17.05.2024).

25. Тазмини, Гонче (2024), «Влиятельная пара: российско-иранское сближение на Ближнем Востоке», издательство Bloomsbury Publishing, доступно по адресу: https://www.bloomsbury.com/us/power-couple-9780755640430/ (дата обращения: 09/09/2026).

26. «Концепция внешней политики Российской Федерации» (2023), Министерство иностранных дел Российской Федерации, доступно по адресу: https://mid.ru/en/foreign_policy/fundamental_documents/1860586/, (дата обращения: 09/09/2026).

27. «Иран и Россия: растет волатильность торговли» (2023), The Iran Primer, доступно по адресу: https://iranprimer.usip.org/blog/2023/may/18/iran-and-russia-gyrating-trade-grows (дата обращения: 09/09/2026).

28. «Направления экспорта иранской нефти и газового конденсата в 2021 году» (2024), Управление энергетической информации США, доступно по адресу: https://www.eia.gov/international/analysis/country/irn (дата обращения: 10.10.2024).

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF OIL AND GAS COOPERATION BETWEEN RUSSIA AND IRAN AT THE PRESENT STAGE

Lin Huangye, Ma Yucong
Kazan (Volga Region) Federal University

International relations between Iran and Russia, as two key players on the global political and economic stage, have long attracted the attention of researchers and politicians. Both countries, thanks to their strategic geopolitical position, exert significant influence on regional and global events. Throughout history, relations between Iran and Russia have been characterized by fluctuations обусловленные by a number of factors, including changes in domestic and foreign policy, regional and global crises, as well as economic and security events. In recent decades, bilateral relations have entered a new and dynamic phase, especially after the collapse of the Soviet Union and the subsequent structural changes in the international system. On the one hand, common interests in areas such as energy, security, and trade have prompted both countries to deepen bilateral and multilateral cooperation. On the other hand, ongoing challenges, including international pressure, economic sanctions, and political disagreements, continue to create significant obstacles to the development of a full-fledged strategic partnership.

Keywords: energy, cooperation, international relations, security, global crisis, trade, foreign policy, oil, gas.

References

1. Ahmadian, Hassan (2023), “Iran and the New Geopolitics of the Middle East: In Search of Balance,” in “The Geopolitics of the New Middle East,” pp. 62–76, United Kingdom: Routledge.

2. Alexey Zakharov (2023), “The International North-South Transport Corridor: Prospects and Challenges of Communication between Russia and India,” Vestnik MGIMO Universiteta, Vol. 16, No. 2, pp. 216–234, (doi: 10.24833/2071-8160-2023-2-89-216-234).

3. Arms imports (SIPRI trend indicator values) – Japan (2021), World Bank, available at: https://data.worldbank.org/indicator/MS.MIL.MPRT.KD?end=2019&locations=JP&st, (accessed: 05/10/2019).

4. Asaadi, Behrouz and Seyed Ali Monawari (2021), “Review of Iranian-Russian Relations in the New Century: Strategic Alliance or Convergence of Interests”, Political and International Approaches, vol. 4, No. 11, pp. 181–210, (doi: 10.29252/piaj.2021.101504), [in Persian].

5. Binish, Binish and Belov (Yurtaev) V.I. (2021), “India, Russia and Iran: a new study of the North-South International Transport Corridor”, vol. 16, No. 4, pp. 18–25, (doi:10.31432/1994-2443-2021-16-4-18-25).

6. Boone, Yang (2023), “Management Reputation as the Interaction of Structure and Subjectivity: a Strategic-Relational Approach”, Regulation & Governance, Volume 17, No. 4, pp. 1114–1130, (doi: 10.1111/rego.12506).

7. Erokhin, Vasily, Gao, Tianming, and Anna Ivolga (2020), “Structural Changes in the Composition of Land Funds at Regional Scales in Russia,” Land Journal, Vol. 9, No. 201, pp. 1–37 (doi:10.3390/land9060201).

8. Eslami, Mohammed, (2022), “Iran’s drone shipments to Russia and the changing dynamics of the War in Ukraine,” Journal of Peace and Nuclear Disarmament, vol. 5, No. 2, pp. 507–518, (doi: 10.1080/25751654.2022.2149077).

9. Ghafarzadeh, Mehrshad, Mehdi Amiri and Iman Shabanzadeh (2023), “China’s Strategic Partnership Diplomacy and its Approach to Western Asia,” Fundamental and Applied Studies of the Islamic World, vol. 4, No. 4, pp. 53–79, (10.22034/FASIW.2023.366800.1215), [in Persian].

10. Giselli, Andrea (2024), “Opportunistic Russia in the Middle East: A View from China,” Cambridge Review of International Affairs, vol. 37, no. 2, pp. 163–181 (doi:10.1080/09557571.2023.2207814).

11. Grove, Thomas (2019), “The US and Israel Are Trying to Distract Russia from the Iranian Alliance,” The Wall Street Journal, June 24. Available at: https://www.wsj.com/articles/us-israel-look-to-coax-russia-away-from-iran-alliance-11561382544 (accessed 08/09/2026).

12. Hosseinzadeh, Vahid (2022), “The role of natural gas in the Energy Diplomacy of the Islamic Republic of Iran and the Russian Federation: Opportunities and Obstacles,” Central Eurasian Studies, vol. 14, No. 2, pp. 75–100, (doi: 10.22059/jcep.2022.322674.450000), [in Persian]

13. Karami, Jahangir (2022), “Iran–Russia Relations: New Opportunities and Existing Challenges,” Quaestio Rossica, vol. 10, no. 4, pp. 1258–1273, (doi:10.15826/qr.2022.4.727).

14. Karimipour, Davood, Sayyed Jafar Hosseini, and Nasim Kabashi (2023), “Collection of Studies on Economic Diplomacy (4): Understanding the Russian Economy and Opportunities for Interaction,” available at: https://rc.majlis.ir/fa/report/show/1789238, [in Persian].

15. Katz, Mark N. (2023), “Iran-Russia Alliance: Opportunities, Constraints, and Conflict in the Middle East,” Atlantic Council, available at: https://www.atlanticcouncil.org/event/iran-russia-alliance / (accessed 09/09/2026).

16. Kiani, Davoud (2021), “Iran-Russia Relations: Concepts of cooperation”, The Geopolitics of Iran, pp. 275–291, available at: https://link.springer.com/book /,(doi:10.1007/978-981-16-3564-9).

17. Marvoti, Somaye, Hamid Ahmadi and Mahdi Zakarian (2022), “Afghanistan and China: “Strategic Partnership in Times of Change,” Quarterly Journal of Fundamental and Applied Research on the Islamic World, Vol. 4, No. 2, pp. 1–29 (doi:10.22034/FASIW.2022.344912.1165) [In Persian]

18. Mehdi, Sanai and Jahangir Karami (2021), "Iran's Eastern Policy: Potential and Challenges", Russia in Global Affairs, vol. 19, No. 3, pp. 25–49, (doi:10.31278/1810-6374-2021-19-3-25-49).

19. Raisi al-Sadat, Seyed Mohammad Taghi (1400), "Development of the North Corridor-South, Geopolitical Media, Geopolitical Association of Iran, Available at: https://iag.ir, (Accessed: 11/13/2021), [in Persian]

20. Rasuli Saniabadi, Elham (2023), "An Overview of Iran's Trends Regarding Russia Based on Balancing and Joining the Majority Strategies," Central Eurasian Studies, vol. 15, no. 2, pp. 177–198, (doi:10.22059/jcep.2023.347341.450093), [in Persian].

21. Rome, Henry (2022), "Iran and Russia: Growing Economic Competition," available at: https://iranprimer.usip.org/blog/2022/jul/18/iran-russia-growing-economic-competition (accessed: 08/09/2026).

22. Smagin, Nikita (2025), "The New Russian-Iranian Treaty Reveals the Limits of Their Partnership." Available at: https://carnegieendowment.org/russiaeurasia/politika/2025/01/russia-iran-strategicagreement? Lang=en (Accessed: 21/1/2025).

23. The volume of Russia's trade in goods (exports, imports, and trade balance) with Iran from 2005 to 2021 (2024), "The volume of Russia's trade in goods with Iran, 2005–2021." Available at: https://www.statista.com/statistics/1025404/russia-value-of-trade-in-goods-with-iran /, (accessed 09/09/2026). 24 Straw, Dana (2024), "Russian-Iranian Cooperation and Threats to U.S. Interests," Washington Institute for Near East Policy, available at: https://www.washingtoninstitute.org/sites/default/files/pdf/StroulTestimony20240417.pdf (date of request: 05/17/2024).

25. Tazmini, Gonce (2024), "The Influential Couple: Russian-Iranian Rapprochement in the Middle East," Bloomsbury Publishing, available at: https://www.bloomsbury.com/us/power-couple-9780755640430 / (accessed 09/09/2026).

26. "The Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation" (2023), Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, available at: https://mid.ru/en/foreign_policy/fundamental_documents/1860586 /, (date of access: 09/09/2026).

27. "Iran and Russia: Trade Volatility is Rising" (2023), The Iran Primer, available at: https://iranprimer.usip.org/blog/2023/may/18/iran-and-russia-gyrating-trade-grows (accessed 09/09/2026).

28. "Export Directions of Iranian Oil and Gas Condensate in 2021" (2024), U.S. Energy Information Administration, available at: https://www.eia.gov/international/analysis/country/irn (date of request: 10.10.2024).

Роль Китая в региональном экономическом сотрудничестве в рамках ШОС

Лю Вэньдун,
аспирант кафедры международных отношений, Белорусский государственный университет
E-mail: 1240880904@qq.com

В статье рассматривается проблема регионального экономического сотрудничества в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и системно анализируется функциональная роль Китая в этом процессе. Китай определяется как ключевой инициатор, «проектировщик механизмов» и главный драйвер интеграции. В статье представлены результаты анализа взаимодействия в торгово-экономической, энергетической и межбанковской сферах. Показано, что КНР способствует созданию зоны свободной торговли, переходу к многосторонней энергетической интеграции и устойчивому партнерству в рамках зеленой трансформации. Результаты исследования подтверждают, что использование механизмов Межбанковского объединения ШОС для расширения расчетов в национальных валютах повышает финансовую безопасность региона. В статье делается вывод о том, что практика Китая, основанная на «Шанхайском духе», способствует углублению интеграции и совершенствованию глобального экономического управления.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, Шанхайская организация сотрудничества, экономическое сотрудничество, многостороннее сотрудничество.

Введение

С момента основания в 2001 г. ШОС прошла путь более чем двух десятилетий развития, трансформировавшись из механизма, сосредоточенного главным образом на вопросах региональной безопасности, в комплексную многостороннюю международную организацию, деятельность которой охватывает политическую, экономическую и гуманитарную сферы. За этот период региональное экономическое сотрудничество в рамках ШОС прошло стадию становления и оформилось в многоуровневую и многопрофильную систему взаимодействия, способствующую укреплению торгово-экономических связей и обеспечению совместного развития государств-членов.

Цель данного исследования состоит в системном анализе роли Китая в процессе регионального экономического сотрудничества в рамках ШОС. Объектом исследования является региональное экономическое сотрудничество в рамках Шанхайской организации сотрудничества как объективно существующая многосторонняя система взаимодействия. Предметом исследования является функциональная роль Китая в региональном экономическом сотрудничестве в рамках ШОС.

В академическом дискурсе выделяются две основные линии интерпретации данной проблематики. Китайские исследователи в целом рассматривают Пекин как ключевого инициатора и конструктора экономической кооперации в рамках ШОС, подчёркивая его вклад в институциональное строительство, расширение торговли и инвестиций, а также в развитие инфраструктурных инициатив и механизмов финансового сотрудничества. Зарубежные и российские авторы подтверждают роль Китая как главного экономического «драйвера», но одновременно обращают внимание на двойственный характер его воздействия: приток инвестиций сочетается с рисками для местных рынков и регионального баланса сил.

Китайские исследователи отмечают следующее. В работе Го Сяоцюн и Цай Чжэн основное внимание уделяется влиянию глобальных трансформаций на экономическое развитие стран ШОС и характер их взаимодействия. Авторы отмечают, что в условиях «столетних перемен» и усиления геополитической нестабильности региональное экономическое сотрудничество сталкивается с новыми вызовами, включая дифференциацию экономического развития государств-участников, рост инфляционных рисков и нарушение глобальных цепочек поставок. В этом контексте подчёркивается особая роль Китая как стабилизирующего фактора и одного из ключевых драйверов экономической активности в рамках ШОС [1]. В свою очередь Янь Дэсюэ анализирует эволюцию экономического сотрудничества в ШОС за двадцатилетний период, акцентируя внимание на институциональном оформлении, росте торговли и инвестиционного взаимодействия. Автор подчёркивает, что значительные достижения в этих сферах во многом обусловлены активной позицией Китая, который выступает ведущим торговым партнёром большинства стран-участниц ШОС и главным источником инвестиций. Кроме того, Китай играет важную роль в формировании механизмов финансового сотрудничества и развитии инфраструктурных проектов, что способствует укреплению экономической взаимозависимости в регионе [2]. Лю Хуацинь рассматривает ШОС в контексте современных глобальных вызовов и делает акцент на трансформации её функциональной роли. По мнению автора, в условиях расширения организации и усложнения международной обстановки ШОС должна эволюционировать в многофункциональную платформу, включающую элементы глобального управления, региональной интеграции и инициативы «Пояс и путь». В этом процессе Китай рассматривается как стратегический архитектор новых форм сотрудничества, продвигающий инновационные модели взаимодействия, включая цифровую экономику, транспортную взаимосвязанность и устойчивое развитие [3].

Со стороны российских исследователей акцент смещён к вопросам геоэкономики и регионального баланса. Так, Г.В. Подбиралина и Т.Е. Мигалева в работе «Экономические интересы Китая и России в Шанхайской организации сотрудничества» указывают, что в XXI в. интересы КНР в регионе трансформировались в жизненно важные для реализации её национальной стратегии развития. Авторы отмечают мощную торговую и кредитную экспансию Китая: Пекин использует площадку ШОС для удовлетворения растущего спроса своей экономики на сырьевые и энергетические ресурсы Центральной Азии, одновременно открывая масштабные рынки для сбыта собственных това-

ров [4]. Анализируя структурные изменения в регионе, В.В. Пилипенко в статье «Анализ экономического взаимодействия в Шанхайской организации сотрудничества» подчёркивает роль Китая как инициатора глобальных транспортно-логистических проектов, таких как строительство железной дороги Торугарт – Джалалабад и сопряжение ШОС с проектом «Один пояс, один путь». Однако исследователь также обращает внимание на то, что активное экономическое влияние Китая имеет двойственный характер: с одной стороны, оно приносит инвестиции, а с другой – вызывает у стран Центральной Азии обоснованные опасения по поводу наводнения их внутренних рынков высококонкурентной китайской продукцией [5]. А.С. Горда в исследовании «Стратегические направления развития экономической интеграции в рамках ШОС» отмечает, что Пекин рассматривает ШОС в первую очередь как инструмент для поддержания стремительных темпов собственного роста через торгово-инвестиционную деятельность. Обобщая стратегические мотивы КНР, автор указывает, что лоббирование Китаем проекта Экономического пояса Нового Шелкового пути и развитие инфраструктуры на пространстве ШОС направлены не только на освоение азиатских ресурсов, но и на обеспечение прямого транзитного выхода на рынки Западной Европы, что необходимо Пекину для укрепления своих позиций на глобальной международной арене [6].

Основная часть

Роль Китая в торгово-экономическом сотрудничестве в рамках ШОС в первую очередь проявляется в качестве «лидера в установлении правил» и «проектировщика механизмов». Китай не только содействовал реализации «Программы многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств-членов ШОС», которая четко определяет долгосрочные цели упрощения процедур торговли и инвестиций [7], но и инициировал «План действий по высококачественному развитию торгово-экономического сотрудничества между Китаем и странами ШОС на 2024–2025 гг.». Данный план детализирует макроэкономический консенсус в 84 конкретные и выполнимые задачи в семи ключевых областях, систематически превращая многостороннее сотрудничество из декларативных инициатив в практическую операционную структуру [8]. На этой основе Китай стремится преобразовать институциональные преимущества в реальные возможности регионального сотрудничества через сеть двусторонних и многосторонних соглашений. К настоящему времени Китай подписал двусторонние соглашения о защите инвестиций со всеми государствами-членами ШОС, а в 2025 г. были заключены обновленные соглашения с Россией и Казахстаном [8].

На основе вышеуказанных правил и механизмов Китай далее содействует переходу торгово-экономического сотрудничества в рамках ШОС к институционализации и углублению реализации пространственных платформ, что в основном выражается в последовательном продвижении процесса формирования зоны свободной торговли ШОС и создании Демонстрационной зоны регионального торгово-экономического сотрудничества «Китай-ШОС».

В условиях замедления экономического роста основных европейских и американских экономик и роста торгового протекционизма Китай еще в 2003 г. выдвинул идею создания зоны свободной торговли ШОС [9]. Хотя данная идея еще не реализована официально, его главная цель состоит в долгосрочном решении таких актуальных региональных проблем, как фрагментация правил и высокие барьеры для трансграничной торговли и инвестиций. В случае дальнейшего продвижения этой инициативы создание зоны свободной торговли позволит Китаю расширить каналы доступа к рынкам Центральной Азии, Южной Азии и Восточной Европы, содействовать упрощению процедур торговли и поддержать стабильность региональных производственно-сбытовых цепочек. В то же время, создание зоны свободной торговли ШОС позволит Китаю через такие конкурентные отрасли, как чёрная металлургия, машиностроение, фотоэлектрика и текстиль наладить взаимодействие с государствами Центральной Азии и перенести часть качественных «избыточных» производственных мощностей в регион. Это ускорит процесс сокращения мощностей и снижения запасов [10, с. 54]. А Демонстрационная зона регионального торгово-экономического сотрудничества «Китай-ШОС» (город Циндао) выступает «пилотным полигоном», превращая идею создания зоны свободной торговли ШОС в реальную производственную силу.

С момента своего создания в 2018 г. Демонстрационная зона «Китай-ШОС» обеспечивает надежное сопровождение практическому сотрудничеству между странами-членами ШОС: в 2025 г. через нее было отправлено 1225 евразийских железнодорожных грузовых поездов, охватывающих 54 города в 23 странах – членах ШОС и участниках инициативы «Один пояс, один путь» [11]. Стабильные и эффективные трансграничные логистические коридоры связывают региональные торговые связи, обеспечивая странам-членам надежные торговые маршруты и институционализированные выходы к морским коммуникациям. Более того, в Демонстрационной зоне «Китай-ШОС» непрерывно совершенствуется система поддержки трансграничного торгово-экономического сотрудничества. На основе Сервисного центра комплексного обслуживания для трансграничной торговли между Китаем и государствами-членами ШОС с расчетами в китайских юанях углубляется взаимодействие по расчетам в национальных валютах со странами-членами ШОС, что позволяет существенно сократить валютные издержки предприятий и снизить риски, обусловленные колебаниями обменных курсов.

В системе регионального экономического сотрудничества ШОС взаимодействие в энергетической сфере является опорным направлением, сочетающим в себе стратегическую значимость для безопасности и атрибуты экономической взаимовыгоды. Китай играет в этом процессе важнейшую роль в качестве связующего узла и движущей силы. Опираясь на свой сверхмасштабный потребительский рынок, завершенную систему энергетической промышленности, значительные финансовые преимущества и передовые мировые технологические заделы, Китай всесторонне способствует осуществлению трех ключевых качественных скачков в энергетическом сотрудничестве внутри ШОС.

Первый качественный скачок заключается в переходе от двустороннего точечного взаимодополнения спроса и предложения к многосторонней скоординированной региональной энергетической интеграции. На начальном этапе существования ШОС региональное энергетическое сотрудничество было сосредоточено на двусторонней стыковке спроса и предложения нефти и газа между Китаем, Россией и странами Центральной Азии, богатыми энергоресурсами. Оно носило разрозненный характер и ограничивалось рамками решения локальных задач двустороннего баланса. Для преодоления естественных ограничений двустороннего формата Китай последовательно продвигал институциональную модернизацию многосторонних платформ, таких как Совещание министров энергетики государств-членов ШОС и Энергетический клуб. Практически это выразилось в запуске крупных региональных инфраструктурных инициатив, одним из наиболее показательных примеров которых стал газопровод «Китай-Центральная Азия». Строительство и ввод в эксплуатацию газопровода «Китай-Центральная Азия» являются успешным примером многостороннего сотрудничества в рамках ШОС [12]. Этот газопровод является взаимовыгодным партнёрством между странами-производителями, потребителями и транзитёрами энергоресурсов и ярким выражением духа взаимного доверия и совместного развития. Проект представляет собой систему из трёх параллельных ниток (A, B и C) общей протяжённостью около 1833 км и проектной мощностью 60 млрд м³ в год; по состоянию на конец 2024 г. совокупный объём поставок превысил 500 млрд м³, что существенно укрепило стабильность внутреннего газоснабжения Китая [13]. В этом многостороннем проекте Китай сыграл ключевую роль: он обеспечил стабильный рынок и долгосрочный спрос, что позволило странам-поставщикам диверсифицировать экспорт; посредством финансирования, льготных займов и участия китайских компаний были решены вопросы капитала, технологий и строительства. Китай также выступил посредником в координации и переговорах, способствуя уравновешиванию интересов экспортёров и транзитных стран. Участие Китая привело к передаче технологий и созданию рабочих мест, способствуя повышению глубокой переработки газа и развитию местной промышленности.

Второй качественный скачок заключается в переходе от традиционной мономодели торговли нефтью и газом к глубокой интеграции и расширению сотрудничества по всей производственной цепочке в энергетической сфере. Китайские предприятия уже выстроили в странах ШОС систему полноцепочечного взаимодействия, охватывающую разведку и разработку месторождений, строительство трубопроводов, инженерно-технические услуги и сбыт продукции. Для преодоления ограничений двустороннего формата Китай консолидировал позиции сторон и возглавил институциональную модернизацию многостороннего сотрудничества в ШОС, выступив драйвером изменений как на стратегическом, так и на практическом уровнях. В сфере стратегического планирования благодаря инициативе КНР и дипломатии глав государств была принята «Стратегия развития энергетического сотрудничества государств-членов Шанхайской организации сотрудничества до 2030 года», в которой Китай зафиксировал свои промышленные преимущества и концепцию декарбонизации, сместив фокус с торговли сырьем на комплексное макропланирование, глубокую переработку и локализацию мощностей [14].

Третий качественный скачок знаменует переход от обеспечения поставок ископаемого топлива к устойчивому партнерству в рамках зеленой и низкоуглеродной трансформации. В процессе этого перехода практическое сотрудничество в сфере чистой энергетики в регионе

сначала сформировало мощный эмпирический фундамент. Так, к концу 2024 года установленная мощность возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в ШОС уже достигла 2,31 млрд кВт (около 50% от общемирового объема), причем только за 2024 год регион обеспечил порядка 72% всего мирового прироста мощностей (420 млн кВт) [15]. Китай не только снизил себестоимость освоения ВИЭ в рамках ШОС за счет масштабного экспорта оборудования, но и напрямую инвестировал в инфраструктуру: суммарная мощность зеленых проектов с участием китайских компаний достигла 96,3 млн кВт [15]. Реализация КНР таких знаковых объектов, как СЭС «Аль-Дафра» в ОАЭ, фотоэлектрическая станция, проекты по хранению энергии и производству зеленого водорода в Узбекистане, наглядно продемонстрировала колоссальный потенциал декарбонизации на уровне практических проектов. Именно для консолидации этих бурно растущих практических результатов и перехода от разрозненных проектов к системному многостороннему управлению была создана платформа энергетического сотрудничества «Китай-ШОС». Запуск этой площадки стал ключевым результатом усилий Пекина по институционализации процесса трансформации. Используя глобальное превосходство в чистой энергетике, Китай через эту многостороннюю платформу перевел накопленный практический опыт в плоскость долгосрочного регулирования, запустив синергию «безопасность – зелёность – совместность», в рамках которой на основе обеспечения системной безопасности поддерживаются стабильные поставки в переходный период, посредством взаимодействия технологий и отраслей ускоряется состыковка техрегламентов и цепочек поставок ВИЭ, а через совместное управление и развитие потенциала продвигается гармонизация правил и долгосрочное сотрудничество. Таким образом, данная платформа – это не просто инструмент передачи средств или технологий, а институциональный механизм, который переводит региональное сотрудничество с уровня «материального обмена» на уровень совместного управления, способствуя реальному и системному переходу энергосистемы ШОС к диверсификации и декарбонизации [16].

В рамках системы регионального экономического сотрудничества ШОС механизм межбанковского сотрудничества выступает в качестве ключевой институциональной опоры для содействия проектному финансированию и практическому взаимодействию. Будучи основным носителем этого механизма, Межбанковское объединение (МБО) ШОС эволюционировало из первоначальной единой платформы финансового обеспечения в важный финансовый узел, способствующий переходу региональной интеграции от «стратегической концепции» к «проектной реализации».

В этом процессе Китай сыграл структурообразующую ведущую роль: используя многосторонний механизм сотрудничества МБО, он содействовал глубокой стыковке инструментов финансирования инициативы «Один пояс, один путь» с национальными стратегиями развития государств-членов. В целях преодоления «узких мест» в финансировании крупных региональных проектов и укрепления финансовой базы практического сотрудничества, Государственный банк развития Китая учредил две очереди специальных кредитных линий в рамках МБО ШОС на общую сумму 600 млрд юаней. Совместно с банками-членами и банками-партнерами МБО эти средства формируют многостороннюю финансовую синергию, обеспечивая комплексную поддержку реализации проектов в таких приоритетных областях, как инфраструктурная взаимосвязанность, торгово-экономическое и промышленное сотрудничество, развитие малого и среднего бизнеса, а также социальная сфера [17]. Тем самым финансово-распределительная функция МБО эффективно трансформируется в реальные результаты региональной интеграции.

Наряду с укреплением основ проектного финансирования, Китай также играет незаменимую ведущую роль в содействии расширению масштабов расчетов в национальных валютах в рамках МБО ШОС и переформатировании архитектуры региональной финансовой безопасности. Перед лицом сложной и изменчивой международной финансовой обстановки, а также системных побочных эффектов и рисков, вызванных гегемонией единой валюты, повышение доли расчетов в национальных валютах в региональной торговле и инвестициях стало стратегическим консенсусом государств-членов ШОС.

В этом процессе Китай, опираясь на многостороннюю платформу МБО, используя двусторонние соглашения о валютных свопах в качестве базы и Трансграничную межбанковскую платежную систему (CIPS) в качестве инфраструктурной поддержки, активно содействует тому, чтобы расчеты в национальных валютах приобрели регулярный и масштабный характер. С одной стороны, китайские финансовые учреждения за счет увеличения доли финансирования в юанях в целевых кредитах МБО напрямую расширяют сферу применения национальных валют, начиная с самого источника кредитования. С другой стороны, благодаря обеспечению бесперебойной работы каналов клиринга в национальных валютах, эффективно снижаются издержки на конвертацию и подверженность валютным рискам для предприятий стран-членов организации. Данная инициатива не только эффективно повышает устойчивость региональной экономики к рискам, но и знаменует собой то, что межбанковское сотрудничество в рамках ШОС совершает существенный шаг от простой «перекачки капитала» к созданию независимой, безопасной и управляемой «региональной финансовой экосистемы».

Заключение

Можно сделать вывод, что на фоне глубокой перестройки мировой экономической архитектуры, усиления торгового протекционизма и роста международных финансовых рисков, Китай в рамках регионального экономического сотрудничества ШОС неизменно играет ключевую роль лидера в установлении правил, проектировщика механизмов взаимодействия, узлового центра региональной связности и основного драйвера экономического роста.

Путем реализации ключевых программ торгово-экономического сотрудничества, продвижения инициативы создания зоны свободной торговли ШОС и формирования Демонстрационной зоны в Циндао, Китай обеспечил институциональную модернизацию регионального взаимодействия и укрепил фундамент стабильности региональных цепочек производства и поставок. Опираясь на свои рыночные, финансовые и технологические преимущества, Китай способствовал трем качественным трансформациям в региональном энергетическом сотрудничестве: переходу от двусторонней взаимодополняемости к многосторонней интеграции, от простой торговли углеводородами к интеграции всей производственной цепочки, и от обеспечения поставок ископаемого топлива к переходу на зеленую и низкоуглеродную энергетику. Используя Межбанковское объединение ШОС в качестве платформы, Китай через механизмы целевой кредитной поддержки преодолевает «узкие места» в проектном финансировании, содействует масштабному развитию расчетов в национальных валютах и созданию системы зеленого финансирования. Это позволило выстроить безопасную и контролируемую региональную финансовую экосистему, повысить устойчивость региональной экономики к внешним рискам и расширить право голоса в глобальном управлении.

Практика сотрудничества Китая в рамках ШОС неизменно опирается на «Шанхайский дух», суть которого заключается в превращении институциональных преимуществ в возможности развития, доступные для всех стран. Это не только придает мощный импульс интеграционным процессам на пространстве ШОС, но и вносит весомый вклад в совершенствование системы глобального экономического управления.

Литература

1. Гуо Сяоцюн, Цай Чжэнь. Экономическое развитие стран Шанхайской организации сотрудничества и региональное экономическое сотрудничество в условиях столетних перемен // Евразийская экономика. – 2023. – № 6. – С. 104–126.

2. Янь Дэсюэ. Экономическое сотрудничество ШОС: достижения, уроки и перспективы // Китайские международные исследования. – 2021. – № 3. – С. 85–106.

3. Лю Хуацинь. Открытие нового этапа регионального экономического сотрудничества в рамках Шанхайской организации сотрудничества // Евразийская экономика. – 2025. – № 1. – С. 1–23.

4. Подбиралина Г. В., Мигалева Т.Е. Экономические интересы Китая и России в Шанхайской организации сотрудничества // Международная торговля и торговая политика. – 2015. – № 2. – С. 83–93.

5. Пилипенко В.В. Анализ экономического взаимодействия в Шанхайской организации сотрудничества // Вестник университета. – 2024. – № 2. – С. 124–132.

6. Горда А.С. Стратегические направления развития экономической интеграции в рамках ШОС // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2021. – № 4. – С. 181–186.

7. Программа многостороннего торгово-экономического сотрудничества государств-членов ШОС // Министерство национальной экономики Республики Казахстан. 22 июня 2021. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/economy/documents/details/181401?lang=ru&ysclid=mnzkkcacke862879885 (дата обращения: 15.04.2026).

8. 商务部召开上海合作组织经贸合作专题吹风会. 2025年08月27日. [Министерство коммерции КНР провело специальную пресс-конференцию по тематике торгово-экономического сотрудничества в рамках Шанхайской организации сотрудничества.]. URL: https://www.mofcom.gov.cn/xwfbzt/2025/swbzkshzzjmhzcfh/index.html (дата обращения: 15.04.2026).

9. 上海合作组织成员国总理会晤在京举行 – 温家宝总理主持会议并讲话. 2003年09月23日. [В Пекине состоялось Заседание Совета глав правительств государств-членов Шанхайской организации сотрудничества – Председатель Госсовета КНР Вэнь Цзябао председательствует на заседании и выступает с речью.]. URL: https://www.mfa.gov.cn/gjhdq_676201/gjhdqzz_681964/lhg_683094/xgxw_683100/200309/t20030923_9388220.shtml (дата обращения: 15.04.2026).

10. Ху Бэйбэй, У Ди, Ли Синь. Создание зоны свободной торговли Шанхайской организации сотрудничества и анализ ее экономических эффектов // Международный обзор. – 2018. – № 3. – С. 50–69.

11. 2025年上合示范区到发中欧班列增长超20%. 2026年01 12日. [Объем прибытия и отправки поездов Китай-Европа из демонстрационной зоны ШОС в Циндао по итогам 2025 г. вырос более чем на 20%.]. URL: http://gkb.customs.gov.cn/customs/2026–01/12/article_2026011217283252455.html (дата обращения: 15.04.2026).

12. 上合组织框架下的能源合作 – 管道合作视角的分析. 2013年09月10日. [Энергетическое сотрудничество в структуре ШОС – анализ с позиции трубопроводного взаимодействия.]. URL: https://www.siis.org.cn/lw/329.jhtml (дата обращения: 20.04.2026).

13. По трубопроводу Китай-Центральная Азия поставлено более 500 млрд кубометров природного газа // Синьхуа Новости. 19 ноября 2024. URL: https://russian.xinhuanet.com/20241119/ee87dc0ad84a408b995856140aea1086/c.html (дата обращения: 20.04.2026).

14. Решение Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества об утверждении Стратегии развития энергетического сотрудничества государств-членов Шанхайской организации сотрудничества на период до 2030 года // Шанхайская организация сотрудничества. 4 июля 2024. URL: https://rus.sectsco.org/20240704/1599069.html (дата обращения: 15.04.2026).

15. 中国 – 上海合作组织国家能源合作交出亮眼»成绩单». 2025年09月01日. [Сотрудничество в энергетической сфере между Китаем и странами-членами Шанхайской организации сотрудничества принесло впечатляющие результаты.]. URL: https://www.nea.gov.cn/20250901/f826b5c4f99a4fe48e8d785b9b335a89/c.html (дата обращения: 20.04.2026).

16. 国家能源局举行中国 – 上海合作组织能源合作平台揭牌仪式. 2025年09月02日. [Церемония открытия платформы Китай-ШОС по энергетическому сотрудничеству проведена Национальным энергетическим управлением Китая.]. URL: https://www.nea.gov.cn/20250902/759dc6234aa14873ac44f3147b73a2eb/c.html (дата обращения: 20.04.2026).

17. 服务建设更加美好的上海合作组织家园 国开行：金融纽带连上合 合作共赢谱新篇. 2025年08月30日. [Государственный банк развития Китая: финансовый мост для Шанхайской организации сотрудничества, новая глава взаимовыгодного сотрудничества.]. URL: https://www2.xinhuanet.com/money/20250828/20cb5ac9a01c45aa8c178ecbf8f7b848/c.html (дата обращения: 20.04.2026).

THE ROLE OF CHINA IN REGIONAL ECONOMIC COOPERATION WITHIN THE SCO

Liu Wendong
Belarusian State University

The article examines the issue of regional economic cooperation within the framework of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) and systematically analyzes the functional role of China in this process. China is identified as a key initiator, «mechanism designer», and the main driver of integration. The article presents the results of an analysis of cooperation in the trade, economic, energy, and interbank spheres. It demonstrates that the PRC promotes the creation of a free trade area, the transition to multilateral energy integration, and sustainable partnership through green transformation. The research results confirm that utilizing the mechanisms of the SCO Interbank Consortium to expand settlements in national currencies enhances regional financial security. The article concludes that China's practice, based on the «Shanghai Spirit,» contributes to deepening regional integration and improving global economic governance.

Keywords: People's Republic of China, Shanghai Cooperation Organization, economic cooperation, multilateral cooperation.

References

1. Guo Xiaoqiong, Cai Zhen. Economic development of SCO member states and regional economic cooperation in the context of centennial changes // Eurasian Economy. – 2023. – № 6. – P. 104–126.

2. Yan Dexue. Economic Cooperation of the Shanghai Cooperation Organization: Achievements, Lessons, and Prospects // International studies. – 2021. – № 3. – P. 85–106.

3. Liu Huaqin. Embarking on a New Journey of Regional Economic Cooperation within the Shanghai Cooperation Organisation // Eurasian Economy. – 2025. – № 1. – P. 1–23.

4. Podbiralina G. V., Migaleva T.E. Economic Interests of China and Russia in the Shanghai Cooperation Organization // International Trade and Trade Policy. – 2015. – № 2. – P. 83–93.

5. Pilipenko V.V. Analysis of Economic Interaction in the Shanghai Cooperation Organization // Vestnik Universiteta. – 2024. – № 2. – P. 124–132.

6. Gorda A.S. Strategic Directions for the Development of Economic Integration within the SCO // Greater Eurasia: Development, Security, Cooperation. – 2021. – № 4. – P. 181–186.

7. Program of multilateral trade and economic cooperation of state members of the Shanghai Cooperation Organization // Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan. June 22 2021. URL: https://www.gov.kz/memleket/entities/economy/documents/details/181401?lang=ru&ysclid=mnzkkcacke862879885 (date of reference: 15/04/2026).

8. The Ministry of Commerce of the People's Republic of China Holds a Special Briefing on SCO Economic and Trade Cooperation. August 27 2025. URL: https://www.mofcom.gov.cn/xwfbzt/2025/swbzkshzzjmhzcfh/index.html (date of reference: 15/04/2026).

9. A Meeting of the Prime Ministers of the Member States of the Shanghai Cooperation Organization Was Held in Beijing – Premier Wen Jiabao Chairs Meeting and Delivers Speech. September 23 2003. URL: https://www.mfa.gov.cn/gjhdq_676201/gjhdqzz_681964/lhg_683094/xgxw_683100/200309/t20030923_9388220.shtml (date of reference: 15/04/2026).

10. Hu Beibei, Wu Di, Li Xin. The Establishment of the Shanghai Cooperation Organization Free Trade Area and Analysis of its Economic Effects // International Review. – 2018. – № 3. – P. 50–69.

11. China-Europe Railway Expresses Operating in the SCO Demonstration Area Saw Over 20% Growth in 2025. January 12 2026. URL: http://gkb.customs.gov.cn/customs/2026–01/12/article_2026011217283252455.html (date of reference: 15/04/2026).

12. Energy Cooperation under the SCO Framework: An Analysis from the Perspective of Pipeline Cooperation. September 10 2013. URL: https://www.siis.org.cn/lw/329.jhtml (date of reference: 20/04/2026).

13. More than 500 billion cubic meters of natural gas delivered via China-Central Asia pipeline // Xinhua News. November 19 2024. URL: https://russian.xinhuanet.com/20241119/ee87dc0ad84a408b995856140aea1086/c.html (date of reference: 20/04/2026).

14. Decision of the Council of Heads of State of the Shanghai Cooperation Organization on the Approval of the Strategy for the Development of Energy Cooperation Among the Member States of the Shanghai Cooperation Organization for the Period Until 2030 // The Shanghai Cooperation Organization. July 4 2024. URL: https://rus.sectsco.org/20240704/1599069.html (date of reference: 20/04/2026).

15. China-SCO Energy Cooperation Delivers Impressive Results. September 1 2025. URL: https://www.cpnn.com.cn/nengyuan/tianranqi/201812/t20181210_1257270.html (date of reference: 20/04/2026).

16. National Energy Administration Holds Unveiling Ceremony for China-SCO Energy Cooperation Platform. September 2 2025. URL: https://www.nea.gov.cn/20250902/759dc6234aa14873ac44f3147b73a2eb/c.html (date of reference: 20/04/2026).

17. Serving the Building of a Better SCO Home: China Development Bank Strengthens Financial Ties with SCO to Write a New Chapter of Win-Win Cooperation. August 30 2025. URL: https://www2.xinhuanet.com/money/20250828/20cb5ac9a01c45aa8c178ecbf8f7b848/c.html (date of reference: 20/04/2026).

Становление информационных войн как важного инструмента мировой политики

Орлов Кирилл Владимирович,
аспирант, кафедра прикладного анализа международных проблем, МГИМО МИД России
E-mail: kirill.uk@yandex.ru

Статья посвящена становлению информационных войн как одного из важнейших инструментов мировой политики и развитию методов информационно-психологического воздействия с древнейших времен до современного этапа международных отношений. Рассматривается эволюция способов воздействия на массовое сознание, применявшихся государствами в ходе политического и военного противоборства. Особое внимание уделяется роли пропаганды, дезинформации, психологического воздействия и трансграничного радиовещания. На основе исторических примеров анализируется использование информационных методов для деморализации противника, формирования общественного мнения и достижения военно-политических целей. Отдельно рассматривается процесс становления международного радиовещания и радиовойн в первой половине XX века, а также превращение средств массовой информации в значимый инструмент внешней политики государств. Цель исследования состоит в анализе истории информационно-психологических войн и основных методов их ведения. Исследование проводится с использованием мультипарадигмального метода. Сделан вывод о том, что развитие технологий и появление новых каналов коммуникации существенно расширили возможности информационного воздействия, однако его базовые принципы во многом сохранились. Информационное противоборство остается значимым элементом мировой политики и межгосударственной конкуренции.

Ключевые слова: информационная война; пропаганда; информационно-психологическое воздействие; радиовойны; дезинформация; мировая политика; международные отношения; психологическая война; международное радиовещание; информационное противоборство; средства массовой информации.

Информационные войны за последние сто лет стали основным видом борьбы государств и других субъектов мировой политики на международной арене: с ее помощью свергаются правительства, начинаются массовые протесты и беспорядки, разжигаются и выигрываются войны. Сегодня, в дни проведения Россией специальной военной операции на Украине и в условиях конфликта ряда западных государств и Российской Федерации роль информационных войн вновь, как и во время всех предыдущих конфликтов, серьезно возросла, и эта проблематика снова стала одной из наиболее актуальных.

Пропаганда, которая чаще всего в массовом сознании ассоциируется сугубо с внутриполитическим процессом, на деле играет важную роль и в международных отношениях, государства воздействуют на сознание не только своих граждан, но и активно работают с населением других стран, как союзных, так и враждебных, и этот вопрос в последние годы становится все более актуальным. Несмотря на появление и повсеместное распространение интернета и перехода информационно-психологической войны на сетевой уровень, сами методы пропаганды тех или иных идей за последние сто лет практически не изменились. По своей сути большинство современных информационных битв проходят с использованием тех принципов формирования общественного мнения, которое человечество формировало столетиями, оттачивая свою военную пропаганду, а потому важно рассмотреть процесс становления информационных войн как одного из важнейших инструментов мировой политики. Исследование производится с помощью мультипарадигмального метода. Целью исследования является анализ истории информационно-психологических войн и основных методов ведения информационной войны.

Пропаганда, по данным «Большой советской энциклопедии», – это популяризация и распространение в обществе политических, культурных, религиозных, философских, научных, художественных или иных идей посредством общения, средств массовой информации, визуальных или иных средств воздействия на общественное сознание, с целью активизации массовой практической деятельности» [1, с 95–96].

Для достижения поставленных целей, будь то цели какой-то узкой группы интересов или общегосударственные, крупные государства в современном мире могут воевать не только на поле боя, хоть и локально, но и использовать в своих целях пропаганду, использовать как оружие информацию, тем более в век интернета, когда барьеры распространения информации не работают на должном уровне даже в таких закрытых, на первый взгляд, странах как Китай со своим знаменитым проектом «Золотой щит». Информационное противостояние – это противоборство в информационно-психологической сфере с целью усиления влияния на определенные сферы социальных отношений и установления контроля над источниками стратегических ресурсов, в результате которого одни участники соперничества получают преимущества, необходимые им для дальнейшего развития, а соответственно другие их утрачивают [2, с. 14]. Под рассматриваемым термином понимается борьба государств и других игроков в информационной сфере, которая подразумевает комплексное разрушительное воздействие на информацию, информационные системы и информационную инфраструктуру противоборствующей стороны и, в то же самое время, защитой собственной информации, информационных систем и информационной инфраструктуры от схожего воздействия со стороны противника. Американский ученый-политолог и психолог, ведущий специалист по психологической войне и разведчик Пол Лайнбарджер в своей работе «Психологическая война» пишет, что война такого типа не направлена против специалистов по информационной войне в стане противника; «она не подчиняется законам, приемам и традициям войны и не зависит от территории, хода боевых действий или состава воюющих армий» [3, с.4]. Психологическая война, пишет Лайнбарджер, является непрерывным процессом и поражение, и победа в этой войне или вообще какой-либо эффект может проявляться через несколько месяцев или даже лет после проведения той или иной операции. «Тем не менее успех, который нельзя выразить никакими количественными показателями, может привести к победе в войне, а провал, ничем внешне себя не проявивший, может породить сокрушительный разгром» – заключает исследователь. Американский историк Сол Падове считал, что информационная война есть ничто иное, как уничтожение желания противника сражаться, используя все возможные виды ком-

муникации. Воздействие на массовое сознание уже несколько сотен лет рассматривается как мощное оружие, которое, кстати, отлично зарекомендовало себя в сотнях конфликтов, в том числе и военных. Пропаганда – это не только мощный инструмент консолидации своего населения, но и способ оказания деструктивного влияния на население государства-противника. Еще в древности для деморализации вражеской армии люди использовали различные методы психологического воздействия на противника, например боевой клич, который был необходим не только для демонстрации своей решимости сражаться за победу, но и являлся способом демонстрации своего численного превосходства (причем часто использовался скорее для имитации этого превосходства за счет громкости крика толпы), что, будучи яркими вербальными символами, активно действовало на обе стороны сражения и позволило сохранить традицию боевого клича и до наших дней. Постепенно полководцы и правители все чаще стали обращать внимание на особенности человеческой психики, все активнее применялись различные, все более сложноорганизованные способы информационного воздействия. Так, согласно Книге Судей Израилевых, еще в XI век до н.э. Гедеон, пятый по счёту из судей израильских, с небольшим отрядом в 300 воинов провел удачное ночное нападение на мадианитян, которых было «как саранча и как песка на берегу моря»; в ужасе и ночной суматохе они рубили друг друга, и в беспорядке бежали за Иордан, надолго оставив в покое Ханаан. Хитрость заключалась в том, что Гедеон велел снабдить всех отобранных воинов светильниками и кувшинами. Кроме того, каждый солдат, помимо накрытого кувшином светильника, нес еще и трубу, таким образом заставив поверить жителей Мидии, что что на город идет войско численностью 30 тысяч человек, ведь «тактика того времени требовала, чтобы на каждую сотню воинов приходился один человек со светильником и один трубач» [3 с.7]. Уже в «Ману-самхита» (известной также как «Законы Ману») древнеиндийский сборник религиозно-нравственных и правовых предписаний, созданный в том виде, в каком она дошла до нас, еще во II веке до нашей эры – II веке нашей эры [4], говорится, что в условиях войны необходимо в первую очередь вносить раскол в войска противника, бить по боеспособности армии, поощряя к мятежу тех, кого удастся к этому склонить. Этот метод зарекомендовал себя как действенный, к нему прибегали и прибегают до сих пор стороны тысяч конфликтов, вплоть до идущих сегодня [5, с. 21–29].

В Средневековье все чаще и чаще на противника стали воздействовать не только грубой силой, но и дезинформацией: так, в полевом уставе армии США под названием «Психологические операции» разбирается работа монгольских лазутчиков, которые приукрашивали и преувеличивали мощь монгольской армии перед народом и правителями государств, которые должны были вскоре подвергнуться нападению армии Чингизсана. ««Все монгольские воины – настоящие мужчины, которые выглядят как богатыри, все их мысли связаны лишь только с войной и кровью, поэтому они выражают такое огромное нетерпение к бою, что их полководцам еле-еле удается их сдерживать. Все же несмотря на то, что они настолько жестоки, они держат себя в руках в рамках строгой покорности командирам и полностью посвятили себя службе своему правителю. Войны довольствуются любой пищей и не очень разборчивы в выборе своего ужина, они едят не только привычное свиное мясо, но и мясо волка, медведя и собаки. По численности, войска Чингисхана напоминают кузнечиков, сосчитать которых не представляется возможным» – убеждали своих собеседников монгольские пропагандисты, заранее сея в разум противника страх и трепет перед Игом. Использовались монголами и другие интересные приемы. Так, в 1241, во время вторжения монголов в Венгрию, хану Батыю удалось заполучить в качестве трофея после победы на реке Шайо печать короля Белы, благодаря чему Батыю удалось обманом завоевать многие венгерские города: по указанию хана грамотные пленники от имени короля Венгрии написали на венгерском языке приказ о прекращении сопротивления, заверенный королевской печатью, после чего он был разослан в разные концы еще не завоеванной страны.

Говорит о важности информационно-психологического воздействия на противника и Сунь Цзы в «Трактате о военном искусстве», написанном в IV веке до нашей эры. В работе отмечается значимая роль полуправды, дезинформации и обмана как важных инструментов психологического влияния во время войны. Он писал: «Война – это путь обмана. Поэтому, если ты и можешь что-нибудь, показывай противнику, будто не можешь; если ты и пользуешься чем-нибудь, показывай ему, будто ты этим не пользуешься…» [6, с. 53].

Это можно проиллюстрировать тысячами успешных примеров использования государствами дезинформации в своих военно-стратегических целях. Одним из таких примеров является знаменитая дезинформационная операция «Фортитьюд», специально разработанная союзниками для отвлечения внимания командования немецкой армии от реального направления сосредоточения основных сил во время вторжения союзных войск в Нормандию. Союзникам необходимо было не допустить увеличения немецкого военного присутствия в районах высадки, чего они решили достичь путем создания вида, что союзные войска нападут на немецкие позиции в других местах.

Информационная атака предполагала сразу несколько каналов воздействия, среди которых были и контролируемые утечки нужной для операции информации, и создание реально существующих полноразмерных единиц военной техники, поддельной инфраструктуры и оборудования: на отвлекающие позиции было выведены резиновые танки (надувные) и артиллерия из фанерной доски. Кроме того, были задействованы и реальные солдаты [7, с. 54]

Благодаря операции «Фортитьюд» удалось достичь почти полного отсутствия немецкой воздушной разведки в Нормандии, кроме того, значительная часть танков резервов Третьего Рейха находилась в выгодных союзникам районах. Реализация этого и ряда аналогичных дезинформационных планов позволила долгое время держать Германию в неведении относительно реального места высадки сил морского десанта союзников [8, 324 с.].

Это, разумеется, не единственный метод, позаимствованный военачальниками более поздних эпох у своих древних коллег. Так, в V веке до нашей эры персидский царь Ксеркс I распространял среди врагов слухи о гигантских размерах и чудовищной силе его армии [5, с. 21–29], что оказалось достаточно результативным. Настолько же успешно этот прием показал себя и в период англо-аргентинского конфликта – Фолклендской войны. Аргентинские солдаты имели не очень высокий боевой настрой, учитывая значительное отставание от английской армии и по качеству вооружения, и по уровню боевой подготовки солдат, и по техническому оснащению. Большим ударом для аргентинцев стало и потопления аргентинского крейсера «Генерал Бельграно» [9, с.13], вместе с которым погибла значительная часть экипажа (323 человека, что составляет около половины всех людских потерь Аргентины в Фолклендской войне), что было удачно использовано британскими пропагандистами для демонстрации превосходства английской армии над аргентинской и доказательства бессмысленности дальнейшего сопротивления аргентинских войск путем подрыва морального духа [10].

Как однажды довольно точно заметил тридцать седьмой президент Соединённых Штатов Ричард Никсон, «выгоднее вложить один доллар в прессу, чем десять в оружие: оружие вряд ли заговорит, а пресса с утра до ночи не закрывает рта» [11] и именно XX век стал переломным для информационных войн, ведь именно тогда существенно возросла роль пропаганды и СМИ окончательно стали формировать политическую повестку не только в столицах, но и повсеместно. Так, например, даже в Сибири во время Гражданской войны «телеграф, газеты, телеграфные агентства, листовки, плакаты, и агитаторы считались основными каналами передачи информации…, СМИ, не считая слухов, формировали политическую повестку дня сибирского населения.» [12]. Кроме того, открытие, сделанное великим русским физиком и электротехником в 1895 г., создание А.С. Поповым радио, определило дальнейшее развитие средств связи и произвело настоящую революцию в деле передачи информации, а значит и в работу СМИ. Примерно с 1922 года в некоторых государствах начались экспериментальные и, в некоторых случаях, даже регулярные радиопередачи. В 1922 г. в США начинается стремительный подъем радиоиндустрии. Если к маю этого года было выдано всего около 300 лицензий на право вещательной деятельности, то к концу года количество выданных лицензий достигло уже 570. В начале двадцатых годов наблюдался стремительный рост числа регулярно вещающих радиостанций [13, с. 26]. В Советской России уже в 1919 году в Нижнем Новгороде были попытки наладить экспериментальные радиопередачи для широкой аудитории, позже подобные попытки были предприняты и в других крупных городах, например Москве и Казани и как раз примерно к 1922 году советское руководство активно занялось вопросом радио. В своей записке Народному комиссару почт и телеграфов от 11 мая 1922 года Владимир Ильич Ленин пишет: «в связи с Вашим письмом ко мне, прошу Вас сообщить, вполне ли Вы довольны работой Нижегородской радиолаборатории; а также прислать мне, по возможности самый короткий, отзыв Бонч-Бруевича о том, как идет его работа по изготовлению рупоров, способных передавать широким массам то, что сообщается по беспроволочному телефону. Эти работы имеют для нас исключительно важное значение ввиду того, что их успех, который давно был обещан Бонч-Бруевичем, принес бы громадную пользу агитации и пропаганде, поэтому необходимо пойти на некоторые жертвы, чтобы поддержать эти работы. В частности, я слышал, что в Америке подобные работы повели уже к успешным практическим результатам.» [14, с.255]

Важно отметить, что изначально радиостанции вещали только на средних частотах, но уже во второй половине 1920-х годов началось быстрое освоение длинных и, что значительно сказалось на пропаганде, коротких радиоволн. Дело в том, что вещание в коротковолновом диапазоне, покрывающем большие расстояния, являлось на тот момент наиболее привлекательным для ведения информационной войны, ведь именно на таких частотах (от 3 МГц (длина волны 100 м) до 30 МГц (длина волны 10 м)) открывались возможности организовать радиопередачи, направленные, во-первых, на отдаленные от центра территории Советского Союза, а во-вторых, на территории иностранных государств.

В письме Иосифу Сталину от 16 мая 1922 года Владимир Ленин пишет: «Из [приложенных к письму] докладов видно, что в нашей технике вполне осуществима возможность передачи на возможно далекое расстояние по беспроволочному радиосообщению живой человеческой речи; вполне осуществим также пуск в ход многих сотен приемников, которые были бы в состоянии передавать речи, доклады и лекции, делаемые в Москве, во многие сотни мест по республике, отдаленные от Москвы на сотни, а при известных условиях, и тысячи верст. Я думаю, что осуществление этого плана представляет для нас безусловную необходимость как с точки зрения пропаганды и агитации, …, поэтому я думаю, что ни в коем случае не следует жалеть средств на доведение до конца дела организации радиотелефонной связи и на производство вполне пригодных к работе громкоговорящих аппаратов.» [15, с.194]

К концу 20-х годов XX века вещание на территории других государств начинают практически все ведущие державы: американские радиостанции NBC и CBS организуют регулярное вещание на испанском языке на страны Латинской Америки, иностранное вещание начинает Германия, иновещание из СССР также становится регулярным с целью распространения по всему миру «идей коммунизма и доказательства преимуществ социализма перед капитализмом».[16] Эти процессы отодвинули на второй план также каналы информационно-психологического воздействия одних государств на другие как распространение печатных материалов. Трансграничное вещание позволило превратить пропаганду в важнейший инструмент успешного ведения внешней политики, 30-е годы XX века стали началом эпохи радиовойн: стало очевидно, что с радиопередачи противника необходимо бороться. Первенство в области глушения широковещательных радиопередач принадлежит Берлину и Москве: в конце 20-х Германия начала блокировать радиопередачи Коминтерна, Советский Союз же в 1931 году начал глушить передачи Румынского радио. После этого и другие государства стали применять этот простой, но действенный метод: С 1934 г. Австрия уже транслировала шум на немецких волнах, через два года Италия стала глушить сигнал из Лондона, еще через год СССР и Испания стали взаимно глушить передачи друг друга. В 1938 г. между СССР и Германией тоже вспыхнула радиовойна, которая, разумеется, вышла на новый уровень во время Второй Мировой. 22 июня 1941 года в 12 часов 15 минут «Всесоюзное радио» передало выступление наркома иностранных дел Вячеслава Молотова, который сообщил советским гражданам о нападении на СССР Германии. Повтор выступления Вячеслава Михайловича крутили по радио в течение всего дня с интервалом в один час, затем текст выступления был опубликован во всех советских газетах [17, с. 214]. Слова, завершающие обращение Молотова, «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами», стали одной из основ агитационно-пропагандистской работы, настраивающей граждан на победу, которая так же велась именно при помощи радиовещания. Легендарный советский диктор Юрий Борисович Левитан, чей глубокий голос был без преувеличения самым известным в охваченном войной СССР, рассматривался немецким руководством как один из опаснейших врагов. Известный историк радио А.А. Шерель писал: «В одном из берлинских архивов мне показали очень любопытный документ – распоряжение из канцелярии самого Гитлера. Оказывается, по его приказу осенью 1941-го в войсках, наступавших на Москву, была сформирована спецгруппа СС, которая должна была в случае захвата большевистской столицы немедленно найти самых опасных для рейха людей. Под № 1 в списке значился Ю. Левитан«[16].

На третий день после речи Вячеслава Михайловича Молотова, 25 июня 1941 года, было издано Постановление Совета Народных Комиссаров СССР № 1750 «О сдаче населением радиоприемных и радиопередающих устройств»: «Учитывая, что в связи с обстоятельствами военного времени радиоприемники и передатчики могут быть использованы вражескими элементами в целях, направленных во вред Советской власти, Совет Народных Комиссаров Союза ССР постановляет обязать всех без исключения граждан, проживающих на территории СССР и имеющих у себя радиоприемники (ламповые, детекторные и радиолы), в пятидневный срок сдать их органам связи по месту жительства. Обязательной сдаче подлежат также радиопередающие устройства всех типов, как индивидуального, так и коллективного пользования … Установить, что лица, не сдавшие в установленный срок радиоприемники и передатчики, подлежат уголовной ответственности по законам военного времени» – сказано в постановлении [18].

Важной датой в истории радиоволн является и 14 декабря 1942 года: в этот день нарком внутренних дел СССР Л.Берия представил председателю ГКО СССР И.Сталину о необходимости создания в Красной Армии «Службы по забивке немецких радиостанций, действующих на поле боя» [19]. Уже 16 декабря Сталин подписал Постановление ГКО № 2633 »Об организации в составе Управления Войсковой разведки Генерального Штаба Красной Армии отдела по руководству работой радиостанций мешающего действия».

С началом Второй Мировой войны активно видоизменяется и направленность радиопропаганды западных стран, входивших в антигитлеровскую коалицию (например США и Англия), еще большую роль радиопропаганда теперь играет и в жизни Германии, которая, с одной стороны, ведет психологическая работу с населением, с другой же пытается влиять и на население государств-противников, которые тоже активно вели радиовойну. Так, Великобритания, вступив в войну, сразу же организует иновещание на немецком языке. Так же поступают и Соединенные Штаты Америки: в этот период деятельность их внешнеполитической радиопропаганды носила явный антифашистский и просоветский характер, что сильно контрастирует с предыдущим и последующим периодами. «Но, отмечая позитивную роль внешнеполитической радиопропаганды США и Англии в годы борьбы против фашизма, нельзя забывать и о том, что эти годы явились для них хорошей школой дальнейшего совершенствования стратегии и тактики ведения радиовойны, особенно с точки зрения использования в будущем того опыта, который накопила фашистская Германия» – писал доктор исторических наук А. Панфилов. [20, с 145]

С таким багажом мир подошел к Холодной войне, которая, в первую очередь, была войной идеологической и которая в ослабленном виде продолжается и сегодня, причем несмотря на появление сначала телевидения, а потом и интернета, цели и методы пропаганды остались во многом прежними и важно помнить, что пропаганда – не только инструмент управления населением, но и способ оказания деструктивного влияния на население государства-противника, основное орудие информационного противоборства, которое используется человечеством уже тысячи лет и основной целью которого можно назвать завоевание и удержание информационного превосходства над противником, тем более что этот метод позволяет безнаказанно делать то, на что неспособна грубая сила – отнимать суверенитет, политическую и экономическую независимость у целых государств и народов.

Литература

1. Пропаганда [Текст] // Большая советская энциклопедия: [В 30 т.] / Гл. ред. А.М. Прохоров. – 1975. – Т. 21. – С. 95–96.

2. Сулейманова Ш.С., Назарова Е.А. Информационные войны: история и современность: Учебное пособие. – М.: Международный издательский центр «Этносоциум», 2017. – 124 с.

3. Пол Лайнбарджер. Психологическая война. Теория и практика обработки массового сознания. – М.: Военое издательство МО СССР, 1962. – 352 с.

4. Бюлер Г. The laws of Manu, transl. by G. Buhler, Oxford, 1866, P. XVIIIXLV («Sacred books of the East», vol. XXV) // Sacred books of the East. – 1866. – T. T. XXV. – P. C. XVIII–XLV.

5. Волковский Н.Л. История информационных войн: т. 1 (с древнейших времён по XIX век)/под ред. И. Петрова. – СПб.: Полигон, 2003. – 502 с.

6. Колесов Э.Е. Информационная война в военных конфликтах второй половины 20 столетия: исторический аспект. – К.: Национальная академия обороны Украины, 2007. – 345 с.

7. Howard, Sir Michael, Strategic Deception (British Intelligence in the Second World War, Volume 5) Cambridge University Press, New York, 1990, 271 P.

8. Hesketh R. Fortitude: The D-Day Deception Campaign. – New York: Overlook Press, 2000. – 552 p.

9. Соломонов П.В., Соломонов Б.В., Волков А.Е. Корабли Фолклендской войны: флоты Великобритании и Аргентины. 32 с. – Москва: Морская коллекция, 2007.

10. Карташов И. В Аргентине почтили память «Генерала Бельграно» [Электронный ресурс]. // Российская газета 03.05.2012. – URL: https://rg.ru/2012/05/03/general-site-anons.html (дата обращения: 29.07.2026).

11. Рунов В. Негативная информационная среда-важный фактор воздействия на современное общество [Электронный ресурс]. // Аргу-

менты и факты Кубань 16.05.2011. – 2011. – URL: https://kuban.aif.ru/society/details/99944 (дата обращения: 28.07.2026).

12. Петрушин Ю.А., Шилова О.С. Сми как инструмент информационно-пропагандистской политики во время Гражданской войны в Сибири // Вопросы теории и практики журналистики. – 2019. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/smi-kak-instrument-informatsionno-propagandistskoy-politiki-vo-vremya-grazhdanskoy-voyny-v-sibiri (дата обращения: 21.07.2026).

13. Ю.В. Ткаченко. Основы радиожурналистики: Учебное пособие. – Тирасполь: Изд-во Приднестр. ун-та, 2015. – 107 с.

14. Ленин В.И. «Ленинский сборник» т. XXXVI. – Москва: Госполитиздат, 1959. – 555 с.

15. Ленин В.И. Полное собрание сочинений Том 45 (март 1922 ~ март 1923). – Москва: Издательство политической литературы, 1970. – 729 с.

16. Шариков А.В. Политическое радио через призму истории. Часть 2 // Broadcasting. Телевидение и радиовещание. – 2008. – № 3. – С. 66–69.

17. Микоян А.И. Так было. – Москва: Вагриус, 1999. – 612 с.

18. Постановление Совета Народных Комиссаров СССР «О сдаче населением радиоприемных и радиопередающих устройств» (25.06.1941). – 1941. – № 1750 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.rkk-museum.ru/documents/archives/images/4–41–01.pdf (дата обращения: 08.18.2026).

19. Постановление № ГКО-2633сс «Об организации в Красной Армии специальной службы по забивке немецких радиостанций, действующих на поле боя» (16.12.1942) [Электронный ресурс]. – 1942. – URL: http://www.teatrskazka.com/Raznoe/PostanovGKO/194212/gko_2633.html (дата обращения: 28.07.2026).

20. Панфилов А. Радиовойна: история и современность: очерки о внешнеполитической радиопропаганде фашистской Германии, США, Англии и ФРГ. 240 с. – Москва: Искусство, 1984.

THE EMERGENCE OF INFORMATION WARFARE AS A MAJOR INSTRUMENT OF INTERNATIONAL POLITICS

Orlov K.V.
Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

The article examines the emergence of information warfare as one of the major instruments of international politics and the development of methods of information and psychological influence from ancient times to the contemporary stage of international relations. It considers the evolution of methods used by states to influence mass consciousness in the course of political and military confrontation. Particular attention is paid to propaganda, disinformation, psychological influence, and cross-border radio broadcasting. Based on historical examples, the study analyzes the use of information methods to demoralize the adversary, shape public opinion, and achieve military and political objectives. Special attention is given to the emergence of international broadcasting and radio warfare in the first half of the twentieth century, as well as to the transformation of mass media into an important instrument of states' foreign policy. The purpose of the study is to analyze the history of information and psychological warfare and its principal methods. The research is based on a multiparadigmatic approach. It concludes that technological development and the emergence of new communication channels have significantly expanded the possibilities of information influence, while its fundamental principles have remained largely unchanged. Information confrontation continues to be an important element of international politics and interstate competition.

Keywords: information warfare; propaganda; information and psychological influence; radio warfare; disinformation; international politics; international relations; psychological warfare; international broadcasting; information confrontation; mass media.

References

1. [Propaganda] [Tekst] // Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya: [V 30 t.] / Gl. red. A.M. Prokhorov. – 1975. – T. 21. – S. 95–96 (In Russian).

2. Sulejmanova Sh.S., Nazarova E.A. [Information Wars: History and Modernity: Educational Manual]. – M.: Mezhdunarodnyj izdatel'skij tsentr «Etnosotsium», 2017. – 124 s (In Russian).

3. Pol Lajnbardzher. [Psychological Warfare. Theory and Practice of Mass Consciousness Processing]. – M.: Voenoe izdatel'stvo MO SSSR, 1962. – 352 s (In Russian).

4. Бюлер Г. [The laws of Manu, transl. by G. Buhler, Oxford, 1866, P. XVIIIXLV («Sacred books of the East», vol. XXV)] // Sacred books of the East. – 1866. – T. T. XXV. – P. C. XVIII–XLV (In Russian).

5. Volkovskij N.L. [History of Information Wars: Vol. 1 (from Ancient Times to the 19th Century) / edited by I. Petrov]. – SPb.: Poligon, 2003. – 502 s (In Russian).

6. Kolesov E.E. [Information Warfare in Military Conflicts of the Second Half of the 20th Century: Historical Aspect]. – K.: Natsional'naya akademiya oborony Ukrainy, 2007 (In Russian).

7. Howard, Sir Michael, Strategic Deception (British Intelligence in the Second World War, Volume 5) Cambridge University Press, New York, 1990, 271 P.

8. Hesketh R. Hesketh, Roger, Fortitude, The D-Day Deception Campaign, Overlook Press, New York, 2000,. – New York: Overlook Press, 2000. – 552 P.

9. Solomonov P.V., Solomonov B.V., Volkov A.E. [Ships of the Falkland War: Fleets of Great Britain and Argentina. 32 p.]. – Moskva: Morskaya kollektsiya, 2007 (In Russian).

10. Kartashov I. [Argentina Honored the Memory of 'General Belgrano'] [Elektronnyj resurs]. // Rossijskaya gazeta 03.05.2012. – 2012. – URL: https://rg.ru/2012/05/03/general-site-anons.html (data obrashcheniya: 29.11.2023) (In Russian).

11. Runov V. [Negative Information Environment–An Important Factor of Impact on Modern Society] [Elektronnyj resurs]. // Argumenty i fakty Kuban' 16.05.2011. – 2011. – URL: https://kuban.aif.ru/society/details/99944 (data obrashcheniya: 28.11.2023) (In Russian).

12. Petrushin Yu. A., Shilova O.S. [Media as an Instrument of Information-Propaganda Policy During the Civil War in Siberia] // Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki. – 2019. – № 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/smi-kak-instrument-informatsionno-propagandistskoy-politiki-vo-vremya-grazhdanskoy-voyny-v-sibiri (data obrashcheniya: 21.11.2023) (In Russian).

13. Yu.V. [Tkachenko. Fundamentals of Radio Journalism: Educational Manual]. – Tiraspol': Izd-vo Pridnestr. un-ta, 2015. – 107 s (In Russian).

14. Lenin V.I. «Leninskij sbornik» t. XXXVI. – Moskva: Gospolitizdat, 1959. – 555 s (In Russian).

15. Lenin V.I. [Complete Collected Works Vol. 45 (March 1922 ~ March 1923)]. – Moskva: Izdatel'stvo politicheskoj literatury, 1970 (In Russian).

16. Sharikov A. [Political Radio Through the Lens of History. Part 2] // Zhurnal «Broadcasting. Televidenie i radioveshchanie» #3,. – 2008 (In Russian).

17. Mikoyan A.I. Tak bylo. – Moskva: Vagrius, 1999. – 612 s (In Russian).

18. [Decree of the Council of People's Commissars of the USSR 'On the Surrender by the Population of Radio Receiving and Radio Transmitting Devices' (25.06.1941)]. – 1941. – № 1750 [Elektronnyj resurs]. – URL: http://www.rkk-museum.ru/documents/archives/images/4–41–01.pdf (data obrashcheniya: 08.11.2021) (In Russian).

19. [Decree No. GKO-2633ss 'On the Organization in the Red Army of a Special Service for Jamming German Radio Stations Operating in the Field of Battle' (16.12.1942)] [Elektronnyj resurs]. – 1942. – URL: http://www.teatrskazka.com/Raznoe/PostanovGKO/194212/gko_2633.html (data obrashcheniya: 28.11.2023) (In Russian).

20. Panfilov A. [Radio War: History and Modernity: Essays on Foreign Policy Radio Propaganda of Fascist Germany, USA, England and FRG. 240 p.]. – Moskva: Iskusstvo, 1984 (In Russian).

Баланс сил в Центральной Азии: динамика соперничества России, Китая и Турции на современном этапе

Попов Владислав Сергеевич,
аспирант, кафедра Международные отношения, глобальные и региональные исследования, Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: xabezov999@mail.ru

Актуальность исследования продиктована интенсивными структурными преобразованиями политико-экономических связей на евразийском пространстве, где Центральная Азия перестала быть пассивным буфером, превратившись в самостоятельный узел полицентричной системы. Цель работы состоит в проведении компаративного анализа стратегий Российской Федерации, Китая, Турции с опорой на новейшую макроэкономическую статистику 2025–2026 гг. Сегодня наблюдаются заметные противоречия: часть исследователей постулирует безоговорочное финансовое доминирование Пекина; другие обосновывают высокую резистентность исторических позиций Москвы. Серьезным упущением остается недооценка влияния Анкары – ее роль по инерции сводят к культурно-языковой дипломатии, игнорируя агрессивную технологическую и логистическую экспансию. По итогам анализа автор приходит к выводу, что региональный баланс поддерживается за счет прагматичного функционального разделения. Россия сохраняет критический вес в архитектуре безопасности, в базовом энергообеспечении. Китай предстает главным системным инвестором, который перестраивает под себя континентальную транспортную сеть. Турция предлагает местным элитам альтернативный контур высокотехнологичной и логистической интеграции. Резюмировано, что прямых конфронтаций внешним акторам удается избегать. Авторский вклад проявился в систематизации инструментов влияния в единую матрицу и разработке прикладных рекомендаций. В частности, аргументирована необходимость формирования Единого регионального инвестиционного комитета для защиты от долговых ловушек и цифровизации тарифов Транскаспийского маршрута. Публикация предназначена для специалистов в области международных отношений, сотрудников профильных государственных структур, экспертов аналитических центров.

Ключевые слова: внешняя политика, геоэкономика, инфраструктурные проекты, полицентризм, Срединный коридор, Центральная Азия

Введение

Центральная Азия является фокусной точкой пересечения стратегических интересов ведущих мировых держав. Находясь в самом центре Евразийского континента, анализируемый регион представляет собой классический геополитический Хартленд. Контроль над ним обеспечивает проекцию силы на обширные прилегающие территории.

Сегодня, в реалиях ярко выраженной структурной трансформации международных отношений, конфигурация сил здесь заметно усложняется. На смену биполярным и однополярным концептам пришла полицентричная модель. Происходит формирование многоуровневой архитектуры. В ней соперничество отнюдь не всегда сводится к прямой конфронтации. Чаще всего оно принимает форму сложного конкурентного сосуществования. В роли основных внешних акторов, которые определяют контуры региональной политики вплоть до сегодняшнего дня, выступают Российская Федерация, Китайская Народная Республика, Турецкая Республика.

Каждое из указанных государств задействует собственный арсенал механизмов. К сентябрю 2026 г. накопился солидный массив эмпирических данных. Соответствующий материал помогает объективно оценить результаты адаптации центральноазиатских государств к новым глобальным логистическим, санкционным, макроэкономическим реалиям. Баланс поддерживается за счет своеобразного функционального разделения. Один актор берет на себя вопросы традиционной безопасности и энергетики. Другой фокусируется на транзите, является масштабным кредитором. Третий, в свою очередь, предлагает альтернативные модели идентичности и точечные высокотехнологичные решения.

Актуальность темы продиктована острой необходимостью системного осмысления меняющейся расстановки сил.

Материалы и методы исследования

Изученный при подготовке статьи корпус источников формирует теоретико-эмпирическую базу. Выбор публикаций продиктован их актуальностью и широким охватом проблемы (от анализа институциональной динамики, стратегического позиционирования до оценки конкретных инфраструктурных, торговых показателей). Это позволяет рассмотреть предмет разносторонне [1, 2, 4]. В своих работах авторы опираются на институциональный, сравнительно-политологический, неореалистический подходы. Так, И.Х. Супыалдияров, С.К. Алиева, Д.С. Супыалдиярова, A.M. Lopez и S.F. Jackson акцентируют внимание на структурных ограничениях и несовпадающих стратегиях Москвы и Пекина, сопоставляя их потенциалы [10, 11]. М.Г. Мустафаев, Ja. Niemiec применяют конструктивистскую оптику, изучая поступательное проникновение Анкары через механизмы «мягкой силы» и правовое оформление Организации тюркских государств [6, 12]. По сути, в научном дискурсе прослеживаются определенные противоречия: если в одних источниках фиксируется безоговорочное финансово-экономическое лидерство КНР, которое серьезно меняет статус-кво в регионе [4, 8, 11], то в других доказывается сохранение высокой устойчивости российских позиций за счет исторической инерции, традиционных торгово-политических связей [2, 9].

Как представляется, пробелом является недостаточная интеграция недавней технологической и макроэкономической экспансии Турции в общую матрицу геополитического соперничества, поскольку многие авторы по-прежнему сводят турецкое влияние лишь к гуманитарному, культурному вектору [3, 5, 7].

Методологическую основу работы составляют подходы неореализма и конструктивизма. Они органично дополнены эмпирическим разбором экономических показателей. В отличие от предыдущих подходов, где часто делался упор лишь на декларативных политических заявлениях, в статье автор ставит во главу угла измеримые индикаторы. К ним относятся объемы товарооборота, реально возводимые транспортные артерии, институциональная плотность связей. Описываемый прагматичный ракурс предоставляет возможность увидеть подлинную картину происходящего.

Результаты и обсуждение

Исторически Россия рассматривалась как ключевой партнер на постсоветском пространстве. Эта позиция достаточно долго базировалась

на институциональных связях. Как отмечают Д.А. Борисов, М.Д. Назаров, для РФ Центральная Азия – «…регион с совместной исторической общностью, где со всеми странами региона сформировались режимы стратегического сотрудничества в торгово-экономической, военно-политической, оборонной и культурно-гуманитарной сферах» [2].

Единая инфраструктурная сеть и статус гаранта стабильности обеспечивали Москве весьма прочный «фундамент». Функционирование Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и военные базы в Кыргызстане, Таджикистане по-прежнему закрепляют за РФ функцию «силового зонтика». Впрочем, быстро меняющаяся мировая обстановка потребовала от российского руководства существенной корректировки внешнеполитических доктрин. Произошел заметный сдвиг от привычного доминирования в сторону жесткого экономического прагматизма [1].

Примечательно, что вопреки прогнозам о резком снижении влияния Москвы из-за переориентации торговых потоков, двусторонние контакты демонстрируют высокую устойчивость. По имеющейся информации, товарооборот между Россией и странами региона по итогам 2025 г. вплотную приблизился к отметке в 50 млрд долл. [9]. Такие объемы говорят в пользу сохраняющейся взаимозависимости. Российские рынки остаются очень важными для сбыта плодоовощной продукции, текстиля, промышленных товаров низкого передела. Институционально эту парадигму партнерства закрепил второй саммит «Россия – Центральная Азия», который прошел в Душанбе осенью 2025 г.

Одновременно с этим Москва активно формирует новые рычаги притяжения. Наиболее ярким примером служит энергетический сектор. Развитие масштабных поставок природного газа в Узбекистан транзитом через территорию Казахстана стало поворотным моментом. Это решение помогло купировать острый энергодефицит в Ташкенте. Оно прочно привязало газотранспортные системы соседних государств к российской ресурсной базе. Разумно предположить, что в среднесрочной перспективе рассматриваемый механизм сохранит свою стратегическую значимость. Помимо этого, определяющим фактором влияния остается рынок труда. Денежные переводы мигрантов продолжают вносить весомый вклад в формирование ВВП Таджикистана и Кыргызстана. Между тем, в гуманитарной и культурной сферах присутствие РФ постепенно трансформируется. В сопоставлении с более ранними подходами, Москва делает акцент на точечные индустриальные контракты, отходя от широкого идеологического позиционирования.

Что касается Китая, то стратегия Пекина принципиально отличается от российской парадигмы. КНР предпочитает действовать через углубленную экономическую интеграцию и предоставление крупных инвестиций. Инициатива «Один пояс, один путь» стала главным «локомотивом» проникновения Поднебесной на локальные рынки. По существу, сегодня Китай выступает в качестве не просто ведущего торгового партнера, а как ключевой системный кредитор. Азиатский гигант планомерно выстраивает инфраструктуру, переориентирующую экспортные потоки на Восток [10, 11]. Как отмечает А.В. Калакутский, «…концептуальная установка дипломатии КНР – достижение «гармоничного мира» – очень точно соответствует концепции саморазвивающихся социальных систем не только в контексте невмешательства во внутренние дела государств и уважения их суверенных интересов, но и с точки зрения понимания необходимости наличия внутренней готовности стран поддерживать процессы саморазвития и самоорганизации» [5].

Макроэкономические индикаторы подтверждают обозначенный тезис. По итогам 2025 г. КНР впервые закрепила за собой статус крупнейшего торгового контрагента для всех без исключения стран региона, достигнув рекордного показателя товарооборота в 106,3 млрд долл. [4]. Финансовое превосходство Пекина теперь измеряется сотнями реализованных проектов. Основная часть импорта из региона традиционно приходится на углеводороды, минеральное сырье. Экспорт, напротив, состоит из сложного промышленного оборудования, электромобилей, бытовой электроники [4].

Важнейшим рубежом, благодаря которому закрепились геоэкономические амбиции Пекина, стал переход к физическому строительству магистрали «Китай – Кыргызстан – Узбекистан». Десятилетиями этот амбициозный проект оставался «на бумаге». Однако к августу 2026 г. возведение дороги вышло на активную фазу. На кыргызском участке протяженностью более 300 километров круглосуточно строятся 26 тоннелей и 40 мостов [8]. Запуск данной артерии диверсифицирует транзитные маршруты Евразии. КНР получает кратчайший сухопутный выход к Ближнему Востоку. В связи с этим отметим, что инфраструктурная привязка такого масштаба неизбежно превращается в долгосрочную зависимость. Видимо, четко осознавая ценность своих активов, китайское руководство постепенно расширяет и контуры безопасности, точечно укрепляя границы Таджикистана техническими средствами наблюдения.

Турция представляет собой совершенно особый тип политического игрока на рассматриваемом пространстве. Не располагая огромной инвестиционной емкостью Китая, Анкара задействует инструменты «мягкой силы». Базисом ее внешней политики служит концепт культурной, языковой общности, исторического родства [5, 12]. Организация тюркских государств (ОТГ) за последние годы успешно эволюционировала из консультативного форума в полноценный политико-экономический институт [6]. Как представляется, генеральная линия турецкой дипломатии ориентирована на формирование самостоятельного транснационального сообщества.

Экономическая отдача от интеграционных процессов становится всё более заметной в 2026 г. Согласно статистическим сводкам, к июлю текущего года совокупный годовой объем торговли Турции со странами-членами и наблюдателями ОТГ достиг 27,8 млрд долл. [7]. Безусловно, значительная доля этих средств формируется за счет обмена с Азербайджаном. Тем не менее, турецкий бизнес стремительно наращивает объемы инвестиций в строительный сектор и легкую промышленность Казахстана и Узбекистана.

Однако амбиции Анкары давно вышли за рамки культурного диалога. Сегодня государство агрессивно переходит к высокотехнологичному партнерству. Наглядным подтверждением служит неформальный саммит лидеров ОТГ, который состоялся в городе Туркестан в мае 2026 г. Его главной темой стали вопросы цифрового развития, внедрения технологий искусственного интеллекта [3]. В дополнение к отмеченному, турецкая сторона последовательно лоббирует развитие Транскаспийского маршрута (Срединного коридора) и успешно поставляет современные виды вооружений. Это дает возможность местным правительствам диверсифицировать сферу оборонных закупок. По-видимому, Анкара намерена закрепить за собой статус незаменимого технологического «моста» между Азией и Европой.

Итак, вырисовывается четкая картина распределения ролей. Китай безоговорочно доминирует в макроэкономических метриках. Российская Федерация сохраняет прочные позиции в жизненно важных нишах, прежде всего, в энергообеспечении. Турецкая Республика, в свою очередь, демонстрирует качественный рывок за счет интеграции.

Анализ применяемых механизмов, отраженный в таблице 1, позволяет лучше понять архитектуру взаимодействия.

Таблица 1. Матрица актуальных дипломатических и институциональных инструментов влияния (составлено автором)

Страна-актор	Институциональный вектор (саммиты)	Инструменты в сфере жесткой безопасности	Приоритетные инициативы в сфере логистики
Россия	Второй саммит «Россия – ЦА» (Душанбе, октябрь 2025 г.)	Системы ОДКБ, объединенные военные базы, поставки техники	МТК «Север – Юг», транспортные коридоры ЕАЭС
Китай	Форматы ШОС, двусторонние стратегические договоры	Техническое оснащение границ, системы «умного» видеонаблюдения	Глобальная инициатива «Один пояс, один путь»
Турция	Саммит ОТГ в Туркестане (тематика ИИ, май 2026 г.)	Экспорт БПЛА, внедрение стандартов управления НАТО	Транскаспийский Срединный коридор

Матрица показывает, что участники процесса стараются избегать прямых политических столкновений. Они стремятся извлекать выгоду в тех сегментах, где обладают историческим либо финансовым преимуществом. На основании отмеченного подчеркнем, что конкуренция носит сугубо прагматичный характер.

Далее предлагается сформулировать ряд прикладных рекомендаций. Их главное назначение состоит в повышении геополитической устойчивости республик макрорегиона и нивелировании рисков односторонней зависимости. Описываемые меры призваны решить проблему усиливающейся долговой и транзитной уязвимости.

Так, целесообразно инициировать создание Единого регионального инвестиционного комитета. Новизна шага выражена в переходе от изолированных двусторонних переговоров к консолидированному формату общения с внешними кредиторами. Государствам следует внедрить механизм совместной экспертизы крупных инфраструктурных предложений. Это особенно актуально на фоне масштабных строек с участием китайского капитала. Солидарный подход поможет избежать типичных долговых ловушек; он многократно усилит переговорный вес национальных правительств перед лицом глобальных игроков.

Нужно форсировать процесс внедрения сквозных цифровых тарифов в рамках Транскаспийского маршрута. Существующая проблема заключается в избыточной бюрократии, в значительных задержках при пересечении таможенных границ. Унификация процедур контроля на основе систем распределенного реестра поможет существенно сократить время доставки товаров в Европу. Характеризуемая инициатива обоснована острой необходимостью иметь надежный альтернативный коридор, который защищен от геополитических рисков. Вероятно, именно углубленная цифровая интеграция станет ключом к обретению подлинной транспортной независимости.

Заключение

К осени 2026 г. архитектура влияния в Центральной Азии приобрела ярко выраженный полицентричный характер. Эпоха монопольного доминирования одного актора ушла в прошлое. На смену прямолинейному историческому соперничеству пришла сложная, многослойная система сдержек и противовесов. Рассматриваемый ареал больше не является пассивным объектом международной дипломатии или территорией, которую глобальные державы механически делят на сферы влияния. Правительства суверенных республик научились «лавировать» между стратегическими интересами внешних сил. Политическая субъектность макрорегиона существенно возросла.

Российская Федерация, вопреки давлению и трансформации структуры рынков, сумела удержать важнейшие позиции. Ее воздействие теперь опирается не столько на инерцию советского наследия, сколько на прагматичные связи. Речь идет об энергетических поставках, абсорбции избыточных трудовых ресурсов, базовых гарантиях безопасности. Китай, со своей стороны, утвердился в статусе главного макроэкономического гегемона. Переход к полномасштабной практической реализации железнодорожных маршрутов в обход северных широт указывает на глубину китайского планирования. Пекин последовательно кроит логистическую карту континента под потребности своей индустрии. Турецкая Республика успешно капитализировала лингвистическое и культурное родство. Институционализация межтюркских структур вкупе с переходом к взаимодействию в сфере инноваций позволили Анкаре сформировать третий, обособленный центр силы. Она предлагает элитам привлекательный вектор технологической интеграции.

Региональная стабильность обеспечивается именно за счет разнонаправленности векторов развития, где каждый игрок компенсирует дефицит ресурсов другого. В дальнейшем научном поиске представляется перспективным изучить влияние новых факторов. В частности, разумно предположить, что на устоявшийся баланс вскоре серьезно повлияет экономическая экспансия монархий Персидского залива. Центральная Азия продолжает оставаться динамичным «организмом», который чутко реагирует на малейшие сдвиги геополитической конъюнктуры.

Литература

1. Бобоев, Г.Г. Оценка и некоторые выводы о природе современной институциональной циклической динамики в России и стран Центральной Азии / Г.Г. Бобоев // Проблемы рыночной экономики. – 2025. – № 2. – С. 203–214. – DOI 10.33051/2500–2325–2025–2–203–214. – EDN IYYNSA.

2. Борисов, Д.А. Вопросы стратегического сопровождения внешней политики России в регионе Центральной Азии / Д.А. Борисов, М.Д. Назаров // Постсоветские исследования. – 2025. – Т. 8, № 3. – С. 265–275. – EDN ULEUDK.

3. В Туркестане ОТГ обсуждает технологическое будущее тюркского мира – турецкий эксперт // URL: https://kazpravda.kz/n/v-turkestane-otg-obsuzhdaet-tehnologicheskoe-budushchee-tyurkskogo-mira-turetskiy-ekspert/?ysclid=mtsf13974962239702 (дата обращения: 08.09.2026).

4. Каипбергенов, А. По итогам 2025 года Китай впервые стал крупнейшим торговым партнером всех стран Центральной Азии // URL: https://dunyo.info/ru/ekonomika/po-itogam-2025-goda-kitay-vpervye-stal-krupneyshim-torgovym-partnerom-vseh (дата обращения: 08.09.2026).

5. Калакутский, А.В. Сравнительный анализ внешнеполитических стратегий Китая, США, Турции по отношению к странам Центральной Азии / А.В. Калакутский // Общество: политика, экономика, право. – 2025. – № 10(147). – С. 125–132. – DOI 10.24158/pep.2025.10.13. – EDN DQOEAT.

6. Мустафаев, М.Г. Конституционно-правовые аспекты участия постсоветских стран в Организации тюркских государств / М.Г. Мустафаев // Вестник Поволжского института управления. – 2025. – Т. 25, № 3. – С. 121–131. – EDN ZYEYCO.

7. Объем товарооборота Турции со странами-членами и наблюдателями ОТГ достиг $27,8 млрд // URL: https://www.aa.com.tr/ru/мир/объем-товарооборота-турции-со-странами-членами-и-наблюдателями-отг-достиг-27–8-млрд/4042399 (дата обращения: 08.09.2026).

8. Прохоров, К. «Стройка века» в горах: Кыргызстан и Узбекистан вступают на «Шелковый путь» // URL: https://vestikavkaza.ru/analytics/strojka-veka-v-gorah-kyrgyzstan-i-uzbekistan-stanovatsa-elementami-selkovogo-puti.html?ysclid=mtsewkcy2368559150 (дата обращения: 08.09.2026).

9. Россия и страны Центральной Азии сохраняют стабильно высокий товарооборот // URL: https://www.alta.ru/external_news/127485/ (дата обращения: 07.09.2026).

10. Супыалдияров, И.Х. Совпадающие интересы, расходящиеся стратегии: сравнительный анализ присутствия Китая и России в Центральной Азии / И.Х. Супыалдияров, С.К. Алиева, Д.С. Супыалдиярова // Вестник Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева. Серия: Политические науки. Регионоведение. Востоковедение. Тюркология. – 2025. – № 1(150). – С. 46–62. – DOI 10.32523/2616–6887/2025–150–1–46–62. – EDN HMNLEW.

11. Lopez, A.M. China, Russia, and Central Asia: Opportunities and Limits for Actors Great and Small / A.M. Lopez, S.F. Jackson // Asia Policy. – 2026. – Vol. 21, No. 1. – P. 155–184. – DOI 10.1353/asp.2026.a982385. – EDN GVDKIT.

12. Niemiec, Ja. Preserving Common Ties: Turkey's Public Diplomacy in Central Asia / Ja. Niemiec // Annales Universitatis Mariae Curie-Sklodowska, Sectio M, Balcaniensis et Carpathiensis. – 2024. – Vol. 9. – P. 241–262. – DOI 10.17951/bc.2024.9.241–262. – EDN GHAMDJ.

BALANCE OF POWER IN CENTRAL ASIA: DYNAMICS OF RIVALRY BETWEEN RUSSIA, CHINA AND TURKEY AT THE PRESENT STAGE

Popov V.S.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The relevance of the study is dictated by the intensive structural transformations of political and economic ties in the Eurasian space, where Central Asia has ceased to be a passive buffer, turning into an independent node of a polycentric system. The aim of the work is to conduct a comparative analysis of the strategies of the Russian Federation, China, and Turkey based on the latest macroeconomic statistics for 2025–2026. Today, noticeable contradictions are observed: some researchers postulate the unconditional financial dominance of Beijing; others substantiate the high resilience of Moscow's historical positions. A serious omission remains the underestimation of Ankara's influence – its role is habitually reduced to cultural and linguistic diplomacy, ignoring aggressive technological and logistics expansion. Based on the results of the analysis, the author comes to the conclusion that the regional balance is maintained through pragmatic functional division. Russia retains critical weight in the security architecture and basic energy supply. China appears as the main systemic investor, restructuring the continental transport network to suit itself. Turkey offers local elites an alternative contour of high-tech and logistics integration. It is summarized that external actors manage to avoid direct confrontations. The author's contribution is manifested in the systematization of influence tools into a single matrix and the development of applied recommendations. In particular, the necessity of forming a Unified Regional Investment Committee to protect against debt traps and digitalizing tariffs of the Trans-Caspian route is argued. The publication is intended for specialists in the field of international relations, employees of relevant state structures, and experts from analytical centers.

Keywords: foreign policy, geoeconomics, infrastructure projects, polycentrism, Middle Corridor, Central Asia

References

1. Boboev, G.G. Assessment and Some Conclusions on the Nature of Modern Institutional Cyclical Dynamics in Russia and the Central Asian Countries / G.G. Boboev // Problems of Market Economy. – 2025. – No. 2. – P. 203–214. – DOI 10.33051/2500–2325–2025–2–203–214. – EDN IYYNSA.

2. Borisov, D.A. Issues of Strategic Support for Russia's Foreign Policy in the Central Asian Region / D.A. Borisov, M.D. Nazarov // Post-Soviet Studies. – 2025. – Vol. 8, No. 3. – P. 265–275. – EDN ULEUDK.

3. In Turkestan, the OTS Discusses the Technological Future of the Turkic World – Turkish Expert // URL: https://kazpravda.kz/n/v-turkestane-otg-obsuzhdaet-tehnologicheskoe-budushchee-tyurkskogo-mira-turetskiy-ekspert/?ysclid=mtsf13974962239702 (accessed: 08.09.2026).

4. Kaipbergenov, A. Following the Results of 2025, China Became the Largest Trading Partner of All Central Asian Countries for the First Time // URL: https://dunyo.info/ru/ekonomika/po-itogam-2025-goda-kitay-vpervye-stal-krupneyshim-torgovym-partnerom-vseh (accessed: 08.09.2026).

5. Kalakutsky, A.V. Comparative Analysis of the Foreign Policy Strategies of China, the United States, and Turkey toward the Central Asian Countries / A.V. Kalakutsky // Society: Politics, Economics, Law. – 2025. – No. 10(147). – P. 125–132. – DOI 10.24158/pep.2025.10.13. – EDN DQOEAT.

6. Mustafayev, M.G. Constitutional and Legal Aspects of the Participation of Post-Soviet Countries in the Organization of Turkic States / M.G. Mustafayev // Bulletin of the Volga Region Institute of Administration. – 2025. – Vol. 25, No. 3. – P. 121–131. – EDN ZYEYCO.

7. Turkey's Trade Turnover with OTS Member and Observer Countries Reached $27.8 Billion // URL: https://www.aa.com.tr/ru/мир/объем-товарооборота-турции-со-

странами-членами-и-наблюдателями-отг-достиг-27–8-млрд/4042399 (accessed: 08.09.2026).

8. Prokhorov, K. “Construction Project of the Century” in the Mountains: Kyrgyzstan and Uzbekistan Join the “Silk Road” // URL: https://vestikavkaza.ru/analytics/strojka-veka-v-gorah-kyrgyzstan-i-uzbekistan-stanovatsa-elementami-selkovogo-puti.html?ysclid=mtsewkcy2368559150 (accessed: 08.09.2026).

9. Russia and the Central Asian Countries Maintain a Consistently High Trade Turnover // URL: https://www.alta.ru/external_news/127485/ (accessed: 07.09.2026).

10. Supyaldiyarov, I. Kh. Common Interests, Diverging Strategies: A Comparative Analysis of China’s and Russia’s Presence in Central Asia / I. Kh. Supyaldiyarov, S.K. Aliyeva, D.S. Supyaldiyarova // Bulletin of L.N. Gumilyov Eurasian National University. Political Science. Regional Studies. Oriental Studies. Turkology Series. – 2025. – No. 1(150). – P. 46–62. – DOI 10.32523/2616–6887/2025–150–1–46–62. – EDN HMNLEW.

11. Lopez, A.M. China, Russia, and Central Asia: Opportunities and Limits for Actors Great and Small / A.M. Lopez, S.F. Jackson // Asia Policy. – 2026. – Vol. 21, No. 1. – P. 155–184. – DOI 10.1353/asp.2026.a982385. – EDN GVDKIT.

12. Niemiec, Ja. Preserving Common Ties: Turkey’s Public Diplomacy in Central Asia / Ja. Niemiec // Annales Universitatis Mariae Curie-Sklodowska, Sectio M, Balcaniensis et Carpathiensis. – 2024. – Vol. 9. – P. 241–262. – DOI 10.17951/bc.2024.9.241–262. – EDN GHAMDJ.

Современные тенденции арктической политики приарктических государств

Сахнов Виктор Владимирович,
аспирант, ИГСУ РАНХиГС
E-mail: sakhnov970@gmail.com

В статье рассматриваются современные тенденции арктической политики приарктических государств. Цель исследования заключается в выявлении ключевых факторов, определяющих развитие государственной политики в Арктике, а также в установлении общих тенденций, характерных для современных подходов приарктических стран к региону. Методологическую основу исследования составили системный и сравнительный подходы, позволившие сопоставить основные направления арктической политики государств и определить взаимосвязь природно-климатических, экономических, технологических, инфраструктурных и стратегических факторов. В рамках исследования проанализированы современные научные работы, посвященные арктическим стратегиям, развитию транспортной и производственной инфраструктуры, технологическому обеспечению деятельности в высоких широтах и международному взаимодействию. Установлено, что одной из ключевых особенностей современного этапа является усиление комплексного характера арктической политики, при котором экономические, инфраструктурные, технологические и стратегические задачи все в большей степени реализуются во взаимосвязи. Выявлены тенденции к расширению содержания категории безопасности, повышению роли инфраструктурно-технологической базы и сохранению функционального международного сотрудничества в сферах, требующих согласованных действий государств. Сделан вывод о постепенном переходе от преимущественно отраслевого рассмотрения отдельных направлений деятельности к более интегрированной модели государственной политики в Арктическом регионе.

Ключевые слова: приарктические государства, арктическая политика, национальные интересы, безопасность, инфраструктурное развитие, технологическое развитие, международное сотрудничество.

Арктический регион занимает все более значимое место в государственной политике приарктических стран, что обусловлено изменением природно-климатических условий, экономическим потенциалом региона, развитием технологий и необходимостью устойчивого присутствия государств в высоких широтах. Несмотря на различия национальных приоритетов, в политике приарктических стран прослеживаются общие направления развития, выявление которых позволяет определить характер происходящих в регионе изменений. Цель настоящей статьи заключается в выявлении ключевых факторов и современных тенденций арктической политики приарктических государств.

Формирование современной арктической политики происходит под воздействием совокупности природно-климатических, экономических и технологических факторов. Их влияние не является изолированным: изменение природной среды воздействует на условия судоходства и эксплуатации инфраструктуры, экономическая активность зависит от транспортной доступности и технических возможностей, а развитие технологий определяет степень практической реализуемости государственных приоритетов. Поэтому изменения арктической политики целесообразно рассматривать не как следствие действия одного доминирующего фактора, а как результат трансформации комплекса условий, определяющих возможности и ограничения деятельности государств в высоких широтах.

Одним из наиболее значимых объективных факторов выступает изменение природно-климатических условий Арктики. Сокращение площади и изменение сезонной динамики морского льда трансформируют пространственные и временные параметры хозяйственной деятельности и мореплавания. С. Ван, Ф. Юй, Ч. Мин и соавторы на основе климатического моделирования показывают, что сокращение ледового покрова способно увеличивать потенциальную доступность отдельных арктических маршрутов для судов различных ледовых классов, хотя конкретные возможности навигации сохраняют зависимость от сезона, типа судна и климатического сценария [3]. Сходные результаты применительно к Северному морскому пути получены М.Р. Махмудом, М. Рушди и М. Абоэльхиром [4]. Вместе с тем воздействие климатических изменений не сводится к формированию дополнительных возможностей. Деградация многолетней мерзлоты создает риски для зданий, транспортных коммуникаций, трубопроводов и иной инфраструктуры. З. Ван, М. Сяо, М. Лью и соавторы отмечают, что протаивание мерзлоты способно приводить к деформации грунтов и снижению устойчивости объектов гражданской инфраструктуры [5]. Таким образом, климатический фактор имеет двойственный характер: он одновременно расширяет потенциальные возможности хозяйственного использования арктических пространств и повышает требования к устойчивости инфраструктуры, экологической безопасности и системам мониторинга.

Вторую группу факторов образуют экономические условия и связанная с ними транспортная доступность Арктики. Природные и морские биологические ресурсы, а также возможности развития арктических транспортных коммуникаций сохраняют значение для государственной активности в регионе, однако их практическое использование определяется экономической целесообразностью и наличием необходимой материальной базы. Ч.-И. Лю, Х.-М. Фань, С.-Ц. Дан и С. Чжан на примере Северного морского пути выявляют тесную взаимосвязь между развитием портовой инфраструктуры и освоением энергетических ресурсов [6]. Сравнительные исследования национальных арктических стратегий также показывают устойчивое присутствие вопросов экономического и социального развития в государственной политике арктических стран [2]. Это позволяет рассматривать транспортную связанность, портовые мощности и энергетическую инфраструктуру не только как результат хозяйственного освоения, но и как условие его осуществления. Следовательно, экономическое значение Арктики определяется не самим наличием ресурсов или потенциальных маршрутов, а возможностью государства обеспечить их устойчивое и экономически оправданное использование.

Отдельное значение приобретает технологический фактор. Специфика природно-географических условий региона предъявляет повышенные требования к ледокольному обеспечению, спутниковой связи и навигации, дистанционному зондированию, мониторингу ледовой обстановки и системам управления движением. Б. Ли, Ц. Гун, С. Чжао

и С. Чэн демонстрируют возможности использования спутниковых данных и автоматизированных моделей для планирования движения судов в динамичной ледовой среде [7], тогда как Х. Ли, Ц. Янь и В. Хуан показывают потенциал методов машинного обучения при оценке характеристик арктического морского льда [8]. Технологическое развитие в данном случае выступает не самостоятельной целью арктической политики, а фактором, определяющим способность государства использовать возникающие экономические и транспортные возможности и одновременно минимизировать связанные с ними риски. В совокупности природно-климатические, экономические и технологические изменения формируют внешнюю среду, в рамках которой приарктические государства корректируют содержание и инструментарий своей политики.

Воздействие рассмотренных факторов проявляется прежде всего в усилении комплексного характера арктической политики. Сравнительные исследования стратегических документов России, США, Канады, Норвегии и Дании свидетельствуют о том, что современные национальные подходы не ограничиваются одним доминирующим направлением. Г.Г. Осадчая, Т.Ю. Зенгина, И.О. Уляницкая и М.В. Быкова выделяют среди устойчивых приоритетов арктических государств обеспечение безопасности, социально-экономическое развитие северных территорий, охрану окружающей среды, совершенствование государственного управления и международное взаимодействие [1]. К сходному выводу приходят С. Ма, Л. Чэнь, В. У, Я. Лю, В. Цяо и Л. Ма, установившие устойчивое сочетание в национальных стратегиях вопросов управления, экономического развития, безопасности, научной деятельности и сотрудничества [2]. Однако принципиальное значение имеет не само наличие этих направлений, а их возрастающая взаимосвязь. Арктическая политика постепенно приобретает характер комплексной системы, в которой экономические решения зависят от инфраструктурных и технологических возможностей, а вопросы безопасности включаются в более широкий контекст устойчивого функционирования северных территорий.

Одним из проявлений указанной тенденции является расширение содержания категории безопасности. В национальной арктической политике она не ограничивается военной составляющей, а включает защиту суверенитета и юрисдикции, безопасность мореплавания, устойчивость критической инфраструктуры, экологическую безопасность, поисково-спасательную деятельность и обеспечение жизнедеятельности населения северных территорий. Подобное понимание прослеживается в стратегических документах США, Канады, Норвегии и Дании, хотя соотношение отдельных компонентов различается [1]. Безопасность и стабильность также занимают устойчивое место в сравнительном анализе национальных арктических стратегий, но рассматриваются наряду с экономическим развитием и государственным управлением [2]. Следовательно, одной из характерных тенденций является не вытеснение иных направлений политики вопросами безопасности, а постепенное включение самой безопасности в комплекс более широких задач государственного присутствия. Это позволяет говорить о функциональном расширении ее содержания, а не о сведении современной арктической политики исключительно к военно-политической проблематике.

Следующая тенденция состоит в усилении инфраструктурно-технологической основы арктической политики. В современных условиях возможности государства в Арктике все в большей степени определяются наличием портов, транспортных коридоров, энергетических объектов, ледокольного обеспечения, систем связи, навигации и мониторинга. На российском материале Ч.-И. Лю и соавторы показывают прямую взаимосвязь между развитием портовой инфраструктуры и хозяйственным освоением арктических территорий [6]. Е.А. Куклина также рассматривает инфраструктурные и производственные решения как одно из центральных условий реализации арктических проектов, обращая внимание на возрастающее значение цифровых технологий, искусственного интеллекта и цифровых двойников [9]. При этом сравнительный анализ стратегий показывает, что научные исследования, мониторинг и развитие исследовательской инфраструктуры занимают устойчивое место в политике большинства арктических государств [2]. Мониторинговые и исследовательские системы используются Канадой, Данией, Россией и США не только для получения научных данных, но и для обеспечения судоходства, управления территориями и решения других государственных задач [10]. На этом основании инфраструктуру и технологии целесообразно рассматривать не как два обособленных направления, а как единую обеспечивающую основу арктической политики. Именно ее состояние в значительной степени определяет способность государства преобразовывать заявленные стратегические приоритеты в практическую деятельность.

Тем самым инфраструктурное развитие приобретает более широкое значение, чем обеспечение отдельных экономических проектов. Порты, ледокольный флот, энергетические системы, средства связи и наблюдения создают материальные условия одновременно для хозяйственной деятельности, обеспечения безопасности, научного присутствия и государственного управления. В этом проявляется одна из ключевых закономерностей современной арктической политики: отдельные функциональные направления все меньше существуют автономно и все чаще реализуются посредством общей инфраструктурно-технологической базы. Таким образом, тенденция заключается не только в количественном наращивании инфраструктуры или внедрении новых технологий, но и в изменении их места в системе государственных приоритетов – из отраслевых средств они превращаются в универсальное условие реализации политики в Арктике.

Наряду с усилением национальных возможностей сохраняется тенденция к функциональному международному взаимодействию в сферах, где действия отдельных государств не позволяют в полной мере решать возникающие проблемы. Наиболее отчетливо это проявляется в обеспечении безопасности мореплавания, экологическом мониторинге, научных исследованиях и формировании правил деятельности в полярных водах. С. Ма, Ц. Чжан, Ц. Ду и В. Цяо, проанализировав значительное число случаев международного взаимодействия в области безопасности арктического судоходства, показывают роль многосторонних механизмов в формировании устойчивых связей между государствами [11]. Ц. Бай, К. Чжу, В. Фэн и С. Чжоу на примере участия России и Канады в разработке Полярного кодекса демонстрируют, что международное сотрудничество не исключает продвижения национальных позиций, а может выступать одним из каналов их реализации [12]. Это позволяет сделать более широкий вывод: конкуренция национальных интересов и сотрудничество в Арктике не являются взаимоисключающими моделями. Государства могут одновременно укреплять собственные возможности и участвовать в формировании общих правил там, где характер рисков и процессов требует согласованных действий.

Таким образом, современная арктическая политика приарктических государств развивается не столько по линии замещения одних приоритетов другими, сколько посредством их постепенной интеграции. Безопасность приобретает более широкое функциональное содержание, инфраструктура и технологии становятся универсальной основой реализации различных направлений политики, а международное взаимодействие сохраняется в тех областях, где существуют объективные трансграничные взаимозависимости. Именно сочетание указанных процессов позволяет рассматривать комплексность как основную характеристику современного этапа арктической политики.

Проведенный анализ показывает, что современная арктическая политика приарктических государств формируется под воздействием взаимосвязанных природно-климатических, экономических и технологических факторов, которые изменяют условия государственной деятельности в высоких широтах. Основной выявленной тенденцией является усиление комплексного характера арктической политики: вопросы безопасности, инфраструктурного развития, технологий, экономики и международного взаимодействия все в большей степени рассматриваются государствами не изолированно, а как взаимосвязанные элементы единой системы.

При этом развитие арктической политики не сводится к простому увеличению значения какого-либо одного направления. Расширение содержания безопасности происходит одновременно с возрастанием роли инфраструктурно-технологической базы, обеспечивающей реализацию экономических, управленческих и исследовательских задач. В свою очередь, укрепление национальных возможностей не исключает сохранения функционального международного взаимодействия в сферах, где характер арктических процессов требует согласованных правил и координации действий.

Следовательно, ключевая особенность современного этапа заключается в переходе от преимущественно отраслевого восприятия отдельных направлений деятельности к более интегрированной модели арктической политики. Можно предположить, что дальнейшее ее развитие будет в значительной степени зависеть от способности приарктических государств сочетать национальные стратегические приоритеты с адаптацией к изменяющимся природным и технологическим условиям и необходимостью взаимодействия по проблемам трансграничного характера.

Литература

1. Осадчая Г. Г., Зенгина Т.Ю., Уляницкая И.О., Быкова М.В. Арктическая политика зарубежных стран циркумполярного регио-

на // Географическая среда и живые системы. 2022. № 2. С. 38–54. DOI: 10.18384/2712-7621-2022-2-38-54.

2. Ma X., Chen L., Wu W., Liu Y., Qiao W., Ma L. Comparative Analysis of Arctic-Related Strategies at the National Level: Competition and Collaboration // Systems. 2023. Vol. 11. No. 8. Art. 413. DOI: 10.3390/systems11080413.

3. Wang S., Yu F., Min C., He Y., Pan R., Shu Q. Projected Navigability of Arctic Shipping Routes Based on Climate Model FIO-ESM v2.1 // Anthropocene. 2024. Vol. 47. Art. 100445. DOI: 10.1016/j.ancene.2024.100445.

4. Mahmoud M. R., Roushdi M., Aboelkhear M. Potential Benefits of Climate Change on Navigation in the Northern Sea Route by 2050 // Scientific Reports. 2024. Vol. 14. Art. 2771. DOI: 10.1038/s41598-024-53308-5.

5. Wang Z., Xiao M., Liew M., Jensen A., Farquharson L., Romanovsky V., Nicolsky D., McComb C., Jones B.M., Zhang X., Alessa L. Arctic Geohazard Mapping Tools for Civil Infrastructure Planning: A Systematic Review // Cold Regions Science and Technology. 2023. Vol. 214. Art. 103969. DOI: 10.1016/j.coldregions.2023.103969.

6. Liu C.-Y., Fan H.-M., Dang X.-J., Zhang X. The Arctic Policy and Port Development along the Northern Sea Route: Evidence from Russia's Arctic Strategy // Ocean & Coastal Management. 2021. Vol. 201. Art. 105422. DOI: 10.1016/j.ocecoaman.2020.105422.

7. Li B., Gong J., Zhao X., Cheng X. Research on Ship Navigation Strategy in Dynamic Sea Ice Environments Based on Flexibility Velocity Obstacles Algorithm // Ocean Engineering. 2024. Vol. 311. Pt. 1. Art. 118843. DOI: 10.1016/j.oceaneng.2024.118843.

8. Li H., Yan Q., Huang W. Retrieval of Sea Ice Thickness from FY-3E Data Using Random Forest Method // Advances in Space Research. 2024. Vol. 74. No. 1. P. 130–144. DOI: 10.1016/j.asr.2024.03.061.

9. Куклина Е.А. Арктическая повестка России: проекты, проблемы, цифровые решения // Управленческое консультирование. 2025. № 5. С. 170–186. EDN: GEOGKY.

10. Everett K., Halašková B. Is It Real? Science Diplomacy in the Arctic States' Strategies // Polar Record. 2022. Vol. 58. Art. e27. P. 1–14. DOI: 10.1017/S0032247422000183.

11. Ma X., Zhang J., Du Q., Qiao W. Multilateral Collaborative Governance of Arctic Shipping Safety: Examining the Impact of the Arctic Council via Collaborative Network Analysis // Ocean & Coastal Management. 2024. Vol. 258. Art. 107363. DOI: 10.1016/j.ocecoaman.2024.107363.

12. Bai J., Zhu K., Feng W., Zhou S. Coastal States' Influence on the Polar Code: An Empirical Study of Russia and Canada // Ocean & Coastal Management. 2024. Vol. 252. Art. 107098. DOI: 10.1016/j.ocecoaman.2024.107098.

MODERN TRENDS IN THE ARCTIC POLICY OF ARCTIC STATES

Sakhnov V.V.
Institute of Public Administration and Civil Service

This article examines modern trends in the Arctic policy of Arctic states. The study aims to identify the key factors shaping the development of state policy in the Arctic and to determine the common trends characterizing the contemporary approaches of Arctic nations toward the region. The research employs systemic and comparative approaches, enabling a comparison of the main directions of state Arctic policies and an analysis of the interrelationships among natural-climatic, economic, technological, infrastructural, and strategic factors. The study analyzes contemporary scholarly works regarding Arctic strategies, the development of transport and industrial infrastructure, the technological support of operations in high latitudes, and international cooperation. It establishes that a key feature of the current stage is the increasingly comprehensive nature of Arctic policy, wherein economic, infrastructural, technological, and strategic objectives are pursued in an increasingly interconnected manner. Trends identified include the broadening scope of the concept of security, the growing importance of the infrastructural and technological base, and the maintenance of functional international cooperation in areas requiring coordinated state action. The study concludes that there is a gradual shift from a predominantly sectoral view of specific activities toward a more integrated model of state policy in the Arctic region.

Keywords: Arctic states, Arctic policy, national interests, security, infrastructure development, technological development, international cooperation.

References

1. Osadchaya G. G., Zengina T. Yu., Ulyanitskaya I.O., Bykova M.V. Arctic Policy of Foreign Countries in the Circumpolar Region // Geographical Environment and Living Systems. 2022. No. 2. P. 38–54. DOI: 10.18384/2712-7621-2022-2-38-54.

2. Ma X., Chen L., Wu W., Liu Y., Qiao W., Ma L. Comparative Analysis of Arctic-Related Strategies at the National Level: Competition and Collaboration // Systems. 2023. Vol. 11. No. 8. Art. 413. DOI: 10.3390/systems11080413.

3. Wang S., Yu F., Min C., He Y., Pan R., Shu Q. Projected Navigability of Arctic Shipping Routes Based on Climate Model FIO-ESM v2.1 // Anthropocene. 2024. Vol. 47. Art. 100445. DOI: 10.1016/j.ancene.2024.100445.

4. Mahmoud M. R., Roushdi M., Aboelkhear M. Potential Benefits of Climate Change on Navigation in the Northern Sea Route by 2050 // Scientific Reports. 2024. Vol. 14. Art. 2771. DOI: 10.1038/s41598-024-53308-5.

5. Wang Z., Xiao M., Liew M., Jensen A., Farquharson L., Romanovsky V., Nicolsky D., McComb C., Jones B.M., Zhang X., Alessa L. Arctic Geohazard Mapping Tools for Civil Infrastructure Planning: A Systematic Review // Cold Regions Science and Technology. 2023. Vol. 214. Art. 103969. DOI: 10.1016/j.coldregions.2023.103969.

6. Liu C.-Y., Fan H.-M., Dang X.-J., Zhang X. The Arctic Policy and Port Development along the Northern Sea Route: Evidence from Russia's Arctic Strategy // Ocean & Coastal Management. 2021. Vol. 201. Art. 105422. DOI: 10.1016/j.ocecoaman.2020.105422.

7. Li B., Gong J., Zhao X., Cheng X. Research on Ship Navigation Strategy in Dynamic Sea Ice Environments Based on Flexibility Velocity Obstacles Algorithm // Ocean Engineering. 2024. Vol. 311. Pt. 1. Art. 118843. DOI: 10.1016/j.oceaneng.2024.118843.

8. Li H., Yan Q., Huang W. Retrieval of Sea Ice Thickness from FY-3E Data Using Random Forest Method // Advances in Space Research. 2024. Vol. 74. No. 1. P. 130–144. DOI: 10.1016/j.asr.2024.03.061.

9. Куклина Е.А. Арктическая повестка России: проекты, проблемы, цифровые решения // Управленческое консультирование. 2025. № 5. С. 170–186. EDN: GEOGKY.

10. Everett K., Halašková B. Is It Real? Science Diplomacy in the Arctic States' Strategies // Polar Record. 2022. Vol. 58. Art. e27. P. 1–14. DOI: 10.1017/S0032247422000183.

11. Ma X., Zhang J., Du Q., Qiao W. Multilateral Collaborative Governance of Arctic Shipping Safety: Examining the Impact of the Arctic Council via Collaborative Network Analysis // Ocean & Coastal Management. 2024. Vol. 258. Art. 107363. DOI: 10.1016/j.ocecoaman.2024.107363.

12. Bai J., Zhu K., Feng W., Zhou S. Coastal States' Influence on the Polar Code: An Empirical Study of Russia and Canada // Ocean & Coastal Management. 2024. Vol. 252. Art. 107098. DOI: 10.1016/j.ocecoaman.2024.107098.

Проблема международной безопасности в условиях трансформации мирового порядка

Соколов Алексей Сергеевич,
ассистент кафедры гуманитарных наук факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: Alexintel7@mail.ru

В статье рассматривается проблема международной безопасности на фоне изменения структуры мирового порядка. Анализируются ослабление прежних механизмов регулирования международных отношений, рост конкуренции между центрами силы, изменение характера угроз и усложнение системы коллективной безопасности. Особое внимание уделено формированию многополярной модели, в которой возрастает значение региональных объединений, отдельных государств и незападных центров политического и экономического влияния. Показано, что современная международная безопасность зависит от военно-стратегического баланса и от состояния экономики, технологического развития, информационной устойчивости, энергетической и продовольственной безопасности. Рассмотрены проблемы коллективной безопасности постсоветского пространства и внешнеполитические стратегии стран СНГ в условиях изменения международной системы.

Ключевые слова: международная безопасность, мировой порядок, многополярность, международные отношения, геополитика, коллективная безопасность, глобальные угрозы, центры силы, международная стабильность.

Введение

Международная безопасность в настоящее время развивается в условиях существенного изменения структуры мировой политики. Система отношений, сложившаяся после окончания холодной войны, уже не обеспечивает прежнего уровня предсказуемости и управляемости международных процессов. Заметным изменением стало перераспределение политического, экономического, технологического и военного потенциала между различными центрами силы. Усиление Китая, Индии, государств Ближнего Востока, расширение роли объединений незападного типа, активизация стран Глобального Юга сопровождаются снижением возможностей одного центра определять основные параметры международной повестки. Многополярность при этом не означает автоматического повышения устойчивости мировой системы. Напротив, наличие нескольких влиятельных центров создает дополнительные линии конкуренции, увеличивает число пересекающихся интересов и усложняет выработку общих правил поведения государств [5; 8]. Проблема международной безопасности выходит за пределы традиционного понимания безопасности как предотвращения военного столкновения государств, в нее включаются вопросы технологического суверенитета, кибербезопасности, контроля над критической инфраструктурой, энергетических и продовольственных цепочек, информационного пространства, миграции и транснациональной преступности [7]. Исследование международной безопасности требует рассмотрения одновременно изменений мирового порядка и тех механизмов, которые способны удерживать систему международных отношений от дальнейшей эскалации.

Трансформация мирового порядка и изменение содержания международной безопасности

Мировой порядок представляет собой совокупность политических, экономических и институциональных отношений, определяющих распределение возможностей между участниками международной системы. Его трансформация проявляется в изменении состава ведущих держав и в пересмотре самих принципов взаимодействия. Современная система характеризуется ростом политической конкуренции, использованием экономических ограничений в качестве инструмента внешней политики, усилением технологического противостояния и расширением значения региональных объединений. И.В. Ильин и О.Г. Леонова связывают современные изменения глобальных политических процессов с усложнением структуры международных отношений и появлением новых форм взаимодействия между государствами, при этом изменение баланса сил происходит одновременно в нескольких сферах[5, с. 3–19]. Экономическая мощь все чаще связана с контролем над технологиями, финансовой инфраструктурой, логистическими маршрутами, сырьевыми ресурсами и производственными цепочками. Военное превосходство также перестает быть единственным показателем стратегического потенциала государства. Возможность обеспечить устойчивую работу собственной экономики, защитить информационные системы и критическую инфраструктуру приобретает непосредственное значение для национальной и международной безопасности.

Переход к многополярной структуре особенно важен для понимания современных угроз. Д.И. Ахмерова отмечает трансформацию системы международной безопасности в связи с формированием многополярного мира [1]. Многополярность означает существование нескольких государств и объединений, способных оказывать значительное влияние на международную повестку. Россия, Китай и Индия рассматривают многополярность как описание распределения силы и как принцип организации международного взаимодействия. С.А. Мальченков показывает различия в трактовке данной категории в концептуальных документах трех государств [8, с. 120–137]. Для международной безопасности это имеет практическое значение: разные центры силы предлагают собственные представления о допустимых формах вмешательства, суверенитете, региональном лидерстве и механизмах коллективного реагирования, при отсутствии согласованных правил конкуренция между такими центрами может переходить из экономической и дипломатической сферы в военно-политическую.

Изменение мирового порядка одновременно расширяет возможности международного сотрудничества. Региональные организации получают больше пространства для самостоятельного решения вопросов безопасности, государства развивают альтернативные меха-

низмы финансового и экономического взаимодействия, формируются новые транспортные и энергетические маршруты. Но такая фрагментация имеет и отрицательную сторону. Различные институты безопасности могут пересекаться по компетенциям, государства могут выбирать удобные для себя форматы сотрудничества, а единая система принятия решений становится менее эффективной. Н.Л. Смакотина и А.В. Волков связывают трансформацию мирового порядка с необходимостью поиска таких моделей взаимодействия, которые позволяли бы сочетать различия между цивилизационными и политическими системами с сохранением открытого характера международных отношений [9]. Для безопасности принципиальным становится не устранение различий между центрами силы, а создание механизмов, при которых эти различия не приводят к постоянной конфронтации.

Основные угрозы международной безопасности

Современная система угроз отличается высокой взаимосвязанностью. Военный конфликт способен быстро переходить в экономическую, энергетическую, информационную и гуманитарную плоскость. Экономические ограничения воздействуют на производство и торговлю, нарушение транспортных связей меняет энергетические и продовольственные потоки, кибератаки могут нарушать работу государственных органов и предприятий, информационное воздействие влияет на общественные настроения. Безопасность государства нельзя оценивать исключительно по численности вооруженных сил или объему военного бюджета, необходима оценка способности государства противостоять комплексному воздействию сразу нескольких факторов.

К числу существенных угроз относится рост международной военно-политической напряженности. Проблема заключается в наличии отдельных конфликтов и в снижении доверия между государствами. При отсутствии устойчивых каналов политического диалога даже ограниченный кризис способен привести к расширению конфронтации. М.Ш. Джанталеева указывает на сложность категории международной безопасности и наличие различных подходов к ее определению в теории международных отношений [3]. Реальная практика подтверждает, что безопасность одного государства не всегда может быть обеспечена за счет исключительно односторонних действий. Укрепление военного потенциала одной стороны способно восприниматься другой как угроза, вызывая ответное наращивание вооружений. Возникает замкнутый круг, при котором меры обеспечения безопасности одновременно становятся источником дополнительной напряженности.

Существенную роль приобретают технологические угрозы. Критическая инфраструктура, государственные информационные системы, финансовые сети, энергетические объекты и системы связи становятся самостоятельными объектами международного противоборства. Распространение цифровых технологий снизило стоимость воздействия на противника: для нанесения ущерба отдельным системам не всегда требуется прямое военное вмешательство, поэтому киберпространство фактически стало еще одной сферой стратегической конкуренции. Технологическая зависимость государства от зарубежного оборудования, программного обеспечения и компонентов также приобретает значение фактора безопасности. В случае политического кризиса зависимость от внешних поставок способна превратиться в уязвимость экономики и государственного управления.

Отдельного внимания требует энергетическая безопасность. Контроль над ресурсами, маршрутами поставок и инфраструктурой транспортировки сохраняет важное значение в мировой политике. Энергетический рынок связан с внешнеполитическими решениями государств, состоянием регионов и возможностями промышленного развития. Аналогичная ситуация складывается в сфере продовольствия. Нарушение логистических цепочек, ограничение экспорта или нестабильность в крупных производящих регионах способны создавать последствия далеко за пределами зоны непосредственного конфликта. Международная безопасность приобретает выраженный экономический компонент, а устойчивость глобальных цепочек поставок становится одним из условий политической стабильности (табл. 1).

Современная международная безопасность складывается из нескольких взаимосвязанных уровней. Военно-политические риски остаются центральными, однако их последствия усиливаются экономическими, технологическими и информационными факторами. К.С. Леонова рассматривает современные тенденции глобальной безопасности в контексте расширения круга угроз и изменения характера международных процессов, это означает необходимость перехода от узкого понимания безопасности к системе комплексной устойчивости государства и международных институтов[7, с. 2009–2014].

Таблица 1. Основные направления трансформации международной безопасности

Направление	Традиционное понимание	Современное содержание
Военная безопасность	Предотвращение вооруженного нападения	Сдерживание, региональные конфликты, новые виды вооружений
Экономическая безопасность	Защита национальной экономики	Устойчивость цепочек поставок, финансовая независимость, санкционные риски
Технологическая безопасность	Контроль военных технологий	Защита цифровой инфраструктуры, технологический суверенитет
Информационная безопасность	Защита государственных информационных ресурсов	Противодействие информационным операциям и киберугрозам
Энергетическая безопасность	Стабильность поставок ресурсов	Защита маршрутов, инфраструктуры и диверсификация поставок
Продовольственная безопасность	Обеспечение внутреннего рынка	Стабильность международных поставок и производства
Региональная безопасность	Защита отдельных регионов	Работа региональных организаций и механизмов коллективного реагирования

Проблема коллективной безопасности в изменяющемся мировом порядке

Коллективная безопасность предполагает наличие механизмов, при которых угроза одному участнику рассматривается как проблема для более широкой группы государств. Практическая сложность такого подхода связана с различием интересов участников. Государства могут по-разному оценивать один и тот же конфликт, иметь противоположные экономические интересы или находиться в различных системах военно-политических обязательств. В условиях многополярности эта проблема становится заметной, поскольку увеличивается количество самостоятельных центров принятия решений.

Значение коллективная безопасность приобретает на постсоветском пространстве. Здесь пересекаются интересы нескольких региональных и внешних центров силы, а политическая ситуация отдельных государств непосредственно влияет на безопасность соседних стран. Д.Л. Цыбаков отмечает сложности обеспечения коллективной безопасности постсоветского пространства в условиях международной эскалации [10, с. 120–128]. Практическая проблема заключается в том, что формальное наличие международных договоренностей само по себе не гарантирует эффективного реагирования на кризис. Необходимы согласованные процедуры принятия решений, реальные возможности выполнения принятых обязательств, постоянный обмен информацией и политическая готовность участников использовать существующие механизмы.

Внешнеполитические стратегии стран СНГ также изменяются под воздействием трансформации мирового порядка. В.Г. Егоров и В.В. Штоль показывают, что государства Содружества вынуждены учитывать изменение международной конфигурации и одновременно решать задачи национального развития и обеспечения безопасности [4, с. 73–90]. Для государств региона характерно стремление сохранить пространство для самостоятельного внешнеполитического выбора, одновременно поддерживая экономические и политические связи с различными центрами силы. Стратегия позволяет снижать зависимость от одного направления, однако требует высокой гибкости внешней политики и развитых институтов национальной безопасности.

Проблема коллективной безопасности не может решаться исключительно путем создания новых военно-политических блоков. При наличии нескольких центров силы постоянное расширение блоковой конфронтации способно увеличить число конфликтных линий. Результативным направлением становится развитие многоуровневого диалога: между отдельными государствами, региональными организациями и универсальными международными институтами. Важную роль здесь играет сохранение дипломатических каналов даже в периоды острого политического противостояния. Возможность вести переговоры не означает отсутствия разногласий; она создает техническую возможность ограничивать последствия кризиса.

Пути повышения устойчивости международной системы

Повышение уровня международной безопасности в условиях трансформации мирового порядка требует прежде всего адаптации существующих механизмов к новой структуре международных отношений.

Модель, при которой основные решения принимаются ограниченным кругом государств, сталкивается с проблемой легитимности в условиях роста влияния новых центров силы, поэтому международные институты должны учитывать изменившееся распределение экономического и политического потенциала. К.С. Леонова при рассмотрении глобальных целей развития обращает внимание на взаимосвязь международной политики, развития государств и глобальных проблем [6, с. 3660–3666]. Для безопасности это означает необходимость связывать политические решения с экономическими и социальными последствиями.

Практическим направлением становится укрепление механизмов предупреждения конфликтов. Реагирование на кризис после начала вооруженного столкновения значительно сложнее и дороже, чем предотвращение его эскалации. Необходимы постоянные дипломатические контакты, обмен информацией о военной активности, механизмы консультаций и процедуры экстренной связи. Значение имеют региональные механизмы, поскольку именно на региональном уровне многие угрозы проявляются раньше всего. Региональные организации могут выполнять функцию промежуточного уровня между национальной политикой и глобальными институтами.

Отдельная задача связана с формированием правил поведения в цифровой сфере. Государствам необходимо вырабатывать минимальный набор договоренностей относительно недопустимости атак на объекты критической инфраструктуры, государственных информационных систем и жизненно важных цифровых сервисов. Одновременно требуется развитие собственных технологических возможностей. Зависимость от ограниченного числа внешних поставщиков создает системный риск, поэтому технологическая безопасность должна рассматриваться как часть общей государственной безопасности.

Существенное значение имеет диверсификация международных экономических связей. Слишком высокая концентрация торговли, энергетических поставок, транспортных маршрутов или финансовых операций создает условия, при которых локальный политический конфликт способен вызвать масштабные экономические последствия. Развитие нескольких альтернативных маршрутов и партнерств снижает уязвимость международной системы, в условиях многополярности такой подход позволяет государствам сохранять пространство для самостоятельной внешней политики и одновременно поддерживать международное экономическое взаимодействие.

Многополярность в конечном счете требует не отказа от международных правил, а их адаптации к более сложной структуре мировой политики. С.А. Мальченков показывает, что понимание многополярности в России, Китае и Индии имеет собственные особенности, это обстоятельство необходимо учитывать при формировании универсальных механизмов безопасности. Единая система не может быть эффективной, если она строится исключительно на представлениях одной группы государств. Признание разнообразия политических моделей не должно означать отказ от базовых принципов международного взаимодействия[8] (табл. 2).

Таблица 2. Практические направления укрепления международной безопасности

Проблема	Практическое решение	Ожидаемый результат
Рост военно-политической напряженности	Развитие каналов кризисной дипломатии	Снижение риска неконтролируемой эскалации
Конкуренция центров силы	Расширение многостороннего диалога	Согласование интересов
Киберугрозы	Международные правила защиты критической инфраструктуры	Снижение ущерба от цифровых атак
Экономическая зависимость	Диверсификация торговли и поставок	Повышение устойчивости экономики
Региональные конфликты	Укрепление региональных механизмов безопасности	Более быстрое реагирование на кризисы
Недостаток доверия	Военно-политические консультации и обмен информацией	Снижение риска ошибочной оценки действий другой стороны
Технологическая зависимость	Развитие собственного технологического потенциала	Повышение стратегической автономии

Предложенные меры имеют практическое значение именно потому, что воздействуют на конкретные источники нестабильности. Международная безопасность не может быть обеспечена одной организацией или одним видом соглашений, она требует одновременной работы дипломатических, экономических, технологических и региональных механизмов. Устойчивость, в условиях изменения мирового порядка, определяется не отсутствием противоречий, а способностью международной системы ограничивать их развитие до уровня, при котором они не перерастают в масштабный конфликт.

Заключение

Трансформация мирового порядка изменила условия обеспечения международной безопасности. Главным фактором этих изменений стало перераспределение влияния между несколькими центрами силы и постепенное усложнение структуры международных отношений. Многополярность увеличивает число самостоятельных участников мировой политики, расширяет возможности регионального сотрудничества, но одновременно повышает требования к механизмам согласования интересов. Конкуренция государств теперь развивается не только в военно-политической сфере. Экономика, технологии, энергетика, информационное пространство и контроль над инфраструктурой стали самостоятельными направлениями обеспечения безопасности.

Основная проблема современной международной системы состоит в несоответствии между изменившейся конфигурацией мировой политики и механизмами регулирования, многие из которых формировались в иной международной обстановке. Создание новых блоков и дальнейшее усиление конфронтации не решают проблему безопасности. Более устойчивой является модель, основанная на сочетании сдерживания, дипломатии, регионального сотрудничества и международных правил поведения в новых сферах противоборства.

Для постсоветского пространства особое значение имеет повышение эффективности существующих механизмов коллективной безопасности, развитие самостоятельных каналов внешнеполитического взаимодействия и снижение зависимости от одного центра силы. На глобальном уровне необходимы расширение диалога между ведущими государствами, учет интересов новых центров развития и выработка правил для цифровой, технологической и экономической сфер. Международная безопасность в изменяющемся мире становится результатом постоянного согласования интересов, а не состоянием окончательного политического равновесия.

Литература

1. Ахмерова Д.И. Трансформация системы международной безопасности в условиях формирования многополярного мира // Цифровое право. 2025. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-sistemy-mezhdunarodnoy-bezopasnosti-v-usloviyah-formirovaniya-mnogopolyarnogo-mira (дата обращения: 15.09.2026).
2. Баженов А.М. Социология международных отношений: учебник и практикум для вузов / А.М. Баженов. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Юрайт, 2025. – 227 с.
3. Джанталеева М.Ш. Проблемы международной безопасности в теории международных отношений // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2017. № 1 (50). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-mezhdunarodnoy-bezopasnosti-v-teorii-mezhdunarodnyh-otnosheniy (дата обращения: 15.09.2026).
4. Егоров В. Г., Штоль В.В. Внешнеполитическая стратегия стран СНГ в условиях формирующегося миропорядка // Observer – Обозреватель. 2024. № 3 (404). С. 73–90.
5. Ильин И.В., Леонова О.Г. Формирующиеся тенденции глобальных политических процессов // Вестник Московского университета. Сер. 27. Глобалистика и геополитика. 2023. № 3. С. 3–19.
6. Леонова К.С. Глобальные цели развития // Вопросы политологии. 2021. Т. 11, № 12(76). С. 3660–3666.
7. Леонова К.С. Современные тенденции в сфере глобальной безопасности // Вопросы политологии. 2020. Т. 10, № 6 (58). С. 2009–2014.
8. Мальченков С.А. Категория «многополярность» в концептуальных документах России, Китая и Индии // Дискурс-Пи. 2025. Т. 22, № 1, с. 120–137.
9. Смакотина Н. Л., Волков А.В. Трансформация мирового порядка в условиях международной нестабильности: открытый мир и синергия цивилизаций // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2024. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-mirovogo-poryadka-v-usloviyah-mezhdunarodnoy-nestabilnosti-otkrytyy-mir-i-sinergiya-tsivilizatsiy (дата обращения: 15.09.2026).
10. Цыбаков Д.Л. Проблемы обеспечения коллективной безопасности постсоветского пространства в условиях международной эскалации. Проблемы постсоветского пространства. 2023;10(2):120–128. https://doi.org/10.24975/2313–8920–2023–10–2–120–128 (дата обращения: 15.09.2026).

THE ISSUE OF INTERNATIONAL SECURITY AMID THE TRANSFORMATION OF THE WORLD ORDER

Sokolov A.S.
Financial University under the Government of the Russian Federation

This article examines the issue of international security against the backdrop of a changing world order. It analyzes the weakening of established mechanisms for regulating international relations, the rise of competition among centers of power, the changing nature of threats, and the growing complexity of the collective security system. Particular attention is paid to the emergence of a multipolar model in which regional blocs, individual states, and non-Western centers of political and economic influence play an increasingly important role. The article demonstrates that contemporary international security depends not only on the military-strategic balance but also on economic conditions, technological development, information resilience, and energy and food security. It also addresses collective security issues within the post-Soviet space and the foreign policy strategies of CIS countries amidst the transformation of the international system.

Keywords: international security, world order, multipolarity, international relations, geopolitics, collective security, global threats, centers of power, international stability.

References

1. Akhmerova D.I. Transformation of the international security system in the context of the formation of a multipolar world // Digital Law. 2025. No. 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-sistemy-mezhdunarodnoy-bezopasnosti-v-usloviyah-formirovaniya-mnogopolyarnogo-mira (accessed: 15.09.2026).

2. Bazhenov A.M. Sociology of International Relations: a textbook and workshop for universities / A.M. Bazhenov. – 2nd ed., revised and supplemented. – Moscow: Yurayt, 2025. – 227 p.

3. Dzhantaleeva M. Sh. Problems of international security in the theory of international relations // The Caspian Region: Politics, Economics, Culture. 2017. No. 1 (50). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-mezhdunarodnoy-bezopasnosti-v-teorii-mezhdunarodnyh-otnosheniy (accessed: 15.09.2026).

4. Egorov V.G., Shtol V.V. Foreign Policy Strategy of the CIS Countries in the Context of the Emerging World Order // Observer – Obzornik. 2024. No. 3 (404). Pp. 73–90.

5. Ilyin I.V., Leonova O.G. Emerging Trends in Global Political Processes // Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 27. Global Studies and Geopolitics. 2023. No. 3. Pp. 3–19.

6. Leonova K.S. Global Development Goals // Voprosy Politologii. 2021. Vol. 11, No. 12(76). Pp. 3660–3666.

7. Leonova K.S. Modern Trends in the Field of Global Security // Voprosy Politologii. 2020. Vol. 10, No. 6 (58). Pp. 2009–2014.

8. Malchenkov S.A. The Category of "Multipolarity" in the Conceptual Documents of Russia, China, and India // Discourse-Pi. 2025. Vol. 22, No. 1, pp. 120–137.

9. Smakotina N.L., Volkov A.V. Transformation of the world order in the context of international instability: an open world and the synergy of civilizations // Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 27. Globalistics and Geopolitics. 2024. No. 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-mirovogo-poryadka-v-usloviyah-mezhdunarodnoy-nestabilnosti-otkrytyy-mir-i-sinergiya-tsivilizatsiy (accessed: 15.09.2026).

10. Tsybakov D.L. Problems of ensuring collective security in the post-Soviet space in the context of international escalation. Problems of the post-Soviet space. 2023;10(2):120–128. https://doi.org/10.24975/2313–8920–2023–10–2–120–128 (accessed: 15.09.2026).

Политические основы формирования российско-китайского стратегического партнерства в начале 21 века

Сюй Лун,
аспирант, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E-mail: 1476690792@qq.com

Лю Шии,
аспирант, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E-mail: 2765327887@qq.com

В данной статье исследуются политические основы формирования китайско-российского стратегического партнерства в XXI веке. Стабильность китайско-российского взаимодействия не может быть объяснена только международной политической обстановкой, экономической взаимозависимостью и совпадением определенных интересов двух стран. Цель данной статьи заключается в выявлении и систематизации ключевых политических основ, которые обеспечили становление устойчивой модели стратегического взаимодействия между Китаем и Россией.
В качестве основных категорий анализа рассматриваются национальные интересы, политическое доверие, институционализация и международный порядок. В статье политические основы китайско-российского стратегического партнерства включают согласование стратегических интересов, формирование политического доверия, институционализацию двустороннего взаимодействия и близость позиций двух стран по ключевым принципам международного порядка. Практическое проявление указанных политических основ рассматривается на примере позиции России по проблеме Южно-Китайского моря, которая позволяет проследить сочетание политической координации с сохранением самостоятельности внешнеполитических позиций двух государств.

Ключевые слова: Россия, Китай, Южно-Китайское море, китайско-российские отношения, стратегическое партнерство, национальные интересы, политическое доверие, институционализация, международный порядок, внешняя политика.

Введение

Китайско-российские отношения занимают особое место в современной системе международных отношений. В существующей научной литературе исследователи уделяют больше внимания экономическому сотрудничеству, вопросам безопасности, энергетическому сотрудничеству, международной деятельности между Китаем и Россией. Однако простое перечисление различных отдельных влияющих факторов не раскрывает в полной мере политический подтекст стратегического партнерства. Следовательно, формирование китайско-российского стратегического партнерства необходимо рассматривать как результат взаимодействия ряда относительно устойчивых политических основ, которые определяют характер межгосударственного взаимодействия и направление его развития.

Объектом исследования данной статьи является китайско-российское стратегическое партнерство.

Предметом исследования являются политические основы формирования российско-китайского стратегического партнерства в начале XXI века и их практическое проявление на примере отдельных вопросов международного и регионального взаимодействия, в частности позиции России по проблеме Южно-Китайского моря.

Исследовательская цель данной статьи – выявить и систематизировать основные политические основы формирования китайско-российского стратегического партнерства и показать их практическое проявление.

Методологическую основу данного исследования составляют системные методы исследования, институционалистские методы исследования и методы сравнительной политологии, а также анализ официальных российских и китайских документов.

Согласование национальных интересов является политической основой стратегического партнерства

Национальные интересы занимают важное место в политологии и теории международных отношений. Являясь одним из главных действующих лиц международной политики, государство обычно рассматривает национальную безопасность, национальный суверенитет, чтобы определить направление внешней политики [1].

Поэтому формирование российско-китайского стратегического партнерства нельзя объяснить полным совпадением интересов двух стран. Между Россией и Китаем существуют различия, однако с конца XX по начало XXI века обе страны постепенно нашли некоторые области, в которых их долгосрочные интересы оказались совместимыми [2].

Важным направлением развития китайско-российских отношений является поддержание двусторонних отношений и стабильности в приграничных районах. Для обеих сторон решение пограничного вопроса поможет снизить давние политические конфликтные риски. В Китайско-российском «договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и китайской народной республикой» 2001 года преисполнены решимости превратить границу между ними в границу вечного мира и дружбы [3]. По мере постепенного урегулирования вопроса о китайско-российской границе стабильная граница больше не является потенциальным источником конфликта, а постепенно становится одним из важных условий расширения политического и экономического сотрудничества между двумя странами.

Еще одним важным фактором является то, что и Россия, и Китай придают большое значение сохранению национального суверенитета и автономии во внешней политике. Несмотря на различия в конкретных внешнеполитических целях двух стран, обе стороны всегда подчеркивали важность принципа суверенного равенства государств и невмешательства во внутренние дела [4].

Таким образом, политическая основа российско-китайского партнерства заключается не в том, что национальные интересы двух стран в точности совпадают, а в том, что обе стороны имеют возможность согласовывать свои соответствующие национальные интересы путем переговоров, консультаций и взаимных уступок.

Политическое доверие в формировании китайско-российского стратегического партнерства

Второй важной политической основой формирования китайско-российского стратегического партнерства является политическое доверие.

В теории международных отношений доверие рассматривается как важный фактор межгосударственного взаимодействия, особенно когда страны не могут полностью понять информацию о будущем действиях и намерениях друг друга.

В данном исследовании политическое доверие понимается как особенность межгосударственных отношений, снижение неопределенности между двумя сторонами, поддержание нормализации политической коммуникации и создание стабильного механизма взаимодействия являются важными условиями для формирования такого рода политического доверия.

Что касается китайско-российских отношений, то в связи со сложным историческим процессом двустороннего взаимодействия во второй половине XX века вопрос политического доверия приобретает особое значение. Разногласия, возникшие между Китаем и Советским Союзом, и напряженность в приграничных районах представляют собой важный исторический фон для взаимных сомнений между двумя сторонами. Таким образом, переход от нормализации отношений к стратегическому партнерству не только означает, что Россия и Китай координируют определенные внешнеполитические интересы, но и означает, что обе стороны постепенно уменьшают взаимные сомнения и неуверенность в политических намерениях друг друга.

Еще одним важным фактором установления политического доверия является развитие механизма регулярных контактов между двумя странами на самом высоком политическом уровне. Нормализация и институционализация основных принципов двусторонних отношений также занимают важное место в процессе укрепления политического доверия.

Институционализация китайско-российского политического взаимодействия

Третьей важной основой стратегического партнерства является институционализация двустороннего взаимодействия. В международных отношениях институционализация как процесс, посредством которого постепенно формируются и закрепляются относительно стабильные правила, процедуры и механизмы взаимодействия.

Развитие китайско-российских отношений отражает этот процесс, и эта институционализация формируется не на низком уровне, политические обмены между Китаем и Россией больше не зависят только от контактов между отдельными лидерами, но постепенно формируют многоуровневую и более стабильную систему взаимодействия.

Институционализация также отражается на уровне многостороннего сотрудничества. Устав Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), принятый в 2002 году, закрепил основные цели, принципы и механизм функционирования Организации [5]. Благодаря этому многостороннему механизму обе страны могут чаще обмениваться мнениями и координировать свои позиции.

Институционализация политического взаимодействия между Китаем и Россией – это процесс постепенного развития. Первоначальное сотрудничество часто основывается на политической воле лидеров двух стран, и по мере того, как сотрудничество продолжает углубляться, эта политическая воля постепенно трансформируется в более четкий механизм встреч, процедуры консультаций и организационные мероприятия. Долгосрочное функционирование этих механизмов, в свою очередь, делает политические взаимодействия более стабильными, а также повышает предсказуемость политики и поведения друг друга.

Близость подходов России и Китая к международному порядку

Развитие китайско-российского стратегического партнерства обусловлено не только двусторонними факторами, но и связано со сближением позиций двух стран по некоторым важным вопросам международного порядка. Это близость создает важные политические условия для укрепления дипломатической координации между двумя сторонами.

Различия в национальных интересах, историческом опыте и международном статусе страны по-разному понимают международный порядок, и это влияет на их внешнеполитический выбор.

Судя по внешней политике России и Китая, можно выделить ряд основным принципам. Обе стороны подчеркнули национальный суверенитет и территориальную целостность, невмешательство во внутренние дела, международное право и важную роль Организации Объединенных Наций в международных делах [6]. В то же время обе страны выступают за то, чтобы при решении международных вопросов учитывались интересы.

Однако это не означает, что Китай и Россия придерживаются абсолютно одинаковой позиции по всем международным вопросам. У двух стран есть свои национальные интересы и внешняя политика. Поэтому, если быть более точным, Китай и Россия имеют близость подходов по ряду базовых принципов международного порядка и осуществляют дипломатическую координацию на этой основе.

Идея многополярности также занимает важное место в китайско-российским понимании международного порядка. Ещё в «Российско-китайской совместной декларации о многополярном мире и формировании нового международного порядка.», подписанном в 1997 году, обе стороны заявили, что будут способствовать процессу многополярности мира и способствовать установлению нового международного порядка [7]. Эта позиция тесно связана с требованиями двух стран сохранить свою внешнеполитическую автономию и расширить свои возможности для участия в международных делах.

В то же время координация действий Китая и России в международных делах не означает формирования политического или военного союза в традиционном смысле этого слова. Укрепляя сотрудничество, обе стороны сохраняют свою внешнеполитическую автономию в соответствии со своими национальными интересами.

Взаимосвязь политических основ китайско-российского стратегического партнерства

Согласование национальных интересов обеспечивает политическую мотивацию для развития партнерства. Однако само по себе наличие общих или совместимых интересов не гарантирует долгосрочного стабильного развития сотрудничества. Для достижения этой цели также требуется определенная степень политического доверия [8].

Политическое доверие способствует созданию более стабильного механизма взаимодействия. Благодаря формированию фиксированных процедур и каналов политической коммуникации институционализация может еще больше укрепить уровень сотрудничества, достигнутый обеими сторонами. Созданные системы и механизмы, в свою очередь, будут способствовать укреплению политического доверия.

Кроме того, схожие позиции России и Китая по ряду важных вопросов международного порядка еще больше расширили пространство для координации внешней политики двух сторон и придали двустороннему партнерству более очевидное стратегическое значение.

Таким образом, формирование китайско-российского стратегического партнерства нельзя просто отнести на счет одного доминирующего фактора, а следует понимать как результат совместного действия множества взаимосвязанных политических основ.

Исходя из приведенного выше анализа, можно сделать вывод, что между этими политическими основами существует взаимосвязь. Согласование интересов создало условия для сотрудничества между двумя сторонами. Политическое доверие способствует дальнейшему развитию сотрудничества. Институционализированный механизм делает взаимодействие между двумя сторонами более стабильным, а схожие позиции по вопросам международного порядка расширили пространство для координации внешней политики между двумя странами. В то же время позитивный прогресс, достигнутый обеими сторонами в любой из вышеперечисленных областей, может также способствовать дальнейшему развитию других элементов стратегического партнерства.

Позиция России по проблеме Южно-Китайского моря как пример политической координации в рамках российско-китайского стратегического партнерства

В рамках настоящего исследования проблема Южно-Китайского моря рассматривается как один из практических примеров проявления политических основ российско-китайского стратегического партнерства, сформировавшихся в начале XXI века.

Южно-Китайское море является пространством территориальных споров и разногласий по вопросам морских прав и интересов между Китаем и рядом государств Юго-Восточной Азии. Поэтому ситуация в Южно-Китайском море представляет собой не только важный пример для анализа региональной политики России, но и практическое проявление политических основ российско-китайского стратегического партнёрства.

Прежде всего, Россия придерживается принципиальной позиции о невмешательстве непосредственно в территориальные и морские споры в Южно-Китайском море. Обе страны во внешней политике придерживаются таких основополагающих принципов, как уважение государственного суверенитета и территориальной целостности. Близость

внешнеполитических принципов России и Китая создает определённые предпосылки для координации позиций.

Однако нейтралитет России не означает, что её позиция по соответствующим вопросам полностью расходится с китайской. Напротив, на основе сформировавшегося между двумя странами политического доверия, а также близости их внешнеполитических принципов Россия по отдельным вопросам, связанным с региональным порядком в Южно-Китайском море, демонстрирует стратегическое понимание и поддержку позиции Китая. Россия исходит из того, что споры в Южно-Китайском море должны разрешаться непосредственно заинтересованными государствами политическими и дипломатическими средствами, выступая против вмешательства в данный процесс внерегиональных сил, а также против милитаризации и интернационализации проблемы Южно-Китайского моря [9].

Данная позиция в значительной степени соответствует подходу Китая. Таким образом, координация политики двух стран по проблеме Южно-Китайского моря в значительной степени основывается на близости их представлений об основных принципах внешнеполитического взаимодействия.

Таким образом, проблема Южно-Китайского моря в определенной степени отражает основные характеристики российско-китайского стратегического партнерства: не полное совпадение позиций по всем региональным вопросам, а координацию национальных интересов, близость подходов к основополагающим принципам международного порядка и наличие политического доверия при сохранении самостоятельности внешнеполитических позиций двух государств.

Заключение

Формирование китайско-российского стратегического партнерства в начале 21 веке определяется не каким-то одним фактором, а результатом взаимосвязанных политических основ.

Первая политическая основа заключается в том, что между Китаем и Россией существуют важные области сближения с точки зрения национальных и стратегических интересов. Среди них действительно решающим является не полное совпадение интересов двух стран, а способность обеих сторон согласовать интересы.

Вторая политическая основа – это политическое доверие. Политическое доверие между Китаем и Россией постепенно формировалось в мероприятиях между двумя странами.

Третья политическая основа – это институционализация двустороннего взаимодействия: формируются стабильные двусторонние и многосторонние каналы связи, так что готовность двух стран к сотрудничеству может быть преобразована в регулярную практику межгосударственного взаимодействия.

Четвертая политическая основа заключается в том, что Россия и Китай имеют более близкие подходы к ряду основным принципам международного порядка.

При этом близость внешнеполитических подходов и общих принципов способствует укреплению российско-китайских отношений, но не означает отказа сторон от самостоятельности во внешней политике. Проблема Южно-Китайского моря наглядно демонстрирует данную особенность стратегического партнерства: Россия и Китай имеют близкие подходы к таким вопросам, как невмешательство во внутренние дела, однако Россия сохраняет самостоятельную позицию и продолжает учитывать собственные национальные интересы.

Таким образом, китайско-российское стратегическое партнерство можно понимать как результат взаимодействия национальных интересов, политического доверия, институционализации и сходства внешнеполитических подходов двух стран. Именно взаимосвязь между этими факторами постепенно способствовала формированию долгосрочных и относительно стабильных китайско-российских отношений, не переросла в военно-политический союз в традиционном смысле этого слова.

Литература

1. Лукин А.В. Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений. – М.: Весь мир, 2013. – С. 299–408.

2. Титаренко М.Л. Россия и Китай: стратегическое партнерство и вызовы времени. – М.: ИД «ФОРУМ», 2014. – 224 с. [Электронный ресурс]. URL: https://lk.iccaras.ru/assets/components/dsgfileupload/files/book-2014-titarenko.

3. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16 июля 2001 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zfxxgk_674865/gknrlb/tywj/tyqk/200203/t20020320_7949487.shtml

4. Keohane R.O. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. – Princeton: Princeton University Press, 1984.

5. Хартия Шанхайской организации сотрудничества. – Санкт-Петербург, 7 июня 2002 г.

6. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии. – Пекин, 4 февраля 2022 г.

7. Российско-китайская Совместная декларация о многополярном мире и формировании нового международного порядка, принятая в Москве 23 апреля 1997 года // A/52/153; S/1997/384. 20 мая 1997 г.

8. Лукин А.В. От нормализации к стратегическому партнерству. Россия и Китай после распада СССР // Россия и Китай: четыре века взаимодействия. История, современное состояние и перспективы развития российско-китайских отношений. – М.: Весь мир, 2013. – С. 299–408.

9. Захарова М.В. Брифинг официального представителя МИД России. [Электронный ресурс]. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/2126922/#17

POLITICAL FOUNDATIONS OF THE FORMATION OF RUSSIAN-CHINESE STRATEGIC PARTNERSHIP IN THE EARLY 21ST CENTURY

Xu Long, Liu Shiyi
Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

This article examines the political foundations of the formation of the Sino-Russian strategic partnership in the 21st century. The stability of Sino-Russian interaction cannot be explained solely by the international political situation, economic interdependence, and the alignment of certain interests of the two countries. The aim of this article is to identify and systematize the key political foundations that have ensured the establishment of a stable model of strategic interaction between China and Russia.

The main categories of analysis are national interests, political trust, institutionalization, and the international order. The article outlines the political foundations of the Sino-Russian strategic partnership, which include the alignment of strategic interests, the building of political trust, the institutionalization of bilateral cooperation, and the convergence of the two countries' positions on key principles of the international order. The practical manifestation of these political foundations is examined through Russia's position on the South China Sea issue, which demonstrates the combination of political coordination with the preservation of the two states' independent foreign policy positions.

Keywords: Russia, China, South China Sea, Sino-Russian relations, strategic partnership, national interests, political trust, institutionalization, international order, foreign policy.

References

1. Lukin, A.V. Russia and China: Four Centuries of Interaction. History, Current State and Prospects for the Development of Russian-Chinese Relations. Moscow: Ves Mir, 2013. Pp. 299–408.

2. Titarenko, M.L. Russia and China: Strategic Partnership and Challenges of the Times. Moscow: FORUM Publishing House, 2014. 224 p. [Electronic resource]. Available at: https://lk.iccaras.ru/assets/components/dsgfileupload/files/book-2014-titarenko.

3. Treaty of Good-Neighborliness, Friendship and Cooperation between the Russian Federation and the People's Republic of China, July 16, 2001. [Electronic resource]. Available at: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zfxxgk_674865/gknrlb/tywj/tyqk/200203/t20020320_7949487.shtml.

4. Keohane R.O. After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy. – Princeton: Princeton University Press, 1984.

5. Charter of the Shanghai Cooperation Organization. St. Petersburg, June 7, 2002.

6. Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on International Relations Entering a New Era and Global Sustainable Development. Beijing, February 4, 2022.

7. Russian-Chinese Joint Declaration on a Multipolar World and the Establishment of a New International Order, adopted in Moscow on April 23, 1997. UN Document A/52/153; S/1997/384, May 20, 1997.

8. Lukin, A. V. «From Normalization to Strategic Partnership: Russia and China after the Collapse of the USSR.» In: Russia and China: Four Centuries of Interaction. History, Current State and Prospects for the Development of Russian-Chinese Relations. Moscow: Ves Mir, 2013. Pp. 299–408.

9. Zakharova, M.V. Briefing by the Official Spokesperson of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. [Electronic resource]. Available at: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/2126922/#17.

Трансформация системы международных отношений в условиях формирования многополярного мира

Соколов Алексей Сергеевич,
ассистент кафедры гуманитарных наук факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
E-mail: Alexintel7@mail.ru

В статье рассматривается изменение системы международных отношений под воздействием формирования многополярного миропорядка. Анализируются причины ослабления прежней модели международного взаимодействия, изменение роли ведущих государств и международных организаций, усиление региональных центров силы. Особое внимание уделено проблемам международной безопасности, реформированию институтов глобального управления, внешнеполитическим стратегиям России, Китая, Индии и стран СНГ. Показано, что современная многополярность связана не только с перераспределением экономической и военной мощи, но и с изменением принципов принятия международных решений.

Ключевые слова: международные отношения, многополярность, миропорядок, международная безопасность, геополитика, центры силы, ООН, внешняя политика, глобальное управление.

Введение

Система международных отношений в начале XXI века находится в состоянии продолжительной структурной перестройки. После окончания биполярного противостояния сформировалась модель, в которой США получили значительно более широкие возможности для определения направлений мировой политики, а западные политические, экономические и финансовые институты заняли центральное положение в глобальном управлении. Однако такая конфигурация не сохранилась в первоначальном виде. Рост экономического потенциала Китая, укрепление позиций Индии, изменение роли России, расширение взаимодействия государств Азии, Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки привели к перераспределению ресурсов и политического влияния. Современный международный порядок характеризуется увеличением числа самостоятельных центров принятия решений, конкуренцией различных моделей развития и снижением способности одного государства или группы государств единолично определять правила международного взаимодействия. Переход к многополярности при этом не означает автоматического формирования устойчивой и согласованной системы. Напротив, период структурной перестройки сопровождается ростом конфликтности, санкционным давлением, усилением военно-политических блоков, конкуренцией за технологические ресурсы и изменением механизмов обеспечения безопасности [8].

Изменение структуры международной системы

Многополярность следует рассматривать прежде всего как изменение распределения возможностей между государствами. В условиях однополярной модели значительная часть международных решений принималась с учетом позиции одного доминирующего центра. При формировании многополярной системы государства получают больше возможностей самостоятельно определять внешнеполитические приоритеты, формировать региональные коалиции и использовать экономические, технологические, энергетические и военные ресурсы для защиты собственных интересов. Содержание многополярности поэтому нельзя сводить только к количеству крупных держав. Существенное значение имеет способность государства проводить самостоятельную политику и влиять на решения за пределами собственных границ. С этой точки зрения современная международная система сочетает несколько уровней взаимодействия: глобальный, региональный и двусторонний. Государство может одновременно участвовать в нескольких объединениях, сотрудничать с конкурирующими центрами силы и корректировать внешнюю политику в зависимости от конкретной проблемы [2].

Историческая динамика международных отношений показывает, что переход от одной системной конфигурации к другой обычно сопровождается перераспределением политических и экономических ресурсов. Я.А. Пляйс отмечает, что трансформации международных систем XX – начала XXI века были связаны с крупными изменениями в соотношении сил и характере взаимодействия государств [8; 9]. Современный этап отличается от прежних периодов масштабом взаимозависимости. Экономические связи, международные финансовые операции, цифровые технологии, трансграничные цепочки поставок и информационные коммуникации связывают государства значительно теснее, чем несколько десятилетий назад, поэтому современная многополярность развивается не только через военную конкуренцию. На первый план выходят контроль над технологиями, доступ к инвестициям, энергетическая безопасность, транспортные коридоры, продовольственные ресурсы, производство критически важных компонентов. Государство, обладающее сильной экономикой, технологической базой и развитой инфраструктурой, получает дополнительные инструменты международного влияния даже при отсутствии абсолютного военно-политического превосходства.

З. Бжезинский рассматривал мировую политику через призму конкуренции крупных геополитических центров и способности государств влиять на распределение сил на евразийском пространстве [3]. Его подход сохраняет значение при анализе современной системы, однако нынешняя ситуация сложнее модели, в которой мировая политика определяется ограниченным числом государств. Китай превратился в самостоятельный центр экономической и технологической мощи,

Индия усиливает позиции в мировой экономике и международной политике, государства Персидского залива увеличивают самостоятельность внешнеполитических решений, а объединения незападных стран получают дополнительные возможности для координации действий. Международная система становится более неоднородной. Отношения между государствами строятся не по единой оси противостояния, а по нескольким направлениям одновременно: экономическому, военно-политическому, технологическому, энергетическому и дипломатическому.

Многополярность и международная безопасность

Изменение структуры международных отношений непосредственно отражается на системе безопасности. В период однополярного доминирования значительная часть международных механизмов безопасности строилась вокруг институтов и союзов, сформированных при ведущей роли западных государств. В условиях многополярности возрастает значение региональных организаций, двусторонних договоренностей и самостоятельных национальных стратегий. Одновременно увеличивается число ситуаций, в которых интересы различных центров силы пересекаются, это создает противоречие: расширение самостоятельности государств укрепляет их способность защищать собственные интересы, но при отсутствии согласованных правил может повышать вероятность кризисов [1].

Особенность современной ситуации состоит в том, что понятие безопасности существенно расширилось. Военная составляющая остается принципиальной, однако к ней добавились кибербезопасность, защита критической инфраструктуры, энергетическая устойчивость, продовольственная безопасность, технологический суверенитет и защита информационного пространства. Экономические ограничения также стали инструментом международной политики. Санкции, экспортный контроль, ограничения доступа к технологиям и финансовым ресурсам способны оказывать на государство воздействие, сопоставимое с традиционными внешнеполитическими инструментами. Д.И. Ахмерова связывает трансформацию международной безопасности с изменением структуры мирового порядка и появлением новых угроз, которые невозможно эффективно регулировать исключительно средствами традиционной межгосударственной дипломатии [1].

Важным результатом формирования многополярности становится изменение самого подхода к безопасности. Государства стремятся уменьшить зависимость от одного внешнего партнера и формируют несколько каналов экономического, технологического и военно-политического взаимодействия. Такая стратегия позволяет снизить уязвимость перед внешним давлением, но одновременно усложняет международную систему. Чем больше самостоятельных центров участвует в принятии решений, тем труднее выработать единые правила реагирования на кризисы. В этих условиях особую роль приобретает дипломатия, способная обеспечивать прямой диалог даже между государствами, имеющими противоположные интересы.

Изменение роли международных организаций

Трансформация международной системы затрагивает не только отношения между государствами, но и международные организации. Наиболее остро вопрос проявляется в деятельности ООН. Структура Совета Безопасности отражает политический баланс середины XX века, тогда как современное распределение экономических и политических ресурсов существенно изменилось. Возникает проблема представительства государств и регионов, которые получили заметное влияние, но не имеют постоянного места в Совете Безопасности. Вопрос реформы ООН поэтому связан не только с расширением состава ее органов. Необходимо определить, каким образом международная организация должна функционировать в условиях наличия нескольких сопоставимых центров силы [7].

Позиция России по реформированию ООН рассматривается как часть более широкой дискуссии о сохранении центральной роли международного права и повышении представительности международных институтов [7]. При этом сама реформа невозможна без учета интересов различных групп государств. Одностороннее изменение институциональной системы способно привести не к повышению эффективности ООН, а к дальнейшему снижению доверия к ее решениям. Международная организация должна обеспечивать возможность участия государств с различными политическими и экономическими моделями, сохраняя при этом процедуры принятия решений, основанные на согласованных нормах.

Проблема эффективности международных институтов связана также с изменением характера международного сотрудничества. Государства все чаще создают параллельные механизмы взаимодействия в тех сферах, где существующие институты не обеспечивают ожидаемого результата. Развиваются региональные банки, платежные механизмы, транспортные объединения, технологические партнерства, это не означает исчезновения универсальных международных организаций. Скорее происходит разделение функций между глобальными и региональными структурами. Модель соответствует многополярной системе, поскольку позволяет государствам решать часть вопросов на уровне конкретных регионов или объединений, не ожидая согласования всех решений на глобальном уровне.

Россия, Китай, Индия и страны СНГ в формирующемся миропорядке

Россия в формирующейся системе стремится сохранить возможность самостоятельного определения внешнеполитических приоритетов и одновременно расширить взаимодействие с незападными центрами силы. Значение имеют отношения с Китаем, Индией, государствами Центральной Азии, Ближнего Востока и другими партнерами. Внешняя политика России в данном случае связана не только с военно-политическими задачами. Существенную роль играют энергетика, транспорт, промышленная кооперация, расчеты в национальных валютах, технологическое сотрудничество. С.А. Мальченков показывает, что понятие многополярности получает различное содержание в концептуальных документах России, Китая и Индии, это означает, что даже государства, заинтересованные в ослаблении монополярной модели, не обязательно одинаково понимают устройство будущего мирового порядка [6].

Для Китая многополярность связана с расширением экономического и политического пространства для самостоятельного развития. Индия также проводит политику, позволяющую одновременно взаимодействовать с различными центрами силы без полного включения в единую военно-политическую конфигурацию. Модель показывает принципиальное отличие современной международной системы от классического блокового противостояния. Государство может сотрудничать с одним партнером в энергетике, с другим – в оборонной сфере, с третьим – в торговле и технологиях. Формируется система гибких связей, в которой постоянное союзничество уступает место ситуативному совпадению интересов [6].

Особое место занимает пространство СНГ. Государства региона сталкиваются с необходимостью одновременно учитывать интересы России, Китая, Турции, Европейского союза, стран Ближнего Востока и других внешних партнеров. В.Г. Егоров и В.В. Штоль отмечают изменение внешнеполитических стратегий стран СНГ в условиях формирующегося миропорядка [5]. Для этих государств важны сохранение политической самостоятельности, доступ к рынкам, инвестициям и транспортным маршрутам, поэтому их внешняя политика все чаще строится на диверсификации связей. Практика показывает, что многополярность развивается не только через действия крупнейших держав. Средние и малые государства также получают возможность маневрировать между центрами силы, выбирая наиболее выгодные направления сотрудничества.

Практические проявления перехода к многополярности

Практическое содержание многополярности особенно заметно в экономической сфере. Государства стремятся снизить критическую зависимость от внешних поставщиков технологий, оборудования, финансовых ресурсов и логистических маршрутов. Компании и государственные структуры перестраивают цепочки поставок, ищут новые рынки и развивают альтернативные транспортные направления.

Одновременно возрастает значение региональной торговли. Экономическая политика постепенно становится частью стратегии национальной безопасности, поскольку перебои с поставками технологий, комплектующих или энергоресурсов способны ограничить возможности государства не меньше, чем прямое политическое давление. Изменения происходят и в дипломатической практике. Государства активнее используют многосторонние площадки, на которых можно согласовать отдельные вопросы без достижения полного политического согласия по всем направлениям. Формат удобен для многополярной системы: партнерство строится вокруг конкретного интереса, а не обязательного совпадения всех внешнеполитических позиций. Международные отношения становятся более гибкими, но одновременно менее предсказуемыми. Роль дипломатии возрастает именно потому, что количество возможных комбинаций сотрудничества увеличивается.

Исследование отношения молодежи к многополярности показывает, что восприятие современной международной системы связано с вопросами безопасности, суверенитета и положения России в мире [10]. Этот аспект имеет практическое значение. Изменение международного порядка происходит не только на уровне государственных

институтов, оно отражается на представлениях граждан о внешней политике, международной безопасности и месте государства в мировой системе. Для образовательной и информационной политики это означает необходимость давать более содержательное представление о механизмах международных отношений, не сводя их к противостоянию отдельных государств.

Таблица 1. Основные проявления трансформации системы международных отношений в условиях формирования многополярного мира

Направление	Проявление трансформации	Практический результат
Экономика	Рост числа самостоятельных торговых и финансовых центров	Снижение зависимости от одного рынка
Технологии	Конкуренция за критические технологии и производственные цепочки	Ускорение политики технологической самостоятельности
Безопасность	Усиление региональных механизмов	Расширение числа форматов военно-политического сотрудничества
Энергетика	Перестройка маршрутов поставок и изменение структуры рынков	Диверсификация поставщиков и покупателей
Дипломатия	Увеличение числа многосторонних переговорных площадок	Рост роли региональных объединений
Международное право	Дискуссия о реформировании глобальных институтов	Поиск более представительной модели управления

Основные проблемы формирующегося многополярного порядка

Многополярная система не является автоматически более стабильной по сравнению с однополярной. Ее преимущество заключается в распределении политических возможностей между несколькими центрами, но именно это распределение усложняет согласование решений. Чем больше самостоятельных участников имеет существенные ресурсы влияния, тем выше вероятность столкновения интересов. Возникают ситуации, когда действия одного центра воспринимаются другим как угроза, даже если первоначальная цель заключалась в обеспечении собственной безопасности, поэтому главная проблема формирующегося порядка состоит в создании механизмов предотвращения конфликтов между центрами силы.

Второй проблемой остается несовпадение представлений о правилах международного взаимодействия. Разные государства по-разному понимают суверенитет, вмешательство во внутренние дела, допустимые формы экономического давления и роль международных организаций. З. Бжезинский указывал на необходимость сочетания национальных интересов крупных держав с задачами глобального лидерства [4]. В современной ситуации вопрос приобретает иной масштаб: речь идет уже не о согласовании интересов одного доминирующего центра с остальными, а о необходимости поиска правил, приемлемых для нескольких влиятельных центров.

Третья проблема связана с технологической конкуренцией. Технологические ресурсы становятся самостоятельным фактором международной мощи. Государства, контролирующие производство высокотехнологичной продукции, программного обеспечения, оборудования, энергетических технологий и компонентов критической инфраструктуры, получают дополнительные возможности политического воздействия. Технологическая зависимость становится элементом внешнеполитического риска, поэтому формирование многополярного мира сопровождается не только перераспределением военной и экономической мощи, но и борьбой за контроль над технологическими цепочками.

Заключение

Трансформация системы международных отношений выражается в перераспределении политического, экономического, технологического и военно-стратегического влияния между несколькими центрами силы. Современный мир уже не может быть описан исключительно через отношения одного доминирующего государства с остальными участниками международной системы. Китай, Индия, Россия, государства Азии, Ближнего Востока и другие региональные центры получили возможности проводить более самостоятельную политику. Возрастает значение государств среднего уровня, способных использовать конкуренцию крупных центров для расширения собственных внешнеполитических и экономических возможностей.

Формирование многополярного мира сопровождается противоречивыми процессами. С одной стороны, увеличивается число самостоятельных субъектов международной политики, расширяется пространство для дипломатического маневра и появляются альтернативные механизмы экономического сотрудничества. С другой стороны, усиливаются конкуренция, технологическая фрагментация, санкционное давление и региональные конфликты. Многополярность нельзя рассматривать как уже сложившуюся устойчивую систему, это продолжающийся процесс изменения международного баланса.

Перспективы нового миропорядка будут зависеть от способности государств выработать механизмы взаимодействия между различными центрами силы. Значение сохраняют ООН и международное право, однако их эффективность требует адаптации к изменившемуся распределению мирового влияния. Для устойчивости международной системы необходимы более представительное международное управление, прямой дипломатический диалог, развитие регионального сотрудничества и снижение критической зависимости государств от одного внешнего центра. При таком подходе многополярность может стать не просто следствием ослабления прежней модели, а основой более сбалансированной системы международных отношений.

Литература

1. Ахмерова Д.И. Трансформация системы международной безопасности в условиях формирования многополярного мира // Цифровое право. 2025. № 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-sistemy-mezhdunarodnoy-bezopasnosti-v-usloviyah-formirovaniya-mnogopolyarnogo-mira (дата обращения: 15.09.2026).
2. Баженов А.М. Социология международных отношений: учебник и практикум для вузов / А.М. Баженов. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Юрайт, 2025. – 227 с.
3. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: АСТ, 2024. – 256 с.
4. Бжезинский З. Выбор: глобальное доминирование или глобальное лидерство. М.: Международные отношения, 2010. – 262
5. Егоров В. Г., Штоль В.В. Внешнеполитическая стратегия стран СНГ в условиях формирующегося миропорядка // Observer – Обозреватель. 2024. № 3 (404). С. 73–90.
6. Мальченков С.А. Категория «многополярность» в концептуальных документах России, Китая и Индии // Дискурс-Пи. 2025. Т. 22, № 1, с. 120–137.
7. Озимок Д.В. Правовые основы реформы ООН: позиция России в условиях трансформации международного порядка / Д.В. Озимок, О.С. Лейнова // Международный научно-исследовательский журнал. – 2026. – № 3 (165). – URL: https://research-journal.org/archive/3–165–2026-march/10.60797/IRJ.2026.165.19 (дата обращения: 15.09.2026)
8. Пляйс Я.А. Трансформация систем международных отношений в XX – начале XXI века // Обозреватель – Observer. 2025. № 3 (410). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-sistem-mezhdunarodnyh-otnosheniy-v-xx-nachale-xxi-veka (дата обращения: 15.09.2026).
9. Пляйс Я.А. Трансформация систем международных отношений в XX – начале XXI века. Обозреватель-Observer. 2025;(3):68–79. https://doi.org/10.48137/2074–2975–2025–3–68 (дата обращения: 15.09.2026).
10. Рожкова Л. В., Сальникова О.В. Россия в системе современных международных отношений глазами молодёжи: многополярность и международная безопасность // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2024. № 3. С. 5–15.

TRANSFORMATION OF THE INTERNATIONAL RELATIONS SYSTEM AMID THE EMERGENCE OF A MULTIPOLAR WORLD

Sokolov A.S.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines the transformation of the international relations system driven by the emergence of a multipolar world order. It analyzes the reasons behind the weakening of the previous model of international interaction, the changing roles of leading states and international organizations, and the rise of regional centers of power. Particular attention is paid to issues of international security, the reform of global governance institutions, and the foreign policy strategies of Russia, China, India, and CIS countries. The study demonstrates that contemporary multipolarity involves not only a redistribution of economic and military power but also a shift in the principles of international decision-making.

Keywords: international relations, multipolarity, world order, international security, geopolitics, centers of power, UN, foreign policy, global governance.

References

1. Akhmerova D.I. Transformation of the international security system in the context of the formation of a multipolar world // Digital Law. 2025. No. 4. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-sistemy-mezhdunarodnoy-bezopasnosti-v-usloviyah-formirovaniya-mnogopolyarnogo-mira (accessed: 15.09.2026).

2. Bazhenov A.M. Sociology of International Relations: a textbook and workshop for universities / A.M. Bazhenov. – 2nd ed., revised and supplemented. – Moscow: Yurayt, 2025. – 227 p..

3. Brzezinski Z. The Grand Chessboard. Moscow: AST, 2024. – 256 p.

4. Brzezinski Z. Choice: Global Domination or Global Leadership. Moscow: International Relations, 2010. – 262

5. Egorov V.G., Shtol V.V. The foreign policy strategy of the CIS countries in the context of the emerging world order // Observer – Obozrevatel. 2024. No. 3 (404). Pp. 73–90.

6. Malchenkov S.A. The category of “multipolarity” in the conceptual documents of Russia, China, and India // Diskurs-Pi. 2025. Vol. 22, No. 1, pp. 120–137.

7. Ozimok D.V. The legal foundations of the UN reform: Russia’s position in the context of the transformation of the international order. Ozimok, O.S. Leinova // International Scientific Research Journal. – 2026. – № 3 (165). – URL: https://research-journal.org/archive/3–165–2026-march/10.60797/IRJ.2026.165.19 (accessed: 15.09.2026)

8. Plyays Ya.A. Transformation of International Relations Systems in the 20th – Early 21st Century // Observer. 2025. No. 3 (410). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-sistem-mezhdunarodnyh-otnosheniy-v-xx-nachale-xxi-veka (accessed: 15.09.2026).

9. Plyays Ya.A. Transformation of International Relations Systems in the 20th – Early 21st Century. Observer. 2025;(3):68–79. https://doi.org/10.48137/2074–2975–2025–3–68 (accessed: 15.09.2026).

10. Rozhkova L.V., Salnikova O.V. Russia in the system of modern international relations from the perspective of young people: multipolarity and international security // Proceedings of Higher Educational Institutions. Volga Region. Social Sciences. 2024. No. 3. Pp. 5–15.

Институциональная автономия и формы макроэкономической адаптации: Испания, Израиль и Великобритания

Аушев Ибрагим Мухамедович,
Независимый межотраслевой центр развития образования и сертификации квалификаций

Гафаров Темур Гарриевич,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)
E-mail: Temurgafarovv@yandex.ru

Корякина Софья Сергеевна,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)
E-mail: sophiekoryakina@gmail.com

Фридман Михаил Феликсович,
доктор философских наук, доцент, кафедра экономической теории и политики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
E-mail: mffree79@mail.ru

При сильном внешнем экономическом давлении правительства почти всегда стремятся к одному и тому же – стабилизировать экономику и вернуть доверие рынков. Инструменты для этого выбирают, впрочем, очень по-разному, и объяснить эти различия сложнее, чем кажется. В статье это делается через понятие институциональной автономии: контролирует ли государство валютный курс, процентную ставку и сохраняет ли пространство для антициклической фискальной политики.

Испания (2010–2012) почти не имела рычагов за пределами бюджета – членство в еврозоне закрыло валютный и процентный каналы, поэтому вся нагрузка легла на фискальную консолидацию. У Израиля (2008–2009) при сопоставимом давлении инструментов было заметно больше: снижение ставки, валютные интервенции и поддержка банков позволили не концентрировать издержки только на бюджете. Великобритания (2008–2012) – третий, менее очевидный случай: автономия была не меньше израильской, но рыночного давления такой силы страна не испытывала – и все равно выбрала фискальную консолидацию, хотя монетарные инструменты оставались в ее распоряжении.

Именно британский кейс важен для выводов: сама по себе автономия ничего не гарантирует. Она открывает пространство для альтернатив, но воспользуются им или нет – зависит от того, насколько сильно давят обстоятельства.

Ключевые слова: внешнее экономическое давление; институциональная автономия; формы макроэкономической адаптации; вынужденный не-выбор; сравнительный анализ; Испания; Израиль; Великобритания

Введение

Государства под сильным внешним экономическим давлением чаще всего движутся в одном направлении – к стабилизации и восстановлению доверия рынков. Внешнее экономическое давление подталкивает государства к одному и тому же – к стабилизации и восстановлению доверия рынков. А вот пути к этой стабилизации расходятся сильнее, чем можно было бы ожидать. Кто-то платит по счетам сразу: жесткая фискальная консолидация и концентрированные социальные издержки здесь и сейчас. Кто-то предпочитает растянуть боль во времени через монетарные инструменты. А иногда набор рычагов формально широк, но выбор все равно падает на жесткий фискальный путь – как будто альтернатив и не было.

С тем, почему государства вообще адаптируются к внешнему давлению и какие внутренние ограничения при этом учитывают, литература худо-бедно справляется. А вот с вопросом «как именно» – то есть с формой самой инструментальной корректировки – дело обстоит хуже. Наблюдаемые различия устойчивы во времени, но ни идеология правительств, ни сила давления сами по себе их толком не объясняют.

Что такое институциональная автономия в этой работе? Контроль над валютным курсом, процентной ставкой и пространством для антициклической фискальной политики. Но интересен не только сам набор доступных инструментов – интересно, как автономия меняет структуру политического выбора. В одних условиях она оборачивается «вынужденным не-выбором», в других остается реальным стратегическим решением. При этом одной автономии обычно мало: пространство альтернатив включается, только когда давление становится по-настоящему острым, а поиск менее затратных вариантов превращается в политическую необходимость.

Проверяются эти тезисы на трех кейсах – Испания (2010–2012), Израиль (2008–2009), Великобритания (2008–2012). Испания и Израиль близки друг к другу по силе внешнего давления и по внутренним политическим издержкам, но сильно расходятся по институциональной автономии. Великобритания же нужна для другого: у нее автономия примерно как у Израиля, а вот рыночного давления такой силы не было – это и позволяет отделить эффект автономии от эффекта самого давления и уровню внутренних политических издержек – а вот по институциональной автономии расходятся заметно. Великобритания в этой схеме нужна отдельно: у нее автономия примерно как у Израиля, но без сопоставимого рыночного давления, и это разделяет два эффекта, которые в паре Испания–Израиль слиты воедино.

Теоретические основы

Одного факта внешнего давления мало, чтобы предсказать реакцию государства. Издержки могут быть сопоставимы, необходимость корректировки – одинаково острой, а вот выбранные инструменты – совершенно разными. Более узкий вопрос звучит так: почему при похожих условиях форма корректировки расходится?

Литература подходит к этому с нескольких сторон. Экономическое принуждение [1; 2] объясняет реакцию государства через характер самого давления – кто на кого и чем давит. «Двухуровневые игры» [3] смотрят иначе – как внешние ограничения сталкиваются с внутриполитической ценой решений.

Есть и третий ракурс – «вооруженная взаимозависимость» [4]: тут важна уже не сила давления сама по себе, а то, как устроены глобальные экономические связи и какие асимметрии в них зашиты.

Наконец, исследования монетарного и институционального суверенитета [5; 6; 7] обращаются к контролю над ключевыми макроэкономическими инструментами. Это позволяет поставить вопрос несколько иначе: какие возможности для самостоятельной корректировки вообще остаются у государства?

Именно здесь и существует пробел, на котором сосредоточена данная статья. Если внешние ограничения уже задают общее направление корректировки, этого все еще недостаточно, чтобы объяснить ее конкретную форму. Одно государство может концентрировать издержки на фискальном канале, тогда как другое использует денежно-кредитные или валютные инструменты. Что объясняет этот выбор?

Почему в одном случае основная нагрузка ложится на бюджет, а в другом ее удается частично перенести на денежно-кредитный и валютный каналы?

В российской традиции близкие вопросы обсуждаются через призму внешних ограничений развития и внутренней политико-экономической структуры [8; 9; 10].

При всей ценности этих подходов они лучше объясняют необходимость адаптации и те ограничения, в которых она происходит, чем сам механизм выбора между различными инструментами корректировки. Иначе говоря, существующая литература относительно уверенно отвечает на вопрос, почему государство вообще движется в сторону макроэкономической стабилизации, но заметно слабее проясняет, почему при сходном направлении давления издержки распределяются то преимущественно через фискальный канал, то через монетарный.

Цель исследования

Отсюда следует основной вопрос статьи: почему государства, сталкивающиеся с интенсивным внешним давлением и сравнительно высокими внутренними политическими издержками, выбирают разные формы экономической адаптации?

Предлагаемый ответ состоит в следующем. При сопоставимых политических издержках существенную роль играет институциональная автономия. Она определяет, какие макроэкономические инструменты реально доступны – прежде всего контроль над валютным курсом, процентной ставкой и возможностями антициклической фискальной политики. Однако автономия лишь открывает пространство выбора. Чтобы это пространство было использовано, внешнее давление должно быть достаточно интенсивным. В противном случае даже при наличии альтернатив решение может в большей степени определяться внутриполитическими соображениями.

Материалы и методы

Что происходит с формой адаптации, когда внешнее давление уже определило общее направление политики? Государство все равно сталкивается с вопросом о выборе конкретных инструментов. Внешние ограничения очерчивают границы возможного, но внутри этих границ остается пространство для разных комбинаций мер. Институциональные условия в таком случае становятся одним из факторов, определяющих, насколько широким окажется это пространство.

Правительства, как правило, стремятся сократить политические издержки корректировки: отложить наиболее болезненные меры, распределить их во времени и по возможности не концентрировать потери на отдельных группах. Но возможности такого маневра зависят от того, какие инструменты реально доступны. Если государство контролирует валютный курс, процентную ставку и располагает достаточным пространством для антициклической фискальной политики, часть корректировки может быть перенесена на более гибкие каналы. При ограниченной автономии возможности такого замещения сужаются, и нагрузка сильнее смещается к прямым фискальным мерам и внутренней девальвации.

В этой работе под институциональной автономией имеется в виду контроль над тремя параметрами: номинальным валютным курсом, процентной ставкой и возможностью проводить антициклическую фискальную политику без жестких внешних ограничений. Гибкие инструменты размазывают издержки во времени и не концентрируют их на одной группе. Прямое сокращение расходов и рост налогов действуют быстрее, но и заметнее политически [11; 12] – а вот монетарные рычаги, наоборот, медленные [13].

Это пространство для маневра, конечно, не бесплатное – за него приходится платить скоростью корректировки.

Отсюда две гипотезы.

H1. Чем выше институциональная автономия, тем больше шансов, что основная часть корректировки пройдет через гибкие – прежде всего монетарные – инструменты, а не через прямые фискальные меры. При низкой автономии выбора практически нет: остается фискальный канал.

H2. Сама по себе автономия – это еще не выбор, а только возможность выбора. Она превращается в реальный инструментальный выбор лишь при достаточно сильном внешнем давлении; если давление слабое, форму адаптации определяет уже внутренняя политика, а не наличие рычагов.

Испания, Израиль и Великобритания в этом наборе играют разные роли. Испания и Израиль – почти идеальная пара по замыслу: похожая сила давления, похожие внутриполитические издержки, но принципиально разный набор доступных инструментов. Испания в еврозоне лишилась и процентной ставки, и номинального курса; Израиль сохранил оба рычага и куда большую свободу в фискальной политике. Даже каналы давления у них разные – в Испании это спред по суверенным облигациям, в Израиле – отток капитала и ослабление шекеля. Но в обоих случаях давление в итоге дошло до точки, когда откладывать корректировку было уже нельзя.

Силу внешнего давления я оцениваю по стоимости суверенного финансирования, масштабу оттока капитала и валютной динамике – конкретный набор показателей меняется в зависимости от того, через какой канал давление шло сильнее.

Великобритания в выборке нужна для другого сравнения. Автономия у нее не меньше израильской, а фискальное пространство даже шире испанского – но рыночного давления сопоставимой силы страна не испытывала. Это позволяет проверить: достаточно ли одной автономии, чтобы гибкие инструменты реально пошли в ход? Метод – process-tracing [15; 16], и меня интересует не только то, что в итоге решили, но и то, из чего выбирали: какие меры вообще считались реализуемыми, какие отвергли и почему, а какие даже не рассматривались всерьез. Именно нереализованные варианты часто лучше всего показывают, было ли сужение выбора результатом институциональных ограничений или просто предпочтением.

При интерпретации результатов я держу в поле зрения аргументы самих политических акторов и порядок принятых решений – это помогает учесть различия в идеологии правительств, структуре экономики и уровне долга. Отдельно смотрю на смену правительств: изменилась ли вместе с кабинетом сама траектория адаптации. В Испании – нет: смена правительства курс не поменяла, а вот резкое усиление внешнего давления – поменяло.

Кризисы в Испании и Израиле разной природы – долговой кризис еврозоны против глобального финансового кризиса. Но для сравнения важнее не это, а то, что в обоих случаях сошлись сильное внешнее давление и высокая внутриполитическая цена корректировки при разной институциональной автономии.

Источники – официальные документы и заявления центральных банков и международных организаций (ЕЦБ, МВФ, Банк Англии, HM Treasury), законодательные акты, публичные выступления должностных лиц, синхронная деловая пресса и рыночные индикаторы. Это дает возможность смотреть не только на итоговое решение, но и на его мотивацию.

За скобками остается еще одна ячейка типологии – низкая автономия при слабом давлении: там механизм выбора между инструментами просто не запускается, и форму адаптации целиком определяет внутренняя политика. Британский случай, впрочем, показывает нечто похожее.

Кейс 1: Испания (2010–2012) – адаптация в условиях нулевой автономии

Испанский случай – наиболее ясный пример ограниченной институциональной автономии в этой выборке. Членство в еврозоне с 1999 года лишило Мадрид контроля над процентной ставкой и номинальным валютным курсом. Пакт стабильности и роста дополнительно сужал возможности антициклической фискальной политики. К 2010 году, когда долговой кризис обострился, страна уже накопила серьезные структурные дисбалансы. Пузырь на рынке недвижимости. Дефицит текущего счета свыше 9% ВВП. Быстро растущий государственный долг. Перед правительством стоял вопрос о масштабе корректировки. Выбор между разными макроэкономическими каналами был сильно ограничен самой институциональной конфигурацией.

Внешнее давление нарастало поэтапно. В мае 2010 года спред по испанским десятилетним облигациям относительно германских превысил 200 базисных пунктов. Агентство Fitch понизило суверенный рейтинг [17]. К ноябрю спред вырос до 300 пунктов на фоне ирландского кризиса. Осенью 2011 года давление резко усилилось. 15 ноября доходность десятилетних бумаг поднялась выше 6% [18]. По тридцатилетним облигациям она обновила исторический максимум – 6,72% [19]. Психологически важная отметка в 7% была пройдена 19 июля 2012 года [20]. Это произошло незадолго до заявления Марио Драги о готовности «сделать все необходимое» для сохранения евро.

Путь к фискальной консолидации складывался не только из роста рыночного давления. Правительство Хосе Луиса Родригеса Сапатеро неоднократно пыталось добиться монетарной поддержки со стороны ЕЦБ. 5 августа 2011 года Жан-Клод Трише направил Сапатеро письмо. Условие было четким: покупки испанских облигаций продолжатся, если Мадрид добавит бюджетную консолидацию и структурные реформы. Обсуждались и другие варианты внешней поддержки – превентивные кредитные линии МВФ, расширение EFSF – но испанское правительство от них последовательно отказывалось: слишком дорогими были условия. Денежно-кредитная политика оставалась вне национального контроля, а внешнее финансирование означало новые фискальные обязательства – то есть еще одну потерю автономии сверху.

Единственным реально доступным каналом оказалась внутренняя девальвация – через фискальные и структурные меры. Уже в мае 2010-го объявили пакет сокращений на €15 млрд: зарплаты госслужащих урезали на 5%, индексацию пенсий заморозили. Политическая цена не заставила себя ждать – всеобщая забастовка 29 сентября 2010-го, движение «Indignados» весной 2011-го. Пришедшее к власти в декабре 2011-го правительство Рахоя курс не сменило, а ужесточило: в марте 2012-го бюджет предполагал секвестр на €27 млрд и рост налогов. К концу года безработица дошла до 26%, среди молодежи – до 55,1%.

Списать разворот на одну лишь смену идеологии не получится: то же правительство ИСРП годом раньше запускало стимулирующий «План Е» на €14 млрд. Курс изменился не вместе со сменой кабинета – он изменился вместе с резким усилением рыночного давления и требованиями партнеров по еврозоне. Пришедшие позже консерваторы этот курс просто продолжили и закрутили туже. Иными словами, в Испании сменился состав правительства, но не направление адаптации. Все 2010–2012 годы Банк Испании был лишен возможности самостоятельно менять ставку или вести собственную валютную политику – набор комбинаций инструментов был сужен изначально. Реализованные меры носили прямой фискальный и административный характер и были политически заметны по определению. Более гибкие рычаги, доступные при другой институциональной конфигурации, находились вне национального контроля. Внутри правительства спорили о масштабе сокращений, сроках, конкретике – но не о самом канале корректировки: фискальная консолидация как таковая под вопрос не ставилась.

Кейс 2: Израиль (2008–2009) – адаптация при высокой институциональной автономии

Израиль входил в кризис с принципиально иным набором инструментов. Процентная ставка, номинальный валютный курс, параметры фискальной политики – все это оставалось под национальным контролем. Глобальный финансовый кризис 2008 года ударил по экспорту, сократил внешний спрос и вызвал отток капитала. Шекель ослаб на 9,6% к доллару в среднем за 2009 год – после укрепления на 12,7% годом ранее. Индекс TA-100 потерял 51,1% за 2008 год. Давление было реальным. Но выбор инструментов – несравнимо шире, чем у Испании.

Внутри правительства единства не было. Министерство финансов во главе с Ронни Бар-Оном давило на сокращение расходов и структурные реформы. Банк Израиля под руководством Стэнли Фишера предлагал другое – опереться на монетарную политику и снизить давление на бюджет. Жесткая фискальная консолидация обсуждалась, но оставалась одним из вариантов, а не единственным.

Банк Израиля действовал. С сентября 2008 года ставка последовательно снижалась – с 4,25% до 0,5% к апрелю 2009-го. Параллельно шли валютные интервенции и расширялось рефинансирование банков – это смягчало внешний шок и снимало часть нагрузки с бюджета: она просто не доходила до фискального канала.

Монетарное смягчение меняло саму логику выбора: поддерживая спрос и экспорт, оно снижало остроту кризиса и одновременно выбивало почву из-под аргументов за масштабный секвестр. Сценарий жесткой консолидации обсуждался, но так и остался нереализованным – хотя сторонники у него внутри правительства были.

Фискальный канал при этом не бездействовал: в разгар кризиса ввели временный двухлетний бюджетный цикл на 2009–2010, повысили НДС. Но дефицит удержали на уровне около 5% ВВП без масштабного урезания расходов – то есть канал работал, просто нес заметно меньшую долю нагрузки, чем в Испании.

Результаты говорят сами за себя: после двух кварталов спада ВВП по итогам 2009-го все же вырос на 0,8%, безработица поднялась с 6,1% до пиковых 7,9% в середине года и пошла вниз, протесты остались локальными и до системного кризиса не дошли.

Спорили в правительстве не о том, неизбежна ли консолидация вообще, а о том, насколько широко задействовать альтернативы – и в этом принципиальная разница с Испанией, где такого спора в принципе не могло возникнуть.

Кейс 3: Великобритания (2008–2012) – автономия при отсутствии сопоставимого давления

В 2008–2009-м британские власти вовсю использовали доступные монетарные рычаги: Банк Англии снижал ставку до 0,5% к 5 марта 2009-го и параллельно запустил количественное смягчение на 75 млрд, позже расширенное до 200 млрд – реакция на резкое сжатие кредита и падение выпуска.

После смены правительства в мае 2010-го фокус сместился: речь пошла уже не об антикризисной стабилизации, а о темпе и глубине сокращения дефицита. Канцлер Джордж Осборн обосновывал ускоренную консолидацию угрозой для суверенного рейтинга, ссылаясь на опыт периферии еврозоны. Рынки, впрочем, реагировали иначе, чем на Испанию: к концу 2011-го доходность десятилетних гилтов упала ниже 2%.

Она достигла исторического минимума. Британские государственные облигации рассматривались как безопасный актив на фоне углубления кризиса еврозоны. Сопоставимого с Испанией рыночного принуждения к немедленной и масштабной консолидации не было.

Валютная и денежно-кредитная автономия после 2010 года оставляла выбор открытым. Правительство могло продолжать опираться на комбинацию монетарных и фискальных мер. Основную ставку оно сделало на сокращение дефицита. Сторонники этого курса находились не только в коалиционном кабинете. Еще до смены правительства Labour исходила из необходимости сокращения дефицита, хотя и предлагала более медленный темп. Спор шел о темпе и глубине – не о том, какой канал вообще использовать. Монетарные инструменты продолжали работать, но в центре повестки их не было.

Сравнительный анализ

В трех случаях внешнее давление сочеталось с разным объемом институционального пространства для маневра. Особенно ясно это видно при сопоставлении Испании и Израиля. При интенсивном давлении ограниченная автономия Испании резко сужала возможности замещения. Основная нагрузка корректировки концентрировалась на фискальном канале. Израиль при сопоставимом давлении располагал более широким набором инструментов. Часть этой нагрузки он мог перенести на монетарную политику.

Сила внешнего давления сама по себе еще не все. Имеет значение и то, удается ли заменить один канал корректировки другим.

Высокая автономия в израильском случае создавала пространство реального выбора. Нагрузку с фискального канала частично удавалось перенести на монетарный. При сопоставимом давлении формы адаптации оказывались принципиально разными.

Пара Израиль–Великобритания уточняет этот вывод и работает на вторую гипотезу. Высокая автономия сама по себе еще не гарантирует, что более гибкие инструменты будут использованы. В Израиле интенсивное внешнее давление сделало поиск альтернатив политически необходимым. Пространство выбора было реализовано. В Великобритании при сохранении сопоставимой автономии давление оказалось недостаточным. Правительство пошло на концентрированную фискальную консолидацию. Монетарный канал при этом оставался доступным и продолжал использоваться.

Институты определяют не только набор доступных инструментов. Они задают и сам тип политического выбора. В Испании разногласия внутри правительства разворачивались в пространстве, где альтернативы были институционально закрыты. В Израиле сходные по характеру разногласия привели к реальной конкуренции стратегий. У центрального банка имелись собственные рычаги воздействия. В Великобритании альтернативы формально оставались открытыми. Правительство не стало использовать их для заметного смещения нагрузки с фискального канала.

Партийные различия сами по себе тоже не дают полного объяснения. В Испании и Израиле сторонники жесткой фискальной линии присутствовали внутри самих правительств. В Великобритании и Labour, и консерваторы исходили из необходимости сокращать дефицит. Спор шел главным образом о темпе и масштабе консолидации.

Три случая не дают универсального ответа. Но они показывают одно: при ограниченной автономии спор идет о масштабе потерь внутри единственного доступного канала. При высокой – о том, стоит ли вообще искать другой путь. Британский случай показывает, что иногда не ищут даже когда могут.

Результаты

Существующие объяснения антикризисной политики хорошо отвечают на вопрос, почему государства вообще корректируют курс под внешним давлением. Хуже – на вопрос о том, через какие каналы они при этом распределяют издержки. Это разные вопросы. Направление адаптации и ее форма могут расходиться – и часто расходятся. Тем самым исследовательский фокус переносится с вопроса о том, адаптируется ли государство, на вопрос о том, каким образом оно это делает.

На этой основе предлагается механизм инструментального замещения. Институциональная автономия важна не просто как наличие отдельных рычагов, а как условие, при котором один канал адаптации может частично замещать другой. Отсюда следует различение двух типов конфигурации выбора. При «вынужденном не-выборе» институциональные ограничения закрывают пространство альтернатив, и корректировка концентрируется в одном канале. При «реальном выборе» альтернативные инструменты остаются доступными и могут конкурировать между собой, что позволяет перераспределять издержки во времени и между группами.

Третий вывод уточняет условия, при которых этот механизм работает. Институциональная автономия создает пространство возможностей, но сама по себе не определяет, будет ли оно использовано. Интенсивность внешнего давления выступает условием активации: только при достаточно остром внешнем вызове поиск альтернатив становится политически необходимым. Тем самым автономия оказывается необходимым, но недостаточным условием реального инструментального выбора.

Из этих положений следует и более общее уточнение понятия экономического суверенитета. В предложенной рамке он проявляется не в способности избегать внешнего давления, а в способности институциональной системы сохранять выбор между альтернативными каналами адаптации и тем самым влиять на распределение и политическую концентрацию издержек кризиса. Практическая значимость такой автономии зависит от сочетания структурных возможностей и интенсивности внешнего давления.

Три рассмотренных кейса не образуют репрезентативную выборку. Задача исследования – theory-building и реконструкция предложенного механизма, а не количественная оценка его эффекта. При N=3 нельзя полностью исключить, что наблюдаемые различия объясняются факторами, которые просто не вошли в модель. Сопоставление по идеологии правительств, уровню государственного долга и структуре политического выбора эту неопределенность снижает, но не убирает. Дальнейшая проверка потребует расширения числа случаев и, в перспективе, использования количественных методов.

Второе ограничение связано со scope механизма. Предлагаемое объяснение лучше всего работает в ситуациях, где внешнее давление идет преимущественно через рынок суверенного долга и достигает уровня, при котором устойчивость государственного финансирования оказывается под вопросом. Без сопоставимого по силе рыночного давления форма адаптации в Британии определялась скорее внутренней политикой. Интенсивность давления в трех кейсах я оцениваю по совокупности рыночных и валютных индикаторов – и это измерение остается частично качественным

Все три случая – развитые экономики со зрелыми рынками госдолга и долгой историей работы с международными финансовыми институтами, так что границы применимости аргумента довольно узкие. Автоматически переносить его на развивающиеся экономики с ограниченным доступом к рынкам капитала, на режимы с иной структурой издержек или на кризисы, где давление идет через банковский, валютный или торговый канал, было бы неверно.

Есть и риск селекционного смещения: Испания и Израиль подобраны намеренно как контрастная пара по автономии, и полностью исключить, что дело в каких-то еще коррелирующих характеристиках, нельзя. Британия как случай, проверяющий граничное условие, снижает эту проблему, но не убирает ее целиком.

Отдельно – почему в анализе нет хрестоматийной пары Исландия–Ирландия. Исландию я не включил: ее кризис 2008-го был по природе банковско-валютным, а масштаб обвала банковского сектора и кроны – это уже другой набор переменных, за пределами суверенно-долгового канала, который здесь в фокусе.

Заключение

Все три кейса сходятся в направлении корректировки, но расходятся в ее форме. Давление везде требовало стабилизации и возврата доверия рынков – а вот то, как распределялись издержки, зависело от институциональной конфигурации, в которой принимался выбор.

Пара Испания–Израиль подтверждает первую гипотезу: при сильном давлении узкая автономия резко сужает пространство замещения, и корректировка стягивается к фискальному каналу; широкая автономия, напротив, позволяет разнести нагрузку между монетарным и фискальным каналами. Британия показывает обратную сторону: наличие пространства для маневра еще не значит, что им воспользуются – при менее остром давлении выбор инструментов определяется скорее внутриполитическими расчетами.

Выводы

Дело не в количестве доступных рычагов самом по себе, а в том, может ли один канал частично подменить другой. При узкой автономии альтернативы попросту закрыты, и спор идет только о масштабе и распределении издержек внутри единственного доступного варианта. При широкой – инструменты реально конкурируют друг с другом.

Ни предпочтения акторов, ни сила внешнего давления сами по себе форму адаптации не объясняют – решает то, как институциональная структура переводит давление в набор политически реализуемых альтернатив. Именно поэтому одинаковые по силе вызовы оборачиваются разной концентрацией и разной видимостью политических издержек.

Именно поэтому сходные внешние вызовы могут приводить к разной концентрации и разной видимости политических издержек.

Эти выводы позволяют уточнить и понятие экономического суверенитета. В предлагаемой трактовке он проявляется не в способности государства избежать внешнего давления, а в способности институциональной системы сохранять выбор между альтернативными каналами адаптации и тем самым влиять на распределение политических издержек кризиса. Практическая значимость такой автономии, однако, зависит от интенсивности внешнего давления. Автономия создает возможность выбора, но только достаточно сильный внешний вызов делает этот выбор политически необходимым.

Литература

1. Drezner, D.W. The Sanctions Paradox: Economic Statecraft and International Relations. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
2. Baldwin, D.A. Economic Statecraft. – Princeton: Princeton University Press, 1985.
3. Putnam, R.D. Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games // International Organization. – 1988. – Vol. 42, № 3. – P. 427–460.
4. Farrell, H., Newman, A. Weaponized Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion // International Security. – 2019. – Vol. 44, № 1. – P. 42–79.
5. Frieden, J.A. Invested Interests: The Politics of National Economic Policies in a World of Global Finance // International Organization. – 1991. – Vol. 45, № 4. – P. 425–451.
6. Eichengreen, B. Globalizing Capital: A History of the International Monetary System. – Princeton: Princeton University Press, 2008.
7. de Grauwe, P. Economics of Monetary Union. – 12th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2018.
8. Афонцев С.А. Политические рынки и экономическая политика. – М.: КомКнига, 2010.
9. Кузнецов А.В. Интернационализация российской экономики: инвестиционный аспект. – М.: КомКнига, 2007.
10. Моисеев С.Р. Денежно-кредитная политика: теория и практика. – М.: Московская финансово-промышленная академия, 2011.
11. Pierson, P. Dismantling the Welfare State? Reagan, Thatcher and the Politics of Retrenchment. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
12. Palier, B. (ed.) A Long Goodbye to Bismarck? The Politics of Welfare Reform in Continental Europe. – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2010.
13. Friedman, M. The Lag in Effect of Monetary Policy // Journal of Political Economy. – 1961. – Vol. 69, № 5. – P. 447–466.
14. Przeworski, A., Teune, H. The Logic of Comparative Social Inquiry. – New York: Wiley-Interscience, 1970.
15. George, A.L., Bennett, A. Case Studies and Theory Development in the Social Sciences. – Cambridge, MA: MIT Press, 2005.
16. Beach, D., Pedersen, R.B. Process-Tracing Methods: Foundations and Guidelines. – 2nd ed. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 2019.
17. Fitch Ratings. Fitch Downgrades Spain to 'AA+'; Outlook Negative. – Press Release, 28 May 2010. – URL: https://www.fitchratings.com/research/sovereigns/fitch-downgrades-spain-to-aa-outlook-negative-28–05–2010 (дата обращения: 10.08.2025).
18. CNN Money. European Bond Yields Rise, Scaring Stock Markets. – 15 November 2011. – URL: https://money.cnn.com/2011/11/15/markets/european_bond_yields/ (дата обращения: 10.08.2025).
19. Bloomberg. Spain's 30-Year Bond Yield Rises to 6.72%, Highest on Record. – 14 November 2011. – URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2011–11–14/spain-s-30-year-bond-yield-rises-to-6–72-highest-on-record (дата обращения: 10.08.2025).
20. Bloomberg. Spanish 10-Year Bond Yield Climbs Through 7% After Auction. – 19 July 2012. – URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2012–07–19/spanish-10-year-bond-yield-climbs-through-7-after-auction (дата обращения: 10.08.2025).

INSTITUTIONAL AUTONOMY AND FORMS OF MACROECONOMIC ADAPTATION: SPAIN, ISRAEL, AND THE UNITED KINGDOM

Ibrahim M.A., Koryakina S.S., Gafarov T.G., Fridman M.F.
Independent Interdisciplinary Center for Education Development and Qualifications Certification», Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

States facing strong external economic pressure generally seek to stabilize the economy and restore financial market confidence. The ways in which they pursue this adjustment, however, can differ substantially. This article examines why governments facing similar

pressures may rely on different policy instruments. The analysis focuses on institutional autonomy, understood as the ability to control the exchange rate and interest rate while retaining room for counter-cyclical fiscal policy.
The comparison of Spain (2010–2012), Israel (2008–2009), and the United Kingdom (2008–2012) shows how differences in institutional autonomy affect the policy options available to governments. In Spain, the limited range of available instruments narrowed the scope for policy choice, leaving fiscal consolidation as the main channel of adjustment. Israel faced strong external pressure while retaining a broader set of macroeconomic instruments. This made it possible to combine fiscal measures with interest-rate cuts, foreign-exchange interventions, and support for the financial system. The United Kingdom presents a different case: despite retaining substantial autonomy and facing № comparable market pressure, the government chose fiscal consolidation even though alternative instruments remained available.
The British case is particularly important for interpreting these results: institutional autonomy did not by itself lead to a different adjustment path. Autonomy creates room for alternative policy choices, but whether that room is actually used also depends on the intensity of external pressure.

Keywords: external economic pressure; institutional autonomy; forms of macroeconomic adjustment; forced non-choice; comparative analysis; Spain; Israel; United Kingdom.

References

1. Drezner D.W. The Paradox of Sanctions: Economic Statecraft and International Relations. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
2. Baldwin D.A. Economic Statecraft. – Princeton: Princeton University Press, 1985.
3. Putnam R.D. Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of TwoLevel Games // International Organization. – 1988. – Vol. 42, № 3. – Pp. 427–460.
4. Farrell H., Newman A. Armed Interdependence: How Global Economic Networks Shape State Coercion // International Security. – 2019. – Vol. 44, № 1. – Pp. 42–79.
5. Frieden J.A. Investment Interests: National Economic Policy in the World of Global Finance // International Organization. – 1991. – Vol. 45, № 4. – Pp. 425–451.
6. Eichengreen B. Globalization of Capital: The History of the International Monetary System. – Princeton: Princeton University Press, 2008.
7. de Grauwe P. The Economics of Monetary Union. – 12th ed. – Oxford: Oxford University Press, 2018.
8. Afontsev S.A. Political Markets and Economic Policy. – Moscow: KomKniga, 2010.
9. Kuznetsov A.V. Internationalization of the Russian Economy: The Investment Aspect. – Moscow: KomKniga, 2007.
10. Moiseev S.R. Monetary Policy: Theory and Practice. – Moscow: Moscow Financial and Industrial Academy, 2011.
11. Pearson P. The Destruction of the Welfare State? Reagan, Thatcher and the Politics of Spending Cuts. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
12. Palier B. (ed.) Farewell, Bismarck? Social Security Reform Policies in Continental Europe. – Amsterdam: Amsterdam University Press, 2010.
13. Friedman M. The Lagged Effect of Monetary Policy // Journal of Political Economy. – 1961. – Vol. 69, № 5. – Pp. 447–466.
14. Przeworski A., Teune H. The Logic of Comparative Social Research. – New York: Wiley-Interscience, 1970.
15. George A.L., Bennett A. Case Studies and Theory Development in the Social Sciences. – Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 2005.
16. Beach D., Pedersen R.B. Process Tracing Methods: Foundations and Recommendations. – 2nd ed. – Ann Arbor: University of Michigan Press, 2019.
17. Fitch Ratings. Fitch downgraded Spain's rating to «AA+», outlook negative. – Press release, May 28, 2010. – URL: https://www.fitchratings.com/research/sovereigns/fitch-downgrades-spain-to-aa-outlook-negative-28–05–2010 (accessed: 10.08.2025).
18. CNN Money. The yield on European bonds is rising, which is causing concerns in the stock markets. – November 15, 2011. – URL: https://money.cnn.com/2011/11/15/markets/european_bond_yields/ (accessed: 10.08.2025).
19. Bloomberg. The yield on Spain's 30year bonds has risen to 6.72%, which is a record figure. – November 14, 2011. – URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2011–11–14/spain-s-30-year-bond-yield-rises-to-6–72-highest-on-record (accessed: 10.08.2025).
20. Bloomberg. The yield on Spain's 10year bonds rose to 7% after the auction. – July 19, 2012. – URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2012–07–19/spanish-10-year-bond-yield-climbs-through-7-after-auction (accessed: 10.08.2025).

Российско-британский диалог культур в XIX–XX веках

Гусакова Анна Викторовна,
к.и.н., преподаватель, Финансовый университет при Правительстве РФ
E-mail: avgusakova@fa.ru

В статье рассматривается развитие российско-британского культурного диалога в XIX–XX веках. Основное внимание уделено литературным, языковым и музыкальным контактам, формированию взаимных представлений о России и Великобритании, а изменению культурного взаимодействия под влиянием политических обстоятельств. Прослеживается переход от преимущественно опосредованного восприятия другой страны через литературу, прессу и путешествия к интенсивному непосредственному обмену художественными произведениями, музыкальными практиками и культурными инициативами. Отдельно рассматриваются особенности восприятия русской литературы в Великобритании в конце XIX – начале XX века и развитие культурных связей между двумя странами в советский период.

Ключевые слова: российско-британские отношения, диалог культур, русская литература, британская литература, языковые контакты, музыкальная культура, межкультурная коммуникация, XIX век, XX век.

Введение

Российско-британские культурные связи в XIX–XX веках формировались на фоне неоднозначных политических отношений между двумя государствами. В отдельные периоды Россия и Великобритания выступали конкурентами на международной арене, а затем переходили к сотрудничеству, что непосредственно отражалось на характере культурных контактов. При этом культурное взаимодействие не прекращалось даже в периоды политической напряженности. Литература, язык, музыка, периодическая печать, путешествия и личные контакты представителей интеллектуальных кругов создавали пространство, в котором формировались сложные представления о другой стране, чем те, которые складывались исключительно под воздействием официальной политики.

Для XIX века характерно постепенное расширение интереса российского общества к британской культуре. Великобритания воспринималась в России через литературу, публицистику, описания путешественников, периодические издания и сведения о политической и общественной жизни страны, в свою очередь, русская культура постепенно становилась заметной частью британского интеллектуального пространства. Существенную роль в этом процессе сыграли переводы произведений русских писателей, литературная критика и деятельность посредников между двумя культурными средами [3]. В результате к концу XIX века возникла достаточно устойчивая система взаимного культурного восприятия.

Исследование российско-британского культурного диалога требует учета не только официальных культурных мероприятий, но и повседневных форм взаимодействия. Языковые заимствования, переводная литература, читательские интересы, музыкальные концерты, театральные постановки и публикации в прессе формировали своеобразную сеть культурных контактов. В XIX веке этот процесс носил преимущественно интеллектуально-литературный характер, тогда как в XX столетии его структура значительно усложнилась. После революционных событий и образования СССР политический фактор стал сильнее воздействовать на международные культурные связи, однако культурный обмен продолжился и приобрел новые формы [6].

Литературные и языковые контакты России и Великобритании в XIX веке

Одним из устойчивых направлений российско-британского диалога в XIX веке стали литературные связи. Британская литература активно входила в российское культурное пространство через переводы и литературную критику. Произведения английских авторов воспринимались российскими читателями не только как художественные тексты, но и как источник представлений о британском обществе, его социальных отношениях, нравственных установках и повседневной жизни, одновременно русская литература постепенно приобретала читателей в Великобритании. Как отмечает М.П. Алексеев, литературные контакты между двумя странами складывались на протяжении длительного периода и включали переводы, критические публикации, деятельность издателей и непосредственные связи писателей [1, с. 15–18].

Важное место в этом процессе занимала проблема культурного посредничества. Переводчик фактически выступал связующим звеном между двумя национальными культурами, поскольку передавал не только содержание произведения, но и особенности образного строя, социальные реалии и национальную специфику. Восприятие произведения в другой стране зависело от качества перевода, редакторской политики и общего культурного контекста. В результате один и тот же литературный образ приобретал различные оттенки значения в российской и британской аудиториях. Литературные связи тем самым формировали не прямое копирование одной культуры другой, а процесс интерпретации и переосмысления [1, с. 241–264].

Языковое взаимодействие выступало важным элементом культурного диалога. В XIX веке в русском языке закреплялись английские слова, связанные с общественной жизнью, торговлей, экономикой, техникой, спортом и бытовой культурой. Одновременно английский язык воспринимал отдельные русские реалии и понятия, для которых не всегда существовали прямые аналоги в британской культуре. Н.А. Грищенко связывает языковое сосуществование России и Англии с расширением контактов между обществами и постепенным проникновением элементов одной культуры в другую [4]. Язык в данном слу-

чае выступал не только средством коммуникации, но и своеобразным отражением интенсивности межкультурных контактов.

Существенное влияние на российское восприятие Великобритании в середине XIX века оказывали путешествия, периодическая печать и литература. Представления о британском обществе складывались из сообщений о политическом устройстве, экономическом развитии, городской жизни, обычаях и образовании. Исследование источников восприятия Великобритании российским обществом в 1850–1860-е годы показывает, что образ страны формировался под воздействием различных информационных каналов, причем британская культура воспринималась неоднозначно: интерес к ее достижениям сочетался с критическим отношением к отдельным сторонам общественной жизни [3].

Взаимное восприятие культур при этом не сводилось к объективному описанию другой страны, в российском обществе формировался определенный образ Великобритании, связанный с представлениями о политической свободе, парламентских традициях, промышленном развитии и общественной дисциплине. В британской среде, напротив, образ России часто строился на основе представлений о масштабах империи, специфике политического устройства и особенностях национального характера. И.И. Журавлев обращает внимание на то, что восприятие русских англичанами в конце XIX века складывалось из сочетания непосредственных наблюдений, литературных образов и распространенных общественных стереотипов [5]. Подобные представления влияли на характер межкультурного общения, но одновременно стимулировали интерес к глубокому изучению другой страны.

Русская литература в британском культурном пространстве

К концу XIX века русская литература получила в Великобритании заметный общественный и интеллектуальный резонанс. Интерес британской публики к русским писателям выходил за пределы узкого круга специалистов. Переводы произведений русской классики, критические статьи и литературные обзоры способствовали знакомству британских читателей с русской социальной и духовной проблематикой. Восприятие русской литературы сопровождалось обсуждением вопросов морали, религии, социальной справедливости, личности и общественного устройства.

Исследование восприятия русской литературы в Британии в конце XIX – начале XX века показывает, что британские читатели воспринимали русскую литературу как самостоятельное и значимое культурное явление [8]. Интерес вызывала прежде всего глубина психологического анализа, внимание к внутреннему миру человека и изображение социальных противоречий. Русские произведения рассматривались не только как образцы национальной литературы, но и как источник нового художественного опыта, именно поэтому их влияние выходило за пределы переводной литературы и затрагивало развитие британской критической мысли.

Перевод русской литературы сопровождался сложностями передачи реалий, имен, социальных понятий и культурных ассоциаций. Английский читатель знакомился с русской действительностью через текст, уже адаптированный переводчиком к другой языковой и культурной среде. В связи с этим восприятие русской литературы нельзя рассматривать как непосредственное знакомство с российской культурой, оно представляло собой многоступенчатый процесс: авторское произведение – перевод – критическая интерпретация – читательское восприятие. На каждом этапе исходный культурный смысл подвергался определенной трансформации [8]. Значение имели произведения русских классиков, которые закрепляли в британском общественном сознании представление о России как о стране с богатой литературной традицией и сложной духовной жизнью. В данном отношении литература выполняла компенсаторную функцию: политические противоречия между государствами не уничтожали интерес к культурным достижениям друг друга. Более того, в определенные периоды именно литературные контакты сохраняли возможность интеллектуального общения тогда, когда официальные отношения становились напряженными.

Русско-английские литературные связи XIX века создали основу для дальнейшего развития культурного диалога в XX столетии. Важным результатом стало появление устойчивого интереса к национальной литературе другой страны. Литературный перевод перестал быть случайным явлением и превратился в постоянный механизм межкультурного взаимодействия. Через него российский читатель знакомился с британской культурой, а британский читатель – с русской.

Российско-британский культурный диалог в первой половине XX века

Начало XX века внесло существенные изменения в российско-британские отношения. Политические события в России после 1917 года повлияли на все направления международных контактов, включая культурную сферу. В 1920-е годы отношения Советской России и Великобритании развивались неравномерно. Политические разногласия сопровождались попытками установить дипломатические и экономические связи, а культурные контакты существовали в тесной связи с общей международной ситуацией [6].

В 1920-е годы культурный обмен приобрел новое содержание. Советская культура представляла для британской общественности интерес как культура государства, возникшего в результате революционных преобразований. Одновременно в СССР внимательно следили за британской общественной и художественной жизнью. Взаимный интерес сопровождался политической настороженностью, поэтому культурные мероприятия нередко приобретали дополнительное идеологическое значение. Тем не менее контакты ученых, писателей, художников и представителей других творческих профессий поддерживали возможность прямого знакомства двух обществ [6].

В 1930-е годы российско-британские культурные связи получили дальнейшее развитие. В.Н. Сушкова рассматривает этот период как важный этап расширения культурного взаимодействия между СССР и Великобританией [10]. Контакты осуществлялись через выставки, литературные связи, театральные и музыкальные мероприятия, деятельность общественных организаций. При этом советская сторона стремилась представить зарубежной аудитории достижения социалистической культуры, тогда как британская культура продолжала вызывать интерес советской интеллигенции и широкой публики. Содержание культурного обмена в этот период зависело от политической конъюнктуры. Государственные структуры контролировали международные культурные мероприятия, отбор произведений и характер официальной информации. Однако наряду с официальным уровнем сохранялись профессиональные и личные связи. Художники, музыканты, писатели и переводчики продолжали выполнять роль посредников между культурами. Благодаря их деятельности культурный обмен не ограничивался государственными заявлениями и официальной дипломатией.

Музыкальная культура как пространство диалога

В XX веке заметное место в российско-британском культурном диалоге заняла музыка. Музыкальное искусство обладало спецификой, которая облегчала международное восприятие произведений: для знакомства с композиторской школой не требовалось полного владения иностранным языком. Концертные выступления, гастроли, публикации нотных материалов и музыкальная критика создавали условия для непосредственного взаимодействия профессиональных сообществ. Российско-британский музыкальный обмен развивался в двух направлениях: распространение русской музыки в Великобритании и знакомство российской публики с британской музыкальной культурой. Материалы международной конференции «Российско-британский культурный диалог: русская музыка в Великобритании – британская музыка в России» демонстрируют широкий спектр подобных контактов, включавших творчество композиторов, исполнительскую практику, музыкальное образование и деятельность культурных посредников [9].

Русская музыкальная культура воспринималась британской аудиторией через произведения композиторов, концертную деятельность и исполнительские традиции. В свою очередь, британские музыкальные произведения входили в российское культурное пространство через исполнение, преподавание и музыкальную критику, в результате складывался профессиональный обмен, при котором национальные школы не изолировались друг от друга, а вступали в сопоставление и творческое взаимодействие.

Музыкальный диалог имел и широкий общественный эффект. Концерт становился формой непосредственного культурного общения, в которой политические различия отходили на второй план. Восприятие музыки происходило через эмоциональный и эстетический опыт, что создавало иной тип международной коммуникации по сравнению с политическими переговорами или газетной полемикой, в этом смысле музыкальные связи дополняли литературный диалог и расширяли представление о культуре другой страны [9].

Взаимные представления и проблема культурных стереотипов

Российско-британский диалог в XIX–XX веках сопровождался формированием устойчивых национальных образов, они складывались под влиянием литературы, прессы, дипломатических сообщений, путешествий и личных контактов. Образ другой страны редко совпадал с ее реальной социальной действительностью, поскольку включал оценочные представления, исторические ассоциации и политические ожидания. Для российского общества Великобритания в XIX веке ас-

социировалась с промышленным развитием, торговлей, морской державой, парламентской системой и определенными общественными традициями. При этом интерес к британскому опыту сопровождался критическим отношением к социальному неравенству и колониальной политике. Источники восприятия Великобритании в российском обществе 1850–1860-х годов свидетельствуют о сложном характере этого образа, в котором положительные и отрицательные оценки сосуществовали [3]. В британском обществе образ России не был однозначным. Русские воспринимались через сведения путешественников, дипломатические контакты, художественную литературу и прессу. И.И. Журавлев отмечает, что представления англичан о русских в конце XIX века формировались на основе как непосредственного знакомства, так и уже существовавших культурных стереотипов [5]. Поэтому культурный диалог одновременно способствовал преодолению стереотипов и создавал новые образы другой культуры.

Существенную роль в формировании представлений о Великобритании в России играли национальные традиции и особенности общественной культуры. А.Д. Луговский и О.О. Белецкая рассматривают влияние культуры и традиций на формирование представления о Британии, обращая внимание на то, что образ страны складывается не только из политических сведений, но и из повседневных культурных признаков [2, с. 28–32]. Через такие признаки другая страна становилась понятнее российскому обществу, хотя отдельные ее черты одновременно превращались в устойчивые стереотипы.

Основные формы российско-британского культурного взаимодействия

К XIX–XX векам сложилась достаточно разветвленная система каналов культурного обмена. Ее развитие шло от отдельных контактов к устойчивым формам профессионального и общественного взаимодействия.

Таблица 1. Основные формы российско-британского культурного взаимодействия

Направление	Основная форма взаимодействия	Культурный результат
Литература	Переводы, критика, публикации	Распространение национальных литератур
Язык	Заимствования, изучение языков	Расширение межкультурной коммуникации
Музыка	Концерты, гастроли, профессиональные контакты	Взаимное знакомство с музыкальными школами
Периодическая печать	Статьи, обзоры, сообщения о жизни другой страны	Формирование общественных представлений
Путешествия	Личные наблюдения, записки, корреспонденция	Распространение непосредственных впечатлений
Общественные связи	Деятельность культурных организаций и интеллектуальных кругов	Поддержание контактов вне официальной политики

Культурный диалог развивался одновременно на нескольких уровнях.

Литература и язык формировали интеллектуальную основу взаимодействия, музыка создавала пространство непосредственного художественного контакта, а печать и путешествия обеспечивали распространение информации среди широкой аудитории. В XX веке к этим механизмам добавились новые формы международного культурного сотрудничества, связанные с деятельностью организаций, профессиональных объединений и государственных культурных институтов [9; 10].

Важной характеристикой российско-британского диалога выступала его относительная устойчивость, даже при ухудшении межгосударственных отношений культурные контакты не исчезали полностью. Они сокращались, меняли формы и содержание, переходили из официальной сферы в профессиональную или частную, однако интерес к литературе, музыке и языку другой страны сохранялся. История отношений двух культур тем самым демонстрирует различие между политическим и культурным взаимодействием: изменение политического курса не всегда ведет к прекращению культурного обмена.

Заключение

Российско-британский культурный диалог XIX–XX веков складывался как длительный и неоднородный процесс, в котором одновременно присутствовали интерес, взаимное влияние, конкуренция и культурные стереотипы. В XIX веке его основу составляли литературные и языковые контакты, распространение переводной литературы, путешествия и деятельность периодической печати. Постепенно Россия и Великобритания стали воспринимать культуру друг друга не как внешнее и малоизвестное явление, а как значимую часть европейского культурного пространства.

К концу XIX – началу XX века русская литература получила заметное место в британском культурном сознании. Переводы и критические публикации способствовали распространению произведений русских авторов и формированию устойчивого интереса к российской культуре [8]. Одновременно в России продолжалось активное освоение британской литературы и общественно-культурного опыта. Литературный перевод в этих условиях выполнял функцию культурного посредника и создавал условия для глубокого взаимного понимания [1].

В XX веке структура диалога изменилась под воздействием революционных событий, становления советского государства и последующих изменений международных отношений. Несмотря на политические противоречия, культурные связи продолжали существовать, в 1920-е годы они развивались в сложной международной обстановке [6], а в 1930-е годы получили новые организационные формы [10]. Музыкальная культура стала одним из заметных направлений дальнейшего взаимодействия, объединив исполнительские, композиторские и образовательные контакты [9].

Главным результатом российско-британского культурного взаимодействия стало формирование устойчивого пространства взаимного культурного восприятия. Оно не устранило национальные различия и стереотипы, но создало возможность их обсуждения и переосмысления. Литература, язык и музыка выступали устойчивыми каналами такого общения, поскольку сохраняли значение даже в периоды политической напряженности. Поэтому российско-британский культурный диалог XIX–XX веков следует рассматривать как самостоятельную историко-культурную линию, тесно связанную с политической историей, но не сводимую к ней.

Литература

1. Алексеев, М.П. Русско-английские литературные связи: XVIII в. – первая половина XIX в. / М.П. Алексеев. – Москва: Наука, 1982. – 863 с.

2. Белецкая, О. О., Луговский, А.Д. Культура и традиции и их влияние на формирование представления о Британии в России и в мире / О.О. Белецкая, А.Д. Луговский // Юный ученый. – 2020. – № 5 (35). – С. 28–32. – URL: https://moluch.ru/young/archive/35/2051 (дата обращения: 10.09.2026).

3. Борискин, В. В., Меркулов, А. В., Филонов, В.И. Источники восприятия Великобритании в российском обществе в 1850–1860-е гг. / В.В. Борискин, А.В. Меркулов, В.И. Филонов // Власть. – 2019. – № 3. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istochniki-vospriyatiya-velikobritanii-v-rossiyskom-obschestve-v-1850–1860-e-gg (дата обращения: 10.09.2026).

4. Грищенко, Н.А. Россия и Англия XIX века в языковом сосуществовании / Н.А. Грищенко // Наука и современность. – 2010. – № 4–2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-angliya-xix-veka-v-yazykovom-sosuschestvovanii (дата обращения: 10.09.2026).

5. Журавлев, И.И. Русские глазами англичан в конце XIX века / И.И. Журавлев // Colloquium-journal. – 2019. – № 13 (37). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/russkie-glazami-anglichan-v-kontse-hih-veka (дата обращения: 10.09.2026).

6. Зварцев, И.А. Советско-британские отношения в 20-е годы XX века / И.А. Зварцев // Вестник науки. – 2019. – № 6 (15). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovetsko-britanskie-otnosheniya-v-20-e-gody-xx-veka (дата обращения: 10.09.2026).

7. Ковалевский, М.М. Начало русско-английского сближения / М.М. Ковалевский // Вестник Европы. – 1912. – № 3. – С. 241–264.

8. Колыхалова, О. А., Кулдошина, А.Ю. Восприятие русской литературы в Британии в конце XIX – начале XX века / О.А. Колыхалова, А.Ю. Кулдошина // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – Т. 17, № 4. – С. 119–129. – 119–129.

9. Российско-британский культурный диалог: русская музыка в Великобритании – британская музыка в России: сборник по материалам Международной научно-практической конференции, 10–11 октября (Москва, ГИИ), 6–7 ноября (Великобритания, UCLan) 2019 года / ред.-сост.: Е.А. Артамонова, Г.У. Лукина, О.М. Табачникова. – Москва: Государственный институт искусствознания, 2020. – 448 с.

10. Сушкова, В.Н. Россия – Англия: развитие культурных связей в 30-е гг. XX в. / В.Н. Сушкова // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 340. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/

rossiya-angliya-razvitie-kulturnyh-svyazey-v-30-e-gg-hh-v (дата обращения: 10.09.2026).

RUSSIAN-BRITISH CULTURAL DIALOGUE IN THE 19TH AND 20TH CENTURIES

Gusakova A.V.
Financial University under the Government of the Russian Federation

This article examines the development of the Russian-British cultural dialogue during the 19th and 20th centuries. Particular attention is paid to literary, linguistic, and musical contacts, the formation of mutual perceptions regarding Russia and Great Britain, and the evolution of cultural interaction under the influence of political circumstances. The study traces the shift from a predominantly mediated perception of the other country-facilitated by literature, the press, and travel-to a more intensive, direct exchange of artistic works, musical practices, and cultural initiatives. Specific consideration is given to the reception of Russian literature in Great Britain during the late 19th and early 20th centuries, as well as the development of cultural ties between the two nations during the Soviet era.

Keywords: Russian-British relations, cultural dialogue, Russian literature, British literature, linguistic contacts, musical culture, intercultural communication, 19th century, 20th century.

References

1. Alekseev, M.P. Russian-English Literary Relations: 18th Century – First Half of the 19th Century / M.P. Alekseev. – Moscow: Nauka, 1982. – 863 p.

2. Beletskaya, O. O., Lugovsky, A.D. Culture and Traditions and Their Influence on the Formation of the Image of Britain in Russia and in the World / O.O. Beletskaya, A.D. Lugovsky // Young Scientist. – 2020. – № 5 (35). – Pp. 28–32. – URL: https://moluch.ru/young/archive/35/2051 (date of reference: 09/10/2026).

3. Boriskin, V. V., Merkulov, A.V., Filonov, V.I. Sources of perception of Great Britain in Russian society in the 1850s and 1860s / V.V. Boriskin, A.V. Merkulov, V.I. Filonov // Power. – 2019. – No. 1. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/istochniki-vospriyatiya-velikobritanii-v-rossiyskom-obschestve-v-1850–1860-e-gg (accessed: 10.09.2026).

4. Grishchenko, N.A. Russia and England in the 19th Century: Linguistic Coexistence / N.A. Grishchenko // Science and Modernity. – 2010. – No. 4–2. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-i-angliya-xix-veka-v-yazykovom-sosuschestvovanii (date of reference: 09/10/2026).

5. Zhuravlev, I.I. Russians through the eyes of the British at the end of the 19th century / I.I. Zhuravlev // Colloquium-journal. – 2019. – № 13 (37). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/russkie-glazami-anglichan-v-kontse-hih-veka (date of request: 09/10/20266.

Zvartsev, I.A. Soviet-British relations in the 20s of the XX century / I.A. Zvartsev // Bulletin of Science. – 2019. – No. 6 (15). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovetsko-britanskie-otnosheniya-v-20-e-gody-xx-veka (accessed: 10.09.2026).

7. Kovalevsky, M.M. The Beginning of Russian-British Rapprochement / M.M. Kovalevsky // Vestnik Evropy. – 1912. – No. 3. – Pp. 241–264.

8. Kolykhalova, O. A., Kuldoshina, A. Yu. The Perception of Russian Literature in Britain in the Late 19th – Early 20th Century / O.A. Kolykhalova, A. Yu. Kuldoshina // Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2019. Vol. 17, No. 4. pp. 119–129. 119–129.

9. Russian-British cultural dialogue: Russian music in the UK – British music in Russia: a collection of materials from the International Scientific and Practical Conference, October 10–11 (Moscow, GII), November 6–7 (Great Britain, UCLan) 2019 of the year / ed.-comp.: E.A. Artamonova, G.U. Lukina, O.M. Tabachnikova. – Moscow: State Institute of Art Studies, 2020. – 448 p.

10. Sushkova, V.N. Russia – England: the development of cultural ties in the 1930s / V.N. Sushkova // Bulletin of Tomsk State University. – 2010. – No. 340. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-angliya-razvitie-kulturnyh-svyazey-v-30-e-gg-hh-v (accessed: 10.09.2026).

Практика лоббирования интересов советских промышленных ведомств

Захарченко Алексей Владимирович,
доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: zaharchenkoav@gmail.com

В статье рассматривается практика лоббирования интересов советских промышленных ведомств в условиях централизованной плановой экономики СССР. Основное внимание уделено механизмам продвижения ведомственных интересов через систему отраслевого управления, партийно-государственные органы, Госплан СССР и Совет Министров СССР. Анализируются особенности ведомственного взаимодействия в разные периоды развития советской экономики: формирование отраслевой системы управления в 1930-е гг., послевоенная модель управления, реформирование промышленности в 1957–1964 гг., а также практика защиты отраслевых и региональных интересов в период 1960–1980-х гг. Советский лоббизм не являлся официально признанным политическим институтом, однако соответствующие практики фактически присутствовали в системе принятия хозяйственных решений. Ведомства стремились воздействовать на содержание планов, распределение ресурсов, определение приоритетов капитального строительства, объемы финансирования и кадровые решения. Значение имели личные контакты руководителей, подготовка обоснований для центральных органов, участие в согласовании проектов решений и использование административных связей. Ведомственное лоббирование было не внешним по отношению к советской системе управления явлением, а одним из способов функционирования самой административно-плановой модели.

Ключевые слова: лоббизм, ведомственные интересы, промышленность СССР, министерства, Госплан СССР, Совет Министров СССР, партийно-государственная система, отраслевое управление, плановая экономика, группы интересов.

Введение

Проблема лоббирования в советской экономической системе долгое время оставалась в тени из-за особенностей официального представления о механизмах принятия государственных решений. Советская модель предполагала единство хозяйственных целей, централизованное планирование и подчинение отдельных звеньев экономики общегосударственным задачам. На практике деятельность министерств, ведомств, предприятий и территориальных органов сопровождалась постоянным согласованием собственных потребностей с решениями вышестоящих инстанций. Распределение материальных ресурсов, утверждение производственных заданий, изменение инвестиционных планов, обеспечение предприятий оборудованием и рабочей силой создавали пространство для продвижения частных, отраслевых и региональных интересов. Именно в этом пространстве и проявлялись практики, которые с современной точки зрения могут рассматриваться как лоббистские.

Применительно к советскому периоду термин «лоббизм» требует определенной осторожности. Речь не идет о прямом переносе современных представлений о лоббистской деятельности на советскую действительность. В СССР отсутствовали специализированные лоббистские организации в современном понимании, не существовало открытого рынка политического представительства интересов, а само понятие лоббирования не было закреплено в нормативной системе. Исследование советской экономики показывает наличие устойчивых механизмов воздействия отдельных ведомств и руководителей на процесс подготовки и принятия решений. В условиях централизованной экономики руководители крупных хозяйственных комплексов стремились добиваться получения дополнительных материальных и финансовых ресурсов, используя личные встречи, переговоры и участие в корректировке плановых заданий [4]. Подобный подход дает рассматривать советское ведомственное лоббирование как особую форму административного представительства интересов, тесно связанную с устройством самой системы управления.

Актуальность темы определяется тем, что практика взаимодействия ведомств с центральными органами власти дает глубже понять реальные механизмы функционирования советской экономики. Формальные полномочия министерств и ведомств не всегда отражали фактические возможности их влияния на принимаемые решения. Значение имели положение конкретного руководителя в партийно-государственной иерархии, его связи с центральным аппаратом, способность представить отраслевые потребности как соответствующие общегосударственным приоритетам. Ведомственные интересы пересекались с региональными, партийными и хозяйственными задачами, поэтому процесс принятия решений нередко представлял собой сложное согласование различных позиций.

Цель статьи – выявление основных форм и механизмов лоббирования интересов советских промышленных ведомств и определении их роли в функционировании отраслевой системы управления СССР. Для достижения поставленной цели необходимо рассмотреть развитие отраслевой структуры управления, определить особенности взаимодействия министерств с правительством и Госпланом, проанализировать практики продвижения ведомственных интересов в 1960–1980-е гг. и показать изменения этих механизмов в период перестройки.

Формирование ведомственных интересов в системе управления промышленностью СССР

Предпосылки формирования ведомственного лоббизма связаны с развитием отраслевой структуры советского государственного управления. В ходе индустриализации происходило постоянное усложнение хозяйственного механизма, увеличивалось число отраслей промышленности, расширялся объем задач, решаемых центральными органами. В 1930-е гг. были созданы многочисленные отраслевые наркоматы, отвечавшие за отдельные направления производства. Система позволяла сосредоточить управление конкретными отраслями в руках специализированных органов, однако одновременно усиливала их заинтересованность в защите собственного положения и ресурсов. А.Р. Гапсаламов связывает реорганизацию отраслевой структуры экономики СССР в 1930-е – начале 1940-х гг. с необходимостью приспособления системы управления к масштабам индустриального развития и расширению хозяйственных задач [2]. Рост отраслевой специализации означал не только повышение

управляемости отдельных производственных комплексов, но и появление устойчивых ведомственных интересов.

Особенность советского ведомственного интереса состояла в том, что он не противопоставлялся государству открыто. Министерство или наркомат не мог выступать с позиций самостоятельного политического субъекта, требующего для себя ресурсов исключительно по причине собственной заинтересованности. Свои требования необходимо было обосновывать государственными приоритетами: ростом производства, обороноспособностью, обеспечением населения, выполнением пятилетнего плана, развитием новых территорий или повышением эффективности использования ресурсов, поэтому продвижение ведомственной позиции происходило преимущественно посредством административного обоснования.

В послевоенные годы практика получила дальнейшее развитие. Отраслевые органы должны были не только выполнять установленные государством задания, но и добиваться необходимых условий для их реализации. На практике это означало борьбу за оборудование, сырье, транспортные мощности, рабочую силу, капитальные вложения и сроки строительства. Ранее, мы рассматривали данную проблему на примере МВД СССР, когда удалось проследить достаточно сложную систему взаимодействия между министерством, правительством и Госпланом, в рамках которой ведомственные структуры стремились отстаивать собственные хозяйственные интересы [3]. Важным становится само наличие нескольких уровней принятия решений: ведомство формировало предложение, затем оно проходило через правительственные и плановые структуры, где подвергалось согласованию и корректировке.

Ведомственное лоббирование в этих условиях представляло собой не разовое обращение к руководству, а последовательный процесс. Сначала формировалась потребность, затем подготавливалось соответствующее обоснование, после чего вопрос продвигался через заинтересованные подразделения государственного аппарата. При положительном отношении руководства решение закреплялось в соответствующем плане, постановлении или другом управленческом документе. Отдельную роль играли связи между руководителями различных органов. Чем выше было положение конкретного руководителя и чем устойчивее его связи с партийным и правительственным аппаратом, тем больше возможностей существовало для защиты интересов соответствующей отрасли.

Формирование отраслевых интересов было непосредственно связано с организацией самой советской экономики. Министерства являлись частью государственного механизма и одновременно выступали носителями собственных ресурсных и производственных потребностей. Возникало своеобразное противоречие: ведомство должно было выполнять общегосударственные решения, но для выполнения этих решений стремилось изменить условия, установленные другими центральными органами. Именно здесь формировалась зона, в которой административные процедуры дополнялись неформальными способами продвижения интересов.

Лоббирование ведомственных интересов в период реформирования системы управления

Особенно наглядно противоречия отраслевого и территориального принципов управления проявились в ходе экономической реформы конца 1950-х гг. В 1957 г. вместо значительной части отраслевых министерств были созданы советы народного хозяйства. Предполагалось, что территориальный принцип позволит приблизить управление промышленностью к предприятиям и сократить чрезмерную централизацию. Минеев А.И. и Щипцова А.В. рассматривают деятельность совнархозов как важный этап перестройки управления промышленностью и регионами в 1957–1962 гг. [7]. При такой организации хозяйственной системы часть производственных вопросов была передана на региональный уровень, что изменило соотношение интересов между территориальными органами и отраслевыми структурами.

Для ведомственного лоббирования реформа имела двойственное значение. С одной стороны, ликвидация значительной части отраслевых министерств уменьшала институциональные возможности прежних ведомственных центров. С другой стороны, передача полномочий на территориальный уровень не устраняла проблему конкуренции за ресурсы. Она лишь изменила участников этого процесса. Теперь за производственные мощности, капитальные вложения и материальное обеспечение могли конкурировать уже не только отраслевые структуры, но и совнархозы, руководители регионов и отдельные крупные предприятия. Опыт управления промышленностью через совнархозы сопровождался процессами децентрализации, результаты которых оказались противоречивыми и в дальнейшем способствовали возвращению отраслевой системы управления [8].

В этой системе особое значение приобретала подготовка плановых документов. План был не просто инструментом распределения ресурсов, но и объектом постоянного согласования интересов. Включение в план строительства нового предприятия, увеличение объемов капитальных вложений, изменение производственных заданий или выделение дополнительного оборудования могли существенно изменить положение конкретной отрасли, поэтому работа с плановыми органами становилась одним из основных направлений ведомственной активности. Лоббистская составляющая проявлялась в попытках представить отраслевую потребность как объективно необходимую для выполнения государственных задач. Механизм хорошо согласуется с общими характеристиками лоббизма как формы взаимодействия групп интересов с органами власти. Чечеткина А.Е. указывает, что лоббирование связано с воздействием заинтересованных субъектов на процесс принятия государственных решений и может существовать в различных институциональных формах [10, с. 782–785]. Советский случай отличался отсутствием формально закрепленного статуса лоббистов, однако сама логика представительства интересов присутствовала. Ведомство обладало доступом к административным каналам, профессиональной информацией и возможностью непосредственно участвовать в подготовке управленческих решений.

Основные формы лоббирования интересов промышленных ведомств

Одной из наиболее распространенных форм продвижения ведомственных интересов являлись непосредственные контакты руководителей с представителями центральных органов власти. Значение личных встреч объяснялось спецификой советской управленческой культуры. Формальные документы не всегда позволяли быстро решить вопрос, особенно если речь шла о перераспределении ресурсов или изменении ранее установленных плановых показателей. В таких случаях руководитель мог лично представить проблему вышестоящему начальству, изложить необходимые аргументы и добиться включения вопроса в повестку соответствующего органа. Среди характерных способов лоббирования в условиях советской системы выделялись личные встречи, переговоры и участие в разработке и корректировке плановых заданий [4].

Другим важным инструментом являлась подготовка служебных записок, предложений, справок и проектов решений. Документальное оформление имело принципиальное значение, поскольку любое серьезное изменение хозяйственных параметров требовало соответствующего административного обоснования. Ведомство обладало значительно большим объемом специальной информации о состоянии отрасли, чем большинство других органов управления, это позволяло использовать профессиональные расчеты и прогнозы в качестве аргумента при обсуждении необходимых решений. Таким способом техническое или производственное обоснование превращалось в средство продвижения ведомственной позиции.

Существенную роль играло участие представителей отраслей в различных согласительных процедурах. Ведомства могли влиять на содержание проектов государственных решений еще до их официального рассмотрения.

Важное место занимало взаимодействие министерств с Госпланом СССР. Плановый орган обладал ключевыми возможностями для распределения ресурсов и определения основных параметров развития экономики. Для ведомства положительное решение Госплана означало возможность получить дополнительные материальные и финансовые ресурсы. В свою очередь, Госплан должен был учитывать общую сбалансированность народнохозяйственного плана, поэтому отношения между отраслевыми министерствами и плановыми органами строились на постоянном согласовании. Анализ взаимодействия МВД СССР с правительством и Госпланом в 1945–1953 гг., показал, что ведомственные интересы могли становиться предметом последовательного продвижения через несколько уровней государственного управления [3].

Нельзя исключать и значение неформальных отношений. Советская административная система основывалась на достаточно сложной сети профессиональных, партийных и личных связей. При назначении руководителей важным становилось не только наличие профессионального опыта, но и положение человека в системе номенклатуры. Соответственно, доступ к влиятельным должностным лицам мог повышать вероятность положительного решения по определенному вопросу. В более поздний период эти механизмы проявлялись и в отношениях между региональными руководителями и отраслевыми министерствами. В 1960–1980-е гг. руководители регионов использовали обращения в центральные органы, личные контакты и другие способы воздействия для защиты территориальных интересов [5, с. 112–116].

Взаимодействие отраслевого и регионального лоббирования

Разделение ведомственных и региональных интересов в советской системе управления было условным. Крупное промышленное предприятие одновременно являлось частью конкретной отрасли и находилось на определенной территории, поэтому интерес министерства мог совпадать с интересом региона, но мог и вступать с ним в противоречие. Министерство было заинтересовано прежде всего в выполнении отраслевых показателей, тогда как региональное руководство стремилось учитывать занятость населения, жилищное строительство, социальную инфраструктуру и обеспечение территории необходимыми ресурсами.

В период «застоя» данное противоречие проявлялось особенно отчетливо. Региональные руководители стремились воздействовать на центральные органы для изменения установленных ориентиров социально-экономического развития. Коновалов А.Б. отмечает существование устойчивых механизмов взаимодействия первых секретарей региональных комитетов КПСС с руководителями министерств и ведомств, а также с Госпланом и центральным партийным аппаратом [5]. В такой ситуации промышленное ведомство уже не являлось единственным субъектом продвижения отраслевых требований. Ему приходилось учитывать позицию территории, где размещались предприятия.

Интересно, что региональное лоббирование зачастую строилось по тем же принципам, что и ведомственное. Использовались обращения, записки, встречи, подготовка обоснований, поиск поддержки в центральном аппарате. В период перестройки к этим инструментам добавлялись новые способы формирования общественного мнения и взаимодействия с научным сообществом. Коновалов А.Б. выделяет среди таких форм письма и обращения, формирование общественного мнения, неформальные договоренности с влиятельными лоббистами и представителями научной сферы [6].

Показательным является тот факт, что региональные интересы могли продвигаться через отраслевые министерства. Если определенная территория имела значительную концентрацию предприятий конкретного профиля, региональное руководство было заинтересовано в сохранении или расширении соответствующей отраслевой базы, в результате появлялась коалиция интересов: регион нуждался в развитии предприятия, а министерство – в сохранении производственного потенциала и выполнении отраслевого плана. При наличии такой взаимной заинтересованности вероятность поддержки проекта центральными органами возрастала.

Исследование ведомственного и регионального лоббирования показывает, что советская система не представляла собой абсолютно однородного административного механизма. Внутри нее существовало множество центров интересов, каждый из которых обладал определенным набором ресурсов влияния. Веселов С.И. обращает внимание на проблему ведомственного партикуляризма и регионального контекста советской экономики середины 1960-х гг., показывая, что дискуссии о развитии хозяйственной системы затрагивали противоречия между общесоюзными и частными интересами различных управленческих структур [1, с. 31–43].

Особенности ведомственного лоббирования в условиях отсутствия правового института лоббизма

Существенное отличие советской практики от современных форм лоббирования состояло в отсутствии правового признания соответствующей деятельности. В СССР не существовало специального законодательства, которое устанавливало бы статус лоббиста, правила взаимодействия представителей групп интересов с государственными органами или требования к раскрытию такой деятельности. Ибодуллоев А.Р. прямо указывает, что советский лоббизм официально не признавался и не регулировался специальными правовыми актами [4].

Это обстоятельство не означало отсутствия каналов представительства интересов. Напротив, они были встроены в административную систему. Отличие заключалось в их характере. В современной модели лоббистская деятельность может осуществляться специализированными организациями, консультантами, ассоциациями и иными профессиональными структурами. Советское ведомство само являлось непосредственным участником процесса продвижения своих интересов. Его руководитель одновременно представлял государственный орган, отрасль и определенный круг хозяйственных потребностей. Отдельного посредника между интересом и государством в большинстве случаев не требовалось.

По этой причине советский ведомственный лоббизм целесообразно понимать как совокупность формальных и неформальных способов воздействия государственных хозяйственных структур на решения других органов государственной власти в целях защиты собственных отраслевых интересов. Такое определение дает избежать прямого отождествления советской практики с современным лоббизмом. Осипенко О.В. и Коваленко А.И. рассматривают лоббирование как сложную практику представления интересов, которая может проявляться в разных институциональных средах и не сводится исключительно к прямому воздействию на законодательные решения [9, с. 112–127].

Еще одной особенностью советской модели было тесное переплетение административного и политического уровней. Министерство не могло рассматривать хозяйственные вопросы отдельно от партийной политики. Крупные экономические решения находились в поле внимания партийного руководства, а кадровые назначения определяли возможности руководителей различных ведомств, поэтому продвижение отраслевого интереса зачастую требовало не только экономических расчетов, но и политического обоснования. Успешным оказывалось то предложение, которое удавалось представить как соответствующее более широким государственным задачам.

В такой системе граница между законным административным согласованием и лоббированием была практически неуловимой. Официально руководитель ведомства выполнял свои полномочия, отстаивая потребности отрасли. Фактически он одновременно стремился получить для нее более выгодные условия, именно эта двойственность является одной из основных характеристик советского ведомственного лоббизма.

Изменение практик лоббирования в период перестройки

Во второй половине 1980-х гг. советская система управления начала испытывать серьезные структурные изменения. Ослабление прежних механизмов централизованного контроля, расширение самостоятельности отдельных предприятий и изменение отношений между союзным центром и территориями постепенно трансформировали способы защиты интересов. Прежняя административная система продолжала действовать, однако ее эффективность снижалась. Одновременно появились новые каналы выражения хозяйственных и региональных требований.

Коновалов А.Б. показывает, что в период перестройки региональные руководители продолжали обращаться к центральным органам, использовать письма и просьбы, искать поддержку среди влиятельных представителей государственного аппарата, однако характер взаимодействия постепенно менялся [6]. На смену относительно устойчивой модели вертикального согласования постепенно приходила более сложная система взаимодействия между различными субъектами. Утрата прежней стабильности партийно-государственной структуры усиливала значение самостоятельных экономических интересов.

Одновременно расширялось значение общественного и экспертного мнения. Если раньше главным условием продвижения вопроса было наличие административной поддержки, то в период перестройки все большую роль начинали играть публичное обсуждение проблем, деятельность научных специалистов, экономистов и представителей общественных организаций. Это создавало предпосылки для перехода от исключительно административной формы защиты интересов к более разнообразным механизмам взаимодействия с государством.

Сама система отраслевого управления также постепенно менялась. Ослабление монополии министерств на принятие хозяйственных решений создавало новые центры влияния. Предприятия получили больше возможностей для самостоятельного определения направления деятельности, а региональные органы стали активнее отстаивать собственные экономические интересы. В результате ведомственное лоббирование переставало быть преимущественно внутренней процедурой государственного аппарата.

Рассматривая этот процесс в более широком историческом контексте, можно заметить, что изменение механизмов лоббирования было связано не только с политической перестройкой, но и с кризисом прежней модели распределения ресурсов. Пока централизованное планирование сохраняло устойчивость, борьба за ресурсы происходила преимущественно внутри административной системы. С ослаблением этой системы появились дополнительные участники и новые способы продвижения интересов, поэтому позднесоветский период можно рассматривать как переходный этап между административно-ведомственной моделью представительства интересов и более открытой системой взаимодействия экономических субъектов с государством.

Заключение

Практика лоббирования интересов советских промышленных ведомств формировалась одновременно с развитием отраслевой системы управления. Ее появление было обусловлено не существованием какого-либо официального института лоббизма, а самой логикой централизованной экономики. Каждое министерство или ведомство обладало собственными производственными задачами, потребностями в ресурсах

и представлениями о приоритетах развития отрасли. Выполнение этих задач требовало постоянного взаимодействия с Госпланом, Советом Министров, партийными органами и другими ведомствами. В результате внутри единой системы государственного управления возникали устойчивые практики защиты и продвижения отраслевых интересов.

Основными инструментами ведомственного лоббирования являлись личные контакты руководителей, переговоры, подготовка служебных документов, разработка обоснований, участие в согласовании планов и проектов решений, а также использование профессиональных и административных связей. Особое значение имело взаимодействие с Госпланом, поскольку именно через плановую систему распределялась значительная часть ресурсов. Важным фактором оставались партийно-кадровые связи. Положение руководителя в номенклатурной системе определяло его доступ к центрам принятия решений и тем самым влияло на возможности защиты ведомственных интересов.

Ведомственное лоббирование нельзя рассматривать изолированно от регионального. В советской экономике отраслевые предприятия были одновременно элементами территориальных хозяйственных комплексов, поэтому министерские и региональные интересы могли как совпадать, так и вступать в противоречие. В период 1960–1980-х гг. эти отношения приобрели устойчивый характер. Региональные руководители стремились воздействовать на центральные органы, а ведомства учитывали позиции территорий при решении вопросов развития предприятий. В период перестройки прежняя модель начала разрушаться, появились новые формы защиты интересов, а административные механизмы стали дополняться публичными, экспертными и неформальными способами воздействия.

Советский ведомственный лоббизм следует рассматривать как неотъемлемую составляющую функционирования административно-плановой экономики. Он не являлся самостоятельным институтом, отделенным от государства, поскольку сами носители интересов находились внутри государственного аппарата. Именно это отличает советскую практику от современных моделей лоббирования. Исследование данного явления дает увидеть за формальной централизованностью советской системы сложную сеть взаимодействия между министерствами, Госпланом, правительством, партийными структурами, предприятиями и регионами. Принятие экономических решений являлось результатом не только выполнения утвержденного плана, но и постоянного согласования интересов различных звеньев управленческой системы.

Литература

1. Веселов С.И. Партикуляризм ведомств и региональный контекст советской экономики в публичном дискурсе середины 1960-х гг. // Северный регион: наука, образование, культура. 2026. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/partikulyarizm-vedomstv-i-regionalnyy-kontekst-sovetskoy-ekonomiki-v-publichnom-diskurse-serediny-1960-h-gg (дата обращения: 11.09.2026).

2. Гапсаламов, А.Р. Реорганизация отраслевой структуры экономики Советского Союза в 1930 – начале 1940 гг. // Молодой ученый. – 2010. – № 10 (21). – С. 215–217.

3. Захарченко А.В. Ведомственный «Лоббизм» в советской экономике: министерства – правительство – Госплан, 1945–1953 гг. (на примере МВД СССР) // Известия Самарского научного центра РАН. 2016. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vedomstvennyy-lobbizm-v-sovetskoy-ekonomike-ministerstva-pravitelstvo-gosplan-1945–1953-gg-na-primere-mvd-sssr (дата обращения: 11.09.2026).

4. Ибодуллоев А.Р. Особенность лоббизма в политической системе / А.Р. Ибодуллоев // Международный научно-исследовательский журнал. – 2016. – № 1 (43). С. 97–99.

5. Коновалов А.Б. Практики лоббирования региональных интересов в эпоху застоя (вторая половина 1960-х – первая половина 1980-х гг.) // Общество: философия, история, культура. 2017. № 7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/praktiki-lobbirovaniya-regionalnyh-interesov-v-epohu-zastoya-vtoraya-polovina-1960-h-pervaya-polovina-1980-h-gg (дата обращения: 11.09.2026).

6. Коновалов А.Б. Механизмы защиты региональных интересов в центральных органах партийно-государственной власти СССР (вторая половина 1980-х – начало 1990-х годов) // Международный научно-исследовательский журнал. – 2021. – № 12 (114). – URL: https://research-journal.org/archive/12–114–2021-december/mexanizmy-zashhity-regionalnyx-interesov-v-centralnyx-organax-partijno-gosudarstvennoj-vlasti-sssr-vtoraya-polovina-1980-x-nachalo-1990-x-godov?ysclid=mu6pkp4t7r949676541 (Дата обращения 11.09.2026).

7. Минеев А. И., Щипцова А.В. Советы народного хозяйства в условиях реформирования экономики и системы управления регионами СССР (1957–1962) // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2023. № 2 (34). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovety-narodnogo-hozyaystva-v-usloviyah-reformirovaniya-ekonomiki-i-sistemy-upravleniya-regionami-sssr-1957–1962 (дата обращения: 11.09.2026).

8. Орлов В.В. Управление промышленностью СССР в 1957–1964 гг.: исторический опыт, особенности, результаты // Клио. 2024. № 3 (207). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-promyshlennostyu-sssr-v-1957–1964-gg-istoricheskiy-opyt-osobennosti-rezultaty (дата обращения: 11.09.2026).

9. Осипенко О. В., Коваленко А.И. «Лоббирование интересов» как бизнес-практика // Современная конкуренция. 2024. № 4 (100). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lobbirovanie-interesov-kak-biznes-praktika (дата обращения: 11.09.2026).

10. Чечеткина, А.Е. Модели регулирования лоббистской деятельности // Молодой ученый. – 2016. – № 8 (112). – С. 782–785. – URL: https://moluch.ru/archive/115/31216 (дата обращения: 11.09.2026).

LOBBYING PRACTICES OF SOVIET INDUSTRIAL AGENCIES

Zakharchenko A.V.
Financial University under the Government of the Russian Federation

This article examines the practice of lobbying for the interests of Soviet industrial agencies within the context of the USSR's centralized planned economy. Particular attention is paid to the mechanisms used to advance agency interests through the sectoral management system, Party-state bodies, Gosplan (the State Planning Committee), and the Council of Ministers. The article analyzes the specific nature of inter-agency interaction across various periods of Soviet economic development: the formation of the sectoral management system in the 1930s, the post-war management model, industrial reforms between 1957 and 1964, and the practices used to defend sectoral and regional interests from the 1960s through the 1980s. While Soviet lobbying was not an officially recognized political institution, such practices were an integral part of the economic decision-making system. Agencies sought to influence the content of plans, resource allocation, capital construction priorities, funding levels, and personnel decisions. Key factors included the personal contacts of executives, the preparation of justifications for central authorities, participation in the coordination of draft decisions, and the use of administrative connections. Lobbying by agencies was not a phenomenon external to the Soviet management system but rather one of the operational mechanisms of the administrative-planned model itself.

Keywords: lobbying, agency interests, USSR industry, ministries, Gosplan, Council of Ministers, Party-state system, sectoral management, planned economy, interest groups.

References

1. Veselov S.I. Particularism of departments and the regional context of the Soviet economy in public discourse of the mid-1960s .//Northern region: science, education, culture. 2026. № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/partikulyarizm-vedomstv-i-regionalnyy-kontekst-sovetskoy-ekonomiki-v-publichnom-diskurse-serediny-1960-h-gg (date of circulation: 11.09.2026).

2. Gapsalamov, A.R. Reorganization of the sectoral structure of the economy of the Soviet Union in 1930 – early 1940 ./A. R. Gapsalamov. – Text: direct//Young scientist. – 2010. – № 10 (21). – P. 215–217.

3. Zakharchenko A.V. Departmental "Lobbyism" in the Soviet economy: ministries – government – Gosplan, 1945–1953 (using the example of the USSR Ministry of Internal Affairs)//Izvestia of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2016. № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/vedomstvennyy-lobbizm-v-sovetskoy-ekonomike-ministerstva-pravitelstvo-gosplan-1945–1953-gg-na-primere-mvd-sssr (date of circulation: 11.09.2026).

4. Ibodulloev A.R. The peculiarity of lobbyism in the political system/A.R. Ibodulloev// International Research Journal. – 2016. – № 1 (43). P. 97–99.

5. Konovalov A.B. Lobbying practices for regional interests in the era of stagnation (second half of the 1960s – first half of the 1980s)//Society: philosophy, history, culture. 2017. № 7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/praktiki-lobbirovaniya-regionalnyh-interesov-v-epohu-zastoya-vtoraya-polovina-1960-h-pervaya-polovina-1980-h-gg (date of circulation: 11.09.2026).

6. Konovalov A.B. Mechanisms for protecting regional interests in the central bodies of party and state power of the USSR (second half of the 1980s – early 1990s) // International Research Journal. – 2021. – № 12 (114). – URL: https://research-journal.org/archive/12–114–2021-december/mexanizmy-zashhity-regionalnyx-interesov-v-centralnyx-organax-partijno-gosudarstvennoj-vlasti-sssr-vtoraya-polovina-1980-x-nachalo-1990-x-godov?ysclid=mu6pkp4t7r949676541 (date of circulation 11.09.2026).

7. Mineev A.I., Shchiptsova A.V. Councils of the national economy in the context of economic reform and the management system of the regions of the USSR (1957–1962)// Bulletin of Mari State University. Series "Historical Sciences. Legal sciences." 2023. № 2 (34). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovety-narodnogo-hozyaystva-v-usloviyah-reformirovaniya-ekonomiki-i-sistemy-upravleniya-regionami-sssr-1957–1962 (date of circulation: 11.09.2026).

8. Orlov V.V. Management of the USSR industry in 1957–1964: historical experience, features, results//Clio. 2024. № 3 (207). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-promyshlennostyu-sssr-v-1957–1964-gg-istoricheskiy-opyt-osobennosti-rezultaty (date of circulation: 11.09.2026).

9. Osipenko O.V., Kovalenko A.I. "Lobbying of interests" as a business practice// Modern competition. 2024. № 4 (100). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/lobbirovanie-interesov-kak-biznes-praktika (date of circulation: 11.09.2026).

10. Chechetkina, A.E. Models of regulation of lobbying activities // Young scientist. – 2016. – № 8 (112). – P. 782–785.

Профессиональные потребности инженеров в изучении иностранного языка

Кириллова Инна Константиновна,
кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков и «Русский как иностранный»,
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет»
E-mail: KirillovaIK@mgsu.ru

Зубкова Яна Владимировна,
кандидат филологических наук, доцент, доцент института иностранных языков ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»
E-mail: zubkovayav@mgpu.ru

Шатилова Любовь Михайловна,
доктор филологических наук, профессор, профессор института иностранных языков ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»
E-mail: shatilova-79@mail.ru

В статье представлены результаты анализа анкетирования практикующих инженеров с высшим образованием, проведённого с целью выявления их профессиональных потребностей в иностранном языке и оценки эффективности существующей системы языковой подготовки в техническом вузе. На основе данных опроса и обращения к трудам ведущих российских учёных в области методики преподавания иностранных языков (Н.В. Евдоксина, О.И. Акифи, В.В. Шилов, И.В. Ветошкина) обосновывается необходимость перехода к модели English for Specific Purposes (ESP) и предметно-языкового интегрированного обучения (CLIL) в инженерном образовании. Установлено, что основным запросом практикующих специалистов является усиление практики устного профессионального общения. Сформулированы практические рекомендации по преобразованию содержания и методов обучения иностранному языку в техническом вузе.

Ключевые слова: профессионально-ориентированное обучение, английский для специальных целей, инженерное образование, предметно-языковое интегрированное обучение.

Введение

В условиях глобализации инженерного образования и интернационализации российского рынка труда владение иностранным языком становится не просто академическим требованием, а профессиональной компетенцией, определяющей конкурентоспособность специалиста. Как отмечают В.В. Шилов и В.И. Ветошкина, «в современном мире практически не осталось профессиональных сфер, в которых бы не было востребовано знание английского языка… многие компании РФ работают на международных рынках, сотрудничают с зарубежными партнерами» [1, с. 50].

Особую значимость этот тезис приобретает для специалистов, работающих на предприятиях, интегрированных в глобальные производственные цепочки. Согласно данным анкетирования некоторых технических вузов, студенты в целом осознают востребованность иностранного языка в профессии [1]. Вместе с тем, исследователи фиксируют устойчивый разрыв между осознанием потребности и реальным уровнем владения языком, что подтверждается и результатами настоящего исследования.

Как справедливо отмечает О.И. Акифи, процессы цифровизации и интернационализации образования сохраняют свою актуальность даже в условиях современной геополитической нестабильности, что в полной мере относится к инженерной подготовке [2]. Важным подтверждением глобализации инженерного образования и рынка труда выступает деятельность наднациональных международных инженерных ассоциаций [3]. Вопросы разработки инженерных компетенций под эгидой указанных организаций, а также практика их внедрения в образовательные программы детально проанализированы в работах О.Н. Бессарабовой [3; 4].

Цель данной работы на основе анализа данных анкетирования практикующих инженеров выявить недостаточность в их языковой подготовке и определить направления преобразования содержания обучения иностранному языку в техническом вузе, опираясь на современные теоретические разработки в области ESP и CLIL.

Теоретической основой работы выступает подход English for Specific Purposes (ESP). Как отмечают исследователи из Уральского федерального университета, ESP представляет собой «область исследований и практики разработки языковых программ для людей, которым нужен язык для удовлетворения предсказуемого диапазона коммуникативных потребностей» [5, с. 262]. В основе ESP-подхода лежит анализ потребностей обучающихся, который признается эффективным инструментом проектирования курса, позволяющим в максимальной степени учесть запросы целевой аудитории [5].

Т. Хатчинсон и А. Уотерс рассматривают ESP как курс, который ориентирован на удовлетворение конкретных потребностей взрослых обучающихся, осваивающих английский язык в профессиональных целях, и содержит специфическую для определённой области терминологию, методологию и задания, сосредоточенные на фиксированных языковых особенностях [6]. Существенный вклад в развитие данного направления внесли также работы Т. Дадли-Эванс и М.Д. Сент-Джон, которые подчеркивали, что основная характеристика ESP – ориентация на «точные» потребности обучающихся, что предполагает отказ от универсальных учебных программ [8].

Значительный вклад в разработку методологии преподавания иностранного языка в техническом вузе вносят современные российские учёные. Так, Н.В. Евдоксина, изучая психологические особенности студентов инженерных специальностей, отмечала, что препятствием на занятиях по иностранному языку являются такие личностные характеристики, как «сдержанность, сухость, робость, замкнутость и напряженность» [9]. Данное наблюдение приобретает особую актуальность в контексте задачи развития навыков устного профессионального общения.

В работах томских исследователей (С.П. Галкина, А.В. Цепилова, И.Р. Шафикова и др.) обосновывают необходимость многоуровневого подхода к формированию профессиональных коммуникативных навыков, включающего ESP-курс для инженеров. Авторы отмечают, что недостаточный уровень владения английским языком, особенно в сфере академического письма и устной научной коммуникации, рассматривается как один из факторов, препятствующих интеграции российских университетов в глобальное исследовательское и образовательное пространство [7;10].

В работах О.И. Акифи обосновывается потенциал методологии CLIL (Content and Language Integrated Learning – предметно-языковое интегрированное обучение) в инженерном образовании. Как отмечает исследователь, «концептуальным ядром предлагаемой стратегии является методика CLIL, на основе которой рассматриваются ключевые компоненты обучения: интеграция содержания, развитие профессиональной коммуникации, а также познание и культура» [2, с. 121]. Адаптация CLIL-подхода к инженерному контексту предполагает, во-первых, приоритет предметного содержания над языковой формой при параллельном развитии академического дискурса, а во-вторых, направленность на развитие когнитивных умений с учетом познавательных особенностей студентов технических специальностей [2]. Методология CLIL, по мнению автора, представляет собой эффективную концептуальную основу для создания интегрированной образовательной среды, где иностранный язык выступает не как цель, а как средство освоения инженерного знания [2].

Методология исследования

Для выявления реальных запросов и дефицитов в языковой подготовке практикующих инженеров было проведено анонимное анкетирование. В опросе приняли участие 152 специалиста с высшим образованием, работающих в инженерной сфере. Выборка включала представителей различных инженерных направлений, что позволяет говорить о репрезентативности полученных данных для отрасли в целом. Анкета содержала как закрытые вопросы с выбором вариантов ответа, так и открытые вопросы, позволяющие респондентам описать конкретные ситуации и сформулировать рекомендации преподавателям.

Анализ и обсуждение результатов анкетирования

Оценка опыта столкновения с языковыми трудностями

Распределение ответов на вопрос о наличии трудностей, связанных с недостаточным уровнем владения иностранным языком (табл. 1).

Таблица 1

Вариант ответа	Доля респондентов
Нет, не сталкивался	44,2%
Да, было 1–2 таких случая	34,6%
Да, регулярно сталкиваюсь	15,4%
Затрудняюсь ответить	5,8%

Показательно, что суммарная доля специалистов, так или иначе сталкивавшихся с проблемами (50%), превышает долю тех, кто их не испытывал. При этом регулярные трудности испытывают 15,4% респондентов достаточно значимый показатель для профессиональной группы, традиционно не считающей иностранный язык приоритетом.

Осознание дефицита языковых знаний. На вопрос о сожалении по поводу недостаточного внимания к изучению языка в вузе распределение ответов оказалось следующим (табл. 2).

Таблица 2

Вариант ответа	*Доля респондентов*
Да, иногда жалею	44.2%
Да, очень часто жалею	17,3%
Нет, язык мне не нужен в работе	19,2%
Нет, моих знаний пока хватает	19,2%

Суммарная доля сожалеющих составила 61,5%. Этот показатель существенно превышает долю тех, кто сталкивался с конкретными трудностями (50%), что свидетельствует о феномене «отложенного осознания». Профессиональная потребность в языке осознаётся специалистами задним числом, когда время для систематического обучения в вузе упущено.

Данный результат коррелирует с выводами В.В. Шилова и В.П. Ветошкиной, которые отмечают, что «в целом студенты технических вузов осознают востребованность иностранного языка в их будущей профессии» [1], однако это осознание часто носит абстрактный характер и не конвертируется в учебную мотивацию в период обучения.

Последствия недостаточного владения языком. На вопрос о возможных последствиях низкого уровня знания языка (множественный выбор) были получены следующие данные (табл. 3).

Обращает на себя внимание то, что психологический дискомфорт занял первое место. Это подтверждает наблюдения Н.В. Евдоксиной о психологических особенностях студентов технических специальностей: «сдержанность, сухость, робость, замкнутость и напряжённость» усугубляются в ситуации языкового барьера, что препятствует эффективной профессиональной коммуникации [9].

Таблица 3

Вариант ответа	Доля респондентов
Психологический дискомфорт	26,5%
Потеря времени	25,6%
Упущенная возможность (грант, стажировка, проект)	23,1%
Недопонимание с коллегами или заказчиком	23,1%
Финансовые потери / брак в работе	9,4%

Профессиональные цели изучения языка. Респондентам предлагалось выбрать 2–3 наиболее важных цели изучения иностранного языка. Распределение ответов свидетельствует о ярко выраженном инструментальном характере мотивации (табл. 4).

Таблица 4

Вариант ответа	Доля респондентов
Работа с зарубежным оборудованием (интерфейсы, инструкции)	16,1%
Чтение профессиональной литературы, статей, патентов	15,2%
Для путешествий и общих целей	15,8%
Общение с заказчиками / партнёрами	11,6%
Просмотр обучающих видео, лекций мировых университетов	12,7%
Для карьерного роста	12,7%
Для учёбы за границей	7,8%
Чтобы быть в курсе мировых трендов	8,1%

Суммарно профессиональные цели составляют 55,6% всех ответов. Респонденты ожидают от курса иностранного языка, прежде всего, практической пользы, например, возможности работать с оборудованием, читать профессиональную литературу, общаться с партнёрами и т.д. Это согласуется с ключевым принципом ESP, согласно которому курс должен строиться на основе анализа коммуникативных потребностей обучающихся [5].

Актуальная мотивация и факторы её повышения. Распределение ответов на вопрос об оценке желания учить язык по шкале от 1 до 3 (табл. 5).

Таблица 5

Вариант ответа	Доля респондентов
3. Высокая мотивация, активно учу	12,6%
2. «Мне бы надо, но руки не доходят»	63,8%
1.Нет ни желания, ни времени	23,6

Более половины респондентов (63,8%) находятся в так называемой «зоне бездействия», т.е. они осознают необходимость изучения языка, но не приступают к действиям.

На вопрос о факторах, способных повысить мотивацию, были получены следующие ответы (табл. 6).

Таблица 6

Вариант ответа	Доля респондентов
Языковая практика с носителями / коллегами	34,6%
Материальное стимулирование	25,0%
Ясное понимание карьерных перспектив	23,1%
Спецкурсы «Английский для инженеров»	11,5%

Приоритетным фактором является реальная языковая практика (34,6%). Этот запрос напрямую коррелирует с психологическими особенностями инженеров, отмеченными Н.В. Евдоксиной. Исследователь утверждает, что для преодоления «робости и замкнутости» необходима тренировка в условиях, приближенных к реальной профессиональной коммуникации [9].

Качественный анализ комментариев респондентов позволяет конкретизировать выявленные проблемы. Типичные проблемные ситуации:

– Работа с иностранным программным обеспечением: «Тяжело работать в программе на английском языке», «Программное обеспечение на английском языке снижает скорость работы».

– Необходимость перевода технической документации: «На стройку приехало оборудование, а в документах отсутствовал перевод руководства по эксплуатации на русском, пришлось переводить», «Сложность изучения учебника по гидротехнике на английском языке… гугл переводчик мог переводить термины некорректно».

– Международное профессиональное общение: «Общение с коллегами на международных конференциях, статьи с тяжелым техническим языком», «Представители фирмы из Польши изъяснялись на английском языке».

Респонденты также справедливо указывают на то, что в условиях доступности технологий машинного и искусственного перевода навык перевода утрачивает свою актуальность, тогда как навык устного профессионального общения становится критически важным. Это наблюдение согласуется с ключевым положением CLIL-подхода, согласно которому иностранный язык должен выступать не как цель, а как средство освоения профессионального знания [2].

Анализ результатов анкетирования позволяет сформулировать несколько выводов относительно состояния и перспектив преподавания иностранного языка в техническом вузе.

Существует значительный разрыв между осознанием потребности в иностранном языке и реальными действиями по его изучению. 61,5% респондентов сожалеют о недостаточном уровне языковой подготовки, однако 53,8% находятся в состоянии «руки не доходят», т.е. осознание не переходит в действие. Причины этого феномена лежат, по-видимому, в отсутствии сформированной привычки к самостоятельной языковой работе, низкой самоэффективности и отсутствии чётких ориентиров для самообразования.

Основной запрос практикующих инженеров – развитие навыков устного профессионального общения. Этот запрос зафиксирован как в количественных данных (наличие практики названо главным мотиватором 34,6% респондентов), так и в качественных комментариях.

В условиях доступности технологий машинного перевода и использования ИИ-инструментов традиционный акцент на переводческих навыках теряет практическую значимость. Как справедливо отмечают респонденты, тексты технического содержания могут быть переведены с помощью онлайн-сервисов, тогда как навык живого общения не может быть заменен технологиями.

Теоретической основой для преобразования содержания обучения может служить модель ESP, предполагающая анализ реальных коммуникативных потребностей обучающихся и разработку курса на основе этого анализа. В работе В.С. Великанова и В.А. Курнеева также подчёркивается, что анализ потребностей студентов в ESP является эффективным инструментом для разработки курса, который наилучшим образом соответствует запросам обучающихся [5].

Перспективным направлением является внедрение элементов CLIL в практику преподавания. Как отмечает О.И. Акифи, «концептуальным ядром» CLIL является интеграция содержания, коммуникации, познания и культуры, что позволяет использовать иностранный язык как средство освоения профессионального знания, а не как самоцель [2]. Успешная реализация CLIL-подхода требует междисциплинарного сотрудничества лингвистов и преподавателей технических дисциплин, а также разработки специализированных учебно-методических материалов, обеспечивающих синхронное развитие профессиональных и коммуникативных компетенций [2].

Заключение

Таким образом, проведённый анализ ответов респондентов– практикующих инженеров позволил выявить следующие проблемы в системе языковой подготовки специалистов инженерного профиля. Во-первых, несоответствие содержания обучения профессиональным потребностям. Практикующие специалисты отмечают, что в вузе уделяется чрезмерное внимание чтению и переводу текстов, тогда как наиболее востребованным навыком в реальной профессиональной деятельности является устная коммуникация. Во-вторых, низкая эффективность формирования устойчивой мотивации. Более половины респондентов осознают необходимость изучения языка, но не предпринимают практических шагов из-за отсутствия чётких ориентиров, внешних стимулов и достаточной языковой практики. В-третьих, психологический барьер как следствие недостатка практики. Психологический дискомфорт назван наиболее частым последствием недостаточного владения языком, что усугубляет «робость и замкнутость», характерные для студентов технических специальностей [9]. В-четвертых, устаревание традиционных методических подходов. В условиях доступности технологий искусственного интеллекта акцент на переводческих навыках теряет практическую значимость. На первый план выходит необходимость развития навыков устного профессионального общения.

Для преодоления выявленных проблем мы предлагаем переход к модели ESP – разработка курсов иностранного языка на основе анализа реальных коммуникативных потребностей обучающихся, с акцентом на развитие навыков устного профессионального общения [5]; внедрение элементов CLIL – интеграция языкового и профессионального содержания, использование иностранного языка как средства освоения профессиональных знаний [2]; увеличение доли устной практики до 50% аудиторного времени за счёт сокращения объёма письменных переводческих заданий; использование аутентичных материалов реальных инструкций, видео, статей вместо адаптированных учебных текстов; активное включение в учебный процесс материалов профессиональной направленности.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на разработку и апробацию конкретных образовательных программ, построенных на принципах ESP и CLIL, а также на изучение долгосрочных эффектов их внедрения в практику преподавания иностранного языка в технических вузах.

Литература

1. Шилов В. В., Ветошкина И.В. Студенты технического университета о роли иностранного языка и проблемах при его изучении // Власть. 2023. № 3. С. 49–56.

2. Акифи О.И. Интеграция содержания и языка (CLIL) в инженерном образовании: методологические основы для иноязычной аудитории // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2026. Вып. 3 (245). С. 118–126. https://doi.org/10.23951/1609–624X-2026–3–118–126

3. Бессарабова О.Н. Участие инженерных ассоциаций США в международных соглашениях // Преподаватель высшей школы в XXI веке: труды Международной научно-практической интернет-конференции. Ростов н/Д.: ФГБОУ ВО РГУПС, 2017. С. 274–279.

4. Бессарабова О.Н. Реализация тенденции глобализации в современном инженерном образовании // Мир науки. 2018. N 5.

5. Великанов В. С., Курнеев В.А. Английский для специальных целей как эффективный инструмент профессионального становления магистров //Инновационное развитие техники и технологий наземного транспорта: V Всероссийская научно-практическая конференция (Екатеринбург, 15 декабря 2023 г.). Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2024. С. 261–264.

6. Hutchinson T., Waters A. English for Specific Purposes: A Learning-Centred Approach. Cambridge University Press, 1987.

7. Цепилова А.В. Интегрированная иноязычная профессионально-коммуникативная компетентность в структуре профессиональной компетентности современного инженера / А.В. Цепилова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2017. – № 1(178). – С. 87–92. – DOI 10.23951/1609–624X-2017–1–87–92. – EDN XVMFNP.

8. Tony Dudley-Evans, Maggie Jo.St. John. Developments in English for Specific Purposes: A Multi-Disciplinary Approach/ Cambridge University Press, 1998.

9. Евдоксина, Н.В. Психологические особенности изучения иностранного языка студентами технических вузов / Н.В. Евдоксина // Вестник Астраханского государственного технического университета. – 2007. – № 2(37). – С. 273–279. – EDN KVVUGB.

10. Шафикова И.Р. Развитие иноязычных компетенций преподавателей технического Университета для участия в международных конференциях в области передовых материалов / И.Р. Шафикова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2017. – № 10 (187). – С. 160–165. – DOI 10.23951/1609–624X-2017–10–160–165. – EDN ZGYVHV.

11. Кириллова, И.К. Творческие образовательные технологии в вузе / И.К. Кириллова, Я.В. Зубкова, О.А. Сорокина // Проблемы современного педагогического образования. – 2024. – № 85–4. – С. 173–175. – EDN OFOZWV.

PROFESSIONAL NEEDS OF ENGINEERS IN LEARNING A FOREIGN LANGUAGE

Kirillova I.K., Zubkova Ya.V., Shatilova L.M.
Moscow State University of Civil Engineering (National Research University), Institute of Foreign Languages, Moscow City University

The article presents the results of a survey analysis of practicing engineers with higher education, conducted to identify their professional needs in a foreign language and to assess the effectiveness of the existing language training system in a technical university. Based on the survey data and drawing on the works of leading Russian scholars in the field of

foreign language teaching methodology (N.V. Evdoksina, O.I. Akifi, V.V. Shilov, I.V. Vetoshkina), the study substantiates the need for a transition to the English for Specific Purposes (ESP) model and Content and Language Integrated Learning (CLIL) in engineering education. It has been established that the primary demand of practicing specialists is to enhance the practice of oral professional communication. Practical recommendations for transforming the content and methods of foreign language teaching in a technical university are formulated.

Keywords: professionally-oriented teaching, English for Specific Purposes, engineering education, Content and Language Integrated Learning.

References

1. Shilov V.V., Vetoshkina I.V. Students of a Technical University on the Role of a Foreign Language and Problems in Its Study. Vlast', 2023, № 3, pp, 49–56.

2. Akifi O.I. Content and Language Integrated Learning (CLIL) in Engineering Education: Methodological Foundations for a Foreign Language Audience. Tomsk State Pedagogical University Bulletin, 2026, 3 (245), pp. 118–126. DOI: 10.23951/1609-624X-2026-3-118-126.

3. Bessarabova O.N. Participation of US Engineering Associations in International Agreements. FGBOU VO RGUPS, 2017, pp. 274–279.

4. Bessarabova O.N. Implementation of the Globalization Trend in Modern Engineering Education. Mir nauki, 2018, № 5.

5. Velikanov V.S., Kurmeev V.A. English for Specific Purposes as an Effective Tool for Professional Development of Master's Students. Ekaterinburg, 2024, pp. 261–264.

6. Hutchinson T., Waters A. English for Specific Purposes: A Learning-Centred Approach. Cambridge University Press, 1987.

7. Tsepilova A.V. Integrated Foreign Language Professional Communicative Competence in the Structure of Professional Competence of a Modern Engineer. Tomsk State Pedagogical University Bulletin 2017, 09. 1 (178), BR, 87–92. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-1-87-92

8. Dudley-Evans T., St. John M.J. Developments in English for Specific Purposes: A Multi-Disciplinary Approach. Cambridge University Press, 1998.

9. Evdoksina N.V. Psychological Features of Learning a Foreign Language by Students of Technical Universities. Vestnik of Astrakhan State Technical University, 09. 2 (37), pp. 273–279.

10. Shafikoya I.R. Development of Foreign Language Competences of Technical University Teachers for Participation in International Conferences in the Field of Advanced Materials. Tomsk State Pedagogical University Bulletin, 2017, 09. 10 (187), gp, 160–165. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-10

11. Kirillova I.K., Zubkova Ya.V., Sorokina O.A. Creative educational technologies in higher education// Problems of modern pedagogical education.

Кофе как строитель глобального мира

Кравченко Альберт Иванович,
д.с.н., профессор, главный редактор журнала «Социология»
E-mail: kravchenkoai@mail.ru

Глобализация способствует мобильности – мобильности денег, глобальному охвату корпораций, приливным потокам людей, мобильных работников и туристов. Для гипермобиля мир – это мир, в котором мало барьеров. Помимо права путешествовать, куда они хотят, когда они хотят, по цене, которую они могут себе позволить, и возможности общаться с (почти) кем угодно, когда угодно (откуда угодно), мир сегодня настолько тесен, что незнакомцев больше не существует, а это просто связи, которые только и ждут, чтобы случиться. Чтобы вести чрезвычайно мобильный образ жизни, путешественники должны в значительной степени полагаться на вещи: паспорта, визы, авиабилеты, кредитные карты, телефоны, Интернет, фотоаппараты, путеводители. Единственное, что они не берут в дорогу, так это кофе, поскольку его можно встретить по дороге на каждом шагом и в каждом месте, ибо кофе имеет сегодня характер, как глобального, так и локального. Локальный кофе аутентичен местной культуре, пусть и является привозным товаром. Путешествую по миру чуть не со сверхзвуковыми скоростями, кофе насаждает некие общие стандарты, привычки, культурные коды. Кофе – активный строитель глобальности.

Ключевые слова: глобальное, кофе, фермеры, выращивание, путешествие, культура, Кофебароны, экспорт, импорт, спешалти, Starbucks, жизненный цикл кофе.

Цепочка от фермера до потребителя кофе представляет собой сложный комплекс глобальных, социальных и экономических, взаимодействий, которые связывают нас с миллионами других людей в разных странах по всему миру. Производство, транспортировка, покупка и потребление кофе связывает нас с крупнейшими мировыми корпорациями, в обороте у которых триллионы долларов, мощная рекламная и масс-медиа индустрия, сильнейшие лоббистские группировки, сотни тысяч единиц тяжелой техники, крупные заводы и миллионы магазинов и магазинчиков розничной торговли, кофейни и кафетерии, павильончики и автоматы. А еще следует учесть миллионы мелких фермеров, выращивающих кофе, миллионы разнорабочих, оперирующих с товаром, продавцов и бариста, обслуживающих по всему миру миллиарды потребителей.

Глобальный круг связывает первый мир и третий мир в один неразрывный экономический узел, труд фермера на плантациях Эфиопии или Бразилии, углеродный след сухогрузов и биржевые спекуляции на Уолл-стрит. «Кофейный пояс» Земли (Эфиопия, Колумбия, Бразилия). Бедные регионы, где земля отдает свою силу зерну; пересечение океанов, огромные хабы, обжарочные заводы Европы и Америки. Здесь сырая, спящая материя пробуждается огнем и превращается в ценнейший товар.

Сингулярность потребления – миллиарды чашек, выпиваемых одновременно во всех точках мегаполиса. Круг замыкается, когда деньги из развитых стран возвращаются (или не возвращаются) обратно на плантации, запуская новый урожай. Север и Юг: Кофе жестко делит мир. Выращивается он исключительно в «кофейном поясе» Земли (бедные страны Глобального Юга: Африка, Латинская Америка, Азия). Основная прибыль, обжарка, маркетинг и потребление концентрируются на Глобальном Севере (Европа, США, развитые страны). Круг замыкается, когда деньги Севера снова текут на Юг в виде закупок нового урожая.

«Жизненный цикл кофе» включает три круга. **Макроцикл** (глобальный оборот): зерно в Африке → транспортировка → обжарка в Европе/Америке → потребление миллиардами людей. Здесь кофе становится метафорой глобальной связности: как и нефть, он собирает в один контур разные континенты, профессии, статусы и ритмы жизни. **Мезоцикл** (городская кофейная инфраструктура): ферма → импортер → обжарщик → кофейня → чашка → отходы → переработка. Это уже «логистика метафоризма» в действии: каждый этап обрастает своими смыслами, ритуалами и даже своими типами людей. **Микроцикл** (личный ритуал): пробуждение → первая чашка → «подпитие» в течение дня → вечерняя пауза. Тут круг замыкается внутри индивидуального времени: кофе задает ритм, и каждый день повторяет этот мини цикл.

Путешествие кофе – это путешествие из сельской глубинки в городской центр, с континента на континент: посадка зерна – 3–4 года произрастания дерева – сбор урожая – обсушка – расфасовка – упаковка – транспортировка – доставка и промойка – обжарка – заварка – кофепитие. Если Эфиопия была родиной кофе, а Йемен – воротами, которые доставили его соседям, то именно голландцы разнесли кофе по всему миру. Именно голландцы привезли кофе в Индонезию, и они же были ответственны за внедрение кофе во Францию.

Таким образом, кофе – глобальный продукт и популярнейший напиток, вовлекающий в полный цикл от плантации до прилавка все население планеты. Голландские торговцы вывезли кофейное зерно из Эфиопии и посадили его сначала в Индии, а затем в Индонезии. Оттуда его выращивание распространилось в Южную Америку. Повсюду производством кофе занимаются преимущественно на крупные плантациях, до начала XX в. были принадлежавших эксплуататорам-колонизаторам, на которых трудились низкооплачиваемые коренные жители. Это еще один аспект, интересующий социологию (рис. 1).

Фермерское и «фабричное» выращивание кофе ведет к истощению почвы, снижению биоразнообразия в регионе, а загрязнение окружающей среды, помимо прочего, связано еще и с транспортировкой продукта за несколько тысяч километров. К 2030 г. количество земель, пригодных для выращивания кофе, сократится на 50% – данные мировой статистики[1]. Упаковка, распространение, маркетинг, продажа,

[1] Кофе входит в тройку самых экологически опасных культур на Земле. Его обгоняют только хлопок и сахар. Это означает нерациональное использование гербици-

приготовление и потребление кофе – события, происходящие за тысячи километров от его производителя. Глобальные предприятия, задействованные в кругообороте кофе, влияют на мировую политику, неявно формируют вкусы и предпочтения рядовых граждан, культурные коды и символику, относящуюся к кофе.

Рис. 1. Верблюжья транспортировка кофе

Кофе – это продукт, который связывает людей в самых богатых и самых бедных уголках планеты. Производители кофе живут в большей бедности, чем потребители их продукции. Он потребляется в богатых странах, а выращивается в бедных, обеспечивает многим странам крупнейший источник поступления валюты, а простому люду – источник существования. Когда такая компания, как Starbucks, покупает кофе у фермеров в Руанде, она обеспечивает средства существования местных бедняков и прибылью дельцов с Уолл-стрита.

Coffee paradox (кофейный парадокс) – сосуществование «кофейного бума» в странах-потребителях и «кофейного кризиса» в странах-производителях, т.е. кофейного богатства в богатых странах и кофейной бедности в бедных странах [1]. Парадокс, но те, кто создает продукт, живет беднее того, кто потребляет этот продукт (рис. 2). Почему?

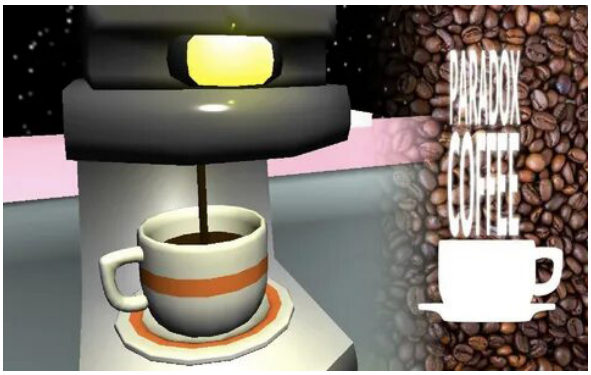

Рис. 2

Одна из причин – добавленная стоимость к выращенному на плантациях третьих стран стоимости, которую создают в странах первого мира, связанную с транспортировкой, хранением, расфасовкой, переработкой и продажей, содержанием кофейных сетей и магазинов, обжаркой и приготовлением кофе мастерами-бариста, рекламой. В то время как сети кофеен расширялись в странах-потребителях, заработная плата в странах-производителях кофе не возрастала. Вторые продают первым кофе как материальный продукт, а вторые предоставляют конечным потребителям кофе как символический продукт – как престижный напиток, совокупность и разнообразие символических атрибутов качества, личное обслуживание, статусный знак, т.е. как культурно «накрученный» товар.

Таким образом, кофейный парадокс заключается в следующем: то, что продают фермеры, и то, что покупают потребители, является совершенно разным кофе, хотя выраженным на одном дереве. Производители кофе получают за реальный продукт своего труда, потребители кофе платят за символическую ценность не созданного их трудом продукта.

Выращиванием кофе заняты 26 млн мелких фермеров в 50 развивающихся странах. В цепочке создания стоимости кофе они занимают низшую ступень и никак не могут повлиять на мировые цены. Как следствие, большинство производителей кофе, мелких землевладельцев, пребывают в крайней бедности, между тем многомиллиардный бизнес кофе с высокой добавленной стоимостью постоянно растет.

Другая версия *Coffee paradox* – ситуация, когда рано утром любая, даже самая элементарная задача, кажется вам совершенно невыполнимой до того самого момента, как вы не выпьете кофе. Paradox Coffee – короткая игра-кликер о путешествии в прошлое, чтобы снова и снова наполнять свою чашку кофе. Coffee Paradox – задача приготовления кофе слишком сложна для выполнения, если человек сначала не выпьет чашку кофе.

Распространение кофе происходило по вектору с юга на север, из Африки в Европу. Точно также происходила глобальная миграция Homo Sapiens 65 тыс. лет назад. В результате больше всего кофе на душу населения сегодня потребляют в Скандинавии, а не в Зимбабве или Мозамбике. Бедные всегда стремятся туда, где живут богатые.

Родиной кофе считается Эфиопия, а чемпионами потребления – финны. Это помощь Юга Северу. Йемен исторически считался важным местом для одомашнивания кофейных растений. Он послужил отправной точкой коммерциализации кофе как глобальной культуры (рис. 3).

Рис. 3. Пейте кофе с молоком! Пример визуальной метафоры

Когда белые пьют черный кофе, выращенный чернокожими рабами в черной Африке, не испытывают ли они вину за многие века рабства, колониализма и расовой сегрегации?

Наряду с другими привычными для западного рациона продуктами – чаем, бананами, картофелем и белым сахаром – кофе стал широко употребляться только с конца 1800-х годов. Хотя этот напиток возник на Ближнем Востоке, его массовое потребление относится к периоду западной экспансии, начавшейся около полутора веков назад. Практически весь кофе, который мы пьем сегодня, родом из колонизированных европейцами районов (Южная Америка и Африка) и ни в коем случае не является естественной частью западного рациона. Колониальное наследие оказало огромное влияние на развитие мировой торговли кофе.

Истинными учредителями кофе как носителя и выразителя европейской культуры явились, как ни странно, могло бы показаться, голландцы. Именно они распространили кофе по всем континентам. Когда голландцы начали выращивать кофе в своих колониях на Цейлоне, Яве, Суматре, Целебесе, Тиморе, Бали и других островах Ост-Индии, испанцы и португальцы торговали золотом, серебром и сахаром. Голландцы также были теми, кто привез кофе через Атлантику в Центральную и Южную Америку, сначала в голландскую колонию Суринам в 1718 г., затем во французскую Гайану, а позже в Бразилию. Сто лет спустя Бразилия стала крупнейшим в мире производителем кофе. Вскоре голландские колонии стали основными поставщиками кофе в Европу.

К 1750 г. кофейные деревья росли на пяти континентах. Кофейный бум требовал огромного числа рабочих, притом дешевых, для ухода за растениями и сбора урожая. Откуда их взять, кто предоставит? Конечно же, рабство. К 1788 г. половина мирового объема кофе поставлялась с рабовладельческих плантаций из французского Гаити. Рабочие жили здесь в антисанитарных условиях, в хижинах без окон, часто подвергались пыткам, испытывали переутомление и недоедание. Позже бывший раб описал жестокие наказания французских хозяев: топление в мешках, погребение заживо, раздавливание или распятие рабов [2].

В XVIII в. растущий спрос на кофе привлек интерес других колониальных держав и дал дополнительный импульс атлантической работорговле. С 1701 по 1810 г. англичане и французы вывезли из Африки более 6 млн рабов, В 1771 г. крошечная французская колония Сен-Доминго (сегодня Гаити) поставляла половину мирового кофе и имела почти 500 тыс. рабов [3].

Постепенно кофейные регионы интегрировались в международную капиталистическую экономику – миллионы единиц черного продукта с миллионами черных работников для миллионов белых потре-

---

дов, пестицидов и искусственных удобрений.

бителей. Тяжелый труд обеспечивал комфортный досуг. В Бразилии рост производства кофе на гигантских плантациях привел к исторически беспрецедентному росту импорта рабов с 1800 по 1850 г. К тому времени Бразилия производила почти половину мирового объема кофе, а число рабов превысило 2 млн человек [4].

США создали черные люди, выращивающие и собирающие черный кофе на черном континенте. Но именно черный кофе превратил США в белую цивилизованную и расистскую страну, страну, покоящуюся на черном рабстве и черном кофе. Первыми стали извлекать прибыль из черного кофе и черных людей белые люди. Кто они? Это маргинальные отбросы Европы, наводнившие Новый свет, уничтожившие местное население, заменившие его рабами из Африки. «Created by Black people for Black people –and now a pillar of white supremacist capitalism. If you consume coffee, you are helping an industry built on racism»[1] (рис. 4–5).

Рис. 4. Вот что такое кофе для бедных Африки и Латинской Америки

Рис. 5. Вот что такое кофе для богатых Западной Европы и Северной Америки

История кофе – это еще и история рабства. Сначала на африканских плантация негры-сборщики. До них фермеры-аграрии, ухаживающие за деревьями. Потом наемные рабочие для обсушки и мойки зерен. Затем зерно упаковывают в тюрьмы-коробки, и белые торговцы везут их, как раньше рабов по рабовладельческому треугольнику, из Африки в Стары и Новый свет. Здесь уже совсем другие люди их покупают и развозят по кофейням, где бариста расправляются с зернами как с трупами убитых животных: перемалывают кости, поджаривают, варят в кипятке, наливают в чашки, разбавляют вкусными и ароматными добавками-приправами и несут на подносе к интеллигентным заказчикам, оплатившим счет за всю эту историю.

В общей сложности насчитывается около 25 млн мелких производителей, которые используют кофе в качестве основного источника дохода. Мелкие независимые фермеры в Гватемале не могут самостоятельно заниматься мокрым помолом. Это требует больших капиталовложений. Они вынуждены продавать урожай «на корню» – в виде вишни (которая остается годной менее 48 часов) посредникам, презрительно называемым койотами, которые просто перевозят ее в пикапах на местную мельницу для продажи со значительной наценкой [5].

Ярким примером служит Шелковый путь, когда торговля быстро распространилась между Китаем и Европой по сухопутному маршруту. Торговцы перевозили товары для торговли туда и обратно, торгуя шелком, а также драгоценными камнями, специями и, конечно же, кофе. (На самом деле привычка пить кофе в светской обстановке берет свое начало от турецкого обычая – примера того, как глобализация может распространять культуру через границы.) Вместе с паломниками, исследовательскими экспедициями и купцами по средневековых торговым путям, таких как «Дорога ароматов» и «Маршрут специй», кофе распространялся по четырем концам света. «Дорога специй» соединяла западное побережье Японии, острова Индонезии, через Индийский океан с землями Ближнего Востока, а оттуда через Средиземное море подходила к Европе. Благодаря морским путешествиям, соединявшим незнакомые берега, появилось больше возможностей открыть новые специи для экзотических сочетаний кофе, придать ему изысканные ароматы. И самое интересное в том, что Османская империя, благодаря своему географическому положению как перекрестка торговых путей, контролировала снабжение кофе на трех континентах – Азия, Африка и Европа.

Присутствие транснациональных компаний за рубежом, как утверждают западные эксперты, способствует развитию местной экономики, поскольку они инвестируют в местные ресурсы, продукты и услуги. Социально ответственные корпорации даже инвестируют в медицинские и образовательные учреждения. При этом скромно умалчивают, какой кровавый след оставляет за собой глобальное путешествие кофе: рабство, нужда, истощение почвы. А кофебароны наподобие нефте- и наркобаронов? А серый или черный рынок кофе? Незаконные сделки и подпольная торговля кофе? Кофе производится более чем в 50 странах мира. И более 50 стран мира занимаются выращиванием кофейного дерева. Не везде и не всегда истинный товар продается по истинной цене, часто качество кофе фальсифицируют, цены завышают, покупателей обманывают. Цепочка производство-потребление представляет путь лжи, махинаций, эксплуатации и алчности. Кофейная индустрия формируется в сельскохозяйственных регионах, а цены устанавливаются фондовой биржей в Нью-Йорке (рис. 6).

Рис. 6. Кэмел-кофе-трофи-профи

Транснациональный гигант Nestle разрушил молочную промышленность Пакистана, инвестируя многомиллиардные средства в рекламу, предлагать свои товары по гораздо более низкой цене, чем это делали местные жители. Когда Nestle монополизировал отрасль, вытеснил местных фермеров и владельцев магазинов, он поднял цены до небес, сделав страну зависимой от аутсорсинга своих молочных продуктов.

Источник могущества северных кофейных компаний глобального Севера служит олигополистический контроль над северными рынками. Он позволяет манипулировать ценами на мировом рынке кофе, дает преимущества благодаря экономии на масштабах, огромным маркетинговым бюджетам, авторитету и брендам, доступу к новым технологиям и инновациям [6]. В колониальный период в торговле кофе доминировали крупные колониальные компании, которые получили официальные торговые монополии от своих империалистических государств в Европе. Сегодня пять крупнейших обжарщиков в мировой кофейной индустрии отвечают за закупку почти половины мирового предложения зеленых кофейных зерен. Кофейные гиганты встали чуть не вровень с военными и нефтяными монстрами.

Иными словами, кофе, а не чай – глобальный напиток. Но как и при глобализации каждый народ подчеркивает и стремится развить глокализацию. Кроме того, кофе стало чем-то вроде английского языка – международного средства общения. Нефть – тоже глобальный продукт, необходимый буквально всем странам в мире. Но сколько стран ее производит? Немного. А сколько стран производит кофе? Чуть побольше. Сколько видов и типов кофе употребляют и создают – сотни или тысячи? А сколько продуктов создается из нефти? Кто считал? Сколько мы получаем от экспорта нефти и сколько тратим денег на импорт кофе – второй «нефти».

[1] «Создан черными людьми для черных людей – и теперь является опорой капитализма, основанного на превосходстве белой расы. Если вы потребляете кофе, вы помогаете индустрии, построенной на расизме».

Торговля кофе все еще в значительной степени организована вокруг сетей личных отношений, от фермеров до мельниц, от экспортеров до обжарщиков, кофейных магазинов и розничных продавцов по цепочке поставок, которая выглядит следующим образом [7]:

Сельхозпроизводитель → кооператив/посредник → мокрая мельница → сухая мельница/экспортер → импортер → обжарщик → розничная торговля

Годовое потребление кофе в мире составляет 500 биллионов чашек. В рейтинге самых продаваемых товаров на нашей планете кофе занимает второе место, уступая лишь нефти. Темный кофе и темная нефть освещают сегодня светлый путь цивилизации. Кофе = нефть. На нефтяной игле сидит Россия, Иран, ОАЕ и др. Впервые в России потребление кофе и кофейных напитков в 2019 г. превысило потребление чая: 180 000 т против 140 000 т. На «кофейной игле» – Африка, Латинская Америка, Вьетнам, Индия. Кофе пришел из Африки, как и первые люди, но как и они, утвердился в Европе. Кофейное зерно в чреве плода по цвету еще не черное, и младенцем оно не черное. Только огонь (обжарка) делает его черным. Африканское солнце сделало первых людей черными. Переселившись в Европу, они изменили цвет кожи. В глобальном маршруте кофе Африка – первое место (рождение), Турция – второе место (утверждение), Европа – третье место (распространение) (рис. 7).

Рис. 7. На первый-второй рассчитайсь!

Кофе в ряду напитков, пожалуй, самый молодой. Его в Европе узнали около 400 лет назад. Сравним цифры: 9000 лет медовухе и 400 лет кофе. Самый молодой, зато самый популярный. Среди жидкостей он второй после нефти. Почему есть джазовый и блюзовый фольклор в культуре и нарративе чернокожих, но нет кофейного фольклора в культуре чернокожих? Существует Всемирный день кофе, мировые турниры бариста, World Coffee, мировые торговые пути для кофе, глобальные сети кофеен и кофешопов. Costa Coffee – самая быстрорастущая сеть кофеен в мире, которую любят за яркий, бархатистый и насыщенный вкус.

Триумфальное шествие кофе по земному шару является четким индикатором роста численности среднего городского класса в подавляющем большинстве стран мира. Города возводит средний класс. В города проникает кофе для удовольствий среднего класса. Средний класс – пролетариат умственного труда, а не физического труда. Кофе связано в сознании, да и в общественном мнении людей, прежде всего с умственным трудом. Причем не любым, а только креативно-творческим. Бухгалтера и клерки обычно обходятся чаем, ученые, художники и дизайнеры не могут без кофе. Кофе, город и средний класс – тесно связанные факторы.

Средний класс в США учредил Starbucks, а Starbucks формировал средний класс целой страны, а сегодня и всего мира. Сеть кофеен Starbucks – признак, показатель и составная часть глобализации. Первый магазин Starbucks открыл свои двери в 1971 г. в городе Сиэтл. Сегодня у нее 15 000 магазинов в 50 странах. В наши дни вы можете найти Starbucks где угодно, будь то Австралия, Камбоджа, Чили или Дубай. Это то, что можно назвать действительно глобальной компанией. Компания закупает 247 млн кг необжаренного кофе из 29 стран. Благодаря своим магазинам, закупочным центрам и кофейням она обеспечила работой и доходом сотни тысяч людей по всему миру (рис. 8).

В настоящее время мировой рынок кофе оценивается более чем в 100 млрд долл. занимает 25 место в рейтинге по потреблению кофе – 4,2 кг на душу населения. Америка находится на первом месте в мире по импорту кофе. Ежегодно США импортирует зерно на 4 млрд. долл. 150 млн. американцев пьют кофе ежедневно, 20% из них предпочитает спешелти, а 65% разбавляют кофе молоком и сахаром – и все это под влиянием популярного Starbucks.

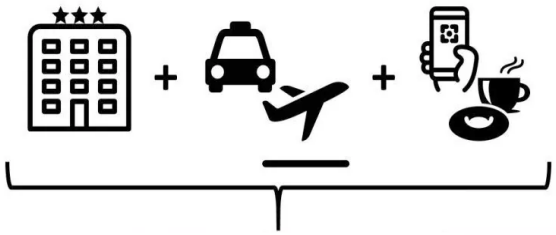

Рис. 8. Кофе путешествует вместе с нами, за нами и даже без нас

В топ-10 стран по объему потребления кофе на душу населения большинство позиций занимают европейские страны.

- Финляндия занимает 1 место – 12 кг на человека.
- Норвегия занимает 2 место – 9,9 кг.
- Исландия занимает 3 место – 9 кг.
- Нидерланды на 5 месте – 8,4 кг.
- Франция на 18 месте – 5,4 кг.

Пик популярности кофе как мирового товара совпал с триумфом общества массового производства и массового потребления, гегемонии сетевых магазинах, являющихся филиалом международных корпораций, господства универсальных вкусов, пришедшим на смену географической, этнической и классовой специфике. Кофе оказался аутентичным стремительному времени, хаотичному образу жизни необременительным покупкам и напиткам на ходу. Он стал одним из предметов «мелкого ширпотреба» и «потребления на ходу типа пончиков и пирожков – дешевым и простым в употреблении представителями самых разных социальных классов.

Цивилизация будто бы ждет, когда сформируется непрерывная глобальная конвейерная лента кофе наподобие конвейерной ленты автомобильных корпораций типа Форда: на одном конце стоят бочки с деревьями, на следующем рабочем месте собирают урожай, в третьем секторе их моют и сушат в элетросушилке, дальше – буквально в двух шагах – кофейные зерна жарят, потом идет помол, варка и разлив по чашкам, а в конце длинной ленты стоят столики с посетителями, которые уже пьют и болтают. И кружки моет, сушит их и переворачивает правой стороной вверх тоже автомат. А за стеной огромные склады, хранилища сырья, бункеры для сливок и молока, мешки с сахаром и др. Нет неумелых бариста, черствых официантов, непробиваемых директоров, книги жалоб, недовольных посетителей. Все на автомате и на взводе. Вот такая антиутопия «Мы».

Литература

1. Daviron B. Ponte S. The Coffee Paradox: Global Markets, Commodity Trade and the Elusive Promise of Development. Zed Books, 2005.
2. Carlan J. A brief history of how colonialism shaped the coffee trade in the 18th century // https://www.baristamagazine.com
3. Power and Everyday Practices, D. Brock, R. Raby, M. (eds). Toronto: Neilson, 2011.
4. Pendergrast M. Uncommon Grounds: The History of Coffee and How It Transformed Our World. N.Y.: Basic Books, 1999, p. 19–25.
5. Fischer Edward F. Quality and Inequality Taste, Value, and Power in the Third Wave Coffee Market // Max Planck Institute for the Study of Societies, 2017.
6. Oxfam International. Mugged: Poverty in Your Coffee Cup. UK: Oxfam International, 2002.
7. Fischer Edward F. Quality and Inequality Taste, Value, and Power in the Third Wave Coffee Market // Max Planck Institute for the Study of Societies, 2017.

COFFEE AS A BUILDER OF THE GLOBAL WORLD

Kravchenko A.I.
Professor, Deputy Editor-in-Chief of the journal «Sociology»

Globalization fosters mobility – the mobility of money, the global reach of corporations, the tidal flow of people, mobile workers, and tourists. For the hypermobile, the world is a world with few barriers. Beyond the right to travel wherever they want, whenever they want, at a price they can afford, and the ability to connect with (almost) anyone, whenever they want (from anywhere), the world today is so small that strangers № longer exist; they are simply connections waiting to be made. To lead a highly mobile lifestyle, travelers must rely heavily on things: passports, visas, airline tickets, credit cards, phones, internet, cameras, guidebooks. The only thing they don't take on the road is coffee, as it can be found at every turn and in every place, for coffee today has both a global and a local character. Local coffee is authentic to local culture, even though it is an imported commodity. Traveling the world at near-supersonic speeds, coffee instills certain common standards, habits, and cultural codes. Coffee is an active builder of globality.

Keywords: global, coffee, farmers, cultivation, travel, culture, coffee barons, export, import, specialty, Starbucks, coffee life cycle.

References

1. Daviron B. Ponte S. The Coffee Paradox: Global Markets, Commodity Trade and the Elusive Promise of Development. Zed Books, 2005.

2. Carlan J. A brief history of how colonialism shaped the coffee trade in the 18th century // https://www.baristamagazine.com

3. Power and Everyday Practices, D. Brock, R. Raby, M. (eds). Toronto: Neilson, 2011.

4. Pendergrast M. Uncommon Grounds: The History of Coffee and How It Transformed Our World. N.Y.: Basic Books, 1999, p. 19–25.

5. Fischer Edward F. Quality and Inequality Taste, Value, and Power in the Third Wave Coffee Market // Max Planck Institute for the Study of Societies, 2017.

6. Oxfam International. Mugged: Poverty in Your Coffee Cup. UK: Oxfam International, 2002.

7. Fischer Edward F. Quality and Inequality Taste, Value, and Power in the Third Wave Coffee Market // Max Planck Institute for the Study of Societies, 2017.

Нравственное измерение личности: история и современность (по материалам диссертационных исследований Академии общественных наук при ЦК КПСС)

Малашина Татьяна Ивановна,
кандидат философских наук, ведущий специалист Управления библиотечного обеспечения РАНХиГС
E-mail: letter.2011@yandex.ru

Целью статьи является философско-культурологический анализ ряда аспектов теории советской морали, проведенный на основе диссертационных работ, защита которых состоялась в Академии общественных наук при ЦК КПСС (1946–1991). В 2026 году отмечается 80-летний юбилей со дня основания АОН. Юбилейная дата – основание для переосмысления научного теоретического фундамента, созданного в стенах академии, для использования его идей в современных условиях.

Ключевые слова: советская мораль, динамика моральных ценностей, Академия общественных наук, диссертационные исследования, моральные нормы, справедливость, коллективизм, интернационализм, национальная безопасность.

Начиная с распада Советского Союза, отечественное общественное развитие представляет собой неустойчивый, эклектичный в смысловом и ценностном отношении процесс, нестабильность которого усилилась в последние годы в период обострения внешнеполитического кризиса. На фоне ускорения разнонаправленных социокультурных и политических процессов обнажились внутренние нравственные противоречия в социуме. Различия в моральных оценках происходящих событий, несовпадение социальных реакций на те или иные факты действительности у представителей различных групп общества усиливает турбулентность, повышая уровень эмоциональной напряженности между людьми, что ведет к росту недоверия, социальной апатии, негативных общественных настроений.

Сложившаяся ситуация создает риски для национальной безопасности России и требует корректировки нравственной парадигмы развития общества в плане ее систематизации и содержательного восстановления элементов системы общественного морального сознания, выполняющей в социуме такие важнейшие функции, как регулятивная, оценочная, воспитательная, мировоззренческая, интегрирующая, познавательная.

Этими обстоятельствами сегодня обусловлена потребность в верификации опыта прошлого социально-политического развития и его культурно-нравственных аспектов, и прежде всего нравственной парадигмы советского общества, на основе которой более 70 лет существовала мощная держава – Союз Советских Социалистических Республик.

Анализ содержания и основных характеристик общественного морального сознания советского периода позволит, на наш взгляд, извлечь из исторического опыта механизмы и средства, которые на современном этапе развития российского общества смогут стать инструментами его консолидации и тем самым способствовать упорядочению основополагающих социальных процессов. Источниками для изучения данного вопроса послужили диссертационные работы, созданные в Академии общественных наук по теме нравственной проблематики.

Объектом рассмотрения в данной статье является теория советской морали, точнее та этическая концепция, которая выросла из практики исторического развития советского общества и в дальнейшем в рамках марксистско-ленинской философии получила теоретическую оформленность в трудах ученых. При этом в поле нашего зрения не входит оценочное рассмотрение исторической практики применения моральных норм в виде нравственных отношений индивидов в социальной действительности описываемого периода.

В то же время важно понимать, что в процессе осмысления исторической практики нельзя проявлять субъективизм, впадая в крайности (этическая наука всегда призывает искать истину посередине), в негативизм или в экзальтированное восхваление событий прошлого, в данном случае рассматривая опыт развития советской морали. Между тем, взгляд на историю советского периода с акцентом преимущественно на трагичные факты стал особенно популярным во времена перестройки, когда остракизму стало подвергаться все, что связано с марксистско-ленинской идеологией. Эта позиция занимает определенную нишу и в современной историографии.

Однако, заметим, что идеальных общественных систем не бывает, по разным причинам невозможно полностью воплотить в социальной действительности теорию в том виде, в каком она была разработана в мыслительных конструктах исследователей. Одновременно нужно учитывать, что построение такого государства, как СССР, в мировой практике осуществлялось впервые, и на этом пути, безусловно, были неизбежны ошибки и заблуждения, чреватые драматичными событиями, которыми отмечен наш исторический путь. Разделяя мысль о том, что «жестокая правда без любви – это ложь» [9], отметим, что избыточный ригоризм в оценке исторических событий искажает их суть. Именно поэтому, на наш взгляд, следует транслировать подрастающему поколению знания о прошлом нашей страны с позиций научного анализа, основанного на объективном комплексном осмыслении исторических фактов с учетом политического пространственно-временного континуума рассматриваемого периода, определившего истоки и содержание тех или иных событий.

В соответствии с задачами исследования сконцентрируемся на изначально заявленном аспекте вопроса, назовем основные концепты,

которые стали предметом изучения в контексте этической проблематики в Академии общественных наук: классовое и общечеловеческое в морали; формирование коммунистического сознания, проблема поступка в этике; справедливость и совесть как социально-философские категории; коммунистическое отношение к труду у рабочей молодежи; критика и самокритика как закономерность развития социалистического общества; концепция героического характера; пропаганда идей дружбы народов; формирование коллективизма в труде и в быту; патриотическое воспитание трудящихся; гуманизм и классовая борьба и др.

Анализ диссертационных исследований, защищенный в Академии, показывает, что в советский период разработке проблемы нравственного воспитания человека уделялось большое внимание: построение коммунистического общества, основанного на идее всеобщего блага, предполагало развитие системной нравственной парадигмы, опирающейся на такие нравственные ценности, как справедливость, равенство, интернационализм, совесть, честность, ответственность, бескорыстие, патриотизм, коллективизм, доблестный труд, гуманизм, сознание общественного долга, преемственность поколений. Следует обратить внимание, на то, что системный подход в рассмотрении человека, мышления и общества был основополагающим для марксистско-ленинской философии.

Современные исследователи отмечают, что по прошествии времени появилось много недостоверных либо парадоксальных данных о моральном облике граждан СССР. Приведем несколько точек зрения нынешних авторов о противоречивом характере советской морали:

• Существование официальной идеологии наряду с верой в Бога людей на бытовом уровне;

• Моральный кодекс строителя коммунизма сочетает в себе коммунистические представления о должном и религиозные нравственные постулаты;

• Инакомыслие в следовании социалистическим нормам морали преследовалось, таким образом создавалось противоречие между свободой воли отдельного индивида и общепринятыми идеологическими постулатами. В итоге человек, получавший социальные блага от государственной системы и не желавший поддерживать ее иерархичность, подтачивал ее изнутри. В соответствии с принципом системности, онтологическое устройство советского общества определялось ориентацией в нравственном отношении на высший уровень морали, «когда человек поступает именно так (то есть нравственно – прим. наше), исходя из внутренней убежденности, понимая при этом объективные закономерности бытия…» [8, с. 68].

Особенностью становления общенародной советской морали как важной вехи на пути к морали общечеловеческой, является ее исторически-конкретный характер. В СССР оно в основном совпадает с этапами развития самого социализма, развития его экономических, политических, идеологических, социальных, культурных и других отношений, создавших социально-экономическую и идейную базу моральному единству.

Обозначим основные вехи формирования морали в СССР:

• революционная мораль российского пролетариата, основными принципами которого были: революционность, дисциплинированность, организованность, убежденность, инициативность и коллективизм, основные нравственные социальные ценности – справедливость, равенство, патриотизм;

• коммунистические субботники, утвердившие нравственные нормы труда, коллективизма, всеобщего блага;

• движение за коммунистическое отношение к труду как форма социалистического соревнования;

• возникновение нового общественного класса – социалистического крестьянства, объединившегося в совместном труде с рабочими;

• формирование класса интеллигенции из среды рабочих;

• исторические события – Первая мировая война, интервенция, внутренняя контрреволюция, гражданская война – усложнили формирование нового исторического типа нравственности;

• понятие трудовой доблести вырабатывалось в сознании трудящихся в процессе выполнения первого пятилетнего плана, в трудовой деятельности в составе ударных бригад на заводах, фабриках, в колхозах, широкого внедрения социалистического отношения к труду в массах;

• Конституция СССР закрепила законодательно завершение переходного периода от капитализма к социализму и победу социализма, который впредь стал развиваться на своей собственной основе. Социально-классовая структура состояла из рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции;

• Великая Отечественная война (1941–1945 гг.), показавшая всему миру идейное и моральное единство советских людей. Тысячи выходцев из разных социалистических классов и слоев, различных национальностей соизмеряли свою жизнь с общим делом победы над врагом. Советские люди продемонстрировали миру высший этап патриотизма.

Период с 1964 по 1985 годы в научной литературе определяется как этап развитого социализма. В отечественных научных исследованиях этого периода отражен факт возникновения новой исторической и интернациональной общности – советского народа.

Мораль развитого социализма в СССР стала называться общенародной в силу высокого уровня развития социально-экономического, идеологического, политического и национального единства, социального родства классов и слоев; в силу того, что рабочие, крестьяне и интеллигенция в процессе социалистического взаимовлияния по претворению в жизнь нравственного идеала – строительства коммунизма, выработали и воплощают в жизнь единые нравственные нормы и принципы морального кодекса строителей коммунистического общества, которые отразились в тематике диссертационных исследования Академии общественных наук. Проиллюстрируем раскрытие отдельных нравственных установок кодекса в текстах диссертаций, таких, как преданность делу коммунизма, любовь к социалистической Родине, к странам социализма; забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния; высокое сознание общественного долга, нетерпимость к нарушениям общественных интересов.

«Советские люди в абсолютном большинстве работают добросовестно, руководствуясь прежде всего духовными стимулами, ими руководит чувство общественного долга, они думают прежде всего о том, чтобы умножить богатства страны, усилить могущество Советского государства, ибо они видят в этом прочную основу и своего личного благополучия. Родина, социалистическое отечество для трудящихся превыше всего. Именно это чувство общественного долга, животворный советский патриотизм порождает в нашей стране героев труда, стахановцев производства, новаторов всех отраслей нашего советского хозяйства и культуры, вожаков масс, показывающих образцы высокой производительности труда и коммунистически сознательного отношения к труду. Это чувство общественного долга, забота об общественном благе является огромной силой, которая ускоряет наше движение вперед к коммунизму» [4, с. 80].

Добросовестный труд на благо общества: кто не работает, тот не ест, характеризует И.М. Бочкин: «Советские люди любят труд, вкладывают в него всю свою душу, отдают ему все свои способности и знания. Это и понятно, ибо предприятия, на которых они работают, принадлежат им, являются всенародным достоянием, продукт, который они вырабатывают, идет на благо всего народа, стало быть, на улучшение жизни каждого. Советские люди знают, что чем больше будет продуктов у государства, тем оно будет богаче, тем культурнее и зажиточнее будет жизнь всех трудящихся и каждого в отдельности» [4, с. 77].

«Справедливая оценка личности по отношению к труду на пользу общества укрепляет и воспитывает у советских людей чувство рабочей чести и достоинства трудового человека, хозяйской ответственности за дело всего коллектива и всей страны. Всякая праздность, всякий паразитизм, желание жить за счет другого является поведением морально нетерпимым. Этого права, с точки зрения справедливости, личность в советском обществе не имеет» [3, с. 371].

Д.И. Георгиев исследовал такие качества, как честность и правдивость, нравственная чистота, простота и скромность в общественной и личной жизни: «Только через «воспитание правдой», на основе практического участия личности в строительстве социализма и коммунизма возможно успешное преодоление противоречий нравственного сознания» [7, с. 133].

А З.А. Бербешкина писала: «важная задача воспитания, вытекающая из итогов работы XXII съезда, состоит в том, чтобы растить людей, у которых мировоззрение, нравственные убеждения и нравственные привычки составили бы единое и нераздельное целое» [2, с. 135].

Предметом мысли были и гуманные отношения и взаимное уважение между людьми: человек человеку – друг, товарищ и брат: «Основные точки зрения разных авторов на гуманизм в социалистическом обществе можно сгруппировать следующим образом: а). гуманизм понимается как сознательное усилие индивидуума в развитии и применении человечности в смысле гармонического и комплексного развития и формирования личности, ее способностей, взглядов, жизненных сил и выражения. Гуманизм является общественным отношением, в центре которого находится свободно и всесторонне развивающаяся личность; б). гуманизм понимается как сознательная деятельность и усилие общества по созданию и внедрению таких внешних условий, благоприятных для человека материальных, социально-экономических, политических и культурных, которые были бы в гармонии с идеалом человечности, как наивысшей категории этики; в). гуманизм рассма-

тривается как историческая миссия рабочего класса и его партии, как цель, к которой стремится социалистическое общество и которую оно постепенно воплощает в жизнь. Гуманизм – это практическое усилие социалистического общества и рабочего класса, которые, приняв трудящегося человека за «высшее благо», ставят цель – на практике социалистического строительства обеспечить как можно лучшие условия для достижения человеческого счастья» [5, с. 4].

Наряду с вышеупомянутыми нравственными принципами моральный кодекс строителя коммунизма включает также следующие требования к личности: коллективизм и товарищеская взаимопомощь: каждый за всех, все за одного; взаимное уважение в семье, забота о воспитании детей; непримиримость к несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству; дружба и братство всех народов СССР, нетерпимость к национальной и расовой неприязни; братская солидарность с трудящимися всех стран, со всеми народами.

Целью создания Морального кодекса строителя коммунизма было воспитание новой личности, обладающей коммунистическим нравственным сознанием – это цельная личность, обладающая самосознанием, целеустремленностью, нравственными убеждениями и волевыми качествами, которые в ситуации морального выбора в соответствии с убеждениями выбирают сторону нравственной необходимости. Такая личность обладает активной созидательной позицией (творческим началом), направленной на привнесение своего вклада в общественное благо, ею движут гуманизм, ответственность, чувство долга перед обществом.

По словам З.А. Бербешкиной, «социализм утвердил в человеке сознание его собственной социальной ценности. Понимание своей социальной ценности – важнейшее условие нравственного развития личности, правильного понимания справедливости или несправедливости» [3, с. 370].

Процесс самоусовершенствования личности, характерный для социалистической антропологии, в нравственном отношении должен был осуществляться постоянно на основе критики и самокритики, которая способна «помогать … вскрывать и осознавать недостатки и ошибки в своей работе и преодолевать их… Мало уметь признавать ошибки и устранять их, главное состоит в том, чтобы не допускать их и не повторять» [6, с. 31].

Подводя итоги анализа диссертационных исследований по нравственной проблематике, отметим, что для советской морали были свойственны следующие черты: системность; всеобщность, массовость; закономерность (опора на законы диалектики); динамичность; историзм; объективность; сочетание классовых и общечеловеческих составляющих; гуманистический характер [1].

Опора на духовно-нравственные ценности (патриотизм, справедливость, гуманизм, равенство, коллективизм, трудовая доблесть, интернационализм, сознательность, общественный долг);

Созидательная направленность;

Рефлексивность;

Ориентация на высокие идеалы (опора на идею общественного прогресса);

Эвристический, творческий характер.

Названные черты выделены на основе диссертационных текстов, созданных в Академии общественных наук, которые, безусловно, должны были соответствовать официальной идеологии, при этом нельзя сбрасывать со счетов и такие черты морали советского периода, как идеологический ригоризм, заорганизованность, строгость санкций, их неизбирательность и др., которые при проявлении их в социальной практике, оборачивались и жестокими, драматичными событиями для советских людей.

Между тем, успехи советской цивилизации во всех сферах общественной жизни продемонстрировали состоятельность и жизнеспособность советской морали. История показала, что, если в социальном контексте формируется устойчивая нравственная парадигма, (как это произошло в период развитого социализма в Советском Союзе), то она способна выступать мощным регулятивным средством для всего общества. Можно с уверенностью сказать, что благодаря этой духовно-нравственной основе были достигнуты грандиозные успехи в социальном развитии СССР.

Масштабы нашей страны, ее культурное и природное многообразие, суровый климат обусловливают особые черты национального характера населяющих ее людей. Бесценный исторический опыт воспитания сильного духом человека, способного подчинять себе природу, осваивать климатически трудные для жизни территории, одерживать великие победы как в военное, так и в мирное время, не следует предавать забвению. Процесс воспитания личности с учетом национального нравственного кода не должен зависеть от внешних влияний как политических, так и культурных, поскольку именно он обеспечивает жизнеспособность страны.

В современном социокультурном контексте с размытыми моральными основаниями как никогда велик запрос на совершенствование нравственных основ самосознания, общественного и личностного, поскольку во времена социальной нестабильности, в условиях нравственной фрагментарности значительно возрастает риск социальных конфликтов, представляющих серьезную угрозу национальной безопасности.

Упрочение социальной системы ценностных представлений, консолидация общества на основе единых моральных норм, воспитание целостной нравственной личности с учетом использования исторического опыта будет способствовать стабилизации как внутренних, так и внешних социально-политических процессов, укреплению основ российской государственности.

Литература

1. Бенгина З.М. Классовое и общечеловеческое в морали: диссертация … кандидата философских наук / З.М. Бенгина; научный руководитель Х.Н. Момджян; Академия общественных наук при ЦК КПСС, Кафедра марксистско-ленинской философии. – Москва: [б.и.], 1976. – 162 с.

2. Бербешкина З.А. Категория совести в марксистско-ленинской этике: диссертация…кандидата философских наук / З.А. Бербешкина; научный руководитель В.Н. Колбановский; Академия общественных наук при ЦК КПСС, Кафедра философии. – Москва: [б.и.], 1963. – 170 с.

3. Бербешкина З.А. Справедливость как социально-философская категория: Дисс. доктора философских наук / З.А. Бербешкина; Академия общественных наук при ЦК КПСС, Кафедра марксистско-ленинской философии. – Москва: [б.и.], 1976. – 426 с.

4. Бочкин И.М. Пути преодоления пережитков капитализма в отношении к труду в СССР: Дисс. … кандидата философских наук / И.М. Бочкин; научный руководитель И.М. Широков; Академия общественных наук при ЦК ВКП(б), Кафедра диалектического и исторического материализма. – Москва: [б.и.], 1947. – 276 с.

5. Бубник Яромир Гуманизм и классовая борьба (по материалам послевоенной Чехословакии): Дисс. … кандидата философских наук / Я. Бубник; научный руководитель Э.А. Араб-Оглы; Академия общественных наук при ЦК КПСС, Кафедра философии. – Москва: [б.и.], 1969. – 203 с.

6. Быстриевский А.Н. Критика и самокритика – могучее средство подъема внутрипартийной работы в послевоенный период: Дисс. … кандидата исторических наук / А.Н. Быстриевский; научный руководитель А.К. Азизян; Академия общественных наук при ЦК КПСС, Кафедра истории КПСС. – Москва: [б.и.], 1955. – 327 с.

7. Георгиев Д.И. Воздействие мировоззрения на формирование коммунистического нравственного сознания (по материалам Болгарской Народной Республики): Дисс. …кандидата философских наук / Д.И. Георгиев; научный руководитель В.Н. Колбановский; Академия общественных наук при ЦК КПСС, Кафедра философии. – Москва: [б.и.], 1965. – 258 с.

8. Пеньков В.Е. Моральный кодекс строителя коммунизма как основа нравственности советских граждан / В.Е. Пеньков // Советская темпоральность: антропологическое и социокультурное измерение: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, Ростов-на-Дону, 03–04 июля 2023 года. – Ростов-на-Дону – Таганрог: Южный федеральный университет, 2023. – С. 66–70.

9. Михалков Н.С. Правда без любви есть ложь / Н. Михалков. – Текст: электронный// Российская газета [сайт]. – 2023. – 13 сентября – URL: https://rg.ru/2023/09/13/reg-pfo/nikita-mihalkov-pravda-bez-liubvi-est-lozh (дата обращения: 08.06.2026).

THE MORAL DIMENSION OF THE INDIVIDUAL: HISTORY AND MODERNITY (BASED ON MATERIALS FROM DISSERTATION RESEARCH OF THE ACADEMY OF SOCIAL SCIENCES UNDER THE CENTRAL COMMITTEE OF THE CPSU)

Malashina T.I.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The aim of the article is to provide a philosophical and cultural analysis of various aspects of the theory of Soviet morality, based on dissertations defended at the Academy of Social Sciences under the Central Committee of the CPSU (1946–1991). In 2026, the 80th anniversary of the founding of the training ground for senior party personnel will be celebrated. This anniversary date has become an occasion to rethink the scientific and theoretical

foundation created within the walls of the academy, with the aim of putting it to use in the service of modern times.

Keywords: Soviet morality, moral traits of an individual, dynamics of moral values, Academy of Social Sciences, dissertation research, moral norms, society of developed socialism, system of moral values, patriotism, justice, humanism, equality, collectivism, work ethic, internationalism, consciousness, public duty, national security.

References

1. Bengina Z.M. Class and Universal in Morality: dissertation … Candidate of Philosophical Sciences / Z.M. Bengina; academic supervisor: Kh.N. Momdzhyan; Academy of Social Sciences under the Central Committee of the CPSU, Department of Marxist-Leninist Philosophy. – Moscow: [n.p.], 1976. – 162 p.

2. Berbeshkina Z.A. The Category of Conscience in Marxist-Leninist Ethics: dissertation…Candidate of Philosophical Sciences / Z.A. Berbeshkina; scientific supervisor V.N. Kolbanovsky.

3. Berbeshkina Z.A. Justice as a socio-philosophical category: dissertation…doctor of philosophical sciences / Z.A. Berbeshkina; Academy of Social Sciences under the Central Committee of the CPSU, Department of Marxist-Leninist philosophy. – Moscow: [n.p.], 1976. – 426 p.

4. Bochkin I.M. Ways to overcome the remnants of capitalism in the attitude towards labour in the USSR: dissertation … Candidate of Philosophical Sciences / I.M. Bochkin; scientific supervisor I.M. Shirokov; Academy of Social Sciences under the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), Department of Dialectical and Historical Materialism. – Moscow: [n.p.], 1947. – 276 p.

5. Bubník Jaromír. Humanism and Class Struggle (based on materials from post-war Czechoslovakia): dissertation … Candidate of Philosophical Sciences / Ya. Bubnik; academic supervisor: E.A. Arab-Ogly; Academy of Social Sciences under the Central Committee of the CPSU, Department of Philosophy. – Moscow: [n.p.], 1969. – 203 p.

6. Bystrievsky A.N. Criticism and self-criticism are a powerful means of boosting intra-party work in the post-war period: dissertation…Candidate of Historical Sciences.

7. Georgiev D.I. The Influence of Worldview on the Formation of Communist Moral Consciousness (based on materials from the Bulgarian People's Republic): dissertation… Candidate of Philosophical Sciences / D.I. Georgiev; scientific supervisor V.N. Kolbanovsky; Academy of Social Sciences under the Central Committee of the CPSU, Department of Philosophy. – Moscow: [n.p.], 1965. – 258 p.

8. Penkov V.E. The Moral Code of the Builder of Communism as the Foundation of the Morality of Soviet Citizens / V.E. Penkov // Soviet Temporality: Anthropological and Sociocultural Dimensions: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference with International Participation, Rostov-on-Don, July 3–4, 2023. – Rostov-on-Don – Taganrog: Southern Federal University, 2023. – Pp. 66–70.

9. Mikhalkov N.S. Truth without love is a lie / N. Mikhalkov. – Text: electronic // Rossiyskaya Gazeta [website]. – 2023. – September 13 – URL: https://rg.ru/2023/09/13/reg-pfo/nikita-mihalkov-pravda-bez-liubvi-est-lozh (accessed: 08.06.2026).

Механизмы формирования патриотического сознания советского общества в 1930-е годы: образование, массовая пропаганда и культурная политика РСФСР

Родионова Ирина Витальевна,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: ivrodionova@fa.ru

В статье рассматриваются основные механизмы формирования патриотического сознания советского общества в 1930-е гг. Основное внимание уделено взаимосвязи образовательной политики, массовой пропаганды и культурной политики РСФСР. Советский патриотизм складывался как сложная система ценностных установок, в которой представления о Родине соединялись с идеями социалистического строительства, коллективизма, трудового героизма, воинского долга и защиты государства. Отдельно анализируется изменение содержания патриотической риторики в течение десятилетия: от преимущественно классового и интернационалистского понимания к выраженному обращению к историческому прошлому России, государственным символам и национальной истории. Образование, средства массовой информации, литература, кинематограф, изобразительное искусство, деятельность пионерских и комсомольских организаций рассматривались как взаимосвязанные инструменты воздействия на сознание населения. Патриотическое сознание в СССР 1930-х гг. формировалось не отдельными воспитательными мероприятиями, а посредством целостной государственной системы социализации, охватывавшей школу, семью, трудовой коллектив, молодежные организации и культурную среду.

Ключевые слова: советское общество, советский патриотизм, патриотическое сознание, 1930-е годы, образование, пропаганда, культура, РСФСР, молодежь, идеология.

Введение

1930-е гг. занимают особое место в истории формирования советского общественного сознания. В этот период происходили масштабные изменения практически во всех сферах жизни страны: ускоренная индустриализация, коллективизация, преобразование системы образования, развитие массовой культуры, изменение структуры занятости населения, укрепление государственных институтов. Одновременно формировалась новая система ценностей, в которой личность должна была воспринимать собственную биографию как часть широкого исторического процесса строительства социалистического государства. В таких условиях понятие Родины приобретало для советского человека конкретное политическое и социальное содержание, речь шла о территории проживания или культурном наследии, и о государстве, его общественном строе, достижениях промышленности, армии, науки и образования. Исследование патриотического сознания 1930-х гг. поэтому требует рассмотрения не одного пропагандистского направления, а совокупности механизмов, посредством которых соответствующие представления закреплялись в повседневной жизни.

Патриотизм советского периода не возник в 1930-е гг. с нуля. Его идеологические предпосылки складывались еще в годы революции и Гражданской войны, когда защита нового государства связывалась с представлениями о защите социалистического Отечества. Советская идеология первоначально уделяла значительное внимание интернационализму и идее мировой революции. Положение изменилось под воздействием внутренней и международной обстановки. Укрепление СССР сопровождалось постепенным усилением государственной и исторической составляющей патриотической риторики. Р.С. Осин связывает развитие советского патриотизма с изменением условий социалистического строительства и показывает, что в 1930–1940-е гг. понятие патриотизма существовало в тесной связи с представлениями о государстве и пролетарском интернационализме [9]. Исследователи по-разному оценивают степень изменения советской идеологии в этот период. Одни акцентируют внимание на усилении государственного начала, другие – на сохранении коммунистической и интернационалистской основы [1; 5; 7; 10]. При анализе механизмов формирования патриотического сознания важно учитывать официальные лозунги, и изменение их содержания.

Цель статьи – проанализировать выявление основных механизмов формирования патриотического сознания советского общества в 1930-е гг. через анализ образовательной системы, массовой пропаганды и культурной политики РСФСР. Для достижения этой цели необходимо определить содержание советского патриотизма рассматриваемого периода, установить роль школы и молодежных организаций в его распространении, охарактеризовать воздействие печати, радио, кинематографа и других средств массовой коммуникации, и определить значение культурной политики и обращения к историческому прошлому. Источниковую и исследовательскую основу составили работы, посвященные советскому патриотизму, идеологической политике и общественным процессам сталинского периода [1–12]. Важное значение для анализа имеют исследования Е.В. Цветковой, Д.А. Павлова и Л.Л. Павловой, непосредственно рассматривающие патриотическое воспитание советской молодежи и систему воспитательной работы 1930–1940-х гг. [11; 12]. Исследование Е.В. Цветковой основано в том числе на воспоминаниях, архивных материалах и газетных публикациях, что дает возможность рассматривать проблему не только через официальные документы, но и через отражение соответствующих установок в общественной жизни.

Советский патриотизм как элемент государственной системы воспитания

Формирование советского патриотического сознания в 1930-е гг. происходило на фоне укрепления советской государственности и формирования единой системы общественных ценностей. К этому времени государство уже располагало разветвленной сетью институтов, через которые осуществлялось воздействие на различные возрастные и социальные группы. Школа, пионерская организация, комсомол, армия, трудовые коллективы, печать, радио, учреждения культуры функцио-

нировали как элементы единого социального пространства. Через них человеку предлагалась определенная система представлений о правильном отношении к труду, коллективу, государству, истории и общественным обязанностям. Патриотическое сознание в такой системе не ограничивалось эмоциональным отношением к стране, оно включало готовность трудиться на благо государства, соблюдать дисциплину, участвовать в общественной деятельности, защищать достижения социализма и воспринимать успехи страны как личностно значимые. Д.А. Павлов и Л.Л. Павлова рассматривают патриотическое воспитание советского периода как системную работу, в которой важное место занимали школа, общественные организации, средства массовой информации и культурно-просветительские учреждения [11]. Система рассчитана прежде всего на постоянное повторение и закрепление определенных моделей поведения.

Важное место занимало формирование образа советского государства как результата коллективного труда. В общественном сознании 1930-х гг. активно закреплялась мысль о том, что достижения промышленности, развитие науки, строительство новых городов, успехи армии и расширение образовательных возможностей стали результатом совместных усилий граждан. Труд постепенно приобретал патриотическое содержание. Рабочий, инженер, учитель, военнослужащий, колхозник или учащийся представлялись участниками общего государственного дела. Трудовая дисциплина и производственные достижения связывались с общественным долгом. Роль в этом процессе играла героизация передовиков производства. Их биографии использовались как образцы поведения, демонстрировавшие связь личного успеха с интересами коллектива и государства. Модель воспитания была тесно связана с особенностями политической культуры 1930-х гг., когда коллектив рассматривался как важнейшая среда социализации личности.

При этом содержание патриотизма в течение десятилетия постепенно расширялось. Если ранняя советская идеология в значительной степени противопоставляла советское общество дореволюционному прошлому и подчеркивала классовое содержание общественных отношений, то в 1930-е гг. в официальной риторике все заметнее становились темы исторической преемственности, воинской славы и государственных интересов. Изменение не означало полного отказа от коммунистической идеологии. Скорее происходило совмещение нескольких смысловых уровней: социалистического строительства, государственной идентичности, исторической памяти и представлений о защите Отечества, в исследовательской литературе этот процесс трактуется неодинаково. Работы Л.Г. Антипенко, В.Э. Багдасаряна и Ю.Н. Жукова обращают внимание на различные стороны идеологических изменений сталинской эпохи [1; 2; 7], тогда как Г.А. Елисеев и Р.С. Осин акцентируют сохранение связи советского патриотизма с коммунистической идеологией и интернационализмом [5; 9; 10]. Патриотическое сознание 1930-х гг. целесообразно рассматривать как многосоставное явление, в котором одновременно присутствовали социалистические, государственные, исторические и коллективистские установки.

Образование как механизм формирования патриотического сознания

Школа занимала центральное положение в системе формирования мировоззрения подрастающего поколения, ее значение определялось возможностью передавать знания, и продолжительным характером воздействия на ребенка. Учащийся ежедневно находился в организованной образовательной среде, где учебный материал сочетался с воспитательной работой, коллективными мероприятиями, общественно полезным трудом и деятельностью детских организаций. В 1930-е гг. школа должна была формировать человека, способного воспринимать себя членом советского общества и связывать собственные жизненные планы с задачами государства. Патриотическое содержание здесь формировалось через изучение истории, литературы, географии, обществознания, русского языка, и через внеклассную работу. Е.В. Цветкова отмечает, что формирование патриотического сознания молодежи в 1930-е гг. осуществлялось посредством целого комплекса воспитательных средств, а результаты этой политики отражались в воспоминаниях представителей поколения и материалах советской периодической печати [12]. Школа выступала не изолированным институтом, а частью общей системы формирования мировоззрения.

Важным направлением становилось изменение отношения к отечественной истории. Историческое образование постепенно отходило от исключительно критического изображения дореволюционной России. В учебном процессе все большее внимание уделялось государственному развитию страны, военным победам, выдающимся государственным деятелям, ученым, полководцам и деятелям культуры. Обращение к историческому материалу создавало возможность для формирования продолжительного образа Отечества, связывающего современное государство с предшествующими периодами российской истории. Для советской школы это имело принципиальное значение: ребенок должен был воспринимать страну как результат революционного преобразования, и как историческое пространство, обладающее длительной культурной и государственной традицией, в результате в структуре патриотического воспитания возникал исторический компонент, основанный на уважении к воинским и трудовым достижениям предшествующих поколений.

Значительную роль играли пионерская и комсомольская организации. Они переносили воспитательную работу за пределы урока и включали ребенка или подростка в коллективную деятельность. Участие в общественных мероприятиях, походах, трудовых акциях, военной подготовке, культурной самодеятельности и различных соревнованиях создавало практическую основу для усвоения ценностей коллективизма и общественной ответственности. Патриотизм в данном случае приобретал поведенческое выражение: от ребенка требовалось знать соответствующие лозунги, и участвовать в деятельности коллектива. Через систему поощрений, соревнований, общественного признания и символики формировалась эмоциональная связь между личными достижениями и достижениями организации. Д.А. Павлов и Л.Л. Павлова подчеркивают значимость общественных организаций и воспитательных практик в советской модели патриотического воспитания [11], именно постоянство воздействия отличало эту систему от разовых воспитательных мероприятий и создавало устойчивую модель социализации.

Массовая пропаганда и создание образа Родины

Вторым важнейшим механизмом формирования патриотического сознания выступала массовая пропаганда, ее специфика заключалась в постоянном присутствии идеологических сообщений в информационной среде. Газеты, журналы, радио, плакаты, публичные выступления, кинохроника и художественные произведения формировали единое пространство образов и оценок. Человек встречался с одними и теми же символами в различных ситуациях: в школе, на работе, дома, во время общественных мероприятий, это обеспечивало многократное повторение ключевых идей и способствовало их закреплению. Важным объектом пропаганды становились достижения государства – промышленное строительство, освоение новых территорий, развитие транспорта, успехи науки, образование, спортивные достижения, все эти явления представлялись как признаки силы и исторического развития страны.

Пропаганда создавала конкретные модели патриотического поведения. В газетных публикациях и радиопередачах внимание уделялось людям, которые демонстрировали трудовую инициативу, мужество, дисциплину и готовность действовать в интересах коллектива. Образ героя становился одним из наиболее эффективных способов передачи ценностей. Герой не обязательно должен был быть военным, в условиях индустриализации им мог выступать рабочий, инженер, шахтер, тракторист, летчик, учитель или ученый. Через биографию конкретного человека абстрактная идея служения государству превращалась в понятную модель поведения. Аналогичный принцип использовался при освещении крупных государственных проектов: строительство предприятий и инфраструктуры описывалось через судьбы конкретных участников, благодаря этому личный труд включался в широкий рассказ о развитии страны.

Советская пропаганда 1930-х гг. сохраняла связь патриотической риторики с интернационалистской составляющей официальной идеологии. Р.С. Осин показывает, что советский патриотизм в этот период рассматривался во взаимосвязи с пролетарским интернационализмом, а укрепление СССР связывалось с его ролью в мировом социалистическом процессе [9]. В другой работе исследователь рассматривает идею строительства социализма в СССР как продолжение широкой концепции мировой революции [10]. Двойственность была характерной чертой советской идеологии: гражданину предлагалось ощущать принадлежность к конкретному государству, одновременно воспринимая его как часть масштабного исторического процесса, поэтому советский патриотизм нельзя сводить исключительно к национальному чувству в современном понимании. Его содержание определялось политической системой и господствующей идеологией, а понятие Родины включало государство, социалистический общественный строй и представление о коллективном историческом будущем.

Культурная политика РСФСР и формирование исторической памяти

Культурная политика РСФСР обеспечивала еще один канал воздействия на общественное сознание. Литература, кинематограф, театр, изо-

бразительное искусство, музеи и библиотеки участвовали в создании образов прошлого и настоящего, которые должны были соответствовать официальным представлениям о советском обществе. Значение имели художественные произведения, поскольку они воздействовали через рациональное содержание, и посредством эмоционального сопереживания героям. Положительный персонаж становился носителем определенных качеств: мужества, верности коллективу, готовности к самопожертвованию, трудолюбия, дисциплины. Через его поступки зрителю или читателю предлагалась модель поведения, которая могла быть перенесена на собственную жизнь.

Заметным направлением культурной политики стало переосмысление исторического наследия. В 1930-е гг. происходило постепенное возвращение в общественное пространство имен и сюжетов, связанных с российской государственностью и военной историей. Прошлое подвергалось идеологической переработке: из него выбирались события и фигуры, которые могли быть включены в новый рассказ о государстве и героическом служении стране. Подход соединял советскую идентичность с продолжительной исторической памятью, в результате образ Родины переставал ограничиваться событиями революции и гражданской войны и начинал включать широкий исторический опыт, именно в этом контексте следует рассматривать изменение отношения к историческим персонажам и воинским традициям, которое стало заметным в культурной политике второй половины 1930-х гг.

Кинематограф и литература имели дополнительное значение благодаря возможности массового распространения единых образов. Фильм или литературное произведение могло восприниматься миллионами людей, становясь частью общего культурного опыта. В художественных сюжетах героическое прошлое, трудовые достижения и военная служба соединялись с современностью. Государство предстало административной системой, и пространством коллективной истории. Воздействие дополнялось визуальной культурой плаката, праздничным оформлением городов, массовыми шествиями и государственными торжествами. Символика приобретала повседневный характер, а принадлежность к советскому обществу выражалась через участие в общих ритуалах, в результате культурная политика создавала эмоциональную среду, в которой патриотические установки закреплялись одновременно через знания, образы и коллективный опыт.

Взаимодействие образовательного, пропагандистского и культурного механизмов

Результативность системы формирования патриотического сознания определялась прежде всего взаимодействием различных каналов воздействия. Школа давала ребенку определенную систему знаний и ценностей, пионерская и комсомольская организации закрепляли их через практическую деятельность, массовая пропаганда обеспечивала постоянное присутствие соответствующих идей в информационной среде, а культура создавала эмоциональные образы. Один и тот же ценностный комплекс воспроизводился в различных формах. На уроке учащийся знакомился с историческим материалом, на внеклассном мероприятии участвовал в коллективной деятельности, дома сталкивался с газетными или радиоматериалами, а в кино или театре видел художественное воплощение сходных сюжетов. Сочетание делало патриотическое воспитание частью повседневной социализации.

Система имела выраженную государственную направленность. Воспитание патриотизма не отделялось от формирования лояльности к советскому государству и его политическому строю. Патриотические качества определялись через готовность соблюдать общественные нормы, выполнять трудовые обязанности, участвовать в коллективной деятельности и защищать страну, в этом проявлялась важная особенность советской модели: государство формулировало содержание патриотизма, и создавало социальные институты, через которые это содержание передавалось населению. По этой причине патриотическое сознание 1930-х гг. необходимо рассматривать одновременно как результат идеологического воздействия и как продукт повседневной социальной практики.

Оценка эффективности этой системы требует осторожности. Наличие массовой пропаганды и единой воспитательной политики еще не означает полного совпадения официальных установок с индивидуальными убеждениями всех граждан. Е.В. Цветкова, рассматривая молодежь 1930-х гг., опирается на воспоминания и другие материалы, позволяющие увидеть положительное восприятие части официальных установок новым поколением [12]. Но общество оставалось неоднородным, а восприятие государственной политики зависело от социального положения, семейной среды, личного опыта и отношения к происходившим преобразованиям, поэтому корректнее говорить не о полном формировании единого сознания, а о создании государством мощной системы производства и распространения патриотических смыслов.

Заключение

В 1930-е гг. в советском обществе сформировалась разветвленная система патриотического воспитания, охватывавшая образование, молодежные организации, средства массовой информации и учреждения культуры, ее особенностью стало постоянное взаимодействие различных каналов социализации. Школа передавала исторические и общественные знания, пионерская и комсомольская организации закрепляли коллективные формы поведения, печать и радио обеспечивали массовое распространение идеологических установок, а литература, кинематограф, театр и изобразительное искусство формировали эмоционально насыщенные образы Родины и ее защитников, в результате патриотизм становился частью повседневной жизни, а отдельным направлением воспитательной работы.

Содержание советского патриотизма в рассматриваемый период не оставалось неизменным, в нем сохранялись коммунистические и интернационалистские представления, но одновременно усиливались государственные, исторические и культурные компоненты. Образ Родины постепенно связывался с социалистическим будущим, и с историческим прошлым России, воинской славой, трудовыми достижениями и государственной мощью, именно сочетание этих элементов сформировало своеобразие советского патриотического сознания 1930-х гг. Его нельзя объяснить воздействием одного института или одного вида пропаганды. Речь шла о целостном механизме государственной социализации, в рамках которого образование, массовая коммуникация и культура дополняли друг друга и закрепляли сходные представления о гражданском долге, коллективе, государстве и Родине.

Механизмы формирования патриотического сознания советского общества в 1930-е гг. представляли собой взаимосвязанную систему идеологического, образовательного и культурного воздействия, ее историческое значение состоит в том, что именно в этот период были заложены многие устойчивые формы советской идентичности, получившие дальнейшее развитие в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период. Исследование данного опыта требует учитывать как реальное влияние государственной политики на общественное сознание, так и существовавшие между официальной моделью и индивидуальным восприятием различия. Подход дает избежать как односторонней идеализации советской воспитательной системы, так и ее упрощенного представления исключительно как механизма административного воздействия.

Литература

1. Антипенко Л.Г. Сталин: отношение к марксизму // Сталин и современность. М., 2010. С. 174–184.
2. Багдасарян В.Э. Сталинизм: цивилизационное осмысление. М., 2024. 324 с.
3. Васильченко М.А. Понятие «международная военная интервенция» в политическом и правовом дискурсе // Роль бизнеса в трансформации общества – 2023. М., 2023. С. 469–473.
4. Васильченко М.А., Галямичев А.Н. Преодолевая столетия (воинские традиции гуситов в Чехословацком корпусе) // История и историческая память. 2010. № 2. С. 103–108.
5. Елисеев Г.А. Был ли Сталин «русским патриотом»? Идейные взгляды И.В. Сталина и теория мировой революции // Проблемы национальной стратегии. 2016. № 5 (38). С. 191–201.
6. Емельянов Ю.В. Разгадка 1937 года. Репрессии: мифы и факты. М., 2017. 448 с.
7. Жуков Ю.Н. Иной Сталин. М., 2010. 368 с.
8. Зюганов Г.А. Сталин и современность. М., 2008. 286 с.
9. Осин Р.С. Советский патриотизм и пролетарский интернационализм в пропаганде 1930–1940-х гг. // Общество: философия, история, культура. 2025. № 6. С. 61–67.
10. Осин Р.С. Мировая революция и социализм в отдельно взятой стране: проблемы теории и практики // Общество: философия, история, культура. 2025. № 3. С. 47–53.
11. Павлов Д.А., Павлова Л.Л. Патриотическое воспитание в советском Союзе в 30–40 гг. XX века // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2018. № 3–2 (54). С. 87–94.
12. Цветкова Е.В. Формирование патриотического сознания советской молодёжи в 1930-е гг. // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2010. № 3. С. 117–124.

MECHANISMS FOR FORMING THE PATRIOTIC CONSCIOUSNESS OF SOVIET SOCIETY IN THE 1930S: EDUCATION, MASS PROPAGANDA, AND CULTURAL POLICY OF THE RSFSR

Rodionova I.V.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article examines the main mechanisms for shaping the patriotic consciousness of Soviet society in the 1930s. The main focus is on the interconnection between educational policy, mass propaganda, and cultural policy in the RSFSR. Soviet patriotism developed as a complex system of value-based attitudes in which ideas about the Motherland were combined with the concepts of socialist construction, collectivism, labour heroism, military duty, and the defence of the state. The analysis separately examines the change in the content of patriotic rhetoric over the course of a decade: from a predominantly class-based and internationalist understanding to a pronounced focus on Russia's historical past, state symbols, and national history. Education, the media, literature, cinema, fine arts, and the activities of Pioneer and Komsomol organizations were considered interconnected tools for influencing the population's consciousness. Patriotic consciousness in the USSR in the 1930s was not formed through isolated educational activities, but through a comprehensive state system of socialization that encompassed schools, families, work collectives, youth organizations, and the cultural environment.

Keywords: Soviet society, Soviet patriotism, patriotic consciousness, 1930s, education, propaganda, culture, RSFSR, youth, ideology.

References

1. Antipenko L.G. Stalin: Attitude to Marxism // Stalin and the Present. Moscow, 2010. Pp. 174–184.

2. Bagdasaryan V.E. Stalinism: A Civilizational Perspective. Moscow, 2024. 324 p.

1. Vasilchenko M.A. The concept of «international military intervention» in political and legal discourse // The Role of Business in Society Transformation – 2023. Moscow, 2023. Pp. 469–473.

2. Vasilchenko M.A., Galyamichev A.N. Overcoming Centuries (Military Traditions of the Hussites in the Czechoslovak Corps) // History and Historical Memory. 2010. № 2. Pp. 103–108.

5. Eliseev G.A. Was Stalin a «Russian patriot»? The ideological views of I.V. Stalin and the theory of world revolution // Problems of National Strategy. 2016. № 5 (38). Pp. 191–201.

6. Emelyanov Yu.V. The riddle of 1937. Repressions: Myths and Facts. Moscow, 2017. 448 p.

7. Zhukov Yu.N. A Different Stalin. Moscow, 2010. 368 p.

8. Zyuganov G.A. Stalin and the Present. Moscow, 2008. 286 p.

9. Osin R.S. Soviet Patriotism and Proletarian Internationalism in Propaganda of the 1930s-1940s // Society: Philosophy, History, Culture. 2025. № 6. Pp. 61–67.

10. Osin R.S. World Revolution and Socialism in a Single Country: Problems of Theory and Practice // Society: Philosophy, History, Culture. 2025. № 3. pp. 47–53.

11. Pavlov D.A., Pavlova L.L. Patriotic education in the Soviet Union in the 30–40s. XX century // Bulletin of the Surgut State Pedagogical University. 2018. № 3–2 (54). Pp. 87–94.

12. Tsvetkova E.V. The Formation of Patriotic Consciousness among Soviet Youth in the 1930s // Bulletin of Leningrad State University named after A.S. Pushkin. 2010. № 3. Pp. 117–124.

Наука как фактор сохранения национальной идентичности в условиях глобализации: философско-методологический анализ

Чернышева Елена Николаевна,
кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии РЭУ им. Г.В. Плеханова
E-mail: chernel0602@gmail.com

В статье рассматривается проблема сохранения национальной идентичности в условиях глобализации. Автор анализирует глобализацию как системный вызов, несущий риски культурной гомогенизации и размывания этнокультурных различий. Особое внимание уделяется философскому осмыслению роли науки, прежде всего социально-гуманитарного знания, в формировании национальной идентичности и выработке мер противодействия деструктивным тенденциям. В контексте новой Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года рассматривается концепция «государства-цивилизации» как новый методологический инструмент анализа российской идентичности. Обосновывается тезис о том, что эффективная реализация государственной национальной политики невозможна без тесной связи науки, образования и государственного управления. Делается вывод о цивилизационной миссии науки и образования в сохранении и передаче будущим поколениям культурного и духовного наследия народов России.

Ключевые слова: национальная идентичность, глобализация, государство-цивилизация, культурная гомогенизация, Стратегия государственной национальной политики, общероссийская гражданская идентичность, наука.

Одной из наиболее острых и значимых проблем современности в эпоху стремительной глобализации, когда информационные потоки пересекают национальные границы, а культурные коды подвергаются унификации, является вопрос сохранения национальной идентичности. Эта проблема приобретает не только культурное, но и политическое, и цивилизационное измерение. Цель данной статьи – комплексный философско-методологический анализ данной проблемы с учетом приоритетов и задач, обозначенных в новой Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года. Данный документ, утвержденный Указом Президента РФ от 25 ноября 2025 г. № 858, вступил в силу с 1 января 2026 года. Он определяет на ближайшее будущее новые основания, принципы и логику развития российской системы государственного управления и контроля в сфере межнациональных отношений, определяя место России в современном мире как самобытного государства-цивилизации.

Глобализация, являясь объективным и нелинейным процессом, порождаемым логикой развития человеческого общества, представляет собой серьезный вызов национальной идентичности. Как справедливо отмечает О.М. Рой, для России, являющейся «многонациональным и мультикультурным государством, вопрос национальной идентичности, означающий возможность объединения национально-этнических и территориальных сообществ в единую общность» [5], исключительно актуален. Глобализация как системный процесс охватывает все сферы общественной жизни – экономическую, политическую, культурную и информационную. Образуя единую мировую систему социальных взаимодействий, она несет в себе не только возможности для межкультурного диалога, но и серьезные риски унификации и размывания этнокультурных различий. Это с одной стороны. С другой стороны, глобализация может непосредственно и негативно влиять на единство российской идентичности, провоцируя её размывания и национально-культурную фрагментацию. Подмена российской культурной идентичности, объединяющей разные народы и культуры, глобализированной её версией не только может нивелировать национальные черты, но и спровоцировать их разрыв и противостояние.

С философской точки зрения, глобализация представляет собой процесс, в котором локальные культурные образования уступают место глобальным стандартам, а национальные идентичности оказываются под давлением наднациональных культурных паттернов. Возникает угроза деформации этнических ценностей, ослабления связи с историческим опытом и культурным наследием. В этой связи особенно значимы исследования, посвященные философско-антропологическому анализу экзистенциальной дилеммы национальной идентичности, когда современный человек оказывается перед выбором между включенностью в глобальное сообщество и сохранением своей культурной укорененности.

Одним из основных вызовов глобализации является тенденция к культурной гомогенизации, то есть к нивелированию национальных особенностей под влиянием единых экономических, политических и культурных стандартов. Культурная гомогенизация и бытийная унификация особенно опасны для малых народов и этнических групп, чья культурная самобытность может быть утрачена без целенаправленной политики сохранения. Это ставит перед любым современным национальным государством проблему формирования и реализации эффективной национальной политики. В этом контексте особую значимость приобретает философский анализ механизмов, ведущих к размыванию идентичности, и поиск путей противодействия этим тенденциям.

Национальная идентичность представляет собой сложный, многоуровневый феномен, включающий этническое самосознание, гражданскую принадлежность, культурную память и ценностные ориентации. В исследовании С.Е. Крючковой и А.В. Чернышевой, описывается «модель двухуровневой структуры национальной идентичности, где базовым уровнем выступает культурно-этническая идентичность, над которой затем надстраивается гражданско-политическая. Это особенно важно в условиях многонационального состава населения России, где необходимо учитывать этническую составляющую» [4].

Сохранение национальной идентичности требует системного научного анализа, учитывающего как внутренние, так и внешние факторы

влияния. Именно наука играет ключевую роль в концептуализации самого понятия «национальная идентичность» и в анализе угроз ее размывания. Без глубокого теоретического осмысления этих процессов любые практические меры государственной политики рискуют оказаться недостаточно эффективными. Философия дает методологический фундамент для понимания сущности идентичности, социология позволяет эмпирически фиксировать изменения в идентификационных процессах, политология разрабатывает инструменты управления этими процессами, культурология и история сохраняют и транслируют культурную память, педагогика обеспечивает передачу ценностей следующим поколениям. Только на стыке этих дисциплин возможно формирование целостного представления о процессах, происходящих в сфере национальной идентичности.

Одним из ярких примеров встречи теории и практики является Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года. Этот документ определяет цель, принципы, приоритетные направления государственной национальной политики, а также инструменты и механизмы ее реализации. Стратегия направлена на укрепление единства многонационального народа России и общероссийской гражданской идентичности при сохранении этнокультурного и языкового многообразия. В статье российских ученых В.Е. Кондурова и Н.М. Кропачева, раскрывается «интеграционная природа Стратегии как акта, направленного на укрепление общероссийской гражданской идентичности, сохранение этнокультурного и языкового многообразия, гармонизацию межнациональных отношений и формирование единого смыслового пространства российской нации» [3].

Принципиально новым для российского научного и политического дискурса стало введение понятия «государство-цивилизация». Как отмечает В.В. Аверьянов, «данная модель должна рассматриваться не только в ракурсе констатации достижений России, своеобразия ее истории, но и как инструмент для осмысления текущей геостратегической и мировоззренческой ситуации с опорой на русский цивилизационный код. Концептуализация государства-цивилизации позволяет избежать абстрактных суждений и способствует самоидентификации и суверенному самоописанию России как многослойной синтетической и синергетической структуры. Данный стратегический документ развивает концепцию государства-цивилизации, понимаемого как духовное единство при внутреннем многообразии» [2].

Однако использование этого понятия порождает и новые исследовательские задачи. Во-первых, в научной литературе понятие цивилизации нуждается в более точном определении. Во-вторых, особого внимания заслуживает дальнейшее описание диалектики универсального, общечеловеческого и того, что составляет уникальный код российской культуры. В-третьих, необходимо разработать действенные модели гармоничного сочетания общероссийской гражданской идентичности и национальной идентичности для представителей разных народов, проживающих на территории нашей страны.

Основой для таких моделей должно быть положение новой Стратегии, в котором признается ведущая роль государствообразующего русского народа в укреплении стабильности и межнациональной дружбы. Это положение, с одной стороны, подчеркивает историческую и культурную роль русского народа в формировании российской государственности, а с другой – не умаляет значения других народов России, их самобытности. Русский народ исторически выступает той естественной основой и объединяющим началом, вокруг которого строится уникальное многовековое сосуществование всех этносов России.

Современное состояние межнациональных отношений в России характеризуется в новой Стратегии как стабильное. Такая ситуация во многом является результатом успешной реализации государственной национальной политики в 2012–2025 годах. Однако стабильность не означает, что можно отказаться от дальнейшего совершенствования подходов, механизмов и инструментов национальной политики. Поэтому необходимо продолжать философские и научные исследования, которые могут послужить фундаментом для политики государства в сфере сохранения национальной идентичности.

С нашей точки зрения, именно социально-философский анализ может на должном научном уровне описать основные причины и механизмы, приводящие к культурной гомогенизации и размыванию национальных идентичностей. Наука призвана не только диагностировать эти процессы, но и предлагать новые основания для выработки мер противодействия деструктивным тенденциям. В этом контексте особое значение приобретают исследования в области философии глобализации, которые позволяют понять, каким образом глобальные культурные и информационные потоки воздействуют на локальные идентичности. Без глубокого понимания этнокультурных процессов, без анализа динамики межнациональных отношений, без прогнозирования возможных причин конфликтов невозможно выстраивать адекватную государственную политику в этой сфере.

Как указано в Стратегии, образование является ключевым механизмом достижения целей государственной национальной политики, так как именно в системе образования формируется общероссийская гражданская идентичность, закладывается уважение к культурному наследию и традиционным ценностям. В условиях глобализации образование призвано стать тем пространством, где формируется устойчивая идентичность, способная противостоять вызовам культурной унификации. В этом контексте исследования по философии образования приобретают исключительное значение. План мероприятий по реализации Стратегии на 2026–2028 годы, утвержденный Правительством РФ, прежде всего, содержит четыре основных пункта – это укрепление общероссийской гражданской идентичности; сохранение и поддержка этнокультурного и языкового многообразия; обеспечение межнационального и межрелигиозного согласия; совершенствование государственного управления и информационное сопровождение национальной политики.

Одним из основных принципов формирования общероссийской идентичности в пространстве российского образования должен стать принцип системности. Школа, вуз, учреждения дополнительного образования должны работать как единая система, обеспечивая преемственность в трансляции ценностных установок, направленных на укрепление гражданского единства при уважении к этнокультурному разнообразию. Особую значимость для формирования мировоззрения молодого поколения имеют такие ценностные установки, как любовь к своей малой родине, уважение к культуре своего народа и осознание принадлежности к большой российской цивилизационной общности. Гармоничное сочетание этих ценностей формирует новое цивилизационное самосознание.

Особая роль в реализации Стратегии отводится научным и образовательным организациям. По мнению российских ученых, «университеты и научные центры должны выступать не только как просветительские институты, но и как экспертно-аналитические кластеры, обеспечивающие научный характер политики и ее мониторинг, как мировоззренческие центры, отвечающие за разработку смыслов гражданской идентичности, а также как институты трансляции традиционных ценностей и российской культуры» [3].

В современном мире глобализация создает реальные вызовы для сохранения национальной идентичности. Экономическая и финансовая интеграция, бытийная унификация, единое информационное пространство, размывание культурных границ – все сложные процессы, являющиеся объективными вызовами, требуют быстрого и одновременно осознанного ответа со стороны государства и общества, который бы опирался на последние философские и научные исследования. Новая Стратегия государственной национальной политики до 2036 года содержит однозначные установки для ответа. Концепция «государства-цивилизации», целевые показатели общероссийской гражданской идентичности, признание ведущей роли русского народа при сохранении этнокультурного многообразия – всё это составляет концептуальный каркас новой национальной политики.

Наука и философия играют фундаментальную роль в осмыслении этих процессов. Философский анализ глобализации, социологические исследования межнациональных отношений, культурологические и исторические изыскания – все эти направления научного знания создают базу для выработки эффективных политических решений. Образование является одним из главных инструментов реализации Стратегии. Именно через образование формируется общероссийская гражданская идентичность, передаются культурные ценности, воспитывается уважение к многообразию народов России. Эффективная реализация государственной национальной политики невозможна без тесной синергии науки и образования. В этом контексте роль науки и образования выходит далеко за рамки сугубо академических или педагогических задач. Речь идет о цивилизационной миссии – сохранении и передаче будущим поколениям того уникального культурного и духовного наследия, которое составляет основу российской идентичности.

Литература

1. Указ Президента РФ от 25.11.2025 № 858 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» // http://www.kremlin.ru/acts/bank/52615 (дата обращения: 25.08.2026).

2. Аверьянов В.В. Потенциал понятия «государство-цивилизация» в контексте поиска актуальной модели самоописания России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2025. Т. 41. Вып. 2. С. 247–260 // yberleninka.ru/article/n/potentsial-

ponyatiya-gosudarstvo-tsivilizatsiya-v-kontekste-poiska-aktualnoy-modeli-samoopisaniya-rossii/viewer (дата обращения: 25.08.2026).

3. Кондуров В.Е., Кропачев Н.М. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации до 2036 года: стратегический документ как акт интеграции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2026. Т. 17. № 1. С. 4–14.

4. Крючкова С.Е., Чернышева А.В. Поиски национальной идентичности в современной России (об актуальности некоторых идей Н.А. Бердяева) // Гуманитарный вестник МГТУ им. Н.Э. Баумана. 2025. № 1. DOI: 10.18698/2306-8477-2025-1-957 // https://cyberleninka.ru/article/n/poiski-natsionalnoy-identichnosti-v-sovremennoy-rossii-ob-aktualnosti-nekotoryh-idey-n-a-berdyaeva/viewer (дата обращения: 25.08.2026).

5. Рой О.М. Национальная идентичность в России: между глобализацией и глокализацией // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2025. Т. 18. № 3. С. 78–91. DOI: 10.31660/1993-1824-2025-3-78-91 // https://www.ifp.uran.ru/netcat_files/638/739/8bdf0746958685fd23b13a764ca5b400 (дата обращения: 25.08.2026).

SCIENCE AS A FACTOR IN PRESERVING NATIONAL IDENTITY UNDER GLOBALIZATION: A PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS

Chernysheva E.N.
Plekhanov Russian University of Economics

The article examines the problem of preserving national identity in the context of globalization. The author analyzes globalization as a systemic challenge entailing the risks of cultural homogenization and the erosion of ethnocultural differences. Particular attention is paid to the philosophical understanding of the role of science, primarily the social sciences and humanities, in shaping national identity and developing measures to counteract destructive tendencies. In the context of the
State National Policy Strategy of the Russian Federation until 2036, the concept of the «state-civilization» is considered as a new methodological tool for analyzing Russian identity. The article substantiates the thesis that the effective implementation of state national policy is impossible without close integration of science, education, and public administration. It concludes that science and education have a civilizational mission in preserving and transmitting the cultural and spiritual heritage of the peoples of Russia to future generations.

Keywords: national identity, globalization, state-civilization, cultural homogenization, State National Policy Strategy, all-Russian civic identity, science.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of November 25, 2025, № 858, «On the State National Policy Strategy of the Russian Federation until 2036» // http://www.kremlin.ru/acts/bank/52615 (accessed on August 25, 2026).

2. Averyanov, V.V. «The Potential of the Concept of a 'Civilization-State' in the Context of the Search for a Relevant Model of Russia's Self-Description» // Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and Conflictology. 2025. Vol. 41. Issue. 2. P. 247–260 // yberleninka.ru/article/n/potentsial-ponyatiya-gosudarstvo-tsivilizatsiya-v-kontekste-poiska-aktualnoy-modeli-samoopisaniya-rossii/viewer (date of access: 25.08.2026).

3. Kondurov V.E., Kropachev N.M. Strategy of the State Nationalities Policy of the Russian Federation until 2036: Strategic Document as an Act of Integration // Bulletin of St. Petersburg University. Law. 2026. Vol. 17. № 1. P. 4–14.

4. Kryuchkova S.E., Chernysheva A.V. The Search for National Identity in Modern Russia (on the Relevance of Some Ideas of N.A. Berdyaev) // Humanitarian Bulletin of Bauman Moscow State Technical University. 2025. № 1. DOI: 10.18698/2306-8477-2025-1-957 // https://cyberleninka.ru/article/n/poiski-natsionalnoy-identichnosti-v-sovremennoy-rossii-ob-aktualnosti-nekotoryh-idey-n-a-berdyaeva/viewer (accessed: 25.08.2026).

5. Roy O.M. National Identity in Russia: Between Globalization and Glocalization // News of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics. 2025. Vol. 18. № 3. Pp. 78–91. DOI: 10.31660/1993-1824-2025-3-78-91 // https://www.ifp.uran.ru/netcat_files/638/739/8bdf0746958685fd23b13a764ca5b400 (accessed: 25.08.2026).

Трансформация советской идеологической системы в 1929–1953 гг.: основные направления и инструменты воздействия на общество

Родионова Ирина Витальевна,
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации
E-mail: ivrodionova@fa.ru

В статье рассматривается изменение советской идеологической системы в период 1929–1953 гг. Основное внимание уделено формированию модели идеологического воздействия, связанной с утверждением командно-административного управления, культом личности И.В. Сталина, массовой политической мобилизацией, контролем над образованием, культурой, средствами массовой информации и общественными организациями. Показано, что идеологическая система данного периода не ограничивалась распространением политических лозунгов. Она включала совокупность организационных, образовательных, информационных, культурных и репрессивных механизмов. Отдельно рассматривается изменение содержания официальной идеологии в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период. Выявляется связь между идеологическим воздействием и задачами государственной модернизации, укрепления политической системы и поддержания общественной мобилизации.

Ключевые слова: советская идеология, сталинизм, политическая пропаганда, идеологические кампании, культ личности, политическая мобилизация, массовая культура, репрессии, СССР, 1929–1953 гг.

Введение

Период 1929–1953 гг. занимает место в истории советской идеологической системы, именно в это время произошло существенное изменение способов политического и мировоззренческого воздействия государства на население. Конец 1920-х гг. был связан с отказом от прежней хозяйственно-политической модели и переходом к ускоренной индустриализации, коллективизации и централизованному управлению. Эти процессы требовали административных решений, и формирования определенного отношения общества к происходящим изменениям. Идеология стала одним из основных средств объяснения масштабных преобразований, их целей и допустимых социальных издержек. В результате политические установки все теснее связывались с повседневной жизнью, трудовой деятельностью, образованием, культурой и общественным поведением граждан [5; 8].

Исследование советской идеологической системы невозможно свести к анализу официальных партийных документов или пропагандистских лозунгов. Она функционировала как разветвленная система воздействия, в которой были объединены партийный аппарат, государственные органы, школа, высшая школа, печать, радио, литература, кинематограф, учреждения культуры, комсомол, профсоюзы и другие общественные структуры. Важное место занимали массовые политические кампании, собрания, лекции, беседы, демонстрации, производственные соревнования и различные формы общественной активности. Через них государственные установки переводились из сферы политических документов в повседневные практики населения. Организация идеологической работы позволяла одновременно распространять официальные представления о государстве и обществе, формировать образ желательного гражданина и контролировать границы допустимого поведения [8].

К 1930-м гг. советская идеология получила жесткую и централизованную структуру. Марксистско-ленинские положения сохранялись как официальная теоретическая основа, однако их содержание все чаще интерпретировалось через задачи конкретного государственного строительства и политическую линию руководства. Существенное значение приобрело утверждение представления о ведущей роли партии, необходимости дисциплины, единства общества и государства, приоритете коллективных интересов над индивидуальными. Одновременно укреплялся образ И.В. Сталина как центральной фигуры политической системы. К концу 1930-х гг. культ личности стал не отдельным элементом пропаганды, а важной частью официального политического языка [3; 5].

В годы Великой Отечественной войны идеологическая система сохранила централизованный характер, но содержание пропаганды заметно изменилось. На первый план вышли темы защиты Родины, героизма, единства народов СССР, воинского долга, исторической памяти. Использовались революционные символы, и образы русской и советской военной истории. После окончания войны вновь усилилась идеологическая мобилизация. В условиях международной напряженности и начавшегося противостояния с западными государствами возрастало значение представлений о внешней угрозе, политической бдительности, советском патриотизме и необходимости внутреннего единства [3; 10].

Цель статьи – выявление основных направлений трансформации советской идеологической системы в 1929–1953 гг. и характеристике инструментов, посредством которых государство воздействовало на общество. Для достижения поставленной цели рассматриваются изменения содержания официальной идеологии, роль партийно-государственного аппарата, средства массовой информации, образование и культура, массовые политические кампании, культ личности и репрессивный механизм.

Основные направления трансформации советской идеологической системы

Одним из главных направлений изменений стало подчинение идеологической работы задачам ускоренной государственной модернизации. Переход к форсированной индустриализации и коллективизации сопровождался масштабной перестройкой социальной структуры. Го-

сударство нуждалось в массовом участии населения в новых хозяйственных программах, поэтому экономические мероприятия получили идеологическое обоснование. Индустриализация представлялась как историческая необходимость, коллективизация – как переход к новому типу сельского хозяйства, а трудовая активность – как форма участия граждан в строительстве социализма. Производственные показатели приобретали политическое значение, а выполнение и перевыполнение планов связывались с гражданской ответственностью и преданностью государству [5].

Идеологическое сопровождение экономической политики строилось на противопоставлении старого и нового. В официальной риторике дореволюционное общество и капиталистическое окружение выступали как источники отсталости, эксплуатации и внешней угрозы, тогда как социалистическое строительство связывалось с техническим прогрессом, социальной справедливостью и созданием нового общества. Схема позволяла включать хозяйственные показатели в широкую систему политических смыслов. Выпуск продукции, освоение новых предприятий, рост промышленности, трудовые рекорды рабочих и выполнение колхозами государственных заданий представлялись не просто экономическими результатами, а доказательствами правильности выбранного политического курса [5; 8].

Серьезное изменение произошло и в трактовке роли государства. В ранний период советской власти сохранялась идея постепенного отмирания государства после победы социализма. В 1930-е гг. официальная концепция сместилась в сторону признания необходимости сильного государства. Идеологическое обоснование этого изменения связывалось с сохранением внешней угрозы, существованием классовых противоречий и необходимостью защиты достигнутых результатов социалистического строительства. По мнению К.К. Худолея, уже с середины 1930-х гг. идея мировой революции стала теснее связываться со сталинской концепцией государства, а учет государственных интересов постепенно приобрел самостоятельное значение [10].

Важным рубежом стала Конституция СССР 1936 г. Документ закреплял широкий перечень политических и социальных прав, провозглашал равенство граждан и устанавливал новую систему органов государственной власти. При этом конституционные положения существовали внутри политической системы, в которой ведущая роль принадлежала ВКП(б), а публичная политическая деятельность имела жестко заданные организационные рамки. Конституционная реформа стала частью широкой перестройки советской государственности и одновременно важным элементом официального идеологического представления о достигнутых результатах социалистического строительства [2].

Идеологический образ советского общества в 1930-е гг. строился вокруг представления о достигнутом единстве основных социальных групп. Рабочий, колхозник, инженер, учитель, военнослужащий, ученый и государственный служащий должны были выступать участниками общего проекта. Социальные различия не исчезали, но в официальном языке они переосмысливались как различия внутри единого социалистического общества. От граждан требовались трудовая дисциплина, политическая лояльность, готовность выполнять государственные задачи и участие в коллективных формах деятельности. Одновременно формировался нормативный образ «нового человека», для которого общественные интересы должны были занимать высокое место по сравнению с личными интересами.

Важное место в этой системе занял культ личности И.В. Сталина. В 1930-е гг. его образ постепенно превращался в постоянный элемент газетных публикаций, плакатов, кино, литературы, школьного обучения, публичных мероприятий и партийных выступлений. Сталин изображался как руководитель государства, теоретик, продолжатель дела В.И. Ленина, организатор социалистического строительства и военного укрепления страны. В послевоенные годы этот образ получил дальнейшее развитие. Исследование Генина Е.С., Колязимова М.М. показывает, что в 1946–1953 гг. в различных регионах проводились кампании, направленные на закрепление положительного образа Сталина в массовом сознании [3].

Культ личности выполнял символическую функцию, он обеспечивал персонификацию государственной политики. Сложные процессы экономической и социальной перестройки связывались с деятельностью конкретного руководителя. Достижения страны представлялись результатом мудрого руководства, а возникавшие трудности объяснялись недостатками исполнения решений на местах, происками врагов или временными трудностями. Конструкция снижала возможность открытого обсуждения системных проблем и укрепляла представление о правильности политического курса.

Партийно-государственный аппарат как инструмент идеологического воздействия

Ключевую роль в функционировании идеологической системы играла ВКП(б). Партийные органы определяли содержание агитационно-пропагандистской работы, контролировали деятельность средств массовой информации, образовательных учреждений и культурных организаций. Идеологическая функция не существовала отдельно от административной. Партийные решения передавались через систему исполнительных органов и должны были реализовываться на предприятиях, в колхозах, учебных заведениях и учреждениях.

Советская модель управления предполагала высокую степень централизации принятия решений. Сперанский А.В. отмечает, что политическая практика советского государства формировалась в тесной связи с теоретическими представлениями о руководящей роли партии и организации общества на основе централизованного управления [8]. В таких условиях идеологическая работа становилась частью общего механизма государственного управления. Партийные комитеты распространяли политические установки, и контролировали их исполнение, организовывали собрания, назначали ответственных работников, определяли содержание лекций и агитационных материалов.

Важное значение имела система пропагандистов и агитаторов. Они работали непосредственно с населением, проводили собрания, лекции и индивидуальные беседы. Механизм позволял доводить решения центрального руководства до конкретных коллективов. Важной особенностью была возможность оперативно изменять содержание агитации в соответствии с политической ситуацией. В преддверии выборов, юбилейных дат, партийных съездов, хозяйственных кампаний или международных кризисов создавались специальные информационные материалы, методические рекомендации и тексты выступлений.

Политическая мобилизация осуществлялась через включение человека в коллектив. Рабочий коллектив, колхоз, учебная группа, комсомольская организация или профсоюзная ячейка становились пространством распространения официальных установок. Общественная активность демонстрировалась через участие в собраниях, социалистическом соревновании, субботниках, производственных инициативах, политических мероприятиях. При этом индивидуальная позиция человека оказывалась связанной с поведением коллектива. Публичное несогласие могло восприниматься как личное мнение, и как нарушение принятой нормы.

Печать, радио, образование и культура

Средства массовой информации занимали центральное место в советской идеологической системе. Газеты и журналы регулярно публиковали выступления руководителей, материалы о производственных достижениях, международных событиях, истории партии, успехах науки и культуры. Публикации строились по определенной схеме: выделялось положительное достижение, показывался его общественный смысл, назывались коллективы и отдельные работники, добившиеся результата. В результате хозяйственная и социальная информация приобретала воспитательное содержание.

Радио расширяло возможности воздействия. Если печатная пресса требовала грамотности и доступа к изданию, радиопередачи могли распространяться непосредственно в жилых помещениях, учреждениях и на предприятиях. Радио использовалось для передачи выступлений государственных и партийных руководителей, новостей, лекций, литературных произведений и тематических передач. Кино выполняло сходную функцию, сочетая зрительный образ с политическим содержанием. Исторические фильмы, картины о производстве, военной службе и коллективном труде формировали типовые модели поведения и представления о герое.

Школа и система профессионального образования решали длительную задачу. Ребенок или молодой человек включался в советскую систему ценностей через отдельные уроки, и через организацию всей образовательной среды. Изучение истории, обществоведческих дисциплин, литературы и общественно-политических предметов сочеталось с деятельностью пионерских и комсомольских организаций. Биографии революционеров, партийных деятелей, рабочих-новаторов и военных героев использовались как примеры желательного поведения.

Историческая память в этот период подвергалась целенаправленной переработке, в 1930-е гг. советская историческая политика стала использовать широкий круг образов российской государственности и военной истории. В официальной интерпретации прошлое России переставало рассматриваться исключительно как история угнетения и социального конфликта. Выделялись государственные деятели, полководцы и военные победы, которые могли быть включены в патриотический канон. Заметно это стало в годы Великой Отечественной

войны, когда исторические образы использовались для укрепления представления о преемственности защиты Отечества.

Идеологическая система в годы Великой Отечественной войны

Война потребовала изменения характера массовой пропаганды. Основной задачей стало поддержание способности общества к длительной мобилизации. На первый план вышли темы защиты страны, героизма армии и тыла, единства народов СССР, самопожертвования, воинского долга. Пропаганда обращалась к эмоционально понятным образам Родины, семьи, дома, родной земли. В отличие от довоенной риторики, где значительную роль играли классовые категории, военные материалы чаще строились вокруг общенационального содержания.

Произошло заметное расширение исторического канона. В публичной риторике использовались имена А.В. Суворова, М.И. Кутузова, А. Невского и других исторических деятелей. Их образы должны были показать наличие длительной традиции защиты государства. Одновременно подчеркивалась роль партии и советского строя в организации обороны страны, таким образом, патриотическая составляющая не вытеснила коммунистическую идеологию, а была встроена в нее.

Война изменила и международный компонент советской идеологии. Идея мировой революции постепенно уступала место прагматичной государственной проблематике. Худолей К.К. показывает, что в период антигитлеровской коалиции государственные интересы вышли на первый план, хотя прежние идеологические представления полностью не исчезли [10]. После окончания войны эта тенденция продолжилась уже в условиях противостояния двух политических систем.

Послевоенная трансформация идеологического воздействия

После 1945 г. советская идеологическая система столкнулась с новыми обстоятельствами. Победа в войне повысила авторитет государства и одновременно сформировала у населения ожидания улучшения материального положения и смягчения внутренней политики. Возвращение миллионов военнослужащих, восстановление разрушенных районов, демобилизация и переход экономики на мирные рельсы требовали новой мобилизационной кампании. Государство вновь использовало идеологические механизмы для организации трудовой активности и объяснения приоритетов восстановления.

Существенное место заняла тема победы СССР в Великой Отечественной войне. Победа стала одним из важнейших источников легитимации политической системы. Образ Сталина в послевоенной пропаганде тесно связывался с победой, восстановлением страны и укреплением ее международного положения. Исследования региональных материалов показывают, что в 1946–1953 гг. образ Сталина активно воспроизводился в различных формах массовой политической работы [3].

В этот же период усилилось значение антизападной и анти-космополитической риторики. Международное противостояние переводилось во внутреннюю плоскость: политическая бдительность рассматривалась как необходимое условие безопасности государства. В 1949–1953 гг. кампания по борьбе с космополитизмом затронула научную, культурную и техническую интеллигенцию; использовались кадровые проверки, увольнения, публичная критика и политические обвинения [3]. Идеологическая граница между «своим» и «чужим» становилась одним из инструментов общественного контроля.

Важное место занимали идеологические кампании против представителей науки и культуры. Постановления партийного руководства в отношении литературы, театра, музыки и научной деятельности задавали допустимые рамки творчества. Произведения оценивались по художественным или научным характеристикам, и по их соответствию официальным идеологическим требованиям. Практика ограничивала самостоятельность профессиональных сообществ и усиливала зависимость интеллигенции от государственных и партийных структур.

Репрессии как элемент системы идеологического контроля

Репрессивный механизм являлся самостоятельным направлением воздействия на общество и одновременно дополнял пропагандистскую работу. В период 1928–1953 гг. государственные репрессии затрагивали различные социальные группы. Объектами преследований становились бывшие представители политической оппозиции, крестьянство, партийные и государственные работники, военные, представители интеллигенции и другие категории населения [9].

Политические репрессии выполняли несколько взаимосвязанных функций. Они устраняли конкретных противников власти, обеспечивали кадровую перестройку государственного аппарата и создавали атмосферу страха. Последняя имела значение далеко за пределами непосредственного круга репрессированных. Возможность обвинения в политической нелояльности заставляла людей учитывать границы допустимого поведения. В результате контроль распространялся через прямые запреты, и через самоограничение граждан.

Массовые репрессии нельзя рассматривать отдельно от идеологической системы. Пропаганда формировала категории «врага», «вредителя», «предателя», «шпиона», «антисоветского элемента». Эти определения позволяли политическим обвинениям получать идеологическое объяснение. При этом содержание подобных категорий изменялось в зависимости от политической ситуации. Историографический анализ Степанов М.Г. показывает, что изучение репрессий позволяет проследить их различную направленность в отдельные периоды и установить механизмы формирования политических дел [9].

Идеологическое воздействие в 1930–1950-е гг. сочетало убеждение и принуждение. Пропаганда объясняла, каким должно быть общество и поведение гражданина; образование и культура закрепляли соответствующие нормы; партийные организации контролировали их распространение; репрессивные органы обеспечивали наказание за действия, которые государство считало опасными. Такое сочетание делало советскую идеологическую систему информационным, и институциональным механизмом управления.

Основные инструменты воздействия на общество

Советская идеологическая система 1929–1953 гг. использовала широкий набор инструментов. Их условно можно разделить на несколько взаимосвязанных групп: информационные, образовательные, культурные, организационные и репрессивные. Информационные инструменты включали печать, радио, кино, плакаты, публичные выступления и агитационные материалы. Образовательные – школу, высшие учебные заведения, систему политического просвещения и профессиональной подготовки. Культурные – литературу, театр, кинематограф, музыку, музейную и выставочную деятельность. Организационные – партийные, комсомольские, профсоюзные и иные коллективные структуры. Репрессивные – наблюдение, политические обвинения, увольнения, аресты, ссылки и другие меры государственного принуждения.

Особенностью системы было отсутствие жесткой границы между этими инструментами. Например, газета одновременно информировала о событии и оценивала его с политической точки зрения. Школьный урок давал знания и одновременно формировал отношение к государству и обществу. Производственное собрание обсуждало хозяйственные задачи и одновременно служило формой политического воспитания. Культурное произведение могло иметь художественную форму, но при этом выполнять задачу создания положительного образа советского человека.

Большое значение имели массовые кампании. Они позволяли концентрировать идеологическое воздействие вокруг конкретного события. К таким кампаниям относились выборы, партийные съезды, юбилейные мероприятия, производственные соревнования, сбор средств, патриотические акции, кампании против «вредителей» и «космополитов». Например, материалы о подготовке выборов 1946 г. в Кемеровской области показывают работу агитаторов, проведение собраний, встречи с кандидатами, использование газет, радио и других средств массовой информации. Кампания сочетала политическую агитацию с организационной мобилизацией населения.

Ключевым результатом трансформации стало формирование единой вертикали идеологического воздействия. Центральное партийное руководство определяло основные политические установки, республиканские и региональные органы адаптировали их к местным условиям, а первичные организации и агитаторы доводили содержание до конкретных коллективов. Обратная связь при этом была ограничена. Публичное выражение несогласия имело политические последствия, поэтому официальная отчетность часто фиксировала прежде всего одобрение и выполнение поставленных задач.

Заключение

В 1929–1953 гг. советская идеологическая система прошла существенную трансформацию. Она превратилась из преимущественно партийно-политического механизма распространения коммунистических идей в разветвленную систему управления общественными представлениями и поведением. Идеологическое воздействие распространилось на экономику, образование, культуру, науку, средства массовой информации, общественные организации и повседневную жизнь. Основой системы оставалась марксистско-ленинская идеология, однако ее практическое содержание определялось задачами конкретного этапа советского развития.

В 1930-е гг. центральное место заняли идеологическое обеспечение индустриализации и коллективизации, укрепление авторитета партии, формирование образа социалистического общества и усиление культа личности И.В. Сталина. В годы Великой Отечественной войны содержание пропаганды было дополнено патриотическими и историческими мотивами. После 1945 г. значение получили культ победы, советский патриотизм, представления о внешней угрозе, борьба с космополитизмом и контроль над научной и культурной средой. При этом прежние элементы системы не исчезали, а включались в обновленную политическую риторику.

Специфика советской идеологической системы рассматриваемого периода заключалась в сочетании различных форм воздействия. Печать и радио распространяли официальные оценки, школа и культура закрепляли их в сознании новых поколений, партийные и общественные организации обеспечивали коллективную мобилизацию, массовые кампании создавали регулярные поводы для политической активности, а репрессивный аппарат устанавливал границы допустимого поведения. В результате идеология стала частью механизма государственной власти. Ее воздействие строилось не на одном инструменте, а на постоянном взаимодействии пропаганды, образования, организационной работы, культурной политики и государственного принуждения.

Трансформация 1929–1953 гг. определила особенности советской политической культуры на последующие десятилетия. Сформированные в этот период способы объяснения общественных процессов, отношение к политическому руководству, представления о патриотизме, коллективе, труде и государстве продолжали существовать и после 1953 г., хотя их содержание постепенно менялось, поэтому данный период следует рассматривать как этап укрепления сталинской политической системы, и как время формирования устойчивого механизма массового идеологического воздействия, в котором политические установки проникали в основные сферы общественной жизни.

Литература

1. Авдонин В.С. Трансформация «советской идеологии» в дискурсивных практиках российской власти // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. № 5. С. 61–99.

2. Гаврилов С.О., Величко А.М., Винниченко О.Ю. Конституционная реформа второй половины 1930-х гг. и завершение формирования процессов Советской государственности // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 1 (25). С. 66–73.

3. Генина Е.С., Колязимова М.М. Идеологические кампании в СССР 1946 1953 гг., связанные с образом И.В. Сталина (по материалам Кемеровской области) // СибСкрипт. 2014. № 3 (59). С. 145–150.

4. Никифоров Ю.С. Идеолого-политическое обеспечение трансформации экономики и социума в СССР 1950–80-Х ГГ.: исторические вызовы и скрытые тенденции // Вестник КГУ. 2020. № 4. С. 50–57.

5. Рогачев А.Г. Исторические особенности сталинской модели государственной и правовой модернизации СССР в 1929–1953 годах // Вестник КрасГА У. 2014. № 8. С. 256–263.

6. Саенко А.В. Трансформация отношения к истории СССР в региональной прессе периода перестройки // Историческая информатика. 2024. № 2. С. 82–108.

7. Сивов А.Н. Трансформация советских идеологических установок в работах А.Н. Яковлева в 1985–1991 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 2. С. 468–482.

8. Сперанский А.В. Советская модель управления: теоретические дискуссии и политическая практика // История и современное мировоззрение. 2019. № 4. С. 46–53

9. Степанов М.Г. Политические репрессии в СССР периода сталинской диктатуры (1928–1953 гг.): взгляд советской и постсоветской историографии: [монография]. Абакан: ХРИПК и ПРО. 2009. 237 с.

10. Худолей К.К. Эволюция идеи мировой революции в политике Советского Союза(подъем и распад мировой системы социализма) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2018. № 1. URL: https://irjournal.spbu.ru/article/view/9261 (дата обращения: 21.09.2026).

TRANSFORMATION OF THE SOVIET IDEOLOGICAL SYSTEM (1929–1953): KEY DIRECTIONS AND INSTRUMENTS OF SOCIETAL INFLUENCE

Rodionova I.V.
Financial University under the Government of the Russian Federation

This article examines the transformation of the Soviet ideological system between 1929 and 1953. It focuses on the development of a model of ideological influence linked to the establishment of a command-administrative system, the cult of personality surrounding I.V. Stalin, mass political mobilization, and state control over education, culture, the media, and public organizations. The study demonstrates that the ideological system of this period went beyond the mere dissemination of political slogans; it encompassed a complex array of organizational, educational, informational, cultural, and repressive mechanisms. Particular attention is paid to shifts in the content of official ideology during the Great Patriotic War and the postwar period. The article identifies the links between ideological influence and the objectives of state modernization, the strengthening of the political system, and the maintenance of public mobilization.

Keywords: Soviet ideology, Stalinism, political propaganda, ideological campaigns, cult of personality, political mobilization, mass culture, repressions, USSR, 1929–1953.

References

1. Avdonin V.S. Transformation of “Soviet ideology” in the discursive practices of the Russian authorities // Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law. 2021. No. 5. Pp. 61–99.

2. Gavrilov S.O., Velichko A.M., Vinnichenko O. Yu. Constitutional reform of the second half of the 1930s and the completion of the formation of Soviet statehood processes // Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2023. No. 1 (25). pp. 66–73.

3. Genina E.S., Kolyazimova M.M. Ideological campaigns in the USSR in 1946 and 1953 related to the image of I.V. Stalin (based on materials from the Kemerovo region) // SibScript. 2014. No. 3 (59). pp. 145–150.

4. Nikiforov Yu.S. Ideological and political support for the transformation of the economy and society in the USSR in the 1950s and 80s: historical challenges and hidden trends // Bulletin of KSU. 2020. No. 4. pp. 50–57.

5. Rogachev A.G. Historical features of the Stalinist model of state and legal modernization of the USSR in 1929–1953 // Bulletin of KrasGA U. 2014. No. 8. pp. 256–263.

6. Sayenko A.V. Transformation of attitudes towards the history of the USSR in the regional press during the perestroika period // Historical Informatics. 2024. No. 2. Pp. 82–108. 7. Sivov A.N. Transformation of Soviet ideological principles in the works of A.N. Yakovlev in 1985–1991 // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia. 2020. Vol. 19. No. 2. Pp. 468–482.

8. Speransky A.V. The Soviet Model of Governance: Theoretical Discussions and Political Practice // History and the Modern Worldview. 2019. No. 4. Pp. 46–53.

9. Stepanov M.G. Political Repressions in the USSR during the Stalinist Dictatorship (1928–1953): A Look from Soviet and Post-Soviet Historiography: [Monograph]. Abakan: KhRIPK and PRO. 2009. 237 p.

10. Khudoley K.K. The Evolution of the Idea of World Revolution in the Politics of the Soviet Union (the Rise and Fall of the World Socialist System) // Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta. International Relations. 2018. No. 1. URL: https://irjournal.spbu.ru/article/view/9261 (accessed: 21.09.2026).

«Интровелла» как авторский композиционно-исполнительский стиль: к проблеме саморефлексии в современном композиторском творчестве

Исмаилов Тургут Шакирович,
независимый исследователь
E-mail: to.tnglab@gmail.com

Статья посвящена исследованию авторского композиционно-исполнительского стиля «интровелла» и рассмотрению его значения в контексте проблемы саморефлексии в современном композиторском творчестве. Актуальность исследования определяется усилением интереса музыкальной науки к индивидуальным моделям художественного мышления, возникающим внутри композиторской практики и требующим теоретического осмысления. В условиях многообразия современных композиционных техник большую ценность имеет анализ тех форм музыкального высказывания, которые ориентированы на внутренний слуховой опыт автора и специфические способы организации звучания. В статье рассматриваются концептуальные основания «интровеллы», раскрывается её связь с традицией кантилены и представлением о музыкальном произведении как форме сосредоточенного звукового переживания. Концептуальное внимание уделено роли резонансной среды звучания, формируемой посредством длительной педализации, особенностей артикуляции и динамики, а также гибкости темпа, благодаря чему музыкальная ткань приобретает характер непрерывного акустического пространства. Содержательный анализ авторской композиции собственного сочинения «Dreams» (такты 1–14) позволяет выявить механизм реализации данного композиционно-исполнительского стиля в структуре конкретного произведения. Рассматривается взаимодействие мелодики, фактуры нижнего голоса, педали и динамики, а также последовательность фаз звукового развития, формирующих внутреннюю драматургию произведения. Показано, что музыкальный материал функционирует на нескольких уровнях: как графическая структура нотного текста, как исполнительский способ звукоизвлечения и как носитель художественного смысла. На основании проведённого анализа сделан вывод о том, что «интровелла» представляет собой целостную модель авторского музыкального мышления, в которой композиторская практика и исполнительская интерпретация образуют единую систему художественного опыта. Рассмотрение данного композиционно-исполнительского стиля позволяет уточнить роль саморефлексии в современной композиторской деятельности и расширяет представления о возможных способах формирования индивидуального музыкального языка в условиях современной музыкальной культуры.

Ключевые слова: интровелла, авторский стиль, кантилена, композиционно-исполнительская техника, саморефлексия, резонанс, современная музыка, феноменология звука.

Современная музыкальная культура переживает период интенсивного поиска новых форм художественного высказывания. Изменения, происходящие в сфере композиторского мышления и музыкальной коммуникации, свидетельствуют о заметной трансформации эстетических ориентиров. В этих условиях авторское стремление к уникальности всё чаще уступает место иной установке, сформированной внутри постмодернистского культурного опыта: в настоящее время «на смену модернистскому стремлению сотворить нечто гениальное пришел сознательный отказ авторов от претензий на оригинальность» [1, с. 198]. Следует отметить, что сложившаяся ситуация в создании музыки не означает исчезновения индивидуального художественного жеста, однако предполагает иную форму его проявления, связанную с углублением авторской рефлексии и поиском новых способов организации музыкального произведения.

Изменения в эстетике современной музыкальной композиции сопровождаются расширением средств музыкальной выразительности и изменением представлений о структуре музыкального произведения. В музыкальной культуре второй половины XX – начала XXI столетия заметно усиливается интерес к различным экспериментам со звучанием, тембром и пространственными характеристиками звука. В композиторском творчестве активно осваиваются различные техники композиционного письма и новые способы формирования звукового пространства, включая сонористику, минимализм, алеаторику, додекафонию и иные формы организации акустической материи. Современная музыкальная культура «отличается обилием разнообразных стилевых направлений и средств музыкальной выразительности» [2, с. 6], она формирует особую среду, в которой музыкальное произведение воспринимается и как текст, и как динамическая звуковая среда. При этом «черпая идеи из мирового музыкального мега-поля, авторы создают творения, предполагающие множественность трактовок» [1, с. 203].

Переосмысление структуры музыкального произведения неизбежно затрагивает и саму природу музыкального дискурса. Музыка всё чаще рассматривается как сложная коммуникативная система, которая включает в себя процесс создания произведения, его интерпретацию и восприятие слушателем, т.е. «порождение, интерпретацию, рефлексию» [3, с. 97]. В этом смысле сам по себе музыкальный текст – лишь одна из составляющих более широкого поля художественного взаимодействия, в котором существенную роль играет интерпретация музыки самим исполнителем и индивидуальная манера звукоизвлечения [3]. Как следствие, в настоящее время возрастает значение авторских подходов к формированию новых композиционно-исполнительских стилей, позволяющих раскрывать скрытые акустические и смысловые возможности музыкального произведения, которые, как правило, продолжают существовать в качестве негласного, уникального «ноу-хау» самих авторов.

Одним из проявлений данной тенденции становится повышение роли композитора-исполнителя. Действительно, в современном музыкальном пространстве нередко возникает ситуация, в которой автор произведения выступает и его интерпретатором, что формирует собственную, зачастую уникальную модель звучания и позволяет соединить замысел композиции с индивидуальной техникой её исполнения и тем самым выявить глубинные параметры звуковой структуры произведения. В условиях современной культурной среды, характеризующейся заметным разрывом между новой музыкой и широкой аудиторией, такие формы авторского высказывания приобретают особое значение, поскольку «в них композиторы открывают и отрабатывают новые приемы и средства музыкальной выразительности, делают художественные «открытия»« [4, с. 83]. Вместе с тем они отражают более широкий кризис традиционных моделей композиторского мышления, из которого, по мнению Я. Ульмана, по сути, нет выхода ни с точки зрения социологии, ни с точки зрения музыкального синтаксиса и смысловых коннотаций композиции, ни с точки зрения хаотического смешения реальности и симуляции [5]. По Я. Ульману «на перепутье композиторской мысли каждый композитор должен принять собственное решение и что впоследствии он (или она) будет нести ответственность за это решение, которое определит его творчество и его музыку» [5, с. 164]. Тем не менее интерпретация музыки «должна преодолеть

привычную для любого музыканта дихотомию содержания и выразительных средств» [6, с. 7].

Музыковедческая рефлексия призвана как описывать музыкальные явления, так и способствовать восстановлению связи между современным композиторским творчеством и его восприятием в культурном пространстве [7]. Так, выделяя три стратегии музыковедения в XX–XXI вв. (аутентичного воспроизведения, аналитического индивидуализма и академического консерватизма), Л.Н. Логинова предлагает четвёртую – стратегию гуманитарного естествознания, которая «формирует свои аналитические принципы на пересечении целого комплекса знаний: языкознания, психологии, антропологии, социальных наук» [7, с. 50] и во взаимодействии со всеми стратегиями готовит «к восприятию нового, ещё неизведанного» [7, с. 50]. Одной из возможных форм композиторского мышления и способов формирования уникального композиционно-исполнительского стиля и авторского музыкального языка является обращение к авторским моделям организации звучания, возникающим внутри композиторской практики. Такого рода модели нередко формируются как результат длительного эксперимента со звуковой материей и исполнительскими средствами, несмотря на распространение цифровых технологий, которые способствуют «максимальному раскрытию творческого потенциала режиссеров, музыкантов, визуализаторов, влечет за собой появление абсолютно новых по стилистике и эстетике аудиовизуальных произведений» [8, с. 369]. Исследование таких моделей позволяет выявить специфические способы формирования акустической среды произведения и рассмотреть индивидуальную манеру современного композитора как часть общей композиционной структуры.

В рамках настоящего исследования внимание сосредоточено на разработанной автором концепции «интровеллы» – особой формы взаимодействия замысла композиции и исполнительской техники, основанной на принципе внутренней сосредоточенности звукового процесса и формировании устойчивого резонансного пространства звучания. Цель статьи состоит в теоретическом обосновании понятия «интровелла» как авторского композиционно-исполнительского стиля и выявлении его основных признаков – кантиленной направленности мелодики, особой педализации, резонансной организации звукового пространства, агогической гибкости и специфики фактурного мышления – на материале фрагмента авторской фортепианной пьесы «Dreams».

Научная новизна исследования заключается в следующем:

– В научный оборот искусствоведения впервые вводится имеющий комплексное концептуальное обоснование термин «интровелла», который предлагается для обозначения уникального целостного композиционно-исполнительского стиля, являющегося результатом многолетней работы над техникой звукоизвлечения.

– Впервые приводится подробная характеристика центрального элемента метода исполнения «интровелла» – резонансного «кокона». Анализ охватывает как акустические параметры этого феномена, так и его конкретную реализацию в процессе звукоизвлечения.

– Новаторский композиционно-исполнительский стиль впервые анализируется сквозь призму проблемы саморефлексии, что становится отправной точкой для формулирования и дальнейшего развития вопросов, имеющих универсальное значение для современного композиторского творчества.

Концептуальные основы интровеллы

Появление новых терминов в музыкальной науке обычно связано с попыткой описать художественные явления, которые не укладываются в уже существующий понятийный аппарат. В современной композиторской практике наблюдается всё более выраженное стремление к формированию индивидуальных моделей звукового мышления, требующих адекватного теоретического осмысления. Ситуация характерна для многих направлений музыкальной культуры конца XX – начала XXI века, в которых формирование авторского стиля сопровождается разработкой специфических исполнительских и композиционных принципов, при том, что сам по себе стиль композитора представляет собой чрезвычайно сложную динамическую систему, состоящую из метасистем (этнических и исторических) и подсистем (жанровых и эволюционных), в общем виде представленную В.Н. Сыровым [9, с. 45]. В этом контексте обращение к понятию «интровелла» связано с попыткой обозначить новаторский тип художественного высказывания, возникающий на пересечении замысла композиции и индивидуальной манеры исполнителя. Необходимость уточнения понятийного аппарата современной музыкальной науки обусловлена и усложнением художественных практик, что стимулирует развитие аналитического языка описания музыкального опыта [7]. «Интровелла» в этом смысле есть отражение эвристической мощи саморефлексии, способной продуцировать как художественные, так и теоретические смыслы.

Содержательная структура рассматриваемого понятия определяется взаимодействием двух семантических компонентов. Первый компонент авторской концепции «интровеллы» связан с категорией внутренней направленности художественного высказывания. Музыкальное произведение в данном случае воспринимается как форма сосредоточенного звукового опыта, когда внимание исполнителя и слушателя концентрируется на самом процессе звучания. В данном контексте значима идея introversio («обращённость внутрь»), предполагающая направленность музыкального высказывания на внутренний слуховой опыт и сосредоточенное вслушивание в звучащую материю. Формы восприятия звука данного типа рассматриваются в современной музыкальной мысли как особый антропологический опыт, в рамках которого звук выступает медиатором (посредником) между внутренним состоянием человека и художественной формой: «сумма звуков всегда в музыке нечто неизмеримо больше, чем фактически присутствующие в этой сумме слагаемые» [11, с. 79]. В таком ракурсе музыка передаёт структуру переживания исполнителя и его внутреннее напряжение. Следует отметить, что с указанной установкой соотносится современное представление о музыкальном дискурсе как о сложной системе художественной коммуникации, объединяющей в себе процессы создания, интерпретации и восприятия звукового текста [3].

Второй компонент авторской концепции «интровеллы» связан с традицией кантилены (от лат. cantilena – «пение»), исторически закрепившейся в европейской музыкальной культуре в качестве принципа протяжённого развёртывания мелодии, основанного на текучести фразировки и преобладании её горизонтального развития. Организация музыкальной речи в данном случае предполагает подчинение метрической структуры внутренней логике дыхания и интонационного движения, что особенно заметно в вокальной традиции и её инструментальных трансформациях [10]. Данное понимание кантилены позволяет рассматривать её как характеристику мелодики и важный элемент индивидуального авторского стиля композитора, под которым целесообразно понимать весь «комплекс художественных средств выразительности, идентифицирующий своеобразие творческих особенностей автора, его национальную принадлежность, идейно-образные замыслы и индивидуально-стилистические элементы музыкальной речи, свойственные данной эпохе». [10, с. 314].

Термин «интровелла» является авторским неологизмом. Его семантическая мотивация связана с идеей интроверсии – обращённости музыкального высказывания к внутреннему слуховому опыту – и с кантиленой как принципом певучего, протяжённого мелодического развёртывания. Термин не претендует на нормативное словообразование от латинских основ; он фиксирует художественно-концептуальное единство внутренней сосредоточенности, кантиленной мелодики и особой организации резонансного звучания. Понимание музыки как формы внутреннего опыта тесно связано с представлением о творческом акте как сложном процессе взаимодействия различных уровней сознания автора. Музыкальная идея возникает внутри сложной системы художественного мышления, включая эмоциональные, интеллектуальные и мировоззренческие его компоненты. Музыкальное произведение вследствие этого выступает как организованный звуковой текст и как отражение внутренней структуры творческого сознания. Об этом пишут И.А. Корсакова и Е.А. Мелешкина, выделяя варианты рождения искусства в сознании исполнителя: «произведение существует в сознании автора часто в «свернутом» виде <…> Произведение создается «в материале» <…> Музыка создается автором и начинает «жить собственной жизнью», вступать в диалог со своим создателем, «диктовать» свою волю творцу» [12, с. 78]. Поэтому индивидуальную манеру исполнителя целесообразно рассматривать как один из ключевых элементов композиторского композиционно-исполнительского стиля.

Значительную роль в данном контексте имеет интерпретация произведения самим исполнителем. Важно отметить, что музыкальное исполнение не ограничивается воспроизведением нотного текста, оно формирует художественную концепцию произведения, в которой проявляется доминанта стиля – «своеобразного маркера, который позволяет различать творческие почерки музыкантов» [13, с. 67]. В процессе исполнения возникает целостный звуковой образ произведения, включая тембровые, динамические и пространственные характеристики звучания [13]. Данные процессы свидетельствуют о том, что практика исполнения есть, по сути, фактор формирования авторского музыкального языка. Следует отметить, что значение таких стратегий в структуре композиторского мышления усиливает расширение спектра выразительных средств современной музыки [2].

Синтез кантилены и внутренней направленности звукового процесса и образует специфическую модель организации музыкального

материала, обозначаемую термином «интровелла». В данной модели мелодика сохраняет пластичность кантилены, однако её развитие происходит в условиях специфической акустической среды, ориентированной на длительное вслушивание в тембровые и резонансные свойства звука. Музыкальное произведение приобретает характер замкнутого звукового пространства, в котором смысл формируется за счет сосредоточенного восприятия материи тембра и фактуры акустики (создания резонансного «кокона»), и мелодия приобретает *имплицитный* характер. Данная форма организации звукового опыта соотносится с представлением о стиле как целостной системе художественного мышления, объединяющей выразительные средства, мировоззренческие установки и индивидуальные особенности авторского высказывания [9].

В современной музыкальной культуре художественный поиск развивается на фоне трансформации традиционных моделей музыкальной коммуникации и стремления композиторов к новым формам звукового самоопределения [5]. Будучи основой нового композиционно-исполнительского стиля, «интровелла» в то же время порождает своеобразный артефакт, несущий на себе отпечаток времени и глубоко личного переживания.

Создание резонансного «кокона»

Формирование резонансного «кокона» связано с особой организацией правой педали, которая для авторского композиционно-исполнительского стиля выступает в роли акустического регулятора звуковой среды. Традиционная установка на чёткую педализацию, направленную на сохранение гармонической раздельности созвучий, уступает место иной практике. Продолжительное удержание педали формирует условия для постепенного наслаивания гармоний и возникновения устойчивого резонансного фона. Следует отметить, что такая звуковая среда не сводится к неразборчивому смешению тонов; напротив, речь идёт о формировании мягкой акустической «дымки», внутри которой отдельные гармонические элементы утрачивают резкие границы и соединяются в единое пространство звучания. В отличие от метрической регулярности смена педали в подобной системе подчинена развитию гармонического напряжения и его постепенному ослаблению, вследствие чего музыкальное звучание приобретает характер непрерывной пульсации, внутри которой происходит плавное перетекание одного гармонического состояния в другое.

Восприятие времени в произведении определяется постепенным развитием интонации в соответствии с дыханием мелодии. Темп задаёт общее направление развёртывания формы, однако внутри него существенную роль играют свободные агогические смещения. Небольшие ускорения и замедления формируют естественную гибкость музыкальной фразы и придают звучанию оттенок свободы импровизации. Ритмическая структура при этом часто насыщается фигурациями триолей, размывающих жёсткость метрического деления и создающих плавную волнообразную пульсацию движения. Фактура произведения строится на развертывании последовательностей арпеджио и повторяющихся ритмических фигур в среднем и низком регистрах и формирует непрерывную гармоническую основу звучания. При этом неровность арпеджио способствует более активному взаимопроникновению звуков и усиливает эффект их объединения в общем резонансном поле; вместе с тем функциональный минор сохраняется, длительная педаль ослабляет ясность гармонических границ. Иными словами, гармония начинает восприниматься скорее как источник окрашенного тембрового фона, чем как последовательность чётко разграниченных аккордов.

Артикуляция и динамика в данном случае служат сохранению целостности резонансного пространства. Фигурации фона исполняются мягким туше, вследствие чего атака звука смягчается, каждый тон быстрее уходит в общую акустическую среду пьесы. Мелодия звучит плотнее и яснее, вследствие чего интонационное ядро высказывания не теряет рельефа. Динамический диапазон в основном лежит в пределах тихой и умеренно тихой звучности (от piano до mezzo-piano). Ограничение громкости поддерживает камерность музыкальной ткани и её внутреннюю собранность. Существенное значение имеет слуховой контроль – важно удерживать ясность мелодии и плотность резонансного фона в составе одного звукового целого – тогда движение мелодии воспринимается как часть общего звучания и не отделяется от него. Главным показателем точности исполнения является соразмерность выразительности мелодии и насыщенности резонансного поля.

Реализация композиционно-исполнительского стиля «интровелла» на примере композиции «Dreams»

Композиционно-исполнительский стиль «интровелла» представляется на примере фрагмента авторской композиции сочинения «Dreams» (такты 1–14). Начальный фрагмент пьесы «Dreams» (анданте, фортепиано соло, тт. 1–14) отражает компактную форму, внутри которой последовательно раскрываются основные признаки композиционно-исполнительского стиля «интровелла».

Центр организации – ля минор – задаёт мягкую, сдержанную окраску звучания и формирует атмосферу сосредоточенного внутреннего высказывания. Размер 4/4 и умеренный темп формируют ощущение протяжённости времени, благоприятное для постепенного развёртывания звука. Фактура выстраивается на разделении функций между руками – верхний голос ведёт линию мелодии, разворачивающуюся преимущественно в среднем и верхнем регистрах, нижний план образуют непрерывные арпеджированные движения, формирующие устойчивый гармонический фон. Фактурная организация формирует характерное звуковое пространство, внутри которого мелодическое движение воспринимается как внутренний монолог, существующий внутри мягкого резонансного поля. В целом структура анализируемого фрагмента выявляет последовательность четырёх фаз развития (рис. 1).

Рис. 1. Нотный фрагмент авторской композиции сочинения «Dreams» (такты 1–14). Фортепиано соло.

Источник: авторская разработка

Движение первое – возникновение резонансной среды. В тактах 1–4 пьесы «Dreams» складывается исходное состояние звукового мира. Линия мелодии в верхнем голосе начинается поступательным подъемом от ля к ре, вследствие чего уже в начале слышится сдержанность высказывания и его внутренняя собранность. В партии левой руки идёт записанное триолями непрерывное арпеджио трезвучия ля минор. Следует отметить, что пульсация не дробит музыкальную ткань на жесткие доли, она сообщает ей мягкое течение. Единая лига начальной фразы, тихая динамика и протяжённость педали образуют звуковую среду, внутри которой очертания созвучий постепенно смягчаются. Мелодия утрачивает обособленность солирующего голоса и входит в состав общего звучания. Начальный раздел вводит главный признак «интровеллы».

Движение второе – пробуждение внутреннего беспокойства. В тактах 5–7 сохраняется связь с начальным разделом, однако внутрь звуковой ткани входит новое состояние. Линия мелодии поднимается выше, ритмический рисунок становится более расчленённым, интервальный ход теряет прежнюю плавность. Арпеджио в партии левой руки продолжает удерживать течение гармонии, хотя его роль уже не сводится

к простому фону. В пульсации нижнего голоса возрастает рельефность, внутри звучания возникает напряжённое ожидание. Педаль сменяется чаще, и внутренний мир пьесы меняется постепенно, изнутри.

Движение третье – предел напряжения. В тактах 8–10 музыкальная мысль достигает наибольшей интенсивности. Линия мелодии теряет плавность начальных оборотов и включает более острые интервальные ходы, вследствие чего интонация получает характер внезапного выброса. Арпеджио в партии левой руки сохраняется, хотя его воздействие уже иное. Оно не успокаивает слух, оно усиливает напряжение общего звучания. Появление хроматически изменённых ступеней, учащение педальных смен, более частое обновление резонанса создают впечатление колеблющейся гармонической среды.

Движение четвёртое – возвращение к собранности. В тактах 11–14 напряжение постепенно отступает, однако речь идёт не о простом восстановлении начального состояния. Линия мелодии движется вниз, интонационный рисунок освобождается от прежней остроты, течение времени замедляется. Арпеджио в партии левой руки сохраняет основу фактуры, хотя его разреженность усиливает ощущение длительности музыкального времени. Педаль обновляется реже, вследствие чего резонанс вновь сообщает звучанию цельность, уже несущую память о пережитом волнении. Заключительные такты возвращают музыку к покою, уже отмеченному пережитым напряжением. В такой последовательности «интровелла» раскрывается как движение к внутренней собранности, идущее от замкнутости через волнение и напряжение к более «зрелой» тишине. В целом суть нотно-фактурного анализа, состояние педали и философско-эстетический смысл для каждого движения обобщены ниже (табл. 1).

Таблица 1. Реализация композиционно-исполнительского стиля «интровелла»: фрагмент композиции собственного сочинения «Dreams» (такты 1–14). Фортепиано соло

Движение	Линия мелодии	Фактура нижнего голоса	Педаль	Смысловое состояние
1. Формирование резонансной среды (тт. 1–4)	Поступенное начало; квартовый жест ля–ре; сдержанная интонация	Арпеджио трезвучия ля минор; равномерная пульсация триолями	Длительное удержание педали; редкая смена педали	Замкнутое пространство слуха; внутренняя сосредоточенность
2. Пробуждение внутреннего беспокойства (тт. 5–7)	Расширение диапазона; более рельефный ритм	Продолжение арпеджио; усиление пульсации	Более частая смена педали	Начальное внутреннее беспокойство
3. Предел напряжения (тт. 8–10)	Резкие интервальные ходы; усиление интонации	Арпеджио с усилением движения	Частое обновление педали	Пик внутреннего напряжения
4. Восстановление равновесия (тт. 11–14)	Нисходящее движение; постепенное успокоение	Разреженность фактуры; замедление движения	Редкая смена педали	Собранный покой; завершение внутреннего процесса

Источник: авторская разработка

Рассмотрение четырёх разделов фрагмента композиции собственного сочинения «Dreams» (такты 1–14) позволяет рассмотреть «интровеллу» как цельную форму художественного мышления. Речь идёт о внутренне согласованной системе организации звучания. Педальная работа, агогика (небольшие отклонения темпа внутри фразы) и особенности артикуляции образуют единый тон выразительности, направленный на сохранение резонансной среды произведения.

В пределах начальных четырнадцати тактов пьесы «Dreams» возникает замкнутый цикл внутреннего переживания, последовательно проходящий через состояние покоя, пробуждение напряжения, его предельное обострение и последующее восстановление равновесия. В таком звуковом процессе мелодия выступает носителем интонации внутреннего монолога, тогда как резонансная среда формирует условия для его углублённого слухового восприятия. Манера исполнения «интровеллы» формирует пространство звучания, внутри которого музыкальная мысль обращается к собственному внутреннему движению и раскрывается как форма сосредоточенного самонаблюдения.

«Интровелла» как саморефлексия в современном композиторском творчестве

Современное композиторское творчество все заметнее связывается с обращением автора к собственному опыту письма и слуха: в настоящее время «принято считать, что наиболее релевантной представляется репрезентация творчества композитора, исходящая непосредственно от него самого» [14, с. 113]. Саморефлексия входит в состав самого акта сочинения, когда музыкальное высказывание сопровождается словесным осмыслением его интонационного строя, жанра и характера авторского голоса [14]. В композиторском музыковедении слово автора о собственном сочинении выступает частью художественного самопознания, в сфере самопрезентации (автопрезентации) композитор раскрывает и произведение, и круг личных представлений о нем: «авторефернтная стратегия выражает склонность творца к авторефлексии, потребность в самоатрибуции, самоаналитике, самопрезентации, что очерчивает соответствующий круг проблем, требующих своей научной экспликации» [15, с. 217].

С этой точки зрения «интровелла» может рассматриваться как одна из форм композиторской саморефлексии в современной музыке. Ее существенный признак связан с обращением автора к внутреннему слуховому пространству, а также наблюдению над рождением интонации, резонанса, тембра, длительности мелодии. Личное переживание здесь входит в состав художественной формы и вместе с тем сохраняет статус объекта осмысления, что сближает «интровеллу» с тем кругом явлений, в котором авторское творчество рассматривается в единстве письма и словесной рефлексии.

Выводы

Проведённое исследование позволяет рассмотреть в «интровелле» самостоятельный композиционно-исполнительский стиль, в котором соединяются работа композитора, работа исполнителя и опыт музыковедческого осмысления. Значение предложенной концепции связано с тем, что она вводит в научный оборот форму художественного высказывания, ориентированную на внутреннюю сосредоточенность звучания, длительность слухового переживания и особую роль тембра, педали и кантилены. Рассмотрение пьесы «Dreams» показало, что интонационный процесс, фактура, педаль, агогика и динамика образуют здесь единый музыкальный строй, в пределах которого музыкальная ткань раскрывается как путь от первоначальной собранности к напряжению и затем к новому состоянию покоя, уже несущему память о пережитом движении. Тем самым исследование подтверждает мысль о том, что саморефлексия в современном композиторском творчестве может выступать продуктивной новаторской формой художественного знания, поскольку авторское вслушивание в собственный материал позволяет выявить смысловые и звуковые качества произведения, которые редко становятся предметом последовательного анализа. Перспектива дальнейшей работы связана с расширением круга сочинений, написанных в русле «интровеллы», уточнением её понятийного языка и более широким включением данного опыта в обсуждение тех форм музыкального письма, для которых внутренний слух, память звучания и личная интонация становятся центром художественного высказывания.

Литература

1. Матвеева И.И., Юркина О.В. Постмодернистские приемы в популярной музыке начала XXI века // Обсерватория культуры. 2019. Т. 16. № 2. С. 196–207.
2. Кудряков С.Н. Творчество композиторов второй половины XX – начала XXI века в контексте современных средств музыкальной выразительности // Культура и время перемен. 2021. № 2 (33). С. 1–7.
3. Жукова Г.К. Музыкальный смысл: язык, речь, мышление, дискурс // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. № 120. С. 96–102.
4. Пономарев В.В. Кому нужны современные композиторы? // Музыкальный альманах Томского государственного университета. 2019. № 7. С. 79–84.
5. Ульман Я. На перепутье композиторской мысли // Научный вестник Московской консерватории. 2021. № 2 (45). С. 164–189.
6. Грибанова Л.М. Музыка как синергия и неклассическая модель человека // Обсерватория культуры. 2020. Т. 17. № 1. С. 4–15.
7. Логинова Л.Н. Музыковедение и композиторское творчество в современной культуре // Слово о музыке. 2022. № 2 (11). С. 45–51.
8. Будагян Р.Р., Зайцева М.Л. Цифровые технологии в современном музыкальном пространстве // Обсерватория культуры. 2020. Т. 17. № 4. С. 368–378.
9. Сыров В.Н. Композиторский стиль как динамическая система // Мир музыки. 2015. № 1 (62). С. 44–53.
10. Сухорукова И.Г. Авторский стиль в музыке: к проблеме определения // Межкультурное взаимодействие в современном музыкально-образовательном пространстве. 2018. № 15. С. 311–315.
11. Шиповская Л.П. Музыка – медиатор материального и духовного // Сервис plus. 2019. Т. 13. № 1. С. 77–81.

12. Корсакова И.А., Мелешкина Е.А. О некоторых аспектах создания музыкального сочинения // Человеческий капитал. 2016. № 1 (85). С. 77–80.

13. Сухленко И.Ю. Стилевые доминанты исполнительской концепции музыкального произведения // Аспекты исторического музыковедения. 2018. Т. 11. С. 61–71.

14. Чепеленко К.О. Авторефлексия как интенция композиторского музыковедения // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 1 (21). С. 112–117.

15. Чепеленко К.О. Композитор как авторологическая фигура творческих стратегий самопрезентации: методологические основания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 4 (78). С. 216–218.

INTROVELLA AS AN AUTHORIAL COMPOSITION AND PERFORMANCE STYLE: TOWARD THE PROBLEM OF SELF-REFLECTION IN CONTEMPORARY COMPOSER'S PRACTICE

Ismailov T.Sh.

The article is devoted to the study of the author's composition and performance style introvella and the consideration of its significance in the context of the problem of self-reflection in modern compositional work. The relevance of the research is determined by the increasing interest of music science in individual models of artistic thinking that arise within composing practice and require theoretical understanding. In the context of the diversity of modern compositional techniques, it is of great value to analyze those forms of musical utterance that are focused on the author's inner auditory experience and specific ways of sound organization. The article examines the conceptual foundations of introvella, reveals its connection with the cantilena tradition and the idea of a piece of music as a form of concentrated sound experience. Conceptual attention is paid to the role of a resonant sound environment formed through prolonged pedalization, articulation and dynamic features, as well as tempo flexibility, which gives the musical fabric the character of a continuous acoustic space. A meaningful analysis of the author's original composition «Dreams» (1–14 bars) identifies the mechanism of implementation of this composition and performance style in the structure of a particular work. The article examines the interaction of melody, texture of the lower voice, pedal and dynamics, as well as the sequence of phases of sound development that form the inner drama of the work. It is shown that musical material functions on several levels: as a graphic structure of musical notation, as a performing method of sound production, and as a carrier of artistic meaning. Based on the analysis, it is concluded that introvella is an integral model of the author's musical thinking, in which composing practice and performing interpretation form a single system of artistic experience. Consideration of this composition and performance style makes it possible to clarify the role of self-reflection in modern compositional activity and expands the understanding of possible ways to form an individual musical language in the context of modern musical culture.

Keywords: introvella, author's style, cantilena, composition and performance technique, self-reflection, resonance, modern music, phenomenology of sound.

References

1. Matveeva I.I., Yurkina O.V. Postmodern Techniques in Popular Music of the Early 21st Century // Obserwatoriya Kultury. 2019. Vol. 16. № 2. Pp. 196–207.

2. Kudryakov S.N. The Work of Composers of the Second Half of the 20th – Early 21st Century in the Context of Modern Means of Musical Expression // Kultura i Vremya Peremen. 2021. № 2 (33). Pp. 1–7.

3. Zhukova G.K. Musical Meaning: Language, Speech, Thinking, Discourse // Izvestia of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen. 2010. № 120. Pp. 96–102.

4. Ponomarev V.V. Who Needs Modern Composers? // Musical Almanac of Tomsk State University. 2019. № 7. Pp. 79–84.

5. Ulman Ya. At the Crossroads of Compositional Thought // Scientific Bulletin of the Moscow Conservatory. 2021. № 2 (45). Pp. 164–189.

6. Gribanova L.M. Music as Synergy and a Non-Classical Model of Humanity // Observatory of Culture. 2020. Vol. 17. № 1. Pp. 4–15.

7. Loginova L.N. Musicology and Compositional Creativity in Modern Culture // The Word about Music. 2022. № 2 (11). Pp. 45–51.

8. Budagyan R.R., Zaitseva M.L. Digital technologies in the modern musical space // Obserwatoriya kultury. 2020. Vol. 17. № 4. Pp. 368–378.

9. Syrov V.N. Composer's style as a dynamic system // Mir muzyki. 2015. № 1 (62). Pp. 44–53.

10. Sukhorukova I.G. Author's style in music: on the problem of definition // Intercultural interaction in the modern musical and educational space. 2018. № 15. Pp. 311–315.

11. Shipovskaya L.P. Music as a mediator between the material and the spiritual // Service plus. 2019. Vol. 13. № 1. Pp. 77–81.

12. Korsakova I.A., Meleshkina E.A. On some aspects of creating a musical composition // Human Capital. 2016. № 1 (85). Pp. 77–80.

13. Sukhlenko I. Yu. Stylistic dominants of the performing concept of a musical work // Aspects of Historical Musicology. 2018. Vol. 11. Pp. 61–71.

14. Chepelenko K.O. Autoreflexivity as an Intention of Compositional Musicology // Bulletin of Tomsk State University. Cultural Studies and Art History. 2016. № 1 (21). Pp. 112–117.

15. Chepelenko K.O. The Composer as an Autological Figure of Creative Strategies of Self-Presentation: Methodological Foundations // Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art History. Issues of Theory and Practice. 2017. № 4 (78). Pp. 216–218.

Договорные механизмы и пространственные последствия эволюции восточной границы россии и китая: От нерчинского до пекинского договора

Чжоу Юй,
магистр, Хэйлунцзянский университет
E-mail: 3445677735@qq.com

Статья посвящена сравнительному исследованию договорных механизмов изменения восточной границы России и Китая в 1689–1860 гг. Источниковую основу составляют опубликованные тексты Нерчинского, Айгунского и Пекинского договоров; дополнительные исследования используются для реконструкции дипломатического контекста. Применяются сравнительно-исторический, историко-генетический методы и элементы историко-географического анализа. Разграничиваются договорное описание рубежа, фактическое присутствие властей и последующее обозначение границы на местности. Показано, что Нерчинский договор сочетал установление отдельных участков границы с сохранением неурегулированного пространства; Айгунский договор изменил территориальные, навигационные и административные условия в бассейне Амура, а Пекинский договор подтвердил и конкретизировал новые пограничные положения, предусмотрев картографическое и полевое оформление. Уточнены содержание временного совместного владения к востоку от Уссури и пределы выводов о социальных последствиях. Предложена схема анализа «условия переговоров – договорная норма – реализация – наблюдаемое последствие».

Ключевые слова: Российско-Китайская Граница, Нерчинский Договор, Айгунский Договор, Пекинский Договор, Историческая География, Международные Договоры.

Введение

Восточная граница России и Китая не представляла собой неизменную линию, сформированную в результате однократных переговоров. Пограничные конфликты XVII в., переговоры 1689 г., продвижение России в нижнем течении Амура в середине XIX в. и дипломатические договорённости 1858–1860 гг. относятся к различным этапам её становления. Простое перечисление событий по датам подписания договоров может привести к смешению трёх различных явлений: линии, предусмотренной договорным текстом, фактического контроля над территорией и картографического изображения, созданного в ходе последующего разграничения. В связи с этим исследование ставит следующие вопросы: каким образом три договора определяли территориальную принадлежность, временные режимы и порядок реализации границы и как соответствующие изменения были связаны с военно-дипломатической обстановкой?

Источниковую основу составляют опубликованные русский текст Нерчинского договора и перевод его латинской редакции, китайский текст Айгунского договора и опубликованные китайская и русская редакции российско-китайского Пекинского договора. Нерчинский договор датируется 27 августа (6 сентября по новому стилю) 1689 г.; дата подписания отдельных разноязычных экземпляров требует отдельной текстологической проверки. Для событий XIX в. используются даты по григорианскому календарю, при необходимости указывается старый стиль. Различия в передаче географических названий рассматриваются как источниковедческая проблема; идентичность исторических и современных топонимов не предполагается заранее [1].

Методика объединяет сравнительно-исторический анализ договорных формулировок, историко-генетическую реконструкцию последовательности пограничных решений и элементы историко-географического сопоставления. Сначала выявляются военно-дипломатические условия переговоров, затем сравниваются положения о принадлежности территории, временном режиме отдельных участков, торговле и судоходстве. Далее различаются согласование границы в тексте, её картографическое представление, обозначение на местности и местная административная практика. Социальные последствия оцениваются только в пределах, допускаемых привлечёнными источниками. Новизна подхода состоит в сопоставлении не только итоговых территориальных решений, но и механизмов перехода от договорной нормы к практике разграничения.

Пограничные контакты XVII века и разграничение 1689 года

В середине XVII в. российские казачьи отряды, продвигавшиеся по речным системам Сибири, достигли бассейна Амура, где вступили в столкновения с местным населением и пограничными силами империи Цин. Одним из ключевых пунктов противостояния стал Албазин. В 1685 и 1686 гг. цинские войска проводили военные действия против крепости. Военное давление в сочетании с дипломатическими контактами содействовало переходу к переговорам. Император Канси определял стратегический курс, тогда как непосредственное руководство операциями осуществляли полевые военачальники; поэтому характеристика обеих кампаний как личных походов императора исторически некорректна. Ранние конфликты свидетельствуют о важности речных коммуникаций, опорных пунктов и снабжения для контроля над приграничьем. Вместе с тем конкретные сведения о ходе боёв и потерях требуют проверки по архивным материалам, а не воспроизведения неподтверждённых рассказов. Для изучения дипломатических контактов этого периода существенна работа М. Манколла, специально посвящённая российско-китайским отношениям до 1728 г. [2].

Переговоры в Нерчинске должны были не только прекратить военное противостояние, но и урегулировать ситуацию, при которой стороны ранее не располагали взаимно признанной линией разграничения. Институциональное значение договора заключалось в переводе военно-политического конфликта в плоскость согласованных географических ориентиров: основными объектами описания стали реки и горные водоразделы; предусматривались также отвод сил и регулирование переходов через границу. Следовательно, устойчивость ран-

ней границы зависела не только от военного присутствия, но и от текстуально закреплённых правил, позволявших уменьшить вероятность новых столкновений.

Нерчинский договор, заключённый 27 августа (6 сентября) 1689 г., определял разграничение по реке Горбице и связанным с ней горным хребтам, а также по Аргуни; принадлежность водотоков по разные стороны водораздела служила дополнительным ориентиром. При этом часть территории между рекой Удой и упомянутыми горами была оставлена для дальнейшего выяснения и согласования. Документ предусматривал разрушение укреплений Албазина и вывод российского населения, а также правила в отношении переходов и контактов. Таким образом, в самом договоре сосуществовали уже определённые участки и пространство, правовой режим которого ещё надлежало уточнить. Характеризовать все участки границы как окончательно установленные нельзя [3].

С точки зрения исторической географии водораздел является ориентиром, допускающим словесное описание, однако сам по себе не устраняет неоднозначности в наименованиях хребтов, определении истоков рек и точности съёмки. При переносе договорных формулировок на карту необходимо указывать использованную редакцию документа, соответствие исторических и современных топонимов, дату составления карты и её масштаб. Поэтому положение о том, что уже в 1689 г. весь Амур стал российско-китайской пограничной рекой, не соответствует основной географической конструкции договора. В более широком контексте изучение пограничных систем Цин требует учитывать взаимосвязь дипломатии, военной организации и управления приграничьем, что рассматривается, в частности, в исследовании П. Пердью [4].

Сравнение установленных договором участков с пространством, оставленным для дальнейшего согласования, выявляет принципиальное отличие между фиксацией границы и претензией на исчерпывающую определённость всей территории. Указание на Горбицу, Аргунь и горные водоразделы создавало договорную основу разграничения, но не заменяло точной полевой съёмки. Отсутствие современной геодезической привязки делает некорректным механическое наложение словесной формулы 1689 г. на нынешнюю карту. Для интерпретации спорного участка необходимо отдельно сопоставить русскую, латинскую и маньчжурскую редакции; в настоящем исследовании такой построчной сверки не проводилось.

Ранние договорённости касались не только разграничения, но и поездок и торговли по установленным документам. Пограничное взаимодействие имело двойственный характер: линия границы и правила перехода уменьшали риск военных инцидентов, тогда как торговля предоставляла населению и купеческим караванам законные каналы контактов. Стабильность пограничного режима не означала полного отсутствия конфликтов, но создавала возможность их урегулирования посредством согласованных процедур. Кяхтинские договорённости 1727 г. относились главным образом к иному участку границы и торговому режиму; здесь они учитываются как контекст продолжения российско-китайских связей, а не как часть территориальных положений восточных договоров.

Продвижение на пограничных территориях и условия переговоров в середине XIX века

В середине XIX в. Россия усилила судоходную, исследовательскую и военно-административную деятельность в нижнем течении Амура и в районе его устья, тем самым расширив возможности непосредственного присутствия на местах. Одновременно империя Цин испытывала давление внутренних восстаний и внешних войн; согласование военных ресурсов, передачи информации и полномочий между центральной и местной администрацией существенно осложнилось. Объяснение возникновения договора 1858 г. требует одновременного рассмотрения российских действий в приграничье, политики центральных властей Цин и конкретной обстановки переговоров в Айгуне. Сведение всех изменений к личным решениям Ишаня не отражает многоуровневого характера процесса.

Связь между Нерчинским и Айгунским договорами нельзя объяснять лишь сменой дат. За полтора столетия изменились способы продвижения, снабжения и организации речных маршрутов в Приамурье; в середине XIX в. морские и речные коммуникации приобрели новое значение для российского присутствия на тихоокеанском направлении. Одновременно военные конфликты и внутренние выступления ограничивали возможности цинского правительства концентрировать ресурсы в северо-восточном приграничье. Эти обстоятельства позволяют объяснить изменение переговорных условий, но сами по себе не заменяют анализа конкретных договорных статей и решений центральных властей.

Необходимо разграничивать фактическое занятие определённой местности и территориальное устройство, зафиксированное в договоре. Первое понятие характеризует присутствие военно-административных сил, второе – нормативное содержание подписанного сторонами документа. Эти процессы могли влиять друг на друга во времени, но не являются тождественными показателями. Приравнивание военного продвижения к результатам договора или, напротив, сведение договора к простому изменению цвета территории на карте исключает из анализа механизм перехода от переговоров к институционализации новой границы.

Айгунский договор 1858 года: содержание и институциональные особенности

28 мая (16 мая по старому стилю) 1858 г. Ишань и Н.Н. Муравьёв подписали договор в Айгуне. Его основное территориальное положение предусматривало переход обширных земель по левому берегу Амура от Аргуни до устья к России, сохранение особого режима для определённых групп жителей и временное совместное владение территорией к востоку от Уссури до моря до дальнейшего определения границы. Данная временная конструкция не позволяет утверждать, что уже в 1858 г. вся уссурийская территория была непосредственно передана России на основании текста этого договора.

Формула «совместного владения» в статье 1 Айгунского договора указывала на переходный режим территории от Уссури до моря до определения границы. Она не равнозначна окончательной передаче этой территории России в 1858 г.; вместе с тем её не следует без дополнительного анализа приравнивать к современной конструкции совместного суверенитета. Соответствующее положение было пересмотрено при последующем договорном урегулировании 1860 г. В этом проявляется различие между временной договорной конструкцией и окончательно описанной в позднейшем документе линией границы [5].

Договорные формулировки связывали изменение территориального режима с вопросами проживания населения и местного управления. Положения о поселениях на левом берегу Амура, традиционно обозначаемых как шестьдесят четыре деревни к востоку от реки, на нормативном уровне сохраняли проживание их жителей и управление со стороны цинских должностных лиц. Для оценки продолжительного действия этих положений необходимы отдельные источники: списки жителей, документы местного управления и материалы о последующих событиях. Сам текст договора не позволяет заключить, что предусмотренные им гарантии неизменно выполнялись.

Пример левобережных поселений, известных в историографии как «шестьдесят четыре деревни», позволяет показать различие между нормативной гарантией и административной практикой. Статья 1 предусматривала сохранение проживания определённых жителей и управления ими со стороны цинских властей; из этой формулы нельзя вывести ни полный перечень поселений на конкретную дату, ни степень фактического исполнения гарантии в последующие десятилетия. Для доказательства её действия необходимы материалы пограничной администрации, учёт населения и документы о конкретных населённых пунктах.

Согласно статьям 1 и 2 Айгунского договора, документ содержал положения о судоходстве по Амуру, Сунгари и Уссури, а также о торговле жителей обоих берегов и обязанностях пограничных властей. Следовательно, изменение границы затрагивало не только принадлежность суши, но и правовые условия использования водных транспортных путей. В бассейне Амура река одновременно выполняла функции политического рубежа, транспортной магистрали, канала снабжения и хозяйственных контактов. Изменение её статуса поэтому не исчерпывается формулой о превращении внутренней реки в пограничную.

При характеристике транспортных последствий следует отделять предусмотренное договором право судоходства от реальных объёмов перевозок. Первое подтверждается непосредственно документом, тогда как второе требует судовых журналов, сведений о грузообороте и портовых архивов. Такой подход предотвращает подмену транспортного потенциала выводом о фактически достигнутом экономическом росте.

При изучении правового оформления Айгунского договора важно различать его подписание местными представителями, утверждение центральной властью и подтверждение соответствующих договорённостей в последующих актах. Источники указывают, что цинский двор первоначально не утвердил этот договор, а российско-китайский Пекинский договор 1860 г. вновь закрепил основные пограничные положения. Следовательно, дату подписания в 1858 г. не следует автоматически отождествлять с завершением всех юридических и административных процедур. Комплексное исследование изменения

российско-китайской границы в этот период представлено в труде С. К.М. Пейн [6].

Пекинский договор 1860 года и пространственное оформление границы

Во время Второй опиумной войны российские дипломатические представители участвовали в переговорах, проходивших в Пекине. 14 ноября 1860 г. стороны подписали Пекинский договор. Его первая статья устанавливает связь с айгунскими договорённостями 1858 г. и подробнее описывает восточную линию границы в районе Амура, Уссури, реки Сунгачи, озера Ханка и далее в направлении реки Туманной. По сравнению с режимом временного совместного владения, предусмотренным в 1858 г., договор 1860 г. содержал новые положения о принадлежности территории к востоку от Уссури.

Нормативное различие между договорами особенно заметно при сопоставлении статьи 1 Айгунского договора и статьи 1 Пекинского договора. Первый документ фиксировал территориальную перемену по левому берегу Амура и временное совместное владение к востоку от Уссури. Второй описал последующую линию от слияния Шилки и Аргуни по Амуру, Уссури и Сунгаче через район озера Ханка и далее к Туманной, закрепив принадлежность участков по сторонам линии. Статья 3 Пекинского договора предусматривала дальнейшую работу уполномоченных по описанию границы, картам и знакам. Следовательно, территориальное решение и процедура его перенесения на местность составляли связанные, но различные стадии [7].

Таким образом, соотношение двух документов нельзя сводить к повторению одного события. Оно представляет собой последовательность первоначального изменения и последующего подтверждения и уточнения разграничения. Предыдущий договор изменил принадлежность левого берега Амура и временно оставил другую обширную территорию в особом режиме; следующий уточнил статус этой территории и подробнее описал восточную границу к югу. Без разделения двух этапов невозможно корректно реконструировать временную структуру пограничных изменений середины XIX в. Общий контекст внешнеполитических кризисов поздней империи Цин раскрывается в соответствующем томе «Кембриджской истории Китая» [8].

Пекинский договор не ограничивался словесным описанием границы с опорой на реки, озёра и горные объекты. Его статьи 1 и 3 предусматривали оформление карты и отдельные действия по обследованию местности и установлению пограничных знаков. Текст задавал нормативное пространственное описание, карта представляла его графически, а пограничные знаки обеспечивали возможность идентификации рубежа на местности. Эти этапы требовали процедурного согласования. При неоднозначном соответствии старых топонимов современным объектам историческую карту нельзя использовать в отрыве от даты её создания и сопровождавшего её текста.

В методологическом отношении реализацию разграничения можно рассматривать как последовательность переговорного согласования, текстуального закрепления, картографического изображения, обозначения на местности и местного управления. Такая процессуальная модель лучше объясняет длительное воздействие пограничных положений на прибрежную администрацию, передвижение населения и организацию торговли, чем простое сравнение территориальных контуров до и после подписания договоров.

Сопоставление договоров и исторические последствия

В таблице 1 по текстам договоров сопоставлены территориальные положения, временный или постоянный режим соответствующих участков и предусмотренные способы исполнения. Сравнение показывает, что изменение границы нельзя свести к единой дате или к приблизительному показателю площади: содержание обязательств и стадии их реализации различались.

Таблица 1. Сравнение договорных механизмов восточного разграничения (по текстам документов)

Договор	Территориальные положения	Правовой режим	Механизмы реализации
Нерчинский договор, 1689 г.	Горбица, горные водоразделы, Аргунь; район у р. Уды оставлен для дальнейшего согласования.	Разграничение установленных участков; правила переходов и контактов.	Вывод из Албазина; договорное описание без современной геодезической фиксации.
Айгунский договор, 1858 г.	Левобережье Амура от Аргуни до устья отнесено к России; район к востоку от Уссури до моря временно в совместном владении.	Положения о проживании части населения, управлении, судоходстве и торговле.	Подписание в Айгуне; последующее подтверждение и изменение режима по договору 1860 г.
Пекинский договор, 1860 г.	Подтверждение амурского разграничения и определение линии от Уссури через Сунгачу и Ханку к Туманной.	Уточнение территориальной принадлежности и условий пограничных контактов.	Карты, описания, обследование и пограничные знаки по статьям 1 и 3.

Окончание

Источник: составлено автором по текстам Нерчинского, Айгунского и Пекинского договоров.

Сопоставление обнаруживает не линейное «усовершенствование» договорной техники, а изменение решаемых задач: в 1689 г. центральным было прекращение приграничного военного противостояния и описание рубежа; в 1858 г. – изменение территориального и речного режима; в 1860 г. – подтверждение и детализация новой линии, а также механизмов её исполнения. Это аналитический вывод из сопоставления документов, а не утверждение о непрерывности одинакового правового режима на протяжении всего периода.

Территориальные, транспортные и социальные изменения

Договоры середины XIX в. существенно изменили северо-восточную границу империи Цин и её пространственную связь с морским побережьем. В литературе для земель к северу от Амура и к востоку от Уссури нередко приводится суммарная оценка около 1 млн км . Однако это приблизительный показатель, а не точная величина, полученная из геодезических данных самих договоров. Разные исследователи могут неодинаково учитывать реки, острова, прилегающие островные территории и ранее неурегулированные участки. Для точного расчёта нужны исторические карты, метод определения площади и ясно очерченные пространственные границы. Поэтому здесь сохраняется только указание на порядок величины без представления её в качестве самостоятельно проверенного количественного результата.

Помимо площади, договорные положения непосредственно свидетельствуют об изменении транспортного режима: правовые условия доступа к устью реки, судоходным путям и портам оказались связаны с новым устройством границы. Вместе с тем объёмы перевалки конкретных портов, торговый оборот и миграция населения не могут быть выведены только из договорных статей; их необходимо подтверждать статистикой соответствующего времени и местными архивами. Таким образом, следует различать изменение институциональной среды и его конкретные экономические результаты.

Линия государственной границы не во всех случаях совпадала с повседневным пространством местных сообществ. Население берегов рек поддерживало родственные, промысловые, торговые и сезонные связи; установление новых административных рубежей требовало адаптации ранее сложившихся сетей к изменившимся правилам. Положения о проживании, местном управлении и торговле служат документальной отправной точкой для изучения этих процессов. Однако утверждения о языковых, религиозных и культурных изменениях у хэчжэ, нанайцев и эвенков нельзя считать доказанными без переписей населения, этнографических наблюдений и местных архивных материалов. История российского Дальнего Востока как пространства пересекающихся приграничных сообществ подробно рассматривается в исследовании Дж.Дж. Стефана [9].

Возможное дальнейшее исследование может использовать прибрежные поселения в качестве единицы наблюдения и сопоставить записи о населении, налогах, пропусках, браках и торговле до и после подписания договоров. При этом необходимо соотносить различающиеся наименования одних и тех же этнических групп в российских и китайских документах. Только последовательное сопоставление этих материалов позволит обоснованно связать макроуровень территориальных изменений с конкретными социальными механизмами.

Исторические договоры могут по-разному интерпретироваться в зависимости от исследовательского подхода, национальной историографической традиции и языка источника. Такие различия необходимо раскрывать через конкретные документы, а не приписывать всем китайским или российским исследователям единую позицию. Вопросы

истории разграничения 1689–1860 гг. следует отделять от современного правового режима: соглашение СССР и КНР о восточной части границы от 16 мая 1991 г. и дополнительное соглашение России и КНР от 14 октября 2004 г. относятся к иному этапу договорного оформления [10, 11].

Отдельный договор о режиме российско-китайской государственной границы регулирует вопросы её содержания и управления, но не заменяет названные акты о прохождении линии границы [12]. Поэтому реконструкция исторического изменения рубежа и характеристика его современного юридического режима требуют разных групп источников.

Ограничения исследования и перспективы проверки выводов

Исследование основано преимущественно на опубликованных текстах договоров и историографических работах. Построчная сверка всех сохранившихся русских, латинских и маньчжурских экземпляров, геодезическая привязка исторических карт и самостоятельный подсчёт площади не выполнялись. Вследствие этого реконструкция границы остаётся качественным сравнением договорных механизмов. Указанные ограничения не отменяют результата сопоставления статей, но исключают претензию на исчерпывающую картографическую реконструкцию или количественную оценку социальных последствий.

Для анализа социальных последствий необходима последовательная доказательная цепочка: какое институциональное изменение предусматривал договор, было ли оно реализовано на конкретной территории и какие наблюдаемые последствия возникли для транспорта и населения. При оценке площади, торговли и численности жителей должны указываться год данных и границы совокупности. Это позволит развивать работу в направлении воспроизводимого историко-географического исследования, а не увеличивать её объём за счёт непроверенных подробностей.

Заключение

Сопоставление договорных текстов показывает, что в 1689–1860 гг. изменялись не только географические ориентиры восточной границы России и Китая, но и способы её договорного установления. Нерчинский договор сочетал определение отдельных участков с сохранением неурегулированного района; Айгунский договор установил новый режим левобережья Амура, временный режим территории к востоку от Уссури, правила проживания части населения и судоходства; Пекинский договор подтвердил предшествующие территориальные решения и конкретизировал восточную линию и порядок её оформления. Следовательно, эти документы взаимосвязаны хронологически, но их юридическое содержание не взаимозаменяемо.

Научный результат заключается в выявлении перехода от договорного описания природных ориентиров к более детальному соединению территориальных решений, режимов коммуникаций и процедур картографического и полевого разграничения. При этом договорное положение, фактическое присутствие администрации и наблюдаемое изменение жизни населения являются разными уровнями доказательства. Для дальнейшей проверки социально-экономических последствий необходимы локальные архивы и сопоставимые данные по поселениям, перевозкам и населению; приблизительная оценка площади сама по себе таких выводов не доказывает.

Литература

1. Нерчинский договор России с Китаем от 27 августа (6 сентября) 1689 г. // Восточная литература: электронная библиотека. – URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/1680–1700/Nerc_dogovor/text.htm. – Дополнительный источник датировки: Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина. – URL: https://www.prlib.ru/node/619514.

2. 2. Манколл М. Россия и Китай: дипломатические отношения до 1728 года / М. Манколл. – Кембридж, Массачусетс: Издательство Гарвардского университета, 1971. – 396 с. – URL: https://books.google.com/books?id=8uOCAAAAIAAJ.

3. Нерчинский договор: перевод с латинского текста // Восточная литература: электронная библиотека. – URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/1680–1700/Russ_kit_otn_17_v_II/pril1.htm.

4. 4. Пердью П.К. Китай продвигается на запад: завоевание Цинской империей Центральной Евразии / П.К. Пердью. – Кембридж, Массачусетс: Издательство Белкнап Гарвардского университета, 2005. – URL: https://doi.org/10.4159/9780674042025.

5. Айгунский договор между Россией и Китаем от 28 мая 1858 г. // База данных «Мир и Япония» / Институт перспективных исследований Азии Токийского университета. – URL: https://worldjpn.net/documents/texts/pw/18580516.T1C.html.

6. Пейн С.К.М. Имперские соперники: Китай, Россия и их спорная граница / С. К.М. Пейн. – Армонк, Нью-Йорк: М.Э. Шарп, 1996. – 417 с.

7. Российско-китайский Пекинский договор от 14 ноября 1860 г. // Викитека: электронная библиотека. – Русская редакция. – URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Пекинский_договор_(1860).

8. Кембриджская история Китая. Т. 10: Поздняя династия Цин, 1800–1911 гг. Ч. 1 / под ред. Дж.К. Фэрбэнка. – Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 1978. – ISBN 978-0-521-21447-6. – URL: https://www.cambridge.org/core/books/cambridge-history-of-china/.

9. Стефан Дж.Дж. Российский Дальний Восток: история / Дж.Дж. Стефан. – Стэнфорд: Издательство Стэнфордского университета, 1994. – URL: https://doi.org/10.1515/9781503615458.

10. Соглашение между Китайской Народной Республикой и Союзом Советских Социалистических Республик о восточной части китайско-советской государственной границы от 16 мая 1991 г. // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики: сборник договоров о сухопутной государственной границе. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zfxxgk_674865/gknrlb/tywj/tyqk/200904/t20090409_9867602.shtml.

11. Дополнительное соглашение между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией о восточной части российско-китайской государственной границы от 14 октября 2004 г. // Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики: сборник договоров о сухопутной государственной границе. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zfxxgk_674865/gknrlb/tywj/tyqk/200904/t20090409_9867602.shtml.

12. Соглашение между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Российской Федерации о режиме российско-китайской государственной границы // Государственный совет Китайской Народной Республики: – URL: https://www.gov.cn/xxgk/pub/govpublic/mrlm/200803/t20080328_31956.html.

TREATY MECHANISMS AND SPATIAL CONSEQUENCES OF THE EVOLUTION OF THE EASTERN BORDER BETWEEN RUSSIA AND CHINA: FROM THE TREATY OF NERCHINSK TO THE TREATY OF PEKING

Zhou Yu
Heilongjiang University

This article presents a comparative study of the treaty mechanisms underlying changes in the eastern border between Russia and China from 1689 to 1860. The primary sources comprise published texts of the Treaties of Nerchinsk, Aigun, and Peking, supplemented by scholarly studies to reconstruct the diplomatic context. The research employs comparative-historical and historical-genetic methods, together with elements of historical-geographical analysis. It distinguishes between the treaty-based description of the boundary, the actual presence of state authorities, and the subsequent demarcation of the border on the ground. The findings demonstrate that the Treaty of Nerchinsk combined the delimitation of certain border sections with the preservation of an unresolved territorial area. The Treaty of Aigun altered territorial, navigational, and administrative arrangements in the Amur River basin, while the Treaty of Peking confirmed and specified the new boundary provisions and established procedures for cartographic representation and demarcation on the ground. The study clarifies the nature of temporary joint possession of the territory east of the Ussuri River and the limitations of conclusions concerning social consequences. An analytical framework is proposed: "negotiating conditions – treaty provisions – implementation – observable consequences."

Keywords: Sino-Russian border, Treaty of Nerchinsk, Treaty of Aigun, Treaty of Peking; historical geography, international treaties.

References

1. Treaty of Nerchinsk between Russia and China, August 27 (September 6), 1689 // Eastern Literature: Digital Library. – URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/1680–1700/Nerc_dogovor/text.htm. – Additional source for date verification: Boris Yeltsin Presidential Library. – URL: https://www.prlib.ru/node/619514.

2. Mancall M. Russia and China: Their Diplomatic Relations to 1728 / M. Mancall. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1971. – 396 p. – URL: https://books.google.com/books?id=8uOCAAAAIAAJ.

3. Treaty of Nerchinsk: Translation from the Latin Text // Eastern Literature: Digital Library. – URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XVII/1680–1700/Russ_kit_otn_17_v_II/pril1.htm.

4. Perdue P.C. China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia / P.C. Perdue. – Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 2005. – URL: https://doi.org/10.4159/9780674042025.

5. Treaty of Aigun between Russia and China, May 28, 1858 // World and Japan Database / Institute for Advanced Studies on Asia, University of Tokyo. – URL: https://worldjpn.net/documents/texts/pw/18580516.T1C.html.

6. Paine S.C.M. Imperial Rivals: China, Russia, and Their Disputed Frontier / S. C.M. Paine. – Armonk, NY: M.E. Sharpe, 1996. – 417 p.

7. Sino-Russian Treaty of Peking, November 14, 1860 // Wikisource: Digital Library. – Russian-language version. – URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Пекинский_договор_(1860).

8. The Cambridge History of China. Vol. 10: Late Ch'ing, 1800–1911. Part 1 / ed. by J.K. Fairbank. – Cambridge: Cambridge University Press, 1978. – ISBN 978-0-521-21447-6. – URL: https://www.cambridge.org/core/books/cambridge-history-of-china/.

9. Stephan J.J. The Russian Far East: A History / J.J. Stephan. – Stanford: Stanford University Press, 1994. – URL: https://doi.org/10.1515/9781503615458.

10. Agreement between the People's Republic of China and the Union of Soviet Socialist Republics on the Eastern Section of the China–Soviet State Boundary, May 16, 1991 // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China: Collection of Land Boundary Treaties. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zfxxgk_674865/gknrlb/tywj/tyqk/200904/t20090409_9867602.shtml.

11. Supplementary Agreement between the People's Republic of China and the Russian Federation on the Eastern Section of the China–Russia State Boundary, October 14, 2004 // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China: Collection of Land Boundary Treaties. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zfxxgk_674865/gknrlb/tywj/tyqk/200904/t20090409_9867602.shtml.

12. Agreement between the Government of the People's Republic of China and the Government of the Russian Federation on the Regime of the China–Russia State Border // State Council of the People's Republic of China. – URL: https://www.gov.cn/xxgk/pub/govpublic/mrlm/200803/t20080328_31956.html

К вопросу о развитии литературной деятельности немцев Поволжья в период нэпа

Гаврилова Алла Александровна,
доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и «Русский язык как иностранный», Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет
E-mail: alla.gavrilova82@mail.ru

В статье рассматривается развитие литературной жизни Автономной Социалистической Советской Республики Немцев Поволжья (АССР НП) в 1920-е гг. Целью является освещение творчества отдельных представителей немцев Поволжья. Ставятся задачи выявить основные направления работы государственного издательства АССР НП «Немгосиздат»; показать тираж выпускаемой печатной продукции; предоставить биографию и анализ стихотворных произведений некоторых авторов. Выдвигается общий тезис о том, что не только качество, но количество выпускаемых изданий может являться определяющим фактором развития литературного процесса. Основываясь на архивных документах и авторитетных работах по развитию АССР НП, в статье приводятся численные показатели книгопечатной продукции, определяются основные векторы развития немецкой литературы, демонстрируется заинтересованность в публицистике властей и берлинских издательств. Подчеркивается, что, несмотря на политизированный характер газет, определённое место в них отводилось художественным произведениям различных, преимущественно местных авторов. Отмечается художественная ценность журнала «Unsere Wirtschaft», на страницах которого активно публиковались многие писатели. Среди них – Петр Зиннер и Франц Бах. В статье приводится биография поэтов и анализ стихотворений «Der Lenz ist da», «Der Mai ist angekommen», «Der Wiedehopf».

Ключевые слова: литературная жизнь, период НЭПа, немцы Поволжья, «Немгосиздат».

Введение

Изучение истории основания Автономной Социалистической Советской Республики Немцев Поволжья, развитие языка колонистов представлены в работах многих ученых [1, 2,3, 4, 5, 6, 7, 8]. Однако развитию литературного процесса в АССР НП в 1920-е гг. и включению его в общероссийский литературный процесс уделено мало внимания, хотя зарождение литературы немцев Поволжья восходит к самому началу их появления в России. О первых попытках создания собственной литературы в колониях Поволжья говорится в исследовании «Немцы Нижнего Поволжья: Исторический очерк. Выдающиеся деятели из колоний Поволжья» историка Петра Зиннера. В 1920-е гг. в колониях Поволжья были, по словам П. Зиннера, свои лирические таланты: А. Лонзингер, А. Ротэрмель, Ф. Бах. Сделаны и первые попытки по созданию драмы: Г. Бератц «Fest und treu», Э. Куфельд «Wie man nicht sein soll», Ф. Бах «Старая школа», А. Ротельмель «Из-за двух огурцов», А. Лонзингер «Мистер Горн» [9]. Преемственного влияния в этот период еще не было, каждый ощупью шел своим путем. Но можно предположить, что основы литературного творчества здесь уже имелись. Подтверждением этому является значительный тираж опубликованных в АССР НП изданий. Это указывает на то, что не только качественная сторона продукции, но и количественная способна быть импульсом для развития литературного процесса.

Обсуждение

Все республиканские газеты и журналы, немецкие учебники, издания сельскохозяйственной и художественной литературы, а также сочинения классиков печатались в типографии государственного издательства АССР Немцев Поволжья «Немгосиздат» [10]. Все газеты были политизированы. В основном, внимание уделялось публикации материалов и решений центральных и республиканских органов ВКП(б), изложению речей руководителей партии и Советского государства [11]. Много внимания газеты уделяли освещению различных политических и хозяйственных кампаний. Архивные документы подтверждают, что именно ежедневные газеты имели первостепенное значение [12]. А.А. Герман, в свою очередь, объясняет это тем, что периодическая печать компенсировала нехватку литературы и информационный голод [1]. Газеты местного уровня были не только одним из основных носителей информации, но и выполняли также пропагандистскую и просветительскую функции.

О заинтересованности в просветительской работе на территории АССР НП свидетельствуют переписки между берлинскими издательствами и редакциями республиканских издательств. Так, 1 февраля 1924 г. в редакцию газеты «Нахрихтен» поступило письмо редактора берлинской газеты «Немецкая жизнь в России» Иоганна Шлейнинга с предложением о тесном сотрудничестве во благо экономическому и культурному развитию немецкого народа [13]. Говоря о вопросах просвещения, партийный и государственный деятель, один из представителей поволжских немцев Эдгар Гросс отмечал в своем труде «Автономная Социалистическая Советская Республика немцев Поволжья» небывалый размах в сфере просветительской работы, где первостепенную задачу представляла борьба с неграмотностью [14]. В связи с этим развитие книгопечатания имело первостепенное значение.

История издательской деятельности Немреспублики в период НЭПа отражены в ряде исследований [15,16]. Ссылаясь на работу А.А. Германа, необходимо упомянуть названия и тираж основных изданий. Так, в 1920-е годы издавались партийно-советские газеты «Трудовая правда» (на русском языке) и «Nachrichten» («Известия» на немецком языке), комсомольская газета «Rote Jugend» («Красная молодежь)» на немецком языке), пионерская – «Sei bereit» («Будь готов» на немецком языке). Тираж, формат, объём и периодичность выхода газет постоянно менялись, зависели от финансовых возможностей на тот или иной момент. Тираж «Nachrichten» составлял в 1924 г. 1750 экз. с периодичностью 3 раза в неделю, в 1925–3923 экз. с периодичностью 3 раза в неделю, в 1926 г. – 4500 с периодичностью 3 раза в неделю, в 1927 году – 4300 ежедневно, в 1928 году – 6000 экз. ежедневно. «Трудовая правда» в 1924 г. имела 1800 экз. при ежедневной публикации, в 1925 г. – 1690 экз. с периодичностью 3 раза в неделю, в 1926 г. 1890 экз. с периодичностью 3 раза в неделю, в 1927 г. – 3200 экз. с периодичностью 3 раза в неделю, в 1928 году – 2850 экз. с периодичностью 3 раза в неделю. «Rote Jugend» в 1924 г. 1000 экз. 8 но-

меров в году, в 1925 и 1926 гг. – не публиковался, в 1927 г. – 700 экз. еженедельно, в 1928 году – 1050 экз. еженедельно. «Sei bereit» в 1924, 1925, 1926, 1928 гг. не публиковался, в 1927 году имел 700 экземпляров при еженедельной публикации [1]. Внимание на себя обращают колоссальные тиражи изданий, выходивших на территории автономии поволжских немцев. За период с 1924 по 1928 год «Немгосиздат» выпустил 1.248.525 книг [17]. Такой тираж в исследовании А.В. Хрусталевой объясняется условиями «действовавшей политики особого отношения к интересам национальных меньшинств в совокупности с государственной поддержкой немецкого книгоиздания» [18]. Реализовать печать широкого спектра литературы помогли субсидии, которые постоянно отпускались АССР НП. Так, субсидии в 1924–1925 гг. составляли 27000 рублей, в то время как культфонды саратовских профсоюзов собрали в том же году всего 15346 руб.24 [19].

Книги распространялись свободно через сеть книжных магазинов по всей России. В это время некоторые поволжские ячейки пролетарских писателей не имели ни единого собственного сборника, их литературная продукция находила случайное пристанище на страницах журналов, нередко иногородних. Как было отмечено в предыдущей исследовательской работе, «по отношению к издательствам национальных меньшинств предметом особого рассмотрения должна стать их печатная продукция, а также конкретная тематика допущенных к печати произведений» [19].

Особое внимание уделялось литературе на немецком языке, что отражено в протоколах заседаний Правления «Немгосиздата». Подчеркивалась необходимость распространения немецкой литературы, отмечалась актуальность всех выходящих немецких книг, просматривался призыв к активной рекламе и созданию достаточной сети агентов по распространению литературы [12]. При этом выделялись совершенно конкретные направления немецкой литературы: политическое, крестьянское, художественное. К печати были допущены не только отрывные календари, политграмота и сельскохозяйственные статьи, но и художественные произведения различных авторов, как например, стихи Баха, Вельдт, Зиннера и др. [12].

В силу широкого охвата всех отраслей жизни немецких колоний большую научную информационную, а также художественную ценность представлял журнал «Unsere Wirtschaft» («Наше хозяйство» на немецком языке) [1]. Журнал издавался с января 1922 г. по сентябрь 1927 г. Его объем по годам был неравномерным. Так, в 1922 г. было опубликовано 18 номеров, в 1923–1925 гг. вышло по 24 номера в год, в 1926 г. – 50 номеров и в 1927 г. – 35. Тираж издания составлял от нескольких сот до более чем тысяча экземпляров, а в 1922 г. доходил до 2000 экземпляров [11]. Журнал был очень популярен в АССР НП и известен за ее пределами. «В 1923 г. он был признан лучшим немецкоязычным периодическим изданием в СССР и получил премию на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке» [20].

По своему содержанию журнал резко контрастировал с газетами. Основными разделами были: политическое обозрение, экономика, наука, культурная жизнь и т.д. Стоит отметить, что существенное место в каждом номере занимали поэзия и проза преимущественно местных авторов.

На страницах журнала «Unsere Wirtschaft» нашли свое место поэтические произведения таких деятелей немецкой республики, как Петр Зиннер и Франц Бах. С целью освещения литературного творчества этих писателей предоставлена их биография и впервые публикуются их отдельные стихотворения.

Петр Зиннер родился 10.04.1879 г. в селе Шиллинг на Волге, дата и место смерти не установлены. Родился в крестьянской семье. Учился в Германии. Является потомком поволжских немцев-колонистов. Был педагогом, фольклористом, поэтом. Работал учителем на Волге в немецких селах и позже некоторое время в Санкт-Петербурге. В годы Первой мировой войны в Поволжье был доцентом Саратовского университета. Увлеченно собирал фольклор немцев Поволжья, печатался в немецкой прессе, писал стихи, статьи, находился в гуще культурной и литературной жизни поволжских немцев. Вместе с пастором Иоханнесом Эрбесом издал в 1914 г. в Саратове сборник «Народные песни и детские стихи колоний Поволжья». В 1925 г. опубликовал работу «Немцы Нижнего Поволжья. Исторический очерк. Выдающиеся деятели из колоний Поволжья». Был объявлен врагом народа, репрессирован. Погиб в ГУЛАГе. Место захоронения не установлено [21].

Рассмотрим стихотворение П. Зиннера «Der Lenz ist da» («Весна пришла»)

Der Lenz ist da.
Die Erde füllt die Luft mit frischen Düften;
Es sprosst und grünt: der Lenz ist da.
Die Lerche badet oben in den Lüften
Und jubelt hell: Trili, trala!
Die Krähen kreisen munter überm Hage
Und necken sich mit lautem Krah.
Die Tauben gurren froh vor ihrem Schlage,
Dazwischen klingt es: Trili, trala!
Die Kinder spielen lärmend auf der Wiese,
Die Stimmchen klar, der Gang getragen.
Und wieder schallt es: Trili, trala!
Der Wanderer bringt dem Lenze seine Grüsse;
Kaum stimmt er an: «Die Lerchen schlagen»! —
Gleich fallen sie ein: Trili, trala! [22]

В центре поэтического произведения лежит образ весеннего обновления, преображающего окружающий мир. Автор использует мотив весеннего обновления природы как художественный прием для отражения эмоционального равновесия лирического героя. В названии стихотворения автор помещает характерное только для поэтической речи существительное *der Lenz* (разг. *das Frühjahr, der Frühling*). Весна и связанные с ней изменения всегда были излюбленной темой поэтов. Автор рассматриваемого стихотворения не скрывает своей радости наступлению весны, переплетая весеннюю тематику с собственными ощущениями счастья и свободы. Примечательно, что для максимальной передачи весенних метаморфоз поэт применяет в словосочетании *«mit frischen Düften»* лексему *Düften* (*от нем. der Duft* – аромат, нежный запах, благоухание), а не der Geruch (запах). В стихотворении представлен символический образ птицы. *«Die Lerche badet oben in den Lüften/ Und jubelt hell: Trili, trala!»* / *«Жаворонок парит вверху в облаках». «Die Krähen kreisen munter überm Hage»* / *«Весело кружатся вороны над рощей». «Die Tauben gurren froh vor ihrem Schlage»* / *«Воркуют весело голуби перед голубятней»*. При этом описания сопровождаются эпитетами *«hell, munter, froh»* / *«звонко, бодро, весело»*. Природа радуется приходу весны, обновлению жизни и образы птиц становятся средством раскрытия гармонической настроенности лирического героя: *«Der Wanderer bringt dem Lenze seine Grüsse»* / «Странник приветствует весну». Стихотворение завершается строкой: *«Gleich fallen sie ein…»* / *«Они тут же залились трелью…!»*.

Наряду с П. Зиннером в «Unsere Wirtschaft» регулярно публиковался Франц Бах. Рожденный 27.08.1885 г. в селе Граф Новоузенского уезда Самарской губернии и погибший 23.05.1942 г. в ГУЛАГе, Ф. Бах был прозаиком, поэтом, редактором, педагогом, общественным деятелем. Происходил из крестьянской семьи. Имел псевдонимы: А. Франк, Карл Денк, Ганс Сакс-юниор Себастьян Брант II, Л.В., Г. Вагнер, А. Вольф, Готшальк Пфанненштиль, Ф. Штром. Окончив начальную школу, поступил в католическую семинарию в Саратове. Однако был исключен за «бунтовщические» стихи. Вынужденный покинуть родной край, он устроился помощником аптекаря в Одессе. В 1909 г. сдал экзамен на народного учителя в школе. Участник Первой мировой войны. Воевал на турецком фронте. Приветствовал Февральскую и Октябрьскую революции 1917 г. Участвовал в Гражданской войне. Занимался журналистикой и педагогической деятельностью. В конце 1920-х годов преподавал немецкий язык и литературу в Зельманском педагогическом техникуме. Редактировал журнал «Unsere Wirtschaft». В 30-х годах преподавал в Интернациональной средней школе в Хелендорфе (Азербайджан). Редактировал местную газету «Путь Ленина». Вернувшись на Волгу, занимался литературной деятельностью, издавал учебники, писал пьесы, стихи, статьи, очерки. Стоял у истоков советской немецкой литературы. Был делегатом I съезда советских писателей в 1934 г. в Москве. Выступил на этом съезде от имени немецких писателей Поволжья. Член СП СССР с 1934 г. Как литератор, педагог, человек активных гражданских позиций Ф. Бах всегда находился в центре происходящего, всем своим творчеством и многогранной деятельностью был нацелен на преобразование старой жизни. В 1937 г. арестован органами НКВД [21].

Произведения Ф. Баха, названного его современником П. Зиннером «лирическим талантом» [9], опубликованы в различных периодических изданиях.

В 8 номере журнала «Unsere Wirtschaft» 1922 г. под лозунгом *«Es lebe der 1.Mai – der Feiertag des Sieges der Proletarier»* / *«Да здравствует 1 мая – праздник победы пролетариев»* было опубликовано стихотворение Ф. Баха «Der Mai ist angekommen» / *«Май пришел»* [22]:

Der Mai ist angekommen
Es klingt ein Glöcklein rein und fein,
Es singt ein Chor von Vögeln,
Es klingt und singt nun im Verein:
Der Mai ist angekommen.

Поэт стремился в художественной форме создать понятный массовому читателю язык. В стихотворении отдается приоритет общественному началу над частным, сопричастности и вовлечённости в общественную жизнь *«Es klingt und singt nun im Verein»* / *«Теперь голоса раздаются в общине»*

Стихотворению характерна агитационная направленность:

O leb, nicht mehr in träger Ruh,/ О, больше не нужно жить в бренном покое,

O streb, nicht mehr dem Schlafe zu, / О, не нужно впадать в забвение,

O leb, und web, und schweb, auch du! –/ О, живи, пари и тоже действуй,

Der Mai ist angekommen./ Май уже на месте!

Можно, конечно, упрекать поэта в излишней фактографии, но нельзя умалять умение автора соблюдать ритм и рифму, как и отрицать новизну его поэзии, как и ее воздействие на широкие слои трудящихся масс.

Будучи заинтересованным в вопросах народного просвещения, Ф. Бах публиковал заметки и статьи, а также дополнял природоведческие рубрики стихотворными произведениями. Например, раздел «Naturbilder aus unserer Gebiet»/«Картины природы нашего края» сопровождается стихотворением «Der Wiedehopf» / «Удод».

Der Wiedehopf
Du hast doch wohl den Wiedehopf,
Den «Hudhud», schon gesehen? —
Man kennt ihn an dem Federschopf,
Der liegen kann und stehen,
Und an dem «Hudhud», seinem Ruf,
Der ihm auch solchen Namen schuf.
Der «Hudhud» ist ein braver Held,
Der uns viel Nutzen bringt;
Er schafft viel, Feinde aus der Welt,
Indem er sie verschlingt. —
Behalte das in deinem Kopf
Und heg und pfleg den Wiedehopf [23]

Автору удалось в небольшом по объему стихотворении передать и внешний вид, и характерные черты птицы: *«Man kennt ihn an dem Federschopf» / «Его узнают по хохолку»; «Und an dem «Hudhud», seinem Ruf» / «И по его окрику «Удуд»*. В некоторых строках звучит ирония: *«Der «Hudhud» ist ein braver Held» / «Удод – славный герой»/ «Behalte das in deinem Kopf //Und heg und pfleg den Wiedehopf» / «Запомни//Холь и лелей удода»*. Необходимо отметить, что особенностью стихотворения является детальное описание с применением упрощенной формой языка, доступной массовому читателю.

Заключение

Таким образом, привлеченные архивные документы, как тираж и содержание периодических изданий, позволяют сделать выводы о том, что в 1920-е гг. на территории Немецкой республики велась активная литературная деятельность. Основная продукция «Немгосиздата» носила явный политический характер. Колоссальные тиражи выпускаемых изданий объясняются недостаточным количеством литературы, развитие которой предполагалось по совершенно определённым направлениям. Художественный вектор развития подразумевал популяризацию немецкой литературы на всей территории Немреспублики путем привлечения к печати местных авторов, к числу которых принадлежали Петр Зиннер и Франц Бах. Стихотворения авторов являют собой образец пролетарской поэзии с устойчивой системой мотивов и образов природного и антропологического пространства. С целью включения литературного творчества немцев Поволжья в общероссийский литературный процесс намечается дальнейшее исследование творчества этих и других авторов АССР НП в период НЭПа.

Литература

1. Герман А.А. Немецкая автономия на Волге. 1918–1941. Часть 2. Автономная республика. 1924–1941. – Саратов: Изд-во Сарат. Ун-та, 1994. – 416 с.
2. Герман А.А., Иларионова Т.С., Плеве И.Р. История немцев России: Учебное пособие. – М.: Изд-во «МСНК-пресс», 2005. – 544 с.
3. Герман, А.А. История АССР немцев Поволжья в свете теории мировой революции / А.А. Герман // Феномен многонационального советского Союза: история, наследие и социальная память. К 100-летию образования СССР: Материалы международной научной конференции, Саратов, 14–15 октября 2022 года. – Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2023. – С. 65–73.
4. G. Dinges Über unsere Mundarten // «Beiträge zur Heimatkunde des deutschen Wolgagebiets». – Pokrowsk, 1923. – 60–73 S.
5. Дульзон А.П. Проблема скрещения диалектов по материалам языка немцев Поволжья // Известия Академии наук Союза ССР. Отделение литературы и языка. М., № 3, 1941. С. 82–96.
6. Минор А.Я. Эволюции диалектов поволжских немцев в условиях иноязычного окружения / А.Я. Минор // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации: Материалы докладов X Международной конференции, Саратов, 21–22 февраля 2018 года. – Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2018. – С. 81–86.
7. Михайлова В.А. Аббревиатуры в газете немцев Поволжья «Nachrichten» / В.А. Михайлова, Е.В. Сычалина // Языковые и культурные контакты: лингвистический и лингводидактический аспекты: Материалы V международной научно-практической конференции, Саратов, 16–17 ноября 2020 года. – Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2020. – С. 195–199.
8. Сычалина Е.В. Лингвистическое наследие А.П. Дульзона как источник изучения немецкой топонимии Поволжья / Е.В. Сычалина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2023. – Т. 23, № 2. – С. 129–135.
9. Зиннер П.И. Немцы Нижнего Поволжья: Ист. Очерк. Выдающиеся деятели из колоний Поволжья. Саратов, 1925, 20 с.
10. Немгоиздат г. Энгельс // ГИ АССРНП. Ф.905.Оп.1 о/д,.Д.5.Л.82. Л.83 (2)
11. Арешина Е.Г. Немецкоязычная пресса в Советском Союзе в период с 1917 по 1941 годы: тематика и жанры / Е.Г. Арешина, А.Я. Минор // Языковые и культурные контакты: лингвистический и лингводидактический аспекты: Материалы V международной научно-практической конференции, Саратов, 16–17 ноября 2020 года. – Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2020. – С. 159–164.
12. План издательской деятельности «Немгосиздата» на 1924–1925 г.г., переписка Немгосиздата с Московским представительством по финансовым вопросам и вопросам издательства // ГИ АССР НП. Ф.222. Оп.1. Д.3 Л.6.Л.8Л.11.
13. Переписка с издательствами редакций и корреспондентами о пропаганде изданий // ГИ АССР НП. Ф.905. Оп.1. Д.22 Л.1.
14. Гросс Э. Авт. Соц. Сов. Респ. Немцев Поволжья. – Покровск, 1926. – 125 с.
15. Из истории культуры немцев Поволжья: Сборник статей. Саратов, 1993. – 96 с.
16. История и культура российских немцев: Выпуск 3, часть 2. Саратов, 1996. – 138 с.
17. Государственное издательство АССРНП (Немгоиздат) г. Энгельс // ГИ АССРНП. Ф.905.Оп.1 о/д,.Д.5.Л.2–9.
18. Хрусталева А.В. Провинциальная печать и цензура в годы НЭПа (на примере Саратовской, Самарской губерний и АССР НП) / А.В. Хрусталева // Studia Litterarum. – 2020. – Т. 5, № 3. – С. 392–411.
19. Хрусталева А. В. О численном и социально-профессиональном составе поволжских ячеек пролетарских писателей периода НЭПа / А.В. Хрусталева, А.А. Гаврилова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2021. – Т. 21. – № 3. – С. 320–323.
20. Очерки истории Саратовского Поволжья (1917–1941). Т. 3.ч.1./ Под ред. Ю.Г. Голуба. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2006. 496 с.
21. Бельгер Г. Российские немецкие писатели. – Алматы, 1996. – 136 с.
22. Sinner P. Der Lenz ist da // Unsere Wirtschaft, 1923, № 7, c. 219.
23. Bach F. Der Mai ist angekommen // Unsere Wirtschaft, 1922, № 8, c. 225.
24. Bach F. Der Wiedehopf // Unsere Wirtschaft, 1923, № 11, c. 8.

ON THE ISSUE OF THE DEVELOPMENT OF LITERARY ACTIVITIES OF VOLGA GERMANS DURING THE NEP PERIOD

Gavrilova A.A.
National Research Moscow State University of Civil Engineering

The article examines the development of literary life of the Volga German Autonomous Soviet Socialist Republic (ASSR VG) in the 1920s. The aim is to highlight the work of individual representatives of the Volga Germans. The tasks are to reveal the main directions of work of the state publishing house of ASSR VG Nemgosizdat, to show the circulation of printed products, to provide biography and analysis of poetic works of some authors. A general thesis is put forward that not only the quality, but also the quantity of publications can be a determining factor in the development of the literary process. Based on archival documents and authoritative works on the development of ASSR VG, the numerical indicators of book production are given, the main vectors of the development of German literature are defined, the interest of the authorities and the Berlin publishing houses in publicist works is demonstrated. It is emphasized that, despite the politicized nature of newspapers, some artistic works by various, mostly local authors played a great role there. The artistic value of the magazine Unsere Wirtschaft is noted, on the pages of which many writers actively published. Among them are Peter Zinner and Franz Bach. The biography of the poets is given and the poems “Der Lenz ist da”, “Der Mai ist angekommen” are analyzed in the article.

Keywords: literary life, NEP period, Volga Germans, Nemgosizdat.

References

1. German, A.A. (1994) German Autonomy on the Volga. 1918–1941. Part 2. Autonomous Republic. 1924–1941. Publishing House of Saratov University. (In Russ.)
2. German, A.A., Ilarionova, T.S., Pleve, I.R. (2005) History of the Germans of Russia: Study Guide. Moscow: Publishing House MSNK-press. (In Russ.)

3. German, A. A. (2023) History of the ASSR VG in the light of the theory of world revolution. The phenomenon of the multinational Soviet Union: history, heritage and social memory. To the 100th anniversary of the formation of the USSR: Proceedings of the international scientific conference (pp. 65–73). Saratov: Saratovskiy Istnochnik Publishing House.

4. Dinges, G. (1923) Über unsere Mundarten. Beiträge zur Heimatkunde des deutschen Wolgagebiets. Pokrowsk. (In Germ.)

5. Dulzon, A. P. (1941) The problem of dialect crossing on the materials of the language of the Volga Germans. Academy of Sciences of the Union of Soviet Socialist Republics. Department of Literature and Language. Nr. 3, 82–96 (In Germ.)

6. Minor, A. Ya. (2018) Evolution of dialects of the Volga Germans in the conditions of foreign language environment. Foreign languages in the context of intercultural communication: Proceedings of the X International Conference (pp. 81–86). Saratov: Saratovskiy Istochnik Publishing House.

7. Mikhailova V.A. Abbreviations in the Volga Germans' newspaper "Nachrichten" / V.A. Mikhailova, E.V. Sychalina // Language and Cultural Contacts: Linguistic and Linguodidactic Aspects: Proceedings of the 5th International Scientific and Practical Conference, Saratov, November 16–17, 2020. – Saratov: Saratov Source Publishing House, 2020. – Pp. 195–199.

8. Sychalina E.V. (2023) Linguistic heritage of A.P. Dulzon as a source for studying the German toponymy of the Volga region. Bulletin of Saratov University. New series. Series: Philology. Journalism, 23 (2). 129–135. (In Russ.)

9. Zinner, P.I. (1925) Germans of the Lower Volga Region: Hist. Sketch. Outstanding figures from the Volga region colonies. Saratov. (In Germ.)

10. Nemgosizdat Engels // SPH ASSR VG. F.905.Op.1 o/d, D.5.L.82. L.83 (2)

11. Areshina, E. G., Minor A. Ya. (2020) German-language press in the Soviet Union in the period from 1917 to 1941: topics and genres. Language and cultural contacts: linguistic and linguodidactic aspects: Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference (pp. 159–164). Saratov: Publishing house Saratovskiy Istnochnik.

12. Plan of publishing activities of Nemgosizdat for 1924–1925, correspondence of Nemgosizdat with the Moscow office on financial and publishing issues // SPH of the ASSR VG. F.222. Op.1. D.3, L.6, L.8, L.11.

13. Correspondence with editorial offices and correspondents about the propaganda of publications // SPH of the ASSR VG. F.905. Op.1. D.22 L.1.

14. Gross, E. (1926) ASSR VG. Pokrovsk. (In Germ.)

15. From the history of the culture of the Volga Germans: Collection of articles (1993) Saratov. (In Russ.)

16. History and Culture of Russian Germans: Issue 3, Part 2. (1996) Saratov. (In Russ.)

17. State Publishing House ASSRVG (Nemgoizdat) Engels // SPH ASSRVG. F.905. Op.1 o/d, D.5.L.2–9.

18. Khrustaleva, A. V. (2020) Provincial press and censorship in the years of the NEP (on the example of Saratov, Samara provinces and ASSR VG). Studia Litterarum, 5 (3). 392–411. (In Russ.)

19. Khrustaleva, A. V., Gavrilova A.A. (2021) On the numerical and socio-professional composition of the Volga cells of proletarian writers of the NEP period. Bulletin of Saratov University. New series. Series: Philology. Journalism, 21 (3). 320–323.

20. Sketches of the history of the Saratov Volga region (1917–1941). Vol. 3, part 1 (2006) Edited by Yu.G. Golub. Saratov: Saratov University Press. (in Russ.)

21. Belger, G. (1996) Russian German writers. Almaty. (in Russ.)

22. Sinner, P. (1923) Der Lenz ist da. Unsere Wirtschaft, 7. 219. (In Germ.)

23. Bach F. Der Mai ist angekommen // Unsere Wirtschaft, 1922, № 8, c. 225.

24. Bach F. Der Wiedehopf // Unsere Wirtschaft, 1923, № 11, c. 8.

Южный Судан: формирование политики геноцида в процессе затяжного конфликта

Лашин Григорий Алексеевич,
аспирант, РАНХиГС
E-mail: lashin.grigoriy@mail.ru

Пятнадцать лет назад на политической карте мира в результате референдума возникло государство Республика Южный Судан. Данное событие было представлено международным сообществом как триумф демократии, легитимности и мирного урегулирования кровопролитной гражданской войны. Однако к большому сожалению, долгожданные преобразования закончились провалом и в настоящий момент молодое государство существует в условиях углубляющегося гуманитарного, политического и экономического кризисов, а также перманентного военного конфликта с ярко выраженной межэтнической составляющей.

Ключевые слова: Южный Судан, этнические противоречия, этнополитический конфликт, этническая чистка, геноцид.

В настоящий момент самое молодое государство находится в катастрофическом положении, что подтверждают как многочисленные доклады межправительственных и общественных организаций, высказывающих озабоченность по поводу внутренней ситуации [13, 14, 15] так и статус страны с самым низким индексом человеческого развития [16] и минимальным уровнем ВВП на душу населения ($301) в мире (по данным за 2025 год) [17].

Методология исследования основана на историко-генетическом методе, структурно-функциональном анализе, а также анализе библиографических источников по теме исследования.

Целью данной работы является выявление структурных и политических предпосылок, способствовавших формированию геноцидальной практики в Южном Судане и анализ механизмов ее имплементации.

Задачи исследования:

• определить теоретические рамки анализа геноцида как политической стратегии в условиях продолжающегося конфликта;

• проанализировать хронологию эскалации насилия и определение его основных этапов;

• выявить признаки геноцида в действиях сторон и оценить роль внешних акторов.

В отечественной историографии изучения внутреннего пути и места Южного Судана в структуре международных отношений нашли отражение в работах Е.А. Биргауза [1], Т.С. Денисовой [2], С.В. Костелянца [5], С.Ю. Серегичева [7] и др. В данных трудах акцент сделан на первопричинах южно-суданского кризиса, а также подчеркнуто стремление руководства страны создать цельное полиэтничное сообщество.

Анализ этноконфессиональной и этнополитической составляющих конфликта в Южном Судане, содержится в трудах А.Ю. Джибраева [3], А.Е. Жукова [4] и Т.В. Кочановой [6]. При этом Т.В. Кочанова отмечала, что роль негативных этнических и конфессиональных стереотипов не должна быть переоценена, так как является инструментом мобилизации сторонников в конфликтной ситуации, а не причиной самого конфликта.

В зарубежной историографии данная проблематика рассмтаривается в работах работы Дж. Андерсона [8], Ф.М. Денга [9], Д. Джонсона [10], К. Пино [11]. В частности К. Пино анализирует как крайнее ущемление прав этнических групп в Южном Судане вылилось в геноцид, насилие и хищничество во время гражданских войн в стране, кульминацией чего стала идея групповой экспансии путем захвата земель соперничающих этнических общностей.

Геноцид как инструмент управления конфликтов

Традиционные подходы к изучению геноцида дихотомичны: с одной стороны данная форма массового насилия рассматривается исключительно как инструмент тоталитарного режима, утверждаемый на высшем государственном уровне (пример Холокоста) либо как иррациональный конфликт между конкурирующими этносами, спровоцированный хаотичными выбросами накопленной ненависти.

Однако реальность большинства постколониальных конфликтов Африканского континента требует иных аналитических моделей. Например Эдвард Азар утверждал, что в условиях дефицита ресурсов и слабости основных государственных институтов, конфликты данного типа характеризуются в первую очередь борьбой за базовые потребности, а не абстрактные политические идеи.

Также Барбара Харфф в своих исследованиях по раннему предупреждению геноцидов выделяет ключевой фактор риска – политический переворот (либо попытку его осуществить) в стране, где власть монополизирована представителями этнической элиты, а государственный аппарат является инструментом патронажа и стоит отметить, что Южный Судан полностью соответствует описанной модели, так как нефтяная рента (представляющая 98% доходов бюджета) распределялась по принципу этнической и клановой составляющей, а армия представляла собой конгломерат этнических ополчений, подконтрольных конкретным командирам, а не центральному аппарату управления.

Исторический контекст и хронология эскалации

С первых дней обретения независимости молодым государством внутриполитическая обстановка больше напоминала затишье перед бурей,

усугубляющейся посредством острой конкуренции между легитимно избранным президентом Сальваторе (Салвой) Кииром Маярдитой, возглавлявшим Народную армию освобождения Судана[1], и Риеком Мачаром Тени Дургоном, вице-президентом автономного Южного Судана с 2005 года и лидером Народно-освободительного движения Судана в оппозиции[2]. Отставка последнего в 2013 году по обвинению в попытке организации военного переворота стала отправной точкой неутихающего конфликта. Последующие события, задокументированные представителями ООН, продемонстрировали системный характер насилия. Выходы из Джубы блокировались, создавались фильтрационные пункты, где представители племени нуэр отбирались по антропологическим признакам (традиционные шрамы на лбу – «гар») и в последствии подвергались расстрелу. Данные действия побудили зеркальную реакцию – отряды ополчения нуэр предприняли ряд атак на деревни динка в штатах Верхний Нил и Юнити.

В августе 2015 года Межправительственный орган по вопросам развития (МОВР)[3] выступил посредником в заключении соглашения о разделении власти между НАОС и НОДС-ИО. Однако соглашение было нарушено в 2016 году, и стороны конфликта вернулись к нападениям на гражданских лиц по этнополитическому признаку. После данных событий Р. Машар покинул страну, а конфликт окончательно фрагментировался. Противоборствующие силы были раздроблены на локальные группировки, каждая из которых использовала этническую риторику с целью мобилизации сторонников.

В 2018 году стороны подписали обновленное Соглашение об урегулировании конфликта в Южном Судане (R-ARCSS) [12], предусматривавшее разделение власти и формирование правительства национального единства. Стоит отметить, что мирные соглашения 2015 и 2018 годов не положили конец конфликту. Массовые убийства мирных жителей продолжались в таких масштабах, что это можно назвать геноцидом, 86% убитых или раненых являлись жертвами нападений этнических ополченцев или армейских подразделений. В это время Комиссия ООН по правам человека фиксировала ряд целенаправленных атак на малые народности в штатах Западной и Центральной Экватории.

Сформированное в феврале 2020 года правительство национального единства, во главе с Мачаром (арестованным в марте 2025 года по обвинению в государственной измене), ставило основной задачей подготовку страны к проведению президентских выборов в 2022 году, позднее перенесенных на 2024, а затем на 22 декабря 2026 года ввиду заявленной необходимости завершения институциональных процессов, таких как проведение переписи населения, принятия постоянной конституции и регистрации политических партий.

Таким образом проведенный анализ позволяет сделать вывод, что механизм формирования политики геноцида в Южном Судане состоял из следующих основных этапов:

- кризис легитимности и последующий раскол элит;
- институциализация насилия через действия регулярной армии, сил ополчения и экономической блокады;
- перевод политического противостояния в этническую плоскость посредством актов массового насилия.

Стоит отметить, что Южный Судан представляет собой опасный прецедент, когда государство, созданное при поддержке ООН стало ареной для затяжного геноцида, продолжающегося более лет и меняющего лишь формы и интенсивность. При этом перспективы урегулирования данного конфликта остаются туманными, пока вопросы экономической монополии этнических военных альянсов и правосудия переходного периода остаются нерешенными любое обострение внутриполитической борьбы будет воспроизводить геноцидальную модель конфликта.

Литература

1. Биргауз, Е.А. Национально-этническая проблема Судана (1956–1968) / Е.А. Биргауз. – Москва: [б.и.], 1995. – 212 с.
2. Денисова, Т.С. Судан после Омара аль-Башира: территория нестабильности / Т.С. Денисова, С.В. Костелянец // Азия и Африка сегодня. – 2022. – № 9. – С. 29–36.
3. Джибраев, А.Ю. Судан-2011: грядущая религиозно-идеологическая реструктуризация / А.Ю. Джибраев // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2011. – Т. 12, № 1. – С. 29–40.
4. Жуков, А.Е. Предпосылки конфликта между Севером и Югом Судана (1983–2011 гг.): дис. … канд. ист. наук: 07.00.15 / Жуков Андрей Евгеньевич. – Москва, 2012. – 240 с.
5. Костелянец, С.В. Судан и Южный Судан после «развода»: перманентный экономический кризис и политическая нестабильность / С.В. Костелянец // Северная Африка и Африканский Рог в XXI веке. Модернизация – исторический выбор: коллективная монография. – Москва: [б.и.], 2019. – С. 35–43.
6. Кочанова, Т.В. Геополитические и внутригосударственные причины динамики вооруженного конфликта в Республике Южный Судан / Т.В. Кочанова // Конфликтология / nota bene. – 2017. – № 1. – С. 43–56. – DOI: 10.7256/2454-0617.2017.1.22864. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22864 (дата обращения: 29.09.2026).
7. Серёгичев, С.Ю. Судан: исламо-традиционализм и армия / С.Ю. Серёгичев. – Москва: [б.и.], 2006. – 204 с.
8. Anderson, J.E. The Gravity Models / J.E. Anderson // Annual Review of Economics. – 2011. – Vol. 3. – P. 133–160.
9. Deng, F.M. War of Visions: Conflict of Identities in the Sudan / F.M. Deng. – Washington: [s.n.], 1995. – 376 p.
10. Johnson, D.H. The Root Causes of Sudan's Civil Wars: Peace or Truce / D.H. Johnson. – Oxford: [s.n.], 2011. – 263 p.
11. Pinaud, C. War and Genocide in South Sudan / C. Pinaud. – Ithaca: Cornell University Press, 2021. – 327 p.
12. The Revitalized Agreement for Resolution of Conflict in South Sudan (R-ARCSS): Addressing the Challenges to Power Sharing: policy brief. – [S. l.: s.n.], 2019. – № 16. – January 24, 2019.
13. Risk of Mass Atrocities in South Sudan: policy brief. – [S. l.]: United States Holocaust Memorial Museum, 2024. – November 2024. – URL: https://www.ushmm.org/m/pdfs/South_Sudan_Policy_Brief_November_2024.pdf (date of access: 23.05.2026).
14. Worsening Risk of Mass Atrocities in South Sudan: policy brief. – [S. l.]: United States Holocaust Memorial Museum, 2023. – January 2023. – URL: https://www.ushmm.org/m/pdfs/South_Sudan_Policy_Brief_January_2023.pdf (date of access: 23.05.2026).
15. Immediate Risk of Mass Atrocities in South Sudan: policy brief. – [S. l.]: United States Holocaust Memorial Museum, 2022. – February 2022. – URL: https://www.ushmm.org/m/pdfs/South_Sudan_Policy_Brief_February_2022.pdf (date of access: 05.09.2026).
16. Human Development Index (HDI) / United Nations Development Programme. – New York: UNDP. – URL: hdr.undp.org (date of access: 29.09.2026).
17. GDP Indicators 2025. – URL: https://statisticstimes.com/economy/gdp-indicators-2025.php (date of access: 03.08.2026).

SOUTH SUDAN: THE FORMATION OF A GENOCIDAL POLICY AMIDST PROTRACTED CONFLICT

Lashin G.A.
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The Republic of South Sudan emerged on the world's political map only fifteen years ago as a result of a referendum. This event was presented by the international community as a triumph of democracy, legitimacy and the peaceful settlement of the bloody civil war. Though unfortunately, the long-awaited transformations ended up a failure, and at the current moment the young state exists under the conditions of deepening humanitarian, political and economic crises, as well as a permanent military conflict with a pronounced interethnic component.

Keywords: South Sudan, ethnic contradictions, ethnopolitical conflict, ethnic cleansing, genocide.

References

1. Birgauz, E.A. The National-Ethnic Problem in Sudan (1956–1968) / E.A. Birgauz. – Moscow: [s.n.], 1995. – 212 p.
2. Denisova, T.S. Sudan After Omar al-Bashir: A Zone of Instability / T.S. Denisova, S.V. Kostelyanets // Asia and Africa Today. – 2022. – № 9. – P. 29–36.
3. Dzhibraev, A. Yu. Sudan 2011: The Impending Religious-Ideological Restructuring / A. Yu. Dzhibraev // Bulletin of the Russian Christian Academy for the Humanities. – 2011. – Vol. 12, № 1. – P. 29–40.
4. Zhukov, A.E. Prerequisites for the Conflict Between North and South Sudan (1983–2011): Diss. … Cand. Hist. Sci.: 07.00.15 / Zhukov Andrey Evgenievich. – Moscow, 2012. – 240 p.
5. Kostelyanets, S.V. Sudan and South Sudan After the «Divorce»: Permanent Economic Crisis and Political Instability / S.V. Kostelyanets // North Africa and the Horn of Africa in the 21st Century. Modernization – A Historical Choice: Collective Monograph. – Moscow: [s.n.], 2019. – P. 35–43.
6. Kochanova, T.V. Geopolitical and Domestic Causes of the Dynamics of the Armed Conflict in the Republic of South Sudan / T.V. Kochanova // Conflictology / nota bene. –

[1] Правящее политическое движение в Южном Судане, бывшая повстанческая группировка, боровшаяся за автономию и независимость южных провинций Судана, в последствие ставшая частью Вооруженных сил Судана. Далее – НАОС.

[2] Основная южносуданская оппозиционная политическая партия и повстанческой группировка, отколовшаяся от НОАС в 2013 году из-за политических разногласий между лидерами. Далее – НОДС-ИО.

[3] Торговый блок в Африке, в который входят правительства стран Африканского Рога, долины Нила и Великих Африканских озер.

2017. – № 1. – P. 43–56. – DOI: 10.7256/2454-0617.2017.1.22864. – URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22864 (accessed: 29.09.2026).

7. Seregychev, S. Yu. Sudan: Islamic Traditionalism and the Army / S. Yu. Seregychev. – Moscow: [s.n.], 2006. – 204 p.

8. Anderson, J.E. The Gravity Models / J.E. Anderson // Annual Review of Economics. – 2011. – Vol. 3. – P. 133–160.

9. Deng, F.M. War of Visions: Conflict of Identities in the Sudan / F.M. Deng. – Washington: [s.n.], 1995. – 376 p.

10. Johnson, D.H. The Root Causes of Sudan's Civil Wars: Peace or Truce / D.H. Johnson. – Oxford: [s.n.], 2011. – 263 p.

11. Pinaud, C. War and Genocide in South Sudan / C. Pinaud. – Ithaca: Cornell University Press, 2021. – 327 p.

12. The Revitalized Agreement for Resolution of Conflict in South Sudan (R-ARCSS): Addressing the Challenges to Power Sharing: policy brief. – [S. l.: s.n.], 2019. – № 16. – January 24, 2019.

13. Risk of Mass Atrocities in South Sudan: policy brief. – [S. l.]: United States Holocaust Memorial Museum, 2024. – November 2024. – URL: https://www.ushmm.org/m/pdfs/South_Sudan_Policy_Brief_November_2024.pdf (date of access: 05/23/2026).

14. Worsening Risk of Mass Atrocities in South Sudan: policy brief. – [S. l.]: United States Holocaust Memorial Museum, 2023. – January 2023. – URL: https://www.ushmm.org/m/pdfs/South_Sudan_Policy_Brief_January_2023.pdf (date of access: 05/23/2026).

15. Immediate Risk of Mass Atrocities in South Sudan: policy brief. – [S. l.]: United States Holocaust Memorial Museum, 2022. – February 2022. – URL: https://www.ushmm.org/m/pdfs/South_Sudan_Policy_Brief_February_2022.pdf (date of access: 09/05/2026).

16. Human Development Index (HDI) / United Nations Development Program. – New York: UNDP. – URL: hdr.undp.org (date of access: 09/29/2026).

17. GDP Indicators 2025. – URL: https://statisticstimes.com/economy/gdp-indicators-2025.php (date of access: 08/03/2026).

Особенности построения модели безопасности Эритреи

Манина Юлия Сергеевна,
соискатель учёной степени, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Африки Российской академии наук
E-mail: manina.jul@yandex.ru

В статье рассматривается эволюция и современное состояние модели безопасности Эритреи в её взаимосвязи с процессами национального строительства и региональной динамикой Африканского Рога. Отмечается противоречие между официальной риторикой о единстве и безопасности и репрессивным характером режима. На примере дела шведско-эритрейского журналиста Давита Исаака демонстрируется неэффективность механизмов международного давления на Асмэру. Делается вывод, что модель безопасности Эритреи носит деструктивный характер, а страна выступает изолированным дестабилизатором, чья политика объективно подрывает региональную стабильность. В основе этого лежит экзистенциальный дефицит суверенитета и восприятие любой открытости как угрозы поглощения, что исключает Эритрею из числа партнёров по построению мира и развития в регионе.

Ключевые слова: Эритрея, Народный фронт освобождения Эритреи, модельбезопасности, Национальная служба, воинская повинность, Индекс силы, нация, идентичность, Африканский Рог

Эритрея является последним государством, получившим независимость в Африке в XX веке.

Формирование эритрейской национальной идентичности является результатом исторического процесса, который можно условно разделить на три ключевых этапа: итальянский колониальный период, британская военная администрация и федерация с Эфиопией, и, наконец, тридцатилетняя вооруженная борьба за независимость.

Колониальная политика Италии в отношении Эритреи имела свою специфику. Период итальянской метрополии заложил основы системы управления. Развитие портовой инфраструктуры придало Эритрее стратегическое значение в регионе. Также именно в этот период началось создание и формирование эритрейского корпуса аскари. В 1939 г. почти 40% мужчин-эритрейцев были зачислены в колониальную итальянскую армию. Считается, что именно аскари были наиболее боеспособной частью итальянских колониальных войск во время Второй мировой войны [1, Электронный ресурс].

После окончания Второй мировой войны решением Генеральной Ассамблеи ООН [2, Электронный ресурс] Эритрея была объявлена частью Эфиопии на правах автономии с собственными исполнительной, законодательной и судебной ветвями власти. Через два года Эритрея вошла в состав Эфиопии как самоуправляемая территория. В свою очередь, Эфиопия совершенно не была заинтересована в развитии и укреплении самостоятельных позиций Эритреи. Именно в этот период начали формироваться первые политические организации, выступавшие за независимость.

Также в тот период зародилось «воображаемое эритрейское гражданство», которое развивало самосознание на протяжении последующих лет [3, с. 56].

Решающим этапом стала вооруженная борьба за независимость, которая продлилась 30 лет. В этот период произошла консолидация разрозненных групп сопротивления в единый Фронт освобождения Эритреи (ФОЭ), а затем – в Народный фронт освобождения Эритреи (НФОЭ). НФОЭ, в отличие от многих национально-освободительных движений, с самого начала сделал ставку на надэтничность. В рядах НФОЭ сражались мусульмане, христиане и представители всех этнических групп, а его организационная культура делала упор на солидарность, эгалитаризм и коллективное принятие решений [4, Электронный ресурс].

После обретения независимости в 1993 году и официального признания по итогам референдума под наблюдением ООН, перед новым государством встала задача институционализации той модели идентичности, которая была выработана в годы войны. Эта модель, которую можно охарактеризовать как «нация прежде идентичности», предполагала сознательный отказ от политики, основанной на этнической или религиозной принадлежности, в пользу единого гражданства.

На сегодняшний день Эритрея – страна с девятью официально признанными этническими группами, крупнейшими из которых являются тыграйцы (около 50–55% населения) и тигре (около 30–31%). Религиозный состав также неоднороден: примерно 30% населения исповедует христианство (преимущественно Эфиопскую ортодоксальную церковь), а более 50% составляют мусульмане-сунниты [5, Электронный ресурс].

Ситуация с политическим режимом в стране выглядит совершенно иначе. Единственной легальной политической силой в стране является Народный фронт за демократию и справедливость (НФДС) – преемник НФОЭ, чья идеология базируется на эритрейском национализме, социализме и социальном консерватизме. Государство проводит целенаправленную политику по формированию единой нации, где лояльность государству и его руководству ставится выше этнических, религиозных или региональных различий.

Однако на практике данная модель наполнена большим количеством противоречий и несоответствий. Авторитарный характер режима под руководством бессменного президента Исайяса Афеворки привел к тому, что национальная идентичность все больше воспринимается гражданами страны как навязанная сверху идеология [6, Электронный ресурс]. Конституция, разработанная в 1997 году, так и не была имплементирована, а политический плюрализм отложен на неопределенный срок в пользу «единства перед лицом угрозы».

Ключевой проблемой нормативно-правовой базы модели безопасности Эритреи является отсутствие в полном объёме функциони-

рующего парламента. Министерство юстиции, согласно официальным функциям, должно разрабатывать и предлагать новые законы Национальному парламенту, но парламент в Эритрее фактически не работает. Это создаёт ситуацию правового вакуума, при котором многие аспекты деятельности силовых структур регулируются не законами, а подзаконными актами и прямыми указаниями президента.

Взаимосвязь между национальной идентичностью и моделью безопасности в Эритрее носит фундаментальный и многоуровневый характер. Опыт национально-освободительной борьбы сформировал особую «культуру безопасности», в которой военная организация и дисциплина стали не просто инструментом защиты, но и ядром национальной идентичности.

Структура сил безопасности в Эритрее отличается высокой степенью централизации. Силы обороны Эритреи состоят из трёх родов войск: Сухопутные войска, Военно-воздушные силы и Военно-морские силы.

Сухопутные войска являются основой обороноспособности Эритреи. Ввиду закрытой политики, основываясь на ограниченных открытых данных, численность войск составляет от 200 до 350 тысяч военнослужащих и более 120 тысяч резервистов. Сухопутные войска организационно разделены на оперативные корпуса с акцентом на пехотные подразделения, охрану границ и оборону ключевых направлений. Военно-воздушные силы Эритреи располагают парком авиационной техники, включая истребители МиГ-29. Военно-морские силы являются наименьшим по численности родом войск и насчитывают порядка 1400 человек личного состава. Эритрейский военно-морской флот располагает ограниченным количеством патрульных катеров и малых кораблей, что не позволяет вести полноценные морские операции за пределами прибрежных вод.

Министерство обороны Эритреи является центральным исполнительным органом, ответственным за разработку и реализацию оборонной политики, а также за общее руководство Силами обороны Эритреи. Несмотря на наличие структуры, в Эритрее нет министра обороны. Министерство функционирует под прямым руководством президента страны. Президент является Верховным главнокомандующим.

Ключевым институтом, связывающим национальную идентичность и безопасность, является Национальная служба. Созданная в 1992 году, она изначально задумывалась как временная мера для демобилизации армии освобождения и подготовки резерва. Но со временем она превратилась в центральный элемент государственного строительства. Согласно официальной риторике, ее целями были не только безопасность, но и развитие, образование и «строительство нации». Национальная служба должна была стать так называемым плацдармом, где молодежь из разных этнических групп и социальных слоев проходила бы через общий опыт, способствующий укреплению национального единства [7, Электронный ресурс]. Однако на практике, особенно после эритрейско-эфиопской войны 1998–2000 годов, Национальная служба трансформировалась в бессрочную воинскую повинность. Повинность распространяется и на женщин. Призывной возраст – от 18 до 40 лет, срок службы установлен в 18 месяцев, но доходит до нескольких лет.

Парадоксально, Эритрея является одним из самых милитаризованных стран в мире. Расходы на оборону варьируются от 6,3% до 28,6% ВВП [8, Электронный ресурс]. Это один из самых высоких показателей в мире. По состоянию на 2025 год, по данным ряда источников, военные расходы Эритреи достигают 10% ВВП. В 2026 году Индекс силы Эритреи составил 2,6841 – это 119 место в мире [9, Электронный ресурс]. Для сравнения, Эфиопия, обладающая экономикой, многократно превосходящей эритрейскую (ВВП Эфиопии по состоянию на 2025 год – более 126 млрд долларов [10, Электронный ресурс] против 2,5 млрд у Эритреи [11, Электронный ресурс]), тратит на оборону лишь 0,49% ВВП [12, Электронный ресурс], а Индекс силы Эфиопии составляет 0,8525 (47 место в мировом рейтинге) [13, Электронный ресурс].

Изоляционистская политика, добровольный отказ от участия в региональных интеграционных проектах и отсутствие иностранных инвестиций, оказывают прямое и негативное воздействие на обороноспособность страны. Основу вооружения СОЭ составляет техника советского производства 1970–1980-х годов. Таким образом, в военном секторе Эритреи сформировалось «милитаризация без модернизации»: огромная по численности, но технически устаревшая армия, которая с каждым годом всё больше отстаёт от потенциальных противников.

Модель безопасности Эритреи функционирует в двойной логике. С одной стороны, она является продуктом и инструментом национальной идентичности, призванным защищать суверенитет и единство. С другой стороны, ее репрессивный характер и неспособность к реформированию порождают отчуждение и подрывают ту самую национальную идентичность, которую она призвана укреплять. Исследователи отмечают, что тоталитарная диктатура в Эритрее не оставляет возможности для реализации реформы сектора безопасности [14, с. 53–74]. Кроме этого, милитаризованность общества провоцирует антипатриотические настроения и увеличивает поток беженцев в соседние государства региона, что, в свою очередь, отражается на процессах по обеспечению безопасности в этих странах. В 2013 году специальный докладчик ООН по ситуации по правам человека в Эритрее Шейла Т.Китарут представила информацию по итогам общения с жителями Эритреи, которые покинули страну. «Бессрочная национальная служба – это система, которая держит эритрейцев в плену отчаяния, заставляя их идти на невообразимые риски в поисках свободы и безопасного убежища», указала Китарут в материале [15, Электронный ресурс].

Замилитаризованность взглядов руководства страны поднимает еще одну проблему – в обозримом будущем призывать в армию будет некого. И для это утверждения существует вполне весомые аргументы – возможность обучения после школы разрешено только тем, что прошел обучение в военном лагере. Молодые люди и девушки часто принимают решительные меры, чтобы избежать поездки в лагерь: намеренно проваливают экзамены или вообще бросают школу. Многие видят бегство из страны как единственный вариант [16, Электронный ресурс].

Международное сообщество неоднократно озвучивало беспокойство по вопросу нарушения прав человека в Эритрее. В частности, Заместитель Верховного комиссара ООН по правам человека Нада Аль-Нашиф в 2023 году, выступая на Совете по правам человека, отметила напряженность ситуации, ввиду безнаказанности государственных сил безопасности и обороны [17, Электронный ресурс].

Дело шведско-эритрейского журналиста Давита Исаака представляет собой один из наиболее показательных примеров системного подавления гражданских свобод в Эритрее и одновременно выступает индикатором ограниченности механизмов международного давления на авторитарные режимы, обладающие стратегическим значением.

В конце 90-х годов XX века Давит Исаак основал первую независимую газету «Setit» в Эритрее. На страницах издания газеты освещались темы культуры, общественных значимых вопросов. В 2001 году в газете было опубликовано открытое письмо президенту Эритреи. Одиннадцать людей, подписавших письмо и десять журналистов, включая Исаака – были заключены под стражу. 15 мая 2026 года исполнилось 9 000 дней как Давит Исаак провёл в заключении. Его местонахождение и состояние здоровья остаются неизвестными: последний подтверждённый контакт с ним датируется 2005 годом [18, Электронный ресурс].

Несмотря на 25-летнее заключение, активные усилия международного сообщества не привели к освобождению Исаака. Ситуация характеризуется дипломатическим тупиком. В частности, правительство Швеции долгие годы бездействовало. Центр по правам человека имени Рауля Валленберга неоднократно призывало правительство к выступлению с требованиями и оказанию воздействия на Эритрею. На сайте фонда предлагается присоединиться к подписанию петиции в адрес шведских политиков с требованием освобождения Исаака [19, Электронный ресурс]. На сайте некоммерческой организации Hostage Aid Worldwide также содержится информация об отсутствии в итоговом отчете ЕС за 2022 год упоминания о насильственном исчезновении и произвольном задержании гражданина ЕС Давита Исаака на протяжении почти четверти века [20, Электронный ресурс].

В декабре 2025 года состоялся первый визит министра иностранных дел Швеции Марии Мальмер Стенергард в Эритрею. В рамках визита состоялась встреча с министром иностранных дел Эритреи Османом Салехом. Они обсудили двусторонние отношения между Эритреей и Швецией, региональные события, а также вопросы мира и безопасности в Африке и регионе Красного моря. Проведенный визит и диалог не привел к изменению положения, шведская сторона так и не получила доступа к заключенному, подтверждения его жизни или уведомления о предстоящем судебном разбирательстве.

Дело Давита Исаака имеет прямое отношение к системе региональной безопасности Северо-Восточной Африки по нескольким причинам. Прежде всего, оно демонстрирует неэффективность механизмов международного давления на Эритрею. Несмотря на почти 25-летнее заключение гражданина Швеции и ЕС, многократные призывы ООН, резолюции международных и общественных организаций и дипломатические усилия, правительство Эритреи не только не освободило Исаака, но и не предоставило доказательств его жизни. Это создаёт опасный прецедент для других авторитарных режимов, сигнализируя о безнаказанности и возможности игнорировать коллективные усилия по поддержанию прав человека.

Внешнеполитические подходы Эритреи можно охарактеризовать как сочетание жесткого изоляционизма, приоритетности в защите суверенитета и прагматичного ситуативного партнерства. В проэри-

трейских СМИ преимущественно фигурирует тезис о мире и сотрудничестве, совместном решении общих проблем, таких как конфликты, политическая нестабильность и экономическая раздробленность [21, Электронный ресурс]. Но в практической плоскости действия Эритреи больше направлены на ослабление соседей. Например, Эритрея обвинялась в поддержке повстанческих групп, включая «Аль-Шабааб», что стало основанием для введения санкций ООН [22, Электронный ресурс]. В декабре 2009 года Совет Безопасности ООН принял резолюцию 1907 [23, Электронный ресурс], которая вводила оружейное эмбарго и адресные санкции против Эритреи. В качестве официальных оснований были указаны предполагаемая поддержка вооружённых групп в Сомали, включая «Аль-Шабааб», и отказ Эритреи урегулировать пограничный спор с Джибути. В декабре 2011 года пакет санкций был расширен [24, Электронный ресурс] ввиду продолжавшейся эритрейской поддержки оппозиционных групп. Однако впоследствии Мониторинговая группа ООН по Сомали и Эритрее, учреждённая для контроля за соблюдением санкций, на протяжении нескольких последовательных мандатов не обнаружила убедительных доказательств по предъявленным обвинениям [25, Электронный ресурс].

В свою очередь, правительство Эритреи выступило с заявлением, в котором опровергло обвинения, назвав их «чистой выдумкой и откровенной ложью». Оно также обвинило Эфиопию в том, что она является главным инициатором кампании дезинформации, направленной на дискредитацию Эритреи [26, Электронный ресурс]. Также в 2017 году на сайте Министерства информации Эритреи была опубликована статья «Truth Triumphs Ultimately», в которой поднимался вопрос о финансировании деятельности Аль-Шабааб Катаром и молчаливой поддержке этого процесса США. Главная мысль статьи заключалась в аргументах непричастности Эритреи к деятельности террористической группировки и неправомерности санкций, введенных против Эритреи. Утверждалось, что они были сфабрикованы главным образом для продвижения злонамеренной политической повестки дня [27, Электронный ресурс].

Конфликт в Тыграе представляет собой еще один наглядный кейс дестабилизирующей политики Афеворки. Эритрея включилась в конфликт с первых его дней. Причина оперативной включенности – многолетняя личная и политическая вражда между президентом Эритреи Исайясом Афеворки и руководством НФОТ. Их противостояние уходит корнями в 1970-е годы, во времена борьбы за независимость Эритреи [28, Электронный ресурс]. Для Асмэры падение режима в Аддис-Абебе или приход к власти враждебного НФОТ рассматривались как экзистенциальная угроза. Помимо политического реванша, существовал и вполне конкретный военный аспект. По мнению американского профессора Р.Рида, Эритрея опасалась, что в случае успеха, НФОТ, заручившись поддержкой федерального правительства, может попытаться решить территориальные вопросы военным путём, например, захватить стратегически важный порт Асэб [29, Электронный ресурс].

Показательным стало решение Эритреи о выходе из Межправительственной организации по развитию (ИГАД) в декабре 2025 года. Официальной причиной было названо отклонение организации от ее первоначального мандата и превращение в «инструмент против таких стран, как Эритрея». Попытка изолироваться от институтов, которые режим не может контролировать, и компенсировать потерю влияния через односторонние действия, ведущие к дальнейшей фрагментации региона. Этот шаг отражает предпочтение двусторонним, часто непрозрачным, альянсам [30, Электронный ресурс].

Таким, образом, модель безопасности Эритреи представляет собой уникальный кейс. Эритрейскую модель можно охарактеризовать как деструктивную. По характеру поведения Эритрея выступает изолированным дестабилизатором, чьи действия объективно подрывают региональную стабильность. В основе выбранной модели лежит экзистенциальный дефицит суверенитета: колониальное создание страны, война за независимость и постоянное противостояние с Эфиопией закрепили восприятие суверенитета как ценности, требующей постоянной мобилизации. Изоляционизм – не слабость и не случайный выбор, а осознанная стратегия сохранения субъектности в условиях, когда любая открытость воспринимается как угроза поглощения. С точки зрения запроса на формирование региональной стабильности, это исключает Эритрею из списка партнёров по построению мира и развития.

Литература

1. Мезенцев С. В. ИТАЛЬЯНСКАЯ ЭРИТРЕЯ // Большая российская энциклопедия. Электронная версия (2021); [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://old.bigenc.ru/world_history/text/5860996: (дата обращения 13.04.2026)

2. Эритрея: доклад Комиссии ООН для Эритреи; доклад Межсессионного комитета Генеральной Ассамблеи по докладу Комиссии ООН для Эритреи. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://docs.un-.org/ru/A/RES/390(V): (дата обращения 13.04.2026)

3. Ruth Iyob. The Eritrean Struggle for Independence: Dominance, Resistance, Nationalism 1941–1993. Cambridge University Press, 1997, 216 pages – P.56

4. The Facts of Harmony: Eritrea's Ethnic and Religious Unity. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://shabait.com/amp/2026/01/31/the-facts-of-harmony-eritreas-ethnic-and-religious-unity/: (дата обращения 10.03.2026)

5. Государство Эритрея. Официальный сайт Посольства Российской Федерации в Государстве Эритрея. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://eritrea.mid.ru/ru/countries/eritriya/about/: (дата обращения 11.04.2026)

6. The Asmara Enigma: What Does Eritrea's Power Signify, and What Does It Seek? [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://advocacy-4oromia.org/2026/05/24/the-asmara-enigma-what-does-eritreas-power-signify-and-what-does-it-seek/?mon=6&yr=2020: (дата обращения 02.03.2026)

7. National Service: Synopsis of Underlying Rationale and Past Trajectory. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://shabait.com/amp/2023/05/27/national-service-synopsis-of-underlying-rationale-and-past-trajectory-2/: (дата обращения 03.05.2026)

8. Military Expenditures (% of GDP) in Eritrea (1993–2025). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://geofactbook.com/countries/eritrea/military-expenditures: (дата обращения 05.06.2026)

9. 2026 Eritrea Military Strength. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.globalfirepower.com/country-military-strength-detail.php?country_id=eritrea: (дата обращения 05.06.2026)

10. ВВП Эфиопии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ru.tradingeconomics.com/ethiopia/gdp: (дата обращения 05.06.2026)

11. Eritrea GDP. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.focus-economics.com/country-indicator/eritrea/gdp/: (дата обращения 05.06.2026)

12. Военные расходы Эфиопии. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.defensebudget.org/ru/country/ethiopia: (дата обращения 05.06.2026)

13. Ethiopia Military Strength. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.globalfirepower.com/country-military-strength-detail.php?country_id=ethiopia: (дата обращения 05.06.2026)

14. Bairu, H., 2007, 'The security situation in Eritrea: Its implications for the region and its challenges to security sector reform', in L. Le Roux and Y. Kidane (eds), Challenges to Security Sector Reform in the Horn of Africa, Institute for Security Studies, Monograph Series, No. 135, Pretoria, pp. 53–74

15. Statement by the United Nations Special Rapporteur on the situation of human rights in Eritrea, Sheila B. Keetharuth, after her visit to Tunisia and Malta (11–20 November 2013). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.refworld.org/policy/declas/ohchr/2013/95920: (дата обращения 05.06.2026)

16. A new generation of Eritreans enters indefinite service. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.hrw.org/news/2026/07/15/a-new-generation-of-eritreans-enters-indefinite-service: (дата обращения 05.04.2026)

17. Eritrea: human rights situation remains dire amid complete impunity. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://news.un.org/en/story/2023/03/1134202: (дата обращения 01.06.2026)

18. Statement | Eritrea: World's Longest Detained Journalist, Dawit Isaak, Spends 9,000th Day in Jail. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://raoulwallenbergcentre.org/en/news/2026–05–15: (дата обращения 01.06.2026)

19. International coalition leads appeal for action. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.raoulwallenbergcentre.org/en/freed-awit: (дата обращения 02.06.2026)

20. Internal EU Documents Reveal: Eritrea's Regime Has Little to Fear from The EU. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://hostageaid.org/internal-eu-documents-reveal-eritreas-regime-has-little-to-fear-from-the-eu/: (дата обращения 03.05.2026)

21. Eritrea's Diplomatic Vision: A Roadmap for Regional Stability and Sovereignty. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.eriswiss.com/news-eritrea/eritreas-diplomatic-vision-a-roadmap-for-regional-stability-and-sovereignty/: (дата обращения 11.04.2025)

22. Совбез ООН ввел санкции против Эритреи, обвинив ее в поддержке вооруженных оппозиционных группировок в Сомали. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/513137: (дата обращения 13.05.2025)

23. Резолюция 1907 (2009). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://docs.un.org/ru/S/RES/1907(2009): (дата обращения 21.06.2026)

24. Резолюция 2023 (2011). [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://docs.un.org/ru/S/RES/2023(2011): (дата обращения 21.06.2026)

25. Kazakhstani ambassador Kairat Umarov told the Security Council Al Shabab remained "the most significant threat to peace and security in Somalia.". [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://media.un.org/avlibrary/en/asset/d186/d1867871: (дата обращения 08.08.2025)

26. All Eyes on Eritrea as Arms Shipment Reaches Al-Shabab. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.globalsecurity.org – www.globalsecurity.org/military/library/news/2011/11/mil-111102-voa06.htm: (дата обращения 08.08.2025)

27. Truth Triumphs Ultimately. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://shabait.com/amp/2017/07/14/truth-triumphs-ultimately-2/: (дата обращения 08.08.2025)

28. Famine in Ethiopia: the roots lie in Eritrea's long-running feud with Tigrayans. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://theconversation.com/famine-in-ethiopia-the-roots-lie-in-eritreas-long-running-feud-with-tigrayans-181866: (дата обращения 08.08.2025)

29. Eritrea is involved in Tigray to boost its stature. Why the strategy could backfire. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://theconversation.com/eritrea-is-involved-in-tigray-to-boost-its-stature-why-the-strategy-could-backfire-175591?utm_source=Yahoo&utm_medium=related-link&utm_campaign=related-link2&utm_content=article-239847: (дата обращения 15.02.2025)

30. Regime Survival over Regional Cooperation: Eritrea's Disengagement from Multilateralism. [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.ifa.gov.et/2025/12/17/regime-survival-over-regional-cooperation-eritreas-disengagement-from-multilateralism/#content: (дата обращения 15.03.2026)

SPECIFICS OF CONSTRUCTING ERITREA'S SECURITY MODEL

Manina Yu.S.
Institute for African Studiesof the Russian Academy of Sciences

This article examines the evolution and current state of Eritrea's security model in the context of nation-building processes and the regional dynamics of the Horn of Africa. It highlights the contradiction between official rhetoric regarding unity and security and the regime's repressive nature. The case of Swedish-Eritrean journalist Dawit Isaak serves to illustrate the ineffectiveness of international pressure mechanisms directed at Asmara. The article concludes that Eritrea's security model is destructive and that the country acts as an isolated destabilizing force whose policies objectively undermine regional stability. Underlying this is an existential deficit of sovereignty and a perception of any openness as a threat of absorption–factors that exclude Eritrea from partnerships aimed at fostering peace and development in the region.

Keywords: Eritrea, Eritrean People's Liberation Front, security model, National Service, military conscription, Power Index, nation, identity, Horn of Africa

References

1. Mezentsev S. V. ITALIAN ERITREA // Great Russian Encyclopedia. Electronic version (2021); [Electronic resource]. Access mode: https://old.bigenc.ru/world_history/text/5860996: (accessed 13.04.2026)

2. Eritrea: Report of the United Nations Commission for Eritrea; report of the General Assembly's Interim Committee on the report of the United Nations Commission for Eritrea. [Electronic resource]. Access mode: https://docs.un.org/ru/A/RES/390(V): (accessed 13 April 2026)

3. Ruth Iyob. The Eritrean Struggle for Independence: Dominance, Resistance, Nationalism 1941–1993. Cambridge University Press, 1997, 216 pages – P.56

4. The Facts of Harmony: Eritrea's Ethnic and Religious Unity. [Electronic resource]. Access mode: https://shabait.com/amp/2026/01/31/the-facts-of-harmony-eritreas-ethnic-and-religious-unity/ (accessed March 10, 2026).

5. State of Eritrea. Official website of the Embassy of the Russian Federation in the State of Eritrea. [Electronic resource]. Access mode: https://eritrea.mid.ru/ru/countries/eritriya/about/ (accessed 11.04.2026).

6. The Asmara Enigma: What Does Eritrea's Power Signify, and What Does It Seek? [Electronic resource]. URL: https://advocacy4oromia.org/2026/05/24/the-asmara-enigma-what-does-eritreas-power-signify-and-what-does-it-seek/?mon=6&yr=2020: (accessed March 2, 2026)

7. National Service: Synopsis of Underlying Rationale and Past Trajectory. [Electronic resource]. Access mode: https://shabait.com/amp/2023/05/27/national-service-synopsis-of-underlying-rationale-and-past-trajectory-2/: (accessed May 3, 2026)

8. Military Expenditures (% of GDP) in Eritrea (1993–2025). [Electronic resource]. URL: https://geofactbook.com/countries/eritrea/military-expenditures (accessed June 5, 2026).

9. 2026 Eritrea Military Strength. [Electronic resource]. Access mode: https://www.globalfirepower.com/country-military-strength-detail.php?country_id=eritrea: (accessed June 5, 2026)

10. Ethiopia's GDP. [Electronic resource]. Access mode: https://ru.tradingeconomics.com/ethiopia/gdp (accessed June 5, 2026).

11. Eritrea GDP. [Electronic resource]. Access mode: https://www.focus-economics.com/country-indicator/eritrea/gdp/ (accessed 05.06.2026).

12. Ethiopia's military expenditure. [Electronic resource]. Access mode: https://www.defensebudget.org/ru/country/ethiopia: (accessed 05.06.2026)

13. Ethiopia Military Strength. [Electronic resource]. URL: https://www.globalfirepower.com/country-military-strength-detail.php?country_id=ethiopia (accessed 05.06.2026)

14. Bairu, H., 2007, 'The security situation in Eritrea: Its implications for the region and its challenges to security sector reform', in L. Le Roux and Y. Kidane (eds), Challenges to Security Sector Reform in the Horn of Africa, Institute for Security Studies, Monograph Series, No. 135, Pretoria, pp. 53–74

15. Statement by the United Nations Special Rapporteur on the situation of human rights in Eritrea, Sheila B. Keetharuth, after her visit to Tunisia and Malta (11–20 November 2013). [Electronic resource]. Access mode: https://www.refworld.org/policy/declas/ohchr/2013/95920: (accessed 05.06.2026)

16. A new generation of Eritreans enters indefinite service. [Electronic resource]. Access mode: https://www.hrw.org/news/2026/07/15/a-new-generation-of-eritreans-enters-indefinite-service: (accessed 05.04.2026)

17. Eritrea: human rights situation remains dire amid complete impunity. [Electronic resource]. Access mode: https://news.un.org/en/story/2023/03/1134202: (date of access: 01.06.2026)

18. Statement | Eritrea: World's Longest Detained Journalist, Dawit Isaak, Spends 9,000th Day in Jail. [Electronic resource]. URL: https://raoulwallenbergcentre.org/en/news/2026–05–15: (accessed 01.06.2026)

19. International coalition leads appeal for action. [Electronic resource]. URL: https://www.raoulwallenbergcentre.org/en/freedawit: (accessed 02.06.2026)

20. Internal EU Documents Reveal: Eritrea's Regime Has Little to Fear from The EU. [Electronic resource]. Access mode: https://hostageaid.org/internal-eu-documents-reveal-eritreas-regime-has-little-to-fear-from-the-eu/ (accessed 03.05.2026)

21. Eritrea's Diplomatic Vision: A Roadmap for Regional Stability and Sovereignty. [Electronic resource]. URL: https://www.eriswiss.com/news-eritrea/eritreas-diplomatic-vision-a-roadmap-for-regional-stability-and-sovereignty/ (accessed 11.04.2025).

22. The UN Security Council imposed sanctions on Eritrea, accusing it of supporting armed opposition groups in Somalia. [Electronic resource]. Access mode: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/513137: (accessed May 13, 2025)

23. Resolution 1907 (2009). [Electronic resource]. Access mode: https://docs.un-.org/ru/S/RES/1907(2009): (accessed 21.06.2026)

24. Resolution 2023 (2011). [Electronic resource]. Access mode: https://docs.un-.org/ru/S/RES/2023(2011): (accessed 21.06.2026)

25. Kazakhstani Ambassador Kairat Umarov told the Security Council that Al-Shabaab remained "the most significant threat to peace and security in Somalia." [Electronic resource]. Access mode: https://media.un.org/avlibrary/en/asset/d186/d1867871: (accessed 08.08.2025)

26. All Eyes on Eritrea as Arms Shipment Reaches Al-Shabab. [Electronic resource]. Access mode: https://www.globalsecurity.org – www.globalsecurity.org/military/library/news/2011/11/mil-111102-voa06.htm: (accessed 08.08.2025)

27. Truth Triumphs Ultimately. [Electronic resource]. Access mode: https://shabait.com/amp/2017/07/14/truth-triumphs-ultimately-2/ (accessed August 8, 2025).

28. Famine in Ethiopia: the roots lie in Eritrea's long-running feud with Tigrayans. [Electronic resource]. URL: https://theconversation.com/famine-in-ethiopia-the-roots-lie-in-eritreas-long-running-feud-with-tigrayans-181866 (accessed 08.08.2025)

29. Eritrea is involved in Tigray to boost its stature. Why the strategy could backfire. [Electronic resource]. URL: https://theconversation.com/eritrea-is-involved-in-tigray-to-boost-its-stature-why-the-strategy-could-backfire-175591?utm_source=Yahoo&utm_medium=related-link&utm_campaign=related-link2&utm_content=article-239847 (accessed 15.02.2025)

30. Regime Survival over Regional Cooperation: Eritrea's Disengagement from Multilateralism. [Electronic resource]. Access mode: https://www.ifa.gov.et/2025/12/17/regime-survival-over-regional-cooperation-eritreas-disengagement-from-multilateralism/#content: (accessed March 15, 2026)

Прескриптивная методология как фактор долгосрочного развития Российской Федерации: итоги корпуса исследований

Нерсесян Руслан Сергеевич,
независимый исследователь
E-mail: wwwwwrus@mail.ru

В статье представлены итоги комплекса исследований автора, посвящённых формированию прескриптивной методологии как институциональной основы долгосрочного развития Российской Федерации на горизонте 25–50 и более лет. Обосновывается необходимость введения прескриптивной нормы – обязательной проверки государственных решений по триаде смысла (идентичность, предназначение, вклад) – на конституционном уровне. Показано, что в действующей системе управления существует пробел между Конституцией, отвечающей на вопрос «как устроено», и стратегическими документами, отвечающими на вопрос «что делать»: отсутствует критерий, отвечающий на вопрос «ради чего». Предлагается связка из двух институтов – Специального представителя Президента по долгосрочному развитию и Прескриптивного совета РФ, а также нормативный документ высшего уровня – Прескриптивный кодекс Российской Федерации, интегрированный в действующую правовую систему без отмены существующих документов. Представлены результаты пилотной прескриптивной оценки Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года, подтвердившие работоспособность методологии. Обсуждаются цивилизационные последствия: переход от реактивного способа управления к прескриптивному позиционирует Россию как первую в истории цивилизацию, способную проверять смысл решений до их исполнения, а не после провала.

Ключевые слова: прескриптивная норма, триада смысла, долгосрочное развитие, Конституционная поправка, стратегическое планирование, цивилизационная траектория, прескриптивный кодекс, латентный распад, технологический суверенитет, преемственность власти.

Современная система государственного управления в Российской Федерации опирается на Конституцию РФ как фундаментальный правовой акт, определяющий структуру власти, права и обязанности граждан, и на совокупность стратегических документов – ФЗ-172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации», Единый план достижения национальных целей до 2030 года, национальные проекты, государственные программы, определяющие цели, показатели и ресурсы. Однако между конституционным уровнем (отвечающим на вопрос «как устроено») и стратегическим уровнем (отвечающим на вопрос «что делать») существует системный пробел: ни один действующий документ не отвечает на вопрос «ради чего» в форме обязательного критерия, по которому содержание стратегий проверяется на соответствие смыслу государства. Декларации о целях, содержащиеся в посланиях Президента и программных документах, носят рекомендательный характер и не порождают процедуры проверки. В результате крупные государственные решения нередко формируются по логике достижимости и отчётности, а не по логике предназначения. Данная проблема многократно фиксировалась в практике управления: проекты запускаются, перефинансируются, сворачиваются без ясного ответа на вопрос, какой цивилизационный смысл они реализуют. Цель настоящего исследования заключается в обобщении результатов комплекса работ, посвящённых разработке прескриптивной методологии как инструмента устранения указанного пробела, и представить итоговую модель институциональной связки, способной обеспечить осмысленность государственных решений на горизонте 25–50 и более лет.

Методологической основой исследования является закон необходимого разнообразия Эшби [11], согласно которому управляющая система должна обладать разнообразием, не меньшим разнообразия управляемой системы. В контексте государственного управления это означает, что сложность управленческих решений должна соответствовать сложности проблем, на которые они направлены. Однако традиционный инструментарий – регулирование воздействия (RIA), ключевые показатели эффективности (KPI), система сбалансированных показателей (BSC), логика национальных проектов – обеспечивает лишь процедурную и количественную проверку, не затрагивая смыслового измерения. В работе [3] введено понятие латентного распада – процесса, при котором стратегия формально исполняется, но постепенно утрачивает связь с исходным смыслом. Выделены четыре типа латентного распада:

1. Формализм – исполнение процедуры без содержания.
2. Подмена – замена цели удобным показателем.
3. Автономизация – превращение средства в самоцель.
4. Риторизация – превращение смысла в лозунг, не влияющий на решения. Латентный распад не диагностируется ни одним из существующих инструментов оценки, поскольку все они проверяют «как исполнено», а не «ради чего». Это создаёт ситуацию, при которой система управления способна фиксировать провал постфактум, но не способна предотвратить его превентивно – на стадии замысла.

Центральное положение корпуса работ [8] состоит в том, что смысл государственного решения не является философской категорией или идеологемой, а представляет собой методологию: конкретный критерий, применимый к любому решению на любом уровне управления. Триада смысла включает три компонента:

– идентичность (кто мы как субъект решения – народ, нация, цивилизация, регион);

– предназначение (зачем мы это делаем – какая задача решается, какой горизонт открывается);

– вклад (что мы даём – какой результат существует за пределами самого проекта, в более широкой системе).

Принципиальное отличие триады от существующих инструментов состоит в том, что она работает на уровне цели, а не процедуры. RIA оценивает последствия, KPI – выполнение, BSC – баланс, нацпроекты – достижение показателей. Триада оценивает соответствие цели смыслу. На горизонте 3–5 лет триада избыточна: краткосрочные решения проверяются процедурными инструментами. На горизонте 10–15 лет триада полезна: она позволяет отсеять решения, формально корректные, но смысл естественно пустой. На горизонте 25–50 лет триада необходима: без неё долгосрочные стратегии превращаются в экстраполяцию

текущих трендов, а не в проектирование будущего. Методология триады прошла верификацию в пилотном исследовании – прескриптивной оценке Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года, в ходе которой были выявлены конкретные расхождения между декларированными целями и смысловой структурой, а также сформулированы условия, при которых стратегия может быть признана соответствующей смыслу.

Введение прескриптивной нормы требует не только методологии, но и институционального оформления. В работах [6; 7] обоснована связка из двух институтов, дополняющих, но не дублирующих друг друга. Специальный представитель Президента по долгосрочному развитию – институт, создаваемый указом Президента без законодательных изменений, работающий на базе Администрации Президента. Его функция – проектирование цивилизационной траектории на 25–50 лет по четырём опорам: народ, технология, территория, смысл; обеспечение преемственности при смене политических циклов; координация пилотных региональных моделей. Прескриптивный совет РФ – институт, создаваемый на основании конституционных поправок и ФКЗ, с функцией проверки крупных государственных решений по триаде смысла до их утверждения. Связка работает по принципу разделения функций: один проектирует «ради чего», второй проверяет «соответствует ли». Это исключает концентрацию смысл образования и смысл контроля в одном органе, что критически важно для предотвращения имитации – формального прохождения оценки без реального влияния на решение. Минимальный административный и бюджетный профиль связки (работа на базе существующих структур, отсутствие нового ведомства) снижает риски бюрократического разрастания и позволяет быстро верифицировать институты через пилотные регионы.

В работах [3, 2] показано, что прескриптивная норма, не закреплённая в Конституции, остаётся рекомендацией. Предлагается внесение поправок в Конституцию РФ (в части статей 83, 102, 103, 114, а также введение новой статьи 114.1), определяющих: обязанность Прескриптивного совета проводить оценку значимых государственных решений по триаде смысла; обязательность учёта заключений Совета при принятии решений; порядок назначения и полномочия Специального представителя. Параллельно предлагается внесение аналогичных норм в Конституцию Республики Татарстан как пилотного региона [2], что позволит верифицировать механизм на региональном уровне до федерального внедрения. Поправки в ФЗ-172 [10] должны закрепить триаду смысла как обязательный элемент оценки стратегических документов, дополнив существующие процедуры (прогнозирование, целеполагание, мониторинг) смысловым критерием. Это не отменяет действующие инструменты, а добавляет верхний уровень проверки: все стратегии и программы оцениваются по триаде до утверждения, а не после исполнения.

В работе [9] представлена «Цивилизационная траектория России» – живой, ежегодно обновляемый документ, описывающий логику движения на горизонте 25–50 лет. Траектория – не прогноз (что будет) и не план (что построить), а логика принятия решений о будущем. Она опирается на четыре опоры: народ (демография, здоровье, образование, идентичность), технология (суверенитет знания и производства), территория (связность, качество среды, безопасность) и смысл (прескриптивная норма как критерий каждого крупного решения). Траектория описывает три фазы:

– стабилизация (2026–2030) – завершение мобилизационного режима, запуск институтов смысла, фиксация преемственности;

– осмысленное развитие (2030–2040) – интеграция прескриптивной нормы в регламенты ведомств, развитие региональных моделей;

– цивилизационное созревание (2040–2050) – прескриптивная норма становится частью управленческой культуры, демографический разворот, технологический суверенитет. Выделены пять векторов движения: прескриптивная норма, технологический суверенитет, пространственное развитие, демографическая революция, международная архитектура. Определена точка бифуркации (2026–2028) – окно для запуска институтов; при упущении этого окна горизонт 2030+ будет определяться инерцией и внешними шоками.

Анализ вертикали российских документов стратегического планирования показал, что даже при наличии методологии (триада смысла) и институтов (Совет, спецпредставитель) отсутствует нормативный документ, который переводит триаду из методологии в правовую норму. В работе [5] предложен «Прескриптивный кодекс Российской Федерации» – документ, стоящий над стратегиями, но не заменяющийих, а задающий критерий их оценки. Кодекс не является идеологией (он не отвечает на вопрос «во что верим»), не национальной идеей (не лозунг для граждан), не конституцией (не права и структура), не стратегией (не план действий). Он является критерием оценки плана. Кодекс включает шесть разделов (24 статьи): смысл государства, триада смысла как правовой критерий, прескриптивная оценка (перечень решений, процедура, сила заключения), институциональная связка, региональный уровень (прескриптивные кодексы субъектов), обновление и преемственность. Принципиально, что Кодекс интегрирован в действующую систему без отмены: Конституция остаётся фундаментом, ФЗ-172 – процедурной рамкой, национальные проекты – инструментами исполнения; Кодекс добавляет только один элемент – обязательную проверку «ради чего» до принятия решения. На региональном уровне Кодекс предусматривает аналогичные документы субъектов РФ, которые не могут сузить федеральный смысл, но могут дополнить его собственной идентичностью – что особенно значимо для многонациональных субъектов.

В работе [6] сформулирован тезис: при внедрении прескриптивной нормы Россия становится первой в истории цивилизацией, способной проверять смысл государственных решений до их исполнения, а не после провала. Это не означает превосходства, но означает качественное отличие способа управления. Ни одна современная политическая система не имеет встроенного механизма смысловой проверки: демократии опираются на электоральный контроль, авторитарные системы – на волю руководителя, технократии – на экспертную оценку. Ни один из этих механизмов не отвечает на вопрос «ради чего» в форме обязательного критерия. Прескриптивная цивилизация – это цивилизация, в которой смысл не декларируется, а проверяется. Экспорт прескриптивной методологии как институционального продукта – не экспорт идеологии, а экспорт способа управления сложностью, что может быть востребовано многонациональными государствами, сталкивающимися с проблемой латентного распада стратегий [9].

В корпусе работ последовательно рассматриваются три сценария: прескриптивный (реальное внедрение), инерционный (сохранение статус-кво) и имитационный (формальное внедрение без влияния на решения).

Главный риск – имитация: создание Прескриптивного совета как органа, штампующего заключения «соответствует» без реальной оценки. Индикатор отсутствия имитации – доля заключений «соответствует при условии» и «не соответствует»: если она близка к нулю, оценка имитируется [1].

Второй риск – перегрузка: попытка оценить все решения приведёт к параличу системы. Решение – порог: оценку проходят только решения стоимостью от 10 млрд руб. или влияющие на 1 млн и более человек.

Третий риск – зависимость от личности: связка работает только при поддержке руководителя. Решение – конституционное закрепление, делающее отмену институтов политически затратной.

Четвёртый риск – отрыв от практики: триада как абстрактная конструкция может не работать с конкретными решениями. Пилот в Республике Татарстан покажет, что триада применима и даёт диагностически значимые результаты, однако требует дальнейшей верификации на материалах других субъектов и отраслей [4].

Исходя из вышеизложенного автор приходит к выводу, что корпус из девяти работ формирует замкнутую логическую цепь: методология (триада смысла) институты (спецпредставитель, Прескриптивный совет) нормативный документ (Прескриптивный кодекс) траектория движения (цивилизационная траектория) цивилизационное позиционирование (первая прескриптивная цивилизация). Каждый элемент цепи необходим: методология без институтов – идея без реализации; институты без кодекса – органы без правовой основы; кодекс без траектории – критерий без контекста; траектория без цивилизационного позиционирования – план без смысла. Совокупность работ представляет не набор разрозненных предложений, а целостный проект институциональной трансформации, в котором центральное место занимает переход от реактивного способа управления (фиксация провала постфактум) к прескриптивному (проверка смысла превентивно). Практическая реализация проекта не требует радикальной перестройки системы управления: все предлагаемые институты встраиваются в существующую вертикаль, дополняя, а не отменяя действующие документы. Ключевое условие – политическая воля на запуск в окне 2026–2028 годов. При выполнении этого условия горизонт 2050 года перестаёт быть экстраполяцией и становится проектируемой траекторией, проверяемой на смысл на каждом шаге.

Литература

1. Нерсесян Р.С. Почему Владимиру Путину нужен специальный представитель по долгосрочному развитию. – М., 2026.

2. Нерсесян Р.С. Прескриптивная норма в Конституции Республики Татарстан. – Казань, 2026.

3. Нерсесян Р.С. Прескриптивная норма в Конституции Российской Федерации. – М., 2026.

4. Нерсесян Р.С. Прескриптивная оценка Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года: кейс. – Казань, 2026.

5. Нерсесян Р.С. Прескриптивный Кодекс Российской Федерации (проект). – М., 2026.

6. Нерсесян Р.С. Россия – первая в истории прескриптивная цивилизация. – М., 2026.

7. Нерсесян Р.С. Специальный представитель Президента по долгосрочному развитию: обоснование и дорожная карта. – М., 2026.

8. Нерсесян Р.С. Триада смысла как фактор долгосрочного развития Российской Федерации (25–50 и более лет). – М., 2026.

9. Нерсесян Р.С. Цивилизационная траектория России (живой документ). – М., 2026.

10. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

11. Эшби У.Р. Введение в кибернетику. – М.: Ком Книга, 2005. – 432 с.

PRESCRIPTIVE METHODOLOGY AS A FACTOR IN THE LONGTERM DEVELOPMENT OF THE RUSSIAN FEDERATION: RESULTS OF A CORPUS OF RESEARCHES

Nersesyan R.S.

The article presents the results of the author's comprehensive research into the formation of a prescriptive methodology as an institutional foundation for the longterm development of the Russian Federation over a horizon of 25–50 years or more. The necessity of introducing a prescriptive norm – a mandatory review of state decisions in terms of the triad of meaning (identity, purpose, contribution) – at the constitutional level is substantiated. It has been shown that there is a gap in the current management system between the Constitution, which answers the question "how it works," and the strategic documents, which answer the question "what to do": there is no criterion answering the question "what is it for." A combination of two institutions is proposed – the Special Representative of the President for LongTerm Development and the Prescriptive Council of the Russian Federation – as well as a toplevel regulatory document – the Prescriptive Code of the Russian Federation, integrated into the current legal system without repealing existing documents. The results of a pilot prescriptive assessment of the Strategy for the SocioEconomic Development of the Republic of Tatarstan until 2030 are presented, confirming the effectiveness of the methodology. The civilizational consequences are discussed: the transition from a reactive management approach to a prescriptive one positions Russia as the first civilization in history capable of verifying the meaning of decisions before they are implemented, rather than after they fail. The publication of the article invites readers to engage in further discussion with the author.

Keywords: prescriptive norm, triad of meaning, longterm development, constitutional amendment, strategic planning, civilizational trajectory, prescriptive code, latent decay, technological sovereignty, continuity of power.

References

1. Nersesyan R.S. Why Vladimir Putin Needs a Special Representative for Long-Term Development. – Moscow, 2026.

2. Nersesyan R.S. The Prescriptive Norm in the Constitution of the Republic of Tatarstan. – Kazan, 2026.

3. Nersesyan R.S. The Prescriptive Norm in the Constitution of the Russian Federation. – Moscow, 2026.

4. Nersesyan R.S. Prescriptive Assessment of the Strategy for the Socio-Economic Development of the Republic of Tatarstan through 2030: A Case Study. – Kazan, 2026.

5. Nersesyan R.S. Prescriptive Code of the Russian Federation (Draft). – Moscow, 2026.

6. Nersesyan R.S. Russia: The First Prescriptive Civilization in History. – Moscow, 2026.

7. Nersesyan R.S. The Presidential Special Representative for Long-Term Development: Rationale and Roadmap. – Moscow, 2026.

8. Nersesyan R.S. The Triad of Meaning as a Factor in the Long-Term Development of the Russian Federation (25–50+ Years). – Moscow, 2026.

9. Nersesyan R.S. Russia's Civilizational Trajectory (A Living Document). – Moscow, 2026.

10. Federal Law No. 172-FZ of June 28, 2014, "On Strategic Planning in the Russian Federation."

11. Ashby W.R. Introduction to Cybernetics. – Moscow: KomKniga, 2005. – 432 p.

Сравнение функций повестки дня дискурса «многополярности» России и Китая – на примере ШОС и БРИКС

Пань Лин,
доктор политических наук, Дальневосточный федеральный университет
E-mail: 934965593@qq.com

В статье рассматриваются особенности формирования и продвижения повестки дня многополярности в официальных дискурсах Российской Федерации и Китайской Народной Республики на материале документов Шанхайской организации сотрудничества и объединения БРИКС. Выявляются общие стратегические цели, объединяющие Москву и Пекин, а также функциональные различия, отражающие неодинаковое понимание содержания многополярности и методов её достижения. Анализируются концептуальные основания многополярности в официальных документах двух стран, институциональные механизмы продвижения соответствующей повестки дня, а также сходства и расхождения в акцентах и приоритетах. Особое внимание уделяется легитимационной, консолидационной, инструментальной, нормативной и идентификационной функциям повестки дня. Делается вывод о том, что стратегическое видение многополярного мира в Москве и Пекине совпадает, однако функциональные характеристики повестки дня обнаруживают значительные расхождения: российский дискурс ориентирован на перераспределение силовых возможностей и защиту суверенитета, тогда как китайский акцентирует процессуальные аспекты, нормативную упорядоченность и поступательный характер изменений.

Ключевые слова: многополярность, ШОС, БРИКС, российско-китайские отношения, внешнеполитический дискурс, международные институты, глобальное управление, стратегическое партнёрство.

Тема многополярности занимает центральное место в официальных внешнеполитических нарративах Российской Федерации и Китайской Народной Республики на протяжении последних десятилетий. Обе державы последовательно заявляют о неприятии однополярной модели мироустройства, ассоциируемой с доминированием западных институтов и ценностей, и выступают за формирование более справедливого и представительного международного порядка. Однако за внешним единством риторики скрываются существенные различия в понимании того, что именно означает многополярность, каковы её содержательные характеристики и какие механизмы должны обеспечить её утверждение.

Академический интерес к сравнительному анализу российского и китайского дискурсов многополярности обусловлен несколькими обстоятельствами. Во-первых, Россия и Китай являются ключевыми акторами, определяющими повестку дня таких многосторонних структур, как ШОС и БРИКС, которые рассматриваются в качестве институциональной основы нового миропорядка. Во-вторых, функциональное назначение повестки дня в рамках этих организаций не сводится к простой трансляции общих принципов: она выполняет конкретные политические задачи, связанные с легитимацией альтернативных моделей регионального и глобального управления. В-третьих, понимание различий в подходах двух государств позволяет более точно оценить перспективы и ограничения их стратегического партнёрства [1, 2].

Цель настоящей работы состоит в выявлении и систематизации функций, которые выполняет повестка дня многополярности в российском и китайском дискурсах, транслируемых через ШОС и БРИКС.

В российском внешнеполитическом дискурсе многополярность тесно связана с критикой однополярной модели, ассоциируемой с доминированием США и навязыванием «правило-ориентированного порядка». Президент Владимир Путин неоднократно характеризовал БРИКС как один из ключевых элементов формирующегося многополярного мира, подчёркивая его роль в продвижении «справедливого» порядка, основанного на международном праве и принципах Устава ООН. Для России ШОС и БРИКС выполняют функцию политических площадок, позволяющих легитимировать альтернативную систему ценностей и норм, противопоставленную западным либеральным стандартам. Функционально российская повестка в рамках этих организаций направлена на достижение нескольких целей. Во-первых, на преодоление дипломатической и экономической изоляции, усилившейся после 2022 года, через углубление сотрудничества с не-западными партнёрами. Во-вторых, на продвижение реформ глобального управления, включая расширение представительства развивающихся стран в международных финансовых институтах и усиление роли альтернативных механизмов расчётов и резервирования. В-третьих, на идеологическое обоснование многополярности как исторически неизбежного тренда, отражающего стремления «Глобального большинства» к большей автономии и справедливости [3, 4].

Китайский подход к многополярности, хотя и совпадает с российским в общей оценке необходимости демонтажа однополярной системы, отличается акцентом на институциональном строительстве и экономической составляющей. Пекин рассматривает многополярность через призму «подлинного многосторонности», противопоставляемого избирательному применению международных норм западными странами. В этом контексте ШОС и БРИКС выступают не столько как идеологические платформы, сколько как инструменты формирования новой архитектуры глобального управления, включающей альтернативные финансовые механизмы, торговые правила и стандарты технологического развития.

Китайская повестка в рамках ШОС и БРИКС характеризуется несколькими ключевыми функциями. Первая функция связана с продвижением экономической глобализации, понимаемой как взаимовыгодное и инклюзивное расширение торговых и инвестиционных связей, в отличие от воспринимаемой Россией «западной глобализации», служащей интересам гегемона. Вторая функция заключается в институционализации альтернативных механизмов глобального управления, таких как Новый банк развития БРИКС, механизмы расчётов в национальных валютах и инициативы по созданию независимых платёжных систем. Третья функция состоит в укреплении роли ШОС как платфор-

мы региональной безопасности и сотрудничества в Евразии, где Китай продвигает свои инициативы по связности, энергетике и противодействию традиционным и нетрадиционным угрозам [5].

Китайская концепция многополярности характеризуется последовательным акцентом на институциональном строительстве как ключевом механизме трансформации международной системы. В отличие от российской риторики, ориентированной на политико-идеологическую мобилизацию, Пекин продвигает идею «подлинной многосторонности», предполагающей создание параллельных институтов, способных конкурировать с западными структурами по эффективности и легитимности. В рамках БРИКС эта стратегия реализуется через развитие Нового банка развития, который к 2026 году одобрил финансирование проектов на сумму свыше 30 миллиардов долларов, охватывающих инфраструктуру, энергетику и устойчивое развитие стран-участниц. ШОС, в свою очередь, служит платформой для продвижения китайских инициатив по региональной связности, включая координацию с проектом «Один пояс, один путь» и создание механизмов безопасности, адаптированных к евразийским реалиям.

Для Китая многополярность неразрывно связана с концепцией экономической глобализации, понимаемой как инклюзивное и взаимовыгодное расширение торговых и инвестиционных связей. Пекин противопоставляет эту модель воспринимаемой «западной глобализации», которая, по мнению китайских аналитиков, служит интересам гегемона и маргинализирует развивающиеся экономики. В рамках ШОС и БРИКС Китай продвигает инициативы по дедолларизации расчётов, созданию альтернативных платёжных систем и расширению использования национальных валют в международной торговле. Эти меры рассматриваются не только как инструмент снижения уязвимости перед западными санкциями, но и как структурный элемент многополярного порядка, в котором экономическая взаимозависимость служит стабилизирующим фактором и ограничивает возможность одностороннего применения силы [6].

Несмотря на амбициозность китайской повестки многополярности, её реализация сталкивается с рядом стратегических ограничений. Во-первых, расширение состава БРИКС и включение стран с разнонаправленными интересами, таких как Иран, Саудовская Аравия и Эфиопия, усложняет координацию позиций и снижает возможности Пекина по формированию единой платформы внутри объединения. Во-вторых, сохраняющиеся противоречия между Китаем и Индией, особенно в контексте пограничных конфликтов и конкуренции за влияние в Индийском океане, ограничивают потенциал ШОС как инструмента углубления региональной интеграции. В-третьих, растущее восприятие Китая как новой гегемонистской силы со стороны некоторых стран Глобального Юга создаёт риски для легитимности китайской многополярной повестки, которая позиционируется как антигегемонистская, но на практике может воспроизводить асимметрии, характерные для традиционных центров влияния. Эти противоречия вынуждают Пекин балансировать между продвижением собственных интересов и поддержанием консенсуса внутри ШОС и БРИКС, что ограничивает возможности радикальной трансформации глобального управления в краткосрочной перспективе [7, 8].

Несмотря на общность базовых принципов, российские и китайские подходы к многополярности демонстрируют заметные функциональные различия в рамках ШОС и БРИКС. Россия делает ставку на политико-идеологическую мобилизацию стран Глобального Юга вокруг идеи справедливого многополярного порядка, используя риторику антигегемонизма и суверенитета. Китай, напротив, сосредоточен на практической реализации многополярности через создание альтернативных институтов, финансовых инструментов и экономических коридоров, что позволяет Пекину транслировать своё влияние в более устойчивой и долговременной форме. Точки конвергенции между двумя дискурсами наблюдаются в вопросах реформы глобального управления, где обе страны выступают за расширение представительства развивающихся государств и демократизацию международных институтов. Совпадают позиции России и Китая и в отношении необходимости укрепления роли ООН как центрального элемента международной системы, а также в поддержке принципов невмешательства и уважения суверенитета. На площадках ШОС и БРИКС эти общие принципы трансформируются в совместные инициативы по развитию расчётов в национальных валютах, созданию альтернативных рейтинговых агентств и продвижению коллективных подходов к решению глобальных вызовов, от климата до продовольственной безопасности.

Шанхайская организация сотрудничества и объединение БРИКС выполняют в российском и китайском дискурсах функцию институциональных площадок, на которых повестка дня многополярности получает не только декларативное, но и операциональное выражение. Однако функциональная нагрузка этих организаций в рамках соответствующих дискурсов неодинакова.

В российском официальном дискурсе ШОС рассматривается в первую очередь как инструмент обеспечения безопасности и стабильности на евразийском пространстве. Повестка дня организации включает противодействие терроризму, экстремизму, сепаратизму, незаконному обороту наркотиков и транснациональной организованной преступности. На Бишкекском саммите 2026 года были приняты решения о запуске в действие механизмов по борьбе с национальной организованной преступностью, а также утверждены положения о работе центров по противодействию угрозам безопасности. Российская сторона последовательно подчёркивает неделимость безопасности и недопустимость обеспечения собственной безопасности за счёт безопасности других [9].

Китайская интерпретация роли ШОС является более широкой и включает, помимо безопасности, экономическое и гуманитарное измерения. В выступлении китайского руководителя на саммите «ШОС плюс» были сформулированы три приоритетных направления: использование потенциала организации для процветания евразийского континента; опора на «шанхайский дух» для укрепления позиций глобального Юга; продвижение реформы глобального управления через конкретные действия. Китайский дискурс акцентирует связку ШОС с инициативой «Один пояс – один путь», что придаёт экономическому измерению повестки дня дополнительную легитимность.

Функциональное различие становится ещё более отчётливым при обращении к БРИКС. Если ШОС в китайском дискурсе позиционируется как инструмент регионального развития и стабильности, то БРИКС рассматривается как глобальная платформа для реформирования международных финансово-экономических институтов. В декларации, принятой по итогам саммита в Нью-Дели в 2026 году, содержится развёрнутая программа действий по реформированию Бреттон-Вудских институтов, повышению представленности развивающихся стран в руководящих органах Международного валютного фонда и Всемирного банка, а также восстановлению полноценно функционирующего механизма разрешения споров в рамках Всемирной торговой организации. Российский дискурс о БРИКС в большей степени сфокусирован на создании альтернативных западным механизмов расчётов и снижении зависимости от доллара. Повестка дня организации включает продвижение национальных валют во взаимных расчётах, развитие Нового банка развития как альтернативы западным финансовым институтам, формирование устойчивых цепочек поставок. На саммите в Нью-Дели российская сторона, как и другие участники, подтвердила приверженность реформированию многосторонней торговой системы, однако акценты в выступлениях российских представителей смещаются в сторону проблем, связанных с санкционным давлением [10].

Перспективы углубления российско-китайского сотрудничества в рамках дискурса многополярности ограничены рядом факторов. Во-первых, различия в приоритетах: для России многополярность остаётся прежде всего инструментом преодоления изоляции и восстановления статуса великой державы, тогда как Китай видит в ней средство легитимации своего растущего глобального влияния через экономические и институциональные механизмы. Во-вторых, расширение состава БРИКС и включение новых членов с разнонаправленными интересами снижает возможности формирования единой концепции многополярности внутри объединения. В-третьих, сохраняющиеся противоречия между Китаем и Индией, а также различия в подходах стран Глобального Юга к вопросам безопасности и экономики, ограничивают потенциал ШОС и БРИКС как инструментов реализации целостной многополярной повестки.

Тем не менее, в среднесрочной перспективе ШОС и БРИКС останутся ключевыми площадками для координации российско-китайских позиций по вопросам глобального управления. Углубление сотрудничества в области финансовых механизмов, энергетической связности и технологического суверенитета может способствовать формированию более устойчивой архитектуры многополярного мира, в которой Россия и Китай будут играть комплементарные роли: Москва – как идеологический мотор антигегемонистского дискурса, Пекин – как архитектор альтернативных институтов и экономических коридоров [11, 12].

Сравнительный анализ российского и китайского дискурсов многополярности, транслируемых через ШОС и БРИКС, позволяет сделать следующие выводы.

Стратегическое видение многополярного мира в Москве и Пекине совпадает: обе державы отвергают однополярную модель, выступают за повышение представительства развивающихся стран в глобальных институтах и стремятся к формированию международных отношений нового типа. Это совпадение обеспечивает устойчивость российско-

китайского стратегического партнёрства и позволяет координировать позиции на многосторонних площадках.

Вместе с тем функциональные характеристики повестки дня обнаруживают значительные расхождения. Российский дискурс ориентирован на перераспределение силовых возможностей, восстановление баланса сил и защиту суверенитета от внешнего вмешательства. Китайский дискурс акцентирует процессуальные аспекты, нормативную упорядоченность и поступательный характер изменений. Если для России ШОС и БРИКС являются инструментами противостояния западному давлению, то для Китая – платформами для постепенного реформирования существующей системы. Эти различия не носят антагонистического характера и не подрывают основ стратегического партнёрства. Однако они создают определённые сложности для выработки единой повестки дня и требуют постоянной координации позиций. В условиях углубляющейся трансформации международной системы способность Москвы и Пекина согласовывать свои подходы к многополярности будет иметь существенное значение для формирования нового миропорядка.

Литература

1. Бабаев, К.В. Идея «Большой Евразии» и поворот российской экономики на Восток / К.В. Бабаев // Экономика Центральной Азии. – 2024. – Т. 8, № 2. – С. 91–110.

2. Портяков В.Я. Видение многополярности в России и Китае и международные вызовы. Сравнительная политика. 2013;4(1):86–97.

3. Солуянов В.С. Концепция многополярности: многообразие подходов и интерпретаций // Вестник РУДН. Серия: Политология. 2021. Т. 23. № 3. С. 424–445.

4. Иванова Н. А., Новиков Д.П., Фань С. Сравнительный анализ концепта многополярности в политическом и научном дискурсах России и КНР // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2025. Том 30 № 1.

5. Глазьев С.Ю., Косакян Д.Л. Состояние и перспективы формирования 6-го технологического уклада в российской экономике // Экономика науки. 2024. № 10 (2). С. 11–29.

6. Чернов, М. А. ШОС и БРИКС: особенности участия Китая / М.А. Чернов. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2022. – № 47 (442). – С. 376–379.

7. К. В. Юдина Политико-дипломатическое сотрудничество России и Китая в укреплении принципов многополярности в условиях политической турбулентности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 11–1 (98). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politiko-diplomaticheskoe-sotrudnichestvo-rossii-i-kitaya-v-ukreplenii-printsipov-mnogopolyarnosti-v-usloviyah-politicheskoy (дата обращения: 23.09.2026).

8. Семёнов Н.С. Российско-китайские отношения и их влияние на национальную безопасность Российской Федерации // Актуальные исследования. 2024. № 38 (220). Ч.I. С. 44–46.

9. Degterev, D.A., Timashev, G.V. (2019). Concept of multipolarity in Western, Russian and Chinese academic discourse. International relations, 4, 48–60

10. Завьялов, В.Д. Северо-Восточная Азия: новые конфигурации и современные вызовы в условиях многополярности / В.Д. Завьялов, А.А. Тушков. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2021. – № 6 (348). – С. 280–282.

11. Полончук Р.А. Перспективы развития российско-китайского военно-технического сотрудничества // Автономная некоммерческая организация социально-экономического и политического консалтинга «Центр этнических и международных исследований». – 2023. – 181 с.

12. Сидоренко Э.Л. Китайская инициатива Цифрового шелкового пути: направления и перспективы развития, преимущества и риски для России. Russian Journal of Economics and Law. 2025;19(1):57–79.

«MULTIPOLARITY» DISCOURSE OF RUSSIA AND CHINA IS COMPARED WITH THE FUNCTIONS OF THE AGENDA – USING THE EXAMPLE OF THE SCO AND BRICS

Pan Ling
Far Eastern Federal University

The article examines the specifics of the formation and promotion of the multipolarity agenda in the official discourses of the Russian Federation and the People's Republic of China based on the documents of the Shanghai Cooperation Organization and the BRICS association. The author identifies common strategic goals that unite Moscow and Beijing, as well as functional differences reflecting a different understanding of the content of multipolarity and methods of achieving it. The article analyzes the conceptual foundations of multipolarity in the official documents of the two countries, the institutional mechanisms for promoting the relevant agenda, as well as similarities and differences in accents and priorities. Special attention is paid to the legitimization, consolidation, instrumental, normative and identification functions of the agenda. It is concluded that the strategic vision of a multipolar world in Moscow and Beijing coincides, but the functional characteristics of the agenda reveal significant differences: the Russian discourse focuses on the redistribution of power capabilities and the protection of sovereignty, while the Chinese emphasizes procedural aspects, regulatory order and the progressive nature of change.

Keywords: multipolarity, SCO, BRICS, Russian-Chinese relations, foreign policy discourse, international institutions, global governance, strategic partnership.

References

1. Babaev, K.V. The idea of «Greater Eurasia» and the turn of the Russian economy to the East / K.V. Babaev // The Economy of Central Asia. – 2024. – Vol. 8, № 2. – Pp. 91–110.

2. Portyakov V. Ya. The vision of multipolarity in Russia and China and international challenges. Comparative politics. 2013;4(1):86–97.

3. Soluyanov V.S. The concept of multipolarity: a variety of approaches and interpretations // Bulletin of the RUDN University. Series: Political Science. 2021. Vol. 23. № 3. pp. 424–445.

4. Ivanova N.A., Novikov D.P., Fan S. Comparative analysis of the concept of multipolarity in the political and scientific discourses of Russia and China // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary Studies. Journalism. 2025. Volume 30 № 1.

5. Glazyev S.Yu., Kosakyan D.L. The state and prospects of the formation of the 6th technological order in the Russian economy // Economics of science. 2024. № 10 (2). pp. 11–29.

6. Chernov, M. A. SCO and BRICS: features of China's participation / M.A. Chernov. – Text: direct // Young scientist. – 2022. – № 47 (442). – Pp. 376–379.

7. K.V. Yudina Political and diplomatic cooperation between Russia and China in strengthening the principles of multipolarity in the context of political turbulence // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2024. № 11–1 (98). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/politiko-diplomaticheskoe-sotrudnichestvo-rossii-i-kitaya-v-ukreplenii-printsipov-mnogopolyarnosti-v-usloviyah-politicheskoy (accessed: 09/23/2026).

8. Semenov N.S. Russian-Chinese relations and their impact on the national security of the Russian Federation // Current Research. 2024. № 38 (220). Part I. pp. 44–46.

9. Degterev, D.A., Timashev, G.V. (2019). Concept of multipolarity in Western, Russian and Chinese academic discourse. International relations, 4, 48–60

10. Zavyalov, V.D. Northeast Asia: new configurations and modern challenges in the context of multipolarity / V.D. Zavyalov, A.A. Tushkov. – Text: direct // Young scientist. – 2021. – № 6 (348). – Pp. 280–282.

11. Polonchuk R.A. Prospects for the development of Russian-Chinese military-technical cooperation // Autonomous non-profit organization of socio-economic and political consulting «Center for Ethnic and International Studies». – 2023. – 181 p.

12. Sidorenko E.L. The Chinese initiative of the Digital Silk Road: directions and prospects of development, advantages and risks for Russia. Russian Journal of Economics and Law. 2025;19(1):57–79.

Академическая недобросовестность в российской высшей школе в соотношении правовых норм, ценностной среды студенчества и управленческих практик университета

Попова Ольга Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры международного и публичного права, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», юрист 1 класса, член Ассоциации юристов России
E-mail: ovpopova@fa.ru

Гацко Михаил Федорович,
кандидат философских наук, доцент кафедры международного и публичного права юридического факультета, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»
E-mail: mfgatsko@fa.ru

Статья посвящена социологическому анализу академической недобросовестности в российской высшей школе. Явление рассматривается не как совокупность единичных проступков обучающихся, а как устойчивый элемент функционирования института образования, воспроизводимый нормативной средой, ценностными установками студенческой общности и сложившимися управленческими процедурами университета. Сопоставлены оценки распространённости списывания, неатрибутированного заимствования и передачи аттестационных заданий стороннему исполнителю, полученные в отечественных и зарубежных обследованиях за два десятилетия, а также правовые режимы России, Австралии, Ирландии, Англии и Уэльса. Расхождение между оценками достигает порядка величины и объясняется различием в определении изучаемого явления, поскольку возмездное посредничество требует денежных затрат и осознанного решения, а повседневная работа с чужим текстом воспринимается студентами как допустимая. Установлено, что российский правопорядок воздействует на рынок аттестационных работ через запрет рекламы и ответственность рекламораспространителя, оставляя саму возмездную сделку вне правовой оценки, тогда как три зарубежные юрисдикции ввели самостоятельный состав правонарушения, а одна из них наделила отраслевого регулятора правом требовать блокировки ресурсов. Сопоставление режимов позволяет утверждать, что действенность запрета определяется не строгостью санкции, а наличием органа, отвечающего за её применение. На уровне университета выделены три контура управленческого воздействия, охватывающие нормативное закрепление обязанностей обучающегося, процедуры контроля оригинальности и дизайн оценивания, а также поддержание ценностной среды академической честности. Обосновано, что расширение технической детекции заимствований без изменения форм аттестации смещает практику обучающихся от копирования текста к заказу оригинального произведения и не снижает масштаб явления.

Ключевые слова: академическая недобросовестность, академическая честность, социальный институт образования, нормативная культура студенчества, социология управления, локальные нормативные акты, дисциплинарная ответственность обучающихся, реклама аттестационных работ, университет.

Введение

Письменная работа сохраняет положение основной формы промежуточной и итоговой аттестации в высшей школе, а самостоятельность её выполнения принимается как условие, не требующее проверки. Вместе с тем вокруг университета сложился сектор возмездных услуг, принимающий на себя подготовку рефератов, курсовых и выпускных квалификационных работ. Для обозначения такой практики Р. Кларк и Т. Ланкастер в 2006 году предложили термин «контрактное мошенничество» (от англ. contract cheating) [1], а опросы обучающихся на протяжении двух десятилетий фиксируют устойчивые показатели списывания, неатрибутированного заимствования и передачи задания стороннему исполнителю, объединяемых в научной литературе понятием академической недобросовестности. Массовизация высшего образования, рост доли обучающихся с оплатой обучения и цифровизация учебного процесса расширили как спрос на подобные услуги, так и технические возможности их оказания.

В социологической постановке, в отличие от педагогической и юридической, недобросовестное поведение обучающегося перестаёт быть личным недостатком и предстаёт результатом соотношения предписанных норм, ролевых ожиданий и реально работающих санкций. Систематическое расхождение между формальной оценкой и действительной подготовкой выпускника подрывает достоверность диплома как сигнала для рынка труда, ценностная сторона явления связана с оправдательными схемами студенческой общности, а управленческий аспект охватывает локальное нормотворчество, процедуры контроля и практику дисциплинарных мер.

Государственный ответ на существование рынка аттестационных работ в России ограничился запретом рекламы соответствующих услуг, введённым осенью 2018 года законодательной поправкой. Ирландия в 2019 году, Австралия в 2020 году, Англия и Уэльс в 2022 году установили самостоятельный состав правонарушения за оказание и рекламу таких услуг, а австралийский регулятор получил право требовать блокировки ресурсов. Предметом настоящего анализа выступает соотношение трёх регуляторов академической честности, а именно правовой нормы, ценностной среды и управленческой процедуры университета, а также условия, при которых каждый из них обеспечивает наблюдаемый результат.

Обзор исследований

Исследовательская традиция изучения возмездной передачи учебных заданий опирается на определение Р. Кларка и Т. Ланкастера, согласно которому речь идёт о представлении студентом для получения академического кредита работы, выполнение которой он оплатил стороннему исполнителю [1]. Систематический обзор П. Ньютона, обобщивший 65 исследований с участием более 54 тысяч респондентов, показал, что историческая средняя оценка распространённости практики составляет около трёх с половиной процентов, а работы, выполненные после 2014 года, дают значение, приближающееся к шестой части опрошенных [2]. Обследование, проведённое Т. Бретаг и соавторами среди 14 тысяч студентов восьми австралийских университетов, зафиксировало самоотчётную вовлечённость в подобные практики на уровне, близком к шести процентам, при значительной дифференциации по областям подготовки [3].

Расхождения в оценках объясняются прежде всего определением изучаемого явления. Г. Кёртис и Дж. Клэр, объединив данные пяти обследований, установили, что среди студентов, признавших обращение к сторонним исполнителям, около двух третей делали это неоднократно, так что доля вовлечённых обучающихся и число эпизодов измеряют разные величины [4]. Р. Одри разграничила формальное посредничество и неформальную передачу работы родственникам, друзьям или однокурсникам, и при таком расширенном определении показатель вовлечённости оказался более чем вдвое выше, чем при учёте одних коммерческих сервисов [5].

Отдельное направление составляют исследования позиции преподавателей. П. Маклеод и С. Итон описали парадокс, при котором преподаватели признают серьёзность нарушений академической честности, но уклоняются от возбуждения дисциплинарных процедур вследствие

их трудоёмкости и репутационных издержек [6]. Правовые подходы к проблеме анализировались М. Дрейпером и П. Ньютоном, обосновавшими в 2017 году необходимость законодательного вмешательства на британском материале [7]. Иначе оценили запретительную модель А. Амигуд и Ф. Доусон, подвергшие сомнению её результативность и указавшие на перемещение предложения в юрисдикции, недоступные национальному регулятору [8].

Е.В. Сивак в препринте 2006 года выявила зависимость выбора обучающегося от ожидаемой реакции преподавателя и от восприятия поведения однокурсников [9]. Н.Г. Малошонок связала восприятие честности университетской среды со студенческой вовлечённостью и предложила инструментарий его измерения [10]. Е.Д. Шмелева и Т.В. Семенова на данных опроса студентов российских университетов пришли к выводу, что образовательная среда объясняет склонность к недобросовестным практикам в большей степени, чем учебная мотивация [11]. Обобщающий обзор теоретических подходов и результатов эмпирических работ выполнен Е.Д. Шмелевой [12].

Масштабные количественные данные по российской высшей школе получены Е.Д. Шмелевой и Е.Б. Сагитовым в рамках мониторинга экономики образования на выборке, включившей восемнадцать тысяч студентов и четырнадцать тысяч преподавателей [13], и результаты показали как широкое распространение списывания, так и терпимое отношение к нему обеих сторон образовательного процесса.

Теоретическую рамку работы задают классические положения социологии. Э. Дюркгейм в работе 1893 года связывал ослабление регулирующей силы норм с состоянием аномии, при котором предписание сохраняет формальное действие и утрачивает признание [14]. Р. Мертон в статье «Социальная структура и аномия» 1938 года объяснял отклоняющееся поведение разрывом между общественно одобряемыми целями и доступными средствами их достижения [15]. Среди выделенных им типов адаптации инновация означает принятие цели при отказе от институциональных способов её достижения. Г. Беккер в книге «Аутсайдеры» 1963 года обосновал, что девиантность есть не свойство поступка, а следствие применения к нему правил и санкций другими людьми, а латентные практики поэтому не образуют отклонения в глазах участников [16]. Т. Парсонс рассматривал систему образования как механизм социализации и распределения статусов [17], а П. Бурдьё описал конвертацию экономического ресурса семьи в институционализированные образовательные квалификации [18]. Указанные положения позволяют рассматривать академическую недобросовестность как следствие рассогласования нормативного предписания и реальной практики контроля.

Материалы и методы

Нормативную базу исследования составили Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» в части статей 30 и 43 о локальных нормативных актах и об обязанностях обучающихся, пункт 10 статьи 7 Федерального закона от 13.03.2006 № 38-ФЗ «О рекламе» о запрете рекламы услуг по подготовке аттестационных работ, статья 14.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, статьи 1259, 1265 и 1274 Гражданского кодекса Российской Федерации об объектах авторских прав, праве авторства и свободном использовании произведений, а также приказы Минобрнауки России от 15.03.2013 № 185 о порядке применения мер дисциплинарного взыскания и от 29.06.2015 № 636 о порядке проведения государственной итоговой аттестации. Из зарубежного материала привлечены акт Англии и Уэльса 2022 года об образовании после шестнадцати лет, австралийским законом 2020 года о запрете услуг академического мошенничества и ирландским актом 2019 года о квалификациях и обеспечении качества.

Эмпирической основой служат опубликованные результаты выборочных обследований обучающихся и преподавателей. Применены вторичный анализ количественных данных, сравнительно-правовой метод при сопоставлении национальных режимов и институциональное описание управленческих процедур университета. Ограничения исследования связаны с природой самоотчётных данных, с различиями в операциональных определениях у разных авторов и с отсутствием сводной ведомственной статистики о применении дисциплинарных мер.

Результаты и обсуждение

Первый вопрос анализа касается масштаба явления и разброса имеющихся оценок. Сводные показатели распространённости отдельных практик по данным отечественных и зарубежных обследований приведены в таблице 1.

Таблица 1. Распространённость отдельных практик академической недобросовестности по данным эмпирических обследований, в процентах от числа опрошенных обучающихся

Практика и источник оценки	Значение
Возмездная передача задания стороннему исполнителю, международная сводная оценка по исследованиям до 2014 года (П. Ньютон)	3,5
Возмездная передача задания стороннему исполнителю, оценка по исследованиям после 2014 года (П. Ньютон)	15,7
Вовлечённость в практики возмездной передачи заданий, университеты Австралии (Т. Бретаг и соавторы)	5,8
Обращение к формальным посредникам при выполнении заданий (Р. Одри)	7,4
Любые формы передачи заданий, включая неформальные (Р. Одри)	16,9
Регулярное списывание домашних заданий, российские вузы (Е.Д. Шмелева, Е.Б. Сагитов)	19,0
Эпизодическое списывание, российские вузы (Е.Д. Шмелева, Е.Б. Сагитов)	33,0
Использование фрагментов чужих текстов без указания источника, ведущие российские вузы (Е.Д. Шмелева, Е.Б. Сагитов)	84,0

Источник: составлено авторами по данным [2, 3, 5, 13].

Приведённые значения различаются на порядок, и это различие содержательно. Наименьшие оценки относятся к коммерческому посредничеству, которое требует денежных затрат и осознанного решения, наибольшие же описывают повседневные практики работы с чужим текстом, не воспринимаемые обучающимися как нарушение. Российские данные располагаются в верхней части диапазона. Разрыв между долей регулярно списывающих и удельным весом использующих чужие фрагменты без ссылок превышает здесь шестьдесят процентных пунктов, и такое соотношение указывает на то, что нормативное требование оригинальности письменной работы не усвоено значительной частью студенческой общности в качестве обязательного.

Российское регулирование рассматриваемой сферы распределено между несколькими отраслями законодательства и не образует единой конструкции. Обязанность добросовестно осваивать образовательную программу и соблюдать требования устава закреплена законодательством об образовании, оно же относит к компетенции организации принятие локальных актов и применение к обучающимся мер дисциплинарного взыскания вплоть до отчисления. При проведении государственной итоговой аттестации предусмотрены проверка выпускных квалификационных работ на объём заимствования и их размещение в электронной информационно-образовательной среде организации. Авторство на созданное произведение признаётся за его создателем, и отчуждение имущественных прав по договору не затрагивает права авторства.

Именно это обстоятельство образует правовую особенность рассматриваемых отношений. Договор о подготовке текста по заданию заказчика соответствует конструкции возмездного оказания услуг и прямо законом не запрещён, а последующее представление полученного произведения в качестве собственного нарушает академическую норму, а не гражданско-правовое обязательство. Заинтересованная сторона, то есть образовательная организация, участником сделки не является и лишена возможности требовать признания её недействительной.

Единственная адресованная рынку мера введена в 2018 году и состоит в дополнении перечня объектов, реклама которых не допускается, услугами по подготовке выпускных квалификационных работ, научных докладов и иных работ, необходимых для прохождения аттестации. Ответственность за нарушение несёт рекламодатель и рекламораспространитель в размере, установленном законодательством об административных правонарушениях. Практическим следствием запрета стало перемещение продвижения услуг в каналы, не подпадающие под понятие рекламы, прежде всего в закрытые сообщества и персональные рассылки, и в итоге предложение сохранилось при снижении его публичной видимости.

Сопоставление с зарубежными правопорядками показывает иную логику вмешательства. Сводные характеристики национальных режимов представлены в таблице 2.

Различие между режимами состоит не в строгости наказания, а в распределении обязанности по его применению. Австралийская модель соединила состав правонарушения с закреплением за отраслевым регулятором функций наблюдения, расследования и требования

о блокировке доступа к ресурсам, включая расположенные за пределами национальной юрисдикции. В Англии и Уэльсе состав установлен, однако специализированный администратор отсутствует, и правоприменительная практика остаётся единичной. Российский режим ограничен рекламным законодательством, при котором сама услуга остаётся легальной. Для социологии управления это означает, что норма, лишённая ответственного за её применение субъекта, выполняет преимущественно символическую функцию обозначения официальной позиции государства.

Таблица 2. Правовые режимы противодействия услугам по подготовке аттестационных работ в отдельных юрисдикциях

Юрисдикция	Акт	Предмет запрета	Санкция и администратор
Российская Федерация	Федеральный закон от 30.10.2018 № 383-ФЗ, пункт 10 статьи 7 Федерального закона «О рекламе»	Реклама услуг по подготовке выпускных квалификационных и иных аттестационных работ	Административный штраф по статье 14.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, антимонопольный орган
Ирландия	Qualifications and Quality Assurance (Education and Training) (Amendment) Act 2019	Предоставление и реклама услуг по выполнению аттестационных заданий	Уголовная ответственность, орган по обеспечению качества квалификаций
Австралия	Tertiary Education Quality and Standards Agency Amendment (Prohibiting Academic Cheating Services) Act 2020	Предоставление, предложение и реклама услуг по выполнению аттестационных заданий	Штраф до пятисот штрафных единиц и лишение свободы на срок до двух лет, отраслевой регулятор с полномочием требовать блокировки доступа к ресурсам
Англия и Уэльс	Skills and Post-16 Education Act 2022	Предоставление за вознаграждение и реклама услуг по выполнению аттестационных заданий	Уголовная ответственность в виде штрафа, общая система уголовного преследования

Источник: составлено авторами.

Основная нагрузка по поддержанию академической честности приходится на университет. Управленческий инструментарий образовательной организации распределяется по трём уровням, описание которых дано в таблице 3.

Таблица 3. Уровни управленческого воздействия университета на практики академической честности

Уровень	Основные инструменты	Ограничения инструмента
Нормативный	Устав, правила внутреннего распорядка обучающихся, положение о порядке применения дисциплинарных взысканий, кодекс профессиональной этики, положение о выпускной квалификационной работе	Формальное закрепление нормы без изменения её признания общностью, редкое применение предусмотренных мер
Процедурный	Проверка работ на объём заимствования, размещение выпускных работ в электронной среде, регламенты рассмотрения случаев нарушения, изменение форм оценивания	Смещение практик обучающихся от копирования к заказу оригинального текста, трудоёмкость разбирательства для преподавателя
Ценностный	Введение в академическую культуру на первом курсе, обучение правилам цитирования, публичность решений по случаям нарушений, позиция преподавательского корпуса	Длительность формирования устойчивых установок, зависимость от согласованности требований разных преподавателей

Источник: составлено авторами по данным [6, 10, 11, 13].

Практика показывает, что усиление процедурного уровня в отрыве от двух других даёт ограниченный результат. Распространение систем проверки текстов на заимствование сделало прямое копирование рискованным, и спрос обучающихся сместился в сторону оригинального произведения, подготовленного по заказу и не выявляемого сопоставлением с массивом опубликованных источников. С появлением генеративных языковых моделей это смещение усилилось, так как стоимость получения нового текста снизилась до величины, не создающей для обучающегося ощутимого барьера. Техническая детекция при таком развитии событий меняет форму нарушения, не затрагивая его причины.

Ценностный уровень раскрывается через данные о позиции участников образовательного процесса. Терпимость преподавателей к списыванию, зафиксированная в российских обследованиях [13], воспроизводит у обучающихся представление о необязательности требования самостоятельности. Мертоновская типология адаптации [15] относит такое поведение к инновации, при которой цель получения диплома принимается, а институциональное средство в виде самостоятельной работы отвергается при высокой учебной нагрузке и формализованных заданиях. Согласно Г. Беккеру [16], отсутствие публичной санкции означает, что практика не получает статуса нарушения в восприятии общности, и обучающийся не относит собственное поведение к отклоняющемуся. Восприятие честности среды, по Н.Г. Малошонок [10], связано с вовлечённостью в учебный процесс, что придаёт ценностному контуру самостоятельное управленческое значение.

Существенным для социологии культуры представляется происхождение оправдательных схем. Студенческая общность вырабатывает аргументацию, снимающую моральную ответственность, через указание на несправедливость требований, на отсутствие связи задания с будущей профессией и на массовость практики. Передаваясь новым поколениям обучающихся вместе с формальными правилами, она образует параллельный нормативный порядок, который университетская политика, обращённая только к писаным нормам, не затрагивает.

Рынок аттестационных работ существует до тех пор, пока диплом сохраняет ценность сигнала для работодателя при относительно низкой вероятности проверки действительной подготовки выпускника. Снижение достоверности сигнала затрагивает добросовестных обучающихся, обесценивая вложенные ими усилия, и работодателя, вынужденного нести издержки дополнительного отбора. В связи с этим поддержание академической честности представляет собой не внутреннее дело образовательной организации, а условие выполнения институтом образования его функции сертификации квалификаций. О масштабе вопроса говорит размер системы, в которой только бюджетный приём на 2026/27 учебный год превысил 620 тысяч мест.

Полученные результаты позволяют предложить направление совершенствования регулирования. Перспективным представляется закрепление за федеральным органом исполнительной власти в сфере высшего образования полномочия по ведению перечня ресурсов, распространяющих услуги по выполнению аттестационных заданий, с последующим ограничением доступа к ним, что соответствует австралийскому опыту и не требует введения уголовной ответственности. Одновременно требуется перенос центра тяжести университетской политики с проверки готового текста на формы оценивания, предполагающие наблюдаемое участие обучающегося, включая защиту промежуточных результатов и устные испытания по содержанию работы.

Выводы

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Академическая недобросовестность в российской высшей школе носит массовый характер. Оценки распространённости отдельных проявлений расходятся на порядок в зависимости от того, требует ли действие денежных затрат или сводится к повседневной работе с чужим текстом, а разрыв между долей систематически списывающих и удельным весом использующих чужие фрагменты без ссылок свидетельствует о неусвоенности требования оригинальности значительной частью студенческой общности.

2. Правовое регулирование в Российской Федерации адресовано рекламе, а не самой услуге, и образовательная организация, не будучи стороной сделки между обучающимся и исполнителем, лишена юридических средств воздействия на последнего, а признание авторства за фактическим создателем текста не препятствует представлению произведения под чужим именем.

3. Различие национальных режимов состоит в наличии или отсутствии субъекта, отвечающего за применение запрета. Там, где полномочия наблюдения, расследования и требования о блокировке закреплены за отраслевым регулятором, запрет приобретает практическое действие, при установленном же составе без специализированного администратора правоприменение остаётся единичным.

4. Управленческое воздействие университета образует три контура, и изолированное усиление процедурного из них меняет форму нарушения, а не его причину, смещая практику студентов от копирования текста к заказу оригинального произведения. Лишь при согласованном

действии всех трёх и при переносе оценивания на испытания с наблюдаемым участием обучающегося достигается устойчивый результат.

5. Ценностная среда студенческой общности содержит параллельный нормативный порядок с оправдательными схемами, передаваемыми новым поколениям обучающихся вместе с официальными требованиями, в связи с чем введение в академическую культуру на начальном этапе обучения и единство требований преподавательского корпуса составляют необходимое условие действенности формальных правил, а ведение федеральным органом перечня блокируемых ресурсов может стать первым шагом к переносу российского регулирования с рекламы на саму услугу.

Литература

1. Clarke R., Lancaster T. Eliminating the successor to plagiarism: identifying the usage of contract cheating sites // Proceedings of the 2nd International Plagiarism Conference. Newcastle, 2006. P. 1–13.

2. Newton P.M. How common is commercial contract cheating in higher education and is it increasing? A systematic review // Frontiers in Education. 2018. Vol. 3. Article 67. DOI: 10.3389/feduc.2018.00067.

3. Bretag T., Harper R., Burton M., Ellis C., Newton P., Rozenberg P., Saddiqui S., van Haeringen K. Contract cheating: a survey of Australian university students // Studies in Higher Education. 2019. Vol. 44, № 11. P. 1837–1856. DOI: 10.1080/03075079.2018.1462788.

4. Curtis G.J., Clare J. How prevalent is contract cheating and to what extent are students repeat offenders? // Journal of Academic Ethics. 2017. Vol. 15, № 2. P. 115–124.

5. Awdry R. Assignment outsourcing: moving beyond contract cheating // Assessment and Evaluation in Higher Education. 2021. Vol. 46, № 2. P. 220–235.

6. MacLeod P.D., Eaton S.E. The paradox of faculty attitudes toward student violations of academic integrity // Journal of Academic Ethics. 2020. Vol. 18, № 4. P. 347–362.

7. Draper M.J., Newton P.M. A legal approach to tackling contract cheating? // International Journal for Educational Integrity. 2017. Vol. 13. Article 11.

8. Amigud A., Dawson P. The law and the outlaw: is legal prohibition a viable solution to the contract cheating problem? // Assessment and Evaluation in Higher Education. 2020. Vol. 45, № 1. P. 98–108.

9. Сивак Е.В. Преступление в аудитории. Детерминанты нечестного поведения студентов: препринт WP10/2006/06. М.: ГУ ВШЭ, 2006. 44 с.

10. Малошонок Н.Г. Как восприятие академической честности среды университета взаимосвязано со студенческой вовлечённостью: возможности концептуализации и эмпирического изучения // Вопросы образования. 2016. № 1. С. 35–60. DOI: 10.17323/1814-9545-2016-1-35-60.

11. Шмелева Е.Д., Семенова Т.В. Академическое мошенничество студентов: учебная мотивация vs образовательная среда // Вопросы образования. 2019. № 3. С. 101–129. DOI: 10.17323/1814-9545-2019-3-101-129.

12. Шмелева Е.Д. Академическое мошенничество в современных университетах: обзор теоретических подходов и результатов эмпирических исследований // Экономическая социология. 2015. Т. 16, № 2. С. 55–79.

13. Шмелева Е.Д., Сагитов Е.Б. Списывание и плагиат: установки студентов и реакция преподавателей: информационный бюллетень. М.: НИУ ВШЭ, 2022. № 17 (34). 40 с. (Мониторинг экономики образования).

14. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 432 с.

15. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ, 2006. 873 с.

16. Беккер Г. Аутсайдеры: исследования по социологии девиантности. М.: Элементарные формы, 2018. 272 с.

17. Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. 270 с.

18. Бурдьё П. Формы капитала // Экономическая социология. 2002. Т. 3, № 5. С. 60–74.

ACADEMIC DISHONESTY IN RUSSIAN HIGHER EDUCATION IN THE INTERPLAY OF LEGAL NORMS, THE VALUE ENVIRONMENT OF STUDENTS AND UNIVERSITY MANAGEMENT PRACTICES

Popova O.V., Gatsko M.F.
Financial University under the Government of the Russian Federation

The article presents a sociological analysis of academic dishonesty in Russian higher education. The phenomenon is considered not as a set of isolated student misdeeds but as a stable element of the functioning of the educational institution, reproduced by the normative environment, the value attitudes of the student community and the established managerial procedures of the university. Estimates of the prevalence of cheating, unattributed borrowing and the outsourcing of assessed assignments to third parties obtained in Russian and international surveys over two decades are compared, together with the legal regimes of Russia, Australia, Ireland, England and Wales. The discrepancy between the estimates reaches an order of magnitude and is explained by differences in the definition of the phenomenon. It is established that the Russian legal order acts on the market of assessed papers through a ban on advertising and the liability of the advertiser, leaving the paid transaction itself without legal assessment, while three foreign jurisdictions have introduced a separate offence and one of them has empowered the sectoral regulator to demand the blocking of resources. A comparison of these regimes suggests that the effectiveness of a prohibition is determined not by the severity of the sanction but by the existence of a body responsible for its application. At the university level, three circuits of managerial influence are identified, covering the normative fixation of student obligations, originality control procedures and assessment design, and the maintenance of a value environment of academic integrity. It is substantiated that expanding technical detection of borrowing without changing assessment formats shifts student practice from copying text towards commissioning an original work and does not reduce the scale of the phenomenon.

Keywords: academic dishonesty, academic integrity, social institution of education, normative culture of students, sociology of management, local regulations, disciplinary liability of students, advertising of assessed works, university.

References

1. Clarke R., Lancaster T. Eliminating the Successor to Plagiarism: Identifying the Usage of Contract Cheating Sites. Proceedings of the 2nd International Plagiarism Conference. Newcastle, 2006, pp. 1–13.

2. Newton P.M. How Common Is Commercial Contract Cheating in Higher Education and Is It Increasing? A Systematic Review. Frontiers in Education, 2018, vol. 3, article 67. DOI: 10.3389/feduc.2018.00067.

3. Bretag T., Harper R., Burton M., Ellis C., Newton P., Rozenberg P., Saddiqui S., van Haeringen K. Contract Cheating: A Survey of Australian University Students. Studies in Higher Education, 2019, vol. 44, № 11, pp. 1837–1856. DOI: 10.1080/03075079.2018.1462788.

4. Curtis G.J., Clare J. How Prevalent Is Contract Cheating and to What Extent Are Students Repeat Offenders? Journal of Academic Ethics, 2017, vol. 15, № 2, pp. 115–124.

5. Awdry R. Assignment Outsourcing: Moving Beyond Contract Cheating. Assessment and Evaluation in Higher Education, 2021, vol. 46, № 2, pp. 220–235.

6. MacLeod P.D., Eaton S.E. The Paradox of Faculty Attitudes toward Student Violations of Academic Integrity. Journal of Academic Ethics, 2020, vol. 18, № 4, pp. 347–362.

7. Draper M.J., Newton P.M. A Legal Approach to Tackling Contract Cheating? International Journal for Educational Integrity, 2017, vol. 13, article 11.

8. Amigud A., Dawson P. The Law and the Outlaw: Is Legal Prohibition a Viable Solution to the Contract Cheating Problem? Assessment and Evaluation in Higher Education, 2020, vol. 45, № 1, pp. 98–108.

9. Sivak E.V. Crime in the Classroom. Determinants of Students' Dishonest Behaviour. Working Paper WP10/2006/06. Moscow, HSE, 2006. 44 p. (In Russ.)

10. Maloshonok N.G. How Perception of Academic Honesty at University Is Related to Student Engagement: Conceptualization and Empirical Research Opportunities. Voprosy obrazovaniya = Educational Studies Moscow, 2016, № 1, pp. 35–60. DOI: 10.17323/1814-9545-2016-1-35-60. (In Russ.)

11. Shmeleva E.D., Semenova T.V. Academic Dishonesty among College Students: Academic Motivation vs Contextual Factors. Voprosy obrazovaniya = Educational Studies Moscow, 2019, № 3, pp. 101–129. DOI: 10.17323/1814-9545-2019-3-101-129. (In Russ.)

12. Shmeleva E.D. Academic Dishonesty in Modern Universities: A Review of Theoretical Approaches and Empirical Findings. Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology, 2015, vol. 16, № 2, pp. 55–79. (In Russ.)

13. Shmeleva E.D., Sagitov E.B. Cheating and Plagiarism: Students' Attitudes and Teachers' Reactions. Information Bulletin. Moscow, HSE, 2022, № 17 (34). 40 p. (Monitoring of Education Markets and Organizations). (In Russ.)

14. Durkheim E. The Division of Labour in Society. Moscow, Kanon, 1996. 432 p. (In Russ.)

15. Merton R. Social Theory and Social Structure. Moscow, AST, 2006. 873 p. (In Russ.)

16. Becker H. Outsiders: Studies in the Sociology of Deviance. Moscow, Elementarnye formy, 2018. 272 p. (In Russ.)

17. Parsons T. The System of Modern Societies. Moscow, Aspekt Press, 1998. 270 p. (In Russ.)

18. Bourdieu P. The Forms of Capital. Ekonomicheskaya sotsiologiya = Journal of Economic Sociology, 2002, vol. 3, № 5, pp. 60–74. (In Russ.)

Методологические проблемы исследования новых религиозных движений

Степаненко Наталья Андреевна,
соискатель степени кандидата наук, Санкт-Петербургский Государственный Университет
E-mail: Stepanenko.n@bk.ru

Статья посвящена анализу ключевых проблем, связанных с методологией изучения новых религиозных движений (НРД). Основой данных проблем является отсутствие единого общепринятого терминологического, категориального и типологического аппарата, а также мозаичная разрозненность НРД сообществ. Подобная их эклектичность, в отсутствие единой теоретико-методологической базы, создает серьезные трудности в изучении новой религиозности. В данном исследовании предпринимается попытка проанализировать сетевые формы НРД методом включенного наблюдения. В результате конструктивным теоретическим выходом из методологической неопределенности может являться концепция секуляризации, согласно которой современное общество характеризуется не упадком религиозности, а трансформацией ее в новый индивидуально-практический вид.

Ключевые слова: методологические проблемы, теоретико-методологический аппарат, сетевые НРД, сетевая религиозность, секуляризация, новая духовность.

Введение

Ушедший XX век характеризовался появлением широкого спектра религиозных течений, связанных как с возникшим в этот период кризисом традиционных конфессий, так и с быстрым техническим прогрессом. Для этого периода характерна резко негативная оценка подобных сообществ со стороны как общества в целом, так и научного религиоведческого сообщества в частности. Новая религиозность данного периода характеризовалась преимущественно как деструктивная. Тогда широкое распространение получили термины, применяемые к таким религиозным организациям: «секта», «культ», «деструктивная организация». Подобное положение дел было обусловлено тем, что новая религиозность XX века зачастую являлась крайне оппозиционной и противопоставляла себя ранее существовавшей духовной традиции и демонстрировала полную закрытость своих образований. Однако, со второй половины XX века стали появляться новые религиозные сообщества, концепции которых не только носили универсальный всеобъемлющий характер, но и заявляли приход новой эры, в рамках которой все человечество устремится к единству. Такие организации, в противоположность ранее существовавшим, характеризовались полной открытостью своих структур для широких масс и принятием любых конфессиональных убеждений адептов, поступающих в их ряды. По вышеприведенным причинам Айлин Баркер в своей работе «Новые религиозные движения» [1] писала о сложности обобщения новых религиозных объединений в силу их радикальной разрозненности. Именно этому автору принадлежит идея введения термина «новые религиозные движения» в силу его нейтральности и попытка выделить единственное общее всех организаций, а именно новизну и религиозность. Изучению НРД сообществ посвящены многие работы таких отечественных авторов, как Е.Г. Балагушкин [2] и И.Я. Кантеров [3], которые в разной степени подчеркивали, что общей чертой появления НРД является ответ общества на возникающие вызовы в социуме и попытка таким образом реагировать на социальный стресс, ими вызванный.

XXI век, с началом которого стала происходить очередная научная революция, связанная с тотальной цифровизацией, все в большей мере стал демонстрировать миру появление очередной новой формы религиозности – сетевой. Сетевые религиозные сообщества либо уже родились внутри цифрового пространства, либо из очной формы перешли в него. Так или иначе, основная работа с адептами ведется в интернет-пространстве, как в части привлечения паствы, так и работы с ней. Изучению подобных сообществ посвящены многие работы зарубежных авторов-религиоведов, таких как Хайди Кэмпбелл [4], Кристофер Хелланд [5], Лорн Досон [6], Дуглас Коуэн [6] и других. В данной статье рассматриваются методологические проблемы исследования новых религиозных движений, с учетом появления их новых цифровых форм.

Методы

Центральным методом для подготовки данных является метод включенного наблюдения, позволяющий выявить изнутри особенности предмета исследования. Также в работе применен метод контент-анализа, позволяющий оценить содержательные особенности предлагаемых новыми формами НРД доктрин. Аксиологический метод позволил сопоставить ценностные ориентиры адептов современных цифровых НРД с ранее существовавшими ориентирами более ранних форм подобных сообществ.

Результаты и обсуждение

В основе методологических проблем исследования НРД лежит терминологическая разрозненность и даже неопределенность. В академической среде до сих пор существуют споры относительно определений новой религиозности. Так, социологи классической школы, как правило, используют противопоставление «церковь-секта», где последний термин призван характеризовать новую религиозность. Однако, термин секта обязательно подразумевал под собой добровольное объединение людей, которое противопоставляло себя ранее существовавшей традиции и носило крайне закрытый характер. Впоследствии, в процессе преобразования такой религиозности стал применяться термин «культ», обязательным признаком которого считалось наличие харизматического лидера и аморфность структуры организации. В применении к новым религиозным движениям оба термина – и культ, и секта – получили

резко негативную эмоциональную окрашенность, утеряв тем самым академическую нейтральность. Появившиеся в дальнейшем виды НРД, например, New Age, не отвечали ни одному из ранее указанных критериев: они не противопоставляли себя ранее существовавшей духовности, не имели ярко выраженного одного духовного лидера, равно как характеризовались открытой универсальной структурой, допуск в которую был открыт для всех без исключения. Такое положение вещей и привело к появлению термина «новые религиозные движения», необходимого, чтобы обрести академически нейтральный и подходящий для всех типов новой религиозности термин. Однако, на сегодняшний день, возникает некоторое затруднение и с этим, наиболее обобщающим термином, так как слово «новые», применяемое к некоторым организациям, которые зародились в прошлом тысячелетии, на фоне последней цифровой революции, создает некоторую противоречивость и несостоятельность данного термина применительно к сетевым религиозным организациям современности.

Вторым методологическим затруднением изучения НРД является их типологическая неоднородность, так как в силу вышеуказанных причин, объединять в один тип организации, которые по сути своей радикально отличаются друг от друга доктринально, не представляется возможным. Примером единства полных противоположностей под зонтичным термином НРД может служить пара запрещенного в России общества «Свидетелей Иеговы» (экстремистская организация (деятельность запрещена в РФ)), носящего крайне закрытый оппозиционный не только к традиционной духовности, но и к социуму в целом, манипулятивный характер, и максимально открытая к любым идеям и любой форме духовности приходящих адептов New Age. Очевидно, что попытка объединить подобные противоположности под одним термином заводит в теоретико-методологический тупик. На современном этапе, попытка выработки единой типологии сталкивается с дополнительной сложностью: появлением в начале XXI века религиозных сообществ, существующих исключительно в цифровой интернет-среде. Их форма организации, а также структура и отношения адепта с основателем такой группы, принципиально отличаются от ранее существовавших форм в рамках НРД. Учитывая вышесказанное, наиболее подходящей представляется типология Р. Уоллиса [7], разделившего НРД на мироотвергающие, мироутверждающие и мироприспосабливаюшиеся. Однако, совершенно очевидно, что в силу широты каждого типа, формально выполняя функции успешной типологизации, такое деление теряет важные нюансы, объединяя в одном типе принципиально отличающиеся варианты НРД. Примером может служить зародившаяся в XX веке «Церковь Саентологии» и появившееся только в XXI веке и существующее только на просторах интернета общество «Переход в ТАК. МУДРОСТЬ» в приложении MAX (к такого же типа сообществам можно отнести ряд каналов во Вконтакте: «Сила позитивного мышления» [12], «Искусство управления реальностью» [11], «Мысль материальна» [13], «Управление реальностью» [14] и многие другие), оба, и «Церковь Саентологии», и «Переход в ТАК. Мудрость» можно формально отнести к типу мироприспосабливающихся НРД. Тем не менее разбирая каждое объединение в частности, мы находим ряд принципиальных отличий. В случае с «Церковью саентологии» мы находим ярко выраженного харизматического лидера – Л. Рон Хаббарда, которому приписывалось обладание истиной, тогда как в объединении «Переход в ТАК. Мудрость» скорее мы видим автора и модератора канала, а не вариант «мессии». Общество саентологов обладает крайне жесткой структурой организации с бюрократической иерархией, которая подразумевает жесткий контроль своих адептов, тогда как в сетевом сообществе «Переход в ТАК. Мудрость» нет никакой организации, кроме каналов в социальных сетях и мессенджерах, в рамках которых адепты не только имеют возможность свободно вступать и выходить из сообщества в любой момент, но и зачастую остаются анонимными. Важным аспектом «Церкви Саентологов» является требование от адепта прекратить все социальные, включая родственные, связи с людьми, выступающими против концепции саентологии, а также крайняя оппозиционность как внешнему миру, так и любым прочим конфессиям, в современных сетевых сообществах данный вопрос не только не получает развития, а напротив полностью отсутствует, так как в них практически не ведется индивидуальная работа с участниками объединений. Наряду со всем вышесказанным Церковь Саентологии относится, как было ранее сказано, к мироприспосабливающимся НРД, так как обещает своим последователям решение всех жизненных проблем, психологический комфорт и практически всемогущество, именно по этим характеристикам, которые в равной степени относятся к каналу «Переход в ТАК. Мудрость» данные два сообщества оказываются принадлежащими к одному типу. На базе данного примера хорошо можно проследить, как, с одной стороны, происходит реализация задачи успешной типологизации НРД, а, с другой стороны, теряются основополагающие нюансы, в составе которых есть те, что в действительности не только принципиально отличают, включенные в один тип сообщества, но и фактически ложно их объединяют.

Эпистемологическим ограничением также является зачастую неприменимость традиционных методов изучения НРД XX века к вновь появившимся цифровым формам. Такие методы сбора данных как опросы, интервью, анализ текстов зачастую неприменимы, так как адепты данных сообществ часто меняются, желают оставаться анонимными, а священных писаний обычно в таких сообществах не существует. По этим причинам к данным сообществам скорее применим метод контент-анализа, то есть анализа визуальной и аудиальной мозаичной информации, выкладываемой в ленте данных сообществ. Таким образом, наиболее ценным для анализа новых цифровых форм НРД представляется метод включенного наблюдения по В. Ханеграаффу [9], который подразумевает не только членство исследователя в таких сообществах, но и его попытку искренне «вчувствоваться» в предлагаемые концепции и практики для ясного их понимания, при сохранении академической отстраненности при анализе.

В свете обозначенных трудностей целесообразно обратиться к очередному переосмыслению теоретико-методологической базы в отношении новых цифровых форм НРД. Возможным решением теоретических проблем изучения НРД может стать концепция Чарльза Тейлора [8], согласно которой нужно отказаться от идеи линейного упадка духовности и религиозности, которую ранее считали причиной появления разнообразных НРД, и принять идею секуляризации религии как изменения условий отправления культа и возможности свободного выбора той или иной духовной концепции. В работе автора «Секулярный век» мы читаем: «Мы имеем дело не с линейной регрессией (я тут не говорю о статистике!) веры/практики, вызванной несовместимостью определенных черт «модерна» с религиозной верой. Я не принимаю часто подразумеваемую предпосылку относительно человеческой мотивации, лежащей в основе этого основного нарратива секуляризации. В частности, я считаю, что религиозная устремленность, это страстное желание более-чем-имманентной перспективы трансформации и ответ на нее, то, что Шанталь Милон-Дельсоль называет desir d'eternite, остается мощным независимым источником мотивации в период модерна» [8, стр. 655–656]. В современности выбор религии становится таким же простым повседневным делом, как и все прочие аспекты социальной жизни человека. Подобный феномен описывал Г. Мэтьюс в работе «Глобальная культура/индивидуальная идентичность: в поисках дома в условиях культурного супермаркета» [10]. Концепция культурного супермаркета, описанная этим ученым, предполагает, что в условиях глобализации человек может полностью или фрагментарно выбирать те или иные аспекты культуры, которые ему больше нравятся, в том числе это относится и к выбору своей религиозности. Так в современном обществе выбор религии более не является очевидным, не связан с принадлежностью к той или иной общности или социальной страте, но лежит в плоскости личных сиюминутных предпочтений индивида. Таким образом, новые цифровые формы НРД выступают не как проводники единственно доступной, единственно верной концепции, передающейся от поколения к поколению, а как продукт общества, в котором религиозность должна быть как удобной, так и практически ориентированной и психологически комфортной, предоставляя облегчение и отдушину для своих последователей.

Эклектичность цифровых НРД, их психологическая комфортность, личностно-ориентированный подход, заявленная направленность на индивидуальный личностный рост не являются недостатком или бессодержательной мимикрией. Эти составляющие являются на данный момент обязательным условием релевантности и востребованности среди адептов. В этом отношении, выходом из методологического тупика может являться конструкция гибкой, постоянно меняющейся структуры исследования, в рамках которой следует признать, что обещанная гибель религии не только не произошла, но наступил расцвет многообразия ее форм, проявляющихся в том числе во всех видах НРД. Признание наличия этих сообществ и желания широких масс общества принадлежать к таким объединениям, изучение всего многообразия их практик, доктрин, целей и задач может являться основой для выработки новой достаточно гибкой теоретико-методологической базы, которая позволила бы сформировать не только адекватный инструментарий для изучения цифровых НРД, но и инструментарий, способный, с точки зрения аксиологии, осмыслить и выработать верную позицию по отношению к таким сообществам.

Выводы

Приведенный выше анализ методологических проблем исследования НРД показывает, что эти проблемы назрели давно и научный дискурс в поисках выработки оптимальной методики актуален. Можно

видеть, что ранее существовавшие, укорененные в традиции методики не подходят для исследования новых НРД, категоризации и типологизации данного явления, по причине, в первую очередь, терминологической неопределенности, а также многообразия форм НРД. Представляется наиболее перспективной выработка принципиально новой теоретико-методологической базы для изучения новых форм НРД, а не попытка усовершенствовать для этой задачи ранее существовавшую. Такой подход мог бы позволить окончательно признать НРД как самостоятельную форму религиозности, а не девиационную вариацию ранее существовавшей. Перспективой такого подхода может стать разработка конкретных новых методик и терминологического аппарата, что имеет высокую эвристическую ценность для развития отечественного религиоведения, причем основой новых методик должен стать пластичный метод, который бы позволил уйти от поиска универсализации и обобщения всех возможных, в том числе и цифровых, форм религиозных сообществ.

Литература

1. Barker, Eileen New Religious Movements/ Practical introduction / Eileen Barker. – London: HMSO Publications Centre, 1989. – 250 с.
2. Балагушкин Е.Г. Новые религиозные культы, движения и организации в России. – 2-е издание, дополненное и переработанное. – Москва: Российская академия государственной службы, 1998. – 346 с.
3. Кантеров, И.Я. Новые религиозные движения в России: (религиоведческий анализ) / И.Я. Кантеров; Игорь Кантеров; Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Ин-т переподгот. и повышения квалификации преподавателей социальных и гуманитарных наук. – Москва: б.и., 2006. – 467 с.
4. Campbell H.A. (ed.). Digital Religion: Understanding Religious Practice in New Media Worlds. Abingdon; New York: Routledge, 2013. 272 p.
5. Helland C. Online religion as lived religion: methodological issues in the study of religious participation on the internet // online – Heidelberg journal of religious on the internet. 2005 Vol. 1, No 1. P. 1–14. DOI 10.11588/rel.2005.1.380
6. Dawson L.L., Cowan D.E. (eds) Religion online: finding faith on the internet. New York: Routledge, 2004. 279 p.
7. Wallis, R. The elementary forms of the new religious life. – London; Boston: Routledge and Kegan Paul, 1984. – X, 156 p. – ISBN 0-7100-9890-1
8. Тейлор, Чарльз Секулярный век / Чарльз Тейлор. – Пер. с англ. («Серия «Философия и богословие»). – Москва: ББИ, 2017. – 967 с.
9. Hanegraaff W.J. New Age religion and western culture: esoterism in the mirror of secular thought. – Leiden; New York; Koln: Brill, 1996. – XIII, 580 p. (Studies in the history of religions; Vol. 72)
10. Mathews G. Global culture/undividual identity: searching for home in the cultural supermarket. – London; New York: Routledge, 2000. – 228 p.
11. Вконтакте: сайт. – URL: http://vk.com/realv (дата обращения: 05.01.2026) (искусство управления реальностью)
12. Вконтакте: сайт. – URL: http://vk.com/silapozitivnogomyshlenia (дата обращения: 05.01.2026)
13. Вконтакте: сайт. – URL: http://vk.com/thoughtmaterial (дата обращения: 05.01.2026) (Мысль материальна)
14. Вконтакте: сайт. – URL: http://vk.com/transurfing_vk (дата обращения: 05.01.2026) (Управление реальностью)

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF THE STUDY OF NEW RELIGIOUS MOVEMENTS

Stepanenko N.A.
Saint Petersburg State University

The article is devoted to the analysis of key problems related to the methodology for the study of new religious movements (NRMs). The basis of these problems is the lack of a single generally accepted terminological, categorical, and typological apparatus, as well as the mosaic fragmentation of NRM communities. Such eclecticism, in the absence of a unified theoretical and methodological base, creates serious difficulties in the study of the new religiosity. This study attempts to analyze the network forms of NRMs using the method of participant observation. As a result, the concept of secularization is proposed as a constructive theoretical way out of methodological uncertainty, in which society is not in the decline of religiosity, but transforms it into a new individualistic practical form.

Keywords: methodological problems, theoretical and methodological apparatus, network NRMs, network religiosity, secularization, new spirituality**.**

References

1. Barker, Eileen. *New Religious Movements: A Practical Introduction*. London: HMSO Publications Centre, 1989. 250 p.
2. Balagushkin, E. G. *New Religious Cults, Movements, and Organizations in Russia*. 2nd, expanded and revised edition. Moscow: Russian Academy of Public Administration, 1998. 346 p.
3. Kanterov, I. Ya. *New Religious Movements in Russia: (An Analysis from the Perspective of Religious Studies)*. Moscow: [s.n.], 2006. 467 p.
4. Campbell, H. A. (ed.). *Digital Religion: Understanding Religious Practice in New Media Worlds*. Abingdon; New York: Routledge, 2013. 272 p.
5. Helland, C. “Online religion as lived religion: methodological issues in the study of religious participation on the internet.” *Online – Heidelberg Journal of Religions on the Internet*, vol. 1, no. 1 (2005): 1–14. DOI 10.11588/rel.2005.1.380
6. Dawson, L. L., and D.E. Cowan (eds.). *Religion Online: Finding Faith on the Internet*. New York: Routledge, 2004. 279 p.
7. Wallis, R. *The Elementary Forms of the New Religious Life*. London; Boston: Routledge and Kegan Paul, 1984. X, 156 p. – ISBN 0-7100-9890-1
8. Taylor, Charles. *A Secular Age* / Charles Taylor. – Trans. from English (“Philosophy and Theology” series). – Moscow: BBI, 2017. – 967 p.
9. Hanegraaff W. J. *New Age Religion and Western Culture: Esotericism in the Mirror of Secular Thought*. – Leiden; New York; Cologne: Brill, 1996. – XIII, 580 p. (Studies in the History of Religions; Vol. 72)
10. Mathews G. *Global Culture/Individual Identity: Searching for Home in the Cultural Supermarket*. – London; New York: Routledge, 2000. – 228 p.
11. VKontakte: website. – URL: http://vk.com/realv (accessed: 05.01.2026) (The Art of Reality Management)
12. VKontakte: website. – URL: http://vk.com/silapozitivnogomyshlenia (accessed: 05.01.2026)
13. VKontakte: website. – URL: http://vk.com/thoughtmaterial (accessed: 05.01.2026) (Thought Is Material)
14. VKontakte: website. – URL: http://vk.com/transurfing_vk (accessed: 05.01.2026) (Reality Management)

Роль основ военной подготовки в патриотической социализации российского студенчества

Яблоков Евгений Сергеевич,
кандидат военных наук, доцент кафедры политического анализа и социально-психологических процессов Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова
E-mail: daddy115@bk.ru

Цель статьи – определить место учебного модуля «Основы военной подготовки» в системе факторов, способных участвовать в формировании патриотического сознания российского студенчества. Исследование выполнено в социологической логике и основано на анализе нормативных документов, научной литературы и результатов современных эмпирических исследований студенческой молодежи. Предложена четырехкомпонентная модель потенциального воздействия военной подготовки: когнитивный, ценностно-идентификационный, практико-деятельностный и групповой коммуникативный механизмы. Показано, что связь между освоением модуля и патриотическими установками не является автоматической: она опосредуется содержанием курса, качеством преподавания, исходными установками студентов, институциональным доверием и возможностью рефлексивного обсуждения. Сделан вывод о необходимости рассматривать военную подготовку не как автономный инструмент, а как один из элементов более широкой системы гражданской и патриотической социализации. Прямой причинный эффект требует отдельной эмпирической проверки.

Ключевые слова: социология образования, студенческая молодежь, патриотизм, патриотическое сознание, гражданская идентичность, военная подготовка, социализация.

Введение

Проблематика патриотического сознания студенческой молодежи относится к числу тем, расположенных на пересечении социологии молодежи, социологии образования, исследований гражданской идентичности и политической социализации. Высшая школа выступает не только институтом профессиональной подготовки, но и пространством вторичной социализации, в котором молодые люди осваивают нормы гражданского поведения, способы интерпретации общественных процессов и модели отношения к государству, обществу и собственной гражданской роли. Поэтому включение в образовательные программы российских вузов модуля «Основы военной подготовки» (ОВП) представляет социологический интерес не только как изменение учебного содержания, но и как институциональное воздействие на ценностно-нормативную среду студенчества.

В конце 2022 г. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации сообщило о разработке совместно с Министерством обороны России модуля «Основы военной подготовки» (ОВП) для программ бакалавриата и специалитета. В официальном описании подчеркивались первичные умения и навыки, связанные с подготовкой к военной или иной государственной службе, а учебная программа включала правовые основы военной службы, строевую, тактическую, огневую и медицинскую подготовку, радиационную, химическую и биологическую защиту, военную топографию, а также вопросы социально-экономического, политического и военно-технического развития страны.

С 2023 г. модуль начал внедряться в образовательную практику российских университетов; при этом, конкретное наполнение и организационная модель его реализации могут различаться между вузами [3, с. 4].

Параллельно усилилась нормативная фиксация ценностного измерения государственной политики в отношении молодежи. Указ Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 относит к традиционным российским духовно-нравственным ценностям, среди прочего, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу. В документе также предусмотрено использование системы образования как одного из инструментов соответствующей государственной политики, «воспитание в духе уважения к традиционным ценностям как ключевой инструмент государственной политики в области образования и культуры, необходимый для формирования гармонично развитой личности». Для социологического анализа принципиально важно различать официально заданные цели и фактически наблюдаемые эффекты. Наличие воспитательной цели в нормативных документах само по себе не доказывает, что конкретная дисциплина формирует соответствующую установку у студентов, тем более одинаково в различных группах.

Эти данные задают центральную проблему настоящего исследования: каким образом преподавание основ военной подготовки может быть включено в процесс патриотической социализации и какие условия ограничивают или, напротив, усиливают его возможное влияние? Цель статьи – концептуализировать роль ОВП как институционального фактора формирования патриотического сознания российского студенчества.

Для достижения цели решаются следующие задачи: уточнить соотношение понятий «патриотическое сознание», «гражданская идентичность» и «патриотическая социализация»; определить механизмы потенциального воздействия ОВП; соотнести их с результатами современных эмпирических исследований студенческой молодежи; обозначить методологические ограничения и направления дальнейшей проверки выявленных связей.

Методология исследования

Работа имеет теоретико-аналитический характер. Эмпирическую и источниковую базу составляют три группы материалов. Первая группа – нормативные и программные документы, определяющие место патриотического воспитания и военной подготовки в современной образовательной и молодежной политике. К ним относятся Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 и официальные материалы Минобрнауки России о модуле «Основы военной подготовки». Нормативные документы рассматриваются не как доказательство

социального эффекта, а как выражение институциональных целей, норм и ожидаемых моделей социализации.

Вторая группа – научные работы по проблематике российской гражданской идентичности и патриотизма. Теоретической опорой выступает подход В.А. Тишкова, связывающий российскую идентичность с гражданской солидарностью, общими историко-культурными ценностями, чувством сопричастности к стране и патриотизмом [8, с. 545–550]. Важно, что в этой рамке идентичность не сводится к этнической однородности или к единственной идеологической установке: для сложного общества значима возможность совмещения общегражданского единства с культурным и мировоззренческим разнообразием. В исследовании также учитываются современные представления о гражданской идентичности молодежи как динамическом результате политической и гражданской социализации [5, с. 11], а также социологические подходы, трактующие патриотизм как многомерную ценность, включающую эмоциональную привязанность, ответственность, готовность к общественно значимому действию и рефлексивное отношение к стране [4, с. 11–12; 2, с. 79–92].

Третья группа источников – эмпирические исследования студенческой и молодежной среды 2022–2025 гг. Они используются для вторичного анализа: сравниваются операционализации патриотизма, характеристики выборок и основные выводы о структуре патриотических установок. Важным ограничением является то, что большинство доступных исследований измеряет патриотизм в целом, а не эффект непосредственно дисциплины ОВП. Следовательно, настоящая статья не устанавливает причинную зависимость «изучение ОВП – рост патриотизма», а формирует объяснительную модель возможных механизмов связи [7, с. 68–91].

Методологический дизайн включает качественный анализ нормативного и научного дискурса, сравнительный вторичный анализ результатов социологических исследований и аналитическое моделирование. В качестве единицы анализа рассматриваются не отдельные высказывания студентов, а устойчивые компоненты патриотического сознания, выделяемые в современной литературе: когнитивный (знания и интерпретации), аффективно-ценностный (эмоциональная привязанность и значимость), идентификационный (соотнесение себя с гражданским сообществом) и деятельностный (готовность к ответственному действию). На этой основе строится четырехкомпонентная модель потенциального влияния ОВП.

Под «патриотическим сознанием» в статье понимается совокупность представлений, ценностных ориентаций, эмоциональных отношений и готовности к социально значимому действию, связанных с восприятием своей страны и принадлежности к ней. Такое понимание позволяет избегать редукции патриотизма исключительно к декларативной лояльности. Для социологического измерения важно разграничивать символическое самоопределение («считаю себя патриотом»), содержательные ценности и реальные практики. Исследования показывают, что высокая распространенность самообозначения не всегда означает одинаковое понимание патриотизма или одинаковую готовность к гражданской активности [4, с. 110–111; 7, с. 78–81; 2, с. 143–145]. Именно поэтому влияние образовательного курса целесообразно оценивать по нескольким измерениям, а не по одному вопросу анкеты.

Патриотическое сознание и гражданская идентичность студенчества. В социологическом анализе патриотизм целесообразно рассматривать как форму социального отношения, формирующуюся во взаимодействии индивида с институтами семьи, образования, государства, медиа и референтных групп. Студенчество особенно значимо для такого анализа, поскольку период обучения в вузе связан с интенсивным переопределением идентичностей и гражданских ролей.

В.А. Тишков рассматривает гражданскую солидарность, историко-культурные ценности, чувство сопричастности России и патриотизм как взаимосвязанные основания общероссийской идентичности [8, с. 21–22]. Для настоящего исследования этот тезис важен в двух отношениях. Во-первых, патриотизм оказывается включен в более широкую систему гражданской идентичности и потому не может быть адекватно объяснен только через военную тематику. Во-вторых, сама гражданская идентичность предполагает не только эмоциональную привязанность, но и восприятие страны как общего социально-политического пространства, в котором человек обладает правами, обязанностями и возможностями участия.

Монография В.В. Кветного и Л.А. Прудникова акцентирует связь гражданской идентичности молодежи с политической социализацией, цифровыми трансформациями и механизмами участия [5, с. 39–66]. Для университетской среды это означает, что учебный курс взаимодействует с уже существующим массивом социальных влияний: личным опытом, семейными установками, медиапотреблением, отношением к институтам, групповыми нормами и представлениями о будущем. Поэтому, один и тот же образовательный материал может восприниматься как значимый, нейтральный или конфликтный в зависимости от исходной позиции студента.

Международная литература также указывает на необходимость различать типы национальной привязанности. В исследованиях используется противопоставление «слепого» и «конструктивного» патриотизма; первый связывается с некритической поддержкой политики государства, второй – с привязанностью к стране при сохранении рефлексивной оценки ее институтов и практик [10, p. 151–153]. Современное исследование студентов Китая показывает, что формы патриотизма могут быть связаны с медиаграмотностью, воспринимаемой угрозой и отношением к внешним группам [9, p. 1–5]. Для российской темы это не дает прямых эмпирических выводов, но подчеркивает методологическую необходимость измерять не только интенсивность, но и тип патриотической установки.

Таким образом, патриотическое сознание студенчества представляет многоуровневую структуру. Оно включает знания об истории и институтах, эмоциональную сопричастность, гражданскую идентификацию, оценку обязанностей и прав, а также установки на конкретное действие. ОВП потенциально может затрагивать все эти уровни, но механизм воздействия на каждом из них различен.

Основы военной подготовки как институт социализации

С точки зрения социологии образования учебный модуль является институционализированным каналом передачи знаний, норм и практик. ОВП отличается от большинства гуманитарных дисциплин тем, что сочетает когнитивный материал с практико-ориентированными элементами: правовыми знаниями о военной службе, безопасностью жизнедеятельности, первой помощью, строевой и тактической подготовкой, коллективными действиями в регламентированной ситуации. Такое сочетание создает предпосылки для воздействия не только на знания, но и на модели поведения и группового взаимодействия.

Исследования педагогической реализации ОВП указывают, что эффективность курса зависит от профессиональной подготовки преподавателей, материального обеспечения и способности соединять теорию с практикой. Среди проблем внедрения ОВП называют дефицит оборудования, разрыв между требуемыми и имеющимися компетенциями преподавателей, недостаточную практическую ориентацию отдельных программ и нехватку квалифицированных специалистов [3, с. 4–7]. Эти обстоятельства имеют прямое социологическое значение: ценностный эффект дисциплины неотделим от качества институционального контакта. Студент оценивает не только содержание, но и компетентность преподавателя, справедливость требований, смысл заданий, уважительность коммуникации и соответствие декларируемых норм реальной образовательной практике.

Потенциальное влияние ОВП на патриотическое сознание можно представить в виде четырех взаимосвязанных механизмов.

Первый – когнитивный механизм. Учебная дисциплина расширяет знания о правовых основах военной службы, системе национальной безопасности, правилах поведения в чрезвычайных ситуациях, военной истории и современных формах организации защиты населения. Когнитивный компонент сам по себе не равен патриотизму, однако он формирует основу для более осмысленного отношения к государственным институтам и гражданским обязанностям. В логике социализации знания снижают неопределенность и переводят абстрактные категории «служение», «безопасность», «оборона» в конкретные институциональные и правовые контексты.

Второй – ценностно-идентификационный механизм. Преподавание может связывать профессиональные и гражданские роли студента с представлениями об ответственности за безопасность других людей, исторической памяти и принадлежности к политическому сообществу. Здесь возможен переход от внешней нормы к внутреннему значению, но он не гарантирован. Идентификационный эффект возникает тогда, когда студент воспринимает содержание как релевантное собственной биографии и ценностям, а не только как обязательный набор формулировок. В терминах В.А. Тишкова потенциально значимым становится переживание сопричастности к общей стране и истории; однако его устойчивость зависит от признания многообразия индивидуальных и групповых идентичностей [8, с. 207, 270–272, 409–413].

Третий – практико-деятельностный механизм. Практические занятия по общевоинским уставам, тактической подготовке, военной топографии и т.д. создают опыт компетентности и коллективной ответственности. В отличие от декларативного сообщения о гражданском долге, практическая ситуация требует распределения ролей, соблюдения правил, взаимопомощи и принятия решений. Именно деятельностный компонент способен связывать патриотическую риторику с кон-

кретными социальными навыками. Показательно, что исследование 1187 студентов Самарского университета, завершивших курсы безопасности жизнедеятельности и онлайн-курс ОВП, было направлено на оценку готовности к оказанию первой помощи в мирное и военное время [5, с. 114–116]. Оно не измеряет патриотизм напрямую, но демонстрирует возможность операционализировать результат ОВП через реальные компетенции, а не только через установки.

Четвертый – групповой коммуникативный механизм. Совместные практические занятия могут усиливать горизонтальные связи, групповую сплоченность и опыт взаимной зависимости. Референтная группа играет существенную роль в формировании молодежных установок; исследования социальной идентичности показывают, что отношение к патриотизму меняется в зависимости от значимых групп и способов самоотнесения к ним [1, с. 97–99, 101–102]. Университетская учебная группа может выступать пространством нормализации определенных интерпретаций гражданского поведения, но эффект зависит от характера коммуникации. Жестко иерархичная, исключающая обсуждение модель способна порождать внешнее нормативное согласие без внутреннего принятия, тогда как обсуждение, практическое сотрудничество и рефлексия создают условия для более устойчивой интернализации.

Условия формирования и ограничения воспитательного эффекта

Предложенная модель позволяет перейти от нормативного тезиса о воспитательной функции ОВП к анализу условий, при которых эта функция может реализовываться. Первое условие – содержательная связность курса с более широкой гражданской проблематикой. Если военная подготовка представлена исключительно как технический набор навыков, ее влияние на патриотическое сознание, вероятно, будет ограничено когнитивным и практическим уровнем. Если же курс связывает навыки безопасности с правами и обязанностями гражданина, историческим контекстом, общественной взаимопомощью и профессиональной ответственностью, возникает возможность ценностной интерпретации. При этом социологически важно, чтобы такая связь не подменяла обучение декларативной политической лояльностью: внутреннее принятие ценности и внешнее воспроизведение ожидаемой формулы являются разными социальными эффектами.

Наконец, важнейшим ограничением является проблема причинности. Современные исследования студенческого патриотизма, как правило, имеют поперечный дизайн. Даже при обнаружении различий между студентами, прошедшими и не прошедшими ОВП, нельзя автоматически приписывать их дисциплине: возможен эффект самоотбора, различия факультетов, пола, региона, семейной социализации, медиапотребления и предшествующих политических установок. Для строгой оценки роли курса необходимы лонгитюдные или квазиэкспериментальные дизайны с измерением установок до и после прохождения дисциплины, а также контрольной группой.

Полученные результаты позволяют уточнить само понятие – роль преподавания ОВП в формировании патриотического сознания. Речь идет не о линейном передаточном механизме, в котором наличие дисциплины автоматически увеличивает уровень патриотизма, а о включении нового институционального опыта в совокупность каналов социализации. Университет конкурирует и взаимодействует с семьей, цифровыми медиа, дружескими группами, профессиональными сообществами и политическими событиями. Поэтому влияние курса следует описывать вероятностно и контекстуально.

В предлагаемой модели наиболее надежно обоснован когнитивный и деятельностный потенциал ОВП. Он непосредственно связан с содержанием учебного модуля и может быть измерен через знания, практические навыки, самоэффективность и способность действовать в смоделированных ситуациях. Ценностно-идентификационный эффект значительно сложнее. Патриотическое сознание формируется в длительном процессе и опирается на накопленный опыт доверия, признания собственной принадлежности, оценки справедливости социальных институтов и перспектив будущего. Краткосрочная учебная дисциплина способна включаться в этот процесс, но вряд ли может выступать его единственным или главным детерминантом без дополнительной эмпирической проверки.

Такая постановка вопроса позволяет избежать двух крайностей. Первая – нормативный детерминизм, при котором патриотический эффект считается заданным уже самим фактом включения курса в программу. Вторая – редукция ОВП к чисто технической дисциплине, не имеющей отношения к ценностной сфере. Реальные эффекты, вероятно, распределены между этими полюсами и зависят от педагогического дизайна, институционального контекста и социальной композиции конкретного вуза.

Заключение

Включение основ военной подготовки в образовательные программы российских вузов создало новый институциональный канал взаимодействия высшей школы с гражданской и патриотической социализацией студенчества. Социологический анализ показывает, что потенциал ОВП нельзя сводить к прямой передаче патриотических установок. Более корректно рассматривать его через четыре механизма: когнитивный, ценностно-идентификационный, практико-деятельностный и групповой коммуникативный.

При этом современное российское студенчество ценностно неоднородно. Исследования 2022–2025 гг. фиксируют как позитивное отношение к патриотизму, так и нейтральные, критические и колеблющиеся позиции. Поэтому воспитательный эффект ОВП опосредуется исходными установками студентов, качеством преподавания, практической значимостью занятий, институциональным доверием и возможностью рефлексивного обсуждения. Формальное воспроизведение нормативно одобряемых высказываний не должно отождествляться с устойчивой гражданской идентичностью.

Научная новизна статьи состоит в предложении многоуровневой модели анализа ОВП как фактора патриотической социализации и в разграничении потенциальных механизмов влияния от доказанного причинного эффекта. На текущем массиве исследований нельзя обоснованно утверждать, что само прохождение курса ОВП приводит к росту патриотизма. Для такой проверки необходимы специальные лонгитюдные и квазиэкспериментальные исследования с измерением установок до и после курса и контролем альтернативных факторов социализации.

Перспективным направлением является разработка социологического инструментария, позволяющего измерять не только интенсивность патриотической самоидентификации, но и ее содержание, устойчивость и деятельностные проявления. Это позволит оценивать образовательный эффект ОВП в категориях гражданской компетентности, ответственности, взаимопомощи и осмысленной сопричастности обществу, а не только через декларативное согласие с общими ценностными формулами.

Литература

1. Барыльник С.Н. Роль референтной группы и социальной идентичности в вариациях патриотизма молодежи // Обзор педагогических исследований. 2024. Т. 6, № 8. С. 97–103. https://doi.org/10.58224/2687–0428–2024–6–8–97–103.

2. Газиева И.А. Патриотизм как социальная ценность: восприятие студенческой молодёжи // СНиСП. 2025. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/patriotizm-kak-sotsialnaya-tsennost-vospriyatie-studencheskoy-molodyozhi.

3. Зайцев О.Н., Годлевский П.П., Целуйко А.В. Подготовка педагогических работников к преподаванию модуля «Основы военной подготовки» для студентов вузов // Мир науки. Педагогика и психология. 2024. Т. 12, № 5. URL: https://mir-nauki.com/PDF/67PDMN524.pdf.

4. Касамара В.А. Многогранный патриотизм: от концепции к исследованию молодежных представлений // ЖССА. 2023. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/mnogogrannyy-patriotizm-ot-kontseptsii-k-issledovaniyu-molodezhnyh-predstavleniy.

5. Кветной В.В., Прудников Л.А. Модель формирования гражданской идентичности российской молодежи: сущность, содержание, характеристика электоральных инструментов. Монография. М.: Знание-М, 2025. 283 с.

6. Кретова И.Г., Беляева О.В., Житяева О.И., Косцова Е.А. Формирование личности безопасного типа при изучении студентами курсов ОБЖ и основ тактической медицины на базе онлайн-курса «Основы военной подготовки» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2025. Т. 31, № 4. С. 112–118. https://doi.org/10.18287/2542–0445–2025–31–4–112–118.

7. Муращенкова Н.В., Гриценко В.В., Калинина Н.В., Константинов В.В., Кулеш Е.В., Маленова А.Ю., Малышев И.В. Отношение к патриотизму и патриотическая самоидентичность российской студенческой молодежи в условиях поляризации российского общества // Социальная психология и общество. 2023. Т. 14, № 4. С. 68–88. https://doi.org/10.17759/sps.2023140405.

8. Тишков В.А. Национальная идея России. М.: АСТ, 2021. 416 с.

9. Lin M., Chai C.S., Liang J.-C. A mediation model of the relationship between university students' news media literacy and xenophobia: The role of intellectual humility, perceived threat, and blind patriotism // Frontiers in Psychology. 2022. Vol. 13. Article 1036497. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1036497.

10. Schatz R.T., Staub E., Lavine H. On the varieties of national attachment: Blind versus constructive patriotism // Political Psychology. 1999. Vol. 20, no. 1. P. 151–174. https://doi.org/10.1111/0162–895X.00140.

THE ROLE OF BASIC MILITARY TRAINING IN THE PATRIOTIC SOCIALIZATION OF RUSSIAN UNIVERSITY STUDENTS

Yablokov E.S.
Plekhanov Russian University of Economics

The article aims to determine the place of the university module “Basic Military Training” among the factors that may contribute to the formation of patriotic consciousness among Russian university students. The study follows a sociological approach and draws on policy documents, academic literature, and recent empirical studies of student youth. A four-component model of potential influence is proposed: cognitive, value-identification, practice-oriented, and group-communicative mechanisms. The analysis shows that the relationship between course participation and patriotic attitudes cannot be regarded as automatic; it is mediated by course content, teaching quality, students’ prior orientations, institutional trust, and opportunities for reflective discussion. Basic military training should therefore be analyzed as one element of a broader system of civic and patriotic socialization. Its direct causal effect requires separate empirical testing.

Keywords: sociology of education, university students, patriotism, patriotic consciousness, civic identity, military training, socialization.

References

1. Barylnik, S.N. (2024) The Role of Reference Group and Social Identity in Variations of Youth Patriotism. Review of Pedagogical Research. 6(8), 97–103. Available from: https://doi.org/10.58224/2687–0428–2024–6–8–97–103 (In Russian).

2. Gazieva, I.A. (2025) Patriotism as a Social Value: Perception of Student Youth. Sociological Science and Social Practice. 13(1), 142–169. Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/patriotizm-kak-sotsialnaya-tsennost-vospriyatie-studencheskoy-molodyozhi (In Russian).

3. Kasamara, V.A. (2023) Multifaceted Patriotism: From Concept to the Study of Youth Perceptions. Journal of Sociology and Social Anthropology. 26(3), 201–233. Available from: https://cyberleninka.ru/article/n/mnogogrannyy-patriotizm-ot-kontseptsii-k-issledovaniyu-molodezhnyh-predstavleniy (In Russian).

4. Kvetnoy, V.V. & Prudnikov, L.A. (2025) Model of the Formation of Civic Identity of Russian Youth: Essence, Content, Characteristics of Electoral Instruments. Moscow: Znanie- M. (In Russian).

5. Kretova, I.G., Belyaeva, O.V., Zhityaeva, O.I. & Koscova, E.A. (2025) Forming of Safe Type Personality when Studying Courses of Health and Wellness and the Basics of Tactical Medicine Based on Online Course “Basics of Military Training”. Vestnik of Samara University. History, Pedagogics, Philology. 31(4), 112–118. Available from: https://doi.org/10.18287/2542–0445–2025–31–4–112–118 (In Russian).

6. Lin, M., Chai, C.S. & Liang, J.-C. (2022) A Mediation Model of the Relationship between University Students’ News Media Literacy and Xenophobia: The Role of Intellectual Humility, Perceived Threat, and Blind Patriotism. Frontiers in Psychology. 13, 1036497. Available from: https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.1036497.

7. Murashchenkova, N.V. et al. (2023) Attitudes toward Patriotism and Patriotic Self-Identity of Russian University Students under Conditions of Social Polarization. Social Psychology and Society. 14(4), 68–88. Available from: https://doi.org/10.17759/sps.2023140405 (In Russian).

8. Schatz, R.T., Staub, E. & Lavine, H. (1999) On the Varieties of National Attachment: Blind versus Constructive Patriotism. Political Psychology. 20(1), 151–174. Available from: https://doi.org/10.1111/0162–895X.00140.

9. Tishkov, V.A. (2021) National Idea of Russia. Moscow: AST. (In Russian)

10. Zaitsev, O.N., Godlevsky, P.P. & Tseluyko, A.V. (2024) Training of Teachers for Teaching the Module “Basics of Military Training” for University Students. World of Science. Pedagogy and Psychology. 12(5). Available from: https://mir-nauki.com/PDF/67PDMN524.pdf (In Russian).

Анализ перевода субтитров российских фильмов на китайский язык: на материале фильма «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика»

Янь Цзяи,
магистр, Хэйлунцзянский университет
E-mail: 1098443354@qq.com

В статье анализируются особенности русско-китайского субтитрового перевода на материале китайской версии советской кинокомедии «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика». Рассматриваются передача семантики, культурно маркированной информации, юмора и иронии, а также информационная экономность субтитров. Теоретическую основу составляют концепции полного и вариативного перевода и положения М.М. Бахтина о карнавализации и диалогизме. Анализ тостов, этнокультурной и политико-культурной лексики, языковой игры и иронических реплик показывает, что перевод в целом сохраняет основное содержание, однако отдельные решения требуют улучшения с точки зрения культурной компенсации, речевых регистров, передачи иронии и лаконичности. Эффективный субтитровый перевод предполагает баланс семантической точности, прагматической адекватности, культурной информативности и удобства экранного восприятия.

Ключевые слова: советское кино, субтитровый перевод, русско-китайский перевод, культурно маркированная лексика, юмор и ирония.

Введение

Перевод субтитров к кинофильмам одновременно обусловлен необходимостью межъязыковой передачи содержания, культурными различиями и техническими ограничениями экранного представления текста. В отличие от обычного письменного перевода, субтитры должны обеспечивать передачу информации в течение ограниченного времени, поэтому переводчику необходимо не только сохранять точность основного содержания, но и учитывать ритм разговорной речи, социально-ролевые характеристики персонажей, комический эффект и культурно маркированную информацию. Фильм «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика» содержит большое количество тостов, этнокультурной лексики, элементов бюрократического дискурса, языковой игры и иронических высказываний, что позволяет рассматривать его как показательный материал для изучения проблем перевода русскоязычных кинофильмов на китайский язык в форме субтитров.

В исследовании применяются методы анализа отдельных примеров, сопоставительного анализа и анализа прагматических функций. Материалом служат соответствующие фрагменты русского оригинала и китайских субтитров, которые рассматриваются с точки зрения передачи семантики, прагматики, культурно маркированной информации и информационной экономности субтитров. В качестве теоретической основы используются основные положения концепций полного и вариативного перевода, а также результаты современных исследований качества субтитров, преобразования аудиовизуального текста и локализации кинофильмов. При интерпретации комического дискурса привлекаются положения М.М. Бахтина о карнавализации и диалогизме, позволяющие рассмотреть функциональные изменения, возникающие при переводе на китайский язык тостов, бюрократической речи, этнокультурных наименований и иронических реплик. В центре внимания настоящей работы находится не комплексная искусствоведческая оценка фильма, а трансформации языковых особенностей кинокомедии в процессе их передачи средствами китайских субтитров.

Научная новизна исследования заключается в трех аспектах. Во-первых, культурно маркированная информация, речевая характеристика персонажей, механизмы юмора и иронии, а также информационная экономность субтитров рассматриваются в рамках единой аналитической модели, а оценка перевода не ограничивается установлением лексико-семантических соответствий. Во-вторых, проводится разграничение между информацией, необходимой зрителю для понимания сюжета, и культурно-историческими сведениями, которые целесообразнее включать в исследовательский комментарий; на этой основе определяются допустимые границы пояснений непосредственно в субтитрах. В-третьих, на конкретном материале русско-китайского субтитрового перевода показано, что концепции полного и вариативного перевода прежде всего позволяют определить способы преобразования языковой формы, тогда как положения М.М. Бахтина о карнавализации и диалогизме способствуют выявлению тех прагматических и комических функций, сохранение которых должно иметь приоритетное значение. Тем самым операционный уровень переводческого анализа дополняется интерпретационным уровнем.

Материал исследования и аналитическая модель

Материалом исследования служит советская кинокомедия «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика», поставленная режиссёром Леонидом Иовичем Гайдаем и вышедшая на экраны в 1967 году. Сюжет фильма строится вокруг приключений Шурика, который во время пребывания на Кавказе собирает этнографический материал и оказывается вовлечённым в ситуацию, связанную с похищением невесты. С точки зрения исследования субтитров значимость данного фильма определяется прежде всего не его сюжетной организацией, а многоуровневым характером речевого материала. В нём сочетаются тосты, этнокультурные наименования и локально маркированные понятия, с одной стороны, и разговорная гиперболизация, языковая игра, бюрократические клише и иронические высказывания с другой. Сосуществование различных речевых регистров в комическом контексте постоянно ставит переводчика перед необходимостью выбора между буквальным воспроизведением языковой формы и сохранением прагматического эффекта оригинала.

Основным материалом для анализа является китайская версия субтитров, подготовленная группой «Зимний дворец». Из фильма отобраны наиболее репрезентативные примеры, позволяющие выявить различные проблемы русско-китайского субтитрового перевода. При отборе материала учитывались следующие параметры: наличие культурно маркированной лексики, выраженного юмористического или иронического эффекта, структурно-синтаксических различий между русским и китайским языками, а также использование таких переводческих приёмов, как пояснение, членение высказывания, перестановка, замена, добавление и опущение. Отдельное внимание уделяется естественности китайского перевода и плотности информации в субтитрах.

В качестве основного операционного подхода используются положения методологии полного и вариативного перевода. Применительно к аудиовизуальному тексту полный перевод не предполагает механического сохранения формальной структуры исходного высказывания. Его основная задача состоит в максимально полном воспроизведении ключевого содержания и коммуникативной функции средствами языка перевода. Вариативный перевод, напротив, допускает целенаправленное преобразование формы в зависимости от конкретной коммуникативной ситуации, включая членение, перестановку, замену, добавление или сокращение отдельных компонентов высказывания. Сочетание этих подходов особенно продуктивно при переводе русских субтитров на китайский язык, поскольку позволяет учитывать длинные синтаксические конструкции, постпозитивные определения, культурно специфическую лексику и особенности разговорной речи.

Оценка качества перевода в настоящем исследовании осуществляется по нескольким взаимосвязанным параметрам. Прежде всего учитывается семантическая точность, то есть степень сохранения сюжетно значимой информации, отношений между персонажами и ключевых понятий. Вторым параметром выступает прагматическая адекватность, предполагающая соответствие перевода речевому образу персонажа, коммуникативной ситуации, степени комизма или иронии и ритму разговорной речи. Третий параметр связан с эффективностью передачи культурно маркированной информации, включая этнокультурную лексику, политико-культурные реалии и элементы социальной сатиры. Исследования в области аудиовизуального перевода показывают, что качество субтитров определяется не только лингвистическим соответствием исходного и переводного текста, но и коммуникативной ситуацией, техническими ограничениями экранной репрезентации и необходимостью достижения динамической эквивалентности.

В связи с этим существенным критерием становится также информационная экономность субтитров. Ограниченное время демонстрации текста на экране требует от переводчика отбора только той информации, которая непосредственно необходима для понимания содержания и коммуникативного эффекта реплики. Чрезмерно развёрнутые пояснения, повторение уже понятной информации и избыточная культурологическая интерпретация могут затруднять одновременное восприятие изображения и текста и тем самым снижать эффективность перевода. Поэтому в дальнейшем анализе семантическая точность, прагматическая адекватность, культурная информативность и информационная экономность рассматриваются не изолированно, а как взаимосвязанные параметры, между которыми переводчик должен устанавливать функционально оправданный баланс.

Переводческие приёмы и эффективность репрезентативных субтитров

Для обеспечения репрезентативности материала и во избежание избыточного накопления примеров в исследовании отобраны девять наиболее показательных случаев, отражающих характерные проблемы русско-китайского субтитрового перевода. Анализ каждого примера сосредоточен на соотношении исходного высказывания, существующего китайского перевода, использованного переводческого приёма и полученного эффекта.

Пример 1.

Оригинал: Будь проклят тот день, когда я сел за баранку этого пылесоса!

Исходный перевод: 真是该死的一天，我坐着驾驶这台吸尘器！

Слово «пылесос» используется как комическое метафорическое обозначение старого и неудобного автомобиля. Исходный образ сохранён, однако синтаксическая структура китайской реплики звучит неестественно. Целесообразно сохранить метафору, адаптировав высказывание к нормам китайской разговорной речи.

Пример 2.

Оригинал: А тост без вина – это всё равно, что брачная ночь без невесты.

Исходный перевод: 而祝酒词没有酒—就像新婚之夜没有新娘一样。

Основное метафорическое сопоставление передано достаточно ясно. В данном случае дополнительное этнокультурное пояснение не требуется; приоритет следует отдавать сохранению разговорного ритма и абсурдности сравнения.

Пример 3.

Оригинал: Одна маленькая, но гордая птичка… никогда не отрывался бы от коллектива.

Исходный перевод: 一只小而骄傲的鸟……为了永远也不要与集体分离。

Ключевой образ исходного высказывания сохранён, а постпозитивная конструкция частично перестроена в соответствии с нормами китайского синтаксиса. Вместе с тем отдельные повторяющиеся элементы могут быть сокращены, что позволит сделать тост более естественным и динамичным.

Пример 4.

Оригинал: 25 баранов… А ты не путай свою личную шерсть с государственной!

Исходный перевод: 25头羊！……你别把自己的羊毛和国家的混淆了！

Противопоставление «личная шерсть / государственная шерсть» формирует языковую игру и социально-сатирический эффект. В переводе необходимо прежде всего сохранить лексический повтор и противопоставление, избегая избыточного пояснения, способного ослабить комизм реплики.

Пример 5.

Оригинал: Это как его? Волюнтаризм!

Исходный перевод: 这叫什么来着？唯意志论！

Термин «волюнтаризм» сохраняет политико-культурную маркированность оригинала, однако его прагматическая функция может быть не вполне очевидна китайскому зрителю. В данном случае допустимо минимальное пояснение, раскрывающее критическую функцию слова без подробного историко-политического комментария.

Пример 6.

Оригинал: …передать кунакам влюбленного джигита.

Исходный перевод: ……交给那位勇士的kunak们。

Лексемы «кунак» и «джигит» обладают выраженной этнокультурной спецификой. При первом употреблении возможно краткое пояснение, после чего целесообразно использовать единообразный переводной эквивалент. Следует избегать гибридных форм, сочетающих русскую лексическую основу и китайские грамматические показатели.

Пример 7.

Оригинал: Я её украл, я её и верну!

Исходный перевод: 是我偷的她，我也会还回她。

Буквальный смысл реплики в целом сохранён, однако китайская формулировка нарушает естественную глагольно-объектную сочетаемость. Более оправдан функциональный вариант, сохраняющий структуру личной ответственности, выраженную повтором «я… я…», и не приписывающий глаголу «верну» дополнительного значения.

Пример 8.

Оригинал: Сообразим на троих?

Исходный перевод: 能凑齐三人份？

Буквальный вариант не передаёт прагматического значения выражения, связанного с совместной покупкой и употреблением алкоголя тремя участниками. В данном случае предпочтительна функциональная адаптация, тогда как развёрнутый культурно-исторический комментарий целесообразнее вынести за пределы субтитров.

Пример 9.

Оригинал: Встать! Суд идёт! Да здравствует наш суд – самый гуманный суд в мире!

Исходный перевод: 起立！开庭！我们的法庭万岁—这是世界上最人道的法庭！

На уровне денотативного содержания перевод достаточно точен, однако комический эффект основан на контрасте официально-судебной риторики и абсурдности ситуации. Поэтому при переводе необходимо сохранить торжественно-лозунговый речевой регистр как важный носитель иронического эффекта.

Анализ рассмотренных примеров показывает, что в русско-китайском субтитровом переводе прямое соответствие остаётся важным способом передачи сюжетной информации и основных действий персонажей, однако его эффективность определяется не формальным совпадением языковых единиц, а возможностью сохранить смысл, коммуникативную функцию и естественность высказывания в языке перевода. Так, реплика «Я её украл, я её и верну!» при механическом воспроизведении сохраняет структуру личной ответственности, но нарушает нормы китайской глагольно-объектной сочетаемости и снижает естественность разговорной речи. Поэтому синтаксическая форма может и должна корректироваться в соответствии с нормами китайско-

го языка при условии сохранения интенции персонажа и смысловых отношений исходного высказывания. Аналогичным образом длинные тосты и конструкции с постпозитивными компонентами требуют перестановки, членения и сокращения повторов, поскольку ограниченное время демонстрации субтитров не позволяет механически воспроизводить русскую синтаксическую структуру.

Не менее значимой проблемой является передача культурно маркированной лексики. Такие единицы, как «кунак», «джигит» и «волюнтаризм», содержат культурно-историческую информацию, которая не всегда непосредственно понятна китайскому зрителю. Полностью буквальный перевод может затруднить восприятие, тогда как чрезмерно подробное пояснение перегружает субтитр и нарушает ритм просмотра. В связи с этим наиболее продуктивной представляется стратегия минимально необходимой культурной компенсации: при первом употреблении допускается краткое пояснение значения, после чего используется устойчивый переводной эквивалент. Пояснение должно помогать понять актуальную функцию реплики в конкретной сцене, а не превращаться в развёрнутый историко-культурный комментарий. Особенно наглядно это проявляется в выражении «Сообразим на троих?», прагматическое содержание которого не сводится к буквальному количественному значению. В подобных случаях функциональная адаптация оказывается более эффективной, чем формальное соответствие, тогда как дополнительные исторические сведения целесообразнее переносить в исследовательский комментарий.

Особую сложность представляет воспроизведение юмора, языковой игры и иронии. Для комедийного субтитрового перевода недостаточно передать только предметное содержание реплики; необходимо по возможности сохранить механизм, создающий комический эффект. В случае с метафорическим употреблением слова «пылесос» комизм возникает благодаря несоответствию между автомобилем и бытовым прибором, поэтому сохранение метафорического образа является принципиально важным, тогда как синтаксическая форма может быть адаптирована к нормам китайской разговорной речи. В сочетании «личная шерсть / государственная шерсть» юмористический и сатирический эффект строится на повторе одной и той же лексемы и противопоставлении частного и государственного. Избыточное объяснение социально-политического контекста в данном случае способно ослабить саму языковую игру. Аналогично реплика о «самом гуманном суде в мире» строится на контрасте официально-лозунгового регистра и абсурдной ситуации, поэтому чрезмерная разговорность в переводе разрушила бы иронический эффект.

Таким образом, семантическая верность, культурная адаптация и передача юмористико-иронического эффекта в субтитрах не должны рассматриваться как изолированные задачи. На практике они образуют единую систему переводческих решений, в рамках которой переводчик определяет, какие элементы исходной формы необходимо сохранить, какие могут быть адаптированы, а какие требуют минимального пояснения или сокращения. Оптимальная стратегия определяется не противопоставлением «буквального» и «свободного» перевода, а функциональной значимостью конкретной языковой единицы и её ролью в формировании смысла, речевого образа персонажа и комического эффекта.

Комический дискурс и его перевод на китайский язык в свете концепции М.М. Бахтина

Положения М.М. Бахтина о карнавализации и диалогизме представляют собой важную теоретическую основу для интерпретации комического дискурса фильма. В настоящем исследовании данный подход применяется только к языковым явлениям, непосредственно связанным с субтитровым переводом, и не распространяется на комплексный анализ киноповествования. Основное внимание сосредоточено, с одной стороны, на элементах карнавализации в застольной и разговорной речи, связанных с тостами и телесно-бытовой сферой повседневной жизни, а с другой на взаимодействии и столкновении бюрократического, официально-институционального и народно-разговорного дискурсов.

Тосты в фильме выполняют не только этнокультурную, но и выраженную комическую функцию. Так, реплика о том, что тост без вина подобен брачной ночи без невесты, соединяет формализованный ритуал тоста с телесно-бытовой сферой повседневного опыта и тем самым создаёт гиперболизированное и намеренно сниженное сравнение. Если в китайском переводе сохраняется сама структура данного сопоставления, основной комический эффект уже воспроизводится, поэтому дополнительное развёрнутое этнографическое пояснение в субтитрах оказывается излишним.

Аналогичным образом тост о «маленькой, но гордой птичке» представляет собой повествование притчевого характера, в котором мотив чрезмерного стремления вверх связывается с мотивом отрыва от коллектива. В исходном переводе сохранены ключевые образы птица, солнце, обожжённые крылья, падение в ущелье, а также финальный смысловой поворот, связанный с призывом не отрываться от коллектива. Основная проблема здесь заключается не в утрате культурной информации, а в избыточной длине китайского текста и наличии повторов. Поэтому при переводе подобных тостов приоритет следует отдавать сохранению повествовательного перелома и финальной оценочной установки, одновременно сокращая второстепенные повторяющиеся элементы. Такая стратегия позволяет сохранить комический и иронический эффект реплики в пределах допустимого субтитрового ритма.

С точки зрения бахтинского диалогизма особое значение имеет взаимодействие различных речевых регистров. Реплики Саахова демонстрируют абсурдность ситуации, в которой официальный и бюрократический дискурс используется для выражения частного интереса. Комизм противопоставления «государственная шерсть / личная шерсть» основан на повторе одной и той же лексемы при одновременном столкновении значений «государственное» и «личное». Такое сочетание выявляет противоречие между официальной риторикой и частным интересом персонажа. В китайском переводе особенно важно сохранить этот лексический повтор и структурное противопоставление. Если заменить их абстрактной оппозицией типа «государственные интересы / частные интересы», реплика утратит конкретность, на которой строится её комический эффект.

Сходным образом слово «волюнтаризм» функционирует в фильме не столько как самостоятельный политико-философский термин, сколько как речевой ярлык, с помощью которого персонаж осуждает нереалистичное или произвольное решение. В данном случае бюрократическая терминология включается в повседневный разговор и становится дополнительным источником комизма. Поэтому перевод должен, с одной стороны, сохранять историко-стилистическую маркированность термина, а с другой не превращать экранный текст в развёрнутый понятийный комментарий. Краткий перевод, при необходимости дополненный исследовательским пояснением вне субтитров, лучше соответствует как культурной функции термина, так и ограничениям экранного восприятия.

Диалогический характер комического дискурса проявляется и в сосуществовании различных типов речи: относительно нормативной речи образованного персонажа, живой народно-бытовой речи и формализованных бюрократических клише. Именно различия речевых регистров участвуют в конструировании социальных ролей персонажей и создают значительную часть комического напряжения. Если в китайском переводе все реплики будут сведены к единому нейтральному стилю, данная система различий окажется ослабленной. Поэтому речевой регистр персонажа следует рассматривать как самостоятельный критерий качества субтитрового перевода: речь образованного героя может сохранять нормативность и отдельные черты книжной речи, реплики в народно-бытовых сценах должны звучать более естественно и живо, а бюрократическая речь сохранять официальность, шаблонность и формульность.

Таким образом, концепции карнавализации и диалогизма позволяют точнее определить, какие элементы комического дискурса должны сохраняться в переводе в приоритетном порядке. Для тостов и застольной речи такими элементами являются сниженная образность, телесно-бытовая конкретика и смысловой перелом; для бюрократической и официальной речи контраст между формой высказывания и реальной ситуацией; для взаимодействия персонажей различия речевых регистров. В этом смысле бахтинский подход дополняет переводческий анализ: он помогает определить не столько способ формального преобразования реплики, сколько тот прагматический и комический механизм, утрата которого может существенно изменить восприятие сцены.

Основные проблемы и направления оптимизации русско-китайского субтитрового перевода

Анализ рассмотренных примеров показывает, что основные трудности русско-китайского субтитрового перевода связаны не столько с грубыми смысловыми ошибками, сколько с дисбалансом между культурным пояснением, речевым регистром персонажей, прагматической функцией реплики и ограничениями экранного восприятия. Поэтому оптимизация должна быть направлена не на максимальное расширение информации, а на сохранение тех элементов, которые необходимы для понимания сюжета, характера персонажа и коммуникативного эффекта.

Культурная компенсация целесообразна прежде всего в форме минимально необходимого пояснения. Такие единицы, как «кунак», «джигит», «волюнтаризм» и выражение «Сообразим на троих?», могут быть непонятны китайскому зрителю, однако чрезмерные коммента-

рии перегружают субтитр. Более эффективна модель «краткое пояснение при первом употреблении единообразный эквивалент в дальнейшем». Дополнительные историко-культурные сведения, не влияющие непосредственно на понимание сцены, следует выносить в исследовательский комментарий или примечания.

Не менее важно сохранять речевой регистр и ироническую функцию реплики. Переводчик должен учитывать, жалуется ли персонаж, шутит, иронизирует, приказывает или использует официально-бюрократическую манеру речи. В примере 9 торжественно-официальный стиль является частью комического механизма, поэтому его чрезмерная разговорная адаптация разрушила бы контраст между формой и ситуацией. В примере 4 сатирический эффект создаётся лексическим повтором и противопоставлением «личного» и «государственного», поэтому абстрактное объяснение ослабило бы исходную языковую игру. Следовательно, сначала необходимо определить языковой носитель юмора или иронии, а затем решать, какие элементы формы следует сохранить, а какие можно адаптировать.

Одновременно требуется контролировать естественность китайского текста и информационную экономность субтитров. Наиболее типичны прямой перенос длинных русских конструкций, неестественная глагольно-объектная сочетаемость, избыточные повторы и чрезмерно длинные пояснения. В связи с этим перевод целесообразно проверять на трёх уровнях: сохранность ключевой сюжетной информации и отношений между персонажами; естественность синтаксиса и лексической сочетаемости; отсутствие повторов и второстепенной информации, которые можно удалить без ущерба для понимания.

Таким образом, эффективный русско-китайский субтитровый перевод предполагает согласование семантической точности, прагматической адекватности, культурной информативности, речевого регистра и информационной плотности. Именно их баланс обеспечивает одновременно верность оригиналу, естественность языка перевода и удобство экранного восприятия.

Заключение

Анализ материала фильма «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика» показывает, что основные трудности русско-китайского субтитрового перевода связаны с передачей культурно маркированной информации, механизмов юмора и иронии, речевых регистров персонажей, а также с различиями между русским и китайским синтаксисом. Китайская версия субтитров, подготовленная группой «Зимний дворец», в целом обеспечивает понимание основных сюжетных линий и смыслового содержания реплик, однако в отдельных случаях наблюдаются чрезмерно развёрнутые пояснения, неестественность разговорных формулировок, ослабление иронического эффекта и дисбаланс между культурным пояснением и темпом восприятия субтитров. Следовательно, выбор переводческого приёма должен определяться не формальным противопоставлением буквального и свободного перевода, а функцией конкретной реплики и условиями её экранного восприятия.

Эффективный субтитровый перевод требует согласования трёх основных параметров: семантической точности, прагматического эффекта и информационной экономности. Культурно специфические элементы должны сопровождаться только минимально необходимой компенсацией, юмор и ирония сохранять механизм их формирования, а длинные и повторяющиеся русские конструкции адаптироваться к нормам китайского языка. Такой подход позволяет сделать перевод не только понятным, но и естественным, функционально эффективным и культурно информативным, одновременно сосредоточивая анализ субтитров на механизмах межъязыковой и межкультурной трансформации.

Литература

1 . Хуан Чжунлянь и др. Методология перевода: перераб. и доп. изд. – Шанхай: Издательство Восточно-Китайского педагогического университета, 2019.

2 . Юй Чэнфа. Методология полного перевода. – Пекин: Издательство Китайской академии общественных наук, 2014.

3 . Гу Цицзюнь. Проявления «карнавализации» в классических российских комедийных фильмах // Мир комедии. – 2025. – № 8. – С. 57–60.

4 . Ляо Хайбо. От советского к российскому кинематографу: анализ классических произведений мастеров кино. – Шанхай: Издательство Шанхайского университета транспорта, 2021. – С. 66–72.

5 . Цзя Чанлун. Современный русский язык: 20 тем ситуативной разговорной речи. – Пекин: Издательство Пекинского университета языка и культуры, 2010. – С. 35.

6 . Кузнецова Н.М. Некоторые размышления о природе комического в фильмографии Леонида Гайдая (на примере фильма «Кавказская пленница») // Леонид Гайдай: смешно, да и… не только? К 100-летию со дня рождения режиссёра. – 2023. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-razmyshleniya-o-prirode-komicheskogo-v-filmografii-leonida-gaydaya-na-primere-filma-kavkazskaya-plennitsa.

7 . Борисенко А.О. Советский кинематограф как источник прецедентности (на примере кинофильма «Кавказская пленница») // Филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: материалы X

8 . Международного научного конгресса. – Симферополь, 2025. – С. 905–907. Демьяненко С.Р. Феноменология юмора в творчестве Л.И. Гайдая в контексте инкорпорации ультралимитированной проблематики в социально-культурное пространство СССР 60-х гг. XX в. // Вестник ЧГАКИ. – 2013. – № 3 (35). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fenomenologiya-yumora-v-tvorchestve-l-i-gaydaya-v-kontekste-inkorporatsii-ultralimitirovannoy-problematiki-v-sotsialno-kulturnoe.

9 . Виноградов В.В. Комическая троица преступников Леонида Гайдая и эпоха «оттепели» // Леонид Гайдай: смешно, да и… не только? К 100-летию со дня рождения режиссёра. – 2023. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/komicheskaya-troitsa-prestupnikov-leonida-gaydaya-i-epoha-ottepeli.

10 . Сальникова Е.В. Смеховое начало и комизм в советской кинокомедии 1960–1970-х гг. // Художественная культура. – 2024. – № 1 (48). – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/smehovoe-nachalo-i-komizm-v-sovetskoy-kinokomedii-1960–1970-h.

11 . Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. – 2-е изд. – М.: Художественная литература, 1990. – 543 с.

12 . Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. – 4-е изд. – М.: Советская Россия, 1979. – 318 с.

13 . Горшкова В.Е. Субтитры как элемент современного киноязыка // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2024. – № 1. – С. 33–39.

14 . Малёнова Е.Д. Качество перевода субтитров в аспекте коммуникативной ситуации аудиовизуального перевода // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. – 2024. – № 2. – С. 214–222.

15 . Рожков Р. А., Зубкова Е.В., Фёдорова И.К. Типология ошибок при аудиовизуальном переводе субтитров с английского на русский язык // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15, вып. 6.

16 . Волкова И. Д., Митягина В.А. Транскреация в аудиовизуальном переводе кинофильмов // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 16, № 6. – С. 1005–1014.

AN ANALYSIS OF RUSSIAN-TO-CHINESE SUBTITLE TRANSLATION: THE CASE OF KIDNAPPING, CAUCASIAN STYLE, OR SHURIK'S NEW ADVENTURES

Yan Jiayi
Heilongjiang University

This article examines Russian-to-Chinese subtitle translation using the Chinese subtitled version of the Soviet comedy Kidnapping, Caucasian Style (Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика) as its material. The analysis focuses on semantic transfer, culturally marked information, the reproduction of humor and irony, and the informational economy of subtitles. The theoretical framework combines the concepts of full and variational translation with M.M. Bakhtin's ideas of carnivalization and dialogism. The analysis of toasts, ethnocultural and politico-cultural vocabulary, wordplay, and ironic remarks shows that the translation generally preserves the core content, although some solutions require improvement in terms of cultural compensation, speech registers, the rendering of irony, and conciseness. Effective subtitle translation requires a balance between semantic accuracy, pragmatic adequacy, cultural informativeness, and ease of on-screen perception.

Keywords: Soviet Cinema, Subtitle Translation, Russian-Chinese Translation, Culturally Marked Vocabulary, Humor And Irony.

References

1. Huang Zhonglian et al. Methodology of Translation: Revised and Expanded Edition. Shanghai: East China Normal University Press, 2019.

2. Yu Chengfa. Methodology of Full Translation. Beijing: China Social Sciences Press, 2014.

3. Gu Qijun. Manifestations of "Carnivalization" in Classic Russian Comedy Films // World of Comedy. 2025. No. 8. Pp. 57–60.

4. Liao Haibo. From Soviet to Russian Cinema: An Analysis of Classic Works by Film Masters. Shanghai: Shanghai Jiao Tong University Press, 2021. Pp. 66–72.

5. Jia Changlong. Modern Russian: 20 Topics of Situational Conversation. Beijing: Beijing Language and Culture University Press, 2010. P. 35.

6. Kuznetsova N.M. Some Reflections on the Nature of the Comic in Leonid Gaidai's Filmography: The Case of Kidnapping, Caucasian Style // Leonid Gaidai: Funny, and… Not Only? On the 100th Anniversary of the Director's Birth. 2023. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-razmyshleniya-o-prirode-komicheskogo-v-filmografii-leonida-gaydaya-na-primere-filma-kavkazskaya-plennitsa

7. Borisenko A.O. Soviet Cinema as a Source of Precedent Phenomena: The Case of the Film Kidnapping, Caucasian Style // Philology. Social and National Variability of Language and Literature: Proceedings of the 10th International Scientific Congress. Simferopol, 2025. Pp. 905–907.

8. Demyanenko S.R. The Phenomenology of Humor in the Works of L.I. Gaidai in the Context of Incorporating Ultra-Limited Problematics into the Sociocultural Space of the USSR in the 1960s // Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. 2013. No. 3 (35). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/fenomenologiya-yumora-v-tvorchestve-l-i-gaydaya-v-kontekste-inkorporatsii-ultralimitirovannoy-problematiki-v-sotsialno-kulturnoe

9. Vinogradov V.V. Leonid Gaidai's Comic Trio of Criminals and the Khrushchev Thaw Era // Leonid Gaidai: Funny, and… Not Only? On the 100th Anniversary of the Director's Birth. 2023. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/komicheskaya-troitsa-prestupnikov-leonida-gaydaya-i-epoha-ottepeli.

10. Salnikova E.V. Laughter and Comic Elements in Soviet Film Comedy of the 1960s-1970s // Artistic Culture. 2024. No. 1 (48). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/smehovoe-nachalo-i-komizm-v-sovetskoy-kinokomedii-1960–1970-h.

11. Bakhtin M.M. Rabelais and His World: Popular Culture of the Middle Ages and the Renaissance. 2nd ed. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1990. 543 p.

12. Bakhtin M.M. Problems of Dostoevsky's Poetics. 4th ed. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1979. 318 p.

13. Gorshkova V.E. Subtitles as an Element of Modern Film Language // Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication. 2024. No. 1. Pp. 33–39.

14. Malenova E.D. The Quality of Subtitle Translation in the Context of the Communicative Situation of Audiovisual Translation // Herald of Tver State University. Series: Philology. 2024. No. 2. Pp. 214–222.

15. Rozhkov R. A., Zubkova E.V., Fedorova I.K. A Typology of Errors in Audiovisual Subtitle Translation from English into Russian // Philology. Theory & Practice. 2022. Vol. 15, Issue 6.

16. Volkova I. D., Mityagina V.A. Transcreation in Audiovisual Film Translation // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2023. Vol. 16, No. 6. Pp. 1005–1014.